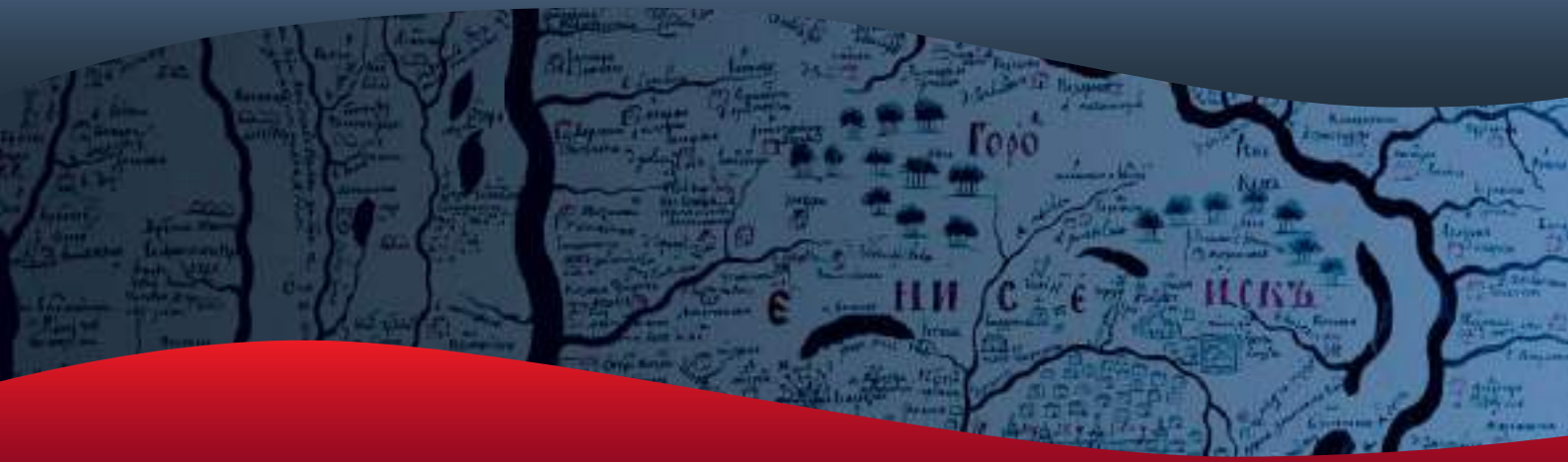
СИБИРСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРУМ 2023

КРАСНОЯРСК 2023

РОССИЯ И СИБИРЬ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

МАТЕРИАЛЫ X СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

АДМИНИСТРАЦИЯ ГУБЕРНАТОРА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Российская Академия Наук

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

УДК 94(571.1/5)
ББК 63.3(2)
Д37

Д37 **X Международный Сибирский исторический форум "Сибирь и Россия: история и культура"**. – М.: Издательство «Перо», 2023. – Мб [Электронный ресурс]

ISBN 978-5-00218-732-4

УДК 631.535.5
ББК 63.3(2)
© Авторы, 2023

X Международный Сибирский исторический форум
"Сибирь и Россия: история и культура"

Издательство «Перо»
109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 15, ком. 536
Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36
Подписано к использованию 06.10.2023.
Электрон. текстовые дан. Заказ 916.

ЭЛЕКТРОННЫЙ СБОРНИК

X МЕЖДУНАРОДНОГО СИБИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРУМА

«СИБИРЬ И РОССИЯ: ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА»

Главный редактор

Дроздов Николай Иванович
доктор исторических наук, профессор

в состав редакционной коллегии сборника входят:

заместитель главного редактора
Комарицын Сергей Гурьевич
кандидат исторических наук, доцент

редактор-составитель
Калашникова Елена Борисовна

редактор платформы I
«Древняя история Евразии (археология, этнография, антропология)»
Дроздов Николай Иванович
доктор исторических наук, профессор

редактор платформы II «История Сибири»
Голубева Елена Владимировна
кандидат исторических наук

редактор платформы II «История Сибири»
Трубников Юрий Николаевич
доктор сельскохозяйственных наук

редактор платформы III
«Традиции и современность в культуре и искусстве Сибири»
Чихачёва Мария Михайловна
кандидат искусствоведения

редактор платформы III
«Традиции и современность в культуре и искусстве Сибири»
Октябрьская Ирина Вячеславовна
доктор исторических наук, доцент

редактор платформы IV «Проблемы исторического знания»
Смирнов Евгений Сергеевич
кандидат филологических наук

редактор платформы V «Актуальные проблемы преподавания истории»
Ясенецкая Елена Петровна
кандидат исторических наук, доцент

редактор платформы VI «Краеведение»
Дементьев Александр Петрович
кандидат исторических наук, доцент

Содержание:

I ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ (АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ)

АРХЕОЛОГИЯ

Безкоровайный А. С.
Изучение образцов палеофауны с применением технологии 3D-сканирования 29

Бобров В. В.
Достижения охотников и рыболовов заключительного периода эпохи камня азиатской части России 33

Бочаров С. Г.
Археологические исследования городов XIII – XVIII вв. на Крымском полуострове в Севастопольском государственном университете (методические вопросы) 41

Гагарина Е. А.
Типология андроновской керамической традиции 44

Дороничева Е. В. Голованова Л. В., Дороничев В. Б.
Каменный век Приэльбрусья, Центральный Кавказ: новые данные 48

Дроздов Н.И., Макулов В.И., Дроздов Д.Н., Привалихин В.И., Дементьев Д.И.
125 лет истории археологического изучения Северного Приангарья 54

Еремина Н. Г., Игнатьев А. А.
Системное рациональное социально-экономическое развитие территорий с сохранением природных комплексов, объектов культурного наследия, развитием устойчивого туризма и рекреации на примере проекта «Природный парк «Койское Белогорье» 66

Заика А. Л., Ломанов П. В., Гревцов Ю. А.
Искусство раннего железного века таежной зоны Приенисейской Сибири (по материалам художественной металлопластики) 71

Ключников Т. А.
Популяризация археологических памятников севера Енисейской Сибири (практика АНО «Археологическое исследование Сибири») 76

Мишкина Е. В.
Современные проблемы экспонирования археологических коллекций в государственных музеях города Омска 79

Питулько В. В., Павлова Е. Ю.
Символическое поведение и социальная организация верхнепалеолитического населения Восточно-Сибирской Арктики 82

Савенкова Т. М., Аверченко И. В., Вахтина Л. Ю., Медведева Н. Н.
Палеопатология первого населения города Красноярска XVII-XVIII веков 89

Советова О. С., Шишкина О. О., Моор Н. Н. Сирюкин В.В.
Исследования Тепсейского археологического микрорайона в 2022–2023 гг. (предварительные результаты) 95

Суслова О. В.
Охрана археологического наследия в Байкальской Сибири в Советский период 99

Фролов И. В.
История археологического изучения города Сургута 105

Янгайкина Т.И.
Полевая экспедиция В.Н. Белицер: «неизученные страницы» о мордве-терюхан 111

Яковлева К.М.
Якутские серьги в виде знака вопроса 115

ЭТНОГРАФИЯ

Айыжы Е. В.
Поминальные обряды в этнической культуре тувинцев России, Монголии и Китая 121

Алексеева С. А.
Ментальный мир жителей холодных территорий: стратегии освоения Севера КМНС 125

Иналджик Г. Я. Сазак Г.Х.
Исследования о тюркском народе тофа (карагасах) в Турции 129

Кранчев Д. А.
Образ жилища в хакасских мифах, легендах и преданиях 134

Прищепа Е. В.
Традиции строительства жилища агас иб у хакасовв этнографическое время и современные экспозиции этих жилищ в музеях Хакасии 138

II ИСТОРИЯ СИБИРИ

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ: МИР КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА

Ашихина Д. С.
Экономическая система как фактор возникновения экологических проблем на примере индустриального освоения северных территорий 144

Гололобов Е. И.
Преобразующая сила нефти в истории освоения Севера Западной Сибири во второй половине XX в... 147

Емелина М. А., Замятин В. Ю.
Воздушные экспедиции ААНИИ по исследованию крупных сибирских рек 151

Конюхова Н. И.
Средства передвижения русских старожилов севера Западной Сибири 158

Мостовенко М. С.
Проблема охраны водных ресурсов урбанизированных территорий Севера Западной Сибири в период нефтегазового освоения региона в 1960-е – 1980-е годы (на примере города Сургута) 163

Синицын Ф. Л.
Роль Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в прекращении эксперимента по латинизации письменности народов Севера 1934 – 1935 гг. 166

Сулейманов А. А.
Антропология холода: использование криогенных ресурсов в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX - первая треть XX вв.) 170

Филиппов В. В.
Енисейский Север. Хроники освоения Арктики - просветительский проект Красноярского краевого отделения РГО 174

ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Вдовин А. С., Майзик Е. И., Макаров Н. П., Баташев М. С.
Красноярский подотдел Русского географического общества и Институт исследования Сибири в 1919 - 1920 гг. 182

Григоричев К. В., Бляхер Л. Е.
«Возрождение земли»: использование руин в легитимации неформальных практик ре-освоения «пустых» пространств верхней Лены (по материалам экспедиций 2018 – 2022 гг.)....188

Емелина М. А.
Экспедиции Арктического института на восток полуострова Таймыр в 1930-х – начале 1950-х гг.....191

Стороженко А. А.
Хозяйственная адаптация старообрядцев Тувы в условиях советской действительности (1944 – 1960-е гг.)....198

Царёв В. И., Царёв В. В.
Опыт реконструкции Красноярского острога XVII – XVIII веков 202

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА И АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

Бакуменко А. А., Трубников Ю. Н.
Историческая роль лошади в освоении Сибири 209

Бурнашева Н. И.
Снабжение якутских хозяйств сельскохозяйственной техникой в начале XX века....213

Воронов И. И.
Главный землеустроитель столыпинской аграрной реформы (Петр Павлович Зубовский директор департамента государственных земельных имуществ) 217

Гамзиков Г.П.
Исторические аспекты агрохимического опытничества в земледелии Сибири 222

Деньгина О. В.
Столыпинские переселенцы Енисейской губернии: как проводилась переселенческая политика на примере Бельской волости 227

Есин Р. С.
К вопросу о региональных особенностях коллективизации и раскулачивании на территории районов современного Красноярского края в 1930 – 1934 гг. 234

Иванов В. В.
Обзор исторических источников, посвященных изучению крестьянства Приангарья в 1920-е годы 238

Ивченко В. К.
Профессор Скляднев Николай Васильевич – талантливый ученый, мудрый воспитатель, незаурядный организатор ... 243

Количенко А. А.
Исторические этюды по селекции и сортоиспытанию в Приенисейской Сибири ... 247

Кураченко Н. Л.
Роль Красноярского ГАУ в истории изучения почв земледельческой зоны Красноярского края ... 252

Левина Ж. Е.
Сибирское садоводство в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. ... 256

Орлов Д. С., Носова Ж. В.
Производство технических культур в Алтайском крае в 1980-е годы ... 260

О-Ун-Дар К. У., Голубева А. В.
К осмыслению великой реформы ... 263

Павлюкевич Р. В.
Динамика численности скота в Красноярском крае в 1953 – 1964 гг. ... 269

Пантелеев В. И.
Взгляды сибирских социал-демократов – современников на проведение столыпинской аграрной реформы за Уралом ... 273

Парфеня М. И.
Мирская община в Сибири в XVII в. ... 277

Сорокина О. А.
Страницы истории становления и развития агрохимической службы Красноярском крае ... 283

Табаков Н. А.
Хроника становления Сибирского пчеловодства ... 287

Трубников Ю. Н.
«От восхода до заката» – историческая судьба Боготольского и Казачинского опытных полей ... 290

Федоров А. Н.
Решение зерновой проблемы в СССР во второй половине 1940-х гг.: красноярский вариант ... 295

Шекшеев А. П.
Советы и крестьянство Енисейской Сибири в 1920-е годы ... 300

Шпедт А. А.
Земледелие Севера Сибири ... 306

СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БИЗНЕСА (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

Гаврилова Н. И.
Практики переселения в Европейскую Россию в среде иркутского купечества во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурные аспекты ... 314

Доржиев Н.-Ж. Б.
Роль государственных преференций в развитии кяхтинской торговли в XVIII – XIX вв. ... 319

Забровская М. В.
Купцы Малковы в истории горноалтайского села Усть-Кокса 323

Кушнарева М. Д.
Модель бизнеса купца Г. В. Никифорова на рубеже XIX - XX вв. 326

Пахомчик С. А.
Династия Балакшиных и их вклад в развитие сибирского предпринимательства 330

Поздеева Н. В.
Бородкины в Енисейске: биографический экскурс 336

Ширапов А. А.
П. Т. Трунев – директор-управляющий Верхнеудинского отделения Русско-Китайского (Азиатского) (1897 - 1921 гг.) банка. 342

СИБИРСКИЙ МАКРОРЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (XVIII – XX ВВ.)

Андреева Т. И.
Частные железные дороги азиатской России как фактор модернизации экономики в конце XIX – начале XX вв. 348

Афанасьев П. А.
Проблемы интеграции кабинетского хозяйства Алтайского округа в общесибирское пространство 352
в начале XX в. 352

Болонкина Е. В.
Роль ссылки в хозяйственном освоении Енисейской губернии в 1820 – начале 1860-х гг. 358

Забровская М. В.
План С. А. Жбиковского по реконструкции Обь-Енисейского канала (1903 г.) 364

Зайцева Л. Г.
Основные тенденции динамики горнозаводских путей сообщения в Алее-Чарышском междуречье во второй четверти – середине XVIII в. 366

Комгорт М. В.
«Карта нефтяных месторождений Евразии должна быть перестроена…» (Р.С. Ильин о перспективах нефтеносности Западной Сибири) 371

Папков С. А.
Как чекистский аппарат шел к 1937 году 376

Романов Р. Е.
Крестьяне в рабочих спецовках и раннеиндустриальная модернизация в советской России (конец 1920-х – середина 1940-х гг.) 383

Степанов И. В.
Искитимская медь в Сузунской монете 388

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Ангадаева Ю. Ю.
Роль рыбной промышленности в продовольственном обеспечении Байкальского региона на примере Нижнеангарского рыбозавода в 1900 - 2000-е гг. 394

Ахтамов Е. А.
Некоторые аспекты строительства трассы Абакан – Тайшет 400

Бакшеев А. И.
Особенности сельскохозяйственного освоения Сибири в период НЭПа 404

Батурин А. С.
Государственное управление автомобильными предприятиями в Кемеровской области в 1946 – 1965 гг. 409

Гайдин С. Т., Бурмакина Г. А.
Этапы и особенности промышленного развития Приенисейского региона в период с 90-х гг. XIX в. до второй половины 80-х гг. XX в. 414

Гарин Е. Н.
Разработка концептуальных основ научно-технической политики СССР в области обороны в 1920-х гг. 420

«ЦЕНТР – ПРОВИНЦИЯ» В ИСТОРИИ РОССИИ: ВОСПРИЯТИЕ, ОСОЗНАНИЕ, МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Вицинская П. П.
Погром 21 октября 1905 г. в Красноярске в предвыборных агитациях политических групп 426

Гергилев Д. Н., Дуреева Н. С.
Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью 430

Дмитриев А. В.
Армейские офицеры в структурах гражданской администрации Сибири к концу XVIII в. 437

ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – XX ВВ.)

Дамдынчап В. М.
Пространственная репрезентация и анализ социо-демографического пространства территории Тувы советского периода на основе ГИС-технологий 446

Кривошеин Д. С.
События минусинского фронта в отражении периодической печати «Белой Сибири» 454

Монгуш А. В.
К вопросу участия тувинских делегатов-лам на Совещании буддийских духовных деятелей СССР в 1946 г. 458

Ондар Е. М., Седен А. В.
О первом председателе Тувинского революционного союза молодежи – Иргите Шагдыржапе 463

Петроченко Д. Е.
Особенности ваучерной приватизации в Республике Хакасия 469

Степанов М. Г.
Политические репрессии в Хакасии конца 1920-х – начала 1950-х гг.: итоги 30-летнего исторического дискурса 473

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ В ИСТОРИИ СИБИРИ

Барабанова К. С.
Участие членов Омского медицинского общества в трансфере знаний в конце XIX – начале XX вв. 483

Гуляева Н. П.
Смертность населения Красноярска по данным метрических книг в конце XVIII века 486

Данчевская А. В.
К вопросу устойчивости местного населения дореволюционной Восточной Сибири к деструктивному влиянию ссыльных 491

Ковалев А. С.
«Американские подарки» и их роль в социальном обеспечении инвалидов в 1944 – 1945 гг. (на материалах Красноярского края) 495

Кононов А. А.
Воплощение решений волостного суда в Сибири в начале XX в.: от обжалований решений к описям имущества и торгам 499

Коношенко А. М.
История организации перевоза через р. Енисей в г. Красноярске в XIX веке 503

Минкова К. В.
Сибирь в личных впечатлениях американцев в годы Великой Отечественной войны 508

Скляренко Н. С.
Положение попечительства о слепых в Иркутской губернии в начале XX века 512

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО КАК ФЕНОМЕН В ИСТОРИИ СИБИРИ

Бурматов А. А
Рождаемость в Новосибирской области в 1960-е годы 517

Ермолова А. И.
Трудовое воспитание школьников: проблемы и трансформация (кейс города Томска 1960 – 80-х гг.) 523

Копылов И. В.
Применение понятия «репродуктивная стратегия» для изучения репродуктивного поведения в демографической истории 526

Кучерова И. В.
Вопросы опеки и попечительства над малолетними детьми в крестьянской среде в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. 534

Сентябова М. В.
Трудящиеся матери и материнский труд в городах Сибири 1950-х – 1980-х гг. 538

Славина Л. Н.
Брачно-семейные отношения как фактор и продукт социокультурной модернизации восточносибирской деревни (1960 – 1980-е гг.) 543

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

Артамонова Н. Я.
Учительство церковно-приходских школ Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии в конце 1880-х–1890-е гг. 551

Забровская М. В.
Пребывание Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха в Восточной Сибири осенью 1926 года. 558

Ищенко О. В.
Предложения сибирских родительских комитетов по организации внеурочной деятельности учащихся в начале XX вв. 565

Капустина Я. В.
Повседневные проблемы народного образования и обучения в Красноярске в годы Гражданской войны 571

Кухта С. В.
«Лоялен, с работой справляется» Социокультурный портрет красноярского учительства первой половины 1920-х гг. 576

Романова Е. А.
Использование публикаций иностранной печати для пропагандистской работы на страницах газет Красноярского края (1941 – 1943 гг.) 582

Синегуб В. Е.
Музыкально-педагогическая подготовка в Красноярской и Иркутской учительских семинариях в конце XIX – начале XX вв. 588

Ткачев В. В.
Влияние общественных организаций на процесс проведения художественных мероприятий в Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX века 593

Фирер Н. Д.
История Енисейского пединститута как часть истории Сибири 599

Хорина В. В.
Красноярская учительская семинария как «кузница кадров» для сибирской науки 602

Чернышов В. В.
Протоколы заседания Комитета грамотности при Енисейском губернском статистическом управлении, как источники изучения процессов, происходящих в системе народного образования Енисейской губернии второй половины XIX века. По материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края» 609

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ

Асочакова В. Н.
Проблемы материального обеспечения приходского духовенства в Хакасско-Минусинском крае в XIX – начале XX вв. 614

Шушканова Е. А.
Взаимодействие епархиальной и светской власти Енисейской губернии в середине XIX в. – начале XX в. 620

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЧЕСТВА

Быкова Е. В.
Старообрядчество на Обь-Енисейском канале в документальном фильме «Староверы» М. С. Перевозчикова 625

ЯЗЫК И ЛИНГВОКУЛЬТУРА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Низамутинова Т. М.
Семиотическая оппозиция «я – не я» в языковом сознании школьников г. Красноярска (на материале психолингвистического эксперимента) 631

Самотик Л. Г.
Русские старожильческие говоры Сибири: речевые контакты 636

ТРАДИЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА И КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ СИБИРЯКОВ

Алексеев О. Г.
Общественное питание в Восточной Сибири в годы карточной системы 1928 – 1935 гг.: проблемы исторического изучения 644

Барсукова Н. В.
Великая Отечественная война: питание населения г. Красноярска 648

Белгородская Л. В.
Отражение сибирских традиций питания и гостеприимства в творчестве В. П. Атафьева 653

Бобров Д. С.
Две ведомственные инструкции младшему офицеру по контролю снабжения провиантом в Кузнецком уезде в середине XVIII в. 656

Брицкая А. Л., Белова Т. А.
Несколько слов о традиционном и обрядовом питании крестьян в Сибири 660

Воног Е. А.
Продовольственное снабжение и питание «Американских экспедиционных сил в Сибири» в годы Гражданской войны и интервенции 665

РОССИЙСКАЯ АЗИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Волосов Е. Н.
Транспортные коридоры Северной Сибири и Дальнего Востока: реалии и сценарии будущего 674

Задорин А. В.
Национальный состав населения Красноярского края в 2021 г. 681

Кудашкин В. А.
Социокультурное развитие коренных малочисленных народов: к постановке проблемы 685

Нолев Е. В.
Молодые ученые Бурятии в панораме столетия республики и в перспективах научного десятилетия 690

Урожаева Т. П.
Всероссийская перепись населения 2002, 2010 и 2021 гг. в Иркутской области: сравнительный анализ проведения 692

III ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ СИБИРИ

КУЛЬТУРА СИБИРИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ПОИСКА

Генова Н. М., Захарова И. Е.
Философские основания инновационной культурой политики региона 701

Зипунникова Н. Н.
Музейное прочтение эволюции юридического образования и науки в России: историко-правовые штрихи 707

Миненко Г. Н., Астахов О. Ю.
Реализация Государственной культурной политики РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в практиках социокультурного проектирования 713

Шелегина О. Н.
Базовые институты наследия в Сибири: процессы и результаты взаимодействия государства, общества, населения региона 716

ЛИДЕРСТВО В МУЗЕЙНОМ МИРЕ СИБИРИ

Боголепова Л. З., Белоусова Н. А.
Музей Кемеровского государственного университета в социокультурном пространстве региона 724

Борисова С.А.
Минусинский краеведческий музей как научный и культурный центр (краткие итоги деятельности за 2022 год) 734

Давыдова Л. В.
Научно-исследовательская работа в Туринском филиале Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера: опыт и потенциальные возможности 739

Кимеева Т. И.
Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета как один из лидеров музейного мира Сибири 746

Кожокар В. А.
Общественная музейная практика северного Казахстана 752

Макарова Е. В.
Актуализация культурного и природного наследия большого города музейными средствами (по материалам музея «Заельцовка») 757

Мариловцев Д. В.
Экспедиции Енисейского музея 760

Огурцова О. С.
Главный музей Хакасии и его новые формы работы с посетителями 765

Стремилова Ю. П.
Прялки русского населения в коллекции центра ремесел 771

Труевцева О. Н.
Государственное стимулирование креативной деятельности муниципальных музеев 779

Шатова Н. Н., Шелегина О. Н.
Освоение историко-культурного наследия Сибири: ревитализационные музейно-педагогические практики 784

Шехватова Е. В.
Частные музеи Западной Сибири в условиях цифровизации 791

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООСВЕЩЕНИЯ

Акимов Ю. Г.
«Вопрос о другом» Цветана Тодорова и восприятие русскими сибирских аборигенов в XVII–XVIII вв.. 796

Булгутова И. В.
Пространственные образы в романе В. Гармаева «Копачи. В низовьях родовой реки» 800

Киштеева О. В.
Иллюстрация учебников хакасского языка – исторические аспекты и современное состояние 803

Медведева Т. В.
Народы Сибири глазами московского чиновника середины XIX века (путевые заметки Н.Д. Свербеева 1852-1854 годов) 807

Ондар М. В.
Частицы в тувинских героических сказаниях 814

Селецкая Н. В.
Проблема исторического нарратива в художественном творчестве (на примере романа Р.А. Штильмарка «Горсть света») 819

Халхарова Л. Ц.
Образ Сибири в творчестве Д. Улзытуева 825

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПРОГНОЗ

Еремеев Д. А.
Историографический обзор прибалтийских диаспор Сибири 829

Люля Н. В.
Формирование украинского населения Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX века 833

Москалев Л. Л.
Программный подход в подготовке кадров для отрасли культуры и искусства 841

Нувано В. Н.
Социальная структура чукотского стойбища на примере бригады Вуквукая 845

Потапова К. Р.
Спиритуалистические традиции в культуре эвенков Сибири 849

Титенков И. П.
Сохранение исторического центра города Ачинска в рамках концепции развития территории исторического квартала 853

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

– Концепции и интерпретации в современности

Губенко Е.В.
Культурно-историческое наследие северного маршрута Великого шелкового пути: способ интеграции в индустрию туризма 856

Мамаева А. К.
Проблема сохранения историко-культурного наследия в Республике Хакасия 860

Панченко А. Б.
(Ре)конструирование традиции как практика брендирования Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры 863

Титова А. В.
Проблема сохранения культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на примере памятника Барсова гора 868

Чемчиева А. П., Касенова Н. Н.
Инициативы Новосибирской региональной общественной организации «Центр культурного наследия “Туулу Алтай”» по сохранению и развитию алтайской культуры 873

– Исскуство и промыслы: реальность и перстпективы

Алексеева Е. К.
Традиционная одежда эвенков в визуальных текстах Г.М. Василевич 880

Бубновене О. Д.
Рыбий клей, его свойства и применение в Западной Сибири 884

Илауски К. Е.
Арт-резиденция народного искусства и дизайна Югры в системе сохранения наследия и дизайн-практик 892

Исаева Н. Н.
Живописные иконы и плащаницы приенисейских церквей конца XVIII – начала XIX в. 896

Корнева Е. А.
Шейные украшения русского старожильческого населения западной Сибири конца XVIII – начала XX вв. 901

Ланго А. В., Красавина М. В.
Ордынская роспись: реальность и перспективы народного промысла 906

Левченко А. В.
Роль мастеров декоративно-прикладного искусства в сфере современной сакральной культуры тунгусо-маньчжуров 909

Попова Н. В.
Керамика русских городов XVI-XVII вв. 916

Попова Н. С.
Миф в интерпретации художников направления «сибирская неоархаика» 924

Сваткова Н. Г.
Серебряное ремесло города Тобольска XVIII – XIX вв. Роль в обрядовой культуре обских угров 927

Толстогузова Л. С.
Влияние русской верхней одежды на кафтаны южных остяков и вогулов конца XVIII – начала XIX вв. 934

– Тюркский мир енисейского края

Балган А. А.
Камнерезное искусство Тувы на современном этапе 937

Бурнаков В. А.
Образ лебедя в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – середина XX века) 940

Гузеватова Е. Н.
Хакасская юрта как источник творчества художников и дизайнеров 950

Красавина М. В.
Женские украшения тюрков Южной Сибири: жизнь традиции в современности 958

Куулар С. Н.
Мастера по металлу современной Тувы 961

Ламанская Н. Б.
Изучение музыкальной культуры народов Хакасии как важный компонент современного полихудожественного образования 969

Ондар М. В.
О деятельности Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел в деле сохранения и развития культурного наследия тувинского народа 972

Чебодаева М. П.
Н.Н. Нагорская (1895-1983) – исследователь народного искусства хакасов 976

– Фото, кино, театр и опыт освоения

Абрамова Г. И.
Наше наследие. Фольклорный театр «Сибирский двор» как инструмент сохранения памяти и традиций сибирской деревни 982

Васильева В. П.
Культурное наследие народов Сибири: интерпретация традиции. Опыт ИАЭТ СО РАН в организации просветительской деятельности 985

Головнев И. А.
Киноатлас «СССР»: большой советский проект (1920–1930-е гг.) 987

Головнев И. А.
Страна Удэхе»: опыт киноисследования 993

Дудырева Л.Ф.
Выявление нравственных уроков в фольклорном творчестве на примере спектакля «Сказки народов Сибири» 999

Самушкина Е. В.
Концепт «сакральные места» в общественном дискурсе Республики Алтай 1002

Столярова А. А.
Гомбожаб Цыбиков о национальных праздниках бурят 1006

Сураганова З.К., Сарсембина К. К.
Кумыс в культуре и обрядово-ритуальных практиках Сары Арки: традиции и новации 1009

Тютюнникова Е. Н.
Наше наследие. История и культура Новосибирска в фотохрониках 1014

Шеремет Н. В.
Притяжение провинции. Культура, память и телевидение (формы и методы трансляции историко-культурного наследия) 1016

IV ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

АКАДЕМИЧЕСКОЕ-УНИВЕРСИТЕТСКОЕ-ВОЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

Валеев Р. М., Валеева Р. З.
Российское востоковедение: Центры и наследие (история и современность) 1021

Дацышен В. Г.
Проблемы становления изучения истории Китая в Новосибирске 1027

Кириллина С. А., Смирнов В. Е.
Отечественное востоковедение в системе высшего образования (на примере деятельности кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова) 1030

Носов Д. А.
«Не подлежит оглашению»: монголовед В.А. Казакевич – между классическим и военным востоковедением 1035

СИБИРСКОСТЬ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Аксенова И.Ю.
Календарные праздники как способ сохранения этнокультурной, региональной идентичностей жителей Алтайского края (на примере праздника «Петровки на Чарыше») 1025

Голубкова О. В.
Нарратив о сибирской русалке 1046

Жигунова М. А
Социокультурные компоненты в идентичности населения Сибири 1052

Резник М. В.
Агван Доржиев: философ, гражданин и патриот 1057

Федоров Р. Ю.
Актуализация исторической и этнокультурной памяти в меморизации исчезнувших деревень (на примере Одесского района Омской области) 1064

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ: КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Баканова М. В.
Медицина народов Сибири и соседствующих народов: взаимосвязи и взаимовлияние 1070

Волдина Т. В.
Представления о наследственной передаче физиологических особенностей и проблем здоровья через призму веры в реинкарнацию у коренных народов Югры 1074

Кириленко Е. И.
Медико-антропологический потенциал Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля: сибирские мотивы 1077

ТУРКСИБ: СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

Будко А. А., Назарцев Б. И.
Вклад академика Е.Н. Павловского в развитие медицинской географии 1083

Карпухин К. В.
Южно-Сибирская железная дорога в судьбе «универсального солдата революции» Василия Юркина 1088

Кожевников С. В.
Архиерейская хиротония Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) в Пенджикенте и ссылка в Енисейск: служение в условиях гонений на церковь в 1924 г. 1093

Петунина Ю. М.
Рукопись Евгения Абалакова «Восхождение на Пик Сталина» 1102

КОСМОС «СВЯЗЬ ВРЕМЁН»

Кудинов В. В.
Сохранение и продвижение знаний по истории космической деятельности в Сибири: научно-производственная школа академика Решетнёва 1106

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Боровский В. Э.
Основные проблемы исторического знания как основы методологии социальных наук: критика «оптимистического» подхода на основе труда «Идеология русской государственности» 1117

Кудашов В. И.
Философские аспекты проблемы формирования традиционных ценностей 1124

Макарчук И. Ю.
История в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» 1128

Мосиенко М. Ю.
Универсальные и традиционные ценности в обыденном сознании 1131

Персидская О. А.
Этническая традиция в миросистемном анализе и геополитической теории 1135

Сыров В. Н.
«Культура отмены»: философские основания и роль в историческом познании 1139

Хлыновская С. А., Изгарская А. А.
Социальное неравенство в современной миросистеме: к проблеме воспитания российской идентичности в рамках дисциплины «Основы российской государственности» ... 1145

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ: К 55-ЛЕТИЮ СИБИРСКОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

Аксютин Ю. М.
Этнический капитал хакасского народа: динамика структуры идентичности в постсоветский период ... 1153

Анжиганова Л. В., Топоева М. В.
Современные этносы – «воображаемые сообщества»? ... 1157

Ерохина Е. А.
Мобилизационная и рыночная стратегии освоения Арктики: советский и постсоветский опыт (этносоциальный аспект) ... 1162

Зазулина С. Р.
Стратегии экономической диверсификации в этнолокальных сообществах Сибири ... 1165

Карачакова О. В.
Александр Иванович Котожеков – автор Государственного герба Республики Хакасия ... 1169

Карашпай С. М.
Ориентации и установки тувинских женщин на материнство (по данным социологического опроса) ... 1172

Лушникова О. Л.
Модели этноэкономического поведения ... 1176

Магомедова М. А.
Этнополитические процессы на Северном Кавказе: современное состояние и тенденции развития . 1179

Маклашова Е. Г.
О методологии изучения социального самочувствия полиэтнических сообществ (на материалах республики Саха (Якутия)) ... 1183

Недзелюк Т. Г.
Мигранты в Сибири и из Сибири: к вопросу о многоплановости векторов государственно-конфессиональных отношений ... 1190

Персидская О. А.
Этническая идентичность в исследованиях Новосибирской научной этносоциологической школы . 1195

Попков Ю. В.
55 лет новосибирской научной этносоциологической школе: основания, этапы, достижения ... 1201

Пригарин А. А.
Вариативность этнографического знания: потенциал источников и разнообразие подходов ... 1208

Стороженко А. А.
Этнокультурная адаптация старообрядцев в Туве в XX столетии ... 1215

Трошкина И. Н.
Традиции как основа семейных ценностей титульных этносов Южной Сибири в современный период 1219

Ушаков Д. В.
Российско-монгольские отношения в современных геополитических условиях 1222

Четырова Л. Б., Сергеева Н. М.
Визуальная репрезентация калмыков в контексте семьи (период депортации в Сибирь – 1943–1957 гг.) 1229

БУДУЩЕЕ СИБИРИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Чумиков А. И.
История России: источниковедение VS обновляемой реальности 1236

КАК МЕНЯЛАСЬ ЖИЗНЬ В СОВЕТСКОЙ СИБИРИ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В 1920-1980-Е ГОДЫ

Глебова Е. В.
Нанайская «мамушка»: деятельность подвижников просвещения на Амуре в 1920–1930-е гг. сквозь призму биографии А.П. Путинцевой (1903–1993) 1241

Котова Е. В.
Первые молодежные объединения в Сибири 1247

Москаленко Н. П.
Формирование советского человека в Туве: между модернизацией и традиционализмом 1253

Пивнева Е. А.
Дискурс отсталости в советской политике северной модернизации и его этнокультурные последствия 1257

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В УСЛОВИЯХ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА XVII–XX ВВ.

Тишкина К. А.
«Неделя просвещения национальных меньшинств» в Красноярском округе в 1926 г. 1263

V АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

УРОК ИСТОРИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД И РЕТРОСПЕКТИВА

Дружинина Ю.В.
Вопросы воспитания школьников на страницах журнала «История в средней школе» / «История в школе» (1934–1936 гг.) 1269

Колокольцева Н. Ю.
Преподавание истории в школе и вузе: единое образовательное пространство 1275

Хлытина О.М.
Мини-исследования на уроках истории: с чего начать и как заинтересовать школьников 1279

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ – СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

Доржу З.Ю., Оюн О.П.
Опыт школьного и вузовского преподавания истории Тувы периода ТНР (1921-1944 гг.)……1286

Дранишникова С.В.
Школьный музей в формировании познавательного интереса учащихся к региональной истории…1290

Ларочкин А. А.
Использование вещественных источников в рамках школьного курса «История Сибири»……1294

Стрелова О.Ю.
Региональный учебник истории и единое образовательное пространство Российской Федерации: точки сопряжения и взаимовлияния

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ДИСЦИПЛИН "ИСТОРИЯ РОССИИ" И "ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ" В ОРГАНИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПОДХОДЫ, МЕТОДЫ, РЕШЕНИЯ

Бакшеев А. И.
О необходимости преподавания гуманитарных предметов (история, право) студентам медицинских ВУЗов……1289

Болдырев В. Е.
Перспективы преподавания историографии как метадисциплины в аспирантуре…… 1309

Данилин А.А., Ищенко Т.Н.
Понятие «критическое мышление» и его сущность в системе образования……1319

Кириллов В. В.
Обновление содержательного компонента понятийного аппарата в современном историческом образовании …… 1319

Козлова А. А., Чучалина В. П.
Научные школы современного Омска (на примере школы профессора В. М. Могилевича, СибАДИ) … 1327

Малышева О. Г.
Таврические чтения как площадка по изучению парламентской истории России …… 1330

Мжельская Т. В.
Специфика проведения предметной (археологической) практики в процессе подготовки учителей истории…… 1334

Михальченко С. И.
Критерии школы в исторической науке: современные подходы…… 1337

Смирнова М. И.
Новые рубежи непрофессионального исторического образования в высшей школе: пути достижения …… 1341

Токарева Е. А.
Исторический нарратив в современной блогосфере …… 1347

Яценко М. П.
Особенности исторической гносеологии Сибири в контексте истории России 1353

VI КРАЕВЕДЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Бабич Т. А.
Фонд Н.И. Ездакова как источник историко-культурного исследования 1360

Бибикова В. В.
П.А. Хромов – главный методист Красноярского окрОНО 1365

Борисова А. П.
Авксентьев Василий Евгеньевич – старший из династии балалаечников 1371

Быконя Г. Ф.
Российский просветитель С.М. Кашкарев 1375

Вдовин А. С.
У истоков краеведения Енисейской Сибири: князь Николай Алексеевич Костров (1823–1881) 1381

Ветюгова Ю. С.
Первопоселенцы Нижневартовской пристани: Спириод Давыдович Панов 1388

Волкова О. С.
Имам Енисейской губернии Карычев АбдулКарим 1393

Гридинберг И. Н., Орехова Н. А.
Письма С. Раппопорта к Потанину Г.Н.- один из документальных источников о буддийской мессе в Париже (по материалам Красноярского краевого краеведческого музея) 1397

Дементьев А. П.
Нил Валерианович Фомин: кооператор и политик 1402

Маковецкая А. В.
«Саша, милая, здравствуй!». История семьи Гориновых 1408

Патюкова Л. В.
Патюковы. След в Истории России от Белого моря до Русской Америки 1412

Селиванова А. А.
Музыкант-наставник енисейской молодёжи Ананий Ефимович Шварцбург 1418

Серебренникова М. Е.
Благотворительная деятельность потомственной почетной гражданки Евдокии Петровны Кузнецовой (Владимирский приют и Минусинский музей) 1424

Федоров И. Г.
Юрий Гагарин в Красноярском крае: к 60-летию пребывания 1428

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ. ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕРЕВНИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

Баландин А. В.
Старообрядцы на берегах Кизира и Казыра 1435

Вавиленко О. М.
Под одной крышей. В годы войны Сухобузимский район Красноярского края приютил сотни эвакуированных семей 1442

Гавриленко Т. В., Черняева Н. Ф.
История деревни Петропавловки Емельяновского района от создания переселенческого участка до начала коллективизации 1449

Зырянова В. А.
Памятник на краю села: Братская могила борцов за Советскую власть 1456

Калистратов А. А.
Иверская обитель от забвения до возрождения. 1462

Комкин А. А.
ЕнСПК – лидер лесосплава края 1467

Оберман В. Я.
Поселок Степановка Ирбейского района: в зеркале статистики 1473

Церковникова Е. А.
История села через истории жизни людей (с. Марково в XIX в., Чукотка) 1478

КРАЕВЕДЕНИЕ. ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Бершадская С. В.
«Сейчас мир приходит к сознанию того, что без России он существовать не может…»: краеведческие съезды и конференции Сибири в первой половине 1920-х гг 1487

Горбачева Н. А.
Опыт работы Историко-генеалогического клуба «Истоки»в таежной глубинке 1489

Гуков А. Ю., Гукова Н. В.
Арктическое краеведение и школьные экспедиции в Тикси 1494

Ерошевская Д. В.
Основные подходы Омского государственного историко-краеведческого музея по реализации краеведческой деятельности 1497

Ковтун Ю. А.
Образовательная экскурсия как форма краеведческого образования в школе 1502

Костюченко Ю. А.
Организация образовательного процесса в Красноярском педагогическом техникуме в 1920 годы на основе архивных материалов 1508

Латышев О. Ю., Лкатышева П. А., Луизетто Мауро
Особенности краеведческого контента в электронных социальных сетях 1516

Машковцева Ю. А.
Особенности восприятия этнографических образовательных программ музейными посетителями младшего школьного возраста (на примере Музея-заповедника «Шушенское») 1519

Тадина Н. А.
Село Чемал – центр этнокультурного краеведения в Республике Алтай 1523

Трофимова И. Л., Пяткина Л. Н.
Маршрут «Тайны прошлого» в рамках проекта по краеведению «У истоков родной земли» 1526

АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА И ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ)

Амергазина Н. В.
Особенности строительства деревянных домов в Енисейске в XVII веке 1531

Бахарева Е. А., Савченко А. А., Язев А. Д.
Храмы Сибири:религиозное наследие Красноярского края 1536

Паевский А. С.
Российские древности: новая платформа для популяризации культурного наследия 1542

Шумилкин А. С.
О методологии исследования архитектурно-реставрационной деятельности
в России начала XXI в. 1546

ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

Арбатский И. В.
Репертуар деревянных афишных шрифтов типографий енисейской губернии (1884–1919 гг.) 1551

Артамонова Н. Я.
Культурное развитие г. Абакана в годы Великой Отечественной войны 1561

Бесчастных Е. В.
Участие Метростроя в строительстве железнодорожной ветки Сталинск – Абакан (1941–1942 гг.) ... 1567

Гаврилова Н. И.
Органы городского самоуправления Иркутской губернии и общественные неполитические организации: проблемы взаимодействия 1572

Голодяев К. А.
Наследие последних российских императоров в истории Новосибирска 1578

Давыдова А. А.
Строительство железной дороги Ачинск - Абалаково в 1955–1966 гг. 1585

Дворецкая А. П., Пиков Н. О.
Культовые объекты в пространстве малых городов Приенисейского севера: сохранение и развитие 1589

Калеменева Н. А.
В. И. Суриков в Минусинске и Минусинском округе 1592

Калюга А. Е.
История города Артемовска 1597

Кискидосова Т. А.
Женские гимназии и прогимназии в городах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам сибирских газет) 1603

Кривоносова Е. Л.
Угольные предприятия Черногорска в годы Великой Отечественной войны 1608

Лыхин А. П.
Из истории золотодобычи на Енисейской земле 1615

Новоселов М. Ю.
Красноярский острог – эволюция крепости 1623

Селиванов Л.С.
Деятельность городского общественного управления по организации культурной жизни населения г. Енисейска в последней четверти XIX — начале XX вв. 1627

Сидорина Е. Ю.
Городской костюм к. XIX - н. XX в.(на примере города Минусинска) 1632

Соколова А. Г.
История одного надгробного памятника на Троицком кладбище в Красноярске 1637

Танзы-Белек Д. С.
Разрушенный монастырь «Үстүү-Хүрээ» 1640

Тараканова О. С.
Город моей судьбы 1644

Хисамутдинов А. А., Вербицкая А. М.
Минусинск в семейной истории Хисамутдиновых 1648

Челпанова О. А., Мюнх С. Г.
«К вопросу об основателе метеорологической станции в Енисейске. Материалы к исследованию» ... 1653

Черкасов И. А.
Суриковская коллекция Красноярского краевого краеведческого музея: история, состав, перспективы исследования 1657

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СИБИРИ

Архипова О. С.
«Утерянные, но не забытые»: возрождение памяти об утраченных святынях Красноярска 1662

Адам А. Я.
Из опыта краеведческой историко-просветительской деятельности Центра краеведческой информации ОГОНБ имени А. С. Пушкина (к 10-летию создания) 1666

Бахтигозина В. Р.
Красноярские меценаты XIX века и их вклад в формирование библиотечного фонда первой Публичной библиотеки г. Красноярска 1673

Беспалова Е. Н.
История научной библиотеки Енисейского музея-заповедника. Часть 1. 1883–1917 гг. 1677

Кирпиченко Н. Н.
Интерактивно-мультимедийная экспозиция «История нашего города». Современные подходы к изучению истории города 1681

Лапаревич О. М.
«Город. История. Люди»: опыт реализации краеведческих проектов городских библиотек к юбилею Минусинска 1684

Михайленко О. В.
Исследование Сибири в трудах ученых XVIII-XIX вв.: обзор прижизненных изданий из фондов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края 1690

Похабова К. Ю.
От печатной до электронной: документальное наследие Енисейской губернии в фонде Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края 1695

Сироткина И. А., Емельянова Е. В.
«Дневник сельской учительницы из Назаровского уезда (1894–1898 гг.)» 1699

Станкевичус Е. С.
Краеведческая деятельность в сельских библиотеках (на примере МБУК «МБ» ШМО») 1707

Столетова Ю. О.
Опыт работы с локальной историей в библиотеке на примере проекта «Аференковские чтения» 1711

Филиппова Е. П.
Библиотека в жизни народов Крайнего Севера Красноярского края 1717

Шереметова И. А.
Роль Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края в информационном обеспечении региональной исторической науки (на примере биобиблиографического проекта "Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых") 1727

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО. СИБИРСКИЙ АСПЕКТ

Антонов Е. П.
Якутский отдел – первый в России филиал Императорского православного палестинского общества (1893–1917 гг.) 1733

СИБИРСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЕВРАЗИИ

(археология, этнография, антропология)

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 562/569

Изучение образцов палеофауны с применением технологии 3D-сканирования

Безкоровайный Александр Сергеевич
Магистрант факультет геологии и геофизики нефти и газа
ФГБОУВО «Российский государственный геологоразведочный университет имени Серго Орджоникидзе» (МГРИ). Москва, Россия.
soaderesss@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-7969-0230

АННОТАЦИЯ Работа обобщает и систематизирует данные, полученные в результате исследований по созданию базы данных цифровых 3D-моделей образцов палеофауны с применением технологии 3D-сканирования. Объектом исследования являются ископаемые останки флоры и фауны, а также системы визуального представления информации о палеонтологических объектах. Целью работы является создание интерактивной цифровой платформы для изучения палеонтологических экспонатов. Метод или методология проведения работы: основы реляционной теории, нормализация представлений исходной информации. Программное и техническое обеспечение: ОС Windows 10, СУБД Microsoft Access, программа 3D-сканирования EXScan PRO.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Палеофауна, методика 3D-сканирования.

С развитием цифровых программируемых инфокоммуникационных технологий наметилась тенденция к сведению накопленного опыта по созданию цифровых образов материальных объектов в унифицированные технологические процессы, которые постепенно становятся доступными массовому потребителю [1, 2, 3, 5]. Как и в любой новой технологии, данный этап развития характеризуется накоплением опыта, разработкой новых сервисных функций, стандартизацией и унификацией отдельных компонентов, образующих единый жизненный цикл данной технологии.

Одним из путей создания цифровых сканов сложных пространственных объектов является 3D-сканирование (трехмерное сканирование), это направление в последние годы сделало качественный скачок в развитии оборудования и программного обеспечения в рамках программируемых технологий [4]. Применение этой технологии позволяет не только визуализировать представление информации о палеонтологических объектах, но и при необходимости, восстановить первоначальный вид исследуемого объекта.

Для начала работы со сканером необходимо провести его калибровку с целью установки баланса белого цвета и калибровки фокусного расстояния [6].

Непосредственно перед сканированием нам доступно окно предпросмотра объекта. В режиме предпросмотра сканер не записывает информацию об объекте, а лишь отображает видимые ему участки модели. В случае необходимости есть возможность увеличить или уменьшить уровень экспозиции при работе с более темными или более светлыми объектами соответственно.

При чрезмерно близком расстоянии от устройства до объекта, сканер не может сфокусироваться на объекте и передает лишь малую часть точек, чаще всего подверженных искажению (Рисунок 1.).

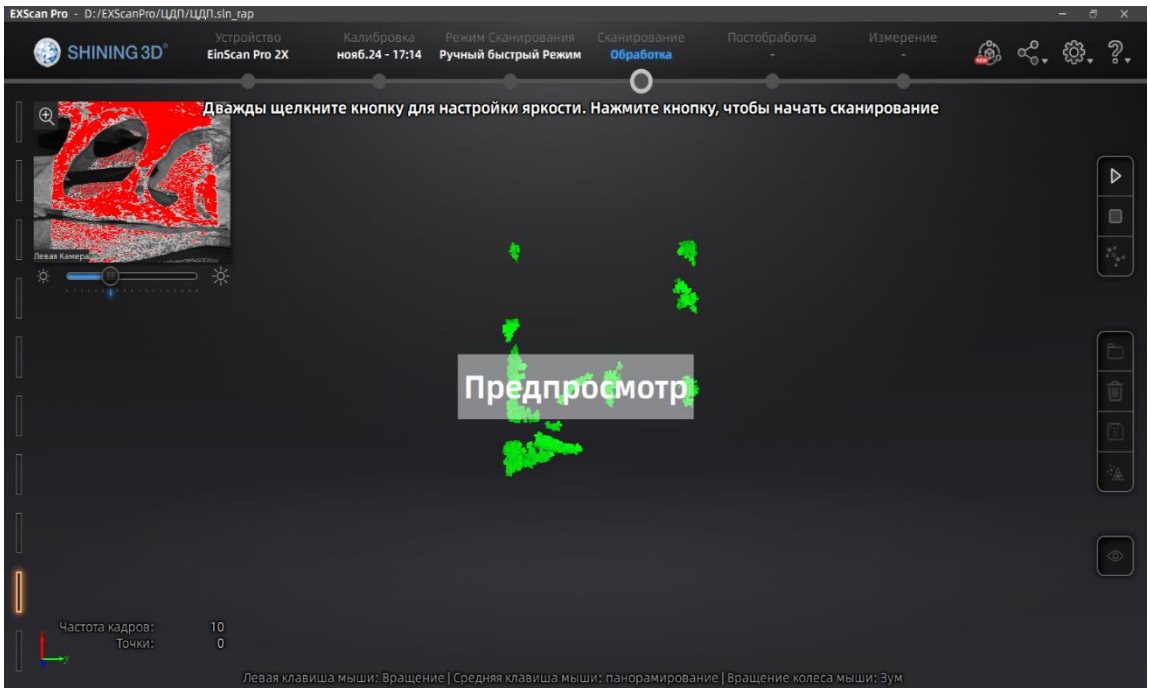

Рисунок 1. Сканер поднесен слишком близко к сканируемому объекту.

В случае удаления от оптимального фокусного расстояния сканер не может проецировать сетку с достаточной яркостью и точностью, что точно так же негативно влияет на получаемые данные или же делает их получение невозможным (Рисунок 2.).

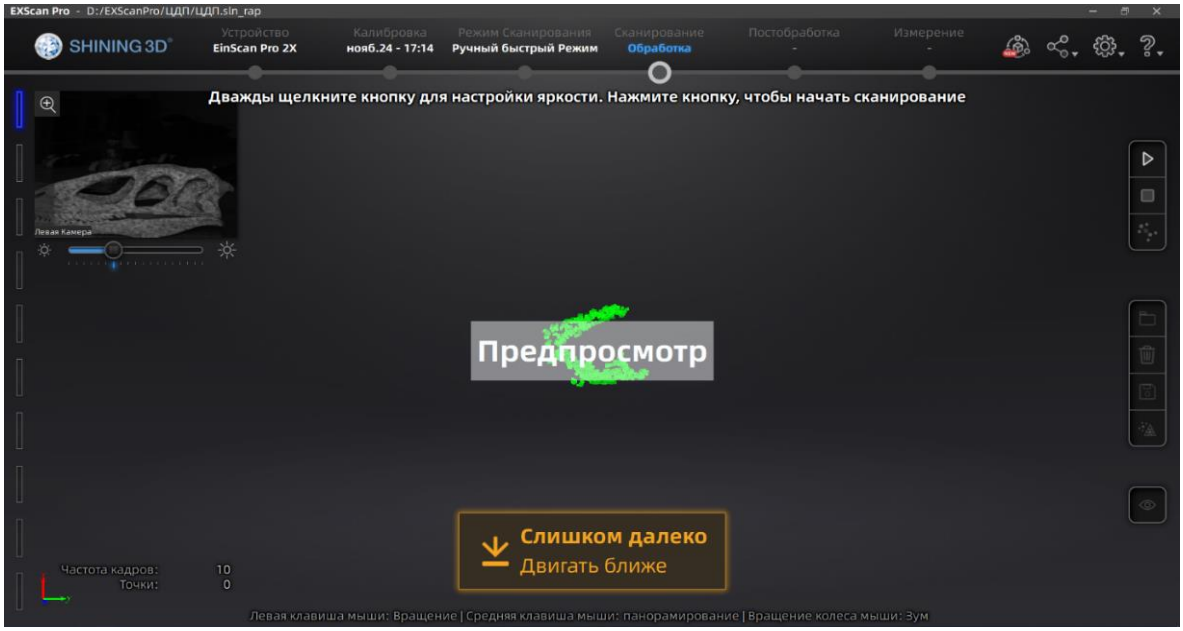

Рисунок 2. Предупреждение об удалении от объекта.

Для получения максимально полного объема информации необходимо соблюдать следующие условия при проведении сканирования:

- соблюдать фокусное расстояние сканера в 400мм;
- не использовать стороннее чрезмерное освещение, так как текстура объекта может быть отображена некорректно светлой;
- перемещать сканер вокруг объекта с достаточно медленной скоростью для захвата всех точек (Рисунок 3.).

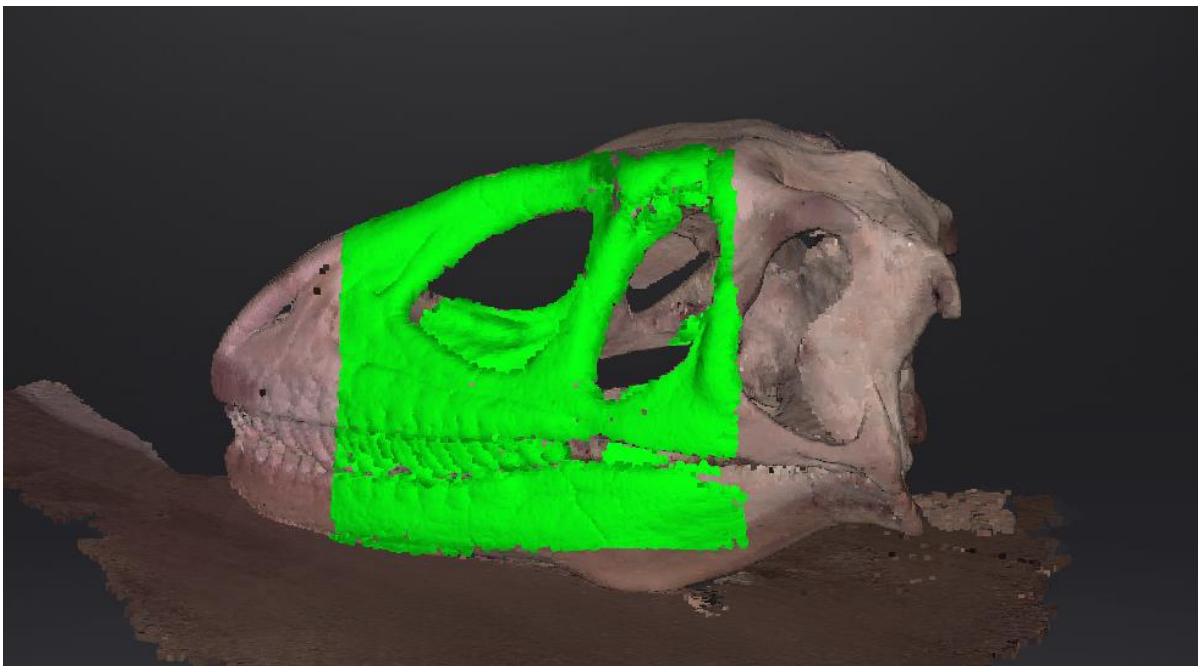

Рисунок 3. Процесс сканирования. Зеленым цветом выделен сканируемый участок.

После проведения сканирования изначальная модель объекта строится посредством нанесения точек на трехмерную координатную плоскость.

Затем посредством алгоритмов, встроенных в ПО, строятся облака точек, которые представляют из себя соединенные участки точек. После этого создается заполненная модель, которая представляет из себя цельную структуру, состоящую из единой полигональной сетки (Рисунок 4).

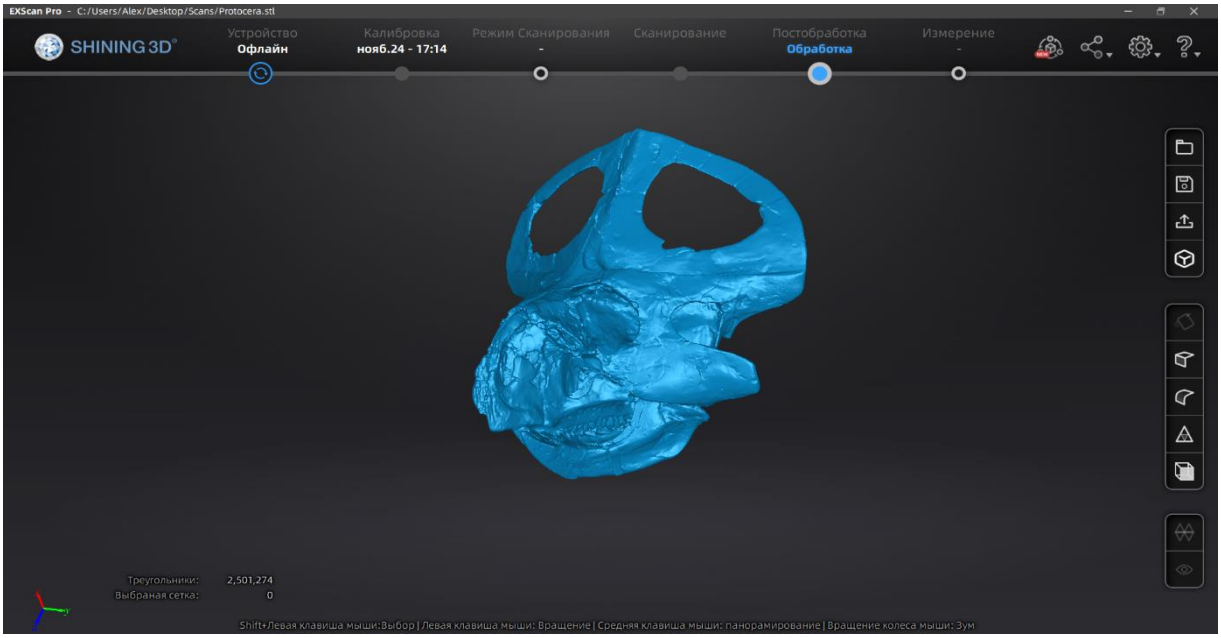

Рисунок 4. Итоговая заполненная модель, готовая к печати.

В результате выполнения работы по созданию базы данных цифровых 3d-моделей образцов палеофауны с применением технологии 3d-сканирования были подобраны оптимальные параметры для сканирования различных образцов, выявлена и описана методика сканирования 3d-моделей образцов палеофауны.

Список литературы

1. Александрова В.В., Симонова И.В., Тарасова О.А. Компьютерное моделирование пространственных форм. В среде - 3D Studio MAX. Спб.: Издательство «Анатолия», 2003.
2. Технологии цифровой фотограмметрии для оцифровки археологических объектов: учеб. - метод. пособие / Сиб. федер. ун-т, Гуманитар. ин-т; сост.: А. А. Денисова, Н. О. Пиков, Д. Ю. Гук. 2-е изд., испр. и доп. Красноярск: СФУ, 2021 (2021-01-19). 49 с.
3. Beale G., Reilly P. After Virtual Archaeology: Rethinking Archaeological Approaches to the Adoption of Digital Technology // Internet Archaeology. 2017. Vol. 44. DOI: 10.11141/ia.44.1.
4. Cultural Heritage Imaging: Reflectance Transformation Imaging (RTI). Not dated. URL: http:// culturalheritageimaging.org/Technologies/RTI/.
5. Davis D. Theoretical Repositioning of Automated Remote Sensing Archaeology: Shifting from Features to Ephemeral Landscapes // Journal of Computer Applications in Archaeology. 2021. Vol. 4 (1). P. 94–109. DOI: 10.5334/jcaa.72.
6. Ferraby R. Geophysics: Creativity and the Archaeological Imagination // Internet Archaeology. 2017. Vol. 44. DOI: 10.11141/ia.44.4.

УДК 902/904

Достижения охотников и рыболовов заключительного периода эпохи камня азиатской части России

Бобров Владимир Васильевич
доктор исторических наук, профессор.
ФИЦ УУХ СО РАН, Институт экологии человека
Зав. отделом гуманитарных исследований,
Кемеровский государственный университет,
главный научный сотрудник
Кемерово, Россия.
ORCID ID: 0000-0002-3272-0390

АННОТАЦИЯ В ранний период освоения неординарных в климатическом и физико-географическом отношении ландшафтов Северной Азии, особенно Арктики, за тысячелетия охотники и рыболовы создали оригинальный мир материальной и духовной культуры, часть которого может достойно войти в сокровищницу мировой цивилизации. К одному из важнейших достижений в эпоху неоплейстоцена и раннего голоцена относится возникновение гончарного производства, очаг которого связан с югом Российского Дальнего Востока. Немаловажный вклад населения Северной Азии заключительного периода эпохи камня в развитии водных средств транспорта. Но особое значение имело изобретение охотниками сибирской Арктики нарт с последующим использованием упряжи и ездовых собак. В статье отмечены совершенствование лука и способа рыбной ловли, которые были созданы обитателями Байкальской Сибири в эпоху неолита. Эти достижения часть не только древней истории Северной Азии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ранний голоцен, неолит, транспортные средства, гончарство, лук, рыбы-приманки, Северная Азия

Издание фундаментального труда, подготовленного академическим коллективом специалистов, – «История Сибири. Каменный и бронзовый век» [7] – содержит общую тенденцию и региональные особенности культурно-исторических процессов на территории азиатской части России. Оно позволяет с вершины археологических знаний начала XXI века оценить ее культурно-историческое пространство с древнейшего этапа до освоения человеком цветного металла. Вместе с тем, этот первый том «Истории Сибири» открывает перспективы дальнейшего изучения ранних этапов дописьменного периода истории, периода освоения гигантских просторов Сибири и Дальнего Востока. Одной из таких перспективных проблем, на мой взгляд, представляется исследование достижений охотников и рыболовов эпохи раннего голоцена и неолита на территории азиатской России, часть из которых обогатила сокровищницу мировой цивилизации.

Все достижения в области материальной и духовной культуры являлись результатом освоения в большей степени труднодоступных, «некомфортных» в физико-географическом и климатическом отношении территорий Сибири. Анализ общих тенденций развития неолитической эпохи на территории Северной Азии показал, что достаточно отчетливо выделяются несколько крупных культурно-исторических областей: Западная Сибирь, Восточная Сибирь, включая Забайкалье, Приморье и Приамурье, Крайний Северо-Восток Азии. Они совпадают с принципами географического районирования. Это естественно, так как своеобразие определил механизм адаптации. Причем, следует иметь в виду то, что деятельность человека вызвала своеобразие материальной культуры, а не природа (вариант – повлияла). Человек создавал систему жизнеобеспечения, адекватную окружающей среде обитания. Это отвечает понятию социальная экология. На каждой из культурно-

исторических областей Северной Азии в синхронном и диахронном аспектах существовали свиты археологических культур, объединенных сходством ряда признаков, происхождение которых было обусловлено адаптационными механизмами в немаловажной степени.

Важнейшим достижением охотников и рыболовов последних этапов эпохи камня было завершение освоения всей территории азиатской части России, в частности, глубинных районов западносибирской низменности и зоны Арктики. С этой историко-хронологической фазой произошло и окончательное оформление культурно-исторических областей, которые считаю целесообразным привести ниже.

Процесс адаптации древних популяций на западносибирских просторах к физико-географическим условиям региона, использование человеком его особенностей нашел отражение в особенностях историко-культурного развития обществ. Большую часть Западной Сибири занимает крупнейшая в мире низменность, окаймленная Уральским хребтом на западе и Среднесибирским плоскогорьем на востоке. Среди ландшафтов, расположенных в широтном направлении (степь, лесостепь, тайга, лесотундра, тундра), таежный – самый обширный. С физико-географической точки зрения, небезынтересен тот факт, что магистральные реки Иртыш и, особенно, Обь пронизывают все ландшафтные зоны, а их разветвленная система притоков покрывает эти зоны на многие сотни километров. Процесс адаптации к природным условиям привёл к многообразию археологических культур, которое отличает историческое развитие Западной Сибири от других регионов Северной Азии.

Существенной особенностью региона, чрезвычайно важной для древних этапов исторического развития, являлась ограниченность источников качественного камня для производства орудий и отсутствие на всей территории западносибирской равнины медесодержащей руды и других компонентов для изготовления цветного металла (М.Ф. Косарев, Ю.Ф. Кирюшин, Ю.П. Чемякин и др.). Камень, который изредка встречается в русловой фации р. Оби и её притоков (прежде всего, в центральных районах низменности), был низкого качества. В пределах лесостепи (Зауралье, Бараба) и южно-таёжной зоны камня практически нет. Его местонахождения перекрыты мощным слоем рыхлых отложений. Обеспечение жизнедеятельности населения большей части западносибирской территории могло осуществляться только при значительной роли обмена, что отмечает М. Ф. Косарев [8; 9]. В. В. Бобров допускает мысль о том, что обмен эпохи неолита имел регулярный характер и транзитную форму. Это, по его мнению, не исключало дальние экспедиции за сырьём в районы Саяно-Алтая, Центрального Казахстана и Южного Урала [1]. Несомненно, данная историческая особенность западносибирского неолита оказала значительное воздействие на специфику культурно-исторических процессов в регионе, на формирование общих черт в материальной культуре. Соответственно, закономерным и объективным является вывод специалистов о существовании в неолите Западной Сибири культурно-исторической общности, распад которой пришёлся на заключительный этап эпохи.

В Восточной Сибири отчетливо выделяется область, развитие неолита на которой оказало существенное влияние на неолит сопредельных территорий. Эта область в настоящее время получила такое популярное название, как Байкальская Сибирь. Китойская, исаковская и серовская культуры не только составили основу первой периодизации неолита в пределах Северной Азии, но и вошли в классический фонд как отечественной, так и зарубежной археологии. Археологические источники демонстрируют высокий уровень обработки камня и косторезного дела уже на ранних этапах развития неолита Байкальской Сибири. Техническое и технологическое совершенство производства орудий достигло такого уровня, что ранний металл был не конкурентноспособным по сравнению с ними. Несмотря на знания о неолите

Байкальской Сибири, преимущественно по культуре погребений, закономерен вывод о своеобразии историко-культурного развития в этом регионе, обусловленного направлениями в хозяйственной деятельности населения. Но исторически протекавшие в нём процессы (в результате взаимодействия, миграции групп населения) охватывали значительную территорию. К ней относится Западное Забайкалье, Красноярская и Канско-Рыбинская лесостепь, Приангарье и Верхняя Лена. Не исключены контакты с населением Среднего Енисея и более западных районов Сибири. На юге Восточной Сибири немногим отличалось развитие неолита Забайкалья. При общих характерных признаках локальные варианты культуры формировались в районах, имевших физико-географическое своеобразие (лесостепная Бурятия, юго-восточное Забайкалье). Особое место в культурно-исторических процессах занимало северное Забайкалье (бассейн р. Витим).

Иной характер имел процесс развития неолита в северных (относительно Байкальской Сибири) районах Восточной Сибири, преимущественно в бассейне р. Лена. На обширном пространстве от Ангары и Таймыра до Колымы существовали, сменяя одна другую, три археологические культуры: сыалахская, белькачинская и ымыяхтахская. Размеренный ритм жизни, и однолинейная тенденция развития неолитических популяций этой территории определял неизменный хозяйственно-экономический уклад, основанный, прежде всего, на охотничьем промысле. Это явилось причиной, как и географический масштаб ареала, длительного сохранения ымыяхтахской позднеолитической культуры на территории Заполярья.

Тенденцию развития неолита Крайнего Северо-Востока Азии определяли два фактора. Во-первых, хозяйственно-производственная специализация, ориентированная на морской промысел, а в континентальной части – на охоту на дикого оленя и добычу рыбы. Во-вторых, относительная изолированность от культур южного круга. Если культуры северных территорий Восточной Сибири испытывали некоторое влияние южных соседей, то культур Чукотки и Камчатки оно не достигало. Это, с одной стороны, вело к консервации традиционных форм жизнедеятельности, включая культуру, о чем свидетельствовало длительное сохранение неолитической традиции практически до позднего средневековья. С другой стороны, эти факторы способствовали формированию и развитию яркой, самобытной культуры охотников на морских животных, которая свидетельствует о неограниченных адаптационных возможностях человека и его общества уже на уровне новокаменного века.

Развитие неолита в районах Среднего Амура и бассейна р. Витим позволяет предполагать, что, при самобытности культур, эти территории, скорее всего, представляли собой буферную зону между неолитическими культурами бассейна Лены и Забайкалья, юга российского Дальнего Востока и Забайкалья. Не исключено, что новые источники внесут коррективы в эти знания.

Наконец, Приморье и Приамурье представляют собой уникальную историко-культурную область в эпоху неолита. В нее следует включать остров Сахалин и другие острова российской акватории Тихого океана. Становление неолита и процесс неолитизации в дальневосточном регионе произошли на много тысячелетий раньше, чем на остальной территории Евразии. Хронологический ресурс привёл к большему числу последовательно сменявших друг друга культур, к трансформации ведущих отраслей присваивающей экономики, накоплению опыта в условиях стационарного образа жизни (рыболовство) для перехода к земледелию и, как следствие, к изменениям в общественной жизни. Приморско-Приамурскую историко-культурную область отличает не только материальная культура, соответствовавшая рыболовческо-охотничьему укладу, но и искусство, особенно декоративное. Невозможно переоценить значение этой области в распространении гончарного

производства на сопредельные и удалённые территории Северной Азии, а также достижений южных народов Дальнего Востока.

Выделенные на территории Северной Азии области в эпоху неолита в значительной степени совпадают с ареалами хозяйственно-культурных типов. Их оформление пришлось на период новокаменного века в рамках присваивающей и начальной фазы производящей экономики. Этот процесс сопровождала трансформация идеологической сферы и искусства. Но более важным историческим следствием неолитической эпохи явилась то, что на обширных пространствах Северной Азии наметилась неравномерность социально-экономического развития обществ, населявших ее народов.

Масштабы азиатского пространства России, демографические явления, в частности, крайне низкая плотность населения на 1 км^2, которая и на современном этапе исторического развития остается низкой, не могли не вызвать широкого внедрения в жизнедеятельность разных видов транспортных средств. Нет необходимости выяснять приоритеты изобретения лодки и лыж. Хотя последние имели, несомненно, меньшую географию происхождения, чем лодки. Оснований для конвергентного возникновения водных средств передвижения достаточно. Можно полагать, что идентичная ситуация складывалась с изобретением лыж. Мы коснулись транспортного сюжета потому, что освоение западносибирской низменности без плавающих средств практически невозможно. Достаточно напомнить, что на ее территории протекают более 2000 рек, находятся около миллиона озер, а по заболоченной площади ей нет равных в мире. Гидросистема, представляющая собой Обской бассейн – крупнейший не только на территории Российской Федерации, является основой коммуникаций с различными районами низменности. Немаловажное место лодки занимали и в производственной деятельности. Особенно в обществах мезолита и неолита, ориентированных на рыболовство. Подтверждением тезиса о широком использовании лодок являются многочисленные находки деревянных весел на торфяниковых стоянках Урала. Не сомневаясь в том, что средства водного транспорта были повсеместно распространены в пределах Северной Азии, акцентируем внимание на инновационных явлениях, которые были вызваны их использованием.

В условиях рыболовства как ведущего хозяйственного уклада лодки у обитателей эпохи голоцена Приамурья являлись важнейшим предметом материальной культуры. Этот тезис основан на источниках, полученных в результате раскопок стоянок неолитических культур в бассейне Нижнего и Среднего Амура. В какой-то степени их свидетельство о лодках носит косвенный характер. Многочисленные находки грузил из камня для сетей, редкость на стоянках предметов индивидуальной рыбной ловли позволяют специалистам утверждать о ведущей роли в хозяйственной деятельности неолитического населения Приамурья сетевого рыболовства. А его существование и развитие невозможно без лодок. Среди находок грузил выделяются очень крупные по размерам и весу камни с оформлением для крепления веревки. Высказано предположение, что они являлись якорями. Суммарный вес сети, якоря, вероятно еще одного-двух участников установки или снятия сети – все это позволяет предполагать и видеть в плавсредстве амурского неолита достаточно крупную и сложную конструкцию. Если оперировать данными этнографии, то в западносибирском регионе лодка некоторых народов, в частности, хантов, имеет конструкцию арочного типа, напоминающую цыганскую кибитку или повозку первопроходцев, осваивавших дикий запад Нового Света. Такая конструкция – своеобразный дом на колесах и на воде. Можно было бы избежать типологической параллели, но она подчеркивает роль лодки западносибирских народов как транспортного средства. Нельзя исключать, что

функциональная специфика лодок западносибирских и дальневосточных популяций возникла в неолите.

На основе речных лодок должна была возникнуть такая ее конструкция, которая могла бы выдерживать морскую волну и, соответственно, способную осваивать морские просторы. По крайней мере известно, что в развитом неолите Камчатки, Сахалина и Курильских островов возник промысел морского зверя [2; 15]. О значимости лодок в жизни народов Северной Азии свидетельствует то, что они нашли воплощение в духовной культуре. Рассматривая изображения лодок на петроглифах и писаницах несложно заметить, что значительную часть их специалисты датируют неолитическим временем или ранним этапом эпохи палеометалла, что большое количество изображений лодок выделяет писаницы Урала. Небезынтересно то, что кроме изображений на плоскости камня известны керамическая фигурка лодки в слое малышевской культуры на поселении Гася в нижнем Приамурье [10] и вырезанная из дерева лодка с антропоморфными фигурками на стоянке тарьинской культуры на Камчатке [16; 14].

Место возникновения лыж, как и лодок, также активно обсуждается в науке, к сожалению, не только исторической и археологической. Среди разнообразных версий не лишена оснований идея об алтае-сибирских истоках происхождения лыж. На писаницах Забайкалья [19], петроглифах Монгольского Алтая, на широко известном памятнике наскального искусства на р. Томи, на Оленном утесе и Втором Каменном острове на р. Ангара, на Енисее известны изображения лыжников [свод изображений приведен 3, рис. 115, 116], а в неолитических комплексах Камчатки найдены остатки снегоступов, возможно, прототипа лыж [15]. Нельзя не обратить внимания на то, что лыжники в древнем искусстве народов Сибири количественно преобладают среди изображений на других территория Старого Света. Отражение в духовной культуре лыж как средства передвижения, на мой взгляд, является свидетельством и широкого внедрения, и уровня значимости в жизнедеятельности охотников эпохи голоцена сибирской тайги. Для подтверждения сибирской прародины лыж можно привести такой косвенный аргумент, как изобретение нарт охотниками севера Сибири. Форма их полозьев практически идентична лыжам. Если эта связь существовала, то, возможно, она объясняет загнутый передний конец лыж на всех сибирских изображениях, включая самые ранние. Исключение составляет изображение на петроглифах Цагаан-Салаа в Монгольском Алтае, на котором очень короткими прямыми линиями, скорее всего, переданы снегоступы.

Благодаря исследованиям В.В. Питулько, в настоящее время можно констатировать, что охотники сибирской Арктики явились создателями такой транспортной конструкции, как нарты. Самые ранние находки ее деталей и фрагментов происходят из раннеголоценовой стоянки на острове Жохов, датируемой около 9000 л. н. [21]. По мнению ее исследователя, совершенство конструкции найденных на стоянке нарт позволяет предполагать, что истоки ее создания уходят в предшествующее время [18, с. 159]. Учитывая то, что географическое пространство, где использование такого транспортного средства, как нарты, ограничено и преимущественно соотносится с зоной Арктики, можно полагать, что охотники на дикого оленя севера Восточной Сибири явились создателями этого уникального средства передвижения. А так как в этом же регионе в эпоху неоплейстоцена и раннего голоцена культивировалось разведение собак, нарты приобрели тягловую силу в виде специально выведенной их породы. Наконец, требовался третий компонент: конструкция для использования и управления силой собак. И такая упряжь была создана. По В.В. Питулько «система наземного транспорта…изобретенная на рубеже голоцена…сыграла важную роль в адаптации и расселении древнего человека раннего голоцена Восточно-Сибирской Арктики и на том основании может рассматриваться в

качестве важнейшей инновации той эпохи [18, с.161]. То, что упряжная нарта приобретала арктической зоне традиционный вид транспорта, подтверждают находки ее фрагментов на стоянке позднего неолита (тарьинская культура) на Камчатке [15, с. 18]. На мой взгляд, возникновение упряжного транспорта в зоне Арктики было практически равнозначно колесному транспорту, запряженному лошадьми в степи и лесостепи Евразии, а возможно и его скоростному виду колеснице.

Изобретение и развитие транспортных средств охотниками и рыболовами Северной Азии значительно усилили мобильность человека не только в пространственном освоении среды жизнеобеспечения, но и в осуществлении взаимодействия с население других этнокультурных объединений, одним из механизмов которого являлся обмен. Есть основания считать, что дальность таких контактов насчитывала тысячу и более километров. Достаточно в качестве примера привести распространение обсидиана в древних культурах Дальнего Востока [17] или его происхождение на Жоховской стоянке [18, с.161]. В свою очередь, это требовало, пользуясь современными терминами, новых географических знаний, системы ориентации в пространстве, возможно, формирования традиционных путей следования.

Со времен Л.Г. Моргана гончарство признается стадиальным признаком в истории человеческого общества. А география его распространения на территории ойкумены придает проблеме возникновения гончарного производства глобальный характер. Одним из очагов возникновения гончарного производства, во времени связанного с неоплейстоценом и ранним голоценом, является территория юга Российского Дальнего Востока. По мере развития в сферу его влияния были вовлечены близлежащие и удаленные районы Сибири. Исследованию этого древнейшего очага изготовления керамической посуды, как и собственно гончарному производству, посвящено огромное количество научных работ. Причем их издания приходятся преимущественно на последние десятилетия [4; 5; 6; 11 и многие др.]. Поэтому нет необходимости характеризовать это важнейшее изобретение человечества, развитие которого прошло через тысячелетия и сохраняется в жизни современников XXI века. Появление керамической посуды кардинально изменило пищевой рацион человека, что, в свою очередь, оказало воздействие на его физиологию. Немаловажно также то, что гончарная продукция существенно изменила бытовую среду человека.

Лук как оружие дистанционного боя был широко распространен в древности и средневековье. История этого гениального изобретения человечества освещена в многочисленных публикациях. Она стала хрестоматийной в учебной литературе. Не оставляют без внимания лук специалисты, исследуя его морфологические особенности и технику изготовления в конкретной этнокультурной среде [на пример см. 20, с. 146-162]. Особое внимание уделено истории сложного лука, происхождение которого связывают с кочевыми народами скифского и гунно-сарматского времени Евразии. Технология их изготовления быстро получила широкое распространение. Достаточно назвать, что сложный лук был на вооружении воинов древней Греции. Сложносоставной лук, как в последствии и композитный, обладал высокими техническими данными, такими как дальность полета стрелы, скорость и убойная сила. Поиск улучшения технических характеристик лука, который привел к сложносоставной модели, уходит в тысячелетия. Среди многочисленных фактов из истории лука нельзя не согласиться с тем, что наиболее ранние находки деревянного лука, усиленного костяными пластинами-накладками, происходят из погребений серовской культуры Прибайкалья и Приангарья. Создатель периодизации развития неолитических культур юга Средней Сибири А.П. Окладников дал точную характеристику и высокую оценку инновационной модели серовского лука [12]. Учитывая то, что памятники позднего неолита данного региона не моложе III тыс. до

н.э., есть основания считать, что серовские охотники первыми начали поиск совершенствования лука, создав усиленный тип на основе использования свойств двух разных материалов: дерева и кости или рога.

С неолитом Байкальского региона связана еще одна уникальная инновация в материальной культуре, открытие которой восходит к первым десятилетиям XX в. Это каменные, керамические и костяные фигурки рыб от маленьких до крупных размеров, от реалистических изображений, в которых угадывается вид, до схематических. А.П. Окладников провел детальный анализ всех известных до средины XX в. неолитических изображений рыб и высказал идею о том, что они выполняли роль приманок [Там же]. На первый взгляд, в этой рыбацкой уловке нет ничего значимого для человечества. Она не получила в неолите и в эпоху бронзы широкого распространения, оставаясь местной рационализацией. Но нельзя не обратить внимание на то, что приманки существовали в ограниченном пространстве юга Средней Сибири с VII тыс. до н.э. по IV тыс. до н.э. включительно. На этом же социокультурном пространстве в погребениях среди сопроводительного инвентаря нередко встречаются предметы для ловли рыбы, причем явно индивидуального рыболовства. Их сочетание с рыбами-приманками приобретает логику. Это предполагает гипотезу о существовании, вероятно, в достаточно развитом виде индивидуального рыболовства на территории Прибайкалья и Приангарья. Если она будет обоснована, то потребуется выяснение причин такой формы рыболовства длительное время.

Но вернемся от малозначимой роли рыб-приманок в древней истории. Прошли тысячелетия и человечество, пресытившееся техническим прогрессом и промышленными революциями, обратилось к природе в виде любительской охоты или рыболовства, и тогда возросла потребность в средствах добычи. Хотя первые приманки-блесна появились в Европе в 11 в., а на Руси в 13-14 вв. Как бы там не было, но среди предметов для рыбной ловли глобальное распространение получили приманки первоначально в виде блесен, повторяя фигурку рыбы. В последние столетия этот способ рыбной ловли, который зародился на сибирской земле много тысячелетий назад, широко представлен на всех континентах.

В данной статье освещены, на мой взгляд, наиболее важные достижения, хотя, вероятно не все, древних обитателей разных регионов Северной Азии. Знания о них получены в результате полевых работ и кабинетных исследований отечественными специалистами разных поколений. Знания о некоторых достижениях охотников и рыболовов заключительного этапа эпохи камня получены сравнительно недавно, а о других – насчитывают не одно десятилетие. Выход в свет первого тома «История Сибири» побудил собрать эти знания в одной публикации. Наука смогла восстановить достижения по сохранившимся материальным остаткам. Многое ушло безвозвратно даже в области материальной культуры. Можно только предполагать, что кроется в духовной сфере разного по происхождению населения Северной Азии, особенно в той части, которая касается рациональных знаний и которые формировались тысячелетиями в процессе освоения огромной и суровой части азиатского континента.

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено в рамках исполнения Государственного задания ФИЦ УУХ СО РАН № АААА-А21-121012090006-0 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири».

Список литературы

1. Бобров В.В. Природные ресурсы и обмен как факторы мобильности в древности (на примере археологии Западной Сибири) // Мобильность и миграция: концепция, методы, результаты. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2019. С. 61-68

2. Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. Южно-Сахалинск: Сах. кн. изд-во, 2008. 412 с.
3. Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Мифы в камне. Мир наскального искусства России. М.: Алетейа, 2005. 472 с.
4. Жущиховская И.С. Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России. Владивосток; Изд-во Дальнаука, 2004. 310 с.
5. Жущиховская И.С. Древнейшая керамика: пути технологической инновации // Вестник ДВО РАН, 2011. № 1 (155). С. 101-110
6. Жущиховская И.С., Мыльникова Л.Н. Древнейшая керамика Восточной Азии: актуальные вопросы исследования (материалы учебного курса «Керамика как археологический источник») // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т.19. № 7: Археология и этнография. С. 10–33.
7. История Сибири. Т.1 Каменный и бронзовый век. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2022. 660 с.
8. Косарев М.Ф. Географическая среда, хозяйственные типы и факторы первобытного обмена по материалам Западной Сибири // Археология Прииртышья. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 57–68.
9. Косарев М.Ф. Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
10. Медведев В.Е. Объемная скульптура в неолите Приамурья // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани в 2014 г. Казань, 2014. Т.1. С. 293–296.
11. Медведев В.Е., Цетлин Ю.Б. Технико-технологический анализ древнейшей керамики Приамурья // Археология, этнография, антропология Евразии. 2013. № 2 (54). С. 94–107.
12. Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. // МИА. № 18. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1–2. 412 с.
13. Понкратова И.Ю. Этапы заселения территории у Большого Ушковского озера на Камчатке в конце плейстоцена – голоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т.48. № 1. С. 41–51.
14. Понкратова И.Ю. Поздний неолит полуострова Камчатка // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. № 2. С. 38–50.
15. Понкратова И.Ю. Каменный век полуострова Камчатка. Автореф. диссер… док. ист. наук. Магадан, 2022. 33 с.
16. Пономаренко А.К. Неолит Камчатки: периодизация и основные особенности эволюции древних культур // Российский Дальний Восток в древности и средневековье. Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2005. 268–291.
17. Попов В.К., Гребенников А.В., Кузьмин Я.В., Гласкок М.Д. Обсидиан в первобытных культурах Дальнего Востока России: геохимическая типизация, коренные источники и особенности распространения // Вестник ОНЗ РАН, 2010. Т.2. NZ10007. DOI 10.2205NZ000063.
18. Питулько В.В. Расселение и адаптации древнего населения Восточно-Сибирской Арктики в позднем неоплейстоцене и раннем голоцене. Дисс. … док. ист. наук в виде научного доклада. СПб., 2023. 253 с.
19. Решетников А.Ф., Фомин В.А. Возникновение и значение лыж в жизнедеятельности древних людей // Вестник Бурятского государственного ун-та. Серия: История и археология, 2010. № 13. С. 126–130.
20. Савинов Д.Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1981. С. 146–162.
21. Pitulko V.V., Kasparov A.K. Ancient Arctic Hunters: Material Culture and survival strategy. In: Arctic Antropology. 1996. V. 33. N. 1. Pp. 1–36.

УДК 903.2/094 «11/17»

Археологические исследования городов XIII – XVIII вв. на Крымском полуострове в Севастопольском государственном университете (методические вопросы)

Бочаров Сергей Геннадиевич
Кандидат исторический наук,
директор научно-образовательного центра «Археологические исследования»,
ведущий научный сотрудник «Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья, Севастопольский государственный университет
Севастополь, Россия.
sgbotcharov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4775-4136

АННОТАЦИЯ В рамках археологических исследований Севастопольского государственного университете с целью комплексной обработки полученных материалов разрабатывается единая цифровая платформа для наполнения которой была апробирована методическая схема, состоящая из четырех базовых уровнях. В качестве научных полигонов для тестирования методической схемы были использованы археологические работы на крупнейшем средневековом городе Причерноморья Каффе-Кефе (совр. Феодосия) и загородном дворце крымских ханов (окрестности Бахчисарая).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Археология, историческая топография, методическая схема, средневековый город Каффа, загородный дворец крымских ханов Ашлама-Сарай, Крымский полуостров

Доклад посвящен отдельным методическим схемам, которые применяются Археологической экспедицией «Каффа» Севастопольского государственного университета при исследовании городов Крымского полуострова XIII – XVIII вв. [1, с.17]. Эти схемы разработаны в двух лабораториях Научно-образовательного центра «Археологические исследования» Севастопольского государственного университета – «Историко-археологической лаборатории по комплексному изучению Византийского Причерноморья» и «Цифровые технологии в историко-археологических исследованиях. схеме, состоящей из четырех взаимосвязанных между собой базовых уровней (Рисунок 1).

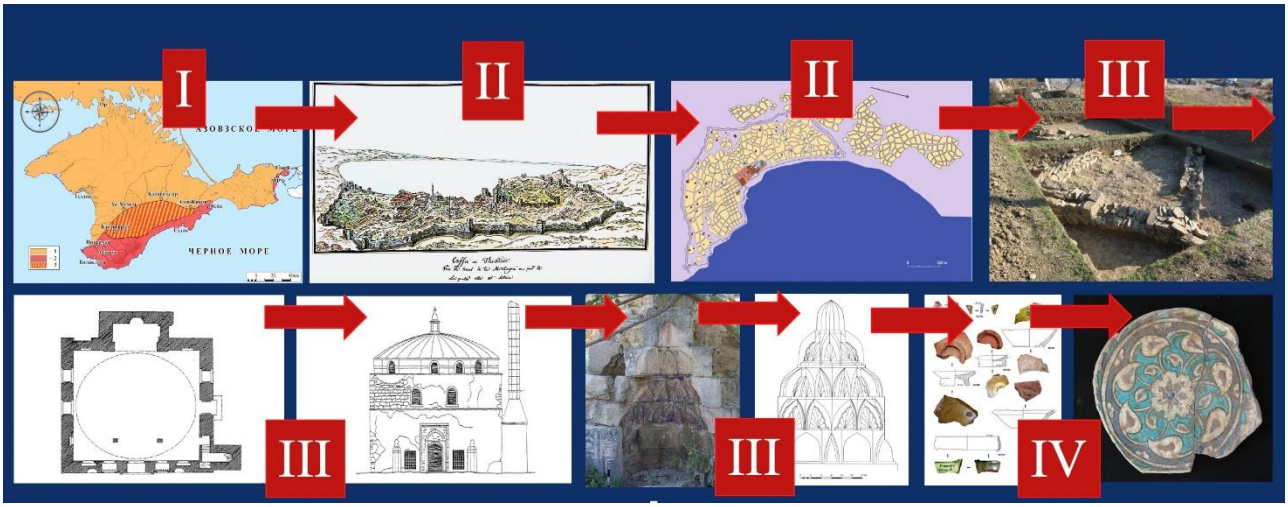

Рисунок 1. Графическое изображение методической схемы с четырьмя уровнями градации разработанная и используемая в Севастопольском государственном университете и применяемая при археологических исследованиях.

В предложенной методической схеме градация материальных источников осуществляется по принципу от общего к частному. На всех четырех уровнях изучение археологических источников ведется с применением полного спектра цифровых технологий [2, с.222]. Первый уровень — это изучение исторической географии крымских территорий. Второй уровень в работе с материальными источниками – историко-топографический. Включает в себя реконструкцию исторической топографии городов, поселений, городищ, замков, некрополей и других археологических объектов [3, с.53]. Эти два уровня предшествуют археологическим исследованиям. Следующие два уровня связаны с процессами археологических исследований и обработки полученных материалов. Третий уровень, учитываемый в методической схеме - исследование отдельных планиграфических, стратиграфических, архитектурных объектов и их составных частей. Четвертая ступень – фиксация и систематизация каждой из полученных в ходе работ индивидуальных и массовых археологических находок.

В докладе на примерах археологических работ экспедиции «Каффа» Севастопольского государственного университета на двух объектах – крупнейшего города Причерноморья Каффы – Кефе (XIII-XVIII вв.) [4, p.199-212; 5, с.86-90; 6, p.174-179] и отдельного комплекса построек загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай (XVII – XVIII вв.) в окрестностях столицы этого государства Бахчисарая [7, с.10; 8, с.129-130; 9, p.15] показан процесс применения предложенных методических схем в процессе археологических исследований.

Список литературы

1. Бочаров С.Г. Изучение исторической географии Крымского полуострова в XIII - XV веках в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований // «Потемкинские чтения». Сборник материалов V Международной научной конференции (Севастополь, 24-26 марта 2021 г.). Севастополь: СевГУ, 2021. С. 16-17.
2. Бочаров С.Г. Развитие процессов грядообразования на Крымском полуострове в XIII-XV вв. // Eurasian steppe civilization: human and historical and cultural environment. Proceeding of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes (Turkistan, 11-14 October 2022). Almaty, Turkistan: Margulan Institute of Archaeology, 2022. Vol. 4. P. 218-225.
3. Бочаров С.Г. Изучение исторической топографии городов Крымского полуострова 1475-1783 годов в Севастопольском государственном университете. Первые итоги и дальнейшие направления исследований // Исторические, культурные, междисциплинарные, религиозные и политические связи Крыма со Средиземноморским регионом и странами Востока: Материалы V Международной научной конференции (Севастополь, 02-06 июня 2021 г.). Москва: ИВ РАН, 2021. С. 52-54.
4. Balard M. La Romanie Génoise (XIII e — début du XV e siècle). Rome: École Française de Rome; Genova: Societá Ligure di Storia Patria, 1978. T. I. 521 p.
5. Мыц В. Л. Каффа и Феодоро в XV веке. Контакты и конфликты. - Симферополь: Универсум, 2009. 528 с.
6. Bocharov S. Between the Byzantium, the Mongols and the Ottomans. The studies of the history of Crimea in 13th – 18th centuries. Ed. by L. Bacumenco-Pirnau. Bucarest: Editura Academiei Romane, Braila: Editura Istros, 2021 (Florilegium magistrorum historiae archaeologiaeque Antiquitaties et Madii Aevi. Vol. XXIV). 433 p.
7. Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г. Загородный дворец крымских ханов Ашлама-Сарай. Комплексное исследование памятника археологии // V Бахчисарайские научные чтения памяти Е.В. Веймарна «Реставрация и сохранение археологических объектов культурного наследия». Тезисы докладов. Бахчисарай: Бахчисарайский музей-заповедник, 2017. С. 10-11.

8. Бочаров С.Г., Ситдиков А.Г., Бездудный В.Г. Поиски загородного дворца крымских ханов Ашлама-Сарай. Археологические и геофизические исследования // Междисциплинарные исследования в археологии, этнографии и истории Сибири. Красноярск: СФУ, 2017. С. 127-134.
9. Bocharov S.G., Sitdikov A.G., Latypov N.R., Fahrutdinov R.R. Complexity of archaeological research and natural scientific studies in identifying the location of Ashlama-Saray, the country palace of the Crimean Khans // Utopía y Praxis Latinoamerica. 2019. Vol. 24. Extra 5. P.13-18

УДК 902.01

Типология андроновской керамической традиции

Гагарина Елена Александровна
Студент ФГБОУ ВО «Хакасский Государственный Университет им. Н.Ф. Катанова».
Абакан, Россия.
decabristikoltler@mail.ru
ORCID ID 0009-0001-8899-3427

АННОТАЦИЯ В данной статье рассматривается применение методов естественных наук с целью выявления устойчивой типологии для конкретной андроновской керамики из могильника Сухое озеро I[1]. Для проведения типологизации керамических сосудов выявлены основные параметры и формы сосуда, по которым представилось провести расчёты внешних объемов керамики. Полученные объемы были типологизированы в соответствии с хозяйственно-бытовой функцией сосуда: сосуды индивидуального пользования, сосуды столового назначения и тарные сосуды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Керамика. Андроновская керамика. Типология. Формы сосудов. Показатель. Объемы сосудов.

В узком смысле под керамикой в археологической науке понимаются глиняные сосуды разного назначения. С появлением керамики человеческое общество перешло на новую ступень развития, ввиду того, что керамика была первым, искусственно созданным материалом для разнообразных нужд. Глинная посуда в первую очередь открыла возможность новых способов приготовления пищи, такой как варка жидкой пищи на огне. Такая посуда также расширила возможности хранения продуктов, сберегая от гниения, порчи животными и др.

Одним из аспектов, рассматриваемых археологами в середине XX в. стало привлечение методов естественных наук с целью получения разных видов информации. Данное направление с начала своего развития испытывает определенные трудности, такие как, недоступность широкого использования методов естественных наук ввиду отсутствия специалистов среди естественнонаучных исследователей и среди самих археологов; отсутствие общепринятой методики проведения анализов и расшифровки результатов, адаптированных под глиняный сосуд. В связи, с чем в науке отсутствует унифицированный подход к исследованию керамики с применением методов естественных наук. Изучение и анализ андроновской керамики с опорой на методы естественных наук позволит выявить параметры, по которым представится возможность провести типологию керамики с опорой на конкретные хозяйственно-бытовые функции.

Андроновская археологическая культура эпохи бронзы, открыта С. А. Теплоуховым на Енисее в 1924 г. Керамика представлена двумя категориями – баночными и горшковидными сосудами. Более половины керамики из общего числа могил представлено горшками с плоским дном, диаметр которого вдвое меньше диаметра горла, с отогнутым венчиком наружу и широким туловом. У баночных сосудов в первую очередь наблюдается неярко выраженная раздутость тулова с более широким дном.

Понятие «тип» и сама типология в археологии были дискуссионными вопросами среди исследователей. Само понятие «тип» является абстракцией для обозначения определенной системы объектов, с наличием определенных существенных признаков. Однако, тип может обладать присущими только ему признаками, так и признаками

[1] Опубликованные керамические сосуды взяты из монографии Г.А. Максименкова «Андроновская культура на Енисее». С. 181 – 184.

присущими другим объектам. Отсюда, устойчивое сочетание признаков должно согласоваться со статистическими критериями значимости. [1, с. 53-54] И. Г. Глушков отметил, что типология должна быть строго отработанной научной концепцией, так же он выделил два пути построения типологии. Во-первых, путь от формализованной классификации со всем набором признаков до аналитической группировки с учетом значимых признаков. Во-вторых, путь от интуитивных типов к объективным типам с использованием математического аппарата [4, с. 110]. Стоит отметить, что сам тип формируется в процессе индивидуального восприятия, что ведет к вариабельности восприятия форм сосуда.

В типологии любых керамических сосудов лежит их морфология. Для вывода стройной типологии керамических сосудов необходима определенная система условных обозначений, построенная на основе понятий и представлений, отсюда В. Ф. Генинг разработал понятийный аппарат для отдельных частей сосуда: шейка, венчик, основание шейки, горловина, тулово, плечико, придонная часть, дно. Поиск путей решений вопроса типологии происходил не только в российской археологии, но и в зарубежной. Например, Л. Гмелин рассматривая формы сосудов, выявил их возможность сопоставления с геометрическими фигурами, данная точка зрения получила дальнейшее развитие в археологической науке [6, с. 52]. В первой половине XX в. А. Шепард предложила методику анализа форм керамических сосудов, которая включает в себя три этапа: выделение характерных точек на контуре сосуда, с последующим разделением контура сосуда на зоны и заключительной группировки сосудов по признакам их сходства. После поэтапного изучения керамики, она делится на классы неограниченных сосудов, т.е. с максимальным диаметром тулова сосуда, совпадающим с диаметром венчика; ограниченных сосудов с максимальным диаметром тулова сосуда, расположенном ниже верхней части и др. В дальнейшем автор предлагает процесс вычисления отношения между высотой сосуда и его максимальным диаметром.

Во второй половине XX в. Х. А. Нордстрём обратил внимание на иной способ вычисления показателя особенностей пропорций керамических сосудов. Суть сводится к вычислению отношения радиуса максимального диаметра к высоте от основания сосуда.

Современные исследователи активно пользуются разработками А. Шепард совместно с методами Х. А. Нордстрёма.

А. А. Бобринский в данном вопросе, обосновал мнение о том, что глиняные сосуды являются искусственными емкостями, формы которых характеризуют особенности емкостей и их конструкцию [2, с. 137-157]. Также автором была предложена следующая методика: получение идеального контура путем устранения асимметрии сосуда, далее необходимо выделить точки наибольшей локальной кривизны с дальнейшим соединением данных точек между собой с противоположных сторон контура. Полученные геометрические фигуры являются функциональными частями сосуда.

Также в конце XX в. В. Ф. Генинг предложил свою программу статистической обработки керамики, программа предполагает использование методов математической статистики [3, 188 с]. Данная программа получила широкое распространение среди археологов, так Л. Н. Мыльникова при работе с программой обратила внимание на ряд допущенных ошибок В. Ф. Генингом в формуле объема сосудов [7, с. 193-195].

Для расчёта и нахождения показателей форм и объема керамического сосуда следует рассмотреть параметры и формулы. Существует восемь основных параметров форм керамического сосуда, отсюда Р1 – диаметр венчика; Р2 – диаметр основания шейки; Р3 – максимальный диаметр тулова; Р4 – диаметр дна; Р5 – общая высота сосуда; Р6 – высота шейки; Р7 – высота плечика; Р8 – высота придонной части [См.

приложение 1]. После обмера показателей керамического сосуда, результаты рассчитываются по основным формулам указателей форм сосуда. Ф1 = Р6:Р2 – пропорция шейки; Ф2 = Р1–Р2:2Р6 – конфигурация шейки сосуда; Ф3 = Р7:Р3 – пропорция плечика; Ф4 = Р3–Р1:2Р7 – угол крутизны плечиков баночных сосудов и Ф4 = Р3–Р2:2Р7 –угол крутизны плечиков горшковидных сосудов; Ф5 = Р1:Р3 – пропорция горла баночных сосудов и Ф5 = Р2:Р3 – пропорция горла горшковидных сосудов; Ф6 = Р5:Р3 – общая пропорция баночных и горшковидных сосудов; Ф7 = (2Р3–Р1–Р2):4(Р6+Р7) – общая конфигурация верхней части сосуда; Ф8 = (Р3–Р4):2Р8 – общая конфигурация придонной части сосуда; Ф9 = Р8:Р5 – пропорция придонной части сосуда. Также рассчитываются внешние и внутренние объемы керамических сосудов, для внешнего объема используется следующая формула: V = П(3.14):16((Р6(Р1+Р2)2+Р7(Р2+Р3)2+Р8((Р3+Р4)2)) [8, с. 140].

В сложившейся историографии не присутствуют труды, посвященные объемам андроновской керамики. Так, для выявления объемов андроновских керамических сосудов, использована керамика из могильника Сухое озеро I, результаты раскопок которого приведены в работе Г. А. Максименкова, территориально могильник расположен в Красноярском крае, Минусинском районе [5, с. 182 - 184].

Типология андроновских керамических сосудов выявлена через их хозяйственно-бытовую функцию.

В ходе расчета объемов керамики были получены следующие результаты: общие внешние объемы андроновских керамических сосудов варьируются от 0,2 л до 6,2 л. Так, можно вывести следующую типологию сосудов: керамическая посуда индивидуального пользования, имеет объемы от 0,2 л. до 1,9 л [См. приложение 2]. Объемы посуды, столового назначения, предназначенной для варки пищи, варьируются от 2,2 л. до 4,3 л [См. приложение 3]. Тарная посуда, предназначенная для хранения пищи, представлена объемами от 5,6 л. до 6,2 л [См. приложение 4].

Таким образом, в соответствие с хозяйственно-бытовой функцией керамических сосудов можно выявить основные типы посуды: индивидуальная посуда, предназначенная для личного пользования, столовая посуда, предназначенная для приготовления, варки пищи и тарная посуда, предназначенная для хранения пищи, в основном мясных и молочных продуктов. Однако, перед исследователями все еще стоит задача выработки унифицированной типологии керамического сосуда, которая может быть использована для широкого спектра археологических культур.

Список литературы

1. Бердников И.М., Лохов Д.Н. Керамика в археологии: описание, анализ, методы исследования. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 163 с.
2. Бобринский А. А. О методике изучения форм глиняной посуды из археологических раскопок // Культуры восточной Европы I тысячелетия. 1986. С. 137 – 157.
3. Генинг В. Ф. Древняя керамика: методы и программы исследования в археологии. Киев, 1992. 188 с.
4. Глушков И.Г. Керамика как археологический источник / Автореферат дис. докт-ра ист. наук. Новосибирск, 1996. 328 с.
5. Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. СПб: Наука, 1978. 194 с.
6. Мыльникова Л. Н. Методы изучения археологической керамики. Новосибирск: тип. НГУ, 2007. 80 с.
7. Мыльникова Л. Н., Кобелева Л. С., Петров А. И. К вопросу о «Программе формализовано-статистической обработки керамики» В. Ф. Генинга // Проблемы археологии, этнографии, антропологии, Сибири и сопредельных территорий: материалы годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2002 г., посв. 95-летию со дня рожд. Акад. А. П, Окладникова. 2002. Т. 9. Ч.2. С. 193 – 195.

8. Поселянин А. И. Керамический комплекс таштыкского поминальника Белый Яр III на юге Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края. 2007. С. 92 – 93.

УДК 902

Каменный век Приэльбрусья, Центральный Кавказ: новые данные

Дороничева Екатерина Владимировна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Автономная некоммерческая организация в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории»
Санкт-Петербург, Россия.
edoronicheva87@yandex.ru
Orcid ID 0000-0002-5165-9222

Голованова Любовь Витальевна
кандидат исторических наук, главный научный сотрудник.
Автономная некоммерческая организация в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории»
Санкт-Петербург, Россия.
mezmay57@mail.ru
Orcid ID 0000-0002-6099-4081

Дороничев Владимир Борисович
кандидат исторических наук, директор.
Автономная некоммерческая организация в области гуманитарных и естественно-научных исследований «Лаборатория доистории»
Санкт-Петербург, Россия.
labprehistory@yandex.ru
Orcid ID 0000-0003-0198-0250

АННОТАЦИЯ До недавнего времени каменный век Приэльбрусья был мало изучен. Только в 2016 г. нашему отряду удалось обнаружить, а после – изучить первый стратифицированный памятник среднего палеолита в гроте Сарадж-Чуко. Здесь исследована первая мустьерская обсидиановая индустрия на Северном Кавказе, датирующаяся от 90-80 до 45-40 тыс.л.н. Впервые на Кавказе здесь функционально определены мустьерские обсидиановые наконечники копий с идентифицированными остатками битума, использовавшегося для их закрепления на деревянное древко. На материалах из наших раскопок вновь открытого грота Сосруко можно судить о связях населения эпипалеолита (позднеледниковье - ранний голоцен) Центрального Кавказа с Северо-Западным и Северо-Восточным Кавказом после максимума последнего оледенения. В навесе у Алебастрового Завода благодаря проведенным нами новым раскопкам впервые обнаружены неолитические отложения с датами от около 8,2 тыс. лет назад или 6,3 тыс. лет до н.э. до 7,5 — 6,7 тыс. лет назад или 5,7 — 4,8 тыс. лет до н.э. и древнейшей для Северного Кавказа керамикой с гребенчатым орнаментом, изучаются вопросы перехода к производящему хозяйству и появление растениеводства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Каменный век; каменные индустрии; адаптации древнего человека; мобильность; Приэльбрусье; Северный Кавказ.

Кавказские горы издревле притягивали древнего человека благодаря богатым природным ресурсам, в том числе разнообразному каменному сырью, имевшемуся в изобилии, многочисленным скальным убежищам, богатому растительному и животному миру, а также уникальному расположению на границе Европы и Азии. Гора Эльбрус (5642 м над ур. моря) - самая высокая горная вершина Кавказа. В регионе Приэльбрусья, на северном склоне Центрального Кавказа, расположен единственный на Северном Кавказе источник обсидиана (месторождение Заюково или Баксан) –

сырья вулканического происхождения, высоко ценившегося в древности за свои уникальные характеристики [Doronicheva et al., 2019].

На сегодняшний день первые свидетельства заселения Приэльбрусья человеком относятся к эпохе **среднего палеолита**. В слое 6В грота Сарадж-Чуко была изучена первая обсидиановая мустьерская индустрия на Северном Кавказе [Doronicheva et al., 2017; 2019; 2020; 2022; 2023; Дороничева и др., 2020].

Грот Сарадж-Чуко был открыт отрядом Северо-Кавказской палеолитической экспедиции АНО «Лаборатория доистории» под руководством Е.В. Дороничевой. Площадь грота более 300 кв.м. Грот ориентирован на солнечную юго-восточную сторону. В 2017-2019, 2021 гг. при поддержке Российского Научного Фонда (гранты 17-78-20082 и 17-78-20082П) проведено междисциплинарное исследование этого важного памятника, в котором принимали участие специалисты разных научных направлений. Результаты исследований опубликованы в статьях и коллективной монографии [Дороничева и др., 2020].

В стратиграфической колонке выделено 11 культурных слоев, три из которых относятся к периоду среднего палеолита (6В, 6А и 3 – снизу-вверх).

Естественнонаучные исследования позволяют определить возраст самого нижнего среднепалеолитического слоя 6В кислородно-изотопной стадией 5. Датирование отложений методом оптико-стимулированной люминесценции определяет возраст слоя 6В от 92 ± 5 до 82 ± 6 тыс.л.н., верх слоя на контакте со слоем 6А имеет дату 78 ± 7 тыс.л.н. [Doronicheva et al., 2023, Sup. inf.].

Слой 6В является наиболее насыщенным (в среднем около 200 изделий на кв. метр при мощности 20 см). Это позволяет сделать вывод, что в период образования слоя в пещере существовала стоянка активного обитания. Неандертальцы занимались интенсивным расщеплением обсидианового сырья и использованием орудий для разделывания охотничьей добычи. На изученном участке стоянки было расчищено три кострища.

Стоянка среднего палеолита в слое 6В грота Сарадж-Чуко является не только свидетельством самого раннего заселения людьми региона Приэльбрусья, но также служит ярким доказательством продвижения носителей загросского мустье с территории Юго-Восточного Кавказа. Особенно активной была первоначальная стадия обитания древнего человека в гроте Сарадж-Чуко, в слое 6В, изученном на площади ок. 40 кв.м. Из слоя происходит коллекция артефактов, включающая 13 978 экз., и фаунистическая коллекция, которая в общей сложности состоит из 23 809 костей и их обломков. До 96.7-98% артефактов сделаны из обсидиана, происходящего из Заюковского месторождения, расположенного в 5-7 км к западу от грота Сарадж-Чуко.

Впервые в среднем палеолите Кавказа в гроте Сарадж-Чуко были определены обсидиановые наконечники копий, которые могли применяться при охоте на крупных копытных животных, таких как кавказский горный козел или тур (*Capra caucasica*). На поверхности ряда наконечников был определн битум, использовавшийся древним человеком для закрепления орудий в рукоятки [Doronicheva et al., 2022]. Насыщенность слоя 6В фаунистическими остатками (в среднем около 229 костей на кв. м.) говорит о высокой результативности охотничьих стратегий неандертальцев Приэльбрусья.

Формирование слоя 6В происходило в целом в условиях преобладания теплого и влажного климатического режима. Однако со временем экологические условия в регионе ухудшаются. Самый поздний этап обитания древнего человека в среднем палеолите в гроте Сарадж-Чуко зафиксирован в слое 3, когда грот находился на границе лесного и высокогорного, относительно сухого, лугового или степного пояса. В этот период человек редко заходил в грот.

В период верхнего **палеолита** (ок. 38-25 тыс.л.н.) заюковский обсидиан транспортировался в Мезмайскую пещеру, расположенную на Северо-Западном

Кавказе [Golovanova et al., 2021]. Однако стоянок этого времени в Приэльбрусье пока не обнаружено.

Начиная с 2021 г., большое внимание уделяется изучению **эпипалеолитических комплексов** Приэльбрусья [Замятнин, Акритас, 1957; Селецкий и др., 2017; Голованова и др., 2019; Дороничева и др., 2022б], которое проводится на материалах грота Сосруко и Навеса у Алебастрового Завода под руководством Л.В. Голованова [Голованова и др., 2019; Дороничева и др., 2022б].

Среди памятников эпипалеолита Приэльбрусья, наибольший интерес представляет грот Сосруко, где представлена многометровая толща отложений этого времени. Уникальной для палеолита Кавказа особенностью грота Сосруко является четкая археологическая стратиграфия, когда каждый период заселения грота человеком (жилой горизонт) отделяется сверху и снизу стерильными горизонтами. Памятник открыт и исследован С.Н. Замятниным и П.Г. Акритас [1957], которые вскрыли отложения мощностью 12,5 м. В стратиграфической колонке памятника было выделено 7 культурных слоев, большинство которых отнесены (на основании характеристики коллекций каменных изделий) к мезолиту, а нижний слой - к верхнему палеолиту.

В 2016 г. исследования на памятнике возобновлены под руководством Л.В. Голованова [Голованова и др., 2019], с 2017 г. ведутся раскопки. В слоях 10, 8, 7, 5 и 4 (снизу-вверх) изучены каменные индустрии [Голованова и др., 2019; 2021; Дороничева и др., 2022б; Golovanova et al., 2020; 2022], которые имеют радиоуглеродные калиброванные (кал.) даты от 17 до 9-11 тыс.л.н.

Каменные индустрии слоя 10 в гроте Сосруко, имеющие возраст 15-17 кал. тыс.л.н., на сегодняшний день представляют самый ранний период заселения человеком современного вида территории Приэльбрусья после максимума последнего оледенения. Слой 10 изучен 23 горизонтами, из них около 10 жилых горизонтов. Общая численность изученной коллекции из верхних горизонтов 1-15 составляет 1865 артефактов.

Материалы слоев 8 и 7 позволяют оценить заселение территории Приэльбрусья в период 13-15 тыс.л.н. В этих слоях изучено несколько уровней активного обитания, которые представляют собой жилые горизонты, наполненные углем, охрой, изделиями из обсидиана и кремня, фаунистические остатки немногочисленны.

В слое 8 была изучена представительная коллекция каменных изделий – 6334 экз. В слое выделено 14 горизонтов. Основные уровни заселения навеса человеком связаны с горизонтами 5 (1443 экз.), 6 (1020 экз.) и 11 (2024 экз.).

Слой 7 представляет собой жилой горизонт, наполненный углем и охрой, изделиями из обсидиана и кремня, фаунистические остатки немногочисленны. Состав изделий находит полные аналогии в эпипалеолитических индустриях Северо-Западного Кавказа: Мезмайская пещера, слой 1-3; Касожская пещера, гор. 3-5; Сатанай, гор. 3-4; Баранаха-4 и др. [Голованова и др., 2019; Голованова и др., 2022; Golovanova et al., 2014].

Слой 4, имеющий даты около 9–11,7 кал. тыс.л.н., позволил получить небольшую, но интересную коллекцию. В нем найдено большое количество раковин Helix, многие из которых проколоты. Слой 4 является жилым уровнем активного обитания. Преобладают изделия из кремня. Среди находок абсолютно доминируют пластины, пластинки и микропластинки [Голованова, Дороничев, 2018; Golovanova et al., 2020].

В 2018 г. отрядом под руководством Е.В. Дороничевой был обнаружен новый стратифицированный памятник – навес Псытуаже в долине р. Фандуко, в 2019 и 2021 гг. проведены раскопки на площади ок. 20 м.– с сохранившимся культурным слоем конца эпипалеолита. Площадь навеса более 100 кв.м.

В слое 2 (3685 экз.) навеса Псытуаже сохранилась стоянка активного обитания. Древний человек активно занимался расщеплением каменного сырья. На это указывает как состав коллекции (нуклеусы, технические сколы, сколы с коркой), так и данные ремонтажа. Кроме того, на стоянке найдены роговые посредники и абразив, использовавшиеся при расщеплении [Doronicheva et al., 2022].

Трасологический анализ, проведенный для выборки орудий из слоя 2, позволил определить, что человек активно занимался разделыванием охотничьей добычи, принесенной на стоянку: разделывал туши животных (ножи для мяса) и, возможно, изготавливал костяные орудия (скребки и скобели по кости и рогу). Для одного изделия зафиксированы следы от возможного крепления его в деревянную рукоятку. На этом же изделии сохранились следы от его использования (вероятно, вторично) в качестве проколки для шкур, что дает основание предполагать, что обработка шкур и изготовление одежды также могли осуществляться на стоянке [Дороничева и др., 2022 а,б].

Исследования последних лет позволили установить наличие **керамического неолита** на многослойной стоянке «Навес у Алебастрового завода» в Приэльбрусье. Памятник находится на 60-ти метровой террасе левого берега р. Баксан. Стоянка была открыта в 1955 г., в 1957 г. проведены раскопки на площади 60 кв.м. [Замятнин, Акритас, 1957]. Раскопки 2019-23 гг. позволили обнаружить слои неолита, датирующиеся от около 8,2 тыс. лет назад или 6,3 тыс. лет до н.э. до 7,5 — 6,7 тыс. лет назад или 5,7 — 4,8 тыс. лет до н.э. Керамика неолитических слоев включает фрагменты, поэтому при анализе этого материала основное внимание было сосредоточено на типах орнамента и технологии его нанесения на керамику. Преобладают фрагменты керамики, орнаментированные в накольчато-гребенчатой технике. Ближайшие аналогии прослеживаются в неолитических памятниках Приазовья. Коллекция содержит многочисленную каменную индустрию. Среди каменных орудий следует отметить сегменты, в том числе гелуанские, найдены асимметричные треугольники. Характерны скребки на маленьких массивных отщепах. Яркой чертой каменной индустрии является появление бифасиальных поперечно лезвийных стрел. Аналогии этим формам обнаруживаются на Южном Кавказе. Поперечно лезвийные наконечники стрел треугольной формы с обработанным бифасиальной и распространенной ретушью основанием известны по находкам на стоянках в Армении и Грузии. Стилистическое сходство усиливает тот факт, что в «Навесе у Алебастрового завода» и в указанных памятниках Южного Кавказа эти стрелки изготовлены из обсидиана.

В Заключение следует подчеркнуть, что в результате проведенных исследований удалось обнаружить и начать комплексное исследование в гроте Сарадж-Чуко. На стоянке выделено три слоя среднего палеолита (3, 6А и 6В). Основное заселение пещеры связано со слоем 6В в период ок. 120-90 тыс.л.н.., изучено три кострища. Здесь обнаружена первая на Северном Кавказе мустьерская обсидиановая индустрия. Эпипалеолитические памятники в Приэльбрусье единичны, среди них – грот Сосруко, навес Бадыноко, Навес у Алебастрового Завода, а также открытый нами в 2018 г. навес Псытуаже. В Навесе у Алебастрового Завода в результате последних исследований удалось обнаружить неолитические отложения, датирующиеся от около 8,2 тыс. лет назад или 6,3 тыс. лет до н.э. до 7,5 — 6,7 тыс. лет назад или 5,7 — 4,8 тыс. лет до н.э. Продолжение изучения этой важной стоянки поможет более детально исследовать генезис и развитие этого культурного явления.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского Научного Фонда, грант № 22-78-10120 «Влияние климата на адаптации, миграции

и мобильность древнего человека на Центральном Кавказе» (https://www.rscf.ru/project/22-78-10120/).

Список литературы

1. Голованова Л.В., Дороничев В.Б. Навес Сосруко в Приэльбрусье. // Евразия в кайнозое. 2018. Вып. 7. С. 193-199.
2. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В. Новые данные по палеолиту Приэльбрусья. // Российская Археология. 2019. Вып. 2. С. 7-17.
3. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Недомолкин А.Г. Геометрические микролиты в верхнем палеолите Кавказа и сопредельных территорий // Известия Иркутского государственного Университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Том 38. С. 78-111
4. Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Дороничева Е.В., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Русаков А.В., Лебедева М.П., Симонова Ю.В., Костина Ю.В., Мурый А.А., Курбанов Р.Н. Динамика климата и модели адаптаций в среднем и верхнем палеолите Северо-Западного Кавказа М.: Delibri, 2022. 658 с.
5. Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Мурый А.А., Поплевко Г.Н., Иванов В.В., Корзинова А.С., Цельмович В.А., Блэквелл Б.А.Б., Кази М.Ф., Хуанг К.Л.К., Сингх И.К.С., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Шекли М.С., Спасовский Ю.Н. Грот Сарадж-Чуко в Приэльбрусье (результаты междисциплинарных исследований 2017-2019 гг.). СПб.: Издательство «РИПОЛ классик», 2020. 408 с.
6. Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Трегуб Т.Ф., Волков М.А. Хозяйственная специализация стоянки эпипалеолита в слое 2 навеса Псытуаже в Приэльбрусье. // Поволжская Археология. 2022а. Вып. 3 (41). С. 8-20.
7. Дороничева Е.В., Голованова Л.В., Дороничев В.Б., Недомолкин А.Г., Несмеянов С.А., Воейкова О.А., Ревина Е.И., Поплевко Г.Н., Спасовский Ю.Н., Иванов В.В., Волков М.А., Трегуб Т.Ф., Широбоков И.Г., Цельмович В.А., Мурый А.А. Эпипалеолит Приэльбрусья (результаты междисциплинарных исследований 2017-2022 гг.). СПб.: Издательство «РИПОЛ классик», 2022б. 462 с.
8. Замятнин С.Н., Акритас П.Г. Раскопки грота Сосруко в 1955 году // Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института. 1957. Т. XIII. С. 431–455.
9. Селецкий М.В., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Алишер кызы С. Эпипалеолитические комплексы навеса Бадыноко (Приэльбрусье). // Вестник Томского государственного университета. 2017. №418. С. 147-162.
10. Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Nedomolkin A.G., Shackley M.S. The first Middle Paleolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus. // Antiquity. 2017. Vol. 91 (359). Pp. 1-6.
11. Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Shackley S.M., Nedomolkin A.G. New data about exploitation of the Zayukovo (Baksan) obsidian source in Northern Caucasus during the Paleolithic. // Journal of Archaeological Science: Reports. 2019. Iss. 23. Pp. 157-165.
12. Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Kostina J.V., Legkov S.A., Poplevko G.N., Revina E.I., Rusakova O.Y., Doronichev V.B. Functional characterization of Mousterian tools from the Caucasus using comprehensive use-wear and residue analysis // Nature: Scientific Reports. 2022. Vol. 12, 17421
13. Doronicheva E., Golovanova L., Nedomolkin A., Doronichev V., Poplevko G., Petrov A., Tregub T., Volkov M., Spasovskiy Yu., Kirillov V., Shackley M.S., Ivanov V., Shirobokov I., Nesmeyanov S., Voeykova O., Muriy A. The terminal Pleistocene–early Holocene cultural continuity in the northcentral Caucasus: Evidence from Psytuaje rockshelter in the region context. // Journal of Archaeological Science: Reports. 2022. Vol. 44. 103523
14. Doronicheva E.V., Golovanova L.V., Doronichev V.B., Kurbanov R.N. Archaeological evidence for two culture diverse Neanderthal populations in the North Caucasus and contacts between them. // PLOS ONE. 2023. Vol. 18(4): e0284093.

15. Golovanova, L.V., Doronichev V.B., Cleghorn N.E., Koulkova M.A., Sapelko T.V., Shackley M.S., Spasovskiy Yu.N. The Epipaleolithic of the Caucasus after the Last Glacial Maximum. // Quaternary International. 2014. Vol. 337. Pp. 189-224.
16. *Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V., Tregub T.F., Volkov M.A., Spasovskiy Yu.N., Petrov A. Yu., Maksimov F.E., Nedomolkin A.G.* Dynamique du climat et du peuplement du Nord-Central du Caucase au tournant du Pléistocène et de l'Holocène. // L'Anthropologie. 2020. Vol. 124. Iss. 2. Pp. 102759
17. Golovanova L.V., Doronichev V.B., Doronicheva E.V., Sapega V.F., Shackley M.S. Long-distance contacts and social networks of the Upper Palaeolithic humans in the North-Western Caucasus (on data from Mezmaiskaya Cave, Russia). Journal of Archaeological Science: Reports. 2021. Vol. 39, 103118.

УДК 902/904

125 лет истории археологического изучения Северного Приангарья

Дроздов Николай Иванович
доктор исторических наук, профессор
Сибирский федеральный университет,
профессор
Международный инновационный университет
Красноярск, Россия
kfurao@mail.ru

Макулов Владимир Иванович
научный сотрудник,
Политехнический колледж городского хозяйства
Санкт-Петербург, Россия
vimakulov@gmail.com

Дроздов Денис Николаевич
научный сотрудник, аспирант
Международный инновационный университет
Красноярск, Россия
kfurao@mail.ru

Привалихин Василий Иванович
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
Красноярского краевого краеведческого музея
Красноярск, Россия
kfurao@mail.ru

Дементьев Дмитрий Иванович
научный сотрудник
Московский инновационный университет
Москва, Россия
kfurao@mail.ru

АННОТАЦИЯ Северное Приангарье - обширный регион долины р. Ангары в ее нижнем течении. Его освоение человеком происходило с глубокой древности, о чем свидетельствуют сотни археологических памятников, относящихся к различным археологическим культурам и охватывающим хронологический период от палеолита до этнографической современности. В статье рассматривается краткая история открытий и изучения памятников, вклад отдельных исследователей и научных коллективов в восстановление уникальных страниц истории древнего населения региона, его культурного взаимодействия с населением сопредельных регионов Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Северное Приангарье, археологические памятники, палеолит, мезолит, неолит, бронзовый век, железный век.

Северным Приангарьем традиционно называют бассейн реки Ангары в ее среднем и нижнем течении. В административном отношении на этой территории располагаются Кежемский, Богучанский и Мотыгинский районы Красноярского края.

Его границы простираются почти на 400 км с севера на юг и на 900 км с запада на восток. Общая площадь составляет более 300 тыс. кв. км. Территория региона пересеченная, сильно приподнятая, равнинные участки чередуются с возвышенными плато и трапповыми грядами. Главной водной артерией является р. Ангара, берущая начало из оз. Байкал. Длина реки составляет 1826 км, из них более трети приходится на Северное Приангарье.

По указу Петра I от 15 ноября 1718 г. в Сибирь была направлена первая научная экспедиция, для проведения исследований по широкому перечню научных направлений, включая сборы коллекций, описания природы и прошлого огромного и еще неведомого края. Ее возглавил Даниил Готлиб Мессершмидт - доктор медицины, обладающий знаниями по географии, ботанике, геологии, истории, филологии и другим наукам.

Один из маршрутов экспедиции в 1725 г. из г. Иркутска в г. Енисейск проходил по р. Ангаре. Здесь Д.Г. Мессершмидт впервые увидел и описал древние наскальные рисунки на р. Ангаре у деревни Климовой (в настоящее время - д. Климино Кежемского района). Рисунки, выполненные охрой и изображавшие двух всадников, расположены на живописном правобережном ангарском утесе, сложенном светло-серыми породами известняка и носящем название у местных жителей «Писаный камень» [Радлов, 1902: 20].

Ко времени работы экспедиции относится сообщение участнику экспедиции Табберту от пленного шведского генерала Мартина Канифера о находке «каменных клиньев» у с. Илимска на р. Илим (правый приток р. Ангары) и в других местах на р. Ангаре возле "страшных скал" [Окладников, 1950: 16]. Это были первые, и потому очень важные, сведения о находках предметов каменного века на р. Ангаре в Сибири.

Во время прохождения маршрута по Ангаре в августе 1738 г, рисунки "Писаного Камня" у д. Климовой осмотрел Иоганн Георг Гмелин. Он был обескуражен, увидев вместо ожидаемых письмен «ничего более, чем фигуры двух всадников на лошадях, грубо намалеванные красной краской» [Окладников, 1966: 7]. Возможно, на настроение исследователя повлиял казусный случай, произошедший с ним в д. Чадобец (состоящей тогда из нескольких дворов). Местные мужики разбежались по своим заимкам при прибытии экспедиции Гмелина в деревню, чтобы во время страдной поры их не привлекли в качестве гребцов на экспедиционые лодки. Гмелин "... рассказывает довольно подробно о взятии в плен восемь чадобецких женщин с целью побудить убежавших их мужей дать ему необходимых гребцов..." [Витковский, 1889 б: 3].

Позже эти рисунки осмотрел второй участник экспедиции - Герард Фридрих Миллер. Поскольку ранее он осматривал грандиозные Ирбитскую и Томскую писаницы, с множеством выразительных рисунков, то небольшие единичные рисунки, увиденные у д. Климовой, не произвели на него должного впечатления. В последствии он написал: «Далее подобная же скала находится на реке Тунгуске, которая в верхней своей части называется Ангарой... На правом берегу этой-то Тунгуски, который в этом месте северный, расположена скала, в 13 верстах ниже устья реки Чадобца и в 17 верстах выше устья реки Муры. Но ни по числу, ни по разнообразию изображений она далеко не может быть приравнена к вышеописанным скалам. Когда я, проезжая мимо, рассматривал ее, то мог заметить, что на ней только изображение всадника, почему и не счел нужным снять с нее рисунок» [Миллер, 1999: 528-529]. Критически относясь к писаницам Сибири, Г.Ф. Миллер дал им несправедливую оценку как историческому источнику. Он писал, что писаницы представляют собой ни что иное, как простые и грубые рисунки: «Я не колеблюсь сравнивать их с рисунками детей или с произведением праздных людей, неопытных и в искусстве письма и живописи, когда они делают на бумаге или пишут на песке разные беспорядочные изображения. Я не

наблюдал там ничего, что было бы похоже на связный ряд изображений. Здесь - изображения людей, там - животных, ничем органически не связанные» [Там же: 523].

Г.Ф. Миллер так же не видел в писаницах Сибири доказательства их сколь-нибудь глубокой древности: «…право, не знаю почему их приурочивать к столь отдаленному времени. В самих произведениях нет никакого признака древности, и потому я не вижу причины, почему они должны быть приписаны первым обладателям этого края, а не нынешним обитателям его.» [Там же: 532]. Причины таких оценок кроются, вероятно, в том, что это были первые знакомства с памятниками древнего наскального изобразительного искусства, первые не совершенные шаги приобретения научного опыта и знаний в области археологии.

Из сибирских поездок исследователи привезли большое количество разнообразного археологического материала. Эти материалы позволили ученым сделать очень важное предположение о существовании трех периодов в истории человеческой культуры - каменного, бронзового и железного.

Важные выводы о дорусской истории Сибири были высказаны А.Н. Радищевым в «Сокровищном повествовании о приобретении Сибири», написанном вовремя илимской ссылки 1791-1796 гг. Радищев одним из первых высказал мысль о том, что история Сибири началась в каменном веке, которому на смену пришли медные и бронзовые орудия, а затем железные [Окладников, 1950: 24-25]. Эти выводы были сделаны на основании открытий предшествующих исследователей Сибири и его личных археологических находок и наблюдений в окрестностях Илимска. На распаханных прибрежных участках террас р. Илим он находил выпаханные из земли каменные орудия: топоры, ножи, наконечники стрел.

В 1874 г. экспедиционную поездку на Ангару совершил известный красноярский геолог, путешественник и страстный собиратель древностей Иннокентий Александрович Лопатин (в последствии член-корреспондент Российской Академии Наук), произведя поиски метеорита у д. Сыромолотовой и геологическую съемку нижнего течения р. Ангары. В ходе этой поездки он, вслед за местными жителями, открыл стоянку древнего человека в устье р. Чадобец. Стоянка расположена на левобережном приустьевом участке, на высокой дюнной горе, называемой местными жителями «Место гладкое» [Клеопов, 1964]. Великолепная археологическая коллекция была собрана И.А. Лопатиным на пашне, в окрестностях села Чадобец, а часть вещей была куплена у жителей деревень Заледеево и Чадобец (коллекция хранится в фондах отдела первобытной истории Эрмитажа - № 148 и № 335) [Окладников, 1950: 30].

Первые археологические исследования с научной целью в Северном Приангарье были проведены выдающимся археологом Николаем Ивановичем Витковским.

В 1882 году Н.И. Витковский, будучи опытным археологом, при поддержке Восточно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества совершил археологическую поездку по р. Ангаре, от г. Иркутска до устья р. Тасеевой [Витковский, 1889 а № 1]. Общая протяженность маршрута составила 1644 км. Участок маршрута от г. Иркутска до Усть-Уды преодолена на так называемых обывательских или междудворных лошадях», а основная часть по Ангаре пройдена на почтовой лодке. Это наложило отпечаток на характер исследований [Там же №1: 13].

Во время этой поездки осматривались, в основном места, наиболее бросающиеся в глаза, места расположения почтовых станций и их ближайшие окрестности [Там же №2: 10]. Были открыты десятки местонахождений древнего человека, в том числе на территории Северного Приангарья: Малая Кежма (Мозговая), Кежма, Пашина, рисунки Писаного камня у д. Климина, Каменка, Тасеева, выше Мурского порога на левом берегу [Витковский, 1889, №2: 10; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 10].

На местонахождении у д. Пашиной Н.И. Витковским была собрана небольшая коллекция археологического материала. Находки были приурочены к покровным

песчаным обнажениям: "Как в деревне Пашиной, так и при устье р. Малой Кежмы сохранились остатки песчаного отложения, которое, судя по цвету и составу его, могло-бы, как кажется, считаться эквивалентом антоновских песков. Несколько небольших осколков глинистого сланца и кварцита с несомненными, впрочем, следами пребывания их в руках древнего человека, а также незначительное количество горшечных черепков - вот и все, что удалось мне собрать на обнаженном песке при деревне Пашиной, в том месте, где ныне находится кладбище, а также и на красивой террасе, образующей левый берег реки Малой Кежмы. Крестьяне вышеназванной деревни, которым при рытье могил приходилось не раз заглядывать в глубь песчаного отложения, утверждали, что кроме "кремешков и черепков" им ничего более здесь не попадалось. О каменных орудиях они не имеют ни малейшего представления, не допускают даже самого существования их; естественно поэтому, что и названные осколки считаются ими не произведением рук человеческих, а прсто "кремешками", из коих некоторые "годны для добывания огня". Кем оставлены здесь горшечные черепки - это вопрос, который, повидимому, никогда не возникал в умах местных обитателей. Жители селения Кежемского знакомы с несколькими типами каменных орудий; по рассказам, каменные топоры, долота и наконечники стрел были ими необходимы в различных местах на пашнях, но в бытность мою там никто не мог доставить их.

В процессе обследования открытых стоянок Н.И. Витковский не ограничился сборами подъемного археологического материала, а по возможности производил раскопочные работы, производил опрос местного населения о местах находок археологических древностей, приобретал их. Так на поселении около с. Чадобец, изучив и описав геолого-геоморфологическую ситуацию, проведя сборы многочисленного подъемного археологического материала и выделив четыре участка его концентрации, он раскопал на них несколько "канав". Общая протяженность раскопанных канав на первом, приближенном к деревне, участке составила 15 саженей (около 30 м). В них были зафиксированы остатки очагов и скопления каменных орудий. Здесь же впервые на памятниках в низовьях Ангары были найдены остатки погребений.

На двух следующих участках, где поверхность была "крайне взрытою ветром" и где на поверхности выдувов было обнаружено множество черепков, каменных "осколков", несколько каменных орудий и человеческих костей, на местах скоплений так же были вырыты несколько канав. Археологический материал, обнаруженный в траншеях, оказался не значительным и находился в переотложенном состоянии.

И наконец наиболее удаленный от селения участок, выявленный выше по Чадобцу, оказался самым насыщенным материалом:"Наиболее обильный сбор каменных изделий получен на последнем участке, где было проведено несколько канав, в перпендикулярном к краю террасы направлении. Бесчисленное множество осколков, рассеянных как вокруг густо расположенных друг при друге очагов, так и по всей площади, под растительным слоем, свидетельствовало ясно, что в этом именно месте был главный инвентарь мастерских для выдела каменных орудий; здесь - же, вблизи очагов, встречено и наибольшее количество мелких и очень дряблых костей животных. Металлических изделий и вообще следов обработки металлов на всей чадобской террасе раскопами не обнаружено." [Там же №2: 9-10].

В докладе о результатах исследований в долине р. Ангары особое внимание Н.И. Витковский уделил исследованиям в окрестностях с. Чадобец. Он отмечал, что ниже села в сторону устья р. Чадобец прослеживаются две террасы, осложненные дюнными буграми, которые местные жители называют «песками», а юго-западную часть бугров с крутым склоном - «яром». Терраса раньше была покрыта лесом, который закреплял дюнные пески, но к моменту приезда Н.И. Витковского деревья здесь почти не

сохранились и появились глубокие овраги [Там же №2: 3-4]. В этих оврагах местные жители собирали изделия из камня и украшения.

Заслуга Н.И. Витковского состоит и в том, что он впервые разделил археологический материал стоянки Чадобец на три группы, выделив в отдельную группу керамику. Всю коллекцию глиняной посуды Н.И. Витковский разделил по способу орнаментации поверхности: узоры в виде черточек, ямочек, вдавления ногтей, царапины, глубокие бороздки, следы «сетки-плетенки» Он считал, что орнамент на посуде Чадобецкой стоянки похож на глиняные изделия с берегов р. Оки, описанные графом Уваровым [Там же №2: 20-21].

Не смотря на ограниченность теоретических обобщений, некоторое несовершенство методики раскопок (траншейный метод), Н.И. Витковский одним из первых использовал доступную совокупность археологических, этнографических, палеонтологических и других источников и заложил научные основы изучения разновременных памятников археологии Северного Приангарья.

В 1888 году Дмитрий Александрович Клеменц сообщил Археологической комиссии о неизвестных до того в литературе наскальных рисунках, расположенных на правом берегу р. Ангары в двух местах у с. Рыбинского: первое - на утесе Кармакулы, второе - в восьми верстах ниже с. Рыбинского. Здесь, на правом берегу р. Ангары, были изображены «олени и тунгусы на лыжах», почему утес и получил название «Оленный» [Окладников, 1966: 177-178].

В 1892 г. археологические исследования на Средней Ангаре провел сотрудник Красноярского городского музея Алексей Сергеевич Еленев. Он произвел сборы археологических коллекций на известных стоянках у дд. Тушамской, Карапчанка, Пановское, Чадобец, Рыбное и обнаружил стоянку у с. Кашиношиверского на берегу р. Ангары возле шиверы Кашинской. В результате «В (Красноярский – авт.) музей была доставлена коллекция орудий из камня, топоров и тесел, ножей и скребков, наконечников стрел и копий. Среди костяных изделий – иглы и шилья, украшения – подвески и бусы» [Макаров, 1989: 133].

В 1901 г. по сообщению енисейского губернатора Плеца в Московские археологические общества о хранении в Енисейском музее коллекции археологических предметов (более 400 экз.) из Пинчугской волости с Ангары, принадлежащая некогда ссыльному И. Августвскому, состоящую из каменных, бронховых и железных орудий, предметов этнографии [Вдовин, Кузьминых, 2011: 111-112].

В 1908 г. М.Л. Шером в красноярский музей была передана коллекция из 29 тунгусских предметов, в том числе сопроводительный инвентарь со старой шаманской могилы (подвески, наконечники стрел, холодное оружие), обнаруженной на р. Чуне во время проведения исследований в Чуно-Ангарском крае. Одновременно была передана и археологическая коллекция, включающая 28 наконечников стрел, нефритовый топорик и 10 медных предметов [Вдовин и др., 2001: 34, 62].

В 1909 г. сборы подъемного археологического материала на стоянке Чадобец осуществил И.И. Бердников. Собранная коллекция из 23 каменных орудий, включающая стрелы, копья и топоры, была передана в красноярский музей [Там же: 34, 63].

В январе 1912 г. помощник консерватора Красноярского музея А.П. Ермолаев во время поездки по Приангарскому краю посещает Чадобскую стоянку и в обнажениях террасы производит сборы подъемного материала, а также осматривает и частично фотографирует обширную коллекцию археологических древностей, насчитывающую около 200 предметов из камня, меди, бронзы и железа, собранную одним из местных торговцев [Там же: 36, 67].

В 1920 г. Красноярским городским музеем была приобретена крупная археологическая коллекция со стоянки Чадобец, собранная сотрудником музея А.А. Савельевым [Вдовин и др., 2001: 42].

В эти же годы археологические исследования на р. Ангаре проводили Г.П. Сосновский и Г.М. Константинов.

В 1921 г. во время следования в экспедицию на р. Подкаменную Тунгуску сотрудником Красноярского краеведческого музея А. Я. Тугариновым была обследована древняя стоянка у с. Паново на р. Ангаре и собрана коллекция археологических материалов, основную часть которой составляли фрагменты глиняной посуды и каменный инвентарь. Стоянка представлялась исследователям весьма своеобразной: «Последняя находится в непосредственной близости от села, на берегу Ангары, выше селения. Обнажающиеся здесь пески лежат на галечных выносах, последние всего на $1^1/_2$ – 2 м возвышаются над зимним уровнем реки. Большая часть песков задернована. На отвесных развеваемых стенках видно, что они переслаиваются лесовидными, беловатыми песками, давая отвесные стенки, а сверху покрыты слоем чистого песка до метра мощностью. Видны темные слои погребенной почвы, выделяются и культурные горизонты с большим количеством угля и покрасневшим песком. Однако находки были немногочисленны, и, если не считать черепков сосудов и осколков камня, нашлись еще только каменные наконечники стрел, лямы и шлак. Обращало на себя отсутствие обломков костей, столь многочисленных на наших стоянках юга» [Тугаринов, 1924: 4-5].

В 1925–26 гг. по инициативе Иркутского областного музея была организована экспедиция на р. Илим. Сотрудником музея Я.Н. Ходукиным была произведена разведка в среднем течении реки протяженностью более 260 км. В процессе исследований были открыты 20 местонахождений древнего человека [Ходукин, 1928: 116-118]. Он отмечал, что культурный слой отдельных стоянок древнего человека достигает 60-80 см, что является ярким свидетельством их долговременности. Проанализировав полученные материалы, он сделал вывод о том, что неолитические племена, населявшие берега р. Илима поддерживали устойчивые культурные связи с одной стороны с обитателями Прибайкалья, с другой – с носителями культуры Чадобца и Нижней Ангары и с третьей – с обитателями р. Лены [Там же: 123].

О работах на берегах р. Ангары А.П. Окладников писал: «Обследование памятников былой человеческой культуры на всем протяжении (хотя бы той же р. Ангары) может значительно содействовать уяснению исторического прошлого, конкретных судеб народов и племенных групп, населяющих и населявших Сибирь» [Окладников, 1937: 322].

В 1937 г. А.П. Окладников с небольшим отрядом совершил масштабную археологическую разведку в нижнем течении р. Ангары: «Мы – это трое отчаянных, молодых тогда, людей: участники краеведческой экспедиции Иркутского музея. Трое в лодке, простой рыбачьей лодке, разумеется, без мотора.

В 1937 году А.П. Окладниковым в Северном Приангарье были открыты и вновь обследованы более 40 разновременных археологических объектов, относящихся к различным археологическим культурам. Самое большое количество местонахождений он открыл на участке р. Ангары от устья р. Каты до Мурского порога. Из них можно выделить стоянки и погребения в устье р. Каты, на о. Сизовском, реке Карапчанке, р. Копте, у д. Соколовой, на речке Верхней, против д. Усольцевой на правом берегу, около с. Паново, в местности Толстый Мыс, выше д. Мозговой, р. Чириде, в Глубоком логу и Федугином логу (выше В. Кежмы), у д. В. Кежма (Мозговая) у села Кежма, остров Каменный-Кежемский, устье р. Ковы, у дд. Дворец и Монастырской, в устье р. Коды, у д. Кады (Мельничный ручей) выше Чадобца в местности «Каменный Мыс», между дер. Климовой и Заледеевой, на реке Ичамонде на Мурском пороге. Ниже Мурского порога

до устья р. Ангары были обнаружены стоянки: против п. Богучаны на правом берегу, у д. Ярки, в устье р. Иркинеевой, наскальные рисунки на скале против д. Манзя, у д. Каменка, ниже д. Рыбное, около д. Потаскуй, в устье р. Тасеевой [Окладников, 1939: 181-186; 1940: 124-125].

В работах по материалам разведки А.П. Окладников делает описание берегов р. Ангары в ее нижнем течении, а также подробное описание мест нахождения стоянок и писаниц, дает детальное описание археологического материала, подводит итоги проведенных исследований.

Особый интерес для изучения материальной и духовной культуры неолитических племен таежной зоны Средней Сибири представляют материалы раскопанных А.П. Окладникова каменных мастерских в устье р. Ичамонды на Мурском пороге, в местности «Каменный Мыс» и на острове Каменном-Кежемском в 27 км ниже с. Кежма. Во время раскопок найдены заготовки тесловидных орудий, нуклеусы, вкладышевые и костяные орудия, скребла из сланца и кремня, отщепы, фрагменты керамики с оттисками «сетки-плетенки», кости косули и крупной птицы со следами обработки и необработанные [Там же: 182-183; 1946: 46-53].

По мнению А.П. Окладникова полученные неолитические материалы низовьев р. Ангары содержат много общего с неолитом Верхней Ангары, Прибайкалья и Лены, что свидетельствует об общности материальной культуры неолитических племен, их одинаковой хозяйственной деятельности, способах охоты и рыбной ловли. В этой связи он уделяет особое внимание инвентарю местонахождений между дд. Климовой и Заледеево, речек Коды и Череды, которые обнаруживают полное сходство с классическими серовскими изделиями Прибайкалья.

После работ А.П. Окладникова на Нижней Ангаре наступает очередной более чем десятилетний перерыв в изучении памятников Северного Приангарья, вызванный Великой Отечественной войной и послевоенной разрухой.

В 1948 году геолог А.К. Рюмин посетил Чадобецкую стоянку. Здесь на песчаных выдувах он собрал большую коллекцию археологического материала, а некоторые орудия им были получены от сельского учителя А.А. Шабовича. В статье «Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на Ангаре» А.К. Рюмин делает описание геологии и геоморфологии устьевого участка р. Чадобец и района стоянки, а также дает характеристику археологического материала, подразделяя его на типологические группы: топоры, наконечники стрел, скребки, пластины, отходы производства, глиняную посуду, единичные изделия из кости. При этом он отмечает, что не обнаружил металлических изделий [Рюмин, 1951: 273-279].

В 1952 г. и 1955 г. были созданы две археологические экспедиции, которые работали на Ангаре - Ангарская и Братская. Отряды Ангарской экспедиции, руководимой А. П. Окладниковым вели раскопки в 1951-55гг. в верховьях Ангары. Братская экспедиция, также руководимая А.П. Окладниковым, работала в зоне затопления Братской ГЭС в 1955-59 гг. В результате масштабных археологических исследований этих экспедиций на Ангаре в 50-е годы XX в. были раскопаны и открыты десятки памятников неолитического, бронзового и железного времени.

Начиная с 1967 года, в зоне будущего Усть-Илимского водохранилища работала Ангаро-Илимская археологическая экспедиция ИИФиФ СО АН СССР под руководством Р.С. Васильевского. За время работы этой экспедиции исследованы более 90 разновременных археологических памятников, на 32 произведены раскопки. Обнаружены и исследованы интереснейшие материалы по древней истории племен Средней и Нижней Ангары. Их исследования дали весьма значительный материал для изучения древних культур Приангарья и их периодизации [Васильевский, 1978: 131-150; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 16-17].

Обследованные стоянки, поселения и могильники, наскальные рисунки хронологически охватывают период от позднего палеолита до XVII века.

Материалы времени неолита, полученные Ангаро-Илимской экспедицией на памятниках Средней Ангары, наряду со сходством с известными ранее материалами Верхней Ангары, выявили определенное своеобразие и отличительные черты [Там же: 146-149].

В связи с предстоящим строительством Богучанской ГЭС были начаты широкомасштабные археологические исследования на Нижней Ангаре в Кежемском районе. Самое активное участие в изучении этого региона принимают сотрудники Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ). В 1969 г. археологическую разведку в Северном Приангарье проводит Богучанский отряд КАЭ ИГУ под руководством Г.И. Медведева. В ходе разведки на 500 - километровом участке р. Ангары от с. Кеуль Усть-Илимского района Иркутской области до с. Климино Богучанского района Красноярского края было обследовано около 50 новых и уже известных памятников. Исследователями были уточнены местоположения и наличие культурных слоев, которые относятся к разным хронологическим эпохам от палеолита до позднего средневековья [Аксенов и др., 1974: 165-172].

В 1970-1972 гг. Г.И. Медведев, Н.И. Дроздов, Д.И. Дементьев производят обследование территории поселения Кода и стационарные раскопки у с. Кода и заимки Нижняя Кода. Проведенное обследование показало, что протяженность поселения по фронту террасы составляет более 6 км и его территория по концентрации археологических материалов условно может быть поделена на пять пунктов: Усть-Кода, Кода I, II, III, IV.

В 1973-75 гг. в Северном Приангарье проводит исследования совместная экспедиция Красноярского краеведческого музея (ККМ) и ИГУ, возглавляемая Н.И. Дроздовым. Участниками экспедиции было открыто и обследовано около тридцати археологических памятников и проведены раскопки многослойного поселения Чадобец, разведка поселений и могильника в устье р. Каты [Дроздов, Привалихин, 1975: 203-204; Дроздов, 1976: 237]. Также в 1974 году Н.И. Дроздовым, Г.И. Медведевым, Ю.С. Пархоменко впервые были обследованы петроглифы в районе шиверы Мурожной [Пашинов, Дроздов, 1976: 271; Медведев, Дроздов, Пашинов, 1977: 259].

В эти же годы отрядом САЭ проводятся раскопки стоянки Толстый Мыс и разведки в ее окрестностях в Кежемском районе. Археологический материал первого культурного слоя соотносится с материалами стоянки Чадобец и Пашино. Неолитические материалы так же схожи с материалами неолитических памятников Северного Приангарья [Макаров, 1977: 12-14; Макаров, Привалихин, Дроздов, 1978: 251].

Стационарные раскопки в эти годы, сочетаются с разведочными работами, целью которых является более тщательный осмотр ранее открытых памятников, а также поиск и выявление новых. Детальному осмотру и изучению обоих берегов подвергался участок р. Ангары от устья р. Ковы до пос. Стрелка. В ходе этих работ был обнаружен ряд новых археологических памятников: Косой Бык, Осиновка, Толокнянка 1, 2, Гольтявина, Невонка, Карабула, Иркенеева и др.

Впервые были обнаружены и исследованы петроглифы у п. Геофизиков (5 км ниже п. Богучаны), осмотрены два камня с рисунками у Мурожной шиверы [Пашинов, Дроздов, 1976: 271], каменное антропоморфное изваяние с выбитой рядом личиной на левом берегу р. Тасеевой, в двух километрах выше ее устья [Медведев, Дроздов, Пашинов, 1977: 259].

Одновременно с отрядами Северо-Ангарской археологической экспедиции в Кежемском районе проводит работы отряд ИИФиФ СО АН СССР под руководством В.В. Бурилова. Этим отрядом на протяжении ряда лет проводились раскопки на стоянках Парта, Карадима, Бадарма, Эдучанка.

Многие годы на территории Кежемского района проводили исследования археологические отряды Красноярского краеведческого музея под руководством В.И Привалихина. Исследователем проведены раскопки могильников и стоянок на островах Сергушкин и Отика, в местности Слопцы, Капонир и др., относящихся к эпохе неолита - раннего железного века. Полученные материалы позволили исследователю выделить цэпаньскую археологическую культуру раннего железного века в Северном Приангарье и сопредельных районах, значительно расширить представления о материальной и духовной культуре, представителей таежных племен Нижней Ангары [Привалихин, 1993]. Одновременно при проведении разведочных работ В.И. Привалихиным были открыты и частично обследованы более 20 разновременных стоянок и местонахождений на территории Кежемского района Красноярского края [Привалихин, 1989а: 189-198; 1989б: 114-117; 1998: 72-87; Привалихин, Дроздов, Макулов, 2013: 42-56].

В 1982 г. в Красноярске был открыт филиал ИИФИФ СО АН СССР - Красноярская лаборатория археологии и палеогеографии Средней Сибири (КЛАПСС) возглавляемая Н.И. Дроздовым. Сотрудники лаборатории активно включились в археологические исследования в зоне строительства Богучанской ГЭС в составе Комплексной археологической экспедиции. Основные работы были продолжены на стоянках Усть-Кова, Кода, Пашина, Рожково, на о. Сосновом, продолжены разведочные работы в Северном Приангарье [Дроздов, 1982].

Так же археологические исследования в регионе продолжали отряды ИИФИФ СО АН СССР, возглавляемые В.В. Буриловым и Д.Ю. Березиным, проводившие раскопки на стоянках Тушама, Парта, Окуневка, Колпаков ручей и др. [Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988: 58-77; Васильевский, Березин, Привалихин, 1996: 32 - 39].

В 1985 г. сотрудниками лаборатории археологии КГПИ В.И. Макуловым, С.Г. Степановым, Е.В. Акимовой, А.В. Ермолаевым, В.И. Привалихиным, В.А. Погудиным, А.Л. Заика под общим руководством Н.И. Дроздова по заказу Управления культуры Красноярского крайисполкома были начаты работы по паспортизации археологических памятников Красноярского края, включая Северное Приангарье, Были обследованы и паспортизированы более 30 ранее известных археологических памятников и открыты новые: Осиновка I, 2, Чертов Лог, Чернила, Мурская Шивера, Урыль, Кипелая, Черемшанка, Большая Имбала, Ангарский IV, Абакан I-III, Пинчуга I, II и др. [Дроздов, Макулов, Ермолаев, 1989: 190-212; Буторин и др., 1990: 45-46; Тарасов, 1988: 605; 1999: 148-150].

В 1982 г. сотрудником КККМ Н.П. Макаровым проведены раскопочные работы на стоянке Усть-Карабула, а в ее окрестностях в ходе разведок были выявлены несколько стоянок [Макаров, 1984: 215-216; 1989: 131-189].

В 2006 г. совместными отрядами КГПУ им. В.П. Астафьева, КЛАПСС ИАЭТ СО РАН, ИГУ под общим руководством Н.И. Дроздова в зоне проектируемого ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Усть-Илимского района Иркутской области и Кежемского района Красноярского края, а также в зоне проектируемого ложа водохранилища Мотыгинской ГЭС в Богучанском и Мотыгинском районах Красноярского края была проведена инвентаризация археологических памятников. В результате были выявлены и вновь обследованы 168 объектов археологического наследия (ОАН) попадающих в зону затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС и более 30 ОАН в зоне затопления Мотыгинской ГЭС. Общая оценочная площадь ОАН составила несколько квадратных километров, хранящих бесценную информацию о

древнейшей истории заселения и освоения человеком Нижнего Приангарья, формировании уникальных самобытных культур многочисленных народов, проживающих на берегах Ангары с глубокой древности.

В последние десятилетия большой комплекс разведочных и раскопочных работ в Северном Приангарье проводят отряды и экспедиции Сибирского федерального университета (СФУ, ранее КГУ) под общим руководством П.В. Мандрыка. В ходе этих работ были открыты и исследованы несколько десятков разновременных археологических памятников, некоторые из них продолжают изучаться в настоящее время [Мандрыка, 1996: 344-346; 2006: 159-170].

Особое место в исследовании памятников Северного Приангарья занимают охранно-спасательные раскопочные работы Богучанский археологической экспедиции ИАЭТ СО РАН, проведенные в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Усть-Илимского района Иркутской области и Кежемского района Красноярского края в период 2007-2012 гг. Научным руководителем экспедиции являлся директор ИАЭТ СО РАН академик РАН Анатолий Пантелеевич Деревянко, начальником экспедиции был ректор КГПУ им. В.П. Астафьева, зав. КЛАПСС ИАЭТ СО РАН, д.и.н., профессор Николай Иванович Дроздов, заместителем - зав. кафедрой археологии и этнографии ИГУ, зав. лабораторией археологии и палеоэкологии ИГУ и ИАЭТ СО РАН, д.и.н., профессор Герман Иванович Медведев. В истории современной России, охранно- спасательные работы, проведенные экспедицией, были самыми масштабными археологическими исследованиями, как по количеству изученных памятников, так и по количеству привлеченных научных учреждений, специалистов и работников.

В процессе охранно-спасательных раскопочных работ 2008 - 2012 гг. "...на 222 памятниках и ансамблях памятников археологии раскопками было обследовано 165 тыс. м^2 совокупной площади объектов культурного наследия. В результате изучения культуросодержащих слоев археологических объектов в границах вышеизложенных площадей были получены уникальные коллекции разновременного археологического материала численностью более одного миллиона артефактов" [Богучанкая..., 2015: 16-17]. В работах участвовали более 5000 человек. Археологический материал, полученный в ходе работ охватывает хронологический период от палеолита (40 тыс. лет) до этнографической современности (XIX в.). Были раскопаны остатки древних жилищ, могильники и отдельные захоронения, каменные, костяные, бронзовые, медные, железные орудия и украшения, керамические сосуды и многие другие предметы.

В настоящее время продолжаются работы по научной обработке и интерпретации полученных материалов, публикуются многочисленные статьи по направлениям научной проблематики, началась публикация монографий по отдельным памятникам и издание Трудов Богучанской археологической экспедиции [Богучанская..., 2015]. Публикация этих материалов позволит создать более полную картину исследований Богучанской археологической экспедиции в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС на территории Северного Приангарья.

Список литературы

1. Богучанская археологическая экспедиция; очерк полевых исследований (2007 - 2-12 годы) / А.П. Деревянко и др. Федер. агентство науч. организаций, Ин-т археологии и этнографии. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. - 564 с.
2. Васильевский Р.С. Археологические исследования на Средней Ангаре (некоторые предварительные результаты работ Ангаро-Илимской экспедиции 1967 - 1974 гг.) // Древние культуры Приангарья. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1978. - С. - 131-150.

3. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. - Новосибирск, Наука. 1988. - 244 с.
4. Васильевский Р.С., Березин Д.Ю., Привалихин В.И. Стоянка и могильник Капонир // Гуманитарные науки в Сибири. - Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. - № 3. - С. 32-39.
5. Вдовин А.С. и др. Русское географическое общество в Красноярске (1901 - 1937 гг.). - Красноярск: РИО КГПУ, 2001. - 120 с.
6. Вдовин А.С., Кузьминых С.В. Частные археологические коллекции из Енисейского округа // Енисейский север: история и современность: к 50-летию кандидата исторических наук Буланкова Василия Валерьевича: сб. науч.тр. / отв. ред. А.С. Вдовин; ред. кол.; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2011. - Вып. 1. - С. 108-113.
7. Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСО РГО. - 1889а. - Т. 20, № 1. - С. 1 - 42.
8. Витковский Н.И. Следы каменного века в долине р. Ангары // Изв. ВСО РГО. - 1889б. - Т. 20, № 2. - С. 1 - 31.
9. Дроздов Н.И. Кодинское погребением с антропоморфными фигурками из бивня мамонта // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. - Вып. 1. - С. 229-236.
10. Дроздов Н.И., Дементьев Д.И. Археологические исследования на средней и нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. - Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1974. - Вып. 1. - С. 204-228.
11. Дроздов Н.И., Привалихин В.И. Разведки на Средней Ангаре // АО 1974 года. - М.: Наука, 1975. - С. 203-204.
12. Дроздов Н.И. Северо-Ангарская экспедиция // АО 1975 года.- М.: Наука, 1976.- С. 237.
13. Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья // Автореф. к.и.н..., Новосибирск: 1981. - 20 с.
14. Дроздов Н.И. Палеолитическая стоянка Усть-Кова на Ангаре // Тезисы докладов XI Конгресса ИНКВА. - М.: Наука, 1982.
15. Дроздов Н.И., Макулов В.И., Ермолаев А.В. Археологическая карта нижнего течения р. Ангары // Памятники истории и культуры Красноярского края. Красноярск. 1989. - С. 190-193.
16. Дроздов Н.И. и др. Наскальное искусство Северного Приангарья // Наскальное искусство Азии. Вып. 1. - Кемерово, 1995. - С. 46 - 48.
17. Дроздов Н.И., Заика А.Л., Макулов В.И. Древнее искусство Нижнего Приангарья // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996. - С. 91 - 96.
18. Дроздов Н.И. и др. Результаты археологических исследований памятников материальной культуры р. Подкаменной Тунгуски и наскальных рисунков Нижней Ангары // Научный ежегодник КГПУ. - Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. пед ун-та, 2000. - Вып. 1. - С. 43-55.
19. Дроздов Н.И. и др. Результаты исследований памятников древнего наскального искусства в зоне затопления Богучанской ГЭС // Научный ежегодник КГПУ. - Красноярск: РИО Краснояр. гос. пед ун-та, 2002. - Т. 1, вып. 3. - С. 12-24.
20. Леонтьев В.П. Железный век Северного Приангарья: автореф. дис. канд.ист. наук. - Новосибирск, 1999. - 24 с.
21. Макаров Н.П. Новая неолитическая стоянка Толстый Мыс в Кежемском районе // Археология-1977. Научно-теоретическая конференция. Секция археологии: тезисы докладов. - Иркутск, 1977. - 12-14.
22. Макаров Н.П., Привалихин В.И. , Дроздов Н.И., Исследования в Кежемском и Тунгусо-Чунском районах // АО 1977 года. - М: Наука, 1978. - С. 251.
23. Макаров Н.П. Работы на Среднем Енисее и Нижней Ангаре // АО 1982года. - М.: Наука, 1984. - С. 215-216.
24. Макаров Н.П. К истории комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций // Век подвижничества. Красноярское книжн. изд-во, 1989. - С. 131-189.
25. Макулов В.И. Мурский археологический район // Енисейский энциклопедический словарь / гл. ред. Н.И. Дроздов. - Красноярск: КОО Ассоциация "Русская энциклопедия", 1988. - С. 407.

26. Макулов В.И. и др. Новые петроглифы Нижнего Приангарья (по итогам работ 1999 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой юбилейной сессии Ин-та археологии и этнографии СО. РАН, декабрь 1999 г. - Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. -Т.5. - С. 423 - 426.
27. Макулов В.И. Работы в Красноярском крае и Эвенкийском АО // Археологические открытия 1999 года. - М., 2001. - С. 258 - 261.
28. Медведев Г.И., Дроздов Н.И., Пашинов А.М. Исследование петроглифов на Нижней Ангаре // АО 1977 года. - М.: Наука, 1978.- С. 259.
29. Мещерин М.Н. и др. Стоянка Ельчимо 3 в Северном Приангарье // Преодоление времени и пространства. Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири / гл. ред. М.В. Константинов. - Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. - С. 14 - 33.
30. Миллер Г.Ф. История Сибири.- М.: Изд. фирма "Восточная литература" РАН, 1999. - Т. 1. - 630 с.
31. Окладников А.П. Археологические исследования на Ангаре (1936 г.) // Советская Археология. - 1937. - Т. 4. - С.319 - 332.
32. Привалихин В.И. В поисках научной истины // Век подвижничества. Красноярское книжн. изд-во, 1989. - С. 189 - 198.
33. Привалихин В.И. Некоторые итоги исследования памятников раннего железного века Севепного Приангарья // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. - Красноярск, 1989. - С. 114-117.
34. Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Кемерово, 1993. - 24 с.
35. Привалихин В.И. Сосновый Мыс-2 - новый разновременный могильник Северного Приангарья // Межмузейный научный сборник: Краснояpск, 1998. - 72 - 87.
36. Привалихин В.И., Дроздов Н.И., Макулов В.И. Исследование неолитических погребений в Северном Приангарье (зона затопления Богучанской ГЭС) // Археологические исследования Нижней Ангары и сопредельных территорий. - Красноярск: Изд-во Краснояр. краевого краевед. музея, 2013. - С. 42-56.
37. Радлов В.В. Сибирские древности. - СПб., 1902. - Т.1, вып.1. - 53 с.
38. Рюмин А.К. Новые данные о Чадобецкой неолитической стоянке на р. Ангаре // Советская археология. - М.-Л., 1951. Т. XV. - С. 273-280.

УДК 332.146.2:338.485-53(571.51)

Системное рациональное социально-экономическое развитие территорий с сохранением природных комплексов, объектов культурного наследия, развитием устойчивого туризма и рекреации на примере проекта «Природный парк «Койское Белогорье»

Ерёмина Надежда Германовна
председатель совета
Союз творческих лидеров «Три сферы»
Красноярск, Россия
Eremina-2212@mail.ru

Игнатьев Артур Андреевич
директор
Союз творческих лидеров «Три сферы»
Красноярск, Россия
Eremina-2212@mail.ru

АННОТАЦИЯ Урбанизация больших промышленных городов, каким является Красноярск, масштабные проекты по освоению новых промышленных зон на территориях муниципалитетов Красноярского края увеличивают антропогенную нагрузку на природные объекты и объекты культурного наследия. Это требует образования новых рекреационных территорий, обладающих биологическим и культурно-историческим потенциалом для реализации мероприятий туристического, эколого-патриотического, научно-исследовательского характера. При отсутствии взаимодействия бизнеса, общественности, органов исполнительной власти и муниципального самоуправления не избежать в дальнейшем экологических катастроф, что приведет к уничтожению уникальных природных и культурных объектов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ООПТ, история, археология, комплексное развитие, культурное наследие

Представляем наш проект по созданию особо охраняемой природной территории, расположенной на Койском Белогорье в северо-западной части Восточного Саяна, на пересечении границ Саянского, Партизанского и Манского районов. На этой территории находятся уникальные природные комплексы, природно-культурные, исторические памятники и памятники культурного наследия.

СТЛ «Три сферы» – инициатор создания особо охраняемой природной территории **Природный парк «Койское Белогорье» (**общая площадь природного парка – 14 тысяч гектаров).

Обоснование создания природного парка

Территория включает в себя природные, исторические памятники, памятники культурного наследия, а также объекты, имеющие экологическую и эстетическую ценность, предназначенные для использования в природоохранных, просветительских и рекреационных целях (Рис. 1, 2, 3)

Рисунок 1. Природный объект скала Мамонт.

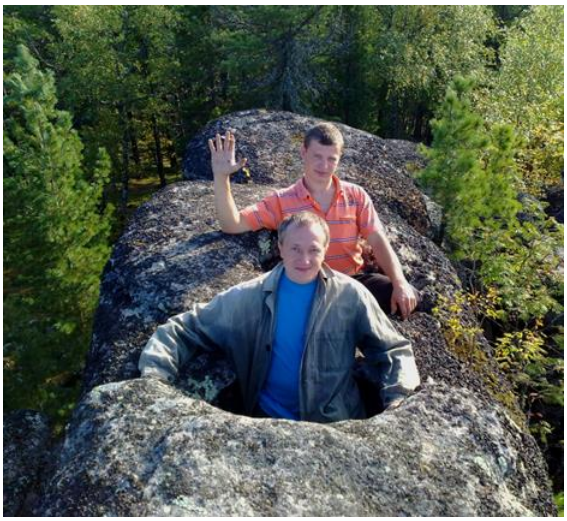

Рисунок 2. Природный объект «Лозанова осада».

Рисунок 3.

Как показали исследования, рекреационная деградация наблюдается практически на всей рассматриваемой территории. Особую угрозу представляют возможные разработки полезных ископаемых.

К сожалению, выявленные памятники находятся в аварийном состоянии, покрыты известковыми натеками, лишайниками, некоторые – современными надписями, копотью костров, которые периодически разводят у подножия скал рыбаки, охотники, туристы. Необходимы экстренные меры по сохранению, консервации и реставрации выявленных объектов. Существует реальная угроза утраты уникальных объектов культурного и природного наследия Красноярского края (Рис. 4).

Рисунок 4. Состояние объектов.

Эти обстоятельства послужили предпосылками формирования идеи создания ООПТ.

Организация природного парка – категории региональной ООПТ, территория которого будет иметь природоохранное, рекреационное, эколого-просветительское и историко-культурное значение как особо ценное и целостное природно-территориальное образование, отличающееся высоким природным разнообразием, наличием редких и уязвимых в существующих условиях видов растений и животных, ландшафтов, памятников культурного наследия, а также благоприятных условий для развития туризма, – позволит предотвратить уничтожение уникальных комплексов.

Необходимо отметить, что памятники культурного наследия, расположенные в пределах рассматриваемых границ, уже имеют статус памятников культурного наследия (писаницы «Шкапчик», «Койская писаница»). Однако существующие категории и относительно небольшие площади этих объектов не позволяют решить проблему стихийного рекреационного воздействия на них, которое приводит к постепенной деградации эстетически привлекательных мест.

Требуется создание такой особо охраняемой природной территории, функционирование которой позволит минимизировать рекреационную нагрузку на рассматриваемую территорию. Таким образом, целью создания природного парка является комплексное рациональное использование природных ресурсов с сохранением природных комплексов, объектов культурного наследия и развитием устойчивого экологического туризма и рекреации в указанных границах.

При этом создание природного парка не должно привести к острым конфликтам природопользования, работа должна вестись с учетом региональной и местной

специфики как природных, так и социально-экономических и этнокультурных условий. Для оптимального использования территории, предполагаемого природного парка предлагается установить дифференцированный режим особой охраны, защиты и использования природных ресурсов и окружающей среды в зависимости от экологической, рекреационной и историко-культурной ценности природных участков.

Исходя из этого, на территории природного парка выделены природоохранные, рекреационные, агрохозяйственные и иные функциональные зоны, включая зоны охраны историко-культурных комплексов и природных объектов, не влекущие за собой изменение исторически сложившегося природного ландшафта, снижение или уничтожение экологических, эстетических и рекреационных качеств, нарушение режима содержания памятников природы, истории и культуры.

Основные задачи природного парка:

- Сохранение и доступность культурного и природного наследия для всего населения Красноярского края, обеспечение устойчивого развития региона и человеческого потенциала.
- Решение актуальной проблемы социально-культурного развития Красноярского края через формирование информационных, социально-нравственных и гражданственно-патриотических установок, призванных укрепить в сознании жителей края, района чувство сопричастности к общей истории и культуре нашего края и нашей страны.

Основные принципы:

- Формирование среды эффективной кооперации и сотрудничества
- Социально-экономическое развитие
- Государственно-частное партнерство и муниципально-частное партнерство
- Экологический баланс
- Полифункциональность объекта

Государственная политика в области поддержки общественных инициатив способствует формированию команд, заинтересованных в развитии территории.

Общественно значимые проекты, реализуемые за счет средств бюджетов разных уровней и различных фондов, свидетельствуют о наличии успешно действующих проектных команд, способных осуществить полный цикл реализации проектов и при определенных условиях трансформировать общественные инициативы в бизнес-проекты. Знание особенностей «территории действия» является главным фактором успешности проектной деятельности.

БЛАГОДАРНОСТИ Проект реализуется при поддержке Министерства экологии и рационального природопользования Красноярского края (Дирекции по ООПТ Красноярского края); авторы выражают благодарность Борисовой Светлане Анатольевне, директору Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова, – за научное сопровождение проекта; Дроздову Николаю Ивановичу, профессору, доктору исторических наук, – за консультационное сопровождение проекта; Заике Александру Леонидовичу (кандидат исторических наук), Быконе Геннадию Федоровичу (профессор, доктор исторических наук), Будникову Анатолию Леонидовичу (кандидат геолого-минералогических наук), Коханову Валерию Петровичу (заслуженный спасатель России) – за помощь в организации и проведении исследовательских работ.

Список литературы

1. Будников А.Л. Памятники природы Койского Белогорья (Красноярский край» // Мартьяновские краеведческие чтения: сб. докладов и сообщений (Минусинск, 2021) / МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова». – Вып. 15. – Красноярск, 2022. – С. 315-317.
2. Владимирова И.А., Можарова Е.А., Овсянникова Т.Н. «История изучения памятников наскального искусства в верховьях р. Маны (на примере писаницы Шкапчик – 1, 2)» // Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кызыл, 22–24 сентября 2022 г. / отв. ред. К. А. Бичелдей, П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – с.182 185.
3. Заика А.Л. Новые данные по наскальному искусству бассейна р. Маны // Сибирская локальноэтническая культурная ситуация в конце XX века: Материалы II Параславянских чтений – Красноярск, 1998. – С. 85-90.
4. Заика А.Л. Наскальное искусство горного пояса Хакасско-Минусинской котловины // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: материалы V Междунар. Науч. конф. (15-19 сентября 2014 года) – Кызыл: Тувинский гос. ун-т, 2014. – Ч. II. – С. 23-27.
5. Заика, А.Л. Вопросы изучения, сохранения и популяризации древних объектов историко-культурного наследия Красноярского края // Енисейская Сибирь в истории России (к 400-летию Енисейска). Материалы Сибирского исторического форума. – Красноярск: ООО «Лаборатория развития», 2019. – С. 129–132.
6. Заика А.Л., Вдовин А.С. Современное состояние и проблема сохранения и музеефикации памятников наскального искусства на территории Красноярского края // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования: материалы XII Всероссийской с муждународным участием научно-практической конференции, посвященной 70-летию Музея геологии и землеведения КГПУ им. В.П. Астафьева, 110-летию со дня рождения Михаила Васильевича Кириллова, 110-летию Тунгусского феномена. Красноярск, 20 апреля 2018 г. / отв. ред. М.В. Прохорчук: ред. кол.: Краснояр. Гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. – Красноярск, 2018. – Вып. 13. – С. 210- 213.
7. Заика А.Л., Кузнецов А.Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: метод. пособие. – Красноярск: РИО КГПУ, 2008. – 76 с.
8. Заика А.Л., Кузнецов А.Л. О зимних полевых исследованиях петроглифов (на примере Манских писаниц) // Археология, этнология, палеоэкология Северной Евразии и сопредельных территорий: Мат-лы XLVI Региональной (II Всероссийской) археолого-этнографической конференции. – Т. 1. – Красноярск: РИО КГПУ, 2006. – С. 198-201.
9. Можарова Е.А., Владимирова И.А., Овсянникова Т.Н. «Койская писаница по материалам В.Ф. Капелько» // Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кызыл, 22–24 сентября 2022 г. / отв. ред. К. А. Бичелдей, П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – с.189-194.
10. Овсянникова Т.Н., Владимирова И.А., Можарова Е.А. «Характеристика писаницы Шкапчик-3 (по материалам В. Ф. Капелько)» // Материалы LXII Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Кызыл, 22–24 сентября 2022 г. / отв. ред. К. А. Бичелдей, П. В. Мандрыка. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. – с. 194-197.

УДК. 902/904

Искусство раннего железного века таежной зоны Приенисейской Сибири (по материалам художественной металлопластики)

Заика Александр Леонидович
Красноярский государственный
педагогический университет им. В.П. Астафьева»,
Красноярск, Россия
zaika_al@mail.ru
orcid.org/0000-0003-2704-0988

Ломанов Павел Владимирович
Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова,
Красноярск, Россия.
lpv79@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3841-7173

Гревцов Юрий Анатольевич
Ведущий специалист
ООО «Красноярская археология новостроек»
Красноярск, Россия.
Urga66@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В искусстве таежных племен Ангаро-Енисейского региона эпохи раннего железного века на примере художественной металлопластики можно выделить три традиции: первую, восходящую к образцам южных лесостепных культур – предметы «скифоидных форм»; вторую, связанную с влиянием западносибирских культур, прежде всего кулайской; третью, автохтонную, представленную серией антропоморфных изображений дисковидной формы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Приенисейская Сибирь, таежная зона, ранний железный век, художественная металлопластика, личины

Таежный регион, включающий с запада подтаежные и таежные районы Среднего и Нижнего Енисея, а с востока Нижнее и Среднее Приангарье, в последние десятилетия стал территорией активных археологических исследований. Отдельные районы внутри очерченного ареала характеризуются различной степенью исследованности. Например, низовья реки Енисей, бассейны Нижней и Подкаменной Тунгусок исследованы крайне слабо, а в подтаежной зоне Среднего Енисея, Нижнего и Среднего Приангарья изучены целые комплексы ярких, высокоинформативных памятников, что позволяет исследователям подходить к выделению археологических культур, выстраивать археологические периодизации древней истории данных территорий. Высокой степенью изученности отличаются комплексы эпохи раннего железного века. На многочисленных памятниках этого периода в достаточно большом количестве, наряду с утилитарными предметами, представленными орудиями, оружием, керамикой, известны произведения искусства. Прежде всего, это многочисленные образцы художественного литья из бронзы. Многие орудия и предметы вооружения, украшения костюма (пряжки, нашивки от поясных наборов), литые детали конской упряжи, бронзовые зеркала несут на себе яркие элементы декора. Есть предметы, вероятно, относящиеся к культовой атрибутике, являющиеся самостоятельными изображениями сакрального характера. Обнаружены они на памятниках разного типа.

Реже всего они встречаются на поселениях, чаще – в погребениях. Значительное количество предметов бронзового художественного литья происходит из инвентаря объектов, отнесенных исследователями к культовым комплексам, древним святилищам. Также фонд произведений искусства активно пополняется случайными находками из указанного региона. Обилие артефактов обозначает необходимость анализа произведений древнего искусства, стилистической и типологической классификации предметов художественного литья. Учитывая неравномерность исследованности региона, принадлежность многих образцов металлопластики к разряду случайных находок, данный анализ во многом носит предварительный характер. Но, по мнению авторов, уже сейчас можно полагать, что большую часть предметов художественного литья эпохи раннего железного века можно стилистически отнести к трем большим группам.

Перавая группа – находки, имеющие ближайшие аналогии с предметами декоративного искусства южных лесостепных скифоидных культур Приенисейской Сибири, и сопредельных регионов. Они являются самыми массовыми среди предметов металлопластики раннего железного века из таежных районов. Особенно богаты подобными изделиями культовые памятники Средней и Нижней Ангары. Инвентарь ангарских святилищ в большом количестве содержит предметы конской упряжи, орудия (ножи, кельты), зеркала, различные украшения, такие как крестообразные, выпуклые полукруглые, S-видные и бабочковидные бляхи, отдельные фигурки животных, декорированные в традициях скифо-сибирского звериного стиля [Заика, 1999, Тарасов, 1997, Гревцов, 1996а: 117]. Известны такие изделия и по материалам погребальных памятников таежных районов Ангары и Среднего Енисея [Привалихин, 1987: 90; 1989: 114-117; Мандрыка, 1998: 13; 2009: 282-284]. Находки железных бабочковидных блях, видимо, более поздних подражаний подобнымимпортным бронзовым изделиям на святилище Каменка-1 и Усть-Тасеевском культовом комплексе [Заика, 1999; Заика и др., 2013: Гревцов, 1996а], свидетельствуют об определяющей роли южного «скифского» влияния на формирование изобразительных традиций в декоративном искусстве таежного населения.

Вторая группа – изделия, близкие к западносибирским, прежде всего, относящимся к кулайской культурной общности. Это единичные предметы, представляющие случайные находки. Видимо, кулайская общность не оказывала такого определяющего влияния на культуру таежных племен Восточной Сибири, как «скифская». Это, так называемые, «ажурные» или «решетчатые» изображения кулайского облика. В основном они происходят из района р. Подкаменная Тунгуска. Так, о двух зооморфных изображениях данной группы сообщают, например, М.С. Баташев и Н.П. Макаров. Одно из них найдено случайно в устье р. Подкаменная Тунгуска, другое – выше по течению у пос. Суломай [Баташев, Макаров, 2000: 12]. Еще одно изделие кулайского облика, в виде антропоморфной фигуры, найденное на берегу Подкаменной Тунгуски хранится в фондах Канского краеведческого музея (ККМ 1217), куда оно поступило, в начале XX века [Леонтьев, Дроздов, 1996].

Но в таежной зоне бассейна Среднего и Нижнего Енисея также известны предметы художественной металлопластики – антропоморфные образы в виде личин, типологически не связанные как с традициями степного скифского юга, так и с традициями западносибирской таежной зоны. Это антропоморфные личины, имеющих четкий набор типологических признаков (указаны в порядке, соответствующем номерам в таблице):

1. Изготовление в технике плоскостного одностороннего литья
2. Дисковидная форма личины
3. Наличие черешка-шеи

4. Условная передача черт лица (глаза, соединенный с надбровьями нос, рот) с помощью валиков

5. Навершие в виде рогов или роговидной короны

6. Обрамление по контуру в виде зубчиков, лучей, клиновидных выступов

7. Обозначение «бороды», выполненной с помощью рельефных треугольных насечек или выступов в нижней части лика

8. Петельчатые уши по бокам личины

Все они достаточно крупных размеров (варьируются от 6 до 18,5 см)/

На данный момент известно 16 подобных изображений, сочетающих в разных вариантах значительную часть указанных признаков. Все они происходят из ареала, очерченного с юга северной частью Красноярской лесостепи, с запада – районом Обь-Енисейского междуречья (бассейнами левобережных притоков Енисея), с севера – таежной зоной Нижнего Енисея (примерно северной границей современного Енисейского района Красноярского края), с востока – Верхним Приленьем, с юго-востока – Средним Приангарьем. В центре этого обширного региона находится район Северного Приангарья, откуда происходит значительная часть изображений описанного типа. Эти изделия можно отнести к местной, таежной ангаро-енисейской традиции художественной культовой металлопластики раннего железного века и выделить, как третью типологическую группу предметов декоративного искусства.

Впервые на данную группу изображений обратил внимание А.П. Окладников в конце 1940-х годов (Окладников, 1948). Он описал 9 личин, происходящих из Ангаро-Енисейского ареала. Большая часть из них являлась случайными находками, 4 из Иркутской области и 4 из Красноярского края, а также одно изображение, описанное Ф.И. фон Страленбергом где-то в Сибири (по мнению А.П. Окладникова – на Енисее) в первой трети XVIII века. Все они, в отличие от продолговатых личин Западной Сибири имеют поддисковидную форму, петельки-ушки по бокам и шею-черешок. Черты лиц (глаза, рот, нос и сходящиеся к носу дуги бровей) обозначены очень условно рельефными валиками. Также 4 из них имеют роговидные короны**.** три рога, загнутые в противоположные стороны**.** Две обрамлены выступающими лучевидными зубчиками. Три имеют «бороды», обозначенные насечками. Одно изображение является почти полной антропоморфной фигурой, у которого показаны опущенные вниз руки с пальцами (одна рука частично утрачена), длинное тело, а ноги специально не обозначены, но подразумеваются пропорциями изделия. Оно является самым южным по месту нахождения, было найдено у с. Атаманово на Среднем Енисее, то есть в северной части Красноярской лесостепной зоны. Все предметы изготовлены из бронзы в технике плоскостного одностороннего литья. По мнению А.П. Окладникова они «входят в группу древних изделий, обнаруживающих ближайшее отношение к образцам искусства лесных племен около начала н.э.» [Окладников, 2003: 521].

В последующие годы открывались новые изображения, типологически близкие к описанным А.П. Окладниковым. В 1970 году на острове Жилом в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС была обнаружена личина типологически близкая к описанным А.П. Окладниковым, отличная лишь не округлым, а «череповидным» контуром [Васильевский и др., 1980: 75]. В 1980-х – начале 1990-х гг. другая личина была найдена в районе пос. Ново-Назимово Енисейского района Красноярского края (таежная зона Нижнего Енисея) при строительстве дома. Она выполнена в технике плоского литья, имеет подтреугольную форму, по краям обрамлена шиловидными выступами. В одном случае, они образуют треугольное ушко; с противоположной стороны, вследствие брака при отливке, ушко оказалось разомкнутым. В 1990-х гг. во время исследований Усть-Тасеевского культового комплекса Ю.А. Гревцовым была найдена в относительной близости от памятника на левом берегу р. Тасеевой еще одна

дисковидная бронзовая личина, украшенная рогами и петельчатыми ушками. Размеры изделия 8,1х13,5 см.

В фондах Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника им. А.И. Кытманова была выявлена еще одна бронзовая дисковидная личина размером 7,5х8,1 см, украшенная петельчатыми ушками (одно утрачено) и рогами, с чертами лица (глаза и рот), переданными горизонтальными рельефными валиками. Происхождение изделия не выяснено, с большой долей вероятности место находки личины ограничивается территорией бывшего Енисейского уезда (Енисейский район Красноярского края и Нижнее Приангарье) [Ломанов, Заика, 2005].

В 2000-е годы находки подобных личин были сделаны и на нескольких стратифицированных памятниках. Так, в погребении №10 могильника Усть-Шилка – II, расположенного на правом берегу р. Енисей, в нижнем створе Казачинского порога (подтаежная зона Среднего Енисея), на периферии грунтового вторичного захоронения вместе с втульчатым наконечником стрелы «савроматского» типа была обнаружена бронзовая дисковидная личина (8,5х9,5 см), созданная путем односторонней отливки.Датировано погребение V-VI вв. до н.э. [Мандрыка, 2008, с. 128].

На территории пункта Шивера Проспихинская - 4 (зона затопления Богучанской ГЭС, р. Ангара) в непосредственной близости с погребением скифского времени, в 2011 г. найдена бронзовая личина, отлитая в двустворчатой разъемной форме [Богучанская экспедиция…, 2015: 99, 101, рис. 95; Виноградов, 2015]. Изделие размерами 6,1х9,5х0,5 см, имеет овальную форму. При разборке слоя 1 стоянки Усть-Ката-2 (зона затопления Богучанской ГЭС) в переотложенном состоянии было зафиксировано бронзовое изображение – личина размером 9,2х18,5 см подовальной формы.

Так как значительная часть изображений, условно относимых к третьей группе принадлежит к случайным находкам, встает вопрос о закономерности отнесения данного типа изделий к эпохе раннего железного века. Уже А.П. Окладников, впервые обративший внимание на указанный тип личин, датировал его эпохой железного века, началом новой эры [Окладников, 2003: 521]. Авторами было проведено исследование, по результатам которого, на основе сравнительного анализа антропоморфных изделий указанной группы, с предметами малой пластики из других материалов (кость), и изображений гравированых на кости, керамических сосудах, происходящих со стратифицированных памятников Ангарского региона, а также петроглифов с ангарских и енисейских писаниц, была в общем подтверждена датировка А.П. Окладникова [Ломанов, Заика, 2005]. Выше приведенные материалы, полученные во время раскопок закрытых комплексов (могильник Усть-Шилка – II, Шивера Проспихинская-4, стоянки Усть-Ката-2), также не противоречат данному выводу. С большой долей уверенности, основную часть описанных изображений можно отнести к эпохе раннего железного века, позднескифскому и гунно-сарматскому времени (последние века до н. э. - первые века н.э.). Хотя не исключается изготовление или использование отдельных изображений указанной группы в более поздние периоды, вплоть до средневековья и времени этнографической современности.

Таким образом, в декоративном искусстве таежных племен Ангаро-Енисейского региона эпохи раннего железного века можно выделить три традиции, первую, восходящую к образцам южных лесостепных культур – предметы «скифоидных форм», вторую, гораздо менее представленную, связанную с влиянием западносибирских культур, прежде всего кулайской, и третью, автохтонную, представленную серией антропоморфных изображений дисковидной формы.

Список литературы

1. Амзараков П.Б. Предварительные итоги археологических раскопок памятников Усть-Ката-1 и Усть-Ката-2 в зоне затопления водохранилища Богучанской ГЭС // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1(5). С. 200-205.
2. Баташев М.С., Макаров Н.П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. Красноярск, 2000. 36 с.
3. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007-2012 годы) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. 564 с.
4. Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Седякина Е.Ф. Археологические исследования в зоне Усть-Илимской ГЭС в 1970 г. // Источники по археологии Северной Азии (1935-1976 гг.). – Новосибирск: Наука, 1980. С. 53-75.
5. Виноградов Д.А. Бронзовое антропоморфное изображение с поселения Проспихинская Шивера – IV на Ангаре // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск: СФУ, 2015. Вып. VII. С. 109-113.
6. Гревцов Ю.А. К проблеме интерпретации образа грифона и его подражаний // Древности Приенисейской Сибири. Вып. № 1. – Красноярск, 1996. С. 116-120.
7. Дроздов Н.И., Гревцов Ю.А., Заика А.Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре (краткий очерк) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д.Г. Савинова. Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. VII. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 77-85.
8. Заика А.Л. Результаты исследования культовых памятников Нижней Ангары // Молодая археология и этнология Сибири, РАЭСК XXXIX, часть 2. Чита, 1999. С. 11-16.
9. Заика А.Л., Оводов Н.Д., Орлова Л.А. Следы медвежьего культа на Нижней Ангаре в эпоху раннего железа – средневековья (фрагментарный обзор проблемы) // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий: сборник научных статей. – Красноярск: Красноярский краеведческий музей, 2013. С. 107 – 129.
10. Леонтьев В.П., Дроздов Н.И. Неизвестные находки бронзовых изделий кулайского облика в таежной зоне Средней Сибири // Новейшие археологические и этнографические открытия в Сибири. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1996. С. 157-161.
11. Ломанов П.В., Заика А.Л. Художественная металлопластика и петроглифы Нижнего Приангарья // Древности Приенисейской Сибири. – вып. 4. – Красноярск: РИО ГОУ ВПО КГПУ, 2005. С. 121-126.
12. Мандрыка П.В. Бронзовый и ранний железный век в южной тайге Среднего Енисея и Низовьев Ангары // Автореферат докт. дис. – Барнаул, 2018. 54 с.
13. Мандрыка П.В. Ранний железный век подтаежной зоны Среднего Енисея // Автореферат канд. дис. – Кемерово, 1998. 24 с.
14. Мандрыка П.В. Могильник Усть-Шилка – II // Вестник НГУ. – 2008. – Т. 7. – вып. 3. С. 117-121.
15. Мандрыка П.В. У вопроса о культурных связях племен раннего скифского времени Енисейского Приангарья // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 4. – Красноярск: КККМ, 2009. С. 277-286.
16. Окладников А.П. Древние шаманские изображения из Восточной Сибири // СА. – 1948. – № 10. С. 203-225.
17. Окладников А.П. Археология Северной, Центральной и Восточной Азии (СО РАН. Избранные труды). – Новосибирск: Наука, 2003. 664 с.
18. Привалихин В.И. Комплекс материалов скифского времени стоянки Сергушкин-3 // Проблемы археологических культур степей Евразии. – Кемерово, 1987. С. 90.
19. Привалихин В.И. Некоторые итоги исследования памятников раннего железного века Северного Приангарья // Проблемы изучения Сибири в научно-исследовательской работе музеев. – Красноярск, 1989. С. 114-117.
20. Тарасов А.Ю. Культовый комплекс археологического местонахождения Мыс Арбан на реке Тасеевой // Дуловские чтения. Иркутск, 1997. С. 148-150.

УДК 902.2-048.67(571.51/.52)

Популяризация археологических памятников севера Енисейской Сибири (практика АНО «Археологическое исследование Сибири»)

Ключников Тимофей Александрович
Директор
«Археологическое исследование Сибири»
Красноярск, Россия
arxeol2002@gmail.com

АННОТАЦИЯ Статья посвящена вопросам популяризации и актуализации археологического наследия Енисейской Сибири. Рассматриваются этапы реализации социокультурного проекта «Русские полярные мореходы у берегов Таймыра», подготовленного Автономной некоммерческой организацией «Археологическое исследование Сибири» в 2022 – 2023 гг., при поддержке Фонда президентских грантов. Проект направлен на изучение, сохранение и популяризацию археологических и исторических свидетельств освоения полуострова Таймыр русскими промышленниками и мореходами в XVII – XVIII вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Таймыр, Арктика, Енисейская Сибири, мореходы, Фонд президентских грантов, популяризация, выставка.

Полуостров Таймыр – самая северная часть Евразии, вдоль побережья которого проходит один из труднейших участков Северного морского пути. Вплоть до к. XIX - н. XX в задача морского прохода вокруг Таймыра была почти неразрешимой по причине суровых природных условий Арктики, усугубленных малым ледниковым периодом. Несмотря на это, начиная с конца XVI русскими мореходами предпринимаются попытки обойти Таймыр с моря. Одной из таких попыток, стала экспедиция Ивана Толстоухова, который в 1686 году отправился на трёх кочах из Туруханска, с намерением достичь устья Лены морским путём, обогнув полуостров Таймыр и пропал без вести. Историки XX в. выдвинули ряд противоречивых гипотез о судьбе этой экспедиции. По одной из версий, находки археолога А.П. Окладникова на о. Фаддея и заливе Симса остатков русского зимовья и разбитого судна, поставившие под сомнение приоритет в прохождении Северного морского пути экспедицией Норденшельда в 1878 г., принадлежали пропавшей экспедиции.

Но именно эти ранние этапы освоения Арктики на сегодняшний день остаются малоизвестными широким слоям населения. Археологическое обследование в сочетании с исследованием синхронных письменных источников позволяют получить яркий материал, характеризующий культуру и быт первых русских исследователей Севера, их судьбу и вклад в покорение Северного морского пути.

Начиная с 2016 года красноярскими исследователями ООО «НПО АПИ» и ООО «Красноярская Геоархеология» было совершено 6 археологических экспедиций в ходе которых обследовано побережье Таймыра от Енисейского до Пясинского залива, открыты ранее неизвестные памятники археологии, собрана коллекция предметов материальной культуры.

В 2022 - 2023 гг. Автономной некоммерческой организацией «Археологическое исследование Сибири» был реализован проект «Русские полярные мореходы у берегов Таймыра», направленный на продолжение исследований с целью поиска новых, уточнения имеющихся данных об истории освоения Таймыра русскими первопроходцами и широкое освещение результатов исследований. Проект был поддержан Фондом президентских грантов.

Главными задачами проекта стали: проведение археологических и архивных исследований, позволяющих получить новые и дополнить имеющиеся данные об истории освоения русскими первопроходцами побережья Таймыра, введение в научный оборот новых данных об истории освоения русскими первопроходцами побережья Таймыра, внедрение в социокультурную среду Красноярского края знаний об истории освоения русскими первопроходцами побережья Таймыра.

В ходе реализации проекта были проведены архивные исследования в Российском государственном архиве Военно-морского флота (г. Санкт-Петербург): изучены «журналов плавания» судов Великой Северной экспедиции («Обь-почтальон», «Тобол», «Якутск»), экипажи которых в 1736 – 1741 гг. исследовали низовья Енисея, Гыданский полуостров и полуостров Таймыра, хранящиеся в Российском государственном архиве ВМФ (Санкт-Петербург).

Изучались архивные документы в Российском государственном архиве древних актов (г. Москва). Так, были исследованы таможенные и денежные книги Тобольска, Туруханска, Мангазеи исследованы «грамот воеводского управления», относящихся к Тобольскому и Мангазейскому уездам; изучены ведомости Мангазейского уезда Енисейской провинции из «портфелей» Г.Ф. Миллера и т.д. Главной задачей архивных исследований стал поиск сведений о мореплавателе из Новой Мангазеи, Иване Толстоухове. В 1686 г. он, вместе с соратниками предпринял попытку обогнуть полуостров Таймыр, но пропал без вести вместе со всем отрядом.

На основе проведённых архивных и археологических исследований было подготовлено научно-популярное издание «Полярные мореходы и промышленники у берегов Таймыра в XVII - XVIII вв.» и опубликована научная статья, посвященная И. Толстоухову. г. Красноярск, в которой были обобщены результаты археологических и архивных исследований, связанных с информацией о личности И. Толстоухова и роли организованной им экспедиции по освоению Северного морского пути.

В январе 2023 г. была подготовлена выставка «За северным ветром, на край земли». На выставке были представлены археологические находки на местах русских зимовий на побережье Таймыра. Выставка была проведена на трёх площадках: Красноярский краевой краеведческий музей, Минусинский музей им. Н.М. Мартьянова, Таймырский краевой краеведческий музей.

Среди других мероприятий проекта нужно отметить создание виртуального тура по территории таймырских зимовий. Этот продукт позволяет максимально приближённо окунуться в атмосферу полярных исследований для посетителей выставок в рамках проекта.

Проект предусматривал также реконструкцию зимовья русских мореходов XVII - XVIII вв. Таймырского полуострова. За основу было взято зимовье в заливе Симса, исследованное А.П. Окладниковым в 1945 г. Реконструкция была проведена в Красноярском парке флоры и фауны «Роев Ручей» и сегодня, любой красноярец может посетить этот объект.

В целом можно сказать, что реализация просветительских проектов такого рода, это первый подобный опыт в Красноярском крае. В дальнейшем мы АНО «Археологическое исследование Сибири», совместно со своими партнёрами планируем продолжать исследования и актуализацию археологических памятников Енисейской Арктики.

Список литературы

1. Ауэрбах Н.К. Зимовье в бухте Промысловой Енисейского залива // Северная Азия. 1928. № 5-6. С. 125 – 146.

2. Вдовин А.С., Баташев М.С., Макаров Н.П. К истории изучения Советской Арктики // Северные архивы и экспедиции. 2022. Т. 6, № 3. С. 9 – 19.
3. Вдовин А.С., Лысенко Д.Н., Макаров Н.П., Заика А.Л. Прошлое Енисейского Севера понемногу раскрывается: история и перспективы исследований русских поселений // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2017. С. 114 – 119.
4. Окладников А.П. Русские полярные мореходы XVII века у берегов Таймыра. М.;Л., 1948. 168 с.
5. Троицкий В.А. Русские поселения на севере полуострова Таймыр в XVIII веке // Советская этнография. 1975. № 3. С. 120 – 126.

УДК 0.69, 069.532

Современные проблемы экспонирования археологических коллекций в государственных музеях города Омска

Мишкина Елизавета Владиславовна
заведующая отделом хранения
и научного изучения музейных фондов
Омского государственного историко-краеведческого музея.
Омск, Россия.
worldLiz@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-8641-4321

АННОТАЦИЯ Предметы археологии часто занимают важное место в экспозициях исторических, краеведческих и художественных музеях. Археологический материал в музейной экспозиции специфичен для восприятия массовым посетителем. Важной задачей музея является презентация археологического культурного наследия наиболее полно, для создания у посетителей цельного образа предшествующих эпох. Создавая выставки, музейные сотрудники сталкиваются с рядом проблем. В настоящей статье автором рассмотрены государственные музеи города Омска, в которых представлены коллекции археологических находок, а также выделены основные проблемы презентации артефактов: фрагментарность и сохранность находок, небольшой размер, а также зачастую оторванность от историко-культурного и природного контекста региона или страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Археологические коллекции, музей, музеи Омска, экспозиция, методические приемы.

Археологические находки, представляющие отдаленный, зачастую дописьменный этап развития человечества, вызывают огромный интерес как у ученых, так и у непрофессионалов, не связанных напрямую с историческими науками. В этих условиях археологические музейные экспозиции являются самым распространенным способом презентации археологического наследия для широкой публики. Благодаря ежегодным раскопках количество артефактов, передаваемых в музеи, увеличивается, вместе с общественным интересом к предметам подобного рода [1, с. 296]. В свою очередь создание археологических экспозиций является сложным и многозадачным процессом, в рамках которого необходимо решить множество задач: сделать материалы легко воспринимаемыми для различных слоёв населения, составить целостную и логичную картину древнего прошлого, восстановить связь исторических эпох и народов и т.д. [3, с. 60].

Несмотря на то, что археологические находки, обладают необходимыми свойствами музейных предметов (информативность, репрезентативность, аттрактивность, экспрессивность, ассоциативность и т.д.), раскрывающими различные аспекты древнейшей истории памятника, региона или даже страны, этот материал является одним из наиболее сложных для экспонирования.

На сегодняшний день в Омске археологические коллекции представлены в нескольких государственных музеях: Омский государственный историко-краеведческий музей, Омский областной музей изобразительных искусств имени М.А. Врубеля, Омский музей просвещения.

В **Омском государственном историко-краеведческом музее** в основном музейном фонде находится более 23000 ед. из коллекции «Археология». Из них на постоянных экспозициях представлены всего 470 ед. Главным образом основная масса артефактов экспонируется на выставке «Археология Омского Прииртышья». В основе презентации предметов лежит тематический принцип (представлены только предметы археологии) и хронологический (переход от каменного века до времени

первых русских поселенцев). Кроме витрин с предметами в зале расположены четыре комплекса открытого типа, два из которых – реконструкции жилищ, тяжеловооруженный воин-катафракт, а также подлинные каменные изваяния. Ещё одна реконструкция – ткацкий станок, воссозданный по этно-археологическим данным. Подобные реконструкции в рамках концепции «живого музея» являются наиболее популярной и доступной, для музеев, частью иммерсивных технологий [2, с. 331].

В **Омском областном музее изобразительных искусств имени М.А. Врубеля** хранится около 1667 ед., составляющих археологическую коллекцию. Часть артефактов представлена на выставке «Золотая кладовая», где экспонируются археологические артефакты из драгоценных металлов, обнаруженные на территории Омской области. Специфика материала находок диктует свои способы презентации: предметы находятся в небольшом помещении (с количественным ограничением доступа посетителей внутрь), тематический подбор экспонатов ограничен визуальными особенностями и декоративно-прикладными свойствами артефактов. Преобладает художественный, а не исторический подход. В первую очередь вещи демонстрируются как самоценные произведения искусства, а не элементы единой культурной среды [4, с. 74].

В **Омском музее просвещения** на сегодняшний день отсутствует археологическая экспозиция, но некоторые предметы находятся на временной выставке, посвященной истории музея. Артефакты собраны по тематическому признаку (одна витрина – один археологический памятник). Отсутствие сопроводительного материала об этих памятниках, также, как и устаревшие экспозиционные способы презентации материала затрудняют восприятие предметов.

Проанализировав экспозиции государственных музеев, автором были выделены основные проблемы, осложняющие восприятие археологического материала:

1. Состояние сохранности предметов. Полученные в ходе раскопок, артефакты зачастую нуждаются не просто в консервации, а в проведении серьезных реставрационных работ. Кроме того, с точки зрения музейных сотрудников и экспозиционно-выставочной деятельности, подобные предметы часто обладают слабой информативностью и аттрактивностью с точки зрения потребностей музейной экспозиции.
2. С первой проблемой связана другая – фрагментарность находок, что создает сложности в презентации материала. Но зачастую, даже если предмет сохранился целиком, его семантика и функциональное значение остаются неясными даже специалистам, вызывая дискуссии.
3. Осложняет визуальный осмотр экспозиций – малый размер предметов. Микропластины и отщепы, бусины и бисер, украшения и монеты, а также многие другие мелкие артефакты требуют дополнительных условий экспонирования (увеличительные стекла, прорисовки и т.д.). Это всё часто приводит музейных сотрудников к нежеланию брать археологические предметы на выставки вовсе или выставлять как можно больше артефактов в одной витрине или экспозиционном зале.
4. И последняя проблема, но не по значимости, связана со смысловым отрывом археологических экспозиций (особенно в краеведческих и исторических музеях) от истории, этнографии и природы региона. Из-за такого подхода посетитель оказывается один на один с предметами без погружения в историко-культурный, социальный и даже экологический контекст бытования предметов. Отсутствие единого мнения относительно интерпретации археологических артефактов в современной археологической науке привело к отрицанию возможности какого-либо социального толкования этих коллекций в музее. Подобная ситуация показывает регресс в экспозиционной деятельности музеев и даже возвращение к

дореволюционным формам показа археологического материала в подавляющем большинстве отечественных музеев.

Не смотря на все сложности, связанные с экспонированием предметов из археологических коллекций, они обладают всеми музейными свойствами и должны быть представлены в экспозициях музеев. Поэтому для лучшего раскрытия информационного потенциала археологических коллекций, необходимо использовать все возможные музейно-экспозиционные средства. Подходы, методы и способы презентации археологического наследия нуждаются в доработках для того, чтобы наиболее полно, доступно и понятно представлять древнюю историю современному человеку.

Список литературы

1. Ключенкова Е.М. Археологическая экспозиция, посвященная каменному веку: подходы к построению // LIII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2021. С. 296-298.
2. Мишкина Е.В. Применение иммерсивных технологий в экспозициях Омского государственного историко-краеведческого музея области // VI Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (28-30 октября 2021 г.) / Отв. ред. П. П. Вибе. Омск: ОГИК музей; Санкт-Петербург: Любавич, 2021. С. 329-333.
3. Нестеров Е.А. Археологическая экспозиция университетского музея как способ раскрытия информационного потенциала историко-культурного наследия // Вестник ТГУ. Серия: Культурология и искусствоведение. №1(5). Томск, 2012. С. 59-69.
4. Тихонов И.Л. Проблемы экспонирования археологических коллекций // Музей. Памятник. Наследие. 2021. №1 (9). С. 71-84.

УДК 902/904+903-03+903.25

Символическое поведение и социальная организация верхнепалеолитического населения Восточно-Сибирской Арктики

Питулько Владимир Викторович
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт Истории материальной культуры РАН,
отдел палеолита. Санкт-Петербург, Россия.
Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН,
Центр Арктических исследований
Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: pitulko.vladimir@gmail.com
ORCID 0000-0001-5672-2756

Павлова Елена Юрьевна
научный сотрудник
Арктический и антарктический НИИ,
отдел географии полярных стран
Санкт-Петербург, Россия.
pavloval@rambler.ru
ORCID 0000-0002-3010-6290

АННОТАЦИЯ Предметы с «неутилитарной функцией» широко распространены в культурах верхнего палеолита. Находки из Янской стоянки, расположенной в арктической Восточной Сибири, раскрывают черты развитого социального поведения людей, расселявшихся в этих районах ~32,000 л.н. Личные украшения образуют трёхуровневую систему, в которой орнаменты из бус и подвески из зубов животных составляют наиболее общий уровень (распознавание «свой-чужой»); орнаментация диадем, возможно, служила индикатором внутригруппового различия, а браслеты являлись в прямом смысле личными, индивидуальными предметами, содержащими информацию о носителе и его социальном статусе. Обладание подобными системами указывает на развитые представления о личности и сложную социальную организацию людских популяций Восточно-Сибирской Арктики и Сибири в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Личные украшения, верхний палеолит, Янская стоянка

Из раскопок культурных слоёв стоянок каменного века различных регионов Северной Евразии происходит значительное количество предметов, которые исследователи относят к свидетельствам символической деятельности людей верхнего палеолита. Массовые находки таких изделий являются большой редкостью. Археологический контекст Янского комплекса стоянок возрастом ~32,000 л.н. (CalBP) [15; 20; 21] даёт уникальный в количественном и качественном отношении набор свидетельств символической деятельности людей верхнего палеолита Восточно-Сибирской Арктики.

Из раскопок пункта Северный Янской стоянки [15; 21] получены изделия с «неутилитарной функцией», представленные как массовыми типами изделий (бусины из бивня и кости, n >7000 ед.), так и серийными формами, среди которых имеются подвески из зубов животных (n >80), «диадемы» из пластинок бивня мамонта (n >250) и браслеты из того же материала (n >60). Указанные находки проанализированы статистически с точки зрения их планиграфии, морфологии и морфометрии; для

каждой из категорий установлены технологические цепочки, документированные находками заготовок и полуфабрикатов на различных стадиях обработки [11; 12; 14]. Наконец, помимо массовых и серийных типов, имеются единичные находки – подвески из камня, янтаря, бивня мамонта и кости [22].

Обнаружено несколько уникальных предметов, в их числе фрагменты двух орнаментированных сосудов из бивня мамонта и один целый [15], схематизированные зооморфные скульптурные изображения из оснований сброшенных рогов северного оленя и, наконец, небольшой фрагмент бивня мамонта с сюжетной гравировкой [15; 22]. Ниже рассматрены категории личных украшений, характеризующие аспекты сложной симоволической деятельности и социального поведения людей верхнего палеолита арктической Восточной Сибири.

Подвески из минерального сырья немногочисленны [15]. К ним относится изделие из мягкого минерала смолянисто-черного цвета (антраксолит, разновидность окаменевшего битума) со сверленым биконическим отверстием. Второе изделие изготовлено из янтарной галечки красного цвета и имеет двойную круговую нарезку. Янтарь низкого качества, хрупкий, и, скорее всего, имеет местное происхождение. В пределах региона он описан для о-ва Новая Сибирь (мыс Утес Деревянных Гор на южном берегу острова Новая Сибирь) примерно в 600 км к северу от Янской стоянки, там же встречаются антраксолиты, угли, окаменевшая миоценовая флора [3].

Кольцеобразные подвески из бивня представлены в небольшом количестве, в основном фрагментами. Диаметр изделий составляет 2,5-3 см, толщина около 0,5 см, диаметр центрального отверстия около 1 см на начальной стадии изготовления, впоследствии увеличивается до приблизительно 2 см. Имеются изделия различной степени готовности. Для их производства использовались естественные щепки бивня мамонта и, вероятно, его отщепы, в которых первоначально по контуру прорезалось отверстие. В результате данной операции появлялись «таблетки» из бивня мамонта, являющиеся специфическим отходом производства. На следующем этапе формировался внешний контур подвески и расширялось отверстие [15]. Эти изделия, во всём подобные находкам из памятника Куртак-4 в Чулымо-Енисейской котловине [9] и практически синхронные им, классифицированы нами как «подвески типа Куртак» [15].

Подвески из зубов животных представляют собой модифицированные в корневой области зубы почти исключительно травоядных животных. Все, кроме одной подвески из резца лошади, найденной на пункте Яна «В», происходят из пункта Северный [15]. Они встречаются как единично, так и небольшими группами по два-три предмет. Относительно редкой находкой являются «клады» заготовок для изготовления наборов таких подвесок. В них компактной группой всегда представлено семь предметов. Компактность залегания и, в особенности, количество сложенных вместе зубов, а также повторяемость находок на различных участках раскопа однозначно указывает на намеренность действий, совершённых в прошлом. Всего встречено пять таких достоверных групп, и происходят они из тех же участков, на которых осуществлялось изготовление бус и пронизок. В одном из таких «кладов» из семи зубов два перфорированы [11]. В видовом составе зубы хищных составляют явное меньшинство – 11 из 81 шт., причём песцу принадлежат 9 экз. клыков (как верхних, так и нижних), а волку – только 2 зуба, клык и премоляр. Остальные принадлежат крупным травоядным (в порядке возрастания - лошади, бизону или овцебыку, северному оленю). С учётом заготовок из «кладов», преобладание зубов северного оленя (с перфорацией, нарезками или без оных) является абсолютным. Как интересную деталь, следует отметить присутствие в наборах молочных резцов северного оленя.

В корневой части зубы имеют отверстия, выполненные односторонним или биконическим сверлением (видимо, в последнем случае с дополнительной зенковкой

внутренней части отверстия, выполнявшейся с тем, чтобы придать ему цилиндрические очертания). Отмечены случаи повторной перфорации, выполнявшейся после повреждения первоначального отверстия. Перфорация прорезанием полностью отсутствует. Подвески подвергали окрашиванию красителем красного цвета [15].

Несколько перфорированных зубов объединялись в более сложное украшение. Представляется, что по крайней мере часть их содержала семь зубных подвесок (возможно, были и другие наборы, но случай с семёркой, в отличие от них, очевиден). Можно определённо сказать, что среди таких композиций из перфорированных зубов травоядных, считая наборы зубов в «кладах», преобладают те, в которых представлены зубы животных одного вида – бизона или овцебыка (1 случай) или северного оленя (4 случая), ещё в одном случае точно присутствуют зубы бизона (2 шт.), остальные не определены. В группе из трёх подвесок, найденных совместно, имеется два зуба бизона (овцебыка?) и один - северного оленя.

Бусы представлены двумя типами. Бусы 1-го типа (простые круглые бусины) изготовлены из бивня мамонта. Судя по отсутствию одностороннего износа поверхности или односторонней выработки отверстий (хотя изредка встречаются и такие предметы), это действительно бусы, а не нашивные украшения на одежду. Бусы 2-го типа представляют собой скорее пронизки, сделанные из диафиза костей конечностей мелких животных (зайца и песца). Пронизки имеют в средней части кольцевую нарезку (как правило, замкнутую или почти замкнутую). Длина изделия приблизительно соответствует утроенной длине (высоте) простых круглых бус. Характерной деталью этих украшений является окраска минеральным красителем красного цвета, сохранившаяся как на поверхностях изделий, так и во внутренней части, в отверстии для нанизывания и возле него [14;15].

Находки бус часто встречаются изолированно, но иногда образуют скопления, в том числе, линейные концентрации. Людьми Янской стоянки использовались как композиции, созданные из бусин одного типа (тип 1), так и комбинированные, с участием бус 1-го и 2-го типов, образующих последовательность 1-3-1 – после бусины 2-го типа (пронизка с кольцевой нарезкой) следует три бусины 1-го типа, за ними – еще одна пронизка, и так далее; наиболее крупный найденный фрагмент готового изделия (низки) содержал 148 бусин [15; 22].

Диадемы в Янской стоянке весьма многочисленны (n >250). К данной категории отнесены украшенные орнаментом изделия из пластинок бивня мамонта с отверстиями на концах, которые, наряду с бусами и подвесками, составляют категорию личных украшений. Целые (или археологически целые) предметы единичны, в большинстве случаев эти изделия представлены фрагментами – как концевыми, так и медиальными, а также заготовками. Подобные изделия принято называть налобными обручами или «диадемами», закреплявшимися на голове с помощью ремешка или волосяной верёвочки, продетой в концевые отверстия. Впервые их удалось идентифицировать, как пишет З.А. Абрамова [1], благодаря мальтинским находкам М.М. Герасимова [4]. Однако, как справедливо указывала З.А. Абрамова [1], среди фрагментов могут быть, в том числе, и фрагменты нашивных украшений (нагрудных пластин), и фрагменты браслетов, тем более что известно, благодаря находкам из Мезени и Сунгиря, о существовании сложносоставных браслетов, состоящих из тонких орнаментированных полосок бивня мамонта [2; 4; 16].

Янские находки диадем, будучи довольно разнообразны, имеют, тем не менее, ряд общих главных характеристик, в их числе полировку обеих сторон, наличие или отсутствие орнамента, наличие отверстий. Заготовки и их фрагменты отличаются от завершённых изделий отсутствием заполировки и орнамента, а на их поверхности заметны характерные свидетельства обработки в виде следов резания, строгания,

подрезки; в случае окончания изделия сломом место слома не имеет обработки.

На поверхности готовых изделий, помимо намеренно нанесённых штрихов, линий, точек, образующих орнаменты, встречаются различные по протяжённости и конфигурации углубления, чаще всего, криволинейные. Они представляют собой результат деятельности микроорганизмов и корневой системы растений и образуют палимпсест, в котором легко различить искусственные линии – они нанесены первыми и перекрываются следами корневой системы; кроме того, следы корешков и микроорганизмов имеют овальное дно и скругленные окончания. Иногда такие «рисунки» могут выглядеть почти осмысленно и, бывает, их интерпретируют в качестве намеренных изображений (см., например, [10]).

Коллекция диадем характеризуется заметным разнообразием орнаментов, которые имеют определённую повторяемость. Диадемы и их фрагменты по наличию / отсутствию орнамента подразделяютс

я на 9 типов, определяющими признаками для которых являются число, расположение, графическое исполнение и конфигурация линий орнамента [12]. Орнаменты состоят из штрихов и точек, расположенных линейно, параллельных краю, часто по продольной оси предмета; линейно-волнистое расположение узора, а также орнамент из поперечных линий, прочерченных или составленных из близко расположенных наколов встречаются значительно реже. Штрихи, составляющие орнамент, нанесены гравировкой или прочерчиванием, или же образованы нанесенными рядом наколами. Специфическим элементом орнамента являются фигуры, выполненные в виде литеры «А». Это, очевидно, антропоморфный символ, аналогичные знаки встречаются на браслетах.

В количественном отношении выделенные типы орнаментов и/или их группы, составляющие тот или иной тип, далеко не равнозначны. Имеются группировки, исключительно многочисленные в сравнении с прочими. Относительно многих орнаментов можно отметить, что эти изделия в значительной степени индивидуальны.

Браслеты в материалах Янской стоянки представлены преимущественно фрагментами (n=66). Их украшением служили сложные композиции, нанесенные наколом по отполированной поверхности изделия; рисунки состоят из линий, образованных короткими штрихами и точками и нанесены только по одной стороне. В орнаментах и/или рисунках, украшающих браслеты, полностью отсутствует повторяемость. Интерпретировать подобные изображения сложно, однако можно быть уверенным, что, вне зависимости от инфорационной составляющей рисунка, нам недоступной, каждый такой предмет является в прямом смысле этого слова индивидуальным личным украшением, что-то говорящим о личности владельца.

На Янской стоянке встречаются браслеты двух конструкций. Одна из них, вероятно, представляла собой сложносоставное изделие из подквадратных пластинок, соединявшихся в готовое изделие путём скрепления отдельных звеньев через угловые отверстия. Браслеты второго типа были разрезные, конструктивно подобные изделиям из Мезина [16] и Хотылево [7]. Установлено, что технология их изготовления состояла в использовании альвеолярной части бивня [12; 23].

Проявления символического поведения, отмеченные в материалах Янской стоянки, как уникальные, так и массовые, позволяют видеть в них наличие систем счёта, хранения информации в виде мнемонических записей и, возможно, наличие мифоритуальных систем и анималистических культов [15; 22]. Это яркие свидетельства символической деятельности, однако в археологическом исследовании более полезны их массовые варианты, представленные в материалах Янской стоянки огромным количеством разнообразных украшений и декорированных предметов.

Орнаменты, украшения и иные символы служат средством самоидентификации человеческих коллективов, способом отличать своих от чужих. Система «свой-чужой» является важнейшей составляющей культуры, начиная с весьма ранних ее этапов [19]. В её основе, несомненно, лежат развитые представления о личности,

которые очевидны из орнаментации диадем и, особенно, браслетов Янской стоянки: если в первых прослеживается некоторая повторяемость, то композиции на браслетах индивидуальны [12].

В связи с этим можно полагать, что функция данной категории предметов – личных украшений (диадем, браслетов, подвесок и бус) была не только и не столько утилитарной, и просто декоративной, сколько информационной. Представляется, что они образуют трёхуровневую систему, в которой орнаменты из бус и подвески из зубов животных составляли наиболее общий уровень, характеризующий принадлежность к группе в целом, орнаментация диадем, возможно, служила индикатором внутригруппового различия (для семейных групп), и, наконец, браслеты являлись в прямом смысле личными, т.е. индивидуальными украшениями, содержащими информацию о носителе и его социальном статусе. Обладание подобными системами указывает на развитые представления о личности и сложную социальную организацию людских популяций Восточно-Сибирской Арктики и Сибири в целом.

С наличием развитых представлений о личности связано существование представлений о собственности, которые документируют орнаменты на костяных иглах Янской стоянки [13]. Становление черт сложной социальной организации верхнепалеолитического населения Сибири, видимые с ранних этапов [5; 26], формируются, вероятно, в связи с появлением и развитием сложных инновационных технологий (охоты, заготовки сырья, швейного производства), требующих коллективных действий, и обозначения проявляющихся в результате этих действий особых ролей и статусов их участников. Археологически зримыми они становятся в предметах с символической / неутилитарной функцией.

Наборы таких изделий в материалах Янской стоянки представлены массовыми сериями, однако на категориальном уровне эти предметы имеются уже в наиболее древних контекстах раннего верхнего палеолита Сибири [5; 26], в том числе, браслеты и диадемы [6; 17]; возраст этих находок оценён в интервале 50,000 – 40,000 л.н. В этих же комплексах представлены иглы с орнаментом, подобные находкам из Янской стоянки, что говорит о раннем возникновении этой культурной нормы, её широком распространении в пространстве вплоть до арктических территорий и длительном устойчивом существовании.

В различных комплексах южной Сибири, близких по возрасту Янской стоянке, примерно синхронных или несколько более древних, обнаруживаются и иные вещественные и/или поведенческие аналогии, в их числе – подвески типа Куртак в памятниках Чулымо-Енисейской котловины и Забайкалья [8; 9; 15], повсеместное использование подвесок из зубов травоядных животных vs. хищных, в отличие от европейского ареала верхнего палеолита [11], окрашивание символических изделий красным красителем, отмеченное как специфическая черта сибирского верхнего палеолита [5]. Перечисленные признаки устойчивы во времени и отражают региональную специфику Сибирской области верхнего палеолита.

Данные наблюдения указывают, на наш взгляд, на длительное существование в культурах унаследованных стилей / идей, отражающих их общие корни, а изделия с символической функцией служат материальным выражением этих связующих звеньев [25]. На наш взгляд, это наиболее важное свойство этих предметов, которое существенно для постижения круга проблем, обсуждаемых в контексте «искусства» палеолита, в особенности проявлений социального поведения, маркирующего, в том числе, групповые / территориальные различия, а также миграционные процессы [15;

18; 22; 24; 27]. В этой связи необходимо отметить, что в материальной культуре Янской стоянки отчётливо заметен южносибирский трек, восходящий к ранним комплексам Денисовой пещеры.

БЛАГОДАРНОСТИ данное исследование поддержано проектом РНФ № 21-18-00457; авторы выражают признательность всем участникам многотрудных исследований Янского комплекса стоянок.

Список литературы

1. Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР / САИ. Вып. А4-3 / А.П. Окладников (отв. ред.). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 86 с.
2. Бадер О.Н. Сунгирь. Палеолитические погребения // Позднепалеолитическое поселение Сунгирь (погребения и окружающая среда). Москва: Научный Мир, 1998. С. 5–164.
3. Гаккель Я.Я. Новосибирские острова. Л.: Гидрометеоиздат, 1967. 212 с.
4. Герасимов М.М. Мальта – палеолитическая стоянка. Результат работ 1928-1929 гг. Иркутск: б/и, 1931. 34 с.
5. Деревянко А.П., Рыбин Е.П. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 3. С. 27–50.
6. Деревянко А.П., Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Палеолитическая диадема из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018. Т. XXIV. С. 87–90.
7. Заверняев Ф.М. Техника обработки кости из Хотылевской верхнепалеолитической стоянки // Советская археология. 1987. № 3. С. 111–130
8. Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. 238 с.
9. Лисицын Н.Ф. Поздний палеолит Чулымо-Енисейского междуречья. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 232 с.
10. Окладников А.П., Кириллов И.И. Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. Новосибирск: Наука, 1980. 176 с.
11. Питулько В.В., Никольский П.А. Личные украшения (подвески) из раскопок Янской стоянки: массовые и единичные типы изделий // Каменный век: от Атлантики до Пацифики. СПб: МАЭ РАН, 2014. С. 408–418.
12. Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Искусство Янской стоянки: диадемы и браслеты из бивня мамонта (предварительный анализ коллекции) // Археология Арктики. Вып. 2. Екатеринбург: Деловая пресса, 2014. С. 140–161.
13. Питулько В.В., Павлова Е.Ю. Верхнепалеолитическое швейное производство на Янской стоянке, арктическая Сибирь // Stratum plus. 2019. № 1. С. 157–224.
14. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Иванова В.В. Искусство верхнего палеолита Арктической Сибири: личные украшения из раскопок Янской стоянки // Уральский исторический вестник. 2014. № 2(42). С. 6–18.
15. Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. 2012. № 2. С. 33–102.
16. Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. Киев: Наукова думка, 1965. 327 с.
17. Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Браслет из бивня ранней стадии верхнего палеолита из Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2017. Т. XXIII. С. 255–258.
18. Banks W.E., d'Errico F., Peterson A.T., Vanhaeren M., Kageyama M., Sepulchre P., Ramstein G., Jost A., Lunt D. Human ecological niches and ranges during the LGM in Europe derived from an application of eco-cultural niche modeling // Journal of Archaeological Science. 2007. Vol. 35. P. 481–491.
19. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries : The Social Organization of Culture Difference. London: George Allen & Unwin, 1969. 153 p.

20. Pitulko V.V., Pavlova E.Y. Geoarchaeology and Radiocarbon Chronology of Stone Age Northeast Asia. College Station: Texas A&M Univ. Press, 2016. 334 p.
21. Pitulko V., Nikolskiy P., Basilyan A., Pavlova E. Chapter 2. Human habitation in the Arctic Western Beringia prior the LGM // Paleoamerican Odyssey. College Station: Texas A&M University, 2013. P.13–44.
22. Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Ivanova V.V., Nikolskiy P.A. The Oldest Art of Eurasian Arctic // Antiquity. 2012. Vol. 86(333). P. 642–659.
23. Pitulko V.V., Pavlova E.Y., Nikolskiy P.A. Mammoth Ivory Technologies in the Upper Palaeolithic Arctic Siberia: a Case Study based on the materials from Yana RHS site // World Archaeology. 2015. Vol. 47. P. 333–389.
24. Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia // Quaternary International. – 2014. Vol. 347. P. 39–52.
25. Schuster C., Carpenter E. Patterns that Connect. New York: Henry N. Abrams Publishers, 1996. 320 p.
26. Shunkov M.V., Fedorchenko A.Y., Kozlikin M.B., Derevianko A.P. Initial Upper Palaeolithic ornaments and formal bone tools from the East Chamber of Denisova Cave in the Russian Altai // Quaternary International. 2020. Vol. 559. P. 47-67.
27. Vanhaeren M., d'Errico F. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments // Journal of Archaeologica Science. – 2006. – Vol. 33. – P. 1105–1128.

УДК 572; 616

Палеопатология первого населения города Красноярска XVII-XVIII веков

Савенкова Татьяна Михайловна
старший лаборант.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства Российской Федерации,
кафедра анатомии человека. Красноярск, Россия.
reis_05@bk.ru ORCID ID: 0000-0002-0426-6522

Аверченко Иван Васильевич
кандидат медицинских наук, доцент.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого»
Министерства Российской Федерации,
кафедра судебной медицины Института последипломного образования.
Красноярск, Россия.
ivvn.doc@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-9672-7372

Вахтина Лариса Юрьевна
кандидат медицинских наук, доцент.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого»
Министерства Российской Федерации, кафедра анатомии человека.
Красноярск, Россия.
vak-lar@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-0405-9857

Медведева Надежда Николаевна
доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого»
Министерства Российской Федерации, кафедра анатомии человека.
Красноярск, Россия.
medvenad@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-7757-6628

АННОТАЦИЯ В работе представлены результаты палеопатологических исследований остеологической серии взрослого населения, полученной с Покровского некрополя г. Красноярска XVII-XVIII веков. В анализе полученных данных принимали участие: антрополог, анатомы, врач-судмедэксперт, рентгенолог. Дифференциальные диагнозы, основанные на клиническом/медицинском понимании, устанавливались с использованием рентгенографии костей. Основные выявленные категории заболеваний: патология опорно-двигательного аппарата; зубочелюстной системы; травмы (переломы), среди которых преобладают травмы бытового характера; аномалии развития костей скелетов и последствия перенесенных инфекционных заболеваний, единичные случаи сифилиса и туберкулеза. По результатам исследований разработана классификация палеопатологий в соответствии с Международной классификацией болезней (МКБ-10).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярск, некрополь, скелет, палеопатология, классификация болезней

Согласно историческим данным Покровский некрополь существовал с 30-40 гг. XVII в. до последней четверти XVIII века и располагался в посаде Красноярского острога «на высоком яру левого берега Енисея (ул. Маркса – ул. 9 Января)» [6, с. 262]. Красноярский острог, поставленный в 1628 г. на границе с Киргизской крепостью, в первые 100 лет выполнял функции военного форпоста [1, с.12] и основным населением его были служилые люди, мигрировавшие из разных областей европейской части России. По данным Г.Ф. Быкони в 1713 г. 80% жителей острога были казаки [3, с. 6].

В коллекциях Красноярского государственного медицинского университета и Красноярского краевого краеведческого музея имеется костная серия из Покровского некрополя, которая насчитывает 349 скелетов, из них 152 - скелеты взрослого населения. Проведенная половозрастная идентификация показала, что среди них 72 скелета принадлежат мужчинам и 80 женщинам. Согласно полученным данным больший процент смертности мужчин и женщин из остеологической серии Покровского некрополя приходится на интервал 30–35 лет. В возрасте 50 лет и старше выявлено 3,38 % скелетов мужчин и 2,61 % скелетов женщин [5, с. 108].

Цель данной работы: выявить патологию, характерную для населения г. Красноярска XVII-XVIII веков.

В проводимом исследовании использовались следующие методы:

- макроскопическое исследование костей скелетов на предмет видимой патологии;
- фотофиксация выявленной патологии;
- 3-D сканирование костей с выявленной патологией;
- рентгенография костей для уточнения выявленной патологии;
- анализ полученных результатов и их систематизация в соответствии с Международной классификацией болезней (МКБ-10).

Визуальный осмотр костей с целью выявления патологических изменений костей скелетов осуществлялся с учетом рекомендаций А.П. Бужиловой [2] и D.J. Ortner, W.G.J. Putschar [7].

Фотофиксация выявленной патологии осуществлялась с помощью зеркального фотоаппарата Canon Eos 2000 D Kit EF-S.

3-D сканирование проводилось с использованием сканера Creality CR Scan Lizard. Обработка полученных сканов осуществлялась при использовании программ CRstudio, CRstudio 2.0, CRstudio litee.

Рентгенография костей с выявленной патологией осуществлялась в криминалистическом отделе Краевого бюро судебно-медицинской экспертизы, аппарат Armobili 9.

Первые результаты по изучению палеопатологии первого населения города Красноярска были получены в 2013 г. на основе макроскопического исследования скелетных серий и посвящены изучению наиболее часто встречающихся патологий опорно-двигательного аппарата и инфекционных заболеваний у взрослого и детского населения [4, с.143-148]. В последующие годы эти исследования были продолжены, используя не только макроскопическое исследование костей скелетов, но и рентгенологические и 3-D сканирование. В анализе полученных результатов приняли участие антропологи, врачи, анатомы и историки. При интерпретации полученных данных выяснилось, что в палеоантропологии и медицине существуют различные понятия и классификации, используется разная терминология для описания одних и тех же патологических изменений костей скелетов. В ходе исследования была разработана классификация выявленных палеопатологий согласно Международной классификации болезней (МКБ-10) (рисунок 1).

Рисунок 1. Классификация палеопатологий по материалам Покровского некрополя г. Красноярска (XVII-XVIII вв.).

Наиболее часто встречающейся патологией, характерной для первого населения г. Красноярска, была патология опорно-двигательного аппарата (83,4%), а именно – артрозы и патология позвоночного столба (узлы-грыжи Шморля), энтезопатии, что согласно историческим данным, можно связать с характерным для того времени тяжелым физическим трудом. Служилым людям приходилось выполнять различную работу, «одновременно были и воинами, и чиновниками, и работными людьми» [3, с.6].

На несколько меньшем числе скелетов (74,8%) выявлена патология зубочелюстной системы, а именно проявления кариеса и его осложнения.

На третьем месте по частоте встречаемости определены травмы (54,3%) – переломы костей, а также следы на костях от травм мягких тканей.

В количественном соотношении травмы обнаружены у 33 скелетов женского пола и у 49 мужского. Возраст женских скелетов варьирует от 15 до 50 лет, но основная часть в возрасте 30-40 лет. Наибольшее количество скелетов мужчин с наличием травм имеют возраст 30-35 лет. Как у мужчин, так и у женщин основными повреждениями являются переломы ребер, длинных трубчатых костей и костей запястья, интересно, что в количественном отношении перелом костей носа у мужчин и у женщин встретился одинаково часто, при большем количестве исследованных скелетов мужчин, эта же особенность относится и к повреждениям головы. Так же достаточно часто встречаются повреждения костей кисти. Практически все обнаруженные повреждения образовались в результате действия тупых твердых предметов или ударов о таковые. При этом значительных повреждений черепа не выявлено, переломы ребер носят в большинстве случаев локальный характер, что характерно для бытовой травмы (бытовые конфликты, драки и т.п.). Множественные переломы ребер носят, как правило, односторонний характер и сопровождаются повреждением других костей, что весьма вероятно может быть при падении с какой-либо высоты, например, с движущейся лошади. То же касается и повреждений костей запястья, которые образуются, как правило, при падении на выпрямленную руку. «Условия военного стана наложили своеобразный отпечаток на весь быт Красноярского острога. В

атмосфере непрерывной резни складываются типичные черты красноярского служилого человека XVII в.: склонность к своеволию, буйству, и выше всего – вольнолюбие, дух непокорства и независимости» [1, с.6].

У мужчин встретились два случая рубленого повреждения лица, которые могли образоваться, как в результате боевых действий, так и бытовых конфликтов с применением рубящего орудия. Данные повреждения по своему характеру чаще всего не являются опасными для жизни, и отсутствие других повреждений на костях скелета, говорит больше в пользу их получения не на поле боя. Основное и закономерное осложнение повреждений, встречающееся на данных скелетах, это остеомиелит. Наиболее часто встречаемый исход выявленных повреждений – посттравматические артрозы, псевдоартрозы и деформация костей скелета.

Анализ выявленных травм показал, что большинство из них имели бытовой характер.

Выявленный факт можно объяснить тем, что воинов, погибших на поле боя, хоронили не в некрополях острога и города, а вблизи поля боя.

Выявлен немалый процент случаев аномалий развития костей скелетов, в 22,5% случаев – аномалии развития позвоночного столба, в 8,6% - аномалии развития костей черепа.

Следы перенесенных инфекционных заболеваний выявлены в 17,2% случаев. Большая часть из них приходится на отдаленные последствия неспецифических инфекций в виде периоститов, оститов и остеомиелита (13,9%). Все эти патологии чаще встречаются на мужских скелетах. Проявления специфических инфекций, таких как туберкулез и сифилис, выявлены в единичных случаях и определены на женских скелетах (0,7% и 2%) (таблица1).

Таблица 1.

Палеопатология первого населения г. Красноярска XVII-XIX веков

Палеопатология	Количество мужчин, N - 72	% от общего кол-ва скелетов мужчин	Количество женщин, N - 80	% от общего кол-ва скелетов женщин	Всего мужчин и женщин, N - 152	% от общего кол-ва скелетов
Инфекции	**13**	**18,1**	**17**	**21,5**	**30**	**19,9**
Остеомиелит	4	5,6	3	3,8	7	4,6
Сифилис		0,0	3	3,8	3	2,0
Туберкулез		0,0	1	1,3	1	0,7
Отдаленные последствия других уточненных инфекционных и паразитарных болезней (остит, периостит, синусит)	9	12,5	10	12,7	19	12,6
Патология ОДА	**164**	**227,8**	**122**	**154,4**	**286**	**189,4**
Артрозы	50	69,4	47	59,5	97	64,2
Узлы [грыжи] Шморля	32	44,4	23	29,1	55	36,4
Анкилозирующий спондилит (болезнь Бехтерева)		0,0		0,0	0	0,0
Болезнь Осгуда-Шляттера		0,0		0,0	0	0,0
Болезнь Легга–Кальве–Пертеса		0,0	2	2,5	2	1,3
Анкилозирующий гиперостоз Форестье	3	4,2	0	0,0	3	2,0
Энтезопатии (в том числе окостенение связок)	25	34,7	14	17,7	39	25,8
Гиперостоз костей	20	27,8	14	17,7	34	22,5

Остеопороз неуточненный (рыбий позвонок)		0,0	1	1,3	1	0,7
Спондилолиз	3	4,2	3	3,8	6	4,0
Доброкачественные новообразования костей черепа (остеомы, torus palatinus et mandibularis, экзостозы)	31	43,1	18	22,8	49	32,5
Травмы	**76**	**105,6**	**44**	**55,7**	**120**	**79,5**
Перелом костей прижизненный	**33**	45,8	23	29,1	56	37,1
Вывих сустава (артроз на месте вывиха)	5	6,9	4	5,1	9	6,0
Травма на уровне мягких тканей (шрам на кости)	16	22,2	4	5,1	20	13,2
Псевдартроз	4	5,6	6	7,6	10	6,6
Осложнение: периостит	8	11,1	1	1,3	9	6,0
Осложнение: остеомиелит	1	1,4	2	2,5	3	2,0
Осложнение: артроз	2	2,8		0,0	2	1,3
Осложнение: неспецифический остит	5	6,9	3	3,8	8	5,3
Пулевое ранение		0,0	1	1,3	1	0,7
Рубленая рана	2	2,8		0,0	2	1,3
Дискретно варьирующие признаки	**10**	**13,9**	**18**	**22,8**	**28**	**18,5**
Метопический шов	4	5,6	5	6,3	9	6,0
Локтевое отверстие	3	4,2	9	11,4	12	7,9
Непостоянные кости черепа		0,0	1	1,3	1	0,7
Отверстие грудины	3	4,2	3	3,8	6	4,0
Зубо-челюстная система	**136**	**188,9**	**141**	**178,5**	**277**	**183,4**
Кариес зубов	36	50,0	43	54,4	79	52,3
Абсцесс апикальный	20	27,8	17	21,5	37	24,5
Отложения (наросты) на зубах	37	51,4	14	17,7	51	33,8
Пародонтит	13	18,1	19	24,1	32	21,2
Пародотоз	9	12,5	7	8,9	16	10,6
Повышенное стирание зубов	3	4,2	6	7,6	9	6,0
Краудинг	2	2,8	5	6,3	7	4,6
Диастема		0,0	2	2,5	2	1,3
Ттрема		0,0	1	1,3	1	0,7
Гипоплазия зубной эмали	9	12,5	16	20,3	25	16,6
Артроз височно-нижнечелюстного сустава	7	9,7	11	13,9	18	11,9
Аномалии развития	**46**	**63,9**	**28**	**35,4**	**74**	**49,0**
Другие врожденные аномалии позвоночника, не связанные со сколиозом (сакрализация поясничного позвонка, аномалии развития позвонков и крестца; люмбализация крестцового позвонка; fномалия Кимерли)	19	26,4	14	17,7	33	21,9
Другие уточненные врожденные костно-мышечные деформации: деформация ключицы	2	2,8	3	3,8	5	3,3

Другие врожденные деформации черепа, лица и челюсти (ассиметрия черепа, шиловидного отростка, ветви нижней челюсти, гипоплазии, недоразвитие гайморовых пазух)	17	23,6	5	6,3	22	14,6
Барабанное отверстие (Хушке)	0	0,0	4	5,1	4	2,6
Краниосиностоз (преждевременное окостенение черепных швов)	4	5,6	2	2,5	6	4,0
Другие врожденные аномалии ребер (раздвоение грудинного конца ребра)	4	5,6		0,0	4	2,6

Заключение

В результате проведенного изучения остеологической серии Покровского некрополя города Красноярска разработана классификация палеопатологий в соответствии с МКБ–10 и представлены данные о частоте патологий, характерных для первого населения города Красноярска.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена в рамках гранта ректора Красноярского государственного медицинского университета имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого «Палеопатологический статус первого населения г. Красноярска XVII-XIX веков». Договор без номера от 30 июня 2022 г. Выражаем огромную благодарность Алексею Владимировичу Протопопову.

Список литературы

1. Бахрушин С.В. Научные труды. Т. IV: Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 258 с.
2. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях: сб. научн. тр. / Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.
3. Город у Красного Яра: Документы и материалы по истории Красноярска XVII–XVIII вв. / сост. Г.Ф. Быконя, Л.П. Шорохов. Красноярск: Кн. изд-во, 1981. 280 с.
4. Даберна А., Рейс Т.М., Тарасов А.Ю., Артюхов И.П., Николаев В.Г., Медведева Н.Н., Гаврилюк О.А., Николаев М.В., Крюбези Э. Палеопатологическое исследование населения г. Красноярска (Покровский и Воскресенско-Преображенский некрополи XVII - начала XX вв.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. Т.55, №3. С.140-150.
5. Рейс Е.С., Савенкова Т.М. Демографическая характеристика населения города Красноярска XVII – начала XX вв. (по материалам православных некрополей). // Преодоление времени и пространства: Статьи по актуальным проблемам охранно-спасательных работ на памятниках археологии Средней Сибири. Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. С 104-115.
6. Тарасов А.Ю. Археологическое изучение исторических некрополей г. Красноярска. // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. СПб, М., Великий Новгород: «Старая Русса». Т.II, 2011. С. 262-263.
7. Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Inst. Press, 1981. 479 p.

УДК 902/904

Исследования Тепсейского археологического микрорайона в 2022–2023 гг. (предварительные результаты)

Советова Ольга Сергеевна
доктор исторических наук, доцент
директор Института истории и международных отношений.
Кемеровский государственный университет, кафедра археологии.
Кемерово, Россия.
olgasovetova@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-0733-8245

Шишкина Ольга Олеговна
кандидат исторических наук, старший преподаватель.
Кемеровский государственный университет, кафедра всеобщей истории и международных отношений.
Кемерово, Россия.
olgashishkina145@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4956-1293

Моор Наталья Николаевна
кандидат исторических наук, доцент
Кемеровский государственный университет, кафедра археологии
Кемерово, Россия
старший научный сотрудник
музей-заповедник «Томская Писаница»
murrr.09@mail.ru
orcid.org\0000-0001-9957-9574

Сирюкин Иван Витальевич
ассистент
Кемеровский государственный университет, кафедра археологии.
Кемерово, Россия.
ivansiryukin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9620-6040

АННОТАЦИЯ В статье представлены предварительные результаты работы Тепсейского отряда кафедры археологии КемГУ на территории Тепсейского археологического микрорайона (Краснотуранский район Красноярского края). В результате проведенных разведок авторами были выявлены ранее неизвестные скопления наскальных изображений на прибрежных участках горы Тепсей со стороны Тубы и в логу Забочино. На камнях одного из тагарских курганов, расположенного в отдалении от основного скопления тагарских могильников (Тепсей 5), выявлены изображения тесинского времени. На прибрежных участках при низком уровне воды в водохранилище был найден разнообразный подъемный материал (фрагменты керамики, костяные, каменные и металлические изделия, кости животных).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тепсей, Минусинская котловина, петроглифы, наскальное искусство, подъемный материал.

Представители кемеровской научной школы уже не один год ведут свои полевые исследования на территории Тепсейского археологического микрорайона в Краснотуранском районе Красноярского края. Данный микрорайон охватывает территорию гор и степей более 27 кв. км, включающий как саму гору Тепсей, так и его

отроги. Он представляет собой колоссальное скопление разнообразных археологических памятников – разновременных могильников и поселений, а также памятников наскального искусства. Археологическое изучение террасы Енисея под горой Тепсей осуществлялось еще при создании здесь водохранилища в 1960-1970-е гг., в результате которого были открыты памятники от афанасьевского до кыргызского времени [1]. Самостоятельной группой археологических источников на Тепсее являются наскальные изображения на разных участках горы, на камнях тагарских могильников, комплексным исследованием которых уже на протяжении более десяти лет занимаются участники Тепсейского отряда кафедры археологии КемГУ. Уже введены в научный оборот материалы по изучению памятников наскального искусства приенисейской части этого микрорайона (пункты Тепсей I–VI, гора Кременная) [4]. Однако, несмотря на, казалось бы, полное исследование горы Тепсей и прилегающей к ней территории на наличие археологических памятников, каждый полевой сезон «открываются» новые объекты для исследования.

В 2022 г. Тепсейским отрядом были проведены разведки на прибрежных участках реки Тубы в весенне-летний период для определения состояния сохранности известных и по поиску новых плоскостей с наскальными рисунками. Весной обследование проходило при низком уровне воды в водохранилище, поэтому удалось осмотреть и оценить состояние затапливаемых рисунков. Для проведения мониторингов были использованы фотографии и прорисовки исследователей, ранее документировавших петроглифы Усть-Тубы (выделенный Я.А. Шером пункт Усть-Туба III) [5, с. 244; 2, с. 66]. Поиск рисунков усложнялся тем, что после пребывания в воде, скальные плоскости оказались затянуты белесым налетом, а это увеличивает время осмотра состояния изображений из-за необходимости их расчистки. Иногда в результате разных причин грани с рисунками оказываются под щебнем или завалами камней. Тем не менее, определенное количество плоскостей с рисунками, особенно те, которые не уходили под воду или не пострадали от камнепадов, находятся в относительно стабильном состоянии. На других фиксируются следы утрат, а некоторые оказались полностью разрушенными.

Летом 2022 г. проведена разведка прибрежной части горного кряжа на Тубе, отчасти с лодки, и осмотрены все доступные прибрежные участки. Выяснилось, что рисунки фиксируются на протяжении по меньшей мере 7–8 км от Широкого лога до села Листвягово на скале Забочинской, а также в логу Забочино. В логу Блинов рисунки не выявлены. В результате разведок удалось зафиксировать неизвестные плоскости с изображениями в широком хронологическом диапазоне (от образов в «минусинском» стиле до «народных» рисунков нового времени). В частности, в логу Забочино на двух плоскостях были обнаружены два изображения быков плохой сохранности, очевидно относящихся к древнейшему пласту в наскальном искусстве Минусинской котловины. На одном из участков было зафиксировано выгравированное изображение животного в скифском стиле, что совсем не характерно для этого памятника. Но наибольшее количество изображений на дальних участках, видимо, относится к средневековью и новому времени, к так называемому «этнографическому» пласту. Это многочисленные и разнообразные тамгообразные знаки, следы рунических надписей, изображения животных (верблюды, олени, собаки и пр.) и всадников, часто выполненных не слишком непрофессиональной рукой. Видимо, данные участки горного массива в новое время весьма активно использовались под пастбища, а пастухи являлись авторами подобных рисунков. Отметим, что ранее эти участки практически не изучались и летом 2023 г. планируется их полное обследование и документирование, поэтому в рамках настоящей статьи мы не будем подробно останавливаться на их интерпретации.

Летом же 2022 г. в некотором отдалении (примерно в 1 км от основного скопления тагарских курганов) у подножия горы Тепсей к северу от тесинского склепа Тепсей XVI были обнаружены два тагарских кургана с частично сохранившимися каменными оградами. На трех камнях кургана, индексированного как Тепсей 5, сохранилось рисунки, выполненные поверхностной выбивкой. Документирование этих рисунков было продолжено в мае 2023 г. Среди выявленных изображений – фигура всадника, противостоящие друг другу два «великана» с занесенным оружием в руках, фигуры животных. По технике, стилю исполнения и изображенным атрибутам (булавы, чеканы) предварительно рисунки датированы тесинским временем. Следует отметить, что сохранность поверхностей камней оставляет желать лучшего, а техника выбивки на одном камне слишком поверхностна, чтобы вообще зафиксировать данные изображения. Летом 2023 г. планируется ночная съемка этих изображений.

Рисунок 1. Подъемный материал у горы Тепсей, май 2023 г.

Помимо памятников наскального искусства, кемеровские специалисты по возможности фиксируют прочие археологические памятники и отдельные предметы, которые обнажаются в весенний период в результате сброса воды в Красноярском водохранилище. С 2021 г. ведется работа по составлению карты археологических памятников Тепсейского микрорайона [3, с. 141]. В мае 2023 г. в связи с низким уровнем воды в Красноярском водохранилище, когда Енисей фактически вернулся в свое естественное русло и обнажились прибрежные участки, которые постоянно находятся под водой. В результате было выявлено поселение, изобиловавшее археологическими

артефактами: керамикой (окуневской культуры, раннего железного века, кыргызского времени), каменными изделиями и заготовками и др. Среди редких находок – костяные и металлические стрелы (последние кыргызского времени), костяные стрела и булавка.

У самого подножия горы Тепсей в месте раскопок, таштыкских склепов, проводившихся в этом месте более полувека назад Красноярской экспедицией, были обнаружены остатки поминальника (пункт Тепсей III по М.П. Грязнову), собраны фрагменты костей животных и керамики. Наибольший интерес представляет находка астрагала с подвешенной к нему через просверленное отверстие металлической цепочкой с крупными кольцами, возможно таштыкского времени (Рис.1). В некотором отдалении обнаружен металлический средневековый нож и фрагмент жерновов. К сожалению, участки со скоплениями археологических артефактов обнажаются лишь на короткий промежуток времени в весенний период, а большую часть времени находятся под водой, что безусловно, сильно затрудняет их полноценное обследование. В то же время происходит разграбление материалов «черными археологами» и туристами.

Таким образом, исследования Тепсейского археологического микрорайона в последние годы демонстрируют, что на данной территории еще присутствуют неизученные «белые» пятна. Находки новых археологических артефактов на берегу водохранилища, открытия ранее неисследованных курганов, содержащие на камнях конструкций рисунки, выявление новых скоплений наскальных изображений на труднодоступных участках горы, выявление иных археологических объектов, таких, как поселение, позволяет с уверенностью констатировать, что гора Тепсей и прилегающие к ней территории на протяжении тысячелетий были обитаемы и почитаемы, и на сегодняшний день обследования этих участков все еще остается перспективным.

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00974, https://rscf.ru/project/23-28-00974/

Список литературы:

1. Грязнов М. П., Комарова М. Н., Завитухина М. П., Пшеницына М. Н., Худяков Ю. С. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. 168 с.
2. Миклашевич Е. А. Исследования петроглифической экспедиции музея-заповедника «Томская писаница» в 2018 году // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». 2019. Вып. 9. С. 66–81.
3. Советова О.С., Моор Н.Н., Аболонкова И.В. Некоторые результаты археологических исследований в Краснотуранском районе Красноярского края в 2021 году // Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности. Тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д.Г. Мессершмидта. Новосибирск, 2022. С. 141–144.
4. Советова О.С., Шишкина О.О., Аболонкова И.В. Наскальное искусство Тепсейского археологического микрорайона. Кемерово: Вектор-Принт, 2021. 288 с.
5. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.

УДК 069.4 (09)

Охрана археологического наследия в Байкальской Сибири в Советский период

Суслова Оксана Васильевна
аспирант
ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет»
Научный руководитель:
С.И. Кузнецов, доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой истории и международных отношений
Иркутск, Россия.
oksanamovchan888@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается советский период становления системы охраны и сохранения археологического наследия на территории Байкальской Сибири (1918-1991гг.) Отмечена деятельность центральной власти и организаций на местах в сфере охраны памятников археологии, а также взаимодействие власти и органов охраны в деле выявления, спасения и изучения археологических объектов. Дается обзор законодательных актов и применение законов на территории Иркутской области. Уделяется внимание охранно-спасательным мероприятиям, а также деятельности ученых-археологов, связанных с Иркутским государственным университетом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Археология, Байкальская Сибирь, охрана памятников, ОХРИС, ВООПИК, ЦСН.

Охрана и сохранение археологического наследия тесным образом связаны с государственной политикой. После октябрьской революции 1917 г., в кулуарах власти и обществе формируется мнение, что культурное наследие, относящееся к периоду царской власти, в охране не нуждается. Археологическое наследие так же относилось к прошлой эпохе, от которой дистанцировалась новая власть.

Однако, несмотря, на трудности начального периода формирования нового социалистического государства, в 1920-е годы создается система охраны историко-культурного наследия. Этому способствовали благоприятные условия, созданные благодаря принятию Декретов «О земле» (1917г.), «Об отмене права частной собственности» (1917г.), «Об учреждении Государственного Хранилища ценностей РСФСР» (ГОХРАН) (1920 г.), «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» (1924 г.). По Декрету 1924 г. подразумевалось, создание сети инспектур, отделов охраны памятников и старины (ОХРИС), отвечающих за охрану культурных ценностей и археологического наследия [22, с.17], [20, с.89]. В Иркутской области такой организацией стал отдел ОХРИС при Иркутском краеведческом музее. Деятельность которого длилась десять лет, с 1924 г. по 1934 г. Все эти десять лет руководил отделом Ф.Э. Карантонис, в должности инспектора [1, с. 37].

За этом период, под государственную охрану было взято 10 объектов археологии: Писаницы (писаные камни) по р. Оке (Завальская, Кадинская), Пещеры в верховьях р. Уды (Нижнеудинская пещера), Китойский неолитический некрополь (в 40 верстах ниже Иркутска по левому берегу Ангары, при устье р. Китой), Стоянка «Верхоленская гора» в 4 верстах от Иркутска по правому берегу Ангары, ниже города, Могильник неолитического периода у с. Распутина по р. Ангаре, Неолитический некрополь в Свердловском предместье Иркутска, Балаганские пещеры в окрестностях Балаганска, Верхоленская пещера в окрестностях Верхоленска, Стоянки на левом берегу Ангары: «Звездочка», «Царь-Девица», «Кузьмиха», «6-ая верста», «8-ая верста», «Малая Межовка», «Ерши», Стоянки на правом берегу Ангары: «Горохово, «Лисиха», «Щукино», «Крыжановщина», «Большая и Малая разводная» [21, с.15].

К тому же на основании Декрета «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы» (1924 г.) в 1925 г. в Иркутске принимают постановление Губисполкома в котором есть пункты следующего содержания: «…клады, находки археологического значения, кости ископаемых животных… при подробной описи передаются в Иркутский научный музей. …Лица, виновные в нарушении настоящего постановления, привлекаются к ответственности по ст. ст. 99, 102 и 107 У.К.» [8, д. 766].

Стоит заметить, что первым государственным административным органом охраны археологических памятников с 1918 г. стал Археологический подотдел (АПО), являющимся подразделением Отдела по делам музеев (МУЗО) и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения (Наркомпрос). Основными направлениями работы АПО, было участие в разработке первого закона об охране культурного (археологического в том числе). Создавалась и укреплялась сеть музеев (хранилищ археологических коллекций). Регламентировались полевые исследования (инструкции к «Открытому листу в 1927 г.) Во главе ОПО стоял В.А. Городцов. В 1926 г. его сменил Б.С. Жуков [18, с. 540].

В 1925 г. Н.К. Ауэрбахом совместно с Г.П. Сосновским была написана «Краткая программа для сбора сведений по доисторической археологии», для привлечения внимания к данной проблеме. Особенно это было актуально в период хозяйственное освоение Сибири, которое наносило сильнейших урон археологическому наследию. В 1926 г. На Первом краевом научно-исследовательском съезде в Новосибирске, говорилось о бесчисленных фактах напрасного разрушения памятников [4, с. 223].

С 1927 г. по 1930 г. Н.К. Ауэрбах был секретарем Общества Изучения Сибири и её производительных сил (ОИС). Его деятельность была направлена на охрану памятников истории, организацию заповедников. Через ОИС шло и финансирование раскопок. Средства давались тем музеям, где работали квалифицированные археологи [17, с.11]. Эта работа проводилась с целью составления археологической карты Сибири. Ее проект, так же был представлен на Первом Краевом Съезде П.П. Хороших. Иркутский музей получил средства на создание концепции охраны археологических памятников. Учеными была разработана система карточек, регламентировались правила проведения инспекций [19, с. 24].

Однако деятельность АПО и ОИС не остановила разрушение системы госохраны. С августа 1928 г., после принятия постановления «О музейном строительстве», некоторые ценности (в основном картины) отправились на продажу за границу «на нужды республики» [14, с.202].

В 1930 г. был ликвидирован Отдел по делам музеев и охраны памятников (МУЗО), а с ним ликвидирован его Археологический подотдел (АПО). Охрана памятников передавалась сектору науки при Наркомпросе, а на местах осуществлялась музеями [14, 204]. В Иркутской области при Краеведческом музее в 1934 г. закрылся отдел ОХРИС. Начался массовый снос памятников архитектуры [1, с. 37].

В 1930-х гг. правительство взяло курс на индустриализацию страны. Масштабные по своему размаху новостройки, были намечены в первых пятилетках. К сожалению, в некоторых сообщениях Государственной Академии истории материальной культуры (ГАИМК) отмечается, плачевное состояние дел в отношении археологических памятников. Ситуация усугублялась «параллелизмом» строительных компаний и органов охраны. Не было специалистов. Все вышеперечисленное приводило к разграблению памятников [16, с.23]. Чтобы археологические памятники не были уничтожены окончательно, в 1933-1935 гг. разработаны специальные «Инструкции по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках» [2, с 16]. По сути, это было начало «новостроечной археологии». Главным комитетам при ведомствах на местах (Главкам) и народным комиссариатам исполнительной

власти (Наркомат), давали предписание договариваться с ГАИМК, для заключения хозяйственного договора на проведении раскопок в зонах крупных строек [7, с.143]. Проведение археологических работ в зонах крупных новостроек в 1930-е гг. предлагалось также в совместном проекте ОИС и конторы «Новоэкспорт» по организации раскопок по сбору коллекций для продажи их за границу с целью получения валюты [6, с 171–182].

После вступления в силу постановления ВЦИК и СНК СССР «Об охране археологических памятников» в 1934 г., ГАИМК планировала активизировать свою работу в зонах крупных новостроек [15, с 24–28]. Однако, активные археологические исследования на новостройках Сибири фактически были прекращены с 1937 г. Одной из причин стал период репрессий. Среди репрессированных оказались такие исследователи Сибири как С.А. Теплоухов, М.П. Грязнов, С.И. Руденко. В 1937-1938 гг., в Иркутске были расстреляны Б.Э. Петри, Н.Я. Ходукин, В.И. Сосновский, П.Г. Полтораднев, Б.Ч. Дорогостайский. Был сослан на север Г.С. Константинов. Прекратил свою археологическую деятельность В.И. Подгорбунский. В Москву перебрался Г.Ф. Дебец. В Ленинград переехали А.П. Окладников и М.М. Герасимов. Иркутская археологическая наука была практически обескровлена. Но не смотря, на это с 1930 – 1938 гг. Иркутские ученые успешно работали в проектных изысканиях ложа водохранилищ каскада будущих ангарских ГЭС. Необходимо упомянуть, что Иркутский Государственный Университет (Иргосун), являющийся с 1918 г. фактически оплотом археологии в Иркутске, прекратил свое существование в 1930 году. Заново открыт он был в 1940 г. [5, с.7].

События войны 1941-1945 г. не позволили в должной мере уделить внимания проблеме в области охраны археологического наследия. Многие ученые отправились на фронт. Все силы власти были направлены на решение главной задачи, на достижение победы в Великой Отечественной войне. Стоит отметить, что именно в это время, отношение к историко-культурному наследию изменилось, особенно в первые послевоенные годы. Охраной археологических памятников стали заниматься различные государственные комитеты управления, при министерстве культуры снова было образовано Управление Музеев и охраны памятников (МУЗО). На местах охрана памятников возлагалась на отделы культуры местных советов. К сожалению, средств на ремонт и реставрацию (уже выявленных) памятников государство выделяло критически мало [3, с. 110-111].

В 1948 г. принят Закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Возрождаются новостроечные экспедиции: Верхнеобская (1946, 1947, 1949), Новосибирская (1952–1954) и Красноярская (1955) под руководством М.П. Грязнова, а вслед за ней в 1965-86 гг. – Саяно-Тувинская под руководством А.Д. Грача [7, с.144]. В Иркутской области, с 1951-1956 гг. проводилась Ангарская (Братская) новостроечная экспедиция Ленинградского отделения Института Археологии (ЛОИА) АН СССР под общим руководством А.П. Окладникова, также принимал участие археолого-стратиграфический отряд Геолого-палеонтологической экспедиции Института геологии ВСФ АН СССР под руководством М.М. Герасимова. В 1959 г. проводятся авральные спасательные работы на Байкале (Бухта Улан-Хада), отрядом ЛОИА АН СССР во главе с М.П. Грязновым [3, с.8].

Важной вехой в истории охраны археологического наследия, стало создание первой неправительственной всероссийской общественной организации «Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры» (ВООПИК), в 1965 г. В Иркутске ВООПИК был создан в 1966 г. на учредительной конференции. Специалистами общества велись списки памятников истории и культуры. Создана специальная археологическая секция. Проводились реставрационные работы. Широко велась просветительская деятельность. Издавались брошюры («Указатель

археологических памятников» и др.), книги, действовал лекторий, проводились конференции. Постоянно поднимались вопросы правового обеспечения сохранения историко-культурного, в том числе археологического наследия. Были обращения с соответствующими инициативами в правительство и Государственную Думу. Во время парламентских слушаний, часто осуждались проблемы в области использования и сохранения памятников. Общество существовало за счет членских взносов [3, с. 113].

В том же 1966 г. сформирована Комплексная археологическая экспедиция ИГУ (за счет бюджетного финансирования). С 1966, благодаря первым работам в зоне планируемого строительства Богучанской ГЭС, география исследований значительно расширилась. Работы проводились по всему Приангарью, Прибайкалью, на Верхней Лене и Канско-Рыбинской котловине. При ИГУ создается группа по изучению древних погребальных комплексов и объектов железного века. В 1980 г. состоялись первые охранно-спасательные работы археологического подразделения университета, раскопки могильника Локомотив эпохи неолита, в предместье Глазково. К концу 1980-х в составе Комплексной археологической экспедиции ИГУ работало уже три партии (Ангарская, Ленская, Байкальская). Всего было 12 полевых отрядов, численностью более 120 человек [5, с.9,10].

Знаковое событие произошло в 1978 г. Принимается закон «Об охране и использовании памятников истории и культуры РСФСР». В том же 1978 г. исполнительный комитет Иркутской области приказывает организовать в 1979-1982 гг.. полное обследование территории области для выявления и учета памятников и истории и культуры. До 1980 г. закончить паспортизацию состоящих на учете. А также систематически осуществлять контроль за исследовательской и собирательной деятельностью всех экспедиций и частных лиц на территории области. В том же документе (Решение Облисполкома), отмечается, что в области отсутствует комплексный план охраны и использования памятников истории и культуры, не создана производственная группа, призванная осуществлять эту работу. А специальная научно-реставрационная мастерская управления культуры облисполкома не имеет необходимой производственной базы, не является научным центром реставрации, охраны и использования памятников истории и культуры. Решено было обратиться в Министерство культуры РСФСР об образовании с 01.01.1979 г. при управлении культуры облисполкома производственной группы по охране и реставрации памятников [9, д. 535]. В основном паспортизацией Байкальской Сибири занимались сотрудники ИГУ (некоторые из которых так же являлись членами археологической секции ВООПИК) [12, л.1, 2]. Итогом обращения стало создание производственной группы по охране и использованию памятников (ПГОП).

В 1982 г. Облисполком требует предоставление для утверждения предложения по охранным зонам Иркутской области, поручено обеспечить в 1983 – 1984 гг. комплексное обследование заповедных территорий. В том документе говорится, что принимается предложение Иркутского политехнического института, госуниверситета, обкома ВЛКСМ, о том, что ими, начиная с 1983 г. будет постоянно направляться в СНРПМ (специальная научно-реставрационная производственная мастерская) один студенческих отряд из числа студентов архитектурного факультета ИПИ и исторического факультета ИГУ для проведения работ по консервации и реставрации памятников истории [10, д. 644].

К 1989 г. для упорядочивания проектных и реставрационных работ по памятникам истории и культуры подлежащих музеефикации решено было возложить функции единого заказчика (для работ за счет средств, выделяемых МК РСФСР) на ПГОП [11, д. 55]. К этому моменту, группа была преобразована в Центр по сохранению историко-культурного наследия (ЦСН). ЦСН первый действующий государственных орган в сфере охраны и сохранения историко-культурного наследия.

ЦСН был создан на основании решения исполнительного комитета Иркутского областного Совета народных депутатов от 29.05.89 № 240 и в соответствии с постановлением Совета Министров РСФСР от 10. 08.88 № 326 «О генеральной схеме управления отраслью культуры в РСФСР» приказом управления культуры от 28.06.89. № 160 с 01.07.89.

Этим же решением был утвержден Устав Центра, согласно которому созданная организация находилась в подчинении управления культуры облисполкома. Управление культуры утверждало Центру основные контрольные показатели, нормативы платежей и фондов. В соответствии с уставом главной задачей Центра являлось осуществление государственного управления в области охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры на основе законодательных документов и научных методик, путем осуществления координационных, научных, проектно-производственных и других мероприятий по памятникам истории и культуры. Основными функциями Центра являлись:

- выявление и учет недвижимых памятников истории и культуры;
- согласование и экспертиза всех видов работ по памятникам истории и культуры в их территориях, зонах охраны в соответствии с законодательством;
-постановка на баланс Центра памятников с последующей передачей из в аренду предприятиям, учреждениям с взиманием арендной платы в установленном порядке и размерах;
- приостановление в установленном порядке производства строительных и земляных работ на памятниках и в границах зон охраны;
-проведение спасательных археологических и реставрационных работ;
- оказание платных услуг организациям, предприятиям, и отдельным гражданам музейно-экскурсионной и лекционно-просветительской деятельности и др. Согласно Уставу, в состав Центра на момент становления входило 8 отделов, среди которых были археологический и исторический [13, л. 6,7].

Таким образом, можно сделать вывод, что несмотря на радикальные меры по уничтожению наследия и физическое устранение специалистов-археологов в 1930-ые годы, к концу XX века вектор государственной политики сместился в противоположную сторону. Как это ни парадоксально, но именно тяжелые сороковые годы, дали толчок к возрождению интереса к культурному наследию. Происходит новый виток научных исследований в ходе экспедиционной охранно-спасательной деятельности. Появляются законодательные акты, направленное на сохранение археологических памятников. Создаются общественные организации (ВООПИК) и государственные органы охраны историко-культурного наследия (ЦСН), функционирующие до сегодняшнего времени. По сути, именно в советский период были заложены основы системы охраны, которая является неидеальной, но вполне жизнеспособной.

Список литературы

1. Акулич О.А. Иркутский областной краеведческий музей и власть: 1930-е годы (по материалам ГАИО) // Краеведческие записки. Иркутск: Изд-во Института географии СО РАН, 2002. Вып. 9. С. 34–49.
2. Артамонов М.И., Латынин Б.А., Грязнов М.П. Инструкция по учету и охране памятников материальной культуры на новостройках / ГАИМК. Комитет по новостройкам. Л., 1933. 16 с.
3. Ануфриев А.В., Шахеров В.П, Шахерова С.Л. Музейное дело и охрана культурных ценностей: уч. Пособие/Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 197 с.
4. Ауэрбах Н.К. Доисторические богатства Сибири, их охрана и изучение // Первый краевой научно- исследовательский съезд. Новосибирск, 1928. Т.5. С.221-225

5. Бердников И.М., Уланов И.В., М.Е. Абрашина Археология и этнография в Иркутском государственном университете/Иркутск: НИЦ «Байкальский регион», 2019. 25 с.
6. Вдовин А.С. Дроздов Н.А., Макулов В.И. Охрана памятников археологического наследия в Енисейской Сибири // Народы Сибири и Дальнего Востока с древнейших времен до наших дней: материалы IX СИФ. Красноярск: СФУ, 2022. С. 140-149
7. Вдовин А.С., Китова Л.Ю. О продаже за границу сибирских археологических и этнографических коллекций в 20–30-е гг. XX в. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2010. № 2. С. 171–182
8. ГАИО. Ф.Р-145. Оп. 1. Д. 766
9. ГАИО. Ф.Р-1933. Оп. 7. Д. 535
10. ГАИО. Ф.Р-1933. Оп. 7. Д. 644
11. ГАИО. Ф.Р-2823 Оп. 2. Д.55
12. ГАИО. Ф.Р-3238 Оп. 1. Д. 391
13. ГАИО. Ф.Р-3525 Оп.1. Ист.справка, л. 6,7
14. Галкова О.В. Российские традиции культурного наследия: дис. … канд. ист. Наук. Волгоград, 2012. 529 с.
15. Мещанинов И.И. Археологическая работа на новостройках // ПИДО. 1934. № 5. С. 24–28.
16. Миллер А.А. К вопросу об охране памятников старины//Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. М., №4-5.1931. С. 22–51.
17. Смирнова В. Б. Воспоминания о Николае Константиновиче Ауэрбахе / / Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Сб. н. тр., КГУ. Красноярск, 1992. Т. 1. С. 9-12.
18. Сорокина И.А. Первые советские инструкции по проведению полевых исследований памятников археологии (1927 г.) // Известия СНЦРАН. Самара, 2018. Т.20 №3(2). С.537-543
19. Хороших П.П. Доисторические богатства Сибири, их охрана и изучение // Первый краевой научно- исследовательский съезд. Новосибирск. 1928.Т.5. С.221-225
20. Шободоев Е.Б. Я.Н. Ходукин: Иркутский краевед и неудавшийся политик// Иркутское краеведение 20-х: взгляд сквозь года. Иркутск, 2000. Ч.2. С. 82-90.
21. Шободоев Е.Б. Душкина Т. История охраны памятников в Иркутской области//Земля Иркутская. Иркутск, 1999. С.11-16.
22. Штрихи к портрету времени: Сборник материалов, посвященный 40-летию создания производственной группы по охране и использованию памятников истории и культуры Иркутской области. Иркутск, 2020. С.11-16.

УДК: 902/904

История археологического изучения города Сургута

Фролов Иван Викторович
Научно-производственное объединение «Северная археология-1»
Нефтеюганск, Россия.
Сургутский государственный педагогический университет,
Сургут, Россия.
e-mail: arqueolog@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4220-0743

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории организации и проведению археологических исследований города Сургута. На основе архивных материалов полевых отчётов и актов государственной историко-культурной экспертизы дана характеристика 2-х этапов изучения культурного слоя города. Первый этап – выявление культурного слоя города, определение распространения его границ и постановка на государственный учёт и охрану. Второй этап связан с работами по планированию охранных мероприятий на культурном слое Сургута. Кроме архивных материалов и документов в тесте используются материалы научных статей, который вышли в разные годы в разных изданиях. Статья носит обобщающий характер и подводит итоги 15-летнему периоду археологического изучения Сургута.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Археология русского города, Сургут, история изучения, культурный слой

Начало археологического изучения культурного слоя Сургута положено в 2008 г. по инициативе Сургутского краеведческого музея. Работы выполнялись отрядом под руководством пермского археолога Павла Анатольевича Корчагина и носили разведочный характер. С целью установить степень сохранности культурного слоя города Сургута, границы его распространения были заложены 3 раскопа и 2 объемные зачистки обнажений. Общая вскрытая площадь - 74 м^2 [Корчагин, 2009. С. 5 - 6].

Раскоп 1 общей площадью 8 м^2 заложен с северо-восточной стороны многоэтажного дома по адресу: ул. Гагарина, 14 на участке строительства нового водопровода к строящемуся зданию, в непосредственной близости от тротуара. Верхний строительный ярус культурного слоя представлен деревянной мостовой. Настил интерпретирован автором раскопок как фрагмент тротуара периода регулярного плана города и датирован временем ранее сер. XIX в. Под настилом выявлены остатки развала печи жилой постройки, сгоревшей в пожаре 1840 г. Ниже выявлены слои пожара 1712 г. и погибшие в нём постройки кон. XVII в.: фрагменты частокола, углублённого в материк и маркирующие границы городской усадьбы дорегулярного города. Аналогичные остатки частокола вывялены в зачистке траншеи под водопровод в 18 м к юго-востоку от раскопа 1, напротив восточного угла жилого дома по ул. Гагарина, 14. По косвенным признакам датирован тем же временем [Корчагин, 2008. С. 10; Корчагин, 2009. С. 27 - 34].

Второй раскоп 2008 г. площадью 52 м^2 заложен на газоне около южного угла площади мемориала, на предполагаемом месте Кремля. Культурный слой на участке раскопа нарушен траншеями современных линий коммуникаций, ямами с современным строительным мусором. Единичные археологические предметы: фрагменты керамики, кованные гвозди, лодейная скоба – найдены в переотложенном состоянии вместе с современным мусором [Корчагин, 2008. С. 11; Корчагин, 2009. С. 36 - 38].

С северо-восточной стороны площади мемориала в непосредственной близости от южной части лестничного спуска на газоне был заложен ещё один раскоп площадью 6 м^2. На этом участке выявлено несколько строительных ярусов XVIII – XIX вв.:

чередующиеся слои навоза (слои бытования) и слои щепы (слои активного строительства). Под слоем навоза XVIII в. были выявлены остатки деревянных конструкций. Они были датированы XVII в. и предварительно интерпретированы как остатки сооружений Кремля или городской усадьбы. В виду малой площади раскопа, принято решение не продолжать их исследование и законсервировать на будущее [Корчагин, 2008. С. 12; Корчагин, 2009. С. 39 - 41].

Для уточнения границ распространения культурного в юго-восточной части культурно-развлекательного центра «Старый Сургут» около деревянной Всехсвятской церкви сделана зачистка 2 м стенки кабельной траншеи, отрытой при устройстве ночной подсветки здания. Установлено отсутствие признаков культурного слоя [Корчагин, 2009. С. 42 - 43].

В результате раскопок 2008 г. обнаружены следы квартальных оград XIX в., фрагмент одной из сургутских усадеб XVII в. (или постройки Кремля). Собрана коллекция находок из 189 предметов, которые переданы в краеведческий музей. Основную массу находок составили фрагменты керамики и кованые гвозди [Корчагин, 2008. С. 12 - 13].

П.А. Корчагин делает вывод о наличии в центре города сохранного культурного слоя XVII - XVIII вв., и пишет о необходимости постановки его на государственную охрану [Корчагин, 2008. С. 13; Корчагин, 2009. С. 45].

Археологические работы 2008 г. совпали с работами по корректировке генерального плана Сургута. Сургутский краеведческий музей направил информацию о результатах исследований в Департамент архитектуры и заявление о выявлении объекта археологии в Службу государственной охраны объектов культурного наследия. В 2009 г. культурный слой Сургута (1594 – 1849 гг.) включён в список выявленных объектов культурного наследия под № 4279 [Селянина, 2022. С. 13 - 14].

Раскопки выявленных и законсервированных в 2008 г. деревянных конструкций были продолжены в 2012 г. по открытому листу на имя В.Н. Святова. Организация и финансирование работ осуществлялась Сургутским краеведческим музеем. В работах принимал участие П.А. Корчагин, автор раскопок 2008 г. [Святов, 2013. С. 5 - 6].

Раскоп в форме узкой траншеи неправильной геометрической формы общей площадью 44 м^2 включал в себя 6 м^2 законсервированного раскопа 2008 г. Необычная форма раскопа объяснялась необходимостью сохранения зелёных насаждений благоустройства на территории мемориала [Святов, 2013. С. 11].

В ходе раскопок удалось изучить остатки деревянной конструкции: фрагмент нижних венцов рубленного «в обло» сруба. Часть сооружения в площадь раскопа не попала: фиксируется фрагмент западной стены и полностью - южная. Северная стена отсутствует. Стены сруба ориентированы по сторонам света.

Южная стена состоит из двух венцов, сложена из бревен диаметром 20 - 22 см, длиной 4,7 м с рубленным в верхней части, по всей длине бревна, пазами. Бревно верхнего венца фиксируется полностью, нижнего.

Западная стена представлена одним венцом. Бревно, диаметром 20 - 22 см, уходит в стенку раскопа: его длину проследить невозможно. Предположительно, его размер составляет те же 4,7 м.

Внутри сруба был зафиксирован пол из бревен диаметром 12 - 16 см: выложены плотно, впритык к венцу западной стены, по оси Запад - Восток. В некоторых местах пол выстлан плахами толщиной 5 - 7 см. Под полом, на расстоянии до 30 см к Востоку от западной стены сруба, фиксируется лага диаметром 10 - 12 см, лежащая параллельно стене постройки. Бревна пола лежат на этой лаге и имеют выруб (под лагу) в нижней части.

С западной стороны, к постройке примыкает заплот. Здесь фиксируется вертикально стоящий столб, диаметром 24 см с вырубленным пазом с западной

стороны, и два горизонтально лежащих друг на друге бревна диаметром 20 см с затесанными концами и вставленными в паз. Часть заплота уходит в западную стенку раскопа и не зафиксирована. По обе стороны от заплота фиксируются две плахи. Плаха, расположенная с южной стороны, имеет размеры 90х30х8 см, с северной – ширина 50 см, толщина 8 - 9 см, уходит в западную и северо-западную стенки раскопа.

К западу от стены сруба зафиксировано отдельно лежащее параллельно стене постройки бревно. Южный торец бревна упирается в плаху, расположенную с серной стороны от заплота, северный уходит в стенку раскопа.

Все элементы конструкции (торцы бревен, поверхность плах, пазы и пр.) имеют характерные следы обработки их топором. Признаков торцевой обработки дерева пилой не зафиксировано.

Деревянная конструкция (сруб, плахи, заплот) лежит на погребенной поверхности и с осторожностью датируется автором раскопок кон. XVI в. – временем строительства первого Сургутского острога [Святов, 2013. С. 16 - 19].

На уровне материка фиксируются две полосы перемешанного песка, ориентированных по линии Запад - Восток. Полосы ориентированы параллельно заплоту и южной стене деревянного сооружения. В.Н. Святовым высказано предположение, что это остатки тележной колеи [Святов, 2013. С. 19].

Работы по определению границ распространения культурного слоя с целью постановки его на государственный учёт в 2012 г. были продолжены отрядом АНО «Институт археологии Севера» под руководством С.Г. Пархимовича. Финансирование работ осуществлялось по государственному контракту из бюджета округа. Натурным исследованиям предшествовала большая архивная работа: осуществлялось наложение исторических планов города на современную планировку Сургута. В качестве репера привязки использовали место положения Свято-Троицкого собора. Сам собор был изначально деревянным и неоднократно горел, пока после пожара 1739 г. не был отстроен в камне. Исследователи обосновано предположили, что место собор не менял: каждый раз новое здание возводилось на прежнем месте. Это позволило определить примерное место, где располагался кремль и посад города относительно современной застройки [Пархимович, Пархимович, 2013. С. 215 - 218].

Для заверки полученных выводов было заложено 4 шурфа: выявлен культурный слой различных периодов, в 4-м шурфе - остатки деревянных конструкций. По результатам полевых исследований сделаны выводы:

1. границы Сургута конца XIX в. локализуются на участке, ограниченном с Северо-Востока ул. Энергетиков, с Юго-Востока и Юго-Запада - ул. Гагарина, с Северо-Запада - линией, проходящей между домом по адресу ул. Республики, 72 и зданием «Сургуттелекомсеть»;

2. границы Сургута конца XVIII в. проходят по краю берега р. Бардаковки (ул. Гагарина), на Западе перекрывают перекресток ул. Республики и ул. Энгельса, поворачивают на Юго-Восток, огибая здания торгового центра «Сибирь», дома по адресам ул. Просвещения, 43 и 47, на Востоке и Северо-Востоке - вдоль ул. Энергетиков. Далее поворачивает на Юго-Запад между зданиями по адресам ул. Просвещения, 13 и ул. Гагарина, 4/1 до пересечения с берегом р. Бардаковки;

3. границы Сургута конца XVII в. локализуются на участке, расположенном в Юго-Восточной части площади мемориала Славы и ул. Гагарина, в районе домов по адресам ул. Гагарина, 24 и 26;

4. культурные слои сохранились фрагментарно: слой XIX в. уничтожен в ходе новой застройки полностью, артефакты этого времени находятся в переотложенном состоянии; слой XVIII в. сохранился локально; слой конца XVI - XVII вв. достоверно в

шурфах не фиксируется. Единственное доказательство сохранности культурного слоя XVI – XVII вв. – находка деревянного сруба в раскопе рядом с мемориалом;

5. участки, пригодные для археологического обследования, незначительны по площади, представлены газонами, засаженными деревьями и кустарниками. Культурный слой нарушен сетью современных городских коммуникаций;

6. единственный участок, свободный от деревьев и современной застройки, с хорошо сохранившимся культурным слоем XVIII в., содержащим остатки деревянной постройки и артефакты из т материалов, - усадьба филиала Сургутского краеведческого музея - «Дом купца А.Г. Клепикова» [Пархимович, Пархимович, 2013. С. 220 - 221].

Осенью 2013 г. на площадке Сургутского краеведческого музея состоялось обсуждение документации, обосновывающей необходимость придать культурному слою Сургута статус достопримечательного места регионального значения. В обсуждении принимали участие разработчики документации (С.Г. Пархимович, Г.П. Визгалов), сотрудники Службы государственной охраны ОКН (А.Н. Кондрашев и др.) и специалисты музея (М.Ю. Селянина и др.). Дискуссию вызвал предложенный разработчиками предмет охраны: «система напластований, образовавшаяся с XVI по XIX вв., скрытая в земле с артефактами и остатками сооружений» [Селянина, 2022. С. 14].

В ноябре 2013 г. Постановлением Правительства ХМАО-Югры культурный слой Сургута в статусе достопримечательного места включён в список объектов культурного наследия регионального значения под № 107[2]. В 2015 г. утверждены границы, предмет охраны и требования к осуществлению деятельности в границах территории достопримечательного места[3].

Новый этап исследований культурного слоя Сургута связан с проведением археологических разведок в границах земельных участков, подлежащих хозяйственному освоению как этап проведения государственной историко-культурной экспертиз[4].

В 2019 г. археологические разведки на участках замены городских теплосетей проводились специалистами ООО «Юганская археологическая экспедиция» под руководством А.А. Рудя. Заложено 2 шурфа.

На участке сетей от ТК-7 до ввода в дом по адресу ул. Просвещения, 17 в шурфе выявлены участки сохранного культурного слоя. В ходе работ были обнаружены могильные сооружения. Это потребовало увеличить площадь шурфовки до 6 м^2. Погребения предварительно датированы XVIII – нач. XX вв. В виду необходимости полного их изучения, погребения законсервированы до проведения полномасштабных раскопок [Чибиряк, 2019. Акт ГИКЭ № 03-19/Ч].

На участке тепломагистрали № 6 от 6ТК14 до ЦТП-65 и участке от 6ТК14 до ЦТП-65 в шурфе зафиксирован переотложенный культурный слой. Проведению работ мешал бетонный короб существующих сетей. Это потребовало увеличить площадь вскрытия. Общая площадь шурфа составила 6 м^2. Среди современного строительного мусора найдены фрагменты чернолощеной и поливной керамики, датируемые XVII – нач. XX вв. [Чибиряк, 2019. Акт ГИКЭ № 02-19/Ч].

---

[2] Постановление Правительства ХМАО-Югры «О включении в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» от 14.11.2013 № 480-п.

[3] Приказ Службы государственной охраны ОКН ХМАО-Югры «Об утверждении границ, предмета охраны, требований к осуществлению деятельности в границах территории объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Культурный слой Сургута» от 25.02.2015 № 1-нп.

[4] Статья 28. Государственная историко-культурная экспертиза. Федеральный закон от 25.06.2002 N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

В 2020 г. разведки на участках замены теплосетей в рамках государственной историко-культурной экспертизы были продолжены археологами ООО «НПО «Северная археология-1» под руководством П.Р. Сташкина.

На участке от ТК 5 – 3 до жилого дома по адресу ул. Гагарина, 30 был заложен шурф. В ходе работ, площадь шурфа пришлось увеличить до 6 м^2 из-за бетонного короба существующих коммуникаций. В ходе работ был зафиксирован переотложенный культурный слой, в котором найдены предметы, датированные XIX – нач. XX вв. [Кардаш, 2020. Акт ГИКЭ № 20-21/К].

На участке от котельной № 3 по ул. Майская, Гагарина от котельной № 3 – 5ТК1Б – 6ТК14 – 5ТК13 и участке от 6ТК14 до 5ТК13 в одном из шурфов среди современного мусора найдены фрагменты серолощеной и поливной керамики, кованый гвоздь, предварительно датируемые XVII – нач. XX вв. [Кардаш, 2020. Акт ГИКЭ № 20-16/К].

По результатам проведённых государственных историко-культурных экспертиз рекомендованы мероприятия по обеспечению сохранности культурного слоя:

- спасательные раскопки на участках, где участки сохранного культурного слоя выявлены в шурфах;

- на участках переотложенного культурного слоя в форме археологических наблюдений [Чибиряк, 2019. Акт ГИКЭ № 02-19/Ч; Чибиряк, 2019. Акт ГИКЭ № 03-19/Ч; Кардаш, 2020. Акт ГИКЭ № 20-16/К; Кардаш, 2020. Акт ГИКЭ № 20-21/К].

Заключение

История археологического изучения культурного слоя города Сургута ведётся с перерывами 15 лет, начиная с 2008 г.

За время исследований вскрыта общая площадь 144 м^2. Основной вид работ на культурном слое Сургута на сегодня – разведки с заложением локальных шурфов.

В истории археологических исследований Сургута существуют 2 этапа [9, С. 16]:

Первый этап – выявление культурного слоя города и постановка его на государственный учёт и охрану. Главную роль на этом этапе играли Сургутский краеведческий музей м АНО «Институт археологии Севера».

Второй этап – исследования, связанные с разработкой мероприятий по обеспечению сохранности культурного слоя как объекта культурного наследия. Возрастает роль специализированных археологических организаций: ООО «НПО «Северная археология-1» и ООО «Юганская археологическая экспедиция».

В 2023 г. на участке замены теплосетей от ТК-7 до ввода в дом по адресу ул. Просвещения, 17 запланированы охранные раскопки на общей площади около 730 м^2. В площадь раскопок включён шурф 2019 г., в котором были обнаружены и законсервированы остатки погребений. Это будут 1-е масштабные спасательные раскопки на культурном слое Сургута [Акт ГИКЭ, 2019. № 03-19/Ч].

БЛАГОДАРНОСТИ Автор выражает благодарность сотрудникам Сургутского краеведческого музея и лично его директору – М.Ю. Селяниной за оказанную помощь в сборе архивных материалов и консультативную поддержку.

Список литературы

1. Кардаш О.В., 2020. Акт государственной историко-культурной экспертизы Раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Культурный слой Сургута» в рамках строительства объекта: «Сети тепловодоснабжения от ТК5-3 до ж.д. Гагарина, 30 в мкр. 9. участок сетей тепловодоснабжения от ТК5-3 до ж.д. Гагарина, 30» в г. Сургуте ХантыМансийского автономного округа – Югры» от 26.12.2020 № 20-21/К [Электронная

публикация] / URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/307/Akt-GIKE-_20_21K_Razd_GTS_KS-Surguta_Gagarina_sign.pdf (дата обращения 13.06.2023).
2. Кардаш О.В., 2020. Акт государственной историко-культурной экспертизы Раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Культурный слой Сургута» в рамках строительства объекта: «Тепломагистраль № 6 от котельной № 3 по ул. Майская, Гагарина от котельной № 3 – 5ТК1Б – 6ТК14 – 5ТК13. участок от 6ТК14 до 5ТК13» в г. Сургуте ХантыМансийского автономного округа – Югры» от 26.12.2022 № 20-16/К [Электронная публикация] / URL: Akt-GIKE-_20_16K_Razd_GTS_KS-Surguta_Tepl6_sign.pdf (дата обращения 13.06.2023).
3. Корчагин П. А., 2008. Раскопки в историческом центре Сургута в 2008 году // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях. Материалы II научно-практической конференции / Отв. ред. Т.А. Исаева. Сургут: Изд.-полиграф. комплекс, 2008. С. 9 – 13.
4. Корчагин П.А., 2009. Рекогносцировочные археологические исследования в историческом центре г. Сургута в 2008 г.: Отчёт о научно-исследовательской работе [Текст]. Пермь – Сургут, 2009 – 63 с.
5. Кузнецов А.В., 1996. Мой Сургут. Шадринск: ПО «Исеть», 1996 – 72 с.
6. Пархимович С. Ю., 2012. Разработка научно-проектной документации для обоснования достопримечательного места «Культурный слой Сургута»: Отчет о НИР. – Нефтеюганск, 2012. – Архив СКМ. – Ф. 11. Д. 65
7. Пархимович С.Г., Пархимович С.Ю., 2013. О поисках Сургута «погребенного» в Сургуте современном // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: Матлы Всеросс. науч. археологической конф. Екатеринбург – Сургут: Изд-во Магеллан, 2013. С. 215 – 223.
8. Святов В.Н., 2013. Отчёт о проведении археологических раскопок ОКН регионального значения «Исторический культурный слой г. Сургута» в г. Сургут ХМАО-Югра в 2012 [Текст]. Екатеринбург – Сургут, 2013 – 35 с.
9. Селянина М. Ю. Проблемы сохранения достопримечательного места в городской среде // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «VIII Бахлыковские чтения» (г. Сургут, 8–9 декабря2020 г.).– Сургут: МАУ СР «ИКНПЦ “Барсова Гора”, 2022. С. 12 – 17.
10. Чибиряк В.Э., 2019. Акт государственной историко-культурной экспертизы Раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательного места «Культурный слой Сургута» в рамках проекта: «Тепломагистраль № 6 от 6ТК14 до ЦТП-65. Участок от 6ТК14 до ЦТП-65», г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» от 29.07.2019 № 02-19/Ч [Электронная публикация] / URL: https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/20b/Akt-GIKE-_02_19_CH_Razdel_TSTP-65_sign.pdf (дата обращения 13.06.2023).
11. Чибиряк В.Э., 2019. Акт государственной историко-культурной экспертизы раздела «Мероприятия по обеспечению сохранности объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательного места «Культурный слой Сургута» в рамках проекта: «Комплекс сетей тепловодоснабжения от ЦТП-66 в мкр. 10. Участок сетей тепловодоснабжения от ТК-7 до ввода в ж.д. ул. Просвещения, 17», г. Сургут Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» от 29.07.2019 № 03-19/Ч [Электронная публикация]URL:https://nasledie.admhmao.ru/upload/iblock/8fd/38ku7g632uop4htlzk0a30p8o5i9jb1b/Akt-GIKE_FOK_Otchet_sign.pdf (дата обращения 13.06.2023).

УДК 391/392

Полевая экспедиция В.Н. Белицер: «неизученные страницы» о мордве-терюхан

Янгайкина Татьяна Ивановна
кандидат филологических наук
Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
лаборатория информатизации отдела
информационно-аналитического обеспечения исследований
Саранск, Россия
sudakova2007@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5704-3349

АННОТАЦИЯ Возвращение к неизданному наследию В. Н. Белицер имеет особую ценность для финно-угроведения, в частности для мордвы, так одна из последних полевиков, чьи бережно собранные научные материалы распространились на несколько родственных этносов (мордва, мари, удмурты, коми, коми-пермяки). Публикация и комментирование таких рукописей создают неповторимый контекст движения этнографа по компаративным пространствам освоенных мест и прожитого времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнос, мордва-терюхане, экспедиция, В.Н. Белицер.

В архиве «Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» хранится ранее нигде не опубликованная рукопись В. Н. Белицер. Как нам известно, по инициативе директора НИИГН В.А. Юрченкова с 2002 г. стали в свет выходит издания уникальной серии «Наследие», в которых опубликованы избранные труды ученых-этнографов и историков-краеведов – В.Н. Майнова, И.Н. Смирнова, А. А. Гераклитова, И. Д. Воронина и др. [7, 8, 9, 10]. Так, по задумке краеведа, ученого, организатора Валерия Анатольевича в 2014 г. началась обширная работа по составлению двух частей архивного материала этнографа-полевика В. Н. Белицер.

Как мы знаем, фундаментальные труды В. Н. Белицер являются неиссякаемым источником цитирования и анализа в современной этнографической науке. Остановимся подробнее на архивных текстах В. Н. Белицер. Ранее не опубликованный полевой материал по обрядам и фольклору мордвы-терюхан на территории Нижегородского уезда Нижегородской губернии, собранный в 1927-1928 гг. во время экспедиции к терюханам, организованной Центральным музеем народоведения в г. Москве, при участии В. Н. Белицер, хранится в архиве НИИ гуманитарных наук [5]. Архивный текст содержит в себе: вступительную статью; календарные обряды, дохристианские верования (обычаи и поверия, связанные с сельским хозяйством, болезнями людей и животных); семейные обряды (рождение, крестины, свадьба, похороны, поминальные обряды); фольклор (песни и частушки); краткий терминологический словарь местных терминов.

Одним из первых о терюханах писал П.И. Мельников: «Небольшое племя терюхан, самое северное из мордовских, жившее прежде по берегам Волги и Оки, осталось теперь (1867) лишь в сорока селениях Нижегородского уезда, всего в количестве тринадцати тысяч душ обоего пола. Это племя было очень близко к эрдзядам; теперь же оно почти совершенно обрусело. Некоторые считают терюхан эрдзядами, но, судя по остаткам их языка, судя по их обычаю и религиозному культу, их нельзя не признать особым племенем» [4, с. 411].

В.Н. Майнов, совершив в 1878 г. специальную поездку к мордве, в том числе и к терюханам, проживавшим в Нижегородском уезде Нижегородской губернии, пришел к заключению, что неправильно видеть в них особую отрасль мордвы, что это «мордва-эрзя, населяющая Терюшевскую волость и потому ошибочно называвшаяся „Терюханами“» [2, с. 1].

Изучением терюхан в 1927-1928 гг. занимались М.Т. Маркелов и С.П. Толстов. Они правильно отметили, что слово «терюхане» не является самоназванием, а «связано с названием центра района – села Б. Терюшева» и происходит, «..., по всей вероятности, от мужского имени (Теряй-Терюхай-Терюш)» [3, с. 107]. Ученые обратили внимание на «двойственность этнического типа терюхан» [], сложившуюся из мордовских и русских элементов, причем мордовские элементы культуры, как было ими верно замечено, восходят «к прошлым традициям культуры эрзянской группы мордвы» [3, с. 109]. «По результатам терюханского языка, – писали М.Т. Маркелов и С.П. Толстов, – необходимо с определенностью констатировать, что язык этой группы ничем не отличался от эрзянского наречия мордовского языка. В цикле семейных обрядов и в пережитках мифологических и культовых форм мы видим также определенный перевес чисто эрзянских элементов» [3, с. 119].

Эрзянские черты были прослежены ими и в материальной культуре этой группы мордвы, в частности в одежде [3, с. 118]. Тем не менее М.Т. Маркелов и С.П. Толстов сделали, хотя и предварительный, вывод о том, что терюхане представляют собой одно из «четырех мордовских племен».

Такой вывод нельзя считать правильным. Вернее, всего, так называемые терюхане – обрусевшая группа мордвы-эрзи, что подтверждается и более поздними исследованиями в области археологии, этнографии, истории, языкознания, ономастики и других наук. Термин «терюхане», как и «каратаи», не есть этноним. Он не был самоназванием, не служил он и для обозначения этой группы мордвы в устах соседних русских [3, с. 123]. В 1920-е гг. «терюхане» еще сохраняли некоторые мордовские черты в материальной и духовной культуре, в интонации речи, хотя говорили по-русски, продолжали называть себя мордвой. Сегодня они и пишутся русскими, т. е. полностью обрусели.

В 1920-1930 гг. мордва-терюхане проживали примерно в двадцати пяти селах, административно входивших в три волости Нижегородского уезда — Оранскую, Борисово-Покровскую и Дальне-Константиновскую. В 1974 г. по данным полевой информации В.Н. Белицер опубликовала содержательную статью «Традиционные черты общемордовской культуры в обрядах и фольклоре» [1, с. 25]. Терюхане жили в поселках сельского типа. Деревни и села их располагались вблизи водных источников в долинах небольших рек и ручьев, иногда по склонам оврагов у ключей. По своим размерам селения терюхан не превышали 100 – 150 дворов и только такое большое село, как Терюшево еще в половине прошлого века имело 202 двора [6, с. 29]. Планировка селений, в основном, была уличная и только отдельные концы сел, обычно более старые, находящиеся в самых низинах или расположенные по крутым склонам сохраняли беспорядочную застройку. Названия таких сел как Мокраши, Большое и Малое Сескино (сеське по-эрзянски – комар) указывают на большую влажность здешних мест и обилие комаров.

Жилые и хозяйственные постройки терюхан в 1920-х годах не отличались от таковых в соседних русских селах. Чаще всего это были рубленные из толстых сосновых бревен дома на «стульях» севернорусского типа на высоком подклете[5], стоящие перпендикулярно улице. Преобладали трехраздельные дома[6], в которых сени отделяли жилую избу от холодной клети[7].

Старые избы и амбары имели двухскатную тесовую крышу на самцах. На пятистенных избах, которые изредка все же встречались по деревням, были четырехскатные крыши на стропилах. Стропильная техника покрытия имелась и на новых избах.

Внутренняя планировка дома среднерусская, распространенная в те годы по всей

[5] Ставился сруб на «стульях» с высоким подклетом из крепких дубовых или сосновых столб, между которыми ставили заборник, с внешней стороны засыпали его землей, пол стелили на шестом, обычно на третьем венце.
[6] Трехраздельные дома состоят из жилой избы, сеней и клети, в которых сени отделяют жилую избу от холодной клети.
[7] Клеть – особое помещение при избе или отдельная нежилая постройка для хранения имущества.

Нижегородской губернии. Городской фабричной обстановки в домах не было. Убранство избы составляли: деревянная кровать, самодельный шкаф для посуды, стол в переднем углу, по стенам шли неподвижные лавки.

Дома были богато орнаментированы. Преобладали накладные резные украшения и пропиловка, но на некоторых старых избах имелась долбленная, так называемая, судовая резьба.

Крытый двор пристраивался сзади, или сбоку. Имелись двухэтажные дворы северного типа. На улице против дома располагались погреба, мазанки и подвалы различного вида.

Бани имелись у каждого хозяина. В те годы в банях стояла печь-каменка, и топили бани по-черному. Ставили их обычно на усадьбы, но чаще в овраге ближе к ручью, или на берегу речки.

Нужно отметить в одежде мордвы-терюхан В.Н. Белицер также находит характерные черты: «Наряду с юбкой, и кофтой, а также прямым так называемым „московским сарафаном“ и рубахой с прямыми поликами, или на кокетке, шелковым полушалком, или „головкой“ с золотым шитьем, сохранялся и бытовал у женщин пожилого и среднего возраста свой терюханский наряд, выделявший эту группу населения не только от русских, но и от мордвы (мокши и эрзи). Отличие состояло в особом виде верхней холщовой, суконной и меховой одежды (шушпана, сермяги, шубы), характере орнамента, специфическом головном уборе „венец“, своеобразной нагрудной заколке – „сустуг“, височных подвесках – плетнях и некоторых других деталях костюма» [1, с. 26].

По наблюдениям этнографа достаточно четко прослеживаются два слоя в обрядах: «С одной стороны славянский (русский), с другой стороны финский (общемордовский). Оба слоя, зачастую, перемешиваются между собой, но все же можно определенно сказать, что календарные обряды, совершаемые святками в Васильев вечер, на Масленицу, Троицу, Иванов день, Семик и Ярилу, в основном повторяют зимний и весенний цикл обрядов русского календаря. Однако все эти обычаи, игрища и песни исчезли в русских, соседних с терюханами селах, значительно раньше, чем у терюхан, где они продолжали бытовать еще в первой четверти XX века» [1, с. 26].

По мнению исследователя-полевика в семейных (свадебных, похоронных) и некоторых магических обрядах, связанных с сельским хозяйством, под более поздним слоем православия выступают общемордовские, а в ряде случаев общефинские черты.

В архивных текстах содержится богатый песенный репертуар мордвы-терюхан, который разнообразен по жанрам. В репертуар терюханской деревни 1920-х гг. входили наряду с песнями о Гражданской войне и частушками, любовными романсами, также старинные игровые песни, приуроченные к определенным обрядам и праздникам, по большей части к весенним, когда молодежь играла и водила хороводы на воздухе. Постепенно оторвавшись от обрядов, которые утратили свою роль, они стали просто игровыми и хороводными песнями.

Много свадебных песен, которые пели во время свадебного пира, а потом стали петь вообще во время гулянья. Известна группа песен так называемых беседных, которые пели во время посиделок, и солдатских. В солдатских песнях рассказывается о трудной службе царского солдата, о его разорившемся хозяйстве и тяжелой доле солдатской жены [5, л. 3-4].

В результате анализа В.Н. Белицер приходит к следующему: «…духовная культура и фольклор терюхан имеют в своей основе целый ряд черт традиционной мордовской (эрзянской) культуры. Эти черты сохранились наиболее отчетливо в дохристианских верованиях, свадебных и поминальных обрядах, народной магии, а также в местных песнях. Однако процесс ассимиляции этой небольшой этнографической группы мордовского народа шел очень быстро. Этому во многом способствовали изолированность этой группы от других групп мордовского народа и те исторические условия, в которых складывалась ее культура» [5, л. 17].

В заключение хотелось выразить слова самой В.Н. Белицер: «Группа мордвы-терюхан осталась недостаточно изученной. Поэтому я полагаю, что публикация материалов по

духовной культуре и фольклору представляет интерес. С одной стороны, они являются историческим источником при характеристике быта терюхан в прошлом, с другой стороны, освещают обычаи и песенный репертуар терюханской деревни второй половины 20-х годов XX века» [5, л. 34-35]. Для мордовского народа и для всех финно-угорских этносов публикация «неизученных страниц» В.Н. Белицер внесет бесценный вклад в этнографическую науку.

Список литературы

1. Белицер В. Н. Традиционные черты мордовской культуры в обрядах и фольклоре терюхан // Вопросы финно-угорского фольклора. Саранск, 1974. С. 21-26.
2. Майнов В. Н. Результаты антропологических исследований среди мордвы-эрзи. СПб., 1883. 559 с.
3. Маркелов М Т., Толстов С. П. К истории терюханской народной культуры (предварительное сообщение) // Этнография. 1928. № 2. С. 103-124.
4. Мельников П. И. Очерки мордвы // Полн. собр. соч. СПб., 1909. Т. 7. 524 с.
5. Научный архив НИИ гуманитар. наук при Правительстве Республики Мордовия. И-945. 256 л.
6. Список населенных мест по сведениям 1859 г. / Нижегородская губерния по сведениям 1859 года. 1863. XXXII, 185 с.
7. Юрченков В.А. А.А. Гераклитов – основоположник научного изучения истории мордовского народа // Избранное. Саранск, 2011. 464 с.
8. Юрченков В.А. В.Н. Майнов // Избранное. Саранск, 2007. 296 с.
9. Юрченков В.А. И.Д. Воронин и феномен «Саранска» / Избранное. Саранск, 2005. 496 с.
10. Юрченков В.А. И.Н. Смирнов и финно-угристика / Избранное. Саранск, 2002. 245 с.

УДК 391.7

Якутские серьги в виде знака вопроса

Яковлева Капитолина Максимовна
кандидат исторических наук, доцент
Северо-Восточный федеральный университет им.М.К.Аммосова,
кафедра всемирной, отечественной истории, этнологии, археологии
Якутск, Россия
Kapa1985@list.ru
ORCID ID: 0000-0002-5381-8960

АННОТАЦИЯ Серьги в виде знака вопроса (проволочные серьги, бусиные серьги) из-за простоты форм и не сложных конструктивных особенностей, не рассматривались как отдельный этнографический источник, а были лишь дополнительным аргументом при анализе материала. Лишь в исследованиях последних лет особое внимание начинает уделяться украшениям якутов средневекового периода, а вместе с тем и ушным украшениям. Популяризация архаичных украшений якутов привела и к росту спроса среди населения серег в виде знака вопроса в Республике Саха (Якутия).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Украшения, серьги, средневековая Якутия, архаика, Якутия, Республика Саха (Якутия), якуты, классификация.

Ушные украшения, рассматриваемые в данной работе, относятся к архаичным элементам якутской культуры и требуют специального изучения. В этнографической литературе серьги средневековой Якутии исследуются лишь в одном контексте: как дополнительный аргумент при анализе материала, чем принижается их роль как самостоятельного источника, теряются закономерности временных и территориальных изменений. Однако, ушные украшения средневековья в силу «нетленности» и ёмкости содержащейся в них научной информации, представляют собой важный историко-этнографический источник, позволяющий достаточно обоснованно иллюстрировать этапы этнической истории и культурогенеза народов: древние и средневековые этнические процессы, ранние и поздние этнокультурные взаимосвязи.

По свидетельству путешественников-исследователей XVIII века, серьги в виде знака вопроса были довольно популярны у всех тюрко-монгольских народов. Древнейшие аналоги кольцевых и восьмеркообразных серег были распространены на Алтае еще в скифское время. В дальнейшем подобные серьги, изготовленные путем сгиба цельного куска проволоки, встречаются в средневековых памятниках Европы, Казахстана и Средней Азии, которые датируются XIII—XV вв. Особенно обширен ареал этого типа серег в Сибири, например, проволочная бронзовая серьга с бусиной найдена в Телятниковском могильнике в Забайкалье, определяемом X—XII вв. [6, с.34] В поселении Уганья (Усть-Алданский район), датируемом XIV-XV вв., была обнаружена типичная бусинная серьга в форме знака вопроса [3, с.20].

Ушные украшения в виде знака вопроса можно выделить и народов Алтая, которое выглядело следующим образом: на проволоку, согнутую знаком вопроса, были нанизаны бусины, она имела подвеску из монет и украшалась кисточками бахромы. Например, у хакасов существовало три варианта таких серег, в зависимости от количества бусин-кораллов. В основе всех серег лежит тип кольцевой серьги или знака вопроса. «Хос ызырга» – это серьги, изготовленные из медной проволоки, изогнутой кверху в виде кольца. На нижнюю часть нанизывались три коралловых бусины «суру», между которыми вставлялись маленькие бусинки или серебряные пластины. На конце подвешивалась серебряная полурублевая монета с шелковой кисточкой.

На севере Хакасии среди кызыльцев были распространены серьги «салбах ызырга» (второй вариант). В уши продевали крепление с кольцом, на котором висело три или пять коралловых низок с серебряными монетами на концах. Если серьги были сильно крупными, то их прикрепляли к косичкам и носили как височное украшение. Такие серьги бытовали у хакасов и бурятов.

Данный тип серег является наиболее архаичным в якутской культуре. Еще в первой половине XVIII в. Я.И. Линденау описал подобный тип серег как типичный для якуток того времени [5] . Подтверждают это и материалы археологических раскопок древнеякутских погребений. Ранние исследователи Якутии, оставившие сведения о якутах, указывают на такую особенность, как количество подобных серег в одном ухе. Так, в каждом ухе носили по 3-4 серьги, как женщины, так и мужчины. На каждую сережку полагалось по отдельному отверстию. Обычай носить несколько серег в одном ухе существовал до середины XIX в [4, с.81]. Самые ранние серьги представляли собой несомкнутое кольцо с черными и белыми бусинами на стержне. Позже, на нижнее кольцо, замыкающее стержень с бусинами, стали насаживать подвески в виде монет или фигурных пластинок. И.В. Константинов считал, что подобный тип серег появился к концу XVIII в. и что именно такое сочетание породило переходный тип серег от бусинным к традиционным массивным, получившим широкое распространение в XIX в. В пользу этого говорит и тот факт, что в профиль серьги позднего этнографического времени все еще сохраняют вид знака вопроса. Различные вариации описываемых серег хранятся в фондах музеев Якутии.

Количество серег у погребенных, судя по сопроводительному материалу, вероятнее всего был вариативен. Независимо от возрастного состава погребенных, встречаются погребения как с четным, так и нечетным количеством серег [1, с.118] .

Бусины, являющиеся частью серег, в большинстве случаев бывают черного и белого цветов, редко синего или голубого. Цвета бусин всегда чередуются между собой и количество всегда остается нечетным. Встречаются вариации в форме бусин. Наиболее распространены серьги с круглыми пастовыми бусинами, встречаются и с плоскими бусинами. Иногда встречается следующая вариация: белая круглая бусина затем идет кружочек из мелких черных бусинок и этот своеобразный раппорт повторяется до конца стержня, но всегда замыкается белой круглой бусиной. Вместо черных бусин могут быть короткие металлические трубочки. Количество бусин варьируется от 3-5 до 11 штук.

Исследователи якутских украшений не выделяют типы кольцевых серег (серег в виде знака вопроса). Мы, исходя из конструктивных признаков серег периода средневековья, выделили следующие типы и подтипы:

Самым распространенным типом бусинных серег является первый тип - серьги с круглыми и плоскими бусинами. Они представляют собой медную или серебряную проволоку, один конец которой выполнен в виде кольца (отсюда название «кольцевые») и вдевается в мочку уха, а второй отогнут вниз, напоминая знак вопроса (отсюда название «серьги в виде знака вопроса»), на который нанизано несколько бусин. Бусины пастовые, на одну серьгу могли быть вдеты бусины одного цвета (белого) или двух цветов (белого и черного). Бусины так же отличались по размеру – от небольших до крупных форм.

К данному типу мы можем отнести интересный экземпляр серьги из фондов МАЭиВШ СВФУ (NoГ-У-27). Это украшение из кулун-атахского поселения на данный момент является самым древним якутами украшением. Она выполнена из бронзовой проволоки в виде знака вопроса, на которую нанизано 15 небольших белых круглых бусин, а по середине одна синяя бусина. Серьга интересна тем, что обычно у более поздних экземпляров, в цветовом плане, бусины чередуются. В данном случае выделена центральная синяя бусина. Так же у этой серьги стержень тоньше, чем у серег XVIII века

Одним из самых распространенных чередований круглых бело-черных бусин является соотношение 4 белые и 3 черные бусины.

При этом бусины представлены в крупной форме. Серьги такого плана выделены в МАЭ СПБ № 1676-14, ЯГОМИиКНС КП 49754. Данная серьга была обнаружена Е.Д. Стреловым в мужском погребении. Так же в фондах ЯГОМИиКНС представлены следующие вариации чередования бусин: 6 белых и 5 черных (КП 45181/1, 2, 3, 4), 2 белые и 1 черная (КП 42487/28). Серьги с 11 бусинами были найдены В.В. Поповым в местности Аана алааса в Чурапчинском районе. В целом, длина серег этого подтипа колеблется от 4 до 7,5 см.

Количество и цветовое различие плоских бусин имеет несколько вариаций (6, 7, 8, 9 штук).

В коллекции МАЭ СВФУ представлены серьги из погребения №4 Ат Дабаан (Ат Быран). Данное украшение типично для изучаемого периода. Такая же серьга представлена в фондах ЯГОМИиКНС. Здесь 4 белые бусины и 2 черные. При этом подряд две белые бусины нанизаны ближе к кольцу. Украшение было найдено И.В. Константиновым в погребении № 2 могильника Ампардаах, Мегинского наслега, Мегино-Кангаласского района. Длина изделия 6,4 см., ширина 3,9 см., бусы 1,0 см (КП 53599).

Так же в коллекциях ЯГОМИиКНС представлена серьга с восьмью плоскими бусами – 4 белые, 4 черные (КП 53440) из неизвестного погребения. Длина изделия 7,0 см., ширина 4, 5см.

Самым распространенным чередованием бело-черных плоских бусин является 5 белых, 4 черных бусин. Такие серьги представлены в ЯГОМИиКНС (КП 38391) из коллекции Л.Н.Жуковой и в МАЭ СВФУ (КП-236/10, П-282/17, No КП-282/18), МККМ (К-АМП-2), МИОЮЯ.

К этопу же типу можно отнести кольцевые серьги с металлическими вставками. Образцы данных серег хранятся в фондах МАЭ иВШ СВФУ и ЯГОМИиКНС. Серьги из МАЭиВШ СВФУ (КП-283/10, No КП-283/11) является типичными для погребений XVIII века – в виде знака вопроса с чередующимися тремя белыми пастовыми круглыми бусами и тремя металлическими низками. Данные серьги были найдены в погребении №3 могильника Ат Дабаан (Ат Быран), недалеко от Немюгинского наслега Хангаласского улуса. Серьги из ЯГОМИиКНС отличаются от вышеописанных тем, что бусины представлены в черном цвете. Инвентарный номер КП 42487/57. Размеры: длина 6,5 см., диаметр кольца 2,9 см. Серьги так же относятся к XVIII веку.

Металлические вставки в некоторых экземплярах заменены мелким черным бисером, нанизанным на сухожильную нить. Встречается в четырех серьгах из погребения Сергелях (МАЭ СВФУ КП-242/16-19). В экземпляре серег из фондов ЯГОМИиКНС (КП 53601) низка мелкого бисера представлена в белом цвете. Это украшение из раскопок И.В. Константинова. Размеры изделия - длина 6,6 см., ширина 4,5 см., толщина обруча 0,3 см., бусы 0,9см.

Интересными являютсясерьги из погребения №1 памятника Ат Дабаан (Ат Быран) III из фондов МАЭ СВФУ (КП-330/2, МАЭ КП-332/5). Длина серег составляет 8 см. На основу нанизаны металлические полые, конусообразные подвески. Серьги подобного типа, как отмечает Р.И. Бравина, были распространены в скифо-сарматское и монгольское время [1, с.296], не являются характерными для средневековых погребений на территории Якутии. Данные серьги были специально "умерщвлены", т.е. сломаны, для того, чтобы служить своему хозяину в другом мире. В данном погребении был обнаружен костяк знатного подростка 15-16 лет. Погребение было датировано XIII-XV вв. [7] .

Серьги с подобными подвесками так же были обнаружены в женском погребении Атласовское II. Эта серьги хранится в ЯГОМиКМНС (КП 53752) и были датировано XVII вв. Костяная бусина биконической формы нанизана на стержень из протянутой проволоки,

сделанной из оловянной бронзы. Наружная часть бусины выполнена из сплава свинца и меди на основе олова [2]. Длина серьги 10,2 см, диаметр бусины 1,35, высота 2,25. Серьга была обнаружена в области груди. Данное захоронение является нетипичным для захоронений этого периода. Здесь, в сопроводительном инвентаре, были найдены вещи не местного происхождения. Датируется Атласовское II XVII веком.

Второй тип серег – бусинные серьги с подвеской. Данное украшение отличается от первого типа тем, что здесь присутствует дополнительная подвеска, чаще всего монета или медная бляха. Сохраняется форма серег – в виде знака вопроса, которая была удобна для крепления подвески. По мнению И. В. Константинова, бусинные серьги с подвеской появились в конце XVIII в. или на рубеже XVIII—XIX вв. и являются переходной формой эволюции древних типов серег [4, с.8].

Например, в ЯГОМИиКНС (ОП 81). Здесь представлены две серьги с медной круглой подвеской, найденные во время раскопок И.В. Константинова в погребении №15, в местности Мэнэ Алаас в Жехсогонском наслеге Таттинского района. Размеры изделия составляют без подвески 0,5 см., ширина 4,2 см., подвеска круглая 1,6 х 1, 55 см., толщина проволоки 0,3 см. Другая серьга, описанная исследователем в своем труде «Материальная культура якутов XVIII в.: по материалам погребений» была найдена в захоронении жены известного родоначальника XVIII века Омуоруйа-Тумарча, матери Бологур Айыыта. На серьге была подвеска из серебряного пятака 1757 года. Кроме того, в погребении вместе с серьгой была плоская гривна, что подтверждает позднее происхождение украшения [4, с.81].

Бусинные серьги с круглыми подвесками могли иметь от одной до 9 бусин. Например, серьга с одной бусиной и подвеской – монетой хранится в фондах МАЭ СВФУ (№ КП-КЕНЕ-05). Кольцо-основание длиной всего лишь 1,9 см. На стержень вдета одна бусина небольшого размера и сразу под ней оформлена петля, в которую вдета круглая подвеска диаметром 1,3 см.

Серьги с круглыми подвесками – монетами были довольно популярны не только на территории Якутии, но и по всей Евразии (алтайцы, хакасы,тувинцы, монголы, татары, буряты и т.д.). У тюрко-монгольских народов круглые подвески отождествлялись с солнцем и носили сакральный характер.

К концу серьги в виде знака вопроса с нанизанными бусинами, на основании загнутая петля с подвеской в виде наперстка. Данное украшение представлено в фондах МАЭиВШ СВФУ NoГ-С-Эл5. Бусины чередуются в бело-черных цветах (5 белых, 4 черные). Аналогий таких подвесок у других народов не выявлено.

К переходным формам серег мы отнесли третий тип. Данный серьги А.И.Саввинов относит к бусинным серьгам с подвесками, хотя они частично сохраняют лишь форму кольцевых серег в виде знака вопроса. Стержень, на который подвешивается подвеска, чаще в форме трапеции, достаточно короткий, отсутствуют бусины. Данные серьги представлены в коллекции МАЭ СВФУ (КП-268/1,2,3). Подвеска на одной серьге в виде трапецевидной пластины из тонкого листового металла, на трех в виде ажурных пластин с различным узором длиной 2,5 см, подтреугольной формы. Эти украшения были найдены в местности Оттох-Алаас I.

Интересен второй подтип третьего типа, серьга сохранила форму в виде знака вопроса, но является цельным украшением, лицевая пластина образована путем уплощения основы-стержня в виде трапецевидной фигуры. На основной пластине выгравирован растительный орнамент. Пластина имеет 8 отверстий для подвесок: по два на верхней и средней части, 4 на нижней, где сохранились 3 трапецевидные подвески (МАЭиВШ СВФУ №Г-С-ЭД-36).

Таким образом, исследование ушных украшений периода архаики в Якутии показало многообразие. Все рассмотренные нами серьги отличаются архаичностью форм и

самобытностью конструкций. При типологизации украшений в качестве критерия выступает их форма, а не чистый прообраз. Под формой в нашем исследовании принят комплекс основных черт конструктивных особенностей структуры украшений. Так же систематизация и классификация якутских серег выявила наиболее архаичные и переходные их формы, параллели, которые можно провести с другими народами Сибири.

Ушные украшения изучаемого периода изготовлены не профессиональными ювелирами, а обычными людьми, исходя из территориальных и этнических традиций. Это весьма характерные простые металлические украшения с различными бусинами и подвесками. Украшения более позднего периода изготавливались профессионалами-ювелирами и уже представляют собой образцы традиционных якутских ушных украшений конца XIX – начала XX веков.

Список литературы

1. Бравина Р.И., Попов В.В. Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 232с.
2. Бравина Р.И., Дьяконов В.М., Петров Д.М., Соловьева Е.Н., Сыроватский В.В., Багашев А.Н., Пошехонова О.Е., Слепченко С.М., Ражев Д.И., Алексеева Е.А., Зубова А.В., Кузьмин Я.В. Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1 (36). 2017. С. 44-63
3. Гоголев А. И. Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск : Изд-во журнала «Илин», 1993. 192 с.
4. Константинов И. В. Материальная культура якутов XVIII в.: по материалам погребений. Якутск : Книжное издательство, 1971. 212 с.
5. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографический материал о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан : Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.
6. Саввинов А. И. Традиционные металлические украшения якутов XIX - начала XX в. Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
7. Bravina R.I., D’iakonov V.M., Bagas A.N., Razhev D.I., Poshekhonova O.E., Stetsenko S.M., Alekseeva E.A., Kuz’min Ia.V. and Hodgins G.W.L. Early Yakut Burials of the Fourteenth -Seventeenth Centuries. New Data on the Origin of the Yakuts (Sakha) // Anthropology & Archeol- ogy of Eurasia: Novosiborsk, 2016.. 2016. vol. 55, nos. 3 – 4, pp. 232 – 268

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 390 (571.52) +392.1 (571.52)

Поминальные обряды в этнической культуре тувинцев России, Монголии и Китая

Айыжы Елена Валерьевна
кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории, археологии и документоведения
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования “Тувинский государственный университет”
Кызыл, Республика Тыва, Россия.
aiygy@mail.ru

АННОТАЦИЯ

Статья написана на основе полевых материалов автора, где поминальные традиции являются одним из важных звеньев в обрядовой практике тувинцев России, Монголии и Китая.

Поминальные обряды - обряды, совершаемые в память умершего, главным из которых является коллективная трапеза, устраиваемая родственниками в доме покойного или на кладбище, непосредственно после погребения и в определённые сроки поминовения.

Несмотря на этнотрансформационные процессы современности глобализации, в силу своей обусловленности материальной и духовной культуры тувинцы России, Монголии и Китая сохранили в обрядах жизненного цикла особенные черты, что особенно проявляется в погребально-поминальном комплексе.

В данной статье использованы современные междисциплинарные *методы*, где основную позицию занимают принципы историзма и объективизма, а также привлечены методологические принципы смежных научных дисциплин, таких как историческая этнология, этнография. Познание объективной действительности на стыке ряда гуманитарных смежных научных дисциплин даст возможность получить более полную картину этнической специфики культуры и принципах ее функционирования тувинцев России, Монголии и Китая.

Результаты. Статья рассматривает результаты полевых этнографических материалов по поминальным обрядам тувинцев России, Монголии и Китая.

Ключевые слова. Тувинцы России, тувинцы Монголии, тувинцы Китая, обряд, обычай, погребально-поминальный обряд, поминальные обряды

Поминальные обряды в этнической культуре тувинцев России, Монголии и Китая играют важную роль, поскольку они имеют религиозную основу, их существование базируется на представлениях о душе, о разновидностях душ, их перерождении, ее перевоплощении, и т.д. Помимо этого, в обряде проявляются реликты культа предков, родовой общности, семейно-родовых связей, взаимопомощи.

Тувинцы поминальные трапезы совершают непосредственно после похорон и во время последующих поминок. Трапеза устраивается ради восстановления связи между членами сообщества живых и покойным, так как она оказалась разорванной после утраты одного из звеньев цепи.

Возвращаясь с кладбища, участники похоронной процессии совершают ритуал «очищения». Для этого необходимо сначала умыться специально приготовленным раствором, куда входят: вода, молоко и *артыш* (можжевельник), затем окурить себя можжевельником. Обряд «очищения» связан с охранительной магией защиты самого себя, семьи и семейного благополучия, характерной для народов Центральной Азии. В. П. Дьяконова в своей работе «Погребальный обряд тувинцев как историко-

этнографический источник» [Дьяконова 1975: с.59], пишет, что «после похорон, возвратясь в *аал* умершего, провожавшие его, еще не заходя в юрту, мыли руки и лицо водой, взятой из родника (*аржан)* и налитой в деревянное ведерко, разбавленное молоком, и окуривали себя дымом можжевельника». Такое «очищение» мы относим к охранительной магии, оно имело предупредительное значение. Его проводили для того, чтобы умерший не вернулся за теми, кто его хоронил. Выбор составляющих ритуала «очищения» обусловлен тем, что, согласно народным представлениям, дым можжевельника, умершему сбивал с обратного пути, а родниковая вода, разбавленная с молоком, обладала силой двух сакральных начал и смывала весь негатив погребально-поминального обряда. В настоящее время вместо окуривания себя можжевельником его стали просто добавляют в воду с молоком, предназначенную для омовения, но вместе с тем, сохраняется его основное предназначение — очищение после контакта со смертью и «иным» миром, после посещения кладбища как одного из локусов «иного» мира.

В своей работе М. В. Монгуш указывает, что «время поминок у монгольских и китайских тувинцев не совпадает. Первые поминки у них проводят на 7-е сутки. Монгольские тувинцы, во всяком случае цэнгэльские и кобдинские, вторые поминки устраивают на 40-й день, а заключительные — через год. Китайские тувинцы поминают покойника дважды — на 7-е сутки и в годовщину смерти.

У тувинцев России не обязательно посещение могилы умершего на 49-й день, допускается поминальная трапеза недалеко от места проживания, но на природе. На семидневные и сорокадневные поминки принято приглашать или шамана, или ламу, что указывает на религиозный синкретизм. В Республике Тыва во время поминок раздают всем листья чая с конфетами в четном количестве, завернув в носовой платок или в белую ткань. Все собравшиеся поминают покойного, говорят о нем только хорошее.

У тувинцев Баян-Ульгийского аймака Монголии на поминальные обряды *«чеди хонуу»* («семь дней»), *«чээрби бир хонуу»* («двадцать один день») и *«дөртен тос хонуу»* («сорок девять дней») шаманов не приглашают, отдавая предпочтение ламам. На 7 дней собираются только близкие родственники умершего, готовят много пищи и вспоминают покойного. 21 день называют *«буян кылыр хуну»* («день, который нужно делать благодать»), приглашают гостей и обильно угощают их едой. На 49-й день после похорон родственники посещают могилу покойного, приводят ее в порядок, ставят пиалу с рисом, окропляют водкой. Такая практика связана с распространением и влиянием буддизма в северо-западных аймаках Монголии. Вернувшись с кладбища, все участники похорон проходят обряд очищения. Для этого выставляют два плоских камня *«саң»*, поверх которых кладут и поджигают можжевельник. Проходя между этими камнями, участники поминальной процессии очищаются дымом можжевельника, затем дважды моют руки водой, в которую добавляют измельченный можжевельник, и молоком, вытирают руки полотенцами или бумажной салфеткой. По приходу домой, приглашают людей, даже просто посторонних, которых проходили мимо их дома.

В годовщину смерти близкого закалывают барана, и осенью примерно в сентябре делают *«сан»* («кормление духам год, местности») с помощью шамана или буддийского ламы. Родственники приходят на кладбище и проверяют могилу, если например, суслики проделали дыру, или другие дикие животные «нанесли» какой-то урон, то это считается хорошим знаком. Особенно, по отношению к детям умершего. Но, если же нет никаких изменений, то считается плохим знаком, и стараются умилостивить духов местности проводя обряд кормления. Тувинцы с. Ценгел говорили *«кайы хире элбек делгем улуг белеткээр, артынга калган ажы-толунге ол хире улуг буян кирер»* (чем больше приготовишь кушания, тем больше останется оставшимся детям, близким

благодать). «*Аъш-чем элбек, узук чок боор, ыът-кушту безин чемгерер. Кылыр чеми: эът дулер, «донгулак эъттиг мун» - тырткан эътти дорааш кылып каар, салат, бууза, оон-даа оске…»* (еда должна быть нескончаемой, что даже можно накормить во дворе собак, птиц. Основное блюдо – мясной фарш нарезать кубиками, сварить или зажарить, также приготовить буузы, манты, салаты и другие…).

В течении трех лет проводят обряды поминовения с помощью шамана и ламы, «кормят» духов природы. После истечения трех лет, прекращаются, далее стараются уже не посещать кладбище.

Тувинцы из сомона Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии поминки называют *«соңгу шайлалгазы»* («последний пир»). На поминальной трапезе сначала пьют простоквашу или разбавленный водой жидкий творог, затем едят молочные блюда: суп с рисом и изюмом. В конце трапезы подают суп из баранины. Один из присутствующих мужчин разливает водку: подносит всем по очереди по полной чарке, кладет при этом под чарку либо купюру, либо коробок спичек. Людям, помогавшим на похоронах, в качестве благодарности подносят спички или плитки чая. Мужчинам, которым провожали умершего до места погребения, дают барана, женщинам — мыло, чай. Обязательно каждому дают свечи и спички. Детям — сладости *«уругларны өөртүрү»* («радовать детей»).

Тувинцы Хубсугульского аймака Монголии обряд проводят только 49-дневные поминки *«дөртен тос хонуу»*, или *«узун-хонуу»* («длинные поминальные дни»). Для определения времени и места похорон, а также проведения обряда «*узун-хонуу»* раньше они приглашали шаманов или лам. Чаще всего тамошние тувинцы обращались к шаману *Сарыг-Баяар*, который определял время и дату, часы проведения не только погребальных обрядов, но и свадеб, других событийных семейных мероприятий. В настоящее время они обращаются к шаману Ганбаату [ПМА, 2015].

Новшеством, связанным с поминальными обрядами в послепохоронный период у тувинцев России и Монголии стали надгробные памятники, которые отражают прижизненный социальный статус умершего и устанавливаются как дань уважения, как память о нем.

У российских тувинцев на сельских кладбищах большинство оград сделано из деревянного штакетника или металлических прутьев. Как правило, памятник окрашивают в красный цвет, ограду — в синий, зеленый, желтый. Навершия представлены металлическими и/или деревянными звездами, полумесяцами, дисками с полумесяцами внутри, знаками инь-ян, слитыми с полумесяцами и увенчанными тремя языками пламени, шаром с полумесяцем и тремя языками пламени. Деревянные навершия имеют желтую или красную окраску, металлические — не окрашивают. Навершия в форме звезд устанавливают только на могилах пожилых людей.

Иногда к оградам прикрепляют металлические фигурки лошадей, оленей, трактора, гитары. По словам информантов [ПМА, 2016], эти изображения отражают игрушечных любимые занятия покойных при жизни. Венки на могилах в основном фабричного производства, однако можно увидеть и сплетенные вручную из елового лапника прутьев или скрученные с приклеенными к ним искусственными цветами.

На кладбище г. Кызыл памятники отличаются формой и композиционным решением. Большинство памятников сделано из мрамора (белого, светло-розового, светло-серого и черного оттенков. Как правило, каждый могильный холм имеет металлическую оградку. В настоящее время ограды дополняют калитками, чтобы облегчить доступ для ухода за могилой, что является также новшеством. В сельской местности калитки в оградах отсутствуют.

У тувинцев Китая, живущих в природно-охранной зоне — заповеднике Ханас — кладбище становится популярным местом для посещения туристов, что вызывает обеспокоенность у местного населения. Они хоронят покойника в белом саване. Вместо

надгробия ставят деревянную колоду, поверх которой кладут три больших или средних камня. Памятники не ставят. Обряд разведения священного костра (*саң салыры*) устраивали постоянно. В настоящее время на похороны приглашают шаманов или лам, иногда похоронами руководят старейшины. Могилы располагают в отдалении друг от друга чаще по родовому признаку, например, роды кара-соян и ак-соян имеют свои места для захоронения своих сородичей [ПМА, 2011].

Таким образом, в этнокультурном развитии тувинцев вплоть до 90-х гг. XX в. доминировала тенденция к консервации традиционных форм культурного и социального бытия. В последние годы несмотря на активные процессы этнокультурного взаимодействия признаки этнического (тувинского) локализма не утрачиваются. Представления о душе, число поминок и многие другие обряды не отличаются у тюрк-монгольских народов Саяно-Алтайского нагорья и Центральной Азии. Значительное количество ритуалов к началу XX в. подверглось серьезным изменениям. Наиболее консервативными оказались тувинцы Монголии. В целом погребально–поминальный комплекс тувинцев сложился на базе шаманистических и буддийских воззрений.

Список литературы

1. Дьяконова, В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник / В. П. Дьяконова. – Л: Наука. ЛО, 1975. – С.59.
2. ПМА, 2015 г.:Информант Ганбаат из рода Урат, 1957 года рождения. Уроженец Восточной тайги Хубсугульского аймака Монголии, в данный момент там и проживает.
3. ПМА, 2016 г.: Информант Ч. Оюнбадам, 1972 года рождения из рода соян Уроженка с. Цагаан-Нуур Хубсугульского аймака Монголии.
4. ПМА, 2011 г.:Информант Наран-Хуа, 1981 года рождения. Уроженка с. Хом Алтайского района Синьцзян-Уйгурского района Китайской народной Республики.

УДК 39(397.4)

Ментальный мир жителей холодных территорий: стратегии освоения Севера КМНС

Алексеева Сардаана Анатольевна
кандидат исторических наук,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Центр интеллектуальной истории и культуры.
Якутск, Россия.
alexeeva_sar@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4184-8086

АННОТАЦИЯ В работе на основе применения междисциплинарной методологии новой культурно-интеллектуальной истории проводится анализ формирования и изменения ментального комплекса жителей холодных территорий. Выделены и проанализированы основные психоментальные особенности этнолокальных сообществ эвенов и эвенков - оленеводов Якутии, включающие в себя географическую мобильность/подвижность, яркие адаптивные способности и чувство баланса/равновесия, почерпнутые из бережного отношения к природе. На уровне ментального пространства проанализированы такие аспекты как отношение Человека к Природе и его место в ней, которые формируют способы представления и комплекс мировидения, северную ментальность в целом как коллективный опыт взаимодействия человека с окружающей средой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ментальность, народы Севера, адаптивные стратегии.

Нами в рамках коллективного Институтского проекта продолжается изучение концепции ментального освоения Севера, на основе междисциплинарной методологии новой культурно-интеллектуальной истории проводится анализ формирования и изменения ментального комплекса жителей «холодного мира» (эвенов и эвенков) в разных этноландшафтных зонах Северо-Востока РФ. Как отметил Д.Н. Замятин, на уровне ментальности геокультуры циркумполярной зоны можно характеризовать как “гибридные”, именно в этих районах интенсивно шли связанные с освоением минеральных богатств процессы глобализации [5, с. 2].

Изучается формирование и изменения ментального ландшафта Севера, как совокупности традиционной геокультурной «картины мира» этнических сообществ и практик социального конструирования «текстов культуры» в контекст интеллектуального дискурса XIX-XX столетий. Реконструируются психоментальные практики освоения Севера у коренных малочисленных народов (эвенов и эвенков) на основе использования методов когнитивной антропологии.

По концепции А. О. Бороноева, сибирская ментальность понимается как целое, состоящее из двух половин [1]. Первая половина формируется путём сложной трансформации мировоззрения и ментальности Сибири при её переходе в Новое время благодаря русскому этносу, включая перемены в самом русском народе. Этой половине посвящены разделы статьи Д.А. Кузнецова по русским старожилам Сибири. Вторая половина сибирской ментальности складывается из комплекса мировоззрений аборигенного мира Сибири. Здесь им анализируются несколько этносов из различных частей Сибири (Средней, Северной, Южной, Восточной, Западной).

В «Обзорной статье по введению в сибирский менталитет» Д.А. Кузнецовым излагаются две большие проблемы, связанные с изучением менталитета Сибири [4]. Первая проблема — гео-ландшафтная, связана со структурированием пространства Сибири. Вторая проблема — этно-идентификационная, связана со структурированием этносов Сибири и их мышления, то есть проблема субъекта сибирской ментальности. Сибирская ментальность складывается из вышеописанного сложнейшего этно-гео-

ландшафтного комплекса аборигенного мира Сибири, далее он спроецировал группы народов на определённые части Сибири и обрисовал краткие портреты некоторых этносов, в частности, эвенков.

Как он отметил, для Средней Сибири, сердцем которой считается Средне-Сибирское Плоскогорье, типичны таёжные и тундровые народы, живущие от Енисея до Верхоянского хребта. Среди них кеты, селькупы, эвенки, эвены, долганы, якуты. Эвенки являются типичным сибирским этносом, проживающим в Средней Сибири. Множество эвенкийских родов ученые группируют в несколько территориальных блоков: Прибайкальские, эвенки Среднего и Нижнего Приангарья, эвенки Подкаменной Тунгуски, эвенки Нижней Тунгуски, тунгусы Северо-Запада, тунгусы к западу от Енисея и др. Можно перечислить несколько: налягиры (от налэ — рука), чёлкогиры (от чёлком — орёл), мурмугиры (от мурбу — холм), чучингиры (от чучин — медь). В своей истории он столкнулся и с влиянием бурятского и якутского этноса, и с русским этносом, с народами уральской и палеоазиатской семьи. Адаптация и чувство баланса, почерпнутые из бережного отношения к природе, мобильность и сложная система родов характерна для эвенков.

Историю эвенков, пишет Д.А. Кузнецов, можно представить, как путь соблюдения тонкого равновесия между различными парами противоположностей. Между русским и бурятским влиянием, например. Или между кочевым и оседлым образом жизни. Выбирая одну сторону, эвенкам приходится отклоняться от другой. «Пойдешь за оленем — попустишься скотом, за скотом пойдешь — попустишься оленем». Принцип баланса усилий-отказов и достижений-потерь является важным для менталитета эвенков. К началу XX века после долгого процесса перехода к оседлости хозяйство эвенков представляло собой баланс четырёх видов деятельности: земледелие, скотоводство (лошадь, КРС, овцы), охота и рыболовство [4, с. 22].

«Качества характера эвенков, – подчеркивает он, – сильно зависят от уклада того или иного рода: «одни качества проявляются у тех эвенков, которые заняты в торговых и обменных процессах (русские «крестьяне завозили к тунгусам ружья, свинец, порох, ножи, топоры, ткани и некоторые продукты питания». Тунгусы привозили «для продажи несколько десятков тысяч белок, несколько сотен шкурок песца, а также горностаев, лисиц и несколько десятков «постелей» (оленьих шкур)». Например, «илимпийские эвенки «деликатны и щедры», обладают «развитым вкусом»: «не пьют кирпичного чая, не употребляют неочищенной водки или спирта». Наиболее состоятельные из них едят исключительно крупитчатый хлеб, охотно заводят серебряную посуду, в особенности ложки, или едят ложками из мамонтовой кости» [Там же, с. 102].

Далее подчеркивает, что сбалансированность проявляется не только в хозяйственной жизни, но и в ценностных ориентациях. По традиционным представлениям эвенков, тремя базовыми драгоценностями являются олень, огонь и бубен. Если не будет оленя, не будет пищи. Если не будет огня, не будет тепла. Если не будет бубна, не будет песен для души. Изначально, быть безоленным означало быть бедным. Олень давал эвенкам не только пищу. Из оленьего меха производилась одежда, обереги, сумки.

Вторая важная триада эвенков, также весьма сбалансированная — это трёхчастная вертикальная модель мира. В ней выделяются верхний, средний и нижний миры. При этом, верхний и нижний мир тоже трёхчастны. К этой форме относились не только мировоззренческие смыслы. Сложная родовая идентификация также включалась в эту модель. Например, долганы — народ эвенкийский по происхождению, называется также дулиганы (средние). Но кроме этого, есть сологоны — верхние, эдиганы — нижние [Там же, с. 185].

В родовой логике можно понять и смысл приобретения-утраты, описанные выше в связи с выбором между оленеводством и скотоводством. Особый интерес здесь представляют роды с именами, выражающими противоположные действия. Например, камчагиры и кармагиры. Камча — присоединять, а кэрмэ — отломанный. Сложная родовая идентификация эвенков — это как бы своеобразный познавательный аппарат сибирского этноса.

Таким образом, пишет Д.А. Кузнецов, менталитет эвенков можно назвать простым и сбалансированным. Несколько важных понятий сгруппированы в функциональные триады. Они описывают строение мира и соотносятся с важнейшими звеньями хозяйства сибирского этноса, включается сюда и имена многочисленных родов [4].

В. А. Туголуков выделял следующие свойства менталитета эвенков: «Необычайную географическую мобильность и замечательную способность к адаптации» [3, с. 275]. Это поддерживала и В. В. Горбачева: «Быт и культура таёжных народов – эвенков, эвенов, селькупов, лесных ненцев, юкагиров были приспособлены к постоянным передвижениям в поисках промысловой добычи и промысловых угодий» [2, с. 87].

Таким образом, резюмирует Д.А. Кузнецов, мотив адаптации является базовым как для групп русских старожилов, так и для эвенков. Способность к систематическим изменениям является общей для тех и других сибиряков, даже при кардинальном различии судеб и истории, хозяйства и уклада. Перемещение части эвенкийских родов из одних ареалов в другие, разбиение их, переконфигурация, слияние и включение — всё это было возможно благодаря адаптации и вело к образованию новых родов [4].

Вышесказанное в полной мере можно отнести и эвенам, и эвенкам Якутии, в том числе базовый **принцип** сбалансированности\чувство **баланса (Равновесие)**, почерпнутые из бережного отношения к природе\ который проявляется не только в хозяйственной жизни, но и в мировоззрении народов, в их ценностных ориентациях. У эвенов и эвенков он проявляется в балансировании в укладе жизни между оленеводством и скотоводством, охотой, рыболовством, между якутским и русским влиянием, проявляется в виде балансирования своей идентичности в поисках равновесия (баланса) между трансформацией исходных качеств тунгусского характера и приобретением новых качеств, ранее несвойственных, почерпнутых из иноэтничного окружения.

Кочевникам-оленеводам присущи исключительная географическая **мобильность *(Подвижность***), подвижность ума проистекает из подвижного образа жизни; яркие адаптационные способности, которые наложили отпечаток на качествах характера эвенов и эвенков\Вследствие подвижности (пространственной и ментальной) тунгусов (эвенов и эвенков) одним из важных базовых свойств является **адаптация (Приспособление),** «гибкое мышление» - быстрый и подвижный ум, готовый к систематическим переменам, постоянному кочевью, созвучному ритму природы, дополняемое такими качествами как открытость, выносливость, сила. В экстремальных климатических условиях Севера они выработали особый жизненный уклад, сохранили самобытную культуру/Исключительно суровые холодные зимы, огромные (в континентальных масштабах) пространства тайги и тундры, малочисленность населения – всё это выработало качества, которые позволяли бы преодолеть экстремальные условия жизни – терпимость и терпеливость. Как заметил по этому поводу Д.А. Кузнецов, западно-рациональный способ Нового времени господства над природой уступает Северной рациональности совместного с природой существования.

Итак, нами выделены и проанализированы основные психоментальные особенности этнолокальных сообществ эвенов и эвенков - оленеводов Якутии,

включающие в себя географическую мобильность/подвижность, яркие адаптивные способности и чувство баланса, почерпнутые из бережного отношения к природе, которые, свою очередь, наложили отпечаток на их мировоззрении, ценностных ориентациях, а также качествах характера этих народов. На уровне ментального пространства проанализированы такие аспекты как отношение Человека к Природе и его место в ней, которые формируют способы представления и комплекс мировидения, северную ментальность в целом как коллективный опыт взаимодействия человека с окружающей средой. Освоенное ментально пространство формирует соответствующие представления о человеке, его месте и роли, поведения, ценности, транслируемые из поколения в поколение. В этом свете логично исследование адаптивных ресурсов человека не только на физическом, но и на ментальном ракурсе, формировавших особую модель адаптации.

В целом, резюмируя вышесказанное, подчеркнем, что изменения ментальности касаются отношения к миру, когнитивных, ценностных и поведенческих составляющих, когда происходит усвоение новых смыслов и значений в сознании человека и этноса/ценностно-смысловые составляющие этнической ментальности. Историческое осмысление ментального освоения Севера предполагает дальнейшее изучение культурного кода аутентичных практик жителей холодных территорий как коллективного опыта взаимодействия человека с окружающей средой, анализ трансформаций традиционных картин мира индигенных этнических сообществ.

Научная новизна заключается в том, что впервые в рамках новой междисциплинарной методологии культурно-интеллектуальной истории, антропологии холода – в новой для отечественной гуманитарной мысли проблематике, изучается ментальный мир, аутентичные ментальные практики жителей холодных территорий как подвижной знаковой системы.

Научная ценность исследования заключается в получении новых материалов, позволяющих лучше понять и дать комплексную оценку интеллектуального и культурного наследия коренных малочисленных народов Севера. Проведенное исследование предназначено для сферы фундаментальной науки и практического применения в дальнейших научных исследованиях по актуальной арктической проблематике.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена в рамках НИР «Наследие Севера: ментальные, культурные и интеллектуальные практики освоения. Опыт столетий (междисциплинарные исследования)» (рук. Е.Н. Романова).

Список литературы

1. Бороноев А.О. Сибирский менталитет: содержание и актуальность исследования // Проблемы сибирской ментальности. СПб.6 Астерион, 2004. – 308 с.
2. Горбачева, В. В. Культура и менталитет народов Сибири / В. В. Горбачева // Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. – Санкт-Петербург: Астерион, 2007.
3. Туголуков, В. А. Тунгусы (эвенки и эвены Средней и Западной Сибири) / В. А. Туголуков. – Москва: Наука, 1985. – 286 с.
4. Кузнецов Д.А. Обзорная статья по введению в сибирский менталитет // Электронная база данных «Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур». URL: http://www.nationalmentalities.ru/diversity/nacionalnopsihologicheskie_osobennosti_etnosov_rossii/sibir/kuznecov_da_obzornaya_statya_po_vvedeniyu_v_sibirskij_mentalitet/(дата обращения: 13.06.2023).
5. Лавренова О.А. Книга о геокультурах Арктики \\ Известия РАН. Серия географическая, 2018, № 6, с. 128–132

УДК 930.253

Исследования о тюркском народе тофа (карагасах) в Турции

Иналджик Гульджан
доктор наук, Университет Мармара,
Институт Тюркологических Исследований,
Стамбул,Турция.
inalcikgulcan@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-3577-6338

Сазак Гёзде
доцент Др., Стамбульский Университет, Институт Тюркологических Исследований
Стамбул,Турция
gozde.sazak@istanbul.edu.tr
https://orcid.org/0000-0002-4845-2300

АННОТАЦИЯ Карагасы, тофа/тофалары нашего времени, представляют собой тюркский народ, находящийся под угрозой исчезновения в Российской Федерации. В данной работе будут рассмотрены исследования, проводимые в Турции, по языку, культуре, этнографии, истории и устному народному творчеству тофаларов, проживающих в наши дни на территории Сибири, и будет представлена краткая информация о содержании этих исследований. Она направлена на ознакомление с исследованиями тофаларов в Турции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тофа, тофалары, карагасы, Сибирь, сибирские тюрки.

Тофалары — сибирская тюркская община, проживающая в Нижнеудинске и его окрестных деревнях в Иркутской области в Южной Сибири в настоящее время в Российской Федерации. Если обратиться к русскоязычным источникам, то первые исследования по этнографии и культуре тофаларов, хотя и не имеющие к ним прямого отношения, относятся к XVIII веку. Начиная с XIX века, русские этнологи и лингвисты, такие как Петр Симон Паллас, Матвей Христианович Кастрен, Иоганн Готлиб Георгий, Юлий Штубендорф, Василий Васильевич Радлов, Николай Федорович Катанов, Виктор Николаевич Васильев, совершали экспедиции с целью изучения истории, культуры и этнографии народов, проживающих в сибирском регионе. Естествоиспытатель Петр Симон Паллас первым упомянул тофаларов в научной литературе как «карагасских татар» в своем труде «*Путешествие по Разным Местам Российского Государства*», изданном в 1788 году. [5, с. 103].

История происхождения тофаларов до конца не ясна. До Октябрьской революции тофалары жили пятью племенами: Каш, Сарыг-Каш, Чогду, Кара Чогду и Чептей. Их называли *карагасы и карагасские татары* в научных исследованиях до Октябрьской революции. [5, с. 103]. Лингвист и этнолог М. Х. Кастерн совершил экспедицию к карагасам в 1849 г. Во время этой поездки он обнаружил признаки самоедов в племенном составе карагасов и что карагасы были по происхождению самоедами. [16, с. 5]. В XVIII веке был ещё один учёный, посещавший карагасов — немецкий естествоиспытатель и географ Й. Г. Георги. В третьем томе его труда «*Описание Всех Обитающих в Российском Государстве»* автор представил карагасов следующим образом: *"Каракассы, принадлежашие к небольшим остаткам Красноярских народов Семоядского племени"* [3, с. 19]. Русский востоковед и тюрколог Радлов определил карагасов как «*самое восточное тюркское племя Южной Сибири*». [15, с. 205]. По сведениям, приведенным Радловым, карагасы в то время напоминали своих соседей татар по одежде, обычаям и образу жизни. Тот факт, что они занимались охотой и

содержанием северных оленей, зимние чумы, которые они делали полностью из оленьей шкуры по самоедскому обычаю, показывают, что они частично самоеды по происхождению. [15, с. 207]. Н. Ф. Катанов, русский ученый тюркского происхождения (хакас), совершивший экспедицию к карагасам в 1890 г., утверждал, что имя карагасов впервые упоминается в китайских летописях в V в., идёт от урянхайцев, называвших себя Туба (сегодня Тува), и заявил, что карагасы произошли от Дубо (Тубо/Туво). [11, с. 5]. Он также заявил, что карагасы говорили почти на том же языке, что и урянхайцы Северной Монголии в 1890 году, и называли себя *Туба*. [12, с. 285]. Также тофа как этноним связывают с названием государства То-па (Табгач), существовавшего в IV-VI вв. на Северо-Западе Китая. Синолог В. Эберхард утверждал, что тофа - это табгачи, упомянутые в орхунских надписях, и что табгачи называются *тоба* в китайских источниках. [4, с. 19]. Наиболее вероятно, что в результате ряда преобразований имя *Дубо* видоизменилось до *Туба/Тоба*. Турецкий историк Салих Йылмаз также утверждал, что племена самоедов и кетов принимали участие в этническом формировании тофаларов, но тюркские племена *Туба* сыграли наиболее важную роль. [18, с. 419].

Тофалары, ведущие кочевой образ жизни, осели, начиная с 1930-х годов. Район, где сегодня проживают тофа, на северо-восточных склонах Саянских гор, называется *Тофалария*, что означает земля тофа. Окруженная Восточными Саянами, Тофалария является местом, где эта алтае-сибирская тюркская группа, живущая в сложных условиях между горами и дикой природой, сохранила свою уникальную традиционную культуру. Тофалария в XVII. веке подверглась Русскому вторжению и оккупации. Сегодня тофалары получают образование в своих школах на русском языке. До образования Советского Союза у тофаларов было свое собрание под названием Суглан. [20].

Согласно *"Вымирающему племени Сибири"* Катанова [10, с. I] численность тофаларов в 1851 году была 543; в 1894 - 349; в 1926 - 417; в 1959 - 586; в 1970 - 620; в 1989 - 722; в 2002 - 837 человек [15, с. 205; 2, с. 2; 19]. Сегодня на территории Тофаларии, что составляет 26 000 км^2, проживает 1191 человек, 686 из которых тофа: в селе Алигкер Нижнеудинска - 256; в селе Нерха – 141; в селе Верхняя Гутара проживает 289 тофа. [17, с. 4]. Язык тофа входит в саянскую подгруппу тюркской группы урало-алтайской языковой семьи. [18, с. 419]. Тофалары – один из древнейших народов Саянских гор. Охота и кочевая охота на оленей составляют основу их традиционного хозяйства.

В XX веке проводятся исследования произведений устного народного творчества и языка тофаларов в Турции. Очевидно, что с началом второй половины века количество этих исследований увеличивается день ото дня. В нашей стране первые исследования тофаларов, в основном, сделаны русскими учеными и переведены на турецкий язык. Исследования, проведённые русскими учеными, помогают в изучении богатого этнографического, языкового и культурного материала народа тофа.

Первые упоминания о тофаларах в Турции можно найти в первом томе «Aus Sibirien» Радлова, переведенного на турецкий язык татарским тюркологом из Казани Ахметом Темиром. Работа, первое издание которой вышло в свет в 1884 году, состоит из двух томов. Она была опубликована в Турции в 1954 году. Автор, который пробыл в Сибири 12 лет, с 1859 по 1871 год, тюрколог Радлов, зимой работал преподавателем, а летом путешествовал между различными тюркскими племенами, проживающими в Сибири и Туркестане, для сбора материалов по языку, этнографии и истории. Во время этих поездок Радлов собирал материалы по языку, народной литературе, археологии, географии, статистике и хозяйству разных тюркских племен. Сведения о тофаларах в работе находятся на страницах 205-207.

Другим источником о тофаларах являются *«Güney Sibirya Türkçesi Metinleri (Южносибирские тюркские тексты)»* Решита Рахмети Арата, татарского тюркологa.

Работа была опубликована Турецким институтом исследования культуры в 1994 году. Р. Р. Арат включил 29 фрагментов текстов народного творчества из первого и девятого томов серии Радлова «Пробен», принадлежащих тюркам Южной Сибири. В «Содержании» работы для каждого текста даны номера страниц текста «Пробена» и тома, что позволяет читателю при необходимости свериться с публикацией Радлова. В работу включены четыре текста на карагасском диалекте, составленные Катановым и опубликованные в девятом томе «Пробена». Эти тексты находятся на страницах 34-40. Данные тексты о карагасах Арат написал собственноручно. [1, с. 34-40].

Произведения Катанова являются очень важными источниками в Турции с точки зрения изучения традиционной культуры тофаларов и произведений устного народного творчества. Как известно, Катанов, после окончания Санкт-Петербургского университета был направлен в Сибирь и Восточный Туркестан для сбора данных о различных тюркских народах Российской академией наук и Русским географическим обществом, по предложению и поддержке Радлова. Во время своего четырехлетнего путешествия с 1888 по 1892 год Катанов побывал в Сибири, Монголии, Туркестане и Китае и вел записи об обычаях и традициях, быте, языках, культурах, этнографии и устном народном творчестве живущих там различных тюркских народов. Он регулярно отправлял письма с этими записями своему учителю Радлову. Эти письма вместе с предисловием Радлова были опубликованы в России в 1893 году под названием *Письма Н. Ф. Катанова Сибири и Восточного Туркестана*. Данная работа была опубликована в Турции в 2008 году как *Sibirya'dan ve Doğu Türkistan'dan Mektuplar*. В произведение включены путевые заметки Катанова от 18 февраля 1890 года. В то время, когда Катанов был среди племен карагасов, он записал названия костей карагасских, названия 12 месяцев года, названия рек и речек, названия деревьев, предания о происхождении 5 карагасских костей, обычаи племени (рождение, женитьба и похорона), обряд посвящения горному и водяному духу коней и оленей, о жизни шаманов, о количестве племени Каоагасов и количестве содержимых ими оленей и проч. [14, с. 24]. Сборники, которые Катанов записал среди карагасов в 1890 году, были изданы отдельной книгой в 1891 году по приказу Императорского Русского географического общества под названием «*Поездка к Карагасам в 1890 Году».* Некоторые сведения, содержащиеся в этой работе Катанова, были включены в девятый том (страницы 598-658) работы Радлова, изданной в 1907 году в Санкт-Петербурге «*Образцы Народной Литературы Тюркских Племен. Наречия Урянхайцев, Абаканских Татар и Карагасов»*.

Первой, кто работал над этим произведением Катанова в Турции, была д-р Гюльджан Иналджик. В своей докторской диссертации «*Жизнь, библиотека и труды Николая Федоровича Катанова в области тюркологии*» Г. Инальджик перевела работу на турецкий язык и провела подробный анализ ее полевых источников. По словам Иналджик, это ценный ресурс, который предоставляет очень важную информацию для исследований, проводимых в Турции, в отношении культурных структур, этнических и демографических элементов других народов, с которыми они проживали на территории Южной Сибири, и, прежде всего, карагасов в XX веке. В работе рассматриваются устные литературные произведения карагасов. Эта работа Катанова, которую он создал на основе данных, полученных им в полевых условиях около 130 лет назад, до сих пор сохраняет свою ценность с точки зрения изучения традиции устной литературы тофаларов. Кроме того, крайне значимо, чтобы работа была опубликована на турецком языке, поскольку она является источником для исследований по этнографии и культуре народа тофа. [9, с. 186-205].

Другое произведение Катанова, включающее в себя традиции и обычаи карагасов, — «*Среди тюркских племен*», изданное в 1893 году. Впервые эту работу Катанов представил в виде доклада на общем заседании Императорского Русского

географического общества 19 мая 1893 года. Позднее он был опубликован в двадцать девятом томе «Известий», печатного органа общества, в 1893 году и был переведен на турецкий язык Аттилой Багчи в 2004 году под названием «*Türk Kabileleri Arasında*». Во вступительной части исследования Катанов пишет о том, что сведения, приведенные в работе, он обобщил во время своей первой научной экспедиции в 1889-1892 гг., когда он получил задание от Императорской Российской академии наук и Русского географического общества изучить Тюркские племена с этнографической и лингвистической точки зрения. Далее он описывает, что в подробностях изучил, согласно подзаголовкам, повседневную жизнь урянхайцев, карагасов, казахских кыргызов, сартов, китайских, аксуских, лобнорских, логученских, хамийских и минусинских татар и их устную литературу. В исследовании можно найти подробные сведения о поселениях, населении, обрядах погребения и жертвоприношения, поверьях, толкованиях снов и сказках карагасов. [13, с. 108-112].

В последнее время турецкие ученые увеличивают количество исследований тофа. Первым непосредственно заинтересованным в тофа в Турции, является член факультета Стамбульского университета, доц. Али Ылгын. А. Ылгын подготовил докторскую диссертацию о языковых структурах тофа. Ученый был среди тофа и имел возможность непосредственно наблюдать их язык и культуру. Работа Ылгына под названием «*Tarihi Karşılaştırmalı Tofa (Karagas) Türkçesi-Biçim Bilgisi*» была представлена в Институте социальных наук Университета Гази под руководством проф. Ахмета Биджана Эрджиласуна, разработана с использованием образцов текстов и впоследствии стала книгой. Ылгын в своем исследовании изучил морфологию тофаларов, которая никогда не изучалась в турецкой тюркологии, исторически и сравнительно. Он пытался определить структурные и функциональные свойства морфем в языке тофа. [6]. Работа очень ценна тем, что это современное исследование, основанное на полевых заметках.

Еще одна работа Ылгына о языке тофаларов – научная статья *"Tofa (Karagas) Türkleri ve Dilleri Üzerine (О тофаларах (карагасах) и их языке)"*. Ылгын в своем исследовании охватил социокультурную историю тофа, историко-сравнительные фонетические особенности языка тофа и наличие фонем. [5, с. 103-112].

Ылгын также занимается изучением устной литературы тофаларов. Первое из этих исследований – научная статья под названием *"Tofa (Karagas) Türklerinin Atasözleri (Пословицы тофаларов (карагасов))"*. Ылгын в своем исследовании рассмотрел по форме и содержанию 79 пословиц, принадлежащих тофаларам, которые выжили в Сибири и столкнулись с опасностью вымирания, и сделал тематическую классификацию. [8, с. 115-130]. Другое исследование посвящено загадкам тофаларов. Илгын в своей статье под названием «*Tofa (Karagas) Türklerinin Bilmeceleri (Загадки тофаларов (карагасов))*» стремился внести свой вклад в исследования, которые необходимо провести для определения культурных кодов тюркских племен, путем изучения 74 загадок, принадлежащих тофа, в двух частях, по форме и содержанию. [7, с. 79-94]. Работы Ылгына внесли большой вклад и стали областью изучения, осуществляемой в Турции, языка и народной культуры тофаларов.

Еще одно исследование о тофаларах проведено профессором Университета Анкары им. Йылдырыма Беязита. принадлежит проф. Салиху Йылмазу. В работе «*Rusya'da Kimler Yaşıyor? Rusya Federasyonu Etnik Atlası* (*Кто живет в России? Этнический Атлас Российской Федерации)*» были рассмотрены 123 этнические общности, проживающие на территории Российской Федерации. Заявив, что тофалары являются общиной тюркского происхождения, С. Йылмаз представил краткую информацию о структуре населения, языках, религиях, культурах, общественной жизни, основных источниках дохода, одежде и народной литературе (песни, сказки, легенды, пословицы) тофаларов. [18, с. 419-421].

Таким образом, перевод работ российских исследователей на турецкий язык имеет большое значение для развития исследований тофаларов в Турции. Молодые ученые, интересующиеся предметом, обязаны проводить полевые исследования среди тофа в рамках сотрудничества между университетами Турции и России. Благодаря этим исследованиям, будет заполнен большой пробел в турецкой тюркологии и будет сделан значительный вклад в развитие этой области.

Список литературы

1. Arat, R.R. Güney Sibirya Türkçesi Metinleri. // Haz. O. F. Sertkaya, Türk Kültürü Araştırma Enstitüsü Yayınları: 142, Seri IV, Ankara 1994. 217 s.
2. «Вымирающее племя» // Сибирская Жизнь, № 63, 20-го Марта 1899, 2 с.
3. Георги, Иоганн Готлиб. О Народах Самоедских, Маньчжурских и Восточных
4. Сибирских, Как и О Шаманском Законе. // Императорская Академия Наук, Часть 3, СПБ 1799, 116 с.
5. Eberhard, W. Toba'lar Etnik Bakımdan Hangi Zümreye Girer? // Çev: İkbal Berk, Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi, 1 (2) 1943, S. 19-30.
6. Ilgın, A. Tofa (Karagas) Türkleri ve Dilleri Üzerine. // Tehlikedeki Diller Dergisi, Cilt 1, Sayı 11, 2012, S. 103-112.
7. Ilgın, A. Tarihi Karşılaştırmalı Tofa (Karagas) Türkçesi-Biçim Bilgisi. // Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara 2015, 296 s.
8. Ilgın, A. Tofa (Karagas) Türklerinin Bilmeceleri. // Folklor/Edebiyat, Cilt:22, Sayı:85, 2016/1, S. 79-94.
9. Ilgın, A. Tofa (Karagas) Türklerinin Atasözleri. // Türkbilig, 2016/32, S. 115-130.
10. İnalcık, G. Nikolay Fedoroviç Katanov'un Hayatı, Kütüphanesi ve Türkoloji Alanındaki Eserleri. // İstanbul Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, Yayımlanmamış Doktora Tezi, İstanbul 2022, 544 s.
11. Катанов Н.Ф. Поездка к Карагасам в 1890 году. // Записки русского географического общества. 1891. Т. XVI, Вып.2.: Отд. оттиск. 96 с.
12. Катанов, Н.Ф. О Погребальных Обрядах у Тюркских Племен Центральной и Восточной Азии. // Казань: Типо-лит. Импер. Унив., 1894. 34 с.
13. Катанов, Н.Ф. Предания Присаянских Племен о Прежних Делах и Людях. // Записки Импер. Русс. Геог. Общ., Том XXXIV, Тип. В.Ф. Киршбаума, Ст. Петербург 1909, С. 265-288.
14. Katanov, N. F. Türk Kabileleri Arasında. // Çev.: Attila Bağcı, Kömen Yayınları, Konya 2004, 156 s.
15. Katanov, N. F. Sibirya ve Doğu Türkistan'dan Mektuplar. // Çev. Burçak Okkalı, Türk Dil Kurumu Yayınları, Ankara 2008, 85 s.
16. Radloff, W. Sibirya'dan I. // Çev. Ahmet Temir, Maarif Basımevi, İstanbul 1954, 258 s.
17. Рассадин, И.Г. Хозяйство, быт и Культура Тофаларов. // Автореферат Диссертации на Соискание Ученой Степени Кандитата Исторических Наук, Улан-Удэ 2000, 37 с.
18. Тофалария: Прошлое и Настоящее: Фотоальбом. // Сост.: Н.И. Ленкова; ред. Г.М. Кородюк; фото: С. Падалко, С. Игнатенко, Н. Ленкова; Министерство культуры и архивов Иркутской области, Областной центр народного творчества и досуга. – Иркутск: ОЦНТиД, 2009, 70 с.
19. Yılmaz, S. Rusya'da Kimler Yaşıyor?: Rusya Federasyonu Etnik Atlası. Ankara, 2020. 467 s.
20. [Электронный ресурс] URL: https://lingsib.iea.ras.ru/ru/languages/tofa.shtml, [дата обращения: 2.06.2023]
21. [Электронный ресурс] URL:https://www.yenicaggazetesi.com.tr/tofa-turklerini-biliyor-musunuz-bakin-nerede-yasiyorlar-turkce-konusurken-672156h.htm [дата обращения: 12.06.2023]

УДК 398.4

Образ жилища в хакасских мифах, легендах и преданиях

Кранчев Дмитрий Алексеевич
Студент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
кафедра истории
Абакан, Россия.
D.kranchev@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-4206-8455

АННОТАЦИЯ Статья посвящена образу жилищ в хакасских мифах, легендах и преданиях. Автор рассматривает ритуальный комплекс хакасов, связанный с жилищем. В работе автор описывает традиционные представления о выборе места и материала для строительства жилища, процесс возведения жилища и ритуалы, связанные с заселением. Изучив фольклор, автор выделяет из мифов и легенд упоминания и представления о жилищах, а также присутствует описание внутреннего убранства, вооружения и кухонной утвари. В работе представлено отношение хакасов к заброшенным жилищам и обитаемых в них духов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Хакасско-Минусинский край, Хакасия, традиционное жилище, мифы, легенды, предания.

Традиционная культура является главнейшим предметом исследования этнографии. Важнейшее место в ней занимает изучение жилища. Оно, являясь компонентом материальной культуры, входит в систему духовной культуры. Изучение жилища в контексте мифов, легенд и преданиях показывают нам не только внешний вид, размер и территориальное расположение дома, но и помогает нам восстановить приблизительную картину быта и нравов. Жилища по праву можно называть своего рода зеркалом, отражающим жизнь народа.

Сегодня мы видим возросшую популярность к традиционной культуре, а вместе с тем и к традиционному жилищу. Данный факт и определяет актуальность нашего исследования.

Хронологические рамки работы охватывают временные рамки с конца XIX начала XXI в. Данные хронологические рамки, прежде всего, выбраны состоянием историко-этнографической литературы по данной теме исследования. Стоит выделить следующих автором, внесшие значительный вклад в историю изучения традиционного жилища: А. А. Кузнецова, В. Я. Бутанаев.Е.К.Яковлев, К. М. Патачаков, В.А. Бурнаков.

В трудах приведённых выше ученых собран и систематизирован полевой этнографический, архивный и фольклорный материал. Жилище – дом (*иб*) сакральный элемент части человечества. Именно в жилище проходит весь жизненный цикл – рождение, взросление и смерть. Дом служил надежной защитой от внешних взаимодействий, являясь при этом основой системы жизнеобеспечения, работы и отдыха. Важно отметить о веровании хакасов, что каждое жилое пространство обладает *хуйах* (*куяк* – доспехи), которая защищала жилище от действий шаманов и злых духов [3, с. 309]. Сила *хуяаха* могла увеличиться обрядовым путем почитания очага. В этой связи хакасы называли его *кізі (чурт) хуйағы* – берегом человека, семьи и дома [6, с. 61]. При этом верили, что благоденствие людей зависело и от месторасположения жилища. Большим значением был выбор места под строительство дома. Важно учитывалось при постройке два фактора – утилитарный и символический.

Большое предпочтение отдавалось смешанной местности (горы и леса) с близким доступу к водным источникам и наличием территорий пригодных для устройства пастбищ:

«У подошвы снежной той вершины,
У потока пенного речного,
Посреди степей необозримых,
Белый скот стоял и в той округе,
Жил народ – большой, неисчислимый» [13, с. 41].

Говоря о важности наличия поблизости с жилищем леса стоит отметить, что он представлял собой не только местом для осуществления добывающего промысла, но и пищевым и лекарственным сырьем. В. А. Бурнаков писал – «Местность, в которой произрастало много криво растущих уродливых деревьев, либо имелись какие-либо аномалии, считалась непригодной для проживания» [2, с. 73].

При постройке жилища учитывалось направление и какой ветер преобладает – теплый или холодный. Теплый ветер означал хороший знак – *хазых чир* (здоровое место), *арығ чир* (чистое место). Семья при таком раскладе будет жить без нужды, дети будут расти здоровыми, а скот будет крепкий без болезней.

Существовали и другие способы определения лучшего места для строительства. По В. Я. Бутанаеву: «Для постройки нового дома выбирали место следующим образом. Становились к нему спиной и через плечо бросали хлеб. Если он упадет вверх лицом – значит место счастливое, если вниз – к худу. Затем на ночь клали пенек. Если в него заползает паук – к счастью, если жук – плохо» [6, с. 60].

Особое вниманию уделяли установки матицы – потолочного бревна или бруса являющимся основой для крыши. Для хакасов она, наряду с очагом, являлась важным сакральным предметом, которое показывает благополучие и достаток в жилище. На матицу вешали ритуальные ленточки *чалама.* Когда водружали матицу устраивали большой праздник. Устанавливали ее один раз, больше ее трогать не позволялось, обязательно при этом под нее клалась монетка [3, с. 318].

Завершение строительства жилища всегда было связанно с праздником новоселья. На новоселье приглашались родственники и знакомые. Данное мероприятие являлось необходимым для будущей счастливой, спокойной и благополучной жизни на новом месте. В процессе празднования большое внимание отводилось тому, чтобы гости произнесли благопожелание в честь духа домашнего очага, гор и рек – *алғыс*.

На праздновании почитание огня (очага) являлось важным, сакральным обрядовым действом. Обращение к очагу осуществлялось в форме монолога. В обращении всегда присутствовал восхваление божества и просьба о защите и даровании благ.

По хакасским преданиям особо ценился стол. Он стоял в переднем углу и на него нельзя было не только садиться, но и облокотиться, так могли поступать только бескультурные таежные *чыстангасы* (таежные асы). Ребенка нельзя было класть на стол иначе тот станет капризным, а если ребенок посмотрит между ножками стола, то жди гостя. Пришедшему гостю нужно было съесть все что положено на столе иначе стол проклянет гостя: «Ты не пробовал мои сласти, поэтому ходи голодным и страдай жаждой!» [6, с. 61]. За столом остерегались называть вещи своими именами и применяли иносказание. Его нельзя шатать, иначе люди не будут сытыми. Когда убирают со стола, то крошки нельзя сметать в сторону дверей, так как.к. уйдёт счастье (улус).

Говоря о двери (ізік) стоит сказать, что она была строго ориентирован на восток. «Тор кидер – ізік іскер». –«Почётный угол на западе, а дверь на востоке».

Говоря о образе жилища в хакасских мифах и легендах стоит отметить вклад В. Я. Бутанаева [4]. В мифе о белоглазом народе ах-харах приводится описание жилищ, как о укрепленным домах, стены которых возводились из громадных каменных плит, по четырем углам которых ставились каменные столбы. В легендарных рассказах о кыргызах также говорится о том, что жили они в каменных домах.

Упоминание юрты встречается в мифах о мохсагалах и муслалах, где приводится описание внутреннего убранства, например, шкафа «киртпе», орудий ближнего боя – секира, медная булава, каменный топор и хозяйственно-бытовых вещей – колотушка, вертел, зернотерка. В мифе о сыгырах есть упоминание о большой деревянной срубной юрте в которой жили семь великанов (сыгыры). Важно отметить географическое расположение юрты на горе Хара-таг у подножья которой протекал ручей и рос лиственный лес.

Следует далее отметить такой тип жилища как балаган (одаг, шалаш, палатка). Такой тип жилища встречается в мифах и легендах, связанных с охотой в тайге. В легенде о стрелке Адорсе и горных духах одаг описывается как временное жилище с очагом внутри и дымовым отверстием. Так же описание одага, как временного промыслового жилища охотника описывается в легендах о стрелке Пиксене и змеинном царе.

Важно сказать и об отношении хакасов к заброшенным жилищам. В мифе о духах заброшенных жилищ два охотника, возвращаясь из тайги встретили заброшенное зимнее кочевье. Один из них решил переночевать в заброшенной юрте, а другой на старом кладбище. Уснувший среди могил проснулся целым и сытым, его накормили души умерших и остерегали от злых духов. Его товарищ, ночевавший в юрте, долго не выходил из нее. Через некоторое время из жилища выскочила тощая собака с окровавленной пастью – нечистая сила, загрызшая охотника.

Таким образом, в фольклоре хакасов широко представлены и описаны не только типы существовавших жилищ, но и природно-географическое пространство их расположения. На мифологическом уровне мы видим выражение в почитании духов-хозяев природы и духов-защитников, при произнесении алғысов. На примере последнего мифа мы можем наблюдать выработку определенных норм поведения и действий, представляющих своего рода морально-этический кодекс народа.

Список литературы

1. Албынжи. Хакасское героическое сказание. Красноярск: Красноярск. кн. изд-во, 1984. 134 с.
2. Бурнаков В.А. Духи Среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 197 с.
3. Бурнаков В.А. Жилище в традиционных верованиях и обрядности хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия:
4. История. Филология. 2011. Вып. 7. С. 308–322.
5. Бутанаев В.Я. Мы родом из Хонгорая. Хакасские мифы, легенды и предания. Абакан: ООО «Кооперация «Журналист», 2010. 240 с.
6. Бутанаев В.Я. Поселения и жилища хакасов // Народы Сибири. Кн. 3. Сибирский этнографический сборник. М.: Изд-во ИЭА РАН, 1997. Вып. 8. С. 118–139.
7. Бутанаев В.Я. Традиционная культура и быт хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1996. 224 с.
8. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. 240 с.
9. Кузнецова А.А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев // Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Тип. Енис. губ. упр., 1898. С. 105–213.
10. Кыржинаков А.А. Традиционные промысловые жилища у тюркских народов Саяно-Алтая // Мир Большого Алтая. 2019. Вып. 5. С. 373–388.

11. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Вост. лит., 1995. 408 с.
12. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII–XIX вв.). Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1958. 104 с.
13. Патачаков К.М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1982. 88 с.
14. Сарыг-Чанывар // Сибирские сказания. М.: Современник, 1991. С. 40–124.
15. Шибаева Ю.А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения института этнографии. 1950. Вып. 10. С. 40–53.
16. Яковлев Е.К. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея и Объяснительный каталог Этнографического отдела музея. Описание Минусинского музея. Минусинск: Тип. В. И. Корнакова, 1900. Вып. 4. 212 с.

УДК 39

Традиции строительства жилища агас иб у хакасовв этнографическое время и современные экспозиции этих жилищ в музеях Хакасии

Прищепа Евгений Валерьевич
кандидат исторических наук
директор ГКУ Республики Хакасия «Национальный архив»
Абакан, Россия.
pri-evg@r-19.ru
ORCID: 0000-0002-0344-3179

АННОТАЦИЯ Стационарное многоугольное деревянное срубного типа жилище с выпуклой крышей – *агас иб* получило своё широкое бытование в системе традиционного жизнеобеспечения хакасов в XIX в. и оставалось известным в летнем исполнении до конца XX в. XIX–XX вв. становится временем широкого его распространения у этноса. В конце XX в. многоугольные бревенчатые жилища еще сохранялись в ряде аалов Хакасии. Рубеж XX–XXI вв. стал временем, когда жилище *агас иб* утратило свое прежнее значение в материальной культуре этноса. В настоящее время в ряде музее Республики Хакасия находятся макеты, являющиеся новоделами традиционного хакасского жилища *агас иб*, почти всегда именуемые «юртой», хотя, как таковым типологически не являющимся. Проблема использования правильной номинации жилища, на основе состоявшегося научного выявления его генезиса и типологии, остается в числе задач по сохранению этнической памяти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Хакасия, хакасы, традиционное жилище, *агас иб*, музеи Республики Хакасии

К особой самобытной группе построек народов Южной Сибири относятся жилища, остовом которого служит многоугольный сруб с выпуклой крышей. Областью распространения многоугольного сруба являлись территории проживания бурятов, якутов, хакасов, тувинцев, алтайцев.

У хакасов летнее бревенчатое жилище срубного типа получило название *киртken иб*, этнограф К. М. Патачаков определял его как «срубная юрта», в народной интерпретации – *ағас иб*, летняя юрта – *чайғы иб* [1, с. 19]. Жилище было широко распространено в Хакасии в конце XIX – начале XX вв.

Жилище могло быть как квадратной и прямоугольной, так и многоугольной формы. Особенностью конструкции *агас иб* у хакасов явилось то, что жилище могло иметь костровую (шатровую) или коническую крышу. Существовали различия и в плане жилища.

Традиционно для жилища *агас иб* был характерен открытый очаг в центре. Позднее к концу XIX – XX вв., в результате все большего возрастания влияния русской строительной культуры в регионе, появляются русские глинобитные или железные печи с трубой.

Такая характеристика *агас иб* как многоугольность отражала своеобразие данного жилища для каждой из групп хакасов: у качинцев бытовали – 8 и 10 угольные; у сагайцев – 6 и 8 угольные; у кызыльцев – 4 и 6 угольные. У качинцев, по А. А. Кузнецовой, прежний вариант 6-угольного жилища был вытеснен 8 и 10 углами, а у кызыльцев, по сведениям К. М. Патачакова, более распространенным типом сруба жилища был с 4 углами [2, с. 115–116: 1, с. 21]. Таким образом, количество углов в срубе варьировалось и могло составлять 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 14 углов [2, с. 115–116; 3, с. 45].

Археолог И. Л. Кызласов обратил внимание на разные срубные техники строительства многоугольных бревенчатых *иб* (*агас иб)*. *Агас иб* рубились в основном

«в лапу», четырехугольные жилища рубились «в обло» [4, с. 34]. Данное обстоятельство свидетельствует об устойчивости традиций строительства, которое в свою очередь говорит о разном происхождении типов жилищ. Вязка «в лапу», используемая при строительстве *агас иб,* исторически соответствует аналогичной технике погребальных построек Тувы и Хакасско-Минусинской котловины ближе к гуннской эпохе [4, с. 34]. Поэтому можно констатировать, что многоугольная традиция постройки с выпуклой крышей весьма древняя и навряд ли возможно определить место возникновения и первоначального распространения по Евразии наземных многоугольных жилищ с дарбазным перекрытием.

Рубеж XIX–XX вв. был временем распространения жилища *агас иб* Этнограф А. А. Кузнецова отмечает его летнее использование [2, с. 115, 116]. В целом бедные домовладельцы, в отличие от состоятельной части населения региона, имели более простые в конструктивном отношении и по размерам площади жилища. Так, бедная часть населения имела 5-ти угольные жилища, богатые 12, 14-ти угловые, т.е. срубные жилища с максимальным количеством углов становятся принадлежностью привилегированной части населения.

Этнографические свидетельства позволяют говорить о всесезонном характере использования жилища в быту состоятельных жителей.

Агас иб, рубили на месте постройки, затем разбирали и перевозили в аал. Нижний ряд брёвен иногда клали на фундамент из камней. Рубили в «замок» или чаще всего «в лапу». Среднее жилище имело 8–10 венцов, длина каждой стороны достигала 5 аршин (3,55 м. – *П. Е.*). Длина восьмиугольной юрты достигала от 8 ½ – 12 аршин (6–8,5 м. – *П. Е.*) и 4½ аршина до дымового отверстия (примерно 3,2 м. – *П. Е.*) Венцы деревянного срубного жилища, как и избы, прокладывали мхом, снаружи обмазывали глиной. Пол был земляной, в редких случаях деревянный, окон не было [2, с. 117–118]. Приведённые А. А. Кузнецовой размеры жилища, по свидетельству К. М. Патачакова, совпадают с восьмиугольным жилищем *агас иб*, сохранившимися в 80 гг. XX в. в Аскизском районе [1, с. 22].

Очень высокие юрты коренные жители считали холодными и темными [2, с. 117].

Этнограф К. М. Патачаков оставил описание постройки и конструкции *агас иб.* Углы сруба рубились в лапу («*хыйган*»), реже «в замок» («*кирткен*»). Крыша («*чабыг*») возводилась из тонких бревен («*хыйынды*»), которые складывались в клетку. Концы *хыйынды* были обтесаны наискось и прилегали к концам двух соседних бревен. В верхней точке крыши находился круглый дымоход («*тӱнӱк*»). *Хыйынды* покрывались корой лиственницы или бересты, или их комбинировали для покрытия вместе: сначала клали бересту, а потом кору лиственницы или землю. Покрытие *чабыг* придавливали жердями или палками. Состоятельные жители использовали для кровли тёс [1, с. 21–22].

Этнограф А.А. Кузнецова оставила методику подсчета стоимости срубного *иб*. В основе подсчета находится такой критерий, как угол (*пулун*), рубка угла стоила от 1 до 2 руб. Постройка всего жилища и устройство крыши обходилось порядка 40 руб. Стоимость *иб* колебалась от 10 до 100 руб. для разной местности. Срок службы лиственной *агас иб* составлял 50 лет, сосновой – 25 лет [2, с. 117–118].

Убранство срубного жилища было такое же, как и в других жилищах. Основное отличие заключалось в большем количестве скарба у богатых домовладельцев [2, с. 118].

Жилище имело дверь в восточной стороне стены. Деревянная дверь открывалась наружу при помощи железной скобы или пропущенной насквозь веревки с узлами на обоих концах или же круглой палки [2, с. 119].

Иногда вместо замка на двери устанавливалась задвижка, представляющая собой две скобы и засов из дерева с несколькими зарубинами. Засов был закреплен между

скобами изнутри, но к нему был доступ через небольшое отверстие снаружи, куда пропускался железный или деревянный крюк, перемещающий засов. В Кызыльской Управе такие засовы делали для мельниц (мутовок) [2, с. 119].

Для обогрева жилища использовали очаг, позднее была небольшая битая из глины печь *кемеге.* Справа от входа в *иб* у кызыльцев и качинцев устраивался небольшой очаг с прямой трубой в виде камина для тепла и света [2, с. 128]. Более усовершенствованные печи по своему устройству находились направо от входа. Одна печь в виде очага с прямой трубой для тепла и света, другая кубической формы для печения хлебов и приготовления айрана. Печи обмазаны глиной, выбелены, были сделаны на небольшом возвышении [2, с. 134].

Многоугольное *агас иб*, служившее летним помещением у кызыльцев, вышло из обихода с середины XIX в. [5, с. 193].

На рубеже XIX–XX вв. появляются жилища с окнами (2–3 окна), дощатыми полами. Неизменными остаются покрытие из лиственной и березовой коры [2, с. 134].

В Национальном архиве РХ нами найдено описание конструкции срубного восьмиугольного жилища в с. Аршаново. Жилище было построено в 1924 г. Котожековым Федотом (Масло). Стены жилища состояли из 7–8 венцов длиной 1,7 м. Венцы были обтесаны с обеих сторон. Длина венца (неразборчиво. – *П. Е.*) составляла 2 м 82 см., ширина – 23–24 см. Диаметр жилища составлял 7,5 м. при высоте от пола до дымохода – 2,85 м. Диаметр дымового круга (*харач*) – 72 см. Ширина и высота круга была 14×14 см. Конструкция тесовой крыши включала 8 стропил длиной 3 м 60 см., скреплявшихся на круге дымохода, где было сделано выемное гнездо. Нижним концом стропила опирались на бруски (поперечину) в угловых соединениях двух стен остова жилища. Общее их количество было 8 по числу углов жилища. Стропила между собой соединялись параллельными перекладинами. Крыша крепилась гвоздями на верхнем венце юрты, на перекладинах и на круге дымохода. Дверь с восточной стороны, открывается справа налево (6).

Для стационарного многоугольного деревянного срубного типа жилища с выпуклой крышей – *агас иб,* всесезонность которого фиксируется в XIX в., а летний характер использования концом XX в., вопрос генезиса гипотетически связывается с периодом таштыкской культуры середины первого тысячелетия н.э., место происхождения установить пока не представляется возможным. На древность жилища, когда преимущественно использовалась вязка «в лапу», указывает аналогичная техника погребальных построек Тувы и Хакасско-Минусинской котловины ближе к гуннской эпохе.

В конструктивном отношении для жилища *агас иб* были характерны характеристики сочетания многогранности и реже четырехугольности остова с обязательной выпуклостью крыши. Изначально жилище обогревалось открытым очагом, располагавшимся по центру. Позднее стали использовать битую печь – *кимеге*, русскую или железную печь. Стены жилища рубились чаще «в лапу» и ставились в большинстве случаев на землю. В случае всесезонного использования для большего утепления в холодное время года с внешней стороны стены от земли утеплялись грунтом. Пол жилища чаще был глиняно-земляной, реже – деревянный. Крыша, являясь отличительной характеристикой данного типа жилища от других схожих срубного типа, она была коническая или шатрового типа. Её кровельным материалом служила кора, тёс, позднее железо. Угольность жилища варьировалась и увязывалась с социально-материальным статусом его владельца. В XIX–XX вв. в материальной культуре хакасов бытовали многоугольные срубы с разным количеством углов, численность которых могла составлять: 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 14 углов. Расположение входной деревянной двери определялось восточной стороной, иногда над дверью пристраивали навес. В конце XX в. многоугольные бревенчатые жилища еще

сохранялись в ряде аалов Хакасии. Например, в Аскизском районе Хакасии было зафиксировано 83 *иб* [7, с. 59–69]. На рубеже XX–XXI вв. жилище *агас иб* утратило свое прежнее значение в материальной культуре этноса, существуя, в настоящее время, лишь в экспозициях ряда музеев Хакасии.

В настоящее время в ряде музее Республики Хакасия находятся макеты, являющиеся новоделами традиционного хакасского жилища *агас иб*. Такие макеты представлены, например, в Хакасском национальном краеведческом музее имени Л.Р. Кызласова г. Абакан, Хакасском республиканском национальном музее-заповеднике «Казановка» (Аскизский район, д. Казановка), юрточном комплексе «Кюг» и др. К сожалению, в описании данного жилища, в Хакасском национальном краеведческом музее имени Л.Р. Кызласова г. Абакан, представлены неточные и неверные сведения, как в отношении правильности самой номинации, так и других детальных описаний. Обзор экскурсоводов, посвященный истории указанного жилища, также лишен достоверности сведений о данных объектах. Самому автору не раз приходилось присутствовать во время проведения обзорных экскурсий по данным объектам материальной культуры хакасского этноса. Проблемную ситуацию, мы также наблюдаем и по отношению бытующего в обществе и крепко окоренившегося в сознании стереотипа восприятия разных в конструктивном отношении традиционных жилищ хакасов, в том числе и срубных, под одной неверной номинацией «юрта». Решение данной проблемы видится нами в реализации системы популяризации исторических (этнографических) знаний общества и повышении, прежде всего, компетенций работников музеев, гидов и всех задействованных в сфере туризма Республики Хакасия.

Список литературы

1. Патачаков К. М. Очерки материальной культуры хакасов. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного изд-ва, 1982. 88 с.
2. Кузнецова А. А. Жилища, одежда и пища минусинских и ачинских инородцев. Красноярск: Типография Енисейского губернского управления, 1898. – 213 с.
3. Шибаева Ю. А. Из истории хакасского жилища // Краткие сообщения АН СССР. Вып. X. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – С. 46-53.
4. Кызласов И. Л. Пратюркские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. М.–Самара: Офорт, 2005. – 96 с.
5. Потапов Л. П. Краткие очерки истории и этнографии хакасов (XVII–XIX вв.). Абакан: Хакасское областное государственное издательство, 1952. – 220 с.
6. ГКУ РХ «Национальный архив» Ф. Р-966. Оп. 1. Д. 191. Л. 1–2
7. Еремин Л. В. Современная хакасская юрта. Абакан: ИСАТ, 2008. – 102 с.

СИБИРСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

ИСТОРИЯ СИБИРИ

ПО СЛЕДАМ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ: МИР КУЛЬТУРЫ ЕНИСЕЙСКОГО СЕВЕРА

УДК 908

Экономическая система как фактор возникновения экологических проблем на примере индустриального освоения северных территорий

Ашихина Дарья Сергеевна
Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра,
Тюменская область, Россия
dashihina@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0004-2552-588X

АННОТАЦИЯ Индустриальное освоение северных территорий в СССР и Канаде происходило достаточно синхронно. Канада и СССР выбрали похожие стратегии освоения, которые привели к схожим экологическим проблемам. В данной статье представлен анализ дискуссий зарубежных и отечественных ученых о том, какая экономическая система более предпочтительна при освоении северных территорий: капитализм или социализм. Западные историки считают, что плановая экономика полагает природные ресурсы даровыми, а значит, расходует их недостаточно рационально, используя экстенсивное освоение все новых территорий. Советские исследователи, напротив, именно в плановой экономике видят решение экологических проблем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирский Север, Канадский Север, экологические проблемы, индустриализация

С середины XX в. к освоению северных территорий приступили страны с противоборствующими экономическими системами: капиталистическая Канада и СССР, практиковавший плановую экономику. Обе страны в 1970-х столкнулись с похожими экологическими проблемами, что привело к дискуссиям о том, какая экономическая система является более щадящей по отношению к природе.

Освоение северных территорий Канадой и СССР было различно: (например, Канада развивала северные территории точечно и принимала север как отдельный регион, тогда как СССР стремился интегрировать их в состав страны и использовал экстенсивный путь развития [17, с. 2; 18]). Но, несмотря на ряд различий, страны, в целом, выбрали похожие траектории развития северных территорий: стремились к форсированной разработке месторождений полезных ископаемых, использовали бюджетные ассигнования [5, с. 385; 15, с. 7]. Схожесть стратегий освоения советский экономико-географ Г. Агранат объяснял тем, что для освоения северных территорий требуются серьезные денежные средства, разработка специальной техники, технологий, привлечение населения, причем эти вложения окупаются лишь в долгосрочной перспективе, поэтому даже в рамках рыночной экономики развитием северных территорий занимается, в основном, государство [13, с. 42].

Похожие подходы к освоению северных территорий привели СССР и Канаду к схожим последствиям: зависимости северных территорий от южных, изменению жизни коренных народов, бюрократизации экономических отраслей, экологическим проблемам.

В 1970 – 1980-х гг. среди исследователей развернулись дискуссии о том, насколько серьезную роль в возникновении экологических проблем северных регионов сыграла экономическая система. Западные исследователи, например, М. Фешбах [19], Д. Петерсон [10], М. Голдман [3], Н. Мировитская [8], Дж. Олдфилд [9], полагали, что страны с рыночной экономикой сумели избежать такого серьезного экологического кризиса, с которым столкнулся СССР. П. Джозефсон, американский

экологический историк, обвинял СССР в создании «промышленных пустынь» [7, с. 99]. Менее радикальных взглядов придерживается Д. Вайнер, который отмечал, что на протяжении своей истории СССР демонстрировал различные подходы по отношению к северным территориям [12, с. 322]. В целом западные исследователи выделяли несколько групп проблем, которые привели ухудшению состояния окружающей среды в СССР:

1. Ориентация на производство, а не на прибыль и, как следствие, нерациональное использование природных ресурсов. Критике подвергались и принципы советского экономического районирования, используемого при индустриальном освоении [4, с. 134].
2. Необходимость внешней торговли при неразвитом механизме внутреннего рынка, которая приводила к экстенсивному освоению территорий [2, с. 52].
3. Политика авторитаризма, при которой окончательное принятие решения зависело не от научно обоснованных расчетов и общественных интересов, а от политической повестки. При авторитаризме природные ресурсы, по словам Д. Вайнера [11, с. 64], полагаются даровыми, а правительство, как считает П. Джозефсон, более склонно проводить «крупномасштабные эксперименты», не задумываясь об экологических проблемах [6, с. 36].
4. Закон убывающей отдачи, согласно которому при экстенсивном пути развития добывается все меньше природных ресурсов [1, с. 208].

Таким образом, западные экологические историки однозначно считали советскую плановую экономику разрушительной для природы. Советские ученые же, напротив, полагали ее наиболее рациональной, так как природные ресурсы использовались для удовлетворения существующих потребностей, рассчитанных с помощью научных методов [16, с. 5]. Они признавали экологические проблемы, но объясняли их общественным оппортунизмом, который возможно победить лишь построением коммунистического общества; следовательно, СССР движется в верном направлении [5, С. 8].

Аргументируя свою позицию, советские экономисты отмечали, что именно в рамках плановой экономики происходит рациональное распределение ресурсов, за которым ведется всесторонний государственный контроль. Построение пятилетних планов и включение с 1975 г. в процесс планирования природоохранных мероприятий позволяло учесть множество количественных показателей и выбрать наиболее оптимальный вектор развития территорий [14, с. 29]. В этом, по мнению отечественных исследователей, заключалось несомненное преимущество СССР перед капиталистическими странами.

Известный советский экономист, П. Г. Олдак, имел собственную точку зрения на вопрос о выборе наиболее щадящей по отношению к природе экономической системы. Он также полагал, что коммунизм как общественная формация более предпочтителен в рамках взаимоотношений человека и природы, чем капитализм: коммунистическая модель предполагает отсутствие противоборствующих классов, плановую экономику, выбор государством социальной политики и отсутствие права частной собственности на средства производства [17, с. 72]. Коммунизм, однако, является идеальной моделью, поэтому, говоря о второй половине XX в., П. Г. Олдак отмечал, что хозяйственная деятельность наносит природе вред и в социалистическом, и в капиталистическом обществе, а значит, человечеству нужно объединиться перед лицом глобального экологического кризиса и начать искать баланс между экономикой и экологией [17, с. 3].

Таким образом, в процессе освоения северных территорий Канада и СССР, несмотря на различные экономические системы, столкнулись с похожими проблемами, для решения которых избрали достаточно схожие пути, приведшие к

экологическим проблемам. Дискуссии советских и зарубежных исследователей о предпочтительности капитализма либо социализма при освоении северных регионов сводились лишь к аргументации превосходства господствующей в стране экономической системы, но не приводили к выработке конкретных мер по снижению антропогенного воздействия.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917-1991» (http://rscf.ru/project/22-28-20115/).

Список литературы

1. Bruno A. The Nature of Soviet Power. An Arctic Environmental History, 2016. 208 p.
2. Gare A. The Environmental Record of the Soviet Union // Capitalism Nature Socialism. № 3 (13). 2002. Pp. 52 – 72.
3. Goldman M.I. The Spoils of Progress: Environmental Pollution in the Soviet Union. Cambridge, 1972. 372 p.
4. Hill F., Gaddy C. The Siberian Curse: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Brookings Institution Press, 2003. 331 p.
5. Innis H. The Fur Trade in Canada: An Introduction to Canadian Economic History. Toronto, 1956. 496 p.
6. Josephson P. Resources under Regimes: Technology, Environment, and the State (New Histories of Science, Technology, and Medicine). Cambridge, 2006. 200 p.
7. Josephson P.R. Industrialized nature. Washington, 2002. 276 p.
8. Mirovitskaya N., Marvin S. Soroos. Socialism and the Tragedy of the Commons: Reflections on Environmental Practice in the Soviet Union // The Journal of Environmental Development. 1995. № 1. Pp. 77 – 110.
9. Oldfield, J.D. Russian Nature: Exploring the Environmental Consequences of Societal Change. Burlington: Ashgate, 2005. 184 p.
10. Peterson D.J. Troubled Lands: The Legacy of Soviet Environmental Destruction. Boulder, 1993. 276 p.
11. Weiner D.R. The Genealogy of the Soviet and Post-Soviet Landscape of Risk / D. Weiner in Arja Rosenholm and Sari Autio-Sarasmo, eds. Aleksanteri Papers, 2005. Pp. 209 – 236.
12. Weiner, D. A Little Corner of Freedom: Russian Nature Protection from Stalin to Gorbachev. Berkeley, 1999. 570 p.
13. Агранат Г., Логинов В. Об освоении северных территорий // Коммунист. 1976. № 2. С. 39 – 48.
14. Гвишиани Д. Социализм и капитализм: два подхода к управлению общественным производством в условиях научно-технической революции // Плановое хозяйство. 1975. № 9. С. 26 – 35.
15. Зубков К. И., Карпов В. П. Развитие российской Арктики: советский опыт в контексте современных стратегий (на материалах Крайнего Севера Урала и Западной Сибири). М., 2019. 367 с.
16. Константинов Ф. В. Человек и природа в эпоху научно-технической революции // Природа. 1971. № 10. С. 2 – 7.
17. Олдак П. Г. Сохранение окружающей среды и развитие экономических исследований. Новосибирск, 1980. 160 с.
18. Побережников И. В. Освоение северо-западной Сибири и Канадского Севера в сравнительной перспективе (XVI-начало XX в.) // Институт истории и археологии Уральского отделения Российской Академии Наук. URL: http://www.ihist.uran.ru/files/POberezhnikovPutnaSever.pdf.
19. Фешбах М, Френдли-мл. А. Экоцид в СССР: Здоровье и природа на осадном положении. М., 1992. 308 с.

УДК 908(571.1)”19”:332.14(571.1)

Преобразующая сила нефти в истории освоения Севера Западной Сибири во второй половине XX в.

Гололобов Евгений Ильич
доктор исторических наук
Сургутский государственный педагогический университет
Сургут, Россия
Тюменский государственный университет
Тюмень, Россия
gololobov.eig@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-4512-2461

АННОТАЦИЯ Стержнем процесса освоения Севера Западной Сибири во второй половине XX в. стала последовательная концептуализация идеи индустриализации северных территорий и ее воплощение в жизнь. В публикации на основе анализа научно-популярной, публицистической и научной литературы, ориентированной на широкий круг читателей, показан символический переход территории Севера Западной Сибири из «природы» в «окружающую среду». То есть, показан процесс индустриального освоения региона и закрепления в общественном сознании образа индустриального промышленно развитого Севера. Движущей силой этого перехода стала нефть как природный ресурс, имеющий мощную преобразующую силу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История освоения Севера Сибири, экологическая история.

Стержнем процесса освоения Севера Западной Сибири во второй половине XX в. стала последовательная концептуализация идеи индустриализации северных территорий и ее воплощение в жизнь. Все что соответствовало индустриальному стандарту освоения, что работало на него, было со знаком «плюс», что этому стандарту не соответствовало, препятствовало его укоренению в тайге и тундре, оценивалось со знаком «минус». Это отлично иллюстрирует часто используемая цитата В. И. Ленина о Сибири как территории, где до революции (1917 г.) царили «патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость» [2, с. 228]. Из такого «плачевного» с точки зрения вождя революции состояния Север Западной Сибири смогла вывести только нефть. Хотелось бы поговорить о преобразующей, цивилизационной силе нефти: «… целые страны нефть выводила из девственного состояния хозяйства и безвестности в разряд крупных индустриальных регионов либо в оазисы интенсивного промышленного развития» [5, с. 54].

Источниковая база исследования – это публицистические, научно-популярные, научные издания, ориентированные на широкий круг читателей. Научно-популярная, публицистическая и научная литература, ориентированная на широкий круг читателей – важный источник для анализа конструирования образа Севера Западной Сибири и места в нем нефти. Советское общество обладало высоким уровнем образованности и, главное, читательской культуры. В общественном сознании укоренился своего рода стереотип: книга – лучшим подарком. Советское общество было идеологизированным обществом. Постоянные политинформации, обязательное обсуждение последних решений партии и правительства, членство в общественных организациях были частью повседневной жизни населения. Таким образом, советский человек активно или пассивно в значительной степени был включен в общественную жизнь. Использовались публикации издательств «Просвещение», «Знание», «Недра» и Среднеуральского книжного издательства. Выбор данных издательств был обусловлен с одной стороны их тематической направленностью, сопряженной со

спецификой рассматриваемого региона, с другой стороны коллективом авторов, писавших на северную тематику. Сотни наименований книжной продукции, миллионные тиражи.

Конструируемый в научной, научно-популярной и публицистической литературе образ Севера Западной Сибири зримо и ярко демонстрировал стремительный переход региона от пространства природы («недоосвоенный», «отсталый» в промышленном отношении) к территории окружающей среды (промышленный центр, создание ЗСНГК). Советский человек не просто осваивал Север, он буквально «на пустом месте» строил города, связывал их с «Большой землей» коммуникациями, создавал отрасли промышленности, в общем, играл цивилизационную роль. Торжество индустриального стандарта.

Со второй половины XX в. освоение Сибири и особенно ее северных территорий стало не только экономической задачей – оно отражало психологический настрой общества. «Оттепель» породила своего рода сибирский миф. В сознании целого поколения утвердился образ бескрайних северных просторов (особенно в Сибири) с их несметными богатствами, трудное освоение которых станет школой мужества для молодежи и сделает страну более могучей, а людей более счастливыми. В последующие десятилетия на востоке страны реализовывались такие экономические программы, как сооружение крупнейших электростанций, создание металлургической и нефтедобывающей базы, добыча алмазов, строительство Байкало-Амурской магистрали и др.

Север Западной Сибири стремительно преобразовывался из «дикого» в освоенный регион, соответствующий индустриальным стандартам. «Важность освоения региона подчеркивалась на самом высоком уровне: «Страна многим обязана героической работе газовиков, нефтяников, строителей, открывших доступ к богатствам Западной Сибири», - говорил на ноябрьском (1981) Пленуме ЦК КПСС Л.И. Брежнев» [1, с. 7].

Важность добычи нефти и газа для Советского государства значительно повышала статус нефтегазовой отрасли в стране в целом и в регионе в частности. Голоса нефтяников и газовиков были самыми громкими на Севере Западной Сибири. Все вращалось вокруг них: строительство городов, дорог, производственной инфраструктуры, финансово-экономическое и материальное обеспечение. Это отражалось на пропагандистском уровне: «Освоение Западно-Сибирского нефтегазового региона сегодня – передний край коммунистического строительства». «Так великими трудовыми победами – увеличивающейся добычей нефти, и газа, поднявшимися в пустынном крае городами и поселками, проложенными под болотами трубопроводами – пишется продолжение летописи подвига советского народа» [3, с. 7]. «Освоение природных богатств Западной Сибири по сложности технических и социальных проблем, их масштабам, по героизму и целеустремленности людей мне хочется сравнить с обживанием новой планеты. В безжизненных, необжитых районах, в краю гибельных болот, суровой зимы и фантастического бездорожья получать более 250 млн. тонн нефти и свыше 100 млрд. кубометров газа – это действительно подвиг» [6, с. 6].

Изменение приоритетов в освоении природных богатств Севера с биологических ресурсов на добычу полезных ископаемых в промышленных масштабах, да еще стремительными темпами в 1960 – 1980-е гг. создавало новую социально-экономическую ситуацию для коренных народов Севера их хозяйственного уклада. Как уже отмечалось, пространство природы замещалось территорией окружающей среды. Край «болот, озер и лесов» стремительно превращался в «огнедышащий край».

Освоители нефтяных богатств характеризовались в публицистической и популярной литературе в массе своей как высокоморальные люди. «Север покоряется

смелым» – типичный лозунг того времени. В нем в концентрированной форме сформулировано главное, что освоение сурового Севера связано с преодолением огромных трудностей (в том числе и чисто бытовых), но в то же время — это выражение романтики, увлеченности первопроходцев, мужественности людей. Север дает возможность, преодолевая трудности, раскрыться человеку, проявить свои лучшие качества, выстраивать свою профессиональную траекторию.

«Тюмень – это нефтяные вышки, взметнувшиеся над просторами Западно-Сибирской заболоченной таежной равнины и ледяными торосами Харасавэя, это тысячи километров построенных за кратчайший срок железнодорожных и бетонных трасс, сотни новых больших и малых мостов, бесконечные стальные нити трубопроводов, новые заводы, аэродромы, электростанции. Но Тюмень – и это прежде всего – мужество, одержимость, упорство, высокое чувство долга, ставшие нравственной нормой в жизни сотен тысяч рабочих, инженеров, ученых» [3, с. 8].

Для молодого поколения советских людей Тюмень 1960 – 1970-х гг. позиционировалась как Магнитка для поколения первых пятилеток, целина для юношей и девушек начала 1950-х, БАМ и Нечерноземье для молодежи 1970-х. «Иной раз можно услышать вопрос: оправдано ли, что люди идут в необжитые места, испытывают неудобства? Надо было, дескать, в начале создать необходимые бытовые условия, подготовить базу, а уж потом браться за добычу нефти. Думается, что такая постановка вопроса идет не от жизни». «Утверждая социализм, советские люди многое начинали на голом месте, чтобы опередить время» [4, с. 14 – 16].

Процесс добычи нефти в Западной Сибири был пронизан пафосом созидания, цивилизаторской миссии индустриального освоения региона: «Мы начинали на голом месте, с чистой страницы, очень многое было впервые, мы не располагали опытом предшественников, которые бы работали в условиях Тюменского Севера» [6, с. 7].

Люди на Севере быстро росли как специалисты, как организаторы и руководители. Виктор Иванович Муравленко писал: «Многие инженеры, техники, мастера становятся авторами и соавторами крупных научных разработок. Здесь собрались отличные специалисты со смелым мышлением, умеющие дерзать» [10, с. 55]. «Рукопожатия их крепки, лица открыты, чувства искренни. Непременно ощущаешь в них нравственную силу, духовную прочность, чистоту и величие идеалов современника, не столько покорителя, сколько созидателя» [4, с. 5]. Все это рассматривалось как зримые проявления социалистического образа жизни, характера советского человека.

В советский период Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс стал крупнейшим промышленным центром на Севере. По объемам выполняемых работ и вкладываемым средствам программа развития ЗСНГК являлась одной из крупнейших региональных программ в СССР. В течение 20 лет (1966 – 1985 гг.) в ЗСНГК только на развитие объектов производственного назначения было вложено 75,2 млрд. руб. [7, с. 155]. Было построено 15 новых городов и более 50 крупных рабочих поселков [8, с. 50].

В обществе складывалось устойчивое ощущение стремительного рывка, совершенного регионом в очень сжатые по времени сроки. Север Западной Сибири быстро преобразовывался из «дикого» в освоенный регион, соответствующий индустриальным стандартам. «Масштабы и темпы освоения огромной почти пустынной территории, площадь которой равна всей Западной Европе, в суровых северных условиях и при почти полном бездорожье не имеет прецедента в мировой практике и практике освоения новых районов СССР. «Освоение здесь идет намного быстрее, чем в свое время шло освоение Урало-Волжской провинции, расположенной в обжитых и густонаселенных районах с развитыми путями сообщения. Задача решается усилиями всей страны с привлечением многих десятков научных и проектных

организаций. Со всех концов страны поставляются машины, оборудование, строительные материалы» [9, с. 151].

Создание Западносибирского нефтегазового комплекса стало поворотным пунктом в преобразовании пространства Севера Западной Сибири в индустриальную территорию, ставшей одним из мощнейших и важнейших промышленных центров СССР. Этот факт нашел отражение в научно-популярной и публицистической литературе. И главную преобразующую роль сыграла нефть.

Акцент на индустрию, научно-техническое освоение природных богатств региона в промышленном масштабе привело к появлению и перемещению в символическом и географическом пространстве новой границы на Севере Западной Сибири между природой и окружающей средой. Регион из пространства малоосвоенного («недоосвоенного»), где природа в качестве базовой, доминантной характеристики образа Западносибирского Севера, безусловно, преобладала, стал промышленно развитой территорией окружающей среды. В его образе стали преобладать антропогенные, индустриальные черты.

Промышленное освоение нефтяных месторождений Севера Западной Сибири привело к расширению территории окружающей среды и сокращению пространства природы. «Глухая», «дикая», «нетронутая» тайга превратилась в территорию с «промышленным пейзажем» линий высоковольтных электропередач, буровых вышек, нефте- и газопроводов, промышленных предприятий и городов со значительным для северных условий постоянным населением. Нефть сыграла свою «цивилизационную», «преобразующую» роль. Но оборотной стороной этого процесса стали серьезные экологические и социальные проблемы региона.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири».

Список литературы

1. Брежнев Л. И. Речь на Пленуме ЦК КПСС 16 ноября 1981 года / О проектах Государственного плана экономического развития СССР на 1981-1985 годы, Государственного плана экономического и социального развития СССР на 1982 год. Постановление Пленума ЦК КПСС. Вильнюс: Минтис, 1981. 25 с.
2. Ленин В. И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. М.: Госполитиздат. Т. 43. 1963. 561 с. 228.
3. Летопись открытия. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1979. 172 с.
4. Лутошкин Г. Д. Испытание Севером. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1979. 143 с.
5. Орлов Б. П. Сибирь: шаги индустрии. М., Сов. Россия, 1988. 252 с.
6. Петров Г. К. Каждый становится героем. Свердловск: Сред. кн. изд-во. 1979. 124 с.
7. Развитие производительных сил Севера СССР/ Г. П. Лузин, А. М. Поздняков, С. Н. Старовойтов и др. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 228 с.
8. Силин А. Н., Симонов С. Г. Социально-экономическое развитие Западно-Сибирского Севера: проблемные ситуации / Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия экономики и прикладной социологии. №1, вып. 1. 1988. С. 50 – 60.
9. Славин С.В. Освоение Севера. М.: Наука. 1975. 197 с.
10. Трудная дорога к нефти: Тюменские ученые и инженеры рассказывают. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во. 1985. 96 с.

УДК 910.4(985)

Воздушные экспедиции ААНИИ по исследованию крупных сибирских рек

Емелина Маргарита Александровна
Кандидат исторических наук
Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, редакционно-издательская группа
Санкт-Петербург, Россия
mritaemelina@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8280-3901

Замятин Владимир Юрьевич
Кандидат технических наук
Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, отдел фонда данных и научно-технической информации
Санкт-Петербург, Россия
vz@aari.ru
ORCID ID: 0000-0003-0700-8198

АННОТАЦИЯ Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом с 1950-х по 1990-й гг. выполнялись систематические авиационные наблюдения за ледовым и гидрологическим режимом и явлениями в низовьях и устьях крупных сибирских рек. Они включали в себя ледовые разведки в период вскрытия и замерзания, авиатермо- и толщиномерные съёмки, с 1970-х гг. наблюдения за поверхностным загрязнением и аэрогидрометрические наблюдения. На основе результатов этих исследований были выявлены особенности в изменчивости ледового и гидрологического режима, разработаны методы ледовых прогнозов, создана система ледово-гидрологического обеспечения речных судов и судов малого каботажа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ААНИИ, воздушные экспедиции, ледовые наблюдения, ледовая авиаразведка, сибирские реки.

Экспедиционные исследования сибирских рек Всесоюзный арктический институт (ВАИ, с 1938 г. – Арктический научно-исследовательский институт, АНИИ, с 1958 г. – Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, ААНИИ) проводил, начиная с 1934 г. В довоенные годы наземными экспедициями, в том числе зимовочными, были обследованы рр. Пясина, Хатанга, Лена, Анабар, Индигирка, Колыма, Нижняя Таймыра, Енисей и её правый приток р. Курейка. В годы Великой Отечественной войны выполнялись важные работы по оперативному обслуживанию проводки речных судов в устья рр. Лена, Яна, Омолой, Оленёк, Анабар, Хатанга, Индигирка. В это же время развитие получила ледовая авиаразведка. Наблюдения с самолётов в устьях крупных рек были связаны с обеспечением проводки морских судов [3, с. 79].

Приостановленные войной освоение трассы Севморпути и исследования водных объектов суши продолжились во второй половине 1940-х гг. Так, например, учёные АНИИ провели важную Таймырскую комплексную экспедицию (1946 – 1949 гг.), к участию в которой были привлечены и специалисты из других научных учреждений.

Изучение низовьев и устьев сибирских рек в институте велось, главным образом, отделом речной гидрологии. Им руководили Г. В. Лопатин (до ноября 1947 г.), А. П. Бурдыкина (с ноября 1947 г. по 1953 г.). Большое внимание работам в области речной гидрологии уделял В. С. Антонов. В 1945 – 1946 гг. он руководил отделением гидрологии и отделом речной гидрологии, в октябре 1946 г. стал заместителем

директора института по научной части, в 1948 – 1950 гг. – директором АНИИ, а в 1953 г. вновь возглавил отдел речной гидрологии (до 1971 г.) [2, с. 580]. Исследования велись для решения практических задач по обеспечению проводок в устья судов с грузами и их дальнейшего следования по руслам рек, для решения вопросов портового строительства.

Ряд работ провели и специалисты отдела аэрофотосъёмки, действовавшего в институте в 1946 – 1951 гг. В 1947 г. руководитель отдела В. И. Авгевич возглавил аэрофотогеодезический отряд (5 чел.), образованный в составе Северной проектно-изыскательской экспедиции (СПИЭ) Арктикпроекта Главсевморпути (создана по решению Совета Министров СССР от 4 февраля 1947 г. для изыскания морского порта в Обской губе). На самолёте «Каталина» Н-340 Управления полярной авиации (УПА) Главсевморпути (ГУСМП) сотрудники АНИИ выполнили пять полётов. Хотя план работ не был реализован в полном объёме, «преимущества аэрофотосъёмочного метода ледовых наблюдений оказали своё влияние и позволили выявить ряд обстоятельств»: было получено представление о зимнем ветровом режиме Обской губы, о процессах торосообразования в период ледостава, о причинах таяния льдов в дельте [5, л. 2, 24 – 25]. В. И. Авгевич указывал на важность материалов, которые были получены в ходе ледовой разведки, при этом отмечал, что АНИИ «ещё не располагает гидрологами, освоившими использование аэроснимков» [5, л. 26].

В первой половине 1950-х гг. экспедиционные работы отдела речной гидрологии АНИИ, были сосредоточены на изучении гидрологического режима и русловых процессов дельты Лены в интересах развития судоходства по её главным протокам. В 1950 – 1955 гг. состоялась Усть-Ленская гидрологическая экспедиция (имела обозначение А-112). В её ходе эпизодически выполняли авиационную разведку. В мае 1951 г. подготовили программу ледовой авиаразведки и выборочной аэрофотосъёмки процессов вскрытия-замерзания в низовье Лены [6, л. 1 – 3]. В неё были включены и осенние работы, которые позже исключили из плана. Наблюдения осуществили старший научный сотрудник М. И. Зотин и аэрофотосъёмщик М. О. Лазарев на арендованном самолёте Ли-2 Н-556 УПА ГУСМП. Полёты выполнялись с 6 по 24 июня [6, л. 21].

Летом 1954 г. провели аэрофотосъёмочные работы с целью выборочной съёмки отдельных наиболее характерных участков дельты, а также выявления возможности использования методов воздушной авиаразведки и съёмки для изучения русловых процессов. Одновременно аэрофотосъёмка имела практическую задачу. В частности, в 1954 г. наметили рекогносцировочное обследование для целей судоходства и выхода в море по Большой и Малой Трофимовской и Сардаахской протокам. Аэрофотосъёмочные работы проводились в период с 22 по 26 августа А. И. Гаудисом и Н. В. Черепановым. Использовалась летающая лодка КМ-2 «Каталина» Н-482, находившаяся в распоряжении Штаба мороопераций Западного района Арктики. Была выполнена и предварительная аэровизуальная рекогносцировка проток дельты для выявления возможности и улучшения судоходства, описания берегов, боковых проток и т.д. [16, л. 23].

Эффект от использования авиации для наблюдений на реках наглядно показала операция по спасению Ленского флота (весна 1953 г.). Тяжёлая ледовая обстановка на Лене и её притоках, сложившаяся осенью 1952 г., привела к вынужденной зимовке речного флота на протяжении от верховья реки до устьевой области. Образовалось более 55 отстойных пунктов, в которых оказались 130 самоходных и более 350 несамоходных судов Северного Якутского речного пароходства и Ленского управления речного пароходства, не считая судов других организаций. По распоряжению начальника ГУСМП В.Ф. Бурханова и по указанию министра морского и речного флота З. А. Шашкова в помощь местным организациям в марте 1953 г. направили научную

группу АНИИ (экспедиция А-144 из 7 чел.) со специальным заданием: принять на месте все возможные меры к обеспечению безопасности зимующих судов во время ледохода. Группу возглавил В. С. Антонов. Была организована ледовая авиаразведка Лены и выборочная аэрофотосъёмка, обработка материалов наблюдений за гидрологическим режимом. Научной группе АНИИ передали самолёт Ли-2 УПА ГУСМП с экипажем И.П. Мазурука (затем его сменил экипаж Б.П. Лаушкина) [8, л. 2 – 3].

Протяжённость маршрутов ледовой авиаразведки по всем рекам бассейна Лены составил свыше 5000 км. По результатам давались рекомендации по заводке судов в безопасные места, делались предупреждения об опасных явлениях в местах отстоя флота и заторов льда с катастрофическим подъёмом горизонтов, определялись сроки начала навигации на отдельных участках рек и уточнялись ранее составленные прогнозы. Наряду с этим самолёт авиаразведки осуществлял непосредственную связь с судами, находящимися на отстое, для чего применялась радиосвязь. Была разработана визуальная сигнализация с теми судами, где не имелось радиосвязи. Это было необходимо на случай принятия мер по спасению людей или забросе им необходимых материалов и продовольствия при авариях и катастрофическом положении.

Авиационная ледовая разведка в период ледохода значительно помогла работе по координации всех мероприятий по спасению судов и держала штаб операций все время в курсе событий на Лене и её притоках. Так, 20 мая был обнаружен крупный затор льда несколько выше отстойного пункта, где зазимовало шесть судов. В результате для них создалась реальная угроза сжатия льдом. Для спасения судов отправили два боевых самолёта, которые сбросили в указанные точки по четыре бомбы по 250 кг каждая. В результате этого затор был прорван, опасность для судов ликвидирована [8, л. 16].

Принятые меры и огромный труд большого числа людей из многих организаций предотвратили серьёзные повреждения и гибель судов и обеспечили их безопасный выход из ледового плена [19, л. 28–31]. Ленский флот почти без потерь вернулся к нормальной работе после ледохода.

В апреле – июле 1954 г. с учётом опыта операции по спасению ленского флота провели экспедицию А-144 (начальник В. С. Антонов) по обследованию вскрытия Лены на всем её судоходном протяжении (свыше 4000 км). Она носила уже не оперативный, а режимный характер. Предусматривалось, что её результаты наряду с материалами предыдущих лет, должны стать основой тематических работ речного отдела при изучении гидрологического режима р. Лена. Вся работа по авиаразведке проводилась совместно с Якутским управлением гидрометслужбы (ЯУГМС). Было совершено 19 полётов, которые сопровождались описанием основных ледовых явлений, картированием визуальных наблюдений ледовой обстановки с проведением выборочной перспективной аэрофотосъёмки [7, л. 2].

Наряду с совместной работой по обследованию ледовой обстановки на реках Ленского водосборного бассейна экспедиция А-144 принимала участие в работе ЯУГМС по уточнению долгосрочного прогноза вскрытия путём проведения совместного анализа материалов предшествующих лет с использованием данных по текущей ледовой обстановке, получаемых при помощи авиаразведок.

В 1957 г. в отделе устьевых участков рек была подготовлена программа ледовой разведки в прибрежной зоне Обь-Енисейского района Карского моря и на участке от устья р. Хатанга до Певека в морях Лаптевых и Восточно-Сибирском, в период вскрытия устьев рек и начала разрушения припая. Она была составлена для изучения процесса вскрытия прибрежной зоны арктических морей и устьев крупных сибирских рек в целях обеспечения запросов штабов операций, пароходств и других организаций по оперативному гидрометеорологическому обслуживанию судоходства. Данные,

полученные в результате авиаразведок, призваны были также послужить исходными материалами для усовершенствования методов долгосрочных прогнозов вскрытия [21, л. 6 – 8].

В октябре 1957 г. на совещании отдела рассмотрели вопрос о проведении в 1958 г. специальных воздушных экспедиций по ледовой разведке в устьях рек: весенней, получившей обозначение А-113, и осенней (А-114) [20, л. 14 – 15].

Эти экспедиции, ставшие с 1958 г. ежегодными, начали качественно новый этап в исследованиях ледового режима, явлений и процессов в устьевых областях сибирских рек.

Экспедиция А-113 с 28 мая по 27 июня 1958 г. (начальник В. С. Антонов) выполнила обследование устьев всех крупных рек от Байдарацкий губы на западе до Чаунской губы на востоке, а также в прибрежной зоне арктических морей. Кроме того, при проведении маршрутов через водоразделы между речным и системами были освещены малые водотоки и озёра арктической зоны, отмечена степень изменчивости заснеженности поверхности тундры и лесотундры. Длина маршрутов ледовой разведки составила более 40000 км. Полученные данные направлялись в виде донесений в адрес АНИИ, Московского гидрометцентра, местных обсерваторий, пароходств и управлений Гидрометслужбы. После каждого полёта составлялись обзорные ледовые карты по объектам (всего 65 карт), регулярно вёлся дневник облётов. Все характерные явления, отмеченные в процессе вскрытия ледяного покрова, фиксировались аэрофотосъёмкой. По отдельным объектам, по просьбе оперативных работников, составлялись краткосрочные прогнозы и проводились уточнения долгосрочных прогнозов вскрытия [17, л. 2, 102 об.].

Экспедиция А-114 (начальник В. С. Антонов) с 21 сентября по 27 октября обследовала водные объекты от Байдарацкой губы до Колымы. Длина маршрутов ледовой разведки составила 35500 км. По результатам подготовили 58 ледовых карт [15, л. 65 об.]. Ряд плановых полётов отдельных объектов сочетался с непосредственным оперативным обслуживанием текущей навигации. При облётах по обследованию главных объектов (Енисея и Енисейского залива, Хатанги и Хатангского залива, дельты Лены и др.) календарные сроки, во избежание дублирования, согласовывались с местными обсерваториями, которые выполняли свои полёты по планам обеспечения морской навигации. Результаты экспедиции поставили ряд вопросов к методике проведения разведок. Так, в связи с чрезвычайной неравномерностью замерзания различных объектов во времени, неблагоприятными погодными условиями и задержкой в смене вышедшего из строя самолёта, некоторые объекты не получили должного освещения по динамике развития процесса замерзания. Из-за исключительно неблагоприятной погоды и плохой видимости была затруднена аэрофотосъёмка. Тем не менее, была выявлена общая картина замерзания арктических водоёмов и водотоков, определены особенности года.

В 1959 г. экспедиция А-113 была проведена совместно с экспедициями ААНИИ А-99, А-66 и А-67, выполнявшими преднавигационные декадные облёты в морях Карском, Лаптевых и Восточно-Сибирском. Обследование ледового состояния рек, озёр, губ и заливов было произведено по водным объектам от Амдермы до устья р. Колыма, но значительно в меньшем объёме, чем весной 1958 г. (составлено 29 ледовых карт) [14, л. 5].

Экспедиция А-114 выполнила 19 разведок с обследованием ледового состояния устьев рек от Оби до Колымы, за исключением р. Лена, где разведке мешали сильные ветры и плохая видимость. Было получено 34 ледовые карты [18, л. 13]. В А-114, как и в А-113, участвовал Ю. В. Налимов, по программе также работали сотрудники других экспедиций института гидрологи Ю. М. Барташевич, А. Я. Бузуев, В. М. Булавкин, В. М. Лосев, К. Н. Михайлов, Ю. Б. Константинов, В. М. Попов, А. И. Кудрявцев.

Ледовые разведки показали, что данные наблюдений с полярных станций не характеризуют истинное ледовое состояние водоёмов [4].

В 1960 г. основным исполнителем работ являлся Ю. В. Налимов. Из-за недостатка выделенных лётных часов полёты совмещались с декадными облётами морей с отвлечением на проводки судов. В результате часть водных объектов не была охвачена наблюдениями.

Весной 1961 г. с целью выявления ледового режима р. Енисей и Енисейского залива на период вскрытия для определения возможности более раннего начала проводки морских судов до порта Игарка была организована специальная лётная экспедиция А-117 (руководитель группы В. В. Иванов). По Енисею, Енисейскому заливу, а также Обской и Тазовской губам по программе экспедиции было выполнено 26 ледовых разведок и получено 60 полётных карт. [13, л. 2]. Во время экспедиции материалы её разведок использовались в оперативной работе по планированию и проведению навигации, результаты в виде донесений рассылались по радио в разные организации. В период форсирования ледоколом «Москва» Енисейской ледовой перемычки на этот ледокол сбрасывались вымпелы с картами ледовой обстановки.

С 1961 г. и весенняя, и осенняя экспедиции ледовой разведки имели обозначение А-113. Обычно в них участвовали три сотрудника отдела устьевых участков рек, выполнявшие функции гидролога-прогнозиста, гидролога-разведчика и гидролога-аэрофотосъёмщика. Старшими группы (начальниками экспедиции) были ледовые разведчики (бортнаблюдатели) 1-го класса Ю.В. Налимов, В. В. Иванов, Н. И. Комов, А. П. Граевский, А. П. Балабаев, М.Ю. Шаромов, гидролог-инструктор К. Н. Михайлов.

С 1969 г. помимо визуальных ледовых наблюдений стали выполняться съёмки температуры поверхностного слоя воды (авиатермосъёмки). С 1972 г. проводились актинометрические наблюдения за отражательной способностью (альбедо) снежно-ледяного покрова. В 1980-е гг. в марте-апреле велись аэроледотолщиномерные съёмки с применение радиолокационных измерителей толщины льда «Лёд», «Аквамарин», «Припай-2».

В 1975 г. в рамках А-113 впервые были осуществлены наблюдения за загрязнённостью поверхностных вод нефтепродуктами (5 съёмок). Эти работы провёл руководитель лаборатории гидрохимии и охраны вод ААНИИ В.П. Русанов [9, л. 7]. Весной следующего года они были продолжены, а осенью организована специальная воздушная экспедиция А-164 по обследованию степени загрязнённости арктических морей сибирского шельфа. Программу работ и маршруты полётов разработали в лаборатории гидрохимии и охраны вод. Основным принципом стала комплексность исследований, поэтому в ходе экспедиции выполнялись не только наблюдения за загрязнённостью, но и термосъёмка поверхностных вод и ледовая авиаразведка. Для экспедиции арендовался самолёт Ил-14.

В 1976 г. были обследованы моря от Печорского до Берингова, Обская губа, Енисейский залив и Енисей. Составлялись карты распределения температуры поверхностных вод с указанием ледовой обстановки, карты распределения загрязнённости, выполнялось фотографирование водной поверхности с плёнкой нефтепродуктов. Помимо этих наблюдений фиксировалось наличие пятен или зон развития фитопланктона, древесные и другие виды загрязнения воды, прохождение судов по трассе Севморпути, а также все встречающиеся в воде, на льду и побережье представители арктической фауны [10, л. 12]. Экспедицию возглавлял В. П. Русанов.

В дальнейшем работы А-164 велись ежегодно в летне-осенний период и продолжались до 1990 г. Список обследованных устьевых областей сибирских рек значительно расширился. Выявлялось не только состояние загрязнённости, но и источники загрязнения, в т.ч. особо опасных сбросов нефтепродуктов. С 1986 г.

визуальные наблюдения за плёночным загрязнением были дополнены телевизионным контролем.

Для обеспечения работ, предусмотренных постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР (переброска стока сибирских рек в Аральское море), в 1977 г. в ААНИИ организовали самостоятельное подразделение – Обь-Енисейскую устьевую гидрологическую экспедицию (ОЕУГЭ) под руководством А. П. Граевского. Основная цель работ подразделения заключалась во всестороннем изучении основных закономерностей гидрологического режима устьевых областей Оби и Енисея для определения возможного влияния и изменения режимов за счёт переброски части рек в Среднюю Азию и Казахстан, улучшения гидрометеорологического обеспечения морского и речного флота, деятельности различных хозяйственных организаций в этих районах.

Предусматривалось производство по скоординированным программам комплексных гидрологических и авиационных исследований совместно с арктическими и сибирскими УГМС и организациями других ведомств. Изучение гидрологических процессов в устьевых областях рек, слабо освящённых сетью стационарных постов и станций, велось с помощью автоматизированной сети наблюдений на открытых акваториях специального, а также экспериментального оборудования и приборов с применение аэрометодов.

В марте-апреле 1978 г. аэроледомерный отряд ОЕУГЭ на самолёте Ан-2, оборудованном радиолокационной аппаратурой «Лёд», провёл ледомерную съёмку и ледовую разведку Обско-Тазовской устьевой области и, по заданию Мурманского морского пароходства, подробную аэроледомерную съёмку припая Енисейского залива и Енисея [11, л. 20].

В следующий раз самостоятельные работы лётная группа ОЕУГЭ выполнила летом 1981 г. на самолёте Ил-14 (18 разведок, 6 измерений расходов воды, 5 аэрофотосъёмок планов течения, испытания телевизионного комплекса). [12, л. 10].

Летом 1978 г. в рамках А-113 по лимитам ОЕУГЭ проводились опытные методические работы по внедрению аэрогидрометрических наблюдений (измерение расходов воды с помощью поплавков и съёмка поля поверхностных скоростей) на протоках дельт Оби и Енисей. Методическое руководство работами осуществляли специалисты Государственного гидрологического института, принимавшие участие в экспедициях. Такой вид авиационных работ в летний период экспедиция осуществляла и в последующие годы.

Лётные работы ОЕУГЭ (в 1983 г. преобразована в Арктическую устьевую гидрологическую экспедицию – АУГЭ) велись ежегодно до 1990 г. в тесном взаимодействии с А-113. При этом районами работ АУГЭ были главным образом устьевые области рек бассейна Карского моря, а также Хатанги, а А-113 вела наблюдения в основном в устьях рек и прибрежной зоне морей Лаптевых и Восточно-Сибирского.

Ухудшение экономической ситуации в стране в конце 1980-х гг. и резкое сокращение финансирования работ со стороны государства привели к практически полному свёртыванию экспедиционной деятельности ААНИИ в устьях сибирских рек. Фактически, 1990-й год стал последним годом, когда выполнялись масштабные исследования. Работа воздушных экспедиций, проведение которых требовало больших затрат, завершилась. Это привело к большим сложностям при выполнении оперативно-производственных (в первую очередь прогностических) и научно-исследовательских работ.

Многолетние регулярные авиационные наблюдения позволили выявить особенности в изменчивости ледового и гидрологического режима низовьев и устьев сибирских рек (вскрытия и замерзания, мест заторообразования, границ затопления

берегов и др.). Выполнение исследований, основанных на материалах авианаблюдений, привело к разработке методов средне- и долгосрочных прогнозов сроков наступления различных ледовых фаз, положения кромок льда на заданную дату и других явлений. Была также разработана балансовая модель разрушения ледяного покрова на устьевых взморьях и создана система ледово-гидрологического обеспечения речных судов и судов малого каботажа, плавающих в районах устьев рек морей Лаптевых и Восточно-Сибирского [1, с. 215 – 216].

Список литературы

1. Бородачёв В. Е., Шильников В. И. История ледовой авиационной разведки в Арктике и на замерзающих морях России (1914 – 1993 гг.) / под ред. Ю.А. Горбунова. СПб., 2002. 441 с.
2. Емелина М. А., Савинов М. А., Филин П. А. Летопись Арктического института. М., 2020. Т. 1. 824с.
3. Иванов В. В., Налимов Ю. В. Результаты воздушных экспедиций в низовьях и устьевых областях рек арктической зоны // Проблемы Арктики и Антарктики. 1981. Вып. 57. С. 79 – 91.
4. Налимов Ю. В. Обследование с самолёта вскрытия и замерзания устьев сибирских рек и прибрежной зоны арктических морей // Проблемы Арктики и Антарктики. 1960. Вып. 6. С. 78.
5. Фонды ААНИИ. Д. 20550. 26 л.
6. Фонды ААНИИ. Д. 102695. 76 л.
7. Фонды ААНИИ. Д. 106825. 42 л.
8. Фонды ААНИИ. Д. 107811. 73 л.
9. Фонды ААНИИ. Д. А/р-7973. 11 л., 51 карта.
10. Фонды ААНИИ. Д. А/р-7997. 32 л., 70 карт.
11. Фонды ААНИИ. Д. А/р-8088. 21 л., 86 карт.
12. Фонды ААНИИ. Д. А/р-8220. 22 л., 67 карт.
13. Фонды ААНИИ. Д. О-330. 43 л.
14. Фонды ААНИИ. Д. О-363. 26 л.
15. Фонды ААНИИ. Д. О-365. 68 л.
16. Фонды ААНИИ. Д. О-368. 26 л.
17. Фонды ААНИИ. Д. О-404. 106 л.
18. Фонды ААНИИ. Д. О-656. 15 л.
19. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАНТД СПб). Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 937. 31 л.
20. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 1163. 18 л.
21. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 1164. 11 л.

УДК 745

Средства передвижения русских старожилов севера Западной Сибири

Конюхова Наталья Ивановна
заведующий филиалом
БУ «Центр ремесел», филиал «Школа- мастерская народных промыслов»
г. Урай, Россия.
konuhova.n88@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8876-9313

АННОТАЦИЯ Статья посвящена малоизученной теме – средствам перевозки тяжестей у русского населения Сибири в XIX – XX вв. Освоение огромных просторов Сибири невозможно представить без сухопутных средств передвижения, используемых русскими людьми. Развитие извозного промысла породило спрос на разные виды транспортных средств. Изготовление их вызвало появление мастеров-санников, колесников, тележников и привело к разделению труда, хотя каждый сибирский крестьянин мог хорошо владеть топором и сам мастерить некоторые виды транспортных средств. На основании литературных и полевых этнографических материалов в настоящей статье рассмотрены особенности различного транспорта (волокуши, сани, телеги).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тобольский север, полозовые и колесные средства передвижения, изготовление саней, телег.

Освоение громадных пространств Сибири было немыслимо без транспортировки большого количества разных грузов, что обуславливало различные ее виды и способы, в первую очередь с использованием сухопутного транспорта. Больше всего грузов перевозили на санях и колесном транспорте.

«Крестьяне ряда волостей Притоболья, богатых лесом, не оставляя сельского хозяйства, занимались изготовлением различных транспортных средств». Они делали сани, телеги, колеса, полозья, тележные кузова («одры»). Тюменские крестьяне изготовляли лубья саней – пошевней, для перевозки чая, который доставлялся в Тюмень судами и отсюда транспортировался до Перми сухопутно. Для этого требовалось 1 500 телег, а зимой столько же саней. Ежегодно в Тюмень свозили на продажу до 50 тысяч телег и саней. Тюменские телеги считались лучшими в Сибири, и уступали лишь казанским [3, С. 33 – 34].

Приведем перечень названий средств передвижения: 1) волокуши, на которых волоком перевозили грузы – они были историческими предшественницами полозовых средств передвижения;

2) виды саней – санных повозок: сани, дровни, розвальни, кошева, возки, пошевни;

4) колесный транспорт: телеги, дроги (телеги без кузова), медведки со сплошными (из чурок) колесами для перевозки бревен, двуколки.

Все эти виды транспортных средств использовались в хозяйстве крестьян. К древнейшим формам средств перевозки грузов относятся волокуши. Они предшествовали полозовым средствам транспорта. Для изготовления волокуши требовалось срубить ветвистую березу, очистить от комля, от сучьев, оставив кудрявую вершинку. Две березки вместо оглоблей соединяют с хомутом, и волокуша готова. Волокуши использовали для вывозки сена из болотистой и кочковатой местности. Позже для этого стали применять полозовые волокуши и сани. Веточная волокуша применялась при скирдовании снопов, сена, соломы, хвороста.

Извозный промысел, занятия по хозяйству требовали надежных транспортных средств. Экипажи сооружали для перевозки всевозможных грузов и дальних дорог,

которые крестьянину случалось выполнять почти ежедневно. Изготовлением экипажного транспорта были заняты санники, тележники, колесники, дужники, шорники. В отдельных случаях могло быть разделение труда: каждый мастер выполнял свою работу, изготавливая какую-либо часть экипажа. В иных случаях все работы мог выполнить один кустарь-одиночка, имеющий весь набор инструментов и приспособлений для этого вида производства. Он мог работать на заказ, а также поставлять изготовленные виды транспорта на рынок. Иногда в этом промысле была занята вся семья, реже привлекались наемные работники.

Но каждый крестьянин старался изготовить все необходимые орудия труда и транспортные средства для своего хозяйственного употребления собственным трудом. Он заготавливал нужный лесоматериал, вытесывал одры, гнул дуги и полозы саней, мастерил колесо, выкуривал смолу, гнал деготь, вил веревки и пр. Выполнял плотницкие и столярные работы. Иногда менее обученные люди заготавливали только детали, раскалывая чурки на части, которые назывались баклушами, и их готовить считалось легким делом.

В июне 2020 года, мы ездили в комплексную экспедицию в Кондинский район п. Половинка и проводили домовой обход и сбор информации о мастерах народных художественных. Познакомились с информатором Хомяковым Анатолием Николаевичем (1930 г.р.).

Хомяков Анатолий Николаевич создал музей под открытым небом «Учинский краеведческий музей», посвященный культуре кондинских восточных манси 10 декабря 1990 года. В его музее очень много предметов этнографии изготовлено руками Анатолия Николаевича. Также Анатолий Николаевич рассказал нам, что изготавливал деревянные колеса, дуги для лошадей и телеги для местной конюшни, и обучал этому ремеслу работников конюшни.

В Учинском краеведческом музее под открытым небом п. Половинка представлено несколько видов телег и саней, которые сделал сам Анатолий Николаевич. Например, волокуши, сани-кошева, сани-дровни, сани-розвальни, сани-розвальни обозные, телега.

В Сибири с ее суровым климатом и продолжительными зимами с развитием ямской гоньбы и торговли особое значение имел санный транспорт. Использовались сани после первого снегопада. Даже на юге Восточной Сибири санный путь открывался с 1 (14) октября, т. е. с Покрова, который считался первым зазимьем и продолжался до 17 (30) марта, Алексеева дня.

Сани, тип зимней повозки, считающейся древнейшей у восточных славян. По описаниям Сургута, до 1880-х гг., когда в Сургут была привезена первая телега, ездили летом на санях. В условиях Севера Западной Сибири, где летние передвижения совершались практически только по воде, сани стали самым распространенным транспортным средством, чему способствовало и развитие зимнего извозного промысла, ямщины.

На Тобольском Севере бытовали сани практически всех известных русской традиции видов. Простейший вид саней представляли дровни, крестьянские грузовые сани без отводов (жерди, закрепленные по бокам саней таким образом, что их задние концы далеко отстояли от полозьев) и спинки. Дровни использовались для перевозки дров сена. Особый укрепленный вид дровен с широким копылом (копылья – вертикальные стойки в санях, вдолбленные нижним концом в полозья) назывался на Тобольском Севере волокушами и использовался для вывозки бревен. Розвальни, низкие и широкие крестьянские сани с отводами, с расходящимися врозь от передка боками. «Розвалами» также называли сами отводы (хрясла) саней-розвальней: «Дровни без розвален, с развалами – розвальни». Пространство между отводами и санями заплетались веревками, могли обшиваться лубом, позже – брезентом.

Розвальни – основной тип ямщицких саней. У ямщиков бытовал и усовершенствованный вариант розвальней – лежанка («сиделые сани»), розвальни со специальным приспособлением для того, чтобы ямщик мог опереться на него спиной, наголовок с боковыми отводинами (в 1920-х гг. обшивались парусиной или брезентом). Лежанка – сани для ямщика, идущие обычно впереди связки, так, чтобы, лежа в санях, видеть своих лошадей и груз. Вариантом розвальней были пошевни, отличавшиеся обшитым лубом или рогожами кузовом и небольшими отводами (предохраняли сани от перевертывания).

Пошевни могли быть дорожными, предназначенными для перевозки грузов, и повседневными городскими (будничный экипаж мещан, торговцев и прочих городских жителей). Наблюдателями в начале XX в. была замечена особенность ямщицких саней с реки Оби: в отличие от саней с Иртыша и Конды они снизу оплетались тальником. Высокие сани, кованые железом, с улучшенным кузовом и спинкой, назывались на территории Тобольского Севера кошевой, кошевкой.

Кошева предназначалась для выездов, в том числе праздничных (объезд деревень по престольным праздникам) и ритуальных (свадьбы); кошевки могли быть расписными. Для официальных выездов местных властей также использовались кошевы; на легких «кошевках» возили почту и пассажиров. В областной терминологии известна почтовая кошева, специальные сани для перевозки почты.

Вариантом выездных саней были скачки, маленькие легкие сани. Скачки использовались на праздничных гуляниях, для поездок в гости, на свадьбы. Ездили на скачках обычно вдвоем. Скачки устойчиво ассоциировались с купеческой средой; позже, в 1920 – 1930-е гг. их называли «кулацкими». В скачки закладывали лошадей-бегунов; на них участвовали в бегах, которые организовывались на праздники не только в городах, но и в больших селах. Скачки были основным экипажем масленичных катаний на лошадях. Отличительная черта праздничного украшения «скачков» – сиденье покрывалось ковром так, что он свешивался сзади на снег. Маленькие одноместные выездные сани назывались на Тобольском Севере беговушками или выбегашками. Известен был на Тобольском Севере и возок, зимний дорожный экипаж с закрытым со всех сторон сиденьем, с дверками с боков. В возках ездили именитые купцы и промышленники. Гораздо реже встречались на Тобольском Севере так называемые городские сани, предназначенные для езды по хорошей дороге в черте города. Городские сани делали без отводов, с тонкими металлическими полозьями на высоких копыльях, с высокой спинкой и узким кузовом.

Городские сани ассоциировались с миром больших городов, не были они редкостью и для Тобольска. В основном на Тобольском Севере производство саней не имело промыслового значения: сани делались самим хозяином или заказывались в своей же деревне. Изготовлением дровен и пошевен на продажу в начале XX в. занимались в целом ряде деревень Дубровской волости Тобольского уезда. В старину сани собирались без гвоздей с помощью распоров и пеньковой веревки. Самое главное для саней – малый вес. Сани-розвальни бывают двухместные, четырехместные и шестиместные.

Основным конструктивным элементом саней служит несущая рама, устанавливаемая на полозья, обычно изготовляемые из березы. Полозья изготавливаются по старинному рецепту. Сначала заготавливается древесина березы, когда она дает сок, береза распаривается в кипятке, и ее изгибают для полозьев. Перед зимой полозья для лучшего скольжения обрабатываются собольим или норковым жиром. В старину зажиточные крестьяне оббивали полозья металлической лентой, в современных моделях полозья отделывают пластиком, наподобие горных лыж с металлическим кантом по краям. Хранить сани летом необходимо перевернутыми, в

сухом и прохладном месте в диапазоне температур от 0 до 10°С. При более высоких температурах сани рассыхаются.

Также в Сибири, для перевозки грузов использовали телеги. Первоначально колесные средства передвижения были на деревянном ходу, т.е. задние и передние колеса экипажей надевались на деревянные березовые оси. Для перевозки грузов на дальние расстояния использовали в основном двуколки – транспортные средства с одной осью и двумя колесами. Причем ободья колес не всегда скрепляли железными шинами. Оси колес в дальнем пути обматывали пенькой и смазывали дегтем. Логушок с дегтем и запас пеньковых волокон всегда были при ямщике, это всегда помогало колесу (ступице и оси), изготовленному из березы, служить дольше. Оковывать телеги, коляски и другие средства передвижения стали после устройства железоделательных заводов в Сибири с появлением достаточного производства железных изделий. тогда же и появились телеги на железном ходу с окованными ступицами 28 – трубицами – и железными осями, с железными шинами.

Разновидности телег: дроги (грузовая телега без кузова). Простая телега состоит из хода, стана, дрог или роспуска и кузова или ящика. Медведка- низкоколесная тележка, род тачки, для перевозки людьми больших тяжестей, например камней, бревен и т.д.

Представленный в статье материал свидетельствует о большом практическом опыте русских крестьян в деле освоения сибирских путей сообщения, который проявился в способах отбора и использования местных растений с целью заготовки древесины для различного рода изделий из дерева. В изготовлении разного вида транспортных средств для перевозки тяжестей по суше предпочтение было отдано березе. Крестьянин изучил крепость ее древесины и умело использовал отдельные части. Количество задействованного транспорта на бескрайних просторах Сибири, перевозящего грузы по сибирским трактам из Европейской России в Сибирь и обратно, исчислялось десятками тысяч экипажей, что способствовало развитию санного и колесного транспорта, а также вызвало появление мастеров ремесленников по изготовлению саней, телег, возков и другие.

Подводя итоги исследования сухопутных транспортных средств, можно констатировать, что освоение огромного пространства Сибири было невозможно без гужевого транспорта, который сохранял здесь традиции, характерные для европейской части России (особенно Русского Севера), также в новых условиях проявились и некоторые модификации транспортных средств. Пошевни же, служившие как свадебная повозка на Русском Севере, стали использоваться для перевозки грузов хозяйственного назначения. В каждом природно-географическом пространстве имелись свои особенности, возникшие в результате взаимодействия культур русского и аборигенного населения. Разнообразие средств передвижения у русских Сибири отражало традиционную многоукладность быта и хозяйственных занятий и являлось показателем неравномерного культурного и экономического развития разных районов огромного региона. Наиболее распространен был гужевой транспорт, он сыграл свою важную роль в экономике Сибири.

Список литературы

1. Григорьев А. Д. Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров // Известия Института исследования Сибири. Томск, 1921. № 6. С. 2 – 82.
2. Козьмин Н. Н. Существует ли кустарная промышленность в Иркутской губернии? Иркутск: Паровая типо-литография П. И. Макушина и В. М. Посохина, 1904. 53 с.
3. Лебедева А. А. Русские Притоболья и Забайкалья Очерки материальной культуры XVII – начала XX в. М.: Наука, 1992. 136 с.

4. Лебедева А. А. Транспорт, переноска и перевозка тяжестей // Этнография восточных славян. Очерки традиционной культуры. М., 1987. С. 313–341. Народы Сибири: этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1084 с.
5. Паршин В. П. Поездка в Забайкальский край. М., 1844. Ч. 1. 143 с. Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 480 с.
6. Сабурова Л. М. Культура и быт русского населения Приангарья. Конец XIX – XX в. Л.: Наука,1967. 280 с.
7. Томилов Н. А. О средствах передвижения русского населения Нижнего Притомья // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск, 1978. С. 130 – 140

УДК 502.56(571.1):94(571.1)”1960/1970”(091)

Проблема охраны водных ресурсов урбанизированных территорий Севера Западной Сибири в период нефтегазового освоения региона в 1960-е – 1980-е годы (на примере города Сургута)

Мостовенко Максим Станиславович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Сургутский государственный педагогический университет, Лаборатория исторических исследований
Сургут, Россия
reiseleiter@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0887-447X

АННОТАЦИЯ В статье автором рассматривается проблема охраны водных ресурсов на территории Севера Западной Сибири на примере города Сургута в 1960-е – 1980-е годы. Отмечается, что одной из ключевых проблем, связанных с загрязнение воды, было кроме нефтяного загрязнения, еще и отсутствие эффективных очистных сооружений. Их отсутствие становилось источником масштабного загрязнения реки Обь. Ведомственная несогласованность, а также низкие темпы строительства сооружений приводила к не эффективности принимаемых мер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Охрана водных ресурсов, север западной Сибири, экологическая история Сибири, Сургут.

Вопросы, связанные с необходимостью изучения истории охраны водных ресурсов для территории Западной Сибири являются одними из ключевых тем современном эколого-историческом дискурсе. Для территории ХМАО водные системы играют важную роль, выполняя не только транспортную функцию, но и служа источником воды для производства и коммунального хозяйства первых нефтяных городов. В особенности эта проблема усугубилась в период нефтегазового освоения региона.

О важности этой проблемы говорит тот факт, что уже в первой половине 1960-х годов на территории Сибири были проведены несколько межведомственных совещаний по вопросам использования и охране водных ресурсов Западной Сибири (Новосибирск 1961, 1963). На этих совещаниях отмечалась общая катастрофическая ситуация с водоохраной и водоочисткой в регионе: «Кратко санитарное состояние водоемов в районе деятельности Верхнеобьгосрыбвода характеризуется следующими данными: из 333 учтенных предприятий, сбрасывающих промстоки в водоемы бассейна р. Оби, 107 предприятий не имеют никаких очистных сооружений. На многих предприятиях, имеющих очистные сооружения, не обеспечивается очистка стоков необходимая для сброса в рыбохозяйственный водоем. Предприятия, которым запланировано строительство очистных сооружений и отпущены средства на эти цели, ведут строительство преступно медленно, гораздо медленнее, чем наращивание новых производственных мощностей.» [6, с. 28 – 29] В особенности это касалось городов.

Так, например, на своем заседании в сентябре 1957 года Сургутский райисполком констатировал, что «помойные ямы и дворовые уборные переполнены, систематически не очищаются и не хлорируются, в крайне антисанитарном состоянии находятся надворные постройки начальной и средней школы Сургута, МТС, райсоюза и бараков рыбоконсервного завода, улица Затонская» [5, с. 56]. На том же заседании отмечалось неудовлетворительная санитарная картина: «в отведенные для свалки

места нечистоты, мусор и навоз не вывозились, а сваливались на берегу речек Бардаковки, Саймы и Черной, которые служили источником питьевого водоснабжения населения. Навоз и мусор с территории поселка рыбоконсервного завода сваливался в овраг по улице Пионерской. <…> Воды хозяйственно-бытовых предприятий и учреждений, в том числе и в районном центре, сбрасываются в водоемы в непосредственной близости от мест водозабора» [5, с.56].

К началу 1960-х годов по берегам рек Бардаковка, Сайма, Черная складировался мусор, навоз, который впоследствии попадал в воду и не лучшим образом сказывался на водном благополучии Сургута. Начавшееся нефтегазовое освоение региона усугубило общую экологическую ситуацию. Прежде всего, это было связано с отсутствием городских и промышленных очистных сооружений.

Так, по результатам проведенной постоянной комиссией по охране природы при сургутском горисполкоме в 1972 году проверке, было установлено, что «Сургутский рыбоконсервный комбинат сбрасывает ежегодно 120 т. Жира в Обь. Загрязнены Г.С.В. (горюче-смазочные вещества) территории УМ-3, автобаза ПСХ Сургутгазстроя <…>, вся эта грязь стекает в реки и уничтожает рыбу и загрязняет воду» [1, с.116]. В связи с этим в феврале 1972 года было собрано специальное заседание комиссии по вопросу о состоянии городских очистных сооружений, на котором начальником Северо-Уральской бассейновой инспекции Мечановым А. Н. было отмечено, что руководители треста Сургутгазстрой, геологи и энергетики практически не занимаются вопросами строительства очистных сооружений. Кроме того, им подчеркивалось, что «больше всех нарушений у строителей, рыбокомбината только по городу наложено на 17 чел. штрафов» [1, с.121].

Однако, в 1977 году ситуация с обеспечением водной безопасности города начинает изменяться. В это время постоянную комиссию по охране природы при горисполкоме возглавляет Киртбая И. А. К деятельности комиссии подключается городская санитарно-эпидемеологическая служба, что дает положительный эффект. Например, согласно материалам справки «О выполнении закона «Об охране природы в РСФСР» НГДУ Сургутнефть» в 1978 году на предприятии были разработаны мероприятия по следующим вопросам: строительство очистных сооружений, улучшения состоянии промысловых объектов и сооружений, организация контроля. В дополнение к этому была создана специальная лаборатория по охране окружающей среды. На очистных сооружениях городских и товарного парка организован лабораторный контроль за сбросами сточных вод. В рамках общественной деятельности в цехах и на участках появились контрольные посты, а также возникла общественная инспекция [2, с. 153 – 158].

Вместе с тем НГДУ «Сургутнефть» удалось обеспечить работу существовавших на тот момент городских очистных сооружений механической очистки. Так, «При мощности сооружений 20 тыс. куб. метров в сутки, на них поступают до 26 тыс. куб. метров стоков, эффективность работы очистных в пределах нормы. Влияния сбросов очищенных стоков на р. Обь не обнаруживается, БПК5 водоема не превышает 2 мг/л.

Несмотря на принимаемые меры ситуация с охраной водоемов в городе к началу 1980-х годов продолжала оставаться напряженной. Согласно заключению главного санитарного врача, г. Сургута Штылева В. Г.: «Планируемые срок ввода в эксплуатацию очистных сооружений с биологической очисткой в 1982 году вновь ставятся под угрозу срыва. Город продолжает служить источником загрязнений поверхностного водоема р. Обь.

За невыполнение мероприятий по охране внешней среды в 1981 году санэпидстанцией отклонены от согласований планы по охране природы на 1982 г. по п/о «Сургутнефтегаз», тр. «Сургутгазстрой», «Спецнефтегазстрой». Перед Сургутским отделением стройбанка СССР поставлен вопрос о лишении премий, руководящих

работникам вышеперечисленных трестов и объединения «Сургутнефтегаз» за 1 кв. 1982 г. и апрель месяц текущего года» [3, с. 50]. Кроме того, имеющиеся очистные сооружения города работали с перегрузкой. Первая очередь очистных сооружении города была рассчитана на нагрузку в 49,9 тыс.куб.м. в сутки. К 1985 году без учета восточного жилого и промышленного района общий объем стоков составлял 78,5 тыс. куб. м. в сутки [4, с. 60]. Строительство второй очереди городских очистных сооружений тормозилось в связи с низким уровнем финансирования, а также из-за отсутствия подходящего подрядчика, который мог был освоить выделяемые средства (проектная стоимость составляла 15 млн. рублей).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что начавшееся нефтегазовое освоение региона серьезным образом ухудшило экологическое состояние водных ресурсов региона. Стремительный рост городов, привел к увеличению количества промышленно-бытовых стоков в водоемы. Строительство очистных сооружений по остаточному принципу приводило загрязнению водной среды.

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20115 «Советское государство и общество в процессе осмысления и решения экологических проблем Севера Западной Сибири в 1917 – 1991».

Список литературы

1. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 69.
2. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 118.
3. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 171.
4. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. Р-3. Оп. 1. Д. 309.
5. Прищепа А. И. Проблема чистой воды в Сургуте в 1950 – 1990 гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2-4 (32). С. 56 – 59.
6. Совещание по комплексному использованию и охране водных ресурсов Западной Сибири (12 – 16 декабря 1961). г. Новосибирск, 1961. С. 28 – 29.

УДК 94

Роль Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) в прекращении эксперимента по латинизации письменности народов Севера, 1934 – 1935 гг.

Синицын Фёдор Леонидович
Доктор исторических наук, доцент
Государственный университет по землеустройству
Москва, Россия
permcavt@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-2299-204X

АННОТАЦИЯ В январе 1932 г. в СССР был утвержден «единый северный алфавит» на латинской основе. Однако почти одновременно с этим в стране начал меняться курс государственной политики в сторону перевода письменности «нерусских» народов на русскую основу. В 1934 г. в сфере письменности развернулось острое противостояние в Восточно-Сибирском крае, где крайком ВКП(б), принципиально выступивший за русскую письменность для северных народов, вошел в конфликт с «латинизаторами». Деятельность крайкома стала одним из «триггеров» для отказа от ошибочного курса на латинизацию письменности народов Севера во всесоюзном масштабе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА СССР, Север, Восточно-Сибирский край, письменность, латинизация.

В 1920-х гг. в СССР начала широко осуществляться программа перевода письменности кавказских, среднеазиатских, поволжских народов на латинскую основу («новый латинизированный алфавит»). Был создан Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦКНА) и аналогичные структуры в регионах. Признанный положительным, «опыт латинизации письменности народов Востока» привел к возникновению инициативы по созданию письменности на латинской основе и для народов Севера [5, с. 6].

Хотя у латинизации на Севере были противники, которые в том числе выступали за письменность на русской основе, «латинизаторы» объявили, что русский язык и алфавит «чужды» северным народам из-за «тяжелого дореволюционного прошлого», и критиковали дореволюционную политику создания северных алфавитов на русской основе, которая якобы имела цель «заполнить их неумудренные культурой мозги туманом православного мракобесия» [3, ф. 676, оп. 1, д. 44, л. 89; там же, д. 370, л. 92; 5, с. 5].

В январе 1932 г. в Ленинграде на базе Института народов Севера была проведена конференция, в которой приняли участие представители Дальневосточного комитета Севера, отделов народного образования из Ненецкого, Эвенкийского, Витимо-Олекминского и других национальных округов. На этом мероприятии был утвержден итоговый вариант «единого северного алфавита»: a, в, c, є, d, ʒ, з, e, ə, æ, f, g, h, ɧ, i, ь, j, k, l, ł, m, n, ŋ, o, ɵ, p, q, r, ɾ, s, ʂ, t, u, v, w, x, y, z, ƶ. В дальнейшем, при разработке алфавита для каждого конкретного языка брали необходимые буквы из этого «единого алфавита» [2, ф. 22, оп. 1, д. 67, л. 4; 7, с. 4]. К 1935 г. была создана письменность для коряков, манси, нанайцев, ненцев, нивхов, саамов, удэгейцев, ханты, чукчей, эвенков, эвенов, эскимосов.

Однако почти одновременно с началом внедрения «новой северной письменности» ситуация в стране изменилась. Во-первых, в 1930 – 1931 гг. по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) была запрещена латинизация русского алфавита [9, с. 100 – 101],

ранее развернутая под патронажем Наркомпроса РСФСР. Во-вторых, произошел общий пересмотр государственной национальной политики – с 1933 г. власти СССР решили вернуть русскому народу государствообразующую роль. Соответственно, резко усилился статус русского языка и русской письменности, которая отныне получила почетный титул «алфавита творений Ленина и Сталина» [8, с. 88].

Первые подвижки произошли и в отношении письменности народов Севера. 25 ноября 1933 г. Наркомпрос РСФСР запросил мнение региональных наркоматов и отделов народного образования «по вопросу о месте в начальной и средней школе и соотношения» родного и русского языков, «особенно для тех случаев, когда национальная школа работает в русском окружении» [4, ф. 3977, оп. 1, д. 1015, л. 7] (т.е. именно про регионы Севера). Кроме того, выяснилось, что достижения латинизации в северных регионах СССР были, мягко говоря, сомнительными. Несмотря на все усилия, латинизированный алфавит получил здесь недостаточное распространение. Главной помехой этому было сохранение на Севере важной роли русского языка. Причиной такого положения была тесная связь народов этого огромного региона с русским населением. В ходе латинизации ярко проявилось желание северного населения к переходу на русский алфавит – оно было выявлено у нанайцев, ненцев, манси, хантов и других народов. Люди самостоятельно переходили на русский алфавит и не хотели писать на латинском [3, ф. 676, оп. 1, д. 44, л. 33, 35 – 36, 89, 95 – 96; там же, д. 1141, л. 1; 4, ф. 3977, оп. 1, д. 1015, л. 88об; 6, с. 1; 11, с. 257; 12, с. 124 – 125].

В 1934 г. курс на переход народов Севера на русский алфавит получил новый импульс – по этому вопросу развернулось острое противостояние в Восточно-Сибирском крае, где крайком ВКП(б), принципиально выступивший за русскую письменность для северных народов, вошел в конфликт с «латинизаторами». 18 января 1934 г. крайком принял постановление: «В целях облегчения овладения северными народностями грамотой на обоих языках (родной и русский), считать необходимым создание письменности для этих народностей на алфавите, максимально унифицированном с русским». Таким образом, было решено «латинизированный алфавит народов Севера отвергнуть, как не способствующий приобщению данных народов к советской культуре и затрудняющей это дело». Крайком не только приказал прекратить отправку учебников на латинизированном алфавите в места проживания народов Севера, но и стал открыто «игнорировать» местный Комитет нового алфавита [4, ф. 3977, оп. 1, д. 1015, л. 82; 10, ф. 17, оп. 21, д. 1184, л. 2], занимавшийся латинизацией.

В январе 1934 г. глава Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) М.О. Разумов отправился на XVII съезд ВКП(б), взяв с собой разработанный в крае проект эвенкийского алфавита на русской основе. Он решил высказать свою позицию на самом высшем уровне: выступая на съезде 30 января 1934 г., Разумов заявил о «серьезной ошибке, которая допускается… при введении письменности для северных национальностей». Он задал съезду риторические вопросы: «Зачем им (северным народам – *Ф.С.*) латинский алфавит? Не проще ли для письменности этих народностей взять за основу русский алфавит, чтобы облегчить трудящимся северных национальностей овладение письменностью обоих языков – родного и русского?»; «В чем преимущества латинского алфавита перед русским, на котором созданы огромные культурные ценности страны Советов? Во имя каких “принципов” надо предпринимать гигантскую работу по смене алфавитов, от которой кроме ущерба советской культуре ничего ждать нельзя?». Разумов разбил и «русофобские» доводы «латинизаторов», заявив, что «разговор о миссионерском (т.е. «религиозно-угнетательском» – *Ф.С.*) характере русского алфавита в условиях пролетарской диктатуры – это совершенно несуразная вещь» [4, ф. 3977, оп. 1, д. 1015, л. 82; 1, с. 215].

После выступления М. О. Разумова на съезде и его телефонных переговоров с властями Восточно-Сибирского края, в этом регионе усилились «антилатинизаторские» тенденции. 1 февраля 1934 г. бюро Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло решение в трехдневный срок «закончить подготовительную работу по переводу письменности северных народностей на унифицированный алфавит» (т.е. на русской основе). В Восточно-Сибирском крайисполкоме в то же время возникла идея о реорганизации или даже ликвидации Комитета нового алфавита [4, ф. 3977, оп. 1, д. 1015, л. 82 – 83; 10, ф. 17, оп. 21, д. 1184, л. 10об].

Центральные «латинизаторские» структуры решили повлиять на ситуацию, принявшую опасный для них оборот. 28 февраля 1934 г. Комитет нового алфавита народов Севера, располагавшийся в Ленинграде, сообщил в Восточно-Сибирский краевой комитет нового алфавита, что «перевод письменности народов Севера на какой-либо другой алфавит означает срыв всего подходящего к завершению дела ликвидации неграмотности на родном языке» [4, ф. 3977, оп. 1, д. 1015, л. 80 – 80об].

Однако Восточно-Сибирский крайком ВКП(б) в содружестве с крайисполкомом продолжил свой жесткий курс. 8 мая 1934 г. краевой Комитет нового алфавита был ликвидирован с формулировкой «в связи введением русского алфавита для северных народностей» и был влит в состав Комитета Севера при Восточно-Сибирском крайисполкоме. Руководство ликвидированного комитета пожаловалось председателю Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК П.Г. Смидовичу [4, ф. 3977, оп. 1, д. 1015, л. 33], однако это не помогло.

Наконец, в 1935 г. относительно северного алфавита произошли значительные подвижки на высшем политическом уровне. В марте этого года власти в лице заведующего Отделом партийной пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) А. И. Стецкий сообщили в Омский обком ВКП(б) о «согласии ЦК ВКП(б) о переходе с латинизированного алфавита на русский». В изменении политики критически важной оказалась роль М. О. Разумова. Его выступление на XVII съезде ВКП(б) стало «триггером», усилившим уже наметившиеся тенденции. В июне 1935 г. нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов в докладной записке на имя И. В. Сталина сообщил, что в своем выступлении на XVII съезде ВКП(б) Разумов «был прав» [11, с. 258; 12, с. 124].

Подходы, на которых был основан новый курс языковой политики в отношении народов Севера, состояли, во-первых, в упоре на необходимость знания северными народами русского языка (и, соответственно, русского алфавита) «как основного». Это гарантировало более быстрое приобщение к социалистической культуре, т.к. передовая культура является русской». При этом было объявлено, что такой курс не является «русификацией», т.к. «теперь не царская Россия, а СССР» – о чем и говорил М.О. Разумов на XVII съезде ВКП(б). Аргументы, выдвинутые за отмену латинизации, так же во многом повторяли выступление Разумова на съезде, в том числе то, что «нигде не доказано», что «сближение должно происходить на латинизированной основе», и что латинский алфавит – «единственно революционный» [2, ф. К-II, оп. 1, д. 239, л. 2; 3, ф. 676, оп. 1, д. 44, л. 35, 37 – 38, 82].

В целом, латинизацию письменности народов Севера можно признать одной из наиболее ошибочных акций в череде экспериментов по созданию новой письменности в СССР, развернутых в 1920-е – 1930-е гг. Одним из «триггеров» для отказа от этого ошибочного курса стала позиция Восточно-Сибирского крайкома ВКП(б), включая выступление его руководителя М.О. Разумова на XVII съезде партии. В 1935 г. наступил перелом в отношении государства к этой проблеме, в 1936 г. была отмечена максимальная активность по подготовке перевода письменности на русскую основу, и в 1937 г. были утверждены новые северные алфавиты на русской основе, которые применяются до сих пор.

Список литературы

1. XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б), 26 января – 10 февраля 1934 г.: Стенографический отчет. М.: Партиздат, 1934. 716 с.
2. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН.
3. Архив РАН.
4. Государственный архив Российской Федерации.
5. Единый северный алфавит (проект). Хабаровск: Дальневосточное общество краеведения, 1930. 12 с.
6. Инструктивно-методические указания по переводу письменности народов Крайнего Севера на основу русского алфавита. М.: Учпедгиз, 1937. 7 с.
7. Материалы I Всероссийской конференции по развитию языков и письменности народов Севера. М. – Л.: Учпедгиз, 1932. 109 с.
8. Орлицкий Д. Национал-демократизм в вопросах языка и письменности // Большевик. 1934. № 6. С. 81 – 96.
9. Проблемы «латинизации русского алфавита» / Публ. В. Денисова // Источник. 1994. № 5. С. 99 – 106.
10. Российский государственный архив социально-политической истории.
11. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства, 1822 – 1941 гг.): Сб. док. Тюмень: Тюм. обл. центр документации новейшей истории, 1994. 318 с.
12. ЦК ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 2. 1933 – 1945. М.: РОССПЭН, 2009. 1095 с.

УДК 94

Антропология холода: использование криогенных ресурсов в традиционной системе жизнеобеспечения якутов (XIX - первая треть XX вв.)

Сулейманов Александр Альбертович
кандидат исторических наук
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
Якутск, Россия
e-mail: alexas1306@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-8746-258X

АННОТАЦИЯ В докладе на примере системы жизнеобеспечения крупнейшего этноса Якутии – якутов – показано значение и позиции криогенных ресурсов (холод, снег, лед, «вечная мерзлота») в комплексе хозяйственных и социокультурных практик XIX – нач. 30-х гг. XX в. Для раскрытия указанной проблематики был привлечен комплекс опубликованных и отложившихся в архивах гг. Иркутск, Москва, Новосибирск, Санкт-Петербург и Якутск этнографических данных, а также полевые материалы автора, собранные в течение 2017 – 2023 гг. в населенных пунктах 6 административных районов (улусов) Якутии. Проведенная работа позволила определить роль и рассмотреть характер эксплуатации криогенных ресурсов при организации якутами своего жилого пространства и транспортных связей, приготовлении и хранении продуктов питания, получении питьевой и технической воды, в народной медицине, рыболовных, охотничьих, ското- и коневодческих практиках, земледелии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Антропология холода, Якутия, якуты, снег, лед, «вечная мерзлота».

Республика Саха (Якутия) традиционно является своеобразной «этнической нишей» коренных народов Севера: долган, эвенков, эвенов, юкагиров, чукчей, якутов, а также русских арктических старожилов, представители которых сохранили традиционные формы и направления хозяйственной деятельности, являются носителями уникальных социокультурных практик.

Данные формы, направления и практики формировались и развивались в специфических природно-географических условиях: на огромных малоосвоенных пространствах при резко континентальном климате, сочетающем в себе короткое, но жаркое лето и суровые зимы – Якутия является одним из самых холодных регионов на Земле, заселенных человеком на постоянной основе. Фактическим «каркасом» для всей системы жизнедеятельности населения Якутии при этом служит «вечная мерзлота», состояние которой, в том числе, определяет устойчивость строительных сооружений и конструкций, сам рельеф местности, возможность осуществления на нем хозяйственной деятельности и многое другое и напрямую зависит от температурного режима.

Очевидно, что успешная жизнедеятельность в обозначенных условиях невозможна без выработки специальных адаптационных механизмов, отразившихся на всех сферах жизнеобеспечения населения и, в первую очередь, на традиционных зимних практиках. Это позволяют рассматривать представителей коренных народов Якутии как носителей уникальных «холодных» хозяйственных и социокультурных практик. В этой связи представляется очевидным, что продолжительные и холодные зимы при всех их безусловных затрудняющих жизнь человека моментах служат также и источником дополнительных возможностей – криогенными ресурсами или «ресурсами холода».

Использование данных преференций у крупнейшего этноса региона – якутов (по данным переписи 1894 г. из без малого 270 тысяч проживающих в регионе 221 тысячу составляло якутское население [15])– осуществлялось по широкому спектру направлений и являлось важным механизмом адаптации к специфическим природно-географическим условиям, а также к тем вызовам, которое ставило перед населением региона время. Практики эксплуатации криогенных ресурсов настолько тесно интегрировались в самые разнообразные хозяйственные и социокультурные стороны жизни населения Якутии, что не могли не испытывать на себе все те глубинные трансформации, которые меняли быт и хозяйство сельских сообществ, в целом – экономику региона. Рассматриваемый в докладе набор этих практик отвечал особенностям развития Якутской области второй половины XIX – начала XX столетия: продолжающейся инкорпорацией в единое общественно-политическое и социально-экономическое пространство Российской империи, удаленности от основных транспортных коридоров и необходимости обеспечения полуавтаркичного существования.

Как показала проведенная полевая работа и изучение архивных документов криогенные ресурсы традиционно играли существенную роль при утеплении жилых и хозяйственных построек[8] [6, л. 15], а также в санитарно-гигиеническом отношении. В наиболее холодные зимние месяцы якуты открывали двери жилых помещений, производя таким образом их дезинфекцию[9]. Вымораживанию подвергалось и белье, вывешиваемое в этих целях на улицу [18, л. 6]. Холод использовался также в традиционной народной медицине якутов и в целом – в системе здравоохранения [4, л. 5]. К примеру, ранее играли роль моргов играли вырытые в толще «вечной мерзлоты» ледники [10, л. 1–10; 11, л. 1–3; 12, л. 1]. Данные сооружения выступали также местом для осуществления массовых захоронений в период обострения эпидемиологической обстановки [5, л. 95].

Важным санитарно-гигиеническим инструментом выступала практика заготовки и использования льда в питьевых целях [21, с. 20][10]. Наряду с получением питьевой воды из снега, они являлись одновременно и органичным элементом системы питания – еще одного магистрального направления эксплуатации «ресурсов холода». Криогенное воздействие широко применялось при приготовлении продуктов питания, значительно повышая вариативность народной кухни якутов. Вероятно, ни в одной национальной кухне тюркских народов нет такого количества существующих или существовавших блюд, в приготовлении которых ключевую роль играло бы замораживание. Холод являлся важнейшим инструментом приготовления целого ряда молочных (урумэ, хайах, чохоон ары и др.), рыбных (строганина, макса, замороженные пупки, икра и др.), а также блюд из конины и говядины (кыспа, сыһык, хаһа и др.) и даже мяса птицы (туллук) [8, л. 13 об.; 14; 16, с. 94 – 101; 17, л. 105 – 231; 20, с. 316 – 321].

Несмотря на наблюдающееся уже на рубеже XIX – XX вв. постепенное снижение значения естественных низких температур в этом отношении под влиянием как объективных (технологический прогресс, развитие сети коммуникаций, усиление влияние русской и общеевропейской кухни и др.), так и субъективных (например, деятельность отдельных религиозных сановников) факторов, они, как свидетельствует выявленный источниковый материал, сохраняли свое ключевое место вплоть до середины XX в.

Значение криогенных ресурсов в системе питания якутов тесно коррелировалось с их потенциалом в обеспечении длительного хранения продовольствия.

[8] Полевые материалы автора (ПМА), с. Аргахтах, Среднеколымский улус, март 2021 г.; с. Уолба, Таттинский улус, март 2022 г.
[9] ПМА, с. Исит, Хангаласский улус, август 2017 г.
[10] ПМА, с. Юнкюр, Олекминский район, март 2023 г.

Существенная его часть могла просто храниться на улице с наступлением зимнего времени[11]. Во второй половине XIX в. населением Якутии широко использовались в этих целях и ледники [7, с. 72]. В них содержалась мясная и молочная продукция, выловленная рыба, ягоды и т.п. [17, л. 104 – 106].

Применение в хозяйственной деятельности якутов практик эксплуатации «ресурсов холода» не ограничивалось только консервирующей ролью последних. Напротив, эти практики были достаточно тесно интегрированы в выработанный опыт развития земледелия и животноводства, рыболовный и охотничий промыслы. Криогенные явления и процессы активно использовались для орошения сельскохозяйственных угодий, организации процесса кормления скота и обмолота зерна. Именно традиционная хозяйственная деятельность представителей сельских сообществ Якутии вобрала в себя существенное число примеров сознательного управления криогенными процессами. В частности, якуты использовали целенаправленно создаваемые морозобойные трещины при спуске озер – важнейшем способе создания покосных угодий. Нашел применение отмеченный феномен и в рыболовном промысле, где путем определенных манипуляций искусственно достигалась концентрация рыбы в заранее намеченных для лова местах и др. [9, л. 52 – 593; 13, с. 7 – 290].

Извлечение преференций из длительных холодных зим традиционно имело важнейшее значение и в организации транспортных связей в Якутии. Использование в качестве дорог смерзшейся почвы, русел скованных льдом рек, ледовых переправ в качестве своеобразных «мостовых переходов» являлось важнейшим компонентом транспортно-логистической системы региона в рассматриваемый период [1, л. 62]. Кроме того, именно в зимний период было принято решать важную хозяйственную задачу – перевозить на территорию усадьбы заготовленные дрова и сено [2, с. 67 – 68; 3, с. 515]. По сути, как отмечает исследователь повседневной жизни якутов И. П. Сойкконен, эти два занятия и являлись для якутов основными в данный период года. По его подсчетам одна только возка сена отнимала «приблизительно треть всего зимнего времени мужчины» [19, л. 206].

Следует уточнить, что, безусловно, даже в силу размеров территории невозможно говорить об однородности, отмеченной выше картины. Очевидно, что в своем транспортном значении наибольшую востребованность «ресурсы холода» имели для якутов, проживающих в северных районах Якутии. Именно здесь с учетом крайней степени дисперсности поселений, огромными неосвоенными пространствами со значительным числом водоемов и максимальной в регионе продолжительностью зимнего времени на протяжении всего рассмотренного периода сохранялась критическая зависимость от состояния зимников. Кроме того, в Заполярной Якутии, в первую очередь, в силу большей простоты их использования традиционного наблюдалась и лучшая распространенность ледников. Например, в южном Олекминском районе пользователям этих сооружения было необходимо ежегодно менять лед, используемый в качестве аккумулятора холода или прибегать к отмеченным ранее манипуляциям – замене льда на крупные камни и т.п., а также регулярной глазировке. На севере же подобной необходимости могло и не возникать. Вместе с тем, такая рыболовная практика как куйуур была характерна, прежде всего, для центральных районов Якутии в силу распространенности здесь промерзающих в течение зимы до дна водоемов. Другой географической особенностью стала большая интенсивность эксплуатации «ресурсов холода» в тех районах, где наблюдается дефицит хотя бы относительно качественной питьевой воды.

[11] ПМА, сс. Майя, Петровка, Мегино-Кангаласский улус и сс. Амга, Покровка, Амгинский улус (район), март 2018 г.

Представленные в данном исследовании сведения и приведенные многочисленные примеры «одомашнивания» холода являются иллюстрацией разнообразия и гибкости адаптивных практик в специфических природно-географических условиях, благодаря которым человек смог освоить и обжить арктические и субарктические просторы, а якутский этнос, например, развить самое северное скотоводство в мире. Как установлено, важнейшее место «ресурсы холода» в рассмотренный период занимали в приготовлении и консервации продуктов питания. Возможность круглогодичного хранения продовольствия, использования криогенного воздействия при их приготовлении, а также транспортировки скоропортящейся пищи играла в жизнедеятельности якутов во многом определяющую роль.

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 19-78-10088, https://rscf.ru/project/19-78-10088/

Список литературы

1. Архив Российской академии наук. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 25.
2. Винокурова Л. И. Зимние хозяйственные занятия мужчин в сельской Якутии 1920 – 1960-х гг. // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 4. С. 65 – 72.
3. Винокурова Л. И. Рукопись И. П. Сойкконена в аспекте изучения зимней повседневности якутов первой трети XX в // Oriental Studies. 2022. № 3. С. 501 – 518.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 293. Оп. 1. Д. 24.
5. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 640.
6. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 677.
7. Зыков Ф. М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов. Новосибирск: Наука, 1986. 99 с.
8. Научный архив Русского географического общества. Ф. 63. Оп. 1. Д. 24.
9. Научный архив СО РАН. Ф. 10. Оп. 8. Д. 98.
10. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. И12. Оп. 1. Д. 23543.
11. НА РС(Я). Ф. И15. Оп. 10. Д. 4717.
12. НА РС(Я). Ф. И136. Оп. 1. Д. 308.
13. Николаев С. И. Народ саха. Якутск: Якутский край, 2009. 300 с.
14. Николаев С. И. Пища якутов (в свете соседних культур) // Семен Иванович Николаев-Сомоготто – историк, этнограф, автор концепции этногенеза якутов. URL: http://somogotto.narod.ru/index/0-22 (дата обращения: 29.11.2021).
15. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года // Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=80 (дата обращения: 13.06.2023)
16. Саввин А. А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС(Я), 2005. 376 с.
17. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Ф. 47. Оп. 2. Д. 134.
18. СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 156.
19. СПбФ АРАН. Ф. 47. Оп. 2. Д. 159.
20. Серошевский В. Л. Якуты: опыт этнографического исследования. Т. I. Санкт-Петербург: ИРГО, 1896. 720 с.
21. Сокольников П. Н., Попов А. И., Говоров И. С. Жилище, одежда и пища якутов. Якутск: Типография Якутского Областного управления, 1913. 21 с.

УДК 908

Енисейский Север. Хроники освоения Арктики - просветительский проект Красноярского краевого отделения РГО

Филиппов Вячеслав Викторович
ФГУП «Администрация гражданских аэропортов (аэродромов)»,
специалист отдела маркетинга и внешних связей
Москва, Россия
akira.62@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-8105-8114

АННОТАЦИЯ Доклад-презентация просветительского книгоиздательского проекта Красноярского краевого отделения Русского географического общества «Енисейский Север. Хроники освоения Арктики» об освоении енисейского севера, о его первопроходцах, защитниках, исследователях, полярниках, моряках, летчиках, геологах, о всех тех, чьим трудом прирастает богатство и авторитет нашей Родины.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисей, север, Арктика, история, освоение, первопроходцы.

Императорское Русское Географическое Общество (РГО) открылось в Красноярском крае 10 февраля 1901 года как подотдел Восточно-Сибирского отделения Императорского РГО. Его основатели уделяли особое внимание изучению геологии, географии и истории Приенисейской Сибири. Главными направлениями их деятельности являлись этнографические и естественнонаучные исследования. До 1920 года подотдел провел более 15 научных экспедиций в Урянхайский край и на север Енисейской губернии, Ангару и Подкаменную Тунгуску.

Усилиями красноярских географов удалось сохранить уникальный природный комплекс «Столбы», благодаря которому сегодня Красноярск знают во всем мире. В 1925 году после огромной работы и при помощи жителей города «Столбы» получили статус заповедника. Значительный вклад в историю региона внес Аркадий Яковлевич Тугаринов – председатель Красноярского подотдела Сибирского отделения Русского географического общества. Он совершил множество научных экспедиций, охватив почти весь Приенисейский край, результатом его исследований стали более 20 научных работ. Особенно ценны собранные им этнографические материалы. Сегодня в Красноярске продолжают славные традиции, заложенные более века назад.

Краевое отделение РГО продолжает славные традиции. Главными направлениями работы являются природоохранная и просветительская деятельность, историко-этнологические исследования региона, развитие рекреационного потенциала края и популяризация краеведческого туризма.

На базе отделения организован библиотечный фонд и лекторий, действует Экспедиционный центр с большой материально-технической базой для обеспечения масштабной деятельности на территории Красноярского края.

В рамках своей деятельности ККО РГО реализует, в соответствии с Уставом РГО, задачи по проведению целенаправленной работы в обществе по популяризации географии, сохранению исторического и культурного наследия России, природоохранной, образовательной, исследовательской и иной деятельности, широкому привлечению молодёжи к научному творчеству в области географии и смежных отраслей знаний.

Особое внимание ККО РГО придает проектам, связанным с изучением и популяризацией северных территорий Красноярского края. В числе наиболее значимых и успешных проектов последних лет можно назвать экспедицию по эвакуации из таймырской тундры в Красноярск имеющего героическую историю самолета С-47, повлекшую за собой рождение глобального проекта создания «Парка-музея освоения Севера» на острове Молокова в городе Красноярске.

В декабре 2018 года проект Красноярского краевого отделения РГО «Борт Тюрикова. Возвращение» был признан победителем Премии Русского географического общества в ключевой номинации «Экспедиция по России». Это ключевая награда в области национальной географии, экологии, сохранения и популяризации природного и историко-культурного наследия России.

Премию на официальной церемонии в Кремле вручил Президент Российской Федерации, Председатель Попечительского совета РГО Владимир Владимирович Путин.

В 2020 году еще один «северный» проект Красноярского краевого отделения РГО – локация «Мыс Челюскин», реализованный во время проведения XXIX Всемирной зимней универсиады в Красноярске, победил в Национальной премии «Хрустальный компас».

В настоящее время одними из наиболее значимых проектов ККО РГО являются реализация проекта «Парк-музей освоения Севера» на острове Молокова в Красноярске и организация Сибирской штаб-квартиры Русского географического общества в Красноярске.

Кроме экспедиционных, исследовательских, музейно-выставочных проектов ККО РГО занимается и просветительской работой. Так в 2018 году была задумана серия историко-публицистических книг под общим названием «Енисейский север. Хроники освоения Арктики» об освоении енисейского севера, о его первопроходцах, защитниках, исследователях, полярниках, моряках, летчиках, геологах, о всех тех, чьим трудом прирастает богатство и авторитет нашей Родины.

Изначально было принято принципиальное решение – при подготовке книг опираться на первоисточники – документы из фондов государственных и ведомственных архивов, личные архивы непосредственных участников событий.

Почему была взята эта тема – Северный морской путь? Потому что это абсолютно героическая по истории своего освоения территория трех стихий – земли, воды и неба. Скажем прямо, не самые легкие природные условия севера обусловили соответственно и труднодоступность его естественных богатств. Но вот как раз запасы этих богатств и не давали покоя «ячейкам» общества самой разной численности, вероисповедания и государевой принадлежности и приводили к поиску ПУТЕЙ доступа к ним.

Но пути могут быть разными. Учитывая малозаселенность территорий и отсутствие наземных и воздушных транспортных артерий на севере и северо-востоке СССР в 1930-е годы – сам по себе напрашивался вывод – наиболее приспособленным для перевозки грузов на севере и проникновения вглубь в сибирские, якутские и дальневосточные земли был морской и речной транспорт. Тайгу и тундру прорезает густая сеть рек, начинающихся в глубине материка и впадающих в моря Северного Ледовитого океана. Используя морской и речной транспорт можно связать воедино грузоперевозками северо-западные регионы страны с Сибирью и Дальним востоком. Выгода в цене и самое главное во времени грандиозна. Преимущества Северного морского пути оправдывают повышенный риск плавания во льдах и именно для решения вопросов прежде всего безопасности плавания в северных морях работали и работают ученые в составе высокоширотных экспедиций, об организации и проведении которых эта книга.

Почему Енисейский Север? Потому что именно Карское море и Енисейский залив оказались своеобразным центром сначала притяжения торговых людей (знаменитые экспортно-импортные Карские операции 1920 – 1930-х годов), а потом начавшегося с Комитета Севморпути в 1920 году и продолжившегося организацией «Комсеверопути» в 1928-м году создания единой хозяйственной структуры освоения севера и северо-востока СССР – Главного управления Северного морского пути. Новый порт в Игарке стал самым крупным поставщиком на экспорт енисейского леса. С острова Телячий на Енисее в черте города Красноярска началось создание полярной авиации – здесь в 1929 году базировался на зиму первый самолет полярной авиации – Дорнье Валь летчика Бориса Григорьевича Чухновского, работавший на ледовых разведках Карских операций. Отсюда был направлен спасать челюскинцев в 1934 году пилот Енисейской авиалинии Василий Молоков. В первой высокоширотной экспедиции по организации дрейфующей научной станции «Северный полюс» в 1937 году участвовали целых три экипажа Енисейской авиалинии – Василия Молокова, Анатолия Алексеева и Павла Головина.

От идеи до реализации прошло немного времени. Объединив усилия, красноярские журналисты Андрей Мармышев, Алексей Елисеенко и историк красноярской авиации Вячеслав Филиппов подготовили первую книгу – «Енисейский север. Хроники освоения Арктики 1920 – 1940 гг.» о первых десятилетиях освоения советских северных территорий, об организации и становлении мощной производственно-хозяйственной структуры – Главного управления Северного морского пути.

При поддержке грантовой программы Красноярского края «Книжное Красноярье» первая книга проекта вышла в издательстве «Поликор» в 2019 году.

Эта книга о начале освоения Арктики в Советский период в 1920 – 1930-е годы в Красноярской (Енисейской) её части с акцентом на то, что исследования Арктики в разные периоды имели разные задачи. В 1920-е годы все было направлено на развитие Севморпути с целью продолжения политики досоветского периода по развитию внешнеторговых связей Сибири с Европой и т.д. В 1930-е годы – поворот в сторону укрепления обороноспособности, арктические исследования прежде всего проводятся под военные задачи, по факту – речь о контроле над севером в военных целях.

В предисловии – краткий экскурс в проблему освоения Севера Енисейской губернии с момента прихода русских до начала XX века. Далее:

- Севморпуть. Первые шаги (Создание комитета Севморпути, проблемы неисследованности СМП. Неупокоев и его штаб в Красноярске, экспедиция Обь-Енисейского гидрографического отряда Неупокоева, Карские экспедиции).
- Экспедиции в будущее (Норильская горная экспедиция Урванцева. Железнодорожные экспедиции Львова и Рыбина. Тунгусская экспедиция Обручева. Экспедиция Бегичева).
- Выбор пути (Усть-Порт и Игарка). Экспедиции второй половины 1920-х.
- Авиация Комсеверпути - старт из Красноярска (1929 – 1933 гг.)
- Индустриализация Арктики. Экономика Красноярского края и северный вопрос. Норильск, Дудинка, Диксон, Игарка.
- Экспедиции 1930-х. Дирижабли над полюсом (Пясинская экспедиция, воздушные экспедиции). Арктика и укрепление обороноспособности (РККА и ВМФ на Таймыре, Немецкий рейд, ГуЛАГ).
- Полярная авиация в Енисейской губернии и Красноярском крае в 1934 – 1940 гг.

В 2020 году, в год 75-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне при поддержке грантовой программы Красноярского края «Книжное Красноярье» так же в издательстве «Поликор» вышла вторая книга проекта – «Енисейский Север. Хроники обороны Арктики 1940 – 1945 гг.». Автор – Вячеслав

Филиппов. Выпуску книги предшествовала большая работа с архивными документами фондов Главсеморпути в РГАЭ и Беломорской военной флотилии в Центральном архиве ВМФ.

В этой книге автор рассказывает об обороне Северного морского пути во время советско-финской войны 1939 – 1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг., о героизме моряков, летчиков и полярников, о перевозке ленд-лизовских грузов и обеспечении северного побережья, о защитниках Диксона, о работе северных морских портов и полярных станций в годы войны. В книге много фотографий и документов того времени, впервые опубликованных и введенных в научный оборот.

Основной целью проекта было представить для широкого круга читателей подробную и правдивую историю малоизученной страницы Великой Отечественной войны – боевых действий фашистского флота в Карском море, мужества защитников Диксона и всего северного побережья Советского Союза, повысить интерес жителей края к изучению героической истории нашего региона, несмотря на нахождение в глубоком тылу, ставшего самым восточным рубежом борьбы с немецко-фашистскими захватчиками.

Мужество и самоотверженность команды ледокольного парохода «Александр Сибиряков» в Карском море и победа защитников Диксона в бою со значительно превосходящими силами противника предотвратили большие трагедии – захват врагом Северного морского пути с целью нарушения морских коммуникаций с союзниками.

В основе принципа подбора материала для книги лежало желание автора показать историю обороны Северного морского пути в целом и Енисейского севера в частности с различных ракурсов – глазами непосредственных участников событий, официальным языком настоящих боевых документов времен войны, причем документов как военных – Северного флота и Беломорской флотилии, так и гражданских – Главного Управления Северного морского пути.

Сам автор считает главной особенностью издания то, что в нем четко показано единство фронта и тыла в годы Великой Отечественной войны, рассказано и о боевых действиях на северном морском театре, и о работе по снабжению фронта и народного хозяйства боевой техникой, оборудованием и материалами, поступающими от союзников по программе ленд-лиз.

Книга стала своеобразным памятником героям обороны Севморпути – живым и погибшим – в ней читатели увидели фотографии и биографии руководителей обороны Севера, отличившихся моряков, летчиков и полярников.

В 2021 году при поддержке грантовой программы Красноярского края «Книжное Красноярье» так же в издательстве «Поликор» вышла третья книга проекта – «Енисейский Север. Хроники освоения Арктики. Высокоширотные воздушные экспедиции 1948 – 1991 гг.». Соавтором Вячеслава Филиппова выступил известный красноярский пилот, бывший начальник Красноярского управления гражданской авиации Иван Альфонсович Левандовский.

Это историко-публицистическое издание рассказывало об организации и проведении высокоширотных воздушных экспедиций в Арктике в 1948 – 1991 гг., об авиаторах Красноярского управления гражданской авиации и их значительном вкладе в изучение Северного Ледовитого океана, в повышение обороноспособности страны и укрепление ее северных рубежей. Особо ценным был первоисточник – дневники тех лет Ивана Альфонсовича Левандовского, организатора и непосредственного участника высокоширотных экспедиций в Арктике.

Географическое положение Красноярского края в целом и Енисейского севера в частности предопределило возложение обязанностей организации и обеспечения высокоширотных воздушных экспедиций «Север» именно на Красноярское

управление гражданской авиации после расформирования Управления Полярной авиации в 1970-м году. И наши красноярские экипажи самолетов и вертолетов, инженерно-технический состав, службы материально-технического обеспечения в течение 20 лет достойно выполняли свою работу. И как в далекие 1930-е снова стали первопроходцами полярного неба, ледовыми разведчиками, помощниками мореходов и научных работников. И глядя на фотографии участников ВШЭ этих лет понимаешь, что они точно такие же, как их предшественники в 1930-е – счастливые и гордые причастностью к серьезному и важному для Родины делу.

Все три книги были с интересом приняты читателями и получили хорошие отзывы. От читателей поступил запрос на продолжение серии, в частности о выпуске книги о первопроходцах и досоветском периоде освоения Арктики.

Четвертая книга – «Енисейский Север. Хроники освоения Арктики. Первопроходцы. Конец XVII – начало XX века», подготовленная Андреем Мармышевым и Вячеславом Филипповым в ответ на читательский запрос, вышла в 2022 году традиционно в издательстве «Поликор» и снова при поддержке грантовой программы Красноярского края «Книжное Красноярье» и рассказывает о раннем периоде освоения севера – начиная с конца XVII века и до 1919 года – о первопроходцах и досоветском периоде освоения северных территории России.

При подготовке издания использованы фонды Научного архива Русского географического общества, КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей», КГБУК «Таймырский краеведческий музей», КГАУК «Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова», Музея Норильска.

Успех у специалистов и читательской аудитории выпущенной серии книг «Енисейский север. Хроники освоения Арктики», подтверждает правильность взятого Красноярским краевым отделением Русского географического общества вектора на хронологически выстроенную серию тематических изданий об освоении и защите Российской Арктики в целом и Енисейского севера в частности и об огромном вкладе Красноярского края и его жителей в изучение и развитие этого важнейшего для развития государства направления.

Стоит рассказать еще об одном просветительском издательском проекте, подготовленным и реализованным при содействии ККО РГО. Это книга Вячеслава Филиппова «Енисейская авиагруппа. С острова Молокова к северным широтам» выпущенная издательством «Поликор» в 2021 году. Эта книга была выпущена в поддержку уже хорошо известного красноярцам инициативного проекта Красноярского краевого отделения Русского географического общества – «Парк-музей освоения Севера» на острове Молокова в городе Красноярске.

В книге рассказывается об острове Молокова на Енисее (бывш. Телячий) — первой гидроавиабазе полярной авиации СССР, «воротах Крайнего Севера», о людях и самолетах, о героических 1930 – 1940-х гг. в истории Енисейской авиационной группы и, конечно же, о самом проекте создания «Парка-музея освоения Севера» на уникальном месте, пропитанном энергетикой великих людей и великих свершений во имя процветания Родины. Книга проиллюстрирована большим количеством уникальных фотографий 1930-х годов, в том числе из личного архива знаменитого полярного летчика Василия Сергеевича Молокова.

Историческое значение острова Молокова велико. Остров Молокова (до 1934 года остров Телячий) на реке Енисей в черте города Красноярска является первой гидроавиабазой полярной авиации в СССР и России. В 1929 году остров был выбран для базирования первого самолета будущей полярной авиации (тогда еще АО «Комсеверпуть») Дорнье Валь «Комсеверпуть» Бориса Григорьевича Чухновского. С этого года и до 1961 года (окончания постройки Коммунального моста через р. Енисей) остров Молокова являлся действующим гидроаэродромом и гидропортом (Абаканская

протока). Первые дальние перелеты по освоению Енисейского севера и вообще северо-восточных районов России были подготовлены и выполнены именно с этого гидроаэродрома – Абаканской протоки острова Молокова.

Остров Телячий был переименован в остров Молокова в 1934 году после присвоения звания Героя Советского Союза летчику Енисейской авиалинии Василию Сергеевичу Молокову за беспримерные подвиги при спасении научной экспедиции О. Ю. Шмидта и экипажа затонувшего парохода «Челюскин».

С 1 января 1934 года по приказу начальника Управления воздушной службы ГУСМП М. И. Шевелева в Красноярске были организованы самолето- мотороремонтные мастерские. На острове были построены испытательная станция с причалом и общежитие. Там же на острове в 1934 году началось строительство гидроавиабазы. В марте 1935 года авиаремонтные мастерские полностью были переведены на остров и с августа 1935 года реорганизованы в Красноярский авиаремонтный завод Управления полярной авиации Главного управления Северного морского пути (КАРЗ УПА ГУСМП). В 1938 году основная производственная база КАРЗ была переведена на правый берег реки Енисей напротив острова, но на острове остались ангары, служебные здания и жилой городок Красноярского гидропорта Енисейской авиагруппы полярной авиации и часть помещений КАРЗ. Тогда же заводу было присвоено имя знаменитого полярного бортмеханика Григория Трофимовича Побежимова, погибшего в августе 1937 года при перелете через Северный полюс.

С 1935 – 1936 гг. остров Молокова стал основной базой советской полярной авиации. В КАРЗе готовились самолеты для рекордных перелетов 1930-х годов В. С. Молокова, М. В. Водопьянова, А. Д. Алексеева, С. А. Леваневского и других полярных летчиков. Идеально сохранившее до нашего времени здание штаба гидроавиабазы на северном мысе острова является объектом культурного наследия. Это здание с большой вероятностью сегодня возможно единственное в стране сохранившееся историческое здание, имеющее отношение к зарождению полярной авиации России.

Все великие первопроходцы воздушных путей Арктики прошли через этот памятник истории. Его энергетика сохранена и сегодня.

Во время Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. на острове Молокова разместились цеха, эвакуированного в Красноярск авиационного завода № 477 по выпуску запчастей для бомбардировщиков и летно-испытательная станция Конструкторского бюро морской авиации Георгия Константиновича Бериева, производившего военные гидросамолеты. Не прекращалось выполнение задач по ремонту самолетов и моторов в организованной в августе 1942 года на острове Молокова Центральной авиаремонтной базе (ЦАРБ) ГУ СМП. Специалисты ЦАРБ оказывали помощь инженер-но-техническому составу знаменитой Красноярской воздушной трассы (Аляска-Сибирь) в ремонте аварийных самолетов американского производства, поступавших в Красноярск по программе ленд-лиз.

Именно поэтому проект «Парка-музея освоения Севера» рассчитан именно на территории острова Молокова – места исторической памяти, места силы, места накопленной десятилетиями энергии героических свершений наших предшественников – первопроходцев путей освоения Севера, первых героев страны и героев Великой Отечественной войны.

Уникальность и идеальность выбора места еще и в том, что остров сегодня является связующим звеном всех путей освоения Севера – и воздушного (гидроаэродром) и водного (место стоянки исторического парохода «Красноярский рабочий») и наземного (возможность воссоздания в ландшафте парка имитации маршрута наземной экспедиции), что и предусмотрено в концепции «Парка-музея».

Это – ИДЕОЛОГИЯ, это то, чего сейчас особенно не хватает в современной жизни. Причем идеология не личного потребления и обогащения, а идеология бескорыстного

героического служения на благо Отечества наших предшественников. О том, что «Парку-музею освоения Севера» на острове Молокова – быть, сказал в обращении к читателям книги и Президент Русского географического общества Сергей Кужугетович Шойгу. А эта поддержка дорого стоит!

В книге «Енисейская авиагруппа. С острова Молокова к северным широтам» использованы материалы, документы и фотографии из фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского Государственного архива экономики, Центрального архива Министерства обороны РФ, Центрального военно-морского архива, Архива Федерального агентства воздушного транспорта России, Государственного архива Красноярского края, Государственного архива Иркутской области, Национального архива Республики Хакасия, архива Военного комиссариата Красноярского края, Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края, Красноярского краевого краеведческого музея, МБУ КК «Музей вечной мерзлоты» г. Игарка, личных архивов.

Несмотря на успешность и вроде бы завершенность просветительского проекта «Енисейский север. Хроники освоения Арктики» есть читательский запрос и на продолжение серии. Высказываются пожелания подготовить книги об истории промышленного освоения енисейского севера – о Норильске, Игарке, Дудинке, Хатанге, Маклаково (нынешний Лесосибирск), об истории Енисейского речного пароходства, о работе полярных станций Севморпути. Так что все еще впереди.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

УДК 94

Красноярский подотдел Русского географического общества и Институт исследования Сибири в 1919 - 1920 гг.

Вдовин Александр Сергеевич
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Красноярский краевой краеведческий музей
Красноярск, Россия
vdovin2002@bk.ru
ORCID ID: 0000-0002-5983-2114

Майзик Елена Игоревна
заведующий сектором отдела истории
Красноярский краевой краеведческий музей
Красноярск, Россия
mayzikei@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3548-0142

Макаров Николай Поликарпович
кандидат исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт
зав. отделом археологии и этнографии
Красноярский краевой краеведческий музей
Красноярск, Россия
mnp1955@bk.ru
ORCID ID: 0000-0003-3221-5359;

Баташев Михаил Семенович
научный сотрудник
Красноярский краевой краеведческий музей
Красноярск, Россия
bms5508@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6078-217

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается участие Енисейской губернии и Красноярского подотдела Русского географического общества в организации Института изучения Сибири, открытого в Томске в период «Белой Сибири» Особое место в деятельности ИИС принадлежит правителю дел Красноярского подотдела Русского географического общества и консерватору Красноярского городского музея А. Я. Тугаринову.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Институт исследования Сибири, Красноярский подотдел Русского географического общества, Енисейская губерния, А. Я. Тугаринов.

Особое место в истории организации науки в Сибири в период «Белой Сибири» занимает организация и деятельность «сибирской Академии наук» – Института исследования Сибири. Слишком невелик был исторический период, когда была предпринята попытка консолидации научных сил на востоке России и, как следствие, слабая разработанность источниковой базы для многих регионов Сибири и Дальнего Востока. Исключение составляет г. Томск, где, собственно, и сосредоточены основные архивные материалы, и большой вклад томских историков в изучении истории Института исследования Сибири не вызывает сомнений [7; 8; 13; 14; 18 – 21].

Вместе с тем, мы должны отметить, что для многих сибирских и дальневосточных регионов данная тема по-прежнему остается на периферии научного интереса историков, не исключение и Енисейская Сибирь.

Начиная с осени 1917 г., после I-го Общесибирского метеорологического съезда в Иркутске, где была предложена идея создания Института исследования Сибири и избрано бюро по его организации, началась подготовка съезда. Как отмечал в статье Л. А. Молчанов: «Будущий институт представлялся членам бюро государственным учреждением, но его деятельность должна была поддерживаться «силами и средствами союзов коллективов, причастных к делу изучения Сибири или так или иначе заинтересованных им». Бюро начало работу после свержения большевиков в июне 1918 г.» [15, с. 133].

В Петрограде подготовительные мероприятия имели место весной 1918 г. В самый канун начала гражданской войны, когда сообщение с Сибирью еще не было прервано, 21 апреля 1918 г. состоялось заседание Организационного Комитета по организации Института Сибиреведения, под председательством А.И. Макушина. Предполагалось, «не дожидаясь учреждения Института в Томске» организовать отделение в Петрограде, «где сосредоточены результаты произведенных исследований, где живет много людей, работавших по изучению Сибири, преданных ей и интересующихся Сибирью ради интересов всей России» [1].

Енисейская губерния не осталась в стороне. На заседании распорядительного комитета Красноярского подотдела РГО 4 января 1919 года, был заслушан доклад А. Я. Тугаринова, составленный им по поручению общества для представления на предстоящем съезде по организации института исследования Сибири. Аркадий Яковлевич в своем докладе «Музеи Сибири и организация их деятельности» к вопросам музейного дела и сохранения исторических памятников подошел с присущей ему основательностью. Красноярская газета «Воля Сибири» сообщала: «Основные положения весьма содержательного и живо изложенного доклада сводятся к следующему: местные музеи Сибири составляют особый тип учреждений этого рода со своими определенными: объемом, задачами и текущей деятельностью, они должны быть признаны органами государственного значения как центры научной работы и как органы внешкольного образования. Состояние сибирских музеев оставляет во всех отношениях желать много лучшего. Причины этого состояния зависят от слабой популярности их как учебно-воспитательного средства и отсутствия специального законодательства, регламентирующего их компетенцию, права и роль как хранителей национальных богатств. Необходимо было изменить существующее законоположение об охране памятников культуры и архивных материалов, они должны быть пересмотрены в сторону: 1) предоставления права местным музеям и аналогичным учреждениям более широких возможностей организовать дело охраны; 2) предоставления единственно им права распорядительства и хранения этих памятников; 3) точного установления объектов охраны и объявления их национальной собственностью…» [4, с. 3]. Этот доклад вошел в основную повестку съезда и был прочитан А.Я. Тугариновым.

Съезд по организации Института исследования Сибири проходил в Томске с 15 по 25 января 1919 г. Он оказался очень представительным. Хотя из 240 участников 199 были выдвинуты от Томска. Из оставшихся: 30 являлись беженцами из городов Европейской России, 16 делегатов представляло Омск, 25 человек делегировали 14 других городов Сибири.

Открытие Съезда приветствовали как государственные, так общественные организации. Владимир Михайлович Крутовский в письме к Б. П. Вейнбергу, отмечал: «...Съезду желаю успеха. Дело хорошее, великое и громадное, но и людей для него

нужно хороших и много их и, кроме того, нужны очень большие средства. Найдем ли мы и людей и средства?..» [22, с. 19].

Уместно напомнить, что в списке членов съезда по организации Института исследования Сибири были представители Енисейской губернии: от Красноярского подотдела Русского географического общества А. Я. Тугаринов и И. П. Рачковский, от Красноярской уездной земской управы Борис Фавстович Тарасов, от Ачинской учительской семинарии Серебровский Сергей Павлович (директор) и Сурикова Александра Михайловна, от Красноярского городского музея геолог Соболев Александр Николаевич, от Красноярской губернской земской управа Ермолаев Александр Петрович. А также, вероятно, от геологов, строящейся Ачинско-Минусиской железной дороги из Ужура – Блуманау Александр Владимирович и Маршалов Николай Яковлевич, от Минусинского Бюро горной промышленности Порватов Борис Михайлович, от начальника изыскания и работ порта в устье р. Енисея инженера Вихмана Александра Михайловича.

Как было сказано выше, А. Я. Тугаринов выступил с докладом «Музеи Сибири и организация их деятельности» [23]. В прениях по своему докладу А.Я. Тугаринов в заключительном слове: «соглашается со многими доводами оппонентов и признает некоторые несовершенства в предлагаемой им организации музеев, но считает последние неустранимыми в силу чисто внешних обстоятельств. Так, напр., музей действительно не должен заниматься обследованием архивов и хранением их, но, если музей откажется от таких работ, то ценные архивные материалы, находящиеся в разных учреждениях, будут систематически расхищаться, уничтожаться и гибнуть от небрежного обращения с ними. Музеям приходится до более благоприятного времени взять на себя заботу и об архивах» [22, с. 50].

Продолжая идеи о необходимости сохранения историко-культурного наследия, А. Я. Тугаринов выступает в прениях по докладу В. Ф. Смолина «Организация археологического обследования Сибири», сказав «что музейная комиссия обсуждала вопрос об охране памятников культуры и природы, причем полагала, что функции охраны на местах могли бы взять на себя местные музеи по соглашению с Институтом исследования Сибири. До сих пор на съезде не поднимался вопрос об охране архивов и о постановке архивного дела в будущем. Следует обратить на это внимание и поручить разработку архивного вопроса хотя бы проектируемому отделу археологии» [23, с. 99].

Выступая в прениях по докладу М. М. Хвостова. «Собирание материалов по истории мировой войны и русской революции» А. Я. Тугаринов «рисуя деятельность Красноярского музея по собиранию материалов войны и революции говорит, что к этому делу нужно привлечь и другие музеи, а не только библиотеки и высшие учебные заведения. К указанным М. М. Хвостовым категориям собираемого материала нужно добавить материалы по профессиональному и рабочему движению, а также по движению в среде учащихся. Помимо произведений печати следует собирать и всевозможные предметы, относящиеся к войне и революции – как то жетоны, фотографии т.п., что и делает Красноярский музей» [22, с. 97].

Так же не оставил А. Я. Тугаринов без внимания выступление профессора М.Д. Русского «О задачах зоологических исследований Сибири». В прениях он отметил «особую важность биологического обследования сибирских рек, имеющих исключительное промысловое значение, [таких] как Обь, Амур; указывает на необходимость изучения биологии промысловых животных, в которых одни остаются не эксплуатируемыми (водные млекопитающие полярных морей), другие готовы исчезнуть, будучи усиленно истребляемыми. Такое обследование должно в будущем лечь в основу нового законодательства о промысловой охоте и рыболовстве. Как пособие для изучения биологии животных, по инициативе Института исследования Сибири, должен возникнуть зоологический сад сибирской фауны» [22, с. 75].

Кроме своего доклада, А. Я. Тугаринов зачитал и доклад, подготовленный В.П. Косовановым «Сибирский библиографический Институт и организация его работы» [22, с. 68 – 71].

Другие представители Енисейской губернии также выступили на съезде с докладами, участвовали в прениях по ряду вопросов. Сообщение сделал директор Ачинской учительской семинарии С. П. Серебровский «Исследования Сибири и школы» [22, с. 50 – 51], однако участники съезда не проявили к этому докладу никакого интереса.

После возвращения в Красноярск А. Я. Тугаринов 16 февраля 1919 г. в помещении Первой городской лечебницы на общем собрании Подотдела сделал доклад о работе съезда по организации Института исследования Сибири в Томске. «В начале своего сообщения докладчик познакомил собрание с историей возникновения Института исследования Сибири и останавливался на причинах, создавших необходимости такого центрального учреждения. На съезде присутствовало около 240 человек, из них 200 было томичей. Работа съезда распалась на секционную и общую. Всего образовалось 11 секций: ботаники, зоологии, геологии и горного дела, географии, статистики, истории, археологии, этнографии и другие. В каждой секции выяснились задачи исследования, программа деятельности и отношение к центральному органу – «Институту Исследования Сибири». Исследованием Сибири является планомерное научно-практическое исследование природы, жизни и населения Сибири в целях наиболее рационального использования естественных богатств края и его культурно-экономического развития… В правах институт приравнивается к Академии Наук… При Институте исследования Сибири учреждаются областная библиотека… библиографическое и музейное бюро» [9, с. 3].

Начинается сотрудничество ИИС с Красноярским подотделом РГО. В Красноярске, как и в других крупных городах Сибири, было создано местное отделение ИИС, чтобы согласовывать проводимые экспедиционные работы [2, 3].

В 1919 г. ИИС обратился к Подотделу с просьбой сообщить план работ по исследованию жизни, природы и населения Сибири на текущий год [5, с. 11]. Подотдел отправляет в Институт материалы по исследованию края [6, с. 5]. Между обществами прослеживается регулярный обмен сведениями и материалами по различным вопросам изучения Приенисейского края.

С получением Устава ИИС А. Я. Тугаринов сообщил о недоразумении, отметив, что «в Устав и Смету не внесено Музейное Бюро, о котором шла речь на Съезде» [5, с. 22]. На его запрос профессор Б. П. Вейнберг ответил, что «выработанный проект комиссии не обсуждался на общем собрании, поэтому и нет соответствующего решения Съезда». Распорядительный комитет Подотдела РГО обратился в ИИС по вопросу создания Музейного и Библиографического Бюро, чтобы выяснить судьбу предложения Подотдела о данных организациях [5, с. 21].

Съезд постановил создать музей ИИС, и в ноябре 1919 г. А. Я. Тугаринова утвердили на должность заведующего музеем [10, с. 249]. С этого времени А.Я. Тугаринов регулярно отправляет письма и телеграммы на заседания совета ИИС.

Заседание совета ИИС просило А. Я. Тугаринова сообщить Институту соображения о постановке музейного дела в Сибири и о подведомственности областных и уездных музеев Институту в связи с письмом заведующего минусинским Мартьяновским музеем о рассмотрении в совете Института вопроса о контроле над Мартьяновским музеем [10, с. 164]. В июне 1920 г. А. Я. Тугаринов подготовил соответствующий доклад и сообщил мнения совета Института о возможности организации музейного дела. Но докладчику сообщили, что вследствие предполагаемого закрытия Института, совет затрудняется дать определенный ответ по данному вопросу [10, с. 187].

С установлением новой власти и относительной стабильности Красноярский подотдел возобновляет свою работу. В марте 1920 г. Распорядительный комитет подотдела предложил организовать временную комиссию по заведованию научными учреждениями и поставил вопрос об открытии Приенисейского отделения ИИС, но это предложение не было осуществлено [3]. 5 июня 1920 г. Сибревком принял постановление «О закрытии Института исследования Сибири и учреждении научных секций при Томском университете и Томском технологическом институте» [10, с. 35].

Кратковременное существование Института исследования Сибири обусловлено сложнейшими условиями в период социально-политических изменений в стране. Это учреждение не имело достаточно материальных и финансовых возможностей, но попыталось организовать систему планирования и координации научной работы, ведущейся на территории Сибири. Оно также выполнило ряд научных исследований в различных областях, объединило деятельность различных научных учреждений и обществ по всей Сибири.

Полтора года сотрудничества Красноярского подотдела РГО и ИИС дали свои результаты. За это время был проведен ряд согласованных работ в гидрологическом, метеорологическом, геологическом, этнографических, статистическом, библиографическом, музейном и других научных аспектах.

Список литературы

1. Вдовин А. С. К истории создания Института Сибиреведения // История образования и науки: Материалы всероссийских научных конференций с международным участием «История науки и образования и значение исторического образования в развитии гражданского и патриотического сознания в современном российском обществе». Вып. 3. Красноярск: КГПУ им. В. П.Астафьева, 2009. С. 167 – 169.
2. Вдовин А. С., Баташев М. С., Макаров Н. П., Майзик Е. И. Красноярский подотдел Русского географического общества в условиях кризиса (1914 – 1919 гг.) // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней [Электронный ресурс]: материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14 – 16 сентября 2022 г. / гл. ред. Н. И. Дроздов. – Электрон. дан. (62,4 Mb). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 970 – 973. Режим доступа: http://sibhistory.sfu-kras.ru/архив/.
3. Вдовин А. С., Гуляева Н. П., Макаров Н. П., Баташев М. С., Васильев А. Д., Выдрин Е. В. Русское географическое общество в Красноярске (1901 – 1937 гг.). Красноярск: РИО КГПУ, 2001. 120 с.
4. Воля Сибири. № 6 (156). 1919. С. 3.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 217. Оп.1. Д. 72.
6. ГАКК. Ф. 217. Оп. 1. Д. 74.
7. Грибовский М. В., Фоминых С. Ф., Некрылов С. А. Библиографическое бюро и библиотечная комиссия Института исследования Сибири (1919 – 1920 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 5 (25). С. 145 – 151.
8. Дунбинский И. А. Институт исследования Сибири и подготовка исследователей // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. 2012. №4 (20). С. 54 – 56.
9. Енисейский вестник. № 30, 1919. С. 3.
10. Журналы заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / Отв. ред. С. Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.
11. Казаркин Т. А., Топчий Р. А. К истории института исследования Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т.IV. Материалы VI Годовой итоговой сессии Института археологии и этнографии СОРАН, декабрь 1998 г. Новосибирск: Изд-во ИАиЭт СО РАН, 1998. С.495.
12. Кочкина Е. И. Институт исследования Сибири и Красноярский подотдел Русского географического общества // Студент и научно-технический прогресс. Материалы 51-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 2013. С. 200 – 201.

13. Кузнецова Н. Н. Подготовка съезда по организации Института исследования Сибири (октябрь 1917 – середина января 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 349. С. 97 – 100.
14. Меркулов С. А. Деятельность Василия Васильевича Сапожникова на посту директора Института исследования Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 4(20). С. 179 – 182.
15. Молчанов Л. А. «Институт представляется в виде мощного... союза всех коллективов, причастных к делу изучения Сибири». Организация и деятельность Института исследования Сибири в 1919 – 1920 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 4. С. 132 – 141.
16. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф., Маркевич Н. Г., Меркулов С. А. Из истории Института исследования Сибири // Журнал заседаний совета Института исследования Сибири (13 ноября 1919 г. – 16 сентября 1920 г.) / Отв. ред. С.Ф. Фоминых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. С.8 – 9.
17. Некрылов С. А., Фоминых С. Ф., Меркулов С. А. и др. Институт исследования Сибири и изучение истории, археологии и этнографии региона (1919 – 1920 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 365. С. 77 – 81.
18. Расколец В. В. Подготовка и проведение съезда по организации Института исследования Сибири: октябрь 1917 – январь 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 117 – 123.
19. Расколец В. В. Положение об Институте исследования Сибири: от первых проектов до утверждения (ноябрь 1917 – октябрь 1919 г.) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 114 – 123.
20. Расколец В. В. Состав участников съезда по организации Института исследования Сибири в Томске // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 122 – 127.
21. Расколец В. В. Утверждение Положения об Институте исследования Сибири в Российском правительстве А.В. Колчака: по материалам деловой переписки // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 3 (23). С. 255 – 265.
22. Труды съезда по организации Института исследования Сибири. – Томск, 1919. Ч.1. 467 с.
23. Тугаринов А. Я. Местные музеи Сибири и организация их деятельности // Труды съезда по организации Института исследования Сибири. Томск, 1919. Ч. 1. С. 42 – 49.

УДК 316.334.52

«Возрождение земли»: использование руин в легитимации неформальных практик ре-освоения «пустых» пространств верхней Лены (по материалам экспедиций 2018 – 2022 гг.)

Григоричев Константин Вадимович
доктор социологических наук, доцент
Иркутский государственный университет, ректорат
Иркутск, Россия
grigoritchev@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5256-5658

Бляхер Леонид Ефимович
доктор философских наук, профессор
Тихоокеанский государственный университет,
кафедра философии и культурологии
Хабаровск, Россия
ORCID ID: 0000-0002-0610-9395

АННОТАЦИЯ В докладе на основе серии экспедиций 2018 – 2022 годов в северных районах Иркутской области рассматривается формирование различных дискурсов о ре-освоении «пустых» территорий в верхнем течении реки Лена. Предлагается гипотеза о том, что центральным фактором, легитимизирующим неформальные практики ре-освоения и повторного заселения «пустых» территорий, является использование комплекса советских и досоветских руин. Утверждается, что только опора на руины с привязкой к комплексу локальной истории позволяет формировать дискурс о легитимности этих процессов. Без опоры на такие руины и связанные с ними представления о локальном прошлом неформальное ре-освоение погружается в иллегальный дискурс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, ре-освоение, руины, легитимация

Доклад посвящен проблеме использование советских и досоветских руин в ре-освоении «пустых» пространств на севере Иркутской области (Жигаловский, Усть-Кутский, Киренский, Казачинско-Ленский районы) через конструирование идеи «нового фронтира». На материалах экспедиций 2018 – 2022 гг. показывается, что важным элементом этого процесса является легитимация неформального расселения и природопользования через конструирование представлений о «возвращении» в хозяйственный оборот обширных пространств, оказавшихся де-факто брошенными в результате миграции 1990 – 2000-х годов. Во всех трех описанных кейсах (участок реки Лена от пос. Жигалов до г. Усть-Кут, нижнее течение р. Киренга от пос. Окунайский до г. Киренск и участок р. Лена от г. Усть-Кут до границы с Якутией) был зафиксирован процесс ре-освоения этих территории путем повторного заселения пустующих деревень либо мест, где такие населенные пункты ранее находились [1; 3; 5]. Альтернативным вариантом ре-освоения является создание хозяйственных объектов без более или менее постоянных поселений [2].

При несомненной типологической схожести этих процессов всех трех кейсах исследования, позиция местного населения, локальной власти и медиа по их поводу может разительно отличаться. Оценки варьируются от полного одобрения и поддержки, до жесткого осуждения и требований запрета на подобное ре-освоение. Закономерным является вопрос, как возникают подобные различия, когда отличия в предмете оценки не очевидны. Иными словами, в фокусе нашего внимание вопрос о том, что определяет дискурс по поводу ре-освоения «пустых» территорий.

При достаточном разнообразии форм такого заселения (временное, сезонное, постоянное, заимки, усадьбы, дачи и т.д.), они могут быть объединены в две большие группы по тому, какой дискурс по их подводу конструируется местным населением, властью и медиа.

Первый из них связан с представлением о новых, часто неформальных населенных пунктах и объектах природопользования (лесозаготовках, сельскохозяйственных и охотничьих угодьях, различных вариантах рекреации) как о «незаконно приватизированных». В рамках этого дискурса новое расселение представляется как «захват» территории, нелегитимное ее присвоение и, соответственно, столь же незаконное использование с ограничением доступа «посторонних». Второй, напротив, основан на идее «возрождения», возвращения утраченных территорий за счет инициативы частных лиц. Важно, что с точки зрения законодательства, степени «видимости» для статистического наблюдения и, следовательно, «государственного зрения» [6] существенной разницы между локальностями, описываемых в рамках того или иного дискурса, не существует. И в том, и в другом случае доминирует неформальное присутствие, связанное в больше степени с символическим присвоением пространства, чем с формальными шагами (оформление права собственности, регистрация по месту жительства и/или ведения хозяйственной деятельности).

В докладе показывается, что единственным существенным фактором, определяющим формирование того или иного дискурса о ре-освоении, является использование комплекса руин для легитимации неформальных практик. Под комплексом руин понимаются как материальные остатки населенных пунктов и хозяйственных объектов, так и доминирующие представления о связанной с ними локальной истории. При этом мы исходим из тезиса о том, что руины не только являются артефактами – символами локальной истории, но и могут играть важную роль в конструировании новых смыслов и перспектив развития [7]. Можно выделить два взаимосвязанных типа таких руин, которые с долей условности могут быть обозначены как «советские» и «досоветские». В условиях специфичного развития Приленских территорий в XX – начале XXI века, материальные объекты, относящиеся к этим периодам неразрывно связаны – жилые дома, построенные в досоветский период, продолжали использоваться в жилом и нежилом качестве, хозяйственные постройки встраивались в производственные комплексы сельскохозяйственных и подсобных производств и т.д. Однако они вполне отчетливо разводятся в рамках локальной истории, в том числе в ее устной традиции.

Для конструирования дискурса легитимного ре-освоения необходимо использование одновременно обоих типов руин (досоветские и советские). Первый из них легитимизирует идею «продолжения дела» русских первооткрывателей Восточной Сибири. Повторное заселение, даже не фиксируемое формально, описывается как возвращение территорий, освоенных и присоединенных к России еще в XVII – XVIII веке. Не случайно, что достаточно распространенной практикой является установка поклонных крестов, часовен и даже реконструкция/строительство православных храмов, символически фиксирующих включение этих локальностей в обжитое российское пространство. В этом аспекте отчетливо прослеживается параллель с символическими механизмами формирования «русскости» присоединяемых земель востока России в имперский период, когда при заметно большей терпимости к «раскольникам» и активном использовании староверов в колонизационном процессе, именно православие оставалось одним из наиболее значимых символов органичной абсорбции окраинных территорий [4].

Вместе с тем, весьма важен оказывается и второй – советский тип руин. В отличие от первого, он символизирует не присоединение и первичное освоение фронтирных

территорий, а наивысшую точку в процессе заселения и хозяйственного освоения приленских территорий. Если отсылка через досоветские руины к первопроходцам обосновывает «право» на заселение таких брошенных территорий, то советские руины – «право» на их хозяйственное освоение.

Показательно, что по отдельности два выделенных типа руин оказываются недостаточными для полноценной легитимации. В рамках трех экспедиций не выявлено ни одного кейса, в котором неформально расселение было бы легитимизировано только через советские руины. Безусловно, этому способствует и не оптимальность выбора места для населенных пунктов, создававшихся в советский период. Тем не менее, практики ре-освоения таких поселений зафиксированы, но все они погружены в дискурс незаконного присвоения пространства.

Заключение

Можно достаточно уверено говорить о том, что руины являются не только символом ушедшей эпохи, средством фиксации «рубежа времен» или материальной опорой для хозяйственного ре-освоения «сжавшегося» пространства. Одновременно они выступают важнейшими элементами конструирования дискурса фронтира, без которого сама идея «ре-освоения» как легитимной базы неформальных практик невозможна. Точнее, не возможна ее легитимация – новое освоение без опоры на руины описывается как захват, незаконное использование земель, браконьерство и т.д. В этом смысле, руины как комплекс досоветских и советских артефактов, оказываются важнейшей базой появления в пустом пространстве новых людей, реконфигурации системы отношений внутри локальных сообществ и их связей с властью.

Список литературы

1. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В. «Острова в тайге»: формы (ре)освоения «пустого пространства» на востоке России // Полития. 2020. № 2. С.158 – 181.
2. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Ковалевский А. В. Власть на аутсорсинге или медиаторы «пустого пространства» // Мир России, 2023. № 2. С. 97 – 119.
3. Бляхер Л. Е., Григоричев К. В., Пешков И. О. Управление пустотой, или особенности властных отношений на межселенных территориях // Мир России, 2022. № 3. С. 75 – 95.
4. Ремнев А. В., Суворова Н. Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
5. Bliakher L. E., Grigorichev K. V., Peshkov I. O., Elokhina Yu. V. The Upper Lena: social anthropology expedition materials 2021 // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. No 4. С. 25 – 40.
6. Skott J. Seeing like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed – Yale University Press, 1999. 463 p.
7. Stoler A. L. Imperial debris: reflections on ruins and ruination // Cultural Anthropology. 2008. 23 (2). Pp. 191 – 219.

УДК 910.4(985)

Экспедиции Арктического института на восток полуострова Таймыр в 1930-х – начале 1950-х гг.

Емелина Маргарита Александровна
Кандидат исторических наук
Арктический и антарктический научно-исследовательский институт, редакционно-издательская группа
Санкт-Петербург, Россия.
mritaemelina@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-8280-3901

АННОТАЦИЯ Статья посвящена экспедиционным исследованиям восточной части полуострова Таймыр, его рек и озёр, выполнявшихся учёными Всесоюзного Арктического института (ВАИ, с 1938 г. – Арктический научно-исследовательский институт, АНИИ) с середины 1930-х гг. Основываясь на архивных материалов, рассказывается о подготовке и проведении исследований, неудачах и достижениях исследователей. Работы увязываются с задачами, которые ставились руководством Главсевморпути перед институтом. Подчёркивается значение работ Таймырской комплексной экспедиции 1946 – 1949 гг., в ходе которой впервые были комплексно исследованы восточные и центральные области полуострова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Арктический институт, экспедиционные исследования, Таймыр, Таймырское озеро.

История изучения и освоения Севморпути в 1930-е гг. тесно связана с изучение северных рек, впадающих в арктические моря. Это являлось важным как для использования их в транспортном отношении, так и с целью изучения их стока, как фактора, влияющего на режим морей. Первые исследования выполнялись специалистами-гидрографами, а с середины 1930-х гг. поручались учёным Всесоюзного Арктического института (ВАИ) Главного управления Северного морского пути (ГУСМП). Первые речные экспедиции ВАИ были отправлены в 1934 г. на Пясину, Хатангу и Лену. В то же время в эти районы стали направляться и геологические экспедиции, что было связано как с изучением ресурсов, так и с поиском месторождений, способных обеспечить необходимый запас угля для бункеровок пароходов, т.е. для поддержания работы морской трассы.

На полуостров Таймыр первые экспедиции ВАИ также отправились в середине 1930-х гг. Изучение речной и озёрной систем полуострова было связано с не только с возросшим значением Севморпути, но и с идеей возрождения Южно-Таймырского водного пути, который, как предполагалось, позволил бы транспортировать грузы по рекам, а не везти их по наиболее трудному по природным условиям Таймырскому участку Севморпути [15, с. 27 – 28]. В августе 1932 г. Комитет Севера при ВЦИК издал постановление о восстановлении водно-сухопутного пути из Пясины до Хатанги. В 1933 – 1934 гг. гидрографы Южно-Таймырской экспедиции ГУСМП и Пясинско-Хатангской гидрографической экспедиции Сибирского гидрографического управления выполнили первые рекогносцировочные обследования системы р. Пясины.

ВАИ направил на Пясину экспедиции под руководством В. В. Лебедева (4 чел., 1934 – 1935), Д. В. Белкова (3 чел., 1935–1936) и В. А. Ильина (3 чел., 1936 – 1937). Так было продолжено изучение гидрологического режима Пясины [6, с. 134 – 135; 10, с. 99].

Работы ученых ВАИ в центре и на северо-востоке Таймыра носили уже комплексный характер. Системы р. Нижняя Таймыра и оз. Таймыр стали предметом изучения экспедиции под руководством М. Н. Никитина (10 чел.). В ее задачи входили:

топографическая съемка озера, его геофморфологические и геоботанические исследования, рекогносцировочное изучение гидрологического режима и гидробиологии озера и реки, организация гидрометеорологической станции 2-го разряда на Н. Таймыре. Было сформировано три отряда: гидрологические озерный и речной, топографический. В «Объяснительной записке к смете комплексной экспедиции» подчеркивалось: «Таймырское озеро, являясь до сих пор совершенно неисследованным бассейном, имеет большое экономическое значение. Находясь в центральной части Таймырского полуострова и имея ряд притоков, оно может быть использовано при осуществлении организации водного пути из Пясины на р. Хатангу» [20, л. 14]. Но при подготовке экспедиции М. Н. Никитин столкнулся с рядом проблем. Так, «Арктикснаб», который занимался снабжением, предоставил продовольствие из расчета на 4-х человек, которые работали бы в течение лета, экипировка также не была подходящей для района работ. М. Н. Никитин вынужден был даже обратиться к заместителю начальника ГУСМП С. С. Иоффе с письмом, в котором горько сетовал: «В целом на состав эксп. в 10 чел. ва 16 мес. недополучили по нормам полярных станций масла сливочного – 150 кг, сахару – 160 кг, молока сгущенного – 624 банки, вина – 80 бутылок. И совершенно не получено 16 кг шоколада, 16 кг. какао» [20, л. 94]. В итоге экспедиция стартовала 27 июля вместо 15, прибыла в Таймырскую губу 18 августа вместо 12. Путешествие к Таймырскому озеру заняло 19 суток вместо недели, и предполагаемого места начала работ исследователи так и не достигли. Им пришлось базироваться на м. Остан-Сакен и ограничиться исследованиями в Таймырской губе и Таймырском заливе. Тем не менее, был собран богатый биологический материл, выполнены гидрологические и топографические работы.

Летом 1936 г. на Таймыр отправилась новая экспедиция ВАИ – под руководством В. Н. Кошкина (22 чел.) для продолжения работ, начатых М.Н. Никитиным. Организовывалось три отряда: гидрологический, астрономо-геодезический и промыслово-биологический. Задачей «сегодняшнего дня» было «освоение р. Н. Таймыры и озера с целью пригодности их для судоходства» [22, л. 2]. Поэтому намечалось исследование гидрологического режима Таймырского озера и р. Н. Таймыры, организация двух станций – речной и озерной, проведение астрономо-геодезических и топографических работ, рекогносцировка северного варианта обходного водного пути через Таймыр по системе рр. Н. Таймыры и Балахны. В программу работ было включено и «освоение озера Таймыр и прилегающего к нему района в рыбопромысловом, промыслово-охотничьем и геоботаническом отношениях с целью выяснения производительных сил района и путей их промысловой эксплуатации» [11, с. 212]. Эта экспедиция была комсомольской – большинство участников были комсомольцами, молодыми исследователями, прежде не работавшими в Арктике – имени X съезда ВЛКСМ.

Не смотря на тщательную подготовку экспедиции, высокий уровень политической подготовки и дисциплины участников, ее постигла неудача. Планировалось, что к устью Н. Таймыры исследователей доставит ледокольный пароход «В. Русанов». Решение было отменено. Понадобилось время, чтобы найти подходящее судно, которым стал пароход «Диксон». Возникли и сложности со снабжением, осуществлявшимся «Арктикснабом»: продовольствие оказалось недоброкачественным, не были получены запчасти для вездехода. В итоге экспедиция отправилась в путь только 3 августа, даже позже, чем в 1935 г. После разгрузки на о. Диксон на пароход пришло новое задание – зайти на полярные станции Мыс Стерлигова и о. Русский, что также отодвигало сроки высадки экспедиции в устье Н. Таймыры. Ледовая обстановка была неблагоприятной, выход парохода задерживался. Это привело к отмене экспедиции: «По распоряжению Р. Л. Самойловича плавсредства и вездеход были переданы экспедициям ВАИ – Хатангской и Анабарской, также был

переведён в Хатангскую экспедицию топограф Б.А. Безруков. 5/IX состав Таймырской комп[лексной] экспедиции в количестве 18 чел. перешёл на п/х “Кара” для следования в г. Архангельск» [21, л. 162]. На «Диксоне» остался завхоз для сопровождения грузов.

Экспедиция не выполнила никаких исследований, т.к. даже за время плавания на пароходах «в виду невозможности их осуществления» – суда выполняли оперативные задания, их палубы и трюмы были переполнены грузами и пассажирами. В. Н. Кошкин в завершение отчёта только констатировал, что организация подобной комплексной экспедиции в неисследованный район Таймырского озера необходима, и что она, «безусловно, должна быть комсомольской, так как наш опыт показывает, что дисциплина и подбор кадров в такой экспедиции значительно выше, чем в других экспедициях» [21, л. 118].

Летом 1937 г. на Н. Таймыру и Таймырское озеро снова направили комплексную экспедицию. Но пароход «Унжа» так и не смог доставить исследователей в устье реки, т.к. льды не позволили ему покинуть о. Диксон. Часть экспедиции (5 чел.) на ледокольном пароходе «В. Русанов» доставили к устью Н. Таймыры, и 19 августа они высадились. Из-за невозможности доставить остальных участников и грузы в итоге было принято решение о возвращении экспедиции в Ленинград [24, л. 48, 69]. Вновь организованная в 1938 г. экспедиция ВАИ на Таймырское озеро по распоряжению руководства ГУСМП была отменена ещё до её выезда из Ленинграда [30, л. 48].

Летом 1937 г. институт направил экспедицию и на юг Таймыра. Её руководителем стал В. С. Антонов. Задачи речных исследований изменились: предстояло произвести изыскания и определить технические возможности и экономическую целесообразность устройства Южно-Таймырского водного пути. В составе экспедиции было девять участников, а также семь временных работников на летний период. Исследователи отправились в путь в середине марта и прибыли к месту работ через два месяца (добирались на самолетах, затем на оленях). Была проведена топографическая съёмка р. Тагенар и Авама, 10 озёр, глазомерно-рекогносцировочная съёмка р. Дудыпты, выполнены гидрологические работы и экономическое обследование Таймырского национального округа. Выполнялись наблюдения над температурными изменениями деятельного слоя вечной мерзлоты с помощью электротермометров, наблюдения за оттаиванием грунтов, снегомерная съемка. Полевые изыскания и наблюдения за режимом рек, входящих в систему Южно-Таймырского водного пути, по словам В. С. Антонова, доказывали, что «путь этот реален»; им предлагалось три варианта его проектирования, предполагавшие осуществление определенного комплекса работ [3, с. 101 – 102].

В это же время были проанализированы климатические данные, полученные за несколько лет наблюдений на полярных станциях на Таймыре. Исследователи составили сравнительную климатическую характеристику Южного и Северного таймырских путей и сделали вывод (с учётом данных вскрытия и замерзания рек), что навигация по речной сети может происходить с начала июля до конца сентября. Получалось, что Южно-Таймырский водный путь по условиям климата более благоприятен, чем Севморпуть [14, 91].

При детальном анализе всех данных оказалось, что реки Южно-Таймырской системы всё же слишком мелководны для масштабной транспортировки грузов, проведение гидротехнических работ на них затратно. Поэтому от использования Южно-Таймырского водного пути отказались. Изучение речной и озёрной систем Таймыра имело большое значение для понимания их режима, который прежде не исследовался [4, с. 3].

В документах ВАИ, посвящённых планированию гидрографических и гидрологических работ на 1937 – 1943 гг. подчёркивалось, что изучение водных ресурсов арктической зоны преследовало их использование для целей: 1)

транспортных; 2) гидроэнергетики; 3) санитарного и промышленного водоснабжения; 4) промысловых [23. л. 16]. Таймыр (Нижняя и Верхняя Таймыра, Таймырское озеро) выделялся в особый район (реки Пясина, Дудыпта, Авам и их притоки – в другой). Изучение речных систем Таймыра по плану предполагалось выполнить в 1937 – 1939 гг.: «Особо актуально ставится вопрос об использовании стока оз. Таймыр на сбросе в бассейн Хатанги или же Н. Таймыра для электрификации Нордвика и гидрологический вопрос о водном стоке (кроме Н. Таймыры) на озеро» [23, л. 20, 35].

Но экспедиции 1937 и 1938 гг. так и не приступили к работам. После провала навигации по Севморпути в 1937 г. последовали изменения в работе многих учреждений ГУСМП, в том числе – в ВАИ. В частности, речные изыскания с 1939 г. были переданы в ГГУ ГУСМП. Поэтому экспедиция к Таймырскому озеру в довоенный период так и не была отправлена.

Помимо речных ВАИ направлял на Таймыр геологические экспедиции. Так, в 1936 – 1937 гг. на юго-западе полуострова работала Таймырская геологическая экспедиция под руководством Н. П. Аникеева и А.И. Гусева. Была выполнена топографическая съёмка, обнаружены месторождения каменного угля и графита. Протяжённость маршрута составила 1200 км [1, с. 189 – 190; 2] Западно-Таймырская геологическая экспедиция (нач. – Е.М. Люткевич) работала в 1937 – 1939 гг. Её работы были весьма успешны: обнаружено пять значительных пластов угля и ряд выходов угля на поверхность. Анализы образцов показали, что большинство пластов относится к антрацитам и полуантрацитам [12, с. 53 – 55], что давало хорошие прогнозы на дальнейшее использование месторождений.

В низовье Хатанги геологи под руководством Г. Моора обнаружили угленосные отложения (1937 – 1938 гг.). Велись экспедиции и в бассейне р. Пясины (1935 – 1936, 1938 гг.). Выявленные запасы угля в низовьях Пясины, Хатанги, на берегу близ о. Диксон могли бы стать ресурсом для пароходов, следующих по Севморпути, но организация добычи требовала времени, уголь продолжали завозить. Не было должным образом налажено взаимодействие ВАИ с Горно-геологическим управлением ГУСМП. Ведомственные противоречия вели к поиску лучшей организации геологических исследований и постоянной корректировке планов экспедиций. В 1939 – 1940 гг. работы геологов Арктического института (АНИИ, так теперь назывался ВАИ) сосредоточили на разведке месторождений нефти и угля, а также передали все работы по Нордвику (до 1940 г.) [8, с. 431, 436 – 437].

В послевоенное время АНИИ (отметим, что речная гидрология снова была среди направлений деятельности института) организовало большую Таймырскую комплексную экспедицию. Её целью стало «всестороннее географическое и геологическое исследование центральной и восточной частей Таймырского полуострова, включая озеро Таймыр» [27, л. 2]. Организация экспедиции была поручена гидрологу В. Н. Кошкину. Главным геологом назначили М. Г. Равича.

Были запланированы астрономо-геодезические, геофизические, гидрохимические, гидрографические, гидрологические, промыслово-биологические, геоботанические работы. Особое внимание предстояло уделить геологическим и геолого-поисковым работам. Планировалось выполнить геологическую съёмку района между р. Н. Таймыра на западе и побережьем моря Лаптевых на востоке, установить схему стратиграфии и тектоники центральной и восточной частей полуострова, осуществить поиск полезных ископаемых (прежде всего, никеля, платины и хрома). В задачи гидрологических работ входили: изучение гидрологического режима и судоходных условий на оз. Таймыр и реках Н. и В. Таймыра, определение водного баланса Таймырского озера, организация научной станции АНИИ «для проведения детальных и стационарных исследований» [27, л. 2 – 4, 13].

Рекогносцировкой стали полёты над внутренними районами Таймыра летом 1945 г. (руководитель – штурман В. В. Жадринский), когда были выполнены зарисовки рек, крупных озёр, хребтов) [27, л. 56 – 58].

Экспедиция получила обозначение А-71. Её штат был определён в 45 человек. В составе экспедиции сформировали пять отрядов: геологический, астрономо-геодезический, гидрологический, промыслово-биологический, ихтиологический [28, л. 32 – 33]. В апреле на Учёном совете приняли решение об увеличении состава экспедиции на 40 человек, расширили тематику геологических исследований. Также в программу работ включили изучение флоры и фауны Таймыра. Число отрядов возросло до восьми [26, л. 12 об.].

Обеспечение научными приборами, экспедиционным и хозяйственным снаряжением, инструментом с первых дней вызывало большие трудности. На складах института большая часть научного оборудования отсутствовала, а то, что было в наличии, требовало ремонта. Хозяйственное и полевое экспедиционное снаряжение, хранившееся несколько лет на складах, большей частью пришло в негодность. Руководство экспедиции приняло срочные меры, и в отчёте о деятельности института за 1946 г. организация экспедиции назвали значительным достижением, т.к. она была подготовлена вскоре после войны за сравнительно небольшой период времени [18, л. 5 – 6; 25, л. 26].

В течение первого сезона работ была организована база экспедиции, начаты полевые исследования. В 1947 – 1948 гг. работы велись по всем запланированным направлениям [18, л. 2 – 6; 29, л. 28]. Были опубликованы первые статьи [9; 13].

Зимовки 1947 – 1948 и 1948 – 1949 гг. осуществлялась в трёх пунктах: м. Остен-Сакен, Зелёные Яры, стационар на Таймырском озере. С наступлением устойчивых морозов работы сосредотачивались на базах, где научные сотрудники проводили камеральную обработку материалов, собранных в летний период. Вместе с тем велись стационарные научные исследования по зоологии, ихтиологии и гидрологии (наблюдения над гидрологическим и ледовым режимом озера и Н. Таймыры).

Рекогносцировочные геологические маршруты и геологическая съёмка были выполнены в 1947 г., остальные работы успешно проведены в 1946 – 1948 гг. Было определено 10 астрономических пунктов, выполнена топографическая съёмка Таймырского озера в масштабе 1:100000, снята его береговая линия (общей протяжённостью 838 км), выполнена мензульная топографическая съёмка берегов Н. Таймыры в масштабе 1:50000 протяжённостью 149 км. Значительными были гидрологические работы: осуществлён рекогносцировочный промер Таймырского озера (6400 промерных точек), собран материал по гидрологическому и ледовому режиму озера и Н. Таймыры, организованы озёрная гидрологическая станция и постоянная речная гидрометеорологическая станция, выполнен инструментальный промер реки (90 км, взято 5853 промерных точки), собраны данные по распределению снегового покрова, оттаиванию и замерзанию почвы в районе Зелёных Яров. Были исследованы растительность, почвы, видовой состав наземной фауны Центральной части Таймыра, проведены фенологические наблюдения над развитием растений, собран материал по географии и геоморфологии центральной части хребта Бырранга. Изучался видовой состав ихтиофауны Таймырского озера и Н. Таймыры, в рыбопромысловом отношении обследовано 22 озёрных и речных участка, собран материал по биологии и возрасту рыб, по динамике лова. Были обобщены данные по распределению зверей и птиц по их ареалу, собраны коллекции (ботаническая, биологическая, ихтиологическая) [19, л. 100 – 103].

Экспедицию решено было продлить на 1949 г. Часть сотрудников осенью 1948 г. выехала в АНИИ, на Таймыре оставалось 23 человека.

На 1949 г. были поставлены следующие основные задачи: 1) определение

астрономо-геодезических пунктов в устье р. Яму-Неры, на м. Ваганова, в местечке Зелёные Яры; 2) топографическая мензульная съёмка масштаба 1:50000 р. Н. Таймыра; 3) нивелировка р. Н. Таймыра; 4) гидрологические, гидрохимические и гидрографические работы на Таймырском озере, Н. Таймыре; 5) обследование морского побережья и Таймырского залива в фаунистическом отношении; 6) камеральная обработка в Ленинграде материалов экспедиции прошлых лет [19, л. 2 – 4]. Экспедиция выполнила запланированные работы и в ноябре 1949 г. возвратилась в Ленинград [19, л. 48 – 52].

Для уточнения сведений, полученных в 1948 – 1949 гг. при нивелировке р. Н. Таймыра, в 1953 г. была проведена экспедиция А-145 (5 чел.). Новые данные позволили завершить обработку материалов по гидрологии Н. Таймыры [17, л. 3 – 4, 38].

Таймырская комплексная экспедиция продолжала традиции экспедиционных исследований ВАИ 1930-х гг. – она была крупным научным проектом, направленным на изучение конкретного района Арктики и при этом организованным силами одного института (с приглашением сотрудников из других научных учреждений). Однако не все направления её работ удалось реализовать равнозначно. Уже в ходе экспедиции геологические изыскания были полностью переданы из АНИИ в НИИ геологии Арктики. Их результаты были опубликованы в «Трудах» этого института и обобщили данные по геологии полуострова [7]. Наиболее важные результаты экспедиции были достигнуты в области речной и озёрной гидрологии – собранные сведения были использованы при составлении карт атласа Н. Таймыры и оз. Таймыр [5]. Таймырская комплексная экспедиция решила поставленные задачи – был комплексно исследован ранее не изученный обширный район Арктики.

В последующие десятилетия учёные АНИИ регулярно направляли физико-географические экспедиции в район Таймыра и Северной Земли, полуостров и архипелаг рассматривались как единый самый северный физико-географический регион Евразии – Таймыро-Североземельская область [16].

Список литературы

1. Аникеев Н. П. Работы Таймырской геологической экспедиции 1936/37 года // Проблемы Арктики. 1938. № 2. С. 182 – 190.
2. Аникеев Н. П., Гусев А. И. Геологический очерк юго-западной части Таймырского полуострова. Л., 1939. 119 с. (Труды АНИИ; т. 140).
3. Антонов В. С. Предварительное сообщение о работе Южнотаймырской гидротехнической экспедиции 1937 года // Проблемы Арктики. 1938. № 1. С. 99 – 102.
4. Антонов В. С. Судоходные реки Сибири и Северный морской путь. М., 1970. 10 с.
5. Атлас навигационных карт реки Нижний Таймыры и озера Таймыр. Л., 1956. 20 л.
6. Белков Д. В. Пясинская гидрологическая экспедиция 1935/36 года // Проблемы Арктики. 1937. № 2. С. 133 – 135.
7. Вакар В. А. Геологическое строение центральной части Восточного Таймыра. М., Л., 1952. 117 с. (Труды НИИ геологии Арктики; т. 34).
8. Емелина М. А., Савинов М. А., Филин П. А. Летопись Арктического института. М., 2020. Т. 1. 824 с.
9. Зубков А. И. Биологические наблюдения на полярной станции Таймырского озера // Проблемы Арктики. 1946. № 5. С. 105 – 106.
10. Ильин В. Я. Пясинская гидрологическая экспедиция 1936/37 года // Проблемы Арктики. 1938. № 1. С. 98 – 99.
11. Кошкин В. Н. Таймырская комплексная экспедиция // Бюллетень Арктического института СССР. 1936. № 5. С. 211 – 213.
12. Люткевич Е. М. К вопросу о стратиграфии западной части Таймырского угленосного бассейна // Проблемы Арктики. 1939. № 12. С. 39 – 55.

13. Марков Ф. Г. О северной границе лесной растительности на Таймырском полуострове // Проблемы Арктики. 1948. № 2. С. 120.
14. Рязанцева З. Южнотаймырский водный путь как участок Северного морского пути // Проблемы Арктики. 1939. № 9. С. 89 – 92.
15. Соколов М. П. полуостров Таймыр и Северный морской путь // Северный морской путь. 1935. Вып. 2. С. 7 – 39.
16. Таймыро-Североземельская область (физико-географическая характеристика) / Под ред. Р. К. Сиско. Л., 1970. 375 с.
17. Фонды Арктического и антарктического научно-исследовательского института (далее – Фонды ААНИИ). Д. О-416. 42 л.
18. Фонды ААНИИ. Д. О-417. 103 л.
19. Фонды ААНИИ. Д. О-418. 52 л.
20. Фонды ААНИИ. Д. О-1065. 95 л.
21. Центральный государственный архив научно-технической документации Санкт-Петербурга (далее – ЦГАНТД СПб). Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 162. 125 л.
22. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 168. 32 л.
23. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 217. 66 л.
24. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 218. 76 л.
25. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 547. 113 л.
26. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 551. 39 л.
27. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 572. 58 л.
28. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 588. 141 л.
29. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 1-1. Д. 619. 66 л.
30. ЦГАНТД СПб. Ф. р-369. Оп. 2-1. Д. 388. 42 л.

УДК 271.22

Хозяйственная адаптация старообрядцев Тувы в условиях советской действительности (1944 – 1960-е гг.)

Стороженко Алена Александровна
Кандидат исторических наук, доцент
Тувинский государственный университет, кафедра Отечественной истории
Кызыл, Россия.
storozhencko.ale@yandex.ru
ORCID.ID: 0000-0001-9986-8966

АННОТАЦИЯ В статье на примере Сизимского леспромхоза Каа-Хемского района рассмотрена проблема встраивания старообрядческого населения Тувы в плановую экономическую систему в советский период. Установлен круг причин, препятствующих образованию в старообрядческой среде эффективных колхозов. Проанализировано, как стремление староверов к единоличному хозяйствованию, трактовавшееся как кулачество, но имевшее в старообрядческой среде более глубокие конфессиональные объяснения, было адаптировано в условиях советской действительности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Старообрядцы, Тува, хозяйственная адаптация, промыслы, ТНР, промхоз.

К середине XX века в Туве, по сути, староверами была сформирована новая поселенческая структура, ведь большинство из заимок и деревень существуют и в настоящее время. Благодаря непрерывному, уже внутрирегиональному, миграционному движению староверами осваивались ранее незаселенные участки речных долин, тайги, развивалось охотничье-промысловое хозяйство, где ранее очень небольшими общинами жили только тувинцы-охотники. Старообрядцы преднамеренно выбирали для заселения практически не обитаемые территории, где не могло возникнуть конфликта интересов и вполне естественным образом происходило «…нахождение оптимальной системы жизнеобеспечения, проходившее в форме приспособления опыта и трудовых навыков мигрантов к новым природно-климатическим условиям в течение нескольких полевых сезонов» [2, с. 89 – 90].

Старообрядческое хозяйство на первом этапе – первой половине XX века – социокультурной адаптации носило комплексный характер – занимались преимущественно промыслами, охотой, животноводством, огородничеством и весьма ограниченно земледелием. Достаточная обеспеченность скотом и землей, вполне успешная торговля позволили конфессиональным переселенцам прочно закрепиться сначала в заграничном Урянхайском крае, а затем удержаться в рамках единоличного хозяйствования вплоть до начала 1940-х годов.

В октябре 1944 г. Тувинская Народная Республика прекратила свое существование как независимое государство и вошла в состав РСФСР на правах Тувинской автономной области. В целом для русских в регионе мало что изменилось, они и до этого были гражданами Советского Союза, официально проживающие за границей.

Русское население Тувинской автономной области (далее – ТАО) было преимущественно сосредоточено в Улуг-Хемском, Тандинском, Пий-Хемском и Каа-Хемском районах и насчитывало в 1947 г. чуть более всего 16 тысяч человек [5]. Особо в документе отмечается, что за время вхождения Тувы в состав СССР, а особенно в 1946 – 1947 гг., произошел значительный приток русского населения в староверческие поселки Каа-Хемского района, сюда прибыло более 150 человек. При этом

подчеркивается, что «лишь незначительная часть из вновь прибывших стремится вступать в колхозы и устроиться здесь на постоянное место жительства» [5, л. 5].

Действительно, русские крестьяне в целом в ТНР продолжали оставаться единоличниками. В связи с роспуском нежизнеспособных и организованных на родственных началах колхозов число индивидуальных крестьянских хозяйств за 1933 – 1934 гг. увеличилось с 52 до 88 % [3, с. 220].

На середину XX века приходится «расцвет» колхозного строительства в Туве, которое сопровождалось кампанией по обобществлению собственности и повсеместной кооперацией труда. При вступлении в сельскохозяйственную артель (колхоз) требовалась безвозмездная передача средств производства (инвентарь, постройки, скот, семена) в коллективную собственность. В результате, жизнь человека села стала определяться не семейными потребностями и нуждами, а обязательствами перед советским государством.

Основным способом организации трудовой деятельности в колхозах стало создание постоянных производственных бригад коллективов колхозников, за которым на длительный срок закреплялся земельный участок и необходимый инвентарь. Формально главным органом управления в колхозах было общее собрание колхозников, его функции заключались в избрании председателя и ревизионной комиссии, решении текущих вопросов. Однако фактически основные решения принимались под жёстким административным давлением и контролем партийных и государственных органов. Стоит сказать, что, несмотря на принуждение и длительность периода колхозного строительства, в районах традиционного проживания староверов колхозов так и не было создано. Причинами этого можно считать, с одной стороны, сопротивление староверов, с другой – неподходящие для планомерной сельскохозяйственной деятельности условия «кормящего ландшафта».

В конце войны в Тувинской автономной области был создан Тувинский областной потребительский союз (Тувоблпотребсоюз), который имел обширные планы в части заготовки пушнины. Было построено 15 охотничьих избушек по всей тайге, и большая часть из них располагалась в местах компактного проживания староверов. Одновременно с этим были приняты меры, с помощью которых планировалось восстановить поголовье пушных зверей (оно значительно сократилось вследствие снятия ограничений на охоту во время войны): была введена лицензионная охота сначала на соболя, потом на другие виды зверей.

Старообрядцам все же приходилось участвовать в экономической жизни региона. В 1949 году был создан Сизимский леспромхоз, основной задачей которого была заготовка пушнины, леса, сбор дикорастущих растений. Охотничий промысел является сезонным занятием. Это обусловлено тем, что качество пушнины зависит от времени года, поэтому охотятся, как правило, с октября до конца февраля. Прибыль от сдачи пушнины, рогов маралов, дикорастущих грибов и ягод была значительной. Пушнина была такой же доходной статьей, как и мясо.

Однако с 1955 по 1956 гг. общий рост добычи пушнины в Сизимском леспромхозе увеличился лишь на 1,7 раза, а, например, ягод – в 5,3 раза, орехов в 2,7 раз [6, с. 149]. Это происходило не только из-за ограничительных мероприятий и сокращения числа охотников-промысловиков, но и в результате введения особых правил сбыта пушнины: он осуществлялся не через заготконторы, а напрямую городскому населению.

Можно предположить, что снижение доходов от сбыта пушнины заставило руководство леспромхоза обратить внимание на староверов, которые до этого времени сохраняли хозяйственную автономию. Тем не менее, властям удалось убедить староверов стать работниками советских промысловых хозяйств.

«Охотхозяйственный отчет Госохотинспекции Тувоблисполкома за (1959 – 1961 гг.)» дает информацию об итогах промысловой деятельности старообрядцев в структуре промхоза. Последователи «старой веры» успешно адаптировались к промхозному устройству. Об этом говорит, во-первых, перечисление охотников из старообрядческих поселений Ужеп и Эржей (Соломенников И. Г., Рукавицын И. И., Соломенников В. Г., Балчугов П. Д., Жуланов Ф. А. и другие), во-вторых, указание средней стоимости добытой ими пушнины. В 1960 – 1961 гг. она равнялась 10 тыс. руб. в год на одного охотника [4, с. 27]. Высокие показатели эффективности в документе объясняются личной заинтересованностью охотников и наличием пушного зверя.

Еще одним показателем успешного включения старообрядцев в деятельность промхозов является выделение в 1960 году на охотхозяйственные мероприятия 125800 руб., из которых фактические затраты составили 122866 руб. [4, с. 21]. В документе приводятся такие статьи расходов, как обучение молодых охотников, завоз охотников в отдалённые угодья, постройка 10 охотничьих избушек и пункта по дообработке пушнины, проведение разведки и пробных отстрелов. Особенно стоит отметить строительство охотдороги на расстоянии около 400 км. и ремонт уже имеющихся дорог, что говорит о том, что наличие промхозов обеспечивало государственные инвестиции в развитие инфраструктуры.

Важно отметить, что в следующем 1961 году на охотхозяйственные мероприятия планировалось выделить еще 89200 руб. в «старых деньгах» [4, с. 21]. Здесь следует упомянуть денежную реформу 1961 г., в результате которой произошло изменение масштаба цен, укрупнение денежной единицы в десять раз и, соответственно, проведен пересчёт цен, тарифов, ставок, окладов, пенсий и пособий.

Староверы сумели к концу 1960-х годов выстроить такие отношения с официальной властью, которые позволяли им, не вступая в прямой конфликт, работать в государственных объединениях и учреждениях, но при этом иметь возможность открыто, без боязни оставаться верующими людьми. Советская власть стремилась контролировать даже отдаленные районы, что диктовалось, прежде всего, особенностями плановой экономической политики. Контроль был необходим как в экономическом, так и идейно-политическом смысле. Старообрядцы зачастую не желали встраиваться в государственные и хозяйственные институты. В тех случаях, когда они были вынуждены становиться частью советского экономического пространства, это происходило без явного энтузиазма и присущей им трудовой активности [1, с. 414].

При взаимовыгодных условиях между старообрядцами и официальными органами было достигнуто негласное соглашение. В результате сложилась система, в которой соблюдение духовных запретов для старообрядцев сочеталось с необходимостью принимать условия и требования государственных институтов. В свою очередь, данные институты также были готовы подстраиваться под ситуацию и адаптироваться, давая старообрядцам определенные преференции. Для старообрядцев это приводило к усилению «обмирщения», расшатыванию крепких конфессиональных основ. Но в целом, последователи «древлего благочестия» смогли не только успешно мигрировать в Туву, но и выработать хозяйственные практики, которые позволили им адаптироваться и закрепиться на новой территории.

Список литературы

1. Дутчак Е. Е. Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск : Изд-во Томского университета, 2007. 414 с.

2. Дутчак Е. Е. Путь в Беловодье (к вопросу о современных возможностях и перспективах изучения конфессиональных миграций) // Вестник РУДН. Серия История России. №1 (6). 2006. С. 81 – 94. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_9976329_11588570.pdf (дата обращения: 10.05.22)
3. История Тувы: в 3-х т. Т. 2. 2-е изд. перераб. и доп./ Под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007. 430 с.
4. Национальный архив Республики Тыва. Ф. 346. Оп. 1. Д. 50. 27 л.
5. Рукописный фонд Тувинского института гуманитарных исследований. Ф.1. 19 л.
6. Экономическая история потребительской кооперации Республики Тыва / под ред. Х. Д. Монгуш, Ю. Л. Аранчына и др. Новосибирск: Наука,1996. 263 с.

УДК 72.03 (571.51)”17’’

Опыт реконструкции Красноярского острога XVII – XVIII веков

Царёв Владимир Иннокентьевич
доктор архитектуры, главный научный сотрудник
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ),
Отдел проблем реконструкции и реставрации историко-архитектурного наследия
профессор кафедры градостроительства
Сибирский федеральный университет,
Институт архитектуры и дизайна
Москва-Красноярск, Россия
vits_2004@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4225-0174

Царёв Владимир Владимирович,
кандидат архитектуры, старший научный сотрудник
Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ),
Отдел проблем реконструкции и реставрации историко-архитектурного наследия
консультант отдела обеспечения градостроительной деятельности
Министерство строительства Красноярского края
Москва-Красноярск, Россия
tsarev103@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2321-9529

АННОТАЦИЯ В статье представлены результаты исследования архитектурно-планировочных особенностей Красноярска XVII – XVIII веков. На основе анализа документальных материалов центральных архивов страны авторами изучены ранее неизвестные аспекты формирования Красноярского острога в первые столетия его существования. Введение в научный оборот новых архивных материалов позволяет проследить достаточно подробно первые этапы и специфические черты ранней архитектурно-строительной истории одного из старейших русских городов Сибири – Красноярска. Предложены научно обоснованные графические реконструкции архитектурно-планировочной ситуации и модели оборонительных сооружений Красноярской деревянной крепости XVII и XVIII веков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, русские крепости, острог, план города, архитектурно-планировочное формирование, Красноярск.

В результате изучения и систематизации сведений, выявленных в архивных документах, авторы раскрыли некоторые ранее неизвестные особенности основания и дальнейших преобразований Красноярского острога в XVII веке [4]. По инициативе енисейского воеводы Якова Игнатьевича Хрипунова в 1624 г. была организована экспедиция для выбора места под новую крепость на среднем Енисее, руководил которой Андрей Ануфриевич Дубенский. В Москве поддержали инициативу енисейцев, дав разрешение к новому «острожному ставлению», которое произвел в 1628 г. отряд служилых людей под руководством А. А. Дубенского. Архивные документы сообщают о сложностях этого похода от Тобольска до места строительства Красноярского острога. Авторами выполнена графическая реконструкция маршрута отряда А. А. Дубенского 1627 – 1628 годов (рис. 1).

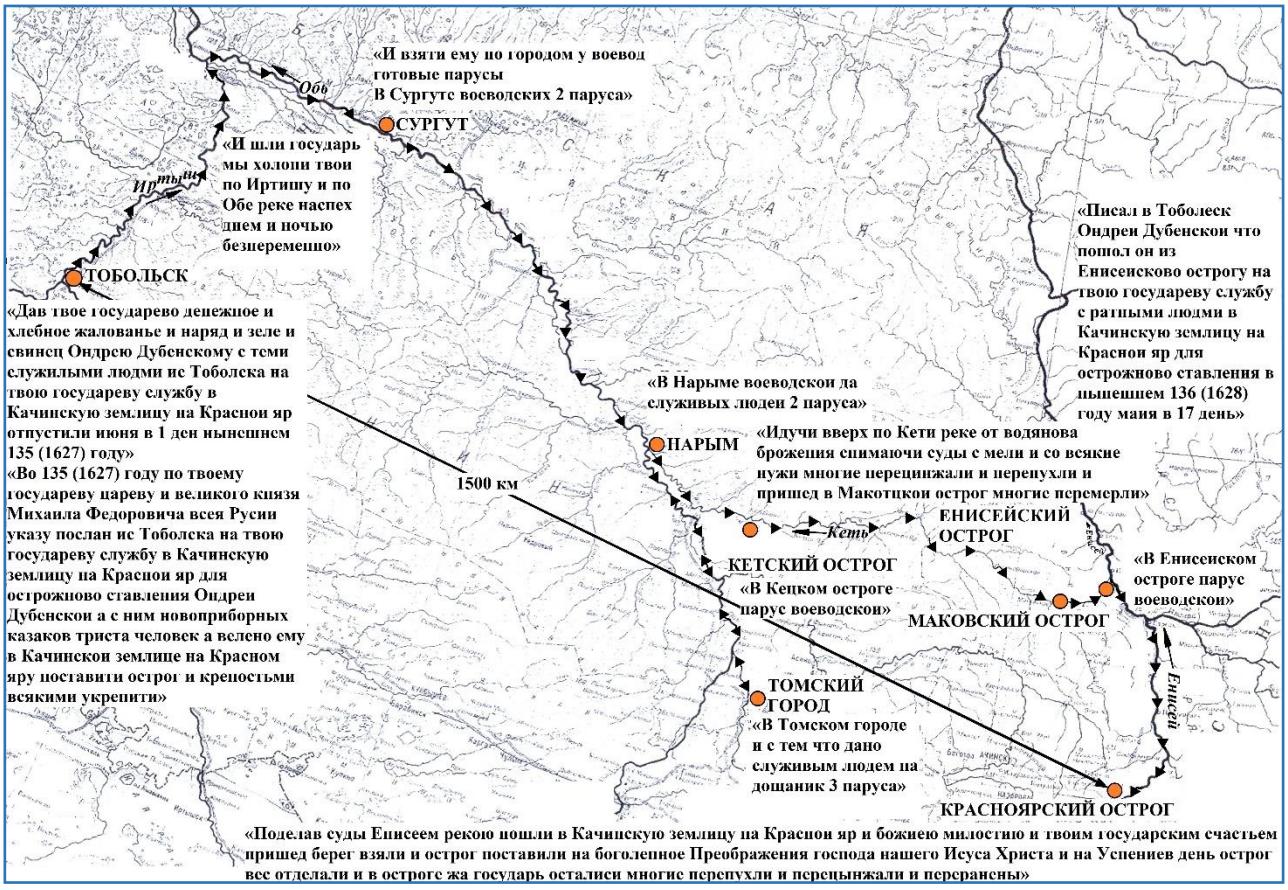

Рис.унок 1. Графическая реконструкция маршрута отряда А. А. Дубенского 1627 – 1628 гг. Выполнили авторы

Однако преодолев все трудности похода, отряд выполнил поставленную задачу, что подтверждает тщательность предварительного изучения руководителями экспедиции прилегающего района и наличие у служилых людей хорошо отработанных навыков в осуществлении всех этапов строительства. Наглядным свидетельством тому же является небольшой срок возведения острога. Его «поставили на боголепное Преображение господа нашего Иисуса Христа (6 августа) и на Успениев день острог весь отделали (18 августа)» [1, л. 47]. По первым описаниям новой русской крепости на Енисее, составленным самими строителями, авторы выполнили реконструкцию Красноярского острога 1628 – 1629 годов (рис. 2).

Рисунок 2. Графическая реконструкция Красноярского острога 1628 – 1629 гг. Выполнили авторы

В Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, Москва) хранятся чертежи, имеющие названия: «План с прожектом города Красноярска сочинен в 748 году» [2] и «Профили с прожектом города Красноярска, 748 году» [3]. Авторам представилась возможность непосредственно ознакомиться с архивными документами [5] (рис. 3; 4).

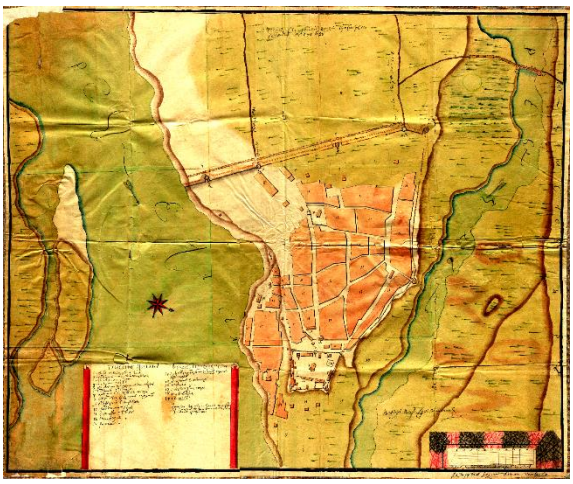

Рисунок 3. «План с прожектом города Красноярска сочинен в 748 году» РГВИА

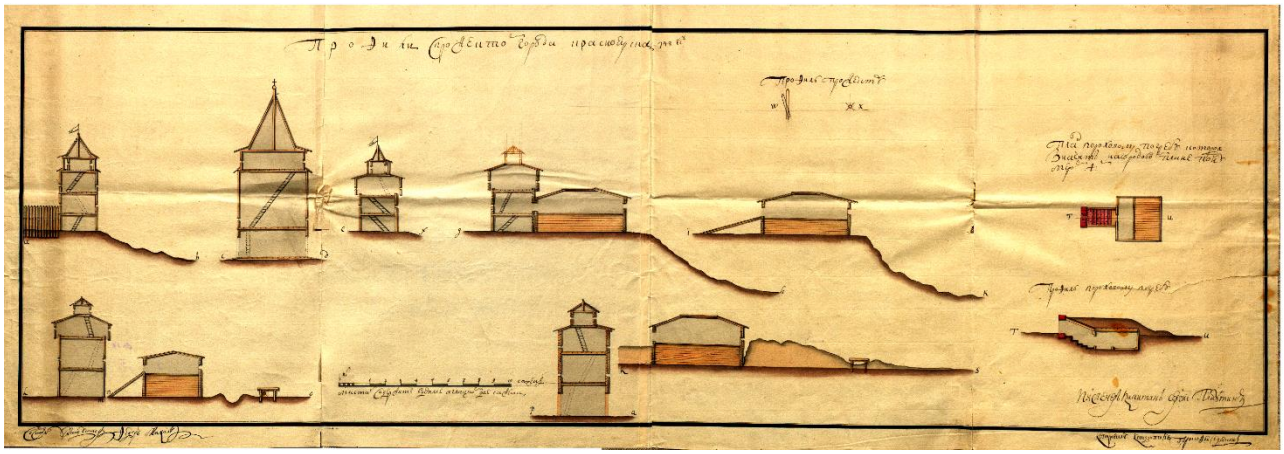

Рисунок 4. «Профили с прожектом города Красноярска, 748 году» РГВИА

О составителях чертежей сообщают их подписи. На плане с «прожектом» города Красноярска имеются две подписи: инженер майора Сергея Плаутина и кондуктора (чертежника) Василия Паливанова. На чертеже «профилей» – подписи инженер капитана Сергея Плаутина, кондукторов Федора Михайлова и Прокофия Седякина. Во второй половине 1740-х годов экспедиция военных геодезистов под руководством С. Плаутина выполняла секретную миссию по проведению картографических работ в южных приграничных районах Сибири.

На основе выявленного чертежа «профилей» и плана города Красноярска были определены объемно-планировочные размеры всех деревянных башен, их внутренняя структура, а также конструкции дополнительных крепостных сооружений: порохового погреба, артиллерийских выводов и заградительных устройств. По опорным элементам природного ландшафта была выполнена графическая реконструкция местоположения крепостных сооружений 1748 года в современной городской структуре (рис. 5).

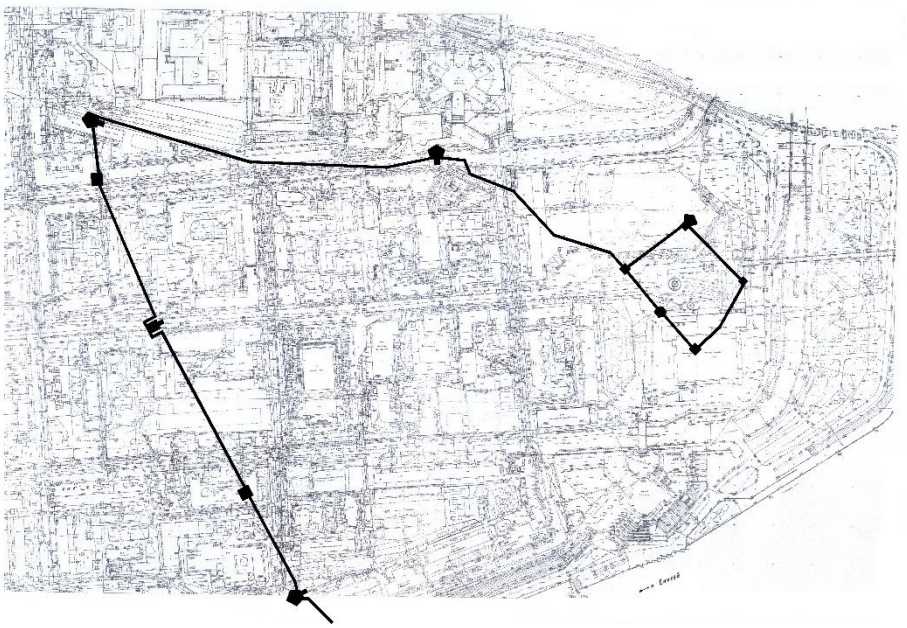

Рисунок 5. Графическая реконструкция Красноярского острога 1748 г. в современной городской застройке. Выполнили авторы

В 2020 году на кафедре градостроительства Сибирского федерального университета студентка А. В. Повшедная выполнила дипломный проект на тему:

«Графическая реконструкция Красноярского острога 1748 года и вариант его восстановления» (научный руководитель профессор В. И. Царёв) (рис. 6).

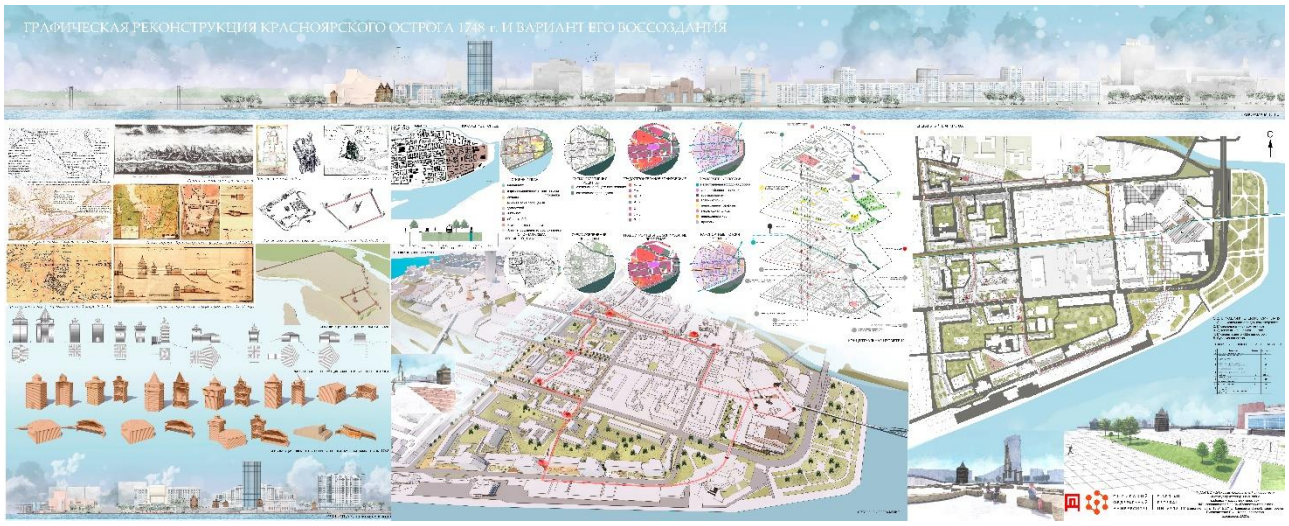

Рисунок 6. Экспозиция дипломного проекта «Графическая реконструкция Красноярского острога 1748 года и вариант его восстановления».
Выполнила А. В. Повшедная (научный руководитель В. И. Царёв)

В дипломном проекте представлена графическая реконструкция архитектурно-планировочной ситуации Красноярска середины XVIII века, составлены научно обоснованные модели оборонительных сооружений и предложена концепция воссоздания Красноярского острога в современной городской среде (рис. 7).

Рисунок 7. Реконструкция башен Красноярского острога в современной городской среде.
Выполнила А. В. Повшедная (научный руководитель В. И. Царёв)

Результаты проведенного исследования раскрывают малоизвестные аспекты первоначального и заключительного этапов формирования Красноярской крепости как одного из крупных русских форпостов в Центральной Сибири XVII – XVIII веков. Выявленные авторами архитектурно-конструктивные особенности крепостных сооружений позволяют глубже изучить истоки русского оборонного деревянного

зодчества и выполнить научно обоснованные модели этих объектов. Графические реконструкции, представленные в статье, дают возможность заполнить ещё одно «белое пятно» в архитектурно-градостроительной летописи Красноярска.

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 3. Д. 160. О посылке из Москвы Андрея Дубенского в Качинскую землицу на Красный яр. 1627 – 1628 гг.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 349. Оп. 17. Д. 3966. Л. 1. План с прожектом города Красноярска. 1748 г.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 349. Оп. 17. Д. 3967. Л. 1. Профили строений города Красноярска. 1748 г.
4. Царёв В. И., Царёв В. В. Первоисточники о формировании Красноярска в XVII веке // Баландинские чтения: сборник статей научных чтений памяти С. Н. Баландина. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т архитектуры, дизайна и искусств, 2019. Т. XIV. С. 266 – 273.
5. Царёв В. И., Царёв В. В. Реконструкция Красноярского острога 1748 г. // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. Т. 21. № 4. 2019. С. 35 – 52.

ИСТОРИЯ КРЕСТЬЯНСТВА И АГРАРНОГО ОСВОЕНИЯ СИБИРИ

УДК 636.1 (571.1/.5)

Историческая роль лошади в освоении Сибири

Бакуменко Анатолий Андреевич
научный сотрудник
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»
Красноярск, Россия

Трубников Юрий Николаевич
доктор сельскохозяйственных наук
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН», лаб. космических систем и технологий
Красноярск, Россия
trubnikov124@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0005-4679-8606

АННОТАЦИЯ В статье показано, что лошадь занимала центральное место в жизни сибирского крестьянина. Она служила не только основной тягловой силой, но и вплоть до запуска в эксплуатацию железной дороги была практически единственным средством сухопутного передвижения. Неоценимую роль лошадь сыграла при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали. Такие понятия, как тройка, дуга, поддужный колокольчик были чисто русскими и за пределами России не встречались.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Крестьянин, лошадь, аграрное освоение, тройка, колокольчик.

Земледелие традиционно являлось главным занятием населения Сибири. По сути, оно представляло собой не только средство получения сельскохозяйственной продукции и предметов быта, но и являлось исторически сложившейся культурой. А. И. Солженицын в своих размышлениях «Как нам обустроить Россию» очень тонко заметил, что земля для человека содержит в себе не только хозяйственное значение, но и нравственное. Характер работы на ней, под открытым небом, с живыми растительными или животными организмами и окружающим ландшафтом, формирует и определённые нравственные черты, и характер сельского жителя [2].

Сибирь к 1917 г. представляла собой преимущественно аграрный край. Около 80 % валовой продукции давало сельское хозяйство, и только 20% – промышленность. В сельскохозяйственной отрасли было задействовано около 90 % трудоспособного населения. В начале XX века Сибирь давала примерно 17 % валового сбора хлеба в России при доле населения всего 7 %. Темпы роста посевных площадей в целом по региону были в 5 раз выше, чем по Центральной России, а в Западной Сибири в 8 раз.

Лошадь, без спорно, занимала центральное место в жизни сибирского крестьянина. Она служила не только основной тягловой силой, но и являлась ценным продуктом питания. Лошадь была единственной силой, которая, при освоении новых земель, была способна корчевать лес, перевозить его для строительства и на дрова и т.д. Освобождённый от леса земли нужно было пахать, боронить для того, чтобы они были пригодны для посева сельскохозяйственных культур. Вскоре за посевной следовала сенокосная пора, где, опять же, без лошади не обойтись. Вначале её впрягали в сенокосилку, потом в грабли, далее, по мере готовности сена, зацепляли волокуши. И так всё лето. Осенью начиналась уборка урожая. В это время, в прочем, как и летом, лошади некогда было отдыхать. Вплоть до снега лошадь была задействована на уборке урожая. После того, как хлеб был засыпан в амбары, приходила череда заготовки дров. Ближе к весне на лошадях вывозили навоз на поля. И так круглый год. Крестьянин-безлошадник был обречён на нищенское существование и, чаще всего, шел в батраки к зажиточным хозяевам.

Вплоть до запуска в эксплуатацию железной дороги лошадь была практически единственным средством сухопутного передвижения. В 1910 – 1915 гг. по количеству лошадей на душу населения (5-6 шт.) Сибирь занимала первое место в мире. Около 30 % хозяйств имели по 7 и более лошадей. В европейской части России обеспеченность лошадьми была значительно ниже – около 20 голов на 100 жителей. В 1913 г. в Сибири насчитывалось 7 млн голов крупного рогатого скота и 15 млн овец содержание и уход за которыми, был невозможен без лошади [5].

Располагая обширными пастбищами и сенокосами, сибирские крестьяне разводили лошадей местной сибирской породы, которые довольно высоко ценились. Местные породы отличались, с одной стороны, невысокой продуктивностью, а с другой – выносливостью и адаптацией к суровым условиям мест обитания.

В Енисейской губернии разводили лошадей трех категорий: для перевозки грузов, езды в упряжи и для верховой езды. На лошадях «тяжеловозах» можно было везти на телеге до 25 – 28 пудов клади, а на санях до 30 – 35 пудов. При хорошем корме лошадь могла идти в обозе с таким грузом в течение 2 – 4 месяцев, делая в сутки от 30 до 50 верст. Лошадь, «воспитанная» для езды в упряжи, могла преодолевать 12 – 15 верст в час. Большой выносливостью и быстротой бега отличалась верховая лошадь. Таких лошадей много было у хакасов, совершавших длительные переезды верхом. Для усовершенствования породы лошадей применяли единственную меру – скрещивание местных кобылиц с томскими жеребцами [1]. Вместе с тем, на юге Енисейской губернии возникали коневодческие заводы. Минусинский купец Сафьянов открыл конный завод в Туве, купец Тарков – в селе Абаканском Минусинского округа. Имели свои конефермы зажиточные хакасы Г. Картин, Н. Доможаков, Е. Кобельков и др. Они приобретали для улучшения местной породы производителей английской, русской рысистой и кузнецкой пород [3].

Неоценимую роль лошадь сыграла при строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали. Строек такого масштаба в России не вели никогда. Тем более в столь сложных условиях: непроходимая тайга, реки, болота, местами — вечная мерзлота, горы, тяжелейший климат, а главное — почти полное отсутствие трудовых ресурсов и инфраструктуры. И тем не менее темпы строительства были рекордными – примерно 400 – 600 км дороги в год. К 1903 году было произведено свыше 100 млн кубометров земляных работ, уложено более 12 млн шпал, 1 млн т рельсов, общая длина построенных железнодорожных мостов и тоннелей составила более 100 км. Для подвозки камня, леса, различных материалов и оборудования прокладывались гужевые дороги и обзаводились собственными лошадьми с санями и телегами.

Лошадей использовали не только для строительства магистрали, но и для перевозки пассажиров через Байкал. В ходу были трехместные кошевки, в которых могли поместиться три человека и три пуда ручной клади. Впрягали две или три лошади – в зависимости от их состояния. Средняя скорость движения по гужевой переправе составляла десять верст в час. Это была так называемая скорая перевозка пассажиров и грузов [2].

Нельзя не остановиться на «геральдической» роли лошади. Россию всегда олицетворяла тройка лошадей. Русская тройка как тип конной упряжи известна с XVIII века. До этого времени упряжная езда в России производилась лишь в одну или несколько лошадей, запряженных гуськом. В начале XVIII века появилась парная («на отлёт») и троечная запряжки в ряд. Во втором десятилетии того века нарочная почта стала применять для езды от одной до трех лошадей.

На первых порах тройка (три лошади в ряд) была редким явлением. Но уже во второй половине XVIII столетия эта почтовая повозка в силу таких достоинств, как скорость и выносливость, большая грузоподъёмность и хорошая проходимость, завоевала своё достойное место в жизни Российской империи. В конце XVIII – начале

XIX века тройка была официально узаконена для перевозки курьеров, почты и пассажиров по широким дорогам. При этом запрягалась она и в сани, и в телегу, а также кибитку, тарантас, возок.

Появление в России железных дорог привело к снижению почтовой и пассажирской роли тройки. Она стала вытесняться с почтовых трактов в сельские местности, где долго ещё сохраняла популярность на свадьбах и народных гуляньях.

Говоря о устройстве тройки, надо подчеркнуть, что она не имеет аналогов в других странах. Основой такой упряжки является русская парная («на отлёт»). Для получения тройки достаточно с одной (обычно с правой) стороны коренника припрячь ещё одну пристяжную.

Троечная упряжь и каждый её элемент отрабатывались десятками и сотнями лет. Важной её особенностью являются украшения. Красочно декорировались хомуты. Помимо росписи и резьбы, которыми покрывались их деревянные клещи, часто применялись узорная тисненая кожа и металлический набор на кожаной покрышке. Предметом особой гордости являлась дуга коренника, украшенная художественной росписью и резьбой. Резной узор состоял из ромбов, кругов, треугольников и других фигур. Поначалу особой популярностью пользовались дуги, расписанные золотой краской. В 60-е годы XIX века эти узоры были вытеснены живописными рисунками. Роспись состояла из красных розанов и синих гроздей винограда, собранных в контрастные сгустки, а также зеленых трав. Роспись оживлялась белыми бликами. Яркие дуги были заметны издалека, так что видеть тройку было ещё и радостно.

К концу XIX века вкусы изменились. Дуга стала тоньше, места для резьбы и росписи убавилось. Появилась мода изображать золотые, серебряные и пестрые натуралистические букеты цветов вместе с травами и виноградом. В конечном итоге дуги стали окрашивать в один цвет и перевивать цветными лентами.

Вместе с расцветом курьерской и почтовой езды на тройках возникла потребность в сигнальных средствах. Они должны были выполнять две прикладные задачи. Первая – потребовать от пешеходов и экипажей немедленно освободить дорогу для курьерской или почтовой повозки, которая мчалась с большой скоростью. Вторая задача – известить персонал почтовой станции о необходимости своевременно подготовить смену уставшим лошадям. В странах Западной Европы для этих целей использовался почтовый рожок. Попытки привить его у нас предпринимались со времен Петра I, но оканчивались неудачей. Ямщики обходились удалым свистом и молодецкими криками. Их наказывали за то штрафами и побоями, но ничего не помогало. Почтовый рожок остался лишь эмблемой российской почты.

В конце XVIII века кто-то придумал использовать для сигналов бронзовый колокольчик – миниатюрную копию церковного колокола. Удобное место для подвески сразу нашлось – дуга над головой коренника. Колокольчик туго привязывался к средней части дуги сыромятным кожаным ремнём. Поэтому его стали называть поддужным, а ещё – почтовым или ямским. Поддужные колокольчики были слышны за две версты. Приятный звон скрашивал однообразие утомительной езды, которая нередко растягивалась на много дней.

Вслед за почтовыми появились тройки многочисленных частных владельцев. Поэтому потребности в этих нехитрых сигнальных устройствах быстро росли. Их литьё с самого начала приняло кустарный характер. Предприятия были мелкими, но имелись во многих селениях. Родоначальником народного промысла считается город Валдай Новгородской губернии, который располагался посредине тракта Петербург – Москва, главной почтовой магистрали России. По его названию поддужные колокольчики часто называли валдайскими. Многие мастера любили снабжать свои изделия литыми надписями и украшениями. Год изготовления колокольчика обозначался с начала XIX века. Часто ставились имя мастера и место мастерской.

Интересны отлитые на колокольчиках крылатые фразы: «Дар Валдая» (слова из песенной строки «И колокольчик – дар Валдая»), «Кого люблю, того дарю», «Купи, не скупись, езди, веселись», «Звенит – потешает, ездить поспешает» и другие. Применялись различного рода орнаменты. Излюбленными изобразительными мотивами были одноглавый и двуглавый орлы, святой Георгий Победоносец.

Популярность колокольчиков нередко вносила сумятицу в работу почтовых служб. Многочисленные жалобы почтового ведомства на любителей езды со звоном привели к тому, что правительство не раз в XIX веке издавало постановления, запрещавшие употребление колокольчиков частным лицам. Однако подобные запреты научились обходить. На шеи всех трёх лошадей стали надевать кожаные ошейники с укреплёнными на них гирляндами бронзовых бубенцов. Их устройство в виде глухого полного шара с дубиной внутри не позволяло, в отличие от раскрытого колокольчика с подвешенным языком, извлекать сильный звук. Поэтому на бубенцы запреты не распространялись. К концу XIX века стали одновременно применять как бубенцы, так и колокольчики. Комплект – два-три десятка бубенцов вместе с 1 – 3 колокольчиками вошел в историю под названием «ямской гармонии».

Ещё одна особенность тройки состоит в том, что рысак-коренник бежит размашистой рысью с высоким подъёмом ног, а более лёгкие пристяжные скачут правильным размеренным галопом, красиво изогнув головы в стороны и вниз. Такая разноаллюрная езда выглядит очень гармонично и красиво. Интересно, что пристяжные скачут разным галопом. Как известно, он бывает двух типов. В зависимости от того, какая передняя нога выносится вперёд, различают галоп с правой или левой ноги. Левая пристяжная лошадь идёт галопом с правой ноги, правая пристяжная – с левой. Лошади выбирают нужный темп бега инстинктивно, стремясь сохранить устойчивость (передняя нога, заканчивая скачок, уравновешивает повёрнутую в другую сторону голову).

Такие понятия, как тройка, дуга, поддужный колокольчик были чисто русскими и за пределами России не встречались. Звон лихой тройки олицетворял удаль и волю русского народа. Русские тройки нашли широкое отражение в русской литературе, музыке, изобразительном искусстве, фольклоре. Они до наших дней сохраняются в народной памяти и, что самое главное, в жизни.

Список литературы

1. Аслаханов И. А. Сельское хозяйство Сибири конца XIX – начала XX в. Новосибирск: Изд-во «Наука». Сиб. отд-е, 1975. 265 с.
2. Дмитриев В. Е., Ведров Н. Г. Истоки и современность земледельческой культуры / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2003. С. 130 – 141.
3. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 525 с.
4. Хобта А. В. Строительство Транссиба: очерки истории (конец XIX – начало XX вв.). Иркутск: НПФ Земля Иркутская, 2009. 383 с.
5. Шостак О. И. История экономического развития Сибири в конце XIX - начала XX в. Строительство и эксплуатация Транссиба: учеб. пособие / О. И. Шестак, Б. Н. Нефёдов, А. А. Григорьев; СКТБ «Наука» КНЦ СО РАН, СФУ, КГПУ. Красноярск: ИПК СФУ, 2009. С. 93 – 97.

УДК 93/94

Снабжение якутских хозяйств сельскохозяйственной техникой в начале XX века

Бурнашева Наталия Ивановна
доктор исторических наук, доцент
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН, отдел истории
Якутск, Россия
n_burnasheva@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7045-8717

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается вопросы снабжения якутских хозяйств сельскохозяйственной техникой в начале XX в. Установлено, что существовало два основных пути поступления сельскохозяйственной техники в Якутскую область. Один из них – через, организованную по инициативе Якутской областной агрономической организации систему Склада сельскохозяйственных машин и орудий с отделениями, другой – путем создания системы кредитных товариществ. Сделан вывод о том, что деятельность правительственного агронома, создание агрономической организации, открытие Склада сельскохозяйственных машин и орудий позволили наладить снабжение якутских хозяйств сельскохозяйственной техникой, способствовали развитию кредитной кооперации, активизировали предпринимательскую деятельность в сельскохозяйственном производстве Якутии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Якутская область, агрономическая помощь, сельскохозяйственная техника, снабжение, якутское хозяйство

Якутская область в дореволюционное время, в силу своей отдаленности и изолированности от районов Сибири, испытывала большие трудности в обеспечении сельскохозяйственного производства техникой и оборудованием. Реальные перспективы к решению проблемы открыла развернувшаяся в стране деятельность царского правительства по проведению агротехнологических преобразований, которая началась в русле Столыпинской реформы. Охват предстоящих преобразований был довольно масштабным, на их основе в стране предполагалось введение совершенно новых подходов к развитию сельского хозяйства. В ходе реформы Департаментом земледелия были разработаны общие положения плана организации агрономической помощи населению Азиатской России [1]. Предписанием Главного управления землеустройства и земледелия России от 27 ноября 1910 г. Иркутским генерал-губернатором данный план был направлен и в Якутскую область [9, с. 1 – 5]. Агрономическая помощь населению со стороны государственных органов предполагала и регулирование вопросов обеспечения их сельскохозяйственной техникой.

Попытки усовершенствования работы якутских хозяйств, поднятия их уровня, повышения урожайности зерновых стали предприниматься в Якутской области во второй половине XIX в. Например, в апреле 1870 г. губернатором области В. П. Де Витте (1869 – 1876) было направлено письмо Якутскому окружному исправнику А. П. Павловскому, в котором речь шла о поступлении из Иркутска партии семян для акклиматизации в здешнем крае: 1 ф. пшеницы, 1 ф. ячменя, 1 ф. овса, 1 ф. гречихи и 6 ф. овса. Губернатор просил раздать семена для опытных посевов лучшим хозяевам Павловского и Мархинского селений, а также хлебопашцам-якутам [6]. Первые мероприятия Якутской администрации по снабжению якутских хозяйств техникой

были связаны с организацией в крае учреждений мелкого кредита. В 1895 г. Якутским областным правлением был разработан проект Устава ссудных касс Якутской области [5]. Одной из главных особенностей проекта Устава ссудных касс, повлиявшей в дальнейшем на создание потребительских кооперативов в Якутии, было желание наделить ссудные кассы правом вести посреднические операции по снабжению населения предметами первой необходимости, сельскохозяйственными орудиями и продовольствием.

Снабжение сельскохозяйственной техникой якутских хозяйств в начале XX века проходило, как по линии государства, так и через систему кредитования частных предпринимателей. Государство решало задачу обеспечения сельскохозяйственной техникой путем реализации программы организации агрономической помощи населению. Для этого в 1911 г. в Якутской области была учреждена должность правительственного агронома, на которую получил назначение М. П. Скадченко. Главная его задача состояла в организации агрономической службы на территории области. Непосредственные обязанности работников службы заключались в выяснении насущных нужд сельских жителей (старожилов, переселенцев), в проведении анализа их экономического положения, знакомстве с состоянием подсобных промыслов.

Осуществление мер агрономической помощи населению осуществлялось в ходе непосредственной практической работы с населением. Усилиями областной аграрной службы в пригородных селениях г. Якутска и в ближайших деревнях были засеяны показательные участки, где проводилась опытная ранняя вспашка, проводилось специальное боронование с целью удержания влаги, а также демонстрировалось использование новой в этих краях сельскохозяйственной техники, в частности, экстирпатора [9, с. 41]. Одним из главных достижений деятельности Якутской агрономической организации в начале XX в. стало открытие в 1914 г. Склада сельскохозяйственных машин и орудий с отделениями в г. Олекминске, в с. Амга Якутского округа и в с. Нюрба Вилюйского округа, которые были созданы на базе инструкторских пунктов агрономической службы области [3, с. 133]. Организация в Якутии единой системы снабжения через систему Склада сельскохозяйственных машин и орудий имела огромное значение в обеспечении якутских хозяйств техническими средствами и оборудованием.

На рубеже XIX – XX вв. в России производство отечественной сельскохозяйственной техники находилось на этапе своего становления, поэтому в Якутию поступала, в основном, техника зарубежного производства [2, 8]. За 1914 г. со Склада и его отделений было реализовано населению области сельскохозяйственной техники на сумму 18183 руб. 53 коп., в том числе, 157 плугов, 16 борон, 13 сеялок, 9 молотилок, 7 приводов, 11 веялок, 1 локомобиль с молотилкой и мельницей, 1 мельница Липгарта, 58 сепараторов, 36 маслобоек, 5 жнеек самосбросок, 3 конные грабли, 2 сноповязалки Диринга. Большим спросом у населения пользовались также косы, серпы, молотки, олеонафт и другие товары. Причем Склад агрономической организации свою главную задачу видел в распространении современных сельскохозяйственных орудий, не ставя перед собой каких-либо коммерческих целей. Через Склад осуществлялась продажа сельскохозяйственной техники и товаров на льготных для населения условиях, допускалась возможность рассрочки продаж на срок до 1 года и более. Одновременно с открытием отделения Склада сельскохозяйственных машин и орудий Якутской агрономической организации в г. Олекминске был открыт и Склад сельскохозяйственных машин при Олекминском сельскохозяйственном обществе, с которого в 1914 г. было продано орудий и техники на сумму в 2048 руб. [10, с. 238 – 239].

Снабжение Якутии сельскохозяйственной техникой происходило и посредством

становления системы кредитования частных предпринимателей. В начале XX в. под влиянием целенаправленной деятельности властей, в рамках разворачивающейся в Якутской области программы агрономической помощи населению, стала расширяться активность предпринимателей по снабжению якутских хозяйств сельскохозяйственной техникой, оборудованием, семенами. Для закупки товаров для сельских производителей Якутии использовалась система сельскохозяйственного кредитования, которая получила быстрое развитие. Если в 1914 г. в области действовало только одно кредитное товарищество, то в 1916 г. их стало четыре: Мархинское, Сольское, Батурусское и Мегинское. Членами товариществ являлись 435 хозяев, число хозяйств в районе деятельности товариществ достигало 7051 человек. Основной капитал товариществ был образован из вклада Госсберкассы в 10 тыс. руб. Займы же шли из Госбанка и снабжали товарищества оборотными средствами. Так, в 1916 г. Госбанком был открыт кредит на 25 тыс. руб. Всего за 1916 г. было выдано в ссуды 30800 руб., из которых возвращено 14763 руб. и оставалось на 1 января 1917 г. – 22980 руб. Ссуды выдавались под личное доверие, а также с поручительством под 10% годовых [4, с. 72]. Кредитные кооперативы активно направляли свою деятельность на внедрение в сельское хозяйство Якутии современной техники, устройство племенных пунктов и зерноочистительных станций.

Активную позицию в отношении проведения снабженческих операций, наряду с потребительскими и кредитными кооперативами, в Якутии стали проявлять и сельскохозяйственные общества. В 1913 г. открыло свою деятельность сельскохозяйственное общество в Олекминском округе. В первую очередь, Олекминское общество приступило к устройству зерноочистительного пункта, где бы население могло очищать семена для посева за недорогую плату. У Якутского областного агронома во временное пользование был получен аппарат «Триер» – сельскохозяйственная машина, сортировщик для разделения зерна и примесей. Это позволило 1 октября 1913 г. открыть очистительный пункт, с помощью которого было очищено около 4 тыс. пудов разных семян. Население сумело по достоинству оценить значение зерноочистительного пункта. Для чистки семян крестьяне приезжали со всех окрестностей г. Олекминска. В целях большего охвата крестьянских хозяйств, общество предполагало открыть в ближайшем будущем передвижной зерноочистительный пункт. Кроме этого, сельскохозяйственное общество планировало организовать на паях склад сельскохозяйственных машин и орудий по обработке почвы и уборке хлеба. Для этого были выписаны и доставлены в Иркутск плуги «Саккя» с патентованными ступицами, высокой стойкой и короткими отвалами, запасные части к ним, бороны Рандаля, веялки Уфимки, молотилки. Обществом обсуждался вопрос об организации в будущем опытной сельскохозяйственной фермы [7].

Заключение

Развернувшиеся в России в начале XX в. мероприятия по осуществлению агротехнологических преобразований, коснулись и Якутской области. Деятельность правительственного агронома, создание агрономической организации, открытие Склада сельскохозяйственных машин и орудий позволили наладить снабжение якутских хозяйств сельскохозяйственной техникой. Помимо этого, проведение агрономических мероприятий придало стимул развитию кредитной кооперации, активизировало предпринимательскую деятельность в сельскохозяйственном производстве Якутии.

Список литературы

1. Агрономическая помощь в России. Под ред. В. В. Морачевского. Петроград: Изд-ие Деп. земледелия, 1914. 653 с.
2. Беспалов С. В. Высшая бюрократия, землевладельцы и предприниматели о судьбе российского сельскохозяйственного машиностроения: дискуссия конца 1890-х гг. // Сборник трудов конференции «Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность». Санкт-Петербург. 2016. С. 79 – 84.
3. Бурнашева Н. И. Власть и управление национальной окраиной: экономика Якутии в XIX – первой трети XX века. М.: АИРО-XXI, 2020. 320 с.
4. Захаренко Н. Н. Развитие кредита в Якутии // Хозяйство Якутии. 1926. №4. С. 63 – 75.
5. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я). Ф. 12-и. Оп. 2. Д. 541. Л. 22 – 187.
6. НА РС (Я). Ф. 15-и, оп. 1. Д. 725. Л. 1-1 об.
7. НА РС (Я). Ф. 429-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-2.
8. Петров А. Ю., Титов К. В. «В интересах нашего сельского хозяйства»: импорт сельскохозяйственной техники в таможенной политике в России в 1885 – 1913 гг . // Вестник РУДН. Серия История России. 2012. №3. С. 71 – 85.
9. Скадченко М. П. Очерки о положении сельского хозяйства в Якутской области. Якутск: Областная типография, 1915. 87 с.
10. Труды Якутского областного агрономического совещания за 1911 – 1914 годы. Якутск: Областная типография, 1915. 356 с.

УДК 94(47).083

Главный землеустроитель столыпинской аграрной реформы (Петр Павлович Зубовский директор департамента государственных земельных имуществ)

Воронов Иван Иванович
доктор исторических наук, профессор кафедры, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, кафедра истории и регионоведения
Санкт-Петербург, Россия
ivan.voronov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7293-4396

АННОТАЦИЯ В контексте столыпинской аграрной реформы раскрываться и уточняются ранее неизвестные аспекты биографии директора Департамента государственных земельных имуществ П. П. Зубовского. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения роли личности в эволюции ведомств для совершенствования механизма государственного управления на современном этапе. Особое внимание в работе уделяется осуществлению одного из основных направлений реформы П. А. Столыпина землеустройству. Автором рассматриваются правительственные структуры по осуществлению землеустройства, такие как Департамент государственных земельных имуществ и Комитет по землеустроительным делам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА А. В. Кривошеин, П. П. Зубовский, столыпинская аграрная реформа, Главное управление землеустройства и земледелия, Департамент государственных земельных имуществ, Комитет по землеустроительным делам.

Тайный советник
Петр Павлович ЗУБОВСКИЙ
[1, с. 54]

П. П. Зубовский является одним из малоизвестных соратников главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина. Многие знают о столыпинской землеустроительной политике, но немногие о том, что именно П. П. Зубовский руководил одним из её основных направлений - землеустройством.

О самом П. П. Зубовском сохранилось очень мало сведений. Петр Павлович родился в 1863 г. [1, с. 620]. Вероятно, его отец был из духовного звания, Витебской губернии [14] и готовясь к духовному служению П. П. Зубовский с отличием окончил духовную семинарию [6, с. 55]. В 1887 г. он завершил обучение в Санкт-Петербургской Православной духовной академии [14], что давало большие возможности при выборе будущей профессии. Выпускникам духовных академий выделялись самые богатые приходы, лучшие должности в аппарате управления и учебных заведениях православной церкви [6, с. 54 – 55]. Но, развитие капитализма значительно изменило общественные ориентиры и в 80-х гг. лишь немногие воспитанники академий выбирали путь духовного служения. Однако, они были связаны шестилетним сроком отработки полученного образования в ведомстве Святейшего Синода [21, с. 115]. Вероятно, к таким выпускникам относился и П. П. Зубовский поступивший на службу 18 марта 1888 г. [15, с. 120].

Отдав свой долг духовному ведомству, 20 октября 1892 г. П. П. Зубовском перешел

в Министерство внутренних дел (МВД) О начальном этапе его службы почти ничего не известно, но о её успешности свидетельствуют его женитьба к 1990 г. и полученные награды. Так, за 1892 – 1899 гг. П. П. Зубовский был поощрён серебряной медалью в память императора Александра III и орденами Анны 2 ст., Станислава 2 ст. [15, с. 120]. Награды значительно повысили социальный статус молодого чиновника т.к. уже первый орден давал право на получение личного дворянства [8, с. 36].

В начале XX в. Петр Павлович сделал блестящую карьеру. Так, 1 июля 1900 г. он назначается старшим помощником делопроизводителя Земского отдела, а 18 марта 1900 г. получает чин статского советника [15, с. 120]. 23 марта 1902 г. П. П. Зубовский переводится в делопроизводители [18, с. 170], а 4 марта 1905 г. становится чиновником особых поручений при Земском отделе. 17 апреля 1905 г. П. П. Зубовский производится в действительные статские советники [16, с. 172], что давало право на получение потомственного дворянства [8, с. 26]. А 20 октября 1906 г., П. П. Зубовский назначается членом совета министра внутренних дел [17, с. 13].

Свою карьеру П. П. Зубовский построил «удивительным трудолюбием и необыкновенной трудоспособностью», не ища при этом личной выгоды. Именно он редактировал многие законопроекты по землеустройству. Например, положение о землепользовании крестьян, правила об ограничении крестьянских надельных земель, а позднее и основной законодательный акт аграрной реформы указ от 9 ноября 1906 г. По словам товарища министра внутренних дел В. И. Гурко, П. П. Зубовский не просто точно исполнял указания. Он всегда стремился усовершенствовать и развить чужую мысль, упорно отстаивая свои дополнения [4, с. 264 – 265, 267].

В 1905 г. началась подготовка к аграрной реформе, одним из главных направлений которой стало землеустройство. 6 июня 1905 г. Министерство земледелия и государственных имуществ было преобразовано в Главное управление землеустройством и земледелием (ГУзиЗ). А 4 марта 1906 г. с целью содействия Крестьянскому банку при покупке земли крестьянами при ГУзиЗ был учрежден межведомственный Комитет по землеустроительным делам под руководством главы ГУЗиЗ [13, с. 266, 273 – 274]. 21 мая 1908 г. ГУЗиЗ возглавил А. В. Кривошеин [23, с. 331] поручивший в 1908 г. П. П. Зубовскому канцелярию главноуправляющего [2, с. 415], а в 1910 г. еще и руководство организационным делопроизводством Комитета по землеустроительным делам. Отличившись в работе по организации землеустройства П. П. Зубовский вскоре был повышен по службе. 13 мая 1913 г. он получил чин тайного советника, назначение директором Департамента государственных земельных имуществ [7, с. 620] и управляющим делами Комитета по землеустроительным делам [7, с. VI.] Так, в 50 лет Петр Павлович достиг высокого положения в бюрократической иерархии. Чин тайного советника соответствовал III классу и воинскому званию генерал-лейтенанта [22, с. 145, 154]. Возглавив департамент П. П. Зубовский, стал «главной рабочей осью всего дела землеустройства». Осуществляя столыпинскую аграрную реформу, он активно занимался расселением крестьян на хутора и отруба [4, с. 188], редактировал «Сельский вестник» [12, с. 346]. За усердное несение службы он в 1914 или 1916 гг. был награжден орденом Владимира 2 ст. [10, с. 143]. тайный советник, КЛ.

Департамент государственных земельных имуществ был учрежден задолго до столыпинской реформы 21 марта 1894 г. в составе 41 сотрудника с содержанием 79 тыс. 500 руб. [5, с. 148]. Департамент занимался руководством казёнными имениями, свободными землями, попечительством над некоторыми коренными народами, поземельным устройством крестьян в Сибири, на Кавказе и переселением. В его ведение входило управлением имениями заграничных монастырей Бессарабской губернии, заведование чиновниками, занятыми оценкой и устройством оброчных статей и поземельным устройством бывших государственных крестьян. Изначально

департамент составили четыре отделения: 1 и 2 оброчные, поземельно-устроительное и инородческое (с 1907 г. инородческое по земельному устройству на Урале). В 1907 г. к департаменту добавилось сибирское отделение. С 1908 г. в состав департамента входило семь отделений: 1-е отделение – по сдаче казённых оброчных статей и продаже их в порядке указов 1905 г.; 2-е – по общему управлению казёнными оброчными статьями и продаже их в порядке закона от 19 января 1904 г.; 3-е – по поземельному устройству бывших государственных крестьян Европейской России и государственных поселян Кавказского края; 4-е – по поземельному устройству горнозаводского населения на Урале и по переселенческому делу в Европейской России; 5а – по управлению казёнными оброчными статьями Западного края и Царства Польского, имениями майоратными, подуховными, ленными, поиезуитскими и инструкционными; 5б – по поземельному устройству коренных народов и поселян Ставропольской губернии, Северного Кавказа и Туркестана; 6-е – по поземельному устройству поселян Прибалтийских губерний и по управлению казёнными имениями в Западных губерниях. К 1911 г. произошло перераспределение полномочий между отделениями. Департамент по-прежнему включал семь отделений: общее оброчное; 1-е оброчное; 2-е оброчное; 3-е – по поземельному устройству бывших государственных крестьян Европейской России и государственных поселян Кавказского края; 4-е – уральское поземельно-устроительное и переселенческое; 5-е – дела по имениям, управляемым по особым о них положениям; 6-е – прибалтийское. В 1912 г. 2-е оброчное было заменено на отделение по отводу и отчуждению казённых земель, а 5-е и 6-е отделения поменялись порядковыми номерами. Название 5-го расширилось до прибалтийского поземельно-устроительного. В 1913 г. 4-е отделение было переименовано в окраинное, а 6-е – в майоратное. К 1916 г. в департамент входило пять отделений: казенно-оброчное, землеотводное, поземельно-устроительное и кавказское, окраинное, майоратное и по Бесарабским имениям [3, с. 85 – 86].

Управление Комитетом по землеустроительным делам возлагалось на директора департамента государственных земельных имуществ. С 1907 г. делопроизводство комитета, входило в расходы департамента и, фактически составляло смету финансирования землеустройства. Главной рабочей силой комитета стала канцелярия, состоявшая из чиновников особых поручений ГУЗиЗ, вольнонаемных служащих и переписчиков. Вскоре по числу сотрудников и полномочиям канцелярия заменила собой комитет и фактически превратилась в департамент по землеустройству. Так, если в 1907 г. канцелярия состояла из одного отдела в составе 15 служащих, то в 1913 г. уже из одиннадцати отделов численностью 108 сотрудников. Т.е. со временем состав канцелярии более чем в два раза превысил численность департамента. В 1914 г. канцелярию составляли: юридическое делопроизводство, организационное, ссудное, по огнестойкому строительству, по агрономической помощи, ревизионное, по продаже казенной земли, статистическое, инспекторское, сметная часть и стол печати. [5, с. 148 – 152].

Комитет определял сроки выборов и методику работы губернских и уездных землеустроительных комиссий. С 26 апреля 1906 г. в губерниях вводились должности заведующих землеустройством. С 14 октября 1908 г. на губернские чертежные под руководством землемеров возлагалось руководство землеустроительными комиссиями и технадзор за проводимыми работами. В 1908 г. появились планы землеустройства, а в 1909 г. были введены землемерные ревизоры. Особое внимание комитет уделял кадровому вопросу, поощрению сотрудников и информированию общества о итогах землеустройства. Так, в 1906 г. численность землеустроительных комиссий составляла 200 человек, а в 1908 г. достигла 1300 человек. С 26 апреля 1909 г. курс обучения в землемерных училищах увеличился с 3 до 4 лет. К 1914 г. было создано 11 новых училищ т.е. их число увеличилось в три раза. Началась реформа

Константиновского межевого института. В 1912 г. был учрежден знак отличия за труды по землеустройству. С 1913 г. начали издаваться ежемесячные «Известия канцелярии комитета по землеустройству» [5, с. 153 – 157].

В годы аграрной реформы землеустройство охватило огромные территории, с миллионами сельских жителей. Землеустроительные работы включали: предоставление земли выходцам из общины, отвод хуторских и отрубных наделов, выделение участков (по возможности в одном месте) внутри общины, раздел общин на более мелкие, устранение чересполосицы в общинных домохозяйствах. Благодаря землеустройству многие крестьяне смогли наладить правильное хозяйство в Европейской России или переселится в Азиатскую Россию. В итоге, более 3 млн домохозяев подали заявление о выходе из общин, а более 6 млн – о проведении землеустройства. В течение 1906 – 1914 гг. за Урал уехало 3 млн 772 тыс. человек, из которых 2 млн 745 тыс. осталось на новом месте [20, с. 157, 252]. Для закрепления переселенцев в Сибири проводилась большая работа важнейшей частью которой также стало землеустройство. Например, только в Енисейской губернии к 1 января 1916 г. внутринадельное размежевание было завершено в 3 старожильческих и 115 переселенческих поселках [19, с. 374].

После преобразования 26 сентября 1915 г. ГУЗиЗ в Министерство земледелия и последовавшей вскоре отставки А. В. Кривошеина [23, с. 331] П. П. Зубовский оставался директором департамента вплоть до революции [3, с. 86]. Как частное лицо он поддерживал дружеские отношения со своим бывшим начальником. Так, в письме от 26 декабря 1915 г. П. П. Зубовский поздравлял А. В. Кривошеина с Новым годом и сетовал на проблемы, возникшие в ведомстве из-за его отставки. П. П. Зубовский сообщал, что в его дела никто не вмешивается и он занят преобразованием оброчного управления и устранением недостатков в землеустройстве [9, с. 51].

Министр земледелия А. Н. Наумов называл П. П. Зубовского «знатоком и главным руководителем всей землеустроительной деятельности в России». Вспоминая П. П. Зубовского, министр отмечал его, необыкновенную работоспособность, исполнительность и всестороннюю осведомлённость. П. П. Зубовский был человеком служебного долга и дела, а его департамент работал дружно и образцово. А. Н. Наумов любил доклады П. П. Зубовского за их обстоятельность, взвешенность и обдуманность. Говорил П. П.Зубовский тихим голосом, всегда спокойно, немногоречиво, но складно и вразумительно [11, с. 377]. За время Первой мировой войны П. П. Зубовский успел поработать под руководством четырех министров земледелия. Последним министром 12 января 1917 г. стал А. А. Риттих ранее по должности заместителя главы ведомства курировавший землеустройство [23, с. 571 – 572]. Возглавив министерство А. А. Риттих, сделал П. П. Зубовского товарищем министра, но революция прервала его карьеру. В суматохе гражданской войны след П. П. Зубовского затерял, лишь известно, что в 1920 г. он участвовал в подготовке аграрной реформы генерала П. Н. Врангеля [22, с. 346].

Будучи незнатного происхождения П. П. Зубовский, сделал блестящую карьеру. Во время столыпинской аграрной реформы он возглавлял одно из основных направлений преобразования – землеустройство. П. П. Зубовский выполнил возложенную на него задачу полностью и его заслуги были высоко оценены. Но, революция оборвала его карьеру и закончил свой жизненный путь Петр Павлович Зубовский в неизвестности.

Список литературы

1. Биографический словарь. Высшие чины Российской Империи (22.10.1721 – 2.03.1917). Т. I. А-З. / Сост. Е. Л. Потемкин. М.: Б.и., 2017. 622 с.
2. Воронов И. И. Министерство земледелия Российской империи 1837 – 1917 гг.: диссертация … доктора исторических наук: 07.00.02. СПб., 1916. 462 с.

3. Высшие и центральные государственные учреждения России 1801 – 1917. Т. 3 / Отв. составитель Д. И. Раскин. СПб.: Наука, 2001. 228 с.
4. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 810 с.
5. Емельянова Т. В. Главное управление землеустройства и земледелия в России в 1905 – 1914 гг.: диссертация … кандидата исторических наук: 07.00.02. СПб, 1999. 233 с.
6. Иванов А. Е. Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М.: Изд-во ИИАН, 1991. 392 с.
7. Комитет по землеустроительным делам. Краткий очерк за десятилетие, 1906 – 1916. Пг.: Т-во Р. Годике и А. Вильборг, 1916. 62, VII, [10] с.
8. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861 – 1904. М.: Наука, 1979. 304 с.
9. Куликов С. В. Благотворительность и политика: новые источники по истории отношений земского и городского союзов с царским правительством в 1915 – 1916 гг. // Благотворительность в истории России: новые документы и исследования / Отв. ред. Л. А. Булгакова. СПб.: Нестор-История, 2008. 434 с.
10. Министерство земледелия. Список личного состава Исправленный по 21 июля 1916 г. Пг.: Типография Сельский вестник, 1916. 290 с.
11. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний (1868 – 1917): в 2 кн. Кн. 2. Нью-Йорк: Изд-во А. К. Наумовой, О. А. Кусевицкой, 1955. 584 с.
12. П. А. Столыпин глазами современников / Под ред. П. А. Пожигайло. М.: Российская политическая энциклопедия. 2008. 367 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 26. Ч. 1. СПб.: Типография II отделения СИВК, 1909. 1141 с.
14. Санкт-петербургская духовная академия русской православной церкви. https://spbda.ru/about/graduates/vypuskniki-sankt-peterburgskoj-duhovnoj-akademii/1887 (дата обращения 9.06.2023).
15. Список чиновникам Министерства внутренних дел 1901 г. Исправленный по 1 мая. Ч. 1. СПБ.: Типография МВД, 1901. 288, IX с.
16. Список чиновникам Министерства внутренних дел 1907 г. Ч. 1: Исправлен по 1 мая 1907 г.: (центральные учреждения). СПБ.: Типография МВД, 1907. 316, IX с.
17. Список чиновникам Министерства внутренних дел 1905 г. Исправленный по 1 июня. Ч. 1. СПБ.: Типография МВД, 1905. 310, IX с.
18. Список чиновникам Министерства внутренних дел 1904 г. Исправленный по 15 июня. Ч. 1. СПБ.: Типография МВД, 1904. 309, [1], IX с.
19. Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма. Красноярск: Изд-во Красноярск. пед. ин-та, 1962. 565 с.
20. Тюкавкин В. Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 304 с.
21. Федоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700 – 1917. М.: «Русская панорама», 2003. 480 с.
22. Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России XVIII – начало XX в. СПб.: «Искусство СПБ», 2001. 479 с.
23. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1801 – 1917: Биобиблиографический справочник. СПб.: Д. Буланин, 2001. 830 с.

УДК 631.421.2(09) (571.1/5)

Исторические аспекты агрохимического опытничества в земледелии Сибири

Гамзиков Геннадий Павлович
доктор биологических наук, профессор, академик РАН
Новосибирский Государственный аграрный университет
Новосибирск, Россия
gamolgen@rambler.ru

АННОТАЦИЯ При освоении земельного фонда Сибири у казаков и крестьян, переселенцев из европейской части России, возникали проблемы поиска подходящих участков для получения урожая полевых культур. Поскольку у коренного сибирского населения были весьма скромные наработки ведения полеводства, то переселенцам приходилось, используя навыки европейских крестьян, путём проб и ошибок формировать новые приёмы к ведению сибирского полеводства. Рассмотрены разные прогностические подходы крестьянства к оценке почвенного покрова земельных участков и первые поиски агрохимических приёмов повышения урожайности полевых культур.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Освоение земли, технологии, плодородие, крестьянский опыт, опытный хутор, удобрения.

На обширной территории Сибири дорусское земледелие было очаговым и чаще весьма примитивным [8]. Земледелием занимались оседлые племена и народности в основном в южной части региона на равнинных территориях [4, 6]. Дорусское земледелие на территории Сибири к периоду её вхождения в состав Российского государства (XVII в.) было очаговым и встречалось лишь на нескольких территориях. Мотыжное земледелие сохранилось у тобольских татар на территории нынешней Тюменской области и в Северного Казахстана [4]. Хроники сообщали, что «хан Кучум, а затем Ермак с казаками собирали с оседлых татар дань ячменём, овсом и полбой» [8]. Тюркские племена, обитающие вблизи Красноярска, сеяли ячмень и дикую гречиху (кырлык). Буряты и монголы, проживающие у Байкала, использовали мотыгу-копалку для посева ячменя, проса и гречихи [1].

С приходом казаков, а затем заселения Сибири переселенцами из европейской части Российского государства шло постепенное распространение «рассейских» земледельческих основ. Устойчивое полеводство, начало планомерно зарождаться с царского указа 1590 г., по которому было переселено 30 крестьянских семей из Соль-Вычегодска за Урал [4]. При переселении по царскому указу воеводе было предписано «обеспечить каждого хозяина кроме скота, сохой со всем прикладом для пашни, телегой, санями и всякой житейской рухлядью для хлебопашества». Между тем, казацкие пробные запашки земель вокруг первой сибирской столицы Тюмени были начаты значительно раньше [1].

С освоением темпов новых территорий активизировалась распашка земель под пашню для получения, в основном, зерна ржи и пшеницы, необходимых для пропитания казаков и пришлых людей, а также овса для лошадей [4, 8]. Позже, в XVII в. кроме самого крупного Верхотурско-Тобольского земледельческого района (пашни около 80 тыс. десятин), сформировался Томско-Кузнецкий пашенный район (территория нынешних Томской, Новосибирской и Кемеровской областей). К концу столетия здесь уже было около 4300 десятин пашни. Енисейско-Илимский район (ныне Красноярский край) снабжал хлебом также Иркутский, Якутский остроги и поселения вновь осваиваемых территорий.

Подбор земель для пашни в сибирских условиях начинался с формирования первых острогов (Обдорск, Берёзов, Сургут и др.), но, как правило, неудачно, так как вокруг преобладали малоплодородные дерново-подзолистые и подзолисто-болотные почвы. Суровый климат и короткий вегетационный период мало способствовал выращиванию полевых культур. Поэтому колонизация региона активно продвигалась к южным территориям с более благоприятными климатическими условиями и распространением более плодородных серых лесных, чернозёмные и лугово-чернозёмных почв. Остро возрастающая потребность в продовольствии заставляла власти и крестьян вести активные поиски удобных пашенных участков. Удачные посевы «для опыту» способствовали активному увеличению расширению пашни при распашке равнинных надпойменных террас, межлесных полян и участков после раскорчёвки вырубленного леса. Результаты урожайных лет ускоряли освоение новых территорий. Царские наказы воеводам одобряли активное ведение земледелия на прирастающих землях: «а выпашные худые земли сибирские пашенные люди мечут,* а займуют** под пашни себе новые земли, где кто обыщет»*** [8].

Активное использования пашни в течение несколько лет, особенно на дерново-подзолистых и светло серых лесных почвах, приводило, как правило, к снижению сбора урожая. Переселённые крестьяне на таких землях по-своему рассейскому опыту успешно пытались применять навоз. Вскоре этот положительный опыт стали применять также на государевой и монастырской пашне под контролем местных властей. Например, Тобольский воевода Хилков в 1659 г. приказал «для опыту» унавозить по десятине пашни. Этот опыт оказался положительным и уже в последующие годы он распорядился унаваживать в каждой слободе по пять десятин [4]. Позже Иркутский воевода М. Шишкин предписывал: «…а которые земли десятинные пашни выпахали, хотя в Сибири необычно, однакож изнавозить и приложить всякой промысел по умножению всякого хлеба» [8]. Следовательно, уже в те дальние годы на выпаханных почвах для стабильного получения урожая применялся в паровом поле навоз. Следует полагать, что первоочередная потребность в навозе возникала на дерново-подзолистых, светло-серых лесных и песчаных почвах. Применение же навоза на свежеосвоенных чернозёмах, лугово-чернозёмных и тёмно-серых лесных почвах, как правило, было редко положительным, поскольку избыточное накопление нитратного азота при паровании, как теперь нам известно [3], приводило к активному нарастанию зелёной биомассы растений и затяжке вегетации, а, следовательно, попаданию под заморозки. В этой связи и возникло бытовавшее мнение среди сибирских крестьян: «сибирская земля назёму (т.е. навоза) не примает» **** [1]. [*- оставят; **- поищут; ***-найдут; **** -не принимает.].

Опытное дело в сибирском земледелии у русских служивых и первых переселенцев, как отмечает В. И. Шунков [8], было широко распространено. Он пишет: «Выявленная на глаз пригодность территории для земледелия затем проверялась либо дополнительным сбором сведений, а чаще пробными посевами». Полученный урожай служил результирущим фактором развития земледелия на этой территории. Так, например, там же «в опытах хлебного роду», проводимых по приказу Нерчинского воеводы Фёдора Воейкова, «с посева пуда семян народилось пшеницы 13 пудов, овса – 7 пудов, ячменя – 12 пудов». Такие предварительные посевы зерновых, гречихи, гороха и конопли на небольших делянах практиковались часто, что позволяло безошибочно выбирать плодородные участки для посевов на вновь осваиваемых землях.

Система управления плодородием почв, а, соответственно, питанием полевых культур, своеобразно формировалась в процессе развития сибирского земледелия. При первоначальном освоении земель Верхотурско -Тобольского района при освоении земли под пашню использовались наиболее удобные для распашки, но не всегда пригодные по плодородию дерново-подзолистые и серые лесные почвы. Система

ведения земледелия на новых землях была практически такой же, как в европейской части страны, где раньше жили пришлые в Сибирь крестьяне. Поскольку эти земли быстро выпахивались и снижали урожай, то приходилось через 5 – 6 лет пользования осваивать новые участки, а старые переводить в перелог. При чередовании посева по годам преимущество отдавалось чаще двухполке: пар – посев ржи, реже трёхполке – добавлялась третья культура: ячмень или овёс.

С освоением более южных территорий - срединной и восточной Сибири, где преобладали более плодородные тёмно-серые, чернозёмные и лугово-чернозёмные почвы: в земледелие вводилась паровая система. Хорошо гумусированные почвы подвержены меньшему выпахиванию и реже переводятся в залежь или в перелог. Паровая система широко распространилась во всех почвенно-климатических зонах и служила гарантией получения стабильного урожая зерновых культур (в основном яровой пшеницы) в засушливые годы в южной лесостепи и степи. Сибирские крестьяне, приобретая земледельческий опыт из поколения в поколение интуитивно знали, что хорошая подготовка парового поля (своевременная вспашка, поверхностная обработка, борьба с сорняками) позволит запасти влагу и пищу для растений, избавиться от сорной растительности. Крестьяне замечали, что если на старопахотных землях внести и запахать в пару навоз, то, как правило, повышение урожайности будет точно обеспечено на последующих культурах. В этой связи многие хозяева стали переходить и на более длительные (4 – 5-польные) севообороты.

Таким образом, стихийное вначале, а затем регулируемое властями заселение русским крестьянством новых земель в течение трёх веков позволило сформировать самобытное сибирское земледелие. Земледельческий крестьянский опыт, передаваемый из поколения в поколение, формировал самобытную и для каждой территории приспособленную агротехническую систему, аккумулирующую и учитывающую уровни плодородия почв, подбор видового, а позже и сортового состава полевых культур и нормирование применения навоза, а позже и минеральных удобрений. Продвигаясь вглубь сибирской территории новые партии крестьян, используя опыт первопроходцев продолжали осваивать новые земли, расширяя отраслевую направленность территорий.

В связи с расширением видового состава растений на сибирской пашне, освоением новых технологических приёмов и способов земледелия и попыток интенсификации земледелия и животноводства возникла острая необходимость опытной работы в регионе. В 1828 г. в Сибири появилось первое научное сельскохозяйственное учреждение: Омский опытный хутор, созданный в Омске при Сибирском военном казачьем корпусе по инициативе генерала И.А. Вельяминова [2]. Хутор создавался и работал под научным руководством профессора Московского университета М. Г. Павлова. Первыми опытниками и одновременно учителями созданного при хуторе сельскохозяйственного училища были дети казаков Осип Обухов и Пётр Щербаков, выпускники Московской земледельческой школы при МГУ.

Для хутора было выделено 20 десятин пашни, в том числе две десятины из них - для «разных опытов». Уставом учреждения определялось: «целью, с какою предпринято учреждение опытного войскового хутора, есть: содействие распространению благодетельных начал земледелия в поселениях Сибирского линейного казачьего войска» [2]. Далее были поставлены исследовательские задачи: «…на опытном поле будут проверяемы все возможные случаи, могущие встретиться в теории земледелия, и где, кроме сего, будут также совершаться и различные посевы для узнания свойств семян, требуемой для них почвы, грунта земли и, наконец периода произрастания, дабы после сего безошибочно можно было разводить (буде сие потребуется) испытанных семян растения и в большем виде по той или другой системе хозяйства и при том или ином клину». Перед хутором были определены также задачи

по «усовершенствованию земледелия в поселениях» и обучение специалистов по различным сельским профессиям.

На хуторе изучали овоще-зерновой 6-польный севооборот и два полевых: паровой 3-польный и плодопеременный 6-польный. Во всех севооборотах вносился конский или овечий навоз из расчёта 30-40 т/га. В ежегодных отчётах руководителей О. Обухова и П. Щербакова по научной и хозяйственной деятельности, которые публиковались ежегодно в «Земледельческом журнале, издаваемом Московским обществом сельского хозяйства [5], где приводились результаты по эффективности возделывания культур, введённых севооборотов и агротехнических приёмов, а также сравнительного испытания новых культур и сортов.

Впервые учениками профессора М. Г. Павлова была проведена оценка плодородия сибирских почв по методу А. Д. Тэера: по содержанию органического вещества в почве [7]. Рассчитав динамику изменения гумуса в каждом поле за 6 лет в паровом и плодосменном севооборотах, они впервые попытались дать количественную оценку уровня продуктивности полевых культур в зависимости от плодородия почв. Несомненно, что эти исследования О. Осипова и П. Щербакова оказались одними из первых попыток агрохимической количественной оценки почвенного плодородия в Сибири.

На полях хутора получены также многолетние результаты по применению навоза в севооборотах, дана оценка его влияния на урожай в действии и последействии и показана его экономическая эффективность. Изучение новых культур и сортов, технологических приёмов в растениеводстве и животноводстве, а также, учебная работа Омского опытного хутора продолжалась двадцать лет и оказала большое положительное влияние на земледелие и животноводство не только Западной Сибири, но и на всё крестьянское сельское производство сибирского региона.

Заключение

Освоение сибирского земледелия российским крестьянством на протяжении трёх веков служит исторической моделью становления сельскохозяйственного производства. Своеобразные почвенные и климатические условия требовали от крестьян и их руководителей преодолевая природные и социальные трудности, выживать и, одновременно находить пути рационального использования земли, климатических факторов и человеческого бытия. Сибирскому крестьянству удалось успешно с этим справиться. В первый период освоения и становления сибирского земледелия огромную роль сыграли традиции, существовавшие в русском земледелии на европейской части России, которые трансформируясь, позволяли вводить новую землю в пашню и получать урожаи зерна. Только упорство, трудолюбие. смекалка и настырность, умноженная на свободу русского человека (после крепостной бесправности), позволили выжить и достигнуть огромных успехов.

Основным средством выживания у сибирского крестьянина была земля, которая его кормила, которую он научился обрабатывать, засевать и получать урожай полевых культур. Крестьянин научился использовать, сохранять и ценить главное богатство – землю, научился приумножать её достоинство – плодородие. Научный поиск, благодаря агрохимической науке позволил найти пути поддержания и сохранения её плодородия. Широкая проверка эффективности удобрений, начатая около столетия тому назад, позволила проверить и поверить в их эффективность, создать базу для их производства и научиться регулировать агрохимические свойства почв, а, следовательно, получать хорошие урожаи полевых культур в Сибири.

Поиск правильных жизненных направлений и упорство позволяют и нынешним поколениям сибирских крестьян формировать, используя все достижения

сельскохозяйственной науки, создать крепкий костяк сибирского земледельческого сообщества.

Список литературы

1. Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков:1889. 165с
2. Вараксин А. В., Катин-Ярцев Л. В. Омский опытной хутор – начало сибирской сельскохозяйственной науки. Омск: Омское книжное издание. 1986. 88 с.
3. Гамзиков Г. П. Азот в Западной Сибири. М. Наука. 1981. 268 с.
4. Гешеле Э. Э. Очерки развития сибирского земледелия. Омск: Обл. кн. изд-во. 1957. 108 с.
5. Земледельческий журнал Московского общества сельского хозяйства. 1831 – 1839 гг.
6. Зенченко С. И., Зенченко В. И. Развитие земледелия от мотыжного до почвозащитного. М. изд-во «Транзит-Икс». 2005.136 с.
7. Тэера А. Метод определения плодородия. Земледельческий журнал, № XXII.1828 г.
8. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век. М: Изд-во АН СССР. 1956. 432 с.

УДК 93/94

Столыпинские переселенцы Енисейской губернии: как проводилась переселенческая политика на примере Бельской волости

Деньгина Ольга Владимировна
магистрант
Томский государственный университет
Красноярск, Россия
dengolga@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0007-5747-525X

АННОТАЦИЯ В процессе освоения Сибири происходили изменения в полиэтнической структуре сибирского общества. Эти процессы заметно активизировались в ходе проведения реформы П. А. Столыпина. В докладе рассматриваются основные аспекты переселенческой политики российского правительства в период аграрной реформы П. А. Столыпина на примере Бельской волости Енисейского уезда Енисейской губернии. В качестве источников используются справочные, статистические материалы, фотодокументы, источники личного происхождения. Рассматривается реализация переселенческой политики П. А. Столыпина в отдельно взятом районе- Бельской волости, где происходило заселение в основном свободных земель, образовывались переселенческие, хуторские и запасные участки, сельские общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Переселенцы, Столыпин, земельный вопрос, Енисейская губерния

В современном мире очень часто местное население высказывает недовольство поведением приезжих, являющихся носителями другой культуры, традиций, обычаев. По вопросу миграции сегодня в мире существуют две противоположные точки зрения: первая- чем больше мигрантов, тем эффективнее происходит экономическое развитие государства; вторая- необходимо ограничивать миграционные потоки для сохранения национальных государств. Изучение адаптационных практик внутренних мигрантов прошлого столетия в таежные районы Сибири вызывает интерес и в современное время в контексте взаимодействие людей разнообразных культур по поводу относительно общественных ценностей, отношений представителей разных культур к другим людям. Опыт проведения реформы может быть полезен сегодня для создания направлений и инструментов государственного регулирования в условиях экономических и политических кризисов, роста числа мигрантов в Россию.

Как проводилась переселенческая политика российского правительства более ста лет назад? Российская история насыщена примерами установления дружеских и соседских отношений между представителями разных национальностей. Так, большинство переселений в Сибирь на рубеже XIX – XX вв. касались русских и украинцев, которые покидали славянские районы в Европейской России и переселялись в восточные территории азиатской части страны, населенные коренными народами. [25, с.213].

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала заселения Бельской волости столыпинскими переселенцами с 1908 году до прекращения реформы постановлением Временного правительства 28 июня 1917 года. [20, с. 2].

Аграрная реформа П. А. Столыпина, начавшаяся в 1906 году, включала переселенческую политику. Целью переселенческой политики Столыпина являлось заселение свободных земель за Уралом людьми, готовыми в новых для них условиях осваивать целинные земли и желающими создать самостоятельные крестьянские хозяйства.

В начале XX века правительство П. А. Столыпина искало выход из сельскохозяйственного кризиса в европейской части Российской империи в силу экстенсивного характера его развития, падения урожайности зерновых культур и доходов государства, демографического прироста крестьянского населения и сокращения их земельных участков, роста численности сторонников передела помещичьих земель, малоземелья крестьян на фоне революции 1905 года. [19].

Наличие больших и неосвоенных пространств на востоке страны позволило правительству перенаправить интересы значительной части населения, предложив программу переселений на неосвоенные земли с поддержкой переселенцев на всех этапах.

В 1902 – 1905 гг. новое сельскохозяйственное законодательство на государственном уровне разрабатывали С. Ю. Витте, Вл. И. Гурко, И. Л. Горемыкин, П. А. Столыпин, А. В. Кривошеин, П. П. Мигулин, Н. Н. Кутлер и А. А. Кауфман, а инициатива реформ исходила от царя Николая II. [23, с. 6].

Правительством были законодательно закреплены правила реализации переселенческой политики: Закон от 6 июня 1904 г. упростил порядок выдачи разрешений на переселения и отменил их юридическое запрещение, разрешил продажу земли на родине, предусмотрел льготы в виде ссуд и продолжительных сроков освобождения от казенных повинностей на месте водворения; Положение от 10 марта 1906 г. о прядке применения Закона 6 июня 1904 г. одобряло переселения из всех губерний России, а не только из южных; Указ «О дополнениях некоторых положений закона, которые касаются сельского землепользования и землеустройства» 9 ноября 1906 г. установил возможность выхода крестьян из общины с закреплением в личную собственность надельной земли; Закон о ссудной помощи от 5 июля 1912 г. разделял ссуды на путевые, на хозяйственное обустройство, общественно-полезные надобности; Циркуляр Главного управления землеустройства и земледелия закреплял возможность образования единоличного участка для ведения земледельческого хозяйства; Правилами о порядке отвода хуторов и отрубов в сибирских губерниях 1911 г. было установлено, что в Сибири земли не переходили в частное владение крестьян, а передавались во владение при сохранении права собственности на землю за государством. [22, с. 301 – 302].

Руководили проведением аграрной реформы премьер-министр Российской империи П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин – главноуправляющий землеустройством и земледелием. Начало миграции «законных переселенцев», т. е. поддерживающихся государством, в Енисейскую губернию был установлен в период с 10 марта по 25 марта 1908 г. [21, с. 310].

В Енисейской губернии было создано Главное управление землеустройства и земледелия, которому подчинялись Управление гос. имуществом, поземельно-устроительный отряд, Переселенческое управление, сельскохозяйственные склады. Главное управление землеустройства и земледелия возглавил Ю. В. Григорьев. На территории Енисейской губернии был образован переселенческий район, 14 переселенческих подрайонов. [22, с.315].

Переселенческое управление собирало сведения о желающих приехать на постоянное место жительства, рассылало инструкции. Желающие переселиться направляли своего ходока на место поселения, чтобы он оценил, выбрал участок. Ходокам выдавался посемейно- имущественный список о переселении в Енисейскую губернию. Переселенцы получали свидетельство расселенческого тарифа на железнодорожный проезд по льготным тарифам до Енисейской губернии. Переселенческие поезда сопровождали санитарные вагоны, готовилась пища. Был созданы 58 переселенческих пунктов- специальные оборудованные места для обслуживания переселенцев по пути их следования (врачебные и фельдшерские).

Ежегодно Переселенческое управление издавало списки по уездам с указанием свободных переселенческих участков, их краткое описание и о том, как проехать на участок и к какому переселенческому чиновнику обращаться. [9, с. 47].

Для каждой губернии центра России было намечено определенное число земельных долей земли в определенных сибирских губерниях, т. е. не было свободы выбора места переселения. После поездки Столыпина П. А. в Сибирь в 1910 г. организованные переселения были признаны оказывающими неблагоприятное влияние на ход переселений, был восстановлен свободный выбор места переселения. Предусматривались льготы для переселения на неосвоенные, отдаленные районы: переселенцы освобождались от денежных и земельных повинностей на 5 лет. В уездах были открыты переселенческие отделы, имеющие склады для продажи сельскохозяйственных орудий и машин. Землеустроители готовили переселенческие, хуторские и запасные участки на свободных землях [22, с. 306].

В каждом уезде были назначены начальники крестьянских участков по уездам. [15, с. 10].

Енисейский уезд – одна самых холодных территорий Енисейской губернии с преобладанием леса, тайги, заболоченными низинами бассейнов многочисленных рек. Бельская волость Енисейского уезда долгое время не рассматривалась для переселений. Внимание к этой местности было обращено в 1908 году после исчерпания земельного фонда в более климатически благоприятных уездах губернии. [22, с. 389].

Старожильческое население Енисейского уезда сформировалось в XVII- начале XVIII веков из переселенцев- государственных крестьян Северного и Центрального Поморья, ссыльных польских, украинский, литовских, белорусских дворян, также служилых людей. К началу XX века русские были самой многочисленной этнической группой в Енисейской губернии. [3, с. 142].

К началу реализации реформы Столыпина П. А. в указанной волости существовали около восемнадцати старожильческих поселений. В Бельской волости в период с 1863 г. по 1915 г было 16 деревень и сел, 1 выселок. Самыми крупные села- Пировское и Бельское, деревни- Троицкая и Малокетская, Шадрина. [15, с.18 – 19; 23, с. 82 – 88].

Переселенцы направлялись на свои участки и старались селится рядом со своими родственниками, чтобы была помощь, создавали сельские общества, объединяющие не менее 10 хозяйств – свой орган местного самоуправления

В 1908 – 1 910 гг. переселенческие участки разрабатывались в основном под общинное землепользование, хуторские участки нарезались в количестве 1 – 2, запасных – от 1 до 8. Всего за период 1908 – 1910 гг. в Бельской области возникло 109 участков для переселенцев. [1].

В первые годы переселенцы жили в вырытых землянках пока строили себе дома.

Сибирский климат с продолжительной зимой и коротким летом оказывал воздействие на хозяйственную деятельность населения и требовал адаптации к местным условиям.

Под адаптацией понимается процесс взаимного приспособления между культурой переселенцев и окружающей средой. [2, с.10].

На процесс адаптации могут оказывать влияние следующие факторы: деятельность государства по расширению его границ, климатические особенности сибирских территорий (разнообразие природных зон Сибири, необходимость защиты от кровососущих насекомых, большая разность температур), большие пространства неосвоенных земель, многонациональность переселенцев. Процесс адаптации включал в себя преобразование сибирской природы, формирование условий выживания (жилище, одежда, пища), хозяйственное и психологическое

приспособление человека и формирования нового сознания у старожилов. За 5-10 лет проживания на сибирской земле переселенцы заводили свое хозяйство, обрабатывая необходимое им количество земли. [2, с.13 – 24].

На территорию Енисейского уезда прибывали переселенцы разных национальностей, татары из поволжско-уральских губерний России, мордва и удмурты, чуваши. [24, с. 9 – 11].

Так, деревня «Усковское» была образована на переселенческом участке «Усковск» в Бельской волости, который был сформирован в 1909 году с «количеством удобной земли 2711 десятин на 185 душ мужского пола». В 1910-1912 годах сюда прибыли переселенцы из Казанской губернии – 14 семей, 73 человека. В 1914 году к ним присоединись семьи переселенцев из Пензенской, Тамбовской, Саратовской и Симбирской губерний. Девять переселенческих семей, прибывших в 1914 году их села Старый Усад в Пензенской губернии, по национальности были мордва. Все семьи состояли не менее чем из пяти человек. К 1914 году в деревне проживало «27 семей, в числе 86 душ мужского пола и 57 душ женского пола». Деревня разделялась оврагом - на одной стороне жили татары, на другой мордва. [24, с. 254].

Еще один пример, в 1911 году сорок шесть семей переселенцев (119 душ мужского пола) - православных татар прибыли в Енисейский уезд из Казанской губернии Мамадышского уезда Зюринской волости. Первоначально их поселение носило название «Величкино», но на общем сходе переселенцы приняли решение об обращении в вышестоящие органы о переименовании поселения в «Комаровское общество». К 1913 году в Комаровском поселении было115 душ мужского пола и 141 – женского пола. [24, с. 202].

Расселение переселенцев происходило в обособленные поселки или на отдельных улицах. Переселенцы разводили огороды, держали домашнюю птицу, мелкий и крупный скот. Основными занятиями переселенцев – татар было земледелие и животноводство. На новом месте переселенцы воссоздавали религиозные школы и общины, строили мечети и молитвенные дома. [24, с.9, с. 16, с.19].

Татары-переселенцы основали поселения на переселенческих участках в Бельской волостях в период с 1909 года по 1918 год. Часто переселенцы-татары изменяли названия своих поселений. Например, переселенческий участок «Преображенский» был переименован по ходатайству жителей поселения в 1913 году в Шагари-Исламское сельское общество (поселение Шагирислам). [24, с. 181].

Вероятно, процесс сближения переселенцев с местными жителями происходил на бытовом уровне, на основе межэтнических браков, по вопросу использования более пригодных для сельского хозяйства земель.

На тот момент здесь проживали в основном русские, которые, по воспоминаниям, хорошо встретили переселенцев и первое время помогали им.

Переселенцы прибывали в сибирский регион для хозяйственного обустройства. На новом месте они увеличивали площади обрабатываемых земель и посевов в несколько раз, использовали свой опыт содержания скота и имели более состоятельные хозяйства, чем у них были на родине. [22, с. 426].

В неурожайные годы переселенцам помогали старожилы, так и государство через Переселенческое управление.

Конечно, основным вопросом в отношениях между местными жителями и переселенцами был вопрос об использовании более пригодных для сельского хозяйства земель, уже занятых старожилами.

Таким образом, переселенческая политика отвечала запросам большинства крестьянского населения Центральной России на землю. Затягивание реализации законов для решения проблемы аграрного перенаселения было вызвано ухудшением внешне- и внутриполитической обстановки в России.

Законодательное закрепление правил реализации переселенческой политики правительством Столыпина П. А. способствовало учету интересов сторон-участников процесса переселения. Часть расходов крестьян-переселенцев правительство брало на себя, предоставляя льготные тарифы на железнодорожные перевозки, льготные ссуды на путевые, хозяйственные и общественно-полезные надобности, проведение землеустроительных работ, оказанию безвозмездной помощи нуждающимся переселенцам, освобождении их от повинностей. Возможности Транссибирской магистрали по перемещению людей и грузов способствовали проведению переселенческой политики в кратчайшие сроки.

Значительные государственные ресурсы направлялись на подготовку инфраструктуры удаленных территорий в суровых природно-климатические условиях таежных районов Енисейской губернии.

Наличие больших территорий целинных земель в восточной части страны позволила правительству найти выход из кризиса перенаселения, агрокультурного и демографического кризиса Центральной России

В Бельской волости Енисейского уезда произошли изменения в национальном составе населения. Местное население составляли в основном русские. Большинство переселенцев-столыпинцев представляли татары из поволжско-уральских губерний России, мордва, удмурты, чуваши.

В Бельской волости происходило заселение относительно свободных земель, образовывались переселенческие, хуторские и запасные участки, сельские общества. Переселенцы, осваиваясь на новых землях, опираясь на традиции своей родины в обработке земли, строительстве поселков, а также осваивали культуру местного населения. В ходе реформы строились новые дороги, школы, культовые сооружения, оказывалась государственная помощь в неурожайные годы. Переселенцы адаптировались к местному климату и ведению хозяйства в зоне рискованного земледелия

Крестьяне Бельской волости использовали многообразные формы хозяйственной деятельности-земледелие, животноводство, пчеловодство, промыслы, ремесла, охота, рыболовство. Потомки переселенцев – столыпинцев сегодня живут на территории Пировского района Красноярского края, считают ее своей родиной.

БЛАГОДАРНОСТИ

Научному руководителю, доктору исторических наук, профессору кафедры российской истории ТГУ Шерстовой Людмиле Ивановне за советы и поддержку в ходе написания доклада.

Список литературы

1. Алфавитный указатель переселенческих, хуторских и запасных участков в Енисейской губернии с 1893 по 1910 включительно» // Красноярск: Енисейская губернская типография, 1911. URL: https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=48e74aae0ab4745a5ee570a0a6e8f249&viewerType=GUNBKK
2. Андюсев Б. Е. Сибирское краеведение. Хозяйство, быт, традиции, культура старожилов Енисейской губернии XIX – начала XX вв.: учебное пособие для учащихся и студентов /Б. Е. Андюсев. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т. 3-е изд., испр. 2006. 336 с.
3. Баранцева Н. А. Переселение в Енисейскую губернию во второй половине XIX-начале XX века: этносоциальные и демографические аспекты/ Н. А. Баранцева // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 38. С. 33 – 40.
4. Беляев А. В. Реализация реформ П. А. Столыпина на примере архивных данных Красноярского края: историко-правовая оценка/ А. В. Беляев, С. В. Навальный // Аграрное и земельное право. 2020.№ 4. С. 84 - 86.

5. Бродников А. А. Енисейск и Енисейский уезд (очерки истории XVII века) / А. А. Бродников. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2019. 382 с.
6. Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII веке [Электронный ресурс]: отв. редактор А. Н Копылов, 2-е изд.] / Г. Ф. Быконя. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2013. Режим доступа: http://www.elibrary.ru, свободный.
7. Гринберг С. Н. Аграрная реформа конца XIX – начала XX века, ее значение для Енисейской губернии / С. Н. Гринберг// Имущественные отношения в Российской федерации. 2007. № 11. С. 81 – 87.
8. Гринберг С. Н. Землеустройство в Енисейской губернии (1822 – февраль 1917 г.): автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 07.00.02 / С. Н. Гринберг; Сибирский государственный технологический университет. - Иркутск, 2008. 36 с.
9. Енисейская губерния: краткое описание Енисейской губернии для переселенцев и ходоков [Электронный ресурс] // Переселенческое управление, Енисейский район. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1914. Режим доступа: https://www.prlib.ru/item/680376.
10. Карчаева Т. Г. Енисейская губернская администрация: численность и состав (1822 – 1917 гг.): автореф. дис. на соискании ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02/ Т. Г. Карчаева. Иркутск, 2013. 24 с.
11. Красноярье: пять веков истории. Учебное пособие по краеведению. Часть 1. Красноярск: группа компаний «Платина», 2005. 240 с.
12. Любимова Г. В. Русские Сибири: проблемы экологической адаптации аграрных переселенцев конца XIX - начала XX века [Электронный ресурс] / Г. В. Любимова // Баландинские чтения. 2018. Т. 13. № 1. Новосибирск. Режим доступа: http://www.elibrary.ru.
13. Никулин П. Ф. Основные направления и итоги столыпинской аграрной реформы (1906-1916) //Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-napravleniya-i-itogi-stolypinskoy-agrarnoy-reformy-1906-1916-gg/viewer
14. Памятная книжка Енисейской губернии [Электронный ресурс]// Красноярск: Енисейск. губерн. стат. ком. 1863 – 1913 [составленная 1903 г.]. 1903. URL: https://istmat.org/node/5553826.
15. Памятная книжка Енисейской губернии [Электронный ресурс]// Красноярск: Енисейск. губерн. стат. ком. 1863 – 1913 [составленная на 1909 г.]. 1909. URL: https://istmat.org/node/5553826.
16. Памятная книжка Енисейской губернии [Электронный ресурс]// Красноярск: Енисейск. губерн. стат. ком. 1863 – 1913 [составленная на 1911 г.]. 1911. URL: https://istmat.org/node/5553826.
17. Памятная книжка Енисейской губернии [Электронный ресурс]// Красноярск: Енисейск. губерн. стат. ком. 1863 – 1913 [составленная на 1913 г.]. 1913. URL: https://istmat.org/node/5553826.
18. Памятная книжка Енисейской губернии [Электронный ресурс]// Красноярск: Енисейск. губерн. стат. ком. 1863 – 1913 [составленная на 1915 г.]. 1915. URL: https://istmat.org/node/5553826.
19. Проскурякова Н. А. Столыпинская реформа: выход из кризиса// Отечественные записки. 2004. № 1. URL:https://strana-oz.ru/2004/1/stolypinskaya-reforma-vyhod-iz-krizisa
20. 9Сафронов С. А. Столыпинская аграрная реформа в Енисейской губернии (1906 – 1917 гг.): Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук 07.00.02 / Иркут. гос. ун-т. Иркутск, 1996. 23 с.
21. Сафронов С. А. Перевозка переселенцев в период столыпинской аграрной реформы [Электронный ресурс] /С. А. Сафронов// Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2011. Режим доступа: http://www.elibrary.ru.
22. Степынин В. А. Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. Красноярск: Красноярский гос. педагогический ин-т, 1962. 562 с.
23. Список населенных пунктов Енисейской губернии. 1911. URL: https://www.calameo.com/read/00205596847e2d072ac64

24. Татары. 100 лет на берегах Енисея: земля, ставшая судьбой /под ред. В. И. Файзуллина, 2018. 448 с.
25. The 'Colonization Question': Visions of Colonization in Late Imperial Russia Author(s): Willard Sunderland Source: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 2000, Neue Folge, Bd. 48, H. 2 (2000), pp. 210 – 232.

УДК 930

К вопросу о региональных особенностях коллективизации и раскулачивании на территории районов современного Красноярского края в 1930 – 1934 гг.

Есин Роман Сергеевич
аспирант
Красноярский Государственный аграрный университет, кафедра истории и политологии
Красноярск, Россия
Silvarium@mail.ru

АННОТАЦИЯ Тема форсированного строительства коллективных хозяйств в СССР, несмотря на то, что изучается уже не одно десятилетие, по-прежнему не исследована до конца. Несмотря на то, что уже сформирована большая историографическая база, публикации продолжаются. В этом году уже опубликованы десятки статей об организации колхозов и проведения «политики ликвидации кулачества как класса». При этом актуальность исследования темы коллективизации сохраняется. На сегодняшний день актуальным является исследование региональных аспектов строительства коллективных хозяйств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Коллективизация, раскулачивание, спецпереселение, Красноярский край.

Тема сталинской коллективизации изучается уже многие годы, но особенности ее проведения в Ачинском, Красноярском, Канском и Минусинском округах изучена недостаточно. К региональным особенностям можно отнести: отношение крестьян к коллективизации, масштабы раскулачивания, масштабы выхода крестьян из колхозов, использование труда раскулаченных.

Если лишение «кулаков» и «подкулачников» избирательных прав в европейской части страны было одной из предпосылок раскулачивания, то как свидетельствуют документы, в Красноярском, Канском, Ачинском, Минусинском округах прямой зависимости между этими двумя способами наказания не существовало.

Анализ списка лишенных избирательных прав, приведенного в 13 томе «Книги памяти» (издана при содействии общества «Мемориал» признанного иноагентом) в Березовском районе Красноярского округа показывает, что в 1930 г. лишено избирательных прав и раскулачено 392 человека, а лишено из них избирательных прав до 1930 г. и раскулачено в 1930 г. только 42 человека [2, 18]. Подобное соотношение характерно для большинства вышеназванных округов. Но лишение избирательных прав в процессе раскулачивания было неизбежным на всей территории страны.

Мы считаем, что серьезные отличия имелись в планировании проведения кулацкой ссылки в каждом регионе. Если брать решения о проведении коллективизации и раскулачивания в хронологическом порядке, то нужно начать с поручения заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды руководящим работникам ОГПУ от 11 января 1930 г. о разработке планов отправки особо злостных кулаков в лагеря с высылкой семей, и кулаков, ведущих антисоветскую агитацию - на поселение. Для их ссылки с семьями нужно было определить районы Крайнего Севера, Сибири, малонаселенные места Казахстана [22, С. 103 – 104].

Уже 13 января 1930 г. были составлены планы высылки по 1,5 тыс. кулаков из Сальского, Донецкого и Майкопского округов, по 2,0 тыс. кулаков из Терского и Шахтинско-Донецкого округов, по из 3 тыс. кулаков из Донского, Кубанского и Армавирского округов [22, С. 106].

Но в Красноярском, Канском, Ачинском, Минусинском округах, расположенных на территории современного Красноярского края, подобных планов не разрабатывалось,

так как эти круга были назначены для размещения ссыльнопоселенцев из других регионов страны.

24 января 1930 г. Г. Г. Ягода в записке руководству ОГПУ писал, что руководители некоторых регионов страны, забегают вперед и раскулачивают слишком много крестьян [22, С. 137 – 138]. Однако в Сибири и, непосредственно, в Ачинском, Красноярском, Канском и Минусинском округах в тот период массовые раскулачивания еще не фиксировались и по документам не прослеживаются [22, С. 149, 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14,15, 16].

Кроме вышеописанных имелись и региональные особенности в отношении крестьян к коллективизации и раскулачиванию. В январе 1930 г., с началом раскулачивания, на всей территории страны усиливалось негативное отношение крестьян к коллективизации. Еще в декабре 1929 г. в «Сводке информационного отдела ОГПУ о ходе хлебозаготовок» отмечалось, что на Северном Кавказе имеет место рост случаев изъятия имущества у бедняцко-середняцких хозяйств, имеющих задолженности по единому сельскохозяйственному налогу и кредитам [22, С. 90].

В Центрально-Черноземной области уже в первых числах января 1930 г. фиксировалось применение угроз проведения арестов и изъятия имущества при проведении коллективизации, производились аресты крестьян, собиравших подписи за освобождение арестованных [22, С. 99 – 100].

Руководство Сибирского края в директиве 8 января 1930 г. сообщало, что на территории Уярского и ряда других районов имели место «кулацкая агитация» и выступления «подкулачников» [4, Л. 30 – 32].

Но использование описанных выше способов принуждения к вступлению в колхозы в январе 1930 г. на территории Ачинского, Красноярского, Канского и Минусинского округов, за редким исключением, не было зафиксировано [22, С. 105; 10; 11].

Ответная реакция крестьянства на «перегибы» здесь была не такой агрессивной как в других районах СССР.

Если в европейской части страны с конца 1929 г. стала фиксироваться такая форма протеста как уничтожение скота до вступления в колхозы, то в Сибири, судя по сводкам о процессе коллективизации, уничтожение скота началось только в начале 1930 г. [22, С. 87].

Это может объясняться тем, что Сибирь по срокам была отнесена ко второй зоне коллективизации, и интенсивность процессов коллективизации и раскулачивания здесь в начале 1930 г. была ниже.

В Сибири, судя по документам тех лет, после опубликования статьи И. В. Сталина «Головокружение от успехов» не наблюдалось массового выхода крестьян из колхозов, как это было в Средневолжском, Нижневолжском, Северокавказском краях, отнесенных к первой зоне коллективизации с ее завершением осенью 1930 г., либо весной 1931 г. [22, С. 131 – 134].

Особенностью «политики ликвидации кулачества как класса» на территории Ачинского, Красноярского, Канского и Минусинского округов в декабре 1929 – апреле 1930 гг. было то, что численность раскулаченных здесь была невысокой относительно западных и центральных районов СССР. Если за 1930 – 1931 гг. в Центрально-Черноземной области было сослано 26006 кулацких семей, то в Восточной Сибири, включавшей в себя территории Красноярского и Канского округов – 16068 семей [17]. Хотя при оценке этих статистических данных нужно учитывать разную плотность населения на квадратную версту в Центрально-Черноземной области и разных частях Сибири.

Также имелись региональные особенности по распределению ссыльных по регионам и срокам выселения. Если рассматривать географию первой очереди ссылки,

которая проводилась с 10 февраля по 1 марта 1930 г., то на Урал планировалось выслать 23 тыс. человек, в Сибирь 44 тыс. человек и в Северный край – 70 тыс. человек.

Из второй очереди высылки с 7 февраля 1930 г. на Урал было направлено 7 тыс. человек, в Казахстан – 12 тыс. человек, в Северный край - 18 тыс. человек. В Сибирь было направлено 10 тыс. человек из Закавказья и 15 тыс. человек из Московской области [22, С. 153 – 155].

Однако из всех сосланных в Сибирь, на территории Ачинского, Красноярского, Канского, Минусинского округов в марте 1930 г. находилось не более трети от всего количества спецпереселенцев. Восточная Сибирь вместе с вышеназванными округами по количеству ссыльных кулаков к этому времени находилась на пятом месте после Урала, Северного края, Казахстана и Западной Сибири [17, С. 118].

Также существовали региональные особенности размещения спецпереселенцев на территориях ссылки. Если в Северном крае с экстремальными природными условиями было размещено две трети всех спецпереселенцев из европейской части страны, то в северный Енисейский район Красноярского округа, в начале опереации по спецссылке, была направлена только третья часть спецпереселенцев, направленных в Красноярский, Канский и Ачинский округа [21, С. 210]. Еще не исследована точная статистика по количеству ссыльных на севере, но полагаем эта тенденция сохранилась до 1934 г.

Мы не нашли отличия в практике применения труда ссыльных на южных и северных территориях Приенисейского региона. В северном Енисейском районе их труд использовался на золотых приисках и лесоповале. В Хакасско-Минусинском регионе ссыльных направляли на лесоповал в Центральную гарь и на рудники треста «Минусазолото», где были созданы Саралинская и Таштыпская комендатуры [23, С. 137].

В период голода 1932 – 1933 гг. в европейской части страны по причине засухи и отсутствия продовольственной «подушки безопасности» у крестьян, умерло несколько миллионов человек [19, С. 350]. Но Сибирь, и территорию районов бывших Ачинского, Красноярского, Канского, Минусинского округов и районов голод затронул лишь частично. Мы не согласны с выводом историка В.С. Познанского о том, голод в Сибири берет начало в 1930 г. В изученном нами значительном массиве архивных документов [1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13] мы не нашли свидетельств, подтверждающих данный вывод [20].

Говоря о региональных особенностях отношения крестьянства к коллективизации в районах, расположенных на территории современного Красноярского края, нужно отметить, что на протяжении 1930 – 1934 гг., численность раскулаченных и ссыльных здесь была ниже, чем на Урале, Казахстане, Западной Сибири и западной части СССР.

Размещение ссыльных происходило иначе, чем в других регионах страны и основная масса ссыльных находилась в центральной и южной части территории современного Красноярского края. Применение труда ссыльных было менее интенсивным, чем в других регионах страны.

Перегибы на территории округов современного Красноярского края не были такими серьезными как в Европейской части РСФСР и Западной Сибири; сопротивление различных слоев крестьянства на территории округов современного Красноярского края было менее жестким и многочисленным в отличие от сопротивления в европейской части СССР и Западной Сибири. Оно не имело религиозной окраски, как в национальных республиках.

Заключение

В итоге можно заключить, что основными региональными особенностями проведения коллективизации и раскулачивания на территории районов современного Красноярского края были меньший масштаб ссылки, репрессий и сопротивления коллективизации, а также голода, относительно ряда других регионов. Кроме того, это особенности размещения ссыльных внутри территории районов современного Красноярского края.

Большая часть этих особенностей объясняется тем, что Сибирь относилась ко второй зоне коллективизации с более поздними сроками ее завершения. При больших территориях с низкой плотностью населения, органы власти и управления, имели меньше возможностей применения силовых методов воздействия на население. Сибирское крестьянство, которое постоянно пополнялось за счет переселенцев из европейской части страны, имело меньший уровень социальной и имущественной дифференциации. Затраты на перемещение раскулаченных в регион и их обустройство обходилось значительно дороже, чем отправка в Северный край, на Урал и другие более близкие к европейской части страны территории.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.П-55. Оп. 2. Д. 2
2. ГАКК. Ф.П - 55. Оп. 2 Д.17. Л. 124, 127; Ф.Р- 1991. Оп. 1. Д. 239 – 245.
3. ГАКК. Ф.П-55. Оп. 2. Д. 8
4. ГАКК. Ф.П-55. Оп. 2. Д. 15
5. ГАКК. Ф.П-55. Оп. 2. Д. 61
6. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 10
7. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 15
8. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 17
9. ГАКК.Ф.П -46. Оп. 1. Д. 18
10. ГАКК.Ф.П-10. Оп. 1. Д. 714
11. ГАКК.Ф.П -59. Оп. 1. Д. 742
12. ГАКК.Ф.П -59. Оп. 1. Д. 744
13. ГАКК.Ф.П – 96. Оп. 1. Д. 817
14. ГАКК.Ф.П-70. Оп. 6. Д. 7
15. ГАКК.Ф.П-54. Оп. 1. Д. 166
16. ГАКК.Ф.П-54. Оп. 1. Д. 273
17. Земсков В.Н. Судьба «кулацкой ссылки» (1930 – 1954 гг.) // Отечественная история. 1994. №1.
18. Книга памяти жертв политических репрессий Красноярского края. Т. 13.
19. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929 – 1933 гг.). М., 2014.
20. Познанский В.С. Социальные катаклизмы в Сибири: голод и эпидемии в 20 – 30-е годы XX века. Новосибирск, 2007.
21. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Т. 1 Новосибирск, 1992. С. 103; Красильников С.А. Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е гг. М., 2003.
22. Трагедия Советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы Т. 2 ноябрь 1929 – декабрь 1930. Москва, РОСПЭН, 2000.
23. Шекшеев А. П. «Кулацкая» ссылка на территории Енисейской Сибири (1929 – 1934 гг.) // Сибирский архив. 2020. № 4.

УДК 94

Обзор исторических источников, посвященных изучению крестьянства Приангарья в 1920-е годы

Иванов Вячеслав Владимирович
кандидат исторических наук, доцент
Иркутский государственный аграрный университет им. А. А. Ежевского
Иркутская область, пос. Молодежный, Россия
yachivan@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3644-9275

АННОТАЦИЯ Статья посвящена описанию источников изучения крестьянства и крестьянского хозяйства на территории Приангарья в 1920-е годы. Показано, что объем источников изучения данной проблематики очень обширен и включает в себя сборники документов, статистические сборники, периодическую печать, архивные документы, мемуары. Наиболее информативными являются сведения из фондов иркутских архивов, они дают целостное представление о проводимой государственной политики, развитии сельского хозяйства, социальном положении крестьян. Однако некоторые выводы составителей документов носят односторонний субъективный характер. Также следует отметить, что исследователи сталкиваются с недостатком источников, посвященных образу жизни, традициям и быту крестьян в этот период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Архивные фонды, большевики, исторические источники, крестьянство, НЭП, Приангарье, сельское хозяйство.

Изучение истории образа жизни, повседневности крестьянства, а также вопросы взаимоотношений крестьян с государством является одной из центральных проблем современной исторической науки. 1920-е годы были промежуточным этапом между Гражданской войной и Коллективизацией, когда советское партийное руководство временно отступило от выполнения своей генеральной линии, перешло к НЭПу. Это был период непростых отношений власти и крестьянства, когда государство еще не определилось со стратегией поведения в отношении земледельцев, политика была крайне противоречивой, непоследовательной и постоянно менялась. Для изучения истории крестьянства Приангарья 1920-х годов существует достаточно большой объем исторических источников. К первой группе источников следует отнести опубликованные сборники документов. К ним относится сборник под редакцией В. И. Шишкина «Сибирская Вандея» [15], который содержит подробные сведение о политике Советского руководства в начале 1920-х годов и о социальном протесте крестьян, как реакции на эту политику. Другой сборник документов «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ» содержит сводки органов госбезопасности о социальном положении крестьян, их политических настроениях, особое внимание уделяется проявлениям социального протеста [10]. Большой массив документов, посвященный политике Советского государства в отношении крестьян в период конца НЭПа, содержится в первом томе сборника «Трагедия Советской деревни 1927-1939 гг.» под редакцией В.П. Данилова [13].

К особой группе источников следует отнести стенографические отчеты и протоколы съездов советов Иркутской губернии. На этих заседаниях обсуждались актуальные хозяйственные вопросы и пути их решения, иногда между сторонами происходили прения и жаркие дискуссии. Сборник опубликованных документов содержит для исследователя полезный фактический материал [7].

В 1920-е годы различные ведомства Приангарья выпускали статистические сборники, аналитические обзоры, отчеты за тот или иной период. К ним относятся ежегодные материалы Иркутского губернского статбюро [11], сборники Иркутская

губерния в цифрах [12], отчеты о деятельности Иркутского губисполкома [9]. В этих сборниках представлены подробные сведения о состоянии сельского хозяйства, количественные показатели различных отраслей аграрного сектора. Эти сборники публиковались регулярно, практически ежегодно, были основаны на материалах сельскохозяйственной переписи. Изучая показатели развития аграрного сектора, можно сделать выводы о достижениях и провалах советской аграрной политики 1920-х годов, а также уровне жизни сельского населения региона в годы НЭПа. На основании этих источников историк В.А. Шаламов подробно проанализировал доходность крестьянских хозяйств Восточной Сибири и сравнил их с показателями развития сельскохозяйственной сферы до революции [14]. Вышеуказанные сборники также содержат статьи иркутских экономистов того времени К. Н. Миротворцева и И. Ф. Трелина, в которых авторы анализируют уровень развития сельского хозяйства региона и предлагают меры по его улучшению [8].

Большой фактический материал о крестьянстве Приангарья можно встретить на страницах Иркутской периодической печати. В газетах «Власть труда», «Красный пахарь» публиковались правительственные постановления, содержались сведения о ходе продовольственной кампании, сообщения о жизни и быте крестьянства, разъяснялась суть государственной политики в отношении крестьян. Несмотря на то, что большая часть сведений носило партийно- пропагандистский характер, газеты, содержали информацию об актуальных событиях, происходящих в деревне, а также ход выполнения государственных заданий. Иногда в газетах можно найти сообщения о тех или иных негативных явлениях, таких как неправильная работа советских органов власти, бандитизм, крестьянские восстания, трудовое дезертирство. В газетах также печатались сведения о крестьянских хозяйствах, не выполнивших продовольственную кампанию, а также об антисоветских агитаторах, их заносили на черную доску. Так, например в октябре 1920 г. газета «Власть труда» сообщала о том, что за возбуждение на сходе населения против разверстки был арестован ряд граждан Торейского общества Качугского района [1, с. 3].

В Иркутских газетах также публиковались статьи ученых экономистов или партийно-государственных деятелей, посвященные путям дальнейшего развития аграрного сектора. По некоторым вопросам велись дискуссии. Например, в августе 1922 г. в газете «Власть труда» была опубликована статья неизвестного автора, в которой утверждалось, что нивелировка или осереднячивание крестьянских хозяйств фактически сводит на нет товарное производство и приводит к тому, что сельское хозяйство становится натуральным [2, с. 3]. В августе 1924 г. была опубликована другая статья К. Чернядьева, в которой автор напротив утверждал о том, что осереднячивание свидетельствует о росте крестьянского производства [Там же, с. 2].

Наиболее подробные сведения о крестьянстве Приангарья в 1920-е годы содержаться в фондах Государственного архива Иркутской области, а также фондах Государственного архива Новейшей истории Иркутской области.

Если говорить о Государственном архиве Иркутской области, то наибольшую ценность представляют фонды Р-42 «Иркутский губернский ревком», фонд Р-145 «Иркутский губернский исполком». Эти фонды содержат сведения о работе руководящих органов исполнительной власти. Также большую ценность представляет фонд Р-46 «Иркутский земельный отдел», который содержит информацию о государственной помощи крестьянству и землеустроительным работам.

Огромный массив документов содержат фонды Государственного архива новейшей истории Иркутской области, в котором находятся материалы, стекавшиеся в руководящие органы правящей партии. Наибольший интерес представляют для исследователей Фонд 1 Иркутский губернский комитет партии, Фонд 16 Иркутский окружной комитет партии.

Документы этих архивов делятся на следующие категории: 1. Руководящие инструкции, указания, приказы, постановления. 2. Текущая делопроизводственная документация по хозяйственным делам. 3. Справки, отчеты, доклады советских работников. 4. Сводки о политическом состоянии (отправляли ВЧК-ОГПУ или представители органов власти). 5. Сигналы с мест, жалобы населения, доносы на нерадивых работников.

В этих материалах отражалась подробно вся картина проводимой на протяжении всего описываемого периода политики государства в отношении крестьянского населения. В первую очередь партийное руководство было озабочено выполнением продовольственной кампании будь то продразверстка, продналог или денежные и натуральные сборы с крестьян. Приказы и руководящие указания, а также сводки и доклады с мест напоминали сообщения с театра военных действий. Задания необходимо было выполнить любой ценой. Отношения к крестьянам, протестовавшим против государственной политики, было как злостным врагам саботажникам.

Например, в 1920 г. начальник губернского управления милиции составил отчетный лист о настроении населения. В этом документе отмечалось, что наиболее благоприятное отношение к Советской власти наблюдалось в Нижнеудинском уезде, поскольку на этих территориях проходила партизанская война против власти Колчака и в этом уезде проживают крестьяне переселенцы. В отчетном листе сказано «все трудовое крестьянство, кроме кулаков к советской власти относится сочувственно. Однако к разверстке крестьяне относится небрежно, так как натравливаются кулаками - «вот где разверстка, а для кого, для коммунистов», но с помощью агитаторских сил разверстки выполняются [5, л. 19].

Среди всех документов следует выделить регулярные сводки ВЧК-ОГПУ, которые содержали подробные сведения о ходе проведения государственных кампаний, работе госорганов, состоянии экономики, а также настроениях населения.

В сводках регулярно указывалось на многочисленные недостатки в работе органов государственной власти такие как бесхозяйственность, нераспорядительность, волокитство, бюрократизм. Отмечались и многочисленные случаи злоупотреблений таких как пьянство, грубость, взяточничество, хищения. Все эти явления именовались термином «ненормальности в работе госаппарата».

Например, на ремонт тракта Тулун – Братск в 1925 г. по сообщению ОГПУ было отпущено из госбюджета 25 тысяч руб. и 7 тысяч руб. из губбюджета. «Но работа велась из рук вон плохо, бесхозяйственно, растянуто, без всякого плана и системы, ремонтируемые участки сразу не балансировались на ремонтируемые укатки, благодаря дождливой погоде тракт был совершенно непригодным для проезда. Крестьяне роптали на строителей и вместе с тем проклинали Советскую власть».

Неудовлетворительна была работа советских потребительских кооперацией. Органы ОГПУ выделяли следующие негативные стороны в работе кооперацией: затоваривание неходовыми товарами, большие накладные расходы, ведущие к наценкам на товары, вынуждающие крестьянина обращаться к частнику [6, л. 72].

Подробные сведения сообщали органы ОГПУ о настроениях крестьянского населения, поскольку партийное руководство опасалось за свое положение, а также боялось утратить авторитет в массах. Так в 1921–1922 г. в сводках отмечалось массовое недовольство крестьян продналоговой кампанией, поскольку ставки продналога оставались разорительными. После 1923 г. в связи с прочным переходом к НЭПу и изменениями в налоговой политике недовольство населения снижается и отмечается как удовлетворительное. Однако, государственная политика оставалась классовой и ей были недовольны зажиточные земледельцы, о чем сообщалось в сводках вплоть до 1927 г.

Конечно, архивные материалы дают исследователю подробную и преимущественно объективную информацию о деревне Приангарья в 1920-е годы. Составители отчетов старались информировать партийные органы как можно детальнее, обстоятельнее, не приукрашивая ситуацию.

Однако следует указать и на ряд недостатков архивных материалов. Составители отчетов были приверженцами советской идеологии, поэтому они смотрели на крестьян исключительно как на объект проводимой государственной политики. Некоторые выводы чиновников или сотрудников спецслужб носят явно ангажированный характер, например всех недовольных советской властью безапелляционно называют кулаками или подкулачниками, а симпатии авторы отчетов выражают только к беднейшим слоям населения. Конечно, иногда в докладах можно встретить критику проводимой политики на местах в виде грубости и насилия по отношению к крестьянству, но авторы не высказывают сомнений в целесообразности проводимой государственной политики вообще, а также не пытаются встать на сторону крестьян или как-то понять их.

Также следует отметить, что архивные материалы дают подробную информацию о социальном положении крестьянства, развитии сельского хозяйства, государственной политики, но практически не сообщают подробных сведений об образе жизни, быте крестьян, повседневность земледельцев в большинстве случаев остается за кадром.

Еще одним ценным источником о крестьянстве 1920-х годов являются немногочисленные воспоминания сельских жителей, собранные краеведами или участниками студенческих экспедиций. Они помогают частично составить картину крестьянской повседневности. Но, к сожалению, сведения носят в основном фрагментарный характер [4].

Источники по истории крестьянства Приангарья 1920-х готов обширны и разнообразны, они помогают исследователю сформировать подробное представление об уровне развития сельского хозяйства, проводимой государственной политике, настроениях земледельцев. Однако историк сталкивается с недостатком информации о повседневности и быте крестьян этого периода, так как на территории Иркутской области материалов по данной тематике недостаточно.

Список литературы

1. Власть труда № 291, 29 октября 1920 г.
2. Власть труда, № 816, 5 августа 1922 г.
3. Власть труда № 1384, 5 августа 1924 г.
4. Воспоминания ленских жителей / Сост., вст. и прим. Ю. П. Лыхина. Иркутск, 2007. 510 с.
5. Государственный архив Иркутской области, Ф. Р-42, Оп. 1, Д. 480.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области, Ф. 270, Оп. 1, Д. 162.
7. Иркутская партийная организация в восстановительный период. (1920-1926 гг.): Документы и материалы / Парт. архив Иркут. обкома КПСС. Иркутск: Кн. изд-во, 1960. 314 с.
8. Миротворцев К. Н. Сельское хозяйство Средне – Сибирского края и его перспективы // Предварительные материалы по районированию Средне-Сибирского (Лено-Байкальского) края. Вып. 6. Иркутск, 1925. 23 с.
9. Отчет о деятельности Иркутского губерн. исполн. комитета совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов 4-го созыва за 1923–24 хозяйственный год. Иркутск, 1925. 398 с.
10. Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998–2012. Т. 1. 864 с., Т. 2. 1164 с.

11. Соколов М.П. Иркутская губерния в цифрах. Статист. Этюды // Материалы Иркутского губ. статист. бюро, Вып. 26. Иркутск, 1924. 87 с.
12. Спутник по городу Иркутску и Иркутской губернии. Иркутск, 1926. 280 с.
13. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / РАН, Ин-т рос. истории, Федер. архив. служба России, Рос. центр хранения и изучения документов новейшей истории, Гос. архив Российской Федерации, Рос. гос. архив экономики, Рос. гос. воен. архив, Центр. архив Федер. службы безопасности России, Бостон колледж (США), Ун-т Торонто (Канада), Ун-т Мельбурна (Австралия), Бирмингемский ун-т (Великобритания), Сеульский гос. ун-т (Республика Корея), под ред. В.Данилова, Р.Маннинг, Л.Виолы. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 880 с.
14. Шаламов В. А. Образ жизни крестьянства в Восточной Сибири (на материалах Иркутской области и Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2011. 261 с.
15. Шишкин В. И. Сибирская Вандея. Документы. В 2-х т. М.: МФ «Демократия», 2000. Т. 1. 664 с., Т. 2. 776 с.

УДК 433.929

Профессор Скляднев Николай Васильевич – талантливый ученый, мудрый воспитатель, незаурядный организатор

Ивченко Владимир Кузьмич
доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, кафедра общего земледелия и защиты растений
Красноярск, Россия
v.f.ivchenko@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-5794-5667

АННОТАЦИЯ Становление агрономической науки в Красноярском крае во многом связано с деятельностью доктора сельскохозяйственных наук, профессора, заведующего кафедрой общего земледелия Красноярского сельскохозяйственного института Скляднева Н. В. Уроженец Липецкой области после окончания агрономического факультета Воронежского СХИ оказался в Красноярском крае. Организовав кафедру общего земледелия Скляднев Н. В. развернул комплексные исследования по разработке актуальных вопросы земледелия Восточной Сибири. Им подготовлена плеяда научных сотрудников, из которых 12 успешно защитили кандидатские диссертации, а четверо в последующие годы докторские диссертации (Мухаметов Э. М,, Яковлев В. Х., Лисунов В. В., Берзин А. М.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Земледелие, севообороты, обработка почвы, агротехнические мероприятия, опытно поле.

Скляднев Николай Васильевич родился 17 декабря 1917 года в г. Усмань Липецкой области в простой трудовой семье.

В 1943 году закончил агрономический факультет Воронежского СХИ и по распределению направлен в распоряжение Красноярского краевого управления сельского хозяйства.

С мая 1943 года по май 1947 года работал в должности главного агронома и начальником Западного производственно- территориального управления Красноярского КрайЗО, а с мая 1947 по ноябрь 1948 г. – в должности директора Красноярской МТС (с. Нахвалка Сухобузимского района).

С ноября 1948 по декабрь 1951 г. являлся директором Краевой агрономической трехгодичной школы.

В декабре 1951 года он поступил в аспирантуру кафедры общего земледелия при Московской ордена Ленина сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева, которую закончил в 1954 году.

По результатам научной работы, выполненной на базе почвенно-агрономической станции им. В. Р. Вильямса (Северный Казахстан), Скляднев Н. В. защитил кандидатскую диссертацию и 27 декабря 1954 г. решением ученого Совета МСХА им. К. А. Тимирязева ему была присуждена ученая степень кандидата сельскохозяйственных наук.

После окончания аспирантуры Н. В. Скляднев вновь направляется в распоряжение Красноярского краевого управления сельского хозяйства, которое, в свою очередь, направляет его в распоряжение созданного в 1953 году Красноярского СХИ.

С 1 января 1955 года он начинает работать в должности старшего преподавателя кафедры почвоведения и микробиологии. В этом же году, приказом ректора № 158 от 10.09.55 г. Скляднев Н. В. назначается временно исполняющим обязанности декана агрономического факультета, а в декабре утверждается в этой должности приказом Главного управления сельскохозяйственных вузов МСХ СССР.

В сентябре 1956 г. Николай Васильевич организует кафедру общего земледелия, которой он руководит до последнего дня жизни, за исключением периода с июня 1958 г. по август 1960 г., когда кафедру возглавлял профессор К. Г. Шульмейстер.

В феврале 1962 г. Николай Васильевич обращается в ректорат с просьбой освободить его от занимаемой должности декана агрономического факультета Красноярского СХИ, в которой он проработал в течение 8 лет. Его просьба мотивируется необходимостью подготовки докторской диссертации. Он освобождается от этой должности приказом по институту от 27 февраля 1962 г.

В последующие годы Николай Васильевич проявил себя не только как незаурядный организатор, но и как талантливый исследователь и мудрый воспитатель.

Под его руководством разрабатывались актуальные вопросы земледелия Восточной Сибири.

Рисунок 1. Скляднев Н.В. (слева) на опытном поле кафедры общего земледелия.

Под его руководством изучали эффективность мер борьбы с сорняками (Достовалов С. П., Гринберг И.), применение различных удобрений (Вещева Л. П., Прохоров И. Д.), водный режим (Казаринова И. Н., Новикова А. И.), агрофизические свойства почвы (Лемайкина В. Н.), биологическую активность и пищевой режим почвы (Таскина В. М., Кильби И. Я., Митрова А. И.), отдельные приемы предпосевных и послепосевных обработок почвы (Мухаметов Э. М., Лисунов В. В., Берзин А. М., Берсенев Я. М.), особенности почвозащитного земледелия в южных районах Красноярского края (Яковлев В. Х., Чебочаков Е. Я.).

Скляднevым Николаем Васильевичем подготовлена плеяда научных сотрудников, из которых 12 успешно защитили кандидатские диссертации, а четверо в последующие годы докторские диссертации (Мухаметов Э. М, Яковлев В. Х., Лисунов В. В., Берзин А. М.). В своих учениках он воспитал любовь к своей профессии, к земле, к людям.

Николай Васильевич отличался завидной работоспособностью, им опубликовано свыше 80 научных работ.

Его труд достойно оценен правительственными наградами – медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 –1945 гг.», медаль «За освоение целинных земель».

В декабре 1970 г. Николай Васильевич успешно защищает докторскую диссертацию в ТСХА на тему «Научно-агрономические основы полевых севооборотов Средней Сибири», а в июне 1971 г. ВАК присуждает ему ученую степень доктора сельскохозяйственных наук. В ноябре этого же года ему присваивается ученое звание профессора.

Склядневу Николаю Васильевичу было всего 54 года, когда он ушел из жизни. Его дело продолжается в его учениках.

В наиболее полной мере раскрылся талант Николая Васильевича Скляднева как умелого организатора и талантливого научного руководителя в период, когда он возглавлял кафедру общего земледелия. Именно в те годы на кафедре общего земледелия очень активно проводились комплексные научные исследования практически по всем прикладным вопросам земледелия применительно к условиям Красноярского края. Полученные результаты исследований оказали огромную роль на развитие земледелия в Красноярском крае.

Одной из важнейших заслуг Скляднева Н. В. явилось создание опытного поля в учебном хозяйстве «Миндерлинское».

Именно при Склядневе Н. В. на кафедре общего земледелия начали активно заниматься вопросами изучения эффективности различных типов и видов севооборотов в условиях земледельческой части Красноярского края. С этой целью на опытном поле кафедры общего земледелия были заложены экспериментальные севообороты, в которых проводились комплексные исследования по изучению целого ряда вопросов, касающихся эффективности различных агротехнических приемов. В частности, огромное внимание уделялось разработке системы обработки почвы с учетом эффективности применения приемов предпосевной и послепосевной обработки в специфических условиях ее применения в основных земледельческих районах Красноярского края. Разработка системы обработки почвы основывалась на полученных экспериментальных данных по изучению режимов влажности почвы в севооборотах, с учетом биологической активности почвы в звеньях полевых севооборотов, а также особенностей пищевого режима, агрофизических свойств почвы.

Основным итогом работы Скляднева Н. В. как ведущего ученого- земледела явилась разработка и внедрение научно-обоснованной системы земледелия Красноярского края, которая определила вектор развития науки земледелие в нашем крае на долгие годы.

Наличие трудового опыта, теоретических знаний дали возможность Склядневу Н. В. решить целый ряд важных вопросов земледелия Средней Сибири. В частности, на основе многолетних наблюдений он пришел к выводу о том, что агротехника возделывания сельскохозяйственных культур должна быть дифференцирована не только по природно-климатическим зонам, но и отдельным хозяйствам и даже полевым массивам. Причем, она должна изменяться по годам в зависимости от сложившихся погодных условий. По его твердому убеждению, такая дифференциация применения агротехнических мероприятий дает возможность более плодотворно использовать положительные отклонения метеорологических условий от их многолетнего режима и нейтрализовать влияние отрицательной аномалии погоды соответствующими приемами агротехники.

Итогом многолетней работы творческого коллектива единомышленников, включающих преподавателей, аспирантов и студентов под руководством Скляднева Н. В. явилось подготовка и опубликование таких крупных монографий, как «Борьба с

сорняками», «Основы обработки почвы и севооборотов», «Земледелие Красноярского края», «Овсюг».

Все это сыграло огромную роль в земледелии Красноярского края и на долгие годы оставило глубокий след в истории становления ее в Средней Сибири. И в настоящее время полученные результаты исследований представляет собой огромное теоретическое и практическое наследие.

Среди основных направлений, которые Скляднев Н. В. развивал в своих научных исследованиях, необходимо отметить следующие:

-разработка системы основной обработки почвы под ведущими продовольственными культурами Сибири – яровую пшеницу с учетом специфики почвенно-климатических условий земледельческой зоны Красноярского края;

-разработка системы предпосевной и послепосевной обработки почвы при использовании наиболее плодородных и распространенных в крае почв – черноземов выщелоченных;

-на основе развернутых в пространстве разных типов экспериментальных полевых севооборотов опытного поля кафедры общего земледелия проведение мониторинга за изменениями главных факторов плодородия чернозема, выщелоченного и в связи с этим урожайностью яровой пшеницы;

-выявление агротехнической роли чистых и занятых паров и обоснование наиболее приемлемой технологии их обработки.

Важное значение Скляднев Н. В. придавал вопросам изучения эффективности различных агротехнических мероприятий при возделывании озимой ржи и яровой пшеницы.

Заключение

В настоящее время земледелие Красноярского края является устойчивым и высокопродуктивным. Об этом свидетельствует тот факт, что вот уже в течение более десятка лет по урожайности зерновых культур Красноярский край занимает первое место в Сибирском Федеральном Округе. И в этом есть несомненная заслуга доктора сельскохозяйственных наук, профессора, бывшего заведующего кафедрой общего земледелия Красноярского сельскохозяйственного института Скляднева Николая Васильевича.

Список литературы

1. Скляднев Н. В. Земледелие Красноярского края. Красноярск, 1969, 180 с.

УДК 631.527.1 (571.1/.5)

Исторические этюды по селекции и сортоиспытанию в Приенисейской Сибири

Количенко Александр Александрович
начальник филиала
«Государственная комиссия Российской Федерации по испытанию и охране селекционных достижений» по Красноярскому краю и республике Хакасия
Красноярск, Россия
inspectorate24@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Красноярский край является центром древнего очага земледелия в Восточной Сибири. Восточно-Сибирские формы пшеницы послужили ценным исходным материалом при выведении новых селекционных сортов. В 1937 году в Красноярском крае впервые было проведено зонирование территории. В результате выделено 9 почвенно-климатических зон и 3 зоны садоводства. Сортоиспытательная сеть была представлена 36 сортоучастками, в настоящее время функционирует 12.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сорт, селекция, сортоиспытание, районирование.

История Красноярского края уходит своими корнями в глубокую древность, в то время, когда здесь впервые появился человек. Согласно археологическим данным, первые поселения людей появились на территории Красноярского края 60-45 тыс. лет назад. Изначально человек осваивал южные районы Приенисейской Сибири, и лишь значительно позже — 40 – 10 тыс. лет назад — он проник на территорию современного города Красноярска и севернее. Самым известным археологическим памятником этой эпохи является стоянка Афонтова гора, расположенная в черте г. Красноярска. Именно здесь были впервые обнаружены важнейшие свидетельства древней истории Красноярского края.

Красноярский край является центром древнего очага земледелия в Восточной Сибири. У деревни Андроново при раскопках были обнаружены каменные мотыги, серпы, стебли и зерна полбы. Ученые археологи относят этот период к Андроновской эпохе (XVII в. до н.э.). Пленчатую пшеницу полбу наряду с другими культурами – ячменем, просом, гречихой, коноплей выращивали в Карасукскую эпоху (1200 – 1700 лет до н.э.). В обширной сбросовой впадине, находящейся между горными системами Кузнецкого Алатау, Западных и Восточных Саян, известной под названием Минусинской котловины, вытянутой с юга на север вдоль реки Енисей найдены многочисленные памятники древнего земледелия (700 – 200 лет до н.э.). Этот период археологии относят к Тагарской эпохе, связанной с зарождением мотыжного земледелия и применением полива полей. Тагарские оросительные системы отмечены в долинах рек Теси и Ербы.

Мотыжное земледелие с применением полива полей существовало и в Таштыпскую эпоху (200 лет до н.э. – 500 лет н.э.). Из литературных источников известно, что предки современных хакасов - оседлые кыргызы (500 – 1000 лет н.э.) возделывали просо, ячмень и полбу. В этот период древние хакасы вели торговлю с Тибетом, Китаем, Ираном и Средней Азией. Торговля способствовала завозу голозерной пшеницы. В китайских хрониках было указано, что к концу XIII в. кыргызы сеяли просо, ячмень и пшеницу, но посевы по своим размерам были ничтожны.

С появлением русских людей в Сибири, начался новый этап с более высоким уровнем земледелия. Русские люди с многовековым земледельческим опытом обогатили состав зерновых культур местными видами и получили сортовой состав,

более устойчивый, приспособленный к местным условиям. В. Е. Писарев, обследуя культурные растения сибирского, китайского и монгольского происхождений приходит к выводу, что первичной родиной большей части пшеницы, ячменя и других полевых культур является Китай – откуда в Восточную Сибирь они попали через территорию Монголии. Выступая на 1 сьезде агрономов Забайкалья в 1913 году, он отмечал, что территория Монголии оказалась не только путем продвижения сортовых богатств земледельческого Китая на север, но и громадной естественной лабораторией, где на протяжении столетий образцы зерновых культур постепенно приобретали новые для себя свойства выдерживать экстремальные условия. В XIX веке здесь возделывали большой набор пшениц, относящихся к разным разновидностям. Яровая мягкая пшеница, в частности, была представлена скороспелыми формами разновидности ферругинеум и сибирикум под местными названиями - Красненькая, Сибирка, Скороспелка и ферругинеум россикум (Красноколоска, Алая, Монголка, Кубанка, Минусинка, Алтайская). Среди сортов разновидности мильтурум чаще всего возделывались такие сорта, как Гирька, Голоколоска, Гальянка, Красная безостая. Из сортов разновидности эритроспермум постоянные площади занимали сорта - Остистая белая, Усатая белая, Гнездовка, Колыванка, из разновидности лютесценс - Белоколоска, Кущевка, Саксонка. В частности, в селе Ничка Минусинского уезда высевался образец разновидностью вулигинозум. К числу других разновидностей яровой пшеницы следует выделить грекум, англикум и велютинум.

По данным В. Е. Писарева в 1890 году в Енисейской губернии основные площади отводились под озимую рожь, ярицу и овес. Яровая пшеница среди указанных зерновых культур занимала лишь четвертое место. В связи с массовым переселением крестьян из европейской части Росси посевы яровой пшеницы в Енисейской губернии постепенно возрастали и к 1917 году составили 30 – 35% от общей площади посевов зерновых. В Минусинском уезде в это время удельный вес пшеницы достиг 40,6% (Ведров Н. Г., 1998). Восточно-Сибирские формы пшеницы послужили ценным исходным материалом при выведении новых селекционных сортов. С их участием были созданы такие сорта яровой мягкой пшеницы как Балаганка, Сибирка 1818, Селенгинская, Тулун 14, Тулун 70, Тулун 32, Иркутская 49, Ойнохойская 4, Северянка, ДДС 11, Красноярская 1103, Лютесценс 1729 которые многие годы возделывались на полях Восточной Сибири. В процессе селекции били выявлены высокие донорские свойства сорта Сибирка, на основе которой были созданы сорта: Скороспелка улучшенная и Бурятская. Сорт Иркутская 49, как донор скороспелости отличался высоким содержанием лизина в белке (свыше 3%). С участием местных пшениц в Восточной Сибири были созданы уникальные сорта, в том числе Скала.

Развитию селекционных работ в регионе способствовали организованные здесь первые опытные учреждения. Старейшими научными учреждениями в Восточной Сибири являются Тулунская опытная ферма, организованная в Тулуне Иркутской области в 1907 году и Казачинское опытное поле Красноярского края, учрежденное в 1909 году. В 1913 году в Енисейской губернии уже работали три опытных поля – одно в таежной полосе губернии, около села Казачинского, второе – в лесостепной полосе губернии, около города Красноярска, и третье в степной полосе около города Минусинска. В 1913 году Красноярское опытное поле реорганизовано в Приенисейскую опытную станцию с отделами полеводства, селекции, животноводства, плодоводства, экономики и агрохимии.

Первые селекционные работы были начаты в 1914 году, на Красноярском опытном поле. (Писарев В. Е., 1924, Сабашников В. В., 1926, Ведров Н. Г., 1998). в 1927 г. По мере накопления данных по изучению исходного и селекционного материала гибридизация становится основным методом селекционной работы, и уже в 1927 г.

объем скрещиваний достиг 100 комбинаций. Родоначальником первого селекционного сорта Леда явилось растение, отобранное в 1921 г. из сорта Хлудовка.

Минусинское опытное поле в 1923 году преобразовано в плодово-ягодную станцию, на которую была возложена функция создания новых сортов плодовых и ягодных культур. В 1930 году на севере Красноярского края в Туруханском районе был организован Ярцевский опорный пункт. В 1931 году в южных районах края – Хакасская сельскохозяйственная станция, в задачу которой входило создание новых сортов для сухостепной зоны. В этом же году Приенисейская сельскохозяйственная станция прекратила свое существование, а отдел плодоводства, входящий в ее состав, получил развитие как Красноярская плодово – ягодная станция. В это время открывается Боготольское опытное поле. В 1931 году на базе Камалинского зерносовхоза начинает работать Восточно-Сибирская зерновая зональная станция с отделом селекции бывшей Приенисейской опытной станции, с отделом полеводства и агрохимической лабораторией с Иркутской станции. Уже в зиму 1931 – 1932 г. для ускорения селекционного процесса стали использовать теплицу, в которой размножали гибриды и проводили гибридизацию. В оценке селекционного материала принимали участие организованная на станции биохимическая лаборатория. С 1937 г. начались работы по селекции на устойчивость к пыльной головне с использованием искусственного заражения. В 1934 г. в государственное сортоиспытание передали сорта Камалинка и Колхозница. Оба сорта созданы отбором из гибридной популяции, полученной в 1921 г. на Красноярской опытной станции от скрещивания сорта Хлудовка с образцом твердой пшеницы разновидности гордейформе. С 1938 г. Камалинка была районирована по Красноярскому краю и возделывалась в производстве более 20 лет. В 1944 г. она занимала 55 % площади посева яровой пшеницы в крае.

В 1937 году на базе Восточно-Сибирской зерновой зональной станции была организована Камалинская государственная селекционная станция. С 1937 по 1956 г. на ней были созданы и переданы в государственное испытание сорта яровой мягкой пшеницы: Лютесценс 1729, Лютесценс 201, Мильтурум 997 (1939 г.); Красноярская 1103, Лютесценс 887, Лютесценс 889 (1947), Рыбинская (1955). Районированы сорта Лютесценс 1729 и Красноярская 1103.

Широко проводились внутрисортовые скрещивания, для улучшения и обновления сортов. Объемы кастрации по некоторым сортам составляли до 2 тысяч колосьев. Проводилась вегетативная гибридизация. При отдаленной гибридизации предпринимались попытки скрещивать пшеницу с рожью, овсом, овсюгом, пыреем. Разработанная И. В. Мичуриным методика воспитания растений используется на гибридах пшеницы. Велись работы по получению многолетних и ветвистоколосых пшениц, переделке озимых пшениц в яровые. Постепенно в связи с отсутствием результатов, все эти работы были прекращены.

Значительный селекционный прогресс в Красноярском крае наметился после образования Красноярского научно – исследовательского института сельского хозяйства на базе Камалинской опытной станции в 1956 г., а также с образованием Красноярского сельскохозяйственного института в 1958 году, где на кафедре растениеводства была начата селекционная работа. В 1962 году организована Ужурская сельскохозяйственная опытная станция по кормовым культурам. С 1973 года на базе отдела селекции Красноярского НИИСХ, начал функционировать Восточно-Сибирский селекционный центр. Улучшается материальная база института, возрастает научный потенциал. Открываются лаборатории оценки качества зерна (А. Г. Разумовский), иммунитета (В. Т. Тихомиров), физиологии (К. И.Кирилова), генетики (Г. А. Пушкина).

За 1957 – 1979 гг. в Красноярском НИИСХ создано и передано в государственное испытание 8 сортов мягкой яровой пшеницы: Лютесценс 51 (1958 г.), Енисейка и

совместно с Хакасской СХОС Альбидум 73 (1962), Зарница (1969), Красноярская (1974), Новосолянская и Таежная (1975), Мана (1979). Из них районировано три сорта: Зарница (находилась в районировании с 1975 по 1988 гг.), Красноярская (с 1981 по 1988 гг.), Таежная.

В 1978 г. Красноярский НИИСХ из с. Солянка был переведен в город Красноярск, а в 1980 г. сюда переехали и селекционные подразделения института. Полевые опыты стали закладывать в д. Минино. В гибридизацию вовлекаются сорта озимой пшеницы. К отдаленной гибридизации можно отнести оригинальные исследования, проведенные в 1980-2009 гг. Петаевой В. Я. Она проводила скрещивание яровой пшеницы с яровой и озимой рожью с использованием метода предварительного вегетативного сближения (пересадка зародыша пшеницы на эндосперм ржи). Пушкина Г. А. проводила скрещивания яровой мягкой пшеницы с Tr. dicoccum, Tr. durum, Tr. persicum и яровыми формами тритикале. С 1989 г. начаты работы по селекции на устойчивость к бурой ржавчине. Созданы сорта пшеницы: Красноярская 83 (1983 г.), Оя (1985), Ветлужанка (1989), Красноярская 90 (1990), Сирена (1991), Черемшанка (1994), Туба (1996), Казачка, Бирюса, Мана 2 (2001), Ангарида (2002), совместно с СибНИИРС Землячка Сибири (2003), Валькирия, Курагинская, Минуса (2005), Таежная нива (2007), Волхитка (2009), Свирель (2009), Уярочка (2011), Курагинская 2 и Красноярская 12 (2012), Канская (2014). Внесены в государственный реестр сорта Красноярская 83, Ветлужанка, Черемшанка, Мана 2, Свирель, Минуса, Красноярская 12, Курагинская 2, Канская, Бейская.

В целях отбора лучших, более урожайных сортов для различных почвенно-климатических условий в нашей стране было организовано государственное испытание сортов и гибридов культурных растений, которое выполняет функцию государственного арбитража при оценки испытываемых сортов и гибридов.

В его задачу входит объективная и всесторонняя оценка сортового разнообразия, поступающего в испытание, выявление лучших сортов и гибридов по урожайности, качеству продукции и другим ценно-хозяйственным признакам, для включения в государственный реестр селекционных достижений, допущенных к использованию с подробной характеристикой. Разносторонняя оценка сортового состава уже в первые годы сортоиспытания показала, что внедрение новых сортов в производство оказывает положительное влияние на величину и качество урожая. Согласно немецкой формуле действенности доля сорта в повышении урожайности составляет 25 %. В экстремальных же условиях Красноярского края, республик Хакасия и Тыва, значение сорта в формировании урожайности нередко достигает 35 – 40 %.

В Восточной Сибири большой вклад в организацию сортоиспытания внесли выдающиеся ученые - В. Е. Писарев, Н. Л. Скалозубов, К. М. Крамм и другие. Первый проект сортового районирования был разработан в 1928 – 1929 годах и доложен В.В. Талановым на Всесоюзном съезде по селекции, генетике, семеноводству и племенному животноводству в январе 1929 года. Постановлением Совета Народных Комиссаров СССР от 29 июня 1937 г. № 1018 «О мерах по улучшению семян зерновых культур» госсортсеть была реорганизована в единую общесоюзную систему – Государственную комиссию по сортоиспытанию зерновых культур. На базе совхозов и колхозов было создано в стране 1055 сортоиспытательных участков. В это время в Красноярском крае было организовано 20 сортоучастков, к их числу относятся: Богучанский, Казачинский, Бирилюсский, Долгомостовский, Саянский, Рыбинский, Сухобузимский, Березовский, Красноярский, Ачинский, Боготольский, Назаровский, Балахтинский, Краснотуранский, Минусинский, Курагинский, Боградский, Бейский, Усть-Абаканский, Таштыпский. Для руководства их деятельности была учреждена Инспектура Госкомиссии по сортоиспытанию зерновых культур по Красноярскому краю. О значении государственного сортоиспытания свидетельствует тот факт, что даже в

суровые годы Великой Отечественной войны работа на государственных сортоиспытательных участках не прекращалась.

В 1937 году в Красноярском крае впервые было проведено зонирование территории. В результате выделено 9 почвенно – климатических зон и 3 зоны садоводства. Сортоиспытательная сеть была расширена до 36 сортоучастков, в состав которых кроме упомянутых вошли: Туруханский, Кежемский, Ярцевский, Енисейский, Тасеевский, Дзержинский, Канский, Уярский, Абанский, Емельяновский, Советский, Красноярский овощной, Новоселовский, Восточно – Сибирский, Ужурский, Идринский, Каратузский, Ермаковский, Шушенский овощной, Шушенский плодово-ягодный. Семь сортоучастков работало в Хакасской автономной области: Боградский, Бейский, Усть-Абаканский, Ширинский, Таштыпский, Аскизский, Хакасский целинный. В республике Тыва в трех почвенно-климатических зонах, функционировали 4 сортоучастка: Пий – Хемский, Дзун-Хемчикский, Тандинский, Кызыльский.

В последние годы произошло значительное сокращение сортоиспытательной сети. Из 36 сортоучастков оставлено только 12, функционирующих в следующих почвенно-климатических зонах: в III зоне (Подтайга низменности) – Казачинский, в IV зоне (Подтайга предгорий) - Саянский, в V зоне (Канско-Красноярская лесостепь) – Уярский, Сухобузимский, в VI зоне (Лесостепь Причулымья) – Назаровский, Ужурский, в VII зоне (Южная лесостепь) – Каратузский, в VIII зоне (Степь предгорий на обыкновенных и южных черноземах) – Краснотуранский, Минусинский, Новоселовский, Шушенский овощной. В южнай зоне – Шушенский плодово-ягодный. В республике Хакасия функционируют 1 сортоиспытательный участок в VIII зоне (Степь предгорий на обыкновенных и южных черноземах) – Бейский.

В процессе сортоиспытания осуществляется всесторонняя оценка изучаемых сортов по продолжительности вегетационного периода и фазам развития, устойчивости к вредителям и болезням, устойчивости к полеганию, пригодности к механизированной уборке, урожайности и качеству продукции. Государственное испытание сортов сельскохозяйственных культур на госсортоучастках осуществляется, как правило, два года.

Список литературы

1. Гончаров П. Л. Н. И. Вавилов и селекция растений в Сибири / Развитие научного наследия Н.И. Вавилова на современном этапе: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения ак. Н.И. Вавилова (Новосибирск, 19 дек. 2007 г. // Россельхозакадемия. Сиб. отд-ние. Новосибирск, 2009. С. 59 – 72.
2. Дмитриев В. Е. Озимая пшеница в Красноярском крае // Земля сибирская дальневосточная. 1978. № 8. С. 15 – 17.
3. Дмитриев В. Е., Ведров Н. Г. Истоки и современность земледельческой культуры / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2003. 153 с.
4. История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 525 с.
5. Кашеваров Н. И. Вклад Н. И. Вавилова в становление и развитие аграрной науки / Развитие научного наследия Н. И. Вавилова на современном этапе: материалы междунар. науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения ак. Н. И. Вавилова (Новосибирск, 19 дек. 2007 г. // Россельхозакадемия. Сиб. отд-ние. Новосибирск, 2009. С. 8 – 18.
6. Писарев В.Е. Селекция зерновых культур. М.: Колос, 1964. 317 с.
7. Тюкавкин В. Г. Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966. 267 с.
8. Якубцинер М. М. К истории культуры пшеницы в СССР // Материалы по истории земледелия в СССР. М.; Л.: 1956. Т. 2. С. 16 – 168.
9. Яровая пшеница в Восточной Сибири / Под ред. Н. Г. Ведрова; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 1998. 312 с.

УДК 910.3

Роль Красноярского ГАУ в истории изучения почв земледельческой зоны Красноярского края

Кураченко Наталья Леонидовна
доктор биологических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, кафедра почвоведения и агрохимии
Красноярск, Россия
kurachenko@mail.ru
ORCID ID: 0000-002-1761-4995

АННОТАЦИЯ В статье приведен краткий очерк научной деятельности ведущих сотрудников кафедры почвоведения и агрохимии Красноярского государственного аграрного университета и их вклад в познание генезиса и оценки состояния плодородия черноземов и серых лесных почв. Показано, что период формирования и становления кафедры определил новый этап в истории изучения почв земледельческой зоны Красноярского края. Он связан со стационарными исследованиями свойств и режимов почв, разработкой теоретических и прикладных аспектов сохранения и повышения их плодородия, выявлении основных закономерностей эффективного применения удобрений под сельскохозяйственные культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Земледельческая зона, агропочвы Красноярского края, кафедра почвоведения и агрохимии.

Значение почвенных ресурсов любой территории определяется их социально-экономическим значением как базиса для всех отраслей народного хозяйства, предмета труда, основного среда сельскохозяйственного производства и их функцией в наземных экосистемах и биосфере. Красноярский край, общая площадь которого составляет 236670,9 тыс. га, или 13,8 % территории Российской Федерации [4; 5], отличается значительной разнокачественностью земель и расположением сельскохозяйственных угодий (в силу климатических условий) южнее 60º с.ш. по межгорным котловинам. Природное районирование этой территории отражает особенности геоморфологического строения рельефа, закономерности растительных и климатических условий, структуры почвенного покрова. Решение проблем сельскохозяйственного производства Красноярского края, обеспечивающее население необходимыми продуктами питания, теснейшим образом связано с рациональным использованием земельных ресурсов, что определяет необходимость детальной качественной оценки почв региона.

Начальный период изучения почв в современных границах территории Красноярского края совпадает с рождением почвоведения как науки. Существенное увеличение информации о почвах бывшей Енисейской губернии связано с работами экспедиции бывшего Переселенческого управления (1909 – 1912 гг.), охвативших основные земледельческие районы юга Енисейской губернии [1], т.к. с отменой крепостного права началось массовое переселение крестьян в Сибирь, преимущественно в Канский, Ачинский, Минусинский, Красноярский и Енисейский уезды. Почвенные изыскания в этот период сопровождались картографическими материалами и информацией по основным химическим свойствам почв. В течение первых десятилетий XX в. были организованы Казачинское, Минусинское и Красноярское опытные поля, осуществлявшие стационарные исследования почв. В с. Рыбинском Енисейской губернии открыта в 1911 г. низшая сельскохозяйственная школа, давшая начало сельскохозяйственному образованию в регионе. В начале 30-х годов была создана производственная группа почвоведов при отделе землеустройства краевого управления сельского хозяйства, занимающаяся систематическим

обследованием почв и составлением почвенных карт хозяйств. Всё это послужило основой изучения почв земледельческой зоны Красноярского края.

С 50-х годов прошлого столетия существенно углубляется программа почвенных исследований земледельческой территории края. Способствованию наращивания почвенных исследований послужила в т.ч. и организация в 1952 году Красноярского сельскохозяйственного института (ныне Красноярского государственного аграрного университета) и кафедры почвоведения и агрохимии.

Становление и формирование кафедры почвоведения и агрохимии происходило при непосредственном участии и руководстве Петра Семёновича Бугакова. После окончания аспирантуры в Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева и успешной защиты кандидатской диссертации он приезжает в 1955 году г. Красноярск [2]. С появлением кафедры в Красноярском сельскохозяйственном институте начинается новый этап в истории изучения почв и почвенного покрова Красноярского края. П. С. Бугаков организовал экспедиции по изучению почв земледельческой зоны Красноярского края, сбору почвенных монолитов и коллекций морфологических признаков почв.

В деятельности П. С. Бугакова 1960–1980-е гг. были особенно продуктивными. Идея, заложенная им в тематику исследований кафедры, была основана на специфичности почвообразования в сибирском регионе. Он признавал ценность и значимость материалов, характеризующих режимы почвенных процессов в условиях глубокого и продолжительного промерзания. С появлением первых аспирантов на кафедре (Л. С. Шугалей, Э. П. Попова, Я. И. Лубите, А. А. Выручек, В. В. Чупрова) начинаются стационарные исследования водного режима, биологической активности почв, азотного, фосфорного и калийного питания растений, особенностей гумусного состояния и круговорота азота и зольных элементов в агрофитоценозах. Петра Семёновича волновали и другие проблемы почвоведения и агрохимии, что отразилось в научных трудах его аспирантов следующего поколения (Л. В. Мукина, Ю. Н. Трубников, В. В. Тарасюк, Н. В. Кутькина, В. К Ивченко и др.). Под его руководством стали обобщаться исследования в монографиях, статьях, в том числе и в центральных изданиях. В итоге он подготовил более 15 кандидатов наук и в 1972 г. стал первым из красноярских почвоведов доктором наук, защитив диссертацию «Исследования режимов лесостепных почв Красноярского края».

С 1956 года Николай Михайлович Майборода – кандидат наук и выпускник Омского сельскохозяйственного института связывает свою жизнь с Красноярским краем и Красноярским сельскохозяйственным институтом. На протяжении практически 50 лет является активным пропагандистом знаний по агрохимии и исследователем почв региона.

В период работы на кафедре почвоведения и агрохимии он проводил активные исследования по изучению микроэлементов в почвах. В Красноярском крае до 1956 года проводили в основном краткосрочные опыты с удобрениями, обычно без анализа почв и растений. Не изучались разные формы удобрений. Почти не были затронуты исследования системы удобрения культур в интенсивных севооборотах. Эта научная проблема решалась Николаем Михайловичем и его учениками. На протяжении более 25 лет изучались вопросы системы удобрения культур в многолетних полевых и производственных опытах по заданиям КСХИ, ВАСХНИЛ, Всесоюзного научно-исследовательского институт удобрений и агропочвоведения, Красноярского управления сельского хозяйства, Красноярского территориального геологического управления, сельскохозяйственных предприятий. Всего в этот период было проведено более 300 краткосрочных и 46 длительных опытов с удобрениями в рекомендуемых схемах севооборотов. Для чего в крае по заданию ВИУА была организована сеть агрохимических опытов. Полученные научные данные вошли в рекомендации по

сельскому хозяйству Красноярского края и Восточной Сибири. Многолетние исследования Николая Михайловича явились основой докторской диссертации, защищенной им в 1981 году во Всесоюзном научно-исследовательском институте удобрений и агропочвоведения на тему «Комплексная разработка эффективных систем удобрения культур в севооборотах при интенсивном земледелии в центральной части Красноярского края».

В период активного становления кафедры выпускница агрономического факультета Валентина Владимировна Чупрова получила приглашение заняться научными исследованиями и в 1973 году успешно защитила кандидатскую диссертацию по круговороту элементов питания в агроценозах Красноярской лесостепи [3]. Исследования зонально-региональных аспектов превращения органического вещества во второй половине XX века были направлены преимущественно на изучение особенностей биологического круговорота углерода, а также на выявление характерных особенностей органического вещества и органопрофиля в зональном ряду почв и в почвах отдельных регионов страны. Понимая важность этой проблемы, Валентина Владимировна, являясь преподавателем кафедры почвоведения и агрохимии, направила все усилия на решение этой научной проблемы. Её научные исследования включали достаточно широкий круг вопросов, связанный с количественными оценками продукционно-деструкционных процессов и описанием обменных процессов углерода и азота в агроценозах, характеристикой гумусного состояния черноземов региона и выявлением роли агрогенных воздействий на процессы трансформации лабильной части органического вещества, исследованием качественного состава азотного фонда почв и выяснением характера превращений азотистых соединений во внутрипочвенном цикле и в агроэкосистеме. Ею обоснованы перспективы регулирования и воспроизводства плодородия черноземов Средней Сибири. Итогом таких исследований явилась докторская диссертация, защищенная Валентиной Владимировной в 1994 году.

Предметом пристального внимания В. В. Чупровой на протяжении более сорока лет были вопросы, связанные с направленностью изменений органического вещества почв в процессе их освоения и окультуривания. Проводимые ею и учениками на кафедре исследования (А. А. Шпедт, Н. Л. Кураченко, О. В. Михайлова, Н. Л. Ерохина, А. А. Белоусов, Е. Н. Белоусова, О. А. Власенко, О. А. Ульянова, Ю. П. Ковалева, М. В. Луганцева и др.) позволили дать количественную оценку, анализ и прогноз изменений почвенного плодородия агрогенно-преобразованных почв. Получены оригинальные материалы и сформулированы положения, которые нашли применение для определения степени деструктивности агроэкосистем, а также в разработке теории агроэкологических основ рационального использования почвенного потенциала в условиях земледельческой части Красноярского края.

Более сорока лет научной деятельности в Красноярском государственном аграрном университете Ольга Анатольевна Сорокина посвятила изучению серых лесных почв и трансформации их плодородия при восстановлении леса на заброшенных пашнях и при вовлечении их из-под леса в сельскохозяйственные угодья. Работа на полевом стационаре учебного хозяйства «Миндерлинское» явилась частью докторской диссертации «Трансформация серых лесных почв при лесном и агрогенном воздействии в условиях Сибири». Полученные Ольгой Анатольевной результаты дают возможность прогнозирования и моделирования почвообразовательных процессов в серых лесных почвах под влиянием леса и сельскохозяйственного освоения. Её научные интересы востребованы научным сообществом и практиками. Профессором О. А. Сорокиной проводится большая работа по изучению вопросов прикладного характера, связанных с оптимизацией питания сельскохозяйственных культур. Она

является инициатором и организатором исследований по выявлению роли искусственных лесных насаждений в функционировании почв сухой степи Хакасии.

Таким образом, краткий обзор научных достижений преподавателей кафедры почвоведения и агрохимии Красноярского государственного аграрного университета, внесших существенный вклад в познание генезиса и оценки состояния плодородия черноземов и серых лесных почв земледельческой части Красноярского края, позволяет утверждать, что они являются фундаментальной основой для расширения и углубления знаний об агропочвах Красноярского края. Не утрачивая научное наследие, сотрудники кафедры активно продолжают научный поиск в разработке актуальных вопросов агропочвоведения и оценки состояния агрогенно-преобразованных почв земледельческой территории Красноярского края.

Список литературы

1. Бугаков П. С., Чупрова В. В. Агрономическая характеристика почв земледельческой зоны Красноярского края. Красноярск, 1995. 176 с.
2. Край наш Красноярский: календарь знаменательных и памятных дат на 2022 год. Красноярск, 2021. 228 с.
3. Кураченко Н. Л. Идеи профессора В. В. Чупровой в исследовании органического вещества агрогенно-преобразованных почв Сибири // Вестник КрасГАУ. 2021. № 10. С. 94 – 100.
4. Чупрова В. В., Кураченко Н. Л., Сорокина О. А., Шпедт А. А., Ульянова О. А., Бабиченко Ю. В., Ковалева Ю. П. Современное состояние земельных и почвенных ресурсов Красноярского края //Почвы Сибири: особенности функционирования и использования. Красноярск, 2013. 150 с.
5. Чупрова В. В. Почвы Сибири: лабораторный практикум. Красноярск, 2018. 126 с.

УДК 93/94

Сибирское садоводство в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г.

Левина Жанна Ефимовна
доктор исторических наук, профессор
Омский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории
Омск, Россия
zhlevina55@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0007-2633-0197

АННОТАЦИЯ Целью работы является выявление особенностей репрезентации сибирского садоводства в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. На обширном фактическом материале показывается, что развитие сибирского садоводства в реконструктивный период, умаляя опыт предшествующего этапа, представлялось как системная, плановая деятельность, возможная только в условиях нового государства. Тексты справочников демонстрируют когнитивные, ценностные, регулятивные смыслы распространения плодовых культур на северных территориях. Сады и садоводство Сибири подавались не только как феномены, имеющие экономическое, научное, эстетическое значение, но и как конвенциональные знаки, превращаясь в политические символы новой эпохи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История Сибири, образ Сибири, аграрная модернизация, история садоводства, сибирское садоводство, Всесоюзная сельскохозяйственная выставка.

Необходимость выделения каналов, форм и методов формирования стереотипов-воспоминаний о реализации советской государственной модернизационной стратегии не только в Сибири, но и в СССР в целом, в официальной советской памяти, создание наиболее полного образа региона, а также расширение представлений о механизмах его формирования в официальной советской культуре, определяет обращение к теме репрезентации достижений сибирских садоводов в путеводителях Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. Гуманитарные исследования последних лет демонстрируют устойчивый интерес к «Великому смотру», как «гигантской потемкинской деревне», «Эдему коммунизма», «главной витрине страны», презентующих превосходство новой политической системы и культуры. В работах, посвященных экранному образу Сибири, самопрезентация региона на ВСХВ фиксируется в качестве яркого символа социалистических преобразований [5].

Значительное внимание к садоводству в Сибири в материалах Выставки обусловил третий пятилетний план, нацеливавший на рост потребления более чем в 1.5 раза. Развитие садоводства в СССР, предполагавшее «резкое» увеличения производства фруктов, виделось одним из факторов «дальнейшего» улучшения питания и повышения материального благосостояния населения в целом. [1, с. 60] В годы первых двух пятилеток государство, по данным справочной литературы, вложило в развитие садоводства полмиллиарда руб. [1, с. 14]. Согласно плану третьей пятилетки, площадь садов должна была увеличиться в 1,5 раза, а продукция садоводства более чем в 2 раза [1, с. 60]. Тема сибирского садоводства связывалась с хозяйственным освоением северных территорий, что рассматривалось в качестве одной из основных государственных задач.

Подчинение официальной концепции полуколониального положения Сибири в царской России, в которой состояние сельского хозяйства региона представлялось в жалком состоянии, а сам регион «потребляющей полосой», никогда не производившей пшеницы и ржи в количестве, «достаточном для прокормления сибирского населения» [4, с. 25], определило неоднозначность оценки потенциала природных ресурсов

Сибири в путеводителях Выставки. Авторы путеводителя павильона «Юные натуралисты», признавали, что природа Омской области, «не так уж безнадежно бедна плодами и ягодами» и отмечали «издавнее» наличие на омских землях сибирской яблони, степной вишни, смородины, малины, клубники, земляники [2, с. 31]. Составители справочника по павильону «Садоводство» писали о чрезвычайном богатстве флоры Севера и Дальнего Востока плодовыми и ягодными дикоросами. На западе Сибири отмечалась зимостойкая степная вишня, в тайге «ценнейшие ягодники»: «Дикорастущие растения Сибири и Дальнего Востока – золотой фонд для селекционной работы и источник получения ценной плодово-ягодной продукции» [1, с. 40]. Представленный в павильоне альбом «Дикорастущие плодовые и ягодные растения», подготовленный Всесоюзным институтом растениеводства, должен был показать значение и распространение дикорастущих растений [1, с. 45]. Традиции садоводства в Сибири трактовались весьма скромно. В путеводителе по павильону «Садоводство», отмечалось, что в досоветский период в северных зонах имелись «отдельные очаги садоводства», «плодовые деревья насчитывались единицами и десятками» [1, с. 40], садов «совсем не было» или были только «отдельные садики любителей» [1, с. 9]. Деятельность земств, создававших земские опытные станции и поля, службы агрономической помощи, комиссии, проводивших многочисленные совещания и съезды в дореволюционной России, предлагавших в 1916 г. государственное централизованное планирование, мобилизацию науки и даже коллективизацию, все то, что смогла в дальнейшем внедрить советская власть, не упоминалась. Никак не оценивались результаты работы и Западно-Сибирской областной станции, использовавшей для своих экспериментов опытно-селекционное хозяйство Н. Л. Скалозубова, а с 1915 г. перешедшее Омскому сельскохозяйственному обществу. [6, с. 382 – 383] Идеи создания ботанического сада в Иркутске еще в XIX в., планы, предполагавшие его существование в центральной части города, не отмечались [8, с.32].

В современных публикациях деятельность земских станций и статус их работников котируется достаточно высоко. Подчеркивается редкое сочетание исследовательских возможностей и материального достатка, привлекавших сотрудников. [6, с. 370 – 371] Определяется роль первых любителей-плодоводов в интродукции и селекции плодовых растений, разработке оригинальных приемов их размножения и возделывания, популяризации и пропаганде садоводства. [9, с. 16]

Достижения сибирского садоводства, как составляющей аграрной модернизации, демонстрировали количественные показатели передовых по садоводству сибирских колхозов. За годы двух первых пятилеток площадь северных садов составила 12 тыс. га. [1, с. 40]

В павильоне «Садоводство» успехи сибиряков в советское время подробно показывались в числе 15 лучших хозяйств страны [1, с. 8]. В колхозе им. Молотова Шипуновского района Алтайского края с 1 га яблоневого сада в 1938 г. получили 46 центров урожая, что было в 2, 2 раза меньше чем в совхозе Рязанской области и в 3.2 раза уступало показателям крымского колхоза «Красный Крым» [1, с. 41 – 42; с. 20, 27]. Площадь плодового сада алтайского колхоза составляла 10,5 га, питомника 8 га, ягодника 3 га. Новые «закладки» занимали более 40 га плодово-ягодных насаждений [1, с. 41 – 42]. В колхозе им. 15-летия РККА Минусинского района Красноярского края (с. Кривенское) саду отводилось 13,7 га. В третьей пятилетке планировалось увеличение площади до 50 га [1, с. 42 – 43]. Колхоз «Красный Крым», где садоводство было ведущей отраслью, в это же время выращивал фрукты на 137 га [1, с. 20].

Особенности сибирской агротехники иллюстрировались на примере «образцового» хозяйства им. Молотова: сад защищался от ветров березовой опушкой, внутри сада имелись ветрозащитные насаждения, существовала схема севооборота,

применялись органические и минеральные удобрения для подкормки деревьев [1, с. 42].

Повышение благосостояния демонстрировало преображение с. Кривенского из «захудалой, нищенской деревни» в «культурное село», с «кипящей» «счастливой, зажиточной жизнью» [1, с.43].

Достижения ученых представлял Александр Дмитриевич Кизюрин, профессор Омского сельскохозяйственного института им. Кирова. Метод стланцевых культур плодовых деревьев, примененный кафедрой плодоводства института [7, с. 54], позволял выращивать в Сибири мичуринские, европейские, американские «приземленные» сорта яблонь, груш и вишни [1, с. 43]. Новаторская агротехника северных садов распространялась в колхозах Омской области, заложивших 100 га стелющихся садов [1, с. 44]. В садах Выставки показывалась вишня Любская, стелющиеся яблони Штетинское, «мичуринская» Славянка, Апорт белый и др. «шестилетнего возраста» [3, с. 36]. Павильон «Сибирь» украшала «огромная, изящно отделанная корзина», наполненная доверху плодами из сада Кизюрина, «по вкусу и размерам не уступающим лучшим сортам плодов страны» [4, с. 46].

Опыт «старой школы» сибирских садоводов представлял мичуринец А. И. Олониченко, работавший в Красноярске с 1894 г. Выведенные им сорта Тунгус, Карагаз, Полярное были «стандартными» для сибирского плодоводства и получили широкое распространение в Сибири, а сорт Непобедимое стал самым популярным в местных садах [1, с. 44].

Результаты молодых ученых по гибридизации или скрещиванию для выведения новых сортов демонстрировал Н. Н. Тихонов, работавший в г. Ворошилове Уссурийской области, а затем в Алтайском опорном пункте. Н. Н. Тихонов вывел новые сорта слив, груш, винограда, сливово-вишневых гибридов. М. А. Лисовенко не только получил новые сорта смородины, крыжовника, земляники, но и вел работу по популяризации колхозного садоводства на Алтае [1, с. 45].

Преемственность и будущее советского сибирского садоводства показывал павильон «Юные натуралисты». Работу «юных кизюринцев» Омской детской сельскохозяйственной станции передавало «первое стекло» художественного витража, посвященного достижениям и методам работы юннатов по продвижению сельскохозяйственных культур на север. Детализация повседневной работы кружковцев давала представление о формах работы и научных интересах. Школьники участвовали в походах по пригородным колхозам Омска для поиска сортов с лучшими показателями, изучали припочвенный климат для определения оптимальной высоты штамба стелющихся плодовых деревьев, вели селекционный отбор лучших сортов вишни, для последующего распространения этих сортов в колхозах Сибири, применяли метод Мичурина для разведения тутовых деревьев в условиях Омска, выясняли влияние яровизации на рост и плодоношение. Подробно рассказывалось о проблемах, над которыми работали такие молодые экспериментаторы как Герман Шакиров, Таня Суворова, Ваня Сорокин [2, с. 34 – 35, 43, 44]. Опыт работы с детьми на земских опытных станциях, где «маленькие селекционеры» занимались, например, массовым отбором колосьев [9, с. 379], не фигурировал.

«Цветущая» советская Сибирь показывалась буквально: «На непрерывно движущемся транспортере один за другим проходят фотокадры с текстами, расположенными на фоне цветущих яблонь. Тут же изложены новые принципы плодоводства» [4, с. 46].

Заключение

Понимание преображения Сибири, подчиняясь «шаблону средней полосы», связывалось с переносом и дальнейшим продвижением европейских форм

хозяйствования. Результаты работы сравнивались с показателями областей, традиционно занимавшихся садоводством. Замалчивая опыт дореволюционного периода, развитие сибирского садоводства в реконструктивный период представляли как системную, плановую деятельность, ставшую возможной только в условиях нового государства. Путеводители ВСХВ показывая экономическое, научное, эстетическое значение развития садоводства в регионе, представляли сады как один из символов превращения Сибири из «необъятного края необъятного горя» в «цветущий социалистический индустриально-аграрный край».

Список литературы

1. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Павильон «Садоводство»: путеводитель. Москва: Изд-во ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 60 с.
2. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Павильон «Юные натуралисты»: путеводитель. Москва: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 63 с.
3. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Сады Выставки: путеводитель М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 60 с.
4. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка (1939; Москва). Сибирь: путеводитель. М.: ОГИЗ; Сельхозгиз, 1939. 46 с.
5. Головнев И. А., Головнева Е. В. «Сибирь советская: образ региона в культурфильме Александра Литвинова // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 57 – 82.
6. Елина О.Ю. От царских садов до советских полей. История сельскохозяйственных опытных учреждений, XVIII – 20-е годы XX в.: В 2 т.М.: Эгмонт-Россия, 2008. Т.2. 487 с.
7. Кизюрин А. Д. Культура плодовых деревьев в приземленной форме. Опыт сибирских мичуринцев. Новосибирск: Западно-Сибирское краевое изд-во, 1936. 105 с.
8. Кузеванов В. Я., Сизых С. В. Ресурсы ботанического сада Иркутского государственного университета: образовательные, научные и социально-экологические аспекты. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2005. 243 с.
9. Усенко В. И. Состояние и перспективы развития сибирского садоводства // Достижения науки и техники АПК. 2006. №1. С.15 – 18.

УДК 94(571.150)

Производство технических культур в Алтайском крае в 1980-е годы

Орлов Дмитрий Сергеевич
доктор исторических наук, профессор
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
Бийск, Россия.
orlovd2010@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6500-354X

Носова Жанна Викторовна
аспирант
Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина, кафедра историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин
Бийск. Россия.
zhanna_nosova@list.ru

АННОТАЦИЯ В статье предпринята попытка рассмотреть развитие производства технических культур в 1980-е гг. в одном из крупнейших аграрных регионов Западной Сибири и СССР – Алтайском крае. Авторы изучают эволюцию использовавшихся агротехнологий, изменение материально-технической базы подотраслей, механизацию и химизацию свекловодства. Делается вывод о том, что спад в производстве технических культур в начале одиннадцатой пятилетки был вызван разбалансировкой хозяйственного механизма и серией недородов, а восстановление подотрасли в 1983-1985 гг. стало основой для её устойчивого функционирования в двенадцатой пятилетке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Аграрная политика, сельское хозяйство, плановая экономика, подсолнечник, свекловодство, Алтайский край.

Алтайский край являлся крупным производителем технических культур, несмотря на то, что их удельный вес в структуре посевной площади в Алтайском крае на протяжении исследуемых пятилеток был незначительным. Тем не менее выращивание базовых технических культур – сахарной свеклы и подсолнечника играли важную роль в формировании внутри регионального фонда соответствующих продуктов питания – сахара и растительного масла.

Алтайский край был единственным регионом за Уралом, имевшим развитое промышленное сахарное свекловодство. В крае было 35 свеклосеющих районов, функционировало 4 сахарных завода, в том числе самый крупный – в Бийске. Контроль качества в 1980 г. осуществляли 12 специализированных лабораторий и 10 линий по учёту сахаристости. Крупными свекловодческими хозяйствами являлись совхозы «Кубанка», «Сростинский», «Рубцовский», «Бийский», «Белокурихинский», «Алтайский», «Чистюньский», колхозы «Путь к коммунизму» Рубцовского района, «Путь Ленина» Тюменцевского района, «Заря Алтая» Завьяловского района. Высокоинтенсивное хозяйство – совхоз «Рубцовский» стал школой передового опыта в свекловодстве в Алтайском крае. За достигнутые успехи в развитии производства свеклы совхоз был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Производство свеклы в крае ещё в 1960 – 1970-е гг. выделили в отдельную отрасль. Алтайский трест племенных и семеноводческих свекловодческих совхозов, созданный в 1968 г., выращивал семена для свекловодческих хозяйств региона. Кадры для свекловодства готовились в крае и за его пределами. В 1977 г. на Бийской опытной

станции свекловодства было переподготовлено 370 руководителей и специалистов, 48 чел. прошли курсы повышения квалификации во Всесоюзном научно-исследовательском институте сахарной свеклы и хозяйствах Украинской ССР. Регулярно проходили семинары свекловодов.

Большой задел в области селекции свеклы был сделать в предшествующие годы. Ученые Бийской опытно-селекционной станции в 1960 – 1970-е гг. вывели около 40 новых сортов сахарной свеклы, совмещающих высокую урожайность с высокой сахаристостью. Сорта «Б 541», «Б 1641», «Б 309», «Б 159», «Б 032» отличались холодостойкостью и скороспелостью. В 1968 г. был районирован первый сибирский сорт односемянной сахарной свеклы с минимальными затратами ручного труда и последующим переходом к промышленной обработке. Основным направлением селекции в свекловодстве было создание односемянных сортов и гибридов с односемянностью не ниже 95%, всхожестью семян 85–90% [2, с. 174 – 175].

Тенденцией одиннадцатой пятилетки в свекловодстве стало сохранение размеров посевных площадей. Во второй половине десятилетия площадь посева увеличилась: к 1989 г. – на 9,6%. (Таблица).

Таблица.
Производственные показатели развития свекловодства и выращивания подсолнечника в хозяйствах всех категорий Алтайского края в 1981-1989 гг. [1].

	1981	1982	1983	1984	1985	1986	1987	1988	1989
Свекла (фабричная)									
урожайность, ц/га	95	104	104	101	102	102	109	118	100
валовой сбор, тыс. т	570,5	627,1	625,0	608,5	616,0	604,5	692,2	798,3	659,6
госзакупки, тыс. т	492,6	553,6	532,6	515,4	529,7	542,1	606,0	714,7	575,0
Подсолнечник									
урожайность, ц/га	3,6	4,1	3,8	5,2	5,6	6,1	6,2	5,6	5,1
валовой сбор, тыс. т	26,9	25,5	33,2	50,7	53,7	55,3	64,2	64,2	62,4
госзакупки, тыс. т	17,2	16,9	22,2	34,0	31,1	39,2	48,4	44,7	43,3

Более половины посевов сахарной свеклы в регионе возделывалось по индустриальной технологии. Колхозы и совхозы располагали 1100 свекловичными комбайнами при расчётной потребности 815 единиц. Интенсивное обновление парка свеклоуборочных комбайнов привело к тому, что около 200 комбайнов модели «КСТ-3А» в не использовались.

В свеклосеющих хозяйствах в середине 1980-х гг. получил распространение опыт совхоза «Алтайский» по уборке сахарной свеклы без ручной доочистки. Однако «узким местом» при этом являлась отвозка и погрузка корней. Обеспеченность свеклопогрузчиками удовлетворялась всего на одну треть от потребности. Из-за недостатка автотранспорта хозяйства по 1,5-2 месяца не могли вывезти собранный урожай на свеклоприёмные пункты, что приводило к потере сахара.

В целом, производственные показатели развития свекловодства в одиннадцатой пятилетке были хуже результатов второй половины 1970-х гг. Усугубили ситуацию засуха и неурожаи начала 1980-х гг. Среднегодовая урожайность упала – до 101 ц/га, валовой сбор – до 609,4 тыс. т, госзакупки – до 524,8 тыс. т. (Таблица 1). В годы

двенадцатой пятилетки свекловодческая отрасль развивалась более быстрыми темпами: среднегодовой сбор по сравнению с предыдущим пятилетием вырос на 12,9%, а госзакупки – на 16,1%. Урожайность выросла незначительно – до 107 ц/га.

Абсолютно бо̀льшая часть посевов подсолнечника Западной Сибири также была сосредоточена в Алтайском крае. В годы восьмой пятилетки произошел более чем двукратный рост посевных площадей, занятых подсолнечником. Им в зернопаропропашных севооборотах заменяли кукурузу, резкий рост посадок которой в предыдущий период был признан ошибочным. Однако в первой половине 1970-х гг. ситуация изменилась. Подсолнечник стал вытесняться кукурузой, которая была признана более продуктивной и ценной кормовой культурой. Нарастание дефицита продовольствия во второй половине 1970-х – первой половине 1980-х гг. привело к росту посевов подсолнечника. Выработанное из него растительное масло шло на пополнение региональных продовольственных фондов. Однако недороды начала 1980-х гг. стали причиной снижения производства подсолнечника. В годы одиннадцатой пятилетки его собрали на 15% меньше, чем в годы десятой пятилетки, госзакупки уменьшились на 27%. В двенадцатой пятилетке отрасль развивалась динамичнее. Урожайность достигла показателя 5,8 ц/га, валовый сбор вырос более чем в полтора раза, закупки – на 80% (Таблица 1).

Спад в производстве технических культур в начале одиннадцатой пятилетки был вызван разбалансировкой хозяйственного механизма и серией недородов. Фактическое восстановление подотрасли в 1983 – 1985 гг. стало основой для её устойчивого функционирования в двенадцатой пятилетке. Механизация отрасли значимо расширила производственный потенциал сельхозпредприятий Алтайского края, однако носила незаконченный характер. Существенно возросли масштабы химизации в сельском хозяйстве. Свекловодство и производство подсолнечника демонстрировали динамику развития, аналогичную зернопроизводству – спад в начале десятилетия и бурный рост во второй половине.

Список литературы

1. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф.П. 1. Оп. 151. Д. 129. Л. 4, 5,7.
2. Орлов Д. С., Ильиных В. А., Андреенков С. Н. Сельское хозяйство Западной Сибири во второй половине 1960-х – 1980-е гг.: динамика, организационно-производственная и отраслевая структура: моногр. Новосибирск: Сибпринт, 2018. 304 с.

УДК 908

К осмыслению великой реформы

О-Ун-Дар Константин Ундарович
кандидат исторических наук, доцент
Средняя школа №13
Красноярск, Россия

Голубева Анна Викторовна
учитель истории и обществознания
Средняя школа №13
Красноярск, Россия
golubeva_av@mail.ru

АННОТАЦИЯ Темой доклада является деятельность известного политического деятеля премьер-министра Петра Аркадиевича Столыпина (1862 – 1911), известного своей широкой реформаторской деятельностью. Автор попытался по-новому с высоты прошедших сто двадцати лет взглянуть на результаты и последствия начатой Столыпиным аграрной реформы, опровергнуть наиболее категоричные и шаблонные мнения, высказывания и оценки, а также пролить свет на некоторые малоизвестные аспекты и стороны деятельности великого реформатора. Актуальность такого исследования обоснована современным проблемным положением экономики страны, а также особым повышенным вниманием Столыпина к Сибири в целом и особенно пристально – к Енисейскому региону.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Революция, община, частное владение, хутор, отруб, крестьянский банк, кооперация.

Через несколько лет мы подойдём к весьма значимому для нас, сибиряков, событию – сто двадцатилетнему юбилею столыпинской аграрной реформы. Это достаточно значительный срок и перед нами, хотим мы этого или нет, встаёт давно назревшая задача, а именно: дать наконец взвешенную и предельно объективную оценку этому эпохальному событию в истории нашей Родины. За это бурное столетие было высказано много самых разных мнений и ожесточённых споров, поэтому именно сейчас, думается, настало время разобраться во всех событиях и попытаться расставить всё по своим местам.

Ставший в июле 1906 года премьер-министром сорокачетырёхлетний Пётр Аркадьевич Столыпин был опытным хозяйственником и администратором (в его активе были гродненское и саратовское губернаторства), а также показал себя решительным человеком в деле подавления революции. Здесь необходимо проявить объективность: военно-полевые суды, вменяемые ему в вину, являются в таких обстоятельствах обычным делом и действовали они всего семь месяцев, экзекуционные поезда были созданы не им, а его предшественником Витте. Обратить внимание следует на другое: Столыпин, в отличие от многих, понимал, что карательные меры бессильны, если за ними не последуют реформы. Он писал в начале 1907 года: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей мере недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствия, а не причину; залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъявления» [7, с. 212]. Столыпин прямо указывал на недостатки общинного землевладения, уравнительные настроения, трудности внедрения агрокультурных улучшений вследствие переделов земли, сложности с получением кредитов. Он был уверен, что единоличная крестьянская собственность приведёт к подъёму сельского хозяйства и послужит

«залогом порядка, так как мелкий собственник представляет из себя ту ячейку, на которой покоится устойчивый порядок в государстве» [2, с. 402]. Именно в мелком, а не в крупном (помещичьем) землевладении, по его мнению, была сила России.

Как мы знаем, ранние обращения Столыпина к царю (как и до него Витте) успеха не имели. Нужна была революция 1905 г., чтобы Николай II осознал, что его убеждение в необходимости общины как гаранта социальной стабильности в деревне не соответствуют истинному положению вещей.

9 ноября 1906 года Столыпин подписал исторический указ, освободивший крестьян от власти общины, в 1910 году он стал законом. Крестьяне перестали быть «полуперсонами» и, наконец, стали полноправными гражданами. Начался длительный, сложный и поистине революционный процесс перераспределения земли. И вот тут надо со всей основательностью заявить, что историческое определение Столыпина как «разрушителя общины» не имеет под собой никаких оснований. Своё мнение по этому поводу он изложил предельно ясно: «Пусть собственность эта будет общая там, где община ещё не отжила, пусть она будет подворная сам, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная» [7, с. 95]. Таким образом, не будучи историком, Столыпин понимал, что община есть неотъемлемый результат исторического развития, закономерное выражение русского национального сознания: став в XIX веке анахронизмом, она, тем не менее, давала крестьянской семье гарантию выживания, спасение и защиту. Поэтому процесс ограничения общинного землевладения проходил драматично: община неохотно отпускала своих членов, бедные держались по-прежнему за неё, не обходилось без социальных столкновений и схваток. Это, разумеется, было неизбежно, но, в то же время, необходимо – не для кого не было секретом, что очень часто власть в общине принадлежала зажиточной верхушке, переделы не проводились, а сама она постепенно превратилась в чисто фискальную единица и не устраивала очень многих. Мы знаем, что Столыпин определил их как «новых крепких хозяев»: он постоянно подчёркивал в своих выступлениях, что правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и на сильных» [7, с. 119].

Ход событий показал, что за девять лет реформы таких нашлось немало: на первых порах их оказалось около полумиллиона, а в дальнейшем правом выхода из общины воспользовались более двух миллионов человек. К 1916 году 1,6 миллионов хуторов и отрубов были образованы приблизительно на 1/3 части крестьянской надельной (общинной и подворной) и купленной крестьянами у банка земли. Судя по всему, это было только начало – в действительности потенциальный размах движения оказывался шире: заявления о землеустройстве подавали ещё 20% крестьян Европейской России, но развитию процесса помешали война и революция.

Теперь нам очевидно, что несмотря на препятствия, хуторская реформа набирала силу. Думается, главным здесь являлось то, что хуторяне совершенно по-новому смотрели на своё хозяйство. По словам одного из них «мы как новожёны, с земелькой-то законным браком повенчались. В деревне-то она была гулящая девка, а теперь она твоя законная жена на веки вечные. Худа ли она, хороша, а никто уж, кроме тебя, к ней не полезет». Выражаясь современным языком, мы видим здесь нарождение нового – фермерского – сознания, новой земледельческой психологии. Всего за пять лет (1907 – 1911 гг.) были получены прошения о выделе из общины от 2,653.000 домохозяев, выделилось в 1907 – 1915 гг. 2008,4 тыс. домохозяев, которым принадлежало 14,1 млн. десятин земли [1, с. 259]. Это свидетельствует о том, что реформа Столыпина встретила широкий отклик в массе крестьянского населения страны. Особый успех реформа имела в Новороссии (в губерниях Таврической, Екатеринославской и Херсонской) и в нижнем Поволжье (в губерния Самарской и Саратовской).

Важной составной частью столыпинской аграрной реформы было переселение крестьян из неурожайных губерний России на пустующие земли за Урал. Право переселения предоставлялось всем желающим без ограничений, расселение предполагалось на государственных или кабинетных землях на правах пользования. Справедливости ради надо указать, что переселение крестьян из голодных губерний Европейской России (Вологодской, Пензенской, Ярославской, Пермской) началось сразу же после освободительной реформы 1961 года и поток переселенцев постоянно нарастал – людей не страшил суровый климат Сибири, они шли пешком и им никто не помогал. Нам теперь не трудно понять причины этого движения: людьми двигало знание того, что в Сибири было много свободной земли, не было помещиков и крепостного права (сибирская земля и люди принадлежали государю), а в сибирской общине отсутствовали переделы земли. Общеизвестным была и такая важная черта сибирского общества, как демократизм – на новом месте никого не интересовало кем ты был на своём старом месте до переселения («быль молодцу не укор»), важны были твои реальные жизненные качества, вероисповедование и ментальность. Критики реформы любят указывать на административно-организационные и землеустроительные ошибки п просчёты государства, но при этом забывают о главном: впервые в истории страны государственная власть повернулась лицом к обществу и ответило на его нужды, впервые в истории столь часто ругаемое самодержавие, дотоле не замечавшее самовольного переселения, сделало противоположное – создало режим максимального благоприятствия для переезжающих в Сибирь людей. Нет нужды подробно перечислять все принятые меры – от дешёвых билетов и ссуд до землеустроительных комиссий – это общеизвестно, важно отметить тот факт, что поток переселенцев неожиданно оказался непредвиденно большим. Люди буквально ринулись в Сибирь – теперь они совершенно открыто ехали на поездах по великому Транссибу и государство в силу всех возможностей помогало им. Ехали многочисленными семьями, сыто, комфортно, везли с собой всё, что только возможно, включая мелкую живность и домашнюю птицу. В нашем роду сохранился рассказ женщины, ехавшей в Сибирь из Западной России уже в сознательном возрасте о том, как их везли по рекам даже на плотах, а на пристанях и станциях бесплатно давали хлеб и снабжали горячей водой. Так ехали от трёх до четырёх миллионов человек, 2/3 которых составляли безземельные или малоземельные крестьяне.

Процесс вживания был сложен: организационные и административные неполадки, отсутствие квалифицированных специалистов, проблемы с подготовкой участков, отсутствие дорог, жестокие двухгодичные засухи (особенно в 1910 – 1911 гг.) оказались суровой школой отбора. Не обошлось, разумеется, без неудач – около 500 тысяч крестьян (16%) вернулась обратно в Россию [1, с. 243]. Но остальные – остальные остались, и это решило исход дела. Общее количество укоренившихся новосёлов установить точно в настоящее время установить, к сожалению, едва ли возможно. Но что характерно: в любых источниках численность их с каждым периодом неуклонно возрастает и по новейшим данным приближается к 5 миллионам человек – это само по себе весьма показательно. Так или иначе за период 1861–1905 гг. в Сибирь переселилось примерно 1820 тысяч человек, а за 1906–1914 гг. – как минимум более трёх миллионов. Таким образом, за столыпинское переселение, осуществлявшееся 8 лет, в Сибири поселилось и укоренилось в 1,7 раза больше людей, чем за предшествующие 40 с лишним лет, общее увеличение составило 153%. Наиболее показательным является процесс расширения посевных площадей – за 1906–1913 гг. они были увеличены на 80%, в то время как в Европейской России – на 6,2% [2, с. 568].

Посетив в 1910 году Сибирь и отметив успешность хода реформы, Столыпин и Кривошеин пришли к выводу, что и в Сибири следует встать на путь создания и

укрепления частной собственности на землю, покончить с титулом государственной собственности для всех земель, отводимых в наделы старожилам и переселенцам и устранить общинно-земельные порядки в Сибири, распространив на них соответствующие указы и законы. Результат сказался незамедлительно: в Томской губернии хуторская форма землепользования охватила 33% площади пахотной земли, а отрубная форма утвердилась в Славгородском (19,8%), Омском (12,9%), Канском (8,7%) и Красноярском (6,35%) округах.

Таким образом, при самом беспристрастном и объективном рассмотрении результатов столыпинских реформ надо констатировать определённый подъем сельского хозяйства страны накануне первой мировой войны. Урожайность полей значительно поднялась: вместо традиционных 30 – 35 пудов с десятины средний урожай ржи за пятилетие 1907 – 1912 гг. составил 51 пуд с десятины, озимой пшеницы – около 57 пудов. Производство и экспорт пшеницы значительно выросли: если в 1909 – 1922 гг. из России ежегодно вывозилось хлеба на сумму около 750 миллионов рублей (на 61% больше, чес в 1901 – 1905 гг.), то в 1910 экспорт российской пшеницы составил 36% мирового экспорта. Россия стала крупнейшим производителем и экспортёром хлеба, льна и сливочного масла. Средний ежегодный сбор всех зерновых вместо обычных в предыдущие десятилетия 2 – 2,5 миллиарда пудов в пятилетие 1909 – 1913 гг. превысил 4 миллиарда пудов, поэтому потребление хлеба на душу населения возросло, несмотря на прирост населения и на рост увеличение экспорта. Соответственно увеличился сбор картофеля, выросла площадь технических культур – сахарной свекловицы и хлопка-сырца (в Туркестане).

В связи с указанными событиями надо отдельно упомянуть о деятельности крестьянского банка. После 1905 г. многие помещики, напуганные аграрным террором и слухами о возможном принудительном отчуждении земель, стали продавать свои имения, в результате чего в 1906 – 1913 гг. крестьянским банком было приобретено свыше 4 миллионов десятин помещичьей земли. После выхода закона 1906 г. банком стали выдаваться ссуды под залог надельной земли и стали развиваться различные формы кредита – ипотечного, мелиоративного, агрокультурного, землеустроительного, что способствовало интенсификации рыночных отношений в деревне. Всего за период реформы крестьянским поземельным банком было продано 15 млн. десятин казённой и помещичьей земли, из неё 30% было куплено в рассрочку крестьянами. Особые льготы при этом предоставлялись владельцам хуторов и отрубов, получивших, в отличие от других, ссуду в размере 100% стоимости приобретаемой земли под 5% годовых. В результате, если до 1906 г. основную массу покупателей земли составляли крестьянские коллективы, то к 1913 г. 79% покупателей были единоличными крестьянами [3, с. 282]. На банковских землях стали создаваться крепкие фермерские хозяйства.

Особенно быстрыми темпами в ходе реформы развивалось кооперативное движение. В 1905 – 1915 гг. число сельских кооперативных товариществ увеличилось с 1680 до 15,5 тысяч, число производственных и потребительских кооперативов в деревне возросло с 3 тысяч (в 1908 г.) до 10 тысяч (в 1915 г.). Быстрое развитие сельской кооперации прямо сказалось на росте потребления сельскохозяйственных машин (как привозных, так и отечественного производства): в 1908 г. их было продана на сумму 54 млн. рублей, в 1912 г. – на сумму 311 млн. рублей [2, с. 573].

Итак, какова же историческая оценка столыпинской аграрной реформы? Здесь недопустимо увлекаться публицистическим пафосом и сводить всё к крайним и взаимоисключающим оценкам и определениям. Особенно объективны в этом вопросе должны быть мы – сибиряки, прямые потомки столыпинских переселенцев. И здесь, с высоты прошедших почти сто двадцати лет необходимо твёрдо заявить всем участникам дискуссии: социально-политические итоги столыпинских преобразований

невозможно оценить однозначно в силу того, что реформа осталась незавершённой. К сожалению, у России не оказалось в запасе тех столь необходимых двадцати лет, просимых Столыпиным – уже в 1915 – 1916 гг. в связи с войной проведение реформы фактически прекратилось, а в июне 1917 года она была официально прекращена Временным правительством. Но, в данном случае, можно и нужно выяснить и определить тенденции развития начавшегося общественно-исторического процесса и, сделав это, сопоставить картину событий с результатами государственной и общественной деятельности. И вот тут мы приходим к неоспоримому факту: крестьянское общество пошло навстречу мероприятиям правительства и приняло активное участие в преобразованиях. Реформа, говоря просто, пошла: люди, земледельцы и хлеборобы, поверили в неё, дружно поднялись и отдали ей все свои силы. Выражаясь научно – начался процесс трансформации крестьянской общины, выделение новых собственников, уменьшение помещичьего землевладения, переселение крестьян из Центральной России за Урал. Поэтому ни в коем случае нельзя согласиться с мнением части исследователей о неудаче реформы – незавершённость процесса в силу объективных исторических обстоятельств (смерть Столыпина, мировая война, революция) не означает его конечного поражения.

Разумеется, у реформы были и отрицательные стороны – пролетаризация бедных крестьян, борьба «середняков» против разрушения общины, рост социальной напряжённости в деревне и многое другое. Это вполне понятно – любой глобальный общественный процесс имеет как положительные, так и отрицательные моменты и об этом написано очень много. Но в данном случае хотелось бы упомянуть о некоторых достаточно важных моментах, без которых характеристика Петра Аркадьевича Столыпина как политика, реформатора и государственного деятеля была бы неполной: Столыпин был твёрдым и решительным противником отчуждения и конфискации помещичьей, государственной и удельной земли в любой форме. Вот его слова: «Путём перераспределения всей земли государство не приобретёт ни одного лишнего колоса хлеба. Уничтожены, конечно, будут культурные хозяйства. Временно будут увеличены крестьянские наделы, но при росте населения они скоро обратятся в пыль, и эта распылённая земля будет высылать в города массы распылённого пролетариата». Разумеется, это было бы подрывом принципа частной собственности, это подорвало бы веру в законность действий государства. По меткому выражению министра, раздел 130 тысяч дворянских поместий повторил бы историю тришкина кафтана. И здесь Столыпину нельзя отказать в последовательности: ситуация после революции 1905 года и будущий промышленный подъём может быть вполне позволили бы разрешить вековой вопрос о земле вот таким, образно выражаясь «географически-перестановочным» способом, который предложил он. Другое дело, что в 1917 году неразрешённость земельного вопроса, усугублённая бессмысленной войной, довела крестьянство до такого взрывоопасного состояния, что уже не допускала никакого решения, кроме силового.

Ну а что же Сибирь? Каковы были планы великого реформатора в отношении её? Нам думается, ответ на этот вопрос следует искать в его заявлении: «Сибирь должна стать животноводческой экономией» [5, с. 69]. Оставим на его совести заявления о том, что, когда сибирские земли будут введены в сельскохозяйственный оборот, в России не окажется достойных соперников на мировом рынке зерна. Петра Аркадьевича можно понять – они вернулись с Кривошеиным из поездки по Сибири окрылёнными и не могли не строить восторженных планов. Но, в отличие от них, мы, их потомки, знает такие понятия как «зона рискованного земледелия» и «холодно-континентальный климат». Эти термины только недавно появились в серьёзной литературе и ещё не дошли до страниц учебников, но даже и не специалистам ясно, что эти определения целиком и полностью относятся к Сибири. Климат есть климат, качество земли

изменить невозможно. При всём желании, при всех усилиях, хлеборобству Сибири не по силам состязаться с признанными житницами страны – черноземной Украиной и Кубанью, с мировыми лидерами – США и Аргентиной. Но, в данном случае, думается, главное находится не в этом, главное в том, что суровая Сибирь сама вполне способна в избытке обеспечить себя хлебом и другими продуктами, что она есть самодостаточный и обеспеченный регион. А вот наличие обширных пастбищ, богатой тайги и могучих рек, бескрайние просторы и сильные люди – это вполне реально должно вызвать и Столыпина и нас мечту о бескрайних стадах, мясных и звериных фермах, молочном и масляном изобилии. И, наконец, как могли появиться мы – жители сибирских городов, которых с каждым днём становится всё больше и больше? Ответ ясен любому социологу – в города выплёскивается переизбыток сельского населения, те, кому нет места в деревне, те, кто может прожить без земли. Этот процесс бурно пошёл после войны по всей стране и это закономерно, это результат индустриально-промышленного рывка. Но, хочется подчеркнуть в заключении, в основе этого процесса неизбежно и закономерно лежит результат упорядочивания положения на земле, положительный итог землеустроительных преобразований.

Список литературы

1. Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991. 285 с.
2. Дубровский С. М. Столыпинская земельная реформа. М., 1963. 599 с.
3. Зеньковский Л. В. Правда о Столыпине. Нью-Йорк, 1956. 302 с.
4. Зырянов П. Н. Столыпин без легенд. М. 1991. 63 с.
5. Казарезов В. В. О Петре Аркадьевиче Столыпине. М., 1991. 94 с.
6. Степанов С.А. Загадки убийства Столыпина. М., 1995. 304 с.
7. Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия. Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911. М., 1991. 410 с.

УДК 94

Динамика численности скота в Красноярском крае в 1953 – 1964 гг.

Павлюкевич Руслан Витальевич
кандидат исторических наук, доцент
Красноярский Государственный аграрный университет, кафедра истории и политологии
Красноярск, Россия.
autocrator@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3537-7118

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается динамика численности крупного рогатого скота, свиней и мелкого рогатого скота в период с 1953 по 1964 гг. За этот период численность крупного рогатого скота выросла на 48%, в то время как рост числа свиней был еще выше, на 77%, При чем, если взять за точку отчета не 1964 г., когда произошел спад свиноводства в результате ряда ошибок руководства, а относительно 1963 г, то рост составит 134 %. Тем не менее, несмотря на высокие цифры, скорость прироста была недостаточно и не поспевала за ростом населения края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярский край, 1953 – 1964, животноводство, аграрное развитие Сибири, модернизация.

После смерти И. В. Сталина существовавшая система управления экономикой, созданная в его годы уже не могла функционировать далее. Сталинская система управления была рассчитана на быстрое создание индустриальной базы развития страны, а потом на победу в Великой Отечественной войне. После достижение данных целей, подобная система экономики приводила к проблемам и диспропорциям развития. Особенно проблематично было место сельского хозяйства, выступавшее в качестве главного донора для всех преобразований 30 – 40-ых гг.

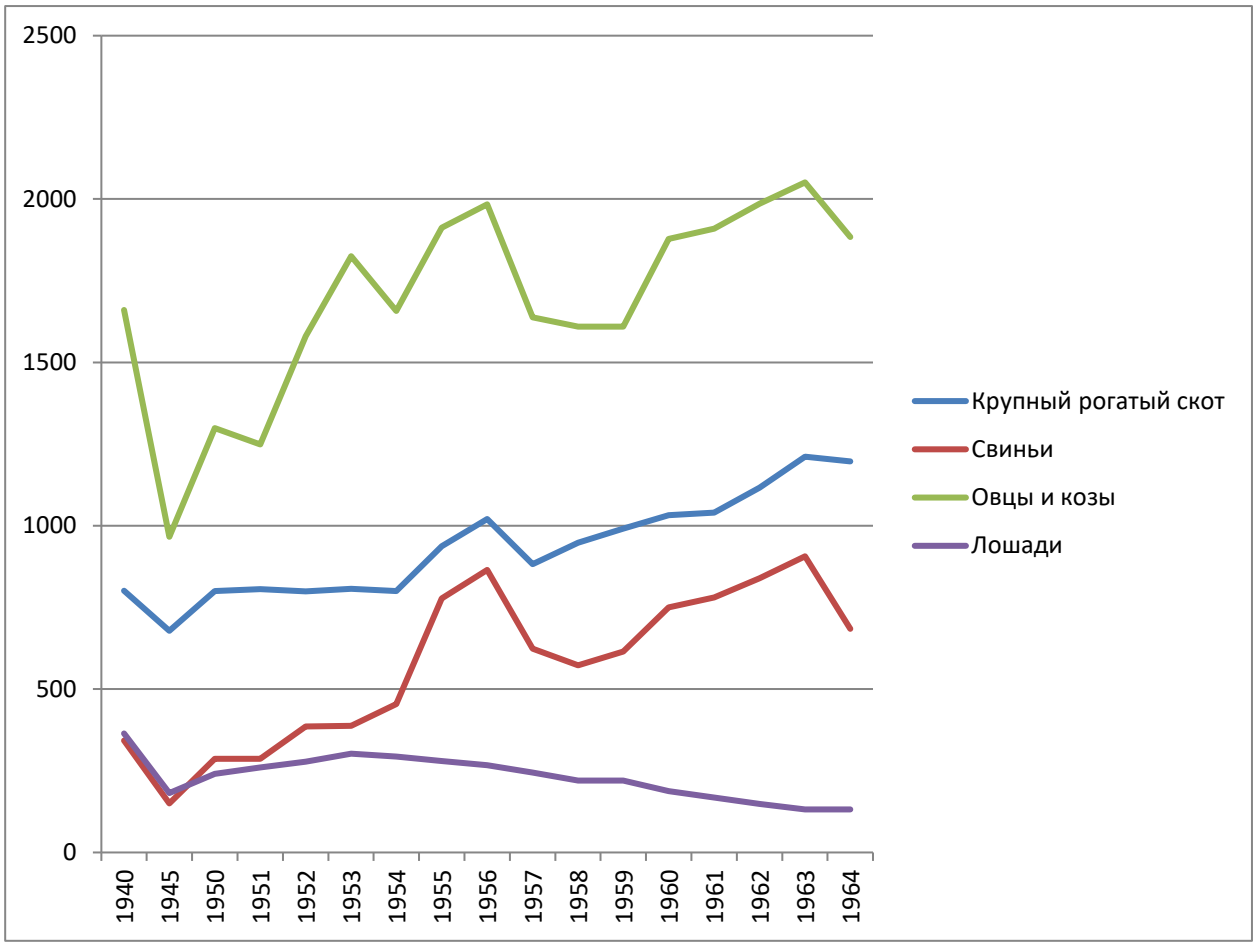
В новых условиях, в которых оказалась страна, подобная ситуация требовала кардинальных изменений. Развитие СССР требовало обращение к легкой промышленности и сельскому хозяйству. Неудивительно, что практически сразу же с 1953 г. и в речах Г. М. Маленкова и Н. С. Хрущева, таким образом, данное направление стало частью политической борьбы за власть в стране. Так в рамках принятия нового бюджета в августе 1953 года, который был направлен на развитие лёгкой промышленности и сельского хозяйства. Хрущев раскритиковал Г. М. Маленкова на Пленуме ЦК в сентябре того же года, который ранее заявлял, что «проблема хлеба решена», Хрущёв продолжал отодвигать оппонента на «второй план». В конце концов ключевым моментом подтверждавшим серьезность властей в этом направлении стал знаменитый призыв Н. С. Хрущева: «Догнать и перегнать Америку по производству мяса и молока», произнесенный им 22 мая 1957 года - в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства, так же в рамках этого собрания была поставлена амбициозная задача за три года утроить производство мяса в стране.

Воплощение данного лозунга в жизнь требовало от властей усилить свое внимание на животноводство стране. Требовались ускоренные темпы его развития по всей стране, в том числе и в Сибири.

Следует заметить, что для Красноярского края необходимость развития собственной животноводческой базы была особенно актуальна в рассматриваемые годы. Именно на переломе 1950 – 1960-ых гг. городское население края, наконец-то обошло по численности сельское. В крае шли процессы форсированной индустриализации в этих условиях край, удаленный от традиционных сельскохозяйственных районов страны, нуждался в собственной базе животноводства,

способной содержать все более растущее свое городское население. В рамках данной статьи, будет проанализирована динамика численности местного скота по четырем основным категориям: крупный рогатый скот в целом, в том числе коровы, свиньи, мелкий рогатый скот и лошади в период с 1953 по 1964 гг.

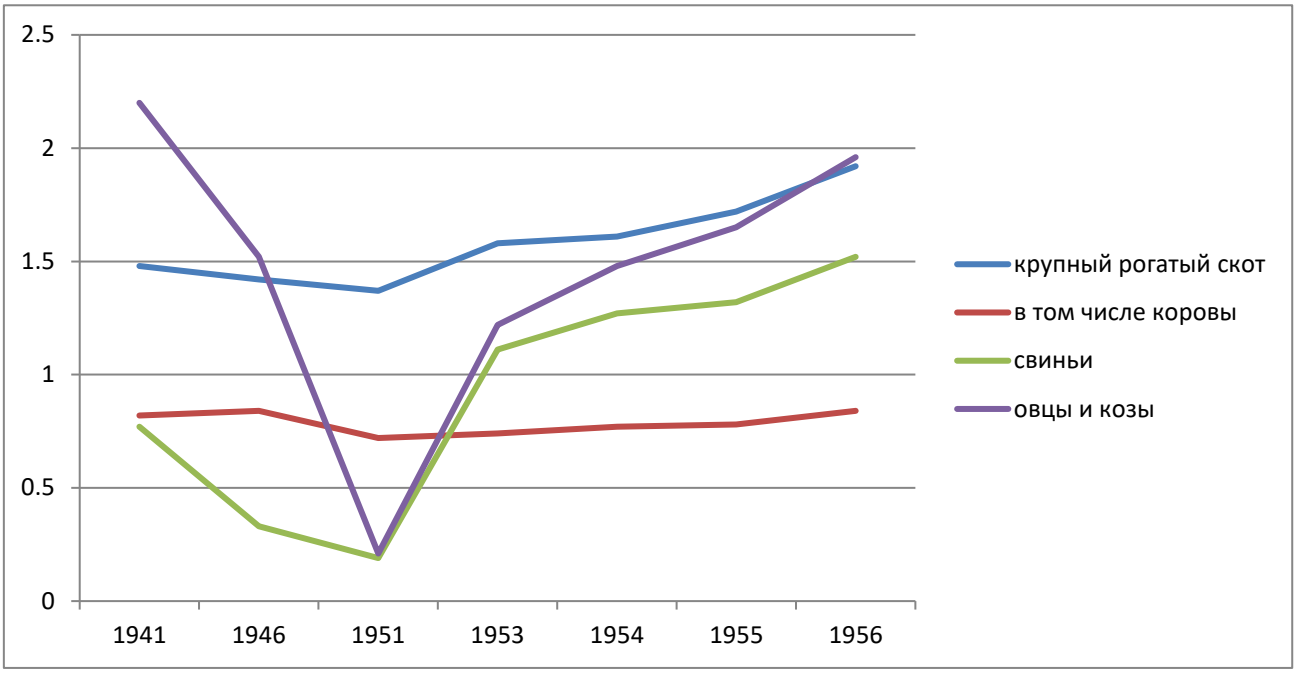
График 1. Динамика численности скота в Красноярском крае в 1940-1964 гг. в тыс. голов.

Составлено по Ф.Р. 1300 оп. 2, д1861 л.11, д.1862, л.47, д.1994, л. 173, д. 3638, л1, д. 4187, л. 28.

Первое, что бросается в глаза исходя из данных, это что самым многочленным стадом скота в крае были стада мелкого рогатого скота. Причем преимущественно, здесь это были овцы, доля коз в рамках этих цифр было относительно незначительным. Высокая численность стад овец в крае было связано с тем, что к краю в рассматриваемые годы относились Хакассия и Тыва, где разведение данного вида скота относится к традиционным занятиям населения. Во-вторых, овцы всегда были более удобным типом скота для развития в условиях традиционного общества. Они не столь чувствительны к условиям содержания или кормам, как крупный рогатый скот или свиньи. В тоже время численность мелкого рогатого скота в рассматриваемые годы не отличалась стабильности, для нее были характерны, как взлеты, так и падения, что было связано не только со внешними факторами, но и с государственной политикой. Так если мы посмотрим срез численности скота, находящегося в собственности у населения.

График 2. Количество голов скота на хозяйство колхозников в 1941 – 1956 гг.

Составлено по Ф.Р. 1300, опись 3, дело 1861, л. 35

То видно, что дно численности мелкого рогатого скота в период в 1950-1960-ые гг. приходится на 1951 г., что отражено и в резком сокращении численности данной группы в собственности у населения. Следует заметить, что 1951 г. стал критичным по всем видам скота в собственности у населения. Падение показателей численности был связан с тем, что в 1950 – 1951 г., накануне принятия очередного пятилетнего плана, государство приняло решение повысить налоговое бремя по сельскому хозяйству, а также повысить нормы сдачи мяса, молока, шерсти и яиц, что вызвало резкое падение числа скота на хозяйство, особенно овец [6]. В целом же за период с 1953 по 1964 гг. численность стад мелкого рогатого скота в крае практически не изменилось. Общий рост стад составил всего 3% за 11 лет. Но опять же следует заметить, что мелкий рогатый скот в условиях индустриализации сельского хозяйства не являлся приоритетным в этих условиях для хозяйственного руководства края.

Приоритетным для властей выступало свиноводство и разведение крупного рогатого скота. На эти направления были сосредоточены основные силы сельского хозяйства в крае. Так численность крупного рогатого скота выросла на 48%, в то время как рост числа свиней был еще выше, на 77%. Причем если взять за точку отчета не 1964 г., когда произошел спад свиноводства в результате ряда ошибок руководства, а относительно 1963 г, то рост составит 134 %. Столь резкий рост свиноводства был связан с тем, что изначально оно в крае практически не было развито. На 1940 г. численность свиней в крае было наименьшим относительно других видов скота. Это объяснялось тем, что свинья более удобное для разведения животное, когда уже существуют определенные условия. Конечно же она не требует широких пастбищ, как крупный рогатый скот или овцы, но зато она требует специальных помещений и кормов, а также внимание ветеринарных врачей. Свинья скот характерный для индустриально развитого сельского хозяйства, имеющего доступ к строительным организациям и специальному оборудованию.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1300, оп. 2, д. 1861.
2. Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1300, оп. 2, д. 1862.

3. Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1300, оп.2, д. 1994.
4. Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1300, оп 2, д. 3638.
5. Государственный архив Красноярского края Ф.Р. 1300, оп 2, д. 4187.
6. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.

УДК 94(47).073

Взгляды сибирских социал-демократов – современников на проведение столыпинской аграрной реформы за Уралом

Пантелеев Владимир Иванович
кандидат исторических наук, доцент
Красноярский государственный аграрный университет, кафедра логистики
Красноярск, Россия
vpanteleev@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Анализируются публикации сибирских социал-демократов – авторов и участников журнала «Сибирские вопросы» (1905 – 1913), посвященные анализу реализации столыпинской аграрной политики за Уралом. С 1907 года журнал являлся органом депутатов-сибиряков Государственной думы. На его страницах находили отражение взгляды авторов – социал-демократов, в том числе и депутатов Государственной думы от Сибири: М. К. Ветошкина, Д. М. Зайцева, А. А. Войлошникова, Ф. Н. Чиликина, Т. О. Белоусова. Отдельные социал-демократы публиковались в журнале как под собственными фамилиями, так и под псевдонимами. В целом, на страницах журнала была достаточно широко представлена социал-демократическая палитра взглядов на проведение столыпинской аграрной реформы за Уралом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, столыпинская земельная реформа, переселение и землеустройство, социал-демократы, меньшевики, большевики.

Цель настоящей статьи – дать характеристику взглядов сибирских социал-демократов на проведение столыпинской аграрной политики за Уралом.

В качестве основного источника использовался журнал «Сибирские вопросы». Журнал «Сибирские вопросы» выходил в Санкт-Петербурге с 1905 по 1913 год. Вначале он выпускался отдельным сборниками, в 1906 году стал ежемесячным, а с I907 года – еженедельным. Журнал с 1907 года являлся печатным органом Сибирской группы депутатов в Государственной думе.

В 1913 г. вышел всего лишь один номер журнала, он прекратил свое существование. Редакция журнала объясняла его закрытие уходом видных сотрудников, и вследствие чего падением к нему интереса со стороны общественности. Действительно, если к концу 1912 года у еженедельника было 544 подписчика, то к февралю 1913 года их число сократилось до 393. Областник А. Адрианов в статье, посвященной закрытию журнала, пришел к выводу, что роль «Сибирских вопросов», как органа, освещающего местные сибирские вопросы, кончена [1].

Вместе с тем, следует учесть, что этот журнал выписывали во всех губернских и уездных городах Сибири. Его авторитет как издания, освещающего сибирские вопросы, был достаточно высок среди местных региональных элит.

В 1905 – 1908 гг. редактором журнала являлся областник П. М. Головачев, а с 1909 г. – народоволец А. И. Иванчин-Писарев, в 1881 – 1888 годах отбывавший ссылку в Сибири, а по возвращении в Европейскую Россию примкнувший к либеральным народниками и являвшийся членом редакции «Русского богатства» [5].

В литературе нет единого мнения о политическом направлении журнала. Некоторые исследователи рассматривают его как областнический орган, другие как орган кадетско-областнический. В своё время М. Б. Шейнфельд высказал мнение, что журнал «по существу являлся кадетским и лишь использовал областничество как «объединяющую платформу» и самый «флаг» областничества. Некоторые областнические тенденции в «Сибирских вопросах», особенно в первые годы его существования при редакторе П. М. Головачеве линь несколько осложняли кадетскую линию

журнала» [17].

Мы примыкаем к последней точке зрения, однако считаем нужным заметить, что несмотря на преобладающее кадетское направление в журнале было сильно и народническое крыло, особенно когда его редактором являлся А. И. Иванчин-Писарев.

Редакция «Сибирских вопросов» нуждалась в талантливых публицистах. Это вынуждало её сотрудничать с представителями левых общественных течений социал-демократического спектра.

Под псевдонимами «М. В.» и «М. Иванов» на страницах журнала появлялись статьи большевика М. К. Ветошкина [10]. В журнале выступал меньшевик Д. М. Зайцев. В период деятельности третьей Думы редакция помещала в журнале речи сибирских депутатов Государственной думы, в том числе социал-демократов А. А. Войлошникова, Ф. Н. Чиликина, Т. О. Белоусова, причем последний был активным автором журнала.

Социал-демократия выступала с острой критикой аграрной политики царизма, хотя меньшевистские установки ряда публицистов проявлялись достаточно отчетливо на страницах журнала.

Первым среди социал-демократов в «Сибирских вопросах» выступил по аграрной тематике Д. Зайцев со статьей «К аграрному вопросу в Сибири». Статья стала поводом к дискуссии среди сибирской интеллигенции.

Зайцев показывает, что законы о сибирском землеустройстве 1896 – 1898 годов не соответствует реальным условиям. Он приводит примеры тяжелого положения сибирских крестьян. Так, в поселке Ивановском Минусинского уезда было 22,7% безлошадных хозяйств, 30,3% – не имели коров, 9,1% – были бездомны. Положение ивановцев осложнялось еще отсутствием в их пользовании необходимого количества удобной земли, вследствие чего землю и покосы приходилось арендовать за высокие цены. В поселке Николаевском, расположенном поблизости, земельная нужда дошла до того, что весной 1905 года крестьянский сход постановил: «если чиновники не прирежут им в надел земли из соседней Ашпинской дачи ..., то с будущего года начнут обрабатывать ее самовольно».

Зайцев пришел к выводу, что «в Сибири возник аграрный вопрос на почве абсолютного малоземелья».

Яркая обличительная критика Зайцева аграрной политики правительства осложнялась его конституционными иллюзиями. Указывая на необходимость коренной ломки организации переселенческого дела, Зайцев возлагал надежды на Думу, которая, по его мнению, должна превратиться в Учредительное собрание [7].

Первым откликнулся на статью Зайцева И. И. Попов, опубликовавший в «Русских ведомостях» заметку под названием «Переселенцы и бюрократическая политика». Приводя фактический материал из статьи Зайцева, он пропагандировал либеральный рецепт решения аграрного вопроса в Сибири: ограничение переселений стихийного характера и введение земства [14].

С опровержением статьи Зайцева выступил чиновник Енисейского губернского переселенческого ведомства В. Ю. Григорьев. Вынужденный признать факты, приводимые Зайцевым, В. Ю. Григорьев объяснил их трудностью землеустроительных работ, нехваткой средств [6].

Он постарался как мог защитить Переселенческое управление. Это ему не удалось, на чем акцентировал внимание Г. Б. Байтов – в то время сотрудник газеты «Сибирская жизнь» [13], а впоследствии ее редактор. Это убедительно показал и Д. Зайцев в новой статье «Критики и защитники». В ней он высмеивает тезис Григорьева о том, что денег на землеустройство у правительства нет. «Сейчас, – пишет он, – деньги дали под давлением петуха в помещичьих усадьбах» [8].

Среди опубликованных в журнале речей депутатов Думы – социал-демократов выделялись речи А. А. Войлошникова (1877 – 1930). В примечаниях к Полному

собранию сочинений В. И. Ленина он охарактеризован как примыкающий к большевикам [11], что согласуется с его выступлениями в Государственной думе.

Однако следует отметить, что в 1915 году, уже не будучи депутатом Думы, он под влиянием Н. А. Рожкова, который жил у него на квартире в Иркутске, отошел к меньшевикам [9].

12 марта 1909 г. при обсуждении сметы Переселенческого управления Войлошников выступал от имени социал-демократической фракции. В своей речи он показал, что стремление самодержавия насадить в России хутора и отруба, и политика переселений – это две стороны одного и того же курса, подчиненного задаче спасти помещичье землевладение в Европейской России. «Вы сеете систему беззакония и произвола и пожнете аграрное движение в Сибири», – бросил он в сторону правых депутатов. «При отсутствии... полной демократизации, – продолжил он, – немыслимо думать, чтобы хотя несколько улучшить переселенческое дело. Нет, гг., оно будет все ухудшаться».

От имени социал-демократической фракции Войлошников зачитал формулу перехода к очередным делам: Дума должна была отказаться от вотирования сметы Переселенческого управления. Эту речь использовал В. И. Ленин в статье «Переселенческий вопрос» [11].

В другой своей речи, произнесенной при обсуждении проекта сметы Переселенческого управления на 1910 г. и опубликованной в «Сибирских вопросах», Войлошников указал на крах столыпинской аграрной политики. «Оно [правительство. – Авт.], – говорил он, – не справилось, да и не могло справиться, с той задачей, которую ставило переселенческой политике...». Рассказывая о тяжелом положении переселенцев, которых, по его мнению, правительство посылает на «варварскую казнь», он подчеркивал: «А между тем, на их родине имеется громадный запас монастырских, помещичьих и других земель, владельцы которых живут... припеваючи». Войлошников заострял внимание на том, что решить аграрный вопрос можно только уничтожив крепостнические латифундии [15].

С обличением столыпинской аграрной политики на страницах «Сибирских вопросов» выступал и меньшевик Т. О. Белоусов, депутат Государственной думы от Иркутской губернии. В журнале публиковались его речи и статьи. В речи от 3 февраля 1909 г. во время постатейного обсуждения знаменитого царского указа от 9 ноября 1906 года, давшего фактически старт столыпинской аграрной реформе, он выступил с критикой стремления самодержавия насадить хутора и отруба. «От того, что уже назрело в истории России, – эмоционально говорил он, – от передачи в распоряжение народа частновладельческих земель – не отвертеться» [16].

В своих статьях он рассказывает о тяжелом положении переселенцев [2]. Однако в программной статье «Очередные вопросы Сибири» призывает в рамках существующего государственного строя проводить в жизнь идеи кооперации, как средства, которое создало бы благоприятную обстановку для борьбы с нуждой [3].

После Ленских событий 1912 года Белоусов вышел из с.-д. фракции Ш Думы. Сам он мотивировал свой выход несогласием с думской тактикой фракции [13]. Однако причина его выхода была гораздо глубже. В. И. Ленин писал: «Бегство ликвидатора Белоусова из с.-д. фракции III Думы и поворот всей этой фракции (на 3/4 меньшевистской) от меньшевизма к антиликвидаторству были симптомами и верными показателями того, что в рабочей среде идет тот же процесс» [12]. Россия двигалась к революции.

Таким образом, на страницах журнала «Сибирские вопросы» была достаточно широко представлена социал-демократическая палитра взглядов на проведение столыпинской аграрной реформы за Уралом.

Список литературы

1. Адрианов А. Сибирские вопросы // Сибирская жизнь. 1913. 17 февраля.
2. Белоусов Т. Страничка из жизни переселенцев // Сибирские вопросы. 1910. №2. С. 40 – 43.
3. Белоусов Т. Очередные вопросы Сибири //Сибирские вопросы. 1911, №№ 47-48-49. С 35; №№ 50-51-52. С. 51.
4. Белоусов Т. О причинах моего выхода из с.-д. фракции Государственной думы // Сибирская жизнь. 1912. 11 марта.
5. Большая советская энциклопедия. Издание 1-е. Т. 27. М., 1933. Стб. 381 – 382.
6. Григорьев В. На почве недостаточной осведомленности // Сибирские вопросы. 1907. № 12. С. 8 – 16.
7. Зайцев Д. К аграрному вопросу в Сибири // Сибирские вопросы. 1906. №2. С. 50 – 54.
8. Зайцев Д. Критики и защитники // Сибирские вопросы. 1908. № 1. С. 16, 17.
9. Кузнецов Л. Л. Забайкальский казак в Государственной думе // Деятельность партийных организаций Восточной Сибири по воспитанию трудящихся на революционных боевых и трудовых позициях. Иркутск, 1974. С. 51 – 63.
10. Лаврин М. А. Михаил Кузьмич Ветошкин // История СССР. 1967. № 4. С. 63.
11. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21.
12. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 342.
13. Обский [Баитов] На почве недостаточной осведомленности // Сибирская жизнь. 1907. 13 марта.
14. Попов И. Переселенцы и бюрократическая политика // Русские ведомости. 1907. № 108.
15. Сибирские вопросы. 1910. №№ 42-43. С. 89, 94.
16. Сибирские вопросы. 1909. № 13. С. 50.
17. Шейнфельд М. Б. Сибирское областничество и борьба с ним марксистов в периодической печати в годы первой мировой войны // Из истории Сибири. Вып. I. Красноярск, 1969. С.11.

УДК 94(571.1/.5) «16»

Мирская община в Сибири в XVII в.

Парфеня Мария Игоревна
Аспирант, стажёр-исследователь
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Центр истории России Нового времени, Факультет гуманитарных наук
Москва, Россия
maryaparfenya@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-4220-4787

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается функционирование крестьянско-посадской общины в Верхотурском и Иркутском уездах в XVII в. Исследуются такие вопросы как обязанности выборных лиц (старост и целовальников разных категорий), их взаимодействие с «миром» и государственной администрацией в лице приказчиков и воевод, отношение к своим должностям. Делается вывод о том, что община в Сибири создавалась, в первую очередь, с фискальными целями, для удобства сбора налогов, а сами крестьяне и посадские люди старались избегать мирских должностей из-за трудности их исполнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, XVII век, община, самоуправление, крестьяне

Российская крестьянская община стала привлекать внимание историков, политиков и общественных деятелей уже со второй половины XVIII в. С конца 1830-х гг. благодаря славянофильству, а затем народничеству она рассматривалась как один из ключевых для российской истории общественных институтов, а необходимость её изучения по-прежнему признаётся историками [4, с. 249 – 303]. При этом исследователями, как правило, рассматривались только её функции и организационные формы, община как явление до сих пор остаётся мистифицирована и политизирована. Общины не как институты, а как конкретные сообщества изучались значительно реже. В этой статье рассматривается функционирование территориальной крестьянско-посадской общины и, в частности, отношение выборных людей (старост и целовальников) к своим должностям, в Сибири в XVII в. на примере Верхотурского и Иркутского уездов. Эти уезды были выбраны как стратегически важные для России исследуемого периода, граничащие со степью и находящиеся на пересечении значимых торгово-промысловых путей [5, с. 62 – 63; 11, с. 72; 13, с. 70]. Кроме того, эти территории активно осваиваются в XVII в., что позволяет исследовать общину первых поколений переселенцев.

Источником информации об обязанностях мирских выборных лиц могут быть выборные акты [подробно о них см.: 12; 33]. Содержащиеся в них инструкции, как правило, однотипны, повторяются из документа в документ и носят по большей части запретительный характер. В частности, житничные целовальники должны были «збирать … с крестьян оброчной хлеб с великим радением неоплошно. Другу не дружить, а недругу не мстити и мимо великих государей анбаров не сыпать к себе в анбары. А оброчной хлеб брать в государевы житницы доброй и сухой без подмесу» [15, л. 189]. Таможенным целовальникам предписывалось «збирати … великих государей таможенные пошлины неоплошно с великим радением и класть в ящик, каков дан будет на Верхотурье за государевою Верхотурскою печатью. И братию и другов в пошлинных деньгах не покрывать, и во всем великим государем радети и прибыль искать» [17, л. 328]. Наконец, в обязанности старост входило «никаким воровством не воровать, во всяких великих государей делах по верхотурским указным памятям *во всем приказново слушать*, а на всякие мирские росходы хлеб и деньги с крестьян збирать и в мирские росходы хлеб и денги давать, а буде понадобитца деньги

и хлеб на мирские росходы, ему старосте кабалы займовать, а нам миром те кабалы выкупать. А *без мирсково ведома* для своей корысти в кабалы хлеба и денег не займовать…» [14, л. 94 – 95а]. Эти указания повторяются из выбора в выбор и аналогичны для каждой слободы. Более того, такие формулы не являются уникальными: возможность займов на нужды общины отметила ещё Е.Н. Швейковская, изучившая выборы Куросторовской волости [30, с. 263]. Это и другие наблюдения позволяют согласиться с мыслью В.А. Александрова и Н.Н. Покровского о том, что «структура сельских общин, функции миров и их выборных представителей были перенесены в Сибирь из Поморья, где в XVII в. удерживалась развитая мирская организация сельского населения с низовыми и всеуездными (высшими) органами» [1, с. 43].

В историографии встречаются подчас противоположные мнения по поводу сущности мирских должностей и финансовых отношений мира и старост. Большинство исследователей склоняется к тому, что для крестьян такие должности были дополнительной тяжёлой повинностью [2, с. 303; 3, с. 118; 31, с. 148; 32, с. 207]. В то же время существует и противоположное мнение, согласно которому исполнение мирских обязанностей было источником дохода [6, с. 110]. Первая точка зрения представляется более обоснованной и логичной. В этой небольшой главе будет сделана попытка ещё раз её доказать на материалах Верхотурского и Иркутского уездов.

Среди документов приказных изб сохранилось множество челобитных мирских старост и целовальников с жалобами на крестьян, не сдающих деньги на общественные нужды, и разорительность общинных должностей. Так, бывший в 1699 г. мирским старостой Белослудской слободы Клим Плотников писал на Верхотурье о том, что ему было приказано сделать три дощаника под государственный хлеб. Однако назначенные для этого дела плотники взяли выделенные для этого доски, дополнительно собрали с крестьян деньги, а дощаники не сделали и старосте не вернули ни денег, ни какой-либо расписки. В итоге мир стал требовать с Клима собранные деньги. Приказчик Михаил Мещеряков, к которому староста обращался с просьбой доправить с плотников деньги, «суда на них не даёт, бьёт и увечит своими руками безвинно... и розыску не чинит» [20, л. 22]. Более того, Клим Плотников пишет, что «мне ж денег не платят которые крестьяне живут на денежном оброке, а я за них крестьян платил дровяные деньги» [там же]. Таким образом, как уже говорилось выше, староста оказывался одновременно под давлением и мира, и приказчика, был вынужден терпеть финансовые потери. Впрочем, история Клима Плотникова в итоге должна была закончиться благополучно: новому старосте Фёдору Речкалову было поручено произвести в слободе розыск, стребовать необходимые деньги и вернуть Климу [20, л. 23].

В фонде Иркутской приказной избы отложились многочисленные челобитные Трофима Никифорова, несколько раз выбиравшегося старостой. Например, в 1690 г. он писал: «...по выбору велели они, мирские люди, збирать мне деньги на всякие мирские розходы с них, с пашенных крестьян, по тяглом. А подмоги мне, сироте твоему, рядили для той службы семнатцеть рублев денег. И ныне они, пашенные крестьяне, из мира пристава мне, сироте твоему, не дают. И збирать денег с них, мирских людей, для мирской издержки не с кем, а одному невозможно. На которы нидели и подможных денег мне, сироте твоему, многие пашенные крестьяне не дают же» [21, л. 15]. В 1684 г. Трофим Никифоров жаловался на то, что «в нынешнем во 192-м году по совету мирских людей Иркуцкого уезду пашенных крестьян роскинуто на них же на пашенных крестьян на десятину по два рубли с полтиною денег. А те деньги велено собрать на них пашенных крестьянех мне для покупки холста и смолы и на всякие мирские росходы. Нынешнего 192-го году и в платеж за наем за издершки прошлых

190 и 191 годов, что *издержался на мирские росходы за скудостью мирских людей, своих денег дватцать четыре рубли дватцать четыре алтына четыре деньги.* И которой наем ряжен мне от них мирских людей против их выбору погодно за прошлые годы, потому что которые деньги збираны с мирских людей внаем, мне в прошлых годах, и те деньги держаны у меня на их же мирские росходы в прошлых же во 190-м и во 191-м годех» [22, л. 10]. Таким образом, представителей на мирские посты старались выбирать из зажиточных людей или хотя бы середняков с тем расчётом, чтобы они имели возможность расплатиться за долги общины из собственных средств.

Кстати, в помощь Трофиму Никифорову для доправки денег с крестьян в тот раз выслали иркутского казака Микишку Фомина [22, л. 11 – 13]. Видимо, запомнив это, будучи старостой вновь в 1700 г. он прямо просил в помощь «подможных моих денег дать мне и послать служилаго человека, ково ты укажешь», так как «ныне они пашенные крестьяне дров на воеводцкой двор не везут, чинятца непослушны и подмоги мне по договору не платят» [23, л. 6].

По челобитным Трофима Никифорова видно, что иркутским старостам для поддержания их деятельности полагались так называемые подможные деньги. Необходимость их выплаты фиксировалась и в самих выборных актах. Так, в выборе 1685 г. старосты Андрея Свищева говорилось: «нам выборщиком и всем пашенным крестьяном дать ему Андрею на год подмогу семнатцать рублев денег. А те деньги збирать ему Андрею на нас же пашенных крестьянех по тяглом» [24, л. 13]. Судя по всему, размер таких выплат значительно варьировался. Собственно Трофиму Никифорову, согласно выбору 1690 г., подмоги назначили уже 25 рублей на год [25, л. 6].

По данным Е. Н. Швейковской, указание на оплату мирской службы встречается и в северорусских выборах [30, с. 267]. Однако в Верхотурье такого явления не наблюдается: упоминаний подможных денег не встретилось мне ни в выборах, ни в каких-либо других документах.

Кроме того, в Иркутске выплаты полагались только уездным земским старостам, в отличие от целовальников. Вероятно, это было связано с тем, что старосты имели больший объём работы и несли большую ответственность. Впрочем, как видно из кейса Трофима Никифорова, подможных денег всё равно не хватало для полноценного исполнения мирских обязанностей, а крестьяне не спешили их выплачивать.

В то же время бывали и случаи, когда крестьяне приходи на помощь своему старосте. Так, в 1692 г. белослудский приказчик Иван Томилов решил описать и экспроприировать имущество бежавшего из слободы крестьянина. Для этого он запросил у старосты (имя не называется) подводы. Однако староста приказчику в подводах отказал. Тогда Томилов велел старосту «свести в Судную избу беломестному Микитке Пушкареву. И он, староста, в Судную избу не пошел, учинился силен, и на дороге у коновалова двора крестьяне у беломестного у Микитки Пушкарева ево, старосту, збунтовав, взяли» [16, л. 401]. Далее в челобитной приказчика перечисляются имена «взбунтовавшихся» крестьян и задаётся вопрос «И вы о таких сильных людех и о бунтовщиках что укажете?» [там же].

Ярче всего о финансовой тяжести мирской службы говорят сметные и пометные книги. Почти за всеми старостами даже спустя несколько лет числились значительные долги перед государством. Приведём несколько таких выписок:

«на 195 (1687) год на земском старосте на Андрюшке Свищове, чего он, Андрюшка, недобрал в прошлом во 195 году в холсте и в смолу по пятнатцети алтын по две деньги з десятины, дватцать один рубль одиннатцать алтын четыре деньги. В нынешнем 201 (1693) году тех доимочных денег взято на нем, Андрюшке, два рубли дватцать семь алтын четыре деньги. И не взято за скудостию ево на нем, Андрюшке,

той доимки осмнатцати рублев семнатцати алтын дву денег. И в той доимке он, Андрюшко, стоит на правеже» [26, л. 68об. – 69];

«на 197 (1689) год на земском старосте на Ваське Зиновьеве, чего он недобрал году в холсте и в смолу по пятнатцети алтын по две деньги з десятины, одиннатцать рублев тритцать алтын. В нынешнем 201 (1693) году той доимки на нем, Ваське, взято четыре рубли. И не взято на нем, Ваське, той доимки семи рублев тритцати алтын. И в той доимке он, Васька, стоит на правеже» [26, л. 70];

«на прежнем казенном целовальнике на иркутцом посадцком человеке на Сеньке Котельнике помечено взять 6 рублев 17 алтын с полуденьгою, и с той доимке он, Сенька, стоит на правеже» [26, л. 71 – 71об.];

«на 7199 (1691) год на земском старосте на посадцком человеке на Трошке Никифорове десять рублев семь алтын. И той доимки на нем Трошке за ево скудостию в 201-м году не взято и в той доимке стоит он, Трошка, на правеже» [26, л. 72];

«на земском старосте на иркутцком посадцком человеке на Трошке Никифорове, чего он недобрал в холст и в смолу на 199 (1691) год, восмь рублев три алтына» [27, л. 4].

В случае смерти человека, занимавшего мирской пост и не выплатившего долг, заплатить за него должны были близкие родственники или избравшие его люди. Однако зачастую недоимки не могли доправить десятилетиями, так что успевали умереть и сам бывший целовальник, и его семья, и те, кто его избрал. В верхотурских сметных и пометных книгах находим несколько таких случаев:

«за кабацкое питье на целовальнике помечено донять 3 рубли 7 алтын. И в прошлом во 167 (1659) году целовальник умре. А жены и детей и двора у него не осталось, и тех денег взять не на ком. <…> За кабацкое питье на целовальнике помечено донять 19 рублев 4 алтына 5 денег. И в прошлом во 176 (1668) году тот целовальник умре, а те деньги велено было править на выборных посадцких людех. И выборные люди помре ж. И о тех доимочных денгах что великий государь укажет» [28, л. 3 – 3об.];

«на 1646 год за кабатцкое питье на целовальнике помечено донять 3 рубли 7 алтын. И в прошлом во 1659 году целовальник умре. А после ево двора и детей не осталось, и тех денег взять не на ком» [29, л. 32об.];

«на 1647 год за кабатцкое питье на целовальнике помечено донять 19 рублев 4 алтына 5 денег. И в прошлом во 1668 году тот целовальник умре. И те деньги велено было править на выборных людех. И выборные посадцкие люди помре ж. И о тех доимочных деньгах что великий государь укажет» [29, л. 32об.–33];

«на 1648 год за кабатцкое питье на целовальнике помечено донять 34 рубли 26 алтын 4 деньги. И тот посадцкой человек умре» [29, л. 33об.].

Справедливости ради, стоит отметить, что бывали случаи, когда старосты пытались получить выгоду от своей должности. На Верхотурье обнаруживается несколько таких случаев. Например, в 1693 г. ницинский староста Михаил Бердюкин попытался присвоить мирские деньги. Как сказал на Верхотурье мирской челобитчик Максим Симанов, «ницынской крестьянин прошлой староста Мишка Бердюкин завладел мирскими зборными денгами сто сорок рублев» [19, л. 47]. После доставки на Верхотурье расходных книг и всех подсчётов, выяснилось, что Бердюкин присвоил всего «начетные денги дватцать три рубли один алтын четыре денги», которые было указано доправить с него и «отдать ницынским крестьяном с росписки» [19, л. 48].

В 1660 г. из всё той же Ницинской слободы бежал бывший староста Осип Симанов, предварительно собрав «с миру поборных дватцать рублев» [10, л. 1].

В 1646 г. в Москве верхотурский перевозчик казны устюжанин Лука Таракановский говорил, что «на Верхотурье воевода Максим Стрешнев дал им к табашной продаже и к збору соляных пошлин в целовальники верхотурского

посадцкого человека Кирилка Обрамова. И тот, де, Кирилко, будучи в целовальниках, те деньги 22 рубли 28 алтын 2 деньги проворовал. А ныне тот Кирилко в тех деньгах посажен до нашего указу в тюрьму» [8, л. 2].

Бывали случае, когда целовальники воровали не только деньги, но и, например, государево вино, которым «заведовали». В 1649 г. тобольский воевода бил челом верхотурскому, что бы «доправить на верхотурских целовальниках на Фоме Павлове да на Якунке Турбанове недомерное вино, чево у них недомерено в Тобольску в прошлом во 1648 году: у Фомки ведра полуаршинново и дватцать чарок, у Якушки Турбакова полутора ведра полуаршинново ж» [9, л. 1].

Как видим, единственной возможностью для старосты или целовальника, присвоившего общинное или государственное имущество, был побег. Вероятно, поэтому в источниках гораздо чаще встречаются данные о недоимках с выборных людей, чем следственные дела над ними.

Старосты, в качестве представителей мира вынужденные часто взаимодействовать с приказчиками, регулярно страдали как физически, так и материально. Так, верхотурский пышминский староста в 1667 г. говорит в допросных речах, что он приходил «с празнишным к приказщику к Семёну Будакову. И он, Семён Будаков, мне, старосте: что, де, ты принес ль мало, и бранил всяко и бил вязом насмерть, изувечил на век. Вымучил овцу сильно, не ведаю, для чего. Да овса вымучил он, Семён Будаков, дватцеть пуд овса» [7, л. 1].

В 1690 г. в Ницинской слободе расследовалось дело приказчика Алексея Тыркова. Помимо прочих многочисленных преступлений, А. Тырков подверг показательному избиению старосту Якова Первухина: «…на дворе у себя старостишка Якушка бил батоги несщадно и топтал сапогами насмерть без вины в Николин день для своей безделной корысти. И от тех ево Алексеевых побоев он старостишко лежал многое время. И впредь угрожает всему миру ницынским крестьяном то ж, де, будет, что, де, было ему старосте» [18, л. 36].

Таким образом, источники показывают, что мирские посты, как правило, были тяжёлой повинностью для их исполнителей. Крестьяне не всегда добровольно сдавали деньги на нужды общины и не стремились выполнять государственные повинности. В результате старосты и целовальники вынуждены были тратить силы и собственные средства на нужды общества.

В конфликтных ситуациях, когда староста или целовальник не мог собрать деньги с крестьян, он обращался к воеводской администрации, выступавшей в качестве внешней силы и арбитра. В то же время, когда представители администрации, в первую очередь приказчики, превышали полномочия, это сказывалось в наибольшей степени на старостах.

Случаи, когда старосты или целовальники пытались присвоить мирские деньги, встречались, однако, судя по всему, не были нормой. В связи со всем этим логично предположить, что люди старались избегать избрания на мирские должности, что каждый раз затрудняло выбор.

Список литературы

1. Александров В. А., Покровский Н. Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
2. Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. // С. В. Бахрушин Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 297 – 330.
3. Борисов В. Е. Ирбитская слобода в XVII веке: социальная структура и повседневные отношения в локальном сообществе: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2010. 256 с.
4. Горская Н. А. Русская феодальная деревня в историографии XX века. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 356 с.

5. Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьянских, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск: Иркутское обл. изд-во, 1939. 112 с.
6. Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI – XVII вв. Петрозаводск: Гос. изд-во КФССР, 1947. 176 с.
7. Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ). Ф. 28. Оп. 1. Д. 1347.
8. НИА СПбИИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 438.
9. НИА СПбИИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 446.
10. НИА СПбИИ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931.
11. Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
12. Просеков И. Ю. Выборная документация и челобитные крестьянских общин Западной Сибири в XVII в. как исторический источник // История русской духовной культуры в рукописном наследии. Новосибирск, 1998. С. 79 – 95.
13. Пузанов В. Д. Город Верхотурье в Сибири XVII века // Философские и исторические исследования. Вып. 3.: Сб. науч. ст. Шадринск: ШГПУ, 2018. С. 52 – 72.
14. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1111. Оп. 1. Д. 33. Ч. 1.
15. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 338. Ч. 2.
16. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 148. Ч. 2.
17. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 2. Д. 151. Ч. 4.
18. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч.2. Д. 98.
19. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 322.
20. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 609.
21. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 26.
22. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 38.
23. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 448.
24. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 70.
25. РГАДА. Ф. 1121. Оп. 2. Д. 125.
26. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1034.
27. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1141.
28. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1232.
29. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1263.
30. Швейковская Е. Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII веков. М.: Индрик, 2012. 368 с.
31. Шерстобоев В. Н. Илимская пашня. Т. 1. Иркутск: Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. 596 с.
32. Шунков В. И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.
33. Языков С. А. «Выборы» посадских общин XVII – начале XVIII в. как исторический источник // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 160 – 177.

УДК 634.0.114

Страницы истории становления и развития агрохимической службы Красноярском крае

Сорокина Ольга Анатольевна
доктор биологических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, кафедра почвоведения и агрохимии
Красноярск, Россия
geos0412@mail.ru
ORCID ID: 0000-002-1761-4995

АННОТАЦИЯ Приведены некоторые исторические вехи создания и развития агрохимической службы Красноярского края. Обозначены основные задачи её деятельности в первые годы становления и в настоящее время. Показано важнейшее значение агрохимического обслуживания в интенсификации земледелия и рациональном применении агрохимических средств, а также как составной части мониторинга плодородия почв сельскохозяйственных угодий. Дано заключение о динамике плодородия почв республики Хакасия между начальными циклами агрохимического обследования, в которых автор статьи принимала непосредственное участие, в сравнении с материалами заключительных циклов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Агрохимическая служба, зональные лаборатории, удобрения, мониторинг плодородия.

Важнейшей исторической вехой перевода сельского хозяйства на научную основу в нашей стране стало создание в 1964 г Постановлением правительства «Единой специализированной Государственной агрохимической службы». Первостепенное значение эта служба имела для решения одного из основных направлений интенсификации сельского хозяйства, его химизации, в частности, рационального применения минеральных удобрений и химических мелиорантов. Для этого необходимо было располагать конкретной информацией по состоянию плодородия каждого поля (участка) хозяйства. Основу этой службы составляли зональные агрохимические лаборатории, а научно-методическое руководство ими осуществлял Центральный институт агрохимического обслуживания сельского хозяйства (ЦИНАО) и его филиалы.

В Красноярском крае сразу же после принятия Постановления было организовано три зональных агрохимических лаборатории. Красноярская лаборатория (на базе Красноярского сельскохозяйственного института) располагалась в здании КСХИ на ул. Ленина 117, занимая на первом этаже всё правое крыло. Первым директором её был доктор сельскохозяйственных наук Н. Г. Рудой, один из ведущих агрохимиков Сибири. Для агрохимического обслуживания Восточной группы районов была создана Солянская лаборатория (на базе Красноярского НИИСХ), первым директором которой был В. И. Закаблуков. Абаканская зональная агрохимическая лаборатория была организована также на базе Красноярского НИИСХ, которую возглавляла тогда В. П. Гребенева. В 1980 г для обслуживания южных районов края была создана Минусинская станция химизации с первым директором П. Д. Островским. Даже в те годы агрохимические лаборатории были в техническом и кадровом отношении достаточно хорошо оснащены и укомплектованы, что вызывало уважение и доверие к их работе. В различные годы директорами были такие патриоты агрохимической службы как доктор сельскохозяйственных наук Ю. П. Танделов, кандидат сельскохозяйственных наук И. С . Антонов и другие.

Первоначально в задачу агрохимической службы входило: агрохимическое обследование всех земель сельскохозяйственных угодий; составление агрохимических

картограмм и рекомендаций по применению удобрений и известкованию почв; закладка и проведение опытов с удобрениями на полях колхозов и совхозов; проведение анализов кормов и растений для определения влияния удобрений на качество продукции. Изучалась степень обеспеченности почв основными элементами питания (азотом, фосфором, калием) и химических условий развития сельскохозяйственных растений (кислотность, щелочность, засоленность и т.д.). На основе обследования почв составлялись агрохимические картограммы соответствующих показателей плодородия. Эти результаты являлись основой для определения потребности и составления планов применения удобрений, для разработки рекомендаций по проектно-сметной документации, возделыванию сельскохозяйственных культур по интенсивным технологиям, выращиванию программированных урожаев и для других целей агрохимического обслуживания на всех уровнях сельскохозяйственного производства.

До 70-х годов агрохимическая служба выполняла в основном консультативные функции и не несла ответственности за использование колхозами и совхозами удобрений и других средств химизации. В начале 70-х годов с увеличением объемов применения минеральных удобрений и других химических средств были организованы специализированные производственные подразделения по агрохимическому обслуживанию – районные отделения «Сельхозтехника». На районные отделения были возложены: централизованное хранение, транспортировка и внесение удобрений, извести, химических средств защиты растений, заготовка торфа на удобрение, выполнение культуртехнических работ. Расширились и функции государственной агрохимической службы. В круг обязанностей зональных агрохимических лабораторий вошел систематический контроль за проведением всех работ по химизации в хозяйствах, на них же была возложена ответственность за использование удобрений в колхозах и совхозах. В 1978 г. областные зональные агрохимические лаборатории были преобразованы в областные проектно-изыскательские станции химизации.

Основными современными задачами агрохимического обследования почв, как составной части мониторинга плодородия почв, являются: 1) получение достоверной и объективной информации о состоянии и динамике плодородия почв; 2) системный анализ и оценка получаемой информации; 3) паспортизация и комплексная оценка плодородия почв каждого земельного участка (поля); 4) сертификация почв земельных участков; 5) разработка и ежегодное представление Правительству Российской Федерации Национального доклада о состоянии плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения (аналогичная работа выполняется на региональном и местном уровнях); 6) разработка целевых программ в области обеспечения плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения на федеральном, региональном, районном и хозяйственном уровнях; 7) разработка проектов производства экологически безопасной растениеводческой продукции (зерна, картофеля, овощей, плодово-ягодной продукции, винограда, кормов и др.).

Агрохимическое обследование позволяет землепользователям решать ряд важных практических задач:

- определять по каждому полю и сельхозпредприятию в целом объемы и виды необходимых минеральных, органических и биологических удобрений;

- выявлять такие негативные агрохимические процессы, как подщелачивание и подкисление, засоление, наличие остаточного количества пестицидов, тяжелых металлов, углеводородов и т. д., которые не позволяют получать высокий и качественный урожай;

- использовать наиболее эффективную технологию применения удобрений по дозам, срокам, способам и формам.

Правовыми документами РФ определено, что проведение почвенных, агрохимических, фитосанитарных, эколого-токсикологических обследований и мониторинга плодородия почв земель сельскохозяйственного назначения является одним из основных направлений агрохимического обслуживания. В настоящее время важнейшими научными направлениями названы исследования по разработке показателей состояния плодородия почв с учетом природно-сельскохозяйственного районирования, а также методик оценки состояния земель сельскохозяйственного назначения и учета показателей состояния их плодородия. Государственная программа отделения земледелия РАСХН включает, наряду с другими задачами, агроэкологическую оценку земель с использованием ранее накопленного опыта почвенно-агрохимического обследования. В этой связи анализ и сопоставление результатов разных циклов агрохимического обследования пахотных почв имеет приоритетное значение, как в целом по регионам, так и для конкретных сельскохозяйственных предприятий. Современный подход с использованием электронных карт полей, дистанционного зондирования, электронных агрохимических картограммам является одним из основных элементов «точного земледелия», которое сегодня стремительно развивается во всём мире и по праву считается весьма перспективным во многих аспектах.

В систему агрохимической службы РФ в настоящее время входит 102 агрохимических центра и станции агрохимической службы (ГЦАС, ГСАС) и 7 центров химизации (ЦХ) и сельскохозяйственной радиологии (СР). Главной задачей всех учреждений агрохимической службы является обеспечение оптимальных условий внедрения в сельскохозяйственное производство новейших достижений науки и практики по наиболее эффективному использованию удобрений и других средств химизации. Зона обслуживания каждого подразделения включает в среднем около 1 млн. га пашни.

Автор этой статьи имела непосредственное отношение к деятельности агрохимической службы, так как в первый же год её создания проводила первое агрохимическое обследование почв крупнейшего в те годы совхоза «Знаменское» Боградского района Хакасии. По инициативе директора совхоза Л. М. Замиховского и заслуженного агронома П. И. Самоделова в 1964 г здесь была организована совхозная агрохимическая лаборатория. В это же время начала функционировать агрохимическая лаборатория в совхозе «Карасукский» Боградского района. На территории совхоза «Знаменское» были заложены и проведены полевые опыты по Программе Географической сети опытов с удобрениями, в которой автор принимала личное участие. Территория этого хозяйства находится в восточной части Боградского холмисто-сопочного степного района, расположенного в пределах Сыдо-Ербинской котловины, которую иногда называют «Сибирской Украиной», так как тепловые условия, продолжительность вегетационного и безморозного периода при достаточном увлажнении позволяют получать здесь богатые урожаи всех сельскохозяйственных культур. Уровень применения органических и минеральных удобрений в этом районе, даже в годы с тяжелой экономической ситуацией, был существенно выше, чем во многих других районах республики Хакасия, что позволяло получать здесь сравнительно неплохие урожаи зерновых и кормовых культур. Резкое снижение уровней урожаев, особенно в годы «перестройки» связано либо с экстремальными засушливыми условиями этих лет, либо общим падением культуры земледелия. По степени гумусированности 43,7% почв пашни республики Хакасия относятся к слабо- и малогумусным при средневзвешенном содержании гумуса в почвах республики 4,6%. Сравнение этого показателя в почвах за периоды наблюдений (8 циклов) свидетельствует о снижении содержания гумуса в пахотном слое почвы на 0,2 – 0,7%, что связано с эрозией, отчуждением значительной части

органического вещества с урожаем культур и недостаточным поступлением его с органическим удобрениями. Из обследованной площади 54,3% пахотных земель Хакасии характеризуются очень низкой и низкой обеспеченностью подвижным фосфором. Почвы, достаточно обеспеченные подвижным фосфором, которые по своей потребности могут ограничиваться внесением лишь небольших (стартовых) доз фосфорных удобрений, занимают всего 13,2% пашни. По циклам проведения наблюдений зафиксировано снижение подвижного фосфора. Минимальное средневзвешенное содержание этого важнейшего элемента питания (17,8 мг/кг) зафиксировано в VIII цикле обследования (2012 – 2015 гг.). Обменным калием пахотные почвы республики обеспечены лучше, чем подвижным фосфором. По результатам последнего цикла обследования средневзвешенное содержание обменного калия в пахотных почвах республики составляет 319,4 мг/кг почвы (760 кг/га), что соответствует повышенному уровню обеспеченности этим элементом питания.

За последние годы в республике обострилась тенденция к снижению почвенных запасов нитратного азота. В целом по республике среднее содержание нитратного азота в пашне составило 7,4 мг/кг почвы или 32 кг/га, что соответствует низкой обеспеченности. Установлен дефицит подвижной серы в почвах республики Хакасия. Содержание серы колеблется в среднем от 6,0 до 12,0 мг/кг, что соответствует средней обеспеченности. Кроме дефицита основных макроэлементов питания растений вызывает тревогу и недостаток в почве пашни республики микроэлементов, которые содержатся в растениях от стотысячных до тысячных долей процента, но выполняют важнейшие функции в процессе их жизнедеятельности. Почвы Хакасии характеризуются низким содержанием цинка и кобальта. Обеспеченность медью, марганцем, бором варьирует от низкой до высокой. Низкое содержание меди характерно для 76,5% пахотных почв, средняя обеспеченность марганцем установлена на 63,6% обследованной площади. Подвижных форм железа в пахотных почвах республики мало.

За последние 10 лет по республике Хакасия вынос азота, фосфора и калия урожаем сельскохозяйственных культур, с учетом потерь, связанных с эрозионными процессами, составил 910 кг/га. Возвращено в почву с минеральными и органическими удобрениями за этот период всего лишь 88 кг/га, то есть почти в 10 раз меньше. Пахотные почвы многих массивов теряют гумус, азот, фосфор.

Таким образом, на данный момент почвы с низким содержанием гумуса составляют 51%, бедные фосфором – 53%, а 80% обследованных площадей пашни республики Хакасия оказались крайне истощены по содержанию азота.

Список литературы

1. Агрохимическое обслуживание колхозов и совхозов / Под ред. Л. М. Державина. М.: Колос, 1976. 215с.
2. Ефимов В. Н., Калиниченко В. Т., Горлова М. Л. Пособие к учебной практике по агрохимии. Л.: Колос, 1979. 135 с.
3. Методические указания по агрохимическому обследованию почв сельскохозяйственных угодий. М., 1981. 168с.
4. Пособие по проведению анализов почв и составлению агрохимических картограмм. Х М.: Россельхозиздат. 1968. 331с.
5. Руководство по составлению почвенных и агрохимических карт. М.: Колос, 1964. 383с.
6. Сапожников Н. А. и др. Использование почвенных карт и агрохимических картограмм при разработке системы удобрений. Л.: Колос, 1965. 157с.

УДК 638.1

Хроника становления Сибирского пчеловодства

Табаков Николай Андреевич
доктор сельскохозяйственных наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет,
Институт прикладной биотехнологии и ветеринарной медицины,
кафедра технологии переработки и хранения продуктов животноводства
Красноярск, Россия
ipbivm_tp@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-5226-3879

АННОТАЦИЯ Первых пчел в Сибирь завозили из европейской части России. Основателем пчеловодства в Западной Сибири считается отставной полковник Николай Федорович Аршеневский, который в 1792 г разместил свою пасеку вблизи Усть-Каменегорска. В Енисейскую губернию пчел завезли в 1823 г из Томской губернии. К концу 1893 г. пчеловодство распространилось по всей территории Енисейской губернии. Ежегодно производилось около 13 тыс. пудов меда и 1 тыс. пудов воска. Тюхтетский пасечник Демко Алексей Иванович – первый среди пчеловодов СССР, кому было присвоено звание Герой социалистического Труда. В сельхозпредприятиях Красноярского края в настоящее время насчитывается 1504 пчелосемей, что в 1,7 раза меньше по сравнению с 2004 годом. В личных подсобных хозяйствах за эти годы количество уменьшилось в 3,3 раза – с 87600 до 26615 пчелосемей, в фермерских хозяйствах увеличилось – с 890 до 910 пчелосемей. В целом по региону за пять лет утрачено 67001 пчелосемьи. Для развития отрасли пчеловодства в Приенисейской Сибири, способную выйти не только на внутренний, но и внешний рынок, необходимо широко использовать генетический потенциал чистопородной среднерусской породы пчел и реализовать уникальную возможность производства пчелопакетов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История пчеловодства, мёд, пасека, среднерусская порода пчёл.

Сегодня в начале XXI века трудно представить, что немногим более двухсот лет назад на огромной территории от Урала до Тихого океана пасек не было. Однако найденные учеными наскальные изображения позволяют говорить о существовании пчёл в Сибири в очень древние времена.

В истории первого завоза пчел в Сибирь много необычного. Их завозили из европейской части России через Западную Сибирь на Южный Алтай. Доставка пчел была организована по просьбе крестьян-переселенцев. Это были староверы. Местом их поселения стали села Бобровское и Секисовское, находящиеся рядом с Усть-Каменогорской крепостью (Бийский округ Томской губернии). Начальник пограничных сибирских войск генерал-майор Скалон приказал казакам - Башкирам, служившим в Сибирской линии, доставить пчел из Башкирии. Зимой 1777 г 30 колод с пчелами были привезены Усть-Каменогорскому коменданту, который раздал их жителям сел. Семьи пчел дали по два-три роя, но во время зимовки 1778 г они погибли в основном из-за недостатка кормов.

Основателем пчеловодства в Западной Сибири стал Николай Федорович Аршеневский: зимой 1792 г он выписал из своего имения колоды и опытного пчеловода. Место для пасеки было определено в 27 верстах от Усть-Каменогорска. Заботливое отношение к пасечному хозяйству позволило через два года продать пчелиные семьи крестьянам ближних деревень. Бедным людям полковник отдал их бесплатно. Крестьяне, ранее знакомые с пчеловодством, развели собственные пасеки и начали продавать пчел не только в ближние, но и дальние деревни [1,2].

В Енисейскую губернию пчел завезли в 1823 г. из Томской губернии. В 20-30-х годах пасеки распространились в Минусинском и Ачинском округах, в 40-х - в Красноярском и в начале 60-х - Канском округе. Пчелиный промысел довольно быстро

продвинулся на восток при этом, в среду крестьян проникали и знания о пчеловодстве. В Красноярском округе насчитывалось не менее 3-тыс колод, а у владельцев самой большой пасеки Ларионовых был завод восковых свечей. Общее число семей пчел по всей Енисейской губернии составляло свыше 30 тыс. К концу 1893 г. пчеловодство распространилось по всей территории Енисейской губернии.

Общее годовое производство пчеловодной продукции всего края выражалось следующими цифрами: ежегодно производилось около 13 тыс. пудов меда и 1 тыс. пудов воска на сумму 100 тыс. рублей. Население имело от пчеловодства свыше 85 тыс. рублей заработка [3].

В конце 80-х годов IXX столетия Варшавский студент Гурский Ян Янович, репрессированный в наши края, заложил свою первую пасеку. Дело отца продолжил его сын. В начале 20 столетия Гурский Ульян Янович, пасеки которого были представлены 1500 пчелосемьями, добился высокого медосбора: на каждую пчелосемью по 100 кг. Его мед, проделав путь по Енисею и Северному морскому пути, находил высокое признание на королевском столе в Великобритании. В 30-е годы, во время создания коллективных хозяйств пасеки Гурского были национализированы и переданы колхозу «Красный Партизан». В военные и послевоенные годы в хозяйстве насчитывалось до 5000 пчелосемей в обслуживании которых, было занято 120 пасечников [4].

В середине прошлого столетия для некоторых хозяйств таёжных и подтаежных районов Красноярского края мед был основной статьей дохода. В качестве примера можно привести Тюхтетский район. Люди, прошедшие войну и привыкшие с детства к нелегкому крестьянскому труду, не только осваивали пчеловодство как отрасль хозяйствования, но и добивались высокой продуктивности пчелосемей. К передовикам производства меда относились известные пасечники колхоза «За коммунизм»: Титовец Алексей Савельевич, Демко Алексей Иванович, Кагеда Максим Иванович, Ващер Андрей Николаевич, Саков Степан Иосифович. В колхозе «Красное знамя» передовиками производства меда были Сушкевич Илья Николаевич и Дудко Афанасий. Тюхтетские пасеки располагались в основном на гарях Рубинской, Поваренкинской и Красинской тайги, заросших хорошим медоносом – кипреем (Иван-чай). Благоприятные природные условия в сочетании с кропотливым непрестанным трудом пасечников позволяли получать от каждой пчелосемьи по150-180 кг меда. Старожилы района не помнят такого медосбора каким он был в 50-е годы. Меда получали столько, что не хватало для него посуды. Смекалистые и мастеровитые пасечники находили выход. Они закапывали в землю плотно подогнанные срубы и в них заливали мед.

Некоторые хозяйства получали от медосбора до 80% валового дохода и на трудодень там выдавали меда больше, чем зерна. Тюхтетский мед был основной статьей экспорта района. Известно, что именно этот мед долгое время был признанным деликатесом Английского королевского стола.

Родина высоко оценила труд лучших пчеловодов района. Многие из них были неоднократными участниками и призерами медалей ВДНХ СССР. Лучшие пасечники - Титовец А.С., получивший 186 кг меда от каждой пчелосемьи, Демко А.И. с медосбором 180 кг были призерами «Малой Золотой», «Малой серебряной» и многих других медалей ВДНХ, постоянными участниками которой они являлись. Демко Алексей Иванович первый среди пчеловодов страны, кому Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено высокое звание - Герой социалистического Труда.

Пчеловодство во всем мире является одним из важных звеньев сельскохозяйственного производства, от успешного развития которого в большой степени зависит повышение урожайности кормовых культур и производство продуктов животноводства. Продукты жизнедеятельности пчел – мед, воск, прополис, цветочная пыльца и перга, маточное молочко и пчелиный яд – обладают активными

хорошо выраженными профилактическими и лечебными свойствами. И это далеко неполный перечень полезных свойств продуктов пчеловодства.

Красноярский край обладает огромными территориями лугов, пастбищ, зарослей кипрея, малины, а также имеет большие площади кормовых культур - медоносов, что позволяет содержать более 500 тысяч пчелосемей и получать от каждой не менее 50 кг товарного меда. Опыт пчеловодов Балахтинского, Бирилюсского, Тюхтетского, Пировского, Енисейского и других районов, а также Героя Социалистического Труда, пчеловода - Демко Алексея Ивановича, говорит о возможности получать 100 и более кг товарного меда от одной пчелосемьи.

В сельхозпредприятиях Красноярского края по данным статистики насчитывается 1504 пчелосемей, что в 1,7 раза меньше по сравнению с 2004 годом. В личных подсобных хозяйствах за эти годы количество уменьшилось в 3,3 раза - с 87600 до 26615 пчелосемей, в фермерских хозяйствах увеличилось – с 890 до 910 пчелосемей. В целом по региону за пять лет утрачено 67001 пчелосемьи.

Эти данные являются ярким показателем тех разрушительных процессов, которые сегодня происходят в сельском хозяйстве, когда отрасль отброшена к послевоенному периоду. Там была неизбежность, ставшая ценой победы над врагом. Почему сегодня высорентабельная отрасль с высоковостребованной продукцией не привлекает молодых сельчан, уходящих в город. Почему в Гренландии, находящейся за полярным кругом, где встречаются сползающие ледники и распространена преимущественно скудная растительность, получают 25-кг товарного меда от привезенных пчел с материка, а мы в Красноярском крае - не более 15 кг, имея при этом огромные пространства кипрея и малины на местах лесных пожаров, а также посевы гречихи, донника и других медоносов.

Почему мы, имея чистопородную среднерусскую породу пчел в крае и уникальную возможность наладить производство пчелопакетов и выйти не только на внутренний, но и внешний рынок, не можем это реализовать, а такие страны как Зеландия, Австралия, Чад экспортируют десятки тысяч пакетов с местной породой пчел? И почему наш рынок заполнен медом из Китая, Киргизии, Казахстана и др. южных государств под брендом «Алтайский», а наш Красноярский, который поставлялся на стол английской королевы, практически отсутствует?

Наверное, можно задавать подобные вопросы и дальше с надеждой найти ответы. Напрашивается извечно русский вопрос: «Что делать?».

Ярким подтверждением наплевательского отношения к интересам отрасли, где работает более 5 тысяч пчеловодов, производя меда на 25 млн. рублей, является комплексная программа развития агропромышленного комплекса Красноярского края. В ней вы не найдете и следа этой отрасли. Все там есть, а пчеловодства нет. Правительство края, депутаты Законодательного собрания забыли про интересы пчеловодов, не знают состояния отрасли, а перспективы их не интересуют. Единственно хочется пожелать, как говорилось на Руси в старину: «Да ужалит Вас пчела!».

Список литературы

1. Шабаршов И.А. История русского пчеловодства. М.: Изд-во «ПАИМС», 1996. 592 с.
2. Кривцов Н.И. Пчеловодство. М.: Изд-во «Лань», 2010. 448 с.
3. Коптев В.С. Сибирское пчеловодство. Новосибирск: Наука, 1973. 148 с.
4. Розов С.А., Губин А.Ф. и др. Пчеловодство / Изд-е 2-е переработанное. М.: Сельхозгиз, 1948. 616 с.

УДК 631.1: 908 (571.51)

«От восхода до заката» – историческая судьба Боготольского и Казачинского опытных полей

Трубников Юрий Николаевич
доктор сельскохозяйственных наук
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН», главный научный сотрудник лаб. космических систем и технологий
Красноярск, Россия
trubnikov124@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0005-4679-8606

АННОТАЦИЯ История Боготольского опытного поля начиналась с 30-х годов прошлого столетия и связана с развитием льноводства в Сибири. На протяжении многих лет здесь производили элитные семена зерновых культур, льна-долгунца, многолетних трав, а также проводились научно-исследовательские работы по агротехнике возделывания сельскохозяйственных культур, кормопроизводству, агрохимии. История Казачинского опытного поля берет начало в 1909 году. Это было одно из старейших научных учреждений Сибири. Основное предназначение в начальный период работы – агрономическая помощь крестьянам переселенцам из западных регионов России. В последствие здесь получали элитные семена многолетних трав для удовлетворения потребности кормопроизводства Красноярского края. Учреждения ликвидированы: Боготольское - в 2009 г., Казачинское – в 2006 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История, семеноводство, научные исследования, ликвидация.

Боготольское и Казачинское опытное поле находились в одноименных районах – Боготольском и Казачинском. В соответствие с природным районированием, первое – располагалось в лесостепной зоне, второе – в подтаёжной. Образованы эти научные учреждения в разные годы: Боготольское – в 1930 году, Казачинское, раньше – в 1909 г. Это некоторые различия. Есть немало одинаковых условий работы, а также результативности их научной и производственной деятельности. Любопытная случайность: адреса почти одинаковые. Боготольское располагалось на улице Опытная станция, д. 15, а Казачинское (с. Мокрушинское) – на улице Опытная, д. 15. В Боготоле производили элитные семена зерновых культур (пшеница, ячмень, овёс), льна-долгунца и многолетних трав (тимофеевка). В Казачинском - ценнейшие для края семена элиты многолетних трав – тимофеевки, овсяницы, костреца, клевера.

Есть и печальная идентичность, финальная – эти учреждения прекратили своё существование. Боготольское – в 2009 г., Казачинское – в 2006 г. Даты, возможно, не совсем соответствуют юридическим документам, так как возникает вопрос: что принимать за «точку отсчёта» - прекращение реальной производственной деятельности или закрытие предприятия как юридического лица. Да и что это меняет? Ничего. Итог один – в графе: «Статус организации» в реестре предприятий значится – ликвидировано.

История Боготольского опытного поля начинается с 30-х годов прошлого столетия и связана с развитием льноводства в Сибири. Созданная в 1930 г. как зональная станция лубяно-волокнистых культур, в 1932 г. она реорганизована в Сибирскую зональную опытную станцию льна с подчинением Всероссийскому НИИ льна (г. Торжок Калининской, в настоящее время Тверской области). Постановлением СНК СССР от 2 февраля 1935 г. эта станция была реорганизована в Боготольское опытное поле с административным подчинением Красноярскому земельному комитету и представляла филиал Восточно-Сибирской опытной станции зернового хозяйства, находящейся в с. Солянка Рыбинского района Красноярского края. Площадь

пашни на момент становления опытного поля составляла всего 200 га. В 1956 году на базе Восточно-Сибирской опытной станции был образован Красноярский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, в состав которого было включено и Боготольское опытное поле [1].

На основании приказа министерства сельского хозяйства РСФСР от 5 февраля 1979 г. Боготольское опытное поле было реорганизовано в Боготольскую сельскохозяйственную опытную станцию. Основное направление научной и производственной деятельности станции с 1930 по 1961 гг. – агротехника возделывания, селекция и семеноводство льна-долгунца. В 1931 году, с целью увеличения производства льна-долгунца, в Красноярском крае организованы четыре специализированных льносовхоза, в том числе два – с площадью посева 1400 га в Боготольском районе. Для культуры льна-долгунца это большая площадь, требующая соответствующего научного обеспечения по селекции, семеноводству и агротехнике.

Созданная Сибирская зональная опытная станция льна приступила к решению этих проблем. По своей структуре станция соответствовала статусу научного учреждения. Она состояла их пяти отделов: агротехники, селекции, экономики, технологической пропаганды, технического анализа и лаборатории агрохимии. В непосредственном подчинении станции находились Маслянинский опорный пункт и сортоучасток при колхозе «Новый путь» (с. Старый Боготол). На базе машино-истребительной станции по борьбе с вредителями и болезнями (присоединена к опытной станции) был создан сектор с одноименным назначением. В 1932 – 1935 гг. на опытной станции работало более 20 научных сотрудников, а также технический и обслуживающий персонал. Заметим, что в настоящее время не каждый НИИ имеет в своем штате столько научных сотрудников. Впоследствии, при реорганизации в 1935 г. станции в Боготольское опытное поле, штат научных сотрудников сократился до 10 человек и остались только отделы агротехники и селекции, а также агрохимлаборатория.

Период с 1939 по 1940 гг. отличается очень частой сменой как руководителей опытным полем, так и заведующих отделами и научных сотрудников. Директором зональной станции лубяно-волокнистых растений (1930 – 1931 гг.) был В. Батиков. Сибирскую зональную опытную станцию льна в 1932 г. возглавлял К.В. Толстиков. С мая 1933 г. до февраля 1936 г. директором работает В.А. Штиль. Нового директора К.И. Кайгородова в ноябре 1937 г. снимают как врага народа и назначают на эту должность Ф.Н. Ларионова, который работает до марта 1938 г. Таким образом, за 8 лет сменилось 7 руководителей. Все перестановки осуществлялись распоряжениями Всесоюзного НИИ льна. С 1938 по 1942 гг. опытным полем руководит Александра Никифоровна Макринова, работавшая здесь же зав. отделом селекции. С 1942 по 1955 г. опытное поле возглавляли: В.В. Каргопольцев (до 1944 г.), Ф.С. Рябов (до 1946 г.), П.Г. Григорьева (до 1950 г.), Н.В. Дегтярев (до 1953 г.), А.А. Масленников (до 1955 г.).

До начала Великой Отечественной войны проведена большая научно-исследовательская работа по селекции, семеноводству и агротехнике возделывания льна-долгунца. В итоге сортоиспытания был выделен новый сорт льна-долгунца 1288/12 (ВНИИ льна), районированный в 1935 г. и занимавший основные площади посева свыше 55 лет на всей территории Восточной Сибири. Селекция льна-долгунца на опытном поле дала ценный селекционный материал, переданный в 1937 г. на Томскую зональную льняную станцию, который впоследствии был использован при выведении новых сортов.

Отдел агротехники совместно с лабораторией агрохимии проводили полевые опыты по изучению сроков сева, нормам высева, способам и нормам внесения минеральных удобрений под лён-долгунец, пшеницу, озимую рожь, клевер, тимофеевку. Изучалась эффективность снегозадержания в посевах клевера и способы

его проведения. Были разработаны методы защиты растений от болезней и вредителей, технологии обработки льняной соломки для получения качественной тресты. В 1945 – 1955 гг. проводились исследования по агротехники кок-сагыза, сахарной свёклы, проса и др.

Как оказался кок-сагыз в плане исследовательских работ опытного поля и что это за растение вообще? Ответ кроется в речи И.В. Сталина «О задачах хозяйственников» на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 г., где он сказал: «У нас в стране имеется все, кроме каучука. Но через год-два и у нас будет свой каучук». После этого «напутствия» поиск растений-каучуконосов в СССР был возведен в ранг государственной программы, не считаясь с затратами на решение проблемы. В результате длительных, трудоемких анализов было обнаружено растение, способное дать каучук, не уступающий каучуку бразильской гевеи. Этим растением оказался родственник нашего одуванчика – кок-сагыз. Технология выращивания кок-сагыза была очень трудоёмка и затратна, не было специальной техники и механизмов поэтому, запуск производства синтетического каучука обусловило прекращение работ по выращиванию и переработки кок-сагыза.

На полях опытного поля не прекращалась работа по производству семян элиты льна-долгунца. В 1948 г. площади сортовых посевов в Боготольском районе увеличились с 250 до 1225 га при средней урожайности 3 ц/га. Передовики получали по 5-6 ц/га.

1961 год ознаменовался новым этапом деятельности опытного поля. Вышло постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об улучшении семеноводства зерновых, масличных культур и трав» на основании которого была поставлена задача: обеспечить сортосмену и сортообновление в 7 районах лесостепи Причулымья за счёт производства семян высших репродукций зерновых, зернобобовых культур и многолетних трав. В штатное расписание вводится должность заведующего отделом семеноводства, на которую назначается Татьяна Николаевна Гордеева. За счёт присоединения бригады колхоза им. Калинина (д. Кудринка) площадь землепользования увеличилась до 2638 га, пашни – до 1390 га вместо имеющихся 200 га. Штат сотрудников постепенно увеличивается до 12 человек. Усиливаются работы по усовершенствованию агротехнологий, обеспечивающих получение стабильных урожаев зерновых культур, а также льна-долгунца и многолетних трав с высокими посевными качествами.

В 1979 г. произошла реорганизация опытного поля в сельскохозяйственную опытную станцию. Площадь пашни за счёт прирезки увеличилась до 2700 га. Реализация семян высших репродукций возрастает вдвое и составляет более 10400 ц.

В 1973 г. Т.Н. Гордееву избирают первым секретарём Боготольского РК КПСС и директором опытного поля назначают Г. Г. Старчикову, которая занимала эту должность до 1981 г. Приказом Красноярского НИИСХ следующим директором назначается Е. Ф. Митяев. В это время на опытной станции продолжается научно-исследовательская работа по селекции, семеноводству, сортовой агротехнике, агрохимии, кормопроизводству.

Совместно с Томской СХОС издаются рекомендации: «Интенсивные технологии возделывания льна-долгунца в Западной Сибири» (Новосибирск, 1987). На станции разворачиваются работы по первичному семеноводству нового сорта Славный 82. Но в связи с перестройкой, которая коренным образом изменила весь производственный уклад сельскохозяйственного производства, семена льна высших репродукций оказались невостребованными, что привело к свёртыванию всех работ по льну-долгунцу. Таким образом, многолетняя (65 лет) научная и практическая работа нескольких поколений учёных и специалистов в 1994 г. ушла в историю.

В 1985 г. из Боготольской СХОС выделяют самостоятельную административную единицу ОПХ «Боготольское», директором которого назначают Н. А. Коныщенко (он же директор СХОС). С 1995 года научная работа сведена к первичному семеноводству только зерновых культур. Реализация семян высших репродукций достигла 18 – 20 тыс. т, но прибыль не увеличилась по причине высокой себестоимости и низких ценах реализации семян.

Дальше – по наклонной вниз: долги, конкурсное управление, банкротство …. «закат». Сейчас на месте некогда процветающего хозяйства, которое обеспечивало элитными семенами зерновых культур, льна-долгунца и многолетних трав практически всю земледельческую зону Причулымья, безжизненное пространство.

История Казачинского опытного поля берет начало в 1909 году. Это было одно из старейших научных учреждений Сибири. Организация опытного поле обусловлена, в первую очередь, с необходимостью решения важнейших агрономических проблем в связи с освоением северных земледельческих территорий переселенцами из России. Для реализации Столыпинской аграрной реформы было организовано Переселенческое управление, которое инициировало создание Казачинского опытного поля и ставило перед ним задачу: «Исполнить всю ту работу, которую встретит перед собой новосёл и выработать приёмы земледелия, приложимые к самой северной части края (очевидно земледельческой), даже к самым бедным и к самым неблагоприятным климатическим условиям».

Под опытное поле был выбран участок в 12-ти верстах от села Казачинское Енисейского уезда. Раскорчёвка леса и заготовка строительного материала началась уже в 1909 г. В дальнейшем проводилась первичная обработка почвы и первые полевые опыты были заложены только в 1914 году. Цель первых исследований заключалась в организации агрономической помощи населению. Было очевидно, что возделывание сельскохозяйственных культур по технологиям, применяемых в западных регионах России, от куда прибывали переселенцы, в местных условиях неприемлемы. Местной агрономической службы в то время не было, поэтому вся работа по определению района, который будет обслуживать опытное поле и по определению места организации опытного поля легла на единственного представителя местной агрономии Губернского Правительственного Агронома (от Департамента земледелия) Григория Прохоровича Сибирцева, который и выбрал участок в 12-ти верстах от с. Казачинского.

В первом полугодии 1910 г. Переселенческим управлением для заведования опытным полем был приглашен учёный агроном (он же учёный лесовод) Н.Ф. Овчинников – выпускник Московского лесного института, ранее работавший на Костычевской опытной станции в Самарской губернии. Затем в штат были приняты помощник заведующего А.К. Газенбуш и конторщик (он же наблюдатель метеостанции опытного поля) М.И. Бондарь.

Дальнейшая история Казачинского опытного поля полна интересными и значимыми событиями. Учитывая формат представления материала, о них мы расскажем на следующем историческом форуме. Подчеркнём, что, достигнув высот своего развития в 80-е годы прошлого столетия, станция обеспечивала элитными семенами многолетних трав почти весь Красноярский край. Сейчас, за некоторым исключением, эти семена завозятся из других регионов Сибири. С развитием животноводства востребованность семян кормовых культур будет только возрастать. Однако судьба Казачинского опытного поля (в дальнейшем ОПХ «Казачинское») такая же, как и у Боготольского опытного поля (ОПХ «Боготольское»): долги, конкурсное управление, банкротство …. «закат». Сейчас, также, как и в Боготоле, в с. Мокрушинском на месте некогда процветающего хозяйства, которое обеспечивало элитными

семенами многолетних трав практически всех земледельцев Красноярского края, безжизненное пространство.

Заключение

1. Безграмотное управление (менеджмент) в совокупности со сложностями рыночных преобразований, привели к ликвидации важных для агропромышленного комплекса Красноярского края предприятий – ОПХ «Боготольское» и ОПХ «Казачинское» (правопреемников Боготольского и Казачинского опытных полей, в дальнейшем опытных станций).

2. Необходимо создать условия для расширения работ по семеноводству зерновых, зернобобовых и крупяных культур в ОПХ «Курагинское»; по семеноводству кормовых культур в ОПХ «Михайловское» ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН».

Список литературы

1. Боготольская сельскохозяйственная опытная станция, 70 лет. Составители: Т. Н. Гордеева, Н. А. Коныщенко, В. Е. Дмитриев, Л. У. Александрова, В. А. Кирчанова, Г. Г. Баранникова / под общ. ред. Т. Н. Гордеевой, Н. А. Сурина // ГУП РПО СО РАСХН. Новосибирск, 2001. 44 с.

УДК 947.086

Решение зерновой проблемы в СССР во второй половине 1940-х гг.: красноярский вариант

Федоров Алексей Николаевич
кандидат исторических наук, доцент
Челябинский государственный университет
кафедра теоретических и публично-правовых дисциплин
Челябинск, Россия
alex_boss@list.ru

АННОТАЦИЯ В первые послевоенные годы поиском решения зерновой проблемы в СССР занимались не только центральные структуры, но и руководство ряда регионов. В Красноярском крае в 1946 – 1949 гг. повышения урожайности зерновых попытались достичь за счёт раннего сева. Успех данного варианта напрямую зависел от уровня агротехники и надлежащей организации полевых работ. Руководству Красноярского края удалось добиться этого, в результате чего, в 1949 г. зерновое производство здесь превысило довоенные показатели. В 1950 – 1952 гг. красноярский опыт позволил получить хорошие результаты и в Челябинской области. Тем не менее, широкого распространения ранний сев не получил, поскольку его успешное применение зависело от заинтересованности регионального руководства, сам метод неоднозначно воспринимался учёными и в 1960-е гг. из-за новаций и развития технической базы сельского хозяйства утратил значение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА А. Б. Аристов, зерновая проблема, Красноярский край, послевоенный период, ранний сев, Т. Д. Лысенко.

К середине 1940-х гг. вследствие деградации сельского хозяйства во время Великой Отечественной войны и неурожая 1946 г. в СССР предельно обострилась зерновая проблема. Высшее руководство пыталось решить её уже апробированными, стандартными методами – за счёт расширения посевных площадей, дальнейшей механизации сельского хозяйства, улучшения (точнее сказать – восстановления) агротехники, ужесточения трудовой дисциплины в колхозах. Однако в условиях дефицита материальных и трудовых ресурсов и низкой заинтересованности работников сельского хозяйства, реализация этих мер происходила с большим трудом и желаемые результаты не были получены даже к началу 1950 г.

Региональные власти после окончания войны эпизодически доводили до центра собственные предложения по решению зерновой проблемы. В частности, они предлагали шире внедрять бригадный метод и сдельную оплату труда в колхозах, ускорить механизацию, быстрее насытить отрасль подготовленными кадрами. Наряду с этими стандартными предложениями иногда озвучивались более оригинальные варианты решения зерновой проблемы. Один из них был апробирован в Красноярском крае во второй половине 1940-х гг.

За время войны зерновое производство Красноярского края существенно сократилось, вследствие, прежде всего, значительного уменьшения посевных площадей и резкого снижения урожайности. Все попытки регионального руководства административными мерами остановить этот спад результатов не дали, поэтому в июле 1944 г. вместо И. Г. Голубева, которого признали не справляющимся с обязанностями, ЦК ВКП(б) назначил первым секретарём Красноярского крайкома партии А. Б. Аристова. До перевода в Красноярск он работал вторым секретарём в Свердловском и Кемеровском обкомах партии, занимаясь, в основном, промышленностью. В 1944 г. за счёт интенсивного применения административных мер (личный контроль, посылка большего количества уполномоченных, принуждение колхозов к сдаче практически всего зерна и т.д.) он добился того, что Красноярский

край сдал зерна больше, чем в предыдущем году. В 1945 г. он планировал увеличить сборы хлеба за счёт значительного расширения посевных площадей, но ограниченные технические и трудовые ресурсы, а также засуха помешали этому [17, с. 65 – 66].

Чтобы избежать провала в 1946 г. Аристов, который по образованию был металлургом-литейщиком, и при этом имел учётную степень кандидата технических наук, обратился за помощью к специалистам-аграрникам. Его главным консультантом по вопросам зернового хозяйства стал учёный секретарь секции растениеводства ВАСХНИЛ П. И. Кралин, который во время войны занимался задачей апробацией предложений своего шефа Т. Д. Лысенко, в частности, воздушно-теплового обогрева семян и сева по стерне в Восточной Сибири. П. И. Кралин посоветовал сделать упор на соблюдение агротехники, о которой мало заботились в годы войны, а также предложил начинать сев раньше обычного – в апреле, не дожидаясь прогревания почвы или, как говорили в крестьянской среде, «в грязь». Последнюю идею П. И. Кралин предварительно обсудил с Т.Д. Лысенко и тот одобрил её, заявив на партийном собрании ВАСХНИЛ о возможности раннего сева при надлежащем питании посевов [л. 15, л. 14 – 15, 136].

Идея раннего (сверхраннего) сева была хорошо известна отечественным агрономам и в первой половине 1930-х гг. её пытались применить в условиях Восточной Сибири. После ряда неудовлетворительных опытов от сверхраннего сева отказались [1, с. 533, 549]. Показательно, что Т.Д. Лысенко в своих статьях военного периода выступал противником этой идеи и утверждал, что апрельские посевы дают меньший урожай, нежели майские [6, 7]. По всей видимости, возврат к раннему севу было вызван следующими соображениями. Прежде всего, он обеспечивал созревание позднеспелых сортов пшеницы Мильтурум 321 и Мильтурум 583, распространённых в крае в послевоенные годы [19], уже к середине августа, что позволяло провести уборочную до осенних заморозков и тем самым сократить потери зерна. Во-вторых, ранний сев в какой-то мере позволял решить проблему засоренности полей (ранние всходы зерновых), обострившуюся в годы войны из-за игнорирования агротехники. В-третьих, ранний сев позволял даже в условиях незначительной механизации и дефицита рабочих рук завершить посевную до начала июня и тем самым выгодно отчитаться перед центром. Наконец, ранний сев вполне соответствовал применяемой тогда зернопаропропашной системе земледелия и практически не требовал дополнительных материальных ресурсов. Для него требовались значительные организационные усилия (провести более раннюю подготовку к севу, обеспечить быстрое проведение полевых работ и т.п.), но энергичный Аристов, успевший к тому времени отладить работу партийного и советского аппарата в крае, сумел добиться этого.

В 1946 г. сев в Красноярском крае начался с середины апреля и в целом был завершён к 1 июня. Урожайность зерновых по краю в среднем составила 5,8 ц/га – существенно меньше, чем в 1940 г. (9,1 ц/га), но больше, чем в 1944 – 1945 г. (3,9 и 4,5 ц/га соответственно). Тем не менее, она позволила собрать неплохой урожай и впервые за несколько лет выполнить план хлебозаготовок. В следующем году эксперимент с ранним севом продолжили, сопроводив его рядом других мероприятий: воздушно-тепловым обогревом семян, более высокими нормами высева, узкорядным и перекрестным способами сева, внесением гранулированных органоминеральных удобрений. Одновременно краевая газета начала публиковала десятки статей о проблемах зернового хозяйства, причём практического характера [3].

Внимание к агротехнике, хорошо организованная посевная кампания, проведённая в сжатые сроки (к концу мая), и благоприятные погодные условия привели к тому, что средняя урожайность зерновых культур в крае составила в 1947 г. 9,0 ц/га, в 1948 г. – 9,05 ц/га, в 1949 г. – 9,25 ц/га [2, с. 62]. Поскольку одновременно

наращивался машинно-тракторный парк, возрастало количество трудоспособных колхозников и значительно увеличились посевы зерновых (с 1179,7 тыс. га в 1946 г. до 1593,8 тыс. га в 1949 г.) [12, л. 63; 13, л. 78] это позволило с каждым годом получать всё большие урожаи и сдавать государству всё больше зерна, постоянно перевыполняя планы хлебозаготовок. В результате, в 1949 г. зерновое производство в Красноярском крае превысило довоенные показатели. Внимание центра эти достижения привлекли ещё и потому, что край, начинавший уборочную уже в середине августа, раньше остальных регионов Сибири, ко второй декаде сентября успевал рассчитаться с государством по зерну.

Неоднозначное отношение специалистов к раннему севу не позволяло руководству края открыто заявлять о нём, как ключевом факторе повышения урожайности зерновых культур. В союзной печати краевое руководство о раннем севе не упоминало и объясняло успехи в земледелии сжатыми сроками сева и активным применением агротехнических мероприятий, предложенных Т.Д. Лысенко [8, 9]. На краевых партийных и агротехнических мероприятиях и в местной печати ранний сев тоже обычно упоминался в комплексе с другими агротехническими мероприятиями. Более того, в Красноярском крае ранний сев считался личной инициативой А. Б. Аристова. Когда в марте 1950 г. его перевели на Урал (назначен первым секретарём Челябинского обкома партии), прежние соратники не проявляли рвения касательно ранних сроков и менее энергично, с определенными ошибками организовывали посевные и уборочные кампании. В результате, в апреле 1952 г. ЦК ВКП(б) в своём постановлении отметил, что крайком партии и крайисполком «плохо руководят сельским хозяйством» и «не ведут настойчивой борьбы за повышение уровня агротехники» [10, л. 2 – 3]

В отличие от недавних коллег А. Б. Аристов в полной мере использовал полученный опыт и на новом месте. Сельское хозяйство Челябинской области в первые послевоенные годы находилось в кризисном состоянии: на начало 1950 г. по ряду показателей оно не достигло даже уровня 1945 г. и область четыре года подряд не выполняла плана хлебозаготовок. Основной причиной этому была низкая, в 2 – 3 раза ниже довоенной урожайность. Чтобы быстро исправить ситуацию А. Б. Аристов решил внедрить красноярские наработки. Через неделю после прибытия в Челябинск, в середине марта 1950 г. он созвал совещание местных специалистов и передовиков сельского хозяйства, на котором обсудили возможные меры по улучшению зернового производства, в том числе ранний сев (апрель – начало мая). Это совещание показало разное отношение челябинских аграрников к раннему севу [18], но позволило Аристову убедиться в том, что такой сев вполне применим к условиям Южного Урала [5, л. 1 – 90]. Благодаря хорошей организации посевной кампании, предложенные агротехнические мероприятия были реализованы в полной мере и это в совокупности с благоприятными погодными условиями (ранняя весна, отсутствие майских заморозков, достаточное количество осадков в июне) и хорошо организованной уборочной дало хороший урожай. Он оказался наибольшим за десятилетие и превзошёл урожай предыдущего года в 2,5 раза (при увеличении посевов зерновых всего на 10 %). В 1951 г. опыт повторили и, несмотря на засуху, получили хотя и меньший, но очень внушительный урожай. 1952 г. оказался крайне тяжёлым для сельского хозяйства Челябинской области: из-за поздней весны и майских заморозков сев провели в первой половине мая, а почвенная засуха в июне–июле ещё больше снизила урожайность зерновых. Урожай оказался в 1,6 раза ниже, чем в рекордном 1950 г., но всё же выше, чем в 1940 г. Несмотря на это область в очередной раз досрочно выполнила и перевыполнила план по хлебозаготовкам, что оценили в Москве [16, с. 262].

Успешное применение красноярского опыта на Южном Урале привело А. Б. Аристова к мысли о необходимости продвижения раннего сева в качестве общепризнанного метода повышения урожайности. Эту часть взял на себя П. И. Кралин. Осенью 1950 г. он подготовил и опубликовал в Челябинском областном издательстве монографию, посвященную агротехническому обеспечению раннего сева [4]. В начале 1951 г. ВАСХНИЛ выдвинула его на соискание Сталинской премии за 1950 г. за участие «в разработке и внедрении производственных мероприятий по улучшению семеноводства зерновых культур в колхозах Сибири и Урала». Присуждение премии резко бы повысило статус Кралина и стало бы весомым доводом в пользу продвигаемой им идеи раннего сева. Комитет по премиям заявку отклонил [11, л. 109 – 128]. Осенью 1951 г. по инициативе П. И. Кралина Челябинское областное управления сельского хозяйства запросило у Министерство сельского хозяйства разрешение на изменение рекомендаций о сроках весеннего сева зерновых с майских на апрельские. В декабре 1951 г. в Агротехническом совете Главного управления зерновых и масличных культур Министерства сельского хозяйства СССР состоялось специальное совещание, которое вылилось в острый спор между сторонниками и противниками раннего сева. Челябинский вариант был противопоставлен курганскому опыту (поздний сев в третьей декаде по предложению Т. С. Мальцева), было заявлено, что ранние севы следует применять избирательно. Несмотря на это, совещание одобрило «инициативу Челябинской области по переходу в широких размерах на ранние сжатые сроки весеннего сева» [15, л. 3 – 143].

А. Б. Аристов продвигал тему раннего сева как по административной линии, так и научной. Так, в своих докладных записках о сельском хозяйстве в Москву он обязательно указывал о раннем севе как одной из основных причин успехов. Также он поддерживал связь с Т. Д. Лысенко – переписывался с ним и несколько раз встречался лично. Важным подспорьем для А. Б. Аристова в этом деле стало и то, что в октябре 1952 г. он был назначен секретарём ЦК КПСС. В результате прошедшее в Омске в январе 1953 г. совещание о сроках сева яровых культур рекомендовало проводить весенний сев в ранние сроки во всех областях Урала (конец апреля – начало мая) и Сибири (первая и вторая декады мая) [14, л. 1 – 16]. Однако внедрение раннего сева даже в рекомендательном порядке вызвало противодействие учёных (прежде всего, Т. С. Мальцева) при активной поддержке ряда писателей и публицистов (В. В. Овечкин, Г. С. Фиш, Л. И. Иванов) и сдержанное отношение со стороны руководства регионов, где ранний сев до этого применялся эпизодически.

Во второй половине 1950-х ранний сев применялся в ряде регионов СССР, на что, в частности, указывают агротехнические правила и указания, изданные в это время в краях и областях Урала и Сибири. Однако в 1960-е гг. в связи с утверждением плодосменной системы землепользования, широким применением удобрений, распространением новых сортов зерновых и развития новых методов обработки почвы ранний сев в целом утратила значение.

Список литературы

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В. А. Ильиных, О. К. Кавцевич. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2011. 608 с.
2. Агропромышленный комплекс Красноярского края (1920–1970-е годы). Документы и материалы / Сост. М. Д. Саверьянов. Красноярск, 1991. 471 с.
3. Борисенко Е. А. Использование периодической печати Красноярского края для распространения агротехнических знаний в послевоенный период // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2016. № 4 (26). С. 54–59.

4. Кралин П. И. Семеноводство зерновых на Урале в связи с ранними посевами. Челябинск: Челяб. обл. гос. изд-во, 1950. 140 с.
5. ОГАЧО. Ф. П-288. Оп. 14. Д. 226.
6. Правда. 1942. 2 марта.
7. Правда. 1944. 30 марта.
8. Правда. 1948. 2 октября.
9. Правда. 1948. 23 октября.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 839.
11. РГАЭ. Ф. 180. Оп. 1. Д. 976.
12. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 1869.
13. РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 324. Д. 3235.
14. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 15. Д. 706.
15. РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 80. Д. 201.
16. Федоров А. Н. А. А. Белобородов и А. Б. Аристов: сравнительная характеристика первых секретарей Челябинского обкома ВКП(б) 1946 – 1952 гг. // Архив в социуме – социум в архиве: материалы Второй регион. научно-практ. конф. Челябинск, 2019. С. 260 – 265.
17. Федоров А. Н. Факторы карьерного роста региональных руководителей в 1945 – 1953 гг. (на примере политической биографии А. Б. Аристова) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 65 – 74.
18. Фрумин И. Л., Шумских К. И. Сроки посева яровых зерновых на Южном Урале // Проблемы аграрного сектора Южного Урала и пути их решения: сб. науч. тр. / [отв. ред. В. А. Липп]. Челябинск, 2000. Вып. 2. С. 41 – 45.
19. Халипский А. Н. История селекции и сортосмены основных полевых культур в Красноярском крае // Вестник КрасГУ. 2006. № 10. С. 125 – 126.

УДК 94 (47). 084. 3, 5 (571.51)

Советы и крестьянство Енисейской Сибири в 1920-е годы

Шекшеев Александр Петрович
кандидат исторических наук
Хакасская республиканская Ассоциация жертв политических репрессий
Абакан, Россия
turan47@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Данное сообщение показывает создание советских органов и участие в нем крестьянства Енисейской Сибири, или современных Красноярского края и Республики Хакасия в 1920-е годы. Анализ фактов свидетельствует о том, что одной из причин изменения государственной политики являлось социально-политическое поведение крестьян. Широкое привлечение их к советскому строительству способствовало «оживлению» органов. Но либерализация отношений между советской властью и крестьянством должна была закончиться их новым обострением, а поддержка государством бедноты привела к власти на деревне радикально настроенные бедняцкие и молодежные слои.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Выборы, деревня, коммунисты, крестьянство, налоги, советы.

Тема взаимоотношений советской власти и сибирского крестьянства всегда занимала одно из приоритетных мест в трудах историков. В советское время считалось, что с появлением Красной армии наученное колчаковщиной крестьянство быстро перешло к активной поддержке инициатив новой власти, а происходившие затем его протестные выступления назывались «бандитизмом» и «классовой борьбой». Изучая нэповскую проблематику, ученые сообщали противоречивые сведения о состоянии отношений государства и деревни. Некоторые из них считали, что советская власть могла выстраивать мобилизационную систему только в борьбе с крестьянством и одновременно при опоре на него [5, с. 346, 370], другие же высказывали мнение о запоздалом советском строительстве в регионе, которое всецело подчиняло хозяйственные отношения государственным интересам [4, с. 259; 2, с. 725].

Как правило, протесты крестьян возникали под воздействием осуществляемых государством репрессий, насильственного изъятия продовольствия и даже предлагаемых форм советского строительства. Поэтому освещение истории становления советских органов в енисейской деревне 1920-х гг. является возможным лишь на основе объективного и всеохватного исследования участия крестьянства, как одного из главных действующих лиц.

С приходом советской власти в енисейской деревне к традиционному управлению в лице общины добавились советские органы, избираемые лицами, которых власть признавала «трудящимися», и действующие соответственно с решениями руководства или в духе того времени. Советское строительство в Сибири не было единообразным по форме. После ликвидации белого режима одни советские органы образовывались под руководством политических работников Красной армии, другие – по распоряжению высших органов партизанского управления, а третьи – по инициативе самого населения.

Между тем обстановка, требовавшая от советского аппарата мобильности и инициативы, побудила коммунистов создавать ревкомы, состав которых при необходимости можно было изменить без перевыборов и согласно приказу. 5 января 1920 г. Сибирский революционный комитет (Сибревком) назначил в Енисейскую губернию свое представительство, возглавляемое коммунистом А. П. Спундэ. Создание

ревкомов на местах осуществлялось самостоятельно населением, инструкторами проходивших воинских частей, а также на основе приказов и инструкций губернских и уездных органов. Членами ревкомов в Енисейской губернии стали 2609 человек. В основном это были бедняки и середняки, сочувствующие большевикам, а также бывшие партизаны [7, с. 17; 6, с. 15]. Однако крестьяне предпочитали иметь дело с советами, схожими со сходами. Занятые хозяйственной деятельностью, они не всегда стремились работать в органах. Организационное оформление советской власти в губернии затянулось вплоть по первую декаду мая 1920 г. и не всегда носило классовый характер. В ревкомы попадали даже антисоветские или «неопределенные» элементы.

Волостные и сельские ревкомы проделали большую работу по налаживанию послевоенной деревенской жизни на коммунистических началах и всячески помогали Красной армии. Однако информация, которая поступала властям с мест, оценивала ситуацию как противоречивую. В деревнях с преобладанием переселенческого населения наблюдалось доброжелательное отношение к распоряжениям ревкомов. Старожилы же проявляли недовольство их деятельностью.

Полагая, что крестьяне могут усилить продовольственные заготовки, если они будут проводиться избранными ими органами, коммунистическое руководство в июле 1920 г. приступило к выборам советов. Они проходили с привлечением ограниченного круга избирателей и позволили взамен ревкомов создать в деревне сельские советы и волостные исполкомы (ВИКи), состоявшие в основном из сторонников советской власти. Прошедший в сентябре 1920 г. I Енисейский губернский съезд советов, одобрив деятельность ревкомов, призвал крестьян выполнять все задания, возлагаемые на них советской властью [6, с. 315 – 317]. Понимая, что советы не добирали в глазах населения авторитета из-за их подконтрольности коммунистам, власти неоднократно возвращались к управлению через систему чрезвычайных органов.

Ситуация в советских органах из-за незначительной численности коммунистов, враждебного отношения к ним многих крестьян, переживших принудительную разверстку, складывалась не в пользу этого контингента. Делегатами уездных съездов советов избирались отнюдь не члены РКП(б). В то же время крестьяне дружно голосовали за представительство на очередном губернском съезде советов лиц, предлагаемых коммунистическими фракциями.

Пережившее кризис власти и объявившее о переходе к новой экономической политике (нэпу), советское руководство пыталось, наладить деятельность местных советов. Но эти меры не могли улучшить их состав. К лету 1922 г. в губернии насчитывалось 607 ВИКов, членами которых являлись 204 коммуниста и 347 беспартийных[12]. Еще хуже обстояло с наличием партийцев в сельсоветах.

Средством привлечения крестьянства к строительству нового общества признавалось участие его в деятельности советов, которые создавались и переизбирались практически каждый год. Уступки государства, осуществленные в продовольственной политике, и выдвижение властями в советы грамотных лиц способствовали росту прослойки в них коммунистов. В результате на VII губернской партконференции (сентябрь – октябрь 1923 г.) руководителем Енисейского губкома РКП(б) Р. Я. Кисисом было заявлено, что крестьянство стало более лояльным по отношению к советской власти, а процент коммунистов, прошедших в сельсоветы, превысил задание партийного органа[13].

Между тем отсутствие преобразований в политической сфере продолжало напрягать отношения властей с крестьянством. С самого начала советское

[12] Государственный архив Красноярского края (ГА КК). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 110. Л. 15.
[13] Там же. Д. 441. Л. 162.

законодательство сохраняло значительное место в советах для пролетариев, а ВЦИК устанавливал различные нормы представительства на выборах для «организованного» и «неорганизованного» населения. Так, к примеру, на V Минусинском уездном съезде советов докладывалось, что в выборной кампании 1923 г. городские рабочие и члены профсоюзных организаций, поддерживающие коммунистов, избирали депутата от 200, тогда как крестьяне, составлявшие большинство населения, – от 2 тыс. человек[14].

Руководству страны опасность виделась в расслоении деревни, увеличении числа зажиточных элементов, и, как следствие, в буржуазной реставрации. Поэтому власть колебалась между экономическим сдерживанием проявлений капитализма и административным их вытеснением [1, с. 276], а также налаживанием в деревне политической жизни. Принципиально новая политика по отношению к крестьянству начала разрабатываться только на XIII съезде РКП(б) (май 1924 г.), в работе которого деревенские проблемы едва ли не впервые заняли центральное место.

Летом того же года, когда выяснилось, что падение урожайности в ряде хлебопроизводящих регионов придется компенсировать сибирским крестьянам, радикальные настроения среди них стали нарастать. К тому же численность членов и кандидатов в Енисейской губернской коммунистической организации увеличилась только до 6486, а крестьян-партийцев – 2488 человек[15]. Занятые в своем хозяйстве и разбросанные на большой территории, члены ячеек были часто пассивны и оказывали слабое влияние на жизнь деревни.

Начавшиеся перевыборы советов отметились массовым и резким снижением активности крестьян. Авторитетными среди них становились не коммунисты и сельсоветчики, а хорошие хозяева и «народные защитники». Осознавая опасность утраты поддержки населением, высшее партийное руководство страны на октябрьском (1924 г.) пленуме ЦК РКП(б) объявило о переходе к политике «оживления советов», которая являлась частью нового курса «лицом к деревне». Известие об этих переменах не оставили крестьян равнодушными. К примеру, жители с. Белоярского Минусинского уезда сообщали И. В. Сталину о получении ими «Крестьянской газеты» с его «речью, сильно встревожившей умы крестьян» [3, с. 191]. Итоги перевыборов советов заставили президиум ЦИК отменить их почти во всех регионах Сибири. С утверждением новой инструкции была создана выборная модель, направленная на ограничение применения административного ресурса партийных, комсомольских и советских работников и укрепление доверия населения к власти.

Этот поворот застал многих партийцев врасплох, вызвал среди них оппозиционные настроения и отстаивание привычных методов работы в деревне. Состоявшаяся 1 декабря 1924 г. IX Енисейская губернская партконференция показала, что коммунисты не собираются отказываться от командования, и заставила руководство регионом принимать соответствующие меры. Для устранения канцелярщины и волокиты проверке подверглись 6458 лиц, работавших в советском аппарате, из них 978 человек были уволены[16]. На территорию трех районов с целью обследования положения и налаживания партийной работы были посланы специальные комиссии. Создавались условия для подготовки кадров из беспартийных крестьян.

Но в деревнях продолжалось разложение коммунистических ячеек. Угрожая населению оружием, их члены предавались пьянству и безобразиям. Некоторые из них впадали в групповщину и борьбу за влияние на сельские дела. В свою очередь

[14] Государственный архив Новосибирской области (ГА НО). Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1245. Л. 72.
[15] Там же. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 151. Л. 70-72.
[16] Там же. Д. 139. Л. 194.

население целых волостей отказывалось содержать путем налоговых отчислений исполкомы. Ощущая свою силу, крестьяне проявляли вражду к представителям власти даже в форме групповых и открытых нападений. Случалось, что они заканчивались убийствами коммунистов.

Начавшиеся к весне 1925 г. перевыборы советов показали выросшую избирательную активность крестьян. В селениях образовались группы, возглавляемые грамотными и зажиточными людьми, которые, одерживая «верх» на предвыборных собраниях, формировали общественное мнение. Другим следствием этой кампании явилось сокращение присутствия в советских органах представителей партии и комсомола. Прослойка коммунистов в сельсоветах на территории губернии уменьшилась до 3,2 %. Среди избранных 10959 членов только 351 являлся коммунистом, 194 – комсомольцами, а прочие были крестьянами-середняками[17]. Состоявшиеся в марте 1925 г. районные съезды советов показали критический настрой собравшихся делегатов. Но в целом съезды прошли в активной и деловой обстановке.

С осуществлением перевыборов советов и с выдвижением Н. И. Бухариным своего знаменитого лозунга «Обогащайтесь!» кампания «лицом к деревне» достигла своего апогея. Оценивая ситуацию в коммунистической организации, тот же Кисис на апрельском 1925 г. пленуме Енисейского ГК партии говорил, что в крестьянской по составу населения губернии необходимым стало создание в партийной организации нового слоя – крестьянского. Прием в РКП(б) середняков, предупреждал он, грозил ей появлением политических уклонов. Поэтому партийный руководитель выдвигал перед коммунистами задачу идейного овладения деревней[18].

Выполнение выдвинутого задания предполагало политическую и общую подготовку крестьянства. В губернии открылись сельскохозяйственные курсы, выросла и численность лиц, ликвидировавших свою неграмотность. Улучшая свои отношения с деревней, власти усиливали проверку и «чистку» состава партийных организаций. Порой сами коммунисты, видя неутешительные результаты деятельности своих избранников, спешили принять соответствующие меры.

Отношение большинства крестьян к коммунистам не было враждебным[19]. Однако кое-где к власти на селе пришли середняки, которые нередко потворствовали «кулацким» инициативам. Образовавшиеся оппозиционные группы не только критиковали советскую действительность и стремились «прибрать к рукам» кооперацию и советы. Некоторые из них даже «командовали» ими и терроризировали активистов.

Изменения в политике и составе партии способствовали улучшению отношений между местными коммунистами и крестьянами. Исключая из партии лиц, замаранных поведением в быту и приверженных командным методам работы, власти организовали направление в деревню коммунистов и выдвижение на руководящую работу представителей крестьянства.

Между тем вскоре выяснилось, что часть крестьян совсем не стремилась к участию в общественной жизни и восприняла политику «лицом к деревне» как свободу самогоноварения. Среди них начался всплеск массового пьянства. Поджоги хлебов теперь осуществлялись беднотой, действующей так в отместку новым сельсоветчикам. Ощутимые потери для представителей советской власти наносили продолжавшиеся террористические акции.

---

[17] Там же. Д. 506. Л. 58, 65-66; Д. 752. Л. 3, 130; Д. 1206. Л. 106.

[18] Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив» (ГКУ РХ «НА»). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 5. Л. 158, 163-164, 167.

[19] Там же. Д. 7. Л. 7.

Новая политика не поддерживалась даже партийной номенклатурой. Её представители, например, перекладывали вину за безобразия, обнаруженные в деревне сибирскими комиссиями, на губернское руководство, которое якобы вело парторганизацию к «политическому нэпу»[20]. Заботы, которыми жила партия, не стали стержневыми в деятельности сельских коммунистов. Прошедшая в ноябре 1925 г. I Минусинская окружная партконференция выявила, что при проверке политического облика 400 деревенских коммунистов 283 – оказались политически неграмотными, но продолжали командовать крестьянами. Конференция едва не закончилась призывом коммуниста, только что избранного членом окружного бюро, «разжечь в деревне классовую борьбу»[21].

Курс «лицом к деревне» осуществлялся с помощью бюрократического механизма, что и предопределило кампанейский, декларативный характер проводимых мероприятий. Бывший учитель сообщал секретарю ЦК ВКП(б) М. И. Калинину, что «всякого рода работа в деревне проводится на бумаге» [3, с. 260 – 261]. Надежды коммунистического руководства на развитие производительных сил и кооперирование деревни, что должно было служить созданию источников для индустриализации, не оправдались. Объявленный на XIV съезде ВКП(б) (декабрь 1925 г.) поворот на построение социализма в отдельно взятой стране потребовал поиска новых материальных ресурсов и изменения аграрной политики.

Происшедшая криминализация общества заставила советскую власть обратиться к борьбе с нею путем привлечения чекистских органов, наделенных правом внесудебной расправы. Постановлением от 16 октября 1925 г. ЦИК СССР объявил Сибирь на два месяца «районом, неблагополучным по бандитизму». Но уже после этой акции произошло возрастание преступности, которая воцарилась во многих селениях енисейских округов. Поэтому в декабре 1926 г. кампания по ликвидации уголовщины с использованием органов ОГПУ была повторена.

Действия властей вызывали протестное поведение крестьянства, которое порой сопровождалось человеческими жертвами. Средством борьбы являлась «кулацкая» агитация, зачастую выдававшаяся в качестве слухов. Способом, который должен был ослабить налоговый нажим, считалось разделение крестьянских хозяйств, которое на определенных территориях было существенным. Этому же содействовал и саботаж выплаты страховых сборов.

Сменивший политику «лицом к деревне» и воцарившийся в ней хаос становился опасным для правящей партии. Партийно-государственное руководство старалось любыми средствами сохранить контроль над советами. Накануне их перевыборной кампании на проходившем в июле 1926 г. объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) было принято решение о существенном расширении круга лиц, лишённых избирательных прав. Получавшая государственную помощь, беднота постепенно начала организовываться и выдвигать своих кандидатов в советы.

Предвыборную активность проявляла и противная сторона, спаивавшая и запугивавшая побоями лиц, ответственных за проведение выборов. В результате деревенские низы, заявляя, что они «только кулаками и живут», выступали за избрание последних в советы. Кандидатуры бедняков не поддерживались даже некоторыми коммунистами и комсомольцами. Но в целом перевыборы в советы прошли в пользу сторонников советской власти[22].

На этот раз середнячество было оттеснено от руководства деревней. Власть перешла к активной и радикально настроенной бедноте, состоявшей в основном из

[20] Там же. Д. 752. Л. 6, 12, 99.

[21] Там же. Д. 6. Л. 46 – 47, 53 – 54, 60.

[22] Там же. Д. 1206. Л. 72; Д. 1799. Л. 79; Д. 2025. Л. 50; Д. 2046. Л. 106; Д. 2112. Л. 8; Д. 2123. Л. 27.

молодежи, воспитанной советской властью и ориентированной на новую жизнь, образование и карьеру. Избранные из них советские органы подминали под себя так называемые «общественные собрания». Оценивая прошедшие выборы, крестьянин из д. Верхняя Березовка Назаровского района на сходе говорил односельчанам: «Хитро политика власти построена, дают право выбирать и быть выбранным, ... а дальше мужика не допустят, а если и допустят, то все равно заставят работать, как угодно коммунистам...»[23].

Накануне перехода к массовой и насильственной коллективизации советы все больше переходили под власть бывшей бедноты, настроенной против «кулачества», и становились в сущности частью государственно-партийного аппарата. Но даже при этой системе в советах оказывались лица, которых власть относила к «оппозиционерам», подлежащим «чистке».

Следовательно, советское строительство в енисейской деревне из-за всяческих обстоятельств оказалось длительным и принимало разные организационные формы. Одной из причин такого становления советов были непростые отношения с местным крестьянством. Объявляя себя сторонником советской власти, оно не всегда стремилось к активной общественной позиции и, случалось, все чаще протестовало против деятельности её органов, а также поведения коммунистов. Возникший в результате военно-коммунистической продовольственной политики, кризис советской власти заставил её пойти на уступки крестьянству в области хозяйствования. Но только с середины 1924 г. коммунистическое руководство приступило к реформированию политической системы на селе. Курс «лицом к деревне» был полон противоречий. Возникшая на короткое время либерализация отношений между государством и крестьянством объективно должна была закончиться их новым обострением. Оно диктовалось поведением сторон и создавшейся обстановкой. «Оживляемые» властями, деревенские советы вскоре превратились в придаток бюрократической системы. Крестьянский менталитет и доктринальные установки коммунистов не позволили рынку и нэпу утвердиться «всерьез и надолго».

Список литературы

1. Ильиных В. А. «Лицом к деревне». Аграрная политика советского государства в середине 1920-х годов // Российские экономические реформы в региональном измерении: сб. материалов Всерос. науч. конф., посвященной столетию начала нэпа / отв. ред. В. А. Ильиных, В. М. Рынков. Новосибирск: Параллель, 2021. С. 275 – 283.
2. Ильиных В. А. Новая экономическая политика: грани изучения / В. А. Ильиных, С. В. Шарапов // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 4. С. 720 – 730.
3. Письма во власть в годы новой экономической политики (апрель 1921 - декабрь 1929 г.): сб. док-в / сост.: Т. И. Морозова, В. И. Шишкин; отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: Автограф, 2020. 496 с.
4. Рынков В. М. Обочины магистральной дороги: сибирский опыт изучения новой экономической политики на территориальных окраинах и в «периферийных» отраслях экономики // Российские экономические реформы в региональном измерении. С. 258 – 266.
5. Сталинизм и крестьянство: сб. науч. статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М.: Изд-во Ипполитова, 2014. 765 с.
6. Шишкин, В. И. Революционные комитеты Сибири в годы гражданской войны (август 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1978. 333 с.
7. Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 – март 1921 г.). Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.

[23] ГАКК. Ф. П-59. Оп. 1. Д. 327. Л. 149.

УДК 631/635

Земледелие Севера Сибири

Шпедт Александр Артурович
доктор сельскохозяйственных наук, чл.-корр. РАН
ФИЦ «Красноярский научный центр СО РАН»
Красноярск, Россия
shpedtaleksandr@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-7143-1252

АННОТАЦИЯ В статье показано распространение и развитие русского земледелия на территории Сибири. На основании литературных источников описаны северные границы продвижения земледелия. Представлено современное состояние земледелием в северных районах. Обсуждаются перспективы продвижения земледельческой культуры в северные районы с учетом меняющихся агроклиматических условий. Обосновывается необходимость разработки государственной программы развития земледелия на Севере Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Север Сибири, северная граница земледелия, сельскохозяйственные культуры, урожайность, изменение климата, перспективы северного земледелия

Создание русским народом в XVI и XVII в. сибирского пахотного земледелия является основополагающим событием в истории освоения Сибири. Это событие позволило позднее превратить сибирский край в одну из житниц России и, что особенно важно, способствовало укреплению, стабильности и величию российского государства. Главным результатом сибирского земледелия к концу XVII в. было появление распаханных земель на всем протяжении Сибири с запада на восток. На расстоянии более 5000 км менее чем за столетие появились крупные очаги земледельческой культуры. Пашни распахивались вдоль всего главного пути в Сибирь. Этот путь шел от Соликамска до Верхотурья по суше, затем по рекам Туре, Тоболу, Иртышу, вверх по Оби и Кети до Маковского волока, оттуда на Енисей, Ангару, Илим, Лену и на юг к Амуру. На всем протяжении этого пути возникали русские деревни и производились посевы зерновых культур.

Уже в конце XVII в. Сибирь стала обходиться своим хлебом и перестала завозить его из Европейской России. В 1685 г. с поморских городов (Великий Устюг, Сольвычегодск и др.) была снята повинность поставлять хлеб в Сибирь. Оставалось только распределять хлеб внутри региона.

Крупным очагом хлебопашества был Енисейский земледельческий район. Наибольшее число поселений здесь возникло в среднем течении Енисея от Енисейска до Красноярска, по Верхней Тунгуске, Ангаре и Илиму. Распаханные земли протянулись на север до Ворогово (61º01' с. ш.). Это пашни крестьянина Осипа Цыпаля-Григорьева-Голубева, основанные в 1636 г. По ходатайству Осипа Цыпаля царь Михаил Федорович дал грамоту на десять лет, в которой говорилось: «Пашню распахивать и вольных людей призывать и слободу строить». Слобода состояла из 16 крестьянских дворов, построена была церковь. Крестьяне занимались выращиванием ржи, ячменя и овса. Пшеница не вызревала. Распашки под Ворогово на тот момент времени считались самыми северными в районе.

Вопрос о том, как далеко на север распространялось земледелие является весьма интересным и актуальным, как с исторической, так и с практической современной точек зрения. По утверждению Н. И. Вавилова [1]: «Большинство овощных культур, включая картофель, как показал нам весь мировой опыт, практически не знает северных пределов». Обратимся к некоторым, заслуживающим внимания,

публикациям. Одна из них – это очерк, подготовленный И. А. Новоселовым в 1934 г. [2] (рис. 1). В очерке приводятся подробные сведения о полеводстве, огородничестве, размещении сельскохозяйственных культур по районам Крайнего Севера Восточно-Сибирского края с учетом зонирования территории. Напомним, что этот регион в 1934 г. включал в себя современные Красноярский край, Иркутскую и Читинскую области и республику Бурятия. Помимо детального описания очагов распространения полевых и огородных культур, площадей посева и посадки, урожайности культур, здесь также приводятся три уникальные карты: карта границ земледелия (рис. 2), карта огородничества и карта полеводства.

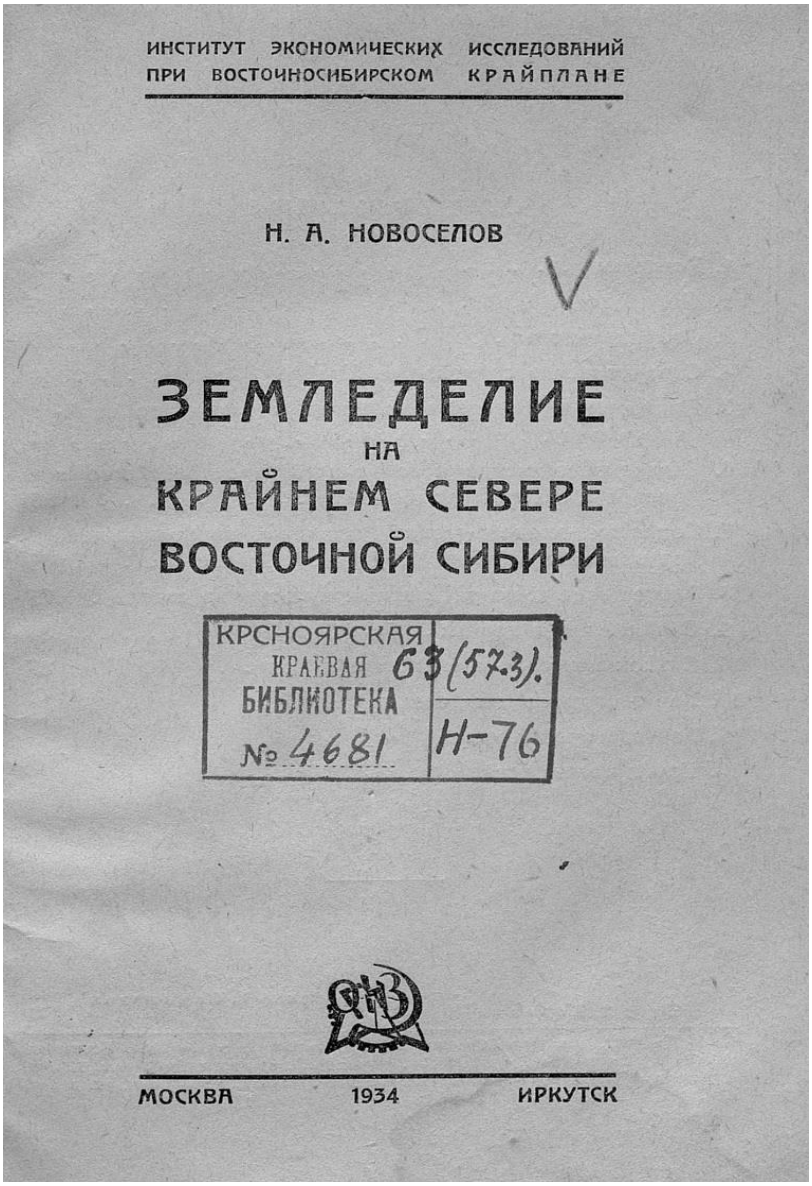

Рисунок 1. Титульный лист обзора «Земледелие на Крайнем Севере Восточной Сибири».

Из обобщений автора очерка следует, что районами, где есть возможность возделывать зерновые и технические культуры, являются: по Енисею овес и ячмень можно высевать до поселка Подкаменная Тунгуска (61º36' с. ш.), конопля и лен на семена – до поселка Лебедь (62º05' с. ш.). и на волокно - до поселка Мироедиха (65º35' с. ш.); по Подкаменной Тунгуске полеводство может быть в верховьях реки и в отдельных местах до Таимбы (60º17' с. ш.), а также в ряде наиболее благоприятных пунктах южнее Бодайбо (57º51' с. ш.).

Граница существующего на тот момент времени (1934 г.) или существовавшего раньше овощеводства проходит гораздо севернее. В западной части региона она доходит до поселка Потапово (68º41' с. ш.), затем спускается по долине Енисея до Нижней Тунгуски (65º47' с. ш.), т. е. до Туруханска, и продолжается дальше на восток по правому берегу реки вплоть до границы с Якутией.

В районе Ярцево (60º14' с. ш) – Ворогово (61º01' с. ш.) в 1929 г. агрономом Беляевым [3] заложено 59 опытных участков с овощными культурами, такими как свекла, морковь, огурцы «Муромские», капуста «Дитмар» и «Копенгагенская», редька, помидоры, сельдерей, турнепс, брюква. Опыты дали хороший результат. Вилки белокочанной капусты достигали 5, цветной 1,2, брюквы 5 кг. Отдельные корнеплоды турнепса доходили до 6 кг.

В очерке приводится достаточно подробное «объяснение к картам». Описываются 5 границ земледелия разных авторов и приводится 6-я действительная современная (для 1934 г.) граница земледелия. Южную границу зерновых хлебов по Танфильеву автор очерка считает неверной: «Как видно из карты, она в пределах нашего края начинается на Енисее, примерно, около 58 гр. с.ш., т.е. не захватывает даже Енисейска. Отсюда она еще более спускается к югу, проходя по таким районам, как Тасеевский, Абанский, Шиткинский и Братский, о невозможности земледелия, в которых сейчас смешно говорить…». Граница, проведенная Цинзерлингом и Вавиловым идет существенно севернее, но и их автор считает «значительно устаревшей». Граница, обозначенная российским климатологом Г. Т. Селяниновым, представляет собой прямую линию в направлении юго- востока, она начинается на побережье Обской губы немного севернее Полярного круга и упирается в эвенкийский поселок Тура. По мнению автора очерка: «…эта граница пока более или менее соответствует фактическому положению дел». Действительно, граница земледелия по Селянинову более всего совпадала с фактической на тот момент границей распространения земледелия в регионе. По поводу самой северной границы земледелия автор заметил: «Граница возможного возделывания огородной зелени в открытом грунте, проведенная по Эйхфельду, в нашем крае фактически еще не достигнута, но это очевидно, только потому, что севернее Потаповского до настоящего времени не проводилось еще ни одного опыта по выращиванию овощей. И ясно, что, если потребности социалистического строительства заставят продвинуть земледелие далее на север, будет достигнута и эта граница».

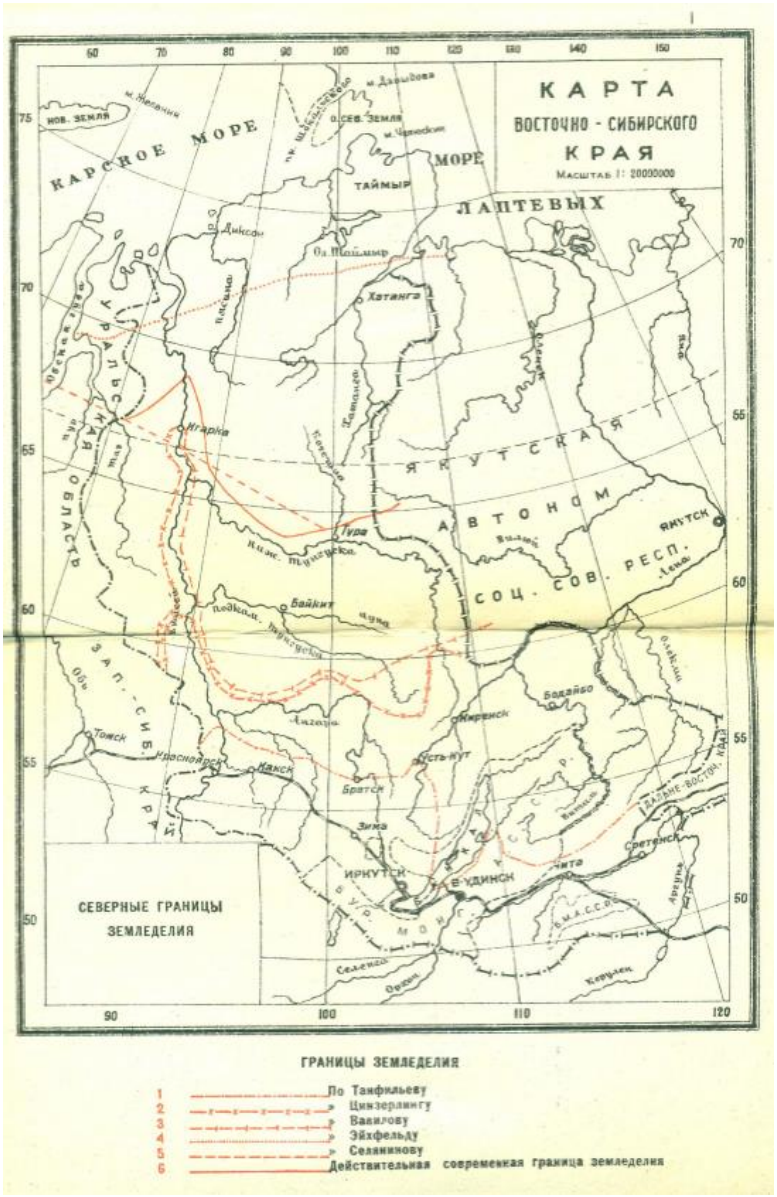

Рисунок 2. Карта границ земледелия в Восточно-Сибирском крае.

Специалистам сельского хозяйства очевидно, что доходность земледелия в северных районах всегда ниже, чем в степной и лесостепной зоне, по причине того, что сорта с более длинной вегетацией урожайнее, а при узости рынка сбыта сельскохозяйственной продукции его развитие в условия Севера выглядит совсем эфемерно. Проще произвести продукцию на юге и доставить потребителю, чем заниматься организацией сельскохозяйственного производства в отсутствии свободных рабочих рук и капиталов. Все верно, но настоящая ситуация такова, что мы не берём даже того, что лежит «на поверхности», там, где условия для земледелия можно оценить, как «вполне пригодные». По сути, сегодня граница земледелия проходит между границами, поведенными «по Танфильеву» и «по Цинзерлингу». По данным Росреестра и Красноярскстата в 2020 г. в Туруханском районе было всего 100га пашни, в Северо-Енисейском 36, в Мотыгинском 150, в Богучанском 460, Кежемском 310, Бирилюсском 200. Во все огромной Эвенкии распахано было 200га сельскохозяйственных земель. Для сравнения, в 1948 г. в Эвенкийском автономном округе площадь пашни составляла 750 га, в Игарском горсовете в 1955 г. – 855, в Туруханском районе -1831 га. [4].

В таблицах 1 и 2 приведены изменения некоторых агроклиматических значений в пределах Красноярского края за период 1971-2022 гг. В выборку попали метеостанции, расположенные в лесотундре, а также в северной, средней и южной тайге. Станции также были разделены на восточные и западные. Так, в восточной части региона температура теплого периода (>0ºС) выросла в лесотундровой и таежной зонах на 220-322 ºС, температура периода вегетации (>5ºС) и периода активной вегетации (>10ºС) увеличилась соответственно на 184 – 351 и 158 – 310ºС. Положительные изменения теплообеспеченности в западной части края выражены более отчётливо, по сравнению с восточной. Сумма осадков также существенно возросла. В западной части за теплый период увеличение составило 81 – 143 мм, за период вегетации – 55 – 99 и за период активной вегетации 46 – 82 мм. В восточной части изменения влагообеспеченности в 1,5 – 3 раза выражены слабее. В целом за 51 год в пределах северной части Красноярского края условия тепло- и влагообеспеченности существенно улучшились. В настоящее время в пределах средней тайги сумма активных температур составляет 1506 – 1691ºС, в пределах южной тайги – 1770 – 1860 ºС, что позволяет возделывать основные зерновые культуры, в т. ч. и яровую мягкую пшеницу, для вызревания которой сумма активных температур колеблется от 1300 до 1700°С.

Благодаря наработкам Института с.-х. и экологии Арктики разработаны, применительно к северным территориям, технологии возделывания с.-х. культур [5]. Нельзя забывать и о более ранних исследованиях, выполненных для Магаданской области. В 1958 г. Магаданским книжным издательством была издана монография Константина Георгиевича Шульмейстера «Растениеводство Северо-Востока» (тираж 2000 экз.) [6]. В монографии описаны географические условия, дана характеристика климата, почв, рельефа, приведены технологии возделывания широкого спектра овощей, картофеля, белокочанной и цветной капусты в закрытом и открытом грунте. Эти и подобные им научные монографии в условиях меняющегося климата могут быть востребованы.

Полагаем, что распространение земледелия на север в первую очередь будет сдерживаться социально-экономическими факторами (отсутствие населения, специалистов-аграриев, недостаток техники, путей сообщения, трудности со сбытом продукции, меньшая, чем на юге доходность земледелия и пр.) и только затем агроклиматическими условиями. Чтобы изменить положение дел, нужны государственная политика и программа восстановления и развития земледелия на Севере Сибири. На первоначальном этапе программа должна реализовать ряд прибыльных проектов. Например, весьма доходным делом может быть использование в качестве сенокосов пойменных лугов реки Енисей. Исследованиями, выполненными сотрудниками Института с.-х. и экологии Арктики в 1981 – 1987 гг. установлено, что общая площадь чистых от кустарников пойменных лугов на Енисейском Севере составляет 102,3 тыс. га. Сбор сухой массы на лугах может достигать 2,4 – 5,3 т/га, что говорит о их высокой продуктивности.

Таблица 2.
Изменения среднегодовой температуры воздуха и осадков
В пределах Севера Красноярского края за период 1971 – 2022 гг.

Зона	1971	2022	Δ
Западная (до Енисея) часть Красноярского края			
Среднегодовая температура, ºС			
Лесотундра	-9,8	-6,8	3,0
Северная тайга	-6,6	-3,9	2,7
Средняя тайга	-4,1	-1,7	2,4
Южная тайга	-1,7	0,5	2,2
Годовая сумма осадков, мм			
Лесотундра	395,2	562,4	167,2
Северная тайга	495,5	696,3	200,8
Средняя тайга	488,3	607,7	119,4
Южная тайга	475,4	547,8	72,4
Восточная (за Енисеем) часть Красноярского края			
Среднегодовая температура, ºС			
Лесотундра	-13,6	-9,8	3,8
Северная тайга	-8,6	-6,2	2,4
Средняя тайга	-7,3	-4,9	2,4
Южная тайга	-3,8	-1,5	2,3
Годовая сумма осадков, мм			
Лесотундра	285,7	336,9	51,2
Северная тайга	491,5	495,8	4,3
Средняя тайга	385, 0	494,6	109,6
Южная тайга	300,2	434,8	134,5

Список литературы

1. Вавилов Н. И. Проблема северного земледелия / Академик Н. И. Вавилов. Избр. тр. в 5 т. Т. 5. М. Л.: АН СССР, 1965. С. 509 – 518.
2. Новоселов И. А. Земледелие на Крайнем Севере Восточной Сибири. Москва; Иркутск: ОГИЗ, 1934. 94 с.
3. Тарасенков Г. Н. Туруханский край: экономический обзор с историческим очерком / С предисл. В. П. Косованова. Красноярск: Издание Туруханского РИКа, 1930. 477 с.
4. Степенова Л. Многолетние травы в Заполярье. Сельское хозяйство Сибири. Омск, 1957. №2. С. 55 – 57.
5. Зеленский В. М. Проблемы сельскохозяйственного освоения Северных территорий Красноярского края. Рукопись. 2023. 45 с.
6. Шульмейстер К. Г. Растениеводство на Северо-Востоке: монография. Магаданское кн. изд-во, 1958. 144 с.

Таблица 1.
Изменение агроклиматических значений в пределах Севера Красноярского края за период 1971 – 2022 гг.

Зона	Сумма температур за период, ºС									Сумма осадков за период, мм								
	>0º			>5º			>10º			>0º			>5º			>10º		
	1971	2022	Δ	1971	2022	Δ	1971	2022	Δ	1971	2022	Δ	1971	2022	Δ	1971	2022	Δ
Западная (до Енисея) часть Красноярского края																		
Лесотундра	1141,1	1421,8	280,7	1076,4	1338,4	262,0	838,4	1110,4	272,0	168,1	253,5	85,4	129,4	183,9	54,5	62,4	108,6	46,2
Северная тайга	1460,0	1778,7	318,7	1386,8	1687,2	300,4	1149,6	1452,8	303,2	217,6	360,2	142,6	170,9	269,7	98,8	102,2	184,3	82,1
Средняя тайга	1658,5	2053,2	394,7	1585,1	1935,9	350,8	1340,6	1691,2	350,6	265,2	346,3	81,1	204,2	268,9	64,7	136,6	197,5	60,9
Южная тайга	1923,9	2281,4	357,5	1837,7	2173,8	336,1	1565,4	1860,5	295,1	261,1	366,1	105,0	212,6	287,6	75,0	149,4	215,9	66,5
Восточная (за Енисеем) часть Красноярского края																		
Лесотундра	865,7	1179,6	313,9	789,0	1102,4	313,4	533,2	835,0	301,8	132,8	153,3	20,5	73,0	112,3	39,3	22,3	52,5	30,2
Северная тайга	1482,8	1702,8	220,0	1048,8	1592,8	184,0	1165,8	1323,9	158,1	250,5	298,4	47,9	203,4	229,0	25,6	133,7	162,2	28,5
Средняя тайга	1523,7	1821,3	297,6	1444,6	1727,5	282,9	1195,5	1505,6	310,1	211,5	291,2	79,7	159,8	227,0	67,2	102,0	166,2	64,2
Южная тайга	1855,4	2176,9	321,5	1767,1	2071,8	304,7	1539,9	1770,1	230,2	182,7	266,0	83,3	153,2	213,2	60,0	113,2	163,5	50,3

СИБИРСКОЕ КУПЕЧЕСТВО: РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО БИЗНЕСА (XVIII – НАЧАЛО XX ВЕКА)

УДК 94(57)

Практики переселения в Европейскую Россию в среде иркутского купечества во второй половине XIX – начале XX в.: социокультурные аспекты

Гаврилова Наталья Игоревна
кандидат исторических наук, доцент.
Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра социологии и психологии
Иркутск, Россия
nig2312@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-8473-9213

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются процессы территориальной мобильности сибирского, в частности, иркутского купечества во 2 половине XIX – начале XX в., связанные с миграцией части предпринимательских слоев из Сибири в европейскую часть России, а также механизмы их адаптации в принимающем обществе. В центре внимания находятся количественные и качественные показатели территориальной мобильности, ее темпоральные характеристики, стратегии хозяйственно-экономической деятельности выходцев из иркутского купечества; формы их самоорганизации в принимающем обществе, характеристики территориальной идентичности и благотворительной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Иркутское купечество, миграция, стратегии адаптации, благотворительность.

В рамках исследования истории сибирского, в частности, иркутского, купечества 2 половины XIX – начала XX вв. недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с анализом миграции определенной доли регионального купечества в европейскую Россию, форм его самоорганизации и адаптации в условиях принимающего общества. Изучение данного комплекса проблем, связанных с преодолением региональной замкнутости исследований предпринимательских слоев Сибири, позволяет более полно представить процессы социальной мобильности сибирского купечества, трансформации купеческого капитала во 2 половине XIX – начале XX вв., избежать фрагментарности знаний о жизненном цикле отдельных представителей купеческих фамилий и/или рода в целом. Изучение факторов, интенсивности, количественных и качественных показателей миграции части предпринимательских слоев из Сибири в европейскую часть России, а также механизмов их адаптации в принимающем обществе становятся актуальными.

Ценные наблюдения по отдельным вопросам проблемы представлены в работах Г. Х. Рабиновича, Г. Н. Ульяновой, Е. В. Комлевой, Ю. М. Гончарова, В. А. Скубневского, А. В. Старцева, В. П. Шахерова [15; 18; 8; 17; 19].

Немалый объем информации по вопросам территориальной мобильности сибирского купечества аккумулировали «Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири» (Новосибирск, 2012 – 2013) [22] и его предшественник – «Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири» (Новосибирск, 1994 – 1999) [10], а также региональные энциклопедии по истории купечества, вышедшие на Алтае и в Красноярском крае [2; 16].

С другой стороны, характеристики деятельности выходцев из сибирского и, в частности, иркутского купечества, реализованной вне территориальных рамок сибирского региона, вошли в сферу внимания историков и краеведов Москвы, Петербурга, Сочи, других городов [1; 3; 5; 11; 18; 12]. Таким образом, даже краткий

обзор литературы фиксирует разрозненность, не структурированность материала по рассматриваемой теме.

Анализ территориальной мобильности иркутского купечества 2 половины XIX – начала XX вв., связанной с оттоком части представителей купеческих фамилий в европейскую часть России, а также механизмов их адаптации в принимающем обществе видится в качестве комплекса достаточно емких по содержанию направлений исследований.

Прежде всего, заслуживает внимания анализ количественных показателей территориальной мобильности иркутского купечества: определение доли купечества, переселившихся в европейскую часть России из Сибири; выявление приоритетных географических векторов перемещения; исследование состава мигрантов (с точки зрения длительности пребывания в гильдейском купечестве и самого ранга гильдии, сферы и объема вложения капиталов, форм организации капитала, а также полово-возрастных характеристик, национальности, поколенческих характеристик купеческой династии).

Важное значение принадлежит анализу причин и факторов территориальной мобильности, выявлению временных пиков миграции. В настоящий момент представляется возможным привести лишь некоторые персонифицированные данные темпоральности миграции. Известно, что на рубеже 50 – 60-х гг. XIX в., частично в конце 1860-х гг., Иркутск покидают представители четвертых и пятых поколений крупнейших родов потомственного купечества города, входивших в элиту торгово-промышленных слоев Сибири конца XVIII – 1 половины XIX в.: Баснины, Медведниковы, Трапезниковы, Сибиряковы (В. Н. Баснин – 1859 г., Москва; Медведниковы – начало 1850-х гг., Москва; А. К. Трапезников – 1859/60 г., Москва; М. А. Сибиряков – конец 1860-х гг., Петербург). В 1867 г. в первогильдийское купечество Москвы записался Е. Г. Лаврентьев, представитель второго поколения иркутской купеческой фамилии, в 1870-х гг. в Петербург, а затем в Москву переезжает иркутский купец 1 гильдии И.П. Катышевцев.

Вторая волна миграции приходится на конец XIX – начало XX вв., вызвав отток, прежде всего, в Москву и Петербург, представителей первых и вторых поколений иркутского купечества, формирование капиталов которых приходилось на 2 половину XIX в. Среди них – С. С. Кальмеер (начало XX в., Москва), А. Ф. Второв (1897 г., Москва), Ю. И. Базанова (1880-е гг., Москва), А.В. Воллернер (1907 г., Москва), Громовы (начало XX в.).

Что же касается географических векторов миграции, то основной точкой притяжения иркутского купечества становилась Москва, несколько реже – Петербург. В единичных случаях в качестве таких векторов выявлены Самара (К. М. Сибиряков) и Полтава (И. С. Котельников). Еще одним направлением стал юг России, в частности, черноморское побережье. В Крыму близ Фороса в начале XX в. проживали Трапезниковы, им же принадлежала дача в районе Сочи. В Ялте в начале XX в. жила Ю.И. Базанова. Близ Туапсе и Батума в конце XIX – начале XX в. проживали Сибиряковы, владея значительными земельными наделами.

Другим важным направлением исследования в рамках заявленной темы выступает анализ стратегий хозяйственно-экономической деятельности выходцев из иркутского купечества, включая нисходящие поколения, в условиях принимающей стороны.

Данные вопросы в современной историографии не нашли значительного освещения. В то же время, как справедливо отмечалось в литературе (Г. Х. Рабинович, Ю. М. Гончаров, В. А. Скубневский), одной из подобных стратегий являлся отход от активного предпринимательства и тенденция к рантьеризму. Зачастую данный процесс сопровождался сменой сферы деятельности, переходом к исполнительскому

труду в рамках той или иной профессии. В частности, Ф. К. Трапезниковым уже в зрелом возрасте был окончен медицинский факультет Петербургского университета, что позволило ему со временем приобрести значительную практику в столице и на юге России, в Сочи. Нисходящие поколения иркутского купечества пополняли ряды интеллигенции [9]. Так, сын иркутского именитого купца В.Н. Баснина Николай Васильевич после окончания юридического факультета Московского университета занимался в Москве юридической практикой. Сын иркутского купца 1 гильдии Иван Михайлович Пономарев стал доктором химии Геттингенского университета, директором (с 1905 г.) и первым профессором химии (с 1893 г.) Харьковского технологического института императора Александра III[24].

С другой стороны, ряд представителей иркутских купеческих фамилий, оставаясь в сфере активного предпринимательства, сумели значительно развить в столицах свое дело. В связи с этим интерес представляют персонифицированные и обобщенные данные об организационных формах капитала, сферах его вложения, радиусе предпринимательской деятельности «иркутских москвичей». Пожалуй, пока единственным примером достаточно полного анализа предпринимательской деятельности в Москве 1900 – 1910-х гг. является исследование функционирования торгового дома Второвых [7; 14].

Отрывочные сведения характеризуют предпринимательскую деятельность А. К. Трапезникова, в 1859/60 г. переехавшего на постоянное жительство в Москву. В рамках созданного им Торгового дома «А. Трапезников и К» осуществлялась торговля чаем, часть капиталов была вложена в чугунно-литейный завод по производству «пароходных и других машин» (Тюмень). А.К. Трапезников являлся соучредителем акционерного страхового общества «Якорь» (1872 г., Москва); членом Московского Торгового банка, состоял членом Общества для содействия русскому торговому мореходству, выборным Московского Биржевого общества, заместителем председателя и старшиной Московского биржевого комитета[25].

Самостоятельное значение в рамках изучения адаптационных стратегий принадлежит анализу форм самоорганизации выходцев из иркутского купечества в условиях принимающего общества, прежде всего, Москвы и Петербурга как основных центров миграционной направленности иркутских предпринимателей 2 половины XIX – начала XX в.

Интересно отметить, что функции обеспечения и поддержания солидарности, территориальной идентичности выполняли организованные в Москве и Петербурге выходцами из Сибири культурно-просветительские и благотворительные общества. Как отмечал И.И. Попов, «в Москве издавна существовала объединенная колония сибиряков, которая в свое время группировалась около Общества вспомоществования учащимся сибирякам и сибирячкам» [13, с. 308]. Организаторами созданного в 1884 г. Общества выступили Ю. И. Базанова, М. А. Зензинова, Е. И. Барановская, М.М. Зензинов, Н. В. Баснин, Ф. А. Деньгин[26]. В начале XX в. комитет пополнили В.И. Дрейер, И. С. Кальмеер, К. П. Михновский.

В Петербурге своеобразной точкой притяжения выходцев из Иркутска выступали Общество вспомоществования сибирякам, учащимся в заведениях Петербурга (1884 г.), Переселенческое общество (1890 г.), Братство Св. Иннокентия Иркутского в

[24] Биография Ивана Михайловича Пономарева, профессора Харьковского технологического института императора Александра III / сост. Н.А. Чернай. СПб.: Типо-лит. М.П. Фроловой, 1912. С. 2.

[25] Коммерции советник А.К. Трапезников (23 августа 1821 – 4 июля 1895 гг.). Посвящается воспитанникам Московского коммерческого училища. М., 1897. 46 с.; Описание празднования юбилея 25-летней коммерческой деятельности в Москве А.К. Трапезникова 3 ноября 1885 г. М., 1886. 32 с.

[26] Иркутские губернские ведомости. 1885. № 50. С. 8.

Петербурге (1896 г.). Среди учредителей последнего значились И.М. Сибиряков, О.М. Вяземская, князь М.С. Волконский, Ю. И. Базанова, О. Ф. Мыльникова [21, с. 25].

Иной формой групповой консолидации выходцев из Сибири и, в частности, из Иркутска, выступали дружеские круги, члены которых были объединены общностью территориального происхождения. Как точно подмечал в своих воспоминаниях И. И. Попов, характеризуя существовавшую в Москве «колонию сибиряков», «сибиряки жили между собой дружно. Мы – сибиряки из Восточной Сибири – собирались чаще у А.И. Громовой и ее зятя М. В. Пихтина, а «западники» – у Н. А. Второва» [13, с. 310].

Немаловажным направлением исследований в рамках изучения адаптационных стратегий выходцев из иркутского купечества, переселившихся в Москву, Петербург, другие города европейской части России, выступает анализ их территориальной идентичности. Имеющиеся в литературе данные свидетельствуют, в целом, о сохранении в качестве значимой ценности у большей части иркутских купцов, осевших в Москве и Петербурге, своей достаточно тесной соотнесенности с иркутским обществом, восприятия себя как принадлежащих к иркутскому обществу и, соответственно, важности своего участия в развитии города. «Наша семья никогда не прерывала связей с Сибирью, хотя ни отец, ни мать, после того как оставили Сибирь – это было в 1874 или 1875 – никогда в ней больше не были», – отмечал В. М. Зензинов [6]. Ярким примером подобного отношения к Сибири служила «деятельность на посту доверенного по городским делам в Москве» А. К. Трапезникова[27], Ю. И. Базановой и др.

Фрагментарными до настоящего времени остаются исследования форм, направлений и территориального вектора благотворительной деятельности выходцев из иркутского купечества, осевших в городах европейской части России. Далеко не полный перечень адресов их пожертвований включал Москву, Подмосковье, Петербург, Самару, Туапсе, Батуми, Тифлис, Ялту, Сочи. Требуется обращение к анализу мотивов и факторов благотворительной деятельности, уточнение познавательных возможностей рассмотрения благотворительности в качестве адаптационной стратегии иркутского купечества в принимающем обществе.

Разработка данных вопросов видится перспективной как в рамках работ, объектом которых выступает сам феномен благотворительности, так и в рамках персонифицированных очерков, посвященных филантропии отдельных представителей иркутского купечества. Последнее из названных направлений получило определенное развитие при освещении благотворительной деятельности Сибиряковых, Ю. И. Базановой, А.К. Медведниковой, Н. В. Баснина [1; 11; 18; 20; 4].

Таким образом, разработка проблем территориальной мобильности предпринимательских слоев Сибири и, в частности, иркутского купечества, во 2 половине XIX – начала XX вв., связанной с миграцией из Сибири в европейскую часть России, и механизмов их адаптации в принимающем обществе обладает значительным исследовательским потенциалом, позволяющим дополнить и углубить представления о стратегиях развития предпринимательства и предпринимательских слоев Сибири, в частности, Иркутска, в условиях капиталистической модернизации.

Список литературы

1. Бахтина З. И. «Мое богатство не для меня одной» // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова. Т.VIII. М.: Шико, 1997. С.99 – 107.
2. Быконя Г. Ф. Енисейское купечество и лицах (XVIII – начало XX в.). / Г. Ф. Быконя, Е. В. Комлева, А. И. Погребняк. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2012. 316 с.
3. Второвские чтения. Мат-лы науч.-практич. конф-ций. Электросталь, 2009 – 2014.

[27] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 70. ОП. 2. Д. 1795. ЛЛ. 14-15.

4. Гаврилова Н. И. Купеческий род Сибиряковых: страницы истории. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Оттиск, 2022. 192 с.
5. Гусева А. В. Лики старого Сочи. Краснодар: И. Платонов, 2014. 160 с.
6. Зензинов В. М. Пережитое. Нью-Йорк: изд-во им.Чехова,1953.
7. Ильин С. В. Второв Николай Александрович // Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: Энциклопедия. М., 2008. Т. 1.
8. Комлева Е. В. Сибирское купечество: вклад в хозяйственное освоение и изучение Северо-Восточной Евразии (конец XVII – XIX век). Новосибирск: Параллель, 2018. 398 с.
9. Комлева Е. В. Сибирское купечество как источник формирования региональной интеллигенции (конец XVIII – начало XX века) // История Сибири, 1583 – 2006. Проблемы и перспективы: Сб. мат-лов регион. молодёж. науч. конф-и. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. С. 96 – 105.
10. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. В 4-х томах / Гл. ред. Д. Я. Резун, Д. М. Терешков; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: «РИПЭЛ плюс», 1994 – 1999.
11. Медведников Г. С. История школы в Староконюшенном переулке. К 100-летию Московской школы / Г. С. Медведников, А. В. Лазарев, Ю. Н. Соловьев. М.: изд-во «Волслов», 2001.
12. Носиков С. П. Медведников / в кн.: Носиков С. П. История сельца Глебово и Казанской церкви (по материалам архивных исследований). М.: Сам Полиграфист, 2021. С. 118 – 128.
13. Попов И. И. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 384 с.
14. Рабинович Г. Х. Из истории торгового капитала в Сибири (А. Ф. и Н.А. Второвы) // Из истории Сибири. Вып. 4. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1972. С. 253 – 269.
15. Рабинович Г. Х. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX – начала XX вв. Томск: изд-во ТГУ, 1975. С. 60–61.
16. Скубневский В. А. Предприниматели Алтая. 1861 – 1917 гг.: энциклопедия / В. А. Скубневский, А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. Барнаул, 1996. 112 с.
17. Старцев А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII – начало XX в.): Учебное пособие / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. 212 с.
18. Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей. 1960 – 1914 гг. Словарь купцов-благотворителей. 2-е изд. М.: ФОРУМ; НЕОЛИТ, 2014. 496 с.
19. Шахеров В. П. Иркутск купеческий: История города в лицах и судьбах / В. П. Шахеров. Хабаровск, 2006. 176 с.
20. Шорохова Т. С. Иркутянин-святогорец Иннокентий (Сибиряков). Иркутск, 2014. 174 с.
21. Шорохова Т. С. Создание Братства Святителя Иннокентия Иркутского в Санкт-Петербурге // Сибиряковские чтения: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. 2013 – 2014 гг. Иркутск: изд-во «Оттиск», 2014. С. 25 – 31.
22. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири. В 2-х томах / Отв. ред. Д. Я. Резун; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т истории. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2012.

УДК 94(571.5)

Роль государственных преференций в развитии кяхтинской торговли в XVIII – XIX вв.

Доржиев Найдан-Жаргал Будажапович
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
g1997gle@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-6393-4270

АННОТАЦИЯ Кяхта, с момента основания, была важным пунктом в выстраивании отношений России с Китаем. Уже к началу XIX в. на долю Кяхты приходилось 70% торговых операций Российской империи с азиатскими странами, что стало важным фактором развития экономики в Сибирском регионе. Но, начиная со второй половины XIX в., кяхтинский тракт начал медленно терять свою актуальность, уступая место морским перевозкам. Правительство Российской империи издало ряд законов для поддержания кяхтинской торговли, последствия которых сыграло с местным купечеством злую шутку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кяхта, торговля, чай, законы, купечество

Во второй четверти XVIII в. Кяхта была транзитным пунктом в казенной караванной торговле. Данная экономическая модель, ориентированная на продажу в Китай пушнины, оказалась нерентабельной. Государственные караваны, отправляемые один раз в несколько лет, не могли конкурировать с частными купцами, которые доставляли сибирские меха в Ургу гораздо чаще и быстрее: «частные купцы успевали съездить из Селенгинска в Ургу и обратно раз пять, комиссар же делал в это время только одну поездку» [6, с. 13]. Даже строгий запрет государства на частную торговлю пушниной в Китае не улучшил ситуацию, поскольку одновременно начала набирать обороты контрабанда. Рост оборотов нелегальной торговли наряду с притеснениями китайских чиновников многострадальной караванной торговле привели к тому, что государственная монополия на торговлю с Китаем в 1756 г. была отменена [9, с. 75]. Данное обстоятельство усилило инициативу отечественных купцов, благодаря чему торговля в Кяхте получила новый толчок развития. Однако присутствие «государственной руки» по-прежнему было ощутимым. Кяхта становится не только экономическим центром взаимодействия с Китаем, но и важной опорной точкой для продвижения интересов российской политики на Востоке. Уже к началу XIX в. на долю Кяхты приходилось 70% торговых операций Российской империи с азиатскими странами. На рубеже XVIII – XIX вв. чай, ввозимый из Китая, стал главным товаром в русско-китайских торговых операциях, вытесняя мануфактурные изделия. Если 1792 г. через Кяхту прошло 6861 пуд. байхового чая, то в 1807 г. эта цифра достигла уже 39791 пуд. [6, с. 30].

Кяхтинская торговля была важным фактором привлечения инвестиций в Сибирский регион, ведь как отмечали современники: «Чайная торговля была двигателем нашей мануфактурной промышленности; она, заставив купцов увеличить заготовку товаров, вместе с тем побудила капиталистов заводить новые фабрики для выработки их» [5, с. 292]. Поэтому неудивителен тот факт, что Кяхта находилась на особом положении у правительства Российской империи.

Для поддержания кяхтинской торговли был принят ряд законодательных актов, призванных облегчить осуществление торговых операций между российскими купцами и китайскими. Так, в 1854 г. государство разрешило вывозить изделия из драгоценного металла за рубеж. По этой причине купцы начали заказывать в Москве китайские серебряные сервизы, которые стали использоваться в качестве разменной

монеты для покупки чая: «и когда увидали от этого выгоду, то начали все делать подобные заказы, потом серебро уже пошло под видом только подделок просто весом» [7, с. 11].

1 августа 1855 г. был принят закон «Об изменении правил Кяхтинского торга», в котором оглашалось: «Разрешить отпуск за границу через Кяхту золотой монеты, с тем чтобы оная вывозима была не иначе, как совокупно с товарами» [2, с. 528 – 529]. Данный закон разрешал использовать наличные деньги при расчёте с китайскими торговцами, а также давал возможность русским купцам экспортировать в Китай драгоценные металлы для покупки товаров, но в ограниченном количестве. В 1856 г. все ограничения на вывоз драгоценных металлов были сняты. Это существенно упростило процесс легального товарообмена без использования дополнительных посредников и в значительной степени, оживило и увеличило объём кяхтинской торговли. В 1854 г. в Россию ввезли 73023 пуд. байхового чая, в 1857 г. эта цифра достигла уже 146431 пуд. [7, с. 11]. Следует отметить, что до принятия этих законов в Кяхте была распространена меновая торговля на условиях, выгодных китайским торговцам, так как именно они преимущественно назначали цены на товар, а русское купечество оставалось без необходимого для покупки чая оборотного капитала [4, с. 122].

Первая Опиумная война в Китае привела к тому, что западные границы Российской империи заполонил контрабандный китайский чай разного качества, в связи с чем цены на товар в России значительно снизились. Несмотря на то, что контрабандисты получали чай из вторых или даже из третьих рук, «низкие сорта чая были так дешевы, что если бы наше правительство решилось совершенно уничтожить существовавшую с кяхтинских чаев пошлину, то и тогда последние не могли бы сравняться с первыми в дешевизне» [6, с. 66].

К началу 1860-х гг. закончилась Вторая Опиумная война Китая с Англией, в эксплуатацию был введен Суэцкий канал. Эти события значительным образом повлияли на кяхтинскую торговлю. Они нанесли серьёзный удар по рентабельности «сибирского чайного тракта». 1 апреля 1862 г. западные порты Российской империи открылись для торговли китайским чаем. В Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета «О торговле с Китаем, и о дозволении ввоза Кантонского чая в Империю и Царство Польское» было особо прописано: «Дозволить к привозу вывозимые из Китая морем чаи» [1, с. 519]. Последствия от принятия данного документа могли стать фатальными для кяхтинских купцов, ведь в условиях честной конкуренции доставлять чай сухопутным путём через всю страну гораздо дороже, чем морем. Понимая это, власти не бросили кяхтинских купцов на произвол судьбы. В этом же законе были зафиксированы размеры пошлин, отличавшиеся в зависимости от того, через какую границу доставлялся чай – азиатскую или европейскую. К примеру, пошлина на байховый цветочный чай, привезённый через кяхтинскую таможню, составляла 40 коп. с фунта, на байховый торговый – 15 коп. В то время как через морские границы пошлина составляла 65 коп. за цветочный чай и 35 коп. за торговый черный [1, с. 519]. Различие в пошлинах должно было покрыть издержки сухопутной транспортировки чая, однако многие купцы жаловались, что провозить чай через Кяхту становилось всё более нерентабельно. Если в 1862 г. размер собранной пошлины только с байхового чая составлял 2226216 руб., то в 1869 г. сумма сократилась более чем вдвое – 973332 руб. [6, с. 75].

Следующий удар по Кяхте был нанесён в 1885 г., когда пошлина поднялась на 5 руб. и составила 12 руб. с одного пуда байхового чая. В то время как пошлина на «морской чай» увеличилась на 4 руб. и составила теперь 21 руб. Подобная разница возникла не на пустом месте. В докладных записках купцы отмечали, что разница в цене между сухопутным чаем и морским составляет 43 руб. 34 коп., по сведениям

Министерства финансов ещё меньше – 29 руб. 52 коп. Надо полагать, что истина где-то посередине. По расчётам журнала «Восточное обозрение» пошлины с одного ящика чая с «азиатской границы» были меньше на 39 руб. 46 коп. [3, с. 2], что должно было покрывать издержки доставки чая сухопутным трактом. Даже несмотря на теоретическую финансовую выгоду такого пути, он уступал в рентабельности морской доставке. Во-первых, перевозка товара морем по времени была менее продолжительной, во-вторых, планирование и стабильность маршрута – гораздо надёжнее. Чайный сухопутный тракт предполагал преодоление огромного расстояния, где множество разных обстоятельств и случайностей не позволяли точно и надолго зафиксировать стоимость подобной перевозки.

В новых реалиях, отнюдь невыгодных для кяхтинского торга, правительство Российской империи продолжило покровительствовать кяхтинским купцам с помощью нерыночных механизмов, руководствуясь необходимостью поддерживать на плаву экономическую жизнь в Восточной Сибири, в которой «чайный тракт» занимал особое место. Было бы ошибочным полагать, что причина вырождения кяхтинской торговли крылась только во внешних обстоятельствах. Как подчеркивал современник событий, известный юрист и этнограф Владимир Птицын: «У новых чайных торговцев есть и миллионные капиталы, есть и хитрость, и примитивная изворотливость, но нет у них широких и светлых коммерческих взглядов, отличавших Носковых и Игумновых» [8, с. 154]. В противовес купцам второй половины XIX в. В.В. Птицын приводил в пример купечество «времён Игумнова и Носкова», которые помимо торговли чаем, занимались инвестициями в регион и благотворительностью. В то время как «нынешние купцы, привыкшие к льготам от правительства, при возникающих трудностях могли либо припасть к ногам правительства и голосить по-нищенски» [8, с. 154], либо сокращать или вовсе извлекать свои капиталы из кяхтинской торговли.

Кяхтинская торговля угасала постепенно, начиная со второй половины XIX в. Ряд объективных и субъективных факторов делал перевозку чая через Кяхту не столь выгодной, как в прежние времена. Правительство, используя законодательную инициативу, старалось поддерживать местное купечество на плаву, создавая такие условия, чтобы «сухопутный чай» оставался конкурентным по сравнению с «морским». Однако реализация вышеперечисленных мер в долгосрочной перспективе сыграла с местным купечеством злую шутку. Находясь в тепличных условиях, заботливо созданных государством, кяхтинские купцы не смогли достойно ответить на «вызовы времени» второй половины XIX в.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5.

Список литературы

1. Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета, распубликованное 1 мая «О торговле с Китаем, и о дозволении ввоза Кантонского чая в Империю и Царство Польское» // ПСЗРИ. Собр. II. 1863. Т. 36. Отд. 1. № 36785. 1059 с.
2. Высочайше утвержденное положение Сибирского Комитета, распубликованное 25 августа «Об изменении правил Кяхтинского торга» // ПСЗРИ. Собр. II. 1856. Т. 30. Отд. 1. № 29554. 779 с.
3. Ещё несколько слов о пошлине на чай // Восточное обозрение. 1885. № 28. 16 с.
4. Кальмина Л. В. Курас Л. В. Русско-китайская торговля через Кяхту в 1840–1900-е гг.: печальный детектив / Л. В. Кальмина, Л. В. Курас // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 442. С. 122 – 125.

5. Корсак А. К. Историко-статистическое обозрение торговых сношений России с Китаем / А. К. Корсак. Казань, 1857. 445 с.
6. Краткий очерк возникновения, развития и теперешнего состояния наших торговых с Китаем сношений через Кяхту. Москва: Издание кяхтинского купечества, 1896. 90 с.
7. Носков И. А. Кяхта / И. А. Носков. Иркутск, 1861. 28 с.
8. Птицын В. В. Селенгинская Даурия / В. В. Птицын. Санкт-Петербург, 1896. 306 с.
9. Силин Е. П. Кяхта в XVIII веке: (из истории русско-китайской торговли) / Е.П. Силин. Иркутск: Иркут. обл. изд-во, 1947. 204 с.

УДК 929. 52

Купцы Малковы в истории горноалтайского села Усть-Кокса

Забровская Марина Владимировна
Забайкальское региональное отделение «Всероссийского общества историков-архивистов», Союз журналистов России, специалист по музейному делу
Чита, Россия
mzabrovskay@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1065-5866

АННОТАЦИЯ В статье приводятся некоторые биографические сведения о купцах Малковых, проживавших в кон. XIX – нач. XX вв. в с. Усть-Кокса Уймонской инородной волости Томской губернии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Горный Алтай, Вятская губерния, переселенчество, история Сибири.

Село Усть-Кокса возникло на берегу Катуни в 1828 г. [1, с. 12]. Как сообщает историческая справка архивного отдела Усть-Коксинского района, в населенном пункте, называемом в некоторых архивных документах старожильским селением, в конце XIX в. проживали переселенцы как из ближних алтайских поселений, таких как Старо-Белокуриха, Сростки, г. Барнаул, так и из губерний Урала (Пермской) и центра России (Вятской, Тамбовской) [3].

Купец Макар Максимович Малков с семьей приехал на Алтай из Вятской губернии. Как сообщал известный исследователь вятских родов В. А. Старостин, род Малковых известен в Вятке с XVII в. Как сообщали потомки М. М. Малкова, он происходил из крестьянского рода, был бурлаком, «*лямку тянул*» [5, с. 1]. Поскольку, по утверждению В. А. Старостина все вятские фамилии имеют весьма чёткую привязанность к местам проживания, да к тому же купец отец купца носил малораспространенное среди крестьянства имя Максим, то можно проследить их род по переписным документам Вятской губернии. На 1629 г. в роду было 74 семьи, проживавших преимущественно в Орловском и Котельническом уездах [8], а также нескольку семей в других уездах и в самом г. Хлынове (г. Вятка (1780 – 1934), г. Киров (1934)).

В «Ревизских сказках селений Кукарского приказа, Яранского уезда за 1811 г.» «*в новопоселенном починке*[28] *Топорик*» числилось семейство Еремея Малкова (ум. в 1802 г.) с сыновьями и внуками. У сына Степана Еремеевича указаны сыновья – Павел, Андрей и Максим [6, л. 16 об.]. Всего в починке Топорик в 1811 г. проживал 81 Малков [6, л. 20].

В починке Малкове проживал род Игната Ефимовича Малкова с сыновьями. Среди его потомков числился Иван Федорович Малков с сыновьями Лукьяном, Федором, Максимом и Захаром. Всего в починке Малкове на момент переписи проживало 66 представителей рода Малковых [6, л. 28 об.].

По сведениям В. А. Старостина Олонецкий род Малковых известен в Вятской губернии с 1564 г., Новгородский род – с 1629 г. Он же дает трактовку происхождения фамилии: «*Родовое имя – Малк (ст. кал) – Малх – царь (др.-евр). Родовое прозвище – малый (общ) – невысокого роста, младший в семье*» [9].

Сумевший скопить денег вятский крестьянин Макар Максимович Малков завел торговлю и вошел в купеческое сословие. В «*голодные годы*» [5, с. 1] решил ехать в

[28] Починок - населенный пункт, изначально состоящий из одного двора, к которому со временем пристраивались еще несколько дворов и тогда починок становился деревней.

Сибирь на поиски удачи. Выбор пал на Алтай – торговые ворота в Китай. Как вспоминала правнучка М. М. Малкова, он приехал и поселился в Усть-Коксе после смерти жены со взрослым сыном Иваном и семилетней дочерью Еленой, родившейся в 1886 г. Исходя из возраста дочери. можно утверждать, что это произошло ок. 1893 г. В Уймонской долине Макар Максимович и его сын Иван стали известными купцами, имели лавки в с. Усть-Кокса и в с. Верхний-Уймон [4].

В с. Усть-Кокса у купцов Малковых был большой дом, в котором кроме жилой части, располагались лавка и, впоследствии, кондитерский цех. За товарами в г. Бийск ездил Иван Макарович, а глава семейства бывший «уже в годах», руководит торговлей на месте. «*Держали большое хозяйство, торговали тканями и много еще чем*», – вспоминала правнучка Макара Малкова, дочь Елены Макаровны, Любовь Сергеевна Лукьянова [5, с. 1]. У Ивана Макаровича Малкова и его жены Елены Григорьевны было двое детей. Елена Макаровна до революции выучилась в Бийске на портниху, там же познакомилась со своим будущим мужем Михаилом Тимкиным. Он был кондитером, «*стряпал знатные пряники, которые пользовались большим спросом у покупателей*» [5, с. 1].

Из воспоминаний Л. С. Лукьяновой известно, что Иван Макарович был убит грабителями, когда «*поехал в повозке в Бийск за товарами, играл в карты да много денег выиграл*» [5, с. 1]. Денег грабители не нашли, их обнаружил приехавший за телом сына отец спрятанными в сюртуке. Вспоминала Л.С. Лукьянова и историю о судьбе своего дяди Ивана, случившуюся до переезда купцов Малковых на Алтай. В семье рассказывали, что перед отъездом в Сибирь Иван Макарович сильно заболел и отец отвез его на лечение в Соловецкий монастырь. Когда через некоторое время Макар Максимович вернулся за сыном, то «*не узнал его: такой большой стал сынок, высокий, красивый*» [5, с. 1]. Сын просил его оставить в монастыре, но отец решил иначе.

Гибель сына трагически отозвалась и на судьбе престарелого М.М. Малкова. Его невестка Елена Григорьевна, по воспоминаниям правнучки, «*подговорила парней-работников на убийство*» [5, с. 1]. Однако судя по тому, что сама она осталась единственной владелицей всего имущества бывших купцов, то причастность ее к убийству волостной милицией не была доказана.

Большой дом Малковых после революции национализировали и открыли там контору Госторга. Хозяин, по воспоминаниям, современников продолжал в этот период жить в своем старом доме. В августе 1926 г. через с. Усть-Кокса проходила Центрально-Азиатская экспедиция, возглавляемая Н. К. Рерихом. На пути в с. Верхний Уймон путешественникам из-за непогоды пришлось провести ночь в конторе Госторга. Там они познакомились с М. М. Малковым. Находясь несколько недель в с. Верхний Уймон «*в Коксу к деду Макару Максимовичу Рерихи тоже заезжали*» [5, с. 4]. На обратном пути 19 августа 1926 г., направляясь в Бийск, экспедиция вновь остановилась возле дома Малковых и ими была сделана фотография, запечатлевшая для потомков дом, сохранившийся до нашего времени.

Памятник архитектуры местного значения дом-связь «Лавка купца Малкова» входит в список памятников истории и культуры Усть-Коксинского района [7] и является образцом исторической застройки кон. XIX – нач. XX вв.

Как свидетельствовала Л. С. Лукьянова, дом состоял из нескольких частей – жилого помещения, часть «с высоким крыльцом была торговой лавкой», еще одну часть занимал кондитерский цех, был у дома большой подвал, во дворе – хозяйственные постройки, конюшня, складские помещения.

Как выяснила исследователь истории дома купца Малкова Е. А. Боброва (респ. Алтай), основной сруб с полуподвалом, где размещались жилые помещения, значительно старше пристройки, где располагалась торговая лавка, он мог быть построен в первой пол. XIX в. Поскольку бревна имеют нумерацию, краевед

предположила, что он был где-то приобретен и перевезен в с. Усть-Кокса [2]. В настоящее время памятник истории – это два жилых помещения, принадлежащее разным владельцам.

Благодаря вниманию, привлекаемому общественностью к данному памятнику истории и культуры в связи с пребыванием в Горном Алтае Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха, не ушло в небытие и имя его владельцев – купцов Малковых. В настоящее время на доме установлена памятная доска о пребывании там Н. К. Рериха, у общественников с. Усть-Кокса есть планы по выкупу дома и созданию там музея, воссоздающего в экспозиции быт купеческой усадьбы и обстановку конторы Госторга первых лет советской власти.

Список литературы

1. Административно-территориальное деление Горного Алтая: сборник архивных документов. Кемерово; Барнаул: [б. и.], 2016. 405 с.
2. Боброва Е. А. История дома купца Малкова в с. Усть-Кокса // Вестник культуры: сетевое издание. 2019. № 14. URL: https://orpheus18.wixsite.com/vectnikkyltyri/9-3 (дата обращения: 28.06.2023).
3. Бухтуева Л. В. Историческая справка к фонду Р-45 Усть-Коксинский сельский Совет и его администрация // Архивный путеводитель: сайт. URL: https://alertino.com/ru/5634417 (дата обращения: 28.06.2023).
4. Бухтуева Л. В. Как развивалась кооперация // Уймонские вести (Усть-Кокса). 2014. 20 февраля. С. 12 – 13.
5. Ковальчук С. М. Из купеческого рода Малковых// Уймонские вести (Усть-Кокса). 2015. 22 октября. С. 1, 4 – 5.
6. Ревизские сказки селений Кукарского приказа, Яранского уезда за 1811 г. // ГА Кировской области. Ф. 176. Оп. 2. Д. 373. 224 л.
7. Список памятников истории и культуры Усть-Коксинского района 20.05.2011 г. // МО «Усть-Коксинский район»: официальный сайт. URL: https://old.altay-ust-koksa.ru/spisok-pamyatnikov-istorii-i-kul-tury-ust-koksinskogo-rayona-20-05-2011-g.html (дата обращения: 28.06.2023).
8. Старостин В. А. Вятские роды // Герценка: Вятские записки. Вып. 8 / Киров: Киров. гос. универс. обл. науч. б-ка им. А.И. Герцена. 2005. – 216 с. URL: https://herzenlib.ru/almanac/number/index.php?NUMBER=number8 (дата обращения: 28.06.2023).
9. Старостин В. А. Книга Вятских родов // Родная Вятка: сайт. URL: https://rodnaya-vyatka.ru/kvr/families/7420 (дата обращения: 28.06.2023).

УДК 9(С)15

Модель бизнеса купца Г. В. Никифорова на рубеже XIX - XX вв.

Кушнарева Маргарита Дмитриевна
доктор исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет, кафедра прикладной информатики и документоведения
Иркутск, Россия
rita270880@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6217-7288

АННОТАЦИЯ В статье проанализированы элементы бизнес модели якутского купца Г. В. Никифорова на рубеже XIX – XX вв. Ориентация на потребителей, формирование крупного капитала, честность и открытость бизнеса, его социальная направленность, международное взаимодействие легли в основу концепции ведения торгового предприятия Никифорова. Личное участие предпринимателя во всех направлениях бизнеса позволили создать фирму с высокой степенью надежности и доверия населения. Купец выстроил модель социально-значимого бизнеса, способного не только получать прибыль, но и направлять средства на решение важных общественных задач в масштабах макрорегиона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Бизнес модель, купечество, Якутия, предпринимательство, капитал, торговый дом, фирма.

В условиях беспрецедентного санкционного давления и «разворота на Восток» 16 июня в ходе работы 26-го Петербургского международного экономического форума 2023 прозвучала речь Президента РФ В. В. Путин, в которой он фактически указал на необходимость использования исторического опыта организации российского бизнеса в современных реалиях: «у нашего народа есть меткая поговорка: где родился, там и пригодился. Поэтому я уже много раз говорил, обращаясь к нашему бизнес-сообществу: надо ориентироваться, конечно, на то, чтобы вкладывать деньги здесь, тогда они будут и надежнее, да и прибыль будет побольше – здесь у меня нет никаких сомнений. Эти средства будут активно работать в стране, в экономике, в социальной сфере на наших граждан, и – мало того, что в стране немалую пользу все это принесет – надежность выше. Выше надежность» [5]. Между тем, именно такая модель ведения бизнеса была присуща российским предпринимателям на рубеже XIX – XX вв., что свидетельствует о несомненной важности обращения к изучению опыта прошлого. Изложенные выше взгляды и идеи подтверждают высокую степень актуальности и научной значимости ключевой проблемы исследования, которая заключается в воссоздании опорных элементов исторической модели бизнеса одного из видных российских предпринимателей рубежа XIX – XX вв. – Г.В. Никифорова.

Первым элементом бизнес модели якутского купца Г. В. Никифорова было то, что первоначальный капитал он унаследовал от отца. При этом сам активно занимался поставками мясной и молочной продукции на золотоносные прииски. Первоначальный капитал Никифорова также складывался в северной торговле. Купец совершал длительные зимние разъезды по тундре, где узнавал обычаи делового оборота в пушной торговле и заручился поддержкой промысловиков. В знак уважения вслед за отцом, Г. В. Никифорова местные жители называли «Манньыаттаах уола», то есть «сын Манньыаттааха». Слово «Манньыаттаах» с якутского языка переводится, как «денежный мешок» или «владеющий монетами». Как итог, в 1898 г. Г.В.Никифоров получил свидетельство купца 2-й, затем 1-й гильдии [7, с. 95].

Вторым элементом бизнес модели Г. В. Никифорова стала его деятельность по созданию торговых предприятий. Первое появилось в 1900 г. совместно с якутским купцом 2-й гильдии М. Г. Васильевым - «Г.В. Никифоров и М.Г. Васильев» с уставным капиталом 100 тыс. руб. на срок 5 лет. Второе предприятие для ведения самостоятельной торговли было создано в 1905 г. – «Г.В. Никифоров» с уставным капиталом 250 тыс. руб. [1, с. 188]. Фирмы скупали пушнину и мамонтовую кость, поставляли в северные округа Якутской области и на Чукотку продукты и товары потребления.

Третий элемент бизнес модели Г. В. Никифорова заключался в личном участии предпринимателя во всех коммерческих делах и вопросах. Обман промысловиков при заключении сделок с пушниной не допускался, все проблемы транспортировки товаров в отдаленные кочевья Никифоров решал лично, занимаясь обустройством и строительством зимников. Для упрочения позиций торгового дела, Г. В. Никифоровым были открыты отделения во всех ключевых пунктах Якутской области – Верхоянске, Колымске, Булуне, Казачьем, Абые, Кюсюре. На побережье Охотского моря в Аяне и Нелькане были основаны склады и пакгаузы. Все это позволило достичь среднегодовых оборотов торгового дома «Г.В.Никифоров» в 1906 г. в 150 тыс. руб. [2, л. 20 – 22].

Четвертый элемент бизнес модели Никифорова заключался в создании сети совместных предприятий с другими купцами с целью расширения торгового дела и упрочения позиций в отрасли. В 1909 г. был зарегистрирован совместный торговый дом с якутским купцом И. П. Антипиным с уставным капиталом 120 тыс. руб. Привлечение капитала И. П. Антипина позволило увеличить объемы скупки пушнины в Колымском и Верхоянском округах Якутской области, в западных районах Чукотки вдоль побережья Ледовитого океана. В 1914 г. Г. В. Никифоров совместно с якутским купцом П.А. Кушнаревым учредили «Северное торгово-промышленное товарищество» [6, л. 27 – 30]. В том же году, Г.В. Никифоров приобрел несколько средних торговых дел на севере Якутской области и достиг годового оборота более 1 млн руб. [3, л. 26 об.].

Пятый элемент бизнес модели Г. В. Никифорова заключался в постоянном совершенствовании своей предпринимательской деятельности. За товарами предприниматель лично выезжал в Москву, Одессу, Иркутск, Ирбит и Нижний Новгород. На ярмарках Г. В. Никифоров проводил длительное время. Внимательно выбирал товар, тщательно проверял его качество. Кроме товаров потребления, купец приобретал книги и печатные издания, которые затем передавал в местные библиотеки, школы и музеи. Некоторые издания можно было приобрести в магазинах Никифорова. Не случайно, его магазины в Якутске пользовались огромной популярностью среди местного населения. В среднем, объемы оптовых поставок продуктов и товаров потребления Г.В.Никифоровым в Якутскую область с центральных рынков России составляли в 1914 – 1919 гг. 500 – 800 тыс. руб. [4, л. 115 – 118] По итогам работы за 1914 – 1919 гг. Г. В. Никифоров вошел в тройку ведущих крупных оптовых поставщиков товаров потребления населению Якутской области и Чукотки.

Шестой элемент бизнес модели Никифорова заключался в применении принципа клиентоориентированности. С 1909 г. в Якутске функционировали магазины Г. В. Никифорова, которыми он управлял лично. Только за 1910 г. магазины на Сергеляхе и ул. Большой в Якутске имели годовые обороты от 90 до 580 тыс. руб. каждый. [3, л. 37, 38]. В начале XX в. население Якутска в магазинах Никифорова могло купить шоколадные конфеты, карамель, печенье, варенье, компоты, мармелад, свежие фрукты, кофе и какао, китайскую пастилу, зефир, халву, пряники, сухофрукты, ягоды, орехи. В ассортименте были меха и изделия из меха, ткани и одежда, мебель и предметы интерьера, посуда и железные изделия, бакалея, вино, табак и многое другое.

Седьмой элемент бизнес модели Г. В. Никифорова реализовывался в международном сотрудничестве в торговой сфере. В 1904 г. Никифоров организовал комиссионную торговлю пушниной у фирмы «Шешунов и Скачков» в Москве, что позволило ему выйти со своей продукцией на иностранные пушные аукционы и получить там широкую известность. Ежегодные поставки ценных сортов пушнины Г. В. Никифорова на европейские и североамериканские рынки оценивались в среднем на 800 тыс. руб. [3, л. 5, 7].

Восьмой элемент бизнес модели Г. В. Никифорова заключался в развитии им благотворительной, меценатской деятельности и регулярном сотрудничестве с представителями власти для решения важных социально-экономических проблем региона. Г. В. Никифоров на собственные средства открыл для детей школу в родном 1-м Тыллыминском наслеге Восточно-Кангаласского улуса, выплачивал жалование учителям и довольствие ученикам школы [7, с. 95]. Затем в Якутске им было построено двухэтажное здание пансиона для обучения бедных учащихся своего улуса. В 1911 – 1916 гг. Г.В.Никифоров был попечителем женской гимназии в Якутске, где обучалось 23 учащихся. В 1916 г. построил новое здание гимназии и пансион с полным содержанием на 15 мест для детей из бедных семей. Ежегодно перечислял средства на функционирование пансиона. В 1909 г. Гаврила Васильевич помогал в строительстве музея-библиотеки в Якутске. Вслед за своим отцом, оплачивал губернские и земские повинности жителей своего родного наслега. Ежегодно вносил на эти цели в казначейство по 2 тыс. руб. [1, с. 189]. В годы Первой мировой войны содействовал деятельности инородческого комитета общества Красного креста, перечислив на его нужды 4 тыс. руб. и 300 теплых меховых одеял. Участвовал в снабжении армии продовольствием, занимался заготовкой и отправкой теплых меховых вещей на фронт. Примечательно, что в магазинах Никифорова в Якутске были установлены «благотворительные кружки» для сбора средств в фонд нужд армии. И только за один день такого сбора было собрано более 400 руб. от неравнодушных жителей города. Г. В. Никифоров регулярно принимал участие в совещаниях при Губернаторе Якутской области И. И. Крафте. В 1910 г. выделил 10 тыс. руб. на строительство Аянского тракта. За заслуги Г. В. Никифорова в деле развития торговли в Якутской области, в 1914 г. Министр финансов утвердил его членом учетно-ссудного комитета Якутского отделения Госбанка. Гаврила Васильевич пользовался исключительным доверием в среде местного населения и в связи с этим, ежегодно избирался гласным Якутской городской думы. Его участие в думе не оставляло без внимания решения многих насущных вопросов жизни не только Якутска, но и близлежащих населенных пунктов, население которых в сложных климатических условиях нуждалось в развитии образования и духовности. Г. В. Никифоров являлся почетным инородцем Восточно-Кангаласского улуса (ныне Мегино-Кангаласский улус Республики Саха Якутия). За свои заслуги он был награжден серебряными медалями «За усердие» на Станиславской и Владимирской ленте, золотой медалью «За отличие» на Аннинской ленте. В 1918 – 1919 гг. наряду с другими предпринимателями области поддержал инициативу Комитета Общественной Безопасности Якутска и Краевой Продовольственной Комиссии по снабжению населения и товарами потребления и поставил продукты питания более чем на 400 тыс. руб., тем самым была решена проблема острой нехватки продовольствия. В тоже время им были заключены контракты на поставку товаров первой необходимости населению северо-востока Сибири и Чукотки в обмен на пушнину с Японией и Соединенными Штатами Америки. Однако, в 1919 г. его предупредили о готовящемся аресте, после чего экономическая деятельность Г. В. Никифорова была прекращена.

В 1920 г. все имущество Г. В. Никифорова было национализировано. Первоначально Никифоров эмигрировал в Японию, затем в Китай. Жил скромно,

коммерцией не занимался. Главной его мечтой было возвращение на Родину и продолжение свой разносторонней деятельности, которая была так необходима для населения Якутии. Уделяя в своем деле внимание разным аспектам и строя многоэлементную модель бизнеса, Г. В. Никифоров смог направить капитал на создание крупного коммерческого предприятия, обеспечивавшего всем необходимым население края и вносившего немалый доход в российскую казну. Усиливая социальный элемент своего дела, Никифоров выстроил модель социально-значимого бизнеса, способного не только получать прибыль, но и направлять средства на решение важных общественных задач в масштабах макрорегиона. Прошло уже более 100 лет после прекращения функционирования предприятий Г. В. Никифорова на территории Якутии, но память о выдающимся купце и меценате до сих пор живет в сердцах местных жителей. В 2022 г. в родном улусе Г. В. Никифорова был открыт памятник, где изображена теплая встреча двух купцов – Г.В. Никифоров и П.А. Кушнарев, земляков и друзей, так много сделавших на благо своего Родного Края!

Список литературы

1. Кушнарева М.Д. Исторический портрет якутского купца 1-й гильдии Г.В.Никифорова // Вестник Томского государственного университета. Томск: Изд-во ТГУ. 2022. № 474. С. 187 – 191.
2. Национальный архив Республики Саха (Якутия). Ф. 415 (Торговый дом «Г. В. Никифоров»). Оп. 1. Д. 1.
3. НАРС (Я). Ф. 415. Оп. 1. Д. 5.
4. НАРС (Я). Ф. 165 (Якутская городская управа). Оп. 1. Д. 1.
5. Речь Президента РФ – В. В. Путина на 26-ом Петербургском экономическом форуме 2023. // [Электронный ресурс]. Президент России. 16.06.2023.// URL: http://kremlin.ru/events/president/news/71445 (дата обращения: 19.06.2023)
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 23 (Министерство торговли и промышленности). Оп. 11. Д. 1081.
7. Энциклопедический словарь по истории купечества и коммерции Сибири: в 2-х т. Т. 2. /Отв. ред. Д. Я. Резун. Новосибирск: Академ. изд-во «Гео», 2013. 464 с.

УДК 334.6

Династия Балакшиных и их вклад в развитие сибирского предпринимательства

Пахомчик Сергей Алексеевич
кандидат экономических наук, доцент
Тюменский государственный университет, кафедра менеджмента и бизнеса
Тюмень, Россия
homa380@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье показана роль династии Балакшиных – сибирских купцов и предпринимателей в развитии производительных сил региона. Подчеркивается их вклад в меценатство и стремление помочь окружающим людям, поддержать прогрессивные начинания и инициативы, направленные на благо общества. Особая роль отведена Александру Николаевичу Балакшину – основателю Сибирского союза маслодельных артелей (ССМА), организации, которая являлась общепризнанной современниками и потомками «вершиной в развитии отечественной кооперации» и образцом выстраивания прогрессивных производственных отношений своего времени. Она способствовала развитию сибирского маслоделия, сделав его одной из ведущих отраслей хозяйствования. Благодаря его усилиям сибирское крестьянство в значительной степени подняло свое благосостояние, превратилось в сословие созидателей и проводников научно-технического прогресса начала двадцатого столетия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кооперация, предпринимательство, модернизация, молочное производство, маслоделие, союз сибирских маслодельных артелей, Балакшины.

В Сибири на рубеже XIX – XX вв. из всех отраслей хозяйства наибольшее развитие получило производство сливочного масла. В этот период сибирское маслоделие вышло на передовые позиции, потеснив традиционные центры молочной отрасли – Вологодскую, Ярославскую, Петербургскую губернии и Прибалтику. В регионе сложились весьма благоприятные условия для развития маслоделия: наличие обширных пастбищных и сенокосных угодий, особенно в поймах рек на заливных лугах; свободное трудолюбивое крестьянство; наличие крупного рогатого скота; сформированные навыки работы с животными и т д. Прокладка Транссиба в сильной степени поспособствовало акселерации процессов динамичного развития отрасли. Открылись новые рынки сбыта молочной продукции для сибирских крестьян. Проникновение в Сибирь технических средств, прежде всего сепараторов, кормозаготовительной техники и инвентаря сделали труд более производительным. Определенную лепту, и весьма значительную внесла государственная тарифная политика, препятствующая продвижению сибирского хлеба в западные губернии России. Введенный, так называемый, Челябинский тарифный перелом, действующий в экономических интересах помещиков Европейской России, по сути, выполняющего роль рычага, формирующего территориальную специализацию сельскохозяйственной отрасли экономики страны.

Здесь стали создаваться различные формы организаций, занимающихся производством, заготовками, транспортировкой, сбытом молока и активной пропагандой маслоделия. Сюда устремились деловые люди из стран Европы (Германии, Дании, Франции, Швеции и др.), попытавшиеся монополизировать экспортно-импортные операции (Фирмы Эсмана, Паллизена, Петерсона, Хансена и др.) Только в одном Кургане, их начитывалось около десяти. Стали формироваться объединения и союзы сибирских представителей отрасли. Среди них наиболее солидными были: Алтайский союз кооператоров, Мариинское товарищество кооперативов, Союз кредитных кооператоров, и, конечно же, Союз сибирских

маслодельных артелей. Выгодность производства масла пробудила экономическую активность сельского населения, что вызвало взрывной рост отрасли, как на частной, так и на кооперативной основе. Одну из ключевых ролей в этом процессе сыграл Александр Николаевич Балакшин.

Уроженец Ялуторовска, небольшого уездного сибирского городка Тобольской губернии, в котором жила семья Балакшиных, он с детских лет познакомился с идеями, которые проповедовали декабристы. Отец Александра Николай Яковлевич был образованным для своего времени и предприимчивым представителем сибирского купечества, отличавшегося своей любознательностью, стремлением ко всему передовому, активно откликавшемуся на происходящие изменения окружающего мира. Он был очень дружен с «государственными преступниками», которые часто бывали в доме Балакшиных. Формирование мировоззрения будущего организатора и руководителя крупнейшей в мире кооперативной организации «Союз Сибирских маслодельных артелей» (1907 – 1920-е гг.) Александра Балакшина проходило под влиянием и обаянием декабристского окружения. Идеи декабристов о развитии общества, хозяйственной деятельности, справедливом миропорядке еще в детстве крепко засели в его голову. Посещение школы, основанной Якушкиным И. Д. в Ялуторовске, так же заложило первые камни в фундамент будущего поведения и деятельности Балакшина [7, с. 5].

Получилось так, что пройти полный курс обучения в высшем учебном заведении и получить диплом о высшем образовании ему в жизни не удалось. Но всю оставшуюся жизнь он постигал мудрость знания, как науки, так и практики самостоятельно для того, чтобы потом использовать их на благо своих земляков, тружеников сибирской деревни. Свои народнические идеи он начал воплощать в жизнь по возвращении на свою малую родину. Здесь он проявляет себя как весьма активный предприниматель, гражданин и даже общественный деятель.

Первоначально он с группой друзей создает земледельческую коммуну в Ишимском уезде. Однако опыт оказался не совсем удачным, и она вскоре распалась. В 1872 г. в деревне Логовушка Курганского уезда Александр Балакшин со своими единомышленниками основывает опытное поле, метеостанцию, крахмально-паточный завод, самодеятельное общество которые успешно функционируют. Его организаторские способности были оценены и признаны местным сообществом и при создании в Кургане в 1987 г. Тобольского (с 1901 г. Курганского) отдела Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) он был избран председателем. Способности и организаторский и предпринимательский талант А. Н. Балакшина раскрылись на этом посту в полной мере, превратив его в общественного деятеля. Балакшин продвигается в предпринимательской сфере и становится владельцем маслодельного завода, организованного с использованием современных для того времени технических средств [10].

В 1901 г. он ходатайствует перед министром финансов С. Ю. Витте о создании специальной организации – «Общества содействия кооперативным формам развития маслоделия в Сибири». Она была создана и активно работала с 1902 по 1907 гг. А. Н. Балакшина избирают председателем общества. При его председательстве организация содействовала открытию 270 артелей, объединивших 52,5 тыс. крестьянских хозяйств.

В 1902 г. во многом благодаря инициативе Александра Николаевича в Кургане состоялся первый съезд маслоделов, на котором он убеждал делегатов о необходимости знать проблемы маслоделия, защищать интересы маслодельной отрасли и выработать меры по ее дальнейшему развитию. На съезде было принято решение ходатайствовать перед правительством об открытии кредитования на льготных условиях маслодельных артелей, о получении ссуд из Госбанка на покупку

для них машин и оборудования, об учреждении в Зауралье опытных молочно-хозяйственных станций с лабораториями.

Здесь следует отметить еще одно качество Балакшина – умение устанавливать контакты, умело использовать знакомства с нужными и полезными для дела людьми, доказывать необходимость реализации и достижения поставленных целей. Ему удалось привлечь капиталы российских и иностранных фирм, государственных средств, средств местного крестьянского населения. В 1907 г. в Сибири уже насчитывалось 1789 маслозаводов, из них 722 артельных.

За пять лет деятельности Общества содействия кооперативным формам развития маслоделия в Сибири, которым руководил Балакшин А. Н. (в штате состояло всего 5 человек), оно проделало огромную работу, способствовало открытию 273 маслодельных заводов, объединивших более 50 тыс. крестьянских хозяйств. Однако попытки выйти на международные рынки со своим маслом встретили яростное сопротивление частных, прежде всего иностранных фирм конкурентов.

Для консолидации усилий артельного сибирского маслоделия осенью 1907 г. в Кургане учреждается Союз сибирских маслодельных артелей (ССМА). Пионером этого начинания, как и при распространении маслодельных артелей, становится А. Н. Балакшин. Главной целью Союза явился сбыт масла на внутренние и иностранные рынки, закупки материалов для маслоделия, минуя посредников. Ведь к 1907 г. сибирское масло составляло 93,8% экспортного масла России. Но до организации Союза 90 процентов сибирского масла попадало в руки экспортных контор, чаще всего иностранных, которые диктовали невыгодные цены для производителей – сибирских крестьян, фактически грабя их. За первый год деятельности ССМА (к осени 1908 г.) через Союз прошло более чем 130 тыс. пудов масла и закуплено большое количество необходимых материалов. В 1909 г. число членов Союза достигло 108. Имея штаб-квартиру в Кургане, ССМА открыл четыре отделения в Челябинске, Петропавловске, Барнауле и Бийске. К 1910 г. открылось представительство в Берлине. С появлением Союза обостряется и без того жесткая конкуренция на рынке масла. Иностранные экспортеры не гнушались ничем, применяя всевозможные меры для устранения ССМА. К примеру, только одна датская фирма «Сибирская компания» занимавшаяся скупкой и продажей сибирского масла тратила ежегодно до полумиллиона рублей на борьбу с Союзом, но он выстоял. К 1913 г. уже сам смог разорить ее и устранить многие другие компании с рынка. Выйдя на зарубежные рынки, Балакшин поставил задачу потеснить продавцов масла из Дании и Франции, вступив в деловые отношения с английской фирмой «Лонсдейль», организуя совместное общество «Юнион». Союз организует свои конторы в Берлине, Лондоне, прибалтийских портах, закупочные пункты в Нью-Йорке и др. местах мира. Следует отметить, что экспортом масла в Сибири в то время занималось 15 зарубежных фирм, в основном европейских (датских, немецких, французских и др. [9].

Деятельность Союза Сибирских маслодельных артелей (ССМА) была многогранной. Он имел в своем распоряжении заводы, склады машин, мастерские, мельницы, магазины, транспортные средства, проводил широкие торговые операции по сбыту товаров и хозяйственного инвентаря для населения. Эта торговля составляла 1/3 всего оборота Союза и оценивалась в сотни тысяч рублей. Десятки инструкторов (около 50 чел.) Союза оказывали помощь крестьянам-маслоделам, а их, так или иначе связанных с Союзом, насчитывалось не менее полумиллиона человек (из 5 миллионов жителей Сибири).

В годы революции и гражданской войны Союз сыграл огромную роль в обеспечении населения продуктами и товарами первой необходимости. За рубежом развитие кооперации в России до 1917 г. называли русским чудом. К, сожалению, вскоре страна погрузилась в пучину революции и гражданской войны, и динамичное

развитие сибирской кооперации было прервано. Новая власть сделала все, чтобы дореволюционная кооперация прекратила свое существование. Неприятие Советской власти сибирскими кооператорами вызвало ответную реакцию большевистского руководства. Декреты комиссаров и их последующие действия разрушили фундамент сибирской кооперации. В феврале 1920 г. ССМА ликвидировали. Решением Сибревкома от 3 февраля 1920 г. его центральная контора в Новониколаевске масляный отдел Закупсбыта были объединены в секцию по молочному хозяйству Сибирского отделения Центросоюза. А на следующий год не стало и его основателя. Александр Николаевич Балакшин – «дедушка сибирской кооперации» нашел свой вечный приют на Хайгейтском кладбище Лондона.

Союз Сибирских Маслодельных Артелей – уникальное явление в экономической жизни царской России, соединившее в себе свободу предпринимательства и поддержку государства, защиту национальных интересов державы и крестьянства – самого многочисленного социального слоя страны того времени [2]. Это крайне важный и поучительный пример в свете последних событий.

Путь становления и развития Союза был далеко не гладким и легким. Балакшину А. Н. как первому руководителю приходилось не просто. И здесь проявились такие качества и черты Александра Николаевича как упорство, стойкость, мужество, умение держать удар, найти правильное решение и трезво оценить возможности. К примеру, только одни датские торговые фирмы потратили полмиллиона рублей, чтобы помешать Сибирскому маслодельному союзу выйти на международный рынок. Согласитесь, что это напоминает современные экономические санкции против России. Но благодаря воле, профессионализму Балакшина эти препятствия удалось успешно преодолеть и представить на мировой рынок продукт, конкурирующий с лучшими мировыми образцами. В Балакшине удачно нашли воплощение многие черты необходимые настоящему предпринимателю, подвижничество и социальная ответственность перед людьми, доверившими ему свои капиталы, труд.

О своей деятельности того периода Балакшин писал так: «Я не увлекаюсь какими-нибудь «завиральными идеями» или несбыточными утопиями, и я человек преимущественно практической жизни, принадлежащий по рождению и по профессии к торгово-промышленному миру». Ему были свойственно постоянное стремление к познаниям, умение схватывать все новое, передовое для своего времени. Он, говоря сегодняшним языком, был личностью креативной, с опережающим мышлением, умением ухватить новые веяния и тенденции развития. А. Балакшин постоянно работал над своим самосовершенствованием. Об этом говорят его активные контакты с передовыми представителями кооперативной науки французским ученым, профессором Парижского университета Шарлем Жидом, российским профессором Воханом Тотомианцем и другими яркими представителями кооперативной науки. О чем свидетельствует его переписка и личные контакты.

В результате деятельности Союза Сибирь превратилась в крупнейший в мире центр маслоделия. По образному выражению современников Сибирская маслодельная кооперация представляла своего рода «масляную империю» [9, с. 21 – 25].

Земляки А. Н. Балакшина помнят его заслуги перед сибирским крестьянством и чтут их. Заложена традиция проведения на его малой родине регулярных (раз в пять лет) Балакшинских чтений. Следует заметить, что проводимые в Ялуторовске «Балакшинские чтения», позволили привлечь внимание общественности, власти, научного и исторического сообщества, благодарных потомков наших земляков к его личности к делу его жизни сибирской кооперации [7].

В результате выполнения рекомендаций этих мероприятий, в частности, «Первых чтений» в г. Кургане на здании, где размещался Союз сибирских маслодельных артелей 8 июня 2017 г. установлена мемориальная доска с изображением барельефа нашего

земляка. Ее установку привязали к 110-летию с момента основания Союза Сибирских Маслодельных Артелей, которое отмечалось в ноябре 2017 г. В Ялуторовске на родине Александра Николаевича Балакшина, 27 июня 2019 г. накануне 360-летнего юбилея города, был открыт его памятник. Все это еще раз подтверждает необходимость помнить и чтить память наших выдающихся земляков, внесших значительный вклад в развитие нашего края.

Прослеживая деятельность династии Балакшиных, следует отметить, что дед А. Н. Балакшина – Балакшин Яков Тимофеевич (? – 1818), как следует из документов архива Ялуторовского окружного суда, был купцом второй гильдии. Он, по мнению специалистов-историков, являлся основателем династии. О его деятельности, к сожалению, автор статьи сведений не обнаружил. Отец основателя ССМА Николай Яковлевич Балакшин (1792 – 1870), начинавший свою деятельность в 1830-е гг., работая управляющим на предприятиях известного сибирского предпринимателя и купца Н.Ф. Мясникова в Тюмени, впоследствии стал его компаньоном. Несколько позднее, после переезда в Ялуторовск (1839 г.) сам занялся собственным делом и стал вначале купцом третьей, а потом, и второй гильдии. Выше уже сообщалось о его активной позиции в деле меценатства и поддержки местного социума, в деле просвещения, образования, культуры, церковного строительства. Сам Александр Николаевич Балакшин вошел в историю сибирского и российского предпринимательства как большой подвижник и основатель «сибирской масляной империи». Его старший сын Андрей Александрович Балакшин (1874 – 1956 гг.) после отъезда отца в Лондон для непосредственного руководства организацией акционерного общества «Юнион», занимающегося реализацией масла на европейском рынке, в 1913 г. возглавил Союз Сибирских маслодельческих артелей в России. Он стал продолжателем дела отца. Выступая, на Первом Всероссийском кооперативном съезде в Москве, в 1908 г. Андрей Александрович отмечал, что деятельность ССМА стала «могучим фактором всей жизни Западной Сибири». Доклад получил весьма высокую оценку. А. А. Балакшин впоследствии входил в Союз Возрождения Российского государства, являлся членом «Сибирской областной Думы». В 1917 г. после октябрьских событий контора ССМА переезжает в Омск. В 1918 г. Андрей Александрович выдвигался на пост председателя Совета Министров в Правительстве А. В. Колчака. Его сотрудничество с последним, по вопросам продовольственного обеспечения колчаковской армии дорого обошлось ему впоследствии. Чтобы избежать репрессий от большевистской власти, он вынужден был отбыть из Омска во Владивосток, позднее в Китай (вначале в Харбин, а затем в Шанхай). Попытки наладить деятельность ССМА в новых условиях не увенчались успехом. В 1920 г. ССМА был полностью ликвидирован новой властью. В 1925 г. А. А. Балакшин эмигрирует в Канаду (Ванкувер), где занялся сельскохозяйственным бизнесом. В 1956 г. на 81 году ушел из жизни. Как и его предки: прадед, дед и отец до конца жизни оставался патриотом свой Отчизны. Он принимал активное участие в создании и поддержке Русской зарубежной Православной церкви. После окончания Второй мировой войны поддерживал русских, волей судеб, оказавшихся в Канаде. Его сын Николай Андреевич Балакшин (1908 – 2000), которому перешел бизнес отца, продолжил заниматься фермерством. В 1994 г. в год празднования 150-летия основателя ССМА А. Н. Балакшина, в возрасте 86 лет приехал в Курган, являясь членом крупнейшего в Канаде молочного кооператива по производству и реализации молока. Он – владелец семейной фермы «Новая Сибирь» умер в Канаде (г. Чилливак) в мае 2000 г. в возрасте 93 года.

Исследованию династии сибирских предпринимателей и купцов Балакшиных посвятили свои работы зауральские и сибирские ученые: из Кургана – В. А. Бубнов [1, с. 138 – 197, 263 – 296], А. М. Васильева [3, с. 42 – 107], А. П. Еремеев, В. А. Плющев [4]; Новосибирска – А. А. Николаев [5]; Тюмени – С. А. Пахомчик [6, 7, 8, 9, 10]; Горно-

Алтайска – Е. М. Чедурова [12, 13]; Ялуторовска – Белоглазов П. К., Плоскова Л. [2, 11]; Бийска – Е.А. Дегальцева [7] и др. Вместе с тем, многие страницы жизни и деятельности династии Балакшиных ждут своих исследователей.

Список литературы

1. Бубнов В. А. Перерабатывающий комплекс Зауралья. Его прошлое и настоящее. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2012. 436 с.
2. Белоглазов П. Кооператор Александр Балакшин // Явлутур-городок. Историко-краеведческий альманах. Вып. 14. Ялуторовск, 2019. С. 23 – 25.
3. Васильева А. М. Курганское купечество (конец XVIII – начало XX вв.). Т.1. Шумиха: ОГУП «ШМРТ», 2010. 383 с.
4. Еремеев А. П., Плющев В. А. Родина сибирского маслоделия: страницы истории предприятий молочной промышленности Зауралья. Челябинск: Южно-Уральское кн. изд-во, 1989. 76 с.
5. Николаев А. А. Основные виды кооперации в России: Историко-теоретический очерк. Новосибирск: Сибпринт, 2007. 280 с.
6. Пахомчик С. А. Балакшины и их след в истории Тюменского края // Тюменская область: исторический опыт экономического и социального развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 65-летию Тюменской области (21 – 23 мая 2009 г.) под ред. Г.Ю. Колевой. Тюмень: ТюмГНГУ, 2009. С. 310 – 314.
7. Пахомчик С. А., Дегальцева Е. А. А. Н. Балакшин – организатор и основатель Сибирского союза маслодельных артелей (ССМА) и его вклад в развитие кооперативного движения в Сибири. Тюмень: ТГСХА, 2007. 70 с.
8. Пахомчик С. А. Детище А. Н. Балакшина «Союз Сибирских Маслодельных Артелей» и его роль в развитии Российской кооперации // Явлутур-городок: Краеведческий альманах под ред. П.К. Белоглазова. Ялуторовск: филиал «Ялуторовская типография ОАО«Тюменский издательский дом», 2014. С. 19 – 21.
9. Пахомчик С. А. Молочная кооперация Сибири: вчера, сегодня, завтра. Тюмень: ТГСХА, 2010. 224 с.
10. Пахомчик С. А. Феномен А. Н. Балакшина как известного сибирского предпринимателя начала XX столетия // Явлутур-городок: Историко-краеведческий альманах под ред. П. Белоглазова. Тюмень: АО «Тюменский издательский дом», 2020. С. 103 –108.
11. Плоскова Л. Неизвестная ветвь купцов Балакшиных // Явлутур-городок: Краеведческий альманах под ред. П. К. Белоглазова. Ялуторовск: филиал «Ялуторовская типография ОАО «Тюменский издательский дом», 2008. С. 92 – 94
12. Чедурова Е. М. Кооперативное движение в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 220 с.
13. Чедурова Е. М. Сибирский промышленник-кооператор Александр Николаевич Балакшин. Мир Евразии. 2008. №3(3). С. 58 – 60.

УДК 929.52

Бородкины в Енисейске: биографический экскурс

Поздеева Наталья Владимировна
заведующий отделом документальной истории и археологии
Енисейский музей-заповедник
Енисейск, Россия
Pozdeeva99@yandex.ru
ORCID: 0009-0002-1557-195X

АННОТАЦИЯ Статья посвящена семье Бородкиных, их вкладу в жизнь старинного города на Енисее – Енисейску. Вводятся в оборот новые данные из биографий основных представителей этой династии вплоть до сегодняшнего дня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Бородкины, Енисейск, торговля, пушнина, усадьба

Бородкины – достаточно известная во второй половине XIX века енисейская фамилия, но сегодня – малоизученная. На сегодняшний день в Енисейске сохранилась два места, связанных с этой фамилией. Одно в центре города по улице Ленина, другое – на углу улиц Рабоче-Крестьянской и Горького. Каждый из этих объектов – часть историко-архитектурного наследия города, но вторая усадьба с 2021 года является частью Енисейского музея-заповедника, поэтому достойна отдельного исследования.

Общеизвестно, что до революции двухэтажный особняк по Успенской (сегодня – Рабоче-Крестьянской) улице владел Александр Бородкин, у которого не только отец носил имя Михаил, но и дед и прадед.

В свое время Бородкиных, как и многих других сельских представителей, привлекла в городе возможность заработать. Но это случилось лишь в первой половине XIX столетия, а в конце XVIII века выходцев из Томской губернии Бородкиных мы встречаем в Ярославской слободе (впоследствии селе Назимовском) Енисейского уезда. Так, в Исповедной росписи Богородской церкви Ярославской слободы за 1792 год числились три семьи, живущие каждый в своем доме. Одной из них была семья священника Петра Ивановича и его жены Феодоры Сергеевны Бороткиных (так в то время писали эту фамилию). По данным родослова О.В. Копыцкой, отец Петра также был священником в этой же слободе [6].

В Исповедной росписи прихожан Назимовской Богородской церкви за 1810 год Феодора Сергеевна Бороткина уже вдова. И на тот момент проживала вместе с семьей старшего сына Михаила: невесткой Еленой Львовной и внуками 11-летним Николаем и 6-летней Феодорой. Михаил Петрович, который стал впоследствии родоначальником енисейской династии, при этом, был записан мещанином [2, Ф. 819. Оп.1. Д. 126. Л. 450]. И спустя десятилетие, он будет считаться единственным мещанином в деревне [2, Ф. 819. Оп. 1. Д. 129. Л. 7]. Не пошел сын по стопам отца. Но своего старшего сына Николая женил на дочери назимовского священника Степана Ивановича Евтихиева – Ефросиньи, а дочь Феодору отдал за пономаря Усть-Питской Христорождественской церкви Климента Матфеевича Пушкарева [2, Ф. 819. Оп. 1. Д. 194. Л. 31].

Спустя три года, мать Ефросиньи – Евдокия Матфеевна (Матвеевна) Евтихиева - стала крестной матерью младшего сына Михаила Петровича – Михаила Михайловича, который появился на свет в селе Назимовском 1 (14) ноября 1819 года [2, Ф. 819. Оп. 1. Д. 129. Л. 22].

Доподлинно не удалось выяснить, что произошло с семьей назимовского мещанина Михаила Петровича в 1820-1830-е годы. Одно совершенно ясно – семья в это время перебралась в Енисейск и обосновалась в 1-м участке по Успенской улице [2, Ф.

161. Оп. 1. Д. 2. Л. 250] в приходе Воскресенской церкви. В Исповедных росписях этой церкви за 1840 год мы видим семью уже енисейского мещанина 61-летнего вдовца Михаила Петровича Бородкина. Вместе с ним проживала семья старшего 40-летнего сына Николая и неженатый 21-летний Михаил [2, Ф. 819. Оп. 1. Д. 194. Л. 45]. Он не был на исповеди уже год. Можно предположить, что был отправлен отцом по торговым делам.

С уходом отца в 1843 и брата Николая в 1848 году все хлопоты по ведению домашнего хозяйства легли на Михаила. От отца Михаилу достался дом по Успенской (Рабоче-Крестьняской) улице. Племянник Павлин после того, как его старшая сестра вышла замуж, вместе со своей матерью и женой перебрался в купленный в сентябре 1851 году дом по той же улице, но во 2-ой части города [2, Ф. 161. Оп. 1. Д. 2. Л. 249]. Поэтому в завещанном доме осталась семья Михаила Михайловича.

Предположительно, дом этот находился в том же квартале, где, по мнению А. И. Кытманова, «…в 1861 (году) начал строиться каменный дом купца Михаила Бородкина» [7, с. 386]. Но в Енисейских губернских ведомостях была найдена запись о том, что в октябре 1866 года енисейский 2-ой гильдии купец Михаил Михайлович Бородкин купил у наследников умершей Александры Яковлевны Марамыгиной усадьбу по 14 саженей (2,1336*14= 29,87 м) с каждой стороны на углу Толчейной (сегодня – ул. Горького) улицы и Успенского переулка (сегодня – ул. Рабоче-Крестьянской), состоящую из *деревянного дома* с пристройками и землею [4, с. 16].

Остается загадкой, каким образом в 1861 году на угловом участке, который был приобретен лишь в 1866 году, начал строиться каменный дом. Возможно, в записи А. И. Кытманова вкралась ошибка, и каменный особняк на угловом участке начал строиться позднее.

Свою первую жену Михаил Михайлович присмотрел на соседней улице в семье Алексея Кирилловича Грязных. Его венчание с 17-летней купеческой дочерью Марией Алексеевной состоялась 23 октября 1842 года в Воскресенской церкви [2, Ф. 819. Оп. 1. Д. 251. Л. 10]. От этого брака дожили до совершеннолетия трое детей: Елизавета, Михаил и Алексей.

Удачное ведение торговых дел и обзаведение своей городской недвижимостью позволило Михаил Михайловичу сначала в 1846 – 1849 годах быть избранным в гласные городской думы [2, Ф. 161. Оп. 1. Д. 2. Л. 250], а затем в 1864 году баллотироваться в Думу по первому собранию. В этот раз Бородкин был избран кандидатом (заместителем) городского головы (Игнатия Кытманова) [7, с.415]. В 1874 году Михаил Михайлович был утвержден почетным блюстителем училища девиц духовного звания при Енисейском женском монастыре. Через год выбран старостой Воскресенской церкви.

Хочется отметить его успешность в делах. В 1840 году – мещанин, в конце 1854 года – купец 3-й, а в 1864 уже 2-ой гильдии. В 1876 году Александр Игнатьевич Кытманов, опираясь на документы городского архива, утверждал, что «главные мануфактурные магазины принадлежали Бородкину, Баландину, Фунтосову, Петрову, Елтышеву, Гадалову и Дементьеву» [7, с. 521]. Не случайно Александр Игнатьевич поставил Бородкина на первое место в списке городских богатеев. Он же утверждает, что в 1882 году магазин Бородкина показал наивысший оборот в 80 000 рублей, даже Баландин выручил 75 000 рублей. Таким образом, мы видим, что деньги у Бородкина были. Можно было их потратить, например, на членский взнос в весьма почтенном учреждении – Благородном (позднее общественном) собрании. Членский взнос, кстати, был не маленьким – 25 рублей [7, с. 567].

При всем этом вел дела свои Бородкин скрупулезно и педантично, не упускал шанс выяснить отношения, доказывая свою правоту. Этому свидетельствует тот факт, когда в 1873 году все кредиторы в городе согласились на учреждение над делами

золотопромышленника И.М. Ячменева опеки, но Бородкин требовал объявления его финансово несостоятельным [7, с. 498]. Спустя 10 лет, енисейский купец был замечен в судебных тяжбах с нарымским мещанином Леонтием Флеером.

В 1880 году Бородкин-отец последний раз объявляет купеческий капитал. По состоянию здоровья, как свидетельствует Именной список купцов, Михаил передал все торговые дела старшему сыну Михаилу, который объявил каптал по 2-ой купеческой гильдии уже в 1881 году [2, Ф. 160. Оп. 1. Д. 730. Л. 78]. В 1885 – 1886 годах Бородкин-сын, степенный гражданин, также глава семейного дела. Ни отец, ни брат Алексей своих капиталов не заявляли [2, Ф. 160. Оп. 1. Д. 962. Л. 70]. Это мы видим в 1889 и 1890 году [2, Ф. 160. Оп. 1. Д. 1043. Л. 75].

Воспоминания Михаила Прокопьевича Миндаровского дают четкое разграничение деятельности двух Бородкиных с одинаковыми инициалами. Он отмечал 1910 год, как год крупных потерь. Такой потерей, по его мнению, явилась смерть 29 ноября Бородкина-сына. Миндаровский характеризует его, как человека сумевшего приумножить наследство отца аккуратностью, граничащей со скупостью и мелочностью. Степенный гражданин, старейший гласный, судья дореформенных времен Бородкин оставил 10 000 рублей на достройку женской гимназии, уже чувствуя смерть. Сделать это ранее было не в натуре Михаила Михайловича. Он исполнял выборные должности в общественном банке, попечительском совете женской гимназии и разных комиссиях от городской думы. Миндаровский называет его «примерным хозяином и общественным деятелем, полезным гражданином города». Он сэкономил 10 000 рублей, но, узнав про эту экономию, губернатор заставил его уплатить казенную недоимку на содержание полиции [3, с. 207 – 208].

Именно Бородкин-сын (отец умер в 1891 году) в 1889 – 1893 годы был городским головой. В его правление заговорили об Объ-Енисейском канале и конно-железной дороге на Чулым. Он поддержал Н. В. Скорнякова, который хлопотал о проведении железной дороги на озеро Мелецкое, считая этот вопрос важным и жизненно необходимым для Сибири и Енисейска [6, с. 640].

Во время проезда через Красноярск наследника Цесаревича Николая Александровича, Бородкин возглавлял депутацию от города вместе с гласными Кытмановым, Харченко, Грязновым Ефимом и Степном Щукиным [6, с. 652]. Возможно, получать вотум доверия позволяли его прижимистость, рачительность и принципиальность.

Когда обсуждался адрес капитану Виггинсу, гласный М. М. Бородкин высказал мнение, что его нельзя признать открывателем Северного пути, потому что это право принадлежит русским людям и, наконец, Норденшельду [3, с. 57]. В этом с ним трудно не согласиться.

В мае 1896 года в думе обсуждались кандидаты депутатов для участия в петербургских празднествах по случаю коронации Николая II. В Енисейске планировались трехдневные торжества с иллюминацией, торжественным обедом и народными чтениями. По этому поводу возник конфликт. Енисейский купец В. М. Харченко, как дежурный старшина в общественном собрании, назначил дату членского обеда по подписке за 5 рублей на то же самое время, что и общественный обед – 15 мая. Тогда обед на себя взял бывший городской голова Бородкин [3, с. 66].

Ему и его брату Алексею не «по вкусу» оказался введенный в 1902 году промысловый налог. Они вошли в думу с петицией о непосильном обложении розничной торговли. Дума поддержала петицию, потому что состояла из таких же торговцев, но департамент торговли эту петицию проигнорировал [3, с. 149 – 150].

Михаил Михайлович был одним из трех гласных, которые инициировали открытие в Енисейске Отделения Красноярского общества взаимного от огня страхования [7, л. 30].

Заниматься активной общественной работой невозможно, если нет хорошего тыла. Можно утверждать, что до 1895 года оба брата ведут совместную торговлю мануфактурными, колониальными, галантерейными товарами в городе и пушниной на Ирбитской ярмарке [8, с. 436. 1895; с. 538. 1896]. Позднее Михаил торговал на Базарной площади в доме Городского общества различными товарами [9, ст. 3271. 1897]. Через два года, в 1898 году, Михаил вел торговлю мануфактурными, галантерейными и суровскими товарами в собственном помещении по Большой улице [9, 1899]. В 1899 году Михаил открыл лавку в своем доме по Успенской улице и предлагал там различные товары [9, ст. 1027. 1900]. В это время Справочный торгово-промышленный календарь уточнил данные: Михаил и Алексей оба торговали еще и пушниной [8, с. 188. 1900]. Торговые фирмы обоих братьев приносили неплохой доход, позволявший проводить отдых на море и подолгу проживать вне дома.

В начале XX столетия вплоть до 1909 года семьи братьев Михаила и Алексея проживали в отцовском доме по Успенской улице. Об этом свидетельствуют Исповедные росписи Воскресенской церкви.

Последним владельцем углового дома на берегу Мельничной стала семья Александра Михайловича Бородкина, старшего сына М.М. Бородкина-младшего. После смерти матери в 1905, а потом и отца в 1910 году Александр с семьей часто отсутствовал в городе, о чем свидетельствуют Исповедные росписи, где запись «не был» повторялась в 1904 – 1907, 1909, 1911 – 1915 годах. Было время, когда все домочадцы были «в отлучке». Эти отлучки не соответствуют семейной легенде, которая гласит, что революция 1905 года испугала семью, и они вернулись в Енисейск.

Уточнить или опровергнуть данную версию могут Адресные и справочные книги. Семья Александра Михайловича появляется в Москве в конце 1913 года. Таким образом, оказалась зафиксированной среди горожан в Адресной книге «Вся Москва» на 1914 год [1, л. 80-из.420], а также в 1916 году снимали квартиру там же на Большой Дмитровке, 7 [1, л. 54-из.317]. Таким образом, Адресные книги не подтверждают сведения, высказанные Олегом Владимировичем Меняйло, правнуком А.М. Бородкина. Известно, что не только Москва привлекала Бородкиных, но и северная столица.

В родном городе Александр Михайлович в октябре 1912 года выкупил у дяди Алексея Бородкина за 1000 рублей его часть усадьбы по Большой в соседстве с купчихой Захаровой [7, Ф. 9. Оп. 1. Д. 38. Л. 158]. Этот участок он выгодно использовал под размещение в этом же году на нем кинематографа в специально спроектированном для него здании [2, Ф. 595. Оп. 59. Д. 724. Л. 10]. Кстати, сам Алексей в 1911 году скептически отнесся к затее Плешкова устроить кинематограф в народной читальне, но дело оказалось успешным [2, Ф. 595. Оп. 59. Д. 691. Л. 2-из.4], но этим воспользовался племянник.

Летом 1916 года у него же за 5 000 рублей Александр выкупил его часть усадьбы по Успенской улице и стал ее единственным владельцем [7, Ф. 9. Оп. 1. Д. 38. Л. 214]. Но быть таковым ему пришлось недолго.

О судьбе представителей этой фамилии в советское время поведал правнук Александра Михайловича – Олег Меняйло. Он родился 2 августа 1969 года в Красноярске. Окончил 41-ю красноярскую школу (1986 г.) и МГУ (1996 г.). Сегодня – доктор биологических наук (2007 г.), профессор РАН (2016 г.).

Правнук рассказал, что у его прадеда - Александра Михайловича - было четверо детей: Иннокентий (Кеша) - старший, далее Коля (его дед), Алеша и Ксения.

Со слов своей матери, Олег Владимирович оценивает Александра Михайловича «довольно таки бестолковым». И поясняет, что окончил он всего 2 курса Санкт-Петербургского университета, и бизнес вести не смог. По словам Михаила Михайловича, отца Александра, он был «никудышным торговцем». Он последовал совету отца, перевел все деньги в акции и жил на проценты.

Когда семья прадеда вернулась из Москвы в Енисейск, то в доме было 7 человек прислуги. Александру это казалось лучшим выходом, но было и другое мнение. Его дочь, мама Олега Владимировича, вспоминая об этом поступке ее предка, с сарказмом говорила: «"нормальные"-то все в Париж уехали с деньгами... Лежал бы сейчас на Сент-Женевьев-Де-Буа. А так - в безымянной общей могиле (неизвестно точно где) Покровского кладбища (около универа Красноярского)».

В конце 1918 – начале 1919 года в городе проводилось уточнение избирательных списков на выборы гласных городской думы. Бородкины также вошли в эти списки, среди которых мы видим работающего в продовольственном комитете 41-летнего Александра Михайловича с женой Марией Федоровной и вдову Авенира Алексеевича – 30-летнюю Анастасию Алексеевну [2, Ф. 897. Оп. 1. Д. 1. Л. 33об.]. В этом списке учитывались достигшие 20-летнего возраста горожане, поэтому дети здесь не указаны.

После установления новой власти усадьбу Бородкиных муниципализировали. Как вспоминает потомок: «их просто выгнали из дома, а обесценившиеся акции, хранившиеся в амбаре, летали по двору. Они пожили 2 года в избушке недалеко, надеясь, что смута закончится и им все вернут. Но не тут-то было. Дом заняли комсомольцы».

Действительно, дом был конфискован и передан на баланс Енисейского городского коммунального хозяйства.

Бывший владелец усадьбы Александр Михайлович Бородкин после 1919 года перебрался с семьей в Красноярск. Работал бухгалтером «Гордомтреста». По воспоминаниям правнука Олега Владимировича Меняйло: «Александра Михайловича арестовали в 37-м 14 ноября (в день и год рождения его внучки, моей мамы) по доносу и делу на 12 человек. Он был самым старшим их этого дела. Единственным, кто признал вину, потому ему дали 10 лет, всех остальных приговорили к расстрелу. Ему было 60 лет, он заболел в тюрьме и умер через месяц, в декабре 37-го года». Об этом семье стало известно лишь в начале 2000 годов.

Его старший сын Иннокентий погиб осенью 1941-го. Алексей Александрович стал речным капитаном, ходил по Лене. Его именем «Капитан Бородкин» назван самый мощный ленский дизель-электрический ледокол смешанного «река-море» типа. Умер от аппендицита, который врачи не смогли идентифицировать.

Ксения (в семье Ася) вышла замуж за известного в дальнейшем красноярского писателя Николая Валериановича Волкова (1904 – 1990). Была домохозяйкой. Именно она стала тем самым связующим с прошлым звеном, благодаря которому знает историю своего рода Олег и знаем теперь мы.

Его дед Николай Александрович окончил лесной техникум, строил деревообрабатывающие и лесопильные заводы, много ездил в Маклаково (ныне Лесосибирск) и не любил рассказывать «о той жизни».

Олег Владимирович сожалел, что «без трепетного отношения к собственности не будет бизнеса и гражданского общества». Но в главном доме Енисейский музей-заповедник вскоре откроет свои двери Музей купеческого быта, где каждый желающий сможет увидеть обстановку купеческих комнат, поучаствовать в реконструкции того самого торжественного обеда в честь коронации последнего императора, узнать в какие игры любили играть, какую музыку слушать владельцы и их гости.

Таким образом, через бережное, можно сказать, трепетное отношение к истории дома и его владельцев мы сохраняем культурный код нашего города.

Список литературы

1. Вся Москва: адресная и справочная книга. // Исторические материалы: сайт. URL: https://istmat.org/files/uploads/66606/1914_vsya_moskva._adresnaya_i_spravochnaya_kniga_na_1914_god._21_god_izdaniya_-_chast_2.pdf (дата обращения: 08.06.2023)
2. Государственный архив Красноярского края.
3. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского. 1891 – 1935. Красноярск, 2019. 512 с.
4. Енисейский губернские ведомости. № 2 (14 января) 1867. // Красноярский меридиан. Электронная краеведческая библиотека: сайт. URL: https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=cb98c745b69292ec49fd9b0a8ccc3660&viewerType=GUNBKK&squery= (дата обращения 08.06.203).
5. Копыцкая О. В. Бородкин Петр Иванович, священник // Духовенство русской православной церкви в XX веке: биографическая база данных и собрание материалов: сайт. URL: https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/9124/ (дата обращения 08.06.203).
6. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1854-1893 год. Красноярск, 2016. 888 с.
7. МКУ «Архив города Енисейска».
8. Справочный торгово-промышленный календарь. Томск. // Областная библиотека им. А.С. Пушкина. Электронная библиотека elib.tomsk.ru: сайт. URL: https://elib.tomsk.ru/purl/1-8732/ (дата обращения 14.06.2023).
9. Суворин А. С. Вся Россия: Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. СПб., 1897. // Государственная публичная историческая библиотека России: сайт: URL: file:///C:/Users/1/Downloads/1897_Vsya_Rossiya_01.pdf (дата обращения: 08.06.2023)

УДК 94(571.5)

П. Т. Трунев – директор-управляющий Верхнеудинского отделения Русско-Китайского (Азиатского) (1897 - 1921 гг.) банка.

Ширапов Алдар Амаголонович
кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия
agmaren@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5910-3501

АННОТАЦИЯ Данная статья посвящена истории банковской системы Западного Забайкалья (совр. Республика Бурятия). Основной акцент исследования сделан на изучении и выявлении роли в процессе ее формирования личности потомственного верхнеудинского купца и почетного гражданина Петра Тивуртиевича Трунева (1862 – 1931 гг.) На должности руководителя Верхнеудинского отделения Русско-Китайского слова П.Т. Труневым был сделан огромный вклад в появлении на территории региона собственной банковской системы, способной обеспечить стабильное финансирование его экономического развития. Также, в исследовании, выявлены некоммерческие аспекты активности П. Т. Трунева, в период его руководства банком, связанные с рядом меценатских проектов в области благотворительной деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Верхнеудинск, купечество, Русско-Китайский (Азиатский) банк.

«Будучи вполне уверен, что образование в нашем городе такого полезного в интересах промышленности и торговли – учреждения не только было бы желательно, но и является крайней необходимостью…» – эти слова прозвучали на очередном заседании Верхнеудинской Городской Думы 15 марта 1895 г., во время обсуждения доклада 32 летного купца 2-й гильдии П.Т. Трунева внесшего на рассмотрение вопрос о крайней необходимости в создании в городе собственного финансово-кредитного учреждения столь остро требующегося для развития местной экономики у [7, л. 12]. Доклад П.Т. Трунева был положительно воспринять членами Думы, которые постановили – составить и направить в адрес властей империи прошение о разрешении на открытие в г. Верхнеудинск отделения Государственного банка. К сожалению, их просьба не была удовлетворена и бизнес-сообществу Западного Забайкалья пришлось ждать появления на территории региона собственного банка еще почти три года – до 1897 г. когда свои действия открыл Верхнеудинский филиал Русско-Китайского банка. На протяжении всей его истории, им руководил П. Т. Трунев – человек, без которого нельзя себе представить историю финансово-кредитной системы Западного Забайкалья. Под его началом банк не только внес значительный вклад в развитие торгово-промышленного сектора экономики региона, но и активно участвовал в реализации различных социальных проектов.

История российской банковской системы берет свое начало в XVIII в. – как один из результатов эпохальных реформ императора Петра Великого. Потребность экономики в наличии сети специализированных учреждений способных обеспечить стабильное кредитование и финансовое обслуживание отечественных торговли и промышленности была крайне велика. Деятельное участие в создании банков принимали представители российского купечества – как те, кто был наиболее заинтересован в их услугах. Так, в 1788 г., г. Вологда на пожертвования частных лиц, в том числе предпринимателей, был основан «1-й Общественный Заемный банк» – первое в истории России негосударственное финансово-кредитное учреждение [12, с.

45 – 46]. В дальнейшем именно общественные банки, создаваемые купцами, заняли место наиболее популярного и доступного источника кредитов для отечественного купечества. Уже к середине XIX в., силами отечественных предпринимателей были созданы 16 городских банков. Не стали исключением и представители сибирского бизнес-сообщества. Здесь, в отличии от европейской части Российской империи, именно частные коммерческие банки долгое время были фактически единственными финансовыми учреждениями доступными для купечества. Ярким примером тому является, открывший свои действия 1836 г., Банк при сиропитательном доме Е. Медведниковой – ставший первым кредитным институтом, созданным предпринимателями в азиатской части Российской империи [14, с. 124].

Западное Забайкалье, не смотря на наличие многочисленного местного купечества, активно торговавшего с Китаем и Монголией, и потому очень заинтересованное в банковских услугах долгое время не имело собственного кредитного учреждения. Во многом это было связано с тем, что законодательно, еще в 1800 г., было запрещено производить расчёт с китайскими купцами посредством наличных денег. Торговля велась исключительно путем натурального обмена товарами [15, с. 33]. Первое региональное кредитное учреждение в Западном Забайкалье появилось в 1872 г. – им стала так называемая ссудная касса при Верхнеудинской городской управе. Основанная на средства местного купца 1-й гильдии А. М. Курбатова, касса выдавала населению небольшие кредиты – от 5 до 300 руб. под 6% годовых [6, л. 1, 9]. Однако ввиду небольшого размера получаемой ссуды и отсутствия иных финансовых услуг, таких как приме вкладов или учет векселей, данное учреждение не могли удовлетворить потребности регионального бизнес-сообщества. В результате, после долгих и упорных усилий, и напряженных переговоров с руководством страны, купечество Западного Забайкалья смогло получить свой собственный, полноценный финансовый институт. Им стал, открывший свои действия в 1882 г., Верхнеудинский городской общественный банк. Ведущую роль в его последующей деятельности играли представители местного купечества. Так, первым и единственным директором-управляющим банка стал купец 2-й гильдии П. В. Гирченко. К сожалению, ввиду ряда причин, как экономических, так и сугубо внутриполитических Верхнеудинский городской общественный банк, просуществовав всего четыре года, был вынужден прекратить свою работу в 1886 г. [9, с. 79 – 85].

Настоящим прорывом для экономики Западного Забайкалья в деле в формирования собственной финансово-кредитной системы стало заключительное десятилетие XIX столетия. В январе 1894 г., на период действия Верхнеудинской зимней ярмарки (с 15 января по 10 февраля), открывало свои действия временное отделение Государственного банка Российской империи [8, л. 21]. Это стало возможным ввиду многочисленных просьб местного купечества и усилий директора Иркутского отделения учреждения А. М. Михайловского, стремившегося поправить его неважные финансовые дела [2, с. 24]. Помимо того, что филиал смог существенно облегчить и улучшить работу ярмарки, дав торгующим субъектам, доступ к современным банковским продуктам его вклад в развитие кредитно-финансовой системы региона заключался в следующем. Исходя из положений ст. 60 устава Государственного банка, во время осуществления деятельности его отделениях предписывалось формировать специальные учетно-ссудные комитеты. В их ведении находились: определение размера кредита, выдаваемого заемщикам, оценка благонадежности предъявляемых к учету векселей, закладов и залогов по ссудам. Кроме того, на членов комитета возлагались –установление степени рентабельности бизнеса просителя ссуды. В составе комитетов, помимо директоров отделений и контролеров, входили выборные лица из числа наиболее образованных и уважаемых местных купцов и промышленников [1, с. 417 – 418]. Тем самым, указанные

предприниматели получали возможность приобрести бесценный опыт в области ведения банковского дела. Одним из таких лиц стал – верхнеудинский купец 2-й гильдии П. Т. Трунев, чей вклад в формирование и развитие финансово-кредитной системы Западного Забайкалья сложно переоценить [7, л. 1 – 1об.].

П. Т. Трунев (1862 – 1931 гг.) – уроженец г. Верхнеудинск, потомственный купец и почетный гражданин. Образование – 4 класса классической гимназии. [17, л. 50]. История жизни П. Т. Трунева свидетельствует о его активной гражданской позиции и огромном вкладе, сделанном в развитие г. Верхнеудинск и Западного Забайкалья. Так, уже в 1889 г., в возрасте 27 лет, он становится членом Верхнеудинской городской управы, с 1892 г., на посту гласного Городской Думы, В период с 1899 по 1901 гг. занимал должность Верхнеудинского Городского Головы. Помимо этого, П.Т. Трунев являлся председателем сиротского суда, попечителем в совете женской прогимназии, блюстителем городской библиотеки и приходского училища [18, с. 191]. Однако, подлинным делом всей его жизни стала должность бессменного директора-управляющего Верхнеудинского отделения Русско-Китайского банка, которую он занимал с 1897 по 1921 гг.

Как упоминалось выше, первый проект П. Т. Трунева по созданию столь необходимого для экономики Западного Забайкалья собственного финансово-кредитного института в виде постоянного отделения Государственного банка, предпринятый зимой 1895 г., не был воплощен в жизнь. Однако П. Т. Трунев и его единомышленники из среды местного купечества не оставили свои попытки и вскоре их усилия были достойно вознаграждены.

В результате смены в конце XIX в., центрального вектора внешней политики России в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона азиатские регионы империи оказались связаны с европейской частью державы Транссибирской железнодорожной магистралью. Вместе с железной дорогой в Сибирь и на Дальний Восток двинулись и представители финансового капитала в лице крупных банков. В результате – уже в феврале 1897 г., в Верхнеудинске открыло свои действия агентство Русско-Китайского банка – одного из ведущих финансово-кредитных институтов империи. Пост главы-агента занял П.Т. Трунев [17, л. 10]. Под его умелым руководством уже в 1900 г., Верхнеудиское агентство приобрело, в структуре учреждения, статус полноценного отделения тем самым предоставив населению Западного Забайкалья доступ к полному спектру банковских услуг [10, Доклад: 1].

В своей деятельности Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка занималось – учетом векселей, выдачей ссуд под залог, приемом вкладов, открытием и ведением текущих счетов, приемом и отправлением денежных переводов [11, с. 8 – 9]. Офис учреждения располагался в доме самого П.Т. Трунева [13, с. 169]. Стараниями директора управляющего сотрудники филиала осуществляли обслуживание клиентов, в отлично оснащенном помещении с электрическим освещением, отоплением, водоснабжением и телефонной связью [4, л. 27]. В качестве поощрения культурного развития работников, по распоряжению П. Т. Трунева ежемесячно выписывался е литературный и научно-популярный журнал «Вестник знания» [3, л. 133].

Помимо оказания финансовых услуг Верхнеудинское отделение Русско-Китайского, а после реорганизации учреждения1910 г., Русско-Азиатского банка под управлением П. Т. Трунева вело активную меценатскую деятельность. Так, в 1913 г. банк пожертвовал 25 руб. «на покупку для Верхнеудинска полицейских собак», 52 руб. – на наградные почтальонам, разносчикам телеграмм, городовым и монтерам телефонной сети. Во времена Первой Мировой войны отделение оказывало финансовую помощь семьям мобилизованных и пострадавшим военнослужащим. Регулярно выделялись средства на поливку улиц и содержание учебных заведений [16, л. 49, 136].

Грамотное и ответственное руководство отделением П. Т. Труневым позволило учреждению достойно пройти сквозь все испытания, что выпали на его историю. Даже в условиях резкого усиления вначале 1910-х гг., конкуренции на финансово-кредитном рынке региона ввиду появления сильных соперников в лице Сибирского торгового банка и Верхнеудинского общества взаимного кредита отделение смогло удержать лидирующие позиции [5, л. 1, 3, 4]. Верхнеудинский филиал Русско-Азиатского банка продолжил оказывать услуги своим клиентам, не смотря на события Первой Мировой и Гражданских войн вплоть до осени 1921 г. [17, л. 3] Директор-управляющий П. Т. Трунев, располагавший всеми возможностями и необходимыми средствами к обеспечению себе безбедной жизни за рубежом до самого конца оставался на своем посту. Не покинул он пределы страны и родного города и после ликвидации дела всей его жизни – банка. П. Т. Трунев, был арестован и умер в Верхнеудинской тюрьме в 1931 г. от тифа.

Заключение

П. Т. Трунев внес колоссальный вклад в развитие финансового сектора экономики Западного Забайкалья. Во многом благодаря его неукротимой энергии и постоянным усилиям в регионе смогла сформироваться устойчивая кредитная система, достойно выдержавшая множество тяжелых испытаний и обеспечивая население региона банковскими услугами.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа подготовлена в рамках государственного задания, проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII – XXI вв.)», № 121031000243-5.

Список литературы

1. Высочайше утвержденный Устав Государственного банка. 6 июня 1894 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1898. Т. 14. № 10767. С. 410 – 427.
2. Гаврилова Н. И., Шахеров В. П. Государственный банк в Иркутске: отРоссийской империи до настоящего времени. К 150-летию со дня основания. Иркутск: «Оттиск», 2019. 372 с.
3. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 224. Опись 1. Дело 43а.
4. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 224. Опись 1. Дело 64.
5. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 282. Опись 1. Дело 177.
6. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 10. Опись 1. Дело 964.
7. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Фонд 10. Опись 1. Дело 1038.
8. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Фонд 154. Опись 1. Дело 5.
9. Кальмина Л. В. Верхнеудинский общественный банк в контексте финансовой политики самодержавия // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 21. С.79 – 85.
10. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1900 г. СПб.: Типолит. Ц. Крайз и Ко, 1901. 36 с.
11. Отчет по операциям Русско-Китайского банка за 1904 г. СПб., 1905. 39 с.
12. Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 142 с.
13. Плеханова А. М., Ширапов А. А. Верхнеудинское отделение Русско-Китайского банка: организация банковского дела в приграничном регионе Российской империи // Проблемы социально-экономического развития Сибири. Серия: Экономика, История. 2019. № 4 (38). С. 168 – 172.
14. Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1894. 142 с.
15. Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен // Mongolica. 2013. Т. 11. С. 28 – 36.

16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 630. Опись 1. Дело 276.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 630. Опись 1. Дело 332.
18. Фролов Д. А. Установление портрета купца Трунева Петра Тивуртиевича по фотоархиву семьи Танских // Advances in science and technology: сб. ст. XLI междунар. науч-практ. конф. Москва, 2021. М.: ООО «Актуальность. РФ», 2021. С. 191 – 192.

СИБИРСКИЙ МАКРОРЕГИОН В КОНТЕКСТЕ ИМПЕРСКОЙ И СОВЕТСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ (XVIII – XX ВВ.)

УДК94(5.7)«18/19»:656.2

Частные железные дороги азиатской России как фактор модернизации экономики в конце XIX – начале XX вв.

Андреева Татьяна Ивановна
кандидат исторических наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории
Барнаул, Россия
andreeva_ti5@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-4074-4589

АННОТАЦИЯ В статье анализируется влияние частного железнодорожного транспорта Азиатской России как модернизационного фактора в условиях инновизации российской экономики в конце XIX – начале XX в. Модернизация экономики – это насущная и объективная необходимость, вызванная стремлением государства обеспечить национальные интересы, поддерживая долговременную социально-экономическую стабильность укрепляя мировые позиции Российской империи, обороноспособность, экономическую мощь, конкурентоспособность на рынках товаров и услуг, благосостояние населения. Железнодорожное строительство и социально-экономический прогресс – процессы неразделимые, активно влиявшие друг на друга, становившиеся самостоятельным, мощным фактором развития капитализма, важной технообразующей структурой государства. История проектирования, организации финансирования, строительства и начальный период эксплуатации железных дорог Сибири, Дальнего Востока и Туркестана в обширном многонациональном регионе на этапе становления индустриального общества даёт возможность изучить механизмы взаимодействия государства и частного сектора экономики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Азиатская Россия, железнодорожный транспорт, частное предпринимательство.

Становление и развитие железнодорожного транспорта в Российской империи являлось делом общегосударственного масштаба. Перспективы укрепления технико-экономического потенциала страны со средины XIX в. были во многом обусловлены состоянием транспортной инфраструктуры. Железнодорожный транспорт связал все отрасли экономики, сферу производства со сферой потребления, обеспечивал основные экономические контакты и потребности хозяйства и общества.

Транспортировка товаров по стране – одна из основных форм, в которых материализовывалось функционирование громадного народно-хозяйственного организма. Именно железные дороги России создали качественно новое единство гигантской территории. Сформировавшаяся в 80 – 90-е гг. XIX в. концепция экономико-географической структуры железнодорожного транспорта отвечала принципам построения опорного каркаса, своеобразной технико-экономической матрицы, влиявшей на содержание властно-политических, социально-экономических, геостратегических, геополитических и других видов отношений.

Проблема проведения сети железных дорог Сибири, Дальнего Востока и Туркестана, независимо от казённого или частного способа строительства, возникла ещё в дореформенный период. Различными лицами и организациями было предложено несколько десятков проектов, но наибольшее количество было связано с объективной необходимостью установления всепогодного, бесперебойного сообщения центра страны с Сибирью и Дальним Востоком. Являясь одним из важнейших средств укрепления могущества, установления более тесных связей с различными регионами страны, железные дороги в значительной степени способствовали развитию производительных сил. Как считал крупный специалист в области железнодорожного дела профессор К. Я. Загорский «…железнодорожная

политика имеет ту же конечную цель, что и общая экономическая политика государства – достижение наиболее полного и глубокого удовлетворения потребностей путём возможного развития и наилучшего использования производительных сил народного хозяйства» [5, с.13]. Как составная часть экономики, железнодорожный транспорт был призван прокладывать пути для пространственного расширения активной сферы экономического прогресса.

Особое значение на рубеже Х1Х – ХХ вв. приобретало развитие транспортных связей с относительно изолированными восточными окраинами государства, строительство стальных магистралей выходит за пределы Европейской России и направляется в Сибирь, на Дальний Восток, в Туркестан. Управление окраинами Российской империи и история национальной политики неразрывно связана с решением проблемы сохранения территориальной и государственной целостности. Территориальная экспансия России на всех этапах её истории объяснялась геополитическими факторами, связанными со стремлением обеспечить защиту границ государства. В то же время, сознавая всю непрочность и сиюминутность насильственных мероприятий, российские власти вслед за военной экспансией начинали властное, в первую очередь, политико-административное освоение новых территорий, а уже потом наступала очередь хозяйственного освоения. Это было одно из проявлений взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, присущей каждой стране на любом этапе её истории. Процесс оцентровывания границ завершился лишь во второй половине XIX в., когда окончательно установились границы империи. Итогом территориальной экспансии стало превращение России в крупнейшее государство мира [4, с. 35].

Экспансионистская конструкция, лежавшая в организации имперского пространства России, в практической плоскости представляла собой сложный конгломерат идей и практик. Управляя окраинами, в частности, колонизуемыми пространствами Степного края, не обладая возможностями регулярного присутствия, российские власти были объективно ограничены в способах реализации прямого имперского господства, что приводило к переформатированию методов и форм управления окраинами, способствовало усложнению и регенерации самой имперской модели [6, с. 212].

В конце XIX – начале XX вв. в Азиатской России на средства казны были возведены грандиозные Транссибирская, Среднеазиатская (Закаспийская и Самарканд-Андижанская) и Оренбург-Ташкентская магистрали. Широкий размах железнодорожного строительства и его высокая капиталоёмкость требовали привлечения частных капиталов. Это создавало объективные условия для совершенствования материально-организационных отношений между правительством и частными предпринимателями.

Рыночные отношения, которые как система начали активно формироваться и развиваться с 60-х гг. XIX в., и в железнодорожном хозяйстве выражались в активном росте числа акционерных обществ, в разветвленной системе железнодорожного предпринимательства. Здесь уместно вспомнить, что «рынок» – очень широкое, объёмное понятие и его многозначность соответствует огромной сложности процессов, совокупность которых этим понятием покрывается. В частности, будучи сферой обмена товаров, услуг, финансовых и иных ресурсов, рынок является также и «сферой, в которой проявляются объективные закономерности, присущие товарно-капиталистическому производству и стихийно регулирующие это производство». [3, с. 17].

Сложившиеся в промышленности, банковском секторе и на железнодорожном транспорте России развитые капиталистические отношения создали в начале XX в. условия для организации с 1907 г. 29 акционерных обществ для строительства

железных дорог магистрального значения, а также местных линий и подъездных путей нормальной колеи. В результате к ноябрю 1917 г. в России уже насчитывалось 58 акционерных обществ, ведавших делами эксплуатируемых и разрешённых к постройке дорог [2, с. 102].

В отличие от промышленности, на транспорте складывались не отраслевые, а территориальные сферы влияния. Весной 1911 г. в помещении Петербургского международного коммерческого банка состоялось совещание по созданию банковского консорциума – мощного монополистического объединения для финансирования и организации железнодорожного строительства на Урале, в Сибири, на Кавказе и в Туркестане. Синдикат должен был выступить в роли соискателя и учредителя, покупать концессии, финансировать вновь организуемые частные железнодорожные общества. В состав синдиката вошли Азовско-Донской коммерческий банк, Русско-Азиатский, Учётно-Ссудный, Русский торгово-промышленный, Петербургский международный, Русский для внешней торговли, Сибирский торговый, Волжско-Камский, Петербургский частный коммерческий и три французских банка: Французское генеральное общество, Французский кредитный банк и Парижско-Нидерландский банк. На счетах отечественных и иностранных банков были сосредоточены крупные капиталы.

Банки, сконцентрировав крупные капиталы, превращались из скромных финансовых посредников во всесильных монополистов, которые вследствие укрепления связей с торгово-промышленными предприятиями не только знали состояние их счетов, но и руководили их деятельностью. В частном железнодорожном транспорте азиатской части страны, как и по всей России, устанавливалась личная уния банков с транспортными предприятиями и представителями государственного аппарата.

В Сибири и Туркестане началась деятельность частных акционерных обществ Алтайской (Новониколаевск-Семипалатинск с веткой Алтайская-Бийск), Ачинск-Минусинской (Ачинск-Минусинск), Кольчугинской (Юрга-Кольчугино с веткой Топки-Кемерово), Кулундинской (Татарская-Славгород), Южно-Сибирской магистрали (по проекту 1913 г. Орск-Акмолинск-Семипалатинск, но по уточнённому проекту 1917 г. Орск- Акмолинск-Павлодар-Барнаул с ветками на Семипалатинск и к Экибастузским угольным копям), Семиреченской (Арысь-Пишпек-Верный), Ферганской (Коканд-Наманган), Бухарской (Каган-Карши-Термез и Карши-Китаб) и Троицкой (Троицк-Кустанай) железных дорог нормальной колеи общего пользования в соответствии с установившимися нормами государственного регулирования частного железнодорожного хозяйства[1, с. 12].

История проектирования, организации финансирования, возведения стальных магистралей Азиатской России на этапе становления индустриального общества является отражением конструктивного принципа формирования экономико-географической структуры железнодорожного транспорта. Государство обеспечивало строительство и эксплуатацию магистральных линий. Акционерные железнодорожные общества находились под компетентным надзором министерств путей сообщения, военного, финансов, государственного контроля. Таким образом, частный железнодорожный транспорт в начале XX в. складывался и развивался под контролем государства в условиях частно-государственного партнёрства, что объективно способствовало активизации модернизационных процессов в Азиатской России., призванных укрепить российское влияние, изменить социально-экономический и культурный облик Сибири и Туркестана.

Список литературы

1. Андреева Т. И. Государственно-правовое регулирование начального этапа эксплуатации частных железных дорог Азиатской России // Актуальные вопросы истории Сибири. Тринадцатые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: сборник научных статей / под ред. В. А. Скубневского, Д.С. Боброва. Барнаул, 2021. С. 9 – 13.
2. Андреева Т. И. Частный железнодорожный транспорт Сибири. Барнаул: АлтГПУ, 2021. 276 с.
3. Давыдов М. А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб: РГГУ, 2010. 830 с.
4. Дамешек Л. М. Национальная окраинная политика как фактор хозяйственного освоения сопредельных территорий Российской империи (XVIII – начало XX века) // Роль государства в хозяйственном и социокультурном освоении Азиатской России XVII – начало XX века: сборник материалов региональной научной конференции. Новосибирск, 2007. С. 35 – 40.
5. Загорский К. Я. Теория железнодорожных тарифов: задачи управления, принципы построения и применения, формы и виды тарифов. СПб.: 1901. 322 с.
6. Чуркин М. К. Российская империя в восточных окраинах (вторая половина XIX – начало XX вв.): мечты и реальность // Вопросы истории Сибири: сборник научных статей / науч. ред. М. К. Чуркин. Омск, 2019. Вып.16. С. 206 – 212.

УДК 94(470) (571.1)

Проблемы интеграции кабинетского хозяйства Алтайского округа в общесибирское пространство в начале XX в.

Афанасьев Павел Алексеевич
кандидат исторических наук
Алтайский государственный педагогический университет, кафедра отечественной истории
Барнаул, Россия
pavel_afanasev@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7672-8012

АННОТАЦИЯ В статье предпринимается попытка выявить аспекты, влиявшие в начале XX в. на возможность интеграции кабинетского сектора экономики Алтайского округа в общесибирское пространство. Автор выделяет два направления ее осуществления. Быстрая и беспроблемная интеграция проходила в отраслях, в которых Кабинет утратил попытки развития собственных предприятий. В новых отраслях хозяйства, базировавшихся на праве императорской собственности на земли Алтайского округа, Кабинет как собственник усиленно защищал свои интересы, создавая ограничения другим участникам отношений. Адаптируясь к предпринимательским интересам, Кабинет не считался с хозяйственной и правовой интеграцией крестьянского населения в общесибирские условия. Поэтому проблемы интеграции во многом были производными от принципа кабинетской земельной собственности в Алтайском округе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кабинет его императорского величества, Алтайский округ, землеустройство, кабинетское хозяйство.

Алтайский округ в составе общесибирского пространства на протяжении всего времени существования являлся административно и экономически обособленным образованием, напрямую подчиненным ведомству Кабинета его императорского величества (далее – Кабинет). Предпринимавшиеся попытки разрушения ведомственной обособленности, как правило, оканчивались безрезультатно. Административная унификация региона в общероссийскую губернскую структуру, реализованная в 1780-х гг., оказалась неэффективной для организации горнозаводского хозяйства по окружной системе и завершилась возвратом в 1797 г. к исключительно ведомственной вертикали управления регионом [16, с. 32 – 38]. Проект административно-экономической интеграции округа в пространство Томской губернии и Западной Сибири, предложенный М. М. Сперанским в начале 1820-х гг., встретил противодействие со стороны руководства Кабинета, и в итоге был реализован в урезанном варианте, де-факто сохранив обособленный статус южной части Томской губернии [16, с. 56 – 58].

К середине XIX в. в управленческих кругах окончательно закрепилось представление о владельческом статусе Алтайского горного округа как о частной собственности правящего императора. Это налагало на ведомственные структуры необходимость постоянного соблюдения «защиты монарших интересов», что сдерживало или сокращало реализацию в округе социально-экономических мероприятий общеимперского характера. Так, например, было при реализации освободительной реформы 1861 г. или при крайне осторожном разрешении переселений в Алтайский горный округ в последней трети XIX в. Одним из факторов сохранения прежней обособленности округа было горнозаводское производство, организованное по окружной модели хозяйства, в рамках которой людские и природные ресурсы региона были направлены на обслуживание основной отрасли – цветной металлургии. Однако в связи с упадком и окончательной ликвидацией

кабинетского горнозаводского производства на Алтае в конце XIX в. началось развитие новых отраслей хозяйства [4], совпавшее с модернизацией экономики всего сибирского региона. Это в очередной раз заострило проблему поиска точек интеграции ведомственного пространства в региональную экономическую систему.

В исторической литературе нескольких последних десятилетий сложилась устойчивая традиция исследования новых отраслей кабинетского хозяйства Алтайского округа начала XX в. Многочисленные фактические наработки обогатили исследовательское поле как в отношении кабинетского, так и некабинетского секторов экономики Алтая. Исследователи доказали, что различные аспекты лесного хозяйства (Т. Н. Соболева, М. О. Тяпкин, Е.А.Карпенко), земельно-арендные отношения (А. Е. Кухаренко), землеустроительная политика (А. А. Храмков), административно-хозяйственный курс Кабинета (Т. Н. Соболева, П. А. Афанасьев) с конца XIX в. в целом развивались динамично-поступательно, отвечая на новые вызовы времени. Благодаря этим исследованиям, кабинетское хозяйство Алтая начала XX в. стало рассматриваться как полноценный субъект с собственной логикой развития системы, состоящей из взаимосвязанных отраслей [5, с. 205 – 252; 7, с. 176 – 182; 8, с. 85 – 138, 181 – 229; 18, с. 188 – 243]. Кабинетский сектор экономики дополняется изучением крестьянства и переселенческого движения на Алтай (В. Н. Разгон, К. А. Пожарская, А. А. Храмков) [9], исследованием деятельности акционерного учредительства, реализованного на Алтае в горнозаводской отрасли (О. Н. Разумов) [10] и создании железнодорожной инфраструктуры (Т. И. Андреева) [1].

Между тем детальное изучение отдельных отраслей экономики Алтайского округа начала XX в., как правило, ограничивается рамками этого локального региона. Сибиреведческие работы, отмечая «анклавный» характер Алтайского округа в начале XX в., также нечасто выходят за рамки этой констатации. В результате, Алтайский округ рассматривается как полузамкнутое явление, слабо вовлеченное в общесибирский контекст. Поэтому в рамках данной публикации предпринимается попытка выявить аспекты, влиявшие в начале XX в. на возможность интеграции кабинетского сектора экономики округа в общесибирское пространство.

Закрытие в начале 1890-х гг. основного массива горнозаводских предприятий Кабинета в Алтайском округе и официальное исключение определения «горный» из названия региона автоматически снимало главный запрет, связанный с длительным препятствием развитию частной промышленности в округе [7, с. 129]. Теперь ведомство не могло опасаться возможной конкуренции своему сектору со стороны частных предпринимателей. Действительно, исследователи неоднократно приводили цифры, доказывающие бурный рост частной обрабатывающей промышленности на Алтае, в том числе фабричного типа. Открытие Сибирской железной дороги, действие налоговых механизмов стало дополнительными факторами развития частного сектора алтайской промышленности в начале XX в. [7, с. 208 – 209] Поэтому можно говорить о достаточной быстрой и в целом беспрепятственной со стороны Кабинета интеграции частной обрабатывающей промышленности в общесибирское пространство. Это стало возможным благодаря отсутствию прямой финансовой заинтересованности Кабинета в этом секторе, что создало свободную экономическую нишу для некабинетских секторов окружной экономики.

В горнозаводской промышленности Кабинет с конца XIX в. начинает практиковать отдачу своих промышленных объектов в аренду акционерным обществам. Планы по сдаче в аренду рудников и заводов округа обсуждались в Кабинете еще в 1860-е гг., но тогда они были признаны несвоевременными из-за опасений хищнической разработки и явно неочевидной финансовой выгоды [6, л. 58 – 58 об.]. В условия конца XIX в. с превращением горнозаводского сектора кабинетского хозяйства во вспомогательный элемент Кабинет, наоборот, оказался заинтересован в

сдаче в аренду своих горнозаводских объектов. Как показывают исследования, ведомство, очевидно, оставляло за собой возможность в отдаленном будущем вернуться к этой отрасли хозяйства [14, с. 167]. Поэтому отдача горнозаводских объектов в аренду рассматривалась Кабинетом как долгосрочное мероприятие, выгодное с финансовой и производственной сторон. В силу этого, интеграция горнозаводских объектов в общесибирский процесс акционерного учредительства не вызвала на Алтае какого-то острого противодействия со стороны Кабинета. Уже ко второму десятилетию XX в. основные горнозаводские районы Алтайского округа оказались в руках крупных компаний-монополистов (Копикуз, Риддерское горнопромышленное общество) [10, с. 155 – 156], обеспечивавших бурный рост развиваемых ими горнозаводских отраслей.

С конца XIX в. Кабинет сделал ставку на развитие новых отраслей, связанных с эксплуатацией земель и лесов Алтайского округа. На эти сферы переносился центр тяжести по сохранению и увеличению доходности региона в бюджете Кабинета [4]. Поэтому защита интересов ведомства переместилась на эти сферы, что создавало регулярные конфликтные точки в развитии новых отраслей.

Фундаментом для новых направлений кабинетского хозяйства, как и ранее, оставалось сохранявшееся без изменений кабинетское землевладение. Отсутствие его однозначной нормативной трактовки в законодательстве периодически порождало запросы к юрисконсультской части Кабинета о юридической основе собственности ведомства на земли Алтайского округа. Все они оканчивались подтверждением и признанием земель округа как «собственности государя императора» [11, л. 10]. Это в итоге создавало прочную и неизменную основу для развития кабинетского хозяйства на будущее время. Вместе с тем, исследователи, независимо от применяемых ими методологических подходов, практически единодушны во мнении, что кабинетское землевладение к началу XX в. превратилось в пережиток и тормоз для развития ряда отраслей экономики. Это противоречие между незыблемостью кабинетского землевладения для ведомства и необходимостью развития для других участников социально-экономических отношений в регионе создавало постоянный источник конфликтов и противоречий.

Наиболее полно это проявилось в процессе подготовки и реализации землеустроительной реформы. По существу, она завершала решение земельного вопроса в Сибири и на Алтае, отложенного на будущее время сибирскими условиями освободительной реформы 1861 г. К началу 1890-х гг. Кабинет со всей очевидностью встал перед необходимостью скорейшего разграничения земель крестьян и остающихся у ведомства владений. Подготовка землеустроительного законодательства в 1890-е гг. велась как общесибирское мероприятие. Но в итоге для казенных и кабинетских земель Сибири было создано два самостоятельных закона. При общей схожести условий проведения землеустройства, в законе 1899 г. для земель Алтайского округа была принципиальная разница. Она вытекала из представлений об императорской собственности на земли Алтая. Поэтому в землеустройстве между Кабинетом и крестьянами Алтая государство выступало в качестве посредника, выкупавшего кабинетские земли и передававшего их крестьянам [17, с. 254 – 260]. Для Кабинета в начале XX в. землеустройство стало одним из главных направлений деятельности, поскольку его скорейшее завершение укрепляло собственность ведомства на остающиеся земли округа, давая возможность организовать на них прочное земельно-лесное хозяйство, приносящее доход ведомству [18, с. 222 – 223]. Таким образом, для Кабинета землеустройство представляло выгодный процесс, как с финансовой, так и с хозяйственно-организационной стороны. Неслучайно, что в 1906 г. механизм передачи земель государству, аналогичный землеустройству, был использован для передачи части земель Алтайского округа Переселенческому

управлению для реализации переселенческой политики [9, с. 76 – 77]. В результате, решение этой государственно важной задачи для Кабинета также обернулось финансовой выгодой.

Вместе с тем, излишняя нацеленность Кабинета на получение выгоды от использования своего права собственности на земли округа порождала многочисленные конфликты в интеграции крестьян Алтая в общесибирское хозяйственно-правовое поле. Пользуясь закрепленными в землеустроительном законе правами обеспечения своих хозяйственных интересов, ведомство прибегало к обмену крестьянских земель, отрезкам, ограничению лесных поскотин и прочим мерам, ограничивавшим привычное для крестьян землепользование. Усилившиеся в 1908 – 1910 г., эти меры вызывали массовое недовольство крестьян землеустроительной политикой. Под прицелом критики прессы и Государственной думы оказался Кабинет, обвиненный в «частнособственнических интересах» [3, с. 322 – 325]. Новый томский губернатор П. К. Гран, предприняв в 1912 г. скромную попытку повлиять на кабинетское ведомство и учесть земельные интересы крестьян и переселенцев, столкнулся с мощным противодействием со стороны Кабинета и в итоге уже в начале 1913 г. поплатился своей должностью [2, с. 19 – 21]. Руководство Кабинета в лице Е. Н. Волкова показало, что в защите интересов ведомства (а по сути, интересов императора) любые споры будут бесполезны и решены в пользу Кабинета.

Поэтому для губернских властей и населения округа именно Кабинет и сохраняющиеся за ним земли и леса служили объектом недовольства. Заявление ведомства о том, что в отношении населения «надо заставить уважать права Кабинета и сохранять его достояние» [12, л. 35 об.] пересекалось с с задачей окончательного освобождения крестьян от хозяйственной связи с Кабинетом. Но для удовлетворения лесных потребностей или аренды недостающих земель население по-прежнему должно было обращаться к местным кабинетским структурам. При этом сам Кабинет после утверждения земельных наделов снимал с себя какие-либо обязательства к крестьянам в решении их нужд и проблем. Об этом заявлял сам Е.Н. Волков уже после окончания землеустройства. В ответ на обращения губернских властей с просьбой помочь в решении земельных проблем населения, он категорически заявлял, что «для Кабинета данный вопрос утратил свою остроту, т.к. землеустройство в наиболее важных уездах в Барнаульском и Змеиногорском уже закончено» и все проблемы крестьян «придется разбирать не Кабинету, а губернатору и Министерству внутренних дел» [13, л. 24 об.]. В итоге, это породило проблему существования арендных поселков, «лесные войны» населения против Кабинета и неприязнь к низшим чинам кабинетской администрации, что дало о себе знать уже в 1917 г.

Создание на собственных землях доходного земельно-лесного хозяйства обернулось для Кабинета необходимостью его интеграции в региональную экономическую конъюнктуру. Уже к 1910 г. ведомство вполне осознало это. Результатом стали не только попытки интенсификации собственных отраслей, но и необходимость изучения рынков сбыта для лесных материалов, создания предпринимательских структур, позволявших местной администрации округа приспосабливаться к конкуренции в сфере лесного хозяйства [15, с. 176 – 188]. К тому же, к концу 1916 г. руководство Кабинета ставило вполне рациональную задачу поиска и занятия экономических ниш для всех отраслей своего алтайского хозяйства с учетом сложившейся в Сибири экономической конъюнктуры [5, с. 248 – 249]. Это позволяет говорить, что с точки зрения собственника в 1910-е гг. Кабинет вполне приспособился к необходимой интеграции в общесибирское пространство.

Подводя итоги, можно отметить, что начавшиеся с конца XIX в. модернизация отраслей кабинетского хозяйства и перемены в их значении, совпав по времени с переменами в экономике всего сибирского региона, неизбежно ставили перед

кабинетским ведомством проблему интеграции в общерегиональное пространство. В решении этого вопроса четко просматривается два направления. В тех сферах хозяйства, в которых Кабинет утратил не только лидерство, но и какие-либо попытки развития собственных предприятий, интеграция осуществлялась быстро и относительно беспроблемно. Отсутствие заинтересованности ведомства, возможность получения им прибыли без каких-либо вложений формировали достаточно адекватную среду для деятельности акционерного учредительства в различных обрабатывающих отраслях, вписывая их в формирующееся общесибирское отраслевое хозяйство.

Иной путь интеграции кабинетских сфер в общесибирское пространство наблюдался там, где Кабинет в полной мере использовал право императорской собственности на земли Алтайского округа. Осознавая, что только на этом фундаменте можно развивать успешное земельное и лесное хозяйство, кабинетское ведомство усиленно защищало свои интересы, создавая ограничения другим участникам этих отношений. При этом сам Кабинет как собственник исходил из исключительно предпринимательских соображений, преодолевая возникавшие трудности на пути создания доходного хозяйства. Но из права собственности Кабинета на алтайские земли вытекали многие проблемы, препятствовавшие, в первую очередь, хозяйственной и правовой интеграции крестьянского населения в общесибирские условия. Даже формальное отграничение кабинетского и крестьянского землевладения не разрывало связей интересов населения и ведомства, вступавших в противоречие по принципу «собственник – потребитель». Это всё создавало проблему социальной напряженности на юге Западной Сибири как производную от принципа кабинетской земельной собственности в Алтайском округе. Именно в согласовании экономических потребностей Кабинета и неизбежно возникавших социальных вызовов лежал главный узел проблем, препятствовавших в первые полтора десятилетия XX в. полной и органической интеграции кабинетских владений на Алтае в общесибирское пространство.

Список литературы

1. Андреева Т. И. Частный железнодорожный транспорт Сибири. Барнаул: АлтГПУ, 2021. 276 с.
2. Афанасьев П. А. Конфликт интересов томского губернатора П. К. Грана и Кабинета Его Императорского Величества (1911 – 1913 гг.) // Исторический ежегодник. 2014. Новосибирск: Параллель, 2014. С. 5 – 22.
3. Афанасьев П. А. Критика земельной политики Кабинета Его Императорского Величества в Алтайском округе в периодической печати в начале 1910-х годов // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Издательский дом «Наука», 2012. Ч. I. С. 322 – 326.
4. Афанасьев П. А. «Новый курс»: кабинетское хозяйство Алтая на переломе эпох // Актуальные вопросы истории Сибири. Двенадцатые научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина. Барнаул: АЗБУКА, 2019. С. 25 - 32.
5. Афанасьев П. А. Ревизионный контроль в кабинетском хозяйстве Западной Сибири в XIX – начале XX в. Барнаул: АлтГПА, 2014. 290 с.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 112.
7. История Алтая. В 3-х тт. Т. 2: Алтай в конце XVII – начале XX в. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. 300 с.
8. Кабинетские владения на юге Западной Сибири в исторической динамике XVIII – начала XX века. Барнаул: АлтГПУ, 2018. 342 с.
9. Разгон В. Н., Храмков А. А., Пожарская К. А. Столыпинская аграрная реформа и Алтай. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. 278 с.

10. Разумов О. Н. Акционерные компании в горной промышленности Алтая в конце XIX – начале XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Вып. 3. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. С. 152 – 158.
11. РГИА. Ф. 468. Оп. 26. Д. 230.
12. РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 68.
13. РГИА. Ф. 1291. Оп. 84 (1913 г.). Д. 155.
14. Соболева Т. Н. К вопросу об оценке концессионной политики Кабинета в горно-металлургической отрасли экономики Алтайского округа в конце XIX – начале XX в. // Региональные особенности управления государственным хозяйством России XVIII – начала XX в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 165 – 170.
15. Соболева Т. Н. Коммерциализация лесного хозяйства Алтайского округа в 1911 – 1916 гг. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири (XVIII – начало XX вв). Барнаул: Изд-во АГУ, 1995. С. 174 – 190.
16. Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 258 с.
17. Топчий А. Т. Крестьянские реформы в Сибири (1861 – 1899 гг.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1979. 277 с.
18. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.) / Т.Н. Соболева, П. А. Афанасьев, А. Е. Кухаренко, Д. С. Бобров. Барнаул: Азбука, 2012. 260 с.

УДК 94(571.51) «1820–1860»

Роль ссылки в хозяйственном освоении Енисейской губернии в 1820 – начале 1860-х гг.

Болонкина Елена Владимировна
Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова, отдел русского искусства XVIII – начала XX в.
Красноярск, Россия
ebolonkina77.77@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1637-1442

АННОТАЦИЯ Статья посвящена особенностям хозяйственного освоения Приенисейского края во второй четверти XIX в. за счет «штрафной колонизации». Даны показатели прироста населения, который происходил благодаря усилению потока ссыльных на протяжении всего исследуемого периода. Автором приведены статистические данные о половозрастном составе ссыльных. Прослежены основные тенденции государственной политики в определении правового и социально-экономического статуса ссыльнопоселенцев. Проанализирована роль ссыльных в сельскохозяйственном и промышленном развитии губернии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, ссылка, казенные поселения, сельское хозяйство, золотопромышленность, «штрафная колонизация».

Прошлое Сибири и Енисейской губернии, в частности, неразрывно связано с историей ссылки. На протяжении второй четверти XIX в. ссылка активно использовалась государством для освоения сибирской окраины. В эти годы царским правительством были изданы специальные указы, положения и уставы, которые были направлены на усиление потока ссыльных. Все это должно было способствовать не только увеличению численности населения восточносибирского региона, а также его более интенсивному сельскохозяйственному и промышленному развитию.

С 1820-х гг. царским правительством было принято ряд нормативно-правовых актов, которые способствовали увеличению доли ссыльных в общем переселенческом потоке в Сибирь. Важное значение в этом процессе имело принятие в 1822 г. «Устава о ссыльных». Согласно документу была создана система пересыльных тюрем в Томской, Тобольской, Енисейской, Иркутской губерниях и Якутской области. Здесь обеспечивали ссыльных одеждой и питанием. Местные власти должны были обеспечить нормальными условия жизни для ссыльных. В Тобольске был учрежден Приказ о ссыльных. В Тобольской, Томской, Иркутской и Енисейской губерниях были созданы экспедиции о ссыльных, которые осуществляли надзор и попечение о колодниках и поселенцах [9, с. 15]. По Уставу было утверждено два типа уголовной ссылки: на каторгу и на поселение (6 разрядов). Каторжные работы делились на срочные и бессрочные (до 20 лет). По истечении срока каторги ссыльные определялись к поселенцам. Каждый разряд осужденных на поселение соответствовал определенному роду работ: 1) на пополнение заводских работников (заводские работники); 2) в ведомство сухопутных сообщений (дорожные работники); 3) в ремесленники (ремесленные работники); 4) цех слуг; 5) на поселение способных к сельскохозяйственным упражнениям (поселенцы); 6) неспособные (дряхлые) [3, с. 144]. Все это должно было способствовать распределению ссыльных по отдельным отраслям экономики сибирского региона. Целям колонизации также служили введенные уставом льготы (налоговая, рекрутская) и пособия (на хозяйственное обзаведение, по браку) для ссыльных. Отменялась немедленная приписка ссыльных в податные сословия. Зачисление их в крестьянское или мещанское сословие могло

произойти лишь по окончании определенного срока (5 лет) либо досрочно, после удовлетворения администрации в том, что преступник исправился и занялся честным трудом, обзавелся хозяйством [5, с. 16]. На обзаведение хозяйством давалось 5 лет, а затем ссыльные поступали на 3 летнюю льготу от податей и 20 лет от рекрутской повинности [3, с. 280].

Важно отметить, что на протяжении второй четверти XIX в. политика царского правительства была направлена на выравнивание размещения ссыльных по губерниям Западной и Восточной Сибири. Все это должно было способствовать более интенсивному освоению всего сибирского региона. Так, если в 1825 г. в западносибирских губерниях (Тобольской, Томской) было размещено 29,8% (14761 чел.), а в восточносибирских (Енисейская и Иркутская губернии, Якутская область) – 70,2 % (34800 чел.). То уже к 1851 г. показатели по размещению ссыльных выровнялись, и, в Западной Сибири теперь находилось 52,8 % (98612 чел.), в Восточной Сибири – 47,2 % (88271 чел.) [12, с. 115]. По сравнению с другими сибирскими губерниями, в Приенисейский край ссылалось до 25 % (с 1824 по 1851 гг.) от общей численности всех ссыльных в сибирском регионе [10, с. 229]. Доля ссыльных в общем процессе механического прироста населения Сибири была достаточно высокой. В 1830–1850-е гг., в среднем по восточносибирскому региону и Енисейской губернии, в частности, эти показатели составляли 35-50 % от общего потока населения извне.

По данным, Е. Н. Анучина, в Сибирь в основном ссылали за побеги и бродяжничество, воровство, убийство, дурное поведение и по воле помещика. По возрастному составу, сосланных за уголовные преступления в период с 1835 по 1846 гг., преобладали те, кому было от 21 до 30 лет, что составляло 40 % от общего количества ссыльных. В целом же, пропорциональное соотношение преступлений до 40 лет составляла 77,5%, а после 40 лет – 22,5%. Доля мужчин от общего потока ссыльных в Енисейской губернии в среднем составляла 70 %, а женщин – 30 %. При этом, наблюдался рост доли женщин – с 26 до 35 %. Для сравнения, в целом по сибирским губерниям мужчины составляли в среднем 83% от общего потока ссыльных, а женщин насчитывалось примерно 17 %. Если говорить о сословной принадлежности ссыльных, то здесь преобладало крестьянство – 80 %. Все это, в целом, определило особенности включения труда ссыльных в процесс экономического развития региона [1, с. 29, 31, 41, 42, 73].

Благодаря предпринятым шагам со стороны государства по усилению потока «штрафной колонизации» в сибирский регион численность ссыльных на протяжении второй четверти XIX в. выросла почти в 4 раза. Так, если в 1824 г. в Сибирь было сослано 49561 чел., то в 1851 г. уже насчитывалось 186883 чел. [10, с. 229].

С 1823 по 1863 гг. количество ссыльных в Енисейской губернии увеличилось практически в 4 раза (с 12219 д.об.п. до 44994 д.об.п.). Количество сосланных в эти годы в губернию от общей численности податного населения выросло почти в 2 раза. Так, если в 1823 г. доля ссыльных составляла 8 %, то в 1863 г. – уже 16 % [6, Табл.I; 13, с. 158 – 184].

Несмотря на это, государству так и не удалось сделать «штрафную колонизацию» ведущей в увеличении численности населения Сибири. Так, в Приенисейском крае доля ссыльных составляла всего 23 % (900 – 1500 д.об.п. в год) от общих показателей роста населения края, а естественный прирост – 52 % (1800 – 3600 д.об.п. в год).

Для интенсивного земледельческого освоения Приенисейского края было принято решение о водворение ссыльных по отдельным округам. Так, в 1827 г. началось устройство 22 казённых поселений из ссыльных в Канском, Минусинском и Ачинском округах. В Канском округе в Иланской и Рыбинской волостях выделили земли для 14 селений (Бородино, Ловать, Карапсель, Степановское (Сопожок), Елизаветинское, Бирюсинское, Новойское, Вершино-Рыбинское, Агинское, Нагорное,

Приречное, Николаевское, Александровское, Малое). В Минусинском округе было построено 6 поселений: Сагайское, Ермаковское, Сабинское, Восточное, Дубенское и Тигрицкое. В Ачинском округе построили еще два казенных поселения – Мало-Улуйское и Тарутино. Строили поселения по военно-казарменному типу. Улицы были прямые, в центре прямоугольная площадь для церкви, казарма конвойной, команды, канцелярия надзирателя из казаков. Некоторые поселения строились силами солдат мятежного Семеновского полка, ссыльных военных поселян Новгородской губернии. Всего на устройство 5955 д.м.п. и 155 д.ж.п. казна отпустила 479927 руб. [2, с. 25,] Для обеспечения поселян лошадьми в 1833 г. за счет казны было куплено у хакасов 460 лошадей по 25 руб. за каждую. Однако ссыльные приживались на новом месте плохо, не хотели работать и постепенно разбегались. Уже в 1842 г. все поселения были обращены в обыкновенные села, а водворенные в них люди обложены общими крестьянскими податями [8, с. 44 – 45]. В 1850 г. жители казенных поселений были причислены в крестьяне из ссыльных и устали управляться сельскими старостами и волостными правлениями [4, с. 79, 80].

Ссыльнопоселенцы все-таки имевшие намерение заняться хлебопашеством, обращались к сельскому старосте с просьбой отвести им землю. Как правило, ссыльным полагалось 15 дес. на душу, однако получить их было крайне сложно, так как у крестьянских общин в распоряжении пашни обыкновенно не было, а вся она находилась в исключительном пользовании отдельных лиц. В тех исключительных случаях, когда в распоряжении обществ оставались пахотные земли, ссыльные могли получить в надел только неудобные заброшенные участки.

Кроме затруднений в получении земли при водворении, ссыльным было сложно завести свое хозяйство и из-за недостатка или полного отсутствия материальных средств. Правительственная поддержка существовала лишь формально. Исключением были случаи, когда по Уставу старожилы, пускавшие к себе ссыльнопоселенцев в дом на житье, получали в течение 4 месяцев вознаграждение. Были редким явлением и браки ссыльных с местными сибирячками, хотя по закону всячески поощрялась подобная практика. Например, женщина «свободного состояния» выходя замуж за ссыльнопоселенца в Енисейской губернии, получала единовременную помощь в размере 28 руб. 571/4 коп. Однако, из-за высокой стоимости сельскохозяйственного инвентаря, подобного рода денежная помощь не могла решить проблем с обзаведением своим хозяйством.

Среди ссыльных безземелье было обычным делом. Те, немногие кто сумел завести земельное хозяйство запахивали в среднем не более 3 дес. земли. Такая же ситуация наблюдалась в животноводстве: более 50% ссыльных вели хозяйство без крупного рогато скота. На 1 хозяйство ссыльнопоселенца приходилась 1 лошадь, а у старожилов – 3 лошади. В Енисейской губернии примерно 3/5 ссыльных не имели даже своих домов, свыше 75 % – собственной пашни, а у 47,6 % не было ни лошадей, ни крупного рогатого скота.

Если ссыльный не владел каким-либо ремеслом, способным его прокормить, он шел в наем к крестьянам. При этом, старожилы пользовались его безвыходным положением и платили гораздо меньше, чем своему односельчанину [8, с. 47 – 48]. Важно отметить, что ссыльнопоселенцы порой выступали в качестве наемной рабочей силы временно. Условия найма при этом носили феодальный характер, то есть свободного договора, сделки между продавцом рабочей силы и ее покупателем не было. Из приведенных в работе А.С. Нагаева материалов ревизии за 1841 г. видно, что ссыльные составляли 37,4 % от общего числа наемных работников, задействованных в сельском хозяйстве Енисейской губернии. За год они получали всего по 30 руб. сер. [11, с. 101] Иногда труд ссыльных использовался в ремесленном производстве. Так,

портные и сапожники получали по 30 коп. в день, а каменщики, плотники, столяры могли получать до 1 руб. [16, с. 246]

Самым распространенным видом найма для ссыльных, не прижившихся «на земле», стали золотые прииски. В 1830 – 1850-е гг. Енисейская губерния становится центром золотодобычи Российской империи. Ссыльнопоселенцы в этот период времени составляли основной контингент рабочих на приисках. В 1846 г. на приисках края работало 10241 чел. из ссыльных, или 68 % от общего количества приисковых рабочих. В 1847 г. их было 10670 чел. (80 % от общего числа рабочих), в 1851 г. – 10524 чел. (70 %). В 1950-е гг. общие показатели состава рабочих на золотых приисках губернии несколько изменились. Ссыльные в среднем составляли уже только 50 % от общего количества рабочих. В 1863 г. из 18215 чел. рабочих на приисках ссыльных насчитывалось 9743 чел., что составляло 53,4 % [15, с. 119]. Это было связано со спадом добычи золота, непостоянность работы приисков, а также процессом формирования рабочей силы за счет мещан и крестьян губернии.

Сохранение высокой доли ссыльных в контингенте приисковых рабочих во многом было связано с тем, что они в основном не имели своих хозяйств. Поэтому даже по причислении их в крестьяне они нуждались в заработках. Со своей стороны золотопромышленники предпочитали нанимать ссыльных. При этом владельцы приисков старались нанимать преимущественно так называемых льготных ссыльных, освобожденных от всяких податей, недавно поступивших в Сибирь. Они, как правило, были моложе, чем окладные ссыльные, менее обеспечены и не успели найти себе еще других занятий. Так, в 1843 г. на Прокопьевском прииске компании Боровкова работали следующие категории: «пропитанные» поселенцы, не способные к труду, – 32 чел. (от 35 до 82 лет), которые работали по 1–12 лет, из них 8 чел. (25 %) имели домохозяйства. Обложенных податями «окладных» поселенцев было 150 чел. (от 18 до 77 лет), они работали по 1 – 16 лет, из них только 28 имели дома, 15 – лошадей и 13 – коров. Льготных, которые в первые 3 года по прибытии в Сибирь освобождались от всяких податей, работало 198 чел. (от 16 до 65 лет). Они работали по 1–10 лет, а в среднем – 2 года. Из них только 9 % имели дома [2, с. 149 – 150].

На приисках рабочие трудились в среднем всего по 5 – 10 сезонов. Во многом это было связано с тяжелыми условиями труда, обманом со стороны золотопромышленников. По закону 1838 г. продолжительность рабочего дня должна была составлять 13 – 14 часов. С 1850-х гг. рабочий день увеличили до 15 – 17 часов. По контрактам определялся размер уроков – работы, которую был обязан выполнить рабочий в течение дня или ночи. При умеренных размерах уроков рабочий получал небольшую заработную плату в месяц. Увеличение дохода происходило за счет сверхурочных «старательских» работ. В 1840 – 1860-е гг. одиночные старательские работы заменили артельными. Со временем урочные и старательские работы сливались и сделались обязательными в будние дни и праздники. Размер задатка в 1837 – 1838 гг. составлял 20 – 35 руб. асс., а для ссыльнопоселенцев – 25 руб. С 1853 г. рабочий должен был отрабатывать весь задаток, иначе он не имел права наниматься к другим промышленникам. Задатки стали составлять 45 – 150 руб. В счет задатка продолжали выдавать обувь и одежду по завышенным ценам. Зарплата чернорабочих в месяц на частных промыслах составляла 8 – 15 руб. асс., без учета 2 – 4 руб. асс. с каждого золотника добытого золота, с сажени торфа и с золотоносного пласта. В 1850-е гг. простые рабочие стали получать меньше, всего по 3 – 5 руб. сер. С первой половины 1850-х гг. промышленники начали давать не месячную, а поурочную зарплату, иногда – поденную. В среднем на приисках за сезон в 1840-е гг. рабочие зарабатывали по 150 – 300 руб. асс. При этом денежные и вещевые задатки составляли 32–63 % зарплаты. В 1850-е гг. рабочие получали в среднем по 45 – 70 руб. сер., а за старательские работы платили дополнительно до 46 % от общего заработка. При этом забор вещами и

припасами у рабочих до расчета составлял 46 – 62 %. Сверх жалования рабочие получали и хозяйскую пищу. Довольствие для семей рабочих обеспечивалось на приисках с дозволения хозяев или приказчика за свой счет или из хозяйских лавок по приисковым ценам. Все это приводило к тому, что ссыльные ненадолго задерживались на приисках. Работа здесь для ссыльных носила лишь временный характер, что указывает спазматический характер их участия в процессе формирования рынка рабочей силы в регионе [11, с. 21; 14, с. 112, 113, 168, 245].

Заключение

В целом, на протяжении 1820 – начале 1860-х гг. «штрафная колонизация» не стала ведущей в хозяйственном освоении Енисейской губернии. Политика царского правительства относительно увеличения численности населения восточносибирской окраины за счет ссылки носила противоречивый характер, что не способствовало усилению роли механического прироста в процессе роста населения края. Количество ссыльнопоселенцев Енисейской губернии, задействованных в сельском хозяйстве, было относительно невелико. Это объяснялось особенностями сложившегося землепользования, феодальными условиями найма рабочей силы, отсутствием реальной социальной и экономической поддержки со стороны государства. Роль ссылки в промышленном развитии края была более значительна. Ссыльные составляли значительную часть контингента рабочей силы, задействованной в золотопромышленности (50-80%). При этом работа ссыльных на приисках носила временный характер, что было обусловлено совмещением раннебуржуазных и кабально-феодальных элементов при их найме. Золотопромышленник полностью контролировал жизнь рабочего, ограничивая его гражданские права. Ссылка не смогла решить в полной мере те задачи, которые были поставлены государством для успешного и интенсивного освоения сибирской окраины.

БЛАГОДАРНОСТИ Автор выражает благодарность сотрудникам Государственной универсальной библиотеки Красноярского края за оперативное предоставление материалов, литературы по данной теме.

Список литературы

1. Анучин Е. Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827 – 1846 гг. Материалы для уголовной статистики России. СПб, 1873. 246 с.
2. Болонкина Е. В., Катцина Т. А. Социально-экономическое развитие Енисейской губернии во второй четверти XIX в. Красноярск: СФУ, 2009. 245 с.
3. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири 1819 – 1832 гг. СПб., 1872. Т. 2. 752 с.
4. Владимиров Е. Казенные поселения в Енисейской губернии//Альманах Енисея.1971. № 6. С. 78 – 80.
5. Власенко А. А. Уголовная ссылка в Западную Сибирь в политике самодержавия XIX века: автореф. дисс. канд. ист. наук. Омск, 2008. 22 с.
6. Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1854. Ч.2. 697 с.
7. Жалсанова Б. Ц., Жамбалов Д. З. Правовая регламентация ссылки в Сибирь как уголовное наказание в Российском государстве в XVII – первой половине XIX в. // Власть. 2017. № 10. С. 141 – 147.
8. Иванов А. А. Уголовная ссылка в Сибирь в XVII – XIX вв.: численность размещение, использование в экономике региона//Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. №1. С. 42 – 53.
9. Кодан С. В. Ссылка и колонизация Сибири в 1820 – 1850-х годах (политико-правовой аспект) // Экономическая политика царизма в Сибири в XIX – начале XX в. Иркутск, 1984. С. 15 – 24.

10. Колесников А. Д., Марголис А. Д. О численности и размещении ссыльных в Сибири в конце XIX в.//Ссылка и каторга в Сибири XVIII – начала XX в. Новосибирск: Наука, 1975. С. 223 – 229.
11. Нагаев А. С. Золотопромышленность Восточной Сибири в 30 – 50-е гг. XIX в. //Ученые записки ЕГПИ. Т.1. Вып.1. Енисейск, 1958. С. 13 – 102.
12. Ноздрин Г. А. Внутренняя политика самодержавия в Сибири (демографический аспект) // Историческая демография Сибири (Сб. научных трудов). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1991. С. 101 – 117.
13. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 г. СПб., 1865. С. 350 с.
14. Семевский В. И. Рабочие на сибирских золотых промыслах. СПб., 1898. Т.1. 577 с.
15. Хроленок С. Ф. Развитие золотодобывающей промышленности Восточной Сибири и Дальнего Востока (1837 – 1917 гг.) Иркутск: СО АН СССР, 1973. 461 с.
16. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. СПб., 1892. 720 с.

УДК 656.62./.611.2+627.4+629.55

План С. А. Жбиковского по реконструкции Обь-Енисейского канала (1903 г.)

Забровская Марина Владимировна
Забайкальское региональное отделение «Всероссийского общества историков-архивистов», Союз журналистов России, специалист по музейному делу
Чита, Россия
mzabrovskay@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1065-5866

АННОТАЦИЯ Рассмотрена одна из малоизвестных страниц проектирования Обь-Енисейского канала С. А. Жбиковским, одним из его руководителей, ученым, заложившим основы сибирской школы гидротехники, гидравлики, использования и эксплуатации путей сообщения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История Сибири, гидротехническое строительство, пути сообщения.

Тема становится вновь актуальной, имея в виду активное развитие Северного морского пути и активизации торговых отношений с Китаем, ориентированных в настоящее время на перевозку грузов по сибирским железнодорожным путям, имеющим свои, довольно большие, проблемы функционирования. А также в свете развития туристической отрасли России.

В 1903 г. инженер путей сообщения, исполнявший с 1895 г. обязанности начальника Обь-Енисейского участка Томского округа путей сообщения Управление внутренних водных путей и шоссейных дорог, Станислав Антонович Жбиковский, лучше многих высказывавшихся об эксплуатационной пригодности терявшего экономическое значение соединительного канала, в официальном издании Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог российского правительства – «Материалах для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий», издательство которых началось в 1902 году, отдельным изданием – что говорит о значимости вопроса.

После окончания с отличием в 1888 г. Санкт-Петербургского института инженеров путей сообщения С. А. Жбиковский, уроженец Минска, был направлен в Сибирь и назначен помощником начальника партии по исследованию порожистых мест реки Ангары. В 1890 г. его назначили производителем работ по устройству Обь-Енисейского водного сообщения и принимал участие в шлюзовании рек Ломовой, Язевой и Малого Каса, где к 1883 г. выстроили 12 шлюзов. С 1894 г. Жбиковский – начальник сооружения канала [1].

С 1893 г. по 1898 г. велись лишь работы по улучшению пути: производилась очистка рек от карчей, вырубка и укрепление берегов, спрямление рек, ремонт пути, постройка и ремонт гражданских зданий, прочие работы по углублению и обустройству перекатов рек Озерной и Большого Каса.

«*В настоящее время путь находится в следующем виде: средняя часть пути от устья р. Ломоватой до устья реки М. Каса, протяжением около 130 вер., совершенно закончена для пропуска судов 10-12 саж. длины и 3 1/2 саж. ширины, при осадке в 5 четв. Реки Озерная с одной стороны и Б. Кас с другой находятся почти в естественном виде и провод по ним судов вышеуказанных размеров возможен только в весеннюю воду.*

В настоящее время Обь-Енисейский водный путь практическаго значения почти никакого не имеет, во 1) потому, что он не закончен, во 2) даже и в законченном виде, потому, что совершенно не соответствует требованиям сибирскаго судоходства», - писал С. А. Жбиковский в 1903 г., имея в виду допущенные при проектировании канала

технологические ошибки [2, с. 5]. Ширина канала и шлюзов не отвечала требованиям судоходства, поскольку большинство барж на Оби и Енисее имело длину от 30 до 40 сажен.

«*Таким образом для эксплоатации Обь-Енисейскаго воднаго пути потребовался бы целиком совершенно новый подвижной состав соответствующих пути размеров, годный только для этого пути*» [2, с. 6], – констатировал он. В своей работе ученый-инженер делает подробный анализ необходимых изменений, приводит расчеты рентабельности использования искусственной речной артерии и делает вывод, что в настоящем виде ни скорость передвижения, ни стоимость, не удовлетворяют запросам предпринимателей при транспортировке грузов речным транспортом и потому рассчитывать на вовлечение сибирских купцов в финансирование данного проекта не приходится, а потому – «*…принимая все вышеуказанное во внимание, нужно думать, что путь в том виде, в каком он сейчас находится, даже при полном окончании его, практическаго значения никакого иметь не может*» [2, с. 9].

Далее С. А. Жбиковский кратко приводит расчеты нового проекта пути, соответствующего требованиям современных ему сибирского судоходства и торговли. «*По этому проекту путь предполагается таких размеров,* – пишет он, – *чтобы существующия суда Оби и Енисея имели возможность безпрепятственно во время навигации без всяких перегрузов проходить с одной реки на другую. Обь и Енисей по новому проекту должны представлять как бы один непрерывный путь, одну реку*». [2, с. 9].

Рассуждая об экономическом значении непрерывного водного пути, соединявшего бы Западную и Восточную Сибирь С. А. Жбиковский отмечал, что помимо транзитного (доставка продовольствия и товаров коренному населению севере Енисейской губернии), Обь-Енисейский канал имел еще и важное государственное значение, наряду с прокладываемым в тот же самый период Великого Сибирского железнодорожным путем. «*Значение Сибирской железной дороги во всех отношениях громадно, но пролегая главным образом по южной окраине Сибири, благотворное ея влияние не может распространиться на все пространство Сибири, которое измеряется в перпендикулярном направлении к дороге тысячами верст. Чтобы приобщить Север к культурно-экономическому росту, необходимы для него самостоятельные пути, которые дали бы возможность легкаго, дешеваго сообщения с остальным миром; в противном случае Север этот будет обречен, в виду его отрезанности от внешняго мира, на культурный и экономический застой, а со временем и полный упадок*» [2, с. 15].

К сожалению, ни этот проект реконструкции, ни последующие, предлагавшиеся другими инженерами-гидрологами, в дореволюционной России не получили поддержки и не были осуществлены. В советский период вновь вернулись к обсуждению вопроса об использовании этой искусственной водной артерии, но дальше обсуждений вопрос не сдвинулся. В настоящее время Обь-Енисейский канал – это интересный объект рекреационного туризма.

Список литературы

1. Инженер и музыкант // Научно-техническая библиотека Национального исследовательского Томского политехнического университета: сайт. 2021. URL: https://ntb.tpu.ru/news/2021/01/19/1071 (дата обращения: 25.06.2023).
2. Материалы для описания русских рек и истории улучшения их судоходных условий. Вып. 17: Обзор сибирских судоходных рек. Санкт-Петербург: Упр. внутренних водных путей и шоссейных дорог, 1906. - [2], 48 с.

УДК 94(571.150)”17”

Основные тенденции динамики горнозаводских путей сообщения в Алее-Чарышском междуречье во второй четверти – середине XVIII в.

Зайцева Любовь Геннадьевна
Алтайский государственный университет, кафедра отечественной истории
Барнаул, Россия
zajcevalyuba2014@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1512-0200

АННОТАЦИЯ В статье выделяются и кратко характеризуются основные направления горнозаводских дорог в междуречье Алея и Чарыша во второй четверти – середине XVIII в. Сделан вывод, что на протяжении этого периода в динамике путей сообщения наблюдались следующие тенденции: 1) отсутствие единых магистральных путей и дорог, регулярно использовавшихся для перевозок полуфабрикатов и продукции; 2) стремление к уменьшению протяженности дорог, их спрямлению, и предпочтение маршрутов с меньшим количеством переправ; 3) тяготение траекторий к рекам: в первой половине 1750-х гг. – к Чарышу, за недостатком средств к разработке Алейского русла, а к началу 1760-х внимание заводского начальства вновь было обращено к Алею.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Алтайский горный округ, дороги XVIII в., рудовозные тракты, горнозаводское производство.

Увеличение темпов производства металлургических предприятий, возникших в 1720-х гг. в предгорьях Алтая по инициативе А. Н. Демидова и в 1747 г. перешедших под управление Кабинета Его Императорского Величества, предопределило ключевую роль ведомственных горнозаводских дорог в складывании системы путей сообщения региона. Географическое размещение промышленного комплекса сделало междуречье Алея и Чарыша наиболее активно исследуемым пространством, как по причине разработки рудных месторождений, так и из-за необходимости решения логистических проблем, в частности, доставки руд и роштейна на Барнаульский завод.

Вопрос развития путей сообщения Алтайского горного округа в историографии не получил целостного освещения: Ю. С. Булыгин рассматривал его в контексте связи с крестьянскими миграциями [3, 4], В. А. Каронновым изучены отдельные аспекты развития дорог и сделан вывод, что в середине XVIII в. Колывано-Воскресенское ведомство активно стремилось к расширению масштабов речных перевозок [7]. Попытку общей характеристики путей сообщения Алтайского горного округа в XVIII в. представил в своем исследовании А. А. Малолетко, который проанализировал дорожную систему с точки зрения влияния ландшафтных и климатических условий региона [8]. Достижения предшественников в изучении дорожно-транспортной сети Алтая XVIII в. объединила коллективная монография А. Н. Дунца, В. В. Исаева и др. [6]. Необходимо отметить, что фактологическая сторона изысканий путей в междуречье Чарыша и Алея середины XVIII столетия в определенной степени освещена, однако исследователи в меньшей мере ставили задачу выявления места этих процессов в общей картине становления системы дорожного сообщения на Алтае, впрочем, как и уклонялись от восстановления этой структуры. В связи с этим целью публикации является выделение и краткая характеристика основных тенденций развития горнозаводских дорог в междуречье Алея и Чарыша во второй четверти – середине XVIII в. В качестве источников были использованы делопроизводственные и картографические документы Ф. 1 (Канцелярия Колывано-Воскресенского горного

начальства) и Ф. 50 (Чертежная Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства) Государственного архива Алтайского края.

К началу 1730-х центральным для обеспечения нужд горнозаводской промышленности Алтая являлся так называемый «демидовский» тракт, связывавший возникшие в предгорьях Алтая предприятия с Обью в районе устья р. Касмалы, Он был зафиксирован на карте Кузнецкого уезда 1729 г. [1, с. 68]. Участок тракта в междуречье Алея и Чарыша проходил от Колыванского завода на р. Белой на север к переправе вблизи устья р. Локтевки и зимовью на левобережье Чарыша. Далее дорога пересекала р. Алей в среднем течении и уходила на северо-восток (рис.1). Кроме этого маршрута, на чертеже отмечены другие траектории: от завода к р. Чарыш, где в начале 1730-х гг. была построена пристань у д. Карповой [2, с. 105], и путь на юго-запад к рудным месторождениям. Карта 1729 г. отразила стратегически важные направления транспортной сети региона, активно развивавшиеся в последующие десятилетия.

В целях сокращения протяженности пути на участке от Алея до Колыванского завода в первой половине 1730-х возникает альтернативный вариант движения, с двумя переправами через Чарыш. Это позволяло спрямить траекторию, не огибая русло реки с запада. О подобном изменении маршрута косвенно свидетельствует отсутствие изображения деревни на Чарыше вблизи устья Локтевки на карте Томского и Кузнецкого уездов 1736 г. [1, с. 72 – 73]. После передачи Колывано-Воскресенского комплекса в ведение Императорского Кабинета и переноса горнозаводской администрации в Барнаул траектория продолжала использоваться, в частности, при поездках начальников заводов. Так, маршрут А. В. Беэра и А. И. Порошина, проследовавших в 1748 г. «для смотру Колывано-Воскресенского и Шульбинского заводов, тамошних рудников и других мест», и И. С. Христиани в 1752 г. по рудовозной дороге из Барнаула, проходил от д. Кашиной на Алее, через д. Тугозвонову и Карпову к Колыванскому заводу[29] (рис. 1).

Расположение промышленного комплекса на юге Алее-Чарышского междуречья стало предпосылкой к возникновению попыток привязки направлений передвижения к рекам, чему способствовала традиция грузоперевозок Европейской России. Администрация заводов была заинтересована в удешевлении и оптимизации транспортировки руд, а Чарыш и Алей рассматривались в качестве потенциальных водных путей. Разработка Змеевского рудника и месторождений в его окрестностях еще более повысила актуальность поиска выгодных траекторий. Кроме того, к концу 1740-х гг. Чарыш в районе Первочарышской пристани (д. Карпова) обмелел [4, с. 13], что потребовало корректировки сухопутных маршрутов. Были инициированы активные исследования междуречья Алея и Чарыша.

Одним из них стали изыскания геодезиста П. Е. Старцова. Помимо изучения русла Алея на предмет его пригодности к судоходству, П. Старцову было поручено отыскать от Змеевского рудника «способность возить руды и протчее до реки Алея и назначит дорогу»[30]. Конечной точкой маршрута предполагались окрестности деревень Шипуновой и Быковой, докуда, предположительно, в демидовский период поднимались по Алею суда с провиантом[31]. Геодезист отметил два наиболее пригодных варианта пути: 1) ранее использовавшийся маршрут протяженностью в 105 верст от Змеевского рудника вниз по р. Локтевке и далее к д. Шипуновой[32]; 2) через р. Поперечную «степью до реки Алея и до урочища… Красного Яру»[33] (рис. 1). Однако слабая заселенность местности делала эти пути пригодными для эксплуатации лишь в

[29] Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 49. Л. 22–23; Д. 130. Л. 83-85.
[30] ГААК, Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 172.
[31] Там же. Д. 396, Л. 116.
[32] Там же. Д. 29. Л. 172 об.
[33] Там же. Ф. 50. Оп. 21. Д. 936а.

теплое время года, поскольку из-за сильных ветров зимние тракты были опасны для возчиков [8, с. 13 – 14]. Недостаточная пригодность найденных направлений и необходимость большого объема работ по расчистке русла Алея подтолкнули Старцова к осмотру иного маршрута – от Змеевского рудника до Чарыша[34] (рис. 1). Это уменьшало протяженность траектории и, в дальнейшем, при заселении дороги, позволяло обеспечивать ее функционирование круглый год. Очевидная выгодность для транспортировки руд этого варианта по сравнению с дорогой к Алею (в 102 версты) побудила Канцелярию Колывано-Воскресенского горного начальства остановить свое внимание на более коротком пути – к Чарышу на устье р. Локтевки (83 версты). По этой дороге в 1750 г. в Змеевский рудник через д. Усть-Локтевку проехал начальник заводов А.В. Беэр[35].

В следующем десятилетии указанные обстоятельства предопределили тяготение части горнозаводских дорог к Чарышу и активное развитие вдоль его русла ведомственных коммуникаций. Однако особенности реки не позволяли устроить долговременно действующие пристани и наладить стабильные водные перевозки: горный характер в верхнем течении и изменчивость русла практически на всем протяжении регулярно заставляли менять направления траекторий.

С 1749 по 1758 г. пристань смещалась вниз по течению три раза (Красноярская у д. Тугозвоновой, Кабановская, Красноярская в низовьях Чарыша). Исследования дорог, ведущих к Красноярской пристани вблизи д. Тугозвоновой, производились И. Ползуновым в 1750 г. [8, с. 47 – 48]. В итоговый проект транспортных коммуникаций от Змеевского рудника к Чарышу были включены предложения П. Старцова, а рудовозный путь от Усть-Локтевки продолжен по левобережью до «Красного яру»[36]. Через короткое время эта пристань уступила место другой, расположенной ниже, у Кабановской защиты. Поиск кратчайшей дороги сюда от Змеевского рудника осуществлял в 1753 г. унтер-шихтмейстер И. Денисов. Пригодной для круглогодичного использования была признана прежняя, проходившая через д. Усть-Локтевку, Красноярскую пристань и д. Тугозвонову, где была учреждена паромная переправа [8, с. 49 – 52] (рис. 1). Однако этот вариант так же не привел к стабилизации маршрутов. В том же 1753 г., не дойдя до д. Кабановой, сели на мель 37 дощаников с провиантом[37]. Назревала необходимость постройки пристани в нижнем течении Чарыша, место для которой было найдено у д. Красноярской.

Осмотр И. Денисовым в 1758 г. дорог к новой пристани выявил два наиболее подходящих маршрута для подвоза руд к Чарышу: 1) от Змеиногорска по прежнему тракту (через д. Усть-Локтевскую) до старой Красноярской пристани и далее по левому берегу Чарыша до д. Красноярской; 2) от Змеевского рудника через д. Озерки по правобережью Чарыша (рис. 1). Необходимость возведения на отрезке старая Красноярская пристань – д. Красноярская шести мостов и устройства дополнительного зимовья побудила Денисова предложить сезонный режим использования путей: первый вариант был более удобен для летних перевозок, чтобы «избежать» перевозов через Чарыш, зимой же предлагалось возить руду по правобережью через Кабановскую пристань[38].

Параллельно с исследованиями Чарыша, в силу неудовлетворительности результатов (даже новая Красноярская пристань была «неспособна, ибо кроме вешнеи прибылои воды в протчия времяна года за мелководием до онои пристани суда не

[34] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29. Л. 172 об.
[35] Там же. Д. 95, Л. 8-10.
[36] ГААК. Ф. 50. Оп. 21. Д. 936.
[37] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 153. Л. 6.
[38] Там же. Д. 259. Л.16-17.

доходят»[39]) и стремления заводского руководства удешевить транспортировку грузов, что вело к поиску более коротких траекторий и выбору путей с меньшим количеством переправ, разрабатывались маршруты, проходившие от месторождений к р. Алей (формировавшийся Змеиногорский тракт). После неудачной попытки переложить обслуживание перевозов в Озерках и Тугозвоновой на ямщиков и тщательного подсчета издержек, казенные паромы на Чарыше были отменены. Проезд из Колыванского завода в Барнаул был назначен «степною дорогою» (т.е. через д. Усть-Локтевскую)[40]. Таким образом, к началу 1760-х усиливается тенденция к переносу основных объемов грузопотока западнее Чарыша.

Этому способствовало, помимо сложностей судоходства по Чарышу и невозможности возведения надежных мостов, снижение роли Колыванского завода в алтайском производственном комплексе, планы его временной приостановки в связи с истощением лесов [5, с. 66 – 67]. В 1752 г. с постройкой второй рудообогатительной фабрики при Змеевском руднике [9, с. 136] большая часть грузов стала перевозиться по дороге Змеиногорск – Барнаул. В том же году П. Старцов исследовал маршрут протяженностью 132 версты от д. Кашиной на Алее до Змеевского рудника «прямо степью» с целью спрямить существующий тракт. Но практически безлесные ландшафты не позволили проложить здесь удобную дорогу и проект был реализован только на самом южном участке[41].

Тенденцию к смещению основных направлений горнозаводских путей в Алее-Чарышском междуречье к западу от Чарыша подкрепляло строительство новых предприятий в Приобье [5, с. 66 – 67]. Населенные пункты на Алее играли значительную роль уже в проектах конца 1740-х гг.: от предполагаемого места расположения заводов в районе р. Барнаулки проектировались маршруты «прямо на Алеи реку в деревню Быкову» (которая фигурировала в качестве места под пристань в проектах П. Старцова). В качестве другого варианта предлагалось провести дорогу «чрез степь на Алей реку в деревню Кашину, коя разстоянием будет не болше шестидесят верст»[42]. Это позволило бы сократить траектории для доставки руд и роштейна со Змеевского рудника, отчасти разгрузив рудовозный тракт до Барнаула. Кроме того, на фоне малоэффективности водных перевозок по Чарышу, это вновь сделало привлекательной идею водного сообщения по Алею, за неимением других альтернатив. В частности, в начале 1760-х гг. получил дальнейшую разработку проект П. Старцова по исследованию Алея и подготовке его к судоходству[43] .

Таким образом, на протяжении второй четверти – середины XVIII в. в развитии дорожной системы междуречья Алея и Чарыша наблюдались следующие тенденции: 1) слабое развитие традиционных траекторий передвижения в междуречье Алея и Чарыша в предшествующий период (по сравнению с Иртышским меридиональным путем и «калмыцкой дорогой» от устья Бии и Катуни к Кузнецку), привело к отсутствию единых магистральных путей и дорог, регулярно использовавшихся для перевозок полуфабрикатов и продукции; 2) стремление к уменьшению протяженности дорог, их спрямлению, и предпочтение маршрутов с меньшим количеством переправ, что на некоторых участках вызвало сдвиг наиболее часто используемых путей на левобережье Чарыша; 2) тяготение траекторий к рекам: в первой половине 1750-х гг. усилилась привязка к Чарышу, за недостатком средств к разработке Алейского русла, а к началу 1760-х, по причине малой перспективности Чарышского судоходства, внимание заводского начальства вновь было обращено к Алею.

[39] Там же. Д. 396. Л. 116.
[40] Там же. Л.22–23 об.
[41] ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 130. Л. 227–227 об.
[42] Там же. Д. 371. Л. 3.
[43] Там же. Д. 396. Л. 115 об. – 117.

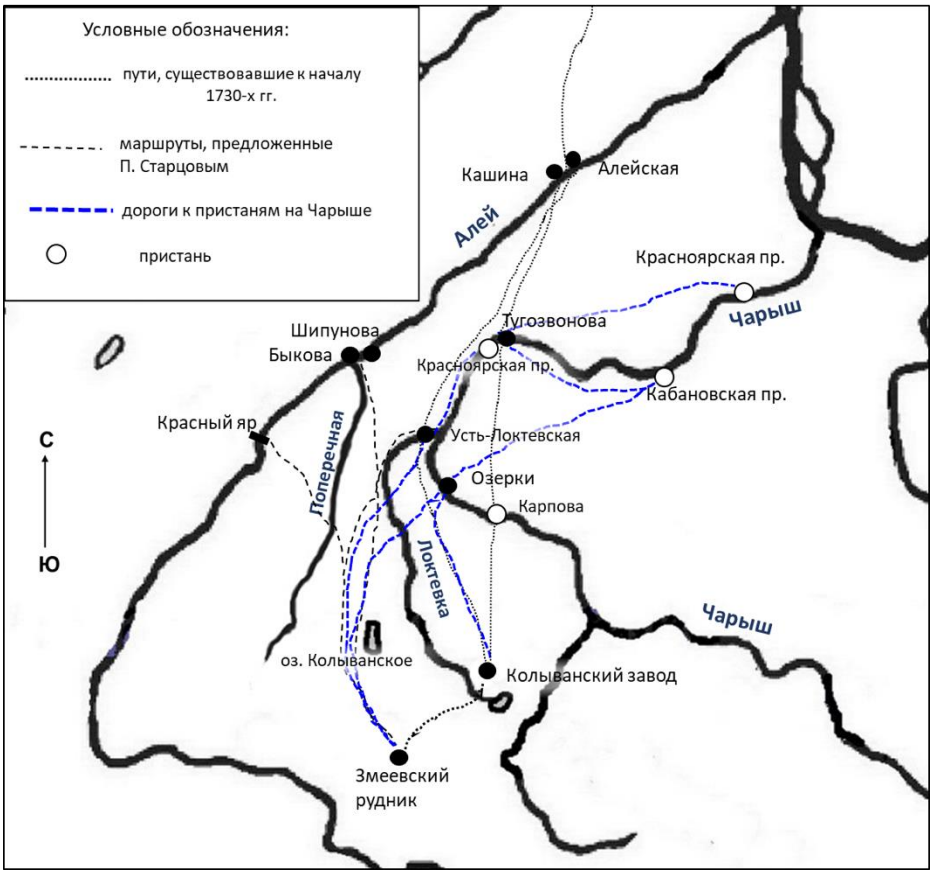

Рисунок 1. Основные пути и дороги в Алее-Чарышском междуречье во второй четверти – середине XVIII в. Авторская реконструкция.

Список литературы

1. Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). Барнаул: Азбука, 2007. 214 с.
2. Бородаев В. Б., Контев А. В. У истоков истории Барнаула: учеб. пособие для средней школы. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 335 с.
3. Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул: Алтайское книжное изд-во, 1974. 144 с.
4. Булыгин Ю. С. Пути-дороги Алтая в XVIII веке // Алтайский сборник. Вып. 20. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. С. 5 – 23.
5. Ведерников В. В. Кабинетская цветная металлургия Сибири в XVIII – первой половине XIX в. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного университета, 2012. 186 с.
6. Дороги Алтайского края: от первых верст до наших дней / А. Н. Дунец, В.В. Исаев, М. В. Рыгалова, М. Г. Колокольцев. Барнаул: Изд-во Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (АлтГТУ), 2017. 391 с.
7. Кароннов В. А. Водные пути перевозки руды в Колывано-Воскресенском горном ведомстве в XVIII в. // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: Сб. мат. Всеросс. молодежн. науч. шк.-конф. с междунар. участием. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 53 – 59.
8. Малолетко А. А. Алтайский горный округ в XVIII в. (транспортные системы). Томск, 2015. 140 с.
9. Моисеев В. А. Змеиногорский рудник во второй половине XVIII века // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). Барнаул, 1999. С. 128 – 156.

УДК 947.1 (5712.12)

«Карта нефтяных месторождений Евразии должна быть перестроена…» (Р.С. Ильин о перспективах нефтеносности Западной Сибири)

Комгорт Марина Валерьевна
доктор исторических наук, профессор
Тюменский индустриальный университет
кафедра гуманитарных наук и технологий
Тюмень, Россия
komgort@mail.ru
ORCID ID: 0000-000-1-6336-8759

АННОТАЦИЯ Статья анализирует первые научные прогнозы нефтеносности Западной Сибири, сделанные томским ученым Ростиславом Сергеевичем Ильиным в начале 1930-х гг. На основе анализа известных к тому времени поверхностных нефтепроявлений и результатов собственных полевых исследований он предложил направить на территорию Западно-Сибирской низменности специальную нефтепоисковую партию. Ставится под сомнение широко распространенное в исторической и геологической литературе мнение о приоритете И. М. Губкина в обосновании необходимости проведения поисково-разведочных работ на нефть в этом регионе. Исследования последнего времени доказывают, что прогноз Губкина относительно нефтяных перспектив восточного склона Урала, озвученный им в ряде публичных выступлений 1932 – 1934 гг., был локальным и опирался на известные ему в силу занимаемой должности, но не афишируемые, работы других ученых-геологов, в частности Р.С. Ильина и И.Н. Стрижова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Западная Сибирь, прогноз нефтеносности, нефтепоисковые работы, Р. С. Ильин, И. Н. Стрижов, И. М. Губкин.

Среди людей в той или иной степени причастных к научному обоснованию нефтеносности Западной Сибири, томский учёный Ростислав Сергеевич Ильин занимает особое место. Человек, оказавшийся в Сибири не по своей воле, не только сумел превратить ссылку в «научную командировку», но и чрезвычайно ограниченный обстоятельствами, одним из первых сделал заключение относительно нефтяного будущего региона.

Р. С. Ильин (1891 – 1937 гг.) закончил естественное отделение физико-математического факультета Московского университета по специальности «почвоведение и агрономическая химия». Характер профессиональной деятельности в значительной степени повлиял на партийный выбор: в 1917 г. он вступил в партию социалистов-революционеров и был избран членом Центрального Исполнительного Комитета партии от Московской губернии. Принадлежность Ильина к партии эсеров послужила основанием для неоднократных арестов: дважды его арестовывали до революции, пять раз – при Советской власти. После очередного ареста в 1927 г. он был приговорен к трем годам тюремного заключения. Благодаря ходатайству В. И. Вернадского срок был сокращен до полутора лет с последующей ссылкой в Нарымский край на север Томского уезда.

В 1930 г. при поддержке того же Вернадского Ильин получил разрешение отбывать ссылку в Томске, где до своего последнего ареста в 1937 г. работал старшим геологом треста «ЗапСибгеоразведка» и одновременно преподавал в Сибирском геологоразведочном институте и Томском государственном университете. Тот факт, что учёный, находясь в ссылке, имел возможность заниматься научными исследованиями, свидетельствовал отнюдь не о гуманности власти, а о дефиците специалистов: «в условиях экстенсивного роста сети научно-исследовательских

учреждений Сибири в 1930-е гг. использование репрессированной интеллигенции воспринималось как неизбежная, но временная мера» [16, с. 128].

Десятилетний период жизни в Сибири оказался для Ильина самым трудным в житейском плане и одновременно самым продуктивным в научном отношении. В письме одному из своих коллег учёный с определённой долей иронии признавался: «...В общем же я всегда и при всех обстоятельствах желаю здоровья моим опекунам из ГПУ, ибо во всех мероприятиях в отношении меня я беру лучшую для себя сторону – ссылку превращаю в научную командировку, одиночное заключение – в научно-исследовательский институт» [6]. В круге научных интересов Ильина в сибирской ссылке оказалась и проблема потенциальной нефтеносности региона. Этой теме были посвящены одиннадцать работ ученого, пять из которых были опубликованы при его жизни с более или менее значительными сокращениями.

Проанализировав информацию о выявленных к началу 1930-х гг. нефтепроявлениях в различных районах Сибири, Ильин пришел к заключению о возможности обнаружения нефти, в том числе и в пределах Западно-Сибирской низменности. В мае 1932 г. Ильин, обратился к руководству треста с предложением об организации специальной поисковой партии. В докладной записке геолог выражал уверенность, что в недрах Западно-Сибирской равнины и Минусинской котловины имеются запасы нефти. «Юрское море, – писал Ильин, – оставило осадки на нашем Севере, главным образом, уже в пределах Сургутского и др. районов Уральской области (р. Большой Юган); в этой области документы богатых событий скрыты под толщей рыхлых, главным образом, послетретичных отложений Западно-Сибирской низменности...» [12, с. 105]. Прогноз ученого основывался не только на обстоятельном знакомстве с известными в то время материалами по геологии Западной Сибири, но и на собственном изучении Нарымского края и Среднего Приобья [17, с. 183].

По косвенным источникам известно, что на организацию и руководство партией было получено разрешение начальника Главного геологического управления Наркомата топливной промышленности И. М. Губкина. По свидетельству В. Е. Копылова, Ильин лично встречался с Губкиным, и его докладная записка могла послужить последнему основанием для предложения об ориентации нефтяного поиска в пределы Западной Сибири, высказанному в июне 1932 г. на Урало-Кузбасской сессии АН СССР. При этом со стороны Губкина «каких-либо ссылок на докладную записку Ильина не последовало» [15, с. 105]. Обстоятельства личного характера помешали Р.С. Ильину реализовать свое намерение, поскольку в 1933 г. для продолжения ссылки он был переведен из Томска в Минусинск, откуда вернулся только в марте 1934 г.

Приоритет И. М. Губкина в определении нефтяных перспектив Западной Сибири признается подавляющим большинством исследователей. Не разделяют этого мнения единицы. Тем не менее, и их точка зрения заслуживает внимания. Так, «широко распространенным заблуждением» считает утверждение об открытии сибирской нефти «благодаря указаниям на поиск, данным когда-то Губкиным», Р. М. Бембель. «И. М. Губкин никогда не предлагал искать нефть в Среднем Приобье, поскольку Среднее Приобье является таким же восточным склоном Урала, как, например, Московская область является ее западным склоном», – иронизирует автор [14, с. 110]. Не признавал приоритет Губкина в инициировании нефтепоисковых работ в Сибири и новосибирский исследователь В. В. Завалишин. Эту мысль, – сообщал он в письме, адресованном сыну Ильина, – «подал И. М. Губкину не кто иной, как Ростислав Сергеевич, который решил организовать нефтепоисковую экспедицию по Западно-Сибирской низменности и с этой целью был направлен к И. М. Губкину. Организация экспедиции была ему разрешена, после чего сам И. М. Губкин в 1932 г. выступил со своим известным заявлением» [7, с. 15]. Весьма критическим подходом в оценке роли И. М. Губкина в прогнозе нефтеносности новых районов отличаются публикации А. И.

Галкина. По его мнению, предположения Губкина о перспективах Волго-Уральской и Западно-Сибирской нефтегазоносных провинций «не несли следов гениального прогноза», поскольку «высказывались вслед за оценками других геологов». В частности, предложение об изучении на предмет нефтеносности восточного склона Урала впервые, за пять лет до известного выступления Губкина на выездной сессии Академии наук в 1932 г., выдвинул профессор Московской горной академии И.Н. Стрижов [1, с. 105]. «Инициатором» широкого обсуждения в отраслевой печати темы поиска нефти в новых регионах считает его и М. В. Славкина, ссылаясь на статью Стрижова, опубликованную в июле 1928 г. в «Торгово-промышленной газете» [19, с. 68].

В 1934 г. в статье, переданной в библиотеку Томского университета, Р.С. Ильин вновь изложил свои соображения об условиях нахождения нефти в регионе. «Геологические посылки говорят за то, – был уверен автор, – что нефть в Сибири должна быть». При этом Ильин предлагал отказаться от поисков нефти только по внешним выходам на том основании, что к этому времени уже было «известно значительное количество крупных месторождений нефти, никаких выходов на поверхность, не давших» [8, с. 16]. Годом позже, в 1935 г. Р.С. Ильину все-таки удалось добиться от руководства треста разрешения на организацию партии для проведения исследований на территории Самаровского района Остяко-Вогульского округа Омской области. В состав Обь-Иртышской партии, кроме самого Ильина и его одиннадцатилетнего сына Игоря, были включены студенты-практиканты Томского политехнического институты К.А. Иванов и М. Г. Горбунов, выполнявшие обязанности коллекторов. На лодке с помощью весел, иногда под парусом, где-то бечёвкой, по-бурлацки, или на буксире баржи, которую тянул катер, они провели геологическую съемку побережий Иртыша и Оби от Томска до Обдорска. «Общее впечатление от экспедиции, – вспоминал сын Ильина, – трудная, напряженная работа геологов, непререкаемый авторитет отца, высокое чувство ответственности каждого за общее дело» [7, с. 7].

Съемка позволила Ильину уточнить представления о нефтепроявлениях и признать Самаровский район как «исключительно многообещающий по признакам нефтеносности», аналогичный Аппалачскому району Северной Америки» [5]. (12). В докладной записке, направленной в плановую комиссию Омской области, учёный признал необходимым углубленное изучение ее недр и прежде всего территории Остяко-Вогульского округа [18]. Обобщая полученные результаты в статье «Об условиях нахождения нефти в Западно-Сибирской равнине» (1936 г.) учёный расценил их как «серьезные признаки нефтеносности исследованной части водосбора Средней Оби». «Вряд ли можно сомневаться в том, – писал он, – что это положение распространяется и на всю Средне-Обскую впадину» [11, с. 255]. «Мы сможем найти нефть на обширных пространствах Западно-Сибирской низменности», – уверял Ильин, – предлагая «провести широкое и углубленное изучение слагающих ее осадков, проверяя данные геологии параллельно проводимыми геофизическими исследованиями» [10, с. 50 – 51]. «Карта нефтяных месторождений Евразии должна быть перестроена: это только вопрос времени», – оптимистически заключал учёный [9, с. 61].

К сожалению, судьба не предоставила Р. С. Ильину возможности сделать это лично, поскольку 12 июня 1937 г. он был вновь арестован по сфальсифицированному «делу» об участии в «японо-эсеровской диверсионно- шпионской террористической организации, действовавшей в Запсибкрае». На следствии Ростислав Сергеевич вел себя мужественно, свою «вину» не признал и спустя три месяца по приговору тройки Управления НКВД был расстрелян.

Судя по протоколам партийных собраний первичной парторганизации Западно-Сибирского геологоразведочного треста, Ильин, наряду с другими «вредителями», чья деятельность якобы препятствовала «изучению угля в Кузбассе, развитию чёрной и цветной металлургии для Кузбасского металлургического комбината и исследованию районов с признаками нефтеносности», не раз подвергался критике [2]. На одном из них в упрек руководству треста было поставлено то, что Ильина, не имевшего специального геологического образования, назначили начальником партии, в то время как другие молодые геологи, якобы, «затирались» [3]. Уже после ареста Ильина парторганизация обвинила руководство треста в том, что «вредители» были «взяты органами НКВД, а не заменены дирекцией хотя сигналы были» [4].

На момент смерти Ростиславу Сергеевичу было всего 46 лет, однако, по мнению его биографов, это был уже вполне сложившийся «талантливый, многогранный, оригинальный исследователь, замечательный натуралист, опередивший свое время, блестящий энциклопедист, бескомпромиссный новатор». Свидетельством этому служит его научное наследие: за четверть века творческой деятельности, три года из которой Р. С. Ильин провел в заключении и шесть лет в ссылке, он смог опубликовать 41 научную работу. После его кончины были изданы еще 21, и 80 рукописей ждут публикации [13, с. 220].

Наряду с преклонением перед талантом и мужеством этого человека, сумевшего остаться ученым в трудных жизненных обстоятельствах, удивляет и другое: сам Ростислав Сергеевич, предваряя выводы будущих биографов о трудностях его пребывании в Сибири, высказывал опасение, что при случае они могут написать: «Смотрите, мол, как он страдал в Сибири и т.п. – в то время, как я все время работал, получая несравненное удовлетворение, и всегда буду вспоминать Сибирь с благодарностью, равно как и она меня не забудет...» [6].

Список литературы

1. Галкин А. И. Академик Иван Михайлович Губкин: мифы и действительность (1871-1939). Ухта: УПОО «Мемориал», 2009.
2. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 528. Оп. 1. Д. 3. Л. 48.
3. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 528. Оп.1. Д. 2. Л. 58об.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 528. Оп. 1. Д. 3. Л. 56 об. 5. Государственный архив Ханты-Мансийского округа. Ф. 1. Оп. 1. Д. 24. Л. 20; Ф. 184. Оп. 1. Д. 20. Л. 109.
5. Заплавный С. «Сибирь меня не забудет...». Красное знамя (Томск). 1991. 9 апр.
6. Ильин И. Р. Сквозь тернии: Об ученом-натуралисте Р.С. Ильине. Кишинев: Штиинца, 1990.
7. Ильин Р. С. Краткие соображения об условиях нахождения нефти. Томск: Б.и., 1934.
8. Ильин Р. С. Об условиях нахождения нефти в Западно-Сибирской равнине / Вестник Западно-Сибирского геологического треста. 1936. Вып. 3.
9. Ильин Р. С. К проблеме сибирской нефти / Нефтяное хозяйство. 1936. № 7.
10. Ильин Р. С. Геологический очерк Средней и Нижней Оби (рукоп). 1937. С. 255.
11. Ильина В. В., Заплавный С. А. Неистовый Ростислав: Повесть о любви (О Р.С. Ильине). Томск: Б.и., 1996.
12. История геологической службы России, 1700 – 2000: Персонали. М.: Геоинформцентр, 2002.
13. Комгорт М. В., Колева Г. Ю. Н. Н. Ростовцев и становление геологической науки в Тюмени. Тюмень: Вектор Бук, 2007.
14. Копылов В. Е. Окрик памяти. История Тюменского края глазами инженера: В 3 книгах. Книга 3. Тюмень: Слово, 2002.
15. Красильников С. А., Сергеевых Г. П. Ученые и политический режим в 30-е годы (по материалам Западной Сибири) / Кадры науки советской Сибири: проблемы истории (Сб. ст.) Новосибирск: Наука: Сиб. отд-ие, 1991.

16. Крылов Г. В., Завалишин В. В, Козакова Н. Ф. Исследователи природы Западной Сибири. Новосибирск: Кн. изд-во, 1988.
17. Патранова В. «Ископаемые союзного значения». Новости Югры (Ханты-Мансийск). 2005. 20 дек.
18. Славкина М. В. Лагерная нефть Коми // Родина. 2008. № 10.

УДК 94(47+57)+351.746”193”

Как чекистский аппарат шел к 1937 году

Папков Сергей Андреевич
доктор исторических наук, профессор
Институт истории СО РАН
Новосибирск, Россия
spapkov@ya.ru

АННОТАЦИЯ Представлена попытка проследить эволюцию аппарата сталинских спецслужб как карательного института в стране. Статья дает представление о практических действиях кадров ОГПУ-НКВД, подготовивших их к Большому террору 1937 – 1938 гг.
Содержится обобщенный анализ важнейших репрессивных кампаний ОГПУ-НКВД конца 1920-х – 1930-х гг., в ходе которых вырабатывались основания дегуманизации «классовых врагов», а чекистский аппарат превращался в инструмент систематического преследования сограждан. Карательные акции эпохи коллективизации стали одним из главных условий усвоения чекистами особых служебных навыков и принципов подавления противников сталинского режима. Огромную роль сыграли также кампании по ликвидации «вредителей» и чистки в национальных анклавах. Завершающей фазой стал переход к погрому внутри самой коммунистической партии и легитимация пыточного следствия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Советский политический режим, аппарат ОГПУ-НКВД, коллективизация, массовые операции.

Анализ событий 1937 – 1938 гг. занимает значительное место в современной историографии как одно из тех направлений, где сталкиваются самые различные мнения и интерпретации. В течение последних десятилетий подробно изучены многие аспекты репрессивных акций сталинского режима, описаны причины и последствия чисток. Одновременно с этим освещались различные аспекты истории становления и развития органов ВЧК-ОГПУ-НКВД, роль отдельных руководителей спецслужб [7 – 10 и др.]

В представленном материале содержится попытка анализа социально-политической эволюции кадрового состава ОГПУ-НКВД, включавшую в себя серию предварительных шагов к репрессиям 1937 – 1938 гг. Для получения полноценных выводов было бы важно обратиться к истокам большевистского мировоззрения, к тем идейным и морально-психологическим установкам, которые закладывались в массовом сознании со дня свершения революции и разрушали универсальную общественную мораль [об этом см. 1, с. 112 – 129]. Отдельного анализа заслуживает и выяснение исключительного влияния советской пропаганды, благодаря которой чекистские кадры обрели привилегированный статус и особые полномочия как «боевой отряд партии». Однако в данной публикации не ставится задача выяснения всей совокупности предпосылок легитимации политического насилия. Основное внимание уделяется лишь практическим действиям чекистского аппарата, сыгравшим роль своеобразного мотиватора и прецедента, начиная с событий коллективизации и заканчивая широкой кампанией террора.

1937 – 1938 гг., в течение которых аппарат НКВД исполнял особые приказы по проведению массовых операций, представляют собой удивительный трагический феномен новейшей российской истории. Размеры применения государственного насилия в этот период превосходили все другие эпохи и остаются в общественном сознании как наиболее зловещие и во многом необъяснимые действия сталинских спецслужб. Однако до сегодняшнего дня часть российского общества совершенно не готово признавать ни целей, ни масштабов совершенных преступлений советского режима и продолжает считать репрессии вполне оправданным актом в отношении

внутренних врагов. Из-за отсутствия трезвой и внятной политики современного государства в этой области общество переживает состояние внутреннего раскола, и многие люди не находят в осуждении сталинизма убедительных доказательств.

Сегодня мы располагаем двумя видами информации, ясно подтверждающими особый характер действий советских карательных органов известных как Большой террор. Во-первых, это многочисленные научные исследования, основанные на детальной официальной статистике и первичных документах, не оставляющих сомнения в преступном характере сталинизма и его спецслужб. Статьи, монографии и документальные издания дают исчерпывающие сведения для правильных выводов и оценок, желающим разобраться в сути событий прошлого. Во-вторых, это – Книги памяти жертв политических репрессий – оригинальные справочники первичного характера, восстанавливающие все циклы террора на уровне каждого региона. К настоящему времени составление Книг в ряде областей полностью завершено, а в других еще продолжается.

Важнейший характерный признак советских карательных акций спецслужб выражается прежде всего в самих размерах насилия. Это отличительное свойство режима уже в первые месяцы большевистского переворота производило шокирующее впечатление на современников и подавляло человеческую волю к сопротивлению. Так зарождались прецеденты и политические основания для безмерного применения репрессивного аппарата в коммунистическом государстве.

Вот что отмечал в своем дневнике в 1918 г. писатель Иван Алексеевич Бунин, изумленный и пораженный сообщениями советских газет о массовых казнях «врагов революции»:

«Давеча прочитал про этот расстрел двадцати шести как-то тупо. Сейчас в каком-то столбняке. Да, двадцать шесть, и ведь не когда-нибудь, а вчера, у нас, возле меня. Как забыть, как это простить русскому народу? А все простится, все забудется. Впрочем, и я – *только стараюсь* ужасаться, а по-настоящему не могу, настоящей восприимчивости все-таки не хватает. В этом и весь адский секрет большевиков – убить восприимчивость. Люди живут мерой, отмерена им и восприимчивость, воображение, – перешагни же меру. Это – как цены на хлеб, на говядину. «Что? Три целковых фунт?!» А назначь тысячу – и конец изумлению, крику, столбняк, бесчувственность. «Как семь повешенных?! – Нет, милый, не семь, а семьсот!» – И уж тут непременно столбняк – семерых-то висящих еще можно представить себе, а попробуй-ка семьсот, даже семьдесят!» [2, с. 52].

Превращение аппарата ОГПУ-НКВД в институт массового террора не могло произойти одномоментно, без серии предварительных мер и условий, подготовивших его к роли коллективного палача в кампании 1937 – 1938 гг. Потребовалось время и особые обстоятельства, чтобы в огромной стране вызрела атмосфера своеобразной новой гражданской войны и классовой непримиримости, создавшая почву для сотрудников спецслужб по исполнению преступных приказов в отношении отдельных общественных групп.

Следует учесть, что после Гражданской войны и умеренных реформ периода нэпа аппарат ОГПУ-НКВД значительно обновился. Многие старые чекисты были уволены со службы, часть из них переведена на пенсию, другая пристроена на мелкие должности в структурах госуправления. Их место заняла масса вполне обычных молодых людей без опыта бессудных классовых расправ, ночных обысков и конфискаций – так называемые «выдвиженцы» из комсомола, профсоюзов или рабочих коллективов, не обремененные грузом образования и нормального социального развития, но вполне усвоивших ряд политических и морально-этических норм большевистского толка. Именно этой категории служащих НКВД, заполнивших оперативные отделы,

предстояло сыграть роль главных исполнителей тайных приказов и приговоров в кампании Большого террора.

Отмечая основные фазы развития аппарата ОГПУ-НКВД, подготовивших террор 1937 года, можно отчетливо выделить три периода. Первый из них относится к эпохе коллективизации. Этот был один из самых важных этапов «профессионального роста» и вызревания чекистских кадров новой генерации.

В ходе сталинской «борьбы за колхозы» многим чекистам из региональных аппаратов впервые пришлось столкнуться с настоящим «классовым врагом» и получить необычные практические навыки. Под руководством зрелых чекистов-коммунистов в деревню были направлены сотни молодых оперативников для выполнения заданий по вскрытию «кулацких формирований» и ликвидации противников раскулачивания. Их действия сводились к организации массовых арестов крестьян, конфискации их имущества, проведению депортации в отдаленные регионы страны и насаждению в деревне агентурной сети из числа сельских активистов. Картины развернувшегося насилия в деревне с участием чекистского аппарата и разнообразного «деревенского актива» представляют собой шокирующие описания, вошедшие в официальные и неофициальные документы периода 1929 – 1933 гг.

В кампании коллективизации в деревне присутствовал также еще один очень важный «чекистский» элемент. Он заключался в особой деликатной функции, причастность к которой имел лишь кадровый оперсостав ОГПУ: кроме основных обязанностей «вскрывать» и «ликвидировать» «кулацкие организации» каждый оперработник обязан был участвовать в конечной процедуре «ликвидации кулаков» – приведении смертных приговоров в исполнение. Расчет на, что в расстрельной команде должны были побывать *все* сотрудники оперативных отделов, имеет немало документальных подтверждений. Так, например, на следствии в 1939 г. один из сотрудников НКВД по фамилии Горшенин, работавший в начале 1930-х в Барабинском окротделе в Западной Сибири, свидетельствовал: «В наряды по применению ВМН посылались все без исключения, я как секретарь, лицо не оперативное, или мой делопроизводитель Нечаев, также участвовали в этих операциях. Мне даже быв. начальником окротдела Плаховым поручалось иногда оставаться на яме и быть старшим среди оперативных работников окротдела ОГПУ, дабы не допускать безобразий (не было бы у ямы пьяных сотрудников и т.д.)»[44].

Требование соучастия в казнях являлось своего рода чекистской нормой, важной частью служебного долга и карьерного продвижения. Подобный варварский ритуал прочно связывал чекистский аппарат, формируя круговую поруку и замкнутую криминальную группировку в виде «сплоченных коллективов» на территории действия ячеек ОГПУ. Таким способом режим создавал надежный инструмент для достижения целей по искоренению многочисленных противников. Только за 1930 год в СССР по решению «троек» при региональных управлениях ОГПУ были расстреляны почти 19 тысяч человек, большинство из которых – около пяти тысяч – казнено в Сибири [5, с. 287].

Проведение коллективизации и «ликвидация кулаков» вызвали к жизни и другие чекистские новации. В 1930 году была существенно реорганизована структура самого аппарата ОГПУ: губернские и окружные отделы ОГПУ заменены оперативными секторами, численность которых значительно превзошла сеть прежних региональных отделов. Они стали действовать едва ли не во всех городах. Только в Западной Сибири их количество составило не менее 14 единиц. В итоге повысилась мобильность аппарата, ускорилось исполнение решений руководящих органов, но главное – существенно выросло чекистское влияние и контроль во всех сферах местной жизни. В

[44] Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО) Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 44 об.

кампаниях репрессий 1930-х годов оперсекторы ОГПУ-НКВД сыграли роль основных опорных пунктов режима, где концентрировались тысячи арестованных и производились массовые казни, а их аппарат стал решающим фактором исполнения особых приказов. Оперсекторы действовали до 1938 года, а по завершении кампании террора их сотрудники были включены в состав областных и краевых управлений или городских отделов.

Расширяя поле оперативной деятельности в ходе коллективизации, органы ОГПУ проникли в самые нижние слои российского общества, где внедрение большевистских форм социализма шло наиболее трудным путем. Колхозная система оказалась совершенно чуждой большинству крестьян, поэтому чекистский аппарат должен был стать дополнительным средством давления в деревне, чтобы заставить крестьян и колхозных начальников отдавать свой урожай государству. В январе 1933 года по решению ЦК ВКП(б) в стране был учрежден институт специального надзора для колхозов – политотделы при МТС и совхозах. В структуру каждого политотдела входил представитель ОГПУ на правах заместителя начальника. Его задачей было создание в деревне сети секретных сотрудников и осведомителей для содействия поискам «скрытой контрреволюции» и «саботажников». Как другие чекисты, работники ОГПУ при политотделах действовали по всем правилам конспирации. Их деревенский аппарат состоял из трех частей: «резидентов» (обычно – 3-4 работника), «спецосведомов» (7-9 человек) и «общего осведомления». В совокупности штат тайных агентов ОГПУ в каждом политотделе насчитывал 25-30 человек [6, с. 83].

Политотделы и их чекистские подразделения провели широкую кампанию по устранению «враждебных» и «вредительских» элементов в сельхозпредприятиях и объединениях. Только в Западносибирском крае за второе полугодие 1933 года (по неполным данным) они сумели обнаружить более шести тысяч «классово-враждебных элементов», из которых 1109 человек были отданы под суд, а 1025 исключены из колхозов и высланы. Кроме того, ОГПУ арестовало в крае и приговорило собственным судом за хищения в колхозах 1128 человек [6, с. 85].

Шаг за шагом вырабатывалось взаимодействие органов ОГПУ с советскими и партийными учреждениями, чекистская практика наполнялась новыми приемами скрытых операций и использования внесудебных полномочий.

Другой важный комплекс событий, сыгравший свою роль в эволюции чекистского аппарата и его продвижении к массовым операциям 1937 – 1938 гг., был связан с ликвидацией «вредителей» в отраслях экономики, разгромом «буржуазных националистов» в национальных анклавах, устранением остатков антибольшевистских элементов и разного рода «бывших людей» из советских учреждений. Этот цикл чисток также проводился в форме широких чекистских кампаний, в ходе которых арестам и расстрелам подверглась огромная масса специалистов различных отраслей экономики, учреждений культуры и образования. Были разгромлены многие исследовательские центры и группы, связанные с сельским хозяйством, промышленностью, управлением и добывающими отраслями. Аппарат ОГПУ действовал с высоким напряжением и численно разрастался, получая очередную порцию профессионально-психологической и политической «закалки».

В то время как на поверхности, в публичном пространстве, начиная с 1928 г., населению СССР и окружающему миру демонстрировались открытые судебные процессы над небольшими группами «вредителей» («Шахтинское дело», «Промпартия», «Союзное бюро меньшевиков» и др.), в стране тайно уничтожались тысячи других специалистов как «контрреволюционеры» и «вредители». Некоторые чекистские отчеты, полученные на основании событий в Сибири, позволяют увидеть часть той общей картины террора, которая сопровождала большевистское переустройство в стране. Так, летом 1933 г. полпред ОГПУ по Запсибкраю Н. Н. Алексеев

на краевом партийном совещании докладывал: «Кроме организации, вскрытой в системе МТС, мы имели параллельные, соединенные с ней официальные группы, которые были раскрыты почти во всех наших животноводческих трестах. В совхозах мы также имели чрезвычайно большое количество подрывных ячеек. Всего по делу этой контрреволюционной сельскохозяйственной организации нами было арестовано примерно 2 100 человек. Из них по приговору тройки мы расстреляли около 1 000 человек. И все это на протяжении последних пяти месяцев»[45].

Таким образом, только в рамках одной лишь указанной «организации» были подвергнуты казни почти 50 % арестованных. Привести в исполнение такое количество расстрельных приговоров можно было лишь силами немалого числа сотрудников.

Подобные грандиозные операции по изъятию «вредителей», «националистов» и «исторической контрреволюции» в начале 1930-х годов определенно прибавили кадровому составу спецслужб опыт организации массовых чисток с внесудебными процедурами и преодоления всякого рода моральных ограничений. Сами понятия «аресты» и «расстрелы» уже с этого периода приобрели почти обыденный характер и стали частью политического лексикона даже открытых партийных совещаний и официальной печати.

Наконец, еще одной фазой развития террора и закрепления новых понятий и принципов в коллективном сознании чекистского аппарата послужил переход к уничтожению части самой коммунистической партии, прежде всего ее бывших оппозиционеров и связанных с ними людей. Решающие акции как результат этого перехода развернулись после распространения в структурах партии и НКВД закрытого письма ЦК ВКП(б) от 29 июля 1936 года «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока», содержание которого убеждало в том, что бывшие оппозиционеры окончательно скатились на позиции террористов, поэтому ближайшей задачей партии становится их физическое уничтожение. [3, с. 111].

Нельзя сказать, что аресты коммунистов за участие в оппозиции или за поддержку ее сторонников до сих пор были большой редкостью. К середине 1936 года аппарат ОГПУ-НКВД уже ликвидировал множество внутрипартийных групп различного толка, изолировав их участников в ссылке. Однако никогда прежде не проводилось такой универсальной чистки оппозиционеров, как с осени 1936 года.

«Троцкистско-зиновьевские», а затем и «правотроцкистские террористы» в рядах ВКП(б) действительно были чем-то новым для аппарата НКВД, воспитанного непрерывной борьбой с «классовыми» врагами. Теперь же возникала совершенно иная морально-политическая ситуация, отличная от прежних условий. Привычные классовые мерки и стигматизация «врагов» по старым правилам становились неактуальны и отходили на второй план. Границы предстоящей оперативной «работы» размывались и вызывали замешательство из-за того, что враг поменял свой облик и род занятий. Он неожиданно проявился теперь в самой партии и даже обнаруживался в собственных рядах НКВД.

О принципиальном отличии нового типа врага и сложном психологическом сдвиге в чекистской среде в этой связи свидетельствуют некоторые документы. Вот показания бывшего заместителя начальника управления НКВД по Новосибирской области К. К. Пастаногова* в ходе следствия 1939 года:

---

[45] ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 450. л. 219.

* Был осужден военным трибуналом войск НКВД в ноябре 1940 г. к восьми годам ИТЛ за «применение неправильных методов ведения следствия». В декабре 1941 г. освобожден и реабилитирован.

«За весь период моей работы в органах ОГПУ-НКВД я ясно понимал генеральную линию партии, никогда ни на йоту не сомневался в ее правоте! Я не сделал политических ошибок в тот период [начала 1930-х годов – С.П.] …потому, что и враг был отличен от общей массы трудящихся, отчетливо виден! (…) Но борьба с троцкистской контрреволюцией резко отличалась от борьбы с кулачьем и остатками белогвардейщины. Разница заключалась в том, что участники право-троцкистской организации имели, как правило, партийный билет в кармане, внешне [выделено автором документа – С.П.] ничем не отличались от честных коммунистов, а будучи арестованными, клялись в том, что всю свою жизнь только и делали, что боролись за генеральную линию партии, а затем… рассказывали о том, как ими готовился взрыв на шахте «Центральная» в Кемерово, (…) как ими готовилось отторжение от СССР Сибири…»[46].

Так, постепенно преодолевая гласные и негласные морально-политические барьеры, оперативный состав НКВД подошел к последнему рубежу – пыточному следствию, которое до сих пор допускалось лишь в редких случаях и могло рассматриваться как «эксцессы». Но с 1937 года оно получило статус узаконенного средства. В январе 1939 года в шифрограмме секретарям обкомов и крайкомов ВКП(б) Сталин сообщал:

«ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. (…) Опыт показывает, что такая установка дала свои результаты, намного ускорив дело разоблачения врагов народа. (…) Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата, притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманной в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружившихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод» [4, с. 14 – 15].

Это сталинское послание – документ исключительного значения. С полной ответственностью он открыто признает узаконенный характер пыток в органах НКВД как своего рода вынужденную меру. Но так как массовая операция по изъятию врагов в основном была завершена, текст обращался не к прошлому, а к настоящему. Вскрывая картину пыточного следствия в НКВД в минувший период, Сталин адресовал свое послание местным руководителям партийных и судебных органов в момент подготовки серии уголовных процессов над «нарушителями социалистической законности». Он требовал от них не допустить излишнего усердия с обвинениями отстраненных чекистов, а «руководствоваться настоящим разъяснением».

В ходе сталинских спецопераций 1937 – 1938 гг. многим сотрудникам НКВД пришлось делать известный выбор: либо активно включиться в процесс реализации репрессивных «лимитов», согласно поступающим приказам из Москвы, либо самим отправиться в пыточные подвалы. Выбор был невелик, но для основной части аппарата НКВД он не представлял какой-либо проблемы: большинство уже прошло серьезную школу чекистской науки и получило необходимую служебную выучку, усвоив ряд несложных, но суровых правил соблюдения государственной дисциплины. Никаких моральных ограничений относительно массового истребления «врагов

[46] ГАНО. Ф. П-4. Оп. 35. Д. 15085. Л. 165 об. – 166.

народа» и «контрреволюционеров» они уже не испытывали: аресты, пытки, расстрелы стали привычной рутиной. Те же немногие, кто представлял собой некоторое исключение, проявив колебания, сомнения или какое-либо сопротивление чистке, вполне закономерно были немедленно удалены из рядов НКВД как «пособники контрреволюции».

Список литературы

1. Буллер А. Мораль и язык большевизма // Этическая мысль. 2020. Т. 20. № 1. С. 112 – 129.
2. Бунин И. Окаянные дни. / Неуслышанные голоса. Т. 1. М. 2003. С. 13 – 116.
3. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского контрреволюционного блока // Известия ЦК КПСС. 1989. № 8. С. 100 – 115.
4. Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939 – март 1946. Документы высших органов партийной и государственной власти. / Сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. М.: МФД; Материк, 2006. 640 с.
5. Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918 – 1953). Жуковский; М.: Кучково поле, 2006. 480 с.
6. Папков С. А. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. М.: РОССПЭН. 2012. 440 с.
7. Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД 1934 – 1941. Справочник. М.: Звенья, 1999. 504 с.
8. Самуэльсон Леннарт, Хаустов Владимир Н. Сталин, НКВД и репрессии 1936 – 1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009. 432 с.
9. Тепляков А. Г. Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929 – 1941 гг. М.: Новый Хронограф; АИРО-XXI, 2008. 632 с.
10. Юнге М., Биннер Р. Как террор стал «большим». Секретный приказ № 00447 и технология его исполнения. М.: АИРО-XX, 2003. 352 с.

УДК 94(47).084.6.8

Крестьяне в рабочих спецовках и раннеиндустриальная модернизация в советской России (конец 1920-х – середина 1940-х гг.)

Романов Роман Евгеньевич
кандидат исторических наук
Институт истории СО РАН,
сектор истории социально-экономического развития
Новосибирск, Россия
rromanov1981@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9527-8037

АННОТАЦИЯ В докладе рассматривается проблема преодоления разрыва между традицией и модерном в раннесоветский период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Советская Россия, традиция, раннеиндустриальная модернизация, крестьяне в рабочих спецовках.

В современной историографии под модернизацией понимается переход от аграрного к индустриальному обществу. Зачастую данный процесс характеризуется исследователями как исторически обусловленное движение социума от одного состояния (традиционность) к другому (современность) [5, с. 13]. Роль человека в этом социальном «транзите», сопровождающегося тесным взаимодействием традиционной и модерной культуры, в конечном счете, сводится к двум позициям: либо он сознательно адаптируется к новациям и изменяет себя, либо отвергает их как чужеродные элементы и остается верен обычаям предков. В связи с этим, в модернизирующемся обществе рано или поздно возникает конфликт между его сторонниками и противниками, который порой приобретает радикальные формы и в итоге заканчивается победой реформаторов или традиционалистов.

Именно в рамках такой интерпретации, как правило, объясняется драматичный ход истории России в первые четыре десятилетия XX в. Его ключевая проблема заключается в том, насколько основная масса российского общества, относившая себя к крестьянству, *была готова или не готова* включиться в раннеиндустриальную модернизацию. Одни историки полагают, что великорусский пахарь в своей основе оставался патриархальным общинником, который испытывал неприятие к базовым ценностям модерна (частная собственность, конкуренция и т.п.), поскольку это вело к его маргинализации на фоне аграрного перенаселения и деградации деревни [1, 2]. Другие считают, что к началу века крестьяне стали постепенно приспосабливаться к капиталистическому рынку, о чем свидетельствовало, например, становление и развитие сельскохозяйственной кооперации или рост крестьянских банковских вкладов [3]. Третьи исходят из того, что для предреволюционной России была характерна так называемая «болезнь роста», обусловленную нарастанием в модернизационном процессе противоречий между бесспорными достижениями и побочными эффектами, вызывавшими травму социальных изменений или аномию успеха [5, с. 21]. Из этой дискуссии вытекает противоречивое отношение к революции 1917 г.: как к событию, нарушившему естественную эволюцию социума в силу случайного стечения обстоятельств (ситуативный кризис) или как закономерному следствию либо неестественности этой эволюции для большинства жителей Российской империи, либо их болезненной реакции на побочные эффекты от быстрых

преобразований (системный кризис). Соответственно и дальнейшие процессы, связанные с реализацией большевиками «Красного проекта», рассматриваются либо в качестве субъективной попытки революционной власти заменить нормальный порядок вещей тиранической утопией, либо как объективное стремление советского государства принудить чувствительно переживавший побочные эффекты консервативный народ к системному реформированию под знаменами общинного традиционализма.

Вместе с тем, охарактеризованная выше объяснительная модель (в трех вариантах), по сути, ограничивает горизонт ретроспективного анализа поиском ответа на вопрос *о способности или неспособности* человека традиционного трансформироваться в человека современного. Первая «опция» оценивается однозначно положительно, вторая – отрицательно. Этот историографический канон выступает интеллектуальным продуктом современного научно-исторического сообщества, которое само является одним из конечных результатов европоцентристской модернизации. Сообщество историков стремится к *профессиональному самовоспроизводству* в русле господствующей рационалистической картины мира путем формирования и накопления научных знаний об историческом процессе под исключительно модернистским углом зрения. Данная проблема приобретает весьма острую актуальность на фоне «противостояния» евро-американского Севера и азиатско-африканского Юга, выходцы из которого продолжают воспроизводить традиционную социальную идентичность, впитанную ими на исторической родине и нередко в самой ортодоксальной форме (клановo-родовой, этно-племенной, конфессионально-общинной и т.д.).

В рамках данного доклада предполагается конструирование и апробация новой объяснительной модели российской истории первых четырех с половиной десятилетий XX в. Эта модель, не отрицая идею развития (и как следствие – модернизации), базируется на теории самовоспроизводства. Согласно ей, любой социум может быть описан как процесс коллективного выживания, поддерживаемый за счет воспроизведения социальной памяти (идеи, нормы, ценности, традиции, образцы социального поведения и социальных отношений) в конкретно-исторической среде. При этом общество может тиражировать аутентичный тип социальности во времени и пространстве только при достижении самодостаточного положения по отношению к данной среде. Если общество не может обеспечить самодостаточность, оно эволюционирует в результате изменения социальной памяти под влиянием исторического прогресса [4].

С точки зрения данной теории модернизация приобретала завершенный характер, когда идентичность крестьянина, основанная на социальной памяти о традиционно-аграрном обществе, в сознании человека полностью и бесповоротно заменялась идентичностью рабочего, специалиста или служащего, базировавшейся на социальной памяти об индустриальном обществе. Подъем с нижнего в верхний социокультурный «пласт» был возможен только в ходе перемещения людей из природной (село) в техногенную (город) среду обитания, в перспективе ведущего к размыванию крестьянской идентичности. Однако ментальный «лифт» работал гораздо медленнее социального, что позволяло бывшим селянам успешно адаптироваться к внешним (инструментальным) проявлениям модерна с длительным сохранением памяти о предыдущем жизненном опыте. В результате в эпоху индустриального перехода возник феномен квазимодернизации человека традиционного, изменившегося «снаружи», но оставшегося аутентичным «внутри», по крайней мере, в границах поколения сельских мигрантов. Эта проблема находила конкретное выражение в контексте общенациональной и региональной истории

России первых четырех с половиной десятилетий XX века. Применительно к ее реалиям наша исследовательская гипотеза формулируется следующим образом:

1. Российское крестьянство, адаптируясь к внешним проявлениям модернизации, одновременно *продолжало самовоспроизводство* в качестве оригинальной традиционно-аграрной цивилизации на демографическом (многодетная семья), социальном (семейно-общинный коллективизм), социокультурном (духовная привязанность к земле и природе в целом) и технологическом (подчиненность крестьянского хозяйства и быта сезонным природно-климатическим циклам) уровне. Однако к концу XIX в. в этом процессе начали происходить *системные сбои*, вызванные кризисными тенденциями в социально-экономическом и духовном развитии деревни (аграрное перенаселение, имущественное расслоение, ослабление религиозной нравственности и т.п.).

2. Основным фактором, сдерживавшим «размывание» патриархальной социальности, выступала сохранявшаяся крестьянская идентичность. Ее прочная консервация *не позволяла* отечественным инициаторам модернизации (имперское государство и буржуазия), желавшим ответить на технократический вызов Запада, сделать процесс формирования индустриального общества необратимым и в перспективе логически завершенным. Причиной такого *затруднения* являлось то, что модерн *претендовал на новую системность*, не связанную с привычным для традиционного социума опытом.

3. Одним из вариантов развития революции 1917 г. могло стать «обратное» движение истории (от модерна к традиции) из-за неспособности дореволюционных реформаторов (Витте и Столыпина) *обесточить* механизмы межпоколенной передачи традиционного опыта в повседневной жизни крестьянства. Поражение «белого движения», часть которого стремилась к европоцентристской модернизации, не привело к окончанию Гражданской войны, продолжившейся в форме противостояния большевиков и «зеленых» повстанцев. Ее превращение в перманентный вооруженный конфликт между новой властью и крестьянством, стремившимся *создать условия* для продолжения воспроизводства традиционного общества, было предотвращено с помощью введения новой экономической политики («крестьянский Брест»).

4. Длительное сохранение НЭПа как политэкономической основы консенсуса между большевиками и крестьянами *лишало* советское государство возможности ускорить процесс формирования индустриального общества перед лицом превращения технократического вызова со стороны Запада в военную угрозу для России (что показала Первая мировая война). Но дать адекватный ответ на эту угрозу за счет *воспроизведения аутентичной традиционно-аграрной цивилизации*, заимствовавшей лишь отдельные технико-экономические новации, во второй четверти XX в. было уже невозможно.

5. Потенциальная угроза военного поражения при столкновении с более прогрессивными геополитическими соперниками (по старокитайскому сценарию) вынудила большевиков взять курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию. Замена оригинальных традиционных институтов (община, кооперация, коммуны и т.п.) *искусственно навязанными* сверху колхозами вела к духовному отчуждению крестьян от земли и природы, аграрного труда, постепенному отказу от многодетной семьи и семейно-общинного коллективизма. В результате механизмы самовоспроизводства крестьянской идентичности *были обесточены,* что положило начало *раскрестьяниванию* основной массы населения России.

6. Процесс раскрестьянивания нарушил нормальное функционирование прежних институтов социализации сельской молодежи, которая *быстро утратила* привычные жизненные ориентиры и переориентировалась на включение в формировавшееся индустриально-урбанистическое общество. В связи с этим,

советское государство получило возможность провести форсированную индустриализацию в основном силами молодых крестьян, переселявшихся в растущие города в поисках новых перспектив.

7. Несмотря на реформацию старого уклада жизни, мигранты из деревни по инерции *еще оставались носителями* рудиментов крестьянской трудовой культуры. Для их адаптации к индустриальному производству и городскому образу жизни большевистский режим через правовую и информационно-пропагандистскую системы «имплантировал» ценности и нормы, формы коммуникации и поведенческие стратегии российских аграриев-ремесленников в новую социальную реальность, *конструируемую как советский («народный») вариант модерна*. В условиях индустриализации элементы традиционного отношения к труду проецировались на машинные технологии, что позволяло бывшим селянам усваивать основы заводских профессий при сохранении внутренней духовной аутентичности.

7. В результате одним из последствий «сталинской» модернизации являлось формирование *многочисленного слоя крестьян в рабочих спецовках*, ставшего социокультурной основой раннеиндустриального общества, сложившегося в России к концу 1930-х гг. Этот человеческий потенциал представлял собой сочетание трудового менталитета пахаря и технической культуры станочника, что являлось «социалистическим» вариантом квазимодернизации человека традиционного. Путем социальной инженерии советское государство создало переходный тип человека (человек советский), который сыграл роль *необходимого промежуточного звена* в цепи исторической эволюции российского общества.

8. Благодаря конструированию этого промежуточного звена новая верховная власть *преодолела* фундаментальный разрыв между традицией и модерном на уровне широких народных масс. После разрешения данного затруднения процесс становления индустриально-урбанистического общества в России приобрел *необратимый характер*, что позволило нашей стране ответить на технократический вызов Запада, воплотившийся в годы Второй мировой войны («война моторов»!) в форме вооруженной агрессии нацистской Германии против СССР.

9. Суть ответа на угрозу уничтожения советской цивилизации со стороны германского нацизма состояла в эффективном соединении высокоиндустриальных технологий (военных и гражданских) с квазимодернизированным человеком советским. После крупномасштабных мобилизаций трудящихся на фронт государству удалось в сжатые сроки *вновь воспроизвести* слой крестьян в рабочих спецовках за счет молодежи, которая в основной массе выросла в традиционных сельских семьях. Сочетание ее ментальной установки на коллективное выживание, унаследованной от отцов и дедов, и полученных профессионально-технических навыков позволило власти сформировать «пассионарный» человеческий потенциал, благодаря которому СССР одержал экономическую победу над нацистской Германией в ходе Второй мировой войны.

Список литературы

1. Братченко Т. М., Сенявский А. С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 9., № 2, 2007. С. 315 – 326.
2. Братченко Т. М., Сенявский А. С. От имперской к советской мобилизационной модели: преемственность и различия в экономическом развитии // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. Сборник материалов II Всероссийской научной конференции. Челябинск, 2012. С. 67 – 76.
3. Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб.: Алетейя, 2016.

4. Лукша П. О. Самовоспроизводство в эволюционной экономике [Электронный ресурс]. URL: http://zrenielib.ru/docs/index-10926.html?page=15 (Дата обращения: 1.05. 2023).
5. Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. Спб., 2019. С. 13.

УДК 94(571.14)

Искитимская медь в Сузунской монете

Степанов Игорь Виленинович
журналист, кандидат в члены РГО
Новосибирск, Россия
stepanov_iv@ngs.ru
ORCID ID: 0009-0006-0266-2114

АННОТАЦИЯ В докладе показаны объективные факторы, вызвавшие в конце XVIII – начале XIX веков необходимость разведки полиметаллических медно-серебряных месторождений на территории юго-востока современной Новосибирской области. Представлены результаты архивных, камеральных и полевых работ по обнаружению приисков более, чем двухвековой давности. Предполагается, что обнаруженные прииски станут частью историко-культурного наследия региона, и достойными туристическими объектами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Новосибирская область; история; геология; месторождения; прииски; рудники.

Правовые основы разведки и добычи полезных ископаемых на Кабинетских землях (собственность Кабинета Его/Её Императорского Величества, ЕИВ), впоследствии частично ставших территорией Новосибирской области, были заложены в середине XVIII века Указом императрицы Елизаветы Петровны «в 1 де[нь] маия 1747 года» [12]. Им предписывалось «Колывано-Воскресенской, Барнаулской, Шулпинской и протчее на Иртыше и Оби реках и между оными все строении, какия обретаются заведеныя от покойнаго Акинфия Демидова со всеми отведеными для того землями с выкопаными всякими рудами и инструментами, с пушками и мелким ружьем, и с мастеровыми людми, собственными ево, Демидова, и приписными крестьянами взять на нас».

Таким образом, в состав Кабинетских земель вошли территории южнее города Томска до реки Бухтарма в меридиональном направлении, и от озера Чаны до истоков рек Томь и Уса – в широтном направлении. Это Указ также предписывал Бригадиру Андрею (Андреасу) Беэру «сколко возможно, болше руды серебряной доставать в найденных от Вас местах или где еще может найтится».

В год издания Указа на Алтае уже работали два крупных завода, бывших ранее в собственности Акинфия Демидова – Колыванский и Барнаульский, основным источником сырья для которых было Змеиногорское месторождение. Однако, по мнению В.В. Ведерникова [2, с.1], в то время демидовские приказчики не имели представления о запасах Змеиногорского месторождения, которое следует отнести к крупнейшим и по современным меркам.

Через семь лет Кабинет ЕИВ расширяет список лиц, допущенных к поиску полезных ископаемых на Кабинетских землях. Указом Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Елизаветы I от 25 мая 1754 года повелено: «обретающегося в земле в металлах и минералах богатства искать, и заводы в пользу государственную и общую заводить, и пользоваться теми заводами всем свободно», и позволяется делать это людям «всякого чина и достоинства, кои пожелают в вышеозначенных Сибирской губернии и Иркутской провинции искать каких руд и каменьев, тем во всех тамошних местах как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить, и чистить всякие металлы, а именно: золото, серебро, медь, олово, свинец и железо, также и минералов, таких как селитра, сера, купорос, квасцы, и всяких красок и каменьев» [11].

Ко времени этого Указа уже появляются первые проблемы обеспечения алтайских медеплавильных заводов необходимыми ресурсами, в частности, лесом - вследствие его вырубки на топливо для плавильных печей. Так, в мае 1750 г. начальник Колывано-Воскресенских заводов А. Беэр докладывал управляющему Кабинетом ЕИВ Ивану Черкасову о том, что в Колыванском заводе из-за недостатка леса работают лишь 8 – 10 печей [4, с.90]. Одной из причин такого положения считается специфика алтайских лесов – это «ленточные» боры, представляющие собой лесные полосы без образования сплошных обширных древесных массивов [1, с.46]. В результате истощения топливных ресурсов Колыванский завод прекратил своё существование в 1760 году, а всё металлургическое производство, в первую очередь – выплавка серебра, сосредоточилось на Барнаульском заводе [4, с. 93].

Заместить мощности закрытого Колыванского завода было решено путём строительства двух новых предприятий – Павловского сереброплавильного завода (1764 г.) и Сузунского медеплавильного завода с монетным двором (1766 год). Необходимость сооружения последнего была обусловлена рядом факторов, в частности – дороговизной завоза российской монеты в Сибирь, и большим количеством медных штейнов меди, скопившихся после серебряных плавок на Барнаульском заводе [9] – все алтайские полиметаллические руды медно-серебряные.

При выборе места для завода с монетным двором было учтено новое требование – наличие возможности организовать высоконапорный водный поток для работы заводских механизмов. В их число входили не только меха, нагнетающие воздух в плавильные печи, но и штамповочные машины, требовавшие подвода значительной энергии. Заводская плотина не реке Нижний Сузун, по предварительным расчетам, должна была обеспечить водой 20 наливных колес воздуходувных мехов плавильной фабрики и машин монетного двора [6, с.13].

Следствием такого выбора стало большое удаление Сузунского завода от источников сырья, основным из которых оставался Змеиногорский рудник. При этом из медно-серебряной руды сначала выплавлялось серебро на Барнаульском или Павловском заводах, и лишь потом медные штейны попадали на Сузунский завод (собственную рудную плавку Сузунский завод начал в 1771 году [6, с.14]).

Удаление Сузунского завода от Барнаульского составляло около 125 верст, а общая протяженность маршрута от Змеиногорского рудника до нового завода превышала 350 верст. Павловский же завод находился между Барнаульским и Сузунским, и путь через него имел протяженность, сопоставимую с Барнальским маршрутом.

Сузунский завод, отдалившись от Колыванского хребта («Горной Колывани»), на котором располагался Змеиногорский рудник, приблизился к другой горной системе Сибири – Салаирскому кряжу. При различии геологического строением и историй развития оба образования относятся к низкогорным массивам, и имеют схожие внешние черты.

По мнению автора, насыщенность Колыванского хребта полиметаллическими месторождениями позволяла рассчитывать на обнаружение аналогичных полезных ископаемых и на Салаире, расстояние до ближайших отрогов которого от Сузунского завода не превышало 150 – 180 верст. Дополнительными стимулирующими факторами разведки месторождений Салаира стали рост потребности в выплавке серебра в период русско-турецких войн 1768 – 1774, 1787 – 1791 годов [9], и постепенное снижение продуктивности Змеиногорского рудника [2, с. 8]. Так, в 1820 году томский врач И. Брыков во время своего посещения Горной Колывани, заметил – этот рудник «считался некогда одним из богатейших в Европе, но теперь истощился» [3].

Таким образом, на рубеже XVIII – XIX созрели объективные предпосылки для разведки медно-серебряных месторождений в относительной близости от Сузунского

завода. Местом таких исследований стала преимущественно Легостаевская волость Барнаульского уезда Томской губернии – северо-западные отроги Салаирского кряжа и долина реки Бердь. Здесь в конце XVIII – начале XIX столетия были открыты и отчасти освоены месторождения полиметаллических руд с медно-серебряной минерализацией вдоль р. Берди у села Легостаево и ближайших деревень – Старососедово, Новососедово, Малиновка и др.

Информация о приисках и рудниках, посредством которых велась разведка и эксплуатация медно-серебряных месторождений и проявлений на территории юго-запада современной Новосибирской области, содержится лишь в специальной геологической литературе. В первом каталоге рудных месторождений Алтайского округа от 1908 года [5] на землях современной Новосибирской области отмечено 25 приисков и рудников, большей частью расположенных в пределах сегодняшних Искитимского, Маслянинского и Сузунского районов [5, с.414 – 427]. Здесь же указаны годы их открытия (1791 – 1827 г.г.), и сведения о первооткрывателях. В их числе - штатные и отставные служащие Сузунского завода: коллежский советник Слатин, маркшейдер Горянский (открыто 4 прииска), бергайер Савелий Сизев, унтерштейгер Быков (исследовано 3 прииска), унтер-штейгер Иван Смирнов (открыто 2 прииска), штейгер Сунгуров, меховой подмастерье Мартел Гуляев (один прииск открыт, один исследован), пробирный ученик Плешков, «Сузунскаго завода служители» Ефим Мешков («Мешковских» прииски №1,2), Харитон Кузецов, Семён Соловьёв и Лука Архипов («Соловьёво-Архиповский прииск»), отставной служитель Тарасов, а также крестьяне деревень, приписанных к Колывано-Воскресенским заводам: Радион Алексеев Гуляев, прозывавшийся «Светляком», житель деревни Дятловой Легостаевской волости («Гуляевский прииск №1», он же «Светляковский рудник»), Сидор Демин («Деминские прииски» № 1, 2, 3), Евсей Кадников (два Суенгинских прииска), Фома Кузнецов из деревни Шарчиной (два Кузнецовских прииска совместно с братом, служителем Сузунского завода). Отдельно указан «обыватель Сузунской горно-заводской волости Колбин, открывший Колбинский прииск.

В 1931 году опубликован труд «Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира» [8]. Информация, приведённая в нём в части ранее упомянутых приисков и рудников в основном, повторяет данные [9], хотя советские авторы утверждают, что они «обращались почти всегда к архивным материалам». Они же указывают на то, список рудных месторождений В. Мамонтова представляет собой точную копию архивной книги приисков конторы Змеиногорского округа 1848 года. Одним из отличий трудов [5] и [8] является указание объёма добычи руды на Светляковском (Гуляевском №1) прииске – он составил 31,4 т.

В 1950 – 1951 гг. по заданию Особой ревизионной партии Запсибгеолуправления проведено полевое обследование двадцати пяти точек рудопроявлений и старых приисков, находящихся на территории Легостаевского и Маслянинского районов Новосибирской области [7]. С использованием архивных данных обнаружено девять старых выработок различной степени сохранности, а также выявлено «большое количество старых заросших выработок – канав и шурфов». Выявленные искусственные изменения рельефа местности идентифицированы, как прииски Слатинский (он же Горянсковский №5), Горянсковский №1, Светляковский (Гуляевский), Деминский №1 (Гуляевский №2), Мешковский №1, Деминский №3.

Позже старые прииски и рудники юго-востока Новосибирской области, несмотря на их историческую ценность, упоминались только в специальных геологических изданиях – Объяснительных записках к Государственным геологическим картам Российской Федерации листов N-45-XIII и N-44-XVIII второго издания (2015 год).

В течение 2021 – 2023 гг. автором был проведён комплекс архивных, камеральных и полевых работ с целью обнаружения мест старых выработок (в 2023

году – совместно с Алексеем Пащенко, владельцем питомника ездовых собак «Форт Хаски», деревня Новососедово). В результате с мая по октябрь 2022 года выявлены и идентифицированы три прииска на территории Искитимского района Новосибирской области: Мешковский №1, Горянсковский №5, и Горянсковский №1.

Преподаватель общественных дисциплин МБОУ СОШ №5 города Искитим Александр Давыдов на основе информации, представленной автором на школьной конференции, провёл самостоятельное изучение заваленной (взорванной) пещеры в районе села Усть-Чем в нескольких километров ниже по течению реки от села Легостаево. Им найдены фрагменты медьсодержащей породы, и проведён опрос жителей – в результате один из них сообщил о воспоминаниях свой бабушки: «...оттуда руду брали и на Сузун возили, через Девкино. И по дороге еще местами видны следы от тракта в виде насыпей». На картах XIX века такая дорога действительно отмечена, но в настоящее время её не существует.

На основании авторских данных зимой 2022 года группой школьников МАОУ ДО ДООЦТ «Юность» (г. Бердск) под руководством Сергея . Кравчука был выявлен Соловьёво-Архиповский прииск. Его наличие летом 2023 года подтверждено А. Пащенко.

В 2023 году в ходе камеральной обработки информации совместно с А. Пащенко был идентифицирован крупнейший Светляковский (Гуляевский) прииск, как ранее известный туристический объект «Грот на Берди». В последующем это подтвердилось на местности – было установлено точное совпадение места и конфигурации прииска с ранее данными архивными описаниями, определены места отвалов, и собраны образцы породы с явными признаками медного оруднения. Образцы породы с аналогичными признаками собраны и на месте прииска Горянсковскй №5.

С использованием архивных данных и результатов камеральных работ А. Пащенко в 2023 году выявлены на местности Костылёвский, Деминский №1 и Гуляевский №2 прииски.

Заключение

Медно-серебряные прииски юго-востока Новосибирской области представляют собой исторически ценное свидетельство зарождения и развития горнорудной промышленности на территории региона. Особый интерес, по мнению автора, представляет участие в поисках месторождений не только служащих Сузунского завода, но и приписных крестьян. Вероятно, они получали первоначальную информацию об оруднённых породах в период работы на Колывано-Воскресенских заводах и рудниках – и затем, понимая ценность таких пород, отыскивали подобные проявления в местах своего постоянного проживания.

История поисков, обнаружения и эксплуатации медно-серебряных месторождений юго-востока современной Новосибирской области этих месторождений до сих пор не была представлена в сибирской исторической и краеведческой литературе, и вводится в оборот авторским статьями [10], и настоящим докладом. Места расположения приисков при могут и должны стать региональными историко-культурными памятниками и туристическими объектами.

БЛАГОДАРНОСТИ Автор выражает искреннюю благодарность д.и.н. Бородовскому А.П, д.г-м.н.Калинину Ю.А, к.г-м.н. Вишневскому А. В., и Неволько А.И. за положительную оценку проводимых работ.

Список литературы

1. Ведерников В. В. Особенности формирования образа горнозаводского Алтая в сочинениях современников (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.) // Известия АлтГУ. 2015. №3 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-obraza-gornozavodskogo-altaya-v-sochineniyah-sovremennikov-vtoraya-polovina-xviii-pervaya-tret-xix-v (дата обращения: 30.06.2023).
2. Ведерников В. В. Горнозаводское дело на Алтае // Сайт Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В. Я. Шишкова URL: http://elib.altlib.ru/files_elib/time063.pdf (дата обращения: 30.06.2023).
3. Дегтярев Д. С. Змеиногорск глазами ученых и путешественников XVIII – XIX вв // Известия АлтГУ. 2015. №3 (87). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zmeinogorsk-glazami-uchenyh-i-puteshestvennikov-xviii-xix-vv (дата обращения: 30.06.2023).
4. Контев А. Металлургические предприятия Колывано-Воскресенского горного ведомства: нереализованные планы территориального расширения в 1750-е гг. // Известия Алтайского государственного университета, 1, № 4(92). С. 89 – 93.
5. Мамонтов В. Н. Список рудных месторождений Алтайского округа : золото, серебро, медь, свинец и цинк. Барнаул: Тип.-лит.Главного Управ.Алтайск.округа, 1908. 493 с.
6. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 250-летию начала чеканки Сибирской монеты и открытию Сузунского монетного двора // Сайт Государственный архив Новосибирской области URL: https://archive.nso.ru/sites/archive.nso.ru/wodby_files/files/page_121/materialy_2016_250let_suzun_moneta.pdf (дата обращения: 30.06.2023).
7. Мизерова Т. П. Отчёт о результатах полевого обследования точек рудопроявления и старых приисков, находящихся на территории Легостаевского и Маслянинского районов Новосибр. области. Новосибирск: Запсибгеолуправление, 1952. 15 с.
8. Митропольский Б. С., Паренаго М. К. Полиметаллические месторождения Алтая и Салаира. Новосибирск: ОГИЗ, 1931. 461 с.
9. Обеспечение Сузунского завода медными рудами // Сайт Энциклопедия Сузунского района URL: https://suzun-spr.ru/articles/khronograf/obespechenie-suzunskogo-zavoda-mednymi-rudami.php (дата обращения: 30.06.2023).
10. Степанов Игорь Виленинович // Электронная библиотека Новосибирской государственной областной научной библиотеки URL: https://elibrary.ngonb.ru/catalog/25655/ (дата обращения: 30.06.2023).
11. Указ Ее Императорского Величества Самодержицы Всероссийской Елизаветы I, 25 мая 1754 г. // Сайт «История России в документах» URL: https://hisdoc.ru/laws/15339/ (дата обращения: 30.06.2023).
12. Указ императрицы Елизаветы Петровна бригадиру А. В. Беэру, 1 мая 1747 г. // Фундаментальная электронная библиотека "Русская литература и фольклор" URL: http://feb-web.ru/feb/rosarc/rai/rai-169-.htm (дата обращения: 30.06.2023).

СОВЕТСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

УДК 94(571)

Роль рыбной промышленности в продовольственном обеспечении Байкальского региона на примере Нижнеангарского рыбозавода в 1900 - 2000-е гг.

Ангадаева Юлия Юрьевна
кандидат исторических наук, доцент
Иркутский государственный университет путей сообщения, кафедра таможенного дела и правоведения,
Иркутск, Россия
yulee@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6519-2758

АННОТАЦИЯ На примере Нижнеангарского рыбозавода рассматривается исторический опыт становления деятельности перерабатывающих предприятий, отмечается роль мобилизационных решений советского государства в этом процессе. Анализируется действовавшее советское законодательство об организации деятельности перерабатывающих предприятий, история создания, ассортимент продукции, основные показатели деятельности рыбозавода. На основе архивных данных приведено количество выпущенной рыбопродукции. Особое место отводится рыбпунктам и рыбозаводам, которые осуществляли планы по выпуску рыбопродукции в годы ВОВ. Обращается внимание на техническое оснащение рыбозаводов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Байкал; рыбная промышленность; рыбозаводы; Госрыбтрест; рыбная отрасль.

«В войну мы выжили благодаря рыбе…». – Ю.Г. Вельских – генеральный директор Нижнеангарского рыбозавода.

Именно так высказался однажды заслуженный летчик-испытатель СССР, заслуженный мастер спорта, Герой Советского Союза Александр Михайлович Тюрюмин на церемонии открытия турнира юных северобайкальских боксеров на призы его имени.

А. М. Тюрюмин вспомнил как при поступлении в Бугурусланское летное училище члены медкомиссии были просто поражены его отменным здоровьем, потому что поступал он в это училище сразу после Великой Отечественной, а дети войны, пережившие голод, как известно, здоровьем как раз не отличались. В тот самый момент он сказал медикам: «В войну мы выжили благодаря рыбе, ибо в ней есть все для нормального развития человеческого организма...» [6, л. 22].

Как утверждают старожилы, и следует из исторических фактов, бывший и нынешний Нижнеангарск был сформирован благодаря рыбным промыслам. Местное население, не обладая ни достаточными средствами, ни орудиями промыслового лова, ни приобретенным для этого умением, отдавали права и возможности для лова крупным рыбопромышленникам в аренду. Основными и постоянными их подрядчиками были известные иркутские купцы Улишев, Шипунов и Сверлов [9, л. 36].

Арендная плата была дешевой: по 20 руб. с невода. При наличии в среднем до 60 неводов местное население – эвенки, таким образом, извлекали до 1200 руб. в год, тогда как рыбопромышленникам удавалось извлечь из лова и продажи до 100 тысяч руб. ежегодно [13, л. 2].

Еще весной, в апреле, по льду стекались артельные люди из Иркутской губернии и Забайкалья в Нижнеангарск. Добыча рыбы производилась дважды –летом и осенью. Первая путина начиналась в конце мая и продолжалась до половины июля. Случалось, что в это время на одну тоню выбирали до 50 бочек омуля, каждая из них вмещала до 20 пудов рыбы. Ближе к осени наступало время основного лова, который производился

уже не в Байкале, а в Верхней Ангаре во время «рунного хода» омуля, то есть во время его нереста. Способ добычи на Байкале и в реке был почти одинаков. Там и тут ловили неводом с той лишь разницей, что невода, применяемые на Байкале, были значительно больше речных [14, л. 40].

При каждом неводе состояло до 15 – 20 рыбаков во главе с «башлыком». Нанимали их на все время путины, продолжавшейся до 4 месяцев. Кроме неводных рабочих на промысел нанимались и женщины, так называемые «чищалки». В их обязанности входило потрошение рыбы и ее засолка. Труднее всего приходилось, конечно же, неводным рабочим. Два-три раза в сутки им нужно было выметать и выбирать невод, находясь в холодной воде по нескольку часов [5, л. 11].

Основной добычей промысла являлся омуль, однако вылавливали также хариуса, осетра, тайменя, сига. Пойманная рыба приготавливалась единственным способом – засолкой. В небольшом количестве для пропитания самих рабочих готовилась вяленая рыба – «апчаны» и «порсо» – отваренные ломтики рыбы, освобожденные от костей и подвяленные затем на солнце [15, л. 49].

Приготовленная рыба грузилась на суда и отправлялась в Иркутск, где она и поступала на реализацию в торговлю.

Таким образом, осуществлялись рыбные промыслы в Северобайкалье до так называемого советского периода в его истории...

В начале 1940-х гг. на базе небольших рыболовецких артелей было создано первое государственное предприятие в крае – Нижнеангарский рыбозавод. В дополнении к нему были созданы и три рыболовецких колхоза – в Душкачане, Дагарах и Байкальском. Основой производства завода стала добыча и переработка рыбы. Практически весь омуль шел на посол, т. к. морозильное оборудование отсутствовало, сохранить рыбу можно было только в соленом виде. В зимнее время проводился подледный лов частиковых видов рыбы – сороги, окуня, язя, щуки и налима. В этот период рыба замораживалась естественным холодом. Рынок сбыта в период становления рыбозавода по-прежнему ориентировался на все тот же Иркутск [12, л. 68].

В 1942 г. из г. Очаков в Нижнеангарск был эвакуирован консервный завод. Он был смонтирован в центре Нижнеангарска в районе и в том же году приступил к выпуску консервов. Ассортимент выпускаемой продукции был ориентирован на собственное рыбное сырье. Все необходимое – жесть, соль, перец, томатная паста и многое другое – завозилось по водополью из других районов страны. Значение рыбозавода для экономики и населения района в годы войны невозможно недооценить, ибо он стал, по существу, кормильцем людей, трудившихся в ту пору под одним-единственным девизом: «Все для фронта! Все для победы!» [7, л. 64].

Ветеран рыбозавода Аграфена Васильевна Бобровникова вспоминает: «Это сейчас легко рассказывать о том, что выпало тогда на нашу долю. Нести ее было намного трудней. Кем только не работали женщины тех лихих лет. Они рыбачили, сами вязали и ремонтировали сети, работали на пилораме, делали бочки и ящики, водили катера и мотодоры, заготавливали дрова. Одну из рыболовецких бригад возглавляла Мария Урончина, а другую – 15-летний подросток Юра Саляхутдинов. По-настоящему ударно трудились Мария Георгиевна Улючерева, Анна Степановна Власова, Валя Парамонова, Дуся Клашникова... Сейчас всех и не упомнишь. Токарем и раскройщиком жести работала Мария Ивановна Шадрина, мотористом ходила на катере Ульяна Викторовна Скуратова, возила грузы по колхозам и из колхозов, сама грузила и разгружала. В те военные годы наш завод перерабатывал до двадцати тыс. ц рыбы! Невода тянули вручную, ходили на рыбалку на гребях... Без малого восемьсот жителей района награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», и

не будет ошибки, если скажем, что добрую половину из них составляют работницы Нижнеангарского рыбозавода... Честь и хвала им за это!» [8, л. 1].

До двадцати тыс. ц рыбы за год!.. Трудно даже представить, как это тогда удавалось. В нынешнее время, в течение многих лет, в лучшие из них добывалось не более 8 тыс. ц. Поистине по-стахановски, ударно работали нижнеангарские рыбачки в те лихие года!.. [10, л. 124].

В 1953 – 1954 гг. в связи с поднятием уровня Байкала из-за строительства Иркутской, каскадов Братской ГЭС и переноса из с. Макаринино в п. Усть-Баргузин Баргузинского рыбозавода было принято решение о переносе консервного завода в названный портовый поселок. Это решение было связано с экономическими интересами республики, поскольку консервный завод всю долгую зиму работал только на складское производство из-за отсутствия транспортных коммуникаций, транспортных связей с центром республики –весь завоз компонентов и готовой продукции осуществлялся только в летний период и только по воде. К тому же и сырьевая база не позволяла увеличивать производство консервов. Усть-Баргузин же был связан с Улан-Удэ автомобильным трактом, что позволяло осуществлять перевозки в течение всего года. Кроме того, именно в 1960-е гг. начался интенсивный промысел рыбы в морях и океанах, потому часть вылова направлялась для переработки на внутренние предприятия страны. Таким образом, с 1954 г. Нижнеангарский рыбозавод вновь вернулся только к добыче и посолу рыбы [11, л. 28].

Выпущенная рыбопродукция в большей части отправлялась через Усть-Баргузин в Улан-Удэ – это был в основном омуль. Значительная часть частиковой рыбы отгружалась на Усть-Баргузинский рыбозавод для выпуска консервов [4, с. 109 – 115].

Техническое перевооружение Нижнеангарского завода началось в конце 1950-х и начале 1960-х гг. Завод получил сразу два приемотранспортных судна типа ПТС-150. Эти суда обладали грузоподъемностью до 50 т, ими обеспечивался завоз и вывоз грузов, работали они не только на рыбозавод, но и на весь Северо-Байкальский район, играя важную роль в его социально-экономическом развитии [3, с. 154].

В конце 1960-х и в начале 1970-х гг. завод стал оснащаться и малым промысловым флотом. Это суда проекта 102 и 902, метчики для лова рыбы в озерно-соровой системе. Именно малый промысловый флот позволил рыбакам перейти на эффективный лов тралеванием закидными байкальскими неводами. Раннее рыбаки были прочно привязаны к постоянным тоням, то есть к одним и тем же местам постоянного лова. Там находились вороты с лошадьми для вытягивания невода, а позднее и передвижные электростанции с лебедками. Их перебазировка требовала много времени и усилий, а также ровного, то есть не закоряженного грунта для притонения. Надо ли говорить о том, что возможности для маневра были более чем ограничены [1, с. 307].

При тралении таких условий уже не требовалось. Невод рыбаки закидывали в разных районах акватории, и его выборка на катамаран производилась на глубине прибора (место, где выбирают невод) в 1,5 – 2 метра. Так как рыба далеко не всегда подходит к местам традиционного лова, траловый способ предоставил широкие возможности для быстрой переброски орудий лова в тот или иной район, где были обнаружены косяки рыбы. Особенно эффективно траление сказалось на летней добыче частиковых видов, когда из-за поднятия уровня воды в озерно-соровой системе (р.р.Кичера, Верхняя Ангара) невозможно было найти места для стационарных притонений. Производительность труда рыбаков сразу же и заметно возросла [2, с. 124].

В путинах 1988 г. на добыче рыбы впервые был применен рыбопоисковый эхолот, что существенно увеличило возможности и весомо отразилось на экономических показателях. Рыбаки, проходя с эхолотом, определяли концентрацию рыбы в том или

ином районе и лишь, затем закидывали невод. Таким образом, в настоящее время практически не существует пустых притонений, заметно экономятся моторесурс промысловых судов, горюче-смазочные материалы, уменьшается износ орудий лова [4, с. 99].

Завод являлся градообразующим для Нижнеангарска. На рыбозаводе была пущена своя электростанция на основе дизелей чехословацкого автомобильного концерна «Шкода». Электростанция обеспечивала энергией не только нужды завода, но предприятий и населения самого Нижнеангарска, а также поселков Душка-чан и Байкальское. В начале строительства объектов Бурятского участка БАМа, пока через перевал Даван не была проведена ЛЭП-220, Нижнеангарский рыбозавод обеспечивал электроэнергией и транспортных строителей. Для этого бамовцы пристроили к электростанции рыбозавода еще один блок, установив два мощных дизеля. В успешном строительстве первых объектов БАМа на северобайкальской земле есть и вклад рыбозавода [4, с. 100].

С началом строительства Бурятского участка БАМа на плечи работников рыбозавода легло обеспечение транспортных строителей рыбной продукцией. Ведь население района к тому времени увеличилось более чем в десять раз, расширилась сеть школьных и дошкольных учреждений, открывались новые столовые и котлопункты. Львиную долю своей продукции завод стал реализовывать на месте, расширяя ее ассортимент. В ход пошла не только соленая, но и вяленая и копченая рыба, свежая поступала на реализацию [4, с. 101].

В связи с окончанием строительства БАМа и значительным оттоком населения, низкой покупательской способностью жителей района руководство завода было вынуждено искать новые рынки сбыта. Для этих целей в 1995 г. завод приобрел новое судно-рефрежератор ПТР-50 грузоподъемностью в 50 т. С этого времени продукция и в летнее время регулярно поставлялась в Улан- Удэ и Иркутск. По железной дороге за продукцией следовали представители организаций торговли и предприниматели из Таксимо, Коршунихи, Братска, Красноярска [4, с. 102].

Благодаря сплоченности коллектива, сознательному отношению людей к делу, рыбозавод с трудом, однако остался на плаву в 1990-е гг. В рассматриваемый период выплачивались все причитавшиеся государственные налоги, отчисления в различные фонды, заработная плата, осуществлялась благотворительность, забота о пенсионерах и строилось жилье. Например, в микрорайоне Сырой Молокон половину поселка составляли одноквартирные и двухквартирные жилые дома работников рыбозавода, был свой магазин, производство пиломатериала. За счет завода была смонтирована телерелейная приемная установка [4, с. 103].

В Нижнеангарске был открыт районный Центр помощи детям на базе заводского бывшего детского садика «Подснежник», переданного в свое время в муниципальную собственность. Здание и имущество были переданы Центру в полной сохранности, вплоть до пианино и постельных принадлежностей. Была оказана помощь в снабжении кухонным оборудованием, в налаживании небольшого подсобного хозяйства. Регулярно снабжались дети-сироты Центра рыбой, крупами и другими продуктами питания.

В 2000 г. на рыбозаводе работало порядка 120 человек, основу трудового коллектива составляли коренные жители Северобайкалья. Руководящее звено составляли выпускники Тобольского техникума рыбной промышленности, в том числе и директор завода Ю. Вельских.

Практически всю жизнь проработала на заводе и ушла на пенсию выпускница техникума Валентина Агафоновна Демина. Большой вклад в становление и развитие завода внес мастер добычи рыбы Владимир Иванович Карпушин. При его

непосредственном участии и руководстве происходило техническое перевооружение завода и рыбных промыслов, в том числе траловый способ добычи рыбы.

На заводе сложились целые рыбацкие династии. Одна из них – Жи- воглядовы. Еще задолго до открытия завода, рассказывали, что «башлычил» в северобайкальских водах великолепный их знаток Максим Павлович Живоглядов. Достаточно продолжительное время осуществлял свою трудовую деятельность его сын Павел Максимович. Вместе с ним трудились на лове рыбы три его сына, и даже внук. Широко известна в Северобайкалье династия Пашинских во главе с Виктором Романовичем.

Нелегкий и опасный труд рыбаков всегда высоко оценивался обществом и государством. Ордена Ленина украшали праздничные «мундиры» рыбаков Нуретдина (Юрия) Архамовича Саляхутдинова и Алексея Игнатьевича Балдакова.

Орденом Трудового Красного Знамени люди награждались только за особые заслуги. Этой высокой чести был удостоен рыбак Петр Иванович Копылов. Орденом Трудовой Славы восемнадцать лет назад был награжден Павел Максимович Живоглядов. Орденом «Знак Почета» были награждены Юрий Викторович Шестаков, Владимир Иванович Карпушин, Тамара Сергеевна Сороковикова, Александра Николаевна Шестакова. Девятнадцать работников завода были отмечены медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали».

На заводе работал давно сложившийся со своими традициями и преемственностью поколений, преданный делу трудовой коллектив единомышленников и патриотов. В нелегкую страдную пору путины специально приглашать на работу никого не нужно было. Суда с уловом еще на подходе, а народ уже на берегу – так и кажется, что люди только тем и заняты, что следят за рыбацкой удачей. Впрочем, так оно и есть на самом деле.

Для примера можно привести такой случай. В шесть часов вечера на завод сообщили, что почти одновременно идут к берегу все три бригады с богатым уловом. Каждая из них добыла по двести с лишним ц «живого серебра». Трудовой коллектив без всякого оповещения собрался на берегу у пристани. В восьмом часу утра весь улов до последней рыбины был качественно обработан... [4, с. 104].

Заключение

Таким образом, руководители Нижнеангарского рыбозавода принимали меры по налаживанию собственного промысла в низовьях рек, озер, отличавшихся высокой рыбопродуктивностью. За годы войны, несмотря на предпринимаемые меры, не удалось провести полную механизацию промыслов, обеспечить предприятия отрасли квалифицированными управленцами и специалистами по добыче и переработке рыбы. Тем не менее, рыбаки Нижнеангарского рыбозавода внесли свой вклад в продовольственное обеспечение страны.

За годы первой послевоенной пятилетки в основном была проведена реорганизация рыбной промышленности, обусловленная переводом экономики страны на мирные рельсы и изменением задач, стоящих перед отраслью. Была создана централизованная система управления и оптимизирована структура предприятий рыбной промышленности.

В 1970 – 1980-х гг. начался завоз на некоторые рыбозаводы океанической рыбы с Атлантического и Тихого океанов для переработки и изготовления рыбной продукции, а также ее реализации через торговую сеть.

Таким образом, безусловно, верны слова Героя Советского Союза Александра Михайловича Тюрюмина, когда он высказал мнение, что его поколение выжило в войну исключительно благодаря рыбе.

Список литературы

1. Аргунова (Ангадаева) Ю. Ю. Проблемы комплектования руководящих и инженерно-технических кадров на предприятиях рыбной отрасли Иркутской области в первой половине 1950-х гг. // Вестник ИРГТУ. 2015. № 6 (101). С. 307.
2. Аргунова (Ангадаева) Ю. Ю. Развитие рыбной отрасли Иркутской области в 1950 – 1960-х гг. // Известия ИГЭА. 2014. № 3 (95). С. 124.
3. Гайдин С. Т. История охотничьего и рыбного хозяйства Приенисейского региона (1822 – 1991 гг.) / С. Т. Гайдин, Г. А. Бурмакина; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2015. – 370 с.
4. Голубая нива Бурятии. М-во сельского хозяйства и продовольствия РБ. – Улан-Удэ: Респ. тип., 2001. С. 109 – 115.
5. Государственный архив Иркутской области (ОГКУ ГАИО). Постановления и переписка о мероприятиях по охране и ловле соболя, нерпы, омуля (1926 – 1927 гг.). Постановление Иркутского губисполкома от 4.06.1926 г. №41. Ф. р-218. Оп. 1. Д. 30. Л. 11 – 13, 2, 4, 7, 16.
6. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ОГКУ ГАНИИО). Протоколы общих собраний коммунистов за 1951 г. ГАНИИО. Ф. 1358. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.
7. Государственный архив Республики Бурятия (ГАУК ГАРБ). Годовые планы работы инспекций рыбоохраны. ГАРБ. Ф. р-1712. Оп. 1. Д. 515. Л. 64.
8. Документы по охране нерестового омуля за 1976 г. ГАРБ. Ф. р-1712. Оп. 1. Д. 541. Л. 1 – 2.
9. Материалы о работе секции охраны леса, рыбных запасов, диких животных, садоводства. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 49. Л. 36. Л. 63.
10. Материалы о работе секции охраны рыбных ресурсов. ГАНИИО. Ф.р-3018. Оп. 1. Д. 27. Л. 2.
11. Переписка с госрыбохраной, с Облпотребсоюзом по охране рыбных запасов и регулированию водоемов. ГАИО. Ф. р-2739. Оп. 1. Д. 62. Л. 49.
12. Положение о Байкальском и Прибайкальском охотничьем хозяйстве. Постановления об утверждении промыслово-рыбацких угодий 1928 – 1930 гг. ГАИО. Ф. р-218. Оп. 1. Д. 136. Л. 68, Л. 93.
13. Протоколы заседаний. ГАРБ. Ф. 1-п. Оп. 1. Д. 3986. Л. 124.
14. Сводный годовой отчет о работе совета и справки о дополнительных мерах по обеспечению рационального использования и сохранения природных богатств в бассейне оз. Байкал за 1977 г. ГАНИИО. Ф. р-3018. Оп. 1. Д. 224. Л. 40.
15. Социальные обязательства Усть-Баргузинского рыбокомбината за 1947 – 1950 г. ГАРБ. Ф. п-876. Оп. 1. Д. 16. Л. 28; Л. 29.

УДК 94 (470)

Некоторые аспекты строительства трассы Абакан – Тайшет

Ахтамов Евгений Александрович
кандидат исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций
Красноярск, Россия
akhtamov@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-1522-220X

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрен ряд аспектов строительства железнодорожной линии Абакан – Тайшет, вошедшей в истории как «трасса мужества»: сложные условия, в которых происходило строительство; последствия сложных климатических и геологических условий, с которыми столкнулись железнодорожники в ходе эксплуатации железнодорожной линии; работа комиссии по устранению выявленных недостатков; значение железной дороги для хозяйственного развития Сибири. При подготовке данной статьи автор опирался на работы, посвященные истории Красноярской железной дороги, и, в том числе, истории строительства дороги Абакан – Тайшет.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Трасса Абакан – Тайшет, Южная Сибирская железная дорога, Транссибирская железнодорожная магистраль, геологические изыскания.

В 1954 – 1965 годах были проведены большие работы по развитию сети железных дорог, в частности на таком направлении как Новокузнецк – Абакан – Тайшет. В 1958 году началось строительство восточного участка Южно-Сибирской магистрали: Абакан – Тайшет. Одновременно со строительством выполнялись работы по электрификации этого участка.

Представляет интерес то, что работы по возведению мостовых переходов через реки Абакан и Енисей, а также Минусинскую протоку, начались еще до того, как был утвержден технический проект. Современники отмечали, что «… мосты через Енисей и Абакан не обычные, по ним одновременно будут двигаться поезда и автомобили. Впервые в практике советского мостостроения эти искусственные сооружения возводятся без кессонных работ на специальных свайных основаниях». [2, с. 120]

В силу этого, мостостроители оказались в сложном положении в связи с тем, что «галечный грунт дна рек находился в постоянном движении» [2, с. 120]. Это было чревато быстрым износом свай. Инженеры мостового отряда № 5 изобрели особую конструкцию – стальную шпунтовую рубашку, с помощью которой защищали мостовые конструкции. Нестандартное оборудование сваривали из отдельных обрезных листов, экономив таким образом около тысячи тонн металлопроката.

Блочная конструкция опор, предложенная технологами предприятия, также стала новшеством, не имевшим аналогов при возведении столь крупных объектов. Она значительно ускорила строительство мостов, а с его завершением – укладку встречного пути с востока.

В 1959 году было открыто движение через реку Абакан к станции Подсиний, а в 1960 году, с возведением мостового перехода через Енисей, к будущей ветке была присоединена и станция Минусинск [5, с. 128].

Центральный участок строительства магистрали от станции Саянская стал площадкой для работы военных железнодорожников. Сложности, с которыми пришлось столкнуться строителям, подробно описаны в воспоминаниях начальника железнодорожных войск Советской армии, генерал-полковника А. М. Крюкова «Пути и

тревоги» [4]. Так, А. М. Крюков вспоминает о том, что на одной из отметок требовалось проложить выемку длиной двести и глубиной восемнадцать метров. Работы были осложнены тем, что близко к поверхности залегали водоносные слои. Когда удалось справиться с подземными водами, строители столкнулись с новой преградой – скальной породой, с которой пришлось бороться пиротехникам. Однако самой сложной задачей на центральном участке была прокладка земляного полотна вдоль крутых склонов Мана и Крол. На этих участках было построено около девяноста объектов индивидуального проектирования, общей протяженностью свыше шестидесяти километров. В некоторых местах требовалось преодолевать участки вечной мерзлоты толщиной шесть и более метров [4, с. 156]. По свидетельствам строителей, даже лучшие направления проектировщиков представляли из себя «сплошной форс-мажор, который возникал совершенно непредсказуемо, шел откуда-то из-под глыб» [2, с. 121]. Главный инженер проекта Е. Алексеев по поводу сложности строительства отметил: «В практике строительства железных дорог, никому в мире еще не приходилось сталкиваться с такими трудностями» [2, с. 121].

Перед Манским тоннелем, строители столкнулись с неожиданной проблемой – когда военные путейцы подошли к объекту, готовые начать укладку рельсов, оказалось, что сам тоннель для этого еще не готов. Чтобы не тратить время, решили перебросить рельсы на противоположную сторону тоннеля. Сложность была в том, что сделать это можно было только на машинах – по горному перевалу, по узкой дороге с негабаритным грузом. На этих работах отличился молодой человек Степан Богданов [2, с. 122].

Во время строительства тоннелей, еще до ввода их в эксплуатацию, стало очевидным недостаточное качество бетона. Также, условия строительства усложнялись за счет того, что по проекту не были предусмотрены дренажные устройства. Своды некоторых искусственных сооружений начали осыпаться уже в первый год эксплуатации. В отдельных случаях происходили сквозные провалы, в том числе и с выпадением бетона на путь. Это стало одной из причин того, почему заявленная по проекту скорость движения поездов на трассе – 70 – 80 километров в час – практически не выдерживалась, а где-то ее приходилось ограничивать даже втрое [2, с. 122].

Особую сложность представляло сооружение пути на склонах холмов и гор. В весеннюю распутицу, при таянии снегов, дренажная система едва помогала справляться с талой водой. Так, на Тимирязевском участке оползневый косогор в семьдесят метров высотой надолго задержал строителей. На подступах к нему тонули машины и механизмы. «… Не помогала никакая дренажная система, в том числе и четырехслойный бревенчатый настил, более того, сам косогор становился подвижным, сползая вниз, вместе с деревьями. Строители, пройдя малое расстояние от Тайшета, застряли на восточном участке надолго, поскольку в корне пришлось переделывать сам проект» [2, с. 123]. Для укрепления насыпи был сооружен контрбанкет, сама трасса была спущена ниже, слабые грунты были заменены на галечник, который легко пропускал воду. Такие трудности испытывали строители на Абакумовском, Донском, Туманшетском участках. В некоторых метах строители были вынуждены обходить участки, склонные к оползням. Например, в районе Абакумовки, строители перенесли линию трассу на два километра от первоначального проекта. Некоторые участки строители были вынуждены законсервировать, вместо них переключались на другие участки.

Чрезвычайно сложные климатические и геологические условия, сжатые сроки, не могли не сказаться на результатах строительства. Известно, что весной 1966 года, после нескольких месяцев постоянной эксплуатации стали проявляться проблемы, вызванные тем, что в ходе строительства не были учтены все условия

функционирования дороги. Так, отсутствие нагорных канав на ряде выемок ветки примыкания Клюквенная – Саянская и на участке Кравченко – Мана уничтожило откосы и вынесло грунт на пути. Общая протяженность участков, где произошли размывы нагорных канав и кюветов, составила свыше семнадцати километров. Земляное полотно, которое в ряде мест сооружалось непосредственно в год сдачи трассы в постоянную эксплуатацию, имело просадки и сдвижки опор контактной сети [3, с. 124].

Учитывая значимость новой дороги, которая в связи с обострением советско-китайских отношений приобретала все большее стратегическое значение, открыто говорить о ее недостатках было не принято. Однако молчать железнодорожники не могли. Хотя бы потому, что «проектировались новые стальные ветки, которые могли элементарно повторить ошибки, возникшие при сооружении «трассы мужества»». И повторяли, о чем свидетельствовал опыт параллельного строительства северной дороги Ачинск – Абалаково – Маклаково, которое завершилось в 1967 году: там тоже были недостаточно прочные, глубоко промерзающие грунты, также наблюдались частые сплывы откосов, размывы, просадки и пучины» [2, с. 125].

Путейцы Абаканского отделения Восточно-Сибирской железной дороги первыми забили тревогу, настояв на проведении в Хакассии крупного совещания по проблемам земляного полотна. Совещание состоялось в Абакане в сентябре 1966 года. Председатель Комитета по земляному полотну при научно-техническом совете Министерства путей сообщения и Минстроя СССР Г.М. Шахунянц отметил: «Крупные дефекты, имевшиеся на пути и земляном полотне привели к тому, что на принятой в декабре 1965 года линии Абакан – Тайшет к августу 1966 года проектная скорость движения так и не достигнута» [2, с. 125]. По результатам совещания, было решено создать на дистанциях пути бригады по текущему содержанию и ремонту земляного полотна. Эти бригады – специализированные соединения, оснащенные необходимыми машинами и механизмами. Главный инженер Восточно-Сибирской железной дороги В. Реймаров отметил: «В процессе эксплуатации линии, путейцам придется выполнять трудоемкую работу по доведению балластного слоя до установленных норм» [2, с. 126]. Постепенно все выявленные недочеты были устранены. Стоит отметить, что в связи с высокой востребованностью и ростом грузоперевозок, развитие линии Абакан – Тайшет не останавливалось: вводились новые двухпутные участки, проводилась реконструкция энергетической инфраструктуры.

Участок Абакан – Тайшет был введен в эксплуатацию в декабре 1965 года и вошел в состав Абаканского отделения железной дороги [1, с. 135]. Трасса Абакан – Тайшет, как часть Южно-Сибирского железнодорожного пути, связала в единый транспортный конвейер районы Урала, Казахстана и Сибири, открыла кратчайший путь в районы Поволжья и Европейской России, позволила соединить Восточную Сибирь с Кузбассом, а также разгрузить работавшую с большим напряжением Транссибирскую железнодорожную магистраль.

Список литературы

1. Аксененко Н. Е., Лапидус Б. М., Мишарин А. С. Железные дороги России: от реформы к реформе. М.: Транспорт, 2001. 335 с.
2. Корчин В. А., Юрлов Н. А. По шпалам из века в век. Очерки истории путевого хозяйства Красноярской железной дороги (1893 – 2011). Красноярск: ООО «Удачный экспресс»: ПИК «Офсет», 2011. 304 с.
3. Крутиков А. И. За туманом. Абакан: ООО «Журналист», 2010. 214 с.
4. Крюков А. М. Пути и тревоги: записки военного железнодорожника. 2-е изд., испр. и доп. Петрозаводск: Карелия, 1982. 288 с.

5. Чагин В. В., Саклаков В. Г. Стальное звено Транссиба: 100 лет Красноярской железной дороге. 1899 – 1999. Красноярск: Кн. изд-во, 1998. 464 с.

УДК 94 (470)

Особенности сельскохозяйственного освоения Сибири в период НЭПа

Бакшеев Андрей Иванович
кандидат исторических наук, доцент
заведующий кафедрой философии
и социально-гуманитарных наук
Красноярский государственный медицинский университет
им. В.Ф. Войно-Ясенецкого МЗ РФ
baksh-ai@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Аграрный кризис в Советской России в 1920-е годы привел к миграции крестьянства в обширные малоосвоенные районы Сибирского края, а изменение характеристик миграционных процессов и миграционной политики в течение этого периода - к появлению различных последствий миграции.
Цель исследования: осуществить анализ миграции населения европейской части Советской России в Сибирь в 1920-е годы.
Задачи исследования: 1. Рассмотреть предпосылки миграции населения Советской России в Сибирь и ее поэтапную реализацию в 1920-е годы; 2. Определить цели миграционной политики советского правительства на различных этапах миграционного процесса в период 1920-е годов и административно-правовое регулирование миграции населения.
Практическая значимость исследования состоит в том, что даже сегодня последствия миграции являются неоднозначной и в большинстве случаев сложно решаемой задачей. В связи с чем, исторический опыт миграции населения Советской России в Сибирь в 1920-е годы интересен не только динамикой оценки последствий, но и актуальностью этой проблемы сегодня, в связи с теми миграционными процессами, которые происходят на территории Российской Федерации в настоящее время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Аграрное перенаселение, миграция населения; миграционная политика; мигранты; Сибирь, крестьянство, земельный фонд.

После завершения гражданской войны препятствием к ликвидации проблемы голода и низкого развития сельскохозяйственного производства в Советской России стала проблема аграрного перенаселения - совокупности причин и условий, вызывавших безработицу на селе и стремление крестьян мигрировать на малоосвоенные земли пригодные для ведения сельского хозяйства за пределами европейской части России, в том числе, в Сибирь.

Положительную оценку миграции крестьянства в Сибирь дал В.И. Лениным, который считал, что миграция на неосвоенные земли вызовет усиление расслоения крестьянства благодаря тому, что принимают участие в переселении, как правило, крестьяне-середняки, а бедняки и зажиточное крестьянство остаются. Данные обстоятельства приводят к ускорению процессов расслоения крестьянства как на местах исхода, так и на местах поселения, поскольку у мигрантов не сразу и не всегда получается сразу успешное ведение хозяйства и они, как правило, сначала идут работать наемными работниками к старожилам [9].

Миграция крестьянства в Сибирь в начале 1920-х годов в основном являлась средством спасения населения от последствий гражданской войны и последовавших за ней голода и разрухи. Подавляющее большинство крестьян мигрировало в надежде на спасение от социальных катаклизмов послевоенного времени. Советское правительство также считало миграцию населения в Сибирь вынужденной необходимостью, средством сглаживания продовольственной проблемы и снижения

аграрного перенаселения в европейской части России. Это и было основной и первоочередной задачей для страны в 1920 – 1921 годах [6].

Однако отсутствие достаточного свободного земельного фонда пригодного для земледелия на местах прибытия снизило эффективность идеи послевоенного аграрного освоения Сибири. Так, на начало 1920 г. в Сибири на 100 тыс. чел. было более 1 млн. десятин условно пригодного свободного земельного фонда, т.е. нуждавшегося в подготовительных работах, но по факту в наличии было менее половины от заявленного, поскольку значительные площади якобы свободной земли уже принадлежали либо старожилам, либо ранее прибывшим мигрантам. При этом, ситуация осложнялась значительным количеством незарегистрированных мигрантов, которые прибыли в Сибирь в годы гражданской войны и революции, всего более 370 тыс. чел. [4].

За 1920 – 1921 годы в Сибирь прибыло еще более 340 тыс. переселенцев, большинство из которых осталось на землях крестьянского населения Западной Сибири, которая была более обжитой, в то время как свободные земли были, в основном, в менее освоенной Восточной Сибири. Мигрировавшие в Западную Сибирь селились на уже освоенных крестьянских землях, вызывая недовольство местного населения. Согласно официальным данным, только из числа зарегистрированных мигрантов 97 % (без учета нелегальных мигрантов) было расселено на территориях уже существующих крестьянских общин [4].

В связи с этим, циркуляром Наркомзема РСФСР от 21 марта 1921 г. переселение в Сибирь было запрещено, однако массовая нелегальная миграция населения европейских губерний Советской России в Сибирь продолжалась и в дальнейшем, насчитывая до 100 тыс. переселенцев в год, хотя и носила стихийный характер [11].

Окончание «военного коммунизма» и начало законодательного регулирования внутренней и внешней миграции населения РСФСР привели к тому, что в 1924 году стихийная миграция населения Советской России сменилась ее планированием и 17 октября 1924 г. СТО РСФСР было принято постановление «О ближайших задачах колонизации и переселения», в котором впервые за годы советской власти были сформулированы основные положения и главные задачи миграционного процесса, а 6 июля 1925 г. декретом ВЦИК и СНК СССР было подтверждено постановление СТО о начале планового переселения в Сибирь [10].

С учетом предыдущего опыта крестьянской миграции в России, аграрного перенаселения, сохраняющегося в 1920-е годы, и, по мнению большевистского руководства государства, а также возможностей плановой экономики, было предложено рассмотреть переселение крестьянства на новое место жительства как основу новой организации производства сельхозпродукции на ближайшие годы. Даже были созданы перспективный план переселенческого движения на 10 лет (1926 – 1936 гг.) и «Генеральный план освоения Сибирского края на 15 лет (1924 – 1940 гг.)» [8].

Также было принято решение включать в списки мигрантов наиболее устойчивые крестьянские хозяйства, обеспеченные сельскохозяйственным инвентарем и способные собственными силами обрабатывать землю, а также тех, кто проживал на территориях сильного малоземелья. Таким образом, одновременно решались задачи максимального увеличения возможностей выживания домохозяйства на месте прибытия и снятия напряжения в малоземельных регионах страны. При этом в целях обеспечения прочности домохозяйств мигрантов земля выделялась не подушно, а подворно.

Значительный рост темпов миграции вынудил советские руководящие органы на местах к постоянному пересмотру планов переселения в сторону увеличения миграционных потоков. Изначально заниженные планы принимались с целью землеустройства внеплановых мигрантов, которые прибыли ранее. К тому же, в апреле

1926 г. Наркомзем разрешил «движение ходоков», т.е. людей, которых направляли от переселенческого общества или семьи, которая планировала переезд с целью осмотреть предложенные участки в указанных районах и, в случае соответствия их требованиям, оформить на свое общество [1].

Вместе с тем, в последней трети 1920-х годов миграционная политика в РСФСР начала радикально изменяться. Формально это было результатом негативной оценки результатов управления миграционными процессами, возникшими после начала плановой миграции в 1924 году, которую летом 1927 года поставила Комиссия Наркомзема РСФСР, выявив значительные «недочеты» в организации миграции. В районах отправления «недочеты» заключались в стихийном перемещении десятков тысяч крестьянских дворов, в местах назначения - в плохом состоянии подготовки земельного фонда и условий жизни переселенческих домохозяйств. Особенно тяжелым было положение мигрантов на Дальнем Востоке, где заранее не были определены нормы землевладения [2].

Негативные выводы Комиссии Наркомзема об управлении миграцией были предсказуемы, поскольку результаты миграции в 1920-е годы оказались значительно хуже дореволюционных как по масштабам миграции, так и по ее стоимости.

Созданная заново в 1920-е годы советская миграционная администрация предвзято относилась к опыту своих предшественников, а устранение вышеупомянутых «недочетов» потребовало значительных затрат времени и средств. При этом по-прежнему считалось, что роль миграции, несомненно, возрастет по мере индустриализации Сибири и Приморского края и необходимости увеличения производства товарно-зерновой продукции. Поэтому, учитывая актуальность экономической политики, связанной с переселением населения в Сибирь, была предпринята попытка пересмотреть управление миграцией «на предмет ее целесообразности» [12].

В связи с этим, если еще в 1927 г. миграция населения была скорее «аграрной» и главной целью переселения было смягчение ситуации на селе в европейской части СССР путем переселения избыточного населения, то уже со второй половины 1927 г. первоочередной задачей становится освоение природных богатств края, подготовка сырьевой базы для индустриализации Сибири. Так, с 1927 г. были сняты ограничения на переселение в Сибирь безземельного и малоземельного крестьянства. Более того, они получили преимущество в праве на материальную помощь и первоочередное переселение в сравнении с зажиточными слоями населения [7]. Таким образом, были созданы условия для массового наплыва рабочей силы в регион.

При этом усилия по стимулированию миграции проявлялись, с одной стороны, в попытке включения их в план первой пятилетки (1928 – 1933 гг.), а с другой стороны, в основательном изучении последствий миграции для экономики страны с целью обоснования ее целесообразности.

Планирование миграции было обусловлено необходимостью оценить ее эффективность для социалистической экономики. Эффективность миграционного процесса определялась, как на предстоящие пять лет, так и на более долгосрочную перспективу. Невысокая оценка итогов миграции в рамках первого пятилетнего плана коренилась в понимании ее ограниченного влияния на решение продовольственной (зерновой) проблемы, которая обострилась в конце 1920-х годов [3].

Расходы и потери пятилетнего плана, связанные с управлением миграцией, включали в себя: расходы на подготовку земельного фонда; транспортировку мигрантов; условия их проживания; потери от недостаточного посева в районах выезда; невозвращенные кредиты и убытки от заниженных процентов по кредитам. В совокупной сумме расходов (согласно плана в размере 510 млн. рублей) наибольшие

статьи включали расходы на подготовку земельного фонда (211 млн. рублей) и обеспечение условий проживания мигрантов (133 млн. рублей) [5].

Учитывая реальное состояние дел у мигрантов-крестьян в первые после прибытия годы ожидалось, что увеличение доходов от сельскохозяйственного производства будет получено только в следующей пятилетке, а относительно медленный рост домохозяйств новых мигрантов будет компенсирован ростом домохозяйств ранее обосновавшихся мигрантов.

Было также признано, что при существующем экстенсивном земледелии урожайность в период первой пятилетки не будет высокой, а уровень товарности домохозяйств мигрантов останется низким (не более 20 %). При этом 25 % домохозяйств мигрантов должны были быть охвачены коллективизацией [5]. В действительности плановые показатели коллективизации крестьянских домохозяйств значительно отстали от реальных величин.

Пятилетний план на 1928 – 1932 годы интересен своими выкладками, связанными с концепцией «развития окраин», которая регламентировала существенные изменения в экономическом развитии заселяемых территорий. Следует отметить, что согласно данной концепции, сельское хозяйство мигрантов было не более чем «подспорьем», а основной целью была реализация концепции промышленного развития регионов РСФСР, в которой миграция должна была играть важную роль обеспечения промышленности рабочей силой, включая лесозаготовительный сектор.

Планировалось, что профессиональная структура мигрантов должна была соответствовать структуре местного населения, среди которых преобладало крестьянство. Следовательно, предполагалось, что мигранты обеспечат в районах переселения одновременное развитие, как промышленности, так и сельского хозяйства, как продовольственной базы индустриализации.

В результате, по приблизительным подсчетам, доходы экономики Советской России от миграции должны были составить 688 млн. рублей, из них за счет сельского хозяйства - 100 млн. рублей, промышленности – 455 млн. рублей, сокращение потребления в районах выезда – 134 млн. рублей, а прибыль от миграции была запланирована в размере 179 млн. рублей, в которой наибольшее значение должна была иметь промышленность [5]. Таким образом, планируемые доходы от миграции на первую пятилетку в первую очередь отражали результаты индустриализации.

Одновременно в плане на 1928 – 1932 годы уделялось серьезное внимание предстоящим положительным изменениям в экономических преобразованиях в результате миграции в отдаленные районы Сибири, вследствие увеличения добычи ископаемых ресурсов, строительства железных дорог и иных путей сообщения, формирования продовольственной базы региона, а также лесозаготовок. Развитие зернового хозяйства в местах расселения давало возможность увеличить посевные площади технических сельскохозяйственных культур и, таким образом, развивать сырьевой рынок региона. В этом контексте миграция становилась инструментом модернизации сельского хозяйства, а не просто переселением избытков населения.

В целом по своему характеру процесс миграции населения европейской части Советской России в Сибирь в 1920-х годах является довольно противоречивым. С одной стороны, миграция привела к снижению продовольственной и земельной нагрузки в европейской части Советской России, внутреннему перераспределению производительных сил, дало возможность крестьянам приобрести землю на малоосвоенных территориях. С другой, сокращение государственных расходов на поддержку мигрантов, деноминация национальной валюты и значительное сокращение средств мигрантов привели к недофинансированию и

недоорганизованности миграционного процесса, и, как следствие, к его низкой эффективности.

Список литературы

1. Бакшеев А. И. Большевистская доктрина и аграрное производство в Сибири (1921 – 1929 гг.): монография. Красноярск: КрасГМУ, 2021. 288 с.
2. Baksheev A. I., Novikov P. A., Rakhinsky D. V., Safronov S. A., Burtasova N.S., Yatsenko M. P. Economic Reconstruction in the Russian Far East after the Civil War (1923–1926) // Revista Turismo Estudos & Práticas. 2021. № S1. Pp. 74.
3. Baksheev A. I., Novikov P. A., Safronov S. A., Shtumpf S. P., Rakhinsky D.V. Evolution of the Bolshevik doctrine on the peasant question in 1917–1929 // Laplage Em Revista, 2021. Vol. 7. № Extra–C, Pp. 38 – 47.
4. Дубовский Г. Я. Переселение в Западную Сибирь в 1920 – 1921 гг. // Бахрушинские чтения. Новосибирск: НГУ, 1974. С. 3 – 7.
5. Занданова Л. В. Основные этапы складывания советской переселенческой политики и формирования переселенческих органов// Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2007. С. 27 – 45.
6. Ильиных В. А. Социальные аспекты миграционных процессов в Сибири первой трети XX века // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI вв. Сборник научных трудов / отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск, 2009. С. 44 – 53.
7. Исупов В. А. Индивидуальные крестьянские переселения в города Западной Сибири (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) // Миграционные процессы в азиатской России в XIX – начале XXI вв. Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2009. С. 66 – 93.
8. Красильников С. А. Государственная политика в сфере плановых и принудительных переселений в Сибири (вторая половина 20-х – 1930-е годы) // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания. Новосибирск, 2000. С. 314 – 322.
9. Моисеенко В. Крестьянские переселения в 1920-е годы (из истории миграции в России) // Демографическое обозрение. 2015. № 3. С. 87 – 141.
10. Моисеенко В. М. Из опыта оценки последствий переселений в отечественной литературе в конце XIX - начале XX в.// Население и экономика 2019. № 3(2). С. 10 – 21.
11. Моисеенко В. М. Очерки изучения миграции населения в Росии во второй половине XIX – начале XX столетия. М.: ТЕИС, 2008. 272 с.
12. Овчарова М. А. Аграрные переселения конца 1920-х - 1940-х годов в Западную Сибирь: причины, условия, расселения // Исторический курьер. 2019. № 4 (6).

УДК 94:656.135(571.17)"1946/1965"

Государственное управление автомобильными предприятиями в Кемеровской области в 1946 – 1965 гг.

Батурин Александр Сергеевич
Соискатель по научной специальности 5.6.1 – Отечественная история
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева
Красноярск, Россия
Alex-910891@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-0291-673X

АННОТАЦИЯ В работе рассматривается и анализируется государственное управление автомобильными предприятиями в Кемеровской области в 1946 – 1965 гг. Источниковой базой преимущественно служат газетные периодические издания, выходящие на территории Кузбасса. На их основе автор сопоставляет изменения в процессах развития автотранспорта региона. Немаловажными факторами, которые выделяются в работе, являются персоналии и в первую очередь руководители, осуществлявшие сам процесс работы предприятий. В заключении приводится результат двух десятилетий: какие произошли изменения и какие предприятия стали основными в работе данной отрасли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кемеровская область, автопредприятие, государственное управление, автомобиль.

Изначально важным фактором в работе автотранспорта играли государство и общественные организации. Другим обстоятельством выступало численность и качество работников. Поэтому выявить роль этих обстоятельств и предстоит в дальнейшем. Начнем ее с выяснения роли государственного начала в управлении. Такой выбор не случаен: он отражал экономическую сущность советской системы: согласно конституции ее основой выступала государственная собственность на основные средства производства.

Транспорт является важнейшей артерией для развития экономики и социальной сферы области. В силу того, что в СССР была плановая экономика, государство и управление предприятиями играло неотъемлемую роль в работе автотранспортных предприятий. По мере развития населенных пунктов в числе прочих мероприятий в них создавались специализированные автотранспортные предприятия. В некоторых городах будущей области автотранспортные предприятия появились еще в 1930-е гг.: в Таштаголе – в 1934-м, в Тяжине – в 1938-м, в Ленинск-Кузнецком – в 1939-м [7, с. 8].

Немаловажную роль в организации управления автомобильным транспортом в регионе сыграло образование в 1943 г. Кемеровской области. Укрепление районов и городов в новом регионе стимулировало создание государственных управленческих отраслевых звеньев на местах. В 1943 г. было образовано одно из первых автопредприятий – автоколонна 1237. В 1945 г. было образовано Анжеро-Судженское автотранспортное предприятие и Мариинская автоколонна 2036, в 1949 г. – Юргинское автотранспортное предприятие, в 1951 г. – Кемеровская автоколонна 1962 и Осинниковское ПАТП, в 1953 г. – Киселёвское ПАТП, в 1956 г. – Междуреченское ПАТП, в 1957 г. – Новокузнецкое ПАТП и в 1963 г. – Кемеровское ПАТП [2].

Как правило, советские автотранспортные предприятия состояли из администрации и основных служб: 1. эксплуатационной, которая организовывала и осуществляла перевозки грузов и пассажиров в соответствии с установленными планами и заданиями; 2. технической, которая обеспечивала техническую готовность автомобилей к работе на линии и возглавлялась главным инженером; 3.

обслуживающей, в компетенцию которой входило обеспечение производства энергоресурсами, информационным обслуживанием, уборка помещений и территории, контроль качества технического обслуживания и ремонта.

Техническая служба включала следующие подразделения: 1. производственно-вспомогательные цехи или участки, к которым могли относиться: агрегатный, слесарно-механический, электротехнический, аккумуляторный, топливной аппаратуры, ремонта холодильных установок, шиномонтажный, кузнечно-рессорный, мойки и смазки, сварочный, медницкий, кузовной и малярный; 2. зона текущего ремонта; 3. зона первого технического обслуживания; 4. зона второго технического обслуживания; 5. зона ежедневного осмотра.

К обслуживающей службе относились: 1. гараж-стоянка; 2. АЗС; 3. контрольно-технический пункт [3].

Данные автотранспортные предприятия создавались из-за расширения сферы влияния автомобилей в Кузбассе и процесса урбанизации. Их внутренняя структура была практически одинаковой. Кадры формировались по принципу специальности, который имел тот или иной потенциальный работник, а также общий стаж. Автомобильный транспорт входил в состав министерства автомобильной промышленности, которая впоследствии относилась к министерству машиностроения СССР.

В 1946 г. при Кемеровском облисполкоме было организовано управление автомобильного, водного транспорта и строительства шоссейных дорог. В городах появились автоконторы и автороты. В то же время транспорт общего пользования был рассредоточен по многим предприятиям разных Министерств и ведомств. Первый этап укрупнения был осуществлен в 1955 г., когда автотранспортные конторы облисполкома объединились с авторотами Союззаготтранс, и на их базе был создан областной автотранспортный трест, подчиненный Министерству автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР. Автороты в городах Белово, Ленинске-Кузнецком и Кемерово были объединены с автотранспортными конторами этих городов. Автороты в Тяжине, Мариинске, Ижморке и Юрге вошли в состав автотреста, сохранив свои названия. Получив в Кузбассе автотранспортную организацию в виде автотреста, Министерство начало пополнять автоконторы новым транспортом: грузовым, автобусным и легковым. В дальнейшем хозяйства были разделены на специализированные – грузовые и пассажирские [5, с. 17 – 21]. Грузовые предприятия развивались как автоколонны войскового типа – например, 1236, 1237, 1962 – с личным составом работников, состоящим из солдат и офицеров запаса [9, с. 2].

В связи с ростом и организацией новых автохозяйств областной автотранспортный трест был переименован в автоуправление. В его подчинение были переданы два автотреста: в г. Прокопьевске, которому были подчинены все автохозяйства к югу от г. Белово (города Белово, Гурьевск, Киселевск, Прокопьевск, Новокузнецк, Мыски, Междуреченск и Осинники), а также сельхозтрест (одно автохозяйство – АТХ – в г. Кемерово – 3-е грузовое, Тяжинская, Мариинская, Ижморская и Юргинская автороты, а также Анжеро-Судженское АТХ).

Работа управления была направлена на строительство и укрепление материально-технической базы. В автоуправлении трестов образовывались отделы капитального строительства, организуется проектно-технологическое бюро, свое строительное управление. По городам области строились гаражи, асфальтируются и благоустраиваются их территория. Большой толчок строительству дало долгосрочное кредитование под фонд развития производства. Помимо гаражей, мастерских, асфальтированных территорий появились административно-хозяйственные здания, столовые, комнаты отдыха. Наличие фонда соцкульбыта дало возможность построить пионерские лагеря, базы отдыха, санаторий-профилакторий и другие объекты [9, с. 2].

Большую роль в выполнении плана строительства, улучшения условий труда, уровня обслуживания пассажирскими и грузовыми перевозками сыграли руководители: Б. Ф. Коваленко, Б. Г. Мурлаев, А. И. Перфильев, В. Н. Михайлов, Г. И. Дудко, А. И. Калашников, Г. Ф. Тимофеев, В. И. Кошелев, П. И. Лесников, Н. А. Харахордин и другие. Они устанавливали план работы, осуществляли проверки и поощряли особо отличившихся работников [9, с. 2]. Таким образом, на автопредприятиях была отлажена четкая система и структура, существовавшая весь изучаемый период.

Были построены автостанции с гостиницами для отдыха водителей. На их основе создается Кемеровское узловое транспортно-экспедиционного агентство. Для улучшения междугородних и пригородных перевозок пассажиров были построены автовокзалы и автостанции [5, с. 17 – 21].

В 1940-х гг. образовывались автотранспортные предприятия, главной целью которых являлась вывозка зерна из колхозов. Еще 5 мая 1938 г. подобные автопредприятия были созданы в Итатском, Тисульском и Тяжинском районах. В 1943 г., когда предприятие возглавил Прокопий Григорьевич Матвиенко, поставки оборудования и машин улучшились. Работа шла в военном режиме. Главную задачу по вывозке зерна из населенных пунктов выполняли успешно. Данную тенденцию продолжал Григорий Филиппович Черкасов, возглавлявший предприятие в 1944 – 1946 гг. [12, с. 2].

В 1950-е гг. подобное предприятия были созданы в г. Анжеро-Судженск: автотранспортная контора (далее – АТК), Анжерская и Судженская автобазы. Администрация АТК постоянно следила за повышением уровня подготовки водителей, обязывая их проходить курсы и повышать классность. В 1959 г. совнархоз обязал организовать в городах области территориальные автохозяйства. Все мелкие автохозяйства – машзавода, химзавода, стекольного и других предприятий – объединили в одно. В соответствии с Указом Президиума РСФСР от 07.06.1959 г., каждый шофер должен был отработать на строительстве или ремонте дорог по 4 машинодня на каждый автомобиль [11, с. 2].

10 января 1957 г. приказом по Прокопьевской автотранспортной конторе Кемеровского облавтотреста было выделено Пассажирское автохозяйство с численностью рабочих и служащих 293 человека [1, с. 120].

Рост автохозяйств был до 1957 г., а затем пошло снижение. Это было связано с процессами концентрации автомобилей и лиц их обслуживающих на меньшем числе предприятий, что позволило укрепить состав материальной базы на единицу техники. Эта тенденция не только соответствовала надвигающейся реформе управления промышленностью и строительством, но и экономической реформе 1965 г.

В 1960 г. пятая сессия Кемеровского областного Совета разработала и утвердила план строительства дорог на 1960 г. Исполком областного Совета, в порядке проверки исполнения решения сессии, рассмотрел вопрос о ходе строительства дорог Гурьевск – Белово, Ижморская – Красный Яр, Мариинск – Кемерово.

Исполком отметил положительную работу в строительстве дороги Белово – Гурьевск. Совет подверг принципиальной критике деятельность Мариинского горисполкома (председатель тов. Козловский), где до 1 июня 1960 г. не были начаты работы на участке строительства дороги Красный Яр – Николаевка. Сам Козловский дал указание руководителям дорожно-эксплуатационного участка № 473 снять со стройки экскаватор, 2 трактора и машины на сельскохозяйственные работы. В итоге ему было указано безответственное отношение к строительству дороги.

Исполком областного Совета обязал Гурьевский и Мариинский горисполкомы, Беловский и Ижморский райисполкомы обеспечить выполнение заданий по строительству дорог в строго установленные сроки, развернуть социалистические соревнование между коллективами. Областное управление по строительству и

ремонту дорог (т. Сомов) обязано осуществить постоянный контроль за ходом и качеством строительства дорог, оказывать техническую помощь районным организациям [8, с. 2].

В апреле 1963 г., согласно приказу Министерства автомобильного транспорта РСФСР, отсоединившись от автоколонны № 1237, было создано первое автотранспортное предприятие для обеспечения пассажирских перевозок из Кировского и Рудничного районов в Центральный район г. Кемерово и обеспечение сообщения между городами [6].

1 сентября 1964 г. было образовано Березовское пассажирское автотранспортное предприятие. 11 января 1965 г. вышел указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об изменениях административно-территориального деления Кемеровской области», пункт четвертый которого гласил: «Преобразовать рабочий поселок Березовский в город областного подчинения, сохранив за ним прежнее название [10, с. 1 – 3]. С этого момента основной целью предприятия становится открытие новый маршрутов и перевозка людей.

17 февраля 1946 г. на базе Наркомсредмаша СССР был создан Наркомат автомобильной промышленности СССР в составе Главного управления автомобильных и автосборочных заводов (Глававтозаводов) (1947–1953 гг.), Главного управления по производству автомобильных запасных частей (Глававтозапчасть). В 1946 г. Наркомавтопром СССР был преобразован в Министерство автомобильной промышленности (Минавтопром) СССР, которое в 1947 г. было реорганизовано в Министерство автомобильной и тракторной промышленности СССР (1947 – 1953 гг.), а затем в Министерство автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР (1954 – 1955 гг.). Автомобильной отраслью в их составе управляли:

- Главное управление автомобильной промышленности (Глававтопром) в 1953–1955 гг.;
- Главное управление по производству автомобильных приборов и оборудования (Глававтоприбор);
- Главное управление смежных производств автотракторной промышленности (Главсмежлром);
- Главное управление заводов автомобильного электрооборудования, карбюраторов и приборов (Глававтоэлектроприбор).

В 1955 г. путем разделения Министерства автомобильного, тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР было вновь образовано профильное Министерство автомобильной промышленности СССР (Минавтопром СССР), однако уже в 1957 г. оно было вновь упразднено [4].

Граждане СССР имели право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов. Общественные организации ставили своей задачей содействие строительству коммунизма, развитие советской культуры, науки, техники, спорта. В их задачи входило идейное воспитание и повышение квалификации членов общества, расширение и углубление их специальных знаний, пропаганда достижений в различных областях народного хозяйства, науки и техники, литературы и искусства [13].

Заключение

Таким образом, за 1946 – 1965 гг. в Кемеровской области были образованы как самостоятельные местные структуры, подведомственные Министерству автомобильного транспорта СССР, так и внутренние структуры отдельных предприятий, учреждений и организаций, к которым относились разного рола отделы

в зависимости от специфики учреждения. В любой организации была станция технического осмотра, АЗС и крытый гараж. Предприятия, как было показано выше, обеспечивались государством достаточным количеством автомобилей, область располагала достаточной на тот период дорожной сетью, что позволяло организовывать транспортировку грузов и пассажиров.

По сути, основными автотранспортными предприятиями первых послевоенных десятилетий являлись пассажирские автотранспортные предприятия (ПАТП). Они существовали в крупных городах области, имели свои функции и внутреннюю инфраструктуру. Примечательно, что непосредственную помощь и построение инфраструктуры имела ДРСУ, которая появилась раньше, так как грузоперевозки, в отличие от пассажирских, осуществлялись еще в довоенное время, а вот с дорогами, по которым ездили автомобили, довольно часто разрушались из-за большого тоннажа грузовиков. В отдельно взятых районах не было даже твердого покрытия. Это и спровоцировало появление служб, которые занимались обслуживанием автодорог, а уже потом, с течением времени, появлялись пассажирские перевозки, из-за которых в скором времени организуются соответствующие предприятия.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена преимущественно за счет фондов Государственной научной библиотеки Кузбасса им. В. Д. Федорова.

Список литературы

1. А дорога серою лентою вьется. Общественный транспорт Кузбасса [историко-публицистическое издание]. Кемерово. Центр-полиграф, 2004. 272 с.
2. Автомобильному транспорту Кузбасса – 60 лет!. Материалы текущего архива ГУ «КузбассПассажирАвтотранс»
3. Автотранспортное предприятие // Автотранспортное предприятие. URL: https://wiki2.org/ru/Автотранспортное_предприятие (дата обращения: 20.06.2018)
4. Иванов Д. Ю. Отечественный опыт управления и регулирования автомобильной промышленности в XX веке // Проблемы местного самоуправления. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129069/СССР (дата обращения: 01.06.2018)
5. Историческая энциклопедия Кузбасса. Т. 1. Кемерово, 1996. 380 с.
6. Кемеровское ПАТП-1 45 лет. 2008.
7. Кузбасс. 2013. № 13.
8. Кузбасс. 1960. № 20.
9. Кузнецкий край. № 106.
10. Мой город. 2004. № 68.
11. Наш город. 2009. № 30.
12. Призыв (р.п. Тяжин). 2008. № 24.
13. СССР. Общественные организации // Большая советская энциклопедия. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/129069/СССР (дата обращения: 01.06.2018 г.)

УДК 93/94

Этапы и особенности промышленного развития Приенисейского региона в период с 90-х гг. XIX в. до второй половины 80-х гг. XX в.

Гайдин Сергей Тихонович
доктор исторических наук, профессор
Красноярский государственный аграрный университет, заведующий кафедрой истории и политологии Юридического института
Красноярск, Россия
gaydinsergey@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-1479-5751

Бурмакина Галина Александровна
кандидат исторических наук
Красноярский государственный аграрный университет, доцент кафедры психологии, педагогики и экологии человека Института экономики и управления АПК
Красноярск, Россия
burmakinagalina@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0003-4916-0745

АННОТАЦИЯ Статья посвящена выявлению этапов и особенностей промышленного развития Енисейской губернии в императорский и советский период, Енисейского экономического района в 1925 – 1934 гг., Красноярского края в 1934 – 1991 гг. Строительство Сибирской железной дороги дало импульс развитию губернии в общероссийском разделении труда. Особенности интеграции Приенисейского региона в экономическую систему страны были обусловлены его удаленностью от зарубежных рынков сбыта. Это обусловило его очаговое развитие, связанное со строительством Норильского горно-металлургического комбината, оборонного комплекса в годы Великой Отечественной войны и комплекса атомной промышленности в послевоенный период. В 50 – 80 гг. край был регионом, где апробировались разные модели организации комплексного развития производительных сил и решения социальных проблем населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирская железная дорога, Енисейский экономический район, Приенисейский регион, Норильский ГМК, Красноярский атомный комплекс, Красноярская десятилетка, деиндустриализация.

В Енисейской губернии, созданной в 1822 г., в разное время начали работать предприятия по добыче золота, графита, слюды, соли. Но инициатором индустриального освоения Сибири можно считать министра финансов императорской России С. Ю. Витте, который отвечал за финансовую и экономическую деятельность Российской империи, и который считал, что строительство Сибирской железной дороги должно было соединить Сибирь с европейской частью страны и создать условия для вовлечения ее природных ресурсов в хозяйственный оборот [4, с. 256].

Существенным фактором ускорения промышленного развития страны и сибирского региона, стало создание в России в 1906 г. самостоятельного Министерства торговли и промышленности [3, с. 163 – 169].

Ко времени октябрьского переворота 1917 г. в Енисейской губернии уже работали предприятия золотой, графитовой, угольной, металлургической, лесной, кирпичной и других отраслей промышленности губернии с преобладанием мелких и средних предприятий. В промышленном производстве губернии было занято от 25 до 30 тыс. человек. Акционерное общество «Ачминдор» занималось строительством железной дороги от Ачинска до Минусинска [26, с. 12, 13, 14].

После проведенной советской властью национализации промышленных предприятий стало очевидно, что государство не могло обеспечить работу всех национализированных предприятий. Поэтому они были разделены на три группы по степени значимости. В Енисейской губернии к первой группе значимых для экономики страны предприятий были отнесены 90 золотых приисков, фабрик и заводов, среди которых были Абаканский железоделательный и Знаменский стекольный заводы. Во вторую группу было включено 60 промышленных предприятий, занимавшихся производством необходимой для населения губернии продукции. Их можно было сдавать в аренду. Мелкие предприятия вспомогательного характера, из-за нехватки финансовых средств подлежали закрытию [6].

К середине 1922 г. в распоряжении Красноярского государственного совнархоза осталось 24 предприятия металлообрабатывающей, деревообрабатывающей, электрической, химической и полиграфической промышленности, на которых было занято около 4300 рабочих и служащих [17, с. 26]. В губернии была прекращена добыча графита, слюды, сократилось добыча золота, угля, соли, заготовка древесины.

В 1925 г., когда Енисейская губерния была расформирована, на ее территории были созданы Ачинский, Красноярский, Канский и Минусинский округа, которые вошли в состав Сибирского края. Западносибирская секция Госплана СССР относила их к Енисейскому экономическому району Западной Сибири, который территориально совпадал с границами бывшей Енисейской губернии.

Развитие этой территории, как в императорский, так и советский период сдерживалось ее большой удаленностью от потенциальных потребителей продукции на западных и восточных границах государства. Так, расстояние от Красноярска до Балтийского моря по железной дороге составляло 3800 км, а до Тихого океана около 5200 км. Поэтому длительное время Госплан не мог определиться со специализацией Енисейского экономического района в рамках общесоюзного разделения труда.

В 1925 г. сотрудники Госплана особое внимание обратили на освоение северных территорий с экспортным потенциалом в зоне действия Северного морского пути, в том числе, северной части Красноярского округа, которая называлась Туруханским краем [29, с. 201 – 204].

Госплан также рассматривал вопрос о выделении особого Енисейского края, который был бы связующим звеном между западной частью Сибири, ее восточными районами и Дальним Востоком.

Но затем в Госплане стали склоняться к идее выделения бассейна Енисея в особый экономический район под названием Средней Сибири. Этот район должен был стать поставщиком хлеба и древесины в Среднюю Азию [15, с. 236 – 246].

Поведенное в начале 30-х гг., в период обсуждения Ангаро-Енисейской проблемы, исследование гидроэнергетических, топливных, природно–сырьевых ресурсов Енисейского экономического района, показало возможность создания в нем самостоятельного индустриального комплекса.

Енисей и Ангара обладали мощными гидроэнергетическими ресурсами, Канский, Минусинский и Тунгусский угольные бассейны содержали большие запасы каменного и бурого угля, геологические запасы железной руды составляли 270 млн т., Норильское месторождение никеля было самым крупным в СССР. Наличие известняков возле Красноярска давало возможность наладить крупномасштабное производство цемента.

Тем более, что на территории Енисейского экономического района уже было создано промышленное ядро, на базе которого можно было развивать промышленный потенциал. Здесь работали паровозовагоноремонтный завод, Черногорские копи, Заозерновский угольный рудник. В 1932 г. был открыт Мазульский рудник для снабжения марганцевой рудой Кузнецкого металлургического комбината. Трест «Севполярлес» занимался заготовкой и поставкой на экспорт высококачественного

леса. С начала 30-х гг. в Красноярске велось строительство машиностроительного завода, рассчитанного на выпуск в год 4 драг и 10800 четырехосных вагонов. А в 1934 г. было начато строительство бумажного комбината. По утверждению историка А.И.Тимошенко, в Госплане в начале 30-х гг. велись разработки по поводу превращения Абакано-Минусинского района во второй центр сибирской черной металлургии [28, с. 63]. Экономический район имел относительно развитую для Сибири транспортную систему. С восточной и западной частью Сибири он был связан широтной Сибирской железнодорожной магистралью. На юг экономического района была проложена Ачинско – Минусинская железная дорога, а Енисей представлял собой меридиональную водную магистраль, с выходом в Северный морской путь.

В результате проведения работ по районированию территории страны, Госплан СССР счел людские, энергетические, сырьевые ресурсы Енисейского экономического района, наличие транспортных коммуникаций, продовольственной базы достаточными основаниями для создания самостоятельного Красноярского края. К его созданию подталкивало завершение подготовительных работ к строительству Норильского комплекса цветной металлургии, для которого край должен был стать материковой базой снабжения [2]. Край был образован Постановлением Президиума ВЦИК от 7 декабря 1934 г. «О разукрупнении Восточносибирского и Западносибирского краев и об образовании новых краев и областей в Сибири».

Его промышленную специализацию Госплан СССР определил на развитии цветной, лесной и деревообрабатывающей промышленности. Здесь нужно было проложить железную дорогу Ачинск – Енисейск, построить лесопильные заводы в г. Игарка и пос. Маклаково [12].

Руководство края добивалось размещения в крае отраслевых предприятий союзного уровня, открытие которых создавало бы условия для его экономического развития и формирования социальной сферы. В 1935 – 1937 гг. оно просило Наркомат тяжелой промышленности включить в проект третьего пятилетнего плана строительство Абаканского металлургического комбината, заводов по производству цемента, жидкого топлива, огнеупорно-кислотных изделий, серно-содового и электролампового заводов [13]. Однако наличие для страны военной опасности требовало ускоренного развития тяжелой и оборонноймпромышленности, в том числе, Норильского полиметаллического комбината.

В условиях догоняющей модернизации России, особенностью транспортного и промышленного освоения Сибири в императорский и советский период, являлось создание специальных государственных межведомственных управленческих организаций. В частности, в июне 1882 г. было учреждено Временное управление строительством Обь – Енисейского канала. В 1892 г. для прокладки широтной железной дороги от Урала до Тихого океана был создан Комитет Сибирской железной дороги [1, с.15; 24]. В условиях нехватки рабочей при постройке Сибирской, Уссурийской, Амурской, Ачинско–Минусинской железных дорог использовался труд ссыльнокаторжных [16, с. 60, 61, 62].

В 1934 г СНК СССР возложил ответственность за развитие производительных сил, освоение естественных богатств Крайнего Севера севернее 62-й параллели и подготовку к строительству Норильского никелевого комбината на Главное управление Северного морского пути (ГУСМП) [19].

Исследователи А. Н. Пилясов и Н.Ю.Замятина оценивали ГУСМП, как государственную организацию с широкими полномочиями и территориально-отраслевым каркасом освоения [18, с. 160 – 173]. П. А. Филин квалифицировал его как комплексную транспортно-промышленную организацию, которая использовала программно-целевой подход и надведомственный, экстерриториальный принцип управления [30, с. 249].

А. И. Тимошенко считала ГУСМП полувоенной организацией и положительно оценивала его деятельность как государственного координационного органа решения экономических и социальных проблем в экстремальных условиях Арктики [27, с. 85].

Однако само строительство Норильского никелевого комбината, требовавшее привлечения большого количества рабочей силы было возложено на Главное управление лагерей НКВД СССР, в составе которого в июне 1935 г. был создан Норильский исправительно-трудовой лагерь [21].

Промышленное развитие Красноярского края ускорилось в экстремальные для страны годы Великой Отечественной войны, когда Государственный Комитет обороны принял решение о перемещение на его территорию из европейской части страны оборудования 50 промышленных предприятий, которое было использовано для строительства комбайнового, радиотехнического, цементного заводов, заводов «Сибтяжмаш», «Краслесмаш», других промышленных, энергетических, транспортных предприятий. В результате за годы войны выпуск промышленной продукции в краевом центре увеличился почти в 8 раз [7].

В условиях холодной войны и накопления ядерного оружия у США, руководство страны поставило задачу создания в Красноярском крае промышленного комплекса по производству оружейного плутония. В апреле 1949 г. для этого было создано «Главное управление МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае» («Енисейстрой» МВД СССР), которому Совет Министров СССР передал организацию работ на территории 25 районов края [20]. «Енисейстрой» являлся ведомственной организацией с функциями межотраслевого характера. Рабочей силой его обеспечивали исправительно-трудовые лагеря, в которых находилось 22 тыс. заключенных [22].

Как и «Норильлаг», «Енисейстрой» имел в своем составе геологическую службу, научные, строительные, ремонтные, транспортные подразделения, проектные подразделения [5].

После изъятия в марте 1953 г. производственной деятельности из ведения МВД СССР, на территории Красноярского края закончился период развития цветной металлургии и оборонной промышленности под руководством специализированных подразделений МВД с использованием труда заключенных ГУЛАГа. Министерству цветной металлургии СССР были переданы Норильский комбинат цветных и редких металлов, аффинажные заводы в г. Красноярске [23]. Руководящие органы Красноярского края получили возможность выстраивать отношения с Советами Министров СССР и РСФСР, союзными и республиканскими плановыми органами, отраслевыми министерствами по изучению и развитию производительных сил Красноярского края.

Мощный импульс развитию экономики Красноярского края в середине 50-х гг. был дан в связи со строительством Красноярской ГЭС и предприятий уникального алюминиевого комплекса, включавшего Ачинский глиноземный комбинат, Красноярский алюминиевый и Красноярский алюминиевый металлургический завод [9].

Работа Красноярского совнархоза в 1957 – 1965 гг., созданного в рамках территориальной системы управления промышленностью и строительством, обеспечила высокий экономический эффект. Один из руководителей Красноярского края В.И. Долгих писал, что продолжение работы совнархозов могло привести к созданию мощных экономически самостоятельных районов [14, с. 94].

В условиях начавшегося сдвига производительных сил в восточные районы страны, руководство края в конце 60-х гг. предложило перейти от практики размещения в крае отдельных крупных предприятий к созданию на его территории промышленных районов и промышленных узлов. Например, утвержденный в 1968 г.,

Проект районной планировки Ангаро-Енисейского промышленного района, предусматривал строительство на базе будущей Богучанской ГЭС Богучанского лесопромышленного узла, на базе Средне-Енисейской ГЭС Средне–Енисейского энергопромышленного узла [10].

Принцип комплексного развития территорий был одобрен и положен в основу разработанной Госпланом РСФСР «Схемы развития и размещения производительных сил Восточносибирского экономического района на 1971 – 1980 годы». Она предусматривала ускоренное развитие в крае энергетики, цветной металлургии, химической промышленности, промышленности строительных материалов, машиностроения и металлообработки [11].

На его основе была разработана программа первой красноярской десятилетки, утвержденной в 1971 г. совместным постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 февраля 1971 года № 65 «О мерах по дальнейшему комплексному развитию в 1971 – 1980 годах производительных сил Красноярского края», которая предусматривала формирование территориально-производственных комплексов и промышленных узлов. Это привело к ускорению экономического развития. За годы первой десятилетки на территории Красноярского края было выпущено промышленной продукции в 2,3 раза больше, чем за предыдущий десятилетний период 1961 – 1970 [25, с. 358, 359].

Выполнение второй красноярской десятилетки (1980 – 1990), с перспективами развития края до 2000 г., было приостановлено в 1987 г. в связи с пересмотром представлений высшего руководства страны о роли плановых органов в социально-экономическом развитии страны, и отказом, после поездки Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Красноярский край, от размещения на его территории предприятий большой единичной мощности.

Процесс в экономике Сибири и края после распада СССР можно квалифицировать термином «деиндустриализация».

Государственная политика императорской России с 90-х гг. XIX в., советской России и СССР вплоть до второй половины 90-х гг. XX в. была направлена на индустриальное развитие страны, Сибири, Енисейского экономического района. Особенностью развития района являлось создание на его территории таких предприятий стратегического и оборонного характера, как Норильский горно-металлургический комбинат и Красноярский комплекс атомной промышленности.

Наличие уникальных природных ресурсов, транспортных коммуникаций позволило в годы Великой Отечественной войны создать в крае мощный оборонный промышленный комплекс. В послевоенные годы Красноярский край был площадкой по созданию модели ускоренного развития на основе вовлечения в хозяйственный оборот энергетических и природно-сырьевых ресурсов.

Деиндустриализация Красноярского края поставила вопрос о будущем региона с богатыми ресурсами и плотностью населения 1,3 человека на квадратный километр.

Список литературы

1. Агеев И. А. Управление изысканием, строительством и эксплуатацией Обь–Енисейского пути // Вестник Томского университета. 2010. № 2 (10). С. 14 - 15.
2. Богорад Д. Современная экономика Красноярского края и перспективы его развития // Плановое хозяйство. 1936. № 12. С. 108 – 124.
3. Витте С. Ю. Избранные воспоминания. 1849 – 1911 гг. М.: Мысль, 1991. 718 с.
4. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, читанных его Императорскому Высочеству Великому князю Михаилу Александровичу в 1900 – 1902 гг. СПб., 1912. 568 с.
5. ГАКК. Ф. П – 26. Оп. 24. Д. 16. Л. 60, 61, 252.

6. ГАКК. Ф. Р - 1006. Оп.1. Д. 16. Л. 11.
7. ГАКК. Ф. Р – 1478. Оп. 3. Д. 49. Л. 1.
8. ГАКК. Ф. Р- 1478. Оп. 3. Д. 1169.
9. ГАКК. Ф. Р- 1478. Оп. 3. Д. 316. Л. 9-16, Л.27.
10. ГАКК. Ф. Р- 1478. Оп. 3. Д. 907. Л. 61.
11. ГАКК. Ф. Р- 1478. Оп.3. Д. 970. Л 18.
12. ГАКК. Ф.Р - 1478. Оп. 1 Д. 977. Л.32
13. ГАКК. Ф.Р – 1478. Оп. 1. Д. 687. Л. 2, 37, 43; Д 688. Л. 17.
14. Долгих В. И. Дорогой созидания. М.: Издательство Патриот, 2020. 551 с.
15. Колосовский Н. Н. Хозяйственные проблемы Сибири //Плановое хозяйство. 1925. № 5. С. 236 – 246.
16. Кораблин К. К. К вопросу об использовании труда ссыльнокаторжных при освоении и заселении Сибири и Дальнего Востока в XVI - начале XX вв»//Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2017. №.1. С. 54 – 68.
17. Отчет енисейского губернского экономического совещания Совету Труда и обороны с мая по октябрь 1921 г. Красноярск: Государственная типография, 1922. 326 с.
18. Пилясов А. Н., Замятина Н. Ю. Суперорганизация в управлении Арктикой: исторический опыт и современная интерпретация //Полярные чтения – 2019. Арктика: вопросы управления. Материалы седьмой научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 29 – 30 апреля 2019 г. Москва: Паулсен, 2020. 679 с. С. 160 – 173.
19. Положение о Главном Управлении Северного Морского Пути при СНК Союза ССР//https://istmat.org/node/46648
20. Постановление Совета Министров СССР 1409 – 506 сс от 11 апреля 1949 г. «Вопросы Министерства Геологии»//ttp://elib.biblioatom.ru/text/atomny-proekt-sssr_t2_kn4_2003/go,282/
21. Приказ народного комиссара Внутренних дел Союза СССР от 25 июня 1935 г. №00239 с/с. Об организации строительства Норильского никелевого комбината // https://zen.yandex.ru/media/id/5ec3830272423a6de38c7dbd/prikaz-nkvd-sssr-00239-ob-organizacii-stroitelstva-norilskogo-nikelevogo-kombinata
22. Приказ от 18 апреля 1949 г. № 00349 «Об организации «Енисейстроя МВД СССР» - «Главного управления МВД СССР по разведке и эксплуатации месторождений и строительству предприятий цветных и редких металлов в Красноярском крае» //ГАКК. Ф. Р-1929. Оп 3. Д.4. Л. 8-19.
23. Проект постановления Совета Министров СССР 17 марта 1953 г. №. 147 «О передаче из МВД СССР производственных и строительных организаций» Совершенно секретно// «Исторический архив». №.4.1996. С. 138 – 139.
24. Ремнев А. В. Комитет Сибирской железной дороги (КСЖД) //Историческая энциклопедия Сибири: в 3 т./Институт истории СО РАН: Издательство Историческое наследие Сибири. Новосибирск, 2009.
25. Речь товарища П. С. Федирко // XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 23 февр. – 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. Т.1. М., 1981.
26. Славное сорокалетие: Из истории Краснояр. парт. организации. (1917-1957 гг.) / Глав. ред. В. П. Сафронов. Красноярск: Кн. изд-во, 1957. 647 с.
27. Тимошенко А. И. Советский опыт освоения Арктики и Северного морского пути: формирование мобилизационной экономики //Историко-экономические исследования. 2013. Т.14. №. 1-2. С. 73 – 95.
28. Тимошенко А. И. Формирование системы централизованного управления экономикой СССР в 1930-е годы: Сибирский региональный аспект// Историко-экономические исследования. 2017. Т. 18. № 1. С. 55 – 72.
29. Тонков С. В. О промысловых богатствах и естественных ресурсах Крайнего Севера СССР// Бюллетени Госплана. 1923. № 11-12. С. 201 – 205.
30. Филин П. А. Главное управление Северного морского пути в истории управления Арктикой// Полярные чтения - 2019. Арктика: вопросы управления. Материалы седьмой научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 29-30 апреля 2019 г. Москва: Паулсен, 2020. 679 с. С. 237 – 261.

УДК 355.02:001.89(47+57)"1920/1925"

Разработка концептуальных основ научно-технической политики СССР в области обороны в 1920-х гг.

Гарин Евгений Николаевич
доктор технических наук, профессор
академик Академии военных наук
полковник запаса
Сибирский федеральный университет,
Военный учебный центр
им. Героя России генерала армии Дубынина В. П.
Красноярск, Россия
vii@sfu-kras.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается процесс становления оборонной научно-технической политики советского государства в контексте экономической и политической обстановки, сложившейся в стране в первой половине 1920-х гг. Анализируются основные подходы к оснащению Красной армии новейшими образцами оружия и военной техники. Раскрываются факторы, в первую очередь международного характера, оказавшие влияние на принятие военно-политическим руководством Советского Союза решения о необходимости создания отечественной научно-технической основы развития военной промышленности и нацеливающая на развитие научно-исследовательских и конструкторских работ по разработке новейших образцов танков, самолетов, авиационных моторов, артиллерийских систем, средств противовоздушной обороны, стрелкового вооружения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Научно-техническая политика, научно-исследовательский институт, конструкторское бюро, военная техника, вооружение.

Актуальность данной темы исследования обусловлена тем, что деятельность советского государства по разработке и осуществлению научно-технической политики в области обороны в первой половине 1920-х гг. имеет большое научно-практическое значение в современных условиях. Сегодня, находясь в условиях санкций, введенных коллективным Западом, Российская Федерация в осуществлении новых разработок оружия и военной техники должна обеспечить свою независимость, опираться на свои внутренние источники сырья, комплектующих материалов для разработки новых образцов оружия и военной техник, и их массового производства. Использование опыта 1920-х годов позволит более эффективно и качественно решить эту проблему.

Проблему научно-технической политики советского государства в области обороны следует рассматривать в контексте общей экономической и политической ситуации, сложившейся в стране в рассматриваемый период.

После окончания гражданской войны проблема поиска путей дальнейшего развития страны сместилась из области теоретической, в область практическую.

В начале 1920-х гг. в партийно-советском руководстве сложилось две основных точки зрения на будущее страны. Первую точку зрения отстаивали Каменев, Зиновьев и др., т.н. «новая оппозиция». Они предлагали включиться в план Дауэса, разработанного в США, согласно которому СССР должен был ввозить из Германии оборудование, станки, а взамен вывозить сельскохозяйственную продукцию и природные ресурсы. Эту позицию изложил на XIV съезде ВКП(б) (1925 г.) представитель «новой оппозиции» Сокольников [1, с. 330 – 332].

И. В. Сталин подверг резкой критике эту точку зрения: «Эта линия, – отмечал он, – означает отход от задач нашего строительства. Это не наша линия.

Есть другая генеральная линия.., Эта линия требует максимального развёртывания нашей промышленности… Она решительно отрицает политику превращения нашей страны в придаток мировой системы капитализма» [1, с.28].

Такая противоречивая политическая ситуация в стране отразилась и на характере военно-технической политики в области обороны.

С одной стороны, во взглядах на оснащение армии военной техникой и оружием преобладали представления и практика, сложившиеся в начале XX в. когда основные виды вооружения закупались за границей. [11, лл. 67, 75].

Заказы военной продукции продолжались и после Гражданской войны. [7, л. 327об].

Так, на закупку за границей с последующей сборкой внутри страны была рассчитана утвержденная президиумом ВСНХ пятилетняя программа развертывания танковых сил на 1923 – 1928 гг. [11, лл. 6 – 8**].**

С другой стороны, предпринимались попытки создать отечественные образцы военной техники.

17 марта 1921 г. был объявлен конкурс на разработку трех типов танков: танк-истребитель, большой танк, средний танк, но в конечном итоге конкурс дал только материал более или менее ценный, но ни один проект не был признан подлежащим осуществлению. [11, лл. 31 – 32]. Примерно в таком же состоянии находилось и самолетостроение, снабжение самолетами шло из-за границы. [4, лл. 132, 133].

Одной из основных причин слабого развития научно-технических и конструкторских работ явилось недостаточное их финансирование.

В начале 1924 г. Комиссия ВСНХ по валютным кредитам на нужды обороны в 1923/24 г., исходя из улучшившейся международной обстановки, сочла неоправданным отвлечением на нужды обороны значительных финансовых средств. Так, кредит на военную авиацию был сокращен с 30 млн. 375 тыс. руб. до 10 млн. 675 тыс. руб., на закупку цветных металлов, селитры и станков для Главного управления военной промышленности с 19 млн. 500 тыс. руб., до 11 млн. 300 тыс. руб. [5, лл. 16, 17].

Таким образом, в начале 1920-х гг. уровень технической оснащенности в значительной степени зависел от заграничной военной техники, станков и оборудования для военных заводов. Глубокую озабоченность крайне низким уровнем технической оснащенности Красной армии высказывал председатель коллегии Главного управления военной промышленности И. Н. Смирнов. «В 1923 г., – писал он, – мы не смогли бы вооружить и обмундировать армию, потребную для большой войны на Западном фронте. Количества имеющегося оружия не хватило бы для борьбы даже с одной Польшей» [5, лл. 103, 104].

К середине 1923 г. усилилась тенденция поворота в военно-технической политике от закупок за границей готового оружия и военной техники к созданию своей производственной и научной базы, в то же время не исключая закупок за границей, но уже закупок станков, оборудования для отечественных заводов военной промышленности. [5, л. 126].

На длительный срок – 7 лет, была рассчитана программа развития Московского и Пермского орудийных заводов, требовавших больших капиталовложений, По пятилетней программе планировалось развитие имеющихся 6 пороховых заводов. [5, л. 127].

Определенные успехи наметились в самолетостроении и моторостроении. Как отмечал И. П. Смирнов: «1923 г. является годом испытания для русской авиации. Раньше мы не строили своих моторов, а собирали полученные из-за границы. Сейчас у нас на трех заводах строятся моторы» [3, лл. 12, 13].

За два года, с 1923 по 1925 г., в ЦАГИ была проведена значительная научно-исследовательская и экспериментальная работа в Центральном

аэрогидродинамическом институте, результатом которой стало создание опытных металлических самолетов: АНТ-3, разведчик под мотор «Либерти» и АНТ-4 бомбардировщик. [5, л. 16].

Однако полностью отказаться от закупок материалов за границей еще не представлялось возможным, поскольку отечественная экономика, недостаточно окрепшая, не могла обеспечить военные предприятия необходимыми материалами и тем более создать запасы на случай расширения военных программ.

И, тем не менее, во взглядах ряда политических и военных деятелей продолжала укрепляться мысль отказа от западных материалов и опоры на достижения своей экономики. Заведующий особым техническим бюро по военным изобретениям специального назначения В. И. Бекаури, выражая глубокую озабоченность успешным выполнением программы создания воздушного флота, считал, что он должен быть построен в самой России. «Стоит только припомнить, – писал он 11 июня 1923 г., – в какое ненормальное и критическое положение была поставлена царская Россия в минувшую всемирную войну, когда вследствие слабого развития военной промышленности приходилось искать помощи у других государств, которые за русское золото сбывали всякий ненужный хлам и на наши деньги обогащали свою промышленность. И мы теперь должны сказать: так было, но так больше не будет» [6, л. 67].

Однако так считали далеко не все.

Такое положение подтверждается военной программой на 1923/1924 г., представленной Комиссией по валютным кредитам на нужды обороны в 1923/24 операционный год под председательством Л. Б. Каменева в Совет труда и обороны СССР. В этой программе планировались крупные валютные ассигнования на сумму 30 млн. 375 тыс. рублей золотом на срочные закупки и заказы за границей для Главвоздухофлота готовых боевых самолетов разного типа, большого количества запасных моторов к ним и запасных частей [6, л. 69].

Нужно заметить, что в начале 1920-х гг. строились грандиозные планы развития военных предприятий, закладывались программы производства самолетов, танков, стрелкового оружия, принимались решения о разработке новых видов вооружения.

Производственной программой на 1925/1926 операционный год предусматривался выпуск 614 самолетов и 480 моторов. Однако за первый квартал программа была выполнена по самолетам на 85 %, по моторам на 70% [12, л. 417].

И, тем не менее, проблемы подходов к вопросу строительства самолетов и моторов оставался актуальным в такой ситуации. Основными условиями строительства воздушного флота в Советском Союзе член Реввоенсовета СССР А.П. Розенгольц считал, во-первых, организацию внутри страны самолето- и моторостроение и подсобных производств, во-вторых, подготовку земного оборудования, в-третьих, подготовку личного состава, и, в-четвертых, развитие авиационных наук и конструкторских работ. По-иному прозвучала у него тема приобретения авиамоторов в силу недостаточности обеспеченности условий внутри страны. Речь уже шла о закупке за рубежом лицензий на постройку моторов с обязательным техническим содействием иностранных специалистов. [3, лл. 8, 8об, 9]. Так же им был остро поставлен вопрос о привлечении подготовленной профессуры для содействия более рациональной постановке авиационной и моторостроительной отраслей, а также подготовке высших технических специалистов и введении преподавания авиационных предметов в ряде учебных заведений.

Реально же ничего этого не произошло. Хотя с 1925 г. СССР отказался от покупки самолетов за границей, авиазаводы продолжали сборку иностранных самолетов. Вся работа заводов за текущий производственный год выразилась главным образом в изготовлении отдельных деталей, сборке полуфабрикатов и доведении самолетов до

степени 90 % от общей их готовности. Причем постройка производилась по образцу, поскольку отсутствовали утвержденные и проверенные рабочие чертежи, не было законченных технических условий и описания изделий [3, л. 39].

Одной из главных задач на 1925 г. была выдвинута разработка вопросов по улучшению техники вооружения и создание новых типов предметов вооружения, а также повышение качества выпускаемых изделий. Для решения этой задачи планировалось создание на заводах военной промышленности соответствующих конструкторских аппаратов и усиление технического персонала заводов. Для обеспечения всех мероприятий Главного управления военной промышленности председатель правления ГУВП П. А. Богданов обозначил ряд условий, среди которых была подготовка инженеров по нужным специальностям военной техники в специальных учебных заведениях [8, лл. 45, 45об]. В тоже время П. А. Богданов предлагал продолжить закупки за границей необходимого оборудования и материалов, инструмента, не изготовляемых на отечественных предприятиях. В целях же ускорения усовершенствования и изобретательства в военной технике он предлагал покупку и получение различными способами заграничных патентов в области военной техники, конфиденциальные командировки работников военного ведомства и Главного управления военной промышленностью для ознакомления с производством за границей и другие секретные меры.

Главной проблемой, тормозящей разработку новых образцов военной техники и оружия, было отсутствие финансирования на эти цели военной промышленности. Немаловажное значение имело отсутствие тесной связи между военной промышленностью и военным ведомством. От военного ведомства не поступало заказов на проведение конкретных исследовательских работ при определенных технических условиях [9, лл. 41, 42].

С другой стороны, военные предприятия, имеющие незначительные заказы на производство военной техники, за 1921 – 1925 гг., создали производство гражданской продукции. Заводы потеряли интерес к выпуску военной продукции, конструированию новых видов вооружения или усовершенствованию имеющихся. Как отмечал начальник штаба РККА С.С. Каменев: «Мысль конструкторов заглохла, и если имеется где-либо, то эта мысль очень скромна, без широкого размаха, почему трудно ожидать от нее какого-либо улучшения в нашем вооружении… Необходимо в корне изменить политику, о которой указано выше, а именно – совершенно отказаться на этих заводах от побочного производства и заняться только одним военным производством» [9, лл. 42, 43].

И действительно, для Красной армии такое решение было бы очень необходимым, поскольку она серьезно отстала в своем развитии. Например, имеющаяся на вооружении полевая пушка по дальности стрельбы отставала от пушек вероятного противника. Отстала и винтовка. Здесь требовалось кардинально решить вопрос – перейти к производству новой винтовки и автоматического оружия. Вполне обоснованно С. С. Каменев заявлял, что автомат, это оружие будущего. Причем уже имелись опытные образцы автоматов нескольких конструкторов, например Федорова, который по своим характеристикам не уступал автоматам Модсена, Томпсона, Маузера и др. и чьи автоматы предлагали закупить некоторые заинтересованные лица.

Остро стоял вопрос и о разработке зенитного орудия нового образца на тяжелой установке, поскольку то, что имелось на вооружении, не отвечало требованиям, предъявляемым к зенитным орудиям [8, л. 48].

С.М. Буденный, являвшийся в то время членом Реввоенсовета СССР, в своих мемуарах следующим образом оценивал состояние технической оснащенности Красной армии и научно-технической деятельности в области обороны:

«До сих пор войска были вооружены старым изношенным оружием, преимущественно тем, какое досталось нам от старой царской армии. Мы проводили пересмотр этого оружия, отбирали и намечали к совершенствованию лучшие образцы. Кропотливо подбирались конструкторские кадры, создавались конструкторские бюро». [2, с. 337, 338].

Таким образом, научно-техническая политика советского государства в области обороны отражала противоречивый характер общей экономической и политической ситуации в стране, характеризуемой наличием двух генеральных линий развития советского государства. В то же время все больший вес приобретала мысль о необходимости развития своей отечественной военной промышленности и нацеливающая на развитие научно-исследовательских и конструкторских работ по разработке новейших образцов вооружения и военной техники.

Список литературы

1. XIV съезда Всесоюзной Коммунистической партии (Б). 18 – 31 декабря 1925 г. Стенографический отчет. М.–Л.: Государственное издательство. 1926. 1042 с.
2. Буденный С. М. Пройденный путь. В 3 кн. Кн. 3 // С. М. Буденный. М.: Воениздат, 1973. 408 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5446. Оп. 55. Д. 747.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 5. Оп. 2. Д. 55.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 431.
6. РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 2. Д. 392.
7. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 2097. Оп. 3. Д. 52.
8. РГАЭ. Ф. 3429, Оп. 10. Д. 205.
9. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 1. Д. 163.
10. РГВА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 430.
11. РГВА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 701.
12. РГВА. Ф. 33988. Оп. 2. Д. 569.

«ЦЕНТР – ПРОВИНЦИЯ» В ИСТОРИИ РОССИИ: ВОСПРИЯТИЕ, ОСОЗНАНИЕ, МОДЕЛИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

УДК 93/94

Погром 21 октября 1905 г. в Красноярске в предвыборных агитациях политических групп

Вицинская Полина Павловна
Студентка магистратуры 1 года обучения
Европейский университет в Санкт-Петербурге, факультет истории
Санкт-Петербург, Россия
polyavi@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-7150-4674

АННОТАЦИЯ В статье на примере красноярских политических групп и их деятелей рассматривается употребление слов «черносотенцы», «черная сотня» и «погромщик» в контексте последствий погромов октября 1905 г., один из которых произошел в то время и в Красноярске. Приведенные слова имели негативный контекст, непосредственно отражавшийся в отношении к правым организациям. Внимание сосредоточено на конкретных эпизодах использования сформировавшихся отрицательных образов во время выборов в органы местной и государственной власти, а также ряда локальных событий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Погром, черная сотня, Союз русского народа, политические группы.

Погром 21 октября 1905 г. в Красноярске до сих пор не стал предметом специального исследования, в литературе его упоминали в контексте происходивших в то же время аналогичных столкновений в сибирских городах. В тот день в Народном доме состоялся митинг с участием революционеров, которых заинтересованные горожане приходили послушать и в предыдущие дни. Одновременно по улицам проходила патриотическая манифестация, с целью продемонстрировать поддержку существующему в стране государственному строю в ответ на развивающиеся революционные события. Когда манифестанты в первый раз прошли около Народного дома, все было спокойно, однако, чуть позже они вернулись. Прогремевший выстрел привел к непосредственному столкновению вооруженной дружины, охранявшей митинг, и толпы манифестантов. Боявшиеся вторжения в здание люди, попытались его покинуть, но им помешали участники шествия, которые ловили и избивали людей. В итоге было убито более десятка людей и около сорока ранено. В источниках приводятся разные данные о пострадавших.

В работе не планируется всеобъемлющее рассмотрение проблематики погромных событий. Внимание будет сосредоточено на последствиях 21 октября в восприятии населением и их отношении к зарождающимся правым организациям в городе, а также употребления таких понятий как «черносотенцы», «черная сотня» и «погромщики». Выбор этих слов был продиктован практикой их использования различными политическими группами во время выборов в Городскую и Государственные думы с целью дискредитации противников и формирования их негативного образа в глазах горожан. После прокатившихся по стране актов насилия эти слова также использовались как «презрительная кличка участников патриотических манифестаций и погромов» [14, с. 20]. Источниковой базой работы послужили периодические издания, большая часть которых издавалась в Красноярске, и листовки, выпускавшиеся социал-демократами.

Весной 1905 г. в городе не существовало формирований правого толка, однако, это не помешало местным социал-демократам выпускать листовки о «черносотенцах», выставляя их в негативном свете, как орудие правительства в борьбе с народом при

помощи самого народа [8, с. 47]. Первое объединение правых – Союз мира и порядка – возникло в Красноярске после погрома. Одним из его лидеров был Афанасий Григорьевич Смирнов, который отрицал «тождественность своего союза и черной сотни» [3, с. 2]. Он же и выступил инициатором патриотической манифестации, предшествовавшей погрому [6]. Часть общественности, в первую очередь либеральная, обвиняла А. Г. Смирнова в произошедшем, выставляя его организатором и погрома. Именно на страницах кадетской газеты «Голос Сибири» сообщили о привлечении его к следствию в качестве обвиняемого [5, с. 2]. На одном из заседаний служащих торговых и торгово-промышленных предприятий постановили «увековечить имена черносотенцев для воздания им должного презрения посредством опубликования списков». К их числу предлагалось отнести не только ответственных за погром, но и тех, кто просто одобрял происходящее [1, с. 3]. В ответ на это постановление на собрании Союза мира и порядка было решено начать «уголовное преследование» союза приказчиков, так как подобные идеи были оскорбительными как для А. Г. Смирнова, так и для всего союза [2, с. 3].

Открытые обвинения и полемика в печати становились достоянием всей читающей публики, а не только тех, кто посещал собрания. Подобные заявления, даже если они и не были непосредственной агитацией, влияли на восприятие горожанами тех или иных групп, союзов и объединений.

Местный комитет РСДРП сразу отреагировал листовкой на произошедшее столкновение, назвав его «погромом». В том же тексте организатором «черной сотни» был указан А. Г. Смирнов. Сама, как ее определили «банда», все так же представляла собой аморфную силу, непричастную к какой-либо группе. По сути это был собирательный образ, накладывающийся на часть толпы, руководимой жандармами и чиновниками [8, с. 126 – 127]. Напавшие 21 октября в листовке назывались «черносотенцами» и «патриотами», слово «погромщики» в ней не фигурировало. Само слово «погром» практически не употреблялось [8, с. 127 – 130].

В конце 1905 г. предстояли выборы гласных городской думы на следующие четыре года. Продолжающиеся революционные события не влияли на проведение самой процедуры, только на ее результаты и поведение горожан. 4 ноября выбрали 44 гласных, на эту должность не хватало еще трех человек и десяти кандидатов, поэтому было решено провести вторые выборы в следующее воскресенье 11 декабря [13, с. 2]. Со страниц «Голоса Сибири» звучал призыв не игнорировать выборы, особенно тем, кто хотел «видеть прогрессивную думу, а не думу Аф. Смирнова». Признавалась организационная сплоченность правых и их способность провести свои кандидатуры [4, с. 3]. Однако, создание сколько-нибудь организованной по своей структуре группы, ведущей активную деятельность и имеющей устав, требовало времени.

22 октября 1906 г. в Красноярске вышел первый номер газеты «Православный сибиряк». Издание не имело никакого отношения к местным правым организациям и, более того, на его страницах, редактор В. Абаимов раскритиковал устав Союза русского народа, отстранившись от него [9, с. 1 – 2]. Но, несмотря на подобные высказывания, редакция сообщала о полученных письмах с угрозами в свою сторону, а также о случаях, когда разносчики газеты слышали слова: «проваливайте, черносотенцы» [10, с. 1]. Сообщалось, что одному служащему запретили иметь газету «Православный сибиряк» [15, с. 4].

В декабре того же года был образован красноярский отдел Союза русского народа [19, с. 17]. Одним из важнейших событий для организации стало освещение знамени 30 июля 1907 г. Горожане опасались повторения погрома, поэтому многие либо покинули город, либо не выходили из дома, магазины и лавки в течение всего дня были закрыты [7, с. 2].

Сложившийся негативный образ продолжал использоваться в новых условиях. Речь идет не только о влиянии создавшихся в городе политических групп на выборы в Городскую думу, но и на избрание депутатов Государственной думы. Во время выборов в I Государственную думу красноярский комитет РСДРП прямо заявлял, что «черносотенная» дума не даст народу желаемого. Повторялось распространенное в то время убеждение в том, что погромы были организованы правительством [8, с. 188]. В преддверии выборов Государственной думы во второй раз, в листовках вновь звучал тезис о неспособности «черной сотни» принести пользу народу. Предыдущая «кадетская дума» шла на соглашения с царизмом, что ставило их в один ряд с теми, кто не способен на «мирный способ завоевания свободы» [8, с. 299 – 300]. В тоже время местная «черная сотня» в описаниях красноярских социал-демократов стала более понятным собирательным образом формирующихся или уже существующих правых организаций: «против нас будут шайки подкупной черной сотни всякого рода и названия: «партия мира и порядка» и «православные (вернее цареславные) сибиряки», попы и шпионы, наемные погромщики и провокаторы» [8, с. 317]. После списка с характеристиками конкретных участников, уже появившегося Союза русского народа, прозвучал призыв не голосовать «за ханжей и погромщиков из «Союза русского народа»» [8, с. 328 – 330].

В 1909 г. предстояли новые выборы в Городскую думу, первый день которых состоялся 22 ноября и закончился избранием 42 гласных. Отдел Союза русского народа праздновал победу, так как по их подсчетам три четверти избранных гласных были правыми или умеренными [17, с. 2]. В декабрьском номере журнала «Сибирские вопросы» было опубликовано анонимное письмо о выборах, которое позволяет поставить под сомнение результаты, приведенные в «Сусанине» (газета красноярского отдела Союза). Так, из выбранных 52 гласных было: «11 явных черносотенцев и 7 примыкающих к ним, явных прогрессистов 18 человек и 20 примыкающих». Слово «черносотенцы» было употреблено всего пять раз в следующих контекстах: во-первых, называя местных правых (Союз русского народа) «черная сотня» и «черносотенцы» и, во-вторых, объявляя о существовании «черносотенного вождя» – Всеволода Афанасьевича Смирнова. Лидерство Смирнова сомнительно, так как все годы существования красноярского отдела (1906 – 1914) его председателем был священник Варсонофий Захаров, сам же Смирнов крайне редко упоминался на страницах «Сусанина» причем без связи с союзниками. При этом анонимный автор не только называет Смирнова лидером, но еще и акцентирует внимание на том, что он был сыном А. Г. Смирнова «организатора в Красноярске «Союза русского народа» и устроителя 21 октября 1905 года патриотической манифестации, окончившейся погромом, где было убито 13 чел. и избито более 50» [12, с. 93 – 96].

В «Сусанине» был напечатан ответ под заголовком «Жандарм от революции». Оно началось с объявления имени автора письма, им был Владимир Михайлович Крутовский, красноярский врач и областник, и, по совместительству, в риторике автора ответа, вдохновитель местной «красной сотни». Было ли письмо изначально написано Крутовским – неизвестно. Важнее то, что его обвинили в употреблении «освободительного, блаженной памяти 1905 года, жаргона», когда было нормой называть представителей правых «черной сотней» и «погромщиками». Далее оспаривалось утверждение о лидерстве В. А. Смирнова. В связи с принадлежностью Крутовского к прогрессивной части населения, ожидаемо, под сомнение ставилась истинность его заявлений [18, с. 3].

Действительно ли «черная сотня» и «погромщики» постепенно становились «жаргонизмом 1905 года» и не использовались? В периодических изданиях подобные слова все также встречались. Так, во время выборов в IV Государственную думу в газетах продолжали использовать образ «черносотенной опасности» с целью

привлечения избирателей на сторону их оппонентов [11, с. 1]. Несколькими годами ранее, после выборов гласных Городской думы в 1909 г., на страницах «Сусанина» было написано следующее: «Какие могли быть у прогрессистов планы? Неужели они могли думать, что черносотенцы уже все, так сказать, поголовно безголовые <…> Уж как бы вы нас не умасливали посулами и обещаниями, своих голосов никак не отдали бы черносотенцы» [16, с. 4].

Таким образом, на примере одного города и существовавших в нем политических групп прослеживается несколько тенденций, связанных с использованием образа «черносотенцев», который стал носить еще более негативный характер за счет «погромщиков». Во-первых, изначально аморфное, с точки зрения стоявших за ним людей, восприятие «черной сотни» становилось более понятным благодаря формирующимся в Красноярске правым организациям. Во-вторых, погром 21 октября 1905 г. способствовал появлению локального (на городском уровне), а не только государственного (в масштабе страны) контекста, который особенно заметно проявлялся в отдельных эпизодах во время выборов, когда оппоненты правых в своей агитации использовали произошедшее столкновение. Учитывая обнаруженные свидетельства об опасениях горожан относительно повторения погрома, повторное использование негативного образа правых должно было оказывать дополнительную поддержку кадетам и социал-демократам. В связи с этим удивительно, что слово «погромщик» не вошло в постоянный политический лексикон или, по крайней мере, не использовалось активно на протяжении длительного времени. Однако, само столкновение продолжало использоваться эпизодически, и оказало влияние на формирующуюся в годы Первой русской революции (и после нее) культуры взаимоотношений политических групп в городе.

Список литературы

1. Голос Сибири (Красноярск). 1905. 20 ноября.
2. Голос Сибири (Красноярск). 1905. 23 ноября.
3. Голос Сибири (Красноярск). 1905. 30 ноября.
4. Голос Сибири (Красноярск). 1905. 9 декабря.
5. Голос Сибири (Красноярск). 1906. 28 апреля.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 41. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.
7. Красноярец (Красноярск). 1907. 1 августа.
8. Пламенное слово (листовки красноярских большевиков, январь 1905 – декабря 1907 гг.). Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1988. 414 с.
9. Православный сибиряк (Красноярск). 1906. 12 ноября.
10. Православный сибиряк (Красноярск). 1906. 3 декабря.
11. Сибирская мысль (Красноярск). 1912. 3 октября.
12. Сибирские вопросы (Санкт-Петербург). 1909. 22 декабря.
13. Сибирский край (Красноярск). 1905. 9 декабря.
14. Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России. М.: Яуза-пресс, 2013. 672 с.
15. Сусанин (Красноярск). 1907. 1 апреля.
16. Сусанин (Красноярск). 1909. 2 декабря.
17. Сусанин (Красноярск). 1909. 9 декабря.
18. Сусанин (Красноярск). 1910. 15 ноября.
19. Толочко А.П. Черносотенцы в Сибири (1905 г. – февраль 1917 г.). Омск: Омск. ун-та, 1999. 123 с.

УДК 94(571)(075.8)

Роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью

Гергилев Денис Николаевич
доктор исторических наук, профессор
Сибирский федеральный университет, кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций
Красноярск, Россия
dg@krao.ru
ORCID ID: 0000-0003-4913-4803

Дуреева Наталья Сергеевна
кандидат философских наук, доцент
Сибирский федеральный университет кафедра философии
Красноярск, Россия
natalya-nsd@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5764-055X

АННОТАЦИЯ В статье раскрывается роль реформ М. М. Сперанского в управлении Сибирью. Показана определенная специфика административного управления Сибирским регионом как особой геополитической единицей ввиду территории, плотности населения и других факторов. Раскрыта роль личности М.М. Сперанского как в проведении административных реформ, так и непосредственно в управлении Сибирью как неотъемлемой частью нашей страны. Изучены результаты реформ М. М. Сперанского и показана их социальная и историческая значимость. Выявлены три основных подхода к управлению Сибирью: хозяйственно-экономический, территориальный, демографический. Показана прямая связь между этими подходами и тенденциями укрупнения и разукрупнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Централизация, локализация, управление, реформы, регион.

До начала XX в. под Сибирью понималось всё пространство к востоку от Уральских гор до Тихого океана, то есть это понятие охватывало такие регионы, как Западная, Южная, Восточная Сибирь и Дальний Восток, а также и зауральская территория империи.

В отличие от европейской части России, жестко подчиненной центральной администрации, Сибирь обладала известной административной автономией и более разветвленной системой управления. Различные уровни этой системы по некоторым своим частям формально соответствовали учреждениям, действовавшим на других территориях империи, но специфика края вносила в каждый из них необходимые изменения. Для того чтобы понять, в чем состояла особенность местного управления и какие факторы сказывались на нем, следует рассмотреть характерные черты Сибири как административно-территориальной единицы, изучить непосредственно организацию управления, рассмотреть регионы, выделявшиеся в административном отношении.

Важную роль в формировании административной системы Сибири сыграли политико-географические факторы. В основе многих особенностей управления Сибирью лежали обширность ее территории и удаленность от столиц государства. Россия с конца XVI в. начала быстро расширяться к востоку, присоединяя к себе всё новые земли.

В XVIII – первой половине XIX вв. верховная власть осознанно учитывала региональные особенности Сибири, придавая им статус системообразующих факторов при разработке законодательства в области государственного управления регионом, хотя четко выраженной концепции и политики регионального управления выработано

не было.

Государственное управление в Сибири и местное сибирское самоуправление выстраивалось с учетом необходимости управленческого воздействия и правового регулирования общественных отношений среди различных категорий сибирского населения, сформировавшихся в ходе вольной крестьянской колонизации в условиях преобладания уже в начале XVIII в. и постоянного роста русского податного населения.

Важное значение в управлении Сибирью имела локализация управления посредством самоуправления различных социальных категорий населения внутри сибирского общества, что позволяло в условиях компактного проживания отдельных групп населения обеспечить на них управленческое воздействие государства через назначение или утверждение руководителей самоуправляющихся сообществ. В организации системы сибирского государственного управления учитывались пространственно-географические особенности региона, связанные с наличием территорий с неразвитой системой коммуникаций и ставящие проблему комплексной локализации управленческих функций на различных уровнях внутрисибирских структур государственного управления, что обеспечивало управление отдаленными территориями, но снижало уровень и возможности генерал-губернаторского контроля и надзора центральных органов государственного управления за деятельностью чиновников сибирской администрации.

Основными тенденциями в развитии государственного управления в Сибири являются централизация и локализация власти в регионе (укрупнение и разукрупнение) при построении унифицированной модели властных отношений, характерной для империи, в ходе выстраивания которой складывались отношения «центр - регион», где центральной властью выступает правительство, а его местным уровнем и представителем на территории Сибири после Ревизии 1819 г. – Главное управление во главе с генерал-губернатором Сибири в целом, а после 1822 г. генерал-губернаторами Западной и Восточной Сибири.

Этим генерал-губернатором стал М. М. Сперанский. Именно М.М. Сперанским была разработана министерская реформа (1802). Вместо коллегий вводились министерства, был учрежден Комитет министров. Особой заслугой М.М. Сперанского было учреждение Государственного совета (1810), где готовились и обсуждались все законопроекты. Вступив на престол, Александр I понимал, что нужны перемены в общественной и политической жизни государства. Для осуществления своих реформ император избрал Сперанского в качестве своего ближайшего помощника.

В 1822 г. практически все предложения Сперанского по Сибири утверждаются законодательно. Благодаря этим принятым законам в Сибири никогда не было крепостного права.

«С приездом Сперанского новою жизнью повеяло в Сибири. Сибиряки увидели в вельможе человека. Они снова начали жить и дышать свободно. Самовластие, лихоимство, всякого рода притеснения, на которые они жаловались так долго и так бесполезно, стали прекращаться мерами власти. Власть сделалась действительно тем, чем надлежало ей быть – защитницей, а не гонительницей населения» [4, с. 1, 27]. М. М. Сперанский и его единомышленники видели явные недостатки административной системы и осознавали необходимость их законодательного устранения. Многие проблемы вытекали, как уже отмечалось, из специфики местных условий: огромных расстояний, большой удаленности друг от друга городских центров края. В ходе присоединения сибирских территорий сложилось чересполосное административное деление уездов и пограничных линий военного подчинения; при утверждении штата городов таковыми записывались малые поселки в пять-шесть строений (чтобы завести там чиновный персонал); в канцеляриях всех уровней сидела многочисленная и алчная бюрократическая номенклатура и т. д. [1] Цели реформ виделись в

ограничении особым «установлением» единоличной власти высшего сибирского начальства, в приближении его к реальным потребностям хозяйственного управления, сведении воедино надзорных органов, четком разграничении функций многочисленных инстанций управления, приспособлении их к местным условиям. Принципиальная концепция реформы при этом базировалась на учете региональной географии, истории, бытовых и нравственных традиций населения.

По возвращении из сибирской поездки М. М. Сперанский вошел в состав специально учрежденного Сибирского комитета (под председательством графа Кочубея), который занялся рассмотрением проектов административных преобразований в регионе. В результате был составлен и в феврале 1822 г. одобрен пакет нормативных документов по управлению Сибирью: «Общее учреждение для местного управления Сибири» и частные правила об управлении некоторых областей; «Общий устав об управлении сибирских инородцев»; «Особенный устав об управлении сибирских киргизов»; «Устав о ссыльных»; «Устав о городовых казаках» и некоторые другие. Осуществление норм, заложенных в этих документах, регулировал Сибирский комитет - теперь уже во главе с самим М.М. Сперанским, а позднее - графом А. А. Аракчеевым.

Сибирь разделили на две части (генерал-губернаторства) - Западносибирское с центром в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Восточносибирское с центром в Иркутске. Граница между ними проходила по р. Енисею, причем при разграничении учитывались самые различные факторы. Во-первых, великая река Енисей являлась естественным географическим рубежом. Во-вторых, по мысли реформатора, в каждой из двух частей оказывалось более или менее гармоничное сочетание собственной аграрной базы и неземледельческих районов. В-третьих, исторически сложившиеся внутриторговые маршруты сходились к Иркутску и Кяхте на востоке и к Ирбиту на западе края. В-четвертых, южная граница империи в Сибири четко делилась на восточную зону, оформленную договорами с Китаем, и западную, сложившуюся в результате исторических взаимоотношений с казахами. Генерал-губернаторства подразделялись на губернии, а они, в свою очередь, – на округа, волости и инородные управы. В-пятых, в Сибири существовали провинции, обусловленные особенностями ландшафта Сибирской территории. Так, в группу таежных провинций Средней Сибири входят: Путоранская, Оленёкско-Анабарская, Тунгусская, Мархинская, Привилюйская, Центральноякутская, Енисейского кряжа, Приангарская, Приленская, Алданская и Присаянская. В результате административное устройство Сибири приобрело следующий вид: Западносибирское генерал-губернаторство включало Тобольскую и Томскую губернии и Омскую область, Восточносибирское - Иркутскую и вновь созданную Енисейскую губернию, Якутскую область и три особых управления - Троицкосавское пограничное, Охотское и Камчатское приморское [3].

Административное управление строилось по степеням: главное (на уровне генерал-губернаторства), губернское (губернии и области), окружное, волостное и инородное [3].

При генерал-губернаторе Сибири действовал Совет из назначаемых царем сановников, а также из высших должностных лиц генерал-губернаторства. Наблюдение за состоянием экономики, финансов и внутреннего порядка являлось его официальной задачей, негласной же функцией было предотвращение возможных злоупотреблений представителями власти.

Администрацию губернии возглавлял гражданский губернатор, входивший в губернский совет, который дублировал на более низком уровне Совет при генерал-губернаторе и имел к тому же полицейские полномочия. В областях действовали такие же советы, а так как все области находились в пограничных районах и там размещались войска, то областные начальники (губернаторы), в отличие от гражданских

губернаторов, обладали полномочиями военного командования.

Округа различались по населению: в многолюдных учреждались общие окружные управления (окружной начальник и председатели окружных инстанций) и частные управления (суды, казначейство, медицинские заведения); в средненаселенных округах создавались только частные управления во главе с начальником округа; в редконаселенных - действовали только исправник и лекарь. У окружных начальников были в основном те же обязанности, что и у вышестоящих лиц губернского управления, но на них возлагались еще ежемесячный осмотр и ревизия острогов, и раскладка повинностей среди населения области [3]. В многолюдных городах административная власть принадлежала городничему вместе с сословной думой, а в малолюдных – старосте, избиравшемуся из горожан. В целом бюрократический штат приводился в систему и значительно сокращался. Во множестве сибирских «медвежьих углов» теперь не предусматривалось насаждения присутственных мест, создания начальственных должностей.

Волостное правление было таким же, как в Европейской России. Администрацию составляли волостной голова, староста и писарь, ежегодно избиравшиеся «поверенными» от каждого селения. В деревнях действовали старшины и десятские. Крестьянские начальники должны были следить за выплатой податей, составлять бумаги - рапорты исправнику и разбирать мелкие правонарушения [3].

М. М. Сперанскому удалось построить по одной схеме план управления на всех административных уровнях. Ответственность за подведомственную территорию возлагалась на главу администрации, который действовал совместно с совещательным органом. Структура таких органов тоже была идентичной, но на низших уровнях управления они были выборными (на низших, за неимением дворянства, выборность не допускалась). Более того, удалось разграничить компетенцию разных чиновных учреждений, жестко отделить судебную сферу от финансовой, а их вместе - от непосредственно управленческой (по крайней мере, формально). Таким образом, один из основных источников чиновного произвола и взяточничества (а именно путаница и дублирование функций разных ведомств) был ликвидирован.

На судьбе реформы и ее отдельных положений неизбежно сказались и краткость пребывания М. М. Сперанского в Сибири, «недостаточное знакомство с ее жизнью, и неспособность провинциального чиновничества воспринять его идеи» [5, с. 492]. Тем не менее, замыслы Сперанского в целом соответствовали вызову времени, так как установленная по его проектам структура территориально-административного деления продержалась несколько десятилетий. Это подчеркивает разумность предложенных им мер, поскольку в предыдущую эпоху, в XVIII в., нескончаемые преобразования в Сибири лишь усугубляли накопившиеся проблемы и не приводили к стабильному управлению.

Согласно «Учреждению для управления Сибирских губерний», вся территория Сибири была разделена на два генерал-губернаторства: Западно-Сибирское и Восточно-Сибирское с административными центрами в Тобольске (правда, менее чем через 20 лет столица переехала в Омск) и Иркутске. Эти административные образования подразделялись на более мелкие: губернии и области, те, в свою очередь - на округа. Генерал-губернаторы, а также гражданские губернаторы, областные и окружные начальники по-прежнему имели широкие полномочия, касавшиеся буквально всех сфер жизнедеятельности - административной, экономической, судебной (а генерал-губернаторы – также и военной) и т. д. Однако при каждом из них теперь должен был действовать совет, в состав которого входили чиновники: представители министерств (внутренних дел, юстиции и финансов), а также делопроизводители, ведавшие «распорядительными», судебными и хозяйственными делами.

Особенное внимание следует уделить «Уставу об управлении инородцев». В нем впервые был применен на законодательном уровне дифференцированный подход к народам с различным уровнем хозяйственного и общественного развития. Согласно этому подходу, все «инородцы» (т. е. представители аборигенного населения Сибири) делились на три разряда: бродячих, кочевых и оседлых. Первые два уравнивались в налогах с государственными крестьянами, но сохраняли свои внутренние порядки в делах управления, оседлые же народы полностью приравнивались к государственным крестьянам. К этим последним относились татары, а также часть алтайцев, хантов и манси. Устав предусматривал постепенный переход бродячих и кочевых народов к оседлости, в результате чего они должны были сравняться в правах и обязанностях с русским населением.

Кроме того, «Устав об управлении инородцев» закреплял за аборигенами находившиеся в их пользовании земли, определял порядок взимания налогов и податей, их размеры, допускал свободную торговлю с русским населением, наконец, предоставил сибирским народам право отдавать своих детей в государственные учебные заведения и даже открывать свои собственные училища, а также провозглашал полную веротерпимость – право исповедовать традиционную религию и выполнять соответствующие обряды. Ничего подобного не было в то время в законодательстве любой европейской колониальной державы и США.

Важное значение имел «Устав о ссыльных и об этапах», посредством которого постарались хоть как-то упорядочить и регламентировать механизм применения административной ссылки в качестве одной из мер наказания, предусмотренной законами империи. На всем маршруте движения ссыльных создавались особые этапы – места, где строились специальные тюремные помещения для ночевок и дневок ссыльных и каторжан. Всего путь следования партий арестантов в Сибирь был разбит на 61 этап. Был установлен порядок отправления и движения партий ссыльных, состав и функции сопровождавшей их стражи, местные власти обязаны были создавать ссыльным нормальные условия жизни, обеспечивать их питанием и одеждой, не вмешиваться в их трудовую и хозяйственную деятельность. Сперанский надеялся, что все эти меры позволят ссыльным превратиться в полноценных государственных крестьян, вносящих свой вклад в дело освоения сибирских земель.

«Устав о сибирских городовых казаках» завершал, в сущности, превращение казачьего сословия Сибири в полицейскую силу, предназначенную для охраны порядка внутри страны. Он распространялся на все еще сохранявшиеся в сибирских городах казачьи команды, не вошедшие в состав образованного в 1808 г. Сибирского линейного казачьего войска, несшего охрану южных границ Западной Сибири. Согласно «Уставу о сибирских городовых казаках», городовые казаки относились к составу губернской и окружной полиции. Этим статусом определялись и их служебные обязанности: несение караулов при важных гражданских или военных объектах; служба вестовыми и рассыльными при учреждениях и отдельных чиновниках; конвоирование ссыльных и каторжных, наблюдение за поддержанием порядка и (в случае необходимости - при беспорядках и бунтах) принятие для его восстановления всех мер, включая применение вооруженной силы. Для казаков вводились единое обмундирование, вооружение и амуниция. При Николае I проводится целый ряд мер, направленных на преобразование организационной структуры сибирского казачества, системы управления, порядка прохождения службы и т. д., по подобию регулярной армии. Казаки получили регулярное устройство и «содержатся по строевой части на тех же почти правилах, какие существуют ныне в целой армии. Снабженные казенным довольствием, они более почитаться должны поселенными кавалерийскими полками, нежели казаками» [2].

Наконец, в том же 1822 г. издаются «Положение и правила о вольном переселении

казенных крестьян в Сибирь», снимавшие ранее существовавший запрет на переселения. Правда, не желая брать на себя расходы, правительство ограничилось лишь тем, что попыталось взять этот процесс под свой контроль путем узаконивания давно существовавшей практики. От крестьян требовалось получение увольнительного приговора от своей общины и приемного от той общины, куда они собирались переселяться. Затем следовало представить эти документы на рассмотрение официальных органов и дожидаться решения властей. Понятно, что мало кто из крестьян считал необходимым выполнять все формальности, так что уже в первые годы после издания «Положения…» Сибирь пополнилась значительным числом самовольных переселенцев. К началу 30-х гг. XIX в. было выявлено более тысячи таких людей. Властям пришлось молчаливо санкционировать уже состоявшиеся переселения, дабы не нарушать хозяйственную жизнь новоприбывших, но вместе с тем от всех соответствующих инстанций потребовали строго следить за соблюдением порядка и не допускать подобных вольностей впредь.

Таким образом, «Сибирское учреждение» М. М. Сперанского и его единомышленников, будучи достаточно полно и последовательно проведено в жизнь, действительно могло бы в корне изменить судьбу Сибири, превратив эту огромную территорию из колонизуемой окраины, которой она оставалась на протяжении предыдущих двух веков, в полноценную территорию в составе Российской империи, мало чем отличавшуюся от европейской части страны. Однако случиться этому оказалось не суждено. Историки до сих пор не пришли к единому мнению о том, что послужило причиной такого исхода: невозможность проведения радикальных реформ в рамках государственного строя российского самодержавия, нехватка в достаточной степени квалифицированных управленческих кадров, специфика социальной структуры сибирского населения и его занятий или что-то еще. Несомненно одно, даже частичная реализация задуманных преобразований резко подчеркнула ущербное положение Сибири в составе Российской империи, когда вся восточная часть страны рассматривалась лишь как сырьевой придаток и место «исправления» преступников. В немалой степени способствовало этому все большее расширение сферы принудительного каторжного труда, а также бурное развитие в XIX в. добычи сибирского золота.

Таким образом, в Сибири сформировалось три основных подхода к управлению: хозяйственно-экономический, территориальный, демографический. Хозяйственно-экономический подход обусловлен богатыми природными ресурсами Сибири. Территориальный и демографический подходы обусловлены сложность управления огромной территорией с немногочисленным населением. Эта сложность повлекла за собой тенденцию разукрупнения (деление Сибири на Западную и Восточную).

Таким образом, Сибирь, бывшая ранее «землей незнаемой», включилась в ход мировой истории именно благодаря вхождению в состав Русского государства, которое само переживало нелегкую эволюцию: от Московского царства к Российской империи. Бесспорно и то, что русские колонисты кардинально изменили облик этих земель, принеся сюда хлебопашество и промышленное производство, строительство городов и развитие торговли, в том числе и международной. Об освоении же природных богатств Сибири и прибылях для государственной казны нечего и говорить. Но нельзя забывать и об изучении природы и истории всего этого огромного региона, равно как и культуры населявших его народов, с которыми русским поселенцам удалось выстроить более-менее гибкую систему взаимоотношений, что позволило избежать геноцида коренного населения, ставшего столь характерным явлением в колониальных владениях европейских держав эпохи нового времени. И все же нельзя не сожалеть о том, что вплоть до наших дней мало кто считает нужным уделять особое внимание собственным нуждам Сибири и ее населения, отнюдь не заслуживающего

статуса людей «второго сорта» в своей стране. Поэтому те проблемы, которые стояли перед людьми XVIII – XIX вв., сохраняют свою актуальность и для нас сегодня.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-77-3019. Авторы выражают благодарность Алексею Вадимовичу Зимину за предоставление данных о донной топографии в Белом море.

Список литературы

1. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год: в 2 т. Репринтное издание 1872 г. СПб.: Альфарет, 2011. 775 с.
2. Дмитриев А. В. Сибирь в первой половине XIX в.: реформы М.М. Сперанского // URL: http://gkaf.nsu.ru/dmitriev/sk/10.html (дата обращения: 14.06.2023).
3. Ермолинский Л. Л. Михаил Сперанский / Л. Л. Ермолинский. Иркутск: Папирус, 1997. 398 с.
4. Учреждения для управления сибирских губерний. СПб., Сенатская типография. - 1822. // URL: http://ivo.garant.ru/#/document/58102531:0 (дата обращения: 01.10.2016).
5. Ядринцев Н. М. Сперанский и его реформы в Сибири // Вестник Европы. 1876. Кн. 6. 935 с.

УДК 94(571)“18”

Армейские офицеры в структурах гражданской администрации Сибири к концу XVIII в.

Дмитриев Андрей Владимирович
доктор исторических наук, доцент
Новосибирский государственный университет, Гуманитарный институт, кафедра отечественной истории
Новосибирск, Россия
khaldeus@academ.org
ORCID ID: 0000-0001-9211-0407

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу положения офицеров армейских частей в структурах гражданской администрации губернского и уездного уровня на территории Сибири к концу XVIII в. Прослеживаются карьерные достижения офицеров до момента получения отставки и их влияние на дальнейшее служебное положение этих лиц в статусе гражданских чиновников. Установлено, что определенная доля офицеров непривилегированного происхождения после ухода с военной службы занимали ряд должностей в управленческом аппарате Сибири на губернском и уездном уровнях. Данный феномен рассматривается как один из инструментов процесса модернизации имперского государственного механизма, действовавшего до конца XVIII в., в том числе и в Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, XVIII век, офицеры, гражданская администрация.

Эффект «милитаризации» сферы государственного управления в Российской империи на протяжении XVIII – XIX столетий, разумеется, не является для историков принципиально новым или относительно малоизученным. На протяжении последних десятилетий к его рассмотрению обращались И. В. Волкова, В. В. Лапин и другие исследователи [3; 7]. Персональный состав сибирского чиновничества в XVIII в. изучен в работах Г. Ф. Быкони и М. О. Акишина [1; 2]. Заметное внимание особенностям влияния людей в армейских мундирах на жизнь Сибири как крупного макрорегиона уже было уделено в нескольких наших публикациях [4; 5]. Однако до сих пор мы рассматривали только деятельность в тех или иных сферах лиц, являвшихся военнослужащими полевых или гарнизонных частей русской регулярной армии, дислоцированных на территории «восточной окраины» империи. Между тем, нам известно, по крайней мере, несколько десятков человек, в последней трети XVIII в. выходивших в отставку с обер-офицерским или даже штаб-офицерским чином, но не покидавших государственную службу, поскольку в дальнейшем они занимали какие-либо должности в административном аппарате гражданского ведомства. При этом сразу бросается в глаза то обстоятельство, что их чиновничьи должности далеко не всегда коррелировали с их предыдущим опытом армейской службы. В связи с этим мы считаем необходимым проследить, как именно складывалась гражданская карьера у ряда отставных офицеров, продолжавших жить в губерниях к востоку от Урала, и какое влияние мог оказывать их опыт пребывания в рядах регулярной армии на эффективность исполнения ими своих обязанностей в аппарате гражданской администрации.

Необходимые для исследования фактические данные были получены нами при анализе как опубликованных, так и архивных источниковых материалов. Имеющиеся в нашем распоряжении списки личного состава полевых и гарнизонных частей Сибирского корпуса за 1760 – 1780-е гг. из фондов Российского государственного военно-исторического архива содержат сведения о лицах, имевших штаб- и обер-офицерские чины, в том числе об их социальном происхождении, этапах военной

карьеры, уровне образования, наличии боевого опыта, нахождении под судом и т. д. В свою очередь, списочный состав людей, пребывавших на административных должностях в структурах губернского и уездного уровня гражданского управления, представлен в справочных изданиях «Месяцесловов» или «Адресов-календарей» за конкретные годы в интервале второй половины 1770-х – середины 1790-х гг. Сопоставление архивных данных с этими изданиями позволило выявить несколько десятков офицеров Сибирского корпуса, после отставки из армии определившихся к «статским делам». Рассмотрим более подробно, какие именно должности и в каких сферах гражданской службы стали занимать эти люди.

Прежде всего бросается в глаза значительное число отставных армейских офицеров в местных судебных учреждениях. При этом среди них встречаются обладатели как штаб-офицерских чинов, так и обер-офицерских рангов. До 1780 г. в гарнизонных батальонах Сибирского корпуса служил Максим Григорьевич Кривоногов, переведенный сюда после того, как в 1770 г. отличился в русско-турецкой войне в сражениях при Ларге и Кагуле, когда, как было засвидетельствовано его начальником, «во всех случаях должность свою исправлял, как храброму и знающему офицеру надлежит». За это он получил штаб-офицерский чин, в 1771 г. его произвели из ротмистров в секунд-майоры. С этим чином он продолжал службу в Сибирском корпусе вплоть до отставки. Но поскольку он оставил армейские ряды в возрасте лишь 35 лет (очевидно, по состоянию здоровья, раз он не принадлежал к благородному дворянству), то сразу же начал «статскую» карьеру. В 1780 г. его назначили управителем Ишимского дистрикта Сибирской губернии, а уже с 1782 г. он сделался асессором палаты гражданского суда Тобольского наместничества. В середине 1790-х гг. он все еще продолжал занимать эту должность, причем с уже присвоенным ему чином коллежского асессора, по Табели о рангах соответствовавшим его предыдущему секунд-майорскому рангу. Очевидно, деятельность отставного ветерана вполне удовлетворяла начальников палаты, хотя никакими специальными юридическими познаниями он, естественно, не обладал: «Читать и писать умеет, арифметику, геометрию и часть фортификации знает» [12, л. 462 об., 463; 8, 1780, с. 432; 1782, с. 441; 1795, с. 350].

В отличие от Кривоногова, видимо, сибирским уроженцем был Илья Никифорович Толмачев. Более 20 лет он прослужил в одном из драгунских полков на Иртышской линии, затем был переведен в один из линейных пограничных батальонов с присвоением секунд-майорского чина. А еще через десяток лет, в 1783 г. он уже находился в отставке с присвоенным ему чином премьер-майора и состоял одним из двух председателей верхней расправы в Томске. Толмачев не был участником военных кампаний, поскольку всю жизнь провел за Уралом, умел только читать и писать, однако это, как видим, не помешало ему сделаться одним из главных судей на уровне уезда [12, л. 561 об., 562; 8, 1783, с. 456]. Аналогичным оказался жизненный путь Матвея Григорьевича Васильева, также более 20 лет прослужившего в пехотных частях Сибири, а с 1782 г. занявшего должность судьи в нижней расправе Бурлинского уезда Колыванской области с полученным при отставке чином секунд-майора [12, л. 552 об., 553; 8, 1782, с. 446]. В том же 1782 г. советниками верхнего надворного суда Тобольского наместничества стали секунд-майоры Иван Иванович Борисов и Василий Осипович Верещагин (за 10 лет перед тем оба они были только поручиками). Никакими особенными дарованиями они, по-видимому, не обладали, но быстрому продвижению в чинах до выхода в отставку способствовало то, что оба долгое время служили адъютантами у своих полковых и батальонных командиров [10, л. 279 об., 280; 12, л. 548 об., 549; 8, 1782, с. 442].

Впрочем, не только обладатели штаб-офицерских рангов занимали должности по судебному ведомству, попадали туда также и отставные обер-офицеры. Алексей

Спиридонович Литвинов, уроженец Смоленска, попал на сибирскую службу в рядах Луцкого драгунского полка еще в середине 1740-х гг., за 30 лет добрался до капитанского чина, после чего из-за преклонного возраста был отправлен в отставку. В 1786 г. он возглавлял нижний надворный суд Тобольского наместничества, а в 1794 г., когда ему уже было под 70 лет, состоял городничим в Сургуте в чине коллежского асессора [12, л. 565 об., 566; 8, 1786, с. 322; 1794, с. 344]. Вместе с ним в 1786 г. в тобольском надворном суде заседателями числились поручик Афиноген Григорьевич Андреев (брат известного мемуариста капитана Ивана Андреева) и прапорщик Яков Мокринский. Об Афиногене его старший брат Иван упомянул в своей «Домовой летописи» следующими словами: «Будучи во время бунта (т. е. в период восстания Е. Пугачева 1773 – 1775 гг. – *А. Д.*) в походе, женившись в Тюмене у Помигалова на дочери, вышел в отставку, и потом в Тобольске в нижнем надворном суде по отставке поручиком» [6, с. 10; 8, 1786, с. 322]. Мокринский также участвовал в боях с пугачевцами: «Был из Оренбурга на вылазках против мятежников неоднократно, и при поражении злодейской толпы под Самарой, и для поиска над башкирами в походе находился, при вылазке же в спину ранен копьем» [15, л. 835 об., 836; 8, 1786, с. 322]. Все они опять-таки не имели никакого специального образования, лишь зная грамоту, чтение и письмо. Тем не менее, местные власти посчитали их кандидатуры подходящими для осуществления правосудия.

Прапорщик Лука Бабасанов, тобольский уроженец, также более 30 лет прослужил в армии, а получив отставку с чином подпоручика, в 1784 г. стал заседателем в нижнем земском суде Тары. Стоит отметить, что занять эту должность ему не помешало даже то обстоятельство, что в 1772 г. он состоял под следствием и содержался под арестом по обвинению в «приправлении книг и документов» [12, л. 547 об., 548; 8, 1784, с. 465]. Данила Никитич Басарев и вовсе не поднялся по армейской служебной лестнице выше чина прапорщика за все 25 лет пребывания в частях Сибирского корпуса, однако в 1791 г. стал секретарем нижнего земского суда в Красноярске. Уже через год, в 1792 г. его назначили заседателем 2-го департамента нижнего надворного суда Колыванской губернии, а в 1795 г. он получил на гражданской службе чин титулярного советника, относившийся по «Табели о рангах» к IX классу, т. е. значительно превосходя свой прежний армейский чин прапорщика, относившийся к самому низшему XIV классу [14, л. 363а об, 364; 8, 1791, с. 349; 1792, с. 352; 1795, с. 383]. Прапорщик Андрей Пахомов, очевидно, родившийся и выросший в Забайкалье, также «тянул лямку» почти 30 лет, а после отставки в 1786 и 1787 гг. состоял секретарем нижнего земского суда в Верхнеудинске. Ему, по-видимому, было не привыкать к бюрократической работе: еще находясь на военной службе, он в течение целого ряда лет был последовательно ротным, гарнизонным и генеральным писарем, а также успел несколько месяцев побывать госпитальным надзирателем [13, л. 226 об., 227; 8, 1786, с. 328; 1787, с. 339]. Некоторые офицеры лишь на время прерывали военную службу, занимая какую-либо гражданскую должность, а потом возвращались к своим частям. Так, прапорщик 2-го Тобольского гарнизонного пехотного батальона Емельян Асраков в 1783 г. был отправлен в Каинск на должность уездного стряпчего, а в батальонном списке за 1784 г. о нем говорилось так: «Хотя в поданном за вторую половину прошлого 1783 г. списке и показывался в городе Каинске в стряпческой должности, но 12 марта сего года в Тобольск прибыл и находится при батальоне комиссаром». Он также был избран для этого, вероятно, по той причине, что ранее пребывал ротным писарем и госпитальным надзирателем по несколько лет [15, л. 826 об., 827; 8, 1784, с. 471].

Несколько меньшей, но также довольно заметной оказывалась доля отставных офицеров в тех или иных финансовых учреждениях на местах. Даниил Семенович Ульянов прослужил в армии 35 лет, достигнув капитанского чина, после чего, выйдя в отставку, стал в 1784 г. уездным казначеем в Омске. Эту должность он занимал до 1791

г., а уже в 1793 г. снова появился в списках чиновников как исправник, возглавлявший нижний земский суд в Семипалатинске, причем уже с чином коллежского асессора, по «Табели о рангах» приравненного к майорскому, а не к капитанскому званию. Всего через пару лет, в 1795 г. он сделался надворным советником, получив чин VII класса по «Табели о рангах», тем самым достигнув таких ступеней, которые оказались недоступны для него, пока он служил в армии. Вероятно, ему помогло то, что в юности он обучался не только грамоте, чтению и письму, но также и арифметике. Благодаря этому он, помимо строевых чинов, еще и побывал последовательно ротным писарем, канцеляристом и даже полковым адъютантом [12, л. 480 об., 481; 8, 1784, с. 466; 1791, с. 304; 1793, с. 364; 1795, с. 384]. Прапорщик Михаил Лагунов, напротив, за годы службы ничем особенным не отличился, но после того, как ему исполнилось 50 лет, в 1784 г. вышел в отставку и сразу же сделался уездным казначеем в Тобольске. Всего через год ему присвоили чин губернского секретаря, по «Табели о рангах» относившийся к XII классу [12, л. 524 об., 525; 8, 1784, с. 465; 1785, с. 363]. Таким образом, Лагунов, находясь в уездном казначействе, получил повышение сразу на два ранга. Его сослуживец Ермолай Иванович Юдин, хотя и числился в составе 2-го Тобольского батальона, много лет проживал в Бийской крепости, состоя там «у покупки в казну провианта». Поскольку он, видимо, успел обзавестись собственным домом, то при выходе в отставку добился позволения остаться здесь же, в Бийске, и перешел на должность уездного казначея, занимая ее с 1785 по 1789 гг. Знанием арифметики он, кажется, не обладал, однако еще в первой половине 1760-х гг. состоял сначала ротным, затем полковым писарем [12, л. 523 об., 524; 8, 1785, с. 381; 1789, с. 323]. Кроме того, занимаясь закупками провианта, он безусловно должен был хорошо освоить «цифирную науку» и правила финансового делопроизводства.

Довольно экзотической выглядит судьба Якова Григорьевича Пешкова. Солдатский сын из Великих Лук, он попал в 1740 г. в Олонецкий драгунский полк, который через несколько лет был передислоцирован из европейской части страны в Западную Сибирь. В 1760-е гг. он был уже ротмистром Якутского карабинерного полка, с начала 1770-х гг. был переведен в гарнизонные пехотные батальоны, расквартированные в Забайкалье (сначала в 1-й Селенгинский, затем в Иркутский). Совсем юным рядовым он успел принять участие в русско-шведской войне 1741 – 1743 гг., но впоследствии оказавшись в Сибири, похоже, не смог примириться со спокойной жизнью, неоднократно оказываясь под судом за различные дисциплинарные проступки. Получив первый обер-офицерский чин прапорщика и сделавшись полковым писарем, Пешков в 1758 г. повел себя совершенно неподобающим образом и был наказан «за ослушание команды и неисполнение приказов в непереходе им из форштадта в отведенную в крепости Святого Петра квартиру, и за произнесенные им к зловредительному случаю речи, что когда на форштадте казенную избу, где он жил, велено сломать и перевезти в крепость, то де он из команды кого-нибудь из пистолета убьет до смерти». Правда, угрозу свою он не выполнил («хотя действием того и не произвел»), но «дабы он от того воздержался», был «штрафован при знаменном карауле без суда батогами».

Переехав в Забайкалье, Пешков не успокоился и продолжал дебоширить. В 1763 г. он состоял под следствием «в причинении компанейским купцам и обывателям разных обид и взятках, в битье кяхтинского посадского Кириллова и в именовании его в поданном в полк рапорте шельмованным и “бывшим антихристовым у предтечи апостолом”». Кроме того, его собственный подчиненный, ротный квартирмейстер Бармин, донес на Пешкова, что тот продал казенную лошадь крестьянину, после чего рапортовал, что лошадь была якобы от «лихой болезни» пристрелена. На протяжении 1773 – 1775 гг. он неоднократно являлся на службу пьяным, за что получал выговоры от начальства. Однако все это не помешало иркутскому губернатору Ф. Н. Кличке в

1780 г. определить капитана Пешкова в губернскую счетную экспедицию! В 1782 – 1783 гг. он уже состоял за казначея в винной и соляной экспедиции, причем и здесь, судя по всему, занимался какими-то неблаговидными махинациями. Во всяком случае, в 1784 г. иркутский и колыванский генерал-губернатор И. В. Якоби распорядился «по доносу купца Данилова в сомнении на него, Пешкова, в похищении казенных ассигнаций за неосторожность, будучи губернским казначеем, найденную по следствию вместо штрафа, дабы впредь при врученных должностях был осмотрительнее, взыскать с него, Пешкова, вычетом из жалования и в удовольствие того истца Данилова» 150 руб. Конечно, он знал арифметику, но все же вряд ли этого могло быть достаточно, чтобы, имея такие прегрешения по службе, попасть в губернские финансовые учреждения [16, л. 19 об. – 21; 8, 1780, с. 433; 1782, с. 448; 1783, с. 463]. Остается предположить, что в Иркутске в первой половине 1780-х гг. кадровый дефицит был настолько обостренным, что губернатору приходилось назначать в структуры гражданской администрации действующих военнослужащих, да еще с таким скверным послужным списком.

Продолжавшие службу в гарнизонных частях армейские офицеры вообще были не редкостью среди чиновников Иркутской губернии. Ту же счетную экспедицию в 1779 г. возглавлял секунд-майор Иван Дмитриевич Глазунов, в середине 1760-х гг. успешно продвинувшийся по службе благодаря пребыванию сначала полковым аудитором, затем полковым адъютантом [16, л. 19 об., 20; 8, 1779, с. 399]. В 1782 и 1783 гг. в иркутской счетной экспедиции состоял прапорщик Павел Павлович Жуков, одновременно командовавший городовой командой в Балаганске. Он также успел побывать ротным и полковым писарем благодаря знанию «части арифметики» [13, л. 226 об., 227; 8, 1782, с. 449; 1783, с. 463]. А в 1785 г. винными приставами в разных населенных пунктах по Верхнеудинскому уезду числились сразу четверо офицеров: капитаны Федор Курбатов и Иван Поляков, поручик Андрей Редриков, прапорщик Василий Чикулаев [8, 1785, с. 370]. Их судьбы были весьма различны. Курбатову к тому моменту исполнилось уже 65 лет, его сослуживец Поляков был на 10 лет моложе, но оба они, судя по всему, провели всю жизнь в Сибири [13, л. 212 об., 213, 215 об., 216]. Напротив, Редрикову исполнилось только 44 года, однако он был ветераном русско-турецкой войны. Сын капитана Михаила Редрикова, тобольского уроженца, он был определен в состав Томского полевого пехотного полка, сформированного в Западной Сибири в середине 1760-х гг., но затем отправленного на запад для участия в кампаниях против турок. Андрей Редриков в сражении при Кагуле в 1770 г. был ранен в левую руку, затем штурмовал Браилов, а в начале 1771 г. при взятии крепости Джурджу получил рану в левую ногу пикой. За эти отличия его произвели сразу из корнетов в поручики, но из-за полученных ран он был исключен из полевой службы и отправлен обратно в Сибирь, где поступил в гарнизонные батальоны [12, л. 503 об., 504].

Встречаются также случаи определения офицеров на такие должности, у которых вроде бы не должно было быть никакой связи с военной службой. Так, в 1784 г. председателем губернского магистрата Колыванской области сделался 45-летний секунд-майор Степан Иванович Паклин. Он тоже был человеком весьма необычной судьбы. Его отец, тюменский крестьянин Иван Паклин, был взят на военную службу еще в петровскую эпоху, но так и не продвинулся выше сержантского чина. Степан был третьим сыном в семье, и его, в отличие от двоих старших братьев, также пошедших в солдаты, отец предпочел определить копиистом в штат Сибирской губернской канцелярии в середине XVIII в. После прихода к власти Екатерины II Степан Паклин добился, чтобы его «статской службы из канцеляристов» зачислили в рядовые лейб-гвардии Преображенского полка. Прослужив гвардейцем два с половиной года, он был «выпущен» в полевые войска сразу с чином прапорщика, в 1770-х гг. продолжал

подниматься по служебной лестнице уже в сибирских гарнизонных пограничных батальонах. Спустя более 10 лет, в 1795 г., Степан Иванович все еще состоял председателем 1-го департамента Колыванского губернского магистрата с гражданским чином коллежского асессора [12, л. 556 об., 557; 8, 1784, с. 474; 1795, с. 382]. Надо полагать, полученный в юности опыт канцелярской работы помогал ему достаточно хорошо разбираться в магистратских делах и обеспечил довольно долгую административную карьеру.

Несколько офицеров определялись после отставки на должности городничих или комиссаров. В 1788 и 1789 гг. красноярским городничим состоял отставной секунд-майор Иван Федорович Журавлев, которому уже исполнилось к тому моменту почти 75 лет. Ранее он командовал одним из тобольских гарнизонных пехотных батальонов [15, л. 847 об., 848; 8, 1788, с. 327; 1789, с. 324]. Поручик Андрей Шемякин в 1778 г. управлял Илимским комиссарством, а незадолго до этого был полицмейстером в Иркутске. Правда, на этих должностях он «отметился» противоправными поступками, так что в 1780 г. губернатор Кличка распорядился его оштрафовать: «За чинимые им противные поступки в Иркутске в полицмейстерской должности, за сечение одного мещанина кошками и за дачу купца Козлова приказчику вместо паспорта месячного билета, да будучи в Илимске в должности комиссарской за битье на судах приказчика томского мещанина палкой своими руками, и за те обиды и за разные с крестьян взятки сверх удовольствия добропорядочным платежом взыскано с него за увечье и бесчестье мещанину 10 рублей, в штраф на больничный дом 100 рублей» [16, л. 21 об., 22; 8, 1778, с. 330]. Поручик Михаил Ботов в 1785 г. в возрасте 65 лет занял должность исправника нижнего земского суда в Верхнеудинске, имея за плечами довольно бурную жизнь. Еще в 1739 г., попав в армию по рекрутскому набору, он участвовал в завершающих сражениях русско-турецкой войны под командованием фельдмаршала Б.-Х. Миниха (при Ставучанах и под Хотином), затем в 1740 – 1750-х гг. продолжал службу в европейских губерниях России, а уже впоследствии оказался в Сибири. У него тоже имелись в молодости проступки: «За учиненные над крестьянской женкой некоторые непорядки по указу Военной коллегии написан был из полковых писарей на год в солдаты, а по прошествии того срока отдан ему по-прежнему полкового писаря чин» [13, л. 217 об., 218; 8, 1785, с. 370]. Тем не менее, его сочли подходящим для исполнения обязанностей уездного исправника.

Все случаи, рассмотренные нами выше, касались людей, не принадлежавших по праву рождения к «благородному шляхетству». Выслужившись из непривилегированных слоев населения империи, они, безусловно, должны были быть заинтересованы в сохранении и закреплении своего социального статуса, приобретенного на военной службе, в том числе за счет должностей в структурах гражданской администрации. Однако нам известны также несколько случаев, когда в гражданский аппарат переходили и дворяне. Так, капитан Николай Маврин, принадлежавший к дворянству Новгородской губернии, после почти 30 лет, проведенных за Уралом на военной службе, в 1787 г. был назначен исправником нижнего земского суда в Ишиме. При этом, находясь в рядах гарнизонных линейных пограничных батальонов Сибирского корпуса, он периодически конфликтовал с начальством и избивал собственных подчиненных, получал за это выговоры и денежные взыскания, но так и не изменил своей манеры поведения. Можно лишь догадываться, почему его сочли подходящим для этой сферы деятельности, но в судейских учреждениях он провел немало времени: в 1795 г. Маврин уже состоял заседателем нижнего земского суда в Ачинске [14, л. 331 об., 332; 8, 1787, с. 333; 1795, с. 355]. Дворянин Степан Насакин, после участия в русско-турецкой войне 1768 – 1774 гг. переведенный на службу в гарнизонные батальоны Сибири с чином капитана, в 1781 г. занял должность судьи нижней расправы Томского уезда [12, л. 478 об., 479; 8, 1781, с.

382]. Дворянин Осип Дмитриевич Годлевский в начале 1780-х гг. дослужился до капитанского чина, после чего стал земским исправником в нижнем земском суде Кузнецка [11, л. 420 об., 421; 8, 1784, с. 475].

Ни у кого из этих дворян не было во владении собственных поместий с крепостными. Но нам известны и два примера, когда ряды сибирских чиновников пополняли настоящие владельцы имений. Семен Константинович Окороков, в 1767 г. в чине капитана показывавший за собой 25 душ крепостных, через десяток лет сделался воеводой в г. Алдане, уже имея чин секунд-майора [9, л. 187 об., 188; 8, 1777, с. 304]. Алексей Васильевич Сумароков, владея 30 душами в Симбирском уезде, за 35 лет беспорочной службы достиг премьер-майорского ранга, после чего в 1784 г. был назначен городничим в Туринске [11, л. 424 об., 425; 8, 1784, с. 468]. Наконец, среди лиц благородного происхождения могли встречаться не только русские, но и уроженцы ряда европейских стран. В 1782 – 1784 гг. советником в палате уголовного суда Тобольского наместнического правления состоял Жан де Бособр (Иван Леопольдович Дебеусобрий), французский дворянин-гугенот, поступивший в русскую армию в середине XVIII в., а впоследствии попавший на службу в полевые полки Сибирского корпуса. Достигнув к 45 годам майорского чина, он сохранил свой ранг и при переходе в палату, числясь коллежским асессором, а совсем скоро получил повышение до надворного советника [9, л. 185 об., 186; 8, 1782, с. 441; 1783, с. 455; 1784, с. 462]. Не забудем и о представителях клана испанских дворян де Гаррига (Дегаррига), один из которых, премьер-майор Иван, с 1782 г. стал председателем Томской верхней расправы, а его младший брат Антон с тем же чином в 1783 г. занял должность городничего в Бурлинском уезде. Последний в 1795 г. сделался председателем 2-го департамента верхнего надворного суда Колыванской губернии [11, л. 411 об., 412, 447 об., 448; 8, 1782, с. 442; 1783, с. 459; 1795, с. 382].

Заключение

Таким образом, рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что использование как отставных, так и даже пребывавших на военной службе армейских офицеров для занятия должностей в аппарате гражданского управления на территории Сибири к концу XVIII в. было явлением достаточно обыденным и распространенным. Исходя из сведений о предшествующих этапах военной карьеры этих людей, можно предположить, что они были в той или иной мере подготовлены для исполнения новых обязанностей. Значительное большинство из них соблюдали требования служебных норм и имперского законодательства, нами были выявлены в этом отношении лишь несколько негативных примеров. Это, на наш взгляд, подтверждает роль армейских офицеров как инструмента рационализации и повышения эффективности механизмов местного управления, использовавшегося верховной властью вплоть до конца XVIII столетия как в масштабе всей империи, так и на «сибирской окраине». Заметим в скобках, что позднее, в первые полтора десятилетия XIX в., как раз вывод из Сибири полевых полков и трансформация гарнизонных войск в подразделения внутренней стражи, уже не входившие в структуру регулярной армии, привели фактически к исчезновению здесь «военного элемента». А обернулось это исчезновение скорее отрицательными следствиями, и его результатом, как можно предполагать, явились колоссальные злоупотребления на всех уровнях сибирской гражданской администрации, выявленные к началу 1820-х гг. М. М. Сперанским.

БЛАГОДАРНОСТИ Автор выражает глубокую признательность Юлии Викторовне Фроловой за систематизацию и предоставление ряда использованных данных.

Список литературы

1. Акишин М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в.: организация и состав государственного аппарата. М.; Новосибирск: Древлехранилище, 2003. 406 с.
2. Быконя Г. Ф. Русское неподатное население Восточной Сибири в XVIII – начале XIX вв. (Формирование военно-бюрократического дворянства). Красноярск: КГУ, 1985. 297 с.
3. Волкова И. В. Русская армия в русской истории. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 640 с.
4. Дмитриев А. В. Иностранцы и русские на военной службе в Сибири во второй половине XVIII в.: особенности поступления и выхода в отставку // Личность, общество и власть в истории России. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2018. С. 38 – 52.
5. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725 – 1796 гг.): Автореф. дис. … д-ра ист. наук. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2018. 42 с.
6. Домовая летопись, писанная капитаном Иваном Андреевым в 1789 г. М.: Унив. тип., 1871. 119 с.
7. Лапин В. В. Армия России как имперский интеграционный механизм // Петербургский исторический журнал. 2019. № 1 (21). С. 302 – 313.
8. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 17… СПб.: Имп. акад. наук, 1777. 366 с.; 1778. 395 с.; 1779. 462 с.; 1780. 479 с.; 1781. 425 с.; 1782. 473 с.; 1783. 500 с.; 1784. 500 с.; 1785. 452 с.; 1786. 381 с.; 1787. 387 с.; 1788. 370 с.; 1789. 368 с.; 1791. 380 с.; 1792. 392 с.; 1793. 396 с.; 1794. 400 с.; 1795. 432 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 3. Д. 83.
10. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 3. Д. 126.
11. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 3. Д. 127.
12. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 5. Д. 324.
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 5. Д. 325.
14. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 5. Д. 494.
15. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 5. Д. 508.
16. Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 490. Оп. 5. Д. 510.

ИСТОРИЯ ЮЖНОЙ СИБИРИ (КОНЕЦ XIX – XX ВВ.)

УДК 314.93

Пространственная репрезентация и анализ социо-демографического пространства территории Тувы советского периода на основе ГИС-технологий

Дамдынчап Вера Монгушевна
кандидат исторических наук, доцент
Тувинский государственный университет, кафедра всеобщей истории, археологии и документоведения
Кызыл, Россия
damdvera@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-8477-7578

АННОТАЦИЯ В статье проанализирована динамика демографических процессов в советской Туве и их взаимосвязи с социально-экономическими изменениями в рассматриваемый период на основе статистических данных Всесоюзных переписей населения 1959, 1970, 1979, 1989. Для анализа были составлены сводные таблицы численности населения, мужчин и женщин, по национальному составу по районам Тувы. Были созданы административные карты Тувинской автономной области до 1961, Тувинской автономной республики до 1991 г. в растровом формате. Работа над проектом осуществлена в приложении ARGIS и проведен пространственный анализ расселения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Демографические показатели, социо-демографическое пространство, ГИС-технологии.

Одним из аспектов исследования социального развития и города, и села является изучение расселения, представляющего собой процесс распределения и перераспределения населения по территории его обитания. Понятие «расселение населения» включает и сеть поселений, и те функциональные территориальные взаимосвязи в этой сети, которые позволяют рассматривать ее как определенную систему передвижения людей (переселение, миграция).

В советский период в Туве сложился аграрно-промышленный комплекс. В 1970-е гг. наблюдался рост городского населения, увеличение количества поселков городского типа, был создан пгт. Каа-Хем в 1974 г. Сельское население сосредоточилось в районных центрах, уменьшилось количество жителей небольших сел в республике.

Рассмотрим пространственный каркас расселения в советский период с учетом половой структуры и национального состава. Расчет произведен с помощью программы QGIS, на основе административных карт советского периода. Количество административно-территориальных районов варьировалась от 13 до 16. На основе созданных карт и составленных таблиц был осуществлен пространственный анализ демографических показателей.

В составленных таблицах население разделено на городских и сельских жителей. Всего в советский период Тувы было 5 городов: Кызыл, Туран, Чадан, Шагонар, Ак-Довурак. В 1956 году был основан пгт. Хову-Аксы – рабочий поселок при комбинате «Тувакобальт». В 1979 году был основан пгт. Каа-Хем – райцентр Кызылского района.

Численный состав населения в советский период растет, гендерный состав по районам примерно одинаков. В советский период с развитием различных отраслей хозяйства увеличилось количество поселений, в 1989 году 5 городов, 3 поселка городского типа и 450 сельских населенных пунктов [1, с. 39].

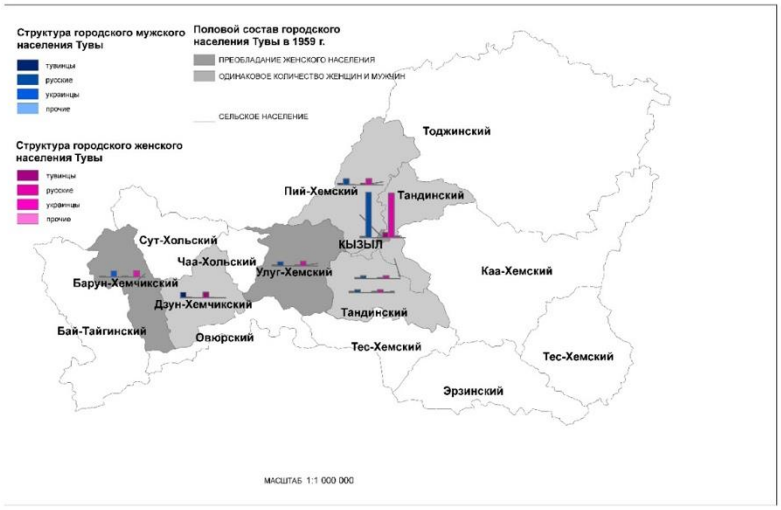
Анализ показал, что в советский период происходит увеличение количества городских жителей в 1959 году – 33% городского и 67% сельского населения, в 1989 –

47% городского и 53% сельского населения. Основная отрасль экономики – отгонное скотоводство, но постепенно происходит изменения в структурном составе населения, животноводов становится меньше по сравнению с рабочими и служащими.

По национальному составу в таблицах выделены 4 группы: тувинцы, русские, украинцы и прочие национальности, первые три составляли численное превосходство. Хотя регион был многонациональным: в 1959 году в Туве проживали представители более 20 национальностей, в 1970 и 1979 уже более 70, в 1989 году более 80 [1, с. 41].

Данные, приведенные на картограмме 1 показывают, что распределение населения по национальностям на территории Тувы было следующим: русские, украинцы жили в основном в городских поселениях, поскольку основная масса тувинцев занята в животноводстве, в Кызыле как административной столице и Ак-Довураке как промышленном центре. В других городах русское население в 1959 году в других городах русского населения было больше в Туране, Шагонаре. Постепенно количество тувинцев, проживающих в городах, увеличивалось, обусловлено это развитием системы образования, увеличением количества образованных тувинцев и ростом их численности.

Картограмма 1. Структура городского населения в 1959 г.

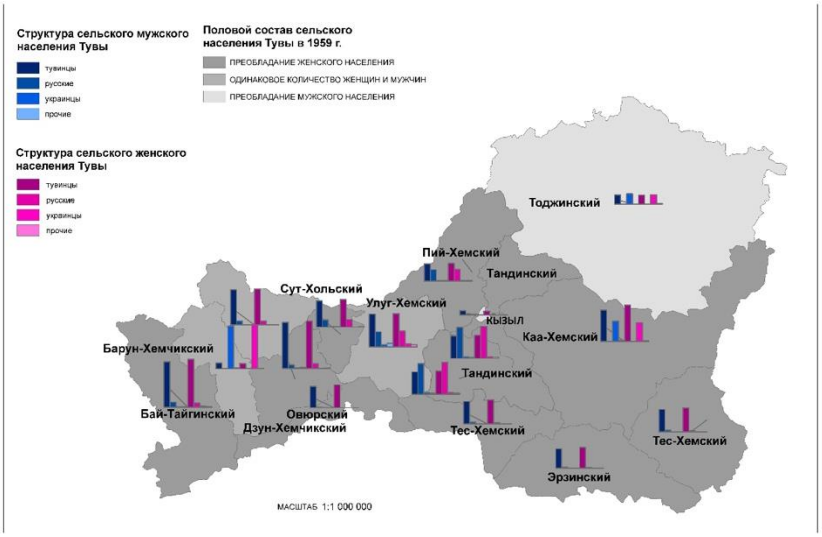
На картограмме показано, что с 1944 по 1961 гг. существенно вырос г. Кызыл будучи столицей Тувы за счет как внутренней миграции, так и внешней. Здесь развернулось строительство промышленных предприятий. В целом, количество русского населения составляло 79,5 % городских жителей [1, с. 48], большая часть приходится на Кызыл, 70 % русского населения представляли приезжие специалисты, которые пополняли рабочие кадры. В городских поселениях кроме Кызыла, численность населения примерно одинакова, чуть больше в Туране – 5646 чел. Тувинцев в Кызыле в 1959 г. было всего 483 чел. По гендерному составу большой диспропорции не наблюдалось, как было в СССР. В г. Шагонаре и пгт. Кызыл-Мажалык преобладало женское население – 51,5 % и 50,9 % [1, с. 40]. Эти два поселения были административными центрами, и колхозными центрами животноводческого направления.

Распределение сельского населения Тувинской автономной области рассмотрим на картограмме 2. Из нее видно, что население росло за счет естественного прироста и миграции специалистов из других регионов. Сельских жителей в Туве было в 2 раза больше, чем городских. Активно увеличивалось население районов, где первыми появились колхозы и проживало русское население: Каа-Хемский, Тандынский, Улуг-Хемский. В советский период русское население появилось во всех районах области,

хотя в период ТНР они были сосредоточены только в четырёх. Интересно, что в Барун-Хемчикском районе для работы в новых колхозах, предприятиях приезжали специалисты с Украины. В этот период началось организационное оформление колхозных центров, административных центров, шло строительство новых сел в районе. В труднодоступных районах, Овюрском, Эрзинском и Монгун-Тайгинском количество русского и представителей других национальностей было существенно меньше.

Как показывают данные картограммы по половому составу населения больших диспропорций между мужским и женским населением не наблюдается. В трех районах, Барун-Хемчикском, Сут-Хольском и Улуг-Хемском равное количество – 50 % мужчин и женщин. В период Великой Отечественной войны тувинские добровольцы были в большинстве своем выходцами из районов, где проживали русские, выбирали тех, кто говорил и понимал русский язык. Поэтому здесь не было отрицательных демографических последствий. А эти районы – западные, здесь русского населения было мало. В двух первых районах развито отгонное скотоводство, в последнем развивалось земледелие.

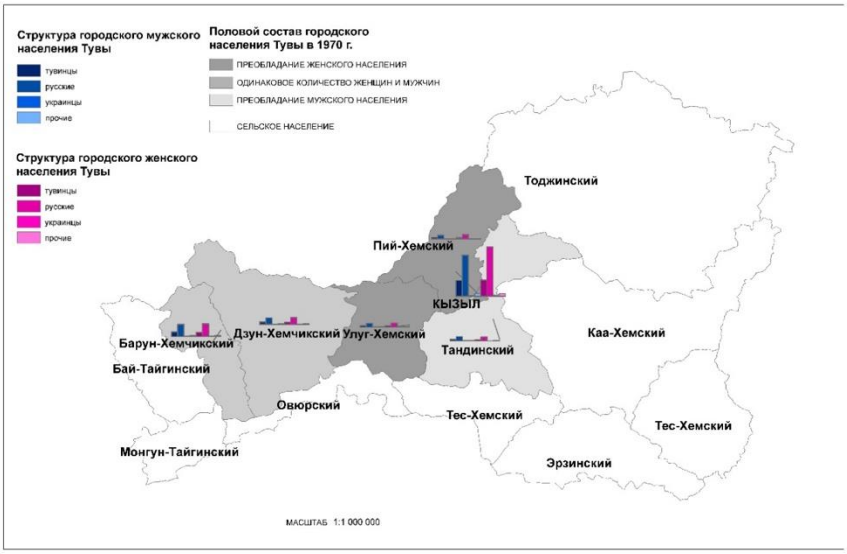
Картограмма 2. Структура сельского населения в 1959 г.

На следующей картограмме 3 мы видим изменения в распределении городского населения. Через 20 лет количество городского населения увеличилось в 1,5 раза. Лидирующее положение сохраняется за Кызылом (51683 чел.), затем идет г. Ак-Довурак и пгт. Кызыл-Мажалык (14036 чел.), г. Чадан (7589 чел.), пгт. Хову-Аксы (4632), г. Туран (4539), г. Шагонар (4512 чел.) (смотрите Приложение) [3]. Национальный состав меняется в сторону увеличения количества тувинцев в городских поселениях. За это время подготовлены уже национальные кадры, получившие средне-профессиональное и высшее образование. Так, в Кызыле количество тувинцев в 1970 году увеличилось в 13 раз больше, чем в 1959 г. Русское население представлено во всех районах, меньше всего было в Овюрском районе – 74 человек. Много украинцев было в Шагонаре, Чадане, где они заняты были в строительстве и добывающей промышленности. В г. Ак-Довураке на комбинате «Туваасбест» работало только 25 % тувинцев [2]. Гендерный состав населения изменился в районах, где развивалась добывающая промышленность – Барун-Хемчикский (г. Ак-Довурак), Дзун-Хемчикский (г. Чадан), Тандынский (пгт. Хову-Аксы). На горно-обогатительных комбинатах «Туваасбест», «Тувакобальт» и Чаданском угольном разрезе потребность была в

мужском труде. В городах Туране и Шагонаре сохраняется небольшое преобладание женщин.

Картограмма 3. Структура городского населения в 1970 г.

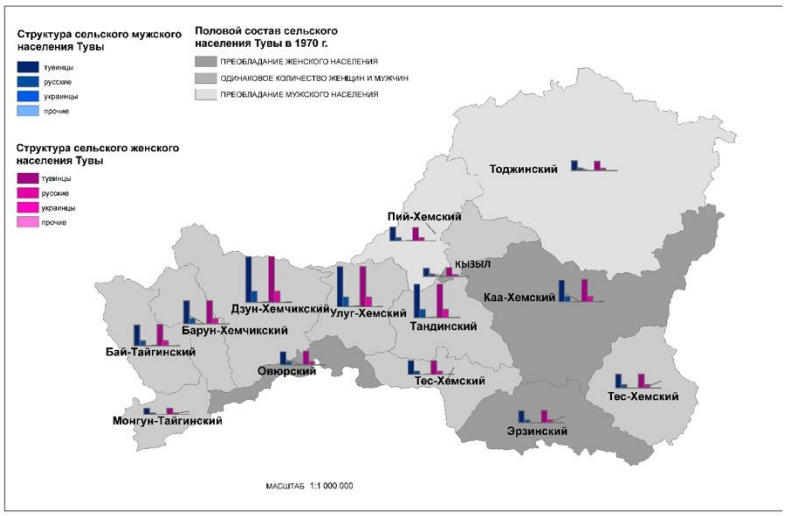

На картограмме 4 представлены изменения в расселении сельского населения. К 1970 году количество сельчан – 143 873 чел. или 1,7 раз больше городского. В два раза увеличилось население двух районов: Дзун-Хемчикского и Улуг-Хемского, поскольку была проведена административная реформа В Дзун-Хемчикском районе увеличение произошло за счет присоединения территории Сут-Хольского района, в Улуг-Хемском за счет Чаа-Хольского района. Население Тандынского района увеличилось за счет строительства комбината «Тувакобальт», для обеспечения его работы были созданы укрупненные совхозы, куда были направлены специалисты из других районов и регионов Сибири.

По национальному составу во всех районах стали преобладать тувинцы, что обусловлено ростом образованности, развитием непроизводственных отраслей в сельской местности.

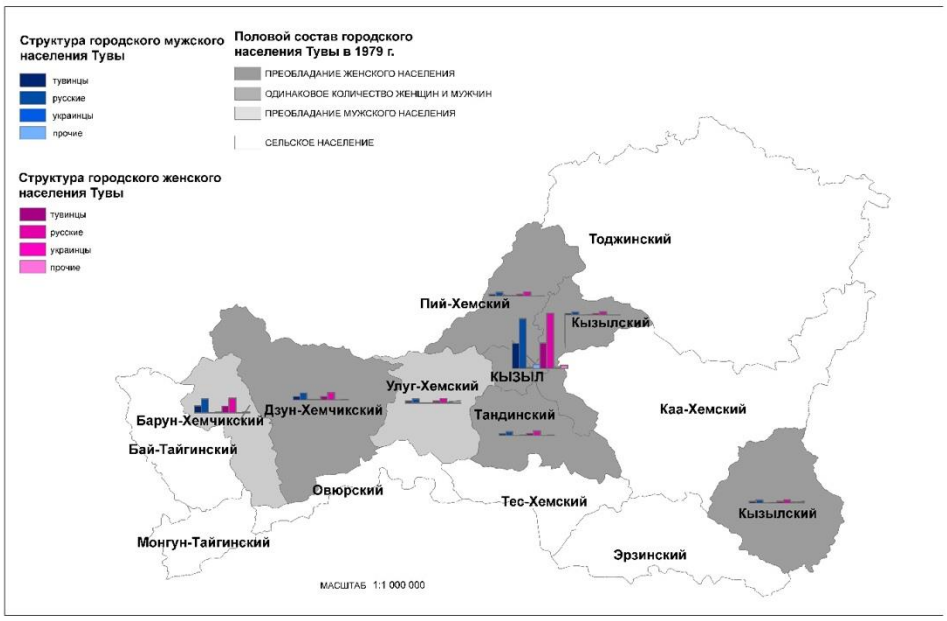
Заметно увеличилось количество русских в труднодоступных районах: Овюрском, Монгун-Тайгинском и Эрзинском. Эти районы приграничные, здесь были образованы стационарные пограничные отряды. В районных центрах развивались образовательные, культурные и медицинские учреждения, где большинство специалистов составляли русские и представители других национальностей.

Картограмма 4. Структура сельского населения в 1970 г.

В 10 районах наблюдается почти одинаковое количество мужчин и женщин, что обусловлено ростом благосостояния, системы здравоохранения и образования. Только Тоджинский район с преобладанием мужского населения, поскольку здесь были созданы рыболовецкие хозяйства, в которых работают в основном мужчины.

Картограмма 5. Структура городского населения в 1979 г.

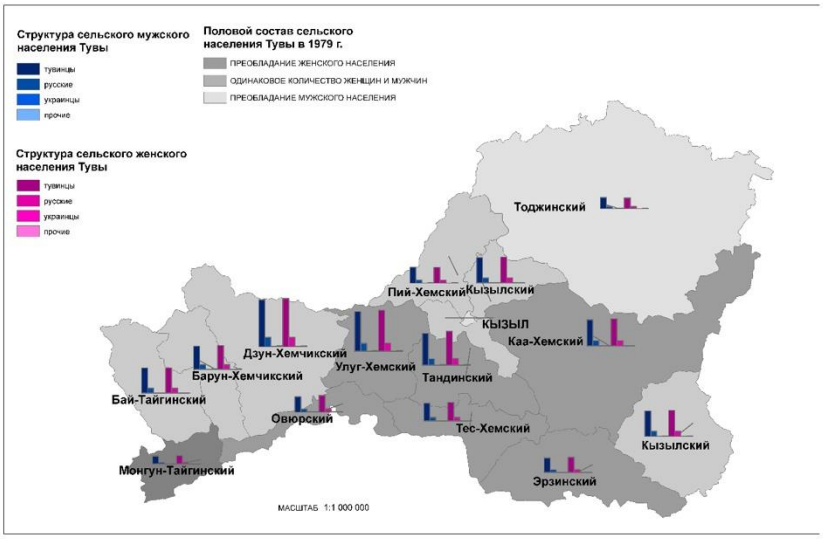

Показатели картограммы 5 показывают, что к 1979 году структура городского населения по половому составу изменилась, увеличилось количество женщин над мужчинами, разница примерно в 2 %. Существенное изменение произошло в пгт. Хову-Аксы, мужское население уменьшилось с 56 % до 48 %, а женское увеличилось с 46 % до 52 %. Скорее всего такое положение не связано с увеличением женщин на основном комбинате «Тувакобальт», а с ростом поселка. К 1979 году здесь были введены в строй районная больница на 120 мест, вторая школа, второй ясли-сад, две общественные столовые на 110 мест, организован свой строительный трест «Тувакобальтстрой» [5, с. 195]. Во всех указанных предприятиях и организациях преимущественное количество женщин.

Показатели картограммы 6 свидетельствуют о том, что количество сельского населения в Тувинской АССР ненамного увеличилось по сравнению с городским населением, всего на 11 323 чел. [4]. Это период наступления демографической стагнации. Период больших строек завершен, миграционный поток уменьшился и рост количества населения в районах происходил за счет естественного прироста.

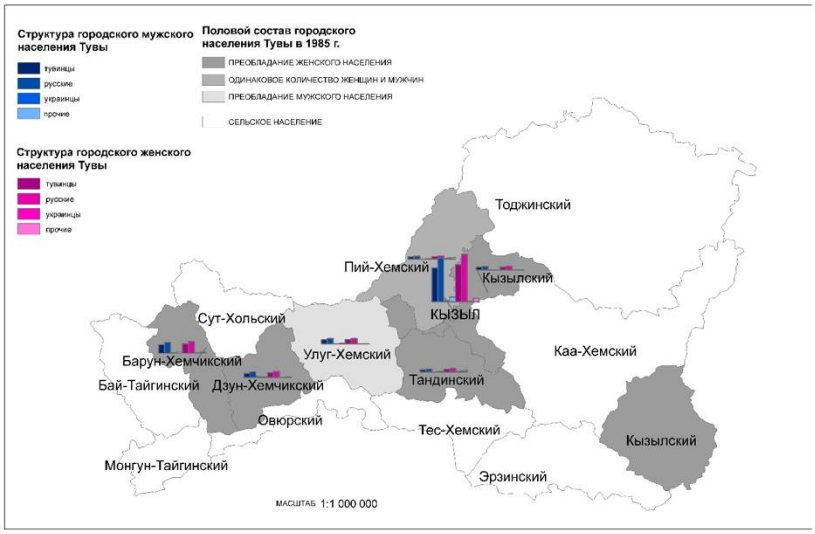
В трех районах – Дзун-Хемчикском, Тандынском и Улуг-Хемском сохраняется двойное превышение населения, чем в других районах, но в 1970-е годы количество и здесь уменьшилось. Сказались застойные изменения в регионе в целом. Многие уехали на большие стройки того времени, например, строительство БАМа. Из всех районов уменьшение произошло в одном – Барун-Хемчикском, скорее всего это произошло из-за смены работы в сельскохозяйственной отрасли на промышленную, работу на комбинате «Туваасбест» г. Ак-Довурак. Увеличение женского населения во многих районах, где раньше было поровну населения, связано с процессами уменьшения мужчин в силу социальных причин: увлечения алкогольными напитками, увеличение смертности среди мужчин.

Картограмма 6. Структура сельского населения в 1979 г.

Следующая картограмма 7 показывает, что больших изменений не произошло в распределении населения. Последнее десятилетие советского периода самое кризисное. Темпы развития замедлились, но все же продолжалось строительство новых микрорайонов в Кызыле, Ак-Довураке, Чадане. Количество городского населения республики увеличилось лишь в 1,3 раза. В этот период урбанизация достигла максимального уровня. Росла внутренняя миграция из села в город. Почти вдвое увеличилось население г. Шагонара, обусловлено это переселением из старого города и поселков, которые находились в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. По плану переселения жители сел должны были переезжать в новые села, а жители старого Шагонара в новый город. В 1982 году началось постепенное заселение г. Шагонара, в город переселилось и часть жителей местечка Кок-Чыраа [9, с. 126-135]. Увеличилось и население пгт. Каа-Хем в 1,8 раза. Здесь была построена птицефабрика, сданы новые двухквартирные дома для жителей молочно-товарной фермы, сюда шел миграционный поток из сел республики, привлекала близость города.

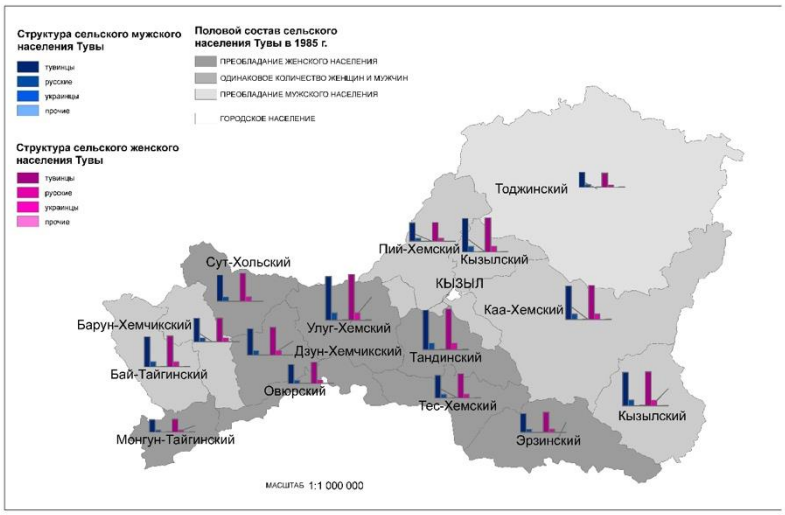
Картограмма 7. Структура городского населения в 1989 г.

Структура сельского населения как показывает картограмма 8 постепенно менялась. Больших диспропорций в количестве населения не наблюдается. Русские представлены во всех районах, но постепенно их количество уменьшается, сохраняется только преимущество в Кызыле. В ходе административно-территориальных реформ было образовано 15 районов вместо 14. Распределение населения в западной и центральной части Тувы примерно одинаковое.

В центральных и южных районах Тувы женское население увеличивается, что стало следствием кризисных социальных явлений, как рост алкоголизма, преступлений среди мужчин. Из всех районов преобладание количества мужчин сохранялось только в Тоджинском районе.

Картограмма 8. Структура сельского населения в 1989 г.

Таким образом, пространственное распределение населения свидетельствует о том, что в советский период экономических преобразований все районы Тувы были активно освоены. Были созданы экономические зоны по основным отраслям производства. В период перехода на оседлость в западных районах Тувы создавались колхозы и появилось много приезжих специалистов сельскохозяйственного направления. Постепенно с увеличением численности тувинцев, соотношение было в пользу коренного населения. В Тандинском, Улуг-Хемском, Пий-Хемском, Кызылском

районах русское население преобладает в 1959 году, к 1989 году они уже не составляют большинства. В советское время проводилась еще и политика переселения тувинцев из западных районов в районы, где численность тувинцев была небольшой: Тоджинский, Каа-Хемский.

Русские и представители других национальностей представлены во всех районах, в основном, где развивалась промышленность. В сельских местностях их количество постепенно сокращается, поскольку отгонное животноводство сохранялось в Туве и им занимались в основном тувинцы. В Тоджинском районе, где тувинцы занимались отгонным оленеводством, проживало достаточно большое количество русского населения – представители староверов, но в основном были приезжие, работавшие в леспромхозе и рыболовецком хозяйстве. В западных и южных районах Тувы тувинцы занимались традиционным хозяйством, переход на оседлость изменил и их расселение, в основном люди перебирались в районные центры.

Таким образом, приведенное в картограммах распределение население позволяет увидеть, что активно развивались районы с промышленными предприятиями, где была создана вся инфраструктура для более благоприятного развития. Количество населения постоянно увеличивалось, и менялся образ жизни тувинцев под влиянием как объективных, так и субъективных факторов.

Тем не менее, сохранялись такие районы, как Каа-Хемский, Тоджинский, Монгун-Тайгинский в которых сохранялось традиционное отгонное животноводство, и они не были привлекательны для населения. Поэтому это районы с небольшим количеством населения.

Список литературы

1. 60 лет вхождения Республики Тыва в состав РФ. Кызыл, 2004. 50 с.
2. Ак-Довуракский асбестовый – в строй! Тувинская правда. 4 сентября 1964. № 210(5941).
3. Всесоюзная перепись населения 1970 г. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus70_reg2.php (дата обращения: 21.03.2023)
4. Всесоюзная перепись населения 1979 г. Численность наличного населения РСФСР. http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus79_reg1.php (дата обращения: 21.03.2023)
5. История Тувы: В 3-х т. Т. III. / Под общ.ред. В. А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2016. 455 с.
6. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М., 1963; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года, т. IV. М., 1973.
7. Народное хозяйство Тувинской АССР. Кызыл, 1981. 216 с.
8. Народное хозяйство Тувинской АССР. Кызыл, 1990. 233 с.
9. Саая С. М. Из истории строительства новых населенных пунктов Улуг-Хемского района в связи с затоплением территории в 1973-1985 гг. (по материалам Национального архива Республики Тыва) // Архив: история и современность: Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 90-летию Национального архива Республики Тыва, Кызыл, 15 октября 2020 года / Ответственный редактор Б. В. Мунге, редактор-составитель М. М.-Б. Харунова, Р. Н. Базыр, составитель Д. Д. Монгуш. Кызыл: Типография МБОУ КЦО«Аныяк», 2020.
10. Юбилейный статистический сборник к 100-летию единения России и Тувы. Стат. сборник / Тывастат. Кызыл, 2014. 208 с.

УДК 9.94 (57)

События минусинского фронта в отражении периодической печати «Белой Сибири»

Кривошеин Даниил Сергеевич
Студент
Хакасский Государственный Университет, кафедра истории
Абакан, Россия
geoografypro@gmail.com
ORCID ID: 0009-0009-6904-5657

АННОТАЦИЯ Минусинский фронт в период Гражданской войны стал важным районом борьбы между «красными» и «белым» в Сибири. Помимо вооруженной борьбы, противоборствующие стороны активно проводили агитацию среди населения для завоевания поддержки и формирования облика легитимной власти. Одним из рычагов воздействия на общество являлась периодическая печать. При этом «белый» взгляд на события Минусинского фронта слабо изучен, несмотря на наличие базы исторических источников. Автор в статье дает характеристику периодической печати, в которой отразилась рассматриваемая проблема.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинский фронт, Гражданская война, периодическая печать, Шетинкин, Енисейская губерния.

События Минусинского фронта представляют собой период от взятия г. Минусинска 26 сентября 1919 г. и до 4 декабря 1920, после соединения красных партизан Кравченко-Щетинкина с 267-полком 6-армии РККА.

События, предшествующие Минусинскому фронту, впервые были отражены в № 189 губернской газеты «Енисейский вестник» от 10 сентября 1919 г. В нем дается общая характеристика отступлению Крестьянской армии Кравченко-Щетинкина из центра партизанского движения – Степного Баджея в Урянхай (Тува), упомянут Белоцарский бой, а также последующее наступление «красных» партизан на Минусинский уезд. За армией закрепилось наименование «банды» [4], что вполне отвечало нормам информационной войны.

Наше внимание обращается на ответные действия «белых» в ситуации наступления партизан: «местные власти приняли все меры к прекращению дальнейшего движения красных и к недопущению занятия ими Минусинска» [4]. Известно, что для защиты были отправлены части чехословацкого корпуса [4] (батальон на пароходе «Сибиряк»). Также, из-за соображений безопасности была объявлена эвакуация городских ценностей в с. Абаканское [10].

Но несмотря на все заверения и подготовку, город был без боя сдан партизанам 26 сентября. События взятия Минусинска так же дошли до Дальнего Востока и отражены в выпусках газеты «Дальний Восток» [3]. Читатель узнал о них достаточно поздно, в период, когда положение на фронте иным.

События Минусинского фронта нашли свое отражение в периодической печати Западной Сибири. В № 40-41 журнала «Томский кооператор» [12], в ответ на успокоения официальных властей о временном взятии Минусинска, приводится заметка «Минусинская трагедия» из № 213 томской газеты «Сибирская жизнь» [11]. В ней автор высказывает свое недоумение по поводу сложившейся ситуации, указывая на то, что данные штаба командования в Енисейской губернии и в районе Минусинска не соответствуют обстановке на фронте: «Как ни тяжело в этом сознаваться, но нужно сказать, что это успокоительного характера сведение совершенно не соответствует действительности и ни штаб командующего войсками в губернии, ни тем более штаб действующих в районе Минусинска войск не стоят на высоте занимаемого ими

положения, ибо во вред успешной борьбе с противником вводят в заблуждение и общество, и правительство» [12].

Автор призывает руководство губернии применить более решительные меры к «банде»: «Ликвидация грабительских шаек… крайне необходима, но очевидно, для этого требуются иные средства, чем применяемые штабом командующего войсками Енисейской губернии. Как теперь обстоит дело в Минусинске, – точно неизвестно. Официальные осведомители опять... успокаивают [12]»

В газете «Алтайская мысль», так же ссылаясь на корреспондента «Сибирской жизни», последствия прихода красных в Минусинск охарактеризуют не иначе, как трагедию. Утверждается, что Красноярск переполнен беженцами, а сам город «подвергся реквизициям…ограблению и частью, будто бы, сожжен… Город оставлен всеми на произвол судьбы [6]». Вызвать сожаление у читателей призывает утверждение об оставленных в городе детях и членах разлученных семей [1]. Важно то, что в качестве источника информации, как заявляется, были использованы только слухи, что вполне базируется на принципе «хайли лайкли». Но даже учитывая этот факт, сложившиеся ситуация с беженцами и не успевшими эвакуироваться, говорит о хаотичной эвакуации и спешке.

С началом активных боевых действий «белая» периодическая печать сконцентрировалась на обличении абсолютной беспомощности и жестокости Крестьянской армии. Акцентируется внимание читателя на успешных наступательных и оборонительных действиях белых. Так, заостряется внимание на победе в д. Очуры [7], приводятся данные в 200 пленных «красных» и взятых в качестве трофеев 83-х единицах оружия и 15 тысяч патронов, 60-ти лошадей и 40-ка седел [7].

Дается описание оборонительных действий в ноябре, в ходе наступления Крестьянской армии, об удачных рейдах в тыл врага (Бузуново) [8]. Но даже несмотря на указываемые военные успехи, в № 259 газеты «Енисейский вестник» [5] признается, что левый берег Енисея к началу декабря был в итоге утерян, но по утверждению редакции вновь возвращен. События потери правого берега Енисея в сентября-октября упоминаются лишь в статье «Минусинская трагедия».

Для поддержания армии, в некоторых выпусках на первой полосе газеты «Енисейский вестник» находилось объявление о наборе добровольцев в Енисейскую речную флотилию, так же публиковались положения, касающиеся мобилизационных мероприятий. На первой странице № 40-й газеты «Ачинский край» приведен список бойцов с Минусинского фронта, помещенных в Ачинский Хирургический Госпиталь Красного Креста 10 ноября 1919 г.: Тоторов П., Борзов П., Широков М., Тихонов Я., Фрейман С., Солодчиков Ф., Даниленко А., Григорьев И., Апасов М., Исаков С., Пастухов В [2].

Другим важным направлением являлось создание негативного образа красных партизан. К бойцам Крестьянской армии применялось лишь наименование «банды», которая состояла из «отбросов деревни и насильно мобилизованных» [6], которые могли лишь насиловать и грабить [6]. Так, «Енисейский вестник» предоставляет следующую информацию: «красные увели из села себе на потеху семнадцать девушек» из с. Каратуз. [12]. При этом из бойцов «Белой» армии создается образ героических воинов. Вот как характеризуется боевой дух минусинской дружины: «В плен красным дружинники не сдаются, предпочитая смерть…наблюдались случаи самоубийства дружинников…захваченных щетинкинцами. Один дружинник взорвал себя…гранатой». [6]

Также имеются положения о характеристике экономической организации красных. В них прямо говорится об тяжелом экономическом обложении крестьянства: «в пользу щетинкинской банды…крестьян заставляют бесплатно кормить, одевать

красную банду» [11]. Жизнь в Минусинске описывается как «сплошной кошмар», горожан окружают убийства, грабежи [11].

Таким образом, события Минусинского фронта были подробно освещены в периодической печати «Белой» Сибири. Главной газетой, освещавшей события фронта, стала газета «Енисейский вестник», также события фронта были отражены на страницах печати Западной Сибири и Дальнего Востока. Основным направлением стало освещение военных действий и жизни общества в условиях фронта. В первую очередь ставилась цель поддержать имидж политики адмирала Колчака во всех направлениях, в первую очередь, показать эффективность ведения боевых действий. Поэтому, работа СМИ постоянно велась в поддержании образов – негативного «красного» и положительного «белого».

Но зачастую информация, в том числе по признанию самой редакции, базировалась на слухах, неподтвержденных данных, остаточных сводках с фронта и замалчивании тех или иных положений, о чем открыто говорил автор заметки «Минусинская трагедия» из газеты «Сибирская жизнь».

Но если рассматривать ситуацию в общей картине, то необходимо признать выше перечисленное составляющей частью информационной войны, без которой завоевать легитимность и доверие среди народных масс в условиях Гражданской войны было невозможно, что отлично понимали и практиковали все стороны конфликта.

Список литературы

1. Алтайская мысль (Барнаул). 1919. 1 октября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/486/32630 – (дата обращения: 06.04.2023) – Текст : электронный
2. Ачинский край (Ачинск). 1919. 19 ноября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1372/140063 – (дата обращения : 07.04.2023) - Текст : электронный
3. Дальний Восток (Владивосток). 1919. 18 октября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/381/136848 - (дата обращения 02.04.2023) - Текст : электронный
4. Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 10 сентября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1034/115954 – (дата обращения: 01.04.2023) – Текст : электронный
5. Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 2 декабря – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1034/116035 – (дата обращения: 04.04.2023) – Текст : электронный
6. Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 23 октября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1034/115996 - (дата обращения : 07.04.2023) – Текст : электронный
7. Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 26 октября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1034/115991 – (дата обращения: 06.04.2023) – Текст : электронный
8. Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 28 ноября - URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1034/116032 – (дата обращения : 06.04.2023) – Текст : электронный
9. Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 29 ноября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1034/116033 - (дата обращения : 08.04.2023) – Текст : электронный
10. Особое прибавление к № 220 газеты «Енисейский вестник» (Красноярск). 1919. 19 октября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1034/115993 – (дата обращения 02.04.2023) – Текст : электронный

11. Сибирская жизнь (Томск). 1919. 8 октября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/424/32094 – (дата обращения : 05.04.2023) – Текст : электронный
12. «Томский кооператор» (Томск). 1919. 5 ноября – URL : https://prosiberia.tsu.ru/catalog/1435/146706 – (дата обращения: 02.04.2023) - Текст : электронный

УДК 2

К вопросу участия тувинских делегатов-лам на Совещании буддийских духовных деятелей СССР в 1946 г.

Монгуш Айлаана Витальевна
Научный сотрудник
Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, сектор религиоведения
Кызыл, Россия
Лаборант-исследователь
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений
Барнаул, Россия
aylaana.vitalyevna@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3164-1463

АННОТАЦИЯ В данной работе рассматривается участие лам Тувинской автономной области в 1946 г. в Совещании буддийских духовных деятелей СССР, созванном для учреждения единого духовного центра советских буддистов, названного позднее Центральным духовным управлением буддистов СССР. Автор на основе анализа архивных материалов определяет имена тувинских буддийских священнослужителей и их роль на собрании, а также опровергает факт того, что делегаты вели политику обособленного функционирования буддийских общин области. Устанавливается, что буддисты Тувы в послевоенный период государственно-конфессиональных отношений поддержали объединительную инициативу советских духовных деятелей и в целом включались в правовое и социокультурное пространство Советского Союза.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Государственно-конфессиональная политика, буддисты, Центральное духовное управление буддистов СССР, Бурятия, Тува

В годы Великой отечественной войны верующие СССР, несмотря на недавнюю антирелигиозную политику, репрессии и преследования в стране, поддержали советское руководство в деле разгрома фашистской армии и идеологии в целом. Советские буддисты не были исключением, поэтому они также помогали фронту, раненым и инвалидам войны. От имени буддистов Советского Союза связь с государственными деятелями держали буддийские священнослужители Бурят-Монгольской АССР. За активную деятельность и неоценимый вклад в столь сложный для страны период бурятские ламы от И.В. Сталина получили благодарности, как и лидеры других конфессий [13, с. 75; 9, с. 64].

Религиозные общества в сложившихся относительно благоприятных условиях, естественно, добивались своего официального существования, открытия религиозных объектов и создания единого духовного центра в СССР. Советские чиновники сделали «дружественные» шаги в сторону религиозных объединений, но с намерением использовать их во внутренней и внешней политике государства. В стране восстанавливались, создавались организационные структуры у общин православных, протестантских, мусульманских и иных религиозных направлений [1; 12]. Однако, либерализация государственно-конфессиональной политики СССР в послевоенный период носила ограниченный и недлительный характер.

В 1945 г. представители советской власти поддержали ходатайство инициативной группы бурятского буддийского духовенства и разрешили им открыть Иволгинский дацан в Бурят-Монгольской АССР [5, л. 3; 13, с. 75 – 76]. Соответственно, следующим важным шагом лам стало мероприятие по учреждению централизованной буддийской организации, которая объединила бы всех буддистов СССР.

Тува (Тувинская Народная Республика) вошла в состав СССР в 1944 г. на правах автономной области и с этого момента положение ее религиозных общин регулировалось государственно-конфессиональной политикой СССР. Русская православная церковь, которая имела на ее территории приходы, в условиях восстановления патриаршества и включения буддийского региона в советское правовое пространство, достаточно оперативно при помощи государства юридически оформила свои православные общины [3, л. 2; 4, лл. 100, 101]. В феврале 1946 г. поступило письмо на имя председателя Тувинского облисполкома тов. Чимба о том, что 25 апреля текущего года состоится совещание «ламаистских деятелей по вопросу организации временного центрального духовного управления буддистов», на которое будут приглашены буддисты области в количестве 3 человек [5, л. 1]. Кроме того, Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по причине того, что в регионе еще не назначен его штатный уполномоченный, просил председателя «оказать содействие делегации в деле выезда ее на совещание в Улан-Уде к назначенному сроку» [5, л. 1].

Учредительное собрание в Бурят-Монгольской АССР прошло 21 – 23 мая 1946 г. Мероприятие дважды переносилось по состоянию здоровья его главного инициатора Хайдапа Галсанова [7, л. 124]. Всеми делами по организации фактически руководил лама Лубсан-Нима Дармаев. Совещание организовывалось, как и в случаях создания духовных центров других религиозных направлений, под пристальным взором государства. Оно проходило с участием члена Совета по делам религиозных культов Совета Министров СССР тов. Тагиева. Легализация буддийской религиозной организации под контролем государства отразилась в ее учредительных документах, в том числе в принятых Уставе и Положении о буддийском духовенстве в СССР [8, с. 339].

Тувинская делегация прибыла в г. Улан-Уде 19 мая 1946 г. в составе 4 буддийских священнослужителей в сопровождении 1 представителя Тувинского облисполкома [7, л. 183]. Всего на совещании буддийских деятелей СССР участвовали 43 человека из числа священнослужителей и верующих-мирян Бурят-Монголии, Тувы, Иркутской и Читинской областей [13, с. 76]. Из них 27 чел. имели право решающего голоса, а 16 – совещательного [7, л. 209]. Все тувинские ламы на собрании обладали решающим голосом [7, 248]. Примечательно, что делегаты за весь период пребывания на собрании оплачивали за свое питание, за исключением тувинских лам [7, л. 183]. Данный факт на съезде мы рассматриваем как один из теплых приемов буддийского духовенства к представителям нового региона.

На собрании буддийских духовных деятелей было избрано Временное центральное духовное управление буддистов СССР под председательством Лубсан-Нима Дармаева, получившего титул XVII Пандидо хамбо-ламы. В ходе заседания по учреждению единой централизованной буддийской организации делегаты-ламы от Тувы:

- Хомушку Амыртаа (1892 г.р.) был избран вначале одним из членов президиума совещания, а затем одним из 4 заместителей председателя Центрального духовного управления буддистов с присвоением титула Дид хамбо-ламы (наряду с Ринчин Жамьяновым из Бурят-Монгольской АССР, Дагба Доржеевым из Иркутской области, Самбу Жигжитовым из Читинской области) [7, лл. 193, 248];

- Монгуш Даваа (1884 г.р.) работал в составе мандатной комиссии для проверки полномочий делегатов, состоявшей из 3 чел. (вместе с Ч. Цыденовым из Бурят-Монгольской АССР и С. Санжеевым из Читинской области) [7, л. 193], а также он был избран кандидатом в члены Центрального духовного управления буддистов СССР [7, лл. 208, 248];

- Монгуш Чымба (1884 г.р.) присутствовал в качестве приглашенного гостя, он участвовал на заседаниях собрания [7, л. 248];

- Хомушку Карыма (1895 г.р.) присутствовал в качестве приглашенного гостя, он участвовал на заседаниях собрания [7, лл. 212, 248].

Совещание закрылось чтением приветственной телеграммы И.В. Сталину, молебном за его и всего советского народа здравие [7, л. 194]. Есть мнение о том, что на этом буддийском совещании, «руководитель делегации лам из Тувы Хомушку Амыртаа пытался провести линию на обособленное существование буддистов Тувы» [14, с. 24]. В конце 1990-х гг. религиоведу О.М. Хомушку удалось при помощи уполномоченного Совета по делам религий при СМ СССР по Тувинской АССР А. Д. Арана и полномочного представителя Президента Республики Тыва по взаимодействию с религиозными объединениями В. С. Биче-оола составить основные тенденции и обзор государственно-церковных отношений в Туве в советский период. Мы в своих исследованиях опираемся и на ее исследования, но по поводу данного тезиса предполагаем, что в любезно предоставленных ими материалах исследователю попались исторические документы более позднего времени, а именно образованные в период хрущевских гонений на религию. Делопроизводственные документы органов при Правительстве СССР, занимавшихся вопросами религии в стране, меняют характер в зависимости от тенденций государственно-конфессиональных отношений. Проблема на первом этапе становления системы государственного регулирования государственно-конфессиональных отношений состояла в нерешенности в регионе кадрового вопроса и, как следствие, отсутствия сохранности информационных отчетов и иных документов послевоенного периода на региональном уровне. В связи с этим можно сделать вывод, что, скорее всего, утверждение автора сформировалось на основе Справки о буддийской молитвенной юрте в г. Чадане, которую готовили для приостановления в области деятельности лам в местности Кызыл-Чыраа в близи г. Чаданы Дзун-Хемчикского района, являвшейся центром буддийского вероисповедания, в период ужесточения религиозной политики во время правления Н. С. Хрущева [11, лл. 384 – 392]. В этом документе представлен подчеркнутый красной пастой аналогичный текст, который, возможно, был написан региональным уполномоченным с целью убедить руководство страны в антисоветском настроении лам и их нежелании интегрироваться в социокультурное пространство СССР. В статье О.М. Хомушку приведены сведения, которые опираются и на другие факты из данной справки [11]. Стоит учитывать и то, что в составе СССР верующие области обрели конституционное право на свободу совместно исповедовать религию [10]. Буддийские общины, как и православные объединения региона, теоретически могли официально зарегистрировать свое объединение и открыть, построить свое культовое здание. Мы не склонны верить в желание буддистов области существовать отдельно от единого буддийского духовного центра в СССР. Аргументы в поддержку данного тезиса представлены ниже.

Сведения о религиозных процессах, о положении и деятельности ее религиозных общинах в Туве сохранились благодаря делопроизводству на центральном уровне. В одном из архивных документов Государственного архива РФ, а именно в Протоколе № 3 вечернего заседания совещания ламаистских деятелей в СССР от 22 мая 1946 г., известно, что на собрании кандидатуру Амыртаа Хомушку на должность председателя Временного центрального духовного управления буддистов СССР выдвигал тувинский делегат Карыма Хомушку [7, л. 212]. Глава буддистов Тувы во время заседания от имени своей делегации напротив поддержал кандидатуру Лубсан-Нима Дармаева и предложил прекратить прения по данному вопросу и начать голосование [7, л. 211]. Амыртаа Хомушку на совещании был ознакомлен с порядком организации буддийского храма в Тувинской автономной области «по тому типу, как был

организован буддийский храм под названием Хамбинский Суме в Улусе Средняя Иволга Бурят-Монгольской АССР» [5, л. 3]. Буддисты области и единого духовного центра взаимодействовали по поводу решения вопроса открытия молитвенной юрты и регистрации общины, хотя им в исследуемый период не удалось добиться своих намерений [5, л. 8; 6, л. 3].

В информационном отчете «О деятельности религиозных обществ на территории Тувинской автономной области за первое полугодие 1951 г.» имеется описание своеобразного культового объекта в местности Кызыл-Чыраа Дзун-Хемчикского района, настоятелем которого был Амыртаа Хомушку. В документе в подтверждение интеграции тувинских буддистов в правовое и социокультурное пространство СССР, помимо подачи ходатайств на регистрацию совей буддийской общины, зафиксирован факт того, что на стенах юрты среди икон с образами Будды «в рамке (висел. – А.В.) портрет тов. Сталина [6, л. 31].

Таким образом, для учреждения единого духовного центра буддистов СССР были приглашены ламы, в т.ч. из Тувинской автономной области. Делегация области состояла из 4 буддийских священнослужителей, которые приняли активное участие в Совещании буддийских духовных деятелей СССР, в итоге работы которого Амыртаа Хомушку был избран заместителем председателя Центрального духовного управления буддистов СССР. Делегаты поддержали объединительную инициативу буддийских духовных деятелей. Ламы тувинской области постепенно втягивались в советское правовое и социокультурное пространство Советского Союза, подавая ходатайства для регистрации религиозных общин и поддерживая связи с Центральным духовным управлением буддистов СССР.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных регионах и национальных автономиях азиатской части России» (№ 23-18-00117).

Список литературы

1. Белякова Н. А. Всесоюзный совет евангельских христиан-баптистов – продукт и заложник сталинской религиозной политики // Конфессиональная политика советского государства в 1920 – 1950-е гг. Материалы XI Международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 418 – 429.
2. Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 208.
3. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 616.
4. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 20.
5. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 586.
6. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 587.
7. ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 540.
8. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е годы. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2008. 408 с.
9. Дашковский П. К., Зиберт Н. П. Государственно-конфессиональная политика на юге Западной Сибири в конце 1917 – середине 1960-х гг. Барнаул: Из-во Алт. ун-та, 2020. 140 с.
10. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) // Конституция РФ. 1936. URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения: 05.06.2023).
11. 11 Научный архив Национального музея Республики Тыва. Ф. 1. Оп. 1/1. Д. 165-2.

12. Раджабов К. К. Образование САДУМ и конфессиональная политика советского государства в Узбекистане (1943 – 1960 гг.) // Конфессиональная политика советского государства в 1920 – 1950-е гг. Материалы XI Международной научной конференции. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 356 – 363.
13. Синицын Ф. Л. Советское государство и буддисты // Российская история. 2013. № 1. С. 62 – 76.
14. Хомушку О. М. Особенности государственно-церковных отношений в Туве (1944 – 1990 гг.) // Круг знания: Научно-информационный сборник. 1998. № 1. С. 24 – 28.

УДК 329

О первом председателе Тувинского революционного союза молодежи – Иргите Шагдыржапе

Ондар Евгения Михайловна
Старший преподаватель
Тувинский государственный университет, кафедра Отечественной истории
Кызыл, Россия
ondar.ev@mail.ru
ORCID ID:

Седен Алдына Викторовна
Кандидат исторических наук, доцент
Тувинский государственный университет, кафедра Отечественной истории
Кызыл, Россия
aldynaseden@yandex.ru
ORCID ID:

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается биография Иргита Шагдыржапа, видного общественного и политического деятеля Тувинской Народной Республики, стоявшего у истоков образования и развития Тувинского революционного союза молодежи. На основе анализа его воспоминаний показаны особенности становления молодого тувинского государства, политической жизни того времени. Личность Шагдыржапа недостаточно изучена в отечественной историографии, что говорит и об актуальности, и о необходимости обращения к данной теме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тувинский революционный союз молодежи, партия, репрессии.

В 1921 г. на Всетувинском учредительном хурале было принято решение об образовании суверенного государства впервые в истории тувинского народа. За годы своего существования молодое государство достигло значительных успехов. Этому способствовало весьма тесное сотрудничество с СССР. Появились города и рабочие поселки. Население республики возросло почти на 35 тысяч человек, а средняя продолжительность жизни – на 10 лет [3, с. 19]. Сложилась многоукладная экономика. Республика имела золотой запас, национальную валюту – акша. Введение в 1930 г. национальной письменности положило начало ликвидации неграмотности. Развивались театральное, музыкальное, цирковое искусства, живопись и литература, а также начался выпуск периодических изданий. Все это постепенно привело к модернизации и трансформации традиционного тувинского общества.

Невозможно представить произошедшие изменения без сильных личностей, знающих свою работу руководителей, настоящих патриотов, искренне желающих процветания своей Родине. К числу таких людей принадлежал Шагдыржап Иргит, выходец из бедной аратской семьи, основоположник тувинского молодежного движения, впоследствии генеральный секретарь Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии.

Возросший общественный интерес к прошлому в настоящее время обусловил потребность нового осмысления жизненных путей политических деятелей, в судьбах которых нашли отражение социально-политические процессы в России и в ее отдельных регионах. Личность Иргита Чапсыновича Шагдыржапа требует более глубокого и объективного освещения, что обусловлено не только стремлением «одушевить» незаслуженно забытого человека, а прежде всего актуальной

потребностью осмысления периода ТНР, в данном случае на примере судьбы конкретного человека.

История становления и развития ТНР всегда привлекала внимание исследователей. Особый интерес вызывали вопросы образования ТНР, ее дальнейшего развития, советско-тувинские отношения и т.д. [1, 8, 11, 12]. Однако по настоящее время личность Шагдыржапа, его политическая деятельность так и не стала объектом специального исследования, имеющиеся работы выходили еще в советский период. Ввиду этого обращение к страницам жизни и судьбы Иргита Чапсыновича представляется важным и актуальным.

Следует отметить, что в биографии Шагдыржапа имеются много неточностей и неясностей, при этом мало материалов. В Научном архиве Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований хранятся воспоминания Иргита Чапсыновича, которые охватывают 1900 – 1927 гг. [9]. Они написаны на тувинском языке на 67 листах. Автор хорошо передает традиционный жизненный уклад тувинцев до образования ТНР, природу и обычаи родного края, многие события рассказаны глазами очевидца, участника произошедших изменений, в чем и ценность данной работы. В каждом строчке чувствуется большая любовь к своей родине, своему народу. Однако Шагдыржап не затрагивает политические события того времени, нет ни одного упоминания о тех или иных лицах, что можно объяснить особенностями того времени. Воспоминания были написаны в тот период, когда он отошел от активной политической деятельности, а говорить о тех событиях, тем более давать им оценку было не безопасно. Точная дата написания его работы неизвестна, но можно предположить, что это были конец 1940-х – 1950-е гг. В разные годы выходили небольшие статьи в газетах об Иргите Шагдыржапе [2, 5, 6, 7]. Таким образом, в целом имеющиеся материалы позволяют проследить его непростой жизненный путь от бедного арата до генерального секретаря партии, ставшего одним из выдающихся личностей своего времени.

Иргит Чапсынович Шагдыржап родился в 1899 г. в сумоне Бай-Даг Эрзинского кожууна в многодетной семье аратки Чапсын. Как это было в жизни аратов, Иргит с малых лет батрачил на баев и чиновников, испытал все тяготы и унижения подневольной жизни. В возрасте шести лет его мать поразил паралич. Тяжелая болезнь приковала женщину к постели, чтобы спасти сына от голодной смерти, мать отправила Шагдыржапа «в люди», к местному богачу Шыырапу. До девяти лет каждое утро Иргит пас хозяйских телят или ягнят, потом стал пастухом и табунщиком Шыырапа.

В начале XX в. в Туве продолжали господствовать патриархально-феодальные отношения, в экономическом и культурном отношении она сильно отставала. Феодалы обладали монопольным правом на владение землей и огромным количеством скота, араты же находились в личной зависимости от светских и духовных феодалов.

В целом до начала 1920-х гг. больших изменений в жизни Шагдыржапа не происходило, как и раньше он продолжал пасти скот Шыырапа. Благодаря старанию и сильному желанию самоучкой овладев монгольской грамотой, в 1921 г. став председателем арбана-десятидворки, И. Ч. Шагдыржап активно включился в общественно-политическую жизнь молодой республики.

С образованием ТНР обозначился совершенно другой этап в истории тувинского народа, когда до эрзинских степей докатилась весть о зарождении новой жизни в Хем-Белдире, Иргит пешком отправился туда. Приехав в Кызыл в 1922 г. Шагдыржап устроился на работу в Министерство внутренних дел сначала ямщиком, затем писарем-секретарем. В то время в Туве грамотный арат был на особом учете, поэтому в 1923 г. Шагдыржапа перевели на работу писарем Министерства юстиции ТНР. Поскольку в то время не было пишущих машинок, на писаря ложилась серьезная ответственная

работа, вся переписка, размножение материалов и ведение дел выполнялось только от руки.

Как и многие молодые люди Шагдыржап в скором времени вступил в ряды Тувинской народно-революционной партии. ТНРП представляла собой заметную политическую силу, которая играла все более активную роль в жизни страны. С первых дней создания партии обозначилась ее социальная направленность. В конце 1923 г. в рядах ТНРП насчитывалось до 6000 членов, объединенных в 70 партийных групп, а к концу 1924 г. в нее входило до 7000 человек [4, с.140]. И все они – выходцы из бедных аратских семей. Образование партии, появление первых общественных организаций являлись результатом влияния Советской России на Туву, хотя для их возникновения каких-либо внутренних предпосылок не существовало.

Иргита Шагдыржапа отличали честное отношение к выполнению своих обязанностей, принципиальность в работе, постоянное стремление к повышению знаний, не случайно он был назначен секретарем Верховного суда республики.

Еще в июле 1923 г. II съезд ТНРП вынес решение об организации Тувинского революционного союза молодежи (ТРСМ). Как молодой инициативный, энергичный работник в 1924 г. Шагдыржап был направлен на работу среди молодежи. Ему удалось установить контакт с Райбюро комсомола в Туве, изучив опыт работы Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, провел первое общее собрание молодежи Кызыла в том же году, на котором выступил с докладом о задачах и практических мерах по созданию революционной молодежной организации Тувы.

Члены первой ревсомольской ячейки с помощью райбюро ВЛКСМ, уже имевшей опыт работы среди молодежи, активно взялись за организацию кружков молодежи во всех кожуунах ТНР. В начале 1925 г. Шагдыржап был назначен председателем Тес-Хемского кожуунного комитета ТНРП.

20 декабря 1925 г. открылся I съезд ТРСМ, в работе которого приняли участие 96 делегатов. До начала работы съезда Иргит Шагдыржап успел побывать почти во всех кожуунах республики, рассказывая молодежи о целях и задачах намечаемого форума.

На съезде Шагдыржап выступил с докладом об участии тувинской молодежи в борьбе за новую жизнь, более конкретно остановился на первейших задачах тувинской молодежной организации. Съезд оформил создание республиканской молодежной организации, принял временную программу и утвердил Устав, в специальной резолюции определил очередные задачи, стоящие перед ревсомолом. Первым председателем ЦК ТРСМ был избран И. Ч. Шагдыржап. Во всех кожуунах и сумонах начали создаваться революционные молодежные организации, проводилась большая разъяснительно-воспитательная работа. Иргит Чапсынович руководил работой ТРСМ по тесному сплочению молодежи вокруг ТНРП, по укреплению прочной связи ТРСМ с комсомолом СССР. Создание ТРСМ было важнейшим историческим событием.

Процесс становления и развития тувинского государства имел свои особенности, как из-за отсутствия опыта государственного строительства, так и сильного влияния Советской России. Ввиду малочисленности образованного грамотного населения руководящие посты продолжали занимать представители прежней правящей элиты, которые противодействовали революционным преобразованиям. Это вызывало определенные разногласия внутри тувинского общества. Однако с возвращением первых выпускников Коммунистического университета трудящихся Востока, с увеличением количества членов ТНРП, ТРСМ, различных общественных организаций выходцами бедноты, во внутриполитическом курсе страны произошли изменения. На V и VI Великих хуралах ТНР (1927 и 1928 гг.) и на VII съезде ТНРП (август 1928 г.) резкой критике подверглись бывшие феодалы и чиновники, работавшие на руководящих постах.

С 25 декабря 1928 г. по 3 января 1929 г. в Кызыле прошел IV съезд ТРСМ. Этот съезд занимает видное место не только в истории молодежной организации республики, но и всей Тувы. Ему предшествовала кропотливая подготовительная работа среди членов и активистов ревсомола, особенно среди членов ТРСМ, обучавшихся тогда в партийной школе при ЦК ТНРП.

На IV съезде ТРСМ был заслушан доклад об обстановке и первоочередных задачах партии и ревсомола в осуществлении революционных преобразований в стране. В резолюции съезда указывалось, что политика реакционеров ставит под угрозу завоевания революции и интересы широких трудовых масс. На совещании ревсомольских активистов Иргит Шагдыржап остро ставил вопрос о нездоровой обстановке в руководстве партии и правительства, о подрывной деятельности правых элементов. Съезд выдвинул требования об укреплении тесной связи и дружбы ТНР с СССР и МНР, об изменениях налоговой политики в интересах широких аратских масс, о превращении Тувинского центрального народного кооператива в подлинно народную кооперацию и роспуске байско-ламских лжекооперативов, о привлечении в государственные органы управления исключительно трудящихся и преданных их интересам специалистов [5, с. 68].

Состоявшийся в 1929 г. пленум ЦК ТНРП полностью одобрил решения IV съезда ТРСМ, избрал новый состав ЦК из числа аратских активистов во главе с И. Ч. Шагдыржапом. Пленум принял решение о чистке партийных и властных органов от классово чуждых элементов. В центре и на местах проводились политические кампании классовых «чисток» в партийных и государственных органах.

В 1929 г. из рядов ТНРП, а также из состава Президиума Малого Хурала и Совета Министров ТНР были изгнаны «контрреволюционные элементы». То же самое было сделано в ревсомоле и других общественных организациях. В том же году был подготовлен проект новой Конституции ТНР, отвечающей новым задачам, выдвинутым перед страной, а также начался пересмотр государственных законов: о труде, землепользовании и других. Была начата подготовительная работа для проведения конфискации феодальной собственности.

Яркой страницей биографии И. Ч. Шагдыржапа является его участие в создании периодической печати в Туве. В 1926 – 1930 гг. он редактировал партийную газету «Танну-Тувагийн Унэн» («Правда Танну-Тувы»), издававшуюся на монгольском языке.

На VIII съезде ТНРП перед страной была поставлена цель создания социалистического общества, были четко сформулированы задачи партии и народа в борьбе за претворение в жизнь этой цели. Съезд избрал новый состав Центрального комитета во главе с генеральным секретарем И. Ч. Шагдыржапом.

Являясь руководителем партии, И. Ч. Шагдыржап способствовал скорейшему созданию национальной письменности. В июне 1930 г. на заседании ЦК ТНРП был рассмотрен и единогласно одобрен проект тувинской национальной письменности, разработанный советскими специалистами во главе с известным лингвистом Александром Пальмбахом.

Иргит Шагдыржап также обращал особое внимание на дальнейшее укрепление личного состава и повышение боевого мастерства и политических знаний бойцов, и командиров Тувинской народно-революционной армии. Он часто бывал на тактических учениях, много выступал с докладами, лекциями и беседами на политических занятиях.

Заменив «правых» у власти, заручившись поддержкой СССР и следуя советам и рекомендациям Коминтерна, «левые» приступили к свершению глубоких социальных преобразований. В докладной записке секретаря ЦК ТНРП И. Ч. Шагдыржапа в Восточный секретариат ИККИ от 27 апреля 1933 г. отмечалось: «ЦК ТНРП, исходя из директив Восточного секретариата… и указаний представителей Коминтерна (И. Л.

Райтера, В. А. Богданова, А. М. Метца, М. И. Амагаева и др.), до второй половины 1932 г. проводил линию на ликвидацию феодальных отношений в стране, ограничение и вытеснение байских элементов, укрепление аратской диктатуры, создание колхозов, госхозов. Государство определялось как «аратская республика, идущая по пути некапиталистического – социалистического развития» [10, л. 4].

Начав глубокие и крупномасштабные преобразования без достаточных внутренних предпосылок, при опоре на помощь СССР, Тува остро нуждалась в кадрах специалистов. 21 мая 1932 года И. Ч. Шагдыржап через полпредство ТАР в Москве направило в НКИД СССР письмо, где говорилось: «В связи с развертывающимся в республике промышленным строительством, колхозным движением, организацией государственных земледельческих и скотоводческих хозяйств и растущим культурно-политическим запросом масс, нужда в специалистах и в квалифицированных опытных работниках необычайно возросла. Кадрами специалистов коренной национальности в настоящее время страна не располагает. Такие работники могут быть получены только из СССР» [10, л. 15]. К письму Шагдыржап приложил заявку на остро необходимых специалистов.

Иргит Чапсынович Шагдыржап находился на посту генерального секретаря ЦК ТНРП в трудные годы становления Тувинской Народной Республики, с его участием были осуществлен целый ряд мероприятий социального, политического, экономического и культурного порядка для развития Тувы.

В 1933 г. Иргит Шагдыржап в последний раз участвовал на заседании XI съезда ЦК ТНРП. В Туву прибыла медицинская экспедиция Наркомздрава РСФСР, которая обследовала состояние здоровья генсека, он оказался серьезно болен, и был срочно отправлен на длительное лечение в Москву. Вернулся Шагдыржап в Туву лишь в 1941 г., но к активной работе уже не вернулся. В июле 1936 г. Шагдыржап был удостоен высшей награды страны – ордена Республики. Есть точка зрения, что эта болезнь спасла его от репрессий 1930-х гг., скорее всего его бы тоже постигла такая же участь.

На его имени лежало табу, люди боялись и сторонились его. Тем не менее, будучи больным и находясь на пенсии, Шагдыржап много читал и работал над переводом архивных документов с монгольского на тувинский язык, всегда был в курсе новых событий, следил за общественно-политической жизнью республики. Последние годы он много занимался сбором материалов по истории Тувы.

Работая генеральным секретарем, Иргит Чапсынович участвовал в создании новых газет, журналов и книг в Туве. Вместе с государственным деятелем того времени Кууларом Дондуком он работал над созданием тувинского латинского алфавита. До XI съезда ТНРП Шагдыржап оставался членом Политбюро ЦК ТНРП, и до 1941 г. – членом Малого Хурала ТНР.

Семейная жизнь у него не сложилась, он умер в одиночестве в 1959 г.

Таким образом, И. Ч. Шагдыржап работая на посту в качестве секретаря ЦК Тувинского Революционного Совета Молодежи проводил большую воспитательную и организаторскую работу не только среди молодежи, но и всего населения Тувы, доходил до самых труднодоступных районов Тувы занимался с людьми партийной и воспитательной работой. Участвовал в создании периодической печати в Туве.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01254

Список литературы

1. Аранчын Ю. Л. Исторический путь тувинского народа к социализму. Новосибирск: Наука, 1982.
2. Бадаа С. Листая страницы истории // Тувинская правда. 1967. 28 октября.

3. Заслуженные люди Тувы XX века. Государственная книга Республики Тыва. Кызыл, 2004.
4. История Тувы: в 3 т. Т.II /Под общ. ред. В.А. Ламина. Новосибирск: Наука, 2007.
5. Их не забудет Тува / Сост. В.А. Дубровский. Кызыл, 1967.
6. Келик-Сенги И. Эн-не биче сеткилдиг политик // Тыва Республика.1996. Март 10.
7. Кунчун Н. Иргит Шагдыржап (Тоогунун балалчак арыннарындан) // Шын. 1989. Февраль 26.
8. Моллеров Н.М. История советско-тувинских отношений (1917–1944 гг.). М., 2005.
9. Научный архив ТИГПИ. Р.ф.2. Оп. 1. Д. 271.
10. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 153. Д.61.
11. Шойжелов С. А. Тувинская Народная Республика: материалы и документы по истории национально-революционного движения тувинских скотоводов. М.: Стандарт, 1930.
12. Шостакович С. В. Политический строй и международно-правовое положение Танну-Тувы в прошлом и настоящем. Иркутск: Тип. изд. «Власть труда», 1929.

УДК 340.03

Особенности ваучерной приватизации в Республике Хакасия

Петроченко Данил Евгеньевич
студент
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова,
кафедра истории
Абакан, Россия
DEP.khsu@ya.ru
ORCID ID: 0009-0000-6634-4453

АННОТАЦИЯ Статья посвящена изучению отдельных аспектов процесса приватизации государственной и муниципальной собственности в Республике Хакасия. Автор анализирует как нормативную базу экономических преобразований в Российской Федерации, так и особенности их протекания, изучает расчетные показатели приватизации и находит особенности протекания процесса разгосударствления собственности в Республике Хакасия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ваучерная приватизация, приватизация, Республика Хакасия, экономика, реформы.

Правовую базу этого этапа приватизации составили Указы Президента Российской Федерации, такие указы как от 29 декабря 1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» [13]; от 29 января 1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий» [12]; от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» [8]; от 14 августа 1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» [9]; от 24 декабря 1993 г. «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» [11] и др. Однако первых шаг к этому сделал Верховный Совет, утвердивший 11 июня 1992 г. «Государственную программу приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год» [3], в котором упоминается использование именных приватизационных чеков. А правительство пошло дальше и утвердило анонимные приватизационные чеки в вышеупомянутом указе от 14 августа 1992 г.

Эти формы приватизации рассматривались в связи с тем, что у населения не было достаточно денег для покупки акций за наличные. Если в 1990 г. в сберегательных счетах у населения было треть ВВП страны, то из-за галопирующей инфляции (168 % в 1991 году, 2608 % в 1992 году) покупательная способность накоплений упала. Кроме того, это в разы ускоряло приватизацию, ибо требовало гораздо меньше технических мощностей банковской системы, а затраты на изготовление «ваучеров» быстро окупилась за счёт внесения гражданами регистрационных (комиссионных) сборов в 25 руб. (при тратах 292 млн. бюджет пополнился на 3,75 млрд руб.) [10].

Было шесть способов приватизации:

- продажа акций акционерных обществ открытого типа;
- продажа предприятий на аукционе;
- продажа предприятий по коммерческому конкурсу (в том числе с ограничением состава его участников);

• продажа предприятий по некоммерческому инвестиционному конкурсу (инвестиционные торги);

• продажа имущества (активов) ликвидируемых и ликвидированных предприятий;

• выкуп арендного имущества.

В основу выбора способа приватизации был положен размер предприятий, которые делились на три группы [13]:

• мелкие предприятия со среднесписочной численностью работающих до 200 человек и балансовой стоимостью основных фондов по состоянию на1 января 1992 г. менее 1 млн рублей подлежали продаже на аукционе или на конкурсной основе через торги;

• предприятия со среднесписочной численностью работающих более 1000 человек и балансовой стоимостью основных фондов по состоянию на 1 января 1992 г. более 50 млн рублей приватизировались путем их преобразования в акционерные общества открытого типа;

• остальные предприятия могли быть приватизированы любым из перечисленных в программе способов.

Однако оставлять трудовой коллектив без каких-либо прав на собственность было несправедливо и опасно, ибо могло дестабилизировать общество. Поэтому параллельно предложено несколько вариантов предоставление льгот трудовым коллективам [1, с. 24]:

• Первый вариант – «25+10+5», по которому 25% неголосующих акций отдавались рабочим, 10% «голосующих» могли купить с льготами (скидка 30% и трёхлетняя рассрочка при оплате 15% при номинальной стоимости). Руководители предприятий (к которым относились директор и его заместители, главный инженер, главный бухгалтер) могли выкупить по номиналу голосующие акции на сумму, не превышающую 5% уставного капитала. (Пример такого варианта: ЗИЛ);

• Второй вариант – 51% голосующих акций мог купить коллектив, оплатив 50% их стоимости «ваучерами»;

• Третий вариант – коллектив выделял из своего состава группу работников, готовых взять на себя ответственность за выполнение плана приватизации и недопущение банкротства предприятия. С этой группой заключался контракт на один год без права продления, в котором фиксировались обязательства по росту объема производства, фонда заработной платы, повышению прибыли и другим экономическим параметрам. В случае выполнения принятых обязательств, все работники предприятия, включая членов группы, получали право на приобретение 20 % голосующих акций со скидкой 30 % от их номинальной стоимости и с предоставлением рассрочки на три года. (Этот вариант мог применяться только на предприятиях с численностью работников более 200 человек и балансовой стоимостью основных фондов от 1 до 50 млн рублей).

Приватизация отдельных отраслевых предприятий были урегулированы отдельными указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации.

Реальная рыночная стоимость пакета акций, который можно было получить в обмен на один ваучер, колебалась в широких пределах в зависимости от компании, чьи акции приобретались в обмен на ваучер, а также от региона, где это происходило. Например, в Нижегородской области один ваучер можно было обменять в 1994 г. на 2000 акций РАО «Газпром» (их рыночная стоимость в 2008 г. составила порядка 700 тыс. рублей), в Московской области – на 700 акций Газпрома (в 2008 г. – порядка 245 тыс. рублей), а в г. Москве – на 50 акций Газпрома (17 тыс. руб. в 2008 г.). Кроме этого,

часть собственность фактически уходила за рубеж через предоставление кредитов [2, с. 502].

Всего в Российской Федерации в результате ваучерной приватизации было приватизировано 110,8 тыс. предприятий. В числе приватизированных предприятий преобладали мелкие предприятия муниципальной собственности, две трети из них относились к сфере торговли и службы быта. По методам приватизации за 1993 – 1994 гг. доли распределились следующим способом: акционирование – 35,7%; продажа на аукционах– 5,7%; коммерческий конкурс – 28,2%; инвестиционный конкурс – 1,3%; выкуп арендованного имущества – 26,6%; продажа имущества ликвидируемых, ликвидированных предприятий и не завершенных строительством объектов – 0,8%, прочие – 1,8% [6, с. 363].

На территории Республики Хакасия за 1993 г. было приватизировано всего 170 предприятий, из них 94 являлось муниципальной собственностью, 37 – республиканской собственностью, 39 – федеральной собственностью. Были приватизированы путём акционирования 57.1%, продажи на аукционе 6,5%, коммерческого конкурса 27.6%, инвестиционного конкурса 0,6%, продажи ликвидируемых и незавершённых строительств не было, выкуп арендованного имущества 8.2%, прямой продажи не производилось, выкупалось долями 1% [4, с. 578].

За 1994 г. было приватизировано всего 101 предприятий, из них 55 являлись муниципальной собственностью, 9 – республиканской собственностью, 37 – федеральной собственностью. Были приватизированы путём акционирования 49,5%, продажи на аукционе 15,8%, коммерческого конкурса 32,7%, инвестиционного конкурса не было, продажи ликвидируемых и незавершённых строительств не было, выкуп арендованного имущества 1%, прямой продажи не производилось, выкупалось долями 1% [5, с. 687].

Характерной чертой приватизации в Республике Хакасии являлась тенденция на сохранение муниципальной собственности и дальнейшую сдачу её в аренду для извлечения прибыли [7, с. 105]. Если сравнивать вышеперечисленные показатели, то можно сделать некоторые выводы: так в Республике Хакасия доли акционированных предприятий и продаж на аукционах были больше, по сравнению с другими регионами; инвестиционных конкурсов практически не проводилось; продаж ликвидируемых предприятий и незавершённых строительств не было; доля выкупа арендованного имущества значительно была ниже по сравнению с другими регионами страны.

Процесс приватизации сопровождался многими нарушениями и коррупцией, что привело к тому, что многие предприятия были проданы за низкую цену или оказались в руках недобросовестных бизнесменов, которые нередко увольняли персонал, распродавали оборудование и сдавали помещение в аренду. Хакасия, как и в другие регионы, из-за высоких темпов инфляции не могла значительно пополнить бюджет региона, кроме того, приватизировались социально важные объекты инфраструктуры. Институциональные изменения в форме собственности усугубил экономический кризис Российской Федерации, в том числе и её регионов. Упали реальные доходы населения, закрылись многие предприятия, росла безработица.

Список литературы

1. Лапина Н. Ю. Российская приватизация: история, динамика, результаты // Приватизация в России и других странах СНГ. 2003. С. 13 – 55.
2. Островский А. В 1993 год: Расстрел Белого дома. М.: Яуза, 2008. 640 с.
3. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 11.06.1992 г. № 2980-I «О введении в действие Государственной программы приватизации государственных и

муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год». 1992. URL: https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/76836_0 (дата обращения: 10.01.2023).
4. Российский статистический ежегодник. 1994: Статистический сборник М.: Первая образцовая типография, 1994. 800 с.
5. Российский статистический ежегодник. 1995: Статистический сборник М.: Первая образцовая типография, 1995. 977 с.
6. Российский статистический ежегодник. 2007: Статистический сборник М.: Типография «Новости», 2007. 826 с.
7. Тышта Е. В. Особенности проведения "малой приватизации" в республиках Южной Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 101 – 106.
8. Указ Президента Российской Федерации от 01.07.1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества». 1992. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/1621 (дата обращения: 13.03.2023).
9. Указ Президента Российской Федерации от 14.08.1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации». 1992. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/1826 (дата обращения: 13.03.2023).
10. Указ Президента Российской Федерации от 14.08.1992 г. № 914 «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации». 1992. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/1826 (дата обращения: 13.03.2023).
11. Указ Президента Российской Федерации от 24.12.1993 г. № 2284 «О Государственной программе приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации». 1993. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/5161 (дата обращения: 13.03.2023).
12. Указ Президента Российской Федерации от 29.01.1992 г. № 66 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». 1992. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/810 (дата обращения: 13.03.2023).
13. Указ Президента Российской Федерации от 29.12.1991 г. № 341 «Об ускорении приватизации государственных и муниципальных предприятий». 1991. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/674 (дата обращения: 13.03.2023).

УДК 930

Политические репрессии в Хакасии конца 1920-х – начала 1950-х гг.: итоги 30-летнего исторического дискурса

Степанов Михаил Геннадьевич
кандидат исторических наук, доцент
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Институт истории и права, кафедра истории
Абакан, Россия
StepanowM@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6710-482X

АННОТАЦИЯ В статье в историографическом контексте подведены промежуточные итоги в исследовании реализации сталинской репрессивной политики на примере Хакасской автономной области. Более 30-летний период исторического дискурса позволил констатировать: *во-первых* – проблема политических репрессий в Хакасии получила самостоятельный исследовательский статус с начала 1990-х гг.; *во-вторых* – введен в научный оборот крупный сегмент ранее недоступных исторических источников; *в-третьих* – разработана аргументированная периодизация репрессивных кампаний в Хакасии; *в-четвертых* – сформировалась устойчивая группа исследователей по обозначенной теме; *в-пятых* – выявлены перспективные проблемы, требующие дальнейшего исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Политические репрессии, историография, Хакасия, антикрестьянские репрессии, «большой террор», этнические депортации.

Отдельная проблема, связанная с реализацией политических репрессий в СССР периода сталинизма стала оформляться в отечественной исторической науке с начала 1990-х гг. Это можно связать с перманентным вводом в научный оборот значительного объема архивных документов, которые на протяжении длительного времени имели гриф «совершенно секретно». За более чем 30-летний период времени как в отдельных научных публикациях, так и в диссертационных исследованиях проанализированы огромные пласты исторических источников различной видовой принадлежности, в которых отразились материалы по истории политических репрессий, извлеченные из региональных архивохранилищ. И Хакасия в этом контексте не стала исключением.

Массовая коллективизация, и как следствие «ликвидация кулачества как класса», «раскулачивание» стали первым «пробным камнем» в осуществлении массовых репрессий в СССР на основе политического признака периода сталинской диктатуры.

К проблеме репрессий в отношении крестьянства Хакасии впервые обратился в своей статье Ю. С. Ултургашев [33]. Следует сказать, что его исследование основано исключительно на материалах Текущего архива Хакасского областного суда (ныне Архив Верховного Суда Республики Хакасия). Автором были проанализированы наряды с постановлениями и протестами по спецделам за 1957, 1958, 1960, 1961, 1962, 1964 гг., которые на 1991 г. были единственным достоверным историческим источником о проводившихся репрессиях в регионе. Ю. С. Ултургашев констатировал: «основанная на насилии политика колхозного строительства и ликвидации кулачества не могла не породить ответного сопротивления, в том числе вооруженных форм борьбы. Однако репрессии, в основном, направлялись на крестьян, которые не имели к вооруженным выступлениям никакого отношения. Факты свидетельствуют – большее количество отбывающих наказания, было осуждено без законных оснований» [33, с. 98].

В дальнейшем более детально проблема репрессий в отношении крестьян периода коллективизации была изучена в работах Н. С. Абдина, В. Н. Тугужековой, С. В. Карлова.

Н. С. Абдин рассматривая сталинские антикрестьянские репрессии, указывал на то, что «…наиболее богатая часть кулаков, баев, арестовывалась, а семьи высылались в самые отдаленные районы. Из Хакасии высылали на север Красноярского края, Иркутскую область, Томский округ. Большая группа зажиточных крестьян переселилась в пределах округа на специально отводимые места. После все они являлись спецпоселенцами, находящиеся под тотальным контролем спецкомендатур ОГПУ-НКВД» [1, с. 77]. Также Н. С. Абдин привел следующие данные о процессе проведения «раскулачивания» в Хакасии: «Так, Президиум Сибкрайисполкома от 11 февраля 1930 г. принял Постановление, в котором определялись контрольные цифры выселения по сибирскому краю 30 тыс. кулацких хозяйств, в том числе по Хакасскому округу 354 хозяйств. Этот план Хакасия (единственный округ из 17 округов Сибири) выполнила на 100%, а по Сибирскому краю задание было выполнено на 53,4%. В числе 354 высланных семей числилось 1967 человек в т.ч. детей до 18-летнего возраста 858 человек» [1, с. 78].

Анализируя процесс «раскулачивания» в Хакасии С. В. Карлов отметил, что первоначально основным методом раскулачивания в Хакасии были избраны «судебные репрессии». В результате привлечения к судебной ответственности кулаков и баев было осуждено 447 человек, в том числе 286 хакасов [8, с. 67].

Достаточно интересной проблемой в исследованиях ученых является тема сопротивления крестьянства проводимой политике «раскулачивания». На этом акцентировал свое внимание С. В. Карлов, который отметил, что в начале 1930 г. на границе Хакасского и Ачинского округов действовала «кулацкая политическая банда» Озерных-Пилицикова Иннокентия. Она состояла из 60 активных пособников и укрывателей. После разгрома этой повстанческой группы отдельные ее участники не прекратили борьбу вплоть до середины того же года. На территории Аскизского района весной-осенью 1930 г. действовала «банда» Рошева-Кузина, состоявшая преимущественно из русских кулаков, бывшего казачества и дружинников Колчака [8, с. 68].

А. П. Шекшеев выделил следующие формы сопротивления массовой и насильственной коллективизации: саботаж хлебозаготовок, создание семенных фондов, уклонение от уплаты налогов, различного рода «обязательств», сокращение поголовья скота при вступлении в колхозы, антисоветская и антиколхозная агитация, осуществление террористических акций против представителей и сторонников коммунистического режима в деревне, диверсии, направленные на уничтожение колхозного имущества, наконец, бегство крестьян в города и рабочие поселки [34, с. 52]. Кроме того, А. П. Шекшеев к причинам поражений вооруженных восстаний в Приенисейском крае отнес следующие: непоследовательные и направленные на заведомо недостижимые цели; психологически крестьяне не были стойкими бойцами – ярость, вызванная несправедливым отношением властей, с потерей лидеров и нарастанием трудностей, переходила в состояние апатии и обреченности; власть была хорошо информирована, действиям ее по подавлению выступлений были характерны организованность и быстрота наконец, режиму удалось расколоть деревню, для большинства крестьян недовольство политикой государства не вылилось в активные и организованные действия, оно, оставшись покорным, не держало своих защитников [34, с. 59].

Итоги «раскулачивания» в Хакасии подвел С. В. Карлов: «Осуществление в начале 1930-х гг. такой бесчеловечной акции, как массовое раскулачивание и принудительное выселение сотен тысяч крестьянских семей, нельзя оправдать. Оно не было

продиктовано ни политической, ни социально-экономической обстановки тех лет. Раскулачивание в Хакасии, как и в целом по стране, обернулось уничтожением наиболее трудолюбивой и производительной части крестьянства и подрывом экономической основы сельскохозяйственного производства. Более того, политика сплошной коллективизации и раскулачивания привела к тому, что естественные процессы в деревне были прерваны» [7, с. 68].

Рассматривая взгляды историков Хакасии на проблему сталинских политических репрессий середины 1930-х гг., следует отметить, что к этому периоду в своих исследованиях обращались С. В. Карлов, В. К. Гавриленко, А. П. Шекшеев. Первое крупное политическое дело получило название «Глубинка». Становление, структура и последствия разгрома этой организации были изучены в работах С. В. Карлова, который пишет, что «в Хакаской автономной области по этому сфабрикованному делу было арестовано 129 человек. Всего следствием было установлено 19 контрреволюционных ячеек, семь из которых находились на территории автономии (г. Абакан, Бейский, Боградский, Таштыпский и Чебаковский районы). Целью данной организации, якобы раскрытой органами ОГПУ, было свержение Советской власти путем вооруженного восстания и установление в СССР республиканского образа правления через создание Учредительного собрания» [10, с. 135].

Экс-прокурор Хакасии – В. К. Гавриленко объясняет появление дела «Глубинка» демонстрацией ОГПУ Хакасии вместе с Минусинским оперсектором своей активности по выявлению расхитителей, используя имевшиеся факты хищения зерна с предприятий «Заготзерно» в Абакане и Минусинске, а также выявленные кражи зерна с токов ряда колхозов [2, с. 30].

Дело «Союза сибирских тюрок» наиболее комплексный анализ получило в исследовании С. В. Карлова: «Практические же действия участников «Союза» сводились к агитации идеи национальной независимости и собиранию подписей от хакасов, шорцев и ойротов для подачи народной петиции в Правительство СССР с тем, чтобы решить вопрос о создании на базе Хакасской, Ойротской автономных областей и Горно-Шорского национального района Западно-Сибирского края автономной национальной социалистической республики» [7, с. 68]. Таким образом, акцентирует С. В. Карлов остриё этого сфабрикованного дела было обращено против той части нарождающейся национальной интеллигенции Хакасии, Ойротии и Горной Шории, которая не желала мириться с национальной политикой советской власти, приведшей к тому, что коренные народы Южной Сибири были в какой-то степени лишены национального самоопределения [1, с. 71].

С. В. Карлов приводит сведения об итогах репрессий в середине 1930-х гг., он отмечает, что только за 1935 – 1936 гг. в автономии было репрессировано не менее 217 человек, из них 32 человека были приговорены к расстрелу [5, с. 20].

Новый этап развития репрессивной политики в центре и на местах в 1937 – 1938 гг. получил название «большого террора», когда карательные акции приняли массовый характер в СССР.

Н. С. Абдин, приводит следующие данные части последствий «большого террора» для Хакасии. Автор пишет: «В 1937 году были исключены из партии 3 секретаря Обкома ВКП(б), как враги народа. С июля по декабрь 1937 г. на бюро обкома ВКП(б) были исключены из партии как враги народа 6 – заведующих отделами обкома, 19 – секретарей райкомов партии, 14 – руководителей облисполкома, 19 – руководителей рудников, трестов, совхозов, колхозов, 5 – редакторов газет, 8 – прокуроров и судей, всего более 1000 человек» [1, с. 80].

В специальной статье Н. А. Данькина исследовала влияние средств массовых информаций (на примере областной газеты «Советская Хакасия») на массовые репрессии в области. Автор отмечает: «Анализ хронологической последовательности

статей о так называемом «вредительстве», «буржуазном национализме» и т. д. показывает, что средства массовой информации готовили почву для ареста и предъявления обвинения. Зачастую публикации выходили за несколько дней до них. Таким образом, если в газете появлялась статья обвинительного характера независимо от правдивости изложенного, это означало, что готовятся репрессии. Кроме этого практически в большинстве случаев обвинительный приговор совпадал либо с названием статьи, либо с указанным в ней обвинением» [3, с. 84].

Что касается определения числа лиц, пострадавших в Хакасии в результате репрессий 1937 – 1938 гг., то здесь мнения авторов по некоторым показателям не совпадают. Так, С. В. Карлов приводит данные о том, что в течение 1937 – 1938 гг., на которые пришелся пик репрессивной деятельности в стране, в Хакасской автономной области, было репрессировано по политическим мотивам 2111 человек, из них 1984 человека приговорены к расстрелу [5, с. 21].

В совместном исследовании «Репрессии в Хакасии» В. Н. Тугужекова и С. В. Карлов отмечают, что всего за полтора года было «разоблачено» более 100 различных групп. Осуждено по делам не менее 1528 человек. Расстреляно за вторую половину 1937 г. не менее 575, а за 1938 г. – 576 человек [31, с. 40].

По данным Ю. С. Ултургашева за период «ежовщины» НКВД было «разоблачено» свыше ста различных «антисоветских» формирований, находящихся, если основываться на обвинительных материалах, на разнообразных политических платформах от «монархистов» до «эсеров». Всего за это время было осуждено по делам о преступлениях против государства не менее 1529 человек, в том числе за первые полгода – не менее 826 человек. Из числа осужденных расстреляно не менее 1161 человека, или 75,9 % от общего количества. В том числе за 1937 г. – не менее 585. Остальные приговорены к различным срокам лишения свободы. Большинство – 270 человек, – к 10 годам ИТЛ. Основную массу осужденных составили мужчины в возрасте от 25 до 50 лет, т.е. наиболее трудоспособная часть населения [33, с. 102].

М. Г. Степанов, на основе данных «Книги Памяти жертв политических репрессий Республики Хакасия» подсчитал общее число репрессированных граждан в Хакасии в период «большого террора» 1937 – 1938 гг.: в 1937 г. – 1281 человек (около 0,6 % населения Хакасии); в 1938 г. – 1791 (около 0,7 %) [18, с. 40]. Т.е. общее количество арестованных составило 3072 человека.

Таким образом, публикации свидетельствуют, что усилиями НКВД в 1937 – 1938 гг. была создана картина крупного, широко разветвленного заговора в Хакасии, руководимого областным штабом в Абакане и представляющего «реальную опасность» для государства.

К теме предвоенных сталинских репрессий (1939 г. – июнь 1941 г.) обращались такие исследователи Хакасии, как Ю. С. Ултургашев, С. В. Леончик, М. Г. Степанов.

Ю. С. Ултургашев, рассматривая репрессии данного периода затронул институционно-юридическую сторону функционирования репрессивного механизма в Хакасской автономной области. Автор обратил внимание на то, что после «большого террора» 1937 – 1938 гг. значительная часть дел о государственных преступлениях была передана для рассмотрения в Хакасский областной суд. В 1939 г. им было осуждено (в основном по ст. I 58-10 УК РСФСР) не менее 154 человек. В 1940 г. число сократилось до 29 [33, с. 108].

М. Г. Степанов привел другие цифры числа арестованных по политическим мотивам граждан. Так, в 1939 г. по подсчетам исследователя было репрессировано 33 человека, в 1940 г. – 36 [18, с. 41]. Кроме того, он отметил: «В предвоенный период сократились масштабы арестов по «контрреволюционным преступлениям». Традиционными являлись обвинения в проведении систематического «шпионажа», «саботажа» и «контрреволюционной агитации и пропаганды», борьба с оставшимися

после «большого террора» 1937 – 1938 гг. религиозными организациями. Также регион стал местом расселения высланных спецпоселенцев из западных областей Украины, Белоруссии, Латвии, Литвы и Эстонии, что привело к формированию режима спецпоселения в Хакасской автономной области» [18, с. 58].

Проблеме депортации польских граждан в Хакасию в предвоенный период уделил внимание С. В. Леончик. Историк отметил, что Хакасия, входившая в то время в состав Красноярского края, была местом депортации поляков, преимущественно с территории Западной Белоруссии. В июле 1941 г. на станцию Абакан прибыло 2 эшелона с 1159 спецпереселенцами – поляками и немного позднее еще 1 эшелон на станцию Ужур с 703 польскими спецпереселенцами. Поляки, как и все спецпереселенцы, обязаны были регулярно отмечаться в спецкомендатуре и работать [14, с. 98].

Тему политических репрессий в период Великой Отечественной войны можно разделить на 2 блока: непосредственно аресты граждан по «контрреволюционным преступлениям» и массовые этнические депортации.

К первому блоку проблем следует отнести работы Ю. С. Ултургашева, В. А. Печерского, М. Г. Степанова.

Так, Ю. С. Ултургашев отметил, что для репрессированных в годы войны было характерно обвинение в антисоветских пораженческих настроениях, клевете о силе немецко-фашистских войск и чуть позже – клевете о силе японских войск [33, с. 108].

В. А. Печерский затронул в своей специальной статье проблему репрессивных акций в отношении крестьянства в Хакасии, в которой подчеркнул, что уголовное преследование крестьян за «бытовые» преступления носило политический характер [15].

М. Г. Степановым были выделены две стадии в развитии репрессивной политики в Хакасии в период войны: 1) восходящая (1941 – 1942 гг.), когда было репрессировано 296 человек; и 2) нисходящая (1943 – 1945 гг.), когда было репрессировано 101 человек. В процентном отношении доля репрессированных в период восходящей стадии составила – 74,5%, а нисходящей – 25,5% [18, с. 65]. Анализируя тяжесть наказаний арестованных по обвинению в совершении «контрреволюционных преступлений», автор отмечает, что в первые месяцы войны для вынесения массовых смертных приговоров серьезных препятствий не существовало, и государство прибегало к этой мере как средству устрашения. Однако после крупных военно-стратегических поражений 1941 г., вызвавших огромные людские потери и утрату значительной части трудовых ресурсов оккупированных территорий, политико-идеологические мотивы в отправлении правосудия уступили место утилитарным расчетам. Вынесение приговоров к высшей мере наказания систематически снижалось [18, с. 68].

Ко второму блоку проблем следует отнести работу В. А. Кышпанакова [12].

В. А. Кышпанаков в своей статье на основе архивных источников впервые ввел в научный оборот материалы, проливающие свет на историю депортации немцев Поволжья и калмыков в Хакасию в годы Великой Отечественной войны. По мнению историка ожидалось прибытие 10,5 тысяч немцев из Поволжья в Хакасию [12, с. 57]. Однако по данным Государственного архива Российской Федерации, которые приводит в своей монографии М.Г. Степанов, в регион было депортировано осенью 1941 г. 15136 человек [18, с. 79]. По данным В. А. Кышпанакова в Хакасию в 1944 г. прибыло 4391 человек депортированных калмыков, которые в сводках НКГБ проходили под названием «спецконтингент» [12, с. 59].

К теме исправительно-трудовых лагерей сталинского периода в Хакасии обратилась Е. А. Лактионова, которая в своей статье «Черногорский спецлагерь №288/5» рассмотрела процесс трансформации и последующего развития обычного

ИТЛ в г. Черногорске в спецлагерь №288/5. В данной статье она утверждала, что процесс «формирования системы ГУЛАГа в г. Черногорске начинается с 1942 г.» [13, с. 101]. Следует отметить, что достаточно хорошо в статье отражено бытовое состояние в лагере, охарактеризован процесс создания так называемого «Мамского лагеря» [13, с. 104]. Однако автором не проведен источниковедческий анализ, нет ссылок на использованные архивы или иные источники исторической информации.

Наиболее комплексно послевоенные репрессии (1946 – 1953 гг.) изучены в исследовании М. Г. Степанова. Автор обратил внимание на то, что репрессии в это время проводились в следующих направлениях: выявление и изоляция нелояльных режиму элементов из числа представителей депортированного или сосланного на спецпоселение контингента; аресты тех лиц, которые в силу обстоятельств оказались в плену или на оккупированной врагом территории; аресты граждан, высказывающих критику в отношении послевоенных трудностей в стране и «восхвалявших материально – бытовые условия жизни в капиталистических странах», относимых властью к космополитам; раскрытие «шпионско-диверсионных групп», производящих шпионаж в пользу иностранных государств; борьба с «националистами» и прочими «антисоветскими элементами» [18, с. 122].

Наиболее проблемным вопросом по настоящее время в работах исследователей Хакасии остается вопрос, связанный с определением числа граждан, пострадавших в результате сталинских репрессий 1928 – 1953 гг. В. К. Гавриленко писал, что с 1994 г. Прокуратура Республики Хакасия проверила свыше 2200 уголовных дел, расследованных органами государственной безопасности в 1920 – 1940 гг. на территории бывшей Хакасской автономной области, по которым пересмотрены решения в отношении 4860 граждан [2, с. 81].

Ю. С. Ултургашев привел следующую трагическую статистику: Хакасский облсуд в 1956 – 1963 гг. реабилитировал свыше 2,0 тысяч человек осужденных тройками УНКВД. В 1937 – 1940 гг. Краевой суд в 1956 – 1982 гг. реабилитировал свыше 500 человек, репрессированных в Хакасской автономной области [33, с. 110].

Ю. С. Ултургашев, справедливо отметил, что, судя по имеющимся в архиве Хакасского областного суда документам о реабилитации, в 1930 – 1951 гг. тройками и особыми совещаниями было осуждено не менее 1722 человек. Эти данные неполные, но они показывают общую картину репрессий в области, практику назначения наказаний во внесудебном порядке, среди которых доминировал расстрел – не менее 1169 человек или 67,9 процента. С учетом приведенных данных видно, что общее число подвергшихся репрессиям составляет не менее 2563 человек. Цифра далеко не окончательная, пишет автор, поскольку в ней не учтены те, кто был реабилитирован облсудом в 1956 г., т.к. документы этого периода в архиве суда пока не найдены, а также те, чьи родственники не обращались в суд с заявлениями о реабилитации [33, с. 110].

В 2010-е гг. проблема политических репрессий в Хакасии получила отражение в работах О. В. Круподер [11], В. А. Печерского [16,17], Н. А. Данькиной [4], С. В. Карлова и В. Н. Тугужековой [32]. Определенные итоги репрессий в регионе в своих статьях попытался подвести М.Г. Степанов [19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30].

Таким образом, рост числа исторических исследований по заявленной проблеме вызван изменением общественно-политической ситуации в России в связи с распадом СССР и публично-историческим «открытием» данной темы. В своих исследованиях в постсоветский период к теме сталинских политических репрессий обращались самые разные специалисты Хакасии (главным образом историки, юристы, архивисты). Данная тенденция была связана с тем, что были частично рассекречены не только документы по проблеме репрессий карательных органов, но и значительные документальные комплексы высших органов партийного и государственного

управления. Историками по данной проблематике был рассмотрен ряд фундаментальных вопросов, связанных с периодами развития репрессивной политики: репрессии в отношении крестьянства (1928 – 1933 гг.), политические процессы (1934 – 1936 гг.), «большой террор» (1937 – 1938 гг.), предвоенные репрессии и первые этнические депортации (1939 – июнь 1941 гг.), репрессии периода Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.), послевоенные репрессии (1946 – 1953 гг.).

Список литературы

1. Абдин Н. С. Репрессии в Хакасии в 20-50-е гг. // Проблемы сохранения природы и культурно-исторического наследия Хакасии. Абакан: Издательство Абаканского государственного педагогического института, 1994. С. 77 – 83.
2. Гавриленко В. К. Казнь прокурора: Документальное повествование. Абакан: АОЗТ «Хакасинтерсервис», 2000. С. 29 – 30.
3. Данькина Н. А. Средства массовой информации в годы политических репрессий (по материалам газеты «Советская Хакасия» 1937 г.) // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920 – 1950-е годы). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. в Абакане / отв. ред. А. П. Шекшеев. Абакан: Журналист, 2001. С. 84 – 89.
4. Данькина Н. А. Историография формирования и становления интеллигенции национальных районов Восточной Сибири. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2017. 159 с.
5. Карлов С. В. Массовые репрессии в 1930-е гг. (На материалах Хакасии): Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Абакан, 2000. 23 с.
6. Карлов С. В. К вопросу о политических репрессиях в 30-е годы (На материалах Хакасской автономной области) // Актуальные проблемы новейшей истории Хакасии. Абакан: Роса, 2000. С. 27 – 39.
7. Карлов С. В. Дело «Союза сибирских тюрков» // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920 – 1950-е годы). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. в Абакане / отв. ред. А.П. Шекшеев. Абакан: Журналист, 2001. С. 42 – 62.
8. Карлов С. В. Из истории раскулачивания в Хакасии (1930 – 1931 гг.) // 55 лет Хакасскому научно-исследовательскому институту языка, литературы и истории: Материалы региональной конференции 18 – 20 ноября 1999 г. / под ред. В.Н. Тугужековой. Абакан: Стрежень, 2001. С. 66 – 69.
9. Карлов С. В. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Хакасию (1930 – 1933 гг.) // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н.Ф. Катанова. Выпуск VI / под ред. С. П. Ултургашева. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 126 – 130.
10. Карлов С. В. Приговор вынесен «тройкой» (Из истории политических репрессий в Хакасии в начале 30-х годов) // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии ХГУ им. Н. Ф. Катанова. Выпуск VI / под ред. С. П. Ултургашева. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2002. С. 131 – 136.
11. Круподер О. В. Все начиналась с уездных уполномоченных (о деятельности органов государственной безопасности Хакасии с середины 1920-х до середины 1950-х годов). Абакан: Хакасское книжное издательство, 2012. 176 с.
12. Кышпанаков В. А. Изгнанные народы (О депортации советских немцев и калмыков в Хакасскую автономную область в 1941 – 1945 гг.) // Хакасия в годы Великой Отечественной войны: боевой и трудовой подвиг / отв. ред. Я. И. Сунчугашев. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995. С. 55 – 61.
13. Лактионова Е. А. Черногорский спецлагерь №288/5 // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920 – 1950-е годы). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. в Абакане / отв. ред. А. П. Шекшеев. Абакан: Журналист, 2001. С. 99 – 105.

14. Леончик С. В. Репрессии против поляков // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920 – 1950-е годы). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. в Абакане / отв. ред. А.П. Шекшеев. Абакан: Журналист, 2001. С. 93 – 98.
15. Печерский В. А. Репрессии против крестьян в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // История Хакасии в партийных и комсомольских документах / под ред. В. Н. Тугужековой. Абакан: Роса, 2000. С. 30 – 32.
16. Печерский В. А., Степанов М. Г. Советская юстиция в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.): на материалах Хакасии. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2015. 140 с.
17. Печерский В. А. Судебные и правоохранительные органы Красноярского края в годы Великой Отечественной войны. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2019. 246 с.
18. Степанов М. Г. Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2006. 186 с.
19. Степанов М. Г. Особенности реализации и оценки репрессивной политики в отношении российских немцев в 1941 – 1945 гг. (на примере Хакасской автономной области) // Гражданская идентичность и внутренний мир российских немцев в годы Великой Отечественной войны и в исторической памяти потомков: Материалы XIII международной научной конференции. – Москва, 21 – 23 октября 2010 г. М.: «МСНК-пресс», 2011. С. 131 – 144.
20. Степанов М. Г. Уголовное преследование советских граждан по политическим мотивам в 1939 – 1941 гг. (на примере Хакасской автономной области) // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия История. Выпуск 1. Абакан, 2014. №1(07). С. 33 – 37.
21. Степанов М. Г. Архивно-следственные дела как базовый источник по истории политических репрессий в Хакасии (1941 – 1945 гг.) // Материалы II Межрегиональной научно-практической конференции «Архивные документы в системе объективного научного знания об истории Сибири» по теме «Социокультурное пространство: архивное наследие и перспективы развития». Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2014. С. 183 – 188.
22. Степанов М. Г. Хакасская национальная интеллигенция как объект политических репрессий периода «большого террора» (1937 – 1938 гг.) // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Кызыл, 20 – 23 сентября 2018 г.). Кызыл: Издательство ТувгУ, 2018. С. 331 – 332.
23. Степанов М. Г. Реабилитация репрессированных в Хакасии граждан: теоретические основы и практическая реализация // Научное обозрение Саяно-Алтая. Серия История. Выпуск 7. Абакан, 2018. №4(24). С. 68 – 77.
24. Степанов М. Г. Политические репрессии в Хакасии в довоенное время // Очерки истории советской Хакасии (1917 – 1991 гг.). Научное издание / науч. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2019. С. 74 – 81.
25. Степанов М. Г. Особенности реализации репрессивной политики в условиях военного времени // Очерки истории советской Хакасии (1917 – 1991 гг.). Научное издание / науч. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2019. С. 136 – 153.
26. Степанов М. Г. Политические репрессии первых послевоенных лет // Очерки истории советской Хакасии (1917 – 1991 гг.). Научное издание / науч. ред. В. Н. Тугужекова. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2019. С. 172 – 185.
27. Степанов М. Г. Принудительная миграция трудовых ресурсов (на примере депортации немцев в Хакасию) // HISTORIA I SWIAT. 2020. №9. P. 147 – 154.
28. Степанов М. Г. Уголовное преследование по политическим мотивам депортированных в Хакасию поволжских немцев // Этнические меньшинства в истории России: материалы Второй международной научной конференции / отв. ред. В. Н. Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 155 – 161.
29. Степанов М. Г. «Большой террор» в СССР и судьбы хакасской национальной интеллигенции // «Қазақстан: тарихи тағылым саясаты»: Материалы международной научно-

практической конференции 25 мая 2022 года. Костанай: Костанайский региональный университет имени А.Байтурсынова, 2022. С. 45 – 48.
30. Степанов М. Г. Борьба за федерализм – репрессии как следствие (кейс М. Г. Торосова – председателя Хакасского областного исполнительного комитета) // Федеративное государство: историко-правовой опыт и современные практики (к 100-летию образования СССР): материалы международной научно-практической конференции, Омск, 20 – 22 октября 2022 года. Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2022. С. 270 – 274.
31. Тугужекова В. Н., Карлов С. В. Репрессии в Хакасии. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1998. 112 с.
32. Тугужекова В. Н., Карлов С. В., Степанов М. Г. Репрессии в Хакасии: как это было (1930-е – середина 1950-х гг.). Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2018. 242 с.
33. Ултургашев Ю. С. Репрессии в Хакасии в период 30-40-х – начале 50-х годов // Вопросы истории и культуры Южной Сибири. Абакан: Издательство
34. Абаканского государственного педагогического института, 1991. С. 97 – 112.
35. Шекшеев, А. П. Енисейская деревня в конце 1929 – 1930 гг.: вооруженное сопротивление коллективизации и вакханалия террора // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920 – 1950-е годы). Материалы Межрегиональной научно-практической конференции, проходившей 20 декабря 2000 г. в Абакане / отв. ред. А. П. Шекшеев. Абакан: Журналист, 2001. С. 48 – 54.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ИХ РЕШЕНИЕ В ИСТОРИИ СИБИРИ

УДК 614.2(571.1)

Участие членов Омского медицинского общества в трансфере знаний в конце XIX – начале XX вв.

Барабанова Ксения Сергеевна
Кандидат исторических наук
Сургутский государственный педагогический университет,
Лаборатория исторических исследований
Сургут, Россия
Тюменский государственный университет,
Лаборатория междисциплинарных исследований пространства
Тюмень, Россия
barabanova13@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-7667-7104

АННОТАЦИЯ Врачи в Западной Сибири активно участвовали в трансфере знаний и обмене опытом со своими коллегами, как из европейских губерний Российской империи, так из Европы. Главной темой была борьба с эпидемиями холеры и других желудочно-кишечных заболеваний. В этом свете актуальной проблемой для обмена знаниями становилась тема создания городской водной инфраструктуры, то есть водопровода и канализации. Полученные сведения были положены в основу экспертной оценки необходимости строительства в Омске водопровода и улучшения качества питьевой воды.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Омск, Омское медицинское общество, эпидемия, холера, трансфер знаний.

В 1882 году во время эпидемии оспы омские врачи начали собираться у своего коллеги В.М. Хаскина для обсуждения новых случаев и их лечения. Следует отметить, что такая практика обмена опытом вошла в опыт отечественных врачей еще в период формирования медицинской корпорации и изначально активно поддерживалась властями. Особенно это было распространенно у военных врачей, которые должны были делать доклады о своем опыте для своих медицинских коллег. Это не только позволяло укрепить корпорацию, но и ускорить обмен знаниями и улучшить качество помощи больным. А так как основная часть омских врачей были или действующими военными врачами или находились в отставке, то такая практика собраний была для них привычной. Во время собраний у Хаскина было принято решение о создании медицинского общества, которое должно было позволить местным врачам организовать обмен опытом [2].

Отметим, что первые медицинские общества в Российской империи начали свою работу еще в начале XIX века. Расцвет общества пришелся уже на пореформенный период, когда в империи стало больше гражданских врачей. Со временем повестка заседаний медицинских обществ расширилась и к обмену опытом прибавилась необходимость распространения новых знаний вне медицинского сообщества [4; 8].

В 1883 году в Омске было открыто первое заседание Омского медицинского общества. В состав Общества в разные годы входили не только омские врачи и те, кто практиковал по всей Западной Сибири и Акмолинской области, но и медики со всей Российской империи [7]. Благодаря личным и профессиональным связям членов Омского медицинского общества была сформирована широкая сеть корреспондентов, через которых шел обмен опытом. Благодаря связям с другими медицинскими обществами формировалась богатая библиотека, в которую попадали новейшие медицинские исследования своего времени.

Как и в начале XIX века, в период, когда российское медицинское сообщество только начинало формироваться, основной угрозой и главным вызовом для медиков были эпидемии. На протяжении долгих лет наибольшую опасность для здоровья населения вызывала холера, крайне быстро распространявшаяся по Российской империи и охватывавшая растущие городские пространства [1].

Для Западной Сибири холера стала угрозой гораздо позже, чем для Европейской части Российской империи. В свете этого многие члены Омского медицинского общества уже имели опыт работы в условиях холерной эпидемии в других частях империи и были хорошо осведомлены о мероприятиях против нее, в том числе имели и свое мнение о том, какие из них были успешными, а какие нет. Первый обмен опытом о борьбе с холерой начался внутри общества. В 1885 году председатель Омского медицинского общества М.Г. Соколов выступил с докладом об эпидемиях холеры в центральных губерниях Российской империи, который основывался на его собственном опыте. Отметим, что Соколов участвовал в борьбе со второй эпидемией холеры, которая считается одной из самых масштабных по количеству заболевших. В 1848 году он трудился в Варшаве, когда эпидемия охватила город и стоявший в нем военный гарнизон. Позднее в 1849 году он лечил российских военных в Венгрии. Позднее во время третьей эпидемии он оказывал помощь больным в Киеве и Гродно. Особый интерес для коллег по обществу представляли сведения о мерах по борьбе с эпидемией в Царстве Польском в 1852 году, когда были реализованы зарекомендовавшие себя мероприятия 1847 и 1848 годов. В своих докладах Соколов также опирался на опыт европейских коллег, с которыми вел активную переписку. Опыт английских и французских врачей он оценивал высоко и применял методы английских коллег по раннему выявлению больных при первых симптомах холеры [3, с. 133 - 137]. В своих более поздних выступлениях Соколов возвращался как к своему опыту борьбы с холерой, так и новым разработкам иностранных врачей [5, с. 137].

На заседании 11 мая 1901 года П.А. Соломин сделал доклад «О водопроводе и канализации во Франкфурте-на-Майне». В нем он описал организацию водопроводной системы в немецком городе, ее технические особенности и пользу для здравоохранения. Новой и не менее важной темой стала канализация, так как, по мнению, самого докладчика без нее строительство водопровода решает проблему эпидемий только частично. Соломин в своем докладе представил свои впечатления от водной инфраструктуры во Франкфурте-на-Майне, которые составил не только под впечатлениями от увиденного, но и после консультаций с немецкими инженерами [6].

Таким образом, омские врачи создали широкую сеть обмена знаниями по актуальным проблемам медицины конца XIX – начала XX века. Омское медицинское общество позволяло аккумулировать эти сведения и распространять их через публикацию своих протоколов не только среди своих челнов, но и среди участников других медицинских обществ Российской империи.

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено при поддержке гранта Правительства РФ, проект № 075-15-2021-611 «Человек в меняющемся пространстве Урала и Сибири»

Список литературы

1. Васильев К. Г., Сегал А. Е. История эпидемий в России / К. Г. Васильев, А. Е. Сегал. М.: Медгиз, 1960. 398 с.
2. Краткий обзор о деятельности Омского медицинского общества за 25 лет его существования: 1883 – 1908 г. Омск: типография Штаба Омского военного округа, 1909. 111 с.

3. Меры против холеры. Протокол заседания общества омских врачей № 7 от 7 апреля 1885 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1886. С. 133 – 137.
4. Симонян Р. З. Медицинские общества в Российской империи: научная и общественная деятельность (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Современная научная мысль. 2021. С. 48 – 54.
5. Соколов М.Г. О лечении холеры. Протокол заседания общества омских врачей № 10 от 11 апреля 1887 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1888. С. 128 – 137.
6. Соломин П.А. О водопроводе и канализации во Франкфурте на Майне. Протокол заседания общества омских врачей № 9 от 11 мая 1901 // Протоколы омского медицинского общества. Омск: Омск. тип. окруж. штаб., 1901. С. 212 – 216.
7. Федорова Г.В., Ахтулова Л.А. Общественная медицина в Омске (к 120-летию основания Омского медицинского общества) // Омский научный вестник. 2002. С. 155 – 159.
8. Яковенко В.А., Вишленкова Е.А., Лисицына Е.А. Медицинские общества // История медицины и медицинской географии в Российской империи / Под редакцией Е. А. Вишленковой и А. Реннера. М.: Шико, 2021. 388 с.

УДК 314.4

Смертность населения Красноярска по данным метрических книг в конце XVIII века

Гуляева Наталья Павловна
кандидат философских наук, доцент
независимый исследователь
Дивногорск, Россия
carnivora@list.ru
ORCID ID: 0000-0001-9802-7647

АННОТАЦИЯ В статье приводятся данные о смертности населения г. Красноярска конца XVIII века, собранные при изучении метрических книг. Учтена 421 запись из метрических книг Преображенской, Воскресенской и Покровской церквей, выполнена группировка по социальному статусу, полу, возрасту смерти и причине смерти. Отмечен высокий уровень детской смертности, основными причинами которой оспа и «от родимца». Во взрослых возрастах в качестве причины чаще указываются горячка и старость. Не отмечено существенной разницы в возрастах и причинах смерти в зависимости от принадлежности к разным социальным группам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Смертность, метрические книги, возрастно-половая структура, социальная структура, причины смерти

Анализ смертности населения Красноярска на период конца XVIII века проводился по данным, собранным при изучении метрических книг городских церквей. В настоящей работе анализировались данные раздела «Об умерших», где указывались дата смерти, ее причина, пол, возраст и социальная принадлежность умершего.

Всего было учтено 421 запись из метрических книг Преображенской, Воскресенской и Покровской церквей. Самые ранние из них, за 1771 – 1772 годы, относятся к Преображенской (59 единиц)[47]. Данные по Покровской церкви охватывают период с 1771 по 1795 годы (216 единиц)[48]. По Воскресенской составляют 146 единиц за 1780 – 1796 годы[49].

По все совокупности выполнена группировка по социальному статусу, полу, возрасту смерти и причине смерти.

Очевидно, что в составе населения города преобладают крестьяне, второй по численности является группа военных, за ними с заметным отрывом следуют казаки и мещане (см. табл. 1).

[47] ГАКК Ф. 592. О. 2. Д. 8. Л. 3, 3 об; Д. 9. Л. 4, 4о б.
[48] ГАКК Ф. 592. О. 2. Д. 8. Л. 5 об., 6; Д. 9. Л. 9; Д. 15. Л. 8, 8 об.; Д. 18. Л. 9 об. – 10 об., 11а, 20об. – 21 об, 28 об. – 30, 35 – 36 об.
[49] ГАКК Ф. 592. О. 2. Д. 15. Л. 3, 4; Д. 19. Л. 33 об. – 35 об.

Таблица 1.
Группировка умерших по полу и социальному статусу
по данным метрических книг 1771 – 1796 годов

статус	всего	мужчин	женщин
крестьянин	236	124	112
казак	35	16	19
мещанин	21	8	13
ясачный	10	6	4
сын боярский	4	1	3
дворовый	4	3	1
чиновник/служащий	9	5	3
купец	6	2	4
военный	41	29	12
священнослужитель	8	6	2
дворянин	7	3	4
поселенец	5	3	2
ВСЕГО	386	206	179

Соотношение полов по всем социальным группам примерно равно, за исключение военных, где мужчины резко преобладают над женщинами.

Распределение по возрастам смерти показывает, что наибольшее количество смертей сосредоточено в группах до года и от одного до пяти лет (см. рис. 1, табл. 2). Обращает внимание значительная доля лиц, скончавшихся в возрасте старше 65 лет.

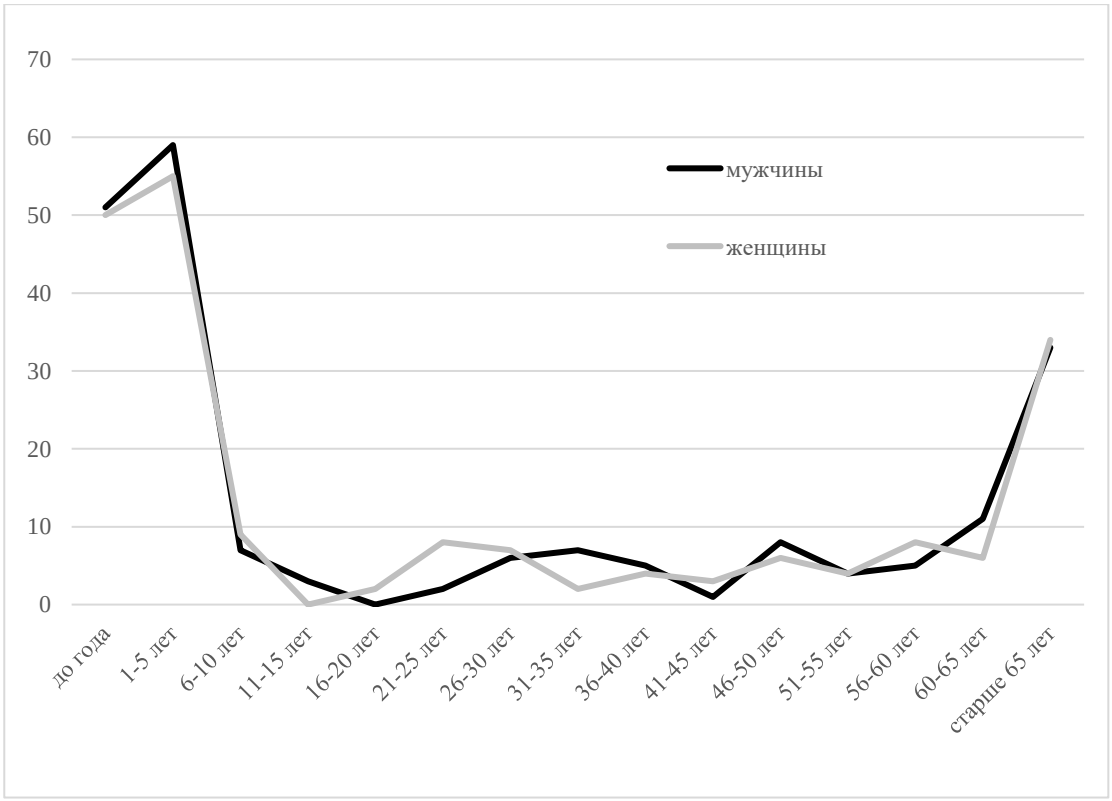

Рис. 1. Распределение по возрастам смерти по данным метрических книг 1771–1796 годов

Таблица 2.
Группировка умерших по полу и возрасту по данным метрических книг 1771 – 1796 годов

	всего	мужчины	женщины
до года	101	51	50
1-5 лет	118	59	55
6-10 лет	16	7	9
11-15 лет	3	3	0
16-20 лет	2	0	2
21-25 лет	10	2	8
26-30 лет	13	6	7
31-35 лет	9	7	2
36-40 лет	9	5	4
41-45 лет	4	1	3
46-50 лет	14	8	6
51-55 лет	8	4	4
56-60 лет	13	5	8
60-65 лет	17	11	6
старше 65 лет	67	33	34

Распределение по возрастам и причинам смерти (см. табл. 3) показывает, что чаще всего встречается смерть от оспы. Однако настораживает то, что все случаи, за исключением одного, приходятся на детские возраста. Значит, либо, переболев в детском возрасте, взрослые уже не заражались, либо как оспу, возможно, определяли корь.

Вторая по частоте встречаемости причина смерти «от родимца». Так описывались неспецифические судороги, сопровождающие смерть в ранних возрастах. Соответственно, большая часть таких смертей сосредоточена в возрастной группе до года.

Третья по численности группировка относится к определениям «горячка» и «лихорадка», что может включать любые заболевания, сопровождающиеся повышением температуры тела.

Таблица 3.
Группировка умерших по возрасту и причинам смерти по данным метрических книг 1771 – 1796 годов

	от родимца	чахотка	горячка	оспа	старость	скоропостижно	лихорадка	от удушья	падучая	всего
всего	6	5	9	9	1	9	3	1	1	164
до года	6	0	0	10	0	0	0	0	0	6
1-5 лет	10	0	0	43	0	1	0	0	0	54
6-10 лет	0	0	0	5	0	0	0	0	0	5
11-15 лет	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
16-20 лет	0	0	0	1	0	0	1	0	0	2
21-25 лет	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1
26-30 лет	0	0	1	0	0	0	1	0	0	2
31-35 лет	0	0	2	0	0	1	0	0	0	3
36-40 лет	0	0	2	0	0	2	0	0	0	4
41-45 лет	0	0	0	0	0	1	0	0	0	1
46-50 лет	0	2	2	0	0	0	0	0	1	5
51-55 лет	0	2	2	0	0	0	0	0	0	4
56-60 лет	0	1	2	0	0	0	1	0	0	4
60-65 лет	0	0	1	0	1	1	0	0	0	3
старше 65 лет	0	0	2	0	0	2	0	1	0	15

Примечательно, что следующая по значимости причина – от старости – фиксируется, начиная с 60 лет. В отличие от нее причина «скоропостижно» относится и к детским возрастам, и к взрослым, начиная с 31 года.

Случаи чахотки указаны для возрастов старше 45 лет, что может означать любые заболевания дыхательной системы, сопровождающиеся кашлем.

Распределение по социальному составу и причинам смертности (см. табл. 4) не позволяет установить сколько-нибудь выраженную связь между этими параметрами. Таким образом, причины смертности не являлись специфическими для каждой социальной группы. Наоборот, возраста и причины смерти позволяют предполагать, что качество жизни в конце XVIII века не особенно отличалось у крестьян, казаков, мещан и пр.

Таблица 4.
Группировка умерших по социальному статусу и причинам смерти
по данным метрических книг 1771 – 1796 годов

	от родимца	чахотка	горячка	оспа	старость	скоропостижно	лихорадка	от удушья	падучая	всего
всего	56	5	19	59	11	9	3	1	1	164
крестьянин	32	2	14	35	3	4	2	0	1	93
казак	4	0	3	8	2	0	0	0	0	17
мещанин	9	1	0	3	0	0	0	1	0	14
ясачный	2	0	0	1	2	0	0	0	0	5
сын боярский	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
дворовый	0	0	1	2	0	0	0	0	0	3
чиновник/служащий	1	0	0	3	0	3	0	0	0	7
купец	0	1	0	2	0	0	0	0	0	3
военный	4	1	0	4	2	2	1	0	0	14
священнослужитель	1	0	0	1	0	0	0	0	0	2
дворянин	1	0	0	0	0	0	0	0	0	1
поселенец	1	0	1	0	0	0	0	0	0	2

Таким образом, население Красноярска по данным исторических источников на конец XVIII века характеризуется нормальным для этого времени уровнем детской смертности (свыше 50% от числа родившихся). Из причин смерти ведущую роль занимают оспа и смерть от родимца в детском возрасте; для взрослых чаще причиной являются горячка и старость.

УДК 908

К вопросу устойчивости местного населения дореволюционной Восточной Сибири к деструктивному влиянию ссыльных

Данчевская Анастасия Викторовна
кандидат исторических наук
Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел РФ,
кафедра философии и социально-гуманитарных дисциплин
Иркутск, Россия.
vashan16@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-2263-3768

АННОТАЦИЯ Автором поднят вопрос об актуальности изучения степени влияния ссылки на местное население и устойчивости населения восточносибирских губерний и областей к деструктивному влиянию ссыльных. Уголовная ссылка влекла в восточносибирских регионах целый комплекс негативных последствий, выражавшихся в том числе в высоком уровне преступности и особенно – в высокой доле тяжких преступлений. При этом сибиряки обладают выраженной самобытностью, в том числе в психологических особенностях, что может быть обусловлено среди прочего влиянием ссылки. В работе предложено рассмотреть это влияние не с традиционно негативной точки зрения, а с позитивной – как фактор внешнего воздействия, способствовавший формированию самобытности сибиряков и крепости характера, поскольку сибиряки должны были либо подчиниться разрушительному влиянию ссыльных, либо сами поглотить их и от этого стать сильнее.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Уголовная ссылка, сибиряки, самобытность, преступность, русско-сибирская идентичность.

Ссылка в Сибирь как вид наказания стала предметом изучения разных исследователей с момента осознания российским обществом её негативного воздействия как на самих ссыльных, так и на местное население. Историками принято делить ссылку на политическую и уголовную, хотя с правовой точки зрения такие преступления неразделимы, поскольку наказание за преступления как на политической, так и на уголовной основе предусмотрено единым уголовным кодексом Российской империи – Уложением о наказаниях уголовных и исправительных (либо частично – Уголовным уложением 1903 г.). Тем не менее, историки выделяют ссылку политическую – здесь речь идёт о лицах, осуждённых по так называемым политическим статьям, то есть за преступления против государства. «Политическая» ссылка дореволюционной России вызывала соответствующий государственной идеологии бурный интерес у советских историков. Однако их научный интерес к ссылке «уголовной» – убийцам и ворам – был крайне слаб.

Историографическое изучение сибирской ссылки в последние три десятилетия ведется особенно активно [6], преимущественно на региональном уровне и с обращением историками должного внимания на ссылку уголовную. В этом отношении существенное место в изучении сибирской ссылки занимает одноимённый научный сборник, издающийся с 2000 г. под редакцией иркутского историка, профессора А. А. Иванова, и выходивший с 1973 по 1991 гг. в Иркутском университете под названием «Ссыльные революционеры в Сибири» [3].

Если речь идёт о «политической» ссылке, то она оценивается достаточно позитивно в контексте влияния на местное население: ссыльные, как правило, были образованны, что позволяло им здесь вести активную просветительскую деятельность, занимать различные должности и в целом работать на благо сибирского общества. Если же говорить о ссылке «уголовной», то её связь с местной преступностью

представляется исследователям столь очевидной, что выводы о её негативном воздействии на криминализацию и моральное разложение местного населения формулируются сами собой. Это вполне закономерно: Восточная Сибирь была «отдалённым» местом ссылки, то есть сюда в соответствии с дореволюционным уголовным законодательством отправлялись лица, осуждённые за наиболее тяжкие преступления. В связи с тем, что охрана каторжан осуществлялась плохо, а за ссыльнопоселенцами и вовсе не было практически никакого контроля, главными спутниками ссылки были побеги – как с поселения, так и с каторги. Преступников, осуждённых к ссылке в Сибирь и совершивших преступление на её территории, закон предусматривал карать строже, учитывая ссыльное состояние в качестве отягчающего и назначая наказание выше стандартного: им выступало ещё большее удаление – в Якутию или на Дальний Восток (Сахалин). Усиление наказания за побеги не имело должного эффекта, поскольку территория Сибири столь велика, а контролирующие возможности административного аппарата столь ничтожны, что эта мера была практически бесполезной: беглые могли жить под чужим именем либо сколачивать шайки и орудовать на трактах и дорогах, живя глубоко в лесу в обустроенных лагерях и имея развитую систему оповещения, а также сбыта награбленного.

В течение XIX в. за Урал из западных губерний было отправлено более 900 тыс. ссыльных всех категорий, которые примерно поровну разделились между Восточной и Западной Сибирью. Процент ссыльных среди местного населения был достаточно большим, в Томской губернии он в середине XIX в. достигал 15%. В Нерчинском горном округе Забайкалья некоторые поселения полностью были заселены ссыльными, бывшими каторжанами и их потомками. Рост населения в Восточной Сибири во второй половине XIX в. в большей степени осуществлялся искусственно за счёт ссыльных, чем естественным приростом. К 1 января 1898 г. по данным Главного тюремного управления в Енисейской губернии находилось 51019 чел. ссыльных, в Иркутской – 71800 чел., в Забайкальской области – 14395 чел., в Якутской – 5177 чел. Объёмы ссылки постепенно снижались, а общее число местного населения росло, за счёт этого темпы естественного прироста постепенно стали превышать темпы ссылки: с 1900 по 1903 гг. в Иркутской губернии было рождено 99643 чел., а ссыльных прибыло всего 6186 чел.

Ссылка представляла собой серьёзную проблему для сибирского общества. Пагубность её и необходимость полной отмены неоднократно отмечались местной властью, ведущими российскими юристами (Н. С. Таганцевым [9, с. 167 – 176], Д. А. Дрилем [4, с. 48] и другими) и местными общественными деятелями, в том числе лидерами областнического движения (Н. М. Ядринцевым, Г. Н. Потаниным, А. П. Щаповым). С. Л. Чудновский, изучавший Енисейскую губернию в 1870 – 1880-х гг., писал, что причиной уголовных преступлений в губернии выступали социально-экономические условия общества: голод, нужда, социальная и экономическая несправедливость. Приводя уголовную статистику, он отмечал, что значительная доля преступлений совершалась ссыльными (39,4% в 1873 г.), причём им свойственно было совершать наиболее тяжкие преступления – убийство составляло тогда же 45% от общего числа преступлений, воровство – 23,3%, нанесение увечий и ран – 15,6% [10, с. 178].

Не будем приводить здесь многочисленные доказательства пагубности уголовной ссылки – об этом немало написано. В данном докладе мы хотели бы через призму сравнения сибирской преступности с преступностью других регионов, не подвергавшихся ссыльной практике, а также посредством анализа социального развития оценить крепость и силу сибирского общества, «переварившего» десятки, если не сотни тысяч уголовников, ставшего своеобразным фильтром для социальных

нечистот западных губерний, и создавшего на этой основе в совокупности с рядом других факторов особую русско-сибирскую идентичность.

Среди восточносибирских регионов к концу XIX – началу XX в. наименьший уровень преступности наблюдался в Якутской области, что было связано с ограниченным числом ссыльных, крайне низкой плотностью населения и тяжёлыми климатическими условиями, не позволяющими вольготно обитать в лесных землянках, как это было южнее. По свидетельству известнейшего дореволюционного и советского юриста М. Н. Гернета, в период с 1909 по 1913 гг. наибольшее число осуждённых окружными судами на 100 тыс. населения пришлось на Благовещенский – 235, затем Иркутский – 161, Ревельский – 124, Владикавказский – 118, Елисаветпольский и Читинский – по 115, Петроградский – 113, Красноярский – 111, Московский – 64 окружные суды [1]. Такая статистика была получена им на основе анализа Сборников статистических сведений министерства юстиции за соответствующие годы. Получается, все восточносибирские регионы, кроме Якутии, вошли в число наиболее криминогенных, при том, что к этому времени ссылка в Сибирь уже была ограничена и поток преступников оскудел.

Сибиряки к ссыльным относились в зависимости от ситуации по-разному: настороженно (с опаской), с состраданием, прагматически. Они оставляли еду беглым, чтобы избежать с их стороны воровства, подавали еду тем осуждённым, кто шёл этапом, а зажиточные крестьяне пользовались зависимым положением поселенцев, эксплуатируя их в работе, с одной стороны, а с другой – давая им шанс на пропитание. Н. М. Ядринцев упоминал, что до двух третей беглых ссыльных сами становились жертвами местных жителей – как самих сибиряков, так и инородцев, – которые «их просто стреляли как зверя» [11]. Анализ сословной структуры населения восточносибирских губерний и областей показывает, что ссыльных в его составе было немного. Объясняется это тем, что каторжники и поселенцы как основные группы ссыльных либо исчезали в лесах, либо интегрировались в состав местного населения, получая со временем статус крестьянина или мещанина. Фактически местное население растворяло внутри себя ссыльных, влияя на них, но и сами ссыльные формировали образ сибиряка.

Исследователи, как дореволюционные, так и современные, оценивают влияние ссылки на местных как крайне развращающее [5, 7, 8], однако вопрос устойчивости местного населения к деструктивному влиянию ссыльного контингента практически не изучен, что открывает новые перспективы перед исследователями.

Также историкам, культурологам, этнопсихологам и другим учёным ещё только предстоит определить взаимосвязь ссылки и формирования самобытности сибиряков либо вовсе особой русско-сибирской идентичности. На последнюю влиял целый комплекс факторов: территориальная обособленность, социально-экономическая индивидуальность, эволюция представления о Сибири как регионе богатом, но холодном и страшном, и ссылка занимала здесь не последнее место, влияя практически на все направления общественной жизни. Причём, отмечается и психологическое своеобразие старожильческого населения Сибири [2, с. 25], обусловленное в том числе отсутствием крепостного гнёта и малоземелья, а также суровым климатом и ссылкой. Тираны-господа были заменены в Сибири кровопийцами-уголовниками, но эту замену нельзя считать равнозначной, поскольку с помещиками крестьянам бороться было нельзя, а с уголовниками – можно и порой даже жизненно необходимо. Необходимость противостоять вызовам региона, как естественным (климат), так и искусственным (ссылка) формировала облик сибиряка, его ценности, традиции, культуру и мировоззрение. Психологическое своеобразие сибиряков состояло в том, что, по мнению исследователей, сибиряки имели более высокий уровень умственного развития, чем российские крестьяне [Там же, с. 26, 30]. Сибирь привлекала людей

смелых и инициативных, она открывала простор для реализации желаний, которые во внутренних губерниях реализовать было невозможно: в Сибири было много перспектив и мало ограничений.

Таким образом, интуитивное представление исследователей о негативном влиянии ссылки на местную криминогенную обстановку имеет под собой существенную доказательную базу. Тем не менее, открытым остаётся вопрос о степени влияния ссылки на местное население и устойчивости местного населения к деструктивному влиянию ссыльных. Основание для такой постановки вопроса заключается в том, что несмотря на активное пополнение местности криминальным контингентом, стабильно высокий уровень преступности и патологически высокую долю тяжких преступлений местное население оставалось по-прежнему открытым, не создало новой и не переняло существовавшей в криминальной среде контркультуры, поддерживались и развивались образование, искусство, архитектура.

Список литературы

1. Гернет М. Н. Моральная статистика: уголовная статистика и статистика самоубийств. М., 1922. 307 с.
2. Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек, А. В. Ремнев и др. М., 2007. 361 с.
3. Дамешек Л. М., Кузнецов С. И., Петрушин Ю. А. С историей и книгой: историографические традиции в изучении сибирской ссылки. К 60-летию профессора истфака ИГУ А.А. Иванова // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. № 25. С. 143 – 152.
4. Дриль Д. А. Ссылка и каторга в России // Журнал министерства юстиции. 1898. № 4. С. 125 – 168.
5. Иванов А. А. Уголовная ссылка и освоение Сибири в трудах лидеров областнического движения второй половины XIX в // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 166 – 175.
6. Иванов А. А. Сибирская ссылка в отечественной историографии 1990 – 2010-х годов / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 1. С. 395 – 413.
7. Макарова А. И. Уголовная ссылка и ее влияние на коренное население Якутии во второй половине XIX – начале XX вв. // Общество: философия, история, культура. 2021. № 10 (90). С. 55 – 28.
8. Сысоев А. А., Кавецкий Д. Б. Пенитенциарная политика самодержавия и её влияние на личную и имущественную безопасность сибирского населения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2016. № 2 (77). С. 92 – 104.
9. Таганцев Н. С. Отмена ссылки на житье и ограничение ссылки на поселение: заметки практика // Право. 1901. № 1 – 52. С. 167 – 176.
10. Чудновский С. Л. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири (статистико-публицистические этюды). Томск, 1885. 203 с.
11. Ядринцев Н. М. Статистические материалы к истории ссылки в Сибирь. СПб., 1889. 4 нн., VI, 4 нн., 435 с.

УДК 94 (57)

«Американские подарки» и их роль в социальном обеспечении инвалидов в 1944 – 1945 гг. (на материалах Красноярского края)

Ковалев Александр Сергеевич
доктор исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет,
профессор кафедры истории России,
мировых и региональных цивилизаций.
Красноярск, Россия.
askovalev@sfu-kras.ru
ORCID ID: 0000-0002-5372-8930

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается одно из направлений социальной политики в отношении инвалидов в Красноярском крае в 1944 – 1945 гг. – выдача гуманитарной помощи, предоставленной американским «Обществом помощи России в войне», которые в обиходе получили название «американских подарков». Приводятся сведения о размерах и видах этой помощи, затрагивается вопрос о мошенничестве представителей местных органов социального обеспечения и способах борьбы с ее несправедливым распределением. Сделаны выводы о значимости «американских подарков» в повседневной жизни инвалидов в годы Великой Отечественной войны и ее значении в реализации государственного социально-политического курса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА «американские подарки», инвалиды, Великая Отечественная война, повседневность, социальная политика.

В годы Великой Отечественной войны в связи с резким увеличением численности инвалидов одним из серьезных вопросов деятельности органов власти и партийных организаций на местах была организация социального обеспечения бывших фронтовиков, вернувшихся домой с инвалидностью, и их семей. Среди основных направлений социальной помощи, куда входили традиционное пенсионное обеспечение, протезно-ортопедическая помощь, помещение и обслуживание в специализированных учреждениях, определенное место занимало обеспечение инвалидов натуральной помощью, т.е. продовольствием, топливом и одеждой. Особую роль в оказании помощи «обмундированием» играли так называемые «американские подарки» – так называли гуманитарные посылки из вещей, бывших в употреблении, переданных рядовыми американцами на советские суда, посещавшие порты США, которые в годы Второй мировой войны собирало для советских граждан американское «Общество помощи России в войне». Как отмечает Е. Д. Твердюкова, всего за годы войны в СССР в виде американских подарков поступило 71,7 т изделий, в том числе 25,9 млн единиц одежды, 1,6 млн пар обуви, более 1 млн одеял [8, с. 264 – 276].

По результатам анализа архивных материалов удалось выяснить, что в Красноярском крае этот вид натуральной социальной помощи получил распространение во второй половине 1944 – первой половине 1945 гг. Так, например, в Долгомостовском районе в 1944 г. 160 инвалидов получили «американские подарки» (шт.): белье – 45, пиджаки – 35, рубашки – 20, жилеты – 18, куртки – 10, комбинезоны – 9, пальто – 8, брюки – 6, кальсоны – 6, костюмы – 3, 4 пары ботинок и 50 пар носков [5, л. 1 – 1об, 6].

Красноярский крайсовет в первом квартале 1945 г. получил «21 кг мягких носильных вещей из числа американских подарков для домов инвалидов и инвалидов Отечественной войны» [7, л. 26], которые выдавались райгорсобесами. Оценить,

сколько это было на самом деле, конечно, очень трудно, но известно, что в Идринском районе инвалидам было выдано 680 единиц, в Каратзуском районе – 713 шт., в Курагинском районе – 724 шт., в Назарово – 765 вещей, в Артемовском районе 1 477 единиц, среди которых были женские и мужские пальто, 20 пиджаков, брюки, фуфайки, пиджаки, сорочки, мануфактура (596 м), валенки, 20 кг ваты и 50 пар рукавиц [3, л. 2об, 6а, 10 – 11об, 16].

Конечно, в Красноярском крае, как и в других регионах страны, появление «американских подарков», качество которых даже с учетом того, что эти вещи были ношеными, неизбежно приводило к появлению злоупотреблений при их распределении. В годы войны, когда прежние сотрудники собесов ушли на фронт, их сменили довольно слабые управленцы, которые использовали свои должности, чтобы получить определенные выгоды для себя, занимались самообеспечением за счет инвалидов, злоупотребляя служебным положением в самых разных сферах помощи. Работники райсобесов выписывали их себе и своим родственникам, инспекторам собеса, оформляя получателей как инвалидов. Когда об этом становилось известно прокуратуре, начинались разбирательства, и мошенники перекладывали вину друг на друга [6, л. 85 – 91].

Инвалид Отечественной войны II группы из Долгомостовского района Б.А. Удалов жаловался: «...райсобес снабжает инвалидов войны американскими подарками, дают все вещи старые рваные и грязные, а настоящие подарки куда-то дели или же себе раздали – нам, инвалидам, никому не известно» [1, л. 176 – 176об, 179]. Недоволен был и инвалид-офицер А. С. Литвинов: «...К 1 мая давали американские подарки на I и II группы по 6 – 8 предметов, но я ничего не получил» [1, л. 56 – 56об].

В начале февраля 1945 г. бывший партизан, инвалид Отечественной войны Б.В. Бастаев из совхоза «Таежный отправил в крайком партии письмо следующего содержания:

«Настоящим довожу до вашего сведения, что к 1-му января 1945 г. в совхоз поступили американские подарки (вещи), предназначенные для распределения инвалидам Отеч[ественной] войны... каковые распределяли следующие лица: начальник совхоза Морозов, партком совхоза Молоскин и ряд других. Распределение вышеупомянутых подарков производилось... непонятным и... обидным для меня [образом]. Когда поступили подарочные вещи... составили список всех инвалидов. А когда распределили вещи, 5 человек инвалидов-калмыков, проливших кровь за защиту Родины на фронтах в Отеч[ественной] войне, оставили без подарков... На вопрос, почему нет подарков инвалидам-калмыкам, начальник совхоза Морозов и партком Молоскин [отвечают]: якобы спецпереселенцы-калмыки пользуются правами наряду с административно-ссыльными. Объяснение Морозова и Молоскина я считаю неправильным и не обоснованным, исходя из следующего: спецпереселенцы пользуются всеми правами Сталинской конституции, лишь только кроме свободных выездов, без разрешения территориальных органов НКВД. Оставить без подарков инвалидов Отеч[ественной] войны – [этот поступок нанес] мне и моим товарищам очень глубокую обиду. Неужели другие инвалиды пролили кровь, а мы, 5 человек, пролили воду?» [2, л. 26 – 27].

Заведующий военным отделом крайкома партии Игнатов распорядился «проверить изложенные в письме факты выдачи американских подарков не по назначению и оказать помощь Бастаеву», а также рассмотреть вопрос о дискриминации инвалидов-калмыков в области предоставления материальной помощи.

Проверка заняла крайне много времени, и только через два месяца было вынесено окончательное решение, которое содержало весьма противоречивые выводы. С одной стороны, «указанные факты в заявлении полностью подтвердились,

а также при проверке выявлен ряд фактов бездушного отношения к инвалидам Отечественной войны со стороны директора совхоза “Таежный”... Морозова». В то же время оказалось, что инвалиды-калмыки «материально обеспечены и в посторонней помощи не нуждаются» [2, л. 29].

Заведующий военным отделом райкома Белодедов лично написал Бастаеву: «...Материальную помощь оказать в выдаче американских подарков совхоз “Таежный” в настоящее время оказать не может, так как подарки [уже] розданы, запаса подарков в наличии совхоз не имеет» [2, л. 31].

В ходе проверки партийными органами деятельности Ужурского райсобеса было обнаружено, что заведующая собесом Забродeнко отказывала инвалидам войны в получении «американских подарков». Однако в ее квартире были обнаружены «комбинезон меховой, 2 пальто драповых, 2 шерстяных комбинезона, 3 пары ботинок и другие ценные вещи» [6, л. 85 – 91]. Выяснилось, что одна из работниц райсобеса по прямому указанию заведующей составляла подложные списки нуждающихся инвалидов, в число которых попали сами сотрудники райсобеса или их родственники, подделывала подписи на выдачу вещей, многие из которых как якобы не предназначенные к употреблению были списаны, а на самом деле присвоены чиновницей. После проведенной проверки Забродeнко с должности заведующей сняли, а всех «виновных в подделке документов и незаконном распределении вещей» привлекли к судебной ответственности» [6, л. 85 – 91].

В 1945 г. в Бирилюсском районе совместная проверка представителями военного отдела райкома и отдела социального обеспечения показала, что «американские подарки» были розданы тем, кто вообще не имел никакой инвалидности, в то время как остронуждающиеся инвалиды остались без вспомоществования. В этом случае, в отличие от истории с инвалидами-калмыками, было принято решение собрать незаконно выданные вещи и повторно раздать нуждающимся инвалидам Отечественной войны [4, л. 6].

Выдача вещей (мягкого инвентаря) в виде «американских подарков» становилась настоящим событием в жизни нетрудоспособных, хотя нужды инвалидов учитывались далеко не всегда. Инвалиды в годы Великой Отечественной войны еще не были той привилегированной категорией пенсионеров, которой они станут в позднесоветский период, еще не было культа ветерана Великой Отечественной. Поэтому, пока шла война, они довольствовались маленькой пенсией, стихийной «народной благотворительностью», ждали, когда им привезут дрова или помогут вскопать огород, а также унизительно выпрашивали «американские подарки». При обеспечении вещами из их числа органы социального обеспечения использовали излюбленный так называемый «адресный подход» к социальной помощи. Но его особенность в любой исторический период, в любом государстве состоит в том, что такая помощь далеко не всегда является действительно адресной. Ее сторонники во все времена утверждают, что достаточно отыскать истинно нуждающегося, кому эта помощь «действительно необходима», то из нее якобы будут исключены случайные элементы, и она станет по-настоящему результативной и эффективной. Однако в том и заключалась специфика социальной ситуации в 1940-х гг., что остронуждающимся в период «тотальной войны» были все, кто проживал в тылу – даже те же сотрудники собеса, которые воровали «американские подарки».

Говоря о степени значимости «американских подарков» как для отдельных инвалидов, так и для оценки ее роли в реализации социально-политического курса, следует отметить ее незначительность, особенно в сравнении с тем, что приоритетным видом социальной помощи в годы Великой Отечественной войны была трудовая реабилитация инвалидов с их профессиональным обучением и переобучением, дальнейшим трудоустройством и обеспечением необходимыми жилищно-бытовыми

условиями. Однако для тех инвалидов, которые в силу разных обстоятельств были исключены из этих процессов, жили на скромную пенсию и случайные материальные выплаты от органов социального обеспечения, возможность получить что-то из «американских подарков» становилась одним из способов выживания в трудные военные годы.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-24. Оп. 9. Д. 319. Л. 56-56об, 176 – 176об, 179.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-24. Оп. 9. Д. 375. Л. 26-27, 29, 31.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-26. Оп. 15. Д. 492. Л. 2об, 6а, 10 – 11об, 16.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-51. Оп. 19. Д. 53. Л. 6.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-2063. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 – 1об, 6.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-7960. Оп. 1. Д. 364. Л. 85 – 91.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф. П-7960. Оп. 1. Д. 487. Л. 26.
8. Твердюкова Е. Д. Злоупотребления при распределении американских подарков в Молдавской ССР (1944 – 1945 гг.) // Русин. 2018. № 54. С. 264 – 276.

УДК 94(47).083

Воплощение решений волостного суда в Сибири в начале XX в.: от обжалований решений к описям имущества и торгам

Кононов Андрей Александрович
Студент
Новосибирский государственный университет, кафедра отечественной истории
Новосибирск, Россия
a.kononov3@g.nsu.ru
ORCID ID: 0009-0007-0661-5611

АННОТАЦИЯ В работе анализируется система делопроизводства по обжалованию и приведению в исполнение решений волостного суда и уездного съезда крестьянских начальников. Обжалование было распространённым вариантом на пути воплощения приговоров волостного суда. Чиновники учитывали документальные доказательства по делу и на их основании могли удовлетворять или отклонять жалобы. Нахождение дела в процессе обжалования, а также финансовая несостоятельность ответчиков – причины длительного воплощения решений волостного суда. Для ускорения исполнения приговоров существовала процедура описи и дальнейшей продажи имущества должника с торгов. Но крестьяне старались не доводить своё положение до торгов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Волостной суд, крестьянский начальник, апелляционная жалоба, судопроизводство

Волостной суд был важнейшим элементом местного самоуправления, на суде разбирались проблемы и конфликты крестьян. На материале дел волостного суда можно узнать особенности взаимоотношения крестьян и чиновников уездного уровня, рассмотреть, как велись дела после вынесения решений волостного суда, какие трудности были при воплощении этих решений.

Крестьяне подавали жалобы на вынесенные решения волостным судом к крестьянскому начальнику. Такая практика была распространена среди крестьян. Чаще жалобы подавались ответчиками, поскольку обжалование было единственным способом отменить решение волостного суда. В оформлении апелляций не было унифицированных правил и у крестьян был простор для творчества. Поэтому в текстах крестьяне приводили как можно больше информации о предыстории, о личностях свидетелей и множество разных аргументов в пользу пересмотра дела заново.

Многие апелляционные жалобы сообщают о нарушениях со стороны свидетелей. Распространённым основанием в пользу пересмотра судебного дела являлся факт неявки некоторых свидетелей на волостной суд [7, л. 67]. Жалобщики были недовольны также тем, что судьи опирались на свидетелей с другой стороны. Также подчёркивалось и родство свидетелей с истцом [6, л. 96]. Иной аргумент – это недовольство состоянием ответчика во вражде со свидетелем. Вызывали недовольство и качественные данные приглашённых свидетелей: некоторые из них обвинялись в незнании обстоятельств дела. Претензии могли сводиться и к тому, что суд вынес приговор с опорой на подкупного или незнающего свидетеля.

Практически во всех жалобах сообщалось о незаконности приговора. Но совсем немногие судебные апелляции содержали конкретные ссылки [7, л. 290 – 291 об.]. Среди других аргументов также приводилось отсутствие ответчика, не учёт некоторых документальных доказательств. В нескольких апелляционных жалобах была отсылка на другие дела судопроизводства с участием ответчика. Также высказывались и подозрения в предвзятости судей.

Такие подробные аргументы можно объяснить тем, что жалобщики видели в крестьянских начальниках тех людей, кто разрешит дело справедливо и с учётом всех приведённых доказательств, в отличии от волостных судей. Также содержание жалоб показывает, насколько были важны показания свидетелей для волостного судопроизводства. Правда, не все крестьяне хотели свидетельствовать на суде, объясняя это нежеланием нажить себе врагов [2, с. 122].

Жалобы поступали к крестьянским начальники. Они решали многие задачи, но их судебные функции сводились к разбору апелляционных жалоб от крестьян. Крестьянский начальник самостоятельно мог рассматривать дела, не превышающие десять рублей и не свыше трёх дней ареста [3, с. 404]. В иных случаях жалобы передавались в уездный съезд крестьянских начальников.

Крестьянские начальники в большинстве случаев отклоняли жалобы и не всегда комментировали свои решения. Но иногда чиновники находили существенные ошибки в работе волостных судей. Основная причина удовлетворения жалобы – недостаточная доказанность иска, но подробного обоснования этому чиновники не приводили. Однако часто встречается, что съезд удовлетворял только одну часть иска, а другую оставлял без последствий. Для удовлетворения жалобы уездному съезду было особо важно наличие доказательств по делу. В качестве таких доказательств выступали документальные источники. Получается, судебные функции крестьянских начальников были полезны для крестьян.

Но иногда крестьяне продолжали дальше бороться за свои интересы. Крестьяне подавали жалобы в губернское Отделение по крестьянским делам. Жалобы, правда, должны были быть кассационными, однако на практике крестьяне не соблюдали это требование. Такая настойчивость может быть связана с тем, что некоторые крестьяне были способны отстаивать свои личные интересы до последнего. Возможно, это был лишь способ отсрочить исполнение решение волостного суда. В оформлении жалоб не было унифицированных правил, поэтому жалобы содержали все подробности о конфликте. Жалоб, содержащих только конкретные нарушения, немного. Жалобщики подавали прошения к губернским чиновникам по делам, касающихся более крупных сумм. В текстах часто встречаются жалобы на то, что уездный съезд утвердил решение волостного суда. Те немногие жалобы, что губернские чиновники удовлетворяли – содержали процессуальные нарушения. Но в большинстве жалоб не было нарушений порядка судопроизводства, а основные претензии сводились лишь к несправедливости решений волостного суда и съезда, а также упоминались и ошибки в действиях другой стороны и отдельных свидетели.

Все решения волостных судов, не получившие изменений при обжалованиях, вступали в законную силу и подлежали исполнению.

Стоит отметить, что многие поданные заявления в волостной суд не нуждались в исполнении, поскольку по многим дела оставались без последствий. Причины таких решений – досудебное примирение, неявка на суд сторон, недоказанность заявления истца, примирение сторон в момент судебного заседания, неподсудность волостному суду рассматриваемого дела, а также отмена решений уездным съездом крестьянских начальников. Но если и требовалось воплощение, то оно могло быть довольно продолжительным по времени.

Основным видами решений, помимо взыскания денег, являлись арест и штраф в пользу мирского капитала волости. Была возможность заменить штраф на арест в случаях несостоятельности ответчика.

После принятия решения судом оно вносилось в таблицу и заверялось подписями или печатями судей. В таблицу решений судов была колонка для записывания процесса исполнения. Волостной старшина рассылал сельским старостам предписания о приведении в исполнение решений волостного суда. В этих документах к сельским

старостам от волостных старшин написано, что постановление волостного суда подлежит немедленному исполнению и старосте предписывалось в недельный срок привести решение в исполнение и сведения представить волостному старшине обратно. Но многие ответчики не спешили выполнять судебные обязательства в течении длительного времени.

Длительность исполнений решений могла быть связана с затруднениями со стороны ответчика по выплате материального возмещения. Некоторые крестьяне отсрочивали выплату денег или платили долго по частям. Что касается ареста, то крестьяне его старались избегать, поскольку даже краткосрочный арест вёл к отрыву подсудимого от сельских работ, а к тому же арест воспринимался населением как позор и влиял на репутацию [1, с. 21].

Стоит отметить, что процесс исполнения приговоров был регламентирован. Должностные лица сельского и волостного самоуправления вели переписку по каждым отдельным делам. Если в определенный срок приговор не исполнялся, то отправлялось повторное предписание. Когда решение исполнялось, с истца бралась расписка о выполнении судебного решения. Об этом записывалось в книгу решений волостного суда.

Исполнялись решения волостного суда медленно. Конечно, больше половины исполнений происходили в первые полгода после судебного заседания [8, с. 160]. Но для остальных случаев существовала процедура описи и продажи имущества должника. Обычно опись начиналась только спустя более полугода после вынесения решения на сессии волостного суда. Но каждый процесс описи начинался в разное время и происходил по-разному. Должно быть, меньшее время между решением и описью связано с демонстративным нежеланием платить [5, л. 1–8]. Также сельские старосты требовали наискорейшей описи имущества и в случаях, когда неплательщик отказывался платить из-за нахождения дела в обжаловании [4, л. 90 – 106 об.].

Опись могла быть на несколько рублей меньше изначальной суммы из-за частичной отмены взыскания по удовлетворенному обжалованию уездного съезда. Бывало, до описи доходила только часть суммы к взысканию, а часть постепенно выплачивалась ранее.

Сельским старостой при присутствии нескольких понятых крестьян производилась оценка и опись имущества должника. Составлялась таблица с описанным имуществом, оценённым в рублях. Прописывались постройки (дом, изба, амбар, баня), животные, ценное имущество (самовар, телега и тому подобное). Спустя время волостное правление в составе нескольких человек, в том числе волостного старшины, рассматривало опись и находило, что из описанного имущества может быть продано на пополнение взыскания. Описанное имущество оставалось у неплательщика вплоть до торов.

Крестьянский начальник по поручению уездного съезда мог принимать участие в процедуре продажи имущества должников, а в его обязанности на этот счёт входила проверка составленных имущественных описей и перенаправление к уездному съезду заключения о продаже имущества неплательщиков [3, с. 410].

Сельский староста перед продажей предварительно рассылал объявления о дне торга. Между описью и датой торгов проходило от нескольких недель до нескольких месяцев.

Многие крестьяне старались не доводить своё положение до торгов. Часто должник мог добровольно выплатить деньги после описи, вплоть до дня торгов. Вероятно, у неплательщика были проблемы с деньгами, и он таким образом просто тянул время.

Но даже если торги происходили, то они не всегда становились удачными: могли не явиться покупатели, могли не купить товар (в том числе из-за высоких цен), а мог и

не явиться сам продавец с товаром. В таких случаях производилась повторная опись и переоценка имущества. Часто цена на имущество в таких случаях занижалась [4, л. 3 – 11 об.]. Это могло быть связано с необходимостью как можно быстрее организовать торги. Также, по-видимому, цены были ниже и потому что покупка имущества у должника таким способом могла испортить отношения между сторонами сделки.

Таким образом, распространённым вариантом на пути исполнения решений у ответчиков были апелляционные жалобы к крестьянским начальникам. Но чиновники удовлетворяли не все жалобы, поскольку им было особо важно наличие доказательств по делу. Крестьяне активно прибегали и к пассивному методу – тянули дела до принудительных мер по описи и торгам имущества. Это свидетельствует о том, что многие крестьяне не боялись чиновников. Отчасти именно затянувшиеся обжалования влияли на длительность по времени исполнений решений волостного суда. Также длительность воплощений была связана и с финансовой несостоятельностью ответчиков. Для принудительного приведения дела в исполнение существовала процедура описи и продажи имущества должника. Обычно опись начиналась только спустя более полугода после решения волостного суда. Если торги не удавались, производилась повторная опись с переоценкой. Однако торги были не частыми, многие крестьяне старались не доводить своё положение до публичных торгов. Можно сделать вывод, что существовали крестьяне, которые знали принципы работы должностных лиц и пользовались медлительностью бюрократического аппарата в своих целях.

Список литературы

1. Безгин В. Б. Волостной суд сельской России (вторая половина XIX – начало XX века) [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12 (20). 32 с. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/volostnoy-sud-selskoy-rossii (дата обращения: 20.05.2023)
2. Безгин В. Б. Правовые обычаи и правосудие русских крестьян второй половины XIX – начала XX века. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2012. 124 с.
3. Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской от 2 июня 1898 г. // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. 3. Т. XVIII. Отд. 1. 1898. СПб. 1901. № 15503.
4. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Д-78. Оп. 1. Д. 205.
5. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 62. Оп. 1. Д. 313.
6. ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 1.
7. ГАТО. Ф. 261. Оп. 1. Д. 2.
8. Почеревин Е. В. Низовая административно-судебная система в Алтайском округе (конец XIX – 1917 г.). Бийск, 2013. 285 с.

УДК 94(57)

История организации перевоза через р. Енисей в г. Красноярске в XIX веке

Коношенко Андрей Михайлович
Красноярский техникум промышленного сервиса
Красноярск, Россия.
konoshenko@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0006-4791-5402

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются вопросы организации грузовой и пассажирской переправы через реки в Енисейской губернии посредством перевозов, оснащаемых лодками, карбасами или плашкоутами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, перевоз через реку, карбас, плашкоут.

Географически Енисейская губерния включала в себя реки Енисейского водного бассейна и реку Чулым (правый приток р. Оби). Сам же Енисей продольно делил губернию на две части, являясь, в то же время важным логистическим маршрутом доставки грузов между южными и северными районами губернии.

В то же время в пределах Енисейской губернии функционировали важные сухопутные магистрали: Большой Сибирский тракт, Енисейском тракт, Ачинско-Минусинский тракт, Старо-Ачинский тракт, а также дороги местного значения.

Передвижение по трактам и дорогам осложнялось необходимостью переправки грузов и пассажиров через реки, которые, в данном случае, выступали как естественные преграды на пути следования. Грузопассажирское сообщение через реки (между противоположными берегами) осуществлялось с помощью перевозов – специально оборудованных, стационарных пунктов, оснащенных специальными плавательными средствами (лодками, карбасами, плашкоутами).

Вопросы организации, содержания и функционирования перевозов в Енисейской губернии не получили достаточного освещения в литературе. Латкин Н.В. в очерке «Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее» лишь указывает количество перевозов, существовавших на трактах Енисейской губернии [24, с. 388]. Скороговоров И. в «Описание Енисейской губернии», характеризуя красноярский перевоз указывает на сложность переправы, вызванную с шириной реки и наличием островов в русле Енисея напротив Красноярска пишет о том, что «неуклюжие большие паромы при длинной затяжке могли переплавляться только 2 раза в день, а почта в волнение была перевозима в лодках» [28, с. 63], не приводя подробных сведений о конструкции паромов, количестве перевозчиков, каким образом производилась затяжка. Пестов И. С. в «Записках об Енисейской губернии Восточной Сибири», упоминает о перевозе в Красноярске, освещая городские доходы и расходы за 1831 г. Автор приводит данные о доходности перевоза, суммах затраченных на наем перевозчиков и текущий ремонт карбасов и лодок в летний период [26, с. 41, 44]. Резун Д.Я. указывает на то, что в г. Ачинске перевоз приносил существенный доход, даже с учетом затрат на его ремонт [27, с. 123, 156].

В навигацию 1872 г. на перевозе через Енисей в г. Красноярске был запущен в эксплуатацию принципиально новый способ переправы на пароме [3, Л. 7]. На рубеже XIX – XX вв. устройство парома производило впечатление на путешественников. А.П. Чехов, после проезда через Красноярск, в письме родным писал: «Енисей широкая, быстрая, гибкая река; красавец, лучше Волги. И паром через него замечательный, хитро устроенный, плывущий против течения; об устройстве сей штуки расскажу дома» [29,

с. 106]. Более подробно принцип работы парома раскрывает, посетивший Красноярск в сентябре 1913 г., Фритьоф Нансен. Он отмечал, что паром движется силой течения реки. Выше места переправы с помощью якоря был закреплен канат, удерживаемый лодками, другой конец каната крепился к парому, управляемому рулем. С помощью руля паром выставлялся наискось течению и его относило к противоположному берегу. Для переправы обратно руль переставлялся. Переправа осуществлялась целый день «и вся работа перевозчиков заключается в том, чтобы переставлять руль» [25, с. 273]. Астырев Н. подчеркивает, что такой способ переправы через реки был характерен только для Сибири, в европейской части России подобных паромов не было [1, с. 4]. Катионов О. Н пишет, что устроенный в Красноярске в 1870-х гг. перевоз называли «самолетом». Также автор приводит статистику о количестве рабочих, занятых на перевозах Енисейской губернии в 1879 и 1886 гг. (соответственно 238 и 176 человек) [23, с. 132].

Относительная простота переправы стала возможной лишь с 1870-х гг., в первой четверти XIX в. ситуация была иной. Назначенный на должность Сибирского генерал-губернатора, М.М. Сперанский, проезжая по Сибирскому тракту к новому месту службы в г. Иркутск, при переправе через Енисей в Красноярске обратил внимание на скорость течения и ширину реки и сложность переправы [2, с. 49]. В сентябре 1820 г. Сперанский предписал увеличить количество перевозных судов (карбасов) с двух до четырех и в связи с нагрузкой на их содержание увеличить таксу за перевоз [4, Л. 1]. За переправу частного дорожного экипажа с пассажирами и лошадью взималось 50 коп, с городских дрожек и тележек с пассажирами и лошадью – 25 коп., с крестьянской телеги с кладью – 25 коп. Стоимость переправы для пешего составляла 5 коп., дети переправлялись бесплатно. Право бесплатного перевоза имели почтовые ямщики и повозки. Переправа воза с товарами в период половодья до 1 июня и с 1 октября до 1 октября обходилась в 1 руб. 50 коп., с 1 июня по 1 октября – 1 руб. [8, Л. 17].

При переправе использовались карбасы двух видов - большие и малые. Большой карбас имел длину 8 сажень (17 метров), ширину – 8 аршин (5,7 метра), высоту – 5 четвертей (приблизительно 90 см.); малый карбас имел длину 4,5 сажени (9,5 метров), ширину – 4,5 аршина (3,2 метра), высоту – 5 четвертей (приблизительно 90 см.).Толщина теса для изготовления карбасов равнялась 1,5 вершка (приблизительно 7 см.) [13, Л. 6]. В подтверждение массивности перевозных судов может служить тот факт, что для затягивания карбасов на зимнюю стоянку на берег осенью и спуск на воду весной требовалось до 50 человек, а процесс занимал до трех дней. Из «Описи карбасов и лодок, имеющихся в городе Красноярске при перевозе через реку Енисей» от 1850 г. видно, что карбасы имели названия: «Спаситель», «Святой Иоанн», «Святой Михаил» и один малый карбас под названием «Спаситель», лодки названий не имели [22, Л. 208 об.].

В 1838 г. при осмотре перевоза красноярский городничий пришел к выводу, что существующие карбасы не подходят для перевозки «какого-либо значительного лица», т.к. не имеют «необходимого приличия». Он предложил «устроить карбас в меньшем виде, но с должными украшениями» [16, Л. 39, 39 об.]. Красноярская городская дума была против такого нововведения, считая его затратным. К тому же содержание карбаса с командой, при условии использования его лишь по случаю проезда высокого начальства, обходилось дорого. В итоге было принято решение о постройке карбаса без найма перевозчиков.

Команда карбаса состояла из семи перевозчиков, таким образом на четыре карбаса, состоящих при перевозе, требовалось нанять 28 человек. Ответственной за наем перевозчиков была городская дума. В целях экономии городских средств в 1821 г. Красноярской городской думе Томским губернатором Илличевским было разрешено организовать перевоз на трех карбасах и нанять по 6 перевозчиков на один карбас

общим числом 18 человек с условием, «чтобы остановки проезжающим происходить не могло» и «что вся ответственность за неисправность перевоза» лежит на городской думе [4, Л. 26 об.]. Перед заключением контракта кандидаты в перевозчики приглашались к городничему «для освидетельствования могут ли они по возрасту и телесному сложению допущены быть» к работе [4, Л. 3, 3 об.]. В контракте оговаривались должностные обязанности перевозчика: 1) подготовка карбасов и лодок к навигации, 2) сохранение карбасов и лодок в надлежащем состоянии, предполагающее материальную ответственность в случае повреждения или утраты средств переправы; правила перевоза; правила поведения; срок исполнения обязанностей; оплат работы. Плата перевозчикам составляла 60, 55 и 50 руб. за период летней навигации [7, Л. 78, 78об, 79, 79 об.]. В дальнейшем плата перевозчикам выровнилась до 60 руб. [22, Л. 3]. Необходимо отметить, что в Российской империи первой половины XIX в. исчисление сумм и цен производилось в серебряных рублях и ассигнациях. 14 марта 1841 г. в журнал записано, что 24 перевозчика были наняты с платой 22 руб. $85^{5}/_{7}$ коп. серебром [17, Л. 3]. Один серебряный рубль приравнивался к 3 руб. 60 коп. ассигнациями [19, Л. 50]. При условии того, что период навигации продолжался до 10 месяцев, то перевозчик получал в среднем 6 руб. в месяц. Для примера, цена на свежее мясо в г. Красноярске на весну 1823 г., установленная городской думой, составляла от 2 руб. до 2 руб. 40 коп. за пуд [5, Л. 35]. Таким образом, на свою месячную зарплату перевозчик мог купить более 41 кг. мяса.

Из числа мещан города «выбранных обществом к разным служениям» на период навигации избирался смотритель за перевозом с оплатой 200 руб. [10, Л. 12]. Смотрителю вменялись следующие обязанности: 1) сбор денег в пользу города, 2) наблюдение за сохранностью карбасов и лодок, 3) безостановочное функционирование переправы, 4) контроль за поведением перевозчиков [16, Л. 7]. От городской думы он получал «шнуровую книгу» для записи проезжающих и перевозимого имущества и опечатанный ящик для сбора платы за перевоз. Выемку денег осуществлял гласный думы в период 1-8, 8-15, 15-22 и 22-30 число каждого месяца [14, Л. 8].

Во второй половине 1830-х гг. Красноярская городская дума ввела практику при плате перевозчикам по 60 руб. за навигации, отдавать им, за взнос в городскую казну 400 руб., право сбора в свою пользу платы с пеших проезжающих по 5 коп. с человека [15, Л. 1]. Была возможность вносить деньги частями – по 20 рублей еженедельно в период с 1 мая по 1 октября [13, Л. 4]. Такая мера была вызвана тем, что с развитием золотопромышленности в регионе, часть мужского населения нанималась на работу на золотые прииски, создавая кадровый голод в городе.

С левого берега Енисея переправа происходила с Шипилинского взвоза (между современными улицами 9 января и Каратанова), на правом берегу – от деревни Перевозинской. По Высочайшим Правилам от 13 декабря 1814 г. такса за переправу должна была быть написана белыми «литерами» на черной доске, прибита на столб и выставлена на месте переправы [8, Л. 7]. Быстрое течение Енисея, которое сносило карбасы вниз по течению и наличие островов в русле реки вынуждало иметь на маршруте перевоза затяжчиков с двумя парами лошадей для затягивания карбасов и лодок вверх по течению. Одна пара лошадей должна была находиться на правом берегу Енисея в селении Перевозинском. Вторая пара - в половодье - на острове Конном, при спаде воды – на острове Телячьем. Подряд оставался за тем, кто по результатам торгов запрашивал меньшую сумму. Подрядчик подписывал контракт с городской думой [13, Л. 1]. Стоимость контракта доходила до 750 руб. [19, Л. 15].

При такой сложности маршрута переправы, если затяжка карбасов осуществлялась лошадями, то паром делал 4 рейса в день, а если пешими перевозчиками, то не более двух [18, Л. 10].

с 1848 г. из-за сложности и опасности переправы, вызванной ледоходом весной и ледоставом осенью перевоз тяжелых грузов на карбасах переводился на участок между деревнями Базайской на правом берегу Енисея и Голощаповой на левом берегу (в районе современного железнодорожного моста). В Красноярске в этот период переправа осуществлялась только на лодках.

Перевоз давал значительную часть дохода в городской бюджет: в 1826 г. – 6711 руб. 50 коп, с затратами на его содержание в 1581 руб., 33 коп. [6, Л. 47, 51, 144]; в 1828 г. – 6096 руб. 85 коп., с затратами на содержание в 1679 руб. 96 коп. [8, Л. 33 об]; в 1829 г. – 5591 руб. 15 коп., с затратами на содержание в 1802 руб. 82 коп. [9, Л. 61, 62]; в 1834 г. – 7125 руб. 9 коп. [11, Л. 64 – 86]; в 1835 г. – 8927 руб. 65 коп. [12, Л. 29].

В 1847 г. на перевозе в Красноярске в качестве «опыта» была введена новая такса за переправу, расценки в которой были меньше прежних. В итоге, с затраты на содержание перевоза превысили доход от него. К тому же, из-за сложности переправы возник вопрос о переносе перевоза на другое место. Одним из условий переноса перевоза из Красноярска было условие, что городские жители не будут терпеть убытки и потери от отсутствия перевоза в городе. Городское начальство, жалея избавиться от убыточного «балласта», заявило, что с переводом переправы из Красноярска для жителей убытков и потерь не будет [22, Л. 128].

В 1851 г. решением генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского перевоз из Красноярска был переведен в село Березовское. Вместе с перевозом туда же был перенесен Сибирский тракт. В Красноярске перевоз был оставлен только для внутреннего сообщения с соседними селениями [20, Л. 1]. В 1862 и 1863 гг. за сдачу в аренду перевоза город получал по 601 руб. в год [20, Л. 2]. Кроме того, теряли доходы постоялые дворы и городская торговля.

В результате долгого обсуждения было принято решение о переносе перевоза из с. Березовского обратно в Красноярск. Главным условием было то, чтобы перевоз был организован на плашкоутах.

В 1872 г. перевоз в г. Красноярске через р. Енисей был отдан в арендное содержание титулярному советнику А. А. Лоссовскому, являвшемуся строителем плашкоутной переправы, на так называемом «самолете», сроком на 10 лет с ежегодной арендной платой 1300 руб. [21, Л. 3]. Для устройства переправы использовались два плашкоута, якорный карбас, 12 лодок для поддержания каната, канат для удержания плашкоута [21, Л. 75]. Подробно описывает устройство «самолета» и принцип его работы статистик Астырев Н. : «Общее устройство плашкота напоминает маятник: на длинном канате, прикрепленном к мертвому якорю, который опущен посреди реки, ходит от одного берега к другому платформа, состоящая из двух лодок с настилкой, носом обращенным против течения, и с двумя большими рулями, соединенных в общую систему посредством (стр.4) шестерней и зубчатого стержня; канат поддерживается над водой десятком и более лодок, на которых он покоится. Плашкот, отвязанный от пристани, напр. – левого берега, силою течения отводится от нее; тогда рулям дается такое направление, чтобы струя ударяла в правый бок плашкота, вследствие чего он направляется носом к правому берегу, делая от 20 до 30 сажень в минуту. Если плашкот отходит от правого берега, то руль кладется направо, струя бьёт в левый бок посудины и приближает ее к левому берегу. Таким образом, движения эти напоминают качание маятника» [1, с 4, 5].

Постройка Сибирской железной дороги, при всех выгодах для государства, вызвала отток грузовых перевозок с трактов, в этой связи существенно сократился доход, получаемый с перевоза.

Перевоз через р. Енисей в г. Красноярске имел важное значение в системе транспортного сообщения Енисейской губернии. За время существования перевоза менялась форма его хозяйственного содержания, изменялись средства переправы, но

неизменной оставалась важность перевоза для региона в целом и развивающегося города в частности.

Список литературы

1. Астырев Н. На таежных прогалинах: очерки жизни населения Восточной Сибири. М., 1891.
2. Вагин В. И. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Т.1. С-Петербург, Типография 2 Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1872.
3. ГАКК Ф.161 Оп.2 Д. 541А
4. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.51
5. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.63
6. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.75
7. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.82
8. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.104
9. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.115
10. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.260
11. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.264
12. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.299
13. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.331
14. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.360
15. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.367
16. ГАКК Ф 173 Оп 1 Д 410
17. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.439
18. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.457
19. ГАКК Ф.173 Оп.1 Д.528
20. ГАКК Ф.161 Оп.1 Д.541
21. ГАКК Ф.161 Оп.1 Д.541А
22. ГАКК Ф 173 Оп 1 Д 994
23. Катионов О. Н. Московско-Сибирский тракт и его жители в XVII-XIX вв. - 2-е изд. Новосибирск: Изд-во НТГУ, 2014.
24. Латкин Н. В. Енисейская губерния, ее прошлое и настоящее / очерк Н. В. Латкина, чл. Имп. Рус. геогр. о-ва. С.-Петербург: тип. и лит. В. А. Тиханова, 1892.
25. Нансен Ф. В страну будущего: Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. пер. с норвеж. А. и П. Ганзен. Петроград: издание К. И. Ксидо, 1915.
26. Пестов И. С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири, 1831 года / составленные статским советником И. Пестовым. Москва: Унив. тип., 1833.
27. Резун Д. Я. Русские в среднем Причулымье в XVII – XIX вв. (Проблемы социально-экономического развития малых городов Сибири). Новосибирск: Наука, 1984.
28. Скороговоров И. Описание Енисейской губернии (Из дорожных заметок о Восточной Сибири) // Зап. СОРГО. Кн. 8. Ч. 2 Смесь. Иркутск, 1856.
29. Чехов А. П. Письмо Чеховым, 6 июня 1890 г. Иркутск // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. / Т. 4. Письма, январь 1890 – февраль 1892. М.: Наука, 1975.

УДК 94(47)

3Сибирь в личных впечатлениях американцев в годы Великой Отечественной войны

Минкова Кристина Владимировна
кандидат исторических наук, доцент.
Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра американских исследований.
Санкт-Петербург, Россия.
kminkova@spbu.ru
ORCID ID: 0000-0001-5833-6808

АННОТАЦИЯ В статье, написанной на основе малоизвестной в российской историографии мемуарной литературы, приводятся впечатления о Сибири трех посетивших его в 1944 и 1945 гг. американцев – журналиста У. Уайта, вице-президента США Г. Уоллеса и дипломата Дж. Кеннана. Делается вывод о том, что невзирая на разные цели, программы и длительность пребывания в Сибири все эти деятели высоко оценили развитие Сибири в целом и Новосибирска – как крупного промышленного и культурного центра этого региона – в частности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, Новосибирск, Уайт, Уоллес, Кеннан

В годы Великой Отечественной войны Новосибирск стал своего рода визитной карточкой советской Сибири. Его охотно показывали иностранцам, предпринимавшим путешествия за Урал по разным причинам – как деловым, так и личным. Так, в 1944 г. его посетили президент Американской торговой палаты Эрик Джонстон и вице-президент США Генри Уоллес, в 1945 г. – крупный американский историк и дипломат Джордж Фрост Кеннан. Несмотря на разные взгляды и характеры этих людей, «сибирский Чикаго» произвел на них весьма яркое впечатление.

В конце мая 1944 г. самолет с небольшой группой американцев на борту, в которую помимо Э. Джонстона входил журналист У. Уайт, приземлился в аэропорту Новосибирска. Их впечатления довольно подробно переданы Уайтом в книге «Впечатления о русских», изданной непосредственно после его визита в СССР.

«К западу от Уральских гор, – пишет Уайт, – большевистская цивилизация захватила древние города и дворцы, и их новые постройки поднялись на руинах того, что они разрушили. Но здесь, в Сибири, как и на нашем Западе, их города были вырублены, выкопаны, вырваны у девственной природы. И им есть, чем гордиться» [6, p. 237]. Любопытно, что Уайт постоянно сравнивает Сибирь с Америкой: например, сельская местность под Новосибирском напоминает ему Миннесоту, а Обь – «такая же широкая, как Огайо в ее устье, а вода в ней – желтая, как в Миссури». Долина Оби кажется ему похожей на долину Миссисипи [6, p. 238]. Общественные здания в Новосибирске вызывают ассоциации с центром Канзас-сити[50], а многоквартирный дом, построенный для художников и актеров новосибирских театров, «хотя и не был бы лучшим в Канзас-сити, но уж точно потянул бы на достойный второй класс» [6, p. 240–241]. По дороге с центрального телеграфа на отведенную американцам дачу Уайта впечатляет новое современное здание железнодорожного вокзала, и он выражает желание его осмотреть. По его оценке, по размерам здание находится где-то между вокзалами в Канзас-сити и Уичито и мало чем отличается от любой станции на американском Западе[51].

[50] Канзас-сити – город в штате Миссури с населением ок. 500 тыс. чел.
[51] Уичито – крупнейший населенный пункт штата Канзас. Сегодня его население составляет ок. 360 тыс. чел.

Внутри вокзала Уайта поразило отсутствие мест для сидения в «зале, отгороженном для женщин с детьми, так что им приходилось располагаться прямо на полу… Все места на деревянных скамьях в главном зале ожидания были заняты ранеными военными, вокруг которых – в отличие от США, где в подобных местах о них заботились волонтеры из Красного Креста или Объединенной организации содействия (USO) – никто не суетился» [6, p. 241].

Практически в одно время с Джонстоном и Уайтом поездку по Сибири с последующим переездом в Китай совершал вице-президент США Генри Уоллес. 12 июня 1944 г. он осмотрел Новосибирск, побывал на одном из важнейших военных предприятий – авиастроительном заводе им. Чкалова, ознакомился с новейшими советскими истребителями Як-3 и выступил (причем на русском языке) на собрании в здании Театра оперы и балета. В начале своей речи Уоллес охарактеризовал Сибирь следующими словами: «Для каждого американца со словом Сибирь ассоциировалось понятие о громадных, малонаселенных пространствах, покрытых густыми лесами, озерами и тундрой, стране с неисчерпаемыми, но не разработанными богатствами, с сильными и долгими холодами. С Сибирью были также связаны воспоминания о горе, страданиях, кандалах и об изгнании». Действительно, именно такой образ Сибири нарисовал в своих работах («Степная жизнь в Сибири» [4] и др.) знаменитый американский путешественник и краевед Джордж Фрост Кеннан-старший, посетивший Сибирь в конце 1860-х и в середине 1880-х гг. Вслед за Уайтом Уоллес восхитился успехами индустриализации Сибири: «Северо-западная часть Соединенных Штатов Америки и Сибирь имеют много общего, и, я убежден, они могут многому научиться друг у друга. Соединенные Штаты должны понять, как надо индустриализировать свои северо-западные области, так же как вы поняли и индустриализировали Сибирь» [2].

В июне 1945 г. давно задуманную частную поездку в Сибирь совершил Джордж Кеннан: он хотел проехать по следам своего известного родственника и тезки, а также посетить один из двух крупнейших советских металлургических заводов в Сталинске (Кузнецке). В мемуарах Кеннана, опубликованных на русском языке в 2002 г., об этой поездке упоминается весьма скупо [1, с. 275 – 276], однако в его дневниках, вышедших в 2014 г. под редакцией Ф. Костиглиолы, она описана более подробно.

«Строительство одного из крупнейших в мире оперных театров в таком отдаленном и все еще отсталом месте как Новосибирск показалось мне довольно-таки захватывающим предприятием… Вряд ли можно вообразить себе более яркий символ отречения от прошлого и более самонадеянное выражение уверенности в будущем, чем возведение этой почти мистической конструкции на далеких берегах Оби. <...>

Без сомнения, народы Сибири обладают огромными инженерными и творческими талантами. Я уверен в том, что в ближайшие несколько лет очень многое будет сделано для того, чтобы поднять жителей сибирских степей и лесов из нищеты… Но в том, что их можно одним рывком поднять до грандиозности Новосибирской Оперы, я сомневаюсь. А в таком случае этому зданию суждено остаться тем, чем оно является сегодня – недостижимой мечтой, не имеющей абсолютно никакой связи с тем, что его окружает» [5, p. 177 – 178].

Как и Уайт годом ранее, Кеннан осмотрел новое здание Новосибирского железнодорожного вокзала и остался бы приятно удивлен комнатами матери и ребенка, наличием медсестер и врача, душей и игровой комнаты, если бы это впечатление не было испорчено женщиной, хватавшей начальника вокзала за фалды и причитавшей, что они с детьми находится здесь уже долгое время и не могут достать билеты.

Закончился вечер этого дня «в цирке, где сохранился только номер с приручением льва, в котором лев брал сырое мясо изо рта укротительницы. Внешность последней

была настолько внушительной, что мы решили, что из них двоих большая смелость требовалась льву. Впрочем, это действо, сопровождавшееся несколько заунывной игрой оркестра, навеяло на нас дремоту, и мы решили закончить наше знакомство с ночной жизнью Новосибирска» [5, p. 178].

Посетив Кузнецк, где он был впечатлен не столько металлургическим заводом, сколько находившимися в открытом доступе сведениями о его продукции, обычно тщательно скрывавшимися от иностранцев, Кеннан вновь вернулся в Новосибирск. Официальная программа его визита была уже исчерпана, и ему захотелось искупаться в Оби:

«Пляж, на котором мы сидели, был каменист и неухожен. За нашими спинами находилась раздевалка, но краска на ней облупилась, она покосилась и была, по всей видимости, закрыта. [Мой спутник] уверял меня, что однажды здесь наступят великие улучшения: великолепные парки, раздевалки и спортивные площадки. Я в этом не сомневался. Удивлялся только, не оторвутся ли русское воображение и русские мечты о величии, как обычно не обремененные желанием связать прошлое и будущее, опять от реальности, как в случае с оперным театром, и не начнется ли здесь другой проект фантастической колоссальности, часть которого будет построена в большой спешке и из плохих материалов, но никогда не будет закончена и останется разрушаться или будет использоваться для других, совершенно неподходящих целей» [5, p. 180].

Можно заметить, что впечатления и описания Уайта несколько отличаются от впечатлений Уоллеса и Кеннана. Это связано с тем, что целью поездки Джонстона было знакомство с различными отраслями советского производства, и ключевое место в их программе пребывания в Сибири занимало посещение множества различных производственных комплексов. Поскольку на тот момент советское руководство было чрезвычайно заинтересовано в развитии торгово-экономических связей с США [3], делегацию Джонстона принимали повсюду с максимально возможным размахом, так что ежедневные обильные банкеты организовывались не только принимающими партийными структурами, но и директорами всех без исключения посещаемых американцами заводов. Соответственно, с одной стороны, у Уайта была великолепная возможность наблюдать разных людей и разные ситуации, а с другой – он был связан напряженным графиком поездки и невозможностью свободно передвигаться. Наконец, обращает на себя внимание тот факт, что Уайт, как и положено журналисту, выражает скорее интерес, нежели эмоции.

Джордж Кеннан, в силу частного характера его поездки, был гораздо меньше связан протоколом и условностями; его описания поездок по Советскому Союзу всегда носят более отвлеченный, философский, но и более эмоциональный характер. Это очень хорошо заметно по тому, как он рассуждает о Новосибирском оперном театре.

В заключение следует отметить, что посещение Новосибирска не оставило равнодушным никого из трех героев настоящей статьи. Все они – пусть и в разных выражениях – отдали должное быстрому развитию этого города как крупного промышленного и культурного центра советской Сибири.

Список литературы

1. Кеннан Дж. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М.: Центрполиграф, 2002. 479 с.
2. Мартынова Ю. Г. 60 лет со дня пребывания в Новосибирске вице-президента США Генри А. Уоллеса // Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области, 2004 год. URL: http://kraeved.ngonb.ru/node/5188 (дата обращения: 13.06.2023).
3. Минкова К. В. «Экономические и торговые взаимоотношения Советского Союза и Америки будут расти и крепнуть»: визит в СССР Эрика Джонстона в 1944 г. // Вестник Московского университета. Серия История. 2022. № 1. С. 88 – 107.

4. Kennan G. F. Tent life in Siberia, and adventures among the Koraks and other tribes in Kamtchatka and Northern Asia. N.Y., G.P. Putnam & sons; L., S. Low, son & Marston, 1870. 425 p.
5. The Kennan Diaries / Ed. by F. Costigliola. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2014. 768 p.
6. White W.L. Report on the Russians. N. Y.: Harcourt, Brace & Co, 1944. 309 p.

УДК 93/94

Положение попечительства о слепых в Иркутской губернии в начале XX века

Скляренко Никита Сергеевич
Студент
Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева
Красноярск, Россия
Nik_sklyarenko@mail.ru
ORCID ID: 0009-0004-5286-5644

АННОТАЦИЯ В статье проводится анализ процесса формирования Иркутского отделения попечительства о слепых в начальный период своего развития, а также проблемы, с которыми оно столкнулось. Исследование было проведено на опубликованных источниках (Первая перепись Российской империи, газетные вырезки исследуемого периода), так и неопубликованных (материалы Государственного архива Красноярского края (ГАКК). В ходе проведенного исследования был сделан вывод, что, несмотря на общую тенденцию по организации системы попечительских учреждений для слепых, которая происходила на территории Российской империи, в Иркутской губернии данный процесс проходил медленно и бессистемно, что повлияло на качество работы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Иркутская губерния, слепые, Мариинское попечительство о слепых.

Вопросы инклюзии и организации социальной помощи людям с проблемами зрения являются актуальными. В современной России происходит реализация различных программ, способствующие интеграции инвалидов данной категории в общество. Кроме того, посильную помощь оказывает Всероссийское общество слепых, которое в 2025 г. будет праздновать столетие со дня основания.

Однако стоит отметить, что, несмотря на длительный период существования организаций, помогающих слепым и слабовидящим, проводится крайне мало исследований на данную тематику. Это в первую очередь касается истории слепых в Советском союзе. Еще меньше исследованы организации, помогающие слабовидящим, в Российской империи.

Большинство работ, рассматривающих вопрос попечительства слепых и слабовидящих в Российской губернии, посвящены, как правило, создателю попечительства Императрицы Марии Александровны- К. К. Гроту [7, 13]. Также проводятся исследования, касающихся попечительства слепых в Европейской части Российской империи [6]. Однако стоит отметить, что на данный момент вопросу положения попечительства слепых в Сибири посвящено крайне мало работ [12].

Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых начало свою работу в 1881 году [12]. Основной целью данной организации – помощь ослепшим солдатам после Русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. Однако, со временем происходит трансформация задач от помощи только пострадавшим солдатам, к помощи всем нуждающимся. Это привело к расширению сети попечительств, целью которых было охват всей территории Российской империи.

Свою работу иркутское отделение Мариинского попечительства о слепых начинает в 1892(93) г. Основные задачи, которые были поставлены иркутским попечительством, были следующие [5]:

1. Призрение, воспитание и обучение слепых детей и подготовка их к самостоятельной жизнедеятельности;

2. Попечение взрослых слепых, которые заключалось в обучение посильным для них ремеслом, помощи помещения в богадельни, а также поддержка семей слепых;

3. Оказание медицинской помощи слепым с целью восстановления зрения.

4. Кроме того, целью данного отделения было оказание помощи слепым не только на территории самой Иркутской губернии, но также организация шефства над слепыми и слабовидящими в Енисейской губернии и Забайкальской области, «доколе в последних двух не будут образованы особые отделения попечительства» [5].

Членство в иркутском отделении попечительства было многоуровневое. Существовало четыре типа членства [2]:

- Члены-учредители, которые содействовали в организации и открытии иркутского отделения;
- Почетные члены, оказавшие своею деятельностью или денежными средствами особое содействие в развитии попечительства;
- Члены-соревнователи, являющиеся основным источником членских взносов, вносившие ежегодно 5 рублей или не менее 75 рублей единовременно;
- Члены-сотрудники, которые участвовали в развитии попечительства на общественных началах.

Впоследствии подобная структура членства будет заимствована Енисейским отделением попечительства о слепых, которая будет образована только в 1913 году [12].

Одновременно с этим в 21 августа 1894 г. в Иркутске открывается специальное училище-приют для малолетних слепых, которому было присвоено имя И. С. Хаминова за помощь в создании училища и предоставления своего дома в качестве помещения для обучения. Как утверждалось, в данном учебном заведении могли обучаться дети различных вероисповеданий и национальностей [1]. Кроме того, в училище проводилось смешанное обучение. Согласно отчету иркутского отделения попечительства слепых, в училище-приюте была следующая образовательная программа:

- Закон божий: утренняя и вечерняя молитвы;
- Русский язык: заучивание и «предварительное объяснение» стихотворений;
- Арифметика: устный счет до 100 и простые арифметические действия;
- Предметные уроки, которые заключались в обучении ориентации в пространстве и изучении предметов (окна, двери, печь, кирпич и др.);
- «Фребелевские занятия»: вышивка различных узоров, а также лепка;
- Рукоделие: овладение практических навыков, которые помогали бы в жизни, а также возможность заработка;
- Гимнастика и подвижные игры.

Отдельное внимание уделялось вопросу личного туалета – приучения к самообслуживанию и опрятности. Кроме того, отдельной проблемой при поступлении детей являлось неправильная речь, которую старались исправлять в первую очередь [3].

Согласно отчету Попечительства Марии Александровны о слепых в иркутском училище на 1901г. [9] насчитывалось 22 воспитанника (в 1889 г. было 20 детей) [8].

Стоит отдельно отметить организацию в 1898 г. ремесленного отделения, которое позволило детям получить посильную для них профессию. На этих занятиях дети обучались изготовлению корзин, щеток и пр. предметов рукоделия (коврики, одеяла, шарфы) [8]. Использовавшиеся в данных учреждениях практико-ориентированный подход позволял детям не только получать профессиональные навыки, но и вести производственную деятельность, которая, конечно, оплачивалась

уже в стенах учебного заведения, что соответствовало тенденциям тифлопедагогической мысли такого времени [11]. Так если за 1899 г. было изготовлено щеток на 127 р. 70 коп., то к 1901 г. данный показатель вырос до 2.361 р. 46 коп.

Несмотря на проводившуюся большую работу по реабилитации слепых в стенах иркутского училища, усилий, к сожалению, оказывалось недостаточно. Если посмотреть на статистику на основе первой всеобщей переписи Российской империи по иркутской губернии за 1904 год, можно отметить тот момент, что количество слепых детей школьного (10 – 19 л.), которых необходимо было обучить, составляло 140 человек. То есть можно предположить, что иркутское училище не имело достаточно ресурсов для полного охвата своего региона (напомним на 1901 г. в иркутском училище числилось 22 ученика).

Также ситуацию усугубляла всеохватность иркутского училища для слепых. Дело в том, что в нем обучались дети не только из Иркутской губернии, но и из Енисейской, Тобольской и даже Полтавской губерний. Это накладывало дополнительную нагрузку. Причиной такого положения дел можно объяснить тем моментом, что до начала XX в Сибири и на Дальнем Востоке существовало только 2 отделения попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых (в Иркутске и Якутске). При этом необходимо отметить, что училище для слепых до начала двадцатого столетия существовало в Сибири только в Иркутской губернии [9]. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что нехватка специализированных учебных заведений в Сибири являлось одной из причин низкого роста просвещения среди людей с особенностями здоровья не только в Иркутской губернии, но и во всем сибирском регионе.

Таблица 1.

Распределение лиц слепых и слабовидящих по Енисейской губернии на 1904 год*

	Количество слепых от рождения.		В том числе состоящих в браке.		Количество ослепших.		В том числе состоящих в браке.		Общее количество инвалидов по зрению.		В том числе состоящих в браке.	
	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж
До 1 г.	–	1	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–
1-9 л.	17	9	–	–	5	2	–	–	22	11	–	–
10-19 л.	19	11	–	–	17	23	–	–	36	34	–	–
20-29 л.	18	16	1	2	22	17	3	4	40	33	4	6
30-39 л.	14	8	4	2	30	21	13	9	44	29	17	11
40-49 л.	13	6	4	3	56	35	23	10	69	41	27	13
50-59 л.	27	22	9	7	66	54	30	24	93	76	39	31
60 л. и более	68	53	22	13	236	249	77	44	304	302	99	57
Общее количество	176	126	40	27	432	401	146	91	608	527	186	118

*Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1 – 89. [Санкт-Петербург], 1897 – 1905. 75: Иркутская губерния. 1904. 172 с.

Таким образом, не смотря на прилагаемые усилия, деятельность попечительства о слепых в Иркутской губернии оставалось весьма скромной. Основном причиной можно считать обширность территории, которая по изначальной задумке охватывала не только Иркутскую губернию, но и Енисейскую губернию и Забайкальскую область.

Это накладывало большую нагрузку на скромные ресурсы, имеющиеся в Иркутском отделении попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых. Еще одной причиной слабого развития попечительства на территории Иркутской губернии можно считать слабую работу попечительства в просветительской деятельности. Так в период с 1889 по 1901 гг. численность обучающихся в иркутском училище выросло только на 2 человека, при этом, согласно, Первой всеобщей переписи населения Российской империи, слепых детей подходящего школьного возраста было 140 человек.

Список литературы

1. Восточное обозрение. 1893. № 41. 10 октября.
2. ГАКК Ф. 161 Оп. 2 Д. 1916. Л. 34.
3. ГАКК Ф. 161 Оп. 2 Д. 1916. Л. 48 – 49.
4. ГАКК Ф. 161 Оп. 2 Д. 1916. Л. 87.
5. ГАКК Ф. 161 Оп. 2 Д. 1916. Л. 86.
6. Меженцева Г. Н. Интересные сведения из документов Смоленского общества слепых конца XIX века // Colloquim-Journal.2020. №10-05. С. 56 – 57.
7. Нагалина М. В. Преобразования ведомства императрицы Марии в период деятельности Константина Карловича Грота // Образование и право. 2018. № 1. С. 222 – 226.
8. Отчет №17, состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых за 1899 год. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1900. 234 с.
9. Отчет №19, состоящего под Августейшим покровительством Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Федоровны Попечительства Императрицы Марии Александровны о слепых за 1901 год / Попечительство Императрицы Марии Александровны о слепых. Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1902. 301 с.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Изд. Центр. стат. ком. М-ва вн. дел ; под ред. Н. А. Тройницкого. 1 – 89. [Санкт-Петербург], 1897 – 1905. 75: Иркутская губерния. 1904. 172 с.
11. Скляренко Н. С. Состояние школьного образования для слепых в Японии к началу XX в. // История мировых цивилизаций. Образование как фактор социально-политического развития. Матери. Материалы XVII Всероссийской научной конференции, посвященной памяти С. И. Кангуна. Крансоярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2022. С. 59 – 64.
12. Скляренко Н. С. Положение попечительства о слепых в Енисейской губернии в дореволюционный период // Материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 1318 – 1323.
13. Хитров А. А. Константин Карлович Грот – организатор благотворительности и призрения в России во второй половине XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 99. С. 17 – 26.

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО КАК ФЕНОМЕН В ИСТОРИИ СИБИРИ

УДК 94(470+571)

Рождаемость в Новосибирской области в 1960-е годы

Бурматов Александр Анатольевич
кандидат исторических наук, доцент
Новосибирский государственный педагогический университет,
Куйбышевский филиал,
Куйбышев, Новосибирская область, Россия
Институт истории Сибирского отделения РАН,
Новосибирск, Россия
al-burmatov@yandex.ru
ORCID 0000-0002-5455-4717

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается эволюция рождаемости в Новосибирской области в 1960-е годы. Это период массового перехода от многодетной к малодетной семье. Хронологически он совпадает с вступлением в детородный период малочисленных поколений, рожденных в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. В это время проводились эксперименты в экономике страны (сселение неперспективных деревень, административные ограничения на крестьянские хозяйства), ускоренное развитие военно-промышленного потенциала страны, негативно отразившиеся на уровень благосостояния семьи и ускорившие переход к малодетной семье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Рождаемость, население, Новосибирская область, Западная Сибирь, модернизация в демографической сфере.

Новосибирская область – крупный субрегион в Сибири, демографическая ситуация в которой существенно влияет на тенденции эволюции всей Сибири. Новосибирская область и ее население изучалась в общесибирских исследованиях [4; 5]. Население Новосибирской области стало объектом демографических исследований относительно недавно. Городское население области в сопоставлении и взаимосвязях с другими регионами Сибири рассматривалось в фундаментальной монографии О. Б. Дашинамжилова [3]. Хотя специальных работ, посвященных населению Новосибирского региона немного. Данному временному отрезку уделено внимание в работах автора данных строк [1; 2]. Проблеме рождаемости в 1960-е годы в Новосибирской области в них уделено недостаточно места. Цензурные ограничения в советский период не позволяли проводить таковые вплоть до распада Советского Союза.

Весь ход демографического развития страны в период 1946 – 1958 гг. говорит о том, что падение в «демографическую яму» 60-х гг. было закономерным. Переписью 1959 г. зафиксировано сокращение доли подростков в населении страны, так как в этом возрасте находились лица, родившиеся в годы войны. В следующее десятилетие они вступали в репродуктивный возраст. Административные меры по отношению к крестьянству ускорили и углубили процесс сокращения рождаемости. Всеобщая занятость женщин и растущая урбанизация городов способствовали закреплению репродуктивной установки на малодетную семью. О динамике численности рождений и показателях рождаемости в Новосибирской области можно судить по данным табл. 1.

Таблица 1

Рождаемость в Новосибирской области в 1956 – 1970 гг.*

Год	Число родившихся, абс			Рождаемость, ‰		
	Всего	Город	Село	Всего	Город	Село
1959	59466	27343	32123	25,1	21,0	31,0
1960	59603	28575	31028	25,3	21,3	30,6
1961	56104	27926	28178	23,4	21,6	28,0
1962	51134	26138	24956	21,0	20,1	25,0
1963	48670	25605	23065	19,8	17,6	23,0
1964	42357	23416	18941	17,2	15,8	19,3
1965	38553	21364	17189	15,5	14,1	18,0
1966	36845	21199	15646	14,9	13,9	16,7
1967	35104	20759	14345	14,1	13,4	15,6
1968	34982	21583	13399	14,0	13,6	14,9
1969	35267	22520	12747	14,1	13,9	14,5
1970	35729	23516	12213	14,3	14,2	14,3

*Естественное и механическое движение населения. Новосибирск, май 1968. С.1 – 2; Естественное и механическое ... июль 1973. С.6 – 7.

Резкое сокращение числа родившихся и снижение показателя рождаемости – процессы, начавшиеся после 1954 г., – стали усиливаться. В 1959 – 1960 г. абсолютное число родившихся по области стабилизировалось. В 1960 г. отмечен даже некоторый рост (на 137 чел.). Он был обеспечен городским населением, которое пополнялось мигрантами из сел. Рост числа появившихся на свет в городах в 1960 г. на 1232 чел. (4,5%) был почти нивелирован уменьшением числа родившихся в селах на 1095 чел., или на 9,7%. Падение рождаемости в селах не могло быть объяснено только абсолютным уменьшением числа сельских жителей. Оно свидетельствовало о структурных изменениях в составе населения села. Отток молодых людей ухудшил половозрастную структуру. Административное вмешательство в экономику семьи сельчан – существенное ограничение в ведении подсобного хозяйства – лишало семью уверенности в завтрашнем дне, особенно в неперспективных селах. Все это наносило удар по менталитету многодетной семьи.

Ситуация еще более ухудшилась после вхождения малолюдных поколений женщин военных лет рождения в репродуктивный возраст. Миграции обострили диспропорцию полов. Массовый отток молодых женщин и девушек (16 – 25 лет) из села в город вызвал резкую нехватку в селах невест. Он задержал вступление в брак юношей в селах, девушек – в городах. У многолюдных поколений мужчин, родившихся в предвоенные годы, потенциальными невестами являлись женщины из малолюдных поколений военных годов рождения. Наряду с ухудшением количественных характеристик происходило улучшение качественного состава населения. Росла образованность, продолжительней стала учеба, усилилось вовлечение женщин в общественное производство.

Дети военных лет рождения имели больше шансов на поступление в вузы и стремились получить хорошее образование. Страна, испытывающая нехватку специалистов, пошла на расширение вечернего и заочного обучения, что уменьшило потребность в детях и привело к снижению числа родившихся. Резко изменился уклад жизни сельчан, мигрирующих в город. Это снижало потенциал демографического воспроизводства. Общественное мнение однозначно заняло сторону малодетной семьи. Многодетные семьи и женщины-домохозяйки стали вызывать скептическое отношение.

Снижение рождаемости в годы семилетки (1958 – 1965 гг.), объясняется специалистами облстата следующим образом: «Уменьшение рождаемости объясняется неблагоприятным соотношением между численностью мужчин и женщин, уменьшением численности женщин в возрастах, в которых они способны к деторождению (15 – 49 лет), ростом численности и удельного веса городского населения (уровень рождаемости среди городского населения ниже, чем среди сельского), увеличением численности женщин, занятых в общественном производстве, при недостаточной обеспеченности детей детскими учреждениями, повышением культурного уровня населения, увеличением абортов (сохранен стиль источника, но внесены некоторые грамматические исправления. – А. Б.)[52]».

В приведенной цитате имеется характерное для тех лет убеждение о нехватке мест в детских учреждениях как причине снижения рождаемости. Вместе с тем доказано, что дети в домашних условиях лучше доглядываются матерями или бабушками, реже болеют и доставляют меньше забот родителям. Ранний отрыв детей от семьи в детские учреждения стал способствовать изменению менталитета семьи. Доказано также, что это способствует росту разводов. Характерно, что распространение абортов названо причиной снижения рождаемости, а не следствием оного, к тому же это только средство достижения цели.

Кроме вышеперечисленных причин, можно отметить следующие. Падение рождаемости совпало с введением в 1956 г. Закона о госпенсиях, гарантирующего пособие в старости, последний возлагал на государство содержание стариков. Закон не стимулировал рождения детей второй-четвертой очередности. Одной из основных причин снижения рождаемости стало увеличение продолжительности жизни населения, т. е. снижение смертности, особенно у детей и молодежи.

Рост продолжительности жизни в СССР был огромным. В предвоенные годы продолжительность жизни составляла 47 лет, 1960 – 1969 гг. – 70 лет[53]. Особенно значительным было снижение младенческой смертности. В РСФСР число умерших детей сократилось с 1940 по 1960 г. почти в 6 раз – с 205,2 до 36,6‰. К 1970 г. оно сократилось до 23‰[54]. В Новосибирской области младенческая смертность в 1939 г. составляла (196,0‰), в 1959 г. – 46,2, 1967 г. – 23,8‰[55], т. е. процесс снижения протекал быстрее. Несмотря на некоторый недоучет, можно констатировать огромное достижение. Оно имело и обратную связь. Население стало сокращать число рождаемых детей.

За 1959 – 1970 гг. суммарный коэффициент рождаемости заметно снизился (на 30%). В целом по РСФСР в 1969 – 1970 гг. он равнялся 1,9 рождения на одну женщину, а брутто-коэффициент воспроизводства составлял 0,96. По Западной Сибири показатели были еще ниже. Здесь суммарный коэффициент снизился до 1,8. Брутто-коэффициент равнялся 0,88. Таким образом, население Западной Сибири, в том числе Новосибирской области, вступило в стадию резко суженного воспроизводства. Показатель рождаемости в целом по Западной Сибири с 1958 по 1965 г. сократился на 43,4% (с 28,6 до 16,2‰). В Алтайском крае сокращение составило 48%, в Кемеровской области – 47, в Омской – 40%. В Новосибирской области показатель рождаемости уменьшился на 42% (с 27,1 до 15,6‰)[56]. В 1958 – 1960 гг. рождаемость в Сибири превосходила показатели РСФСР и СССР. К 1968 – 1970 гг. она сравнялась с общероссийскими показателями и была ниже на 14% показателей СССР [5, с. 81].

---

[52] Развитие культуры и здравоохранения Новосибирской области: Статсборник. Новосибирск, 1966. С. 59.

53 Народное хозяйство СССР за 70 лет. М., 1987. С. 409.

[54] Народное хозяйство РСФСР в 1987 г. М., 1988. С. 349.

55 Женщины и дети Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1973. С. 19.

56 Народное хозяйство РСФСР в 1965 г. М., 1966. С. 20.

Специальный коэффициент рождаемости в Западной Сибири с 1959 по 1970 г. сократился на 43% (в РСФСР - на 36%, в СССР - на 26%). Интенсивность падения повозрастной рождаемости в Сибири была выше, чем в РСФСР, во всех возрастных группах. О снижении рождаемости в этот период свидетельствует сокращение среднего размера семьи в Новосибирской области (табл.2)

Таблица 2

Специальный коэффициент рождаемости

Год	Число родившихся, чел	Среднее за 2 года, чел.	Число женщин, в возрасте 15 – 49 лет, чел(перепись).	Специальный коэффициент рождаемости, ‰	Индекс динамики, %
Все население области					
1958	61777	60621		91,99	55,42
1959	59466		658959		
1969	35267	35498		50,98	
1970	35729		696371		
Городское					
1958	28086	27714		69,87	66,55
1959	27343		396666		
1969	22520	23018		46,50	
1970	23516		495016		
Сельское					
1958	33691	32907		125,46	49,40
1959	32123		262293		
1969	12747	12480		61,98	
1970	12213		201355		

*Рассчитано по: Естественное и механическое движения... Новосибирск, май 1968. С.1; Естественное и механическое ... июль 1973. С.6 – 7; Возрастной состав населения новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Новосибирск, май 1974. С.12 – 13, 24 – 25, 36 – 37.

Из таблицы видно, что падение размера семьи за 1958 – 1970 гг. произошло исключительно за счет городского населения. В целом по РСФСР уменьшение составило 2,8%, в Сибири – 5,3%. В Новосибирской области в городах снижение было большим, чем по Российской Федерации и Сибири. В селах величина семьи не изменилась. У сельчан накопился потенциал детей, рожденных в 50-е и начале 60-х гг. Он был реально «сброшен» в 70-е гг. Средний размер семьи еще не отразил тенденцию падения рождаемости целиком (Табл.3).

Таблица 3

Средний размер семьи в 1959 – 1970 гг.*

Год	Категория населения	РСФСР	Западная Сибирь	Новосибирская область
1959	Все	3,6	3,8	3,8
	Городское	3,5	3,7	3,6
	Сельское	3,8	3,9	3,9
1970	Все	3,5	3,6	3,4
	Городское	3,4	3,5	3,3
	Сельское	3,8	3,9	3,9

*О численности и составе семей в Новосибирской области (по данным Всесоюзной переписи населения на 15 января 1970 г.). Новосибирск, 1973. С.3 [5, с. 65]

Расчет специального коэффициента рождаемости показывает, что число родившихся у женщин репродуктивного возраста сократилось с 1959 по 1970 г. по области на 44,6%. У горожанок оно уменьшилось на 33,45%, у жителей села – на 50,6%. Специальный коэффициент рождаемости испытал воздействие изменения возрастной структуры. В 1958 – 1959 гг. в возрастах наивысшей рождаемости (20 – 29 лет)

находились многолюдные поколения довоенных лет рождения. В 1969 – 1970 гг. в этих возрастах были малочисленные поколения, родившиеся в военные и первые послевоенные годы. Регистрировалось значительное снижение рождаемости

Низкие показатели рождаемости конца 60-х гг. в области объяснялись спецификой возрастной структуры. Много женщин находилось в возрасте старше 30 лет. У них показатели рождаемости очень сильно отличаются от интенсивности деторождения в основном фертильном возрасте (20 – 35 лет). Однако чрезвычайно низкие показатели свидетельствовали о переходе к массовой однодетной семье. Так, в 1967 г. рождаемость в Барабинске составляла 10‰, Татарске – 11, Искитиме – 12,7, в Куйбышевском районе – 11,7, Колыванском – 12,0, Черепановском – 12,6‰. Показатель рождаемости ниже 14‰ был зарегистрирован в 11 из 29 сельских районов, от 14 до 16‰ – в 7 районах. В 18 районах (62%) существовало суженное воспроизводство населения. Среди городов областного подчинения лишь Бердск имел рождаемость 15,4‰. В остальных диапазон колебания наблюдался от 10‰ в Барабинске до 13,9‰ в Куйбышеве и Новосибирске[57]. Во всех городских поселениях не было зафиксировано даже простого воспроизводства населения. Динамика рождаемости показывает, что суженное воспроизводство в целом по области началось с 1964 г. Однако в городах оно отмечалось с 1961 – 1962 гг. В сельской местности в целом суженного воспроизводства не наблюдалось. Хотя в ряде сельских районов оно стало реальностью.

В целом по СССР уровень рождаемости обеспечивал расширенное воспроизводство населения. В Западной Сибири отмечались самые высокие темпы падения в России. Наиболее значительное сокращение действительной рождаемости (без влияния возрастной структуры) произошло в городских поселениях. Динамика же общих показателей фиксирует обратное. В некоторых сельских районах рождаемость снизилась более чем в 2,5 раза. За десятилетие (1958 – 1967 гг.) в Куйбышевском районе произошло сокращение с 35,4 до 11,7‰, в Барабинском – с 41,3 до 14,2, в Чулымском – с 33,3 до 12,9‰. В городах падение было меньшим: в Барабинске – с 21,7 до 10,0‰, в Куйбышеве – с 27,6 до 13,8‰[58]. Такое обманчивое впечатление вызвано спецификой возрастной структуры: в городах было больше молодых, что позволило поддержать уровень общей рождаемости.

Ситуация в области, как и в России, стала меняться с 1969 г. Число родившихся увеличилось по сравнению с 1968 г. на 285 чел., или 0,8%. Незначительное увеличение было вызвано вхождением в репродуктивный возраст поколений послевоенных лет рождения. В 1967 г. сроки службы в Вооруженных силах были сокращены. Вернувшиеся ранее, чем обычно, мужчины стали вступать в брак более молодыми (призывной возраст тоже был снижен с 19 до 18 лет).

Однако общая тенденция снижения рождаемости осталась прежней. Действительная рождаемость, т. е. число родившихся на одну женщину, продолжала падать. Меры по стимулированию рождаемости не были приняты, что способствовало закреплению менталитета малодетной семьи.

В этой ситуации рост числа рождений стал зависеть исключительно от структурного фактора. Его действие привело к значительному увеличению числа рождений и показателя рождаемости. Процесс охватил как городское, так и сельское населения. Это привело ряд исследователей к мнению о начале позитивных изменений.

[57] Естественное и механическое движения населения Новосибирской области. Новосибирск, 1968. С. 14.
58 Там же.

Список литературы

1. Бурматов А. А. Население Новосибирской области: 1937 – конец XX в. (Историко-демографический анализ): автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. Наук. Омск, 2001. 24 с.
2. Бурматов А. А. Смертность населения Новосибирской области в 1950 – 1960 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. Иркутск: БГУ, 2019. С. 402 – 409.
3. Дашинамжилов О. Б. Городское население Западной Сибири в 1960 – 1980-е годы: историко-демографическое исследование /отв. ред. В. А. Исупов. Новосибирск: Наука, 2018. 366 с.
4. Демографическая история Западной Сибири (конец XIX – XX в.) / В. А. Зверев, В. А. Исупов, Н. С. Коробейникова, М. А. Семенов, В. Б. Лапердин, А. А. Бурматов, О. Б. Дашинамжилов. Новосибирск: ИИ СО РАН, 2017. 350 с.
5. Население Западной Сибири в XX веке. Новосибирск: СО РАН, 1997.171 с.

УДК 371.381

Трудовое воспитание школьников: проблемы и трансформация (кейс города Томска 1960 – 80-х гг.)

Ермолова Александра Ивановна
Кандидат исторических наук.
Томский государственный университет,
кафедра антропологии и этнологии.
Томск, Россия.
mery-05@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3631-1938

АННОТАЦИЯ На материалах города Томска рассматриваются основные проблемы и формы трансформации трудового воспитания школьников в 1960-80-х гг. Трудовое воспитание прошло путь от отправления школьников на реальное производство до специализированных учебно-производственных комбинатов. На каждом этапе возникают свои сложности, автором предпринимается попытка переосмысления этого опыта. Его изучение позволяет сделать выводы о том, как решались возникающие трудности. Выявление негативного и позитивного опыта позволяет адекватно оценить возможности внедрения практик трудового воспитания в современные школы в условиях существования такого запроса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Труд, трудовое воспитание, советское детство.

Трудовое воспитание в школе «за» или «против». Последние полгода с самых высоких трибун идет обсуждение этого вопроса. Могут ли школьники без разрешения родителей помочь с уборкой класса и пришкольной территории. Сейчас это законодательно запрещено [8]. Недавно был подготовлен законопроект о трудовом воспитании школьников, в котором предлагается ряд идей в том числе закрепление обязанности школьников трудиться с учетом возрастных особенностей. Его обсуждение уже началось с Государственной Думе. Вопрос, действительно, дискуссионный сторонников и противников этой инициативы достаточно, и у каждого есть свои весомые доводы, рассмотрение которых может стать темой для отдельной статьи. Учитывая данный контекст, и актуализировавшийся вопрос о трудовом воспитании школьников стоит обратиться к опыту прошлых лет. Ведь в СССР приобщение детей к общественно-полезному труду практически всегда было значимой частью официальной образовательной и воспитательной инфраструктуры.

Задача данной статьи состоит в изучении советского опыта трудового воспитания школьников, выявлении и анализе проблем, недостатков и предпринятых путей их решения. Стоит дать некоторые пояснения о фокусе нашего внимания. Во-первых, он будет очерчен локальным опытом, а точнее становлением и развитием трудового воспитания в Томске. Во-вторых, нас будет интересовать официальные инициативы внутри школы или пионерской организации, оставляя за рамками инициативы семьи по привлечению ребенка к трудовой деятельности.

Источниками для исследования стали: документы школ и районных отделов образования, хранящиеся в Государственном архиве Томской области (ГАТО), материалы местной периодической печати, газеты «Красное знамя», «Молодой Ленинец», интервью с людьми, чье детство прошло в Томске.

Хронологические рамки исследования, зафиксируем как 1958 – 1984 гг. В 1958 г. Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [4]. Его основная цель сводилась к развитию коммунистического мировоззрения у молодых людей, а также

знакомство с основами рабочих профессий. А в 1984 г. началась реформа общеобразовательной школы [3], которая задумывалась как способ улучшения и модернизации образовательной системы, ее результаты до сих пор оцениваются, как неоднозначные [5].

После постановления 1958 г., в Томске, как и во многих городах началось его плановое внедрение в жизнь. Как это происходило. Во-первых, пересмотр отношения со стороны руководства и учителей к предмету «труд». В школах создаются или переорганизовываются специальные кабинеты, к ученикам начинают предъявлять более высокие требования к освоению образовательной программы. *«Раньше я думал: не будет беды, если ящики для рассады окажутся разными по высоте или одна стенка ящика окажется толще другой. Ведь рассада-то все равно взойдет! Потом я понял, что это неправильно. На уроках труда мы должны воспитывать в учениках точность и аккуратность. Эти качества будут им необходимы в заводских цехах.»* – пишет учитель труда в школе № 43 А. Мартынов [7].

Особенностью постановления стало предложение о получении школьниками специальности, приближенной к жизни. В рамках производственной практики их отправляют на ключевые городские предприятия, согласно территориальной близости к производствам: подшипниковый завод, «Сибэлекторомотор», «Томкабель», «Манометр». Здесь они должны начать узнавать основы рабочих профессий. Реализация программы сталкивается с рядом сложностей. Дефицит кадров, не желание рабочих заниматься дополнительной нагрузкой в виде обучения кого-либо, отсутствие реальной работы для них приводит к тому, что, приходя на завод школьники фактически предоставлены сами себе.

Общественные дискуссии о целесообразности такого обучения, автоматизация производственных процессов, отсутствие заинтересованности у потенциальных работодателей привело к тому, что в конце 60-х гг. школьники перестали приходить на заводы для прохождения практики. Однако, потребность в знакомстве с разными специальностями сохраняется, но она воплощается в другой форме. В 1974 г. Совет Министров СССР принимает постановление «Об организации межшкольных учебно-производственных комбинатов» [2].

В Томске открывается 4 УПК, в каждом районе города. Здесь старшеклассники проходят двухгодичное обучение по выбранной профессии, посещая раз в неделю комбинат вместо школы. В конце сдают экзамены и получают диплом о получении специальности. Томские УПК предлагали освоить навыки швеи-мотористки, штукатура-маляра, сборщика мебели, автомехаников, радиомонтажников, плиточников.

Реализация программы со стороны официальных источников оценивается, как положительная и успешная. Иное мнение имеют сами школьники, прошедшие через УПК. Респонденты говорили о том, что, посещая эти занятия часто они не понимали их цели, и как им это пригодится в жизни. Для многих учеба здесь воспринималась, как возможность дополнительного общения со сверстниками. Реальные навыки рабочей профессий из более 20 опрошенных получили только трое.

Стоит отметить, что организация УПК привела к содержательной трансформации трудового воспитания. Ранее труд был важен сам по себе, появление УПК вводит такие категории, как право выбора профессии, собственный интерес и наклонности к какой-то специальности, о чем в 60-е не говорилось вообще.

В связи с этим в школах города начинает активное развитие профориентационная работа, направленная на расширение представлений у детей о разных профессиях. Педагоги предлагают разнообразные способы и формы работы с детьми в этом направлении: подготовка сочинений о занятости родителей, о работе

мечты. Организовываются экскурсии на заводы, встречи с передовиками производства, выставки «Золотые руки», игра «защита профессий» [1, 6].

Все вышеперечисленные инициативы, условно можно отнести к знакомству с трудом, как у взрослого, «реальному» труду. Но, важной частью трудового воспитания школьников становится и «помогающий» труд. Так, например, была летняя трудовая четверть, когда во время каникул ученики делали ремонт или отправлялись в колхозы и совхозы. Имело место социальная направленность такой деятельности: помощь ветеранам, шефство, озеленение города.

Трудовая занятость школьников была постоянным объектом внимания со стороны государства. За исследуемый период некоторые практики трансформируются, какие-то остаются неизменными («помогающий» труд). А для привлечения школьников к «реальному» труду предлагаются разные способы и формы.

Труд для советского ребенка был не только сферой общественно-полезной деятельности, но и своего рода ценностной ориентацией, к которой нужно стремиться, а также обязательной частью школьной жизни.

Список литературы

1. Государственный архив Томской области. Ф. Р-1792. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–4.
2. Об организации межшкольных учебно-производственных комбинатов трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся: постановление Совета Министров СССР от 23 авг. 1974 г. № 662 // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2023. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_8398.htm (дата обращения: 05.06.2023).
3. Об основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы: Постановление Верховного Совета СССР от 12 апр. 1984 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2023. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_12023.htm (дата обращения: 05.06.2023).
4. Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования: закон СССР от 22 дек. 1958 г. // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. [Б. м.], 2023. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5337.htm (дата обращения: 05.06. 2023)
5. Овчинников А. В. О реформе советской школы 1984 года // Пространство и Время. 2014. №4 (18). С. 190 – 194.
6. Служба профориентации в школе // Красное знамя. 1978. 2 марта.
7. Уроки труда // Красное знамя. 1961. 30 июня.
8. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 17.02.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 28.02.2023). Статья 34. Пункт 4. // КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. М., 2023.

УДК 93/94

Применение понятия «репродуктивная стратегия» для изучения репродуктивного поведения в демографической истории

Копылов Иван Владимирович
кандидат исторических наук, доцент
Сибирский государственный университет науки и технологий
им. М.Ф. Решетнева
Красноярск, Россия
Kopilov_ivan@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-4274-2461

АННОТАЦИЯ В статье описываются преимущества применения устоявшегося в эволюционной психологии понятия «репродуктивная стратегия» при изучении репродуктивного поведения в рамках демографической истории, обусловленные реалиями современного состояния исторической науки после «антропологического поворота». Дана классификация затруднений, возникающих при использовании классического понятия «репродуктивное поведение», выделены понятийные, методологические и практические проблемы. Предложены пути их решения.
В силу того, что в исследованиях эволюционных психологов отсутствует чёткое определение понятия «репродуктивная стратегия» (что является проявлением постмодернизма в постнеклассической науке) в статье предпринимается попытка дефиниции этого понятия. Предложены следующие формулировки: в случае если репродуктивная стратегия является осознанной, то её можно определить, как деятельность индивидуума, направленная на удовлетворение потребности в детях (включая потребность в их вынашивании и рождении (зачатии, если речь идёт о мужчинах), предполагающая выбор одной из сложившихся в обществе моделей (или разработку собственной) достижения этой цели. Если же репродуктивная стратегия является не осознанной, то фактически, это поведение, направленное на удовлетворение потребности в детях (включая потребность в их вынашивании и рождении (зачатии, если речь идёт о мужчинах), предполагающее бессознательный выбор одной из сложившихся в обществе моделей достижения этой цели. Обозначенные модели не являются универсальными, а зависят от исторических реалий конкретного общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Демографическая история, репродуктивное поведение, репродуктивная стратегия.

В 1990-е годы в исторической науке произошли заметные изменения. в методологии и исследуемой проблематике. В результате критики традиционных методов изучения прошлого со стороны представителей антропологических школ стало ясно, что на сегодняшний день для изучения некоторых тем нередко применяются устаревшие и несовершенные статистические, социологические и исторические методы. Особо остро это проявляется при изучении демографической истории, когда на объект и предмет изучения существенное влияние оказывают не только объективные, но и субъективные факторы. Одной из таких тем является репродуктивное поведение, привлекающее повышенное внимание в связи с обострением демографических проблем после распада СССР.

Изучение репродуктивного поведения обладает не только социальной, но и научной актуальностью, так как нацелено на формирование современной междисциплинарной методологии, совмещающей в себе методы постнеклассической и «постмодернистской» науки. Первые позволяют наиболее эффективно изучать общественные институты и общие закономерности развития демографической сферы общества, а вторые – глубинные изменения в общественном сознании

формирующегося населения и воссоздание его состояния через сознание субъекта, жившего в обозначенный период.

Сегодня существует множество проблем, связанных с изучением репродуктивного поведения. Условно, их можно разделить на три большие группы: понятийные, методологические и практические.

Первая группа связана с определением понятия репродуктивного поведения. Это вызвано объективными факторами: на современном этапе развития социальных и гуманитарных наук это понятие вышло за первоначальные рамки в силу накопления как эмпирического материала, так и появления новых подходов к его изучению: специалисты вводят понятия «репродуктивные программы», «репродуктивные ресурсы», «репродуктивные рефлексы», «репродуктивная импотенция» и т.д. [8, с. 168 – 177; 9, с. 175 – 182].

Демографы, историки, социологи, психологи и другие специалисты вкладывают в понятие «репродуктивное поведение» совершенно разное содержание. Ведутся дискуссии, и даже представители одной науки, например, психологи, не могут прийти к консенсусу [8, с. 168 – 177; 9, с. 175 – 182; 14, С. 166 – 172]. Традиционные трактовки подвергаются критике. Нередко репродуктивное поведение исследуют в целом, не разделяя на прокреативное, матримониальное и сексуальное поведения и, тем более, не выделяя в нём отдельные структурные элементы, такие как репродуктивные потребности, установки, мотивы, интересы, целеполагание, планы, решения, последовательность действий, результаты действий [1, с. 112 – 115].

Само понятие репродуктивного поведения слишком громоздко [11, с. 248 – 256]. Поэтому появляются новые определения, призванные конкретизировать его и адаптировать под нужды конкретной науки. Например, А. Г. Вишневский исследуя общие закономерности развития демографической сферы, использует понятие видовой репродуктивной стратегии. Он отмечает, что в результате демографического перехода в XX в. произошло практически полное вытеснение элементов R-стратегии (связанной со ставкой на количество рожденных детей, а не на качество) человеческой популяции К-стратегией (делающей ставку на качество в ущерб количеству) [6, с. 8], причем, чем более развитой является страна, тем большую степень приобретает это замещение. Это свидетельствует о наличии надиндивуальных тенденций, обусловленных развитием общественных институтов и общества в целом и позволяет понять общие закономерности развития демографической сферы, что особо значимо для исторических исследований.

Таким образом, на данный момент можно констатировать отсутствие единообразия в применении понятия «репродуктивно поведение» даже в масштабах одной науки.

Вторая группа проблем при изучении репродуктивного поведения – методологические. На наш взгляд, для историка невозможно исследовать репродуктивное поведение исключительно с позиций описательного статистического подхода. Он не даёт глубинного понимания обусловливающих репродуктивное поведение процессов, так как часть их протекает в человеческой психике. Статистика фиксирует итог поведения, а не его истоки. В качестве определяющих репродуктивное поведение факторов, как правило, выделяются экономические и социальные [16, с. 112 – 117; 15, с. 106 – 111] или национальные и религиозные [13, с. 69 – 72]. Общественное сознание в большинстве случаев остается за скобками исторического исследования, что во многом обусловлено отсутствием адекватных методов его изучения. К тому же, другие социальные и гуманитарные науки не ориентированы на изучение общественного сознания «ушедшего» поколения, но именно в нём находятся истоки ряда демографических проблем, в связи с чем эта задача ложиться на историков. Но, в итоге большинство современных исследований в области изучения репродуктивного

поведения являются лишь воспроизведением описательной матрицы, основанной на воссоздании динамических рядов и написание комментариев к ним без их интерпретации.

В случаях изучения собственно репродуктивного поведения и его причин (в том числе мотивов отдельных индивидуумов), нередко всё сводится к выделению упрощенных «традиционной» и «современной» моделей. При этом грань между «традиционным» и «современным» репродуктивным поведением нередко весьма условна: ярчайший пример – это существование в современном обществе «традиционных» моделей поиска женщинами отца будущих детей, например, через религиозные общины (модель репродуктивной религиозности [23, pp. 327 – 334]) или «по знакомству». Также изменения репродуктивного поведения, как правило, пытаются «привязать» к каким-то чётко определенным хронологическим рамкам, игнорируя «наслоение» различных его моделей друг на друга в различные исторические эпохи. Так, распространение практики сожительства вернувшихся с фронта мужчин сразу с несколькими женщинами плавно перетекло из послевоенного периода в 1960-е годы.

Во многом методологические проблемы обусловлены состоянием источниковой базы. Большинство работ историков, посвященных репродуктивному поведению, строится на стандартных исторических источниках, прежде всего, статистических. Проблема заключатся в том, что, как справедливо отмечают психологи, репродуктивное поведение во многом бессознательное и рефлексивное, следовательно, его достаточно сложно изучать по привычным источникам [14, с. 168]. Даже если в руках историка оказываются результаты социологического опроса (а исследований по сексуальному поведению в 1960 – 1980-е годы практически не проводилось), высока вероятность подмены истинных мотивов субъекта так называемой мотивировкой, то есть замещения глубинных причин их рационализированной версией с различной целью (соответствие я-концепции, желание выглядеть определенным образом, самооправдание и т.д.), в связи с чем встает вопрос о верификации полученных данных. Если же опираться на документы органов власти и текущую статистику, то они явно не в состоянии дать ответ на интересующие нас вопросы, лежащих в сфере интимного. Следовательно, историк находится в достаточно сложной ситуации: он не может провести ни полноценное социологическое или психологическое обследование, ни уверенно опереться на государственную статистику.

Третья группа проблем при изучении репродуктивного поведения сводится к вопросу о применении полученных результатов на практике. Имеются существенные затруднения в формировании у школьников и студентов жизненных навыков в репродуктивной сфере и построении личной репродуктивной стратегии [4, с. 236 – 243], о чём наглядно свидетельствуют уровень разводимости и число абортов. Казалось бы, использование исторического опыта в данном случае крайне полезно как в качестве основы для практических рекомендаций (например, в вопросе о целесообразности любой политики, связанной с абортами или со стимулированием рождаемости), так и как воодушевляющий пример того, что женщины находили себе партнеров и будущих отцов для своих детей в более сложных по сравнению с современными условиями (например, в период ВОВ). Но бесконечная вереница цифр с последующими комментариями к ним вряд ли могут кого-либо воодушевить, передать опыт или дать ориентиры, а статистика без интерпретации стать серьёзным подспорьем в создании государственной демографической политики.

Резюмируя и дополняя вышесказанное, можно отметить следующее: понятие «репродуктивное поведение» не имеет однозначного, общепринятого толкования, слишком громоздко, а стоящие за ним процессы не предусматривает единого

инструментария для своего изучения, а также не позволяет исследовать модернизационные процессы в целом, учитывая трансформацию общественного бытия и общественного сознания. Это обусловлено тем, что оно появилось ещё до начала так называемого «антропологического поворота» и, следовательно, имеет только статистическое, но не антропогенное измерение.

В связи с этим, для одновременного изучения общих закономерностей и субъективных характеристик репродуктивного поведения мы предлагаем историкам использовать наработки эволюционной психологии для его изучения, в частности понятие «репродуктивная стратегия», которое практически не применяется, несмотря на потенциал, продемонстрированный иностранными специалистами (Достаточно сложно выбрать наиболее фундаментальные работы из области эволюционной и социальной психологии связанные с демографической сферой. На наш взгляд это: [24; 20; 17; 22]). Но сразу же встает следующая проблема: западные исследователи, на наш взгляд, нередко чрезмерно увлекаются «постмодерниской модой» в следствие чего достаточно вольно обходятся с категориальным аппаратом. Это в свою очередь порождает очень расплывчатые и нечёткие формулировки, которые не всегда можно корректно перевести на русский язык. Поэтому необходимо самостоятельно дать адаптированное определение репродуктивной стратегии.

Репродуктивная стратегия, без всякого сомнения, направлена на удовлетворение определенной потребности, в частности - в детях. Однако среди демографов, социологов и психологов до сих пор ведутся дискуссии о её существовании и тождественности её репродуктивным потребностям. Делаются попытки разграничить понятия «потребность в детях» и «репродуктивная мотивация» [3; 8, с. 168 – 177; 9, с. 175 – 182; 14]. К тому же репродуктивные потребности можно подразделить на потребность в детях и в рождении или зачатии, при котором, по мнению психологов, сам процесс является самоценностью, что ещё больше углубляет путаницу в категориальном аппарате.

Тем не менее, на наш взгляд, наиболее удобным и корректным для изучения демографической сферы историками является именно понятие «потребность в детях». Данной точки зрения придерживаются большинство современных исследователей, понимая под этим понятием социально-психологическое свойство, проявляющееся в том, что без наличия детей или необходимого их числа индивид испытывает затруднения как личность [2, с. 115].

С позиций эволюционной психологии именно эта потребность входит в верхнюю ступень в их варианте пирамиды потребностей [19, pp. 292 – 314] (рис. 1.). На наш взгляд, именно эта потребность, а не обуславливающие её мотивы, которые достаточно сложно вскрыть и выстроить в иерархию, позволяет отследить модернизационные процессы в демографической сфере и объяснить влияние тех или иных общественных институтов на стремление населения её реализовать. К тому же существует длительный опыт изучения потребности в детях через такой показатель как желаемое число детей.

Рисунок 1. Пирамида потребностей, предложенная эволюционными психологами (иллюстрация взята из: [10, с. 112]).

Потребность в детях может быть вполне осознанной и бессознательной, а с позиции эволюционной психологии может включать как желание вырастить потомство, наделив его определенными социальными качествами, так и желание иметь потомство, выносить его или зачать.

Исходя из этого становится понятно, что репродуктивная стратегия направлена на удовлетворение потребности в детях и может быть осознанной и не осознанной, влияя на поведение индивидуума. Как свидетельствует ряд исследований [21; 18, pp. 63 – 76] самовыражение мужчин через творчество или вступление женщины в общественную организацию (например, в комсомол) могут быть направлены на привлечение потенциальных партнеров в первом случае и поиск надежного и верного, имеющего определенные взгляды на семью и отцовство мужа, во втором (речь идёт не биологическом детерминизме, а о вероятности такой ситуации для конкретного индивидуума).

Если репродуктивная стратегия является осознанной, то её главной характеристикой является наличие цели, которая в традиционной трактовке, понимается как желаемый образ будущего, а целеполагание – как осознание ближайшего результата, достижение которого осуществляет деятельность, способная удовлетворить потребности [5, с. 94 – 102]. Цель является неотъемлемым структурным элементом деятельности, а осознанная репродуктивная стратегия содержит и другие её элементы (средства, мотивы, последовательность действий и результат). Следовательно, можно сделать вывод, что осознанная репродуктивная стратегия – это деятельность индивидуума, направленная на удовлетворение потребности в детях (включая потребность в их вынашивании и рождении (зачатии, если речь идёт о мужчинах), предполагающая выбор одной из сложившихся в обществе моделей (или разработку собственной) достижения этой цели. Если же репродуктивная стратегия является не осознанной, то фактически, это поведение, направленное на удовлетворение потребности в детях (включая потребность в их вынашивании и рождении (зачатии, если речь идёт о мужчинах), предполагающая бессознательный выбор одной из сложившихся в обществе моделей достижения этой цели. То есть, если человек сознательно не вырабатывает свою репродуктивную стратегию, то он бессознательно копирует одну из исторически сложившихся в конкретном обществе моделей. Возможны и другие варианты, обозначенные наиболее вероятны и распространены.

Предложенные определения одновременно учитывают и внутренние мотивы, установки, идеалы индивида, и сложившиеся в обществе общественные институты.

Это позволяет исследовать репродуктивные стратегии на стыке традиционных советских номологических подходов (основанных на истмате и диамате) и достижений современных антропоцентрических школ. Это требует специальной синкретической методологии и выхода за рамки антагонизма постнеклассической науки и постмодернистских построений.

Сильной стороной эволюционной психологии, предлагающей понятие репродуктивной стратегии, является то, что она выделяет надындивидуальные особенности человеческой психики, универсальные по своей природе, одинаково характерные, например, для горожанина Красноярского края и для жителя сельской местности США. К тому же эти особенности проявляются в конкретных результатах (уровнях рождаемости, брачности, особенностях поведения у разных полов и т.д.), что имеет, в отличие от мотивов, конкретное статистическое измерение (общие, возрастные и суммарные коэффициенты рождаемости, различия в уровне смертности и средней продолжительность жизни у полов и т.д.).

Можно допустить, что репродуктивная стратегия предполагает варианты поиска (через знакомых, в образовательных учреждениях, на предприятиях народного хозяйства, через учреждения культуры и т.д.) и удержания партнера, набор предпочитаемых характеристик (возраст, социальный статус, уровень образования, материальное благополучие и т.д.) и другие аспекты, которые можно выявить через имеющиеся в распоряжении историков источники. Так возрастные предпочтения в поиске партнера можно реконструировать через статистику брачности, содержащуюся в годовых отчетах по естественному движению территориальных статистических органов (в качестве примера подобного исследования с указанием источников см.: [12, с. 95 – 105]), а сопоставить уровень образования супругов и их социальное положение – при помощи материалов единовременных выборных обследований молодых семей [7, а. 374, оп. 39, д. 8237].

Необходимо выявить все базовые и важнейшие структурные элементы репродуктивных стратегий, и, самое главное, вскрыв связь между исторической реальностью, непосредственно формирующей социальные нормы и модели поведения, обусловленную преимущественно состоянием экономического базиса конкретного общества. Это позволит ответить на принципиальный вопрос: как, где и среди кого представители конкретного поколения искали будущих отцов и матерей своих детей и насколько этот поиск был эффективен. Можно предположить, что для доаграрного, аграрного, индустриального и постиндустриального общества характерны разные репродуктивные стратегии, обладающие разной эффективностью, но, тем не менее, включающие в себя элементы предшествующих.

Таким образом, на наш взгляд, историку гораздо проще изучать репродуктивное поведение через предложенное понятие «репродуктивная стратегия». Это позволяет уделить внимание тому, что действительно можно изучить посредством имеющихся в распоряжении источников, а не «тонуть» в различных аспектах сексуального, прокреативного, матримониального поведения, а также в их различных структурных компонентах, число которых, благодаря усилиям современных психологов и социологов, постоянно увеличивается.

Наличие конкретного, сформулированного понятия в дальнейшем позволит выделить типы, виды и структурные элементы репродуктивных стратегий, что позволит вскрыть связь общественных институтов (государства, школы, семьи, производства, производственных отношений и т.д.), определяющих исторический процесс и индивида. Во-первых, это даст возможность углубить разработку проблемы соотношения объективного и субъективного в историческом процессе (что же первично – бессознательные или осознанные потребности людей, или же процесс модернизации общественных институтов). Во-вторых, это позволит отбросить в

сторону ненужные подробности, относящиеся к предметам других наук и выработать наиболее эффективный инструментарий изучения репродуктивного поведения в реалиях современной науки. В-третьих, изучение того, какие репродуктивные стратегии в истории прошедшего века давали наибольший эффект для желающих обзавестись семьей и потомством должны помочь найти ответ на этот вопрос и сегодня.

Список литературы

1. Андрощук В. А. Репродуктивное поведения как часть общего поведения семьи // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2013. № 1. С. 112 – 115.
2. Антонов А. И. Проблемы социологического изучения репродуктивного поведения семьи // Вопросы теории и методов социологических исследований. М., 1974.
3. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи. М.,1996. 304 с.
4. Беляева М. А. Кто поможет молодежи в построении личной репродуктивной стратегии? // Мир образования – образование в мире. 2009. №1. С.236 – 243.
5. Братухин А. Г., Магазева Е. А. Мотивационные объекты и способы достижения цели в репродуктивном поведении молодежи // Современные проблемы науки и образования. 2015. №5. С. 94 – 102.
6. Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида // Демографическое обозрение. 2014. Т1. №1. С.6 – 25.
7. Государственный архив Российской федерации Ф. А. 374. Оп. 39. Д. 8237.
8. Ильясов Ф.Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. №1. С. 168 – 177.
9. Ильясов Ф.Н. О репродуктивном поведении и не только (продолжении дискуссии) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. №4. С. 175 – 182.
10. Кенрик Д. Секс, убийство и смысл жизни. СПб., 2012. 224 с.
11. Копылов И. В. Проблема понятия «репродуктивное поведение» в отечественной исторической демографии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2016. С. 248 – 256.
12. Копылов И. В. Распределение браков горожан Красноярского края по возрасту жениха и невесты в 1960-е – 1980-е годы как характеристика репродуктивной стратегии // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск, 2018. С. 95 – 105.
13. Нуман А. С., Лебедев А. А., Зарубина А. В. О проблемах народонаселения, репродуктивном поведении и демографической политике в развитых и развивающихся странах // Земский врач. 2012. №6. С.69 – 72.
14. Солодников В. В. О потребностях в детях и репродуктивном поведении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. №4. С. 166 – 172.
15. Тараканов М. Ю. Трансформации традиционной модели брачного поведения населения Нижнего Тагила в 1920-е гг. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 2015. № 4. С. 106 – 111.
16. Черезова О. Г. Рождаемость и смена репродуктивных установок населения Свердловской области в 1960–1970-е гг. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 2014. № 3. С. 112 – 117.
17. Gardner H. The minds new science: A history of the cognitive revolution. New York, 1985. Pp. 209 – 216.
18. Griskevicius V., Cialdini R. B., Kenrick D. T. Peacocks, Picasso, and parental investment: The effects of romantic motives on creativy // Journal of Personality Social Psychology. № 91. Pp. 63 – 76.
19. Kenrick D. T. Renovating the pyramid of needs: Contemporary extensions built upon ancient foundations // Perspectives on Psychological Science. 2010. № 5. Pp. 292 – 314.
20. Lancaster J. B. Primate behavior and the emergence of human culture. New York, 1976. 98 p.

21. Miller G. F. The mating mind: how sexual shoice shaped the evolution of human nature. London. 2001. Pp. 1 – 16.
22. Nowak A., Vallacher R.R. Dynamical social psychology. New York, 1998. Pp. 1 – 19.
23. Weeden J., Cohen A. B., Kenrick D. T. Religiouse attendance as reproductive support // Evolution and Human Behavior. 2008. 29. Pp. 327 – 334.
24. Wilson E. O. Sociobiology: The new synthesis. Cambridge, 1975. 697 p.

УДК 94 (352). 908

Вопросы опеки и попечительства над малолетними детьми в крестьянской среде в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

Кучерова Ирина Владимировна
Старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела
Краевое государственное бюджетное учреждение культуры Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское»
Россия, п. Шушенское
berzina2010@mail.ru
ORCID ID: 0009-0007-2386-2155

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрены материалы по вопросу опеки над малолетними в крестьянской среде. Долгое время царское правительство обязательство по опеки и попечительству делегировало крестьянской общине, которая осуществляла как социальный, так и отчасти правовой контроль за своими членами. Представлена законодательная база вопроса и ее применение, а также использованы материалы местных архивов для формирования более полной картины того, как дела опеки и попечительства обстояли в Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Опека, сиротство, Российская империя, Енисейская губерния, крестьянская община, имущество.

Социальные вопросы в современном российском обществе становятся все более актуальными. Они охватывают сложные механизмы взаимодействия государства и разных слоев населения. Особое место занимает детский вопрос, в котором можно выделить такую позицию как положение сирот и опекунство. Применение законодательной базы в вопросах опеки и попечительства в настоящее время показывают, что данный институт социальной сферы работает недостаточно эффективно и требует дополнения и пересмотра правовых основ в этом вопросе. При реформировании социальной сферы необходимо учитывать не только современное состояние общества, но и опираться на исторический опыт предыдущих поколений. В этой ситуации возникает необходимость изучения правового регулирования вопросов опекунства в крестьянской среде в Российской империи по второй половине XIX – нач. XX вв., т. к. именно крестьянство являлось основной частью населения дореволюционной России. Необходимо также учитывать местную специфику разных регионов Российской империи (материалы данной статьи основаны на данных по Енисейской губернии).

Традиционно на сельскую общину возлагалась функция социальной защиты своих членов. Одним из важнейших элементов этой защиты была опека над сиротами. Основывалась она на правовых обычаях русской деревни и религиозных представлениях крестьян. Законодательная база Российской империи долгое время четко не регламентировала отношения между опекунами и сиротами.

После отмены крепостного права и издания «Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» в статье 51 этого документа было закреплена за сельскими сходами обязанность назначать опекунов и провеять их деятельность [5, с. 148]. Не смотря на то, что распространено Положение на крестьян Енисейской губернии было только в 1882 г. крестьяне осуществляли контроль за опекунами на основании Устава о благоустройстве в казенных поселениях [16]. Где также указывалось об обязанностях схода осуществлять контроль за опекуном и его деятельностью. Руководствуясь местными обычаями, сельский сход назначал

опекунов над сиротами таким образом: право первой очереди предоставлялось матери (ее считали «естественной» опекуншей). Например, после смерти в 1889 г. крестьянина с. Шушенского С. Я. Петрова опекуншей детей (их в семье было 5) стала его жена П. О. Петрова. Петров был крестьянином зажиточным, вел торговлю зерном [10]. Однако вести дела мужа Прасковья Олимпиевна не смогла, ее обманули родственники, и чтобы прокормить себя и детей она вела хозяйство и сдавала в наем комнаты в доме, двухэтажный амбар и флигель.

В ряде случаев мать не могла исполнять свои обязанности, тогда опекунами становились близкие родственники или же кто-то из односельчан (с условием, что человек был благонадежный и хорошего поведения).

Следующим законодательным актом, закрепляющим функции опеки и попечительства над сиротами стало Высочайше утвержденное мнение Государственного совета «О порядке отчуждения имуществ малолетних крестьян» [6, с. 44]. В нем указывалось, что сельские сходы наделялись правом отчуждать припасы и вещи малолетних крестьян, подлежащие скорому тлению или другим тратам, также движимое и недвижимое имущество могло быть отчуждено в случае необходимости уплаты долгов, повинностей или же если требовались деньги на содержание опекаемых.

12 июля 1889 г. было принято и распространено «Положение о земских участковых начальниках». В Енисейской губернии это положение было распространено только в 1898 г. Во «Временном положении о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской» в ст. 24 указано, что крестьянский начальник представляет в общее присутствие губернского управления на утверждения приговоры сходов о разрешении продажи принадлежащих малолетним крестьянам недвижимых и движимых имуществ, а также жалобы на эти приговоры и свои заключения по ним [3].

Еще одним правовым актом, регламентирующим механизмы работы опеки, стал указ «О порядке назначения опеки над имуществом умерших крестьян, бывших приписанными к волости, и над личностью и имуществом остающихся после них малолетних детей» [15] от 23 ноября 1902 г. В этом документе разграничивались функции сельского схода и волостного правления по вопросам опеки. Для сельского схода четко оговаривались предметы их ведомства относительно опекунов, а волостному правлению вменялись обязанности по проверке действий опекунов и попечителей.

К началу XX в. статьи, касающиеся вопросов опекунства, были включены в Законы гражданские как один из разделов и дополнены. Так в Своде законов гражданских были четко выделены два рода опеки и попечительства: над несовершеннолетними и над безумными, сумасшедшими, глухонемыми и немыми. Несовершеннолетние делились на три категории: от рождения до 14 лет. От 14 до 17 лет и от 17 до 21 года. Первые две категории не могли ни коем образом распоряжаться своим имуществом, т. к. находились под полной опекой. С 17 лет опекаемый частично получал право управлять своим имуществом, но с определенными ограничениями. В ст. 241 указывалось, что опека в крестьянской среде осуществлялась на основании Законов о состоянии и Особые приложения к этим законам [14].

Вся документация, относящаяся к опеке над малолетними, формировалась в особые дела, хранившиеся в волостном правлении. В эту документацию входили: приговоры сельских сходов, описи имущества и различные отчеты по проверкам. Были созданы специальные формы отчетов. Но в большинстве случаев местные писари самостоятельно чертили таблицы и описывали имущество опекаемых.

Ежегодно опекун должен был представлять отчет на сельском сходе об имуществе опекаемых и самих сиротах. Однако отчеты составлялись формально и о

самих малолетних детях информации не предоставлялось. Примером может служить отчет по опеке над имуществом умершего крестьянина деревни Табатской Шушенской волости (Минусинского округа) Агапа Полежаева 1865 г., в котором указано, что «оставшееся имущество на 1866 г. приняла на свою ответственность мать сына своего Гурьяна Полежаева 21 года крестьянка Марья Лукина Голощапова по случаю смерти опекуна 2-го мужа ея Ивана Федорова Голощапова» [2], т.е. после смерти Агапа Полежаева опекуном стала не мать. А ее второй муж, по смерти которого она взяла в дальнейшем опеку на себя. Сам отчет представляет собой таблицу с примечанием, в котором указано, что прибыли за 1865 год не было, а наоборот пала корова (стоимостью 6 р.) и в результате от имущества, составляющего 19 р. 50 коп. серебром. Осталось на начало 1866 г. только 13 р. 50 коп. В тексте отчета никак не отражена информация о состоянии и положении опекаемых детей. Это только один пример того, как на самом деле обстояли дела с опекой.

Не смотря на наличие законодательной базы. Крестьяне на протяжении второй половины XIX – нач. XX вв. по-прежнему вопросы опеки решали, основываясь на обычаях и традициях. В. Б. Безгин в своем исследовании отмечал: «Крестьянская опека над сиротами основывалась как на проявлении традиций христианского милосердия, так и на действии правовых обычаев русской деревни» [11, с. 130]. Следует отметить, что крестьянские традиции в области призрения малолетних детей были единообразны и не всегда соответствовали букве закона.

В циркуляре №10 направленном сибирским губернаторам от 10 мая 1885 г. указывается на то, что «в делах Министерства внутренних дел имеется многочисленные указания на часто повторяющиеся случаи растраты имущества состоящих под опекой малолетних крестьян, и вообще на крайне неудовлетворительное положение опекунского дела в селениях, благодаря отсутствию всякого контроля над опекунами, назначенными сельскими обществами и над распоряжениями самих обществ по назначению опекунов и надзору за их деятельностью» [7]. Также в этом циркуляре указывалось, что крестьянские учреждения неправильно толкуют права, предоставленные им по отношению к опекунскому делу.

Даже после введения в Енисейской губернии должности Крестьянского начальника ситуация не изменилась с опекунским делом. В своем отчете А. А. Корнилов (чиновник особых поручений V класса при Иркутском военном Генерал-губернаторе) указывает на плачевное состояние опеки в селениях Енисейской губернии. Он пишет о том, что немногие крестьянские начальники обратили должное внимание на дела опеки. Хотя в их обязанности входит контроль за этой сферой. Также Корнилов указывает на то, что во многих волостях укоренился обычай назначать опеку над имуществом и детьми только в том случае, когда дети остаются круглыми сиротами, или когда вдова при малолетних детях выходит замуж, или явно растрачивает оставшееся после мужа имущество [12].

К концу XIX в. несмотря на совершенствование законодательной базы, не качественно велся и учет опекунов, делалось все в большей степени формально (отчеты, подаваемые опекунами на сельских сходах, по-прежнему не имели подробностей, а сводились лишь к подсчету имущества опекаемых и расходам). Примером может быть отчет об опеке за 1885 – 1886 гг. по Шушенской волости. В нем отражены только данные о название опеки (например, «над имуществом умершего крестьянина с. Субботинского Николая Коновалова»), количество опекаемых малолетних детей, общая стоимость имущества, а также расходы и доходы от этого имущества. Из 28 опек, представленных в данном отчете, только в трех отмечены доходы от опеки, расходов по содержанию также указано три [7]. По факту из таких отчетных документов не видно, как велось хозяйство опекаемых, в каком оно

находилось состоянии, получен ли доход от пашни, если ее сдавали в аренду, каков был урожай, если опекун сам занимался пашней и пр. Эта формальность часто приводила к тому, что к совершеннолетию опекаемого имущества оставалось немного, либо не оставалось совсем.

Таким образом, институт опеки у крестьянства в Енисейской губернии складывался на основе не только обычного права, но опирался на законодательную базу. Хотя стоит отметить, что состояние опекунского дела находилось не в лучшем состоянии: были множественные нарушения закона, неправильно велась документация и очень часто нарушались права опекаемых, которые в силу возраста не могли обратиться в государственные учреждения для защиты своих прав.

Список литературы

1. Анучин Д. Г. Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью: в 8 т. / Д. Г. Анучин. Иркутск: Тип. Н. Н. Синицина, 1883. Т. 6, Вып. 1: Преобразование общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири. 199 с.
2. Архив города Минусинска. Ф.42. Оп. 1. Д. 1508.
3. Высочайше утвержденное Временное Положение о Крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской // Полное собрание законов Российской империи (1881 – 1913). СПб.: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1913. Т. 18. № 15503.
4. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета О преобразовании общественного управления государственных крестьян Восточной Сибири // Полное собрание законов Российской империи (1881 – 1913). СПб.: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1913. Т. 2. № 825.
5. Высочайше утвержденное Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости // Полное собрание законов Российской империи (1825 – 1881). СПб.: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1913. Т. 36, Ч.1. № 36657.
6. Гордеева М.А. Традиции опеки у крестьян Томской губернии в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №3. С. 43 – 48.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф.807. Оп.1. Д.116. Л.1, Л. 76 – 78.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф. 807. Оп. 1. Д. 69.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. 595. Оп. 2. Д. 49.
10. Дом Прасковьи Олимпиевны Петровой // shush.ru: официальный сайт Музея-заповедника «Шушенское», 2023. URL: http://www.shush.ru/objects/eksponat/005.php?sphrase_id=16770 (дата обращения: 16.06.2023).
11. Заколодная В. Н. Организация и функционирование крестьянской опеки над сиротами в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2010. С. 129 – 136.
12. О нуждах и вопросах крестьянского дела, обнаруженных при ревизии крестьянских учреждений Иркутской и Енисейской губернии осенью 1899 г. / сост. А. А. Корнилов. Иркутск: Тип. газ. «Вост. Обозрение», 1900. – 217 с.
13. Осипова М. П. Юридические обычаи крестьянства по опеке малолетних (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. №4. С. 180 – 185.
14. Свод законов гражданских // Свод законов Российской империи. СПб., 1902. Т. 10. Ст. 225 – 238. С. 22 – 23.
15. Положение о сельском состоянии // Свод законов Российской империи. СПб., 1902. Т. 9. Особое Приложение. Ст. 1 – 112. С. 1 – 27.
16. Уставы о городском и сельском хозяйстве, о благоустройстве в казенных и казачьих селениях, и о колониях иностранцев в империи // Свод законов Российской империи. СПб.: Тип. II отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1857. Т.12. Часть II. С. 217 – 324.

УДК: 94(57) + 396.5

Трудящиеся матери и материнский труд в городах Сибири 1950-х – 1980-х гг.

Сентябова Мария Викторовна
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии
Красноярский государственный аграрный университет,
кафедра истории и политологии
Красноярск, Россия
m.v._redko@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1770-3875

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме соотнесения материнства и женского труда в городах Сибири второй половины XX в. На материале Новосибирской области, Иркутской области и Красноярского края автор изучает факторы, влияющие на объем бытовой занятости трудящихся матерей и на обеспечение условий для совмещения материнства с производственной деятельностью путем защиты трудовых прав женщин. Большое внимание в статье уделено состоянию жилищно-бытовых условий в городах Сибири, уровню механизации домашнего труди и развитию сферы социально-бытового обслуживания граждан

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Женский труд, материнство, гендерная история, Сибирь, XX век

Общественно-политические и культурные трансформации, переживаемые Населением Сибири во второй половине XX в., неизбежно сказываются на изменении размеров, состава и структуры сибирской семьи. Причем наиболее заметными эти изменения были у городского населения как у сильнее всего затронутого модернизационными процессами. Все это неизбежно меняет роль и положение женщины как в семье, так и в обществе.

Преобладающее количество семей в городах Новосибирской, Иркутской областях и красноярском крае имели несовершеннолетних детей [19, с. 123 – 125]. В 1955 – 1989 гг. материнство, за крайне редкими исключениями, было неотъемлемым фактом биографии жительниц Новосибирска, Красноярска или Иркутска. Одновременно растет и женская занятость. Так, на 1960 г. в Красноярске почти 72% женщин трудоспособного возрасты были заняты в народном хозяйстве, из них в промышленном производстве – 48,6%. В малых городах края среди занятых в народном хозяйстве удельный вес женщин составлял в среднем 42,3% [7, с. 264].

Труд женщин на производстве и в сельском хозяйстве был достаточно востребован народным хозяйством Сибири, но совмещение этого труда с материнством сопровождалось целым рядом проблем. С одной стороны, тяжелый физический труд, особенно осуществляемый в неблагоприятных условиях, мог отрицательно сказываться на детородных функциях женского организма. Исследование, проведённое на базе Красноярской городской клинической больницы № 2 показало, что здоровые новорожденные у матерей, работавших на производстве синтетического каучука, чаще рождались с более низкой или наоборот, слишком высокой массой тела (ниже 3 000 гр. или выше 4 000 гр.), чаще имели выраженную вялость и снижение двигательной активности, по сравнению с детьми матерей, не попавших под влияние вредных факторов на производстве [21, с. 207 – 208].

Часто сама организация женского труда на предприятии влияла на осуществление присмотра, питание детей, особенно младенцев. Например, в поселке Черемушки Кировского района Красноярска в 1965 г. 86 % детей в возрасте до 1 года находились на искусственном вскармливании и раннем прикорме, что объяснялось

отдаленностью данного поселения от промышленных предприятий – мест работы матерей [8, л. 16].

Методом решения этой проблемы выступало предоставление работающим женщинам отпуска по беременности и родам. Согласно указу Президиума ВС СССР от 8 июля 1944 г. была установлена установил продолжительность такого оплачиваемого отпуска в 77 дней, из которых 35 дней до родов и 42 – после. Будущих матерей было запрещено привлекать к сверхурочным работам на сроке более четырех месяцев беременности, а матерей, имеющих грудных детей – к работам в ночное время. [18]. В 1956 г. размер отпуска по беременности и родам был увеличен до 112 дней (56 дней до и 56 – после родов) [20, с. 377]. Так же женщины получают право на неоплачиваемый отпуск продолжительностью до трех месяцев после отпуска по беременности и родам. Женщины, оставившие работу из-за рождения ребенка, могли сохранить непрерывный трудовой стаж, если устраивались на работу в течение года с момента родов [11]. С 1957 г. женщины-работницы и служащие могли получать пособие по беременности и родам не зависимо от наличия непрерывного трудового стажа на предприятии или места службы [13]. С июля 1968 г. матери грудных детей получили право на отпуск без сохранения заработной платы до достижения ребенком возраста 1 года [12].

Однако эти меры были явно недостаточны. К 1960 г. в малых городах Красноярского края женщины составляли до 85% всех неработающих, из них от 50 до 65 % были заняты уходом за малолетними детьми [7, с. 264]. К 1979 г. в городах Новосибирской области в домашнем и личном подсобном хозяйстве было занято 16951 женщин трудоспособного возраста, в Иркутской области – 16267, в Красноярском крае – 19307, из них две трети составляли матери с детьми младше 16 лет. При этом на вопрос о желании работать положительно отвечали более 80% матерей [17, лл. 8, 77, 137].

Наличие детей создавало трудности для профессиональной реализации и трудящихся женщин. Исследование бюджетов времени, проводившееся в 1959 г. в Новосибирске, показало, что рождение ребенка уменьшало свободное время мужчин на 21%, а женщин – на 30%, появление второго – на 33 и 40% соответственно [16, с. 132]. Менялась и структура свободного времени: в большинстве случаев женщины, создав семью, посвящали ее обеспечению все свое свободное время, отказываясь от обучения и самореализации вне домашнего очага [6., с. 143]. Так, в Красноярском крае в 1957 г. из женщин в возрастной группе от 15 до 35 лет и не имеющих среднего образования, в качестве причины, мешающей это образование получить 44 % называли наличие детей [1, л. 3].

Частично подобная ситуация объясняется большей по сравнению с мужчинами занятостью женщины в бытовом и обслуживающем труде. В начале 1960-х гг. в городах Сибири хозяйственные дела отнимали в среднем 2 часа в день у мужчины и около 5 часов у женщины. К концу 1960-х гг. эти цифры сокращаются до 1,5 часа и 4 часов соответственно [16, с. 319].

На объемы бытовой занятости женщин сильно влияли два фактора. Первый из них это состояние жилищно-бытовых условий, доступ к чистой воде, канализации, доступность продуктов питания и материальных благ. Второй – развитие механизации домашних работ и совершенствование системы бытового обслуживания.

Исследования, проведённые С. А. Рафиковой, показали, что в 1960-е гг. почти каждый десятый житель Красноярска, фактически жил сельским укладом [14, с. 201]. Часто в бытовом плане наиболее неустроенными оказывались строящиеся районы возле новых промышленных предприятий, заселявшиеся в основном мигрантами из деревень или из других регионов. Не смотря на постоянный рост количества благоустроенного жилья на протяжении 1970-х – 1980-х гг., доля частной застройки в

Новосибирске, Красноярске и особенно Иркутске продолжала оставаться достаточной высокой. Даже к 1989 г. из тысячи красноярских семей, проживающих в индивидуальных домах, только 72 имели водопровод и 14 – канализацию [3, лл. 7, 10, 11, 19].

Если же говорить о механизации бытового труда, то с конца 1950-х гг. доступность бытовой и кухонной техники для населения резко выросла, во многом благодаря системе беспроцентного кредита, что положительным образом сказывалось на объемах домашнего труда. Так, в Новосибирске в 1970 г. холодильник имели 23 семьи из 100, стиральную машину 56 семей, пылесос – 44. К 1980 г. количество холодильников и стиральных машин выросло до 85 и 96 на 100 семей соответственно, а вот количество пылесосов, наоборот, сократилось до 29 на 100 семей [10, с. 203]. Однако даже в 1970-х – 1980-е гг. охват населения бытовыми приборами не был стопроцентным, что сильно сказывалось на объёмах бытового труда.

В системе социально-бытового обслуживания населения наиболее сильно на объемы домашнего труда женщин влияла доступность детских садов и яслей, которая на протяжении всего исследуемого периода была явно недостаточной. Так, в 1955 г. в городах Красноярского края местом в яслях были обеспечены только 30% детей в возрасте до 1 года. Только в Минусинске в очереди в ясли стояло 80 матерей, 70% из которых составляли матери-одиночки. К 1959 г. обеспеченность яслями в городах Красноярского края составляла 12 на 1000 населения при норме 30 на 1000. Не имели яслей такие крупные предприятия как райТЭЦ, где работало 1500 женщин, управление связи (2000 женщин), завод самоходных комбайнов. Для соблюдения нормы только в Красноярске к 1963 г. с учетом роста численности населения необходимо было иметь не менее 150 яслей на 15 тыс. мест – чего, как мы знаем, так и не произошло [3, лл. 4 – 6]. Сильнейшая нехватка мест в детских дошкольных учреждениях наблюдалась в городах Иркутской области. В Иркутске в 1957 г. действовали 41 ясли на 2205 мест, а очередь в ясли насчитывала 3500 детей [4, л. 150]. Мест в детских садах не хватало, тысячи семей стояли в очередях.

При этом стоит учитывать, что детские сады и ясли не только высвобождали труд матерей для народного хозяйства, но и так же сокращали временные затраты на организацию питания малолетних детей в будние дни. Подобный эффект на домашнее хозяйство оказывало и распространение общественного питания в школах и на предприятиях. И это неудивительно, ведь примерные затраты сибирских горожанок на обеспечение питания С. А. Рафикова оценивает в 40% времени всех домашних работ [16, с. 333]. Чистка, нарезка, готовка, организация диеты и обычного питания, уборка после еды, заготовка впрок составляли значительную часть домашнего труда, отнимая у женщин много свободного времени, а зачастую сна и отдыха. Как показывают в своем исследовании Н. В. Гонина и Р. В. Павлюкевич, ценность обеспечения семьи пропитанием для женщин могла даже выступать как аргумент в выборе места трудоустройства, например, на предприятие пищевой промышленности [7, с. 264 – 265].

Частично задачу по организации питания детей самого младшего возраста в крупных городах решали молочные кухни, обеспечивающие матерей молочными продуктами и мукой для детского питания. Но доступность сухих молочных смесей и плодовоовощных и мясных консервов для детей в крупнейших региональных центрах Сибири была крайне низкой [см., напр.: 5, л. 93], что вынуждало матерей младенцев тратить каждый день большое количество времени на приготовление сравнительно небольшой порции детской пищи. Кроме того, количество раздаточных пунктов молочных кухонь было явно недостаточно для больших городов, что вынуждало родителей тратить большое количество времени на дорогу и ожидание в очередях.

Другие отрасли бытового обслуживания на объемы домашнего труда влияли мало. Например, доля услуг прачечных в общем объеме бытовых услуг, оказываемых населению Красноярска с 1965 по 1980 гг. выросла всего с 3,3% до 6,9%, что было меньше, чем услуги фотоателье или ремонт обуви [9, с. 52].

Заключение

Проблема соотношения семейной и трудовой ролей женщины заключалась не только в том, что из-за больших затрат времени на исполнение домашних и материнских обязанностей женщины испытывали трудности с самореализацией и профессиональным ростом, хотя это немаловажный аспект. Больше других членов заботясь о благе семьи, женщины брали на себя основную ответственность за семейное благополучие. Это приводит к формированию ролевого конфликта: в результате необходимости материально обеспечивать растущие жизненные стандарты и стремления к более полной самореализации в различных сферах жизни женщина все более перестает быть исключительно матерью, женой и домохозяйкой [15, с. 158]. Рациональное стремление изменить сложившуюся ситуацию неизбежно приводило к трансформации репродуктивного поведения и семейно-брачных отношений.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1300. Оп. 3. Д. 66.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1300. Оп. 7. Д. 501.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1384. Оп. 4. Д. 110.
4. Государственный архив новейшей истории Иркутской области. Ф.Р-127. Оп. 50. Д. 55.
5. Государственный архив новосибирской области. Ф.Р-327. Оп. 1. Д. 1538.
6. Гонина Н. В., Вавиленко А. Ю. Многодетная мать в восточносибирском городе: провинциальные аспекты демографического перехода (вторая половина 1950-х – начало 1980-х годов) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16. № 1. С. 135 – 147.
7. Гонина Н. В., Павлюкевич Р. В., Вавиленко А. Ю. На обочине светлого пути: женский труд в пищевой промышленности в 1954 – 1964 годах (на материалах Красноярского края) // Научный диалог. 2019. № 11. С. 258 – 270.
8. Красноярский городской архив. Ф. Р-1024. Оп. 2а. Д. 162.
9. Летопись городов Сибири. Красноярск – 390: Стат. сб. / отв. ред. С. И. Березовская. Красноярск: Красноярскстат, 2018. 145 с.
10. Новосибирск. 110 лет. Информационно-статистическое издание. Новосибирск: «Полиада про», 2003 г. 235 с.
11. Постановление Совета Министров СССР от 13 октября 1956 г. №1414 «О дальнейших мерах помощи женщинам-матерям, работающим на предприятиях и в учреждениях» // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс». URL: https://docs.cntd.ru/document/765715366 (дата обращения: 10.05.2023).
12. Постановление Совета Министров СССР от 5 июля 1968 г. №517 «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» // Некоммерческая интернет-версия Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=730#zQuZYgStY4TBcCb5 (дата обращения: 11.06.2023).
13. Постановление Совета Министров СССР от 6 декабря 1956 г. №1586 «О порядке назначения женщинам-работницам и служащим пособий по беременности и родам и выплаты рабочим и служащим, заболевшим во время отпуска, пособий по временной нетрудоспособности» // Некоммерческая интернет-версия Консультант-плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44823#0EI5YgSK8gBCpAHP (дата обращения: 11.06.2023).

14. Рафикова С. А. «Формальные мигранты» сибирских городов // Женщины и мужчины в миграционных процессах прошлого и настоящего: в 2 ч. М.: ИЭА им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. Ч. 1. С. 200 – 203.
15. Рафикова С. А. Сибирская горожанка 1960-х: труженица и мать // Материнство и отцовство сквозь призму времени и культур: в 2 т. М.: Изд-во СмолГУ, ИЭА РАН, 2016. Т. 2. С. 155 – 158.
16. Рафикова С. А. Живая история повседневности: сибирские горожане в 1960-е годы. Красноярск: ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева», 2019. 484 с.
17. Российский государственный архив экономики. Ф.Р-1562, Оп. 336, Д. 7804.
18. Семейное и сопутствующее социальное и налоговое законодательство времен Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. // Музей истории российских реформ имени А.П. Столыпина. URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13843 (дата обращения: 10.06.2023).
19. Сентябова М. В. Изменение детности семьи в городах Сибири в 1970-х – 1980-х гг. // Гришаевские чтения. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. С. 121 – 127.
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1956 г. «Об увеличении продолжительности отпусков по беременности и родам» // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1956. С. 376 – 379.
21. Шарыпова З. А. Клиническая характеристика новорожденных детей, матери которых заняты в производстве синтетического каучука // Тезисы конференции, посвященной 25-летию Городской клинической больницы №2. Красноярск, 1983. С. 207 – 208.

УДК 930:314.5+314.6 «1960-1980»

Брачно-семейные отношения как фактор и продукт социокультурной модернизации восточносибирской деревни (1960 – 1980-е гг.)

Славина Людмила Николаевна
доктор исторических наук, профессор;
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева,
кафедра отечественной истории
Красноярск, Россия
200146@mail.ru
ORCID ID: 0009-0000-9991-8417

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрены ход и результаты модернизации брачно-семейных отношений в восточносибирской деревне в 1960 – 1980-х гг. в контексте ее общей модернизации. Показано, что они трансформировались в рамках общероссийских трендов, но с отставанием по времени и с количественными отличиями. В поведении сибиряков сильнее проявлялся контраст между традиционным и современным началами: они имели почти самую раннюю в РСФСР брачность и рождаемость, с одной стороны, и самые высокие показатели свободных браков и внебрачных рождений, с другой. В их брачно-семейной сфере ярче отразилась специфика демографической модернизации России, заключавшаяся в конвергенции традиционализма и современности. Используемый для оценки российской модернизации термин *консервативная* точно соответствует описываемой в статье ситуации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Восточная Сибирь, деревня, брак, семья, модернизация.

Модернизация – явление многосложное, не во всех сферах общества идущее синхронно и потому требующее дифференцированного изучения. Особо важен анализ модернизации ее субъективной составляющей – населения. В данной работе рассматривается процесс модернизации населения восточносибирской деревни как актора ее общей модернизации и в то же время продукта. Раскрыть всю полноту проблемы в рамках статьи невозможно. Поэтому ограничимся оценкой модернизации процесса демографического воспроизводства населения, и то не всего, а лишь его основания – брачно-семейных отношений, являющихся стартовым событием в демографии.

В центре исследования находится характер изменения матримониального поведения сельчан, степень его соответствия общероссийским и общемировым тенденциям тех лет и результат – уровень модернизации брачно-семейной сферы в деревнях Восточной Сибири в поздний советский период. Выбор нижней хронологической границы работы обусловлен тем, что к 1960-м гг. в основном закончилось послевоенное восстановление демографических процессов, и они стали вступать в новый этап развития. В это же время начался очередной этап индустриального освоения Сибири, вызванный провозглашением курса на строительство коммунизма в СССР, утопического по сути, но давшего реальный импульс модернизации региона. Верхняя граница – начало 1990-х гг. – конец советской эпохи. С ним совпало начало новой – депопуляционной – фазы в воспроизводстве населения. Информационную базу исследования составили материалы Всесоюзных и Всероссийских переписей населения. Их дополнили данные текущей демографической статистики.

Процессы перестройки семейно-брачных отношений и становления современного типа брака и семьи в деревнях Восточной Сибири шли в течение всего XX в. 1960 – 1980-е гг. стали очередным этапом этой перестройки. Главными действующими лицами на нем были послевоенные поколения, называемые сейчас бэби-бумерами. Все изменения в брачно-семейных отношениях в деревнях Восточной Сибири шли в рамках таких же перемен в ее городах и в России в целом. Государство уже не вмешивалось в них грубо, как в предыдущих 10-летиях, и они развивались по имманентно присущим им законам. Новая реальность, рожденная войной и модернизацией, расшатывала привычные образцы брачных биографий людей. Так, на рубеже 1960-х гг. брачно-семейные отношения несли на себе военный след: из-за большого дефицита мужчин уровень брачности у них был очень высоким, у женщин – низким. Диспропорция численности полов в деревнях Восточной Сибири была меньшей, чем в целом в селах РСФСР, и потому сибирячки имели более высокий уровень брачности, чем сельские женщины России в целом (табл.1).

Таблица 1

Состояние в браке сельского населения Восточной Сибири и РСФСР в 1959 – 1989 гг.*

Территория	На 1000 чел. в возрасте 16 лет и старше состоят в браке							
	1959		1970		1979		1989	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Восточная Сибирь	693	576	699	634	690	647	703	685
РСФСР	698	448	745	560	719	571	730	616

*Источник: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2, ч. 2. М.: [б.и.], 1972. С. 1186 – 1191; Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. II, ч. II. М.: [б.и.], 1989. С. 756 – 758; Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Ч. 1. М.: Росинформцентр, 1991. С. 120, 129.

С 1960-х гг. в модернизации демографического процесса начался новый этап, и не только в России. В развитых странах перемены в семейно-брачных отношениях стали столь радикальными, что дали основание назвать их совокупность вторым демографическим переходом. Его главными признаками являлись: повышение среднего возраста вступления в брак и рождения детей, широкое распространение фактических браков и внебрачных рождений, безбрачия и добровольной бездетности. Ряд этих признаков обозначился в деревнях Восточной Сибири, в частности, рост фактических союзов и внебрачных рождений. Но одновременно у сибиряков упрочивались черты традиционных браков. Конвергенция старого и нового стала главным признаком их брачно-семейных отношений в позднем советском периоде.

В 1960 – 1980-х гг. ускорилась модернизация и жизненной среды, и поведения населения в России: люди активизировали поиск оптимальной модели собственного жизнеустройства. Особенно это проявилось в деревне. Прежде судьба ее жителей, в основном колхозников, определялась государством (новые поколения тоже становились колхозниками). Но в сер. 1950-х гг. было разрешено выходить из колхоза и уезжать из деревни. Это встряхнуло сельский мир, в том числе брачные отношения – позволяло и ускользать от брака, и встречать свою судьбу в новом месте. Сельчане, прежде всего молодежь, особенно девушки, сразу прореагировали на освобождение. Началась мощная миграция из деревни. Резко упало число браков и рождений. Так, в красноярских деревнях число новорожденных сократилось с 44,9 тыс. в 1955 г. до 35, 5 тыс. в 1960 г. и 21,9 тыс. в 1965 г. (с 34,6 до 17,3‰) [1, с. 5, 7].

Перед сельским населением тоже расширялось жизненное пространство. Деревня в эти годы электрифицировалась, там появились радио и телевидение, транслировавшие новые стандарты, нормы и ценности, стремительно рос уровень

образования сельчан. Ускорение модернизации жизненной среды заставляло сельское общество искать новые формы брака и семьи, вырабатывать новую регламентацию личной жизни. Статистика фиксировала почти синхронные изменения в брачно-семейном поведении людей на всей сельской территории региона. Но резких поворотов в нем не происходило, новых трендов не возникало. Менялись лишь параметры процессов.

До конца советской эпохи в деревнях сохранялась высокая значимость института брака. Никакие внешние влияния не изменили традиционного отношения сибиряков к нему как к обязательной и практически единственной форме совместной жизни мужчин и женщин. Удельный вес лиц, никогда не состоявших в нем, был очень низким и продолжал снижаться. По переписи 1979 г., среди сельчан в возрасте старше 16 лет никогда не были в браке 12,1% женщин и 25,4% мужчин [3, с. 756], а в 1989 г. – 10,5 и 21,8% соответственно (табл. 2). В городах региона эта пропорция составляла 13,6 и 20,3% [4, с. 129].

Таблица 2

Население Восточной Сибири и РСФСР по состоянию в браке в 1989 г.*

Территория		На 1000 чел. в возрасте 16 лет и старше приходится, чел.							
		состоящих в браке		не состоявших в браке никогда		вдовых		разведенных	
		муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
Восточная Сибирь	деревня	703	685	218	105	28	165	48	42
	город	708	630	203	136	23	141	62	90
РСФСР	деревня	730	616	194	105	28	227	44	48

*Источник: Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР… Ч. 1, с. 120, 129.

Выбор супруга осложняла деформация брачного рынка в деревне. До 1960-х гг. на нем не хватало женихов, после – невест, так как из-за миграции число девушек непрерывно сокращалось. К концу 1980-х гг. мужчины стали преобладать во всех возрастах до 45 лет. Дефицит невест в деревнях региона был острее, чем в деревнях РСФСР, поэтому среди сибиряков доля женатых мужчин все годы была ниже, чем среди сельчан России в целом, и росла медленнее, а доля замужних женщин – намного выше и росла быстрее (табл. 1). С уходом из жизни травмированных войной поколений общий уровень женской брачности поднимался, мужской – менялся мало, и они почти сравнялись.

В Восточной Сибири, как и в РСФСР, брачность сельских женщин была выше, чем городских. И разница росла. Из 1000 женщин в возрасте 16 лет и старше в 1959 г. в браке состояли 576 чел. в деревнях региона и 567 чел. в городах, в 1970 г. – 634 и 607 женщин соответственно, в 1989 г. – 685 и 630 чел. [2, с. 1190–1191; 4, с. 129]. Уровень брачности сельских жителей разных административных образований региона различался незначительно. Более весомыми были этнические различия между русскими и другими некоренными народами, с одной стороны, и коренными – с другой. Они проявлялись в сроках и частоте заключения браков у молодежи, но с возрастом стирались.

Сибиряки хранили устои не только всеобщих, но и ранних браков. Война надломила эту традицию, но послевоенные поколения возродили ее. С 1960-х и до начала 1990-х гг. браки молодели. В 1989 г. в деревнях региона были замужем треть (32,0%) 18-летних, около половины (46,6%) 19-летних и 71,8% – 20–24-летних женщин, а также многие лица моложе 18 лет – официального начала брачного

возраста: 14,3% сельчанок в возрасте 17 лет и 3,7% – 16-летних. Это шло вразрез с европейским типом брачности – не всеобщим и старевшим, обычно начинавшимся после 25 лет. В деревнях же региона, по переписи 1989 г., в когорте 25–29-летних уже были в браке 91,5% женщин и 77,2% мужчин [5, с. 326]. Как видно, модернизации среды и рост образования не изменили этих традиционных черт брачного поведения сельчан, особенно женщин. Возможно, это итог своего рода селекции. Социально активные девушки покидали деревню, а остававшиеся в ней ориентировались на ранний брак и семью, так как не видели для себя иных жизненно важных перспектив.

Упрочению ранней брачности «помогало» сексуальное раскрепощение молодежи в либерализующемся сельском обществе. При низкой культуре контрацепции оно быстро приводило к нежелательным зачатиям и к заключению браков как лучшему выходу из деликатной ситуации. В том же направлении действовали традиции коренных народов, культивировавших свободные браки, а также нараставший в деревне численный перевес мужчин в брачных возрастах. Омоложению брачности способствовала и патерналистская политика государства. Так, Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 1981 г. «О мерах по усилению государственной помощи семьям, имеющим детей» [8, ст. 75] стимулировало брачную активность женщин именно в младших возрастах.

Оставаясь всеобщими, браки сельчан становились все более хрупкими. Увеличивалось число разводов. Именно в этот период их юридическое оформление стало нормой в сибирской деревне. В 1960 г. там регистрировалось по 0,1 – 0,3 развода на 1 тыс. жителей против 0,5 развода в среднем по деревням России. А к концу советского периода их частота почти достигла уровня городов региона (2,0 против 2,1‰ в 1991 г.) и среднего уровня российских деревень (2,3‰) [5, с. 311]. Рост разводов и овдовений стимулировал распространение повторных браков, чаще – среди женщин. Так, в красноярских деревнях в 1960 г. только 3 – 4% женихов и 2 – 4% невест регистрировали брак повторно, а в 1991 г. – каждый пятый и каждая четвертая. Среди невест вдовы составляли 5,4%, разведенные – 19,0%, среди женихов – 3,1 и 17,0% соответственно. В городах края среди вступавших в брак женщин вдовы составляли 4,6%, разведенные – 25,5%, среди мужчин – 2,8 и 26,7% соответственно [6, л. 3–60об.; 1, с. 16]. Таким образом, матримониальная мобильность сельчан сблизилась с уровнем горожан. По микропереписи 1994 г., в деревнях Восточной Сибири браки были повторными у 17,3% замужних женщин и у 13,0% женатых мужчин, в городах – у 15,9 и 13,6% соответственно [7, с. 44 – 49].

Особым маркером брачного поведения выступают фактические браки (сожительства). Они были издавна известны в сибирской деревне, как и в целом в России, но статистикой не учитывались в советское время. О степени их распространенности можно лишь отчасти судить по масштабам внебрачных рождений. Война способствовала развитию свободных отношений между полами и более терпимому подходу к ним общества. Во второй пол. XX в. сожительства так распространились, что стали выступать альтернативной формой «законного» брака. Их рост свидетельствовал о падении ценности не браков как таковых, а лишь социальной значимости регистрации их. Факты распространения сожительств можно трактовать как проявление расшатывания традиционных браков и модернизации брачности в целом.

Впервые сведения о фактических браках дала микроперепись 1994 г. В деревнях Восточной Сибири их доля в общей численности брачных союзов оказалась выше, чем в городах, и составляла 13,8% – от 10,5 – 11,5% в Бурятии и Читинской обл. до 14,8% в Иркутской и 15,1 – 15,5% в Туве и Красноярском крае. На всей территории региона этот показатель превышал средний по селам России – 8,8% [7, с. 44 – 49]. Внешне ситуация в сибирских деревнях напоминала ту, что была в развитых странах, где с 1970-х гг.

быстро росли свободные союзы. Но у сибиряков их удельный вес был ниже, а причины роста – иными. Их питали два противоположных начала. Носителями первого были коренные народы, не имевшие традиции оформлять официально браки и продолжавшие «забывать» делать это в рассматриваемый период. Второе начало представляли русские и другие некоренные народы. У них рост свободных браков означал отступление от традиций и модернизацию в прямом ее понимании. Свой вклад вносила высокая миграционная подвижность населения в регионе. Установки на отъезд рождали в брачно-семейных отношениях элементы неустойчивости, временного характера связей и, как следствие, распространение сожительств.

Модернизация меняла календарь брачно-семейных событий – возраст, в котором они происходили, их последовательность, например, заключение брака и рождение детей. Традиционно рождения признавались лишь в браке, а вне его – осуждались и обществом, и государством. Указ ВС СССР от 8 июля 1944 г. обрекал таких детей жить с клеймом «незаконнорожденных». Но их появление стало массовым. В 1959 г. в деревнях Восточной Сибири внебрачные дети составляли 20,3% от числа рожденных против 18,6% в городах, что намного превышало среднероссийские показатели (14,6 и 11,5% соответственно). Отношение общества к этому событию также изменила война, его стали трактовать как вынужденную безотцовщину. Но внебрачная рождаемость продолжала расти. К 1991 г. ее уровень достиг 26,9% в деревнях и 22,2% в городах Восточной Сибири против 17,3 и 15,5%, соответственно, в деревнях РСФСР [5, с. 432]. По мере удаления от войны ее причины менялись. В принципе они были в основном теми же, что и у сожительств.

Всеобщие и очень ранние браки у сибиряков благоприятствовали успешному воспроизводству новых поколений. Но брачность и рождаемость теряли взаимозависимость, что свидетельствовало о модернизации той и другой. Для рождения детей стало не обязательным жить в браке. А жизнь в браке, даже в очень раннем, не имела следствием многодетность. Семьи в деревне также модернизировались. 1960 – 1980-е гг. стали одним из этапов перехода от традиционной семьи к современной. Причем в семейных отношениях оставалось меньше традиционных черт, чем в матримониальных.

Престижность семейного образа жизни оставалась высокой. Удельный вес живших в семьях в деревнях региона почти не менялся и превышал 91% населения. Доля живших отдельно членов семей (студенты и проч.) уменьшилась с 5,7% в 1959 г. до 3,4% в 1970 г. и осталась примерно на этом уровне до конца советского периода. Одиноких людей в деревне было мало, и их удельный вес рос медленно – с 3,1% в 1959 г. до 5,2% в 1989 г. [5, с. 341].

Процесс формирования семей ускорился, на что указывает снижение возраста рождения детей в разных поколениях матерей. Сибиряки не имели возможности точно планировать свои семейные события, как в развитых странах, где благодаря контрацептивной революции граждане могли управлять временем между началом брака и рождениями детей. Россию эта революция обошла стороной. Рождаемость у россиян, а у сибиряков особенно, становилась все более ранней, поскольку следовала за «молодевшей» брачностью и либерализацией отношений между полами. Но все большее число женщин стали заканчивать свою прокреативную деятельность во все более молодом возрасте. Рождения концентрировались в узком интервале молодых возрастов. Это сделало уязвимым и детородный процесс, и брачно-семейные отношения.

К концу 1950-х гг. большинство сельских семей в регионе потеряли признаки традиционных крестьянских семей и приобрели урбанистические черты, которые закреплялись в последующем. Их средний размер сократился за 1959 – 1989 гг. с 4,0 до 3,5 чел., но они остались на 0,2 чел. крупнее городских семей в регионе и сельских в

России. Размеры семей зависели от уровня урбанизации территории проживания (самые малые – в красноярских деревнях (3,3 чел. в 1989 г.), самые большие – в Туве (4,4 чел.) и от национальности их членов [5, с. 346]. Самыми мелкими являлись однонациональные семьи славянских народов, смешанные семьи имели средние размеры, а самыми крупными были семьи коренных этносов. Но все они перестраивались по «лекалам» урбанизации, разница между ними по этническим, социальным и территориальным признакам стиралась.

Структура сельских семей по размеру менялась одинаково на всей территории региона. Везде рос удельный вес семей из 2 – 4 чел., и увеличился с 65,4 до 78,3% за 1959 – 1989 гг. Доля семей из 2 чел. поднялась с 21,4 до 31,6%, из 6 чел. и более – снизилась с 18,7 до 9,1%. С 1970-х гг. самыми распространенными в деревне стали семьи из двух человек, составлявшие в 1989 г., как и в городах региона, 31,6% против 37,2% в деревнях РСФСР [5, с. 346 – 348, 463]. Семьи мельчали из-за малодетности и нуклеаризации.

Многодетных семей (5 и более детей) в деревнях осталось немного, их жители массово переходили к малодетности (1 – 2 ребенка). В 1970 г. по 3 ребенка и более имели лишь 38,0% семей с детьми до 18 лет. Попытки государства остановить рост малодетности проваливались. К 1989 г. доля 1 – 2-детных семей в деревнях региона поднялась до 72,6%, средне- и многодетных – снизилась до 27,4%. При почти всеобщей рождаемости доля семей с несовершеннолетними детьми снижалась, потому что немногочисленные дети быстро вырастали, и семьи их родителей становились последетными. В 1970 г. в селах Восточной Сибири не имели детей 18,7% семей, в 1989 г. – 37,8% против 34,7% в городах региона и 45,7% в деревнях РСФСР [5, с. 351].

Сельчане в абсолютном большинстве переходили на модель малой нуклеарной семьи (брачной пары с детьми или без них). В 1970 г. полные нуклеарные семьи составляли в деревнях региона 66,8%, а вместе с неполными (мать (редко отец) с детьми) – 78,1%. Только 20,5% семей были сложными. Из них лишь 2,6% состояли из двух и более супружеских пар, а остальные – из пары с детьми и родственниками. К 1989 г. удельный вес полных нуклеарных семей вырос до 73,4% и еще 10,4% являлись неполными нуклеарными. Доля сложных семей снизилась до 13,1%, в том числе из двух пар – до 1,2%. По доле нуклеарных семей (83,8%) сельчане обогнали и горожан региона (82,0%), и сельских жителей России в целом (82,1%) [5, с. 346 – 348].

Беглый анализ брачно-семейных отношений в деревнях Восточной Сибири в поздний советский период показал, что все происходившее в них объяснимо теорией модернизации: деревня модернизировалась, и ее брачно-семейная сфера была включена в этот процесс. Радикальной трансформации она не подверглась, а переживала лишь эволюцию, характер которой во многом противоречил трендам европейского типа брачности, но соответствовал общероссийским. Брачно-семейные отношения в деревнях развивались по той же схеме, что и в городах, поскольку основа у них была общей – модернизация и урбанизация общества. Главным оставалось тотальное доминирование традиционных установок на брак с молодых лет. Признаков кризиса брачности не было: потерпев фиаско в первом браке, люди устремлялись в новый. Вернее говорить об усилении дезорганизации внутрисемейных отношений, что выражалось в увеличении числа разводов и в большом количестве неполных («осколочных») семей. Свидетельством модернизации матримониальных отношений служила их интенсификация – рост случаев распада семей и многократное увеличение числа повторных браков, в которых сельские женщины были активнее мужчин. Снижался удельный вес населения, состоявшего в зарегистрированных браках, росла доля находившихся в неформальных, а в целом в жизни людей браков становилось все больше. Семейная структура сибиряков и параметры их семей за 30-летие радикально не менялись, процессы почти стабилизировались. Это создало иллюзию, что

перестройка этого института уже произошла, и ее результат – нуклеарная семья с малым числом детей стала новой устойчивой формой взамен сложной крестьянской семьи. Но развитие событий в постсоветское время показало, что и эта форма – не окончательная, поиск ее продолжился.

Население восточносибирской деревни 1960–1980-х гг. выступает интересным объектом для анализа проблемы общего и особенного в демографической модернизации России. Семейно-брачные отношения у сибиряков эволюционировали в общероссийских рамках, но с отставанием по времени и с количественными отличиями в параметрах. В них сильнее проявлялся контраст между традиционным и современным началами: сибиряки имели едва ли не самую раннюю в РСФСР и всеобщую брачность и рождаемость, с одной стороны, и самые высокие показатели свободных браков и внебрачных рождений, с другой. Специфика сибирских семей, тоже развивавшихся по общероссийским канонам, заключалась в более высоких показателях доли живших в них сельчан, размеров, детности, удельного веса нуклеарных семей. В брачно-семейной сфере восточносибирских деревень ярче отразилась общая специфика демографической модернизации России, заключавшаяся в конвергенции традиционализма и современности. Предложенный для оценки российской модернизации термин *консервативная* точно соответствует ситуации, охарактеризованной в статье.

Список литературы

1. Естественное движение населения в Красноярском крае. Стат. сб. Красноярск: [б.и.], 1991. 94 с.
2. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. 2: Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. 2. М.: [б.и.], 1972. 1200 с.
3. Итоги Всесоюзной переписи населения 1979 года. Т. II: Пол, возраст и состояние в браке населения СССР, союзных и автономных республик, краев и областей. Ч. II. М.: [б.и.], 1989. 820 с.
4. Краткая социально-демографическая характеристика населения РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года. Ч. 1. Численность населения, пол, возраст, национальности, состояние в браке, уровень образования. М.: Росинформцентр, 1991. 209 с.
5. Славина Л.Н. Сельское население Восточной Сибири (1960–1980-е гг.). Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2007. 472 с.
6. ГА РФ, ф. А-374. Оп. 31. Д. 7864.
7. Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). М.: Росстат, 1995.
8. Собрание постановлений Правительства СССР. 1981. № 13.

РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ В СИБИРИ

УДК 94(571.51/52).082/.083+[37.014.521:371.12]

Учительство церковно-приходских школ Минусинского и Ачинского уездов Енисейской губернии в конце 1880-х–1890-е гг.

Артамонова Надежда Яковлевна
доктор исторических наук, профессор
Хакасский государственный университет
им. Н. Ф. Катанова,
Абакан, Россия
lazar1918@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5965-6798

АННОТАЦИЯ Цель статьи заключается в определении вклада учительства церковно-приходских школ Минусинского и Ачинского уездов в воспитание и образование учащихся инородческих приходов в конце 1880-х – 1890-е гг. Это период интенсивного развития церковно-приходских школ в исследуемых территориях. Раскрыты трудности и достижения деятельности учителей в школах прихода и отдельных улусах. Отмечается роль наиболее успешных учителей (Н. Катанов, С. Чисмочакова и др.) не только в просвещении и дальнейшем развитии народного образования, но и в утверждении православной веры и основ христианской жизни среди инородческого населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Церковно-приходская школа, инородческий приход, учительство, церковь, законоучитель.

История и роль церковно-приходских школ (далее – ЦПШ) в современной историографии вызывает научный интерес профессиональных историков, педагогов, ученых российских духовных учреждений и т.д. Преуспевают в этом исследователи регионов Российской Федерации. В работах Л. Н. Харченко [22; 23], И. И. Юргановой [24], А. А. Терсковой [20] в русле тем своих исследований освещена также роль ЦПШ в развитии начального школьного образования среди инородческого населения. В последние два десятка лет защищен ряд диссертаций, посвященных церковно-приходским школам в губерниях Восточной и Западной Сибири [9; 2; 21].

В историографии Хакасии можно отметить работы А. Н. Гладышевского [3], В. Н. Асочаковой [1], А. Н. Мохова (в соавторстве с Л. А. Моховой) [8] и др.

В Енисейскую губернию в дореволюционный период входили пять округов (с 1898 г. – уездов): Абаканского, Ачинского, Енисейского, Канского и Красноярского. Хакасия входила частями в Енисейскую и Томскую губернии: «Большая часть Хакасии входила в состав Минусинского округа, <…>, другая часть – в Ачинский округ и третья – в Кузнецкий округ Томской губернии» [3, с. 7]. По информации, почерпнутой из книги А. Н. Гладышевского, в этих округах Енисейской и Томской губерний проживали качинцы, сагайцы, бельтыры, койбалы и кызыльцы, которые в официальных документах назывались инородцами, татарами, киргизами (минусинскими, абаканскими, енисейскими) [3, с.7].

С начала 1870-х гг. некоторые церковные приходы Ачинского и Минусинского округов стали называться миссионерскими [5, с. 92]. В 1884 г. в Енисейской епархии насчитывалось 12 миссионерских приходов (инородческих и противораскольничьих [5, с. 93]. А в 1894 г. их было 14: 8 – в Минусинском и Ачинском округах (Усть-Абаканский, Аскызский, Усть-Есинский, Усть-Фыркальский, Синявский, Божеозерский, Чебаковский и Верхне-Усинский) и 6 – в Туруханском крае.

В политике христианизации хакасов значительная роль принадлежала церковно-приходским школам, то есть начальным училищам, которые открывало духовенство. Вся деятельность ЦПШ была основана на нормативно-правовых документах. 13 июня 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских училищах» (далее – «Правила…»). Главная цель подобных школ состояла в том, чтобы утверждать в народе «православное учение веры и нравственности христианской» и давать детям первоначальные знания [17, с. 226]. «Правила…» гласили, что церковно-приходские школы могли быть одноклассными с двухлетним курсом обучения и двухклассными – с четырехлетним**.** «Правилами…» регламентировалась программа одноклассных ЦПШ, которая предусматривала преподавание Закона Божия, церковного пения, чтение церковной и гражданской печати и письмо, начальные арифметические сведения. В двухклассной школе преподавались еще начальные сведения по истории церкви и Отечества [17, с. 226].

«Правилами…» были также определены профессиональные требования к учителям и учительницам, к выбору которых подход был весьма серьезным (параграф 10). «Правила…» расширили круг лиц, имевших право преподавать в ЦПШ. Главным действующим лицом в школе являлся местный священник, либо другие представители причта. Учительские должности в ЦПШ должны быть замещаемы «преимущественно лицами, получившими образование в духовных учебных заведениях и женских училищах духовного ведомства» [17, с.228]. Однако, и учителя из светских лиц, «имеющие звание учителя народного училища» имели права «сему званию представленные» [17, с. 228]. Для определения в должности учителя требовались сведения об образовательном цензе, его пригодности и благонадежности для школы, об источниках содержания школы и учителя.

По распоряжению епархиального начальства на основании параграфа 22 «Правил…» был создан Епархиальный Училищный совет, возглавлял который Кафедральный протоиерей Василий Касьянов. Этим же распоряжением были назначены члены Совета, в число которых был рекомендован директор Красноярской учительской семинарии И. Т. Савенков, приглашенный лично Епархиальным Архиереем [18, с. 234]. Были созданы Минусинское, Енисейское, Канское и Ачинское отделения Совета [13, с. 80].

В компетенцию Епархиального училищного совета входили обязанности по рассмотрению отчетности по школам, приискание и назначение учителей и учительниц, устройство помещений, выписка книг и рассылка их по школам, согласно требованиям школ и т.д. [17, с. 229]. В некоторых ЦПШ Енисейской епархии при штатных дьяконах, которые должны были заниматься в школе, допускались учителя или помощники «даже из поселенцев», с вознаграждением за труды по школе из общественных или церковных средств. В Резолюции Его Преосвященства от 18 марта 1891 г., последовавшей по случаю подобных нарушений, отмечалось, что «следует по возможности избегать слагать собственную ношу на чужие плечи, особенно поселенцев. Церковная школа должна быть таковой не по названию одному или по источникам содержания, а по существу своему. Кто же даст ей характер церковный с большей благонадежностью, как не служители церкви» [11, с. 60 – 61].

К началу 1889 – 1891 уч. г. насчитывалось 64 ЦПШ, находившихся в ведении Епархиального Училищного Совета. Учащихся было 963 мальчика и 354 девочки. Всего 1317 чел. Ясачных (татар) учащихся мальчиков в Ачинском уезде было 16, девочек – 8. В Минусинском уезде – 17 мальчиков и 3 девочки. В Усть-Есинской, Божеозерской и Покровской (с. Чебаки) ЦПШ дети были почти все из инородцев» [12, с. 164 – 165]. Количество школ ежегодно увеличивалось. Например, в течение 1889 – 1891 уч. г. было открыто еще 4 ЦПШ [13, с. 87]. В Минусинском округе насчитывалось 12 ЦПЩ и 2 школы грамотности, в Ачинском – 25 ЦПШ и 2 – грамотности [13, с. 89].

В конце 1880-х – 1890-е гг. в Минусинском и Ачинском округах/уездах церковные школы существовали в следующих церковных приходах: Аскызском, Усть-Абаканском, Усть-Есинском, Синявском, Покровском (с. Чебаки), Божеозерском, Усть-Фыркальском и 1 школа грамотности в улусе Кобежиков (в Усть-Фыркальском приходе). Из этих школ Усть-Есинская школа имела помещение для общежития. По данным А. Н. и Л. А. Моховых на территории современной Хакасии насчитывалось 13 низших училищ, из них 9- ЦПШ [8, с. 36].

Значительные трудности составило открытие школы в инородческом Усть-Фыркальском приходе в связи с отказом прихожан по бедности участвовать в строительстве школьного здания. Отдаленный Усть-Фыркальский приход состоял из 24 улусов, дети принадлежали к пяти улусам. В конце концов в 1890 г. в 10 верстах от села была открыта Усть-Фыркальская школа грамотности. Учительствовал в ней Дмитрий Кобежиков, который имел домашнее образование.

Открытие начальных школ в инородческих приходах требовало значительного количества учителей, владевшим языком коренного населения.

Учителями в ЦПШ Ачинского и Минусинского округов состояли в основном инородцы, окончившие либо Красноярское духовное училище, либо Красноярскую учительскую семинарию, либо Бийскую катехизаторскую школу. Многие члены причтов окончили то или иное учебное заведение. Священник Покровской (с. Чебаки) церкви Матвей Тыжнов, кончил курс Иркутской семинарии, священник Усть-Есинской церкви Симеон Чисмочаков имел за плечами Бийское катехизаторское училище. При Аскызской Петропавловской церкви священствовал Василий Ефимович Суховский, студент семинарии. Священник Усть-Абаканской Никольской церкви Стефан Масленников окончил Томское духовное училище. При Усть-Фыркальской церкви священник Иоанн Данилов окончил курс семинарии. Гавриил Суховский, священник Синявской церкви являлся выпускником Красноярского духовного училища, псаломщик (из инородцев) окончил Бийское катехизаторское училище. Некоторые дьяконы и псаломщики также имели духовное образование [19, с. 126, 128, 129, 131].

Некоторые учителя ЦПШ имели профессиональное педагогическое образование, полученное в Красноярской учительской семинарии. Выпускники семинарии имели солидную педагогическую подготовку, поскольку педагогику и дидактику преподавал сам директор семинарии Иван Тимофеевич Савенков, последователь педагогических и дидактических воззрений К. Д. Ушинского. Из стен семинарии вышли будущие учителя церковно-приходских и других школ М. И. Райков, Г. И. Итыгин, С. Аланов, В. Н. Окунев, Г. В. Кирбижеков и др. [8, С. 46].

В соответствии с «Правилами…» программа одноклассных ЦПШ предусматривала преподавание Закона Божия, предмета, который оказывал, в первую очередь, религиозно-нравственное воздействие на ученика, пробуждал и воспитывал в детях религиозные чувства и убежденность в своей православной вере. Одним из главных предметов являлось церковное пение, которое знакомило учеников с миром новых звуков, развивало вкус к прекрасному, возвышенному, формировало в детях творческие способности.

В церковной периодической печати зачастую появлялись отклики на обучение учеников церковному пению. Так, член комиссии Епархиального Училищного совета отмечал в Отчете по Усть-Есинской инородческой школе за 1890 – 1891 уч. г., что ученики «поют очень громко, хотя не особенно гармонично, но пение это в душе возбуждает особенное молитвенное настроение». И далее: «Признаюсь, когда я проверял знание учеников по Закону Божию, то у меня в душе явилось недовольство учителем. Когда же он начал петь с учениками, то недовольство это заменилось другим приятным чувством. Причина этого, может быть, заключается в том, что мне никогда не приходилось слышать пения церковного инородцами» [16, с. 387]. Особо

проявившие себя в пении ученики даже привлекались для клиросного пения, что производило особое впечатление на их родителей.

Анализ материалов ЕЕВ свидетельствуют о слабом материальном положении учительства ЦПШ. Интерес представляет размер вознаграждения учителям. Следует отметить, что оплата труда учителя являлась показателем его социального статуса, материального положения, духовно-нравственного состояния. Училищный Совет признавал, что эта сторона функционирования школ и содержания учителей слабо отрегулирована. «Вознаграждение (жалование) учителям ЦПШ было не одинаково «поскольку зависело, с одной стороны, от достоинств самого учителя, а с другой, от степени обеспеченности школы, а состояние, обеспеченность самой школы, зависели от экономического состояния сельского общества, от степени расположения общества к школе» [12, с. 157].

Некоторые общества при определении размера жалования из своих средств, руководствовалось достоинствами учителя, либо же количеством учащихся. Это, конечно, создавало условия для произвола. Например, общества могли снизить жалование учителям до минимума [12, с. 158]. Из всех 90 имевшихся в Енисейской губернии на период 1891 г. ЦПШ учащие 8 школ получали жалование непосредственно от родителей, то есть от 40 коп. до 2 руб. в месяц с каждого ученика [12, с. 160].

В очень немногих школах учителя пользовались так наз. «определенным вознаграждением». В основном это касалось тех учителей, которых приглашал Епархиальный Училищный совет. В их число попали учителя Божеозерской и Покровской (с. Чебаки), Усть-Есинской, Сагайской инородческих ЦПШ [12, с. 157]. Так, например, в 1889 – 1890 уч. г. учителем Покровской школы состоял инородец, окончивший курс в Красноярской учительской семинарии, Семен Аланов. Он получал от Училищного совета 240 руб. в год [12, с. 157].

«Высший оклад годового жалованья правоспособным учителям или учительницам не превышал 180 руб. Исключение составляли учащие двух школ: Покровской (Чебаки) (учитель инородец) и Туруханской (300 руб.), находившейся в исключительных условиях по своему географическому положению [15, с. 176].

В то же время Училищный совет мог отказать учителям в просьбе о повышении жалованья. Подобное случилось с Порфирием Тыжновым, который обратился в Училищный совет с просьбой о повышении жалования. Учитель Божеозерской инородческой школы Ачинского округа, он же псаломщик местной церкви, Порфирий Тыжнов согласно определению училищного совета, получал вознаграждение в 100 руб., поскольку владел местным наречием. В связи с тем, что он являлся единственным псаломщиком в приходе, то пользовался соответствующими должности псаломщика доходами от церкви и ругой. По этой причине прошение учителя, псаломщика Порфирия Тыжнова о повышении ему жалования за 1889 – 1890 уч. г. было отклонено [6, с. 96 – 97].

Интерес вызывают условия работы учителей ЦПШ. Следует отметить, что в 1891 г. из 64 ЦПШ собственные здания имели 23 школы. По сути, удобных, пригодных для обучения детей помещений было недостаточно. Особенно это касалось глухих селений, улусов. Учителям приходилось преподавать в тесных, неприспособленных для занятий избах прихожан, сторожках. С помощью пожертвований и содействия общества в 1889 – 1890 уч. г. было построено 13 школ [14, с. 171]. Некоторые школы, в т.ч. Большеозерская, были отремонтированы на средства Училищного совета [14, с. 182 – 183].

Анализ материалов журнала «Енисейские епархиальные ведомости» показал, что в деятельности ЦПШ было немало нарушений и недостатков. Например, вопреки параграфу 11 «Правил…» в некоторых школах законоучителями и заведующими школами состояли дьяконы, даже псаломщики, а не священники. Училищный совет

рекомендовал: «В интересах школьного дела, необходимо привлечь к занятиям в школе всех без исключения священников и вменить в обязанность о.о. Наблюдателям строго следить за выполнением этого требования» [6, с. 88]. Зачастую в школах нарушалось расписание, либо его вообще не было, распределение и преподавание материала по отделениям не соблюдалось, количество ежедневных уроков сокращалось, занятия в некоторых школах начинались с октября, а заканчивались в мае, либо даже в апреле или марте [6, с. 89]. В некоторых школах священники могли преподавать все предметы, либо всем предметам обучали дьяконы, либо псаломщики, либо учительницы и учителя.

Следует отметить, что «самым благополучным из инородческих приходов» с точки зрения А. Н. Гладышевского считался Усть-Есинский приход при священнике Н. Катанове [3, с. 49]. После смерти о. Н. Катанова в 1892 г. традиции своего предшественника продолжил учитель, псаломщик Усть-Есинской миссионерской церкви Симеон Чисмочаков, который был рукоположен в священники этой церкви.

Несмотря на то, что открытие Усть-Есинской школы, как школы исключительно инородческой, стоила епархиальному начальству значительных и долгих хлопот, для нее был составлен и причт, священник и 2-й псаломщик-инородцы. Все они добросовестно, «с особенным усердием» относились к делу [16, с. 387]. Уроки проводились по расписанию, в положенное время, учебный год начинался почти, как и положено – с 20 сентября и заканчивался 8 июня.

И все же инородческие приходы и ЦПШ ежегодно пополнялись новыми лицами. Так, окончившие курс в Алтайском миссионерском катехизаторском училище, инородец Кирилл Сеньдемешев, Кирилл Шулбаев и Ефим Иптышев, по прошениям от 26 августа 1892 г. были определены псаломщиками. Первый к Божеозерской Введенской церкви Ачинского округа, второй – к Аскызской Петропавловской церкви и третий – к Усть-Фыркальской церкви Минусинского округа. В Усть-Абаканской ЦПШ учителями были выпускники Красноярской учительской семинарии М.И.Райков, которого в 1893 г. сменил на поприще учителя Г. И. Итыгин.

Несмотря на не совсем благоприятное материальное состояние, условия работы, учителя добивались хороших результатов в своей деятельности. В 1889 – 1890 уч. г. Семен Коураков и Григорий Тартачаков, ученики из Божеозерской ЦПШ окончили курс вполне удовлетворительно и пожелали дальше продолжить обучение в Бийской катехизаторской школе. В связи с этим Епархиальный Училищный совет обратился к Енисейскому епархиальному миссионерскому комитету с ходатайством о назначении этим двум выпускникам пособия на содержание их, поскольку они были детьми бедных родителей [14, с. 167].

Определенную помощь в обучении учащихся ЦПШ оказывал «Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий и народным учителям. О главнейших обязанностях сельского учителя».

В книге значительная роль отводилась сельскому, народному учителю. И. Т. Савенков, составитель книги, писал, что воспитывать и обучать детей – это трудное дело и никакая книга этому не научит, а «только живая энергичная школьная работа научит живому делу учительства» [10, с. 51].

Невзирая на назидательный характер книги, она стала своего рода нравственным ориентиром для учителя, сельского, в первую очередь. Не зря И. Т. Савенков завершает свой труд такими словами: «храните чистым скромное, но почетное звание Народного Учителя. На нем зиждется авторитет Народной школы и самое дело Народного Просвещения» [10, с. 77].

В начале XX в. некоторые ЦПШ были переведены в двухклассные школы, принадлежавшие ведомству Министерства народного просвещения. Многие учителя долгие годы работали в советской системе образования. Так, инородец В. Н. Окунев,

выпускник Красноярской учительской семинарии преподавал в Аскызском двухклассном училище, а затем заведовал Усть-Абаканским одноклассным училищем, преобразованном в 1910 г. в двухклассное училище Министерства народного просвещения [8, с. 46].

Учительство церковно-приходских школ Минусинского и Ачинского приходов внесло солидный вклад в дело просвещения инородческой молодежи, развитие начального школьного обучения. Невзирая на неблагоприятные условия, бедственное материальное положение, учитель оставался преданным своему делу, стремился укрепить в ученике религиозно-нравственные устои, нормы православной веры. Профессиональный опыт учительства ЦПШ был востребован советской системой народного образования. Многие учителя ЦПШ длительное время учительствовали в советских школах, передавали опыт молодым учителям.

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, https://rscf.ru/project/23-28-10111/ при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Список литературы

1. Асочакова В. Н. Эволюция миссионерской деятельности Русской православной церкви в 80 – 90-е годы XIX века (на примере Хакасско-Минусинского края) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 11 (49). Ч. II. (49). С. 32 – 35.
2. Гизей Ю. Ю. Церковно-приходские школы Западной Сибири конца XIX-начала XX вв.: По материалам Томской епархии: автореф. дис … канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 28 с.
3. Гладышевский А. Н. К истории христианства в Хакасии. Абакан: Типография «Фирма «Март». 2004. 136 с.
4. Енисейский епархиальный училищный совет // ЕЕВ. 1892. №4. С. 86 – 92.
5. Извлечение из Отчета о состоянии Енисейской епархии за 1884 г. Миссионерская деятельность // ЕЕВ. 1885. №9. С.91 – 99.
6. Извлечение из журналов Енисейского Епархиального Училищного совета // 1891. №13/14. С.86 – 98.
7. Извлечение из епархиального отчета о миссионерской деятельности в Енисейской епархии за 1891 год. // ЕЕВ. 1892. №14/15. С. 259 – 267.
8. Мохов А. Н., Мохова Л. А. Краткие очерки истории народного образования Хакасии. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2009. 210 с.
9. Наумова Н. Н. Церковно-приходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884 – 1917 гг.: На материалах Иркутской и Енисейской епархий: автореф дис … канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 31 с.
10. «Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий и народным учителям. О главнейших обязанностях сельского учителя // ЕЕВ. 1892. №4/5. С. 49 – 77; 1891. №6. С.92 – 100; 1891. №7. С.113 – 120.
11. .От Енисейского Епархиального Училищного совета // 1891. №10. С. 60 – 61.
12. Отчет о состоянии церковных и грамотности школ Енисейской епархии за 1889-90 учебный год //ЕЕВ. 1891. №10. С. 157 – 169.
13. Отчет о состоянии церковных и грамотности школ Енисейской епархии за 1889-90 учебный год // ЕЕВ.1891. №6. С.80 – 100.
14. Отчет о состоянии церковных и грамотности школ Енисейской епархии за 1889-90 учебный год // ЕЕВ.1891. №10. С. 157 – 169.
15. Отчет о состоянии церковных и грамотности школ Енисейской епархии за 1889-90 учебный год 1892. №10. С. 161 – 180.
16. Отчет о состоянии церковно-приходских и грамотности школ Енисейской епархии за 1890-91 учебный год // ЕЕВ.1892. №21. С.378 – 388.
17. Правила о церковно-приходских училищах // ЕЕВ. 1884. №17. С. 225 – 230.

18. Распоряжения епархиального начальства // ЕЕВ. 1884. №17. С. 233 – 235.
19. Список священнослужителей Енисейской епархии, составленный на июнь 1892 года // ЕЕВ. №14/15. С. 113 – 132.
20. Терскова А. А. Общественная и просветительская деятельность священнослужителей в приходах во второй половине XIX–начале XX в. (на примере Енисейской губернии) // Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4 – 2 (68). С. 215 – 219.
21. Терскова А. А. Русская православная церковь и ее деятельность в Енисейской губернии (1861 г. – февраль 1917 г.): автореф. дис. … канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 26 с.
22. Харченко Л. Н. Миссионерская деятельность православной церкви в Сибири (Вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): Очерк истории. СПБ.: Б.и., 2004. 178 с.
23. Харченко Л. Н. Православная церковь в культурном развитии Сибири (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.): очерк истории. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2005. 510 с.
24. Юрганова И. И. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Сибири (XVII – нач. XX вв.): историко-аналитический обзор // История: Факты и символы. 2020. № 2 (23). С. 110 – 120. DOI: 10.24888/2410-4205-2020-23-2-110-120

УДК 910.4+ 7.071.1

Пребывание Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха в Восточной Сибири осенью 1926 года

Забровская Марина Владимировна
специалист по музейному делу
Забайкальское региональное отделение
«Всероссийского общества историков-архивистов»,
Союз журналистов России,
Чита, Россия
mzabrovskay@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1065-5866

АННОТАЦИЯ В статье впервые на основе официального расписания движения железнодорожного транспорта летом 1926 г. рассматривается продвижение экспедиции Н.К. Рериха по Восточной Сибири, уточняется датировка пребывания Ю.Н. Рериха в Новосибирске и Верхнеудинске, приводятся некоторые ранее неизвестные детали из пребывания в г. Верхнеудинске и г. Кяхте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Путешествие, Иркутск, Верхнеудинск, Троицкосавск.

В этом году международная общественность начинает отмечать 100-летие со времени начала Центрально-Азиатской экспедиции под руководством академика, художника, общественного деятеля и путешественника Н. К. Рериха, длившейся почти пять лет. В основной состав экспедиции, помимо самого Н. К. Рериха, входили его жена Е. И. Рерих (философ, писатель) и старший сын Ю. Н. Рерих (ученый-востоковед, лингвист). На разных этапах пути в экспедиции принимали участие младший сын Н. К. Рериха С. Н. Рерих (художник), супруги Лихтманы (сотрудники культурных учреждений, основанных старшими Рерихами в США), буддийские ламы и прочие временные сотрудники.

В ноябре 1923 г. экспедиция из французского Марселя отплыла в индийский город Бомбей, куда прибыла 2 декабря того же года. Сам Н. К. Рерих указывал в своих письмах этот период как начало экспедиции. В 1936 году он писал так: «От 1923 до 1929 года, вернее сказать, со дня начала экспедиции до ее окончания с приездом в Нью-Йорк вся работа моя шла для экспедиции…» [18, с. 61 – 62]. В 1924 году путешественники вышли на основной этап маршрута. За четыре с половиной года экспедиция, совершив круг по Центральной Азии, прошла по территориям Индии, Китая, СССР, Тибета, т.е. там, где пролегали пути древнего переселения народов, и завершилась в мае 1928 года в индийском г. Дарджилинге.

Целью научно-художественной экспедиции являлись археологические, исторические, этнографические, географические исследования территорий по пути продвижения, а также вопросы развития искусств, религий и философии народов, их населяющих. Был собран большой объем лингвистического материала, произведений тибетской живописи и скульптуры, обнаружено несколько древних манускриптов. В результате экспедиции в 1928 г. в гималайской долине Кулу Рерихи основали институт научных исследований «Урусвати». Итоги Центрально-Азиатской экспедиции нашли отражение в многочисленных научных трудах Ю. Н. Рериха, в частности, в книге «По тропам Срединной Азии», вышедшей впервые на английском языке в США в 1931 г. Н. К. Рерихом на маршруте экспедиции было создано более 500 живописных полотен, этюдов и рисунков, культурологические и философские наблюдения легли в основу его дневниковых записей, книга эссе «Алтай-Гималаи» вышла в Нью-Йорке в 1929 г.

Летом 1926 г. маршрут Центрально-Азиатской экспедиции прошел по территории СССР. От пограничной заставы на перевале Кузеюнь, или Боргосутай, в горах Тарбагатая, на пароходе по Иртышу путешественники 8 июня добрались до Омска, где пробыли три дня в ожидании поезда на Москву. В столице молодого советского государства Рерихи пробыли до 22 июля. Там они встречались с представителями советского правительства и вместе с прибывшими в СССР сотрудниками американских культурных учреждений супругами Лихтманами – Морисом и Зинаидой решали вопросы по реализации предполагаемого в Горном Алтае культурно-коммерческого проекта «Белуха». Затем они все вместе по железной дороге отбыли в Новосибирск с тем, чтобы оттуда на пароходе по Оби отправиться в Горный Алтай.

Несмотря на довольно большой объем различных публикаций по истории Центрально-Азиатской экспедиции академика Н. К. Рериха, маршрут по СССР остался практически не изучен, исключение составляет лишь пребывание путешественников в с. Верхний Уймон в Горном Алтае. Об этом периоде пребывания Рерихов в России в своих статьях, в частности, писали академики А. П. Окладников, В. Е. Ларичев, художник и краевед Л. Р. Цесюлевич. Последний в 1960 – 1970-е гг. провел большую работу по фиксации следов пребывания экспедиции на Алтае, беседовал с очевидцами, исследовал сухопутные пути по дорогам Горного Алтая от г. Бийска до с. Верхний Уймон и обратно.

Автором данной статьи была предпринята попытка более полного детализированного изучения всего сибирского маршрута Центрально-Азиатской экспедиции. В 2021 г. вышла первая часть исследования – научно-популярное издание «Сибирским маршрутом Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха» [7], где прослежен путь Рерихов от пересечения границы СССР в Восточном Туркестане до г. Омска. Непосредственно пребыванию экспедиции Н. К. Рериха в Сибири посвящен ряд статей, таких как «Центрально-Азиатская экспедиции академика Н. К. Рериха и Забайкалье» [8], «Замечательные сердца: Н. К. Рерих и творческая интеллигенция в Сибири 20-х гг. XX в.» [5], «Чистый рисунок души: к биографии художницы Наталии Николаевны Нагорской» [9], «К вопросу о датировке пребывания Центрально-Азиатской экспедиции академика Н.К. Рериха в Барнауле и Бийске в июле 1926 года» [6].

В настоящей статье автором рассматриваются не имевшие до сих пор отражения в научных исследованиях проблемные вопросы пребывания членов экспедиции Н. К. Рериха в Восточной Сибири.

Поскольку у самих Рерихов ни в опубликованных дневниках путешествия, ни в прочих записях, очерках или статьях нет описания российского маршрута экспедиции, что было связано с вопросами безопасности, т.к. за ними пристально следили враждебно настроенные представители английской разведки, а также никому не доверявшие в тот исторический период представители советской власти.

Как уже отмечалось автором данной статьи в прежних исследованиях [6], в записях З. Г. Фосдик (Лихтман), на время ставшей хронографом путешествия экспедиции Рерихов по СССР, содержатся неточности датировки событий, т.к. записи велись либо спустя некоторое время, либо описание дня шло без дат, которые в некоторых случаях проставлялись позже по памяти. Так как по Сибири экспедиция двигалась на общественном транспорте (пароходы госпароходства, железная дорога), то датировка передвижений экспедиции может быть скорректирована через сопоставление дат из дневниковых записей З. Г. Фосдик (Лихтман) с официальными данными движения речных судов и расписанием поездов дальнего следования.

В опубликованных источниках принято считать, что, возвращаясь с Алтая через Новосибирск, ранним утром 29 августа Ю. Н. Рерих выехал в Верхнеудинск [23, с. 137], а старшие Рерихи пробыли там до субботы 4 сентября.

Ю. Н. Рерих отбыл из Новосибирска на несколько дней раньше старших Рерихов, чтобы в Верхнеудинске подготовиться к дальнейшему продвижению экспедиции до монгольской Урги (г. Улан-Батора). Он и сопровождавший младшего Рериха калмыцкий лама Лобзанг выехали в Верхнеудинск на проходившем через Новосибирск 30 августа ближайшем прямом поезде восточного направления.

Известно, что 1920-е гг. все поезда, кроме скорых № 1 и № 2, на востоке доходили до станции Иркутск, где был узел стыковки с поездами, следовавшими далее в сторону Забайкалья, Дальнего Востока и по КВЖД.

В сторону Владивостока через Новосибирск по средам проходил скорый поезд № 2 класса «люкс», по понедельникам – скорый № 2, по субботам следовал скорый поезд № 2 до Маньчжурии.

В случае принятия за основу опубликованной даты отъезда Ю. Н. Рериха из Новосибирска – 29 августа (воскресенье), мы видим, что прямого поезда в этот день до Верхнеудинска нет, и ему пришлось бы делать длительную (около суток) остановку в Иркутске, о чем нет никаких даже косвенных упоминаний ни в одном известном источнике о пребывании Рерихов в Сибири.

Поскольку в дневнике З. Г. Фосдик (Лихтман) датировка данных дней имеет условный характер, то более вероятным можно считать, что для того, чтобы добраться без пересадки до Верхнеудинска Ю.Н. Рерих и его спутник должны были выехать на скором поезде № 2 в понедельник 30 августа в 7 час. 15 мин. местного времени, и к месту назначения по расписанию они прибыли 1 сентября в 19 час. 22 мин. местного времени.

Николай Константинович и Елена Ивановна Рерихи выехали их Новосибирска в субботу 4 сентября на скором поезде № 2 в 7 час. 15 мин. местного времени. Их спутники – супруги Лихтманы и Б.К. Рерих в этот же день отправились в обратном направлении – в Москву.

Реконструкция дат и времени проезда участников Центрально-Азиатской экспедиции под руководством Н.К. Рериха через города Западной и Восточной Сибири (*Табл. 1*) выполнена по официальному расписанию движения скорого поезда № 2 на лето 1926 г. [14, с. 156 – 158, 161].

Таблица 1.

Станция	Ю.Н. Рерих		Н.К. Рерих и Е.И. Рерих	
	Дата	Приб. / отпр. (час. мест. вр.)	Дата	Приб. / отпр. (час. мест. вр.)
Новосибирск	30 августа	07.15	4 сентября	07.15
Болотная		10.04–10.14		10.04–10.14
Юрга		10.52–11.19		10.52–11.19
Тайга		12.51–13.16		12.51–13.16
Мариинск		16.26–16.36		16.26–16.36
Боготол		19.43–19.55		19.43–19.55
Ачинск		21.08–22.07		21.08–22.07
Красноярск	31 августа	01.45-02.10	5 сентября	01.45-02.10
Клюквенная		05.27–05.37		05.27–05.37
Канск		08.01–08.09		08.01–08.09
Иланская		08.51–09.03		08.51–09.03
Тайшет		13.26–13.36		13.26–13.36
Нижнеудинск		17.19–17.34		17.19–17.34
Тулун		20.12–20.22		20.12–20.22
Зима		23.32–23.44		23.32–23.44
Залари	1 сентября	01.07–01.15	6 сентября	01.07–01.15
Черемхово		02.54–03.14		02.54–03.14

Иннокентьевская		06.00–06.05		06.00–06.05
Иркутск		06.18–06.48		06.18–06.48
Слюдянка		11.03–11.13		11.03–11.13
Танхой		13.36–13.46		13.36–13.46
Мысовая		15.09–15.17		15.09–15.17
Верхнеудинск		19.22		19.22

В ночь на 31 августа и 5 сентября соответственно поезд проехал первый крупный город Восточной Сибири – Красноярск. Увидеть из окна вагона спящий город никому из Рерихов не удалось, так как поезд прибыл в Красноярск в 01.45 час. (мест. вр.). Стоянка длилась 30 мин.

Ранним утром 1 сентября 1926 г. поезд, в котором следовали Н. К. Рерих и Е. И. Рерих, прибыл на вокзал станции Иркутск, где стоянка поезда длилась 30 мин. «Спутник пассажира по железным дорогам Сибири», вышедший в первой половине 1926 г. и продававшийся ко времени проезда экспедиции Н. К. Рериха по Сибири во многих киосках по пути следования, сообщал, что Иркутск, занимавший выгодное географическое положение на пересечении важных водных путей Восточной Сибири, «…является также и культурно-просветительным центром всей Восточной Сибири. В Иркутске государственный университет с факультетами: Права, Местного хозяйства, Педагогическим, Медицинским и Рабочим. К настоящему времени в Иркутске насчитывается 100000 жителей. <…> В Иркутске существ. [н]аучный музей основанный в 1850 году. Музей является одним из самых видных просветительных учреждений губернии. (Музей помещается на углу ул. Маркса и Набережной). Начиная с 1920 рода при музее образована картинная галерея» [21, с. 157 – 158].

Картинной галереей в 1926 – 1932 гг. заведовал ученик Н. К. Рериха в Рисовальной школе Петербургского общества поощрения художеств, уроженец г. Иркутска Б. И. Лебединский. С другом Б. И. Лебединского иркутским художником К. И. Померанцевым Н. К. Рерих познакомится позже, когда тот осенью 1926 г. по приглашению правительства Монгольской народной республики приедет в Ургу (Улан-Батор) для создания там памятника вождю монгольской революции Сухэ-Батору. Кроме Лебединского Рериха-педагога с Иркутском связывают имена таких художников, как А. Н. Турунов (уроженец Иркутска, живший с 1923 г. в Москве), П. А. Кисельков, обучавшийся в Рисовальной школе с 1901 по 1905 гг., как раз в тот период, когда Н.К. Рерих работал секретарем Общества поощрения художеств (директором Рисовальной школы Н. К. Рерих был избран в 1906 г.).

С 1918 г. в Иркутске жил давний знакомый Н. К. Рериха и Ю. Н. Рериха Б. Э. Петри, воспитанник академика В. В. Радлова, директора Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры). В Иркутске Б. Э. Петри преподавал на лингвистическом отделении педагогического факультета Иркутского университета.

Поскольку поезд № 2, на котором следовали Рерихи, прибывал на станцию Иркутск в 06 час. 18 мин. (мест. вр.) и стоянка длилась 30 мин., то можно предположить, что на вокзале могла произойти встреча с кем-то из давних знакомых, получивших информацию о проезде всемирно известного художника через их город от представителей художественной интеллигенции Западной Сибири, с которыми встречался Н. К. Рерих на пути следования экспедиции по России. Однако информации об этом в опубликованных источниках в настоящее время не имеется.

За Иркутском Транссиб шел по левому берегу р. Ангары, откуда начинался один из самых интересных и красивейших участков пути – от устья Ангары поезд шел по самому берегу величественного Байкала по кругобайкальской железной дороге. Вот как описывал этот отрезок пути в книге «По тропам Срединной Азии» Ю. Н. Рерих, проехавший там 1 сентября 1926 г.: «Ранним утром поезд миновал Иркутск и его кафедральный собор, возвышавшийся на фоне светлого и прозрачного рассветного

неба. Затем последовал красивый южный берег большого озера Байкал, с его недвижной гладью вод, опоясанной горными цепями. За Байкалом местность приняла гористый характер, и теперь поезд несся посреди лесистых холмов. Это была Бурятия… Поздним вечером поезд прибыл в Верхнеудинск, столицу Бурятской республики» [19, с. 193].

В день, когда все участники Центрально-Азиатской экспедиции вновь воссоединились в Верхнеудинске – 6 сентября, по данным Новосибирской метеорологической станции в городе шел дождь, температура воздуха была $+11^0$ С [16, с. 4]. Назавтра – 7 сентября дождь прекратился, но было пасмурно и очень прохладно – $+13^0$ С [17, с. 4]. Август 1926 г. выдался ненастный с частыми ливнями и даже снегом. 12 августа в результате очередного сильного ливня выше г. Верхнеудинска на р. Селенге размыло предохранительную дамбу в районе набережной, вода хлынула в город, затопила железнодорожную станцию, размыла станционные пути, под воду ушли все улицы в низине [13, с. 2].

Местом остановки экспедиции в Верхнеудинске стала гостиница «Централь» [20, с. 79]. Гостиница «Отель-Централь» на пересечении улиц Большая Николаевская (в 1924 г. переименована в ул. Ленина) и Проезжая (в 1924 г. переименована в Центросоюзную, совр. – Каландаришвили) открылась в 1900-е гг. В апреле 1924 г. о том, что в центре города вновь открылись отремонтированные номера «Централь» со всеми удобствами, сообщал в газете «Бурят-Монгольская правда» владелец М. Безденежный [2, с. 6].

«Здесь мы провели три напряженных дня в поисках автомобилей, которые повезут нас вместе с багажом в Монголию», – написал о пребывании в Верхнеудинске в книге «По тропам Срединной Азии» Ю. Н. Рерих [19, с. 193].

С ноября 1925 г. Торгпредство СССР в Монголии открыло международное регулярное автомобильное сообщение по маршруту Верхнеудинск – Хото – Улан-Батор (Урга) [4, с. 174]. С 25 февраля 1926 г. было установлено регулярное автомобильное сообщение (не менее двух раз в неделю) Верхнеудинск – Троицкосавск (Кяхта) [22, с. 6]. Однако эти перевозки были не регулярными и осуществлялись только по предварительной записи в управлении уполномоченного Наркомвнешторга. В момент прибытия экспедиции Н. К. Рериха обслуживавшие их автомобили могли либо находиться в дороге, либо в них отсутствовало достаточное количество пассажирских мест и места для объемного экспедиционного багажа. Известно, что Рерихам удалось найти два легковых автомобиля американской марки «Dodge».

В одной из публикаций о пребывании Н. К. Рериха в Сибири сказано, что «в Бурятии у него были, по-видимому, встречи с хозяйственными руководителями и кем-то из представителей ученого мира» [11, с. 133].

Встреча с кем-то из представителей советской власти могла быть вызвана как раз поиском автомобилей. Рерихи, вероятно, могли посетить Верхнеудинский горсовет на пересечении улиц Юного Коммунара (бывш. Лосевская) и Коммунальной (бывш. Базарная) в доме № 46, возглавляемый И. Д. Смердовым, и Бурят-Монгольское управление местного транспорта НКПС (Бурмес) там же на ул. Коммунальной в доме № 56, занимавшемся вопросами автотранспорта на всей территории республики. Побывали они в Совете народных комиссаров БМАССР, председателем которого был М. Н. Ербанов, управляющим делами – И. Ф. Головачев, на улице Ленина в доме № 18. В ноябре 1925 г. при ЦИК и Совнаркоме республики организовали гараж, в автохозяйстве имелось две легковые машины и один грузовик. Известно, что в мае и ноябре 1924 г. Совнарком БМАССР приобрел два американских легковых автомобиля «Додж» для служебных разъездов [4, с. 173]. Поскольку других автомашин данной марки в республике в тот период не было, то можно утверждать, что именно эти два

автомобиля и были арендованы экспедицией Н. К. Рериха для поездки до столицы Монголии г. Улан-Батора (Урги).

Представителем «ученого мира», с которым встретились в Верхнеудинске 7 – 8 сентября 1926 г. Рерихи, вероятнее всего был председатель Бурятского ученого комитета (Буручкома) Базар Барадиевич Барадин, заведовавший в этот же период кафедрой бурят-монгольского языка и литературы Бурят-Монгольского педагогического института и находившийся в эти дни в городе. Н. К. Рерих и Б. Барадин познакомились еще в дореволюционную пору в Санкт-Петербурге, где будущий бурятский ученый сначала учился на востоковедческом факультете Петербургского университета, а затем там же преподавал монгольский язык, изучением которого занимался сын Н. К. Рериха Юрий Рерих. Б. Барадин находился тогда под покровительством Агвана Доржиева, с которым Н. К. Рерих познакомился во время строительства дацана в Санкт-Петербурге в 1909 – 1915 гг.

Рано утром 9 сентября на двух автомобилях «Додж» участники Центрально-Азиатской экспедиции выехали из Верхнеудинска по направлению к границе с Монголией, чтобы пересечь ее в пункте пропуска Кяхта.

Как сообщала 4 сентября иркутская газета «Власть труда», «В Бурятии, на границе с Монголией, уже 15 дней идут беспрерывные ливни. Реки вышли из берегов, травы гниют…» [12, с. 3]. Выдвинувшаяся из Верхнеудинска по направлению к русско-монгольской границе экспедиция испытала, в связи с этим, трудности в пути: «К сожалению, день был пасмурным… Дорогу развезло, и иногда приходилось ехать по степи, объезжая размокшие песчано-глинистые участки дороги, которая все еще ремонтировалась», – писал Ю. Н. Рерих [19, с. 193].

Ехали они по старому грунтовому земскому тракту, шедшему от Верхнеудинска через села Мухино, Ключевское, Нижне-Убукунское, бывшую почтовую станцию Арбузовскую в местности Уртон-Булак. Во второй половине дня проехали г. Селенгинск. Далее путь проходил через села Поворотное, Калино-Переваловское, или Калининское, до села Усть-Кяхта, последнего населенного пункта перед Троицкосавком, куда Рерихи прибыли около полуночи.

Ночь путешественники провели в гостинице более вместительной, чем в Верхнеудинске [19, с. 194]. Гостиницу «Сибирь» открыл бывший кяхтинский купец-миллионер Я. М. Пятовский в начале 1926 г. [1, с. 7] в доме, где до революции находился его магазин [10, с. 18]. Место было удобным – на главной улице города по адресу ул. Ленинская, 28, напротив располагалась почтово-телеграфная контора, рядом с почтой – великолепный Троицкосавский музей, возглавляемый в тот период П. С. Михно. В новой гостинице – большом одноэтажном побеленном каменном доме – имелся телефон, во дворе – гараж для автомобилей. Проезжающим предлагалось трёхразовое питание [3, с. 5].

Утром следующего дня участники Центрально-Азиатской экспедиции, возглавляемой Н. К. Рерихом, выехали в Кяхту, где находился пограничный пост, там они сделали «отметки в своих паспортах» [19, с. 194] и пересекли границу СССР с Монгольской народной республикой. Впереди у них был первый монгольский город Алтын-Булак, откуда путь лежал в Улан-Батор.

1 октября 1926 г. в верхнеудинской газете «Бурят-Монгольская правда» появилась небольшая заметка, перепечатанная из газеты «Известия Улан-Батор-Хото» (Урга), «По Монголии. Приезд академика Н. К. Рериха», где говорилось о том, что из Москвы в Улан-Батор прибыла художественно-археологическая экспедиция с целю «всестороннего запечатления художественных ценностей в столице Монголии» [15, с. 1].

Таким образом, сопоставление анализа официальных данных по движению железнодорожного пассажирского транспорта в восточном направлении летом 1926 г.

с дневниковыми записями участников экспедиции позволило реконструировать некоторые моменты пребывания семьи Рерихов в Восточной Сибири, изучение местных периодических изданий позволило расширить ранее имевшуюся информацию о пребывании Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха в Восточной Сибири.

Список литературы

1. Вновь открыты в г. Троицкосавске номера // Бурят-Монгольская правда (Верхнеудинск). 1926. 23 февраля.
2. Вновь отремонтированы номера «Централь» // Бурят-Монгольская правда (Верхнеудинск). 1924. 26 апреля.
3. Доводится до сведения приезжающих в Троицкосавск // Бурят-Монгольская правда (Верхнеудинск). 1926. 16 апреля.
4. Жалсараев А. Д. Верхнеудинская старина. Улан-Удэ: Время странствий, 2016. 367 с.
5. Забровская М. В., Широкова Е. Ю. «Замечательные сердца»: Н. К. Рерих и творческая интеллигенция в Сибири 20-х гг. XX в. // Г. И. Чорос-Гуркин и современность: Сборник материалов конференции к 150-летию со дня рождения… Г.И. Чорос-Гуркина. Горно-Алтайск: БНУ РА «Научно-исследовательский институт алтаистики им. С .С. Суразакова, 2020. С. 77 – 84.
6. Забровская М. В. К вопросу о датировке пребывания Центрально-Азиатской экспедиции академика Н. К. Рериха в Барнауле и Бийске в июле 1926 г. // Наука, образование и культура. 2022. № 1(61). С. 40 – 45. URL: https://scientificarticle.ru/nashi-avtory/geograficheskie-naukitf.html (дата обращения: 05.06.2023).
7. Забровская М. В. Сибирским маршрутом Центрально-Азиатской экспедиции Н. К. Рериха: к 95-летию прохождения по Сибири. Ч. 1: Свет с Востока. М.: Буки Веди, 2021. 429 с.
8. Забровская М. В. Центрально-Азиатская экспедиции академика Н. К. Рериха и Забайкалье // 80 лет Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха: Материалы международной научно-обществ. конференции. 2008. М.: МЦР, Мастер-Банк, 2009. С. 430 – 444.
9. Забровская М. В., Широкова Е. Ю. Чистый рисунок души: к биографии художницы Наталии Николаевны Нагорской // Исторический курьер: сетевой журнал. 2021. № 1 (15). С. 156 – 173. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-1-14.pdf (дата обращения: 05.06.2023).
10. Кузькин А. Л. По улицам Кяхты исторической: путеводитель. Кяхта: Улан-Удэ: Байкальский меридиан, 2015. 42 с.
11. Ларичев В. Е. Н. К. Рерих и сотоварищи в Сибири // Рерих и Сибирь: [Сборник]. Новосибирск: Кн. изд-во, 1993. С. 11 – 160.
12. Ливни // Власть труда (Иркутск). 1926. 4 сентября.
13. Наводнение в Верхнеудинске // Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 17 августа.
14. Официальный указатель железнодорожных, пароходных и других пассажирских сообщений. Вып. 8: Летнее движение 1926 г. М.: Транспечать, 1926. 400 с.
15. По Монголии. Приезд академика Н.К. Рериха // Бурят-Монгольская правда (Верхнеудинск). 1926. 1 октября.
16. Погода по Сибири // Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 7 сентября.
17. Погода по Сибири // Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 8 сентября.
18. Рерих Н. К. Письма. Т. 3: 1936. М.: МЦР, 2022. 600 с.
19. Рерих Ю. Н. По тропам Срединной Азии. М.: МЦР, 2012. 780 с.
20. Рерих Ю. Н. Тибет и Центральная Азия. Т. 2: Статьи. Дневники. Отчёты. М.: Рассанта, 2012. 277 с.
21. Спутник пассажира по железным дорогам Сибири. Ново-Николаевск: газ. «Сибирский гудок», 1926. 184 с.
22. Торгпредством СССР // Бурят-Монгольская правда (Верхнеудинск). 1926. 26 февраля.
23. Фосдик З. Г. Рерихи на пути в Тибет. Дневники Зинаиды Фосдик, 1926–1927. М.: Дельфис, 2016. 295 с.

УДК 379.8

Предложения сибирских родительских комитетов по организации внеурочной деятельности учащихся в начале XX вв.

Ищенко Оксана Владимировна
доктор исторических наук, доцент.
Сургутский государственный университет,
кафедра государственного и муниципального управления и управления персоналом
Сургут, Россия
ischenko_ov@surgu.ru
ORCID ID: 0000-0001-9761-6204

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается деятельность родительских комитетов учебных заведений Сибири в области организации разумного досуга учащихся. Отмечено, что политика правительства в отношении возможности создания родительских комитетов и их влияния на жизнь школы менялась в зависимости от ситуации в стране. Родительские комитеты проявляли большую активность в стремлении организовать внеурочную деятельность учащихся, но большинство внесенных ими предложений не было реализовано в силу несоответствия политике, проводимой государством в области образования, и его нежелания давать общественным организациям право воздействовать на жизнь учебных заведений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Родительские комитеты, учебные заведения, внеурочная деятельность, Министерство народного просвещения, Сибирь.

Начало XX века стало для России периодом значительных изменений, охвативших различные сферы жизни государства и общества. Рост числа учебных заведений в условиях модернизации способствовал отходу от элитарности образования, а развитие гражданского общества определяло усиление влияния общественности на школу, вводя в образовательную систему элементы государственно-общественного управления.

Педагогами, правительством и демократической общественностью активно обсуждались вопросы создания родительских комитетов в учебных заведениях, деятельность которых могла способствовать реализации воспитательной функции школы [13, с. 62]. Особенно явно это проявилось в годы первой российской революции, когда репрессивные меры по наведению порядка в учебных заведениях оказались недостаточно эффективными. Активное участие молодежи в акциях протеста, начавшиеся ученические забастовки, отказ учащихся подчиняться прежним правилам школьного и внешкольного поведения требовали создания стабильной обстановки в учебных заведениях [14, с. 17]. В этих условиях Министерством народного просвещения циркуляром от 4 марта 1905 г. руководству учебных заведений было рекомендовано привлекать к участию в их деятельности родителей учащихся [6, л. 59].

Постановлением Совета Министров от 13 ноября 1905 г. было официально закреплено создание родительских организаций в учебных заведениях разных типов, при этом циркуляром Министерства народного просвещения от 25 (26) ноября 1905 г. предусматривалась необходимость обсуждения решений родительских собраний и родительских комитетов на заседаниях педагогических советов [11, с. 89; 14, с. 17]. Деятельность родительских организаций, поддержавших ряд справедливых требований учеников, способствовала снижению напряженности в отношениях воспитанников и педагогов и сыграла заметную роль в успокоении школы [12, с. 241]. С другой стороны, появление родительских комитетов нередко способствовало

консолидации сил правого политического крыла, открыто выступавшего противником всяческих беспорядков.

Примером этого может служить деятельность будущего председателя родительского комитета при Барнаульской частной женской гимназии М. Ф. Будкевич Александра Владимировича Розанова. Являясь помощником начальника Алтайского округа и одним из местных активистов Союза русского народа, он, по мнению помощника начальника Томского губернского жандармского управления, с конца 1905 г. активно выступил «с правой деятельностью, когда открыто восстал против того безобразного направления, которое тогда приняла школа» [5, л. 6]. Присутствуя на собрании учащихся, учителей и родителей, Розанов обратился к последним со словами: «Если вам лично нужна революция, то пожалейте хоть своих детей, … им нужно учиться, а при нынешнем безобразии в заведениях они курса наук не пройдут, если … правительство примет репрессии, то дети ваши будут выгнаны из заведений и тоже … останутся без образования». Речь Розанова была освистана, но родители, по мнению представителей правоохранительных органов, пришли к выводу, «что революция – революцией, а уроки – уроками должны быть» [5, л. 6].

Розанову удалось склонить на свою сторону «благоразумную часть родителей» в лице законоучителя реального училища священника С. И. Горятовского, дворянина Гордзялковского, купца Грязнова и др. Это способствовало постепенному восстановлению «нормального хода школьной жизни», в том числе и потому, что революционно настроенные представители интеллигенции Алтайского округа были по службе подчинены Розанову [3, л. 4]. Данное утверждение жандармского руководства не лишено оснований, поскольку в обязанности помощника начальника Алтайского округа, действительно, входили административные и кадровые вопросы [10, с. 42].

Со спадом революции и постепенным успокоением учащихся правительством стали предприниматься шаги по отказу от вовлечения родителей в жизнь учебных заведений. В конце 1906 г. в Министерстве народного просвещения был поднят вопрос об упразднении родительских комитетов [11, с. 89 – 90]. Однако часть из них продолжила работу, обращая внимание теперь не на меры снижения протестной активности учащихся, а на способы организации их свободного времени для предотвращения возможности объединения в период праздного времяпрепровождения.

Предложения устраивать разумные развлечения для учащихся содержатся, в частности, в протоколах заседаний родительского комитета Барнаульского реального училища за октябрь 1907 г. Комитет рассматривал вопрос об организации ученического клуба, в котором был бы полный набор занятий: от настольных и подвижных игр до обучения ремеслам, слушания лекций и выступлений с рефератами [2, л. 11 – 12]. Однако педагогический совет не мог решить этот вопрос самостоятельно без согласования с попечителем Западно-Сибирского учебного округа, а отсутствие в нормативных документах правил организации подобных клубов давало возможность окружному начальству не соглашаться на их открытие.

В последующие годы министерством были приняты дополнительные меры пресечения активности родительских комитетов. В 1911 г. распоряжением министра народного просвещения Л. А. Кассо создание родительских комитетов стало возможным только при присутствии на родительском собрании не менее 2/3 от числа родителей учащихся, проживавших в данном городе [11, с. 89 – 90]. Новые правила также предусматривали обязательное утверждение попечителем учебного округа представителей, избранных в родительский комитет. Председатель и определенное количество членов комитета должны были иметь высшее образование [14, с. 22]. Данное условие являлось дополнительным препятствием к формированию

родительских комитетов, поскольку в сибирских городах даже среди родителей учеников средних учебных заведений таких было немного.

Кроме того, местная пресса нередко обращала внимание на дополнительную попытку срыва родительских собраний, когда все они созывались во всех учебных заведениях города в один день. Имея нескольких учащихся детей, родители физически не могли попасть на все собрания одновременно, поэтому родительские комитеты в значительной части школ так и не были созданы или, как писали современники, «сохранились только в виде редких исключений» [12, с. 256].

Тем не менее, нельзя утверждать, что в послереволюционный период родительские комитеты вовсе прекратили свою работу. Например, в Барнауле родительский комитет при частной женской гимназии М. Ф. Будкевич под председательством упоминавшегося выше А. В. Розанова действовал достаточно активно.

Журнал заседаний родительского комитета сохранил высказанные А. В. Розановым в январе 1909 г. предложения о введении дополнительных занятий для учащихся во внеучебное время. Обращая внимание на то, что дети плохо выражают свои мысли, председатель предлагал дать им возможность практиковаться в ораторском искусстве, а для успешного изучения иностранных языков – ставить спектакли и проводить игры на иностранных языках под руководством учителей. В контексте известного высказывания «в здоровом теле – здоровый дух» на собрании рассматривались и вопросы, связанные с физическим развитием учеников [3, л. 16].

В целом, протоколы заседаний свидетельствуют о том, что родительский комитет при Барнаульской женской гимназии последовательно стремился правильно организовать досуг учащихся с учетом их интересов и склонностей. Однако подозрительное отношение к любым формам общественной активности вызывало неприятие учебно-окружным начальством даже такой вполне легальной деятельности. Подтверждение этого содержится в письме попечителя Западно-Сибирского округа Л. И. Лаврентьева Томскому губернатору (1909 г.), где, характеризуя «новый кружок родителей, организованный г. Розановым, председателем родительского комитета частной гимназии госпожи Будкевич в Барнауле, а также цели, намеченные кружком», попечитель отмечал, что «г. Розанов в воззвании к родителям … на первую очередь ставит работу «теперь же дать учащимся возможность … приобрести навык толково, ясно и внятно излагать устно свои мысли», причем необходимость этого искусства мотивируется «грядущим расширением прав общества»… Эти строки, напоминающие подпольные листки, представляют как бы новое издание резолюции всероссийского съезда учеников средних школ, в которой было предписано ученикам тренироваться в ораторском искусстве для выработки из себя опытных митинговых ораторов и устраивать в средних учебных заведениях … всякого рода скандал в форме бойкотов, забастовок, взрывов для подготовки себя к грядущей окончательной революционно-террористической борьбе, необходимой для завоевания прав обществу и ученикам» [5, л. 2].

Нелепость предъявленного обвинения была отмечена даже помощником начальника Томского губернского жандармского управления в Барнауле, Бийске и Змеиногорске, который в ответном письме на имя губернатора положительно оценивал деятельность Розанова на посту председателя, приводя копии протоколов совещаний родительского комитета за 1908 – 1909 гг., на которых рассматривались вопросы о соблюдении ученицами формы, уважении к религии, противодействии распространению порнографической литературы, запрете молодежи посещать безнравственные пьесы и т.д. [3, л. 3].

В подтверждение полной лояльности А. В. Розанова помощником начальника ТГЖУ приводилась выписка из протокола заседания родительского комитета от 25

января 1909 г. с предложением развивать сокольскую гимнастику, в которой «весьма важную роль играют различные построения и движения больших групп людей», что имеет «особо важное значение потому именно, что оно незаметно и без насилия приучает каждого строго сообразовывать свои действия со всеми остальными участниками, то есть воспитывает таким образом общественную дисциплину …, совершенно отсутствующую пока у нас» [3, л. 17].

Несмотря на противодействие попечителя, в Барнауле продолжалась работа родительских объединений, причем даже более высокого уровня, нежели родительские комитеты. Так, сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что вопросы «внешкольного времяпрепровождения учащихся и практического осуществления мероприятий» обсуждались в Барнауле 1 февраля 1909 г. на общем собрании родителей учащихся в местных учебных заведениях под председательством того же А. В. Розанова. Присутствовавшие высказывали разные точки зрения по данному вопросу. Например, родитель Симанин счел нужным отдавать преимущество при проведении внеклассных занятий изучению естественных наук, а не ораторскому искусству, иностранным языкам и гимнастике. Мещанин Клопов предложил «позаботиться о том, чтобы разумные занятия касались не одних высших школ, но и низших, где учатся дети рабочего необразованного класса; нельзя забывать низший слой людей, а нужно стремиться к уравнению учащихся детей, и чтобы высшее образование одинаково было доступно и для простого народа». В ответ на это председательствующий заявил, что собрание полностью разделяет данное мнение, поэтому на него «сознательно пригласили родителей всех учащихся, в том числе и низших школ» [3, л. 19 – 20].

Для решения рассматриваемых проблем родителями была создана комиссия по вопросу об организации в Барнауле внеклассных занятий и разумных развлечений для учащихся, председателем которой стал снова А. В. Розанов. Однако комиссии не удалось прийти к единому мнению о том, какие занятия будут являться предпочтительными для молодежи – научные, спортивные или развлекательные, но предложение обратиться при этом к мнению самих учащихся председателем было «категорически отклонено» [3, л. 22 – 23].

Новый этап деятельности родительских комитетов начался в 1915 г. с назначением министром народного просвещения графа П. Н. Игнатьева. В циркуляре Министерства народного просвещения от 28 сентября 1915 г. «О мерах к улучшению школьной жизни» подчеркивалось, что «школа должна взять на себя не только обучение, но и, главным образом, воспитание юношества» [8, л. 30]. Одним из пунктов начавшихся реформ стало сближение семьи и школы.

6 июля 1915 года министром народного просвещения было утверждено новое Положение о родительских организациях при средних учебных заведениях Министерства народного просвещения, упрощавшее процедуру выборов членов родительских комитетов. Общее собрание родителей признавалось правомочным, если на нем присутствовала одна пятая часть родителей. Председателями и заместителями могли избираться лица со средним образованием [14, с. 24]. 19 ноября 1915 г. были утверждены «Правила об организации и деятельности собраний родителей и родительских комитетов при коммерческих училищах», снижавшие кворум присутствия родителей на собраниях до 1/3 [12, с. 261 – 262].

С принятием данных документов школьные родительские комитеты получили более широкие права контроля за деятельностью школ, вновь обратив свое внимание на организацию досуга учащихся в изменившихся условиях [1, с. 242]. Этому способствовало и появление новых распоряжений Министерства народного просвещения. В частности, циркуляром от 19 января 1916 г. № 349 предусматривалась организация просветительских мероприятий по внешкольному образованию:

устройство народных чтений, курсов, разумных развлечений и др. Министерство предлагало привлечь к ним педагогов и «посторонних лиц, желающих принять участие в общественной работе на пользу населения» [4, л. 26-29]. С другой стороны, сами учащиеся нередко обращались в педагогические советы учебных заведений с просьбами об устройстве кружков «для разумного заполнения досуга», как это сделали, например, воспитанники Омской учительской семинарии в октябре 1916 г. [9, л. 45].

В русле происходивших перемен ряд родительских комитетов вернулся к вопросу организации клубов для учащихся, что нашло свое отражение в протоколах заседаний родительских комитетов г. Бийска. Так, выступая в ноябре 1916 г. на общем собрании родителей и педагогов мужской и женской гимназий города, председатель родительских комитетов этих учебных заведений А. Строльман, описывая «скучную и серую» жизнь учащихся, предлагал педагогам и родителям помочь им, создав возможность «разумного отдыха, дружеского общения», ссылаясь при этом на опыт организации ученических клубов в Западной Европе. В качество конкретного предложения председателем была озвучена идея организации еженедельных собраний учащихся обеих гимназий одного возраста с участием педагогов и родителей для того, чтобы они могли «отдыхать интересным и культурным образом». Для учеников младших классов предлагалось устраивать игры, прогулки, литературно-музыкальные утра и пр. Старшеклассники могли выбрать иные занятия, но без строгого контроля за ними. «Пусть собрания будут не всегда серьезными, пусть учащиеся отдохнут, подурачатся. Не обязательно чтение рефератов или лекций – это приелось. Можно петь хором, музицировать, играть в шумные игры, танцевать… Молодое здоровое тело жаждет движения, бурного смеха, веселья. К чему делаться старичками раньше времени», – утверждал председатель [7, л. 2 – 7].

Воспитательная роль подобных собраний, по мнению Строльмана, заключалась в том, что они отвлекут учащихся «от пошлого времяпрепровождения, … внося разнообразие в монотонную жизнь», сформируют привычку к разумному отдыху, будут способствовать развитию и самообразованию, сплотят учеников, помогут установлению «хороших дружных отношений между учителями и учениками», станут «практикой самодеятельности и выработкой сознательной общественной дисциплины» [7, л. 6 – 7].

Доклад председателя был поддержан членами родительских комитетов бийских гимназий, после чего Строльманом была направлена телеграмма попечителю Западно-Сибирского учебного округа Н. И. Тихомирову следующего содержания: «Учащимся бийских гимназий не организовано никаких развлечений и разумного времяпрепровождения /в/ наступающие рождественские каникулы. Тяжело видеть гимназистов и гимназисток, уныло бродящих по улицам». Далее в телеграмме звучала просьба разрешить предложенные родительскими комитетами и педагогическими советами собрания учащихся «во избежание устроения ими самих себя» [7, л. 27]. Однако в ответном письме попечитель отказался одобрить «устройство постоянных многолюдных собраний учащихся разных классов и обоего пола с целью проводить время в занятиях «кто во что горазд» … по соображениям педагогическим» [7, л. 32].

Возмущенные члены родительского комитета Бийской женской гимназии на заседании 2 февраля 1917 г. постановили вновь ходатайствовать перед попечителем об устройстве вечеров в форме, предложенной родительским комитетом, отметив, что если он не может решить этот вопрос сам, то пусть препроводит ходатайство в Министерство народного просвещения [7, л. 8 – 10]. Но обращение комитета так и осталось неудовлетворенным, поскольку в жизни страны уже наступала совсем другая эпоха.

Таким образом, анализ деятельности сибирских родительских комитетов по организации внеурочной деятельности учащихся в начале XX в. свидетельствует об

отсутствии стремления властных кругов давать общественным организациям широкие права в области воздействия на жизнь учебных заведений, поэтому их стремление организовать разумный досуг учащихся чаще всего оставалось на уровне теоретических рассуждений.

Список литературы

1. Ishchenko O.V. State educational reform in Russia: Pro and contra (P. N. Ignatiev's reform in the mirror of public opinion) // Журнал Министерства народного просвещения. 2015. № 4 (6). С. 239 – 250.
2. Государственный архив Алтайского края. Ф. 43. Оп. 1. Д. 105.
3. Государственный архив Алтайского края. Ф. П-1061. Оп. 3. Д. 5.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. 855. Оп. 1. Д. 43.
5. Государственный архив Новосибирской области. Ф. 5. Оп. 2. Д. 354.
6. Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 1479.
7. Государственный архив Томской области. Ф. 126. Оп. 2. Д. 3274.
8. Государственный архив Тюменской области. Ф. И-59. Оп. 1. Д. 11.
9. Исторический архив Омской области. Ф. 115. Оп. 1. Д. 97.
10. Калашников А. А., Афанасьев П. А. Управление хозяйством Алтайского округа накануне Февральской революции // Педагогическое образование на Алтае. 2021. № 1. С. 41 – 47.
11. Кудряшёв А. В. Из истории родительских организаций России конца XIX – начала XX в. // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология. 2015. № 2 (32). С. 81 – 92.
12. Магсумов Т. А. Средняя профессиональная школа Казанского учебного округа в условиях модернизации отечественного образования конца XIX – начала XX в. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2022. 535 с.
13. Сысоева Е. К. Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации начала XX в // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010. № 2. С. 61 – 76.
14. Филимонов С.В. Деятельность родительских комитетов по развитию гимназического образования в Рязанской губернии в начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2022. № 2 (75). С. 16 – 29.

УДК 94(47).084.3 (571)

Повседневные проблемы народного образования и обучения в Красноярске в годы Гражданской войны

Капустина Яна Васильевна
Преподаватель.
Ачинский колледж отраслевых технологий и бизнеса.
Ачинск, Россия.
Yana-kapustina@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0008-4383-663X

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются повседневные проблемы в области народного образования в годы гражданской войны, тяжелое материальное и моральное положение обучающихся, учителей, преподавателей в Красноярске в 1918-1920-х гг. Отношение власти к делу народного образования и его обеспечения в трудные годы противостояния в условиях гражданской войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Народное образование, Гражданская война, повседневность, проблемы, гражданское противостояние.

Период с 1918 по 1920 гг. Сибирь переживала процесс гражданского противостояния. С приходом в Енисейской губернии то власти «красных», то власти «белых» в учебном деле города Красноярска постоянно происходили изменения, которые в основном усугубляли положение в этой сфере.

С приходом и установлением Советской власти в октябре 1917 г. в городской печати появляются отзывы о работе Советских органов власти в образовательных структурах. Газета «Голос народа» писала: «вместо упраздненной инспекции и дирекции народных училищ, был создан Губернский комитет по народному образованию при Губернской земской управе. С разгоном всех земских учреждений был ликвидирован и этот комитет, а вместо него создан Отдел по народному образованию при Исполнительном комитете. Комиссаром просвещения Енисейской губернии назначен товарищ Перенсон – это универсальный человек, ведающий всем, начиная от вопросов мироздания и кончая ассенизацией. Он поставил во главе губернского отдела «коллегию» из 3-х лиц. Дела, отданные в ведение коллегии, находятся в невозможном состоянии. Замечается полное отсутствие возможности и средств осуществить ту широкую программу «советского народного образования», какую наметил себе нарком просвещения Луначарский. Большинство учащихся отвернулось от советской братии, не выражая желание работать в этой частной компании, и таким образом, хоть немного, но все-таки налаженное дело грозит рухнуть» [1]. В Красноярске и других городах губернии, помимо учащихся, практически все учительство отрицательно восприняло Декреты народного комиссара Луначарского [16]. Подтверждают этот факт и съезды учителей Ачинского уезда [14, с. 60]. Советские органы власти объясняли неприятие учительством нововведений тем, что городской учитель чувствует непримиримую вражду из-за материальной обеспеченности учителей средней школы, их боязни оторваться от буржуазии, а также их влиянию других городских товарищей [12].

В связи с приходом к власти «белого» режима меняются структуры образования и просвещения. Министерство народного просвещения было официальным правительственным органом, ведавшим делами образования. Во главе министерства

вначале стоял профессор Томского университета В.В. Сапожников, а с мая 1919 г. – П. И. Преображенский [20, с. 110].

По распоряжению Енисейского комиссариата 27 июня 1918 г., Губернский отдел по народному образованию при бывшем Совдепе упразднялся, функции его передавались Енисейскому губернскому комитету по народному образованию при Енисейской губернской земской управе, с возложением на него временно функций учебного округа в пределах Енисейской губернии [2].

В условиях гражданского противостояния, министерство народного просвещения «белого» правительства не смогло сделать ничего реального в области образования. Свидетельством этого служит беседа журналиста издательства «Правительственного вестника» с товарищем министра Г.Н. Гинсом, где он отмечает, что сейчас народное образование находится в тяжелом положении. Не хватает учебников, много учащихся оторвано от занятий, большинство учебных заведений реквизированы для размещения войск и лазаретов, вечерние занятия невозможны за отсутствием освещения. При создавшихся условиях, ближайшая задача министерства – поддерживать существующие учебные заведения и использовать их с наибольшей производительностью. С этой точки зрения современная постановка народного образования не соответствует скудности наших средств [15].

Сложившаяся обстановка в деле народного образования усиливали пессимистические настроения среди педагогов. В прессе Енисейской губернии появляются публикации, отражающие переживания учительства, типа: «Да, мои дела, признаться, не важны! За два месяца до отъезда мне особенно было не по себе, и в голове часто назойливо вставал один и тот же вопрос – как жить дальше на такое ограниченное жалованье? Откладывая год за годом бросить учительство, льстила я себя такой надеждой, льщу и теперь» [11]. В Красноярский комитет по народному образованию Красноярской уездной земской управы шли прошения о переводах на более удобное место в связи с тяжелым материальным положением; недостатком жалованья, на которое нельзя было купить обувь, одежду; болезнями, которые не на что лечить [3].

В рассуждениях о реформах народного образования прослеживается то, что разговоры о коренной перестройке и постановке дела народного образования дальше общих рассуждений и положений не шли. А ведь съезды учителей принимают действительно серьезные решения, как улучшить положение дел в области образования. При этом подчеркивается и увеличение оплаты труда, и реорганизация управления учебными заведениями. Из постановления первого Енисейского губернского собрания по народному образованию:

- как низшая, так и средняя школа должны быть в ведении губернского земства, но при условии издания специального закона, определяющего права и взаимоотношения школьных советов, земства и МНП в деле народного образования…

- высшие начальные училища передать в ведение, уездных земств, за исключением высших начальных училищ г. Красноярска, которые должны быть переданы в ведение Городского комитета по народному образованию…

- высота оплаты учительского труда в школах, при равной затрате времени не должна зависеть от типа или ступени школы, а также предмета преподавания» [8].

Программа Губернского учительского съезда, состоявшегося в августе 1919 г., предусматривала деятельность уездных союзов, правовое положение учащихся, вопросы коллективного договора, школьного обучения и воспитания, снабжения школ учебниками и учебными пособиями [10].

Но постановления и решения съездов, собраний по делам просвещения в Красноярске и Енисейской губернии не воплощались в жизнь.

На начало1918 – 1919 учебного года в Красноярском уезде 121 училище при 171 учителе. Все эти школы, за малым исключением, не соответствовали своему назначению. Школьные помещения были тесны, темны, холодны, не имели вентиляции [4].

Из годовых отчетов о работе начальных училищ №№ 3-9,17, 20, 22, 23 г. Красноярска за 1919 г. просматривается, что «все здания этих учебных заведений были реквизированы под госпитали (училища №№ 3, 4, 5, 17), под военную сапожную мастерскую (№7) и другие военные нужды. Училища переведены в другие здания, мало удобные для обучения. В частности, 4-е начальное училище во втором полугодии 1919г. размещалось в здании еврейского училища (дом Синагоги), в котором комнаты малы и тесны, дети сидели за партой по три-четыре человека вместо двух, освещение слабое, уборные холодны и находились вдали от школьного помещения. 9-е училище во втором полугодии находилось в военной церкви, занятия шли через день по 3 ч. в сутки, помещение холодное, дети занимались в верхней одежде. Школьное имущество постоянно перевозилось с места на место, часто имели место случаи, когда солдаты, помещавшиеся в здании школ, рубили на растопку школьную мебель. Как отмечается во многих отчетах, питание для детей было скудным, в первом полугодии на завтрак выдавался картофель, чай, а во втором, во многих училищах этого уже не наблюдалось. Личным трудом и заботами Родительских комитетов садили школьные огороды, в основном выращивали картофель» [5]. 4 ноября 1918 г. на заседании Красноярского мещанского общества обсуждался вопрос о закрытии Мещанского женского училища, так как его содержание было очень дорогим. Но большинство членов общества проголосовало за сохранение училища [6].

В результате сложившейся обстановки во второй половине 1919 г. число учебных дней сократилось более чем в два раза. Например, в 14-м училище в первом полугодии учебных дней 110, во втором полугодии 49. Численность учащихся к концу учебного 1919 года сократилась на 30%, причем окончивших училище было 15%. Всего же в Енисейской губернии в 1918-1919 гг. не приступило к занятиям 50% детей школьного возраста [12].

Отсутствие собственного школьного помещения, переезды школы из одного пункта в другой и сопряженные с ними перерывы занятий, уменьшенное число учебных часов учебного дня нарушили правильное течение школьной жизни.

Красноярским городским комитетом по народному образованию, по постановлению городской думы открывались вечерние школы для взрослых, цель которых дать возможность неграмотному взрослому населению города усвоить первые начала грамотности [18].

Помимо школ продолжал свою деятельность Красноярский учительский институт. Октябрьскую революцию в КУИ встретили равнодушно: считали ее явлением временным. Однако вскоре влияние Советской власти дало о себе знать. 10 февраля 1918 г. Наркомпрос РСФСР принял постановление «Об отмене государственных экзаменов и изменении порядка всякого рода испытаний студентов». Эта мера была призвана уменьшить отсев студентов из числа рабочих и крестьянской бедноты. Она оказалась весьма актуальной для КУИ, где выходцев из крестьян было 53% от общей численности учащихся [21, с. 116].

Другим нововведением Советской власти стала демократизация состава педагогического совета, в который вошли студенты и преподаватели городской общественности. Студенты получили право решающего голоса по всем без исключения вопросам: учебным, воспитательным, хозяйственным, кадровым.

Учащиеся участвовали в установлении внутреннего распорядка в институте, в выборах совета старост, библиотекаря, делегатов и т.д. Грозной мерой воздействия на нарушителей порядка и дисциплины был товарищеский суд чести.

18 июня 1918 г. в Красноярске сменилась политическая власть. Это отразилось и на степени участия студентов в жизни института. Так, 21 января 1919 г. было издано распоряжение о том, что студенты не могут отныне участвовать в различных комиссиях, организуемых педагогическим советом. Еще одно новшество состояло в изменении прежних методов подготовки специалистов. Суть новации заключалась в усилении учебно-воспитательного процесса с жизнью. В частности, по предложению студентов организовывались ознакомительные экскурсии на электрическую станцию, опытное поле, золото плавильную лабораторию, суконную фабрику и т.п.

В годы гражданской войны в КУИ раскола на «белых» и «красных» не было. Преподаватели и студенты восприняли политику «белого» правительства как стремление вернуть завоевания февральской революции. О том, что новая власть и институт относились к друг другу лояльно, свидетельствовал такой факт: 6 – 7 апреля 1919 г. «Дом юношества» организовал торжественное шествие по улицам Красноярска. Эту демонстрацию сопровождали бело чешские войска [21, с.118].

20 марта 1919 г. А. В. Колчак объявил всеобщую мобилизацию в Белую армию. В этих условиях совет КУИ пошел навстречу тем студентам, которые призывались на военную службу. Специально для них лекционный курс зачитывался по ускоренной программе с тем, закончить учебу к мобилизации.

Летом 1919 г. в учительском институте состоялся очередной по счету и, как впоследствии оказалось, последний набор студентов. К началу 1919 – 1920 учебного года общая численность учащихся КУИ достигла 70 человек против 21 в 1916 – 1917 учебном году. Катастрофически стало не доставать учебных площадей. Дирекция КУИ неоднократно обращалась с прошением по этому вопросу к Красноярскому городскому голове А. П. Музыкину и правительству в Омске. Но все было безуспешно. И только освобождения Сибири от колчаковского режима и прихода к власти большевиков вопрос сдвинулся с мертвой точки.

В марте 1920 г. Наркомат просвещения СНК РСФСР выделил 90 тысяч рублей для покупки здания г-на Цукермана на ул. Благовещенской, 48 (ныне ул. Ленина, 50). В начале 1920-х. гг., в связи с реформой высшей школы КУИ стал находиться в подчинении Отдела народного образования по Сибири [17, с.118].

В годы гражданской войны не прекращало свою работу Землемерное училище, в 1919 г. оно приглашало для поступления свободных от военной службы учеников [19]. Не приостанавливалась деятельность и фельдшерской школы. Хотя занятия велись недостаточно интенсивно. Однако общество врачей работы не прерывало и продолжало набор учащихся в школу. В 1918 – 1919 учебном году на первый курс было подано 70 заявлений, принято 59 [9].

С приходом вновь к власти большевиков, постановлением Красноярского уездного городского отдела народного образования учение в школах города прекращалось до проведения в жизнь трудовой школы. По примеру других губерний решено в самый краткий срок ликвидировать безграмотность. По указанию партии и правительства, они продолжали перестройку всей школьной системы. В этой перестройке большое значение придавалось, прежде всего, выборам учителей, их участию в общественной жизни, созданию единой трудовой школы, ликвидации неграмотности взрослого населения [7]. Конечно, в первые годы восстановительного периода менялось содержание обучения, большое внимание уделялось развитию учащихся в процессе трудовой деятельности. В школах вводилось самообслуживание, в летнее время учащиеся работали на пришкольных, учебно-опытных участках, отдыхали в летних детских колониях. Для учителей организовывались общеобразовательные и методические курсы. С целью популяризации новых форм и методов учебно-воспитательной работы открывались показательные школы, школы-коммуны [8].

Но трудностей в деле образования в первые годы Советской власти наблюдались повсеместно. Как и во времена ВСП не хватало многих предметов народного потребления, школы не имели благоустроенных помещений, учебников, учебных пособий. В школах писали разведенной черникой, охрой, применяя гусиные перья, уголь заменял карандаш, береста бумагу. Учащиеся лепили буквы из глины, составляя слова и предложения [13].

Таким образом, проблемы в области образования оставались насущными в период 1918 – 1920 гг. В годы гражданской войны неприятия многими учителями Советской власти, проблемы бытового плана. После вновь установившейся власти большевиков – создание единой школьной системы, подбор кадров учителей, борьба с неграмотностью, развитие школьного самоуправления, охват всех детей всеобщим начальным обучением.

Список литературы

1. Голос народа (Красноярск). 1918. 5 апреля.
2. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р-577. Оп. 2. Д. 3. Л.5.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р-577.Оп. 2. Д. 17. Л.4.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р-577. Оп.2. Д. 3. Л.105.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р-93. Оп. 1. Д.3. Л.3-55.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 162. Оп.1. Д.117. Л.33.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р-93. Оп.1. Д.1а. Л.2.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф.Р-93. Оп.1. Д.1а. Л.4.
9. Долидович О. М. Красноярская женская фельдшерская школа (к истории создания и деятельности) // Красноярский край – 70 лет исторического пути. V краеведческие чтения. Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005. С. 232.
10. Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 29 августа.
11. Енисейский учитель (Ачинск). 1919.январь. №1. С.45
12. Журнал первого Енисейского уездного съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов (Енисейск). 1918. 18 апреля.
13. Красноярский рабочий (Красноярск).1922. 17 февраля.
14. Лопаткин Г. Летопись града Ачинска. Красноярское региональное политическое общественное движение «Свет». Ачинск, 2000. 543с.
15. Правительственный вестник (Омск). 1918. 26 декабря.
16. Рабоче-крестьянская газета (Красноярск). 1918. 12 мая.
17. Свободная Сибирь (Красноярск). 1919. 10 апреля.
18. Сибирская жизнь (Томск). 1918. 8 сентября.
19. Сибирская жизнь. 1919. 8 октября.
20. Соскин В. Л. Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны 1917 – 1921гг. Новосибирск, «Наука» 1965. 281 с.
21. Яблоков Ю. Н., Кузнецова О. А. Основание и деятельность Красноярского учительского института (1916 – 1920 гг.) // Народное образование в Красноярском крае. III Краеведческие чтения. Красноярск, 2002. С.115 – 119.

УДК 94:371.213.2:316.613.5(571.51)"1920/1925"

«Лоялен, с работой справляется». Социокультурный портрет красноярского учительства первой половины 1920-х гг.

Кухта Светлана Васильевна
Главный архивист
КГКУ «Государственный архив Красноярского края»
Красноярск, Россия
svetla-90@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-4618-0353

АННОТАЦИЯ В статье на основе документов Государственного архива Красноярского края восстановлен социокультурный облик учителей школ г. Красноярска первой половины 1920-х гг., анализируются особенности их биографий, приводятся яркие и наиболее характерные детали повседневности провинциального школьного работника конца XIX – первой четверти XX вв. Имеющиеся на хранении в составе архивного фонда «Енисейская губернская контрольная комиссия» анкеты и автобиографии красноярских учителей, составленные в 1924 г., являются содержательным и малоизученным источником, позволяющим дополнить историю школьного образования Енисейской губернии-Красноярского края новыми именами и фактами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Учительство, школа, педагог, история образования, автобиография, анкета, г. Красноярск.

2023 г. был объявлен в России Годом педагога и наставника, что обязывает в очередной раз обратиться к сюжетам из истории педагогической деятельности в Енисейской губернии-Красноярском крае. На хранении в Государственном архиве Красноярского края находится значительное количество архивных документов, позволяющих почти всесторонне осветить историю образования в нашем регионе. Большая их часть достаточно хорошо изучена и неоднократно использовалась при подготовке разнообразных научных работ. Особняком стоят анкеты и автобиографии педагогов ряда школ городов Красноярска и Минусинска, отложившиеся, как представляется, в не самом очевидном для исследователя фонде – среди документов Енисейской губернской контрольной комиссии (фонд П-2). Контрольная комиссия начала свою работу в октябре 1921 г. и, являясь частью партийных органов губернии, отвечала за четкое проведение партийной линии в деятельности государственных организаций. В сферу ее внимания, безусловно, входили и работники просвещения Енисейской губернии, лояльность которых была важным условием для строительства советской школы и воспитания молодого поколения в соответствии с новыми ценностными ориентирами. К 1924 г., когда губернскому отделу народного образования в целом удалось преодолеть трудности первых советских лет и стабилизировать школьную сеть, во главу угла было поставлено упорядочивание работы школ и усиление влияния на них партийно-комсомольских органов.

В рамках данной статьи были проанализированы 113 анкет и автобиографий учителей школ №1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12, школы кооперативных организаций и инструктивных школ взрослых №1, 2 города Красноярска. Все они датированы второй половиной 1924 г. и заполнены по стандартной схеме – в анкете содержатся типичные графы о месте и годе рождения, социальном происхождении, роде занятий до и после революции, «при Колчаке» и «после свержения Колчака», службе в армии, наличии собственности и торгово-промышленного предприятия, о том, был ли анкетируемый

пайщиком или арендатором, под судом и следствием, о его родственниках и членах семьи, находящихся на иждивении, партийности, домашнем адресе. Кроме того, в анкете указывалась должность (учитель, преподаватель, заведующий школой), однако, к сожалению, не всегда уточнялся преподаваемый предмет. В свою очередь в автобиографии учителя должны были более подробно описать свое социальное происхождение, интеллектуальное развитие и образование, участие в общественной жизни, работу после Февральской революции и факт нахождения под судом, следствием и арестом.

Помимо этого, в конце анкет, как правило, имеются резолюции заведующего губернским отделом народного образования (губоно) следующего содержания: «лоялен, с работой справляется, следует оставить» (оценка, которая была дана большей части учителей); «лоялен, невыдающийся работник, из рядовых, временно оставить»; «слаба, не общественница, учительницей новой школы быть не может»; «работник слабый, политически неблагонадежна, перевести в деревню» и т.п.

Сохранившиеся материалы дают возможность ответить на вопросы: каким же был обычный красноярский учитель почти сто лет назад? какими типичными чертами обладало учительство образца 1924 г. и в чем проявлялась его неоднородность?

Что касается гендерного состава педагогических работников, то 62 % рассмотренных анкет и автобиографий были заполнены учительницами-женщинами. Возраст учительства варьировался от 22 лет до 61 года. 35 % работников родились в 1890-е гг., 38 % – в 1880-е, 24 % – в 1870-е. Самым возрастным был учитель Красноярской 9-летней общеобразовательной школы кооперативных организаций Петр Матвеевич Троицкий, который родился в 1863 г. на золотых приисках Енисейского округа в семье чиновника. После окончания гимназии в Красноярске Петр Матвеевич поступил на естественно-историческое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. «[…] Еще на университетской скамье привлекли мое внимание к себе педагогические идеи проф[ессора] Петра Францевича Лесгафта, учеником которого я состоял с 1887 года до окончания университета. Его взгляды определили дальнейшее направление моей общественной деятельности […]»,– вспоминал Троицкий в автобиографии [2, Л. 8]. Самой молодой была 22-летняя учительница школы №11 Василисса Захаровна Собачевская, родившаяся в 1902 г. в с. Перовское Канского уезда в семье работника мещанской управы и окончившая Красноярскую женскую гимназию [5, Л. 150 – 152об.].

Только 40% учителей были уроженцами Енисейской губернии, остальные по причинам личного и профессионального характера и из-за сложностей периода Гражданской войны переехали в Красноярск из различных городов Российской империи.

По социальному происхождению 27 % учителей были из семей крестьян, 23 % – из мещан, 14 % – из духовенства, 9 % – представители дворянского сословия, две дочери купца, одна дочь разночинца, а также двое учителей из семей рабочих. Оставшиеся указали, что они – дети чиновников разного ранга, военных и врачей. Среди учителей школы №5 была Татьяна Валентиновна Панова – внучка декабриста Н. О. Мозгалевского, которая после смерти родителей воспитывалась бабушкой, а затем переехала к тете в Красноярск, где окончила епархиальное училище [5, Л. 33 – 35]. Учитель пения в этой же школе Иннокентий Ильич Шангин до революции служил псаломщиком, за участие в хоре и в оперных постановках был запрещен в служении епископом Назарием на 6 месяцев и только в 1923 г. окончательно вышел из духовного звания. Несмотря на свою прямую принадлежность к «служителям культа», резолюцию от губоно он получил благоприятную [5, Л. 21 – 24].

Воспитывалась подавляющая часть будущих учителей, вне зависимости от возраста, в бедных многодетных семьях, главы которых рано уходили из жизни,

оставляя заботу о потомстве на безработных матерей и старших детей. «[…] мне с ранних детских лет приходилось принимать участие в сельских полевых работах – жать, косить и т.п. Зимой я училась, а летом работала на поле и [в] огороде […]», – писала Ольга Алексеевна Успенская, уроженка Ярославской губернии, в 1924 г. учительница школы №4. [4, Л.1 41].

В условиях постоянной нужды непростым для большинства из них был путь к образованию (даже к первым его ступеням), когда нужно было одновременно и учиться, и содержать себя. К примеру, заведующий школой №5 Кирилл Васильевич Новоселов, уроженец Вятской губернии, вспоминал, что, поскольку его отец был против обучения, он в возрасте 15 лет без разрешения и денег поступил в двухклассную школу в соседнем селе: «[…] С этого дня начинается и очень долго тянется необычайно тяжелая в материальном отношении жизнь. Главное – голод. Каждый кусок ржаного хлеба приходилось добывать ценою здоровья […]» [5, Л. 10]. В годы студенчества они занимались репетиторством, за счет которого могли не только вносить плату за обучение, но иногда помогать младшим братьям и сестрам. Лидия Болеславовна Терентьева, учитель школы №2, писала: «[…] С 13 лет[него] возраста я стала давать частные групповые уроки, репетировала отсталых школьников, соседей (я жила на Каче среди рабочего класса), конечно, очень дешево, чем все же обеспечивала себе книги, письм[енные] принадлежности и обувь[…]»[4, Л. 59].

Учитель рисования школы №5 Молоствов Модест Михайлович, окончивший Мюнхенскую академию художеств, вспоминал: «[…] Учась там, я от матери хотя и получал небольшое денежное пособие, но оно далеко не хватало мне для покрытия самых необходимых расходов, и потому мне приходилось искать заработка, и я в свободное время занимался изготовлением игрушек из картона и дерева […]» [5, Л.16]. Выбивается из общего ряда автобиография Маргариты Альбертовны Холуе-Беклешовой из школы кооперативных организаций, которая, будучи дочерью крупного коммерсанта, начала самостоятельно работать лишь в 22 года [3, Л. 76а].

Закономерно, что из-за материальных сложностей лишь 26% учителей отметили в своей автобиографии факт окончания высшего учебного заведения. Они учились в Санкт-Петербургском и Московском университете, на Бестужевских курсах, в Смольном институте благородных девиц, на Московских высших женских курсах, в Народном университете и на Сибирских высших женских курсах в Томске и др.

Внушительная часть педагогов школ г. Красноярска была подготовлена различными дореволюционными средними учебными заведениями – учительскими семинариями и институтами, епархиальными, духовными училищами и семинариями. Иннокентий Михайлович Голицын, учитель школы №6 и выпускник Красноярской учительской семинарии, писал: «[…] Хотелось пополнить свои познания и поучиться еще. Но мечты о поступлении в высшее учебное заведение так и остались мечтами, т.к. одного желания учиться было недостаточно, а нужны были еще и средства, каковых у меня не оказывалось […]» [5, Л. 59об.].

Заведующий школы №6 Валентин Андреевич Казанский, окончивший Лысковское духовное училище и Нижегородскую духовную семинарию, вспоминал, что училище было вроде «дореформенной бурсы» и оставило о себе самые тяжелые и болезненные воспоминания: «[…] Но в этой бурсацкой тьме были и светлые лучи, скрашивавшие иногда тяжелую жизнь маленьких бурсаков. Таким светлым лучом был служивший там в течение двух или трех лет учителем русского языка писатель С. Елеонский (Серг. Ник. Миловский), работавший впоследствии в издательстве «Знание». Приехав в училище, он сразу привлек к себе сердца учащихся своим мягким, гуманным обращением и сближением с ученической средой. Он устраивал для нас воскресные чтения, литературные вечера, дарил нам книги, занимался с нами драматизацией и гимнастикой, брал нас на прогулки, словом, внес живую струю в

господствовавшую в то время в духовной школе схоластическую педагогику. Его моральное влияние на нас было велико, и на своем примере он показал нам, каким должен быть настоящий учитель […]», – писал В.А. Казанский [5, Л. 53об.].

Помимо высших и средних учебных заведений, будущие педагоги проходили Педагогические курсы им. Чернышевского (Анна Васильевна Волк, школа №9) в Петрограде, Фребелевские курсы (Ирма Александровна Мельницкая, школа №12), Курсы новых языков Степановой в Москве (Лидия Михайловна Яновская, школа кооперативных организаций), Высшие педагогические курсы французского языка «Alliance francaise de Petrograd» (Вера Федоровна Дриженко, школа №12) и др. Однако образование многих школьных работников ограничивалось гимназией и местными педагогическими курсами.

Не имея возможности получить диплом университета, многие учителя все свободное от занятий время посвящали самообразованию путем чтения специальной и художественной литературы. Учитель рисования школы кооперативных организаций и известный художник Дмитрий Иннокентьевич Каратанов так писал о своей любви к чтению: «[…] Чтением занимался самостоятельно, но, прежде всего, чтением изящной литературы, затем меньшая часть уделялась остальным вопросам […] все, что я приобрел в смысле знаний, я обязан этому прочитанному. Интересуюсь, конечно, и вопросами искусства, вопросами психологии человека, человека как психологической единицы и роли личности по отношению таковой к обществу и государству […]» [2, Л. 3].

Без сомнения, профессия учителя требовала огромных сил и полной самоотдачи. Мысль о преданности педагогическому делу, любви к профессии, несмотря на ее сложности, красной нитью проходит сквозь тексты всех изученных автобиографий. Учитель школы №1 Вениамин Феофанович Попов в 1896 г. был назначен учителем женской прогимназии в Иркутске и «с тех пор этой педагогической работы не покидал, менял только типы школ и города, стремясь к лучшей материальной обеспеченности», «работу любил и пропустил только 7 дней» [4, Л. 20].

Наталья Ивановна Худоногова, учитель физики в школе кооперативных организаций, вспоминала: «[…] Очень тяжелы были условия работы в Петрограде в 1917, в 1918 г., когда голодному приходилось заниматься с голодными и холодными детьми. В 1920-1921-1922 уч[ебном] году условия работы были тоже не блестящи. Помещение не отоплялось, и за труд получали так мало, что жить приходилось впроголодь, и только любовь к делу и серьезное отношение учащихся к занятиям заставляли оставаться на посту. В 1922 уч[ебном] году условия работы для меня изменились – я могла целыми днями и вечерами отдаваться любимому делу, получила возможность приобретать литературу по своей специальности […]» [3, Л. 69об.].

Александр Павлович Бахов (школа №11) отмечал: «[…] Подводя итоги своей 16-летней учительской работе, я могу сказать, что она дала мне полное удовлетворение. Правда, здоровье мое сильно пошатнулось […], но это никогда не останавливало меня от самой интенсивной работы в этом любимом для меня деле […]» [5, Л. 143].

В автобиографии Павла Прокопьевича Устюгова, учителя школы №2, находим своеобразный «крик души»: «[…] Терпя нужду, подчас вопиющую, я всегда верил и надеялся, что материальное положение учительства улучшится, и жил и живу надеждою на это улучшение в недалеком будущем. Я твердо верил и верю, что государство обеспечит учителю возможность человеческого существования; что если об этом не будут думать, то дело народного просвещения никогда не встанет на должную высоту; что распространение просвещения тесно связано с личностью учителя, и что поэтому никак не может быть забыто или проигнорировано его материальное или правовое положение […]»[4, Л. 53 – 53об.].

Помимо собственно школьной работы, многие учителя занимались культурно-просветительской деятельностью – организовывали народные чтения, вечера и спектакли, состояли в различных общественных организациях. Яркий тому пример – временно исполняющий должность заведующего школой №4 Андрей Иосифович Громчевский, который до революции был председателем общества попечения о начальном образовании, открыл бесплатную библиотеку в Николаевской слободе г. Красноярска, участвовал в создании Красноярского подвижного педагогического музея, состоял гласным Красноярской городской думы и членом городской училищной комиссии. По его инициативе в 1914 г. были открыты вечерние курсы для взрослых по программе средних учебных заведений и три высших начальных училища. Кроме того, ему удалось изыскать средства на покупку здания для увеличения учительской санатории на оз. Шира [4, Л. 150 – 151об.].

Заведующий школой №5 Александр Федорович Ефремов (к тому моменту уже довольно известный художник) был одним из пионеров устройства детских площадок и летних детских колоний в Красноярске: «[…] Близ дер. Солонцы на свои средства построил два дома для колонии и в течение двух лет заведовал ею, а затем передал ее со всем инвентарем в ведение Красноярского общества попечения о начальном образовании, за что и был избран почетным членом его […]». Помимо этого, он принимал участие в разработке проекта школы-коммуны в память борцов, павших за утверждение советской власти в Сибири, и с апреля по август 1920 г. был председателем ее школьного совета [5, Л. 28].

В начале 1920-х многие педагоги заняли активную организаторскую позицию в деле утверждения новых образовательных форм и восстановления школьной сети в городе и губернии. В. А. Казанский вспоминал о первых месяцах своей работы на посту заведующего школы в г. Красноярске: «[…]Так как все школьные здания в районе были заняты воинскими частями и учреждениями, не находившими возможным уступить для школ ни одной пяди жилой площади, то я, будучи назначен зав[едующим] школой №8-9, решил открыть школьные занятия в своей квартире, предоставив школе угол в занимаемой мной довольно поместительной проходной комнате, где школа и функционировала более месяца, пока, наконец, губоно не получило для нее две комнаты в красноармейском клубе в городском саду. В конце 1920 мне удалось получить здание бывшей Всехсвятской церковно-приходской школы, в котором наша школа, переименованная в №6, пребывает и по настоящее время […]» [5, Л.55-57об.].

Необходимо отметить, что большинство педагогических работников-мужчин были освобождены от несения военной службы. Исключением был Семен Миронович Сибир (заведующий школой №11), который с началом Первой мировой войны попал на Румынский фронт в Карпатах, где был произведен в подпоручики и избран ротным командиром. В январе 1918 г. демобилизовался как учитель, работал в школе своего родного села Еловское Красноярского уезда. Там его призвали в колчаковскую армию, и в июне 1918 г. отправили вниз по Енисею в погоню за бежавшими членами Красноярского Совета. Затем Семен Миронович был на фронтах Гражданской войны, в госпиталях, с установлением советской власти попал в военный городок как военнопленный, где переболел тифом. В конце октября 1920 г. он был арестован по обвинению в участии в погоне за советскими деятелями и осужден, а после освобождения в 1921 г. вновь стал учительствовать [5, Л. 138 – 140об.].

Высокая учебно-воспитательная нагрузка отдаляла красноярских педагогов от политической активности. На вопрос об участии в политических партиях и переворотах, комсомольско-партийной работе абсолютное большинство ответило отрицательно. Из общего ряда выделялась Анна Васильевна Волк (школа №9), которая ранее вела работу по организации женотделов и РКСМ в с. Шалинском и готовилась к вступлению в члены РКП(б) [5, Л. 126 – 128].

Вероятно, колоссальной занятостью и объективными трудностями жизни в непростой исторический период можно объяснить то, что красноярские учителя совсем не рассказывали о своих увлечениях вне работы. За исключением П. П. Устюгова – заядлого столбиста, который «увлекался систематическим чтением (с целями самообразования), игрой на скрипке и страстным неудержимым паломничеством в теплое время года на лоно Матери-Природы, на Такмак, Ковриги, Столбы, на Дикий Камень и другие живописные уголки окрестностей города Красноярска» [4, Л. 52об.].

Таким образом, при изучении документов архива становится очевидным, что формирование новой советской школы было бы невозможно без кадров, сформированных в дореволюционный период, сохранявших базовые принципы преподавания, при этом сумевших стать частью новой образовательной системы. Из резолюций губоно мы видим, что не всем педагогам г. Красноярска удалось благополучно вписаться в новую школьную действительность, и это происходило не только из-за «политической неблагонадежности». Ряд учителей были оценены как «слабые работники», не справлявшиеся со своими прямыми обязанностями, при этом в качестве «наказания» для них чаще всего определялось не увольнение, а отправка «в деревню». К сожалению, проследить их дальнейшую судьбу по документам затруднительно, поэтому можно только предполагать, каков был итог этой «чистки» 1924 г. и были ли эти указания приведены в жизнь.

Очевидно, что сохранившиеся анкеты и автобиографии красноярских учителей дают возможность в полной мере восстановить их социокультурный облик и этапы жизненного пути. Можно заключить, что корпус учительства 1924 г. был неоднородным по месту рождения, возрасту, сословному происхождению и уровню образования, однако ему были присущи и многие общие черты – такие, как непростое детство, тяжелое материально-бытовое положение и безусловная верность выбранной профессиональной стезе.

В целом, материалы Енисейской губернской контрольной комиссии, бесспорно, являются содержательным и малоизученным источником, позволяющим выявить яркие и наиболее характерные детали повседневности провинциального школьного работника конца XIX - первой четверти XX вв. и дополняющим историю школьного образования Енисейской губернии новыми именами и фактами.

Список литературы

1. КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. П-2.Оп.1. Д. 98.
2. КГКУ «ГАКК». Ф.П-2.Оп.1. Д. 102.
3. КГКУ «ГАКК». Ф.П-2.Оп.1. Д. 107.
4. КГКУ «ГАКК». Ф.П-2.Оп.1. Д. 108.
5. КГКУ «ГАКК». Ф.П-2.Оп.1. Д. 166.

УДК 9

Использование публикаций иностранной печати для пропагандистской работы на страницах газет Красноярского края (1941 – 1943 гг.)

Романова Елена Аркадьевна
кандидат исторических наук, доцент.
Сибирский государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского,
кафедра социально-гуманитарных наук и истории искусств.
Красноярск, Россия.
afinaadr@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5711-9561

АННОТАЦИЯ Статья посвящена изучению информации из зарубежной печати в период Великой Отечественной войны, которая использовалась сибирской региональной печатью в пропагандистских целях. Это касалось не только краевой газеты «Красноярский рабочий», но и районных газет. Основными направлениями публикаций были характеристики немецкой нации писателями Германии, расовой теории, общая оценка подвига бойцов Красной Армии и в период отдельных сражений, информация о движении сопротивления в Европе, в том числе, о кампании «V», о вкладе работников культуры, проживавших за рубежом, в победу. Это создавало у жителей Красноярского края ощущение, что наша страна в борьбе с фашизмом не одна, ей оказывается разная помощь из-за рубежа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Великая Отечественная война, движение сопротивления в Европе, пропаганда, сибирская региональная и зарубежная печать, Красная Армия, культура.

В период Великой Отечественной войны пропаганду в СССР называли «третьим фронтом». Она сыграла большую роль в перестройке сознания советского человека на военный лад. Как «колокола на башне вечевой» звучали в дни народных бед публикации наших военных корреспондентов. Один из них – писатель Алексей Толстой в своей статье «Родина», которая была опубликована 27 ноября 1941 г. в нашей газете «Красноярский рабочий», писал: «Наш век – это суровая, железная борьба за свою независимость, за свою свободу и за право строить по своим законам свое общество и свое счастье. Бешеный фашизм враждебен всякой национальной культуре, в том числе и немецкой, всякую национальную культуру он стремится разгромить, уничтожить и стереть. Его пан - германская идея: «весь мир – для немцев» - лишь ловкий прием для большой финансовой игры. И вот смертельный враг загораживает нашей Родине путь в будущее. Как будто тени минувших поколений, тех, кто погиб в бесчисленных боях за честь и славу Родины, и тех, кто положил свои тяжкие труды на устроение её, обступили Москву и ждут от нас величия души и велят нам: свершайте! …На нас всею тяжестью легла ответственность перед историей нашей Родины. Позади нас – великая русская культура, впереди - наши необъятные богатства и возможности, которыми хочет завладеть навсегда фашистская Германия». Это актуально и сейчас с небольшой поправкой на XXI в., а также на состав главных заказчиков, проводящих в жизнь фашистские идеи – Запад, включающий США [13, с. 2].

Для Победы использовались все пропагандистские возможности. Большую роль в тылу играла региональная печать, публикации в ней пропагандистских материалов не только из жизни нашей страны, но и Европы, США. Пропагандистское значение имела довоенная критическая оценка германской нации немецкими писателями. Томас Манн еще в 1937 г. писал: «Горе нации, которая, не зная куда повернуть, в конце концов ищет выхода в ужасах войны, проклятая богом и людьми. Она потерпит поражение, от

которого уже никогда не оправится». Прогрессивная немецкая интеллигенция еще до Второй мировой войны правильно оценивала перспективы развития своей нации [2, с. 4]. Эта характеристика дополнялась критикой проповеди человеконенавистничества и зверства, которую осуществлял один из главных теоретиков фашистской Германии Альфред Розенберг, человек с уголовным прошлым. Он написал книгу «Миф XX столетия», где навязывал «естественное и вечное стремление людей к войнам», к взаимному истреблению. Расовая теория называла немцев представителями «высшей расы господ», американцев и англичан – «получеловеками», румын, венгров, турок – «обезьянами», японцев – «недочеловеками», славянские народы – «низшей расой», итальянцев – людьми «испорченной крови и отравленной души». Розенберг считал 2 миллиарда 100 миллионов человек «отходами расового хаоса» [5, с. 3]. Эта информация усиливала чувство ненависти к фашизму со стороны сибиряков.

Для пропаганды использовались позитивная оценка Красной Армии союзниками и признание нашего героизма противниками. Уже 24 июля 1941 г. в районной газете «Удерейский рабочий» Мотыгинского района появилась заметка о чрезвычайно высоком моральном уровне личного состава военно-воздушных сил с самого начала Великой Отечественной войны, который отмечали английские газеты: «Советские летчики всячески стремятся выступить в бой с противником при каждом возможном случае и сражаются прекрасно» [23, с. 1]. Английский киноактер, режиссер, сценарист Чарли Чаплин попытался определить силу духа наших воинов: «Мужество, героизм и самопожертвование, проявленные русскими, – это высшее проявление патриотизма, возвышающее человечество. Те, кто отдают свои жизни за это великое дело, не умирают, ибо дух, который посылает ваших героев на борьбу, является силой, из которой возникает жизнь» [15, с. 4].

Храбрость и стойкость советских солдат отмечала и германская печать. В октябре 1941 г. немецкая газета «Völkischer beobachther» писала: «Красная Армия является «вооруженным до зубов великаном, какого история ещё не создавала. Моторизованные советские колонны кажутся гидрой, у которой всё время появляются новые головы»… Ужасно упрямые парни эти большевики. Крепко держат они свои позиции». В германской газете «Kölnische Rundschau-Zeitungsbericht» отмечалось, что «советский солдат фанатично храбр, постоянно прибегает к различным хитростям и уловкам, предвидеть которые невозможно». Таким образом, мы уже в начале войны начали морально побеждать фашистскую армию [9, с. 4]. Это было поводом для гордости нашими воинами.

Американские газеты понимали значение наших побед для своей страны и проводили исторические параллели. Обозреватель вашингтонской газеты «Stars and stripes» Морли писал, что «успехи СССР, достигнутые в борьбе с гитлеровской Германией, имеют большое значение не только для Москвы и всего русского народа, но и для Вашингтона, для будущности Соединенных Штатов… История воздаст русским должное за то, что они не только приостановили молниеносную войну, но и сумели обратить своего противника в бегство». Газета «Times dispatch», которая выходила в Ричмонде (штат Виргиния), в передовой статье отмечала, что «Гитлер идет по стопам Наполеона» [14, с. 2]. К сожалению, это мнение мало учитывается в наше время.

Отдельно английская печать публиковала информацию о наших победах в период коренного перелома. Занятие русскими Орла, по мнению газеты «Daily Mail», являлось величайшей военной победой русских, а психологическое воздействие этой победы на немцев ужасающим, потому что они считали оборону Орла символом германской военной мощи. Газета «The Times» отмечала: «новая победа русских развеяла в прах германские заявления о том, будто лето благоприятствует немцам» [21, с. 2]. Заместителем главного редактора газеты был британский историк Э. Х. Карр, известный своей просоветской позицией.

Изучать состояние немецких солдат в период Великой Отечественной войны помогали их письма домой. «Настроение солдат, побывавших во Франции, ужасно плохое. Боюсь, что они скоро вместо «хайль Гитлер» будут кричать «хайль Москва». Потому, что война в России получила совсем другой характер» (ефрейтор Глунк, 55 пехотный полк). «Ваша артиллерия наводит ужас на наших солдат. Но особенно сильное впечатление производят ваши тяжелые танки, они не пробиваются немецкими снарядами» (ефрейтор Петер Каппель). «Радио не слушаем, не дают. В свободное время, чтобы солдат не предавался собственным мыслям, его заставляют чистить обувь до блеска, натирать пуговицы. За солдатами организована строжайшая слежка. За каждое неосторожное слово – расправа, вплоть до расстрела» (старший ефрейтор Бруно Циммерман) [6, с. 4]. В своих письмах они нашу страну постоянно называли «страшной». Она была страшной своим упорным сопротивлением и тем, что на борьбу с врагом поднялся весь народ. Такой войны ещё не видели гитлеровские солдаты, прошедшие через всю Европу.

Вдохновляющей для советского народа была информация об антифашистской борьбе за рубежом. Сербские партизаны нападали на воинские поезда, нарушали телеграфную связь, взрывали мосты [24, с. 2]. В газете «Красноярский рабочий» публиковались статьи об отрядах «Обороны Москвы» в Югославии. В их агитационных листовках было написано «Москва – наша голова, ум и сердце. Лучший способ для нас помочь обороне дорогой Москвы – это усилить удар по гитлеровскому тылу на Балканах» [11, с. 4].

Антифашистская борьба не всегда была с боевым оружием в руках. В Великобритании с 20 июля 1941 г. началась кампания «V» – символа борьбы с фашизмом. Газеты Лондона поместили на первой полосе статьи в рамках из этой буквы. Она была видна в газетах, на трамваях, бортах грузовиков, станциях метро, на дверях домов, магазинов, билетных кассах, мостовых, рекламных щитах, карточках меню. Звуковое обозначение буквы «V» на Британской радиовещательной компании – три точки-тире. Всё это исполнялось на барабане. 20 июля 1941 г. радиослушатели стран, оккупированных Германией, услышали обращение У. Черчилля в 60 передачах на различных языках. Вечером радиостанции передавали песню «V». Она была написана на мелодию пятой симфонии Л. Бетховена. В ней говорилось: «Не отступайте, никогда не отчаивайтесь, мы их победим, пусть знает об этом Гитлер. Пишите мелом «V» на каждой стене до тех пор, пока не будете свободны, на работе и во время досуга, напевайте целый день «V», «V», «V»… [3, с. 4].

Во Франции дети Парижа, где только можно, подписывали огромное «V», первую букву слова «victoire» – «победа», а тротуары, стены домов, мостовые, кузовы фашистских автомобилей превращались в пропагандистские щиты: «Убирайтесь вон от нас!», «Долой фашистов!», «Оставьте нам наш хлеб!». В годовщину провозглашения Чехословацкой республики в Праге состоялась массовая демонстрация студентов с лозунгами: «Да здравствует Сталин!», «Да здравствует Советский Союз!». После неё несколько тысяч молодых людей оказалось в концлагерях [7, с. 4]. В ночь на 26 октября 1941 г. – День независимости в Праге стены были покрыты лозунгами с несмываемой краской: «Смерть палачу Гитлеру и лакею палача – Гейдриху!», «Слава героическому русскому народу, все силы на помощь СССР!». [12, с. 4]. Школьники Норвегии как символ сопротивления фашистскому режиму носили на груди бумажные зажимы. Они означали, что надо держаться всем вместе против фашизма.

11 октября 1941 г. в крупнейшем лондонском зале – Альберт-Холле состоялся молодежный митинг с лозунгом «За победу!». На нем присутствовали представители 20 национальностей. В одном из обращений митинга говорилось: «Молодежь Советского Союза! Мы – ваши союзники в этой титанической борьбе. Мы обещаем наносить противнику такие же удары, какие наносите вы» [10, с. 4]. В Англии даже проводили

Неделю танков для России [8, с. 2]. Прислали свои приветствия английские летчики и американская молодежь. Представители Чехословакии организовали в Лондоне митинг в ознаменование 25-й годовщины Красной Армии [22, с. 2]. СССР не один воевал с фашизмом, но возможности у антифашистских сил были разные.

Нацистский философ Эрнст Крик говорил: «Пусть нас клянут варварами! Мы не хотим культуры». Гитлер писал: «Надо иметь мужество возвратиться к последовательному невежеству и язычеству. Культура и знания представляют определенную опасность для класса господ. Но свободный доступ к культуре является ещё более опасным для сохранения класса рабов… Совесть, как и образование, калечит человека… Мы должны, прежде всего, вытеснить и истребить славянские народы – русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов». Похожие высказывания были у рейхсминистра пропаганды Германии Геббельса: «Гуманизм, культура, международное право – для нас пустые слова». Это материал из Блокнота агитатора 1941 г., который красноярцы слышали от пропагандистов на лекциях [1, с.15], осуществлявших свое влияние вместе с публикациями в печати. Нацисты сначала разгромили культуру своей страны, а затем приступили к уничтожению культуры покоренных народов.

Другая ситуация была в СССР. В грозные годы Великой Отечественной войны советская интеллигенция объединилась с народом и не жалела сил для борьбы с германским фашизмом. «Воевали» даже сами произведения советской литературы. Американская печать восторженно отзывалась о последней части книги Шолохова «Тихий Дон», переведенной на английский язык под названием «Дон впадает в море». Еженедельник «News Week» заявлял, что Шолохов является «одним из великих писателей нашего времени…Эта книга будет жить, как великое эпическое произведение». Другая газета писала: «Героем этого романа является население Дона, связанное непрерывными узами со своей родной землей, подобно другим народам СССР, как это с запозданием обнаружил Гитлер». Она отмечала объективность, правильную историческую перспективу и не знающий компромиссов реализм. Критик из ежедневной газеты «New York Times» заявлял: «теперь, когда на русских пространствах происходит великая борьба, книга Шолохова приобретает особое значение и своевременность». Литературный критик газеты «New York Herald Tribune» считал, что «Шолохов стоит в первых рядах европейских писателей нашего времени» [4, с. 3].

Из газеты «Красноярский рабочий» жители города были знакомы с зарубежными культурными, музыкальными новостями. Так в апреле 1943 г. они узнали о смерти русского пианиста и дирижера С. В. Рахманинова, который создавал нашу национальную музыку [20]. Его тоже коснулась Вторая мировая война. Дочь жила в оккупированном войсками фашистской Германии Париже. Композитор С. В. Рахманинов перечислил в фонд обороны, который возник стихийно по инициативе народа, а затем был организационно оформлен 1 августа 1941 г. в Государственном банке СССР, денежный сбор от нескольких концертов в США со словами: «Родине в трудный час от одного из русских. Верю в полную победу над врагом». Всего на добровольные средства нашего народа было построено 16 торпедных катеров, 8 подводных лодок, более 2500 боевых самолетов и несколько тысяч танков [25]. В этих оборонных средствах есть патриотический вклад и нашего русского композитора С. В. Рахманинова.

31 марта 1942 г. в Вашингтоне состоялся концерт русской музыки, исполнявшийся бостонским симфоническим оркестром под управлением известного русского и американского дирижера, контрабасиста и композитора С. А. Кусевицкого. К организации концерта, сбор от которого пошел в фонд помощи русским раненым, проявил интерес президент США Рузвельт, его заместитель Уэллес, госсекретарь Хэлл, министры Нокс, Стимсон, Моргентау и другие. На концерте присутствовало 4000 человек. Были исполнены пятая симфония П. И. Чайковского, шестая симфония Д. Д.

Шостаковича, произведения С. С. Прокофьева. Выступивший после концерта С. А. Кусевицкий отметил, что русский народ ведет гигантскую борьбу против сил зла и разрушения, «русская земля превратилась во всемирное поле битвы. Русский народ дает нам примеры мужества, единства и героического сопротивления» [18, с. 4].

7 марта 1943 г. симфонический оркестр радиовещательной компании «National» под управлением дирижера Л. Стоковского, который отличался силой, яркостью, глубокой продуманностью и точностью исполнения, впервые в США исполнил кантату композитора, пианиста и дирижера С. С. Прокофьева «Александр Невский». Этот образ не раз упоминался газетой «Красноярский рабочий» для усиления патриотических чувств жителей нашего края. Символ А. Невского использовался в сочетании с М. И. Кутузовым и А. В. Суворовым и при учреждении трех новых орденов, что получило отражение в стихотворении красноярского поэта К. Лисовского, участвовавшего в выпуске агитационных плакатов «Окна ТАСС» [19].

24 марта 1942 г. в одном из крупнейших театров Лондона состоялся концерт русской симфонической музыки в исполнении оркестра Лондонской филармонии. Присутствовало 3000 человек. Среди них были виднейшие представители театра, литературы и искусства Англии. На концерте зачитали телеграмму бывшего посла Великобритании в СССР (май 1940 – январь1942 гг.) Стаффорда Криппса: «Прошлой осенью, в тяжелые дни испытаний и беспокойства в Москве, опера, балет и концерты ободряли и освежали не только меня и штат посольства, но и всё население Москвы. Как вы слышали сегодня, Советский Союз обладает громадным музыкальным наследством. Я надеюсь, что в будущем вы сможете всё больше и больше знакомиться с этим наследством. Оно развивается и расширяется русским народом даже в нынешние тяжелые и трудные времена. Любознательный и преисполненный энтузиазма народ вдохновлял музыкальное и драматическое искусство во всех его формах. Сегодня Москва является одним из величайших в мире центров музыкального и драматического искусства. В этой, как и в других областях жизни, мы можем многому научиться у наших русских союзников» [17, с.4]. Позднее английский посол Батлер сообщил об организации с 13 по 16 апреля 1942 г. семинаров для учителей всех типов школ Лондона и прилегающих графств, целью которых было объективное представление о жизни и культурных достижениях Советского Союза [16, с. 4]. Культурная жизнь Запада не осталась в стороне от событий Великой Отечественной войны и вносила свой посильный вклад в борьбу с фашизмом.

Заключение

Война – это горнило, в котором удалось выплавить единство огромной и многонациональной страны. Пропагандистская работа в тылу Красноярского края мобилизовывала всех его жителей на военный лад, способствовала тому, что героизм вошел в быт. В больших и малых фактах самоотверженного труда в тылу проявлялось основное чувство, движущее советским человеком, его делами, – патриотизм, гордость за героическое прошлое страны, вдохновенная любовь к Родине, готовность её защищать. Позднее Ю. Визбор напишет:

Любовь моя, Россия,
Ты с каждым днём сильней.
Тебя в груди носили
Солдаты на войне,
Шинелью укрывали
И на руках несли,
От пуль оберегали,
От горя сберегли.

Никогда в истории человечества не было такого массового героизма и патриотизма, который показал наш советский народ. Такой патриотизм мог быть только у народа, отстаивающего свои завоевания, плоды своих трудов, свою свободу, счастливую жизнь, которых он добился десятилетиями упорной борьбы.

Публикации в краевой и районных газетах зарубежных материалов с признанием героизма и стойкости наших воинов, в частности, в битве под Москвой и в Сталинградском сражении, с описанием деятельности движения сопротивления в Европе, высокой оценкой музыки и литературы нашей страны способствовали развитию патриотизма, его деятельностной составляющей у жителей Красноярского края. Они ощущали чувство гордости за Красную Армию, свой народ и свою культуру, которые признавали в США и Великобритании.

Список литературы

1. Блокнот агитатора. Отдел пропаганды и агитации Красноярского крайкома ВКП (б). № 11. Ноябрь. Издательство: «Красноярский рабочий». 1941.
2. Большевик тундры (Усть-Енисейский политотдел Севморпути). 1942. 23 февраля.
3. За большевистский колхоз (Усинский район). 1941. 31 июля.
4. Красноярский рабочий. 1941. 13 августа.
5. Красноярский рабочий. 1941. 14 августа.
6. Красноярский рабочий. 1941. 14 сентября.
7. Красноярский рабочий. 1941. 18 сентября.
8. Красноярский рабочий. 1941. 4 октября.
9. Красноярский рабочий. 1941. 7 октября.
10. Красноярский рабочий. 1941. 14 октября.
11. Красноярский рабочий. 1941. 28 октября.
12. Красноярский рабочий. 1941. 2 ноября.
13. Красноярский рабочий. 1941. 27 ноября.
14. Красноярский рабочий. 1941. 19 декабря.
15. Красноярский рабочий. 1942. 4 января.
16. Красноярский рабочий. 1942. 14 марта.
17. Красноярский рабочий. 1942. 26 марта.
18. Красноярский рабочий. 1942. 4 апреля.
19. Красноярский рабочий. 1942. 2 августа.
20. Красноярский рабочий. 1943. 2 апреля.
21. Красноярский рабочий. 1943. 8 августа.
22. Красноярский рабочий. 1943. 26 февраля.
23. Удерейский рабочий (Мотыгинский район). 1941. 24 июля.
24. Удерейский рабочий (Мотыгинский район). 1941. 26 июля.

УДК 377.8:781.2 (571.5)"18/19"

Музыкально-педагогическая подготовка в Красноярской и Иркутской учительских семинариях в конце XIX – начале XX вв.

Синегуб Виктория Евгеньевна
аспирант Сибирского федерального университета,
старший научный сотрудник
Красноярский краевой краеведческий музей,
Отдел истории
Красноярск, Россия.
pretty.pestova@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0002-6446-3392

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается процесс получения музыкального образования в системе педагогической подготовки в учительских семинариях Иркутска и Красноярска в конце XIX – начале XX вв. Изучены содержание, формы, методы организации музыкального образования педагогических кадров. Работа написана на основе документов Государственных архивов Иркутской области и Красноярского края XIX – начала XX вв., «Памятной книжки управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1900 – 1901 учебный год», исторической литературы. На основании анализа данных источников автор делает вывод о том, что в учительских семинариях постепенно формировалась система музыкально-педагогической подготовки учителей, которая имела большое общеобразовательное, воспитательное и развивающее значение при сохранении ряда негативных факторов, затруднявших образовательный процесс.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярская учительская семинария, Иркутская учительская семинария, педагогическое образование, музыкально-педагогическая подготовка, дисциплина «Пение и музыка».

Развитие системы народного просвещения Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков, рост количества начальных училищ разного типа остро обозначил проблему нехватки квалифицированных учителей. В связи с этим были открыты специальные педагогические учебные заведения (учительские семинарии). В число вновь открытых семинарий вошли восточносибирские учительские семинарии в г. Иркутске (30 декабря 1872 г.) и г. Красноярске (4 ноября 1873 г.). В семинариях преподавались следующие предметы: Закон Божий, русский язык, главные основания педагогики и методики, славянский язык, география, история, естествознание, арифметика, геометрия, землемерие, линейное черчение, чистописание. Помимо этого, осуществлялась музыкально-педагогическая подготовка посредством преподавания пения и музыки. Это было обусловлено наметившейся в последней трети XIX в. тенденцией по введению предмета «Пение» в число обязательных дисциплин в светских учебных заведениях (сельских училищах, прогимназиях, гимназиях), обязательное преподавание церковного пения в православных учебных заведениях (школах грамоты, церковно-приходских школах) [1, с. 103].

Анализ источниковой базы исследования, а именно: архивных материалов Государственного архива Иркутской области и Государственного архива Красноярского края, «Памятной книжки управления гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1900 – 1901 учебный год», монографий – показывает, что музыкальная подготовка в учительских семинариях Восточной Сибири являлась необязательной. Но вместе с тем дисциплины пение и музыка проводились на должном уровне и с точным соблюдением указаний, которые

заключались в «Положении об учительских семинариях» (от 4 марта 1870 г.), «Положении об Молодечнянской семинарии» (от 17 марта 1870 г.), «Инструкции для учителей семинарий» (от 4 мая 1875 г.), общими законоположениями и распоряжениями по ведомству Министерства народного просвещения, распоряжениями и разъяснениями местного учебно-окружного начальства, специальными правилами для учительских семинарий и утвержденными иркутским генерал-губернатором, одобренными педагогическим советом и утвержденными местным окружным начальством учебными программами [10, с. 9].

Изучение архивных фондов учительских семинарий позволило составить целостную картину состояния музыкально-педагогического образования в них. В курсе учительских семинарий значительное место отводилось дисциплине «пение». В частности, в Иркутской семинарии пение проводилось на удовлетворительном уровне. Преподавание этой дисциплины практиковалось в следующих формах обучения: классном и групповом.

В рамках классного обучения пению отводился в программе один урок в приготовительном и I классах, которые проходили преимущественно с 14 до 15 часов дня. Во время этих уроков ученики знакомились с нотами и упражнялись в пении несложных песен как светского, так и церковного содержания.

Классное пение не было введено в образовательные программы во II и в III классах семинарии. Объяснялось это, главным образом, загруженностью учителя пения и несоизмеримой оплатой труда. Учитель пения еженедельно тратил более 9 часов на работу, считая и время обязательного присутствия при правом хоре (поющем во время праздничных богослужений, к нему предъявлялись серьёзные профессиональные требования) в церкви на обедне и всенощной. Получал заработную плату в размере 25 руб. в месяц [2, л. 41]. В то время как жалование наставников семинарии было в два раза больше. Безусловно, преподавание классного пения на протяжении всего трёхгодичного курса обучения было бы весьма полезно для семинаристов, оно бы только упрочило их знания и практические навыки.

Групповое обучение проходило в вечернее время и занимало 5 часов. В это время собиралась группа учащихся в составе примерно 35-40 человек, которые составляли собой хор правого клироса существующей при семинарии церкви. В состав её входили лучшие голоса из всех классов семинарии. Они были знакомы между собой, так как вместе посещали уроки классного пения. На групповом пении семинаристы разучивали большие сложные музыкальные произведения духовного и светского содержания. Работа данного хора была выстроена достаточно четко. Он не только участвовал в народных чтениях, устраиваемых в ближайшей начальной школе, но и в целом способствовал благолепию домовой церкви Иркутской учительской семинарии [2, л. 40].

Помимо хора правого клироса действовала ещё одна группа в составе примерно 20 – 25 человек, которая составляла левый хор (пел за будничными богослужениями). В неё входили обязательно все воспитанники III класса, не вошедшие в состав хора правого клироса, и с лучшими голосами их других классов. Эта группа, под руководством товарища – регента (он же и псаломщик), присутствовала два раза в неделю на часовых спевках, на которых она готовилась к исполнению церковных песнопений левого клироса. Цель этих занятий была в том, чтобы ознакомить будущих учителей с церковным пением и чтением. Так как выпускники заканчивали последний год обучения в стенах семинарии, то должны были обладать навыками к образованию хора при своём будущем месте работы – начальной школе.

Дисциплина «музыка» в Иркутской учительской семинарии как вспомогательный предмет для пения была важна. «Музыка» относилась к числу второстепенных дисциплин. Продолжительное время она не значилась в учебном плане, но с сентября

1895 г. её внесли в список обязательных предметов изучения. Главной целью занятий музыкой в семинарии являлось – научить будущих учителей начальной школы пользоваться скрипкой при обучении пению в сельской школе, а также привить осмысленное отношение к музыке вообще. Для этой цели в семинарии имелись рояль, 2 фисгармонии, 1 валторна, 1 тромбон, 58 скрипок, 3 виолончели, 1 контрабас, 3 флейты и 1 корнет-пистон. На дисциплину отводилось 4 часа в неделю [2, л. 41; 3, л. 25]. Ограниченное количество времени, затрачиваемое на преподавание музыки, а также скромное жалование учителя музыки за труд исключали как таковую возможность образовать достойный оркестр из учеников.

В конце XIX – начале XX вв. контингент учащихся Иркутской и Красноярской учительских семинарий преимущественно состоял из детей крестьян. Например, к 1 января 1897 г. в Красноярской семинарии обучалось выходцев из крестьянского сословия – 25,8 %, в 1901 г. – 46, 89%, в 1904 г. – 55 %; также в учебном заведении обучались дети казаков и инородцев, представителей сельского сословия (скотоводов и земледельцев) то есть тоже малоимущие слои населения [5, л. 8; 6, л. 5; 7, л. 5]. Учащиеся зачастую не имели музыкального слуха, не умели обращаться с музыкальными инструментами и не имели никакой музыкальной подготовки. В отчёте Красноярской учительской семинарии за 1896 г. указывались следующие упоминания: «Но бывает и так: слух есть, а голоса нет. В таких случаях единственный исход – изучение теории пения и музыки» [5, л. 38]. Преподаватели стремились создать все необходимые условия для своих подопечных. Придерживались мнения, что обучать музыке нужно всех, а не только любителей и имеющих хороший слух.

В рамках внеклассной работы Педагогический совет Иркутской учительской семинарии от 23 сентября 1902 г. постановил «Меру о чрезвычайной утомляемости учащихся». Согласно данной мере, предпринимался специальный шаг по устранению наблюдаемого иногда среди учащихся чрезвычайного утомления. Педагогический совет наделялся правом давать учащимся по одному дню отдыха от учебных занятий с тем, чтобы эти дни были посвящены таким разумным, по мнению Педагогического совета, развлечениям под контролем наставника как:

а) посещения музея географического общества;

б) посещение обсерватории;

в) посещение типографии;

г) посещение картинной галереи Сукачева;

д) посещение Вознесенского монастыря;

е) прогулка в лесу и в поле с целью ботанического осмотра;

ж) устройство литературно-вокально-музыкального утра и спектакля.

Рекомендовалось на разумные развлечения отводить не более семи дней в учебном году [4, л. 14].

Перечисленные выше внеклассные мероприятия (развлечения) имели большое значение в деле эстетического воспитания. Они, безусловно, становились яркими событиями в жизни семинаристов.

Бюджет семинарии складывался из государственной казны, городского и сельского обществ Иркутской губернии и Забайкальской области, сбора за своекоштных студентов (обучающихся на платной основе), процентов с пожертвованных капиталов и пожертвований почётных попечителей. В частности, благодаря помощи благотворителей, учебному заведению удавалось выделять отдельную статью расходов на заработную плату преподавателям музыки и пения, покупку и ремонт музыкальных инструментов. Между тем эта статья расходов была не постоянной, а только при наличии определённых средств.

Одним из почётных попечителей Иркутской учительской семинарии был Александр Фёдорович Второв, купец 1-й гильдии, золотопромышленник, гласный

Иркутской городской думы, один из крупнейших торговцев Сибири, который оказывал помощь в размере 600 рублей в год. Большая часть этой суммы, а именно 500 рублей распределялись на музыку [2, л. 41]. В последующие годы благотворительную помощь учебному заведению оказывал его сын Александр Александрович. Таким образом благотворительная деятельность граждан способствовала распространению и усовершенствованию музыкально-педагогической подготовки. Напротив, отказ Второвых оказывать финансовую помощь учебному заведению привёл бы к приостановке преподавания данной дисциплины. Поскольку Министерство Народного Просвещения не ассигновало на преподавание музыки никаких средств.

В Иркутской учительской семинарии ставки учителей пения и музыки не состояли в штате семинарии. Поэтому их содержание шло только из дополнительно привлеченных средств (например, пожертвований попечителей). Напротив, в Красноярской учительской семинарии они входили в штат вольнонаёмных кадров.

Согласно годовым отчётам учительских семинарий известно, что в Красноярской семинарии на протяжении нескольких лет сохранялась неудовлетворительная постановка преподавания пения и музыки. «К сожалению, приходится отметить, что постановка этих предметов здесь оставляет желать много лучшего. Обучением искусствам в семинарии занимаются самоучки, незнакомые с теорией» [5, л. 38]. По мнению самих преподавателей отрицательное влияние имело отсутствие интерната, где свободное от учебных занятий время семинаристы могли заниматься искусствами. В этом отношении они ссылались на опыт Иркутской учительской семинарии, имеющей интернат и успешно осуществляющей музыкально-педагогическую подготовку. Отмечали и незначительное количество часов, отведённое на преподавание предметов, требующих усидчивости и постоянства.

С 1 июля 1897 г. ставку учителя пения и музыки в Краснояркой учительской семинарии занял Павел Иосифович Иванов-Радкевич, который поднял дело преподавания искусств на должный уровень. После окончания обучения курса Санкт-Петербургской придворной капеллы он был приглашён на работу директором семинарии Фёдором Ивановичем Говоровым. Жалование Павла Иосифовича составляло 300 рублей, квартирные – 170 рублей [9, с. 45]. С 1902 по 1914 гг. он с семьёй проживал в жилом здании семинарии (ныне ул. Кирова 11).

На занятиях пения и музыки Павел Иосифович стремился воспитать любовь к профессии – учителя народной школы. В педагогической деятельности придерживался следующих принципов:

- индивидуального подхода;
- увлекательности, последовательности, систематичности, научности в организации музыкальных занятий;
- уподоблению характера музыкальных занятий музыкально-творческому процессу.

Таким образом будучи молодым специалистом, самостоятельно пришёл к выработке тех педагогических принципов, которые сегодня легли в основу современного музыкального образования.

Работу в учительской семинарии Павел Иосифович совмещал с преподаванием в железнодорожном техническом училище, ремесленном училище, городском училище. Затем в духовном училище и семинарии; значительно позднее – в женской гимназии (с 1904 г.). В рамках хорового репертуара преподавал народные песни, хоры известных опер отечественных и западных композиторов. За время работы Павел Иосифович проявил себя как инициативный педагог. Он объединил хор женской гимназии с мужским хором учительской семинарии, создав прекрасный певческий коллектив из 60 человек. Этот смешанный хор принимал участие в открытых концертах, торжественных вечерах и позднее – в постановке оперных отрывков и целых сцен в

театре А. С. Пушкина. Так были разучены фрагменты из «Аиды» Д. Верди, «Жизни за царя» («Иван Сусанин») М. Глинки, «Мазепы» П. Чайковского и других опер. На протяжении почти 25 лет Павел Иосифович трудился в городе, способствовал распространению музыкального искусства среди населения Енисейской губернии [8, с. 136].

Всестороннее изучение музыкально-образовательного наследия Иркутской и Красноярской учительских семинарий позволило прийти к следующим выводам:

- в учительских семинариях постепенно формировалась система музыкально-педагогической подготовки учителей, предмет «Музыка» вошёл в число обязательных;
- музыкально-педагогическая подготовка в семинариях включала обучение пению, теории пения и музыки, музыкальной грамоте, хоровому, инструментальному музицированию, практику по управлению хором, опыт участия в культурно-просветительской деятельности;
- занятия по пению и музыке имели большое общеобразовательное, воспитательное и развивающее значение;
- основным недостатком, ограничивающим внедрение музыкально-педагогической подготовки, является недостаточная финансовая поддержка со стороны Министерства народного просвещения. Отрицательно сказывались отсутствие высококвалифицированных преподавателей, ограниченное количество времени, затрачиваемое на преподавание классного пения и музыки, а также низкооплачиваемая оплата труда преподавателей.

Список литературы

1. Аргингазинова Г. Б., Хусаинова Г. А., Кобозева И. С. Музыкально-педагогическая подготовка в учительских семинариях Казахстана последней четверти XIX – начала XX века // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 2. С. 101 – 110.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Фонд 63. Оп. 1. Д. 47.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Фонд 63. Оп. 1. Д. 800.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Фонд 128. Оп. 1. Д. 109.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Фонд 349. Оп. 1. Д. 236.
6. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Фонд 349. Оп. 1. Д. 266.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Фонд 349. Оп. 1. Д. 303.
8. Красноярск. История одного квартала. Ч. 1. Градостроительная летопись Исторического квартала / В. И. Царёв [и др.]. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2021. 192 с.
9. Памятная книжка управление гражданскими учебными заведениями Восточной Сибири на 1900 – 1901 учебный год. Иркутск: паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. 329 с.
10. Шилов А. И. Профессиональное образование Восточной Сибири в конце XX – XX вв. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2014. 544 с.

УДК 94 (57)

Влияние общественных организаций на процесс проведения художественных мероприятий в Иркутской губернии во второй половине XIX – начале XX века

Ткачев Виталий Викторович
Аспирант
Иркутский государственный университет,
исторический факультет, кафедра «Истории России»
Руководитель Научно-исследовательского центра «Иркутская историческая школа интеллигентоведения»
Иркутск, Россия
vitaliy.tkachev.96@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1057-3270

АННОТАЦИЯ В исследовании рассматривается деятельность общественных организаций Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Общества передвижных выставок. Анализируется учредительные и сопроводительные документы, отчёты и планы, афиши и объявления, источники периодической печати в рамках восстановления процесса реализации просветительских проектов сибирских мастеров и коллекционеров. Отмечается то, что объединения организовывали художественные мероприятия, которые создавали связь между горожанами и произведениями искусства. В результате художественно-просветительской работы городское общество знакомилось и приобщалось к творческому наследию местных и западных живописных школ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История Сибири; городская культура; художественная жизнь; коллекционирование.

В работе художников важное значение имеет поддержка в рамках экономических, хозяйственных, образовательных и творческих направлений, которые реализовывали и реализуют общественные организации на протяжении продолжительного времени. Создаваемые творческими объединениями художественные центры сосредотачиваются на определении предстоящих мероприятий и продолжают их проводить в результате взаимодействия с мастерами разных населённых пунктов на территории Байкальского региона. На основе приобретённого опыта на разных площадках, в результате завершения образовательных и просветительских проектов, постепенно проводились общедоступные передвижные выставки в период развития городской среды и интеллектуального общества. Историкам важно сохранять наследие деятелей искусства и изучать историю работы общественных организаций в Иркутской губернии в рамках передачи знаний жителям о регионе и проведения художественных мероприятий в дореволюционный период.

В процессе восстановления художественных событий историки продолжают рассматривать работу коллекционеров, представителей купеческих династий, которые создавали собрания предметов отечественного и зарубежного искусства. Приобщение жителей к художественному наследию общественными объединениями Иркутской губернии необходимо рассмотреть в отдельном исследовании, так как данный процесс влиял на развитие культурной среды, музейного пространства. Историки подтвердили, что для городского общества создаются общедоступные площадки, возможности для формирования культурного пространства: развиваются

контакты, увеличивается численность населения, развиваются торговые отношения с другими регионами и т.д. Важное место в организации просветительских мероприятий занимала деятельность общественных организаций [15]. Особое значение имеет в реализации просветительских проектов для горожан работа общественных организаций разной направленности. Во второй половине XIX – начале XX вв. создаются объединения, которые проводили разные выставки: Восточно-Сибирский отдел Императорского Русского географического общества, общество передвижных выставок, общество любителей музыки и литературы, общество распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Иркутское общество художников и многие другие. Истории отдельных организаций необходимо рассмотреть отдельно, так как они впервые создавали благоприятные условия для развития художественного пространства.

В проведённой исследовательской работе анализируются документы по истории общественных организаций – Общества распространения народного образования и народных развлечений в Иркутской губернии, Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества (далее – ВСОИРГО), Общества передвижных выставок для Сибири, которые находятся в архивах Иркутска. В собраниях сохранились документальные свидетельства о том, как проводились художественные мероприятия: протоколы и отчёты с очередных заседаний выставочных комиссий, биографические справки о деятелях искусства, городские афиши, рекламные вывески, статьи в газетах, воспоминания, посвящённые работе художников в регионе, описание оформления пространств показа произведений искусства и многое другое.

Историю создания и реализацию просветительских проектов общественных, творческих организаций изучали многие сибирские историки, культурологи, специалисты музеев [10; 11; 12, с. 15; 13, с. 40]. Описание событий, которые были связаны с историей создания музеев, роли первых собирателей и коллекционеров в Сибири подробно было представлено в научной статье иркутского историка [18]. Благодаря воспоминаниям, летописям и другим известным источникам, исследователь объяснил, каким образом складывался интерес к систематизации и описанию собственных, семейных собраний предметов искусства представителей купеческого сословия. В настоящее время исследователи продолжают изучать «классические» и современные музейные практики в городах Иркутской губернии. Выставочную работу отдельных организаций рассматривали историки, которые не только собрали уникальные материалы из собраний сибирских и центральных архивов, но и восстановили подробно основные этапы включения предметов искусства в состав музеев [15, с. 28; 16, с. 34; 14]. Историки определяют то, что в дореволюционный период музеи, галереи региона формируются, как центры по сохранению и изучению художественного наследия, собрания архивных материалов, где общественности, возможно, было познакомиться с прошлым региона. В последующие годы продолжается научная работа по восстановлению событий, которые описывали заседания выставочных комиссий при музеях и творческих объединений. Труды, которые появлялись и появляются в разные периоды развития музейного дела, раскрывают участие деятелей искусства в выставках и в период перемещения произведений в другие населённые пункты [17].

Данная работа направлена на изучение исторических источников описывающие работу общественных объединений Иркутской губернии, которые сохранили записи о процессе взаимодействия горожан с искусством в период преобразования общественного сознания второй половины XIX – начала XX вв.

Сохранившиеся в иркутских архивах сведения о музейной работе, сообщают о том, что учреждения постепенно становились центрами научной, культурной,

художественной жизни для общественности. Исторические документы подтверждают утверждения о том, что в данных формированиях учёными составлялись маршруты и проводились экспедиции на Байкал, в неизученные регионы Азиатской России (Монголия, Китай, Сибирь), создавались выставочные павильоны, проводились открытые лекции и тематические встречи с учёными, мастерами. В событиях участвовали как специалисты определённого научного направления (этнографы, историки, геологи), так и начинающие учёные, которые не определились с отраслью знания, сибирская интеллигенция. Как живой организм, учреждения постоянно развивались, изменялись подходы музейной работы, создавались новые коллекции и экспозиции. В качестве примеров можно привести работу таких центров, как музей Сибирского отдела Императорского русского географического общества, иркутской картинной галереи.

Организации расширяли свои коллекции, выявляли новые предметы в процессе научных экспедиций, приобретали у других коллекционеров и т.д. Также состав рабочего коллектива постепенно пополнялся ведущими учёными, педагогами, общественными деятелями, коллекционерами, художниками. Достаточно вспомнить деятельность В. П. Сукачева, который не только предлагал идеи, но и эффективно реализовывал их в целях культурного развития сибирского общества [5].

На страницах периодической печати «Сибирь», «Иркутские губернские ведомости» были представлены основные этапы создания и проведения передвижных художественных выставок в городах. Так в газете «Сибирь» от 1910 г. подробно изложено то, как общественность поддерживало мероприятия и просветительскую деятельность первых творческих объединений. Авторы статей отмечают то, что с началом появления интеллигенции, которая занималась изучением исторического наследия, изменилось отношение жителей к музеям, художественным собраниям. Материалы сообщают следующие сведения: «В страну холода и ссылки стали проникать лучи чистого искусства. За последние тринадцать лет в Иркутске было около десяти художественных выставок. В первой половине 80-х гг. В. П. Сукачев в здании музея устроил выставку картин русских художников. Затем, через шесть лет В. П. Сукачев повторил эту выставку, дополнив её целой серией новых картин – Верещагина, Трутовского, Вельца, Семирадского и других. В 1909 году на пасхальные недели было разом три художественные выставки: местных художников в музее, Лытнева в здании мужской гимназии и Г. И. Гуркина в здании 5-тиклассного училища, последняя имела крупный и заслуженный успех» [6].

Процесс проведения первой передвижной выставки, которая была основана на произведения сибирских мастеров, был представлен в следующей статье: «Теперь на осьминой недели 1910 г. открылась у нас в Иркутске «первая сибирская передвижная выставка». Эта выставка с полным правом может именоваться – сибирской, так как в ней громадное большинство картин писано на сибирские темы. Сибирь давно ждёт своих художников, и уже пора запечатлеть красками на полотне и природу, и человека этой обширной страны» [7].

Сохранилось большое количество писем В. П. Сукачева о том, как формировался интерес общества к собраниям произведений искусства и проводимым выставкам. В одном письме от 30 июля 1900 г. Владимир Платонович Сукачев обратился к Всеволоду Ивановичу Вагину: «Большое спасибо за доброе слово по поводу моего предложения устроить в Иркутске картинную галерею. Многие и очень многие, даже из интеллигентов, смотрят на это как на пустую затею. Школу, говорят, нам дайте, образованных техников, а образование вкусов, любовь к искусству – без этого ещё долго можно обойтись; русские живописцы в галерее будут представлены в оригинальных произведениях, в хороших копиях, гравюрах и фотографиях с наилучших их произведений... В настоящее время изготовленные по моему заказу

копии разбросаны по частным квартирам или в тех случаях, когда размеры их слишком велики – остаются в галереях. Настало время собрать их воедино. С этой целью осенью этого года я намерен объявить при Обществе петербургских художников конкурс на постройку специального здания. Место я наметил на Тихвинской улице на углу Трапезниковского переулка, там, где была аптека Щульца, а потом дом Котельникова» [8].

Приведём другой пример, когда по инициативе общественности, иркутского купечества и власти создавался музей, как научный центр. 17(29) ноября 1851 г. в Иркутске объединяются общественные силы в одной организации (Сибирского отдела Императорского русского географического общества), которая начинала проводить комплексную собирательскую и исследовательскую работу. Первое десятилетие после открытия вновь отстроенного музея сразу же ознаменовалось поступлением разнообразных богатейших коллекций. Таким образом, благодаря продолжительной исследовательской работе учёных и сотрудников учреждения, в 1889 г. в музейном фонде находилось 9048 уникальных и редких экспонатов [1]. Постепенно налаживалась и научно-популярная деятельность отдела и музея. Устраивались воскресные лекции, на которые пояснялось содержание коллекций. Лекторами выступали такие известные ученые, как В. И. Подгорбунский, Д. П. Першин, Н. И. Попов, А. И. Кириллов, Н. П. Левин, Д. А. Клеменц и многие другие [9]. Просветительскую и научную деятельность музея поддерживал В. П. Сукачев. В результате активной работы Владимира Платоновича и многих других представителей общественности было создано собрание, которое подробно представило историю Байкальского региона от древности до настоящего времени. Также коллекция послужила основой для проведения сибирскими учёными более глубоких исследований по географии, биологии, геологии, этнографии, культуре отдельных территорий. Результаты данной работы публиковались в местных изданиях как научного, так научно-популярного формата [2].

На рубеже XIX – XX вв. музеи, картинные галереи Иркутской губернии расширили свои экспозиции, пополнили коллекции новыми предметами. Также сотрудники учреждений в это время приступили к более детальному изучению собраний, отдельных экспонатов, деятельности учёных-путешественников, результаты которого позднее были включены в состав известных монографий по истории Сибири [3].

В последующие дни сотрудники, хранители фондов музеев продолжали изучать свои коллекции, отвечая на многие неизвестные ранее вопросы, когда выявляли новые документы в сибирских и центральных архивах. Постепенно многие жители приобщались к художественному наследию, знакомились с известными событиями из истории своего региона, читали заметки и статьи в газетах и журналах, посещали выставки и другие мероприятия. Музеи становились современными пространствами, которые были необходимы для культурного, информационного обмена. Специалисты музеев, используя богатые знания, исторические материалы, доступным языком рассказывали о сложных процессах в культурной, политической, экономической жизни России [4].

Таким образом, деятельность общественных организаций Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX вв. была направлена на развитие художественного пространства региона. Объединения активно взаимодействовали с деятелями искусства, образовательными и научными центрами. Благодаря передачи знаний о выдающихся отечественных живописных школ, возможно представить процесс развития творческого пространства и приобщения к художественному наследию Российской империи. Опыт в процессе организации выставочных пространств, который приобретался в течении многих десятилетия, передавался на разные

направления деятельности творческих сообществ. Особенности построения просветительской деятельности и взаимодействия посетителей с произведениями искусства влияли на общий результат мероприятий, их эффективность, получение знаний об истории региона. На протяжении всего изучаемого периода можно заметить, что для городского общества проводились художественные выставки местных и западных мастеров, лекции и экскурсии, научные экспедиции, открывались художественные школы и мастерские, где можно было познакомиться с разными направлениями в искусстве Российской империи и Европы. Многие аспекты деятельности общественных организаций, жизнь и творчество отдельных художников, остаются неизученными в полной степени, так как по многим направлениям отсутствуют источники в государственных архивах. Всё это усложняет проведение исследований. Изучение личных архивов из семейных собраний, родственников творческих людей поможет расширить источниковую базу и рассмотреть деятельность общественных организаций Иркутска второй половины XIX – начала XX вв. с разных сторон.

Список литературы

1. Архив Иркутского областного художественного музея им. В. П. Сукачева (Архив ИОХМ). Дело по истории Художественной жизни в Иркутской губернии. Л. 17.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 197. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
3. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.
4. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
5. ГАИО. Ф. 197. Оп. 1. Д. 4. Л. 8.
6. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 282. Л. 20.
7. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 315. Л. 8.
8. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 382. Л. 2.
9. ГАИО. Ф. 293. Оп. 1. Д. 603. Л. 4.
10. Ильюшкина К. Н. Письма Н. М. Ядринцева к В. П. Сукачёву // Материалы научной конференции «Сукачевские чтения – 2021». Иркутск: Изд-во ИОХМ, 2021. С. 44 – 49.
11. Климова О. Г. Повседневность сибирского купечества XIX – начала XX века в мемуарах современников в работах сибирских историков // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 6. С. 87 – 94.
12. Лыхин Ю. П. Иконописцы, мастера и художники Иркутска (XVII век – 1917 год): библ. Словарь / Ю. П. Лыхин, Т. А. Крючкова. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2000. 408 с.
13. Лыхин Ю. П. Художественная жизнь Иркутска (первая четверть XX века) / Ю. П. Лыхин. Иркутск: АЭМ «Тальцы», 2002. 336 с.
14. Ткачев В. В. Роль иркутского купечества в развитии музеев и галерей как научных и художественных центров // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX вв. : тезисы докладов Пятой международной научной конференции (Новосибирск, 27–29 сентября 2022 г.) / Российская академия наук. Институт истории Сибирского отделения [и др.]; сост. А. И. Раздорский. Санкт-Петербург; Новосибирск, 2022. С. 268 – 270.
15. Фатьянов А. Д. Художники, выставки, коллекционеры Иркутской губернии / А. Д. Фатьянов. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. 192 с.
16. Фатьянов А. Д. Судьба сокровищ / А. Д. Фатьянов. Иркутск: Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1967. 112 с.
17. Христолюбова Т. П Своеобразие художественной критики Л. П. Базановой в сибирской дореволюционной периодической печати // Советское искусство и мировое художественное пространство: роль женщины в искусстве XX века: материалы научно-практической конференции, посвященной выдающемуся скульптору-монументалисту Вере Игнатьевне Мухиной (1889 – 1953). Санкт-Петербург, 2021. С. 116 – 125.

18. Шахеров В. П. От простого собирательства к первым музеям (из истории становления музейного дела в дореформенной Сибири) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2023. Т. 43. С. 26 – 40.

УДК 306(Т2-575)

История Енисейского пединститута как часть истории Сибири

Фирер Наталья Демьяновна
кандидат философских наук, доцент
Лесосибирский педагогический институт – филиал Сибирского федерального университета, кафедра базовых дисциплин
Лесосибирск, Россия
ntlfrr@gmail.com.
ORCID ID: 0009-0007-4570-3411

АННОТАЦИЯ В докладе рассказывается об истории старейшего высшего учебного заведения в Красноярском крае – Енисейского педагогического института.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Учительский институт, станция ИЗС, Лесосибирский пединститут.

Енисейскому (Лесосибирскому) педагогическому институту 83 года. От маленького учительского института до регионального учебно-научного центра образования – таков путь, пройденный вузом за эти годы. Непростым, порой драматичным был этот путь, но институт всегда успешно выполнял главную задачу – готовил учителей. Тысячи выпускников вуза – это огромный потенциал, обеспечивающий стабильное поступательное движение, динамику развития региона.

Еще в 1934 году был издан приказ Народного комиссариата просвещения об организации учительских институтов с двухлетним сроком обучения для работы в семилетних школах. Постановлением Совета Народных Комиссаров № 463 от 22 июня 1940 года и приказом Наркомпроса РСФСР № 1011 от 29 июня 1940 года был открыт Енисейский учительский институт, который имел два отделения: русского языка и литературы и историческое.

В первый год работы института при нем были открыты десятимесячные курсы для подготовки учителей начальных классов и учителей истории, русского языка и литературы. Это сыграло положительную роль в деле народного образования края. Сам факт существования высшего учебного заведения имел большое значение в жизни Енисейска, отдаленного от крупных центров. Это проявлялось в идеологической, культурно-просветительской работе, которую институт проводил с населением города и районов, а также в той помощи, которую коллектив оказывал местным работникам просвещения.

В 1942 – 1943 учебном году в институте имелись кабинеты основ марксизма-ленинизма, исторический, русского языка и литературы, а также дополнительно организовали кабинеты военного дела и для самостоятельной работы студентов.

Кафедра русского языка и литературы – одна из старейших в институте. В 1941 – 1942 гг. здесь работал Яков Соломонович Лурье, советский российский филолог, историк культуры, литературовед.

С 1943 – 1944 учебного года в институте была открыта военно-физкультурная кафедра.

В 1944 – 1945 учебном году были оборудованы спортзал, стрелковый тир, врачебный кабинет, читальная комната при библиотеке, столярная мастерская.

В 1946 году совместно с педучилищем были созданы кабинет физики, кабинет педагогики, открыт читальный зал. В 1950 году кафедрой русского языка и литературы была организована диалектологическая экспедиция преподавателей и

студентов в село Плотбище Енисейского района для сбора диалектологического и фольклорного материала. Работу экспедиции положительно оценили на научном совещании в Томске.

Студенческий литературный кружок под руководством А. И. Малютиной изучал сибирскую литературу, что было отражено в докладах «Сибирь в поэзии декабристов», «Чехов и Сибирь», «Успенский и Сибирь», «Сибирские рассказы Короленко». Исторический кружок под руководством З. В. Стефанской работал с архивными материалами, записывал воспоминания участников революционного движения, а также собирал материал по истории комсомола в Енисейске. Педагогический кружок занимался вопросами постановки пионерской работы в школах города. Итоги работы подводили на теоретической конференции института.

В 1954 году учительский институт был преобразован в Енисейский государственный педагогический институт и размещался в здании, построенном в 1912 году для гимназии.

В 1961 году по инициативе Астросовета АН СССР при институте была открыта Станция наблюдений за искусственными спутниками Земли. Возглавил ее бывший выпускник института, старший преподаватель кафедры физики В. А. Воротников. Работы на станции велись по следующим направлениям:

1. Разработка методов прогнозирования пролетов ИЗС.
2. Разработка и исследование новых высокоточных методов наблюдения ИЗС.
3. Фотометрические наблюдения.

Академик Л. В. Киренский при посещении Енисейского пединститута осмотрел лабораторию магнитных явлений (она размещалась в подвале), а потом поднялся на чердак, где была площадка наблюдений станции, созданной руками сотрудников. Наблюдения велись при 40-50-градусных морозах. Чтобы не замерзали окуляры, придумали специальные обогреватели. Академик заметил, что науку, оказывается, можно делать не только в подвале, но и на чердаке.

В 1981 году (28 – 31 июля) Астросовет АН СССР провел на базе провинциального института и станции научное совещание «Исследование верхней атмосферы Земли по результатам наблюдений ИЗС». В совещании приняло участие 40 ученых академических учреждений страны, руководители других станций. Доклады были посвящены проблемам физики верхней атмосферы, построения моделей атмосферы, эволюции орбит ИЗС и методам вычисления элементов орбит по наблюдениям спутников.

С 1970-х годов в институте работал факультет общественных профессии из 12 отделений:

1. Отделение пропагандистов.
2. Отделение изобразительных искусств (рук. преподаватель литературы В .И. Макаров – член народного объединения художников «Енисей»).
3. Театральное отделение (рук. В .И. Евстифеев – организатор и режиссер Енисейского народного театра).
4. Кукольный театр (рук. преподаватель Л. А. Пляскина).
5. Отделение чтецов-декламаторов.
6. Хореографическое отделение (народные танцы).
7. Школа современного танца.
8. Вокальное отделение.
9. Эстрадный оркестр.
10. Художественно-оформительское отделение.
11. Отделение баянистов.
12. Спортивное отделение (рук. В. В. Алябьев – заслуженный спортивный тренер).

Енисейский пединститут к 1977 году представлял собой достаточно стабильно работающее высшее учебное заведение. Однако жизнь шла вперед, возрастали требования времени, а перспективы дальнейшего развития института оставались неопределенными. В Министерстве просвещения РСФСР встал вопрос о том, быть или не быть пединституту в Енисейске. В этот критический период в биографии института руководство молодого города Лесосибирска во главе с Н. Т. Колпаковым проявило государственный подход к решению проблем, предложив перевести вуз в Лесосибирск, основанном в феврале 1975 года в результате слияния трех лесодеревообрабатывающих поселков. У города были вполне обоснованные перспективы становления, роста и развития, что способствовало созданию благоприятных условий и для развития вуза. Институт мог обрести «второе дыхание». И 3 июля 1977 года Совет Министров РСФСР принял Постановление о передислокации института.

В короткие сроки был возведен учебный корпус и дом для преподавателей и студентов. Самоотверженно трудились строители. Активное участие в завершении строительства принимали студенты, преподаватели и сотрудники института.

1 сентября прозвенел первый звонок в Лесосибирском педагогическом институте. В 1977 году был произведен набор на вновь открытую специальность «Педагогика и методика начального обучения». В 1978 году было открыто заочное отделение.

В 1990 году институт был преобразован в филиал Красноярского университета. Это было началом качественно нового этапа в биографии вуза [1, с.4 – 47].

Список литературы

1. Бехтерев В. Ф. Труд и вдохновение. 60 лет Лесосибирскому (Енисейскому) педагогическому институту. Красноярск., 2000, 136 с.

УДК 94(47)(571)

Красноярская учительская семинария как «кузница кадров» для сибирской науки

Хорина Вера Владимировна
Главный архивист.
КГКУ Государственный архив Красноярского края.
Красноярск, Россия.
scd.nb.kgau@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-0524-1263

АННОТАЦИЯ В 1873 г. в г. Красноярске открылась учительская семинария, которую возглавил талантливый педагог и будущий известный археолог И. Т. Савенков. Из стен этого учебного заведения вышел целый ряд исследователей, внесших немалый вклад в местную науку и оставивших ценные материалы по археологии, этнографии и естественной истории Енисейской губернии и других сибирских регионов, труды по педагогике и т.д., многие из которых не потеряли свою актуальность до настоящего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярская учительская семинария, археология, И. Т. Савенков, А. С. Еленев, П. С. Проскуряков, Д. С. Каргополов, Г. И. Итыгин, А. П. Мостиц.

4 ноября 1873 г. в г. Красноярске открылось учебное заведение, которое принимало юношей от 16 до 18 лет и готовило из них учителей для сельских одноклассных училищ, – Красноярская учительская семинария. Её директором был назначен молодой учитель Иван Тимофеевич Савенков – будущий всемирно известный археолог, первооткрыватель палеолита на Енисее. Будучи не только одарённым педагогом, но и весьма разносторонним человеком, Савенков сумел увлечь научными изысканиями как своих коллег по семинарии, так и многих её учащихся. Некоторые из них стали настоящими учёными, оставив для будущих поколений местных исследователей большое количество ценных материалов по археологии, этнографии и естественной истории Енисейской губернии и других сибирских регионов, новаторские для того времени труды по педагогике и т.д.

Биография самого И. Т. Савенкова изучена достаточно подробно. Совсем недавно вышла свежая монография, освещающая различные аспекты его жизни и деятельности [13]. Чуть менее известны его коллеги по семинарии Алексей Сергеевич Еленев и Павел Степанович Проскуряков, подхватившие от Ивана Тимофеевича «вирус» археологических изысканий и совершившие несколько значительных открытий в этой научной области в окрестностях Красноярска и в других регионах Сибири, где они оказались позже по долгу службы.

Выпускник физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета А. С. Еленев был назначен учителем математики в Красноярскую мужскую гимназию в 1878 г., а с 1879 г. служил также учителем арифметики, математики и геометрии в Красноярской учительской семинарии [4]. Работая с И. Т. Савенковым, Еленев серьёзно заинтересовался сибирской археологией (кстати, кроме этого, его занимали география, этнография и другие науки).

Со временем Алексей Сергеевич стал членом Восточно-Сибирского отдела Имп. Русского географического общества (РГО), Общества врачей Енисейской губернии, Московского археологического общества, Енисейского губернского статистического комитета и т.д.

С 1885 г. его археологические изыскания были связаны, в первую очередь, с изучением пещер. За 3 года только в районе р. Бирюса он осмотрел 58 пещер, в 42 из них произвёл

пробные раскопки, а 13 раскопал полностью. Изучив 17 пещер в районе устья р. Караульной, А.С. Еленев обнаружил там изделия из кости и железа, куски ткани и кожи, каменный топор, кости мамонта и других животных и пришёл к выводу, что многие из них были обитаемы уже в период бронзового и железного веков. После завершения работ Еленев опубликовал результаты своих исследований в «Известиях Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО» [12, с. 341 – 342].

Позже, в 1890 – 1891 гг., в результате раскопок многослойной стоянки в устье р. Бирюса, Алексей Сергеевич стал первым исследователем, обнаружившим в Сибири памятники эпохи мезолита. Кроме прочего, его можно также назвать одним из родоначальников комплексного метода в изучении археологических памятников, поскольку методика раскопок многослойных стоянок на тот момент ещё не была разработана, но А. С. Еленев сумел воспользоваться одновременно методами стратиграфии, геологии и палеонтологии, действуя почти на уровне интуиции [18, с. 69].

Чуть меньше года (в 1892 г.) Алексей Сергеевич, одновременно с работой в учительской семинарии, исполнял обязанности консерватора Красноярского городского музея. В конце того же года его перевели в Иркутскую учительскую семинарию, а в июле 1893 г. – в Читинскую женскую гимназию, на должность учителя математики, физики и естествознания. Новые назначения прервали так удачно начатые им в Красноярске научные изыскания, но не отменили их. В Иркутске, а затем и в Чите Еленев продолжил занятия археологией. А одна из пещер Карауленского карстового района до сегодняшнего дня имеет название «Еленевская» [12, с. 341, 346 – 347].

П. С. Проскуряков – выпускник того же физмата Санкт-Петербургского университета, был распределён в г. Красноярск в 1883 г. на должность учителя приготовительного класса Красноярской губернской гимназии, а также учителя истории и географии при Красноярском уездном училище. В 1885 г. он перевёлся в Красноярскую учительскую семинарию, где преподавал историю, географию и естествознание [6; 8].

Из докладной записки, написанной рукой Проскурякова и адресованной ректору Имп. Томского университета (куда Павел Степанович был переведён в 1900 г.) можно узнать, что в 1888 г., по поручению Восточно-Сибирского отдела РГО, он исследовал пещеры, расположенные по берегам рек Белый и Чёрный Июс в Ачинском уезде (где, кроме всего прочего, обнаружил на стене Тохзасской пещеры руническую надпись); в феврале 1889 г. стал первым консерватором только что открывшегося Красноярского городского музея и работал там до 1892 г., подготовив коллекции палеонтологических, археологических, ботанических, энтомологических, минералогических и других экспонатов; в 1892 г. (сначала по личной инициативе, а затем уже и по поручению Имп. Академии наук) изучал Торгашинские пещеры под Красноярском, получив в итоге богатую подборку послетретичной фауны и открыв при этом новый вид коралла; в 1894 – 1895 гг. производил раскопки курганов в районах д. Карымская, Татарская и с. Ладейское Красноярского уезда по поручению Имп. Археологической комиссии; в 1897 и 1899 гг., тоже под эгидой Археологической комиссии, обследовал Айдашинскую пещеру недалеко от г. Ачинска, обнаружив в ней множество самых различных артефактов – от неолитических костяных наконечников стрел до медно-бронзовых и железных украшений, а также культовых предметов Кулайской и Тагарской культур и отдельных вещей эпохи раннего средневековья в Сибири; за оказание помощи французскому археологу Жозефу де Баю в изысканиях по берегам р. Енисей и определении материала, собранного на Афонтовой горе, был награждён французской Академией изящных наук орденом Officier d’Academie («Сотрудник Академии»), и т.д. [5; 9].

Результаты своих исследований Проскуряков публиковал как в материалах сибирских и красноярских научных обществ, членом которых являлся – «Отчётах» Общества врачей Енисейской губернии, «Известиях» ВСОИРГО и Красноярского подотдела ВСОИРГО, так и в более престижных «Отчётах Имп. Археологической комиссии»).

Под влиянием таких преподавателей, увлечённых наукой и весьма охотно привлекавших к экспедиционной и исследовательской деятельности учащихся семинарии, многие из этих юношей тоже начинали интересоваться археологией, этнографией, естественной историей родных мест и даже пытались проводить собственные научные изыскания. Некоторые из них значительно продвинулись по этой стезе уже в зрелом возрасте. Рассмотрим здесь самые яркие примеры.

В 1880 г. учительскую семинарию успешно окончил Дмитрий Семёнович Каргополов – выходец из казачьей семьи, проживавшей в Минусинском уезде. Сначала Каргополов был назначен учителем искусств Красноярского уездного училища, а в 1885 г. направлен в Ачинское уездное училище преподавать там арифметику и геометрию [1].

В 1877 г., ещё будучи студентом, Каргополов присутствовал на открытии Минусинского музея (вскоре ставшего известным не только в России, но и за границей), и с этого момента являлся горячим почитателем его основателя Н. М. Мартьянова. Приехав в г. Ачинск, он задался целью основать здесь музей.

Вместе со своими учениками Дмитрий Семёнович начал сбор материала по древней истории Ачинского уезда, его этнографии, минералогии и т.д. Это и были первые экспонаты, которые позже положат начало музею. Для их изучения, конечно, была необходима литература, которую Каргополов выписывал лично. Большая часть собранных предметов и книг хранилась в его доме, другая – в классе училища, в качестве учебных пособий. В итоге у Дмитрия Семёновича возникла мысль сначала создать городскую библиотеку, а уже потом открыть при ней музей. Местные ачинские купцы, после бесед с Каргополовым, согласны были пожертвовать на это благое дело кое-какие суммы.

20 марта 1887 г. Д. С. Каргополов подал заявление на имя городского головы о разрешении на открытие общественной библиотеки. 22 марта городская дума г. Ачинска вынесла по этому вопросу положительное решение, 5 мая разрешение на открытие библиотеки дал енисейский губернатор. В итоге её распорядителем (заведующим) был назначен сам Д. С. Каргополов [7].

Торжественное открытие Ачинской городской библиотеки 8 сентября 1887 г. состоялось при большом стечении народа. После этого Дмитрий Семёнович стал добиваться создания при ней музея, и его усилия вновь увенчались успехом.

В 1888 г., в своей заметке в «Известиях ВСОИРГО», известный этнограф и археолог Д. А. Клеменц кратко описал экспонаты музея в первый год после его открытия: «Коллекции не обширны, но не лишены интереса. Здесь имеются образцы всех горных пород окрестностей Ачинска <…>, коллекции каменного угля <…> и сопровождающих пород. Интересны коллекции отпечатков рыб и чешуй рыбьих из с. Николаевского, Медведское тоже. Хранитель музея решил послать лучшие экземпляры в С.-Петербург, академику Ф.Б. Шмидту и просил меня составить краткое описание окрестностей Медведского, что я и исполнил. Таким образом, маленькое местное предприятие уже оказало пользу не только местным жителям, но и науке вообще. Затем собрана довольно порядочная коллекция костей послеплиоценовых млекопитающих с р. Тюхтетки и Чулыма. Между костями интересна хорошо сохранившаяся нижняя челюсть мамонта с зубами. <…> Зоологический музей представлен коллекцией птиц из 50 видов, коллекция насекомых не велика. Археологическая и этнографическая коллекции в зачатке ещё и понятно почему – и то, и другое надобно приобретать на деньги, а средства музея микроскопические. Отдел местных и домашних производств представлен пока только образцами ткацких работ из Ужурской волости, – модель

ткацкого станка, пряжа, полотно. <…> Сельское хозяйство представлено пока лишь образцами хлебов. <…> Немного, конечно, всего, но для начала более достаточно» [16, с. 58 – 59].

Для первого года существования музея этого, действительно, было более, чем достаточно. Тем более, что все материалы для него Д. С. Каргополов собирал лично, исходив вдоль и поперёк окрестности г. Ачинска вместе с учениками. Например, летом 1887 г., организовав экскурсию в деревню Симоново, он собрал коллекцию отпечатков миоценовых растений (которых в стране в это время было всего 3: в Российской Академии наук, в Минусинском музее и в Ачинском), а также раскопал курган. По некоторым свидетельствам, Каргополов также был одним из первых, кто исследовал многослойную Айдашинскую пещеру [10, с. 153; 22, с. 5].

В конце 1888 г. Д. С. Каргополов был переведён в с. Аскиз Минусинского уезда на должность заведующего двухклассным сельским училищем. Здесь 30-летний учитель, имевший жену и четырёх детей, тоже попытался создать музей (семья Каргополовых перманентно жила в окружении музейных предметов). Но в селе это оказалось намного сложнее.

В 1889 г. Дмитрий Семёнович вернулся в Красноярск, работал учителем приготовительного класса при Красноярской губернской гимназии, вошёл в круг местных краеведов-энтузиастов, изучавших Енисейскую губернию, тоже охотно включился в эту работу и в 1891 г. стал действительным членом Енисейского губернского статистического комитета [1].

После ещё нескольких назначений по службе (в том числе в г. Енисейск) Каргополов, к тому времени – член распорядительного комитета Красноярского подотдела ВСОИРГО, по протекции своего учителя и друга И. Т. Савенкова был назначен инспектором в Канское четырёхклассное городское училище [3].

Канск был центром огромного неизученного уезда, но музея здесь не было. В конце 1912 г., едва переехав, Дмитрий Семёнович поднял перед городской думой вопрос о создании Канского городского музея. Местные власти выразили своё сочувствие к этому делу, но и только. Полное же понимание Каргополов, как всегда, нашёл среди коллег и учеников.

Летом 1913 г. он вместе с учениками начал сбор предметов археологии на стоянках, расположенных в окрестностях Канска. Так были найдены каменные наконечники стрел, скребки, каменные топоры, фрагменты глиняной посуды и т.д. Семья Каргополовых снова жила среди экспонатов, которые занимали всю квартиру. Почти всё, что зарабатывалось (старший сын Каргополова Игнатий тоже стал учителем) уходило на новые приобретения для будущего музея.

При любом удобном случае Дмитрий Семёнович отправлялся на экскурсии и экспедиции по окрестностям Канска. Так, в сентябре 1921 г. он ездил в район проживания камасинцев – малочисленного народа, жившего среди степняков-тюрков, но говорящего на «таёжном» самодийском наречии. Д. С. Каргополов описал основные черты традиционной культуры камасинцев, их внешний облик, хозяйство, домашнюю обстановку, способы охоты, промыслы, начал изучение их языка, записав, в числе прочего, 6 камасинских сказок [11, с. 159; 14].

В самом начале 1923 г. Каргополов внезапно умер от кровоизлияния в мозг. Официально Канский городской музей так и не был открыт при его жизни, но коллекция экспонатов, собранных Дмитрием Семёновичем, позже всё-таки стала его основой. Таким образом, простой учитель явился создателем двух музеев из пяти, основанных в Енисейской губернии в дореволюционный период. И оба они действуют до настоящего времени.

В 1892 г. из Красноярской учительской семинарии выпустился Георгий Игнатьевич Итыгин, – хакас по отцу, уроженец с. Чебаки нынешней Республики Хакасия, который

стал не только одним из лучших учителей в губернии (в 1909 г. «за усердность и ревностное исполнение учительских обязанностей» Итыгин получил звание личного почётного гражданина), но и основателем первого в регионе педагогического журнала «Сибирская школа» [2].

Сразу же после окончания семинарии Г. И. Итыгин был направлен в школу с. Шалоболино Минусинского уезда, в 1893 г. перешёл в 1-классное приходское училище в с. Усть-Абаканском, в 1897 г. – в Рыбинское двухклассное училище Канского уезда, далее работал в с. Балахтинском Ачинского уезда, г. Ачинске и с. Ужур. Всё это время, помимо выполнения учительских обязанностей, Георгий Игнатьевич занимался исследовательской деятельностью – собирал предметы археологии (позже подаренные им Красноярскому музею), составлял коллекции флоры Кузнецкого Алатау, в 1897 г. (ещё в с. Усть-Абаканском) помогал членам экспедиции Енисейского губернского статистического комитета П. Е. Кулакову и А. А. Кузнецовой собирать материалы бюджетов инородческих хозяйств, вёл сельскохозяйственно-метеорологические наблюдения в Ужуре и т.д.

Кроме того, Итыгин постоянно публиковался в сибирских газетах: писал о событиях местной жизни, о проблемах деревни и переселенческого движения, а также о самых злободневных вопросах образования и школы в губернии [21].

В 1913 г. Г. И. Итыгин перевёлся с семьёй в г. Красноярск и в ноябре того же года был назначен заведующим двухклассной железнодорожной школой. А в 1915 г. он выступил с инициативой создания журнала «Сибирская школа».

В России на тот момент существовали различные педагогические журналы («Народное образование», «Вестник народного образования», «Русская школа», «Русский учитель», «Школа и жизнь» и т.д.), но выходили они, в основном, в Санкт-Петербурге и Москве, часто отличались высокой степенью официозности и попадали в Сибирь отдельными экземплярами. В Енисейской губернии они всё равно пользовались повышенным спросом, являясь основными (а в некоторых местностях – единственными) методическими пособиями для учителей. Из них они получали хоть какую-то полезную информацию о новых методах работы, новых педагогических течениях (в том числе зарубежных) и т.д. Но здесь давно ощущалась потребность в издании собственного журнала, который отражал бы местные особенности образования, воспитания и культуры, позволял учителям губернии делиться собственным опытом, направлял их педагогическую работу.

Издание и редактирование такого журнала и взял на себя Г. И. Итыгин. Он хорошо продумал его структуру и содержание: официальная часть должна была включать распоряжения центральных и местных властей по поводу образования и просвещения, сведения о перемещениях учителей из одной школы в другую, о свободных вакансиях в школах и училищах; специальная часть – информацию о новых педагогических методиках, статьи и рефераты по вопросам воспитания, обучения и школьной жизни, протоколы учительских съездов и совещаний и т.п.; в заключительной части журнала предполагалось публиковать корреспонденции от губернских учителей, частные объявления, обзоры педагогической печати.

Первые номера «Сибирской школы» в 1916 г. выходили в свет в количестве 900 экземпляров (из расчёта по одному экземпляру на каждую школу в губернии, которых было на тот момент 838, плюс 62 экземпляра для разных подписчиков).

Своей главной целью редакция журнала объявила «ознакомление учащих с современными методами обучения и проведение лучших из них в школьную жизнь; всестороннее освещение жизни сибирской школы и сибирского учителя; служить органом общения и единения работников народной школы в Сибири» [15]. «Сибирская школа» быстро стала популярной среди местных учителей. Они публиковали в журнале свои статьи и заметки с изложением собственного опыта и некоторых

интересных мыслей по вопросам обучения и воспитания. Журнал стал важным средством обмена педагогическим опытом и играл немалую роль в развитии губернского просвещения. Всего за 1916 – 1917 гг. его редакция успела выпустить 18 номеров, имевших более 100 страниц объёма каждый [19, 20].

Уже в советское время Г. И. Итыгин был руководителем хакасской секции при губернском отделе народного образования, затем председателем Хакасского окружного исполкома, главой Совета просвещения национальных меньшинств Сибирского краевого отдела народного образования, проводил большую работу по развитию народного просвещения и пропаганде педагогических знаний.

В 1886 г. из стен Красноярской учительской семинарии вышел ещё один отличный педагог, успевший перенять от преподавателей своей «альма-матер» горячую любовь к научным занятиям – Александр Павлович Мостиц.

Первым местом работы Мостица стало Верхнеудинское уездное училище, куда он был направлен, скорее всего, по протекции всё того же И. Т. Савенкова. Прибыв в Верхнеудинск (ныне – г. Улан-Удэ) в начале осени, А. П. Мостиц сразу же приступил к изучению окрестностей города и поиску местных древностей, отправляя собранные коллекции в Красноярск Савенкову. В письме наставнику он сообщал, что «здесь, оказывается, масса археологического материала, но нет людей, которые могли бы воспользоваться им».

Через год, в 1887 г., Мостиц перевёлся в слободу Усть-Кяхта, где 8 лет был заведующим народной школой. В тёплое время года – с весны до осени – он регулярно устраивал для учащихся экскурсии по окрестностям слободы, где они с интересом собирали различные древние кости, камни и черепки. Эти места тоже изобиловали археологическими памятниками, и Александр Павлович писал И. Т. Савенкову о том, что открыл вместе с учениками 6 доисторических стоянок. В итоге ими была собрана богатая коллекция артефактов, которую А. П. Мостиц отправил вместе с описанием и схематической картой в г. Иркутск, в Восточно-Сибирский отдел Имп. РГО. Составив после этого ещё одну археологическую коллекцию, Мостиц в 1894 г. подарил её только что открывшемуся местному музею в г. Троицкосавске (ныне – г. Кяхта).

В 1895 г. А. С. Еленев (являвшийся тогда директором народных училищ в Забайкальском округе) помог своему бывшему ученику перевестись в Успенское приходское училище в Троицкосавск. И вскоре Александр Павлович совершил несколько важных научных открытий и здесь тоже. Предприняв экскурсию по р. Селенге до Верхнеудинска, он обнаружил ещё 10 древних стоянок, о чём сделал доклад в местном отделении РГО в начале 1896 г.

А. П. Мостиц активно участвовал в создании Троицкосавского музея (как и в пополнении и камеральной обработке его коллекций), сотрудничал с Восточно-Сибирским отделом ИРГО и публиковал результаты своих исследований в его изданиях. Именно он стал первооткрывателем многих археологических районов в Забайкалье (Усть-Кяхта, Пестерево, Номоконово и других), где позже велись масштабные раскопки. Причём всё это Александр Павлович успевал, будучи загруженным работой в школе и обременённым семьёй с шестью детьми [17].

Каргополов и Мостиц, постоянно привлекавшие к поисковой работе своих учеников, по сути, стали одними из первых исследователей в Сибири, кто видел в археологии не только научный смысл, но и большое педагогическое значение.

Мы кратко рассмотрели только несколько примеров, но все они прекрасно иллюстрируют то, что Красноярская учительская семинария являлась настоящей «кузницей кадров» для сибирской науки (особенно в области археологии).

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 3. Оп. 1. Д. 506.
2. ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 779. Л. 2, 7 – 9, 19.
3. ГАКК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 889. Л. 5.
4. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 54. Л. 14 – 17; Д. 280. Л. 15.
5. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 236. Л. 6.
6. ГАКК. Ф. 349. Оп. 1. Д. 280. Л. 15; Д. 398. Л. 1 – 8.
7. ГАКК. Ф. 595. Оп. 1. Д. 2417.
8. Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). О/ф. 8400-1/1387-58.
9. КККМ. О/ф. 8400-1/1387-60.
10. Вдовин А. С. Археология в Ачинском краеведческом музее в начале XX вв. // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 4. Красноярск, 2005. С. 153 – 158.
11. Вдовин А. С. Археология в Канском краеведческом музее в начале XX вв. // Древности Приенисейской Сибири. Вып. 4. Красноярск, 2005. С. 159 – 162.
12. Вдовин А. С., Макаров Н. П. Еленев А. С. Материалы к биографии. Красноярский период // Енисейская провинция: альманах. Выпуск 4. Красноярск, 2009. С. 341 – 347.
13. Вдовин А. С., Макаров Н. П., Майзик Е. И. Жизненные маршруты Ивана Тимофеевича Савенкова / Красноярский краевой краеведческий музей, Минусинский краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова, Красноярское краевое отделение Русского географического общества. Красноярск: Офсет, 2022. 248 с. URL: https://gnkk.ru/nkk/data/uploads/2023/01/savenkov_2022.pdf (дата обращения: 15.06.2023).
14. Демина М. Н., Баташев М. С., Вдовин А. С. Каргополов Д. С. – основатель Ачинского и Канского музеев // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока. Омск, 2002. С. 20 – 22.
15. Итыгин Г. И. К вопросу об учреждении педагогического журнала в Красноярске // Сибирская школа. 1916. №1. С. 10 – 15.
16. Клеменц Д. А. Предварительные сведения о путешествии в Ачинский и Канский округ // Известия ВСОИРГО. Т. XX, вып. 1. 1888. С. 57 – 59.
17. Константинов М. В., Оводов Н. Д., Вдовин А. С. Жизнь и открытия учителя Александра Мостица // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 53. С. 9 – 17.
18. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии. Ч. I. Новосибирск, 1969. 390 с.
19. Лобанова О. Б. История создания журнала «Сибирская школа» в Енисейской губернии: проблемы, решения, опыт // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. Вып. 15. Красноярск, 2006. С. 408 – 410.
20. Мешалкин П. Н. Одержимые: о деятелях культуры Красноярска на рубеже XIX – XX вв. Красноярск, 1998. С. 56 – 63.
21. «Сильная личность с душой романтика»: к 150-летию со дня рождения просветителя, государственного и общественного деятеля Георгия Игнатьевича Итыгина / ГБУК «Национальная библиотека имени Н.Г. Доможакова». URL: https://nbdrx.ru/Exhibition/059_silnaja_lichnost_s_dushoj_romantika/ (дата обращения: 15.06.2023).
22. Чернявский П. Е. История и развитие музея Причулымского края // Причулымский край: сборник трудов музея. Т. 1, вып. 1. Ачинск, 1932. С. 3 – 16.

УДК 94 571

Протоколы заседания Комитета грамотности при Енисейском губернском статистическом управлении, как источники изучения процессов, происходящих в системе народного образования Енисейской губернии второй половины XIX века. По материалам КГКУ «Государственный архив Красноярского края»

Чернышов Виктор Владимирович
Ведущий архивист
КГКУ «Государственный архив Красноярского края»
Красноярск, Россия
vikchern73@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается значение документов Комитета грамотности при Енисейском губернском статистическом управлении, как источников изучения процессов, происходящих в системе народного образования Енисейской губернии второй половины XIX века. Созданный в 1890 году как совещательный орган под председательством енисейского губернатора он стал местом рассмотрения многих проектов, направленных на улучшения образования среди крестьянского населения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейский губернатор, народное образование, школа грамотности, церковно-приходская школа.

Образованность, грамотность населения является важнейшей составляющей жизни общества. Вот почему вопросы, связанные с народным образованием, проблемы, возникающие в этой сфере, всегда были в центре внимания государственных и общественных институтов. В этом можно убедиться, изучая документы досоветских фондов КГКУ «Государственный архив Красноярского края», в частности, документы Комитета грамотности при Енисейском губернском статистическом управлении.

Начало деятельности Комитета положила ознакомительная поездка губернатора Леонида Константиновича Теляковского по Енисейской губернии летом 1890 года. Из разговоров с крестьянами и сельскими должностными лицами вступивший в свою должность 1 января 1890 года енисейский губернатор сделал вывод, что образование среди крестьянского населения губернии стоит на чрезвычайно низком уровне. «Даже можно сказать, что его почти вовсе нет», - констатировал позже губернатор на заседании особой комиссии по образованию [1, л.1об]. Особенно поразило губернатора Л.К. Теляковского, человека глубоко верующего, то, что не только крестьяне, но и практически ни один встретившийся ему сельский староста или волостной старшина не могли правильно прочесть молитвы на память, а если и были такие, которые старались прочесть, то они читали сбивчиво «без всякого выражения смысла» [2, л.1об]. Зато дома, отведенные под школы, распродавались под питейные заведения, в чем губернатор лично убедился, обнаружив в здании одной из школ кабак - «которых в селе четыре, а школы ни одной» [3, л.2].

Под впечатлением от увиденного, уже через несколько месяцев после поездки, в ноябре того же 1890 года губернатор Л. К. Теляковский созывает комиссию по вопросу о распространении грамотности среди населения Енисейской губернии. Членами комиссии стали: директор Красноярской учительской семинарии Иван Тимофеевич Савенков, инспектор народных училищ Енисейской губернии Михаил Алексеевич Заостровский, красноярский окружной исправник Константин Иванович Знаменский,

член-секретарь Енисейского губернского статистического комитета Геннадий Александрович Хотунцов, епископ Енисейский и Красноярский Тихон. В комиссию также вошли - председатель попечительского совета Красноярской женской гимназии Осип Петрович Витошинский и представитель Енисейского епархиального училищного совета смотритель духовных училищ Константин Алексеевич Успенский [4, л.1].

Первое и единственное заседание комиссии состоялось 5 ноября 1890 года [5, л.1]. Убедившись на нем насколько сложны вопросы организации народного образования на селе, в наличии разных мнений по этим вопросам и важности регулярного обмена такими мнениями, губернатор предложил образовать из членов комиссии постоянный Комитет грамотности при Енисейском губернском статистическом комитете [6, л.5об], председателем которого он являлся.

В КГКУ «Государственный архив Красноярского края» на хранении находятся протоколы заседания Комитета грамотности от его первого заседания 5 ноября 1890 года до заседания, состоявшегося 3 ноября 1893 года. Несмотря на небольшое количество документов, эти материалы представляют, на наш взгляд, интерес для исследователей, занимающихся историей народного образования Енисейской губернии досоветского периода. Ведь члены Комитета на своих заседаниях рассматривали совершенно различные вопросы от учреждения попечительств и ремонта школьных зданий до обеспечение пособиями нуждающихся учащихся, отведения земель под школы, открытия и закрытия учебных заведений.

Немаловажно для исследователя и то, что разработка Комитетом различных мер принималась на основе документальных и статистических сведений, непосредственно предоставляемых в Комитет организациями, учреждениями, частными экспертами, а также докладов, донесений, представлений разных местных чиновников, переданных губернатором. И эти документы содержат интересные факты по тем или иным вопросам, связанным с народным образованием. Так, из доклада минусинского окружного исправника можно узнать, что собравшиеся на сход выборные от населения Абаканской инородческой управы отказались от устройства на территории управы передвижных школ, ссылаясь как на невозможность населения содержать такие школы из-за бедности, так и на то, что такое обучение не может увенчаться успехом. Последнее выборные аргументировали тем, что дети инородцев совершенно не знают русский язык и не понимают то, что им объясняет учитель, а учителя местного языка не знают. Ярким примером бесполезности такого обучения являлась Усть-Абаканская школа, пока туда не был назначен учитель Райков, выходец из местного населения, знающий язык [7, л.10]. А из данных, предоставленных красноярским окружным исправником видно, что среди крестьянского населения Красноярского округа наблюдалось желание обучать своих детей грамоте и из-за нехватки школ в округе практиковалось частное обучение, когда крестьяне за определенную плату нанимали учителей из ссыльных и поселенцев. Так, в деревне Серебряковой Частоостровской волости, частным порядком обучалось 6 мальчиков и две девочки, в деревнях Шошкиной и Малобалчугской – 6 детей, в деревне Воробиной – 11, в деревне Высотиной – 2, в селе Атамановском – 10 [8].

В этой связи нужно отметить и оперативность рассмотрения поступающих в Комитет документов. Это видно из случая с тем же докладом минусинского окружного исправника об инородческих школах. Переписка по такому, достаточно важному вопросу, в ином случае продолжалась бы длительное время. Но, попав в Комитет, доклад был быстро рассмотрен, и выборным от Абаканской инородческой управы предложили направить на работу в Усть-Абаканскую школу преподавателей, знающий местный язык при условии, если управа согласится оплачивать проживании учеников при школе [9, л.11].

Однако самым важным и обсуждаемым вопросом для Комитета грамотности, как видно из его документов, стал вопрос об организации такой системы начального образования сельского населения, которая бы охватила наибольшее количество детей. Существенная роль в разработки этого вопроса принадлежала красноярскому ученому и педагогу Ивану Тимофеевичу Савенкову. Именно знающий реальное положение дел в народном образовании не понаслышке И. Т. Савенков с первых дней существования Комитета обратил внимание его членов на ту негативную тенденцию, которая сложилась в сфере начального образования в 1880-е годы, и которая не очень ясно прослеживалась в официальных документах. По данным И. Т. Савенкова к концу 1883 года по всей Енисейской губернии (включая Туруханский край) действовало 50 начальных училищ, где обучалось 1500 учащихся. Через шесть лет, к концу 1889 года, число таких училищ возросло до 142, что дало возможность обучать в них уже 3530 человек, то есть число учащихся в губернии увеличилось вдвое. Но при этом в 1883 году в начальной школе обучалось всего только 2,34% детей школьного возраста (от 7 до 14 лет) из крестьянского населения, то есть из 100 детей обучалось только двое. А в 1889 году число учащихся крестьянских детей увеличилось до 5%. То есть из 100 детей стали обучаться только пять человек. Изучив данные статистики, И. Т. Савенков сделал неутешительный вывод, что увеличение числа крестьянских детей, получающих начальное образование, связано не столько с увеличением числа учебных заведений, сколько с увеличением за этот период численности населения губернии. То есть дело народного образования в губернии, несмотря на официальные хорошие показатели, практически не развивается [10, л.12]. Мнение И. Т. Савенкова было подтверждено и другими материалами, поступившими в Комитет. Например, по данным красноярского окружного исправника К. И. Знаменского, также члена Комитета, в достаточно благополучном по числу образовательных учреждений Красноярском округе, 70 населенных пунктов в округе не имели школ [11, л. 8].

Учитывая такие сведения, члены Комитета посчитали необходимым расширение именно первичного звена школьного обучения, в виде школ грамотности [12, л. 3], то есть школ, где ученики обучались основам чтения, письма, счета, Закона Божьего. Однако, как и где создавать такие школы, чтобы они охватили наибольшее количество крестьянских детей, его члены долго определить не могли, что и вызвало оживленные дискуссии. В этой связи достаточно интересны различные идеи относительно создания системы начального образования, которые нашли свое отражение в протоколах Комитета.

Например, один из активнейших членов Комитета епископ Енисейский и Красноярский Тихон предложил основой начального образования сделать церковно-приходскую школу. Данные школы, по мнению Преосвященного Тихона, необходимо первоначально учреждать в крупных селах, что позволит охватить обучением не только детей из самого села, но и детей из окрестных деревень. Способные ученики таких школ после окончания обучения могут остаться при школе в качестве практикантов, а впоследствии быть направлены для самостоятельной работы в деревни в качестве наставников в школах грамотности. По воскресным и праздничным дням такие наставники вместе со своими учениками будут обязаны являться в село к церковному богослужению. Здесь в селе они могут обращаться с советами и разъяснениями как к учителю сельской школы, так и к местному священнику. В обязанности последнего и входит общее наблюдение за преподаванием как в церковно-приходской сельской школе, так и в деревенских школах грамотности, и нравственно-религиозным воспитанием детей. Для достижения этих целей учитель сельской церковно-приходской школы и законоучитель должны поочередно посещать школы грамотности прихода [13, л. 3об].

Оживленные дискуссии вызвал и вопрос, связанный с преподавательскими

кадрами вновь открываемых школ, который не мог не перейти в обсуждение подготовки учительских кадров в целом, что нашло свое отражение в рассматриваемых документах. Ведь как отмечалось в протоколах Комитета, учащиеся, окончившие Красноярскую учительскую семинарию, в основном не распределялись на учительские должности. Причем значительная часть тех, которым удавалось получить такую должность, после окончания определенного законом для стипендиата срока, службу учителя оставляли и переходили на чиновническую или частную службу. Особенно характерно это было для сельской местности. Причинами этому являлись незначительное количество учеников семинарии из крестьян и недостаточная обеспеченность службы учителя [14, л. 3об].

Конечно же, создание и деятельность Комитета грамотности представляло собой всего лишь реакцию властей на негативные явления, сложившиеся в системе народного образования Енисейской губернии. И решить какие-либо основные практические вопросы в этой сфере Комитет самостоятельно не мог, да и не ставил перед собой таких задач. Ведь важность его работы заключалось в донесении до властей самых насущных проблем народного образования, выработки определенных мер, направленных на увеличение грамотности населения. И именно поэтому документы Комитета, находящиеся на хранение в КГКУ «Государственный архив Красноярского края», на наш взгляд, являются важным историческим источником, без которого понимание процессов, сложившихся в системе народного образования Енисейской губернии второй половины XIX века, будет не совсем полным.

Список литературы

1. 1.КГКУ «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф.31. Оп.1. Д.119.

СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СИБИРИ

УДК 94(57)

Проблемы материального обеспечения приходского духовенства в Хакасско-Минусинском крае в XIX – начале XX вв.

Асочакова Валентина Нестеровна
доктор исторических наук, профессор
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
кафедра истории
Абакан, Россия
asocvn@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5714-3729

АННОТАЦИЯ В статье анализируется структура основных источников доходов приходского духовенства Русской православной церкви, его эволюция в XIX в. Рассмотрена политика государства и Православной церкви по регламентации хлебного и денежного ружного содержания, обеспечения землей, платы за требы, казенного жалования. На основании анализа отчетов священнослужителей и клировых ведомостей выявлены причины «скудного» материального обеспечения духовенства приходов в Хакасско-Минусинском крае в XIX в. Проанализированы факторы, влияющие на обеспечение причтов южных приходов Енисейской губернии: территориальные особенности прихода, состав прихожан, должность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русская православная церковь, Хакасско-Минусинский край, духовенство, руга, требоисполнение, попечительство.

В современной историографии проблема материального положения православного белого духовенства вызывает значительный интерес. И на сегодняшний день достаточно полно исследованы вопросы источников доходов духовенства [14; 15; 17], структуры бюджетов храмов [18], региональные особенности положения приходского духовенства [3; 4; 16], земельной собственности церквей [20]. При этом, одни исследователи отмечают, что экономическое положение Русской православной церкви (далее РПЦ) в XIX в. было весьма прочным, а источники дохода давно налажены и постоянно совершенствовались [20], реальные доходы духовенства в России росли, чему немало способствовала государственная политика [11]. Другие считают, что уровень материальной обеспеченности духовных лиц был различным в зависимости от занимаемой должности [24]. Они получали государственное содержание, объемы финансирования которого возрастали. Третьи – приходят к выводу, что сумма расходов государства на содержание была явно недостаточной, учитывая образовательную, социальную и благотворительную деятельность Церкви. На нужды Православной церкви шло всего от 0,6 до 1,8 % государственного бюджета России. Ей принадлежали 34 836 начальных школ, а под управлением Министерства народного просвещения находилось 32 708. При этом бюджеты Церкви и Министерства народного просвещения были несопоставимы [1]. Но, несомненно, как отмечают красноярские историки, материальное состояние, материально-бытовые условия существования причта сказывались на их служебном рвении, качестве профессиональной деятельности [3].

Обратимся к доходам клира в Хакасско-Минусинском крае, которые, как замечает Н. Д. Зольникова, являлись «одним из центральных сюжетов договора общины с духовенством» [13, с. 152]. Духовенство по способам содержания и источникам доходов делилось на кафедральное – служащее в кафедральных соборах и приходское. Доходы

приходского духовенства складывались из платы за требы, церковной земли, руги (денежная или хлебная), пожертвования отдельных лиц. Во второй четверти XIX в. основной доход приходского духовенства состоял из платы за исправление треб, пожертвований, причтовых, храмовых и попечительских кредитов, доходов от продажи свечей, венчиков, совершения молитв. Некоторые имели доход от сдачи в аренду лавок для ярмарочной торговли.

Руга. Духовный регламент 1721 г. предписывал фиксированный сбор с каждого приходского двора в пользу причта [21]. Обязательным пунктом договора священнослужителей с общиной было условие обеспечение «пропитания хлебной ругой, пашенной землей и покосами» [10]. В 30-е гг. XIX в. в Восточной Сибири были разработаны нормативы ружного хлеба. Ружный хлеб собирали в приходах с каждой души мужского пола в возрасте от 18 до 60 лет. Выдавали священнику – 2 пуда зерна в год, дьякону – 1,5, причетнику – 1 пуд [6]. В 1839 г. хозяйственным комитетом при Святейшем Синоде был произведен сбор информации о состоянии содержания духовенства сельских приходов в епархиях, анализ которой позволяет определить уровень содержания приходского клира в Енисейской губернии. Ружного денежного жалования, как правило, сельское духовенство не получало, положенный ружный хлеб крестьяне сдавали неохотно, «жалуются на неурожайные годы и бедность, в лучшем случае сдают половину» [7]. В 1855 г. при обсуждении особым комитетом вопроса о содержании духовенства в Иркутской и Енисейской губерниях было принято решение о выдаче ружного хлеба через запасные или экономические магазины. Были определены нормы: просвирне – 432 пуда ржаного хлеба зерном, священно- и церковнослужителям – денежное содержание по цене хлеба. Многие сельские церкви, приходы которых могли обеспечить причту лишь скудное содержание, казенного жалования не получали.

Во второй половине XVIII в. правительство пыталось унифицировать и сделать обязательным и другой источник материального содержания духовенства – землю. В состав церковных земель входили усадебные, пахотные, сенокосные и лесные. По елизаветинской межевой инструкции приходским церквям отводилось по 30 десятин. В 1765 г. в связи с начавшимся Генеральным межеванием земель было принято решение об отводе сельским церквям по 33 десятины – 30 пашни и 3 сенокоса, под усадьбы обычно отводились 1 – 3 десятины, она не облагалась налогом и рассматривалась отдельно от остальной. Земля навечно закреплялась за церковью, но не за причтом, который являлся её пользователем [12, с. 153 – 154]. Несмотря на то, что положено было выделять земли, хорошие по качеству и цельным массивом, как правило, надел находился в нескольких местах, в разных направлениях от села. Та же ситуация с землепользованием была и в приходах Европейской части России. Священнослужители получали свои наделы «рваными участками», часто в 7 – 8 и более местах на расстоянии от 20 до 40 верст, как друг от друга, так и от места жительства. Характер же служебных обязанностей, которые требовали ежедневного присутствия в церкви, не позволял духовенству эффективно осваивать эти угодья [1]. К тому же это было наделение скорее на бумаге, в указах и пунктах инструкции, чем в действительности [12, с. 136]. Причт, обременённый своими прямыми обязанностями, был не в состоянии силами своей семьи обрабатывать предоставленную ему землю. Иногда священник прибегал к найму работников [22, с. 41]. Указом Павла I (1797) духовенству было запрещено обрабатывать свои наделы собственными силами, «яко дело с саном их не совместное». Вместо этого на церковных землях должны были работать крестьяне, входившие в состав прихода [19, с. 24 – 26]. Урожай или его средняя денежная стоимость должны были поступать причту в строго фиксированные сроки. При этом расчеты были следующие: «натурой такое количество хлеба, сена, соломы и гуменного корму, кое с определяемых к церквам земель, то есть 33 десятин

пахотной земли, разделенной на три поля, пропорция по урожайности последние 10 лет» [5]. Но «средняя пропорция» в каждом приходе была различной. Кроме того, малоприходные причты не были обеспечены необходимым количеством земли, например, казенные, основанные при заводах. В этой ситуации светские и церковные власти пытались переложить расходы по содержанию клира малочисленных приходов на прихожан «великоприходов». Это нашло отражение в служебной переписке между прихожанами Езагашской церкви и Красноярской духовной консисторией в 1799 г.: «чтобы прихожане малоприходных церквей не были излишне обложены, против тех, кто принадлежит к великоприходным, сделать разрядку с 50 дворов большеприходных церквей» [9]. Но эти меры оказались неосуществимы, а сам закон был отменён уже в 1801 г. Еще одна попытка реформирования системы обеспечения приходского духовенства была предпринята в 1829 г., когда малоприходные и бедные церкви стали объединять в более крупные. По мнению церковного историка П. В. Знаменского, заботы правительства об обеспечении приходского духовенства хлебным содержанием от прихожан оказались совершенно неудачными и вызвали только неудовольствие прихожан против священно- и церковнослужителей [12, с. 143].

В то же время делать усредненные подсчеты по количеству церковной земли достаточно трудно, так как это не отражало бы картину в целом. Существовали храмы, не имевшие вообще никакой земли, либо имевшие ее в чисто символическом количестве, не дававшей никакого дохода. Тем не менее, решение 1855 г. послужило основанием для изъятия пахотных земель у духовенства. В Хакасско-Минусинском крае они остались только в Бейской церкви (30 дес.), да и то формально, ими пользовались крестьяне прихода. Вместо пахотных земель выдавали хлеб: по 20 пудов в месяц священнику, 12 – дьякону, и 7 – причетнику. Но поскольку «ружное дело» к 1861 г. еще не было утверждено Главным Восточным управлением, то в 25 % приходах хлеб не выдавали вообще. В трех приходах новокрещеных: Аскизском, Ново-Марьясовском, Усть-Фыркальском, где земледелие не получило развития, вместо пахотной земли и ружного хлеба прихожане обязывались выплачивать денежное содержание по цене хлеба. В отчетах священнослужителей за 1861 г. отмечалось, что «причт уже три года не получал ни хлеба, ни денег» [9].

В первой половине XIX в. происходил медленный, но верный рост церковного землевладения. Половину от общей площади церковных земель составляли леса, треть – пахотные земли и пятую часть – луга. В 1855 г. формально были увеличены размеры сеноскосной земли: с 33 десятин до 55. Фактически соответствующие наделы были выделены причтам шести приходов: Абаканскому, Новоселовскому, Белоярскому, Усть-Ербинскому, Ново-Марьясовскому, Усть-Абаканскому, более того, в Белоярском крестьяне добавляли священнику еще 500 копен сена. В 14 приходах земли под сенокос не были выделены совсем, в остальных размеры наделов колебались от 9 дес. (Шушенский приход) до 47. Сельское духовенство не имело стабильных источников содержания, поэтому при наличии земли занималось сельским хозяйством. Самыми богатыми в Минусинском округе были Градоминусинский, Белоярский Николаевский, Курагинский, Новоселовский, Каратузский, Шушенский приходы, в Ачинском – Балахтинский, Ужурский, Изынжульский.

11 февраля 1870 г. вышел указ № 13 «Об облегчительных мерах к приобретению в церковную собственность домов для помещения причтов, а также и других недвижимых имуществ». В указе для улучшения положения приходского духовенства разрешалось использовать часть доходов с принадлежащих церквям оброчных статей на потребности церкви, улучшение содержания причта, устройство церковных домов, покупку в собственность церкви недвижимых имуществ, обеспечение содержания священно-церковнослужителей [19, с. 99].

Третий источник доходов – плата за совершение треб, т.е. «доброхотная» плата за совершение таинств и обрядов. При Петре I государство пыталось заменить плату за требы фиксированным размером вознаграждения. За каждой церковью предлагалось закрепить верующих, которые должны были ежегодно платить в пользу причта определенную сумму. Указом Сената от 1765 г. были узаконены следующие расценки: молитва над родительницей – 2 коп.; крещение – 3 коп.; совершение брака – 10 коп., погребение взрослого – 10 коп.; погребение малолетнего – 3 коп. Плата за исповедь и причащение была запрещена [19, с. 24 – 26, 117]. Указом Александра I (1801) официальные расценки были увеличены в два раза и «на волю прихожан оставлено давать духовенству и больше положенного, без всякого, однако, со стороны духовных притязания и домогательства» [19, с. 53]. Но в действительности прихожане платили гораздо больше, и сто лет спустя ситуация еще более ухудшилась. Во второй половине XIX – начале XX в. основным источником материального обеспечения православного приходского духовенства являлось требоисполнение, что приводило к возникновению целого ряда проблем. С.А. Иконников анализирует характерные трудности, с которыми сталкивались священнослужители Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской епархий при получении епитрахильных доходов и доказывает, что требоисполнение как источник благосостояния не устраивало клириков. Они жаловались на незначительные суммы платы за служение треб, вынужденную зависимость пастырей от прихожан, частые конфликты между духовенством и верующими мирянами, снижение авторитета православного пастырства. Автор пишет, что духовные лица, вынуждены были выпрашивать хлеб, яйца и другие продукты питания. Многодетные клирики умышленно учащали посещения с молебнами. Нравственное и духовное влияние таинств, таким образом, совершенно терялось. Плата за требы не определялась законодательно [14].

С 1844 г. приходскому духовенству стали выплачивать государственное жалованье: священник получал от 140 до 212 рублей серебром в год; дьякон – 80; дьячок – 40 и пономарь – 32. При этом, в результате к 1852 г. сократились церковные штаты: к 1861 г. из 40 церквей только в 10 сохранилась должность дьякона, в двух из которых ее исполняли дьячки с сохранением своего содержания. Денежное жалование священников, включая доходы с земли и за совершение церковных обрядов, было крайне малым повсеместно. Г.В. Андреев отмечает, что если средний доход чиновников в год колебался от 100 до 400 рублей, военнослужащих офицеров – 200 руб., то доходы городских священников 30 – 80, деревенских составляли 25 – 40 рублей [1].

В приходах Хакасско-Минусинского края жалование от казны получали священники всех причтов, кроме Минусинского. Духовенство Николаевской походной церкви Амыльской золотопромышленной системы получало жалование от владельца – 285 руб.: 71 руб 3/7 коп. выдавали священнику и 57 руб. 14 2/7 коп. – дьячку. Свечные, кружечные и кошельные деньги были незначительны. С 1868 г. было отменено деление епархий по классам и введены новые штатные расписания архиерейских домов и кафедральных соборов. Архиереи Московской, Санкт-Петербургской и Киевской епархий получали содержание в 4000 рублей. В то же время архиереи Енисейской и Тобольской епархий были вынуждены довольствоваться лишь 1500 рублями.

Для «изыскания способов по обеспечению быта духовенства» указом Сената от 28 июня 1862 г. учреждалось особое присутствие из духовенства и светских лиц. Предписывалось (апрель 1863). соответствующие присутствия по делам православного духовенства учредить в каждой губернии. В целях ведения благотворительной деятельности организовывались церковно-приходские общества. В круг забот приходских попечительств по закону входили: содержание, ремонт и обеспечение всем необходимым церквей; улучшение быта и содержания, приходских

священно- и церковнослужителей; устройство домов для клириков; поиск средств для организации при храме церковно-приходской школы, богадельни и других социальных и благотворительный учреждений; поддержка малоимущих прихожан. Приходские попечительства должны были существовать как постоянно действовавшие общественные учреждения при приходах, помогая причтам решать возникавшие финансовые и хозяйственные проблемы. Но попечительства были основаны не во всех губерниях, они не сумели выполнить возложенные задачи, в первую очередь из-за религиозной индифферентности прихожан, приходы не стали основой локальных сообществ в силу этно-социальной пестроты в регионе [15].

Во второй половине XIX – начале XX в. у приходского духовенства появились дополнительные статьи дохода: средства за аренду церковных лавок; государственные субсидии на вновь открываемые православные приходы на окраинах России; пожертвования состоятельных прихожан [4].

К XIX в. содержание клира только восьми церквей из 40 в Хакасско-Минусинском крае духовные власти признали «достаточным» или «безбедным», девяти – «скудным» или «плохим». Таким образом, можно отметить, что на всех уровнях приходских клиров существовала значительная разница в доходах, обусловленная, прежде всего значением прихода и его географическим положением.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, https://rscf.ru/project/23-28-10111/ при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Список литературы

1. Андреев Г. В. Проблема материального обеспечения и регулирование имущественного положения православного приходского духовенства Российской империи во второй половине XIX – начале XX века // Humanities & Science University Journal. 2019. № 50. С. 92 – 99.
2. Андриевич В. К. Сибирь в царствование императрицы Екатерины II (Время с 1762–1769). Красноярск, 1889. Ч. II. 237 с.
3. Болонкина Е. В., Катцина Т. А., Федорченко В. И. Материальное положение приходского духовенства Енисейской губернии (1820 – 1861 гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23): в 2-х ч. Ч. I. С. 44 – 47.
4. Висаров В. В. Материальное положение белого духовенства Симбирской и Сызранской епархии в конце XIX – начале XX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 4(56). С. 29 – 34.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. 592. Оп. 1. Д. 118. Л. 50.
6. Государственный архив Красноярского края. Ф. 592. Оп. 1. Д. 743. 90 л.
7. Государственный архив Красноярского края. Ф. 592. Оп. 1. Д. 741. Л. 22 – 29.
8. Государственный архив Красноярского края. Ф. 673. Оп. 1. Д. 4. Л. 20.
9. Государственный архив Красноярского края. Ф. 674. Оп. 1. Д. 423. Л. 47, 51 об.
10. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 1. Д. 240. Л. 2.
11. Гончаров Ю. М. Материальное положение православного белого духовенства в городах Тобольской губернии в середине XIX – начале XX в.// Известия Алтайского государственного университета. 2010. № 4/2. С. 179 – 184.
12. Знаменский П. В. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М., 1880. 184 с.
13. Зольникова Н. Д. Сибирская приходская община в XVIII в. / отв. ред. Н.Н. Покровский. Новосибирск: Наука, 1990. 288 с.
14. Иконников С. А. Недостатки требоисполнения как способа содержания приходского духовенства Центрального Черноземья второй половины XIX – начала XX века // Наука,

образование и инновации в современном мире. Материалы национальной научно-практической конференции. 2018. С. 295 – 299.
15. Иконников С. А. Церковно-приходские попечительства и их роль в материальном обеспечении приходского духовенства Центрального Черноземья во второй половине XIX – начале XX века // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 77 – 85.
16. Колпакова О. В. Материальное положение приходского духовенства Пензенской епархии в 1840 – 1890-х гг. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 4 (48). С. 3 – 11.
17. Конюченко А. И. Материальная сторона быта православного приходского духовенства (на примере Оренбургской епархии в XIX – начале XX века) // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 2 (16). С. 29 – 48.
18. Кошелев В. Е. Бюджеты церквей Орловско-Севской епархии второй половины XIX в. в контексте государственной политики по улучшению материального положения приходского духовенства // Церковь. Богословие. История. 2022. № 3. С. 32 – 43.
19. Полное собрание законов Российской империи : в XLV т. СПб., 1830. Т. VII. с. 117. 24 – 26.
20. Попов В. П., Ершов Б. А. Земельная собственность церквей и монастырей в XIX веке // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2007. № 2. С. 108 – 111.
21. Духовный регламент, тщанием и повелением всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского, по соизволению и приговору всероссийского духовного чина и Правительствующего Сената, в царствующем Санктпетербурге, в лето от Рождества Христова 1721, сочиненный. / Сост. Феофан (Прокопович). Изд. 1. М.: Синодальная типография, 1856. 198 с.
22. Фёдоров В. А. Русская православная церковь и государство. Синодальный период 1700 – 1917 гг. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.
23. Шушвал Н. А. Церковные старосты в системе приходского храмопопечения (на материалах Вологодской губернии второй половины XIX – начала XX века) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=12643 (дата обращения 13.06.2023)
24. Юрганова И. И. Повседневность духовного сословия Якутии в середине XIX – начале XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 4. С. 105 – 109.

УДК 9(908)

Взаимодействие епархиальной и светской власти Енисейской губернии в середине XIX в. – начале XX в.

Шушканова Елена Александровна
Кандидат исторических наук, доцент
Сибирский государственный университет науки
и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
кафедра философии и социальных наук
Красноярск, Россия
shushkanovae@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-1798-913

АННОТАЦИЯ Рассматривается проблема взаимодействия епархиальной и светской власти в Енисейской губернии в середине XIX – начале XX веков. Со времени Петра I в России складывалась система жесткого подчинения Русской православной церкви государству. В исследовании показаны последствия данной политики на региональном уровне. Епархиальная власть кроме традиционных своих задач выполняла общегосударственные функции. Система служения Церкви государству распространялась на различные сферы общественной жизни: ведение метрических книг, образование, здравоохранение, статистику, благотворительность, судопроизводство и пр. Наравне с положительными результатами государственного служения духовенства, с точки зрения макросоциальных процессов, данная практика оценивается негативно и для Церкви, и для общества, и для государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская епархия, Русская православная церковь.

Исторический опыт взаимодействия светской и церковной власти в Российской империи изучался и в царский, и особенно всесторонне в постсоветский период. Общий политический формат этого взаимодействия в историографии оценивается в целом однозначно. Например, в фундаментальной работе по данной проблематике А. Николина указывается, что «реформой Петра I в стране был создан новый порядок общественной жизни: во главу всего была поставлена уже не вера, не церковь, а государство, как организм, якобы вмещающий в себя всю полноту человеческой жизни» [6, с. 138]. Начиная с церковной политики Петра I и до конца существования монархии в России, за исключением отдельных попыток перемен (например, при Елизавете Петровне), данная иерархия отношений развивалась и укреплялась. Облекаясь с каждым годом массой соответствующих правовых норм и установок, которые также подробно исследованы в исторической литературе.

Обращают на себя внимание также оценки положения Церкви в системе государственных отношений со стороны представителей правительственной власти. Например, в аналитической записке председателя комитета министров России С. Ю. Витте «О современном положении православной церкви», написанной в 1905 г., содержится ключевая идея, что Церковь в России превратилась в составную часть государственного механизма [4].

Однако вопрос о взаимодействии светской и духовной власти на региональном уровне, в современной историографии представлен на наш взгляд недостаточно. Хотя именно такие исследования позволяют оценить концепцию отношений Церкви и государства, оформившуюся в России, на почве живой исторической практики. Кроме того, распад в начале XX в. монархической государственности, важнейшим элементом которой объективно являлась Русская православная церковь, по-прежнему требует своего осмысления.

Цель данного исследования состоит в определении особенностей взаимодействия епархиальной и светской власти в Енисейской губернии с середины XIX и до 1917 г., т.е. в период существования Енисейской епархии в границах Российской империи. Основными источниками исследования стали материалы архивных фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК).

Прежде всего следует указать, что в управлении Енисейской губернией власти светские и епархиальные институционально не пересекались. У каждой были свои функции, свои механизмы и отдельные сферы деятельности. Прямого встраивания власти церковной в институты светские не наблюдалось. Равно как и финансовые ресурсы обеих властей были самостоятельными. Например, изучение доходов и расходов города Красноярска в 1878 г. показывает, что в финансовых сметах Церковь не присутствует. В том числе в отчислениях в бюджет города, который собирался с разных учреждений: заводов, домов, купален, мыловарен, пароходной пристани, мыловарен и даже с качелей и катушек. Единственная статья указанного документа, где обнаружилось церковное присутствие – это постановка в городе балдахина при водоосвящении в праздник Крещения Господня [1, д. 66, л. 14]. Эти расходы брала на себя городская власть.

Тем не менее светские власти активно привлекали церковные учреждения и духовенство к несению общегосударственных дел. Причем в роли заказчика, распорядителя выступали именно гражданские институты. Самыми известными из государственных заказов для Церкви было ведение актов гражданского состояния (метрические ведомости) и образовательная деятельность. Но, кроме этого, были другие повинности, число которых с каждым годом росло. Власть широко использовала духовенство в качестве посредника между собой и локальными сообществами. Духовенство идеально подходило для этой роли: имело высокий уровень образования, плотную систему территориального размещения в рамках епархии, и, что немаловажно, находилось в жестких границах церковной дисциплины. Наконец, в силу идеи христианской аскезы, оно априори воспринималось готовым к государственной службе, причем безвозмездной. В качестве примеров таких обязанностей можно назвать борьбу с пьянством, популяризацию кредитных обществ, заботу о столыпинских переселенцах, широкую попечительскую и благотворительную деятельность и многое другое. В 1874 г. МВД начальника Енисейской губернии прислало на имя епископа указание о необходимости «участия священников в переписи или советами по этому делу сельским властям» [3, д. 1239, л.21]. Активно в разные периоды использовалась церковная организация для оспопрививания, надзора за общественным порядком. участии в судопроизводстве и пр.

Зримое взаимодействие властей происходило в дни особых общественных торжеств: православных праздников, приемах знатных гостей. В такие дни близость и нераздельность светской власти и церковной являлась неотъемлемым атрибутом церемониала. В качестве примера можно вспомнить приезд в Красноярск цесаревича Николая Александровича летом 1891 г. Во время его визита енисейский губернатор Л. К. Теляковский и правящий архиерей Тихон практически неотлучно были рядом с будущим императором.

Православная церковь на богослужениях всегда оперативно реагировала на важные события в монаршей семье: рождениях, браках, болезнях, смертях. Обычно указания о молебнах или даже тексты проповедей присылались в епархию синодальными властями. Так, в 1881 г., когда трагически оборвалась жизнь императора Александра II во все церкви был доставлен текст обращения к прихожанам, где давалась следующая оценка цареубийцам: «сатанинская гордость, необузданный разврат, зверская злоба, наглое хищничество, безумное безбожие – вот свойства погибельной жизни их» [2, д. 33, л.10]. И что характерно для подобных текстов, подчеркивалась некая коллективная

ответственность за происходящее: «подлинно грехи и беззакония растут и умножаются в Русской земле, среди нас … святая вера слабеет, заповеди богочестия не исполняются, верность церковным уставам и порядкам нарушается…» и т.д. [Там же].
Существовали ли противоречия или конфликты указанных властей в текущей жизни губернии. В целом, можно отметить, что светская власть была отстраненной к проблемам епархиальной жизни. Примеров тому не мало. Скажем, серьезнейшей проблемой церковной жизни была жилищная неустроенность священников не только в сельской местности, но и в городах. Власти гражданские об этой проблеме знали и неоднократно поднимали ее: так в конце 1868 г. Енисейская казенная палата, которая являлась частью губернского управления, подготовила материалы по вопросу улучшения быта сельского духовенства Енисейской губернии. Заключение было следующим: «все без исключения квартиры, даваемые членам причта прихожанами, неудовлетворительны для живущих в них» [8, с. 29]. Документы, относящиеся к началу XX в. показывают, что проблема жилья для причтов не изменилась, а можно предположить и ухудшилась. В церковных отчетах с мест мы обнаруживаем множественные претензии по предоставляемому жилью: далеки от церкви, без надворных построек, неудобны, ветхи, холодны.
Говоря об отношении светских властей к Церкви, нельзя не упомянуть о настроениях губернской элиты, которая составляла важный компонент действующей гражданской власти. Примечательна история, связанная с кафедральным собором Рождества Пресвятой Богородицы г. Красноярска. Он был возведен по проекту известного архитектора К. А. Тона в 1861 г. на средства красноярских золотопромышленников. Уже в 1864 г. клирики собора жаловались на скудость средств для жизни своих семей и предлагали следующую меру: установить для губернских золотопромышленников регулярное отчисление в пользу духовенства кафедрального собора (по 5 рублей с каждого добываемого пуда золота). Материалы переписки по этому вопросу свидетельствуют, что согласие дали немногие предприниматели. Как писалось в одном из ответов золотопромышленников северной части Енисейского округа, они «высказали явное нежелание участвовать во взносе денег» [3, д. 3996, л. 19]. Богатые дарители и меценаты в Енисейской губернии, конечно, были, но помощь осуществлялась исключительно по личной прихоти предпринимателя. А духовенство как правило выступало в роли просителя.
Что касается конфликтных ситуаций, то нами зафиксирован следующий значимый факт на этот счет. Он был связан с содержанием городского кладбища в Красноярске. В 1895 г. городская Дума подготовила обширную записку о состоянии кладбища, в которой отмечались жалобы жителей города на необоснованные сборы за могилы, а также указывалось на плохое обустройство территории кладбища (отсутствие деления на кварталы, обветшание ограды и пр.). В одном из документов эмоционально писалось: «Безобразность кладбища доходит до того, что умирать будут уезжать из города» [2, д. 59, л. 182].
Городские власти подняли вопрос о передаче содержания кладбища гражданским властям и спор вышел на уровень Синода и губернатора Восточной Сибири. Решение было следующим: «оставить заведование городским кладбищем в обязанности епархиального начальства» [2, д. 48, л. 98]. Таким образом, городская дума проиграла спор, который затрагивал не только вопросы благоустройства, но в значительной степени касался финансовых ресурсов. Хотя для Консистории, которая являлась управляющим органом при архиерее, были доведены более строгие меры в отношении распоряжениями доходами: например, городская управа теперь выдавала книгу, куда должны были заносится все поступления от устройства захоронений.
В целом, можно сказать, что львиная доля общественных и государственных поручений поступала епархиальным властям непосредственно от синодальных

властей. Хотя в составе городской Думы присутствовали представители духовенства, городские власти по большей части во внутренние дела епархиальной власти не вмешивались, сохраняя дистанцию. Это же происходило на уездном уровне, где сельское священство зависело в первую очередь от благочинных, которые подчинялись непосредственно правящему архиерею и Консистории.

Наравне с безусловными плюсами государственного служения духовенства, с точки зрения макросоциальных процессов, мы оцениваем это явление, как опасное и для Церкви, и для общества. В общественном сознании власть государственная и церковная уже не отделялись друг от друга, а воспринимались, как органическое целое. Недовольство властью, которое в целом можно воспринимать, как устойчивый тренд с 1905 г. (за исключением начала Первой мировой войны), переносилось на духовенство. Достаточно почитать материалы региональных съездов духовенства, чтобы понять, насколько падал авторитет церковнослужителей. Нарастали проблемы и в самой церковной корпорации. К примеру, семинаристы не стремились к пастырству. В 1908 г. Енисейскую духовную семинарию окончили 16 человек, из них 6 уехали учиться в академию, 9 человек пошли учительствовать и лишь один стал служить священником [5, с. 1]. Как показала первая русская революция, духовенство стремилось освободится от государственной зависимости, которая к тому же мало оплачивалась. Уже в 1905 г. В.И. Ленин замечал за духовенством сочувствие революционным идеям и писал: «Как ни забито, как ни темно было русское православное духовенство, даже его пробудил теперь гром падения старого, средневекового порядка на Руси. Даже оно примыкает к требованию свободы…» [6].

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.161. Оп.2.
2. ГАКК. Ф.560. Оп.1.
3. ГАКК. Ф.674. Оп.1.
4. Витте С. Ю. О современном положении православной церкви //Православный портал Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-i-gosudarstvo/10_43 (дата обращения: 23.05.2023).
5. Красноярец. Красноярск. 1908. № 196.
6. Ленин В. И. Социализм и религия// В.И.Ленин. Полное собрание сочинений. Изд. 5, Т. 12. С.144.
7. Николин А. Церковь и государство: История правовых отношений. М., 1997.
8. Шушканова Е. А. Церковь Святой Параскевы села Барабановское Енисейской губернии в контексте сибирской истории (вторая половина XIX – XX вв.). Красноярск. 2019.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЧЕСТВА

УДК 316.7

Старообрядчество на Обь-Енисейском канале в документальном фильме «Староверы» М. С. Перевозчикова

Быкова Екатерина Васильевна
Кандидат искусствоведения, доцент
Вятский государственный университет,
кафедра культурологии, социологии и философии
Киров, Россия
ev2_74@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6024-5398

АННОТАЦИЯ В статье сделан анализ старообрядческих общин на Обь-Енисейском канале в Енисейском районе Красноярского края, которые зафиксированы в документальном фильме «Староверы» (1993) М.С. Перевозчикова. В описании использованы рабочие материалы автора сценария и режиссера в подготовке фильма от записных книжек до фото- и видеоматериалов, интервью с оператором и подготовительные материалы, отснятые в Александровском шлюзе, Безымянке и на заимках в Енисейском районе. В видеоматериалах уникальные кадры интервью с известным наставником А. Г. Мурачевым, семьей Домрачевых, странника Василия и другими жителями староверческих поселений Енисейского района. Фактический материал позволяет сделать компаративный анализ и дополнить современные исследования старообрядчества на Енисее котнекстным визуальным рядом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Старообрядчество, документальное кино, М.С. Перевозчиков, А. Г. Мурачев.

Фильм «Староверы» был снят в 1992 году студией «Красноярсктелефильм» ВТПО «Союзтелефильм» Гостелерадио СССР, вышел на экраны уже после смерти его автора М.С.Перевозикова в 1993 году. Фильм состоит из трех частей (1 – «Хранители древлерусского благочестия», 2 –«Духовное братство», 3 – «Страстотерпцы»), в которых раскрывается суть раскола Русской православной церкви XVII в., показана жизнь и традиции старообрядцев различных согласий в Красноярском крае в начале 90-х гг. XX века. Материалы к фильму снимали в реальных условиях в 1990 – 1992 гг., съемки проходили в Минусинском и Енисейском районах Красноярского края.

М. С. Перевозчиков (1928, Кривляк, Енисейский район Красноярского края – 1993, Красноярск), автор фильма и один из режиссеров, шел к этой теме почти всю свою жизнь, о чем свидетельствуют личные документы из архива Литературного музея им. В. П. Астафьева в Красноярске. В автобиографии он признается: «Будучи журналистом, особенно не задумывался в чем суть веры и бытия старообрядцев, выражался о них поверхностно, как диктовал спрос радио и газет. За верхглядство теперь обидно, ей богу. Сколько исчезло сюжетов, сколько потеряно судеб». Работе над фильмом предшествовала написание и издание книги «Староверы» [5], вышедшей в 1991 г., и написанный сценарий фильма «Староверы» в 1992 году. В декабре 1992 года худсовет студии «Красноярсктелефильм» отклонил и отправил на доработку сценарий. В результате сценарий был изменен, но отснятые материалы по представленным сюжетам вошли в окончательный вариант фильма.

Только один сюжет, связанный с поповским согласием, был снят в Минусинске в церкви Покрова Пресвятой Богородицы с обрядом крещения и венчания, а также интервью архиепископа старообрядческой церкви Силуяном. Остальные сюжеты о беспоповских согласиях: спасовцев, титовцев, часовенных и странников сняты в Енисейском районе Красноярского края. Такой выбор не случаен. М. С. Перевозчиков был родом из этих мест. Родился он в 1928 году в поселке Кривляк. В округе было много

старообрядческих поселений, а также спецпереселенцев и переселенцев из Центральной России и Поволжья, а в 30-е гг. XX в. появились раскулаченные и репрессированные с Украины, Белоруссии, позже Прибалтики (Литвы и Латвии). В 1937 году отец Михаила Семеновича был репрессирован. Этим обусловлен особый интерес писателя к истории репрессий и реабилитации после смерти И. И. Сталина, в том числе и событиям Дубчеса 1951 года. Подробно об этом интересе и особенностях изложения этого события писала Н. Д. Зольникова [4, 325 – 341].

Накануне войны 1941 г. Перевозчиков вернулся в село Ярцево на Енисей. В годы войны подростком трудился в колхозе. Окончил речное училище, освоил любимую профессию радиста, затем работал в армии, на целине, на пароходах Норильского комбината. Здесь начал писать стихи, очерки, рассказы, которые печатались в краевых и центральных газетах и журналах. Первая небольшая книга «Хозяева тундры» появилась на свет в 1964 году. Заочно окончил филолгический факультет Якутского университета, курсы редакторов при Московском полиграфическом институте. Одиннадцать лет проработал редактором Красноярского книжного издательства. В 1975 году принят в союз писателей СССР. С этого времени посвятил себя литературному творчеству.

В статье рассматривается творческая работа и съемки М.С. Перевозчикова на реке Кас, где сняты уникальные кадры со странником Василием, духовным наставником часовенных Афанасием Герасимовичем Мурачевы, беседа с Варварой Лукиничной Домрачевой.

В междуречье Оби и Енисея старообрядцы пришли в XVIII веке. Места здесь глухие, богатые дичью и рыбой, с обилием ягод и грибов. Отвергая официальную церковь и произвол властей, старообрядцы искали уединения, лишь бы жить независимо, по своей вере. Заимок староверов значительно прибавилось, когда более ста лет назад купцы построили Обь-Енисейский канал. В 30-е гг. XX века, когда староверы побежали от коллективизации «канал стал дорогой в лесную вольницу». Подробная история такого переселения зафиксироваана в Урало-Сибирском патерике [7]. Они приплыли на лодках по каналу из Томской области, спасаясь от притеснений Советской власти. Миграция происходит и сейчас. Наиболее приверженные вере уходят вглубь тайги, а в их дома заселяются жители енисейских сёл, на которые наступает цивилизация. Среди староверов не бывает конфликтов. Они живут общиной, которой ненавязчиво управляет староста, объединяющий жителей на совместный труд. В поселках почти все родственники, поэтому жен выбирают в других деревнях.

В своем сценарии к фильму М. С. Перевозчиков описывает: «Пришли мужики с женами и домочадцами, привычные к праведному труду, с первых же дней промышляли не только охотой-рыбалкой, лишь бы кормиться, – жгли-корчевали облюбованные в тайге делянки, мотыжили прокаленную стужей землю, не знавшую хлебного колоса, и поймах озер и речек обихаживали пастбища и покосы. Себя не жалели, как не щадили их комары и мошка, первые огороды и пашни буквально окроплены их потом и кровью. Оленные люди, окрест кочующие тунгусы, вскоре дивились, как по таежным еланям зазеленела российская огородина, репа и редька, зерном наливались рожь и ячмень, поспевал лен, годный на пряжу, появился скот, лошади. Жить можно! Главное, никто не стоит над душой, не командует, сами себе хозяева». В фильме представлены кадры с богатыми урожаями на таких огородах, где выращивают огурцы, и даже арбузы.

С Томской стороны и до Енисея было построено 14 шлюзов и 28 плотин. Сегодня со стороны Томской области на шлюзах стоят егерские кардоны, с красноярской – деревни староверов. Шлюзы Енисейского района Красноярского края: Александровский, Безымянный, Георгиевский, Марьина Грива небольшие поселения, в которых до сих пор живут старообрядцы.

Александровский шлюз – последний на енисейской стороне. Сразу за шлюзом начинается канал шириной 7,5 км – затянутая тиной стоячая вода, переходящая в озеро Водораздельное. На берегу канала расположен одноимённый поселок староверов, часовенных и титовцев. «Александровский шлюз. Здесь нет улицы как таковой, усадьбы-дома расположены отдельно, на возвышенностях, иначе весной затопит. Во время съемок «возле домов людей не видно, страда, жители на огородах, в тайге, по озерам. Возле жилья бродят только коровы до овцы, есть лошади, в какое подворье ни глянь – мотоциклы, велосипеды, снегоходы «Буран»… А у берега всюду моторные лодки, как флот. С дальних проток сено возят, ездят за ягодами и грибами и без наземного транспорта не обойтись». Об этом рассказывет Петр Феопентович Домрачев. На Александровском шлюзе проходили съемки семьи Мерзляковых. Фатей Мерзляков, «бородатый крепыш», вместе с автором (М. С. Перевозчиковым) пробираются чащей тайги, находят остатки избушки, где, скрываясь от колхоза, жил когд-то родной дед Фатея. Фатей навещает эти места, которые хранят память его семьи, где он родился.

Недалеко от шлюза Безымянный расположен крупный поселок староверов часовенного согласия – Безымянка. В подготовительной работе к фильму были сняты Парасковья Зебзеева и Татьяна Попова, которые рассказали о гонениях в 30 – 40-е гг. XX в. на староверов, как «угоняли старых и малых в колхозы и леспромхозы». Многодетная мать-солдатка Татьяна Попова – «одна из немногих, кто, рискуя собой, с палкой пошла против оружьяи насилия, выгнала пожигателей, отстояла жилье и детей». Эти материалы не вошли в окончательный вариант фильма.

В фильме Афанасию Герасимовичу Мурачеву было 70 лет, «он еще бодр и подвижен, даже лазит по кедрам за шишками», он негласный наставник в часовенном согласии всей енисейской округи, его духовные дети – от Енисейска до Туруханска, по всем протокам, где поселения староверов. Он переписывает старинные редкие книги, «совсем дряхлые неплохо переплетает, чему научился в скитах, где провел около 10 лет, до разгрома. Это с его согласия можно снять внутри молельню и богослужение, он расскажет о сути духовника. Кем является сам, коснется старообрядчества и расшифрует значение двоеперстия, почему люди старинной веры не принимают крещение «кукишом». К сожалению, полное интервью не вошло в фильм. Оставлен только фрагмент, где наставник рассказывает о кончине мира и «атомной войне». Съемки проходили в его доме. Дом сохранился до наших дней на Безымянке. А. Г. Мурачев, – уважаемый наставник, хранитель традиций «ревнителей древлего благочестия» оставил полемические труды, толкования на Святые писания [1, с. 151; 2; 3; 6].

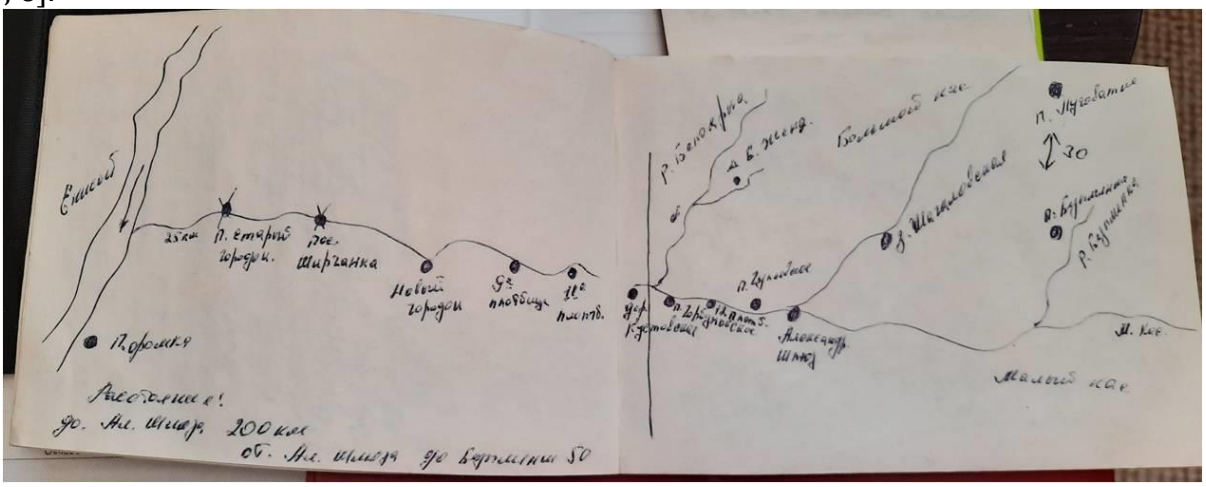

Рисунок 1. Карта экспедиции для съемок фильма «Староверы».
Из личного блокнота М. С. Перевозчикова.
Из архива М. С. Перевозчикова Литературного музея им. В. П. Астафьева.

На одной из заимок были проведены съемки Василия – странника, бегуна. Странники рвут все связи с миром. Он не могут имет ни града, ни села, ни дома, их приют – «лесовольная палата». Живет он в келье «О семи крестах». Дом небольшой, обмазан глиной. Василий – мастеровой человек, тем и кормится: делает туеса и камусовые лыжи, плетет корзины, завел пчел. Отшельник Василий предупредил: «Иконы и книги снимать не можно», при этом на камеру читает «Апостола» и поет молитвы. Это редкая съемка, страннического толка.

Показывая жизнь на старообрядческих заимках в труде и молении, С.М. Перевозчиков подчеркивает в дикторском тексте «они и сейчас норовят быть в стороне от праздного люда, кормятся только своим трудом, что выращивают сами и дает природа, и по-прежнему отвергают иконы и книги никониан, любое насилие, если что-то противоречит канонам старинной веры». Как показывают экспедиции 2018 – 2023 гг., за тридцать лет ничего не изменилось в традиционном укладе староверческих общин, только мало осталось из старожил, которые помнят гонения в годы советской власти.

Заключение

Документальный фильм «Староверы» (1993) – материал, который сохранил видеоматериалы о старообрядцах различных согласиях на Обь-Енисейском канале Красноярского края и является источником для компаративных диахронных исследований этого уникального явления в сохранении древнерусских традиций. Изучение письменных личных архивов автора М. С. Перевозчикова позволяют сделать реконструкцию работы над фильмом, материалов, которые не вошли в окончательный материал.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00908 «Визуальный контент в современных конфессиональных общинах России»; А. С. Вдовину, кандидату исторических наук, за предоставленные оцифрованные видеоматериалы из видеоархива М.С. Перевозчикова; А. В. Бродневой за обработку архива М. С. Перевозчикова.

Список литературы

1. Быкова Е. В., Пригарин А. А., Стороженко А. А. «Светильник XX столетия, наставник и учитель слову Божию»: памяти Мурачёва Афанасия Герасимовича (24 октября 1921 – 12 сентября 2008) / Е. В. Быкова, А. А. Стороженко, А. А. Пригарин // IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия, Кызыл, 20 – 23 сентября 2018 года / Тувинский государственный университет. – Кызыл: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тувинский государственный университет», 2018. – С. 146 – 151.
2. Духовная литература староверов востока России XVIII – XX вв. Т.1. [История Сибири: первоисточники; вып. XII] Новосибирск, 1999. С. 254 – 305, 310 – 322, 688 – 703.
3. Журавель О. Д. Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI в.: темы, проблемы, поэтика, Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.
4. Зольникова Н. Д. Кассационная жалоба старообрядческого игумена о. Симеона / Н. Д. Зольникова // Рукописи XVI – XXI вв.: исследования и публикации / Институт истории СО РАН. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2013. – С. 325 – 341.
5. Перевозчиков М. С. Староверы. Красноярск, 1991.112 с.
6. Покровский Н. Н., Зольникова Н. Д. Глава 12. Енисейский писатель Афанасий Герасимович Мурачев // Староверы-часовенные на востоке России в XVIII – XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М., 2002. 471с.

7. Урало-Сибирский патерик: тексты и комментарии: В 3 т. Книга 1 (Т. 1-2). Изд. подгот. Н. Н. Покровский, О. Д. Журавель, Н. Д. Зольникова; отв. ред. Н. Н. Покровский. М.: Языки славянской культуры, 2014. 464 с.

ЯЗЫК И ЛИНГВОКУЛЬТУРА РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

УДК 81`23

Семиотическая оппозиция «я – не я» в языковом сознании школьников г. Красноярска (на материале психолингвистического эксперимента)

Низамутинова Татьяна Магесумовна
педагог-исследователь
МАОУ «Средняя школа № 156 имени Героя Советского Союза Ерофеева Г. П»
Красноярский государственный педагогический университет
имени В. П. Астафьева, кафедра общего языкознания.
Красноярск, Россия.
nizamutinovatm@bk.ru
ORCID ID: 0009-0002-2387-5531

АННОТАЦИЯ Сообщение посвящено анализу семиотической оппозиции «я – не я» с целью выявления особенностей психолингвистического восприятия образов я и не я школьниками г. Красноярска на материале ассоциативных полей «от реакции к стимулу», зафиксированных в «обратном ассоциативном словаре школьников Красноярска» (ОАСШК). В процессе анализа выявляются различия в смысловой структуре поля и основные черты коллективного языкового сознания. В результате выявлены особенности оппозиции «я – не я» в языковом сознании школьников, проведён анализ формально-грамматической структуры единиц ядра, выявлены семантические зоны данных ассоциативных полей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Психолингвистика, языковое сознание, ассоциативное поле, ассоциативный словарь школьника, ядро языкового сознания, оппозиция я–не я.

Постановка проблемы. Вопрос о взаимоотношении языка, мышления, культуры является одним из актуальных вопросов языкознания. Язык – средство отражения воззрений человека на мир, на культуру, на самого себя.

Освоение знаний любого предмета осуществляется в форме устной и письменной коммуникации, а также самообразования, поэтому интеллектуальное развитие человека, в том числе школьника тесно связано с развитием его речевой способности. Так, А. А. Залевская в монографии «Значение слова через призму эксперимента» обращается к определению «образа мира ребёнка», о котором писал А. А. Леонтьев, особо подчёркивающий следующее: «Образ мира у ребёнка – это не абстрактное, холодное знание о нём. Это не знания ДЛЯ МЕНЯ: это мои знания. Это не МИР ВОКРУГ МЕНЯ: это мир, ЧАСТЬЮ которого являюсь и который так или иначе ПЕРЕЖИВАЮ И ОСМЫСЛЯЮ ДЛЯ СЕБЯ» [12].

Слово и его лексическое значение представители разных направлений современной лингвистики рассматривают по-разному. Лексическое значение в классическом языкознании интерпретируется как «содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нём представление о предмете, свойстве, процессе, явлении…» [13].

Результаты исследования. Исследователи считают возможным изучать внутренний лексикон человека «методикой реконструкции структур сознания носителей языка» [1], которой является ассоциативный эксперимент.

Результатом ассоциативного эксперимента являются ассоциативные словари, «представляющие собой совокупность ассоциативных полей, составленных из реакций на данные стимулы» [4, с. 203 – 209].

В данной работе рассмотрим семиотическую оппозицию «я – не я» в языковом сознании школьников на материале «Ассоциативного словаря школьников 5–11

классов Красноярска» (АСШК), который, в свою очередь, был создан в результате обработки данных свободного ассоциативного эксперимента (САЭ).

Нами был проведён ассоциативный эксперимент в 2019 – 2023 гг. в школах № 18 и 156 города Красноярска, в котором приняли участие 564 школьника 5 – 11 классов, носители русского языка в возрасте 11 – 18 лет, из них 302 респондента женского пола и 262 – мужского. Эксперимент проводился в устно-письменной форме. Во время САЭ обучающимся был предложен список стимулов, одинаковых для всех участников эксперимента, который был представлен 95 общелитературными словами (именами существительными, прилагательными, глаголами, наречиями), содержащими базовые эстетические, этические ценностные концепты : авторитет, власть, добро, уважение, хорошо, плохо, учитель, врач, деловой, чемпион, тактичный, дети, рисовать, грамотный и т. п. «Школьникам необходимо было заполнить анкеты, содержащие стимулы (устное предъявление), на которые они должны были ответить первым пришедшим в голову словом (письменно зафиксировать реакцию), следуя инструкции для испытуемых» [4].

Цель данной статьи – выявить особенности психолингвистического восприятия образов я – не я учащимися средних общеобразовательных школ г. Красноярска на материале ассоциативных полей «от реакции к стимулу», зафиксированных в «Обратном ассоциативном словаре школьника Красноярска» [ОАСШК]. Путём анализа ассоциативного поля (АП) «от реакции к стимулу» выявить основные черты коллективного (усреднённого) языкового сознания личности.

Ядром языкового сознания принято называть ограниченное количество слов, имеющих наибольшее число связей с другими словами в сознании носителей языка, то есть «обладающих максимальной ассоциативной силой в ассоциативно-вербальной сети» [10, с. 4]. Ядро «я – не я» языкового сознания (ЯС) школьников выделено нами по методике А. А. Залевской [7] на базе обратных статей АСШК.

«Обратный ассоциативный словарь школьников г. Красноярска» даёт в рассматриваемых нами словарных статьях следующее, довольно значительное количество стимулов, вызвавших реакцию я у всех респондентов: 452 (5–6 кл. – 215; 7–8 кл. – 189; 9–11 кл. – 48), и только 60 (5–6 кл. – 25; 7–8 кл. – 32; 9–11 кл. – 3), ответили реакцией не я. Проанализировав различия по формально-грамматической характеристике состава ассоциативных полей Я – НЕ Я, мы обратили внимание на то, что большую часть стимулов данных ассоциативного поля составляют прилагательные; имена существительные представляют первые позиции ядерной зоны ассоциативного поля Я.

Представим ядерные зоны ассоциативного поля Я и ассоциативного поля НЕ Я обратного ассоциативного словаря школьников Красноярска «от реакции к стимулу», рассмотрев первые пять позиций.

НЕ Я – грамотный, отвечают учащиеся трёх возрастных групп, при этом отметим, что не считают себя грамотными учащиеся 5–6, 9–11 классов, т. к. стимул грамотный НЕ Я находится на первой позиции, а у 7–8 – на третьей в околоядерной зоне.

7–8 классы ассоциируют НЕ Я со стимулом пошлый, для них это первая позиция ядерной зоны. В языковом сознании школьников г. Красноярска образ не я связан с образами: грамотный, композитор, пошлый, дипломат, наивный. Отсюда следует, что учащиеся себя не ассоциируют с этими образами, не считают себя таковыми.

Первую позицию в ассоциативном поле Я занимает стимул растяпа, причём, чем старше становится школьник, уверенность в том, что он – растяпа, только возрастает (5–6 кл. – 6,8%; 7–8 классы – 8,05%; 9–11классы – 10,4%). Мы рассмотрели образ растяпа «от реакции к стимулу» в гендерном аспекте. Среди респондентов, «давших» реакцию я на стимул растяпа, большую часть составляют девочки (девочки–22 ч.; мальчики–15чел. По категориям: 5–6 кл.: девочки – 9 чел., мальчики – 6 чел.; 7–8 кл.: девочки – 9 чел., мальчики – 8 чел.; 9 – 11кл.: девочки – 4 чел., мальчики – 1 чел.).

Языковой и жизненный опыт человека находит отражение в словарных дефинициях. В словаре отражаются основные семантические компоненты концептов картины мира. Проанализируем состав ассоциативного поля Я в языковом сознании школьников (ОАСШК) и сравним с набором значений, отмеченных словарём.

Для определения содержания понятия «растяпа» в русском языке обратимся к «Толковому словарю» С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой:

РАСТЯПА, ы, м. и ж. (разг. неодобр.). Неловкий человек, делающий всё невнимательно, плохо [14, с. 323].

Следовательно, часть школьников осознают себя неловкими, делающими всё невнимательно, плохо. Считаем, что такое восприятие себя формируется у учащихся взрослыми.

Вернёмся к рассмотрению ядерных зон ассоциативных полей Я – НЕ Я. Вторую позицию в ассоциативном поле Я занимает стимул пафосный.

ПАФОС, а, м. (книжн.) Воодушевление, подъём, энтузиазм. Говорить с пафосом. П. творческого труда. / прил. пафосный**,** ая, ое. [14, с. 302].

В среде школьников средних и старших классов популярны слэнговые значения слов пафосный и лидер, для определения содержания понятий «пафосный» и «лидер» обратимся также к словарю молодёжного слэнга.

В молодёжном слэнге: ПАФОСНЫЙ – крутой, пантовый. [17].

ЛИДЕР, а, м.

1. Глава, руководитель политической партии, общественно-политической организации или вообще какой-н. группы людей; человек, пользующийся авторитетом и влиянием в каком-н. коллективе. Политический л.
2. Спортсмен или спортивная команда, идущие первыми в состязании. Л. турнира. Гонка за лидером. [14, с. 242].

В молодежном слэнге: ЛИДЕР – один из многочисленных вариантов самоназвания лидера неформальной группы. [17]

Подростки мечтают, чтобы сверстники считали их классными, крутыми, пантовыми. Вероятно, их привлекает романтика неформальных групп.

Выводы. В результате анализа ассоциативных полей оппозиции я – не я в обратном ассоциативном словаре школьников Красноярска (ОАСШК) «от реакции к стимулу», с целью выявления особенностей психолингвистического восприятия данных образов, отмечаем следующее.

1. Формально-грамматическая характеристика ассоциативных полей Я – НЕ Я различна: большую часть стимулов ассоциативных полей Я – НЕ Я составляют имена прилагательные, но первые позиции ядерной зоны ассоциативного поля Я представляют имена существительные. Существительные преобладают потому, что слово я (кто?) в русском языке имеет предметное значение, поэтому я ассоциируется в первую очередь с предметными словами.

Большую часть входящих стимулов ассоциативного поля НЕ Я составляют единичные стимулы, что указывает на то, что школьники затрудняются обозначить то, что стоит за пределами их я.

2. Проанализировав ядерную зону ассоциативного поля Я, можно утверждать, что в языковом сознании школьников я – это растяпа, то есть человек неловкий, делающий всё невнимательно, плохо. Считаем, что такое восприятие себя сформировали у учащихся взрослые. Да, действительно, часть школьников признают и говорят о своих недостатках, но стоит отметить, что при этом положительных оценок образа я больше. Вторая позиция ядерной зоны для 7–8 классов – пафосный, для 9 –11 классов –лидер, следующие позиции – успешный, командир, независимый, авторитет говорят о том, что в среде школьников средних и старших классов популярны

слэнговые значения слов пафосный и лидер, вероятно, их привлекает романтика неформальных групп.

Школьники 5–11 классов ищут ответы на вопрос: «Кто я?» «Чем отличаюсь от других?» Они экспериментируют со стилем, всячески стараясь привлечь к себе внимание. Особенно ярко это начинает проявляться в среднем школьном возрасте (7 – 9 класс). Дети мечтают, чтобы сверстники считали их крутыми, пантовыми, классными. Это будет означать, что в компании, среди лидеров школы их уважают и принимают.

Стимулы, входящие в ассоциативное поле НЕ Я, показывают, что в языковом сознании школьников не я – это композитор, грамотный, наивный.

3. Ядро я – не я языкового сознания красноярских школьников неоднородно, вариативно, динамично. Анализ формальной структуры единиц ядра ассоциативных полей Я – НЕ Я показал, что почти две трети слов-стимулов имеют в своём составе две морфемы, а двуморфемные существительные и прилагательные являются базовыми. Таким образом, можно констатировать, что единицы ядра оппозиции я – не я школьников г. Красноярска относятся к высокочастотной лексике, к базовым единицам словообразовательной системы русского языка.

4. В ходе исследования были выявлены семантические зоны ассоциативных полей. Первые три позиции в ассоциативном поле Я занимают семантические зоны «внутренние качества», «положительные оценки», «род деятельности». Семантические зоны «род деятельности», «степень владения навыками», «внутренние качества» занимают первые три позиции в ассоциативном поле НЕ Я. В ассоциативных полях Я и НЕ Я совпадают семантические зоны «внутренние качества» и «род деятельности». В ассоциативном поле Я семантическая зона «внутренние качества» занимает первую позицию, в ассоциативном поле НЕ Я – третью. Семантическая зона «род деятельности» занимает третью позицию в ассоциативном поле Я и первую позицию в ассоциативном поле НЕ Я. Различными семантическими зонами являются «положительные оценки» для ассоциативного поля Я и «степень владения навыками» для ассоциативного поля НЕ Я.

Анализ входящих в семантические зоны стимулов показал, что часть школьников осознают себя в негативном ключе: я – растяпа, не я – грамотный, но преобладают все-таки позитивные оценки я: бизнесмены, чемпионы, дипломаты, наивные, добрые.

Список литературы

1. Бутакова Л. О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: ВАРИАНТ-ОМСК, 2012. С. 57.
2. Васильева С. П., Васильев А.Д., Мамаева Т. В., Устьянцева Е. В. Базовые ценности регионального языкового сознания русских Приенисейской Сибири: монография / Под ред. С. П. Васильевой; КГПУ им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2017. – 180 с.
3. Васильева С. П., Низамутинова Т. М. Ассоциативный словарь школьников 5–11-х классов города Красноярска (Результаты психолингвистического эксперимента) / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева. – Красноярск, 2023. –300 с.
4. Васильева С. П., Низамутинова Т. М. Изучение динамических процессов внутреннего лексикона школьника методом свободного ассоциативного эксперимента // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2020. № 3 [53]. С. 203–209.
5. Залевская А. А. Введение психолингвистику. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. 349 с.
6. Залевская А. А. Значение через призму эксперимента: монография. – М.: Директ – Медиа, 2013. С. 33.

7. Залевская А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. Калинин, 1981.
8. Залевская А. А. Слово. Текст. Избранные труды. М. Гнозис, 2005. 542 с.
9. Залевская А. А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики / гл. ред. А. А. Леонтьев. М., 2003. С. 30–35.
10. Золотова Н. О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык. Тверь. 2005. С. 4.
11. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл. СПб.: Лань, 2003а. 288с.
12. Леонтьев А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Избранные психологические труды. – М.: Моск. Психолого-социальн. ин-т; Воронеж: НПО «МОДЭК», 2001а. 448 с.
13. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
14. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. 24-е изд., испр. М.: Оникс: Мир и образование, 2010. 640 с.
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. URL: https // slovarozhegova.ru / word.php?wordid=34233 (дата обращения: 25.10.2020).
16. Сдобнова А.П. Единицы ядра языкового сознания современного школьника // Вопросы психолингвистики. 2007. № 5.
17. СМС – Словарь молодёжного сленга. URL: https://www.math-solution.ru/slang/5432 (дата обращения: 25.10.2020).

УДК 81.27

Русские старожильческие говоры Сибири: речевые контакты

Самотик Людмила Григорьевна
доктор филологических наук, профессор
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева
Красноярск, Россия
samotiklg@mail.ru
ORCID ID:

АННОТАЦИЯ Статья посвящена актуальному вопросу сибирской диалектологии: речевым (языковым) контактам русского старожильческого говора Сибири. Старожильческий говор определяется как макросистема, состоящая из микросистем, которые во многом формируются из контактов как с русским литературным языком, так и с другими единицами народно-разговорного языка: просторечием, жаргонами, региональными вариантами русского литературного языка, переселенческими говорами, говорами старообрядцев и казаков, русских субэтносов или этнических групп и языками автохтонов региона. Не все контакты двусторонние, часть представлена как односторонние.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирская диалектология, русские старожильческие говоры Сибири, речевые контакты.

Можно ли говорить об особой «сибирской» диалектологии? Не соответствует ли это выделению, предположим, «вологодской» или «рязанской» диалектологий? Только ли территориальный признак положен в основу *такого терминологического сочетания?* Ошиблись ли В. И. Даль, выделявший, как известно, «сибирское наречие» и, поддерживающий его П.Я. Черных?

Особенность русской диалектологии Сибири заключается в самом **объекте её изучения**. Это говоры позднего заселения или т.н. вторичные говоры. Сибирь, Урал, Дальний Восток вначале заселялись с так называемого «Русского Севера», но в качестве стихийного народного переселения прибывали люди из разных мест России. Приходили сюда со своими диалектными чертами в речи. Сложилось своеобразное койне на севернорусской основе. Оно и представляется как **русские старожильческие говоры Сибири**. Аналога в говорах митрополии нет.

Специфика сибирской диалектологии заключается и в особенностях **синхронного контактного функционирования разнодиалектных и разноязыковых систем**. В. А. Сенкевич назвал русские народные говоры Сибири «огромной экспериментальной лабораторией, дающей материал ... для суждения о процессах развития, возникающих в говорах разного генезиса, вступающих в междиалектное взаимодействие» [19, с. 5].

Народные говоры Сибири не являются языковым единством. Они представлены и более поздними говорами **переселенческими** и **новосельческими,** а также **старообрядцев, казаков**, ряда **субэтносов** (этнотерриториальных групп) и др. По традиции к русской диалектологии относятся и островные говоры восточнославянских языков – **белорусского** и **украинского**.

Все они составляют часть **народно-разговорного русского языка**, куда помимо названных вербальных форм его существования входят **просторечие** и **жаргоны** [22, с. 33 – 79], а также **региональные варианты литературного языка**. Народно-разговорный язык в известной мере противостоит языку литературному.

Что же объединяет народно-разговорный язык? Прежде всего, устная форма существования и отсутствие кодифицированной нормы, а также полифункциональности, стилистической дифференцированности, высокого **социального престижа**. Народно-разговорный язык существует только в текстах, преимущественно диалогических.

Но без нормы (что правильно, а что неправильно) язык не может существовать. И в рамках определённого говора, несомненно, существует понятие престижа. Так, в селе Тасеево Красноярского края жаловалась одна женщина нам на своего мужа: *Вот вы к нему всё по-хорошему, по-хорошему, а он в молодости-то меня немой сделал. Привёз с участка* (в Тасеевском районе Красноярского края ещё держались различия между населёнными пунктами старожилов – сёла, если есть церковь, и деревни – и переселенцев – участки: так, Сухово – деревня, а Струково – участок и т.д.). *А говорю – то я не так. Вот он мне вообще разговаривать при людях не велел.* В говоре норма действует в форме узуса. **Узус** – «совокупность навыков, принятых в данном социальном коллективе» [10, с. 59]. Узус – не фиксированная форма нормы. Это допускает многие особенности народно-разговорной речи.

Русские старожильческие говоры (макросистема) могут варьироваться в известных пределах, не нарушающих языкового единства (микросистемы). Основная занятость носителей – промыслы: охота и рыболовство. Расселялись на севере Сибири, во вторичную сибирскую миграцию частично передвигались на юг. Представляют собой первую волну русского населения.

Русские переселенческие говоры – говоры поселенцев со 2-ой половины XVIII века. Преимущественно это были выходцы из южных, центральных областей России. Говоры их, в массе своей сохранившие материнскую основу, но в результате особенностей существования претерпевшие и существенные изменения по сравнению с говорами митрополии. Языкового единства не имеют. Заселяли они преимущественно юг Сибири. Занятость – земледелие. Это вторая волна переселенческого движения.

Русские переселенческие говоры представлены также третьей волной (Столыпинская реформа, с 1912 года). Это выходцы преимущественно с западных губерний России и Белоруссии, заселялись в подтаёжной зоне. Занятость – корчёвка леса под пашню, земледелие.

Нужно сказать, что если термин «русский старожильческий говор Сибири» в основном определен и хронологически, и лингвистически, то термины «русский переселенческий говор» и «русский новосельческий' говор» требуют своего уточнения.

Русские новосельческие говоры в силу того, что не представляют компактного заселения, обычно в расчёт не принимаются. Система новосельческих говоров интересует лингвистов только с позиции образования интердиалектных систем, в социологических исследованиях.

Сравнивая современные диалекты с теми, которые обозначены в двух диалектологических картах и даже в атласе РЯ, можно подумать, что говоры РЯ – это явление прошлого. Но время идёт. Можно менять терминологию, но нельзя игнорировать законы развития языка. «В научной литературе для описания различных видов разговорной речи переходного (или смешанного) типа употребляются следующие термины: *полудиалект* (В. М. Жирмунский, Ф.П. Филин, Т. С. Коготкова), *трансформированный (новый) диалект* (В.И. Трубинский), *региолект* (В. И. Трубинский, А. С. Герд), *регионально (локально) окрашенный вариант литературного языка* (Т. И. Ерофеева, И. А. Букринская, О.Е. Кармакова), *наддиалектные формы языка* (Е. А. Брызгунова), *социолект* (Т. И. Ерофеева, Е. В. Ерофеева)». [6, с. 17 – 19].

Региональные варианты русского языка (или локально ограниченная русская речь, локализмы) – это разновидности русского языка на определённой территории, что сближает их с диалектами. Статус этого явления чётко не определён: одни считают их фактом литературного языка, другие же – относят к диалекту. Они в разной степени отличаются от литературного языка. Формируются и структурируются как койне. В Сибири появились на базе русского старожильческого говора.

Просторечие рассматривается как наддиалектная форма речи, устная, анормативная, непрестижная, нормы которой складываются стихийно [9, с. 55]. Обычно используется термин «**городское просторечие**» [9, с. 189]. В современной теории выделяется два вида просторечия: **просторечие 1,** которое 1) фиксируется на всех языковых уровнях, 2) перечень характерных черт [22, с. 57 – 64] связывает его с диалектной окрашенностью, 3) по мнению авторов академического издания, носители просторечия 1, «не владея литературным языком, не могут переключаться на иные средства выражения» [22, с. 63]. С последним, пожалуй, следует не согласиться. **Просторечие 2:** занимает промежуточное положение между литературным языком и жаргонами. В связи с широким употреблением, прежде всего, такой лексики в речи носителей ЛЯ, произошли некоторые сдвиги и в литературном языке. Так, в словарях ЛЯ появилась помета *жарг.*, введен новый термин – *интержаргон* и т.д.

Дискуссионными при этом становятся следующие вопросы: 1) выходит ли просторечие за рамки литературного языка или составляет его устно-разговорную часть? 2) Является ли просторечие строго наддиалектной формой языка и не входит ли в состав языка диалектного?

В связи с первым вопросом, нужно отметить, что в словарях литературного языка помещается значительное количество просторечной лексики с пометой *прост*. [21; 16, с. 361 – 470]. Она активно употребляется в устной литературной речи. Через просторечие на литературный язык оказывают влияние жаргоны и сквернословие. С другой стороны, в говорах, если исключить из их состава просторечия, должны остаться только общерусские слова и диалектные. Практически этого не бывает, об этом свидетельствует «Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья» [20].

Ведущей коммуникативной народной вербальной системой Сибири является **русский старожильческий говор**. Он формировался на территории Сибири почти 200 лет (XVI – XVIII века) из разных языковых систем диалектного языка митрополии с ведущей функцией северного наречия (спорно западного или восточного: поморского или вологодско-вятского). Соотнести РСГ с какой-либо конкретной группой говоров невозможно. РСГС могут варьироваться в известных пределах, не нарушающих языкового единства [17], но они не сохраняют материнскую основу, обычно нет даже соответствующих семейных преданий, и носители гордятся тем. что они «коренные сибиряки». В микросистеме чаще различаются говоры по **степени сохранности архаических черт**. Различия, выходящие за рамки единой системы, обычно связаны с **влиянием языков автохтонов края**.

Особенность РСГС заключается также в том, что они и в дальнейшем сосуществуют в непосредственной близости с другими говорами и языками Сибири. Всё это, естественно, предполагает речевые контакты, отражающиеся частично в трансформации микросистем РСГС. Термин «языковые контакты» введён в языкознание А. Матине и У. Вайнрайхом [14, с. 5 – 25]. «Заимствование» они рассматривали как конвергенцию (процесс сближения), которая складывается из необходимости понимания. В результате контактов трансформируются нормы обоих контактирующих языков.

Наиболее интересны и значительны следующие контакты русских старожильческих говоров Сибири (бинарные связи выделяются условно для простоты описания, в реальном бытовании они многообразны):

1. Старожильческий говор < >литературный язык
2. Старожильческий говор < > региональные варианты литературного языка
3. Старожильческий говор < > просторечие
4. Старожильческий говор < > жаргоны
5. Старожильческий говор < > переселенческий говор
6. Старожильческий говор < > староверческий говор
7. Старожильческий говор < >островные говоры
8. Старожильческий говор < > языки аборигенов

В русской диалектологии, естественно, не рассматриваются влияния на языки аборигенов. В данной статье рассматриваются только односторонние связи – влияние на старожильческий говор (за исключением ЛЯ). Некоторые связи не представлены в данной работе из-за отсутствия материала.

Исследования последних лет подтвердили, что не все связи в представленных бинарных оппозициях одинаково сильны. **Русский литературный язык оказывает** разностороннее, большое и все возрастающее **влияние на народные диалекты**. **Старожильческие говоры действуют на систему литературного языка** значительно слабее, в основном в трех планах: через внедрение в кодифицированный язык отдельных **слов:** *парень, пичужечка* (введены Карамзиным**),** со словарной пометой *обл.*: *однова – обл.*‘Однажды, один раз’; *летник* – 1. ‘*обл.* Дорога, которой пользуются только летом’. 2. ‘Помещение без печи для летного жилья’. *Назём* – ‘*обл. Н*авоз’. [21; 16, с. 334 – 361]. А также сведения через определение. Есть целые тематические блоки в словарях литературного языка, которые представляются через *регионализмы* – ‘слова, отмеченные словарями ЛЯ как употребляемые на ограниченной территории’ (ветры, лодки, части рельефа, названия животных и т.д.): *баргузин* — ‘северо-восточный ветер, дующий в средней части озера Байкал’; *байдара* — ‘на Камчатке_и Алеутских островах: открытая, обтянутая кожей промысловая лодка с большой грузоподъёмностью’ и т.п. [18, с. 143 – 151]. Влияние идёт также через формирование региональных вариантов литературного языка, через стилизацию диалектной речи в художественных текстах.

Термин **«региональные варианты русского языка**» употребляется как в условиях русско-нерусского пограничья, так и в регионах при сильном воздействии местных диалектов**.** Нами – во втором варианте**.** Его носителями являются сельские интеллигенты, а также образованные жители больших и малых городов. С народно-разговорным языком их объединяет преимущественно устная форма существования и отсутствие кодифицированной нормы. Иногда используется термин *региолекты,* в объём которого включается региональный вариант [11**,** с. 596 – 614]. Региональные варианты характеризуются, прежде всего, на фонетическом и лексическом уровнях. И. А. Букринская и О. Е. Кармакова [6, с. 157] выделяют особый региональный вариант в ареале севернорусского наречия (приводится 7 признаков) и в юго-западном направлении (4 признака).

В Сибири РВ возникают на базе старожильческих говоров. Для большей их части характерны следующие признаки: 1) использование НУ вместо Да; 2) Чё вместо ШТО; 3) аканье на севернорусской основе; 4) спорадическое оканье; 5) часто после мягких согласных еканье; 6) отсутствие регрессивной контактной ассимиляции по мягкости: *женщина* (не *же[н’] щина*; *пенсия* (не *пе[н’]сия*), *кислица* (не *ки[с’]лица*. 7) Интонация в повествовательном предложении повышающаяся: восходящий тип движения интенсивности во фразе (при чтении с понижением); 8) часто использование родительного падежа местоимения вместо винительного: *чего надо*? *Чего буровит-то*!

(в диалектах использование одушевлённого местоимения вместо неодушевлённого: *кого ходют всё, ходют*…). Лексические признаки многочисленны. Это и слова диалектные: *вышка* (вм. чердак), *лыва* (вм. лужа), *стряпать* (‘готовить кушанье из теста’), *стайка* (вм. хлев) и т.д., и общие с городским просторечием: *тапок* (вм. тапка), *туфель* (вм. туфля), *простыть* (вм. простудиться), *простынь* (вм. простыня) и т.д.

Более четко вырисовались возможности **влияния языков автохтонов края на старожильческие говоры**. По данным зарубежных лингвистов, действие контактирующих языков обычно преимущественно **одностороннее**. Уитни, Мейе и Сэпир утверждали, что **не бывает смешения морфологии** двух языков [14, с. 6].

Влияние языков аборигенов Сибири на РСГ, идет, в основном, в двух направлениях: в области фонетики и лексики. 1. Акающие говоры среднего Причунья Иркутской области (В. Ф. Иванова), северо-западной части Енисейского района (А. И. Иванова) связывали его с влиянием тунгусского (эвенкийского) акающего языка. 2. Развитие так называемого «**тюменского умеренного яканья»**: «произношение предударного Е или А в зависимости от характера следующего согласного (твёрдый – палатализованный): [в’а^{е}с]ной, [п’а^{е}с]ок, [р’а^{е}б]ой, г[л’а^{е}д]ит, но [с’ер’]пом». [15, с. 75 – 76]. Но зафиксированное Л. В. Галузо и Г. Г. Белоусовой яканье (ляшак – ‘леший’ и др.) при оканье на Ангаре при проверке в лаборатории экспериментальной фонетики Р. Ф. Пауфашимы-Касаткиной оказалось не яканьем, а екаеьем (это не А, а широкий открытый Э) [8, 23 с.; 3, 23 с]. 3. Наличие **мягких шипящих**, противопоставленных твёрдым фиксировано «в архаических говорах Красноярского края, в Томской … и Тюменской областях» [15, с. 75 – 76]. Из моего детства на севере Приангарья помнятся народные игры для девочек «про барыню», направленные на развитие речи. Есть ведущий, который обращается попеременно к игрокам: «*Вам барыня послала сто рублей. Что хотите, то купите, да и нет – не говорите, чёрно с белым не берите* и т.д. Затем задаются произвольные вопросы, на которые игрок должен ответить в соответствии с требованиями. При этом все следят, чтобы не было ошибок, которые считают как штрафные очки. Интересно, что наказы «барыни» должны проговариваться «свысока»: в мягким цоканьем. Так «чёрно» нужно произносить как [*ц’]ёрно* (стяжение) и т.д. 4. **Использование Р твёрдого:** *кр[ры]нка*, г*[ры]б, Дочка в Но[ры]льском живёт.* Это объясняется или влиянием **белорусских островных говоров** или как возникшее под влиянием местных **северных языков**. 5. Также интерпретируется и **Ч твёрдый** (в транспорте: *ЖенЧына, пройдите вперёд…. МжЧына? Куда вы лезете?* 6. Используются «вариантные компоненты, **различающиеся заднеязычными глухими согласными** Х–К (фрикативный – взрывной), например: *кухта– кукта*, *кырхать – кыркать пасха – паска*; *бахча – бакча.* «В подобных случаях А. М. Селищев допускает также возможность воздействия языков **остяков** и **пермяков**, не знающих звука Х» [4, с. 19]. 7. **Мена шипящих –свистящих** отмечена на Колыме: *вецно, конецно– шумашедшский, шледует, жубы.* При этом различаются чоканье и цоканье, последнее зафиксировано на Колыме и В.Г. Богоразом и объясняется особенностями **чукотско**го языка [5, с. 120–137]. Ш**епелявость** была отмечена в говорах Нижнего (Н. А. Цомакион) и Среднего Енисея (И. И. Литвиненко, Л.Г. Самотик), а также «промежуточные по своему характеру «**соканье**» – Я.П. Щапов (1872) и «**сюсюканье**» – А. Молотилов (1913). Сравнения туруханских говоров с языком Мангазеи XVII в. позволили Н.А. Цомакион решить, что это черта приобретена в результате **контактирования с языками народов севера Сибири** (на что указывалось и ранее: Я. П. Щапов: «особенности, как у **остяков**» (хантов) [24, с. 190], А. Молотилов: «русское население научилось… у **якутов** шепелявить «сюсюкать») [12, с. 18], 8. «Колымское **«сладкоязычие»** (*каки мы йуские*, *мы… койымской найод*), обусловленное, видимо, местным (**якутским и юкагирским**». [1, с. 207]. Среднеколымское и нижнеколымское сладкоязычие отмечено В.Г. Богоразом [5, с. 120

– 137]. **9.** «**Цеканье**» и «**дзеканье**». Цéканье – произношение в соответствии с мягким смычным зубным согласным [т’] мягкой аффрикаты [ц’]. Дзеканье – произношение на месте [д’] мягкой африкаты [д’з’]. Это – аффрикатизация мягких зубных смычных согласных – черты современных польского и **белорусского** (островных) языков. В моём детстве на севере тогда Удерейского (теперь Мотыгинского) района была такая знакомая девочка – полька Ядзя (Ядвига Евгеньевна) Бердоносова. **10.** В результате конвергенции обычно происходит упрощение двух контактирующих языков (Л. Теньер) … Предельное проявление подобной конвергениции – креолизация [14, с. 5 – 25]. Интересен факт существования «**таймырской говорки**» – оригинального **пиджина** на русской основе для общения автохтонов Таймыра с русскими. Возник в XVIII – XIX вв. и для межэтнической коммуникации среди самодийских (**нганасаны, энцы**), тюркских (**долганы**) и тунгусо-маньчжурских (**эвенки**) народов между собой (Е. А. Хелимский, Д. Штерн, А. Ю. Урманчиава, В.Ю. Гусев): *Меня сестра девка мужик совсем худой* (‘Муж дочери моей сестры очень болен’). *Меня пиши па дерка* (‘Напишу ка я письмо’). *Тундра место лани году будто два лавка был* (‘В тундре в прошлом году как будто два магазина было’). *Тарик место такан налил* (‘он налил старику стакан’ (запись Никитина,1929).

Известны также в Сибири русско-китайские языки-пиджин. Е.А. Оглезнева [13] выделяет 5 территориально-хронологических вариантов, в том числе широко известный торговый кяхтинский диалект, харбинский.

Особое значение имеет заимствованная из языков аборигенов лексика. «В русских говорах средней части бассейна р. Оби известны слова, языком-источником которых является ненецкий язык и которые могли войти в русские говоры через посредство селькупского языка» [23]. А. Н. Аникин в статье «К истории и типологии русских старожильческих говоров Сибири» [2, с. 205 – 210] отмечает: «Слова, заимствованные из аборигенных языков Сибири, локализуются в зонах контактирования русских говоров и соответствующих языков (**обско-угорские, эвенкийские, бурятские** и прочие заимствования)».См.: [2, 25].

Старообрядческие (староверческие) говоры Сибири многообразны и разнообразны. Раскольники приходили в Сибирь в разное время. Из разных центров старообрядчества. Вышедших с р. Керженец в Сибири зовут кержаками. Жили, если не потаённо, то уединённо. С местным населением практически не общались, хотя есть староверы «крепкие», «некрепкие» и «отошедшие», Местное население относится к ним настороженно: «*Кто-то всех червей спёр*!» – … *Сто же это*! – *чуть не плача, повторял Акимка*. – *Озевали нас*! *Кержаки озевали*!» (Астафьев В. П. Царь-рыба. Петрозаводск, 1986. С. 37 – дятлы «сожрали» всех червяков для рыбной ловли). Русские от староверов заимствовали бранную лексику: велиар проклятый, Евино чадо, никон и т.д. Вообще отношение к брани в разных говорах различно. В большинстве ругаются только мужчины в узком кругу (при обычной бытовой действительности). На Ангаре ругаются все: мужчины, женщины, дети. Эта лексика не считается табуированной. Есть особо любимые: *ляшак* (‘леший’), *Камуха Ивановна* и др. Говоры сибирских казаков практически не описаны.

Итак, можно заключить, что Русские старожильческие говоры Сибири представляют собой макросистему, которая состоит из микросистем, не нарушающих её единства. Микросистемы, в основном, формируются на основе речевого (языкового) контактирования. Большая их часть соотносится с говорами митрополии. Специфические же МС для русского диалектного языка возникают в процессе конвергенции с языками автохтонов сибирского региона.

Список литературы

1. Аникин А. Е. К истории и типологии русских старожильческих говоров Сибири // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 205 – 210.
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из урал., алт. и палеоазиат. яз. 2. изд., испр. и доп. М., Новосибирск: Наука, 2000. 765, [2] с.
3. Белоусова Г. Г. Фонетическая система старожильческого говора северо-восточной части Кежемского района Красноярского края: (с элементами инструмент. анализа): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Томск, 1978. 23 с.
4. Блинова О. И. Лексико-фонетические варианты слова в говорах Сибири (XIX – начала XX вв. // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Томск, 1971. Вып. 2. С. 9 – 26.
5. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия // Цомакион Н. А. Историческая хрестоматия по сибирской диалектологии. Красноярск: КГПИ, 1960. С. 120 – 137.
6. Букринская И. А., Кармакова О. Е. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде. М.: Институт славяноведения РАН, 2012.№ 15. С. 17 – 19.
7. Виноградов С. И. «Просторечие» как категория нормативной оценки лексики в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова // Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977. С. 225 – 252.
8. Голузо Л. В. Фонетическая система старожильческого говора Богучанского района Красноярского края (с некоторыми эксперим. характеристиками): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 1973. 24 с.
9. Городское просторечие: Проблемы изучения. М.: Наука, 1984. 189 с.
10. Ельмслев Л. Язык и речь // Звегинцев В. А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях, ч. II. 1960. С. 59.
11. Ерофеева Е. В. Регионолект как континуум. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2020. № 17 (4). С. 596 – 614.
12. Молотилов А. Говор русского старожилого населения северной Барабы (Каинского уезда, Томской губ.) // Материалы для сибирской диалектологии. Труды Томского общества изучения Сибири, т. 11. Томск, 1913.
13. Оглезнева Е. А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 262 с.
14. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы языковых контактов // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М.: Прогресс, 1972. С. 5 – 25.
15. Русская диалектология / Под ред. Н. А. Мещерского. М.: Высшая школа, 1972 г. 304 с.
16. Самотик Л. Г. Диалектизмы. Просторечие (словник) // Самотик Л.Г. Словарь пассивного словарного состава русского языка: историзмы, архаизмы, экзотизмы, диалектизмы и просторечие. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. С. 334 – 470.
17. Самотик Л. Г. Русские старожильческие говоры Сибири (из истории сибирской диалектологии) – в печати.
18. Самотик Л. Г. Географическое варьирование лексики литературного языка. Статья 1. Регионализмы // Русский язык в географической проекции: Межвузовский сборник научных трудов. Красноярск: РИО КГПУ, 2000. С. 143 – 151.
19. Сенкевич В. А. Проблемы сибирской и уральской диалектологии: Материалы для семинара / Челяб. гос. пед. ин-т. Челябинск: ЧГПИ, 1975. 71 с.
20. Словарь просторечий русских говоров Среднего Приобья. Томск: ТГУ, 1977. 182 с.
21. Словарь русского языка. Т.II. К-О. М.: Издательство «Русскикй язык», 1982
a. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М.: Языки славянской культуры, 2003. 568 с.
22. Цомакион Н. А. Русский старожильческий говор Сибири // Материалы и исследования по русской лексикологии и сибирской диалектологии. Красноярск, 1971. С. 47 – 71.
23. Щапов Я. П. Историко-географические и энтологические заметки о сибирском населении // Известия сибирского отделения ИРГО, 1872. Т. III. № 3. С. 189 – 212.
24. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 474 с.

ТРАДИЦИИ ГОСТЕПРИИМСТВА И КУЛЬТУРА ПИТАНИЯ СИБИРЯКОВ

УДК 930.1

Общественное питание в Восточной Сибири в годы карточной системы 1928 – 1935 гг.: проблемы исторического изучения

Алексеев Олег Геннадьевич
кандидат исторических наук, доцент.
Сибирский федеральный университет,
кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций.
Красноярск, Россия.
ORCID ID: 0009-0001-4883-1298

АННОТАЦИЯ Необходимость обращения к теме советского общественного питания как в союзном масштабе, так и в аспекте изучения его в региональном и муниципальном измерении обусловлена потребностью формирования профессиональных компетенций у будущих специалистов в области ресторанного менеджмента. Погружение их в исторический дискурс позволит избежать дилетантских представлений о гастрономических, кулинарных предпочтениях, исторически сложившихся приемах обслуживания населения в организациях общественного питания на протяжении длительных периодов времени, учитывать местную специфику (пребывание «кухни» в различных хронотопах).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Общественное питание, исторические источники, ресторан.

Решение задач формирования необходимых компетенций, связанных с овладением историческим опытом отечественного общественного питания, сопряжено с наличием обширных лакун в отечественной исторической науке, изучающей интересующую нас отрасль народного хозяйства. К ним, на наш взгляд, следует отнести целый комплекс источниковедческих проблем, весьма далеких от необходимого уровня их решения.

Во-первых, весьма остро, особенно в отношении освещения природы и деятельности таких организаций общественного питания, как советские рестораны, стоит проблема достаточности источников. Ограниченный круг источников и их информационных возможностей, представляющих исторические факты о функционировании советской системы ресторанов, может привести исследователя к весьма схематическому описанию данного феномена и вольной или невольной фальсификации выводов. Сам факт обнаружения информации о наличии ресторанов в Восточной Сибири в начале 1930-х гг., а тем более описания их практической деятельности, можно считать профессиональной удачей [5, 6, 7]. Вероятно, столь же непростой задачей является поиск свидетельств жизнедеятельности ресторанов и в Западной Сибири [2, С. 159, 160]. Примечательно, что свидетель работы единственного новосибирского ресторана немецкий архитектор Р. Волтерс в своих мемуарах, рассказывающих о жизни в городе в 1932 – 1933 гг., говорил о завтраке в производственном буфете, который не могли позволить себе его советские коллеги, который «…даже собаки в Германии не стали бы это жрать» [2, С.118].

Нет сомнения, что источники по общественному питанию в целом более репрезентативны, чем весьма скудные известия о работе ресторанов в 1930-е гг. Выборка по общепиту более представительна, как в центральных, так и в провинциальных архивах, а также в материалах журнальной и газетной периодики. Вместе с тем, по целому ряду важных показателей, оценочно, репрезентативность источников по общественному питанию уступает материалам, освещающим розничную торговлю в целом.

Важно отметить, что материалы архивов и газетных публикаций, содержащие информацию о работе общепита в Восточной Сибири в период карточной системы, часто совпадают в своей основе, тем самым подтверждая высокую степень достоверности фактов (например, безобразного состояния материально-технической базы и низкого уровня квалификации работников общественного питания). Таким образом, газетные публикации в данном случае являются весьма надежным источником, способным объективно отразить реальное положение в сфере общественного питания. В целом, оба канала информации свидетельствуют о том, что много нареканий со стороны посетителей столовых вызывали не только отсутствие продуктов, но и качество их приготовления, а также отсутствие культуры обслуживания. Исключение составляют, пожалуй, лишь архивные материалы, содержащие сведения о работе столовых, буфетов и т.д., обслуживающих номенклатурных работников, описание порядков в которых было табуировано для журналистов, что затрудняет верификацию указанных документов с помощью нарративных текстов. Следует знать, что и в архивных хранилищах разыскать данные о работе этих заведений непросто, если игнорировать особенности жизнедеятельности советской партийно-хозяйственной номенклатуры [3]. Дело в том, что в период карточного распределения в Восточной Сибири, равно как и СССР в целом, номенклатурных работников прикрепляли к закрытым рабочим кооперативам (ЗРК) и закрытым распределителям (ЗР), получавшим лучшее снабжение из титульных фондов. В провинциальной Сибири эта практика имела критически важное значение для снабжения ответственных работников. Политбюро ЦК ВКП(б) жестко контролировало «расширенное воспроизводство» номенклатуры на периферии. Открывать новые спецраспределители для номенклатуры на местах, вероятно, не имело смысла, так как в условиях «голодного спроса» централизованное снабжение обеспечивало только столичную совпартноменклатуру. Местные же ресурсы в 1932-1933 гг. были так скудны, что снабжение ими обеспечивалось только «на бумаге». Проблема решалась следующим образом. «Кормление» чиновников осуществлялось за счет индустриальных фондов в ЗР горняков, рабочих золотопромышленности [4], транспортных рабочих. Так, к ЗР транспортников в Красноярске по «особым спискам» были прикреплены члены семей ответственных работников, а также руководители профсоюзов [10]. Если клиенты ЗР пользовались еще и услугами закрытой столовой, то остродифицитных товаров они получали в два раза меньше [1, С.57]. Слово «кормление» следует рассматривать здесь как некий понятийный элемент компаративистской традиции [9], равно как дефиниция «столичная советская властная номенклатура» не определяется ее московской пропиской.

Второй значительной проблемой понимания исторического прошлого является выяснение степени достоверности источников советского генеза. Интерпретация формулы «недостоверных источников не бывает» безусловно важна, но сейчас не является нашей задачей. Применительно к нашему исследованию «отягощением» является полисемантичность объекта изучения. Естественным следствием подобной природы общепита следует считать исследовательский интерес к его прошлому со стороны культурологов, социологов, юристов, маркетологов, диетологов, нутрициологов, и пр. Известно, что общественное питание в СССР являлось структурным элементом колоссальной по масштабу всесоюзной розничной торговли, а ресторанный сервис был неотъемлемой частью общепита, ее системным звеном. Все три указанных сферы народнохозяйственного комплекса на всем протяжении существования плановой и гибридных форм экономики отличались стремлением к «драпировке» своей деятельности. Достоверными сведениями не «грешили» даже партийные доклады на высшем уровне. Подлинный смысл происходящего в сфере народного потребления в ресурсном государстве способны были увидеть свидетели

времени – ученые-практики, вкусившие советскую эпоху. Среди них выдающееся место занимают Г. А. Дихтяр и Г. Л. Рубинштейн, авторы наиболее фундаментальных исследований по истории советской торговли сталинского периода [8, 15]. Тем не менее, ни один, ни другой не оставили трудов, в которых общественное питание стало бы объектом специального исследования. Кроме того, по известным причинам ученые не могли правдиво рассказать обо всех изъянах в системе снабжения людей, несмотря на то, что они, вероятно, знали о них лучше многих в стране. Фактическая достаточность и полнота работ Г. Дихтяра и Г. Рубинштейна достигалась не за счет архивных материалов, которые они использовали в незначительном количестве, а практической деятельностью их создателей, являющихся теоретиками и организаторами социалистической торговли в 1930 е гг. Современная генерация исследователей, профессионально возмужавшая десятилетия спустя после развала советского общепита, становится, на наш взгляд, все менее способной к верной интерпретации «глубокого языка» партийных и иных институционально производных от них документов.

Еще одной проблемой изучения темы является ограниченная доступность источников. В ранний постсоветский период историк-исследователь Е. Осокина [13, 14] констатировала, что архивные секреты Наркомата снабжения хранили тщательнее и дольше, чем документы даже «закрытых» советских ведомств. Например, к таким тайным учреждениям советской власти по режиму хранения документов были отнесены магазины Торгсина. Малоизученность системы советских ресторанов также связана с тем, что значительный массив документов, освещающих их деятельность, во всяком случае, относящийся к сталинскому периоду, хранится в фондах ОГПУ-НКВД и доступ к ним по-прежнему ограничен. Вместе с тем, изучить механизм обеспечения услугами общественного питания самих сотрудников ОГПУ можно, вовлекая в научный оборот документы иного происхождения. Эти материалы свидетельствуют о том, что указанный контингент в Иркутске питался в столовой ГУМа, то есть в сети общественного питания госторовли. По числу прикрепленных к ней лиц столовая ОГПУ уступала в этой системе только номенклатурной столовой краевых организаций. Полный дневной рацион питания получали лишь сотрудники ОГПУ и посетители ресторана [11]. В Минусинске сотрудники ОГПУ также питались в столовой военного ведомства. Средняя цена одного блюда в этом заведении общепита составляла 11,5 копеек, что равнялось средней стоимости блюда в школьной столовой и стоимости питания для собственных работников общепита. Для сравнения: средняя цена блюда в общегражданской столовой составляла 29 копеек, в коммерческой – 2 рубля 50 копеек, т.е. почти в 23 раза дороже, чем в столовой ОГПУ [12]. При этом блюда, подаваемые сотрудникам ОГПУ, значительно превосходили питание во всех иных столовых по качественным и количественным параметрам.

В заключение назовем еще две причины, существенно влияющие на полноту исследования темы. Во-первых, это случаи, когда реализации принципов доступности и достаточности источников препятствует плохая сохранность находящихся в открытом доступе архивных документов, например, массовая невыдача их по причине поражения грибком. Во-вторых, полноценному изучению общепита в Восточной Сибири препятствует незавершенность всесоюзной переписи предприятий общественного питания 1933 года и исключение из этой процедуры восточносибирского региона. Изучение данного феномена в жанре повседневной истории предсказуемо столкнется с еще большей недостаточностью источниковой базы. Вместе с тем, острый дефицит архивных и иных материалов для исследования отдельных сторон системы общественного питания не исчерпывает круг проблем в изучении рассматриваемой темы.

Список литературы

1. Алексеев О. Г. Торговля и снабжение населения в городах Восточной Сибири в период карточной системы (1928 – 1935 гг.): монография. Красноярск, 2011. 171 с.
2. Волтерс Р. Специалист в Сибири. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2010. 260с.
3. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. Москва: «Советская Россия». 1991. 624 с.
4. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 123. Оп. 1. Д. 330. ЛЛ. 2об, 3, 3об, 4 об, 50.
5. ГАИО. Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 1. Л. 22.
6. ГАИО. Ф. Р-247. Оп. 3. Д. 3. Л. 50.
7. ГАИО. Ф.16. Оп.1. Д.962. Л.9
8. Дихтяр Г. А. Советская торговля в период построения социализма. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1961. 472 с.

a. Кондратьева Т. С. Кормить и править: О власти в России XVI – XX вв. Москва: РОССПЭН, 2009. 207 с.

9. Краевое государственное казенное учреждение «Государственный архив Красноярского края» (КГКУ «ГАКК»). Ф. 309. Оп. 1. Д. 51. ЛЛ. 28, 29.
10. Муниципальное казенное учреждение «Архив города Минусинска» (МКУ АГМ). Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.т
11. МКУ АГМ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 4. Л. 13.
12. Осокина Е. А. За фасадом "сталинского изобилия": Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927-1941. М.: РОССПЭН, 1998. 267с.
13. Осокина Е. А. Иерархия потребления: О жизни людей в условиях сталинского снабжения, 1928 – 1935 гг. Москва: Изд-во МГОУ, 1993. 144 с.
14. Рубинштейн, Г. Л. Развитие внутренней торговли в СССР. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1964. 396с.

УДК 94:355.01:641.562(571.51)

Великая Отечественная война: питание населения г. Красноярска

Барсукова Наталья Владимировна
кандидат исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет,
кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций
Красноярск, Россия
natasha-barsukova@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-5492-4909

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются вопросы состояния снабжения и потребления населения г. Красноярска в годы Великой Отечественной войны. Работа основана на воспоминаниях красноярцев, проживавших в городе в военное время, и опубликованных документах. В исследовании приведены источники продовольственного снабжения городского населения: распределение продуктов по карточкам в государственных магазинах, подсобное хозяйство, огородничество, колхозно-базарная торговля. Описаны изменения в структуре питания красноярцев в годы Великой Отечественной войны по критериям: калорийность, набор и качество продуктов. Показана роль заведений общественного питания в обеспечении городского населения продуктами питания. Особое внимание уделено организации питания детей в городах, в том числе в г. Красноярске.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Питание, продовольственный кризис, Великая Отечественная война, карточная система снабжения.

Продовольственный вопрос в стране, в том числе в г. Красноярске, довольно остро стоял на протяжении всей Великой Отечественной войны. Это было обусловлено несколькими причинами.

В первые месяцы войны немецкими войсками были заняты важнейшие сельскохозяйственные районы страны. Под властью оккупантов оказалась территория, на которой в довоенное время проживало около 40% населения, находилось 47% всех посевных площадей страны, производилось 38% зерна. [10, с. 314]. Мобилизация трудоспособных мужчин преимущественно из сельской местности, отправка на нужды фронта лошадей, сельскохозяйственной техники со временем еще больше обострили продовольственный кризис. Для тыла положение осложнялось тем, что имеющиеся продовольственные ресурсы, в первую очередь направлялись для снабжения армии.

Дефицит ряда продуктов был обусловлен и субъективными причинами. После нападения Германии на СССР советское население, опасаясь перебоев со снабжением продовольствием, стало активно закупать продукты питания с длительными сроками хранения. «За хлебом была огромная очередь, – вспоминает, проживавшая в годы войны в г. Красноярске Валентина Владимировна Булыгина, – которую занимали с вечера и стояли до утра. Утром обязательно была перекличка, тот, кто опаздывал или не приходил на неё, выбывал из очереди» [3, с. 176].

В связи с нехваткой продовольствия в стране завоз продуктов в города начал сокращаться. В г. Красноярске по мясу в четвертом квартале подвоз сократился по сравнению с первым кварталом в шесть раз, картофеля – в два раза. [5, с. 357]. Людмила Михайловна Козлова вспоминала, что жизнь в Красноярске с началом войны стала тяжелой: «Помню, как мы в выходные ходили на поля, собирали колоски, осенью картошку, если кто-то где-то не убрал. Мать ездила в районы, меняла вещи на продукты. Как сейчас помню, нальем в кружку кипяток, потом добавим муки. Закипит – и получалась заваруха. Очень вкусно» [5, с. 166 – 167].

С притоком эвакуированного населения в г. Красноярск продовольственный вопрос стал еще острее. Уже в августе 1941 г. начали прибывать из европейской части страны рабочие и служащие эвакуированных промышленных предприятий, сотрудники образовательных и культурных учреждений, депортированные немцы.

Снижение потребления продуктов питания работниками предприятий грозило падением производительности труда. Государство, понимая, что от работы тыла зависит успех войны, поставило задачу поддержания необходимого уровня питания городского населения, обеспечение работников тыла, прежде всего оборонной промышленности, необходимым продовольствием. В годы войны в Красноярске работали важные для укрепления обороноспособности страны заводы, поэтому решение продовольственного вопроса для города было острой необходимостью.

Дефицит продуктов питания потребовал от руководства страны принятия экстренных мер по обеспечению городского населения продовольствием. Была введена карточная система, позволявшая рационально использовать продукты питания и обеспечить население минимально гарантированным набором продуктов. 18 июля 1941 г. Совнарком СССР выпустил постановление о введении в Москве, Ленинграде и их пригородах карточек на хлеб, мясо, жиры, сахар и другие важнейшие продукты [9]. 22 августа 1941 г. были введены карточки на хлеб, сахар и кондитерские изделия в отдельных городах, рабочих поселках и поселках городского типа [6, с. 348].

В Красноярском крае переход к карточной системе снабжения населения важнейшими продовольственными товарами был осуществлен с сентября по ноябрь 1941 г. Снабжение городского населения продуктами питания было дифференцированным. По нормам снабжения население делилось на 4 группы: рабочие (и приравненные к ним лица), служащие (и приравненные к ним лица), иждивенцы (престарелые, женщины, имеющие маленьких детей, инвалиды и пр.) и дети до 12 лет. В 1941 году по 1-й категории рабочие получали в день хлеба 800 г, служащие – 500, иждивенцы и дети – по 400 г., по 2-й категории норма хлеба в день для рабочих составляла 600 г, служащих, иждивенцев и детей – 400 г. [7]. На сентябрь 1941 г. была установлена норма сахара и кондитерских изделий по 1-й категории рабочим 800 г, служащим и детям по 12 лет - 600, иждивенцам – 400 г. По 2-й категории рабочие и служащие обеспечивались сахаром и кондитерскими изделиями по норме 600 г, иждивенцы и дети по 12 лет – 400 г. [7]. Существовали различия в уровне снабжения рабочих по отдельным отраслям промышленности. Преимущества в снабжении отдавались работникам военной промышленности и ведущих отраслей народного хозяйства. Например, к концу войны калорийность пайка в среднем на рабочего в угольной промышленности была на 50-60% выше, чем в текстильной или легкой промышленности [11, с. 38].

Обеспечение городского населения хлебом было одной из важных задач в продовольственной политики государства. В г. Красноярске в 1941 г. установленные государственные нормы хлеба городское население получало бесперебойно [4, с. 373]. Вместе с тем продовольственная продукция не всегда была хорошего качества. С ухудшением продовольственной ситуации мясо заменяли на яичный порошок, животное масло - растительным и т.д. Питались, чтобы насытиться, но не для удовольствия. Распространено было употребление замороженных овощей и зерна.

Для преодоления дефицита продуктов питания государство содействовало развитию дополнительных источников продовольствия: подсобное хозяйство, огородничество, колхозно-базарная торговля.

По инициативе и при поддержке государства создавались подсобные хозяйства при предприятиях и организациях. В 1942 г. население города для обеспечения себя продовольствием стало заниматься индивидуальным огородничеством. Выращивали огурцы, лук, морковь, редьку, картошку. «В те времена был ужасный голод, –

вспоминала В.В. Булыгина. – Столько нищих я ещё никогда не видела; люди голодали, попрошайничали, умирали… Наблюдать это было страшно. Все улицы у нас в Николаевке были засажены картошкой. Каждую ночь, особенно осенью, соседи с улицы по парам сторожили участки, чтобы никто не выкопал картофель [3, с. 141].

В рацион питания горожан в годы войны входили также дикие травы, коренья, ягоды, грибы, которые они собирали в лесу.

Красноярцы, как и жители других городов страны, покупали продукты питания на колхозных рынках. Продовольственная продукция, реализуемая сельским населением, была лучше по качеству, чем продукты в государственных магазинах. Так, в результате проверки прокуратура Кировского района г. Красноярска установила факты продажи по карточкам хлеба худшего качества, чем хлеба, продаваемого по коммерческим ценам [6, с. 373]. В условиях дефицита продовольствия, произошло значительное повышение цен на продукты, продаваемые на колхозных рынках, особенно начиная с октября 1941 г. Это стало основной причиной увеличения оборота колхозных рынков в 1941 г. на 7 млн. руб. по сравнению с 1940 г. [5, с. 356]. Цены же за это время выросли по говядине в два с половиной раза, по маслу животному – в четыре раза, по картофелю и овощам – в четыре раза. На рынке г. Красноярска была организована встречная торговля промышленных товаров для колхозников, продающих свои продукты по установленным ценам [5, с. 357].

Немалую роль в организации снабжения населения продовольствием сыграли заведения общественного питания. За годы войны количество столовых и ресторанов увеличилось с 497 до 705 или на 41,9%. [4, с. 369]. Количество столующихся также увеличилось в несколько раз. Кроме рабочих столовых, в городах края имелись: столовые инвалидов Отечественной войны, детские и студенческие столовые, столовые врачей, учителей и научных работников. По состоянию на 1 января 1945 г. в столовых и ресторанах региона питались около 300 тыс. человек [4, с. 370]. В 1941 г. выполнение плана по общественному питанию в разных торговых организациях было приближено к 100% [4, с. 371].

Питание в столовых было организовано по карточкам. Число желающих обедать в них с каждым днем увеличивалось. В условиях увеличения продолжительности рабочего дня до 11 часов, введения обязательных сверхурочных работ, питание в столовых позволяло сэкономить время. Однако главной функцией столовых было не высвободить время, а спасти население от голода в условиях нормативного продовольственного обеспечения. Организация питания в столовых позволяло более экономно расходовать продукты.

К недостаткам организации питания в столовых в годы войны можно отнести: однообразный ассортимент блюд, плохая обеспеченность продовольствием ряда столовых. Во избежание перебоев в снабжении столовых необходимыми продуктами работниками системы общественного питания создавались подсобные хозяйства. В результате принимаемых мер предприятия общественного питания значительно увеличили выпуск продукции собственного производства.

Увеличение численности посетителей столовых вело к нехватке столовых приборов, посуды. Так, в столовой №30 завода им. Ворошилова ложки отсутствовали, и посетители доставали пищу из тарелок прямо руками [2, с. 40]. По результатам проверки, большинство столовых не соответствовали минимальным требованиям гигиены. В столовой завода №580 на 800 человек приходилось 63 ложки, которые выдавались при входе дежурным. При выходе посетитель возвращал ложку дежурному, который тут же, около двери мыл её в ведре и выдавал следующему. В этой воде, таким образом, могло быть вымыто огромное количество ложек. Столовые не соответствовали минимальным требованиям гигиены [2, с. 40 – 41].

Для поддержания оптимального здоровья детей большое внимание уделялось организации их питания. В частности, здравоохранение не допускало поставки в детские учреждения заменителей сахара, животных жиров, а замена мясопродуктов производилось только яичным порошком в количестве не менее 10% установленной нормы. Полный рацион питания получали дети, находившиеся в яслях и детских садах. При круглосуточном пребывании ребенка в детском садике на него расходовалось мяса 1,5 кг. вместо 400 г. по карточке. В школах всех городов и рабочих поселков были введены завтраки. Дополнительно отпускались на школьника по 50 г хлеба и 10 г сахара к чаю в день. Для детей, нуждающихся в усиленном питании, были организованы специальные столовые, в которых кормили два раза в день. Прикрепление детей к этим столовым и отпуск обедов на дом производились по справкам, выдаваемым специальным медицинскими комиссиями при районных и городских исполкомах. Для организации питания по нормам, установленным в крае, во всех детских лечебных и образовательных учреждениях были созданы подсобные хозяйства, осуществлялся сбор продуктов у населения [1, с. 38].

За военные годы рацион горожан претерпел изменения. С началом войны потребление многих продуктов питания (мяса, сахара, молока, овощей и бахчевых культур и др.) значительно уменьшилось, а потребление картофеля, наоборот, на протяжении четырех военных лет продолжало неуклонно расти. В 1944 году доля потребления картофеля в РСФСР составила 234 % от довоенного уровня, молока и молочных продуктов (без масла) – 70%, мяса – 60%, хлеба и муки – 84%, сахара и кондитерских изделий – 22,4%. [8, с. 612]. Картофель компенсировал сокращение потребления других источников углеводов – хлеба и сахара.

Меры, принятые государством, позволили поднять уровень питания городского населения. В расчете на взрослого едока калорийность питания была поднята в 1944 г. по сравнению с 1942 г. примерно на 10% [11, с. 36].

В годы Великой Отечественной войны упростились способы приготовления пищи. Хозяйки отказались от блюд сложного приготовления. Чаще всего продукты варили или употребляли в сыром виде. Это было обусловлено не только дефицитом продовольствия, но и времени. Многие женщины были заняты на производстве и времени на приготовление сложных блюд не хватало.

Таким образом, продовольственный вопрос стоял остро практически на протяжении всей войны. Снизилась калорийность питания, качество продуктов. Ситуация, сложившаяся в области питания и снабжения населения г. Красноярска в годы Великой Отечественной отражала общесоюзные тенденции.

Продовольственный кризис решался как путем организации нормированного снабжения городского населения, так и за счет нецентрализованных источников снабжения продуктами питания (огородов, подсобных хозяйств, даров леса). Государство предоставляло продовольствие различным категориям населения в соответствии с задачами укрепления обороноспособности страны. Наиболее тяжёлая продовольственная ситуация складывалась для таких категорий, как эвакуированные, учащиеся фабрично-заводских школ и ремесленных училищ, семьи пропавших без вести, матери-одиночки. Предоставляя лучшее снабжение продуктами питания категориям населения, занятых в оборонной промышленности, государство рассчитывало на подъем производительности труда в этой сфере. Благодаря мерам, принятым государством в решении продовольственного вопроса, удалось добиться повышения уровня и улучшения структуры питания городского населения по сравнению с начальным периодом войны.

Список литературы

1. Демина. Е. В. Торговля и снабжение населения Восточной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941 – 1945 гг.). Красноярск: издательство СибГАУ, 2007. 208 с.
2. Демина Е. В., Константинов М. В. Общественное питание и бытовое обслуживание работников оборонных предприятий Красноярска в 1941-1942 гг. / Красноярский край – 70 лет исторического пути. Материалы V краеведческих чтений. Красноярск, ноябрь 2004. Красноярск, 2005. 232 с.
3. Интервью с Булыгиной Валентиной Владимировной / Устная история: человек в повседневности XX в. Воспоминания и интервью жителей Красноярского края (о времени, о событиях, о своей жизни). Посвящается 65-летию Победы в Великой Отечественной войне: хрестоматия по истории России XX века для студентов гуманитарных факультетов, вып. 1. Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2010. 259 с.
4. О развитии торговли и общественного питания в крае в годы войны / Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Сборник документов. Красноярск, 2010. 489 с.
5. О состоянии колхозной торговли и снабжении населения продовольственными товарами / Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Сборник документов. Красноярск, 2010. 489 с.
6. Об осуществлении надзора прокуратурой края за введением карточек на хлеб, сахар и кондитерские изделия в населенных пунктах края / Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945. Сборник документов. Красноярск, 2010. 489 с.
7. Постановление о нормах отпуска хлеба по карточкам // Родина. 2020. №2. URL: https://rg.ru/2020/01/30/rodina-postanovlenie-o-vvedenii-kartochek-i-ustanovlenii-normy-otpuska-hleba.html (дата обращения: 21.05.2023).
8. Потемкина М. Н., Гаврилькова К. Е. Как питались те, кто ковал победу над врагом: пищевые практики горожан советского тыла (на примере г. Магнитогорска) // Вестник Удмуртского университета. 2017. Т. 27. Вып. 4. С. 611 – 617.
9. «Установить нормы отпуска хлеба, крупы, макарон...» // Родина. 2020. №2. URL: https://rg.ru/2020/01/30/rodina-postanovlenie-o-vvedenii-kartochek-v-moskve-i-leningrade.html (дата обращения: 21.05.2023).
10. Хисамутдинова Р. Р. Великая Отечественная война Советского Союза (1941 – 1945 года): военно-исторические очерки. Оренбург: издательство ОГПУ, 2014. 476 с.
11. Чернявский У. Г. К исследованию питания городского населения в годы Великой Отечественной войны. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-issledovaniyu-pitaniya-gorodskogo-naseleniya-v-gody-velikoy-otechestvennoy-voyny/viewer (дата обращения: 24.05.2023).

УДК 641.55/56(571.1/.5)

Отражение сибирских традиций питания и гостеприимства в творчестве В. П. Атафьева

Белгородская Людмила Вениаминовна
доктор исторических наук, доцент
Сибирский федеральный университет,
кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций
Красноярск, Россия
blv.kr@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2165-9464

АННОТАЦИЯ Статья посвящена отражению традиций сибирского гостеприимства в обычном и праздничном крестьянском застолье. Рассмотрены художественные и публицистические произведения В. П. Астафьева, посвященные описанию сибирского стола. Выявлены блюда региональной старожильческой сибирской кухни, описанные В. П. Астафьевым. Рассмотрен песенный репертуар деревенских жителей довоенной деревни Овсянка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирская кухня, сибирские блюда, крестьянское застолье в Сибири, В. П. Астафьев, история повседневности.

Тема еды и традиций застолья занимает значительное место в творчестве В.П. Астафьева, столетие со дня рождения которого отмечается в 2024 г. Как житель деревни Овсянка близ Красноярска, он с детства был знаком с сибирской кухней, созданной старожильческим населением Сибири. Его бабушка была хорошей хозяйкой и удивляла вкусными и нарядными блюдами родных и соседей. Позднее голодные подростковые и трудные военные годы обострили ностальгические детские воспоминания о праздничных застольях с родными и блюдах парадного и обыденного крестьянского стола. Гастрономическая тема нашла достойное отражение в творчестве писателя. Сам писатель умел готовить и после возвращения на родину в Красноярск нередко охотно угощал гостей простыми блюдами сибирской кухни [1, с. 67-68]. А в литературном описании блюд и застольной трапезы в Сибири Виктор Петрович поднялся до уровня выдающихся гурманов отечественной литературы – Н. В. Гоголя и М.А. Булгакова.

В. П. Астафьев подчеркивал, что на формирование неповторимой кухни региона оказало влияние географическое положение и климат региона. Холодный климат подразумевал соответствующее хранение продуктов, что было учтено при приготовлении многих блюд. Так, маринады, соленья, копчение, варка в жирах – это особенности местной кухни, которые связаны с климатом и географией региона. Интересной особенностью является использование местных растений. Так, в еде часто использовали ягоды, грибы, травы. Их использование также было связано с климатическими особенностями, приводившими к тому, что люди вынуждены были искать и использовать местную флору. Например, концентрация витаминов в северных ягодах растет пропорционально удалению от экватора: чем ближе к кромке Северного ледовитого океана, чем скуднее и меньше растительность – тем больше витаминов в этой пище. Поэтому можно сказать, что питание народов Сибири было рациональным и в достаточной мере сбалансированным, а традиции приема пищи устойчивы до сих пор. В рассказе «Зорькина песня» и в «Легенде о стеклянной кринке» писатель вспоминает о частых детских поисках земляники и черники в окрестностях Овсянки.

Главное – все блюда кухни очень сытны и питательны, чтобы поддерживать энергию в человеке в суровых климатических условиях. Одной из главных особенностей кухни Сибири является использование местных продуктов в кулинарии. Из-за особенностей климата и географических условий региона, существенная часть продуктов была получена из местных ресурсов и имеет особую значимость. Местные жители использовали все, что было доступно, для создания блюд: мясо разных животных, рыба, дичь, грибы, ягоды и овощи. Наиболее распространенные местные продукты — это рыба и сибирский кедровый орех. Одним из основных и любимых писателем продуктов, доступных в регионе, является рыба. Рыба из Енисея является незаменимым компонентом в кулинарии многих региональных блюд. Рыба готовится различными способами, включая копчение, жарку, тушение и запекание. Еще одним важным продуктом Красноярского края является сибирский кедровый орех. Самый ценный и полезный продукт, который весьма полезен для здоровья. Он используется в качестве основного ингредиента в традиционной кухне. В блюдах добавляют не только ядра орехов, но и его масло. В «Последнем поклоне» писатель отмечал: «…если хозяева-старатели запаслись овощью, ягодами, капустой – одолевали зиму без нужды и горя, пощелкивая кедровые орехи…» [3, с. 17]. Орехи сибиряки щелкают по-беличьи, т.е. поперек скорлупки, с большой скоростью и используют скорлупки в дело.

Писатель восхищался настоящей сибирской едой – ухой, пельменями, пирогами, шаньгами, запеченной дичью, стерлядью, осетром. Мясо отваривали, тушили, жарили, запекали в тесте или, большими кусками, в русской печи. Мясные блюда были разнообразны: студень, холодное из языков, ушей и губ, свиные окорока, похлебки с мясом, мясные щи, жаркое из мяса, из мяса и овощей, «курник» и др. Мясные блюда были и праздничной, и повседневной едой [5, с. 133 – 134]. Пироги начинялись рыбой, ягодой, мясом, овощами, творогом, капустой, яйцами, черемухой. Основой пирога был «сочень»: если его начиняли сверху и заливали сметаной, то получались «шаньги». Сибирские шаньги пекут без начинки – только их поверхность смазывается сметаной или тонким слоем картошки, давленой ягодой [4, с. 115 – 116]. «Сгибни» – пироги с начинкой, защипанные по краям. Распространены были и «стружни» («хворост») – жаренные в масле витые фигурки из пресного теста. Пироги подавали и как отдельное блюдо, и как «прикуски» к чаю и как обязательную добавку к горячим жидким блюдам, притом к каждому – особые. К щам из свежей капусты – пирог с гречневой кашей; к кислым щам – с соленой рыбой; к лапше – пирог с мясом; к ухе – пирог с морковью. В целом традиционная енисейская кухня отличалась от русской, прежде всего, обилием в рационе рыбы и дичи, потреблением жирных и квашеных продуктов. Питание в Сибири было сытным и эклектичным, сочетало русские традиции с видами пищи и кулинарными традициями коренных сибирских этносов. Многие сибирские блюда и способы их приготовления распространились впоследствии по всей России.

Самое яркое описание парадного крестьянского стола В. П. Астафьев представил в рассказе «Бабушкин праздник». В дореволюционной и советской школе было принято давать задание школьникам на запоминание художественного текста дословно. Строчки из названного произведения достойны выучивания наизусть: «Столы накрыты по сибирскому закону: все, что есть в печи, в погребе, в кладовке, все, что скоплено за долгий срок, теперь должно оказаться на столе. И чем больше, тем лучше. Поэтому все на столах крупно, нарядно, все ядрено, все зажарено и запечено с красотой, с большим старанием и умением… Шаньги, печенюшки, мясо так, мясо этак. Малосольная стерлядь, верещага-яичница, сладкие пироги, вазы с брусникой… Все горой, всего много, все со стола валится…» [3, с. 254].

Обязательным элементом сибирского застолья были песни. Многие из них родились в Сибири. Очень любил писатель песню алтайских партизан: «Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с нем. На нас напали злые чехи, село родное

подожгли. Отца убили в первой схватке, а мать живьем в костре сожгли… Горит село, горит родное, горит вся родина моя». Писатель читателям, что он пел эту песню гостям из Чехословакии, которые удивлялись живучести исторической памяти сибиряков о событиях Гражданской войны. За столом порой гости заводили варначные песни: «Я – вор! Я – бандит! Я преступник всего мира!» Больше других любили сибиряки жалостливые песни. Автор замечал: «Нет плаксивей народа, чем сибиряки на гулянке». О героине рассказа автор пишет так: «Тетку Авдотью, захлебнувшуюся рыданиями среди песни, повели отпаивать водой» [3, с. 260]. На самого Витю в детстве огромное впечатление произвела печальная песня дяди Левонтия о привезенной из Африки обезьянке. Слова ее писатель запомнил на всю жизнь.

Таким образом, суровые условия жизни, с одной стороны, достаток, зажиточность, обеспеченность, с другой, давали возможность старожилам-сибирякам жить сытой жизнью, что поддерживало их здоровье, работоспособность, выносливость. Уникальность кулинарной культуры сибиряков, описанная В. П. Астафьевым, происходит от особенностей климата, местности и образа жизни местного населения. Богатая в белке диета, основанная на рыбе и мясе, помогала охотникам и рыболовам выжить и иметь достаточно сил для долгих путешествий через тайгу. Местные жители также обогащали свой рацион витаминами, занимаясь сбором растений и трав, что помогало им защищать организм от различных заболеваний. Питание в Сибири было эклектичным, сочетало русские традиции с новыми видами пищи и традициями сибирских этносов. Многие сибирские блюда и способы их приготовления распространились впоследствии по всей России. Полагаем, что студенты Института гастрономии Сибирского федерального университета должны изучать гастрономическую тему в творчестве В. П. Астафьева в рамках обязательных учебных курсов, реконструировать блюда старожильской сибирской кухни.

Список литературы

1. Ануфриева В. В. Великий странник из Овсянки. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2021. 248 с.
2. Астафьев В. П. Мальчик в белой рубахе. Повести. М.: Молодая гвардия, 1977. 592 с.
3. Астафьев В. П. Последний поклон. М.: Художественная литература, 1989. 351 с.
4. Овсянка: семейные истории. Красноярск: ООО РПБ «Амальгама», 2022. 152 с.
5. Шеин И. Сибирский парадный стол. Красноярск: Ситал, 2013. 329 с.

УДК 94(571.1)''17''

Две ведомственные инструкции младшему офицеру по контролю снабжения провиантом в Кузнецком уезде в середине XVIII в.

Бобров Денис Сергеевич
кандидат исторических наук
Алтайский государственный университет,
Институт истории и международных отношений,
кафедра отечественной истории
Барнаул, Россия
bds-eureka@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6786-1321

АННОТАЦИЯ

Публикация ставит целью показать на конкретном, пусть и локальном примере как в инструктивной документации военных властей Западной Сибири середины XVIII в. отразились подходы и способы разрешения проблемы провиантского снабжения гарнизонных команд Колывано-Воскресенского горного округа и Бийской крепости. Автор приходит к выводу, что обе военно-ведомственные инструкции младшему офицеру имеют ряд схожих черт. В более широком смысле содержание документов косвенно сигнализирует о наличии в середине XVIII в. на юге Западной Сибири неразрешенных вопросов в сфере провиантского снабжения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Регулярные войска, снабжение, провиант, инструктивная документация, Х. Х. Киндерман, Кузнецкий уезд, Колывано-Воскресенский горный округ.

Масштабные преобразования в управленческой системе Западной Сибири середины XVIII в. поставили перед возникшей триадой отраслей власти (гражданская, военно-ведомственная и горнозаводская вертикали) вопрос о наиболее оптимальных способах достижения как оперативных, так и стратегических задач, о выстраивании необходимых для этого линий административной коммуникации. Одной из проблем, приобретшей к середине века довольно острый характер и требовавшей безотлагательного решения, являлась организация поставок провизии и фуража воинским командам, дислоцировавшимся в Колывано-Воскресенском горном округе и в районе Бийской крепости.

В научной литературе этот сюжет не получил должного освещения, хотя отдельные аспекты снабжения войск провиантом затронуты дореволюционными и современными авторами, специалистами по истории регулярной армии и казачества [1 – 5]. В этой связи данная публикация преследует своей целью показать на конкретном, пусть и локальном примере как в инструктивной документации военных властей Западной Сибири середины XVIII в. отразились подходы и способы разрешения проблем с провиантским снабжением гарнизонных команд приграничного района. Инструкции как отдельная разновидность делопроизводственных материалов позволяют, с одной стороны, выявить алгоритмы, набор конкретных действий, транслируемые управленческими институциями подчиненным лицам, а с другой – в документах подобного рода прямо или косвенно отражаются наиболее сложные и актуальные аспекты контактов представителей ведомственных и гражданской вертикалей. В свою очередь, в общем широком массиве инструктивной документации раннеимперского периода особую, во многом уникальную группу составляют военно-ведомственные инструкции сибирских гарнизонных канцелярий, которые до сих пор слабо изучены специалистами.

Тема снабжения регулярных войск активно проникает в региональный административный дискурс Западной Сибири во второй половине 1730-х – начале 1740-х гг. в связи с образованием Новоучрежденного драгунского полка и перевода некоторых его частей на юго-западные окраины Кузнецкого уезда («кузнецких рот») [2, с. 98 – 108]. В совокупности с резким увеличением контингентов регулярных войск в Обь-Иртышском междуречье в 1747 – 1748 гг. эти обстоятельства требовали изменений в подходах и практиках организации провиантского довольствия.

Для повышения эффективности заготовки предназначенных военным провизии и фуража в январе 1748 г. сибирский губернатор А.М. Сухарев по предложению командующего войсками Сибирских укрепленных линий генерал-майора Х. Х. Киндерамана предписал полковнику Я. С. Павлуцкому командировать в Тарский, Томский и Кузнецкий уезды по одному обер-офицеру, в каждом случае человека «достойного и надежного», снабженного подробной инструкцией, которая определяла бы пути и алгоритмы покупки и транспортировки провианта, а также источники финансирования[59].

Инструкция направленному в Кузнецк поручику пехотного батальона С. Меншикову состояла из пяти пунктов и предполагала довольно широкий круг полномочий. В частности, документ предусматривал передачу офицеру временного контроля над провиантскими книгами уезда, также предписывалось «по прибытии ныне заблаговремянно, чтоб на хлеб цены возвышено не было, купит того правианта, ржи и муки и по препорции круп до пяти тысяч четвертей» на 3000 руб. Обязанность выделения средств ложилась на плечи местных гражданских властей в лице воеводской канцелярии, С. Меншикову следовало после приобретения провизии разместить ее в соответствующих магазинах Кузнецка[60]. Однако этим задачи поручика не исчерпывались. Он должен был составить опись имевшихся в уездном центре казенных судов и лодок для транспортировки провианта водным путем (в Барнаульский и Колыванский заводы, Бийскую крепость). Для этого требовалось осмотреть все судна, оценить степени их пригодности для перевозки «обстоятелно, в какую оные меру и сколко на них может погрузится правианта». Документ подразумевал ответственность воевод и подчиненных им лиц за сохранность дощаников, обязанность уездных управителей следить за состоянием судов, осуществлять их своевременную починку[61]. Таким образом, инструкция создавала для поручика довольно широкий правовой статус: считается, что командированные для надзора за поставками провианта офицеры ограничивались выписыванием квитанций на приобретение провизии и фуража [2], юридически же эти военные получали документальную основу для полного контроля цикла продовольственного снабжения гарнизонов Верхнего Приобья и горного округа (хотя, стоит оговориться, это не означает реализацию всего спектра этих полномочий на практике).

Инструкция С. Меншикову не являлась типовой должностной, однако при этом содержала лексические формулы, близкие или идентичные инструктивным документам гражданских властей. В частности, один из пунктов предполагал обязанность офицера при покупке провианта «поступать … по присяжной своей должности и верности», что очевидно перекликается с положениями воеводских наказов, наказных памятей приказчикам острогов и слобод Западной Сибири первой половины XVIII в. Позднее Я. С. Павлуцкий в этом же духе дополнительно акцентировал внимание своего подчиненного на первоочередной важности расходовать деньги на провиант «как возможно наиприлежнейше, со всяким добрым рачением, старание и

[59] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 340в. Л. 1 – 1 об.
[60] Там же. Л. 2 – 2 об.
[61] Там же. Л. 3.

попечение иметь»[62]. Клаузула инструкции С. Меншикову содержала вполне традиционную для сибирской инструктивной документации того периода времени формулу «обид и налог никаких отнюд никому тебе ни чинить и поступать во всем по сей инструкции как доброму обер-офицеру» (для сравнения: в наказных памятях приказчикам острогов еще на рубеже 1720-х гг. встречалось указание в отношении служилых людей и крестьян «напрасно нападок / обид не чинить»[63]). За несоблюдение положений документа или совершение преступления предусматривался военный суд[64].

Инструкция отразила и взгляды военных властей на характер межотраслевой коммуникации на локальном уровне. В качестве правового обоснования составления документа указывалось «некоторое секретное определение», выработанное совместно А. М. Сухаревым, Х. Х. Киндерманом и первым начальником Колывано-Воскресенских заводов А. В. Беэром. Видимо, это решение стало нормативным основанием для запрета С. Меншикову во избежание разглашения конфиденциальной информации направлять партикулярные письма управленческим структурам и институциям, которым он напрямую не подчинялся. В подобной установке нетрудно увидеть стремление структур сразу двух административных вертикалей ограничить взаимодействие занимавшихся заготовкой стратегически важных припасов офицеров с горнозаводскими властями Колывано-Воскресенского горного округа. Примечательно, что такой курс был схож с политикой самих кабинетских властей, отразившейся в инструктивной документации заводским управленцам[65].

Личное участие в разрешении проблемы организации доставки провианта в приграничные районы стремился проявить и Х. Х. Киндерман. В мае 1748 г. он в форме партикулярного письма составил фактически еще одну инструкцию С. Меншикову. Документ не имел строгого формуляра и реквизитов, как и предыдущая инструкция, включал в себя 5 основных пунктов, некоторые из них были дополнительно разделены на подпункты. Генерал-майор предписывал в кратчайшие сроки наладить доставку фуража, продовольствия в Барнаульский и Колыванский заводы, Бикатунскую крепость как сухопутным, так и водным путем. Для транспортировки последним способом предписывалось употреблять не только все имеющиеся казенные дощаники, но и суда гражданского населения (в случае крайней необходимости), «токмо без излишества». Х. Х. Киндерман требовал от Меншикова при отправке партии провианта выбирать своего рода старосту, который бы нес ответственность за доставку провизии и фуража в пункт назначения, не допускал необоснованных остановок в пути. Генерал-майор не прописывал в документе принадлежность этого ответственного лица: должно ли оно являться военным или допускалось привлечение гражданских. Инструкция закрепляла курирование С. Меншиковым строительства 20 новых дощаников, способных перевозить грузы массой до 500–600 четвертей каждый[66].

Рассмотренные военно-ведомственные инструкции младшему офицеру по контролю за провиантским снабжением в Кузнецком уезде имеют ряд схожих черт: отсутствие строгого формуляра, но при этом деление на пункты; определенные пересечения лексических формул, клаузулы с административным дискурсом гражданских и горнозаводских властей. Оба документа были нацелены на повышение эффективности организации обеспечения регулярных команд провизией и фуражом, в данном случае очевидно, что вторая инструкция была составлена как дополнение к первой, представляла собой ответ региональных военных институций на

[62] Там же. Л. 37 об.
[63] Там же. Д. 8. Л. 44; Ф. 1402. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 об. – 8.
[64] Там же. Д. 340в. Л. 3 – 3 об.
[65] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 468. Оп. 18. Д. 30. Л. 7 об. – 8.
[66] РГАДА. Ф. 517. Оп. 1. Д. 340в. Л. 30 – 31.

недостаточные темпы улучшения ситуации с поставками продовольствия. В более широком смысле это является косвенным признаком наличия в середине XVIII в. на юге Западной Сибири существенных неразрешенных вопросов в сфере провиантского снабжения.

Список литературы

1. Бенда В. Н. Создание системы материально-технического обеспечения русской армии, артиллерии и инженерных войск, их личного состава в начале XVIII в. // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 2. С. 16 – 23.
2. Дмитриев А. В. Русская регулярная армия в Сибири (1725 – 1796): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 528 с.
3. Дуров И. Г. Провиантское обеспечение российского флота при Петре I: автореф. дис. … д-ра ист. наук. Нижний Новгород, 2004. 56 с.
4. Ивонин А. Р. Городовое казачество Западной Сибири в XVIII – первой четверти XIX в. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1996. 227 с.
5. Соловьев Н. И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII столетия (1700 – 1761). Вып. 1. СПб.: тип. Тренке и Фюсно, 1900. 200 с.

УДК 392.81

Несколько слов о традиционном и обрядовом питании крестьян в Сибири

Брицкая Алена Леонидовна
старший преподаватель
Омский государственный медицинский университет, кафедра философии и социально-гуманитарных наук,
Омск, Россия
alena_britskaya@mail.ru
ORCID ID: 0009-0009-1958-8186

Белова Татьяна Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент
Омский государственный медицинский университет, кафедра философии и социально-гуманитарных наук
Омск, Россия
belova.t.a@maul.ru
ORCID ID: 0009-0003-4552-326X

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются некоторые аспекты, связанные с питанием крестьян, переселившихся в Сибирь. Отмечается, что по мере развития русского хозяйства в благоприятной для земледелия зоне Сибири питание населения становилось обильнее и разнообразнее. Обрядовая пища все же оставалась очень важным атрибутом календарных и семейных праздников, сохраняя многовековой опыт и связь поколений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Питание крестьян, переселение в Сибирь, обрядовая пища.

Крестьяне русского Севера и Предуралья начали переселяться в Сибирь в XVI – XVII веках. Неприхотливость в пище обеспечивала им большую выносливость в условиях иной природной среды. В течение всего периода переселенцы стремились обосноваться на землях, пригодных для ведения традиционного полевого хозяйства. В связи с этим большая часть прибывавших крестьян осела в местностях с плодородными землями, включавших основную территорию Западной и южную часть Восточной Сибири. Уже в XVIII веке, пройдя через западносибирский регион к югу на плодородные подзолистые и черноземные почвы, русские крестьяне смогли почти полностью обеспечить население продовольствием. Академик И. Г. Гмелин отмечал изобилие даже в северной части этой зоны – в ее северной столице Тобольске: «Зерно очень дешево, а также быки и свиньи. Река богата рыбой. Осетры жирны так, что в котлах, где их варят, стоит жир в палец толщиною. Дичь: лоси, олени, косули, зайцы и т.д., из птиц – фазаны, куропатки, лебеди, дикие гуси, аисты – все это стоит дешевле говядины» [2, С. 120]. Адаптация русских к местным условиям земледельческой зоны Сибири заключалась в воссоздании лучших достижений в обеспечении продовольствием, полученных ко времени переселения за Урал на местах прежнего жительства, в их сохранении и развитии. Одновременно совершенствовалась кулинария, частично воспринимался опыт коренного населения.

В народной крестьянской традиции, конечно, хлеб был основным и главным ресурсом. Хлеб был не только повседневным продуктом, с ним связывались представления о счастье и благополучии дома, хлеб был символом плодородия, благоденствия и здоровья. Поэтому очень много пословиц, обрядов и запретов связаны с хлебом: – нельзя доедать хлеб за другим человеком, а то заберешь его счастье; –

нельзя давать хлеб во время еды собакам со стола, а то постигнет бедность; – нельзя оставлять хлеб недоеденным на столе, то будешь худеть и болеть и т.д. Хлеб всегда разрезал хозяин и делили его на всех, хотя другую еду подавала хозяйка. С давних пор известно пожелание «хлеба – соли», считалось, что оно отгоняет злых духов. Встреча с хлебом – солью является знаком гостеприимства у многих народов: хлеб – это выражение милости, соль – любви.

Разные виды хлеба выпекали для разных случаев. Основным ежедневным продуктом повсюду являлся хлеб, который пекли два раза в неделю из кислого ржаного бездрожжевого теста, а на севере – из ячменной муки. Традиционный славянский каравай пекли на огне, он был круглой формы и воплощал солнечную символику. В мифологических представлениях славян, а потом на протяжении веков русских крестьян зерновые блюда и блюда из муки ассоциировались с рождением, с производящей силой нижнего мира, плодородием. Считалось, что при приготовлении каравая встречаются вода и огонь, верх и низ модели мира, сезоны годового круга.

В языческой дохристианской культуре, часто и в современной свадебной традиции, каравай – главный атрибут обряда. Некоторые исследователи считают, что родительское благословение молодых хлебом было ранней формой заключения брака. Само выпекание каравая сопровождалось сложным ритуалом с песнями и танцами, с этого, собственно, и начиналась свадьба. «Каравайницами» могли стать только женщины, которые были счастливы в браке, каждая из них приносили с собой муку, масло и яйца. К тесту предъявлялись строгие требования: оно не должно было быть слишком крутым или жидким, иначе жизнь молодых будет «крутой» или жидкий каравай треснет в печи, тогда и жизнь молодых не сложится. На нижний корж обязательно клали сырые яйца, что символизировало продолжение рода, а также добавляли мед и ягоды, символизирующие безбедную жизнь. Сверху каравай обязательно украшался: голубками (символ любви), уточками (символ благополучия), шишками (символ плодородия). После внедрения христианства в крестьянскую культуру, разновидность каравая – высокий круглый пасхальный кулич стал украшаться крестом, и считался чистым от злых духов.

Пироги столь же распространенное блюдо, как и хлеб. Пирог (от слова «пир») считался залогом хорошего урожая и благополучия. В некоторых губерниях было принято рассылать пироги или сдобные булки с изюмом сверху как приглашение на праздник. Специальный пирог с изюмом разламывали над головой именинника со словами: «чтобы на тебя так сыпались золото и серебро». Часто пекли на именины и пороги с капустой. На свадебном столе обязательно присутствовал курник как символ плодородия. Это был куполообразный пирог с курицей. На Рождество пекли традиционно пирог с мясом. На поминках также не обходилось без пирога, его как правило раздавали нищим.

Плодородные земли южных долин, высокие летние температуры, длительный вегетационный период дали возможность увеличить посевные площади под наиболее ценимую русскими хлебную культуру – пшеницу, и повысить ее урожайность. Это позволило ввести в повседневный рацион крестьян выпечку из пшеничной муки, и не только пирогов, но и хлеба. В Алтайском крае и Минусинской долине пшеничный хлеб в начале XX века стал вытеснять ржаной. На Алтае сложилась традиция ежедневного приготовления мягкого завтрака, который составляла выпечка из пшеничного опарного теста «каралички». В праздничную выпечку вошли городские изделия Европейской части страны: вафли, хворосты и др.

На многие праздники пекли разнообразное обрядовое печенье. Так на Рождество делали фигурки животных: коней, коров, птиц или «утко-коней» – лошадок с утиным туловищем, считавшимися символами движения ночного и дневного солнца. Назывались такие печенья «коледушки», «овсеньки», «козульки», их дарили детям,

колядникам, выставляли в окнах, скармливали скоту. На севере был обычай вешать печеную фигурку в сенях над проходом, чтобы животные находили дорогу домой и хорошо плодились. На Крещенье выпекали крестики из кислого теста и внутрь прятали монетку или пуговку «на счастье». А весной (в марте) пекли печенье в виде жаворонков и вешали их на колья или подбрасывали вверх, сопровождая песнями – «веснянками». В день Иоанна Лествичника (12 апреля) и на Воскресение из теста пекли «лестнички» для восхождения в будущей жизни на небо, соединив таким образом христианское мировоззрение с языческими представлениями о пути в загробный мир.

Блины – еще один пример самого распространенного обрядового блюда. Блины сопровождали человека на протяжении всей его жизни: роженицу положено было кормить блинами и после смерти во время поминального обеда также подавали блины. Всем известен блин и как обязательный атрибут Масленицы. Поедание блинов (символа солнца) означало победу света и дня над ночью. Исследователи обнаружили в деревнях IX – X веков круглые глиняные сковородки с зубчатым краем и крестом, предполагается, что на них выпекали масляничные блины. «Блин кругл, как настоящее солнце, блин красен и горяч. Блин полит растительным маслом – это воспоминание о жертвах, приносимых могущественным каменным идолам» [3, С. 86]. Всем известна поговорка «Первый блин комом», но на самом деле изначально она звучала «первый блин – комам». Комы – это души умерших. И начиналась Масленица с поминовения усопших. Язычники верили, что души предков возвращаются на землю вместе с теплом, травами и птицами, чтобы помогать живым, поэтому первый блин клали для них на «духовое окошко» [6, С. 87].

Мясная и молочная пища в Сибири была разнообразнее, чем в Европейской части страны. В местных климатических условиях сложилось некоторое своеобразие в заготовках и потреблении продуктов. Морозные сибирские зимы позволяли лучше и дольше сохранять мясо. Домашнюю птицу с наступлением холодов забивали, вычистив тушки, давали им заледенеть, а затем складывали в кадки и засыпали снегом. Пельмени замораживали в мешках. Вошло в обычай замораживать и молочные продукты. Разлив по мискам молоко, его выносили на мороз, а заледеневшие куски складывали в мешки («мешочное молоко»), в качестве заготовок замораживались смесь молока с яйцами, смесь творога с яйцами и готовые сырники. Творожная пасха – это еще одно ритуальное угощение, появившееся после принятия христианства. Изготавливали ее в специальной форме в виде усеченного конуса, имитирующего Голгофу и украшали крестами.

На Руси яйцо традиционно считалось источником жизни. Яйцо, как и зерно, несло не только рождение, но и воскресение, так как из внешне неживого семени, из твердого яйца появлялась новая жизнь, проходя путь сначала вниз (на землю), затем вверх (гнездо и рост). Эти представления соответствовали не только языческому представлению о воскресающем и умирающем божестве, но и легко сочеталось с христианскими представлениями о воскрешении Христа. Не вызывает сомнения тот факт, что пасхальная традиция красить яйца восходит к земледельческой обрядовости: для увеличения рождаемости, окрашенные в красный цвет (возможно, кровью) яйца катали по земле. В некоторых местах России и Сибири делают голубков из выдутого куриного яйца. Раскрашенные цветными узорами яйца – «писанки» широко известны.

Не менее значима была в обрядовой кухне и курица, жертвенная птица. Курица являлась одним из главных компонентов свадебных обрядовых блюд. Невесте давали после свадьбы жареную курицу, которой она угощала жениха после первой брачной ночи.

Говядина также являлась ритуальной пищей. На русальские праздники закалывали быка. Корова была наиболее почитаемой из домашних животных. В

древности славяне, по-видимому, не забивали коров на мясо, в случае срочного (из-за болезни) забоя коровы её мясо не потребляли хозяева, а продавали его соседям или всем жителям села. Забивать коров – нетелей, яловок разрешалось на свадьбу, поминки и в редких случаях – на общественные праздники. В крестьянском мировоззрении корова часто соотносилась с предками, это можно проследить в обрядах: часто корову называли «матушка», после первого отела корове одевали на рога венок, похожий на женский головной убор. В некоторых центральных губерниях крестьянки носили головной убор с рогами, именуемый «кика». У украинских переселенцев был известен обычай, по которому мать новорожденного должна была лизнуть его, как корова. В свадебном фольклоре корова была обязательной частью приданого невесты. В северных регионах прежде, чем зайти в дом жениха невеста должна была покормить корову свадебным хлебом.

На Новый год и Рождество ели свинину, традиция пришла из центральной полосы России, где на Васильев день (14 января) кололи «кесаретских поросят», так как Василий, архиепископ Кесарии считался покровителем свиней. Перед употреблением хозяин семьи трижды поднимал на блюде целого зажаренного поросенка со словами «чтобы свиночки поросились» и затем кости относили в свиную закутку, что являлось по сути обрядом жертвоприношения и моления за скотину.

Стадиальные изменения прослеживаются в другом популярном жидком блюде – щах. В некоторых регионах произносили не щи, а «шти». В первоначальном варианте щи представляли собой кислое питье на мучной основе. В северорусском регионе, частично также в Предуралье и в Сибири щами называли густую похлебку из разваренного ячменного зерна (так называемые «толстые щи»). При улучшении снабжения овощами северных территорий в похлебку стали добавлять картошку, иногда капусту и другие овощи. Щи с капустой готовили из рубленой кислой капусты, которую солили в кадках. Капусту укладывали слоями, чередуя со слоем ржаной муки и соли. Щи из овощей, так называемые уральские, и в настоящее время варят с добавлением крупы. В щи могли добавлять конопляное масло, или сметану. Начинка зависела от того дня, когда щи готовили: в скоромные дни добавляли сметану или сало, или сливочное масло, в постные дни добавляли только крупу или грибы. Иногда готовили щи с рыбой (плотвой или снеткой).

Со времени появления русских в Сибири в их рационе значительное место занимали продукты собирательства. Травы, корнеплодные и луковичные растения настолько вошли в быт, что их приравнивали к овощам. На Руси лук стали возделывать только в X веке. Корреспонденты Русского географического общества сообщали из Кузнецкого уезда, что весной и летом основной пищей населения служат хлеб и дикий лук, а в Иркутской губернии варили кашу из луковиц сараны [1]. Заготавливали также дикие травы: серую листовую капусту, ботвинью свежую и квашеную, сныть и другие.

По сравнению с Европейской частью страны были сделаны большие успехи в овощеводстве. В связи с тем, что в Сибирь со второй половины XIX века прибывали выходцы из различных губерний, ассортимент выращиваемых культур стал очень разнообразным. Если первопосельники обходились минимальным набором овощей, известных в северной зоне (типа репа, лук, чеснок, хрен), то к концу XIX века на огородах появились растения южной зоны (такие как свекла, тыква, капуста и др.). Местами, где позволял климат — Алтайский, Каинский, Красноярский округа – занимались бахчеводством [5, С. 7 – 8). Пожалуй, самым популярным овощем на столе была репа, так как двух месяцев хватало для того, чтобы репа поспела. Пареная репа была практически каждодневной пищей крестьян.

Как сообщал о жителях Красноярского округа Енисейской губ. Н. Латкин, питание сибиряков было разнообразным и калорийным. «Питается более или менее зажиточный крестьянин, за исключением постов, которые строго соблюдаются,

довольно порядочно. Пшеничный хлеб, говядина соленая и свежая, свинина или баранина, рыба, овощи, кисели разного рода – обычная пища в скоромные дни. Постом – пустые щи из картофеля или капусты, рыба и постные каши, всякие постные печения. Молочные продукты тоже идут в пищу... более употребляется говяжье сало, а у очень зажиточных также и коровье масло. Чай кирпичный в общем употреблении, пьют по 3 – 4 раза в день... Здешний мужик любит есть жирно, потому все крестьянские печенья плавают в жиру и в масле, то же и каши, даже яичница и щи, все чтобы содержало как можно более жиру, сала или масла... В изобилии заготавливают всякие овощи на зиму: квасят и солят капусту, огурцы, грибы, варят ягоды на варенье, мочат бруснику и морошку, сушат чернику, грибы и лечебные травы. Старухи и пожилые по сибирским привычкам жуют древесную серу, а молодежь грызет подсолнухи...» [4, С. 44].

Таким образом, по мере развития русского хозяйства в благоприятной для земледелия зоне Сибири питание населения становилось обильнее и разнообразнее. Обрядовая пища все же оставалась очень важным атрибутом календарных и семейных праздников. Обряды и пищевая культура вобрали в себя народную мудрость, сохраняя многовековой опыт и связь поколений.

Список литературы

1. Архив РГО. Р. 62. Оп. 1. Д. 4. Л. 5 – 6.
2. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1968. 245с.
3. Ковалев В.М., Могильный Н.П. Русская кухня: традиции и обычаи. М.: Советская Россия, 1990. 258 с.
4. Латкин Н.В. Красноярский округ Енисейской губернии: очерк Н. В. Латкина. - Санкт-Петербург: Типография и Литография В.А. Тиханова, 1890. URL:http://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vtls:000422463 (дата обращения:08.06.2023).
5. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. – 1773. Ч. 2. URL: https://djvu.online/file/PQ5ol4ylQmJkN (дата обращения 01.02.2023).
6. Ягодинская Л.А. Вопросы культуры Древней Руси – Омск: ИПЦ ОмГМА, 2006. 135 с.

УДК 93/94

Продовольственное снабжение и питание «Американских экспедиционных сил в Сибири» в годы Гражданской войны и интервенции

Воног Евгений Анатольевич
старший преподаватель
Сибирский федеральный университет, кафедра журналистики и литературоведения
Красноярск, Россия
vonog.ea@gmail.com
ORCID ID: 0009-0003-8632-8997

АННОТАЦИЯ В данной статье автор представил логистику, обеспечивающую снабжение американских экспедиционных сил, в том числе продовольствием на востоке России и на территории современного Китая в период российского гражданского противостояния и интервенции, показатели калорийности армейских рационов питания, установленных на тот момент времени в США (в сравнении с другими Союзными державами), и фактическое положение дел, связанное с питанием американских военнослужащих в местах их присутствия, а именно: на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале. В американском нарративе XX века всю эту обширную территорию относили к Сибири, поэтому указанное войсковое соединение получило название «Американские экспедиционные силы в Сибири» («American Expeditionary Forces in Siberia»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Гражданская война на востоке России, Американские экспедиционные силы в Сибири, снабжение и питание интервентов.

В 1918 году в период действия Первой мировой войны американские экспедиционные силы под командованием генерал-майора Уильяма Грейвса (William S. Graves) в числе прочих вооруженных формирований Союзных держав высадились на берег Владивостока и, тем самым, положили начало международной интервенции на востоке России. Также во время указанного вторжения практически на всей территории бывшей Российской империи набирала свои обороты и Гражданская война. Генерал Грейвс не имел цели участвовать во внутреннем российском конфликте, но вместе со своим руководством рассматривал восточную часть России в качестве легкой добычи для вражеских армий стран Четверного союза (Германская, Австро-Венгерская, Османская империи, Третье Болгарское царство) по причине утраты Россией былой мощи в результате произошедшего в 1917 году глубокого политического и экономического кризиса. Фактическая деятельность Грейвса на территории России сводилась к решению следующих первоочередных задач: патронаж над Чехословацким корпусом и обеспечение его эвакуации в Европу морским путем; сбережение от врага многочисленного имущества, некогда поставленного воюющей Российской империи в виде помощи; охрана железнодорожных коммуникаций; препятствование японской экспансии на Дальнем Востоке и в Сибири, хотя Япония, как и Россия, в период Первой мировой войны являлась союзником США.

Снабжение американских военнослужащих на востоке России осуществлялось преимущественно морским путем, через порт Владивостока. Однако, «морским перевозкам во Владивосток и из него препятствовали сильные зимние холода, которые ежегодно сковывали гавань льдом с середины декабря до начала апреля» [1, с. 59]. В этот период времени особые надежды возлагались на ледоколы, которые «обычно могли обеспечивать гавань открытой» [1, с. 59]. Собственных ледоколов американцы во Владивостоке не имели, поэтому возлагали надежды на российские. Например, одним из таких ледоколов был «Добрыня Никитич», доставленный во

владивостокский порт из Великобритании в 1916 году по заказу Министерства промышленности и торговли Российской империи.

Также в запасе у американцев имелся и другой вариант организации снабжения войск, в том числе на случай неблагоприятной ледовой обстановки. Он реализовывался при использовании железной дороги и трех альтернативных портов, расположенных в Корее и Китае. «Железнодорожные линии соединяли все три через Мукден с Харбином, а затем с Владивостоком» [1, с. 72]. Ныне бывший Мукден называется Шэньян и в Китайской Народной Республике является административным центром провинции Ляонин.

Сегодня практически не изучена тема, связанная с периодичностью снабжения войск международной интервенции через владивостокский морской порт и Китай железнодорожным сообщением, но, например, что касается американских экспедиционных сил, то исследования американского военного историка Джона Хауса (John M. House), после двадцати лет службы уволившегося из армии в 2001 году в звании полковника, говорят об отсутствии у них каких-либо проблем с поставками. По мнению Джона Хауса все доставлялось с большим запасом. «Ежемесячные поставки из Сан-Франциско обеспечивали примерно шестимесячный запас предметов первой необходимости, за исключением молока и помидоров» [1, с. 80 – 81]. Из Владивостока дальнейшая доставка грузов отдаленным гарнизонам осуществлялась железнодорожным, автомобильным и гужевым транспортом. К предметам первой необходимости, поставляемым во Владивосток, а затем вглубь материка, прежде всего, относились продукты питания. Среди них важное место занимала мясная продукция. «Свежую говядину можно было купить в Циндау (Китай), который уже снабжал американские войска на Филиппинах» [1, с. 72]. Американский профессор Джон Мурлин (John R. Murlin) утверждал, что «мясо больше, чем какой-либо иной продукт питания стимулирует выработку тепла в организме, а значит способствует согреванию тела в суровых погодных условиях» [3, с. 504]. По данным Мурлина в период Первой мировой войны в день на одного американского военнослужащего предусматривалось 1 ¼ фунта мяса (в армии Великобритании – 1 фунт, в армии Франции – 3/4 фунта, в армии Италии только 1/2 фунта), хотя сам же Мурлин признавал, что зачастую в армии США потребление мяса не превышало 3/4 фунта [3]. 3/4 фунта мяса на человека в день он считал вполне достаточным количеством потребления протеина (белка). 1 фунт примерно равен 454 граммов.

Следует отметить, что в 1918 году указанный профессор Мурлин возглавил военный отдел продовольствия и питания (The Division of Food and Nutrition), созданный при Медицинском департаменте (the Medical Department) военным министерством США для решения вопросов продовольственного снабжения армии [4]. Джон Мурлин в своей статье «О некоторых проблемах питания в армии» («Some Problems of Nutrition in the Army»), опубликованной в 1918 году в журнале «Наука» («Science»), представил сравнительные данные по калорийности, содержанию белков, жиров, углеводов в рационах питания некоторых союзных войск периода Первой мировой войны [3]. Итоговые выдержки из результатов исследований Джона Мурлина в части калорийности рационов питания отражены в Таблице 1.

Таблица 1.
Сравнительная таблица калорийности установленных рационов питания некоторых союзных войск на 1918 год*

Рационы	Калорийность рационов питания (ккал на человека в день)				Среднее значение калорийности рационов питания союзников (ккал на человека в день)
	Протеины	Жиры	Углеводы	Всего	
США: «Garrison»	718	1 163	2 751	4 632	США: 4 721
США: «Garrison. Modified»	**	**	**	4 809	
Великобритания: «Field»	586	1 432	1 804	3 822	Великобритания: 3 964
Великобритания: «Field and Trench»	590	1 618	1 898	4 106	
Канада: «Oct. 1, 1917»	619	1 693	1 886	4 198	Канада: 3 704
Канада: «Diet №. 40»	541	1 181	1 488	3 210	
Франция: «Normal»	578	828	1 915	3 321	Франция: 3 345
Франция: «Reserve»	460	1 063	1 580	3 103	
Франция: Strong	623	902	2 087	3 612	
Италия: «Combating»	582	623	2 128	3 333	Италия: 2 942
Италия: «Territorial»	385	465	1 701	2 551	

*Источник: статья Джона Мурлина (John R. Murlin) «О некоторых проблемах питания в армии» («Some Problems of Nutrition in the Army») в журнале «Наука» («Science») №. 1221 от 1918 г. [3].
** в указанном источнике в табличной строке, относящейся к рациону США «Garrison. Modified», допущена ошибка, так как сумма значений килокалорий протеина (681), жиров (1 655) и углеводов (2 694) не совпадает со значением итоговой калорийности рациона в размере 4 809 килокалорий.

Опираясь на результаты исследований Мурлина, можно сделать вывод о том, кто из представленных Союзных держав в большей степени, а кто в меньшей заботился о своих военнослужащих в части удовлетворения ими физиологической потребности в еде. Очевидно, что чем выше калорийность рационов, тем больше доля государственных расходов, направляемых на продовольственное обеспечение армии. По данным Мурлина пальма первенства принадлежала США, на втором месте Великобритания и Канада, у которых калорийность армейских рационов была примерно на одном уровне, на третьем Франция, а на четвертом Италия (Таблица 1). Автор настоящей статьи не обнаружил информацию о суточных количествах приема пищи и рационах питания американских экспедиционных сил на востоке России, но исходя из представленного в статье Мурлина суточного меню (от 5 ноября 1917 г.) роты «А» 301-го полевого батальона связи (30lst Field Signal Battalion), дислоцированного в Кэмп-Девенсе (Camp Devens), можно сделать вывод о том сколько раз в день и чем питались американские военнослужащие в период Первой мировой войны в обычной небоевой обстановке.

«*Завтрак*

Овсянка, сосиски свиные, жареный картофель, хлеб с маслом, кофе, молоко и сахар.

Обед

Жареная свинина или говядина, печеный картофель, хлеб с маслом, пудинг из кукурузного крахмала, кофе, молоко и сахар.

Ужин

Тушеная говядина, кукурузный хлеб, каро[67], чернослив, чай» [3, с. 499].

Из представленного меню можно сделать предположение, что на востоке России у американцев самыми распространенными продуктами продолжали оставаться мясо говядины и свинины (свежее либо консервированное), картофель и хлеб.

Опубликованные в 1918 году исследования американского профессора Мурлина об армейских рационах питания союзников отражают лишь общую картину Первой мировой войны, однако в этот период времени на востоке России, а особенно в отдаленных от Владивостока расположениях американских войск все выглядело не так благополучно. К статье от 2 августа 2016 года «8000 военнослужащих США в Сибири: 27-й и 31-й пехотные полки и их действия для стабилизации ситуации в России» («8,000 US troops deploy in Siberia: the 27th and 31th infantry regiments “act to stabilise Russia”»), размещенной в англоязычном новостном веб-сайте «The Siberian Times» [7], имеются любопытные комментарии родственников американских интервентов, проходивших службу на востоке России. Среди прочих комментариев содержится информация жителя города Уинстон-Сейлем (Winston-Salem), некого Кима Вудраффа (Kim Woodruff) о воспоминаниях своего деда – Клода Холкомба (Claude Marion Holcomb), проходившего службу в подразделении военных медиков. Бывший американский интервент Клод Холкомб очень часто рассказывал своему внуку о службе в России, и о том, как он с сослуживцами голодал в Сибири [7]. Другой нелестный отзыв об организации питания американских военнослужащих оставил Джордж Смит (George Roger Smith) – бывший капрал 31-го пехотного полка армии США. Джордж Смит, проживавший в 1990 году в своем столетнем возрасте на ранчо в южной Калифорнии и являвшийся в то время, пожалуй, единственным живым участником интервенции на востоке России, поделился с сотрудником газеты «Los Angeles Times» памятными эпизодами своей службы, которые также нашли отражение в его дневнике. Затрагивая тему питания своего гарнизона, расположенного за 30 миль от Владивостока, Джордж Смит отмечал, что оно было очень скудным и состояло из одних консервов и сухарей, что организму очень недоставало свежих фруктов и овощей, а самые приятные воспоминания о еде остались благодаря жителям местной деревни, продавшим жареного гуся, и представителям Христианского союза молодежи YMCA (Young Men’s Christian Association), которые привезли шоколад [5]. Профессор Мурлин признавал, что «среднестатистический солдат имеет большую потребность в сладостях, которые дают телу быструю энергию, почти так же, как алкоголь в небольших количествах» [3, с. 506]. Однако размышления на тему дополнительного внесения в рационы сладостей за счет сокращения мясной нормы так и остались невоплощенными.

Проблемы отдаленных гарнизонов, связанные с ненадлежащим функционированием железной дороги, и, соответственно, невозможностью наладить регулярные поставки складированных во Владивостоке продуктов, не всегда можно было решить за счет возможностей российских регионов, тем более что на востоке России в период Гражданской войны ситуация с продовольствием была неодинаковой. «В каждом регионе были разные экономические условия. Участок между Владивостоком и станцией Маньчжурия изобиловал хлебом и мясом. Однако вблизи

[67] Каро, по всей видимости, назывался кукурузный сироп.

озера Байкал было достаточно голодно. Путешествуя далее из Иркутска на запад, наблюдалось отсутствие каких-либо проблем с маслом, мясом, хлебом и рыбой» [1, с. 65 – 66]. «Южная Сибирь могла похвастаться огромными сельскохозяйственными угодьями. Посевы включали пшеницу, кукурузу, овес, ячмень и гречиху» [1, с. 60]. Часто свои физиологические потребности в еде интервенты удовлетворяли на станциях вдоль Транссиба и КВЖД, которые были превращены в торговые рынки, и куда местные жители свозили для продажи и обмена продуктовые и другие товары. Такие места бойкой торговли не могли остаться без внимания как профессиональных американских фотографов, так и любителей (Рис. 1, 2, 3). В своем дневнике вышеуказанный капрал Джордж Смит отметил, что крестьяне к железнодорожным путям приносили корзины с едой, усаживались рядом и все это продавали пассажирам поездов, но наибольшим спросом, по его мнению, пользовалась кукуруза в початках [5].

Рисунок 1. Торговцы на ж/д вокзале Красноярска. 1919 год.
Источник: Библиотека Конгресса США (The Library of Congress),
из коллекции фотографий Американского Национального Красного Креста.

Рисунок 2. Интервенты на перроне ж/д станции, где ведут торговлю русские женщины. 1918 – 1919 гг. Источник: Архив Интернета (Internet Archive), из коллекции фотографий Уильяма Джонса (William C. Jones) – второго лейтенанта Корпуса обслуживания российской железной дороги (Russian Railway Service Corps – RRSC).

Для улучшения и разнообразия рациона питания интервенты на территории России иногда прибегали к натуральному обмену. Например, известны случаи, когда американские солдаты отдавали излишки сиропа и консервированной говядины в

обмен на яйца и овощи [1]. Не вызывает сомнения и то, что у интервентов одним из самых популярных местных продуктов, подлежащих обмену или приобретению за деньги, было молоко, тем более что выше указывалось о трудностях, связанных с запасами данного скоропортящегося продукта. Находясь на территории Дальнего Востока, интервенты столкнулись с необычным способом хранения молока местными жителями в зимний период времени. Фейет Килер (Fayette W. Keeler) – американский второй лейтенант Корпуса обслуживания российской железной дороги (Russian Railway Service Corps – RRSC) предположительно сам сфотографировал двух жителей Маньчжурии, которые на огромных весах разместили для продажи замороженное молоко в форме полусферы (Рис. 4).

Рисунок 3. Американец в гуще базара. Ново-Николаевск. 1918 – 1919 гг.
Источник: Архив Интернета (Internet Archive), из коллекции фотографий Уильяма Джонса (William C. Jones) – второго лейтенанта Корпуса обслуживания российской железной дороги (Russian Railway Service Corps – RRSC).

Массовое приготовление горячей пищи зачастую производилось интервентами на специально привезенных полевых кухнях (с топками), представляющих собой прицепы на больших колесах (Рис. 5). Также известно, что кухни обустраивались в оборудованных для этих целей железнодорожных вагонах. Например, другой американский железнодорожник – второй лейтенант RRSC Уильям Джонс (William C. Jones) отметил в своем дневнике, что когда 4 июня 1918 гада американцы выехали из Харбина в Омск в четырех вагонах, размещенных в головной части военного французского поезда снабжения, то у американцев был отдельный вагон для приготовления и приема пищи [6]. Из дневниковых записей Уильяма Джонса следует, что в период служебных перемещений американского Корпуса обслуживания российской железной дороги (RRSC) вдоль Транссиба и остановок в сибирских городах американские железнодорожники временно привлекали поваров из числа местных военнопленных Первой мировой войны, например, в Иркутске и Красноярске [6].

Безусловно, что у всех армейских и привлеченных со стороны поваров одинаковым и важным компонентом была вода. Она же была необходима и для прочего ежедневного употребления и пользования. Если в теплое время года с водой не возникало особых проблем, то зимой, во время морозов требовалось немало усилий, чтобы поддерживать в «рабочем» состоянии родники и колодцы. Американский историк Джон Хаус отмечал, что перед употреблением воды в сыром виде, будь то из колодцев или из растаявшего снега, в качестве соблюдения мер предосторожности рекомендовалось хлорирование [1]. Хранение продуктов в полевых условиях обеспечивалось не в капитальных подвалах, а в небольших земляных углублениях.

«Земля промерзала так глубоко, что солдаты американских экспедиционных сил (AEF) летом использовали вырытые в земле ямы в качестве холодильников» [1, с. 59].

Рисунок 4. Торговля замороженным молоком в Маньчжурии. 1918–1919 гг. Источник: Историческое общество Висконсина, США (Wisconsin Historical Society), из коллекции фотографий Фейета Килера (Fayette W. Keeler) – второго лейтенанта Корпуса обслуживания российской железной дороги (Russian Railway Service Corps – RRSC).

Рисунок 5. У полевой кухни офицеры 31-го пехотного полка армии США (на переднем плане). Район Владивостока. 03.12.1918 г. Источник: Национальное управление архивов и документации, США (National Archives and Records Administration – NARA), из коллекции фотографий Корпуса связи армии США (US Army Signal Corps).

Заключение

Неотъемлемой частью фронтового быта любой армии является решение перманентных задач, связанных с рационом питания, дабы количество потребляемых калорий не опустилось ниже минимальной критической отметки и не сказалось негативно на моральном духе солдат. Исходя из указанной в настоящей статье публикации Джона Мурлина, в США (еще с времен основания данного государства) уделялось особое внимание к питанию американских военнослужащих. «Первое законодательство, определяющее компоненты армейского пайка, было датировано 4 ноября 1775 г. Тогда в качестве дневной нормы для одного человека Континентальный конгресс установил один фунт говядины и один фунт хлеба, 3 пинты фасоли или гороха по цене, не превышающей 1 доллар за бушель, одну пинту молока, полфунта риса либо один фунт муки в неделю, одна кварта пива или сидра, либо девять галлонов патоки на группу лиц в неделю. В паек также входили свечи и мыло» [3, с. 496]. Несмотря на вышеизложенное, а также несмотря на выводы американского военного историка Джона Хауса о поставках во Владивосток предметов первой необходимости (в том числе продуктов) с большим запасом, нарративные источники, к которым относятся воспоминания нижних чинов, свидетельствуют о том, что фактические рационы питания военнослужащих американских экспедиционных сил на востоке России были далеко небезупречны. Они явно не дотягивали до декларируемых и описанных в 1918 году профессором Мурлином значений калорийности белков, жиров и углеводов. Справедливо отметить, что отчасти причиной тому являлись независящие от американцев факторы. Все они были вызваны внутрироссийским экономическим и политическим кризисом, Гражданской войной, существенно препятствовавшей выстраиванию эффективных логистических цепочек.

Список литературы

1. House, M. John. Wolfhounds and Polar Bears: The American Expeditionary Force in Siberia, 1918–1920. Lawrence: The University of Kansas, 1986. p. 236.
2. Белгородская Л. В., Дроздов Н. И., Воног Е. А. Повседневность Гражданской войны в Сибири: источниковедческий анализ американской кинохроники «Allied Expeditionary Forces in Siberia» (1918–1920 гг.) // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики (ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 3 (25). С. 9 – 26.
3. Murlin John R. Some Problems of Nutrition in the Army // Science. 1918. Vol. 47. № 1221. Pp. 495 – 508.
4. Nasset E. S. Professor John R. Murlin and the Beginnings of The Journal of Nutrition // The Journal of Nutrition. 2003. Vol. 133. Issue 4. Pp. 7e – 9e.
5. Ex-Doughboy Recalls 1918 Mission to Russia: World War I: George Roger Smith was one of 7,500 to 10,000 U.S. soldiers sent to Siberia to bolster forces opposed to the Bolshevik regime // Los Angeles Times. URL: https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1990-03-23-me-628-story.html (дата обращения: 12.06.2023).
6. Part One of WWI Siberian Diary of William C. Jones, 2nd Lt. U.S Army Russian Railway Service // Internet Archive. URL: https://web.archive.org/web/20070625054134/http://nortvoods.net/rrs/siberia/jonessibdiary-1.htm (дата обращения: 12.06.2023).
7. 8,000 US troops deploy in Siberia: the 27th and 31th infantry regiments «act to stabilise Russia» // The Siberian Times. URL: https://www.siberiantimes.com/other/others/features/f0246-8000-us-troops-deploy-in-siberia-the-27th-and-31st-infantry-regiments-act-to-stabilise-russia/ (дата обращения: 12.06.2023).

РОССИЙСКАЯ АЗИЯ: ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

УДК 93 (332.1)

Транспортные коридоры Северной Сибири и Дальнего Востока: реалии и сценарии будущего

Волосов Евгений Николаевич
Доктор исторических наук, профессор
Иркутский филиал Московского государственного технического университета гражданской авиации, кафедра технической эксплуатации и сервиса на воздушном транспорте
Иркутск, Россия
volosov@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-5160-0725

АННОТАЦИЯ Статья посвящена оценке экономической эффективности, геополитической и социальной значимости транспортных коридоров, функционирующих в настоящее время в восточных и северных районах Российской федерации. Большое место уделяется перспективам их развития и расширения возможностей влияния на экономическое и социальное развитие территории и страны в целом. Актуальность темы всегда была высока, но в связи с началом СВО и последующей деградацией прежних транспортных коридоров, связанных с экономической кооперацией со странами Западной Европы, изучение данных проблем приняли совершенно иное звучание и особый характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Транспортные коридоры, мультимодальные перевозки, геополитическая и экономическая стратегия.

Вопросы сохранения и модернизации действующих, а также формирования новых транспортных коридоров в северных и восточных районах страны становятся в настоящий период не просто актуальными, а критически важными для развития нашей страны. Это обусловлено рядом факторов.

1. Глобальные геополитические сдвиги, связанные с формированием полицентрической системы взаимодействия государств, политических и экономических консорциумов, объединений, союзов и других форм интеграции, консолидации, дезинтеграции.
2. Бурный рост политической и экономической субъектности стран глобального Юга с одной стороны и всеобъемлющая стагнация государств так называемого «золотого» миллиарда условного Севера (США и их сателлиты), с другой стороны.
3. Жесточайшее столкновение интересов России и коллективного «Запада» на Украине в рамках специальной военной операции, вызвавшее сверхагрессивную санкционную экономическую политику в отношении нашей страны.
4. Долговременный тренд российских властей на уход от технологической, финансовой, продовольственной, и даже ментальной зависимости от стран Запада.
5. Освоение новых рынков сбыта российских углеводородов, продуктов химической промышленности, сельского хозяйства, лесопереработки и лесохимии, предприятий черной и цветной металлургии.

Данные факторы продуцируют формирование транспортной инфраструктуры в Северной Сибири и на Дальнем Востоке, соответствующей современным геополитическим и экономическим вызовам.

Анализ исходных и конечных потребителей грузов показывает, что прежняя география транспортных коридоров изменилась существенно только в отношении трафика «северного завоза» в республику Саха-Якутия. В остальном традиционные транспортные коридоры не только продолжают осуществлять свою

производственную деятельность, но и имеют колоссальный потенциал для дальнейшего развития.

Исходя из вышесказанного, в данной статье мы ставим задачу рассмотреть основные направления грузоперевозок в восточных районах страны, оценить их влияние на развитие экономики страны в целом и субъектов Федерации, в частности.

Ныне существующие транспортные коридоры Сибири и Дальнего Востока обусловлены географическими, экономическими и геополитическими факторами, сформировавшимися за последние четыре века.

Под транспортными коридорами подразумеваются массовые перевозки пассажиров и грузов между центрами социально-экономической деятельности, с использованием двух и более видов транспорта, способных развивать высокоскоростные перевозки, и хорошо развитой инфраструктурой, полностью адаптированной с мультимодальными технологиями.

В восточных регионах России они имеют широтно-меридиональную структуру и представлены следующими транспортными артериями:

1. Реки Обь, Енисей, Лена, Амур.
2. Транссибирская железнодорожная магистраль
3. Байкало-Амурская железнодорожная магистраль.
4. Северный морской путь.
5. Амуро-Якутская железная дорога.
6. Автомобильная дорога Нижний Бестях – Магадан («Колыма»)

По каким причинам формирование современных транспортных коридоров мы относим к временам 17 века? Именно в этот период начинается активное освоение территории Сибири и Дальнего Востока. Основной вектор продвижения первопроходцев был направлен на Восток в среднем течении вышеназванных рек.

После появления Транссибирской железной дороги меридиональные транспортные коридоры получили второе дыхание. Быстрое развитие получают города и населенные пункты, расположенные на пересечении речных и железнодорожных путей: Омск, Новосибирск, Красноярск. В последующем, Улан-Удэ, Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре.

Советский период российской истории внес множество дополнительных импульсов в формирование современной системы транспортных коридоров.

В 1920 – 1930-е годы советское правительство ввиду всё более агрессивной политики Японии в северных районах Китая в 1920-е годы и понимания проблем в случае прекращения перевозок по Китайско-Восточной железной дороге, для обеспечения безопасности транспортных потоков оперативно начинает рассматривать снабжение и административное управление дальневосточными районами с использованием альтернативных вариантов.

Их было два: Северный морской путь и Байкало-Амурская железнодорожная магистраль.

Поэтому в советской истории и историографии ярко и широко отражен грандиозный подвиг советских полярников, летчиков, моряков по освоению прибрежной зоны Северного Ледовитого океана. Однако, тогдашние технологии судостроения, возможности морских судов по преодолению ледовых препятствий, качество исследований и показаний гидрометеорологических служб, отсутствие инфраструктуры для принятия и обработки грузов не позволили сделать Севморпуть транспортным коридором: Европа – Азия и, соответственно, Азия – Европа.

Второй альтернативой Транссибирской железной дороге являлась железнодорожная трасса, пролегающая вдоль северной оконечности Байкала в срединных районах Восточной Сибири, южных районах Якутии с выходом к Тихому океану в приамурских районах. Рабочим названием новой дороги стала «Байкало-

Амурская магистраль» – БАМ. Дорога обеспечивала стратегическую безопасность от потенциального стратегического противника, так как расстояние от китайско-японской границы составляло около 400 до 600 километров, к тому же не имеющих сухопутных путей, соединяющих две железных дороги.

Строительство БАМа началось в довоенные годы от станции Тайшет. Однако Великая Отечественная войнам нарушила эти планы. Частичное возвращение к реализации этого плана пришлось на 50-е годы XX века, когда был построен путь Тайшет – Лена. После завершения строительства этого пути стройка замерла на два десятилетия. Однако, после резко ухудшения взаимоотношений между КНР и СССР и возникновению угрозы перевозкам по Транссибирской магистрали в конце 1960 – начале 1970-х годов вновь актуальным стал вопрос об альтернативной северной железной дороге – БАМе.

В 1974 году идея построения БАМа получила свое продолжение. Байкало-Амурская магистраль была объявлена всероссийской ударной комсомольско-молодежной стройкой. Стройка в основном завершилась в 1989 году и соединила станцию Тайшет в Сибири и порт Ванино на Тихоокеанском побережье.

В период современной российской истории необходимость функционирования БАМа неоднократно подвергалась сомнению со стороны влиятельной части экономического блока правительства РФ и либеральной части российского истеблишмента. Действительно, в 1990-е годы – начале 2000-х годов ситуация выглядела весьма плачевной. Объем перевозок упал в несколько раз.

Однако по мере восстановления российской промышленности перевозки по БАМу для многих компаний становятся приоритетными и весьма выгодными. Транспортное плечо для грузовых перевозок из Сибири до портов Тихого океана по БАМу короче на 500 километров в сравнении с Транссибом.

Кратко рассмотрим меридиональные транспортные коридоры и их значение в недавнем прошлом и настоящем.

В западной части Сибири такой транспортной артерией является река Обь с крупнейшим судоходным притоком Иртышом. В советское время Обь, как и другие меридиональные реки, выполняла роли транспортного коридора во встречных направлениях. На север до Сургута и Салехарда везли грузы «северного завоза»: стройматериалы, продукты, уголь, оборудование для нефте и газодобывающей промышленности. На юг, к Новосибирску, Томску и Омску отправлялись нефтепродукты и лес.

В 1950 – до конца 1970–х годов река играла важную роль в пассажироперевозках. От классических пароходов в 1950–х годах в семидесятые годы перешли к перевозкам теплоходами на подводных крыльях «Ракета» и «Метеор».

В настоящее время обские транспортники оказались вне основных трафиков, приносящих реальную экономическую выгоду: вывоз на север стройматериалов, топлива, продуктов и технологического оборудования, на юг – нефти, газа и продуктов их переработки. Крупнейшие российские топливные компании взяли курс на перевозки добываемых углеводородов морским путем через порты Сабетта и Индига. Подвоз технологического оборудования и необходимых для бесперебойной работы машин и оборудования, производится железной дорогой и автомобильным транспортом. Можно констатировать, что в Обском речном бассейне сформировалась мультимодальная схема перевозок, где речной транспорт играет не самую важную роль.

Анализ научной литературы, посвященной перспективам использования перевозочного потенциала Оби, приводит нас к выводу о невозможности использовать ее, как коридор для интенсивных грузоперевозок федерального и, тем более, международного значения [1, 6].

Значительно перспективнее с точки зрения развития меридионального коридора и его роли в качестве транспортного хаба меридионально-широтного хода является Енисей. Еще в 1950-е годы река стала транспортной артерией, работающей очень эффективно, как в направлении Северного Ледовитого океана, так и на юг – до (и от) Красноярска.

Еще в советское время речной порт Дудинка начал принимать суда морского класса дедвейтом до 17 тысяч тонн, длиной до 260, 3 м, шириной до 32, 2м, и осадкой до 11,8 м. Игарка стала перевалочным пунктом для перезагрузки лесной продукции. А Дудинка - порт для загрузки продукции Норильского горно-металлургического комбината.

До Норильского экономического района перевозились грузы для нужд предприятий горно-металлургического комбината и его инфраструктуры, а также строительные, бытовые материалы, продукты долговременного хранения для северной зоны Красноярского края. Енисейский трафик с севера в направлении Красноярска остается стабильным за счет лесоэкспорта и продукции Норильского ГМК.

Новые перспективы Енисейского транспортного коридора открываются в связи с освоением Ванкорского газоконденсатного месторождения. Его запасы оцениваются в один миллиард 81 миллион тонн [2].

Однако транспортировка до мест перевалки, сжижения и востребованных пунктов приемки представляю собой серьезные логистические трудности.

Весьма интересным для будущего хаба: Севморпуть – устье Енисея выглядит порт Дудинка. Однако, насколько достаточны его гидрологические характеристики для загрузки и прохода океанских танкеров и газовозов?

Кроме того, в условиях короткой северной навигации, составляющей максимум три месяца, критическим с экономических позиций, становится ледокольное сопровождение. Затраты на проводку судов носят столь существенный характер, что перевешивают временнЫе преимущества при перевозке грузов из Юго-Восточной Азии в Европу.

Енисей, как река, пересекающая несколько климатических зон, мест традиционного проживания народов природных сообществ и уникальных природных памятников (Путоран) в перспективе станет уникальным туристическим маршрутом для тысяч отечественных и зарубежных туристов. Перспективы Енисея как туристического хаба связаны с развитой транспортной и гостиничной инфраструктурой Красноярска, наработанным опытом по приему туристов по всему Енисею с включением острова Диксон.

Ленский транспортный коридор в советское и постсоветское время использовался для снабжения промышленными материалами, топливом и продовольствием центральных и северных районов Якутии (так называемый «северный завоз». В настоящее время речным транспортом завозится около 60% грузов.

В транспортных схемах доставки грузов в Арктическую зону Якутии действуют два направления: западное и северо-восточное. По западному направлению грузы доставляются от порта Осетрово по рекам Лена, Вилюй, далее автотранспортом по автозимнику. По северо-восточному направлению грузы из порта Осетрово следуют до порта Якутск, где происходит перевалка на суда класса «река-море», далее по реке Лене, Северному морскому пути до устьевых портов рек Лена, Яна, Индигирка, Колыма, Анабар, Оленек. Частично перевалка грузов проходит в порту Нижний Бестях в интересах экономики Магаданской области. Однако река Лена, как транспортная артерия имеет очень серьезные недостатки. Сроки навигации по ней в центральной и северной её части составляют от 20 суток до четырех месяцев.

Движение речных судов на всем протяжении реки от порта Осетрово до г. Якутска затруднено её маловодностью на территории Иркутской области, большим количеством перекатов на участке от реки Витим до Якутска. Если в советское время проводились плановые дноуглубительные и выправительные работы для обеспечения судового хода, то сейчас эта деятельность практически остановлена.

В результате, при перевалке грузов в порту Осетрово приходится учитывать вышеприведенные факторы и вести загрузку судов не по их нормативным мощностям, а значительно меньше. Соответственно, недозагрузка влияет на показатели экономической эффективности грузоперевозок в рамках «северного завоза».

Постоянно возникающие трудности и риски при эксплуатации ленского транспортного коридора способствовали появлению альтернативного варианта доставки грузов и перевозки пассажиров. Им стала Амуро-Якутская магистраль (АЯМ) – железная дорога, берущая начало от станции Тында на Байкало-Амурской магистрали и заканчивающаяся на станции Нижний Бестях, расположенный на правом берегу Лены.

Кроме Нижнего Бестяха крупными железнодорожными узлами являются станции Нерюнгри, Томмот и Алдан, где расположено управление акционерной компанией «Железные дороги Якутии».

Окончание строительства Амуро-Якутской магистрали даже без мостового перехода через р. Лена серьёзно изменило логистические цепочки по перевозки грузов и пассажиров в Центральной Якутии и по федеральной трассе Р-504 «Колыма».

Эксплуатацией АЯМа занимается АО «АК «Железные дороги Якутии». По итогам 2022 года в сравнении с 2020 годом объем перевозки грузов увеличился с 6 миллионов тонн до 8 миллионов тонн.

Значительно увеличился пассажиропоток. Перевозки пассажиров выросли в 1,6 раза – до 261 тыс. человек. В 2023 году компания планирует перевезти 298,7 тыс. человек [4].

Постепенно меняется номенклатура грузов, она всё больше отвечает структуре «северного завоза». Активно развиваются перевозки металлоконструкций в интересах горнодобывающих предприятий Якутии и Магаданской области. Увеличиваются объемы поставок для развивающейся инфраструктуры газопровода «Сила Сибири».

Особенно важным является рост перевалки грузов на конечной станции АЯМа – Нижний Бестях. Объем завезенных грузов на станцию Нижний Бестях за 2022 год составил более 1,2 млн тонн, что на 19 процентов превысило показатели за 2021 год. Очень серьезно выросли перевозки нефтепродуктов (на 30 %), строительных грузов (+ 26 %), контейнеров (+8 %) [3].

Общий объем перевалки грузов в ленском порту Осетрово составляет примерно 1,5 миллионов тонн, из которых около половины приходится на отправку грузов в рамках «северного завоза». Таким образом, можно констатировать, что АЯМ становится реальной альтернативой другому транспортному коридору, речному пути: Осетрово – Якутск.

Изменение климата, загруженность традиционных транспортных коридоров и «узких мест» типа Суэцкого канала сделали еще более актуальным использование Северного морского пути, как трансконтинентального транспортного коридор. Но для этого нужны революционные решения в части развития новых технологий современной организации и управления морскими перевозками в Северном Ледовитом океане. В обозримом будущем это приведет к серьезному росту объемов межконтинентального транзита по Севморпути, большого каботажного арктического транзита и северного завоза из зоны арктических морей.

Побережье России и шельф западной части Северного Ледовитого океана стали местом, где ведется разработка и эксплуатация гигантских месторождений нефти и

газа. Буквально в течение последних двадцати лет появились новые логистические пути, необходимые, с одной стороны, для вывоза углеводородов, с другой, для завоза грузов, в целях необходимых для строительно-монтажных и эксплуатационных работ на новых месторождениях.

Динамичный рост перевозок обеспечивают компании «Газпромнефть-Ямал» и «НОВАТЭК», использующие порт Сабетту для перевалки нефти и сжиженного газа.

Судоходство по всему Севморпути является экономически выгодным только при эксплуатации крупнотоннажного флота при постоянных, плановых и высокочастотных перевозках нефти, сжиженного газа, насыпных грузов, контейнеров.

К сожалению, большая часть арктических портов не может принимать крупнотоннажные суда с осадкой более 12 метров. Эксплуатационная осадка сухогрузов при полной загрузке не может быть меньше 12 метров, а океанских танкеров дедвейтом от 100000 тонн – 14 метров. Если Россия планирует использовать Севморпуть не только для реализации идеи азиатско-европейского транспортного коридора, но и собственного большого каботажа, нужно развивать транспортную инфраструктуру для приема крупнотоннажного флота. Базовыми портами могут стать Мурманск, Сабетта, Диксон, Певек, Петропавловск-Камчатский, Магадан.

Основной маршрут Севморпути проходит вдоль континентального берега и проливах между континентом и островами. В случае нештатных ситуаций это давало возможность оперативно проводить аварийно-спасательные работы вертолетами и судами на воздушной подушке. Для крупнотоннажного арктического судоходства необходима организация широтного движения от северной оконечности о. Новая Земля до севера Таймыра. Новая трасса станет на 350-400 миль короче прибрежных путей. Однако, до ближайшего берега в некоторых точках этой трассы более 1000 километров. Изменение географии широтного хода потребует качественно новой навигации для безопасного плавания и системы аварийно-спасательного обеспечения.

Реализация федерального проекта «Развитие Восточного полигона железных дорог» позволит кардинально реконструировать Байкало-Амурскую и Транссибирскую магистрали. Транзитные контейнерные перевозки должны быть увеличены в 4 раза, срок доставки грузов по всему направлению «Запад – Восток» по Транссибу или БАМу не должен превышать семи дней. Важно, что все задач первого этапа реализации проекта были выполнены. Провозные способности БАМа и Транссиба достигли 144 млн тонн в год [5].

Вместе с тем «поворот на Восток» привел к дополнительной нагрузке на Восточный полигон, уже до этого работавший на максимуме своих мощностей. Возникает необходимость быстрого расширения железной дороги и постепенного снижения объемов перевозки угля в пользу другой продукции: сельскохозяйственной, контейнеров, лесопродукции.

То есть, одним из условий гармоничного развития экономики восточных и северных районов страны является формирование железнодорожной инфраструктуры, максимально удовлетворяющей потребности различных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

Список литературы

1. Бочаров А. Транспортный потенциал реки Обь велик, но он используется не в полную меру // Информационный портал ЧС ИНФО. 2023, URL: https://4s-info.ru/2021/05/05/transportnyj-potentsial-reki-ob-velik-no-on-ispolzuetsya-ne-v-polnuyu-meru/ (дата обращения 10.05.2023);
2. Ванкорское нефтегазоконденсатное месторождение // Информационное агентство «Neftegaz.ru. 2023. URL: neftegaz.ru/tech-library/mestorozhdeniya/141603-vankorskoe-

neftegazokondensatnoe-mestorozhdenie/?ysclid=lisnhyy1ai31402813/ (дата обращения: 01.05.2023).
3. Вырос объем грузов, доставленных на станцию Нижний Бестях // Информационно-аналитический портал SakhaNews (Новости Якутии). 2023. URL: https:// 1sn.ru/vyros-obem-gruzov-dostavlennyx-na-stanciyu-niznii-bestyax. (Дата обращения: 15.04.2023).
4. Железные дороги Якутии в 2022 году увеличили перевозку грузов на 9%, в 2023 году планируют рост на 10% // Российские желеэные дороги. 2023. URL: https://company.rzd.ru/ru/9401/page/78314?id=207110. (Дата обращения: 10.04 2023).
5. Зайнуллин Е., Скорлыгина Н. БАМ потянули в будущее // Коммерсантъ. 2022. 23 ноября.
6. Хорохина Я. Оценка транспортного использования реки Оби // Молодой ученый. 2018. № 50 (236). С. 422 – 424. URL: https://moluch.ru/archive/236/54697/ (дата обращения: 05.05.2023).

УДК 323.11:351.755.361(571.51)"2021"

Национальный состав населения Красноярского края в 2021 г.

Задорин Артём Викторович
Сибирский федеральный университет,
кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций
Красноярск, Россия
azadorin@sfu-kras.ru
ORCID ID: 0000-0002-1702-1604

АННОТАЦИЯ Рассматривается национальный состав Красноярского края по итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. Из-за пандемии коронавируса она состоялась на год позже. Перепись показала, что за 2010 – 2021 гг. численность русских снизилась. Значительно изменилось соотношение наиболее крупных национальностей края. В первую десятку вошли таджики, узбеки и долганы. Чуваши, белорусы и мордва вышли из неё. По мнению автора статьи, в экономической жизни региона будет возрастать роль представителей Средней Азии. Быстрый рост их численности заставляет больше внимания уделять проблемам адаптации и интеграции мигрантов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярский край, национальный состав, Всероссийская перепись населения 2020 г.

На исходе 2022 г. завершилась публикация окончательных итогов Всероссийской переписи населения 2020 г. Согласно Федеральному закону «О всероссийской переписи населения», перепись должна проводиться не реже чем один раз в десять лет. Поэтому изначально планировалось провести её в октябре 2020 г., ровно через 10 лет после предыдущей. Однако из-за распространения COVID-19 сроки переписи несколько раз сдвигались, сначала на апрель, затем на октябрь 2021 г. В итоге основной её этап прошёл с 15 октября по 14 ноября 2021 г. Впервые в истории России перепись проходила и онлайн: жители страны могли ответить на вопросы анкеты через портал «Госуслуги».

Перепись населения 2010 г. показала, что на территории Красноярского края проживает 159 национальностей [6, с. 11]. Сколько их стало потом и какова их численность, можно было лишь предполагать (такие сведения формируются только в рамках всеобщих переписей). И вот, наконец, 30 декабря 2022 г. вышел интересующий нас пятый том переписи 2020 г. – «Национальный состав и владение языками» (вместо сентября 2022 г., как планировалось).

Обращает на себя внимание то, что 16 594 759 человек (11,27% всего населения РФ) были учтены без указания национальности [4], то есть по данным официальной статистики, в которой нет сведений о национальности. Это очень большой недоучёт. Сходный результат (10,93%) получился и по Красноярскому краю [Там же].

К сожалению (для статистиков, учёных и управленцев), проблема недоучёта от переписи к переписи лишь обостряется. Всё больше людей отказывается указывать свою национальность, и в Красноярском крае, и в целом по России. Если в 1989 г. таковых было в крае 4395 человек (0,14% от общего количества жителей региона), то в 2002 г. – уже 15 822 (0,53%), а в 2010 г. показатель резко вырос, составив 100 621 (3,56%) [6, с. 11]. Во время переписи 2020 г. не указали свою национальность 312 306 человек, или 10,93% [4]. Это в три раза больше, чем в 2010 г. При этом 101 673 человек отказались отвечать на вопрос о национальной принадлежности [Там же]. До остальных (210 633) переписчики и вовсе не дошли (или не смогли к ним попасть).

Данное обстоятельство не позволяет верно представить национальный состав населения страны. Какова, скажем, доля русских? Как её рассчитывать: по отношению к лицам, указавшим национальность, или ко всему населению? В первом случае мы получим показатель 80,85%, а во втором – только 71,73%.

Поскольку другой статистики у нас нет, будем оперировать имеющимися данными. Какова же всё-таки доля русских в населении? Здравый смысл и опыт участия в статистических наблюдениях [2, 3] наводят на такие размышления. Местным жителям нет причин скрывать национальную принадлежность – это не сведения о доходах. Бывает, человеку сложно определить свою национальность. Например, если отец – татарин, а мама – русская, то кто их дети? Но если человек живёт в России среди русской культуры по российским законам, скорее всего, назовёт себя русским. То есть среди лиц, не указавших свою национальность, русских, по всей видимости, мало. Как и народов, издавна проживающих в России, – татар, немцев и др. Легально проживающим и честно трудящимся людям незачем уклоняться от переписи.

Ещё один аргумент в пользу расчёта удельного веса национальности по отношению ко всему населению. В 1989 г. в Красноярском крае (без Хакасской автономной области) доля русских составляла 87,56% от общей численности населения, в 2002 г. – 88,95%, в 2010 г. – 88,07% [6, с. 12]. Переписью 2020 г. в регионе учтено 2 856 971 человек. Указали свою национальность 2 544 665 человек, из них 2 382 723 русских [4]. Если рассчитывать долю русских по отношению ко всему населению, получим показатель 83,40%. А если по отношению к лицам, указавшим свою национальность, – получим 93,64%. Но этого не может быть, поскольку коренное население сокращается и замещается пришлым. Такие тенденции вытекают уже из официальной статистики.

Итак, по данным последней переписи, доля русских в Красноярском крае составляет 83,40% от общей численности населения (хотя этот показатель и неточен). То есть после 2010 г. доля русских в регионе заметно сократилась, чего не было даже в «лихие 90-е».

По сравнению с переписью 2010 г., национальностей в крае стало меньше – 147 [Там же]. Русские по-прежнему преобладают, однако со второго по десятое место расстановка изменилась. В третьем издании «Этноатласа Красноярского края» (2018) приводится динамика численности наиболее крупных национальностей края в 1989, 2002, 2010 гг. Продолжив её данными последней переписи, получим следующий результат (Табл. 1).

Мы видим сокращение численности украинцев и белорусов (в 3,3 раза), мордвы (в 3 раза), немцев и чувашей (в 2,5 раза), татар (в 1,8 раза). Они издавна проживают в Красноярском крае, но с 1989 г. их становится всё меньше и меньше.

Сходная тенденция отмечается у азербайджанцев и армян: их численность сокращается с 2002 г. При этом у армян за межпереписной период 2002 – 2010 гг. она почти не менялась. После 2010 г. азербайджанцев и армян стало меньше в 1,4 раза.

Зато представительство диаспор Центральной Азии (таджиков, киргизов, узбеков) неуклонно растёт. И это неудивительно. «Справочник мигранта» сообщает, что в Красноярский край временно приезжает более ста тысяч трудовых мигрантов ежегодно [5, с. 2]. Из них 2/3 составляют таджики, узбеки и киргизы [1, с. 411].

В представленной таблице мы можем проследить динамику численности киргизов. Увеличили свою численность и таджики с узбеками. Теперь они находятся в первой десятке наиболее крупных национальностей края: таджики на третьем месте, узбеки – на девятом.

Перечень наиболее крупных национальностей Красноярского края теперь выглядит так [4]:

- русские – 2 382 723 человек;

- татары – 19 418;
- таджики – 12 968;
- азербайджанцы – 11 658;
- украинцы – 11 601;
- киргизы – 10 652;
- немцы – 8936;
- армяне – 7718;
- узбеки – 7523;
- долганы – 5867.

В рамках одной статьи сложно рассмотреть проблему с разных сторон. Но даже поверхностный взгляд позволяет сказать о многом.

Прежде всего, данные переписи 2020 г. говорят о серьёзных изменениях национального состава Красноярского края. Не только количественных, но и качественных. Всё бóльшую роль в экономической жизни региона начинают играть представители Средней Азии – таджики, киргизы, узбеки. Помимо миграции, численность их растёт за счёт высокой рождаемости. Рассмотрение этой проблемы требует отдельного исследования.

Быстрый рост численности некоренных национальностей ставит перед принимающим сообществом проблему их адаптации и интеграции. Этнические мигранты склонны к созданию объединений, диаспор, что создаёт угрозу для этнокультурной безопасности принимающей территории. Возникает сложная ситуация. Находясь на иной территории, диаспоры не включены в культуру этой территории и действуют в рамках закрытого национального сообщества. Разумеется, в администрации Красноярского края это понимают и принимают меры. Объём статьи не позволяет углубиться в подробности.

Просторы края, его земля и другие ресурсы издавна привлекали людей. Без привлечения населения развитие региона немыслимо. Но миграция не должна идти в ущерб местным жителям.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности» 2020–2022 гг. при поддержке Минобрнауки России.

Таблица 1.
Изменение численности наиболее крупных национальностей Красноярского края в 1989, 2002, 2010, 2021 гг. [6, с. 12; 4]

Национальность	Год							
	1989[68]		2002		2010		2021	
	Человек	%	Человек	%	Человек	%	Человек	%[69]
Русские	2 260 542	87,56	2 638 281	88,95	2 490 730	88,07	2 382 723	83,40
Украинцы	105 540	3,47	68 662	2,32	38 012	1,34	11 601	0,40
Татары	49 331	1,62	44 382	1,50	34 828	1,23	19 418	0,67
Немцы	43 004	1,42	36 850	1,24	22 363	0,79	8936	0,31
Азербайджанцы	7431	0,24	19 447	0,66	16 341	0,58	11 658	0,40
Чуваши	23 432	0,77	16 859	0,57	11 036	0,39	4391	0,15
Армяне	2990	0,10	10 807	0,36	10 677	0,38	7718	0,27
Белорусы	29 909	0,98	18 149	0,61	9900	0,35	3049	0,10
Киргизы	1922	0,06	3876	0,13	8423	0,30	10 652	0,37
Мордва	11 707	0,39	7526	0,26	4295	0,15	1395	0,05

[68] Без Хакасской автономной области.
[69] Показатель рассчитан по отношению ко всему населению.

Список литературы

1. Задорин А. В. Адаптация мигрантов как фактор развития экономики Красноярского края // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2019. Иркутск: Изд-во БГУ, 2019. С. 410 – 415.
2. Задорин А. В. В гостях у малого бизнеса. Каким его увидел регистратор из Красноярскстата // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2016. Февр. С. 18.
3. Задорин А. В. Как я работал переписчиком // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2015. Ноябрь. С. 20.
4. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Т. 5. Национальный состав и владение языками. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul# (дата обращения: 11.06.2023).
5. Что должен знать трудовой мигрант, приезжающий в Красноярский край: справочник мигранта / Управление общественных связей Губернатора Красноярского края. Красноярск, 2019. 31 с.
6. Этноатлас Красноярского края. Изд. 3-е, перераб. и доп. Красноярск: Изд-во Поликор, 2018. 240 с.

УДК 93

Социокультурное развитие коренных малочисленных народов: к постановке проблемы

Кудашкин Вячеслав Александрович
кандидат исторических наук, доцент
Братский государственный университет,
базовая кафедра истории, педагогики и психологии
Братск, Россия
kudashkinslava@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0001-6682-6970

АННОТАЦИЯ Основе анализа и систематизации литературы, источников автор попытался проанализировать опыт социокультурного развития коренных малочисленных народов. Социокультурное развитие рассматривает процесс вхождения индигенного населения в культуру, принятие и присвоение общечеловеческих и национальных ценностей, социальных норм, присущих советскому типу обществу, а также творческую переоценку опыта посредством формирования собственной модели поведения в данном обществе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Социокультурное развитие, коренные малочисленные народы, индигенное население

Социокультурное развитие – это закономерное, целенаправленное изменение социокультурной ситуации под воздействием обоюдного влияния общества и культуры как программы его развития. Цели и задачи такого изменения определяются культурной и социальной политикой государства.

Социокультурное развитие не может осуществляться, если культурная и социальная политика проводятся отдельно друг от друга. Культурная политика должна стать важнейшей составляющей социальной политики, которая в современных условиях может быть лишь комплексной социально-культурной, а также неотъемлемой частью всех без исключения направлений государственной политики в целом, выражая ее духовно-ценностный и нравственно-нормативный аспекты.

Социокультурные условия развития коренных малочисленных народов, специфически составляют систему, проявляющуюся на четырех уровнях: культурно-экономическом, культурно-экологическом, культурно-правовом и культурно-духовном.

Определяется социокультурная политика как важнейший аспект социальной политики, представляющий собою деятельность государственных структур и структур гражданского общества, направленная на развитие этнической культуры, на активизацию человеческого фактора как основного узла культуры, и на усилении единства личности и этноса.

В настоящее время приняты некоторые государственные решения, направленные на развитие коренных малых народов. Эти решения на федеральном и региональном уровнях легли в основу государственной стратегии развития коренных малочисленных народов. Однако вопросы духовного и нравственного возрождения в них почти не затронуты, хотя именно они являются решающими в деле сохранения упомянутых народов.

Обычно границы в этнографической литературе воспринимаются и описываются как культурные или этнокультурные. Отдельной проблемой становится конструирование этничности под влиянием и в рамках государства. Особый интерес представляют обоснование В. А. Тишковым «личностно-ориентированного подхода к

изучению этнической идентичности». Он пишет: «Когда мы говорим об этнической границе, конструирующей группу, мы должны иметь в виду, что если даже это результат внутреннего выбора, то это не есть всеобщий выбор, а момент согласия только части социально активного населения, для которой участие в этническом дискурсе важно по тем или иным причинам».

Определенную сложность для изучения представляет и то, что не только идентичность аборигенов, но и многое в их повседневной и даже сакральной жизни в течение длительного времени конструируется не только ими, но и учеными, государством, через составление бесконечных списков, и даже промышленными компаниями. Столкновение внешних и внутренних представлений о группе приводит к тому, что некоторые аборигены сами называют себя «националы» или «коренные малочисленные народы Севера». Они воспринимают себя как группу, имеющую особый статус, со всеми ограничениями для свободного развития.

Интересно отметить, что у антропологов, которые занимаются изучением коренных малочисленных народов Севера на основании длительных полевых исследований, практически не возникает вопросов в определении того, какие именно народы к ним относятся. При этом анализ инноваций в культуре этих народов, или увеличение числа аборигенов, живущих в городах, мало что меняет в исследовательском дискурсе. Появляются новые вопросы, и исследователи ищут на них ответы. Чаще проблемы для научных исследований возникают при анализе статистических материалов и других формальных источников, которые часто «не работают» в отношении этих народов. Это предопределяет необходимость качественных методов при изучении вопросов современного развития коренных народов.

У каждого народа — своя история, культура, быт. Оленеводство, рыбный, зверобойный и пушной промыслы являются традиционными отраслями хозяйства коренных малочисленных народов, они предопределяют кочевые формы его ведения и соответствующий уклад жизни, очаговый характер расселения.

Итогом национальной политики в 1920 – 1980-е гг. явилось то, что культура малочисленных народов оказалась на грани исчезновения из-за утраты родного языка, национальных профессиональных навыков, бытовых традиций, художественных промыслов и фольклора. Свою роль в этом сыграло уменьшение, а иногда и отсутствие финансирования советским государством мероприятий по сохранению культурного наследия коренных малочисленных народов в XX в. Таким образом, в указанный период у коренных малочисленных народов шел процесс, который в современной науке обозначен термином «аккультурация».

Под аккультурацией понимается процесс взаимовлияния культур (обмен культурными особенностями), восприятия одним народом полностью или частично культуры другого народа. При этом оригинальные культурные модели одной или обеих групп могут быть изменены. Следует различать аккультурацию и ассимиляцию, при которой происходит полная утрата одним народом своего языка и культуры при контакте с другим, более доминантным. При этом, несомненно, аккультурация может быть первой ступенью на пути к полной ассимиляции.

Важную роль в социальном развитии и изменении этнической культуры сыграла «советская школа». Возникали большие трудности с учительскими кадрами из числа малочисленного населения. В основном сюда посылались молодые люди из числа некоренного населения после окончания специальных учебных заведений. Однако одиночки работали на местах только 1 – 2 года и уезжали. Одной из причин текучести учительских кадров была неустроенность быта, отсутствие квартир, а также то, что районо своевременно не укомплектовало школы. Школа как институт у малочисленных народов был основан на развитии у детей навыков хозяйственной

деятельности. Таким образом, школа была инициатором многих хозяйственно-культурных начинаний, в том числе развития новых отраслей хозяйства. Начиная с 1975 г., в сохранении национальных и культурных особенностей школам-интернатам помогали местные дома культуры.

В системе образования на этническую самобытность влияли школы-интернаты. Отрыв определенной части молодежи от семьи в таких интернатах и традиционной культуры помимо трудностей включения в традиционные отрасли хозяйства порождал ряд острейших проблем социально-психологического характера, связанных с необходимостью сохранения того положительного содержания культуры, которое представляет исторический опыт предшествующих поколений.

Большинство отечественных ученых указывает на негативные стороны интернатского образования. Среди них называются разрушение семейного уклада и преемственности поколений коренных народов (А. Е. Афанасьев, Н. Б. Вахтин, Ю. А. Самар, А. С. Сафронов), утрата воспитанниками интернатов родного языка (А. Е. Афанасьев, Н. Б. Вахтин, Н. И. Гладкова, Л. Я. Иващенко, Ю. А. Самар, В. П. Серкин), потеря детьми навыков традиционного хозяйствования и интереса к своим национальным обычаям (Л. Я. Иващенко, А. С. Сафронов, В. П. Серкин), воспитание социально пассивных, иждивенчески настроенных молодых людей, не имеющих устойчивой привычки к систематическому труду (А. Е. Афанасьев, Н. Б. Вахтин, И. В. Грицай (Пыхтеева), Г. А. Отаина, Ю. А. Самар).

Острый дефицит жилья в населенных пунктах и недостаточный уровень благоустройства жилого фонда создавали серьезные помехи демографическому развитию коренного населения. Скученность проживания, несоблюдение температурного режима и других санитарно-гигиенических норм приводили к повышению заболеваемости населения. Отсутствие собственной жилой площади не позволяло многим потенциальным носителям демографического роста создать свои семьи.

В 80-е гг. XX в. в предперестроечный период у коренных малочисленных народов наиболее остро проявились проблемы, связанные с алкогольной зависимостью и отсутствием потребностей в национальной культуре. Руководители райкомов на местах стали замечать непоправимые ошибки, допущенные в национальной политике. Так, например, в 1984 г. директор Преображенского зверопромхоза Катангского района Иркутской области Г. Г. Верхотуров сказал: «Допущена непоправимая ошибка в национальной политике по отношению к эвенкийскому населению – когда коренные, кочевые и малочисленные народы насильственным путем перевели на оседлый образ жизни, считая это достижением социализма». Таким образом, представители малочисленных этносов не смогли сориентироваться в новых условиях, которые им предлагало советское государство.

Межкультурный процесс в рамках медицинских исследований, ставил аборигенов в тупик: все, что их предки, и они сами на протяжении нескольких столетий делали, с точки зрения врача считалось немыслимым и не допустимым, например, употребление сырого замороженного мяса, без термической обработки; отсутствие личной гигиены.

Многовековые культурные устои не позволяли ярым приверженцам шаманизма принимать медицинские препараты, что в свою очередь влияло на картину и устойчивость заболеваний. Тем не менее, это были не все факторы, которые влияли на получение коренными малочисленными народами качественной медицинской помощи.

В настоящее время у всех коренных малочисленных народов сохранились лишь воспоминания о шаманстве. В современной пореформенной России шаманизм как признак духовной культуры сохранился благодаря национальным краеведческим музеям и этнокультурным центрам, созданным в местах проживания представителей

из числа коренных малочисленных народов. В исчезновении шаманства сыграли роль перевод малочисленных «кочевников Севера» на оседлость, обеспечение медицинской помощью и атеистическая направленность воспитания. В конце 80-х гг. XX в. у шаманов уже не было ни бубна, ни специального костюма. Они занимались предугадыванием будущего, изредка лечением. В 1989 г. умер последний шаман катангских эвенков, в 1993 г. – у тофалар.

Рассматривая проблемы сохранения культурных традиций у малочисленных народов изучаемого региона, важно упомянуть о похоронном обряде. Погребальный обряд стал полностью похож на русский. Но отличие было лишь одно, памятник с фотографией у тофаларов не ставился.

Для создания социалистических очагов культуры в 50 – 60-е гг. XX в. советская власть открывала клубы, библиотеки, стали работать первые кинопередвижки. Они вносили «новое» в культуру коренного населения. Только после постановления Совета Министров СССР от 15 апреля 1977 г. № 4757-16 «О вопросах экономического и культурного развития районов проживания коренных малочисленных народностей Севера» клубы начали проявлять интерес к национальной самодеятельности. Например, в Тофаларии в конце 70-х гг. XX в. все чаще клубные работники стали привлекать знатоков фольклора на сцену, начали создаваться национальные ансамбли песни и танца, стали заказывать театрализованные костюмы в районных и областных ателье.

Обычно в клубах появлялись библиотеки. У каждой народности – своя история, культура, быт. Оленеводство, рыбный, зверобойный и пушной промыслы – традиционные отрасли хозяйства, которые предопределяют кочевые формы его ведения и соответствующий уклад жизни, очаговый характер расселения. Культура малочисленных народов оказалась на грани исчезновения из-за утраты родного языка, национальных профессиональных навыков, бытовых традиций, художественных промыслов, фольклора. Свою роль в этом сыграло и уменьшение материальных и финансовых вложений в культуру. Появилась творческая интеллигенция.

Только в начале 90-х гг. начался возрождаться подлинный интерес к национальной художественной самодеятельности. В кружки пошла молодежь. В последние годы XX века наблюдалось возрождение интереса к национальной культуре и языку, в результате чего стали появляться этнокультурные центры.

При рассмотрении изменения в материально-бытовой культуре у коренных малочисленных народов мы обратили внимание на жилище, которое является одним из ярких примеров таких изменений. Деревянные дома довольно быстро приобрели облик обычных деревенских домов в русских поселках. Это относилось и к внутреннему убранству дома. Городская покупная мебель, занавески на окнах, разнообразие так называемой городской посуды, – все это свидетельствовало о межкультурном взаимодействии.

Изменения произошли и во внешнем облике. Теперь одежда в основном покупалась в магазине. В летнее время в качестве одежды выступали – резиновые сапоги, куртки, фуражки, применялось и солдатское обмундирование, как спецодежда. А в зимнее это были ватники и фуфайки.

В начале 70-х гг. XX в. оказал свое влияние и научно-технический прогресс. Лодочные моторы, мотоциклы, телевизоры, радиоприемники, – все это привнесло разнообразие в жизнь малочисленных народов, и закрепилось и до наших дней.

Традиционная пища еще сохранялась. В поселках она практически не готовилась. Ее употребление связано было с нахождением в тайге или на промысле. Основной рацион питания у всех малочисленных этносов Иркутской области составляло оленье молоко. Газеты и журналы стали основными источниками новых способов приготовления и консервации овощей, рыбной и мясной продукции. Из дикоросов –

ягод и грибов, делали заготовки путем сушки. А с появление сахара, из ягоды стали делать сахарные «засыпухи». К началу 80-х гг. в тайге национальные блюда переставали быть основой питания, превращаясь в дополнение к продуктам, которые приобретались в магазинах.

Приобщившись к новой для коренного малочисленного населения культуре, они утратили многие черты своей традиционной бытовой и духовной культуры, обслуживавшей старую кочевую жизнь. От традиционной культуры у них остались лишь навыки оленеводства, таежных и тундровых промыслов и их язык, который все больше вытеснялся русским языком.

Малочисленные этносы стали праздновать общие российские праздники, совершать бракосочетание и устраивать свадьбы по общепринятым в стране стандартам, усопших стали хоронить, закапывая в землю. В области духовной культуры приобщились к общероссийскому стандарту.

Таким образом, рассмотрев взаимодействие традиционной культуры коренных малочисленных народов и советской культуры, можно сделать следующие выводы. Приобщившись к новой для них духовной культуре, коренные малочисленные народы утратили многие черты своей традиционной обрядовой культуры как элемент старой кочевой жизни. От национальной традиционной культуры у них остались лишь навыки оленеводства, таежных и тундровых промыслов. Политика оседлости, проводимая советским государством в XX в., сломила привычные представления о жизни у коренных малочисленных народов. Государство пыталось превратить их из отсталых народов в «советских людей». Атеистическое воспитание советского народа, пропагандируемое коммунистической идеологией, коснулось института шаманизма и привело к полному его уничтожению у тофаларов, эвенков. Культура шаманизма сохранилась лишь на базе этнокультурных центров в виде музейных экспонатов и театрализованных представлений. Коренные малочисленные народы стали праздновать советские праздники, совершать бракосочетание и устраивать свадьбы по общепринятым в стране «стандартам», хоронить своих покойников по христианским и «смешанным» обрядам. В области обряда духовной культуры они приобщились к общесоветскому стандарту, хотя в последние годы советского периода наблюдалось возрождение интереса к национальной культуре и языку.

Малочисленные народы были вырваны из привычного, формировавшегося веками уклада жизни. Государство само определяло, как люди должны организовывать свою культуру, быт, структуру повседневной практики. Перемены коснулись практически всех сторон жизни. Таким образом, в XX в. малочисленные народы прошли сложный исторический путь развития, обусловленный переходными периодами смены общественной формации, а, значит, и трансформировали свое мировоззрение, оказав влияние на изменение института «обряда» как главного показателя духовной культуры.

УДК 930

Молодые ученые Бурятии в панораме столетия республики и в перспективах научного десятилетия

Нолев Евгений Владимирович
кандидат исторических наук
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
отдел истории и культуры Центральной Азии;
Совет молодых ученых Республики Бурятия
Улан-Удэ, Россия
nolev@inbox.ru
ORCID ID: 0000-0001-7756-7791

АННОТАЦИЯ В докладе проанализирован исторический опыт организации деятельности молодых ученых в Республике Бурятия. Отдельное внимание уделяется региональным законотворческим инициативам в области развития научного потенциала молодежи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Республика Бурятия, молодые ученые, Народный Хурал Республики Бурятия.

Впервые в истории нашей страны организация, объединившая молодых ученых, появилась в Сибирском отделении Академии наук СССР на основании решения Бюро комитета ВЛКСМ СО АН СССР от 8 сентября 1961 г. Движение научной молодежи при Бурятском филиале СО АН СССР стало активно развиваться с середины 1970-х гг. В 1976 г. под руководством ныне академика РАН А. К. Тулохонова был создан Совет молодых ученых Бурятского обкома ВЛКСМ, а год спустя в рамках Совета была создана Малая Академия наук, переросшая в общереспубликанскую организацию.

В 1989 г. по инициативе и под руководством ныне академика РАН Б. В. Базарова была организована «Ассоциация молодых историков», на базе которой в 1991 г. был создан «Общественно-научный центр «Сибирь». Деятельность ассоциации была нацелена на пропаганду исторических знаний в молодежной среде, исследование истории республики, изучение «белых пятен» региональной историографии. Миссия ОНЦ «Сибирь» заключалась в формировании исторического сознания, воспитании принципиально нового поколения ученых, создании гуманного общества, в котором научные и, прежде всего, исторические знания должны были стать фундаментом общественного развития.

В 2003 г. был создан Совет молодых ученых при Государственном комитете Республики Бурятия по делам молодежи, физической культуре и спорту. Целью совещательно-консультативного органа стала координация научно-исследовательской деятельности аспирантов, молодых ученых и преподавателей. 1 декабря 2006 г. последовала реорганизация Совета в Региональную общественную организацию «Совет молодых ученых Республики Бурятия», содействующую развитию научного потенциала молодежи республики и повышению роли и значения молодых ученых в общественной жизни.

Необходимость законодательного закрепления статуса молодых ученых на республиканского уровне впервые была обозначена на парламентских слушаниях на тему «Молодежный ресурс в развитие экономики Бурятии», прошедших в Народном Хурале РБ 19 мая 2016 г. Итогом двухлетней работы стало принятие в марте 2018 г. Закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в части определения статуса молодых ученых» [1]. Законодательно была закреплена категория: «молодые ученые». 30 декабря 2020 г. был принят Закон «О

молодежной политике в Российской Федерации», где отсутствует понятие «молодой ученый» и верхняя граница возраста молодежи определена тридцатью пятью года. Принимая Закон «О молодежной политике в Республике Бурятия», депутаты республиканского парламента сохранили категорию «молодой ученый», а также, руководствуясь п. 3. ст. 6. Федерального закона закрепили возраст молодых докторов наук – 40 лет [2, с. 1].

Список литературы

1. Закон РБ № 2866-V от 07 марта 2018 г. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Республики Бурятия в части определения статуса молодых ученых». Улан-Удэ, 2018. 2 с.
2. Закон РБ № 1903-IV от 20 декабря 2021 г. «О молодежной политике в Республике Бурятия». Улан-Удэ, 2021. 8 с.

УДК 314.02

Всероссийская перепись населения 2002, 2010 и 2021 гг. в Иркутской области: сравнительный анализ проведения

Урожаева Татьяна Петровна
кандидат исторических наук
Иркутский государственный университет,
лаборатория исторической и политической демографии
Иркутск, Россия
olgoy@ya.ru

АННОТАЦИЯ В октябре 2002 г. прошла Всероссийская перепись населения в Иркутской области. Материалы переписи позволили получить данные о численности, размещении и половозрастном составе населения, состоянию в браке, гражданстве, национальности, образованию и источнике средств жизни. В ходе переписи 2010 г. кроме стандартных вопросов были нововведения: в блоке вопросов добавился пункт о наличии подключения к Интернету. В пункте про образование теперь указывали бакалавра, магистра или специалиста, а также имелось ли дополнительное образование. Коронавирус внёс коррективы в планы проведения переписи населения 2021 г. Был пересмотрен общий срок, а также период для учёта жителей труднодоступных территорий. Граждан призвали пройти перепись в онлайн на портале «Госуслуги». В ситуации осени 2021 г. это дало возможность минимизировать контакты в целях предупреждения распространения вируса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Всероссийская перепись населения; областной комитет статистики; переписчики; переписные листы.

Всероссийские переписи населения (ВПН) выступают основным источником формирования официальной статистической информации, относящейся к численности и структуре населения регионов РФ в соответствии с социальными, структурными, экономическими и демографическими характеристиками, национальным и языковым составом, его образовательным уровнем и другими показателями.

В 2002 г. состоялась Всероссийская перепись населения. Последний раз подобное мероприятие проводилось в 1989 г. Проведение переписи было дорогостоящим мероприятием: в областном бюджете на 2001 и 2002 гг. было предусмотрено финансирование подготовительных работ – аренда помещения, проведение в нем ремонта, обеспечение мебелью, оргтехникой и транспортом и т.д. В 87 населенных пунктах области состоялась досрочная перепись. Для таких отдаленных районов, как Катангский, Мамско-Чуйский и Нижнеудинский (Тофалария), для учета населения понадобилась авиация, финансирование соответствующих расходов необходимо было предусмотреть заранее [9, с. 3].

Карты и схемы, оставшиеся после предыдущей переписи 1989 г., использовались для уточнения границ населенных пунктов. К 1 января 2001 г. было изготовлено 100 тыс. номерных знаков и аншлагов на дома. Процесс тормозился из-за нехватки денег. В Иркутске были проинвентаризированы Свердловский и Ленинский округа. Было изготовлено и размещено 2 450 аншлагов и номерных знаков. Планировалось завершить инвентаризацию в Правобережном и Октябрьском округах [2, с. 3].

Опрос населения проходил в крайне сжатые сроки с 9 по 16 октября 2002 г. Перепись населения в каждом населенном пункте области осуществлялась по единой методике, и для успешного ее проведения требовалась активность и сознательность граждан. Переписчики со специальным удостоверением заглянули в каждый дом, каждую квартиру. Гражданам предложили ответить на ряд вопросов, ответы на которые были записаны в специальный переписной лист. При опросе, предъявление

переписчикам каких-либо документов не требовалось. Вся информация, записанная в переписной лист, была строго конфиденциальна.

Особенности переписи 2002 г. заключались в том, что впервые на отдельные бланки переписывались лица, временно находящиеся на территории России. Помимо традиционных вопросов (пол, возраст, дата рождения) им были заданы вопросы о цели приезда в Россию, национальности и гражданстве.

В проведении переписи было задействовано около 17 тыс. чел. [24, с. 4].

За наведение порядка в адресном хозяйстве были ответственны главы муниципальных образований, и финансирование работ предусматривалось из средств местного бюджета. В полном объеме были изготовлены атрибуты адресного хозяйства в городах Саянск и Шелехов, а также в Усть-Илимском, Качугском, Куйтунском и Слюдянском районах. В целом, к концу I квартала 2001 г. работа по упорядочению адресного хозяйства была завершена [1, с. 3].

К отстающим относились Ангарск и Черемхово, Ольхонский, Чунский и Тулунский районы. В областном центре была изготовлена пятая часть номерных знаков и аншлагов, но после празднования 340-летия Иркутска городские власти выправили положение [27, с. 2]. К 1 октября 2001 г. были уточнены и переданы в аэрогеодезическое предприятие Иркутской области все схематические планы и карты городов и районов [5, с. 3].

Для того, чтобы в Приангарье в полном объеме провести перепись населения, потребовалось около 9 500 временных переписных работников. В городах и районах области в этой роли выступили, в основном, студенты и преподаватели. Также через службы занятости были привлечены безработные. С 1 июня 2002 г. было проведено обучение переписчиков [18, с. 2].

Данные переписи были готовы через два – три месяца, для получения окончательных результатов потребовалось около года [11, с. 3].

В июле 2002 г. в Иркутске появились лжепереписчики. В микрорайоне Первомайский группа людей под видом участников Всероссийской переписи населения пыталась проникнуть в квартиры горожан. На заседании Иркутской областной комиссии по проведению переписи начальник отдела переписи населения облкомстата Т. Смирнова заявила, что переписчики по квартирам ходили только во время переписи с 9 по 16 октября, и при себе имели соответствующие документы [12, с. 2].

В сентябре 2002 г. в областном центре открылся региональный пресс-центр «Перепись-2002». Решился вопрос о работе в пресс-центре многоканального телефона, по которому каждому жителю области был дан исчерпывающий ответ на любой вопрос о предстоящей Всероссийской переписи [21, с. 2].

Опрос населения проходил с 9 по 16 октября 2002 г. Для удобства населения сведения от граждан могли быть получены по телефону или в стационарных переписных участках. Собранные переписные листы подвергались кодировке, после чего отправлялись в Государственный межрегиональный центр – вычислительный центр Госкомстата (ГМЦ). ГМЦ обрабатывал закодированные бланки сканером и считывал обезличенную информацию, не содержащую ни имен, ни фамилий, на магнитные носители [17, с. 3].

Среди тех, кто решил, во что бы то ни стало отказаться от участия в переписи, немало было «отказников» по разным причинам. В основном это происходило в связи с жилищно-коммунальными проблемами, которые довели людей до предела. Так, в Иркутской области от участия в переписи отказались жители поселка ЛПК-122 г. Братска. В дома не подали тепло, и замерзающие хотели таким образом повлиять на местные власти [10, с. 3].

В связи с началом Всероссийской переписи населения сотрудники УВД Иркутской области перешли на усиленный режим несения службы. По распоряжению начальника областного УВД А. Россова, в составе УВД был создан временный оперативный штаб, в который вошли руководители всех служб аппарата УВД. Ежедневно в дни Всероссийской переписи населения порядок в областном центре контролировало около 400 сотрудников милиции [23, с. 6 – 7].

В ходе Всероссийской переписи, по данным на 14 октября 2002 г., были собраны данные у 69,7 % населения Иркутской области. Наиболее успешно перепись продвигалась в Усть-Кутском районе (было опрошено 83 % населения), Усть-Удинском (82 %), Киренском (80 %). Медленные темпы были отмечены в Мамско-Чуйском (59 %) и Тайшетском (60 %) районах, городе Тайшете (60 %). В облкомстате отметили, что в Тайшете и Тайшетском районе жители отказывались участвовать в переписи, аргументируя это отсутствием теплоснабжения [25, с. 2].

В Иркутске работало 85 переписных участков: 29 – в Свердловском округе, 21 – в Ленинском, 20 – в Октябрьском и 15 – в Правобережном. С целью обеспечения безопасности переписчики работали в плотном контакте с участковыми милиционерами. Штаб городского УВД составил список потенциально опасных объектов, куда переписчики не могли ходить без сопровождения милиции. К таким объектам относились целые территории (например, Затон, Кая, 3-й посёлок ГЭС), а также места, где могли обитать лица без определённого места жительства.

Перепись 2002 г. показала, например, что в Иркутске проживало на 15 тыс. жителей больше, чем показывал официальный учёт. Также выяснилось, что на 10 девушек было не 9, а 8 ребят, и замужних женщин в Иркутске было больше, чем женатых мужчин [14, с. 4].

Всероссийская перепись населения 2010 г. в отдалённых и труднодоступных районах Иркутской области началась 1 августа. В этот день переписчики направились в село Алыгджер, деревню Нерха и село Верхняя Гутара Нижнеудинского района. С 14 по 27 августа переписчики работали в труднодоступных посёлках Заморский и Дальний на территории Нижнеилимского района. Там, по предварительным данным, проживало около 1,3 тыс. чел.

Всего для проведения Всероссийской переписи в 2010 г. Иркутской области из федерального бюджета было выделено около 11 млн. руб. [20, с. 3]. Впервые за всю историю переписи населения на территории г. Нижнеудинска и Алзамая работали стационарные участки, куда люди сами могли прийти ответить на вопросы. Ведь от полноты ответов зависело очень многое.

– По правилам, такую работу нужно проводить раз в десять лет, – отметила Т. Михальченкова, специалист районного отдела. – Программа в отличие от предыдущей переписи содержала новые позиции. Например, в блок вопросов об образовании был введен вопрос об ученой степени. Учитывались сведения о количестве детей в семье и дата рождения первого ребенка. Кроме того, гражданам пришлось сообщить об источниках дохода: получали ли зарплату, пенсию, содержали ли подсобное хозяйство [7, с. 2].

Официальный старт Всероссийской переписи населения был дан 14 октября 2010 г. Как и в других субъектах федерации, в Приангарье она продлилась до 25 октября. По словам руководителя территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области (Иркутскстат) И. Ивановой, всего в области насчитывалось 105 населённых пунктов, которые являлись труднодоступными. В большинстве из них досрочная перепись населения прошла в сентябре 2010 г. Население ещё пяти посёлков, как подчеркнула И. Иванова, было охвачено в официальные сроки проведения переписи.

Вся информация по переписи стала доступна только в апреле 2011 г., до этого данные обрабатывались органами статистики в Москве [22, с. 3].

Всего в области на переписи работало более 10,7 тыс. чел. «Это весь состав, с учётом резерва, а также заведующих и инструкторов», – уточнила Е. Фролкина. Занимались переписными участками составлением статистического портрета жителей в городе Иркутске более 2,4 тыс. чел., или почти четвёртая часть от переписного состава. Помимо других крупных городов – Братска, Ангарска, Усть-Илимска, Шелехова, – большое количество переписчиков работало также в тех территориях, где была высокая численность сельского населения, – в Нижнеудинском, Тулунском, Иркутском и других районах.

Непосредственно переписью населения в области в 2010 г. занимались 7,4 тыс. чел. Их них более 6 тыс. чел. ходили по улицам и стучали в каждый дом, а около 1,3 тыс. – работали на стационарных пунктах переписи, куда мог прийти каждый желающий. К примеру, в Иркутске непосредственно переписывали население около 2 тыс. чел. «Почти 80 % из них – студенты иркутских вузов», – уточнила Т. Бутина. План на одного работника заключался в том, чтобы переписать около 400 чел. В этом случае зарплата составила около 7 тыс. руб.

Для систематизации процесса переписи область разделили на переписные участки. Иркутск, например, разделили на 85 переписных зон. Больше всего, 29 участков работало в Свердловском районе города, 21 – в Ленинском, 20 – в Октябрьском и 15 – в Правобережном. Помимо этого, открылось ещё 170 стационарных переписных пунктов.

Отвечать респондентам пришлось в основном на стандартные вопросы, но несколько нововведений за это время всё же появилось: так, в блоке вопросов о помещении, в котором проживала семья, добавился пункт о наличии подключения к Интернету. Ещё два новшества возникли в блоке вопросов о личности респондента. В пункте про образование теперь можно было указать, какой степенью – бакалавра, магистра или специалиста – обладал опрашиваемый, а также имел ли он дополнительное образование. А в графе «владение иностранными языками» добавился пункт «язык жестов». Меньше проблем стало и с графой «национальность», которую раньше мог заполнить только сам респондент. С 2010 г. вписывать эти, как и все другие сведения в бланк стал переписчик [19, с. 4].

Росстат ещё в январе 2010 г. утвердил «Алфавитный перечень возможных вариантов ответов населения для кодирования ответа на вопрос 7 Переписного листа формы Л Всероссийской переписи населения 2010 г». В перечне под номером 1 266 стояли «сибиряки». Переписной код – 263 [15, с. 2].

В Иркутской области 95,6 % от переписной штатной численности граждан приняли участие во Всероссийской переписи населения 2010 г. Лидерами кампании в Приангарье стали Братск и Тулун, где было переписано свыше 99 % населения. В областном центре этот показатель был зафиксирован на уровне 94,8 %. Практически полностью была закончена перепись спецконтингента, шла проверка доставляемых документов. Всего было учтено 323 лица без определённого места жительства [26, с. 3].

В ряде территорий области увеличилась численность городского населения. Но если в городах Шелехове, Усолье-Сибирском, Нижнеудинске и Братске это увеличение казалось естественным, то рост городского населения в Ольхонском районе вызвал у журналистов вопросы. Оказалось, городское население выросло в посёлке городского типа Хужир – на 4,3%. В Шелеховском районе, напротив, увеличилась доля сельского населения.

В числе других важных показателей, характеризующих демографическую ситуацию в области, И. Иванова отметила дальнейшее сокращение числа мужчин (в целом на 1 %) и увеличение числа женщин.

Возросло в 2010 г. количество людей, отказавшихся от участия в переписи. Всего этот показатель. Если в 2002 г. женщин в области было более 53,2 %, а мужчин 46,8 %, то к 2010 г. это соотношение поменялось, и составило 54,2 % и 45,8 %, тогда как в 2002 г. было переписано 99,9 % населения области. В основном, как рассказали в Иркутскстате, отказывались люди по личным или бытовым причинам. И лишь в двух случаях в знак протеста: оба они зафиксированы в Иркутске.

При этом один из главных показателей, насколько изменилась численность населения области с переписи 2002 г., переписчики пока не называли. Известно было только то, что за это время в Приангарье на 14 % сократилось население труднодоступных территорий, в которых в 2010 г. проживало около 20 тыс. чел. [8, с. 3].

В среднем каждый переписчик опросил жителей 150 – 170 квартир – это два-три дома в районе. По плану сотрудники Иркутскстата выборочно должны были опросить также и жителей Иркутского района – в Малом Голоустном, в Хомутове, в Маркова и в селе Оёк [6, с. 2].

С 2002 по 2010 гг. в 2,5 раза увеличилось число заброшенных и пустующих сельских населённых пунктов, несмотря на юридическую ликвидацию 15 ед. за межпереписной период. Перепись населения 2010 г. зафиксировала 63 безжизненных деревень (4,2 % общего числа с.н.п.) [4, с. 3].

Коронавирус внёс свои коррективы в планы проведения Всероссийской переписи населения 2021 г. Был пересмотрен не только общий срок, но и период для учёта граждан, живущих в отдалённых и труднодоступных территориях. На карте Приангарья было 147 таких проблемных точек.

Постановлением Правительства РФ в связи с пандемией коронавируса перепись населения с октября 2020 г. была перенесена на апрель 2021 г. Некоторым коррективам подвергся и сам список территорий. Были исключены три населённых пункта Осинского района (деревни Шотой и Батхай, посёлок Северный), туда несложно добраться, были построены дороги. За это время были упразднены деревни Садки, Рысья и участок Чайка в Мамско-Чуйском районе.

В новых условиях перепись была запланирована на период с февраля по июнь 2021 г. Первыми стали отдельные населённые пункты Братского, Жигаловского, Катангского, Качугского, Куйтунского, Нижнеилимского, Усть-Кутского, Усть-Удинского районов. Переписчики передвигались в основном по зимним дорогам и на транспорте повышенной проходимости. Завершился этот крупномасштабный учёт в Мамско-Чуйском, Иркутском, Казачинско-Ленском, Слюдянском районах, где переписчики использовали преимущественно водный транспорт.

Переписью предстояло охватить 22 города, 46 посёлков городского типа, 1 467 сельских населённых пунктов. В регионе насчитывалось более 1 млн. жилых помещений (квартир, комнат в коммуналках и общежитиях). Для обхода их всех потребовался временный переписной персонал в количестве 6 874 чел. (с учётом 15-процентного резерва), из них 89 чел. – в труднодоступных территориях. В областном центре необходимо было задействовать 1 125 переписчиков и 188 контролёров. Весь персонал привлекался по гражданско-правовым договорам. Во время переписи в Приангарье работало 736 стационарных переписных участков, было организовано 4,5 тыс. счётных участков.

В труднодоступных районах средняя нагрузка на одного переписчика составила 319 чел. (при норме 350), на территории общей переписи – 553 (норма – 550 чел.) [16, с. 2].

Депутаты Законодательного Собрания Иркутской области приняли участие во Всероссийской переписи населения, которая проходила в 2021 г. с 15 октября по 14 ноября. Парламентарии призвали граждан воспользоваться возможностью пройти

перепись онлайн на портале «Госуслуги». В эпидемиологической ситуации осени 2021 г. это дало гражданам возможность минимизировать свои контакты с другими людьми в целях предупреждения распространения вируса.

Законодательное Собрание Иркутской области подготовило нормативно-правовую базу для проведения переписи, приняв закон «О наделении органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями по подготовке и проведению Всероссийской переписи населения 2021 г.» [3, с. 4].

В бланках Всероссийской переписи населения 2021 г. большой блок вопросов был посвящён семейному положению. За 11 лет (после предыдущей переписи 2010 г.) семейное положение жителей Иркутской области заметно изменилось. Меньше стало граждан, состоявших в браке, при этом выросла доля вдовых и разведённых (разошедшихся). Если из 1 тыс. мужчин насчитывалось 42 вдовца, то на 1 тыс. женщин приходилось 182 вдовы (в 4,3 раза больше). Доля разведённых официально женщин была в 1,5 раза выше, чем среди мужчин. В каждом четвёртом-пятом случае фактический разрыв отношений не был зарегистрирован в ЗАГСе.

Гражданский брак стало явлением довольно распространённым. Правда, по сравнению с 2010 г. таких семейных союзов стало меньше, но это каждая седьмая семья (прежде – каждая пятая). За 11 лет юных женихов стало в 2,2 раза больше, а 16–17-летних невест, наоборот, меньше в 2,5 раза.

Одиночек стало заметно больше, 41 % частных домохозяйств состояло из одного человека (в 2010 г. – 23 %). В связи с этим средний размер частных домохозяйств в Приангарье за 11 лет снизился с 2,6 до 2,2 чел. В числе домохозяйств стало меньше состоящих из супружеских пар, в том числе представляющих разные поколения.

При снижении числа семейных пар увеличилось количество неполных семей, где несовершеннолетних детей воспитывала одинокая мать или отец. Доля «материнских» семей за 11 лет выросла с 6,4 до 9,0%, «отцовских» – с 0,4 до 1,1%.

На момент проведения переписи 2021 г. в Приангарье было 444,3 тыс. несовершеннолетних детей. Большинство из них росли с родителями отдельно от бабушек-дедушек. Перепись населения подробно исследовала вопрос рождаемости. В среднем на 1 тыс. женщин в возрасте от 35 до 55 лет приходилось около 1800 рождённых детей. За межпереписной период снизилась доля женщин, родивших в возрасте, наиболее благоприятном для этого (до 25 лет).

В целом рождаемость в сельской местности традиционно находилась на более высоком уровне, чем в городах. Этот показатель зависел от многих факторов, в частности от участия женщины в общественном труде: занятость трудно сочеталась с воспитанием ребёнка [13, с. 4].

Точность результатов Всероссийских переписей населения имела большое научное и практическое значение для повышения обоснованности решений в области социально-экономического планирования и развития Иркутской области, социальной поддержки различных слоев населения, а также для удовлетворения информационных потребностей и реализации прав граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления. При этом качество информации, получаемой в ходе переписей, во многом определялось информационными технологиями их проведения, которые постоянно совершенствовались.

Список литературы

1. Бенникова М. Где эта улица? Где этот дом? // Губерния. 2001. 21 февр. С. 3.
2. Воробьева Т. Перепись не за горами // СМ-номер один. 2000. 4 окт. С. 2.
3. Депутаты ЗС призывают жителей Иркутской области участвовать во Всероссийской переписи населения //Байкальские вести. 2021. 11 нояб. С. 4.

4. Деревни без жизни // Сибирский энергетик. 2016. 15 апр. С. 3.
5. До переписи остался год // Вост.-Сиб. правда. 2001. 18 окт. С. 3.
6. Дубасова А. Перепись по выбору // Ирк. репортер. 2010. 4 ноября. С. 2.
7. Жирнов А. В Тофаларии началась перепись // Губерния. 2010. 5 авг. С. 2.
8. Коллективное сознательное: Иркутскстат назвал первые итоги Всероссийской переписи населения // Ирк. репортер. 2010. 4 ноября. С. 3.
9. Кучинская В. Нас всех посчитают // Вост.-Сб. правда. 2000. 5 июля. С. 3.
10. Люстрицкий Д. Здравствуйте, мы проводим перепись // Вост.-Сиб. правда. 2002. 9 окт. С. 3
11. Не стоит бояться переписи // Вост.-Сиб. правда. 2002. 16 мая. С. 3.
12. Объявились лжепереписчики // Вечерний Иркутск. 2002. 25 июля. С. 2.
13. Овсяннникова И. Девушка, вы замужем? // Вост.-Сиб. правда. 2023. 3 февр.
14. Олефир А. В действительности и на самом деле: результаты переписной кампании могут быть неожиданными // Губерния. 2010. 22 сент. С. 4.
15. Переломова Ю. Лицо сибирской национальности // Ирк. репортер. 2010. 20 сент. С. 2
16. Перепись: планы скорректированы // Обл. газета. 2020. 7 июля. С. 2.
17. Перепись населения-2002 в России // СМ-номер один. 2002. 25 сент. С. 3.
18. Перепись начнется в августе // СМ-номер один. 2002. 16 февр. С. 2.
19. Перепись с фонариком и свистком // Ирк. репортер. 2010. 6 сент. С. 4.
20. Перепись стартовала // Губерния. 2010. 3 авг. С. 3.
21. По переписи проконсультируют // Вост.-Сиб. правда. 2001. 3 сент. С. 2.
22. Постникова Т. У тофов прибыло: перепись населения началась в труднодоступных территориях области // Конкурент. 2010. 19 авг. С. 3.
23. Сегодня начинается перепись // АиФ в Вост. Сибири. 2002. 9–16 окт. С 6-7.
24. Сколько нас, россияне? // Вост.-Сиб. правда. 2000. 18 марта. С. 4.
25. Хроника переписи 2002 // Вост.-Сиб. правда. 2002. 16 окт. С. 2.
26. 2 317,7 тыс. жителей // Иркутский репортер. 2010. 30 окт. С. 3.
27. 2002-й – «Год переписи» // СМ-номер один. 2001. 16 мая. С. 2.

СИБИРСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ В КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВЕ СИБИРИ

КУЛЬТУРА СИБИРИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНОГО ПОИСКА

УДК 008

Философские основания инновационной культурой политики региона

Генова Нина Михайловна
кандидат философских наук, доктор культурологии, профессор.
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
кафедра театрального искусства и социокультурных процессов.
Омск, Россия.
kafedra.tiam@mail.ru
ORCID ID: 0000-001-7046-9451

Захарова Ирина Евгеньевна
аспирант.
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
кафедра театрального искусства и социокультурных процессов.
Омск, Россия.
kafedra.tiam@mail.ru

АННОТАЦИЯ Авторами в статье раскрываются особенности философского подхода к социально-культурной деятельности, рассматриваются современные социокультурные процессы как саморазвивающиеся синергетические системы. Определяется взаимосвязь социально-культурной деятельности с динамикой социокультурных процессов. Утверждается, что современные социокультурные процессы ведут к необходимости глубокого осмысления философских оснований государственной культурной политики в России на современном этапе, как основы по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Культурная политика, регион, социально-культурная деятельность, культура, философские основания, социокультурный процесс, традиции, идентичность.

Современный мир характеризуется динамично протекающими социально-культурными процессами. Они заставляют его реагировать и действовать в зависимости от уровня социально-экономического развития, политических решений государства, состояния культуры и образования. Можно согласиться, что «Социокультурный процесс как объединение людей различных культур может быть представлен в различных ритуалах, которые выступают в качестве «параметров порядка», направляющих и регулирующих поведение людей» [7, с. 198]. В настоящее время наука располагает достаточно обширным перечнем работ ученых, отражающих понятие «процесс», «социокультурный процесс» в контексте философско-социологических оснований. Такой работой является и исследование русского и американского социолога П. А. Сорокина «Социальная и культурная динамика. Автор дает определение «процесса» и представляет его как «любой вид движения, модификацию, преобразование, перестройку или «эволюцию», то есть «любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве или речь идет о модификации его количественных или качественных аспектов» [9, с. 17].

Данное понятие по утверждению В.М. Золотухина, В.П. Щенникова находится в тесном взаимодействии с понятием «изменение в культуре». При этом изменения в культуре могут иметь любые перемены в ней, даже без выраженной цельности и вектора движения. В то же время тождественными они быть не могут. Понятие же «социокультурный процесс», напротив, характеризуется направленностью и целостностью составляющих его закономерностей [7, с. 198].

Сказанное требует изменений культурной политики и технологий социально-культурной деятельности. А всякое изменение общественной жизни невозможно исследовать без глубокого осмысления философских оснований социокультурной деятельности.

Это предполагает выполнение определенных условий. Во-первых, реализовать возможность готовности выполнения человеком его социальной роли посредством не стихийного воспитания личности, а с помощью социокультурных приемов и мер воздействия, направленных на разделение личностью духовных и культурных ценностей. Во-вторых, исходя из практики, несмотря на некоторое опоздание, попытки переосмыслить тактические недочеты в воспитательном и образовательном процессах предыдущих лет в стране уже сделаны. Это подтверждается и принятием ряда Законотворческих актов (Указ Президента от 09 ноября 2022 года «Об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», Федеральный закон от 20 октября 2022 г. N 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»).

Рассмотрим термин «социально-культурная деятельность». Его начали использовать в XX веке. Так, М.А. Ариарский в своей книге «Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления» освещает хронологию проявления интереса ученых того времени к этому виду деятельности. С 20-хх годов такие ученые как Л.С. Выготский, М.Г. Ярошевский и Д. Б. Эльконин обратили внимание на проблемы социально-культурного развития личности и социально-культурную практику как средство их разрешения. В 50-70 годы Т. Е. Конникова, исследуя механизмы нравственного формирования личности, и Т.Н. Мальковская, разрабатывая теорию воспитания социальной активности старших школьников увидели в социокультурной деятельности эффективное средство организации внеклассной жизни учащейся молодежи и стимулирования ее творческой активности.

Философское и культурологическое осмысление социокультурной деятельности осуществил М.С. Каган, вычленивший ценностно-ориентированный, коммуникативный и художественно-творческий аспекты социально-культурной деятельности и выделивший инновационность культурной политики как необходимое условие ее реализации [1, с. 73].

Деятельность как осознанная, целенаправленная активность присуща только человеку. Это утверждение подробно обосновал один из ведущих советских философов, Г.С. Батищев, в работе «Деятельная сущность человека как философский принцип». Во-первых, это проблема человеческой предметной деятельности. Во-вторых, это – проблема творчества человека как процесса созидания принципиально новых возможностей в мире культуры. И в-третьих, это – проблема творческого наследования и наследующего творчества, в том числе проблема особенности культурно-исторического, социального определения как деятельного определения [3, с. 196]. По мнению автора, для конкретности деятельностной сущности человека оптимальным направлением поиска решения становится диалектический синтез. Используя этот метод, человек узнает мир в ходе своей личной деятельности, и результатом его сознания и воли становится выполнение целей жизнедеятельности, создание образов, которые должны быть реализованы в различных предметах. Определение понятия «деятельность» в трактовке разных авторов в области философии и подтверждения ее неотъемлемости от человека, дает понимание философских оснований социокультурной деятельности в контексте современной культурной политики. Для достижения определенных результатов философия с помощью осмысления универсалий культуры, их анализа и создания мировоззренческих идей, может находить новые мировоззренческие цели. Тогда и социально-культурная деятельность, и культурная политика должны быть личностно

ориентированы, способствуя функционированию личности в окружающей её изменяющейся социокультурной среде.

Нынешние реалии подтверждают то, что философские основания социально-культурной деятельности требуются и при оценке степени вовлеченности молодого поколения в современные социокультурные процессы. Так, по данным научных публикаций Березутского Ю.В., Щепочкина Н.С.(2011г.), Поповой О.В. (2013 г.), Титова В.В. (2019 г.), Бабиной А.А. (2019) последние 10 лет для молодежи нашего государства исключительными важными ценностями оставались их собственные: безопасность, свобода, право выбора, успехи, достижения, имущество, личное счастье. Социологические опросы показывают, что ценности молодежи выражаются в жизненном принципе «я никому ничего не должен». Такие ценности, как жизнь, достоинство, патриотизм, правда не актуализированы в самосознании значительной части молодежи [2; 4; 8; 10].

Сибирские культурологи Н.М. Генова, В.В. Стебляк, анализируя сущность складывающейся мировой ситуации, обращают внимание на то, что российский «либеральный проект» с существенными системными ограничениями обеспечивает небольшие признаки роста, и все в меньшей степени позволяют создать положительное общественное мнение [6, с. 31-32].

С точки зрения преодоления кризиса идентичности убедительна, на наш взгляд, позиция и Омского ученого Берсеневой Т.П., считающей православную идею Богочеловеческой синергии, где главное в жизни человека - это не внешний по отношению к нему мир, а мир внутренний, высокое духовное напряжение, возможностью для восстановления традиционных нравственных ценностей [5, с. 3].

Действительно, на современном этапе обостряется необходимость человека с желанием совершенствоваться духовно, человека, для которого вопросы смысла жизни, этические вопросы, вопросы человечности, самопожертвования и милосердия настолько же актуальны как компетентность в той или иной области. В таком случае, опираясь на данные, предоставленные Н.Н. Ярошенко, социально-культурная деятельность предстает как личностно-индивидуальный феномен, реализующий функционирование личности в окружающей социокультурной среде, формирующий ее социокультурный статус, нормы и образцы поведения, формы участия в социокультурных процессах [11, с. 23], в конечном счете, способствующий реализации целей и задач государственной культурной политики.

С другой стороны, реализация культурной политики является важным аспектом развития региона. В рамках культурной политики разрабатываются и реализуются различные программы, направленные на сохранение и развитие культурного наследия, поддержку творческих индустрий, содействие культурному разнообразию и развитие культурного туризма.

Примером успешно разработанного и развивающегося долгосрочного культурного проекта может служить известный Фестиваль русской культуры «Душа России», который родился в Омском регионе как многоцелевая акция, отражающая философские аспекты региональной культурной политики, создавая условия для сохранения и популяризации нематериального культурного наследия и любительского искусства. Замысел фестиваля был основан на возрождении русской культуры и её сближении с национальными культурами. Основными задачами фестиваля «Душа России» в Омской области стали воспитание нравственности и патриотизма молодого поколения, уважения к традициям и истории своей Родины. Разработанный и внедренный 30 лет назад фестиваль, за годы своего существования стал важной частью культурной жизни региона. Возрождение культуры сочеталось с модернизацией существующей инфраструктуры. Данный проект реализуется и сегодня. Анализ его имеет определённые методологические основания проблем

региональной культурной политики, в частности, основанные на единстве философско-культурологического, системного и синергетического подходов. Практическое значение фестиваля заключается в сохранении и популяризации традиций народного творчества, развитии культурного потенциала региона и обогащении жизни его жителей, через самореализацию творческих коллективов, поддержку талантливых самодеятельных исполнителей, повышение их профессионального уровня. Успешный опыт развития фестиваля «Душа России», его актуальность и востребованность в регионе стали поводом для поиска и внедрения новых форм актуализации материального и нематериального культурного наследия.

Государственным центром народного творчества при поддержке Министерства культуры Омской области ежегодно с 2018 года проводится уникальный культурно-образовательный форум «Академия русской культуры». Цель и задачи форума, заявленные организаторами, состоят в «актуализации нематериального культурного наследия в качестве ресурса социального и экономического развития региона, обучение участников методам включения народных традиций в контекст туристской, культурно-досуговой, художественной, экономической деятельности с учётом результатов научных исследований». Аудитория форума – это не только специалисты сферы культуры, это люди разных поколений и профессий. Программа форума привлекает и студенческую молодежь. Культурно-образовательный форум, через знакомство с историей культуры, культурными традициями страны, дает возможность молодому поколению понять, как на основе этнических, религиозных, национальных обычаев нашего народа сформировались социальные установки в виде норм и законов, в чем состоит сущностное начало русского народа. Таким образом, изменяя мировоззрение молодых людей в отношение традиционной культуры, как источника вдохновения и развития, форумом выполняются задачи, поставленные в рамках Государственной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Форум базируется на трех основных компонентах: образовательной части, событийного блока (мероприятий культурной, этнографической, выставочной направленности), а также проектной части. Опытом продвижения и внедрения этнокультурных традиций в современных условиях жизни делятся с широкой аудиторией участники и ведущие эксперты России. Ежегодно на площадках «Академии русской культуры» участники проходят обучение посредством знакомых форматов – мастер-классов, семинаров, конференций, выставок, творческих встреч, так и новых – большой музыкально-хореографической лаборатории, студенческой антиконференции, концерта-перформанса. К участию в проекте «Академия русской культуры» приглашаются ведущие российские специалисты, работающие в области изучения, продвижения и популяризации ценностей традиционной русской культуры. География проекта охватывает не только город Омск и Омскую область, но и Южный регион России, Крым, Центральную Россию, Урал, Западную и Восточную Сибирь, Дальний Восток. Теоретическое и практическое наполнение программы форума ежегодно вызывает интерес со стороны специалистов ближнего и дальнего зарубежья. За годы проведения форума на обсуждение выносились вопросы в сфере фольклорного исполнительства, истории традиционного женского костюма, этнокультурных проектов страны, русского стиля в контексте национального символа и мировой моды и другие. Неоднократно проводились семинары по материальному и нематериальному этнокультурному достоянию, этнокультурному ландшафту Омского Прииртышья, семейному туризму, гастрономическим традициям Сибири. Такая обширная программа проекта, разнообразие форматов проведения способствуют трансляции ценной информации, направленной на актуализацию этнокультуры в сфере культурных и туристических проектов. Успешная проектная деятельность, в свою

очередь, позволяет создать условия для экономического и социального развития Омской области. По отношению к культуре Омска можно иметь в виду следующие образы, дающие представление о приоритетах в развитии культуры и формировании идентичности: это образ Омска как крупного административного центра; региона как центра международных культурных и экономических связей; города как центра развития искусств с преобладанием театрального.

Заключение

Безусловно, сама региональная культура обладает уникальными ресурсами, но важнейший из них – творческий потенциал её создателей, который требует поддержки и создания условий.

Наряду с узкоцелевым подходом к развитию инфраструктуры культуры, сохранению и распространению культурных традиций должен быть комплексный подход к реализации стратегий региональной идентичности в культурной политике региона, который предполагает своеобразные формы, средства и методы культурной деятельности. Мемориализация истории сибирской провинции, духовной культуры, возрождение православных культурных традиций, памятников христианства, наконец, организация поликультурного пространства общественных объединений, движений, фестивалей, этноконфессиональных объединений – всё это способствует интеграции в единое социокультурное сообщество, культурное пространство жизнедеятельности человека. При этом философия не столько заимствует социокультурные значения и смыслы из других сфер знания, сколько сама помогает их формированию, задавая мировоззренческую целостность культуры.

Список литературы

1. Ариарский М.А. Социально-культурная деятельность как предмет научного осмысления. СПб.: Арт-студия «Концерт», 2008. 792 с.
2. Бабина А.А., Толстоухова И.В. Гражданская позиция молодежи региона: социологический анализ // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. №2 (59). С. 18.
3. Батищев Г.С. Избранные произведения / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2015. 880 с. Режим доступа. URL: http://iph.kz/doc/ru/812.pdf (дата обращения 19.06.2022).
4. Березутский Ю.В., Щепочкин Н.С. Гражданская позиция молодежи региона: опыт социологического анализа // Власть и управление на Востоке России. 2011. № 1 (54). С. 151-159.
5. Берсенева Т.П. Идея синергии в русской культуре: автореф. дисс. … на соискание ученой степени доктора культурологии. Екатеринбург, 2018. 40 с.
6. Генова Н.М., Стебляк В.В. Динамика социокультурных процессов в современном российском обществе // Культура и цивилизация. 2019. Том 9. № 3А. С. 27-35.
7. Золотухин В.М., Щенников В.П. Социально-философский аспект деятельности в рамках социокультурного процесса // Вестник Кемеровского государственного университета. Философия. 2015. № 1 (61). Т. 4.
8. Попова О.В. Политическая идентичность молодежи Санкт-Петербурга (по итогам эмпирического политического исследования, ноябрь 2013года) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2015, Сер. Вып. 19.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика М.: Астрель, 2006. 1176 с.
10. Титов В.В. Анализ социально-политических ценностей молодежи на современном этапе развития российского общества // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2019.Т. 8. №1 (26).

11. Ярошенко Н.Н. История и методология теории социально культурной деятельности: Учебник. М.: МГУКИ, 2007. 360 с.

УДК 340

Музейное прочтение эволюции юридического образования и науки в России: историко-правовые штрихи

Зипунникова Наталья Николаевна
кандидат юридических наук, доцент.
Уральский государственный юридический университет
имени В.Ф. Яковлева,
кафедра истории государства и права.
Екатеринбург, Россия.
igp@usla.ru
ORCID ID: 0000-0003-1800-3704

АННОТАЦИЯ В статье обозначена проблема актуального ракурса познания истории отечественного юридического образования и науки – музейного. Музееведческие находки и динамично развивающиеся музейные практики способствуют продвижению в таком познании. Обращено внимание на значение визуальности, визуальных исследований для развития музейных, в том числе, юридико-музейных практик. Подчеркнута особая значимость музейной работы в конкретном юридическом вузе для сохранения исторической, культурной, научной, юридико-университетской памяти, творческого развития традиций образовательно-научной корпорации, а также для критического осмысления опыта юридического образования и науки в стране. Показана плодотворность использования концепта «музейный мир» в осмыслении такого опыта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Музей, история юридического образования и науки, визуальные исследования, фотография, память, юридико-музейный мир.

Одним из значимых сегментов российской сферы образования и науки (шире – культуры) являются подготовка профессиональных юридических кадров и правоведение как отрасль социогуманитарного знания. Их историческое развитие познается в разнообразных ракурсах, актуальным среди которых видится использование музейной образовательной и исследовательской «линз». Музееведческая мысль и музейные практики, пройдя в своем становлении разные этапы, в значительной, как думается, степени влияют на социокультурную реальность, в том числе, на осмысление особенностей динамики конкретной отрасли образования и науки. Современные интерпретации музея (музей после музея, постмузей) приводят исследователей к важнейшим выводам, например, такому: «…все, что мы сегодня знаем наверняка о музеях, так это то, что они способны бесконечно изменяться». По мнению автора столь глубокого тезиса З. А. Бонами, музей в новых реалиях уже не учебник по естественной истории или овеществленная история искусств, при этом его рассказ о прошлом – не «большой нарратив», а серия отдельных зарисовок, ракурсов, эпизодов [3, с. 187, 220].

Смыслы музейной деятельности эволюционируют, как и ее функции, задачи и формы. И вряд ли можно игнорировать то обстоятельство, что в последнее время отнюдь не последнее место занимает коммуникация, осуществляемая в музеях. Такой аспект развивает в своих работах яркий представитель Лестерской школы музеологии – исследовательница, музейный практик, скульптор Э. Хупер-Гринхилл. Наряду с тем, что «фактически исследование музейной коммуникации оказывается одним из элементов музейного маркетинга», как подчеркивает В. Г. Ананьев, ею предложена такая «модель коммуникации как части культуры, в результате которой знание не передается в готовом виде от отправителя к адресату, а конструируется ими совместно в рамках культуры и посредством этой культуры» [2, с. 131-132]. Соответственно,

значительное внимание она уделяет и обучению в музее. Будучи одним из первых авторов, подробно рассматривающих проблемы взаимодействия культурного учреждения и посетителя в процессе трансформации музея в постмузей, цель которого – вдохновение, обучение, идентификация, своими работами Хупер-Гринхилл приглашает к важной дискуссии, в том числе, об обучении в музее [14]. И участие в таком полилоге видится важным и перспективным.

В числе причин, влияющих на восприятие музея и музейных практик и его эволюцию разными «агентами», отнюдь не последнее место, как думается, занимает повышенное внимание к проблематике визуальности. И также в целом понятно, почему так называемый визуальный (ср.: иконический, пикториальный) методологический поворот [7, с. 186-189] более активно проявился в истории искусства, социологии, культурологии (а также визуальной, культурной антропологии), нежели в исторической науке [17, с. 10-13; 12, с. 100-102]. Попутно заметим, что в отношении первой из названных отраслей научного знания Дж. Элкинсом отмечено: «Объяснение, почему историю искусства по-прежнему имеет смысл считать ресурсом для более широко понимаемых визуальных исследований…, заключается в том, что история искусства имеет одну из наиболее богатых и глубоких историй столкновения с объектами, интегрированными в исторические контексты» [20, с. 258]. Историки права, юристы, видимо, пока еще менее продвинулись в осмыслении визуального, а также образного. Однако и в упомянутых отраслях социогуманитарного знания, где исследователи внимательны к визуальности, равно как и в историографии, существует отнюдь не мало вопросов. Как пишет Н.В. Веселкова, «история взаимодействия социально-гуманитарной науки с визуальным внутренне противоречива: социология, антропология, история и тянутся к визуальному, и сторонятся его». Автором отмечено колебание статуса визуального «от крайне низкого, когда визуализации фигурируют в качестве необязательных иллюстраций» до «весьма высокого, когда они играют роль самостоятельных составляющих научного производства» [5, с. 304]. А по мнению Т.В. Вдовиной, выделяются несколько базовых подходов к анализу визуального и визуальности: психоаналитический, социально-критический, деконструкционистский, герменевтический, семиотический, структуралистский, дискурсивный [4, с. 17].

Трудности работы с визуальными источниками, традиционно большее недоверие к ним, чем к писанным текстам, тем не менее, полагаем, не должны быть препятствием для включения музейных предметов и коллекций, материалов выставок и экспозиций в орбиту исследований опыта юридического образования и науки. Как раз через визуальное, выступающее таким же объектом, как и текст, можно получить более рельефное представление о таком опыте. В качестве иллюстрирующих этот тезис примеров приведем несколько зарисовок из деятельности музея истории конкретного вуза – Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (далее – музей истории УрГЮУ), в сентябре 2023 года переворачивающего свою очередную страницу истории – 105-летие с момента основания в Иркутске университета с юридическим факультетом. Значительным потенциалом визуальности обладают самые разные музейные предметы – фотодокументы, рисованные портреты, шаржи, кинофильмы, чертежи, вывески, символика, значки, афиши и др. Созидаемые в последнее время в цифровой среде выставки и их элементы – в том же ряду.

Самодостаточность фотодокументов как разновидности визуальных источников познания традиций конкретного юридического вуза и истории юридического образования и науки в стране, а также международного образовательно-научно-культурного диалога аргументировать отнюдь не сложно. Особая роль практик четырех поколений с момента появления фотографии, обстоятельная методологическая рефлексия с позиций продвижения визуальности показана

исследователями [10; 1]. Справедлива и констатация того, что при всем разнообразии форматов визуальных исследований труды обобщающего характера нередко сводятся в основном к фотографии [5, с. 307–308]. Значительное число собранных музеем истории УрГЮУ фотодокументов, в том числе плохо атрибутированных, показывают вуз в разное время и в разных ракурсах. Используя известные методы и приемы работы с фотографией, сотрудники музея в сотворчестве с разными универсантами продвигаются в познании развития вузовской инфраструктуры, причем в историческом контексте городской среды (сначала – Иркутска, позднее – Свердловска (Екатеринбурга)), биографий профессоров, преподавателей, сотрудников, студентов, выпускников, особенностей проведения учебных занятий, выпускных экзаменов, внеучебной (культурной, спортивной, по охране общественного порядка, сельхозработ) жизни. Фотоснимки строительства корпусов учебных зданий и общежитий, коллективные фотографии на их фоне, фотографии выпусков разных эпох, кафедр и иных структурных подразделений, демонстраций, митингов, партийных, комсомольских, профсоюзных собраний и собраний трудовых коллективов, а также ветеранов, научных мероприятий, выступлений мужского хора Свердловского юридического института (СЮИ), спортивных состязаний, туристических походов, иных фото-свидетельств, с одной стороны, формируют визуальную «картину». А с другой, в совокупности с иными источниками (нормативно-правовыми, делопроизводственными, историографическими, личного происхождения, др.) они позволяют основательно верифицировать совокупную, объемную, напластованную «картину» традиций вуза в контексте региональной истории, а также истории юридического образования и науки в стране. Советские и постсоветские фотоснимки с международных форумов с участием универсантов, поездок студентов и преподавателей с научными, образовательными и просветительскими целями в разные страны позволяют рельефнее представить международную деятельность вуза. Именно фотоматериалы зачастую являются ядром, центром притяжения тематических выставок музея истории УрГЮУ.

Понятно, что фотографии в качестве иллюстративного материала используются в растущей вузовской историографии. Так, в первой книге по истории вуза (тогда СЮИ) содержалась вклейка с черно-белыми фотографиями (мемориальной доски в актовом зале института в память о павших в боях за Родину в 1941–1945 гг. студентах, портретных снимков профессоров, известных выпускников, а также дивизиона «Юрист» и занятий в лингафонном кабинете) [16]. В последующих изданиях, особенно юбилейных, иллюстративный материал занимает значительное место. Немалую роль иллюстрации играют в публикациях по истории вуза в периодической печати, в том числе, подготовленных начинающими исследователями [11; 9]. И особо хотелось бы выделись новое, по-своему уникальное, издание, посвященное юбилею одного из выпусков СЮИ. Наряду с обстоятельной информацией о студентах, преподавателях, учебном процессе, хронологическим описанием фактов и событий, в книге содержится фотолетопись, включающая 1029 фотографий, большая часть из которых – из личного архива автора, через всю жизнь пронесшего любовь к фото-документированию. Учитывая фотоснимки и иные изображения (зачетных книжек, грамот, журналов успеваемости, др.) в прочих разделах издания, вовсе не сложно констатировать: визуальные источники здесь – не периферийные [8]. Анализ и характеристика их массива видится отдельной задачей, но нельзя не подчеркнуть того обстоятельства, что он способствует, кроме прочего, продвижению в познании разнообразной повседневности юридического вуза и студенчества позднесоветских десятилетий.

И все же фотографии, и их комплексы в музейных экспозициях – это совсем иная работа визуальности на познание традиций университета и отрасли образования и науки. Кроме того, важно повторить, что не только фотодокументы, но и иные

визуальные источники, являющиеся музейными предметами, представляются на выставках. Так, бесконечно перспективными, причем применительно к разным сюжетам, выступают поздравительные адреса, открытки, сувениры и подарки к юбилеям и памятным датам вуза, его структурных подразделений, а также вузовских людей (универсантов) разных эпох. Примеры можно длить, но важно подчеркнуть: без музейных (чаще всего визуального характера, аттрактивных) источников познание истории юридического образования и науки вряд ли можно характеризовать как многомерное, в достаточной степени верифицированное.

Еще один аспект музейной интерпретации эволюции юридического образования и науки связан с сохранением памяти – исторической, культурной, научной, юридико-университетской. Эволюция полемик в рамках memory studies показала их напряженность и продуктивность: как пишет Ю.А. Сафронова, современный уровень институционализации исследований памяти свидетельствует о несомненном триумфе этой области в качестве отдельного исследовательского поля – удивительного по степени диверсификации, не имеющего общего понятийного аппарата, методологии или признанных всеми предметов исследования [15, с. 13, 26].

Не вдаваясь здесь в специфику проблематики соотношения истории и памяти, лишь подчеркнем, что музеи, включая музей истории УрГЮУ (одно из «мест» его памяти), несут потенциал продвижения как в познании истории, так и в сохранении (конструировании) памяти. Изучая, описывая, интерпретируя музейные предметы и коллекции, созидая выставки, коммуницируя с универсантами и иными посетителями в рамках экскурсий и на специальных занятиях, реализуя мероприятия по музейной педагогике и молодежной политике, сотрудники музея в сотворчестве с разными акторами длят и развивают традицию, обеспечивают преемственность, но также восполняют лакуны в науке. Примером может быть показана выставка, организованная в 2023 году к Празднику 9 мая, – «Свердловский юридический институт: память войны в письмах ветеранов». В музее (комнате) боевой и трудовой славы СЮИ, созданном к 30-летней годовщине Победы советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне, были представлены собранные документы, фотографии, личные вещи ветеранов – выпускников, сотрудников вуза. В адрес института тогда направлялись воспоминания, письма, заполненные анкеты. Часть этих исторических свидетельств сохранилась и находится в фондах музея истории УрГЮУ. Не включенные ранее в научный оборот, эти музейные источники изучаются, интерпретируются. Таким образом, сохраняется историческая память, развивается преемственность, в частности, музейных практик, обеспечивается научное познание развития советского юридического образования.

С таких же позиций вполне можно охарактеризовать и иные выставки музея истории УрГЮУ, созданные, в том числе, в коллаборациях с иными «местами памяти». Так, большой резонанс вызвала выставка, подготовленная в 2023 году ко Дню Российского студенчества «Студенческий билет и зачетная книжка: взгляд в прошлое». В ее основу легли соответствующие документы, отложившиеся на хранении в архиве вуза. Специфические исторические источники – студенческие билеты, матрикулы, зачетные книжки – оказались весьма информативными: по ним можно проследить и эволюцию организационной структуры вуза, его названий, смену учредителя (наркоматы, министерства), и реализацию образовательных стандартов подготовки юристов на практике, и динамику профессорско-преподавательского состава, др. Немало интересной информации по истории образования и науки в стране представляют подобные документы других вузов, которые находятся на архивном

хранении и экспонировались музеем, и свидетельствующие, в частности, о сложном военном лихолетье 1940-х гг. и факторе эвакуации преподавателей и студентов из вузов Москвы, Ленинграда, Харькова на Урал. Помимо 105-летия вуза, в 2023 году универсанты вспоминают несколько значительных памятных дат – столетий со дня рождения (выдающихся ученых К.И. Комиссарова, О.А. Красавчикова, выпускника СЮИ 1953 г. и последнего председателя Верховного суда СССР Е.А. Смоленцева, талантливого педагога и организатора Г.И. Петрищевой). Музеем истории УрГЮУ была подготовлена выставка «К 100-летию Галины Ивановны Петрищевой (1923–1987)», готовятся и другие…

Знакомство с концептом «музейный мир» [19; 18] показало его плодотворность для научного познания истории юридического образования и науки, а также творческого развития музейных практик и межмузейной коммуникации. Высказана гипотеза о формировании «юридико-музейного мира» [6, с. 171].

Возвращаясь к проблематике коммуникации, интерактивного общения, обучения в музее, согласимся с тем, что такой полилог способствует стыковке прошлого и настоящего, актуализации культурного наследия, включению культурной памяти в повседневную жизнь [13, с. 102]. Более чем десятилетняя работа воссозданного вузовского музея – музея истории УрГЮУ – свидетельствует о важности включения музейной работы в учебно- и научно-исследовательские практики. Обучение в музее видится важным компонентом формирования профессиональной личности будущего юриста. Такое обучение разнообразно: это и экскурсии, и использование музейных материалов, включая цифровой контент, на занятиях, и специальные мероприятия, которые организует музей. Важно, что основные экспозиционные пространства музея находятся в открытом доступе – в переходе между учебными корпусами, в рекреационных холлах, обеспечивая свободное и перманентное общение с вузовским прошлым, длящийся полилог разных поколений. И очевидно также, что музейная интерпретация истории конкретного юридического вуза, подготовки юридических кадров и юриспруденции в стране выступает одним из значимых и перспективных направлений познания образования, науки, культуры.

Список литературы

1. Абилова Р.О. Фотография как источник по изучению истории повседневности: анализ современной российской историографии. Автореферат дис. … канд. ист. наук. Казань, 2017. 22с.
2. Ананьев В. Г. Лестерская школа музеологии: история, персоналии, идеи // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. Вып. 2. С. 127-134.
3. Бонами З.А. Как читать и понимать музей. Философия музея. М.: Издательство АСТ, 2018. 224 с.
4. Вдовина Т.В. Визуальные исследования: основные методологические подходы // Вестник РУДН, серия Социология. 2012. № 1. С. 16-26.
5. Веселкова Н.В. Методологические ориентиры визуальных исследований // Документ. Архив. История. Современность: сб. науч. тр. 2017. Вып. 17. С. 303-323.
6. Зипунникова Н.Н. Университет, музей, университетский музей: историко-правовой этюд о развитии образования, науки и культуры в России // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 163-176.
7. Инишев И. «Иконический поворот» в науках о культуре и обществе // Логос. 2012. № 1 (85). С. 184-211.
8. Казанцев М.Ф. История первого набора / выпуска факультета правовой службы в народном хозяйстве Свердловского юридического института (1976–1980–2021 годы): К 45-летию ФПСНХ СЮИ – ИПиП УрГЮУ. Екатеринбург; Белгород: КОНСТАНТА-принт, 2022. 320 с., илл.

9. Калинина А.В., Светлакова А.С. К вопросу о формировании профессорско-преподавательского состава юридического факультета Иркутского государственного университета (1918 г. – конец 1920-х гг.) // Бизнес, менеджмент и право. 2022. № 3. С. 44-51.
10. Колодий В.В. Визуальность и ее влияние на социальное познание: философско-методологическое обоснование // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Политология. 2011. № 2. С. 90-96.
11. Лифанов Д.М., Назарова М.К. Познание истории юридического образования сквозь призму юбилеев и юбилейных практик (на примере Уральского государственного юридического университета) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 2. С. 118-138. URL: http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%9B%D0%B8%D1%84%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%9D%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0.pdf (дата обращения: 10.06.2023).
12. Мазур Л. Н. «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 95-108.
13. Мясникова Л.А. Музейная практика как форма культурной памяти и наследования // ДИСКУССИЯ. 2015. № 9. С. 99-104.
14. Самойлова Н. Рецензия на книгу А. Хупер-Гринхилл «Музеи и образование. Цель, педагогика, воплощение» (Eilean Hooper-Greenhill. Museums and Education. Purpose, Pedagogy, Performance. London: Routledge. 2007. 250 p.) // Музей. 2013. № 4. С. 52-53.
15. Сафронова Ю.А. Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти // Политическая наука. 2018. № 3. С. 12–27.
16. Свердловский юридический институт. 1931–1981. М.: Юридическая литература, 1981. 175 с.
17. Соколов А.Б. Текст, образ, интерпретация: визуальный поворот в современной историографии // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия: сб. ст. / [редкол.: И.В. Нарский и др.]. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 10-24.
18. Шелегина О. Н. Музейный мир Сибири в первые десятилетия XXI века. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2019. 230 с.
19. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.
20. Элкинс Дж. Девять типов междисциплинарности для визуальных исследований. Ответ на статью Мике Баль «Визуальный эссенциализм и объект визуальной культуры» // Логос. 2012. № 1 (85). С. 250-259.

УДК 008

Реализация Государственной культурной политики РФ по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей в практиках социокультурного проектирования

Миненко Геннадий Николаевич
доктор культурологии, профессор.
Кемеровский государственный институт культуры,
кафедра теологии и религиоведения.
Кемерово, Россия.
antropolog-min@mail.ru

Астахов Олег Юрьевич
доктор культурологии, профессор.
Кемеровский государственный институт культуры,
кафедра культурологии, философии и искусствоведения.
Кемерово, Россия.
astahov_oleg@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2764-7686

АННОТАЦИЯ В работе рассматриваются вопросы использования механизмов проектной деятельности в реализации Государственной культурной политики Российской Федерации по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Внимание акцентируется на проблемах технологизации проектной деятельности в сфере культуры, что актуализирует понимание нетрадиционного проектирования, связанного с обращением к творчеству. В этом случае особое значение приобретает позиция автора проекта, транслирующего индивидуальные ценности. Поэтому важной составляющей проектной деятельности становится подготовка проектировщика, грамотного эксперта, способного к этому виду деятельности с учетом ее ценностного содержания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Социокультурное проектирование, творческие проекты, духовные ценности.

Своеобразным трендом организации современных социокультурных процессов является обращение к практикам проектной деятельности. И это подтверждается рядом нормативных документов, связанных с культурной политикой.

– «Основы государственной культурной политики» (Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808).

– «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации Развитие культуры» (Постановление Правительства РФ от 01.11.2021 № 1897).

– «Об утверждении Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р).

– «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р ред. от 30.03.2018).

– «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года» (Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р).

– «Концепция создания и функционирования культурно-образовательных и музейных комплексов в гг. Владивостоке, Калининграде, Кемерово и Севастополе» (Москва: Министерство культуры РФ, 2019).

– «Основы ГКП по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ Президента РФ от 09.11.2022).

В этом ряду документов особое положение занимает принятый в ноябре 2022 года Указ, утверждающий Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Согласно этому Указу в перечень традиционных ценностей включены, с одной стороны, ценности и гарантии, провозглашенные Конституцией РФ, с другой стороны, ценности, характеризующие морально-нравственные качества человека. Безусловно, набор таких ценностей не может быть вполне конкретным, но очевидными являются механизмы, с помощью которых эти ценностные установки реализуются. К числу таких механизмов относится проектная деятельность.

В 19 пункте документа отмечается, что решение проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей должно осуществляться по соответствующим основным направлениям, и в этом перечне указывается, что необходимо «совершенствование системы *государственной поддержки проектов в области культуры* и образования с учетом целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей» [1].

В 23 пункте формулируются цели государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, и отмечается, что целью является «*поддержка общественных проектов* и институтов гражданского общества в области патриотического воспитания и сохранения историко-культурного наследия народов России», «*поддержка проектов*, направленных на продвижение традиционных ценностей в информационной среде».

В 26 пункте перечисляются основные организационные инструменты реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, и в этом перечислении указывается необходимость оценки «*проектов* (в том числе информационных и иных материалов), программ и мероприятий на предмет соответствия традиционным ценностям при решении вопроса о целесообразности их государственной поддержки». Далее отмечается необходимость проведения оценки эффективности реализации проектов.

Расчет эффективности проектов во многом определяется спецификой их стандартизации. Существует соответствующий перечень стандартов реализации проектной деятельности.

ГОСТ-2011 Проектный менеджмент. Требования к управлению проектом.

ГОСТ-2011 Проектный менеджмент. Требования к управлению программой.

ГОСТ-2011 Проектный менеджмент. Требования к управлению портфелем проектов.

ГОСТ-2014 Руководство по проектному менеджменту.

ГОСТ-2018 Система менеджмента проектной деятельности. Проектный офис.

ГОСТ-2018 Система менеджмента проектной деятельности. Основные положения.

Конечно, мы используем эти отечественные стандарты, в которых представлен технологический анализ проектной деятельности. Существуют и базовые международные стандарты (Руководство к Своду знаний по управлению проектами (Руководство PMBOK®).

Что представляют собой технологические процессы в проектной деятельности? Это процессы, конечно, связанные с объектным подходом.

Процесс – это совокупность результативных действий, организующих проектную деятельность.

Группы процессов:

процессы инициации – принятие решения о начале выполнения проекта;

процессы планирования – определение целей и критериев успеха проекта и разработка рабочих схем их достижения;

процессы исполнения – координация людей и других ресурсов для выполнения плана;

процессы анализа – определение соответствия плана и исполнения проекта поставленным целям и критериям успеха и принятие решений о необходимости применения корректирующих воздействий;

процессы управления – определение необходимых корректирующих воздействий, их согласование, утверждение и применение;

процессы завершения – формализация выполнения проекта и подведение его к упорядоченному финалу.

Это структурированные процессы, которые выделяются на основе жизненного цикла проекта, в их основе лежит четкая ориентированность на целеполагание, вполне конкретную и реализуемую цель в соответствии с установленным ресурсом времени, ресурсом материальным, организационным, правовым, человеческим и т.д. Но, если речь идет о проектной деятельности в сфере культуры, здесь возникают дополнительные нюансы, которые необходимо осознавать.

В нормативных документах мы сталкиваемся с понятием «творческий проект», и это ситуация совершенно не типичная для понимания традиционного проекта. В этом ключе следует различать традиционное и нетрадиционное проектирование, в котором особое значение приобретает позиция создателя проекта, инициатора, автора, разработчика, поскольку творческий проект выступает не только как «зеркало» общественной потребности, но и как действие, в котором отражается тезаурус разработчика. Конечно, социальная востребованность побуждает к проектированию, но сам проект – это проявление творчества самого субъекта, который становится центральным звеном проекта.

Фактически в этих положениях обосновывается необходимость новой модели проектирования, удовлетворяющей сегодняшним культурным практикам и предполагающей высокий уровень проектной культуры. Это кардинально новый подход к организации культуры сквозь призму ценностного содержания самого человека. Поэтому в научной литературе появляется новый термин «homo projectus» («человека проектирующего и проектируемого»). Это тип человека – деятеля, который характеризуется особой креативностью, особым проектным мышлением.

Обращаясь к вопросам использования механизмов проектной деятельности в социокультурной политике, главной проблемой становится подмена проекта плановыми изменениями. Поэтому требуется внимание к вопросам развития проектной культуры, подготовки проектировщика, как грамотного эксперта, способного к этому виду деятельности. В этом заключается главная проблема использования механизмов проектной деятельности в социокультурной политике, что предполагает формирования проектной культуры и рассмотрение вопросов в когнитивных аспектах, связанных с развитием проектного мышления.

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 10.06.2023).

УДК 008+009+39+902+908+930

Базовые институты наследия в Сибири: процессы и результаты взаимодействия государства, общества, населения региона

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук.
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, сектор истории общественно-политического развития.
Новосибирск, Россия.
oshelegina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3715-4380

АННОТАЦИЯ Работа посвящена актуальной исследовательской проблеме – изучению развития базовых институтов наследия в Сибири в контексте взаимодействия главных акторов культурной сферы: государства – общества – человека. К базовым институтам наследия относятся музеи, библиотеки, архивы, деятельность которых в настоящее время проходит в русле «нового краеведения». Активное внедрение информационных технологий создает основу для интеграционных социокультурных проектов, направленных на освоение наследия Сибири при взаимодействии главных акторов культурной сферы и базовых институтов наследия. Представляется целесообразным дальнейшее изучение этой актуальной и перспективной темы в контексте региональных и российских общественно-политических процессов в современный период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, освоение наследия, акторы культурной сферы, музеи, библиотеки, архивы.

В новой редакции Основ государственной культурной политики (с изменениями, внесёнными Указом Президента Российской Федерации от 25.01.2023 №35) актуализирована необходимость взаимодействия государства и общества, человека и подчеркнуто, что: «Утверждение приоритета культуры призвано обеспечить дальнейшее развитие потенциала общества и личности, сохранение гражданского единства, защиту национальных интересов, достижение национальных целей развития Российской Федерации». Важную роль в научно-практической реализации этих стратегических позиций играют базовые институты наследия, к которым относятся музеи, библиотеки, архивы.

Как отмечалось на V Российском культурологическом конгрессе с международным участием (2021 г.): «Только сознательная и последовательная установка на сбережение и ревитализацию собственного культурного наследия способна обеспечить сохранение культурной памяти народа как основу его культурной идентичности, составить прочное основание для художественного творчества и культурных инноваций в целом и, таким образом, продлить прошлое в будущем, связывая их воедино, при сохранении складывавшихся столетиями базовых ценностей и норм» [5, с. 5-6].

В первые десятилетия XXI в. музеи, библиотеки, архивы превращаются в публичные институты социальной памяти, обращенные к обществу и своим посетителям и пользователям, активно включаются в процесс взаимодействия и сотворчества триады акторов культурной сферы: государства – общества – человека. Они входят в систему сохраняемых и поддерживаемых государством и обществом ценностей материального и нематериального культурного наследия на общегосударственном, региональном, локальном и семейном уровнях. Универсальную формулу их функций (по Т. Шола) можно определить так: «Собирать – Сохранять –

Коммуницировать». Функция сбора включает: определение культурно-исторической ценности, документирование, каталогизацию и исследование объектов наследия. Функция сохранения предполагает: консервацию, реставрацию, хранение, безопасность, управление коллекциями. Функция коммуникации состоит из компонентов: доступ (доступность), взаимодействие, открытие, участие, творчество [14, с. 64-65].

Успешно осуществляя совокупность названных функций базовые институты наследия играли и играют важную роль в формировании и развитии социокультурного пространства Сибирского региона. При этом в каждый исторический период способы их возникновения и формы интеграции в значительной мере были связаны с краеведческим движением, имели свои особенности. В процессе начального экономического и культурного освоения Сибири музеи в силу своей комплексной природы включали в себя библиотеки и архивы. Так, в «Иркутском музеуме», который считается первым провинциальным музеем России, созданном в 1782 г. по-фактически одному из первых в истории отечественного музейного дела проекту иркутского гражданского губернатора Ф. Н. Клички была открыта публичная библиотека – «книгохранительница». Она предназначалась для широких кругов населения «дабы каждой и всякой мог пользоваться чтением для исправления сердца, для просвещения ума, и для питания духа и души своей». Примечательно, что «сверх книг» предписывалось иметь в ней «все находящиеся в губернии ископаемые, произрастения и животныя» [8, с. 133-135, 138]. В связи с этим можно говорить о формировании традиции краеведческой составляющей библиотек. Практически во всех 16 сибирских музеях, созданных к концу XIX в. имелись общественные библиотеки, аккумулирующие научные и краеведческие издания, относящиеся к определенным территориям и региону в целом.

В постсоветский период экономические и общественно-политические процессы в значительной степени детерминировали государственную культурную политику. В 1990-е гг. в условиях ослабления идеологического контроля и цензуры, децентрализации, коммерциализации сферы культуры государственное управление акцентировалось на активизации внутренних сил и самоорганизации культуры, повышении автономности учреждений культуры и стимулировании общественного контроля над ними, что закреплялось в Законе о культуре 1992 г. и других отраслевых, включая музейную, библиотечную, архивную сферу нормативных документах [2, с. 28].

В 1990-е гг. в условиях ослабления централизованного управления музеи продолжали выполнять основную социальную функцию сохранения и воспроизводства историко-культурного наследия. Ведущую роль играли преобладающие в Сибири краеведческие музеи, что было обусловлено традициями местных музеев, заложенными в конце XIX – начале XX вв., а также их универсальным характером, наиболее адаптированным к административно-территориальным и социокультурным условиям развития региона.

В начальный период адаптации музейного мира Сибири к условиям рыночной экономики более активно разрабатывали и реализовывали новационную тактику историко-этнографические музеи «Томская писаница», «Тальцы», экомузеи Притомья, являющиеся важным средством идентификации современных этносов с их культурными традициями и природной средой. Из группы историко-революционных музеев наиболее адаптированными к социокультурной динамике постсоветского периода можно считать музеи, дома-музеи декабристов, приблизившихся в экспозиционной и просветительной деятельности к музеям мемориального профиля [12, с. 202-203].

Сибирские музеи доказали свою жизнеспособность как важные социокультурные институты. В соответствии с полиэтничным характером территорий, в

просветительной работе внимание ряда музеев акцентировалось на формировании и функционировании традиционной культуры жизнеобеспечения русского и аборигенного населения Сибири, их этнокультурных контактах.

В современный период музеи являются культурным и социообразующим ядром территориальных образований разного уровня. Они реализуют государственную политику в сфере культуры, формируют культурную среду, стимулируют у населения гражданскую инициативу и социальную ответственность; осуществляют актуализацию наследия путем его музеефикации; приобщают жителей региона ко всему спектру материального и нематериального наследия и удовлетворяют их музейные потребности; а также поддерживают брендирование территорий, их интеграцию в сферу туризма.

Весьма репрезентативным примером в этом отношении может служить Красноярский край, имеющий исторически сложившуюся разнопрофильную музейную сеть и занимающий первое место по числу музеев в Сибирском федеральном округе, шестое место в Российской Федерации. Широкую известность получил и динамично развивается историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское». Он, как и музей-заповедник «Старина Сибирская» в Омской области являются яркими примерами актуальности и значимости средовых музеев в социокультурном пространстве Сибири. Это обусловлено их связью с культурными ландшафтами и пространственной музеефикацией территорий, освоением природного и историко-культурного наследия и активным приобщением к нему посетителей, а также разнообразием форм средовых музеев. Это традиционные музеи под открытым небом; музеи-заповедники; объекты краеведческой музеефикации и новационные музейно-парковые комплексы.

В связи с новациями, считаю целесообразным обратить Ваше внимание на работу коллектива сотрудников Института Наследия под руководством Т.П. Полякова «Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы». В центре внимания авторов современный социокультурный феномен, качественно новый объект культуры и туризма, органично объединяющий ключевые принципы создания музеев под открытым небом и тематических парков историко-культурного направления. Представленная модель ориентирована на сохранение и актуализацию неосвоенных «достопримечательных мест», связанных с памятниками культурного и природного наследия России. Весьма показательно, что объектами исследования в числе наиболее популярных отечественных средовых музеев являлись и сибирские: «Томская писаница», «Тальцы», соответствующие параметрам и характеристикам «музейно-паркового комплекса» [9, с. 11].

Новая и перспективная модель или форма освоения исторических территорий и «достопримечательных мест» вполне может быть применима к «Барсовой Горе» – достопримечательному месту регионального значения в Сургутском районе Ханты-Мансийского округа – Югры. Процессы активного взаимодействия государства, общества и населения на этой территории дают весьма впечатляющие результаты. В 2021 г. объект наследия – урочище «Барсова Гора» победил в конкурсе ТОП-1000 культурных и туристических брендов Российской Федерации в номинации «Самый востребованный и популярный бренд», поскольку получило мощную поддержку общественности. По инициативе главы Сургутского района А.А. Трубецкого начата реализация масштабного проекта – музейно-туристического комплекса «Барсова Гора». В основе которого комплексный подход к интеграции академических исследований в области археологии, ботаники, геологии и экологии, мультимедийных форм презентации культурного наследия в экспозициях музея и под открытым небом в аутентичных природных условиях расположения археологического наследия. Проект «Музейно-туристический комплекс “Барсова Гора”» поддержан губернатором ХМАО –

Югры Н.В. Комаровой, координационным советом представительных органов местного самоуправления муниципальных образований ХМАО – Югры и Думы округа [4, с. 21-23]. В 2022 г. при кураторстве научно-производственного и историко-культурного центра «Барсова Гора» выполнен первый этап создания интерактивной туристической тропы «ЧелоВечность». В сентябре 2023 г. планируется проведение первого в Урало-Сибирском регионе культурно-образовательного Форума «Друзья Барсовой горы» на туристической тропе «ЧелоВечность» для учащихся старших классов школ Сургутского района с целью привлечения их к работе по освоению наследия достопримечательного места. Девиз Форума: «Ищем волонтёров!».

Результаты проведенных в Сибири в 2022 г. представительных историко-культурных и музееведческих форумов говорят о высокой степени консолидации сибирского музейного сообщества и его глубокой интегрированности в российское социокультурное пространство. В Сибирском регионе музейное дело развивается в соответствии с приоритетными направлениями музейного мира России, связанными с освоением наследия, инклюзией, цифровизацией и межведомственным сотрудничеством. Следует отметить и выдвижение инициатив, имеющих общероссийский характер для музейного брендирования территорий – создание Музея Сибири в Тюменском музейно-просветительском объединении им. П.Я. Словцова; реактулизация научного наследия и организационного опыта – разработка концепции энциклопедического словаря «Лидеры музейного мира Сибири» [12].

Как актуальные и перспективные направления региональной культурной политики, интегрирующие базовые институты наследия можно рассматривать, выделенные О.Н. Астафьевой стратегии: 1) синтеза с использованием технологий «уплотнения музейной среды и диверсификации культурного предложения»: сохранение музеем исторического права на роль структурообразующего ядра в культурной инфраструктуре территории, либо конкуренция за определенный сегмент пространства и посетителя; 2) «культурной экспансии» территории за счет расширения внешних границ музейного пространства и наращивания разнообразия культурных предложений: усложнение ядра и концентрация вокруг музея традиционных (библиотеки) и новационных (информационные центры, театры, арт-галереи) учреждений культуры [1, с. 22].

На протяжении всей истории библиотеки, в силу своих функций, работали в сфере информационного обеспечения общества. Одним из традиционных, актуальных и перспективных направлений взаимодействия библиотек Сибири с обществом является краеведение, которое можно рассматривать и как региональное обществознание в части изучения развития различных сторон жизни человечества и человека в определенных локациях, а также форм популяризации результатов этих исследований.

В сложный период социально-экономических и политических трансформаций постсоветского периода, именно библиотечные учреждения с глубокими традициями поддерживали деятельность библиотечной системы Сибири. Библиотеки начали апробировать новые формы работы, основанные на приоритете свободного доступа к информации для различных групп пользователей, специализации массовых библиотек. Например, в 1994 г. некоторые филиалы централизованной библиотечной системы (ЦБС) г. Улан-Удэ становятся библиотеками семейного чтения, центрами эстетического воспитания. В районах республики были созданы такие типы библиотек как библиотека – центр краеведческой и национальной библиографии, библиотека – клуб досуговой деятельности [3, с. 124, 130].

Муниципальные библиотеки стремились использовать в просветительской деятельности возможности современных информационных технологий. На их основе организовывались слайд-презентации, виртуальные путешествия, интернет-акции,

электронные викторины, привлекательные для детей и молодежи. Библиотеки начали регулярно устраивать для привлечения читателей творческие встречи, концертные программы, информационно-просветительские акции, премьеры и презентации книг, книжных выставок и библиотечных проектов. Стали появляться нестандартные формы работы: интеллектуальные марафоны, ролевые игры, видеопросмотры, фотопрогулки.

Со второй половины 1990-х годов расширяются масштабы научно-организационной и издательской деятельности библиотек. Проводятся Макушинские, Романовские, Юдинские, Астафьевские и др. чтения, посвященные известным меценатам, организаторам книжного дела и библиотек, сибирским литераторам с целью привлечения органов управления и общественности к необходимости активной поддержки развития библиотечной сети региона и современных форм работы с читательской аудиторией.

В первые десятилетия XXI в. начинается модернизационное движение по созданию модельных библиотек, приоритетным становится проектно-программный метод организации библиотечной деятельности, важное значение придается решению проблем социальной инклюзии. Так, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края становится активным участником программ федерального и краевого уровня: «Культура России», «Культура Красноярья», направленных на информатизацию муниципальных библиотек, повышение квалификации библиотечных специалистов. В Омске в 2006 – 2010 гг. был успешно реализован ряд масштабных программ: «Библиотека – информационный центр для населения и органов местного самоуправления», «Библиотека для ребенка XXI в.», «С новой книгой в новый век», «Читающий город» с субпроектом «Библиомобиль». Совместно с Государственной Думой Томской области осуществлен научно-образовательный интернет-проект «Томск и томичи в истории российского парламентаризма». Сайт библиотеки «Томское краеведение» дважды занимал призовые места в конкурсе сайтов публичных библиотек [6, с. 92]. Все библиотеки региона активно участвовали и участвуют в программах по изучению и пропаганде историко-культурного наследия в соответствии с концепцией «нового краеведения» [10], когда под локальной историей понимается не территория, а «микрообщество», совокупность людей, осуществляющих вполне конкретную историческую деятельность, тип местного социума во всем многообразии социокультурной жизни. Оно является способом мобилизации исторической памяти и одновременно инструментом научно-исторического познания. В настоящее время библиотеки все активнее приобретают черты «мест памяти». Ключевым моментом становится работа по формированию не только вторичной (печатной, библиографической информации), но и сбору первичных материалов, артефактов, становящихся источниковой базой для исследователей, и символически важным элементом исторической памяти для каждого из ее посетителей. Мемориальная деятельность, коммеморативные практики получают все больше распространение в общедоступных библиотеках.

Путем формирования соответствующих электронных ресурсов национальными библиотеками субъектов Сибирского федерального округа развернута работа по репрезентации книжной культуры коренного населения зауральских территорий России [11]. Как показали результаты работы Международной научно-практической конференции «Libway-2023» стремительное распространение электронных форм обработки, а также предоставления информации расширило возможности использования ресурсов и вывело библиотеки на новый уровень взаимодействия с государством, обществом, населением Сибири [7].

С целью показать общее и особенное в роли базовых институтов наследия для общества, ученых и граждан был реализован по инициативе Е.А. Воронцовой издательский проект серия из трех сборников «Музеи – библиотеки – архивы в информационном обеспечении исторической науки». В настоящее время наряду с традиционными архивными учреждениями в общественно-политической жизни страны и регионов значительную роль играют электронные архивы, расширяющие возможность свободного доступа граждан к интересующим их материалам персонального и регионально-локального или профессионально-ориентированного пространства. Опыт работы Сибирского отделения РАН по созданию и развитию такой формы работы с наследием получил признание на российском и международном уровне. Особое социокультурное значение имеет «Открытый архив СО РАН как система представления, накопления и систематизации научного наследия». Актуальное и перспективное значение для интеграции материалов музеев-архивов-библиотек имеет разработка проекта «Сибириана» по созданию платформы агрегации историко-культурного наследия Ангаро-Енисейского макрорегиона, входящей в программу «Приоритеты 2030».

В целом можно заключить, что в наши дни под влиянием информационно-коммуникационных технологий все более масштабно проявляется тенденция сближения социокультурных практики базовых институтов наследия. Их интеграцию и конвергенцию можно рассматривать как возращение к истокам культурных институций комплексного характера на новом технологическом и коммуникационном уровне. Сотрудники библиотечной, архивной и музейной сфер будут периодически возвращаться к проблеме разумного баланса между традициями своих отраслей с одной стороны, социальными и технологическим новациями с другой. Научное сообщество, институты наследия в постсоветский период становится партнерами, заинтересованными в успешном развитии краеведческая деятельности в цифровой среде в интересах современного российского общества.

Нам представляется, что актуальная и перспективная деятельность базовых институтов наследия – музеев, библиотек, архивов будет осуществляться в интеграционном пространстве «нового краеведения» и направлена на реализацию обновленных «Основ государственной культурной политики» с учетом особенностей социокультурного пространства, историко-культурного наследия Сибири, на основе теоретических и научно-практических разработок Сибирского филиала Института Наследия, институтов Сибирского отделения Российской академии наук и высших учебных заведений, краеведов.

Список литературы

1. Астафьева О.Н. Региональная культурная политика // Новации в музейном мире. Музей как коммуникационный протокол: Сб. науч. ст. / отв. ред. И.В. Чувилова, О.Н. Шелегина. Новосибирск, 2013. С. 11-23.
2. Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. Культура Сибири в контексте общественно-политических процессов в постсоветский период: направления научного поиска // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 30. № 2. С. 24-32.
3. Затеева Н.А. Социально-культурная деятельность в Восточной Сибири: история становления, современное состояние и перспективы развития / Н.А. Затеева, С.П. Татаров. Улан-Удэ: Изд.-полиг. комплекс ФГОУБ ВПО ВСТАКИ, 2010. 169 с.
4. Игнатьевская Е.В. Музейно-туристический комплекс «Барсова Гора»: реализация и перспективы развития проекта // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «IX Бахлыковские чтения» (г. Сургут, 28 – 29 октября 2022 г.). Сургут: МАУ СР «ИКНПЦ “Барсова Гора”», 2022. С. 20-24.

5. Культурное наследие – от прошлого к будущему. Научное издание. М.; СПб.: Институт Наследия, 2022. 390 с.
6. Культурное пространство Сибирского региона в 1990-2012 годы: двадцатилетие реформ и развития: учебное пособие / Н.М. Генова, Ю.Р. Горелова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Омский гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2015. 251 с.
7. Международная научно-практическая конференция «Наука, технологии и информация в библиотеках (Libway-2023)». Краткие итоги // Труды ГПНТБ СО РАН. 2023. № 1 (17). С. 63-72.
8. Музееведческая мысль в России XVIII – XX веков: Сборник документов и материалов. Отв. ред. Э.А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.
9. Музейно-парковые комплексы в современной России: феномен, опыт, проекты, проблемы, перспективы: коллективная монография / Т.П. Поляков, Т.А. Зотова, Ю.В. Пустовойт, О.Ю. Нельзина. М.: Институт Наследия, 2023. 556 с.
10. Тараненко Л.Г. Библиотечное краеведение: учебное пособие. Кемерово: Кемеров. гос. ин-т культуры, 2022. 216 с.
11. 11.Трояк И.С. Книжная культура коренных и малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока в электронных краеведческих ресурсах региона // Гуманитарные науки в Сибири. 2021. Т. 28. № 4, С. 103-107.
12. Шелегина О.Н. Музейный мир Сибири: история и современные тенденции развития. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. 396 с.
13. Шелегина О.Н. Музейный мир России: актуализация регионального опыта // Культурно-антропологические исследования. 2022. № 2. С. 19-25.
14. Шола Томислав С. Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти. ИКОМ России: ГМЗ «Ростовский кремль». Ростов Великий, 2017. 320 с.

ЛИДЕРСТВО В МУЗЕЙНОМ МИРЕ СИБИРИ

УДК 069.51: 378 (571.17)

Музей Кемеровского государственного университета в социокультурном пространстве региона

Боголепова Людмила Захаровна
кандидат культурологии.
Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.
Кемерово, Россия.
ludmila-zah58@yandex.ru

Белоусова Наталья Александровна
кандидат культурологии
музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета.
Кемерово, Россия.
belna55@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9873-320X

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются долгосрочные проекты музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, направленные на развитие социокультурной среды Кузбасса. В результате исследовательской и просветительской деятельности сотрудников музея с археологами, историками, биологами, культурологами совместно со студенческой молодежью, школьниками актуализируется историко-культурное и природное наследие региона. Авторы представляют несколько социально-значимых проектов музея по работе с молодежью и населением с ограниченными возможностями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Музей, социокультурное пространство, проектная деятельность, историко-культурное и природное наследие.

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета (КемГУ) обладает огромным социальным, воспитательным и культурным потенциалом в становлении всесторонне развитой личности и в патриотическом воспитании подрастающего поколения. В результате его деятельности создаются выставки, формируются новые разделы экспозиций, фондовые собрания. Музей университета имеет партнерские связи со многими музеями России и зарубежья. Его деятельность отмечена Золотыми и Серебряными медалями, Дипломами образовательных, научных и культурных Форумов и Ярмарок.

Музей КемГУ активно входит в социокультурное пространство города и региона с проектами, в которых принимают участие студенческая молодежь, школьники, население города Кемерово. Эти проекты дают возможность ознакомиться с коллекциями музея, архивными документами, приобщиться к научно-исследовательской работе. Благодаря проектной деятельности наш музей актуализирует историко-культурное и природное наследие Кемеровской области – Кузбасса по следующим направлениям:

- изучение древней истории Кемерово и Сибири;
- изучение истории народов Кузбасса и Сибири;
- изучение природного наследия и экологии Сибири;
- изучение истории университета.

В данной статье авторы представляют несколько социально-значимых проектов музея по работе с молодежью и населением с ограниченными возможностями.

Проект «Бессмертный полк КемГУ» охватывает несколько этапов. В 2013 г. был разработан совместный проект музея, ветеранской организации и студенчества КемГУ

на создание Интернет-ресурса на сервере вуза – сайта «Диалог поколений». Основной целью проекта явилось приобщение студенческой молодежи к истории и традициям вуза через непосредственное участие в творческих группах. Проект был поддержан «Программой развития деятельности студенческих объединений КемГУ». Руководители проекта – сотрудники музея «Археология, этнография и экология Сибири (директор, канд. культурологии Белоусова Н. А. и руководитель отдела истории вуза, канд. культурологии Боголепова Л. З.).

Основными формами работы явилось создание временных творческих коллективов на 10 факультетах университета и включение учебных музейных и архивных практик в тему проекта. В этот период было проведено 78 мероприятий университетского, городского и регионального уровня. Это – встречи, вечера, акции, концерты, спектакли, выставки, мероприятия ко Дню Победы, в том числе и юбилейные. Большую помощь оказывали ветераны под руководством председателя ветеранской организации КемГУ Л. А. Циркиной. Информация и фотографии о мероприятиях размещались на сайте КемГУ, в местных изданиях. В выставках музея принимали участие студенты всех факультетов, при подготовке к ним студенты занимались научно-исследовательской работой. Например, выставки – «Фронтовые дороги ветеранов Великой Отечественной войны», «Страницы истории КемГУ», «Ученые КемГУ – Кузбассу», к 70-летию Кемеровской области «Архивные документы из истории КемГУ», «Война глазами детей (1941-1945 гг.)», «Страницы истории КемГУ», «Опыт и молодость в одном строю» и др.

Проводились ежегодные акции – «Праздник в Дом ветерана», «Поздравление участников Великой Отечественной войны с юбилеем», «Помощь участникам ВОВ, труженикам тыла» (оказание помощи по проведению генеральной уборки помещений, закупка продуктовых и хозяйственных наборов ветеранам войны), «Помним всех поименно» (приведение в порядок могил участников войны КемГУ). «Закладка аллеи в память о сотрудниках КемГУ – участниках Великой Отечественной войны». Вся эта работа была осуществлена временными добровольческими студенческими коллективами.

Рисунок 1. Открытие выставки «Фронтовые дороги участников Великой Отечественной войны. 2014 г.

Активно шла научно-исследовательская и поисковая работа по преподавателям и сотрудникам КемГУ, принимавших участие в Великой Отечественной войне к 70-летию Победы. Список фронтовиков университета на 2014 год насчитывал всего 25 имен. В ходе кропотливой работы сотрудников музея, ветеранов, студентов института истории и международных отношений по сбору информации из различных источников (архивы Кемеровской области – ГАКО и КемГУ, вузовская периодическая печать, личные архивы ветеранов вуза), удалось уточнить и обнаружить 82 новых имени. В 2015 г. состоялась презентация сайта «Диалог поколений» (http://dialog.kemsu.ru), который формируется на основе музейных исторических материалов, фотографий совместных мероприятий, воспоминаний и личных материалов ветеранов и участников Великой Отечественной войны, студенческих исследований. Он выступает основой нового этапа сплочения и активизации вузовского сообщества, мощным источником нравственности и патриотизма.

В этом же году был опубликован историко-биографический справочник «Помним всех поименно (преподаватели и сотрудники КГПИ-КемГУ – участники Великой Отечественной войны», автор – канд. культурологии Л.З. Боголепова [5]. Он представляет собой издание, в которое включены впервые публикуемые сведения о фронтовиках, внесших свой посильный вклад в формирование первого классического университета в Кузбассе. Представлены автобиографические сведения, этапы становления специалистов, достижения в различных областях, воспоминания об участии в Великой Отечественной войне.

Рисунок 2. Историко-биографический справочник…«Помним всех поименно… Преподаватели и сотрудники КГПИ-КемГУ – участники Великой Отечественной войны). 2015 г.

Второй этап проекта – с 2015 по 2016 гг. В рамках исследования были собраны сведения о детях Великой Отечественной войны – сотрудниках и преподавателях КемГУ (139 человек) [4]. Инициатором этого исследования стала Л. А. Циркина – председатель ветеранской организации КемГУ. Активное участие в сборе материала принимали ветераны и студенты вуза. Результатом этой работы стало издание историко-биографического справочника «Дети военного времени». Авторы – Л. З. Боголепова, Л. А. Циркина.

Третий этап проекта – с 2017 по 2021 гг. В проекте приняли участие студенты и магистранты Института истории и международных отношений КемГУ, ученики гимназии № 41 г. Кемерова (8-10 классы).

Рисунок 3. Вручение благодарственных писем и книг студентам факультета истории и международных отношений КемГУ в оказании помощи в сборе и обработке документального материала. 2016 г

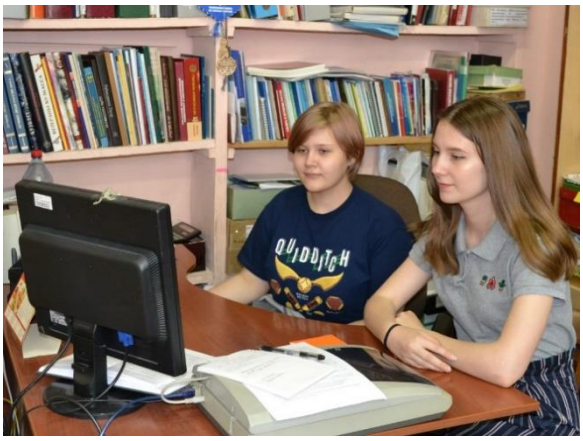

Рисунок 4. Ученики средней школы № 41 за работой над систематизацией архивного материала. 2020 г.

Целью этого этапа проекта стало выявление новых имен фронтовиков – преподавателей и сотрудников вуза, работавших с 1941 по 1960-е гг. Были просмотрены и отобраны личные дела преподавателей и сотрудников КемГУ, где указывалось подтверждение участия в Великой Отечественной войне, осуществлена оцифровка личных дел. Удалось найти новые имена фронтовиков (51 человек). Оцифрованный материал переведен в документ Word, литературно обработаны и систематизированы автобиографические тексты, составлены анкеты. В программе Fotoshop обработаны фотодокументы. В апреле и мае 2020 г. работа велась дистанционно из-за распространения новой короновирусной инфекции (COVID-19). К 75-летнему юбилею празднования Дня Победы была создана виртуальная презентация «Бессмертный полк КемГУ», которая демонстрировалась на уличных экранах г. Кемерово и была размещена на сайте КемГУ (http://kemsu.ru). Среди фронтовиков – 2 ректора, 6 докторов наук и профессоров, 39 кандидатов наук, 13 деканов, 8 – зав. кафедрами разных факультетов, 2 – Почетных гражданина Кемеровской области. Воевали они героически: 43 фронтовика были награждены орденами Красной Звезды, 35 – орденами Отечественной войны, 6 – орденами Красного Знамени. Среди участников Великой Отечественной войны были и такие, кто имел несколько боевых орденов. Кроме того, в онлайн-формате была проведена акция «Бессмертный полк КемГУ». Её участником мог стать любой желающий. Достаточно было выложить в «Инстаграме» видео или фото с пометкой #БессмертныйполкКемГУ# и рассказать историю своего героя.

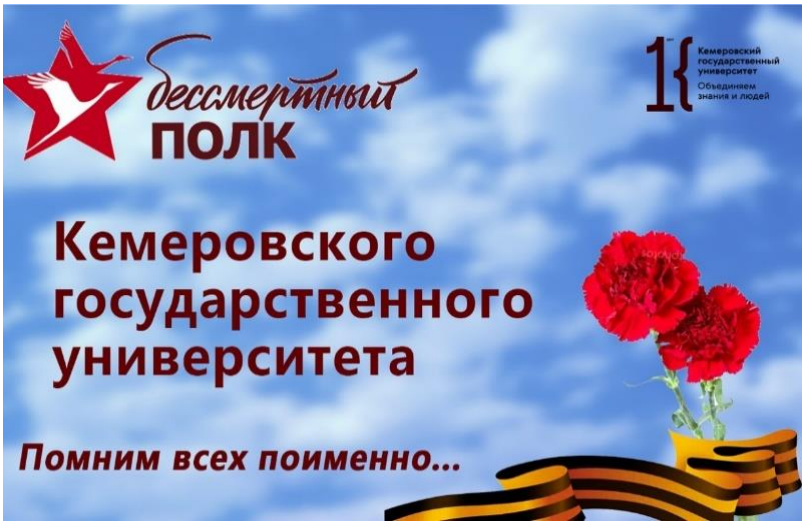

Рисунок 5. Презентация «Бессмертный полк КемГУ».
2020 г.

Всего в результате научно-исследовательской деятельности проекта было выявлено 133 новых имени

преподавателей и сотрудников, принимавших участие в Великой Отечественной войне. На сегодняшний день в списке «Помним всех поименно» 157 фронтовиков. Материалы совместных исследований вошли в книгу-фотолетопись «История института филологии, иностранных языков и медиакоммуникаций КемГУ» и в личные фотолетописи сотрудников КемГУ.

В ходе проекта было охвачено более 1550 человек – школьников, студентов, магистрантов, ветеранов, фронтовиков, детей войны.

Научно-исследовательская работа по поиску новых имен продолжается. Наша обязанность перед нынешним поколением молодежи – донести историческую правду о Великой Отечественной войне и о народе, победившем фашизм. Проект по итогам II Всероссийского конкурса краеведов, работающих с молодежью Фонда «История Отечества» Российского исторического общества вошел в число победителей в 2020 г.

Проект «Древняя история Кемерово» – дважды победитель конкурса проектов Фонда грантов Президента РФ 2018 г., 2020 г. по направлению – сохранение исторической памяти (руководитель – директор музея, канд. культурологии Н. А. Белоусова) от Кемеровского отделения «Русского географического общества» на базе Кемеровского государственного университета. Для реализации проекта объединились историки, археологи и музейные сотрудники из ведущих научных организаций области – музея «Археология, этнография и экология Сибири» и Института истории и международных отношений Кемеровского государственного университета, Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, музея-заповедника «Томская писаница» и музея-заповедника «Тюльберский городок», Научно-популярный проект «Наука42». Всестороннюю помощь и поддержку проекту оказывали: Глава города И.В. Середюк, Администрация в лице заместитель Главы города по социальным вопросам О.В Коваленко, заместитель начальника управление культуры, спорта и молодежной политики администрации г. Кемерова Н. С. Бледнова; ректор КемГУ А.Ю. Просеков, директор Института истории и международных отношений КемГУ, д-р ист. наук, профессор О.С. Советова и студенты КемГУ.

В коллектив исполнителей вошли от КемГУ: директор музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ Н.А. Белоусова, музеевед-археолог, главный хранитель и руководитель отдела археологии и этнографии музея Л.Ю. Боброва; от

Института истории и международных отношений: зав. кафедрой всеобщей истории и международных отношений, руководитель направления подготовки «Туризм» (бакалавриат), археолог, координатор по научно-образовательным мероприятиям д-р ист. наук С.А. Васютин.

От Института экологии человека ФИЦ угля и углехимии СО РАН: научный руководитель проекта, археолог – канд. ист. наук старший научный сотрудник, зав. лабораторией А.Г. Марочкин; историк, старший научный сотрудник, канд. ист. наук, доцент И.Ю. Усков; археологи – научный сотрудник, канд. ист. наук А.Ю. Юракова; младший научный сотрудник И.А. Плац; ведущий инженер А.С. Сизев; ведущий инженер Н.Е. Горлышкин.

От МБУ «ЭМЗ Тюльберский городок» Кемеровского района – директор К.И. Осипов и сотрудники.

При изучении истории города обращение к археологии его территории и окрестностей не случайно, и по мнению исследователей, полностью оправдано. Такой подход позволяет проследить историческую последовательность заселения человеком центральной части Среднего Притомья в различные периоды и эпохи истории человечества. И письменный этап этой истории, по времени начавшийся с освоением Притомья русским населением в XVII-XIX вв., не возник на пустом месте. До этого Среднее Притомье на протяжении многих тысячелетий переживало многочисленные смены климата и ландшафтов, во время которых здесь появлялись и исчезали древние и средневековые этнокультурные общности. На смену охотникам палеолита приходили рыболовы эпохи неолита, их сменяли племена земледельцев и скотоводов бронзового века. За эти территории боролись племена первых протогосударственных образований раннего железного века. Кузнецкое Притомье находилось на стыке влияния этнополитических средневековых объединений таежных, лесостепных и степных пространств Южной Сибири [7, с. 5].

Это первый проект в истории города, направленный на формирование источниковой базы по древней, средневековой и новой истории современной территории города Кемерово археологическими и историческими методами. Участниками проекта стали студенты Института истории и международных отношений КемГУ, молодежь, дети и подростки, горожане. География проекта охватывала территорию города Кемерово и его окрестности.

Целью данного проекта стало комплексное изучение древней и средневековой истории современной территории города Кемерово, а также периода русского освоения Притомья на основе археологических данных для популяризации археологического, исторического наследия края и формирования исторического сознания прежде всего у кемеровчан и жителей региона. Современный город расположен на территории нескольких деревень – Красной, Кемерово, Евсеева, Боровой, Кур-Искитимской, Усть-Искитимской и Давыдова, основанных на протяжении XVII–XIX вв. Однако население города Кемерово в основной массе не знает ни об истории этих деревень, ни о более древних исторических процессах, происходивших на этой территории, поскольку до сих пор не было проведено полное археологическое исследование даже малочисленных известных археологических памятников, не говоря о серьезном комплексном историко-археологическом изучении территории города. Основные задачи включали несколько направлений:

1. формирование источниковой базы по древней, средневековой, а также по новой истории современной территории города Кемерово, обработка базы источников и введение эти материалов в научный оборот;

2. создание постоянной экспозиции и передвижной выставки «Древняя история Кемерово» по результатам исследования;

3. создание медиаконтента медиапроекта «История Кемерово и его окрестностей с древнейших времен до начала XX века» (видеороликов, фоторепортажей, фильмов, публикаций);

4. издание результатов работы в архивах Сибирского региона по картографии города Кемерово с XVII по XX вв. и археологических исследований на территории города Кемерово и его окрестностей до начала XX века.

В течение четырех лет на территории города и его окрестностей проводились работы по берегам р. Томи. На правом берегу исследование продолжено на памятниках Люскус I, Люскус III (эпохи бронзы и раннего средневековья), в разрушающихся склонах мыса зафиксированы развалы сосудов, множество фрагментов орнаментированной посуды и каменное грузило для рыболовных сетей, фрагменты керамической посуды эпохи раннего средневековья. Один сосуд с характерной для этой эпохи орнаментацией почти полностью реконструируется.

На противоположном берегу Томи в районе Суховского озера при зачистке берега были обнаружены фрагменты керамики разных эпох, большое количество отщепов, наконечник стрелы и др. У подножия скалы Томская Писаница Нижнетомским отрядом Кузбасской археологической экспедиции проведены раскопки уникального поселения Писаная 4. Здесь найдены выразительные материалы каменного, бронзового и железного веков: фрагменты керамической посуды, каменные орудия. Наиболее древние из них созданы более 7000 лет назад: скребки, отщепы, заготовки топоров, наконечники стрел.

Помимо изучения древних археологических объектов были проведены исследования на территории населенных пунктов, созданных 300 лет назад и вошедших в состав современного города Кемерово. Из семи деревень, составивших ядро областной столицы, самым перспективным объектом явилась одноименная областному центру деревня Кемерово, которая располагалась на правом берегу реки Томи при слиянии в нее ручья Крутого. В ходе работ удалось проследить культурные слои разных периодов трехсотлетней истории: от заселения первыми землепашцами до начала индустриализации XX века (спусковой жетон шахтера Кемеровского рудника, поливная керамика, кованые гвозди и монеты XIX века). К XVIII веку относится культурный слой с фрагментами посуды, изготовленными на ручном гончарном круге. А самой значимой находкой явилась монета 1749 года выпуска, которая была в обращении на территории России с 1747 по 1753 гг. Она является маркером эпохи и дополняет информацию письменных источников о существовании деревни Кемерово в середине XVIII века, собранных в архивах Барнаула, Новосибирска, Томска, Кемерово, Свердловска. Коллекция находок из раскопок деревни Кемерово в 2020 году составляет более 6 тыс. находок. Особо ценные находки – ружейные кремни, изделия из железа, монеты XVIII – н. XX вв., фрагменты терракотового рельефного изразца и донца штофа из зеленого стекла, кольцо, перстень.

Результаты исследований представлены в виде передвижной выставки «Древняя история Кемерово: этапы исследования». В рамках празднования 300-летия открытия угля в Кузбассе в июле - августе 2021 г. прошли презентации печатных изданий – «Исторический атлас г. Кемерово (XVII - XX вв.)» [Плац, Усков, 2021] и коллективной монографии «История города Кемерово и его окрестностей с древнейших времен до начала XX века» [Усков, Марочкин и др., 2021] в 2021 г. Издания были переданы в школы и библиотеки города.

Рисунок 6. Раскопки памятника «Деревня Кемерово»

Рисунок 7. Участники археологических исследований памятника «Люскус»

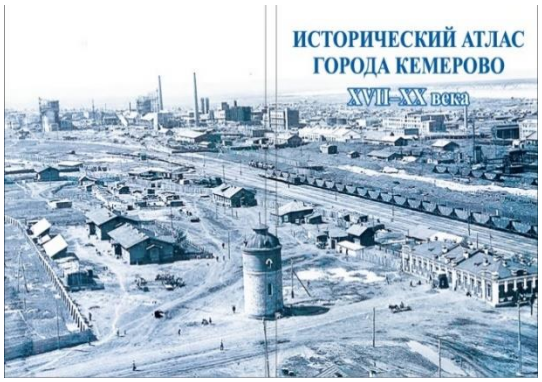

Рисунок 8. Исторический атлас города Кемерово XVII – XX века.

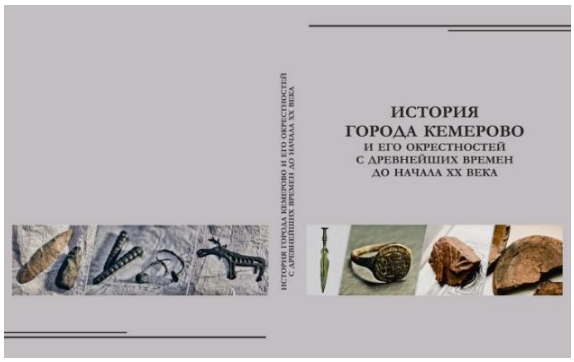

Рисунок 9. Монография «История города Кемерово и его окрестностей с древнейших времен до начала XX века».

Социальная значимость этого проекта заключается в том, что в ходе реализации проекта было охвачено более 20000 человек – ученых, студентов, магистрантов, аспирантов, школьников, подростков, кемеровчан, жителей региона и пользователей Интернет-сетей. Новейшая информация по древней и средневековой истории города была представлена, как для взрослых, так и для учащихся общеобразовательных учреждений, студентов в виде постоянной и виртуальной экспозиций, выставок в библиотеках, учебных заведениях. Создана первая передвижная выставка «Древняя история г. Кемерово» по результатам исследования археологических памятников города и его окрестностей. Интенсивно шла работа по наполнению медиаконтента «История Кемерово и его окрестностей с древнейших времен до начала XX века» видеороликами, фоторепортажами, публикациями, видеолекциями и историческими реконструкциями, размещенных в социальных сетях Интернет:

ВКонтакте (https://vk.com/ancient.kemerovo) и

Instagram (https://www.instagram.com/ancient.kemerovo/).

Проведено более 160 экскурсий, тематических уроков, как на месте археологических исследований, так и в экспозиции музея и на передвижной выставке в День города [1].

Благодаря этому проекту повысился интерес к малой родине у молодежи, горожан и гостей города, расширилась туристическая карта города.

В настоящее время музей активно работает еще по одному социально-значимому партнерскому **проекту «Экология Кузбасса: особый взгляд».** Этот проект для незрячих и слабовидящих людей был создан в 2017 г. Сегодня в Кузбассе около 3600 человек относятся к этой категории. Впервые в Кемеровской области людям с

ограниченными возможностями по зрению предоставлена возможность «увидеть» дикую природу Кузбасса и познакомиться с ней через экскурсию, в адаптированную под них экспозицию музея «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ, и комплексную передвижную выставку. До сегодняшнего дня эти экскурсии пользуются популярностью как у людей с ограниченными возможностями, так и у всех категорий населения и гостей города. Проект осуществляется музеем «Археология, этнография и экология Сибири» КемГУ совместно с ГКУ «Дирекцией особо охраняемых природных территорий Кемеровской области», с ГКУК «Кемеровской областной специальной библиотекой для незрячих и слабовидящих» и Государственным архивом Кемеровской области. Проект направлен на реализацию программы «Доступная среда» в РФ и решает проблему экологического образования и воспитания посетителей всех возрастов. В рамках проекта популяризируются особо охраняемые природные объекты, редкие виды животных и растений Кузбасса, памятники древнейшей истории края на особо охраняемых природных территориях, основанных на музейной экспозиции, природных объектах, архивных документах.

Проект «Экология Кузбасса: особый взгляд» позволил организовать доступ к этой информации незрячим и слабовидящим людям и способствовал их социокультурной реабилитации, интеграции в общество.

Рисунок 10. Царство дикой природы Кузбасса [Рельефно-графическое пособие]

Рисунок 11. Фрагмент экспозиции отдела природы музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета

В ходе реализации проекта инвалиды по зрению получили уникальную возможность познакомиться с животным миром Кузбасса через экскурсии, выездные выставки, мероприятия, организованные партнерами на базе 4-х филиалов Кемеровской областной специальной библиотекой для незрячих и слабовидящих, в 3-х специализированных школах и 2-х д/садах [3].

Одним из результатов совместной работы стало издание научно-популярного комплексного тифлопособия для людей с ограничениями по зрению «Царство дикой природы Кузбасса. Рельефно-графическое пособие». Уникальность комплексного издания в том, что впервые незрячие и слабовидящие смогут услышать голос животного, узнать интересную информацию о нём, но главное, прикасаясь к тактильному изображению дикого зверя и к кусочку его мехового покрова, получить наиболее полное представление о нём [*2*]. В феврале 2019 г. проект был отмечен серебряной медалью Образовательного форума Кузбасса.

Музей на сегодняшний день продолжает работать в социально-значимых проектах, активно вовлекая в них учащуюся молодежь, горожан и жителей региона через разные формы своей деятельности.

Список литературы

1. Аналитический отчет по гранту 20-1-037326 Медиапроекта «История Кемерово и его окрестностей с древнейших времен до начала XX века». Кемерово, 2021.
2. Белоусова Н.А. Музей, музеология и культурное наследие: Материалы международной научной конференции, 17-18.04. 2019, Нур-Султан / под ред. Б.Б. Мажагулова, О.Н. Труевцевой, М.К. Хабдулиной. Нур-Султан, 2019. С. 252-254.
3. Белоусова Н.А., Боголепова Л.З. Партнерские музейные проекты в развитии социокультурного пространства Кузбасса // Современные тенденции в развитии музеев и музееведения: материалы III Всероссийской научно-практической конференции: сб. статей. Новосибирск: Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2017. С. 255-259.
4. Боголепова Л. З. Циркина Л. А. Дети военного времени: историко-биографический справочник. Кемерово: Изд-во КемТИПП, 2016. 160 с.
5. Боголепова Л.З. Помним всех поименно: преподаватели и сотрудники КГПИ – КемГУ – участники Великой Отечественной войны: историко-справочное пособие. Кемерово: ООО Студия Рекламы «РеФорма», 2015. 126 с.
6. Плац И.А., Усков И.Ю. Исторический атлас г. Кемерово XVII–XX вв. // Кемерово: Кузбассвузиздат, 2021. 80 с.: ил.
7. Усков И.Ю., Марочкин А.Г., Васютин С.А., Юракова А.Ю., Шереметов Р.Т., Боброва Л.Ю., Плац И.А., Белоусова Н.А., Сизев А.С., Герман П.В., Макаров С.С., Горлышкин Н.Е.. История города Кемерово и окрестностей с древнейших времен до начала XX века. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2021. 208 с.: ил.

УДК069(571.51)

Минусинский краеведческий музей как научный и культурный центр (краткие итоги деятельности за 2022 год)

Борисова Светлана Анатольевна
директор МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова».
Минусинск, Россия.
e-mail: svet181@gmail.com

АННОТАЦИЯ В статье представлены краткие итоги деятельности муниципального бюджетного учреждения культуры «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова» за 2022 год. В результате анализа работы старейшего сибирского музея автор делает вывод, что Мартьяновский музей является современным научным и культурным центром Южной Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова, Мартьяновский музей, Минусинск, традиции, юбилей.

В 2022 году, в год 200-летия со дня основания Енисейской губернии, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова отметил 145-летний юбилей. Это знаковый возраст для старейшего сибирского музея, который является крупнейшим научно-культурным центром на юге Сибири. В деле по сохранению и научному просвещению историко-культурного наследия региона музей продолжает традиции, заложенные его основателем Н. М. Мартьяновым (1844–1904).

В течение года в Мартьяновском музее проходили мероприятия, которые показывали, как жил и развивался сибирский храм науки – Минусинский музей им. Н. М. Мартьянова, его отделы (Музей декабристов, мемориальный музей «Дом-квартира Г.М. Кржижановского и В.В. Старкова», картинная галерея, научная библиотека), город Минусинск и три крупнейших региона Сибири: Красноярский край, республики Хакасия и Тува.

За год музей посетили около 250 тыс. человек: российские и зарубежные исследователи; представители образовательных, научно-исследовательских учреждений, лабораторий, архивов, музеев, библиотек, органов местного самоуправления, культурных и общественных организаций; а также краеведы, туристы и просто любознательные и творческие люди.

Музей продолжает плодотворно сотрудничать с международными научными институциями: с Министерством науки и высшего образования Республики Казахстан, Евразийским национальным университетом имени Л. Н. Гумилева, Научно-исследовательским центром Академии Цэденбала в Увс аймаке Монголии, Музеем доисторической антропологии Монако, Цзилиньским университетом, археологическим институтом (г. Чанчунь, Китайская Народная Республика), Международным общественным фондом «Кетбука-Толегетай» (Республика Казахстан), Общественным фондом «Международный Казахстанский научно-исследовательский институт культуры» (Республика Казахстан, г. Алматы), Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук (МАЭ РАН), Санкт-Петербург, Государственным историческим музеем (г. Москва) и многими другими. Результатом партнерских отношений является подготовка совместных научных изданий, выставочных проектов и участие в научных конференциях.

География участия сотрудников Мартьяновского музея в научных конференциях не ограничивается сибирским регионом, а имеет всероссийский и международный масштаб. Так, в 2022 году, в рамках международного сотрудничества директор музея С. А. Борисова приняла участие с докладом «Древнейшее наследие Сибири в коллекциях Мартьяновского музея» в Международной научно-практической конференции «Исторические истоки казахской государственности и хана Кушлика» (г. Астана, Республика Казахстан), организованной Международным общественным фондом «Кетбука-Телегетай» и Евразийским национальным университетом им Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан). Среди участников Международной конференции – представители Казахстана, России, Киргизии, Китая, Турции.

Кроме того, ежегодно музей является организатором научно-практической конференции «Мартьяновские краеведческие чтения». На научных площадках конференции исследователи делятся новациями в рамках изучения историко-культурного наследия народов Саяно-Алтая.

Всего в 2022 году научные сотрудники музея приняли участие в 42 научно-практических конференциях, 9 из которых – международные, 2 – общероссийские, 8 – межрегиональные; а также в семинарах, панельных дискуссиях и круглых столах. Было подготовлено свыше 80 научных докладов.

Неисчерпаемым источником для исследователей в России и за рубежом является научный фонд музея и библиотеки. Собрание музея насчитывает 204 610 единиц хранения. Фонд научной библиотеки составляет 139 000 единиц. Наиболее значительные и уникальные коллекции в собрании музея: этнографическая, археологическая и естественно-историческая. В разные годы артефакты музея были представлены и отмечены наградами на российских и зарубежных выставках.

На выставочных площадках музея и организаций-партнёров было открыто более 120 новых выставок. К 145-летию Минусинского музея успешно реализован выставочный проект «Выставка одного экспоната», благодаря которому посетители музея увидели редкие (уникальные) предметы, имеющие особую ценность, и узнали их историю. В числе таких предметов: портрет Н.М. Мартьянова работы Г. Аткнина, выполненный не кистью, а иглой и цветной нитью на крепдешине; модель машины по промывке золота; гектограф немецкой фирмы Gestetner; форменный китель полковника Военно-Воздушных Сил С.И. Кретова (1919–1975) – нашего земляка, боевого лётчика, дважды Героя Советского Союза; шестичастный стеклянный графин с шестью пробками, созданный на рубеже XVIII–XIX веков (Никольско-Бахметевский хрустальный Пензенский завод) и переданный потомками Г.М. Вильнера, известного в Приенисейском крае купца первой гильдии.

В рамках партнёрских отношений с Государственным музеем истории ГУЛАГа и Фондом «Увековечения памяти жертв политических репрессий» в г. Москве был реализован Всероссийский выставочный проект «Музейное дело. Сибирь», посвящённый жизни и деятельности репрессированных сотрудников семи сибирских музеев. Музей им. Н.М. Мартьянова представил документы А.В. Харчевникова, директора музея в 1929–1937 гг.: цифровые копии писем, фотографии и негативы, а также следственное дело А.В. Харчевникова и его личный полевой дневник об археологических раскопках.

Ещё один не менее интересный Всероссийский выставочный проект «Сны Сибири» был открыт 27 октября 2022 года в Государственном историческом музее (г. Москва). Это выставка о древнем и средневековом прошлом Приуралья, Сибири и Дальнего Востока, приуроченная к 130-летию открытия крупнейшей железной дороги в мире – Транссибирской магистрали. Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова в рамках проекта представил свою уникальную коллекцию

каменных изваяний: копии стел были выполнены в натуральную величину на основе специально построенной трёхмерной модели.

В течение года в Картинной галерее Минусинского музея ежемесячно сменялись новые художественные выставки: «Художники Красноярья» – передвижная выставка Краевого Дома искусств; «Ангелы мира» – международный арт-проект; «Цветик-семицветик» и «По дороге творчества» – художественные работы учащихся детской художественной школы; «Мой музей» – выставка-конкурс рисунков учащихся ДХШ; персональная выставка к 75-летию минусинского художника В.Г. Валькова, члена СХ РФ; выставка к 85-летию со дня рождения В.Ф. Капелько(живопись, графика); художественная выставка к 100-летию художника Григория Хлебникова; выставка к 145-летию Минусинского музея (живопись, графика); «Родное Красноярье» (живопись, графика) и другие. Необходимо отметить межрегиональный выставочный проект «Заповедная Тува», реализованный совместно с Минусинским отделением РГО и Союзом фотохудожников Республики Тыва.

Нам удалось подготовить новый выставочный проект «Дочки-матери» в рамках партнёрских отношений Минусинского музея с «Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого Российской академии наук» (Санкт-Петербург) и Красноярского краевого отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество». На выставке была представлена редкая коллекция тряпичных игровых хакасских кукол конца XIX – начала XX в., которые представляют собой куклы-скрутки и носят название «кёкле».

В течение года музей привлекал посетителей музейными выставками из собственного собрания: на коллекционной выставке к 200-летию образования Енисейской губернии «Традиции и быт наследников древней чуди» были представлены предметы этнографии финно-угорских народов; на выставке «Сибирское рукоделие» – работы женщин-сибирячек XIX в. Были организованы юбилейные выставки: к 25-летию музея декабристов – «Единственный в Красноярском крае»; к 100-летию минусинской газеты «Власть труда»; к 300-летию сибирской археологии – «История Сибирской археологии от Мессершмидта до наших дней». К 185-летию со дня рождения В. В. Радлова (учёного, исследователя, автора переводов на русский язык памятников рунической письменности) Минусинский музей совместно с Красноярским краевым отделением ВООРГО представил межрегиональный проект «Древнейшее наследие Сибири». Эта передвижная выставка рассказывает о редчайших археологических находках на территории Красноярского края, Хакасии и Тывы.

В рамках работы выставок были организованы экскурсии, интерактивные мероприятия, лекции, музыкальные и литературные гостиные (вечера), квесты, мастер-классы по следующим музейно-просветительным программам.

«Дата в истории» – программа о важных датах для истории страны, региона, города. «Музей и минусинцы» – самая массовая программа о событиях сегодняшнего дня; по формам работы включает в себя экскурсии, лекции, театрализацию, народные гуляния, творческие встречи, интерактивные экскурсии и экскурсии с практической частью. «Древнейшие этносы и цивилизации Саяно-Алтая» – музейная программа о древнейшей истории Минусинской котловины. Программа «Дорогами славных подвигов» посвящена событиям Великой Отечественной войны и минусинцам. «Уездный город» – программа о Минусинске на рубеже XIX–XX веков. Программа «Основы светской культуры» реализуется в Музее декабристов и включает в себя игры, развлечения, театрализованные мероприятия о жизни дворянского общества. Программа «Сохраним планету живой» связана с окружающим нас миром природы и экологией. Всего за год проведено 2066 экскурсий, мероприятий и 370 лекций.

С одной стороны, Минусинский региональный краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова представляет собой музей классический – с постоянной экспозицией, посвящённой истории региона. Однако одновременно это интереснейшая интерактивная и культурно-просветительская площадка для любознательных и творческих людей.

В июне Мартьяновский музей стал площадкой для создания телесериала «Красный яр» о золотой лихорадке в Сибири. Съёмки исторической драмы из восьми фильмов проводились в Красноярске, Минусинске, пгт. Шушенское. Проект посвящён 200-летию Енисейской губернии, и в сюжете переплетаются две эпохи: историческая (1860-е годы) и современная (2020-е годы). Также музей принял участие в съёмках фильма «В поисках золота» телеканала «ТВ Жизнь» (г. Екатеринбург) с участием писателя В. Топилина. В видеофильме представлены краткий исторический очерк о городе Минусинске, обзор Соборной площади и подробная экскурсия по экспозициям краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова.

К 200-летию основания Енисейской губернии Минусинский музей принял участие в подготовке YouTube-проекта «Енисейская губерния» (создание 20 видео по 30 мин. к 200-летию основания Енисейской губернии). Основные темы: Енисейская губерния; основание и управление региона до 1917 г.; ссылка в Енисейскую Сибирь; иностранцы в Енисейской губернии; освоение и развитие Енисейской губернии (золотая лихорадка XIX в., строительство Транссибирской магистрали, столыпинское переселение); народы; культурная жизнь; освоение и изучение Енисейского Севера и другие.

Сотрудниками музея ведётся систематическая работа по изучению и популяризации историко-культурного наследия нашего региона. Эти труды ложатся в основу издательских проектов. В 2022 году в Мартьяновском музее были изданы два научных сборника: «Учёные записки Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова» (вып. 4) и сборник материалов научно-практической конференции «XXXII Мартьяновские краеведческие чтения» (вып. 15).

Книга «Минусинск – земля обетованная для сибиряков и поселенцев» посвящена декабристам, отбывавшим ссылку в Минусинском округе, и их потомкам. В рамках грантового конкурса «Фармацевтика для всех» переиздан «Каталог народно-медицинских средств, находящихся в музее», составленный Н.М. Мартьяновым и выпущенный в 1893 г. Подготовлен и издан буклет-каталог выставки «Дочки-матери». Опубликовано 40 фотографий. В 2022 году подготовлено и издано биографическое научно-популярное издание – книга «Н.М. Мартьянов. Жизнь и призвание. Том 2. Семья».

Кроме того, книга Мартьяновского музея «Николай Фёдоров: фотолетопись старинного Минусинска», изданная в марте 2021 года, была удостоена гран-при престижного регионального конкурса краеведческой литературы «Книга года» – 2021 в Красноярске, а также стала финалистом Всероссийского литературного конкурса «Малая Родина» – 2022. В этом году за звание победителя боролись 200 изданий от 62 российских издательств. На VIII Книжном фестивале «Красная площадь», состоявшемся 4 июня 2022 г. в Москве в Демонстрационном зале ГУМа, издание «Николай Фёдоров: фотолетопись старинного Минусинска» было удостоено диплома финалиста в номинации «Мой край», которая объединяет научные и научно-популярные издания о различных аспектах жизни российских регионов в их прошлом, настоящем и будущем.

В заключение следует отметить, что Минусинский музей, как и во все времена, показывает высокий уровень развития науки и культуры. Как и 145 лет назад, деятельность Минусинского регионального краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова оценивается положительными отзывами благодарных

посетителей: *«Чудом сегодня оказалась в вашем исторически ценном музее. Восхищена радушием и тёплым приёмом сотрудников музея. Очаровательные, доброжелательные сотрудники, огромное спасибо Вам за ваше внимание и профессионализм. От выставок переполнены чувством гордости за ваш исторический город Минусинск»,* – поделились впечатлениями гости из Красноярска 22 августа 2022 года.

УДК 069.536

Научно-исследовательская работа в Туринском филиале Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера: опыт и потенциальные возможности

Давыдова Любовь Викторовна
заведующий,
Туринский филиал Свердловского областного
краеведческого музея имени О.Е. Клера.
Туринск, Россия.
e-mail: Dqlia@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье представлены имеющийся традиционный опыт работы и научно-исследовательской деятельности, а также потенциальные возможности применения современных цифровых и интерактивных технологий при взаимодействии с посетителями в двух небольших провинциальных музеях с разной тематикой и входящих в состав одного филиала большого регионального музея. Представлена информация, как новая коронавирусная инфекция способствовала по-иному оценить деятельность учреждения, выявить слабые и сильные стороны, возможность удаленно работать с архивами всех уровней, определить новые векторы развития: применение мультимедиа, размещение виртуальных экспозиций, вовлечение посетителей к активному участию во время музейных мероприятий, новые возможности и способы научной деятельности и их успешное применение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Музей, современные технологии, Artefact, экскурсия, экспонат, мультимедиа, экспозиция, опыт, потенциальные возможности, научно-исследовательская деятельность.

Туринский музейный комплекс является филиалом Свердловского областного краеведческого музея им. О.Е. Клера, который включает в себя Краеведческий музей и Дом-музей декабристов. Это два отдельно стоящих здания с разнонаправленной исторической тематикой. Краеведческий музей во многом посвящен первому бою атамана Ермака на Сибирской земле и появлению в этих местах русских людей, а второй музей расположен в мемориальном доме декабриста В.П. Ивашева, уникальном памятнике истории и архитектуры федерального значения, региональный бренд - единственный музей декабристов на Среднем Урале. По мимо Ивашева в Туринске проживали декабристы: Е.П. Оболенский, урожденный князь из рода Рюриковичей, А.Ф. Бригген, С.М. Семенов, И.А. Анненков, И.И. Пущин, Н.В. Басаргин.

Туринский филиал находится в трехстах километрах от головного музея. Штат сотрудников не велик: два экскурсовода, хранитель фонда и руководитель музея. И на их плечах лежит вся музейная работа: создание экспозиций и выставок, проведение мероприятий, праздников, экскурсий, комплектование, учет и хранение музейных коллекций и многое-многое другое. Из-за отдаленности от областного центра Туринский музей, до эры цифровых технологий, не имел возможности активно вести работу со своим методическим центром в головном музее, а также крупными краеведческими, художественными, мемориальными и этнографическими музеями России. И, как пример, основная научная концепция Дома-музея декабристов оставалась практически неизменной на протяжении десятилетий, с момента открытия учреждения в 1993 году, от содержания экспозиции до основной обзорной экскурсии.

Из-за нехватки кадров и территориальной принадлежности, музейный комплекс представлял собой скорее придаток муниципального отдела культуры, как одной из площадок для культурно-массовых мероприятий, а основная деятельность заключалась в экскурсионном обслуживании туристического потока, методических

разработок по просветительной работе (экскурсионной, лекционной), консультировании (устное и письменное), подготовке ответов на научно-тематические запросы, составление справок, докладов, аналитических материалов по вопросам основной деятельности (по заданиям дирекции вышестоящих организаций и местного муниципалитета) – разработка статистических и аналитических документов, организация и проведение школьных конференций.

К сожалению, в настоящее время наметилась всеобщая опасная тенденция превращения музея в центр проведения досуга при сокращении и даже отказе от научных исследований. Особенно это касается небольших музеев, таких как наш филиал. Не умаляя значения культурно образовательной деятельности, важно сохранить сущность музейной работы - научное изучение источников и представление результатов обществу. Вся деятельность музея прямо или косвенно опирается на научные исследования. Без них невозможно успешное комплектование фондов, продолжительное их хранение, создание полноценной экспозиции, проведение действенной культурно-образовательной работы. Направления научно-исследовательской работы музея связаны как с научным поиском в рамках профильных научных дисциплин (истории, биологии, искусствознания, литературоведения и т. д.), так и с изысканиями в области музееведения. От прочих научных учреждений музеи отличаются и формами публикации результатов своих исследований.

Сама жизнь расставила приоритеты. В 2020 году в Свердловской области с марта по август случился тотальный логдаун. Все музеи и структурные подразделений Свердловского областного краеведческого музея (далее СОКМ им О.Е. Клера) были недоступны для посещения, при этом сотрудники оставались на рабочих местах. Во время вынужденной длительной паузы в работе с посетителями, мы проанализировали в целом деятельность музея: концепцию постоянной экспозиции, экскурсионное наполнение, занялись детальным разбором архивных документов, коллекций.

Появилось время для более тесного профессионального общения с коллегами из дружественных нам музеев со схожей тематикой. Так, сравнительный анализ деятельности коллег показал, что научно-изыскательская работа в нашем музее, по ряду причин, практически осуществлялась за некоторым не значительным исключением, а научная база в основном опирается на то, что было сформировано при открытии Дома-музея декабристов в 1993 году. Основные экскурсионные тексты нуждались в существенной корректировке, а традиционного подхода к работе уже недостаточно. Сама ситуация с коронавирусом способствовала искать и внедрять иные способы музейной деятельности, для дальнейшего взаимодействия с посетителями.

С одной стороны, появилась возможность углубленно изучать первоисточники, современную научную литературу по истории декабризма, вновь опубликованные письма и мемуары, удаленно работать с базами региональных и федеральных архивов России.

С другой стороны, мы смогли проанализировать наши возможности с учетом материально-технической базы.

Что мы имели:

- два отдельно стоящих здания: мемориальный дом-музей декабристов и краеведческий музей;
- высокоскоростной интернет;
- небольшой, но творческий коллектив, любящий свою работу;
- огромное желание шагать в ногу со временем.

Понимая, что научная работа музеев, с одной стороны, должна соотноситься с общими направлениями научного поиска в области профильных дисциплин и вносить

свой вклад в фундаментальные исследования. Но с другой стороны, она должна учитывать полифункциональный характер музея, сохранять известную специфику и эффективно использовать собранные материалы.

И так, мы определили цели:

- дать дополнительную информацию о наших экспозициях;
- показать те предметы, которые вживую широко экспонировать невозможно;
- донести информацию для разных категорий аудитории;
- расширить границы восприятия за счёт создания эмоциональных, визуальных, виртуальных образов;
- наладить взаимодействие и обмен опытом с коллегами по всей России;
- повысить профессиональный уровень сотрудников не только через различные курсы, но и путем участия в различных научных конференциях, семинарах и межмузейных проектах.

Так как наш музей явно переживает определенный кризис и ищет выходы: путем создания новой концепции, кардинального переосмысления накопленного материала и при этом, есть четкое понимание задачи культурной роли в обществе, было решено применить два подхода – новаторский, и традиционный.

Первым нашим шагом стало: создание официальных групп музея в социальных сетях. Что это дало нашим потенциальным гостям? Информационную поддержку основной экспозиции, получение дополнительной и более расширенной информации о предметах экспонирования, а также оперативную обратную связь в формате 24/7. И запросы на консультации стали поступать достаточно часто.

Следующий шаг: публикация на официальном сайте и ютуб канале «Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера» различных авторских видео в рубриках: «Дело», «Видеоэкскурсия – прогулка», «Предметные истории», «Хранители истории» и др. На сегодняшний день у нас уже приличная коллекция контента, и мы видим ощутимый результат в популяризации музейного собрания и знакомство с коллекцией тех, кто физически не может наш посетить (например, живет за пределами нашего региона).

И вот тут выяснилось, что многие наши уникальные экспонаты не имеют подробной атрибуции. Приведу пример. В экспозиции Туринского дома-музея декабристов – филиала Свердловского областного краеведческого музея имени О.Е. Клера – есть несколько предметов, которые привлекают к себе особое внимание. Среди них – старинные напольные часы, очень популярный среди посетителей музея экспонат, претендующий на одну из визитных карточек Дома-музея декабристов.

Часы поступили в музей в 1993 году при комплектовании основной музейной экспозиции и воссоздании интерьеров состоятельных домовладений.

Согласно учетным документам, экспонат приобретен в начале 1990-х годов в антикварном магазине г. Ленинграда в качестве «английских кабинетных часов XIX века». Какая-либо дополнительная информация о напольных часах отсутствовала.

Сотрудниками Туринского дома-музея декабристов неоднократно предпринимались попытки собрать информацию об этом экспонате. Многочисленные консультации и совместные поиски с коллегами из головного музея были безрезультатны. И вот, спустя почти 30 лет с момента поступления их в музей, нам удалось найти узких специалистов, московских часовщиков-реставраторов и антикварщиков. Эти часы еще совсем недавно были безымянным экспонатом, а оказались ценным музейным раритетом.

Удалось узнать следующее. Относятся они к высшим, элитным напольным часам типа «БигБэн», изготовленными в XVIII веке Чарльзом Кэмпбеллом (1770–1812) в Борроустоуннессе или Бонессе (Шотландия), около 1790 года. В свое время Кэмпбелл был весьма именитым часовщиком.

Выполнены из шотландского красного дерева, тридцатидневные, с инкрустацией из латуни, резным орнаментом над дверью, с фланговыми рифлеными колоннами по бокам, инкрустированным стволом из атласного дерева с фланговыми четвертными колоннами и заканчивающимися на квадратном цоколе с оригинальными кронштейнами. На нарисованном лице (циферблате на латуни с эмалью) изображен цветочный мотив с римским и арабским циферблатом. На циферблате имеются заводной механизм: слева бой, справа ход. Часы отбивают в колокол час и получас. Стрелки кованные, хрупкие, изящные.

Мы настолько увлеклись атрибуцией экспонатов, что в 2021 году Дом-музей декабристов стал участником Цифровой платформы интерактивных гидов с технологией дополнительной реальности Artefact – Нацпроекта Минкультуры России. И это позволило не только углубленно изучить наш экспозиционный фонд, но предоставить доступ к музейной коллекции более широкому кругу людей, в том числе с ограниченными возможностями по здоровью. Теперь все чаще к нам приходят уже подготовленные посетители с определенными запросами, например, посмотреть на уникальный экспонат, с которым они уже имели возможность познакомиться виртуально.

В музее декабристов есть собственный небольшой кинотеатр, который использовался в основном как Виртуальный концертный зал Свердловской государственной академической филармонии. Мультимедийную систему стали более активно применять и как наглядное пособие во время экскурсии и различных мероприятий. А с недавних пор, всех гостей нашего музея во Вводном зале встречают ожившие, с помощью нейросети, портреты хозяев дома – декабриста Василия Петровича и его жены Камиллы Петровны Ивашевых.

Следующей, новой для нас, формой работы с аудиторией стали онлайн мероприятия: конференции, лекции, уроки и экскурсии в режиме реального времени. Так, в декабре 2020 и 2021 годов мы провели масштабные онлайн конференции с участием ведущих музеев России и потомков декабристов за рубежом: Краеведческая конференция, посвящённая Дню основания города «Моя малая родина», Круглый стол, посвященный 190-летию со дня свадьбы Ивашевых в Петровском Заводе и 185-летию со дня приезда в Туринск на поселение Ивашева В.П. с семьей, в рамках традиционных декабристских мероприятий в г. Туринске, в формате ZOOM конференции с участием представителей музеев декабристов из городов: Москва, Санкт-Петербург, Минусинск, Петровск-Забайкальский, Чита, Курган, Ялуторовск и потомков декабриста Ивашева В.П. и др.

Принимали участие в Сибирском историческом форуме, Научно-практической конференции Тюменского университета под названием «Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура» приуроченной к 430-летию Сибирского казачьего войска, Научно-образовательном семинаре «Якушкинские чтения» в рамках XXXIII областного историко-культурного фестиваля «Декабристские вечера» ялуторовского музейного комплекса.

В феврале 2022 года, мы, на своей онлайн площадке, объединили научное сообщество Уральского региона и Тюменской, Омской, Челябинской областей, коллег из Москвы, в рамках онлайн конференции, посвященной дню основания города Туринска (1600 год), и основной темой - 440 лет начала похода атамана Ермака в Сибирь, благодаря чему и возник, в последствии, наш город.

По итогам краеведческой конференции было принято решение: на базе центра образования цифрового гуманитарного профиля «Точка роста» одной из городских школ, в следующем учебном году начать совместную работу сотрудников музея и учащихся по реконструкции событий богатой истории родного края через современные цифровые технологии по нескольким направлениям.

Для учеников начальных классов и среднего звена возможности «Точки роста» позволяют на базе игры Minecraft (Майнкрафт) создать игровую виртуальную модель первого Туринского острога, который был построен по грамоте царя Бориса Годунова, с подробным описанием первоначального облика нашего города более 420 лет назад.

Школьники среднего звена смогут ознакомиться с историческим прошлым Туринского края через работу над созданием 3d моделей с помощью программы «Blender», а также визуализации с помощью трехмерной фотограмметрией исторически значимых мест, культурных памятников истории и архитектуры города.

Старшеклассники попробуют выполнить более сложные задачи, с помощью виртуальной реальности, визуализации, создать:

- онлайн экскурсии по уже не существующим историческим объектам и макеты уникальных домов декабристов;
- виртуальную реконструкцию исторических событий и др.

Планируется, что работа по каждому направлению будет рассчитана на срок не более 3 лет. Итогом совместной деятельности музея и образовательного учреждения должно стать, с одной стороны, более углубленное знание школьников Туринской истории, с другой стороны Туринский филиал СОКМ получит виртуальный исторический контент, новые формы работы и подачи музейной информации.

Туринский музейный комплекс сотрудничает и с местным многопрофильным техникумом. Ежегодно у нас проходят практику студенты-выпускники по специальности «Мастер цифровой обработки». Молодые люди систематизируют и оцифровывают с бумажных носителей фонды и архивы Дома-музея декабристов и Краеведческого музея. Постепенно у нас появится электронная база, доступная для всех желающих.

Для самых маленьких туринцев дошкольного возраста у нас есть театр теней. Мы сами придумываем сказки на основе краеведческих данных, сами озвучиваем текст с шумовым тематическим сопровождением. И когда к нам в гости приходят малыши, мы предлагаем самым активным ребятам участвовать в организации постановки. Они внимательно слушают озвученный текст и показывают необходимую фигурку. Так играя и с интересом, дети приобщаются к нашей истории.

Возвращаясь к научной деятельности нашего музея, стоит отметить, что в последнее время мы не только являемся организаторами онлайн конференций, но активными участниками подобных мероприятий наших коллег. По просьбе коллег из Музея «Церковь декабристов» – филиала Забайкальского краевого краеведческого музея им. А. К. Кузнецова в 2021 году мы провели онлайн - лекторий для читинских студентов «Как один день», о жизни декабриста В.П. Ивашева. Также, совместно с читинскими коллегами, провели интересное мероприятие, онлайн экскурсию «Без границ в формате mix»: декабристы» в рамках всероссийского проекта АНО «БЕЛАЯ ТРОСТЬ» «Инклюзивная культура, экология и туризм. Забайкальский Край 2021».

В 2022 и 2023 году музей выступал экспертом пленарного заседания XIX и XX Краевых Декабристских онлайн чтений «Нетленна слава поколений» Читинского музея декабристов. В режиме реального времени, для более 60 участников конференции, проведена обзорная экскурсия по мемориальному дому декабриста Ивашева, знакомство с группами музея в социальных сетях, рассказ об официальном сайте и YouTube-канале Свердловского областного краеведческого музея, где можно найти немало информации о Туринском музейном комплексе.

По просьбе школьников и преподавателей Забайкальского края, поведано о перспективных онлайн-способах взаимодействия в исследовательской деятельности и возможностях создания совместных проектов о декабристах при участии читинских и туринских учеников и студентов.

В конце 2021 года, наш Туринский краеведческий музей, единственный из филиалов СОКМ, принял участие в онлайн выставке «Наследие выдающихся предпринимателей России и Урала» организованной УрГЭУ при поддержке Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» с экспозицией «Семен Андреевич Чирков, Туринский купец 1 гильдии».

В 2022 году мы также активно принимали участие в онлайн конференциях и семинарах. В середине марта Туринский филиал стал участником международного круглого стола «Ермак Тимофеевич. Освоение Сибири», в рамках международного научно-просветительского проекта «Казачество в культуре и истории России» Волгоградского университета. С информацией об истории первого боя Ермака на сибирской земле с местным населением и возникновении города Туринска на месте Епанчин-Юрта. Участвовали в X Международном туристском форуме «VISIT ALTAI» Алтайского государственного педагогического университета, с докладом «Мультимедийная музеефикация объектов культурного наследия: опыт и потенциальные возможности»

Круглый стол «Во глубине сибирских руд…» II Тюменского музейного форума: «Музей как фактор культурного пространства». Всероссийский Омский краеведческий ФОРУМ к 200-летию образования Омской области и 180-летию со дня рождения Н. М. Ядринцева «Роль государственных учреждений в развитии отечественного краеведения на современном этапе».

В дни памяти Н. М. Мартьянова, основателя музея, Международная научно-практическая конференция «XXXIII Мартьяновские краеведческие чтения», рассказывали о внучке декабриста Ивашева О.К. Булановой общественнице - народоволке, отбывающей ссылку в Минусинске в начале 20 века.

В летний период 2022 года совместно с прямым потомком декабриста В.П. Ивашева Е.С. Федоровой, профессором МГУ совершили экспедицию на родину декабриста В.П. Ивашева в с. Ундоры Ульяновской области, там так же приняли участие в Научно-практической конференции "Роль личности Петра Никифоровича Ивашева в истории Государства Российского", в рамках ежегодного Ивашевского фестиваля, а затем несколько дней работали с Ивашевскими фондами Ульяновского краеведческого музея им. Гончарова и Федерального литературного музея имени Даля, чтобы наметить совместную деятельность. В фондах литературного музея хранится большое количество мемориальных вещей декабристов, отбывавших ссылку в нашем городе. В дальнейшем планируются совместные виртуальные выставки мемориев декабристов, отбывавших ссылку в Туринске.

Итогом поездки стал совестный проект с ульяновскими коллегами по сбору информации о потомках декабриста В.П. Ивашева. Это достаточно объемная работа. В настоящий момент установлено более 110 человек. Среди них есть очень интересные деятели культуры и искусства, ученые, общественники. Информация о каждом собирается по крупицам. Работаем в архивах, ищем в специальной литературе, запрашиваем у коллег из других музеев, работаем с живыми потомками и русскими аристократами за рубежом, эмигрантами первой волны.

Еще одно направление нашей деятельности связано со сбором информации в архивах Тобольска, Санкт-Петербурга и Москвы документов по истории здания музея декабристов. У дома не только уникальная архитектура для сибирского уездного города, но отдельная история. У нас появилась цель разыскать и собрать все документы о строительстве, ремонтных работах, перепланировке, продаже-приобретении здания и архитектурно-планировочные схемы усадебной территории. За 183 года здание музея многое видело: жизнь государственных преступников, затем в нем располагался полицейский участок и дом был в самом центре событий во время Революции 1917 года и Гражданской войны, потом в доме Ивашева располагалась

школа и детский сад, и каждая веха жизни дома оставила свой след. Сегодня многое утеряно, но не безвозвратно, хоть и рассеяно по архивам страны. Ищем, исследуем, что бы в дальнейшем попытаться воспроизвести приближенный к первоначальному облику очаг дворянской культуры не только внутри музея, но и на прилегающей территории, как это было во времена проживания в Туринске ссыльных декабристов. Активная научно-исследовательская деятельность последних лет дает свои первые плоды.

Вновь обретенные копии писем Ивашевых к родственникам дают новые данные о социально-бытовом обустройстве семейства в нашем городе, что существенно дополняет традиционные данные экскурсионные данные. Находя все новые и новые данные, теперь мы стремимся построить наши встречи с посетителями от общего феномена декабризма к частным мотивам и причинам участия в тайных обществах. Трансформации каждого государственного изгнанника за время заключения и ссылки. Их реальный след и вклад в развитие культурной жизни нашего города. Таким образом туринские декабристы из обезличенных героев исторических событий становятся живыми интересными персонами с индивидуальными потребностями и особенностями. Что часто влияет на смену скептического отношения наших гостей к декабристам на более позитивное. Так же за последнее время собран и подготовлен лекционный цикл о именитых потомках Ивашевых, среди которых феминистки и народоволки Трубниковы, Булановы, всемирно-известные художники: дизайнер Д.И. Буланов, авангардисты-графики М.В. Ле-Дантю, Ю.Ю. Черкесов, сестры Фандерфлит, династия Черкесовых – геологов, исследователей крайнего Севера.

В заключение хочется отметить, что несмотря на наши скромные возможности, мы понимаем, что современность требует перемен и внедрение инновационных подходов к традиционному музейному делу. Пробуем, ищем и адаптируем новые удобные формы деятельности, как для нас, так и для наших гостей. Самое главное в этой работе – понимание важности и нужности этого направления музейной деятельности, желание сделать свою работу не только интересной, но и опирающейся на глубокие научные знания в различных сферах науки и культуры, и тогда то, что на первый взгляд кажется сложным и недоступным, станет понятным и увлекательным. А это, в свою очередь, обязательно почувствуют наши посетители.

Список литературы

1. https://vk.com/public65455325
2. https://uole-museum.ru/museums/turinskij-dom-muzej-dekabristov/\
3. https://www.youtube.com/playlist?list=PLJIH53omesVSmvE39o4gMQCRbvzCqakfC
4. https://uole-museum.ru/museums/turinskij-kraevedcheskij-muzej/
5. https://www.youtube.com/playlist?list=PLJIH53omesVQNfobrztmQFwPXcE-v_rGw

УДК 069.015: 571.1

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета как один из лидеров музейного мира Сибири

Кимеева Татьяна Ивановна
доктор культурологии, доцент.
Кемеровский государственный университет, профессор кафедры музейного дела.
Кемерово, Россия.
tat-kimeeva@mail.ru

Статья посвящена одному из вузовских музеев Сибири, который среди музеев данного профиля может с полным правом рассматриваться в качестве лидера. Экспозиция музея отражает формирование культуры на территории Юга Западной Сибири. Посредством интерпретации подлинных музейных предметов в экспозициях музея раскрываются археологический и этнографический периоды в истории региона. В современных условиях музей квалифицированно презентует в Госкаталоге музейного фонда Российской Федерации свои уникальные коллекции. Это материалы археологических и этнографических экспедиций сотрудников вуза.

Музей, экспозиции, презентация коллекций

В условиях современности хранителями и трансляторами объектов историко-культурного наследия является музей. В данной статье речь идет не о крупном государственном музее, а об учреждении, входящем в структуру высшего учебного заведения, лидируя среди музеев вузов по применению в своей деятельности интерактивных приемов культурно-образовательной работы, информационных технологий, публикаций научных каталогов, обеспечивающих широкий доступ к материалам историко-культурного наследия региона [2, с. 151].

Народы Сибири на протяжении длительного времени создали множество памятников историко-культурного наследия, часть которых экспонируется музеем «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета и хранится в его фондах. На современном этапе развития общества данное наследие, будучи элементом культурных систем прошлого, является востребованным.

Музей «Археология, этнография и экология Сибири» – крупное подразделение Кемеровского государственного университета, в структуре которого, кроме музейных экспозиций и фондохранилищ, имеются библиотека, фототека, архив, учебные аудитории. Фонды музея насчитывают более 300 тыс. ед. хранения, среди которых материалы по археологии и этнографии Сибири, копии петроглифов таких регионов Сибири как Алтай, Хакасия, Тува, а также соседних регионов – Казахстана и Киргизии. В настоящей статье делается акцент на археологические и этнографические коллекции, но стоит упомянуть об остеологических, палеонтологических, зоологических, энтомологических и орнитологических коллекциях [1, с. 9].

Целью экспозиции музея, содержащего уникальные исторические артефакты различных эпох, является профессиональная презентация систематизированных в соответствии с профилем учреждения музейных коллекций, многогранно раскрывающих историю и культуру народов Сибири от палеолита до XX в. В системе экспозиции музея каждый отдел выполняет свою собственную функцию в рамках общей цели и задач ее построения.

Экспозиция открывается «Эпохой камня», хронологически разделенной на три основных периода – палеолит, мезолит и неолит (от 3,7 млн. лет назад по 3 тыс. до н.э) и отражающей культуру древних охотников-собирателей. Палеолит – самый ранний и длительный период в истории человечества. Экспозиция отражает периоды: нижнего палеолита – стадию питекантропов в развитии человека с галечными орудиями и бифасами-рубилами; среднего палеолита – неандертальскую стадию в антропогенезе, характеризуемую изготовлением орудий в технике ретуши, подтески, обивки и др.; позднего (верхнего) палеолита – времени существования человека современного физического типа и становления человеческого общества с такими орудиями как ядрицы, чоппинги, скребла и др. Мезолит характеризует культуру Алтая, Хакасии и Кузнецко-Салаирской горной области, отражая развитие микролитической индустрии в производстве орудий из различных пород камня и изобретение лука и стрел. Неолит представляет финальный период эпохи камня с совершенствованием технологий производства орудий с использованием приемов пиления, сверления, шлифования [6].

«Эпоха бронзы» (сер. III тыс. – нач. I тыс. до н.э.) раскрывает период в истории человечества, когда освоение металла расширило возможности хозяйственного освоения Сибири. Развились земледелие и скотоводство, из металла изготавливались украшения, наконечники орудий производства и оружия. Скотоводы осваивали лесостепные пространства Сибири, обеспечивая распространение приемов плавки и обработки металла, изготовления глиняной посуды, колесного транспорта. В сфере духовной культуры складываются мировоззренческие системы, объясняющие сложность окружающего мира. Рисунки на петроглифах, каменных стелах и стенках погребальных ящиков окуневской культуры отражают появление солярного культа, мифов, ритуальные жертвоприношения солнечному божеству в виде домашних животных. На скалах в технике гравировки изображались быки, антропоморфные изображения, рожающие женщины, фантастические хищники и солярные символы.

В эпоху бронзы в сложном комплексе ранних религиозных представлений центральное место занимала идея о соответствии в общих своих чертах мира мертвых и мира живых. Именно отсюда берет свои истоки традиция снабжать покойного всем необходимым для последующей жизни – пищей, орудиями труда, утварью и оружием. В экспозиции отражены погребальные обряды разных групп населения Сибири [5].

В экспозиции «Скифская эпоха» отражается культура, сложившаяся в степной Евразии от Дуная на западе и до Ордоса (Китай) на востоке в VII–III вв. до н.э. и характеризующаяся единством культуры, хозяйства, мировоззрения и искусства. Это проявляется в распространении одинаковых предметов вооружения: наконечников стрел, кинжалов скифского типа, металлических предметов конской сбруи. Первое в истории Сибири государство данной эпохи было создано оседлым населением тагарской культуры Минусинской котловины и лесостепной части Южной Сибири. На западе оно простиралось до Кии.

Высокого развития достигло искусство «звериного стиля», представленного в экспозиции бронзовыми фигурами стилизованных летящих оленей с откинутыми назад рогами, сценами борьбы хищных и травоядных животных. Культовые фигурки козлов, баранов украшали различные предметы, а также оружие. Они символизировали образ среднего (земного) мира, являясь объектом охоты и одомашнивания. Образ нижнего (хтонического) мира олицетворялся в погребальном инвентаре змеевидно изогнутыми уплощенными стержнями с симметрично-бинарными композициями из лосиных голов.

В экспозиции как отражение данной эпохи представлены изделия древних ювелиров. Они декорировали бронзовые предметы золотой амальгамой, добиваясь повышенной сакрализации предмета. Часто из золотой фольги вырезались самостоятельные аппликации, которые, по-видимому, наклеивались на органическую

основу. Были распространены в качестве шейных украшений бусы из камня и стекловидной массы. Самые разнообразные по форме, цвету и материалу они выполняли не только декоративную функцию, но и служили в качестве оберегов.

Петроглифы скифского времени Оглахтинской, Шалаболинской, Большой и Малой Боярской писаниц) раскрывают образы верхнего и хтонического миров и также дают представление о повседневной жизни тагарского населения.

Через экспозицию передаются изменения в хозяйственно-культурных традициях на территории Южной Сибири во II-I вв. до н.э, связанные с изменением этнополитической ситуации в Центральной Азии накануне Великого переселения народов. Население овладевает секретами черной металлургии. Железные орудия и элементы конской сбруи свидетельствуют о том, что новый металл находит применение во всех видах хозяйственной деятельности. Однако бронза сохраняет ведущие позиции в изготовлении вещей прикладного и культового назначения. Увеличивается число долговременных поселений, появляются новые укрепленные городища. В погребальном обряде появляются огромные одиночные курганы под земляной насыпью с количеством погребенных до 120 и более человек.

В экспозиции отражено развитие в этот период культа огня, что показано через погребальный обряд – трупоположение заменяется к трупосожжением. В связи с этим наблюдается уменьшение количества погребального инвентаря, бронзовые предметы в захоронениях заменяются их миниатюрными копиями. На смену классического тагарского «звериного» стиля приходят стилизованные оленьи бляшки, изображения кулана, лошади, птиц, помещенных в круг других животных. Наряду с этим встречаются вещи гуннского происхождения: бронзовые поясные прямоугольные ажурные пряжки-пластины, ажурные бляхи с головой дракона, подвески со стилизованным изображением головы сайги. Керамика также отражает синкретичный характер культуры: наряду с формами сосудов, типичными для тагарского времени, появляются многогранная, с выступами-рогами культовая керамическая утварь. Все эти изменения связаны с повышенной интенсивностью контактов носителей культур и адаптацией к изменяющимся условиям жизни древнего населения [4].

«Гуннская эпоха» (рубеж III – II вв. до н. э.). Экспозиция отражает время экспансии кочевников-номадов, приведшей к крушению скифо-сибирского мира и смене археологических культур. На юге Сибири в это время складываются: тесинская культура на юге Красноярского края и шестаковская – на севере Кемеровской области. В первой половине I тыс. н. э. на их основе складывается таштыкская культура по среднему Енисею, Абакану, Чулыму, вплоть до Кии и Яи на западе. Сложным становится этнический состав населения, сохраняется европеоидный тип. Вместе с тем появляются люди монголоидного облика и смешанный расовый тип. Специфика декоративного искусства прослеживается обнаруженных в таштыкском склепе у горы Тепсей деревянных плакетках, на которых древние мастера запечатлели таштыкские мифы и эпические предания [3].

«Эпоха средневековья» отражает период, когда закладываются основы определенной культурной модели, развиваемой последующими поколениями. Такой эпохой в истории народов Южной Сибири, предков современных алтайцев, тувинцев, хакасов и шорцев, явилась древнетюркская эпоха. В I тыс. н. э. на территории Центральной Азии и Южной Сибири появились, достигли своего расцвета и погибли крупные раннеклассовые государственные объединения: древнетюркские и уйгурский каганаты, государства кыргызов на Среднем Енисее и кимако-кыпчаков на Иртыше. В создании этих государств принимали участие и южносибирские племена, которым принадлежали и разнообразные археологические памятники: погребальные сооружения-курганы, поминальные комплексы в виде оградок, стел, изваяний, наскальных изображений. Многие из этих памятников известны в горно-степных

районах Саяно-Алтая, на территориях современной Кемеровской и Новосибирской областей, в Алтайском крае (в зоне лесостепей и подтаежных районах).

В музейной экспозиции эту эпоху отражают памятники декоративно-прикладного искусства южносибирских народов. Массовый характер в сибирском средневековье приобретает производство поясных и сбруйных деталей: бляшки, наременные наконечники, распределители сбруйных ремней. Ювелирные изделия серьги, подвески, зеркала, гривны украшает растительный орнамент – универсальное явление в искусстве степных народов [7].

«Отдел этнографии» представляет традиционную культуру народов Южной Сибири, сложившуюся к концу XIX в. В состав экспозиции включены подлинные предметы культуры таежных охотников-собирателей (шорцев), скотоводов степей (телеутов и хакасов) и земледельцев – русских старожилов и переселенцев Сибири. В основе построения этнографической экспозиции лежит принцип подразделения культуры на материальную и духовную. Первая представлена предметами, характеризующими сферу материальной деятельности и её результаты – жилища, орудия производства, оружие, предметы повседневного обихода, одежду, средства транспорта и др. Меньший по объему раздел экспозиции составлен из материалов, представляющих духовную культуру – религиозные верования, мифологию, народное искусство и т.д.).

В разделе материальной культуры раскрыта тема «Многообразие культур народов Сибири» через соседствующие друг с другом городище «Тюльберский городок» и сибирский казачий острог XVII–XVIII вв. Этническое многообразие Сибири представлено с помощью рельефной карты, отражающей расселение народов и отдельных предметов их культуры.

Применение ансамблевого метода построения экспозиции позволило воссоздать жилище кочевых скотоводов Южной Сибири – многоугольную срубную юрту, отражающую переход кочевников на оседлость к концу XIX в. Интерьер юрты составлен из предметов хакасской коллекции и соответствует этнографическим описаниям.

Экспозиционное решение витрины «Женский костюм скотоводов Южной Сибири», основанное на тематическом методе построения, позволяет отметить различия в одежде двух соседних народов, относящихся к одному хозяйственно-культурному типу. Экспозиция построена с использованием двух манекенов, одетых в телеутский и хакасский женские костюмы. Расширить сведения о костюме скотоводов Сибири позволяют введенные в витрину копии фотографий из архива МАЭ (Кунсткамеры) Санкт-Петербурга с изображением костюма алтайцев, хакасов нач. XX в.

Раскрытию содержания темы «Охота народов Сибири» способствует использование ландшафтного метода и применение художественно-изобразительных средств. На задней стене диорамы просматриваются зимний пейзаж горной тайги, охотничье-промысловый стан со срубной стационарной юртой и члены охотничьей артели. На подиуме размещен манекен охотника-шорца в полном охотничьем облачении. Активный и пассивный способы охоты отражены оружием и различными ловушками.

Жилище таежных охотников-собирателей и предметы хозяйственной деятельности показаны посредством диорамы «Хозяйство и быт шорцев», созданной на основе тематического метода построения экспозиции. Юрта-*сенек* отражает русское влияние в архитектуре автохтонного населения Сибири и представляет собой срубное однокамерное сооружение с двускатной крышей. Отличительной чертой от русской избы является отсутствие потолка и отверстие в крыше над очагом для выхода дыма. Традиционные занятия шорцев мотыжным земледелием, собирательством и домашними ремеслами – обработкой дерева и бересты характеризуют расположенные

на подиуме диорамы подлинные предметы. Размещенные в этнографической экспозиции копии фотографий к. XIX – нач. XX вв. дают представление о традиционном жилище других таежных народов Сибири – тофаларов, челканцев. Кроме того, расположенные у витрины фотографии раскрывают ряд домашних занятий шорцев.

«Хозяйственные занятия русских старожилов и переселенцев в Сибири» передается через экспозиционное решение четырех небольших витрин, посвященных отдельным моментам материальной культуры русских старожилов и переселенцев: изготовление одежды, кузнечество, гончарство, обработка бересты.

«Религиозные верования автохтонного населения Сибири» открывают раздел духовной культуры. Через подлинные предметы телеутов и шорцев раскрывается бытование у автохтонов Сибири семейно-родовых и охотничьих культов, отголоски тотемизма. Принятие большинством народов Сибири православия показано на примере деятельности Алтайской духовной миссии.

«Культовые обряды автохтонов Сибири» представлены традиционным весенним праздником хакасов «*таг тайых*», совершаемым с жертвоприношением домашних животных на почитаемой родовой горе в присутствии шамана и мужской части улуса. Применение ландшафтного метода построения экспозиции создает перспективу сопричастности посетителя к действиям шамана и его помощников.

Бескровное жертвоприношение показано с помощью устроенного рядом с диорамой жертвенника *сомо* из молодых березок с привязанными синими и красными ленточками. На сомо брызгали молоком или водкой в случае болезни членов семьи.

Коллекции, посредством которых раскрываются различные периоды истории археологического периода Юга Западной Сибири и этнографии таких автохтонных сибирских народов как шорцы, телеуты, хакасы и алтайцы, презентуются в Госкаталоге музейного фонда Российской Федерации. На период подготовки настоящей статьи в Госкаталог внесены 7205 музейных предметов, среди которых оцифрованные археологические, этнографические музейные предметы, фотоматериалы из основного фонда музея, а также предметы, включенные в зоологический фонд. Следует отметить качественную оцифровку музейных предметов с удачным выбором фона, позволяющим просматривать их, с применением масштабной линейки.

Таким образом, музей успешно реализует задачу предоставления посетителям знаний об истории Сибири и развитии культуры населяющих ее народов. Сама археолого-этнографическая экспозиция выстраивается как цепь сменяющих друг друга исторических эпох. Ее структура, построенная с учетом системно-исторического метода, предполагает их иерархию, взаимозависимость и четкое распределение функций. Отдельные экспозиции связываются в единую систему коммуникации, обмениваются между собой информацией, расширяя и дополняя ее. Предполагается введение в экспозицию современного оборудования, технических средств, имеющих своей целью сделать посетителей равноправными участниками процесса познания. Кроме того, познакомиться с подлинными предметами коллекции пользователи, интересующиеся культурой региона, могут на сайте Госкаталога музейного фонда Российской Федерации.

Список литературы

1. Белоусова Н.А. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета. Опыт и перспективы // Музей и наука: сб. статей. Кемерово: Изд-во «Притомское», 2002. С. 9–13.

2. Белоусова Н.А., Боброва Л.Ю. Музейные собрания вузов в информационных научно-образовательных проектах // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. №2 (22). С. 151-154.
3. Гуннская эпоха // Кемеровский государственный университет. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета». URL: http://museum.kemsu.ru/expgun.html (дата обращения: 09.06.2023).
4. Скифская эпоха // Кемеровский государственный университет. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета». URL: http://museum.kemsu.ru/expskif.html (дата обращения: 09.06.2023).
5. Эпоха бронзы // Кемеровский государственный университет. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета». URL: http://museum.kemsu.ru/expbr.html (дата обращения: 10.06.2023).
6. Эпоха камня (палеолит, мезолит, неолит) // Кемеровский государственный университет. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета». URL: http://museum.kemsu.ru/expkam.html (дата обращения: 10.06.2023).
7. Эпоха средневековья // Кемеровский государственный университет. Музей «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского государственного университета». URL: http://museum.kemsu.ru/expsred.html (дата обращения: 10.06.2023).

УДК 930.85

Общественная музейная практика северного Казахстана

Кожокар Виталий Александрович
кандидат исторических наук.
«Школа-лицей №8 для одарённых детей г. Павлодара»
Управления образования Павлодарской области.
Павлодар, Республика Казахстан.
mammut@yandex.ru
SPIN-код: 8310-0140

АННОТАЦИЯ

Общественная форма музейной практики интересный феномен культурного пространства, получивший самое широкое распространение в северном Казахстане в середине XX века. Являясь, по сути, локальными версиями областных музеев, их социальные активисты-сотрудники смогли осилить длительный процесс поиска, сбора, сохранения и интерпретации значительного количества исторических, культурных и природных материалов ценных, как для представителей местных сообществ, так и для всего региона в целом. Находясь в фарватере движения государства, они пережили десятилетия активного зарождения в 1920-1930-ых годах, становления в 1950-1960-ых годах, бурного роста, накопления опыта, экспонатов и форм работы с посетителями в 1970-1980-ых годах, стагнации и распада 1990-2000-ых годах и переход под государственное управление в 2010-ых.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Музей, Казахстан, общественный музей, наследие.

Общественные музеи – это форма организации музейной деятельности, при которой работа осуществляется на общественных началах на базе предприятий, учебных заведений различного назначения, сельских домов культуры. «Музеи имеют разные профили – историко-производственные, краеведческие, мемориальные, литературные, этнографические, военно-исторические, технические и т.д.» – пишет исследователь музеев Павлодарского Прииртышья, краевед Э.Д. Соколкин [1, с. 234]. Данную форму музейной работы, не требующую особых умений и навыков в организации своей деятельности, можно считать самой массовой по числу участвующих в ней жителей региона. Начальным периодом формирования общественной музейной сети можно считать 1920-1930-е годы, время расширения массовой краеведческой работы среди населения СССР под руководством государственных органов. На местах строительство и организация первых общественных музеев началась с поиска и подготовки подходящих кадров как из скромной прослойки интеллигенции, так и из рабочей и крестьянской массы энтузиастов.

Обширная общественная музейная практика на территории северного Казахстана, сегодня, отмечает 100-летие с момента придания первого импульса своей работе в первой половине XX века. Именно в 1920-ых годах молодым советским государством была инициирована идея массового развития краеведческих обществ, уголков, музеев в школах, на предприятиях и сельских общинах. Сохранение исторической памяти, а в дальнейшем и практическое краеведение с накоплением сведений о природных богатствах территорий способствовали вовлечению значительных масс населения в музейную практику. Продвигали политику государства работники краеведческих музеев и члены Общества изучения Казахстана, руководящий состав которого состоял из местных чиновников. Они занимались вопросами планирования, финансового обеспечения, кадрового наполнения и увязки государства с общественной инициативой, в деле расширения разнообразной краеведческой деятельности, в которую входило и сопровождение музеев [2, л. 3]. Они

же будут осуществлять методическую поддержку, помощь в подборе и хранении экспонатов, а в дальнейшем и контролировать общественную работу, ставя на государственный музейный учёт ценные материалы и сохраняя в областных музея наиболее значимые из них.

Учитывая сложную обстановку в регионе в социальном, экономическом, образовательном плане после окончания Гражданской войны, далеко не везде находились люди и средства для открытия полноценных краеведческих кружков, но всё же, как мы увидим далее, импульс 1920-ых годов, смог породить идею массового краеведения и сбора материалов ценных для местных сообществ. Основными акторами данного движения становились локальные активисты, учителя, школьники, неравнодушные представители местных сообществ готовых, на бесплатной основе, ставить на музейный учёт объекты историко-культурного и природного наследия, архитектурные памятники, собирать или выкупать у населения предметы старины, вести летопись современной истории путём увековечивания пути создания учреждений, предприятий. Учителя и школьники должны были собирать интересные краеведческие материалы, выступать своеобразным первым звеном в охране памятников истории, развивать полезные в хозяйстве идеи на местах. В виду отсутствия контролирующих органов, активистам предлагалось формировать организации по охране природных и культурных памятников и школьные краеведческие кружки [2, л. 24, 24 об]. С конца 1920-ых годов, в целях развития экономического потенциала региона, историческое направление в краеведении начало замещаться экономическим. Темы развития сельского хозяйства, поиска и добычи полезных ископаемых, промышленного производства стали доминирующими. Созданную сеть краеведов-любителей привлекали к экономическому обследованию региона. Несмотря на это, деятельность по созданию и наполнению локальных музеев не прекратилась, их фонды стали пополняться образцами сельскохозяйственной и промышленной продукции, материалами по истории появления совхозов, предприятий и заводов, биографии ударников производства.

Стоит отметить, что большая часть вовлекаемых в краеведение людей, зная о необходимости систематической, неоплачиваемой работы, неохотно вступали в движение по сохранению исторического наследия. Большая часть краеведов-любителей состояла из школьных учителей и их учеников, для которых подобная форма досуга являлась и элементом образования. Несмотря на обозначенные трудности, работа в этом направлении дала свои результаты, появились грамотные люди на местах, знакомые с основами документирования и хранения собранных и хранящиеся материалов, обладающих музейной ценностью. Привлекаемые активисты сохраняли исторические документы, предметы быта на селе, материалы устного и прикладного народного творчества, писали летопись создаваемых предприятий. Самые ценные экспонаты передавались в областные музеи. Дальнейшая переориентация краеведения на помощь народному хозяйству в деле поиска и разведки полезных ископаемых, позволила начать сбор геологических, палеонтологических, ботанических и зоологических коллекций.

После Великой Отечественной войны областные краеведческие музеи региона начали действовать согласно постановления Всероссийского совещания по культурно-просветительской работе от 14 июня 1947 года, пункт «2 в» которого гласил: «принять меры к созданию широкого краеведческого актива, обеспечить руководство сельскими краеведами, разработать конкретные задания и маршруты для сельских краеведческих кружков…» [3, л. 1-2]. В первые послевоенные годы краеведческая работа перешла на совершенно другой уровень. Теперь всей деятельностью подобного плана начали заниматься не добровольные общества, а сотрудники краеведческих музеев. Начался новый поиск краеведов-энтузиастов и приобщение их к движению,

они, впоследствии и создали широкую сеть общественных музеев практически в каждом населённом пункте, на фабриках, школах и совхозах.

Самое продуктивное время существования общественной формы музейной работы пришлось на 1960-1980-е годы. Большинство из них располагались в школах. Тематикой школах музейных экспозиций становятся патриотические события, связанные с Великой Отечественной войной, Гражданской войны, истории комсомола, коллективизации, Коммунистической партии СССР, истории предприятий и учреждений, флоры и фауны региона, памятников культуры и природы, археологии и истории литературного творчества. Значительную часть составляли комнаты трудовой и боевой славы, ленинские комнаты, краеведческие, мемориальные, литературные, историко-производственные музеи. Существовали и музеи, обладающие конкретной темой: «Мир и солидарность», «Музей природы», «Молодая гвардия», «Музей космонавтики», «История железной дороги Кустанайского отделения Целинной железной дороги», мемориальный музей И.В. Панфилова и т.д. [4, Л. 1-2].

С резким переходом к капиталистической форме экономики и политической независимости вся деятельность музеев на общественных началах в регионе претерпела негативные изменения. К началу 1990-х годов в документах отмечаются отрицательные тенденции, в основном связанные с материальными проблемами. Главная причина ослабления работы – отсутствие возможности содержать оплачиваемые единицы руководителей музеев и оплачивать регулярные бытовые расходы музеев, что стало главенствующим требованием в новых, рыночных условиях. С началом рыночных отношений начинают закрываться музеи предприятий, совхозов, колхозов, часто вслед за ликвидацией тех или иных объектов промышленности или сельского хозяйства. Можно отметить и крушение идеологических основ многих общественных музеев, не имеющих историко-краеведческой или производственной направленности. В одночасье стали не актуальны ленинские комнаты, музеи посвящённые героям революции или Великой Отечественной войны. Подобные музеи в школах и на предприятиях также самоликвидировались. Пытаясь спасти коллапсирующее музейное поле в наибольшем размере, государственные служащие на местах предпринимали усилия для сдерживания распада музеев. Зачастую, руководителя общественного музея, держали на различных должностях в библиотеке, школе, клубе, оплачивая его работу из зарплатного фонда отделов культуры районов. Администрации изыскивали средства на содержание штатной единицы работника музея [5. Л. 1-2]. В музеях числились методисты, библиотекари, пионервожатые и т.д. Большинству местных руководителей предприятий, крестьянских хозяйств, сёл и городов, в которых имелись общественные музеи, не хотелось терять уже накопленные материальные и исторические ценности, опыт и преемственность музейных кадров, а также историческую память о предприятии или малой Родине. С середины 1990-ых годов документов и информации о работе общественных музеях в архивных материалах становится всё меньше, а 2000-му году она вовсе исчезает из годовых текстовых отчётов областных музеев.

Начиная с конца 1990-ых годов самые сильные общественные музеи, обладавшие наиболее стойкими и преданными музейному делу кадрами начали переходить под управление и, соответственно, государственное финансирование областных музеев. Лучше всего ситуацию характеризует Галина Владимировна Попова, директор Явленского общественного музея Северо-Казахстанской области: «Закончилось трудное время, учреждение было переведено на областной бюджет, увеличилось финансирование, постепенно стали выделятся дополнительные средства укрепление материально-технической базы музея. …проведён капитальный ремонт здания.

Увеличен штат музея…» [6, с. 171-172]. Соответственно, все они были переведены из разряда «общественных» в «государственные».

Несмотря на все усилия, общественные музеи практически перестали существовать. К настоящему дню действующими являются исключительно производственные и ведомственные музеи. В большинстве своём они сохраняют музейную форму, но по своей сути являются демонстрационными комнатами. Не имея штатных сотрудников, и тем более заинтересованных активистов, в музеях не ведётся никакая свойственная подобным учреждениям работа. Такие музеи исполняют имиджевые, церемониальные функции и обслуживаются смежными специалистами: ветеранами государственной службы, библиотекарями предприятий, складскими рабочими, профсоюзные работники и т.д. Люди, не обладающие нужными компетенциями, не могут, да и не хотят, качественно подходить к обслуживанию работы музея. Имея собственные рабочие обязанности, времени на подбор материалов, регулярную демонстрацию экспонатов, заполнение документации и прочие атрибуты музейной жизни просто нет. Главной же проблемой современных негосударственных музеев, является ограниченность доступа к коллекциям ввиду нахождения на частной территории или внутри различных организаций со строгим способом перемещения внутри: полиция, служба здравоохранения, воинские части и т.д.

Имеются положительные примеры появления и длительной работы настоящих, не квазигосударственных общественных музеев. Этнографический и геологический музеи общественного объединения Павлодарский Дом географии. Официальное открытие музея произошло в 2022 году, но старт музейной практике был дан в 2013 году, тогда же первые посетители смогли увидеть разрастающуюся экспозицию. В коллекциях музея краеведческие экспонаты важные для представителей местных сообществ, а также предметы из других культур и территорий, не имеющих отношения к Павлодарской области. Важно, что музей не финансируется государством, учреждением, предприятием или бизнес-структурами, а содержится на средства участников общественного объединения. В виду этого, создатели свободны в выборе направлений деятельности, формам и графику обслуживания коллекций, их документированию, хранению, а также проведению экскурсий, изготовления, заказа и монтажа необходимого оборудования. Это обстоятельство является и положительной стороной работы музея, и форменной негативной частью, так как порождает несистемность. Отсутствие надзора из государственного музея провоцирует общественный музей к нерегулярному ведению документации, фиксации количества посетителей, вольному отношению к хранению, интерпретации и демонстрации объектов. У музея нет штатных сотрудников, он работает по выходным дням, принимая всех желающих посетителей. Несмотря на общественное начало, он располагает сделанными на заказ витринами для экспонатов, значительными фондами экспонатов, несколькими разделами, один из которых вылился в отдельный музей – геологический. Музей Павлодарского Дом географии, единственный пример успешного общественного музея в северном Казахстане, известный автору.

Таким образом, общественные музеи уникальный феномен консолидации членов местных сообществ по сохранению историко-культурных и природных материалов ценных, как для жителей локальной территории, так и для всего региона. История становления, развития и затухания общественных музеев в северном Казахстане не уникальна, она является отражением истории страны в целом. Поколениям активистов-краеведов, под руководством музейных служащих удалось значительно приостановить процесс утери культурных и природных ценностей. Их работа смогла привлечь огромное число школьников и преподавателей в дело помощи местным сообществам и государству в музеефикации объектов, представляющих музейную

ценность. Несмотря на значительную современную критику советской системы краеведения и музейного дела, более значительных результатов по вовлечению колоссального числа жителей в дело сохранения материалов локальной истории добиться больше не удалось. В настоящий момент, феномен общественных музеев, практически исчерпан. Существуют отдельные объединения, сообщества, заинтересованные в этом деле в силу собственных убеждений или интересов.

Список литературы

1. Соколкин Э.Д. Культура и искусство Павлодарского Прииртышья: Люди. События. Факты. Павлодар, 2016. 588 с.
2. Государственный архив Костанайской области. Ф. 418. Оп. 1. Д. 2. Л. 1-173
3. Государственный архив Павлодарской области. Ф. 535. Оп. 1. Д. 10. Л. 1-7.
4. Государственный архив Костанайской области. Ф. 418. Оп. 3. Д. 288. Л. 1-2.
5. Государственный архив Павлодарской области. Ф. 400. Оп. 5. Д. 396. Л. 1-2.
6. Ключеров М.П. Сокровищница земли есильской. Петропавловск, 2016. 285 с.

УДК 069.04

Актуализация культурного и природного наследия большого города музейными средствами (по материалам музея «Заельцовка»)

Макарова Елена Валериевна
аспирант,
Новосибирский государственный педагогический университет.
Новосибирск, Россия.
Director-super.muzej@yandex.com
ORCID ID: 0009-0004-9415-8067

АННОТАЦИЯ В статье обозначены и рассмотрены три базовых дефиниции: наследие, локальная история и идентичность, суть которых определяет направления работы музея локальной истории по актуализации и трансляции наследия, формирования объективной исторической памяти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Наследие, локальная история, идентичность, музей локальной истории, социальная память.

Музей – это уникальная культурная модель, созданная для сохранения и передачи культурного и природного наследия – «набор ценностей, признанных и уважаемых обществом и природой» [2, с. 77].

Историческое и культурное наследие Новосибирской области, его изучение и введение в научный оборот осуществляется на основе лучших отечественных и мировых научных движении в области музеологии. В современном мире историческое и культурное наследие считается одним из важнейших ресурсов для развития регионов и городов. Актуализация исторического и культурного наследия Новосибирска, самого молодого мегаполиса нашей страны, является неотъемлемой частью формирования его имиджа.

В деятельности музея «Заельцовка» работа с историческим, культурным, природным наследием осуществляется системно, через основные направления деятельности учреждения. В первую очередь, через создание музейных фондов, проведение научных и информационных исследований и презентаций, публикация материалов, относящихся к промышленному (индустриальному) наследию.

Проблема индустриального наследия особо актуальна для Заельцовского района и поэтому музей «Заельцовка» уделяется особое внимание изучению промышленного наследия как объекта культурного наследия, отражающего развитие массового индустриального производства с конца XVIII в. До середины XX рубеже веков. Актуализация индустриального наследия и его репрезентация происходит через персонификацию истории Зельцовского района и основана на историях жизни людей, внесших значительный вклад на всех этапах его промышленного развития района.

Промышленное наследие включает фабрики, железнодорожные станции, различные агрегаты и механические конструкции, построенные по крупным проектам. В эту категорию входят элементы социальной организации инфраструктуры, транспорта и переработки энергии. Изучение и восстановление промышленного наследия помогает понять индустриализацию – одно из важнейших явлений в истории страны в любой период ее развития [1, с. 48].

В целом промышленное наследие является частью материального культурного наследия, определяемого обществом как объект, достаточно важный, чтобы функционировать и сохраняться для будущих поколений [2, с. 82].

В России уделялось внимание человеческому фактору, антропологическому и промышленному наследию, что придает этому процессу междисциплинарный характер, включает в него музейную составляющую.

В музее «Заельцовка» в настоящее время формируются новые подходы к представлению с современных позиций индустриального наследия в контексте социально-экономического развития Заельцовского района г. Новосибирска в исторической и пространственной динамике [3, с. 19].

Объективной основой для изучения традиций производства кожи в Заельцовском районе является создание и развитие в начале XX века двух крупнейших предприятий, которые сейчас известны как закрытое акционерное общество «Сибирская кожгалантерея» и Обувная фабрика «КОРС» – Кожа, Обувь, Рождённые Сибирью и коллекция и экспонаты музея «Заельцовка».

В разделе постоянной экспозиции «Начало Заельцовки» в теме – «Конец XIX века – начало XX века» даётся информация о первых градообразующих компаниях, в том числе, и о Кожевенном заводе «1915», который был созданный при поддержке Военно-промышленного комитета, экспонируются фото и документы, иллюстрирующие эти события.

С начала 1930-х годов шорно-седельная фабрика, построенная в этом районе, занимала одно из ведущих мест среди развивающихся предприятий Новосибирска. На протяжении многих лет она производила необходимую упряжь для лошадей, гражданские и военные седла, а также рабочие рукавицы. Затем ассортимент коммерческой продукции расширился за счет галантерейной продукции (перчатки, портфели, сумки, ранцы, саквояжи, чемоданы, кошельки, бумажники, покрышки для мячей, ремни, патронташи, чехлы для ружей, книгоноски). Из-за хорошего качества и относительно низкой цены продукция пользовалась высоким спросом у жителей Сибири. С 1 января 1960 г. это предприятие стало называться «Новосибирская кожгалантерейная фабрика».

Процесс создания Новосибирской обувной фабрики имени Кирова, включенной в планы индустриализации Сибири как Всесоюзная комсомольская стройка демонстрируется отдельным экспозиционным комплексом в постоянной экспозиции музея «Заельцовка», где особо обращается внимание на то, что строительство этой фабрики, в том числе было обусловлено и привычкой сибиряков носить именно кожаную обувь и высоким спросом на нее.

В каждом городе есть исторические места, названия которых остаётся только на карте. Новосибирск не является исключением. Жители Новосибирска по-прежнему считают «Аэропорт Северный» одним из важнейших транспортных элементов промышленного наследия Новосибирского района.

История городского аэропорта восходит к 1930-м годам, когда «Аэропорт Северный» был первым аэропортом Новосибирска и единственным аэропортом до 1957 года. Со строительством аэропорта Толмачево взял на себя второстепенную роль в обеспечении регионального воздушного транспорта. Быстрое сокращение местных перевозок в 1990-х годах оказало сильное влияние на «Северный». С каждый год он терял свой статус и становится основой полетов на небольших спортивных самолетах. Несмотря на то, что в 2008 г. в аэропорт «Северный» принимал I Чемпионат мира по высшему пилотажу на самолётах Як–52, за процедурой банкротства через пару лет последовало его официальное закрытие. Сегодня единственное напоминание о первом новосибирском аэропорте – здание аэровокзала, увенчанное башенкой со шпилем, одна из «архитектурных визиток» Заельцовского района.

Мемуары ветеранов и интервью с бывшими сотрудниками авиапредприятия «Аэропорт Северный»: пилотами, стюардессами, стали информативным источником, позволяющим для широкой аудитории не только узнать и понять «как это было».

Уникальным открытием является понимание того, насколько одно обстоятельство могло изменить не только историю Заельцовского района, но и всю промышленную историю Новосибирска. В 1941 году, после начала Великой Отечественной войны, началась эвакуация оборонных предприятий из западных регионов страны. Города Омск и Новосибирск были выбраны в качестве мест размещения заводов по производству оптического и механического оборудования. Важную роль в том, что именно Новосибирск, и именно Заельцовский район, были выбраны для размещения оптического завода, сыграло то, что здесь, в отличие от Омска, в постоянном режиме действовал аэропорт. Потребность в оптическом и оптическом оборудовании, что после введения завода в строй, оптическая продукция ежедневно отправлялась из городского аэропорта специальными транспортными самолетами.

Учитывая тот факт, что для размещения городские власти предоставили заводу № 69 (ныне – Новосибирский приборостроительный завод) недостроенные корпуса сельскохозяйственного института и Новосибирского инженерно-геодезического института, а заводу «Светлана» (позднее Новосибирский электровакуумный завод) – корпус Новосибирского института инженеров транспорта, можно сделать вывод, что в «альтернативной истории» Заельцовского района, не располагающего на своей территории аэропортом, вектор инфраструктуры развернулся бы от индустриального развития к научному.

Возвращаясь к реализованным планам, необходимо отметить строительство и открытие в 1957 году здания аэровокзала по проекту архитекторов О.И. Жигалова, Н.И. Углицких, которое стало «архитектурной визитной карточкой» Заельцовского района. В связи с активной современной застройкой территории бывшего городского аэропорта в настоящее время сохранение этого уникального здания, представляющего историческое, культурное и промышленное наследие Новосибирска вызывает опасения. Несмотря на статус объекта культурного наследия – памятником архитектуры муниципального значения, но на нем нет мемориальной доски, оно ветшает и разрушается из-за строительных работ на прилегающей территории.

Изучение истории первого новосибирского авиапредприятия является ярким примером работы музея за границами и стенами экспозиционных залов и фондохранилищ. Наша задача хранить, а «законсервировать» открывшуюся информацию, транслировать ее через музейные выставки, выездные мероприятия и музейно-педагогические занятия, а также путем внедрения современных технологий.

Список литературы

1. Арсентьев М.Н. Индустриальное наследие: опыт исследований мордовских учёных // Индустриальное наследие: материалы Междунар. Науч. Конф. Саранск, 23-25 июня 2005 г. / редкол.: В. А. Виноградов (отв. Ред.) и др. Саранск: Изд-во Мордов. Ун-та, 2005. 480 с.
2. Ван Менш П., Мейер – ван Менш Л. Новые тренды в музеологии / пер. С англ. В.Г. Ананьева. М.: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2021. 128 с.
3. Макарова Е.В. Сухари сушить // Мир музея. Иллюстрированный исторический и художественный журнал. 2019. №4 (380). С. 19-20.

УДК: 908

Экспедиции Енисейского музея

Мариловцев Дмитрий Владимирович
заведующий научно-исследовательским отделом.
Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник
им. А.И. Кытманова.
Енисейск, Россия.
dima.marilovtzev@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0003-4912-9403

АННОТАЦИЯ В статье представлен результат исследований экспедиций Енисейского музея, начиная с момента его образования и по сегодняшний день. Цель исследования – на основе изученных источников Енисейского музея показать основные экспедиции, которые проводились сотрудниками музея в коллаборации с другими научно-исследовательскими институциями. В основу исследования вошли экспедиции сословного времени, которые осуществляла династия Кытмановых и их соратники, а также советского и российского периодов истории. Результаты исследования будут интересны для подготовки лекций и докладов по изучению северных территорий Красноярского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейский музей, р. Енисей, р. Кемь, экспедиция, остяки, тунгусы, старожилы, исследование, с. Маковское.

Енисейск со времени своего основания был базой для путешественников, изучающих территорию региона. Как правило, их снаряжала центральная или местная администрация, и случалось это не так часто. Наиболее интенсивное исследование региона началось во второй половине XIX – начало XX в. – когда на территории Севера побывало большое количество экспедиций, в том числе организованных по инициативе и на средства частных лиц. Они носили преимущественно комплексный характер (геологические, биологические, этнографические, гидрологические и др.) и ставили целью изучение ресурсной базы региона. Успешные результаты одной экспедиции становились основой для последующих. Крупные неудачи, наоборот, вызывали паузу в исследованиях [4, с. 583].

Какая роль в экспедиционной деятельности отводилось Енисейскому музею? Общественный музей Енисейска, который был основан в 1883 г. А.И. Кытмановым, Н.В. Скорняковым при участии ссыльного М.О. Маркса был одним из главных элементов не только культуры нашего города, но и исследовательской деятельности [3, с. 583].

Еще обучаясь в Санкт-Петербурге, Александр Кытманов увлекся химией, затем – ботаникой, а позднее – математикой. На старших курсах он серьезно занимался геоботаникой и почвоведением, а параллельно изучал систематику растений Севера.

Он сближается с профессором Василием Васильевичем Докучаевым, который взял Александра в его первую научную экспедицию на юг России. На полевых работах Кытманов был незаменимым помощником своего учителя.

Экспедиции всегда были той формой исследовательской работы, которая давала прорыв в научной деятельности. Они становятся определяющим источником пополнения и музейных фондов. Еще до основания Енисейского музея в нашем городе побывали экспедиции, оставившие интересные отзывы современников, которые до сих пор хранятся в наших фондах. При этом сам музей организовывал собственные исследования. Раньше экспедиции назывались «экскурсиями». Нередко в отчетах можно увидеть следующие формулировки: «Для пополнения коллекций распорядителем было совершено несколько экскурсий в разные более или менее отдаленные части края. Экскурсии дали много материала по всем отделам местных коллекций». Одна из таких «экскурсий» была проведена по реке Ангара. Результатом

ее явилось написание в 1888 году А.И. Кытмановым «Материалов для флоры Енисейского округа». Собранные гербарии были из местности, где раньше не удавалось проводить наблюдения. Благодаря экспедициям Кытманов указал 130 видов растений, произрастающих в Енисейском округе, а также подготовил статью «Медицинские растения Енисейского округа». Чуть позже Александр Игнатьевич выпускает очерк «О рыболовстве по реке Енисей от Енисейска до Гольчихи» [5, с. 37].

Благодаря «работе в поле» Кытманов собрал и обработал элементы остяцкого фольклора, так называемые «Юрацкие сказки». Масштаб проводившихся исследований требовал привлечения специалистов. Научное определение коллекций составляло главную задачу в музейной деятельности и приводило к выстраиванию отношений с другими учреждениями схожего профиля. Так, сотрудники Томского университета определили некоторых представителей енисейской фауны. Птицы местной фауны были описаны специалистами Красноярского краеведческого музея.

После смерти А.И. Кытманова его дело продолжил Сын Николай Александрович. Летом 1928 года он организовал экспедицию по р. Кемь. Судя по записям отчета о данной экспедиции, ее цель стал сбор и изучение Кемской долины в энтомологическом значении. Кроме Кытманова в поездке принимал участие технический помощник музея А.А. Симанов. В экспедицию отправились 11 июля на пароходе «Кисиор» до села Казачинского, а спускались по Кеми до Енисейска на небольшой лодке. В отчете есть много интересных сведений, например, есть упоминания о поселении Вороковщина, которая состояла из тридцати дворов. Жили в нем исключительно переселенцы из Украины Полтавской и Киевской губернии. В результате экспедиции были собраны материалы по флоре и фауне данного района [5, с. 86].

В 1929 году состоялась большая экспедиция на реку Большой Пит. Были собраны материалы, повествующие о быте рабочих того времени и о помещениях, в которых они трудились и отдыхали. Также была определена приблизительная добротность, и техническая спелость лесных насаждений берегов Пита, и возможность сплава древесины.

В 1926 году в Енисейске появляется политический ссыльный Петр Митрофанович Устимович, ленинградский краевед, знавший право и владевший несколькими иностранными языками. В 1929 году он, уже как научный сотрудник музея, осуществил сбор материалов о политической ссылке и перечень историко-архитектурных памятников [5, с. 91].

В 1958 и 1959 годах Енисейский музей принимал участие в крупномасштабных полевых исследованиях в команде объединенной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. Были собраны археологические и этнографические материалы по истории древнейших периодов части долин рек Енисей, Кеть и Кемь. Работа экспедиции была сосредоточена в пяти пунктах:

1. Археологическая разведка в г. Енисейске на р. Мельничная;
2. Археолого-этнографические исследования в с. Маковское на р. Кеть;
3. Археолого-этнографические исследования по р. Подкаменная Тунгуска;
4. Археолого-этнографические исследования в станке Сургутиха (р. Подкаменная Тунгуска);
5. Археолого-этнографические исследования в станке Пакулиха (р. Подкаменная Тунгуска).

В городе Енисейске был осмотрен правый и левый берег р. Мельничной. Здесь по обоим берегам были найдены 75 фрагментов керамики. Среди них преобладали фрагменты горшков и мисок из белой глины, а также морёной посуды, близкой по типу к найденным сотрудниками Красноярского краеведческого музея в 1958 году при раскопках Красноярского острога [1, с. 1].

Среди белоглиняных сосудов было найдено 2 фрагмента с орнаментом: один с волнообразным, другой – с зигзагообразным. Морёную керамику можно датировать XVII-XVIII вв., т.е временем близким к основанию города. Находки керамики подтверждают, что в данный период в Енисейске были свое ремесленное гончарное производство. Находки были обнаружены в районе нахождения Воскресенской церкви, которая расположена на противоположном берегу р. Мельничной [2, с. 5].

Особо интересны антропологические и этнографические исследования, которые проводились исследователями в старинном селе Маковское, которое было образовано на берегах Кети в 1618 году. Исследователи смогли провести устные опросы с наиболее возрастными коренными жителями села. Так, Н.И. Перепеликов приехал в Маковское с отцом из Воронежской губернии еще в 1896-1897 гг., когда ему было 7 лет. Жили они еще в старой слободе, которая в сер. XX в. уже была заброшена. Вместе с русскими в селе жили и два остяка по фамилии Мунгаловы. Они занимались охотой, рыболовством, собирательством. В Маковское приходили и тунгусы. Жили они в юртах, остяки же в рубленых избах и держали лошадей, на которых ездили, а изредка и летом и за которыми остяки не особенно ухаживали. Среди остяков были шаманы, но на шаманство русских не пускали. Тайга делилась между местными охотниками на участки. Типичный двор в селе состоял из жилого дома и крытого двора для скотины. Во дворе были разные хозяйственные припасы: сани, деревянные вилы, дуги, рыболовные снасти, тес из бревен. Крыша в доме была двускатная. Местные жители на ногах носили чирики с острым носком или бродни [2, с. 8].

Проводя беседы с местным коренным населением, исследователи выяснили, что местный язык состоит из диалектов кетского и селькупского языков. Интересен факт, что некоторые местные кето живут в рубленных избах, в которых нет столов, но есть лавки. По воспоминаниям из прошлого, аборигены этих мест еще охотились с луком. У приезжавших сюда тунгусов были чумы, обтянутые кожей. Они делали из вареной бересты лодки, в то время как остяки покрывали приготовленной таким способом берестой свои летние жилища – чумы. В отчетах есть подробное описание местных остяцких похорон. Умершего остяка клали на нарты вместе с его вещами, затем накрывали нарты деревянной крышкой с прорубленным в ней отверстием и засыпали землей, оставляя отверстие не засыпанным, так как через него родственники умершего разговаривали с покойником и спрашивали у него совета. Изображения богов остяки вырезали из дерева и перед молитвой навешивали на них ленточки и побрякушки. Однако в ходе исследований в селе выяснилось, что остяки по существу были православными, так как их крестили и они, в свою очередь, ходили в церковь слушать проповеди, но все же тайком молились и приносили жертвы своим остяцким богам. Один из шаманских обрядов подробно описан в отчетах. В чуме на оленьей шкуре лежит ничком шаман, который затем вскакивает и начинает петь и выкрикивать заклинения на своем языке. После пляски шаман кидает валек 3 раза, которым он бил в бубен, тому, кто заказал шаманство [2, с. 10].

Был у местных остяков праздник Силача, когда они варили уху и выливали ее в прорубь. Видимо здесь уха являлась жертвой какому-либо почитаемому остяками водяному богу. Шаманские принадлежности состояли из бубна, обтянутой вареной собачьей шкурой, валька и побрякушей, которые шаман надевал перед шаманством. По словам современников, в прошлом остяки жили на гораздо большей территории. Но часть из них умерла из-за тифа, а часть выехала. Остяки в основном это доверчивые и мягкие люди в общении с другими людьми, если собеседники учитывали их обычаи. Летом они переезжали из изб в чумы и рыбачили на Кети.

Очень важный факт был зафиксирован в беседе с самым старым жителем Маковского на тот момент – с Барминым Петром Ивановичем. Ему в 1959 году было 82 года. Он вспомнил, что со слов родителей, примерно в 1883-1884 гг. сгорела в селе старая

церковь[2, 11]. Самые старые дома в селе в то время были заняты метеостанцией, около нее и напротив. Раньше школа размещалась в здании почты, а здание школы, в которой она размещалась в 1959 году, владел купец И.Т. Максимов. По словам Петра Ивановича, остяков в Маковском раньше не было, но они наезжали в село из Лосиноборска и Налимки, чтобы произвести обмен привезенной пушнины на охотничьи припасы и промышленные товары. Зимой остяки жили как и русские, в рубленых избах, а летом в берестяных чумах – *тоиматах* [2, с. 12]. При ловле зверей использовали небольшие капканы. По рассказам жителей Маковского, тунгусы шаманили в особых костюмах, которые не одевали в рабочее время, в то время как остяки шаманили и в будничном костюме. Шаманский костюм у тунгусов передавался из поколения в поколение, но не по наследству: не каждый сын шамана мог быть шаманом, так как для этого требовалось познать все шаманские премудрости, что видимо было не так легко.

Благодаря экспедициям 1958-1959 гг. был собран уникальный археологический, этнографический и устный материал об истории старожильческих сел, его жителей, материальной и духовной культуре.

Только летом 2021 года Енисейский музей после долгого перерыва возобновил экспедиционную деятельность. Был осуществлен цикл экспедиционных поездок по деревням Енисейского района, история которых берет начало в XVII веке. Экспедиция посетила населенные пункты: Жарково, Мариловцево, Малобелая, Каменск, Плотбище, Ялань, Подгорное, Чалбышево, Погодаево, Городище, Усть-Кемь. Был собран уникальный этнографический материал – более 250 предметов, проведено несколько десятков интервью с местными жителями. Благодаря этому в постоянно действующей экспозиции музея по адресу: ул. Ленина, 106 появился современный интерактивный зал, в котором есть уникальные фотографии на масштабном панно, которое рассказывают о жизни наших земляков в послевоенное время. Отдельно размещено мультимедийное пространство, которое представлено с видео рассказами енисейцев об охоте, рыбалке, промыслах и ремеслах и много другом, чем была насыщена наша сибирская жизнь.

В 2022 году экспедиционная команда нашего музея продолжила свою исследовательскую работу. Был подготовлен новый проект, который получил название «Предметы и истории Енисейского Севера». Объектами исследования стали северные населенные пункты Енисейского района: Анциферово, Усть-Пит, Сергеево, Шишмарево, Нижне-Шадрино, Назимово, Ново-Назимово, Фомка, Колмогорово, Ярцево, Кривляк, Никулино. Во время экспедиции в дар музея были переданы более 150 этнографических предметов и более 200 фотографий и документов, были сняты замечательные ролики о жизни этих населенных пунктах.

Уже совсем недавно в рамках реализации гранта президента РФ мы продолжили реализацию проекта «Истории Енисейского Севера», побывав в старинном селе Маковское, которое в XVII веке было воротами в Восточную Сибирь и Дальний Восток. В течение нескольких дней мы интервьюировали немногочисленных местных жителей, собирали этнографические предметы, документы и фотографии. Сделали подробную карту оставшихся домов и строений этого населенного пункта, посетили интересные места и познакомились с уникальными людьми, которые поделились с нами своими историями.

Впереди один из самых важных и интересных этапов исследований - синхронизация и сравнение исторических периодов сословного, советского и современного времени территорий, на которых побывали исследователи Енисейского музея.

Список литературы

1. ЕКМ НВФ 1736. Отчет о полевой работе археолого-этнографической экспедиции Енисейского районного краеведческого музея (лето 1959 г.).
2. ЕКМ ОФ 5142. Дневник археолого-этнографической экспедиции Енисейского районного музея в Енисейский и Туруханский районы Красноярского края. Полевой сезон 1959 г. О.В. Литовченко, М.М. Подшивалова.
3. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594-1893 гг. Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2016. 888 с.
4. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска) / А.В. Аксѐнова, Н.В. Гонина, А.П. Дворецкая, А.А. Терскова; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2019. 538 с.
5. Ромашков Ю.В. Летопись Енисейского краеведческого музея (1883-2018). Красноярск: Сибирский Федеральный университет, 2019. 212 с.

УДК 340.03

Главный музей Хакасии и его новые формы работы с посетителями

Огурцова Ольга Сергеевна
заместитель директора по коммерческому развитию.
Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова.
Абакан, Россия.
olgaogur@mail.ru

АННОТАЦИЯ Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова, открывшийся в Абакане в 2017 году, почти сразу же занял лидирующую позицию в регионе. Тому способствовали его местонахождение в административном центре республики, кураторство и методическая поддержка музейных комплексов Хакасии, взаимное сотрудничество с музеями других регионов и хорошая материальная база учреждения. Но самое главное, что делает музей лидером отрасли – постоянная разработка и внедрение в работу новых форм взаимодействия с посетителями. Именно о них идёт речь в докладе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Национальный музей имени Кызласова, Хакасия, Абакан, краеведческий музей, Солнце в рукаве, Виртуальная Хакасия, Моя Хакасия, посткроссинг.

Хакасский национальный краеведческий музея имени Л.Р. Кызласова сегодня занимает место главного музея региона по ряду причин. Здание, открывшееся в 2017-м году, привлекает посетителей современной архитектурой и удобным расположением в зелёной зоне Абакана с хорошей транспортной доступностью. Осуществляя свою деятельность, музей чётко следует Стратегии развития туризма в Хакасии до 2035-го года, что обеспечивает основные запросы посетителей круглый год. Летом, направляясь отдыхать на озёра, в межсезонье и в лыжный сезон туристы, прибывающие из других регионов, непременно посещают хакасский музей. Здесь работает представительство Туристско-информационного центра Хакасии. Национальный музей имени Кызласова выступает куратором и оказывает методическую поддержку всем районным музеям и музейным комплексам под отрытым небом в Хакасии. Кроме того, музей закладывает основу для воспитания у жителей Хакасии патриотического отношения к своему региону, а также является научным центром, где аккумулируются исторические и краеведческие знания, формируются архивы документов и артефактов, готовятся материалы для экспозиций и мероприятий в составе других культурных проектов и организаций. Всему перечисленному способствует достойная материальная база музея, деятельность которого организована на самом современном уровне.

Однако главное, что делает Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р.Кызласова лидером музейного дела – это внедрение в работу новых форм взаимодействия с посетителями. О наиболее передовых разработках хочется рассказать подробнее.

Пожалуй, одним из масштабных музейных событий стал Фестиваль «Солнце в рукаве», презентованный в 2022 году с 24 по 26 марта. В дни весеннего равноденствия в Хакасии отмечают национальный праздник «Чыл пазы», что в переводе с хакасского языка означает «Голова года». Разрабатывая программу музейного праздника, мы ставили своей целью познакомить посетителей с обычаями коренного народа Хакасии, его богатой этнографией, мифологическими представлениями о мире и национальной культурой и присоединиться к празднованию дня весеннего равноденствия, как природного феномена, экологического и природоохранного события. Название

«Солнце в рукаве», как в крылатом выражении «Туз в рукаве», подразумевало своеобразный «запасной вариант» отметить праздник тем, кто по каким-то причинам не смог попасть на «Чыл пазы», который ежегодно устраивают на абаканском ипподроме при поддержке учреждений культуры и правительства Хакасии. Сюда съезжаются сельчане из разных районов Хакасии, чтобы отпраздновать начало земледельческих работ и презентовать свои хозяйства на республиканском уровне. Основной концепцией музейного праздника стала идея обыграть национальные традиции на новой площадке, для другой аудитории и сделать упор на образовательный аспект события. Три дня с 12.00 до 19.00 гости фестиваля знакомились с культурой Хакасии, попробовали национальные блюда, узнавали традиции их приготовления и особенности приема гостей. Приобщить жителей современного многонационального и многоконфессионального города, независимо от их возраста, национальной принадлежности и вероисповедания к культуре и традициям Хакасии, познакомить с традициями и показать, что свободное время можно проводить в совместном творчестве, веселом узнавании друг друга нам удалось и благодаря поддержке наших партнёров. Организация празднования проходила в рамках коллаборации с другими учреждениями культуры, представителями бизнес-сообщества и креативных индустрий. При информационной поддержке средств массовой информации и независимых блогеров. Программа фестиваля включала исполнение концертных номеров, для чего были приглашены популярные артисты Хакасской республиканской филармонии имени В.Г. Чаптыкова Нина Идимешева и Евгений Улугбашев. Блюда национальной кухни предоставили сотрудники отдела гостеприимства и сервиса: музейное этнокафе «Чабрец». Так на обширной площадке фестиваля «Солнце в рукаве» хватило места всем желающим отпраздновать хакасский «новый год» в современном формате, что в полной мере отвечало приоритетам нашего музея.

Ещё один перспективный проект музея «Моя Хакасия» - инклюзивная музейно-образовательная программа, разработанная при участии Школы дизайна и креатива, Автономной некоммерческой организации развития детского и молодежного творчества "Яркие люди», Центра инклюзивных проектов «Особый ракурс» и Фонда поддержки семьи и детства «Перспектива». Проект, адресованный детской аудитории в возрасте от 5 до 9 лет и детям с ОВЗ от 5 до 11 лет, получил грантовую поддержу Президентского фонда культурных инициатив. Особую социальную ценность проект представляет благодаря вовлечению в него детей с ОВЗ. Ведь посещение типичных экскурсионных программ особенными детьми затруднено их продолжительностью, строгими правилами поведения в музее и монотонностью повествования. Ребёнку бывает сложно удерживать внимание, и мы предложили такой категории посетителей способ обеспечить полную включенность детей в процесс получения информации, благодаря структуре занятий, где они знакомятся, учатся и занимаются совместным творчеством. Проект охватил все разделы творческой деятельности – музыка, изобразительное искусство, дизайн, театральные формы. Путём вовлечения участников в совместную деятельность он способствует развитию восприятия, внимания, памяти, мышления, а также речи и эмоционально-волевой сферы. Всё это осуществлялось на живых примерах этнографического наследия хакасского народа.

Проект «Виртуальная Хакасия», возникший на стыке истории и новых технологий, Национальный музей имени Кызласова реализует совместно с Центром информатизации и новых технологий Республики Хакасия. Презентация виртуальной экскурсии состоялась в январе 2022 года. Она знакомит посетителя с древним захоронением вождя, датируемым IV веком до н.э. Курган, расположенный в урочище Салбык к югу от Батенёвского кряжа, в 60 км к северо-западу от Абакана, был раскопан в 1954–1956 годах экспедицией Института истории материальной культуры и

Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, под руководством советского археолога С.В. Киселёва. На месте крупнейшей археологической находки сегодня работает музей под открытым небом «Древние курганы Салбыкской степи». Он пользуется популярностью, но немного отдален от федеральной автодороги, что представляет сложность для маломобильных туристов. Теперь «побывать» на Салбыкском кургане, можно не выходя из музея. О том, как, кем и из каких материалов строилось сооружение, написано множество исследований. Теперь все эти утраченные технологии можно увидеть «своими глазами». «Виртуальный экскурсант» оказывается в степи во времена строительства Салбыкского кургана. Он может спуститься в гробницу, пострелять из лука, потрогать древнюю хозяйственную утварь, взаимодействовать с интерактивными персонажами. «Виртуальный экскурсовод» сопровождает аватара, рассказывает ему об истории создания кургана и показывает, как выглядело захоронение снаружи и внутри. В январе 2023 года музей предложил посетителям ещё одну виртуальную экскурсию «Боярская писаница». Разработчики проекта реконструировали поселение представителей тагарской культуры, создавших Боярскую писаницу, расположенную вдоль левого берега Енисея в 6 км к востоку от села Троицкое Боградского района Республики Хакасия. Сегодня новейший экскурсионный продукт составляет объект интеллектуальной собственности авторов проекта «Виртуальная Хакасия» и пользуется популярностью у посетителей музея. До 2030-го года в рамках проекта предполагается разработать и создать более десятка других виртуальных экскурсий. В их числе Поселение неадертальцев у памятника природы каменного века грота Двуглазка, расположенного западнее деревни Толчея Боградского района, Саянский острог, построенный казаками в 1717–1718 годах, Ташебинский дворец — памятник гунно-сарматской эпохи I в. до н. э., обнаруженный у села Чапаево Усть-Абаканского района, Дом золотопромышленника Иваницкого в селе Чебаки Орджоникидзевского района и другие.

С декабря 2022 года сотрудники музея разработали серию мастер-классов и курс по акварельной живописи с использованием коллекций Виртуального Русского музея, с которым Национальный музей имени Кызласова сотрудничает с 2017 года в качестве партнёра 2 уровня. Мастер-классы в музее практиковались и ранее, но тогда они имели декоративно-прикладное направление – роспись деревянной игрушки, панно из цветного песка, аппликации из пряжи и прочее. Идея первого художественного мастер-класса «Рисуем заиньку» была навеяна акварельной работой «Заяц» Альбрехта Дюрера, которая впоследствии стала неотъемлемой частью лекций художественного курса. Мастер-класс был приурочен к новогодним каникулам и Году Кролика по Восточному календарю. Референсов разработали множество: сложность была рассчитана на разный уровень мастерства посетителей и на разновозрастной состав участников. Задумывался мастер-класс как занятие для детей школьного возраста, но благодаря большому количеству просмотров и активному анонсированию его в соцсетях, инициатива оказалась популярной. Рисовать заиньку записывались посетители от четырёх до 60-ти лет. Затем на площадке международного и межрегионального просветительского проекта «Русский музей: виртуальный филиал» прошло мероприятие, разработанное для Благотворительного фонда «Кристалл» (старшая возрастная категория), посвящённое празднованию Нового года в Китае. Вниманию участников предложили лекцию на тему «Китайская живопись. Искусство няньхуа» и практическое занятие «Драконы няньхуа». Подопечные благотворительного фонда после знакомства с народным китайским жанром расписали гуашью на красной бумаге драконов – стилизованных персонажей китайских ксилографических картин. Курс акварельной живописи «Торопим весну» проходил в марте – апреле 2023 года. За два месяца сотрудники организовали 9 встреч,

которые посетили около сотни участников. Если говорить о целевой аудитории, это были мамы с детьми, молодые мамы, взрослые посетители и молодые пенсионеры (в основном женщины), владельцы «Пушкинских карт». Для курса разработали серию из пяти тематических занятий, включающих в себя лекции, подготовленные по материалам Виртуального Русского музея

«Китайская живопись», «Северное Возрождение. Германские художники-акварелисты Альбрехт Дюрер и Ганс Гольбейн младший», «Английская акварель XVIII века. Томас Гёттерн, Ульям Тёрнер, Джон Селл Котман», «История акварельной живописи в России. П.Ф. Соколов, К.П. Брюллов, А.Н. Бенуа, Л.С.Бакст, И.Я. Билибин, М.А. Врубель, А.П. Остроумова-Лебедева. С.Н. Андрияка» и «Русские художники-иллюстраторы А.А. Дайнеко, Н.А. Тырса, В.М. Конашевич, В.В. Лебедев». Участники курса акварельной живописи «Торопим весну» на первом практическом занятии разобрали особенности спектральных и ахроматических цветов в акварельной живописи, сочетаемость спектральных цветов между собой. Попрактиковались в растяжке от белого к черному и заливке акварелью. Потренировались в нанесении линии кистью и создали несколько пейзажных заливок – «На берегу», «Тайга», «Трава», «Болото». Следующие занятия были посвящены ботанической иллюстрации, где участники выполнили акварельные работы «Магнолия» (в технике свободной заливки), «Камелия» (с построением и прорисовкой структуры цветка, «Роза в стакане» (реплику одноимённого произведения Михаила Врубеля) и «Ирисы» (в многослойной технике). Ко Дню космонавтики на площадке Виртуального Русского музея прошёл мастер-класс с лекцией «Космическая мода и модельеры Пьер Карден, Пако Рабан и Андре Куреж». На практическом занятии предложили участникам потренироваться в фешн-иллюстрации. Эксперимент можно считать удавшимся, поскольку участие в нём приняла даже четырёхлетняя дочь участницы.

Особое место в начинаниях Национального музея имени Кызласова занимают издательские проекты. Так в 2020 году музей издал набор открыток к своему 90-летию. Сегодня коллекция музейных открыток (художественных и почтовых) составляет более 30 наименований. Открытки не только продаются в сувенирном магазине, но и участвуют в международном движении посткроссинга, где коллекционеры всего мира по почте обмениваются открытками, что положительно влияет на имидж и узнаваемость учреждения. В мае 2023 года Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова в сотрудничестве с Хакасским отделением Российского военно-исторического общества выпустил музейно-краеведческое издание для детей школьного возраста «По улицам, где шагали герои…». Книга посвящена памяти участников Великой Отечественной войны 1941-1945 годов, именами которых названы улицы Абакана.

Для посетителей работает музейное этнокафе «Чабрец». Это не обычное заведение общественного питания, а особая музейная площадка, где можно отдохнуть и угоститься блюдами хакасской национальной кухни. Гостей встречает стильно оформленный зал с обновляющейся музейной экспозицией. Здесь организуют фестивальные локации, дегустации аутентичных блюд, проходят встречи, заказывают семейные праздники в этнографическом стиле. Интерактивные гастрономические программы этнокафе «Чабрец» и «Изеннер» дополнены соответствующими обедами.

Для школьников и студентов в музее действует программа популяризации культурных мероприятий по Пушкинской карте. Билет на посещение музея можно оплатить Пушкинской картой онлайн в приложении, в кассе или на сайте. Афиша мероприятий, доступных по Пушкинской карте постоянно обновляется. Владельцы карт охотно посещают постоянные экспозиции «Древнее искусство Хакасии», «Каменная летопись Хакасии», «Хакасская юрта» и «Русский музей: виртуальный филиал».

В заключение стоит добавить, Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова занял особое место в туристической отрасли Хакасии не только благодаря своему местоположению, культурному и маркетинговому потенциалу. Действительно, посещаемость музея составляет примерно 60 тысяч человек в год, что определяет лидирующее положение музея по данному показателю. Вместе с тем, многое зависит от слаженной работы сотрудников, направленной на повышение качества услуг. Мы постоянно следим за новыми тенденциями в музейной сфере и внедряем их в деятельность учреждения.

Основные выводы

Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова, занявший лидирующие позиции среди учреждений культуры Хакасии, сегодня предлагает посетителям уникальные возможности для знакомства с материальной и нематериальной культурой коренного народа Хакасии. Особое внимание при организации такой работы направлено на пробуждение интереса к хакасскому языку, национальным праздникам, традиционным обрядам и обычаям у многонациональной аудитории посетителей, а также у детей (в том числе с инклюзией) в возрасте от 5 до 11 лет. Если разновозрастная многонациональная аудитория приходит на музейный праздник в первую очередь с познавательной и развлекательной целями, то для детской аудитории музей предоставляет возможности для развития и творчества. При этом, организация праздников, новых акций, внедрение современных трендов и форм в нашу деятельность, издательские проекты – всё это осуществляется в рамках сотрудничества с государственными органами, общественными организациями, представителями бизнеса и креативных индустрий, с другими учреждениями культуры. Такой подход в полной мере отвечает приоритетам нашего музея, направленным на его восприятие, как музейно-культурного центра, способного к созданию новых форм работы для культурного, эмоционального и образовательного развития общества.

Список литературы

1. Кызласов И.Л. Хакасы. Основатели хакасоведения о важнейших вехах истории: к 100-летию возрождения народного имени. М.-Абакан: Бригантина: Хакасское книжное издательство, 2017.
2. Кызласов И.Л. Хакасоведение в школе: разговор с преподавателями средней школы об одном из способов сохранения и развития национальной культуры хакасского народа. Вып. 1. М.-Абакан: Школьная библиотечка; 1996.
3. Кызласов И.Л., Кызласов Л.Р. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов. Археологические открытия 1974 года. М., 1975. С. 214-216.
4. Дэвлет М.А. Большой Салбыкский Курган – могила племенного вождя. Из истории Сибири. Вып. 21. Материалы совещания по проблеме «Экономика и социальная структура древнего населения Западной Сибири». Томск, 17-22 марта 1975 г. Томск: Издательство Томского университета, 1976. 270 с.
5. Киселёв С.В. Исследование Большого Салбыкского кургана в 1954 и 1955 гг. Тезисы докладов на сессии отд. исторических наук и Пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1955 г. М.-Л., 1956; его же. Отчет о раскопках в 1954 г. Архив ИА, ф. 1, д. 975; его же. Краткий отчет о раскопках Большого Салбыкского кургана в 1955 г. Архив ИА, ф.1, д. 1165.
6. Марсадолов Л.С. Большой Салбыкский курган в Хакасии. Абакан, 2010.
7. Шекова Е.Л. Особенности маркетинга в сфере культуры (на примере музеев) // Вестник Московского университета. Серия: 6. Экономика, 2016. № 2. С. 71-86.
8. Музеи Хакасии: учебно-справочное пособие / Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Министерство культуры Республики Хакасия, [сост. Т.Н. Феоктистова]. Абакан: [б. и.], 2010. 153 с.

9. Ресурсы исторических и краеведческих музеев и проблемы их эффективного использования в современном российском обществе: материалы заседания Сибирского филиала Научного совета исторических и краеведческих музеев РФ, Красноярск, 6-8 декабря 2005 / сост.: А.И. Глызина, Л.Л. Карнаухова, Н.И. Сичкарь. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2006. 212 с.

УДК 391.4

Прялки русского населения в коллекции центра ремесел

Стремилова Юлия Пятро
заведующий экспозиционно-выставочного отдела БУ «Центр ремесел».
Ханты-Мансийск, Россия.
c-r_332396@mail.ru
ORCID ID: 0009-0003-0904-9919

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрены, привезенные из экспедиций прялки из русских старожильческих и переселенческих деревень Ханты-Мансийского района: Белогорье, Троица, Луговое, а также расписные прялки, выполненные мастерами на конкурсах профессионального мастерства. В коллекции Центра ремесел прялки корневые, составные, с росписью, резные, прялки с колесом ножные (детские, взрослые).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Прялка, резьба по дереву, роспись по дереву, донце, лопасть.

В коллекцию бюджетного учреждения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр народных художественных промыслов и ремесел» входят прялки русского старожильческого населения и русских переселенцев, собранные в ходе полевых экспедиций по Ханты-Мансийскому району, переданные в дар от жителей, а также, выполненные мастерами автономного округа.

Первые поступления прялок были по итогам комплексной экспедиции в июле 2003 г. по русским старожильческим и переселенческим селения Ханты-Мансийского района, целью которой являлось исследование бытования ремесел в изучаемых населенных пунктах – п. Кирпичный, д. Белогорье, с. Луговое, с. Троица. Среди поселений д. Белогорье и с. Троица относятся к старожильческим селениям, а п. Кирпичный и с. Луговое – к переселенческим. В результате экспедиции обследованы намеченные маршрутом населенные пункты, собран материал для изучения этнической истории населенных пунктов: примерное основание, этническая структура поселка либо деревни («чалдоны», «самоходы», «ссыльные», «сибирские татары», «ханты», «манси»); выявлены основные типы хозяйствования; ремесла по видам материалов и типам бытования; проведен сбор предметов (закупка и дарение) в коллекции Центра народных художественных промыслов и ремесел (далее Центр ремесел).

Кирпичный. На момент исследования в поселке Кирпичный проживало 678 человек. Благодаря собранной информации выяснены данные по истории поселка, его жителях, ремеслах, которыми они занимались.

На месте поселка до 1930 года стояло несколько избушек хантов («хантыйские юрты»). В 1930 г. в это место прибыли ссыльные («спецпереселенцы») из южных районов Тюменской области – Голышмановского, Омутинского и Ишимского. Ими был выстроен кирпичный завод, работавший на качественных глинах, на котором стоит поселок. Все население работало на кирпичном заводе. Со слов жителей поселка большим подспорьем для семьи была прялка (лопасть с донцем), если ссыльные могли тайком спрятать за пазуху и привести с собой. Лен в поселке не сеяли, поэтому пряли только шерсть (овец держали до 1990-х гг.), вязали теплые вещи для детей и взрослых. Пряли на ручных прялках и ножных прялках с колесом. В поселке сохранились составные прялки (в том числе найдена одна детская прялка), корневые. Некоторые прялки эти старожилы называли «пряслица». Прялки с колесом ножные называют

жители «самопряхи» (Рис. 1). В коллекцию Центра ремесел переданы 3 прялки и несколько веретен [1, с. 4, 11].

Деревня Белогорье старожильческая, на момент исследования проживало в деревне 294 человека. Мимо деревни проходил тракт «веревочка» от Самаровского яма (Ханты-Мансийска) до Урманного: возили почту, товар, перевозили пассажиров. В основном в деревне были двухэтажные дома. Жили большими семьями, почти у каждой было свое большое хозяйство: коровы, лошади, овцы, за которыми сами ухаживали, работников не нанимали. Для себя сеяли лен, жили на рыбе, молоке, мясе. Жители много трудились, жили зажиточно. В 50-х годах появилась заводь и берег стал осыпаться. Река повернула свое русло в Белогорье и с каждым годом, улица за улицей, под водой исчезала старая деревня. Постепенно местные жители стали переселяться вглубь острова и перевозить свои дома с берега на места, где раньше были поля. Так появилась новая деревня.

Со слов жителей деревни в 1920-1940-е годы пряли лен, шерсть, ткали на кроснах холст, полотенца, (серое) полотно «сукманину» (нити основы – льняные, уточные – шерстяные). В 1930-е годы в деревне появились переселенцы, которых старожилы называли «колонистами». Среди них были умные, хозяйственные, трудолюбивые люди. В 1931 году в Белогорье образовался колхоз. В колхозе выращивали лен, овес, ячмень, пшеницу, овощи, разводили скот. Лен сеяли до 1950-х годов. Жители выращивали и у себя на задворках, собирали и обрабатывали, пряли и ткали домотканину и сукманину [1, с. 12].

Со слов Змановской Клавдии Александровны лен пряли долго после войны, а шерсть пряли до 90-х годов, т.к. потом перестали держать овец. Прялки для льна и шерсти изготавливали сами. В поселке сохранились прялки корневые, составные и прялки с колесом ножные. Прялки составные и корневые жители называют «пряслицы», с колесом ножные – «самопряхи».

В деревне Белогорье Змановская Клавдия Александровна передала в дар составную прялку и «самопряху», выполненные её отцом. У него был токарный станок, на котором он делал прялки с колесом на заказ. Во многих семьях близлежащих деревень сохранились прялки, выполненные его руками (Рис. 1).

Жительница д. Белогорье Скосырева Екатерина Васильевна передала в дар прялку составную и «самопряху» (Рис. 2.).

Молодая семья принесли ипередали в дар составную прялку с резными краями и геометрической резьбой на лопасти (личина у пряхи, изнанка). Прялка сохранилась от родителей, но кто её выполнил или откуда она появилась не известно. На изнанке лопасти изображен круг, внутри которого крест в виде четырех кругов, обрамленных резными лучами из треугольников. Над кругом вырезан полукруг (глухая резьба). Резной круг покрыт краской красного цвета, а фон – черного (Рис. 3).

Некоторые прялки были найдены в старых заброшенных домах. Собранные прялки – составная и корневая, декорированные резьбой и росписью.

Резная прялка корневая имеет следы ремонта - верхлопасти украшен резьбой в виде круга, разделенного на восемь частей. Над кругом изображены наклонные кресты и треугольники. Под кругом – изображение, собранное из геометрических элементов. Имеет резные края. Расшифровать резное изображение сложно (Рис. 4).

В коллекцию Центра ремесел жителями д. Белогорье были переданы в дар 3 составные прялки, 1 корневая, 2 «самопряхи» и несколько веретен.

Троица – деревня старожильческая. По сведениям информаторов, предположительно образовалась в 1868 году. В этом же году была построена Троицкая церковь, при которой была организована церковно-приходская школа. В 1912 г. в деревне жило 128 жителей: функционировали церковь, школа грамоты, торговая лавка, земская станция. Мимо деревни проходил тракт «веревочка» от Самаровского

яма (Ханты-Мансийска) до Урманного: возили почту, товар, перевозили пассажиров. В основном люди занимались рыбалкой, охотой, скотоводством. Рыбу, мех возили в Тобольск и Березово.

По словам сторожила Марии Григорьевны Зарубиной, до 1930-х годов в Троице сеяли лен и держали овец. Поэтому пряли лен и шерсть на ручных прялках, изготовленных местными мастерами. У жителей села сохранились составные и корневые прялки, доставшиеся им по наследству, а также привезенные переселенцами в 1930-х годах. На фотографии прялка М.Г. Зарубиной – с росписью и резьбой. На изнанке лопасти прялки изображены крупные цветы урало-сибирской росписи в крестьянской стилистике: выполненные пальцем широким двойным мазком. Композиция состоит из четырех крупных цветов – два желтых, расположенных по горизонтали и два синих – по вертикали в виде шаров. За ними расположены три маленьких бутона круглой формы. В углах, между большими цветами изображены тройные лепестки зеленого цвета. Кайма фигурно вырезанной лопасти прялки синего цвета. На концах резных элементов – круги синего цвета. Нижняя часть лопасти выполнена на токарном станке. Она на них пряла, ей было жалко расставаться, т.к. на ней пряла её мама (Рис. 5) [1, с. 29].

Поселок Луговое основан в 1930 году, когда были привезены ссыльные («спецпереселенцы») из южных районов Тюменской области, Ялуторовска, Алтайского края. Во второй половине 40-х годов в Луговое прибыла еще одна партия ссыльных из Рязанской, Липецкой и ссыльных немцев из Саратовской области [1, с. 21].

В поселке был построен деревообрабатывающий завод, где делали мебель и сплавляли по воде древесину.

В поселковом колхозе разводили скот, лен не сеяли. Женщины пряли шесть, ткали на кроснах половики, активно занимались женскими ремеслами в период 1930-1950-х гг. Пряли на ручных прялках, изготовленных во второй половине XX в.

У жителей сохранились прялки составные самодельные без росписи. Воронцова Граппина Дмитриевна передала в дар составную прялку с урало-сибирской росписью (Рис. 6, 7). Коллекция из поселка Луговое пополнилась составными прялками без росписи и с росписью, а также с колесом ножная.

В экспозиции «Русская история» представлена детская прялка с колесом, переданная в дар Галиной Георгиевной Сунгатовой из гп. Талинка Октябрьского района (Рис. 9). История этой прялки не известна, как и ее изготовителя, найдена на улице. Прялка детская, красного цвета, с небольшими утратами. С помощью такого устройства девочку с пяти лет учили прясть нити из льняного волокна или шерсти. Самопряха состоит из деревянной лопасти, в которую вставляли волокно или шерсть, и колеса – оно быстрее подавало нить на катушку и увеличивало скорость работы. Такая прялка была дорогим и особенным подарком.

Коллекцию прялок пополнил Синицын Александр Иванович (г. Нягань) – мастер по дереву. Он изготовил прялки, бытовавшие на Вятской земле, откуда он родом, а также прялки, бытовавшие в Тюменской области по образцам, хранившиеся в Тюменском музее изобразительных искусств для конкурса профессионального мастерства, проходившего во время Международного фестиваля ремесел коренных народов мира «Югра» – 2018. Прялки были расписаны урало-сибирской росписью мастерицами – Н.И. Конюховой (г. Урай), Н.В. Макаровой (г. Югорск), И. Нестеровой (г. Тюмень), О. Косаревой (г. Екатеринбург) (Рис. 9, 10, 11, 12, 13, 14) [2].

По итогам экспедиции выявлены и зафиксированы виды прялок – корневые, составные прялки и самопряхи (взрослые и детские). Практически утрачена информация от дарителей расписных прялок: как попали прялки в семью, были ли все изготовлены на месте или привезены из Тобольска или Березово с ярмарок. Но на всех составных прялках сохранились элементы урало-сибирской росписи. Расписные

прялки русского населения Югры были визуально сравнены с прялками в музейных коллекциях г. Тобольска и Тюмени, откуда и распространялась роспись кармацкими красильщиками по городам и селам Тобольской губернии, в том числе и на север. Провести анализ о корневой традиции резных прялок, выполненных с применением глухой и трехгранно-выямчатой резьбой сложно, т.к. подобные образцы в музейных коллекциям региона не выявлены.

Коллекции прялок выставлены в постоянной экспозиции «Русская история», на которой жители и гости ханты-Мансийска могут познакомиться с историей края, с разнообразными приемами прядения, с декором прялок и самопрях. Прялки экспонировались на выставках «Сказ о ткацком стане», «Нить. Символ. Человек», «Многоликое дерево» (Рис. 15, 16, 17).

Список литературы

1. Отчет «Комплексная экспедиция – 2003. Кирпичный, Белогорье, Луговое, Троица». Ханты-Мансийск, 2003. 39 с.
2. Отчет. Международный фестиваль ремесел коренных народов мира «Югра». Ханты-Мансийск, 2018 г.

Иллюстрации

Рисунок 1. Прялка с колесом ножная («самопряха»). Дерево, д. Белогорье, Ханты-Мансийский район

Рисунок 2. Прялка с колесом ножная («самопряха»). Дерево, д. Белогорье, Ханты-Мансийский район

Рисунок 3. Прялка составная. Дерево, резьба, роспись, д. Белогорье, Ханты-Мансийский район

Рисунок 4. Прялка корневая (цельная). Дерево, резьба, д. Белогорье, Ханты-Мансийский район

Рис. 5. Прялка составная. Дерево, роспись, д. Белогорье, Ханты-Мансийский район

Рис. 6. Прялка составная. Дерево, роспись, п. Луговое, Ханты-Мансийский район

Рисунок 7. Прялка составная. Увеличенный фрагмент. Дерево, роспись, п. Луговое, Ханты-Мансийский район

Рисунок 8. Прялка с колесом ножная («самопряха»), детская. г.п. Талинка, Октябрьский район

Рисунок 9. Прялка с урало-сибирской росписью, мастерица - Н.И. Конюхова (г. Урай)

Рисунок 10. Прялка с северо-двинской росписью, имя мастера неизвестно

Рисунок 11. Прялка с урало-сибирской росписью, имя мастера неизвестно

Рисунок 12. Прялка с городецкой росписью, мастерица – О. Зарубина, г. Коломна, Московская область

Рисунок 13. Прялка с урало-сибирской росписью, мастерица – Н.И. Конюхова (г. Урай)

Рисунок 14. Прялки с урало-сибирской росписью. Мастерицы – слева И. Нестерова (г. Тюмень), справа Н.И. Конюховой (г. Урай)

Рисунок 15. Коллекция прялок в экспозиции «Нить. Символ. Человек», г. Ханты-Мансийск

Рисунок 16. Коллекция прялок в экспозиции «Русская история», г. Ханты-Мансийск

Рисунок 17. Коллекция прялок в экспозиции «Сказ о ткацком стане», г. Урай

УДК 069.51: 378 (571.17)

Государственное стимулирование креативной деятельности муниципальных музеев

Труевцева Ольга Николаевна
доктор исторических наук, профессор.
Алтайский государственный педагогический университет,
кафедра историко-культурного наследия и туризма.
Алтайский государственный педагогический университет.
Барнаул, Россия.
truevtseva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-0319-1992

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется деятельность муниципальных музеев в современных условиях. Рассмотрены характерные особенности функционирования в современных условиях, выявлены принципиальные отличия в работе с посетителями столичных и областных музеев. Раскрываются разнообразные формы государственной поддержки и стимулирования креативной деятельности, как отдельных сотрудников музеев, так и целых коллективов. На основании полученных данных автор отмечает возросшее количество грантов, премий, субсидий и номинаций конкурсов, а также их участников, что существенно отражается на эффективности работы музея по удовлетворению возрастающих культурных потребностей человека и общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Муниципальный музей, посетитель, формы государственной поддержки, гранты, конкурсы, субсидии.

Отличительная черта современного музея – креативный характер его самоидентификации. Казалось, музей отряхнул вековую пыль своих экспозиций и на несвойственной для него инновационной волне ищет контакт со своим посетителем, приглашая его в виртуальную реальность, где порой трудно отличить реальный экспонат от голографического двойника, который вдруг оживает и приглашает погрузиться в исторические глубины.

Однако, не будем выдавать желаемое за действительное. И хотя мультимедийные и интерактивные технологии в музейном пространстве уже не фантастика, а реальность, реальность эта существует в полном объёме пока лишь в незначительном количестве музеев, располагающих необходимыми ресурсами. Большинство музеев, особенно провинциальных, пока «пляшут от печки», точнее – от своих электронных каталогов к сенсорным киоскам в сторону интерактивных витрин или какого-либо иного оборудования, которым посчастливилось обзавестись, не спрашивайте, где и как.

А ведь городские, районные музеи в нашей стране – самые массовые краеведческие учреждения. Они существуют практически в каждом городском и районном сельском муниципальном образовании. В большинстве музеев ведётся активная научно-просветительская и выставочно-экспозиционная работа.

Чтобы создать краткое представление о масштабах муниципальных музеев приведём некоторые данные по Алтайскому краю [1. с. 104]. По состоянию на 1 января 2021 года в крае действовало 5 государственных и 60 городских и районных муниципальных музеев. При этом в основных фондах негосударственных музеев было сосредоточено около 540 тысяч единиц хранения, что почти в два раза превышает число экспонатов в музеях государственных. Несмотря на ограничения, вызванные короновирусной инфекцией, 247 сотрудников городских и районных музеев смогли организовать около полутора тысяч выставок.

Разумеется, по приведённым количественным показателям ни в коем случае нельзя противопоставлять одни музеи другим. Важно подчеркнуть: встречающаяся до сих пор недооценка роли малых локальных музеев свидетельствует о непонимании их специфики и задач перед социумом.

Специфика муниципального музея проявляется во многих аспектах его деятельности. И главное здесь не в размерах здания и количестве экспонатов. Основное его отличие от столичных и областных музеев заключается, во-первых, в постоянном и ограниченном в количественном отношении контингенте посетителей (жители данного города, района, села, не считая немногочисленных его гостей); во-вторых, в незначительном количестве подлинных уникальных экспонатов, что само по себе исключает возможность паломничества туристов из других мест.

Конечно, здесь возможны отдельные исключения, например, мемориальные музеи на родине выдающихся личностей или музеи-заповедники, через территорию которых проходят туристические маршруты. Но для большинства уголков Сибири это лишь счастливые исключения, подтверждающие правила.

А реальность такова, что малые музеи, и особенно наиболее распространённые среди них – районные историко-краеведческие музеи, должны всю свою работу ориентировать на удовлетворение историко-культурных, образовательных, познавательных и других потребностей своих земляков.

Проблема функциональной направленности музея на удовлетворение социальных потребностей отнюдь не надумана. Её решение имеет не только теоретическое, но, в первую очередь, прикладное значение. Чем руководствуются руководители музеев, планируя свою деятельность: традициями, опытом, рекомендациями, собственной интуицией? Чаще всего всем, вместе взятым. Но ведь далеко не все традиции заслуживают дальнейшего развития. Неумелое копирование чужого положительного опыта чаще всего ведёт к разочарованию в нём, а рекомендации, как правило, носят общий характер и не могут учитывать специфику конкретных условий.

Необходимо иметь критерий целесообразности деятельности, и тогда знания и интуиция верно определят стратегию. А критерий здесь старый, как мир, - удовлетворение потребностей человека, социума, для которого музей создаётся и который, будучи заинтересованным в сохранении социальной памяти, сам должен принимать участие в его деятельности. Старый гуманистический лозунг «всё во имя человека» имеет непосредственное отношение и к музейной деятельности.

Музей, если он хочет оставаться нужным и интересным обществу, должен шагать в ногу со временем и не кичиться своей ролью хранителя древностей. Он должен делать всё, чтобы быть максимально полезным людям, да ещё и нравиться им.

Социальная эффективность малых музеев определяется вовлечённостью населения в процесс сохранения культурного наследия. Приобщение к этому процессу происходит в музее через подлинные предметы, хранящие в себе культуру предшествующих поколений, через стремление пополнить музейную коллекцию не только за счёт поиска древностей, но и через возрождение художественного ремесла, попытки внести в него современные эстетические представления, через возрождение культурно-бытовых традиций, обычаев, фольклорного наследия.

В исполнении своей социальной миссии муниципальные музеи вправе рассчитывать на поддержку государственных учреждений. В последнее десятилетие в Российской Федерации уделяется большое внимание развитию творческой инициативы работников в различных сферах деятельности. Наряду с такими проверенными формами поощрения как государственные премии и награды, присвоение почётных званий успешно внедряются конкурсные программы повышения квалификации управленцев, открывающие перспективы служебного

роста, отраслевые конкурсы, определяющие лучших по профессии. Достаточно вспомнить президентские программы подготовки управленческих кадров, в которых наряду с обучением и коммуникацией среди опытных управленцев, осуществляется обмен лучшими практиками и формирование актуальных компетенций. Президентские программы охватывают не только руководителей высшего звена, но и молодёжь и детей, организуются специальные круглогодичные и летние школы для талантливых инициативных юношей и девушек. В сфере образования регулярно проводятся многотуровые конкурсы «Учитель года», олимпиады школьников «Шаг в будущее», поддерживающие творчески одаренных детей, развивающие их способности и интерес к научно-исследовательской деятельности, дающие возможности получить льготы при поступлении в вузы страны. Одноимённый конкурс проводится и в высших учебных заведениях, который способствует развитию инновационной деятельности, а также коммерциализации разработок, выполненных студентами.

Приведённые выше формы стимулирования творческой активности не исчерпывают всего многообразия государственных мер мотивации граждан к креативной деятельности. В каждой отрасли есть свои особенности выявления и реализации инновационного потенциала специалистов. Есть они и в учреждениях культуры, в том числе и в музеях.

Одним из системных мероприятий, осуществляемых на региональном уровне, в течение ряда лет во многих субъектах Российской Федерации является конкурс профессионального мастерства на звание «Лучший работник культуры года», в котором участвуют сотрудники государственных и муниципальных музеев.

В Алтайском крае организатором конкурса является региональное министерство культуры. В Положении о конкурсе, утверждённом указом губернатора, сформулирована его цель: «моральное и материальное стимулирование талантливых, творчески одаренных и инициативных работников культуры, выявление творческого потенциала, повышение профессионального уровня, совершенствование культурного обслуживания населения края» [2]. Одна из номинаций конкурса – «Лучший музейный работник».

Конкурс проводится в несколько этапов. На первом, муниципальном уровне, участник конкурса представляет информацию о реализации творческих проектов, формах и методах работы, рецензии и отзывы общественных деятелей, профильных специалистов, коллег, посетителей музея. На последующих этапах электронная презентация этой информации размещается в сети «Интернет», оценивается специальной экспертной комиссией.

Важно подчеркнуть, что наряду с компетентностью, профессионализмом и результативностью работы в числе важных критериев оценки выделяются использование актуальных и инновационных технологий и методов работы, индивидуальный творческий стиль, использование авторских методик, оригинальность и новизна подхода к материалу и его интерпретации, а также степень заинтересованности, личной инициативы участника в инновационном развитии музея и повышении престижа профессии.

Победителям конкурса на торжественной церемонии награждения вручают призы, дипломы и денежную премию.

Хорошим примером креативного отношения к работе признана деятельность О.Г. Филипповой, удостоенной звания «Лучший музейный работник 2021 года. В целях популяризации научных знаний по археологии и палеонтологии музейными средствами она запустила новый культурно-образовательный проект – студию юного археолога «Многоликий Алтай», организовала акцию международного формата «Европейские дни археологии», провела цикл интерактивных научно-популярных

лекций и выставок по палеонтологии «Доисторические миры», теплоходные экскурсии по р. Оби с посещением мест археологических раскопок.

Немало творческих находок продемонстрировали победители конкурса Евгений Симонов, директор Угловского краеведческого музея, заведующий Шипуновским районным музеем Тамара Мирошниченко, сотрудник Бийского краеведческого музея имени В. Бианки Дмитрий Ерошкин, ведущий методист Павловского историко-художественного музея имени Г. Борунова Вера Колотова и другие участники, претендовавшие на звание «Лучший музейный работник» в разные годы.

Государственное стимулирование творческой активности ориентируется не только на отдельных работников, но и на целые коллективы, мотивируя «командную работу». Так в Алтайском крае с 2019 года начали проводить конкурс «Лучший музей года». Его особенность заключается в материально-финансовой поддержке наиболее перспективных инновационных проектов, связанных с внедрением информационных технологий в экспозиционно-выставочное пространство музеев, в работу с фондами.

Ежегодно участниками этого конкурса становятся лучшие муниципальные музеи. В 2021 году проектные заявки поступили из 12 районов края: Алтайского, Заринского, Залесовского, Зонального, Локтевского, Михайловского, Павловского, Петропавловского, Родинского, Тальменского, Тюменцевского, Усть-Калманского. Из краевого бюджета было выделено 1 миллион 800 тысяч рублей. Победителями были признаны Алтайский районный краеведческий музей и Зональный исторический музей.

На выделенные средства Алтайский районный краеведческий музей обновил раздел постоянной экспозиции «Воинская слава». Была выполнена инсталляция «Блиндаж», куда сможет заглянуть каждый посетитель и почувствовать дух военного времени. Помимо этого, экспозиция теперь включает и современное мультимедийное оборудование, которое существенным образом расширяет возможности показа исторических реликвий.

Краеведческий музей Зонального района подготовил новую выставочную площадку по традиционной культуре русских с воссозданием образа русской избы начала XX века и сельской горницы середины XX века. Помимо экспонирования подлинных предметов из этнографической коллекции в музее была создана интерактивная зона для проведения виртуальных экскурсий и мастер-классов.

Перечисленные мероприятия не исчерпывают всей совокупности средств и методов стимулирования творческой активности музейных работников. Многие из них используют возможности конкурсов на получение грантов губернаторов краёв и областей, Президента Российской Федерации. С каждым годом перечень конкурсов и номинаций увеличивается. В этом заключается современный подход к дополнительному субсидированию учреждений бюджетной сферы. Государство готово выделить на техническое оснащение региональных и муниципальных музеев современным оборудованием (экспозиционно-выставочным, фондовым, климатическим и др.), что позволит модернизировать их пространство, а также увеличить количество посещений музеев. На эти цели в течение 2023-2024 гг. федеральный бюджет выделит регионам 2 млрд. рублей – учреждения получат их в форме целевых субсидий. Но для получения федеральных субсидий регионы должны утвердить перечень мероприятий, на которые планируется направить средства, а также предусмотреть региональное софинансирование [4].

Из сказанного следует простое резюме: под лежачий камень вода не течёт. Государственные субсидии сегодня являются наиболее эффективным средством развития музеев, особенно муниципальных. И если мы хотим использовать это «окно возможностей» мы должны актуализировать весь накопленный опыт, успешные практики лучших музеев, научные исследования для поиска оптимальных путей

развития музеев, ориентированных на удовлетворение возрастающих культурных потребностей человека и общества.

Список литературы

1. Учреждения культуры, искусства и архивы Алтайского края в цифрах и фактах: год 2020/Министерство культуры Алтайского края. Барнаул, 2021. С. 104-110.
2. Указ губернатора Алтайского края «О губернаторском конкурсе профессионального мастерства на звание «Лучший работник культуры года», №20 от 19 марта 2014 года.
3. Министерство культуры Официальный сайт https://culture.alregn.ru/upload/iblock/703/v38r90kmswncsyvad5vqj6rdigzcfl4q/Polozhenie-o-konkurse.pdf?ysclid=llz2e683up804131507 (дата обращения 31.08.2023).
4. Из выступления министра культуры РФ Ольги Любимовой https://tass.ru/kultura/16279525 (дата обращения 31.008.2023).

УДК 008+009+39+902+908+930

Освоение историко-культурного наследия Сибири: ревитализационные музейно-педагогические практики

Шатова Наталья Николаевна
методист.
Музей Новосибирска, отдел «Музей «Заельцовка».
Новосибирск, Россия.
shatova_nn@inbox.ru
ORCID ID: 0009-0008-0189-5287

Шелегина Ольга Николаевна
доктор исторических наук.
Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук,
сектор истории общественно-политического развития;
Новосибирский государственный педагогический университет,
кафедра теории, истории культуры и музеологии.
Новосибирск, Россия.
oshelegina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3715-4380

АННОТАЦИЯ Работа посвящена актуальной исследовательской проблеме – изучению социокультурного пространства Сибири в аспекте освоения наследия в ракурсе традиционных и новационных музейно-педагогических практик. Представлена систематизированная по доминантному типу музеефицированного наследия совокупность музеев-заповедников Сибири в первые десятилетия XXI в., дана характеристика их работы с локальными сообществами и туристами. На основе анализа культурно-образовательной деятельности историко-этнографических музеев-заповедников «Шушенское», «Старина Сибирская», всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина выделены ревитализационные музейно-педагогические практики, их актуальные формы, показана социальная значимость. Сделано заключение о целесообразности дальнейшего изучения и развития ревитализационных музейно-педагогических практик, играющих активную роль в освоении историко-культурного и природного наследия Сибири, интеграции науки, образования, культуры в сфере гражданско-патриотического воспитания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Региональное социокультурное пространство, освоение наследия, Сибирь, музеи-заповедники, ревитализационные музейно-педагогические практики.

Проблемы освоения историко-культурного наследия Сибири имеют актуальное и перспективное значение как важный сегмент исследования регионального социокультурного пространства, интегрирующего физическое, экономическое, политическое, педагогическое, туристическое пространства, объединенные общими ценностями и особыми патриотическими чувствами людей. Как показало исследование Г.М. Запорожченко и О.Н. Шелегиной, социокультурные особенности субъектов Сибирского федерального округа в контексте общественно-политических процессов в постсоветский период соотносятся с эффективностью освоения историко-культурного наследия [7, с. 29-30]. Для Сибирского региона, в силу его масштабности и полиэтничного характера, важное значение следует придавать музеефикации целых территорий, позволяющей системно осваивать все виды наследия на основе концепции культурных ландшафтов. В приоритете должно быть создание и развитие средовых музеев (музеи под открытым небом, музеи-заповедники, локальные объекты наследия), имеющих значительный социокультурный и образовательно-воспитательный потенциал, изучение которого находится в стадии развития.

Внимание исследователей уже акцентировалось на педагогических практиках в процессе актуализации культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири [10] и календарной обрядности русских в сибирских музеях под открытым небом [3]. Важное значение для подготовки специалистов в области музееведения и охраны наследия будет иметь труд П.В. Глушковой и Т.И. Кимеевой [4], посвященный традиционной культуре автохтонных народов и русских Сибири, основанный на объективных источниках, сосредоточенных в музеях. В современной ситуации исследовательский, образовательный и научно-практический интерес представляет определение новационных музейно-педагогических практик по освоению регионального историко-культурного наследия в музеях- заповедниках Сибири, занимающих авангардные позиции в музейном мире России.

При анализе культурно-образовательной деятельности музеев-заповедников Сибири был применён социокультурный подход: музейно-педагогические практики рассматривались через призму освоения объектов материального и нематериального наследия. Концепт освоения наследия, разрабатываемый О.Н. Шелегиной, может быть использован для изучения интеграции исследовательских и образовательных трендов [14, с. 72-73].

В первые десятилетия XXI в. с учетом доминантного типа музеефицированного наследия в музейном мире Сибири можно выделить следующие совокупности музеев-заповедников: ***историко-архитектурные***: Тобольский государственный историко-архитектурный музей-заповедник (г. Тобольск), Ленский государственный историко-архитектурный музей-заповедник «Дружба» (Республика Саха (Я), «Красная горка» (г. Кемерово), «Кузнецкая крепость» (г. Новокузнецк, Кемеровская область), «Мариинск исторический» (г. Мариинск, Кемеровская область), Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова (г. Енисейск, Красноярский край); ***археологические:*** Музей-заповедник на озере Андреевское (Тюменская область), «Казановка», «Хуртуях-тас», «Сундуки», «Сулеки» (Республика Хакасия), «Долина царей» (Республика Тыва, 2004 г.); ***историко-этнографические:*** «Шушенское» (с. Шушенское, Красноярский край), «Старина Сибирская» (р. п. Большеречье, Омская область;); ***этноэкологические:*** «Тюльбергский городок», «Трехречье» (Кемеровская область); ***мемориальные:*** Всероссийский музей-заповедник В. М. Шукшина (с. Сростки, Алтайский край).

Особого внимания заслуживает историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская писаница» (Кемеровская область), сформировавшийся под руководством известного российского археолога и музеолога профессора А. И. Мартынова, и отнесенный к особо ценным объектам культуры России. В настоящее время «Томская писаница» является крупным многопрофильным музейным и туристическим центром. К уже функционирующим семи тематическим экспозициям, в т.ч.: архитектурно-этнографических комплексов «Шорский улус Кезек», «Сибирский острог» в 2023 г. добавится национально-культурный центр «Татарское подворье». Ведется работа по формированию достопримечательного места на базе «Писаниц Притомья» с последующей музеефикацией памятников и включения их в состав музея-заповедника. Разрабатываются внемузейные историко-культурные маршруты [5], планируется новая форма работы с учащимися близлежащих сельских школ – экскурсионные выезды для них в «Томскую писаницу» на музейных автобусах.

Следует также обратить внимание на новые возможности освоения историко-культурного наследия категориями населения с ограниченными возможностями здоровья. В результате совместной деятельности музея-заповедника «Томская писаница» и библиотек Кузбасса было создано адаптированное для лиц с нарушениями зрения комплексное пособие «Шедевры первобытного искусства: наскальные рисунки Томской писаницы». Оно стало новым источником знаний в

области историко-культурного наследия Сибири [9, с. 29-30], новационных музейно-педагогических практик со школьниками, позволяющих в тактильной форме «рассмотреть» уникальные памятники древнего искусства, ощутить наскальные рисунки на кончиках пальцев.

К новационным направлениям музейно-педагогических практик в деятельности современных хакасских музеев-заповедников, по оценке Л.В. Еремина, можно отнести: использование современных информационных технологий виртуальной и дополненной реальности для обеспечения аттрактивности экскурсий; организацию музейных мероприятий, основанных на археологической и этнографической тематике, праздников талгана «Алтын Ас» («Золотое зерно»), «Айран сузы» («Лучи айрана»); актуализацию археологических материалов на основе активного использования данных хакасской этнографии при интерпретации объектов культурного наследия в Аскизском, Бейском, Таштыпском районах Республики Хакасии [6, с. 22-23].

Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова (с 2022 г.) имеет глубокие традиции (основан на базе Енисейского Общественного местного музея, 1883 г.), базируется на значительном числе объектов культурного наследия федерального и регионального значения, находится в центральной исторической части города. Все это дает ему преимущества в создании широкого спектра современных форм освоения историко-культурного наследия для музейной аудитории разных возрастов. Предлагается знакомство с «Музеем Енисея», выставочным залом и экспозициями, размещёнными в культовых зданиях, несколько маршрутов пешеходных экскурсий по городу, автобусно-пешеходные экскурсии «Музейный квартал», «Город чистой веры» (с выездом на Монастырское озеро). Проводятся тематические экскурсии по истории, архитектуре, экологии, живописи, в том числе и с использованием новых музейных технологий. «Бинокулярная экскурсия» – панорамный обзор города через специальное оптические оборудование, предлагается посетителям церкви Троицы Живоначальной. Музей-заповедник ведёт просветительский проект «Музей для сельской школы» – цикл из шести мероприятий: музейные уроки краеведческой направленности, художественные и даже мультипликационные мастер-классы.

Н.Н. Шатова на основе анализа образовательно-воспитательной деятельности сибирских музеях-заповедников историко-этнографического и мемориального профиля в контексте освоения историко-культурного наследия и изучения «методом включенного наблюдения» работы музея-заповедника «Старина Сибирская» пришла к заключению о том, что преобладающие в них музейно-педагогические практики можно определить, как ревитализационные. Суть этих практик – в «оживлении» тех или иных старинных обычаев, традиций и технологий как части нематериального культурного наследия. Эта характеристика коррелируется с тем, что в отношении методов музеефикации (сохранения и актуализации) нематериального наследия в российском музееведении используется термин ревитализация [8, с. 78].

Определяющее значение для успешного осуществления ревитализационных практик имеет фактор «погружения» в историческую реальность, наличие воссозданной историко-культурной среды, что является основой музеев-заповедников историко-этнографического профиля. Для полноценного восприятия традиционной культуры жизнеобеспечения сельского населения Сибири учащимся важно увидеть не маленький уголок с реконструированным интерьером крестьянской избы в зале коллекционного музея, а почувствовать себя в соответствующем жилом и уличном пространстве, наглядно представить архитектуру построек, предметное наполнение интерьеров сельских домов.

Важную роль в работе музеев-заповедников играют их структурные подразделения, ориентированные на работу с подрастающим поколением. Так, в

историко-этнографическом музее-заповеднике «Шушенское» (с. Шушенское Красноярского края) работает Детский музейный центр, созданный на базе кружка детского творчества. Центр проводит межрегиональный шахматный турнир для воспитанников детских домов «Шушенская ладья». Культурно-образовательные программы «Шушенского» отличаются социальной направленностью [13, с. 291]. Среди них: акция по сбору вещей и игрушек для детей из малообеспеченных семей «Передай добро по кругу»; работа летней этнографической площадки для «трудных» подростков, где присутствуют психологи с широким диапазоном диагностических и терапевтических средств, проводятся культурно-воспитательные, спортивно-оздоровительные мероприятия, эколого-этнографические туры, подросткам доступна работа в музейных мастерских. Образовательные и культурно-досуговые программы для детей учитывают их возрастные особенности. Интерактивный комплекс «Новая деревня» в «Шушенском» можно рассматривать как модель для развития и изучения ревитализационных практик, внедрения этого опыта в проектирование средовых музеев, музейно-парковых комплексов.

В число ревитализационных музейно-педагогических практик могут быть включены не только синтетические (по классификации Т.В. Галкиной) [2, с. 146], но и базовые музейно-педагогические формы, в т.ч. театрализованная экскурсия. Например, в музее-заповеднике «Старина Сибирская» такая экскурсия проводится сотрудником в соответствующей стилизованной народной одежде с имитацией местного говора, использованием специфической фразеологии. Таким образом, живо и гармонично происходит знакомство посетителей с традиционным костюмом, старинной сибирской деревенской речью. К музейным ревитализационным практикам можно отнести мастер-классы по традиционным ремёслам и декоративно-прикладному искусству, а также музейные уроки, на которых осваиваются этнографические предметы, выясняются их функции, способы использования. Так, в «Старине Сибирской» есть летний проект «Сказки деда Еремея». На программах проекта школьники с помощью традиционных предметов быта, о которых им рассказывают сотрудники музея, участвуют в трудовых процессах: мелют зерно с помощью ручных жерновов, учатся носить воду на коромысле, пилить дрова на козлах двуручной пилой, ткать за ткацким станком, пользоваться ухватом, вынимая пищу из русской печи [1, с. 12].

Как ревитализационную можно рассматривать кружковую и клубную работу музея-заповедника – при условии, что на занятиях реализуются технологии ремёсел, декоративно-прикладного народного творчества, изучается обрядовый фольклор, традиции. В этом отношении показательна организация деятельностного наполнения объектов этнокультурного комплекса музея-заповедника «Старина Сибирская», называемого его сотрудниками «Казачья застава». Помимо усадьбы казачьего сотника, где воссоздана жизнь сибирского казака, его хозяйство с дворовыми постройками (двор, амбар, конюшня, летняя кухня), а в экспозиции представлены предметы быта, характерные для казаков конца XIX – начала XX вв. (железная кровать, комод, зеркала, часы, шкафы для посуды, крашеные ковры, а также одежда казаков, оружие, конская упряжь), в музее-заповеднике также есть зона казачьего стана, с оградой, стилизованной под элементы казачьего форпоста. В течение 2022 г. в музее-заповеднике работал клуб «Молодецкая удаль». Сотрудники музея-заповедника проводили занятия молодёжной казачьей дружины «Феникс», включающие в себя народные игры, фланкировку, рубку, изучение традиций сибирского казачества. Занятия посещало 22 человека, было проведено 43 мероприятия. В планах у музея – взять на себя функции центра военно-патриотического воспитания подрастающего поколения, предоставить площадку для штаба Большереченского казачьего общества, организовать спортивные секции с опорой на казачьи единоборства, казачью полосу

препятствий, полосу для рубки шашкой, клубы по интересам и кружки по традиционным казачьим народным ремёслам. Особое внимание планируют уделить развитию конного спорта.

Как развитие тренда ревитализационных практик в музее-заповеднике «Старина Сибирская» можно рассматривать перспективу реконструкции на его территории церковно-приходской школы с учетом опыта работы архитектурно-этнографического музея «Тальцы» (Иркутская область), мини-музея «Церковно-приходская школа» Тюкалинского района Омской области и симбиоза музея и церковной школы, реализованного на родине С.А. Есенина. Планируется перевезти из соседнего села хорошо сохранившееся здание бывшей церковно-приходской школы, реставрировать его, создать в нем соответствующую интерактивную экспозицию. В этой ревитализированной-действующей школе можно будет организовать обучение для детей разных возрастов в формате воскресной школы и проводить тематические музейные уроки. Для туристов появится возможность не только посетить обзорную экскурсию, но и поучаствовать в «пробном уроке» [12, с. 77, 80].

В контексте функционирования в музеях-заповедниках Сибири ревитализационных практик интересен опыт Всероссийского мемориального музея-заповедника В.М. Шукшина, в котором сочетаются мероприятия мемориальной направленности и историко-этнографические, ревитализационные музейно-педагогические практики. К первым относятся интерактивное занятие с элементами квест-игры «В.М. Шукшин. Жизнь и творчество», которое проводится по предварительной заявке в экспозиционном комплексе школы, где учился писатель; мемориальные фестивали, научно-практические конференции и акции, организуемые на базе музея-заповедника. В число этнографически обусловленных и обеспеченных музейно-педагогических практик можно включить: программу «Игры сростинской детворы 1930 – 1950-х гг.»; фольклорно-развлекательные программы (свадьба, вечорка, календарные праздники); мастер-классы по изготовлению обрядовых кукол, ткачеству (на мини-станках и на кроснах), а также интерактивные занятия для детей «Урок в старой школе» и традиционные формы обзорных (включая пешеходные по территории села) и тематических экскурсий.

Проведение музеями-заповедниками большей части своих мероприятий на открытом воздухе является важным отличием и одним из конкурентных преимуществ перед музейно-педагогическими практиками коллекционных музеев. Происходит комплексная ревитализация: 1) реализуется физиологическая потребность человека в движении и пребывании на свежем воздухе; 2) актуализируется природное наследие; 3) наследие воспринимается всеми органами чувств, через разнообразие видов деятельности, что позволяет осуществить более глубокое «погружение» в процесс освоения историко-культурного наследия [11, с.168], его восприятие происходит более органично и впечатления прочно запоминаются, «впитываются».

Анализ присущих музеям-заповедникам музейно-педагогических практик через призму процесса освоения и ревитализации историко-культурного наследия позволяет сделать следующие наблюдения и выводы. Сконцентрированные в музеях-заповедниках Сибири недвижимые объекты наследия, материалы по культуре жизнедеятельности населения данных территорий, предметы в реконструированной среде бытования, использование адаптированных музейно-педагогических практик создают синергетический ресурс для эффективного «погружения» посетителей в историко-культурную среду. В музеях-заповедниках происходит процессуальная ревитализация объектов материального и нематериального наследия, связанная с использованием приемов интерактивности и театрализации. К ревитализационным музейно-педагогическим практикам в музеях-заповедниках Сибири могут быть отнесены: театрализованные экскурсии; мастер-классы по ремёслам и народному

творчеству; интерактивные музейно-педагогические занятия с использованием музейных предметов или объектов музейной среды; организация и проведение традиционных народных и церковных календарных праздников в формате массовых мероприятий; воспроизведение культурно-бытовых обрядов (например, свадебный обряд, казачьи входины-новоселье); формирование и деятельность студий, клубов, школ с историческими традициями.

Заключение

На основе вышеизложенного можно заключить, что освоение историко-культурного наследия в музеях-заповедниках Сибири создает объективную основу и информационно-коммуникационное пространство для музейно-педагогических практик ревитализационного типа. Они играют важную социальную роль при работе с людьми с ограниченными возможностями здоровья, внедрении новых технологий в представление традиционной этнической культуры, исторической городской среды, траекторий судьбы известных деятелей искусства. Представляется целесообразным дальнейшее обоснование сущности и форм ревитализационных практик, что весьма актуально при проектировании новых средовых музеев, разработке культурно-образовательных программ в коллекционных музейных учреждениях. В апробируемом в настоящее время концепте «освоение наследия» следует выделить музейно-педагогическую составляющую, что станет одним из направлений исследований интеграции науки, образования, культуры в Сибири в постсоветский период, способствующей эффективности гражданско-патриотического воспитания.

Список литературы

1. Амосова Л.А. Взаимодействие музея-заповедника «Старина Сибирская» с образовательными учреждениями Омского региона // Аношинские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции (р.п. Большеречье Омской области, 12 – 14 октября 2022 г.). Омск, 2022. С. 9-13.
2. Галкина Т.В. Основы классификации музейно-педагогических форм в российских музеях // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 145-153.
3. Глушкова П.В. Актуализация календарной обрядности русских в деятельности музеев под открытым небом в Сибири: автореф. дисс. канд. культурологии. Кемерово, 2015. 22 с.
4. Глушкова П.В., Кимеева Т.И. Музеология: история культуры народов Сибири: учебник для вузов. 2-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 245 с.
5. Горяев В.С. Туристический потенциал музея-заповедника «Томская Писаница» // Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация: Материалы всероссийской науч.-практ. конф. (Омск, 17–18 мая 2023 г.). Омск, 2023. С. 50-52.
6. Еремин Л. В. Археологические музеи Хакасии: современное состояние и перспективы // Инновационные направления деятельности музеев под открытым небом: сб. мат-лов Всерос. конф. – Шушенское, 2019. С. 21-23.
1. 7.Запорожченко Г.М., Шелегина О.Н. Культура Сибири в контексте общественно-политических процессов в постсоветский период: направления научного поиска // Гуманитарные науки в Сибири. 2023. Т.30. № 2. С. 24-32.
7. Каулен М.Е. Музеефикация историко-культурного наследия России. М., Этерна, 2012. 432 с.
8. Кравцова Л.А., Нужденко А.Ю. Вклад музеев Кузбасса в преодоление проблем социокультурной адаптации людей с ограниченными возможностями по зрению// Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней: мат-лы IX Сибирского исторического форума (Красноярск, 14–16 сентября 2022 г.). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 35–41. URL: http://sibhistory.sfu-kras.ru/ архив/(дата обращения 01.06. 2023).
9. Курьянова Т.С. Актуализация культурного наследия коренных народов в музеях Южной Сибири / науч. ред. О.М. Рындина. Томск: Издательский дом ТГУ, 2015. 256 с.

10. Курьянова Т.С., Золотарёва Н.В., Чарышова М.Ю. Музейная педагогика как инструмент актуализации этнокультурного наследия северных ханты и алтайцев // Исторический курьер. 2021. № 2 (16). С. 166-177. URL: http://istkurier.ru/data/2021/ISTKURIER-2021-2-14.pdf (дата обращения 05.06.2023).
11. Осадчая О.А. Церковно-приходская школа в составе музея: проблемы и перспективы // Аношинские чтения: материалы III Всероссийской научной конференции (р.п. Большеречье Омской области, 12–14 октября 2022 г.). Омск, 2022. С. 75-81.
12. Сомова Ю.А., Патрушева Г.М. Детские музейные центры исторических музеев Сибири: сравнительный анализ интернет-ресурсов // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 2 (18). С. 286-296.
13. Шелегина О.Н. Актуальные тренды в исследовательских и образовательных практиках в сфере культурного наследия // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 3. С. 68-75.

УДК 069.017

Частные музеи Западной Сибири в условиях цифровизации

Шехватова Евгения Владимировна
кандидат культурологии, доцент.
Алтайский государственный институт культуры,
кафедра музеологии и туризма.
Барнаул, Россия.
01jenia@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3969-6952

АННОТАЦИЯ Цель данной статьи состоит в выявлении степени внедрения цифровых и коммуникационных технологий в деятельность частных музеев Западной Сибири. Исследование показало, что частные музеи Западной Сибири в настоящее время недостаточно включились в начавшийся в стране, в том числе – в сфере культуры, процесс цифровизации и находятся в начале этого пути. Новизна исследования заключается не только в обращении к исследованию частных музеев региона, но также их адаптационных возможностей, одной из которых является цифровизация. Поставлена проблема конкурентоспособности частных музеев в условиях начавшейся цифровизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Частный музей, музейная сеть, культурная форма, цифровизация музея, адаптация музея, репрезентация музея

Цифровизация в сфере культуры предполагает включение в данный процесс музея. Музей как специализированная культурная форма, порождённая потребностями человечества в документировании, хранении и передаче потомкам социально значимой информации, обладает потенциалом стать мощным адаптационным и репрезентационным механизмом в динамично меняющемся современном социуме.

Старейшей формой музейных учреждений являются частные музеи. Исследование включенности частных музеев Западной Сибири в процесс цифровизации позволяет выявить их адаптационные механизмы, определить уровень их конкурентоспособности в музейном мире региона.

Для музейного мира стало большим испытанием такое глобальное мероприятие как пандемия COVID-19. Согласно докладу Юнеско, основанному на оценке данных в ходе онлайн-опроса, проведенного в марте 2020 года, 87 государств-членов организации в количестве 104000 музеев подтвердили уязвимость музеев с началом пандемии [5]. За год пандемии «в среднем на 70% снизилась посещаемость и на 40-60% уменьшились доходы по сравнению с 2019 годом» [5]. Согласно оценкам доклада ЮНЕСКО за 2020 год, «почти 90%, или примерно 85 000 учреждений, были закрыты на различные периоды времени» [6, с. 4]. Тем более в результате указанного глобального процесса пострадали частные музеи, в том числе – в Западной Сибири.

В настоящее время музейный мир становится более многообразным, ориентированным на разные слои общества. Благодаря многогранности своей деятельности, частные музеи перестают быть просто местом хранения экспонатов, представляющих историческую и культурную ценность. В контексте коммуникационного взаимодействия в обществе современные социальные запросы делают актуальным вопрос цифровизации частных музеев. В России есть успешные примеры реализованных кейсов цифровых частных музеев, однако требуется дальнейшее продолжение данной работы, так как многие частные

музеи, в том числе и в Западной Сибири, лишь частично внедряют в свою деятельность цифровые технологии.

В настоящее время в сфере культуры, в целом, и в музейной работе, в частности, стали внедряться решения сферы цифровых технологий в рамках создания экосистемно-центричной экономики, в том числе кейсы автономной некоммерческой организации «Цифровая экономика» [1]. Многие из них опосредованно связаны с музейной деятельностью в контексте сферы туризма, но существуют проекты, ориентированные на оптимизацию работы музейных учреждений. Существующие кейсы в данной сфере можно подразделить на три категории продуктов и решений.

К первой категории относятся продукты информатизации, в том числе цифровые платформы для продвижения мероприятий в сфере культуры (PRO.Культура.РФ), которые позволяют преодолевать такие проблемы как недостаточный уровень информированности населения о проводимых мероприятиях, в том числе в музеях, и как следствие низкую вовлеченность аудитории, низкий уровень доступности для населения, проживающего в удаленных населенных пунктах услуг организаций сферы культуры, недостаточный уровень квалификации работников учреждений культуры и др. Также к продуктам информатизации относятся базы данных (КАМИС, АИС-МУЗЕЙ и др.), с помощью которых возможно преодоление низкого уровня доступности достоверной оперативной информации о музейных предметах, высоких трудозатрат сотрудников музеев на работу с большими объемами данных, низкой доступностью информации о музеях, музейных объектах и др. проблем. Следует отметить, что данные продукты информатизации повсеместно используются в деятельности государственных музеев, а также частично внедряются в частных учреждениях культуры.

Ко второй категории относятся продукты, предоставляющие возможность реализации дополненной реальности в музеях (VR-, AR-технологии). Такие продукты слабо внедрены в деятельность музеев России. Тем не менее, существуют демократичные мультимедийные продукты, не требующие существенных вложений со стороны учреждений культуры, позволяющие повысить посещаемость музеев, их популярность. К таким продуктам относится мультимедийный гид с технологией дополненной реальности Artefact. Данный продукт активно используется как государственными, так и частными музеями страны и, в том числе, региона.

К третьей категории относятся продукты автоматизированных технических систем, которые предлагается внедрять в музейную деятельность, например, робот консультант-экскурсовод (человекоподобный дроид Robo-C, Promobot V.4.). Такое решение предназначено для решения проблем с навигацией и инфраструктурой музейного, выставочного учреждения. Но высокие бюджетные расходы на продукты какого рода не позволяют их повсеместного использования в региональных музеях. Тем не менее, опыт реализации таких кейсов существует в учреждениях культуры Центральной России.

Частные музеи Западной Сибири имеют определенную специфику репрезентации культурного и природного наследия, в частности, в своей деятельности они редко применяют современные информационно-коммуникативные технологии, заметно уступая в этом крупным государственным и столичным частным музеям. До настоящего времени большая часть частных музеев исследуемого региона недостаточно открыты для социума. Из 50 частных музеев Западной Сибири лишь половина представлены в сети Интернет, только 40 % от общего числа музеев имеют стабильный график работы своего учреждения. С учетом начавшейся в стране

цифровизации, а также в связи со сложившейся в 2020 году пандемической ситуацией, когда многие учреждения культуры утратили живую связь со своими посетителями, зрителями, слушателями, лишь в режиме онлайн частные музеи страны и региона могут поддерживать связь со своей аудиторией. В ситуации, когда значительное число частных музеев страны и региона не имеют такой связи, они вовсе могут выпасть из социокультурного пространства.

Цифровизация частных музеев до настоящего времени слабо развита на всей территории страны, за исключением ряда крупных музеев г. Москвы (музей современного искусства «Гараж», «Музей русской иконы», «Еврейский музей и центр толерантности»). Однако и в Западной Сибири есть отдельные частные музеи, которые по степени внедрения в деятельность цифровых технологий близки к крупным частным музеям страны, в частности, Музей Мировой погребальной культуры (п. Восход Новосибирской области), Первый Музей славянской мифологии (г. Томск Томской области).

В условиях начавшейся цифровизации многие частные коллекционеры, представляющие региональному сообществу свои коллекции в рамках функционирующих музеев, могут не выдержать конкуренции с музеями других типов, не только потерять аудиторию, но даже исчезнуть, по причине того, что непредставленность в цифровом пространстве частного музея означает его отсутствие. Такую позицию поддерживают ряд авторов, в том числе Е.А. Артюшина [2]. Частные музеи Западной Сибири значительно уступают крупным государственным и частным музеям центральной части России в начавшемся процессе цифровизации. За редким исключением, в силу ряда объективных и субъективных причин, в своей работе они практически не применяют современные информационные технологии. Существует также мнение, что процесс цифровизации имеет вспомогательное значение. По этому поводу Д.Ю. Гук и Т.Ю. Харитонова подчеркивают, что «взаимоотношения с клиентами, внутренние процессы и конкурентные предложения не зависят от цифровых технологий, а, скорее, от грамотной организации работы, от структуры управления» [4, с. 179]. С другой стороны, существует риск возможного негативного влияния цифровизации на музей как учреждение, занимающееся сохранением и трансляцией аутентичного наследия. Критическое отношение к применению цифровых технологий в пространстве культуры, в целом, высказывали многие исследователи, в том числе П. Вирильо, характеризующий цифровизацию как «сознательное ослепление» [3, с. 102].

Таким образом, в музейной сети Западной Сибири в группе частных музеев в настоящее время наблюдается низкий уровень внедрения цифровых и коммуникационных технологий. В условиях начавшейся в стране цифровизации для успешной адаптации частных музеев важно использовать цифровые технологии при организации учёта музейного собрания, в экспозиционной деятельности, просветительской работе, а также при продвижении музея.

Список литературы

1. АНО «Цифровая экономика». URL: https://data-economy.ru (дата обращения: 10.06.2022).
2. Артюшина Е.О. Цифровая трансформация музеев. Лучшие мировые практики // E-Scio. 2019. №5 (32). С. 600-608.
3. Вирильо П. Машина зрения / пер. с фр. А.В. Шестакова; под ред. В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 140 с.

4. Гук Дарья Юрьевна, Харитонова Татьяна Юрьевна Цифровая трансформация в музее: свёртка функций // Российские регионы: взгляд в будущее. 2017. №1. С. 176-192.
5. Поддержка музеев: в докладе ЮНЕСКО указаны варианты будущей деятельности / UNESCO. URL: https://www.unesco.org/ru/articles/podderzhka-muzeev-v-doklade-yunesko-ukazany-varianty-buduschey-deyatelnosti (дата обращения: 15.06.2023).
6. UNESCO report. Museums around the world in the face of Covid-19. April 2021. 67 p. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000376729_eng (дата обращения: 14.06.2023).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООСВЕЩЕНИЯ

УДК 94 (57)

«Вопрос о другом» Цветана Тодорова и восприятие русскими сибирских аборигенов в XVII–XVIII вв.

Акимов Юрий Германович
доктор исторических наук, профессор.
Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра американских исследований.
Санкт-Петербург, Россия.
y.akimov@spbu.ru, yakimov@hse.ru
Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Институт региональной истории России.
Москва, Россия.
ORCID ID: 0000-0002-2989-8868

АННОТАЦИЯ Работа посвящена рассмотрению возможности применения положений концепции «другого», разработанной Цветаном Тодоровым на материале испанской колонизации Месоамерики и изложенной в его работе «Завоевание Америки: вопрос о другом» (1982), при изучении восприятия русскими аборигенного населения Сибири в XVII–XVIII вв. Устанавливается специфика этого восприятия в соответствии с тремя «осями» Тодорова (аксиологической, праксеологической и эпистемологической), вскрывается природа его изменения в Петровскую эпоху. Отмечается уникальность российской ситуации, связанная с изменениями в самовосприятии русских, произошедшими в первой четверти XVIII в. и приведшими, в том числе, к «удвоению другости» аборигенного населения Сибири в их представлениях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Цветан Тодоров, «вопрос о другом», Сибирь, аборигенное население, русские, восприятие, Петровская эпоха

В 1982 г. выдающийся французский философ, литературовед и семиотик болгарского происхождения Цветан Тодоров (1939–2017) опубликовал книгу «Завоевание Америки: вопрос о другом» [8], где рассматривалась глобальная проблема встречи «я» с «другим» и возможности/невозможности их диалога. В качестве «кейса» он использовал хорошо известные события, связанные с открытием и завоеванием испанцами Больших Антильских островов и Мезоамерики, которые нашли отражение в многочисленных источниках (письмах, хрониках и т.п.) и которым посвящено огромное число исследований. Сравнивая действия и заявления таких хрестоматийных персонажей, как Христофор Колумб, Эрнан Кортес и Бартоломе де Лас Касас, а также анализируя тексты классических трудов Диего Дурана и Бернардино де Саагуна, Тодоров показывал эволюцию восприятия испанцами коренного населения Нового Света, оперируя такими понятиями как «открытие», «завоевание», «любовь», «знание». Многие высказанные им идеи вызвали дискуссию в академическом сообществе; уже в первых рецензиях отмечался «провокационный» характер его книги [см., например: 7]. В данной статье, не вдаваясь в полемику по всему кругу вопросов, поднятых Ц. Тодоровым, мы рассмотрим возможность применения предложенной им оценки отношения к «другому» при изучении восприятия русскими аборигенного населения Сибири в XVII–XVIII вв.

* * *

По мнению Ц. Тодорова, отношение к «другому» не ограничивается одним измерением – для его описания и оценки он предлагает использовать три «оси»: аксиологическую, праксеологическую и эпистемологическую. Первая предполагает определение «другого» с точки зрения ценности: хорош он или плох, вызывает ли он позитивное или негативное отношение, равен ли он мне или нет (то есть находится ниже). Вторая касается степени близости / отдаленности «другого», идентификации

себя с ним либо идентификации другого с собой, а также возможности его подчинения себе, либо подчинения ему, либо игнорирования. Третья связана со знанием о «другом» в целом и о его идентичности в частности, а также со степенью глубины этого знания либо его отсутствием (безразличием). При этом Тодоров особо подчеркивал, что эти оси взаимосвязаны, но не сводимы одна к другой (он иллюстрировал это примером Кортеса и Лас Касаса: последний знал об индейцах существенно меньше, чем первый, но относился к ним гораздо более положительно; в то же время оба они были сторонниками ассимиляции, которую считали возможной и целесообразной) [9, p. 185–186].

В допетровской Сибири (естественно, при всем многообразии конкретных ситуаций) мы видим приблизительно следующую картину. С ценностной точки зрения, отношение русских к аборигенам можно охарактеризовать как нейтральное. «Сибирские иноземцы» в целом не были ни хорошими, ни плохими (отрицательные оценки появлялись только в период ведения боевых действий и носили эмоциональный характер), к ним не испытывали ни любви, ни ненависти, их рассматривали как равных в том смысле, что они были (хотя бы потенциально) такими же подданными царя, как казаки или служилые люди. Показательно, что применение насилия по отношению к иноземцам (чем бы оно ни было продиктовано на самом деле) русские часто оправдывали именно их «изменой» (зачастую мнимой) [см.: 2], то есть нарушением состояния подданства.

Что касается дистанции между русскими и аборигенами, связанной с принятием / неприятием ценностей друг друга, то она, несомненно, была весьма значительной, прежде всего в силу того, что до начала XVIII в. вопрос о христианизации «иноземцев» практически не ставился (имеющиеся исключения на общую картину никак не влияли); они оставались язычниками и это считалось нормальным и допустимым [см., например: 4, с. 203]. Соответственно, русские не «накладывали» свой образ на аборигенов и не ожидали, что те будут действовать так же, как они. К этому добавлялся языковый барьер, преодолевать который стороны особо не стремились.

Говоря об уровне знаний русских о коренном населении Сибири, следует признать, что в XVII в. он был весьма низок. Причины этого достаточно хорошо известны, мы подчеркнем лишь взаимосвязь отмеченного выше ценностно-нейтрального отношения с безразличием/равнодушием к их этнокультурной специфике. При этом русские очень хорошо усвоили представление о несоответствии идентичности «иноземцев» их собственной.

Таким образом, по всем «осям» мы видим принципиальное расхождение с ситуацией, имевшей место в Испанской Америке. На отдельные аспекты этого обратил внимание В.Б. Земсков, сравнивавший хроники конкисты и освоения Сибири и отметивший «недостаточное удивление русских при встрече с сибирскими религиозными обрядами и, соответственно, неизмеримо меньшее внимание к “болванским молениям” и к “шейтанщикам”, достаточно будничный тон повествований (в сравнении с описаниями американских хроник)» [3, с. 178].

Вплоть до начала XVIII в. русские действительно воспринимали коренных жителей Сибири как «других», ведущих иной образ жизни, исповедующих другую религию или вообще не имеющих ее (естественно, с точки зрения русских), придерживающихся иной системы ценностей, говорящих на ином языке и т.д. [подробнее см.: 1]. Получается, что если, по мнению Тодорова, в Новом Свете европейцы, начиная с Колумба, не видели в индейце «действительно другого <…> способного быть не только несовершенным состоянием их самих» [9, p. 42], то русские смогли качественно лучше рассмотреть в сибирском аборигене другого, чем это получилось у испанцев по отношению к коренному населению Нового Света!

Ситуация кардинальным образом изменилась в Петровскую эпоху, что было, в первую очередь, связано с теми радикальными преобразованиями, которые произошли практически во всех сферах жизни государства и общества. В первой четверти XVIII в. началось массовое обращение аборигенного населения Сибири в Православие. Также стали выдвигаться идеи о необходимости приобщения «иноземцев» к «культуре» и «цивилизации» путем обучения их русскому языку, грамоте, земледелию, навыкам оседлой жизни и т.п. [см.: 6]. Помимо прочего это означало изменение их восприятия со стороны русских.

Так, в ценностном отношении, оно стало отрицательным/негативным – аборигены стали казаться «грубыми», «дикими», «варварскими», «отсталыми», «грязными» и т.п. В целом, они стали рассматриваться как люди, стоящие на более низкой ступени развития и, следовательно, не равные русским, занимающим более высокую ступень [см., например,: 5, с. 68].

Это было связано с тем, что при Петре русские усвоили европейский подход, «основанный на эгоцентризме, на отождествлении собственных ценностей с ценностями вообще, отождествлении своего “Я” со вселенной – в убеждении, что мир един» [9, p. 42–43]. Соответственно, коренные жители Сибири стали рассматриваться не как «другие», но как «мы», только «отсталые» и «невежественные». При этом дистанция между аборигенами и русскими качественно изменилась в том смысле, что она стала рассматриваться как преодолимая, поскольку у представителей аборигенных сообществ появилась (по крайней мере, на словах) возможность принять ценности русских, их язык, религию, образ жизни и т.д. и таким образом приблизиться к ним. В то же время на практике преодолеть эту дистанцию удавалось очень немногим, поэтому в целом она, конечно, сохранялась.

Наконец, именно в Петровскую эпоху происходит количественный и качественный скачок в получении и аккумулировании знания о Сибири и ее коренных народах, включая разнообразные этнографические, исторические, археологические и иные сведения. Однако следует отметить, что эти знания оставались достоянием относительно узкого круга лиц.

На практике в первые десятилетия XVIII в. «другость» сибирских аборигенов удвоилась или, точнее, стала двойственной. Дело в том, что новые подходы имели относительно ограниченное распространение и слабо затрагивали (если затрагивали вообще) основную массу русского населения Сибири, непосредственно соприкасавшегося с ее коренным населением. Там в значительной степени сохранялись старые представления и о «себе», и о «другом». Такая двойственная (или двухуровневая) ситуация сохранялась еще на протяжении достаточно длительно периода и имела важные последствия для исторических судеб аборигенных сообществ.

Что же касается концепции Ц. Тодорова, то она, безусловно, помогает лучше оценить специфику контактов между русскими и коренным населением Сибири и увидеть их отличия от тех процессов, которые происходили в иных зонах взаимодействия представителей различных культур и цивилизаций.

Список литературы

1. Акимов Ю.Г. От объясачивания инородцев к «просвещению дикарей»: европейское знание и отношение русских к аборигенам Сибири в первые десятилетия XVIII в. // Петр Великий и европейский интеллектуальный мир: циркуляция знаний, взаимовлияние (1689–1727) / Под ред. Д.Ю. Гузевича, И.Д. Гузевич. Париж; СПб.: Европейский дом, 2020. С. 488–500.
2. Багрин Е.А. К вопросу о насилии русских по отношению к коренному населению Восточной Сибири и Дальнего Востока в XVII в. // Ойкумена. 2010. № 3. С. 100–108.

3. Земсков В.Б. Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири в типологическом сопоставлении (к постановке вопроса) // Свободный взгляд на литературу. Проблемы современной филологии. М.: Наука, 2002. С. 173–183.
4. Кивельсон В. Картографии царства: Земля и ее значение в России XVII века / Пер. с англ. М.: НЛО, 2012. 360 с.
5. Слезкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / Авторизованный перевод с англ. М.: НЛО, 2008. 512 с.
6. Akimov Y. From “Sovereign’s Strangers” to “our Savages:” Otherness of Siberian indigenous peoples in seventeenth- and eighteenth-century Russia // Images of Otherness in Russia, 1547–1917 / Edited by Kati Parppei & Bulat Rakhimzianov. Boston: Academic Studies Press, 2023. P. 140–167.
7. Handler R. Historical Narrative and Comparative Hermeneutics // Source: Reviews in American History. 1985. Vol. 13. No. 1 (March). P. 9–13.
8. Todorov Tz. La conquête de l’Amérique: la question de l’autre. Paris: Seuil, 1982. 288 p.
9. Todorov Tz. The Conquest of America: The Question of the Other / Trans. by R. Howard. Norman: University of Oklahoma Press, 1999. 274 p.

УДК 821.512.31

Пространственные образы в романе В. Гармаева «Копачи. В низовьях родовой реки»

Булгутова Ирина Владимировна
доктор филологических наук, доцент.
Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, кафедра русской и зарубежной литературы.
Улан-Удэ, Россия.
irabulgutova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-3878-6657

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается авторская концепция истории Сибири в романе бурятского писателя В. Гармаева «Копачи. В низовьях родовой реки», определяется роль пространственных образов в идейно-художественной структуре романа. Выявляется сакрализация природного пространства, что прослеживается в названиях географических объектов, дающихся в русскоязычном романе в соответствии с традициями коренных сибирских народов: эвенков и бурят. Создание широкой панорамы тайги, гор, рек позволяет автору отразить специфику мировосприятия сибирских народов, их культовое отношение к природе. Раскрываются особенности традиционной картины мира эвенкийского народа, особое значение в авторском толковании придается образам водной стихии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирская литература, художественное пространство, природный мир, сакрализация.

Роман бурятского писателя Владимира Гармаева (1944-2016) «Копачи», задуманный как трилогия, посвящен теме золотоискательства и золотодобычи, что отражено в названии. По словам самого писателя, слово «копачи» в региональном употреблении означает презрительное название золотоискателей. По замыслу писателя, эта тема позволяла создать широкое полотно сибирской жизни. Из задуманной трилогии были написаны и опубликованы две части: «Хара Баргут» (2014) и роман об эвенках «В низовьях родовой реки» (2015). Третья часть «Пустота» осталась незавершенной, были написаны только семь глав.

В рамках данной статьи мы обращаемся к анализу художественного пространства во втором романе, посвященном раскрытию жизни эвенков – одного из автохтонных народов Сибири, история которого осознается бурятским автором во многом в трагическом ключе. Художественное освоение пространства севера современной Бурятии дает автору обширный материал для воссоздания традиционной жизни эвенков и процессов ее разрушения.

История края в самих топонимах, особенно гидронимах, отражает традиционные территории проживания эвенков, которые были утрачены ими в процессе завоевания и освоения их земель другими народами. В романе В. Гармаева создается авторская концепция истории Сибири, причем она вырастает на основе синтеза точек зрения самих жителей края.

Исследователи отмечают, что в трактовке Сибири в русской литературе сложились свои мифологемы: «Хронотопический образ Сибири в русской классической литературе представляет ее страной холода – зимы – ночи (луны), то есть смерти в мифологическом ее понимании. И хотя за Уралом три летних месяца по преимуществу стоит жара, в литературных пейзажах Сибири лето и солнце, как правило, игнорируются. Одновременно Сибирь – страна безлюдного и беспредельного (символ космической вечности) пространства» [4, с. 28].

В литературе же самих сибирских народов в основе осознания пространства окружающего природного мира находится архетип дома. Оппозиция «свой / чужой», сформированная в контексте мифологических верований, складывается на основе способности человека гармонично встраивать свою жизнь в мир природы, усваивая ее законы и признавая их первичность. «И представь эвенка, который тоже имеет выделенный его семье родовым сугланом, сходкой, участок тайги. Пусть он огромен, иногда на его землях можно поместить не один уезд России, а то и губернию, но он о нем знает все: где какие леса, озера, кормовые, промысловые и рыбные места. Он знает все, ибо это его дом, его надел, откуда он кормится и кормится вся его семья» [1, с. 7].

В романе В. Гармаева воссоздается гармония традиционной жизни коренных народов и разрушительная хищническая политика пришлых людей в контексте конфликта природы и цивилизации. Так, в сюжетно-композиционной структуре романа прослеживается свойственное эвенкам восприятие пространства тайги как родного дома, а прииск же осознается как разрушительное место, уничтожающее физические и нравственные основы бытия жителей края.

Национальная проблематика сочетается в данном романе с постановкой экологической проблемы, автор осознает губительный и разрушительный характер экспансии, несущей в том числе и десакрализацию пространства природы. Так, шаман, проводя обряд по возвращению «блудного сына» Малгаола в свой род, говорит: «Смотрите, люди! Смотрите, в кого он превратился! Он ушел из тайги в поселок золотоискателей, которые разрывают берега наших рек, вырубают наши леса, выбивают на наших исконных угодьях всю пушнину, убивают в урочное и неурочное время наших зверей, мутят воды наших светлых рек и губят рыбу – исконную нашу пищу. Этот человек ушел из семьи <…> Однако в его душе не пропало без остатка сознание того, что он родился орочоном, вольным сыном тайги и гор, не исчезло совсем понимание того, что он должен идти тропами своих предков, а не сворачивать на путь чужого народа. К его счастью, он не совсем еще обрусел» [2, с. 8].

Жизнь двух эвенкийских родов раскрывается с точки зрения сторонних наблюдателей: шемагирский род Сигундара показан с точки зрения русского студента-этнографа Никиты Петрова, чильчагирский род Шолеула – с точки зрения золотоискателей-китайцев, среди которых находится полуорочон-полукитаец Ван. Необходимость выживания в условиях суровой природы обуславливала высокую степень развития адаптивных способностей человека и свойственное коренным народам одухотворение мира природы, восприятие ее пространства как сакрального впоследствии во многом было усвоено другими народами. «Там, где появлялось региональное самосознание, не могла не возникнуть соответствующая литература. <…> Затрудняюсь с «сибирской литературой», но, наверное, с некоторыми оговорками можно и ее считать существующей» [3, с. 8-9]. Если выделять понятие сибирской литературы, то следует отметить специфический синтез различных национальных традиций, что отражается также и в языковой картине мира. Роман «Копачи. В низовьях родовой реки», написанный на русском языке, включает слова эвенкийского и родного для автора бурятского языков там, где возникают непереводимые и концептуальные смыслы.

Так, в начале романа при изображении природы края автор для наименования озера Байкал применяет его эвенкийское название Ламу (море), также морем называют его и буряты - и общей для всех сибирских народов стала традиция называния Байкала священным морем. «Бирюзовая вода бездонной Ламы…»; «…на всем обозримом пространстве Священного моря» [1, с. 3].

Пространство моря, тайги, гор в романе В. Гармаева часто показано панорамно, освещенным небесными светилами, в названии которых также применяются традиционные названия: это эвенкийские названия луны (ирин, илькун, шонькон и

др.), бурятские названия созвездий, например, созвездие Семерых Старцев и т.д. Показ пространства с охватом небесных светил создает величественный образ царственной и одухотворенной природы. Так, образ Байкала персонифицируется, в соответствии с мифологическим восприятием это дедушка, старик; одухотворен и образ реки Согдендон. Реки выполняют роль границ между разделами разных орочонских родов. С одной стороны, река раскрывается как образ реальной действительности, с другой, с точки зрения эвенков, это еще и образ-медиатор между разными мирами (Верхним (Угу Бугу), Средним (Дулу Бугу) и Нижним (Хэргу Бугу). Низовья родовой реки – место перехода душ в другой мир, образ родовой реки - это сакральный образ и символический код национальной культуры. Само название романа имеет трагическое звучание, многие эвенкийские рода с приходом других народов на их земли оказываются на грани вымирания из-за потери привычных мест проживания, из-за болезней, которым они оказываются не в силах противостоять. Об этом в романе говорит русский чиновник: « А орочоны – дети тайги, если она обеднеет, вымрут и они, а тут ещё мор на оленей и черная смерть, которую несет им наша цивилизация» [1, с. 17]. В финале романа изображена гибель эвенкийского рода от оспы.

В. Гармаев в своем романе противопоставляет восприятие природы как сакрального мира, свойственное коренным сибирским народам, утилитарному, прагматическому отношению к ней со стороны других. Пространственные образы романа, воссоздавая величественный мир природы, помогают раскрыть авторскую концепцию истории Сибири.

Список литературы

1. Гармаев В. Копачи. В низовьях родовой реки. Байкал. 2015. № 1. С. 3-39.
2. Гармаев В. Копачи. В низовьях родовой реки. Байкал. 2015. № 2. С. 3-39.
3. Егоров Б.Ф. О провинциальной культуре и региональном самосознании (ответы Н. В. Серебренникову) // Сибирский текст русской культуры. Сб. ст. Томск: Изд-во «Сибирика», 2003. С. 8-9
4. Тюпа В.И. Мифологема Сибири: К вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. Новосибирск, 2002. № 1. С. 27–35.

УДК 76.03

Иллюстрация учебников хакасского языка – исторические аспекты и современное состояние

Киштеева Оксана Вячеславовна
кандидат культурологии, доцент.
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.
Абакан, Россия.
okishteeva@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные этапы в иллюстрации учебников хакасского языка XX-XXI вв. Иллюстрации в учебниках являются важным разделом детской книжной иллюстрации, интересным феноменом, отражающим этническую специфику и художественный стиль. Процесс изменений в учебниках родного языка является отражением социокультурных процессов и языковой политики. Иллюстрации к учебникам хакасского языка принадлежат таким художникам как Р.К. Руйга, В.А. Тодыков, Р. И. Субраков, Г.Н. Сагалаков, В. Кызласов в чьих работах можно проследить индивидуальность и общность стиля графики Хакасии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Книжная иллюстрация, художники-графики Хакасии.

Одним из важных разделов детской книжной иллюстрации является иллюстрация учебников. Интересным феноменом, отражающим этническую специфику и стиль, является иллюстрация букварей, учебников хакасского языка, учебных пособий. С этой области зачастую начинался творческий путь хакасских художников-графиков, в этих работах отражались требования эпохи, изменения социального и идеологического характера, новая образность, техническое развитие, изменение требований к учебно-методической литературе.

Первые учебники на хакасском языке 30-х гг. печатались не только для детской аудитории, например в 1932 г. был выпущен «Послебукварный учебник для взрослых и малограмотных», авторов Аешина Г. и Самрина К. с иллюстрированной обложкой и черно-белыми иллюстрациями, с латинским алфавитом, к сожалению, имени художника-иллюстратора в учебнике не указано, учебник был издан в Новосибирске. На обложке учебника изображены реалии новой социалистической жизни – молодая хакасская женщина в красной косынке, учебник посвящён колхозам, как новой форме хозяйствования «Kolxonьx usyn» – «За колхозы». Иллюстрации в виде заставки встречаются далее в тексте, приметы нового быта – новый современный коровник, детские ясли, как прогрессивное нововведение. В качестве политического просвещения в учебнике включены статьи о «всесоюзном старосте М.И. Калинине, Товарище Сталине, В.И. Ленине, наркоме Ворошилове, Красной Армии». В конце книги приведен текст Интернационала на хакасском языке. [1]. Собственно история хакасского книжного издательства началась со 2 января 1931 г. с постановления президиума ВКП(б), которое получило название ОГИЗ – областное государственное издательство [12]. Этот учебник был напечатан в новом алфавите, на латинице, одним из разработчиков которого был К. Самрин.

Букварь для школ грамоты 1941 г. автором которого был С.М. Балахчин был издан уже в Абакане, представляет иллюстрированное издание, в котором представлен классический подход к обучению с последовательными изучением букв и графическим изображением предметов, автор иллюстраций художник Р.К. Руйга. Рудольф Крустинович Руйга художник график, заслуженный деятель искусств РСФСР, который не получил художественного образования, работа в Хакасском книжном издательстве была началом его профессиональной деятельности [6]. Черно-белые

графические иллюстрации выполнены с полным пониманием композиции, средствами выразительности линии, пятна в графике, пейзажные заставки, изображения животных, на обложке учебника изображена читающая женщина в традиционном хакасском платье, что не удивительно, поскольку учебник предназначен для школ грамот, в которых был разновозрастной состав.

Всего в период 30-40 гг. было издано около 55 учебно-методической литературы, в том числе словари, обзор этих учебных изданий позволяет делать вывод, что в большинстве случаях имени художника не было указано, только автор, ответственный и технический редактор. Нужно отметить большой охват специальной литературы, для разных возрастов и групп обучающихся, например помимо учебников хакасского языка для начальной школы, учебников русского языка для начальной школы, учебников хакасского языка для русских: практическое руководство для русских кружков по изучению хакасского языка, словари и др. [4], [2].

История первых хакасских просветителей в большинстве трагична и связана с историей страны, многие первые издания на хакасском языке и в том числе учебники были изъяты и уничтожены, как и их авторы, в том числе К.К. Самрин, Г.П. Бытотов, И.П. Киштеев и др. были репрессированы и приговорены к высшей мере наказания в 1938 г. [5]

Развитие хакасской учебной книжной иллюстрации в течение XX в. прошло все основные стадии развития страны, в разные годы учебники иллюстрировали такие художники как известный график А.А. Топоев, В.А. Тодыков, Р. И. Субраков, Г.Н. Сагалаков, В. Кызласов и др. Иллюстрации в учебниках носят вспомогательный характер, но играют очень важную роль вовлеченности и лучшего запоминания, удержания внимания ребенка на теме занятия. Образность иллюстраций надолго остается в эмоциональной памяти, поэтому требование к художественному качеству изображения, её достоверности и выразительности имеет большое значение. Наибольшее количество иллюстраций в учебниках начальной школы, что связано с психофизиологическим развитием ребёнка и соответственно методическими подходами к обучению. Учебники 70-х гг. XX в. печатаются на базе типографии «Советская Хакасия» г. Абакана, иллюстрации черно-белые, бумага офсетная, в твёрдом переплёте. Художником иллюстратором и художественным редактором учебников хакасского языка «Хакас тілі» 1976 г. для 1, 2, 3 класса был известный художник-график Владимир Александрович Тодыков [9]. В.А. Тодыков был не только художником-графиком, но и художником-монументалистом, его декоративные панно в технике чеканки украшали фасады зданий Абакана, интерьеры ЗАГСа, сейчас его работы хранятся в фондах ХНКМ им. Л.Р. Кызласова. Книжные иллюстрации хакасских сказок, героического эпоса являются на сегодняшний день ярким образцом хакасского изобразительного искусства XX в., своеобразным эталоном для хакасских художников. Авторский стиль художника настолько ярко отражал этническую самобытность, его иллюстрации стали настолько популярными, что послужили источником творчества для самодеятельных художников (например, для мастеров резчиков по дереву), особая декоративность и выразительность его графики, отлично перекладывалась на рельефную резьбу по дереву. В иллюстрациях к учебникам автор ищет и находит яркие образы этнической специфики, близкой детям. Также учебник хакасского языка 1971 г. иллюстрировал другой известный художник-график Ричард Иосифович Субраков, его работы отличаются узнаваемым выразительным силуэтом [10]. Особая авторская техника графики, в которой изображение создавалось мельчайшими точками в технике туши и пера, позволяла создавать монументальные образы хакасского героического эпоса в формате книги, фигуры героев в его графике кажутся рельефными, отлитыми из черного металла. Также в 1970-х гг. учебники иллюстрировал А.А. Топоев, бывший в то время художником газеты «Ленин чолы».

В 80-е гг. XX в. появились новые технические возможности, иллюстрация в учебниках стала цветной, меняется размер, требования к графике. Учебники 1988 г. по хакасскому языку печатаются с цветными иллюстрациями, художником иллюстратором оставался ВА. Тодыков. Не смотря на невысокое качество бумаги и полиграфии, художник передает колорит хакасских степей, а в иллюстрации демонстрации 1 мая, мы видим портретные узнаваемые образы персонажей, окружающих автора современников [8].

Следующим этапом в иллюстрировании хакасских учебников стали 90-е и 2000-е гг. В 1995 г. учебник хакасского языка для 6-7 классов ещё содержит черно-белые иллюстрации и устаревшее оформление. Учебник напечатан на базе укрупненного полиграфического предприятия «Хакасия», художественный редактор В.Н. Кызласов, иллюстрации А.А. Топоева и В.Н. Кызласова [7].

Учебники 2006 г. выполнены по требованиям новых ФГОС, их отличает качество бумаги, цветная печать, измененный формат, иллюстрированный форзац. Иллюстратором учебника для 1 класса 2008 г. стал художник Г.Н. Сагалаков, в учебнике также сохранились иллюстрации В.А. Тодыкова [13]. Наиболее интересным по количеству и содержанию иллюстраций является букварь 2013 г., в оформлении также использованы цветные фотографии, художественно оформлена колонцифра, можно сказать, что в этом букваре собраны работы художников разных поколений от П.М. Боргоякова и В.А. Тодыкова, до наших современников Г.Н. Сагалакова и В.Н. Кызласова [3]. Иллюстрации и оформление соответствуют новым требованиям к учебникам, как санитарно-гигиеническим, так и иллюстративными, несут иной посыл, что не удивительно, поскольку отражают совершенно другую социокультурную реальность. Нужно отметить, что учебники печатаются в разных типографиях, которые отвечают этим новым требованиям, так учебник для 2-го класса 2006 г. напечатан в г. Новосибирске в типографии ЗАО «ОФСЕТ», букварь 2013 г. в г. Абакане ООО «Журналист».

В настоящее время основным требованием к учебной иллюстрации является выразительность образов, которая приобретает особую актуальность в постоянной конкуренции с цифровой визуальной загруженностью детского восприятия. Для художника стоит сложная задача удержать внимание статичной иллюстрацией, создать словесно-образную стимуляцию, которая должна закрепиться в памяти обучающегося. При обучении языку, иллюстрация является наиболее успешным средством, поскольку визуальный язык помогает вербальной коммуникации, и в этом отношении пересекается с психолингвистикой.

В заключении рассмотрим состояние учебной иллюстрации на примере последних изданий на хакасском языке, учебников 2020-21 года выпуска, в иллюстрации которых автор статьи принимала участие. Основным отличием этих учебников является то, что они специально разработаны для детей, не говорящих и не знающих хакасский язык, что отражает современное состояние функционирования родного языка и языковой политики. Изменившуюся ситуация косвенно подтверждает снижающийся тираж учебников, если учебники 80-х гг. XX в. были напечатаны в количестве 3000 экземпляров, то букварь 2013 г. отпечатан в количестве всего 700 экземпляров, учебник в тираже 1000.

Наличие интересных иллюстраций на понятных современному ребёнку визуальных образах должно усиливать лингвистический понятийный аппарат [11]. Авторами учебника были также продуманы специальные опознавательные иллюстративные знаки, которые должны обращать на себя внимание, подчеркивающие то, что нужно «запомнить» (на иллюстрации изображен мальчик с поднятым вверх пальцем) или «записать» (записывающая слова девочка). В оформлении последнего издания также собраны различные изображения, от

нарисованных вручную акварельных иллюстраций, до цифровой графики и фотографий. В этой связи, в готовой печатной продукции качество цветной печати однозначно на стороне цифровой иллюстрации, а значит и новых художников-графиков.

Список литературы

1. Аешин Г., Самрин К. Послебукварный учебник для взрослых малограмотных. Новосибирск: ОГИЗ, 1932. 71 с.
2. Балахчин С.М. Букварь: для школ грамоты. Абакан: Хакас.обл.нац. изд-во, 1941. 74 с.
3. Букварь. Троякова А.Ф., Балгазина А.Н., Толмачева Н.Я. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2013. 108 с.
4. Казанаков А.Т. Учебник хакасского языка для русских: практическое руководство для русских кружков по изучению хакасского языка. Абакан: Красноярское книжное издательство, Хакас. Отд-ние, 1937.160 с.
5. Мамышева Е.П. Реформа хакасской графики в судьбах представителей национальной интеллигенции (1920-1930-е гг.) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, культурология, политические науки. №2, 2019. С. 21-24.
6. Руйга Рудольф Крустинович. Красноярский край. Официальный портал URL: http://www.krskstate.ru/nasledie/rujga (дата обращения14.06.2023)
7. Хакас тілі 6 класс. Доможаков Н.Г., Карпов Н.Г., Чанкова Л.Г., Чанков Д.И. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1995.
8. Хакас тілі. Патачакова Д.Ф., Троякова А.Ф. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1988.
9. Хакасский язык 3 класс. Патачакова Д.Ф. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1976.
10. Хакасский язык 3 класс. Патачакова Д.Ф. Абакан: Хакасское отделение Красноярского книжного издательства, 1971.
11. Хакасский язык. 3 класс: учебное пособие для учащихся общеобразовательных организаций с русским языком обучения: на хакасском языке = Хакас тілі. 3 класс : ӱгредіг орыс тілінең апарылчатхан тиксі ӱгредіг организацияларына пособие / М.А. Медведева, Н.А. Толмашова, О.И. Улугбашева, Л.И. Чебодаева. 2020.
12. Хакасское книжное издательство. Официальный сайт URL: https://khakbooks.ru/history (дата обращения14.06.2023).
13. Хакас тілі. Толмачева Н.Я., Балгазина Н.Я. Абакан: Хакасское книжное издательство, 2008. 172 с.

УДК 908

Народы Сибири глазами московского чиновника середины XIX века (путевые заметки Н.Д. Свербеева 1852-1854 годов)

Медведева Татьяна Валерьевна
кандидат исторических наук
Институт славяноведения Российской академии наук.
Москва, Россия.
tmedvedeva1@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-2272-1111

АННОТАЦИЯ Статья посвящена путевым заметкам Николая Дмитриевича Свербеева (1829-1860), служившего чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Н.Н. Муравьеве (Амурском) с 1851 по 1856 годы. В этих текстах Сибирь предстаёт как как пространство больших перспектив, уникальный богатый край, населенный разными народами. При этом, в рассказах об инородцах путешественник выступает крайне предвзятым этнографом, исходящим из «нравственного превосходства нашей народности»: его оценки в описаниях эвенков (тунгусов), якутов и китайцев Приамурья носят крайне субъективный, а местами политически ангажированный характер. Якуты в описаниях Н.Д. Свербеева заметно проигрывают тунгусам, а китайцы, которых он встречал во время экспедиции по Амуру, уступают во многих отношениях русским соседям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Н.Д. Свербеев, эвенки, тунгусы, якуты, Китай, Сибирь

Молодой дворянин Николай Дмитриевич Свербеев, выпускник историко-филологического факультета Московского университета, отправился в Иркутск летом 1851 года. Сибирь была первым местом службы и, заметим, самым важным в его недолгой жизни. Дворянин из богатой известной московской семьи, он осознанно стремился в Сибирь, которая представлялась ему перспективным и интересным поприщем, достойной альтернативой ленивой размеренной московской жизни. Отправляясь в Сибирь, Николай Дмитриевич был, несмотря на молодость, весьма самостоятельным как в общественном, так и в бытовом отношении: в семье он был старшим из 10 детей, и родители часто доверяли ему управление домашними делами. Место секретаря по дипломатической части в канцелярии генерал-губернатора Н.Н. Муравьева стало большой удачей и прекрасным опытом в карьере молодого человека. Как свидетельствовали современники, Муравьев отличал молодых, энергичных и прекрасно образованных чиновников, они составляли основу его окружения.

Поездки Николая Свербеева по Сибири, обусловленные служебной необходимостью, сопровождались составлением разнообразных путевых заметок личного характера. Часть из них предназначалась для публикации, другие – для чтения родным и знакомым, но все они содержат интересные наблюдения о народах и природе Сибири, о трудностях путешествий и о тех новых впечатлениях, которые ждут европейца в сибирском пространстве.

Первый комплекс таких заметок – опубликованные в прессе «Сибирские письма» – относится к поездке, предпринятой летом 1852 г. из Якутска. Подробное описание задач и цели этой командировки оставил в мемуарах Б.В. Струве, ровесник и сослуживец Свербеева: «В виду предстоявшаго заселения Якутско-Аянскаго тракта и предположения на первых порах устроить зимнее сообщение с Петровским зимовьем через Аян, Нелькан и Удской острог, поселения первых пришельцев в Сибирь на берегу

р. Уды… я счел необходимым командировать в этот дикий край, обитаемый только бродячими тунгусами… чиновника особых поручений Н.Д.Свербеева – вспоминает Струве, – …После великаго праздника Св. Пасхи Свербеев… отправился в трудный поход по пустынным дебрям юго-восточной части Якутской области, откуда и вывез в высшей степени интересныя и важныя сведения, послужившия основанием многих знаменательных распоряжений по управлению краем» [9, с. 134-135].

Два «Сибирских письма» предполагались к публикации в «Московских ведомостях», однако в этой газете вышло только первое письмо [7]. Второе письмо (условно обозначенное вновь как «первое») было помещено в Вестнике Императорского Русского географического общества в марте 1853 г. [8] Хронологически и географически письма разделяет почтовая точка на Учурской ярмарке, из которой первое письмо было отправлено в Москву 5 июля 1852 г., а 15 сентября уже увидело свет на страницах «Московских ведомостей», помещенное между заграничными известиями. Во втором письме повествование доведено до отъезда из Удского острога в конце июля 1852 г. Продолжение о плавании по Охотскому морю автор обещает читателям опубликовать в скором времени, однако оно так и не вышло.

Также сохранились два письма матери, отправленные Н.Д. Свербеевым из этого путешествия. Первое, начатое в «дремучем лесу за р. Алданом [в] 500 в[ерстах] от Якутска», а оконченное на перевале на р. Большой Аим 27 мая 1852 г. [4, л. 14-15 об.], было отправлено со встречным купцом вместе с кипой другой корреспонденции и описывает начало пути, вплоть до приближения к Учурской ярмарке. Второе письмо [4, л. 17-18 об.], вмещает записи за 10 июля – 20 августа 1852 г. Последняя запись, уже из Аянского порта, накануне возвращения в Якутск посвящена поручениям, домашним делам, здоровью родных и знакомых. При этом, последний участок пути чиновника – сплав по Уди и переход по морю до Аяна – оказался освещенным только в частной переписке, т.к. предполагаемая публикация не состоялась.

Важно сказать несколько слов о корреспондентах молодого путешественника и их взглядах на Сибирь, отчасти составлявших и его собственный культурный багаж. Его мать, Екатерина Александровна Свербеева (урожд. книж. Щербатова), известная в Москве хозяйка литературного салона, не ожидала особых удобств от сибирской жизни, но считала поездку безусловно полезной. «Я довольна, что он [Николай] не прельстился Петербургом и не поколебался в своем решении ехать в Сибирь. Я убеждена, что он не будет сожалеть, что избрал дальную страну для начала своей жизни – эту страну изучить и узнать принесет пользу… Я рада, что Николенька узнает Россию и самую богатую часть ея, и быт этой страны превосходнее нашей; весело и на это взглянуть» – замечала Свербеева-мать [3, л. 13]. Отец, отставной дипломат Дмитрий Николаевич Свербеев, хорошо знал и любил Европу, был другом славянофилов и приверженцем православия. Однако о Сибири он не знал почти ничего. В представлении родителей Николая Свербеева и их многочисленных московских знакомых (потенциальных читателей «Сибирских писем») Сибирь являлась территорией, хотя и подходящей для службы, однако по глубине представлений – совершенной *terra incognita*. При этом, она не казалась однородным пространством: Иркутск, например, виделся центром сибирской цивилизации, тогда как Якутск (и тем более юго-восточная Якутия) - «отдаленным безлюдным краем», служба в котором повергала родню в ужас. Впрочем, что говорить о московских знакомых, если даже многолетний «сибиряк» декабрист И.Д. Якушкин, провожая Николая Свербеева в путешествие по якутскому краю, замечал: «Жить с якутами вблизи моржей и белых медведей должно быть также не очень увеселительно; но в вас много жизни, и, при помощи Божией, вас на все достанет; главное в этом случае только не оробеть» [11, с. 362].

Ответом на эти опасения и ожидания становятся путевые записки. Николай Свербеев создает сбалансированный текст, сочетающий черты путевого дневника, популярного этнографического очерка и географического описания. Он закономерно выходит на общие выводы о Сибири, примиряющей путника с расстояниями и невзгодами: «Сибирь сближает человека с природой и учит его жить так, как живали люди в стародавния времена, не зная всех тонкостей и усовершенствований, до которых дошел XIX-й век» [7, с. 1158].

Николай Дмитриевич в своих письмах много рассуждает о разнице соседних регионов – сравнивает рельеф, высоту гор, почвы, характер рек, животный и растительный мир – внимательно записывает различия и особенности. Так, недалеко от Удского острога, за Бычьим хребтом природа совершенно меняется – появляются богатые зеленые леса и луга, побудившие автора заметить с удивлением: «окруженному этой природой, мне не верилось, что я странствую по Якутской области, при мысли о которой русский человек готов, кажется, замерзнуть» [8, с. 101]. По мере удаления от Якутска природа, по наблюдению Свербеева, «все более и более дичает». «Человек, незнакомый с Сибирскою тайгою, не может себе представить необозримости и дичи лесов и этой бессчетной массы горных хребтов, в беспорядке столпившихся друг около друга. Страна кажется непроходимою… Только здесь человек в состоянии понять величие девственной природы, здесь, становясь лицом к лицу с нею» [7, с. 1148].

Важное место в «Сибирских письмах» занимает описание Удского острога и экскурс в его прошлое, составленный по сведениям из архива и из рассказов старожилов. Более подробно Свербеев пишет об этом в «Докладной записке об Удской старине», сохранившейся в архиве С.Г. Волконского [5, л. 2-19]. Эта Записка представляет читателю исторический краткий очерк экономического и политического развития всего региона, снабженный разнообразными документами и сведениями о пограничных отношениях с Китаем. Последние касаются выяснения одного из важнейших вопросов, который Свербеев пытался разрешить по старинным бумагам – вопроса о русско-китайской границе. Удской острог у Свербеева предстает неким идеальным романтическим местом на стыке обитаемого и необитаемого миров посреди Сибири: «Впервые, показалось мне, нашел я место, где издавна жили люди, но где жизнь не была возмущаема тревогами окружающего мира, шумом исторических происшествий, и где одна только природа великими своими проявлениями пробуждала в душе живущаго человека и мысль, и чувство» [8, с. 102].

Рассказ о языке жителей Удского острога перекликается с образом идеального места, каким путешественнику видится эта крепость: «нигде, ни в какой русской речи не встречал я таких поэтических выражений, таких метких сравнений, какими привык выражаться удский крестьянин… Удский житель, со страхом и недоверчивостью взирающий на заезжаго к нему гостя, равнодушно и безбоязненно встречается с медведем, хладнокровно вступая в борьбу и с ним, и с сохатым, и со всем диким населением знакомой ему тайги. Невольно заслушаешься его разсказов, увлекательных своею простотой и слушая удивляешься, каким образом среди мира, лишеннаго всех жизненных вопросов, которыми наполнено наше существование, – каким образом могло создаться такое множество понятий поэтических, свежих и верных» [Там же].

На страницах «Сибирских писем» автор подмечает народные и местные выражения (казацкое – река «с огня рвет», означающее сильное течение; из языка промышленников – «белковать» и «зверовать», означающие промышлять зверя), делает наблюдения о словах, укоренившихся из русского языка в якутском, проводя аналогии с укоренением немецких слов в русском языке. Путешественник поясняет многочисленные диалектные слова, якутские и тунгусские понятия, их происхождение и особенности употребления; включает в текст рассуждения о значении услышанных

слов: *кешь* (мера пути, сопостовимая с дневным переходом), *мар* (обширная тундристая местность, название которой Свербеев соотносит с французскими mareé и mare, замечая как «странно это случайное сближение двух языков в этом слове» [7, с. 1157]), *гольцы* (голые, безлесные вершины гор), *пóкать* (речная система), *ярмарка* (в значении «ночлег» или «кочевище»).

Важное место в путевых записках Свербеева занимают этнографические наблюдения: описание самих аборигенов, их жилищ (юрты кочевников, избы селения на р. Амге, урасы тунгусов), их занятий и образа жизни. Здесь он самостоятелен в своих суждениях и не опирается на тексты ученых-современников. Стереотипы в описаниях народов Сибири в 1850-е годы еще не сформировались. Наиболее подробные «психологические» портреты якутов и тунгусов принадлежат перу А.Ф. Миддендорфа, старшего современника Свербеева, участника Академической эспедиции 1843-1844 годов [2]. Однако они были опубликованы только в 1860-1870-е годы и, хотя оказали значительное влияние на последующих авторов, в научный кругозор Н.Д. Свербеева не вошли. Очевидно Свербеев был хорошо знаком с обывательскими представлениями русских, живших в Сибири. Его характеристики ближе по оценкам к путевым запискам Н.С. Щукина, бывавшего в Якутске по делам службы [10]

Свербеев рассказывает о тунгусах (эевенках) с нескрываемой теплотой, а иногда и с восторгом: «Физиономия Тунгуса дышит добродушием и кротостью: глаза отсвечивают чистую, простую душу, непричастную коварству, хитрости и обману… Характер Тунгусов добрый, радушный, гостеприимный. Если вам случится притти на его стойбище в минуту довольства, он, не задумываясь о том, чем сыт будет завтра, мигом зажарит всю оленину, угостит вас славным оленьим молоком, перед которым дрянь самыя лучшия сливки, и будет счастлив, если тойон не побрезгает его пищей. Ни в ком не случалось мне видеть столько безкорыстнаго, безотчетнаго радушия, как в Тунгусе, и как ни прославляетя гостеприимство русскаго человека, но, поверьте, оно еще искреннее в урасе бродячаго Тунгуса» [8, с. 106-107]. Свербеев подробно пишет о быте тунгусов, их хозяйстве, кочевом образе жизни, о танцах и познаниях в картографии. Он часто сравнивает якутов и тунгусов с позиций русского путешественника, при этом, якуты в его описаниях заметно проигрывают тунгусам. «Странно, что на тунгусском лице как-то незаметны черты, общия азиатскому типу, или они не столь резки… Не таков тип Якута: у него *рожа плющаткой*, как выразился один иркутский крестьянин, говоря о бурятских (баратских) лицах. И действительно, сколько ни встречалось мне видеть якутских лиц, особенно мужских, все они поразили меня своею невзрачностью, и, глядя на них, мне всегда казалось, что какая-то невидимая рука в минуту рождения сильным ударом испортила в них человеческий образ» [8, с. 107].

Предпочтение, отдаваемое тунгусам безотчетно и то, что для одного народа Свербеев признает за интересную особенность, для другого считает почти недостатком. Жизнь бродячего тунгуса у него неразрывно связана с природой: «Тунгус родится в лесу, в лесу живет безвыходно, в лесу и умирает… Цель его жизни — пропитание семьи и себя; все его богатство заключается в винтовке; все поприще — лес и речки» [8, с. 106]. А в якутах он отмечает отсутствие той «общественности, которая так резко характеризует быт русскаго народа. Якуты живут рознью – не миром!» – в праздник они не сходятся, не поют песен, «не знают нашего веселаго русскаго хоровода» [7, с. 1147]. Особенно показательной для Свербеева становится песенная культура якутов, точнее ее отсутствие: «Говорят, что у них нет даже песен» - замечает он [Там же]. Путешественник объясняет это их кочевым образом жизни и непривязанностью к земле. «Незнакомый с оседлостью, не возделывая земли, он не мог с нею сдружиться, она ему не кормилица!» - предполагает автор. Якут вечно в пути, на промысле и «не успел завестись преданиями, не мог внести в свою жизнь песни,

которая может только сложиться у историческаго народа, утвердившаго свой быт в силу сознаннаго начала и порядка» [Там же]. Эти опрометчивые и весьма поверхностные рассуждения продолжает описание слышанных в пути якутских песен, которые «не есть достояние племени, не подчиняется известной мелодии». «Якутскую песню можно назвать созданием минутной фантазии поющаго; много ли, мало ли в ней поэзии, я не знаю, но мне кажется, что для поэзии нет места в этом диком, постоянно однообразном и сонном завывании голоса» [Там же] – так под взглядом «просвещенного европейца» непонимание трансформируется в непризнание.

Свербеев много пишет о занятиях якутов: промыслах, скотоводстве, об их верованиях, отмечает их мастерство в обработке железа и мамонтовой кости и ловкость при речном сплаве. Немало внимания уделено во втором «Сибирском письме» вопросам рыболовства тунгусов и якутов: способам ловли, и хранения улова, видам речной и морской рыбы, приходящей в реки на нерест; а также «звериному промыслу» - добыче пушнины, кабарги, медведя.

Важным результатом наблюдений Н.Д. Свербеева стало понимание несовершенства законодательства об управлении бродячими инородцами в Российской империи и практики его применения – как добросовестный чиновник он много писал впоследствии в Петербург о необходимости переработки законов. «Ознакомившись теперь с тонгусами Удскаго края, – замечал он, – я первый вижу, что прежде об них не только никто не знал, но никто не старался об этом. Торговля, продовольствие, взимание ясака – все эти вопросы нетронуты, а как они здесь важны об этом может понять только сибиряк, бывший на месте, стоя близ и кочевья, и говоривший с тонгусами» [3, л. 59-60].

Через два года после возвращения из этой поездки в Якутию, Николаю Свербееву представилась возможность стать официальным хроникером Амурской флотилии Н.Н.Муравьева. Экспедиция, предпринятая в 1854 г., должна была не только доставить людей и вооружение к устью Амура для противостояния англо-французской эскадре на тихоокеанском побережье, но и ознаменовать русское судоходство на Амуре (до тех пор недопустимое по Нерчинскому трактату 1689 г.), а также обозначить претензии России на земли Приамурья. Николай Дмитриевич составляет большое описание этого плаванья по Амуру и начинает свой рассказ с пространного экскурса в историю освоения региона, где говорит о соперничестве с Китаем и изучении его, исходя из «нравственного превосходства нашей народности» [6, с. 6]. Свои этнографические заметки Свербеев соотносит с работами о. Иакинфа (Бичурина), сверяясь с ним по многим вопросам (например, об орочонах, их быте, верованиях, внешности и сходстве с «российскими» тунгусами).

Важной частью путевых записок является китайская тема. Образ Китая, как слабой державы, незаинтересованной в своих владениях на Амуре, подчеркивается в тексте неоднократно. Свербеев описывает бывшие русские укрепления, построенные еще Хабаровым, в которых теперь располагаются китайские караулы, причем все пустые, покинутые стражей. Китайцы, когда с ними все же удается встретиться, предстают «в оборванных, грязных курмах разнаго цвета, вооруженные: кто палками, кто копьями разной величины, редкие — винтовками. Несколько человек… имели лук и колчан со стрелами…. И смешно, и досадно было смотреть на этих людей, которые так наглядно и в таком бродяжническом виде представляли свою китайскую торжественность иноземцам!» [6, с. 52]. Здесь же Свербеев описывает китайский город, в котором высадились русские путешественники – его архитектуру, планировку и, между прочим, замечает относительно оборонительных сооружений: «Батарея состояла из 10 лафетов, покрытых красными чехлами; пушек не было видно. Зная привычку китайцев стращать людей, можно предположить, что орудий или не было вовсе; если же оне и были, то, без всякаго сомнения, негодныя к употреблению» [6, с.

53]. Интересно, что на эти рассуждения тут же отзывается скептическим редакторским примечанием Е.И.Ламанский, издававший этот текст в журнале: «Трудно разделить мнение автора, не подкрепленное никакими доказательствами, основанное на одном предположении. Употребление пушек в Китае с давнишних пор не подлежит никакому сомнению» [Там же].

Замечания о городе и жителях также подчеркивают их невысокий статус в глазах «гостей из Европы» (как пишет о себе и своих спутниках автор): «По всему было заметно, что город амурский не богат, и что в нем мало сбыта и жизни. У лавок стояли купцы… Молчаливое, тупое любопытство выражалось на их лицах» [6, с. 54]. Только для маньчжурских женщин Свербеев делает исключение и описывает их живыми, любопытными, нарядными и «прехорошенькими». Важное место занимает в повествовании встреча с китайским градоначальником («человеком почтенных лет, с весьма умным выражением лица и светлым, проницательным взглядом») и вежливые, подчеркнуто дружеские церемонии. Встреченный Свербеевым далее по ходу пути отставной китайский чиновник рассказывает «как русские выгодно торгуют на устье Амура, как в сравнении с данью, платимой богдохану, наш ясак выгоден для плательщика» и «намекает на плачевное состояние Небесной империи» [6, с. 59].

Приамурье предстает в тексте богатой и плодородной местностью; в пути экспедиции встречаются поселения гольдов, мангунцев (совр. нанайцев и ульчей), и гиляков, которые чиновник описывает с несомненной долей европейского превосходства. Он также предполагает, что «все амурские народцы, кажется, составляют ветви одной обширной породы тунгуской. Испытывая на себе влияние различных соседей в продолжение долгого времени, они могли удалиться в языке и нравах от прежнего единства родового» [6, с. 77]. Свои скромные этнографические и страноведческие наблюдения, Свербеев дополняет цитатами из работ А.Л. Леонтьева и миссионера отца де-ла-Брюньера, путешествовавшего по Амуру в 1848 г., а также из текстов немецкого исследователя Японии Ф.-Ф. Зибольда. Несмотря на выраженную политическую ангажированность «Описания плавания по Амуру», Николай Дмитриевич стремился сделать его увлекательным и познавательным для читателей, в т.ч. для знакомых, которые хотели знать подробности путешествия.

Рассматривая травелоги Н.Д. Свербеева, составленные в 1852-1854 годах, можно заметить насколько цели и задачи повествования влияют на отбор и подачу материала о путешествии, как автор записок ориентируется на читателя, на его интересы и запросы [подробнее см.: 1, с. 7-50]. При этом путешественник выступает крайне предвзятым этнографом: его оценки в описаниях тунгусов, якутов и китайцев носят в одних случаях крайне субъективный, в других – политически ангажированный характер. Во взглядах на другие народы автор отталкивается от критериев своей культуры и делает широкие обобщения исходя из личных впечатлений. Путевые записки и письма Н.Д. Свербеева прекрасно характеризуют его взгляды «просвещенного европейца» на коренные народы Сибири и становятся в один ряд с большинством подобных повествований о Сибири, сохраняя свои важные особенности как исторический источник.

БЛАГОДАРНОСТИ Автор выражает благодарность администрации Государственного архива Иркутской области и лично Елене Николаевне Щаповой за возможность знакомства с материалами фонда Н.Д. Свербеева.

Список литературы

1. Медведева Т.В. Путешествия Н.Д. Свербеева по Сибири (1852–1854) в эпистолярном и литературном отражениях // Русский травелог XVIII–XX веков: Между литературой и документом: коллективная монография. Новосибирск: НГПУ, 2019. С. 7-51.
2. Миддендорф А.Ф. Путешествие на Север и Восток Сибири. Ч. 2. Отд. 6: Север и восток Сибири в естественноисторическом отношении. Коренные жители Сибири. СПб., 1878.
3. Письма Е.А. Свербеевой А.Н. Попову, 1851-1852 гг. // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 472 (Свербеевы). Д. 617.
4. Письмо Н.Д. Свербеева Е.А. Свербеевой, май 1852 г. // Государственный архив Иркутской обл. Ф. 774 (Свербеевы Н.Д. и З.С.). Оп. 1. Д. 158.
5. Свербеев Н.Д. Докладная записка об Удской старине, составленная из сведений, полученных при разборее местного архива и дополненная сказаниями туземцев-старожилов. Удской острог, 1852 года Июля 12-го дня // Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинского дома). Ф. 57. Оп. 4. Д. 235. 22 л.
6. Свербеев Н.Д. Описание плавания по реке Амуру экспедиции генерал-губернатора Восточной Сибири в 1854 г. // Записки Сибирского отдела ИРГО. Кн. 3. СПб., 1857. Отд 1. С. 1-78.
7. Свербеев Н.Д. Поездка из Якутска на Учурскую ярмарку: Письмо к редактору [Московских ведомостей] // Московские ведомости. 1852. № 111, 15 сент. С. 1147-1148; № 112. 16 сент. С. 1157-1158.
8. Свербеев Н.Д. Сибирские письма. Письмо первое (Проезд с Учурской ярмонки до Удского острога. Удский острог. Население его. Несколько слов о торговле края) // Вестник Имп.РГО. 1853. Ч. 8. Кн. 4. С. 95-109.
9. Струве Б.В. Воспоминания о Сибири. 1848-1854. СПб., 1889. 180 с.
10. Щукин Н.С. Поездка в Якутск. СПб., 1844.
11. Якушкин И.Д. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / Под ред. С.Я. Штрайха. СПб., 2007.

УДК 80

Частицы в тувинских героических сказаниях

Ондар Менги Васильевна
кандидат филологических наук.
Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел
им. К.Б. Ондара.
Кызыл, Россия.
mengi89@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-8270-7071

АННОТАЦИЯ Настоящая работа посвящена вопросу функционирования частиц в тувинских героических сказаниях. Известно, что язык фольклорных произведений, в том числе героических сказаний, отличается от литературного языка или же художественных произведений. В ходе работы было выявлено, что в текстах героических сказаний употребляются как простые, так и сложные частицы. Наиболее частотным оказалась частица *иргин*, которая встречается как самостоятельно, так и в составе сложных частиц. В результате работы было установлено, что в корпусе текстов тувинских героических сказаний имеются тексты, в составе которых используются частицы, характерные для какой-то определенной местности, образуя тем самым, локальные особенности языка героических сказаний тувинцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тувинский фольклор, язык фольклора, тувинские героические сказания, частицы.

В тувинском языке имеется значительное количество частиц, которые в свою очередь разделяются на несколько групп по значениям и функциям. В отличие от литературного тувинского языка и языка художественных произведений тексты тувинских героических сказаний (далее – ТГС) имеют довольно ограниченное количество частиц.

В данной работе рассматриваются частицы, выделяющиеся большей частотностью употребления в текстах ТГС. Корпус текстов ТГС, которого мы привлекли в качестве источника, содержит 38 единиц. В целом, в тувиноведении вопросу изучения частиц посвящено немало работ, среди которых выделяются научные труды Д. А. Монгуш [1], А. В. Байыр-оол [2], Б. Ч. Ооржак [3] и др. Однако во всех указанных работах специальной работы, в которой рассматриваются наиболее частотные частицы в текстах ТГС, отсутствуют.

Так, наиболее часто употребляющимися частицами в текстах ТГС являются следующие частицы: 1. Среди простых частиц: *ирги, иргин ~ эргин;* 2. Среди сложных*: ирги бе, эргинем ~ иргинем, иргин ийин, эвеспе, эвеспе оң, ыйнаан.*

Во всех текстах в наибольшем количестве употребляются частицы *ирги*, *иргин ~ эргин*. Частица *ирги* выражает семантику вежливости или риторичности при вопросе [4, с. 210],

Частица *иргин* выражает смягчение [там же]. Б. И. Татаринцев отмечает, что в тоджинском диалекте тувинского языка сохранены варианты с начальным широким гласным *эрги, эрген* [5, с. 378]. В тоф. частица *эрген* является положительной модальной частицей, выражающей удивление и передающей значение ‘оказывается’ [там же]. В Древнетюркском словаре данная частица отмечается как *erki* и используется для усиления вопроса [6, с. 179], а Д. М. Насилов связывал тув. *ирги* с древнеуйгурским модальным показателем *эрки*, употребляемым для выражения предположения, вероятности и неуверенности [5, с. 378]. По Б. И. Татаринцеву, частицы *ирги* и *иргин (< эрки и эркен)* имеют общее происхождение, рассматриваемые частицы сохранили, что частицы *ирги* и *иргин* считаются имеющими общее происхождение. А *эркен* является

формой причастия прошедшего времени на – *кан* от глагола *эр-* ‘быть’. Этимология *эрки* считается не вполне ясной [там же].

Частица вежливости *ирги* в текстах ТГС обычно употребляется с вопросительной интонацией, выражающей непрямой, вежливый вопрос, часто не рассчитанный на получение ответа [1, с. 170]:

– Че, эки угбаның чалгааравас, муңгаравас
Чүвези чүү ирги? – деп,
Алдын-Чаагай айтырып орган чүвең иргин.
‘Ну, что будет для хорошей сестры
Не скучной, не печальной? – так
Спрашивал Алдын-Чаагай’ [7, с. 98].

Сочетание частиц *ирги бе*, выражающее вежливость при вопросе встречается всего в 18 текстах из 38. В случае, когда частица *ирги* употребляется в предложении без вопросительной частицы *бе*, то в данном случае говорящий сам себе задает вопрос для уточнения достоверности информации, а в сочетании с *бе* говорящий обращается с вопросом прямо к собеседнику, к третьему лицу:

- Мен Хүн-Хааның тевезиниң кадарчызы
Ак аъттыг Агылдыр ашак деп
Кижи мен, оглум - деп-тир.
- Мен ышкаш багай кижи
Бараалгап болур ирги бе,
Болбас ирги бе, ирем? - деп-тир эвеспе.
‘ - Я являюсь верблюжьим пастухом Хун-Хана,
Зовут меня стариком Агылдыр с белым конем’ - так сказал.
- Тогда такой бедный человек, как я,
Могу ли я представиться,
Или нельзя, мой дедушка? – так спрашивал’ [7, с. 151].

Рассматривая частицы, образованные от бытийных глаголов в тувинском языке, А. В. Байыр-оол отмечает, что частица *иргин* образована от древнетюркского глагола *эр=* [2, с. 17], который в современном тувинском языке не сохранился как самостоятельная лексема, а выявляется в застывших морфологических формах, перешедших в разряд частиц. Далее она утверждает, что «частицы, восходящие к глаголу *эр=,* наиболее часто используются в диалогической речи. Употребление данных частиц характеризует степень владения собеседников информацией, статус говорящих» [там же].

Б. Ч. Ооржак замечает, что частица *иргин* встречается в фольклорных произведениях и является основным средством описания в художественной литературе [3, с. 78]. В «Грамматике тувинского языка» Ф. Г. Исхакова и А. А. Пальмбаха указано, что *иргин* является частицей смягчения и передается в переводе интонацией и порядком слов [9, с. 433]. Согласно Д. А. Монгушу, данная частица в составе сказуемого выполняет пересказывательную функцию и употребляется для сообщения о действии (событии), о котором говорящий узнал со слов других [1, с. 172].

В текстах ТГС указанная частица употребляется в сочетании с существительными *чүве* ‘вещь, предмет, нечто’ с аффиксами принадлежности 2 л. ед. числа *чүвең* букв. ‘твоя вещь’ и 3 л. ед. числа *–зу/-зү чүвези* букв. ‘его вещь’. При добавлении аффикса принадлежности 2 л. ед. числа *–ң* к слову *чүве: чүвең иргин* объектом становится время действия, происходящего в тексте, а при использовании сочетания *чүвези иргин* объектом внимания слушателя становится лицо, совершившее действие в тексте. Приводим два примера:

1. *Туң-Караты-Хаан Быдаакай-Тараакай ашакты*
Эъттеткен, шайлаткан, хүндүлээн-ямбылаан

Мындыг янзылыг турган чүвези иргин.
‘Туң-Караты-Хаан старика Быдаакай-Тараакай
Угощал мясом, чаем, уважал-кичился
Таким образом был’ [8, с. 176].
2. *Сыныk чодазыныңчилиин ,*
Чушкуп чий берген чүвең иргин.
‘Стал есть, выковыряя, костный мозг
Голени, с которой случился перелом’ [7, с. 196].

Также в текстах ТГС употребляется фонетический вариант рассматриваемой частицы ***эр=гин.*** В следующих текстах: «Алдай-Буучу» (сказитель – Чымба Бүлүк из Бай-Тайгинского района) *эргин* встречается 200 раз; «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей» (сказитель – Чанзаң Салчак из Бай-Тайгинского района) – 5; «Алдын-Кургулдай» (сказитель – Соян Догаа из Эрзинского района) – 1 раз.

Следует отметить, что *эргин* употребляется только в речи сказителей из Бай-Тайгинского кожууна, где сохранена форма на *эр=*. Что касается текста «Алдын-Кургулдай», то от сказителя из Эрзинского кожууна записывал текст сказания собиратель фольклора Тоюн Константин, писатель, композитор и артист-драматург родом из Бай-Тайгинского кожууна [7, с. 284]. Многие исследователи отмечают, что с созданием в 1945 году Тувинского института гуманитарных исследований (ныне – *Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва*) собиранием и фиксацией многих фольклорных образцов тувинского народа занимались активисты, в числе которых были писатели, актеры, артисты, музыканты, ремесленники и т.д., т.е. те, которые не имели специального образования по собиранию, введению в научный оборот текстов фольклорных образцов. Так, по нашим наблюдениям, Тоюн Константин во время обработки текста ТГС «Алдын-Кургулдай» механически употребил привычное для него слово *эргин*, что подтверждается количеством употребления частицы (только 1 раз) во всем тексте.

Частица *иргин ~эргин* в текстах ТГС употребляется в составе сложных и составных частиц: *эргинем, иргин ийин.*

Частица *эргинем* (<иргин+ам) употребляется для образного воссоздания прошедших действий и встречается в текстах «Алдай-Буучу» и «Бокту-Кириш, Бора-Шээлей». В последнем тексте встречаем частицу *иргинем* (<иргин+ам): *Бак шагның бажында чүвең иргинем* ‘На макушке плохого времени было’ [7, 127].

Сложная частица *иргин ийин* употребляется в 10 текстах из 38. Частица *ийин*, по данным Б. И. Татаринцева, *ийин* связано происхождением с *экен ~ икен*, но в отличие от *иргин* восходит к варианту слова, в котором отсутствовал согласный *–р-.* Замена *-к-* на *–й-* спорадически происходит в тувинском языке [5, с. 357]. Данная частица, согласно А. М. Щербаку, выражает предположение, неуверенность, неочевидность. Ш. Ч. Сат, Е. Б. Салзынмаа [5, с. 356]; А. В. Байыр-оол [1, с. 12] *ийин* относят к утвердительным частицам, а по данным «Грамматики тувинского языка» *ийин* выражает смягчение [9, с. 433].

В текстах ТГС частица *иргин* в сочетании с утвердительной частицей *ийин* выражает сильную уверенность говорящего в совершении действия: *Кара бууранының ындындыва өрү-ле, өрү-ле көөрге, кара бууранының мурнунда улуг шокар аъттыг, улуг-ла кижи шаап кел чыткан иргин ийин* ‘Когда увидел дальше черного верблюда-производителя, то впереди черного верблюда-производителя скакал большой черный человек’ [10, с.173].

Согласно Д. А. Монгушу, частицы *ийин* и *аан* образуют модальную частицу *ыйнаан* [1, с. 187], имеющая несколько значений в зависимости от компонентов, к которым примыкает данная частица. В текстах ТГС данная частица употребляется в 30 текстах

из 38 и выражает следующие значения: 1. примыкая к вспомогательному глаголу с аффиксом будущего времени на *-ды*, частица выражает значение предположения говорящего к действию: *Мээң дуңмамны бо-ла көрдү ыйнаан, сени, адыр» дээш, дазылдыг ыяшты дазылы-биле тура тыртып алгаш, адыгны-даа аа-чаза шава бергеш…* ‘ «Моего брата вот этот, наверно, видел, сейчас ты подожди» – сказав так, медведя стал бить, вырвав дерево с корнями’ [10, с. 192]; 2. примыкая к причастию с аффиксом будущего времени на *–ар,* частица *ыйнаан* выражает безразличие говорящего к тому, о чем он говорит: *Бир эвес олче чүве халдап кээр апарза, мен кайын олурар мен, каректап чоруур мен ыйнаан* ‘Если начнут на него нападать, как я буду сидеть, пусть я стану заботиться’ [10, с.148]; 3. сочетание частицы *ыйнаан* со служебным словом *чүве* ‘вещь’ выражает уверенность говорящего к тому, о чем он говорит: *Өгге кирип келген кижи дөрден үне бээр эвес, эжиктен үне бээр чүве ыйнаан* ‘Зашедший в юрту человек не будет выходить из почетного места юрты, а будет выходить через дверь’ [10, с. 165].

Еще одной сложной частицей, наиболее часто встречающихся в текстах ТГС, является сложная частица *эвеспе,* выражающая отношение к достоверности высказывания [9, с. 432], имеющая много значений [1, с. 162], выражающая значение прямой эвиденциальности при сочетании *эвеспе / эвес бе* с недавно-прошедшим временем на *=ды* [2, с. 16].

Анализируя частицу *эвеспе* в составе аналитических конструкций, Д. А. Монгуш в своей работе выделяет несколько значений указанной частицы: 1. Значение предупреждения, предостережения, повеления передается при помощи сочетания частицы *эвеспе* с причастием настояще-будущего времени; 2. Сочетание частицы *эвеспе* с недавно-прошедшим временем на *–ды* образует аналитическое сказуемое, которое употребляется для передачи рассказа говорящего о том, как происходило действие в его присутствии; 3. Сочетаясь с глаголом и именем, образует аналитическое сказуемое, которое передает кажущееся, предполагаемое действие (событие) [1, с. 162, 163].

В текстах ТГС частица *эвеспе* в первом значении употребляется только в тексте «Эрелзей-Мерген, Харагалзай-Мерген». А для передачи второго значения, где э*веспе* употребляется для передачи рассказа говорящего о том, как происходило действие в его присутствии, в текстах ТГС она встречается в сочетании с модальной частицей *-тыр / - тир, -тур/ - түр (-дыр/-дир, -дур/-дүр*). Приводим пример:

Амырга-даа Кара-Көгелдиң эъдин-кежин чип, Кара-Көгел-даа Амырганың эъдин-кежин оя тырткылап, оран-делегейниң курт-кымыскаяа, куш-дилгизинге үлеп берип, тутчуп турган чүве-дир эвеспе ‘Боролись так, чтобы и Амырга съедал мясистую часть тела Кара-Когела, и Кара-Когел разрывал мясистую часть тела Амырга и раздавал червям-муравьям, птицам-лисам всей земли’ [11, с. 102].

В сочетании со служебным словом *чүве* ‘вещь’ частица *эвеспе* выражает значение достоверности, говорящий уверен в том, что он рассказывает: *Эр кижиге адаан күштүг, херээжен кижиге хүнүжү кончуг болур чүве эвеспе* ‘Для мужчины самое главное – месть, а для женщины – ревность’ [10, с. 199].

Так, в текстах наиболее часто встречаются всего 2 простых и 6 сложных частиц, выражающие значения предположения, достоверности, уверенности говорящего и утверждения. Также существуют частицы, характерные для речи сказителей определённой местности, в данном случае, Бай-Тайгинский кожуун, где в речи сказителей употреблена частица *эргин*, которая в остальных текстах ТГС не обнаружена. В отличие от языка художественных произведений, в текстах ТГС употребляются сложные частицы, выполняющие в основном пересказывательную функцию.

Список литературы

1. Монгуш Д.А. Частицы как компоненты аналитических сказуемых (на материале тувинского языка) // Тувинский язык и письменность. Избранные труды. Научное издание. Кызыл: ГУП РТ «Тываполиграф», 2009. С. 159-190.
2. Байыр-оол А.В. Частицы тувинского языка, образованные от бытийных глаголов (в сопоставлении с якутским и хакасским языками): Автореф. дисс. канд. филол. наук. Новосибирск, 2009. 24 с.
3. Ооржак Б.Ч. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с.
4. Тувинско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Изд-во вост. литературы, 1968. 648 с.
5. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. (Т. II: Д, Ё, И, Й). Новосибирск: Наука, 2002. 388 с.
6. Древнетюркский словарь / ред. В.М. Наделяев и др. Л.: Наука, 1969. 676 с.
7. Алдай-Буучу: Тыва улустуң маадырлыг тоолдары, II том / сост. С.М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1993. 288 с.
8. Бокту-Кириш, Бора-Шээлей: Тыва улустуң маадырлыг тоолу, IV том / сост. С.М. Орус-оол. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1995. 224 с.
9. Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Издательство восточной литературы, 1961. 470 с.
10. Тыва тоолдар (О.К.-Ч. Дарыманың чыып бижээн материалдары) / сост. С.М. Орус-оол, М.Б. Кунгаа. Абакан: Журналист, 2014. 384 с.
11. Тыва улустуң тоолдары (Тываның тоолчуларының IIдугаар следунуң материалдары) / сост. С.М. Орус-оол. Абакан: Журналист, 2012. 624 с.
12. Тыва маадырлыг тоолдар. Т .I. Кызыл: Тываның ном үндүрер чери, 1990. 272 с.

УДК 930.85

Проблема исторического нарратива в художественном творчестве (на примере романа Р.А. Штильмарка «Горсть света»)

Селецкая Наталья Владиславовна
научный сотрудник.
МБУК «Лесосибирский краеведческий музей».
Лесосибирск, Россия.
seleckaya78@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена рассмотрению одной из ключевых проблем исторического знания, а именно вопросов исторического нарратива. В работе предпринята попытка нарратологического анализа художественного текста; рассмотрены основные категории нарратива, такие как точка зрения, факт, событие, фабула и сюжет, мотив. Различие между историческим и литературным нарративом заключается в том, что событийная канва исторического нарратива образуется как результат осмысления зафиксированных фактов, тогда как событие в литературном нарративе, погруженное в мир вымысла, образуется на основе мотива как основной единицы повествовательного языка литературы. Примером для рассмотрения исторического нарратива в художественной литературе послужил роман Р.А. Штильмарка «Горсть света».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История, исторический нарратив, мотив, художественный вымысел, автобиография, мемуары.

Первоначальное значение слова «история» восходит к древнегреческому термину, означавшему «расспрашивание, узнавание, установление, добывание знаний», что максимально близко понятию нарратива. Нужно так же заметить, что событие в момент своего автокоммуникативного генезиса уже несет в себе зачаток своей рассказанности. Это явление, которое можно назвать своего рода внутренним нарративом, сродни, как нам кажется, явлению внутренней речи, в том его понимании, которое развивал Л.С. Выготский [1, с. 275–336]. В то же время, вопрос о достоверности и истинности исторического познания, остро поставленный еще Декартом [2, с. 253–254], является до сих пор дискуссионным, так как способы исторического познания существенно отличаются от гносеологических процедур, имеющих место в естественных и экспериментальных науках.

В современной исторической науке продолжаются споры об использовании художественной литературы в качестве исторического источника. Дореволюционная школа историков (В.О. Ключевский, Н. А.Рожков, В.И. Семевский) представляла художественную литературу как вспомогательный исторический источник, позволяющий глубже проникнуть в бытовые перипетии истории, но литература не воспринималась как самостоятельный и тем более самодостаточный исторический источник [3, с. 411–412].

С началом антропологического поворота история ушла от изучения эпохальных событий и «героев». Историки обратили внимание на человека маленького, обыкновенного, такого, как все. Так, М.В. Нечкина открыла новые возможности не просто для использования историками художественной литературы при изучении декабристского движения, но и благодаря её изысканиям стало возможным формирование новой методологии изучения таких источников [8, с. 77–146]. Вслед за М.В. Нечкиной, А. В. Предтеченский сформировал понимание художественного источника в рамках структурирования вспомогательных исторических дисциплин, что

повлекло за собой дополнительные возможности использования литературы в целом [16, с. 76–84]. Можно с уверенностью сказать, что уже во второй половине XX века художественную литературу исследователи называли отдельным видом исторических источников.

Современные исследования художественной литературы в качестве исторического источника имеют гораздо большее поле для действий. На данный момент художественное произведение оформилось в отдельный вид источников со своей методологией и методами изучения. В этом контексте можно отметить работы М.Ю. Лотмана, который является одним из основоположников семиотического исследования художественной литературы как символьно-знаковой системы в контексте истории [5, с. 410–413].

Таким образом, мы можем видеть, что в представлениях сегодняшнего времени литература является самодостаточным и полновесным историческим источником, который представляет собой не только авторское отражение действительности, синтез авторского опыта, но и целой плеяды знаков, соответствующих эпохе создания произведения [4, с. 21–38]. Причем довольно часто художественная литература раскрывает для историка–исследователя пространство истории повседневности [15, с. 42–52]. С точки зрения литературных произведений, нарратив – это последовательность повествования, структура событийной линии или сюжет в интерпретации конкретного нарратора [14, с. 114–115]. В отличие от самого сюжета и его фабулы, нарратив имеет некоторые отличительные особенности, в основном, смысловые. Это некоторая линия повествования, занимаемая рассказчиком, благодаря чему есть возможность пересказывать один и тот же сюжет иначе, интерпретировать его по-другому, не меняя структуру фактического ряда — последовательность событий. Существует возможность множественной интерпретации в зависимости от закладываемых нарратором смыслов. При анализе событий в нарративе следует обращать внимание на смысл самой истории, а не на форму и способы ее изложения. В нарративе смысл всё, а форма — это уже второстепенная неразрывная часть [13, с. 113–115]. С древних времен через рассказ человек стремится структурировать реальность, раскладывать по полочкам свой личный опыт и передавать его другим. Нарратив призван включить внимание читателя или зрителя в сам процесс повествования, сделать его частью этого полотна через смыслы, которые ему близки [17, с. 5–9].

Исторический нарратив в художественной литературе целесообразно разделить на нарратемы или актные роли – функции персонажей. Ж. Греймас предлагает разделить нарратив на следующие фигуры: помощник и оппонент, отправитель, получатель, субъект и объект [12, с. 240–244]. В. Я. Пропп ввел понятие нарратемы – это единицы нарратива, которые могут представлять собой как функции персонажей, так и сами ситуации или предметы, включать в себя характеристики персонажей [10, с. 24–25].

Нарративная история использует для исследований происходивших событий не беспристрастный подход, а оценивает их значимость на основе субъективных убеждений, жизненных правил и ценностей отдельных личностей [11, с. 3–5].

В этом ключе для нас интересно творчество писателя, связанного с историей Лесосибирска, человека сложной и противоречивой творческой судьбы – Роберта Александровича Штильмарка.

Один из выдающихся беллетристов и литераторов XX века, Роберт Александрович Штильмарк за свою длительную и плодотворную творческую жизнь успел оставить наследие в разных родах и жанрах литературы: лирические стихи, романы, повести, биографии. После войны, тюрьмы, ссылки, с 1955 года он уже не искал другой профессии, но жил очень трудно, почти в постоянном безденежье, часто одалживал средства у коллег-писателей («я весь в долгах, аки муха в паутине», – писал он в письме

сыну Феликсу). Из его литературного творчества широкое признание получил только приключенческий роман «Наследник из Калькутты», ставший подлинным бестселлером лишь спустя тридцать лет после первого издания, уже после кончины писателя. Основными сюжетами в его позднем творчестве являются биографические и бытовые моменты, которые писатель пережил сам или встречал на своем жизненном пути в разные годы и при разных обстоятельствах.

Собрание сочинений Р.А. Штильмарка открывается романом-хроникой «Горсть света», произведением весьма необычным по своему жанру. Это не мемуары в традиционном смысле слова, а скорее исповедь писателя, роман-покаяние. В качестве материала для исследования мы будем использовать этот итоговый труд автора [16, с. 76–84]. Условно в этом произведении можно выделить две основные направленности: военно-историческая и автобиографическая проза. В обоих случаях перед нами предстает история маленького человека (в классическом смысле русской литературы критического реализма), который в силу своих способностей и возможностей должен преодолевать жизненные трудности, возникающие на его пути [17, с. 10–17].

Роман «Горсть света» Штильмарк начал писать в эпоху «оттепели». Именно в годы «оттепели» мемуарная и близкая к мемуарной литература («Люди. Годы. Жизнь» И. Эренбурга, «Люди и положения» Б. Пастернака, «Трава забвения» и «Святой колодец» В. Катаева и т.д.) сделала попытку прорыва к максимальной полноте «рассказа о времени и о себе», прорыва, возможность и необходимость которого была обусловлена и готовностью авторов «вспоминать», и настроем читателей на достоверность, а не на мифологию, и стратегической задачей писателей «вочеловечивания» истории [18, с. 40–49].

Принцип «идеальных» автобиографий можно сформулировать, вспомнив известное высказывание В. Шкловского о том, что для написания мемуаров нужно иметь характер и судьбу и иметь мужество ее не скрывать. Однако природа мемуарного и автобиографического жанров двуедина и противоречива одновременно: субъективная установка на полную достоверность и объективная невозможность полной достоверности [4, с. 31–45]. Идеологическая цензура и автоцензура – мощные ограничители пространства искренности писателей. В советской мемуаристике 70-80-х годов действовало и то, и другое, поэтому ее легко упрекнуть в полуправде или частичной правде. В ней очевидны сознательные фигуры умолчания и бессознательная аберрация памяти.

«Горсть света» Штильмарка может быть прочитана как мемуарная, созданная по классическому образцу: рассказ «о времени и о себе». Во-первых, это несомненное внимание к социуму, реализовавшееся в описании конкретно-исторической эпохи. Во-вторых, представлен широкий круг политических персонажей и культурных героев: от Сталина и Берии, до писателя Ефремова и доцента биофака МГУ Дружинина. Но также очевидны и существенные отличия от традиций мемуарного жанра. Обращают на себя внимание способ введения и формы «личной памяти», которые не строятся на принципе автобиографического повествования от первого лица, предполагающего преобладание линейного времени. Принцип линейной реконструкции памяти отсутствует, память «возвращается» за пределами текста, в рамках текста время осуществляется как «здесь и сейчас». Это модуль личной памяти автора: Роберт Штильмарк под именем Рональда Вальдека пишет о других и через других о себе. Отсюда мозаичность памяти писателя, когда одно описание дополняет другое, создавая целостную картину. Основная и изначальная установка автора – писать, как чувствовалось и как запечатлелось в его художественной памяти. Установка на художественную достоверность ведет не к хронологическому описанию фактов, но к описанию эмоционально-психологических поведенческих реакций на них. Основной

жанровой практикой книги становятся усиление романного и ослабление биографического начала.

Непростота и даже некоторая провокативность ситуации заключаются в том, что, во-первых, в романе задействованы как вымышленные персонажи, так и герои с легко угадываемыми, скажем так, «псевдонимами» и конкретные исторические личности с именами неизменёнными. Большинство героев произведения имеют реальных прототипов, однако общность образов, которую создал автор в романе, стирает границу между прототипом и персонажем. Это делает героев наиболее приближенными к читателю, который проецирует на себя происходящее в произведении. Кроме того, автор ведёт с читателем игру в зашифрованные имена героев: это сделано так, что некоторых узнаешь сразу, а над некоторыми приходится поломать голову, так как в одном образе могут быть заключены черты нескольких реальных людей. И в этом есть специфический как художественный, так и исторический подтекст.

Нарратив его повествования по большей части не зацикливается на каком-то одном герое – он идет вкупе со всем происходящим и с различных точек зрения, в силу этого создается полное погружение читателя в мир произведения и судьбы героев [17, с. 18–31]. Такова была исходная авторская позиция – не дотошные документальные мемуары, не исторически-точная хронология, но именно «даль свободного романа», основанного на фабуле своей жизни.

Автор начинает с дальнего экскурса в историю собственной семьи, своих родителей и предков. Яркие воспоминания детства сменяются сценами Первой мировой войны (поездка с матерью к отцу, офицеру-артиллеристу русской армии). Перед читателем проходят годы революции, НЭПа, предвоенного сталинского социализма. Начало Великой Отечественной войны делит роман-эпопею на две части. В первой остаются юношеские студенческие годы, журналистская, дипломатическая и преподавательская работа в Москве с поездками по стране. Во второй части хроники Рональд Вальдек (Роберт Штильмарк) – боевой офицер, с честью прошедший сквозь огненные вихри Волховского и Ленинградского фронтов – после тяжких ранений и контузий оказывается вовлеченным в события, которые неумолимо влекут его в лубянские и лефортовские казематы, за колючую проволоку ГУЛАГа.

Повествование в произведении плотно переплетается с воспоминаниями, опытом, которые наложили неизгладимый след на все творчество Штильмарка. Однако при изучении произведения, можно отметить, что бытовой вопрос, повседневная рутина проскальзывает на страницах книги рядом с философскими рассуждениями. Вот что он писал в письме сыну в феврале 1970 года: «Горсть света» — это, думаю, мое главное, но куска хлеба она не сулит, эта самая «Горсть». Работоспособность снизилась и появилась страсть к бездумному и бессмысленному наслаждению уходящей жизнью, вот этим лесом под снегом, теплом от печи и счастьем от великого чужого труда, то есть от этих самых слез над вымыслом. Тем более, коли вымысел описывает твою собственную судьбу и чудным образом вскрывает твое собственное сердце… Очень об этом — жизни собственной! – трудно... Надо писать «Горсть света» – это главное, не дай Бог, чтобы я не успел! Не дай Бог, чтобы понято было не так, и чтобы кто-то истолковал нашу жизнь не по «Горсти света», а по неким протоколам и записям» [19. с. 5].

Отсюда, из этого порыва проистекает стремление, автора не только не затенять в своем жизнеописании собственные грехи и ошибки, но, напротив, – выделить и подчеркнуть их. Именно во вступлении к роману мы видим пример аллегорического образа, объясняющего смысл названия романа, и онтологическую позицию писателя: «Вот где можно воочию увидеть, что есть человек! – услышал я. – Приглядитесь получше... Тут положили его в гробу-колоде восемь ли, девять ли столетий назад. И

теперь... Вот он, след его земной!..» Настоятель наклонился, шурша длинной своей рясой, пошарил рукой по песчаному дну или поду пещеры, и вдруг я увидел во мраке его ладонь, поднимающую со дна нечто слабо святящееся, фосфоресцирующее. Пальцы Настоятеля разжались, легкие искорки этого загадочного света редкой струйкой пролились вниз и померкли. «Видели вы? Осталась от человека на Земле – одна горсть света!» [19, с. 6–7].

Так же в этом фрагменте, посвящённом Псково-Печерской лавре и гибели отца Корнилия, мы можем видеть, как два нарратива могут быть основаны на одном сюжете: «Псково-Печерское монастырское предание о гибели отца Корнилия, несколько отличается от летописного. По летописи, царь Иоанн Грозный повелел заточить настоятеля в темницу, пытать и казнить как пособника бегству князя-воеводы Андрея Курбского. Здешнее же монастырское сказание рисует событие так: получив донос о бегстве Курбского, царь Иоанн сам поспешил в великом гневе к Печорам, услыхав, что отец Корнилий посмел дать кратковременный приют опальному воеводе на пути того к литовцам. Сойдя с коня у монастырского храма Николы Ратного, царь, в припадке ярости, собственноручно снес саблей голову отцу Корнилию, когда псково-печерский Настоятель вышел встречать своего державного гостя монастырскими хлебом-солью. После же содеянного, опамятовав, царь подхватил тщедушное обезглавленное тело игумена и в ужасе бежал с ним вниз, от церкви Николы Ратного к Успенскому храму. С тех пор и до наших дней дорожка эта, устланная каменными плитами, зовется в псково-печерской обители «кровавой». Мне так и объяснил встречный монах: дескать, дойдете кровавой дорожкой до Корнилиевых стен...» [19, с. 5-6].

Это пример, как одна и та же история рассказывается с точки зрения двух нарративов, – один из них о том, что царь Иоанн непосредственно не виноват в гибели Святого, искренне пытаясь следовать закону, мы понимаем, что монарх ведёт себя надлежащим образом, и с другой стороны есть еще один нарратив, рассказанный внутри одного и того же сюжета, – царь Иоанн Грозный полностью соответствует сложившемуся о нём в народе мнению: он импульсивен, жесток и подвержен аффектам. Он воспринимается как преступник против заповедей Божьих, и заслуживает общественного порицания. С точки зрения летописи царь невиновен, с точки зрения народной памяти – он жестокий палач и деспот. Таким образом, Штильмарк вызывают сопереживание в читателях, показывая две стороны одних и тех же событий и их неоднозначность.

Нарративная история использует для исследований происходивших событий не беспристрастный подход, а оценивает их значимость на основе субъективных убеждений, жизненных правил и ценностей отдельных личностей. Нарративы позволяют заново переписать историю своей жизни, иначе расставив акценты, подкорректировав нужные моменты, рассказать её «без ошибок», либо, наоборот, довести некоторые моменты до героики или ничтожества.

Заключение

Таким образом, нарративная реальность в последнем романе Роберта Александровича Штильмарка имеет под собой историческую подоплеку. Сын своего времени, непосредственный участник множества мирных и военных событий, писатель щедро делится с нами впечатлениями, воспоминаниями и раздумьями, причем подчас весьма неоднозначными. При общем явно антисоветском настрое автора (по сути он был «внутренним диссидентом») мы находим немало эпизодов и высказываний патриотического и даже прокоммунистического характера. Все события, описанные автором, – это пережитый уникальный опыт, который он отразил

с щепетильной точностью. Особенно это касается деталей быта и отношения к войне, к ГУЛАГу, к сибирской земле, к России. В романе все эти феномены удивительным образом сплавляются в одно – в великолепный сюжет, повествующий о силе духа русского человека, о его неумолимой тяге к творчеству и созиданию в любых, даже абсолютно нечеловеческих условиях, и огромной любви к Родине.

Список литературы

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
2. Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М., 1989.
3. Ключевский, В. О. Евгений Онегин и его предки / В. О. Ключевский // Исторические портреты. М.: Правда, 1990. 420 с.
4. Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Ленинград: Просвещение, 1984. 234 с.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: комментарий /Ю. М. Лотман. Ленинград: Просвещение, 1980. 415 с.
6. Неклюдов С.Ю. Структура волшебной сказки. Традиция–текст–фольклор. М., 2001. 229 с.
7. Неклюдов С.Ю. Структура волшебной сказки / Е. М. Мелетинский, С. Ю. Неклюдов, Е. С. Новик, Д. М. Сегал. Москва: РГГУ, 2003. 239 с.
8. Нечкина М.В. Функция художественного образа в историческом процессе: сборник работ / М. В. Нечкина. М.: Наука, 1982. 319 с.
9. Предтеченский, А. В. Литературная жизнь Петербурга в 1895–1917 гг. // Очерки истории Ленинграда. Т. 3. М.: Наука, 1956. С. 659–695.
10. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки. М., 2001. 147 с.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 251 с.
12. Шмид В. Нарратология. М., 2003. С. 240–244.
13. Шмидт С. О. Художественная литература и искусство как источник формирования исторических представлений // Путь историка: избранные труды по источниковедению и историографии. М.: Наука, 1997. С. 113–115
14. Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990. С. 110–132
15. Михеев М.Ю. Фактографическая проза, или Пред-текст // Человек. 2004. № 2–3. С. 45–52.
16. Предтеченский А.В. Художественная литература как исторический источник / А. В. Предтеченский// Вестник ЛГУ. 1964. № 14. С. 76–84.
17. Тюпа В.И. Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск, 2002. Вып. 5. С. 5–31.
18. Шмидт С.О. Памятники художественной литературы как источник исторических знаний // Отечественная история. 2002. № 1. С. 40–49.
19. Штильмарк Р.А. Горсть света. Роман-хроника // Р. Штильмарк, наследники, 2001. URL: https://www.libfox.ru/485998-6-robert-shtilmark-gorst-sveta-roman-hronika (дата обращения: 10.05.2023).

УДК 821.512.31

Образ Сибири в творчестве Д. Улзытуева

Халхарова Лариса Цымжитовна
кандидат филологических наук, доцент.
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова, кафедра бурятской и эвенкийской филологии.
Улан-Удэ, Россия.
larihalh@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3034-4168

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается образ Сибири в поэзии Д. Улзытуева на примере стихотворений о родине «Шибертуй», «Песня о родном крае», «Сибирь», «Моя Сибирь», дневника поэта московского периода. Тема родины занимала особенное место в творчестве Д. Улзытуева. Сибирь в поэзии Д. Улзытуева представлен двояко, как реальный образ его малой родины – это его родное село Шибертуй, родная Бурятия, так и обобщенный, собирательный образ Сибири. Дается этимология названия села «Шибертуй» от бурятского слова «шэбэр», что означает чаща, лес, который, возможно стал топоосновой слова «Сибирь». Проводится аналогия слова «шэбэр» со словом «Сибирь».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Бурятская поэзия, Д. Улзытуев, лирика, тема родины, Шибертуй, топонимы, образ Сибири.

Дондок Улзытуев (1936-1972) – выдающийся бурятский поэт, прочно связанный с глубинными пластами бурятской национальной культуры. Его творчество занимает особое место в истории бурятской литературы XX века. Он ушел рано, всего в 36 лет, однако оставил богатое литературное наследие, которое привлекает внимание не только читателей, но и ученых-филологов, рассматривающих его творчество в разных ракурсах.

Образ родины, родной природы является главным объектом изображения и осмысления во всем творчестве Д. Улзытуева. Исследователи отмечали в поэзии Д. Улзытуева его удивительную влюбленность «в привольный простор степей, голубых от трав ая-ганги, в белые цепи гор, окаймляющих степи, в упругую, как седло, волну родного Байкала» [3, с. 146]; связь его поэзии с фольклорными и мифопоэтическими образами, подчеркивая, что «поэтическая стихия фольклора естественно входит в его художественную речь» [2, с. 44]; его философичность, афористичность, песенность лирики: «Улзытуев всегда называет себя певцом, осмысливая предназначение поэта в контексте национальной культуры как выразителя традиционного отношения к природе и окружающему миру, которое можно назвать культовым» [1, с. 38].

Д. Улзытуев родился в одном из живописных мест Бурятии, в Бичурском районе в бурятском селе Шэбэртэ (на рус. Шибертуй). И для него тема родины, тоонто (места, где родился) тесно связаны с образом Шибертуя.

Образ Шибертуя – один из сквозных образов всего творчества Д. Улзытуева. В одном из ранних стихотворений поэта «Шэбэртэ» лирический герой задается вопросом: «Шэбэртэ. Хэн иигэжэ нэрлээб, бү мэдэ/ Шэбэр шугыгаар сэлеэн соогоо алдаршаа./ Шэнэһэтэ ой. «Сэнгэгты», – гээд Улаан-Хада/ Шэдэлнэ хормой дорohоо аршаан» [5, н. 34]. (*подстрочный перевод наш – Л.Х.*) (Шибертуй. Кто тебя так назвал, мне неведомо/ Густые твои рощи тебя прославили./ Лиственичный лес. «Отдыхайте», – промолвив Улаан-Хада гора, / Разбила у подножья ключ аршана).

В другом стихотворении «Эхэ нютагайм магтаал дуун» (Песня о моем родном крае) поэт обращается к образу малой родины – Шибертуя, как родины его мудрых

предков, с которыми он ощущает неразрывную связь: «Эсэгым түрэһэн нангин тоонто/ Эреэлжэмни, Шэбэртэмни:/ Буурал нагасым домог соолта/ Буугыт мүнөө шүлэгтэмни…» [6, н.39]. (Священная родина отца моего/ О, мой Шибертуй, гора Эреэлжэ/ Вы в преданиях моих седовласых предков/ Приглашаю вас в мои стихи).

Не только в поэзии, но и в его дневниках Д. Улзытуева московского периода, когда он учился в стенах Литературного института им. М. Горького, очень часто возникает образ Шибертуя: (запись от 12 июля 1958 г.): «…Шэбэртын шугы… Хабарһаа эхилжэ тэрэ шугынууд соо хүхын донгодоон, жэмбүүрэй абяан таһалгаряагүй шахуу. Зарим үдэрнүүдтэ шугымнай дууража байха. Дээгүүрнь хирээ элихэ…» [8, н. 77]. (*подстрочный перевод наш – Л.Х.*) (…Шибертуйские рощи… С весны там поют кукушки, слышен птичий гомон. Иногда там такая тишина, будто все дремлют. Только коршуны парят в небе…). Д. Улзытуев поэтизирует родную природу, она прекрасна своим естественным ритмом, простотой.

Отметим то, что в бурятском языке слово «шэбэр» трактуется как густые заросли или лесная глушь, чаща, болотистое место. Этимология слова «шэбэр», от которого образовано название этого села, в Бурятско-русском словаре Л.Д. Шагдарова и К.М. Черемисова объясняется тремя значениями: «1. (заболоченная) чаща, густой лес, роща; 2. тунк. болото; 3. рус. Сибирь» [9, с. 632].

В Бурятии и в Забайкальском крае, где проживают буряты, много топонимических названий с топоосновой «шэбэр»: Мухар-Шэбэр (на рус. Мухор-Шибирь, Мухор-Шибирский район) – переводится на русский как край леса, слово «мухар» – это тупик, край; Охор-Шэбэр (на рус. Охор-Шибирь в Тункинском районе) – короткий лес, перелесок, Хара-Шэбэр (на рус. Хара-Шибирь в Заиграевском районе Бурятии и в Могойтуйском районе Забайкальского края) – черная чаща, непроходимая чаща.

Все эти названия местностей указывают на то, что слово «Сибирь», которое имеет различные трактовки и версии его этимологии, возможно, бурятского происхождения. С бурятской версией совпадает и монгольская версия, на которую ссылается ученый Рамстедт: «это название восходит к монг. Sibir, калм. šiwr̥ «заросль, сырая местность» [https://gufo.me/dict/vasmer].

Если в русской литературе, по мнению исследователей, закрепилось представление об амбивалетности образа Сибири: «изображение территории в инфернально-негативной или утопически-позитивной перспективе» [4, с. 16], то есть Сибирь воспринималась как край ссылки, каторги, с одной стороны, с другой – как место свободы, то для литературы бурят, коренного народа Сибири, она ассоциируется с родным краем, родиной, пространством их жизнедеятельности.

Стихотворение «Сибирь» Д. Улзытуева начинается с ее бурятской трактовки: «По-бурятски «шэбэр» – / непроходимая чаща…/ Заснеженная Сибирь /обещанья таящая, /лечу по стальной струне, / на стыках стучат колеса, / и песнь пою о тебе/ колесами электровоза. / Я верю – тот день недалек, / когда на пути небывалом / срастутся Великим бульваром / Москва и Владивосток» *(перевод С. Куняева)* [7, с. 53]. В этой поэтической миниатюре образ Сибири приобретает конкретность, ощутимость благодаря использованию изобразительно-выразительных средств: эпитетов «заснеженная Сибирь», «обещанья таящая», «путь небывалый», «Великий бульвар», метафоры «стальная струна» – железная дорога, которая протянулась через всю Сибирь. Лирический герой всматривается в необъятные просторы Сибири, отправляясь в дальнюю дорогу, называя ее по-бурятски «Шэбэр».

В другом стихотворении Д. Улзытуева «Ангарын дуун» (Песня Ангары) возникает образ Сибири, где проживает народ, бережно хранящий свои мудрые предания. Начинается стихотворение со следующих строк с использования аллитерации: «…**У**ужам Сибирь» **У**раг түрэл / Орондом /**У**лад зониинь /**У**ран домогоор баян даа…» [6,

н. 397]. *(подстрочный перевод здесь и далее наш – Л.Х.)* (В просторах моей Сибири/ Живущие /Хранят в памяти /Предания старины глубокой), передающей мелодичность, размеренность повествования.

Далее поэт переосмысливает бурятскую легенду о седом Байкале, единственная дочь которого Ангара сбежала к своему любимому Енисею от сурового отца: «Ангара /Хабсагай эрьеэ /Түмэн жэл соо /Химэлээд, /Сибирь талын /Шэмэг баян /Тайгые /Шэнээр дурдан /Омог дуугаа / Эхилээ…» [6, н. 396]. (Ангара / Тысячи лет /Была придавлена скалой / Однако сейчас / Она вырвалась /И отправилась в путь/ По широким сибирским просторам/ Начав новую прекрасную песню…). Образ Ангары, освободившейся от пут сурового отца Байкала и ее путь к свободе, которую символизируют просторы Сибири, неразрывно связан с размышлениями о судьбе народа – это метафора новой жизни народа, связанная с событиями начала 20 века.

В стихотворении «Моя Сибирь» Д. Улзытуев обращается к Сибири с такими словами: «Шэмэрүүнш даа, Сибирни, /Шэмэрүүнш хадаа – зулгы/ Шэнээр зохёон байгуулһан /Шэн зоригой үлгы./ Сээжэн дээгүүрш зурыһан / Шэрэм дүрбэн хүбшэргэй. /Мөөрын жэгдэ сохилтоор / Мүнхэ солыш дурдалай» [7, н. 201]. (Сибирь моя – сурова ты/Хоть и сурова ты, но ласкова / В этой новой жизни нашей / Доблести ты колыбель./ По твоей груди проложены/ Чугунные струны/И мерно стучат колеса / славу твою разнося). Здесь с помощью антитезы «суровая и ласковая Сибирь» поэт раскрывает образ Сибири, ее суровые климатические условия, и в то же время указывает на то, что народ, живущий здесь, давно выработал законы выживания, поэтому, Сибирь для него и сурова, и ласкова. Поэт убежден в том, что современная ему Сибирь – это «доблести» трудовой «колыбель», где проложены «чугунные струны» - метафора железной дороги, соединяющей восток и запад.

Итак, Сибирь в поэзии Д. Улзытуева возникает как реальный образ его малой родины – это его родное село Шибертуй, родная Бурятия, так и обобщенный, собирательный образ огромной территории, простирающейся от Урала до Дальнего Востока, образ необъятных просторов, образ новой Сибири, пространства новой, обновленной жизни народа.

Список литературы

1. Булгутова И.В. Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2017. 178 с.
2. Дампилова Л. С. Духовно-культурные коды в поэзии монгольских народов. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2016. 244 с.
3. Очирова Т.Н. Мгновенное и вечное //Литература и современность. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1978. С. 141-154.
4. Сафронова Е.Ю. Сибирский текст Ф. М. Достоевского: биография, эпистолярий, творчество: Автореферат дисс… докт .филол. наук. М., 2021. 44 с.
5. Улзытуев Д. Зохёолнуудай суглуулбари (III) – собрание сочинений: в 3 т. /Дондог Улзытуев. Том 1. Стихи. Улан-Удэ: НоваПринт, 2015. 528 с.
6. Улзытуев Д. Зохёолнуудай суглуулбари (III) – собрание сочинений: в 3 т. /Дондог Улзытуев. Том 2. Стихи. Улан-Удэ: НоваПринт, 2016. 472 с.
7. Улзытуев Д. Зохёолнуудай суглуулбари (III) – собрание сочинений: в 3 т. /Дондог Улзытуев. Том 2. Стихи. Улан-Удэ: НоваПринт, 2017. 272 с.
8. Улзытуев Д. Үдэр бүриин тэмдэглэлнүүд. 1957-1958; 1969-1970 онууд [Дневники. 1957-1958; 1969-1970-е годы] // Байгал. 2019. № 5. С. 51-110.
9. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В двух томах. Т.II. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.
10. Этимологический словарь Макса Фармера [https://gufo.me/dict/vasmer].

КУЛЬТУРНОЕ МНОГООБРАЗИЕ РЕГИОНОВ РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВА И ПРОГНОЗ

УДК 39

Историографический обзор прибалтийских диаспор Сибири

Еремеев Дмитрий Александрович
магистр исторических наук, учитель истории и обществознания.
МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 172», г. Новосибирска.
Новосибирск, Россия
eremeevhead@yandex.re
ORCID ID: 0009-0003-0434-7984

АННОТАЦИЯ Исследование посвящено обзору историографического материала, который посвящен прибалтийским диаспорам, проживающим на территории Сибири со второй половины XIX века до середины XX века. Кроме того, в рамках данной статьи с использованием метода контент-анализа акцент сделан на то, что находилось в фокусе исследователей, работавших в данном направлении и какую проблему они пытались решить. На основании проведенной работы сделан вывод о слабой изученности влияния повседневной жизни прибалтийских диаспор в Сибири в описываемый период.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Западная Сибирь, Восточная Сибирь, прибалтийские диаспоры, повседневная жизнь, историография.

Появление первых переселенцев из Прибалтики в Сибири, связано с Тобольской губернией, деревней Рыжково [7, с. 104]. Несмотря на существование нескольких датировок, от которых стоит начинать отсчет формирования прибалтийских диаспор в Сибири, все они относятся к самому концу XVIII в. – первому десятилетию XIX. в. Процесс переселения в Сибирь был связан с соответствующим указом Павла I от 1799 г. Однако из-за особенностей системы контроля за исполнением данного указа, можно говорить о том, что в Сибирь зачастую отправляли нежелательных элементов и ссыльных. Данное обстоятельство, на наш взгляд, отражает отношение к прибалтийским переселенцам, со стороны авторов первых свидетельств о них – В. Гаупта, Н. М. Ядринцева, Н. Лассмана, составивших их во второй половине XIX в. С их точки зрения прибалты предстают как асоциальные элементы [6, с. 114].

В связи с этим при описании прибалтийских диаспор возникает понятие «поздний переселенец», тот, кто попал в Сибирь в результате государственных программ конца XIX – первой половины XX вв., или же переехал в регион самовольно [4, с. 12]. Объективные процессы, такие как строительство Транссибирской железнодорожной магистрали, аграрная реформа П.А. Столыпина, привили в регион большое количество переселенцев, которые отличались от своих предшественников, в том числе и качественно. При этом вплоть до начала XX в. некоторые чиновники препятствовали доступу переселенцев, прежде всего католического вероисповедания [8, с. 7], к совершению религиозных обрядов, в частности не назначением священника в их поселения. Данное обстоятельство на наш взгляд также имело значение мировоззрение и культурный уровень переселенцев, уровень образования остается крайне низкими вплоть до 20-х гг. XX в. [3, с. 13].

Таким образом, как по хронологическому, так и по проблемно-тематическому принципу мы можем определить первый историографический период – *дореволюционный* (с начала XIX в. – 1917 (1918) г.). На данном этапе сведения о прибалтийских переселенцах отрывочны и описательны, к концу периода, в том числе

первой Всероссийской переписи, установить количество поселений и численность населения затруднительно.

Хронологически *Советский период* (1918 – 1980-е гг.) условно можно поделить на два этапа: (1918–1960 гг.); (1960 – вторая половина 1980 – х гг.), хотя по проблемно-тематическому принципу советский период можно условно определить с 1918 по 1960 гг., а все последующие исследования относить к современным исследованиям [6, с. 115].

На начальном этапе вплоть до конца 30-х г. на волне интернационализма, провозглашенного молодой советской республикой, в периодической печати («Жизнь национальностей») появляется ряд статей посвященных, прежде всего, этнокультурным особенностям прибалтийских диаспор. В 1925 г. было создано Эстонское научное общество [6, с. 114]. В этот период интерес со стороны историков к изучению нацменьшинств возрос. Еще одним важным событием данного периода становится декрет Совнаркома РСФСР от 18 июня 126 г. «По докладу народного комиссариата просвещения о просветительной работе среди национальных меньшинств РСФСР», одной из основных задач которого являлось повышения уровня образования диаспор, причем с сохранением их культуры и языка. Стоит отметить, что принятые меры способствовали росту национального самосознания прибалтов в Сибири, вследствие чего появляются местные периодические издания, выходившие на родных языках (например, латгальская «Тайснейба»), появляются местные театры, в целом накапливается и фиксируется этнографический материал.

К концу 1930-х г. интерес исследователей к данной теме заметно угас по ряду причин, в целом все исследования данного периода носят этнографический характер.

С середины 1960-х годов мы можем отметить возрождение интереса у исследователей к данной теме и начало т.н. периода *современных исследований*, что также связано с объективными процессами, которые касались всей отечественной исторической науки. Это, вероятно, было связано с некоторой рефлексией, которая наблюдается в обществе, что подтверждается статьями в газетах и научными работами [5]. Стоит отметить, что в данный период, интерес к данной теме начинают проявлять исследователи из Прибалтики.

Характерной особенностью данного периода является заинтересованность со стороны не только этнографов, но археологов, историков и лингвистов. Естественно, изменяются и подходы к исследованию данной проблематики. Круг исследовательских интересов расширился до языковых контактов (билингвизма), взаимодействия традиционных культур, оптации, влияние религии на самосознания прибалтийских диаспор, проблемам социально-культурной адаптации.

Среди исследователей истории прибалтийских диаспор в обозначенный нами период мы можем выделить М.Н. Колоткина, использовавшего архивные данные и периодику для изучения латгальских поселений, их численности, культурную и профессиональную деятельность, социально-культурную адаптацию в 20-30 гг. XX в., динамику изменений в данный период [3].

И.В. Лоткин, изучал этнические процессы прибалтов в Западной Сибири, вопросы адаптации представителей диаспоры. Причем данный ученый, помимо исторических исследований, собирал и актуальные этнографические данные по данной теме.

Д.Ю. Хомченко изучает влияния религии на жизнь переселенцев, прежде всего, в Восточной Сибири. В большей степени его исследования касаются переселенцев немцев, но необходимо понимать, что оказавшись далеко от исторической родины, переселенцев объединяла конфессиональная принадлежность, как мы знаем среди прибалтов также были и лютеране. И.П. Иванова изучала культурное взаимодействие этнических немцев и прибалтов в Восточной Сибири [2].

Д.Г. Коровушкин обработал огромный массив архивных данных, в том числе данные всех переписей населения, и представил монографию «Латыши и эстонцы в Западной Сибири: расселение и численность в конце XIX – начале XXI века» [6, с. 114]. Кроме того, данный исследователь составил обширный труд, в котором описал особенности устройства быта, включая типологии жилых и хозяйственных построек у представителей различных этнических диаспор, включая прибалтов, проживающих в Сибири [4].

Отдельно можно выделить исследователей, которые на примере прибалтийских переселенцев исследовали отдельные явления. К.В. Шумская изучала правовой статус латвийцев, советско-латвийские отношения до начала ВОВ, систему образования у прибалтийских переселенцев [9; 10]. О.Н. Науменко и Е.А. Науменко, специализируясь в области права, изучали генезис прибалтийских переселенцев, включая ссыльных. Среди лингвистов особенно мы можем выделить эстонского лингвиста Ю. Вийкберга, изучавшего трансформации эстонского языка в Сибири [1].

Мы можем сделать вывод, что за последние десятилетия изучение прибалтийских диаспор в Сибири становится одним из перспективных направлений, которое имеет определенный интерес у исследователей, большинство из которых – это сибирские ученные. При этом, мы можем констатировать, что исследования повседневной жизни прибалтийских диаспор в Сибири не являлось первостепенным объектом изучения исследователей, работающих в рамках данной проблемы. Между тем, именно ментальные установки человека имеют прямое влияние на все аспекты его повседневной жизни. В разрезе изучения истории Сибири в очерченный нами хронологический период исследование диаспор имеет ключевое значение. Понимание того, в какой степени переселенцы оказали влияние на все сферы жизни сибирского общества, способно дать нам возможность выделить генезис особенностей сибирского региона.

Список литературы

1. Вийкеберг Ю. Эстонские языковые островки в Сибири: (Возникновение, изменения, контакты). Таллинн : АН ЭССР, 1986. 30 с.
2. Иванова И.П. Культурное взаимодействие этнических групп немцев и прибалтов на Среднем Енисее: автореф. дисс. … канд. Кемерово, 2009. 24 с.
3. Колоткин М. Н. Латгальские поселения в Сибири. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 69 с.
4. Коровушкин Д. Г. Диаспоры в Западной Сибири (особенности этнокультурного развития сельских сообществ в конце XIX – начале XXI в.): автореф. дисс. .. доктора ист. наук. Новосибирск, 2009. 46 с.
5. Лоткин И.В. Этносоциальная адаптация прибалтийских национальных групп в Сибири (1920-1940 гг.): автореф. дисс. … доктора ист. наук. Кемерово, 2007. 64 с.
6. Лоткин И.В. История и этнография сибирских эстонцев в трудах отечественных и зарубежных исследователей // Лютеране в России: к 300-летию распространения лютеранства в Сибири. Сборник докладов Международной научной конференции, Омск, 09-10 октября 2014 года. Омск: Омский государственный технический университет, 2014. С. 113-115.
7. Науменко О.Н., Науменко Е.А. Сибирь и прибалтийские народы: генезис формирования диаспор // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12-3(62). С. 104-106.
8. Недзелюк Т.Г. Конфессиональное сообщество католиков Сибири: влияние мировоззрения на повседневную жизнь (1830 – 1917). Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2016. 345 с.
9. Шумская К.В. Правовое и социальное положение учителей национальных школ в РСФСР: на примере Западной Сибири (1917-1938 гг.) // Проблемы юриспруденции: сборник

научных статей и тезисов. Вып. 11. Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018. С. 111-117.
10. Шумская К.В. Национальное образование в Сибири: становление и развитие советской латгальской школы // Сибирский учитель. 2018. № 1(116). С. 87-91.

УДК 39

Формирование украинского населения Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX века

Люля Наталья Викторовна
ведущий специалист по учебно-методической работе.
Алтайский государственный педагогический университет,
УНИЛ «Центр устной истории и этнографии».
Барнаул, Россия.
natalyalyulya@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-7545-1215

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается процесс формирования украинского населения на территории Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX вв. Анализ источников и литературы позволяет говорить о влиянии в первую очередь на миграционные волны украинцев государственной переселенческой политики, регулировавшей процессы миграции в стране, определявшей места выселения из Украины и места вселения в районы Западной Сибири. Украинское население Западной Сибири в основном представлено мигрантами, которые приехали в конце XIX в. и в период реализации Столыпинской аграрной реформы. Украинцы в рамках других миграционных процессах в меньшей степени оседали в регионе, в основном возвращались обратно после изменения ситуации или отмены нормативных документов, регламентирующих переселение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Крестьянские переселения, плановые переселения, принудительные переселения, переселенцы, эвакуированные, украинцы, Западная Сибирь.

Освоение территории Западной Сибири украинцами шло вместе с заселением региона другими народами и насчитывает несколько столетий. В XIX в. основной причиной их появления в Западной Сибири стала ссылка, однако уровень преступности в малороссийских губерниях был очень низкий и за 1827–1837 г. украинцы составили всего 0,8 % [23, с. 10]. Деятельность государственных органов по заселению окраин способствовала переселению в 1846–1850 г. «малороссийских» казаков и крестьян в Акмолинскую область на лучшие земли (3 852 чел.) [23, с. 10].

Незначительное количество переселенцев в Западную Сибирь, в том числе малороссийских крестьян, было обусловлено нормативными документами, а после принятия Положения «19 февраля» право на переселение было признано лишь для крестьян, не получивших надела по реформе 1861 г. По мнению Соловьевой Е.И., «правительство оставалось выразителем интересов помещиков центральных районов страны, заинтересованных в сохранении на местах дешевой рабочей силы. Поэтому переселения крестьян на окраины всячески тормозились, их пытались втиснуть в рамки, не опасные для помещичьего землевладения» [21]. В связи с этим, за 1860–1870-е гг. доля украинцев среди переселенцев, например, в Алтайский горный округ после принятия указа от 30 июля 1865 г. «О водворении в Алтайский округ государственных крестьян», открывшего для переселенцев регион составляла всего 3,5% [25, с. 19].

Уже в 1877–1888 гг. в переселенческом движении принимали участие выходцы из 32 губерний Европейской части России. При этом наибольшее количество украинских переселенцев было представлено выходцами из Харьковской губернии – 20 311 чел. [19, с. 8-9]. В рассматриваемое десятилетие украинские переселенцы не образовывали самостоятельных населенных пунктов, в связи с незначительной численностью, а подселялись в поселки к русским старожилам. Так, в Алтайском горном округе для заселения были доступны земли Змеиногорского уезда, в меньшей степени – Барнаульского уезда. Сельские поселения, например, Змеиногорского уезда

располагались в предгорье на берегах горных рек. Данные природные условия не были знакомы украинцам и создавали дополнительные трудности при размещении в новых районах [14, с. 159].

Согласно данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. на территории Тобольской, Томской губерний и Акмолинской области проживало около 190 тыс. украинцев, что говорит о росте численности в рассматриваемом регионе. Соловьев С.В. о крестьянском переселении в Сибирь на 1897 г. отмечает, «переселенческое движение из России в Сибирь и Степной край за последние годы очень сильно увеличилось. Например, с 1-го января по 1-е сентября 1896 года, туда прибыло свыше 180,000 человек, когда как в 1886 году переселенцев было всего 11 тысяч. Такое огромное движение, вызвано во многих случаях самым превратными рассказами и слухами про Сибирь и счастливую жизнь, ожидающую в ней переселенца, очень часто крайне неблагоприятно отзывается на решившемся переселиться крестьян» [20, с. 23-24].

Распределение украинцев в конце XIX в. по регионам было неравномерным, и большая часть проживала в Томской губернии – 53 %, а самая малочисленная в Тобольской – 20 % [23, с. 10–11]. Тем не менее общий удельный вес украинцев в общей численности населения был невелик и составлял в Тобольской губернии – 2,64 %, Томской – 5,2 %, Акмолинской области – 7,5 % [23, с. 11]. В Западную Сибирь по данным 1897 г. 38,3 % переселенцев были представлены выходцами из Полтавской губернии, 31 % Черниговской, 12,4 % Харьковской [13, с. 27].

Основная часть украинцев (98 %) проживала в сельской местности, по-прежнему практически не образуя отдельных населенных пунктов. Как писал Швецов С.П.: «население переселенческого заселка, даже самого позднего образования, не представляет собой чего-нибудь однородного; напротив, оно распадается на ряд более и менее обособленных групп, характеризуемых самыми разными чертами» [24, с. 4]. Практически половина переселенцев-украинцев в Западной Сибири представлена выходцами из Полтавской губернии, при этом их распределение тоже носило не равномерный характер. Например, в Томской и Акмолинской губернии преобладали «полтавские», а в Тобольской «черниговские».

Речко А.П. вспоминал: «Он приехал после реформы Столыпина, когда значит здесь земля освободилась, там земли не было на Украине. Он приехали сюда, здесь обосновались, вот на этом месте. «…» А потому что здесь само свободно. А Сибирь то – это наш Алтайский край, не был еще заселен. Тут еще мало было, а земля свободна, девать ее некуда было. Вот они и поехали. А дедушка мой по матери, он тоже приезжий, он с Белоруссии приехал, с Гомельской области или губернии, это тогда была. Тут тоже обосновался, жили, потому что сюда в то время ехали, земля свободна, а потом природные то условия. Они же ехали не прям вот сюда, они ехали еще по пути смотрели, где лучше, спрашивали. И вот они доехали до этого время-тупик. Дальше ехать не надо, свобода тут, природные условия то у нас позволяют, ты смотри: бор, околки, вода, и они поселились вот тут. Вот тут лог был, проходил ручеек, вот они тут за огородами у нас. Вот они тут и поселилися. Тут вода, потом стали прудить, и пруды, воды стало много. Они тут стали, обосновались, и неплохо. Ну приехали, вот с Украины, приехало немного «…». Ну вобщем со всей России помаленьку сюда съезжались» [3].

В основном украинские переселенцы, как и выходцы из других европейских губерний, отправлялась в Сибирь в марте-мае, реже – в июне-июле на речном и гужевом транспорте, а со строительством железной дороги – на поезде [1; 17, с. 41]. В памяти информантов сохранились лишь рассказы родителей о переезде на лошадях большими семьями, что, возможно, связано с возрастной категорией опрошенных (1920–1930 г. р.) и малой осведомленностью о процессе переселения своих предков. Аношенко И.Л. рассказывал: «Харьковская область, село Второй Леман оттуда они

(предки – Н.В.) приехали. Тогда еще там же помещики были и вот они работали у помещиков, а потом земли там мало было, и эту Сибирь начали осваивать, и вот они своим ходом на своих лошадях передвигались оттуда. Пробегут километров 50, останавливаются, кормят лошадей, сами кушают. И так они оттуда 4,5 тыщи километров. Вот они, наверное, полмесяца ехали» [2]. Полторацкая А.М. делилась: «Они по национальности, украинцы, и мамка, и отец. Ну они как сначала, Украина, Украина, все поприехали сюда, вот у родителей отца приехала бабушка, ее была мать Игнатенко Матрена Колистратовна. «…» Почему они сюда переехали, потому что, там как, голодовка началась совсем, не было ничего кушать, сказали, что в Сибири, вроде тоже есть заработки, и ехали они на попутных лошадях, и пешком шли.» [8].

Длительность нахождения в пути зависела от вида транспорта и варьировалась от 1 до 2 месяцев. Передвижение на гужевом транспорте требовало от переселенцев больших затрат физических сил. По воспоминаниям информантов до места вселения в основном добирались на лошадях [6].

Незначительные денежные средства, полученные от продажи земельного надела и имущества на родине, не часто позволяли украинцам отправиться в Сибирь по железной дороге. Так, украинцы Харьковской губернии отмечали, что не всегда за проданную землю получали наличные деньги. Нередко скупщики отдавали лишь часть денег, остальную же сумму выдавали векселями, а иногда просто оставались должны [17, с. 11]. В связи с этим украинские переселенцы не имели достаточного количества денежных средств на дорогу. Лишь с 1891 г., после начала строительства Транссибирской магистрали или Сибирского пути увеличивается поток мигрантов в районы Западной Сибири, в том числе переселенцев-украинцев.

Однако отправившись в Сибирь на железнодорожном транспорте, украинские мигранты сталкивались с целым комплексом проблем: медленная погрузка в поезда, частые и продолжительные остановки, незнание железнодорожных распорядков [17, с. 29]. До 1893 г. единой системы оказания переселенцам медицинской и продовольственной помощи в пути следования не существовало. Ситуация изменилась с 1892 г., когда с учреждением Комитета Сибирской железной дороги Александром III было ассигновано 125 400 рублей на строительство врачебно-продовольственных пунктов для мигрантов [22, с. 249]. Начинается активное строительство врачебных и фельдшерских пунктов на пути следования переселенцев в Томскую и Тобольскую губернии. Организация питания, медицинской и продовольственной помощи способствовала снижению заболеваемости и смертности среди переселенцев и значительно влияла на изменение санитарно-эпидемиологической обстановки [22, с. 249].

Ситуация улучшается в период реализации Столыпинской аграрной реформы. По пути следования переселенческих партий на железнодорожных станциях были организованы врачебно-продовольственные пункты, небольшие амбулатории, обсервационные пункты и дезинфекционные камеры [22, с. 250]. Продовольственная помощь сводилась к выдаче по линии движения переселенцев больным и детям до 10-летнего возраста бесплатных порций и к бесплатному кормлению больных детей. Сохранились воспоминания потомков украинских переселенцев о том, что по пути следования поезда маленьким детям выдавали на день один литр молока. Арендаренко Е.Я. рассказывала: «А потому что там земли было мало, а здесь Сибирь заселяли, вольные земли были. Вот кода ехали – кто поездом, а кто даже своим ходом… Это мать говорила, а ей уже мать рассказывала, что даже вот у кого маленькие дети, поездом ехали выдавали по литру молока в день на ребенка, ну шоб только добирались до Сибири» [5]. В результате принятых мер произошло снижение заболеваемости и смертности переселенцев в пути следования, что в свою очередь активизировало миграционный процесс в Сибирь.

Поток переселенцев с Украины на территорию Западной Сибири резко возрастает с налаживанием передвижения переселенцев на железнодорожном транспорте в годы реализации Столыпинской аграрной реформы с 1908 по 1910 гг. Всего за 1897–1913 гг. численность украинцев в Западной Сибири резко выросла с 137 тыс. до 376 тыс. чел., а соотношение украинцев и другого населения составило 5,7 % [23, с. 11]. Переселенцы являлись выходцами из Полтавской – 24,2 %, Черниговской – 20,2 %, Харьковской – 14,6 % [13, с. 27]

На протяжении второй половины XIX – начале XX в. миграционные потоки были представлены в основном выходцами из губерний Левобережной Украины (Полтавская, Харьковская, Черниговская), а с начала Первой мировой войны в процесс переселений включились представители Правобережной Украины (Киевщина, Подолия, Волынь), но масштабы их переселений до конца 1920-х гг. были невелики [12, с. 51]. Общее количество переселенцев из Киевской, Подольской и Волынской губерний за 1896–1910-е годы составило всего 229 786 чел.

После окончания Гражданской войны на территории Украинской ССР воплощение в действие декрета о земле сформировало земельный резерв в размере 20 млн. десятин, куда вошли конфискованные земли помещиков, купцов, церквей. После установления советской власти с января 1920 г. вся земля была роздана крестьянам, однако быстрый рост численности населения в республике (около 1 млн. чел.) привел к ее дефициту. Сложившуюся ситуацию пытались решить за счет интенсивных методов ведения сельского хозяйства, применением в земледелии и животноводстве новых высокопродуктивных технологий. Но на практике результат оказался не таким как в теории и в течение нескольких лет в УССР были низкие урожаи, особенно в зоне Полесья [18, с. 185].

Дефицит земли в республике осложнялся прибытием в Украину в 1921–1922 гг. населения с голодающих регионов Поволжья, Южного Урала и некоторых районов Западной Сибири. В 1923 г. СНК УССР принимает решение о проведении переписи безземельного населения и принимает заявления о переселении части на свободные земли юга Украины. Имеющиеся свободные земли позволяли принять только 80 тыс. семей для остальных было принято решение о выделении земли в восточных регионах РСФСР для переселения туда жителей Украины [18, с. 186]. После принятия ряда нормативных актов – «О мерах обеспечения планового переселения по Украине и за ее пределы», «О первоочередном переселении сельского населения УССР в 1924–1935 гг.», «О льготах переселенцам», с 1924 г. на территорию Сибири начинается интенсивный переезд населения из Украины. В течение 1924–1926 гг. из Украины в Сибирь выехало 1 590 семей (7 698 чел.), в 1926 г. – 6 319 (32 114 чел.), в 1927–1928 гг. 20 539 (103 тыс. чел.) [18, с. 186]. Значительная часть семей в рассматриваемый период осела на территории Западной Сибири – Омском округе 1 740 семей, Тарском – 200, Барабинском – 198, Рубцовском – 1 400, Кузнецком – 4 900, Томском – 9 100 [18, с. 185].

Согласно данным переписи на 1926 г. в Западной Сибири насчитывалось 849 тыс. украинцев (8,1 %). Они проживали преимущественно компактно в наиболее благоприятных для земледелия степных и лесостепных районах юго-западной Сибири (Ишимская, Кулундинская, Барабинская степи). В Славгородском округе украинцы являлись наиболее многочисленной национальной группой — 46,8 %. Их удельный вес в Омском округе составлял 19,4 %, Каменском — 15,9, Рубцовском — 15,5, Барабинском — 13,6 %. Подавляющая масса украинцев Сибири занималась сельским хозяйством (8,8 % сельского населения Сибири), основу которого составляло зерно-вое хозяйство и животноводство. В городах проживало лишь 29 785 (2,6 %) украинцев, составляя 2,8 % городского населения [11].

Ситуация осложняется в 1932–1933 гг., когда массовый голод, вызванный комплексом факторов, стал причиной переселения украинского населения в Западную

Сибирь. Индустриализация страны, бюрократическая система сельского хозяйства, система планирования, коллективизация повлекли за собой сложные условия существования украинской семьи в районах современных Харьковской, Киевской, Полтавской, Сумской, Черкасской, Днепропетровской, Житомирской, Винницкой, Черниговской областей. К сожалению, потомки данной группы переселенцев встречаются достаточно редко, но воспоминания о событиях на Украине в данный период времени все же фиксируются в собранных автором интервью [4].

Во второй половине 1930-х гг. формирование украинского населения в Западной Сибири также было обусловлено принудительными переселениями и расселением кулаков в трудовых поселках. Среди общего числа переселяемые крестьяне Украины составили 63 817 чел. из них в Западную Сибирь было направлено 6 566 чел., Восточную Сибирь – 5 056 чел. [10, с. 57]. По данным Бугая Н.Ф., в 1937–1938 гг. из числа репрессированных 131 635 украинцев, а русских – 191 999. Значительная часть которых была распределена на работы по добыче золота, угля, в металлургию, машиностроительную, химическую, рудную и вагоностроительную отрасли и т.д., а также в совхозы преимущественно на обработку хлопка и для работы в животноводстве [10, с. 57–58].

Конец 1930 – начало 1940-х гг. обусловлены несколькими волнами переселенцев из Украинской ССР. Во-первых, переселения вызваны реализацией ряда постановлений СНК 1939 г. «О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания», позже «Об изменениях в политике заготовок и закупок сельхозпродуктов», «О мерах по развитию общественного животноводства в колхозах», которые предусматривали резкое увеличение количества сдаваемой государству продукции сельского хозяйства, что создало ситуацию нехватки рабочих рук в колхозах и повлекло переселения в многоземельные районы СССР.

Во-вторых, Положением «О порядке применения ссылки на поселение для некоторой категории преступников», распоряжения Л. Берия от 14 июня 1941 г., регулирующие принудительные переселения народов в СССР.

В числе сибирских регионов, куда предполагалось направить переселенческие потоки колхозников плановых переселенцев, были Омская и Новосибирская области, Алтайский край. Первые переселения начались сразу в 1939 г. В первый год реализации постановления в Омскую область переселилось 4 000 семей из них 2 500 плановых переселенцев. В планах на 1940 г. Новосибирская область должна была принять 20 тыс. семей, Омская – 15 тыс., в том числе украинцев [9, с. 8]. К концу августа 1940-ого г. в Новосибирскую область прибыло 13 052 семьи, из которых 975 семей были выходцами из Винницкой области, 900 Харьковской [9, с. 9]. В Новосибирской области для расселения прибывающих плановых переселенцев, в том числе с Украины были определены Купинский район, в Омской области – Калачинский, Оконешниковский, Полтавский, Русско-Полянский и др. Не исключением стали районы и Алтайского края – Егорьевский, Топчихинский, Мамонтовский, Косихинский, Тальменский и др. Например, Егорьевский район по решению Переселенческого Отдела Алтайского края от 30/ VII-40 № 13-01 в 1941 г. должен был принять 500 хозяйств переселенцев. В «Плане распределения переселенцев» в числе населенных пунктов, в которые будут направлены переселенцы, указано село Титовка, образованное в 1878 г. большей частью русскими переселенцами. На 1941 г. жители села входили в четыре колхоза, в которые направлялось 69 украинских семей (269 человек). На первое марта 1941 г. Районному исполкому было известно, что переселенцы из Полтавской области УССР прибудут на ст. Рубцовск, примерно 20-25 марта. По воспоминаниям информантов, украинцы прибыли позже на два месяца. Причиной переселения они указали высокую плотность населения на Украине.

Желания переезжать в Сибирь у колхозников не было. Однако им был предоставлен выбор между двумя регионами: Алтайским и Красноярским краями [7].

До Алтайского края и места вселения переселенцев доставляли на поезде, по воспоминаниям одновременно ехала сразу 70 семей в Алтайский край: «Ну много, я не помню может 70 может, ну как вот наша деревня то была там вот как хутора так вот и вот был передовой колхоз имени Буденого, а хто нибудь как вредитель, наверно вот выселили, и все дома побросали» [6]. Информанты рассказывают, что в основном ехали только ночью, а днем стояли в тупиках. Прибыли эшелоны не на ст. Рубцовск, как предполагалось, а на ст. Мамонтово Рубцовского района, а до места планового вселения добирались уже на подводах.

Для плановых переселенцев предполагалось подготовить квартиры, произвести ремонт и побелку необходимого количества домов, предоставить скот, подготовить продукты питания в должном объеме и теплую одежду. Однако ситуация при прибытии в село оказало прямо противоположной, что связно в том числе и с началом войны. Сами переселенцы рассказывают: «привезли, манатки наши кинули, и живи, где хошь» [6]. В селах стали возникать конфликты между вновь прибывшими переселенцами и старожилами, о чем сообщается в докладных записках представителей власти. «В Каганском районе (Омской области – М. Б.) в колхозе «Чернолучье» зам. председателя правления колхоза Булдаков и бригадир Казанцев всячески оскорбляли переселенцев-украинцев, а 26 июня (1940 г. – М.Б.) избили переселенца Ковбаса. В колхозе «Коминтерн» Ишимского района проявлял хулиганские действия к переселенцам – подпирал ночью двери квартир переселенцев, распрягал и уводил лошадей, на которых работали переселенцы» [цит. по: 9, с. 13].

Сложные взаимоотношения с местным населением, когда переселенцев считали «дармоедами», возникшие трудности на месте вселения (отсутствие жилья, питания, одежды) способствовали тому, что многие переселенцы сразу возвращались обратно в Украину или ехали в Казахстан. Так, Павло Пацюк сообщал следующую причину возвращения в Полтавскую область: «Докладываю Центральному комитету партии про жизнь переселенцев Омской области, особенно в Молотовском районе. Я сам переселенец Пацюк Павло К. Проживал … в колхозе «Вольная жизнь», где испытал отношение до переселенцев плохое. Предколхоза т. Буткин помощь оказывает своим друзьям, с которыми пьет водку, а переселенцам обещает… но ничего не делает. Отношение не людское, зверское, матом кроет, иждивенцами называет, и даже мою жену побил в огороде за то, не давала зламувать подсолнух… Все это я докладываю о том, что меня заставило поехать обратно» [Цит. по: 9, с. 13–14]. Значительная часть плановых украинцев-переселенцев вернулись обратно на Украину только после окончания Великой Отечественной войны и встретить в ходе работы в этнографической экспедиции потомков данной группы переселенцев достаточно сложно. Так же, как и украинцев, эвакуированных из прифронтовых в тыловые регионы СССР в годы Великой Отечественной войны. Эвакуированное население на территорию Западной Сибири прибывало неравномерно. Например, Алтайский край принял около 215 тыс. эвакуированных. Украинское население попало в Алтайский край в первый этап эвакуации с августа 1941 г. по январь 1942 г. В это время было принято около 110 тыс. чел. в основном из г. Москвы и Московской области, Украинской ССР, Белорусской ССР, Карело-Финской ССР и Дальнего Востока. Национальный состав эвакуированных был представлен преимущественно русскими (67 %) и украинцами (18 %). В сельской местности было размещено около 53 % эвакуированных. Основными районами размещения эвакуированных стали города Барнаул, Бийск, Ойрот-Тура, Славгород, Рубцовск и сельские районы: Алейский, Барнаульский, Змеиногорский, Калманский, Каменский, Поспелихинский, Рубцовский, Славгородский, Троицкий и Шипуновский [16, с. 303].

Таким образом, формирование украинского населения на территории Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX вв. определялось как внешними, так и внутренними факторами. Большое влияние на миграционные волны переселенцев-украинцев оказала государственная переселенческая политика на протяжении, которая регулировала процессы переселения, определяла места выселения из Украины и места вселения украинцев в районы Западной Сибири. Можно говорить о том, что в основное украинское население на территории рассматриваемого сформировалось благодаря переселенцам в конца XIX в. и в периода реализации Столыпинской аграрной реформы, украинцы в других миграционных волн (в период голода, спецпереселенцы, плановые переселенцы, эвакуированные и др. группы) в меньшей степени оседали в районах Западной Сибири, в основном возвращались обратно после изменения ситуации или отмены нормативных документов, регламентирующих переселение. С 1926 г. по 1959 г. численность украинского населения на территории Западной Сибири значительно сокращается, что обусловлено не только процессами возвращения более поздних мигрантов (плановых переселенцев, эвакуированных, спецпоселенцев) на родину, войной, но и процессом изменения своей этнической идентичности.

Список литературы

1. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Материалы ИЭЭ 2003 г.: Алтайский край, Поспелихинский район, с. Клепечиха. Мухопад А.Т., 1925 г. р.
2. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Зятьково. Аношенко И.Л., 1931 г. р.
3. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2012 г.: Алтайский край, Панкрушихинский район, с. Велижанка. Речко П.А., 1931 г. р.
4. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, г. Карасук. Перепончик Т. И., 1927 г. р.
5. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2015 г.: Новосибирская область, Карасукский район, с. Ирбизино. Арендаренко Е.Я., 1937 г. р.
6. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2017 г.: Алтайский край, Родинский район, с. Родино. Якутка Н. Ф., 1930 г. р.
7. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ИЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Егорьевский район, с. Титовка. Зоткина М Е., 1935 г. р.; Адонина А.М., 1938 г. р., Солощенко Л. В., 1928 г. р.
8. Архив ЦУИиЭ АлтГПУ. Ф. 1. Материалы ЭЭ 2013 г.: Алтайский край, Романовский район, с. Романово. Полторацкая А.М., 1935 г. р.
9. Бережнова М.Л. Государственная программа переселений в восточные районы СССР 1939–1942 гг.: этнографические аспекты // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–2 (60). С. 7-16.
10. Бугай Н. Ф. Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006. 271 с.
11. Историческая энциклопедия Сибири: [в 3 т.] / отв. ред. В.И. Клименко; Пред. науч. ред. совета акад. РАН В.И. Молодин; Гл. ред. чл.-корр. РАН В.А. Ламин. Новосибирск, 2010. Т. 2: 807 с. URL: http://bsk.nios.ru/enciklodediya/ukraincy (дата обращения: 14.06.2023)
12. Коровушкин Д.Г. Очерки этнокультурной адаптации поздних переселенцев в Западной Сибири / ред. Н.А. Томилов; Рос. акад. наук, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск, 2006. 200 с.
13. Липин А.М. Украинские переселенцы в Западной Сибири районы выхода (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия Алтайского государственного университета. 1999. № 4 (14). С. 24-29.
14. Люля Н.В. Формирование украинского населения на территории Алтайского округа в ходе переселений 1865–1917 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 460. С. 155-163.
15. Люля Н.В. Переселение и условия адаптации украинцев в селе Титовка Егорьевского района Алтайского края в рамках реализации плановой переселенческой политики 1939–

1942 годов // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития: Материалы X Международной НПК / под ред. Т.Н. Золотовой и [др.]: в 3 ч. Омск, 2014. Ч. 1. С. 313-317.
16. Мелихова Ю.А. Исторический опыт организации приема и обустройства эвакуированного населения в годы Великой Отечественной войны (на примере Алтайского края) : дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 : защищена 27.05.16. 325 с.
17. Переселенческое движение из Харьковской губернии в 1910 г. (по сообщениям добровольных корреспондентов текущей сельскохозяйственной статистики). Харьков, 1912. 68 с.
18. Розовык О.Д. Миграция сельского населения УССР в Сибирь, Забайкалье и дальний Восток в 1920-х гг. // Теория и практика общественного развития. № 5. 2013. С. 185-189.
19. Силина И.Г. Динамика и интенсивность миграционных процессов во второй половине XIX – начале XX вв. на территории Алтайского округа // Алтайская деревня во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул, 2004. С. 3-11.
20. Соловьев С.В. О крестьянском переселении в Сибирь. СПб.: Типография М. Акинфиева и И. Леонтьева, 1897. 37 с.
21. Соловьева Е.И. Крестьянство Сибири в эпоху капитализма // История крестьянства Сибири в 5 т. отв. ред. Л.М. Горюшкин. Новосибирск, 1983. 400 с. URL: http://bsk.nios.ru/content/krestyanstvo-sibiri-v-epohu-kapitalizma-glavy-ii-iv (дата обращения: 14.06.2023)
22. Шуляк Е.В. Переселения за Урал: медицинская и продовольственная помощь переселенцам, следующим в Сибирь (80-е гг. XIX – начало XX в.) // Сборник материалов третьей региональной музейной конференции «Гороховские чтения». Челябинск, 2012. С. 248–254.
23. Шайдуров В.Н. Особенности экономической жизни украинских крестьян в Западной Сибири в конце XIX – начале XX в. // История повседневности. 2017. № 1. С. 9-22.
24. Швецов С.П. Материалы по изследованию мест водворения переселенцев в Алтайском округе: результаты статистическаго изследования в 1894 году. Т. 4. Вып. 2: Описание переселенческих поселков. Барнаул, 1899. 559 с.
25. Якименко Н.А. Аграрные миграции в России (1861–1917 гг.) // Вопросы истории. 1983. № 3. С. 17-31.

УДК 378.02

Программный подход в подготовке кадров для отрасли культуры и искусства

Москалев Леонид Леонидович
кандидат философских наук, доцент.
Сибирский государственный институт искусств
имени Дмитрия Хворостовского,
кафедра социально-гуманитарных наук и истории искусств.
Красноярск, Россия.
leonid.moskalev@ya.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты внедрения рабочих программ воспитания в вузе искусств. Программный подход в художественном образовании, выступающем единым процессом обучения и воспитания, направлен на создание необходимых условий для развития универсальных и профессиональных компетенций, личностных качеств обучающихся.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Программный подход, рабочая программа воспитания, творческая интеллигенция, ценности, деятельность, компетенции, творческий вуз, художественное образование, воспитательный процесс, личностные качества.

В связи с принятием Федерального закона от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» с 1 сентября 2020 г. вступили в силу изменения, затрагивающие ряд важнейших положений Федерального закона Российской Федерации от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся. В Сибирском государственном институте искусств имени Дмитрия Хворостовского были приведены в соответствие с положениями Федерального закона образовательные программы подготовки специалистов среднего звена и образовательные программы высшего образования (программы бакалавриата и программы специалитета), в которые были включены рабочие программы воспитания, календарные планы воспитательной работы.

Примерной рабочей программой воспитания в образовательной организации высшего образования, разработанной рабочей группой по воспитательной работе Минобрнауки России, предусмотрено наличие таких структурных компонентов, как концептуально-ценностные основания и принципы организации воспитательного процесса, методологические подходы к организации воспитательной деятельности в образовательной организации высшего образования.

Среди методологических подходов наиболее известны следующие: системный, иерархический, структурный, функциональный, комплексный и процессный подходы. Многие инструменты из методологического потенциала процессного подхода приобрели прикладное значение в таких системах, как Международная система стандартов ISO-2000 различных модификаций, в организационных технологиях системы менеджмента качества. Реализация процессного подхода в системе высшего образования предполагает разработку различных программ.

Реализация программного подхода в воспитательной сфере обусловлена широким внедрением данного подхода в деятельности органов государственной власти и управления. Так, постановлением Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 1642 утверждена Государственная программа Российской

Федерации «Развитие образования», постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2547 утверждены требования к структуре и содержанию программы развития образовательных организаций высшего образования, постановлением Правительства Российской Федерации от 13 мая 2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» запущен процесс формирования в России к 2030 году более 100 прогрессивных современных университетов - центров научно-технологического и социально-экономического развития страны.

Программный подход в образовании, выступающем единым процессом обучения и воспитания, есть представление обучающимся возможности выбора сферы деятельности и общения, организации групп, в которых создаются необходимые условия для формирования и развития универсальных и профессиональных компетенций, личностных качеств обучающихся.

Рабочие программы воспитания представляют механизм вовлечения студенческой молодежи в воспитательный процесс. Характерным для программного подхода становится целеполагание процесса, как результата программ, не набора отдельных воспитательных мероприятий. Программный подход, ориентированный на процесс в течение всего периода освоения образовательной программы, призван обеспечить смену формата функционирования прежней системы воспитания. Государством и обществом формулируется задача усвоения новым поколением идеалов, ценностей, норм поведения предшествующих поколений. Разворот к традиционным ценностям особенно необходим для формирования национально ориентированной творческой интеллигенции.

В соответствии с требованиями к условиям реализации реализуемых образовательных программ, институт обязан сформировать социокультурную среду, создавать условия, необходимые для всестороннего развития и социализации личности, сохранения здоровья обучающихся, способствовать развитию воспитательного компонента образовательного процесса, включая развитие студенческого самоуправления, участие обучающихся в работе творческих коллективов, научного общества обучающихся, спортивного клуба.

Программа направлена на решение проблем гармоничного вхождения выпускников в социальный мир и налаживания ответственных взаимоотношений с окружающими их людьми.

Рабочая программа воспитания демонстрирует, каким образом педагоги могут реализовать воспитательный потенциал их совместной с обучающимися деятельности.

В центре рабочей программы воспитания находится личностное развитие обучающихся в соответствии с государственными образовательными стандартами, формирование у них системных знаний о будущей специальности, различных аспектах развития региона, России и мира.

Программа воспитания показывает систему работы с обучающимися в творческом вузе. Система должна содержать такие эффективные формы и методы, которые позволяют создать условия для воспитания достойного гражданина современного общества.

Рабочая программа воспитания предусматривает организацию воспитательной работы по следующим основным направлениям:

гражданско-патриотическое и правовое воспитание;

духовно-нравственное и культурно-эстетическое воспитание;

профессионально-личностное воспитание;

воспитание здорового образа жизни и экологической культуры.

В рабочей программе воспитания сформулирована цель воспитания, представлены задачи воспитательной работы, виды воспитательной деятельности, формы, методы работы; условия и особенности реализации программы; система управления воспитательной работой и осуществления мониторинга качества воспитательной работы, условия реализации содержания воспитательной деятельности. Цель программы – создание условий для развития компетентностно-деятельностной личности обучающегося на основе правил и норм поведения, действующих в интересах человека, семьи, общества и государства.

Содержание рабочей программа воспитания в творческом вузе учитывает особенности студенчества как социально-демографической группы, целью существования которой является организованная по определенной программе подготовка к выполнению профессиональных и социальных ролей в духовном производстве. Художественное образование имеет двойственную природу. Оно одновременно находится в системе образования с жесткой регламентацией образовательными стандартами и в системе художественного творчества, подразумевающей творческую свободу самовыражения. Учебно-воспитательный процесс должен строиться с учетом специфики воспитательных отношений в творческом вузе: дифференцированный подход к развитию личности каждого студента, учет имеющихся творческих возможностей отдельного студента, особой системы интеллектуальных и эмоциональных потребностей творческой личности.

Обучение и воспитание в институте строится с учетом специфики профессиональной подготовки, направленной на формирование творческой интеллигенции. Качество интеллигентности проявляется, прежде всего, в отношении к культурным традициям, определяющееся ценностными ориентациями личности, главной из которых становится служение культуре и искусству. Основополагающее значение культурно-творческого компонента должно направлять сознание обучающегося в сторону приоритета духовных интересов над материальными, интеллектуальных над прагматическими, формировать соответствующую иерархию потребностей, вырабатывать творческий подход к решению профессиональных и жизненных проблем. При этом ответственное отношение к профессии должно выражаться не только в стремлении к высокому качеству создаваемых ценностей, но и в утверждении нравственных и эстетических идеалов личности.

Результатом реализации Программы должно стать развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде.

Программа призвана обеспечить достижение обучающимися личностных результатов:

готовность к саморазвитию;

мотивация к познанию и обучению;

ценностные установки и социально-значимые качества личности; активное участие в социально-значимой деятельности.

Оценка результатов реализации рабочей программы осуществляется по следующим направлениям:

оценка достижимости результатов воспитательной деятельности на личностном уровне;

оценка качества воспитательной работы и условий реализации содержания воспитательной деятельности.

Рабочая программа воспитания дополняется программными мероприятиями, направленными на достижение поставленных целей и задач. Мероприятия конкретизируются в виде календарного плана воспитательной работы, актуализируемого на каждый учебный год. Участие обучающихся в мероприятиях показывает, насколько усвоенные ценности проявляются в позитивной социальной деятельности. В деятельности фиксируется уровень развития гибких навыков (софтскиллс) обучающихся: социальные компетенции: коммуникативность, эмоциональный интеллект (умение различать эмоции и мотивы других людей), гибкость и принятие критики, ораторские способности); лидерские компетенции: умения принимать решения, сформировать команду, разрешать конфликты, ответственность; интеллектуальные компетенции: аналитический склад ума, умение видеть и решать проблему, обучаемость, креативность; волевые компетенции: ориентированность на результат, тайм-менеджмент, стрессоустойчивость, готовность к рутинной работе.

УДК 397.4

Социальная структура чукотского стойбища на примере бригады Вуквукая

Нувано Владислав Николаевич
научный сотрудник
обособленного подразделения
Лаборатории истории и экономики.
ФГБУН Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт
им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук.
Анадырь, Россия
vlad_nuvano@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8482-3052

АННОТАЦИЯ История человечества – это история непрерывно меняющихся этнических процессов, охватывающих все без исключения районы Земли, населенные людьми. Глубина и интенсивность этих процессов зависит от социально-экономических, политических, культурных и др. факторов. Несмотря на изменения, произошедшие в XX – начале XXI вв., чукчи-оленеводы смогли сохранить свои традиции, обряды и праздники, социальную структуру стойбища сопряженные с кочевой культурой. Наблюдения показали, что до настоящего времени происходит непрерывная передача традиций от поколения к поколению. Оказалось, что в условиях переходной экономики наиболее устойчивыми оказались именно те хозяйства, в которых еще остаются сильны древние традиции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Чукотка, оленеводы, традиции, социальная структура, стойбище, бригада.

Оленеводы Чукотки накопили большой опыт человеческих взаимоотношений в малых коллективах. Как и столетия назад, оленеводы Чукотки сохраняют традиционные социальные и культурные взаимоотношения.

Социальной единицей у оленеводов являлась и является семья, семейная группа. Более крупными единицами являлись стойбища, которые после коллективизации и обобществлении единоличных хозяйств, стали называются бригадами под номерами. Например, бригада № 9 Муниципального унитарного предприятия сельхозпроизводителей (МУП СХП) «Чаунское», где в настоящее время выпасается самое большое на Чукотке 9-тысячное стадо домашних северных оленей. Социальная структура бригады устроена таким же образом, как и стойбище Вуатагина в 1933-34 годах [1, с. 64; 9, с. 38].

При стаде бригады № 9 основной производственной единицей является семейная группа (семья) 84-летнего Борис Федоровича Вуквукая. С ними в одном стойбище живут *ватомгыт* – «товарищи по жизни». Они могут относиться к разным семейным группам. Все семейные группы, живущие в одном стойбище могут называться *варат* – буквально «собрание живущих». Для членов одной и той же группы существуют несколько чукотских терминов: *ыннан-вараткен* – «человек того же *варат* (собрание живущих)» [1, с. 50]. «Более распространенным для семейной группы является другой термин – *чин-йыръын* – («группа участников кровной мести» [4, с. 94]. В настоящее время в селах Ваеги и Хатырка говорят *«чин-юрыкин»*, термин того же смысла, но переводится как «ближний (человек), за которого можно ловить, бить, охотиться, скрадывать, убить, как и у В.Г. Богораза обозначена «группа участников кровной мести».

Стойбище Б.Ф. Вуквукая устроено строго иерархично. Основной костяк тундровиков составляла его семейная группа, состоящая из пяти жилищ. В первом

жилище проживал сам Б.Ф. Вуквукай со своей женой Любовью Келет. Они *ытъёл-ральыт* – «переднедомные». Борис Федорович – безусловный авторитет для всех оленеводов бригады. За его жилищем размещались яранги *чимчилъыт* – «ближние», или *чиниткинет* – «свои», а так же *чин-йыръын* – «ближнее наполнение». Вторым всегда строил жилище средний сын Б.Ф. Вуквукая Виталий, который официально являлся бригадиром. С ним жили жена Татьяна с четырьмя детьми. В третьем жилище – младший сын Алексей с женой и ребенком. Жилище старшего сына Владимира с женой Еленой, которую он привез со шмидтовской тундры (Иультинский район Чукотского АО), всегда в стойбище стояло четвертым. Пятое жилище у пожилых родственников Б.Ф. Вуквукая Ю.С. Ночина (Н'ъочъын) и его жены Сони. Все они ənnan-jьnlat *ыннан-йынлъат* – «одной искры» [5, с. 56]. Далее размещались жилища оленеводов из других семейных групп – к ним применим термин *ватомгыт* – «товарищи по жизни», «помощники на жизнь» или «…они называются общим словом: nьm-tumgьt *ным-тумгыт* – «товарищи по стойбищу», «соседи» [4, с. 148].

В поисках лучших условий чукчи-оленеводы всегда были вольны перемещаться из стойбища к стойбищу. В связи с этим явлением В.Г. Богораз писал: «В связи с непрерывным ростом чукотских стад за последние полтора-два века спрос на рабочую силу «помощников» был интенсивным и живым» [2, с. 66]. Как и раньше современные оленеводы могут переходить из хозяйства в хозяйство и даже из одного района Чукотки в другой. В начале 2000-х гг в бригаду Вуквукая из шмидтовской тундры прикочевал Виктор Ивин. Поэтому, в апреле 2010 г., мы наблюдали, что его жилище ставили последним, восьмым по счету. Несмотря на низкий «социальный статус» в стойбище, как пастух Виктор уважаем, а его сын Илья (5 лет) был любим всеми.

Характеризуя социальные, сакральные отношения в чукотском обществе, И.С. Архинчеев, В.Г. Богораз, И.С. Вдовин пишут, что семейная группа определяется единством огня, единством знаков кровопомазания, совершаемого на праздниках, единством тамги, тавра [1, с. 50; 4 с. 94; 6, с. 134] Бережное и даже ревностное отношение к огню, особенно к «чистому», «семейному», присуще чукчам-оленеводам до сих пор. «Каждая семья имеет собственный огонь. Семьи, огонь которых происходит от разных линий предков, …тщательно охраняют свой огонь от всякого соединения с чужим огнем. Заем огня от соседей считается величайшим грехом. …Мена предметов домашнего хозяйства, употребление которых связано с очагом …так же совершенно не допускается» [5, с. 54]. Поэтому, когда группе кинодокументалистов в апреле 2010 г. предоставили пустующее жилище Н. Милюта, относящееся к семейной группе Б.Ф. Вуквукая, то Любовь Келет строго запретила позаимствовать кастрюлю у «чужака» Валерия Вытельгина, сказала: *«Ынк'эн элвэ-йынкинэт, ныгайын'к'эн»* – «они другого огня (искры), запрещено (грех)».

Наблюдая, за обрядовыми действиями в стойбище Б.Ф. Вуквукая замечено, что первым священный забой оленя производит «переднедомный», затем его «ближние» а в самую последнюю очередь оленеводы из других семейных групп.

На оленеводческом празднике *Кильвэй*, давая наставления своим внукам Вите (10 лет) и Севе (9 лет) Борис Федорович всегда повторял: «…молиться надо, ...Витя скажи маме, пусть кормит огонь». Обращаясь к другой невестке, которая помогала в проведении обряда, говорит: «… Алеся *к'энанкаавн'ыркын* – термин можно перевести как *«по правилам делай»*. У И.С. Вдовина мы читаем: «Огонь очага требовал к себе внимания, его полагалось кормить, делать ему приношения продуктами (мясо, жир и др.) – *энанкаавык* («удовлетворять огонь») [6, с.133].

В апреле 2010 и позже кроме огня всегда кормили домашние святыни *тайн'ыквыт* [7, 100; 8, с. 305]. Сравнивая домашние святыни или священные предметы современных оленеводов и описанных исследователями в начале XX в. и позже, можно сделать вывод, что на огромной территории Чукотки, связки священных предметов

идентичны. Их названия остаются неизменными до настоящего времени. Вся связка священных предметов называется *тайн'ыквыт.* Главными из них мы считаем *гыргырты* – «огнивные доски» или как их еще называют, *отты-милгыт* – «деревянное огниво» для добывания «священного», «чистого» огня. В связке Вуквукая мы можем заметить *окк-камак* – «деревянного духа», отстраняющего несчастья, есть голова ворона, голова росомахи и многое, что описывали первые исследователи[5, с. 56; 8, с. 305].

И теперь при создании новой самостоятельной семьи от семейной связки отделяется часть охранителей *тайн'ыквыт*, но *гыргыр* или - как его еще называют *отты-милгымил* «деревянное огниво» - могут сделать новое. Именно так поступил Борис Федорович, наделяя самостоятельностью своего старшего сына Владимира. Домашние святыни чукчей находятся в тесной взаимосвязи с культом домашнего очага. Под их покровительством находятся здоровье и благосостояние семьи. Они не могут передаваться в чужие руки, точно также как и связанный с ним шатер не может стать чужой собственностью. А *тэвр* – большая тренога, составляющая остов яранги, передается из поколения в поколение.

В январе 2016 г. оленевод МУП СХП «им. Первого Ревкома Чукотки» Анадырского района В. Вуквутагин, родители которого, как и Владимир, всю жизнь кочевали в усть-бельской тундре, все же помнит, что их основной *тэвр* – большая тренога яранги находится в шмидтовской тундре (Иультинский район Чукотского АО). И если бы он решил прикочевать в шмидтовскую тундру за несколько сот километров к своим родственникам, которые могут быть «переднедомными», то он обязательно бы стал *чимчилъын* (ед. ч.) – «ближний», *чиниткин* (ед. ч.) – «свой», а стало быть *чин-йыръын* – из «ближнего наполнения»

Таким образом, по-прежнему оленеводы описываемых групп ведут традиционный образ жизни, их социальная структура остается неизменной, они проводят традиционные хозяйственные праздники в таком же виде, как проводили их предки. Как видим, и в современном мире поддержка традиционного уклада оленеводов, является одним из условий сохранения и развития этнической культуры, воспитания молодежи в экологических традициях с одной стороны и развития оленеводства как сельскохозяйственной отрасли, с другой. Мы еще раз убедились в этом, наблюдая за повседневной жизнью семейной группы Б.Ф. Вуквукая и оленеводов из других семей бригады. Это положительный пример того, как развивается оленеводство на Чукотке.

Список литературы

1. Архинчеев И.С. Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства // Сибирский этнографический сборник, п. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 43-98.
2. Богораз-Тан В.Г. Чукотский общественный строй по данным фольклора // Советский Север, 1930, п. 6, М: Изд-во Комитет Севера при Президиуме ВЦИК. С. 63-79.
3. Богораз В.Г. Классовое расслоение у чукоч оленеводов // Советская этнография. 1931, п. 1-2. С. 93-116
4. Богораз В.Г. Чукчи: Социальная организация. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 216 с.
5. Богораз В.Г. Чукчи: Религия. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 208 с.
6. Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (вторая половина XIX–начало XX в.), М.-Л.: Изд-во «Наука», 1977. С. 117-171.
7. Коломиец и др. Предметы чукотской оленеводческой культуры в повседневной жизни и в музейных коллекциях // Уральский исторический вестник. 2019. № 4 (65). С. 98-107.

8. Кузнецова В.Г. Материалы по праздникам и обрядам амгуэмских оленных чукчей // Сибирский этнографический сборник, п. II. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 263-326.
9. Сергеев М.А. О статье И.С. Архинчеева «Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства» // Сибирский этнографический сборник, М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 38-43.

УДК 393

Спиритуалистические традиции в культуре эвенков Сибири

Потапова Ксения Романовна
аспирант.
Забайкальский государственный университет,
кафедра литературы.
Чита, Россия.
PotapovaKse9ia@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0000-3468-7654

АННОТАЦИЯ Основное внимание в исследовании уделено спиритуалистическим традициям в культуре эвенков, а именно проблеме бессмертности души и её последующему существованию в виде духа – сущности, которая управляет миром и контролирует природу. Цель исследования – обосновать, что эвенки как представители традиционной культуры сохраняют связь с прошлым и поддерживают духовно-культурные связи с предками, исходя из традиционных представлений о круговороте жизни и смерти. Душа и дух играют важную роль в мировоззрении эвенков и становятся фундаментальными понятиями при изучении концепции перерождения/реинкарнации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Душа, бытие-в-мире, перерождение, эвенки, спиритуализм

Вера в посмертное существование души свойственна многим культурам, в целом, а также коренным народам, в частности. У многих народов традиционные верования включают в себя идеи перерождения или реинкарнации души. Согласно эвенкийским убеждениям, душа не просто умирает, когда тело умирает, но продолжает свой путь и может возродиться в новом теле. Исследователь Д. Хаммерман писал: «В разных африканских и азиатских культурах свои взгляды на тонкости реинкарнации, но их мифы о том, что происходит с душой во время сна и смерти, полны единой символики сновидений» [13, с. 123].

В экзистенциальной философии внимание уделяется проблеме смерти человека (Л. Бинсвангер, М. Босс и др.). Основным и фундаментальным понятием становится «бытие-в-мире», что подразумевает человеческое существование, в целом, и определяется как открытость миру и всему, что есть в настоящем [12, с. 275]. Существует три уровня человеческого существования: 1) биологическое или физическое окружение (ландшафт); 2) человеческая среда; 3) сам человек и его телесная оболочка [Там же]. М. Босс писал: «В реальности человек существует всегда – и единственно – как мириады возможностей отношения и раскрытия живых существ и предметов, с которыми встречается» [17]. Человек бессмертен до тех пор, пока существует возможность его взаимодействия с окружающим миром и средой. По этой причине обосновано обращение к спиритуализму как философско-религиозному течению, фундаментальной идеей которого становится вера в реальность загробного мира и возможность общения с духами умерших посредством медиатора. Спиритуалистические убеждения, связанные с тем, что душа продолжает существовать после смерти и может контактировать со своими близкими, продолжают быть частью эвенкийской культуры и верований.

В эвенкийской культуре душа считается живым существом, которое продолжает существовать после смерти тела. Для эвенков бессмертие души может быть связано с многими аспектами традиционной культуры и религии. Для них душа является посредником между человеком и духовным миром, а также между живым человеком и

его предками. Бессмертие души позволяет продолжать эту связь даже после смерти, что помогает людям сохранять связь со своим прошлым и своими предками.

Согласно эвенкийским традициям, всё является живым и обладает душой, будь то животное, растение или предмет [7]. Кроме того, вера в бессмертие души может быть связана с идеей продолжения жизни в другом мире или состоянии. Например, в эвенкийской мифологии, а также в культуре других народов, существует понятие «долгий дом» (или «Удский дом»). Согласно этой мифологической концепции, после смерти душа отправляется в «долгий дом» - специальный мир, который является промежуточным состоянием между жизнью и перерождением [6; 10].

Обычно «долгий дом» представляется как место, где душа может отдохнуть и подготовиться к новому циклу жизни в новом теле. Здесь душа может встречать другие души, обсуждать свою жизнь и получать помощь от духов и предков. Некоторые верят, что душа может забывать свою прошлую жизнь, когда она находится в «долгом доме», и что эти воспоминания не возвращаются до того момента, когда душа рождается в новом теле.

Интересно отметить, что «долгий дом» может также быть связан с идеей покаяния и очищения. Душа может ожидать здесь некоторое время, пока она не будет готова вернуться в новое тело и исправить свои ошибки и грехи в предыдущей жизни. Таким образом, «долгий дом» является не только промежуточным состоянием между жизнью и перерождением, но и возможностью для души переосмыслить свою жизнь и исправить свои ошибки.

В реальном материальном мире долгий дом – это традиционная жилищная конструкция многих народов Сибири, в том числе и эвенков. Согласно мифологическим представлениям эвенков, долгий дом был священным местом, где обитали божества, предки и духи (Е.С. Костенко, И.А. Груднова, Г.Л. Гавриловой). Подробно явление «долгий дом» в мифологии эвенков рассматривается в работе А.А. Кожевниковой [10], где подробно описываются мифологические представления эвенков, связанные с долгим домом, его символикой, ритуалами и обрядами. В исследовании М.И. Головнина «Мифология и религия народов Сибири» [6] освещены мифологические представления различных народов Сибири, в том числе и эвенков, связанные с долгим домом.

Спиритуалистические традиции корнями глубоко уходят в шаманизм и являются синкретичными формами медиумизма, предполагающего общение между известными духами и духами умерших и манипулирующего энергией живых и мёртвых.

Шаманы, которые до сих пор существуют среди эвенков, продолжают исполнять свои ритуальные функции. Они используют различные методы, например, танцы, пение, гримасы, игру на музыкальных инструментах, чтобы установить контакт с духами, которые могут помочь в решении различных проблем, таких как болезни, семейные конфликты, проклятия или недостаток общественного признания [14; 15]. Шаман также может путешествовать в загробный мир и возвращаться с ответами на вопросы или сообщениями от предков. В эвенкийской культуре шаман не занимается гаданием, а его задача - помочь людям в их жизненных проблемах, установить связь с духовным миром и сохранить традиции своего народа [Там же].

Шаманские чумы эвенков (нымгандяк, шэвэгэдэк) являлись временными сооружениями для особо важных шаманских обрядов, совершаемых с лечебной, промысловой целью, при освящении новой шаманской одежды, бубна, для проводов умерших в мир мертвых [2, с. 93].

В эвенкийской мифологии такие концепты, как духи, души предков и духи природы, играют важную роль. Однако у разных подгрупп народа могут быть различия в представлениях о перерождении. Например, у некоторых групп эвенков, перерождение души в новом теле может происходить внутри одного и того же вида -

например, душа человека может переродиться в теле другого человека. А в других группах понятие перерождения может охватывать множество других видов живых существ.

У эвенков концепт «дух» связан с их верой в тесную связь с природой. Они считают, что духи пребывают во всех живых и неживых объектах, и что каждый объект имеет свой индивидуальный дух.

Концепция «аны» или «души» у эвенков считается частью человека и оставляет его тело после смерти. Концепция «аны» у эвенков (или «ани» в зависимости от диалекта) связана с верованиями в духовный мир и силы природы. Это понятие используется для обозначения различных форм жизни, которые могут быть связаны с природными объектами, такими как камни, реки или горы. Важнейшей частью концепции «аны» является убеждение в том, что духовный мир имеет воздействие на физический мир. Это, в свою очередь, привело к тому, что эвенки придают большое значение их обрядам и ритуалам, которые традиционно связываются с поклонением и уважением к духовным силам и объектам в природе [1; 9].

Основой религиозного мировоззрения эвенков является концепт «душа предков». Полагается, что души предков находятся в мире умерших и могут влиять на жизнь живых. Высоко ценятся ритуалы, связанные с почитанием предков, такие как жертвоприношения и праздники в их честь.

Эвенки традиционно верят в силу тотемизма, то есть связывают себя с определенным животным, который становится своего рода символом и защитником рода. Этот животный тотем считается священным и уважаемым, и у него есть свои ритуалы и обряды, связанные с почитанием и уважением.

Взаимоотношения человека-эвенка с различными духами-хозяевами природы регулировались через обряды «дарения – улганни», «кормления огня – имты» и различных просьб, обращений – алга, хира [16].

По поверьям эвенк может родиться от союза чума и огня. Родителем также может быть и дух огня-очага. Очаг осмысляется как мать, а чум – отец. В мифе «Умуслиндя-сонинг» богатырь возвращается домой после первого не долгосрочного путешествия, разрывает пепел очага и находит там молодую девушку, которая приходится ему сестрой. У сибирских эвенков присутствует следующий сюжет: «У ленивой женщины погас огонь в чуме; она разозлилась, стала тыкать ножом в очаг, наплевала в него; пошла к соседям по стойбищу, чтобы взять огонь, но у всех, к кому она заходила, он гас; женщина пришла к бабушке, та стала укорять её, заставила извиниться перед огнём и рассказала о правилах обращения с ним: нельзя говорить плохо про огонь, нельзя протыкать очаг ножом, нельзя плевать в него и бросать мусор, нужно кидать сало» [8].

В героических мифах по большей части отчётливо выражено восприятие жизни и смерти, основанное на наблюдениях за пресмыкающимися. Символичным для эвенкийского мифосознания является образ змеи. Существует записанный миф со слов Н. В. Петрова, жителя Амурской области: «Змеи не умирают (змеи бессмертны) – когда зима наступает, они засыпают, а как потеплеет – они оживают. Бессмертные они. Урангкай-человек от них зародился» [3]. Из этого следует, что змея символизирует землю и является оберегом и первопредком (создателем рода) амурских и дальневосточных эвенков. У нерчинских эвенков змея является хранительницей семьи. У дальневосточных эвенков выступает как животное-герой. Даже богатырь Уланындя рождается в облике змея [Там же].

Эвенки сохраняют свои традиции и верования относительно спиритуализма и шаманизма. Они продолжают оставаться важной частью их культуры и помогают людям регулировать взаимодействия между человеком и миром духов, природой и обществом. Бессмертие души связано с важностью духовного мира в эвенкской культуре, где духи и предки играют важную роль в жизни людей. Эти верования

помогают эвенкам сохранять связь со своим прошлым, своими близкими и животным миром, что важно для поддержания духовно-культурных связей и поддержания гармонии.

Список литературы

1. Бокага А.С. О религиозных верованиях эвенков-туломых. М.: Наука, 1977. 212 с.
2. Бураева О.В., Бураева С.В. Пространство шаманского ритуала у эвенков Нижней Тунгуски (по материалам личного архива П.П. Хороших) // Известия лаборатории древних технологий. 2019. № 4. С. 88–103.
3. Варламова Г.И. Эпические и обрядовые жанры эвенкийского фольклора. Новосибирск: Наука, 2002. 376 с.
4. Василевич Г.М. Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору / под ред. Я. П. Алькора. Ленинград: Ин-т народов Севера, 1936. 290 с.
5. Воронченко Т.В., Вэй Хунбо, Фёдорова Е.В. Литературное творчество эвенков Забайкалья и Северного Китая в свете задач приграничного сотрудничества // Приграничный регион в историческом развитии: партнёрство и сотрудничество: в 2 ч. Чита: ЗабГУ, 2020. Ч. 2. С. 162-164.
6. Головнин М. И. Мифология и религия народов Сибири. Новосибирск: Наука, 2007. 615 с.
7. Давыдов В.Н., Симонова В.В., Сем Т Ю. Огонь, вода, ветер и камень в эвенкийских ландшафта. СПб.: МАЭ РАН, 2016. 196 с.
8. Дувакин Е. Обзор эвенкийских фольклорных текстов из архива Лаборатории автоматизированных лексикографических систем НИВЦ МГУ. URL: https://vk.com/doc304208883_573876039?hash=c699c117858d092509&dl=e5288f2a96a9d0794b (дата обращения: 08.06.2023). Текст: электронный.
9. Ершова Н.В. Эвенкийская традиционная культура: история, религия, обряды. Сыктывкар: Институт языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН, 2013. 184 с.
10. Кожевникова А.А. Долгий дом. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 480 с.
11. Поворознюк О.А. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX-XXI веках / Российская акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: ИЭА РАН, 2011. 349 с.
12. Савельев А.Е. Концепция «бытия-в-мире» как основ экзистенциальных воззрений Л. Бинсвангера и М. Босса // Вопросы философии. 2008. № 2. С. 274-279.
13. Хаммерман Д. Теория переселения душ. М.: АСТ, 2007. 370 с.
14. Шаманы и шаманизм у эвенков. Культура и традиции народа. URL: http://ethnogalaxy.ru/ethnos-russia/evenskij-narod/shamany-i-shamanizm-u-evenkov-istoriya-i-kultura (дата обращения: 10.06.2023). Текст: электронный.
15. Эвенки: вера и магические практики. URL: https://ru.b-ok.org/book/2706977/abc5df (дата обращения: 08.06.2023). Текст: электронный.
16. Яковлева М.П. Периодические обряды, посвященные духам-божествам в сказаниях эвенков рода Бута // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 1022-1027.
17. Boss M. Psychoanalysis and Daseinanalysis. New York: Basic Books, 1963. 183 p.

УДК 351/354

Сохранение исторического центра города Ачинска в рамках концепции развития территории исторического квартала

Титенков Игорь Петрович
Глава города Ачинска.
Ачинск, Красноярский край, Россия.

АННОТАЦИЯ О концепции развития территории исторического квартала «Старый центр», прилегающего к Троицкому парку, в рамках сохранения исторического центра Ачинска к празднованию 350-летию города Ачинска в 2033 году.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ачинск, 350, развитие, наследие.

Сегодня для города Ачинска важно сохранение культурного наследия. На территории города Ачинска находится 52 объекта культурного наследия, из них:

- в муниципальной собственности находится 6 мемориальных объектов и 5 объектов капитального строительства;
- в краевой собственности находится 9 объектов;
- в федеральной собственности находится 6 объектов;
- в частной собственности находится 18 объектов;
- в смешанной собственности (частной, муниципальной и краевой) находится 7 объектов;
- один из этих объектов утрачен (ул. Крупской, 20).

В целях обеспечения сохранности объектов культурного наследия, расположенных на территории города Ачинска, и реализации комплексного подхода к интеграции наследия в современную среду, формирования единого культурного кода, учитывающего градостроительный анализ территории, состояние объектов культурного наследия и окружающей среды, необходимость определения их функционального назначения с преобладанием культурно-досуговой и образовательной функции, возможности применения механизмов государственно-частного партнерства и привлечения инвестиций администрацией города Ачинска совместно со Службой по государственной охране объектов культурного наследия разработан план мероприятий (дорожная карта) «Сохранение объектов культурного наследия, расположенных на территории города Ачинска», который предполагает мероприятия по сохранению 33 объектов культурного наследия в два этапа.

Сохранение культурного наследия необходимо начинать со Старого центра. Старым центром как раз и является территория исторического квартала, где расположен парк Троицкий. В настоящее время проводится благоустройство парка и в ближайшее время планируется реализовать 1 этап, включающий работы по сохранению 11 объектов культурного наследия. Из них в краевой собственности находится 3 объекта, в частной собственности находится 4 объекта, в муниципальной собственности находится 6 объектов, в федеральной собственности находится 1 объект.

Для реализации мероприятий по сохранению объектов культурного наследия в рамках 1 этапа ориентировочно требуются денежные средства в размере 1 118 627,00 тыс. рублей.

В рамках 2 этапа планируется выполнить работы по сохранению 19 объектов культурного наследия. Из них в краевой собственности находится 5 объектов, в частной собственности находится 9 объектов, в муниципальной собственности находится 2 объекта, в федеральной собственности находится 2 объекта, в смешанной форме собственности (частной, муниципальной) находится 1 объект.

Для реализации мероприятий по сохранению объектов культурного наследия в рамках 2 этапа ориентировочно требуются денежные средства в размере 2 249 861,0 тыс. рублей.

Проект направлен на реализацию стратегии социально-экономического развития города Ачинска как социально-культурного центра Западного макрорайона Красноярского края, одной из основных целей которой является обеспечение для всех жителей города доступа к культурной деятельности и культурным ценностям за счет развития инфраструктуры отрасли культуры и использования новейших коммуникационных технологий.

Для реализации 1 этапа в рамках программы по развитию города, связанной с подготовкой к празднованию 350-летия города Ачинска в 2033 году, проектной организацией ООО «Инновация» по инициативе администрации города Ачинска разработана Концепция развития территории исторического квартала «Старого центра», прилегающей к Троицкому парку. Участок проектирования ограничен улицами Комсомольская, Ленина, Дзержинского. Здесь располагается 9 объектов культурного наследия и 5 зданий, не имеющих такого статуса. Первый этап реализации проекта затрагивает застройку вокруг парка Троицкий. Вторым этапом предлагается продолжить ось благоустройства по ул. Ленина в сторону здания администрации, ул. Комсомольской и обратить внимание на театральный сквер с прилегающими объектами культурного наследия. И уже третьим этапом продолжить благоустройство квартала между улиц Ленина и Партизанской на ул. Красного Октября. Цель проекта – перезапуск исторического квартала как общегородского культурного и событийного центра. Для этого потребуется не только благоустроить улицы и отреставрировать здания, но предать им новую функциональность. Предлагается создать общественные, полуприватные и рекреационные пространства. Таким образом, Концепция развития Старого центра направлена на сохранение 10 объектов из 1 этапа (ул. Партизанская, 22, ул. Ленина, 21, ул. Ленина, 20, ул. Ленина, 20Г, ул. Ленина, 22а, ул. Ленина, 22, ул. Ленина, 24а, ул. Ленина, 24, ул. Ленина, 23, ул. Партизанская, 26), а также одного объекта из 2 этапа (ул. Ленина, 32).

В настоящее время готовится проектная документация на проведение работ по восстановлению объекта культурного наследия, расположенного по адресу: ул. Ленина, 23, для дальнейшего размещения здесь ЗАГСа. Выполнена документация на Ленина, 20 Г (ОКН «Магазин» сер. XIX в.), для выполнения работ требуются денежные средства в размере 47 871,44 тыс. рублей.

Таким образом, предстоит большая работа по объединению нового и исторического центра Ачинска, созданию набережной и других общественных пространств, которая станет основой для будущего Ачинска.

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Концепции и интерпретации в современности

УДК 338.48

Культурно-историческое наследие северного маршрута Великого шелкового пути: способ интеграции в индустрию туризма

Губенко Екатерина Викторовна
Новосибирский государственный университет,
лаборатория гуманитарных исследований.
Новосибирск, Россия
e.gubenko@g.nsu.ru
ORCID ID: 0000-0002-1307-6288

АННОТАЦИЯ Регионы Южной Сибири связаны с программами воссоздания Великого шелкового пути. Особое значение придается северной караванной дороге, которая проходила через территорию современной Республики Хакасии. В настоящее время уделяется большое внимание разработке туристических маршрутов, связанных с ее культурным и историческим наследием. Великий шелковый путь как турпродукт отличается от обычных маршрутов посещением нескольких стран с целью ознакомления с их историческими памятниками, культурой и обычаями. Хакасия имеет все необходимые ресурсы для развития как въездного, так и внутреннего туризма под бредом под названием «Великий шелковый путь». Это позволит увеличить туристский поток в регионы Южной Сибири, привлечет внимание к сохранению уникальных природных и культурных объектов на этих территориях, создаст условия для более эффективного развития культурно-познавательного туризма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Великий шелковый путь, Хакасия, культурно-историческое наследие, туризм

Сфера туризма играет большую роль в социальном и экономическом развитии современной России. Южная Сибирь относится к одним из самых привлекательных по туристическим показателям регионам страны. Большим потенциалом обладают въездной и внутренний туризм рассматриваемой территории.

Великий шелковый путь – это уникальное явление культурного пространства Евразии. Древний трансконтинентальный путь, протяженность которого составлял более 12 тыс. км, действовал с конца I тыс. до н. э. и соединял различные страны и народы на огромном пространстве от Средиземного моря до Тихого океана. Известно, что часть Великого шелкового пути – северный маршрут, проходил по Центральной Азии. В раннем железном веке северные караванные дороги Южной Сибири (Хакасии, Тывы, Алтая), входили в единую систему Великого Шелкового пути [1, с. 126–130].

С древности контроль над Великим шелковым путем как регулярным источником дохода был основным предметом разногласий между оседлыми и кочевыми народами Центральной, Передней и Восточной Азии. Особое место в этом конфликте занимали северные районы, по дорогам которых на юг экспортировали меха. На рубеже эр гуннам удалось взять под контроль часть Великого шелкового пути и торговлю с Саяно-Алтайским регионом. Население Южной Сибири активно поддерживало торговые, культурные, этнические и политические связи с народами Центральной

Азии. Об этом свидетельствуют многочисленные находки в погребальных памятниках Минусинской котловины VII в. до н. э. – V в. н. э. – импортные вещи из Китая, Средней Азии, Ирана, Индии. Регионы Южной Сибири обладают значительным культурным наследием, связанным с древними караванными дорогами. Для повышения их туристической привлекательности необходимо объединять отдельные культурно-исторические объекты в единые туристские маршруты.

Великий шелковый путь как турпродукт отличается от обычных маршрутов посещением нескольких стран с целью ознакомления с их историческими памятниками, культурой и обычаями. На сегодняшний день такие страны как Азербайджан, Казахстан, Китай, Монголия, Узбекистан, активно разрабатывают проекты-маршруты, направленные на привлечение туристов с помощью имеющегося культурно-исторического наследия.

Процесс по разработке туристских маршрутов на Великом шелковом пути идет и в России. В декабре 2016 г. в рамках пятого международного культурного форума в г. Санкт-Петербург была представлена уникальная разработка специалистов Российского этнографического музея (РЭМ) – карта с историко-культурными областями Российской Федерации, связанными с торговым путем [2]. В Сибири – это республика Хакасия, которая как субъект-участник вместе с указанным музеем должна разработать свои туристические маршруты. Основой проекта является концепция, направленная на утверждение северных маршрутов как значительной части древнего пути. Южная Сибирь является одной из ключевых областей, осуществлявшие экономические связи с регионами, по которым пролегали караванные дороги шелкового пути.

Работа по созданию туристических продуктов с возможностью посетить важные природные, исторические, архитектурные, культурные памятники и достопримечательности, связанные с Великим шелковым путем, ведется на сибирском маршруте древнего пути, в частности в Республике Хакасия. Регион обладает всеми необходимыми ресурсами для развития как въездного, так и внутреннего туризма, в том числе разнообразным культурно-историческим наследием. Его представляют более 30 тыс. памятников; 41 памятник является объектом туристского показа [3]. Среди них есть культурные объекты федерального значения: курганная группа «Салбык», курган Барсучий лог, Большая и Малая Боярские писаницы, Оглахтинская крепость и писаницы, Сулекское городище и писаница [4].

На территории республики представлены и уникальные природные памятники. Ресурсами для развития туризма являются шесть природных заповедников и заказников, пять памятников природы, один природный парк «Хакасский», 41 территория природных угодий. Один из памятников, Горный массив «Оглахты», включен в предварительный список Центра Всемирного наследия ЮНЕСКО. Визит-центры, созданные на территории заповедников, позволяют развивать туризм на природоохранных землях [5].

Праздники и фестивали, регулярно проводимые в Хакасии, знакомят с ее национальными традициями и являются ресурсом для развития событийного туризма. Среди них праздники «Тун-пайрам», «Уртун Тойы» и «Чыл пазы», фестиваль «Чир Чайаан», фестиваль-конкурс «От Ыры».

В 2016 г. по решению культурного форума в г. Санкт-Петербург Республика Хакасия возглавила работу по культурному и туристскому сотрудничеству в рамках проекта «Великий шелковый путь» в Сибири. Результатом этой деятельности стало создание единого бренда «Великий шёлковый путь. Сибирская дорога». Этот проект направлен на развитие не только въездного (на привлечение туристов из стран Европы и Азии), но и внутреннего туризма.

На VII Международном культурно-туристском форуме «Сибер Ил», который состоялся летом 2017 г. в Хакасии, была организована специальная сессия «Великий шелковый путь на пространстве ШОС». Участникам форума была представлена интерактивная карта Великого караванного пути. Эта карта поможет проводить экспертный мониторинг сотрудничества государств Великого шелкового пути, в частности его торгово-экономическую и международно-политическую составляющие.

Карта имеет три слоя. Ее первый слой демонстрирует хронологические рамки, перемещения народов, развитие государств в течение всего периода существования Шелкового пути. Второй слой показывает субъекты России, которые в той или иной степени связаны с этим древним торговым путем. Виртуальные туристы, пройдя по этому пути, смогут познакомиться с многообразием уникальных природных и культурных достопримечательностей, находящихся на разных маршрутах, но связанных между собой единым брендом и общей историей. А третий слой карты отдельно презентует туристский маршрут «Великий Шелковый путь. Сибирская дорога». Пока он следует только по четырем регионам Южной Сибири. Это республики Алтай, Тыва, Хакасия и Кемеровская область. Но в дальнейшем к нему присоединятся и другие субъекты Сибирского федерального округа. С помощью видео- и фотоматериалов, национальных обрядов и музыки, уникальных артефактов, а также дегустации блюд национальной кухни каждый субъект в ходе презентации представит уникальность и самобытность своего региона.

В 2017 г. был разработан логотип проекта, на котором изображены стремена, означающие путешествия, постоянное движение в культуре степных кочевников, и бабочки тутового шелкопряда, символизирующие шелк как главный товар на древнем торговом пути. В этом же году были организованы различные информационные туры, экспедиции и марафоны для получения практического опыты и популяризации караванного маршрута.

Историко-географическое и историко-культурное многообразие республик Южной Сибири, в частности Хакасии, создает возможности для создания и реализации разнообразного спектра туристических продуктов, объединяемых единым брендом «Великий шелковый путь. Сибирская дорога». Осуществление проекта «Великий шелковый путь» позволит увеличить туристский поток в указанные регионы, привлечет внимание к сохранению уникальных природных и культурных объектов на этих территориях.

Для реализации указанного проекта необходима активная реклама: не только видеоролики, газетная, радио- или телевизионная реклама, но и создание необходимой атрибутики-сувениров. Специально созданные кинофильмы, мультфильмы или телевизионные сериалы о местах, по которым проходит маршрут, также могут активно привлечь туристов. Важно также повышать качество предлагаемых турпродуктов; уровень сервиса; обеспечить туристские маршруты специалистами со знанием иностранных языков; регулярно и на современном уровне предоставлять туристские информационные услуги; оснастить необходимой навигацией важные объекты туристского показа; модернизировать систему общественного питания.

Развитие современного Шелкового пути для России в целом и для Южной Сибири подразумевает и модернизацию многих поселений на туристских маршрутах. Возрожденный торговый путь как туристский бренд может стать катализатором не только таких процессов как появление развитой современной инфраструктуры, увеличение объемов торговли, привлечение инвестиций, что будет способствовать появлению региональных точек роста и повышению качества жизни местного населения, но и привлечение к проблеме сохранения и государственной охране

объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов России, в частности Сибири.

Список литературы

1. Бутанаев В.Я., Худяков Ю.С. История енисейских кыргызов. Абакан: Хакасский гос. ун-т им. Н.Ф.Катанова. 2000. 272 с.
2. Официальный сайт V Санкт-Петербургского международного культурного форма. URL: http://2016.culturalforum.ru/ru/news/392 (дата обращения 23.05.2023).
3. Официальный сайт туристско-информационного портала Республики Хакасия. URL: https://www.turism19.ru/ru/ (дата обращения: 15.07.2023).
4. Официальный сайт Государственной инспекции по охране объектов культурного наследия Республики Хакасия. URL: https://ookn19.ru/monuments/1 (дата обращения 23.05.2023).
5. Официальный сайт ЮНЕСКО. URL: https://ru.unesco.org/ (дата обращения: 10.07.2023).

УДК 069. 4:001.12

Проблема сохранения историко-культурного наследия в Республике Хакасия

Мамаева Александра Константиновна
Институт археологии и этнографии
Сибирское отделение Российской академии наук.
Новосибирск, Россия.
a.mamaeva@alumni.nsu.ru
ORCID ID: 0000-0003-4829-5832

АННОТАЦИЯ Историко-культурное наследие Республики Хакасия разнообразно. Множество памятников археологии составляют его основу. Могильники, памятники наскального искусства, остатки древних поселений формируют антропогенные ландшафты, занимающие практически всю степную часть Хакасско-Минусинской котловины. Важнейшим фактором, влияющим на обеспечение сохранности как отдельных памятников, так и целых историко-культурных комплексов, является наличие в Хакасии сети археологических музеев. В Хакасии в последние годы накоплен большой опыт решения проблем организации охраны памятников истории и культуры. Сводится он к сочетанию мер по государственной охране и формированию сети муниципальных археологических музеев – основных объектов реализации политики обеспечения сохранности археологических комплексов и уникальных территорий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Историко-культурное наследие, охрана памятников, археологические музеи-заповедники, нормативно-правовые акты.

Историко-культурное наследие Республики Хакасия разнообразно и богато. Важной составляющей культурного фонда республики являются объекты археологического наследия. Основу фонда составляет большое количество курганов, древних поселений, наскальных рисунков, каменных изваяний, остатков крепостных сооружений.

В начале 2000-х гг. специалисты предприняли попытку составления карты археологических ландшафтов Хакасии. Было отмечено более 30 тыс. «надземных» памятников археологии. Однако следует учитывать, что в состав объекта культурного наследия могут входить до нескольких сотен памятников. В 2011 г. Министерством культуры Республики Хакасия было обозначено 13,5 тыс. объектов культурного наследия. Очевидно, что столь значительное число памятников требует и особых мер по обеспечению их сохранности [2, с. 82].

В последние годы накоплен большой опыт решения проблем организации охраны памятников истории и культуры. Заключается он в сочетании мер по государственной охране и формированию сети муниципальных археологических музеев, которые являются основными объектами реализации политики обеспечения сохранности археологических комплексов и уникальных территорий. Условия сохранения историко-культурного наследия, эффективность его использования напрямую зависят от состояния законодательства в этой сфере. В последнее время происходит постепенный переход от исследования и сохранения отдельных памятников культуры и природы к изучению и сохранению наследия в его целостности и многообразии. Эти перемены в культурной политике страны не могли не сказаться и на содержании регионального законодательства – 20 июня 2000 г. был принят закон «Об историко-культурном наследии народов Республики Хакасия».

Документ предполагал комплексный подход к сохранению наследия. Были установлены особенности его экономического, правового положения; четко

сформулированы полномочия Верховного Совета и Правительства Республики Хакасия; даны определения видам и типам охраняемых объектов, объяснены механизмы выделения и деятельности особо охраняемых территорий историко-культурного назначения [3, с. 9-11].

В 2002 г. был принят федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [2002], который внес серьезные коррективы в распределение полномочий федеральных и региональных органов исполнительной власти. После принятия данного федерального закона начался долгий процесс внесения изменений в региональное законодательство. К 2008 г. Закон «Об историко-культурном наследии народов Республики Хакасия» был унифицирован и приведен в соответствие с федеральным законом. При этом из него были исключены многие позиции, которые ранее определяли специфику региональной культурной ситуации [5, с. 37-53].

В 2017 г. в Республике Хакасия был создан республиканский орган исполнительной власти, осуществляющий функции в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия – Государственная инспекция по охране объектов культурного наследия Республики Хакасия (Госохранинспекция).

По состоянию на конец 2021 г. в списках объектов культурного наследия Республики Хакасия числится около 2,5 тыс. объектов, из которых только 54 объекта – это памятники истории и культуры, остальные объекты являются памятниками археологии, что определяет особенность организации государственной охраны памятников в республике.

Ежегодно в Хакасии в ходе реализации мероприятий по обеспечению государственной охраны и сохранению памятников археологии Госохранинспекцией организовывается: проведение научно-исследовательских и изыскательских работ в целях уточнения сведений об объектах; инвентаризация памятников археологии; работы по выявлению и постановке на учет новых археологических памятников; утверждение границ, предмета и зон охраны объектов; работа по выдаче охранных обязательств собственников земельных участков, на территории которых располагаются памятники археологии; проведение мероприятий по контролю за состоянием в отношении объектов археологического наследия.

Серьезным ресурсом в сохранении культурного наследия Хакасии стали археологические музеи. В период между 1996–2011 гг. в республике была сформирована сеть археологических музеев-заповедников: 1 – республиканского подчинения, 9 – муниципального (5 музеев-заповедников являются филиалами районных краеведческих музеев) [1, с. 117]. Своеобразным стимулом к тому, чтобы практически во всех районах Хакасии появились муниципальные археологические музеи, стала республиканская целевая программа «Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы», в рамках который были предусмотрены механизмы финансовой поддержки муниципалитетов, создающих музеи-заповедники [Закон Республики Хакасия…, 2009].

Существование такой музейной сети позволяет обеспечивать сохранность археологического наследия Хакасии и эффективно использовать его в научных, образовательных и туристических целях.

Перед музеями-заповедниками стоит большое количество проблем, связанных как с оформлением статуса земель, их закреплением за учреждениями археологических памятников, так и с практикой сохранения уникальных территорий и объектов культурного наследия. Однако сам факт того, что более 3 тыс. памятников археологии находятся под постоянной охраной, в процесс которой вовлечено большое

количество специалистов по всей республике, позволяет признать опыт Хакасии положительным.

Комплекс мероприятий по осуществлению государственной охраны объектов культурного наследия с расширением инфраструктуры потенциальных исполнителей (археологические музеи) законодательства и проводников государственной политики в сфере сохранения и использования памятников истории и культуры определяет стратегическую линию, принятую Министерством культуры Республики Хакасия.

Дальнейшее развитие дела охраны памятников истории и культуры Республики Хакасия связано с укреплением региональной правовой базы, расширением возможностей и полномочий структуры, осуществляющей функции в области сохранения, использования, популяризации и государственной охраны объектов культурного наследия и разработкой стратегии в сфере музейного дела.

На сегодняшний день в Хакасии на региональном уровне обсуждается и решается множество важных вопросов в сфере охраны памятников; поставлены значимые цели и намечены новые планы по сохранению уникального археологического наследия республики.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН FWZG-2022-0007 "Геохронология культурно-исторических процессов в плейстоцене-голоцене Северной Азии на основе комплексного исследования геоархеологических объектов".

Список литературы

1. Еремин Л.В. Музеи-заповедники Хакасии. Абакан: Изд-во ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2011. 140 с.
2. Еремин Л.В. Сохранение историко-культурного наследия в Республике Хакасия. Новосибирск. Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2013. Том 12, выпуск 3: Археология и этнография. С 82-85.
3. Закон Республики Хакасия «Об историко-культурном наследии народов Республики Хакасия» (№ 115 от 20.06.2000) // Вестник Хакасии. № 14. 2000. С. 9-11.
4. Закон Республики Хакасия от 08.12.2008 № 83-ЗРХ «О республиканской целевой программе «Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы». Изменения // Вестник Хакасии. 2009. № 40. С. 5-8.
5. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (от 25.06.2002 № 73-ФЗ) // Наследие народов Российской Федерации. 2002. № 1. С. 37-57.

УДК 351.85

(Ре)конструирование традиции как практика брендирования Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Панченко Алексей Борисович
кандидат исторических наук, доцент.
Администрация Сургутского района, управление культуры,
отдел реализации культурной политики.
Сургут, Россия.
alexeypank@rambler.ru
ORCID ID: 0000-0002-6909-3220

АННОТАЦИЯ Одним из средств продвижения Сургутского района как привлекательного места для туристов является его позиционирование как территории, где сохраняются традиции коренных малочисленных народов Севера. Второй аспект – это апелляция к более глубокой традиции, через использования бренда Барсовой горы, как места непрерывного проживания людей на протяжении девяти тысячелетий. В то же время использование традиции как бренда требует не только ее реконструирования, но и создания новых элементов, привлекательных для туристов. В связи с этим возникает некоторый конфликт между стратегией сохранения в развития аутентичной культуры с одной стороны и стратегией на создание стилизации под традиционную культуру.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сургутский район, геобрендинг, традиционная культура, КМНС.

Сургутский район является вторым по площади (после Нижневартовского района) и третьим по населению (после городов Сургут и Нижневартовск) муниципалитетом Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. На него приходится треть всего промышленного производства региона, при этом в сфере добычи полезных ископаемых задействовано около 75% активного населения [5]. Осознавая необходимость диверсификации экономики, администрация Сургутского района включила в стратегию социально-экономического развития шаги по развитию несырьевого сектора, в том числе, связанного с креативными индустриями (в частности, в сфере культуры и туризма). В связи с этим ведется поиск новых брендов территории, которые бы позволили позиционировать район с точки зрения его привлекательности для туристов. И в качестве таковых используются, в том числе, элементы, относящиеся к культуре коренных малочисленных народов Севера (КМНС), в первую очередь – ханты.

Всего в районе проживает около трех тысяч представителей КМНС (что составляет примерно 2,7% от всего населения муниципалитета), причем ханты составляют подавляющее большинство (98%). При этом традиционного образа жизни придерживается более 500 семей (около 2/3), проживающих в 157 общинно-родовых угодьях [4]. В Сургутском районе реализуется муниципальная программа, направленная на поддержку представителей коренных малочисленных народов [2], среди индикаторов достижения которой темп прироста представителей КМНС, ведущих традиционный образ жизни, и занимающихся традиционными видами деятельности, а также доля лиц из числа КМНС ведущих традиционный образ жизни, и занимающихся традиционными видами деятельности обратившихся за получением поддержки, получивших поддержку. Примечательно, что исполнителем программы является отдел по недропользованию и работе с коренными малочисленными народами Севера администрации Сургутского района, т.е. КМНС на уровне

муниципальной власти воспринимаются в связке с эксплуатацией нефтегазовых богатств района. Однако эта программа не только не предусматривает внедрения каких бы то ни было инноваций в жизнь КМНС, сколько наоборот, призвана популяризировать возврат к традиционному образу жизни (в первую очередь за счет финансовых инструментов). Таким образом мы имеем дело с сознательной административной поддержкой существующей традиции, хотя и уже значительно преображенной за счет внедрения современных технических средств. Собственно, сама цель программы – это поддержка традиционного образа жизни и традиционных видов деятельности КМНС (к которым отнесены оленеводство, охотничий промысел, рыболовство и сбор дикоросов).

Отчасти на поддержание и развитие традиционной культуры КМНС работает и муниципальная программа «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма» [1], в рамках которой предусматривается проведение мероприятий, направленных на этнокультурное развитие народов России, проживающих в Сургутском районе, поддержка некоммерческих организаций, занимающихся развитием национальных культур, создание и поддержка деятельности центров национальных культур. Кроме того, в рамках этой же программы проводится фестиваль национальных видов спорта, а также мероприятия, направленные на сохранение самобытной культуры КМНС и национальных меньшинств. Видно, что и в данном случае речь идет в первую очередь о сохранении некой традиции, а не о создании на ее основе чего-то нового.

На эксплуатацию образа региона как места сохранения традиционной культуры КМНС нацелена и программа «Физическая культура, спорт и туризм Сургутского района», в которой прямо прописано, что «самым интересным, как для внутреннего, так и для въездного туризма, является этнографический туризм, основанный на богатых традициях, фольклоре и народных промыслах ханты, живущих здесь своей традиционной жизнью, почти не изменившейся за последние столетия» [3]. В программе отмечается, что наиболее сохранившими традиции являются тром-аганские ханты, проживающие в сельском поселении Русскинская (как в самой деревне, так и в стойбищах рядом с ней), юганские ханты, живущие в Юганском заповеднике у сельского поселения Угут и пимские ханты, проживающие недалеко от города Лянтор. Во всех трех поселениях имеются музеи, в которых действуют экспозиции, посвященные культуре ханты.

При этом не все территории, на которых проживают ханты, ведущие традиционный образ жизни, продвигаются в качестве туристических объектов. Так, территория вокруг озера Илмор, считающегося священным для ханты, с 2013 года, когда оно было признано объектом культурного наследия местного значения, стала закрытой для посетителей. Причем в этом месте произошло пересечение интересов ханты и компании «Сургутнефтегаз», которая до этого активно эксплуатировала территорию, богатую нефтегазовыми ресурсами. В настоящее время въезды к озеру Илмор закрыты КПП, свободное перемещение возможно только для местных жителей (например, городские ханты не могут просто так приехать к озеру). Неофициальным «хранителем озера» является шаман Сергей Кечимов (длительное время, находящийся в конфликте с «Сургутнефтегазом»), пользующийся большим уважением среди всех представителей ханты, проживающих в районе.

Деревня Русскинская и находящийся в ней «Русскинской музей природы и человека имени Ядрошникова Александра Павловича» вообще позиционируются как главный туристический бренд района – именно туда привозят делегации из других муниципалитетов и регионов, там же проводится одно из главных мероприятий, связанных с сохранением традиционной культуры КМНС – День охотника и рыболова (подобный праздник еще проводится в поселке Тром-Аган, относящемся к сельскому

поселению Ульт-Ягун, однако он носит не муниципальный, а исключительно местный характер). На базе музея действует самодеятельный хантыйский ансамбль «Вонтнэ» («Таежница»), который активно участвует в различных конкурсах. В то же время следует отметить, что во время проведения окружного смотра на подтверждение звания народного самодеятельного коллектива в декабре 2022 года «Вонтнэ» было рекомендовано перенести защиту на следующий год. Главным аргументом стало то, что представленные творческие номера комиссией не были сочтены аутентичными, скорее стилизацией под традиционные хантыйские песни и танцы, которые могут быть зрелищными для публики. Тем не менее, это не мешает позиционировать «Вонтнэ» как фольклорный ансамбль, который регулярно принимает участие в мероприятиях, направленных на сохранение традиционной культуры.

Помимо «Вонтнэ», в Сургутском районе действует еще один коллектив, позиционирующий себя в качестве хранителей традиционной культуры ханты – «Тром Ёван Мокут» («Тром-Аганские ребята») из поселка Тром-Аган (где проводится второе крупное мероприятие, связанное с сохранением традиционной культуры КМНС – День обласа). Примечательно, что основательницей его является Майя Александровна Швейд, не являющейся представительницей КМНС. Тем не менее, под ее руководством коллектив получил звание образцового, регулярно выступает на районных и окружных мероприятиях, сочетая в своем репертуаре как народные произведения (как ханты, так и манси), так и авторские.

Долгое время в районе существовал также коллектив «Пинэлы» («Пимочка») из города Лянтор, также носивший звание образцового. Многие его участники были родственниками, все они относились к числу ханты. Помимо народных произведений исполнялись и авторские, причем зачастую подача осуществлялась в форме театрализованных представлений, рассчитанных на массового зрителя.

Наконец, нельзя не назвать известную далеко за пределами Югры певицу Веру Кондратьеву, родом из Лянтора, которая является буквально визитной карточкой Сургутского района. В ее творчестве сочетаются как этнические мотивы ханты, так и современные эстрадные, зачастую в песнях используются как хантыйский, так и русский языки. Пример Веры Кондратьевой показывает, что в качестве бренда региона может использоваться не только традиционная культура коренных народов, но и ее живое развитие, включение в современные жанры этнических элементов. Однако если на сохранение культуры КМНС работает несколько муниципальных программ, то создание и продвижение новых форм остается делом отдельных энтузиастов. При этом довольно сложным является вопрос о соотношении между реконструированием аутентичной традиционной культуры и конструированием некоего подражания ей, которое, включая в себя некоторые традиционные элементы, тем не менее является по сути просто стилизацией, эксплуатирующей ожидания зрителей и туристов, желающих видеть яркие образы, но незнакомых с реальной культурой КМНС.

Достаточно остро это проявляется в деятельности некоммерческих организаций, среди которых следует назвать «Орт-Ики» («Князь-старик», один из главных персонажей мифологии ханты и манси) и «Хатлые» («Солнышко»). Обе они активно участвуют в грантовых конкурсах как на уровне района, так и окружных и даже федеральных, благодаря чему имеют возможность организовывать мероприятия, направленные на сохранение традиционной культуры КМНС. При этом надо отметить, что руководители этих НКО являются одновременно и сотрудниками учреждений культуры, при которых действуют национальные фольклорные коллективы (председатель «Орт-Ики», Валентина Терентьевна Шадрина работает в Русскинском музее, а «Хатлые» руководит уже упомянутая выше Майя Александровна Швейд). Между «Орт-Ики» и «Хатлые» существуют определенные различия в направлениях деятельности: если первая больше ориентируется на проведение мастер-классов,

семинаров или конференций, то вторая – на проведение массовых мероприятий, самым известным из которых является «ЧУМовой фестиваль», который с каждым годом увеличивается в масштабе. Обе организации в целом ориентируются на сохранение аутентичной традиционной культуры, однако в случае с «Орт-Ики» можно отметить, что поскольку мастер-классы рассчитаны на участников, не всегда имеющих глубокие представления о культуре хантов и манси, то неизбежно отступление от реальных технологий, результатом чего становится конструирование некой стилизации под традицию (хотя используются аутентичные материалы). «Хатлые» в свою очередь ставит перед собой задачу создания «каслающей» (кочующей) этнодеревни, что позволит проводить мероприятия в различных местах, не отказываясь при этом от максимального приближения к аутентичности за счет использования чумов и их оборудования, созданных мастерами-ханты по традиционной технологии.

Интересным примером сочетания традиционной культуры и современных технологий является проект «Итак, простые люди», реализуемый некоммерческой организацией «Прочтение». В рамках которого создается подкаст «Итак, сказки народов Сибири», представленный на многочисленных площадках (включая «Яндекс. Музыка»). Сказки северных народов Тюменской области несколько адаптируются для современного слушателя и записываются при помощи профессиональных актеров и композиторов. В данном случае мы имеем дело с использованием новой формы репрезентации традиционной культуры, что позволяет приобщать к ней более широкую аудиторию.

Помимо обращения к культуре ханов и манси, одним из брендов Сургутского района, чье значение становится все больше, является урочище Барсова гора, представляющая собой как археологический памятник, так и природный заповедник (именно в номинации «Природа» в 2010 г. Барсова гора победила в интернет-конкурсе «7 чудес финно-угорского мира»). В настоящий момент на территории урочища начато строительство музейного комплекса, а в конце 2022 г. была открыта туристическая тропа «ЧелоВечность» (был завершен первый этап, на 2023 г. запланировано завершение второго и третьего). Уникальность Барсовой горы заключается в том, что она является местом, непрерывно заселенным на протяжение от семи до девяти тысячелетий, что делает ее крайне привлекательной с точки зрения археологического и этнографического туризма. При этом сознательно сделан упор на соединение в рамках туристической локации всех эпох – от палеолита до железного века, что создает ощущение одно- и вневременности всех объектов. Для туристической тропы специально созданы несколько арт-объектов, часть из которых относятся к природе (например, скульптура шерстистого носорога), а часть – к истории (увеличенные копии археологических находок). В данном случае мы имеем дело уже не с реконструкцией некой традиции, а с целенаправленным конструированием чего-то нового, где элементы прошлого могут компоноваться между собой ради более привлекательного восприятия с точки зрения настоящего. В отличие от культуры КМНС, сохранению которой уделено место в рамках трех муниципальных программ, Барсова гора пока не является объектом столь пристального внимания (если не считать самого процесса строительства музейного комплекса и туристической тропы) в плане продвижения ее в качестве бренда Сургутского района. Однако, по завершению строительства всех объектов, именно она может стать самым привлекательным местом для туристов, в том числе и в силу своего расположения недалеко от Сургута. В этом случае вопрос о соотношении между реконструкцией традиции и ее конструированием может стать более значимым.

Таким образом можно говорить о том, что в Сургутском районе действуют обе стратегии в рамках продвижения туристического бренда муниципалитета: сохранение аутентичной культуры КМНС и создание некой новой «традиции», более простой для

восприятия со стороны обывателей. При этом именно развитию традиционной культуры, превращению ее в часть современной, но имеющей некую этнографическую окраску, уделяется куда меньше внимания.

Список литературы

1. Муниципальная программа «Укрепление межнационального и межконфессионального согласия, профилактика экстремизма». Утверждена постановлением администрации Сургутского района от 30 марта 2023 года № 861-нпа URL: https://www.admsr.ru/legislation/search.php?q=30.03.2023%20%B9861-%ED%EF%E0 (дата обращения 12.06.2023).
2. Муниципальная программа «Устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера в Сургутском районе». Утверждена постановлением администрации Сургутского района от 18 января 2021 года № 108-нпа. URL: https://www.admsr.ru/upload/iblock/c5e/-108_npa.doc (дата обращения 12.06.2023).
3. Муниципальная программа «Физическая культура, спорт и туризм Сургутского района». Утверждена постановлением администрации Сургутского района от 28 июня 2023 года № 1705-нпа. URL: https://www.admsr.ru/legislation/search.php?q=28.06.2023%20%B91705-%ED%EF%E0 (дата обращения 29.06.2023).
4. Общие сведения (народности севера) // Официальный сайт администрации Сургутского района. URL: https://www.admsr.ru/region/peoples/overview/ (дата обращения 12.06.2023).
5. Стратегия социально-экономического развития Сургутского района до 2030 года «Маршрут в благополучие». Утверждена решением Думы Сургутского района от 17 декабря 2018 года № 591. URL: https://dumasr.ru/upload/iblock/50b/591-%D0%BE%D0%B1%20%D1%83%D1%82%D0%B2.%20%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%B3%D0%B8%D0%B8.docx (дата обращения 12.06.2023).

УДК 9.908

Проблема сохранения культурного наследия в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре на примере памятника Барсова гора

Титова Александра Вячеславовна
старший лаборант.
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук.
Новосибирск, Россия.
alexandratitv@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-5196-3868

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается памятник Барсова гора, расположенный на территории Сургутского района, ХМАО-Югры, как пример сохранения культурного наследия региона. Данный объект является археологическим, этнографическим и геологическим памятником Югры. На основе анализа истории освоения и изучения, правового регулирования, этапов сохранения и музеефикации урочища Барсова гора, приводится вывод о современном состоянии памятника. В процессе работы над статьей было выяснено, что на данный момент на территории памятника активно ведутся работы по созданию музея, открыта туристическая тропа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Барсова гора, культурное наследие, музеефикация.

Перспективы сохранения объектов культурного и природного наследия для регионов Западной Сибири, в частности, для территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, связаны, прежде всего, с ландшафтными особенностями территории и особенностями эксплуатации ее ресурсов. Формирование промышленной инфраструктуры, резкий рост населения, увеличение территории для проживания – эти и некоторые другие факторы обострили проблему сохранения памятников истории и культуры [6, с. 108].

В 1993 г. Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре был присвоен статус субъекта Российской Федерации [5]. С этого момента начала поэтапно формироваться система сохранения культурного наследия. В это же время была утверждена концепция сохранения и использования историко-культурного наследия округа. В неё вошли основные направления развития и принципы организации системы контроля состояния объектов культурного и природного наследия, определена стратегия формирования региональной нормативно-правовой базы. Сегодня на территории автономного округа насчитывается примерно 3155 памятников культурного и природного наследия [6, с. 108].

В данном докладе мы рассмотрим проблему сохранения культурного наследия на территории ХМАО-Югры на примере памятника Барсова гора.

Барсова гора как археологический памятник известна с конца XIX в. Профессиональные исследования Барсовой горы начались лишь со второй половины 1960-х гг. и проводились учеными Уральской археологической экспедиции Государственного университета г. Свердловска. Одним из итогов стала сводная карта археологических памятников урочища, составленная Ю.П. Чемякиным в 1984 г. В полной мере значение Барсовой горы было оценено только в 1970-х гг. Исследованиями УАЭ в урочище выявлено скопление руинированных археологических памятников, наиболее ранние из которых датируются V тыс. до н.э., а поздние – XVII–XIX вв. Наличие здесь стратифицированных памятников и огромное количество

недолговременных жилищ, стоянок, а также погребальных комплексов даёт возможность проследить эволюцию материальной культуры, составить детальную периодизацию и дробную хронологическую шкалу для периода протяженностью в шесть тысяч лет [1, с. 32].

Важно отметить, что данная территория важна в рамках этнографии. В пределах урочища Барсова гора расположено Святилище Лук Эвэт ики (Глухариная Святая гора), которое является особо почитаемым местом среди коренного населения с древности и по настоящее время. В устной традиции хантов сохранилось предание о высоком сакральном статусе данной территории по сравнению с другими, не менее значимыми объектами поклонения [1, с. 35].

Нельзя не упомянуть, что Барсова гора – это, прежде всего, природный объект. Ландшафтная целостность Барсовой горы обусловлена её геологическим происхождением, а также территориальной обособленностью – урочище выделяется в своих границах, проходящих в большей части по водным преградам. Природная уникальность территории определяется рядом аспектов, в числе которых геологическая специфика, особенности почвы и растительного покрова, а также большое количество редких видов растений. Барсова гора представляет собой образование на стыке уральского и сибирского ледниковых покровов. В результате образовался уникальный геологический объект, сочетающий в себе особенности двух оледенений [1, с. 37-38].

Очевидно, что ценность данной территории заключается не только в археологическом наследии, в связи с этим к сохранению этого уникального объекта должны быть привлечены специалисты из нескольких областей. Рассмотрим, как исследователи, власти и общественные структуры способствуют сохранению Барсовой горы.

Для начала следует отметить правовые меры и методы регулирования, которые были применены в рамках сохранения культурного наследия Барсовой горы. Основные мероприятия здесь относятся к 2000-м гг. В это время выполнены охранные работы на селище Барсова гора IV/10 в зоне строительства подъездных путей к автомобильному мосту через р. Обь (2000 г.); проведён мониторинг археологических памятников в урочище, работы проводились в рамках разработки историко-архитектурного опорного плана и проекта охранных зон (2001 г.) [4, с. 46]; проводилась государственная историко-культурная экспертиза документов, обосновывающих включение урочища «Барсова гора» в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательное место «Барсова гора» (2012 г.), после чего «Достопримечательное место «Барсова гора» было включено в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации в качестве объекта культурного наследия регионального значения [9].

Таким образом, на данный момент культурные объекты Барсовой горы активно исследуются: например, ведутся археологические раскопки и спасательные экспедиции. В 2019 г. был разработан проект мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия городища Барсова городок IV/1, селища Барсова гора IV/1, селища Барсова гора IV/11 и объекта культурного наследия регионального значения «Достопримечательного места «Барсова Гора». В ходе проведения полевых археологических работ была произведена археологическая разведка с шурфовкой в целях определения наличия или отсутствия объектов археологического наследия на земельном участке, который подлежит

воздействию земляных и строительных работ при возведении музейно-туристического комплекса «Барсова Гора» [4, с. 46].

Существует множество публикаций, связанных с изучением объектов Барсовой горы, этими исследованиями занимаются археологи из Сургута, Новосибирска, Челябинска и других городов. Также стоит отметить, что памятник привлекает специалистов, которые занимаются разными эпохами. Однако сохранение культурного наследия заключается не только во всестороннем изучении памятника исследователями, но и в представлении памятника для широкой общественности, то есть в возможности его музеефикации и создании условий для туризма.

В условиях, когда на мировом и российском уровне в приоритет выходит развитие внутреннего туризма на базе особо охраняемых природных территорий и территорий, ценных в историкокультурном отношении, особую актуальность получает вопрос разработки туристического проекта на территории достопримечательного места «Барсова гора».

Как известно, в границах Барсовой горы расположено значительное количество промышленных объектов. Помимо них на данной территории находятся жилые и спортивные объекты, а также сеть трубопроводов, федеральная автомобильная и железная дороги, сеть дорог к кустам скважин и дачным посёлкам. Присутствие таких объектов на территории достопримечательного места рассматривалось исследователями в контексте их негативного воздействия на памятники археологии и природные сообщества. Более того, с началом эпохи активного промышленного развития территории Сургута и Сургутского района были связаны события наиболее масштабных разрушений и утрат объектов культурного наследия на Барсовой горе. Вместе с этим, именно благодаря активному развитию нефтегазодобывающей отрасли на территории Западной Сибири, территория Барсовой горы была открыта [3, с. 102].

Собственно, история разработки музеефикации Барсовой горы насчитывает не одно десятилетие. В 2000 г. было предложено несколько вариантов музеефикации археологических памятников урочища.

В первом проекте предполагалось создать государственный историко-культурный музей-заповедник «Барсова гора», основными функциями которого должны были стать сохранение, популяризация и научное изучение движимого и недвижимого наследия урочища. Во втором планировалось организовать государственный археологический музей, который обеспечивал бы постоянное фондохранение и научное изучение движимого наследия Сургутского района. Третий предусматривал создание муниципального музея древней истории Сургутского края, в задачи которого входили бы сохранение и популяризация движимого наследия Сургутского района.

В 2002 г. была предложена концепция музеефикации археологического комплекса Барсовой горы, а в 2004 г. – концепция археологического музея «Барсова гора» [2, с. 53].

Все этапы разработки и законодательного оформления Барсовой горы как федерально охраняемого памятника привели к тому что, на данный момент проект туристической тропы получил название «ЧелоВечность». Этот проект, разработанный инициативной группой жителей Барсово и поддержанный администрацией Сургутского района, стал победителем Регионального конкурса инициативных проектов 2021 г., проводимого департаментом общественных и внешних связей ХМАО-Югры. Куратором реализации проекта выступил Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора».

Основная цель проекта состоит в популяризации культурного и природного наследия Барсовой Горы. В 2022 г. на территории достопримечательного места была выполнена часть работ I этапа по благоустройству туристической тропы: обустроен

пешеходный маршрут протяженностью порядка 2,5 км, по пути следования которого разместились 15 локаций с арт-объектами. 19 ноября 2022 г. состоялось торжественное открытие I этапа туристической тропы «ЧелоВечность», которая не имеет аналогов по всей Сибири по сложности реализации. Туристическая тропа спроектирована по существующей тропиночной сети в зоне расположения 32 объектов культурного (археологического) наследия федерального значения. Общая протяжённость тропиночной сети по I этапу составила порядка 2,5 км [10].

В 2023 г. работы по благоустройству туристической тропы продолжаются. В границах работ I этапа будет дополнительно установлено мультимедийное оборудование, информационные стенды и парковая мебель. В границах работ II и III этапов будут обустроены участки пешеходных дорожек общей протяженностью порядка 1,5 км.

Общее количество природных и исторических локаций по итогам реализации работ 2023 г. составит более 40, две из которых будут представлены смотровыми площадками с панорамными видами на Югорский мост и протоку Микишину [7].

Сейчас на портале проекта можно купить сувенирную продукцию и заказать экскурсию [8]. Также проект активно освещается в социальных сетях и в СМИ. Что касается музеефикации, то работы по созданию музея на данный момент ведутся.

Таким образом, мы рассмотрели пример сохранения культурного наследия в ХМАО-Югре на примере урочища Барсова гора. Из положительных аспектов можно выделить постоянные работы археологов, геологов, этнографов направленные на сохранение объектов. В рамках деятельности исследователей было проведено множество спасательных работ, вызванных строительством промышленных объектов. Также в течение 20 лет для данной территории были разработаны государственные программы по сохранению и популяризации культурного наследия. К тому же велик вклад исследователей Барсовой горы, работы которых популяризировали материалы данной территории среди научного сообщества.

Можно отметить, что процесс музеефикации территории и её открытия общественности происходит довольно медленно, что, очевидно, связано с правовым регулированием данных процессов. Однако уже сейчас можно говорить, что объект Барсова гора интересен туристам. Активное строительство музея и туристической тропы освещается в социальных сетях и поддерживается жителями региона. К тому же, развитие технологий, прогресс в создании современных общественных пространств и музеев должны привести к появлению на территории ХМАО-Югры уникального объекта, который будет привлекать туристов и поможет сохранить культурное наследие региона.

Список литературы

1. Ведмидь Г.П. Достопримечательное место «Барсова гора» – уникальный природно-археологический памятник Сургутского Приобья // Баландинские чтения. 2014. №1. С. 30-44.
2. Ефремова Е.В. Музеефикация археологического наследия в Сургутском районе Ханты-мансийского автономного округа – Югры: современное состояние и ближайшие перспективы // Баландинские чтения. 2014. Т. 9, № 1. С. 52-58.
3. Игнатьевская Е.В. О возможностях использования объектов индустриального наследия в туристических целях на территории Барсовой горы // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации: Сборник тезисов Всероссийской научной конференции, посвященной 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Ханты-Мансийск, 08–09 октября 2020 года / Департамент культуры Ханты-Мансийского автономного округа - Югры; БУ «Музей геологии, нефти и газа»; Региональное отделение

Русского географического общества в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре. Ханты-Мансийск: Общество с ограниченной ответственностью «Югорский формат», 2020. С. 102-106.
4. Лебедева К.В. «Барсова гора» – уникальный памятник Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Современные Научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XXIX Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 ноября 2022 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 45-47.
5. Официальный информационный портал органов местного самоуправления / Главная / Город / Историческая справка // URL: https://admhmansy.ru/city/history.php (дата обращения 20.04.2023).
6. Никифорова А.А. Особенности сохранения культурного и природного наследия в регионах (на примере Ханты-Мансийского автономного округа Югры) // Вестник ЧелГУ. 2011. №2. С. 106–110.
7. Группа Вконтакте Барсова Гора Сургутский район // URL: https://vk.com/barsovagora (дата обращения 20.04.2023).
8. Сайт Муниципального автономного учреждения Сургутского района «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора» // URL: https://b-gora.ru (дата обращения 20.04.2023).
9. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов / Главная/ Об утверждении границ территории, предмета охраны, установлении требований к осуществлению деятельности в границах территории объекта культурного наследия регионального значения "Достопримечательное место "Барсова гора" // URL: https://docs.cntd.ru/document/543535656?section=text (дата обращения 20.04.2023).
10. На территории Барсовой Горы открыли туристическую тропу «ЧелоВечность» / Сайт информационно-аналитического портала ugra-news.ru («Новости Югры») // URL: https://ugra-news.ru/article/na_territorii_barsovoy_gory_otkryli_turisticheskuyu_tropu_chelovechnost/ (дата обращения 20.04.2023).

УДК 394

Инициативы Новосибирской региональной общественной организации «Центр культурного наследия “Туулу Алтай”» по сохранению и развитию алтайской культуры

Чемчиева Аржана Петровна
кандидат философских наук, научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии СО РАН, отдел этнографии.
Новосибирск, Россия.
chemchieva@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-3090-859X

Касенова Надежда Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент.
Новосибирский государственный педагогический университет, институт детства, кафедра педагогики и методики начального образования.
Новосибирск, Россия.
kasenova_n@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0762-0651

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные инициативы, предпринимаемые Новосибирской региональной общественной организацией «Центр культурного наследия “Туулу Алтай”», направленные на сохранение и развитие традиционной культуры алтайского народа в Новосибирской области. Проблема сохранения этнокультурного наследия алтайского народа приобретает особую значимость в условиях их жизни в мегаполисе и требует новых решений. Опыт представленной общественной организации имеет практическую значимость для разработки и реализации не только региональных, но и федеральных программ поддержки языков и культуры коренных народов России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Общественная организация, культура, алтайцы, Новосибирск.

В Новосибирской области работает более 20 национальных организаций и национально-культурных автономий. Однако в числе таких общественных объединений длительное время не было организации, представляющей интересы уроженцев Горного Алтая. В г. Новосибирске существовало лишь алтайское студенческое землячество.

Алтайское студенческое землячество действует в г. Новосибирске с начала 1990-х гг. и по сей день. Оно объединяет студентов, приехавших из Республики Алтай на учебу, как в высших, так и средних специальных учебных заведениях. Данное землячество представляет собой общественное объединение, созданное для поддержки студентов в решении их проблем, связанных с адаптацией на новом месте жительства и учебы. Во главе землячества стоит избираемый на несколько лет «президент», который координирует взаимодействие студентов из разных учебных заведений и способствует налаживанию дружеских отношений между ними.

Алтайское студенческое землячество выполняет, прежде всего, поддерживающую и культурно-досуговую функции. Это проявляется в помощи по взаимодействию с руководством учебных заведений, по решению жилищного вопроса и иных социальных проблем адаптационного периода. В большей степени землячество ориентировано на организацию культурного досуга студентов и их вовлечение в различные формы внеучебной (спортивной, культурной, волонтерской) деятельности.

Так, силами землячества ежегодно проводятся: «посвящение» первокурсников, где их знакомят друг с другом и со старшекурсниками; празднование алтайского Нового года; конкурс «Мисс и Мистер Алтай». Землячество активно участвует в межнациональных мероприятиях (ИнтерКВН, «Мисс и Мистер Азия», «Интерпосвящение») и спортивных состязаниях по борьбе, футболу, волейболу, баскетболу и др. («Кубок Азии»).

Как видно, деятельность алтайского студенческого землячества ограничена общественной и культурной жизнью студенческой молодежи. При этом, землячество, будучи незарегистрированным объединением, не может выступать в качестве юридического лица, т.е. не может открывать счета в банке, не может заключать договоры от имени объединения и, в целом, не может выступать в качестве субъекта имущественных отношений и являться полноправным субъектом гражданского права.

В этой связи есть необходимость в общественной организации со статусом юридического лица, призванной взаимодействовать с органами государственной власти и местного самоуправления по Новосибирской области и представлять интересы уроженцев Алтая. Инициаторами учреждения такой общественной организации является группа единомышленников из числа алтайцев, длительное время проживавших в г. Новосибирске. В 2018 г. инициативная группа провела несколько собраний и подготовила необходимые документы для регистрации общественной организации. В итоге 27 мая 2019 г. была зарегистрирована Новосибирская региональная общественная организация «Центр культурного наследия “Туулу Алтай”» (НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”»). Председателем организации была избрана кандидат педагогических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета Н.Н. Касенова.

Новообразованная организация активно включилась в общественную жизнь Новосибирской области; 29 ноября 2019 г. НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» вошла в состав Ассоциации национально-культурных автономий и национальных организаций «Содружество» г. Новосибирска и Новосибирской области. Данная ассоциация была учреждена еще в ноябре 1994 г. четырьмя национальными объединениями: «Белорусы Сибири», «Еврейский благотворительный фонд “Эстер”», «Татарский общественный центр», «Финское общество “Ингерия”». На сегодняшний день в состав Ассоциации «Содружество» входит 27 национальных организаций, в том числе 15 национально-культурных автономий. НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» принимает деятельное участие во всех мероприятиях (праздники, конференции, круглые столы) ассоциации и публикует статьи о своей работе в журнале ассоциации «Содружество наций» [9; 12; 13; 14; 15; 19]. Также отметим, что председатель НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» Н. Н. Касенова включена в состав членов Консультативного совета по вопросам этнокультурного развития и межнациональных отношений при мэрии г. Новосибирска, созданного 17 мая 2023 г.

Основными целями НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» являются представление законных интересов всех уроженцев Республики Алтай, проживающих в Новосибирской области, а также сохранение и развитие их этнической культуры, традиций и языка. В качестве основных задач организации рассматриваются сохранение и укрепление всесторонних связей с Республикой Алтай; воспитание подрастающего поколения на основе приобщения к истории, культуре и экологическим традициям народов Республики Алтай, обучение подрастающего поколения родному языку; осуществление культурно-просветительской деятельности, популяризация традиционной и современной культуры народов Республики Алтай среди жителей Новосибирской области.

Деятельность НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» ориентирована на отстаивание интересов представителей всех народов Республики Алтай, прибывающих в Новосибирскую область на постоянное место жительства. В то же время, организация

акцентирует свое внимание на сохранении, развитии и популяризации культуры и языка алтайского этноса.

По итогам Всероссийской переписи населения 2020 г. в Новосибирской области проживает 504 алтайца (включая тубаларов, челканцев, теленгитов). Из них 248 (49,2 %) мужчин и 256 (50,8 %) женщин. Основная масса алтайцев проживает в городской местности – 464 чел. (92,1 %), в сельской местности проживает лишь 40 чел. (7,9 %) [7]. По материалам переписи 280 чел. в Новосибирской области владеет алтайским языком, однако эти данные переписи приводятся без привязки к национальной принадлежности респондентов. Поскольку в Новосибирской области алтайским языком владеют, прежде всего, алтайцы, то позволим себе соотнести приведенные данные переписи с численностью алтайцев в области. Таким образом, можно заключить, что лишь 55,6 % алтайцев в Новосибирской области владеют языком своего народа [8].

В своей общественной деятельности НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» выступает с различными социально значимыми инициативами, направленными на сохранение и развитие алтайской культуры. Прежде всего, организация стремится проводить культурные мероприятия, приобщающие людей к народным традициям. Одним из важных мероприятий является празднование алтайского Нового года Јылгайак (Дьылгайак). Јылгайак отмечается алтайцами в день весеннего равноденствия 21 марта. Этот праздник символизирует начало нового года, начало весны и возрождения природы.

Впервые общественное празднование Јылгайак в г. Новосибирске состоялось 17 апреля 2021 г. в стенах Дома национальных культур им. Г.Д. Заволокина. В рамках праздника был проведен концерт с участием заслуженного артиста Российской Федерации и Республики Алтай Болота Байрышева, заслуженного артиста Республики Алтай Раисы Модоровой, молодых алтайских артистов – А.К. Исаковой, Н.В. Попошевой, К.А. Конуновой, артистов арт-студии «Праздничная шкатулка» Дома национальных культур им. Г.Д. Заволокина, новосибирского ансамбля русской песни «Камышенка», президента национально-культурной бурятской автономии «Байкал» Э.Б. Эрдынеева, а также самодеятельных алтайских певцов и исполнителей игры на народных инструментах [9].

В следующем году празднование Јылгайак в г. Новосибирске прошло в другом формате: 23 марта 2022 г. на площадке Новосибирской областной научной библиотеки («Дом да Винчи») состоялись лекции-презентации научных монографий представительниц Алтая, научных сотрудников Института филологии СО РАН – доктора филологических наук Н.Р. Ойноткиновой («Мифологический словарь алтайцев», «Мифологическая картина мира алтайцев: концепты, мотивы, сюжеты») и кандидата филологических наук А. А. Добрининой («Алтайско-русский словарь прилагательных, характеризующих человека»). Книжные презентации сопровождались творческими выступлениями активистов НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» и дегустацией блюд алтайской кухни [17].

В 2023 г. празднование Јылгайак было проведено в сотрудничестве с Домом детского творчества им. А. И. Ефремова. 25 марта 2023 г. в рамках проекта «Народная мозаика» был представлен мастер-класс по алтайскому традиционному танцу. Приглашенным хореографом из Республики Алтай стала С. Н. Танзаева – художественный руководитель народного хореографического ансамбля «Айас». Хореограф С. Н. Танзаева поставила алтайский танец для старшей группы Ансамбля народного танца «Сибирские Узоры». Кроме того, гостям праздника продемонстрировали презентационные видеоматериалы о Республике Алтай, о традиционной культуре и национальной кухне алтайцев.

НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» стремится популяризировать алтайское культурное наследие среди жителей Новосибирской области. С этой целью организация старается принимать участие во многих городских общественных мероприятиях. Активисты организации непременно выступают в традиционной алтайской одежде с творческими номерами на концертах, посвященных таким государственным праздникам, как «Праздник весны и труда», «День Победы», «День России», «День народного единства», и таким городским праздникам, как «День города», «Масленица», «Сабантуй», «Наурыз» и др. Помимо этого активисты организации обязательно участвуют в шествии многонациональной колонны национально-культурных объединений в День Победы; участвуют в разного рода культурных фестивалях (Этнографический фестиваль коренных народов Сибири «Огонь, вода и земля», 18.06.2023 г.; Всероссийская Ассамблея народных ремесел «Мастера Сибири», 15.07.2023 г.) и в их рамках организуют выставки народного искусства, мастер-классы по декоративно-прикладному творчеству.

Организация придает большое значение знакомству новосибирцев с алтайской кухней. Поэтому на многих общественных мероприятиях устраиваются дегустации блюд и мастер-классы по приготовлению десертов (алтайских конфет из талкана). Для более широкого освещения алтайских кулинарных традиций представители организации участвовали в выпуске книг народных рецептов блюд национальной кухни «Еда на все времена», издаваемых Городским межнациональным центром [3, с. 4–5; 4, с. 4–5]; рассказывали об алтайской кухне в эфире «Радио России Новосибирск» (27 августа 2021 г.) [20] и интернет-портале Food.ru (8 ноября 2022г.) [22]; провели совместно с новосибирским рестораном «Скоморохи» гастроужин «Дорогами Сибири. Алтай» (18 мая 2023 г.).

С помощью своих инициатив НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» стремится привлечь внимание к проблеме сохранения алтайского языка. Активисты организации участвуют в мероприятиях, призванных пробудить интерес людей к родному языку. Так, они ежегодно участвуют в акции «Читаем Пушкина на разных языках» и праздничной программе «Калейдоскоп языков», посвящённой Международному дню родного языка, проводимых Городским межнациональным центром. В ноябре 2021 г. их маленькие дети приняли участие в съемках уникального телевизионного проекта «Сказки народов Сибири», реализованного Автономной некоммерческой организацией Экспериментальная Творческая Студия «Молодая культура Сибири» (АНО ЭТС «МКС»). Отметим, что этот проект стал победителем во Всероссийском конкурсе СМИротворец–2021 в номинации «Дети». В этом проекте дети разных народов, одетые в свои традиционные костюмы, в простой и доступной форме рассказывали народные сказки. Алтайские дети рассказали сказку про муравья и лягушку. Пересказ сопровождался субтитрами – переводом на алтайский язык и рисунками детей. Открытый показ телевизионного проекта «Сказки народов Сибири» состоялся в Городском межнациональном центре 19 ноября 2021 г. [18].

Представители НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» осознают, что обучение на родном языке, особенно на ранней ступени обучения, является залогом сохранения родного языка. Однако на данный момент организация не имеет возможности проводить обучение детей алтайскому языку. В этой связи организация активно продвигает в своем сообществе онлайн ресурс Altaitil, предназначенный для изучения алтайского языка и нацеленный на формирование базового уровня владения алтайским языком [5].

НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» уделяет большое внимание инициативам, направленным на осуществление научно-образовательных и культурно-просветительских задач. Организация непременно участвует в научных мероприятиях, проходящих под эгидой Ассоциации национально-культурных автономий и

национальных организаций «Содружество». Прежде всего, организация принимает участие в ежегодной научно-практической конференции «Культура и образование этнических общностей Сибири», проводимой при поддержке мэрии г. Новосибирска с 1997 г. [19].

НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» стремится делиться своими знаниями и опытом с представителями других национально-культурных организаций и ответственными за взаимодействие с ними представителями министерства региональной политики и министерства культуры Новосибирской области, управления общественных связей мэрии г. Новосибирска, Городского межнационального центра. Так, в октябре 2023 г. организация планирует реализовать образовательный проект курсов повышения квалификации по теме «Межэтническое и межкультурное взаимодействие в городском социуме (работа с детьми-билингвами и детьми-инофонами)» как залог развития гражданского общества в г. Новосибирске».

Для повышения осведомленности новосибирцев об истории, культуре и традициях алтайского народа, НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» периодически выкладывает в свои социальные сети соответствующие радио- и видеоматериалы. В числе них интервью Н. Н. Касеновой, К. Кайминой и Б. Манзырова об учреждении НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» [16]; лекции Н. Н. Касеновой «Сакральные места Горного Алтая» [11] и «Республика Алтай – жемчужина Южной Сибири» [10]; интервью А. П. Чемчиевой «Экскурсия «Традиционная культура алтайцев» в Новосибирске» [24]; научные комментарии А. П. Чемчиевой к моноспектаклю по алтайским легендам [21]; научный доклад А. П. Чемчиевой «Религиозная идентичность алтайцев: история и современность» [23]; интервью М. Очира «Интуитивная живопись» [6].

Организация старается знакомить новосибирскую публику с творчеством алтайских деятелей культуры. Так, при поддержке организации в городе с большим успехом прошли выставки картин таких самобытных художников, как Марианна Очира, Амыр Укачин, Аржан Ютеев [12]. В рамках некоторых культурных мероприятий были организованы вечера встречи новосибирской молодежи с известными алтайцами – актером и режиссером Амаду Мамадаковым, кинорежиссером Михаилом Кулунаковым. По рекомендации организации гостями новосибирского Телеканала НСК 49 становились музыканты Ансамбля «Алтын-Туу» [1; 2].

НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» придает большое значение работе с молодежью. С самого начала организация сотрудничает с алтайским студенческим землячеством, оказывает ему всемерную поддержку во всех его начинаниях, делегирует студентов на различные молодежные съезды (Областной молодежный межнациональный форум «Многонациональная Сибирь», Молодёжная межнациональная смена «InterАктив» и др.). В свою очередь алтайские студенты всегда посещают мероприятия организации и выступают на концертах с творческими номерами.

Работа НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» с молодежью не ограничивается алтайским студенческим землячеством. Организация ежегодно принимает активное участие в реализации на базе НГПУ социально-культурного проекта «Неделя межнационального согласия и взаимодействия». Этот проект направлен на укрепление российской гражданской нации, на приобщение молодежи к многообразному и богатому культурному наследию народов России, на повышение культуры межэтнического общения в молодежной среде.

В 2022 г. проект «Неделя межнационального согласия и взаимодействия» был осуществлен при поддержке Правительства Новосибирской области и проходил на базе Дома национальных культур им. Г.Д. Заволокина. В рамках проекта прошли такие мероприятия, как конкурс детских сочинений «Мы разные – мы дружим», фестиваль студенческого творчества «Весна в Сибири», научно-практическая конференция «Актуальные проблемы воспитания культуры межнационального общения в

современном образовательном пространстве», международный брифинг «Диалог культур и толерантность общения» и т.д. [15].

Доброй традицией НРОО «ЦКН “Туулу Алтай”» стало проведение среди молодежных межнациональных команд из разных регионов интеллектуальной игры «Брейн-Ринг». Игра проводится с целью укрепления межэтнического согласия в молодежной среде и интеллектуального развития студенческой молодежи. В 2021 г. в игре приняли участие три команды из новосибирских вузов [14]. В 2022 г. в игре участвовало семь команд (четыре команды из вузов, три команды из ссузов), представлявших г. Новосибирск и республики Алтай, Тыва, Саха (Якутия) [13].

Таким образом, Новосибирская региональная общественная организация «Центр культурного наследия “Туулу Алтай”» реализует разнообразные инициативы, направленные на сохранение и развитие традиционной культуры алтайского народа в Новосибирской области. Несомненно, для дальнейшего осуществления намеченных организацией задач требуется много работы, требуется поддержка от органов власти, требуется содействие новосибирцев, и самое главное, требуется желание самих уроженцев Горного Алтая.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

1. Ансамбль «Алтын-Туу». 08 июня 2019 г. // «Оранжевое утро». Телеканал НСК 49. URL: https://www.youtube.com/watch?v=mG39Tnwf5M4 (дата обращения: 05.07.2023).
2. Ансамбль «Алтын-Туу». 11 июня 2019 г. // «Оранжевое утро». Телеканал НСК 49. URL: https://www.youtube.com/watch?v=Idaj8tZR5Sk (дата обращения: 05.07.2023).
3. Еда на все времена! Книга народных рецептов блюд национальной кухни / Ред.-сост. Р. В. Цатурян, Е. С. Дерига. Новосибирск: ООО 2К Сибирь, 2020. 44 с.
4. Еда на все времена! Книга народных рецептов блюд национальной кухни. Часть 2 / Ред.-сост. Р.В. Цатурян, Е.С. Дерига. Новосибирск: РА 2К Сибирь, 2021. 48 с.
5. Изучайте алтайский язык онлайн // Altaitil: сайт. URL: https://altaitil.ru/ (дата обращения: 05.07.2023).
6. Интуитивная живопись. Интервью с Марианной Очира. 12 февраля 2023 г. // «Сибирский характер. В курсе дня». Вести Новосибирск: «Радио России. Новосибирск». URL: https://vk.com/video-38320907_456245727?list=a59f401bdb6ebdf1c8 (дата обращения: 05.07.2023).
7. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Новосибирской области. Том 5. Национальный состав и владение языками. 1. Национальный состав населения Новосибирской области // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области: сайт. URL: https://54.rosstat.gov.ru/folder/184377 (дата обращения: 05.07.2023).
8. Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года по Новосибирской области. Том 5. Национальный состав и владение языками. 4. Владение языками населением городских округов и муниципальных районов Новосибирской области и их использование // Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Новосибирской области: сайт. URL: https://54.rosstat.gov.ru/folder/184377 (дата обращения: 05.07.2023).
9. Касенова Н.Н. Новый год по-алтайски // Содружество наций. Городской межнациональный журнал. 2021. № 1 (32). С. 25–27.
10. Касенова Н. Н. Республика Алтай – жемчужина Южной Сибири. 6 марта 2022 г. // Всероссийский конкурс «Моя страна – моя Россия». URL: https://vk.com/wall-1619311_8978 (дата обращения: 05.07.2023).

11. Касенова Н.Н. Сакральные места Горного Алтая. 4 ноября 2021 г. // Всероссийский конкурс «Моя страна – моя Россия». URL: https://vk.com/public182231078?z=video-1619311_456239654%2F6b187cb9a3048cbeed%2Fpl_wall_-182231078 (дата обращения: 05.07.2023).
12. Касенова Н.Н., Чемчиева А.П. Выставки картин алтайских художников в Новосибирске // Содружество наций. Городской межнациональный журнал. 2022. № 1 (33). С. 18-19.
13. Касенова Н.Н., Чемчиева А.П. «Брейн-Ринг» на тему дружбы народов // Содружество наций. Городской межнациональный журнал. 2022. № 2 (34). С. 33–34.
14. Касенова Н.Н., Чемчиева А.П. Интеллектуальная игра молодежных межнациональных команд «Брейн-Ринг» // Содружество наций. Городской межнациональный журнал. 2022. № 1 (33). С. 8-9.
15. Касенова Н.Н., Чемчиева А.П. О межнациональном согласии и взаимодействии // Содружество наций. Городской межнациональный журнал. 2022. № 2 (34). С. 35–36.
16. Надежда Касенова, Баатыр Манзыров, Карина Каймина. 29 мая 2019 г. // «Оранжевое утро». Телеканал НСК 49. URL: https://www.youtube.com/watch?v=T8XPaXXIOEg (дата обращения: 05.07.2023).
17. О коренных народах Сибири рассказывают в новосибирском «Доме да Винчи». 24 марта 2022 г. // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области: сайт. URL: https://xn--b1aecnthebc1acj.xn--p1ai/2022-24-03-Sh-113 (дата обращения: 05.07.2023).
18. Открытый показ телевизионного проекта «Сказки народов Сибири». 23 ноября 2021 г. // Мир наций. РБК Новосибирск. URL: https://youtu.be/ie44psr4LYk (дата обращения: 05.07.2023).
19. Санцевич Н.А., Касенова Н.Н. «Национальное единство через многообразие культур» – XXI ежегодная научно-практическая конференция «Культура и образование этнических общностей Сибири» // Содружество наций. Городской межнациональный журнал. 2022. № 1 (33). С. 3–5.
20. Традиционная кухня алтайцев. Интервью с Н.Н. Касеновой. 27 августа 2021 г. // «В курсе дня. Вкусная пятница». Вести Новосибирск: «Радио России. Новосибирск». URL: https://vk.com/video-38320907_456243827?list=db3e747408281ebfd5 (дата обращения: 05.07.2023).
21. Хозяева гор: моноспектакль по алтайским легендам. 1 апреля 2023 г. // Музей института археологии и этнографии СО РАН. URL: https://youtu.be/P1DX50YL-m0 (дата обращения: 05.07.2023).
22. Чемчиева А.П. Кровяная колбаса, шашлык из белки и другие блюда алтайской кухни. Знакомимся с кулинарными традициями народов Сибири. 8 ноября 2022 г. // Food.ru: портал. URL: https://food.ru/articles/7544-krovyanaya-kolbasa-shashlyk-iz-belki-i-drugie-blyuda-altajskoj-kuhni (дата обращения: 05.07.2023).
23. Чемчиева А.П. Религиозная идентичность алтайцев: история и современность // Религиозные традиции народов Евразии. VII заседание Всероссийского научного вебинара «Соединяем пространства». 29 апреля 2023 г. URL: https://www.youtube.com/watch?v=OoSiqCZY7rs&t=1h8m7s (дата обращения: 05.07.2023).
24. Экскурсия «Традиционная культура алтайцев» в Новосибирске. Интервью с А. П. Чемчиевой. 20 апреля 2022 г. // «Пять вечеров». Вести Новосибирск: «Радио России. Новосибирск». URL: https://vk.com/videos-38320907?z=video-38320907_456244669%2F133b4505832f4b73ee (дата обращения: 05.07.2023).

Искусство и промыслы: реальность и перспективы

УДК 391.2

Традиционная одежда эвенков в визуальных текстах Г.М. Василевич

Алексеева Евдокия Кимовна
кандидат исторических наук.
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук.
Якутск, Россия.
Aeks07@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8262-4025

АННОТАЦИЯ Данный доклад посвящен освещению традиционной одежды разнолокальных групп эвенков в визуальных текстах крупнейшего ученого-тунгусоведа Г.М. Василевич. Источником послужили экспедиционные фотоальбомы ученого-исследователя, хранящиеся в Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) и представляющие весьма ценный материал при изучении не только данного элемента культуры, но и в целом профанного и сакрального мира таежных эвенков-кочевников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Эвенки, традиционная одежда, визуальные тексты.

Одной из важных методологических новаций сибиреведения советского времени стало визуальное исследование – фотоколлекции известного ученого Г.М. Василевич по праву считаются «золотым» фондом культуры тунгусов/эвенков. Глафира Макарьевна Василевич (1895–1971) – крупнейший ученый–северовед, чье интеллектуальное творчество определило проблемное поле тунгусоведения и стало одним из научных и этических ориентиров советского, а позднее и российского этнографического проекта.

В Национальной библиотеке Республики Саха (Якутия) хранятся 14 экспедиционных альбомов Г.М. Василевич. Это дар республике наряду с личной библиотекой. Долгосрочные полевые исследования (с 1925 г. по 1969 гг.), проведенные ею, включали 11 экспедиций к эвенкам, расселенным на территориях Витима, Олекмы, Енисея, Нижней Тунгуски, Алдана и Амура. Поездки к локальным группам эвенков открывали ученому новые культурные коды изучаемого народа. Исследовательский талант Г.М. Василевич проявился в полном погружении в жизненные миры тунгусов.

В интеллектуальном наследии Г.М. Василевич зафиксирована богатая фотоколлекция традиционной одежды разных локальных групп эвенков, включая рисунки, эскизы. Каждый из них представляет огромную научную ценность как визуальный источник. Безусловно, одним из своеобразных этнических маркеров тунгусов, отличающих их от других народов, служит одежда распашного типа. Тунгусский костюм включает кафтан, нагрудник, натазник, ноговицы (меховые

чулки), капорообразную шапку, рукавицы и торбаса. Данный тип костюма – один из ярких элементов подвижной, мобильной культуры тунгусов, он приспособлен для постоянного передвижения. Одежда общетунгусского типа выделяла их среди других народов Сибири, что указывалось, начиная с XVII в., в казачьих отписках и подчеркивалось путешественниками. Все элементы данного тунгусского костюма ярким образом представлены в экспедиционных фотоальбомах Г.М. Василевич.

По убеждению ученого, распашная одежда была исконной для эвенков, о чем свидетельствуют найденные на территории Прибайкалья в глазковских погребениях эпохи ранней бронзы остатки нагрудника [1949б, 1958а]. В целом, считается, что тунгусский костюм сложился в более южных районах Сибири и был обусловлен родом занятий живших там народов – охотой в горной тайге. Традиционный комплект одежды распашного типа – яркий элемент мобильной/подвижной культуры народа и говорит о ее приспособлении для постоянного передвижения – плотно прилегающая одежда удобна для ходьбы на лыжах, бега и пешего преследования животного, при верховой езде на олене.

Особый интерес представляет нагрудник как обязательный элемент тунгусского костюма. Нагрудник как часть тунгусской одежды уходит в очень глубокую древность – в I тыс. до н.э. Необходимо отметить, существуют спорные моменты по вопросу этнической принадлежности этой части костюма. Если Г.М. Василевич и А.П. Окладников считали нагрудник исконно тунгусским элементом культуры, то, по А.Н. Алексееву, нагрудник является элементом культуры более древней палеоазиатской общности. [Алексеев, с. 40]. Основываясь на данных археологических раскопок на стоянке Белая Гора на Нижней Индигирке (1978 г.) С.И. Эверстов утверждает, что нагрудник является достоянием юкагиров [6, с. 3-4]. Учитывая различные точки зрения, следует подчеркнуть, что данный вопрос остается открытым. Наличие нагрудника не только у тунгусоязычных, но и у других народов (кеты, селькупы, энцы, нганасаны и др.) говорит о существовании в древности довольно тесных контактов в рамках ареалов тунгусо-маньчжурских, самодийских, палеоазиатских народов, что не могло не повлиять на этнообразующие процессы.

Так или иначе, в настоящее время передник представляет собой реликтовый элемент тунгусской культуры и остается важной составной частью костюма как в конструктивном, так и в декоративном отношении. Как пишет Г.М. Василевич, некогда передник выполнял роль самостоятельной одежды или одного из первых ее элементов. Указанием на это, по ее мнению, можно считать сохранившийся до начала XX в. порядок приобретения тунгусским шаманом частей костюма: прежде чем приобрести кафтан и шапку, шаман обзаводился передником, в котором камлал иногда несколько лет [2, с. 42]. Г.М. Василевич выделяет у тунгусов два типа передников. Первый представляет собой цельную узкую полосу длиной 75–85 см (основа 60–70 см, бахрома 10–15 см), у мужчин подол данного элемента одежды имеет острый срез, у женщин – прямой.

Рис. 1«Типы женских нагрудников»

Рис. 2 «Сымские тунгуски в традиционных праздничных костюмах с нагрудником»

Как указывает Г.М. Василевич, по количеству украшений передники делились на праздничные (для весеннего праздника Икэнипкэ) и будничные (для охоты). Первые обычно были орнаментированы сплошь бисером, вторые делались из полосок меха, представляя собой цельный меховой орнамент, или имели лаконичный бисерный орнамент. К востоку от Енисея, по направлению к Лене этот нагрудник встречается реже [Там же, с. 44]. У эвенков Якутии он несколько видоизменился. Второй тип встречается в женском костюме. Форма этого передника представляет собой верхнюю нагрудную часть, которая суживается книзу и имеет прямой срез.

Главной особенностью костюма эвенков являются его украшения - орнаментировалось все, начиная от головного убора и заканчивая обувью. Основной орнамент у эвенков был строго геометричен, прост по форме и несложен по композиции. Он состоял из полос, дуг или арочек, кругов, зигзага, чередующихся между собой квадратов, прямоугольников, ромбиков светлого и темного цветов, прямых линий и крестов. Попадаются также криволинейные орнаменты (лирообразные и растительные мотивы), перенятые у соседнего народа саха и особенно сильно выраженные у алданских эвенков [4, с. 370]. Известный искусствовед Н.В. Кочешков отметил, что несложные по своей структуре орнаменты служат основным разграничителем тунгусской художественной культуры, благодаря чему исследователи успешно могут вычленять тунгусские черты в художественных культурах других народов [5, с.70-71].

Костюм в целом и некоторые его элементы в частности, орнаментальные мотивы как символы-знаки служили не только в декоративных целях, но они выполняли и важные сакральные функции. В первую очередь одежда выполняла функцию своеобразного оберега с целью защиты от потусторонних сил. По поверьям эвенков, злые духи могли сильно повлиять на здоровье человека, вызывая разные болезни. В этом контексте, узоры на одежде и украшения были призваны защитить их носителей от злых духов, способствовать укреплению здоровья и духа человека, его благополучия.

В целом, визуальные тексты Г.М. Василевич, в которых отражается традиционная одежда эвенков, представляют ценный этнографический источник по изучению данного элемента культуры. Скрупулёзно проводя научные изыскания «в поле», исследователь всегда возвращалась с уникальными материалами, охватывающими практически все стороны жизни эвенков, включая их язык, культуру и историю. После каждой поездки всегда выходили в свет статьи, освещающие итоги работы, которые нами также были использованы в качестве одного из источников при интерпретации традиционной одежды эвенков в визуальных текстах Г.М. Василевич.

Список литературы

1. Алексеев А.Н. Древняя Якутия: железный век и эпоха средневековья // История и культура восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1996. 95 с.
2. Василевич Г.М. Тунгусский нагрудник у народов Сибири // Сб. МАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 42-61.
3. Василевич Г.М. Тунгусский кафтан (к истории его развития и распространения) // Сб. МАЭ. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958а. Т. 18. С. 122-178.
4. Иванов С. В. Орнамент // Историко-этнографический атлас Сибири / под ред. М. Г. Левина, А. П. Потапова. М. – Л.: АН СССР, 1961. С. 369-434.
5. Кочешков Н. В. Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей на материале народного декоративного искусства XIX-XX вв. / РАН, Дальневосточное отд., Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. СПб.: Наука, 1997. 175 с.
6. Эверстов С.И. Некоторые параллели в культурах древних ымыяхтахцев и юкагиров XVII–XIX вв. // Арктика и Север. 2014. № 15. С. 1-8.

УДК 67.03

Рыбий клей, его свойства и применение в Западной Сибири

Бубновене Ольга Дмитриевна
БУ «Центр ремесел», директор.
Ханты-Мансийск, Россия.
bubnovene@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7084-3976

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается история применения рыбьего клея. Западная Сибирь обладает огромными природными богатствами; озера, реки богаты видами ценной рыбы. Самый лучший клей получали из плавательных пузырей осетра, стерляди. С развитием рыбопромышленности в Сибири развивалось и производство рыбьего клея. В конце XVIII в. сибирский клей вышел на западноевропейский рынок. Но его производство было не значительным в силу своей сложности приготовления. По находкам археологов рыбий клей применяли как связующее вещество глиняных масс в эпоху неолита. И в настоящее время рыбий клей не заменим в иконописи, реставрационной работе живописных полотен. Традиционно коренные жители Севера ханты, манси, ненцы используют рыбий клей для склеивания охотничьих лыж, луков, музыкальных инструментов. Свойства рыбьего клея позволяют склеивать разные материалы, например, керамику, фарфор, дерево и кость, ткани.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Стерлядь, осетр, рыбий пузырь, рыбий клей, карлук.

В конце XVII в. Обь и Иртыш, основа речной системы Западной Сибири, изобиловали многими видами ценной рыбы. В этих реках и их притоках водились осетр, стерлядь, нельма, таймень, муксун, сырок. Большими косяками в Обь заходила сельдь. В реках, речушках и в многочисленных озерах ловили карасей, налимов, окуней, щук, язей и другой рыбы. Сибирский историк Семен Ульянович Ремезов в своем труде «О грани и межах всей Сибири» писал: «…Рек великих и средних, заток и озер неизчетно, рыб изобильно, множественно и ловитвенно…» [2].

Рыболовство и торговля рыбой с самого начала промыслового освоения сибирского края стали распространенным хозяйственным занятием русского населения. В XVII – начале XVIII вв. промыслом и торговлей рыбой активно занимались посадские и другие категории сибирского населения: служилые, промышленные и торговые люди, крестьяне. Они в дальнейшем и стали основным источником пополнения населения городских посадов, в том числе и формирующегося купечества.

В XIX в. Западная Сибирь по-прежнему обладала огромными природными богатствами, но, несмотря на это, как писал Ипполит Завалишин, «…при таких водных богатствах здешняя рыбопромышленность находилась еще в сущем младенчестве» [5].

Если в начале XVIII в. в Тобольске и низовьях Иртыша и Оби ведущую роль в добыче рыбы выполняли рыболовецкие артели, то в начале XIX в. главенствующее положение в рыбном промысле постепенно заняли купцы-рыбопромышленники (Рис. 1, 2, 3). Они вели промышленный лов рыбы с применением наемных работников, что позволило увеличить объемы добычи рыбы.

Рыботорговля всегда считалась одной из первых и самых значительных сфер вложения капитала и товарообмена на Тобольском Севере. До 1917 г. на рынках северных городов торговля рыбой шла пудами, коробками и даже возами [3].

Рыболовные промыслы находились в исключительном пользовании инородцев. Служилые люди Берёзова, Обской и Собской застав занимались рыбной ловлей только для личного потребления, ограничиваясь промыслом в «градских дачах». Ясачные сборщики, отправлявшиеся в инородческие волости за «мягкой рухлядью» (пушнина), не брезговали и «рыбным сбором» с коренного населения [4, С. 230].

Производство рыбного клея в Западной Сибири в небольших размерах велось в XVII в. Исходное сырье для него поставлял рыбный промысел. Рыбий клей тогда не имел еще широкого применения. Главным потребителем его были казенные учреждения. Положение не изменилось и в первой половине следующего столетия. На сибирском рынке имел хождение только канцелярский рыбий клей [9, с. 288].

Производство его к тому времени несколько возросло. В числе других товаров он в небольших количествах вывозился купцами в центральные губернии. Один пуд «стерляжьего» клея в Тобольске стоил в 1730 г. 1 руб. 20 коп. В 1730 г. Вологодские, яренские и уральские купцы вывезли, судя по тобольским и нарымским таможенным выписям, 5,5 пуд. рыбьего клея.

Рыбий клей изготавливали сами рыбопромышленники. Поэтому производство рыбьего клея размещалось в городах, расположенных на крупных реках: Тобольске, Нарыме, Красноярске и Енисейске. Внутри региона клей шел в столярное дело, на бумажные и шляпные мануфактуры, в сапожные мастерские и канцелярии. Кулинары в XVIII-XIX вв. использовали рыбий клей для приготовления заливных блюд, киселя, желе, галантиров. Знатные бояре и богатые купцы блюда с рыбным клеем могли позволить себе даже в постные дни. Этот клей применяли для осветления спиртных напитков (вин, ликеров, пива), медов; в кондитерских изделиях; в фотографии, для изготовления замазок; для английского пластыря; склеивание различных стеклянных и фарфоровых изделий. Вывозился он также в Ирбит, оттуда через ярмарочную сеть поступал во всероссийский товарооборот. В конце XVIII в. сибирский клей вышел на западноевропейский рынок.

По данным Берёзовской таможенной книги за 1701 г., тобольские рыбопромышленники скупили и отправили в Тобольск рыбы, икры, рыбьего клея и рыбьего жира на 45 руб. 7 гривен. Партия товаров, закупленных и отправленных в Тобольск жителями самого Березова, была в 10 раз меньше [Там же, с. 288].

Историки утверждают, что клеящие вещества применяли еще неандертальцы. Они нагревали над огнем деревья до вытекания смолы. Впоследствии этим веществом древние люди склеивали свои орудия труда и защиты.

Известно, что еще за 4 тысячи лет до н.э. древние египтяне, стараясь обеспечить умершим фараонам и их приближенным жизнь в загробном мире, бальзамировали тело и помещали его в деревянный саркофаг, обклеенный материей. Саркофаг грунтовали составом наподобие левкаса и писали темперными красками лицо умершего. Очевидно, навык и традиция нанесения левкаса на дерево пришли именно оттуда. Левкас приготавливали из хорошо просеянного мела в смеси с рыбьим клеем [6].

Археологи Н.М. Чаиркина, Е.Н. Дубовцева, исследуя керамические комплексы эпохи неолита многослойного поселения Нижнее озеро III на Урале, обнаружили в сырье (глиняной массе) добавки, улучшающие формуемость изделий. К ним могли быть отнесены примеси органического характера – растворы, некоторые виды растений, рыбий клей и т.п. [10].

Керамика была крупнейшим изобретением эпохи неолита. Знаменитый рыбий клей, вываренный из рыбьих костей и внутренностей, также позволял надежно скреплять между собой различные сорта древесины и рога; создавать прочные и упругие луки. Лук и стрелы с момента своего появления и на протяжении нескольких тысяч лет оставались самым дальнобойным оружием в руках человека – вплоть до изобретения огнестрельного оружия [7].

Соловьев А.И., описывая сибирское оружие, приводит пример доспеха из рыбьего клея у воина тайги, о котором упоминается в фольклоре. Подлинные изделия не сохранились. Судя по фольклорным данным, такой доспех весьма удачно защищал тело и ввиду дешевого материала был широко распространен у рядовых таёжных воинов

[Там же]. Клей является вязким веществом, которое обладает отличной способностью сцеплять различные материалы.

Изобретение рыбьего клея принадлежит многим народам мира. Издавна его делали в Индии, Бразилии, Северной Америке и, конечно же, в России, используя плавательные пузыри не только осетровых, но и сома, сазана и судака. Со временем он стал предметом обширной международной торговли, причем выше всего ценился именно русский клей.

Авторы Энциклопедического словаря Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон описали различные сорта рыбьего клея и способы его приготовления: «…Рыбий клей известный на заграничных рынках под именем isinglass, Hausenblase – составляет предмет обширной международной торговли. Различают много сортов Р. клея, смотря по происхождению: русский, индийский, бразильский, североамериканский, но все эти сорта одинаково добываются из плавательного пузыря различных, преимущественно крупных, рыб.

Русский клей, ценимый выше других сортов, добывается из плавательного пузыря осетровых рыб: белуги (Acipenser huso), осетра (A. Güldenstädtii), шипа (A. shypa) и севрюги (A. stellatus). Вынутый из рыбы плавательный пузырь отмывается от крови и разрезывается ножницами, так что из овального пузыря получается сердцевидная пластина, которая и растягивается на лубке наружной поверхностью пузыря к лубку, а внутренней наружу. Эта последняя собственно и составляет чистый клей, наружная же, из соединительной ткани, оболочка пузыря отделяется и бросается. Просушенные на лубке "клеины" имеют, при тщательном приготовлении и чистоте, полупрозрачный с перламутровым отливом вид; клей не имеет ни запаха, ни вкуса, растворяется в теплой воде почти без остатка.

Благодаря легкому весу и компактным размерам пластинки рыбного клея было удобно транспортировать в Москву, Петербург и дальше – в Западную Европу. Русский осетровый клей, поступающий на заграничные рынки, подвергался дальнейшей обработке в Лондоне. Клеины пропускали сквозь вальцы, превращая пластину в 1-11/2 четвертей длины и 2-3 мм толщины в ленту до метра и больше длины и в десятые доли миллиметра тонины. Затем эти ленты поступали на другие машины, крошащие из них род вермишели, но весьма тонкой, волосообразной и с короткими волокнами. В таком виде клей паковался в пакетики небольших, определенного веса размеров» [11].

Когда мастеру требовалось склеить какое-либо изделие, ему было достаточно взять одну пластинку сухого клея, залить небольшим количеством воды и варить до полного растворения заготовки. Если пластинки, изготовленные из плавательных пузырей, выварить в небольшом количестве воды, используя пропорцию 21/1, то получится густой и качественный клей. Но стоит добавить в 10-20 раз больше воды – это будет карлук, который использовался для приготовления заливных блюд, студня, киселя, различных десертов или алкогольных напитков в домах русских богачей и знати. Повара предпочитали карлук желатину, ведь рыбный клей не имеет ни вкуса, ни запаха, а это значит, что он обеспечит высокое качество блюд и напитков. К тому же, карлук не делает пищу скоромной или запретной к употреблению в постные дни. Так что знатные русские бояре и купцы первой гильдии часто могли побаловать себя блюдами с рыбным клеем.

В России в продаже существовало несколько сортов рыбьего клея: осетровых пород рыб, рыбьей шкуры и чешуи. Первый считался наивысшего качества, обладал высокой прочностью, а главное, не оставлял следов, что было очень важным при работе над праздничной одеждой. Два других сорта считались второсортными: клеили они превосходно, но были не такими чистыми [Там же…]. Более дешевые и менее качественные сорта клея производились из плавательных пузырей самых обычных речных рыб. Еще менее ценился клей, изготовленный из чешуи и костей рыбы.

Предприимчивые американские бизнесмены в начале XIX в. наладили выпуск жидкого рыбного клея из отходов производства трески. Желая провести аналогию со знаменитым осетровым клеем из России, американцы назвали свой товар «русским цементом» [Там же…].

Производство рыбного клея в России в Нижнем Поволжье в средние века в своей статье рассмотрел И. Торопицын. По словам ученого, уже в 1730 г. торговля черной икрой и другой осетровой продукцией была официально объявлена государственной монополией. При этом голландские, английские и немецкие купцы часто приобретали рыбный клей в Астрахани, Царицыне, Черном Яру, а потом доставляли его в Западную Европу по северному морскому пути, через Санкт-Петербург [8].

Российский рыбий клей различали, смотря по его происхождению: астраханская мелкая скобка; патриаршая скобка; уральская большая скобка; астраханский лист; астраханская книжка; уральская книжка; астраханская лепешка и крошка; сибирские языки, пузыри и соски. Самым лучшим считался патриарший, потому что лучше всего приготовляли его, на тех волжских промыслах, которые принадлежали московскому патриарху.

В 1792 г. в Тюмени возникла первая клееварная мануфактура. Ее завел тюменский купец Василий Конушин. Она размещалась в одном здании с салотопенным и кожевенным заводами. Мануфактура давала в год 1200 пуд. клея (столярного, мездрового, шубного), но в 1795 г. купец понес большие убытки, и мануфактура была закрыта.

В первой половине XIX в. в клееваренном производстве не было мануфактур. Клей варили и поставляли купцам мелкие производители. Купцы сбывали его в сибирских городах и Ирбите. В Томской губернии статистика не отметила ни одного клееваренного завода. Не было их и в Восточной Сибири. Но это не означало, что клей там совершенно не производился. Мездровый клей варили всюду, где имелись кожевенные заводы. Как и прежде, рыбопромышленники, ведущие промысел на Оби, Енисее и их притоках, изготовляли рыбий клей.

Только в октябре 1825 г. на рыбопромысловых судах было доставлено на Тобольскую пристань 625 пуд. клея. До 100 пуд. рыбьего клея ежегодно отпускал на ирбитскую ярмарку Красноярск. Сибирский осетровый клей шел через Кяхту в Китай [9, с. 289].

Представители самых разных народов с древних времен использовали рыбий клей это средство при производстве лодок, музыкальных инструментов, предметов быта, т.к. он натуральный и надежный - крепко-накрепко соединяет многие натуральные материалы, такие как дерево или кость.

Коренные малочисленные народы севера ханты и манси, а именно локальные группы, проживающие на больших реках, где водятся осетровые породы рыб, также использовали рыбий клей для склеивания деталей охотничьих лыж, луков и нарт. До настоящего времени обские угры склеивают рыбьим клеем детали музыкальных инструментов тор саплюх (хант.), тарыгсыпйи (манс.) - угловая арфа, струнный щипковый инструмент. Русские называют его «лебедь», «журавль», «гусь», т.к. внешне инструмент напоминает птицу (Рис. 4).

В сумочке для рукоделия у северной мастерицы, помимо ножей для вырезания узоров, трафаретов и ниток всегда была палочка янтарного цвета. Сегодняшние мастера по-прежнему предпочитают рыбий клей из осетрового пузыря. Они помнят главный секрет: конец палочки слегка надкусывают, смачивают слюной, потом увлажняют ею вырезанный орнамент из рыбьей кожи, сукна и крепко прижимают к рабочей поверхности изделия. Несмотря на широкий выбор клеящих веществ, ничто

не заменит янтарную палочку рыбьего клея. Технология, придуманная в глубокой древности, по-прежнему остается лучшей.

Русское население данным клеем скрепляли тележные колеса и подошву обуви, незаменим он был также при изготовлении луков и разнообразной амуниции. Бродяга С. в своем материале «Инструкция: как изготовить лук своими руками написал, что «…Рыбный клей имел стратегическое значение практически для всей древнерусской промышленности. Будучи абсолютно натуральным, он очень крепко «держал» скрепляемые части различных изделий, по многим показателям превосходя современные аналоги. Такого же мнения придерживались производители мебели и мастера, укладывавшие паркет во дворцах знатных европейских вельмож» (Рис. 5.) [1].

Русские иконописцы признавали клей из осетровых рыб самым лучшим для работы. Современные иконописцы, выпускники Тобольской иконописной школы продолжают традиции – левкас (смесь из мела и рыбьего) готовят по старинным технологиям. Левкас варят, затем им покрывают доску, чтобы краска лучше держалась на основе.

В иконописи применяют золочение на рыбий клей. Для этого сухие плавательные пузыри осетровых пород рыб смачивают и нарезают ножницами на мелкие кусочки. Кладут на сутки в воду в объёмном соотношении один к одному. Затем на «водяной бане» доводят до полного растворения, процеживают, выливают в тарелку и ждут, пока загустеет. Получившееся желе разрезают на куски и высушивают.

Золотимую поверхность окрашивают один раз охрой (магазинной или яичной темперой). Затем промазывают клеем тонкими слоями несколько раз. Спиртом смачивают часть поверхности, на которую собираются положить кусочек листового золота; накладывают золото и слегка прижимают. Минут через тридцать золото полируют волчьим или коровьим зубом, агатом. Можно полировать и стеклянным шариком или пробиркой. При наложении на клей позолота получается с легким блеском.

В современных реставрационных мастерских применяют грунт (левкас), подготовка которого начинается с подогревания рыбьего клея до температуры 60°С и добавления в него небольшими порциями тонко измельченного сухого мела. Состав тщательно перемешивается металлическим шпателем. К полученному составу добавляют небольшое количество полимеризованного льняного масла или масляно-смоляного лака (на 100 мл массы несколько капель). Левкас наносился шпателем или щетинными кистями на доску тонким слоем. Каждый слой тщательно просушивался. Иногда мастера наносили до 10 слоев [6].

Некоторые мастера и в настоящее время используют рыбий клей при изготовлении различных предметов роскоши, дорогих шкатулок, скрипок и виолончелей, авторских ювелирных украшений. В массовом производстве предметов быта рыбный клей не используется по причине своей дороговизны. Наиболее широким полем для применения данного средства сегодня является пищевая промышленность. Этот полностью натуральный продукт просто незаменим при производстве элитных сортов вина и пива, а также дорогих конфет.

Сегодня практически утрачено ремесло клеевщика. Этот мастер умел вынимать и сушить рыбий клей. Сырьем ему служила клеина – лист содранного с рыбьего пузыря клея. Клеевщик, делавший клей и вязигу, был на каждом учуге (сплошной частокол поперек реки для лова рыбы) [9]. Коренные малочисленные народы севера до сих пор используют старинные способы ловли рыбы – запоры, но изготовлением рыбьего клея занимаются единицы в Сургутском, Березовском районах, которые сами изготавливают музыкальные инструменты (Рис. 6).

Список литературы

1. Бродяга С. Инструкция: как изготовить лук своими руками. (опубликовано 27.02.2022).URL: https://vk.com/doc112008883_645056367?hash=pkG5aVrzzcMoHzFM0sDduCI6iHKJqcj0rv3KdiipDPc&dl=shqi2bnu1JEiranmpxHQIv1CPGz12Dme4iKpUJ5A3f8 (дата обращения:10.07.2023)
2. Жиров А.А. Рыбные запасы и формы организации рыбного промысла в XVII-XIII в. // Рыбопромышленность как сфера предпринимательской деятельности населения Тобольской губернии. Опубликовано 29.07.2022.
3. Жиров А.А. Купцы-рыбопромышленники Тобольского Севера (к характеристике предпринимательской деятельности провинциального купечества Сибири) // Архивные чтения памяти Н.В. Горбаня. Омск, 2002
4. Лосунов А.М., Сафаров М.Ю. Купцы Новицкие и рыбопромышленность Обского Севера в XIX –начале XX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. Ред. Я.А. Яковлев. Томск; Ханты-Мансийск, 2014. Вып. 12. С. 230-244.
5. Описание Западной Сибири// [сочинение] Ипполита Завалишина// - Москва: Издание Общества распространения полезных книг, 1862-1867. 3 т.
6. Сергеев Ю.П. Секреты иконописного мастерства. Москва: Юный художник. 2000.
7. Соловьев А. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья // Сибирское оружие. Научный редактор: академик В.И. Молодин; художник: М.А. Лобырев. Новосибирск, 2003.
8. Торопицын И. Экспорт рыбной продукции Волжского бассейна в страны Европы в XVIII веке // Вестник Астраханского государственного технического университета. № 2, 2009.
9. Традиционные ремесла Западной Сибири. Методическое пособие для культурно-образовательных учреждений. Вып. 1. Омск: ОмГПУ, 2002. 299 с.
10. Чаиркина Н.М., Дубовцева Е.Н. Керамические комплексы эпохи неолита поселения Нижнее озеро III // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24).
11. Энциклопедический словарь Ф.А Брокгауза и И.А. Ефонта. С-Сб.: Брокгауз-Ефонт. 1890-1907

Список иллюстраций

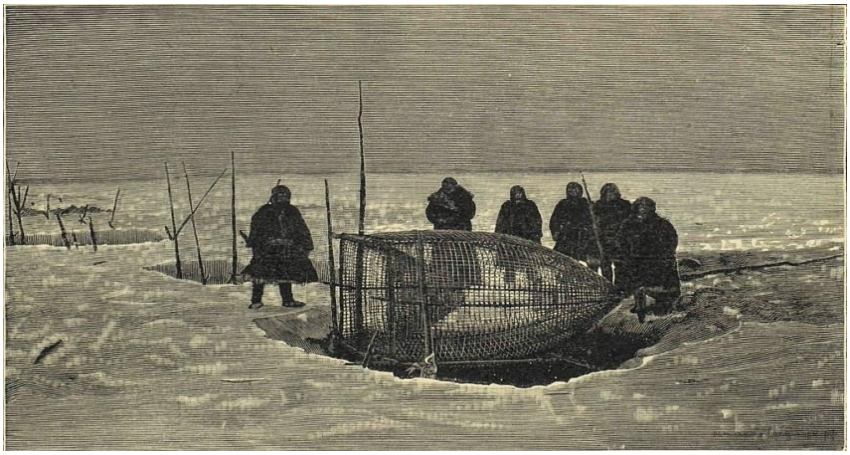

Рисунок 1. Артельный лов рыбы. Фото из архива Остяко-Вогульск.рф

Рисунок 2. Артельный лов рыбы. Фото из архива Остяко-Вогульск.рф

Рисунок 3. Семья Степана Васильевича Новицкого у нового дома в Шеркалах.

Рисунок 4. Тор–сапл-юх (хант.)

Рисунок 5. Рыбий клей – карлук

Рисунок 6. Запор на реке. Ханты

УДК 74.01

Арт-резиденция народного искусства и дизайна Югры в системе сохранения наследия и дизайн-практик

Илауски Ксения Евгеньевна
искусствовед, заместитель директора.
Центр народных художественных промыслов и ремесел.
Ханты-Мансийск, Россия.
ilauskike@gmail.com
ORCID ID: 0009-0008-2434-1439

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрены подходы к формулированию культурных кодов через дизайн практики участников программ Арт-резиденций народного искусства и дизайна в Югре. В исследовании изучалась визуализация художественных традиций на примере работ резидентов. Итоговые творческие работы были посвящены дизайну по нескольким направлениям: одежда, аксессуары, украшения, предметы интерьера, графический дизайн. Выставки Арт-резиденции являются хорошей площадкой осмысления ценности изделий, уровня развития дизайнеров региона на данном этапе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Дизайн, культурный код, арт-резиденция, народное искусство, этнодизайн, креативные индустрии.

Одним из вызовов настоящего времени выступает формулирование культурной идентичности в дизайн-практиках. Для дизайнера важно понимать контекстную среду изделий. С учетом основных тенденций: региональность, использование натуральных материалов и технологий народного искусства и проч. – формируются области проектирования. При этом тренд на индивидуальность, культурную идентичность переориентирует потребителей на внутренние рынки. Одним из направлений здесь можно выделить этнодизайн, где национальные мотивы вписаны в структуру дизайна. Вторым направлением является локальный код, когда используются формы и образы, характерные для конкретной культуры и местности.

Исходя из наблюдаемых тенденций, было решено провести исследование возможностей регионального дизайна в Югре. Среда молодых дизайнеров Югры была выбрана как объект не случайно, ведь именно они в будущем станут проектировщиками рынка. Площадкой исследования стала итоговая выставка Арт-резиденции народного искусства и дизайна.

Организаторами резиденции участникам было предложено отразить в своих проектах связь с художественными традициями региона на уровне смыслов, значений и символов. Вектор был обозначен как переосмысление наследия региона на основе поиска новых сочетаний.

В рамках выставки по итогам арт-резиденции народного искусства и дизайна было выделено пять основных направлений: одежда, аксессуары, украшения, предметы интерьера, графический дизайн. Наиболее яркие примеры работ приведены на рис. 1-20.

Коллекции и бренд «Сури»

Рис. 1. Свитшот Сури. Рис. 2. Жилет Сури. Рис. 3. Льняная футболка.
Рис. 4. Сувениры Сури. Рис. 5. Настольная лампа

Одежда, аксессуары, интерьерные постеры, сувениры и полиграфия, были разработаны на основе художественной реконструкции уникальной вышивки остяков и вогулов. Новое прочтение художественной традиции Югры – праздничных костюмных комплексов остяков и вогулов конца XVIII-XIX вв, опиралось на изучение музейных коллекций, хранящихся в России, Венгрии и Финляндии.

Коллекции и Бренд «Кохта»

Рис. 6. Блокноты Кохта. Рис. 7.
Настольная игра, сувениры Кохта. Рис. 8. Подносы Кохта

Были переосмыслены старинные росписи русских старожилов Севера в интерьерных коллекциях подносов, картин; выделены основные стилистические и сюжетные особенности этих стилей. Для актуализации дизайна упрощены элементы, изменены живописные заливки и пестрый фон. Дизайнеры выпускают не только интерьерные предметы с росписями, но и текстиль с контурными композициями, настольные игры и полиграфию.

Коллекция «Нефть, камни и коды архаики»

Рис. 9-10. Авторские ткани коллекции «Нефть и коды архаики». Рис. 11-12. Эскизы коллекции «Нефть и коды архаики»

В коллекции одежды и аксессуаров были объединены нефть и залежи камней Приполярного Урала с художественным наследием традиционного искусства. Для коллекции были разработаны особые дизайны тканей, использованы инновационные техники окрашивания, адаптирован стиль и крой традиционных костюмов для современной жизни. В основу особых рисунков тканей были положены эксперименты с цветом при макросъемке нефти, срезов камней, которые дополнены элементами росписей, орнаментов из вышивки, вязания, керамики.

Коллекции и бренд «Морошка-дизайн»

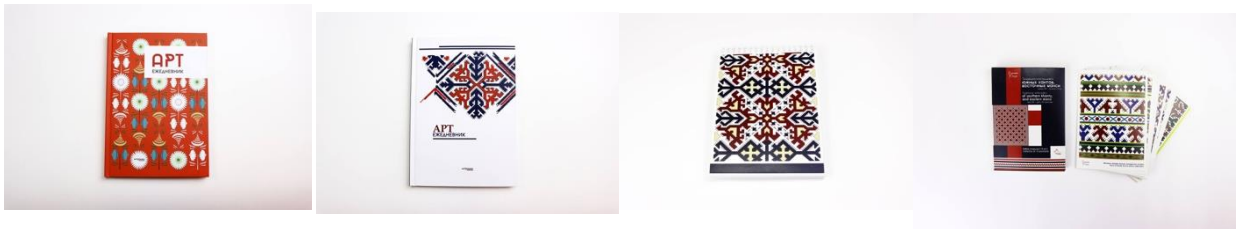

Рис. 13-14. Ежедневники по мотивам русских росписей и остяцкой вышивки.
Рис. 15-16. Блокнот и открытки по мотивам вышивки и вязания обских угров

Коллекция текстильных картин «Птаха.Арт»

Рис. 17-18. Текстильные картины «ПтахаАрт»

Коллекция керамики «Северный узор. Эволюция»

Рис.19. Вазы из коллекции «Северный узор»

Коллекция плетеных сумок «Сатта»

Рис.20. Сумки из рогоза «Сатта»

В основе коллекции сумок – древние художественные технологии плетения циновок обских угров. Дизайн этой коллекции – новое прочтение северного нетканого текстиля.

На основании приведенного исследования можно сделать вывод о том, что в Югре активно формируется свой региональный стиль в дизайне, наблюдается рост локальных брендов на основе коллекций дизайнеров, которые начинают занимать свое место в творческих индустриях округа и формируют внутренние рынки.

Список литературы

1. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: курс лекций М.: Центр Академия, 1998. С. 23
2. Кантор К.М. Правда о дизайне. Дизайн в контексте культуры доперестроечного тридцатилетия (1955–1985). История и теория. М., 1996. 263 с.
3. Кантор К. Дизайн в противоречиях культуры и природы в различных регионах мира // Техническая эстетика и пром. дизайн. 2006. No 8. С. 3.
4. Кондратьева К.А. Дизайн и экология культуры. М.: Редакционно-издат. группа МГПХУ им. А.М. Строганова, 2000.
5. Нехвядович Л.И. Этническая традиция в современном гуманитарном знании / под науч. ред. Т.М. Степанской. Барнаул: АлтГУ, 2010. 96 с.
6. Нехвядович Л.И. Этничность творчества: Теоретические основания описания и анализа произведения искусства // Культурное наследие Сибири. 2016. No 2 (20). С. 16-21.
7. Папанек В. Дизайн для реального мира. М.: Издатель Д. Аронов, 2004. 416 с.
8. Розенсон И.А. Основы теории дизайна. СПб.: Питер, 2006. 256 с.
9. Хан-Мамедов С.О. Еще раз о национальном своеобразии // Декоративное искусство СССР. 1987. No 7. С. 7.
10. Хомякова И.В. Стратегии регионального дизайна // Регионология. 2010. No 1. С. 258-266.

УДК 75.046

Живописные иконы и плащаницы приенисейских церквей конца XVIII – начала XIX в.

Исаева Нионила Николаевна
доктор искусствоведения, профессор.
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, кафедра отечественной истории.
Красноярск, Россия.

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории становления церковной живописи в Енисейском крае. Изучение архивных материалов и коллекций региональных музеев позволяет говорить о формировании иконописи в Сибири в первой половине XVIII в. с опорой на более ранние традиции росписи казачьих знамен, плащаниц и хоругвей и др. атрибутов, имеющих сакральный статус. Наиболее ранними образцами иконописания являются произведения красноярских, енисейских, тобольских и иркутских мастеров. Известно имя красноярского мастера М. М. Хозяиновыа, который был представителем красноярской художественной династии. На становление сибирской иконописи влияли российские и европейские каноны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Церковной живопись, Енисейский край, иконописные традиции.

В 1999-2001 гг. в ВХНРЦ им. академика И.Э. Грабаря в отделе реставрации произведений масляной живописи была произведена реставрация двадцати трех произведений, составляющих коллекцию церковной живописи Красноярского краевого краеведческого музея. Коллекция сформировалась в 1910 – 1920-е гг. и представляет несомненный интерес для изучения одного из разделов художественной культуры сибирской провинции конца XVIII – начала XIX в. Параллельно выполнена реставрация трех холстов из собрания минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. Данный раздел художественного наследия в других музейных собраниях Красноярского края отсутствует. Фонд церковной живописи из музейных собраний красноярского края отреставрирован полностью, каталог опубликован [4, с. 230-256].

Церковная живопись на холсте – достаточно распространенное, но мало изученное явление русской художественной провинциальной культуры XVIII – XIX вв. В Енисейском крае наиболее раннее упоминание об иконостасе, иконы которого были написаны на холстах, относится к первой половине XVIII в. В присланном в 1737 г. из Санкт-Петербурга от имени императрицы Анны Иоанновны иконостасе находилось 58 икон, написанных столичными мастерами. «Святые образа, писанные на полотне, академической работы», поступили в церковь Рождества Христова села Христорождественского Канского уезда. Иконостас был пожалован енисейскому сыну дворянскому Антону Самойлову за доставку в Санкт Петербург очередного китайского каравана. Несомненно, подобный пример не мог не повлиять на деятельность иконописцев Енисейска и Красноярска. Кроме образов для местного ряда – Рождества Христова, Николая Чудотворца, Богоматери и Алексия Человека Божия – в ансамбль входили 12 икон праздничного чина, 12 образов апостолов и 30 икон с ликами пророков и праотцев. Кроме иконостаса были присланы богослужебные книги, главным образом, 1731–1737 гг. издания и две книги 1724 г. [7, с. 110-112].

Упоминаемый И.С. Пестовым Антон Самойлов – один из пяти сыновей Алексея Тимофеевича Самойлова, енисейского казачьего головы. Самойловы – самые крупные частные землевладельцы в Приенисейском крае в XVIII в. Отец и старший сын в семье имели звание сибирских дворян. Антон был четвертым сыном, его следует называть «сыном дворянским», а не дворянином [3, с. 539].

Сам факт написания иконостасных образов на холстах более распространен в сфере полковых походных иконостасов.

В Сибири известны случаи особого почитания икон, написанных на холсте. К их числу Н.А. Абрамов относит икону Спасителя размером 2 на 1 аршин с четвертью из села Кодского Ялуторовского округа (на реке Исеть). Образ находился в колокольне и во время пожара в деревянной церкви в первой половине XVIII в. был унесен ветром за реку. В 1762 г. икону поместили в новом каменном здании Троицкой церкви. В Кондинском Троицком монастыре имелся написанный на холсте образ Страшного суда с дарственной надписью от «Феодора Иоанновича», и датой «январь 7179» (1671) г. Вероятно, Н.А. Абрамов неверно процитировал надпись и следует считать, что образ был прислан в монастырь из Москвы от имени 10-летнего царевича Феодора Алексеевича [1, с. 420].

Приверженность красноярских мастеров-иконописцев к живописи отмечена историком Сибири П.А. Словцовым (1767–1843). В «Историческом обозрении Сибири», изданном в 1841–1842 гг., он отметил: «Ландшафты ли бесчисленные или быть может изображения фигур по утесистым берегам Енисея когда-то малеванных, зародили в Красноярске искру и вкус к живописи. Хозяинов посылал работу своей кисти в Академию художеств, которая отзывом своим поощрила его к продолжению благородного занятия. В Благовещенском храме иконостас, Хозяиновым писанный, служит памятником его стиля» [10, с. 176].

Цитируемое текст написан еще при жизни упомянутого в нем художника. Красноярцы гордились и похвалялись произведениями Мартына Михайловича Хозяинова как местной достопримечательностью. Следует отметить, что П.А. Словцов, окончивший Санкт-Петербургскую духовную академию, некоторое время преподавал в тобольской духовной семинарии, затем снова служил в столице (до 1814). Отмечая особенности фигур, драпировок и лиц персонажей, написанных М. Хозяиновым, он руководствовался значительным опытом наблюдения за столичными и тобольскими живописными иконами. Привязанность красноярских иконописцев к живописи объясняется красотой окрестных пейзажей, а также присутствием значительного числа древних писаниц на берегах Енисея. Направление творчества М.М. Хозяинова характеризуется как академическое, для чего упоминается якобы полученное мастером одобрение Академии художеств.

На самом деле М.М. Хозяинов не мог получить статус художника заочно, ему был гарантирован проезд в Санкт-Петербург за счет казны, но мастер умер до получения приглашения.

Помимо двух Хозяиновых и Пушкарева, представлявших одну мастерскую, аттестацию в Тобольске прошли красноярские мастера В. Гатилов и И.И. Агапитов. Для сравнения следует указать, что в городе Енисейске, важнейшем экономическом и культурном центре на Енисее, в том же 1787 г. был аттестован только один мастер – бывший экономический крестьянин деревни Озерной Усольской вотчины туруханского Троицкого монастыря И.В. Кошкаров. Традиция получения аттестата продолжалась и в XIX в. Сохранились аттестационные документы на одного из енисейских иконописцев, Г. Барашевцова. Икона Тайной вечери из Спасской церкви села Рыбного, подписанная его сыном Е.Г. Барашевцовым, датирована 1860 г. и воспроизводит известное произведение Леонардо да Винчи [КККМ, инв. ЖИ-1339].

Сотрудник красноярского музея С.И. Дараган в 1920 г. составил подробный письменный отчет об имеющих художественную ценность иконостасах и иконах Благовещенской церкви в Красноярске. По его мнению, к итальянским прототипам восходили не только иконы придела Александра Невского, четыре из которых были подписаны М.М. Хозяиновым и имели на обороте датировку 1816 и 1817 г., но и «две старые иконы Благовещения и Сретения при царских вратах – хорошие старые копии

с итальянской школы, вероятно, конца XVIII в., в ризах 1810-20-х гг.» в приделе Благовещения. Церковь была заложена в 1804 г., Благовещенский придел освящен в 1813 г. и вряд ли иконы были написаны ранее, хотя исключить возможность их переноса из предшествующей деревянной Покровской церкви нельзя. Своеобразный выбор стиля для местных икон в двух приделах Благовещенской церкви был уместен и отчасти связан с имевшейся в храме написанной на холсте иконой Александра Невского, присланной в 1820 г. из Петербурга в дар церкви от имени императора Александра I. Предполагаемый А.П. Степановым автор присланной иконы – академик А.Е. Егоров. По свидетельству С.И. Дарагана «письмо с налетом католицизма» было свойственно многим иконам Благовещенской церкви. Любопытно, что при сравнении двух икон Александра Невского (работы М.М. Хозяинова и А.Е. Егорова) С.И. Дараган отдает предпочтение работе местного мастера. Среди предметов старины, имевшихся в Благовещенской церкви, этот же автор отметил большой холст с изображением Страшного суда на паперти придела Иоанна Богослова с «наивной» живописью XVIII в. («происходит из прежней Покровской церкви»). В церковной кладовой указаны «на двух полотнах иконы Благовещения» [2, с. 89– 9211, с. 135].

Отдаленное родство с семьей Хозяиновых прослеживается в родословии В.И. Сурикова. Во всяком случае, сам Василий Иванович, вспоминая посещение дома своей тетки и крестной, О. Дурандиной, отметил, что на стенах висели большие живописные полотна, на одном из которых был изображен Давид перед Голиафом, а на другом – Ной с сыновьями. Кому из Хозяиновых принадлежали эти холсты на библейские сюжеты - Суриков не уточняет. Среди отреставрированных в ВХНРЦ произведений имеется фрагментированная церковная картина, где представлен Ной, произносящий благословение двум из трех его сынов – Симу и Иафету. Источник поступления картины в КККМ неизвестен. Ввиду плохой сохранности, дважды дублированный ветхий холст был зафиксирован во вспомогательном фонде. Отреставрированная картина, несомненно, является памятником работы местного мастера второй половины XVIII в. Не исключено, что ее автором является старший из Хозяиновых – Михаил Григорьевич. Мастеру присуще стремление к крупной форме, сосредоточение персонажей на первом плане, экспрессивная открытая манера и огрубленность письма, сдержанная цветовая гамма. Как лубочный элемент присутствует изложение произносимого текста на обрамленной вставке рядом с лицом Ноя.

Архивные данные и сохранившиеся произведения, созданные для церквей мастерами двух периферийных уездных центров Тобольской губернии, Енисейска и Красноярска, свидетельствуют о наличии и о создании значительного числа живописных полотен. Они предназначались как для иконостасов, так и для размещения на стенах храма вне иконостасов. Источниками иконографии для произведений церковной живописи служили как традиционные иконы, написанные на досках, так и гравюры печатных лицевых святцев, издаваемых в XVIII в. Для начала XIX в. оказалось допустимым использование одним из красноярских иконописцев – М.М. Хозяиновым – репродукционных гравюр с произведений Рафаэля и Тициана в качестве образцов. Кроме того, использование холста в качестве основы для церковной живописи было уместно при написании плащаниц и хоругвей. Единичными примерами в сохранившемся фонде церковной живописи Приенисейского края представлены царские врата с изображением Благовещения и Евангелистов и большая композиция Страшного суда.

Упоминаемые в литературе знамена с живописными изображениями в музейных собраниях Красноярского края не представлены. По данным енисейского летописца А. И. Кытманова между 1692–1698 г. художник Максим Протопопов в Енисейске написал на енисейском казачьем знамени образа Введения во Храм и Благовещения, сопровожденные текстами. И. Пестов отметил, что в Красноярске в 1830 г. имелось 2

казачьих знамени без живописи, с изображением красного креста на желтом поле. В Енисейске же знамя имело размеры 5 на 5 аршин. Его середина была из белого штофа, кайма – красная, наугольники голубые. Кроме сюжетных изображений (Введения во храм и Богоявления) знамя было оформлено надписью с именами Петра Алексеевича, Иоанна Алексеевича и царевича Алексея Петровича, а также с именем Игнатия, митрополита Тобольского. Кроме даты создания «в лето 7204» (1696) знамя имело подпись мастера: «художество мастера Протопопова» [6, с. 72; 7, с. 264-266].

В Енисейском Богоявленском соборе хранилось в числе «древностей» знамя, зафиксированное в описи соборного имущества от 1868 г. «1. Знамя на древке, с изображением орла, поражающего змия. Знамя привезено в 1829 г. из Кемской церкви Архангела Михаила, как поступило туда - неизвестно». Опись 1884 г. дополняет описание деталями: змий назван драконом, и перечислены «ткани – белая, красная кайма, синяя вставка, следы пуль».

Из числа сибирских знамен по описанию известно так называемое «знамя Ермака» с образом Спаса Нерукотворного. Наклеенный на доску и украшенный серебряным окладом образ почитался в селе Долгоярском Тобольского округа. Убрус с ликом Спаса Нерукотворного поддерживал ангел. Под ликом Спаса был представлен серафим. По сторонам располагались предстоящие образу Сергий Радонежский и Иоанн Воин. К найденному на месте утраченной часовни первоначально свернутому в трубку знамени с XVIII в. устраивались крестные ходы, запрещенные между 1841–1846 гг. Размеры образа - 1 а. 6 ½ в. на 1 а. 1 ½ в., вес оклада – 11 ф. 37 зол. (с двумя венцами и медной гривной) [12, с. 108-111].

Другое «знамя» или военная хоругвь казаков, посланных в Сибирь царем Феодором Иоанновичем в 1592 г., хранилось в Воскресенской церкви г. Березова. Однако уже к 1891 г. эта реликвия, по сведениям М. Путинцева, была по высочайшему повелению вывезена в Омск [8, с. 514].

Боевой реликвией сибирских казаков считалось знамя, которое находится в Омске с 1883 г., в 1924 г. оно было передано в омский музей. Знамя, согласно надписи, изготовлено в 1690 г. по указу Великих князей Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича для Стрелецкого полка, затем ввиду отмены стрелецких формирований попало в Сибирь.

В числе отреставрированных памятников сибирской живописи четырьмя произведениями представлен архиерейский портрет конца XVIII – начала XIX в., документированное происхождение которого из двух провинциальных церквей позволяет рассматривать данное явление как своего рода сопроводительный материал к храмозданным грамотам. В отличие от других видов церковной живописи, исполнявшейся преимущественно местными мастерами, архиерейский портрет следует соотносить с деятельностью мастеров епархиального центра. Для Приенисейского края таким центром вплоть до 1820-х гг. был Тобольск. В тобольском церковном древлехранилище в 1902 г. числилось 19 «живописных портретов и видов», в том числе привозной портрет патриарха Иоакима, датированный 1658 г. [13, с. 5-6].

Живописью занимались некоторые из тобольских архиереев. В алтаре Софийско-Успенского собора в Тобольске (на оборотной стороне иконостаса, над царскими вратами) хранился большой холст с изображением Воскресения Христова. Полотно высотой 8 аршин исполнил «в часы досуга» архиепископ Герасим Кремлев (1640–1650) [9, с. 204].

Живописью занимался также тобольский архиепископ Варлаам Петров (1768-1802). В частности, он экспериментировал с живописью на стекле. Редкие случаи упоминания о живописи на стекле и на металле встречаются в описях имущества Приенсейских церквей.

Пограничное положение некоторых церквей (расположенных в селе Пановском на Ангаре, в селе Анцирском Канского уезда) и их подведомственность Иркутску в конце XVIII и начале XIX в. позволяет допустить участие иркутских мастеров в исполнении некоторых заказов на церковную живопись (Страшный суд из села Пановского, плащаница из села Анцирского). Высокое качество живописи иркутских мастеров демонстрирует исполненная маслом на холсте икона Богоматери с младенцем рубежа XVIII-XIX вв. из иркутского Знаменского женского монастыря. Следует отметить, что и в технике темперы иркутские мастера умели передать эффект светотеневой моделировки ликов [5, с. 200-201, 262-263].

Таким образом, в отреставрированной коллекции предполагается присутствие произведений красноярских, енисейских, тобольских и иркутских мастеров. Среди них только один холст имеет на обороте подпись художника и дату исполнения. Это «Поругание Христа» из минусинского Спасского собора работы «Мартына Хозяинова 1799 года».

Список литературы

1. Абрамов Н.А. Старинные иконы в Тобольской епархии // Известия императорского археологического общества. Т. 4. Вып. 5. СПб., 1867. С. 416-424.
2. Дараган С.И. Обзор храма Благовещения в Красноярске с художественно-исторической стороны. Доклад от 24 октября 1920 г. Рукопись машинописная. Инв. КККМ о/ф 7886/109. Л. 89-92.
3. Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск. Рус. энцикл., 1998. 735 с.
4. Исаева Н.Н. Церковная живопись Приенисейского края XVII – начала XIX века. Красноярск: Платина, 2008. 288 с.
5. Крючкова Т.А. Иркутское барокко. Москва. Рекл. агентство «СОРЕК», 1993. 357 с.
6. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края. 1594-1893. Рукопись. Инв. КККМ о/ф 7886/229. 674 с.
7. Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 года. М.: Универ. тип., 1833. 298 с.
8. Путинцев М.П. Святыни и исторические места Березова // Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск. 1891. С. 495-514.
9. Скосырев Н.Д. Тобольский кафедральный Софийско-Успенский собор // Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск. 1883. № 10. С. 201-216.
10. Словцов П.А. Историческое обозрение Сибири с 1585 по 1742 год. СПб.: тип. И.Н. Скороходова, 1886. 326 с.
11. Степанов А.П. Енисейская губерния. СПб.: тип. Конрада Вингебера, 1835. 256 с.
12. Тутолмин Г. Древняя икона Спасителя // Тобольские епархиальные ведомости. Тобольск. 1893. № 5– 6. С. 108-111.
13. Юрьевский А. Тобольское церковное древлехранилище // Тобольское церковное древлехранилище. Тобольск. 1902. Вып. 1. С. 1-11.

Сокращения

КККМ – Красноярский краевой краеведческий музей
ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря.

УДК 391.7

Шейные украшения русского старожильческого населения западной Сибири конца XVIII – начала XX вв.

Корнева Елена Александровна
художник-конструктор.
БУ «Центр ремесел», филиал «Школа-мастерская народных промыслов».
г. Урай, Россия.
elenka.korneva.2014@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья содержит анализ шейных украшений в составе традиционного костюмного комплекса местного русского населения Западной Сибири конца XVIII – начала XX веков. Даны описания внешнего вида и художественных канонов декорирования каждого украшения, а также территории происхождения и бытования украшений до появления в Западной Сибири вместе с русскими переселенцами. По каждому украшению приведены варианты названий на разных территориях страны и примеры украшений по фотоматериалам государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ожерёлок, жирелка, ряска, монисто, пёрла, чопки, наборушник.

Первые русские (новгородские купцы) в Сибири появились еще в XI в. Заселение же русскими Севера Сибири началось с последней четверти XIV в. После взятия столицы царства Кучум-хана (Искер или Сибирь – ныне Тобольск) в 1582 г. Ермаком, новые владения Ивана IV (Грозного) стали по-настоящему открыты для русских.

Именно в это время было основано большинство русских городов Западной Сибири: Тюмень (1586), Тобольск (1587), Берёзов (1593), Сургут (1594), Обдорск (1595). В конце XVI – начале XVII в. основное население русских городов и укреплений Северо-Западной Сибири по большей части составляли государевы служилые люди. Местное население: дворяне, боярские дети, казаки, ссыльные, военнопленные, посадские и «гулящие» люди. Крестьяне, назначенные государством для ямской службы, в этот период переселялись в основном из северных и северо-западных губерний. Большие притоки переселенцев наблюдаются в XVII в. в виде беглых крестьян из центральных и северных губерний России и с середины XVIII в. со всех губерний в виде староверов-раскольников, бежавших за Урал от преследований на почве религии, возникшей после непринятия реформ в начале 1650-х гг. патриархом Никоном [3, с. 6].

Сибирские старожилы XVII–XIX вв. – преимущественно выходцы с Русского Севера (в основном Архангельской губернии) и лишь частично из средней полосы России. Так в Тобольскую губернию в 1637 г. для женитьбы казаков было направлено 150 девок из Вологды, Тотьмы, Устюга, Вычегодска и Соликамска. Более всего переселенцев было с русского Поморья от Новгородской и Псковской до Пермской и Вятской земель [3, с. 7-8].

Согласно исследованиям сургутского историка А. Ульяновой выделяется пять источников для наполнения сургутского гарнизона, ставшего со временем крупным городом Югры. Среди его обитателей были: служивые люди из сибирских городов и острогов, и других различных городов России; также представители других сословий, принятые в казаки на службу, и их прямые потомки, зачисленные на государственную службу; представители местного коренного населения, принявшие христианство, и ссыльные переселенцы [7, с. 20]. Именно по такому принципу формировались и другие сибирские города, и остроги.

Отметим, что заметную часть служилых людей в Сибири составляли ссыльные, в том числе литовцы, черкасы, немцы и поляки [5, с. 100]. Пребывали они в сибирских городах временно, т.к. после заключения Андрусовского перемирия в 1667 г. основная часть пленных возвратилась на родину за исключением тех, кто принял православие, обзавелся семьями и решил остаться в Сибири.

Таким образом, русскими старожилами Сибири или сибиряками принято считать всех потомков казаков–землеискателей XVII в., зверопромышленников, вольных и не вольных переселенцев в XVII – XVIII вв. [1, с. 142-143]

Переселенцы, конечно же, везли с собой в Сибирь традиционную одежду и украшения, а также способы их изготовления и ношения. Со временем костюмный комплекс русских старожилов Западной Сибири претерпевал изменения в связи более суровым климатом, влиянием традиций переселенцев из разных губерний и военнопленных. С другой стороны, сформировавшийся в среде старожилов (особенно у старообрядцев) тип северорусского костюма сохранялся вплоть до начала XX в.

На севере России особенное значение имел женский праздничный костюм, в который, помимо красочной одежды, входило множество украшений: кольца, серьги, браслеты, ожерелья, бусы, низанные ленты и металлические цепочки с крестами. Чем ярче было праздничное узорочье наряда, тем выше было благосостояние семьи. В праздники на Севере России крестьянские девушки составляли отдельные хороводы в зависимости от качества наряда: наиболее богатым был хоровод «бархотниц», затем хоровод, одетых в «гарусники» или «шелковики», и последний хоровод из девушек в холщовых или ситцевых сарафанах [3, с. 7-8].

Шейные украшения в костюмном комплексе сибирячек были разнообразны по форме и материалам изготовления. Похожие между собой украшения могут носить совершенно разные названия. Это связано с тем, что данные украшения или способ их изготовления был завезен из разных губерний России. Одним из популярнейших шейных украшений XVIII – XIX вв был ожерелок. Другими названиями этого украшения могут быть брода, жарёлок, манжет, подгорлок, поджерёлок [2, с. 196], а также жирелка монисто. Хотя последним термином, называют и другие разновидности шейно-нагрудных украшений.

Ожерёлок – женское праздничное украшение. Представляло собой узкую ленту из ткани, застёгивающуюся сзади на шее на крючок или пуговицу. К её нижнему краю пришивалась неширокая полоса снизанного геометрическим узором разноцветного бисера. Лицевая сторона ленты из ткани украшалась позументом, металлической и шелковой тесьмой, лентами, пуговицами, блёстками [2, с. 196-197].

Термин ожерёлок использовался, начиная с XIX в. в Калужской, Тульской и Рязанской губерниях [2, с. 197]. Само слово «ожерёлок» изначально в русском языке означало шейное оперение птиц, отличающееся по цвету. Позже появилось второе значение этого слова, обозначающее воротник. Низанный бисер в виде крупной сетки и пришитый к полоске ткани имел форму воротника и украшал шею и верхнюю часть груди. Отсюда и появилось название украшения.

Украшение «борода» в Калужской губернии является наиболее старым. Причем его описание практически идентично «ожерёлоку». «Борода предствляет собой тяжелую бисерную поднизь, пришитую к ошейнику из кумача. Длина поднизи составляет 12-20 см, ширина сетки по вороту 15-20 см, этого достаточно чтобы закрыть шею и разрез рубахи на груди спереди» [6, с. 64].

Украшения под названием «ожерёлок» нам удалось обнаружить в фотоматериалах государственного каталога Музейных фондов Российской Федерации (далее гос. каталог) и в частных коллекциях Архангельской, Рязанской, Воронежской, Тамбовской, Тверской, Тульской, Калужской и Вологодской губерний. Примером украшения под названием «ожерёлок» конца XIX – начало XX в. из Рязанской губернии

может служить украшение из фондов Муниципального бюджетного учреждения культуры «Музейно-выставочного центра» № гос. каталога 31142676 в виде расшитой бисером и пуговицами полосы ткани с ажурной разноцветной бисерной сеткой, закрывающей верхнюю часть груди. Однако в Архангельской губернии «ожерёлоком» называли широкую полоску ткани, собранную гармошкой и простроченную на машинке в нескольких местах. Такое украшение носили на шее, застёгивая его на крючки или пуговки сзади, а поверх одевали «перелинку» (полоска ткани, расшитая бисером, рубленным стеклярусом, речным жемчугом и т.д.).

Два украшения конца XIX начала XX в. из коллекции структурного подразделения Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника государственного автономного учреждения культуры Тюменской области Тюменского музейно-просветительского объединения (далее ТИАМЗ) представлены в гос. каталоге под названием «жирелка» за № гос. каталога 29306106 и 28912548. В атрибуции гос. каталога указано место создания данных украшений, как Рязанская губерния. На основании этого можно предполагать, что данные украшения были перевезены в Западную Сибирь вместе с переселенцами.

Похожее по конструкции украшение в виде ажурной бисерной сетки с геометрическим рисунком называли «ряска». «Несмотря на то, что крестьянки называли ее ряска хрустальная, она представляла собой низку бисером или стеклярусом, имела вид круглой пелерины, закрывавшей плечи и верхнюю часть груди (внутренний диаметр около 140 мм, внешний - 280 мм); одевалась вместе с бисерами поверх рубахи» [8, с. 112-113]. К примеру, экспонаты гос. каталога под № 16458776 БУ культуры Омской области «Омский государственный историко-краеведческий музей» или № 40806390 ФГБУ культуры «Российский этнографический музей» (далее РЭМ). Причем у последнего экспоната указано и второе название «поднизь». Термин ряска больше известен на Алтае в XIX – начале XX века [2, с. 274]. Очень важно не путать с украшением под тем же названием «ряска», означающим женский головной убор.

Большой интерес представляет и украшение с названием «монисто» (или «монист»). Монисто – женское нагрудное украшение. Представляло собой низанные на льняную нить дутые бусы, бисер или раковины. Эти низки входили в праздничный костюм молодых женщин и девушек центральных и южных губерний России. Обычно одевалось до двенадцати нитей одновременно. Под этим же названием в некоторых из указанных районов было известно нагрудное украшение в виде полукруглой сетки из разноцветного бисера, закреплявшееся по верхнему краю полосу тесьмы или ткани и застёгивающееся сзади на пуговицу или крючок [2, с. 175].

В госкаталоге представлено украшение из фондов МУ «Волжского музейно-выставочного комплекса» из женского костюма Воронежской губернии конца XIX - начала XX века под № 3669478. Данное украшение под названием «монист круговой» выполнено в виде бисерной сетки с геометрическим орнаментом, крепящейся на шее за счет оформленной полосы ткани, как и в варианте украшений с названием «ожерёлок» и «жирелка». Но в отличии от указанных украшений бисерная сетка «монист кругового» более широкая и заходит на плечи, закрывая всю верхнюю часть груди.

Среди экспонатов ТИАМЗ в фотоматериалах гос. каталога под № 8998206 представлено очень похожее по конструкции украшение XIX в. (в атрибуции указаны 1870-1900 гг.). Данное украшение имеет аналогичное название и также отмечено как часть женского костюма Воронежской губернии.

По мимо этого следует отметить, что женские украшения под названием «монисто» присутствуют в костюмных комплексах молдаван, украинцев, чувашей, телеутов, башкир, марийцев, туркмен, цыган. Но в украшениях под названием «монисто» у перечисленных народов основным материалом для создания служил

метал и монеты. Украшения могли представлять собой металлические цепочки, украшенные монетами, бусы из монет или даже большие нагрудники, полностью зашитые монетками или металлическими круглыми пластинами, напоминающими чешую. В Государственном БУ Ивановской области «Ивановском областном художественном музее» представлено украшение с № в гос. Каталоге 32592638 под названием «монисто» в виде бус из монет изготовленное в Японии в начале XX в.

Нельзя не сказать и о таком украшении как «пёрла» (перлицо, пёрлы, пёрлышко) – женское нагрудное украшение из речного жемчуга. Данное украшение имеет 2 разновидности: нитка жемчуга на конском волосе или узкая полоса холщовой ткани, крепящаяся сзади при помощи лент или крючка, лицевая поверхность которой плотно зашивалась жемчужными плашками [2, с. 211]. В некоторых случаях по нижнему краю добавлялась не широкая полоса ажурной сетки в 2-3 ряда из бисера. «Пёрла» являлись самым праздничным украшением девушек на выданье и молодых замужних женщин.

В госкаталоге под названием «перлышко» представлено 3 женских украшения. Первое из фондов Федерального ГБУК "Архангельского государственного музея-заповедника деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» под № 6598529. Украшение датируется концом XIX в. и представляет собой узкую полоску ткани из льняного холста, расшитую бисером в 5 рядов и украшенную декоративными металлическими пуговицами. Из фондов ГБУК культуры Архангельской области «Архангельского краеведческого музея» представлены 2 украшения XIX в. под № 38138230 и 35558901 больше напоминающие по своей конструкции нагрудные украшения под названием «чопки».

Украшения под названием «чопки» состоит из 2 вертикальных полос ткани (как правило красного цвета), межу которыми проходят множество нитей низанных бусин. В госкаталоге представлено множество украшений этого типа конца XIX – начала XX в. из Рязанской губернии в том числе из фондов ТИАМЗ под № гос. каталога 29306107 и БУ ХМАО-Югры «Музея Природы и Человека» под № гос. каталога 16495284.

Еще одно шейное украшение под названием «наборушник» который являлся украшением праздничного костюма девушек на выданье и молодых замужних женщин Архангельской, Олонецкой и Тверской губерний. «Наборушник» – женское шейное украшение, представляющее собой прямую или фигурную полосу холста, застёгивавшуюся сзади на шее на пуговицу или крючок. Лицевая сторона «наборушника» плотно зашивалась рубленным перламутром, речным жемчугом, вставками стекла в металлической оправе [2, с. 180]. Наиболее старый экспонат в гос. каталоге представлен под № 8390273 из фондов ГБУК Московской области «Звенигородского государственного музея-заповедника» дотируется XIX в. (с элементами XVIII в.). В атрибуции дана пометка, что при первой регистрации экспоната в книге поступлений украшение было зафиксировано как «ожерелок».

Исследования на эту тему продолжаются, но уже можно сделать следующие выводы. Украшения вместе с другими элементами женского костюма составляют единый стилевой ансамбль одежды и придают ей художественную завершенность и национальный колорит [4, с. 4]. Поэтому при изучении съемных украшений, в первую очередь, необходимо учитывать весь костюмный комплекс, как самого этноса, так и его отдельных локальных групп. Выбор украшений всегда на прямую зависел не только от общественных приоритетов, но и от вида и покроя самой одежды. Только в сочетании с ней украшения обретали свой смысл, и предавали костюму завершенную форму, отражающую его этническую специфику [1, с. 46-47]. Женские шейные украшения Западной Сибири зародились и сформировались по своему стилю в Европейской части России по большей части в южных ее районах. Некоторые из них получили дополнительное развитие на Русском Севере. После чего вместе с русскими

переселенцами попали в Западную Сибирь, где смогли сохранить свою самобытность и уникальность вплоть до начала XX в.

Список литературы

1. Головачев П.М. Сибирь: природа, люди, жизнь. М., 1902. 300 с.
2. Русский традиционный костюм: Иллюстрированная энциклопедия / Авт.-сост.: Н. Соснина, И. Шангина. СПб.: Искусство – СПБ, 1998. 400 с.
3. Сибирское дефиле. Традиционная одежда русского населения Обь-Иртышья (середина XIX – начало XX века) из фондов Государственного музея Природы и человека (г. Ханты-Мансийск) / Авт.-сост. текстов Т.С. Ильина; фото Е.М. Кузина, И.А. Самотесова, Д.О. Стародумова и др. Екатеринбург: Баско, 2008. 48 с.
4. Соколова Г. Бисерные украшения крестьянок Рязанской губернии // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. № 52 (ноябрь 2007). С. 4.
5. Никитин Н.И. Казачество Сургута в XVII в. // Сургут, Сибирь, Россия: Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 400-летию города Сургута: Докл. и сообщ. Екатеринбург, 1995.
6. Неслуховская А.В. Традиционные русские женские шейные украшения Верхнеокского региона XIX-XX веков // Ученые записки Орловского государственного университета. №3 (72), 2016. С. 63-68
7. Ульянова А.Е. Сургутское казачество в конце XVI-XVII вв.: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. Сургут. 2006.
8. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян – старожилов Северного Приобья (конец XIX – начало XX вв.). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. 152 с.

УДК 745.51+39

Ордынская роспись: реальность и перспективы народного промысла

Ланго Алла Викторовна,
директор
Ордынский историко-художественный музей.
р.п. Ордынское Новосибирская область, Россия.

Красавина Маргарита Васильевна,
младший научный сотрудник
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
Новосибирск, Россия
marg-moskvina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-8940-5244

АННОТАЦИЯ Статья характеризует один из уникальных народных промыслов Новосибирской области – Ордынскую роспись по дереву. Эта авторская роспись создана Ниной Ивановной Мухлыниной на основе творческого синтеза элементов народных росписей Центральной России и оригинальных образов природы Сибири. Появившаяся как проект для школьников 20 лет назад, в декабре 2021 г. ордынская роспись была зарегистрирована и получила патент, закрепивший географическое наименование и товарный знак за автором. У самобытной росписи есть все перспективы развития в региональный бренд, активно участвующий в экономике Новосибирской области.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Новосибирская область, ордынская роспись, региональный бренд

Художественные промыслы и ремёсла признаны потенциально имиджевым ресурсом, объединяющим в себе народное творчество, формы самореализации мастеров с инновационными культурными технологии малого бизнеса, направленными на рост занятости и повышение качества жизни населения региона.

В связи с утверждением в сентябре 2021 г. Председателем Правительства РФ М. Мишустиным «Концепции развития творческих индустрий до 2030 года», которая предполагает активную деятельность по поддержке ремесленников и прочих в широком смысле художников, самозанятые мастера получили статус представителей малого бизнеса, что дало им возможность участвовать в конкурсах Фонда микрофинансирования Новосибирской области.

В рамках реализации этой концепции в 2022 г. в Новосибирской области созданы координационный совет при губернаторе в сфере развития креативных индустрий и художественно-экспертный совет по народным художественным промыслам при Региональном министерстве промышленности с подключением Министерства культуры. Участники совета будут участвовать в формировании региональной политики по «возрождению и развитию народных художественных промыслов в местах их традиционного бытования». Разрабатывается программа поддержки народных промыслов, предпринимателей и самозанятых. Сейчас в реестре Новосибирской области более 750 мастеров-ремесленников.

Ордынская роспись считается самой молодой художественной росписью в России. В середине декабря 2021 г. наименование «Ордынская роспись» было зарегистрировано как объект интеллектуальной собственности в Роспатенте. Её автор – профессиональная художница декоративно-прикладного профиля Нина Ивановна Мухлынина, художник-мастер художественной росписи и печати, выпускница

Абрамцевского художественно-промышленного училища (1973 г.), преподаватель Декоративно-прикладного отделения Детской школы искусств р.п. Ордынское Новосибирской области.

Восхищение природой сибирского края, куда Нина Ивановна переехала из Брянской области, желание отразить ее в художественной форме и презентовать для зрителей стало одной из причин рождения нового стиля художественной росписи. Выбор деревянной основы для росписи определила доступность материала. Опора на знания, полученные в процессе изучения основных российских художественных росписей (как кистевых, так и графических, по дереву и по металлу) и осознанный отбор регионально значимых образов, стали основой новой авторской росписи.

Второй немаловажной причиной появления росписи стала профессиональная деятельность художницы – она преподает изобразительное искусство в Ордынской детской школа искусств. Ее работа предполагает методические разработки основ кистевых росписей.

Оригинальная «капельная техника», основанная на использовании оттиска кисти, определила художественный вид основных мотивов ордынской росписи. В ее основу были положены стилизованные образы природы Новосибирского Приобья и сельских бытовых пейзажей. По задумке автора, основополагающими принципами новой росписи должны были стать «декоративность, обобщенность и стилизация элементов, динамичность линий, простота в исполнении, ограниченная палитра красок, неповторимые, но узнаваемые особенности сибирской природы», дополненные рисунками с натуры – образами птиц, зверей и лесной растительности [1].

От художественного рисунка окружающей действительности, мастер шла к стилизованному декоративному изображению, где сохранились только узнаваемая форма, цвет и композиции. Неслучайно были выбраны основные цвета, они взяты из цветов российского флага и герба Ордынского района: белый, синий, красный, желтый, зеленый, коричневый, черный, дополненные позолотой. При этом в общей гамме расписываемых изделий доминируют синий и зелёный цвета, так называемые «зимний» и «летний» варианты росписи. Голубым и светло-зеленым выполнены фоны изделий, дополненные белыми завитками в виде морозных узоров или волн на поверхности воды. Нина Ивановна описывает свою роспись как «скупую, не цветистую, не аляпистую, а сдержанную, немногословную, простую».

Основными сюжетами, из которых строятся композиции стали сибирский сельский пейзаж с бревенчатыми домами и огородами, животные и птицы в окружении цветов, ягод и деревьев, рыбы и лодки в водоемах.

Среди мотивов наиболее частыми можно считать деревянные дома, бани, стога сена, заборы из штакетника, огороды с засаженными грядками, лодки у берега и на водной глади, снежные сугробы, снежные узоры, изображения деревьев (сосны-«кедры», ели, рябины, цветущие и плодоносящие яблони), ягодные кусты (смородина, малина, шиповник, ранетки), флора и фауна Караканского бора и Новосибирского водохранилища (лоси, тетерева, сороки, белки, чайки, рыбы (чебак, судак, стерлядь), лесная ягода (брусника, черника, облепиха), полевые цветы (иван-чай, медуницы) и пр. Отличает ордынскую роспись то, что мотивы животных и птиц изображаются в динамике, например, белки могут размещаться на деревьях или на заборе, сороки на пашне, собаки у дома и т.п., соответственно меняется вид мотивов, подстраиваясь под сюжет.

Изобретенная ордынская роспись не имеет строгой привязки к формам украшаемых ей предметов и может быть использована в оформлении мебели, подарочных шкатулок, тарелках, ложках, интерьерных куклах и т.п.

В 2002 г. авторские разработки были оформлены в образовательную программу на четыре года обучения «Путь к мастерству», представленную на конкурсе образовательных программ и технологий «Сибирской ярмарки» «УЧСиб-2002». Ее оценили Большой Золотой медалью. Также проект стал победителем пятого Всероссийского конкурса авторских программ и технологий в Москве. По итогам этих конкурсов Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования включил проект в серию «Золотой фонд Новосибирской области: воспитание и дополнительное образование». Образовательная программа по ордынской росписи была отмечена Министерством образования Российской Федерации как инновационная, расширяющая границы традиционного обучения детей декоративно-художественному искусству, и расширяющим кругозор детей, в том числе – в народном творчестве. Имя Нины Ивановны Мухлыниной внесено в Золотую книгу культуры Новосибирской области в номинации «Мастер – золотые руки».

В творческом проекте Нины Мухлыниной «Сибирской стороны узоры» было создано общее стилевое единство в росписи. Автор считает, что «запечатлённые в ордынской росписи пейзажи, фрагменты жизни и быта сельских жителей сохранятся надолго, останутся частицей истории, даже если вместо всех традиционных для здешних мест деревянных домов с печными трубами на крышах, из которых зимой клубится дымок, штакетника вокруг них, колодца с «журавлём» появятся дома со стенами из сайдинга, с металлическими заборами» [2].

Дальнейшее развитие росписи проходит в рамках семейного предприятия Мухлыниных «Антарис», на занятиях в Детской школе искусств и в многочисленных мастер-классах. На региональном уровне в рамках фестивальных практик и развития туристической индустрии происходит актуализация локальных этнических и исторических традиций Западной Сибири, как показателя культурного многообразия при одновременном их переосмыслении с позиций устойчиво развития региона. Ордынская роспись включена в туристический маршрут «Ордынское кольцо» с обязательными мастер-классами для туристов. Практики, связанные с государственной политикой в области культуры и туризма и процессами брендирования территорий, неотделимы от деятельности по сохранению культурного наследия России.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

1. Ордынская роспись Нины Мухлыниной (16.02.2022) // Роспатент https://rospatent.gov.ru/ru/news/ordynskaya-rospis-niny-muhlyninoy-16022022
2. Ордынская роспись // Новосибирская областная детская библиотека им. А.М. Горького http://www.maxlib.ru/page.php?article=637

УДК: 398.4

Роль мастеров декоративно-прикладного искусства в сфере современной сакральной культуры тунгусо-маньчжуров

Левченко Арина Вадимовна
младший научный сотрудник.
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук,
лаборатория антропологии Северной Пасифики.
Владивосток, Россия.
arina_levchenko_25@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3028-8132

АННОТАЦИЯ В традиционном декоративно-прикладном искусстве тунгусо-маньчжуров нашли свое отражение тотемистические и анимистические верования. Большую роль в сохранении народных знаний играли шаманы. В советские годы изменились хозяйство и быт, в которых, казалось, не осталось места для старинных верований и обрядов. Время показало, что данные элементы традиционной культуры сохранились и обрели свое второе рождение. Роль хранителей и знатоков религиозных традиций перешла к мастерам этнического искусства. Теперь мастера как бы наделены «полномочиями» трактовать элементы традиционной культуры в устной и визуальной формах. Актуализация этнического искусства (не только в качестве товара) свидетельствует о сохранении/возрождении традиционных ценностей, что подтверждается и материалами наших полевых исследований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тунгусо-маньчжуры, декоративно-прикладное искусство, шаманизм.

С каждым годом вопрос о сохранении традиционной культуры коренных малочисленных народов Сибири становится всё более острым. Это связано с выходом их языков из повседневного употребления, с переездом молодёжи в крупные города и отходом от традиционной хозяйственной деятельности. Различные мероприятия по поддержке «малых» языков, предпринимаемые ассоциациями коренных народов, педагогами и просто энтузиастами, приносят положительные результаты. Но процесс выезда молодых людей из стойбищ и глухих сёл с целью получения образования, возможности комфортной жизни и реализации собственных амбиций, остановить невозможно.

В национальных сёлах также есть выбор профессий при государственных и частных организациях, наличие телефонной и Интернет-связи, квалифицированные медработники с необходимым оборудованием и медикаментами. Многие сельчане имеют среднее и высшее образование, опыт путешествий в крупные города России и зарубежья. Казалось бы, необходимость обращения к традиционной культуре давно ушла в прошлое, тем более – в сакральной сфере. Но на практике всё совсем иначе. В процессе каждой нашей экспедиции мы обнаруживали устойчивость многих элементов сакральной культуры в повседневности. Некоторые из них, такие как промысловые обряды, поддерживаются рыбаками и охотниками. Знания о реальных местах с культовой значимостью передаются в семье от старших к младшим. Но есть пласт знаний, связанный с образами духов, их «именами» и функциями. Традиционно, всей полнотой знаний об этом обладали лишь шаманы. В XX в. институт шаманства у тунгусо-маньчжуров практически был уничтожен. Однако, судя по результатам наших

полевых работ, функция хранения и трансляции знаний о сакральном перешла к мастерам этнического искусства.

Народы тунгусо-маньчжурской языковой группы исторически проживают в бассейне рек Амур, Уссури и Сунгари. Основа их хозяйства – охота и рыболовство (исключение составляют уйльта – оленные тунгусо-маньчжуры, проживающие на о. Сахалин). Ихтиофаги р. Амур (нанайцы, ульчи) столетиями живут оседло в сёлах, основанных на месте стойбищ. Этнические группы, живущие главным образом за счёт таёжной охоты (например, удэгейцы), перешли к осёдлости лишь на рубеже XIX – XX вв. Социо-экономическая организация и теснейшая взаимосвязь с окружающей средой обусловили развитие анимистических воззрений. Отчасти, для тунгусо-маньчжуров свойственен культовый тотемизм (медведь почитается как предок и главный покровитель). По определению, сакральное является противоположностью профанного. Но для традиционных обществ охотников-собирателей эти две сферы неразделимы. Все стороны жизни сопровождались благословением духов, присутствовавших повсюду. Для «первобытных и древних обществ священное – это могущество, т.е. в конечном итоге самая что ни на есть реальность. Священное насыщенно бытием. Священное могущество означает одновременно реальность, незыблемость и эффективность» [4, с. 256].

Шаманизм у тунгусо-маньчжуров носил некоторые специфические черты в связи с большой степенью «творческой» свободы самих шаманов. Профессионализация в данной области отсутствовала, также, как и школа шаманизма. Свою деятельность каждый новый шаман основывал на общих знаниях о культуре, полученных за время его взросления, и на виде*ни*ях, приходящих к нему во сне и во время камлания. Экстатическое состояние шаманов Амура также отличается от экстаза народов, живущих севернее. Тунгусо-маньчжурские шаманы могли в определённой степени контролировать глубину своего погружения в экстаз, продолжая осознанно взаимодействовать с аудиторией и делая передышки [2, с. 58, 64-65]. Таким образом, в деятельности местных шаманов присутствовала значительная доля субъективности и индивидуальности. В результате отличались и представления каждого отдельного шамана о структуре Вселенной и её истории, об облике духов, их функциях и названиях.

Шаманы тесно сотрудничали с мастерами-резчиками. Для коммуникации с каким-либо духом необходимо было изготовить для него вместилище – сэвэн. Как правило, оно представляло собой антропоморфную или зооморфную скульптуру; выполнялось резчиком по описанию, предоставленному шаманом. Резчики также оформляли ритуальную посуду для обряда кормления духов или медвежьего праздника. Скульптурное и орнаментальное оформление атрибутов имело сакральный смысл. Таким образом, резчик получал довольно глубокие знания о сакральных знаковых системах.

Сакральный статус всех сфер жизни проявлялся в оформлении любых предметов обихода (от одежды до транспорта и построек) резным, нарисованным, тиснённым, вышитым орнаментом. Он нёс не только декоративную функцию, но также служил идентификационным маркером и «инструментом» симпатической магии.

Большое количество знаний в области знаковых систем, обрядовости и фольклора были утеряны в течение XX в. Шаманизму был «объявлен бой» в рамках «борьбы с предрассудками». Младшее поколение воспитывалось в интернатах, вдали от родной культуры. Наследники шаманов и знатоков традиций стали рядовыми гражданами СССР, пополнили ряды интеллигенции. Тем не менее, государство уделяло большое внимание поддержке традиционных художественных ремёсел коренных малочисленных народов. Больших успехов в этом деле достигли мастерицы, получившие технико-технологические знания и навыки напрямую от своих старших

родственниц, погружённых в народную культуру досоветской эпохи. Мужское искусство претерпело гораздо больше потерь, чем женское.

Традиционно, женщины занимались художественной обработкой мягких материалов (кожа, ткань, береста), а мужчины – твёрдых (камень, кость, дерево, металл). Те изделия, которые мужчины делали вручную для бытовых нужд (транспорт, бытовая утварь, орудия труда и оружие) заменило массовое производство. А ритуальные атрибуты перестали изготавливаться вместе с уходом шаманизма. Таким образом, к концу XX в. тунгусо-маньчжурская резьба стала считаться почти забытым ремеслом [1, с. 35-36; 3, с. 339].

Но к рубежу XX – XXI вв. в сёлах ещё оставались шаманы преклонного возраста, ещё были живы старики, свободно говорившие на родном языке и обладающие большим багажом знаний об этнических традициях. Отчасти, этот багаж был передан будущим мастерам декоративно-прикладного искусства. Вместе с тем, мастера имели доступ к научной литературе, благодаря которой они углубляли знания о своей культуре.

На сегодняшний день мы имеем три ярких примера мастеров-резчиков, чьё творчество можно в определённой степени рассматривать как практику тунгусо-маньчжурского анимизма. Подобно шаманам, некоторые мастера самостоятельно выбирают форму изделий и приписывать им необходимые свойства.

В национальном удэгейском селе Красный Яр (Пожарский район) Приморского края проживает резчик Владимир Леонидович Суляндзига (1949 г.р.). Он имеет инженерное образование и плотнические навыки. Резьбой занимается с 1990-х гг. О своей религиозной принадлежности он прямо не говорит, но обращается к духам посредством «богомолки», вырубленной в стволе дерева. Поэтому, мы можем судить о его причастности к анимистической культуре. Об этом свидетельствует его навык гадания и умение самоисцеляться. На полках в его мастерской стоят несколько одинаковых скульптурных фигур – сэвэнов. По-удэгейски сэвэн называется сэвохи – именно так их всех и называет мастер, особого названия он им не дал. По словам В.Л. Суляндзига, сэвохи охраняют дом от злых духов и недоброжелателей. На наш вопрос, есть ли в его доме такой «помощник», он ответил «Я сам такой» [ПМА, 2020]. То есть, он сам способен защитить дом не только от людей-злоумышленников, но и духов-вредителей.

Сэвохи вырезаются В.Л. Суляндзига по заказу Национального парка «Бикин». Но есть среди его изделий и такие, которые изготавливаются персонально для обратившихся за помощью. На столярном столике лежали две деревянные заготовки. Они изображали беременных женщин. У фигур слабо намечены конечности, есть голова и туловище. На месте живота – отверстие, в которое помещён деревянный шарик такого размера, чтобы он мог вращаться в отверстии, но не выпадать из него (рис.1). По словам мастера, такой «амулет» способствует зачатию детей и уже помог нескольким женщинам [ПМА, 2020].

Стиль, в котором выполнены амулеты, далёк от традиционного тунгусо-маньчжурского. Их дизайн автор разработал сам, подобно шаману, опираясь на собственные интуицию и представления о функциональности изделий.

Среди ульчей немало талантливейших резчиков. В советский период им повезло сохранить знания о традиционной резьбе почти в полном объёме. Николай Николаевич Дявгода (1957 г.р.) из с. Богородское Хабаровского края всю жизнь работал с деревом, но стал известным мастером лишь в 1990-2000-х гг., когда стал реализовывать свои изделия. Он рассказывал, как применял свои навыки и знания в целительстве. Когда его сына в младенчестве мучили колики, мастер вырезал несколько сэвэнов и подвесил их над колыбелью сына. На следующий день колики прошли [ПМА, 2021].

При помощи особых ритуальных стружек, которыми пользовались в старину при контакте с духами, Н.Н. Дявгода помог двум мужчинам избавиться от болей в конечностях. На изготовленные им стружки, мастер прикрепил несколько небольших сэвенов и велел прикладывать эти изделия к больным местам. По словам мастера, боли очень быстро покинули мужчин и не возвращались [ПМА, 2021].

Дизайн сэвэнов автор, по его словам, взял из литературных источников. Но будучи молодым, он успел пообщаться с шаманкой. Мастер и сам чувствует в себе некоторые способности, близкие к шаманским, но не хочет посвящать себя этому делу. Н.Н. Дявгода верит, что это тяжёлое бремя, которое, к тому же, должно будет унести жизнь кого-то из его родственников в качестве платы за дар [ПМА, 2021].

Самым строгим ревнителем традиций ульчской резьбы является Юрий Никитович Куйсали (1963 г.р.) из села Булава Хабаровского края. В настоящий момент он занимает пост руководителя и преподавателя в Булавинской школе искусств. Его творческий вектор направлен не в сторону стилизации, а в сторону совершенствования традиционных технологий. Вместе с тем, Ю.Н. Куйсали соблюдает некоторые табу при изготовлении ритуальной скульптуре. Например, лица на скульптуре изображаются только в качестве упражнения для учеников и только на игрушках. В остальных случаях изображать лицо запрещено, т.к. это может «оживить» изделие [ПМА, 2021].

Ю.Н. Куйсали рассказывал, что вырезал сэвэнов для ульчской шаманки Индяки Дяксул. Через некоторое время мастер почувствовал, что это негативно сказывается на его здоровье и перестал выполнять заказы шаманки [ПМА, 2021]. Под этим резчик подразумевает, что недомоганий стали потусторонние силы.

Благодаря Ю.Н. Куйсали в 1990-х гг. ульчи обрели новую традицию установки «тотемных столбов» (рис. 2). Ю.Н. Куйсали самостоятельно разработал правила оформления столбов и дал ему объяснение. Их композиция имеет трёхчастное деление по вертикали, что символизирует мир нижний, мир людей, и мир небесный. Весь столб оформлен орнаментальными мотивами и полукруглой скульптурой в виде *сэвэнов*. Венчает такой столб скульптурное изображение – его сюжет зависит от территории установки столба и предпочтений местных жителей. Эта скульптура условно именуется «тотемомом» [ПМА, 2021].

Эти столбы сами по себе являются произведениями искусства. Также, они выполняют функцию территориального маркера. «Тотемный столб» становится одним из центральных объектов местных торжеств. Возле одного из столбов обнаружили следы жертвоприношений, что свидетельствует о ритуальном функционировании объектов (хотя бы части из них).

Изделия женского искусства, представляющие для нас интерес в сфере сакрального, чаще всего представлены среди сувенирной продукции в виде различных амулетов в виде подвесок, брошей и т.п. Технология их изготовления гораздо проще, чем вырезание сэвэнов. Натуральную кожу (лесных животных или рыб) редко используют для этих изделий. Обычно амулеты изготовлены из кожзаменителя разных цветов, меха (натурального или искусственного), украшены бисером, пайетками. Из натуральных материалов часто встречается береста. Большинство амулетов имеют форму «солнышка»: круглый уплощённый предмет с меховой оторочкой. В центре помещено изображение, наделяющее его владельца теми или иными качествами: здоровьем, умом, силой духа и т.п.

Такие амулеты редко несут какую-либо художественную ценность, но они интересны именно с точки зрения своей семантики. В них отражаются актуальные процессы развития культуры тунгусо-маньчжуров. На выставке декоративно-прикладного искусства в селе Сикачи-Алян Хабаровского края были представлены амулеты с так называемыми «нанайскими рунами» (рис. 3). Некоторые изображения

были фигуративны и в них можно было узнать дерево или животное; другие же были скорее абстрактными фигурами [ПМА, 2019]. Это новое явление в нанайской культуре. Одна из мастериц сообщила нам, что узнала о «рунах» и их значении от женщины, у которой учится этому ремеслу. Мы предполагаем, что на появление «рун» в искусстве местных мастеров повлияли знаменитые петроглифы Сикачи-Аляна. Сакральным значением эти символы наделяют сами мастерицы, основываясь на знаниях традиционной культуры, а также на собственных ассоциациях, общих знаниях, убеждениях.

На фестивале культуры и искусства коренных народов Севера в Хабаровске, мастерицы села Омми Хабаровского края представили различные изделия женского прикладного искусства. Среди них были берестяные амулеты, отороченные мехом. На них были выжжены зооморфные изображения. На упаковке каждого амулета дана информация о магических свойствах этих изображений [ПМА, 2023]. У разных мастеров орнаментальные сюжеты на амулетах совпадают. Перекликаются и значения тех или иных изображений. Как правило, представления о свойствах изображений сформировано на основе зафиксированной в этнографической литературе традиции.

Современное мужское искусство тунгусо-маньчжуров сохранило знания о шаманских практиках, правилах изготовления ритуальной пластики и её значении. Мастера, подобно шаманам задают форму изделий и наделяют их магическими свойствами, основываясь на старинных нормах. Их изделия не архаичны. Они соответствуют современным запросам культуры и эстетики.

Амулеты, как часть сувенирного искусства, не отличаются большой художественной ценностью. Но они интересны с точки зрения наблюдателя трансформации и пополнения анимистических и тотемистических представлений этнической культуры.

Список литературы

1. Кочешков Н.В. Декоративно-прикладное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина. М.: Наука, 1995. 152 с.
2. Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура). М.: Наука, 1991. 280 с.
3. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (Вторая половина XIX – XX в.). Владивосток: Дальнаука, 2005. 444 с.
4. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское / Перев. с фр. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
5. Полевые материалы автора. 2019. Хабаровск. Левченко А.В.
6. Полевые материалы автора. 2020. Красный Яр, Приморский край. Левченко А.В.
7. Полевые материалы автора. 2021. Богородское, Ухта, Булава, Хабаровский край. Левченко А.В.
8. Полевые материалы автора. Хабаровск. Левченко А.В.

Иллюстрации

Рисунок 1. Заготовка амулета, помогающего в зачитии ребёнка. Автор В.Л. Суляндзига. Фото А.В. Левченко. Красный Яр. 2020 г.

Рисунок 2. Ю.В. Куйсали за изготовлением «тотемного столба» для села Калиновка. Фото А.В. Левченко. Булава. 2021 г.:

Рисунок 3. Амулеты с «нанайскими рунами». Фото А.В. Левченко. Сикачи-Алян. 2019 г.:

УДК 902.01

Керамика русских городов XVI-XVII вв.

Попова Надежда Владимировна
художник-конструктор.
БУ «Центр ремесел».
Ханты-Мансийск, Россия.
popova.nadya98@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-0806-9998

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрена керамика русских городов Березово, Мангазеи XVI-XVII веков, её технологические особенности изготовления, формования и декорирования. Проведен сравнительный визуальный анализ керамической посуды средневековых городищ Березово, Мангазея с керамической посудой начала XX в. Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Тюмени. В качестве источников исследования средневековой керамики выступают материалы археологических раскопок 1968–1973 гг., 2001-2004 гг. в г. Мангазее; с 2004 по 2021 гг. – г. Березово, а для керамики начала XX в. – музейная коллекция ТГМИ г. Тюмень и коллекция крестьянской керамики БУ «Центр ремесел», привезенных из экспедиций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Керамика, городище, Березово, Мангазея, горшок.

В настоящее время археологические исследования первых городов и острогов Сибири ведутся достаточно широко. При изучении материальной культуры русского населения XVI–XVII вв. возникают вопросы и по описанию состава глиняных масс (местная или привозная глина использовалась при изготовлении керамических сосудов), не найдены горны или печи для обжига и др.

В настоящее время стоит вопрос о сохранении традиций гончарного ремесла. В исследовании мы ставили цель – выявить особенности керамической посуды русского населения XVI–XVII вв. и крестьянской керамики начала XX в. Работа отвечает на вопрос: насколько традиции гончарства сохранены, или изменены со времени освоения Сибири русским населением до современности.

Истоковой базой при изучении средневековой керамики послужили материалы археологических экспедиций городищ Мангазеи и Березово.

Первые исследования были проведены в заполярном русском городе Мангазее в 1968-1973 гг. экспедицией под руководством О.В. Овсянникова (1968-1969 гг.) и В.Ф. Старкова (1970 и 1973 гг.), организованной Арктическим и антарктическим научно-исследовательским институтом Государственного комитета СССР с участием сотрудников Института археологии АН СССР. Археологами были исследованы культурный слой и остатки деревянных сооружений на площади 15 тыс. м^2, в пределах наиболее важных участков древнего поселения [1, с. 4, 9]. В ходе экспедиций было найдено несколько сотен черепков примерно от 186 сосудов (Илл. 1, 2). По итогам полевой экспедиции археологи разделили всю найденную керамику, в зависимости от техники изготовления сосуда и способу обработки его поверхности, на четыре группы: 1) грубая белоглиняная; 2) черная лощеная; 3) краснолощеная; 4) поливная.

Первая группа: грубая белоглиняная керамика. К ней археологи отнесли 158 сосудов, большинство из которых представлено некрупными фрагментами. Для изготовления керамики этой группы использовалась светлая глина с примесью песка или (реже) шамота. Другой особенностью этой керамики является полное отсутствие орнаментации. Исключение составляет один сосуд, на шейке которого нанесены короткие и широкие наклонные отрезки. Грубая белоглиняная керамика включает в

себя следующие виды сосудов: горшки, миски, корчаги, сковороды и умывальники. Учитывая, что последний вид изделий представлен всего двумя экземплярами, можно говорить, что основная масса белоглиняной керамики относится к разряду кухонной посуды. [2, с. 37].

Вторая группа: чернолощеная керамика. Эта группа не многочисленна и представлена обломками всего 23 сосудов. С точки зрения технологии для этой группы характерно плотное глиняное тесто, хороший обжиг и тщательная обработка поверхности. Керамика отличается тонкими стенками (0,4-0,6 см), черепки в изломе имеют серый цвет. Лощение при обработке поверхности сосудов применялось двоякого вида: сосуды лощились целиком или только в местах орнаментации. Выделяется три типа узоров: ромбическая сетка, линейный орнамент (иногда эти элементы встречаются вместе), сочетание горизонтальных и вертикальных полос, а также наклонные полосы. В состав чернолощеной керамики входили горшки, миски, кувшины, умывальники и чернильницы [2, с. 38-39].

Третья группа: красноглиняная керамика. Посуда изготовлена из хорошего тонкого теста и хорошо обожжена. Были обнаружены фрагменты лишь трех тонко заглаженных горшков и одного кувшина с лощеным орнаментом. Горшки по фрагментам венчиков, были хорошо профилированы, для них характерна короткая шейка и отогнутые венчики, оканчивающиеся слабо выраженными мягкими утолщениями. В целом красноглиняные горшки по форме аналогичны белоглиняным и чернолощеным. О виде кувшина судить трудно. Можно сказать, что он имел вытянутую форму и высокий прямой слегка отогнутый венчик. На его поверхности есть лощеный орнамент в виде широких вертикальных полос [2, с. 39].

Четвертая группа: поливная керамика, образцы которой представлены единичными экземплярами. Это фрагмент горла от узкогорлого сосуда, покрытого глазурью светло-зеленого цвета и миска, изготовленная из белой глины и покрытая зеленой глазурью. Миска орнаментирована пояском из восьми кольцевых канавок. К четвертой группе также относятся три из четырех найденных в поселении чернильниц [2, с. 39].

В результате второй экспедиции в Мангазею, начатой ООО «Северная археология-1» в 2001-2004 гг. под руководством Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимовича, выяснилось, что археологические работы предыдущей экспедиции проводились поверхностно, не на всю глубину культурного слоя. При этом не вскрытой оставались нижние промерзшие слои, а сами объекты раскапывались не полностью, что привело к ошибкам в ряде выводов. В процессе раскопок на площади в 362 м^2 зафиксированы остатки 13 построек, получена богатейшая коллекция фрагментов керамической посуды [4, с.131]. По итогам экспедиции археологи разделили всю найденную керамику по функциональному назначению, на три группы: кухонную, столовую и канцелярскую. Прежде всего, анализу были подвергнуты венчики и днища, а также все фрагменты поливной и лощеной посуды [4, с. 88].

Первая категория – кухонная посуда представлена двумя основными формами – горшками с нагаром и сковородами. Горшки по форме венчика и верхней части тулова археологи разделили на три типа: 1. короткие венчики, высотой 1-2 см, прямые, слегка наклоненные внутрь или наружу, сильно раздутое тулово, высокие плечики, почти горизонтальные; 2. короткие венчики (1-2 см), наклоненные внутрь или наружу (иногда круто отогнуты), плавно (под углом около 45°) переходят в сильно раздутое тулово, покатые, высокие плечики; 3. Короткие венчики, прямые, вертикальные или слегка отогнутые наружу и внутрь, слабо раздутое тулово.

К кухонной посуде, в зависимости от наличия нагара, археолог отнес подавляющую часть горшков 1-го и 2-го типов и лишь несколько экземпляров 3-го типа. Сковороды представлены фрагментами 20 экз., покрытыми плотным слоем

нагара. Их венчики прямые, резко отогнутые наружу или слегка вогнутые внутрь. Вторая категория – столовая посуда представляет собой сосуды, которые по форме делятся на две группы: первая – это горшки без следов нагара, вторая – миски. К столовой посуде археологом отнесены почти все горшки 3-го типа и небольшое количество горшков 1-го и 2-го типов.

Миски в коллекции представлены фрагментами венчиков от 14 экземпляров, которые, похожи по некоторым параметрам на сковороды, однако отличаются отсутствием следов нагара и большей глубиной. Плохая сохранность не позволяет полностью реконструировать этот вид столовой посуды. Археологам удалось частично установить форму верхней части и диаметр устьев. Выделяются два типа мисок: чашевидной открытой формы – 13 экз.; баночной формы (с прямыми стенками) – 1 экз.

Канцелярская керамика представлена чернильницами [4, с. 89].

В 2004 г. экспедицией ООО «НПМП «Волот» под руководством А.В. Ермоленко проведены первые раскопки на городище Березово, основанного в 1593 г. на месте поселения хантов и манси Сугмут-ваш воеводой Н. В. Траханиотовым по указу царя Федора Ивановича, сына Ивана Грозного [7, с. 8]. В ходе экспедиции были найдены 32 венчика исключительно чернолощеной керамической посуды.

В 2005 г. археологическое изучение городища Березово продолжила экспедиция НПО «Северная археология – 1» под руководством Г.П. Визгалова. Были найдены фрагменты серой мореной и красной керамики. Археологами находки были отнесены к началу XVI в. [5].

Изучение городища Березово экспедицией продолжилось в 2007-2009, 2018-2019 и 2021 гг. Раскопки велись в кремлевской и посадской частях городища, общая площадь раскопов составила 1213 м^2 – чуть более 2 % от всей площади памятника (около 5 га) [7, с. 140]. Найдены фрагменты фаянсовой, фарфоровой, серо-красной, мореной и чернолощеной керамической посуды.

По словам археологов, значительную часть керамической посуды городища Березово составляет импортная продукция, к которой относят всю фаянсовую и фарфоровую посуду. К продуктам местного производства археологи отнесли серо-красную и мореную керамическую посуду (Илл. 3) [6, с. 394].

Исследователи под руководством О.В. Овсянникова и В.Ф. Старкова в результате экспедиции на Мангазею в 1968–1973-х гг. по собранному материалу сделали вывод об отсутствии местного гончарного производства на основе кажущейся малочисленности мангазейской керамики [2, с. 37]. Более поздние раскопки экспедиции 2001–2004 гг. под руководством Г.П. Визгалова и С.Г. Пархимовича показали достаточно большую насыщенность керамикой культурного слоя (только на площади 259 м^2. был собран 4361 фрагмент, среди которых 561 венчик, 124 днища и 3676 стенок от 388 сосудов) [4, с. 87]. Со слов археолога такое количество посуды, использовавшейся в городе, не могло быть полностью завезено из европейской части России. Значительную часть ее жители должны были изготавливать на месте, привозилась лишь высококачественная серолощеная и поливная посуда, а также фарфор [3, с. 21, 132].

По составу глиняных масс, использовавшихся для изготовления посуды, археологи писали мало. О местной керамике городища Березово, можно сказать лишь, что она изготовлена из красной глины. Археологи второй экспедиции в городище Мангазея по итогам спектрального анализа керамических черепков, в ОАО «Центральной Тюменской лаборатории» выяснили, что все черепки из серо-красной керамики изготовлены из местной глины [4, с. 116].

Исходя, из итогов исследований керамической посуды городищ Мангазея и Березово следует, что к кухонной керамической посуде относились горшки, сковороды, миски. Изготовлены они были из местной глины и привозной в Мангазее.

У горшков городища Мангазея короткая шейка, прямой или отогнутый наружу венчик, раздутые бока, покатые или ярко выраженные плечики. Диаметр дна горшка всегда меньше диаметра его тулова, а зачастую и диаметра венчика. Полностью размеры сосудов археологи реконструировать не смогли, однако у большинства горшков удалось определить диаметры по срезу венчиков – от 6 до 32 см. Толщина стенок составляет 0,5-0,7 см.

Горшки городища Березово имеют короткую шейку, прямой или слегка отогнутый наружу венчик, раздутые бока с ярко выраженным плечиком. Диаметр дна горшка равен или меньше диаметра его венчика.

Миски и сковороды городищ по форме очень похожи. Они имеют широкое плоское дно и прямые венчики. Миски от сковород отличаются лишь большей глубиной.

Декорировали керамику в Березово по-разному. По фотографиям археологов можно сказать, что в большинстве керамическую посуду местные гончары не орнаментировали. По описаниям можно сделать вывод, что в качестве декора для местной посуды, часто проводили восстановительный обжиг, который придавал керамике либо серый, либо черный цвет. Среди привозной керамики, встречаются фрагменты, украшенные рельефом и глазурью.

В материалах археологических исследований 1968-1973 гг. керамики Магазеи описано несколько способов декорирования. Первый способ – лощение. Сосуд лощили целиком или только в местах орнаментации. Второй способ – орнаментация. Орнамент наносили на сырое, необожженное изделие. Выделены три типа узоров: ромбическая сетка, линейный орнамент (иногда эти элементы встречаются вместе), сочетание горизонтальных и вертикальных полос, а также в виде наклонных полос. Третий – покрытие глазурью. В материалах археологов наиболее часто встречается описание черепков, покрытых голубой или зеленой глазурью [2, с. 38-39].

Проведенный визуальный анализ кухонной керамической посуды по городищам показал, что: – горшки приземистые с коротким венчиком, плоским широким донышком и раздутым туловом; – сковороды и миски имеют широкое плоское дно, прямые отогнутые наружу стенки.

В коллекции Мангазеи найдено несколько фрагментов корчаг, изготовленных из грубой белой глины. По форме они представляют собой сосуд с короткой шейкой, прямым венчиком и широко раздутыми боками. Диаметр венчика (от 17 до 30 см) равнялся примерно диаметру дна [2, с. 37].

Один из горшков Березово обклеен берестой. Возможно, таким образом, реанимировали поврежденный сосуд.

Следующим этапом исследования гончарной крестьянской керамики были проведены исследования керамической посуды начала XX в. из Тюменского государственного музея изобразительных искусств (г. Тюмень) и керамической посуды п. Кирпичный ХМАО–Югры. Обе коллекции были сформированы по итогам экспедиций во второй половине XX и начале XXI вв.

Образцы крестьянской керамики коллекции Тюменского государственного музея изобразительных искусств изготовлены гончарным способом из красной глины, для декорирования использовали глазурь. В состав музейной коллекции входят гончарные изделия: макитры, горшки, кувшины, крынки, корчаги, миски, жаровни, подойники (Илл. 4, 5).

К особенностям формообразования горшков данной коллекции (Илл. 4), можно отнести: короткую шейку, раздутые бока, ярко выраженные плечики. Диаметр дна сосуда меньше диаметра венчика.

Корчаги (Илл. 5) отличаются короткой шейкой, ярко выраженными боками. Диаметр донышка примерно равен диаметру венчика. Миски выполнены сравнительно с небольшим дном и прямыми раскрытыми стенками.

Для сравнения тюменской крестьянской керамики начала XX в. была выбрана керамика из п. Кирпичный Ханты-Мансийского района ХМАО–Югры (Илл. 6-8). По рассказам местных жителей для производства посуды использовали рыжую глину с красноватым оттенком. Производили посуду на самодельных гончарных кругах, и реже использовали шликерное литье для изготовления кувшинов на кирпичном заводе [8, с. 416].

Посуду не декорировали и не расписывали, лишь глазуровали мелко измельченным стеклом [8, с. 416]. Обожженное изделие покрывали дегтем, затем посыпали битым стеклом и повторно обжигали. Среди керамической посуды п. Кирпичный встречаются горшки, опарницы, крынки, кувшины, корчаги, миски, подойники. По формообразованию горшки из п. Кирпичный имеют короткий венчик, раздутое тулово, ярко выраженные плечики и короткую ножку (Илл. 7). Диаметр дна меньше диаметра горлышка.

У корчаг короткие шейки, раздутое тулово, и широкое дно (Илл. 6). По диаметру дно больше или равно диаметру венчика. Миска имеет широкое дно, короткую ножку, относительно прямые стенки и отогнутый наружу венчик (Илл. 8).

Посуда в коллекциях Тюмени и Ханты-Мансийска сравнивалась по типам изделий, глиняным массам, формообразованию керамической посуды, способам изготовления, декорирования. Значительная часть керамической посуды, г. Тюмень и п. Кипичный была изготовлена на ручном гончарном круге из красной глины. Посуду в г. Тюмень покрывали глазурью, в п. Кирпичный – битым стеклом. По форме горшков выявлены одинаковые характеристики: короткая шейка, раздутое тулово, ярко выраженное плечико, плоское дно, диаметр дна меньше диаметра венчика. Горшок п. Кирпичный отличается наличием короткой ножки.

Чтобы выявить насколько традиции изготовления керамической посуды были сохранены к началу XX в. был проведен сравнительный анализ крестьянской керамики по археологическим материалам и экспонатам коллекций. Из всего рассмотренного материала выявлено, что по форме, технологии изготовления, глинам наиболее популярными были несколько типов керамики – горшки, миски и сковородки. Корчаги были аналогичны по форме в Мангазее, Тюмени и п. Кирпичный.

Из общего материала по форме у горшков можно выделить: короткую шейку, раздутое тулово и плоское дно. Размеры ширины дна горшков городищ Березово и Мангазея шире, чем у горшков, изготовленных в начале XX в.

Общее по форме изделий «корчага»: короткая шейка, раздутое тулово, плоское дно. По диаметру дно равно или меньше венчика.

По форме миски и сковороды имеют плоское дно и относительно прямые раскрытые стенки, венчик прямой или отогнутый наружу (Мангазея, п. Кирпичный). Миска из п. Кирпичный отличается наличием небольшой ножки.

По итогам проведенного исследования следует, что керамическая посуда по форме, глиняным массам и технологии изготовления практически не изменилась и можно сказать, что были сохранены традиции гончарства до середины XX в. Сельское и городское русское население изготавливало и использовало керамическую посуду в быту.

Список литературы

1. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Часть 1. М., 1980. 163 с.

2. Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв. Часть II. М., 1981. 148 с.
3. Визгалов Г.П. Мангазея – первый русский город в сибирском заполярье (по материалам первых археологических исследований). СПб., 2006. 28 с.
4. Визгалов Г.П., Пархимовича С.Г.. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001-2004 гг.). Екатеринбург - Нефтеюганск, 2008. 296 с.
5. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Археологические исследования Березовского городища http://ostrog.ucoz.ru/publ/v/vizgalov_g_p_parkhimovich_s_g/arkheologicheskie_issledovanija_berezovskogo_gorodishha/90-1-0-135
6. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Березовский кремль: некоторые результаты и перспективы археологических исследований. ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1». Нефтеюганск. С. 389-396.
7. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 20. Ханты-Мансийск – Нефтеюганск – Сургут, 2022. 158 с.
8. Скрябина Н.Н. История возникновения керамического производства в поселке Кирпичный Ханты-Мансийского района в 30-е годы XX века. III Международный конгресс традиционной художественной культуры: фундаментальные исследования народного искусства. С. 415-417.

Иллюстрации

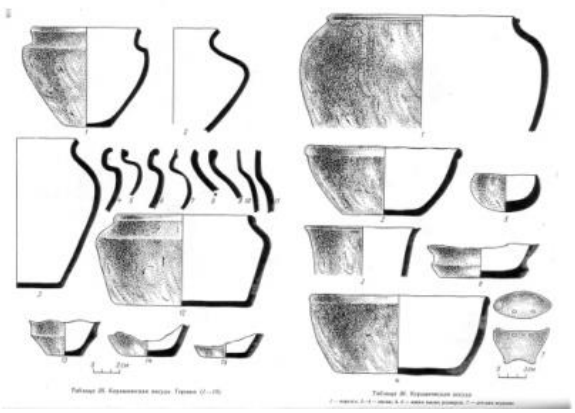

Рисунок 1. Керамическая посуда.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. «Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв.» часть II.

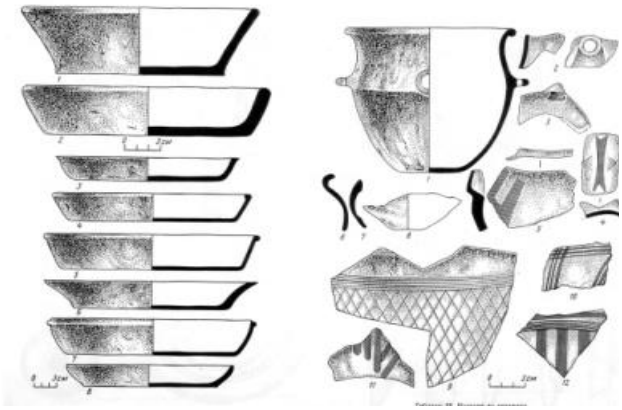

Рисунок 2. Керамическая посуда.

Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. «Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI-XVII вв.» часть II.

Рисунок 3. Березовское городище, предметы из слоя конца XVI – XVIII веков. Горшки, фрагмент керамической сковороды.
Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Петрова Е. Н. «Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVIII веков»

Рисунок 4. Горшок. ТГИАМЗ г. Тюмень. Глина, гончарство, глазурь

Рисунок 5. Корчаги. ТГИАМЗ г. Тюмень. Глина, гончарство, глазурь

Рисунок 6. Корчаги. п. Кирпичный.
Глина, гончарство, битое стекло.
БУ Центра ремесел. Г. Ханты-Мансийск

Рисунок 7. Горшок. п. Кирпичный.
Глина, гончарство,
битое стекло (15*15 см)
Частное собрание Усачевой В.А.

Рисунок 8. Миска. п. Кирпичный.
Глина, гончарство (8*15 см).
БУ Центра ремесел. Г. Ханты-Мансийск

УДК 7.038.6

Миф в интерпретации художников направления «сибирская неоархаика»

Попова Наталья Сергеевна,
кандидат искусствоведения,
доцент Кемеровский государственный институт культуры, кафедра культурологии, философии и искусствоведения.
Кемерово, Россия.
bublikova2007@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6052-8080

АННОТАЦИЯ Статья посвящена рассмотрению мифа как категории представления художников постсоветского периода о первобытной дописьменной культуре. На примере творчества художников, представителей направления «сибирская неоархаика», автор выявил мотивы обращения к мифу, особенности фабульного, композиционного и концептуального решения произведения. Автор статьи обусловливает обращение художников к мифу распространенной в постсоветском искусстве надысторической позицией по отношению к времени. Итогом статьи стал вывод об определяющем значении мифа в интерпретации образа человека, который представлен без изображения личностных черт, но во взаимосвязи с родом, природной средой и жизненными циклами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Искусство Сибири, сибирская неоархаика, миф, постсоветское искусство, абстракция, фигуративная живопись.

Направление «сибирская неоархаика» сформировалось в конце 1990-х гг. в Сибири. Главным мотивом развития направления стало желание художников приблизиться к истории сибирского искусства. Этот посыл к его изучению и творческому переосмыслению был обусловлен отходом от тенденций позднесоветского искусства и потребностью выявления уникальности сибирского искусства в сравнении с искусством других российских регионов. В 1990-е гг. в Сибири большое внимание уделялось исследованию первобытного искусства. Этот интерес сформировался благодаря группе факторов общероссийского и регионального характера.

Цель статьи – выявить особенности интерпретации мифа в произведениях сибирской неоархаики. В число задач входит описание логики осмысления мифа сибирскими художниками и выявление приемов, с помощью которых живописцы воплощают концепт мифа.

Исследования вопросов развития направления «сибирская неоархаика» достаточно разнообразны. Исследователи М.В. Красавина, И.В. Октябрьская и Е.Ю. Павлова в статье «У истоков сибирского стиля. Тувинский вектор» обозначают мотивы обращения художников к сибирской теме начиная с XIX в. [3]. Сибирский искусствовед О.А. Прошкина в статье «Неоархаика в изобразительном искусстве Сибири рубежа XX-XXI вв.» на основе исследования творчества художников выявляет особенности развития направления «сибирская неоархаики» в искусстве [4]. Хронологию развития сибирской неоархаики описал омский искусствовед В.Ф. Чирков в каталоге к выставке «Chronotop» [5]. Галерейщик О.М. Галыгина в своей статье «Сибирская неоархаика» также обращалась к историческому описанию и теоретическому осмыслению арт-событий, организованных ею же в рамках популяризации «сибирской неоархаики» в Кузбассе [1].

Продвижение направления «Сибирская неоархаика» проходило сначала в рамках регулярных региональных выставок «След», а затем в формате культурологических пленэров. Первая выставка «След» была открыта в Новокузнецке, с легкой руки

художников А.В. Суслова и С.П. Лазарева. Концепция осмысления основ сибирского искусства через обращение к архаике увлекла живописцев. Уже на первой выставке география участников была довольно внушительная. Охват участников проекта третьей выставки «След» позволял говорить о ее общесибирском формате.

Во время культурологических пленэров продолжился процесс непосредственного восприятия и научного изучения артефактов традиционной аборигенной культуры и уникальных природных зон Сибири. Художники, культурологи, этнографы знакомились с музейными коллекциями. Во время пленэров погружали себя в условия существования авторов прошлого. Результатом этих поездок явились не только станковые работы, но и произведения лэнд-арта, а также отдельные арт-объекты.

В станковой живописи идеи «сибирской неоархаики» воплотились в достаточно сложной, с точки зрения интерпретации, форме. В работах, представленных в каталогах, посвященных выставкам «След» и «Хронотоп» можно наблюдать сочетание фигуративного подхода и нон-фигуративизма. Обращение к первобытному искусству примирило художников в идеологическом противостоянии предметности и абстракционизма. Можно констатировать, что язык беспредметности вошел в региональное искусство на полноправных основах.

Следует отметить, что абстрактный метод в искусстве опирается на методы познания. В условиях сложной политической и экономической ситуации 1990-х гг. менялась реальность и необходимо было менять отношение к ней. Одним из важнейших аспектов меняющегося мира является представление об историческом развитии. Для художников постсоветского периода стало характерно занимать надысторическую позицию. Это и проявилось в обращении представителей искусства к культурному наследию первобытной эпохи. Надысторичность оказала влияние на выбор тем и характер образности в произведениях. Художники встают на место древнего творца и стремятся заново создать язык символов, на котором говорят со «своим» зрителем. Герой картин в работах представителей «сибирской неоархаики» близок по своему образу к антропоморфному петроглифу. Часто персонаж, изображаемый художником, растворяется в общей композиции картины. Художники не показывают личностные черты изображаемого человека, но обозначает его взаимосвязь с природой и родовыми системами. Сравнивая работы художников, приобщившихся к направлению «сибирская неоархаика» можно отметить, что одним из часто встречающихся мотивом в их произведениях становится миф. Миф может проявляться в определенной фабуле произведения, проявленной в композиции и концептуально сформулированной в названии работы. Таковы, например, графические триптихи А. Суслова «Путь сквозь огонь и воду», «Распри». Аллюзия на миф проявляется в работах Е. Дорохова «Чаша времени» и «Рождение легенды». Алтайский художник С. Дыков воссоздает обобщенные образы персонажей легенд и мифов.

Таким образом, обращение к мифу и к эстетике первобытного искусства – это один из ключевых признаков произведений «сибирской неоархаики». Но политические и экономические изменения в стране, идеологические новации и надысторичность позиции художников также способствовали обращению к мифу как модели мира.

Мексиканский ученый, автор статьи «Что такое миф?» М.Р. Гонсалес обобщает смысл своих рассуждений о мифе таким образом: «Миф – это то, что одушевляет и движет; это жизненный мотив, направляющий наше существование в мире, раскрывающий драматизм раскола и разрыва, равно как и примирение человека с бытием» [2]. То есть, обращение к мифу в сибирском искусстве 1990 – 2000-е гг. имеет сущностный характер, помогает художникам и зрителям примириться с миром в эпоху

кризиса, или раскрыть драматизм существования современного человека через архетипические сюжеты мифа.

Обращение к мифу как способу примирения с миром выявлено западными искусствоведами в творчестве абстрактных экспрессионистов Э.Райнхарда, Р. Раймана и А.Мартин. Исследователи интерпретируют картины этих художников как желание выйти из послевоенного гуманистического кризиса, охватившего Европу во второй половине 1940-х гг. Невербализованные бытийные дилеммы способствуют обращению художников к языку абстракции. В сравнении с творчеством художников направления «сибирской неоархаики» художники последнего этапа абстрактного экспрессионизма не обращались к мифологическим сюжетам и образам. Они изображали равномерные сетчатые структуры, используя ахроматические краски. Отсылка к мифу – результат интерпретации искусствоведов, практикующих психоаналитический, феноменологический и структуралистский метод.

Первобытная культура для художников «сибирской неоархаики» стала источником для цитирования и интерпретации. Авторское послание зрителям было посвящено циклическим изменениям в мире – сближением современного и первобытного мира. Представители «сибирской неоархаики» сочетают предметность и абстрагирование в одном произведении, допускают жанровые трансформации с учетом обращения к практике первобытного творца. Но близость западного и отечественного обращения к мифу существует. Как и американские художники 1940-х гг., сибирские художники облекли свое авторское послание в структуру мифа, который объясняет и примиряет современного человека с действительностью.

Список литературы

1. Галыгина О.М. Сибирская неоархаика // Искусство Евразии. 2015. № 1 (1). С. 135-138.
2. Гонсалес М.Р. Что такое миф? // Дискурс-Пи. 2006. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chto-takoe-mif (дата обращения: 30.06.2023).
3. Красавина М. В. Октябрьская И. В. Павлова Е. Ю. У истоков сибирского стиля. Тувинский вектор // Искусство Евразии. № 3. 2019. С. 130 – 148. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.03.009
4. Прошкина О.А. Неоархаика в изобразительном искусстве Сибири рубежа XX-XXI вв. // Бизнес и дизайн ревю. 2018. № 4 (12). С. 11.
5. Chronotop. Каталог выставки. Новокузнецк, Красноярск: Элпром-принт, 2011. 78 с.

УДК 908

Серебряное ремесло города Тобольска XVIII – XIX вв. Роль в обрядовой культуре обских угров

Сваткова Наталья Германовна
художник-конструктор.
Центр народных художественных промыслов и ремесел.
Ханты-Мансийск, Россия
natalia_mega@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7161-813X

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается развитие и причины угасания серебряного промысла в г. Тобольске в XVIII – XIX веках. Изучается процесс товарообмена и культурного обмена между тобольскими мастерами-серебряниками и коренными народами Западной Сибири – обскими уграми. Рассматриваются причины и варианты использования аборигенами серебряной, медной посуды и статуэток в качестве культовой и религиозной атрибутики. Описываются изделия мастера-серебряника Петра Брюханова. Итогами работы является выполнение экспериментальных художественных реконструкции трех предметов (двух тарелочек и пластины-приклада) в технике чеканка по аналогам мастера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Серебряник, Тобольск, Западная Сибирь, тарелочки-блюдца, пластины-приклады, Перт Брюханов, Богиня Вут Ими, реконструкция, чеканка.

С 1596 г. по 1838 гг. город Тобольск имел звание столицы Сибирского приказа; был центром огромной Сибирской губернии; располагался в узле важнейших транспортных магистралей, связывавших Сибирь с европейской частью страны, Казахстаном, Средней Азией, Джунгарией и Китаем. В этот период становление промышленности в Сибири происходило путем переселения мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и наиболее развитых в экономическом отношении областей России, на окраины. Благодаря этому центры, обладавшие вековой промышленной культурой, помогали развитию культуры и в новых частях страны [6, с. 56-66]. Если взять состав тобольских ремесленников, то можно увидеть, что они являлись выходцами из различных областей страны: Тотьмы, Устюга Великого, Москвы, Сольвычегодска, Костромы, Чердыни, Суздаля, Казани, Новгорода и др. Так, Великий Устюг давал кузнецов, серебряников; Москва, Новгород – иконописцев, ювелиров. Не малую роль сыграли военнопленные шведы, владеющие ювелирным ремеслом.

Если сделать «срез» за сто лет, то мы увидим, что в 1623 – 1624 гг. в сибирской столице имелось 2 монастыря, 12 церквей и не менее 2000 посадских, служилых, крестьянских и прочих дворов, В городе проживали и работали 8 кузнецов, 2 серебряника и 2 иконописца, а уже к 1720 г. – 19 кузнецов, 24 серебряника и 5 иконописцев. Такой прирост мастеров получился за счет семейной кооперации (сыновья, братья), института ученичества (1-2 ученика) и приезжих ремесленников [6, с. 118–125].

Известные имена тоболяков-серебряников того периода – мастер Петр Брюханов, Семен Лукьянов, служивый человек Иван Степанов, серебряник Ларион, пеший казак-пятидесятник Семен Серебряников и его ученики «Офонька Петров да Данилка Григорьев». В связи с тем, что данные серебряники славились своим мастерством, их приглашали в самые различные населенные пункты, когда требовалось выполнить «по серебру» те или иные работы. Известно, например, что 9 марта 1670 г. они поехали

«на Тюмень и в слободы» и повезли с собой «полфунта серебра ветошново ломаново не в деле» на 4 руб., чтобы использовать его при различных поделках [6, с. 118–125].

Тобольские серебряники, выйдя первоначально на рынок с серебряными изделиями своего собственного промысла, постепенно начинают совмещать продажу их с торговлей другими товарами. Со временем некоторые из них превращаются из мелких товаропроизводителей в настоящих торговцев «лавочной мелочью», которую они привозили с «русских земель». Распродажу привезенного они производили в своих собственных лавках.

Провоз «русских» товаров через Тобольск, в Березов, Сургут, Нарым, Кузнецк и Мангазею был относительно невелик и нерегулярен. Ювелирные изделия ремесленников из Тобольска пользовались большим спросом. При этом у народов Западной Сибири они использовались как изделия определенной сакральной направленности – в качестве даров Богам, для использования в ритуалах. Можно смело говорить о специализированном производстве русских металлических изделий из серебра, латуни и меди, реже - золота, для религиозных нужд манси и хантов на протяжении XVII–XIX вв.

Одним из известных серебряников города Тобольска был Петр Тимофеевич Брюханов [2, с. 56-60]. Его изделия находят по всей территории Югры и Ямала. Первое упоминание мастера известно из Тобольского архива по Тобольской ремесленной управе в 1788 г., где он числился «мастером из цеховых, 30 лет». Атрибутировано 19 изделий: 1 нательная икона «Богоматерь Знамение», 11 маленьких круглых блюдец, 1 маленькая квадратная тарелочка, 2 антропоморфные фигурки, 3 прямоугольные пластины, 1 овальная пластина. В ряде музеев есть изделия с клеймом мастера «ПБ», но они не атрибутированы. Вероятно, образцами для П. Брюханова могли быть чеканные изделия мастеров-ювелиров из Ирана, Средней Азии, Волжской Булгарии, давно известные в Сибири, что подтверждает версию выполнения изделий «на заказ».

Работы, найденные на территориях Западной Сибири, находятся в музеях: МВК им. Шемановского в г. Салехарде (3 единицы); МАЭ РАН, г. Санкт-Петербурга (2 изделия); ТГИАМЗ, г. Тобольска (2 изделия); Музее пос. Саранпауль, Березовского района, ХМАО–Югры (1 изделие); Музее Природы и Человека, г. Ханты-Мансийска (1 изделие); ИАЭТ СО РАН, г. Новосибирска (7 изделий); 2 изделия в частной коллекции в г. Тобольске [2, с. 56].

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук Санкт-Петербурга находятся две тарелочки, выполненные на заказ по рисункам из книги Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей». Наталья Федоровна Прыткова предположила, что тарелочки были изготовлены в Сант-Петербурге. Известный ученый Аркадий Викторович Бауло предположил, что тарелочки изготовлены Петром Брюхановым, что подтверждается наличием клейма «ПБ», визуальная схожесть с аналогами: размеры, стилистика изготовления, 916 проба серебра [2, с. 58-60]. Каким образом тарелочки попали в Санкт-Петербург – неизвестно.

По какой же причине остяки и вогулы заказывали и приобретали маленькие блюдца – тарелочки и приклады – пластины из серебра и меди, различные фигурки из металла и как их использовали? Согласно канону, у большинства локальных групп обских угров существовал запрет на изготовление культовых атрибутов и тем более фигур высших божеств, только «посвященные» лица могли заниматься изготовлением, например, бубнов, жертвенных покрывал, деревянных изваяний и пр. Но нужда в фетишах – личных или семейных, родовых – была постоянной. В итоге, можно было «заказать» такого «Божка» другому человеку, пришлому чужаку, купцу –

торговцу и затем (обязательно!) символически его выкупить [7, с. 168], или же сразу купить «божка» - игрушку, ну или «найти» на берегу реки или в лесу своего Бога.

Тарелочки – блюдца использовались в качестве лика идола. Пластины служили прикладами для украшения головы идола или использовались в качестве дара. При этом надо отметить, что лики из металла могли принадлежать только действительно выдающемуся божеству-покровителю, или даже легендарному человеку. Предполагалось, что это божество или покровитель будет вечен, а значит и хранение должно быть долговечным для жизнеобеспечения и выживания рода. Личины из металла также накладывались на изображение наиболее выдающихся духов-предков или кукол – иттерма, символизирующих древних богатырей или выдающегося ушедшего родственника [4]. Есть предположение, что подобное почитание произошло после общения с монгольскими войнами, которые закрывали свои лица железной маской и одевали шлем, что давало повод называть их богатырями и приписывать различные могущественные умения, проводя параллели со своими богами-богатырями.

В современное время у манси можно увидеть фигурки иттерма, являющиеся вместилищем души ушедших родственников с лицами из фотографий. Превращая покупные изделия в изображения собственных божеств, манси и ханты дополняли их необходимыми деталями: платками, шарфами, накидками, лентами, медными и золотыми кольцами, одевали в платья, кафтаны, т.е. адаптировали бытовые вещи в религиозную сферу.

Изделия, изготовленные из металла, имеющие характерный блеск, форму, орнамент и рисунок использовались обскими уграми в нескольких вариантах. Блюда, тарелочки, пряжки, пластины, приклады и статуэтки использовались в качестве изображения / лика Бога (Богини) или становились сердцевинами их фигур [1, с. 18, 148; 2, с. 60; 8]. Блюдо или статуэтка заворачивались во множество шелковых платков, платья или меховые шубы, с подвешиванием шумящих элементов, монет, колец и др., что подчеркивало его священный образ (Рис. 1, 2, 3).

Рис. 1. Фигура духа-покровителя семьи Т.И. Номина Хангласам-най-эквы (Богиня огня из селения Хангласам).

Фото А. Бауло, 1989 г.

Рис. 2. Фигура духа-покровителя манси Хозумовых из пос. Ясунт.

Рис. 3. Дух-покровитель манси из поселка Сосьва, Березовский р-он, Югра

Тарелочки и блюда использовались в качестве жертвенной утвари. Во время обрядового действия божеству преподносилась жертва: жертвенный хлеб, кровь животного, монеты, оружие, украшения. Также дарилась сама тарелочка в качестве дара, позднее она становилась сердцевиной идола [1, с. 143-144].

Блюдца–тарелочки, блюда использовались в качестве «подставок» под ноги божественного коня Бога Мир-Сусне-Хума в комплекте с обрядовым жертвенным покрывалом. «…Когда Бог спускался к людям, то божественные ноги коня не должны были касаться грешной земли, а становились на четыре блюдца из серебра…» [2, с. 61; 3].

Фигурки животных и блюдца могли служить временной заменой жертвы. Известно, что наилучшей жертвой божествам считалось животное, при этом Мир-Сусне-Хуму полагалось приносить в жертву коня, а другим персонажам угорского пантеона – оленя (бычка, овцу, петуха и пр.). Подобная жертва часто была обременительна для семьи. Вместо жертвы можно было предложить ее имитацию – фигурку, металлическую статуэтку или нечто ее замещающее, например блюдо с изображением. Человек, обращаясь к Богу с просьбой, давал клятву принести жертву при первой возможности; фигурки после жертвоприношения полагалось выбрасывать, но на практике, чаще всего, они продолжали храниться среди культовых атрибутов [5, с. 123-128] (Рис. 4, 5).

Рис. 4, 5. Фигурки для временного замещения жертвы с украшениями из тканных поясов и золотых колец.

Рис. 6. Идол женского духа-покровителя казымских хантов – Вут ими (Касум Ими), украшенный пластинами – прикладами из серебра. Музей Природы и Человека, г. Ханты-Мансийск.

В 1962 г., например, было обнаружено изображение женского духа-покровителя казымских хантов – Вут ими (Касум Ими), хранившееся в священном амбарчике на р. Кельс-Юган, недалеко от пос. Юильск (Белоярский район, Югра) (Рис. 6). Фигура

божества состояла из древесного каркаса, на который были надеты матерчатые платки, поверх которых – металлические украшения. Пять серебряных прямоугольных пластин приклада датировались XV–XVII вв. и, предположительно, были изготовлены в Волжской Булгарии; шесть серебряных и медных пластин были изготовлены в Тобольске или ремесленных центрах севера Западной Сибири в конце XVIII–первой трети XIX в. Доподлинно установлено, что три пластины изготовлены мастером Петром Брюхановым [2, с. 61].

Пластины прямоугольной формы в обрядовой практике хантов и манси использовались не только для украшения фигур духов-покровителей, но и в виде жертвенного дара. В Ломбовоже, в общественном доме, среди культовой атрибутики, принадлежавшей ляпинским князцам Шешкиным, хранилось пять подобных пластин, выполненных из серебра, посеребренной латуни и жести. Мужчины, изображавшие пришедших на праздник мифических богатырей–предков, брали в руки мечи, надевали шелковые халаты, а на головы – суконные ленты с пришитыми пластинами, тем самым «перевоплощались» в божества и разыгрывали сцены битв [2, с. 60-61].

Изделия из металла выделяются среди культовых атрибутов многих народов мира. Благодаря устойчивости ко времени они сохраняют свое центральное место в обрядовых системах на протяжении столетий. Ввиду особой ценности и «священности» белого металла, серебряные изделия чаще всего попадали на сибирские языческие святилища, где продолжали свою жизнь в качестве ритуальных атрибутов. Среди культовой атрибутики немало вещей, имеющих привозной характер, без перенесения на новую почву религиозных представлений той страны, где был произведен атрибут.

На священных местах обских угров представлено множество вариантов использования предметов серебряного промысла из г. Тобольска. Наибольшим спросом пользовались изделия из серебра – священного металла финно–угров: блюдо, пряжки, пластины, статуэтки и даже игрушки, используемые в обрядовой и ритуальной практике. Часто встречаются изделия из меди и бронзы, очень редко из золота или с позолотой, в основном это украшения (кольца, подвески) и «иранские» блюдо и сосуды.

В процессе проведения исследования, нами предпринята попытка выполнения экспериментальной художественной реконструкции двух маленьких тарелочек – блюдец и одной пластины по аналогам мастера - серебряника Петра Брюханова. Тарелочки и пластина изготавливались в технике чеканки и теснения из наиболее схожего с серебром, по внешним параметрам, материала – белой меди (мельхиора).

Рисунок 7. Реконструкция блюдца с изображением медведя. Материал мельхиор. Мастер Н.Г. Сваткова. БУ «Центр ремесел» г. Ханты-Мансийск, 2023 г.

Рисунок 8. Реконструкция блюдца с изображением скачущего оленя. Материал мельхиор. Мастер Н.Г. Сваткова. БУ «Центр ремесел» г. Ханты-Мансийск, 2023 г.

Реконструирована тарелочка-блюдце с изображением медведя, обнимающего массивную ветку дерева (Рис. 7). Диаметр блюдца 10,4 см. Аналог выполнен из серебра, 1820 г., г. Тобольск. Находится в Музее ИАЭТ СО РАН г. Новосибирска [2, с. 55].

Вторая тарелочка-блюдце с изображением скачущего оленя (Рис. 8). Диаметр блюдца 10 см. Аналог выполнен из серебра, 1820 г., г. Тобольск [2, с. 53].

Выполнена реконструкция налобной прямоугольной пластины с изображением охотничьей сцены: два охотника в традиционной одежде, которые держат в руках луки и стрелы, охотятся на двух оленей. Также на пластине изображены три дерева, на одном сидит белка или другой пушной зверек, видимо символизируя наличие пушного промысла. С правой стороны - летит птица, похожая на хищную (Рис. 9). Размер пластины 24,5 х 7 см. Аналог выполнен из серебра, в г. Тобольске, датируется концом XVII – 1 п. XIX вв. Находится в Музее ИАЭТ СО РАН г. Новосибирска [2, с. 56].

Рисунок 9. Реконструкция налобной пластины - приклада. Материал мельхиор. Мастер Н.Г. Сваткова. БУ «Центр ремесел», г. Ханты-Мансийск, 2023 г.

Список литературы

1. Бауло А.В. Атрибут и миф: металл в обрядах обских угров. Новосибирск: Изд. института археологии и этнографии Со РАН, 2004. С. 18, 131 – 148. URL: https://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/wp-content/uploads/2020/04/Atributika-i-metall-szhat.pdf (дата обращения: 20.05.2023);
2. Бауло А. В. Петр Брюханов, тобольский мастер, из цеховых. Становление серебряного ремесла в Тобольске // Наука из первых рук. № 3(63). 2015. С. 50 – 63. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/petr-bryuhanov-tobolskiy-master-iz-tsehovyh-stanovlenie-serebryanogo-remesla-v-tobolske (дата обращения: 20.05.2023);
3. Бауло А.В. Небесный всадник (жертвенные покрывала северных хантов). Электронный журнал. URL: http://hmao.kaisa.ru/object/1808874269?lc=ru (дата обращения: 15.05.2023);
4. Бауло А.В. Предметы-загадки из археологических памятников и этнографических комплексов севера Западной Сибири // Наука из первых рук. Электронный журнал. Т. 65/66, № 5/6. 2015. URL: https://scfh.ru/papers/predmety-zagadki-iz-arkheologicheskikh-pamyatnikov-i/ (дата обращения: 16.05.2023);
5. Бауло А.В. Традиция замещения жертвы у обских угров в XX – начале XXI века//Археология, этнография и антропология Евразии. Т.46, № 3, 2018. С. 123-128. URL: https://journal.archaeology.nsc.ru/jour/article/viewFile/378/516 (дата обращения: 16.05.2023);
6. Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М.: Изд. Наука, 1967. С. 56-66, 118-125;
7. Гемуев И.Н. Мировоззрение манси: Дом и комос. Новосибирск: Наука, 1990. С. 168; URL: https://vk.com/doc51726873_438910744?hash=Ub4iUgD7kFP9SKtLfHQKLpVb3ZOcWK6WCZISJtc1n6s&dl=gpoMFZTKjjxWYYjsWhZlK7yanlSGXzwfutsEJbz80T8 (дата обращения: 19.05.2023);
8. Соловьев А.И. Священные лики Большого Леса// Из первых рук.Открытие Сибири. Т.4, №1. 2005. Электронный журнал. URL: https://scfh.ru/papers/svyashchennye-liki-bolshogo-lesa/ (дата обращения: 19.05.2023).

УДК 745

Влияние русской верхней одежды на кафтаны южных остяков и вогулов конца XVIII – начала XIX вв.

Толстогузова Лина Салаватбатыровна
художник-конструктор.
филиал «Школа-Мастерская народных промыслов»
г. Урай «Центра народных художественных промыслов и ремесел».
Ханты-Мансийск, Россия.
lina_tolstoguzova@mail.ru
ORCID ID: 0009-0002-4281-0717

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются кафтаны русичей их происхождение, конструктивные особенности, описываются виды русских кафтанов. История Югры и её вхождение в состав Московского княжества. Рассматриваются традиционные кафтаны осятяков и вогулов конца XVIII начала XIX вв. их конструктивные особенности, сравнение с кафтанами русских.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кафтан, верхняя плечевая одежда, остяки, вогулы, русские.

Рассматривая верхнюю плечевую одежду остяков и вогулов конца XVIII начала XIX вв. (хантов и манси современности), исследователи выделяют традиционные кафтаны из сукна. Это изделие из привозных шерстяных тканей, ставшие достаточно устойчивой традицией за счет длительности бытования и самобытного декоративного оформления. Как и у других народов у остяков и вогулов одежда наравне с пищей являлась предметом товарного обмена с иноземными и соседними народами.

Первые упоминания Югории в древнерусских летописях датируются XI в. Новгородские ватаги вели торгово–обменные отношения с остяками и вогулами. На Север поставляли одежду, посуду, металлические изделия, а приобретали у местного населения разнообразную пушнину, рыбу, орехи, ягоды. Предки хантов и манси уже в V-VI вв. заселяли огромную территорию Урала, а также западное и восточное Приуралье, но в результате взаимодействия с русскими постепенно перекочевали на восток от Уральских гор. После вхождения Югры в состав Московского княжества русская администрация стремясь обратить угров в христианство, одаривала каждого кто прошел обряд крещения. Простолюдину дарили медный крестик, порты, рубаху, шапку, рукавицы и сермяжный кафтан. Знатные люди получали крест серебряный, кусок ткани, сапоги, а кафтан суконный. Таким образом русская одежда путем обмена и дарения проникала в жизнь и быт остяков, становясь определенным социальным маркером, признаком привилегированного положения. В первую очередь это касалось тех районов, которые находились в непосредственной близости от основных водных магистралей – рек Обь, Иртыш, Конда, Демьянка, Тавда, также рядом с административными центрами: Самарово, Сургут, Тобольск. Привозные ткани и одежда достаточно быстро распространились среди местного населения. И уже во второй половине XIX в. многие исследователи отмечают среди хантов и манси одежды «русского» образца – рубах, юбок, кофт, шапок, кафтанов, зипунов.

На Руси кафтан был верхней одеждой мужчин, реже женщин, имел достаточно универсальное назначение молельной, домашней, легкой уличной, а иногда и зимней одежды на меху. В зависимости от назначения кафтаны шили до колен или лодыжек с таким расчетом, чтобы полы приоткрывали сапоги и не мешали шагу, спереди были несколько короче, чем сзади. Кафтан мог быть прямым или приталенным, но всегда из плотной, относительно хорошей ткани, на подкладке из материи более худшего

качества чем верхняя ткань. По борту располагались обычно 8–12 пуговиц, или завязок. Воротники на кафтане были маленькие, узкие, так, чтобы из-под них было видно обнизь зипуна или ожерелье – это дорогой вышитый воротник рубахи. Также кафтан мог быть без воротника либо с пристежным стоячим воротником–козырем, который закрывал затылок.

Нарядные кафтаны носили с запястьями, это вышитая золотом или серебром, украшенная жемчугом нижняя часть рукава. Кафтаны шили из бархата, камки, объяри, сукна. Передние полы кафтана расшивали тесьмой с жемчугом, золотными нитями и драгоценными камнями. Над и под тесьмой, пущенной по подолу кафтана, нашивали полоску ткани другого цвета, чем кафтан.

Трудно сказать, когда именно появился и как распространился на Руси кафтан. Само это название восточного происхождения. Русские источники до XV в. не знают названия «кафтан», но в XVI–XVII вв. оно распространяется на очень широкий круг одежд – русской, турской, польской, венгерской, становой.

Так, турский кафтан был длинным, свободного покроя, застегивался только у шеи; рукава имел длинные, широкие. Становой кафтан в конце XVII в. был тоже достаточно длинный, с широкими рукавами, но приталенный плотно прилегающий к телу, со вставленными внизу косыми клиньями. Русский кафтан был тоже приталенный, но клинья имел прямые, со сборкой по талии так чтоб образовывались фалды. Польский и венгерский кафтаны отличались кроем рукавов, богатством украшений и нашивок. Терлик был довольно коротким, отрезной по талии со сборами, с застежкой в виде лифа с клапаном на груди.

Акварель. Становой кафтан XVII в. Россия, первая половина XIX в. Автор: Ф.Г. Солнцев.

С XVIII в. кафтаны описываются у остяков: «Халаты отличаются от мужских лишь тем, что украшаются цветными вышивками, бисером и вылитыми из олова узорами» [2, с. 79].

Кафтаны южных остяков имели следующую конструкцию: полы прямые со сходящимися встык полами без запаха, с орнаментированным уголком в нижней части полы; спинка целая, приталенная, бока отрезные, вниз от талии пришитые с сборками. Рукав прямой, воротник стойка, либо без воротника. Внутри кафтан обшит подкладкой из хлопчатобумажной ткани. Часто подкладка присутствует не полностью, а только на полочках и части спинки от плеча до талии.

Сравнивая конструктивные особенности кафтанов остяков и вогулов с русскими кафтанами выявляют следующие схожие черты: прямые передние полы;

прямоугольные вставки со сборами от талии на спине; длина до щиколотки; прямые рукава; небольшой воротник стойка или без воротника; обязательное наличие подкладки. Таким образом, мы предполагаем, что кафтан русского типа оказал влияние на одежду остяков и вогулов. Но кафтаны сибирских народов отличались декоративной отделкой; их украшали тканой тесьмой, бисером, бусами, оловянными бляшками, подвесками, пуговицами, аппликацией.

Так все швы кафтана плечи, обшлага, нагрудный разрез и полы были покрыты бисерными лентами, образующими строгий геометрический узор. Кроме бисера, в украшении кафтана были использованы оловянно-свинцовые отливки. Они имели одну гладкую сторону, вторую выпуклую, орнаментированную различными насечками, пуансонами, желобчатыми линиями, «оттисками гребенчатого штампа». Нашивки были двух форм – в виде круга и квадрата. Круглые нашивки были плоские, ажурные, колесовидные с вписанным крестом, ромбом или кругом в центре, специальных отверстий для крепления к одежде не имели. Квадратные нашивки были декорированы соединенными между собой четырьмя, девятью кругами или ромбами, а также вписанными в рамку крестами или восьмилучевой звездой.

Металлические нашивки применялись повсеместно и фиксируются с XVIII в. [1, с. 80]. Расшивку кафтанов металлическими изделиями практиковали многие народы Сибири (ненцы, кеты, эвенки, народы Амура и др). Использование металлических украшений наблюдается у марийцев и башкир. Предположительно декоративная отделка кафтанов остяков и вогулов появилась на основании северных традиций. Она предполагала представления о защитных, обереговых свойствах узоров и опиралась на искусство бисероплетения. У остяков и вогулов богато украшенные праздничные кафтаны демонстрировали мастерство своих создателей, достаток и благополучие семьи.

Список литературы

1. Богордаева А.А. Традиционный костюм обских угров Новосибирск: Наука, 2006. 239с.
2. Дунин – Горкавич Тобольский Север (Этнографический очерк) 1911г. (Электронный ресурс) https://vk.com/s/v1/doc/ENj5WRlFxs5AH8Y33y0hFbbug3SKdOzpoM9lXe9xicVvaj-6aI
3. Кислуха Л.Ф. Народный костюм русского севера XIX - начала XXвека / В собрании государственного музейного объединения «Художественная культура русского севера». М.: Северный поломник, 2006. 276 с.
4. Пармон Ф.М. Русский народный костюм как художественно-конструкторский источник творчества. М.: Легпромбытиздат, 1994. 272 с.
5. Прыткова Н.Ф. Верхняя одежда. М.-Л.: АН СССР, 1961. С. 227-328.
6. Рябов А. Краткий очерк из прошлого хантэ-мансийского народа. https://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2022/05/19/kratkij-ocherk-iz-proshlogo-hante-mansijskogo-naroda/
7. Рябов А. Одежда русских старожилов Сибири https://xn----dtbdzdfqbczhet1kob.xn--p1ai/2020/04/10/odezhda-russkih-starozhilov-sibiri/
8. Фурсова Е.Ф. Традиционная одежда русских крестьян-старожилов верхнего приобья конец XIX – начало XX вв. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН,1997. 153 с.

УДК 745/749 (571.513)

Камнерезное искусство Тувы на современном этапе

Балган Айлана Арыш-ооловна
специалист отдела народных художественных ремесел и декоративно-прикладного искусства.
Центр развития тувинской
Кызыл, Республика Тыва, Россия.
a.balgan@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье на примере работ, участвовавших в Межрегиональной художественной выставке «Сибирь – XIII» рассматриваются жанры, стилистические особенности современного камнерезного искусства Тувы. Анализируется творчество мастеров–резчиков старшего и молодого

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тувинское камнерезное искусство, мастера-камнерезы, школы, жанры, композиции, стилистические особенности.

Искусство тувинских художников – резчиков по камню зародилось на рубеже XIX–XX вв. на глазах исследователей и коллекционеров; выросло из глубин народного творчества и в течение XX в. и превратилось в профессиональное искусство [1]. В своем развитии оно прошло несколько этапов: 1880–1940-е гг., зарождение (анонимные произведения в музейных коллекциях); 1950–1970-е гг., время наивысшего расцвета (камнерезы старшего поколения М.Черзи, Х.Тойбухаа, Х.Хуна, Х.Мижит-Доржу, Д.Окаанчык, Б.Дупчур, К.Саая, С. Норбу, Х. Монгульбии, Р.Аракчаа Б.Байынды, Чанзан. Х. Монгун-оол и др.); 1980–1990-е гг., становление резьбы по камню как профессионального искусства (камнерезы среднего поколения Д. Дойбухаа, Ю. Тойбухаа, А. Тойбухаа, Э.Байынды, Е.Байынды, С.Кочаа, В. Салчак, Х.Киров, А.Кагай-оол, О. Товарищтай, Б. Дупчур, В. Ооржак и др.); с 1990-х гг., современный период.

Творческий путь четырех поколений камнерезов Тувы – это было непрерывное развитие на основе традиций с сохранением сюжетно-стилистических и тематических канонов. Прекрасную возможность сформировать представление о современном камнерезном искусстве Тувы дала отчетная Межрегиональная художественная выставка «Сибирь XIII» (г. Барнаул, июль 2023 г.), где среди 1500 художественных произведений были представлены 47 работ 25 тувинских камнерезов старшего и молодого поколения, созданные в течение последних 5 лет и отобранные Выставкомом Союза художников России.

Даже при беглом взгляде на экспозицию тувинских камнерезных изделий заметно, что при общности иконографии и сохранении художественно-стилистических традиций в них раскрывается бесконечное богатство индивидуального творчества мастеров. В художественном почерке резчиков старшего поколения ощутимы крупный размер, четкое построение композиции, отвечающей замыслу, щедрость орнаментального декора, законченность, гармоничности формы и содержания. Одиночные, или многофигурные образы наделены величавостью, внутренней силой и динамикой. Особая легкость и изящество отличают работы А. Кагай-оола («Сказочная Тува», «Под мирным небом», «Просторы Тувы», «Богатый як»). Ритмическая согласованность и динамичность присущи образам Х. Донгак («Архары»,

«Лоси»), С. Одушпай («Погоня», «Всадник на верблюде»), Н. Саая («Моя горная Тува»). Монументальность, внутренняя и внешняя экспрессия слиты в работах А. Даш («Шама.», «Вестник»). В лучших традициях реалистичной пластики выполнена работа К. Бичелдей «Потомки», изображающая детей, которые учатся ездить на коне - в скульптуре нет патетики, но благодаря цельности и пластической образности бытовая сцена представляет собой маленький шедевр на тему незримой духовной связи поколений.

Великолепные образы, созданные из черного камня – серпентинита принадлежат Ю. Ооржак – создателю лаконичных произведений («Сын табунщика», «Верблюд», «Нежность», «Семейство. Кабаны»). Его творчество характеризуется сочетанием природной силы образов и эффектного декоративно-орнаментального оформления. Великолепное знание анималистики, точная моделировка и проработка деталей придают созданным образам художественную завершенность.

Новые темы, сюжеты, приемы раскрываются в работах молодых, но уже признанных резчиков, придерживающихся национальных мотивов в творчестве – Э. Салчак («Погонщик верблюдов»), К. Аяса («Юный табунщик», «Священный дикий козел»), О. Сат («Кабан», «Друзья»), Ш. Чымба («Росомаха», «Косули»), А. Шыырап («Шаман и духи»), К. Монгульбии («Львенок»), А. Хертек («Теве»), А.-Б. Хертек («Кочевники»), Б. Кужугет («Мальчик-оленевод»).

Портретное сходство, психологизм образов выделяют мастерство К. Аяса Кагай-оола. Его работа «Дынгылдай» – это образ Конгар-оола Ондар, одного из самых ярких творческих личностей Тувы, признанного в мире мастера тувинского горлового пения. Сидящий на красивом тувинском коне, одетый в национальную одежду с традиционными мужскими украшениями, с музыкальным инструментом в руках, исполняющий хоомей Конгар-оол Ондар – это образ человека, обуздавшего судьбу, мудрого учителя и одновременно это образ эпохи возрождения тувинской культуры.

Жанр портрета развивает Л. Норбу – третья женщина-камнерез в Туве. В малой пластике она создает скульптурные образы исторических деятелей, современников. Ее творчество отличает умение передать не только портретное сходство, но и показать внутренний мир человека.

К этнографической теме относятся работы А-Б. Хертек «Кочевники» и А. Шожунчап «Помощники». Национальный колорит передают детали скульптуры: прическа, одежда, головные уборы и тд. Скульптура «Помощники» является воплощением родных мотивов, символической перекличкой поколений. При всей обобщенности образов выразительно передана гармония человеческих отношений – атмосфера семьи. Композиционное построение, статичность фигур, традиционные позы создают ощущение стабильности и вечности, основанной на преемственности поколений. «Кочевники» – это образ, который оставаясь традиционным, демонстрирует современное прочтение темы – верность наследию и устремленность в будущее.

Творчество начинающих мастеров-камнерезов представлено работами Т. Хунан («Козел», «Баран»), С. Донгак («Медведь», «Коза с козленком»), А-М. Ооржак («Кабан»).

В целом, работы с резьбой по камню (агальматаолит, серпентинит), представленные на Межрегиональной художественной выставке «Сибирь XIII», дают срез современного состояния тувинского камнерезного искусства. Оно продолжает развиваться, осваивая новые сюжеты, стилистические решения, технологические приемы. Но тем не менее, по мнению искусствоведов, в современной тувинской резьбе обозначаются проблемы, которые вызывают беспокойство в связи с возможной утерей национальной специфики: меньше становится жанровых композиций, чаще создаются единичные, часто схематичные, образы, которые больше подходят к сувенирной продукции. Произведения из камня производят впечатление

незавершенности из-за отсутствия точности моделировки, детальной прорисовки, суховатой орнаментации, упрощения техники нанесения рисунка на камень; имеет место «избегание» динамичности, которую требует сюжет [2].

За последние годы состав профессиональных резчиков понес огромные потери. Ушли из жизни такие талантливые мастера – С. Кочаа, К. Хунан, К. Саая, Ю. Ооржак, Ю. Тойбухаа – те люди, чей вклад в развитие искусства резьбы по камню формировало тувинский стиль. Тем не менее, тувинская резьба по камню остается востребованной. Высокий художественно-эстетический потенциал, стремление мастеров к творческим поискам, к воплощению наследия прошлого в ярких образах, выражающих самосознание и эстетический вкус народа являются залогом его дальнейшего развития.

Список литературы

1. Искусство Тувы в музеях России. Коллекции С.К. Просвиркиной. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2021. 160 с.
2. Ондар С. Мелодия камня // Газета «Центр Азии». 2008. №42. С. 8.

УДК 397+398

Образ лебедя в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX – середина XX века)

Бурнаков Венарий Алексеевич
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук.
Новосибирск, Россия.
venariy@ngs.ru
ORCID:0000-0001-9636-3081

АННОТАЦИЯ В статье дана характеристика лебедю и его образу в мифо-ритуальном комплексе хакасов. Выявлено, что орнитохроматическая символика, в частности, белый цвет оперенья послужил основой для наименования лебедя. Показано, что его отдельные зоологические особенности, главным образом, характеризующие его как водоплавающую птицу, наряду с соответствующим окрасом послужили причиной причисления к разряду священных птиц. В религиозно-мифологическом сознании этот представитель орнитофауны воспринимался в качестве небесного существа, обладающего огромной мистической силой и несущей в себе благодать. Доказано, что образ лебедя ассоциировался с женским началом и идеей материнства. Выявлена семиотическая связь с небесной богиней Умай. Показана роль этой птицы в дарообменных процессах свадебной обрядности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Хакасы, традиционная культура, мировоззрение, лебедь, небесная птица, женское начало, богиня Умай, дарообмен, обрядность.

Птицы занимают важное место в культуре многих народов мира. Орнитоморфные образы широко представлены как в ее материальной, так и духовной сферах. Пернатые являются одними из ключевых персонажей в народном искусстве, религиозно-мифологических представлениях, обрядовой практике, фольклоре и пр. В мифологическом сознании птицы наделяются разнообразными функциями. Нередко они выступают в качестве демиургов либо их помощников, тотемов, олицетворения души человека, воплощения всевозможных божеств и духов, культурных героев, ездовых животных, вестников и т.д.

Одной из значимых птиц в культуре хакасов является лебедь, образ которого малоизучен. Цель данной статьи – охарактеризовать традиционные представления хакасов о лебеде. Длительное и внимательное наблюдение хакасов за лебедем, тщательное изучение его повадок и иных особенностей его биологии способствовали накоплению народных знаний о нем и формированию мировоззренческих установок и обрядовой практики по отношению к этой птице.

Хакасы называют лебедя *хуу* [30, с. 870]. Согласно исследованиям лингвистов, указанная лексема соответствует общетюркскому *kogy* – ‘лебедь’ и исторически восходит к древнетюркскому *Quyu* [24, с. 171; 10, с. 464]. Среди тюркологов отсутствует единое мнение по вопросу этимологии рассматриваемого термина. Одни из них придерживаются гипотезы о происхождении данной номинации из звукоподражательной практики, а именно – из лебединого курлыканья. Другие же убеждены, что основополагающей причиной конкретного обозначения птицы все же явился соответствующий цвет ее оперенья – *кугу* (хак. *хуу*) – ‘светло-серый, бледный, белый’ [3, с. 12–13; 34, с. 180]. Тюрколог Б.И. Татаринцев, изучая этот вопрос, приходит к выводу, что «звукоподражательный элемент здесь также может быть реальностью, хотя он определенно не первичен, а мог возникнуть, в частности, как результат соответствующего переосмысления первоначального наименования в народно-

подражательном духе» [28, с. 327]. На наш взгляд, наиболее приемлемой является вторая точка зрения. Полагаем, что характерный цвет лебедя уже априори обусловил его наименование. В подтверждении данной мысли следует привести факт того, что в некоторых тюркских языках орнитоним лебедь, помимо уже сказанного, имеет отличное по форме, но идентичное по значению название. И оно недвусмысленно указывает на соответствующее цветообозначение – «*ак куш*» – ‘букв. белая птица’ [12, с. 37]. Добавим и то, что и в русском языке все первопризнаки концепта лебедь сводятся к колоративному признаку ‘белый’ [4, с. 58].

В традиционном сознании хакасов белое оперенье лебедя, как и в целом, белый цвет устойчиво ассоциируется с понятием чистоты, сакральности и причастности к верхнему миру. В народе бытует убеждение, сформированное в результате многовековых наблюдений за образом жизни лебедя, что ему, как и некоторым другим водоплавающим птицам, подвластны три стихии: воздух, земля и вода. Добавим и то, что на фоне остальных пернатых он выделяется яркой красотой и изяществом. Очевидно, что совокупность всех этих зоологических особенностей, в том числе и чрезвычайно привлекательные внешние данные, способствовали сакрализации образа этой птицы. Поэтому совершенно не случайно то, что финский исследователь М.А. Кастрен, в процессе изучения верований хакасов, обратил внимание на сакральный статус этого видного представителя орнитофауны. Ученый сообщал о том, что «вместе со многими народами они чтут змею и медведя, почитают также священными и разных птиц, и из них больше всех лебедя» [13, с. 221].

В традиционных представлениях хакасов лебедь устойчиво ассоциировался с небом и воспринимался в качестве небесного существа. В фольклоре представлен сюжет, согласно которому герой попадает в верхний мир именно благодаря этой птице. Представим соответствующий отрывок: «Так как я не выпускал лебедя. Лебедь поднял меня и полетел. Полетевши, он залетел на небо. Когда я поднялся на небо, там так же, как и на этой земле» [15, с. 380].

В мифологическом сознании народа тесная связь лебедя с небом не ограничивается лишь подвластностью ему воздушной стихии, выражаемой в возможности длительных и свободных полетов в ней. Нередко образ этого пернатого отождествляется еще и с главными небесными светилами. Подобного рода воззрения получили отражение в следующей загадке: «*көк талайның үстүнде ікі хуу хус сүріс чөрче, чир дее чидіс полбинҷалар* (*күн, ай*)» – ‘на синем море плавают два лебедя, никак не могут догнать друг друга (солнце и луна)’» [18, с. 120]. Реликты подобных представлений выявляются и в хакасской эпике. Так, в одном из героических сказаний дочери царя солнца *Күн Хан’а* носят соответствующие имена – *Ай Арығ* – ‘Чистая Луна’, *Күн Арығ* – ‘Чистое Солнце’ и *Хан Арығ* – ‘Чистая Царица’. По сюжету они периодически перевоплощаются в лебедей, чтобы посетить землю и искупаться в молочном / золотом озере [31, с. 22–43]. Согласно мифам именно благодаря деве–лебедю среди хакасов распространился свадебный обычай *айға-күнге пазыртханы* – поклонение солнцу и луне [8, с. 106].

В народе была распространена вера в то, что сам полет лебедя как сакрального существа оказывал позитивное магическое воздействие на все окружающее пространство. Он не только освящает небеса, делает их наиболее яркими и одухотворенными, но и несет живым существам благоденствие и процветание. И поэтому в мифопоэтической традиции хакасов совершенно не случайно дается описание того, что в процессе воздушного перемещения этой птицы само небо предстает уже в абсолютно ином виде – оно кристально чистое и светлое:

«Алтын хууның чарығына
‘От света золотого лебедя
Аран-чула ах хуланның
У аран-чула белого жеребенка

Ала харағы чалтантыр. Серые глаза ослепли.
Ханат саап, оң ханады
Крыльями взмахнул, его правое
крыло Отыс тахпах ырлап парир.
Тридцать тахпахов поет,
Ханат саап, сол ханады
Опять крыльями взмахнул, его левое крыло
Читон көг көглеп парир.
Семьдесят мелодий играет.

Көглеп париған кööне
Крылатые птицы, в исполняемую
Ханаттыг хус кööленіп, ем мелодию, влюбившись,
Хуу сүріп, ханат тудып алған За лебедем погнавшись, от восторга замирая,
Турып, чат хончадырлар, Отстают.
Чир үстүндегі харсахтығ аң
Со всей земли когтистые звери,
Ырлап париған ырына, В его песню
Кööленіп, ылғап халчадыр»
Влюбившись, плача, остаются’
[1, с. 275–276. Перевод наш. – Авт.];

«Сах ол туста ах пулуттар үстүнең
‘В то время выше белых облаков
Ах айастың алтынаң
[И] ниже белого неба
Ах хуу табызы
Белого лебедя [прощальный] крик
Оң хулағында сыңыри түскен В правом ухе раздался
Аалып-чахсының.
[У] лучшего из богатырей.
Ах хардаң арығ азыр ханатнаң
Двумя крылами [что] белого снега белее
Анымҷох пиріп öөртінең
Прощание [своё] послав с высоты
Ах айаста чіде халған ах хуу хус»
В белом небе исчезла птица белый

лебедь’
[32, с. 291. Перевод наш. – Авт.].

Следует добавить, что ассоциация лебедя с небесной благодатью встречалась и среди других сибирских народов. В частности, буряты полагали, что белая лебедь *Хун шубун* на своих крыльях приносит счастье, богатство и процветания верующим [9, с. 97].

В мировоззрении хакасов образ лебедя, как правило, ассоциируется с женским началом, и при этом он часто отождествляется с идеей материнства. Представления о высшей силе, манифестируемой в образе лебедя, чрезвычайно сближает эту птицу с образом известной и весьма почитаемой хакасами и другими тюркскими народами богини-небожительницы *Умай* (*Ымай ине / іӌе*). В традиционных воззрениях народа она выступает в роли божества плодородия и защитницы материнства и детства. Верили, что с целью свершения благодеяний она словно птица спускается с небес. Ее представляли в виде красивой белокожей женщины со светлыми волосами. В этой связи представляется вполне убедительной мысль тюрколога М.И. Боргоякова об изначальной природе богини *Умай*, представляемой в орнитоморфном образе и ее последующей эволюции. Согласно его исследованию, образ рассматриваемого божества восходит к водоплавающей птице, очевидно, к лебедю. Ученый сделал вывод о том, что «в тюркоязычном мире он продолжал бытовать в образе хума / хумай, хубай / к, убай / к, уба / к, уман / коман / хуу / к, уу со значением “мифическая или сказочная птица”, а также “лебедь”, “лебедь-девица”. С другой стороны, в последующем развитии этот образ превратился в Умай (Ымай, Май–Ине) “Мать–Умай”» [5, с. 139]. К сказанному добавим, что в тюркских языках слово *хубай / куба* имеет значение лебедь и в своей основе опять-таки восходит к цветообозначению этого пернатого – «бледный, светлый» [24, с. 172]. Признаки былой орнитоморфности богини *Ымай / Умай* обнаруживаются и в шаманских молитвенных обращениях к ней, записанных у северных алтайцев, в частности, у кумандинцев:

«Ак аjастан, кайн, тӱш
‘С ясного неба, паря, спустись,
Умай-эне, куш-эне!»
Мать Умай, птица-мать!’[22, с. 276].

Исследования Л.П. Потапова показали, что среди тюркских народов культ данной богини получил широкое распространение с древнетюркского времени. В этот период *Умай* наряду с такими верховными божествами, как *Тенгри* и *Йер–Суб* выступала в качестве верховной покровительницы воинов и участников военных походов [22, с. 269]. Представления о богине *Умай*, как о носительнице священной благодати и одновременно – непримиримой воительнице в дальнейшем подверглись трансформации. Вместе с тем, реликты архаических воззрений сохранились в эпическом творчестве хакасов. На наш взгляд, один из аспектов многогранного образа *Умай* проявляется в образе героической женщины или девы-богатырки, принимающей облик лебедя. Во многих богатырских сказаниях функцию чудесных помощниц и мудрых советчиц героя обычно выполняют его мать или родные сестры. И в самый критический для него момент они, перевоплотившись в лебедей, приходят на помощь – исцеляют, спасают от неминуемой смерти или даже оживляют богатыря [19, с. 8; 29, с. 130; 26, с. 65]. В отдельных эпических произведениях встречается сюжет, по которому главным героиням для свершения ратных дел предопределено свыше оборачиваться в лебедя. К числу таких персонажей относится дева-богатырка по имени *Хызыл Тӱлгӱ* – ‘Красная Лисица’:

«Иб ээзі ипчі Хара Торғы
‘[Этого] дома хозяйка женщина [по имени]
Хара Торгы
Алты пастығ ах сундуғын
С шестью отделениями [свой] белый сундук
Сала маңзыри аза тартхан.
В спешке [великой] дёрнув [за ручку] открыла.
Харысча халыны, киҷім улиинҷа
[В] пядень толщиной, [и] размером [с] чепрак
Хағас пічікті ол хығырча.
Бумажное письмо она читает.
Алтон листті асханда –
[Лишь] шестидесятый лист открыв –
Анда полтыр пазылғаны.
[Увидела она, что] запись там была.
Аттығ чӧрерге чаялбиндыр
[Что для] езды [на] лошади [она] не создана
Ал-позы ол хысха.
Лично эта дева.
Хуу кибі полтыр –
[Из] лебединого [пера] одежда [её] была–
Хыс кізі аны кизіп,
Деве [этой] надев её,
Учух чӧрер полтыр.
[По небу] летать суждено.
Ады адалып пазылтыр:
[И] имя [ее] написали [там]:
Тӱбен чонның пазы,
Многочисленного народа глава,
Тӱлгӱ Хызыл полтыр.
Тюлгю Хызыл, оказывается [она].

Хуу киптіг хыс позы
[В] одежде [из] лебединого [пера], дева [она]
Хан тигірҷе учуғар полтыр»
[По] царственному небу летать предназначена [она] <…>
Тӱлгӱ-Хызыл хуу кибін кизіп,
Тюлгю Хызыл [свою] одежду лебедя надев,
Тиксі тигірҷе учух-парча»[По] всему [бескрайнему] небу летает’.
[33, с. 129, 132. Перевод наш. – Авт.].

Среди некоторых тюрко-монгольских народов Сибири были распространены представления о лебеде, как о тотемном животном. Так, например, челканцы – одна из групп северных алтайцев, проживающие в долине р. Лебедь, традиционно называют себя «*куу-кижи*» – ‘лебеди-люди’ и считают себя потомками «белого лебедя» [35, с. 142]. Отдельные бурятские этнические группы, главным образом, хори-буряты и хонгодоры также воспринимают лебедя в качестве своего тотема [2, с. 108]. Подобных же тотемистических воззрений придерживались и некоторые якутские рода [11, с. 33]. Заметим, что в основу тотемистических верований лег известный мифологический сюжет о метаморфозе лебедя в девицу и наоборот. Согласно сюжету лебедь снимает свою волшебную птичью одежду на берегу озера / моря и преобразившись в девицу, отправляется купаться. Молодой богатырь похищает ее одежду. Девица не имеет возможности вернуть свой прежний облик, вынужденно становится супругой героя и дает жизнь роду [17, с. 40].

У хакасов не были зафиксированы представления о лебеде, как тотемном животного какого-то конкретного *сөөк’а* – рода. Вместе с тем, указанный мифологический сюжет о брачном союзе человека и лебедя широко распространен в их фольклоре. Он довольно часто встречается и в эпических произведениях. Так в одном из них имеется следующее повествование:

«Алып төреен Хан Мирген
От арали чыл парып,
Алтын көлнің азаандағы
Суға кірчеткен хыстың
Хуу кибін алып алды,
Азах үстүне турыбысты.
Хыстар, Хан Миргенні көрбинең,

Көлдең сығара ойласханнар,
Ікі хызы, хуу киптерін кизіп,
Учуғыбысханнар.
Үзінчі хызы көлдең сых килген,
Хуу кибінзер парза, орында чоғыл.
Хан Мирген алып кізі,
Хуу кипті тудынып, чүгүр парир.
Ол хыс, хысхырып ала,
Ай соонаңох ойлапчадыр:
– Хуу кибімні хайдар апаризың? – тіп, говорит,
Алып төреен Хан Мирген,
Хан позырах адының хырина парып,
Хуу кипті тудын салған турчадыр.
Ол хыс андох чит килген,
Хуу кибін кілепчедір,
Хан Мирген пирбинчедір.
Хан Мирген чоохтапчадыр:
– Минің ипчім полар ползаң,
Хуу кибің анаң пирем»
[31, с. 26–27. Перевод наш. – Авт.].

‘Богатырем рожденный Хан Мирген
Среди травы ползком пробравшись,
[У] нижнего края [этого] золотого озера
[У] девы, входившей в воду,
Лебяжью одежду [крадучись] забрал,
[И тут же] на ноги поднялся.
Девы [его] Хан Миргена, проглядевшие,

[Из] озера [в страхе] выбегали,
Две девы, лебяжьи одежды, одев,
Улетели.
[А] третья дева [из] озера выйдя,
[К] лебяжьей одежде [своей] подойдя, [на] месте [её] не застала.
Хан Мирген богатырь,
Лебяжью одежду схватив, убегает.
Та дева, крича [ему] вслед,
За ним [же] бежит:
– Лебяжью одежду [мою] куда [ты] несешь? –

Богатырем рожденный Хан Мирген,
[К своему] кроваво-рыжему коню подбежав,
Лебяжью одежду держа [так и], стоит.
[И] та дева туда же подбежала,
Лебяжью одежду [свою] просит отдать,
Хан Мирген [же, одеяние её] не отдает.
[И мало того], Хан Мирген говорит:
– Моей женой если станешь,
Лебяжью одежду тогда отдам’

Ввиду сакральной природы лебедя охота на него запрещалась [16, с. 192]. Так, например, Н.Ф. Катанов сообщал, что «бельтирское племя не стреляет лебедя – это грешно» [14, с. 60]. Следует заметить, что табу на промысел этой птицы среди хакасов, помимо того, объяснялся еще и тем, что она относилась к категории «*харғысчыл хус*» – ‘проклинающих птиц’. В народе про нее говорили: «*хуу хус – толығлығ хус, харғысчыл хус*» – ‘лебедь – птица проклинающая, требующая жертву’ [6, с. 197]. Согласно народной классификации в группу «*харғысчыл хус*» помимо лебедя входили такие пернатые, как: фламинго, дрофа, журавль и некоторые другие. При этом все они, несмотря на видовое разнообразие, из-за обозначенной способности имели общее наименование «*хуулар*» – ‘лебеди’ [7, с. 74]. Мотив традиционного проклятья, косвенно связанный с образом лебедя, встречается и в эпическом творчестве:

«Хас килгенҷе – харала хурупчат, ‘[До] прилета гусей – [до] черноты засохни,
Хуу килгенҷе – хубара хурупчат!» [До] прилета лебедей – [до] белизны засохни!’
[1, с. 51. Перевод наш. – Авт.].

Вместе с тем, в традиционном хакасском обществе в ритуальных целях убийство этой птицы все же допускалось. Право на это действие давал обычай *хуу ӱлгӱзі*. Его суть сводилась к тому, что человек, подстреливший лебедя, отправлялся к состоятельным сородичам, чтобы получить за него подарок. При этом каждый лебедь в зависимости от вида, размера и красоты имел соответствующую символическую ценность. Хакасы выделяли три его вида: 1) *ат хуузы* (‘конский лебедь’) – за него дарили коня, 2) *інек хуузы* (‘коровий лебедь’) – в обмен получали годовалого теленка, 3) *хой хуузы* (‘овечий лебедь’) – за него давали овцу [21, с. 24; 6, с. 197]. Можем предположить, что данным птицам соответствовали: лебедь-шипун (cygnus olor), лебедь-кликун (cygnus cygnus) и малый / тундровый лебедь (cygnus columbianus bewickii). Все эти пернатые в процессе циклических миграций посещают Хакасию. Заметим, что подобный обычай встречался и среди других народов Сибири, в т.ч. и у бурят [2, с. 108].

Охота на лебедя регламентировалась определенными правилами, в основе которых лежали традиционные верования. Так, для того чтобы минимизировать возможные негативные последствия от добычи сакральной птицы охотник подбирал подходящее время. Так, например, по материалам Н. Попова «осенью его нельзя стрелять, – случится несчастье; а весною и летом можно» [20, с. 650]. Помимо того, при обнаружении лебединой пары рекомендовалось сразу подстрелить обоих. В противном случае, как полагали, уцелевшая птица предаст проклятью стрелка и его семью, отчего на них неминуемо обрушатся всевозможные несчастья и беды (ПМА). Не исключено, что именно эта идея, а не простое бахвальство меткостью легла в основу эпизода охоты эпического героя Тасха Матыра на лебедей:

«Тасха Матыр ухчазын хабынған. ‘Тасха Матыр лук схватил.
Ікі ух сыырсахти тудыбысхан Две стрелы вместе взяв
Ӱзінҷі уғын киске тастабысхан, Третью стрелу [её] ушком (пятой) [на] тетиву наложил,
Оң азағын тӧзене одыра тӱскен, [На] правое колено, опускаясь, присел,
Сол азағын чӱгӱрте тастабысхан. Левую ногу вперёд выставил.
Кирбейте тартып позытханда, [До] предела натянул [он тетиву, и когда] спустил [её],
Чааҷах саплап, ух көглебіскен, Лук забился [в руках, а] стрела запела,
Пастағы хууның харах хаста ӱзе атабысхан, Первому лебедю [чуть] выше глаз [всё] отстрелил,

Ханат хағынып пазы суға тӱс парған. [Лебедь] крыльями забил, [а] голова [его в] воду упала.
Ікінҷі хуузы сӧртеп тур килгенде, [Когда] вторая птица разбежалась [для] взлета,
Ікінҷі уғы көглебіскен, Вторая стрела запела,
Мойнынаң кизе атхан. Шею [её] насквозь прострелил.
Ӱзінҷі хуузы ханат хағып турыбысханда, Третья птица [когда] поднявшись крыльями [своими] забила,
Ӱзінҷі уғы көглебіскен, Третья стрела запела,
Ханадын хағып турабас, [Пока] крыльями [лебедь] взмахивал
Көксін орты тӱбінең ӱзе ат тӱзірібіскен» Грудь [её в] центре [у] основания насквозь прострелила’
[27, с. 44–45. Перевод наш. – Авт.].

Первым из исследователей, кто дал краткое описание данной обрядовой практики был М.А. Кастрен. Он обратил внимание на то, что она имела широкое распространение среди хакасов. Ученый сообщал о том, что охотник, добывший лебедя, относил его в качестве подарка соседу. Тот обязан был принять его, угостить гостя айраном – кисломолочным напитком и в качестве отдарка дать ему свою лучшую лошадь. В свою очередь новый владелец лебедя передаривал его ближайшему соседу. Причем обменивал его так же выгодно. Как отмечал исследователь: «Таким образом, лебедь переходил из юрты в юрту, пока придется, наконец, кому-нибудь поплатиться лучшим конем за полусгнившую птицу» [13, с. 221]. Другой автор – Н. Попов внес некоторые дополнения к сведениям об этом обычае. Он привел новые детали, связанные с внешним оформлением дарственной птицы, а также конкретизировал список отдариваемых объектов. Помимо того указал на обязательность проведения праздничного пиршества – *хуу тойы* в честь этого события. Так, в его материалах встречаем информацию о том, что «если бедняк убьет лебедя, то надевает ему на шею платок и везет дарить богатому татарину. Тот, принявши подарок, отдаривает конем, бычком, или бараном, а лебедя сохраняет до какого-нибудь праздника; – тогда созывает гостей и угощаете их лебединым мясом, как самым лакомым кушаньем» [20, с. 650].

Упоминание о рассматриваемой традиционной дарообменной практике с фиксацией перечня соответствующих объектов встречается и в этнографических записях Н.Ф. Катанова: «В прежние времена были такие обычаи: если застрелить лебедя и, взявши (его и) вина с собой, поехать в гости, давали лошадь; если застрелить кыскылака [фламинго] и (взявши его с собой) поехать сватать, то давали дочь; если драхву (тодак) и, взявши (ее и) вина с собой, поехать, то давали, кажется, теленка; если везти журавля, то давали стельку (для обуви)» [14, с. 59–60]. Лаконичные сведения об этом культурном явлении у хакасов предоставил В. Серебряков. Он сообщал о том, что добычей лебедя занимались преимущественно пожилые мужчины. Внутренности птицы вынимались, после чего она была готова для дарообменных актов [23, с. 32].

Наиболее полное и детальное описание данного мировоззренческого феномена с учетом материалов предшественников представлено в работах Л.П. Потапова [21] и В.Я. Бутанаева [7, с. 74–76]. Не имеет смысла приводить все новые сведения по этому вопросу, полученные в ходе полевых этнографических работ. Вместе с тем, большой интерес для нас вызывает выявленный Л.П. Потаповым факт участия определенного вида лебедя в свадебной обрядности. В народе он назывался «*хыс хуу*» – ‘девичий лебедь’. Когда привозили в гости лебедя с целью посватать девушку, отказа никогда не было [21, с. 28]. Ученый в ходе своего исследования пришел к мысли о том, что «хакасский обычай привозить убитого лебедя в гости имеет древнее происхождение,

возникшее в эпоху материнского рода на почве специфической формы кузенного брака и тотемистических представлений далеких исторических предков современных хакасов» [21, с. 30]. К сказанному следует добавить то, что в дарообменных ритуалах свадебного цикла лебедь наравне с фламинго был равноценен невесте и имел соответствующее семиотическое значение. Образ лебедя не только отождествлялся с невестой, ее сакральной сущностью, но и выступал ярким символом будущего благополучия семейной пары.

Таким образом, изложенный материал позволяет сделать вывод о том, что в традиционной культуре хакасов лебедь и его образ занимали важное место. Он входил в категорию наиболее почитаемых птиц и имел положительную коннотацию. Исходя из соответствующей орнитохроматической символики, лебедь воспринимался в качестве небесной птицы, связанной с солярно-лунарным культом и идеей благодати. В религиозно-мифологическом сознании народа он отождествлялся с женским началом и материнством. Выступая в качестве олицетворения богини Умай. Являлся важнейшим элементом дарообмена в свадебной обрядности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование проведено в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.».

Список литературы

1. Ай Мирген и Алтын Хус // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Собраны В.В. Радловым. Ч. 2: Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик). Абакан: ООО «ИПП “Журналист”», 2018. С. 262-335.
2. Ай Мирген. Героическое сказание, записанное от П.И. Сулекова (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1959. 135 с.
3. Бадмаев А.А. Традиционные представления бурят о птицах // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. № 2 (48). С. 106-113.
4. Базарова Д.Х. К этимологии некоторых древнетюркских названий птиц // Советская тюркология, 1975. № 4. С. 11-22.
5. Бекмурзаева Ф.Ш. Национальная ментальность в зеркале происхождения репрезентантов орнитологических концептов в русском языке // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Лингвистика, 2022. Т. 22. № 3. С. 53-62.
6. Боргояков М.И. Об одном древнейшем мифологическом сюжете, его эволюции и отражении в фольклоре народов Евразии // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 135-141.
7. Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: УПП «Хакасия», 1999. 240 с.
8. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан: Изд-во ХГУ, 2003. 260 с.
9. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. Абакан: Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
10. Дашиева Л.Д. Культ лебедя в традиционной культуре бурят // Международный научно-исследовательский журнал, 2021. № 12 (114). Ч. 5. С. 97-100.
11. Древнетюркский словарь / Ред. В.М. Наделяев, Д.М.Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. 677 с.
12. Золотарев А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л.: Изд-во ИНС ЦИК СССР, 1934. 52 с.
13. Ибрагимов К. Некоторые древнетюркские названия птиц и их параллели в современных тюркских языках // Советская тюркология, 1974. № 6. С. 37-47.
14. Кастрен М.А. Путешествие в Сибирь (1845–1849). Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. 352 с.
15. Катанов Н.Ф. Отчет о поездке, совершенной с 15 мая по 1 сент. 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии. Казань: Типо-Лит-я Импер-го Казанского Ун-та, 1897. 104 с.

16. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
17. Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. Красноярск: Тип. Енис. губ. упр-я, 1898. 298 с.
18. Лебедь // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энц-я, 1988. С. 40-41.
19. Мудрое слово. Сборник хакасских народных пословиц и поговорок и загадок / состав. У.Н. Кирбижекова. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1976. 128 с.
20. Овичев. Богатырские поэмы Минусинских татар // Сибирский наблюдатель, 1905. Кн. 3. С. 1-9.
21. Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1884. Т. 20. Вып. 6. С. 645–659.
22. Потапов Л.П. Из истории ранних форм семьи и религиозных представлений (обычай дарения лебедя у хакасов) // Советская этнография. 1959. № 2. С. 18–30.
23. Потапов Л.П. Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // Тюркологический сборник-1972. М.: Наука, 1973. С. 265-286.
24. Серебряков В. К вопросу о проазиатских элементах у хакасов // Этнограф-исследователь, 1928. № 2–3. С. 28–35.
25. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / / Э.Р. Тенишев, Г.Ф. Благова, И.Г. Добродомов и др. М.: Наука, 1997. 799 с.
26. Степанов А.С. Енисейская губерния. Ч. 1. СПб: Тип. Конрада Вингебера, 1835. 280 с.
27. Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан: Хак. кн. изд-во, 2007. 164 с.
28. Тасха Матыр (на хак. яз.). Абакан: Хак. кн. изд-во, 1962. 108 с.
29. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 3. К, Л. 440 с.
30. Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1972. 312 с.
31. Хакасско-русский словарь / отв. ред. О.В. Субракова. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.
32. Хан позырах аттығ Хан Мирген // Хан Мирген (на хак. яз.). Абакан: ХО Красноярск. кн. изд-ва, 1969. С. 9-114.
33. Хан-Тонис на темно-сивом коне. Богатырское сказание М.Р. Баинова / отв. редактор М.Р. Баинов. Новосибирск: Новосибирск. Кн. изд-во, 2007. 384 с.
34. Хызыл Тӱлгӱ (алыптығ нымах) // Алыптығ нымахтар (Богатырские сказания на хак. яз.). Абакан: Хак. обл. кн. изд-во, 1951. С. 101-156.
35. Чебодаева Л.И. Названия водоплавающих и околоводных птиц в хакасском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 179-183.
36. Шерстова Л.И. Легенды о Шуну у народов Южной Сибири (Мифы и реальность в традиционных сюжетах) // Вопросы древней истории Южной Сибири. Абакан, 1984. С. 141-147.

УДК 7.047

Хакасская юрта как источник творчества художников и дизайнеров

Гузеватова Елена Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент.
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
кафедра музыки, декоративно-прикладного искусства
и народного художественного творчества.
Абакан, Россия.
GEleNa219@ya.ru
ORCID ID: 00000-0002-1746-8852

АННОТАЦИЯ В статье на основе анализа работ хакасских художников, мастеров декоративно-прикладного искусства и дизайнеров рассматривается мотива хакасской юрты. Дается оценка этого образа во всем многообразии стилистических особенностей и смысловой нагрузки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Хакасская юрта, произведения изобразительного и декоративно-прикладного искусства

Юрта в целом, и хакасская деревянная юрта – это не только объект изучения для ученых – этнографов; достаточно часто она попадает в поле зрения художников, становится частью композиций в работах живописцев, графиков, дизайнеров.

Одним из первых художников, в работах которого были запечатлены хакасские юрты, стал В.И. Суриков (1848–1916). В 1890-е гг. художник часто гостил у хакасов, например, у скотовода Спирина: «Юрта его была увешана коврами, посудой, в сундуках лежала богатая одежда. Хозяин, занимая гостей, хорошо говорил по-русски, утверждал, что он живет с женой и тремя дочерьми, доволен жизнью, достатком. Татарин попросил нарисовать дочь в костюме – белая барашковая шуба, крытая пунцовым шелком, и соболья шапка, какую носили свахи...» [5]. Сделал В.И. Суриков несколько зарисовок хакасских юрт, их внешнего вида и внутренней обстановки. На другом рисунке Суриков изобразил внутреннее убранство деревянной хакасской юрты, что видно по бревенчатому своду крыши. В основном это мужская половина юрты с сундуками, шкатулками и утварью. В сундуках хранилась одежда, конская упряжь и другие вещи. В шкатулках – деньги, ценные бумаги, украшения. На заднем плане изображена деревянная кровать, занавешенная пологом. На переднем плане – очаг, слева – почетная часть юрты – тор. Над ней располагается полка с иконами, что связано с активной христианизацией хакасов православными миссионерами в те годы (илл. 1).

В 1909 г. В.И. Суриков жил на озере Шира, которое уже в конце XIX в. славилось своими целебными свойствами. До 1917 г. в летнее время здесь отдыхало более тысячи человек. На этюде «Озеро Шира» 1909 г. на переднем плане им была изображена деревянная восьмигранная юрта, на крышу которой положены камни (илл. 1) [10].

Большое внимание традиционной культуре хакасов уделял в своем творчестве художник В.Ф. Капелько (1937–2000). В его произведениях также встречался мотив юрты. В произведении «Связь поколений» В.Ф. Капелько вспоминал о встрече с А.В. Каратусовой: «…у неё во дворе добротная рубленая шестистенная юрта, крытая лиственным корьём. От весны до глубокой осени женщина живёт в ней. И всё в юрте, как и должно быть. Войдёшь, по левую руку, на колышках – хомуты, сёдла, вожжи, уздечка; по правую руку – лари деревянные с мукой и кадки с ячменём, маслобойка, лагушки и казаны разные, квашни и таганы, чугуны и жаровни. Здесь же айран.

Две стены справа занимают обязательные в хакасских юртах полки, уставленные бутылками всех форм и размеров и посудой: чайниками, пиалами, чашками, мисками, блюдами и блюдечками.

Следующая, четвёртая, стена (она против входа) – там кровать деревянная, широкая и прочная. Вся передняя широкая стена росписью изукрашена. На чёрном фоне – орнаменты геометрические в сочетании с изящными веночками, цветами и ягодами – все это сине-жёлто-бело-розовое. А снизу, посредине кровати, – выдвижной ящик для белья. На нём нарисована чёрная корова на красном фоне, а спинки фигурные суриком покрашены. И ножки красные.

У пятой стены – хозяйкино добро: сундуки и сундучки, металлической полоской окованные, зеленые. Здесь и прялка-корневушка с куделей, а веретена подоткнуты под стропила. В центре железная печка гудит, трещит, берёзовый душистый дым тянет в дымоход, а на печке что-то вкусное парится и варится, и чай кипит. Ну, и хозяйка, конечно, хлопочет возле. Уют старинного налаженного бабушкиного быта.

А если посмотреть на юрту как на выражение плотницкого мастерства и, если хотите, как на архитектурное сооружение... Это же чудо простоты, функциональной и рациональной, и красоты! В течение столетий складывалось конструктивное решение. Потолка, к примеру, здесь нет, есть шатровая кровля, отчего низкая юрта внутри оказывается высокой и просторной. В разных улусах Хакасии плотники по-разному возводили шатровый свод, но с одинаковым эффектом практической простоты. А юрты бывают четырёх-, шести-, восьми-, а говорят, были и двенадцатистенные» [2].

Абаканский художник М.А. Бурнаков (1933–1977) также обращался к теме юрты. Среди его произведений есть такие пейзажи, как «Этюд с юртой» (илл. 3).

В жанре тематической картины и портрета работает П.М. Боргояков, композитор, художник, народный мастер Республики Хакасии (Чон узы, 1994), член Союза композиторов РХ (1996), член Союза художников России (1995). Ведущее место в его творчестве занимает тема родины, среди его картин, где присутствует изображение деревянной юрты пейзаж «Перед дождем» (илл.4).

Живописец, график, заслуженный работник культуры Республики Хакасии, член Союза художников РФ Г. Н. Сагалаков также часто обращается к теме традиционной культуры [3]. В его творчестве мы встречаем живописные и графические изображение юрты. На яркой красочной картине «Юрта» в центре композиции - деревянная срубная девятистенная юрта, вокруг которой художник разворачивает целое повествование, используя не только изображения мчащихся во весь опор всадников и лошадей, но и элементы мифологии, петроглифы и традиционные орнаменты. Его произведение наполнено символизмом. Изображения юрты присутствуют также на картинах Г. Н. Сагалакова «Мелодия степи» и «Белые всадники». Также насыщена фольклорными образами линогравюра «Хуртуях тас»: здесь и менгиры, и мчащиеся всадники. Но юрты здесь изображены на заднем плане, а рядом с ними - мирно пасущийся конь как символ жизни, которую защищают всадники (илл.5).

В своих работах хакасский художник Р. Субраков использовал оригинальную точечную технику графики. Отличительная особенность его стиля, считают искусствоведы, понимание истории и духовного мира хакасского народа, новое прочтение традиций национального искусства [7; 8; 9]. Во многих его графических работах присутствует изображение юрты (илл.6).

В графике В. Кызласова представлена главная для художника тема – «…выявление той глубинной народной основы, которая определяет взаимоотношения человека с окружающим его миром» [1, с. 5]. В его работе «Связь времен» «…своя земля маркируется по тюркской традиции и горой-прародительницей, и юртой, и галечником, и склоненной под степным ветром ковылью» [1, с. 9] (илл. 7).

Основная тема, которой посвящены произведения А. Топоева – хакасский героический эпос. В его работах мы также можем видеть изображения юрт (илл. 8).

Художник-живописец А.В. Доможаков работал в жанре портрета, композиции, пейзажа, натюрморта. Использовал в своем творчестве знаки и символы, оставленными древними художниками на каменных изваяниях. Был основателем нового этнического стиля в живописи. Среди его работ, на которых мы можем увидеть изображение белых войлочных юрт, есть живописные произведения «Ожидание», «Осенние песни», графические «Дух в юрте» и декоративные «Юрта-солнце» (илл. 9).

На заднем плане небольшого живописного произведения М.К. Бурнакова «Автопортрет» мы также можем увидеть изображение юрты как часть родного пейзажа, которое наряду с национальным костюмом, в котором изобразил себя автор картины является своеобразным этнической маркером (илл. 10).

Юрта как источник творчества – благодатная тема для мастеров декоративно-прикладного искусства, работающих с деревом. Среди них особое место занимает Н.Б. Ачитаев – художник-прикладник, резчик по дереву, народный мастер Республики Хакасия, участник всесоюзных, международных, республиканских выставок декоративно-прикладного искусства. Наиболее известными и популярными в творчестве Н.Б. Ачитаева стали настенные панно и блюда с мотивами из хакасской мифологии и народной жизни: каменные изваяния, юрты и костюмы, сцены охоты, спортивные состязания и народные игры, девушки за вышиванием, приготовление пищи и т. д. (илл.11). Художник признался однажды, что вдохновение он черпает в общении с природой, с жителями хакасских аалов, с учеными. Добрую энергию своих работ художник щедро дарит людям [6].

Так на панно «Вечерний отдых» на фоне юрты изображена хакасская девушка, занятая вышиванием затейливого узора на сапожке. Она – в кругу своей семьи. У каждого здесь есть свое любимое занятие: игра на хакасских народных инструментах – хомысе, хобырхе, чатхане; исполнение хакасских народных тахпахов. Сюжет картины заставляет помечтать о жизни или сочинить сказку.

Интересную интерпретацию получает юрта в работах дизайнеров сувенирной продукции, вне зависимости от используемого материала. Выделяются деревянные шкатулки, в которых форма юрты успешно сочетается с декором – мотивами национального орнамента (илл. 12).

Декоративное орнаментальное панно «Солнечная юрта» (илл. 13) Королевой А.А., выполненное в технике вышивки тамбуром, представляет композицию, основу которой составляет восьмиугольник – план юрты. Центр композиции оставлен свободным (как прообраз светового отверстия тюнюк, оно же дымоход), а по углам композиции располагаются мотивы коновязи (сарчын), имевшей сакральное значение. Цветовое решение панно (темный цвет для фона, желтый для центрального элемента и угловых, желтый и желто-бежево-золотистые для каждой группы мотивов) передает основную идею проекта и соотносится с названием «Солнечная юрта».

Список литературы

1. Виталий Кызласов: Графика. Избранные произведения / авт.-сост. Л.Н. Ларина. Абакан: Журналист, 1996. 45с. (Из серии альбомов «Палитра Хакасии»).
2. Владимир Феофанович Капелько. К 70-летию художника: Альбом / авторы-составители Э.А. Севастьянова, Д.А. Дмитриев. Абакан: редакционно-издательский отдел Хакасского республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2007. 60 с. (Из серии альбомов «Палитра Хакасии»).
3. Живопись Хакасии: Альбом-каталог / автор статей М.П. Чебодаева, кандидат искусствоведения, фотосъемка А.Г. Кобыльцов, М.Ф. Тутарков. СПб.: Прогресс, 2008. 240 с.
4. Картинная галерея художников Хакасии. URL: http://hakasiya19.ru/photo/31-12-0-0-2

(дата обращения: 20.05.2020).
5. Кидиекова И. Василий Суриков в Сагайской степи // Сокровища культуры Хакасии (Наследие народов Российской Федерации. Вып.10) / гл. ред. А.М. Тарунов. М.: НИИЦентр, 2008. С. 156-161.
6. Кидиекова И.К. Ачитаев Николай Борисович // Энциклопедия Республики Хакасия: в 2 т. / гл. ред. В.А. Кузьмин. Красноярск: Поликор, 2007. Т. 1: А-Н. С. 103.
7. Кидиекова И.К. Субраков Ричард Иосифович // Энциклопедия Республики Хакасия. Абакан, 2008. Т. 2. С. 163.
8. Линия жизни. Выставка. URL: https://www.liveinternet.ru/users/koralinavstranekoshmarov/post154797622 / (дата обращения: 20.05.2023).
9. Чебодаева М.П. Книжная графика Р.И. Субраков: Каталог. СПб.: Союз-дизайн, 2006. 82 с.
10. Шадрина З. Шира – сибирский курорт // Сокровища культуры Хакасии / гл. ред. А.М. Тарунов. М.:НИИЦентр, 2008. С. 220-221. (Наследие народов Российской Федерации. Вып.10).

Приложение

Илл. 1. Суриков В.И. Озеро Шира. 1909. Холст, масло

Илл. 2. Капелько В.Ф. Юрта

Илл. 3. Бурнаков М.А. Этюд с юртой

Илл. 4. Боргояков П.М. Перед дождем

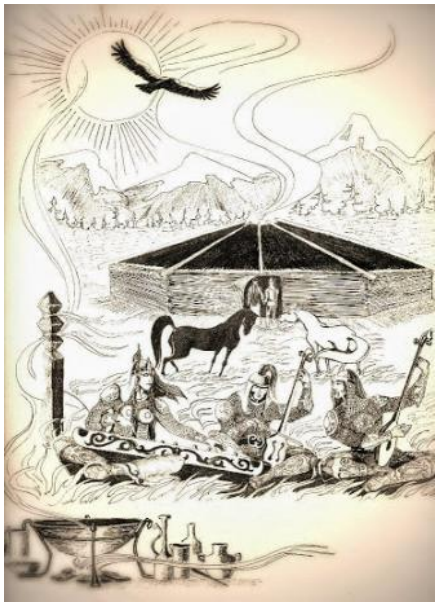
Илл. 5. Сагалаков Г.Н. Юрта

Илл. 6. Графика Р. Субракова

Илл. 7. Графика В. Кызласова.

Илл. 8. А. Топоев. Хакасский героический эпос

Илл. 9. Доможаков А.В. Ожидание. 1997

Илл. 10. Бурнаков М.К. Автопортрет. 2017

Илл. 11. Ачитаев Н.Б. Настенное панно с мотивами из хакасской народной жизни

Илл. 12. Сувенир-шкатулка «Юрта».

Илл. 13. Королева А.А. Орнаментальное панно «Солнечная юрта»

УДК 391.7(=512.1)+7.031.3(=512.1)

Женские украшения тюрков Южной Сибири: жизнь традиции в современности

Красавина Маргарита Васильевна
младший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук.
Новосибирск, Россия
marg-moskvina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-8940-5244

АННОТАЦИЯ Традиция изготовления и использования женских украшений Саяно-Алтая уходя своими корнями в культуру древних тюрок X–XII вв., существует по настоящее время и продолжает развиваться в новых социо-культурных условиях. Восстановление и дальнейшее развитие этнического костюма и комплекта аксессуаров к нему признается важной частью самобытной культуры и идентичности тюркского населения Южной Сибири. Ювелирные промыслы становятся одним из ресурсов развития региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Южная Сибирь, тюрки Алтая, женские украшения, традиции и новации.

К концу XIX в. в женском костюме тюрков Саяно-Алтая оформился устойчивый комплекс украшений, выполненные по традиционным технологиям. При всех локальных и социовозрастных различиях можно говорить о единообразном ювелирном комплексе алтайцев, шорцев, хакасов и тувинцев, населяющих Саяно-Алтай. Наибольшее внимание в нем уделялось зоне головы – разнообразным (в зависимости от возраста владелицы) набором накосных украшений и серьгам. У хакасов этот набор дополнялся височными подвесками («улуг ызырга»), по сути дублирующими серьги. Ожерелья, бусы и подвески были особенно распространенные у народов Северного Алтая (кумандинцев, тубаларов и челканцев) и шорцев. У хакасов и тедеутов зона груди и пазушного разреза платья декорировались нагрудниками (хакасским «пого» и телеутским «тошток»). В хакасском наборе также использовались крупные серебряные кресты на массивных цепочках. К украшениям зоны шеи и груди также относились пуговицы: у хакасов – крупная плоская перламутровая («тана»), а у телеутов – металлические сферической формы с петелькой.

На руках женщины носили браслеты и кольца. На матерчатом поясе, контрастном по отношению к остальному костюму, располагались металлические подвесные пряжки и разнообразные привески к ним (характерны для костюма алтай-кижи, теленгитов и тувинцев).

Состав и качество украшений отражали социальные и возрастные различия их владелиц. Различались украшения девочек, девушек на выданье, невест, замужних женщин и старух, украшения богатых и бедных.

Первые в жизни украшения имели универсальный характер: наспинное украшение алтайцев «шалтрак», собранное из бусин и раковин каури, подаренных при рождении ребенку, с прикрепленным мешочком с пуповиной «кин», носили до 10–12 лет. Далее комплекс варьировался в зависимости от возраста и социального статуса. Наиболее ярко это проявилось в традиционных прическах и украшениях волос. Девичьи прически отличались многокосьем; накосники были простыми и минималистичными. Девочки носили маленькие серьги-колечки.

Изменение набора украшений начиналось накануне замужества. По мере приближения к свадьбе увеличивалось число кос в прическе (оно должно было быть обязательно нечетным), усложнялись накосные украшения («шанкы» – алтайцы; «нанчи», «тана поос» – хаасы; «чач пууш» – телеуты). После сватовства в комплекте украшений появлялись массивные серьги с множеством привесок («салманчык» – алайцы, телеуты; «ызырга» – хакасы, шорцы).

Во время свадьбы происходила смена девичьего комплекта украшений на женский. Волосы переплетались на две косы, к концам которых крепили женские украшения («тулун», «тана» – алтайцы, теленгиты). После замужества женщины начинали носить характерную безрукавку – «чегедек» и нагрудные украшения («пого» – хакасы, «тошток» – телеуты), а также браслеты и кольца. После рождения детей, на Алтае к женским поясным пряжкам «пель» прикреплялись мешочки «кин» с пуповинами детей.

К старости комплект женских украшений редуцировался, обозначая потерю фертильных возможностей. Можно говорить, что он снова стремится к детскому «бесполому» варианту. Украшения волос минимизируются, в ушах остаются простые серьги-колечки, снимаются нагрудники [2].

Каждый из комплексов украшений имел конкретное значение. Например, серьги считались женским символом. У алтайцев считалось, что женщина непременно должна носить кольца, серьги и бусы, чтобы дети были «при себе» [4, с. 174-175]. В шорском эпосе был известен сюжет магического превращение народа скота и в серьги [1, с. 111; 4, с. 173]. Таким образом, самое дорогое в жизни тюрков Саяно-Алтая – дети, свой народ, скот – отождествлялось с украшениями.

Комплекс женских украшений в традиционной культуре тюрков народов Саяно-Алтая представлял собой целостное явление, соотнесенное с этическими ценностями и мировоззренческими канонами.

Изменения костюма тесно было тесно связано с социокультурными трансформациями. В начале XX в. традиционные одежда и украшения тюрков Саяно-Алтая были вытеснены из повседневной жизни. Начиная с 1980-х гг. в рамках программ по поддержке и развитию народных промыслов и искусства, предпринимались попытки их восстановления. На Алтае импульс к развитию этой сферы был связан с организацией республиканского праздника Эл Ойын в 1988 г. Сходные процессы шли в Хакасии и Тыве. На протяжении 1990–2000-х гг. осуществлялся поиск оптимального синтеза традиций и новаций в символизации этничности [3, с. 105]. Этнический костюм стал важным элементом культурной идентичности коренного населения региона.

В начале XXI в. можно говорить, что комплекс женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая продолжает трансформироваться. Мастера много работают со стилизацией и авторскими импровизациями, прислушиваются к пожеланиям заказчика. Сохраняются традиционные формы и разрабатываются новые вариации украшений с использованием новых материалов и технологий.

Женские этнические украшения развиваются по мотивам традиционных в стилизованных формах, приспособленных к реальности. В Хакасии отмечается влияние якутской ювелирной школы. В Тыве и на Алтае активно идет процесс воссановления и адаптации к современности технологий литья и чеканки с ориентацией на археологический скифо-сибирский стиль; изготавливаются реплики археологических находок, традиционные украшения со скифскими сюжетами. Наблюдается большее разнообразие форм, материалов, в том числе нехарактерных для традиционных украшений (например, плетение из бисера и пр.). Современные женские украшения тюркских народов Саяно-Алтая развиваются в сложном переплетении традиций и новаций.

За украшениями сохраняется защитная, репродуктивная и благопожелательная функции. Комментируя их символику, современные мастера обращаются к теме женского счастья. Одним из вариантов использования украшений становится их превращение в обереги дома. Они используются как универсальные пожелания удачи, здоровья, семейного благополучия. Женские украшения, задействованные в празднично-обрядовых практиках как элементы престижного костюма, выступают маркерами этнической идентичности. В связи с актуализацией этнической составляющей наблюдается процесс восстановление и популяризации этнокостюма и украшений тюркских народов Саяно-Алтая как в официальных, презентационных практиках, так и в повседневной жизни с опорой на традицию для сохранения ее для будущих поколений.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI вв.».

Список литературы

1. Михайлова Е.А. Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. Сб. МАЭ. Т. LI. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 12-120.
2. Москвина М.В. Статусный символизм традиционных женских украшений тюркских народов Саяно-Алтая // Гуманитарные науки в Сибири. №3, 2013. С. 83-86.
3. Павлова Е.Ю. Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России (конец XIX – начало XXI века). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 276 с.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск: Наука, 1988. 225 с.

УДК 391.7(=512.1)+7.031.3(=512.1)

Мастера по металлу современной Тувы

Куулар Сонамаа Николаевна
Центр развития тувинской традиционной культуры
и ремесел им. К.Б. Ондара.
Кызыл, Россия.
s.kuular@gmail.com

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию творчества ведущих тувинских мастеров по металлу – дарганов. В современной Туве кузнечное ремесло сохраняется в тех районах, где есть спрос на изготовление конской упряжи и подков. В г. Кызыле работают ювелиры, изделия которых пользуются спросом среди местного населения и есть туристический поток. Автором рассмотрены биографии мастеров и особенности их изделий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Дарган, кузнец, кузнечное ремесло, мастера Тувы.

Кузнечное ремесло народов Сибири и Дальнего Востока рассмотрено в работах А.А. Бадмаева [1], Н.М. Зинякова [4]. Изучением кузнечного ремесла тувинцев занимались такие ученые как С.И. Вайнштейн [2], Я.И. Сунчугашев [5], С.М. Орус-оол [8]. Составить общую картину развития металлообработки и кузнечного ремесла в исторической перспективе можно благодаря совместной работе С.И. Вайнштейна и М.Х. Маннай-оола по истории Тувы [6].

В одной из главных работ по истории искусства и народно-художественных промыслов тувинцев - «История народного искусства» С.И. Вайнштейна – есть строки, которые цитируются всеми специалистами, кто занимается изучением кузнечного мастерства: «Когда кузнец за работой, а в юрту входит чиновник, мастер не должен отрываться от работы для его приветствия: работа кузнеца старше» [2, с. 81]. Одной только этой строчкой можно кратко охарактеризовать, какую роль занимало кузнечное ремесло и фигура кузнеца в традиционной тувинской культуре.

В исторической ретроспективе развитие кузнечного дела имело свои особенности в силу специфики кочевого скотоводческого хозяйства тувинцев, со свойственными ему средствами производства, способами организации и ведения хозяйственной деятельности. Железо широко применялось для предметов вооружения, ведь умение выплавлять железо и выделывать из него оружие и военные доспехи давало большие преимущества [6, с. 91-93]. В XIX – начале XX в. обработка металла была особенно развита у западных тувинцев в долине р. Хемчик.

В фольклоре тувинцев, особенно в произведениях героического эпоса, так или иначе присутствуют упоминания если не о самих кузнецов, то об их изделиях, среди которых оружие, воинское, конское снаряжение. Получение воинского снаряжения и приобретение коня это один из важных этапов в процессе роста эпического героя. Без этих вещей, герой так и оставался бы в состоянии детства.

Начиная с середины XX в. образ жизни тувинского народа претерпел значительные изменения. За эти годы выросло поколение, которое было оторвано от традиционного уклада жизни. Из тех мастеров, кто в настоящее время еще продолжает работу по изготовлению изделий из металла, большая часть работает в Кызыле, т.к. здесь есть больше возможностей для развития. Есть мастера в Моңгун-Тайгинском, Улуг-Хемском, Барыын-Хемчикском, Дзун-Хемчикском, Улуг-Хемском, Сут-Хольском кожуунах.

По словам самих мастеров, в нынешнее время кузнечное ремесло сохраняется в тех районах республики, где есть спрос на изготовление конской упряжи и подков. На март 2023 г. в Республике Тыва по данным Центра тувинской культуры (далее – ГБУ ЦРТТКР) было известно о 39 мастерах кузнечного дела. В данной статье мы остановимся лишь на ведущих мастерах, кто своей работой вносит значительный вклад в историю художественного металла в современной Туве.

Среди них, без сомнения, главное место занимает Кочаа Сергей Хомушкуевич (1953-2018), мастер, камнерез, мастер кузнечного дела, прикладник, член Союза художников России, лауреат премии Ленинского комсомола Тувы, заслуженный художник Тувы. Родился С.Х. Кочаа 3 апреля 1953 г. в с. Булун-Терек Улуг-Хемского района Тувинской АССР, затем его семья переехала в село Кызыл-Даг Бай-Тайгинского района. Со школьных лет посещал художественный кружок. В 1980-е гг. был одним из тех, кто стоял во главе дела возрождения ювелирного искусства в Туве, пройдя обучение у мастера ювелирных дел «даргана» Шыдыраа Ооржака, который владел секретами искусства литья, чеканки, инкрустации и других традиционных способов художественной обработки металла.

Еще один Народный мастер Республики Тыва, мастер кузнечного дела Сат Кенин Кудуш-оолович. Родился 23.02.1967 г. в с. Хайыракан, Дзун-Хемчикского района Тувинской АССР. Старший из 7 детей. Бабушка по отцовской линии Көк-Кадай шила традиционную одежду. С самого детства будущий мастер проводил с ней много времени, смотрел, как она работает, помогал ей. Ему было намного интереснее смотреть за ее работой, чем играть со своими сверстниками. Дедушка по отцовской линии Бызан был мастером по работе с деревом. Родственники по материнской линии также были мастерами, изготавливали конское снаряжение. Когда Кенин Кудуш-оолович еще был мальчишкой, в с. Хайыракан было около 7-8 кузнецов, за чьей работой местные ребятишки наблюдали практически каждый день. С 1994 г. Кенин Кудуш-оолович начал и сам пробовать мастерить изделия из металла. Постепенно, методом проб и ошибок он отточил свое мастерство.

Ювелирные изделия широко представлены в работах Олчея Айбеса Сергеевича ювелира, камнереза, мастера декоративно-прикладного искусства. Айбес Сергеевич родился 14 июня 1979 г. в с. Барлык Барун-Хемчикского района в семье художника. Свой творческий путь, как и многие тувинские мастера, начал с камнерезного искусства. Многие отмечают, что особенность его творчества проявилась благодаря стажировке в г. Якутске, где он решил освоить ювелирное дело в 2008 г. За время стажировки он освоил основные современные техники по художественной обработке металла и познакомился с традиционным и современным ювелирным искусством якутов. В 2010 г. вернулся в Туву, открыл свою мастерскую в Кызыле и приступил к изготовлению авторских ювелирных изделий, сочетая лучшее различных школ [7].

Еще один мастер, который специализируется на ювелирных изделиях, Никулина (Карыма) Венера Копеековна, мастер-ювелир, преподаватель Кызылского колледжа искусств. Родилась 20 февраля 1974 г. в с. Аксы-Барлык Барун-Хемчикского района Тувинской АССР. Окончила Торжокское золотошвейное училище в Тверской области, где издавна существовала сильная школа по художественной вышивке в России. Также окончила Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова по специальности «Декоративно-прикладное искусство и народные промыслы». Именно здесь она освоила основы художественной обработки металла. Проучившись в Абакане, Венера Никулина решила серьезно освоить ювелирное дело. Так, она поступила в Красносельское училище художественной обработки металлов Костромской области, где уже на протяжении ста лет готовят специалистов по ювелирному делу для крупных ювелирных заводов и частных компаний. После окончания училища в 2006 г. для закрепления теоретических и практических навыков,

осталась работать в мастерской данного учебного заведения, где на протяжении года оттачивала свое мастерство в ювелирном деле. На первоначальном этапе своего творчества работала в рамках традиционного тувинского ювелирного искусства, скрупулезно изучив семантику тувинской орнаментики. Как и мастера прошлого, она создает серебряные украшения с инкрустацией кораллами, нефритом, бирюзой. При этом ювелир активно внедряет другие камни, добавляя жемчуг, фианит, яшму и др. Прекрасно владеет гравировкой, штамповкой, насечкой, филигранью, техникой скани.

Переходя к работам мастеров, отметим, что среди работ кузнецов важное место занимает нож. Тувинские ножи имеют стальной клинок, процесс изготовления которого описал в своей работе В. К. Даржа: «… На первом этапе заготовку тщательно и подолгу отковывали в пластины, многократно сгибая и нагревая в древесных лиственничных углях. После придания им формы клинка заготовки закапывали в свежий овечий навоз – *өдек*... при появлении заказа, кузнец доставал заготовку, доводил ковкой до окончательного вида и обмазывал весь клинок, кроме полосы лезвия, шириной примерно 1 см, обычной глиной, после сушки глины проводилась закалка... Готовое изделие нагревали до ярко-оранжевого цвета и опускали вертикально вниз в выпаренную конскую мочу...» [3, с. 12]. В коллекции Национального музея им. Алдан-Маадыр имеется нож в ножнах с пряжкой, изготовленный С. Х. Кочаа (рис.1). Клинок изготовлен из высокоуглеродной стали. Пластины ножа украшены небольшими орнаментами в виде двух завитков и полукруга. Начало и конец рукояти одеты в латунные овальные трубки длиной до 2 см, верхняя, как и в ножнах, украшена завитками и четырехлепестковым цветком.

Рисунок 1. Нож в ножнах с пряжкой (бижек)
Работа Кочаа С.Х., 1986
21,8×3,5 см
Металл, дерево; ковка; гравировка, резьба
Коллекция Национального музея
им. Алдан-Маадыр

Рисунок 2. Нож в ножнах с пряжкой (бижек).
Работа Сат К.К.
Металл, серебро, чеканка, литье
Фото из личного архива Сат К.К.

Еще один пример тувинского ножа – это работа К.К. Сата (рис. 2). Клинок у изделия также сделан из стали. Рукоять мастер украсил симметричным растительным

орнаментом, по краям которого меандр – «*алага хээ*». На подвесной бляхе изображены 2 дракона. Образ дракона ярко выражен в тувинском фольклоре. Он присутствует в героическом эпосе, мифологии и сказках. Дракон, по-тувински Улу, в фольклоре считается и почитается как житель Верхнего мира. Ножны изготавливаются из различных материалов. Чаще используется дерево мягких пород – кедра и тополя.

Особо трепетно относятся тувинцы к конской упряжи. Почти все ее элементы упоминаются в народных сказаниях и песнях. В работе К.К Сата (рис. 3) мы видим в украшениях конской узды изображение хищника из семейства кошачьих. Можно говорить о воспроизведении в современном искусстве традиций звериного стиля. Данная работа содержит в себе и буддийские знаки в виде слона и свастики (тув. хас) с геометрическим орнаментом меандр по краю бляхи. Свастика (хас) – древний солярный знак, указатель видимого движения Солнца вокруг Земли и деления года на четыре сезона. Слон – символ духовного знания и стабильности.

Рисунок 3. Недоуздок с уздечкой (чүген, чулар)
Работа Сат К.К.
Серебро; литье, чеканка, гравировка
Фото из личного архива Сат К.К.

Рисунок 4. Таган (ожук)
Работа Сат К.К.
Высота – 60 см, диаметр – 50 см.
Железо, латунь; литье, чеканка, гравировка
Фото из личного архива Сат К.К.

Кроме оружия, изделий конного снаряжения кузнецы изготовляют предметы домашнего обихода и орудия труда. Но то, что раньше было жизненной необходимостью в настоящее время выступает как элемент декора или часть экспозиции в музеях. К примеру, таган – ожук. Кованый таган генетически восходит к бронзовым литым или железным кованым котлам на ножках. Огонь домашнего очага осмыслялся в мужском образе. К.К. Сат в своей работе (рис. 4) сделал железные ободы и ножки, украшенные чеканным пояском по подобию таганов начала XX в. Стержни-упоры для установки котла заканчиваются коваными головками баранов. Баран (как и скот вообще) – символ богатства и плодородия. Изображения других животных для украшения тувинцами не применяются. Возможно, некоторые «звериные» мотивы в декоре восходят к скифо-сибирскому стилю, претерпевшему значительные

модификации. Данная работа выполнена исключительно как экспонат, поэтому имеет скорее декоративный характер.

Рисунок 5. Табакерка (хөөрге), украшенная фигурой свернувшейся пантеры
Работа Сат К.К. 2009
Серебро, чеканка
Фото из личного архива Сат К.К.

Рисунок 6. Табакерка (хөөрге), украшенная бесконечной нитью счастья – өлчей удазыны
Работа Сат К.К. 2009
Серебро, чеканка
Фото из личного архива Сат К.К.

В последние годы как часть традиционного этикета возрождается обычай использования и подношения нюхательного табака думчук таакпызы. Его держат в специальных табакерках – хөөрге. Табакерка хөөрге представляет собой маленький изящный флакон, закрытый пробкой, с лопаточкой внутри, с которой потягивают табак. Знак особой учтивости у тувинцев – протянуть при встрече свою табакерку. Ее нужно принять и подержать в руках в знак признательности и ответного приветствия. Табакерку держали за голенищем правого сапога или же за поясом. Раньше их изготавливали из серебра, слоновой кости, фарфора, нефрита, украшали драгоценными камнями и эмалью. Пробки табакерок имеют ложечку для доставания табака. Цена одной табакерки могла равняться цене одной особи крупного рогатого скота.

На рис. 5 и 6 мы видим табакерки хөөрге, изготовленные мастером К.К. Сатом. В первом варианте мастер украсил табакерку фигурой свернувшейся пантеры из скифского кургана Аржан-I. Застывшая в вечном движении пантера, является символом силы и мощи, образа вечного движения, олицетворяющий вечный процесс перерождения бытия. Вторая работа украшена бесконечной нитью счастья өлчей удазыны (узел счастья или узел бесконечности), символ взаимозависимости всех явлений и живых существ во Вселенной.

Рисунок 7. Табакерка (хөөрге)
Работа Өлчей А.С., 2022
Металл, серебро, литье, инкрустация
Фото из архива ГБУ ЦРТТКР

На рис. 7 табакерка в исполнении А.С. Олчея. Центральное украшение табакерки – символ из буддизма, возможно, изображающий Колесо Дхармачакра, представляющий буддийский восьмеричный путь. По бокам табакерки мы видим изображение льва, по-тувински арзылаң. Образ арзылаңа является воплощением мощи и силы. Несомненно, большое влияние на традиции изображения льва оказала китайская традиция. Вокруг крышки табакерки разновидность роговидного мотива *кошкар угулза* – узор древних кочевников-тувинцев, связанный со скотоводческим хозяйством, символ благополучия, богатства, достатка.

Женские украшения в работах А.С. *Олчея* представлены сережками с колокольчиками. Первая работа сделана из серебра с фианитом (рис. 8), вторая – серебро и гранат (рис. 9). Традиционно тувинские сережки украшаются буддийскими символами или зооморфными орнаментами, что мы и видим на представленных работах.

Рисунок 8. Серьги (сыргалар)
Работа Өлчей А.С.
Серебро, фианит; литье, чеканка, ковка, филигрань
Фото из архива ГБУ ЦРТТКР

Рисунок 9. Серьги (сыргалар)
Работа Өлчей А.С.
Серебро, гранат; литье, чеканка, ковка, филигрань
Фото из архива ГБУ ЦРТТКР

Из работ Никулиной В.К. (рис. 10) представлен набор женских украшений – накосное украшение чавага для замужних женщин и гребни, с симметричным геометрическим и растительным орнаментом. Серьги выполнены наподобие традиционных женских ювелирных украшений – с колокольчиками. На рис. 11 огниво – оттук, с симметричным геометрическим орнаментом.

Рисунок 10. Набор женских украшений: серьги (сыргалар), гребни (баш шүүрү), женское накосное украшение замужних женщин (чавага)
Работа Никулина В.К.
Фото из личного архива Никулиной В.К.

Рисунок 11. Огниво (оттук) и подвесная бляха (дерги), соединенные цепочкой
Работа Никулина В.К.
Фото из личного архива Никулиной В.К.

Если смотреть на орнамент, то для Южной Сибири, и Тувы в том числе, характерны мотивы, которые традиционно относят к геометрическим и растительным. Также большое распространение получили мотивы, происходящие из

Монголии, Юго-Восточной Азии, Китая, а также буддийские символы: различные модификации «бесконечного узла», меандра и другие. Также встречаются антропо- и зооморфные мотивы. В технике широко распространены литье, чеканка и гравировка, что позволяет создавать предметы с высоким рельефом [9, с. 202-213].

В общей картине творчество мастеров по металлу современной Тувы отражаются скифские, буддийские мотивы, что выступает как естественный результат исторического развития традиционной культуры. На сегодняшний день увеличиваются заказы на традиционные ножи, женские украшения, предметы быта. А преобладание серебра в качестве материала обусловлено тем, что в мировоззрении тувинцев он относится к одному из Девяти сокровищ народа, которые имеют как сакральные, так и оберегательное значение.

В статье были представлены лишь ведущие мастера Тувы по металлу, чье творчество без сомнения уже оставило след в культуре народа.

Список литературы

1. Бадмаев А.А. Ремесла агинских бурят (к проблеме этнокультурных контактов). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 1997. 160 с.
2. Вайнштейн С.И. История народного искусства Тувы. Издательство «Наука». М., 1974. 224 с.
3. Даржа В.К. Традиционные мужские занятия тувинцев. Т. 1: Хозяйство. Охота. Рыбалка. Кызыл: Тувинское книжное изд-во, 2009. 589 с.
4. Зиняков Н.М. История черной металлургии и кузнечного ремесла древнего Алтая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 276 с.
5. Сунчугашев Я.И. Горное дело и выплавка металлов в Древней Туве. М.: Издательство «Наука», 1969. 140 с.
6. История Тувы: В 2 т. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. / под общ. ред. С.И. Вайнштейна, М.Х. Маннай-оола. Новосибирск: Наука, 2001. 363 с.
7. Айжы Ж.Э., Нан-Хоо Я.А. Скифские сюжеты и мотивы в традиционном и современном ювелирном искусстве Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. №1.
8. Орус-оол С. М. Традиционное кузнечное производство в тувинском фольклоре // АйыыТаңара и кузнечный культ в тенгрианстве: Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «АйыыТаңара и кузнечный культ в тенгрианстве». С. 131-147.
9. Ткаченко И.Д. Декор в торевтике тюрко- и монголоязычных народов Южной Сибири и Центральной Азии // Орнаментика предметов народной культуры. СПб.: «Славия», 2022. С. 202-213

УДК 7.067

Изучение музыкальной культуры народов Хакасии как важный компонент современного полихудожественного образования

Ламанская Нина Борисовна
кандидат исторических наук, доцент.
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
кафедра филологии и искусств.
Абакан, Республика Хакасия.
Nina-van@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-8429-3721

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается музыкальная культура народов Хакасии, которая является чрезвычайно важным компонентом современного образования. Показываются исследователи, обогатившие историографию музыкальной культуры Республики Хакасии и расширившие возможности с позиции науки совершенствовать музыкальную практику. Отмечаются заслуги выдающихся фольклористов, композиторов, внесших значительный вклад в исследование музыкального песенного творчества хакасов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Духовная культура хакасского народа, музыкальная культура народов Хакасии, исторический и этнографический аспект.

Республика Хакасия географически расположена в уникальном регионе России – в Хакасско-Минусинской котловине. Издревле на этой территории Сибири, омываемой могучим Енисеем, проживали многие народы. Одной из главных достопримечательностей современной Республики Хакасия является ее богатейшее историко-культурное наследие. Исследование этого самобытного наследия особенно актуально в эпоху глобализации. Его значение трудно переоценить, так как культура и искусство формируют пространство общенационального диалога России.

В этом контексте изучение музыкальной культуры народов Хакасии является чрезвычайно важным компонентом современного образования, развивающегося в условиях многонационального и поликультурного социума. При этом на современном этапе очень важно показать воспитательный потенциал традиционной народной художественной культуры. Его следует использовать в воспитании таких качеств, как милосердие, уважение к культуре и традициям народов мира и т.д.

Выявление истоков становления и развития музыкальной культуры хакасов, изучение процесса ее взаимного обогащения с русской музыкальной культурой содействует значительному повышению общекультурного уровня народов, проживающих на территории Хакасии. Немаловажное значение имеет тот факт, что в процессе исследований могут раскрыться характерные особенности профессионального музыкального искусства хакасского народа [1, с. 3].

Своеобразие музыкальной культуры хакасов издавна привлекало внимание ученых. Но Систематически записываться музыкальное творчество хакасов стало только в советское время. первая запись хакасских песен была осуществлена в 1930-е гг. В 1930-е гг. собиранием хакасских алыптых-нымахов и сказок занималась этнограф, тюрколог-лингвист, фольклорист Н.П. Дыренкова. В 1940–1950-е гг. стали записываться инструментальные наигрыши – коглери, проводиться исследования коротких песен «тахпахов», изучаться хакасские героические сказания. В это время началось исследование особенностей хакасского эпоса.

Трудно переоценить заслуги А.А. Кенеля выдающегося фольклориста, композитора, внесшего значительный вклад в исследование музыкального песенного творчества хакасов. В своих научных работах он отмечает природную музыкальность хакасов и склонность к эпической поэзии [1; 2]. Исследователь констатирует наличие у хакасов традиционных музыкальных форм с преобладанием импровизации и вокализации без аккомпанемента. Позднее, к двенадцатому веку появились и пользовались большой популярностью музыкальные инструменты, такие как: хомыс, сыылас, ыых, туур, пыргы, сымысхы.

По результатам своих исследований А.А. Кенель издал несколько сборников, особо значимым из которых стал сборник «Хакас чонынын коглеры», что в переводе означает «Музыкальное творчество хакасов». Это сборник насчитывает 96 фольклорных произведений различных по своему характеру. Автор проделал серьезную работу по дифференцированию их по жанровым признакам: обрядовые (свадебные), плачи, песни трудовые и социального протеста, современные песни, с переводом на русский язык и комментариями.

Исследователь записал инструментальные наигрыши и отметил, что в некоторых случаях старинные тексты накладываются на современные мелодии, а также встречается заимствование из стихов хакасских поэтов. Всесторонне исследуя историю создания песен, А.А. Кенель выявил определенную историческую закономерность в создании песен, которая часто связана с конкретными событиями и зафиксировал областную принадлежность песен качинцев, кызыльцев, сагайцев, бельтиров, койбалов, шорцев.

Традиции записей музыкального народного творчества хакасов продолжает А. К. Стоянов. Совершив экспедиции в труднодоступные местности, он расширил географические границы изучения музыки, выйдя за пределы Хакасии. Им написаны научные статьи о музыкальном фольклоре народов Сибири, о струнных и духовых инструментах Хакасии. Отдельный интерес представляют исследования хая и чатхана, их роли в эпическом сказительстве хакасских хайджи [6-10].

Повышенный интерес к творческой деятельности народных певцов – хайджи отмечался в период с 1960 по 1982 гг., когда появилась целая серия публикации о песенном творчестве сказителей и их исполнительстве на чатхане. Значительный материал содержат работы В.Е. Майногашевой [4-5], И.Ф. Кокова, Т.Г. Тачеевой [11], М.А Унгвицкой [12-13] и Р.А. Шерхунаева [14]. Представляют интерес материалы фольклорных экспедиций студентов, аспирантов, научных сотрудников Новосибирской консерватории, работающих в районах Хакасской автономной области.

Эти и другие исследования обогащают представления о музыкальной культуре Хакасии; расширяют возможности преподавания и обеспечивают совершенствование музыкальных практик. Продолжение научных изысканий в области традиционной хакасской музыки и инноваций в этой сфере определяют перспективы современного полихудожественного образования в республике, в Сибири и в России в целом.

Список литературы

1. Кенель А.А. Музыкальное творчество хакасов. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1955. 132 с.
2. Кенель А.А. Народное музыкальное творчество хакасов / К 25-летию Хакасской автономной области. Абакан: Хакасское книжное издательство, 1955. 144 с.
3. Кондратова Н.Н., Крупин Д.Н. История музыкальной культуры Хакасии (ее взаимодействие и взаимообогащение с русской музыкальной культурой). Абакан: Изд-во ХРИПК и ПРО «Роса», 2000. 108 с.
4. Майногашева В.Е. Хакасские сказители и певцы: очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2000. 104 с.

5. Майногашева В.Е. Хакасский героический эпос алыптыг нымах: поиски исторических реалий и периодизация (избранные труды). Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2015. 228 с.
6. Стоянов А.К. О хакасском чатхане. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1996. 52 с.
7. Стоянов А.К. Об изучении бытования чатхана в практике хакасских хайджи // Чатхан: история и современность: материалы III Международного симпозиума. Абакан, 2007. С. 31-35.
8. Стоянов А.К. Описание хакасских народных музыкальных инструментов. Экспонаты Первой и Второй областных выставок / Хакасский областной НМЦ народного творчества и культурно-просветительской работы. Абакан, 1985. 42 с.
9. Стоянов А. К. Роль хая и чатхана в эпическом сказительстве хакасов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. Том 8, выпуск 5: Археология и этнография. 2009. № 5. С. 284-292.
10. Стоянов А.К. Чатхан у хакасов: историко-этнографическое обозрение // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. Том 7, выпуск 3: Археология и этнография. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/chathan-u-hakasov-istoriko-etnograficheskoe-obozrenie (дата обращения 11.03.2022).
11. Тачеева Т.Г. Хакасский хайджи Кадышев С. П. (К 80-летию со дня рождения) // Ученые записки. ХакНИИЯЛИ. Вып. XI. Абакан, 1965. 217 с.
12. Унгвицкая М.А. Памятники енисейской письменности и песенный фольклор хакасов // Советская тюркология. Баку, 1971. №5. С. 61-72.
13. Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан, 1972. 311с.
14. Шерхунаев Р.А. Семен Кадышев – народный певец Хакасии // Проблемы хакасского фольклора. Абакан, 1982. С.42-59.

УДК351.855; 351.858

О деятельности Центра развития тувинской традиционной культуры и ремесел в деле сохранения и развития культурного наследия тувинского народа

Ондар Менги Васильевна
кандидат филологических наук.
Центр развития тувинской традиционной культуры
и ремесел им. К.Б. Ондара.
Кызыл, Россия.
mengi89@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-8270-7071

АННОТАЦИЯ В настоящей работе описывается деятельность Государственного бюджетного учреждения «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел» в деле сохранения, развития и актуализации культурного наследия тувинского народа. Дается информация о системе работы учреждения, которая предполагает разработку комплекса мероприятий, благодаря которым возрождаются многие объекты традиционной культуры тувинцев. Автор данной работы уверена в том, что именно указанное учреждение благотворно влияет на традиционное мировоззрение жителей Тувы и что работа Центра способствует формированию национального духа и духовного стержня народа, которые играют особую роль в развитии духовной и материальной культуры тувинского народа в условиях современности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Центр тувинской культуры, традиционная культура, культурное наследие, нематериальное культурное наследие, структура учреждения.

В 2012 г. в культурной жизни Тувы произошло знаменательное событие – состоялось официальное открытие Государственного учреждения «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел» в соответствии с Постановлением Правительства Республики Тыва от 06 октября 2008 г. № 584 «О создании государственного учреждения "Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел"» (далее – Постановление).

В содержании Постановления имеется следующая формулировка: «в целях сохранения и популяризации культурных традиций, обычаев и музыкального исполнительского мастерства тувинского народа, поддержки мастеров этнической культуры» [1], благодаря которой становится известно то, с какой целью был создан Центр. А в соответствии с Уставом Центра на сегодняшний день основными его целями и задачами являются:

– создание условий для возрождения, сохранения, развития и популяризации объектов материального и нематериального культурного наследия тувинского народа;

– сохранение и развитие народного художественного творчества, декоративно-прикладного искусства, народно-художественных промыслов, национальной кухни, одежды, игр, обычаев и обрядов, устного и музыкального фольклора тувинского народа;

– обеспечение преемственности в работе по сохранению и развитию историко-культурного наследия тувинского народа;

– удовлетворение потребностей и запросов населения в сфере рекреации и досуга;

– сбор, подготовка и выпуск произведений писателей, народных знатоков, хранителей обычаев и обрядов;

– составление государственногореестра уникальных памятников древней письменности, биосферных и других заповедников Республики Тыва и привлечение к их изучению и охране научный потенциал республики [2, с. 3-4].

Для эффективной организации деятельности разработана структура организации. В целях анализа и изучения тувинской традиционной культуры в 2017 г. Центр открыл научно-прикладной отдел, сотрудники которого работают над изучением, документированием, систематизаций объектов материального и нематериального культурного наследия тувинцев. Одной из главных задач работы данного отдела является разработка комплекса мероприятий, направленных на возрождение и развитие утраченных традиций тувинцев. Здесь в качестве примера можно обозначить состязания по стрельбе из традиционного лука. Совместно с мастерами были изучены и восстановлены правила соревнований, описаны технологии изготовления традиционного лука, проведены обучающие курсы по программе «Технология изготовления тувинского традиционного лука» и т.д. Этот комплекс мероприятий позволил данному виду национальных игр адаптироваться на территории республики. На сегодняшний день количество лучников по всей республике составляет около 140 мужчин и женщин (по данным прошлогоднего национального праздника животноводов «Наадым – 2022»).

Для сохранения материального и нематериального культурного наследия Центром реализуется проект, в рамках которого осуществляется работа по выявлению, сохранению и популяризации объектов нематериального культурного наследия тувинского народа. Для выявления объектов нематериального культурного наследия (НКН) Республики Тыва при Центре был создан научно-методический совет, в состав которого входят педагоги, носители традиционной культуры и ученые. В 2017 г. Центр начал работу по координации деятельности по выявлению и описанию объектов нематериального культурного наследия, а также по обеспечению процесса научно-методическими мероприятиями.

В 2008 г. была создана «Служба по охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) Республики Тыва» во главе с У.П. Бичелдей, основными направлениями деятельности которой стали: «выявление, анализ и изучение археологических, этнографических материалов и других источников, свидетельствующих о самобытной культуре племен, населявших Туву в разные периоды и истории; постановка на учет и составление учетной документации памятников истории и культуры на территории республики» [3, с. 84].

При поддержке Центра был создан проект Каталога объектов НКН республики, содержание которого определил Закон РТ от 17 января 2013 г. № 1770 ВХ-I «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва». Работа по систематизации, описанию и разработке паспортов объектов НКН и по их научному обоснованию не проводилась до того момента, пока Центр возложил на себя такую ответственность. В 2022 г. по решению министра культуры Республики Тыва координация этой деятельностью была возложена Государственное бюджетное учреждение «Республиканский центр народного творчества и досуга» (далее – РЦНТД), являющееся подведомственным учреждением министерства культуры региона.

На оценку наследия ориентирован учебно-методический отдел Центра, основной целью работы которого является сохранение преемственности и развития объектов тувинской традиционной культуры посредством осуществления дополнительного образования детей и взрослых и дополнительного профессионального образования. Лицензия на право осуществления дополнительного образования была получена в 2017 г., а в 2019 г. она была переоформлена в связи с тем, что Центр получил право на осуществление и профессионального обучения. На основании лицензии впервые в Туве в 2019 г. методистами Центра были реализованы Курсы профессионального

обучения по программе «Педагог дополнительного образования (хоомейжи)». Необходимость разработки данной программы была вызвана тем, что в республике до этого момента отсутствовала подготовка руководителей кружков и занятий по хоомею в образовательных и культурно-досуговых учреждениях с соответствующими свидетельствами на право преподавания хоомея для детей и взрослых.

Хоомей – горловое пение тувинцев, музыкальный феномен, который передавался от поколения к поколению стал особенно популярным с 1990-х гг. Были созданы условия для его популяризации. Однако преподавателями были люди без соответствующей квалификации. Центром же были организованы курсы, благодаря которым 18 педагогов получили свидетельства о приобретении специальных навыков и методов по обучению хоомею детей и взрослых.

Для реализации учебного процесса для детей и взрослых в Центре тувинской культуры используется принцип этнокультурной коннотации, разработанный известным ученым А.Б. Панькиным. Так, образовательная деятельность учреждения создает необходимые условия для сохранения, развития и внедрения в практику элементов / объектов тувинской традиционной культуры среди жителей республики всех категорий.

В соответствии с целями Центра одним из особо важных направлений его деятельности считается выявление и поддержка мастеров, которые занимаются исконно тувинскими традиционными художественными промыслами. Таких мастеров по всей республике насчитываются от 600 до 800 человек. Сложность в данной работе вызывает отсутствие в республике точной картины по разграничению понятий «сувенирная продукция», «традиционная технология», «бизнес индустрия в области НХП и ДПИ» и др. понятий, которые относятся к разным аспектам: от экономических до научно-исследовательских. Здесь Центр позиционирует себя как учреждение, которое занимается вопросами обеспечениясловий по сохранению, развитию, возрождению, внедрению в практику традиционных технологий, а также выявлению новых мастеров и их моральной поддержке (а не финансовой). Для этого Центром проводится комплекс мероприятий разного характера: от научно-исследовательских до популяризаторских.

В 2018 г. Центр организовал Первый форум мастеров НХП и ДПИ в Бай-Тайгинском районе «Монгункержек», куда пригласил в качестве эксперта М. Ю. Шишина, док-ра филос.н., академика Российской академии художеств (Отделение Урал, Сибирь, Дальний Восток). Были также проведены курсы повышения квалификации мастеров по программе «Технология шитья тувинской национальной одежды борцов содак-шудак».

Постоянными стали фольклорно-этнографические экспедиции по сбору материалов, в результате которых были возрождены традиционная технология по обработке металлов, традиционный обряд «сыр кагар», который проводится только кузнецом по роду донгак; традиционные технологии по изготовлению лука и стрелы и т.д.

Важным в структуре Центра является отдел, занимающийся популяризацией культурного наследия тувинцев. Его основной задачей является выявление, поддержка и мотивация носителей тувинской традиционной культуры – прежде всего сказителей, хоомейжи, мастеров НХП и ДПИ и тд. посредством проведения культурно-просветительских, массовых мероприятий. В структуру данного отдела входит фольклорно-этнографический ансамбль «Тыва», который ориентирован на аутентичную традицию.

Как показал практический опыт работы Центра в условиях современного общества: традиции не утрачивают своей способности воздействовать на все сферы общественной жизни, помогать в решении самых насущных. Но сложность по их

сохранению, воссозданию и трансляции предполагает комплексный подход и межведомственную поддержку в этой сфере; требуется взаимодействие многих учреждений: от научно-исследовательских до концертно-театральных. Это обеспечивает эффективность и последовательность реализации программ возрождению, сохранению и развитию тувинской традиционной культуры.

Список литературы

1. Постановление Правительства Республики Тыва от 06 октября 2008 г. № 584 «О создании государственного учреждения «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел».
2. Устав государственного бюджетного учреждения «Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел» (ГБУ ЦРТТКР). Кызыл, 2018. 13 с.
3. Бичелдей У.П. Об основных направлениях деятельности по сохранению, использованию, популяризации и государственной охране объектов культурного наследия, расположенных на территории Республики Тыва // Новые исследования Тувы. № 4. 2012. С. 83-88. [https://nit.tuva.asia/nit/article/view/286/567] (дата обращения: 15.07.2023).
4. Закон Республики Тыва от 17 января 2013 г. № 1770 ВХ-I «Об охране нематериального культурного наследия Республики Тыва»
5. Панькин А.Б. Этнокультурная коннотация образования. Элиста: Калм. гос. ун-т, 2009. 380 с.

УДК 745/749 (571.513)

Н.Н. Нагорская (1895-1983) – исследователь народного искусства хакасов

Чебодаева Маина Петровна
кандидат искусствоведения, научный сотрудник.
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории.
Абакан, Россия
chebodaevamp@mil.ru
ORCID ID: 0000-0002-6614-8345

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные вехи жизненного пути сибирской художницы Натальи Николаевны Нагорской, побывавшей в Хакасии в 1928-1931-х годах. В работах художницы получила развитие этнографические рисунки традиционнного костюма и орнамента вышивки хакасов- на кисетах, руковицах и женской рубахе. В 1931 году Н. Н. Нагорская стала организатором и председателем артели «Улуг Быт» в Абакане, которая занималась изготовлением традиионного костюма хакасов на экспорт.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Традиционный косюм хакасов, артель «Улуг Быт», этнографическая экспедиция.

С именем художницы Натальи Николаевны Нагорской связана одна из важных страниц из истории изобразительного искусства Хакасии 1920 – 1930-х гг. Но в наши дни ее имя оказалось незаслуженно забытым, хотя она внесла большой вклад на этапе становления изобразительного искусства в первой половине XX в. В 1928 г. Н.Н. Нагорская впервые побывала в Хакасском уезде и с тех пор полюбила этот сибирский край. В 1931 г. в Абакане под ее руководством была создана художественная артель «Улуг быт». Биография Н.Н. Нагорской в полной мере отразила все крутые повороты истории России первой половины XX в.

Родилась Наталья Николаевна родилась 13 августа в 1894 г. в Киеве в семье инженера Николая Людвиговича Ивановского и его жены Александры Петровны. В 1912 г. после окончания Фундуклеевской женской гимназии она поступила в Киевское художественное училище (1912–1917 гг.), где обучалась рисунку у О. Ионасона, ученика П. Чистякова и воспитанника Московского училища живописи, ваяния и зодчества, преподавателя живописи А. Праховой, члена Киевского товарищества художников, а также Ф. Кричевского, который вел портретный класс. Училище Н.Н. Нагорская закончила с рекомендацией для поступления в Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге. В возрасте 16–19 лет втайне от родителей она обвенчалась с морским офицером Петром Нагорским и взяла его фамилию.

Параллельно с учебой в Киевском художественном училище Н.Н. Нагорская посещала частную студию А. Экстер, впоследствии известной театральной художницы – авангардистки, которая в 1920-е гг. работала вместе с режиссером А. Таировым в Московском Камерном театре. В студии А. Экстер ставила во главу своего педагогического метода постижение композиционных принципов классиков живописи и в первую очередь Пуссена и Сезанна.

Исследователь творчества художницы А. Экстер Коваленко Г. Ф. писал: «Безусловно, самым главным в Студии были уроки композиции. У Экстер сложилась жесткая система преподавания, последовательная, разработанная в деталях, с непременными возвращениями, повторениями, и как показало время, да и творчество ее учеников, усвоенное на ее уроках, было усвоенным навсегда. Начинали с самого

простого – с линейных композиций. И разрабатывали их в бесчисленных вариантах. Сначала статистические линейные композиции, затем – динамические. Дальше: статистические композиции форм, динамические композиции форм. Все очень последовательно, шаг за шагом. Экстер не упускала ни одной мелочи, в композиции для нее не было моментов главных и второстепенных: все – важно, все – чувствительно к общим законам» [1, с. 110- 111].

Известно также, что летом 1917 г., готовясь к поступлению в Императорскую Академию художеств в Санкт-Петербурге, Н.Н. Нагорская выезжала на этюды в с. Машковцы на Украине, где писала женские портреты и собирала образцы народных орнаментов. Значительно позднее, работая учителем рисования в начальной школе на окраине Киева, художница делала росписи для магазина кустарных изделий и на многочисленных ярмарках пополняла свою коллекцию образцами народного ткачества и ситцев.

В 1921 г. Н.Н. Нагорская поступает во ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские) в Москве, сначала на живописный факультет в мастерскую А. Осмеркина, а менее чем через год переходит на печатно-графический, где ее учителями стали знаменитые мастера – В. Фаворский и П. Павлинов. ВХУТЕМАС были самым известным художественным учебным заведением послереволюционной России. Во ВХУТЕМАС в те годы преподавали художники авангардисты, но были и видные мастера реалистического направления.

С октября 1924 г. Н.Н. Нагорская жила в Новониколаевске (Новосибирске), где работала в Сибкрайиздате, занималась преподаванием. С осени 1925 г. Н.Н. Нагорская становится сотрудником Новосибирского краеведческого музея и каждое лето совершает поездки в разные районы Сибирского региона. Весной 1925 г. она участвовала в экспедиции в Нарымский край, откуда были привезены образцы народных орнаментов. Кроме того, этнографические рисунки и полученные впечатления от поездки для художницы послужили основой для создания станковых работ на сибирскую тему.

В 1926 г. Н. Н. Нагорская выходит замуж за художника А.В. Вощакина. Это был деятельный и инициативный человек, который обладал выдающимися организаторскими способностями. В 1926 и 1927-х гг. художница вместе с мужем А. В. Вощакиным выезжают в этнографическую экспедицию на Алтай по р. Чарыш и в район Уймона. Из этой этнографической экспедиции они привезли в музей зарисовки, фотографии и коллекции по ремеслам, орнаменту, костюмам, дневники и пр. материальной культуры русского старожильческого населения. Собранные материалы и иллюстрированные дневники экспедиций в настоящее время, хранятся в Новосибирском краеведческом музее. Эти иллюстрированные дневники были необходимы при работе над местными, этнографическими сюжетами.

Известный сибирский искусствовед П. Муратов писал: «Более продуманные идеи объединения работников изобразительных искусств Сибири выдвинули молодые красноярские художники, ученики Д.И. Каратанова А. Вощакин и А. Лекаренко. Они считали необходимым в первую очередь создать Всесибирское общество, в которое вошли бы художники, видящие свои идейно-творческие задачи в служении народу, в создании произведений, доступных массам по форме и содержанию, в популяризаторской деятельности членов общества. Правление общества, по их мнению, должно было находится в административном центре Сибири, т. е. в Новосибирске» [2, с. 64].

В 1926 г. в Новосибирске возникает объединение «Новая Сибирь» (1926–1931). Это объединение быстро переросло в краевую организацию, куда вошли художники из многих сибирских городов: Иркутска, Красноярска, Томска, Барнаула, Бийска, Минусинска, Омска и др. Правление общества художников «Новая Сибирь» стремилось

создать благоприятную обстановку для творческого развития художников; формой совместной работы было выбрано проведение передвижных Всесибирских выставок по городам Сибири.

Появлению общества «Новая Сибирь» предшествовало большая подготовительная работа, которая началась осенью 1925 г. в Новосибирске. Целью данного художественного общества было объединение живописцев, графиков, скульпторов, архитекторов и всех лиц, интересующихся вопросами искусства. Речь шла о научной разработке относящихся к этой области вопросов, о распространении соответствующих сведений и о пробуждении интереса к искусству [3, с. 144].

Учредительное собрание общества «Новая Сибирь» в составе: А.В. Вощакина (председатель), В.Н. Гуляева (секретарь), П.И. Ивакина, А.П. Лекаренко, С.Н. Липина, В.М. Макарова, Н.Н. Нагорской, Н.А. Надольской, А.О. Никулина, П.П. Подосенова, К.Г. Поляшева, Ю.Поповой-Ветровой, В.И. Романова (Ромов) – состоялось 2 января 1926 г. Собрание избрало временное правление общества, приняло декларацию и устав.

Основные положения устава соответствовали общепринятой традиции дореволюционных художественных обществ. Вместе с тем декларация отражала стремление художников активно участвовать в общественно-политической жизни страны. На том же собрании было решено провести первую Всесибирскую художественную выставку и созвать Всесибирский съезд художников для выработки совместной программы и создания единой организационной структуры.

В конце 1926 г. правление общества «Новая Сибирь» разослали приглашения по городам Сибири с просьбой принять участие на первой Всесибирской выставке живописи, скульптуры, графики и архитектуры, а также сообщение о проведении съезд художников.

Выставка открылась 1 января 1927 г. в Новосибирске. На ней экспонировались более 600 произведений 73 авторов из городов Сибири. Через две недели выставка отправилась по маршруту: Омск–Томск–Красноярск–Иркутск, причем в каждом пункте экспозиция пополнялась работами местных художников. Выставка стала крупным событием в культурной жизни Сибири и вплоть до ее закрытия 2 мая 1927 г. почти ежедневно освещалась в сибирской прессе. Многие работы с нее были приобретены советскими организациями; часть произведений составили основу фонда Новосибирского художественного музея.

В дни работы выставки 3–6 января 1927 г. в Новосибирске состоялся Первый Всесибирский съезд художников, на котором присутствовало 37 делегатов, представляющих различные районы Сибири. В президиум съезда вошли: А.А. Ансон, А.В. Вощакин, И.Л. Копылов, В.М. Мизеров, В.Л. Петраков, В.И. Уфимцев, Н.Н. Чевалков.

Съезд признал основополагающим творческим методом «героический реализм», основанный на идеологии марксизма, а общество «Новая Сибирь» – наиболее целесообразной формой организации художественных сил Сибири, утвердил план работы общества и избрал правление под председательством А.В. Вощакина.

В резолюции съезда отмечалось: «В целях продвижения искусства в массы, считать необходимым: ежегодную организацию всесибирских передвижных выставок; непосредственную работу в профИЗО кружках, будируя и организуя самодеятельность масс, выявляя и отбирая все живое и творческое для совершенствования, расширяя и подготавливая зрителя, но и готовя новые творческие силы для нужд железобетонной Сибири; в вопросе «Сибирь в искусстве» съезд отмечает необходимость художнику-сибиряку обратить свое творческое внимание на Сибирь, но, не ставя перед собой ее целью, а пользуясь ею, как средством, т.е. через областное национальное в спектре современности, к общечеловеческому. Только при этом условии художники Сибири внесут ценный вклад в общемировую культуру и приблизят момент эпохи возрождения искусства в Сибири» [4, с. 220].

К моменту закрытия съезда в «Сибирское общество» входило 108 художников, в том числе 32 – из Новосибирска, 19 – из Иркутска, 14 – из Омска, 12 – из Томска, 10 – из Барнаула, 7 – из Красноярска. 5 – из Минусинска, 2 – из Бийска. Все выступавшие на съезде, так или иначе, касались проблемы использования искусства народностей Сибири. Это было связано с попыткой использовать богатые художественные традиции коренных сибирских народностей в создании своего самобытного искусства.

После 1928 г. деятельность общества «Новая Сибирь» пошла на спад. Запланированная руководством общества выставка в Москве, а также Вторая Всесибирская выставка не состоялась из-за организационных неурядиц.

Летом 1928 г. Н.Н. Нагорская вместе А.В. Вощакиным участвовали в этнографической экспедиции Новосибирского краеведческого музея по сбору полевых материалов о верованиях и бытовом укладе хакасов. Экспедиция началась в Красноярске, затем ее участники побывали в Минусинске, Аскизе, Тайха и Апчинаеве улусе. Н.Н. Нагорская вела дневник, в котором подробно описала особенности культуры качинцев, бельтир и сагайцев. В Аскизе им удалось присутствовать на камлании, а затем поговорить с шаманом, который им подробно рассказал о костюме, бубне и колотушке и также о технологии и материале изготовления.

К числу работ, связанных с впечатлениями от поездок в Хакасию, принадлежит линогравюра Н.Н. Нагорской «В абаканской кузнице (Друзья)» (1928). В основе работы, несомненно лежат личные впечатления художницы; но вместе с тем изображение достаточно типично. В этой работе чувствуется прекрасное владение выразительными возможностями графики, понимание ее специфики. Особенно хорошо это прочитывается в решении пространства листа, его сложности. Возвращаясь к работе, нужно сказать, что местная тема здесь достаточно органично воплощена в произведении высокого художественного уровня, где уже в самом сюжете, повествующем об изменении традиционного образа жизни хакасов, звучат веяния нового времени. Примечательна символичность мотива: герои листа – русский кузнец и мужчина-хакас – в традиционной рубахе в кузнице вместе создают новую жизнь.

Тридцатые годы привнесли в художественную жизнь Сибири множество изменений. Начинается период идеологического давления на изобразительное искусство. Осенью 1931 г. по Постановлению Крайрабиса и Сибискусства Общество художников «Новая Сибирь», неизменным секретарем которого являлась Н. Н. Нагорская, было ликвидировано, а его членам предложили стать филиалом какой-либо из центральных группировок.

В 1931 г. Н. Н. Нагорская была командирована в Абакан Сибирским Союзом промышленных кооператоров для организации артели «Улуг Быт». Художница должна была организовать производство хакасской национальной вышивки на экспорт. В те годы народное искусство СССР пользовалось большим спросом за границей. Создание артели стало часть кооперативного движения в Хакасии. В годы индустриализации в СССР кустарная промышленность стала рассматриваться как источник поступления денежных средств на модернизацию и создание крупной индустрии страны.

Артель «Улуг Быт» просуществовала недолго – с января по август 1931 г. Известно, что в артели работало 29 мастериц, которые занимались вышивкой кисетов, рукавиц, национальных платьев, рубах и обуви. В артели велось профессиональное обучение и культурно-просветительная работа: выпускалась стенная газета «Чахсы хоных» на двух языках русском и хакасском, были организованы курсы по ликвидации неграмотности, созданы кружки по туризму и краеведению. В артели работали в основном молодые женщины от 18 до 24 лет. Заработная плата вышивальщиц была в размере 45 рублей в месяц, но платили ее несвоевременно.

В 1931 г. уполномоченный Запсибпросовета из Новосибирска, ознакомившись с работой артели «Улуг быт» сделал заключение: «Артель является единственной в

Западной Сибири национальной женской артелью, развивающая художественно-национальный промысел, вышивку с экспортным уклоном. Изделия артели испытаны, и экспонаты поставлены на разные выставки, как в крае, так и в Москве, где признаны некоторые изделия даже для экспорта. Поэтому артель имеет особое значение не только для развития национального промысла, но в деле поднятия национальной культуры.

Артель существует больше года, всего в работе артели приняло участие 108 человек. Текучесть членов была большая ввиду плохого материально-бытовых условий, что мастерская тесна, некоторые женщины работают в общежитие на печке, общежитие тоже плохое, холодно, окно разбито, тесно и т.д. Проще говоря, не создано надлежащих условий для национального вышивания или сделано очень недостаточно, как со стороны Промсоюза, так и других организаций. В данное время имеются 27 членов из них 6 русских, 2 казачки и 19 хакасок.

Председатель русская, в этом отношении тоже не верно, принято членов русские т. к. артель должна быть чисто национальная и национальный промысел. Кроме того, почти все члены хакасы из улусов большинство не знают русского языка. Мое мнение в дальнейшем артель сохранить чисто национальной и русских членов передать другой артели, за исключением обслуживающего персонала.

Артель имеет два производственных цеха. 1) вышивальный, 2) белошвейный. Основное производство-национальная художественная вышивка с экспортным уклоном, а белошвейный цех должен стать, как вспомогательный и поэтому главное внимание должно быть уделено на укрепление и развитие вышивального цеха - чисто хакасского типа. Одновременно Хакпросоюзом допущена в артель русская вышивка, которая по вмешательству Сибпромсовета и облисполкома ликвидирована.

Что необходимо сделать: ускорить постройку помещения для мастерской общежития, поставить хорошего председателя хакаса и коренизировать артель на 100% немедленно, готовить кадры для артели путем организации курса из хакасов, Хакпромсоюзом намечается, в том числе организовать такую же артель в Аскизском районе» [5, л. 1–6]. Просуществовала артель «Улуг быт» до августа 1931 г. и в связи с различными финансовыми проблемами была закрыта.

В 1930–1931-е годы художницей Н.Н. Нагорской были созданы этнографические рисунки орнаментов народного искусства хакасов, которые хранятся в Новосибирском краеведческом музее. Среди этой группы произведений есть примеры образцов вышивки этнических групп хакасов качинцев, сагайцев и бельтиров.

В 1932 г. муж Н.Н. Нагорской А.В. Вощакин подвергся репрессии. Он был арестован органами ОГПУ по делу «Российского общевойскового союза», обвинялся в организации и руководстве боевой ячейкой «краевой повстанческой контрреволюционной организации... из бывшего белого офицерства и контрреволюционного элемента». Коллегией ОГПУ от 05 августа 1933 г. А.В. Вощакин был осужден по ст. 58-2-6-7- 11 УК РСФСР на 10 лет Исправительных Трудовых Лагерей. Отбывал наказание в Соловецкой тюрьме особого назначения (СЛОН). Особой тройкой УНКВД Ленинградской Области от 25 ноября 1937 г. был приговорен по ст. 58-2- 11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 8 декабря 1937 г. Сама художница также была арестована и три месяца провела в заключении.

В 1932 г. Н.Н. Нагорская вступает в Союз Советских художников; в 1939 –1941-е гг. работает учителем рисования в одной из школ Новосибирска.

Во время Великой Отечественной войны Н. Н. Нагорская писала плакаты для эвакуированной в Новосибирск Ленинградской филармонии. С октября 1944 г. она стала инструктором Новосибирского областного Дома народного творчества, где проработала до 1961 г. В 1980 г. Н. Н. Нагорская переехала к дочери Ирине Вощакиной в Химки Московской области, где и умерла 1983 г.

Кроме значительного вклада в рамках Общества художников «Новая Сибирь», она активно участвовала в музейном строительстве региона. Многие из редких изданий по графике Сибири и каталоги 1920-1930-х гг. из личной библиотеки были подарены Н.Н. Нагорской Новосибирскому художественному музею. Она также безвозмездно передала музею не только свои работы, но и гравюрные доски, живописные и графические произведения А. В. Вощакина, сохраненные после ареста. Она оказала влияние на развитие художественной жизни региона.

Список литературы

1. Национальный архив Республики Хакасия Ф. 2, Оп. 1, Д. 229, Л. 1–6.
3. Муратов П. Искусство Сибири 1920 годов // Художник 1964. №7. С. 64
4. Первый сибирский съезд художников // Сибирские огни, 1927. №3, С. 204-231.
5. Коваленко Г.Ф. Александра Экстер и ее студия (Киев, 1918) // Русское искусство XX века. Исследования и публикации. М. 2007. Т. 1. С. 105-114.

Фото, кино, театр и опыт освоения

УДК 398.1

Наше наследие. Фольклорный театр «Сибирский двор» как инструмент сохранения памяти и традиций сибирской деревни

Абрамова Галина Ивановна
руководитель фольклорного театра «Сибирский двор»
Поротниковского сельского клуба
МКУК «КДО» Сузунского района Новосибирской области.
р.п. Сузун Новосибирской области, Россия.
galinka.abramova.65@bk.ru

АННОТАЦИЯ В статье представлен опыт работы фольклорного театра «Сибирский двор» клуба села Поротниково Сузунского района Новосибирской области. В малом поселении, где нет школы, он является инструментом сохранения памяти и традиций русских сибиряков. Театр ориентирован на культурно-образовательную деятельность. Объединяет детей и взрослых. Служит укреплению локального сообщества. Автор анализирует методы работы театра и ее результаты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Культурно-образовательная деятельность, культура русской сибирской деревни, фольклорный театр.

Фольклорный театр «Сибирский двор» был создан в 2014 г. в клубе деревни Поротниково Сузунского района Новосибирской области, где на сегодняшний день проживает меньше ста человек. История деревни связана с историей алтайских демидовских заводов и Малышевской слободы»; истоками уходит в XVIII в. В народе Поротниково называют Чирухой, по имени местной речки — Чирушки, притоке Оби. Название деревня получила по фамилии одного из первопоселенцев. В 1701 г. обосновались здесь, на берегу Оби, семьи Некрасовых, Малышевых, Поротниковых. Создали сначала отдельные «колоды», а потом и деревни образовалась - возникла Малышевская слобода. До конца XIX в. Поротниково оставалась русским старожильческим поселением. В начале XX в. состав деревни стал меняться за счет переселенцев. В 1940-е гг. здесь разместили депортированных немцев Поволжья. К концу XX в. семьи и судьбы жителей деревни перемешались, став единым целым. Театр объединил детей и взрослых сельского локального сообщества.

Изначально в коллективе было пятеро взрослых и шестеро детей. Сейчас - десять детей и пятеро взрослых. Сложившееся вокруг театра сообщество объединяет около 40 человек. Со времени возникновения театра было поставлено 14 спектаклей: «Бабушкин сундук или мода из комода», «Как наши деды поживали и что едали», «Как бабы дом держали, деток рожали и в рекруты провожали», «Звуки и запахи детства, опаленного войной», «Кофе и Шмидов мячик», «Рассказы старого деревянного чемодана», «Маленькие истории моей семьи в истории Великой Победы», «Когда деревья были большими, а вы махонькими», «Бабий фронт или Тятей пахнет!», «Всешняя учительница и маленькая школа» »; «Малышевская слобода. Быт, обряды, семейные предания»; «Как на Семенов день комаров да мух хоронили, поминали да

песни пели»; «Как на Николу пельмени лепили да на ярманку в Завод-Сузун езживали!»; «Рождественские посиделки»; «Пасхальные яичечки»; «Госпожинки или Рождество Богородицы».

Репертуар самодеятельного театра отразил историю и особенности культуры сибирской, на начало XXI – многонациональной деревни. В основу спектаклей были положены реальные истории из жизни односельчан и жителей окрестных деревень, когда-то входивших в Малышевскую слободу. Сценарии определила история семей и крестьянских родов в тесном переплетении с историей деревни, края, страны. Каждый спектакль стал ответом на самые острые вопросы современности, важные для детей и взрослых – кто мы, в чем наша сила, наш стержень? Ответы на них заключены в воспоминаниях старожилов, в архивах, в семейных альбомах.

Исторические хроники определяют рамки спектакля; его содержание подсказывает память. Из детских воспоминаний выплывают сцены идущих и будущих спектаклей. Вот, например, фрагмент сценария «Малышевская слобода. Быт, обряды, семейные предания»:

- За окном сейчас идёт сильнейшая гроза, а я вспоминаю, как в далёком детстве мама во время грозы бежала прямиком к русской печке, из кути доставала кочергу, на бегу распахивала двери из избы в сенки, из сенок на крыльцо и выкидывала кочергу на улицу. Сразу бежала назад, хватала деревянную лопату, на которой сажала в печь хлеб, и тем же макаром с крыльца отправляла ее вслед за клюкой. Мы в это время с братцем Ваней сидели на порожке крепко прижавшись друг к дружке и думали о папе: как он там в лесу – в грозу.

Мама же про себя читала молитву Живые помочи. Как-то быстро гроза стихала и шли мы с Ванюшкой подбирать из лужи во дворе лопату и клюку-кочергу. А папа приезжал весь мокрый, снимал дождевик, давал нам сладкий холодный чай из фляжки и пару варёных яиц с жареным салом. Все это он доставал из промокшего рюкзака и говорил, что это, мол, гостинец от зайчика; а потом снимал картуз, в котором была лесная смородина. И это было второе чудо за день. Первое, как же это мама сумела усмирить грозу, а второе, как же это папа сумел в картузе привезти нам ягодки и не помять? Про зайчика, мы и не удивлялись, это дело для нас было привычным – гостинцы от зайчика получать.

Воспитательный и художественный эффект этого и других сюжетов в очень большой степени определяет обращение к памяти и традициям локального сообщества – к местному говору, повседневному укладу, обычаям, правилам общения с родней и соседями. Каждый спектакль превращается в школу диалога поколений и форму обучения культуре. Фольклорный театр «Сибирский двор» возвращает в деревню память и творческое отношение к жизни, формирует личные и коллективные перспективы.

В 2015 г. впервые при его участии в деревне Поротниково был организован АРТ-фестиваль «До третьих петухов», куда были приглашены коллективы Сузунского района. С тех пор он стал ежегодным; и к настоящему времени его известность вышла за пределы Новосибирской области. Причина популярности деревенского праздника в его открытости – любая семья, любая деревенька может поделиться своими талантами, своей историей. Девиз фестиваль «До третьих петухов» - «А без нашей деревни – Россия не вся!».

И фестиваль, и театр «Сибирский двор» обладают большим культурно-просветительским потенциалом. При их поддержке в Сузунском районе проводят фольклорные экспедиции студенты Института культуры и молодёжной политики НГПУ. Весной 2018 г. в Поротниково с использованием методических разработок фестиваля «До третьих петухов» и театра «Сибирский двор» была проведена этнографическая школа в рамках международной студенческой конференции НГУ.

Специально для ее участников был устроен спектакль – мастер-класс с эффектом погружения.

Тогда же началось сотрудничество деревенского клуба с Домом национальных культур им. Г. Заволокина в Новосибирске. Поддержала фестиваль и театр администрация Сузунского района. Благодаря этим проектам Поротниково стало одной из локаций местного туризма. В Сузунском районе формируется культурный кластер – фестиваль-ярмарка «Сузунская миллионщина», фестиваль «До третьих петухов», музейно-туристический комплекс «Сузун-завод. Монетный двор», включающий Музей Сибирской народной иконы, Сузунский краеведческий музей – Центр исторической информации (генеалогическая лаборатория). Деятельность театра «Сибирский двор» вписана в культурное пространство Сузунского района и Новосибирской области.

При его поддержке и участии фестиваль «До третьих петухов» был вновь проведен в августе 2023 г. Он собрал на редкость много гостей. Перед клубом работали традиционные площадки фестиваля: «Деревенские руки не знают скуки», «Хочу всё знать! Кто я и откуда род мой?», «Советская эпоха. Маленькая школа или когда деревья были большими», Музей под открытым небом «Забытые деревни», «То, чем жили наши дедушки и бабушки», «Деревенский рынок», «Перекуси», «Молодецкие забавы», «Городки», «Ни пуха, ни пера» - соревнования по ощипыванию кур и тд. А вечером, как в старые времена перед клубом открылась деревенская танцплощадка. И только по темноте крик петуха известил народ об окончании фестиваля.

Важным итогом сезона 2023 г. и истории фестиваля «До третьих петухов» стало превращение клуба деревни Поротникова и театра «Сибирский двор» в базовую площадку Областного центра русского фольклора и этнографии в Новосибирске. Опыт работы театра по сохранению сельской культуры и укреплению локального сообщества получил перспективы к широкому распространению.

Список литературы

1. Шабанов М. Как бабы двор держали // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области. URL: https://xn--b1aecnthebc1acj.xn--p1ai/%D0%9A%D0%B0%D0%BA-%D0%B1%D0%B0%D0%B1%D1%8B-%D0%B4%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B0%D0%BB%D0%B8 (дата обращения: 1.08.2023).

УДК 398.1

Культурное наследие народов Сибири: интерпретация традиции. Опыт ИАЭТ СО РАН в организации просветительской деятельности

Васильева Валентина Петровна
специалист по научно-просветительской работе.
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук,
отдел музейных практик и технологий.
Новосибирск, Россия.
kaktus1945@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье представлен опыт просветительской работы ИАЭТ СО РАН на примере проекта «Театр “У Мамонта”», в котором авторы синтезировали театральный и лекционный форматы. Проект направлен на популяризацию традиционной культуры народов Сибири и Дальнего Востока и интерпретацию культурного наследия в духе современности. Автором обозначены цели и задачи проекта, кратко описан опыт работы над ним совместно с Новосибирским отделением Союза театральных деятелей РФ; проанализированы результаты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Просветительская работа, культура народов Сибири, этнография, театрально-просветительский формат.

Театр «У мамонта» – это просветительский проект, созданный совместно Институтом археологии и этнографии СО РАН (ИАЭТ СО РАН) и Новосибирским отделением Союза театральных деятелей РФ (НО СТД РФ). Его идея родилась у сотрудников музея ИАЭТ СО РАН. С этой идеей они обратились в НО СТД РФ, и те отважно согласились подключиться к необычному проекту [1].

Каждый месяц в фойе главного корпуса ИАЭТ СО РАН (Новосибирск) проходят показы камерных постановок по фольклорным сюжетам народов Сибири в исполнении актеров новосибирских театров. После показа зрителей ждет научный разбор представленной истории от сотрудников института.

В коллаборации научно-исследовательского центра и профессионального театра заключается главная особенность этого проекта. Другое его отличие - это место проведения. В фойе института размещена экспозиция по мамонтовой фауне Сибири, которую посетители могут осмотреть перед спектаклем. Здесь же есть пространство, которое и ранее использовалось в качестве своеобразной сцены для проведения научно-просветительских лекций и фольклорный концертов. Теперь каждый месяц фойе превращается и в театральную площадку, рядом с которой возвышается скелет мамонта. Благодаря ему и родилось название театра.

Работа над проектом началась в августе 2022 г., первый показ состоялся уже в октябре. Целью проекта стала популяризация традиционной культуры народов Сибири и Дальнего Востока. Показы были рассчитаны на аудиторию старше 14 лет. Они предполагали: - знакомство посредством синтеза театральных и лекционных форматов с бытом, традициями и верованиями народов Сибири и Дальнего Востока; - популяризацию исследовательской работы этнографов ИАЭТ СО РАН; - привлечение внимания к просветительской деятельности института новой аудитории.

У проекта есть кураторы от ИАЭТ СО РАН - В. Васильева (ответственная за постановочную часть) и Д. Гаркуша (отвечает за административную часть и продвижение проекта). Куратор постановночной части подбирает тексты для постановок, формирует «библиотечку» проекта, из которой приглашенные актеры

выбирают наиболее интересные им сюжеты. Часть текстов в копилке проекта взята из серии Памятники фольклора Сибири и Дальнего Востока, изданием которой занимается Институт филологии СО РАН. Спектакли также ставятся по полевым материалам фольклористов и этнографов, мало известным широкой аудитории, что позволяет открыть зрителю народную культуру с новых сторон. Так было, например, с фольклором русских Сибири. После показа и научного разбора постановок по сказкам и быличкам зрители в отзывах отмечали, что о многих традициях и поверьях узнали впервые.

Кроме подбора текстов куратор постановочной части приглашает научных сотрудников для комментариев после спектакля, отвечает за подготовку площадки к показу и работу с режиссером и актерами. Второй куратор отвечает за подготовку договоров с приглашенными актерами и дальнейший документооборот, а также за размещение анонсов и продвижение проекта в СМИ.

От НО СТД РФ руководителем проекта выступает Я. Карпова. Она отвечает за подбор актеров и постановку спектаклей. От режиссера и актеров не требуется досконального изучения научной стороны выбранных текстов. Конечно, они во время работы над спектаклем знакомятся с культурой народа, чей текст взят для постановки. Куратор от института организует консультации этнографов. Но режиссер и актеры создают художественное произведение. И в этом еще одна особенность театра «У мамонта».

При оформлении спектаклей часто используются аутентичные вещи из этнографической коллекции ИАЭТ СО РАН. В таких случаях в ходе научного комментария сотрудник рассказывает и о представленных на сцене артефактах. Это придает «достоверность» действию и дает дополнительную возможность представить экспонаты из обширных музейных фондов института.

Зрители смотрят спектакль – то, как интерпретируют выбранный текст постановщики. При этом каждый по-своему воспринимает сюжет, предание, сказку и т.д. Перед научным разбором актеры и зрители обмениваются мнением: о чем на их взгляд эта история; обсуждают ее театральную версию. После чего дается комментарий спектакля профессиональным этнографом или фольклористом, в ходе которого он раскрывает – как же воспринималась эта история носителями культуры.

В июне 2023 г. завершился первый пилотный сезон театра «У мамонта». Прошли премьеры спектаклей «Женщина Мось» (режиссёр Я. Сигида), «Летучий зверь-налим» (режиссёр Я. Карпова), «А вот еще бабы брешут...» (режиссёр Я. Карпова) и др. В целом сезон завершился успешно. Его участники - и актеры, и режиссеры, у ученые готовы и хотят работать дальше. Есть интерес и у других театров, не принимавших участие в первом сезоне, но выразивших желание подключиться к работе. Она дала возможность попробовать себя в новом необычном формате.

Проект вызвал интерес у СМИ. Его продвижение требуют серьезной проработки. Также в течение сезона были получены предложения от туристических фирм и школ о показе постановок с научным комментарием.

Таким образом проект «Театр “У Мамонта”» выполнил поставленные перед ним задачи. Вызвал интерес и отклик у зрительской аудитории; обозначил перспективы развития. Важно, чтобы в театре «У мамонта” зрители могли познакомиться с удивительной и многогранной культурой народов, живущих в Сибири и на Дальнем Востоке.

Список литературы

1. Люди, боги и древние звери: в ИАЭТ открылся свой театр. URL: https://archaeology.nsc.ru/lyudi-bogi-zveri/ (дата обращения: 1.08.2023).

УДК 39+77

Киноатлас «СССР»: большой советский проект (1920–1930-е гг.)

Головнев Иван Андреевич
доктор исторических наук, старший научный сотрудник.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук.
Санкт-Петербург, Россия.
golovnev.ivan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4866-7122

АННОТАЦИЯ В статье, на материалах не имевшего аналогов в мировой истории научно-кинематографического госпроекта «Киноатлас СССР», реализовывавшегося под эгидой ЦИК, рассматривается опыт конструирования и позиционирования визуальной истории становления многонародного и разноукладного Советского Союза. Анализируя архивные документы и свидетельства современников, автор прослеживает эволюцию проекта в связи с параллельными процессами в науке, культуре и идеологии. Делается вывод, что серии большого советского киноатласа, созданные по единой сценарной матрице, отражали изменения курса социалистического строительства в период 1920–1930-х гг., и концентрировали внимание общества на прогрессивных явлениях, происходивших при советизации страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Киноатлас СССР, визуальная история, национальная политика

Научно-кинематографический проект «Киноатлас СССР» не имел аналогов в мировой истории. Для советского кино 1920–1930-х гг. был характерен поиск новых форм, сопровождавшийся смелыми экспериментами, в том числе, обменом методами с наукой. Эти годы явились знаковыми и в плане методологических поворотов в отечественной этнологии/этнографии. В то время в СССР произошла синхронная актуализация самой науки о народах и визуализации этих знаний в форме этнографическом кино. И своеобразной квинтэссенцией научно-исследовательских и фильмо-производственных подходов стал не имевший аналогов в мировой истории проект, запущенный под патронажем ЦИК – «Киноатлас СССР», предполагавший создание 150-серийного киноальманаха о народах и регионах страны [4; 5]. Этнографическая основательность, кинематографическая поэзия и марксистская идеология оказались слиты в этом уникальном явлении.

С одной стороны, кинематографический потенциал в исследовательских целях осваивали ученые, чему отчасти способствовала и академическая установка раннесоветского времени, связанная с поисками и демонстрацией явлений примитивного коммунизма среди малочисленных этнических сообществ. Беспримерный всплеск активности ученых в направлении этнографического кино пришелся на рубеж 1920–1930-х гг. В этот период практически синхронно возникло несколько визуально-этнографических лабораторий под руководством известных исследователей: В.Г. Богораза (Музей антропологии и этнографии), Л.Л. Капицы (Русский музей), Б.М. Соколова и Н.Ф. Яковлева (Центральный музей народоведения). Разрабатывались теоретические вопросы, проводились образовательные курсы, практические семинары, выпускались тематические статьи в научной и кинематографической прессе, создавались экспедиционные фильмы [3].

В то же время, на экзотическом этнографическом поле экспериментировали кинематографисты. Подъем качественного уровня отечественных этнофильмов,

пришедшийся на рубеж 1920–1930-х гг., был связан с явлением целой волны советского этнокино, выраженной творчеством таких режиссеров как Д. Вертов, А.И. Бек-Назаров, В.А. Ерофеев, Н.Д. Константинов, А.А. Литвинов, М.Я. Слуцкий, В.Л. Степанов, В.А. Шнейдеров и др., целенаправленно посвятивших себя созданию экспедиционных фильмов, регулярно работавших в соавторстве с научными консультантами [2; 6].

Была у этого явления также политическая подоплека – курс национальной политики «коренизации», отвечавший большевистской революционной повестке «о праве наций на самоопределение». Набиравший популярность кинематограф воздействовал на аудиторию значительно сильнее, чем любое другое СМИ, и потому использовался советской властью как эффективное средство для конструирования экранного образа многонародной, разноукладной, и прогрессивно развивающейся при социализме страны [1; 12].

В конце 1920-х гг. произошла методологическая перестройка как в этнографии, так и в кинематографии. В этот период последовательно были подготовлены и проведены судьбоносные форумы: Всесоюзное партийное совещание по вопросам кино (1928), и совещание этнографов Москвы и Ленинграда (1929). Первое, апеллируя к проблемам квалификации кадров, качества выпускаемой кинопродукции и межотраслевого планирования, ориентировало работников отрасли на сотворчество с учеными, а второе, в свою очередь, значительное внимание уделяло необходимости использования возможностей кинематографа как эффективного исследовательского и популяризаторского ресурса. Резолюции упомянутых совещаний, проведенных по инициативе власти, основные идеи которых были закреплены впоследствии в соответствующих партийных директивах, призывали к объединению усилий специалистов кино и представителей науки как проводников советизации в центре и на окраинах страны.

В годовщину 10-летия Октября в стране актуализировался запрос власти на воплощение образов революции в «крупных формах» – первый круглый юбилей правления требовал от партии большевиков, как убедительной отчетности за пройденный период, так и громких перспективных проектов. В кинематографе таким «большим советским проектом» стал как раз «Киноатлас СССР», официально инициированный по распоряжению ЦИК [10, с. 22].

Киноатлас разрабатывался усилиями представителей различных ведомств и организаций Советского Союза: Наркомата просвещения (А.С. Рождественский), Государственной академии искусствознания (Г.М. Болтянский, Н.М. Иезуитов, Н.Д. Телешов), Госплана СССР (М.М. Паушкин), а также крупнейших киностудий (В.А. Ерофеев, М.В. Израильсон-Налетный, Б.С. Перес). Ответственность за реализацию проекта первоначально была возложена на Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда входили видные общественные и научные деятели. С одной стороны, предполагалось последующее внедрение материалов этого идеологически выверенного кинопособия в систему образования. С другой, в задачи проекта входило визуальное картографирование территорий страны, для чего к проекту были подключены специалисты Института по изучению народов СССР (ИПИН), где создавался в тот период новый печатный этноатлас СССР. Не последнюю роль «Киноатлас» должен был сыграть и в «экспорте революции» за рубеж, что по замыслам проектантов должно было иметь комплексный политико-экономический эффект. Известно, что кинофильмы из СССР действительно имели значительную популярность и пользовались большим спросом на рынке, являясь выгодным «товаром», распространявшимся советскими торгпредствами по всему миру [8, с. 13].

Линия создания специальной сценарной матрицы наиболее активно дискутировалась среди проектантов «Киноатласа», выстраиваясь в направлении

«марксистского» кино-конструирования реальности. Кроме того, особый акцент делался и на установку экономического свойства. В этом смысле серии Киноатласа позиционировались как презентационные фильмы, на которых лежит ответственность по созданию выгодного «образа» того или иного региона. Наконец, декларировались и сугубо коммерческие перспективы проекта.

Ведущие советские киностудии и исследовательские институции развернули соцсоревнование по дальности и длительности киноэкспедиций в различные уголки Союза ССР. Где бы ни рождалась новая национальная республика или область, где бы ни справлялся юбилей таковых – там появлялась научно-кинематографическая группа для съемок новых сюжетов для киноатласа. Материалы, снятые на Дальнем Востоке, Кавказе, в Сибири, становились буквальным открытием окраин страны для населения столиц и центральных областей, и также наоборот – кино-путешествие являлось для многих жителей регионов единственной возможностью увидеть «большую землю».

Но текущих реалиях «Киноатласу СССР» было суждено превратиться из конкретного проекта с одноименным названием в витиеватый процесс. Растянувшийся на десятилетия, сопровождавший формирование самого Советского Союза, процесс экранного освоения «Шестой части мира» и визуальной перекройки ее карты: нанесения на нее новых наименований, территорий и границ.

Так, после стартовых деклараций 1929 г., развитие «Киноатласа СССР» происходило в направлении планирования мероприятий проекта и привлечения со-исполнителей. В производственном секторе студии «Совкино» (с 1930 г. – «Союзкино») был разработан пакет сценариев и составлен подробный план съемок областей «Киноатласа», а также начаты первые съемочные работы. Кроме того, специальные производственные инструкции по реализации проекта были разосланы на ведущие киностудии страны с целью координации кинопроизводственных ресурсов по созданию «Киноатласа» в различных регионах СССР. Однако многие из кооптированных в проект участников в ответ лишь отписывались формальными декларациями о намерениях. Многочисленные студии Союза, ссылаясь на нехватку кинопленки и укомплектованность собственных тематических планов, всячески открещивались от съемок фильмов «Киноатласа». Негативно сказался на развитии проекта и тот факт, что за исключением деклараций о намерениях, не доставало практической активности по финансированию и запуску в производство фильмов «Киноатласа» со стороны научных учреждений.

По обнаруженным спискам фильмов «Киноатласа» наглядно прослеживается динамика развития проекта. Изначально планировалась не съемка, а составление визуального атласа как сборника уже снятых к тому моменту фильмов, для подбора которых был создан специальный Редакционный совет и открыта подписка на киновыпуски – на манер подписки на тома энциклопедии [7]. По многим названиям первого перечня фильмов (созданных до 1928 года) читается ориентация проекта на формат «кино-туризма»: «Хочешь знать свою страну – будь туристом. По военно-сухумской дороге», «Иностранные туристы в Стране Советов», «Киноочерк туриста», «Путевые засъемки туриста по маршруту от Нальчика до Батума через Сванетию», «Горный туризм», «Тринадцатидневный поход туристов по Карелии», «Путевые заметки туристов на паруснике по маршруту Нижний–Астрахань» и т.п. [9, с. 19].

Развитием проекта стала досъемка киноматериалов в качестве добавления к имеющимся. От киносюжетов об экспедиционных приключениях и развлекательных туристических кинозарисовок формат развивался в сторону производства полнометражных научно-популярных кинофильмов, комплексно освещавших ресурсы регионов в идеологически выверенном ключе. И в дополненном списке фильмов «киноатласа» (фильмы 1928–1929 гг.) большинство составляли уже не туристические, но научно-популярные, экономико-географические ленты. Из них 2 картины

отмечались как эталонные: «Лесные люди» (реж. А.А. Литвинов, консультант В.К. Арсеньев) и «Крыша мира» (реж. В.А. Ерофеев, консультант М.С. Андреев) [9, с. 20]. Существенное число из картин этого списка уже были сделаны при участии научных консультантов: «В Брянском Полесье» (И.П. Копалин – Б.М. Соколов), «Ворота Кавказа» (Н.А. Лебедев – Х.Д. Ошаев), «В краю лесов, озер и порожистых рек» (В.А. Воротилов – Л.Л. Капица) «Природа и люди Туруханского края» (Н.А. Струков – В.А. Сытин) «Подножие смерти» (В.А. Шнейдеров – О.Ю. Шмидт) и др.

В первой половине 1930-х гг. штаб разработчиков «Киноатласа» постепенно переместился в Центральное бюро краеведения, и проект стал все более разворачиваться в сторону краеведческого формата. Тогда же были выдвинуты и обновленные требования, предполагавшие пересъемку серий альманаха с акцентом на развитие уровня советизации регионов. Так, в списках «Киноатласа СССР» (фильмы, снятые после 1931 г.) появились новые наименования о тех или иных областях Союза: «Камчатка» (1927) Н.Д. Константинова дополнялась картиной «Неведомая земля» (1932) А.А. Литвинова; «Страна гольдов» А.И. Бек-Назарова (1930) – работой «О нанайце с реки Тунгуски» М.Я. Слуцкого (1932); «За Полярным кругом», собранная В.А. Ерофеевым из дореволюционных съемок Ф.К. Бремера (1927) – картиной «У берегов Чукотского моря» (1934) Г.И. Смирнитского [9, с. 21].

При рассмотрении этих сюжетов обращают на себя внимание характерные детали: каждая киносерия «атласа» начиналась с карты Советского Союза и с обозначения на ней района и народности его населяющей; киноработы выстраивались по единой сценарной линии, повествуя о «первобытном коммунизме» и переходе к социалистическому строю среди этнических групп, что являлось экранизацией известной партийной формулы о возможности перескока обществ (сообществ) к социализму минуя капитализм; при этом образы традиционного бытования и советских нововведений сопоставлялись в этнокартинах как «темное прошлое» и «светлое настоящее» соответственно. Наконец, к каждому готовому фильму прикладывались методические рекомендации для презентации: одни – для использования внутри страны, и другие – для применения при показах за границей.

Очевидно, что создание такого визуального атласа стало значимой внешней программой, соединившей в активности видных деятелей науки и кинематографа, во-многом благодаря которой на рубеже 1920–1930-х гг. в российской среде и сформировалось самобытное («почвенное») направление этнографического кино, выразившееся в палитре теоретических и практических опытов, каждый из которых на «крупном плане» отражал специфику поиска матрицы «марксистской этно-фильмы» (термин В.Г. Богораза), а на «общем плане» – эти примеры, собранные воедино, действительно образуют большой этно-географический киноатлас, на страницах которого запечатлены разножанровые образы научно-творческого и идеологического позиционирования «Союза освобожденных Революцией народов» внутри страны и в мире.

Советский экран прямо или косвенно отражал силуэты идеологии и культуры своего времени. С одной стороны, эти киноработы являются вкладом в науку, будучи одними из самых ранних кинодокументов по этнографии коренных народностей и географии различных регионов Союза. С другой стороны, в них просматриваются и свидетельства уникального советского эксперимента по нациестроительству [11], выражавшиеся в запечатленных на пленке сюжетах устройства социальных институтов и экономических баз, разработки новых транспортных маршрутов и переселенческих проектов – универсальных слагаемых конструирования социалистической общности на рубеже 1920–1930-х гг. Наконец, на примере данных фильмов отчетливо видна отработка советским кинематографом государственной

задачи создания привлекательного образа того или иного региона для использования в рамках мероприятий переселенческой политики СССР.

В условиях постоянно поправлявшегося идеологического курса в раннесоветский период, проект «Киноатлас СССР» не был завершен в запланированном объеме. Уже во второй половине 1930-х гг., параллельно с низведением этнографии до уровня вспомогательной исторической дисциплины, было свернуто и производство этно-географических фильмов – киноистории о «первобытных» культурах и «запущенных» (еще при царизме) регионах стали невыгодной краской в «прогрессивном» образе Страны Советов. Развитие этого кинонаправления потеряло поддержку «наверху», а его наработки – стали «полочными». Был «репрессирован» и «Киноатлас» – порождение экспериментов «культурной революции» и создававшийся как пестрая кинокомпозиция многокультурной федерации – он стал представлять конкурентную позицию в условиях складывающейся надэтничной унитарной госструктуры, где проектировались «социалистические по содержанию» и «национальные по форме» культуры. Вынужденно остановились и кино-исследовательские работы внутри направления, что привело к разрыву сложившихся к тому моменту связей ученых и кинематографистов, которые в сопоставимом масштабе не установились и по сей день.

Вышеупомянутый массив материалов, созданных в СССР в 1920–1930-х гг., до сих пор не был введен в мировой научный оборот, а потому оказывался не ученным в нем. И многие западные так называемые «новации», пришедшие в российскую визуальную этнографию в 1990-е годы, имели успешные аналоги в отечественной науке, к сожалению, забытые или использовавшиеся в ограниченном формате. В этой связи, материалы «Киноатласа СССР» обладают потенциалом как минимум двойного научного открытия. С одной стороны, визуальные архивы представляют собой корпус неизученных исследовательских источников – кинодокументов по визуальной истории становления и позиционирования многонационального советского государства. С другой стороны, это наследие обнаруживает подробные теоретические, практические и методические рекомендации по созданию этнографических фильмов, формам взаимодействия этнографов с кинематографистами, и форматам презентации научных знаний, инспирирующие современное исследовательское творчество.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 21-18-00518, https://rscf.ru/project/21-18-00518/

Список литературы

1. Аманжолова Д.А. Документальное кино 1920–1930-х гг. о динамике социокультурного пространства Казахской АССР // Вестник ЕНУ им. Л. Гумилева Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. 2023. Т. 143. № 2. С. 33-53.
2. Владимир Алексеевич Ерофеев (1898–1940). Материалы к 100-детию со дня рождения. М.: Музей кино, 1998. 40 с.
3. Головнев И.А. «Живой музей» и «борьба за культурфильму» Бориса Соколова // Этнография. 2021. № 3 (13). С. 244-263.
4. Головнев И.А., Головнева Е.В. Киноатлас СССР: «Бухара» (1927) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2023. №2 (40). С. 90-99.
5. Головнев И.А., Головнева Е.В. Киноатлас СССР: фильм «Урал» (по архивным документам 1930-х гг. // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 45-51.
6. Головнев И.А. Киноатлас СССР: «Камчатка» Николая Константинова (1927) // Диалог со временем. 2022. № 2. С. 213-227.
7. Головнев И.А. «Киноатлас СССР»: «Туруханский край» Виктора Сытина // Исторический курьер. 2022. № 5 (25). С. 50-63.

8. Дерябин А.С. О фильмах-путешествиях и Александре Литвинове // Вестник «Зеленое спасение». Вып. 11. Алматы: Гермес, 1999. С. 14-24.
9. Коробков Н. Киноатлас СССР // Советское краеведение. 1933. №2. С. 15-20.
10. Постановление о создании Киноатласа СССР // Бюллетень кинофотосекции РАБИС. 1928. № 3. С. 22
11. Тишков В.А. Российский народ. М.: Просвещение, 2010. 191 с.
12. Четырова Л.Б., Сергеева Н.М. Советская модерность в визуальной перспективе (на примере ойрат-калмыков и тувинцев) // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 239-262.

УДК 39+77

Страна Удэхе»: опыт киноисследования

Головнев Иван Андреевич
доктор исторических наук, старший научный сотрудник.
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого
(Кунсткамера) Российской академии наук.
Санкт-Петербург, Россия.
golovnev.ivan@gmail.com
ORCID ID: 0000-0003-4866-7122

АННОТАЦИЯ Этнографическая кинолетопись в нашей стране имеет более чем вековую историю, полную неизученных страниц и неосмысленных явлений. Одним из ярких опытов в отечественном этнокино явилось сотворчество исследователя В.К. Арсеньева и режиссера А.А. Литвинова, выразившееся в серии кинолент о народностях Дальнего Востока и Северо-Востока России, классическим образцом среди которых стал фильм «Лесные люди» (1928). Метод, применявшийся киногруппой, явился экспериментальным для своего времени и актуальным для применения в сегодняшних реалиях – «экранизация» научной книги в документальном кино. На основе упомянутой методологии, автором представляемого доклада, И.А. Головневым, были проведены собственные визуально-этнографические работы в местах исторического кинопохода, и снят фильм «Страна Удэхе» (2015) среди современных удэгейцев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнографическое кино, этнокультурный потенциал России, удэгейцы.

В текущее время все больше гуманитариев обращается в своей деятельности к визуальным архивам, в том числе к историческим этнофильмам: архивные кинопленки оживляют перед современными исследователями колоритные картины эволюции культур, навсегда канувшие в прошлое. Однако работа с данными лентами требует опоры на соответствующую методологию, позволяющую критически рассмотреть кинодокумент как многослойный исторический источник, актуализируя кроссдисциплинарные поиски в этом ключе.

Принято считать, что визуальная антропология – направление молодое, сформировавшееся сначала в североамериканском и западноевропейском научном поле (в середине XX в.), а впоследствии – в российском (на рубеже 1980–1990-х гг.). Однако значительные примеры теоретического осмысления роли визуальных технологий и их практического применения в отечественной науке о народах имеют глубокую историю. Со времен появления и начального распространения «кинетические» возможности кинематографа как нового языка научного познания и формата презентации знаний творчески будоражили опытную мысль в отечественном народоведении. В свою очередь, и творческие поиски профессиональных кинематографистов обильно подпитывались «этнографической экзотикой» [3, с. 11], духом экспедиционных открытий и пафосом демонстрации революционного переустройства страны. Всплеск встречной активности ученых и кинематографистов в направления этнографического кино пришелся на рубеж 1920–1930-х гг., когда под эгидой ЦИК был запущен амбициозный госпроект «Киноатлас СССР» по созданию 150-серийного альманаха о народностях и регионах страны, ставший внешним импульсом, мобилизовавшим научно-кинематографическое сообщество на совместную деятельность. В этом контексте в СССР сформировалось самобытное направление этнографического кино, выразившееся в палитре методологических подходов, творческих стилей и эффективных производственных приемов [4]. И особый

исследовательский интерес в этом поле занимает кинонаследие, созданное при активном участии профессиональных ученых.

В 1928 г. в ходе Приморской экспедиции «Совкино» режиссером А.А. Литвиновым был снят фильм «Лесные люди», ставший классическим образцом отечественной и мировой документалистики [7]. По архивным свидетельствам, фильм создавался при паритетной проработке научных и художественных параметров, и с применением новаторской кроссдисциплинарной методологии. Основанный на монографии известного исследователя Дальнего Востока В.К. Арсеньева «Лесные люди удэхейцы» 1926 г., он представлял собой своеобразную кинокнигу с буквальным следованием эпизодов фильма главам книги. Из текста в кадр перешли в основном материалы разделов, связанные с явлениями быта, при этом не представленной осталась заключительная глава – «Миросозерцание», посвященная духовной культуре, что было обусловлено цензурно-идеологическими установками советского кино.

Как следует из сопоставления книги и фильма, на стадии написания сценария консультант и режиссер отобрали из исследовательского текста наиболее визуализируемые сцены и драматургически выстроили развитие киносюжета [6]. В самом съемочном процессе сочетались приемы полевой этнографии, неигрового и постановочного кино. По воспоминаниям режиссера, «не просто было приучить таежных охотников и рыболовов, понятия не имевших о кинематографе, жить под прицелом стрекочущего киноаппарата, и не обращать на него внимание во время съемок» [9, с. 95]. Приходилось подолгу находиться рядом с жителями стойбища на улице и в юртах, не включая камеры, чтобы удэгейцы привыкли к присутствию кинематографистов, и только после этого запускать активные съемочные работы. Между тем, сверхзадачей А.А. Литвинова было показать в фильме максимально подлинные культурные ситуации, потому и удэгейцы выступали в данном процессе не как актеры, а как статисты. «От них не требовали позировки… пусть делают свое дело, не обращая внимания на аппарат, на нас. Пусть живут и работают, как вчера, месяц назад, как каждый день» – вспоминал пресс-хроникер киноэкспедиции М.Л. Поляновский [10, с. 173].

Подобная практика сочетания методов игрового и неигрового кино была широко распространена на заре кинематографа в России и в мире. Стремительно развивались технические и творческие слагаемые киноязыка: методы работы с реальностью, с героем, приемы рассказывания истории в кино – изобретались на съемочных площадках и монтажных столах, становясь основами нового вида искусства. И многое тогда являлось открытием: крупность планов, подвижность камеры, стили монтажа и т.д. С одной стороны, использование постановочных методов в документальном кино диктовалось техническими причинами: сложностью работы с кинопленкой, особенно в условиях экспедиции, размерами и шумопроизводством киноаппаратуры и т.д. Остаться «невидимым» в процессе съемки было технически невозможно, а записывать произвольные куски кинонаблюдений на пленку с прицелом на последующий отбор материала – экономически затратно.

С другой стороны, были и творческие обоснования подобных поисков. К примеру, классик мировой документалистики Р. Флаэрти так рефлексировал по поводу своего метода съемки этнографических фильмов: **«**Предметом документального фильма, как я его понимаю, является жизнь в том виде, в каком ее проживают. Это отнюдь не означает, что задачей режиссера-документалиста является неотобранная съемка серого и монотонного потока жизни. Выбор остается и, возможно, в более строгих формах, чем в художественных фильмах» [11, с. 191]. Другой отец–основатель неигрового кино, Д. Вертов декларировал следующие позиции в своем знаменитом манифесте «Киноглаз»: «Я киноглаз, я строитель. Я создаю человека, более совершенного, чем созданный Адам. Я у одного беру руки, самые длинные и самые

ловкие, у другого беру ноги, самые стройные и самые быстрые, у третьего голову, самую красивую и самую выразительную, и монтажом создаю нового, совершенного человека» [2, с. 71]. Так, если Д. Вертов, условно говоря, конструировал документальность, то Р. Флаэрти и А. Литвинов ее реконструировали.

Наконец, применение постановочных приемов при съемке можно отнести и к необходимости исполнения буквы сценария, утверждавшегося государством-продюсером. Организации кинематографии, финансировавшиеся из госбюджета, были обязаны отчитываться перед заказчиком идеологически выверенными кинопроизведениями, имевшими потенциал для их дальнейшего использования в соответствующих целях (просветительских, пропагандистских и т.п.). Потому исследования советского этнографического кино (включая фильм «Лесные люди»), с одной стороны, неотделимы от изучения контекста, в котором происходило кинопроизводство, а с другой стороны – должны происходить с учетом разбора методов, которыми работали их авторы.

По завершении полугодичных работ Приморской экспедиции, выверенные с точки зрения этнографии и кинематографии этнографические фильмы «Лесные люди» (об удэгейцах) и «По дебрям Уссурийского Края» (кинодневник экспедиции) были предъявлены общественности. Результаты совместных усилий участников творческой группы преодолели рамки формального студийного задания – получили признание как широкого зрителя, так и специалистов науки и кинематографа.

Подробнее изучить «метод Литвинова» автору настоящей статьи удалось благодаря проведению на его основе собственного киноисследования. Сверхзадачей данного этно–кинопроекта, получившего название «Страна Удэхе», были не только современные исследования с видеокамерой в местах экспедиций В.К. Арсеньева и А.А. Литвинова, но и реализация всего комплекса составляющих их методологии: предварительная работа с научными публикациями и архивами, консультации со специалистами по этнографии удэгейцев, создание сценарного эскиза на основе книги В.К. Арсеньева, и последующая съемка документального фильма с применением кроссжанровых киноприемов.

Известно, что в сценарий и, соответственно, в фильм А.А. Литвинова «Лесные люди» не вошли материалы заключительной главы книги В.К. Арсеньева «Лесные люди удэхейцы» – «Миросозерцание», посвященной духовной культуре. В то же время, как не раз подчеркивал в своих текстах В.К. Арсеньев, именно одушевление природы является ключевым аспектом для понимания всей удэгейской культуры: «Все удэхейцы – анимисты. По их воззрениям, в природе нет ничего неорганического – все органическое, все живое и все человекоподобное» [1, с. 32]. Учитывая эти обстоятельства, именно миросозерцание было выбрано нами в качестве основной темы фильма о современных удэгейцах. И в сценарный эскиз будущего фильма были положены основные подразделы главы книги В.К. Арсеньева: «Сказание о происхождении удэхейцев», «Тотемные животные», «Небесные светила», «Шаманство», «Душа», «Загробный мир».

Перед нашей киногруппой в составе: режиссер – И.А. Головнев, оператор – М.А. Дроздов, звукорежиссер – В.М. Персов, стояла специфическая задача – показать в фильме анимизм – сложное явление духовной культуры, лишь в малой доле манифистирующееся внешне, а в основном скрытое – в сознании и подсознании носителей культуры. Работать приходилось с материалами снов, верований, фольклора. И в этом плане «метод Литвинова», сочетающий ресурсы этнографии, неигровой и игровой кинематографии, оказался весьма эффективным ключом в киноработе.

Одним из связующих звеньев нашего фильма «Страна Удэхе» с фильмом А.А. Литвинова стала киноцитата – экран на экране – сцена демонстрации «Лесных людей»

в школе удэгейского национального села Красный Яр Приморского Края. В начале просмотра непривычного для современных детей немого черно-белого фильма экранное действо вызывало у школьников в основном смех, но постепенно фильм словно загипнотизировал аудиторию, удэгейские дети досматривали «Лесных людей» молча, погрузившись в размышления. Участники этого сеанса связи с прошлым – потомки экранных лесных людей – выражали свою заинтересованность воспроизведенными в фильме культурными традициями удэгейского народа. Данный начальный эпизод является экспозицией фильма – в качестве места действия заявляется удэгейский поселок, как место компактного проживания (после укрупнения традиционных стойбищ в советский период) главных героев фильма – современных удэгейцев.

В качестве завязки киноистории следует кинопараграф «Сказание о происхождении удэхейцев», соответствующий одноименному разделу книги В.К. Арсеньева. Основным содержанием этой части фильма является пересказ древней удэгейской легенды о родстве человека и тотемных животных – медведя и тигра – звучащий в фильме на удэгейском языке. В развитие действия фильма следуют киноновеллы о духах природы и небесных светилах, об охотничьих культах и шаманстве. Нами, следуя «методу Литвинова», для фильма отбирались в основном фрагменты книжного текста, форматные для визуализации. К примеру, в главе «Шаманство» арсеньевской книги есть следующее описание камлания: «Пение его становилось громче, удар в бубен громче, пляска неистовее. Шаман летел в загробный мир. На дороге встречалось ему много препятствий. Он блуждал в горах, шел по лесу во время тумана, переплывал реки… Но вот он достиг царства теней» [1, с. 44]. Сведения идентичного содержания сообщал в интервью и шаманствующий персонаж нашего фильма. Мы «экранизировали» данный текст путем соединения кадров церемониального камлания и вышеперечисленных (у В.К. Арсеньева) природных планов, что вкупе со звуковой атмосферой действа, позволило приблизиться к передаче на экране «видений» шамана во время его духовных путешествий. В дополнение к этому в фильме существует эпизод изображения (рисования на земле) шаманом строения миров – своеобразной ментальной карты – что стало наглядной визуализацией маршрута шаманского путешествия. Завершающей частью фильма «Страна Удэхе» (финальным параграфом книги В.К. Арсеньева) является рассказ о душе и загробном мире в представлениях удэгейцев. «Загробный мир (Буни) находится очень далеко, в той стране, где солнце во время заката скрывается за горизонтом. Там душа живет такой же жизнью, как и на земле, люди так же ловят рыбу, так же охотятся, женятся и снова умирают» – было записано В.К. Арсеньевым [1, с. 45]. Этнографические сведения о зеркальности миров мы зафиксировали и среди современных удэгейцев, что и стало экранным решением этой специфической темы. Так, кинорассказ о *Буни* (мире предков) происходит в нашем фильме с помощью кадров из *Муцеляни* (земного мира) – являющихся «документальными» образами, исходя из самих удэгейских верований.

Безусловно, современная видеоаппаратура обладает более широким спектром технических возможностей для работы с материалом культуры, нежели техника киногруппы А.А. Литвинова периода немого кино, ограниченная, например, в ресурсах использования звука и цвета. И для киноповествования о духовной культуре звуковой ресурс имеет принципиальное значение. В частности, именно звук позволил нам полноценно реализовать сцену «Легенда о происхождении удэхе» в исполнении одного из последних носителей удегейского языка – А.А. Канчуга (с. Красный Яр Приморского Края). Экранирование сцены «Шаманство» было бы неполным без звучания ритуального моления удэгейского шамана В.И. Дункая под аккомпанемент бубна. А удэгейская народная песня «Ява Ю» в исполнении О.Д. Лобода, эмоционально и точно

передающая духовные переживания удэгейской женщины, стала основным саундтреком фильма. А другой ключевой киноресурс – цвет – позволил передать на экране колоритный спектр элементов удэгейской культуры – традиционные орнаменты, цвета предметов костюма и быта – ведь вся эта внешняя палитра является проекцией внутреннего многоцветия удэгейского мировоззрения. Однако, использование нашей киногруппой современной видеоаппаратуры, катализировало развитие технических аспектов «метода Литвинова», творчески остающегося неизменным. Апробируя историческую методологию в процессе текущей полевой работы, мы пришли к дополнительным выводам, имеющим практическую нагрузку.

Во-первых, постановочная составляющая в рамках съемочного периода для группы А.А. Литвинова имела вспомогательное значение. Ведь этнографические сюжеты, взятые из книги В.К. Арсеньева для сценария фильма, имели «документальное» происхождение [5]. Многие описанные в книге сцены являлись цикличными проявлениями культурной реальности, а потому в процессе кинонаблюдения могли случаться снова и снова. В этом плане, неизменная в основе своей повторяемость культурных событий, будь то рыбалка или обряд, является полем для «кинодубля» с целью смены ракурса, точки съемки или крупности, – для использования вариантов кадров в последующем монтаже киноистории.

Во-вторых, как выдалось не раз убедиться на собственном опыте, документальное этнографическое кино, как и другие виды кинематографа – всегда субъективное творчество. В частности, выбор темы, стиля, героя фильма – это проявления авторства. Простой выбор оператором точки, ракурса, объекта съемки – это также проявления вмешательства в реальность, так как зритель не видит реальность целиком, ему ее показывают «в рамках кадра», его ведут по ней. Монтаж истории – тоже авторский акт. Таким образом, любой документальный (в том числе и этнографический) фильм – это не просто фиксация реальности, это ее авторская интерпретация; и каждый автор непременно расскажет свою киноисторию на ту ли иную тему, о том или другом конкретном событии, явлении, герое. Исходя из этого, и «Лесные люди» А.А. Литвинова стоит рассматривать не как прямой этнографический кинодокумент, но через призму «авторства», и в многосложном историческом контексте его создания.

Таким образом, советский экран прямо или косвенно отражал силуэты идеологии и культуры своего времени. С одной стороны, исторические этнофильмы, как это видно на примере «Лесных людей», являются вкладом в науку, будучи одними из самых ранних кинодокументов по этнографии коренных народностей и географии различных регионов СССР. С другой стороны, в них просматриваются и свидетельства советских экспериментов по нациестроительству, выражавшиеся в запечатленных на пленке сюжетах устройства социальных институтов и экономических баз, разработки новых транспортных маршрутов и переселенческих проектов – универсальных слагаемых конструирования государственной общности в СССР на рубеже 1920–1930-х гг. Наконец, на примере фильмов того периода отчетливо видна отработка советским кинематографом государственной задачи создания привлекательного образа того или иного региона для использования в рамках мероприятий переселенческой политики СССР.

Ретроспективные изыскания регулярно экипируют современную науку апробированными методиками, теоретическими разработками, и практическими примерами. В этом плане, материалы по истории российского этнокино открывают как минимум двойную исследовательскую перспективу. Во-первых, визуальные архивы представляют собой корпус неизученных исторических источников, содержащих информативную ценность для широкого спектра гуманитарных дисциплин. Во-вторых, это наследие обнаруживает свойства «ящика с инструментами»,

востребованными в сегодняшних научных и творческих процессах – как на уровне съемки отдельных этнофильмов, так и при создании этнографических киноатласов вариативных масштабов [8]. Так, и рассмотренный выше в качестве примера «метод Литвинова» является вполне актуальным для применения в текущих киноисследовательских практиках и программах по сохранению и популяризации этнокультурного наследия. Формула «этно+кино», определяющая уравнение этнографичности и кинематографичности служит не только эффективным ключом к прочтению исторических кинодокументов, но и перспективным основанием для деятельности современных антропологов и режиссеров.

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики» (рук. А.В. Головнев), https://rscf.ru/project/22-18-00283/

Список литературы

1. Арсеньев В.К. Лесные люди удэхейцы. Владивосток: Книжное дело, 1926. 48 с.
2. Вертов Д. Статьи, дневники, замыслы. М.: Искусство, 1966. 320 с.
3. Головнев А. В. Многонародность России: взгляд с Севера // Этнография. 2022. № 4 (18). С. 6-32.
4. Головнев И.А. Визуализация этничности в советском кино (опыты ученых и кинематографистов 1920–1930-х гг.). СПб.: МАЭ РАН, 2021. 440 с.
5. Головнев И.А. Визуальная этнография Владимира Арсеньева // Кунсткамера. 2022. № 4 (18). С. 155–172.
6. Головнев И.А. Кинематографические опыты В.К. Арсеньева (на материалах работы с «Совкино» 1928–1929 гг.) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2022. Т. 36. № 2. С. 37-69.
7. Головнев И.А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 81-96.
8. Кламм В.В., Октябрьская И.В., Будаева С.В. Киноатлас районного масштаба. Этнографические исследования в Карасукском районе Новосибирской области // Миссия антропологии и этнологии: научные традиции и современные вызовы. XII Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. Ижевск: ИЭА РАН, УИИЯЛ УрО РАН, 2017. С. 258-259.
9. Литвинов А.А. В Уссурийской тайге. Записки кинорежиссера // Уральский современник. Свердловск: Свердловское областное государственное издательство, 1955. № 1. С. 116-199.
10. Поляновский М.Л. На далекой окраине. М.: Молодая Гвардия, 1930. 192 с.
11. Флаэрти Р. Статьи. Свидетельства. Интервью. М.: Искусство, 1980. 226 с.

УДК 398.1

Выявление нравственных уроков в фольклорном творчестве на примере спектакля «Сказки народов Сибири»

Дудырева Людмила Федоровна
Режиссер,
Государственное автономное учреждение культуры
Новосибирской области
«Новосибирский Областной Российско-Немецкий Дом».
Новосибирск, Российская Федерация.
od@nornd.ru

АННОТАЦИЯ В статье представлены этапы подготовки спектакля «Сказки народов Сибири», поставленного в НО РНД в 2022 г. Его цель заключалась в формировании знаний и ценностного отношения к природному культурному наследию через изучение сказок народов Сибири. В условиях функционирования региональной культуры изучение устного народного творчества играет важную стабилизирующую роль. Проект «Сказки народов Сибири» объединив истории разных народов, продемонстрировал единство человеческих ценностей и стал уроком взаимопонимания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Театр, сказки народов Сибири, культурное наследие, народное творчество, духовно-нравственное воспитание.

Спектакль «Сказки народов Сибири» был поставлен в Новосибирском Областном Российско-Немецком Доме (НО РНД) в 2022 г. Этапами его подготовки стали: – изучение литературного наследия, фольклора народов Сибири; – отбор и литературный анализ сказок; – написание инсценировок; – режиссерский анализ; – подбор актеров, распределение ролей; – подбор музыкального оформления спектакля; – создание эскизов сценографии; – создание эскизов костюмов; – репетиционный процесс; – выпуск спектакля.

В процессе изучения фольклорного наследия народов Сибири для спектакля были отобраны бурятская сказка «Хозяин воды», селькупская – Хозяйка огня», алтайская – «Ак-Чечек белый цветок», ненецкая – «Кукушка» русская – «Небылицы» [1]. По стилю – это разные произведения: «Хозяин воды», «Хозяйка огня» – эксцентрические сказки, «Ак-Чечек» – лирическая, «Кукушка» – драматическая сказка. Для их объединения был сделан переход от самого широкого и подробного изложения основных сюжетных линий к главной мысли, которая прошла через всю инсценировку. Сквозным действием стал обряд сказителя Каголдея для получения благославления на удачную охоту Матушки–Природы. Мудрый сказитель Каголдей, главный герой спектакля, рассказывает о природных явлениях, птицах и животных, но за его сказаниями стоят истории о всепобеждающей силе добра, о любви и милосердии, о верности и бессмертии. Яркие этнические костюмы, народные танцы и необычное музыкальное сопровождение делают спектакль похожим на шаманский обряд, в процессе которого зритель понимает, что волшебство живет в каждом, приумножаясь добрыми делами – магию создают люди. Инсценировка разворачивается как увлекательное и познавательное путешествие в мир сибирского фольклора.

Большое значение в решении общей картины спектакля играл пластическо-хореографический язык. В музыкальном оформлении использовалась компиляция авторской, народной, этнической и оригинальной музыки – Сказитель Каголдей играл на варгане и бубне. Своими песнями-сказками он вводил охотников и их семьи в своеобразный «транс», где они перевоплощались в героев его сказок. В процессе работы над сценографией спектакля выбор был сделан в пользу концепта «волшебных

трансформаций» - деревянные кубы и стены превращали сценическую площадку то в берег реки – «Хозяина воды», в стойбище – «Хозяйки Огня», в чум и тундру в «Кукушке», в «Ак-Чечек» – шалаш Деда и дворец Зверя – Хана.

Реализация творческого проекта с соблюдением всех этапов его подготовки обеспечила сильное воздействие спектакля «Сказки народов Сибири» на аудиторию. Доступность фольклора сделала эффективным и эмоционально нагруженным сценический разговор о ценностном отношении к природному и культурному наследию. Он объединил истории разных народов и продемонстрировал единство общечеловеческих ценностей. В условиях Новосибирска и Новосибирская области с их многонациональным населением этот спектакль стал нравственным уроком взаимопонимания и опытом культурного диалога, который является важным условием стабилизации региональных полиэтничных сообществ.

БЛАГОДАРНОСТИ

Проект был осуществлен Автономной некоммерческой организацией по сохранению и развитию национальных культур «Межнациональный ресурсный центр» при поддержке Министерства культуры Новосибирской области.

Список литературы

1. Сибирские сказки (составитель А.Л. Коптелов). Новосибирск: Западно-Сибирское книжное издательство, 1964. 248 с.

Иллюстрации

Рисунок 1. Сцена из спектакля «Сказки народов Сибири»

Рисунок 2. Сцена из спектакля «Сказки народов Сибири»

Рисунок 3. Сцена из спектакля «Сказки народов Сибири»

УДК 398.332+9.908

Концепт «сакральные места» в общественном дискурсе Республики Алтай

Самушкина Екатерина Викторовна
кандидат исторических наук, научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской академии наук.
Новосибирск, Россия.
khakassie@yahoo.com

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу процессов конструирования этничности в современном дискурсе Республики Алтая. На основе рассмотрения программ культурного развития, концепций сохранения историко-культурного наследия, проектов создания туристической инфраструктуры, выявляются элементы этнической идентичности тюркоязычного населения региона. Предметы традиционной материальной культуры, объекты археологического наследия, экологические практики становятся символами при воспроизводстве этничности. На основе образов прошлого формируется список сакральных мест, обладающих высоким семиотическим статусом. Анализируя практики описания этничности общественных дискурсов Алтая начала 2000-х гг., можно сделать вывод, что обращение к этнополитическим проблемам перешло в символическую плоскость.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Алтай, сакральные места, образы прошлого, культурное наследие, этническая идентичность

Согласно современным исследованиям, понятие родной земли в националистическом дискурсе является одной из центральных категорий. Родина «предстает сущностным вместилищем нации, обеспечивающим неразрывную связь поколений в бесконечной реке истории;…она одновременно формирует «народ» и формируется им, ее ландшафт определяет «национальный характер» и «народный дух» [3]. Представители этносимволического направления, в частности Э. Смит, отмечают, что связь с родиной является одной из составляющих этнической общности. Места проживания, святые места служат мощными дифференциальными элементами и напоминаниями об уникальной культуре и судьбе этнического сообщества [4, с. 348-349]. Этнические лидеры «мечтают только о земле своих предполагаемых предков и священных местах, по которым ходили их герои и ученые мужи, где они сражались и учительствовали. Другими словами, данная территория должна быть превращена в «этноландшафт», поэтический ландшафт, который служит продолжением и выражением характера этнического сообщества, воспеваемый сам по себе в стихах и песнях» [4, с. 125].

В общественно-политическом дискурсе Республики Алтай тема этнокультурного ландшафта является одной из центральных. В документах, посвященных проблемам развития культуры региона, отмечается, что регион является уникальным историко-ландшафтным заповедником, описанным Н. Рерихом как легендарное Беловодье (Шамбала). Здесь происходило становление и развитие евразийской цивилизации. Именно уникальная природная и духовная обстановка способствует сохранению духовного и материального наследия алтайцев, казахов и русских-старообрядцев [ГАРА. Ф. Р–190. Д. 20. Л. 61.]. Так, в документе «Проблемы сохранения и приоритеты развития культуры Республики Алтай», отмечается, что «Алтай является местом становления и развития древних культур и этносов, распространившихся затем на обширные пространства Евразийского материка, местом взаимодействия индоевропейских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов» [ГАРА. Ф. Р–190. Д. 20.

Л. 103-104]. Делая акцент на особенности культуры региона, основанной на синтезе различных духовных учений и элементов различных цивилизаций, авторы документов приходят к выводу, что сохранение, изучение и пропаганда исторического и культурного наследия Горного Алтая имеет не только республиканское, но и общегосударственное, международное значение [ГАРА. Ф. Р–190. Д. 20. Л. 61.].

«Золотые горы Алтая», включенные в список природного и культурного наследия ЮНЕСКО, как отмечает в своих многочисленных выступлениях спикер Государственного Собрания – Эл Курултай И. И. Белеков, являются стратегическим местом для сохранения генофонда народов и первозданной природы. По мнению представителя этнонациональной интеллигенции, Алтай признан во всем мире не только как место сенсационных археологических открытий, но и как территория, где народы стремятся сохранить археологические памятники в нетронутом виде. Будущее назначение республики заключается в сбережении и реконструкции ценностей прошлых кочевых культур. Благодаря этому многие расценивают республику в качестве «прародины», «колыбели» человечества.

Наряду с идеологемой «Алтай-прародина человечества», в общественно-политическом дискурсе можно выделить представление о том, что данная территория является прародиной всех тюрков, а алтайцы хранителями древней Родины. Согласно разработкам научной интеллигенции, определен сакральный локус – символическая долина, расположенная в месте слияния р. Чуи и р. Катуни, где будет установлена Стела Общности. В последствие, здесь предполагается возведение комплекса «Тюрк кабай» («Колыбельь тюрков»), центральным объектом которого будет служить «пещера предков». Ему предлагается придать статус сакрального места, где, согласно нормам тенгрианства, будут проводиться обряды. Разработчики программы хотят сделать комплекс одним из центров мирового паломничества для тюрков, распространить норму, согласно которой, каждый представитель тюркского сообщества должен раз в жизни побывать в этом месте. Важно отметить, что в проекте предлагается приостановить деятельность представителей всех мировых религий на территории данного комплекса [1, с. 24-26].

Особым направлением в деятельности Правительства Республики Алтай является разработка законодательства, связанного с приданием некоторым территориям статуса сакральных мест. Региональным Министерством культуры в 2011 г. была разработана «Концепция по сохранению и развитию сакральных мест (священных земель), природно-культовых объектов Республики Алтай». Причиной появления данного документа, по мнению его авторов, является охрана объектов культурно-исторического наследия, представляющих аборигенное население, от вандализма. Так же разработчики Концепции хотят оградить традиционные сакральные места алтайцев от нарушений их целостности знаками и символами, принадлежащими культурным традициям других религий.

Согласно тексту документа, условиями устойчивого развития Алтая является сохранение культовых мест коренного населения в первозданном виде, трансляция экологических знаний последующим поколениям. В Концепции дается определение «сакральные места» (священные земли), под которыми понимаются почитаемые аборигенным населением элементы ландшафта (горы, перевалы, целебные источники и пр.); святилища, места обрядовых молений и исторических событий, родовые территории. При этом отмечается, что данные объекты являются элементами культурного наследия, которые сохранились предками, обладающими сакральными знаниями. Дополняют этот список природно-культовые объекты, под которыми понимаются культовые сооружения и скопления археологических памятников (петроглифы, курганы, каменные изваяния), и которые использовались предками в качестве мест, где совершались обрядовые действия.

Разработчики документа предлагают целый ряд мер для сбережения историко-культурного и географического ландшафта среди которых: «сохранение традиционно сложившейся самобытной культуры населения, представляющей уникальный природно-этнокультурный комплекс; развитие традиционных форм природопользования на основе духовно-культурного наследия народов Республики Алтай; проведение паспортизации сакральных объектов (священных земель)..; составление муниципально-территориальной этнокарты сакральных объектов (священных земель), природных культовых объектов; …ограждение от коммерческого использования и разрушения естественного состояния сакральных объектов; содействие восстановлению традиционного почитания сакральных объектов коренным населением, посетителями сакральных мест (священных земель), природно-культовых объектов Республики Алтай, используя методы экологического образования и просвещения; развитие культурного туризма».

В Концепции прописан и «режим функционирования» священных локусов, согласно которому выделяют три зоны с учетом природных особенностей и степени ценности в историко-культурном плане, статуса территории в обрядовых практиках алтайцев. Зона заповедного режима (А), предназначена только для совершения ритуальных действий, для посещения с целью совершения обрядов. Любая хозяйственная, рекреационная деятельность в данной местности запрещена. Зона с ограниченным режимом (Б) пользования подразумевает, наряду с совершением обрядов, занятие традиционными видами хозяйства с некоторыми ограничениями. В зоне развития (В) допускается ведение регулируемой экскурсионной, туристической деятельности и традиционного вида хозяйствования с соблюдением охранных зон памятников и режима сакральных мест (священных земель), природно-культовых объектов. Оговариваются и права местных жителей, под которыми понимаются, прежде всего, представители коренного тюркоязычного населения. Как гласит текст документа, местное население должно принимать участие в управленческих решениях по всем видам деятельности на данной территории, проводить экологические, этнографические экспертизы, привлекаться для работы в сфере туризма, сохранять традиционный вид занятости. Местные власти, по мысли разработчиков Концепции, регламентируют количество мигрантов, ведут учет посещения сакральных мест приезжающими. Отдельно прописан пункт о запрете на установку символов и знаков представителей других религий [10].

Инициативы местной власти по определению и кодификации сакральных мест поддержали и общественные деятели. Так, лидер религиозного движения «Ак Тян» («Белая вера») Акай Кине (С. К. Кыныев), разработал программу «Алтай сакральный» на 2008–2012 гг. Она предусматривала разработку единого видения «духовно-мировоззренческого комплекса» республики, кодификацию ряда мер по сохранению священных территорий. Необходимым условием гармоничного развития региона являлось конструирование единого образного пространства, «выражающего дух Алтая, как сакрального места с его тысячелетними традициями и культурой».

Таким образом, анализируя практики описания этничности в общественном дискурсе Республики Алтай, можно сделать вывод, что обращение к этнополитическим проблемам перешло в символическую плоскость. Объекты археологического наследия, историко-культурного ландшафта стали той ценностью, которая консолидирует сообщество, соединяя прошлое, настоящее и будущее поколение. При этом, обращаясь к практикам традиционных верований, символьная элита формирует многоуровневую идентичность: цивилизационную, региональную и этническую.

Список литературы

1. Алтай – прародина тюрков. Горно-Алтайск: ИП С. Кыдыев. 2011. 38 с.
2. Проект Постановления Правительства «Об утверждении Концепции по сохранению и развитию сакральных мест (священных земель), природно-культовых объектов Республики Алтай». Режим доступа: http://old.culture-altai.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=198&Itemid=1
3. Мейлахс П. Отдавая «родине» должное: опыт этносимволического анализа случая турок-месхетинцев центральной России. // Ab imperio. 2006, № 2. Режим доступа: http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?state=showa&idart=1638&idlang=2&Code=
4. Смит. Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма. М.: Праксис, 2004. 458 с.

УДК 378 (092) (571.55)

Гомбожаб Цыбиков о национальных праздниках бурят

Столярова Арина Александровна
студент историко-филологического факультета.
Забайкальский государственный университет.
Чита, Россия.
arina.stolyarova03@mail.ru
ORCID ID: 0009-0006-8742-6304

АННОТАЦИЯ Статья посвящена сохранению наследия Гомбожаба Цыбикова, его концепции развития культурных традиций бурятского народа. Гомбожаб Цыбиков был одним из создателей Бурятского ученого комитета, сыгравшего видную роль в работе по культурному и национальному возрождению бурят.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Традиционные праздники, новый год «Сагаалган» по восточному календарю, «Сурхарбан», Агинский бурятский округ.

Выдающийся российский ученый – востоковед, тибетолог и буддолог, Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873–1930) сыграл большую роль в сохранении и развитии культурных традиций бурятского народа. О жизни и деятельности Г.Ц. Цыбикова написаны десятки работ, которые раскрывают его многогранную личность [3, с. 6]. В 2007 г. сотрудниками Государственного архива совместно с Читинской телерадиокомпанией был создан документальный телефильм о Г.Ц. Цыбикове, отмеченный специальной премией. В настоящей статье поставлена цель проанализировать идеи ученого-просветителя.

В фондах государственного архива Забайкальского края (ГАЗК) хранятся документы, относящиеся к разным периодам жизни ученого: личное дело гимназиста, личное дело переводчика, протоколы совещаний министерства по национальным делам ДВР и личный фонд Г.Ц. Цыбикова. Документы были переданы в личный фонд на хранение вдовой учёного Лхамой Норбоевной Цыбиковой. В работе «Гомбожаб Цыбиков: жизнь исследователя в архивных документах» Т.А. Константинова подробно дает анализ жизни его на основе подлинных документов [3]. В личном фонде хранятся 26 дел, среди которых рукописи научных статей, письма Г.Ц. Цыбикова, дневники, которые он вёл во время путешествий, а также подготовленные им словари и материал к ним, записи о монгольском языке, ламаизме, культах и другие документы.

Сохранились разработанные Г.Ц. Цыбиковым учебные программы, составленные им планы, отчеты, доклады по языкознанию, в том числе о монгольском алфавите, положение об учёном комитете Бурят-Монгольской АССР, пособие по практическому изучению монгольского языка [3].

В 1922 г. Г.Ц. Цыбиков стал одним из создателей Бурятского ученого комитета, сыгравшего видную роль в работе по культурному возрождению бурят. Работая в Верхнеудинске (современный город Улан-Удэ) в 1923–1928 гг. и Иркутске – в 1928–1930 гг., он активно участвовал в национальном строительстве советской Бурятии [3].

В 1928 гг. Г.Ц. Цыбиков был отправлен в командировку в Монголию для укрепления советско-монгольских отношений. К тому времени он был монголоведом достаточного высокого уровня и широкого профиля. Важно, что именно в это время ученый готовил работы по истории и культуре бурятского народа: «Забайкальское бурятское казачье войско», «Очерк Монголии», «Культ огня у восточных бурят-монголов», «Шаманизм у бурят-монголов», «Цагалган» [3].

Праздничной культуре бурятского народа Г.Ц. Цыбиков уделял особенно пристальное внимание. В рукописи «О национальных праздниках бурят» на 18 листах он изложил краткую историю народных праздников [1]. Исследователь Т.А. Константинова предполагает, что работу он написал во время поездки в Монголию в 1928 г., когда у него появилось свободное время [4].

Подчеркивая, что из культурных традиций прошлого в советской автономной Бурятской республике были оставлены два праздника – «Цагалган» и «Сурхарбан», Г.Ц. Цыбиков напоминал, что изначально «Цагалган» был традиционным Новым годом у бурят и праздновали его поздней осенью. В черновом варианте рукописи значилось: «Это время, когда уже минует тепло, время запасания молочных продуктов и роста свежего приплода скота… когда начинается сковывание льдом ручейков, речек и рек, когда появляются все признаки, что скоро наступит суровое время года, богатое природными невзгодами. В это время кочевники прощались с привольной жизнью и проведенным сезоном молочных продуктов. Делали визиты к друг другу и допивали последний молочный продукты своего хозяйства и араку… Но затем не без влияния китайской и других культур «цагалган» был перенесен на начало весны, когда природа дает, хотя в начале слабые, признаки своему пробуждению» [1, л. 8–10]. В XX в. Новый год буряты отмечали в феврале, когда близилась к концу зима, начинался массовый окот скота, появлялась обильная молочная пища.

Другой праздник называется «Сурхарбан», что буквально означает «Стрельба в сур», т.е. кожаную мишень. Сурхарбан – яркое событие в культурной и спортивной жизни бурятского народа. Обычно оно начинается с наступлением лета и заканчивается почти к августу. Это время, когда население свободно от хозяйственных работ [6]. В этот период устраиваются молебны с привлечением широкого круга верующих: «обоо тахилга», «тайлаганы» и хуралы.

Спортивные игры проводились с глубокой древности в масштабе селений. На соревнования по стрельбе из лука, борьбе бухэ-барилдаан, конным скачкам выставлялись команды улусов [5]. В советский период «Сурхарбан» был дополнен играми в волейбол, легкой атлетикой. В него было вовлечено не только бурятское население, но и все жители городов и районов Бурятии, Читинской области и Агинского бурятского округа, независимо от национальности.

На современном этапе в рамках реализации концепции развития национальных видов спорта началась работа по возрождению народных обычаев, ритуалов и игр. При этом стрельба ведется только из национальных луков, к соревнованиям допускаются спортсмены в национальной одежде. Такие спортивные события можно сравнить с олимпийскими играми, где участвуют сельские поселения. К примеру, в Агинском районе Забайкальского края масштабные спортивные игры проводятся раз в два года. Это очень зрелищное мероприятие. В Агинском районе такие игры называются «Зунай Наадан», что в переводе с бурятского означает «летние игры». В селе Хойто-Ага Агинского района Забайкальского края такого рода событие проводится каждый год.

Одним из видов состязаний на празднике является борьба. На ламаистских праздниках соревнования по борьбе также устраивают, но там действует религиозный этикет: борцы перед схваткой подходят к ламе под благословение, а после нее победитель подносит ламе часть своего приза. Самым интересным в данном виде национального спорта является «танец орла», который исполняется после окончания «схватки» борцом–победителем.

Обновление отдельных культурных элементов, расширение масштабов празднования Сагаалгана, Сурхарбана и других праздников происходит под влиянием современной массовой культуры, телекоммуникационных и информационных технологий [2]. Праздники являются не только способом сохранения и передачи традиций, но и важным средством формирования национального самосознания

молодежи [5, с. 43]. Исследователь З.А. Будаева, рассматривая праздники в контексте теории аккультурации, прослеживает изменения бурятских ценностей. Автор утверждает, что большинство современных бурят осознает, что простое воспроизведение всех элементов праздничных культурных комплексов не гарантирует их сохранения актуальном состоянии, не предотвращает их архаизацию, «переселение» в музеи [2].

Значение работ Г.Ц. Цыбикова заключается в кодификации бурятских традиций. Ученый придавал большое значение сохранению аутентичной праздничной культуры. Хотелось бы, чтобы и в дальнейшем люди оставались верными национальным устоям и вере.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. Р-1683. Оп. 1. Д. 60.
2. Будаева З.А. Бурятские народные праздники в контексте теории аккультурации. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/buryatskie-narodnye-prazdniki-v-kontekste-teorii-akkulturatsii/viewer (дата обращения 8.06.2023).
3. Константинова Т.А. Гомбожаб Цыбиков: жизнь исследователя в архивных документах // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Вып. 3. Улан-Батор: 2012. Т. 2. С. 553-557. http://kronk.spb.ru/library/konstantinova-ta-2012.htm (дата обращения 7.06.2023).
4. Константинова Т.А. К истории празднования нового года «Сагангаал» по восточному календарю в документах личного фонда Г.Ц. Цыбикова http://www.gku-gazk.ru/index.php/180-k-istorii-prazdnovaniya-novogo-goda-sagalgaan-po-vostochnomu-kalendaryu-v-dokumentakh-lichnogo-fonda-g-ts-tsybikova (дата обращения 7.06.2023).
5. Хабудаева В.А. Национальные праздники в системе традиционных социокультурных ценностей бурятской молодежи. https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnye-prazdniki-v-sisteme-traditsionnyh-sotsiokulturnyh-tsennostey-buryatskoy-molodezhi-1/viewer (дата обращения 2.06.2023).
6. Цыбиков Г.Ц. Избранные труды: в двух томах / отв. ред. Р. Е. Пубаев; Акад. наук СССР, Сибирское отд-ние, Бурятский ин-т обществ. наук «О Центральном Тибете, Монголии и Бурятии», 1991. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_001607741/?ysclid=litoeio84m620199021 (дата обращения 6.06.2023).

УДК 398.332

Кумыс в культуре и обрядово-ритуальных практиках Сары Арки: традиции и новации

Сураганова Зубайда Кабиевна
кандидат исторических наук.
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Есік».
Алматы, Казахстан.
suraganova_zk@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-9893-6461

Сарсембина Куралай Куандыковна
кандидат исторических наук.
Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова (филиал в г.Астане).
Астана, Казахстан.
kuralai_sk@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5571-7944

АННОТАЦИЯ Кумысные праздники современного Казахстана – важная часть национального нематериального культурного наследия. Их актуализация в степной зоне Сары-Арка способствует популяризации коневодческих традиций казахов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Казахи, Сары-Арка, кумыс, праздник, коневодство, нематериальное культурное наследие.

В основу статьи легли авторские полевые материалы 2014–2015 и 2021 гг., собранные на территории Восточного, Центрального и Северного Казахстана. В центре исследования – кумысные праздники и церемони кочевой скотоводческой культуры. В степной Евразии они представлены в исторических источниках древности, средневековья и более позднего времени. Кумыс широко использовался в ритуалах и обрядах народов тюрко-монгольского культурного круга. Это сакральный напиток степняков был неотъемлемой частью имперских ритуальных возлияний [2, 7, с. 96]. Кумысом перед битвой кропили на знамена [1, с. 74; 8, с. 33. 101], его приносили в качестве жертвы горам [2, с. 35] и т.п. На пиру у чингизидов кумыс считался почетным напитком [5, с. 164-165].

Становление технологии изготовления кумыса связано с распространением коневодства в ходе формирования кочевых культур степной зоны. Казахи дали этому региону название Сары-Арки. В книге «Таварих-и хамса-ий шарки» – «Очерки истории пяти восточных народов» историка и этнографа Курбангали Халиди (1848–1913) даются очертания границ Сары-Арки с востока на запад от Алтая и до Уральских гор [14, с. 175].

Традиционно среди казахов Сары-Арка славилась коневодством. Летом, как отмечал А. Букейхан, принимавший участие в работе Казахстанской экспедиции АН СССР 1927 г., наиболее качественный кумыс готовили в степях Сары-Арки (Арало-Иртышский водораздел, Алтай, Тарбагатай, Тянь-шань) [13, с. 269]. В XX в. кумыс у казахов, согласно этнографическим наблюдениям, оценивался как почетный, престижный напиток, а его приготовление и употребление носило обрядовый, церемониальный характер [10, с. 24].

Сегодня в Казахстане кумыс по-прежнему выполняет роль престижного напитка, который присутствует не только в календарной весенне-летне-осенней обрядности, но и на пирах, сопровождающих обряды жизненного цикла. Возникший в глубокой

древности производственно-обрядовый комплекс кумысных праздников рассматривается сегодня как культурное наследие – своего рода символический капитал нации.

Традиционными у казахов остаются кумысные праздники: бие байлау (ритуал привязывания жеребят и первой дойки кобыл), қымызмұрындық (биемұрындық – пир по случаю угощения первым весенним кумысом), сірге жияр (пир по случаю угощения последним осенним кумысом). Обряд бие байлау традиционно отмечается угощением, ритуалом смазывания маслом колышков и привязи для жеребят, гривы кобыл и жеребца. Праздник и обряды воспроизводятся в значительной мере так, как это описано в материалах исследований Казахстанской экспедиции АН СССР 1927 г. [11, с. 22]. Одним из главных ингредиентов праздничного угощения остается, как и почти сто лет назад, көтен шек – прямая кишка лошади, которую специально оставляют от зимнего забоя – соғым: «котен варится и съедается во время обряда первой весенней привязки жеребят. Когда желы натянуто между кольев, их обливают айраном, льют айран на гриву жеребенка и кобылицы (местами и жеребца). Около желы едят ырымшык с молоком» [11, с. 22-24].

В прошлом и сегодня угощение первым кумысом сопровождается пиром. Сто лет назад об этом писали так: «когда заквасят кымыз и начинают его впервые пить, колют барашка и приглашают в гости всех из данного аула и т.д.» [11, с. 22-24]. Для праздничного угощения используется мясо зимнего забоя, нередко режут овцу. И, как показывают полевые материалы, көтен шек (прямая кишка лошади) также присутствует в угощении. Кумыс – главный напиток в праздничном застолье. Весенний праздник қымызмұрындық – пир по случаю приготовления первого кумыса сохраняет характер общественного мероприятия, на которое приглашаются близкие и родственники, односельчане.

Как показали исследования 2021 г., в Улытауском районе Карагандинской области кобыл доят только весной или весной и осенью, летом не везде. Эту особенность отмечал в 1927 г. и Ф.А. Фиельструп: «В очень жарких районах кумыс бывает особенно плох в самую знойную пору лета, в то время, как ранней весной и осенью он хорош повсюду» [13, с. 270]. Перед тем как окончательно выпустить лошадей на вольный выпас в степь – бие ағытар алдында, кобыл доят в последний раз и устраивают сірге жияр (сірге мөлдірітер) – пир с угощением кумысом. Мероприятие устраивается в конце августа – начале сентября. Считается, что кумыс в это время не уступает по своим качествам весеннему – к концу лета, после первых заморозков степная трава набирает, по словам информаторов, особую силу – күзде шөп құндылығы өседі. Согласно традиции, последним кумысом угощают женщину преклонного возраста или девочку-подростка – кәмелетке толмаған. В это видят ырым (благодать) – главная цель ритуала заключается в том, чтобы получить в следующем году как можно больше приплода жеребят – женских особей [9].

Угощение кумысом имеет характер престижной церемонии: «Любовно приготовленный степной кумыс вкусен, ароматичен, приятно слегка пьянит и веселит, и обряд распивания его растягивается под разговоры на долгое время… Кроме того важного значения, которое он имеет в хозяйстве и как непременное угощение для гостя, кумыс играет заглавную роль при всех выдающихся событиях как семейного, так и общественного характера» [13, с. 270].

Конкретной даты проведения кумысных праздников сегодня нет. Жители сел устраивают их в удобное время. Весной, в один из апрельских или майских выходных дней, а осенью в конце августа или начале сентября. Все зависит от погоды и состояния животных.

Еще в начале прошлого века мужчины принимали участие в дойке кобылиц, его взбивании, разливании и подаче [13, с. 270]. Сегодня по-прежнему мужчины не

чураются доить кобыл, разливать кумыс, но все же в приготовлении кумыса сохраняется значительная доля женского труда.

В настоящее время кумысные обряды в районных центрах и городах выступают в формате праздников-фестивалей с соответствующим содержанием. Начиная с 1992 г. по всему Казахстану в весенне-летний период отмечают праздник первого кумыса. Первый фестиваль кумыса был организован в 1992 г. в г. Целинограде (ныне г. Нур-Султан).

В г. Алматы (июнь 2009 г.) провели «Қымызмұрындық», посвященный 6000-летней истории кумыса. В июне 2012 г. в Павлодаре состоялся кумысный праздник на уровне области. «Қымызмұрындық» в этом городе отпраздновали в мае 2017 г. вторично. В празднике приняли участие гости из России и Кыргызстана. Каждая из 14 юрт, установленная к мероприятию, приготовила по 100 литров кумыса и бесплатно раздала пришедшим на праздник гостям. В июне 2017 г. в Петропавловске провели первый фестиваль кумыса «ҚымызFest». В октябре 2011 г. Карагандинская область в рамках сельскохозяйственной ярмарки провела в г. Астане фестиваль кумыса и баурсаков. Через пять лет, в июле 2016 г. в северной столице – тогда г. Астане стартовал Первый международный фестиваль «Кымызмұрындық». Учреждения культуры становятся инициаторами и площадками для возрождения традиционных календарных обрядов. Так, по инициативе Национального историко-культурного и природного музея-заповедника «Улытау» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан в 2017 г. состоялся Первый международный этнографический фестиваль «Ұлытау қымызы». В 2018 г. по инициативе и при активном участии жителей села «Терисаккан» Улытауского района Карагандинской области и музея-заповедника «Улытау» традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов – бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық – были внесены в список нематериального культурного наследия Республики Казахстан в категории «Обычаи, обряды, празднества» (№ 47). В 2018 г. традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов были включены в репрезентативный список Всемирного нематериального культурного наследия [4].

В 2019 г. в ходе празднования юбилейных мероприятий, посвященных 90-летию Жанааркинского района и 125-летию казахского поэта и писателя Сакена Сейфуллина (уроженца Жанаарки), был установлен мировой рекорд по количеству участников ритуала взбивания кумыса с занесеneним в Книгу рекордов Гинеса. В нем приняли участие представители 12 сел района, где самыми активными были жительницы села Ералиева. Женщины из Ералиева подготовились к празднику основательно: сшили к нему платья в этническом стиле; посуду, в которой традиционно готовят кумыс – күбі, обернули белой материей с вышивкой. У каждой участницы были приготовлены 10 литров кумыса для взбивания. В целом в церемонии участвовали 1 тыс. женщин, которые взбивали 10 тыс. литров кумыса. Такая активность объясняется тем, что традиции приготовления кумыса и кумысных праздников в этом районе практически не прерывались. Уже в конце XX в. напиток из кобыльего молока, приготовленный в Жанаарке, стал брендом. Как говорят информаторы, «жанааркинский кумыс» обрел популярность из-за степной травы, которой питаются лошади и особенного рецепта приготовления (обмазывание деревянной ступы – күбі сметаной и последующее копчение на степной траве – тобылғы). Значение также имеет (впрочем, как и на всей территории Сары-Арки) свободный выпас лошадей в ночное время. К утру их пригоняют к селу, доят с подпуском жеребят в течении дня, затем вновь выпускают в степь [9].

Как показывает статистика, поголовье лошадей в Казахстане с каждым годом растет. Начиная с 1991 г. в Казахстане началась трансформация сельского хозяйства. Сокращение посевных площадей привело к появлению новых пастбищных угодий.

Государственная поддержка скотоводства привела к интенсификации и росту поголовья животных. Если в 1991 г. поголовье лошадей составляло 1 626,3 тыс., то в 2021 г. количество лошадей – 3 701,0 тыс. В 1991 г. в личных хозяйствах находилось всего 511,0 тыс. голов лошадей, в 2021 г. в крестьянских хозяйствах и у населения соответственно – 1 790,8 / 1 682,3 тыс. голов лошадей [3, 12]. Полевые наблюдения в Сары-Арке позволяют утверждать, что кумысные праздники и церемонии, сложившиеся в Великой степи многие столетия назад, остаются значимым символическим ресурсом казахской культуры.

Праздники бие байлау, айғыр қосу, қымызмұрындық, сірге жияр (сірге мөлдірітер) и связанные с ними обряды получают новый импульс в своем развитии. Воссоздавая праздничную обрядность, казахское население огромного степного пространства вносит свой вклад в культурное разнообразие. В этом проявляется творческий потенциал местного сообщества. Праздники Сары-Арки, в основе которых лежат древние ритуалы коневодов, становятся основанием для развития туристских дестинаций и событийного туризма и фестивальных практик. Кумысные праздники, включенные в списки всемирного культурного наследия, способствуют популяризации традиций коневодства и его обрядового комплекса.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Министерства культуры и спорта Республики Казахстан (программа BR10164218 «Традиционная обрядность как манифестация помнящей культуры: ресурсы и стратегии символического капитала степной Евразии»).

Список литературы

1. Бабур-наме (Записки Бабура). Ташкент: Изд. ЦК КП Узбекистана, 1982. Кн. 2. 256 с.
2. Владимирцов Б.Я. Чингис-хан. Петербург, Москва, Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922. 176 с.
3. Животноводство Республики Казахстан. Алма-Ата: Республиканский информационноиздательский центр, 1992. 129 с.
4. Казахстан: Традиционные весенние праздничные обряды казахских коневодов были включены в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества. URL: http://ru.unesco.kz/kazakhstan-traditional-spring-festive-rites-of-the-kazakh-horse-breeders-inscribed-on-the (дата обращения: 18.08.2021).
5. Киракос Гандзакеци. История Армении / пер. с древнеарм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 359 с.
6. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: Рауан, 1992. 375 с.
7. «Книга» Марко Поло. М.: Географгиз, 1955. 376 с.
8. Козин С.А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niruča tobčiyan. Юань чао би ши // Монгольский обыденный изборник. Том I. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. 619 с.
9. Полевые материалы август 2021 г. Улытауский, Жанааркинский районы Карагандинской области.
10. Потапов Л.П. Краткий очерк культуры и быта алтайцев / предисл. Б. Каирского. ГорноАлтайск: Облнациздат, 1948. 64 с.
11. Руденко С.И. Очерк быта северо-восточных казаков // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. Вып. 15. Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1930. С. 1-72.
12. Статистика сельского, лесного, охотничьего и рыбного хозяйства // Бюро национальной статистики Агентства по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан. URL: https://stat.gov.kz/official/industry/14/statistic/7 (дата обращения: 17.08.2021).

13. Фиельструп Ф.А. Молочные продукты питания турков-кочевников // Казаки: сборник статей Антропологического отряда Казакстанской экспедиции Академия наук СССР: исследование 1927 г. Вып. 15. Л.: Изд. Акад. наук СССР, 1930. С. 263-302.
14. Халид 14. Халид Қ. Тауарих хамса: (Бес тарих). Алматы: Қазақстан, 1992, 304 б.

УДК 39+77

Наше наследие. История и культура Новосибирска в фотохрониках

Тютюнникова Елизавета Николаевна
младший научный сотрудник.
МАУК Музей Новосибирска.
Новосибирск, Россия
romaliza1986@gmail.com

АННОТАЦИЯ Работа посвящена деятельности Центра устной истории Музея Новосибирска. В ней дается оценка архива устных и визуальных текстов, представляющих историю города. В фокусе авторского исследования коллекция фото и документальных материалов завода «Сибсельмаш». Ее анализ позволяет реконструировать образ рабочего, который занимал ключевое место в советской фотографии 1950–1960-х гг.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Музей Новосибирск, устная история, документальная фотография,

Музей Новосибирска открылся в 2010 г. Сейчас это 8 районных филиалов, музей «На набережной», музей в доме одного из отцов–основателей города, инженера Г.М. Будагова и музей документального кино.

В 2011 г. в структуре музея был создан Центр устной истории (совместный проект Музея и Института археологии и этнографии СО РАН). Его сотрудники занимаются сбором материалов для создания единого городского архива устных и визуальных текстов, систематизированных по аудио-, фото- и видеофондам. Одна из его задач Центра – создание живого образа города – коллективного портрета его жителей. Его основой является фотофонд. Он постоянно пополняется и на данный момент составляет уже около 26000 предметов; основной фонд – более 9000 предметов. Тематически фотофонд разбит на темы: городские виды и пейзажи (более 11 000 предметов), портретные снимки (индивидуальные, групповые, семейные – около 6 000), предприятия города Новосибирска (заводы, фабрики, больницы, школы и прочие учреждения – около 6000), мероприятия, проводимые в Новосибирске (около 4000).

Важную часть фотофонда составляют материалы местных предприятий. Современный Новосибирск – это крупнейший индустриальный центр России. Одной из составляющих синтетического образа города является его «рабочее лицо». Заводской повседневности и ее визуальным образам посвящены десятки коллекций музея. Крупнейшей является коллекция фото и документальных материалов завода «Сибсельмаш». Его истории посвящены десятки публикаций [1].

Данная работа, выполненная в формате антропологии города. Источниками исследования служат фотоальбомы (более 100 учетных единиц) из коллекции ликвидированного «Музея боевой и трудовой славы» завода Сибсельмаш, переданной в МАУК «Музей Новосибирска» в 2018–2020 гг.

Большой объем материала выделен в блок «Рабочие на производстве». Это 27 альбомов, отражающих заводскую повседневность. Они имеют тематический характер, посвящаются ударникам коммунистического труда, передовикам производства, опыту подготовки кадров и обучению молодежи, рационализаторам производства. Снимки и подписи к ним сообщают нам, что ударником может быть любой из «сибсельмашевцев», стоит только поставить перед ним высокую цель и выполнять ее изо дня в день. Наряду с фотографиями, альбомы содержать развернутые

комментарии и позволяют воссоздать образ горожанина, рабочего крупнейшего завода Сибири 1950–1960-х гг.

Фотоколлекция завода «Сибсельмаш» интересна как свидетельство истории Новосибирска - на снимках запечатлена обычная жизнь заводчан середины XX в. Это был период превращения сибирского города в крупнейший промышленный центр СССР. Снимки передают типичные ситуации из жизни советских людей той эпохи. Большая часть фотографий сделана в естественной обстановке. Их основные сюжеты – собрания, первомайские колонны, рабочие за учебным столом, в госпитале, у больного товарища и т.п. Репортажная фотография позволяет почувствовать простоту и обыденность момента. Заметная деталь – практически все люди на снимках улыбаются или смеются.

Авторы альбомов воссоздают заводскую реальность посредством фотохроники. Заметно, что подборки снимков создавались не единовременно и, видимо, разными людьми. На примере фотоколлекции завода «Сибсельмаш» видно, как в середине XX в. складывался образ советского человека – рабочего, горожанина. Он возникал в результате индивидуального творчества (репортажной фотографии) и коллективной работы по созданию визуального подтверждения успехов советского общества в области производства и в благоустройстве повседневной жизни. Урбанизация стала знамением времени. Неизбежная при создании корпоративной фотографии «редакция действительности» сочеталась с яркими свидетельствами эпохи. Формирование документальной фотолетописи завода «Сибсельмаш» не исключало интереса заводских хроникеров к городской повседневности. Образ рабочего в 1950–1960-е гг. занимал ключевое место в советской фотографии. Сейчас он вновь находится в фокусе социологических и визуальных исследований. Попытки нового прочтения индустриальной темы заставляют исследователей, художников, фотографов и музейщиков вновь и вновь обращаться к историко-культурному наследию – в том числе к фотодокументам и образам советской эпохи.

Список литературы

1. Кузница степных кораблей: История Новосиб. произв. об-ния «Сибсельмаш» / [В.В. Алексеев, М.В. Зайцев, А.С. Московский и др.; Редкол.: А.П. Окладников (отв. ред.) и др.]. М.: Мысль, 1983. 255 с.

УДК 39+77

Притяжение провинции. Культура, память и телевидение (формы и методы трансляции историко-культурного наследия)

Шеремет Наталья Витальевна
член Союза журналистов РФ, режиссер.
ГТРК «Новосибирск».
Новосибирск, Россия.
natalia_nkz@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-5481-3822

АННОТАЦИЯ Статья посвящена современным тенденциям в развитии кинодокументалистики Сибири. В фокусе повествования проект канала ГТРК «Новосибирск» «Я здесь живу», а также серия фильмов о людях и событиях Новосибирской области. На их примере автор рассматривает проблему трансляции культурной памяти локальных и регионального сообществ и роль современных средств массовой коммуникации в этом процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кинодокументалистика, региональный тренд, Новосибирская область, народная культура.

В июле 2023 г. на сайте Администрации Новосибирской области была опубликована информация о том, что депутатами Законодательного собрания был принят закон «О государственной поддержке кинематографии в Новосибирской области». Он предполагает поддержку производства документальных, образовательных, анимационных и игровых фильмов, ориентированных на продвижение и брендирование региона. Издание приводит слова спикера Законодательного собрания А. Шимкива, который считает, что возвращение к документальному кино должно вернуть интерес к местным темам и героям [1].

В сентябре 2023 г. в Кемерово был открыт филиал ВГИКа (вслед за открытием филиала в Иркутске), где будут готовить режиссёров для ТВ. Эти два факта подтвердили возросший интерес на местах к документалистике. Документальное кино – это одна из разновидностей кинематографа – неигровое кино, в основе которого лежат истории реальных людей и реальные события. Специалисты проводят грань между теледокументалистикой и кинодокументалистикой. Содержание первой определяет слово, второй – изображение. Первая отвечает требованиям канала и ориентируется на актуальную повестку, в которой огромную роль играет автор – журналист.

Кинодокументалистика отличается более размеренным повествованием и монтажом. В ней нет временных рамок, ограниченных эфирной сеткой. Считается, что с развалом СССР агитация, пропаганда ушли из кинодокументалистики на телевидение. Поэтому, независимые авторы стали вольны в выборе тем и форматов. Провинциальная жизнь и ее герои – эти темы вышли «на повестку дня». При этом понятие «провинция» утратило оценочный характер, приблизившись к категории «регион».

Киноисследования регионов приобрели новое прочтение в последнее десятилетие. Авторы журналисты, погружаясь в провинциальную жизнь, стали искать ответы на важные для современной России вопросы. Один из них связан с оценкой соотношения региональной и общенациональной культуры и самосознания.

Ориентируясь на этот тренд, канал ГТРК «Новосибирск» запустил серию программ о людях и событиях Новосибирской области. «Я здесь живу» – так называется проект канала, премьера которого состоялась в 2018 г. «Его герои – это жители Новосибирской области. Они живут рядом с нами: водитель, врач, учёный, спортсмен, мастерица, библиотекарь, агроном... Говорят о сокровенном. О любви к дому, к своему делу. Каждая фраза находит отклик. Потому что не лукавят. И в каждом герое зрители могут узнать себя» – так представлен проект на сайте канала [3].

Фильм «Там, где живёт душа» (режиссер Н. Шеремет) вышел в эфире в ноябре 2022 г., – это фильм – знакомство с жителями сел, с энтузиастами, умельцами, хранителями культуры. Его герои: директор клуба в селе с населением в 500 человек; библиотекарь, составляющий районную карту поэтов–земляков; собирательницы обрядовых песен, прославившие район на всю страну; руководитель школы искусств, приехавший в село после института и оставшийся здесь. Проблема личного выбора в киноповествовании превращается в проблему сохранения культуры и творчества.

Сохранить очаги культуры в селах, значит сохранить душу народа – в этом заключается авторский посыл фильма «Там, где живёт душа». По форме – это специальный репортаж, с элементами очерка, художественной зарисовки и документалистики. Съемка велась, преимущественно, активной камерой, чтобы зритель стал соучастником происходящего. По структуре фильм состоит – из 3 частей: пролог, основная часть, эпилог. Пролог – съезд народных умельцев – в Новосибирске проходит областная культурная олимпиада. Масштаб события – более 300 участников. Основную часть фильма составляет мозаика людей и событий. Один из сюжетов был снят в селе Маслянино: больше 200 народных песен составляют репертуар местного фольклорного ансамбля «Горлинка». Кроме песен, в «Горлинке» хранят уникальные вещи, которые можно назвать артефактами народной культуры. Их ансамблю передают жители села. «Когда одеваешь эти вещи – это дорогого стоит, в них жизнь какая-то», – признаётся авторам фильма руководитель «Горлинки» Светлана Дукальская.

Почему такие как Светлана Дукальская люди становятся хранителями народной культуры? Каково ее значение для современной России? На эти вопросы в эпилоге фильма отвечает местная поэтесса Валентина Шмакова: «Из сел вырастают люди, богатые душой. Уезжают в город и все равно у них остаются нити к селу. Это люди – роднички, которые объединяются потом в большую реку».

Работа над фильмом «Там, где живет душа» дала толчок к продолжению темы народной культуры. Русский философ Иван Ильин выделял 10 основных ее ценностей: язык, песни и танцы, сказки, история народа, жития святых и героев, хозяйство (трудовое воспитание), армия, территория. В этом сочетании философ видел «дух национального воспитания» и полагал, что задача каждого поколения состоит в верной передаче этого духа. Русская культура – это культура сердца, любящего и созерцающего, совесть и духовность, писал И.А. Ильин [2].

Исследованием на эту тему стал фильм «Деревенские истории» (режиссер Н. Шеремет) 2023 г. Его основной сюжет был снят в деревне Поротниково Сузунского района Новосибирской области, где меньше ста жителей. «Деревенские истории» – это фильм от первого лица, фильм–откровение. Главный его герой – хранитель народной памяти, культорганизатор Галина Абрамова. «Время идёт. Оно течет как река могучая – Обь. Но надо всегда помнить: сегодня день, сегодня надо что-то сделать, чтобы сохранить и передать. Скрепляющее нас передать», – говорит в прологе фильма героиня. Однажды она оказалось перед выбором – сдаться или сохранить. И, вот, в маленькой деревеньке, где меньше 100 жителей – был создан народный театр, музей: «Не тамада должен в клубе работать, а человек, которому дорога история, культура просвещения… Если мы будем только о досуге – кого мы вырастим? Ведь сегодня дети

– завтра народ. И этот народ будет требовать только развлечения… Надо подругому… Об этом думаю, переживаю, но надеюсь, что сейчас многое меняется, взгляды меняются и к этому придут».

И сегодня в клубе, которым заведует Галина Абрамова, пишут письма землякам – участникам СВО, собирают посылки, делают маскировочную сетку и ставят спектакли – о реальных героях, жителях родной деревни.

И так же, как в фильме «Там, где живет душа», в «Деревенских историях» одной из ключевых тем является тема единства. Эта мысль прослеживается в каждом эпизоде, но в финале её проговаривает героиня. «Без нашей чирухи Россия не вся. Большая великая Россия – она из этих маленьких, крошечных деревень, из наших родословных связана, сплетена…»

И, пожалуй, в этом главная притягательность темы провинции. Исследование этого феномена позволяет найти ответы на самые злободневные ответы и обозначить перспективы. Кинодокументалистика, ориентированная на региональную проблематику, является исследование российской глубинки, души и культуры.

Список литературы

1. В Новосибирской области будут развивать региональный кинематограф // Ведомости НСО.РФ. 06.07.2023 https://xn--b1aecnthebc1acj.xn--p1ai/2023-07-06-Sh-01 (дата обращения: 10.08.2023).
2. Моисеенко М.В. Философия культуры И.А. Ильина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2003. №1. С. 76-82.
3. Я здесь живу// Вести. Новосибирск. URL: https://www.nsktv.ru/broadcasts/ya_zdes_zhivu/?ysclid=lmr3smjty6451706620 (дата обращения: 10.08.2023).

СИБИРСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

АКАДЕМИЧЕСКОЕ-УНИВЕРСИТЕТСКОЕ-ВОЕННОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ В ПОЛИТИКЕ, ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ НАРОДОВ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНОГО ВОСТОКА

УДК – 94 (5) (093)

Российское востоковедение: Центры и наследие (история и современность)

Валеев Рамиль Миргасимович
доктор исторических наук, профессор.
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Казань, Россия.
valeev200655@mail.ru
https://orsid.org/0000-0002-5316-8187

Валеева Роза Закариевна
кандидат педагогических наук, доцент.
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирясова.
Казань, Россия.
valroz@mail.ru
https://orsid.org/0000-0001-6347-0710

АННОТАЦИЯ Российская отечественная образовательная и исследовательская модель востоковедения (и африканистики) характеризуется комплексной ценностной наполненностью и трансформацией институтов и идей, сформировавшихся на протяжении более 200 лет истории российского востоковедения. Востоковедение в России развивалось в контексте геополитических, политических и культурных факторов и взаимоотношений России-Востока-Европы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Россия, Восток, востоковедение, центры востоковедения России и Европы, история востоковедения, российское академическое и университетское востоковедение, востоковеды, наследие востоковедов, социальная и политическая география и традиционная культура Востока.

В 2018 г. отмечалось 200-летие российского востоковедения. Юбилейная дата связана с Институтом востоковедения РАН и Институтом восточных рукописей РАН [2]. Эти известные научные учреждения ведут свою историю с 1818 г., когда в рамках Императорской академии наук был организован Азиатский музей. В 2019 г. – 120-лет со дня создания Восточного института во Владивостоке и 165 лет со дня образования восточного факультета Санкт-Петербургского университета, созданного в основном на базе разряда восточной словесности императорского Казанского университета (1807–1854 гг.). В ближайшие годы будут отмечаться знаменательные даты в истории отечественного востоковедения.

Научная исследовательская традиция отечественной и зарубежной историографии истории отечественной ориенталистики, в том числе университетских центров и институтов в Москве, Санкт-Петербурге, Казани, Новосибирске, Владивостоке, Киеве, Баку и других городах, включает немало оригинальных творческих работ, основанных на разнообразных источниках и насыщенных исследовательскими оценками, новыми подходами и идеями.

На современном этапе именно российская историография и источниковедение истории отечественного востоковедения, в том числе университетской ориенталистики и ориентализма, представляет собой достаточно самостоятельную часть востоковедной науки и составляющую истории культуры народов российского государства и общества. Научные материалы и знания по истории российского востоковедения, в том числе о вкладе университетского сообщества в процесс

изучения Востока, возникают одновременно с возникновением науки о Востоке. В целом историко-научные знания и сравнительный материал об университетском востоковедении в России и Европе стали формироваться в первой половине – середине XIX в. Эти историографические знания отличаются рациональностью построения и обоснованностью фактов в разнообразных работах первых историков российского востоковедения. Именно в это время связь формирующейся в России ориенталистики с проблемой изучения её истории приобретает устойчивый и постоянный характер.

У истоков современных материалов и оценок стояли известные российские востоковеды рубежа XIX – XX вв., создавшие фундаментальные исследования в востоковедении – В.Р. Розен, В.В. Бартольд, И.Ю. Крачковский, С.Ф. Ольденбург, В.М. Алексеев и др. Они оценивали историю отечественной ориенталистики как неотъемлемую часть научного знания и культуры общества и обратили внимание на роль и значение университетского востоковедения [5].

Изучение истории российского востоковедения, в частности университетских центров и ключевых направлений заявленной проблемы рассматриваемого периода, органично связано со следующими основными хронологическими и историко-научными периодами генезиса профессионального образования и науки о Востоке: 20–40-е гг. XIX в. – 60–70-е гг. XIX в.; 80–90-е гг. XIX в. – 20-е гг. XX в.; 1920–1960-е гг.; 1960-е гг. – 1980-е гг. и 1990–2000-е гг.

На рубеже XX–XXI вв. данная тема – история университетской ориенталистики и в целом отечественного востоковедения связана с научной традицией формирования научного сообщества современной России и стран СНГ. Тема получила глубокое и комплексное исследование – введены в научный оборот многие оригинальные источники, опубликованы монографические труды, исследовательские статьи и т.д. [3; 6] В меньшей степени это прослеживается в современной оригинальной европейской литературе, посвященной истории российской школы университетского востоковедения. К сожалению, многие исследования западных ученых по истории европейского, в том числе российского, востоковедения не известны в полной мере и не вовлечены в научный оборот.

Основным итогом процесса изучения истории российского востоковедения к рубежу XX – XXI вв. вв. стало осознание того, что на развитие образования и науки о Востоке влияли геополитические, научные, экономические, социальные и культурные факторы. В целом ориенталистика и ее история приобрели статус фундаментальной и прикладной дисциплины, ориентированной на изучение зарубежного и российского/советского Востока.

Актуально звучат оценки, сформулированные акад. С.Ф. Ольденбургом на рубеже дореволюционного и советского востоковедения. Он писал в 1920 г.: «В последнее время все яснее становится, какое значение имеет для планомерности научной работы тщательное изучение истории и методов каждой дисциплины, изучать которые надлежащим образом можно лишь знакомясь с самою интимною стороною работы ученых так, как там вполне обнаруживают ее и неизданные материалы и переписка ученого, где он высказывается гораздо свободнее, а часто и определеннее, чем в печатных трудах. Азиатский Музей поставил себе в этом отношении целью собрать и описать возможно большее количество материалов по истории русского востоковедения, не исключая, конечно, и материалов по истории востоковедения вообще, из которых некоторые уже находятся в Азиатском Музее» [1; 6].

Дальнейшее изучение темы позволит выявить закономерности развития востоковедения в России/СССР/СНГ, в том числе в центральных, региональных и национальных центрах и республиках, освоить накопленный концептуальный, историографический, источниковедческий и историко-научный опыт и развить эмпирический и теоретический фундамент в изучении развития востоковедной мысли

и знания в России и Европе, особенно в академических и университетских центрах России и Европы.

В истории и культуре народов России, разнообразных географических, этнических и историко-культурного пространств отечественное классическое и прикладное востоковедение и его научные центры и школы сыграли исключительную исследовательскую и гуманистическую роль.

В 1860 г. профессор Санкт-Петербургского университета Мирза А. К. Казем-Бек в одной из своих публицистических статей, опубликованной в журнале «Русское слово», подчеркнул, что «в число знаний, входящих в программу русского просвещения, должно иметь не последнее место и знание Востока». В 1876 г. известные востоковеды В.В. Григорьев и К. А. Коссович выделили междисциплинарный статус образования и науки о Востоке: «Предметы по части востоковедения... не состоят только из языков..., объемлет, кроме всестороннего изучения языков Востока, все предметы, раскрывающие и объясняющие полную совокупность явлений, характеризующих бытовую и государственную жизнь восточных народов во все эпохи ее развития».

Отечественное востоковедение и востоковедная мысль объективно способствовали осмыслению и раскрытию истории и культуры народов России, их исторического взаимодействия и в целом феномена социокультурного моста между Востоком и Западом.

Востоковедение стало важной образовательной, научной и просветительской дисциплиной и направлением начиная с истоков формирования и развития академического и университетского сообщества в Российской империи-СССР-РФ. Преподаватели, профессора и практики знакомили общество с историей и культурой народов зарубежного Востока и Востока российского государства, углубляли осмысление феномена культурного наследия древней и современной Азии.

Официальные мероприятия Петра I – активизация восточной политики, правительственные указы о преподавании восточных языков и приглашении европейских специалистов и ученых, последующее основания Кунсткамеры (1714 г.), Академии наук (1725 г.), Московского университета (1755 г.), уникальные академические путешествия в Поволжье, Сибирь и на Кавказ (30 – 70-е гг. XVIII в.) и в целом эпоха формирования евразийской России (соприкосновение границ со странами «Русского Востока» и зарубежного Востока, российско-азиатские военно-политические, дипломатические и культурные отношения и т.д.) стали факторами формирования особой отрасли академических и университетских междисциплинарных дисциплин и знаний по изучению Востока в России.

Период XVIII в. – нач. XXI в. был ознаменован сложным и в целом прогрессивным развитием науки о Востоке в России и Европе. В XIX – начале XXI вв. Академия наук и университетские центры сыграли ключевую роль в изменении статуса, структуры и природы востоковедения, и в этот институциональный и исследовательский процесс огромный вклад внесли представители народов России и Европы. Многонациональный характер российского востоковедения – значимая гуманитарная и социокультурная традиция в познании исторического, цивилизационного и культурного наследия Востока.

Эти столетия характеризовались развитием нового научного знания о Востоке, разнообразием, богатством, преемственностью и порой трагедией российской ориенталистики, созданием уникальной институциональной системы востоковедческого образования и научных исследований, объединявшей деятельность официальных органов власти, Академии наук, университетов, лицеев, гимназий, духовных академий и научных обществ. На современном этапе прослеживается тенденция размывания термина «востоковедение» и отказа от него в современной России, но и, особенно проявившаяся себя в англоязычной гуманитарной

сфере.

Университеты России в XIX – начале XX вв. играли важную роль в реализации классической модели «идеала университета» и «университетской идеи» в своих социально-политических, научных и культурных миссиях. Востоковедение и ориентализм как новые гуманитарные направления российской университетской корпорации нового времени становились органичными в реализации идеалов европейского и отечественного классического университета, в «возвышении и распространении науки», «приращении научного знания», в развитии интеллекта и личности студента. Особенно университетские уставы 1804 г., 1835 г., 1863 г., 1884 г. развивали институциональные основы моделей классического и прикладного востоковедения в высшей школе России. Тенденция усиления специализации академического и университетского востоковедения на протяжении всего XIX в. была связана с требованиями «чистой науки» о Востоке, а также с подготовкой кадров для государственной службы в империи.

Особое место в истории российского и европейского востоковедения, в истории и культуре народов современной России, Армении, Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Украины и других современных государств занимают ключевые центры востоковедения в Москве, Казани, Петербурге и Владивостоке – Московский университет, Лазаревский институт восточных языков, Казанский университет, Санкт-Петербургский университет, Азиатский музей, Восточный институт во Владивостоке, Восточная комиссия Московского археологического общества, Восточное отделение Русского археологического общества и другие институты с их богатыми исследовательскими и гуманистическими традициями и значимым наследием выдающихся ученых и практиков и т.д. [7; 8].

Среди них в особенности основоположников отечественного востоковедения являются – Х.Д. Френ (1782–1851), И.И. Хальфин (1778–1829), А.В. Болдырев (1780–1842), О.И. Сенковский (1800–1858), Б.А. Дорн (1805–1881), Р.Х. Ленц (1808–1836), Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869), Мирза А.К. Казем-Бек (1802–1870), П.Я. Петров (1814–1875), А.О. Мухлинский (1808–1877), К.П. Патканов (1833–1889), В.П. Васильев (1818–1900), О.М. Ковалевский (1800–1878), П.М. Мелиоранский (1868–1906), В.Р. Розен (1849–1908), В.Ф. Миллер (1848–1913), Ф.Е. Корш (1843–1915), В.В. Григорьев (1816–1881), Д.А. Хвольсон (1819–1911), К.Г. Залеман (1849–1916), Н.И. Веселовский (1848–1918), Н.И. Ильминский (1822–1891), В.А. Жуковский (1858–1918), В.В. Радлов (1837–1918), С.Ф. Ольденбург (1863– 1934), В.В. Бартольд (1869–1930), А.Е. Крымский (1870–1942), И.Ю. Крачковский (1883–1951), Н.А. Медников (1855–1918), А.Ф. Хащаб (1872–1919), Б.А. Тураев (1868–1920), В.Д. Смирнов (1846–1922), Н.Ф. Катанов (1862–1922), П.А. Фалев (1888–1922), Н.Я. Марр (1864–1934), Ф.И. Щерабатский (1866–1942), П.К. Коковцов (1861–1942), В.М. Алексеев (1881–1951), В.А. Гордлевский (1876–1956), И.А. Орбели (1887–1961), В.Ф. Минорский (1877–1966) и др. [4; 5; 9; 10; 11; 12]. Эти выдающиеся ориенталисты и многие забытые труженики науки о Востоке стояли у истоков современного востоковедческого образования о Востоке [5; 9; 10].

Важное место занимает развитие научной концепции и направлений политики советского государства в 1920–1930-е гг., в советском и постсоветском эпохах в сфере востоковедения. После революционных событий 1917 г., в 20–30-х гг. XX в. политическое руководство СССР реализовало мероприятия по радикальному реформированию системы академического и университетского востоковедения и на современном этапе после распада Советского Союза. В университетском востоковедении заметны радикальные идейные, организационные и профессиональные меры, соответствующие целям и задачам советской власти и РКП (б)-ВКП(б); усиление репрессивной политики по отношению к представителям

дореволюционной востоковедной школы и др. В сентябре 1942 г. академик-китаевед В.М. Алексеев написал академику-арабисту И.Ю. Крачковскому: «Вымерли не только лица, но и целые поколения востоковедов». Эти горестные слова и оценки были связаны с общественно-политическими и военно-политическими процессам 1914 – начала 1940-х годов в российском/советском государстве.

Особого внимания заслуживает изучение направлений, итогов и особенностей институционализации советской/российской высшей востоковедной школы в 1920–1930- гг. и на современном этапе.

Первые десятилетия формирования советского востоковедения свидетельствовали о разрыве и надломе жизни научного социума востоковедов: закрытие основных гуманитарных центров изучения Востока; аресты и репрессии академических и университетских ориенталистов; уничтожение и сужение классической междисциплинарной структуры науки; ослабление и прекращение связи с европейскими востоковедными центрами и в целом огосударствление и идеологизация ориенталистики в СССР. Особое внимание уделяется трагическому социально-политическому и культурному «Великому перелому» в истории университетского востоковедения 1920–1930-х гг.

В XIX в. – первых трех десятилетиях XX в. отмечались наиболее переломные рубежи и этапы историко-научного и институционального развития ориенталистики и ориентализма в РАН и университетах России. В университетах России к рубежу XIX – XX вв. новые востоковедческие предметы, курсы и дисциплины впервые в истории европейской ориенталистики стали предметами университетского преподавания. Проблема межэтнического, культурного и религиозного диалога приобретает особое звучание в контексте изучения истории востоковедения и современных тенденции в РФ. В целом исследование предполагает и реализует комплексное междисциплинарное изучение отечественного социогуманитарного востоковедческого научного и просветительского сообщества в переломные периоды 1755–1920/30-х гг. и его академического и гуманитарного потенциала, и ответа на геополитические, общественно-политические и социокультурные вызовы на рубежах XVIII/XIX–XIX/XX–XX/XXI вв.

Генезис российского востоковедения, в том числе и европейского, в новое и новейшее время был связан с развитием научных знаний о восточных народах и странах, эмпирическим и теоретическим уровнями и их трансформациями.

Профессиональное образование и наука о Востоке в России – творчество практиков и ученых, система социальных и научных отношений и связей отличается органичным влиянием на общество и государство. Академическое и университетское востоковедение в России ярко продемонстрировало феномен исследовательских открытий и уникальной психологии научного творчества. Традиции и новации центров российского востоковедения XVIII – XX вв. позволяют провести сравнительный анализ моделей педагогической, научной, просветительской деятельности преподавателей и ученых и, особенно, созданных ими научных образов Востока.

Заключение

Исследование посвящено изучению истории формирования и развития востоковедения в России как академического, университетского и прикладного направления и дисциплины, их методологии, форм и особенностей взаимодействия основных университетов и Академии наук, деятельности ключевых

институциональных центров науки о Востоке Российской империи/СССР/РФ на основе широкого спектра источников, в числе которых особое значение имеют ранее неопубликованные архивные источники.

Тема позволяет внести вклад в изучение приоритетного направления современных отечественных гуманитарных исследований: как безопасность государства-общества-личности и изучение различных составляющих духовной и культурной целостности, а также самобытности многонациональной России. Реализация проекта позволяет внести вклад в изучение приоритетного направления современных отечественных гуманитарных исследований: как безопасность государства-общества-личности и роли востоковедения в подготовке молодых специалистов.

Благодарность: Исследование выполнено при поддержке РНФ (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Список литературы

1. Азиатский музей Российской Академии наук. 1818 – 1918. Краткая памятка. Петербург, 1920.
2. Азиатский музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / Институт восточных рукописей РАН (Азиатский Музей). М., 2018. 895 с.
3. Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань – Пекин – Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В. Г. Дацышен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021. 320 с.
4. Архив АН СССР. Обозрение архивных материалов. Т. IV // Труды Архива. Вып. 16. М.-Л., 1959. С. 247–275.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977. 966 с.
6. Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020. 440 с.
7. Валеев Р.М. Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-х гг. XX в.). Казань, 1998. 380 с.
8. Валеев Р.М. Ориенталистика в Казанском университете (1807 – 20-е гг. XX в.). Lambert, 2019. 303 с.
9. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М., 1990. 435 с.
10. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года. М., 1997. 536 с.
11. Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки. Составитель А.А. Вигасин. М., 2012. 478 с.
12. Эпистолярное наследие российских востоковедов: Письма Мирзы А.К. Казем-Бека академику Х.Д. Френу (1831–1846) / Отв. ред. Р.М. Валеев. Вступит. статьи Н.Н. Дьякова, И.Ф. Поповой, И.В. Тункиной. Казань, 2015. 214 с.

УДК 93/94

Проблемы становления изучения истории Китая в Новосибирске

Дацышен Владимир Григорьевич
доктор исторических наук, профессор.
Сибирский федеральный университет,
Институт востоковедения РАН.
Красноярск, Россия
dazishen@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории китаеведения и исторической науки в Сибири. В начале 1970-х гг. в Новосибирском Академгородке появился первый в Сибири центр изучения истории Китая. Появление этого центра было обусловлено комплексом причин и факторов. Создание центра новосибирского исторического китаеведения связано с введением преподавания китайского языка в Новосибирском государственном университете и созданием в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР сектора истории и археологии стран зарубежного Востока. Новосибирск стал ведущим в России и известным за рубежом центром изучения археологии, а также древней и средневековой истории Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Новосибирск, история и археология Китая, китаеведение

Новосибирск в первой половине XX в. стал самым большим и индустриально развитым городом востока России, а во второй половине XX в. – центром науки и образования в Сибири, что и обусловило становление здесь первого в Сибири центра изучения истории Китая.

С первых дней формирования СО АН СССР в 1950-х гг. началось сотрудничество его институтов и ученых с Китаем. Председатель президиума СО АН СССР М.А. Лаврентьев возглавил отделение Общества советско-китайской дружбы и в 1958 г. совершил визит в КНР. В качестве важных предпосылок появления китаеведения в Новосибирске стали развитие в 1960-х гг. в СО АН СССР и НГУ археологии и маньчжуристики.

Основателем новосибирского университетского китаеведения стала О.П. Фролова, изучавшая китайский язык в Харбинском политехническом институте. В начале 1968 г. О.П. Фролова устроилась работать на кафедру общего языкознания. В том же году были опубликованы две ее научные статьи по китайскому языкознанию. В начале 1969 г. впервые для студентов Гуманитарного факультета был поставлен факультатив китайского языка. В учебном плане на 1968/69 уч. год был поставлен спецкурс китайского языка. Все запланированные 34 час были поставлены на второй семестр. Спецкурс китайского языка был запланирован для группы студентов 3-го курса, обучавшихся по специальности «языки народов Сибири» и изучающих эвенкийский язык. Для студентов 1970-го года набора по специальности языкознание факультатив чешского языка в 1972\73 уч. году был заменен на факультатив китайского языка. Декан Гуманитарного факультета НГУ в своих воспоминаниях отметил: «В 1970–71 гг. появилась группа студентов, изучающих китайский язык... Как только наша первая группа студентов-китаистов прошла медиану, я поехал в ЛГУ на

восточный факультет, и там очень обрадовались нашей инициативе, нашим успехам. Нас стали признавать в российском научном сообществе востоковедов, пригласили на конференцию в Институт стран Азии и Африки (ИСАА) при МГУ».

В это же время к изучению Китая приступили новосибирские археологи. В отчете об участии в работе московской конференции «Актуальные проблемы советского китаеведения» новосибирские ученые в начале 1972 г. писали: «Нам, участникам конференции от сибиряков, было приятно услышать, что историки Сибири внесли определённый вклад в развитие советского китаеведения. Особо была отмечена «История Сибири», подготовленная под руководством академика А.П. Окладникова… Поэтому вполне было оправдано создание в конце 1970 года в составе Института истории, филологии и философии СО АН СССР сектора истории и археологии стран зарубежного Востока… Хотя сектор небольшой, но его сотрудники… подготовили к изданию три сборника научных работ… правильно на наш взгляд, поступило руководство гуманитарного факультета НГУ, включив с этого учебного года в программу изучение спецкурса по истории Китая, чтение которого поручено сотрудникам нашего сектора» [4]. Сектор истории и археологии стран зарубежного Востока возглавил выпускник восточного факультета Ленинградского государственного университета В.Е. Ларичев. В 1971 г. он защитил докторскую диссертацию «Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии: Формирование основ современных представлений о культурах древнекаменного века Азии: 1871–1960 гг.». В числе первых новосибирских историков-китаеведов и исследователей истории Китая необходимо назвать А.Г. Малявкина. Один из самых известных китаеведов – воспитанников НГУ – С.Н. Гончаров вспоминал: «Во время учёбы в Новосибирском университете у нас было много замечательных преподавателей. В этой статье хотел бы выделить А.Г. Малявкина (вёл старый письменный язык) и Т.И. Кашину (преподавала разговорный китайский). Оба они были «харбинцами» – русскими эмигрантами, возвратившимися в СССР в середине 50-х годов» [2, с. 359].

В числе важнейших факторов, обусловивших появление китаеведения в Новосибирске в то время, был фактор политический. С.Н. Гончаров пишет: «30 июня 1969 г. … А.Н. Косыгин посетил с рабочим визитом Новосибирск и Академгородок. Сохранилось две фотографии, на которых запечатлена его оживлённая беседа с выдающимся археологом, академиком, директором Института истории, археологии и этнографии СО АН СССР А.П. Окладниковым. Алексей Павлович впоследствии рассказывал, что премьер упрекнул отечественных и сибирских учёных в том, что мы очень плохо знаем историю формирования границы с Китаем, недостаточно изучаем источники… Одним из практических результатов разговора А.П. Окладникова с Председателем Совета Министров стало решение об организации на гуманитарном факультете Новосибирского государственного университета группы с углублённым изучением древнего китайского письменного языка вэнь-янь (文言). Планировалось, что впоследствии выпускники группы будут работать в секторе истории и археологии стран Дальнего Востока, которым руководил член-корреспондент АН СССР В.Е. Ларичев, и будут заниматься изучением китайских работ по археологии сопредельных с Россией территорий, а также источников по истории чжурчжэньской империи Цзинь (1115–1234 гг.)» [Там же, с. 358].

Согласно учебным рабочим планам, набор студентов на специальность история (востоковедение) в НГУ с изучением китайского языка и истории Китая был произведен в 1972 г. На первом курсе эта группа имела 408 часов практических

занятий китайского языка. И на втором курсе у этих студентов по учебному плану было 476 часов практических занятий китайского языка. Всего по учебной программе на группу было запланировано 1752 час практических занятий китайского языка и 340 часов лекций истории Китая. В 1973 г. был произведен набор на специальность востоковедение с теми же 1752 часами практических занятий по китайскому языку. А среди первых воспитанников НГУ, ставших известными исследователями истории Китая, был выпускник гуманитарного факультет НГУ по специальности «История» 1974 г. Г.Г. Пиков.

С 1973 г. на кафедре всеобщей истории НГУ по совместительству стала работать в качестве младшего научного сотрудника ИИФФ СО АН СССР Т.И. Кашина, выпускница 1963 г. Восточного факультета ЛГУ, аспирантуры (1971 г.) ИИФФ СО АН СССР. Она исследовала культуру Яншао, и начиная с 1969 г. публиковала в Новосибирске научные статьи по этой теме. В 1972 г. Т.И. Кашина защитила в НГУ кандидатскую диссертацию по истории Китая. Т.И. Кашина руководила дипломными работами по истории и археологии Китая. Например, в 1977 г. под ее руководством были защищены работы С.А. Комиссарова «Вариант мяодигоу культуры яншао», А.В. Варенова «Культура мацзяяо», М.А. Шевченко (Ин) «Ранний этап культуры яньшао» и др.

Заключение

Таким образом, в 1970-х гг. благодаря объединению восточной филологии и археологии на гуманитарном факультете НГУ началась подготовка историков-китаеведов. ВСО АН СССР начались исследования по китайской археологии и источниковедческо-переводческая работа по истории Китая. Вскоре Новосибирск стал известным в России и мире центром изучения археологии, древней и средневековой истории Китая.

Список литературы

1. Войтишек Е.Э., Дацышен В.Г., Комиссаров С.А. Востоковедная школа профессора Ольги Павловны Фроловой // Актуальные вопросы изучения истории, международных отношений и культур стран Востока: Материалы V Междунар. науч. конф. 7–8 окт. 2022 г. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. С. 18–20.
2. Гончаров С.Н. «Диалог Мао Цзэдуна со Сталиным»: история одного интервью через призму одной жизни // 43-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLIII. Часть 1. / Ученые записки Отдела Китая. Вып. 8. М., 2013. С. 327–372.
3. Дацышен В.Г. Новосибирское отделение Общества советско-китайской дружбы и политика «мягкой силы» в 1980-х гг. в региональном измерении // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие: Материалы научно-практической конференции: Материалы научно-практической конференции Второго международного научного форума НГУ «Наследие» (31 октября – 1 ноября 2020 г., г. Новосибирск) / Новосиб. гос. ун-т; Под ред. С.А. Комиссарова, Ю.А. Азаренко. Новосибирск, 2020. С. 9–19.
4. Кряжев А., Малявкин А. Актуальные проблемы советского китаеведения // За науку в Сибири. 1972. 2 февраля.

УДК 378.4

Отечественное востоковедение в системе высшего образования (на примере деятельности кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова)

Кириллина Светлана Алексеевна
доктор исторических наук, профессор.
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.
Москва, Россия.
s.kirillina@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-5769-3715

Смирнов Валерий Евгеньевич
кандидат исторических наук.
Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова.
Москва, Россия.
smirnov@iaas.msu.ru
ORCID ID: 0000-0003-4276-4861

АННОТАЦИЯ В статье анализируются узловые этапы научно-педагогической деятельности профессорско-преподавательского состава кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, который активно и плодотворно работает над созданием качественно новых учебных программ подготовки востоковедов-специалистов по истории стран Ближнего и Среднего Востока, вносит весомый вклад в подготовку и воспитание востоковедных кадров в стенах Московского университета, содействует развитию востоковедения и исторической науки в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Московский университет, востоковедение, Ближний и Средний Восток.

Появление кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока в системе Московского университета связано с его реструктуризацией. В июне 1944 г. в составе исторического факультета МГУ было создано Отделение истории Востока. Среди прочих кафедр, образованных в результате разделения существовавшей до этого момента кафедры истории стран Востока, в состав Восточного отделения вошли кафедра истории стран Ближнего Востока, готовившая научно-преподавательские кадры по Турции, арабским и африканским странам, и кафедра истории стран Среднего Востока, которая специализировалась на истории Ирана, Афганистана и Индии. Девять лет спустя, после утверждения новой структуры МГУ в 1953 г. в состав реорганизованного отделения истории Востока исторического факультета вошла сформированная на базе этих двух структурных подразделений новая кафедра истории Ближнего и Среднего Востока. После открытия при Московском университете в 1956 г. Института восточных языков (ИВЯ) и передачи ему существовавших на тот момент на филологическом и историческом факультетах соответствующих подразделений востоковедного профиля кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока обрела свое современное название.

В весьма короткие сроки на кафедре истории стран Ближнего и Среднего Востока сложилась дееспособная группа преподавателей – высокообразованных профессионалов, обеспечивших качественную подготовку квалифицированных

востоковедных кадров для нужд страны. Уже в первые годы существования кафедры в структуре ИВЯ усилиями ее руководства и педагогического коллектива удалось найти оптимальное соотношение дисциплин как общетеоретического, так и практического характера, что позволяло дать послевоенному поколению студентов достаточно полное представление об историческом развитии и современном состоянии социально-экономической и культурной жизни изучаемой страны или региона [см.: 3].

К моменту начала распада Советского Союза и наступления эпохи больших перемен во всей системе высшей школы кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока заслуженно занимала место признанного учебно-методического и научного центра подготовки квалифицированных востоковедных кадров, специализирующихся по истории арабских стран, Турции, Ирана и Афганистана. За годы своего существования в структуре Московского университета усилиями ее руководства и педагогических работников ей удалось сформировать уникальный профессорско-преподавательский коллектив, который отвечал всем современным на тот период требованиям, выдвигаемым университетской наукой и образованием.

Социальные потрясения и радикальные перемены в общественно-политической жизни страны начала 1990-х годов определили значительные изменения в сфере востоковедной исторической науки. С одной стороны, реалии быстро менявшегося мира сняли цензурные ограничения, открыли широкий доступ к ранее недоступным для историков архивным материалам и другим источникам, способствовали диверсификации методологии исторического познания, отказу от насаждавшегося в советские времена идеологического монизма и расширению проблематики научных исследований. С другой стороны, разрушились традиционные связи с востоковедными центрами бывших союзных республик, серьезно сократилось финансирование высшей школы. Лишь преданность избранной специальности, самоотверженный труд и ответственность коллектива определили поступательное развитие кафедры, во главе которой в это непростое время встал отечественный востоковед-турколог с международным реноме Михаил Серафимович Мейер (1936–2022).

Воспитанник Московского университета, заслуженный профессор Московского университета М.С. Мейер зарекомендовал себя как талантливый руководитель, нестандартно мыслящий научный исследователь, высококвалифицированный педагог, блестящий лектор, опытный методист и наставник. Его новаторские этапные труды, посвященные разработке важнейших проблем всемирной истории и одному из наиболее динамично развивающихся направлений мировой ориенталистики – османистике, получили широкую известность в академических и научных кругах России и зарубежных стран [подробнее о нем. см.: 1; 2; 4].

За 28 лет руководства кафедрой профессор М.С. Мейер приложил значительные усилия для решения организационных задач, стоящих перед подразделением. Со второй половины 1990-х годов при его деятельном участии запустился процесс омоложения преподавательского состава, в который влились воспитанные на кафедре молодые кадры, успешно защитившие кандидатские диссертации (В.В. Орлов, Д.Р. Жантиев, К.А. Панченко; Т.Ю. Кобищанов, П.В. Шлыков). Одновременно кафедра сумела существенно укрепить свой кадровый потенциал за счёт привлечения уже состоявшихся специалистов.

Реформирование российской высшей школы потребовали от коллектива кафедры серьезного обновления учебных программ. В ходе работы по формированию программ учебных дисциплин для бакалавров, магистров и аспирантов усилиями профессорско-преподавательского состава кафедры за последнее десятилетие был создан ряд авторских курсов и спецкурсов: «Цивилизационные проблемы развития афро-азиатского региона», «История исламской цивилизации» (М.С. Мейер); «Исламоведение», «Ислам и его визуальные и художественные воплощения» (С.А.

Кириллина); «Региональное сотрудничество в современном арабском мире» (В.В. Орлов); «Арабские провинции Османской империи в эпоху модернизации» (Д.Р. Жантиев); «Вакфы в контексте социально-политической жизни стран исламского мира в XX в.» (П.В. Шлыков); «Основные этапы истории культуры Ирана: истоки и влияния (с Древности до XVIII в.)» (В.Н. Зайцев) и многие другие. Примером быстрой реакции на перемены, происходившие в странах арабского мира на рубеже XX–XXI столетий, стали межфакультетские спецкурсы «Арабская весна: причины, проявление и предварительные итоги» (Д.Р. Жантиев) и «Россия и арабский мир в XX – начале XXI в.: история, культура, геополитика» (В.В. Орлов).

Научная деятельность сотрудников кафедры характеризовалась оживлением теоретических исследований, расширением методологической базы научных изысканий, повышением интереса к востоковедным трудам зарубежных авторов. Развивались новые научные направления, разрабатывались проблемы источниковедения, историографии, выходили оригинальные, новаторские труды. После получения возможности работать с фондами архивных хранилищ как в нашей стране, так и за рубежом значительно возросло число кафедральных изданий, связанных с обработкой и публикацией уникальных архивных материалов (М.С. Мейер, С.А. Кириллина, Т.Ю. Кобищанов, Г.В. Горячкин и др.).

К числу новых векторов научных поисков на кафедре относится актуальная, но малоизученная тема восточного христианства, в рамках которой исследуются судьбы православной церкви в арабском мире, затрагиваются сюжеты, связанные с русским паломничеством в страны Арабского Востока. В 2001 г. за выполненную в рамках этого направления исследований монографию «Османская империя и судьбы Православия на Арабском Востоке (XVI – начало XIX века)» доктор исторических наук К.А. Панченко получил престижную Макариевскую премию в номинации «История Православной Церкви». Десять лет спустя, в 2011 г., профессор С.А. Кириллина также была удостоена Макариевской премии в номинации «История православных стран и народов» за плод своей многолетней работы – капитальную монографию «Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий».

Помимо университетских научных публикаций историки кафедры принимали участие в написании коллективных трудов по истории стран Азии и Африки и отдельным ключевым проблемам их развития, которые издавались ведущими научными институтами Российской академии наук. Среди них заслуживает первоочередного упоминания выходившая в период с 1995 по 2017 г. 6-томная «История Востока» ИВ РАН (М.С. Мейер, Ф.М. Ацамба, Д.Р. Жантиев, В.В. Орлов, С.А. Кириллина, Т.А. Коняшкина).

В 2018 г. бразды управления кафедрой перешли к заслуженному профессору Московского университета Светлане Алексеевне Кириллиной – ведущему российскому востоковеду, специалисту в области истории, культуры и религии арабских стран. В настоящее время кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока под ее руководством представляет собой динамично развивающийся, сплоченный научно-педагогический коллектив квалифицированных специалистов, обеспечивающих соответствующий высоким мировым стандартам уровень преподавания и научно-исследовательских работ.

Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока продолжает уделять самое серьезное внимание учебно-методическому обеспечению учебного процесса. В 2022 г. были опубликованы два новых учебных пособия, подготовленные сотрудниками кафедры: Кириллина С.А., Кораев Т.К., Панченко К.А. Аравия и ее соседи до зарождения ислама (М.: Издательство Московского университета, 2022. 242 с.); Кириллина С.А., Орлов В.В. Североафриканский ислам в канун эпохи перемен (М.: Издательство Московского университета, 2022. 245 с.). Первое из них посвящено истории Аравии и

прилегающих к ней регионов в период с I тыс. до н. э. вплоть до VII в. – времени рождения новой и самой молодой мировой религии – ислама. Второе знакомит читателей с историей североафриканского ислама и его институтов (на примере Египта и Марокко) в XVIII столетии – предвестнике превращения ближневосточных и североафриканских земель в периферийный элемент мировой капиталистической системы и их вхождения в состав колониальных империй Великобритании и Франции.

В процессе подготовки к государственной аккредитации образовательной деятельности МГУ имени М.В. Ломоносова по основным образовательным программам сотрудники кафедры творчески переработали и привели в соответствие с новыми образовательными стандартами значительный массив кафедральных рабочих программ по преподаваемым на кафедре дисциплинам. Динамика составления и модификации программ нашла отражение в кафедральных публикациях «Сборник учебных программ кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова» (М.: Изд-во «НВИ», 2021. 42,0 п.л.) и «Сборник рабочих программ дисциплин кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ» (М.: Языки Народов Мира, 2023. 71,75 п.л.).

Научная работа кафедры осуществляется в рамках реализации Программы развития Московского университета и соответствует приоритетным направлениям фундаментальных исследований и целям долгосрочных программ в области востоковедения и африканистики. Основные кафедральные исследовательские проекты охватывают период от древности до современности. Студенты, аспиранты и сотрудники кафедры занимаются как социально-экономической и политической, так и культурологической проблематикой ближневосточного региона, включая арабские страны, Турцию, Иран и Афганистан, изучают взаимоотношения этих государств с Россией и другими странами мира, а также отечественную и зарубежную историографию по Ближнему и Среднему Востоку. Новым явлением стал интерес к истории отечественной востоковедной науки. Об интенсивной научно-исследовательской работе коллектива говорят изданные за последние годы монографии. Обозначим лишь некоторые из них: Очерки истории христианских цивилизаций. Т. 1–2 / Кобищанов Т.Ю., К.А. Панченко и др. М.: РОССПЭН, 2019, 2022. 552 с., 302 с.; Арабеска и тюльпан. Арабо-османский мир в религиозной и культурной динамике: / Жантиев Д.Р., Кириллина С.А., Кобищанов Т.Ю., Орлов В.В., Смирнов В.Е. и др. М.: ИВ РАН, 2021. 224 с.; Освоение мира. Памятные страницы истории Арабского Востока / Жантиев Д.Р., Кириллина С.А., Кобищанов Т.Ю., Орлов В.В., Смирнов В.Е. и др. М.: ИВ РАН, 2020. 324 с.; Видясова М.Ф., Орлов В.В. Алжир у трех дорог. М.: Садра, 2019. 224 с. Перу членов кафедры принадлежат многочисленные научные статьи, опубликованные в том числе в журналах, индексируемых в базе данных РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).

Заключение

На ближайшее будущее кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока ставит основной целью оперативное реагирование на новейшие тенденции в развитии исторической науки, творческое обогащение апробированных дисциплин и создание инновационных образовательных программ, связанных с современными мировыми процессами.

Список литературы

1. Кириллина С.А., Шлыков В.И., Шлыков П.В. Памяти Михаила Серафимовича Мейера (30.08.1936–19.04.2022) // Восток (Oriens). 2022. № 4. С. 264–267.

2. Кириллина С.А., Шлыков П.В. Исследование вакфов в мировой османистике и вклад в его изучение профессора М.С. Мейера // Исторический вестник. 2022. Т. 41. № 3. С. 200–226.
3. Мейер М.С. Кафедра истории стран Ближнего и Среднего Востока // Кафедры ИСАА: 1956–2006 гг. Очерки / [Отв. ред.: М.С. Мейер, Л.В. Гевелинг]. М., 2006. С. 31–36.
4. Шлыков В.И., Шлыков П.В. Судьба османиста в России: памяти профессора М.С. Мейера (1936–2022) // Новая и новейшая история. 2022. Т. 66. № 5. С. 247–254.

УДК 930.85

«Не подлежит оглашению»: монголовед В.А. Казакевич – между классическим и военным востоковедением

Носов Дмитрий Алексеевич
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.
Институт восточных рукописей РАН,
сектор Центральной Азии,
отдел Центральной и Южной Азии.
Санкт-Петербург, Россия.
dnosov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7247-1184

АННОТАЦИЯ Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) поступил на монгольский разряд Центрального Института Живых Восточных Языков в 1921 г. в статусе военнослужащего. Через год он уволился и полностью посвятил себя учебе. С августа 1923 по начало октября 1925 г. проходил стажировку в Монголии, в Ученом Комитете МНР. Базовую подготовку В.А. Казакевич получил у выдающихся монголоведов-классиков – В.Л. Котвича и Б.Я. Владимирцова. Он стремился заниматься академической наукой, но ситуация требовала выполнения дипломатических поручений, а также решения широкого спектра задач по строительству нового государства – от военных, до культурных. Так сформировался уникальны специалист по монгольской культуре первой трети XX в., наследие которого еще не получило должной оценки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Монголия, НКИД, военное востоковедение, культурная антропология.

«Не подлежит оглашению!» – данная пометка сделана в правом верхнем углу первого листа одной из единиц хранения, находящейся в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге (далее – АВ ИВР РАН). Этот документ принадлежит перу замечательного отечественного монголоведа Владимира Александровича Казакевича. Он занимался наукой менее пятнадцати лет, но успел проявить себя как географ, историк, археолог, лингвист, фольклорист, этнограф, культурный антрополог, собиратель и хранитель музейных коллекций. Перечень посвященных В.А. Казакевичу работ едва ли не больше, чем его полная библиография, которая отражает лишь часть наследия исследователя.

Владимир Казакевич родился в Санкт-Петербурге в семье русского дворянина польского происхождения, сотрудника Министерства финансов Российской Империи Александра Казакевича 23 апреля (5 мая) 1896 г. [4, с. 671]. В то же самое время в Министерстве работал выдающийся монголовед Владислав Людвигович Котвич (1872–1944), определивший профессиональный путь В.А. Казакевича.

Опираясь на факт одновременной работы Александра Казакевича и Владислава Котвича в Министерстве Финансов РИ, А.М. Решетов сформулировал предположение, согласно которому семья Казакевичей была знакома с семьей Котвичей до 1917 г. Свидетельством этому служили многочисленные «приветы от матери и сестры», которые В.А. Казакевич передавал в своих письмах 1925–1936 гг. к В.Л. Котвичу [7, с. 98].

В своей автобиографии, составленной в 1936 г., ученый скупо указывает, что до 1917 г. он учился, а затем начал трудовую деятельность. Мы, в свою очередь, имеем основания предположить, что в феврале 1917 г. воспитанника петербургского Училища при реформатских церквях Владимира Казакевича поглотил водоворот драматических событий истории нашей страны. Об этом он упоминает все в том же

документе – «принимал участие лишь в февральской революции в рядах гражданской милиции, откуда ушел в мае того же года».

С осени 1917 г. В.А. Казакевич поступает на работу на петроградский завод «Технохимик», откуда в 1919 г. увольняется в связи с переездом в Оренбург. Вероятно, в этом городе произошел первый контакт будущего ученого с культурами Советского Востока. Недолго проработав в Земельном отделе, он был призван в Красную Армию рядовым, но уже осенью того же, 1919 г. уволен в бессрочный отпуск по болезни. Поступив на должность заведующего транспортным отделом Киргизского краевого союза, В.А. Казакевич через год был снова мобилизован. На этот раз, в продовольственные отряды Тургайской области.

В декабре 1920 г. В.А. Казакевич вновь получает статус военнослужащего, будучи призванным в Красную Армию на должность делопроизводителя. Через четыре месяца состоялось его возвращение в Петроград в главное Гидрографическое управление Рабоче-Крестьянского Красного Флота [6, с. 107], где он заведовал хозяйственной частью Гидрографической экспедиции Белого моря. В качестве свидетелей своей воинской службы В.А. Казакевич привел в том числе и видного российского и советского офицера флота и ученого-гидрографа Николая Николаевича Матусевича (1879–1950).

Находясь в статусе военного моряка, В.А. Казакевич осенью 1921 г. поступает в Центральный Институт Живых Восточных Языков им. А.С. Енукидзе. После двух переименований, связанных с вопросом размещения этого высшего учебного заведения, а затем – с новым именем города, в 1927 г. возникло самое известное название этого ВУЗа – Ленинградский Восточный Институт (далее – ЛВИ), под которым оно и было закрыто в 1938 г. [2].

Автор доклада предполагает, что содействие в выборе новой профессии молодому ученому оказал В.Л. Котвич – первый ректор основанного в 1920 г. Института. В течение первых десяти лет существования учебного заведения его работа строилась по классическому, «страноведческому» принципу. Он включал десять разрядов, в том числе Монгольский, возглавил который основоположник советского монголоведения Борис Яковлевич Владимирцов (1884–1931) [2, с. 25]. Преподаватели использовали любые возможности, чтобы направить будущих востоковедов-практиков в изучаемую страну. В 1923 г. удалось организовать первую командировку в Монголию, направив студентов в распоряжение Ученого Комитета страны. В первую группу вошли Н.Н. Бабынин, В.А. Казакевич и А.В. Петров [1, с. 41]. Именно данная командировка сформирует В.А. Казакевича как ученого. Содействие во вхождении в её состав ему также оказал В.Л. Котвич [7, с. 98].

Находясь в командировке, исследователь совершил пять экспедиционных поездок по Монголии, которые подробно описаны автором доклада [См.: 5]. Главной задачей двух из них было определение линии южной границы молодой Республики, а в ходе последнего полевого выезда исследователь посетил район реки Халхин-гол, где через 14 лет развернется советско-японское противостояние. Но этим его работа в стране не исчерпывалась. Так, в письме, отправленном 2 марта 1925 г. Павлу Ивановичу Воробьеву (1892–1937), ставшему в 1923 г. ректором Института после отъезда В.Л. Котвича в Польшу, В.А. Казакевич называет две дополнительные задачи – организацию профсоюза работников просвещения Монголии и «постановку» в Улан-Баторе кинематографа.

В подготовленном для Института кратком отчете о своем двухлетнем пребывании в Монголии, озвученном 5 октября 1925 г., В.А. Казакевич указал, что по заданию Народного Комиссариата Иностранных Дел привлекался к информационной работе. В рамках этой деятельности им были подготовлены две объемные статьи «Краткий очерк современного положения степной Монголии» и «Буряты-эмигранты в

Монголии». Рукопись последней статьи сохранилась в личном фонде ученого в АВ ИВР РАН. Она была подготовлена 1 августа 1925 г. и является свидетельством того, что дипломатические органы Советской России активно использовали талантливого студента при осуществлении своей деятельности. Пометка с первого листа рукописи этой работы и вынесена в название доклада.

В отчете, представленном руководству ЛВИ, исследователь указывает, что «по требованию Главного Штаба Монгольской [Народно-Революционной] армии» предоставлял все материалы, имеющие военное значение, полученные в ходе своих экспедиций. Это последнее прямое упоминание о сотрудничестве В.А. Казакевича с вооруженными силами.

Существуют два косвенных свидетельства, указывающие на то, что контакты ученого с военными организациями продолжались после завершения обучения и перехода к академической работе. В своих воспоминания Николай Николаевич Поппе (1897–1991) пересказывает содержание краткой беседы с директором Института востоковедения АН СССР (далее – ИВ) Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863–1934). В ответ на вопрос Поппе, руководителя Монгольского кабинета ИВ, о причинах направления в командировку в Германию и Францию его подчиненного – В.А. Казакевича, С.Ф. Ольденбург намекнул на наличие у командированного задач, не связанных с повышением научной квалификации [8, с. 134].

Второе свидетельство контактов В.А. Казакевича с военными организациями – это связи членов его семьи. Далее, цитата из датированной 28 мая 1936 года автобиографии ученого: «Из родственников имеется еще сестра, преподавательница иностранных языков в Северной флотилии РККФ, где ее муж Л.М. Рейснер является командиром подводной лодки. Местожительство ее – Полярное, Кольский залив Баренцова моря». Если приведенная цитата верна, то В.А. Казакевич состоял в родственных связях со Львом Михайловичем Рейснером (при рождении – Дауге) (1902–1941) – советским моряком-подводником, командовавшим в 1933–1937 г. подлодкой Д-2 «Народоволец».

Следует также отметить, что в перечне свидетелей своей деятельности с 1922 по 1936 гг., который требовалось приложить к автобиографии, В.А. Казакевич указывает «многих товарищей по работе» в ИВ АН СССР и лишь одного человека персонально – заместителя заведующего Отделом Дальнего Востока НКИД Сергея Степановича Борисова (1889–1937).

В ходе своей двухлетней командировки В.А. Казакевич составил пять экспедиционных отчетов и две аналитические статьи, которые затрагивают все сферы жизни первых лет новой Республики. Поставленная Ю.В. Кузьминым и Владимиром Вячеславовичем Свининым (1936–2012) задача – опубликовать эти документы [3, с. 9], близка к своему решению. Она станет лишь первым шагом в деле реконструкции всего наследия ученого. Но уже сейчас можно утверждать, что привлечение исследователя с классической востоковедной подготовкой к решению военно-разведывательных и внешнеполитических задач сформировало уникального специалиста – культурного антрополога. Так, Советская Россия, основываясь на сформированной в XIX в. научно-образовательной базе, к 1920-м гг. создала новое комплексное научное направление, которое в Европейской науке возникнет лишь после Второй Мировой войны.

Список литературы

1. Батдорж Ч. Сударбичгийн хүрээлэнд ажилласан оросын гурван оюутан (1923–1926) (О работе трех русских студентов в Ученом комитете Монголии (1923–1926)) // Mongolica. 2019. Т. XXII. № 2. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 41–45.

2. Кононов А.Н., Иориш И.И. Ленинградский восточный институт. Страница истории советского востоковедения / Ответственный редактор Ю.А. Петросян. М.: Наука, ГРВЛ, 1977. 136 с.
3. Кузьмин Ю.В., Свинин В.В. Монгольские дневники В.А. Казакевича // Иркутские монголоведы за «круглым столом». Информационный бюллетень. № 7. Иркутск, 2000. С. 3–10.
4. Носов Д.А. Казакевич Владимир Александрович // Азиатский Музей – Институт восточных рукописей РАН: путеводитель. Москва: Наука – Восточная литература, 2018. С. 671–672.
5. Носов Д.А. «В город Ургу, в распоряжение Ученого Комитета»: студенты Ленинградского Восточного Института в Монголии // 100 лет дипломатических отношений между Россией и Монголией: от дружественных отношений к всеобъемлющему стратегическому партнерству. Москва: ИВ РАН, 2022. С. 168–181.
6. Митин В.В., Решетов А.М. Исследователь Монголии Владимир Александрович Казакевич (1896–1937) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 21. СПб.: Изд-во С.-Петер. ун-та, 2004. С. 105–127.
7. Письма В.А. Казакевича к В.Л. Котвичу (1925–1936 годы) (подготовка к печати, предисловие и примечания А.М. Решетова) // Mongolica-VI. Посвящается 150-летию со дня рождения А.М. Позднеева. СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. С. 96–113.
8. Nicholas P. Reminiscences. Bellingham: Western Washington University, 1982. 331 p.

СИБИРСКОСТЬ: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ МИФОТВОРЧЕСТВО В КОНТЕКСТЕ ИССЛЕДОВАНИЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

УДК 39.394.2

Календарные праздники как способ сохранения этнокультурной, региональной идентичностей жителей Алтайского края (на примере праздника «Петровки на Чарыше»)

Аксенова Ирина Юрьевна
младший научный сотрудник.
Институт археологии и этнографии СО РАН.
Новосибирск, Россия.
a_history@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7831-7815

АННОТАЦИЯ Автором рассматриваются вопросы сохранения календарных традиций в формате современных массовых мероприятий на примере открытого окружного фольклорного праздника «Петровки на Чарыше». Отмечается, что данный праздник является успешной формой сохранения локальных этнокультурных традиций жителей Алтайского края. Грамотная передача смыслов традиционных праздничных обычаев и обрядов Петрова дня происходит вследствие профессионально составленной программы организаторами праздника, в основе которой находятся этнографические и фольклорные материалы. Анализ интервью участников праздника позволяет говорить о процессах формирования этнической идентичности на лично-семейном уровне.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнокультурная идентичность, праздники, традиции, обычаи, Алтай

Важную роль в формировании и поддержании этнокультурной идентичности играет сохранение обычаев и традиций праздничного календаря у жителей Алтайского края. Данная тема актуализируется в связи с явлениями неотрадиционализма, когда традиции в той или иной форме возвращаются в современном обществе [5, с. 292]. По мнению Т.Н. Золотовой, именно современные календарные праздники, в своей структуре имеющие новации и сохраняющие некоторые народные традиции, являются одним из главных факторов социализации личности в современном обществе и играют важную роль в формировании разных видов идентичности: этнической, социальной, культурной, групповой, региональной и др. [3, с. 363].

Анализируя современную ситуацию функционирования форм традиционной праздничной культуры в Алтайском крае, необходимо, прежде всего, обратить внимание на открытый окружной фольклорный праздник «Петровки на Чарыше». Фестиваль существует с 2007 года, проводится ежегодно на берегу р. Чарыш, близ села Чарышское под руководством фольклориста, руководителя детского фольклорного ансамбля «Канареечка», специалиста Чарышского народного дома Александра Валентиновича Головина. Это уникальный формат мероприятия, где основополагающим элементом являются традиции сенокошения (а также песенные, игровые традиции) жителей Алтайского края, зафиксированные Александром Валентиновичем в этнографических экспедициях.

В народном праздничном календаре старожилов и переселенцев Алтайского края это день именовался как «Петров день», «Петровки», «Петровка», «Петров» и являлся значимой датой [1, с. 826]. «Утром 12 июля участники фестиваля, празднично одетые, идут на сенокос, поют песни, косят вручную сено (Рис. 1, 2).

Рисунок 1. Процесс сенокошения на празднике «Петровки на Чарыше». Фото из личного архива А.В. Головина, 2022 г.

Рисунок 2. Пение после покоса. Фото из личного архива А.В. Головина, 2017 г.

В конце фестиваля, если позволяет погода, ставим стог вручную. По традиции копны возили либо на коне, либо доставляли с помощью нескольких сильных мужчин, если нет лошади. Возили на коне цепляя копну верёвкой, либо накладывали на волокушу, сделанную из поперечины и нескольких больших и средних веток, на которую укладывали сено. Косили утром рано, пока роса. Литовку предварительно отбивали – хорошо отбитая коса хорошо режет траву. После каждого прокоса протирали полотно литовки / косы от земли пучком скошенной травы, заправляли бруском», – А.В. Головин.

Программа фестиваля включается в себя обучающие мастер-классы по игре на традиционных инструментах, традиционным ремеслам (ткачество, вышивка, бисер, глиняная игрушка, гончарное, кузнечное ремесло, плетение из лозы (Рис. 3), а также

занятия по военно-патриотическому воспитанию, страйкбол, стрельба из лука, общефизическая подготовка, конная подготовка, фланкировка, молодецкие забавы.

Рисунок 3. Мастер-класс по плетению из лозы. Фото из личного архива А.В. Головина, 2009 г.

В последние несколько лет в связи с актуальностью спортивного туризма, в программу включены рафтинг и скалолазание. Важно отметить включение в программу мероприятия детских традиционных игр, молодежных вечерок (Рис. 4).

Рисунок 4. Игры на фестивале. Фото автора, 2022 г.

«Мы приезжаем на фестиваль всей семьей. Радует огромное количество деток. Им есть чем заняться и это именно то, чего современным деткам особенно не хватает: живые игры, живое общение, спортивные состязания. И, что здорово, все на одной волне, отсутствие конкуренции, нет нацеленности на результат. Все – одна команда,

одна семья!», – отмечает участница фестиваля Наталья Хохлова (г. Барнаул). «У детей горят глаза! Они ждут, когда будет следующий год, строят планы. Особенно они любят «Казачий дозор». Здесь традиционное мужское воспитание. Это радует, т.к. сейчас осталось мало военно-патриотических клубов», – Алексей Викторов (с. Верхобское, Бийский район).

Александром Валентиновичем Головиным лично проводятся занятия по традиционному мужскому и женскому пению (песни сел Тулата, Чарышское, Коргон Чарышского района). В подобных форматах проводится подробный разбор текстов, смыслов и мелодий песен, изучается специфика исполнения («от носителей традиций» (Рис. 5)).

Рисунок 5. Встреча участников фестиваля с исполнителем В.Ф. Вершининым. Фото из личного архива А.В. Головина, 2009 г.

В основе занятий – материалы, собранные на территории Алтайского края и опубликованные А.В. Головиным совместно с коллегами этнографами, фольклористами в качестве методического пособия [2], а также другие материалы.

На протяжении 15 лет участниками фестиваля являются гости из Барнаула, Новосибирска, Бийска, Горно-Алтайска, Змеиногорска, Чарышского Солонешенского района. В последние годы сюда приезжают заинтересованные горожане, селяне из других регионов страны (Красноярска, Москвы, Санкт-Петербурга, Омска и Омской области). Тезис Т.Н. Золотовой о том, что посредством участия в праздничной-обрядовой деятельности человек эффективнее включается в процесс усвоения и дальнейшего развития накопленного до него социально-культурного опыта и в систему общественных отношений [3, с. 363], подтверждают и слова участников фестиваля: «Целый год можно это все узнавать, усваивать, развиваться! Пусть даже мы сами не занимаемся этнографией. Просто быть частью этого действия, подпитываться общением с мастерами, семьями, единомышленниками! Это дает заряд на целый год!», – Ирина Савельева (с. Верхобское, Бийский район).

Заключение

По замечанию Патрика Х. Хаттона, одни традиции могут быть в расцвете жизненных сил, другие оказываются совсем ветхими, а третьи – вообще утрачены и

недоступны для памяти [4, с. 392]. В отношении данной темы утраченными являются праздничные традиции и обычаи, связанные, в первую очередь, с сенокосом, когда в колхозах трансформировались сроки сельскохозяйственных работ летнего периода и способы (механизация) заготовки сена. Как следствие, у представителей молодого поколения сегодня отсутствует представление о смыслах празднования Петрова дня. В этой связи, открытый окружной фольклорный праздник «Петровки на Чарыше» является успешной формой сохранения и популяризации локальных этнокультурных традиций среди жителей Алтайского края и гостей фестиваля. С каждым годом актуальность фестиваля возрастает среди молодых семей из фольклорной и нефольклорной среды. Семьи с детьми на сегодня являются основной целевой аудиторией (Рис. 6). Это говорит об актуализации этнической идентичности на лично-семейном уровне.

Рис.унок 6. Младшие участники фестиваля на стоге сена.
Фото из личного архива А.В. Головина, 2014 г.

БЛАГОДАРНОСТИ работа выполнена при поддержке РНФ, проект № 22-28-00865 «Сибиряки в поисках сибирскости: этнокультурный облик и формы идентичности».

Список литературы

1. Аксенова И.Ю. Обычаи и традиции Петрова дня у потомков старожилов и южнорусских переселенцев Алтайского края в XX–XXI вв. (по материалам этнографических экспедиций 2013–2022 гг.) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXVIII. 2022. С. 825–830.
2. Да я зайду на гору (традиционные игры и хороводы Чарышского района Алтайского края): Методическое пособие / Сост. А.В. Головин, М.Н. Сигарева. Барнаул: ARTIKA, 2010. 64 с.
3. Золотова Т.Н. Праздники Омского региона в формировании этнической, региональной и национальной идентичностей // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. 2019. С. 362–365.
4. Патрик Х. Хаттон. История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2004. 424 с.

5. Фурсова Е.Ф., Аксенова И.Ю. Традиции и новации в современной праздничной культуре: постановка проблемы // Вестник Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3: Археология и этнография. С. 292–298.

УДК 398.4

Нарратив о сибирской русалке

Голубкова Ольга Владимировна
кандидат исторических наук.
Институт археологии и этнографии СО РАН,
отдел этнографии.
Новосибирск, Россия.
Olga-11100@yandex.ru
ORCID ID:0000-0002-9936-8555

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные различия представлений о русалках у этнолокальных групп восточных славян в Западной Сибири, которые выявлены на основе полевых материалов. Русские сибиряки-старожилы во многом утратили традиционные представления о русалке, ее вытеснил образ полуженщины-полурыбы, а сохранившиеся элементы верований редуцированы, русалка соединилась с ведьмой-оборотнем. У потомков переселенцев из южнорусских губерний, Украины, Белоруссии нарративы о русалках распространены и актуализированы в Сибири. Некоторые ситуации (особенности ландшафта, чрезвычайные события) могли активировать мифотворчество: возникали новые рассказы о персонажах народной демонологии. Адаптация мифологических образов является живым непрерывным процессом, русалки продолжают «существовать», их образы и связанные с ними сюжеты органично трансформируются в новых условиях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Русалка, мифология, народные верования, восточные славяне

Русалка является одним из наиболее вариативных, полисемантических образов славянской мифологии. Представления о внешнем облике, происхождении русалок, их местах обитания, характерных занятиях, отношении к человеку и другие признаки в разных регионах могут существенно отличаться [1, с. 340–372; 3, с. 141–229; 4, с. 141–295; 6, с. 466–698; 7, с. 17–21; 9, с. 166–173].

Западносибирский этнографический материал также представляет собой разнообразную картину народных верований о русалках, в том числе, о их происхождении, местах обитания и облике. Сходства и различия представлений о русалках связаны с рядом причин, главная из которых, на наш взгляд, определяется исходным регионом носителей этнокультурных традиций (наших информантов). Преемственность традиционной культуры у сельских жителей (для городских это характерно в меньшей степени, скорее, как исключение, поскольку город разрушает традиции) способствовала сохранению народных верований, характерных для тех мест, откуда переселились в Сибирь их предки.

Демонически страшными, порой чудовищами-людоедами, русалки представлялись потомкам переселенцев с Русского Севера, Поволжья, Приуралья, из некоторых областей Белоруссии. *Русалки ходят грязные, косматые. Зубы у них острые, а глаза как угли горят. Раньше детей русалками пугали, чтоб на речку не шли* (ПМА: д. Баратаевка Болотнинского района НСО, бел.). *Русалки жили на топком месте, в олапах. Пугали детей, что русалка поймает и защекочет. Она страшная, косматая, с черными волосами* (ПМА: д. Зенкуль Нижнеомского района Омской области, бел.). *Пошла утром рано в огород, а там в огурцах русалка сидит! Страшная вся, лохматая. Ой, мамочки, я оттудова бегом* (ПМА: пос. Мошково Мошковского района НСО, бел.). Лохматыми, похожими на зверей, русалками пугали детей сибиряки-чалдоны. *Россомага в огороде меж гряд сидит. Она-то и есть самая русалка. Она зверь страшной, лохматый. Полуженщина, полузверь. Детям одним нельзя в огород ходить. Утащщит в омут и съест* (ПМА: с. Лянино Здвинского района

НСО, рус. сиб.). *Русалка сидит в огороде, поймает и защекочет. Она лохматая, похожа на кошку* (ПМА: с. Нижняя Омка Нижнеомского района Омской области, рус. сиб.).

Потомки украинских и южнорусских переселенцев, а также переселенцев из белорусского и брянского Полесья, представляли русалок молодыми красивыми девушками и девочками-подростками, в белой одежде, с распущенными волосами, с венками и лентами на головах (образ невесты/невесты-покойницы). *Маленькая я была, играла. Вижу, с горы к лесу идёт красивая девушка с чёрными распущенными волосами. На шее у неё висел камень* (ПМА: д. Петропавловка Маслянинского района НСО, укр.). *Русалочки красивые, прибранные, в венках, в лентах по полю бегают* (ПМА: с. Морозовка Карасукского района НСО, укр.).

Нередко локальная специфика представлений о русалках связана с местностью: природно-географические факторы и особенности ландшафта могли способствовать появлению историй о русалках и влиять на развитие их образов. Близость водоема с сильным течением и омутами или топкого болота, как правило, стимулировало мифотворчество о водных духах. *Одна девушка утопилась в озере и превратилась в русалку. Теперь в этом озере живет, ночами на берег выходит, сидит у воды, многие её видели* (ПМА: Новосибирская обл., Карасукский р-н, д. Кукарка, рус.). *Русалки на болотах сидят, нельзя туда ходить. Как только стемнеет, русалки из болота вылезают, могут схватить, утянуть в трясину* (ПМА: Омская обл., Тарский р-н, с. Васисс, бел.). В то же время, известны примеры, когда у сибирских переселенцев (выходцев из южнорусских и украинских губерний на рубеже XIX–XX вв.), обосновавшихся в Барабинской и Кулундинской степях, при отсутствии в деревне реки, появлялись демонические обитатели колодцев, которых называли русалками или отождествляли с ними. *Русалка <…> сидит в колодце. Страшная, косматая. Может съесть ребенка* (ПМА: д. Михайловка Здвинского района НСО, укр.).

Иногда русалкой называют ведьму, что коррелирует с представлениями о ней как о вредоносном персонаже. *Русалками становятся, кто хочет заниматься с нечистой силой, кто доброго людям не желает* (ПМА: с. Морозовка Карасукского района НСО, укр.). В рассказах сибиряков русалки могли превращаться в стог сена (один из самых распространенных образов ведьмы-оборотня) или животных, птиц: кошку, собаку, лошадь, жеребенка, теленка, свинью, утку, курицу, ворону, кукушку. *Русалка тут была, до войны ещё, в стог сена обращалась, людей пугала* (ПМА: д. Кукарка Карасукского района НСО, укр.). *До войны тут жеребенок по селу бегал. Откуда взялся ночью? На болотах русалка жила, утопленница. Оборачивалась жеребенком и бегала везде, хохотала* (ПМА: с. Лянино Здвинского района НСО, укр.). *Ходила хромая утка по деревне. Говорили, что это русалка с озера* (ПМА: д. Кибер-Спасск Калачинского района Омской области, рус.). *Она* (*русалка*) *обращалась то в черную кошку, то в собаку, забегала в дом. Могла в птицу обратиться, в сороку или курицу* (ПМА: с. Хапово Здвинского района НСО, укр.). *Были русалки, ходили по деревне. Косы распустят и идут. Делались копнами, катались по улице. Свиньями делались, рюхали* (ПМА: д. Баратаевка Болотнинского района НСО, бел.). *Там у реки было проклятое место, там русалки жили. Если кто-то едет мимо, за ним лошадь бежит или стог сена катится, докатится до воды и исчезнет* (с. Мамоново Маслянинского района НСО, рус.).

Происхождение русалок в Западной Сибири, как и в Европейской России, нередко связывали с преждевременной смертью молодых девушек, чаще всего с утопленницами. Поэтому в описании облика русалки присутствуют черты покойника: бледность, синеватый или зеленоватый цвет кожи, распущенные длинные волосы (рыжие, золотые, черные, русые, зеленые), страшный взгляд, свечение глаз, длинные острые ногти или когти как у животного, длинные (иногда способные растягиваться) руки, белая одежда, напоминающая саван. Появление русалки могло сопровождаться ощущением холода, озноба, чувства "жуткого" страха. *Русалок боялись, они как покойники. Шастают по ночам,*

людей пугают, могут до смерти загрызть (ПМА: с. Гриневичи Тарского района Омской области, бел.). *Русалка в белом саване по улице шла, а потом сразу война началась. Все, кто видел, говорили, страшно было на нее взглянуть, мороз по коже. Сразу поняли, что недобрый знак, что-то страшное случится* (ПМА: с. Зыряновка Заринского Алтайского края, рус.).

Истории о русалках сибиряков южнорусского и украинского происхождения повествуют о том, что русалками становились трагически погибшие (чаще всего утопившиеся) девушки – из-за несчастной любви или преследований мачехи-ведьмы (распространен сюжет, перекликающийся с повестью Н.В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница»). Русалками также могли стать дети, про́клятые родителями, «обещанные» или «подаренные» нечистой силе. *Жил у нас мужик, была у него жена беременная. Вот пошел он как-то рыбачить. Сидит он в лодке, рыбу удит, а нечистая сила стала лодку качать, переворачивать. Он говорит: - Отпустите! А они: - Подари, чего дома у себя не знаешь. Мужик подумал, что он дома всё знает, да и согласился. Пришел домой, а жена у него девочку родила. Черти его всё донимали, чтобы он ее им отдал, раз обещал. Мужик дочку не отдал. Сам перестал рыбачить и ей к реке подходить запретил. Исполнилось девочке десять лет, она пошла на речку и утопилась. Все говорили, что раз подарил ее отец нечистой силе, то всё равно ей не жить* (ПМА: д. Глядень Мошковского района НСО, укр.).

Русалки «обитали» в различных локусах природного ландшафта: в водоемах, полях, лесах, на березах, на кладбище. В нарративах русских сибиряков русалка чаще всего связана с водой и водоемами. Наиболее распространенный мотив таких сюжетов – сидящая на камне у воды русалка, расчесывающая волосы, заманивающая людей в омут. *Шел поздно вечером, мимо речки проходил, видит, сидит на камне девка и волосы гребнем чешет. Он перекрестился, а она бултых в воду. Показала хвост с блестящей чешуей* (ПМА: с. Чёрный Ануй Усть-Канского района Респ. Алтай, рус.). *Парень один поспорил с друзьями, что не побоится ночью к озеру пойти искупаться. Вот пошел он один, а там у воды девка красивая сидит, волоса чешет. Волосища длинные, черные. Она гребнем чешет, а с них вода льётся. Смеется и рукой ему машет, мол, иди ко мне. А сама молчит, смеется только. Он перекрестился и бежать оттуда, от нечистой силы* (ПМА: с. Верх-Урюм Здвинского района НСО, рус.).

Южнорусская русалка была связана с культом растений, плодородия, влаги, считалась духом водоемов; В.Я. Пропп ее сравнивал с персонифицированной стихией природы [8, с. 92–93]. В Западной Сибири представления о способности русалок влиять на природу и плодородие сохранились, в основном, как рудимент – в обрядах весенне-летнего периода [10, с. 5–17, 33–56; 5, с. 186–190]. Однако, есть исключения: в ряде сел, где компактно проживают потомки переселенцев из областей украинского Полесья (Киевской, Черниговской губерний) распространены представления о русалках как о персонажах, обитающих в поле, лесу, на деревьях, зафиксированные в начале XXI века (ПМА: НСО, 2016–2019 гг. [9, с. 170–171]). Там же распространен нарратив о том, что русалками становятся умершие на граной (русалкиной) неделе незамужние девушки и дети. *На граной неделе в лес, в поле не ходили, там русалки* (ПМА: с. Морозовка Карасукского района НСО, укр.). *Русалки по полю ходили, цветы рвали, бегали с букетом* (ПМА: та же, укр.). *Русалки на Троицу выходили. В лесу, на кладбище бегали, на деревьях сидели* (ПМА: та же, укр.). *Был такой день, называется русалки. Ты в этот день в поле, в лес не ходи, там русалки. Русалки могут шпынять, задушить. Они будут тебе щекотать, ты будешь смеяться и помэрти* (ПМА: там же, укр.). *Если умер кто в русалкин день, то он сам сделается русалкою. Если девушка молодая или ребенок в такой день умрет. А старые уже нет* (ПМА, там же). *Умерла молодая девочка. Потом её многие в поле видели. Работают ночью трактористы в полях, а она садилась им на плуг и каталась, песни пела* (ПМА: с. Прямское Маслянинского района НСО, укр.). *Трактористы работали в поле в*

ночную смену, видели русалок. Многие рассказывали. Едет на тракторе, на борону ему сядут русалки и катаются, песни поют. По три штуки садились и ехали (ПМА: та же, укр.).

Представления сибирских старожилов (потомков русских переселенцев конца XVII–XVIII вв.; о сибирских старожилах – *чалдонах* подробнее см.: [9, с. 26–68]) о русалке представляют собой редуцированные верования, как правило, сохранившие минимальный набор признаков традиционного образа. С одной стороны, русалка соединилась с одноименными персонажами литературы, изобразительного искусства, кинематографа, мультипликации, которые повлияли на развитие романтических представлений о русалке, далеких от одноименного персонажа русской мифологии: ее представляют в виде девушки или девочки с рыбьим хвостом вместо ног. С другой стороны, русалка наделяется характеристиками ведьмы-оборотня (аналогичные верования распространены в Полесье и переселенцев из этого региона). Иногда возникали необычные метаморфозы облика русалки, объясняемые сменой природно-климатической среды: они могли представляться лохматыми «из-за необходимости утепляться в суровых климатических условиях, где невозможно существовать голыми» [11, с. 128]. *Русалка зверь страшной, лохматый. Полуженщина, полузверь*» (ПМА: с. Лянино Здвинского района НСО, рус.). *Русалка косматая, шерстистая. Сидит в семечках, в конопле* (ПМА: д. Михайловка Здвинского района НСО, рус. сиб.).

В русской мифологии полудевы-полурыбы известны жителям западных областей России (*сирены*) и Русского Севера – *фараонки*, *берегини*: их изображения украшали оконные наличники домов [7, с. 16–21]. «Фараонка, в отличие от русалки, не обладает никакой магической силой, никак не взаимодействует с людьми, это чисто легендарный персонаж, возникший из народного толкования книги Исход о том, что море поглотило народ фараонов» [2, с. 105]. В Западной Сибири *берегинь-фараонов* не знали, не было традиции их изображать, однако псевдобиблейская легенда о потонувшем фараоновом войске, превратившемся в полулюдей-полурыб, локально встречается как малоизвестный нарратив: *Раньше, совсем давно было, в какой-то стране издевались над христианами. Заставляли их босыми ногами глину месить. А туда, в глину, набьют стекла. А они босиком месили эту глину вместе с кровью. Бог пожалел их. Ладно, говорит, послал там одного от себя. – Скажи, – говорит – этим людям, что их через море надо перевезти. – А как же, Господи, я их переведу? Тут же море вон какое! А он (Господь-то) говорит: – Ты пойди, возьми палку длинную, вдарь по морю, так вода расступится. Значит, вы идите по дну морскому. Только скажи этим людям – пусть не оглядываются. Если кто оглянется – там и останется. Ладно, шли они, шли, половину пути уже прошли. Некоторым охота было оглянуться. Как так: идем по дороге, а где же вода? И вот половина народу уже перешли, а половина – как оглянулись, так и остались там, в море. Вот и стали они русалками, которые там остались. И женщины, и мужчины – все, которые оглянулись* (ПМА: с. Хапово Здвинского района НСО, укр.).

Время активизации русалок – русальная (русальская, граная) неделя / *Зелёные святки* (обычно неделя накануне Троицы, однако в некоторых местах этот период считается после дня Пятидесятницы) – период поминовения умерших прежде «своего срока», *заложных покойников* [4, с. 141–295]. Русалки также активны в ночь на Ивана Купалу (7 июля) или накануне (в день Аграфены Купальницы), в это время молодежь собиралась на гулянья – на полянах, лугах, обычно около водоемов: водили хороводы, прыгали через костер; женщины собирали травы и утреннюю росу – для использования в народной магии и медицине. Девушки приносили русалкам жертвы – оставляли на березах ленты, бусы, отрезы ткани ("русалке на рубашку"). Русальные обряды обязательно должны были заканчиваться «проводами русалки» или ее символическими похоронами – чтобы неупокоенный дух опасного мертвеца не возвращался к людям. В Западной Сибири обряд «проводов русалки» утрачен. Представления о русалках дожили

до XXI века, в основном, в быличках, повествующих о встречах с этими персонажами народной демонологии.

Заключение

Итак, на основе полевых материалов выявлен ряд особенностей представлений о русалках у восточнославянских локальных групп в Западной Сибири. Эти различия, прежде всего, связаны с регионами происхождения предков сибиряков. Преемственность традиционной культуры у сельских жителей способствовала сохранению народных верований, характерных для определенной местности. У сибиряков-старожилов (потомков русских переселенцев конца XVII–XVIII вв.) традиционные представления о русалках, практически утрачены, их вытеснил популярный в массовом сознании романтический образ литературной, кинематографической русалки – полуженщины-полурыбы; сохранившиеся элементы верований редуцированы, в них русалка соединилась с ведьмой-оборотнем. У сибирских "новоселов" (потомков переселенцев рубежа XIX–XX вв. из южнорусских губерний, Украины и Белоруссии), напротив, распространены и актуализированы нарративы о русалках, которые обитают поблизости. Это яркие эмоциональные истории с подробным описанием персонажей и встреч с ними.

Природно-географические факторы, особенности ландшафта, чрезвычайные обстоятельства, гибель людей, атипичные случаи могли активировать мифотворчество: появлялись новые истории – нарративы о русалках (и других демонологических персонажах), задавался импульс к развитию их образов в различных вариантах, нередко дихотомических.

Поскольку мифотворчество является живым непрерывным процессом, представления о русалках (как и, в целом, народные верования) продолжают развиваться, адаптируясь к изменениям среды – социальной, культурной, природной. Но при всех изменениях образ русалки и связанные с ней сюжеты несказочной устной прозы сохранили ключевые элементы восточнославянских верований и вписываются в структуру традиционного мировоззрения.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2022-0001 «Этнокультурное многообразие и социальные процессы Сибири и Дальнего Востока XVII–XXI в.»

Список литературы

1. Агапкина Т.А. Мифоэпические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 816 с.
2. Баркова А.Л. Славянские мифы. От Велеса и Мокоши до птицы Сирин и Ивана Купалы. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2022. 248 с.
3. Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с.
4. Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.
5. Любимова Г.В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX века. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2004. 240 с.
6. Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. II: Демонологизация умерших людей / Сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 800 с. (Studia philologica).
7. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 192 с.
8. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники (Опыт историко–этнографического исследования). М.: Лабиринт, 2000. 176 с.

9. Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточнославянских народов в Сибири (XIX – начало XXI в.) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.
10. Фурсова Е.Ф. Календарные обычаи и обряды восточнославянских народов Новосибирской области как результат межэтнического взаимодействия (конец XIX – первая треть XX вв.). Часть 2. Обычаи и обряды летне-осеннего периода. Новосибирск: изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 268 с.
11. Фурсова Е.Ф. Антимир в мифологических образах русалок (севернорусские и сибирские параллели) // Рябининские чтения – 2007: Материалы V научной конференции по изучению народной культуры Русского Севера. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007. С. 126–128.

Принятые сокращения

бел. – белорусы
НСО – Новосибирская область
ПМА – полевые материалы автора
рус. – русские
сиб. – сибиряки
укр. – украинцы

УДК 39+316

Социокультурные компоненты в идентичности населения Сибири

Жигунова Марина Александровна
кандидат исторических наук, доцент.
Институт археологии и этнографии СО РАН.
Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения.
Новосибирск, Омск, Россия.
marizh.omsk@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9719-2525

АННОТАЦИЯ Заявленная проблематика является одной из самых дискуссионных и активно обсуждаемых учёными различных специальностей (как в нашей стране, так и за рубежом). Во многом это обусловлено многообразием существующих теоретических и методологических подходов, применяемых критериев и ситуативностью самой идентичности. На материалах многолетних междисциплинарных исследований автор анализирует роль социокультурного компонента в самосознании населения Западной и Восточной Сибири. Среди основных критериев идентичности чаще всего указываются родители и кровные родственники, язык, территория рождения и проживания, религия, культура, личные ощущения, менталитет, антропологический тип. В 1990-е – 2020-е годы у многих респондентов стали возникать заметные трудности при своём самоопределении, всё чаще встречаются смешанная и множественная идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Критерии самоидентификации, вариативность идентичности, Сибирь.

В многообразии различных идентичностей одной из ключевых является проблема этнокультурного самоопределения, в которой сосредоточены важнейшие отличительные и обобщающие черты различных народов. Прошедший 2022 год был объявлен годом «Культурного наследия народов России». Это свидетельствует об актуальности современных исследований, посвящённых изучению, сохранению и популяризации историко-культурного наследия, использования его в качестве ресурса для воспитания и образования молодого поколения, для сохранения исторической памяти и этнокультурной идентичности. Мой доклад основан на архивных, исторических, демографических, статистических, этнографических, этносоциологических, культурологических, музееведческих, фольклорных материалах и публикациях, включая авторские исследования в различных регионах России. Я представлю в нём основные историографические, методологические, терминологические проблемы и результаты изучения этнокультурного многообразия Сибири.

Прежде всего, следует отметить необходимость междисциплинарного комплексного подхода в изучении заявленной тематики и чёткой терминологической фиксации используемых понятий. Изначальную сложность в её изучении создаёт многозначность самих терминов «народ/ этнос/ нация» и «культура», высокая вариативность их использования в различных научных дисциплинах. Начиная с 2009 года, по моей инициативе на Конгрессах этнографов и антропологов России регулярно работала секция, посвященная проблемам идентичности. Мы руководили ею совместно с М.Н. Губогло (Центр по изучению межнациональных отношений Института этнологии и антропологии РАН) [4].

Анализируя историографический аспект, можно сделать вывод о том, что в имеющихся отечественных публикациях, посвящённых этнической культуре Сибири,

превалируют хронологические рамки, ограниченные началом XX века [16]. Публикации по современности пока довольно малочисленны (не считая исследований этносоциологов) [1; 11]. Общие вопросы этнической истории, численности и расселения, традиционно-бытовой культуры различных народов Сибири представлены в отдельных публикациях и энциклопедиях. Основными центрами по изучению идентичности и этнокультурного наследия народов в Восточной Сибири сегодня является Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, а в Западной Сибири – Институт археологии и этнографии СО РАН (включая Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведения) [5; 12; 14; 15]. Также следует отметить Центр устной истории и этнографии Алтайского государственного педагогического университета, который с 1994 года проводит научную конференцию «Этнография Алтая и сопредельных территорий» с изданием одноименного сборника научных трудов. Общетеоретические и конкретные историко-этнографические работы, посвященные идентичности различных народов, осуществляются в Институте этнологии и антропологии РАН [4; 7; 13].

Руководитель Федерального агентства по делам национальностей И.В. Баринов считает, что специфика реализации государственной национальной политики России заключается в решении двуединой задачи: «С одной стороны, это работа по сохранению этнокультурного многообразия нашей страны, а с другой – укрепление общегражданской идентичности российского общества, противодействие попыткам разжигания межнациональной розни и конфликтов на религиозной почве» [2, с. 12]. На территории Сибири сегодня проживает около 30 млн человек. Её население отличается чрезвычайной гетерогенностью, обусловленной спецификой заселения и расселения, различными этническими, социально-политическими, природно-географическими и другими факторами. Поэтому здесь фиксируется особое многообразие антропологических типов, языков и диалектов, локальных и региональных особенностей в культуре отдельных групп. Значимым фактором является и высокая миграционная активность. Многие информаторы, опрошенные мною в 2000-е годы, неоднократно меняли свое местожительства; встречались и такие, которые переезжали более 10 раз. В настоящее время среди жителей Сибири встречаются как коренные сибиряки – «испокон веку здесь живущие», так и разновременные переселенцы не только из различных регионов Европейской России, Урала, Сибири и Дальнего Востока, но и – бывших республик Советского Союза, стран Ближнего и Дальнего Зарубежья.

Не существует единства в определении «коренных народов Сибири» и «переселенцев/ поздних переселенцев», нет общепризнанной границы, отделяющей их друг от друга. Зачастую решающим считается сам факт рождения («Я и мои родители родились в Сибири, значит, мы здесь – коренные») или длительность проживания на сибирской территории (более 30 лет). С точки зрения юрисдикции, «коренные народы» – это народы, жившие в Сибири до периода массового освоения (с конца XVI века после походов казачьего атамана Ермака), преимущественно, это – представители монголоидной расы. Но, с другой стороны, археологические находки Усть-Ишимского человека, около 40 млн лет назад жившего на территории Омской области, свидетельствуют о его принадлежности к европеоидной расе.

Можно говорить о том, что население Сибири полиэтнично: здесь проживают более 200 различных народов. Но около 80% современных жителей этого региона приходится на русских, что позволяет некоторым исследователям называть территорию Сибири моноэтничной. Единого международного количественного критерия численности одной нации, по которому страна считается моноэтнической, не существует. Среди отечественных учёных превалируют подходы, учитывающие всё этническое многообразие населения. Свидетельством этому является «Конституция

Российской Федерации», которая начинается так: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединенные общей судьбой на своей земле, утверждая права и свободы человека, гражданский мир и согласие, сохраняя исторически сложившееся государственное единство, исходя из общепризнанных принципов равноправия и самоопределения народов, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, возрождая суверенную государственность России и утверждая незыблемость ее демократической основы, стремясь обеспечить благополучие и процветание России, исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями, сознавая себя частью мирового сообщества, принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» [8].

В большинстве стран современного мира под термином «национальность» понимается гражданство; этническая и государственно-гражданская идентичности чаще всего не противоречат и не взаимоисключают, но дополняют друг друга [7, с. 470]. В нашей стране всё гораздо сложнее. В «Словаре русского языка» слово «национальный» толкуется и как принадлежность к какой-либо нации, народности, и как синоним к слову «государственный», а «гражданский» – относящийся к правовым отношениям граждан между собой и их отношениям с государственными органами и организациями [10, с. 142, 916]. В исследованиях российских учёных национальное понимается как производное от этнического [3, с. 647], соотношение этнической и национальной принадлежности могут находиться в отношениях тождества или различия. Под первым понимается именно этническая составляющая (от греч. ethnos – народ), под вторым – государственная, гражданская. В новых паспортах «Гражданина Российской Федерации», появившихся в 1990-е годы, графа «национальность» была упразднена, как и в других официальных документах. Зарубежный исследователь Девис Льис полагает, что в XXI веке «оценка людьми своей принадлежности к определённой нации станет чрезвычайно существенной, поскольку признаки этнической принадлежности людей заключаются не в отмирающей показной символике, такой, как национальные костюмы или блюда, а в полные глубокие значения традициях их народов» [9, с. 112]. В дореволюционной России этничность «была на заднем плане в иерархии идентичностей, и большинство жителей страны до 1920-х годов даже не знали, что означает само слово “национальность”» [13, с. 103]. В обыденном сознании современных россиян национальная/ этническая принадлежность воспринимается как неотъемлемый признак, получаемый при рождении.

Поскольку сибирский регион относится к зонам активных межэтнических контактов (в советский период времени в отдельных регионах национально-смешанные браки составляли до 70% от всех зарегистрированных), то у многих респондентов, начиная с 1990-х годов, стали возникать заметные трудности при осознании своей идентичности: «Не знаю, кто я, родители разной национальности», «Трудно сказать, много в нас разной крови намешано», «Мультинациональная». Всё чаще встречается смешанная и множественная идентичность: «Метис/ гибрид/ микс», «Русская греко-армянка», «На 50% – русская, на 25% – украинка, на 25% – немка», «Русская с примесью турецкой, белорусской, латышской крови». Учитывая тот факт, что русские – единственный народ, который для своей идентификации использует не существительное, а прилагательное, встречаются: «Русская татарка», «Русский мусульманин», «Русский белорус с польскими корнями», «Российско-сибирский немец» и мн. др. Рекордным стал ответ мужчины, который при своей этнической самоидентификации назвал 12 различных народов. Зачастую среди жителей Сибири встречаются всевозможные сочетания славянских, тюркских, иранских, германских, уральских, алтайских, северо-кавказских и других личных имён, отчеств и фамилий.

При этом, их антропологический тип, язык, религия, этническая и этнокультурная принадлежности могут существенно различаться.

В СССР государственной идеологией являлся интернационализм и провозглашалось создание новой надэтнической исторической общности людей – советский народ. Сегодня среди представителей среднего и старшего поколения часто встречаются самоидентификации: «Советский человек» и «Бывший советский человек». Ежегодно растёт количество лиц, определяющих себя россиянами и сибиряками [6]. Наряду с русскими сибиряками встречаются другие региональные этнические самоидентификации: сибирские армяне, евреи, латыши, литовцы, казаки, китайцы, корейцы, немцы, староверы, татары, украинцы, чеченцы, эстонцы и др. Также встречаются северяне, дальневосточники, забайкальцы, сахалинцы, европейцы, евразийцы и др.

При конфессиональной идентификации наряду с конкретными ответами: «Атеист», «Баптист», «Буддист», «Кришнаит», «Мусульманин», «Православная», «Сибирский старовер», «Христианин», «Шаманист» и др., встречается смешанная идентичность: «Крещена, но скорее – язычница», «Православный мусульманин», «Православный потомок Чингисхана» и пр. От 5 до 35% опрошенных затруднились чётко определить свою религиозную принадлежность: «И верю, и не верю», «Не верующий и не атеист», «Верю в Бога, но не всегда» и др.

Особая значимость социокультурного компонента фиксируется при анализе ответов на вопрос: «Кем Вы считаете, определяете себя прежде всего?». Здесь встречаются различные варианты персональной, групповой и общественной идентичности. Из наиболее частых ответов: «Человек/ Русский человек», «Мужчина/ Настоящий мужчина», «Женщина/ Любимая женщина», «Мать», «Бабушка». Встречается самоопределение по социально-профессиональной принадлежности: «Инженер», «Учитель/ Преподаватель», «Врач», «Бухгалтер» и др. Наибольшая вариативность ответов присуща молодёжи: от латинских «Homo sapiens» – «Человек разумный» и «Homo habilis» – «Человек умелый», до «Землянина», «Гражданина мира», «Юноши половозрелого» и мн. др.

Характерной чертой является многообразие этнокультурных предпочтениях различных народов Сибири. Так, например, среди любимых праздников чаще всего называют: Новый год, Пасху, Дни рождения (родителей, детей, внуков, собственные), День Победы (9 мая). За ними следуют: Рождество, Первомай, Масленица, Навруз/ Наурыз, Сабантуй, День смеха (1 апреля), День России (12 июня) и мн. др. Среди мужчин часто встречаются профессиональные праздники (День защитников Отечества (23 февраля), День автомобилиста, День нефтяника, День рыбака и др.), а среди женщин – Международный женский день (8 марта), годовщины и юбилеи свадьбы. Среди любимых блюд лидируют пельмени (различных размеров, с разнообразными мясными начинками, с бульоном или без него), блины, борщ, шашлык, плов, уха, колбасы, котлеты, окрошка, манты [5, с. 126–147]. Из любимых напитков чаще всего встречаются чай (чёрный, зелёный, травяной), фруктовые и овощные соки, квас, вода.

Заключение

Успешная социализация каждого человека неразрывно связана с его успешной идентификацией. При самоопределении человека определяющим фактором является мнение самого респондента. В современном обществе один индивид зачастую принадлежит одновременно к различным группам, что вызывает рост множественной и смешанной идентичности. Среди основных её критериев чаще всего указывают родителей и кровных родственников, язык, территорию рождения и проживания, религию, культуру, личные ощущения, менталитет, антропологический тип. Следует подчеркнуть особенность современной социокультурной ситуации, которая

заключается в объективном противоречии между возросшим интересом к традиционной культуре и стремительным сужением сферы её естественного бытования. Сегодня требуется огромное и всестороннее внимание к проблемам восстановления культурной преемственности, восполнения дефицита информации по особенностям региональных и локальных этнокультурных традиций различных народов Сибири. Используя уже имеющийся положительный опыт, необходимо продолжить научно-исследовательскую, методическую, образовательную, воспитательную и культурно-просветительскую деятельность в данном направлении.

Список литературы

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспект. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.
2. Баринов И.В. В дни серьёзных испытаний мы становимся единым целым! // Этно-Мир на Енисее: Семья народов Красноярского края. 2023. № 7. С. 12–13.
3. Буганов А.В. Национальное сознание и народная память // Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. М.: Наука, 2003. С. 647–653.
4. Губогло М.Н. Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки. М.: Наука, 2003. 764 с.
5. Жигунова М.А. Русское население города Омска: идентичность, культура, традиции: монография. Институт археологии и этнографии СО РАН / отв. ред. П.П. Вибе, Н.А. Томилов. Омск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2022. 232 с.
6. Жигунова М.А. Концепт «сибиряк»: современные трактовки, подходы и образы // Алгоритмы человечности. Опыт антропологического исследования / сост. и отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2018. С. 351–368.
7. Карлов В.В. Этническая идентификация в системе идентичностей глобального мира: тенденции изменений // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова. М.: Наука, 2011. С. 469–473.
8. Конституция Российской Федерации // URL: http://www.constitution.ru (дата обращения 12.06.2023).
9. Льюис Д. После эпохи атеизма: Религии и народы России и Средней Азии / пер. с англ. С. Сапронова. СПб.: Шандал, 2001. 304 с.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений /РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: ООО «ТЕМП», 2009. 944 с.
11. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: Издательство НГТУ, 2020. 256 с.
12. Сибирь и сибиряки: этнокультурная идентичность русского и других восточно-славянских народов в Сибири (XIX – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, Р.Ю. Федоров, Н.И. Шитова, О.В. Голубкова, М.В. Васеха; отв. ред. Е.Ф. Фурсова; Рос. акад. наук, Ин-т этнологии и антропологии; Сиб. отделение, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. 284 с.
13. Тишков В.А. Российский народ: кн. для учителя. М.: Просвещение, 2010. 191 с.
14. Этническая панорама Сибири: Альбом-путеводитель по экспозиции и этнографической коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея /Авторы и составители: П.П. Вибе, М.А. Жигунова. Омск: ОГИК музей; СПб.: Любавич, 2020. 144 с.
15. Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий / отв. ред. Е.Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. 592 с
16. Beljanin D.N., Vorobieva T.V., Emelyanova E.K., Goroshko N.V., Gulyaeva N.V., Zhigunova M.A., Zinoviev V.P., Fedorov R.Yu., Sherstova L.I. Siberia Within the Russian Empire of the XVIII-Beginning of the XX Centuries // Humans in the Siberian Landscapes. Ethnocultural Dynamics and Interaction with Nature and Space. Bocharnikov V.N., Steblyanskaya A.N. (eds.). Springer, 2022. Pp. 151–168.

УДК 63

Агван Доржиев: философ, гражданин и патриот

Резник Марина Васильевна
магистр по направлению «Педагогическое образование»
КГПУ им. В.П. Астафьева;
главный библиотекарь отдела городского абонемента
Государственной универсальной научной библиотеки
Красноярского края (ГУНБ Кк).
Красноярск, Россия.
reznikmar@mail.ru
ORCID ID: 0009-0005-1525-4737

АННОТАЦИЯ В 2023 году исполняется **170 лет со дня рождения** выдающегося дипломата, культурного, политического и духовного деятеля **Агвана Доржиева (1853–1938),** который многое сделал для сближения Тибета с Россией. Агван Доржиев известен в мире как видный буддийский деятель, наставник и советник тринадцатого Далай-ламы Тибета. Он имел ученую степень доктора буддийской философии (лхарамба). Среди его близких друзей были крупнейшие российские востоковеды В. Л. Котвич, А. Д. Руднев, Ф. И. Щербатской, В. В. Радлов, С. Ф. Ольденбург, князь Э. Э. Ухтомский, художники Н. К. Рерих и В. П. Шнейдер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Тибет, Россия, Бурятия, Индия, Далай-лама, Доржиев.

Илл. 1 (Хамбо Агван Доржиев)

Илл. 2 (Сохранившийся дом Агвана Доржиева в Ацагатском дацане)

Агван Доржиев родился в 1853 году в местности Хара-Шибирь Хоринского ведомства (ныне Заиграевский район Бурятии). До 18 лет жил на Родине, служил писарем в канцелярии степной думы. Но вскоре его жизнь изменилась. В своей автобиографии он пишет: ***«18 лет от роду отправился в Тибет для усовершенствования буддийского образования…На 35 году от роду, успешно выдержав экзамен в среде 20 тысяч лам трех больших монастырей Лхасы, удостоился я получить ученую степень лхарамба. В то время требовалось назначение семи ученых лхарамб состоять при Далай-ламе 13 (тогда еще в юном возрасте 12 лет) при изучении буддийской философии им и литературы. Назначенный от Гоман дацана, я был принят в число семи ученых…».***[3, с. 43–44] Так Агван Доржиев становится одним из учителей XIII Далай-ламы Тибета!

Илл. 3 (Агван Доржиев)

Доржиев был инициатором сближения Тибета и России. В самом Тибете Россия стала рассматриваться как могущественный покровитель Тибета, имеющий там свои интересы. В 90-х гг. XIX века началось строительство Транссиба, который должен был связать Европу с Тихим океаном. Сергей Витте, став министром финансов, проводил политику экономического освоения Дальнего Востока. В этих целях был создан Русско-Китайский банк, председателем которого стал Эспер Ухтомский.

В 1898 г. Агван Доржиев, отправившийся из Тибета с миссией в Петербург, при содействии князя Ухтомского добивается первой аудиенции у Николая II. Вопросы аудиенции касались перспектив установления дипломатических отношений, возможностей склонить Тибет в пользу России, посылки русского консула в Тибет и прямого письменного сообщения с Далай-ламой.

30 декабря 1900 г. Доржиев вновь встречается с царем. Тогда же Доржиеву была обещана русская протекция в отношении Тибета при условии — открыть секретное консульство в Лхасе. В результате был найден компромисс: русское консульство в китайском городе Да-цзян-лу в провинции Сычуань и тибетское представительство в Петербурге.

21 июня 1901 г. в Петергофе Николай II принял уже официальную делегацию из Тибета. После этого Агван Доржиев остается в Петербурге в качестве официального представителя Далай-ламы. Отношения же России и Англии по тибетскому вопросу накалились.

«Вы понимаете, что ответ на любой подобный поступок России будет очень прост — без промедления я пошлю английскую армию в Лхасу». (Лорд Керзон министру по делам Индии Гамильтону. 28 мая 1902 г.). [5, с. 49]

4 августа 1904 г. английский корпус вошел в Лхасу. 7 сентября там был подписан англо-тибетский договор, по которому Англия получает привилегии в торговле с Тибетом. В Лхасе образуется английская торговая миссия. Далай-лама вместе с Агваном Доржиевым бежит от англичан в Ургу, вблизи границ России.

За полтора месяца до начала русско-японской войны и вскоре после вторжения английских войск в Тибет Петр Бадмаев обратился к Николаю II с запиской **«О противодействии англичанам в Тибете».** В записке говорилось, что Тибет имеет важное политическое значение. С октября 1904 г. по сентябрь 1908 г. Далай-лама находился в пределах Монголии, рассчитывая на помощь России, однако переговоры Доржиева в Петербурге, на которые так надеялся Далай-лама, ни к чему не привели. К тому времени Россия и Англия приняли решение и 31 августа 1907 г. в Петербурге было подписано англо-русское соглашение относительно Персии, Афганистана и Тибета. В этом соглашении признавался сюзеренитет Китая над Тибетом.

Еще в 1898 году, после встречи с императором Николаем II, Агван Доржиев получил высочайшее согласие на строительство буддийского храма в Петербурге. Строительство храма в российской столице началось в 1909 году в Старой деревне, за Черной Речкой.

Илл. 4 (Группа петербургских буддистов у входа в храм, 1914 год)

Илл. 5 (Молельный зал Петербургского дацана)

Работами руководил строительный комитет, в который входили академики В.В. Радлов и С.Ф. Ольденбург, князь Э.Э. Ухтомский, архитектор Г.В. Барановский и др. Санкт-Петербургский храм строился в полном соответствии с тибетским архитектурным каноном. В 1913 году в храме прошла первая служба, посвященная 300-летию династии Романовых. Церемония освящения храма состоялась в 1915 году, на

ней присутствовали представители правительств Николая II, Далай-ламы XIII, сиамского короля Рамы IV и монгольского Богдо-хана.

Агван Доржиев много путешествовал – с дипломатическими поручениями побывал в Монголии и Китае, Индии, на Цейлоне, в Японии, Германии, Италии, Великобритании. Во французском Музее восточных культур Гиме он провел первое во Франции буддийское богослужение. На нем присутствовал **Иннокентий Анненский,** впоследствии написавший об этом стихи, которые вошли в **«Кипарисовый ларец».** А его гидом по Парижу был другой русский поэт – **Максимилиан Волошин.** В своей книги **«Занимательные заметки: описание путешествия вокруг света»** Агван Доржиев рассказал о своей жизни, богатой событиями.

Илл. 6 (Обложка автобиографической книги А. Доржиева)

Агван Доржиев основал несколько дацанов и школ в Калмыкии и Бурятии, открыл издательство в Петербурге и типографию в Ацагате. У подножья Тункинских гольцов по воле Агвана Доржиева в 1917 году был основан **Хандагайтайский (Хойморский) буддийский дацан**.

Илл. 7 (Хойморский дацан)

Этот храм вошел в число уникальнейших бурятских религиозных сооружений. Хандагайтайский дацан был единственным представителем реформированного

бурятского буддизма, строго следовавшим наставлениям Агвана Доржиева, главного идеолога и инициатора обновленческого движения в российской ветви этой мировой религии. В Хандагайтайском дацане во времена его расцвета служили более 200 лам. Кроме изучения цанид-чойра (буддийской философии), монахи и хувараки Хандагатайского дацана учили русский язык, занимались хозяйственными делами: сами сеяли хлеб, сажали картошку и т.п.

После революции Агван Доржиев, предвидя будущее, отправляет в Тибет на учебу девять одаренных бурятских юношей. По замыслу Доржиева эти ребята, получив соответствующее образование и находясь в Тибете, должны были в будущем составить костяк кадров для возрождения буддизма на своей Родине. Однако в то тревожное время молодые люди еще не догадывались о главной причине своего отъезда в Тибет. Агван Доржиев дал им наказ – ни в коем случае не возвращаться домой, в Бурятию. Все посланцы впоследствии стали высокообразованными учеными-ламами.

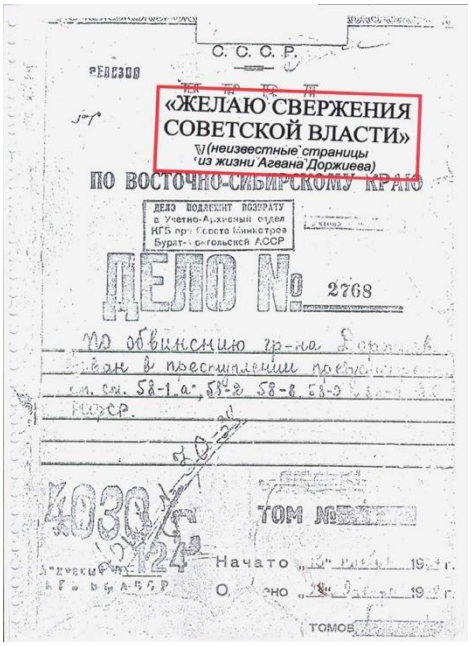
Агван Доржиев многое сделал для сохранения и возрождения национального движения бурят-монгольского народа. Помимо различных духовных съездов он находил время и для научной работы – он является автором трудов в области богословия, художественной и исторической литературы. Просветительская деятельность Доржиева включает в себя «Бурятский алфавит» (1907 г.), «Просвещающие рассказы-сказки» (1908 г.), на «агвановском» алфавите была издана сказка А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке» и многие другие книги. В 1929 году деятельность буддийской церкви Забайкалья была запрещена новым антирелигиозным законом.

Илл. 8 (Агван Доржиев в пожилом возрасте)

В 1930-е годы А. Доржиев жил в Ленинграде при буддийском дацане. Наступили неспокойные времена, многие ламы подверглись аресту. В 1934 году Агван Доржиев был арестован органами ОГПУ в Москве, но вскоре отпущен. После этого Доржиев

принимает решение уехать к себе на Родину – в Бурят-Монголию. Там в 1937 году в возрасте 85 лет он был арестован и скончался после пыток в тюремной больнице г. Улан-Удэ.

Илл. 9 (Обложка книги «Желаю свержения советской власти»)

Не так давно была издана книга А.В. Тиваненко и В.И. Колмынина **«Желаю свержения советской власти»,** которая не только рассказывает о неизвестных страницах из жизни Агвана Доржиева, но и документально опровергает все обвинения против советской власти, которые были предъявлены Доржиеву в 1937 году. Авторы этой книги провели расследование подлинного Дела №2768, на основе которого было сфабриковано фальсифицированное обвинение Агвана Доржиева по ст. 58–1, 58–10 и др. («Антисоветская пропаганда» «Контрреволюционная пропаганда»), приведшее в дальнейшем к смерти выдающегося человека. [4, с. 4]

Заключение

Агван Доржиев был деятелем мирового масштаба, талантливым политиком и духовным лидером. Несмотря на все гонения и репрессии Агван Доржиев до самого конца оставался истинным патриотом своего Отечества, которому отдал всю жизнь, знания и силы.

Список литературы

1. Дамдинов А.В. Агван Доржиев: дипломат, политический, общественный и религиозный деятель. Иркутск: ИГУ, 1996. 23 с.
2. Дамдинов А.В. Агван Доржиев – выдающийся религиозный и общественно-политический деятель. Улан-Удэ: Бэлиг, 2010. 75 с.
3. Доржиев А. Занимательные заметки: описание путешествия вокруг света: (автобиография). Москва: Восточная литература РАН, 2003. 159 с.
4. Тиваненко А.В. Желаю свержения Советской власти: (неизвестные страницы из жизни Агвана Доржиева). Улан-Удэ: Баргуджин-Токум, 2017. 343 с.
5. Уоддел Л.О. Лхаса и ее тайны: [о тайнах тибетских мудрецов]. М.: Вече, 2018. 445 с.

УДК 39

Актуализация исторической и этнокультурной памяти в меморизации исчезнувших деревень (на примере Одесского района Омской области)

Федоров Роман Юрьевич
доктор исторических наук, старший научный сотрудник.
Тюменский научный центр СО РАН.
Тюмень, Россия.
r_fedorov@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-3658-746X

АННОТАЦИЯ Опираясь на материалы полевых исследований, собранных на территории Одесского района Омской области исследованы практики меморизации прекративших существование деревень. Установлено, что основные проявления меморизации деревень состоят в сохранении памяти о них как о родине группы людей, объединенной территориальной общностью происхождения. При этом этнокультурная память о жизни локального сообщества органично интегрируется в общенациональную историческую память. Чаще всего, в качестве подобного объединяющего начала выступает память об уроженцах деревни – героях Великой Отечественной войны, а также определенные исторические события, участниками которых являлись представители разных поколений местных жителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Историческая память, этнокультурная память, меморизация, исчезнувшие деревни, Одесский район Омской области.

В современной этнологии сложился ряд направлений изучения коллективной памяти, идея которой впервые была сформулирована М. Хальбваксом [7]. Их общей чертой является то, что предметом исследования становится не историческое событие или явление как таковое, а память о нем, живущая в сознании общества» [1, с. 7]. В отечественных этнологических и социально-антропологических исследованиях наиболее последовательное развитие получил концепт «исторической памяти». Не имея однозначной дефиниции он чаще всего вмещает в себя репрезентации представлений о прошлом, параметры которого определяются особенностями настоящего [5, с. 12], через «формы объяснения прошлого и смысловые акценты, которые подчеркиваются в историческом описании, определяются нормами и потребностями как современной культуры, так и политической конъюнктурой» [3, с. 63]. В последнее время в научный оборот начало вводиться понятие «этнокультурная память». По мнению Е.Ф. Фурсовой, «историческая память и этнокультурная память – это не одно и то же: историческую память можно конструировать, а этнокультурная память – это то, что лежит в сознании народа, в пластах или в представлениях, верованиях, базовых ценностях; это то, что идет, как говорится, от предков» [6]. В целом под этим понятием автор «совокупность многообразных представлений/знаний людей о прошлом своего народа/группы, традициях и обычаях родного края. Этнокультурная память, таким образом, включает представления и знания о своей традиционной культуре, индивидуальные или коллективные, по сути – символическую репрезентацию реального прошлого» [4, с. 948]. Исходя из этого, к исторической памяти следует отнести своеобразную вертикальную проекцию репрезентаций определенных «центральных» исторических событий, которые имеют общепризнанное значение. В свою очередь, к этнокультурной памяти можно отнести горизонтальную проекцию памяти народа, включающую репрезентации локальной

истории, коллективного жизненного опыта и традиций, рассматриваемых сквозь призму этничности. При этом историческая и этнокультурная память порождают свои специфические типы мест памяти, идея которых была сформулирована П. Нора [8]. Историческая память способствует возникновению мемориальных мест, приуроченных к контексту важных общегосударственных исторических событий, тогда как места, отражающие этнокультурную память, как правило, связаны с событиями, которые имеют большое значение для определенных локальных сообществ.

В России на рубеже XX и XXI столетий одним из феноменов возникновения мест, в которых оказалась тесно переплетенной актуализация исторической и этнокультурной памяти, стала меморизация прекративших существование деревень. Ее практики были рассмотрены и подвергнуты анализу на примере Одесского района Омской области, в котором в 2022–2023 годах нами были проведены полевые исследования. В ходе них были взяты интервью у людей, принимающих участие в меморизации деревень, проведены непосредственные наблюдения, а также подвергнуты анализу публикации на эту тему в районной газете «Пламя всегда с Вами».

На территории современной Омской области пик возникновения новых деревень и сел пришелся на конец XIX – начало XX в. и был связан с крестьянскими переселениями. Однако вскоре после установления советской власти стала преобладать тенденция, связанная с сокращением числа хуторов, деревень и сел. Так, по одному из подсчетов, за период с 1926 по 1989 гг. в Омской области было ликвидировано свыше 3,2 тыс. сельских населенных пунктов [2]. Для постсоветского периода стали характерными еще более высокие темпы депопуляции сельского населения региона. В Одесском районе Омской области, начиная с 2001 года объектами меморизации стали около 20 деревень, большинство из которых были признаны бесперспективными и ликвидированы в 1960-е – 1980-е годы (табл. 1).

Таблица 1.
Список прекративших существование деревень и сел Одесского района Омской области, на месте которых были установлены памятные знаки.

Населенный пункт	Период существования	Год установки первого памятного знака	Виды мемориальных объектов
с. Ново-Россияновка	1910–1969	2001	Памятный знак; поклонный крест.
д. Херсонка	1911–1972	2003	Памятный знак.
д. Филинка	1908–1958	2003	Памятный знак.
д. Харитоновка	1908–1974	2003	Памятный знак.
д. Каспировка	1913–1960	2003	Памятный знак.
Аул Каржас	1913–1987	2003	Памятный знак; мемориал жителям деревни, погибшим в годы Великой Отечественной войны.
Аул Кок-Терек	1912–1976	2003	Памятный знак.
с. Гришковка	1910–1981	2004	Памятный знак с информационным стендом об истории деревни; мемориал жителям деревни, погибшим в годы Великой Отечественной войны; поклонный крест.
д. Кравцевка	1909–1961	2004	Памятный знак; мемориальные доски

			жителям деревни, погибшим в годы Великой Отечественной войны; поклонный крест.
с. Людмировка	1927–1962	2005	Памятный знак.
д. Бреусовка	1908–1977	2005	Памятный знак.
с. Синявка	1913–1963	2006	Памятный знак.
д. Ляличи	1909–1965	2006	Памятный знак.
д. Калиновка	1907–1959	2006	Памятный знак.
д. Игнатовка	1907–1973	2006	Памятный знак.
д. Пироговка	1912–1966	2012	Памятный знак.
с. Раздольное	1909–1951	2014	Памятный знак селу; памятный знак уроженцу села, герою Великой Отечественной войны, летчику Петру Дылько.
д. Решетиловка	1912–1981	2023	Мемориал жителям деревни, погибшим в годы Великой Отечественной войны.

Чаще всего местом меморизации упраздненной деревни становится ее кладбище. Эта ситуация обусловлена следующими причинами. Во-первых, в большинстве случаев, на фоне быстрой утраты построек и улиц брошенного поселения, кладбище остается его единственной сохранившейся частью. Во-вторых, после прекращения существования деревни кладбище на многие десятилетия остается центром притяжения для ее бывших жителей, которые приезжают навестить могилы своих предков и родственников. В случае отсутствия собственного кладбища, на месте исчезнувших деревень в большинстве случаев не остается никаких принадлежавших им материальных объектов.

Как правило, инициативы меморизации прекративших существование деревень исходят от отдельных энтузиастов. В ходе проведенного нами интервью, один из таких людей – заведующий Желанновского филиала Музея истории, культуры и быта Одесского муниципального района Омской области А.И. Лонский отметил, что у человека, который занимается сохранением памяти об исчезнувшей деревне должно быть не только желание, но и навыки его практического воплощения. В частности, нередко требуется найти архивные документы для того, чтобы уточнить основные вехи истории населенного пункта, а в случае отсутствия материальных следов существования бывшей деревни возникает необходимость установить точные координаты ее местонахождения. Наибольшую сложность составляет поиск средств и материалов для изготовления памятного знака. Отдельной проблемой является организация регулярного ухода, как за установленными памятными знаками, так и за сохранившимися кладбищами.

В случаях стихийной меморизации мест памяти отдельными энтузиастами возникает вопрос о том, приобретут ли они в будущем какую-либо институциональную поддержку или сохранят свое неформальное бытование. Результаты полевого исследования указывают на то, что нередко частные инициативы по созданию новых мест памяти первоначально не всегда находят поддержку у местных органов власти, но позднее, когда этим места приобретают важное значение для местных жителей, они нередко получают официальные меры поддержки. К примеру, в конце 1990-х годов Одесским районным самоуправлением и редакцией газеты «Пламя всегда с Вами» был учрежден конкурс «Летопись исчезнувших деревень», с целью отбора и публикации в газете воспоминаний, очерков, писем, фотографий, рассказывающих о людях, быте и традициях прекративших

существование деревень. В 2001 году было издано постановление главы Одесского района о поддержке частных инициатив по установке памятных знаков на местах бывших деревень, осуществляемой местными жителями, а также руководителями коллективных и фермерских хозяйств. Еще одно постановление, официально стимулировавшее установку памятных знаков, было принято в 2005 году к 80-ти летию Одесского района.

Первый в районе памятный знак был поставлен в 2001 году на месте села Ново-Россияновка. Он представляет собой небольшой кирпичный обелиск с табличкой, на которой указано название и годы существования деревни. Подобные памятные знаки стали наиболее распространенным видом меморизации прекративших существование деревень Одесского района. Незначительное распространение других видов меморизации местные жители объясняют недостатком материальных средств для их реализации. Одним из исключений из этой ситуации является место, на котором находилась деревня Гришковка. На ее кладбище был создан мемориал, состоящий из нескольких частей. В левой части мемориала установлен обелиск из черного гранита, который внешне выглядит как типичный современный надмогильный памятник. На нем изображена надломленная березка и выгравирована напоминающая эпитафию надпись «Деревня Гришковка. 1910–1980. Здесь начинается наша Родина». Выше памятника установлен информационный щит, на котором изложены краткие вехи истории деревни, проиллюстрированные фотографиями. Повествование начинается со следующих сведений: «Деревня Гришковка (Гришино, Гречковка) начала заселяться с 1894 года. Статус деревни получила в 1910 году. Участок, отведенный под заселение назывался Бабак-Кстау. Первыми жителями были переселенцы с Украины, из Киевской и Черниговской областей. Верующие посещали Екатеринославский приход». Далее приведена информация об основных вехах истории деревни в советское время. Заканчивается повествование словами «Деревни нет, но жить она осталась, она как мать в душе твоей жива». В центре мемориала расположен увенчанный красной звездой обелиск, на котором перечислены уроженцы деревни, погибшие во время Великой Отечественной войны. Список героев продолжен в правой части мемориала. Этот обелиск был установлен на месте своего разрушавшегося предшественника, стоявшего еще в советское время. В стороне от мемориала установлен поклонный крест.

В отдельных случаях доминантой меморизации исчезнувшей деревни становится память об ее выдающемся уроженце. Так, в 2014 году на месте села Раздольного был установлен памятник родившемуся в нем герою Великой Отечественной войны, летчику Петру Дылько. Право открытия памятного знака чаще всего предоставляют одному из старейших или наиболее уважаемых уроженцев деревни.

Помимо материальных форм выражения меморизации прекративших существование деревень, широкое распространение получили ритуалы их посещения бывшими жителями. При этом в ряде случаев подобные ритуалы могут возникать задолго до появления на месте деревни материальных мемориальных объектов. Учитывая, что наиболее часто бывшие жители деревень приезжают на их кладбища, в большинстве случаев посещение прекративших существование поселений было приурочено к таким поминальным дням, как Радоница и Троица. Однако в ряде случаев в качестве дня встречи односельчан выступает какой-нибудь произвольный день лета или начала осени, когда большинство людей, переехавших жить в города или большие поселки, находятся в отпусках. К примеру, жители бывшего села Ново-Россияновка начали собираться на его месте в 1978 году во второе воскресенье августа: «Ходим по местам бывших улиц, домов, узнавая их по деревьям, холмикам, и вспоминаем…» (по материалам газеты «Пламя всегда с Вами»). Регулярные встречи уроженцев бывших

деревень выступают в качестве важного фактора сохранения этнокультурной памяти, отражающей локальную историю и этнические традиции.

Заключение

Подвергая анализу полевые материалы, собранные на территории Одесского района Омской области можно сделать вывод о том, что основные проявления меморизации прекративших существование деревень состоят в сохранении памяти о них как о родине группы людей, объединенной территориальной общностью происхождения. К основному мотиву подобной меморизации можно отнести стремление, чтобы исчезнувшие деревни продолжали жить в памяти своих уроженцев и их потомков. При этом одним из важных условий возникновения подобных мест памяти является наличие ныне живущих людей, которые родились в данной деревне и считают ее своей малой родиной. Это предположение подтверждают слова одного из уроженцев этих деревень: «Село наше – не бывшее. Оно – настоящее, потому что продолжает жить в нашей благодарной памяти. И пока эта память жива, сюда будут приезжать те, кого эта земля взрастила» (по материалам газеты «Пламя всегда с Вами»). Пример Одесского района Омской области показывает, что в случае меморизации исчезнувших деревень, этнокультурная память о жизни небольшого локального сообщества органично интегрируется в общенациональную историческую память. Чаще всего, в качестве подобного объединяющего начала выступает память об уроженцах деревни – героях Великой Отечественной войны, а также определенные исторические события, участниками которых являлись представители разных поколений местных жителей. Среди последних чаще всего фигурируют крестьянские переселения, а также деятельность колхозов и совхозов в советское время.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено в рамках программы НИР ТюмНЦ СО РАН (проект 121041600045-8)

Список литературы

1. Леонтьева О.Б. Историческая память и образы прошлого в российской культуре XIX – начала XX вв. Самара: ООО «Книга», 2011. 448 с.
2. Сигутов П.Т. Изменение людности сельских населенных пунктов Омской области (20–80-е гг. XX в.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития сб. науч. тр. Омск, 2002. С. 84–87.
3. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Историческая память: формы сохранения, конструирования и презентации // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2019. №4 (40). С. 62–71.
4. Фурсова Е.Ф. Особенности этнокультурной памяти и свадебной обрядности русских «пензяков» в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 947–954.
5. Шнирельман В.А. Социальная память: вопросы теории // Историческая память и российская идентичность / под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М.: РАН, 2018. С. 12–34.
6. «Эх, масленица, да ты красавица!» // Научная Россия. URL: https://scientificrussia.ru/articles/eh-maslenitsa-da-ty-krasavitsa (дата обращения: 24.03.2023)
7. Halbwachs M. The collective memory. New York: Harper & Row, 1980. 186 p.
8. Nora P. Les Lieux de mémoire. La Nation. París: Gallimard, 1984. 680 p.

МЕДИЦИНСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ В ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ: КРОССКУЛЬТУРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

УДК 572

Медицина народов Сибири и соседствующих народов: взаимосвязи и взаимовлияние

Баканова Марина Владимировна
независимый исследователь, главный врач.
«Дуа Госпиталь», Международный медицинский центр.
Исламабад, Пакистан.
mari-ina@mail.ru
ORCID ID 0000-0002-4389-8071

АННОТАЦИЯ Сибирь, представляющая собой уникальный географический и исторический ареал, в определенной степени развивалась изолированно. Однако, южная ее часть, входящая в регион Высокогорной Азии всегда имела контакты с населением высочайших горных цепей от Алтая и Памира до Гиндукуша, Гималаев и Тибета. На территории Сибири возникли и начали активно развиваться народности скифов и тюрков, которые имели в том числе и уникальные системы медицинского знания. Позднее традиционные медицинские практики народов Сибири были дополнены монгольской и российской медициной. При этом, важную роль в их развитии сыграли соседние народы, медицины Китая, Тибета, Индии, арабских стран, Ирана, стран Средней Азии. Взаимодействие шло на различных уровнях. Известно, что целители из Сибири отправлялись на обучение в соответствующие регионы, так и лекари (особенно травники) соседних народов ехали в Сибирь для сбора уникального растительного и минерального сырья. С учетом географических особенностей, наибольшему взаимовлиянию были подвержены южные сибирские регионы, в северные и восточные переданные знания и лекарственные средства доходили не регулярно и не всегда могли быть сохранены, т. о. северная и северовосточная медицины Сибири развивались более на местном субстрате. Российская медицина в Сибири в силу ряда причин длительное время работала в тесном соседстве и сотрудничестве с местной и окончательно утвердилась в качестве ключевой только после образования СССР. При этом – в советское время имело место частичное сохранение, изучение и развитие наработок местной традиционной медицины, в последнее 30-летие оно только активизировалось.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История медицины Сибири, регион Высокогорной Азии, традиционная медицина народов Сибири, межнациональные медицинские контакты, медицинская антропология, организация здравоохранения.

Сибирь представляет собой обширный природный и исторический ареал в Северной Азии к востоку от Уральских гор. С учетом некой неопределенности границ, в данном исследовании был взят вариант Сибири, как региона, ограниченного с запада Уральскими горами, с востока – водораздельными хребтами разделяющими бассейны Северного Ледовитого и Тихого океанов, с севера – Северным Ледовитым океаном и с юга – границей РФ [5].

Ввиду объективных климатических сложностей, земля Сибири исторически была слабозаселена. Однако, на ее территории традиционно проживали значительные группы различных коренных народов: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских, самодийских, финно-угорских и других, которые имели значительные связи с соседними народами и странами. В период освоения Сибири Россией активизировался миграционный поток из европейских территорий страны, который активно и целенаправленно стал развиваться в советское время [7].

Стоит отметить, что медицина Сибири развивалась неравномерно. Это связано с тем, что ее южная часть имела как больший набор лекарственных средств ввиду лучшего климата и прочих природных условий, так и больше контактов с соседними народами. При этом – ряд горных районов Сибири с высокой степенью достоверности можно назвать принадлежащими к региону Азиатского высокогорья, включающему

территории от Южной Сибири до Кашмира, которые не только активно взаимодействовали на протяжении длительного времени, но и обменивались культурой, традициями и знаниями [1]. Наряду с развитием местных медицинских субстратов, данный регион подвергался влиянию Тибетской и Китайской медицин, оказывали влияние Индийская и Арабская (Унани) традиционные медицины. В рамках практик духовного целительства на территории Сибири имело место смешение религий буддизма, манихейства, несторианства, тэнгрианства, местного шаманизма, а позднее – ислама и христианства, которые развивались самостоятельно и в рамках определенного сибирского синкретизма [6].

Если подходить к развитию медицины Сибири с точки зрения истории, то безусловными ее основателями можно считать скифов. В какой-то степени именно им удалась первая попытка объединения эмпирических знаний и практик народов Сибири в определенную систему. Скифы использовали растительное, животное и минеральное сырье для производства ряда лекарственных средств, причем – как кочевой народ были вынуждены освоить методы их переработки и хранения. Часть скифских узоров носит медицинский характер и позволят предположить солидный набор хирургических знаний и умений, накопленный ими [4]. При этом вполне возможно, что часть знаний скифов – это переработанный и адаптированный южный субстрат. На протяжении длительного времени индоарийские племена Степи имели контакты с дравидской цивилизацией Хараппы на территории современной Центральной Азии.

Второй крупной группой, давшей начало развитию собственной медицины Сибири стали тюрки. Данная группа, изначально развивавшаяся в границах современного Алтая изначально могла использоваться богатство растительного и минерального лечебного богатства, а также – наследия предков и соседних народов в рамках оказания медицинской помощи. Однако, расцвет тюркской медицины безусловно пришелся на момент расцвета государственности: развития Тюркского каганата и последующих за ним государственных образований. Именно в них произошло активное соединение медицин древности: авестийской, греческой, аюрведической, китайской и тибетской с их эволюционированием в рамках одной страны с собственно – попыткой постройки и обоснования единой системы здравоохранения [3].

Несколько позднее юго-западные территории тюрок столкнулись с арабской медициной. При этом, контакты с непосредственно арабской, и затем – развившейся на ее основе среднеазиатской и болгарской поддерживались вплоть до нашествия монголов.

Третьей группой, стали собственно монголы. Традиционная медицина монголов была достаточно развита, особенно в области хирургии и травматологии, что коррелировалось с кочевым образом жизни. Несмотря на то, что их проникновение в Сибирь и Центральную Азию изначально способствовало разрушению сложившейся медицинской традиции, впоследствии огромная империя впитала в себя большое количество медицинских систем: китайскую, тибетскую, индийскую, арабско-среднеазиатскую, российскую, иранскую и др. [8]. Фактически именно монголы стали причиной значительного смешения стилей и подходов к врачеванию в Сибири к 15–16 вв. т.е. к моменту прихода Российской Империи со своей медицинской системой.

Несмотря на то, что Сибирь постепенно переходила под власть Москвы, вплоть до конца 19 века система здравоохранения оставалась смешанной. В основанных российской властью или переселенцами городах и поселениях практиковали присланные земские врачи или армейские медики. Считается, что первым профессиональным врачом в Сибири был немец, доктор Фридрих Фидлер, который был вынужден переехать после поражения восстания Ивана Болотникова. Дальнейшая

его судьба осталась неизвестной. С 18 века аристократические семьи начали выписывать себе семейных врачей в Сибирь или же те были вынуждены присоединиться к ним в ссылке. 1725 год стал известен тем, что в Сибирь были отправлены постоянные врачи вместе с армейскими корпусами, сохранились данные на двух из них: корпусных врачей Рейхарта и Подгорецкого, с ротацией каждые 6 лет. Стоит отметить, что врачи нередко попадали в Сибирь в рамках исследовательских проектов – при изучении медицины Китая, Тибета, Средней Азии и Индии, нередко они при этом были также кадровыми агентами и военными. При всей своей малочисленности, оказать полную медицинскую поддержку всему населению они не могли, кроме того – нередко вызывали недоверие у местных жителей (уровень доверия к российской медицины вырос только после эффективной программы по борьбе с оспой в 18 в), соответственно медицинская практика местных лекарей, знахарей, травников или даже шаманов сохранялась. Причем использовали они те же средства и методики, которые им были известны с древности. Ввиду оторванности территорий Сибири к тому моменту от Средней Азии и Индии, большая часть новых медицинских знаний приходила от контактов с Китаем, Монголией или Тибетом, соответственно именно их роль стала ведущей. Более того, в 18–19 вв., повысилась активность китайских целителей и травников в рамках сбора лекарственного сырья на территории Сибири, которое проводилось с участием местного населения и вызывало определенный интерес. Только с образованием СССР в Сибирь полноценно пришло централизованная система здравоохранения с созданием общих для страны принципов профилактики, лечения и реабилитации. Накопленные веками знания при этом не были утеряны окончательно и достаточно большое количество ученых занималось их дальнейшей разработкой на научной основе [2]. По различным причинам изучение и развитие традиционного медицинского наследия народов Сибири было восстановлено в постсоветское время.

Естественно, наиболее активно развивалась медицина у народов Сибири, которые проживали на юге территорий. Здесь же они имели наибольший уровень контактов с медицинами соседних народов. Далее к северу и востоку контактов и обмена медицинским наследием было гораздо меньше, хотя условия кочевок и оставляли данную возможность, а следовательно – проникновение медицинских знаний до самых удаленных уголков. Также стоит отметить, что природные лекарственные источники также были различны в отдельных местностях, более всего преображаясь на севере и требовавшие новых поисков сырья и методов его обработки. Несмотря на то, что культурные обмены и взаимодействия народов не были особой редкостью, сохранность традиционных лекарств была не высокой и приобрести действенное средство на длительное время было невозможно.

Заключение

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Медицина Сибири развивалась длительное время по своим законам, будучи ограниченной ввиду труднодоступности и редкого населения.
2. На территории Сибири возникли скифская и тюркская медицины, которые положили начало в том числе и современной научной ее форме.
3. Наибольшее влияние на медицину Сибири оказали скифская, тюркская, монгольская, китайская, тибетская и российская медицины. Опосредовано народы взаимодействовали с арабской, иранской и индийской медицинами.
4. Наибольшему взаимодействию и смешению медицинских подходов подверглись южные части территории региона, в северных и восточных развитие шло более самобытно.

5. Российская государственная медицина на территории Сибири длительное время взаимодействовала с местными медицинскими практиками и только в советское время стала ведущей системой, при том – сохраняя и изучая наследие традиций.

6. В постсоветское время интерес к изучению и развитию традиционных медицинских систем Сибири возродился.

Список литературы

1. Баканова М.В. Концептуальная схожесть лекарских практик в регионе Южная Сибирь – Кашмир // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней [Электронный ресурс]: материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. / гл. ред. Н.И. Дроздов. Электрон. дан. (62,4 Mb) Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 208–211.
2. История медицины в Сибири: материалы I Международной научно-практической конференции, посвященной 65-летию Кемеровского государственного медицинского университета (Кемерово, 18–19 марта 2020 г.) / отв. ред. В.В. Шиллер, С.П. Звягин, Е.В. Бадаев, З.В. Боровикова. Кемерово: КемГМУ, 2020. 303 с.
3. Кадыров А.А. История медицины Узбекистана. Т.: Издполигр. Об-ние им. Ибн Сины, 1994. 233 с
4. Попова М.Н., Чурилова А.А. Традиции скифской медицины. Bulletin of Medical Internet Conferences, 2016. Volume 6. Issue 1. P. 22.
5. Поспелов Е.М. Сибирь // Географические названия мира: Топонимический словарь: Ок. 5000 единиц / Отв. ред. Р.А. Агеева. 2-е изд., стереотип. М.: Русские словари, Астрель, АСТ, 2002. С. 383.
6. Религия в истории народов Южной Сибири и Центральной Азии: хрестоматия. Часть II. Эпоха Средневековья / сост. П.К. Дашковский. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2012. С. 307.
7. Шерстова Л.И. Русские и аборигены Южной Сибири: евразийская основа этнокультурных контактов // Сибирский плавильный котёл: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI – начала XX века. Новосибирск: Сибирский Хронограф, 2004. С. 61–70.
8. Lane G. Daily Life in the Mongol Empire. (Daily Life through History.) Westport, CT: The Greenwood Press, 2006. Volume 71. Issue 1. 315 p.

УДК 159.923.31:291.23

Представления о наследственной передаче физиологических особенностей и проблем здоровья через призму веры в реинкарнацию у коренных народов Югры

Волдина Татьяна Владимировна
кандидат исторических наук.
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
отдел истории и этнологии.
Ханты-Мансийск, Россия.
tatyanavoldina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-6527-370X

АННОТАЦИЯ У народов ханты и манси до нашего времени сохранился комплекс традиционных представлений и ритуальных практик, связанных с реинкарнацией. Считается, что возрождение предков происходит в своём роду, а ребёнок, в котором возродилась душа умершего родственника, имеет с ним определённое сходство, в том числе и общие физиологические характеристики. В личных историях информантов содержатся сведения не только о похожей с реинкарнировавшим предком внешности и походки, родинок, но и сохранении у тех, в ком живёт его душа, «следов» от увечий и травм этого сородича на момент смерти, а также проявления хромоты, проблем со зрением и т.п.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Обские угры, реинкарнация, наследственность.

Как известно, проблемами естественной наследственности занимается наука генетика, и в современном обществе давно уже утвердилось представление о передаче природных свойств, признаков и особенностей организмов через гены, полученные от родителей. В традиционном мировоззрении обско-угорских народов, как и в других традиционных культурах, сохранивших древнейшие верования, связанные с идеей реинкарнации, также содержатся представления о том, что человек получает свои физиологические и психологические характеристики по линии рода, но в отличии от естественнонаучного подхода, он базируется на представлении о наличии нематериального носителя наследственных родовых черт – возрождающихся душах предков.

Универсальность этих представлений базируется на общем типе древних верований, сохранившемся у многих народов, где главным признаком является утверждение о наличии у человека двух взаимосвязанных жизненных начал: духовного реинкарнирующего – души-дыхания и виталического – души-тени. Коренные народы Югры называют душу-дыхание *ӆыӆ* (хант.) / *лили* (манс.), а душу-тень – *ис-хор*. Первая является основной и связана с сознанием (подсознанием), представлявшейся в виде крылатого существа – птицы. Вторая разновидность души *ис-хор* связана с жизненной энергией человека, отвечающей за здоровье, силу и жизнеспособность. Всё, что происходит с человеком в течении жизни, влияет на её состояние [1]. О «телесности» души-тени свидетельствуют речевые выражения, собранные среди обских угров, согласно которым её расположение связывалось с брюшной полостью или с «сердцем-печенью» они отражают желания, эмоции, чувства, а также насыщение человека пищевой энергией, комфортом-дискомфортом и т.д. [3, с. 219–224].

Другой общей чертой данного типа представлений о реинкарнации является перевоплощение душ преимущественно в своем роду, когда душа предка свой приоритет для последующего воплощения отдает ведущей родовой линии (у обских

угров – патрилинейной, у североамериканских индейцев – в одних случаях патрилинейной, в других – матрилинейной), где этот предок жил прежде, но не исключен переход его души к родственникам по другой, не основной, линии [2].

О передаче физиологических характеристик при перевоплощениях реинкарнирующей души писали многие авторы. На материале североамериканских индейцев и инуитов А. Миллс, Дж. Мэтлок приводят список «знаков», используемых при идентификации реинкарнаций, среди которых индейцы и инуиты отмечают дефекты при рождении. В частности, среди общих черт между ребенком и реинкарнировавшем в нём предком нередко отмечаются, например, хромота и другие физические признаки. Нередко в качестве отметок о существовавших проблемах в здоровье предка считаются родинки. Приведём один из примеров из исследований этих авторов. Вождь клана гитксан – Матильда рассказала о своем старшем сыне. До рождения мальчика ей приснился двоюродный дедушка, который задолго до этого умер во время операции на желчном пузыре. У новорожденного сына Матильды была родинка, которая напоминала шрам после операции слева на животе, который исчез, когда он стал старше [5].

Проблемам реинкарнации в культуре обских угров посвящено моё исследование, где представлены разные стороны этих мифоритуальных традиций. Примеры, собранные у разных групп хантов и манси, во многом очень близки североамериканским. Здесь также отмечаются повторение психологических характеристик и физиологических признаков у детей от предков, душу которых они унаследовали. Называются сходство их внешности, голосов, походок, привычек, характера, общность интересов. Среди «особых» примет: предок «левша» и тот, в ком его душа воскресла – тоже. Или такой пример: «Дочка родилась с «серёжкой» (родинкой на ухе). Вселился в неё дух прабабушки. У неё тоже «серёжка» была такая же» [1, с. 117].

На материале хантов Сыни наиболее яркие примеры удивительных физических совпадений, связанных с увечьями, которые были у предков, повторившихся в виде отметин в детях, унаследовавших их душу, представлены в работе Э. Рутткаи-Миклиан. Например, на руках бабушки и внучки, в которой возродилась душа бабушки «были отметины одинаковой формы, и к тому же бабушка, умирая, прокусила свой язык, и с девочкой произошло то же самое». Или: «девочка – инкарнация женщины, разорванной медведем. – родилась в синяках, а другая – инкарнация той, у кого ноги были в ранах, – с ранами на ногах. Труп утонувшего смогли найти с большим трудом при помощи крючка, который повредил ему губы. После этого он возродился в мальчике-родственнике с заячьей губой» [4, с. 199, 204].

Заключение

Представленные примеры носят скорее иллюстративный характер, на данном этапе исследований пока сложно искать в этом закономерности. В тоже время в качестве выводов можно отметить следующее:

- рассмотренные представления характерны не только для обских угров, но и для широкого круга традиционных культур Сибири и Северной Америки, и относятся к одному типу верований, связанных с реинкарнацией;
- носителем физиологических черт признаётся реинкарнирующая душа предка;
- они передаются по роду, как по отцовской, так и по материнской линиям;
- наличие общих физиологических черт между предком и потомком могут рассматриваться как один из признаков правильного определения реинкарнаировавшей души;
- в комплексе общих черт, переданных от предка, встречаются наследственные заболевания и дефекты, а также родинки;

- нередко физиологические особенности предка, в том числе травмы полученные в момент смерти, и даже после неё, могут передаваться в теле потомка, в котором воплотилась его душа, в виде отметин и знаков, которые могут со временем исчезнуть.

Список литературы

1. Волдина Т.В. «Долгой жизни вековечный танец»: реинкарнация в контексте мифоритуальных традиций обских угров. Ч. 1. Тюмень: ФОРМАТ, 2016. 206 с.
2. Волдина Т.В. Реинкарнация в автохтонных культурах Югры и Северной Америки // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 4 (51). С. 764–773.
3. Пятникова Т.Р. Представления «души» в традиционном мировоззрении хантов полноватского Приобья // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера. Ч. 1. Ханты-Мансийск, 2015. С. 219–226.
4. Рутткаи-Миклиан Э. Родство душой и телом. Реинкарнация у сынских ханты // С любовью и болью… к 60-летию Евы Шмидт. Ханты-Мансийск, 2008. С. 183–215.
5. Matlock J., Mills A. A Trait Index to North American Indian and Inuit Reincarnation // Amerindian Rebirth: Reincarnation Belief among North American Indians and Inuit / Ed. A. Mills and R. Slobodin. Toronto: University of Toronto Press, 1994. P. 299–356.

УДК: 81.304

Медико-антропологический потенциал Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля: сибирские мотивы

Кириленко Елена Ивановна
доктор философских наук, профессор.
Российский государственный университет правосудия (Западно-Сибирский филиал),
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
Томск, Россия.
e.kirilenko@ngs.ru
ORCID ID0000-0001-5074-5068

АННОТАЦИЯ Предмет исследования статьи – медико-антропологический аспект словарного материала, собранного в Словаре, в его сибирском изводе. Методология исследования – идеи А. Шюца в области социальной феноменологии, а также философии языка. Анализ сибирской лексики, отмеченной в словаре В.И. Даля, позволяет увидеть на конкретном эмпирическом материале специфику медицинского опыта, сформировавшегося в традиционном сознании, дополнить его специфическими сибирскими деталями, конкретными примерами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля, сибирский диалект, медицинский опыт.

Словарь В.И. Даля помимо богатства языкового материала содержит разнообразные сведения о культуре, истории, особенностях национального сознания, выступая подлинной энциклопедией российской жизни XIX века.

Гуманитарная наука сохраняет устойчивый интерес к словарю – не только лингвистический, но и философский [15], филологический [4], антропологический [1], культурологический [2].

Эта множественность подходов задана многогранностью личности самого В.И. Даля – этнографа, врача. писателя. естествоиспытателя. государственного деятеля. О В.И. Дале – «кадете и морском офицере, талантливом хирурге и гомеопате, строителе наплавных мостов, доверенном лице Министра внутренних дел и соразработчике плана освобождения крестьян по желанию императора Николая I, участнике военного Хивинского похода и управляющем Нижегородской казенной палатой знают очень немногие» [9, с. 34].

Языковой материал, собранный в словаре В.И. Даля, открывает возможность его медико-антропологического анализа: через медицинскую лексику, циркулирующую в просторечии и профессиональной среде, лексику, бережно собранную выпускником Дерптского медицинского университета, можно обратиться к исследованию антропологических характеристиках медицинского опыта, включить его в культурный контекст, выявить его историческую динамику [5].

Очевидно, что за языковым сознанием открывается картина мира носителей языка, за лексикой определенного типа – открывается определенная сфера жизни.

Объект исследования данной статьи – словарный материал, относящийся, по свидетельству В.И. Даля, к сибирским реалиям.

Предмет анализа – тот сектор рассматриваемого материала, в котором находит выражение медицинский опыт. Соответственно, цель исследования - медико-антропологический аспект Словаря в его сибирском изводе.

Для решения поставленной цели необходимо определиться с методологией, понятийным аппаратом, собрать необходимый эмпирический материал.

Опыт – предельно общая категория, выражающая полноту содержаний внутренней жизни личности (некая чувственная инфраструктура и интеллектуальная суперструктура). Медицинский опыт выступает как возможный модус личностного или культурного опыта. Его наполнение определено смысловыми полюсами здоровье-болезнь.

Содержание медицинского опыта можно структурировать. Способ структурирования подсказывает естественный язык. У глагола «лечить» пять актантов (элементов, возникающих при описании ситуации болезни и лечения): субъект (кто лечит) – ***врач***. Главный объект (что лечит) – ***болезнь***. Контрагент – (у кого лечит) – ***больной***. Второй объект (с помощью чего лечит) – ***лекарство***. Актант, обозначающий результат действия: как идеальная цель таковым является восстановление ***здоровья.*** Болезнь и здоровье не есть некоторые абстракции, они всегда проявляются телесно. ***Тело*** – материальный субстрат жизни. Телесный канон – важнейшая составляющая медицинского опыта. Т.о., основные структуры медицинского опыта, задаваемые ситуацией лечения, – ***врач, больной, болезнь, лекарство, здоровье, тело.*** Именно через эту систему координат будет рассмотрена область значений лексики, маркированная составителем Словаря пометой «сиб.».

Методология исследования – идеи А. Шюца [12; 13; 14] в области социальной феноменологии, а также философии языка. Свободный от узкоспециальной терминологии язык выступает средой повседневной коммуникации, выражает интерсубъективные смыслы: язык повседневности, это та среда, где каждый поймет друг друга.

Анализ языкового состава позволяет выявить социальные типизации: именуется, фиксируется в языке то, что приобрело характер типического, повторяющегося, устойчиво присутствующего в социальной практике: язык «знает», что должно быть обозначено.

Зафиксированные в языке интерсубъективные смыслы являются способом формирования соответствующей социальной реальности. Социальная реальность есть конструкт, рождающийся в логике интерсубъективных смыслов. Мир существует до нас. Он упорядочен в интерсубъективной, коллективной системе типизаций, восходит к коллективному опыту жизнедеятельности, закрепленному в языке.

Выявляя интерсубъективные смыслы (а они проходят селекцию и закрепляются в языке), мы открываем путь к социальной реальности, которая конструируется в соответствующих практиках.

При работе со словарным материалом внимание было обращено на комментарии и пометы, раскрывающие «подробности значения слов и понятий» [См.: 9].

В литературе отмечается, что «в современной лексикографии нет четко выработанной классификации стилистических помет, нет и однотипных толкований помет учеными лингвистами» [8, с. 45]. Эмпирической базой работы явились слова, помеченные соответствующим маркером – «сиб. », собственно, сибирские диалектизмы.

В отечественной лексикографии сложилась и воспроизводилась традиция толкования этой пометы как указывающей на территориальное бытование слова, его территориальную, географическую принадлежность [6, с. 136, 174]. Если принять такой подход, то он позволит увидеть семантику соответствующего словарного материала как выражение коллективного опыта жизнедеятельности его носителей.

Область Сибири в Словаре дифференцирована. Внутри сибирского узуса выделяются слова по географическим признакам. Различаются восточная и западная, а также южная части Сибири: «Алапа *ж*. *зап*.-*сиб*. алап *м*. *вост*.-*сиб*. займище, пойма».

«Барнаул *вост.-сиб.* медная монета местного чекана при Екатерине П». «Джумбура животное из хомячьей семьи, суслик, евражка» [3].

Различения касаются также этнических характеристик: «Андыльщина? *ж. якутск*. любовная песня». «Важан м. остяцк. тоб. вязаная мережа, матня с крыльями, которая ставится в воротах запоров, язков или перебоев [Там же].

Кроме того учитываются топонимические признаки: «Арчул м. забайкальское, монгольск. табачный кошель, кисет». «Калташиха? *ж*. сиб-*тоб*. большой чугунный котел, казан» [Там же].

В традиционных культурах здоровье – это включенность в природный универсум. Сибирская лексика, отмеченная в Словаре, – это язык природной жизни. Человек всматривается в мир природы: «Елань *сиб*. то же, возвышенная, голая и открытая равнина». «Алар *м. вост.-сиб*. лесок, остров, колок, отъемная роща». «Белогорье *ср. сиб*. горные кряжи, откуда идут ручьи, речки». «Бутан *м. сиб*. одинокий степной холм; курган, горка наравнине; бугор нарытый сурками, байбаками, торбаганами». «Гуджир *забайкальск*. солонец, солончак». «Дайга (тайга?) *сиб*. горы в вершинах рек». «Забока *ж. сиб*. берег, край, обочина» [Там же].

В сознании, погруженном в природный мир, важны наименования растений: «Артыш – сиб. можжевельник». « Амприк? м. сиб. растение Arctostaphylos alpina, вид толокнянки». «Бамбай сиб. растение из рода мяуна (Valeriana), степная свеча».» Бутун, бутунец, бут м. сибирский дикий лук» [Там же].

Особым образом обозначен мир животных: «Изюбр *м. вост.- сиб*. марал *зап. сиб*. настоящий, благородный (по книжному) олень».

«Анжиган, анджиган, *вост.-сиб*. козленок козули». Бабр *м. сиб*. зверь, равняющийся по лютости и силе льву». «Бульгун *сиб*. вид совы, Strix brachyotus». «Бура *ж. сиб*. верблюдиха, которая плюет яруя; жвака, плевач» [Там же].

Природность традиционной культуры определяет и телесные параметры человека: «Доболый *сиб*. дебелый, крепкий, дюжий, плотный, здоровый». «Зыркой *сиб*. у кого острое зрение» [Там же].

Тело скрывается за одеждами из звериных шкур, по сути, срастается с ними: «Камыс *м. арх. сиб*. полоса шкуры с оленьей ноги, более *употреб*. камысы *мн*., на подбой лыж и на обувь, шерстью наружу; | самая обувь эта, мягкие оленьи сапоги. Камысы протянуть, ножки протянуть, т. е. умереть».

«Арамузы *м. мн. вост.-сиб*. голенища, штанины изюбровой замши (половинки), подвязанные у щиколоток и прихваченные ремешками (толыгами) к очкуре». «Арогла *ж. вост.-сиб*. шапочка зверовщиков, из шкуры козули, с торчащими ушами». «Бокари *мн. сиб*. обувь из шкуры с оленьих ног, вроде унег, но короче их, или | бахоры». «Даха (доха) *ж. сиб. монг*. шуба, надеваемая шерстью вверх, наружу; она бывает жеребячья, или оленья, козуличья, собачья, овчинная; яргак, ергак *сиб.* оренб.» [Там же].

В Сибири XIX века ведение хозяйства, его ритм и содержание связаны с природной жизнью. Это жизнь рыбаков, золотоискателей, охотников. «Адур м. одур (одурять?) вост.-сиб. снаряд для подледной ловли красной рыбы по р. Ангаре». «Ангарка ж. вост.-сиб. речное суденышко, подымающее до 80 пудов». «Бутара ж. сиб. железные грохоты в станках, для пробойки промываемой на золото земли». «Гальянить сиб. удить на животь, на живую рыбку». «Гимга ж. сиб. большая рыболовная верша, морда, сплетенная из сарги, из тонких корней хвойных деревьев» [Там же].

Действия человека в мире разнонаправлены. Для традиционного сознания здоровье – связь с природно-духовным центром, болезнь – отпадение от него, разрушение, утрата понимания своего места. Цельба, исцеление есть «возвращение отпавших от целого и от состояния целости-целостности и цельности частей тела к

исходной целостности и поддержание ее. Болезнь поражает отдельные части тела, но страшнее само отпадение от целого: оно есть первейший признак болезни, общего недуга всего тела, за которым приходят уже конкретные дифференцированные болезни» [11, с. 254, с.68].

У Даля с пометой «сиб.» присутствует ряд слов, выражающих активное деструктивное поведение: «Искотосать что, *сиб*. искомшить, искомкать; избить; изломать, искрошить, измять». «Взбыкаться? *сиб*. (взбрыкаться?) взбелениться, взбеситься, выйти в сердцах из себя». «Ересться *сев*. *сиб*. сердиться, браниться, брюзжать, ворчать; задориться, лезть в ссору или драку, забиячить. Ересь *об*. *сиб*. ересливый человек, сердитый, горячий, задорный, раздражительный, брюзгливый. Ересливость, качество, свойство это» [3].

Больной – тот, кто выпадает из природного ритма жизни, нарушает и искажает его: «Искурепкаться сиб. съёжиться, сморщиться, перепасть от хвори, немочи» [Там же].

Деятельность, включенная в порядок универсума, созидательна. «Изгоить что, *сиб.(малорос.* гоить, лечить. заживлять; *белорус.* беречь, блюсти*)*, поправить, починить, изладить, уладить, уставить. Изгоить соху» [Там же].

Лечение – род созидательной деятельности. Оно связано с религиозно-мифологическими практиками. «Шаман м. ворожбит, кудесник, волхв сибирских инородцев, киргизк. бахчи. Шаманство ср. знахарство шаманов; | идолопоклонство, шаманская вера, в коей и шаман получает значенье жреца. Шаманить, кудесить по образу шаманов, впадая в неистовство». «Камлать сиб. шаманить, гадать, ворожить и лечить, по образу или способу шаманов; от кам м. шаман». «Воречье *ср*. *сиб*. заговор, заговариванье знахаря, нашепты. Воречьем руду (кровь) унимают» [Там же].

Традиционная медицина владеет практическим знанием. Оригинальным видом природной терапии для сибиряков было использование сибирской соли. Даль определяет ее как «сернокислый натр, глауберова соль» [Там же]. Современный эксперт отмечает, что добывают ее в некоторых сибирских озерах, на Алтае и в Томской области, она активно используется и в научной, и альтернативной медицине [7]. В Словаре Даля отмечен «алтайский чеснок, дикий местный чеснок [3]. В словарной статье «Чеснок» присутствует фразеологизм: «Чеснок да редька, так и на животе крепко» [Там же].

Среди болезненных проявлений фиксируется состояние, обозначенное глаголом «возголомениться». «Возголомениться *сиб*. явиться маной, морокой, привидением; привидеться, померещиться, увидать видение.

Во снях, что ли, возголоменилось тебе? О явлениях марева на Байкале также говорят: возголоменилось» [Там же].

Анализ сибирских диалектизмов, отмеченных в словаре В.И. Даля, позволяет увидеть на конкретном эмпирическом материале специфику медицинского опыта, сформировавшегося в традиционном сознании, дополнить его специфическими сибирскими деталями, конкретными примерами.

Список литературы

1. Арапов М.В. «Толковый словарь живого великорусского языка» и его создатель // Человек. 2009. № 1. С. 153–166; № 2. С. 176–189; № 3. С. 127–140.
2. Виноградов Д.В. «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля как энциклопедия русской жизни: на материале лексики русского бурлачества // Русский язык в школе. 2011. № 11. С. 76–80.

3. Даль В.И. Толковый словарь. Электр. версия. 1998. [Электронный ресурс] Републикация выполнена на основе II издания (1880–1882 гг.) URL: http://www.agape-biblia.org/books/Book05/index.htm (дата обращения 31.05.2023).
4. Канкава М.В. О влиянии В.И. Даля на стиль писателей этнографической школы // Поэтика и стилистика русской литературы. Ленинград, 1971. С. 174–180.
5. Кириленко Е.И. Круг болезней в языковом сознании и медицинской традиции русских: опыт классификации по материалам словаря В.И. Даля // Медицинская антропология и биоэтика. 2012. № 1 (3) URL: https://journals.iea.ras.ru/medanthro/article/view/277 (дата обращения 31.05.2023).
6. Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / Ред. В.М. Круглов. СПб.: Нестор-История, 2015.442 с.
7. Непомнящая П. Глауберова соль: почему все считают, что она помогает похудеть? // The Callenger URL: https:// https://the-challenger.ru/eda/kak-pravilno-eda-new/chto-takoe-glauberova-sol-i-kak-ona-mozhet-pomoch-pohudet/#:~:text=Этот%20продукт%20ещё%20называют%20сибирской,и%20хорошо%20растворяются%20в%20воде (дата обращения 31.05.2023).
8. Окольникова О.И. Специфика представленности стилистической пометы в толковом словаре: к проблеме описания коннотативного значения // Вестник КемГУКИ. 2013. № 22. С. 42–46.
9. Ольховский Е.Р. Владимир Иванович Даль // Деятели русской науки XIX-XX веков. СПб., 2000. С. 34–52.
10. Словарь филолога // URL: https://slovarfilologa.ru/199/ (дата обращения 31.05.2023).
11. Топорков А.Л. Символика сердца в русских заговорах XVII–XVIII веков // Этнопоэтика и традиция. М.: Наука, 2004. С. 368–374.
12. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
13. Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН. 2004. 1056 с.
14. Щютц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1998. № 2. С. 129–137.
15. Эпштейн М.Н. Словарь В. Даля как объективный и проективный // Первое сентября. Русский язык. 2014. № 12. С. 16–18.

ТУРКСИБ: СИБИРЬ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ – ДИАЛОГ КУЛЬТУР

УДК 61:91:092

Вклад академика Е.Н. Павловского в развитие медицинской географии

Будко Анатолий Андреевич
доктор медицинских наук, профессор, полковник медицинской службы.
директор Военно-медицинского музея МО РФ (Министерства обороны Российской Федерации).
Санкт-Петербург, Россия.
milmedmuseum@mil.ru

Назарцев Борис Иванович
старший научный сотрудник Военно-медицинского музея МО РФ (Министерства обороны Российской Федерации).
Санкт-Петербург, Россия.
nazartsev.boris@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются особенности персонального фонда академика Е.Н. Павловского в Военно-медицинском музее МО РФ (Санкт-Петербург) как важного историко-документального источника при изучении этапов развития отечественной медицинской географии в ряду других достижений выдающегося ученого.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Военно-медицинский музей, Е.Н. Павловский, паразитологические экспедиции, медицинская география.

Формулируя тему статьи для Сибирского исторического форума, авторы предполагают обратиться к материалам фондов Военно-медицинского музея, отражающим жизнь и деятельность выдающегося ученого академика Евгения Никаноровича Павловского (1884–1965), Президента Географического Общества СССР в 1952-1964 г., одного из инициаторов создания комиссии (позже преобразованной в отделение) медицинского географии Общества.

Военно-медицинский музей в силу своей специфики не мог не уделять должного внимания личности и деятельности Е.Н. Павловского: к числу выдающихся достижений профилактической медицины относится созданное им учение о природной очаговости трансмиссивных и паразитарных болезней, положенное в основу построения краевой патологии и медицинской географии СССР и дающее возможность организовать эффективные профилактические мероприятия против многих инфекционных заболеваний.

Еще в последние годы жизни Е.Н. Павловского в музей стали поступать материалы, связанные с его деятельностью и работой кафедры общей биологии и паразитологии ВМА, которая с 1944 г. носит имя ученого.

Большой объем документальных материалов поступил в музей после смерти Е.Н. Павловского, что позволило приступить к целенаправленному формированию персонального фонда академика в составе структурного подраздела музейных коллекций Военно-медицинского музея – персональные фонды выдающихся деятелей отечественной медицины. К началу 1980-х гг. фонд Е.Н. Павловского насчитывал более 600 единиц хранения, что позволило опубликовать аннотированный перечень, составленный сотрудниками музея [3].

В структуре персонального фонда Е.Н. Павловского на сегодняшний день более 2,5 тыс. единиц хранения, большую часть которых составляют рукописно-документальные материалы.

Рукописи Е.Н. Павловского позволяют заглянуть в творческую лабораторию ученого, а известные факты приобретают новую окраску. Приведем лишь некоторые примеры. Многократно описана I Среднеазиатская паразитологическая экспедиция 1928 г., организованная Малярийной комиссией Академии наук на средства Главного военно-санитарного управления. Но среди поступлений в фонды Военно-медицинского музея 20 еще не опубликованных писем Е.Н. Павловского жене, написанных по маршруту экспедиции с 02.05 по 10.07 1928 г. и это, по сути, очень личный и подробный экспедиционный дневник. Среди рабочих материалов Е.Н. Павловского и его коллег в связи с подготовкой, проведением и итогами дальневосточных паразитологических экспедиций 1937–1939 гг. особый интерес представляют записи (по дням) самого ученого о выполненной им практической работе, сопровождаемые зарисовками (рисунки изучаемых животных и насекомых, данных микробиологических исследований).

Анализ музейных материалов, связанных с именем Е.Н. Павловского, исходя из структуры складывающегося персонального фонда, помогает – если использовать часто употребляемый Е.Н. Павловским термин – в «комплексировании работ» [5, с. 110], что позволяет установить, подтвердить и показать на конкретных экспонатах существенные связи в сфере научно-практической и общественной деятельности ученого.

Пополнение фондов музея (и не только персонального фонда Е.Н. Павловского) остается постоянным и плодотворным благодаря сотрудничеству с ВМА им. С.М. Кирова, его кафедрами и сотрудниками, с родственниками выдающихся ученых. В фондах музея находится книга с дарственной надписью Е.Н. Павловского, адресованной им 31.01.1957 г. его коллеге по ВМА им. С.М.Кирова А.Н. Максименкову (с 1953 по 1959 – зам. начальника академии по научной работе, а до этого времени, в 1943–1952 – первый начальник Военно-медицинского музея): «Многоуважаемому Алексею Николаевичу на память о делах „древних“ и делах новых от Е. Павловского» [1, с. 1].

Материалы фондов музея дают представление об одном из направлений работы кафедры Е.Н. Павловского. Оно характеризуется широким размахом паразитологических исследований (изучение путей циркуляции возбудителей болезней в организме переносчиков – клещевой спирохетоз, клещевой энцефалит, москитная лихорадка, лейшманиоз и другие работы по изучению паразитарных болезней человека и животных) и накоплением разнообразного научного материала, который добывался в многочисленных экспедициях, ставших ведущим методом работы Е.Н. Павловского и руководимых им учреждений. Развитие этого направления было ответом на требования советского здравоохранения и военно-медицинской службы развернуть борьбу с паразитарными болезнями.

В 1941–1943 гг. под руководством Е.Н. Павловского состоялись три эпидемиолого-паразитологические экспедиции в Иран. Целью этих экспедиций было изучение паразитологической ситуации на территории Ирана, оказание помощи медицинской службе частей Советской Армии, расквартированных в Иране, и органам здравоохранения Ирана в организации мероприятий по профилактики паразитарных и трансмиссивных заболеваний.

На основании многолетних наблюдений и грубого анализа данных экспедиционных исследований Е.Н. Павловским были сделаны теоретические обобщения, имеющие большое значение для советского здравоохранения и военно-медицинской службы.

Рассматривая жизнь организмов в их единстве со средой, Е.Н. Павловский выдвинул и обосновал ведущие проблемы общей паразитологии – организм как среда обитания и учение о паразитоценозах. Им было показано, что биологическая система «хозяин-паразит» зависит от влияния факторов внешней среды. На эндопаразита эти факторы действуют через организм хозяина, который является для паразита внешней средой первого порядка. С этой проблемой тесно связана и концепция паразитоценоза. Под паразитоценозом понимается совокупность паразитических организмов, обитающих в том или ином гостальном биотопе, например, в кишечнике. Изучение паразитоценоза может помочь в выявлении ведущего звена в патологии организма хозяина.

Важнейшим обобщением является плодотворное учение о природной очаговости инфекционных и паразитарных болезней, созданное Евгением Никаноровичем в результате изучения клещевого возвратного тифа, клещевого энцефалита, лейшманиоза и других трансмиссивных болезней. Для этих болезней характерно существование источников заболеваний, существующих в природе, нетронутой человеком, где происходит циркуляция возбудителя от животного донора к реципиенту через посредство переносчиков-кровососущих насекомых и клещей (трансмиссивные болезни) или без их участия (нетрансмиссивные природноочаговые болезни). Это учение объясняет приуроченность многих инфекционных и паразитарных болезней к определенным географическим ландшафтам.

Анализируя материалы персонального фонда Е.Н. Павловского, находим в них подтверждение его вклада в разработку современных принципов медико-географического районирования и общих закономерностей медицинской географии. Напомним, что Е.Н. Павловский был главным редактором и делал свои замечания при издании книги А.А. Шошина «Основы медицинской географии», где дается ее определение: «Медицинская география – отрасль науки, изучающая природные условия местности с целью познания закономерностей влияния комплекса этих условий на здоровье населения, с учетом определяющей роли в этом влиянии социально-экономических факторов. Под комплексами природных условий понимаются прежде всего ландшафты, физико-географические области и природные зоны» [7, с. 16].

Нельзя не отметить ту роль, которую сыграли экспедиции под руководством Е.Н. Павловского и их научно-практические итоги в разработке методов медико-географических описаний. По сути, каждая экспедиция Е.Н. Павловского это объективность и анализ взаимосвязей, а с другой стороны –синтез рассматриваемых явлений применительно к конкретной территории. Трудно переоценить то единство, которое присуще экспедиционным работам ученого: характеристика локации; особенности изучаемой проблемы; детерминирующие факторы и, как следствие, возможный прогностический итог.

В 2017 г. в Военно-медицинский музей поступили два альбома в коленкоровых переплетах с одинаковым названием тисненным золотом на лицевой стороне каждого альбома: «А.Д. Поповский. Вдохновенные искатели. С добавлениями и иллюстрациями академика Е.Н. Павловского»

Очевидна связь этих альбомов с книгой, увидевшей свет в 1945 г. [6].

Автор, Александр Данилович Поповский (1897–1982) писатель, драматург, автор многочисленных очерков об ученых.

Рассказ о научно-практической деятельности Е.Н. Павловского и его коллег оказался весьма востребованным у широкого читателя, и в 1945–1950 гг. А.Д. Поповский включил его в девять различных изданий, посвященных ученым.

А определение – вдохновенные искатели – оказалось очень удачным; заметим, что по отношению к Е.Н. Павловскому часто использовались не сухие официальные

характеристики, а почти поэтические: следопыт науки, неутомимый исследователь, искатель, разведчик науки и другие.

Как соотносятся два альбома между собой и названной книгой. Кажется, оба эти альбома можно рассматривать как развернутый иллюстративный ряд к тексту, тем более, что во втором альбоме вклеены три листа (страницы 121–122, 177–178, 193–194) из книги А.Д. Поповского. Однако было бы упрощением сводить все к простой иллюстрации, тем более, что события в книге заканчиваются 1943 годом (последний выезд Е.Н. Павловского в Иран), а материалы альбомов датируются вплоть до конца 1950-х годов. Речь идет о сходстве тематической структуры книги и альбомов, что определяется наиболее значительным этапами жизни и деятельности Е.Н. Павловского. Представление этих этапов в альбомах не сводится к иллюстрированию тезисов, сформулированных в книге, но имеет самостоятельное значение.

Альбомы, помимо фотографий, включают самые разнообразные документы (рукописные, машинописные, печатные), относящиеся к разному времени. В альбоме №1 100 фотографий и документов, а в альбоме № 2 – 183. Именно эти документы, по большей части не опубликованные, и составляют самостоятельную ценность альбомов. В альбомах дублируются только разделы, связанные с экспедиционной деятельностью Е.Н. Павловского и его коллег: среднеазиатские экспедиции, дальневосточные и три экспедиции в Иран 1941–1943 гг. Но состав этих разделов в каждом альбоме разный, за исключением дважды использования тех или иных документов: если в одном альбоме представлен подлинник, то в другом – может быть его копия. Что касается фотографий, они разные, даже если в одном и в другом альбоме они относятся к одной и той же экспедиции, к одному и тому же событию, к одному и тому же лицу.

Можно сказать, что два альбома – заметки к биографии ученого, вернее автобиографии, когда автор свободно, отнюдь не придерживаясь хронологии, обращается к наиболее значимым событиям своей научно-творческой жизни.

Фотографии экспедиционные разных лет, представленные в альбомах, подтверждают выводы Е.Н. Павловского: «Первым ориентиром является определение географического ландшафта местности в отношении возможностей нахождения на ней природных очагов зооантропонозов. Заболевания клещевым энцефалитом, например, обнаруживаются среди лесорубов и других работников, углубляющихся в широколиственную тайг, клещевыми риккетсиозами люди заболевают в степной зоне, формой кожного лейшманиоза – в зоне полупустыни, клещевым спирохетозом в южной горной зоне и т.д.» [6].

Примечательно, что фотографии, открывающие тот или иной раздел служат своеобразным указателем последующего развития обозначенной темы. Своеобразный «фотопортрет» большой песчанки (ряд грызунов, обитающий в Средней Азии) предваряет раздел среднеазиатских паразитологических экспедиций. Таежные фотографии – связаны с дальневосточными экспедициями, фотографии видов Ирана с троекратными выездами в эту страну экспедиционного отряда Е.Н. Павловского в 1941–1943 гг.

Фотографии этих разделов в альбомах свидетельствуют, что научно-экспедиционная работа – дело коллективное. В этих разделах много фотографий портретных и групповых, на которых можно увидеть сотрудников кафедры общей биологии и паразитологии ВМА им. С.М. Кирова, коллег Е.Н. Павловского – участников экспедиций из других учреждений.

Особую убедительность экспедиционным разделам в альбомах придают подлинники до настоящего времени не опубликованных писем, адресованных Е.Н. Павловскому. Каждый из авторов – незаурядная личность, каждый из них оставил заметный след в развитии биологической науки, профилактической медицины и

медицинской географии: Николай Иванович Латышев, Петр Яковлевич Грачев, Александр Васильевич Гуцевич, Полина Андреевна Петрищева, Федор Федорович Талызин, Юрий Николаевич Вальденмаер, Николай Григорьевич Олсуфьев, Анатолий Иванович Кузнецов.

Заключение

В 2003 г. вышла в свет книга «Медицинские географы» [2]. Изданная под грифом Русского географического общества, она содержит 159 кратких биографических очерков об ученых – медицинских географах России и республик бывшего СССР конца XX – начала XXI века. Читая этот справочник, обращаешь внимание на то, как много разных биографий связано с именем Е.Н. Павловского: ученики и последователи, коллеги и сослуживцы, маститые ученые – и рядовые члены экспедиционных отрядов.

Все это свидетельствует о прочной и плодотворной линии преемственности и высокой оценке в науке медицинских географов. Не случайно одна из основополагающих работ Е.Н. Павловского «Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов» [4] в 1965 г. была удостоена Ленинской премии, а двадцать лет спустя, в 1985 г., группа ученых, в числе которых А.А. Келлер, В.Я. Подолян, Н.К. Соколов, А.А. Шошин получила Государственную премию СССР за разработку теории и методов медицинской географии и введения их в практику народного хозяйства.

Список литературы

1. Евгений Никанорович Павловский (материалы и библиография ученых СССР) Серия биологических наук. Паразитология, Вып. 1 М.: изд-во АН СССР, 1956. 243 с.
2. Келлер А.А. Медицинские географы. СПб.: «Петроградский и К°», 2003. 144 с.
3. Павловский Евгений Никанорович (1884–1965). Каталог персонального фонда. Л.: ВММ МО СССР, 1984. 64 с.
4. Павловский Е.Н. Природная очаговость трансмиссивных болезней в связи с ландшафтной эпидемиологией зооантропонозов М.-Л.: Наука [Ленингр. отд-ние], 1964. 211 с.
5. Павловский Е.Н. Развитие биологии и паразитологии в Военно-медицинской академии РККА имени С.М. Кирова за 140 лет. // Отдельный оттиск; журнал «Природа». 1941. № 6. С. 105–112.
6. Поповский А.Д. Вдохновенные искатели М.: Советский писатель, 1945. 288 с.
7. Шошин А.А. Основы медицинской географии. Записки Географического общества СССР. Т.22 М.-Л.: Издательство АН СССР, 1962. 148 с.

УДК 908+94(470+571)

Южно-Сибирская железная дорога в судьбе «универсального солдата революции» Василия Юркина

Карпухин Константин Владимирович
член Президиума Союза краеведов Енисейской Сибири.
Красноярск, Россия.
kappa67@mail.ru

АННОТАЦИЯ Революционные события 1917 г. в Красноярске и молодая советская власть в Енисейской губернии выдвинули на передний план людей с активной жизненной позицией. Одним из таких «пассионариев» был Василий Юркин, проживший долгую жизнь и пытавшийся принести пользу новой власти на самых различных фронтах строительства социализма. «Универсальный солдат революции» Юркин избежал смерти на полях Клюквенского фронта и в застенках сибирских областников, выехав на строительство Южно-Сибирской железной дороги. Судьба сохранила революционера, а возвратившаяся советская власть превратила его в функционера, трудившегося и в тюремном замке, и в краеведческом музее и в бюро жалоб Красноярской магистрали.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Белочешский мятеж, Красноярский краевой краеведческий музей, Красноярское краевое архивное управление, участковый комитет Красноярского узла, Юркин, Южно-Сибирская железная дорога.

Сложилось так, что за почти 135-летнюю историю Красноярского краевого краеведческого музея директоров у него было не так уж и много. Подолгу руководители музея работали на своем трудовом посту: приносили пользу стране, науке, обществу, краю, музею. И есть в трудовой биографии краеведческого директор, снятый со своего поста в непростом для Родины 1937 г. Его имя – Василий Дмитриевич Юркин.

Открытый 12 (24) февраля 1889 г. как Городской музей, к апрелю 1935 г. краеведческий носил имя Государственного музея Красноярского края и уже несколько лет как распахнул свои двери в новом, специально построенном для него здании – четвертой по счету «квартире» для музейных экспонатов. Василий Юркин к моменту назначения директором был старше этого самого музея, хотя трудовую свою биографию, как и музей, начал в 1889 г.

Родился Василий Дмитриевич Юркин в селе Кузьминском Рязанской губернии 24 декабря 1875 г. [1], что зафиксировано в его «Трудовом списке» (прототипе современной трудовой книжки), хотя в анкетах везде писал 1 января 1875 г. Первое упоминание об этом селе относится к 1606 г. – ко временам Смуты – правлению последнего русского царя из рода Рюриковичей - Василия Шуйского. Это сегодня в Кузьминском живет полтысячи селян, а в 1875 г. их было вшестеро больше. Село за свою более чем четырехвековую историю дало Родине не только одного из директоров Красноярского краевого краеведческого музея, но и трех Георгиевских кавалеров, полного кавалера ордена Славы, Героя Соцтруда и Героя России. А еще в получасе ходьбы от Кузьминского находится село Константиново – родина Сергея Есенина. Встречаться, правда, Юркину с Есениным не довелось – поэт родился в 1895 г., когда Василий Дмитриевич уже трудился в Рязани.

Вася Юркин окончил три группы Кузьминской сельской школы. Учился он в 1883–1885 гг. и, возможно, в открывшейся в 1882 г. второй земской школе, попечителем которой был князь Сергей Кропоткин. Как следует из личного дела, свидетельство об окончании сельской школы с похвальным листом сгорело во время пожара в 1903 г.,

поэтому было ли у Василия Юркина низшее образование – сведения эти остаются только на его совести.

1 августа 1889 г. Вася поступает работать учеником в столярную мастерскую на ст. Рязань. В 1893–1896 гг. – Василий Юркин – монтер котельно-механического завода ст. Старожилово. В 1896–1899 гг. – столяр подмосковных станций Луховицы и Узуново, но документами это не подтверждено. В 1899–1902 гг. – Василий Дмитриевич уже десятник на постройке ст. Волоколамск. С марта 1902 по ноябрь 1904 гг. – столяр Коломенского машиностроительного завода, директором-распорядителем которого в то время был титулярный советник Алексей Мещерский – «русский Форд», по мнению буржуа, или «архижулик», по словам Ленина.

С 7 ноября 1904 г. Василий Юркин поступил на работу столяром 7-го участка службы пути Сибирской железной дороги (ст. Красноярск). И уже через год принимал участие в Первой русской революции – в событиях создания Красноярской республики и обороны ее от правительственных войск. 12 июня 1906 г. Василий Дмитриевич Юркин стал бригадиром плотников сборного и вагонного цеха Красноярских главных мастерских и в августе 1907 года, когда революция уже была на излете, ненадолго был арестован за то, что публично разорвал черносотенную красноярскую газету «Сусанин».

Когда до Красноярска дошла весть о свержении царя, 4 (17) марта 1917 года на общем собрании Главных мастерских, Красноярского депо и других служб Василий Юркин был избран членом Президиума Совета рабочих депутатов Красноярских главных мастерских и делегатом на I съезд Советов рабочих депутатов. По ликвидации ведомственных советов 25 июля он становится товарищем председателя участкового комитета Красноярского узла, а 1 июня 1918 года уже и председателем. Но на этой должности поработать удалось всего полмесяца.

Вот как описывает этот период жизни В.Д. Юркин в своей автобиографии: «19 июня 1918 г. советская власть в Красноярске пала. Мне пришлось из Красноярска скрыться, проживая целый месяц в тайге около деревни Еловки. После этого я по рекомендации своего брата вместе с ним выехал из пределов Красноярска на постройку Южно-Сибирской ж.дороги, на которой проработал до октября 1920 г.» [Там же].

А вот как в рубрике «Пишем историю освобождения Сибири» в №287 газеты «Красноярский рабочий» за 1934 г. в статье «В железно-дорожном комитете. Из воспоминаний старого профработника тов. Юркина» сам Василий Дмитриевич подробно освещает эти события: «19 июня 1918 года Красноярск заняли чехи, арестовали участковый комитет, здание комитета опечатали, через три дня меня арестовали.

Мне и другим членам комитета было предъявлено обвинение в разграблении кассы участкового комитета. В следственной комиссии я доказал, что никакого разграбления со стороны участкового комитета быть не могло, и меня выпустили под расписку о невыезде из города. 25 июня на общем собрании рабочих главных мастерских я сделал доклад о положении дел комитета, в частности и о кассе, которая хранилась в госбанке. Но этому комитету не суждено было развернуть своей работы.

Через несколько дней арестовали т. Староверова.

Через час после его ареста ко мне пришли Сидоркина и Жаворонкова и сообщили, что меня хотят арестовать, и мне ничего не оставалось, как только выехать из Красноярска.

На Усинской дороге в это время работал десятником мой брат Иван Юркин (впоследствии он был зарублен казаками в Семипалатинских степях), как большевика его уволили. Списавшись с братом, мы решили отправиться через Петропавловск в г. Акмолинск, на постройку Южно-Сибирской железной дороги.

Снабдив себя документами десятников-строителей, мы отправились: я из Еловки через ст. Снежницу, он из Красноярска. Я выехал дня на 4 раньше брата и ждал его в посёлке при ст. Кемчуг у знакомого товарища Сергея Шеромова. На пятый день я получил от брата телеграмму о его выезде из Красноярска и мы вместе со ст. Кемчуг отправились до Петропавловска.

Чехословацкий контроль дорогой нас немало беспокоил, но вообщем до Петропавловска доехали благополучно.

В Петропавловске нас арестовали на постоялом дворе, как большевиков, и препроводили в милицию.

В милиции после долгих опросов нас избили. У меня выбили шесть зубов, а брату вывихнули ногу. Продержав нас двое суток в милиции и не добившись от нас ничего, отпустили, предложив нам оставить Петропавловск в течение одного часа, но мы сделали это в более короткий срок.

На одиннадцатый день мы были в Акмолинске, пройдя пешком 497 вёрст, поступили на работу в 7-й участок в качестве десятников-строителей на постройке Южно-Сибирской железной дороги, а затем с братом перебрались с 7-го на 17-й участок, в Семипалатинскую степь, в расстоянии около 800 вёрст от Акмолинска» [2; 4].

Итак, 18 августа 1918 года беглый депутат Василий Юркин устраивается десятником на 7-й участок постройки Южно-Сибирского железнодорожного пути – на станцию Акмолинск. Сегодня Акмолинск стал столицей Казахстана – Астаной.

Ещё по планам царского министерства путей сообщения решено было строить ЮжСиб через южно-уральские и казахские степи на Алтай, с примыканием к Транссибу – от Орска через Акмолинск до Семипалатинска – 1618 вёрст!

Но проект изменили 24 февраля 1917 г., направив маршрут от Акмолинска не на Семипалатинск, а на Павлодар – Барнаул с ответвлениями на Семипалатинск и к Экибастузским каменноугольным копям. Новое протяжение линии определялось в 2325 вёрст.

В апреле 1919 г. из-за того, что начальник участка начал подозревать братьев Юркиных в связях с большевиками, Василий перевелся на станцию Молдары – нынешний закрытый город Курчатов, расположенный на Семипалатинском ядерном полигоне, где впервые была испытана советская ядерная бомба.

О своей работе на ЮжСибе В.Д. Юркин вспоминал: «Летом 1919 года наши войска разбили под Курганом белых. В это время шайка белогвардейских офицеров в 20 человек, отделившись от своего главного стада, попала на нашу строящуюся дорогу. На 14-м участке они убили телеграфиста, техника, десятника и ещё одного служащего, затем добрались до 17-го участка, где работали и мы, с возгласом: «где у вас большевики!». Но большевиков никто не выдал.

Осенью, когда ночи очень темны, мы маленькой группой уходили в степь, подальше от жилых помещений участка, и там обсуждали своё положение.

Отступающие первые части белых сразу же дали нам ключ к разрешению задачи.

По всей Южно-Сибирской железной дороге был получен циркуляр о падении власти Колчака, и первой нашей целью на участке было – это организовать ячейку, что мы и сделали на второй же день.

Нас было уже 8 человек. Через несколько дней главный комиссар дороги назначил меня комиссаром 17-го участка» [Там же].

Акмолинск был взят Красной Армией 25 ноября 1919 г. С падением власти Колчака, 25 февраля 1920 г. Юркин коллективом участка был избран политкомиссаром 17-го участка Южно-Сибирской железной дороги. В июне 1920 г. в Акмолинск пришла телеграмма за подписью председателя Енисейского губернского ревкома Александра Спундэ об отзыве Василия Юркина в Красноярск. Выехать удалось лишь 23 октября, а

уже через пару дней Василий Дмитриевич назначается заведующим участкового профсоюза Красноярского железнодорожного узла, где проработал меньше года.

Попав на руководящие должности, Василий Юркин проходит хорошую школу в партийно-профсоюзных органах края: 12 августа 1921 – 22 сентября 1924 гг. – заведующий губернским отделом соцобеспечения, член Президиума губисполкома, член Президиума губпрофсовета, член Коллегии губкоммунхоза, председатель комиссии помощи больным и раненым красноярцам, председатель комиссии по выявлению убытков интервентами.

С 22 сентября 1924 по 1 октября 1925 гг. – Василий Дмитриевич трудился заведующим рабочей частью Губернского исправительного трудового дома (так в то время назывался Красноярский тюремный замок).

11 июня 1926 года на должность заведующего Красноярского окружного архивного бюро был утвержден Василий Дмитриевич Юркин, который возглавлял архивную службу почти 9 лет. Василий Дмитриевич принял немалое хозяйство – 13 районных и два горно-приисковых, подведомственных окружному архивному бюро, архивных органа. Он часто ездил в командировки по районам Красноярского округа «с целью организации и обследования на местах архивов при учреждениях, организациях и предприятиях,…а в случае надобности и для принятия мер к вывозу из районов архивных материалов в г. Красноярск». Результатом командировок была не только разъяснительная работа и появление циркулярных документов, но и вывоз части документов в г. Красноярск.

В декабре 1926 г. В.Д. Юркин был командирован окрисполкомом в Новосибирск на первое сибирское краевое совещание архивных работников и там же принял участие в работе Сибирского краевого научно-исследовательского съезда, где выступил с сообщением по материалам Красноярского архивного бюро.

Закончив курсы архивоведения при Центральном архивном управлении СССР, Василий Дмитриевич стал первым директором образованного 1 января 1935 г. Красноярского краевого архивного управления (штатный состав – 14 человек) с прикреплением к нему в сфере архивного дела всех районов Красноярского края, двух северных национальных округов и Хакасской автономной области.

Уже в марте 1935 г. В.Д. Юркин по рекомендации Красноярского горкома ВКП(б) был освобожден от обязанностей заведующего краевого архивного управления и утвержден директором Красноярского краеведческого музея, проработав с апреля 1935 г. по февраль 1937 г.

За потерю политической бдительности – хранение в музее портретов врагов народа – Юркин был снят с должности директора краевого музея. Лишь через два месяца Василий Дмитриевич сумел найти работу на Красноярской железной дороге. 8 апреля 1937 г. он был назначен заведующим архивом Управления Красноярской железной дороги [2]. 16 августа того же года переведён инспектором бюро жалоб, а уже 7 декабря возглавил это бюро [Там же].

На посту начальника бюро жалоб Василий Дмитриевич Юркин трудился тринадцать с половиной лет. К концу войны «за образцы социалистического отношения к труду» был награждён знаком «Отличный административный работник» [Там же].

Жалоб на работу бюро жалоб и его начальника – Василия Дмитриевича было много – даже в газету «Красноярский железнодорожник» писали возмущённые коллеги Юркина, но куда же денешь старого большевика, который сам не уходит на пенсию? Не прошедший очередной раз аттестацию, 76-летний Василий Дмитриевич, имевший в графе «профессия» запись «столяр» [Там же], «по личной просьбе» был перемещён 16.05.1951 г. на должность «контролёра поездов». Не помогло и обращение

В.Д. Юркина на имя начальника дороги о том, что он может быть полезен на любой высокооплачиваемой должности.

7 марта 1952 г. после продолжительной болезни Василия Юркина не стало. В некрологе читаем: «Память о Василии Дмитриевиче Юркине будет жить в сердцах Красноярских железнодорожников» [3; 4]. Правда, согласно приказу НОД2 выбывшим ввиду смерти его посчитали ещё 01.03.1952 г… [2].

Заключение

«Универсальным солдатом революции» можно назвать Василия Дмитриевича: впечатляет его трудовой путь от столяра до контролёра поездов. На пике своей биографии он возглавлял участковый комитет Красноярского узла, трудился на благо Родины и в профсоюзах, и в тюремном замке, и в архиве, возглавлял краеведческий музей, бюро жалоб. Он мог всё…

И всё же, надо отметить, что спасением для Юркина стало то, что он не ушёл на одном из пароходов по Енисею с советскими служащими в июне 1918 г., а выбрал побег из Красноярска на строительство ЮжСиба.

Список литературы

1. Архив Красноярской железной дороги. Ф. 1(22), о. 2-р, ед. хр. 3690.
2. Архив Музея истории Красноярской железной дороги. Ф. Д. КП № оф 2041.
3. Красноярский железнодорожник, №31 от 11.03.1952 г.
4. Юркин В.Д. В железно-дорожном комитете. Из воспоминаний старого профработника тов. Юркина // Красноярский рабочий. № 287 от 1934 г.

УДК 271.2 – 726.1

Архиерейская хиротония Святителя Луки (Войно-Ясенецкого) в Пенджикенте и ссылка в Енисейск: служение в условиях гонений на церковь в 1924 г.

Кожевников Семен Валериевич
кандидат экономических наук, магистр теологии.
Сибирский федеральный университет.
Красноярск, Россия.
semenk2011@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье отражено служение святителя Луки (Войно-Ясенецкого), принявшего сан епископа в Пенджикенте (Таджикистан) в 1923 г. в условиях усиления гонений власти большевиков на Российскую Православную Церковь, возглавляемую патриархом Тихоном (Белавиным). Подробно раскрыта архипастырская и подвижническая деятельность свт. Луки в первой ссылке в 1924 г. (город Енисейск), отмечена атмосфера служения епископа, показано отношение разных групп общества и местной власти к Церкви, священнослужителям и верующим, а также рассмотрен феномен обновленчества, организованного властью в 1922 г. для уничтожения Церкви. Как следствие гонений на Церковь в статье также сказано о трагической судьбе священнослужителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Епископ Лука (Войно-Ясенецкий), Пенджикент, Енисейск, Российская Православная Церковь, обновленчество.

До сих пор личность святителя Луки (хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого) пользуется интересом у священнослужителей, верующих людей, медицинской общественности и, разумеется, у исследователей. Их интерес вызывает архиерейское служение свт. Луки, принявшего монашеский постриг с именем евангелиста Луки и в разгар большевистских гонений на религию ставшего епископом Российской Православной Церкви (РПЦ). О владыке Луке за десятилетия написаны книги и статьи [2; 3; 5 и др.]. Многие из них посвящены исповедническому и архипастырскому подвигу епископа-хирурга. Вместе с тем, на наш взгляд, не хватает отдельного исследования в котором бы подробно отражалось служение свт. Луки в 1920-е годы в период его первой ссылки. Интерес к более глубокой проработке этого вопроса на примере служения свт. Луки в Енисейске (1924) после принятия им архиереской хиротонии в Пенджикенте (1923) послужил поводом для написания настоящей статьи.

В нашем крае святитель Лука (Войно-Ясенецкий) оказался только потому, что 31 мая 1923 г. в городе Пенджикенте (Таджикистан) он был тайно рукоположен в епископа РПЦ ссыльными каноническими епископами Даниилом (Троицким) и Василием (Зуммером) [6, с. 189–192]. За несколько дней до этого в Ташкенте епископом Андреем (Ухтомским) отец Валентин Войно-Ясенецкий был тайно пострижен в монашество с именем Лука. Это было нужно для того, чтобы он смог стать епископом. И уже иеромонах Лука тайно выехал через Самарканд в Пенджикент. До принятия монашества, с 15 февраля 1921 г., то есть с праздника Сретения Господня, когда В.Ф. Войно-Ясенецкий был рукоположен в священника епископом Иннокентием (Пустынским) [9, с. 31] и стал отцом Валентином, он проповедовал и служил в ташкентской церкви. Там же, в Ташкенте он работал главным врачом и хирургом городской больницы.

Именно архиерейская хиротония в Пенджикенте привела владыку Луку в Енисейск, в деревню Хая Богучанского уезда, в г. Н. Туруханск, в станок Плахино и в Красноярск. Это была первая ссылка епископа-хирурга, последовавшая после его

ареста 10 июня 1923 г. в Ташкенте, дальнейшего пребывания в тюрьмах Ташкента, Москвы и следовавшего затем этапом через города Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск и, наконец, Енисейск.

Давно известно, что город Енисейск несколько столетий, включая и XX век, был местом дальней ссылки неугодных властям личностей, не исключая и религиозных деятелей. Так, в XVII в. здесь отбывал ссылку неугодный официальной церковной власти протопоп Аввакум Петров. В 1655 г. он проезжал через этот город на восток, а в 1662 г., возвращаясь в Москву через Енисейск, провёл здесь целую зиму [14, с. 13]. В XX в. в Енисейск ссылались уже те, кто был неугоден большевикам. Так, осенью 1929 г. в городе не по своей воле находился первый местоблюститель патриаршего престола РПЦ митрополит Кирилл (Смирнов). Он проживал в доме на ул. Фефелова [там же, с. 177–178]. На этой же улице в 1924 г. жил ссыльный епископ Лука (Войно-Ясенецкий).

О своей первой ссылке и, соответственно, о жизни и деятельности в Енисейске В.Ф. Войно-Ясенецкий достаточно подробно вспоминает в автобиографии. Главное, на что он обращает внимание, описывая своё пребывание в этом северном сибирском городе, – на свою работу врача и служение архиерея в условиях активизации гонений на Церковь.

Деятельность владыки Луки в Енисейске отличалась особой активностью и риском для здоровья и даже для жизни. Положение Церкви в этом городе, как и по всей стране, было сложным и тяжёлым. Очевидно, что традиционная система организации религиозной жизни ломалась [4, с. 42], причём шло это быстрыми темпами и сопровождалось новшествами. Так, в 1922 г. большевики организовали обновленческое движение, целью которого изнутри расшатать и развалить РПЦ. Помимо канонических викарных епархий, сохранявших верность патриарху Тихону, «одновременно – возникали и закрывались самочинные обновленческие и, позже, григорианские самочинные структурные подразделения» [10, с 319]. В самой Енисейской губернии существовали каноническая Красноярская и Енисейская епархия с Минусинским и, в 1933–1937 гг., Ачинским викариатствами, а также параллельно – обновленческие Красноярская и Енисейская епархия с Ачинским и Минусинским викариатствами, и Канская епархия. Кроме того, действовало «Ачинское викариатство Григорианского раскола» [Там же]. В Енисейске «обновленчество обосновалось в Успенской и Троицкой церквах» [14, с. 175].

По сведениям первого обстоятельного биографа свт. Луки М.А. Поповского в городе было «одиннадцать, включая собор, златоглавых церквей» [12, с. 155]. По другим данным ещё в 1916 г. в Енисейске насчитывалось 8 церквей, 2 монастыря и несколько часовен [11]. Для небольшого города это было немало. Однако с окончательным приходом к власти большевиков в январе 1920 г. положение в церковных делах резко именяется. Так, согласно декрету ВЦИК от 16 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей для реализации на помощь голодающим» ускоренно и грубо в церквях и монастырях изымались ценные предметы из золота, серебра и драгоценных камней. Оставлялся минимум церковной утвари, без которой невозможно было совершать богослужения. Чрезмерное изъятие церковных ценностей, порой с применением военной и физической силы, происходило в Енисейске в условиях, когда религиозные общины Енисейского и других уездов поддержали большевистскую власть в вопросе оказания помощи голодающим Поволжья [4, с. 70].

Помимо всех бед, обрушившихся на Церковь, после 1922 г. в Енисейске не было постоянного архиерейского управления, что давало возможность новой власти не только массово разграблять церкви и обители, но также конфисковывать монастырские земли и передавать их в государственный фонд.

В разрушении и грабеже большевиков не останавливало и то, что большинство городских и монастырских церквей Енисейска было построено в XVIII – начале XIX вв. Эти церкви представляли из себя уникальные образцы архитектурного стиля «сибирское барокко» [17]. Внутреннее наполнение храмов было богатым и насыщенным. Поэтому новым «хозяевам жизни» было что забрать и не всегда использовать по назначению. Церкви не только ущемляли, но закрывали и передавали под хозяйственные и иные нужды. К примеру, Иверскую церковь женского монастыря г. Енисейска власти отдали под детскую колонию юных преступников, с общиной верующих Преображенской церкви, хотя в 1924 г. и расторгли договор по формальному основанию (не сделан ремонт), но церковь пока не закрывали. Таким образом, в Енисейске в 1923 г. перед самым приездом В.Ф. Войно-Ясенецкого прошла первая волна закрытия церквей. Многие священнослужители не выдерживали давления и принимали условия обновленцев и поддерживавшей их власти.

Столкнувшись с явлением обновленчества и гонением на РПЦ ещё в Ташкенте и Пенджикенте, епископ Лука стал свидетелем развития наступления на Церковь и священнослужителей в Енисейске, что подвигло его встать на их защиту, продолжить своё служение и рукополагать новых кандидатов в дьяконы и священники. Делу служения и борьбе за сохранение Церкви и чистоты православной веры способствовало получение владыкой Лукой в Москве удостоверения от патриарха Тихона. Это произошло перед самой отправкой в ссылку, 23 ноября 1923 г. В документе сказано, что он, преосвященный Лука, как епископ православный состоит с патриархом в каноническом общении [3, с. 51].

Имея с собой это удостоверение, вместе с ташкентским протоиереем Михаилом Андреевым епископ Лука уехал в ссылку в Енисейск в начале зимы 1924 г. В Тюмени к ним вынужденно присоединился протоиерей Илларион Голубятников [9, с. 43]. По приезде в Енисейск к ним примкнул ещё один ссыльный священник, и они «по воскресным и праздничным дням совершали всенощную и Литургию в своей квартире» [Там же, с. 45], в которой епископ Лука освятил домашнюю церковь и проповедовал. Площадь квартиры позволяла это делать. На простые и утешительные проповеди ссыльного владыки тянулось большое количество местных верующих [6, с. 227].

К приезду В.Ф. Войно-Ясенецкого в Енисейск местные белокаменные церкви ещё стояли целыми. Святитель вспоминал: «В Енисейске было много церквей, но и здесь, как и в Красноярске, священники уклонились в “живоцерковный” раскол, и с ними, конечно, мы не могли молиться» [9, с. 45]. О том, кто уклонился, а кто – нет, ссыльному епископу стало известно почти сразу же, поскольку он интересовался, каких взглядов придерживаются местные священники. От этого зависело, сможет ли он посещать енисейские храмы и проповедовать в них [6, с. 225].

«Один диакон сохранил верность Православию, и я рукоположил его во пресвитера» [9, с. 45] – свидетельствовал В.Ф. Войно-Ясенецкий. Среди рукоположенных, но уже в иеромонаха, был также монах Христофор (Баушов), неведомой силой влекомый из Красноярска в Енисейск, и по его собственному признанию, десятью годами раньше этой встречи он увидел во сне владыку Луку, рукополагавшего его [Там же]. Биограф свт. Луки академик РАЕН В.А. Лисичкин приводит текст грамоты от 20 марта 1924 г, врученной иеромонаху Христофору в Енисейске после рукоположения. В документе сообщается, что в марте 1924 г. Христофор был вначале рукоположен в иеродиакона, а затем – в иеромонаха, которому «надлежит озаботиться устройством молитвенного дома в г. Красноярске» [7, с. 126]. Вскоре иеромонах Христофор уехал к себе на родину, на Урал, но там его служение не сложилось, как и у многих священнослужителей 1920-х годов. В 1929 г. иеромонах был

арестован, а затем сослан. В ссылке он бедствовал и даже письменно обращался за помощью к владыке Луке, но адресат письма так и не получил [6, с. 229].

В.А. Лисичкин, ссылаясь на протокол допроса от 2 января 1926 г., пишет, что епископ Лука с 18 января по 29 июля 1924 г. совершил два богослужения и двух кандидатов рукоположил в священники [8, с. 159]. Епископ Красноярский Амфилохий (Скворцов) сообщал детальнее: «В городе Енисейске (владыка Лука. – С.К.) совершил еще три Литургии и три всенощных, рукоположен псаломщик Александр Чуриков во диакона, а диакон Николай Тюрнов – во священника» [там же]. Имеются также сведения о рукоположении епископом Лукой в священника Григория Оршинина, который ещё в начале 1930-х годов служил в Троицкой церкви Енисейска и был похоронен в церковной ограде [14, с. 184].

Кроме этого, владыка Лука постриг в монашество двух послушниц закрытого большевиками Иверского женского монастыря и нарёк их именами Лукия и Валентина [9, с. 46]. С ними по окончании ссылки он уехал в Ташкент, где одна из монахинь, Валентина (Черкашина), какое-то время жила в доме Войно-Ясенецких и оказывала помощь по хозяйству и приёму больных [6, с. 235].

После очередного ареста 3 марта 1924 г. [7, с. 126] с монахинями Лукией и Валентиной епископ Лука отправился в деревню Хая.

По прибытии обратно в Енисейск через три месяца, владыка Лука «с 10 июня по 23 августа 1924 года <…> проповедовал не только у себя на квартире, но и в Преображенском храме» [8, с. 159]. Это было вызвано тем, что квартира уже не вмещала всех желающих прихожан и требовалось не только больше места, но нужно было нанести ответный удар набирающим обороты обновленцам. В церкви Преображения Господня епископ Лука служит Литургию архиерейским чином и даже благословляет в ней ранее рукоположенного Николая Тюрнова нести нелёгкое служение настоятеля в селе Ворогове, что рядом с Енисейском [6, с. 249–250]. Но, как и в случае с отцом Христофором, отец Николай испытал тяготы тюремного заключения.

Самовольное с точки зрения енисейской власти открытие владыкой Лукой Преображенской церкви не обошлось даром для священнослужителей и верующих. Так, в июле 1924 г. церковь была подвержена административному штрафу [13, л. 25об]. То же самое постигло другие православные церкви города, а также синагогу и мечеть. Но гораздо страшнее было не это.

Тюрьмы и ссылки становились привычными местами пребывания многих священнослужителей Советского Союза. Большинство тех, кто не сломился и пошёл до конца, объединяла незыблемая вера в Христа и преданное служение Церкви и народу. Многие священнослужители погибли. К примеру, отец Илья Пироженко, репрессированный в 1920-х годах, был узником в Соловецком лагере, затем оказался в Енисейске и служил в Троицкой церкви [14, с. 184]. Как и епископ Лука, будущий мученик за веру, выходя из храма, не снимал с себя крест и рясу. Но его ждала более тяжкая участь, чем будущего святителя. 16 октября 1937 года по приговору тройки УНКВД Дальневосточного крайсуда отец Илья был расстрелян в Магадане [Там же, с. 185].

Безусловно, владыка Лука видел происходящее и его учёный ум понимал, к чему ведёт антирелигиозная политика большевиков. Но даже в условиях уничтожения Церкви он был верен словам Христа, заповедовавшего: «Я создам Церковь Мою и врата ада не одолеют ее» (Мф 16:18). Как приемник апостолов, опираясь на историю Церкви, епископ Лука знал, что почти за 2 000 лет Церковь Христова неоднократно подвергалась гонениям и выстояла. Поэтому ссыльный архиерей не унывал в Енисейске и продолжал свою подвижническую деятельность по спасению местной паствы и духовенства и с уверенностью шёл на риск.

Через много лет работавший с В.Ф. Войно-Ясенецким в Енисейске доктор А. В. Башуров рассказывал вопиющий для 1920-х годов случай самовольного открытия епископом Лукой церкви в Енисейске (возможно, что речь шла о церкви Преображения Господня. – С. К.). Храм был закрыт, богослужений в нём не велось, а священник находился под арестом. На вопрос местного должностного лица о том, кто разрешил открыть закрытую властью церковь и служить, владыка Лука ответил: «Разве нам запрещено молиться Богу? Я подчиняюсь только Ему и Патриарху» [12, с. 22]. На такой поступок был способен лишь человек, сильный духом и глубокой веры. Видя, как представители власти и комсомольские активисты грабят и разрушают енисейские церкви, арестовывают священнослужителей, епископ Лука не побоялся давать отпор этой вакханалии. Помимо открытия церкви он участвовал в диспутах на религиозные темы и старался пристыдить разрушителей [Там же, с. 159]. Но это их не останавливало.

Самые ярые и молодые безбожники Енисейска всячески издевались над чувствами верующих и священнослужителей, не гнушаясь их сана и авторитета. К примеру, М.А. Поповский пишет о Дмитрии Щукине, который был одним из первых секретарей райкома комсомола города. Бравый молодой человек с другими ребятами «разыгрывали смешные сценки про попов и монахов» [Там же, с. 158]. На рождественских и пасхальных карнавалах эти комсомольцы мастерили чучела духовенства и демонстративно их сжигали [Там же]. Комсомольцы под руководством своего вожака рушили церкви. Также Дмитрий Щукин был автором-исполнителем антирелигиозных песен и частушек, некоторые из которых были посвящены епископу Луке [Там же, с. 158–159].

Безусловно, открытое давление властей, репрессии и разные формы противостояния религии, среди которых отсутствие мер к тем, кто проявляет грубость в отношении священнослужителей и верующих, не могли пройти бесследно для общества, включая и молодёжную среду. Уже к середине 1920-х гг. молодые люди стали редко посещать церкви и редко участвовали в религиозной жизни. В молодёжную среду всё сильнее проникал атеизм [4, с. 49].

Актив общин верующих в Енисейске в основном составляли люди старшего возраста, числом 20–100 человек [Там же, с. 52]. Они решали большинство вопросов своего прихода: выбор церковных старост, членов совета общин и др. Это были, как правило, интеллигентные и обеспеченные люди, не потерявшие веры. По ним большевики направили свой главный удар. Положение в рабочей среде было иным. Так, например, Енисейский губком партии в 1923–1925 гг. констатировал факт падения религиозности среди рабочих [Там же, с. 49], которых считали опорой новой власти. Из простых людей большую часть верующих составляли крестьяне, для которых вера оставалась не только традицией, но моральной и духовной опорой в жизни. Верующие крестьяне открыто выступали против советской власти и «примыкали к антисоветским вооруженным отрядам» [Там же, с. 69].

Когда по стране в 1919 г. разразилась кампания по вскрытию мощей святых, достигшая своего пика в 1920 г. [10, с. 303], енисейские власти и активисты не остались в стороне. Несмотря на то, что в Енисейской губернии кампания по вскрытию мощей святых широко не распространилась, поскольку была свёрнута по указанию центральной власти [4, с. 81], один эпизод енисейцам запомнился надолго. Уже упомянутый доктор А.В. Башуров был свидетелем вскрытия могилы святого старца Даниила Ачинского, почившего в Енисейске в 1843 г. Решение о вскрытии было принято Енисейским губернским комитетом РКП(б) 25 апреля 1921 г. [10, с. 306]. На специально организованном митинге присутствовали представители местных организаций и учреждений, медработники, а также насельники мужского и женского монастырей. Из построенной над могилой святого старца часовни на всеобщее

обозрение были вынесены его останки [14, с. 173–174]. Что при этом чувствовали верующие и священнослужители догадаться не сложно, но не все они приняли религиозную политику большевиков. Наиболее ярко это выразится в 1924 году, когда на енисейской земле окажется епископ Лука (Войно-Ясенецкий) и буквально взбудоражит местное общество.

Из приведённых выше сведений о деятельности владыки Луки в Енисейске явствует, что он не мог без Церкви, ради неё ступил на исповеднический путь и мужественно терпел все тяготы и лишения ссыльного и заключённого человека. Исповедническим подвигом объясняется открытое и смелое поведение ссыльного епископа в самый разгар гонений на Российскую Церковь.

Уверенность владыки Луки и его верность Православию привлекали на его сторону не только тех, кто в то тяжёлое время решился стать священнослужителем или монахом, но и многих верующих людей. Все они противостояли гонителям и обновленцам. Безусловно, православным енисейцам и приезжим в город важен был яркий пример лидера, каким стал для них епископ Лука. Поэтому эти люди, получив благодатный и мощный духовный заряд, не посещали пустующих обновленческих храмов. Позже на допросе 11 марта 1939 г. владыка Лука скажет о своих архиерейских полномочиях: «Я открыто объявил себя единственно законным епископом Красноярским и Енисейским, согласно общей директиве Патриарха Тихона» [7, с. 125]. Патриарх знал, что его верный труженик и защитник Церкви отбывает сибирскую ссылку. Но, к сожалению, ничем помочь не мог, – он сам был в сложном положении. После заточения 25 июня 1923 г. патриарх вернулся к своим обязанностям, что отчасти стало возможным благодаря формальному изменению своей жёсткой позиции по отношению к большевистской власти. Так, в обращении к Церкви были такие слова патриарха Тихона: «Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника советской власти, каким объявляют себя церковные обновленцы… но зато я и далеко не такой враг ее, каким они меня выставляют» [15, с. 396]. Даже эти фразы, взятые из обращения, свидетельствуют о вынужденном характере изменения политики патриарха. В январе 1924 г., в тот самый месяц, когда епископ Лука прибыл в Енисейск, патриарх «издал указ о молитвенном поминовении государственной власти за богослужением: “О стране Российской и властех ея”, а 21 марта 1924 г. Президиум ВЦИК принял постановление о прекращении дела патриарха Тихона» [Там же, с. 398].

Ясно, что дело было не только в международной известности патриарха Тихона Церкви, но и в его поведении и умении ладить с большевиками. Поэтому, хотя патриарх и одобрял смелость в поведении владыки Луки в енисейской ссылке, но, сам находясь под давлением власти, мог поддержать епископа только морально. И это показывает истинное настроение и расположение патриарха. 30 мая 1924 г. православные г. Ташкента обратились в Президиум ВЦИК СССР с просьбой вернуть владыку Луку из ссылки, на что устно был получен положительный ответ. Об этом было сообщено в докладной записке патриарху Тихону, на которой «7 июня 1924 г. <…> он написал: “Слава Богу”» [5, с. 179].

Разумеется, ни о каком возвращении епископа Луки не могло быть и речи. Тем более, что владыка не собирался идти на компромисс с местной властью. Этим он слишком раздражал и злил власть имущих. Поэтому такое идущее вразрез с государственной антирелигиозной политикой поведение ссыльного не могло остаться без последствий. В подтверждение этому В.А. Лисичкину удалось найти телеграмму за подписью начальника ГПУ по Восточной Сибири тов. Вольфрама, датированную 19 августа 1924 г. В ней сказано: «Запретить Луке-Ясенецкому служить в храмах, поторопитесь высылкой Туруханск» [8, с. 159]. Кроме этого, 21 августа того же года живоцерковник И.П. Королёв, в 1922 г. включённый обновленческим епископом Александром Сидоровским в красноярское епархиальное управление, писал

обновленческому священнику В. Д. Красницкому: «Этот ЛУКА (Войно-Ясенецкий. – С. К.) в Енисейске действует иногда епископски: служит, рукополагает и тому под[обное]. Держится реакционно и непримиримо. Священников даже косвенно причастных к Ж[ивой] Ц[еркви] ненавидит и называет еретиками. Строгость его тяжела даже его последователям. Запрашивают меня как быть? Теперь он передвинут в Туруханск врачом (он бывший профессор-хирург) и может быть там несколько успокоится» [10, с. 331].

Приведённые выдержки из документов в комментариях не нуждаются. Краски вокруг владыки Луки сгущались. Раздражение властей было вызвано ещё и тем, что на состоявшемся в Енисейске 1 июля 1924 г. общем собрании членов приходских советов было принято решение не принимать Красноярского и Енисейского неканонического архиепископа Георгия. При этом благочинного на собрании не было [14, с. 176]. Ясно, что объявивший себя каноническим епископом Лука (Войно-Ясенецкий) своим непререкаемым авторитетом и энергией влиял на положение церковных дел. Активность священнослужителей и мирян и отсутствие благочинного на важном собрании может свидетельствовать лишь о том, что официальный представитель енисейского духовенства сознательно не принял в нём участия. Несмотря на то, что обновленческий епископ не был принят, большевикам частично удалось добиться своего: церковное разделение продолжалось, даже если и не всё проходило гладко для новой власти.

Обновленчество временно возобладало над канонической церковью. Так, Г.В. Малашин в своей книге приводит следующие цифры. В середине 1920-х гг. в Красноярске староцерковников (православных. – С. К.) было 630 человек, обновленцев – 1 100 чел., из семи городских церквей только две из них, Воскресенский собор и Николаевская церковь, оставались в ведении православного духовенства, «остальные пять были в пользовании живоцерковников и обновленцев» [10, с. 327]. В уездах до конца 1920-х гг. обновленцы владели большинством храмов [Там же].

Разумеется, наступление власти на Церковь остановить было сложно. Поэтому окрылённые успехом обновленцы торжествовали победу. Но были сильные духом архиереи и пастыри, которые, подобно владыке Луке, противостояли обновленцам и добивались открытия храмов. Одним из таких борцов был епископ Димитрий (Вологодский), названный обновленцем И. П. Королёвым «старым, вялым, бездеятельным и непригодным администратором, целиком отдавшимся власти кулачества и укрепившимся в непримиримой ненависти» «ко всякому проявлению обновленчества в Церкви» [2, с. 369]. Однако по словам того же Королёва, к владыке Димитрию примкнуло «до 50 южных приходов» [Там же]. В конце письма доносчик резюмирует: «Надо что-то сделать, чтобы устранить это (влияние епископа Димитрия на народ и ненависть к обновленчеству. – С. К.)» [там же]. И.П. Королёв, по всей видимости, обладал не всей информацией об активной деятельности «непригодного администратора». Так, Г.В. Малашин сообщает, что после прибытия из Москвы 29 июля 1923 г. в Минусинск вновь поставленного епископа Димитрия (Вологодского) местное обновленчество стало сдавать позиции: «95 минусинских и усинских приходов вернулись в лоно “тихоновской” Церкви» [10, с. 333], а некоторые обновленческие священники принесли покаяние.

Именно к православному владыке Димитрию в г. Минусинск по причине засилья обновленцев в Красноярске местные верующие отправили уже упомянутого монаха Христофора. Но он оказался не в Минусинске, а в Енисейске, где отбывал ссылку другой православный архиерей, епископ Лука (Войно-Ясенецкий), который и рукоположил неожиданного гостя в иеромонаха [9, с. 45].

На страницах своей автобиографии В. Ф. Войно-Ясенецкий, рассказывая об этом эпизоде, пишет, что не помнит имени минусинского епископа [Там же]. Но

воспоминание о нём владыка Лука пронёс через всю жизнь и не позабыл о том, что в тяжёлое для Российской Церкви время в Минусинске, «верст за триста от Красноярска <…> жил православный епископ» [Там же]. Он так же, как и владыка Лука, пострадал в борьбе с обновленчеством. В 1924 г. епископ Димитрий подвергся уголовному преследованию и в 1937 г. был расстрелян (или погиб в заключении) [16, с. 378]. Так в борьбе за чистоту Православия в годы большевистской власти сложилась жизнь двух духовно близких архипастырей, прославивших Церковь исповедническим и мученическим подвигами.

Заключение

Итак, став епископом в Пенджикенте 31 мая 1923 г. и арестованный 10 июня того же года в Ташкенте, епископ Лука (Войно-Ясенецкий) вскоре отправился в свою первую ссылку в Енисейск. В период жизни в этом сибирском городе у свт. Луки отчётливо проявились черты исповеднического подвига и ревностного служения Церкви. Проходя через тяготы и унижения человека, неугодного власти большевиков, владыка Лука сознательно, по вере в Господа Иисуса Христа, минимизировал свои переживания и расстройства, сосредоточившись на главном для него: архипастырском служении и работе хирурга. Не испытывая страха перед гонителями и притеснителями, свт. Лука, имея страх Божий и любовь к Богу и людям, выстоял в тяжёлой ссылке и не допустил уничтожения Православия в Енисейске.

Список литературы и источники

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2014. 1329 с.
2. Да светит всем!: альбом о земной и небесной славе Святителя Луки Крымского : в 2 т. / автор проекта и составитель митрополит Лазарь (Швец); комментарии, примечания, сноски Т. С. Шорохова (Чичкина). Симферополь: Н. Оріанда, 2018. Т. 1. 576 с.
3. Дамаскин (Орловский), архим. Житие священноисповедника Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь, 2018. 240 с.
4. Дворецкая А.П. Религиозная жизнь населения Приенисейского региона в первой трети XX в. (1900–1930-е гг.): монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 188 с.
5. Косачев И.Д., Гладких П.Ф., Яковлев А.Е. Профессор В.Ф. Войно-Ясенецкий – архиепископ Лука: врачевание и священнослужение (1877–1961). СПб.: ВМедА: Дмитрий Буланин, 2013. 622 с.
6. Крестный путь святителя Луки (Войно-Ясенецкого): Жизнеописание, чудеса, акафист / сост. Е.В. Каршилов. М.: ООО «Духовное преображение», 2018. 576 с.
7. Лисичкин В.А. Крестный путь Святителя Луки. М.: Издательство Московской Патриархии, 2001. 448 с.
8. Лисичкин В.А. Лука, врач возлюбленный. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2009. 456 с.
9. Лука (Войно-Ясенецкий), архиеп. Я полюбил страдание...: автобиография. М.: Русский Хронографъ, 1996. 208 с.
10. Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861–2011 гг. Красноярск: Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 480 с.
11. Набор открыток «В земле Сибирской Просиявших…». Красноярск, 2014.
12. Поповский М.А. Жизнь и житие Святителя Луки (Войно-Ясенецкого), архиепископа и хирурга. СПб. Сатисъ, Держава, 2002. 528.
13. Протокол заседания президиума Енисейского горсовета РКК депутатов от 29 июля 1924 г. // Енисейский архив. Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 3. Л. 25об.

14. Фаст Г., прот., Глухова В.К. Енисейск православный. 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск: ООО ИД «Класс Плюс», 2018. 544 с.
15. Цыпин В., прот. История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды. 5-е изд. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2012. 816 с.
16. Шекшеев А.П. Служители Православной Церкви на Енисее, репрессированные за веру. Опыт создания мартиролога // XV Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Князь Владимир. Цивилизационный выбор Руси». Красноярск: ООО «Издательский дом Восточная Сибирь», 2015. С. 366–414.
17. Шумов К.Ю. Православная культовая архитектура Енисейска XVIII – начала XIX вв. Буклет. Красноярск, 1995.

УДК 091

Рукопись Евгения Абалакова «Восхождение на Пик Сталина»

Петунина Юлия Михайловна
главный хранитель музея «Мемориал Победы».
Красноярск, Россия.
Julia-petunina@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0006-9823-392X

АННОТАЦИЯ Данный доклад содержит краткий обзор авторской рукописи Евгения Михайловича Абалакова «Восхождение на Пик Сталина» и первый подход к сравнению оригинала и статьи «На высоте 7495 метров», напечатанной в книге «К вершинам советской земли» 1949 года. Публикации рукописи в оригинальном варианте на момент данного исследования не выявлены. Многочисленные публикации о жизни, творчестве и альпинистских рекордах Евгения Абалакова содержат фактологический материал, ценность которого безусловна для исторического знания. Аналитическая работа с рукописями и публикациями, которая ведётся в настоящее время сотрудниками музея «Мемориал Победы», позволяет яснее «услышать» подлинные интонации автора и уточнить смысловые акценты письменного источника. Расшифровка рукописи Евгения Абалакова «Восхождение на Пик Сталина» осуществлена весной 2023 года главным хранителем музея «Мемориал Победы», искусствоведом Ю.М. Петуниной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Рукопись, Евгений Абалаков, альпинизм, Пик Сталина, Памир, первовосхождение.

В музей «Мемориал Победы» в 2022 году поступили рукописи Евгения Михайловича Абалакова: личная переписка и рукописи статей, которые были изданы в различные годы. Поскольку в 2023 году исполнится 90 лет со дня восхождения Евгения Абалакова на самую высокую точку страны – пик Сталина (03.09.1933), а в настоящее время музеем «Мемориал Победы» осуществляется научная работа по подготовке выставки, связанной с этой исторической датой, в данном докладе будет рассмотрена одна из рукописей Евгения Абалакова и публикация сделанная на основе этой рукописи.

Авторская рукопись Евгения Абалакова, которая описывается в данном докладе, имеет заголовок «Восхождение на Пик Сталина», но не имеет точной датировки. Отредактированный текст сопровождён предисловием редактора и опубликован в 1949 году в виде статьи «На высоте 7495 метров» в книге «К вершинам советской земли».

Рукопись о первовосхождении представляет собой запись простым карандашом на листе пожелтевшей нелинованной бумаги формата, приближенного к А3, лист сложен в несколько раз и имеет потёртости на сгибах. Без введений и предисловий текст начинается со слов: *«Цак постоял немного с частями станции, почувствовал, что ноги стали сильно мёрзнуть. И во избежание обмораживания решил пойти тоже вниз»* [1, с. 1]. Рукопись представляет собой законченное связанное повествование, в котором описывается процесс восхождения на пик Сталина с 31 августа по 4 сентября 1933 года. Цитаты из рукописи в данной статье приведены без исправлений.

Первый подход к сравнению рукописи и публикации позволил сделать несколько наблюдений.

1. В начале рукописи Абалакова читаем: «*Итак мы остались втроём Горбунов, я и Гетье*» [Там же]. В самой статье, опубликованной за авторством Е.М. Абалакова, исключено любое упоминание имён и фамилий участников данного этапа экспедиции. Вместо них на протяжении всей публикации используются нейтральные

словосочетания «мои товарищи», «мои спутники» [2, с. 459–463]. Но предисловие редактора, в котором кратко описан контекст событий, перечислены участники штурмового отряда [Там же, с. 458–459].

2. Редакторской правкой произведена «замена игрока», и вместо Н.П. Горбунова метеостанцию поднимает Д.И. Гущин: «Почти до высоты 7000 м тащили тяжелую метеостанцию Абалаков и Гущин» [Там же, с. 458]. При сравнении с более развёрнутыми текстами противоречий в данном факте можно не заметить, т.к. на эту отметку (если быть точнее – 6900) радиостанцию приносили не один раз.

3. В напечатанной статье Абалаков и безымянный товарищем разбирают неисправную радио-метеостанцию станцию в палатке во время бури 1 сентября [Там же, с. 459]. В рукописи этим занимается Н.П. Горбунов в палатке Абалакова 31 августа [1, с. 1].

4. Устойчивый мотив как рукописей, так и публикаций о драматичных событиях 2 сентября – разгребание снежных завалов крышкой от походной кухни (в ряде случаев упоминается марка кухни) [1, с. 2], [2, с. 460].

5. Текст о событиях 3 сентября в книжной публикации дополняется лирическим описанием природы: «3 сентября стало почти ясно. Еще гуляет ветер по слепящим фирновым полям» [Там же]. Евгений Абалаков, Гетье и Николай Горбунов утром этого дня находились на высоте 6900 при температуре -25. В рукописи Абалакова этот эпизод описан лаконично: «*3-е почти ясно, ещё бродит ветер*» [1, с. 2].

6. Ёмкость, в которую вкладывается записка о восхождении на пик Сталина, описана Абалаковым в рукописи конкретно: *«опустошонная от шпрот банка»* [Там же]. Редактор обобщает эту важную для альпинистов гастрономическую деталь до нейтральной «пустой консервной банки» [2, с. 460], в то время как меню походной кухни находит отражение во многих текстах Абалакова о восхождениях и экспедициях.

7. Незначительное стилистическое изменение словосочетания из рукописи *«змеёй чашуйчатой изгибается ледник»* [1, с. 3] в редакторской версии звучит несколько вяло: «чешуйчатой змеей изгибается мощный ледник» [2, с. 461]. За этим следует разница в топонимах: в рукописи после слова «ледник» вписано пером «Турамос» [1, с. 3], а в публикации «Фортамбек» [2, с. 461]. При изучении карты ледников Памира видим, что это сообщающиеся ледники разных размеров, расположенные в одном районе.

8. Далее: в рукописи эмоциональное описание состояния на пути к вершине Пика Сталина: *«Радостно б'ется сердце хочется плясать»* [1, с. 3], в публикации сокращается до универсально-романтического «Радостно бьется сердце…» [2, с. 461].

9. За кадром публикации остаётся ремарка из рукописи, важность которой может быть оценена по достоинству только спортсменами: *«Не вполне отдохнув иду дальше*» [1, с. 3] перед финальным аккордом «Уже на четвереньках взбираюсь на вершинную скалистую площадку» [2, с. 461].

10. Особый исследовательский интерес вызывает описание оптического эффекта, который увидел Евгений Абалаков на вершине Памира. В рукописи впечатления первовосходителя описаны следующим образом: «*Редкое явление удалось увидеть отсюда. Лучи низко спустившегося солнца проэктируют вершину пика на облаках, а с ней и мою фигуру, повторяющую все движения. Я встал встала тень, замахал руками и огромная тень как крыльями повторила тоже*» [1, с. 3–4]. В книге описание этой сцены дано более литературно и величественно: «Здесь удалось наблюдать редкое явление: солнце стояло низко, и моя фигура отбрасывала колоссальную тень на густые облака, затянувшие всю восточную и южную части неба. Я встал – поднялась и огромная тень, я замахал руками – и огромная тень повторила мои движения» [2, с. 461]. Стоит отметить, что описание этого грандиозного

представления театра теней на самой высшей точке Советского Союза, в котором зритель и исполнитель – одно лицо – сибиряк Евгений Абалаков – в других рукописях и публикациях также претерпевает определённую эволюцию, в результате чего смещаются акценты и несколько меняются смыслы. Детальный разбор и сопоставление этого эпизода в других рукописях и публикациях заслуживает самостоятельного исследования.

11. Описание процесса спуска с вершины пика Сталина в публикации передан близко к оригиналу, но способности литератора в редакторе проявляются с новой силой. Читаем в рукописи: *«Скорее вниз. Темнеет, но спасает луна вскоре осветившая фирны. Еще причудливее встали гиганты вокруг. Спуск занял часа 3»* [1, с. 4]. Статья в книге содержит более многословный текст: «Взглянули на альтиметр – 7500 м. Скорее вниз. Темнеет, но вскоре нас выручает луна, ярко осветившая фирны. Еще причудливее стали мягко сияющие из черной мглы снежными вершинами окружающие гиганты» [2, с. 462].

12. Завершение обоих текстов не содержит значительных расхождений; редактура сохраняет последовательность событий и анонимность спутников первовосходителя пика Сталина – сибиряка и альпиниста Евгения Абалакова.

Заключение

Сравнивая два варианта текста – оригинальный авторский и опубликованный после редактуры – наблюдаем: обилие мелких и на первый взгляд несущественных редакторских правок (перестановка порядка слов, замена на синонимы) приводит к смене смысловых акцентов и снижению эмоциональности повествования, которая свойственна оригинальному тексту автора рукописи и главного действующего лица описанных событий – Евгения Михайловича Абалакова.

Список литературы

1. Абалаков Е.М. Восхождение на Пик Сталина // Рукопись, 1940-е. 4 с.
2. Абалаков Е.М. На высоте 7495 метров // К вершинам советской земли. М.: Географгиз, 1949. 793 с.

КОСМОС «СВЯЗЬ ВРЕМЁН»

УДК 908: 629.783

Сохранение и продвижение знаний по истории космической деятельности в Сибири: научно-производственная школа академика Решетнёва

Кудинов Владимир Васильевич
руководитель объединения «КЛАРК», ветеран НПО ПМ.
Красноярск, Россия.
kudinov-sir@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основания и предложения по сохранению и продвижению знаний об истории космической деятельности в Сибири на протяжении почти 60 лет. Наряду с уже используемыми частично формами продвижения исторических знаний необходимы новые креативные формы и технологии, прежде всего – рассчитанные на массовое, публичное представление знаний на открытых общедоступных общественных пространствах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, история, космическая деятельность

Большинству граждан России и за пределами РФ мало известно, что Красноярск в новейшей истории страны уже с 1970-х годов играет ведущую, лидирующую роль в области прикладной космической деятельности в СССР и РФ в целом и в области информационного спутникостроения в частности.

Космическая деятельность в Сибири в 2024 г. подойдёт к целому ряду юбилейных дат. Она возникла не случайно, имеет глубинную историческую логику развития, была порождена всем ходом послевоенного научно-индустриального прорыва СССР на восточные территории страны и научно-индустриального устремления СССР на освоение околоземного космического пространства как часть процесса построения нового общества (развитого социализма) и созидательного прогресса человечества. Усилиями СССР и США мир вступил в век космоса, и Сибирь оказалась не просто одним из ряда вовлечённых регионов, но одним из ведущих, весомых участников прикладной космической деятельности. В космическую деятельность Сибири в большей или меньшей мере оказались вовлечёнными многие коллективы, предприятия и организации из разных министерств и ведомств, причём круг участников продолжает активно расширяться.

Решающую роль в становлении и успешном развитии космической деятельности в Сибири сыграла целая плеяда талантливых специалистов-первопроходцев, приехавших из разных городов СССР в Сибирь и прежде всего – в Красноярск. Высокие профессионально-личностные качества этих «новых сибиряков-красноярцев» позволили им в кратчайшие сроки не только освоиться в новых условиях, перенять опыт, накопленный более опытными коллегами (школы Королёва, Янгеля и других), но и быстро развить собственную самодостаточную научно-производственную школу.

Все стороны этой деятельности заслуживают самого глубокого внимания историков и краеведов. В данной статье рассматривается лишь часть персоналий, которые заслуживают особого уважения – ближайшие соратники и сподвижники академика М.Ф. Решетнёва, те, кто составили основу такого феномена как «школа Решетнёва».

Лидирующая роль сибиряков-красноярцев по ряду направлений космической деятельности – это не просто красивые слова, это реально построенные с Сибири и запущенные на различные орбиты, эксплуатирующиеся в составе многоспутниковых

орбитальных группировок (ОГ) более 1300 сложных наукоёмких промышленных изделий – космических аппаратов (КА), практически каждый из которых дал реальный, долговременный и весомый клад в экономику и обороноспособность страны. Сибирский космос – это самые долговечные из построенных в СССР и РФ сложные неремонтируемые технические изделия, непрерывно функционирующие на разных орбитах в составе глобальных многоспутниковых систем, а также наземная инфраструктура по управлению, поддержанию в эксплуатации и использованию этих систем. Именно через них распространяются огромные потоки разнообразной информации в масштабах всей страны (образуя целостность безопасности и жизнедеятельности, инфокоммуникационного и социокультурного пространства), а также в масштабах континента и всего Земного шара в виде полного множества непрерывно предоставляемых услуг:

- телекоммуникаций всех видов (персональная, мобильная и фиксированная зональная и магистральная связь, передача данных, ШПД, ТВ, высокоскоростная ретрансляция информации между подвижными узлами связи на поверхности Земли и на орбитах,
- глобального всепогодного непрерывного высокоточного координатно-временного и навигационного обеспечения,
- геодезического обеспечения,
- обнаружения и обеспечения спасания объектов, терпящих бедствие.

История Сибирского космоса долгое время была засекречена, и многое остаётся закрытым, но любой режим информационной защиты не означает полного забвения важнейших основ нашей истории или стирания памяти о выдающихся творцах. Наоборот, разумная секретность вполне согласуется и дополняется с разумной же информационной открытостью, пропагандой и продвижением исторических знаний, воспитанием истинного патриотизма на научно-выверенной основе.

Материалов по истории развития сибирской космонавтики несправедливо мало самих по себе. Недостаточно глубоко раскрываются важнейшие отличительные особенности, которые выделяют сибирское спутникостроение от всего того, на что обычно обращают внимание в большинстве материалов, публикаций о космосе в нашей стране. Вот основные из них.

1. Глобальные многофункциональные информационные спутниковые системы (ГЛОМИСС), которые начали формироваться в СССР на разных орбитах под руководством главного конструктора М.Ф. Решетнёва со 2-ой половины 1960-х годов, продолжают своё эффективное развитие до настоящего времени не по случайному стечению обстоятельств, а как результат напряжённой творческой работы больших коллективов новой («сибирской») спутниковой кооперации. Эта кооперация в течение многих лет делом доказывала свою компетентность и право на привлечение средств государственного бюджета в новые эффективные спутниковые проекты.

2. Бюджетные средства сибирякам на создание прикладных инновационных спутниковых систем информационного назначения доставались не просто, не авансом за громкие обещания, по «дружбе» или протекции, а по реально достигнутым результатам, но фактически - по остаточному принципу. Основное, преимущественное финансирование в СССР исторически, со времён С.П. Королёва, отдавалось пилотируемым полётам. Перспективы спутниковой связи, телевещания, навигации и геодезии были видны и осознавались далеко не сразу и не всеми, в том числе и в руководстве отрасли и страны. То же телевещание в СССР в начале 1960-х годов имело очень ограниченное, можно сказать, очаговое распространение (даже не во всех в крупных городах), телевизионные приёмники имело очень малое число семей (меньшая часть населения), и междугородняя телефонная связь была доступна также в очень ограниченных объёмах. Например, для получения возможности переговоров

по междугородному телефону на специальных переговорных пунктах связи требовалось стоять очередь или записываться за 1–2 дня. Прокладка кабелей связи и даже организация радиорелейных линий связи на огромных менее населённых пространствах СССР были заведомо более затратными по сравнению с густонаселёнными странами Европы или Америки.

3. Первыми заказчиками ГЛОМИСС в СССР были военные – они опасались отставания в этой области от США, где прикладная беспилотная космонавтика развивалась гораздо более активно, чем пилотируемая. И пока спутниковая связь была относительно дорогостоящей, использовалась она преимущественно для нужд оборонных ведомств и правительственных органов. Сделать услуги ГЛОМИСС более дешёвыми и доступными ещё только предстояло. Именно это для страны было сделано сибиряками.

4. В сложных, отнюдь не тепличных условиях на самую молодую в отрасли и самую удалённую от столицы на восток фирму Решетнёва легла тяжелейшая ноша – в кратчайшие сроки и самым экономичным, эффективным образом ликвидировать глубокие пробелы в области связи и телевещания на огромной территории страны за счёт самых передовых решений в составе КА, аналогов которым в стране (а нередко и в мире) ещё не было.

5. Зарубежный опыт в этой области, который был ограниченно доступен в СССР, был малоприменим, так как исходные базисы для создания спутников связи, телевещания и навигации были в СССР и за рубежом совершенно разные. Покупка за рубежом необходимой номенклатуры радиоэлектронных и иных компонентов и материалов была крайне затруднена или невозможна. Приходилось использовать исключительно отечественную (не всегда достаточно передовую) элементную базу. Это положение сохранялось до начала 1990-х годов, когда для РФ стал более-менее доступен зарубежный рынок спутниковых компонентов, и тогда сразу наши разработки стали продвигаться на мировой рынок предлагаемых спутников и услуг.

6. В этой связи показательно, что все КА, создаваемые в СССР и относящиеся к «королёвскому» заделу, имели очень скромные показатели надёжности (ресурс, безотказность, срок хранения и срок службы) – могли работать буквально несколько суток или месяцев. Но для ракет и пилотируемых КА тогда и этого было достаточно. А для создания экономически эффективных длительно работающих спутников связи сибирякам приходилось инициировать во всех смежных министерствах создание новых, гораздо более надёжных, длительно работающих материалов и радиоэлементов – от 1–2–3 лет до 7–10–15 лет и более.

7. Приступая к созданию новых КА и спутниковых систем, молодой и относительно ограниченный по ресурсам и по составу, удалённый от промышленной европейской части СССР коллектив Решетнёва должен был сразу же во многом полагаться на собственные силы, брать на себя творческую инициативу, ответственность и риски, буквально бороться за выживание на новом поле деятельности (новом «рынке»).

То, как решетнёвцы включились в своеобразную негласную «космическую гонку», быстро заслужило уважение у коллег, смежников по производственной кооперации, заказчиков, руководства отрасли.

8. Результаты работы сибиряков по освоению околоземного пространства не заставили себя долго ждать. Всего около 3 лет фирме Решетнёва потребовалось для создания на базе переданных им предварительных наработок от Янгеля собственной сибирской ракеты-носителя лёгкого класса типа «Космос» и первых собственных малых ИСЗ типа «Стрела». От экспериментальных КА фирма сразу же переходила к новым разработкам, их модификации и серийному производству для штатной эксплуатации на орбитах в составе многоспутниковых группировками.

9. Вслед за первыми собственными малыми спутниками новые типы существенно более мощных КА стали создаваться и доставляться на орбиты буквально ежегодно, и уже через 3 года – на более мощных РН среднего класса (королёвской разработки и самарского производства) на высокие эллиптические орбиты, а затем – на тяжёлых РН (челомеевской разработки) на геостационарные орбиты.

Менее чем за 10 лет фирма Решетнёва сформировала 4 унифицированных ряда (КАУР) спутников различного назначения – связи персональной и магистральной, распределительного телевещания, навигации, геодезии, научных (геофизических) исследований. Уже в наше время в РФ руководством отрасли опять провозглашаются цели серийного производства унифицированных КА (малого класса) из отечественных комплектующих, что сибиряки уже на практике реализовывали в СССР около полувека назад.

За счёт этого на разных орбитах последовательно создавался и поддерживался в эксплуатации своеобразный многослойный «космический пирог», в котором в качестве «изюминок» кружили над Землёй одновременно до 100–120 и более непрерывно работающих сибирских спутников. Такая многоуровневая ОГ впервые была сформирована сибиряками в середине 1970-х годов и, постоянно обновляясь, продолжает жить до сих пор. Запуски сибирских спутников начались успешно с первой попытки с Байконура, но затем стремительно и успешно продвинулись и на другие космодромы: Плесецк, КапЯр, Свободный, а теперь и Восточный.

10. Создание более 50 типов эффективных КА и КК стало возможным потому, что полный жизненный цикл создания новой техники в Сибири начинался и завершался в хорошо организованном и мотивированном творчески заряженном коллективе, в стенах головного КБ – интеллектуального ядра, которое, не забывая про поддержку серийного производства, решительно бралось за новые научно-исследовательские (НИР) и опытно-конструкторские работы (ОКР), обустраивалось собственной мощной экспериментальной, производственной и эксплуатационной базой. Так решетнёвское КБ сумело на многие годы загрузить своими разработками не только (первоначально) Красмашзавод (ныне выступает в роли серийного производства ракет миасского ГРЦ им. Макеева), затем собственный Мехзавод в Красноярске-26 (непрерывно перенастраиваемый на новые опытные и серийные производственные задачи), но и дополнительный серийный авиазавод в Омске (ныне ПО «Полёт», подчинённое теперь московскому ГКНПЦ им. Хруничева для производства РН семейства «Ангара»). Именно сибирские спутники в те годы запускались поточно – практически ежемесячно, регулярно до 2 раз в месяц и иногда даже еженедельно. В отдельных пусках на орбиту тогда выводили по 8 малых КА на решетнёвской РН «Космос-3М», по 6 более тяжёлых КА на янгелевской РН «Циклон» и по 1–3 ещё более тяжёлых КА на челомеевской РН «Протон».

11. И основатель сибирской космической фирмы М.Ф. Решетнёв, и его преемники А.Г. Козлов и Н.А. Тестоедов сами имели прекрасное инженерно-техническое образование и прошли через все ступени профессионально-кадрового роста, заслужили своей деятельностью учёных степеней докторов технических наук, звания профессоров. Более того, 2 из 3 прежних руководителей прошли через жёсткий конкурсный отбор и были избраны независимым научным сообществом академиков действительными членами АН СССР и РАН. Примечательно, что академиков АН СССР и РАН в Красноярском крае вообще было не так уж много, считанное число учёных, так что 2 академика в области космонавтики, работающие в небольшом городке «во глубине сибирских руд» под Красноярском, – весьма достойный результат. Помимо этого М.Ф. Решетнёва, которому не было 50 лет, страна назвала Героем Социалистического труда, а руководимое Решетнёвым предприятие было награждено орденом Ленина, в дальнейшем – ещё одном орденом – Трудового Красного Знамени.

12. М.Ф. Решетнёв – выходец из ОКБ-1 и считал себя прямым учеником академика С.П. Королёва. Он вспоминал: «Школа Королёва отличалась не только тем, что требовала от каждого человека величайшей самоотдачи, поистине самоотверженного труда. Сергей Павлович любил людей творческих, способных не только найти кардинальные решения, но и взять на себя ответственность». Но также Решетнёв никогда не забывал подчёркивать огромную роль и помощь в становлении предприятия со стороны академика М.К. Янгеля (ОКБ-586, Днепропетровск). Начиная с первых дней существования в Сибири самостоятельного ОКБ-10 и до начала 2000-х годов, научно-производственные связи творцов космической техники из Сибири и Украины (не только Днепропетровска, но и Харькова, Киева и других городов) носили тесный, дружественный, плодотворный характер. К сожалению, одним из последних примеров сотрудничества сибиряков с украинцами в космосе стал успешный проект создания в Красноярске-26 по заказу Eutelsat Сибирско-Европейского спутника (SESAT, 2000 г.). Созданный позднее в Сибири для Украины первый КА связи «Лыбидь» оказался невостребованным и остался, видимо, навсегда, на Земле. Тем не менее, вычёркивать значимость былых сибирско-украинских связей из истории космической деятельности нельзя. Это наше общее достояние.

13. О научно-техническом уровне проектов, реализованных коллективом Решетнёва (сибирской научно-производственной школой прикладной космической деятельности), свидетельствует то, что около 100 работников предприятия стали лауреатами самых престижных премий в области науки и техники в СССР и РФ – Ленинских премий, Государственных премий, Премий Правительства (многие – дважды). Всего за 6 десятилетий через фирму Решетнёва (которая сейчас насчитывает более 8,5 тыс. работников, но в прежние годы их число бывало и достигало 10–12 тыс.) прошло, ориентировочно, более 30 тыс. высококвалифицированных специалистов (ИТР) или 3 поколения кадровых спутникостроителей, сохраняющих преемственность и лучшие традиции коллективной работы.

Сложность и значимость создаваемых изделий и их эксплуатации заставляла на предприятии непрерывно совершенствовать фирменную систему накопления профессиональных знаний, интеллектуальной собственности, результатов инновационной деятельности, развивать множество научных направлений (приложение 1, 2).

Дела, имена и лица тех, кто создавал космическую технику в Сибири, и, подобно декабристам, приехав сюда, посвятил Сибирскому Космосу лучшие годы или даже всю оставшуюся жизнь, должны быть известны нашим земляками и гостям Сибири не поверхностно, а достаточно глубоко и содержательно (примеры – в приложении 3,4).

Заключение

Таким образом, история космической деятельности, её интеллектуальная и инновационная составляющая, те персональные человеческие заслуги, которые легли в основу успехов, представляют большую ценность и требуют самого бережного отношения к себе со стороны властей и общественности.

Для сохранения памяти о развитии космической деятельности в Сибири могут и должны использоваться самые разнообразные, в том числе нетривиальные формы, методы, подходы.

В частности, важными средствами сохранения и продвижения знаний по истории космической деятельности в Сибири должны послужить:

- создание крупномасштабных архитектурных, скульптурных композиций и объектов в местах свободного доступа публики, посвящённых конкретным историческим фактам, событиям, персонам – выдающимся представителям школы академика Решетнёва, его соратникам, сподвижникам, преемникам и последователям;

- использование иных, самых разнообразных, достойных этой темы форм привлечения нашей креативной индустрии на основе реальных исторических материалов к сопровождению космической деятельности в Сибири, продвижения знаний об истории создания и творцах ракетно-космической техники;

- создание средствами креативной индустрии обширного, доступного для всех фонда мультимедийных, массовых недорогих печатных продуктов (сувениров, игр, плакатов, открыток и многого-многого другого);

- возрождение на новой основе проведения общественно значимых, массовых мероприятий по истории авиационно-космической деятельности в Сибири по аналогии с ранее проводившимися аэрокосмическими салонами (САКС), ярмарками (КРЯКК), фестивалями искусств и т.д.;

- создание и поддержание постоянно действующих экспозиций в общедоступных специализированных помещениях в виде своеобразных региональных «выставок достижений народного хозяйства» с обязательным достойным представлением результатов космической деятельности.

Список литературы

1. Космическая связь, телевещание, навигация и геодезия. витки сибирской космической спирали: Электронное издание в 2 томах. Т. 1. Авторский коллектив: Князькин Ю.М., Кудинов В.В., Ермоленко В.И., Трифонов А.Б. и др. / Под общей редакцией Н.А. Тестоедова. Железногорск: ОАО «Информационные спутниковые системы имени академика М.Ф. Решетнёва». 2013, 928 с.: 1187 ил.
2. Кудинов В.В. Назрело реформирование организации космической деятельности // Красноярский рабочий. 03.08.21, с. 6. Режим доступа: https://krasrab.ru/news/ekonomika/17671.
3. Кудинов В.В. С памятью о космическом прошлом и надеждой на будущее в новом году // Красноярский рабочий. 01.02.22, с. 6. Режим доступа: https://krasrab.ru/news/society/21363.
4. Кудинов В.В. Украино-сибирское партнёрство при реализации проекта интеллектуальной инфокоммуникационной геостационарной спутниковой системы «Ефремов» // 2-я международная конференция «Передовые космические технологии на благо человечества» / 3-я Международная конференция «Космос и общество. Космос: человеческое измерение». 15–17 апреля 2009: тезисы докладов. Днепропетровск, 2009. С. 73.
5. Кудинов В.В. Актуальные задачи и формы международного сотрудничества в интересах инновационной региональной проектной космической деятельности // Решетнёвские чтения [Электронный ресурс]: материалы XXI Международной научно-практической конференции, посвящённой памяти генерального конструктора ракетно-космических систем академика М.Ф. Решетнёва (08–11 ноября 2017, г. Красноярск). В 2 частях. Ч. 2. Красноярск: СибГУ им. М.Ф. Решетнёва, 2017, с. 621–623. Режим доступа: https://reshetnev.sibsau.ru/page/materialy konferentsii.
6. Тестоедов Н.А., Головёнкин Е.Н., Кудинов В.В. и др. АО «Информационные спутниковые системы» имени академика М.Ф. Решетнёва» – 58 лет на службе космосу и отчизне // Вестник РФФИ № 3 (95), июль–сентябрь 2017, с. 56–77. DOI: 10.22204/2410-4639-2017-095-03-56-77.

Приложение 1

СПЕЦИАЛИЗАЦИИ СИБИРСКОЙ РЕШЕТНЁВСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Эксперименты научные, технологические

Спутникостроение

- КА тяжёлого класса
  - Целевые радиотехнические комплексы
  - Антенно-фидерные системы
  - Системы ориентации и стабилизации КА
  - Системы контроля, управления КА
  - Системы терморегулирования КА
  - Системы электропитания
  - Конструкции
  - Механические системы
  - Схемотехника
- КА среднего класса
- Малые КА (лёгкого класса)

Ракетостроение (РН лёгкого класса)

- Обработка сигналов, ЭМС, помехоустойчивость
- Управление лучами
- Гироскопия, оптика
- Датчики
- Программные системы
- Приборостроение
- Фотопреобразование, энергорегулирование
- Прочность, стойкость
- Исполнительная автоматика, приводы
- Материалы, покрытия
- Электрорадиоэлементы

Системология

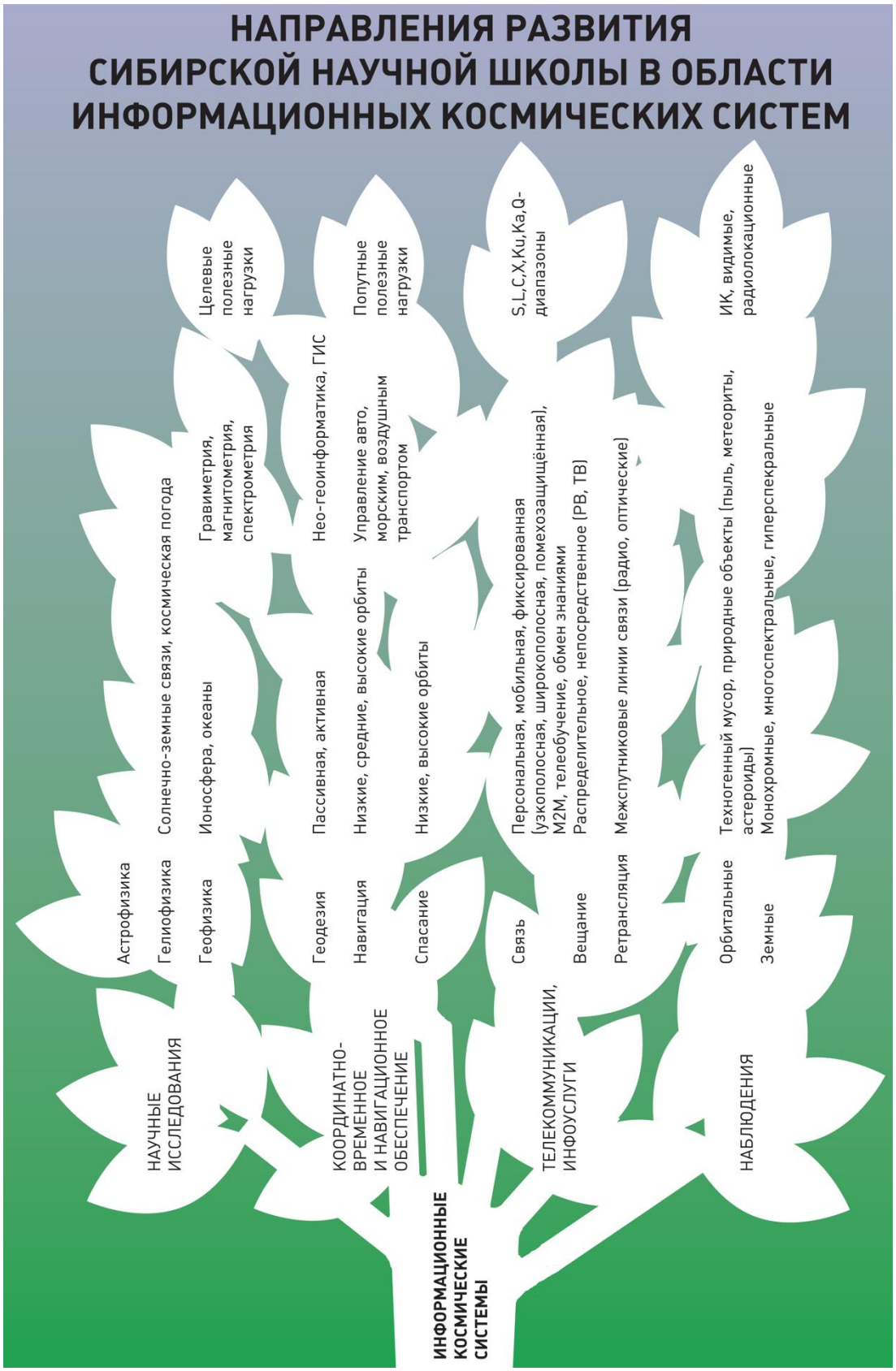
Социально-экономическая эффективность

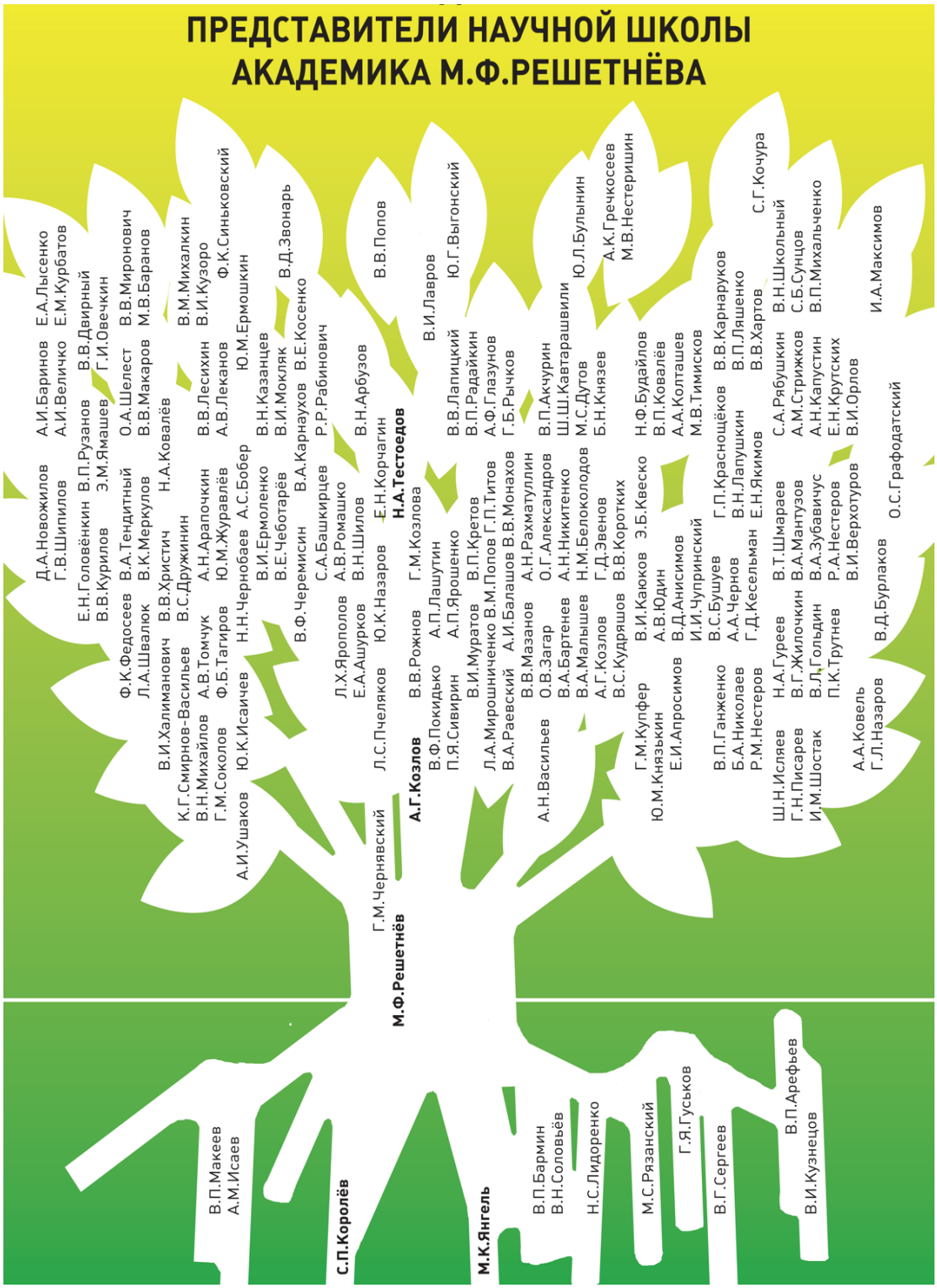
- Управление ресурсами (материальными, финансовыми, персоналом, знаниями, собственностью и т.д.), управление качеством, управление рисками
- Эффективность решения специальных информационных задач в интересах обороны

Ракетодинамика (выведение на низкие круговые орбиты)

Динамика КА

- Двигательные установки
- Орбитальное построение
  - Низкие орбиты
  - Высокие эллиптические орбиты
  - Геостационарные орбиты
  - Средневысокие круговые орбиты
- Двигатели химические, электроракетные
- Сведение с орбит
- Зоны, режимы обслуживания
- Орбитальные позиции
- Межспутниковые связи
- Защита от внешних воздействий
- Топлива, рабочие тела
- Услуги пользователям

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
СИБИРСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ В ОБЛАСТИ
ИНФОРМАЦИОННЫХ КОСМИЧЕСКИХ СИСТЕМ
ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ СИСТЕМЫ
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Астрофизика
Гелиофизика
Солнечно-земные связи, космическая погода
Геофизика
Ионосфера, океаны
Гравиметрия, магнитометрия, спектрометрия
Целевые полезные нагрузки
КООРДИНАТНО-ВРЕМЕННОЕ И НАВИГАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
Геодезия
Пассивная, активная
Нео-геоинформатика, ГИС
Навигация
Низкие, средние, высокие орбиты
Управление авто, морским, воздушным транспортом
Попутные полезные нагрузки
Спасание
Низкие, высокие орбиты
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИИ, ИНФОУСЛУГИ
Связь
Персональная, мобильная, фиксированная (узкополосная, широкополосная, помехозащищённая), M2M, телеобучение, обмен знаниями
S,L,C,X,Ku,Ka,Q-диапазоны
Вещание
Распределительное, непосредственное (РВ, ТВ)
Ретрансляция
Межспутниковые линии связи (радио, оптические)
НАБЛЮДЕНИЯ
Орбитальные
Техногенный мусор, природные объекты (пыль, метеориты, астероиды)
ИК, видимые, радиолокационные
Земные
Монохромные, многоспектральные, гиперспекральные

ПРЕДСТАВИТЕЛИ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ
АКАДЕМИКА М.Ф.РЕШЕТНЁВА
М.Ф.Решетнёв
Г.М.Черняевский
Л.С.Пчеляков
Ю.К.Назаров
Е.Н.Корчагин
Н.А.Тестоедов
В.В.Попов
В.Н.Арбузов
А.В.Ромашко
В.Н.Шилов
Л.Х.Ярополов
Е.А.Ашурков
С.А.Башкирцев
Р.Р.Рабинович
А.В.Карнаухов
В.Е.Косенко
В.Ф.Черемисин
В.Е.Чеботарёв
В.И.Ермоленко
В.Н.Казанцев
В.И.Мокляк
В.Д.Звонарь
А.И.Ушаков
Ю.К.Исаичев
Н.Н.Чернобаев
А.С.Бобер
Ю.М.Ермошкин
К.Г.Смирнов-Васильев
В.С.Дружинин
В.А.Тендитный
В.К.Меркулов
О.А.Шелест
В.В.Макаров
В.В.Миронович
М.В.Баранов
Ф.К.Синьковский
Ф.К.Федосеев
Л.А.Швалюк
В.И.Халиманович
В.В.Христич
Н.А.Ковалёв
Е.Н.Головёнкин
В.П.Рузанов
Э.М.Ямашев
В.В.Двирный
Г.И.Овечкин
В.В.Курилов
Д.А.Новожилов
Г.В.Шипилов
А.И.Баринов
А.И.Величко
Е.А.Лысенко
Е.М.Курбатов
А.Г.Козлов
В.В.Рожнов
Г.М.Козлова
В.И.Лавров
В.Ф.Покидько
П.Я.Сивирин
А.П.Лашутин
А.П.Ярошенко
В.В.Лапицкий
В.П.Радайкин
Ю.Г.Выгонский
В.И.Муратов
В.П.Кретов
Л.А.Мирошниченко
В.А.Раевский
В.М.Попов
А.И.Балашов
Г.П.Титов
В.В.Монахов
А.Ф.Глазунов
Г.Б.Рычков
В.В.Мазанов
А.Н.Рахматуллин
А.Н.Васильев
О.В.Загар
О.Г.Александров
В.П.Акчурин
В.А.Бартенев
А.Н.Никитенко
Ш.Ш.Кавтарашвили
Ю.Л.Булынин
В.А.Малышев
Н.М.Белоколодов
М.С.Дутов
А.Г.Козлов
Г.Д.Звенов
Б.Н.Князев
А.К.Гречкосеев
В.С.Кудряшов
В.В.Коротких
М.В.Нестеришин
Г.М.Купфер
В.И.Каюков
Э.Б.Квеско
Н.Ф.Будайлов
Ю.М.Князькин
А.В.Юдин
В.П.Ковалёв
Е.И.Апросимов
В.Д.Анисимов
А.А.Колташев
И.И.Чупринский
М.В.Тимисков
В.П.Ганженко
Б.А.Николаев
Р.М.Нестеров
В.С.Бушуев
А.А.Чернов
Г.Д.Кесельман
Г.П.Красношёков
В.Н.Лапушкин
Е.Н.Якимов
В.В.Карнаруков
В.П.Ляшенко
В.В.Хартов
С.Г.Кочура
Ш.Н.Исляев
Г.Н.Писарев
И.М.Шостак
Н.А.Гуреев
В.Г.Жилочкин
В.Л.Гольдин
П.К.Трутнев
В.Т.Шмараев
В.А.Мантузов
В.А.Зубавичус
Р.А.Нестеров
В.И.Верхотуров
С.А.Рябушкин
А.М.Стрижков
А.Н.Капустин
Е.Н.Крутских
В.И.Орлов
В.Н.Школьный
С.Б.Сунцов
В.П.Михальченко
А.А.Ковель
Г.Л.Назаров
В.Д.Бурлаков
О.С.Графодатский
И.А.Максимов
С.П.Королёв
В.П.Макеев
А.М.Исаев
М.К.Янгель
В.П.Бармин
В.Н.Соловьёв
Н.С.Лидоренко
М.С.Рязанский
Г.Я.Гуськов
В.Г.Сергеев
В.П.Арефьев
В.И.Кузнецов

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

УДК 130.2

Основные проблемы исторического знания как основы методологии социальных наук: критика «оптимистического» подхода на основе труда «Идеология русской государственности»

Боровский Владислав Эдуардович
Сибирский федеральный университет.
Красноярск, Россия.
iamshools@gmai.com
ORCID ID: 0009-0009-0155-237X

АННОТАЦИЯ В современном научном дискурсе существует позиция, которую я назову «оптимистической», сводящаяся к тому, что история должна быть основой для социальной методологии, ибо именно в истории присутствуют различные кейсы, на основе которых мы можем исследовать социум. Однако такая позиция имеет ряд проблем, связанных в первую очередь с проблемой релятивизма. В данной статье, на основе книги «Идеология Русской Государственности» я разберу проблемы данного подхода

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Идеология, историческое знание, историческая методология, социальная методология, социальное знание.

Перед тем как приступить к разбору основных проблем «оптимистической» позиции, я разъясню в чем заключается проблема релятивизма и почему в качестве основы была взята книга «Идеология Русской Государственности», авторства Тимофея Сергейцева, Дмитрия Куликова и Пётра Мостового.

Под проблемой «релятивизма» я понимаю то положение научного дискурса, когда существует множество различных парадигм рассмотрения социальной реальности, при этом, из-за разности подходов и методов при рассмотрении социума, эти парадигмы не могут приди каком-то общему знанию. Рассмотрение социума с точки зрения того, что он часть определённой исторической хронологии, не помогает в решении этой проблемы, а лишь усугубляет проблему.

Причиной взятия в качестве основы для рассмотрения данной проблемы в «оптимистическом» подходе в книге «Идеология русской государственности» послужило в первую очередь то, что авторы, используя термин «идеология», изучают феномен «прикладного социального знания» [1, с. 701] как идентичное первому. Говоря о методе формирования «идеологии», они утверждают, что основой для такого знания является в первую очередь историческое знание [Там же, с. 720], на основе которого мы можем судить о каких-либо процессах, явлениях и событиях настоящего. Вследствие этого данный труд будет взят в качестве основы для рассмотрения проблемы «релятивизма» в «оптимистическом» подходе к историческому знанию.

В качестве метода был использован герменевтический анализ. Объектом исследования стало социальное знание, предметом – историческое знание как основа для социального знания

Итак, основная проблема релятивизма, порождаемое историческим знанием, заключается в первую очередь в основной современной методологической проблеме исторических наук, выделяемая различными методологами исторического знания – проблема «нарратива» исторического знания.

В качестве основы для рассмотрения данной проблемы я возьму труды двух исследователей данной проблемы – Р. Барта и Х. Уайт. Для большей ясности я

рассмотрю процесс формирования социального знания в таком подходе, выделенной мною при чтении труда «Идеология русской государственности».

Социальное знание, или «идеология», в ходе своего формирования, проходит следующие этапы:

1) Анализ исторических данных, создание на основе них нарратива тех событий, которые были взяты в качестве основы для исследования. [Там же, с. 722]

2) Рассмотрение событий в своей хронологической последовательности – выявление на основе этого причин, следствий и т.д. исторических событий. [Там же]

3) На основе этого создаётся «идеология», т.е. определённая парадигма интерпретации, на основе которой мы можем судить о событиях современности, говорить об их причинах и к каким последствиям они нас приведут. [Там же, с. 720]

4) Проверка знания на практике – если идеология в конечном итоге оправдала себя, на основе её мы смогли верно сказать к чему привели определённые события современности, т.е. идеология оказалась «истинной» по прагматическому критерию, за который выступают авторы, то мы сохраняем идеологию как основу для оценки современных событий. В ином случае – идёт доработка данной идеологии или полное её отвержение – в зависимости от того насколько реальность расходилась с тем, что обещали идеологии. [Там же, с. 703]

Теперь поэтапно разберём проблему релятивизма на каждом этапе формирования социального знания.

Первый этап – анализ исторических источников. Для разбора данного этапа я сошлюсь на статью Р. Барта «Дискурс Истории». В данной статье Р. Барт разбирает исторический нарратив с точки зрения семиотики. Из этой статьи можно выделить три положения, которые помогут нам разобраться с проблемой релятивизма на данном этапе.

Во-первых, работа историка, по мнению Р. Барта, направлена скорее не на изучение фактов, а означаемых, т.е. попытка из различных, порой малосвязанных и противоречащих друг другу источников, выявить общую интертекстуальность, придать тексту какую-то ссылку на события, придать тексту смысл для создания какой-то картины событий. [3, с. 437]

Во-вторых, историк, в ходе своей работы, создаёт особую систему «высказывания», состоящая из «экзистентов» – сущностей и существ, и «оккурентов» - предикаты этих сущностей. В зависимости от них меняется сам нарратив, от поэтичного – до строго научного. [Там же, с. 433]

В-третьих, один из основных смыслов, придаваемых историком в ходе своей работы, выявляется в «эффекте реальности» – в этом, во-первых, заключается основное отличие историческое работы от литературной, ибо в ходе работы историк как бы «отходит», перестаёт быть субъектом высказывания, просто пересказывая как бы реальные события. А во-вторых, этим мы придаём авторитет своей работе, в ходе которой читатель верит тому, что эти события были, хоть и очень отличались от современности. [Там же, с. 439]

Исходя из этих трёх пунктов мы можем сказать, что в ходе процесса «конструирования» исторического события мы, исходя из того какие означаемые выбрали в всем множестве источников, какие выбрали экзистенты и оккуренты для высказывания – мы можем создавать самые разнообразные изложения событий прошлого, при этом, за счёт эффекта реальности, мы не сможем, без серьёзного анализа исторических данных, на основе которых был создан нарратив, отличить «псевдоисториков» от «историков». А учитывая тот факт, что споры по поводу того каким образом необходимо интерпретировать определённые источники, какими мы должны пользовать, а какими нет продолжаются, то от этого сам нарратив «исторической единицы», в качестве события, уже меняется. Не раз в процессе

конструирования исторического события менялся нарратив события, дополняя его какими-то деталями или вовсе изменяя сам ход событий.

Таким образом уже на начальном этапе, когда историческое знание формируется на основе своих «единиц», т.е. исторических событий, уже присутствует проблема релятивизма, ибо на основе разного нарратива одного и того же события мы можем составить уже и разные «идеологии».

Второй этап – рассмотрение событий в своей хронологической последовательности, придача связанности за счёт выявления причинно-следственных связей между данными событиями. Как отмечают сами авторы, простая хронология для нас не будет иметь никакого значение, ибо на основе этого мы не сможем «ничему научится». Для того, чтобы она приобрела нужный нам вид, на основе которой можно создавать «идеологию» нам необходимо погрузить само событие в исторический контекст, разобраться, почему оно случилось и к чему привело.

Стоит отметить, что данный этап уже проявляется в моменте создания самого «исторического события», ибо понятия «причинно-следственные связи» и «событие» дискретны и мы можем уменьшать их масштабы до нужных нам значений. Поэтому дам определение, на основе которого я буду разбирать данную проблему на основе уже более масштабного характера работы. Итак, историческое событие – это инструментальная дискретная единица историка, использующаяся им в ходе создания исторического нарратива и хронологии, при помощи которого историк дифференцирует изменившееся в каком-либо положении вещей и суммирует их в этом «событии». Так, например, отставка какого-либо генерала – есть событие, ибо здесь мы фиксируем изменившееся. Может событие выделяться на основе множества изменений, проистекших в ходе ближайшей временной хронологии – например, какая-либо битва – это совокупность различных мелких событий, при этом произошедших в близкой друг от друга хронологии. Четкой дефиниции на какой стадии изменения могут события перетечь в процесс и когда сумма изменений перетекает в событие – нет, ибо, как уже ранее упоминалось, это инструментальные понятия, рамки которых назначает сам историк. Так, из этого различные изменения могут суммироваться в разные события, в зависимости от того какие рамки нужно выделить для создания нарратива.

Разобравшись с данным понятием, теперь перейдём к этапу выделения причин события и к каким последствиям они в последствиям привели. Для этого сошлюсь на другого исследователя, изучавший уже нарратив с точки зрения его структуры – Х. Уайт. В своей работе «Метаистория» Х. Уайт выделяет различные методы «объяснения»: в структуре построения сюжета, формального доказательства и идеологического подтекста. Различные комбинации данных методов формируют и разный нарратив, и разное объяснение, и т.д. [2, с. 49–50]

Все это приводит к разнице исторических нарративов, ибо каждый из авторов обозначает причины и следствия, исходя из своего научно-писательского стиля, более привлекательной системы объяснения и т.д. Вести в таком случае конструктивную дискуссию, по которой можно было бы точно сказать о причинах и следствиях, в таких методологических условиях – крайне проблематично, ибо по итогу все сводится к тому какой стиль объяснения больше нравится самому историку, нежили на фундаментальных эпистемологических принципах, по которым мы имеем возможность к строгой верификации каких-то научных парадигм реконструкции каких-либо исторических событий.

Также здесь и проявляется проблема предыдущего этапа – а какую реконструкцию событий нам брать и где нам дифференцировать эти события и процессы между собой? Уже на основе разных реконструкций мы можем создать и разные причины данных событий, исходя из того, как мы видим эти события. Для

начала дискуссии в таком случае придётся каждому исследователю определить точные границы разбираемых событий, точку отсчёта и точку конца, определиться с фундаментальными вопросами «философии истории», касающиеся того как между собой связаны события, как мы их вообще можем и не можем описывать и т.д. Об этих вопросах более подробно будет ниже, когда мы коснёмся вопроса использования исторических знаний в описании современного социума.

Таким образом, на этапе связывания различных исторических событий между собой через выявление причинно-следственных связей, мы снова сталкиваемся с проблемой релятивизма исторического знания, по которому все исходит из того научного стиля объяснения, который предпочёл историк или ученный из сфер социальных наук.

Третий этап – формирование самой идеологии на основе выявленных причинно-следственных связей. Здесь мы используемся накопившийся багаж исторических знаний и определённого опыта интерпретации событий прошлого дабы описать события настоящего. Причем важным здесь является момент, что мы не просто описываем социальную среду, но и используем их в практических целях социального конструирования, т.е. при какой-либо модернизации, реформе и т.д. мы используем в первую очередь наши исторические знания.

Однако здесь, как я уже упоминал ранее, встаёт важный вопрос – как нам описывать события настоящего используя события прошлого? Вопрос имеет характер дихотомии, ибо здесь сталкиваются между собой две парадигмы описания, по которой – исторические события носят исключительно уникальный характер, никак не повторяются и ничем не схожи; и исторические события развиваются так или иначе циклически, они повторяются по тем или иным причинам, а, значит, уникальность в истории носит лишь характер деталей.

Если мы принимаем первую позицию, то изначально у нас вопроса об использовании исторического знания отпадает, ибо события прошлого имеют иное характер, развиваются по иным причинам и следствиям, людьми двигали совершенно иные стремления и т.д. Все это не обязательно имеет характер «противоположного», из-за чего описать современность исходя из позиции «современность противоположно, антинонимична прошлому» также не получится.

Вторая позиция в этом плане более оптимистична, ибо, сформировав определённый шаблон развития всех событий, мы уже можем использовать историю как основа для формирования «идеологии».

Однако, здесь все также стоит проблема описания событий – для того, чтобы говорить о шаблонности развития нам необходимо ещё доказать, что конкретно наша современность развивается таким же образом, как и все другие. Сложно со второй парадигмы также не уйти в редукционизм, ибо если определённая выделяемая сфера развивается, допустим, шаблонно, то это не значит, что, во-первых, шаблон применим и к другим сферам, во-вторых, необходимо ещё определить, как одно выделяемая сфера влияет на другую. При этом необходимо ещё доказать, что такой шаблон, по которому, например, общество всегда развивалось, применим к современности, ибо вполне возможно, что наша современность как раз уходит из таких шаблонов и развивается уже другим образом.

Также здесь встаёт вопрос понятийного аппарата, ибо, если общество прошлого иное, то и описывать мы его должны по-другому. Здесь мы можем уже сделать ошибочные выводы исходя из того как мы выделяем те или иные общественные институт, какие понятия используем для описания их работы и т.д. Одними и теми же понятиями мы можем описывать совершенно разные институты, работающие по-разному. Необходимы отдельные исследовательская работа над этими темами.

Рассуждая также в области проблемы редукционизма здесь мы сталкиваемся с тем, что разные «идеологии» будут формулировать уже разные шаблоны для развития, отталкиваясь от того как они отвечают на ту проблему, которая была поставлена выше. Также, используя разную терминологию в описании современности, мы можем столкнуться с тем, что разные идеологии какие-то сферы объединяют, какие-то отделяют, и, исходя из этого, формулируют разные связи между ними, отношения и т.д.

Другая проблема, вытекающая из первой – не предвзяты ли мы в описании прошлого, ибо мы его формулируем в другое время, где преобладают другие ценности, взгляды, а также само общество может иметь иной характер, чем прошлое. Ведь историк, описывая прошлое, опирается в первую очередь на современность, на своих знаниях о современном обществе, пытаясь его понять современным взглядом. Так или иначе, пытаясь разобраться в прошлом, историк может банально заниматься метафорами, пытаясь через современность описать прошлое. Таким образом основываться на истории невозможно, ибо мы его уже формулируем исходя из нашего современного взгляда.

Такая проблема лишь усиливает общую проблематику релятивизма, ибо в таком случае идеолог, основываясь на своём субъективном взгляде на современность, описывает прошлое как раз из соображений оправдать свою парадигму, ибо если она ложится на историю, то и ложится на современность. В ином соображении мы можем через историю оправдывать или, наоборот, отвергать современную политику, ибо, исходя из его взгляда на историю, он утверждает, что современные политические решения приведут нас к успеху или провалу, исходя из того что он выявил при описании того события, на которое он ссылается. Здесь и возникают множество парадигм социального развития, исходя из которой, решения всех спикеров верны, потому что найдено обоснование его слов в истории.

Таким образом, на данном этапе мы сталкиваемся с проблемами сравнения прошлого и настоящего, исходя из которой нам ещё необходимо выяснить, возможно ли вообще, исходя из описания прошлого, описать настоящее и понять, как нам действовать в определённых условиях. Также возникает проблема предвзятости, ибо, во-первых, описывая через современность прошлое, мы не сможем описать настоящее, а во-вторых, так мы можем по итогу создать множество обоснование к совершенно противоположным описательным системам и решениям, ибо «мы нашли таковое в истории».

Четвёртый этап – проверка знания на практике. Этим пунктом обосновывается явление «идеологии» как знание в его прагматичном аспекте. «Идеология», если она действительно верна, должна помочь нам в решении различных насущных социально-политических проблем. На основе определённой парадигмы рассмотрения социума политик принимает те или иные решения, и если по итогу принимаемые решения пошли во вред обществу, то и от идеологии стоит отказаться, или переработать её.

И тут возникает вопрос о критериях оценки решений, созданных на основе принятой политиком «идеологии». Ведь критерии оценки тоже формулируются «идеологией», её оценочным и описательным аспектом. Ведь именно идеология говорит нам о том, что необходимо делать, а выводится это как раз из оценки того что нужно обществу и как этого достичь. Таким образом, для оценки тех или иных решений, нам необходима некая «метаидеология», иначе все это сведётся к вопросу об интерпретации событий и решений.

Не стоит упускать тот момент, что проблемы нарратива не уходят, если мы описываем события настоящего. Мы все также используем те же методы, а значит и проблема «релятивизма» не уходит. Это приведёт к тому, что «идеологи», сформулировавшие разные взгляд на социальную реальность, за место обсуждения

вопросов проработки или переработки «идеологии», будут обсуждать то, как следует интерпретировать результаты решений тех или иных политических деятелей.

В данном пункте также стоит затронуть вопрос социально-этического аспекта «идеологии». Ведь для оценки результатов применённой на практике «идеологии», как я уже писал выше, нам нужны критерии, которые ещё необходимо сформулировать. Однако, как нам это сделать? Если мы затрагиваем вопрос реализации, то тут все сводится к проблеме интерпретации и нарратива. Но если мы говорим о вопросе выбора целей, то здесь остаётся непонятны причины выбора конкретных целей. Ведь если мы скажем, что наша цель – прийти к благополучию общества, то такое ответ будет крайне смутным. Необходимо детализировать ответ, дать понять, что значит «благополучие», от которого мы отталкиваемся при формулировке того что нужно сделать для достижения такого положения.

И тут возникают проблемы, ибо, если мы рассмотрим различные идеологии, то увидим, что их цели весьма различаются, понимание «благополучия» тоже. Одни высказываются за необходимость уничтожения «классового капиталистического» общества. Другие говорят о необходимостях различных форм свобод, об избирательной демократии и т.д. Третье озвучат мнение о необходимости постройки «монолитного коллективного» общества, где каждый знает своё место и четко выполняет свои функции в обществе. Достаточно лишь поверхностного рассмотрения различных идеологических систем, чтобы увидеть, что каждая из них стремится к разным вещам.

Здесь мы можем обнаружить, что в нынешнем социально-политическом дискурсе нет единого мнения касаемо социального «блага». Разные социально-этические системы приходят к разным выводам о том, что необходимо для общества. Исходя из этого наша оценка целей, преследуемых при реализации определённой «идеологической» программы, не может иметь под собой какого-то основания, достаточного для того, чтобы объявить те или цели «объективными» и «необходимыми».

Таким образом, можно сказать, что последний этап, «проверки» социального знания, не реализуем из-за проблем релятивизма, ибо встаёт вопрос нарратива тех событий и решений, которые мы оцениваем, и того, с какой этической системой мы подходим при оценке тех или иных решений.

Заключение

По итогу можно сказать, что «оптимистичный» подход к историческому знанию не даёт нам возможности для формирования общего социального знания, ибо здесь мы сталкиваемся с фундаментальными методологическими проблемами, из-за которых возникает общая проблема релятивизма социального знания. История, в нынешнем своём виде, не может выступать как основа для социального знания, ибо в самой исторической науке все ещё имеются те методологические проблемы, о которых писали Р. Барт и Х. Уайт. В дальнейших этапах формирования социального знания все также имеются серьёзные методологические проблемы, из-за которых мы не можем не доказать, не проверить определённое социальное знание, ибо здесь мы сталкиваемся с проблемами отношения истории и настоящего, нарратива принятых решений и современных событий, а также социально-этического аспекта «идеологии». Для решения этих проблем необходима дальнейшая работа над социальной и исторической методологией, дабы мы уже на основе полученных знаний будем иметь возможность воспользоваться ими для решения каких-либо социальных проблем.

Список литературы

1. Сергейцев Т., Куликов Д., Мостовой П. Идеология русской государственности. Континент Россия. 2-е издание, дополненное. СПб.: Питер, 2021. 848 с.
2. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2002. 528 с.
3. Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

УДК 130.122

Философские аспекты проблемы формирования традиционных ценностей

Кудашов Вячеслав Иванович
доктор философских наук, профессор.
Сибирский федеральный университет, кафедра философии;
Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
кафедра философии и социально-гуманитарных наук.
Красноярск, Россия.
vkudashov@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7009-8179

АННОТАЦИЯ Уважение к традиции не должно быть некритическим, иррациональным или механическим принятием неизменного содержания, отрицающего все происходящее в современной жизни. Как конструктивный элемент каждой культуры, традиция неизбежна в понимании настоящего и дающего видение будущего. Традиция всегда неоднократно реконструировалась в процессе интерпретации и отбора. Это не должно приводить к ценностному смешению традиционализма и национализма, к консервации общественного сознания и культуры. Некритическая оценка собственной культуры и традиции, основанная на представлении о культурном доминировании своей нации, неизбежно заканчивается политической изоляцией и экономической деградацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Культура, традиционные ценности, социальное развитие.

Основная причина обращения к проблеме традиционных ценностей связана с процессами глобализации и поисками некоего ориентира, благодаря которому различные культуры смогут сохранить свою самобытность и уникальность, политическую суверенность и экономическую самостоятельность. Понимание общих ценностей зависит от типа культуры, а точнее, от роли и места традиции в ней. Опыт современного мира убедительно показывает, что некоторые традиционные структуры очень органично вплетаются в ткань нынешней цивилизации. Подчас именно традиции позволяют человеку не потеряться, а приспособиться к быстрому изменению и новым рискованным изобретениям современной цивилизации. При этом ситуация с ценностными ориентациями в современном мире крайне сложна и динамична, а само понятие «традиционные ценности» является в достаточной степени собирательным, условным, абстрактным, чтобы претендовать на универсальность, и зависит от культуры. Это, по сути, культурные ценности традиционного общества.

Ценности упорядочивают действительность, вносят в ее осмысление оценочные моменты, соотнося явления и факты с неким идеалом. Традиционные ценности можно понимать с одной стороны как «вечные», т. е. практические не изменяемые формально ориентиры человеческой культуры вообще, с другой стороны, как специфические особенности наполнения общих ценностных категорий в разных культурах. Именно во втором значении формирование традиционных ценностей является достаточно подвижным и восприимчивым к влияниям извне, когда реакция на возможные попытки их трансформации может быть болезненной. В первом же значении, в котором традиционные ценности могут пониматься в общекультурном контексте, ценности могут выступать как стабилизирующий фактор.

Ключевая функция традиционных ценностей – транслирование знаний, накопленных поколениями. Они отражают отдельные культуры с их самобытностью и

специфичностью, где национально-этническая составляющая определяет весь уклад жизни с его обрядами, ритуалами, бытом, языком и искусством, проявляющимся в различных формах и видах народного творчества. Социально-культурный опыт дает возможность охватить понятием культурной традиции не только обычаи и социально стереотипизированные ценностные установки, но и смыслы, разделяемые большинством.

Под традицией понимают совокупность имманентных самой культуре закрепленных культурных форм, воспроизводимых социумом во времени. О традиции можно говорить применительно к какой-либо конкретно исторической общности, например, о христианской традиции, русской традиции, марксистско-ленинской традиции или либеральной традиции. Или можно говорить о традиции как о самом процессе и механизме общественного воспроизводства, исторически подвижном и изменчивом культурном континууме. Кроме того, традиция включает в себя не только ее явный уровень, в виде обычаев и институтов, но и скрытый уровень, заключающийся в воспроизводстве способов понимания мира и самой себя [2, с. 171]. Поэтому утверждать, что традиция исчезает из социума, абсурдно, ведь это означает, что воспроизводство культуры прекращено.

Анализ и сравнение современных культур, различных исторических культурных моделей приводит к критически уважительному отношению к прошлому, а также обращению к будущему. Происхождение слова «традиция» (лат. traditio) указывает на процесс передачи, доставку и поддержание ценностей, свойств, обычаев и принципов, форм, которые отмечают культурную идентичность отдельных лиц, групп, наций и человечества. В итальянском языке есть понятие, которое означает не того, кто передает, а кто предает, то есть один корень у слов «передатчик» и «предатель». Сама традиция заключает в себе возможность ее искажения. Понятие «традиция» с не только адекватно ухватывает смысл передачи любой интеллектуальной связи поколений, но и содержит в себе возможности тройного искажения: на уровне того, кто передает некоторые смыслы, на уровне того, кто воспринимает эту трансляцию, и самого содержания этой передачи [3, с. 16].

Традиция является важным и могущественным центром кристаллизации социального опыта. Как конструктивный элемент каждой культуры, как духовное наследие человечества, как «культурное родословная» каждого народа, традиция неизбежна в понимании настоящего и дающего видение будущего. Речь идет не о каком-то непоколебимо статичном духовном горизонте, потому что зародыш нового часто можно найти в самых смелых предчувствиях и предсказаниях прошлого, а ценность прошлого представлена в возможности его проекции в будущее. Традиция всегда неоднократно реконструировалась в процессе интерпретации и отбора. Члены одной нации в своем самоопределении и самостроительстве безусловно сохраняют, но также видоизменяют и неоднократно формируют свою традицию в процессе межпоколенческой передачи. При этом сохранение положительного культурного наследия, некоторых общепринятых традиционных элементов, определяющих культурную идентичность нации, не оспаривается. Однако это не означает, что уважение к традиции должно быть некритическим, иррациональным или механическим принятием неизменного содержания, отрицающего все происходящее в современной жизни. Будущее требует от настоящего момента критической оценки прошлого, как необходимое условие и метод приспособления традиционных элементов современным требованиям развития.

Когда мы сталкиваемся с недиалектической концепцией традиции, мы становимся свидетелями злоупотребления традиционализмом, приобретающего преимущественно негативный оттенок. Тогда современное понимание культуры становится полностью захваченным идеями прошлого, патриархального и

консервативного, основанного на мифах, предрассудках, устаревших идеологий и стереотипах. Как форма регресса и застоя в культуре, традиционализм противостоит всякому изменению или инновации, клеймя все то, что несет с собой сопутствующее звучание нового, иного. Провинциальный и архаичный дух все больше подавляет ценности современной культуры, когда исторические псевдоценности всплывают на поверхность, а регрессивные тенденции блокируют прогресс, уничтожая жизненные импульсы к любым изменениям.

Отношение к традиции можно связать с его искусным идеологическим и политическим инструментарием. Квазинациональное усиление под прикрытием традиции показало в целом ряде исторических прецедентов мощное средство защиты существующей политической системы. Лидеры такой системы обычно объясняют, что они являются заботливыми хранителями традиций, а также посланными Богом защитниками своей собственной культуры и нации. Некритическая оценка собственной культуры и традиции основана на представлении о культурном доминировании своей нации, которая приводит к развитию идей современного культурного национализма и неизбежно заканчивается политической изоляцией и экономической деградацией.

Сегодняшние политические ошибки, например, поддержка личной или коллективной деструктивной агрессии, тем более националистической, не должны оправдываться и поддерживаться апелляцией на традиционные ценности. Важность традиции следует оценивать в соответствии с современным пониманием культурных достижений и рисков. Например, важно учитывать соотношение традиции и модернизации. Значимые авторы, такие, как Э. Дюркгейм, М. Вебер, Г. Зиммель, Э. Гидденс осознавали важность традиции и показали разницу между традиционным и современным обществами. Соответственно традиция рассматривалась как несовместимая с модернизацией, поскольку с точки зрения общественного развития речь идет о весьма сложные отношения, в которых они переплетаются и смешиваются. Дискуссия о модернизации всегда включает отражение социальных изменений, указывая на весь спектр сложных причинно связанных направлений, ведущих от неразвитых, закрытых и традиционных обществ к развитым и открытым.

Однако в ценностном смысле недопустимо, чтобы понятие модернизации отождествляется с понятием социального прогресса. Антимодернистские и антиглобалистские предостережения не только указывают на деформации и патологии современного общественного развития – кризисы идентичности, мощные социальные конфликты, вызванные ростом социального неравенства, драмы беженцев и вынужденных мигрантов, пугающие последствия терроризма, рост насилия внутри одной нации и между нациями, – но и подчеркивают разрушение традиционной солидарности под давлением быстрой и бесстрастной жизни в больших городах. Если к этому добавить различный опыт в переживании процессов модернизации, который может быть очень болезненным, особенно в неразвитых обществах, то причины и последствия сопротивления этим процессам становятся более заметными.

В некоторых странах, особенно в странах, затронутых переходными изменениями, вопрос о соотношении традиции и модернизации нередко принимает форму идейно-полемического дискурса, который в конечном итоге сводится к ложной альтернативе между сохранением местных традиций и культурной самобытности, с одной стороны, либо утопии региональной и глобальной интеграции, с другой. Также делается вывод об исключительности выбора между националистом и космополитом, по принципу tertium non datum, «иного не дано». Представленная таким образом дилемма создает ложное впечатление о невозможности дать адекватный ответ на вопрос о вызовах современности и модернизации без радикального разрыва с

собственной традицией. Такого рода мнение можно встретить у людей, которые не делают различия между традицией и традиционализмом и таким образом стали пленниками своих предубеждений. Иллюзорные попытки дистанцироваться от модернизации, чтобы сохранить личную идентичность и традицию, обречены. Они могут привести лишь к ценностному смешению традиционализма и национализма, с манипулятивным припоминанием «духов прошлого», а также к консервации общественного сознания и культуры.

В опасливом отношении к изменениям и противодействии переменам скрывается неспособность к ним приспособиться, боязнь нового и неизвестного, а это очень частые причины, создающие трудности, а иногда и препятствующие общественному прогрессу. Поэтому необходимо усиливать процессы координации традиции и модернизации, выявляя, как традиционные элементы могут включаться и приспосабливаться к требованиям и потребностям современного развития. Все это можно было бы сделать, если бы был найден адекватный способ преодоления традиционных ошибок, которые могут стать помехой в дальнейшем социальном развитии.

Заключение

Традиционные ценности выполняют многие функции, главной из которых является сохранение национально-культурного ядра любой культуры и предохранение его от качественных деформаций. Но при этом традиционные ценности как правило, консервативны, и часто искусственно поддерживаются даже вопреки тому, что их сущностное предназначение может терять свою актуальность в связи с глубинными трансформациями современного мира. Традиция – это преимущественно коллективное, групповое, а не индивидуальное осмысление социально-культурного опыта, но турбулентность современного мира изменяет ориентации традиционных ценностей. Главной ценностью становится сам человек с его неповторимой судьбой и индивидуальными ценностями, актуализируются слова Н.А. Бердяева о том, что, когда «духовная культура задавлена, становится вопрос даже не о ценностях, творимых человеком, а о ценности самого человека» [1, с. 473]. Ценности сегодня должны становиться все более универсальными, сосредотачиваясь на личности, а не на социальных группах, интересы которых стоят над человеком. Смысл традиции – сберечь человеческое в человеке, а не транслировать отчужденные от него абстрактные принципы.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. Судьба России. М.: Сварог и К, 1997. 540 с.
2. Илларионов Г.А., Кудашов В.И. Гуманизм, посттрадиционность и секуляризм как три основания современного нарциссизма // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 2–1. С. 164–179.
3. Яркова Е.Н., Черникова И.В., Диев В.С., Закс Л.А., Кудашов В.И., Дягилева Т.В., Михайлов И.С. Философские традиции российских регионов: прошлое, настоящее, будущее // Философская мысль. 2022. № 7. С. 1–20.

УДК 930

История в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо»

Макарчук Иван Юрьевич
кандидат юридических наук.
Сибирский федеральный университет,
кафедра философии.
Красноярск, Россия.
imakarchuk@sfu-kras.ru
ORCID ID: 0000-0003-2632-2772

АННОТАЦИЯ «Красное колесо» посвящено значимому историческому периоду – истокам и развитию Февральской революции 1917 года. В данном произведении А.И. Солженицыну удалось с помощью художественно-исследовательского подхода представить историю русской революции. Ранее на таком высоком художественно-исследовательском уровне панорама жизни России и исторических событий, происходивших в конце XIX – начале XX века не описывалась. Закономерным образом исследователи квалифицируют «Красное Колесо» в качестве творческого литературного феномена во всей историко-литературной перспективе русской литературы XX века, определяя его как одно из самых сложных произведений русской литературы, как самое объемное (четыреста авторских листов) в мировой и отечественной литературе, как знаковое и новаторское произведение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА А.И. Солженицын, «Красное Колесо», история.

В эпопее «Красное Колесо» история позиционирована как результат взаимодействия потаенной Божьей воли (Замысел, Провидение) и свободных человеческих усилий (Случай) [1, с. 18; 2, с. 388–389; 5, с. 63; 17, с. 3]. М.М. Голубков и Е.В. Жуйкова полагают, что согласно взглядам писателя все события, кардинально поменявшие русскую историю, случились не без Божьего промысла [3, с. 260–261; 4, с. 64]. В такой системе координат, писатель, в понимании А.С. Немзера, идентифицирует революцию как «бунт против Бога», направленный на «низвержение и унижение свободного человека, созданного по образу и подобию Божьему <…>. Закономерным образом противостоять ей могут люди, сохранившие нравственные начала, хранящие верность долгу и высшим заветам, отличающие добро и зло в христианском понимании [6, с. 19].

Далее рассмотрим, как история представлена в произведении через мысли и высказывания ее действующих лиц.

В повествовании история позиционируется как сложно-петлистый процесс [14, с. 310], и, несмотря на то, что «об исторических событиях легко читать как о готовых», в ходе их трудно выработать даже простейший план действий. Более того, события могут принимать угрожающий оборот и решающий момент становится упущенным [8, с. 567], а «чудес не бывает ни в природе, ни в истории» [10, с. 507]. В этом состоит сила и непредсказуемость стихийности рокового хода – самого неизученного исторического явления [9, с. 165]. Поэтому о каждом историческом событии, правильной модели поведения мы легко судим постфактум, но «в происходящем сейчас – никак не увидишь правильного пути» [12, с. 300]. Не стоит забывать, что в истории наиболее «трудные линии действий – по лезвию, между двух бездн, сохраняя равновесие, чтобы не свалиться ни в ту, ни в другую сторону. Но они же – и самые верные: между двумя революциями, между двумя враждующими массами, между двумя посредственностями и пошлостями». При этом история как будто ждала начала XX века – этого

человеческого отсчета, чтобы положить начало социальным волнениям и террору [15, с. 178].

В понимании П.И. Варсоньева история недоступна к рациональному управлению, поскольку «у нее своя органическая, а для нас, может быть, непостижимая ткань». В этом смысле историю можно сравнить с деревом, а разум с топором, угрожающим росту дерева. Историю можно представить и как реку со своими неизменными законами течений, поворотов и завихрений. И желающие изменить ее русло не учитывают, что установленный ход реки, ее струю прервать нельзя. Ломка реки в историческом измерении будет уничтожением связи поколений, социальных институтов, традиций и обычаев [14, с. 374].

Делателям истории не стоит думать, что история творится помимо нас, напротив она задается нами, поэтому недопустимо быть бездеятельным, когда действуют другие [8, с. 545]. Л.Д. Троцкий, напротив, считал, что и в исторической запоздалости есть привилегия: первая вынуждает более быстрыми темпами усваивать имеющееся, форсируя второстепенное, поскольку неравномерность является законом истории [13, с. 512].

При этом некоторые герои эпопеи полагали, что история делается не широкими массами, а сплоченным, уверенным и способным меньшинством [16, с. 275, 334, 498] и не на митингах [13, с. 556], «разновременные и разнонаправленные усилия», которых со временем «складываются в единое движение Истории» [7, с. 299], залогом победы которого является вовлечение всего фронта нации [13, с. 144]. Тем не менее «без личностей не может быть истории» [15, с. 184], а усилий одного человека недостаточно для свершения исторических поворотов [16, с. 91], здесь действенны только прямые и ясные действия [7, с. 40], выполняемые в рамках общей неустанной и самоотверженной работы [11, с. 583].

Инженер И.И. Ободовский выражал схожую мысль о том, что исторические пути гораздо сложней, чем может показаться при поверхностном приближении. Когда родная страна попадает в беду становится необходимым бесповоротно решить «ты действительно ей принадлежишь душой?». При положительном ответе следует в полной мере «включиться в терпеливый процесс истории» посредством работы, убеждения и медленного изменения ситуации в лучшую сторону [15, с. 448]. Аналогичным образом рассуждал и Г.М. Воротынцев: чтобы делать историю надо быть последовательным, системным и делать все возможное на отведенном участке общественной жизни. Именно так «идет история» [7, с. 422].

Некогда зародившееся и усиливающееся с годами противостояние общества и власти, выражающееся в «роковом недоверии, озлоблении, ненависти <…> разгоняли и несли Россию в бездну». Прискорбным здесь представляется то, что невозможно доподлинно установить от какого момента это началось, кто именно запустил эти процессы? Обречен на историческую ошибку тот, кто будет предлагать однозначные и точные решения [16, с. 66]. Такой взгляд сочетается с позицией профессора истории О.О. Андозерской о том, что историю не следует отождествлять с политикой, где широко распространены разговоры и уловки. Материалом истории являются не взгляды, но источники, а «выводы – какие сложатся, хоть и против нас» [15, с. 420].

Заключение

Таким образом, с учетом исследовательских позиций и содержания эпопеи можно заключить, что в смысловом пространстве эпопеи «Красное Колесо» наглядно продемонстрирован исторический процесс в динамике, а моментом запуска любого исторически значимого события является точкой пересечения человеческой и божественной воли. Причины описываемого в произведении исторического

катаклизма – революции кроются в отдалении человека от Бога, отрицании роли предначертания Божественного промысла, предании забвению Божьего имени и оставлении страны в омуте революции, отказе от признания над собой высшей силы, утверждение человека в качестве конечной цели существования Вселенной, игнорировании факта конечности земного пути и необходимости соизмерения своих поступков с Божественным началом, другими словами причина исторических трагедий кроется в человеческой природе.

Список литературы

1. Геллер М.Я. Вчера и сегодня в «Красном колесе» А. Солженицына // Обозрение. 1985. № 17. С. 11–19.
2. Герасимова Л.Е. Духовная основа современных споров о Солженицыне // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2015. № 9. С. 376–389.
3. Голубков М.М. О литературе социалистического реализма // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс): Сборник статей. М.: ИНИОН РАН, 2001. С. 245–262.
4. Голубков М.М., Жуйкова Е.В. Мистика vs рацио: первая мировая война как объект исследования в эпопее А.И. Солженицына «Красное Колесо» // Литературоведческий журнал. 2018. № 43. С. 50–67.
5. Калашникова С.М. Историософия монаршей власти в «Красном Колесе» А.И. Солженицына // Научная мысль Кавказа. 2007. № 4 (52). С. 62–66.
6. Немзер А. «Красное Колесо» Александра Солженицына. Опыт прочтения. М.: Litres, 2020. 368 с.
7. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 10. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Книга 2. М.: Время, 2007. 592 с.
8. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 11. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 1. М.: Время, 2008. 744 с.
9. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 12. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 2. М.: Время, 2010. 800 с.
10. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 13. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 3. М.: Время, 2008. 776 с.
11. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 14. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел III: Март Семнадцатого. Книга 4. М.: Время, 2008. 736 с.
12. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 15. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел IV: Апрель Семнадцатого. Книга 1. М.: Время, 2010. 624 с.
13. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 16. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел IV: Апрель Семнадцатого. Книга 2. М.: Время, 2010. 792 с.
14. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 7. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 1. М.: Время, 2007. 432 с.
15. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 8. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел I: Август Четырнадцатого. Книга 2. М.: Время, 2006. 536 с.
16. Солженицын А.И. Собрание сочинений в 30 т. Т. 9. Красное Колесо: Повествованье в отмеренных сроках. Узел II: Октябрь Шестнадцатого. Книга 1. М.: Время, 2007. 512 с.
17. Шешунова С. Колесо и крест // Посев. 2003. № 12. С. 3–6.

УДК 177

Универсальные и традиционные ценности в обыденном сознании

Мосиенко Михаил Константинович
Кандидат философских наук, доцент.
Сибирский федеральный университет,
кафедра философии.
Красноярск, Россия.
mmk1100@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-6090-0340

АННОТАЦИЯ Традиционные ценности относятся к универсальным ценностям как часть к целому. Универсальные ценности возникли в отдалённом эволюционном прошлом и являются опытом успешного коллективного выживания. Они являются вневременными, внеклассовыми и транс-культурными вследствие схожести раннего социального опыта разных групп людей. Традиционные ценности обладают теми же качествами, что универсальные. Этическая жизнь общества является частично трендовой, т.е. представленной сменяющимися тенденциями, акцентами в общественной морали. В общественном сознании никогда не проявлены отчётливо одновременно все универсальные ценности – только ценности текущего тренда, они и будут называться в данной исторической ситуации традиционными. Они представлены в обыденном сознании не в чистом абстрактном виде, а через призму нравов, т.е. обрамлены преобладающими темами и ассоциациями текущего исторического момента, будучи таким образом конкретизированы до своего частного проявления в этике общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этика, мораль, традиционные ценности, универсальные ценности, обыденное сознание, смысл, массовая культура

В настоящее время в обществе происходят значительные изменения, связанные с отношением к традиционным ценностям и культурным нормам [4, с. 85]. Одним из фундаментальных вопросов, которые возникают в этом контексте, является вопрос о том, как традиционные ценности репрезентируются в обыденном сознании.

Социальные науки изучают многие аспекты общества, включая обыденную жизнь, но недостаточно исследовали, как обыденное сознание воспринимает традиционные ценности [5, с. 100; 6, с. 77]. Традиционные ценности являются важными элементами культурного наследия общества и могут иметь значительное влияние на индивидуальное и коллективное поведение [9, с. 60].

В этой статье мы попытаемся проанализировать, как традиционные ценности репрезентируются в обыденном сознании. Одним из ключевых факторов, определяющих репрезентацию традиционных ценностей в обыденном сознании, является социокультурный контекст [10, с. 206]. Обыденное сознание формируется в процессе социализации и взаимодействия с окружающим миром. Культурные нормы и ценности, которые преобладают в обществе, влияют на то, как люди воспринимают и интерпретируют мир вокруг себя.

С другой стороны, обыденное сознание может также повлиять на то, как люди воспринимают и интерпретируют традиционные ценности. Например, люди могут придавать большее значение определенным ценностям или оценивать их по-разному в зависимости от своего жизненного опыта и контекста.

Теория социального конструкционизма также может помочь в объяснении репрезентации традиционных ценностей в обыденном сознании. Согласно этой теории, социальная реальность не существует независимо от того, как она интерпретируется людьми. Люди конструируют смыслы и интерпретации на основе

социальных и культурных контекстов, в которых они находятся [8, с. 71]. Таким образом, традиционные ценности могут быть репрезентированы в обыденном сознании на основе социальных и культурных контекстов, которые формируют смыслы и интерпретации.

Следует отметить, что репрезентация традиционных ценностей в обыденном сознании может быть изменчивой и зависеть от многих факторов, включая социальный и культурный контекст, личный опыт и контакт с другими культурами. Кроме того, репрезентация традиционных ценностей может быть объектом манипуляции со стороны политических и культурных элит, что может повлиять на то, как люди воспринимают эти ценности.

Прежде, чем переходить к вопросу о конкретном содержании традиционных ценностях, определим, что мы дальше будем понимать под ценностями вообще. Ценности – это культурно-универсальные маяки, со светом которых человек сверяет направление своей жизни. Ценности всегда коллективны и архаичны. Они не могут быть созданы, отменены или модифицированы индивидуально, они могут только постепенно созреть в очень отдалённом эволюционном прошлом на почве опыта социальной группы.

Универсальными для разных культур ценности стали вследствие значительной внутренней схожести опыта коллективной жизни многих людей. Внешние условия, создающие декорации жизни группы, влияют на окраску ценностей, так называемый «национальный колорит» [7, с. 397; 1, с. 40; 2, с. 144], но не затрагивают экзистенциальное ядро ценностей: дружба остаётся дружбой в средневековой Франции и в современном Вьетнаме, свобода притягательна для музыканта и для корпоративного служащего и т.п. Остановимся ещё раз на этом важном для дальнейшего рассуждения моменте: ценности внеклассовы, транс-культурны и вневременны, т.е. универсальны.

Универсальность ценностей или их относительность – это предмет давней философской дискуссии. Отметим, что, на наш взгляд, этический релятивизм преуспел скорее не в отрицании самой универсальной природы ценностей, а в подчёркивании того, как акцентируются в социальной группе те или иные из них, в зависимости от исторической ситуации. Мы считаем это верным наблюдением, выводить из которого следствие о релятивности самого набора ценностей кажется нам чрезмерным.

Мы исходим из того, что набор духовных ценностей универсален, но те или иные из них могут не иметь преобладающей значимости в конкретном обществе, оставаясь на периферии общественного сознания: про них помнят и некоторых людей они притягивают, но это не массовое явление и массовая культура в целом к таким «теневым» ценностям индифферентна, поскольку преобладают другие ценности.

В то время, как ценности универсальны, коллективны и архаичны, смыслы, напротив, являются частными, индивидуальными и современными. Смыслы являются конкретизацией более общих по отношению к ним ценностей и представляют собой конкретные шаги в направлении ценностей, которые сами по себе недостижимы как реальное положение дел, но могут переживаться как верное направление или отклонение от него.

Ощущая связь с универсальными ценностями через личные смыслы, люди переживают полноту жизни, значимость того, что происходит. Теряя связь с универсальными ценностями из-за потери личных смыслов, люди переживают апатию, чувство опустошённости, деперсонализацию, отчуждение [3, с. 78]. Без причастности к ценностям человек теряет волю к жизни – это выражается как в том, что ему трудно совершать волевое усилие, так и в том, что не появляется усилий спонтанных, исчезают или ослабевают желания.

Универсальные ценности существуют не как статичные объекты, а как тенденции. Подобно научной, эстетической или любой другой моде, существует этическая мода – преобладающие нравы и настроения, которые могут длиться веками. Традиционными ценностями называют наиболее устойчивые тренды. Как правило, к ним относят наиболее витальные, «земные» ценности: семью, богатство, здоровье [10, с. 205]. Под традиционными ценностями мы понимает не публично декларируемые ценности (которые ни в какой исторической ситуации не будут сводиться к узкому спектру традиционных, а всегда будут представлены широкой палитрой универсальных ценностей), а ценности, направляющие фактическое поведение людей. Влияние таких ценностей можно проследить по той части жизненной траектории человека, которая больше всего связана с его сознательными усилиями.

Заключение

Таким образом, традиционные ценности более наблюдаемы по сравнению с универсальными. Во-первых, их меньше, а во-вторых, они всегда биографичны в том смысле, что они оставляют видимый след из последствий поведения человека. И универсальные, и традиционные ценности могут быть представлены в сознании человека, но традиционные с необходимостью (а универсальные с вероятностью) повлияют на поведение в самых наблюдаемых его аспектах – определят хотя бы в общих чертах, что человек сделает в направлении значимых жизненных событий.

Этическая жизнь общества является частично трендовой. Устойчивую часть представляют универсальные ценности, подвижную часть – традиционные. В общественной жизни чередуются устойчивые инерционные тенденции массовой и субкультур, внутри которых в свою очередь сменяются тренды традиционных ценностей. Другие тренды – это, например, уникальные новые ценности контр- и масс-культуры, философские и религиозные, а также политические ценностные конструкты.

Универсальные и традиционные ценности представлены в обыденном сознании через призму нравов. Нравы являются конкретной формой существования традиционных ценностей. Они предают им окраску «сегодняшнего дня», облекая в языковую, тематическую и художественную форму, соответствующую конкретной ситуации проявления этих ценностей. Под конкретной ситуацией понимаются обстоятельства существования данной социальной группы, в которой бытуют эти ценности: историческая эпоха, социальное положение, принадлежность к конкретной культуре и язык.

Список литературы

1. Анисимова С.А. Национальные ценности как основа сохранения семейных традиций // Роль семьи как социального института в патриотическом воспитании подрастающего поколения: сборник материалов XIII Международного конгресса. Клин, 2017. С. 36–50.
2. Дряхлов Н.И., Давыденко В.А. Социокультурные ценности россиян // Социологические исследования. 1997. № 7. С. 143–149.
3. Замалиева С.А. Философско-антропологические основания логотерапии // Этносоциум и межнациональная культура. 2010. № 1 (25). С. 77–81.
4. Котлярова В.В. Традиционные ценности в современной культуре // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2010. № 1 (5). С. 84–86.
5. Макарова М.Н. Репрезентация «Традиционных ценностей» в российском политико-публичном поле (на примере дискурс-анализа семейных ценностей) // Вестник Пермского

национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2021. № 3. С. 96–109.
6. Мчедлова Е.М. Исследование традиционных ценностей в регионах // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 76–79.
7. Сысоева О.Н., Шитова Е.С. Специфика традиционных ценностей русского общества // Современные научные исследования и разработки. 2016. № 3 (3). С. 397–399.
8. Теплова Е.Ф. Современная молодёжь и традиционные ценности // Этнодиалоги. 2019. № 1 (57). С. 68–74.
9. Трухан А.В. Общечеловеческое значение сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей русской цивилизации: интерпретация в идеократической парадигме мысли // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. Т. 9. № 3. С. 57–64.
10. Якушев П.А. Понятие, сущность, признаки и регулирующие свойства традиционных ценностей // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 2 (43). С. 205–209.

УДК: 39; 323.1; 316.4

Этническая традиция в миросистемном анализе и геополитической теории

Персидская Ольга Алексеевна
Институт философии и права СО РАН,
отдел социальных и правовых исследований.
Новосибирск, Россия.
olga_alekseevna@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6821-4692

АННОТАЦИЯ Рассмотрены основания концепции этничности, заложенные в геополитической теории и миросистемном подходе. Показано, что геополитическая теория привносит в рассмотрение этнической проблематики статусные отношения и переменную легитимности. Миросистемный анализ ставит этничность в зависимость от сложной системы разделения труда, границы которой выходят за рамки этнического сообщества и подкрепляются институционально. Синтез геополитической и миросистемной школ позволяет фиксировать одновременно факторы подвижности и стабильности этничности в целом и этнической традиции в частности, а также акцентировать роль конкретных институциональных механизмов, которые поддерживают традиционные этнические иерархии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Геополитическая теория, миросистемный анализ, традиция, этническая традиция, этничность, культура.

Направление академической мысли, связанное с исследованием этнической традиции, достаточно обширно и развито как теоретически, так и с точки зрения накопленного в практических работах эмпирического багажа. Намечая контуры этого направления, следует сказать о бережном и тщательном сохранении культурного наследия этнических групп этнографами, смелых попытках переопределения роли традиции в современном обществе, осуществляемом социологами и этносоциологами, глубоких концептуальных обобщениях, связанных с определением смысла и функции этнической традиции, предлагаемых социальными философами.

В наиболее распространенных подходах к определению традиции (и в том числе этнической традиции) подчеркивается ее значимость для сохранения и передачи социокультурного опыта, регуляции деятельности носителей культуры (как отдельных индивидов, так и на уровне социальных групп), обеспечении отличительности культурной общности от других, ее внутренней солидаризации [см., например, 7]. В активно цитируемой работе Э. Гидденса «Ускользающий мир» отмечаются кризисные тенденции традиции: в современном мире она часто, по мнению английского социолога, превращается в китч и коммерческое предприятие из-за того, что теряет связи с опытом повседневной жизни [2]. Задача органического включения традиции в процессы жизнедеятельности общества за счет ее осовременивания также ставится. Исследователи говорят о неотрадиции, которая изменяет «аутентичную традицию» в ответ на вызовы современности и дает новый жизненный импульс традиционному поведению: так как «Возможны … ситуации, когда реальная традиция может искажаться и прерываться, и ее целостное восстановление не всегда бывает успешным», то «воспроизведение традиции осуществляется уже в виде неотрадиции, обновленной традиции и осуществляется при участии новации (инновации)» [5, с. 28–29].

В то же время, признавая значимость и глубину устоявшихся подходов к изучению этнической традиции и ее современных интерпретаций, отметим, что большинство из них выстроено с приоритетной опорой на рассмотрение эндогенных

процессов функционирования этнической группы. Мы имеем в виду, что фокус внимания исследователей направлен на те сложности и противоречия, которые испытывает конкретная этническая традиция в современном мире, на способы их преодоления, в целом – на механизмы воспроизводства этничности внутри группы. Видится, что подход, расширяющий рамку рассмотрения этнической традиции и делающий этническую группу не центром изучения, а лишь частью более широкой и сложной системы взаимодействий, мог бы быть интересен и эвристически значим.

Именно такую рамку задают геополитический и миросистемный подходы, которые полезно рассматривать не в отдельности, а в теоретико-методологическом синтезе, на возможность которого указывает А.А. Изгарская. Так, оба подхода имеют пересекающуюся онтологическую базу и схожую широту анализа, но миросистемный подход, сконцентрированный на динамике экономических отношений между странами ядра, периферии и полупериферии, ограничен тем, что не включает в область своего анализа процессы подъема и образования военно-политических центров и отношения силового господства и подчинения, в чем его успешно дополняет геополитическая теория [3, с. 89, 92, 98]. Синтез теорий, таким образом, позволяет выстраивать сложные системы, включающие экономические отношения, отношения власти и динамику господства и подчинения отдельных элементов систем.

Хотя, как известно, тематика, связанная с этничностью, не является центральной темой указанных подходов, анализ публикаций как основателей этих теорий, так и их современных последователей позволяет реконструировать как основания концепции этничности в рамках миросистемного анализа и геополитической теории, так и выявить роль этнической традиции в этой концепции.

Так, Р. Коллинз, относящийся к классикам геополитической школы, связывает престиж и этническую идентификацию: по его мнению, люди склонны присоединяться к наиболее статусным этническим группам, ассоциируя себя с ними; а привлекательность и легитимность доминирующей в государстве этнической группы (той, очевидно, которую обычно называют титульным этносом вне зависимости от того, доминирует ли она численно или с точки зрения объема сосредоточенной в руках ее представителей власти) зависит, в свою очередь, от престижа государства на международной арене [4]. Н.С. Розов, продолжая и развивая мысль Р. Коллинза, акцентирует роль этнических традиций и ритуалов для закрепления складывающейся системы: «Какие же ритуалы порождают и укрепляют этничность? Смело можно утверждать: ровно те, в которых своя этничность противопоставляется чужой. Здесь укрепляется солидарность среди тех, кто принадлежит одной группе, а также чувства отчужденности, отделенности в отношении остальных групп. Здесь же укрепляются общие картины мира (через фреймы), общие святыни и ценности (через символы), общие поведенческие стереотипы (“мы ведем себя так, а они – совсем иначе”)» [6]. Важно подчеркнуть, что ритуалы и традиции в геополитической теории зависят от поддерживающих их институциональных структур: «Традиции, подобно институтам, вырастают и убывают, а их судьба зависит от наличных структур, делающих релевантными определенные ранее полученные идеалы. Из многих возможных исходных моментов только некоторые могут впоследствии оставаться актуальными» [4, с. 186].

Миросистемный анализ вводит в поле рассмотрения проблематики, связанной с этничностью, экономические отношения. Так как И. Валлерстайн и Э. Балибар отчасти соглашаются с подходом, определяющим этническую группу как культурную общность, воспроизводимую посредством поведенческих матриц [1, с. 91], то можно сделать вывод, что этническая традиция, формирующая и закрепляющая эти матрицы, является важной категорией для понимания этнических процессов в миросистемном анализе. Однако особенность этого анализа состоит в том, что в нем этническая

традиция рассматривается как инструмент, позволяющий существовать глобальному неравенству, параметры которого задаются системой разделения труда. И. Валлерстайн раскрывает формирование границ этнического сообщества через особенности антиномии капитала и труда, лежащей в основе капиталистического способа производства. Центральная категория его анализа – домохозяйства (households), объединенные общей спецификой трудовой деятельности, за которую они могут получать меньшую оплату, чем это необходимо для воспроизводства труда. Соответственно, домохозяйствам приходится искать иные способы получения дохода; конфигурации способов получения основного и дополнительных доходов чаще всего похожи внутри определенных территорий. По Валлерстайну, границы этих объединенных общей системой труда домохозяйств совпадают с границами этнических групп [1, с. 99]. Модель отношений, складывающуюся в государстве между структурами, присваивающими прибавочную стоимость, произведенную на этнических территориях, и самими этими территориями с расположенными на них этническими домохозяйствами, в миросистемном анализе часто называют субимпериализмом. У.А. Данэвэй и Д.А. Клелланд подчеркивают обыденный и одновременно устойчивый характер отношений в рамках этой модели: «Наиболее распространенной формой субимпериализма является не применение военной силы, а скорее рутинное функционирование глобальных производственно-сбытовых цепочек, эксплуатирующих этнические сообщества» [8, p. 18]. Таким образом, в миросистемном анализе именно специфика производственной деятельности и ее оплаты выстраивает границы этнической группы.

Культура в целом и этническая традиция в частности, в свою очередь, то есть тот набор правил, которые родители передают своим детям, задают нормы и правила именно трудовых отношений, воспроизводя и укрепляя специфические для этнической группы виды трудовой деятельности. Соответственно, так как разным группам отводятся разные роли и функции в системах производства или торговли, групповые отличия усиливаются, что способствует этнической дифференциации [9; 10].

Заключение

Таким образом, трактовка этнической традиции, которая дается в геополитической теории, привносит в рассмотрение этнической проблематики статусные отношения и переменную легитимности. Кроме того, эта теория задает основания системы воспроизводства этничности, взятые как в объеме внутригосударственной организации, так и с точки зрения международных отношений. Как представляется, в геополитической традиции этническая идентичность и традиция рассматриваются более подвижными и субъективно конструируемыми категориями, чем в миросистемном анализе. За счет того, что миросистемный анализ ставит этничность в зависимость от сложной системы разделения труда, границы которой выходят за рамки этнического сообщества и подкрепляются институционально, он дает основание рассматривать этнические категории как гораздо более устойчивые. Таким образом, синтез геополитической и миросистемной школ позволяет фиксировать одновременно и факторы подвижности, и факторы стабильности этничности в целом и этнической традиции в частности.

Такой подход к пониманию этнической традиции, во-первых, задает сложную и специфическую систему рассмотрения проблематики этничности, и, во-вторых, позволяет избежать эпистемологической ловушки, связанной с соблазном наделить этническую традицию самодостаточным объяснительным потенциалом: нечто происходит, потому что такова традиция, и иначе не может быть. Геополитический и миросистемный подходы, таким образом, снимают возможность существования

концепций «несовместимости культур» или «традиционной этнической ненависти» и переносят акцент на выявление конкретных институциональных механизмов, которые поддерживают традиционные этнические иерархии.

Список литературы

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Изд-во «Логос», 2004. 288 с.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир. М.: Весь Мир, 2004. 120 с.
3. Изгарская А.А. Пространство социальных отношений в геополитическом и миросистемном измерениях: внешние и внутренние факторы динамики современной России. Новосибирск: Изд-во ФГБОУ ВПО «НГПУ», 2012. 250 с.
4. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. М.: УРСС, 2021. 504 с.
5. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Социокультурный неотрадиционализм: воспроизведение традиций и воспроизводство этничности // Новые исследования Тувы. 2010. № 2. С. 25–39.
6. Розов Н.С. К общей теории этнической динамики: геополитический престиж, роль институциональных элит и подкрепление габитусов в ритуалах / Общество и этнополитика: материалы Седьмой Международной научно-практической Интернет-конференции. Новосибирск: СибАГС, 2015. С. 18–27. URL: https://nrozov.nsu.ru/rpha/lib/rozov-ethnic-dynamics.htm (дата обращения: 8.06.2023).
7. Традиция // Новый философский словарь. URL: https://rus-new-philosophy.slovaronline.com/1238-ТРАДИЦИЯ (дата обращения: 08.06.2023).
8. Dunaway W.A., Clelland D.A. Challenging the Global Apartheid Model: A World-Systems Analysis // Journal of World-System Research. 2016. Vol. 22. Issue 1. Pp. 16–22.
9. Hall T.D. World-System and Evolution. An Appraisal // Journal of World-Systems Research. 1996. Vol. 7. No. 8. Pp. 1–43.
10. Sherratt A.G. What Would a Bronze-Age World System Look Like? Relations Between Temperate Europe and the Mediterranean in Later Prehistory. // Journal of European Archaeology. 1993. No. l. Pp. 1–57.

УДК 304.4; 930.1

«Культура отмены»: философские основания и роль в историческом познании

Сыров Василий Николаевич
доктор философских наук, профессор.
Томский государственный факультет,
кафедра онтологии, теории познания
и социальной философии философского факультета.
Томск, Россия.
narrat@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-5498-4610

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается возможное философское значение «культуры отмены» и перспективы ее применения в сфере исторического познания и исторической памяти. Утверждается, что философия может открыть перспективы исследований, которые в противном случае могли оказаться нереализованными. Также анализируются возможности «культуры отмены» в этической области. Утверждается, что «культуру отмены» следует рассматривать как симптом проявления более глубинных тенденций не только в сфере социальной критики, но и социальных отношений в целом, связанных с развитием цифровых технологий. Предполагается, что «культура отмены» может быть связана с процессами формирования исторической идентичности. В заключение обсуждаются перспективы и риски, связанные с распространением «культуры отмены» на данную область осмысления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Культура отмены, новая этика, историческое познание, коллективная память, историческая идентичность.

Как отмечает один из исследователей, «культура отмены – это форма публичного осуждения, инициированного в социальных сетях, чтобы лишить какую-либо персону ее обычного влияния или внимания с целью сделать публичный дискурс более расплывчатым и менее монополизированным теми, кто занимает привилегированное положение» [12, p. 1]. Как правило, актуализацию таких процедур большинство авторов связывают с развитием т.н. цифровой культуры или социальных сетей, и, как отмечают некоторые авторы, с появлением виртуального коллективного сознания. Особо указывают на роль т.н. «активистов» в инициировании данного процесса. По этому поводу Михаил Немцев отметил, что появляется «мир децентрализованных глобальных медиа, где очень быстро возникают информационные волны и контролировать их распространение невозможно. Зато они создают удобную основу для спонтанной со-организации массы активистов» [1, с. 257]. Стоит заметить, что молодежь является той основной питательной средой, где разворачиваются ключевые темы и проблемы, поднимаемые «культурой отмены». Журналист Эрнест Оуэнс замечает, что старшее поколение оказывается более затронутым критикой, чем несправедливостью, хотя он же указывает, что не стоит сводить «культуру отмены» к разнице возрастов [10]. Как правило, дискуссии разворачиваются вокруг т.н. публичных персон или продуктов их деятельности. По словам того же Оуэнса, «социальные медиа делают селебрити более доступными для своих поклонников, но одновременно и более уязвимыми» [Там же].

Уже тот относительно небольшой период развертывания «культуры отмены» позволил тем не менее исследователям сделать некоторые выводы. Понятно, что позиции разделяются «за» и «против». Сторонники одобрительного отношения к процедурам отмены полагают, что это совокупность действий, направленных на «публичное порицание кого-либо за предполагаемое или реальное социальное нарушение, которое не было должным образом устранено с помощью традиционных

каналов» [4]. Оппоненты полагают, что подобного рода действия слишком похожи на цензуру, подавляющую свободу слова, и тем самым несут угрозу сохранению этой базисной современной ценности. Достаточно распространенным является тезис, что грань между искренней заботой о социальной справедливости, негодованием и придирчивостью к чьему поведению является весьма тонкой [13, p. 4]. Вывод вполне правомерный, если учитывать столько короткое время действия культуры отмены.

Но, тем не менее, учет этих обстоятельств не отменяет возможности постановки вопроса о том вкладе, который может внести философия в обсуждение этой темы. Как представляется резонно отметить два аспекта, в которых она может обсуждаться. Прежде всего, речь может идти о тех возможных основаниях (эпистемологических, онтологических, антропологических аксиологических), на которые можно опереться в ее осмыслении. Этот подход предполагает установку, что сама по себе тема, конечно, к философии не имеет прямого отношения, но философия может открыть некоторые перспективы, которые в противном случае могли оказаться нереализованными. Так, если мы убеждены, что те или иные процессы могут двигаться только в одном направлении (линейно так сказать), то мы будем игнорировать свидетельства в пользу возможной реализации иных альтернатив общественной жизни, считая их несущественными.

Что касается второго аспекта, то он может быть связан с убеждением, что факт «культуры отмены» является или может являться толчком к обсуждению масштабных вопросов, прямо связанных с собственно философской проблематикой, а именно с этикой. По сути, в этом аспекте тема уже обсуждается [3]. Понятно, что от философии мы не ожидаем решения или предложений по решению тех или иных социальных проблем. Это дело собственно социальных теорий или социальных практик. Но предполагается, что философия может открыть нам более широкую перспективу в поиске таких практик и теорий или направлений их создания. Возможно, что в качестве аналогии возможной философской реакции можно воспользоваться размышлениями крупнейших мыслителей современности по поводу трагических событий 9 сентября [2]. Как отметил Михаил Рыклин, подводя итоги таким рассуждениям, «в деконструктивистском ключе Жак Деррида подмечает, что и на этот раз избыток утверждения не выдержал собственных последствий; через него фактически осуществляется нечто другое, что нам еще предстоит понять, готовым опытом чего мы не обладаем» [Там же].

Конечно, «культура отмены» в отличие от приведенного примера представляет собой не «сингулярное событие», а скорее процесс, который начинает затрагивать не только культуру западной цивилизации, но и другие регионы [12, p. 4–5]. Как пишет автор данной статьи «Культура отмены также достигла берегов Юго-Восточной Азии» [Там же]. Но, тем не менее, аналогия кажется вполне уместной. Возможно, конечно, что «культура отмены» стала очередным проявлением моды, которое исчезнет, как и другие явления моды, но, возможно, что мы присутствуем при зарождении процесса, который, в силу распространения цифровых технологий, будет приобретать глобальный характер и знаменовать зарождение некоторых новых механизмов социального взаимодействия. Рыклин, вслед за Дерридой прав, конечно, в том, что более глубинные последствия действия «культуры отмены» еще не выявились. Сова Минервы вылетает в сумерки. Но уже можно говорить о том, что приводимые авторами, как правило, журналистами, примеры стоит рассматривать как симптом более глубинных процессов. По этому поводу можно указать на характерное высказывание испанской исследовательницы Лауры Триго: «Хотя сам процесс отмены носит кратковременный характер, но гомофобия, трансфобия или гендерное насилие остаются распространенными в обществе [13, p. 12]. Если перевести тему в дискурсивную плоскость, то стоит отметить, что сам язык высказываний, как правило,

фиксируемый активистами и являющийся одним из основных объектов их деятельности, становится наиболее ярким бессознательным воплощением вышеописанных (да и иных морально осуждаемых) процессов. В этом плане действие «культуры отмены», во-первых, позволяет понять или иметь в виду некоторые важные моменты, во-первых, что все эти процессы имеют место не где-то там, а происходят в том числе и с нами, во-вторых, заставляют тем самым нас самих определиться по отношению к ним, а в-третьих, подталкивают к тому, чтобы просто обратить внимание на те стороны социального бытия, которые казались до этого естественными и само собой разумеющимися.

Вышеописанные обстоятельства заставляют сфокусировать внимание еще на одной стороне бросающихся в глаза процессов, а именно на возможных последствиях данных действий. Понятно, что ближайшие следствия уже бросаются в глаза. Вот почему одни авторы отмечают, что «легко изображать культуру отмены как форму травли» [10]. Цитируемый нами Оуэнс неоднократно подчеркивает, что культура отмены коренится не в критике персональных убеждений, что в отличие от травли, направленной на причинение преднамеренного вреда, «культура отмены» предполагает стимуляцию трансформационных изменений. Это не отрицание чего-либо или кого-либо, это выбор жизненного пути. Оппоненты «культуры отмены» в один голос предостерегают от угрозы подавления свободы высказывания и возрождения цензуры, а более масштабном плане, от перспективы разрушения культурных ценностей как таковых. «Это новый маккартизм “проснувшегося поколения”» по словам известного американского правоведа и политического комментатора Алана Дершовича [6].

Особо стоит обратить внимание на вопрос о времени происхождения «культуры отмены». «Культура отмены стара, как и сама культура. Каждое общество устанавливает границы допустимого», как полагает американский политолог и активист Норман Финкельштейн [7]. Альтернативным является тезис о новизне «культуры отмены», порожденной современными цифровыми технологиями. Представляется, что это не просто академическая дискуссия по поводу истоков и времени возникновения. Стоит скорее связать ее с характером общественного и исследовательского отношения. Можно, конечно, успокаивать себя тезисом о том, что нет ничего нового под солнцем и убеждением о монотонности воспроизведения одних и тех же социальных процессов, Но, с другой стороны, резонно полагать, что мы присутствуем при рождении весьма новых и оригинальных социально-культурных явлений.

Продолжая эту тему и переводя ее в плоскость предполагаемых последствий, возможно утверждать, что мы имеем дело с зарождением и распространением нового формата не столько социальной критики, сколько социальных отношений в целом. В свете дальнейшего развития цифровых технологий и перевода в данный формат многих традиционных видов социальных действий, резонно предположить, как отмечают исследователи, что более уместным становится говорить не о параллельном существовании двух видов реальности (обычной и виртуальной) и своеобразном бегстве индивидов в реальность виртуальную (как форме современного эскапизма), а о превращении цифровых технологий и всего, что с ними связано, в имманентную часть социальной реальности как таковой. Тогда логично предполагать, что активность в социальных сетях можно трактовать не в терминах «общества спектакля» или замещения т.н. реальных социальных практик созерцанием и переживанием у экрана монитора, а как действительную и даже доминирующую социальную практику. Резонно тогда допустить, что коллективные действия именно в сети будут приводить к блокировке тех или иных форм социальной жизни как таковой.

Надо сказать, что специфика и доступность современных технологий своеобразным образом возрождают публичность, об утрате которой столь много писали авторы, анализирующие эпоху позднего модерна. Более того, в контексте такой массовой доступности логично допустить возрождение дискурсов, оперирующих понятиями «народа», «народных масс», «учета мнения простых людей». Хотя опыт функционирования массовой или, как принято сейчас говорить, «популярной» культуры позволяет осознать, что общественная реакция, прочитанная как голос масс, может показаться совершенно неожиданной, особенно для тех, кто привык использовать этот достаточно архаический язык. Может оказаться, что массы будут говорить не так и не о том, в противовес ожиданиям интеллектуальных элит, поэтому стоит рассматривать дискурс «культуры отмены» помимо прочего, как толчок к росту рефлективности самих интеллектуалов по поводу еще одного переосмысления используемых ими языков описания. Если даже говорить о протесте как воплощении сущности массовых публичных практик, то может оказаться, что он скорее выполняет функцию сублимации в силу общей тревожности состояния современного индивида [5, p. 207], или, что, по сути, вытекает из предшествующего тезиса о протесте, осуществляемом ради протеста.

Что касается темы этики как возможного содержания философского интереса к «культуре отмены», то здесь резонно согласиться с Артемием Магуном о правомерности утверждения о «новой моральной чувствительности» или «новой моральной аллергии», а не о формировании «новой этики» [3]. Бесспорно, что любая хорошая метафора, а речь идет о «новой этике», призвана провоцировать мысль к открытию новых горизонтов, но это, скорее, тот случай, когда она остается лишь риторикой и не более того. Если перевести тему в скучный академический дискурс, то стоит отметить, что прорыв в этике, деонтологической, прежде всего, предполагал бы претензию на разработку новых моральных требований. Однако, в притязаниях сторонников «культуры отмены» речь не идет даже о новых объектах применения моральных требований, не говоря уже о перспективах выработки новых требований как таковых. Позиция Магуна сходна с позицией Михаила Немцева: «“Новой этики” не существует. Ибо в чём она состоит? В том, что снизилась терпимость к тому, что и раньше было нельзя, но вроде как можно, а теперь стало совсем нельзя? Этика имеет дело с нормами. Какие новые нормы предписывает “новая этика”?» [1, с. 260]. Ситуацию можно уподобить соотношению этики и прикладной этики, отмеченную в свое время Аласдером Макинтайром: «Рубрика “прикладная этика” …представляет собой барьер для понимания того, что действительно происходит. …Прикладная этика не только основана на заблуждении, но на таком, которое может оказывать пагубное влияние» [8, p. 61]. Поэтому, «когда этика и мораль правильно поняты, понятие прикладной этики теряет всякое значение» [Там же].

Оба автора (Магун и Немцев) считают, что т.н. «новая этика» является специфическим американским явлением, связанным с особенностями данной культурной традиции, поэтому, либо необходимо трактовать ее более как совокупность некоторых полезных культурных ритуалов, необходимых для нормальной повседневной жизни (Магун) либо разрабатывать свой аналитический аппарат и свой публичный политический язык, чтобы говорить о сходных проблемах (Немцев). Важный момент, на наш взгляд, заключается в их тезисе об учитывании особенностей социально-культурного контекста (американского в данном случае). Бесспорно, что многие аспекты «культуры отмены» будут просто не понятны без такого учета. Но возможно допустить и обратное. Если предположить, что как практика, так и сама идея «культуры отмены» могут быть, во-первых, импортированы, а, во-вторых, применены к осмыслению новых социально-культурных сфер, то возможно, что некоторая степень игнорирования такого контекста может оказаться

эвристически продуктивной. Так исследовательница из университета Огайо Ева Нг отмечает, что дискурсы отмены и сама «культура отмены» могут переплетаться с националистическими тенденциями, примером чего является их использование в Китае [9, p. 90]. О специфике использования «культуры отмены» в других регионах говорят и другие авторы [12, p. 4].

Что касается второго аспекта, то он может быть связан с возможностью переноса самой идеи «культуры отмены» в область коллективной памяти. Речь идет о процессах и процедурах формирования исторической идентичности, которые в свете общего распространения представлений об историчности социального бытия приобретают повышенную актуальность. Здесь, наверное, стоит отметить два момента. Первый так или иначе связан с сохранением ценности национальной идентичности, которая зачастую и по сей день связывается с этноцентристским видением социально-культурного мира. По этому поводу Йорн Рюзен особо указывает на связь определенных трактовок истории и этноцентристского видения социального мира: «Телеологическая непрерывность – вот господствующий концепт времени, что определяет идею истории в основных нарративах» [11, p. 122]. Более того, с его точки зрения, традиционный формат написания истории как последовательного и поступательного движения от происхождения своей жизненной формы, через ее изменения во времени, к настоящему и вытекающую них перспективу будущего фактически представляет собой темпорально расширенную версию всех тех элементов жизни, что конституируют данное сообщество [Там же].

Второй аспект, как нам кажется, можно увязать с теми ракурсами, которые тема истории, столь популярная в современной культуре, приобретает в общественном сознании. Несколько упрощенно, но, представляется, что, как правило, индивидам легче воспринимать историю как историю людей и событий, а не как историю структур и процессов. С одной стороны, такое восприятие прошлого делает именно его благоприятным для формирования (коллективной, как правило,) идентичности, поскольку людям легче отождествлять или видеть себя в привлекательном свете как продолжателей действий великих людей и великих событий. Но, с другой стороны, так воспринятое прошлое наиболее уязвимо для его мифологической зараженности и насыщенности моральными. а лучше сказать, морализаторскими аспектами, порождающими дискуссии об уместности применения современных моральных оценок к фигурам достаточно отдаленного прошлого.

Заключение

Нет нужды отстаивать тезис, что именно знаковые личности и их действия становятся приоритетными и наиболее доступными объектами для обсуждения и критики. Как заметил по этому поводу Дершовиц, попытки переписать историю проявляются в разрушении памятников, переименовании зданий и пересмотре значимости исторических персонажей, в послужном списке которых перемешано как положительное, так и отрицательное. «Почти никто из них не прошел тесты на чистоту, которые теперь требует культура отмены» [6]. Эти ситуации теперь также стали частью «культуры отмены». Поэтому, как отмечает Ева Нг, внимание к личностям и событиям может приводить к смещению внимания так сказать с глубины на поверхность, а именно к игнорированию структурных причин и форм выражения тех или иных осуждаемых явлений [9, p. 65]. Но, с другой стороны, как мы отмечали выше, они могут служить катализатором для более масштабного и глубинного осмысления процессов, выражением или символом, которым они являются [Там же, p. 140]. Возможно, что такая глубина и степень масштабности может проявиться в пересмотре, как ни парадоксально, не только притязаний исторической идентичности

на универсальность, но и самой ее самой ценности как предпочтительного формата идентичности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00465, https://rscf.ru/project/23-18-00465/.

Список литературы

1. Интервью Т.В. Левиной с М.Ю. Немцевым. Насколько уместна критика «новой этики» в современной России? // Историческая экспертиза. 2023. № 1 (34). С.256–265.
2. Рыклин М. Apocalypse now. Философия после 11 сентября // Отечественные записки. 2002. № 3 (4). URL: https://strana-oz.ru/2002/3/apocalypse-now-filosofiya-posle-11-sentyabrya (дата обращения: 06.06.2023).
3. Сысоев Т. Философ Артемий Магун: «Новая этика» – это не про культурность, а про «новую моральную аллергию», которая пришла к нам из США» // Культура. № 1 от 28 января 2021 года. URL: https://portal-kultura.ru/articles/world/331659-filosof-artemiy-magun-novaya-etika-eto-ne-pro-kulturnost-a-pro-novuyu-moralnuyu-allergiyu-kotoraya-p (дата обращения: 06.06.2023).
4. Appleman D. Literature and new Culture wars: Triggers, Cancel culture and Teacher's dilemma. W.W. Norton & Company, 2022. 192 p.
5. Bracken P.J. Trauma Culture, Meaning and Philosophy. Whurr Publishers Ltd, 2002. 258 p.
6. Dershowitz A. Cancel Culture: The Latest Attack on Free Speech and Due Process Hot Books, 2020. 168 p.
7. Finkelstein N. I'll Burn That Bridge When I Get to It! Heretical Thoughts on Identity Politics, Cancel Culture, and Academic Freedom. A Sublation Press Book, 2023. 544 p.
8. MacIntyre A. Does Applied Ethics rest on a Mistake? // Public reason and Applied Ethics: the Ways of Practical reason in Pluralistic Society / ed. by A. Cortina, D. Garsia-Marza, J. Conill. Ashgate Publishing, Ltd., 2008. P. 49–62.
9. Ng E. Cancel Culture. A Critical Analysis. Palgrave Macmillan, 2022. 153 p.
10. Owens E. The Case for Cancel Culture. How This Democratic Tool Works to Liberate Us. St. Martin's Press. 2023. 256 p.
11. Rüsen J. How to Overcome Ethnocentrism: Approaches to a Culture of Recognition by History in the Twenty-First Century // History and Theory. 2004. № 43(4). P. 118–129.
12. Velasco J. Ch. You are Cancelled: Virtual Collective Consciousness and the Emergence of Cancel Culture as Ideological Purging // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Human. 2020. V. 12. № 5. P. 1–7. URL: https://rupkatha.com/V12/n5/rioc1s21n2.pdf (дата обращения: 06.06.2023).
13. Trigo L.A. Cancel Culture: The Phenomenon, Online Communities and Open Letters // PopMeC Research Blog. Published 2020. Sept. 25. P. 1–13. URL: https:// https://popmec.hypotheses.org/3043 (дата обращения: 06.06.2023).

УДК 1:316.3:37.01

Социальное неравенство в современной миросистеме: к проблеме воспитания российской идентичности в рамках дисциплины «Основы российской государственности»

Хлыновская Софья Александровна
преподаватель-исследователь по специальности «история философии»,
магистр философии, учитель.
Общеобразовательная школа «Просвещение».
Новосибирск, Россия.
s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru
ORCID ID: 0000-0002-7117-0619

Изгарская Анна Анатольевна
доктор философских наук, ведущий научный сотрудник.
Институт Философии и права СО РАН,
отдел социальных и правовых исследований.
Новосибирск, Россия.
aizgarskaya@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-9313-0805

АННОТАЦИЯ В проекте программы новой вузовской дисциплины «Основы российской государственности» понятием «справедливость» обозначен один из четырех цивилизационных ориентиров российского цивилизационного развития. Однако отсутствие идеи социального равенства в программе делает идею справедливости невнятной по содержанию. На сегодняшний день требуется исследование механизмов формирования социального неравенства в соответствии с современным состоянием мировых процессов. Методологический инструментарий цивилизационного подхода являющегося основанием учебной дисциплины не соответствует решению данной задачи. Проблема социального неравенства рассмотрена с позиции миросистемного подхода.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Социальное неравенство, миросистемный анализ, разнообразие обществ, критерии определения места общества в миросистеме

Актуальность. Весна 2023 года для профессорско-преподавательского сообщества России ознаменовалась мероприятием федерального уровня. Централизовано и в три этапа прошла массовая подготовка преподавателей новой вузовской дисциплины – «Основы российской государственности». Дисциплина имеет ярко выраженную воспитательную направленность. Она нацелена, помимо прочего, на формирование у российского студенчества осознания «принадлежности к российскому обществу», развитие «чувства патриотизма и гражданственности», формирование «духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и цельной личности». Фундаментальными ценностями, принципами (константами) российской цивилизации обозначены «единство многообразия, сила и ответственность, согласие и сотрудничество, любовь и доверие, созидание и развитие». Важным является и то, что в документе, размещенном на Портале федеральных государственных образовательных стандартов, понятие «справедливость» включено в «ценностные ориентиры российского цивилизационного развития» (стабильность, миссия, ответственность, справедливость) и упоминается в этом ключе 7 раз. Обращает на себя внимание, что в отличие от других ценностей и ориентиров, перечень которых выглядит весьма произвольным, присутствие в программе «справедливости», как доставшегося современному россиянину от советского прошлого элемента габитуса,

смотрится вполне убедительно. В советской действительности справедливость постулировалась как системная ценность и была взаимосвязана с понятием «социальное равенство». «Справедливость» и «социальное равенство» – альфа и омега советской идеологии и задач развития. Однако «социальное равенство» не вошло в список современных ориентиров. В результате понятие «справедливости» в указанном Проекте оказывается невнятным по своему содержанию. Это бы не имело большого значения, если бы проблема социального неравенства для российского общества не стояла последние десятилетия так остро, как мы можем это наблюдать. К сожалению выбранный авторами Проекта цивилизационный подход не дает достаточных оснований для анализа причин и механизмов формирования социального неравенства между обществами и внутри обществ, поэтому обратимся к направлению в социальной науке, где такие основания присутствуют, а именно к миросистемному подходу.

«Потерянный ключ нужно искать не только под фонарем» – такой метафорой И. Валлерстайн объяснил недостаточность использования статистических данных для решения исследовательских вопросов [3, с. 80]. Действительно, вопросы возникают от столкновения с реальностью, а не от наличия у ученых тех или иных сведений. Социальное неравенство обнаруживает себя как реальность, но для его полноценного исследования часто оказывается недостаточно данных кем-то заботливо расположенных в «свете фонаря». Миросистемный анализ И. Валлерстайна, как отмечают многие авторы, может быть основанием для теоретического моделирования процессов глобального социального неравенства (см., например, [8, с. 132]). Однако в область «света фонаря», которым И. Валлерстайн «осветил» макросоциологию, понятие «социального неравенства» по какой-то причине не попало. В глоссарии, который И. Валлерстайн составил и определил как собрание своих трактовок ключевых понятий миросистемного анализа, понятие «социальное неравенство» отсутствует [3, с. 238–267]. Ответ на вопрос, почему в глоссарии отсутствует базовая категория подхода нам уже не получить. Вполне возможно это была случайность. Произведение И. Валлерстайна «Миросистемный анализ: введение» не может претендовать на обзор всех категорий и понятий миросистемного подхода. Попробуем взглянуть на «социальное неравенство» в свете миросистемного подхода.

Методология. Критикуя дисциплинарный подход к исследованиям общества, И. Валлерстайн сравнивал отдельные «ящиками», которые содержат лишь разрозненные части искомого знания и «существуют в нашем воображении, а не в реальном мире» [3, с. 44]. Нельзя понять содержимое одного ящика, игнорируя содержимое всех остальных. Миросистемный анализ обладает возможностями интегрировать знания. Попытки преодоление существующей разрозненности знаний на основе миросистемного анализа существуют и на уровне междисциплинарного подхода [17], и посредством наддисциплинарного синтеза [8]. Рассмотрим социальное неравенство с позиции миросистемного подхода, как базового знания, которое в дальнейшем позволит нам интегрировать и систематизировать знания с учетом различий сфер социально-исторического бытия [12] и социетальных уровней [19].

Результаты и обсуждение. В дискурсе социальных наук содержание категории «социального неравенства», под которой часто понимают неравномерное распределение социальных благ и привилегий в обществе, остается предметом острой полемики [4; 13]. Социальное неравенство часто понимается как результат специфической формы социальной стратификации, при которой отдельные индивиды, социальные группы, слои или классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии и обладают неравными возможностями удовлетворения своих материальных, социальных или духовных потребностей [10, с. 122]. Основная проблема такого представления о социальном неравенстве связана с тем, что, исходя из классических для социологии методологических установок,

неравенство определяется как отношение или структура, находящаяся в рамках национального государства. Поскольку миросистемный анализ отказывается от государства как от основной единицы анализа, данное определение социального неравенства должно быть нами отвергнуто. Понятие «социальное неравенство» и формирующие социальное неравенство механизмы должны быть переосмыслены и сформулированы в соответствии с базовыми идеями миросистемного подхода.

Осознание необходимости пересмотра содержания понятия «социальное неравенств» существует и за пределами миросистемного подхода. Например, М. Димитрова считает, что социальное неравенство, выраженное, прежде всего, в классовом контексте, больше не является зоной контроля отдельно взятого государства [5]. Б. Миланович критикует ряд подходов к определению уровня социального неравенства и предлагает измерять неравенство в глобальном выражении, как если бы все люди на планете были жителями одной страны. Он подчеркивает, что в центре внимания должен находиться любой индивидуум независимо от страны его проживания, но «со своим доходом» [9, с. 5]. По мнению американского социолога С. Сассен в современных обществах происходит трансформация, связанная с переходом современных обществ от центростремительного национального государства к центробежному умножению специализированных комплексов-систем, которые не могут быть отнесены только к глобальному или локальному уровню. Особенность подобных систем проявляется в том, что они «преобразуют и даже разрушают существующую архитектуру обществ, отменяя границы и трансформируя институциональные системы не только национальных государств, но и наднациональных образований» [8, p. 62]. По ее мнению, современное неравенство является системным и создается умножением специализированных комплексов, которые выходят за привычные рамки деления на «глобальное» и «локальное» [18, p. 68]. В какой-то мере подход С. Сассен совпадает с базовыми идеями миросистемной парадигмы.

Понятие «социальное неравенство» имплицитно присутствует в миросистемной концепции. Так, например, концепция «ядра–периферии» является теоретизацией отношений, результатом которых является постоянный поток прибавочной стоимости от производителей стран периферии к производителям и потребителям в странах ядра, что и получило название «неравный обмен», следствием которого является глобальное социальное неравенство [3, с. 93].

В миросистемном подходе фиксируется тот факт, что границы государств современного мира становятся все более «проницаемыми». И специализированными комплексами (в терминах С. Сассен), преобразующими «проницаемость» политических границ, являются товарные цепочки, имеющие такие звенья, как добыча ресурсов, производство, распределение, торговля, потребление, и связанные с ними механизмы распределения капитала, материальных и социальных благ. Обращает на себя внимание, что возможность индивида преодолевать политические границы зависит от положения его социальной группы в таких цепочках, являющимися механизмами передачи прибавочной стоимости из периферии миросистемы в ее ядро, и создающими основы для сетей неравного обмена. В своих работах представители миросистемного анализа подчеркивают, что «не неравенство между индивидами создает глобальное неравенство, но глобальное неравенство создает неравенство между индивидами этих стран» [14, p. 138].

В парадигме марксизма социальное неравенство связано с понятием «социального класса». Представители миросистемного подхода М. Бата и А. Бергсен вводят данную категорию в глобальную перспективу. При этом они не отрицают роль гражданства как социально-политической характеристики индивида, но усиливают роль надгосударственных и межгосударственных образований для расслоения

общества. Обладая всепроникающим характером «глобальная система действует как тотальность миросистемного порядка» и формирует социальное неравенство [Там же]. К. Чейз-Данн подчеркивает взаимосвязь глобального социального неравенства с расположением социальных групп в структурной иерархии миросистемы и неравенства групп внутри отдельных обществ [15, с. 10]. Следует отметить, что важную роль в закреплении социального неравенства в миросистеме имеет геокультура – идеология культурной гегемонии ядра, которая по мысли И. Валлерстайна, поддерживает существующий порядок за счёт убежденности подчиненных групп в его естественности [3, с. 32].

Важной для понимания механизма формирования социального неравенства в миросистеме является проблема критериев включения общества в поляризованную структуру «ядро-периферия». Критерии отнесения непостоянны, «подвижны» [1, с. 137]. Четко выделить критерий не представляется возможным. Однако поляризованность структуры «ядро-периферия» предполагает, что из всего набора экономических процессов некоторые будут сущностной характеристикой обществ ядра, другие – характеристиками периферии. Это не означает, что ядру и периферии будут свойственны в целом только какие-то конкретные процессы. Различие процессов означает то, что протекающие в ядре и периферии процессы будут иметь комплементарный характер, а их большее количество, разнообразие и, что особенно важно, соответствие высшим современным параметрам капиталистической системы будут наблюдаться в ядре. На периферии таких процессов будет меньше и их уровень будет гораздо ниже, что в литературе часто фиксируются как различные формы «псевдокапитализма». Как отмечали Т.К. Хопкинс и И. Валлерстайн еще на заре миросистемного подхода: «комплементарность идет рука об руку с неравенством» [16, p. 127]. Подчеркнем основную мысль, поскольку в миросистемном подходе отвергается предшествующая традиция деления на три области отношений (государство, рынок и общество) и предполагается их неразрывная связь, то и в остальном спектре социальных процессов следует выявить процессы, которые будут с наибольшей частотой встречаться или быть характерными для ядра или периферии.

Следует отметить существенное значение для понимания проблем социального неравенства в миросистемном подходе его экономо-центрированность. Экономические процессы детерминируют социальные процессы, поскольку экономическая необходимость диктует определенные паттерны для всех остальных сфер включенных в миросистему обществ [3, с. 89]. При этом экономические процессы являются частью всей совокупности социальных процессов в миросистеме и механизмы их функционирования не всегда совпадают с механизмами в других сферах (например, в политике, культуре) на уровне отдельных обществ. Поэтому включенность общества в миросистему на уровне полупериферии и периферии часто предполагает существенное отличие его культурных и политических паттернов от соответствующих паттернов ядра. Иными словами, ценности либерализма и демократии будут в большей мере реализовываться в ядре, но если для включения общества на уровне периферии необходимы будут средства реализации власти, свойственные тоталитаризму, то тоталитаризм станет характеристикой политического режима периферизируемого общества. Примером может быть Чили в эпоху А. Пиночета.

Следующей важной для понимания сущности механизмов социального неравенства является идея, достаточно четко высказанная Э. Баллибаром и И. Валлерстайном в совместной книге «Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности». «Подвижное» различение «центра» и «периферии» мир-экономики соответствует географическому и политико-культурному распределению стратегий эксплуатации. Валоризация капитала в мир-экономике подразумевает, что

практически все исторические формы эксплуатации будут использоваться синхронно: от самых «архаических» (неоплачиваемый труд детей на ковровых мануфактурах в Марокко или в Турции) до самых «современных» («перераспределение задач» в передовых компьютеризированных производствах), от самых насильственных (сельскохозяйственная каторга на сахарных плантациях Бразилии) до самых цивилизованных (коллективный договор, участие в прибыли, государственные профсоюзы и пр.) [1, с. 137]. Эти формы должны существовать раздельно, чтобы избежать формирования «двойственных обществ», в которых находящиеся на разных ступенях развития социальные блоки взаимодействовали бы конфликтным и катастрофическим образом [Там же].

Иными словами, «должны существовать» и «существуют» разные онтологические статусы в реальности.

Следует отметить и то, что формы эксплуатации в разных структурных областях миросистемы отличаются, но выгодоприобретатели от результата эксплуатации независимо от своего расположения в структуре миросистемы находятся на качественно ином от эксплуатируемых уровне. Политическая и экономическая элиты стран периферии по многим экономическим и социальным параметрам, по ценностным установкам ближе элитам стран ядра, нежели эксплуатируемым группам своего территориального образования. В связи с этим самым очевидным признаком социального неравенства является расслоение обществ и бедность низов. Данная проблема была поставлена в центр внимания мирового сообщества еще в середине XX в. Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки (ЭКЛА) на основе концепции «ядро-периферия» предложила механизмы борьбы с неравенством. Констатировалось, что бедность обусловлена глубинными факторами системы, которые не могут быть изменены традиционными приемами, например, «применив лишь новые формулы, …, достижения минимума потребления и благосостояния в обездоленных слоях общества» [11, с. 45].

Представители миросистемного подхода К. Чейз-Данн, А. Альварес, Ю. Ляо видят бедность не только как результат системных условий, но и как базовую причину других, закрепляемых системой, форм неравенства. Они пишут: «экономическая дифференциация общества на богатых и бедных (в условиях частной собственности) приводит к другим видами дифференциации или другим видам неравенства. Это нисколько не отменяет кардинального значения экономических отношений в обществе, но это заставляет рассматривать другие типы и виды неравенства, то есть другие виды бедности и богатства, что меняет категориальный статус этих понятий» [16, с. 114]. Важно подчеркнуть, статус богатого и бедного в миросистемном подходе рассматривается не просто в экономическом, но и в социальном, в культурном контекстах. В перспективе с позиции миросистемного подхода, используя понятия «социальный капитал» и «культурный капитал» П. Бурдье [2], можно обратиться к исследованию места различных форм неравенства в процессах формирования групповых (классовых) идентичностей.

Заключение

Социальное неравенство является системным результатом и необходимым условием развития капиталистической мир-экономики. Механизмы и формы социального неравенства многообразны и встроены в экономические, социальные и культурные процессы современного общества. В научном плане перед нами стоит задача построения общей объяснительной модели формирования социального неравенства. Ее решение выходит за рамки предметной области любой отдельно взятой общественной дисциплины и с необходимостью заставляет обращаться к междисциплинарному подходу или, следуя за идеями И. Валлерстайна, к

наддисциплинарному синтезу, для которого миросистемный анализ может предоставить онтологические и теоретико-методологические основания. Данную научную задачу нельзя назвать легкой, но задача воспитания патриотизма у молодого поколения в современных условиях выглядит еще сложнее, а без осознания проблемы социального неравенства она не имеет решения. Сегодня российское государство делает заказ на формирование в обществе единой идентичности, стремиться представить на международной арене проект отличный от диктуемого глобальными лидерами порядка. Но стоит ли предлагать и российской молодежи, и миру проект будущего, в котором проблема социального неравенства даже не поднимается? Проблемы социального равенства и справедливости должны быть включены в повестку дня, чтобы сегодняшняя молодежь могла найти путь к более эгалитарному обществу, а не стояла под «светом фонаря» консервативной политической идеологии.

Список литературы

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос. 2004. 288 с.
2. Бурдьё П. Формы капитала // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; Пер. М.С. Добряковой и др. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 516–536.
3. Валлерстайн А. Миросисетмный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. 247 с.
4. Викторов А.Ш. Категории социального неравенства: теоретический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 10. С. 34–40. DOI: 10.23672/SAE.2019.10.39004.
5. Димитрова М.И. Социальное неравенство сегодня или в чем устарела теория Маркса? // Свободная мысль. 2019. № 1. С. 39–47.
6. Изгарская А.А. Миросистемные основания наддисциплинарного синтеза: наброски к программе исследования динамики обществ на постсоветском пространстве // Дискурс. 2022. № 5. С. 28–41. DOI: 10.32603/2412-8562-2022-8-5-28-41.
7. Мартыненко Т.С. Концепции социального неравенства в западной социологии последней трети XX – начала XXI вв.: автореф. дис. … канд. соц. наук, М.: 2017. 30 с.
8. Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время: обзор. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 31 с.
9. Осипова Н.Г. Неравенство в эпоху глобализации: сущность, институты, региональная специфика и динамика // Вестник Московского Университета. 2014. № 2. С. 119–141.
10. Пребиш Р. Актуальные проблемы социально-экономического развития // Латинская Америка. 1977. № 6. С. 44–52.
11. Розов Н. С. Философия и теория истории. Кн. 1. Пролегомены. М.: Логос, 2002. 655 с.
12. Социальное неравенство в современном мире: новые формы и особенности их проявления в России. Научная монография / под общей редакцией Н. Г. Осиповой. М.: Перспектива, 2021. 276 с.
13. Bata M., Bergesen A. Global and National Inequality: Are They Connected? // Journal of World-Systems Research. 2002. № 1. P. 129–144. DOI: https://doi.org/10.5195/jwsr.2002.277.
14. Chase-Dunn C., Álvarez A., Liao Y. Waves of Structural Deglobalization: A World-Systems Perspective // Social Sciences. 2023. 12. P. 1–22. DOI: https://doi.org/10.3390/socsci12050301. URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/12/5/301 (дата обращения: 10.05.2023).
15. Hopkins T.K., Wallerstein I. Patterns of Development of the Modern World-System // Review (Fernand Braudel Center). 1977. Vol. 1. №. 2. P. 127–129. URL: https://www.jstor.org/stable/40240765 (дата обращения: 12.05.2023).
16. Manning P., Ravi S. Cross-Disciplinary Theory in Construction of a World-Historical Archive // J. of World-Historical Information. 2013. Vol. 1. № 1. P. 15–39. DOI: https://doi.org/10.5195/jwhi.2013.3.

17. Sassen S. Neither Global nor National: Novel Assemblages of Territory, Authority and Rights // Ethics & Global Politics. 2008. Vol. 1. № 1–2. P. 62–68. DOI: https://doi.org/10.3402/egp.v1i1.1814.
18. Turner J. Theoretical Principles of Sociology. Vol. 1. Macrodynamics. NY: Springer, 2010. DOI: 10.1007/978-1-4419-6228-7.

ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИБИРИ:

К 55-ЛЕТИЮ СИБИРСКОЙ ЭТНОСОЦИОЛОГИИ

УДК 314.07

Этнический капитал хакасского народа: динамика структуры идентичности в постсоветский период

Аксютин Юрий Михайлович
кандидат философских наук, доцент.
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова,
кафедра гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин.
Абакан, Россия.
aksutum@mail.ru
ORC ID: 0000-0001-5996-3686

АННОТАЦИЯ Статья посвящена характеристике особенностей функционирования этнического капитала хакасского народа на основе анализа ответов респондентов – представителей хакасского этноса об актуальности членства в этнической общности, полученных в ходе массовых опросов в республике Хакасия. Отмечается, что в период 2013–2014 гг. наиболее приоритетными, в плане членства, для хакасов были республиканская и российская общности. В 2018–2019 гг. порядка четверти представителей хакасского этноса, отмечали значимость принадлежности к своему этносу. В то же время только 16,3% опрошенных хакасов понимают под «Мы» людей одного этноса. Обозначенное противоречие объясняется ролью этнического капитала в качестве ресурса социального капитала «закрытого» типа, позволяющего мобилизоваться этносу в сложных условиях, но сохраняющей возможность развития в рамках более широких социальных связей и общностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнический капитал, хакасский этнос, идентичность.

Этнический капитал, впервые появившись в начале 1990-х гг. как термин для обозначения экономического потенциала социальных связей этнических групп [7, с. 123], в 2000-е гг. становится одним из наиболее популярных концептов в области социологии, экономики, философии и политологии [5; 6; 11; 12]. Современные исследователи позиционируют этнический капитал в качестве значимого фактора функционирования социума, источника социально-экономического и политического развития не только этнических и мигрантских, но также национальных, локальных, региональных сообществ, что объясняет все возрастающий к нему интерес. Понятие «этнического капитала» сегодня фигурирует в составе знаковых экономических теорий, проникает в социальный и политический дискурс, а число публикаций, посвященных операционализации обозначенного концепта и совершенствованию методик его измерения в различных контекстах, увеличивается год от года. Тем не менее, работы, фокусирующиеся на анализе особенностей развития этнического капитала конкретных этносов, опирающиеся на конкретику данных эмпирических исследований, осуществленных в значительных хронологических рамках, встречаются достаточно редко. В этой связи анализ и характеристика оснований этнического капитала на примере хакасского народа – титульного этноса Республики Хакасия обладают, на наш взгляд, как академической, так и практической значимостью.

Этнический капитал, по мнению ряда отечественных и зарубежных исследователей, является специфической формой социального капитала [6; 7; 11; 12], под которым, в свою очередь, принято понимать совокупность фактических и потенциальных ресурсов, основывающихся на доверительных, неформальных сетях и связях, призванных облегчить координацию и взаимовыгодное сотрудничество людей [1; 3; 4; 8; 9; 10]. Однако, если социальный капитал все же в большей степени отвечает характеристикам экономического капитала (ограниченность, накапливаемость,

конвертируемость и др.), то этнический капитал, в силу специфики стоящих перед этносами задач сохранения и развития собственной субъектности, включает набор специфических черт: этнические хозяйственные практики; индивидуальный человеческий капитал идентифицирующих себя с этносом субъектов; внутриэтнические и межэтнические связи; историческое и культурное наследие этноса; религиозный, этносимволический и иные ресурсы, значимость которых, конечно, не исчерпывается возможностью их конвертации в финансовый и иные формы капитала. В частности, Л.В. Анжиганова, концептуализируя теоретико-методологические аспекты исследования этнического капитала, отмечает, что «этносы имеют различный объективно существующий набор и объём ресурсов сохранения и развития, совокупность которых составляет этнический капитал, способствующий формированию и развитию субъектности этноса» [5, с. 69–71].

Тип этнического капитала, по мнению Х. Вонга, С. Маани, А. Роджерса, его характер в значительной степени выражается уровнем этнической сплоченности, солидарности, сетевой идентичности [12]. Объективированной основой здесь выступает фундированная самосознанием принадлежность к определенному социальному кругу, членство в группе. Осознание значимости принадлежности к своей этнической группе, свидетельствующее о повышении уровня сплоченности этноса и усилении внутриэтнической коммуникации, имеет положительный эффект, выражающийся в мобилизации, активизации всех имеющихся ресурсов, росте субъектности этноса, что особенно важно в условиях действия неблагоприятных внешних факторов функционирования общностей. С другой стороны, открытый этнический капитал, очевидно, дает осязаемую отдачу – более открытый социум при прочих равных условиях будет благополучнее «закрытого», а изменение восприятия людей меняет их возможности влиять на социально-политические и экономические процессы.

Результаты осуществленных нами в Республике Хакасия массовых опросов (2013–2019 гг.), проведенных, с одной стороны, на рубеже смены поколений, а с другой, в условиях значительных изменений социально-экономической и внешнеполитической ситуации, позволяют анализировать процессы консолидации хакасского этноса и определить степень влияния на них внешних факторов, характеризовать в общих чертах тип этнического капитала. Так, согласно данным проведенных опросов, верхняя позиция в своеобразной «иерархии групп и сообществ», членство в которых актуально и значимо для респондентов-хакасов, в 2013 г. принадлежала республиканской общности, с которой себя идентифицировали порядка 35,5% опрошенных. Значимость членства в локально-поселенческой, региональной и собственной этнической общности отмечали только порядка 10% респондентов [2]. Повторное исследование, проведенное в 2014 г., серьезных изменений не выявило, что свидетельствовало о стабильности приоритетов самоидентификации респондентов. Значимость принадлежности к российской национальной общности все также демонстрировали чуть менее четверти (24,1%) респондентов-хакасов. Как и годом ранее, принадлежность к республиканской общности оставалась значимой для большинства хакасов (41,4%), а позиции этнической общности, значимость ощущения себя прежде всего членом этноса не изменились, оставаясь на уровне все тех же 10% [2].

Ставший индикаторным для наших исследований опрос 2015 г. фиксировал уже совершенно иную картину. Произошли знаковые изменения в иерархии идентичностей и определении наиболее актуального членства в социальной общности у опрошенных – представителей хакасского этноса. Если значимость принадлежности к республиканскому социуму отметили все те же 38–40% опрошенных, то актуальность внутриэтнических связей, принадлежности к своему этносу, отметили

уже порядка 26,3% респондентов. Ощущали себя «в первую очередь россиянами» лишь 11,3% опрошенных хакасов. Уместно вспомнить, что на период 2014–2015 гг. пришелся очередной виток мирового экономического кризиса, произошли так называемые «Крымские события» и последовавшие за ними санкционные ограничения, оказавшие заметное влияние на экономику страны и региона. Свое влияние оказали внутриреспубликанские политические и экономические процессы. В обозначенный период республиканские власти подверглись сильнейшей критике со стороны местного сообщества, наблюдавшего рост дефицита регионального бюджета при усилении эксплуатации сырьевой базы (открытие новых угольных разрезов, масштабные вырубки леса и т.д.). Свою роль сыграла трагедия апреля 2015 г., получившая название «огненная Пасха», когда в результате пожаров погибло более трех десятков жителей и более 6 тыс. человек потеряли в огне имущество и жилье. Иными словами, внешние факторы и неблагоприятные условия развития актуализировали значимость этнических сетей и связей, способствовали консолидации этноса. Отметим и тот факт, что в группе респондентов, указывавших на значимость принадлежности к своему этносу, преобладали молодые люди (до 24 лет) и представители старшего поколения (55 и старше), проживающие как в селе, так и городе. Вероятно, помимо объективного процесса консолидации этноса перед лицом внешних вызовов, предполагающего обращение к проверенным временем механизмам адаптации, имели место и метамодернизационные по характеру процессы поиска устойчивых оснований развития самосознания представителей хакасского этноса. Роста этнической идентичности русских респондентов не фиксировалось.

Последующие опросы 2018–2019 гг. продемонстрировали, что приоритеты членства в группе, объекты самоидентификации респондентов – представителей хакасского этноса стабилизировались. Если в период 2013–2014 гг. среди приоритетных объектов самоидентификации хакасов были республиканская и российская общности, то в 2018–2019 гг. порядка 24,8% отмечали значимость ощущения принадлежности в первую очередь к своему этносу. Актуальность принадлежности к республиканскому социуму отмечали порядка 25–30%, российскому – 20–25%. Другими словами, в сложившихся условиях представители хакасского этноса реализуют стратегию консолидации посредством актуализации внутренних, горизонтальных связей и сетей. Подтверждением тому могут служить результаты анализа ответов респондентов на вопрос «Какую группу людей Вы чаще всего имеете в виду, произнося слово «МЫ», призванные характеризовать уровень и плотность доверия внутригрупповых отношений. Анализ результатов опроса 2019 г. продемонстрировал, что, произнося слово «Мы» (можно было дать до трех вариантов ответа), большинство респондентов – представителей хакасского этноса определяют граждан России (58%). Немногим меньше было тех, кто под «Мы» понимает жителей одной республики (43,8%). Для 29,8% «Мы» – это жители одного города, села; и 16,3% понимают под «Мы» людей одного этноса.

Заключение

В заключении следует отметить, что открытый этнический капитал в новинку для российских регионов. Трансформации этничности и религиозности, мобилизация социального капитала и институциализация этнического – современные процессы. Тем не менее, результаты исследования свидетельствуют, что представители хакасского этноса, с одной стороны, отмечают все возрастающую значимость принадлежности к своему этносу, участия в выстраивании и функционировании этнических формализованных и неформальных связей, а с другой, демонстрируют невысокий уровень сплоченности, плотности межэтнической коммуникации, отмечая значимость участия и в более широкой, региональной и национальной общностях.

Обозначенное противоречие объясняется ролью этнического капитала в качестве ресурса скорее «закрытого» типа социального капитала, позволяющего мобилизоваться этносу в условиях усложнения социально-экономической, политической ситуации, но сохраняющей возможность развития в рамках более широких социальных связей.

Список литературы

1. Аксютин Ю.М. Динамика институционального доверия жителей Южной Сибири (по результатам массовых опросов 2013–2018 гг.) // Котожековские чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 80-летию со дня рождения профессора, доктора философских наук, общественного деятеля Гавриила Гавриловича Котожекова (Абакан, 23 июня 2022 года). Абакан, 2022. С. 53–57.
2. Аксютин Ю.М. Российская идентичность жителей республик Южной Сибири: динамика трансформации и восприятие оснований по данным массовых опросов 2013–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 732–756.
3. Аксютин Ю.М. Социальный капитал республик Тыва, Хакасия и Алтая в оценках и представлениях жителей регионов (по данным массовых опросов 2013 и 2018 гг.) // Новые исследования Тувы. 2022. № 3. С. 150–169.
4. Аксютин Ю.М. Социальный капитал региона: институциональные и социокультурные ресурсы развития человеческого капитала в Республиках Тыва и Хакасия // Siberian Socium. 2022. Т. 6. № 2 (20). С. 54–64.
5. Анжиганова Л.В. Этнический капитал: теоретико-методологические аспекты исследования // Вестник хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2016. № 17. С. 69–71.
6. Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Этнический капитал мигрантов: формирование, продвижение и динамика развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2020. Т.13. № 6. С. 10–27.
7. Borjas G.J. Ethnic capital and intergenerational mobility // Quarterly Journal of Economics. 1992. № 107 (1). Pp. 123–150.
8. Bourdieu P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. Ed. by J. G. Richardson. N.Y.: Greenwood Press, 1986. 401 p.
9. Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. Pp. 95–120.
10. Iyer S., Kitson M., Toh B. Social capital, economic growth and regional development // Regional Studies. 2005. №39 (8). Pp. 1015–1040.
11. Leon A. Does «Ethnic Capital» Matter? Identifying Peer Effects in the Intergenerational Transmission of Ethnic Differentials // SSRN Electronic Journal. – 2007. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=823687 (дата обращения: 23.04.2023).
12. Maani S.A., Wang X., Rogers A. Network Effects, Ethnic Capital and Immigrants // Economic Record. 2021. Vol.97 (316). Pp. 78–99. URL: http://ftp.iza.org/ dp9308.pdf (дата обращения: 23.04.2023).

УДК 392

Современные этносы – «воображаемые сообщества»?

Анжиганова Лариса Викторовна
доктор философских наук профессор.
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.
Абакан, Россия.
e-mail: alv_9@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5073-2504.

Топоева Марика Викторовна
культуролог-исследователь,
методист по музейно-образовательной деятельности.
Хакасский национальный краеведческий музей имени Л.Р. Кызласова.
Абакан, Россия.
e-mail: mvt@hnkm.ru

АННОТАЦИЯ В условиях глобализации этнические сообщества все больше называют «воображаемыми» сообществами, в противовес традиционным этносам как объективно существующим группам людей, объединенных общностью территории происхождения/проживания, культурой, единой историей. Этническая идентичность как форма общественного сознания обладает статусом объективности и воспроизводит себя в консервативных, по своей природе коллективистских, формах (этнонимы, мифология и пр.). В условиях глобализации этническая идентичность определяется личностью, без обязательного прессинга коллективного сознания. Современные этнические акторы стремятся, не без успеха, воссоздать аутентичную (традиционную) этничность. К последним можно отнести возрождение родового движения, основанного на кровно-родственных связях этнофоров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнос; этническая идентичность; «воображаемые сообщества»; маркеры этничности; глобализация.

Глобализация изменила и продолжает менять все общественные процессы, наибольшие потери фиксируются в развитии этнических сообществ. Мы вынуждены признать, что этносы в течение всей своей истории постоянно видоизменялись, являясь одновременно устойчивыми и, в то же время, меняющимися образованиями. Это происходило под влиянием ряда факторов, природного (стихийные бедствия) и социального характера. К последним можно отнести войны, образование и распад империй, миграции, урбанизацию, промышленное освоение и пр. Стабильность и целостность этносам придавали маркеры этничности (территория формирования, культура, общность исторической судьбы и пр.), которые стали все больше терять устойчивость. В наибольшей степени это затронуло передовые страны Европы и Северной Америки. Вследствие этого западная наука стала считать этносы «воображаемыми сообществами», создаваемыми акторами – конструкторами (политиками и этнофорами).

Сегодня мы вынуждены констатировать, что этносов в классическом виде сохранилось не так уж и много, разве что в труднодоступных горах и пустынях мира. Они живут на своих исторических землях, их язык сохранил полноту социальных функций, они ведут традиционный образ жизни и хозяйствования, этническая культура функционирует так, как и веками раньше. Большинство же этнических общностей, действительно, *конструируют* себя как целостность, основываясь на тех или иных *маркерах.* Так формируется «новая этничность», и неизбежно – «новые этносы». Являются ли они «воображаемыми сообществами» для самих этнофоров? Как

они сохраняют собственную этническую идентичность? Как они вписывают традиционные явления и процессы в быстро меняющиеся условия жизни?

Глубокие социальные трансформации, вызванные всеохватной урбанизацией, привели к формированию универсальных социокультурных ценностей. Этнические ценности, как это принято считать, сохранились только в сельской местности. Однако и там глобализация «прошлась катком» по культуре и менталитету, используя системы образования, культуры, средства массовой информации.

Начиная со второй половины двадцатого века, зарубежные исследователи стали всерьез сомневаться в объективном существовании этносов. Одним из самых известных, больше всего цитируемым ученым, считается Бенедикт Андерсон с его концепцией наций как «воображаемых сообществ» [1]. Оно *воображенное,* поскольку члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев-по-нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности [1, с. 47]. В воображении членов таких сообществ «она воображается *суверенной*» [Там же, с. 49], «она воображается как *сообщество*, поскольку независимо от фактического неравенства и эксплуатации, которые в каждой нации могут существовать, нация всегда понимается как глубокое, горизонтальное товарищество» [Там же]. Обратим особое внимание на последний признак – «глубокое горизонтальное товарищество», настолько значимое, что позволяет «добровольно умирать» за него [Там же]. Иначе говоря, нация становится чрезвычайно значимой ценностью, определяющей жизнедеятельность человека в самых разных аспектах, придавать предельные смыслы.

Если же разделять понятия «нации», возникшие в последние два столетия, и «этносы» как сообщества, глубоко укорененные в природную среду в моменты их формирования, то возникают ряд вопросов: сохранились ли этносы как объективно существующие сообщества, есть ли общие маркеры у этносов и наций как социокультурных феноменов, как повлияла глобализация на их бытие в мире?

Сегодня исследователи довольно часто используют прилагательное «новое»: «новая этика», «новые ценности», «новая религиозность», наконец, «новая этничность» и пр. Как правило, при исследовании этих социальных феноменов, ученые приходят к выводу о том, что ценности массовой культуры радикально меняют все процессы в обществе, вследствие чего они обладают «элементами качественной новизны и нетрадиционности» [3, с. 3].

Ф. Барт указывал, что этнические группы (или этносы) определяются, прежде всего, по тем характеристикам, которые сами члены группы *считают для себя значимыми* и которые лежат в основе их самосознания [2, с. 41]. Собственно, эту же тенденцию отмечает и российский ученый-конструктивист В.А. Тишков [4].

Действительно, анализируя жизнь традиционного этноса, показатели их единства, общности - маркеры можно было увидеть, услышать, зафиксировать. Это общий антропологический тип (мы монголоиды, европеоиды, смешанного типа), родина с четкими границами («это исконно наша земля», «родовые земли» и пр.), единый язык («это наш язык, остальные немы»), созданная по строгим канонам традиционная одежда, мифология общей судьбы и предков (единая система ценностей, представленная в эпосе, различных формах фольклора и пр.), наконец, общие традиции, обычаи, символы и пр. Однозначная констатация единства сообщества отражается в этнонимах. Но важнейшим маркером является этническая идентичность как *система представлений* этнофоров о единстве своего народа на основе тех или иных маркеров. На стадии традиционного развития этническая идентичность акцентированно *коллективистская: мы как народ едины, потому что мы объединены кровно-родственными связями, объективными по своему происхождению и функционированию.* Поэтому индивидуальная этническая

идентичность («к какому народу, роду я принадлежу?») была, скорее, событием единичным, подчас, вынужденным. Мы также должны отметить ряд принципиальных позиций. И на традиционной стадии развития характеристики маркеров меняются. Как правило, это бывает вследствие контактов (добровольных или вынужденных) с другими этносами. Нередкими бывают языковые, хозяйственные, пищевые и пр. заимствования. В результате смешанных браков меняется антропологический облик этнофора. Однако почему в одних и тех же обстоятельствах одни этносы исчезают с исторической арены, теряя свою идентичность, а другие держатся за собственную этническую идентичность как за последний бастион?

Глобализация, как это неоднократно отмечалось, оказалась фактором, нивелирующим этнические характеристики практически всех народов на глубинном уровне. *Этническая идентичность подорвалась на минном поле радикального индивидуализма*. В условиях глобализации традиционные маркеры этничности перестали «работать»:

- общий антропологический тип размылся вследствие роста смешанных браков, мощных миграционных потоков;

- родина («это наша земля», «родовые земли» и пр.) с четкими границами, гидронимами, топонимами также стала не столь однозначной, поскольку политические, военные катаклизмы, хозяйственная деятельность, увеличивающиеся миграционные и эмиграционные потоки размыли представления о территориальной закрепленности за тем или иным народом; причем, для кого-то из этнофоров она уменьшилась до поселения, для другого увеличилась до мира в целом;

- единый язык, как правило, утратил полный объем социальных функций, либо ассимилировался настолько, что исчез из употребления; он перестал быть ресурсом развития этноса и его культуры;

- национальные гастрономические миры стали достоянием всего человечества, либо стали странными формами пищевого поведения аборигенов, с которыми знакомятся туристы;

- традиционная одежда и украшения, ранее создававшиеся, в силу сакрализации, по строгим канонам, оказались либо невостребованными, либо только символическими маркерами этнической идентичности;

- мифология общей судьбы, основанная на единой системе ценностей, представленная в эпосе, различных формах фольклора и пр., также перестала определять мировоззрение и деятельность этнофоров, и была заменена на другие идеологические системы (например, коммунизм);

- общие символы, традиции, обычаи, ритуалы перестали пронизывать повседневность членов этноса; более того, они либо были объявлены «пережитками прошлого», либо, будучи востребованными, оставались пустой оболочкой, поскольку изменившаяся система ценностей вступала в противоречие с закодированной в них прежней аксиологической основой;

- наконец, с развитием науки (истории, этнологии, генетики и др.) и политическими новациями стали подвергаться ревизии исторически устойчивые этнонимы.

Таким образом, во второй половине XX в – начале XXI вв. у исследователей возник соблазн отнести этносы к т.н. «воображаемым сообществам». Более того, даже на государственном уровне стали активно поддерживать этот процесс, убрав из паспортов национальность, не выделять статистические данные по тем или иным вопросам, касающимся этносов и пр. Поэтому не удивительно, что человек мог изобрести национальность при переписях населения Российской Федерации («сибиряк», «эльф», «сагаец» и пр.). Однако мы не можем не констатировать и того факта, что этнические активисты стали именно в эти годы чрезвычайно активными

при создании новых механизмов восстановления коллективной идентичности этносов. И в этих условиях вопросы «Кто мы? Каковы наше прошлое, настоящее и будущее? Чем мы отличаемся от других? и пр.» стали все больше занимать умы этнофоров.

Начиная с конца 1980-х годов, хакасы стали организовывать т.н. родовые встречи, собирая представителей одной фамилии. Как правило, такие мероприятия проводились на родовых землях, возле родовых гор. Поскольку в XX веке такие встречи не проводились, то информация собиралась из архивных источников, от еще живых носителей традиции. Одними из значимых ритуалов на этих встречах были обряды поклонения родовым горам, земле, предкам. Общая трапеза, награждение сородичей, принесших славу фамилии, чествование и помощь многодетным семьям, спортивные соревнования – все это можно увидеть на любой встрече представителей той или иной фамилии. Однако в 2016 году была организована настоящая встреча рода (сеока) читі пуур (семь волков), объединявшего несколько фамилий. Род распространен среди других тюркских народов, его происхождение связывают с родом Ашина (VI–VIII вв.). Позднее были встречи родов (сеоков) кыргыз, хобый, бельтыр. Каждый из этих сеоков объединяет десятки фамилий. Таким образом, хакасы восстанавливают свой народ как сообщество этнофоров, объединенных общими историческими предками с едиными кровно-родственными связями.

Новым, возникшим под влиянием глобализации противоречием, является необходимость создания механизмов формирования этноса как коллективной целостности (в территориальном, экономическом, социокультурном планах), с одной стороны, и потребностью каждого человека в праве на личное самоопределение, с другой. Как известно, индивидуализм является достижением западной цивилизации, породившей глобализацию. В этом контексте личность часто заимствует лишь форму этнической идентичности (формальная принадлежность к этносу), оставаясь, по сути, «человеком мира». Научно-технический прогресс через современную систему образования, бытовое потребление, снятие границ передвижения, участие в социальных сетях и пр., отрезает молодых этнофоров от привычного традиционного мира. Вследствие чего т.н. «малая Родина» кажется местом, где «жизнь умерла», ничего нового не происходит.

Одной из реальных проблем сохранения и развития этносов является *потребность осмыслить себя во времени, укорениться в нем.* Иначе говоря, самым распространенным явлением является поиск артефактов, всегда чрезмерно мифологизированных, позволяющих народу считать себя «самым древним, изначальным, первым на этой территории». Что, кстати, порождает новые противоречия, особенно, если на ту или иную территорию как прародину претендуют разные этносы.

Для укоренения себя во времени и пространстве часто ревитализируется этническое наследие, которое оказывается принадлежащим различным этносам. Борьба за их «паспортизацию» разворачивается нешуточная. Особенно эти битвы разгораются в научном сообществе, социальных сетях, иногда проецируются и в политической жизни.

Многие этносы, не успевая вписаться в модернизационные процессы, остаются «выживающими» субъектами или даже испытывающими травмы постколониализма. Однако включенные в горизонтальные связи с другими народами, начинают заимствовать явления, процессы и отношения, могущие привести к формированию стратегии устойчивого развития.

Заключение

Глобализация обострила существующие противоречия и создала новые проблемы для этносов, которым необходимо найти механизмы адаптации и модернизации. Как реакция на растущие противоречия этнической жизни формируется объективная потребность в разработке стратегии сохранения и развития этносов. *Поэтому конструктивизм как методология становится востребованным национальными элитами. Последние активно восстанавливают этничность, используя традиционные маркеры как ресурс сохранения и развития этносов в новом контексте и новых формах.*

Будучи коллективным субъектом, этнос представлен различными акторами, которые понимаются как определенное лицо (либо группы людей), воздействующие на этнические процессы в соответствие с определенной стратегией. Акторы по-разному позиционируют себя и свою деятельность в процессе восстановления основных маркеров этничности: маркер «родная земля» как пространственный параметр бытия этноса; маркер «историческая судьба» как временной параметр этнического бытия; маркер «этническая культура» как структурный параметр бытия этноса. Этносы остаются объективно существующими сообществами людей, «не воображаемыми сообществами», поскольку объединены объективно существующими кровно-родственными связями. Они по-прежнему реализуют стратегическую цель – быть целостными, стабильно развивающимися во времени и пространстве этническими сообществами.

Список литературы

1. Андерсон Б. «Воображаемые сообщества» Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле. 2016. 416 с.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сб. статей / Ф. Барт. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.
3. Рыжов Ю.В. Новая религиозность в современной культуре: автореферат дис. ... д-ра культурологии. М. 2007. 39 с.
4. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.

УДК 316

Мобилизационная и рыночная стратегии освоения Арктики: советский и постсоветский опыт (этносоциальный аспект)

Ерохина Елена Анатольевна
доктор философских наук, доцент.
Институт философии и права СО РАН,
отдел социальных и правовых исследований,
Новосибирск, Россия.
leroh@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1513-4557

АННОТАЦИЯ Статья посвящена научной экспертизе проектов человеческого развития на Севере в поздне-советский и ранний постсоветский периоды институциональной трансформации российского общества. Представлены ключевые вопросы деятельности Региональной межведомственной комиссии по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера, учрежденной в 1981 г. на базе Сибирского отделения АН СССР: проблемы труда и занятости народов Сибири, сохранения традиционного хозяйства и родного языка, массового образования и доступа к социальным благам, развитие транспортной инфраструктуры и качественного жилья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Арктика, Север, коренные народы, социальная экспертиза

Сегодня не осталось пространств на нашей планете, обитателей которых не коснулась бы глобализация. Обращение к опыту развития удаленных территорий, которые ранее считались непригодными для жизни человека и организации производства, все более привлекают внимание государств и частных инвесторов по мере развития инноваций. Благодаря внедрению элементов нового технологического уклада появляется отчетливая перспектива их широкого освоения.

К числу таких пространств относятся Арктика и Крайний Север, зоны, экстремальные с точки зрения природно-климатических условий жизни. Позитивный исторический опыт их освоения, накопленный представителями аборигенных народов Севера и русскими старожилами (промышленниками, купцами, предпринимателями), учит находить возможности организовывать хозяйственную жизнь, обеспечивать работу транспортно-логистических цепочек, создавать приемлемые условия для жизни в суровой среде и даже для человеческого развития. В последнем случае речь идет о межэтнических сообществах, образ жизни которых связан с Севером и Арктикой.

Статья будет посвящена научной экспертизе проектов человеческого развития на Севере в поздне-советский и ранний постсоветский периоды институциональной трансформации российского общества. Несмотря на то, что ее официальной целью было дальнейшее развитие советского проекта среди народов Севера, по существу исследователями в союзе с властью осуществлялся поиск баланса между мобилизационной (плановой) и рыночной стратегиями развития Арктики и Севера. Введение в широкий научный оборот результатов исследований в циркумполярной зоне РСФСР, осуществленных этносоциологами Новосибирского научного центра (ННЦ) в период с 1982 по 1991 гг. и позднее, позволяет увидеть Север и Арктику как территории для экспериментов, сочетающих опыт традиционного природопользования с уникальными инновациями.

В статье речь пойдет о двух макро-стратегиях в освоении Арктики: мобилизационной и рыночной. Первая обусловлена активной ролью государственного планирования и администрирования в сфере народного хозяйства, расселения, развития транспортно-логистической инфраструктуры. Наиболее последовательно она реализовывалась в советский период. Она имела четко выраженную специфику в каждый из исторических периодов своего развития, однако в настоящем исследовании речь пойдет о позднем СССР. Период после «оттепели» намечает ослабление командно-административных практик мобилизации и усиление частной инициативы, движимой желанием советских людей повысить уровень жизни и социальный статус, бросить вызов суровым условиям и получить уникальный экзистенциальный опыт.

Как взаимодополняющая плановой стратегии альтернатива в настоящей статье рассматривается развитие рыночных механизмов, получивших широкое развитие в 1990-х гг. Сущностные черты данной стратегии достаточно хорошо исследованы, поэтому специальное внимание будет сосредоточено только на последствиях рыночных реформ на Севере в ранний постсоветский период. Введение в широкий научный оборот результатов научной экспертизы, осуществлявшейся в период с 1982 по 1997 гг., и обобщившей позитивные и негативные стороны использования каждой из упомянутых стратегий развития Арктики и Севера, сегодня как никогда актуально.

Важную роль в изучении природы, ресурсов и социальных изменений в регионе сыграла сибирская наука и ее центры – Сибирское отделение Академии наук СССР и Новосибирский научный центр (ННЦ). В статье будут представлены материалы, посвященные деятельности Региональной межведомственной комиссии по координации комплексных социально-экономических, медико-биологических и лингвистических исследований проблем развития народностей Севера, учрежденной в 1981 г. на базе Сибирского отделения АН СССР (головная организация – Институт истории, филологии и философии СО АН СССР).

В числе ключевых вопросов деятельности Комиссии, которую возглавил руководитель отдела социологии Института, д-р филос. наук Владимир Иванович Бойко, оказались проблемы труда и занятости народов Сибири, сохранения традиционного хозяйства и родного языка, массового образования и доступа к социальным благам, развитие транспортной инфраструктуры и качественного жилья. Хотя в центре работы Комиссии сохранялся фокус на изучении положения коренных народов Севера и Сибири, тем не менее, эти проблемы рассматривались в широком ряду проблем развития народного хозяйства, получения доступа к социальным благам позднего социализма в парадигме «расцвета и сближения наций».

С ликвидацией Комиссии в ранний постсоветский период исследователи сосредоточились на изучении последствий радикальных рыночных реформ в межэтнических сообществах Севера Сибири: архаизации повседневных практик, падении жизненного уровня населения, ревитализации структур этнической самоорганизации.

Оба этапа участия этносоциологов ННЦ в экспертизе проектов человеческого развития на Севере связаны с институциональными трансформациями своего времени. Если поздне-советский (1980-е) этап был обусловлен плановым развитием страны, то ранний постсоветский (1990-е) этап институциональной трансформации связан с переходом к рынку. Каждый из них задает определенную траекторию развития общества и специфику социального проектирования человеческого развития на Севере. В перспективе будущих «северных» проектов необходимо совмещение мобилизационной и инновационной стратегий развития Арктики. В тоже время положительные стороны этих стратегий не только могут, но и должны стать частью новых проектов. Им необходима в равной степени ориентация на экономическую эффективность и утопическое визионерство. Сегодняшний день дает нам успешные

образцы такого соединения, но необходимо помнить о рисках и использовать позитивный опыт исследования и управления этносоциальными процессами на Севере.

УДК 316.42

Стратегии экономической диверсификации в этнолокальных сообществах Сибири

Зазулина Мария Рудольфовна
кандидат философских наук, старший научный сотрудник.
Институт философии и права СО РАН.
Новосибирск, Россия.
zamashka@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-8984-1129

АННОТАЦИЯ Рассмотрены особенности экономической адаптации к процессам социальной модернизации сообществ татар компактно проживающих в сельской местности. Дана характеристика основной экономической стратегии, в качестве которой выступает стратегия диверсификации экономических практик, используемая домохозяйствами этнолокальных сообществ татар, проживающих в сельских районах Новосибирской области. Показано, что диверсификация проявляется как сочетание максимального количества доступных современных и традиционных практик, что позволяет домохозяйствам и сообществам адаптироваться в регулярно изменяющихся условиях. При этом вся структура экономических практик находится в процессе непрерывной трансформации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнолокальные сообщества, сельские сообщества, экономические практики, трансформация, модернизация, диверсификация.

Процессы социально-экономической модернизации оказывают значительное воздействие на экономические практики этнолокальных сообществ, проживающих в сельской местности. Экономика таких сообществ имеет ярко выраженный диверсифицированный характер. В данной работе мы рассмотрим экономические практики этнолокальных сообществ татар, компактно проживающих в сельских населенных пунктах Новосибирской области. В основе нашего анализа лежат данные исследований, реализованных на территории Новосибирской области в 2014–2015 гг., в местах компактного проживания представителей татарского этноса.

Под диверсификацией экономики домохозяйств принято понимать использование одним домохозяйством различных экономических практик. В обследованных сообществах используются следующие группы экономических практик:

1. Традиционное природопользование, к которому относятся различные природопользовательские практики от охоты до рыболовства и собирательства;
2. Ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ), к которому относиться работа на подворье от возделывания огорода до содержания крупного рогатого скота;
3. Занятость в секторе аграрной экономики (в сельскохозяйственных организациях);
4. Занятость в секторе сельской экономики в пределах села (сюда мы относим любую занятость, формальную и неформальную, в бюджетной и небюджетной сферах, но не на сельскохозяйственных предприятиях и обязательно осуществляемую в пределах села, либо предполагающую выезд за его пределы в рамках рабочего дня);
5. Отходничество, то есть занятость, связанная с долговременными отлучками из села (вахта, долговременные приработки в крупных городах и пр.).

Именно эти группы практик имеют принципиальное значение для существования сельских этнолокальных сообществ.

В выделенном перечне экономических практик первые две, то есть природопользование и ведение ЛПХ, могут считаться традиционными, а последние

три – современными практиками. И основные процессы в современной экономике последних десятилетий и даже столетий связаны с усилением позиций современных практик и ослаблением позиций традиционных практик.

Отметим, что традиционные и современные практики не являются полностью взаимоисключающими, а оказываются достаточно гибкими по объему и содержанию, дополняя друг друга и позволяя сообществам лучше адаптироваться. Именно подобное совмещение традиционных и современных практик лежит в основе диверсификационной экономической стратегии этнолокальных сообществ, проживающих в сельской местности.

Если ранжировать выделенные практики по распространенности, то на первом месте оказывается ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ). Такие хозяйства ведет от 65% до 90% домохозяйств в каждом из обследованных поселков. На втором месте – традиционное природопользование. Сюда относятся сбор ягод, грибов, папоротника, колбы. В различных поселках природопользованием занимаются от 50% до 70% домохозяйств. Несмотря на большую распространенность таких практик лишь крайне незначительная доля семей (менее 5%) занимается ими профессионально, то есть полностью живет за счет леса. В целом же особенностью таких практик в современности является их низкоспециализированный характер.

Занятость в крупных сельскохозяйственных организациях наименее представлена среди населения татарских этнолокальных сообществ, ей занимаются представители не более 10% домохозяйств. Низкая представленность ее связана с тем, что не в каждом населенном пункте есть сельскохозяйственные предприятия. В секторе сельской экономики может быть занято от 5 до 20% домохозяйств обследованных поселках. Сюда относится занятость в бюджетной сфере (почта, ФАПы, школа, адмистрация). Кроме этого сфера сельской экономики представлена немногочисленными магазинами и еще более немногочисленными заправками, пилорамами и пр. Но подобные предприятия могут предоставить рабочие места лишь единицам.

Относительно новой, но активно осваиваемой сферой экономической деятельности для этнолокальных сообществ татар является отходничество. Татары либо организуют строительные бригады по 10–15 человек и уезжают на длительное время (от нескольких недель до месяцев) в Новосибирск предлагать свои услуги на строительном рынке. Либо уезжают работать на север классическим вахтовым методом (вахта как правило длится пару месяцев). Характерно, что в этом случае представители татарского этноса также не едут по одиночке, а предпочитают устраиваться на работу группами. Доля занятых в таких практиках домохозяйств может оцениваться в 10–40% (уезжают как правило один взрослый из членов семьи и это естественно мужчины, женщины остаются дома, заниматься детьми и вести хозяйство).

Описанная нами структура занятости дает возможность осмыслить масштабы стратегии диверсификации в местах компактного проживания татар и ее характерные черты. Во-первых, приведенные данные свидетельствуют о бесспорном выборе населением этнолокальных сообществ татар стратегии сочетания принципиально различных экономических практик. Тот факт, что во всех обследованных поселках представлены все стратегии, свидетельствует о том, что каждое сообщество не просто сочетает современные и традиционные экономические практики, а старается использовать весь доступный спектр экономических реакций.

Во-вторых, мы можем проследить ранжирование практик по популярности среди населения. Оказывается, что несмотря на все тенденции сворачивания объемов ЛПХ и природопользования, отмечаемых и статистикой, и научным сообществом и сельскими экспертами, именно эти сектора остаются наиболее популярными, занимая

соответственно первое и второе места по занятости среди населения. Настолько сильная включенность сельских сообществ в данные практики является лучшим свидетельством их поистине «народного» характера и вновь заставляет задуматься об из значимости для существования сообществ.

Напротив, даже совокупная доля всех форм современной занятости в нашем исследовании едва достигает 60% (и очевидно, что на самом деле она намного ниже). Несмотря на то, что в сельских сообществах в последние десятилетия (и можно сказать даже столетия) происходит бурный рост современных форм занятости, фактически до сих пор все остается «по старинке». Кризис, вызванный проведением комплексных социально-экономических реформ, только подчеркнул, что сельское население оказывается «за бортом» всех инноваций, и по-прежнему вынуждено выживать за счет поля и леса. И этнолокальные сообщества татар, обследованные нами, представляют собой прекрасный пример применения таких стратегий.

Другая картина возникает, если говорить о ранжировании экономических практик по доходности. Наиболее доходными среди татар считаются работа вахтовым методом и специализированное ведение крупного ЛПХ. Наименее доходными считаются работа на местных сельхозпредприятиях и ведение мелких ЛПХ. Можно сделать вывод о том, что доходность по сути дела не связана с традиционностью или современностью практик. Как те, так и другие могут приносить и высокий и низкий доход. По нашему мнению, такая «неопределенность» и служит реальной основой экономической диверсификации: каждая из них может стать значимой в постоянно изменяющихся условиях.

На основе всех имеющихся данных можно выделить характерные черты трансформации различных практик, составляющих систему жизнеобеспечения сельских этнолокальных сообществ татар. Очевидно, что происходит постепенное увеличение доли современных практик в системе жизнеобеспечения, а также увеличение их значимости в качестве источника дохода. При этом структура современных практик хозяйствования также претерпевает изменения, среди них наблюдается рост занятости, связанной с долговременными отлучками из села. Получается, что доля современных практик увеличивается в основном за счет практик длительного отходничества, в то время как занятость в секторе сельской экономики сохраняется на одном уровне, а занятость в аграрном секторе (под эту тенденцию попадает и занятость на сельскохозяйственных предприятиях и занятость в ЛПХ) постепенно сокращается.

Если говорить о природопользовании, то надо признать, что практики собирательства в основном имеют вспомогательный характер. Этому способствует и то, что они носят все менее специализированный характер и то, что их сезонность позволяет сочетать их с другими экономическими практиками. Но эти черты также являются гарантией того, что в обозримом будущем природопользование вряд ли исчезнет. А вот роль и место личных подсобных хозяйств в экономике этнолокальных сообществ постепенно сокращается. Это связано с влиянием сразу нескольких факторов. Прежде всего, это коллизии государственной аграрной политики и увеличение доли населения, занимающегося отходничеством.

Все отмеченные особенности являются характерными для экономических процессов не только в татарских поселениях. Они характерны для всего современного российского села. В то же время исследование показало, что характерной чертой татарских сообществ по сравнению с русскими является более выраженная установка на природопользовательские практики. Можно утверждать, что в условиях перманентного социально-экономического кризиса именно традиционные практики, связанные с освоением природных ресурсов, стали основой выживания этнолокальных сообществ татар.

Заключение

Суммируя все вышеизложенное, подчеркнем, что формирование систем жизнеобеспечения в сельских этнолокальных сообществах татар на современном этапе четко следует принципу диверсификации экономических практик. Сочетание различных форм экономической деятельности оказывается принципом организации труда, необходимым для выживания этнолокальных сообществ в современных условиях. При этом вся структура экономических практик находится в процессе непрерывной трансформации.

УДК 929.6(571.513)

Александр Иванович Котожеков – автор Государственного герба Республики Хакасия

Карачакова Ольга Викторовна
магистрант кафедры истории Института истории и права.
ФГБОУ ВО «ХГУ им. Н.Ф. Катанова».
Абакан, Россия.
burnakova1970@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена участию хакасского драматурга, художника, члена союза писателей и театральных деятелей России Александра Ивановича Котожекова в создании Государственного герба Республики Хакасия. Отмечается, что первоначально рассмотрением предложенных проектов занимался региональный парламент – Верховный Совет Республики Хакасия, в 1997 г. была создана конкурсная комиссия по рассмотрению изменений государственного герба Республики Хакасия, которую возглавил председатель комитета Верховного Совета по экономической политике, промышленности, строительству и транспорту Владислав Торосов. Итогом работы комиссии явился отбор двух проектов Государственного герба РХ – А.И. Котожекова и А.Г. Балтыжакова. Геральдическая комиссия РФ отдала предпочтение эскизу Котожекова. Закон «О Государственном гербе Республики Хакасия» был принят Верховным Советом РХ 19 марта 2003 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА А.И. Котожеков, Государственный герб Республики Хакасия.

Александр Иванович Котожеков (род. в 1948 г.) – человек разносторонних интересов: хакасский драматург, писатель, художник, общественный деятель, член союза писателей и театральных деятелей России, заслуженный деятель искусств Республики Хакасия. До настоящего времени его многогранная деятельность не стала объектом изучения исследователей. В представленной статье предпринимается попытка исследования такой важной грани деятельности Александра Ивановича как участие в создании Государственного герба Республики Хакасия.

31 марта 1992 г. Республика Хакасия подписала Федеративный договор, в котором был закреплен ряд прав и гарантий, обеспечивавших государственность республик в составе РФ. Конституция РФ, принятая 12 декабря 1993 г., закрепила права Республики Хакасии как субъекта РФ.[5,19] 06 июня 1992 г был принят Закон о Государственном гербе Республики Хакасия [2]. Однако, герб Республики Хакасия не получил одобрения со стороны Государственной геральдической службы, образованной 20 февраля 1992 г. на правах самостоятельного управления Комитета по делам архивов при Правительстве России Постановлением Правительства Российской Федерации. Геральдическая служба была призвана обеспечить единую государственную политику в области создания и использования государственных символов России и субъектов Российской Федерации, символики министерств и ведомств России, местной символики административно-территориальных образований России, государственных наград, форменной одежды. В то же время свои претензии к гербу, как одному из главных символов национально-территориального субъекта, участию выразил и Совет министров Республики Хакасия, принявший в 1996 году специальное постановление, в соответствии с которым Верховному Совету было рекомендовано выбрать из двух проектов новый герб. На основе этих двух вариантов путем их синтеза был создан объединенный проект нового герба Хакасии. Верховный Совет Республики Хакасия не принял предложения и объявил конкурс по созданию проектов герба. Конкурс был закрытым, в этой связи проект художника Котожекова, признанный лучшим, обсуждения в обществе не получил.

В связи с многочисленными обращениями граждан по поводу несовершенства герба Хакасии, 31 января 1997 года Президиум Верховного Совета Республики Хакасия постановил создать конкурсную комиссию по рассмотрению изменения Государственного герба Республики Хакасия под председательством В.М. Торосова. Владиславу Михайловичу было поручено в двухмесячный срок, представить итоги проведения конкурса проектов герба на рассмотрение и утверждение Верховного Совета [1]. Комиссия приступила к работе 03 февраля 1997 г., разработала и опубликовала условия конкурса в средствах массовой информации.

На первом этапе в конкурсе приняли участие 12 авторов, которые представили на рассмотрение комиссии в общей сложности более двадцати эскизов. В результате многократного рассмотрения комиссия решила рекомендовать на рассмотрение Верховного Совета РХ эскиз автора А.Г. Балтыжакова и присудить ему премию в 5 млн. рублей.

Александр Иванович сегодня вспоминает, что эскиз Балтыжакова, опубликованный в газете, вызвал у него недоумение по той простой причине, что он не соответствовал геральдическим принципам. Данное обстоятельство мотивировало его позвонить Торосову. Владислав Михайлович отозвался и пригласил Котожекова к себе для обсуждения. В ходе встречи они обсудили принципы геральдики, смысл и назначение герба. Александр Иванович сумел донести до председателя конкурсной комиссии, что Республике недостойно выходить с непрофессиональным гербом. Он был убедителен, поэтому Владислав Михайлович предложил ему представить свой альтернативный вариант. Сроки были сжатые, до сессии Верховного Совета оставалось мало времени. Тем не менее, Александр Иванович твердо заявил, что представит эскиз. Будучи на своей работе (тогда он работал в театре), из реквизитов он взял шаманский бубен, ушел в свою мастерскую и во время медитации попросил своих предков показать ему герб Хакасии – каким он будет через десять лет. Он восклицает, что увидел картину! Увиденное в медитативном состоянии, он быстро перенес на холст [4].

Александр Иванович представил свой эскиз накануне заседания комиссии. В.М. Торосов объявил, что появились новые проекты эскизов герба Хакасии, заслуживающие внимания, что, в свою очередь, требует продления срока конкурса. Конкурсная комиссия рекомендовала Верховному Совету продлить срок еще на полгода и пересмотреть состав конкурсной комиссии, условия конкурса, предусмотреть публикацию эскизов герба в средствах массовой информации, организовать постоянно действующую выставку в краеведческом музее. В ходе многократных обсуждений эскизов было решено, что обязательным на гербе должно быть геральдическое изображение снежного барса. К 21 июня 1999 года поступило 47 вариантов герба. Предпочтение отдали работам А.И. Котожекова и А.Г. Балтыжакова.

По настоянию В.М. Торосова на эскизе герба была поставлена надпись «ХАКАСИЯ». Котожеков не смог переубедить и под давлением председателя комиссии оставил надпись [Там же]. Оба проекта были отправлены в Москву в Геральдическую службу. Положительный отзыв был получен на эскиз Котожекова. Таким образом, отбор эскиза герба конкурсной комиссией закончился не в 1997 г., как планировалось, а через 4 с лишним года 14.06. 2001 г. В этот период во все субъекты РФ было направлено требование Геральдической службы убрать с гербов надписи названий регионов.

Закон «О Государственном гербе Республики Хакасия» был принят Верховным Советом РХ 19 марта 2003 года, в соответствии с которым Закон Республики Хакасия от 6 июня 1992 года № 8 «О Государственном гербе Республики Хакасия» утратил силу. В Законе, установившем Государственный герб Республики Хакасия, содержится порядок официального использования и его описание: «Государственный герб

Республики Хакасия представляет собой изображение в серебряном поле червлёного (красного) щита амазонок, тонко окаймленного зеленью и с золотой нитевидной внутренней каймой, обремененного серебряным идущим крылатым барсом настороже, тонко окаймленным и украшенным золотом и вписанным во внутреннюю кайму. Щит сопровожден вверху золотым, снаружи тонко окаймленным солярным знаком – символом Вселенной (в виде безанта, заключенного в два кольца, причем от внешнего кольца отходят четыре косвенных луча) и окружен венком из двух червленых березовых ветвей с зеленой листвой. Внизу венка, в промежутке между ветвями, на зеленой ленте изображен хакасский орнамент, выполненный золотом» [3]. Отличием текущей версии герба от изначально принятой в 2003 г. является орнамент, которым была заменена надпись «Хакасия». С учетом рекомендаций Геральдического совета при Президенте Российской Федерации РФ. Герб РХ зарегистрирован в Государственном геральдическом регистре РФ под № 3920

Заключение

Таким образом, следует отметить, что принятие главного символа Республики Хакасия явилось для субъекта и хакасского народа делом чести. Важно подчеркнуть, что в таком ответственном деле по принятию герба неравнодушным остался и принял участие Александр Иванович Котожеков. Участие в создание герба – это маленькая толика его общественной деятельности. Его активная жизненная позиция и переживания за настоящее и будущее своего народа позволяют нам назвать его, без преувеличения, достоянием хакасского этноса. Задача исследователей заключается в создании наиболее полной картины его жизнедеятельности и в популяризации его значимого вклада в дело развития культуры и искусства.

Список литературы

1. Государственное казенное учреждение Республики Хакасия «Национальный архив». Ф. 782. Оп.1. Д. 1103. Л. 1.
2. Закон Республики Хакасия «О Государственном гербе Республики Хакасия» от 06.06.1992 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=167007180&backlink=1&&nd=167003690(дата обращения: 16.03.2023).
3. Закон Республики Хакасия «О Государственном гербе Республики Хакасия» от 19.03.2003 г. URL: http:// ://www.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req (дата обращения: 16.03.2023).
4. Информант исследования: Котожеков Александр Иванович, г. Абакан
5. Тугужекова В.Н. К вопросу об образовании Республики Хакасия // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2022. Вып. 3. С. 15–21.

УДК 316.7

Ориентации и установки тувинских женщин на материнство (по данным социологического опроса)

Карашпай Сайлык Мергеновна
научный сотрудник.
Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований
при Правительстве Республики Тыва,
Центр социологических исследований.
Кызыл, Россия.
Asm23_09@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-1006-0504

АННОТАЦИЯ В статье представлены основные результаты социологического исследования по изучения семейных ценностей населения Республики Тыва. Выявлены репродуктивные установки женщин, оптимальный возраст для рождения первого ребенка, реальное и идеальное количество детей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Семья, дети, рождаемость, тувинские женщины, материнство.

Семья как социальный институт вовлечен во все процессы, происходящие в обществе. В последние годы учеными отмечаются изменения в семейно-брачных отношениях, в частности в репродуктивном поведении. Репродуктивная культура – совокупность знаний, умений, ценностей, потребностей, которая регулирует соответствующее поведение индивида, направленное на рождение детей или избегание этого события [1].

Для современного российского общества характерна установка на малодетность. Репродуктивные установки населения на малодетность связаны с изменением семейных ценностей. Основными причинами ослабления репродуктивных мотиваций стало увеличение периода социализации детей, также изменение социальной роли ребенка усилило экономическую зависимость детей от родителей [2].

Репродуктивные установки делятся на реальные и идеальные. Первые связаны с представлениями, включающие оценку социально-экономического положения индивида и готовность к деторождению. Вторые – идеальные представления о семье и детях, не включающие социально-экономические условия личности.

Для поддержания рождаемости в стране реализуются множество программ. Национальный проект «Демография», рассчитанный на 2019–2024 годы, включает пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости женщин», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт – норма жизни».

В Республике Тыва проживает около 95000 семей, из которых 32,9% многодетные (по Российской Федерации – 25%). В них более 118000 детей – это более трети всего населения республики. На одну женщину фертильного возраста приходится в среднем 3,19 ребенка, что больше всех в России [3]. По сравнению с другими регионами рождаемость в Туве растет, и существует необходимость в изучении специфики репродуктивного поведения населения.

Для изучения семейных ценностей населения Республики Тыва сотрудниками Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ) был проведен социологический опрос. Объем выборочной

совокупности составляет 935 человек. Анкетирование проводилось в 2 городах и 14 районах республики: г. Кызыл, г. Ак-Довурак и Бай-Тайгинском, Барун-Хемчикском, Дзун-Хемчикском, Каа-Хемском, Кызылском, Овюрском, Пий-Хемском, Сут-Хольском, Тандинском, Тес-Хемском, Тоджинском, Чаа-Хольском, Чеди-Хольском, Эрзинском районах.

Наиболее важными ценностями для жителей республики явились: семья (74%), здоровье (54%) и дети (49%) [4]. Под семьей респонденты понимают «забота и любовь к детям, супруге (супругу)» (73,3%); «продолжение рода» (64,9%), «крепкий тыл, чувство защиты» (50,4%). Фундаментальной семейной ценностью, по мнению опрошенных, является любовь и дружба (60,9%).

За последние годы в стране растет средний возраст рождения ребенка. Чаще всего женщины откладывают рождение ребенка для получения образования, и работы. В Туве ситуация обстоит по-другому: средний возраст населения составляет 29,1 лет (по данным Всероссийской переписи 2010 года). Более половины респондентов ответили, что в возрасте 21–25 лет можно становиться матерью и отцом. Для 23% респондентов оптимальным возрастом для рождения первого ребенка является возраст от 26 до 30 лет, 12,6% – до 20 лет, 4,3% – после 30 лет (Рис. 1). Рождение ребенка после 30 мужчины поддерживают больше, чем женщины.

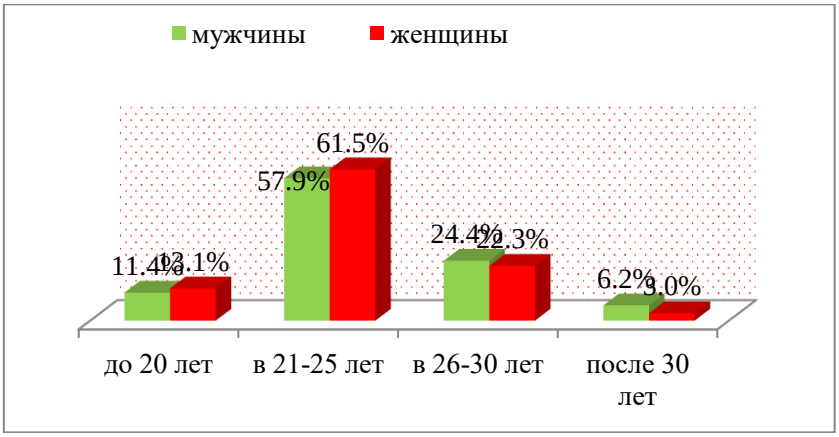

Рисунок 1. Наиболее оптимальный возраст для рождения первого ребенка (в разрезе пола)

Количество детей в семье определяется, с одной стороны, репродуктивными установками супругов (в частности, установками на детность), а с другой – внешними обстоятельствами, которые, по оценке людей, могут благоприятствовать или не благоприятствовать реализации этих установок.

Далее выявили реальное и идеальное количество детей в семье. Преобладающее количество опрошенных имеют детей. Чем старше возраст респондента, тем больше детей, и наоборот. 21,2% опрошенных являются бездетными. Так, среди молодежи 18–30 лет доля не имеющих детей составляет 42,8% (Рис. 2).

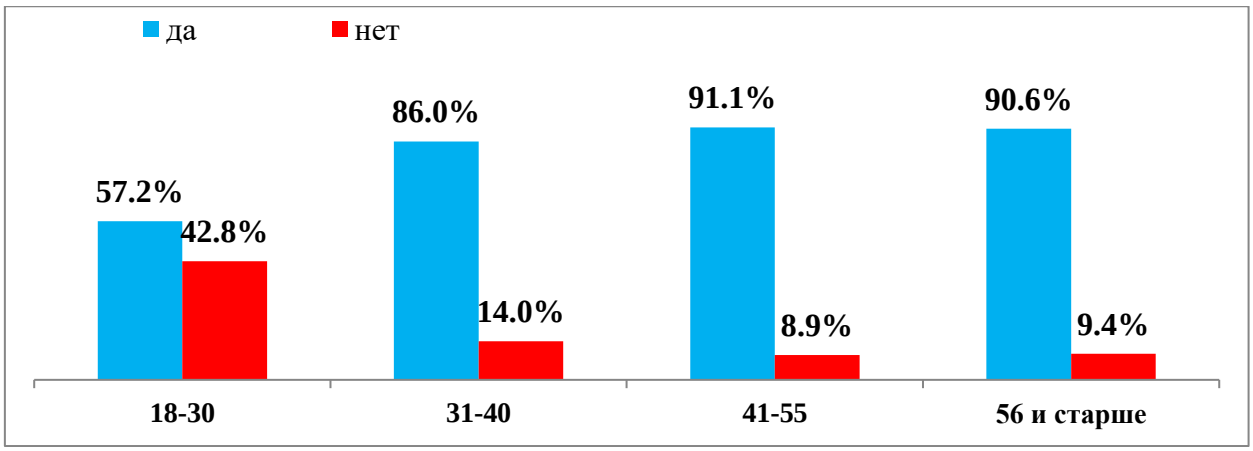

Рисунок 2. Количество детей в семье (в разрезе возраста)

По результатам исследования опрошенные заявили, что имеют одного ребенка 47,5%, двух детей 27,1%, трех и более детей 25,4% . Безусловно, чем старше участник опроса, тем меньше несовершеннолетних детей. Семьи, имеющие одного ребенка, как правило, живут в незарегистрированном браке (51,9%) и являются неполными (86,7%). Официально зарегистрированные семьи в большей части является двухдетными (32,1%) (Рис.3).

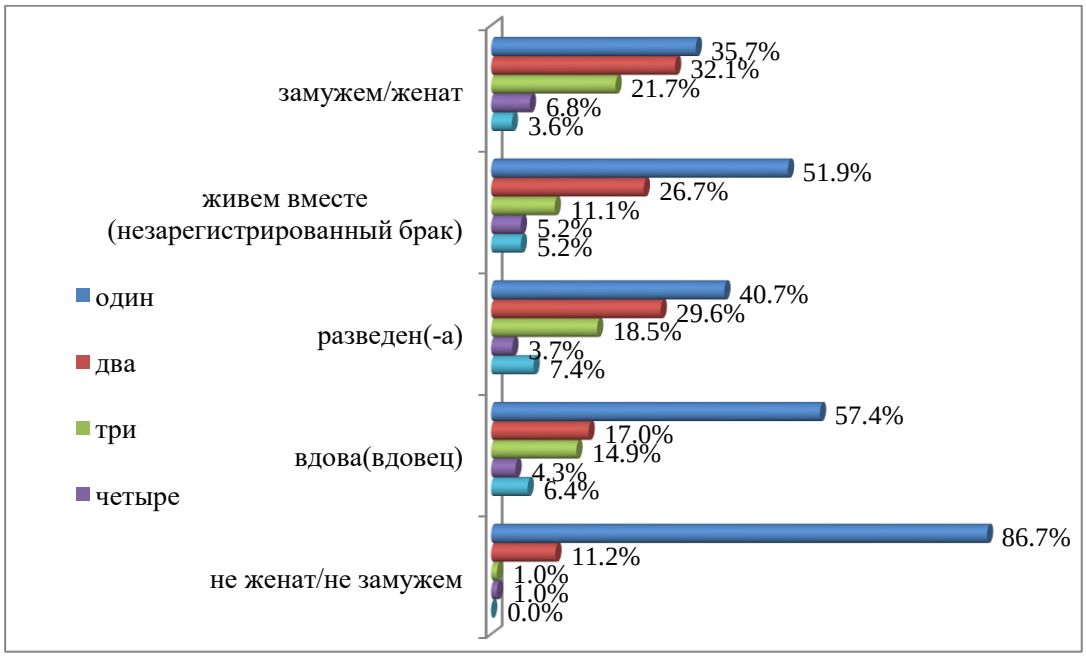

Рисунок 3. Количество несовершеннолетних детей (в разрезе семейного положения)

Реальное количество детей в тувинских семьях отличается от желаемого. Для 42% опрошенных трое детей в семье является идеальным, для 30% – четыре и более, 24% – двое, 10% – один ребенок. Отрадно, что лишь для 1% респондентов, бездетная семья является идеалом.

75% респондентов отметили, что семейная жизнь родителей является образцом для их поведения. Воспитание подрастающего поколения является одним из важнейших составляющих общества. Дети воспитываются в дошкольных учреждения и в школе и т.д. По мнению опрошенных, в первую очередь, воспитанием детей должны

заниматься оба родителя. Однако женщины немного чаще мужчин, должны уделять внимание социализации детей.

Наиболее важными аспектами в семейном воспитании ребенка являются:

1) воспитание детей в заботе, любви родителей (85,7%);
2) проявление терпимости, уважение к личности ребенка (39%);
3) привитие национальных и семейных традиций (38%);
4) уважение и почитание старших (28,9%);
5) приобщение к труду (26,2%).

Для старшего поколения важнее привитие детям национальных и семейных традиций (42%), проявление терпимости, уважения к личности ребенка (40%). Для молодого поколения важнее приобщить детей к труду, а для жителей среднего возраста приобщение к религии.

Заключение

Таким образом, полученные результаты показывают высокий уровень репродуктивных установок тувинских женщин. Большинство опрошенных являются родителями одного и двух детей. Оптимальным возрастом для рождения первого ребенка считают 21–25 лет. Реальное и идеальное количество детей в семьях отличаются. Половина респондентов с одним ребенком, ответили, что трое детей в семье является идеальным для полноценной семьи. Специфическими особенностями репродуктивного поведения является то, что семьи с одним ребенком чаще живут в незарегистрированном браке. Лишь 32% респондентов официально зарегистрировали брак. Вместе с тем, высокий уровень рождаемости в регионе определяет социальные проблемы, такие как нехватка дошкольных учреждений, перегруженность школ и т.д. Необходимо вести учет многодетных и малоимущих семей для выявления специфики о составе, структуре, уровне доходов и т.д. Это позволит выработать комплекс мер по созданию условий для улучшения социально-экономического положения семей республики.

Список литературы

1. Беляева М.А. Педагогическое осмысление понятия «репродуктивная культура» // Понятийный аппарат педагогики и образования / отв. ред. Е.В. Ткаченко, М.А. Галагузова. Вып. 5. М., 2007. С. 273–285.
2. Бегинина И.А., Калугина Т.А. Особенности репродуктивных установок сельских женщин // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 4. С. 413–418. https://doi.org/10.18500/1818-9601-2018-18-4-413-418.
3. В Туве начал работать Совет по демографии при Главе республики [Электронный ресурс] http://gov.tuva.ru/press_center/news/society/39397/ (дата обращения: 19.11.2019).
4. Карашпай С.М., Сат А.В., Сади С.С., Монгуш А.А. Семейные ценности населения Республики Тува // Этносоциум. 2018. № 9 (123). С. 45–48.

УДК 332.12

Модели этноэкономического поведения

Лушникова Ольга Леонидовна
кандидат социологических наук, старший научный сотрудник.
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, сектор экономики и социологии.
Абакан, Россия
oltolt@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1440-1505

АННОТАЦИЯ Традиционные системы хозяйствования способны трансформироваться в современные этноэкономические уклады, сохраняя элементы самобытности или принимая новые формы. В силу локальных особенностей существуют региональные модели этноэкономического поведения. В статье предпринята попытка выявить такие модели (на примере Хакасии). Хакасы ориентированы на разведение скота как значимого элемента традиционного уклада жизни. Для проживающих на территории республики русских хозяйственные практики являются характерной для сельского образа жизни привычкой. У шорцев ориентация на промысловую деятельность объясняется традициями ведения хозяйства. И им, как коренным малочисленным народам, положены определенные привилегии. Сделан вывод, что различия хозяйственного поведения обусловлены не только этническим фактором, но и природно-климатическими, географическими условиями, и даже политическими факторами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этноэкономика, этническая экономика, этноэкономический уклад, традиционный хозяйственный уклад, экономическое поведение

Поскольку этнос локализуется в границах определенной территории, то действие этнического фактора на экономику региона способствует формированию и развертыванию такого сектора регионального воспроизводства, как этноэкономика [7, с. 143]. Конечно, речь идет не об аутентичных формах и способах хозяйствования, а об их адаптации в современных условиях. Благодаря высокой степени адаптации, восприятия, переработки и закрепления инноваций [9, с. 6–7], этноэкономические уклады в нынешних условиях продолжают воспроизводиться, сохраняя элементы самобытности или принимая новые формы. Сегодня исследователи сходятся во мнении, что потенциал региональных экономик связан именно с развитием исторически сложившихся на определенной территории форм хозяйственной деятельности, свойственных местным этническим сообществам [2; 4; 5].

Представляется, что этнические культуры, на ментальном уровне «программирующие» активность своих носителей, оказывают влияние на их экономическое поведение через ценности [6, с. 44]. Поэтому в условиях полиэтничности важно учитывать особенности хозяйственного поведения ключевых акторов этнической экономики: коренных народов, крупных этнических сообществ, локальных групп и т.д., способных влиять, менять и развивать региональную экономику. Фокус данного исследования направлен на выявление региональных моделей этноэкономического поведения (на примере Республики Хакасия).

Материалами для исследования послужили статистические данные; официальные отчеты министерств и ведомств республики; результаты социологического опроса сельского населения Хакасии 2018 г. (n=486), 2022 г. (n=404).

Хакасы – титульный этнос в республике, но при этом малочисленный, большая часть хакасов сосредоточена в сельской местности. Традиционный образ жизни хакасов связан с проживанием в сельской местности и преимущественно

сельскохозяйственным укладом жизни. Результаты исследований, проведенных автором, доказывают, что хакасы активно занимаются ведением личного подсобного хозяйства, в том числе разведением скота, причем, по сравнению русскими, проживающими на территории республики, в среднем держат больше скота (70,2% и 36,8% соответственно).

По мнению К.С. Головачева, преемственность и стабильность социокультурных факторов обуславливается явлением социокультурной памяти общества как особого социального механизма, воспроизводящего эталоны поведения, проверенные опытом истории и соответствующие потребностям дальнейшего развития общества» [1, с. 29]. Поэтому и в современных условиях хакасы ориентированы на воспроизводство хозяйственных практик, сохраняющих элементы традиционного уклада жизни. Это подтверждают исследования: в условиях безработицы хакасы чаще ориентируются на ведение личного подсобного хозяйства в качестве альтернативы трудовой занятости, и в целом выражают готовность прожить только за счет хозяйства [3, с. 80].

Абсолютное большинство в регионе составляют русские, как в городской, так и в сельской местности. Поскольку экономические системы могут меняться под влиянием национальных культурных традиций [8, с. 12], поэтому нельзя не учитывать степень влияния этнического большинства на трансформацию хозяйственных практик титульного этноса. В то же время взаимодействие носит реципрокный характер, поэтому экономическое поведение русских, населяющих регион, тоже меняется. Так, например, в селах с преобладанием титульного этноса русские тоже активно занимаются хозяйством и держат много скота (66,5% и 78,8% соответственно). Но в отличие от хакасов, русские склонны рассматривать подсобное хозяйство в качестве источника пропитания (74,9%), а не основного рода своей деятельности. Поэтому можно считать, что воспроизводство практик огородничества и скотоводства у сельских русских обусловлено не экономическими мотивами, а, скорее, повседневной привычкой, принятой в укладе жизни сельского человека.

Также на территории Хакасии проживают представители такого малочисленного коренного народа, как шорцы. В соответствии с Постановлением Совета национальностей Верховного Совета Российской Федерации № 4538-I от 24 февраля 1993 г., шорцы были отнесены к коренным малочисленным народам, и соответственно получили права на государственную поддержку. В Хакасии шорцы в основном сосредоточены в притаежной местности, традиционным видом их хозяйствования являются промыслы: охота, рыболовство, сбор кедрового ореха. Согласно закону «О защите прав малочисленных и коренных народов», для шорцев, например, определили места природопользования для исконных таежных промыслов – охоты, рыбалки, сбора кедра, ягод, грибов. Сегодня существует угроза выведения оборота значительной части территорий традиционного природопользования шорцев из-за золотодобывающих компаний. Промышленное освоение может привести к утрате самобытных хозяйственных практик шорцев на территории республики и необходимости менять свое экономическое поведение. Согласно отчетам региональных ведомств, шорцы и так невысоко оценивают свой уровень адаптации к современным экономическим условиям: 41,5% шорцев считают, что скорее не адаптированы или не адаптированы к новым условиям жизни.

Исходя из представления о том, что экономические отношения укореняются в культуре народа и транслируются последующим поколениям, полагаем, что этнические особенности хозяйственного поведения сохраняются и в современных реалиях. Одни этносы поддерживают традиционные хозяйственные уклады, другие воспроизводят отдельные элементы исторически сложившихся форм хозяйствования, некоторым удается модифицировать самобытные практики в новые формы (например, этническое предпринимательство).

Заключение

Исследование показало, что различия хозяйственного поведения основных этнических групп Хакасии обусловлены не только этническим фактором, но и природно-климатическими, географическими условиями, и даже политическими решениями. У хакасов традиционный образ жизни связан с разведением скота, и все, что связано со скотоводством представляет особую ценность (степи, пастбища, тайга, земля). Русские тоже занимаются ведением хозяйства, однако для них оно – скорее, принятая в сельском укладе жизни привычка. Шорцы, проживая в притаежной местности, занимаются промысловой деятельностью: охотой, ловлей рыбы, собирательством. Поскольку шорцы отнесены к коренным малочисленным народам, соответственно имеют определенные права на различные меры государственной поддержки для реализации хозяйственной деятельности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, № 23-28-00307, https://rscf.ru/project/23-28-00307/

Список литературы

1. Головачев К.С. Обоснование социокультурного подхода к изучению экономических процессов в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. 2000. № S. С. 27–39.
2. Игошева М.А. Экономический ресурс этнической идентичности в условиях современных миграционных процессов // Философская мысль. 2020. № 7. С. 72–84. https://doi.org/10.25136/2409-8728.2020.7.33513.
3. Лушникова О.Л. Этнические особенности ведения хозяйства, или у кого больше скота? // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 77–87. DOI: https://doi.org/10.31857/S013216250018564-3.
4. Ооржак К-Д.К. Этноэкономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3. С. 1759–1774. https://doi.org/10.18334/eo.9.3.40949.
5. Паникарова С.В., Власов М.В., Чебодаев В.П. Институты развития этноэкономики // Проблемы современной экономики. 2011. № 4. С. 53–57.
6. Персидская О.А. Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 41–51. https://doi.org/10.25178/nit.2019.3.4.
7. Печура О.В. Этнический фактор в развитии экономики региона // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. № 2 (24). С. 138–143.
8. Роузфилд С. Сравнительная экономика стран мира: Культура, богатство и власть в XXI веке. М.:» РОССПЭН, 2004. 430 с.
9. Сурнина Н.М., Печура О.В. Этноэкономика региона: цивилизационные основы и перспективы развития // Известия Уральского государственного экономического университета. 2009. Т. 23. № 1. С. 98–104.

УДК 323.1

Этнополитические процессы на Северном Кавказе: современное состояние и тенденции развития

Магомедова Муслимат Алхилаевна
кандидат философских наук.
Региональный центр этнополитических исследований
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.
muslimat-rci@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-5640-4686

АННОТАЦИЯ Этнополитические процессы многоплановы и затрагивают практически все сферы социального бытия. Они проявляются и в экономике, и в социальной сфере, и в плане межгруппового и межличностного взаимодействия. Нередко они порождают противоречия и конфликты в обществе, особенно в переходный период. Динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе, фактически, отражает динамику политических процессов в Российской Федерации.
В статье анализируются межэтнические отношения на Северном Кавказе. Особая напряженность в межнациональных отношениях в регионе связана с нерешенностью вопроса восстановления Ауховского района в Республике Дагестан, непреодоленностью осетино-ингушского конфликта, нерешенностью проблем репрессированных, депортированных и «разделенных» народов. А также дестабилизирует межэтнические отношения в регионе современный процесс демаркации границ между субъектами Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этнополитические процессы, Северный Кавказ, межнациональные отношения, национальная политика, конфликт, регион.

Конструирование успешной национальной политики в Российской Федерации зависит как от эффективного стратегического планирования и управления развитием межнациональных отношений на макроуровне, так и степени эффективности реализации Стратегии государственной национальной политики в регионах РФ. Как известно Указом № 1666 Президента Российской Федерации в декабре 2012 года принята «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Реализация данных задач Стратегии определяет перспективы развития и совершенствования современной национальной политики Российского государства на ближайшую перспективу. Национальная политика Российской Федерации формируется и реализуется на своеобразных территориальных уровнях: общегосударственном, региональном (на уровне субъектов федерации), местном (муниципальном).

Актуальность исследования проблем и опыта реализации Стратегии национальной политики на региональном уровне обусловлена сложностью проблем межэтнического развития на Северном Кавказе.

После распада СССР, многие очаги межнациональной напряженности и конфликты из латентного состояния перешли в открытые и стали серьезной угрозой национальной безопасности Российской Федерации на юге страны (осетино-ингушские отношения, российско-чеченские отношения и первая война федерального центра с Чеченской Республикой в 1994–1996 гг., противостояние народов в Дагестане, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и т.д.).

Вооруженный осетино-ингушский конфликт, который вспыхнул осенью 1992 года в Пригородном районе Северной Осетии в последующем негативно повлиял не только на обстановку в Северной Осетии и Ингушетии, но и на ситуацию на всем

Северном Кавказе в целом. Исторически осетино-ингушский конфликт явился следствием сталинских репрессий и насильственного выселения ингушского народа в 1944 году по обвинению в измене Родине и политическом бандитизме. В январе 1957 года при восстановлении Чечено-Ингушской АССР ей не был возвращен Пригородный район Северо-Осетинской АССР, входивший накануне репрессий в его состав, хотя в порядке «компенсации» в состав Чечено-Ингушской АССР были включены ранее не принадлежавшие ей Каргалинский, Шелковской и Наурский районы, отчужденные от Ставропольского края. Пригородный район и стал главным «яблоком раздора» в последующие долгие годы [3, с. 253]. И лишь в октябре 2002 года было подписано Соглашение о развитии сотрудничества и добрососедства между этими двумя соседними республиками.

В процессе распада СССР у значительной части населения Северного Кавказа усилился социально-психологический и духовно-нравственный дискомфорт, который способствовал пробуждению религиозного и национального самосознания, появлению и активизации различных национальных и религиозных партий, объединений и движений. Эти национальные и религиозные партии, объединения и движения первоначально возникли на волне демократизации, гласности, перестройки. Определенная часть населения региона связывала с ними надежды на возрождение языков, традиционной культуры своих народов, стабилизацию общественно-политической обстановки и т.д. Однако очень скоро наметилась опасная тенденция к политизации некоторых из них. Например, лезгинское национальное движение «Садвал» ставило вопрос о национальном самоопределении лезгин Дагестана и Азербайджана в Республику Лезгистан либо в составе Дагестана, либо как самостоятельный субъект России. А по их примеру почти все остальные активно включились в политические процессы, которые противоречиво происходили в республиках Северного Кавказа. Однако проблема состояла в том, что вдохновители и идеологи создания новых республик на Северном Кавказе не считались ни с мнением федерального центра, ни с мнением других народов региона, которые проживают на этой территории.

Требования национальных движений о создании республик на Северном Кавказе провоцировали взрывоопасную этнополитическую обстановку в сложном и проблемном регионе Российской Федерации. На этой почве возникли острые этнополитические конфликты [8, с. 67].

Таким образом, Северный Кавказ оказался после распада тоталитарной системы погруженным в гущу этнических конфликтов – как холодных, так и горячих. Из последних самыми тяжелыми были осетино-ингушский и российско-чеченский. В отечественной правовой и историко-политической литературе причины, ход, особенности и последствия российско-чеченского противостояния, в том числе и двух российско-чеченских войн (1994–1996 гг. и 1999–2002 гг.) усилиями исследователей освещены в целом объективно [4; 6; 9].

Если обратиться к истории Северного Кавказа, то станет очевидным также, что межэтнические конфликты и территориальные споры порождают сохранившиеся в памяти некоторых народов Северного Кавказа исторические обиды на репрессивную по отношению к ним политику советской власти, многочисленные перекройки административных границ без учета исторически сложившихся реальностей региона.

Негативное воздействие на этнополитическую ситуацию оказывает усугубляющийся социально-экономический, экологический, политический кризис, переживаемый Северным Кавказом, как результат и следствие общероссийского кризиса. Существенное влияние на обострение межэтнических отношений оказывает высокий уровень внешней и внутренней миграции.

Следует отметить, что национальные отношения не существуют в чистом виде. Они тесно переплетены с политическими, социальными, религиозными, экономическими отношениями. Следовательно, в республиках Северного Кавказа многие социально-экономические, политические и другие процессы приобретают этническую окраску. На протяжении уже нескольких лет проблемами, актуализирующими межэтнические отношения в регионах Северного Кавказа, являются земельные споры. В Республике Дагестан – это проблемы восстановления Ауховского района, земель отгонного животноводства. В Кабардино-Балкарии и в Карачаево-Черкессии – это спорные вопросы по определению границ муниципальных образований.

Современная общественно-политическая и этнополитическая обстановка в Северо-Кавказском округе характеризуется также рядом выраженных негативных социальных тенденций, проявлениями религиозного экстремизма и терроризма, а также высоким конфликтогенным потенциалом. Этнополитические процессы, в том числе и конфликтогенный потенциал достаточно широко освещены в работах ученых данного региона (А.К. Алиев, А.Г. Гусейнов, Г.И. Юсупова, К.М. Ханбабаев, Х.В. Дзуцев, А.А. Санглибаев, А.И. Тетуев и др.) [1; 2; 5; 7; 10; 11; 12].

Заключение

Этническое многообразие северокавказского общества делает национальный вопрос одним из ключевых в сфере государственного управления. В настоящее время среди факторов, влияющих на этнополитическую сферу помимо вышеуказанных является также кадровая политика, распределение властных полномочий. Они в разной степени актуальны во многих территориях северокавказских республик.

Проблемы межэтнических отношений, возникающие на территории Северного Кавказа, свидетельствуют о слабом законодательстве о земле. Следовательно, возникает острая необходимость в проведении земельной реформы в соответствии с требованиями Земельного Кодекса Российской Федерации.

Проблемы территориальных споров на Северном Кавказе требуют решения комплексного подхода со стороны федеральных и региональных властей.

Разрешение межнациональных отношений в регионе во многом зависит от решения материальных, социально-экономических и политических проблем российского, северокавказского обществ.

Органам государственной власти на всех уровнях необходимо активно использовать в сфере межнациональных отношений научно обоснованные управленческие меры, стратегически обеспечивающие равноправное развитие и сотрудничество национальностей, проживающих на территории Северного Кавказа, укрепление потенциала дружбы и сотрудничества.

Органам государственной власти республик, институтам гражданского общества, СМИ необходимо консолидировать усилия в деле возрождения лучших традиций народной дипломатии, обычаев добрососедства, взаимопонимания, дружбы народов Северного Кавказа.

Список литературы

1. Алиев А.К. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе // Северный Кавказ в современной геополитике России. Материалы региональной научной конференции. Махачкала: ИПФ «Наука – Дагестан». 2009. С. 11–23.
2. Алиев А.К., Юсупова Г.И. Терроризм как угроза национальной и глобальной безопасности. Махачкала: Изд-во «Наука ДНЦ РАН», 2010. 512 с.

3. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Северный Кавказ: новые ориентиры национальной политики (90-е годы XX века). М.: Новый хронограф, 2004. 408 с.
4. Гакаев Д.Д. Очерки политической истории Чечни (XX век). В двух частях. М., 1997. 473 с.
5. Гусейнов А.Г. Социально-политические конфликты Северного Кавказа и пути урегулирования. М.: Наука, 2007. 269 с.
6. Дзидзоев В.Д. Кавказ конца XX века: тенденции этнополитического развития (историко-политологическое исследование). Владикавказ 2004. 359 с.
7. Дзуцев Х.В. Пути преодоления этносоциальных конфликтов в Северо-Кавказском федеральном округе Российской Федерации. М.: ИСПИ РАН, 2010. 146 с.
8. Магомедова М.А. Религиозный экстремизм и терроризм на Северном Кавказе в контексте проблем информационной безопасности. Махачкала: РЦЭИ ДФИЦ РАН, АЛЕФ, 2021. 250 с.
9. Малышева Д. Феномен этносепаратизма на Кавказе и мировой опыт // Центральная Азия и Кавказ. М., 1999. № 3 (4). С. 29–43.
10. Санглибаев А.А. Этнополитические процессы на Северном Кавказе на современном этапе: автореф. дис. … д-ра полит. наук. Ставрополь, 2008. 38 с.
11. Тетуев А.И. Этнополитические процессы на Северном Кавказе в постсоветский период. Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2020. 224 с.
12. Юсупова Г.И. Глобализация и трансформационные процессы в социально-политической сфере республик Северного Кавказа. М.: Наука, 2007. 110 с.

УДК 304

О методологии изучения социального самочувствия полиэтнических сообществ (на материалах республики Саха (Якутия))

Маклашова Елена Гавриловна
доктор социологических наук, заместитель директора.
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.
Якутск, Россия.
maklashova@mail.ru
http://orcid.org/0000-0001-5080-6473

АННОТАЦИЯ В статье поднимается вопрос о необходимости корректирования методологии изучения социального самочувствия в контексте реализации государственной национальной политики России, активной поддержке развития поликультурности, языкового многообразия в регионах России. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. На основе анализа теоретических концептов социального самочувствия и результатов научных исследований по адаптации коренных малочисленных народов Якутии предлагается включение этнокультурного среза и его специальных индикаторов при изучении социального самочувствия уникальных этнических групп.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Социальное самочувствие, коренные малочисленные народы Севера, устойчивое развитие, этнокультурные индикаторы, духовно-культурные основания социального самочувствия

Изучение социального самочувствия представляет собой весьма актуальную фундаментальную научную проблему. Во-первых, нет установленных границ, методик, методологии изучения социального самочувствия, признанных научным сообществом. Во-вторых, в условиях перманентной системной трансформации социальное самочувствие выступает индикатором стабильности общества и его групп. В-третьих, способствует формированию новых знаний о динамике изменения состояния и интенций общества вследствие расширения спектра и усиления «больших вызовов». В-четвертых, представляет основу для выработки управленческих решений по сохранению социальной стабильности в стране и ее регионах.

Социальное самочувствие – это широкий и спектральный показатель, трактующийся в зависимости от общего подхода к нему исследователей. Так, например, отражающий: 1) психоэмоциональное состояние в рамках индивидуальной и групповой оценки качества жизни, собственных сил, возможностей в настоящем и будущем, разрабатываемый Институтом социологии РАН (Ж.Т. Тощенко и т.д.) [1; 2, 3, 4]; 2) уровень интеграции индивидов, посредством поддержания функциональных связей и паттернов, обеспечивающих устойчивость социальной системы [5; 6]; 3) уровень возможных институциональных изменений в рамках оценки готовности индивидов к активным действиям [7; 8; 9].

Реферирование материалов о состоянии социального самочувствия населения России позволяет говорить, что сама социологическая категория «социальное самочувствие» является отражением взаимосвязи влияния современных, сложносоставных социальных явлений и процессов на развитие общества / социальной группы, по этой причине она многомерна и может выступать как индикатором социально-политических процессов, эффективности реформ и адаптации к ним общества и его отдельных групп, так и показателем состояния и развития самого общества / его отдельных социальных групп. Исходя из понимания

социального самочувствия как многосоставного показателя и базируясь на результатах научной дискуссии (в том числе в рамках методологических семинаров) в Центре этносоциологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (далее ИГИиПМНС СО РАН) по вопросу разработки методологии исследования социального самочувствия населения Якутии было решено проведение анализа широкого диапазона погружённости человека в полиэтническую социальную среду с охватом психологического среза – измерение эмоционального состояния, среза объективных условий, включая отношение к окружающей среде и субъективного среза - оценка своего места в социальном процессе. На основе этого нами представлено следующее определение *социального самочувствия как оценки состояния самосознания общества / группы / личности в исследуемый период («здесь и сейчас»), выступающей многосоставным показателем, отражающим восприятие группой/индивидом окружающей среды (политической, социальной, экономической, культурной, экологической), включенность (личности / группы) в эту среду и определяющего стратегии их адаптации, которая показывает устойчивость социальных отношений и социального процесса, влияет на тренды и в целом перспективы развития полиэтнического региона.*

Принимая во внимание значимость поликультурности и языкового многообразия как важных «двигателей» социального развития в России с закреплением таких уникальных особенностей нормативно-правовыми актами федерального и регионального значения, проведением государственной национальной политики в России значимым для изучения социальной стабильности и социального самочувствия российского полиэтнического общества становится учет этнокультурных основ его развития.

Итак, в ходе методологических семинаров и ряда научных результатов Центра этносоциологических исследований ИГИиПМНС СО РАН, было обсуждено и принято решение, что изучение социального самочувствия в полиэтнических сообществах должно включать не только эмоциональный, социально-экономический, но духовно-культурный (этнокультурный) срезы, фиксирующие уровень устойчивости и адаптивности сообщества.

По нашему мнению, учет индикаторов духовно-культурного состояния должен включать показатели, позволяющие оценить этнические основания, ценность национальных традиций и межэтнической коммуникации, личностное участие в процессе сохранения и передачи национальной культуры, наследия и исторической памяти.

Первичная апробация была проведена в отношении исследования социального самочувствия социальной группы, обозначаемой законодательно как коренные малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия) (эвены, эвенки, долганы, чукчи и юкагиры).

Для определения и выделения спектра духовно-культурных индикаторов социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера проведен анализ научных результатов публикаций по теме устойчивого развития малочисленных народов в Якутии, в результате выделен ряд взаимосвязей, определяющих специфику их жизни:

- взаимосвязь развития этнических сообществ и территорий традиционного проживания (далее ТТП) с точки зрения вопросов юридической, экономической, социальной и экологической защиты [10; 11; 12];

- взаимосвязь развития этнических сообществ и традиционных видов хозяйствования [13;14; 15; 16];

- взаимосвязь развития этнических сообществ и роста их этнической идентичности [17;18; 19].

Аудит правовых норм и научных данных по адаптации коренных малочисленных народов позволяет определить, что, уровень устойчивого развития во многом взаимосвязан и обусловлен состоянием таких факторов, как этническое единение, национальная культура, территория проживания (земля, природа), традиционный образ жизни и традиционная хозяйственная деятельность, язык, родовая община, социальное обеспечение, экологическое состояние территории проживания. По нашему мнению, включение вышеобозначенных этнокультурных элементов к индикаторам социального самочувствия населения Якутии и, в частности, в отношении изучения устойчивости коренных малочисленных народов Севера поможет зафиксировать восприятие этничности и устойчивость этнической группы, различия в образе жизни, влияния этнокультурных факторов личность /группу в контексте современных социокультурных процессов.

Также приведем результаты двух социологических исследований, проведенных в рамках двух научных проектов: 1) Госзадание ФИЦ «ЯНЦ СО РАН» по теме НИР «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации» (госзадание); 2) проект «Ресурсы идентичности, языка и культуры коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия): современное состояние, локальный и глобальный контекст трансформаций» в рамках Программы научных исследований и прикладных работ, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (далее – грант). В рамках гранта в мае-июне 2021г. проведены два анкетных опроса по пилотажному инструментарию лиц от 18 лет и старше, проживающих в места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности КМНС (далее МТП) и выверенному инструментарию среди молодежи с дифференциацией опроса в зависимости от типа территории проживания респондентов (в МТП и вне МТП). Цель опросов: определение значимости этнокультурных ресурсов в современной жизни коренных малочисленных народов. Границы пилотажного опроса включали такие населенные пункты мест компактного проживания КМНС в Якутии: с. Себя-Кюёль (Ламынхинский национальный наслег Кобяйского улуса) и с. Хатыстыр (Беллетский эвенкийский национальный наслег Алданского района). Всего опрошено 137 респондентов от 18 лет и старше, являющихся представителями коренных малочисленных народов Севера и проживающих в местах их компактного проживания в Якутии. По этническому составу: 73,4% опрошенных – эвенки, 13,3% – эвены, а 13,3% респондентов определились как обладающие смешанной национальностью. Границы опроса по выверенному инструментарию составили такие районы РС(Я), в составе которых имеются места традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера: Булунский улус (с. Таймылыр Тюметинского национального (эвенкийского) наслега); Верхоянский улус (с. Улахан-Кюель Табалахского наслега); Мирнинский район (с. Сюльдюкяр Садынского национального эвенкийского наслега); Момский улус (с. Сасыр Улахан-Чистайского национального наслега и с. Хонуу Момского национального наслега); Нерюнгринский район (с. Иенгра Иенгринского эвенкийского национального наслега); Оленекский улус (с. Оленек Оленекского национального наслега); Эвено-Бытантайский национальный улус (с. Батагай-Алыта Тюгесирского наслега и с. Кустур Нижнебытантайского наслега); Усть-Янский район (с. Казачье Казачинского национального наслега и с. Юкагир Юкагирского национального (кочевого) наслега). Всего опрошено 361 респондент, отнесенных к категории молодежь с выборкой по возрасту: молодежь от 14 до 19 лет – 51,1%, от 20 до 40 лет – 48,8%. По этническому составу опрошены определились как:

41,0% эвенки, 30,6% эвены, 0,6% долганы; 3,0% юкагиры; 13,1% как обладающие смешанной национальностью, 11,7% якуты. Для сравнения приводятся результаты конкретного социологического исследования по теме «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия)» (2013-2014гг., n=968) с географией исследования: гг. Нерюнгри (n=199), Якутск (n=296), Олекминск (n=152); районы РС(Я): Аллаиховский (n=107), Анабарский (n=112), Усть-Янский (n=102), метод анкетирования, выборка квотная половозрастная (возраст от 18 и старше) (по этническому составу: русских – 31,4%, якутов – 47,4%, коренные малочисленные народы Севера – 12,5%, другие – 5,4%, смешанной национальности – 2,4%). В рамках экспедиционной работы (полевые исследования) по госзаданию проведено качественное исследование методом глубинных интервью. География: Нерюнгринский (с. Иенгра Иенгринского эвенкийского национального наслега, г. Нерюнгри) и Алданский район (с. Хатыстыр Беллетского эвенкийского национального наслега, г. Алдан, г. Томмот) Республики Саха (Якутия), составляющие Южную территориальную зону Якутии. Экспедиция проведена автором в августе 2021г. Цель интервью: выявление уровня социального самочувствия коренных малочисленных народов Севера и факторов влияющих на него. Информантами были выбраны главы национальных наслегов, депутаты наслежных Советов депутатов, лидеры общественных организаций по правам малочисленных народов; лидеры кочевых родовых общин; лица из числа малочисленных народов, являющиеся работниками бюджетных организаций. В статье использованы результаты 12 интервью. Во всех социологических исследованиях мы применили метод этнического самоопределения.

Социологический опрос по теме «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия)» в 2013–2014 гг. показал, что высшая эмоциональная степень значимости этнической идентичности (вариант ответа «очень важно» на многовариантный вопрос «Насколько важно для Вас осознавать себя?») фиксировался среди 29,6% опрошенных представителей коренных малочисленных народов Севера. По данным выверенного инструментария опроса молодежи в МТП наивысший эмоциональный уровень осознания принадлежности респондентов к своей этнической группе (вариант ответа «очень важно» на многовариантный вопрос «Насколько важно для Вас осознавать себя?») ощущают 30,5% опрошенных, причем заметно, чем старше молодой человек, тем уровень восприятия своей этнической идентичности выше. Возрастной срез показал, что среди осознающих очень высокую значимость принадлежности к своей этнической группе лица до 19 лет составляют 47,2%, в возвратной категории от 20 до 40 лет таковых уже 52,8%.По данным пилотажного опроса наивысший эмоциональный уровень принадлежности респондентов к своей этнической группе присущ 47,8% представителям малочисленных народов Севера, проживающих в МТП. В данном опросе также фиксируется зависимость от возраста, а также прослеживается динамика возрастания и проседания показателя «очень важно» осознавать себя представителем своего народа, по всей видимости обусловленная этнокультурными процессами и включенностью в них людей, что требует отдельного изучения и изложения. Интересным является результат о практики сохранении национальных обычаев и традиций в жизни. По данным пилотажного опороса мы получаем тоже достаточно хорошую ситуацию в отдельных МТП: на вопрос «В вашей семье соблюдается какие-либо национальные традиции и обряды?» вариант ответа «да» дали 48,9% респондентов, «скорее да» – 30,7% опрошенных.

Фиксация высокой значимости этнической идентичности для представителей коренных малочисленных народов Севера поставила вопрос влияют ли этнокультурные компоненты на социальное самочувствие коренных малочисленных народов Севера? Вскрыть некоторые взаимосвязи решено было при использовании

качественных исследований, проведенных в рамках госзадания в ходе экспедиции в Южную Якутию.

В ходе глубинного интервью представителей коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Нерюнгринском и Алданском районах Якутии, была определена высокая значимость таких этнокультурных факторов, как: земля и природа; оленеводство; традиции и обычаи, навыки и умения, причем по результатам наших интервью, состояние этих элементов предопределяло дальнейший жизненный путь человека и даже уровень их социального самочувствия. Так по результатам анализа интервью выявлено, что уровень жизни коренных малочисленных народов Севера в Нерюнгринском и Алданском районах, где образованы места их традиционного проживания, в большей мере зависит от состояния оленеводства, в которое вовлечен человек; сплоченности родственников вокруг поддержки этой деятельности, т.е. в этом случае мы говорим о существовании жизненной модели вокруг такого индикатора устойчивости как оленеводство. При этом, исходя из практики в обследуемых районах, существуют следующие типы включения в деятельность, связанную с оленеводством:

- прямое (владение оленями и/ или работа в стаде);
- второстепенное (временная помощь в стаде, принадлежащего родственникам, например во время отпуска по основной деятельности или на время безработицы);
- косвенное (любая финансовая, материальная и иная помощь родственникам, имеющим оленьи стада, кочевые родовые общины (КРО), в том числе в виде услуг, например, оформление отчетных документов, грантов и т.д.).

Так из интервью с представителями коренных малочисленных народов Севера, проживающих в Южной Якутии, при оценке ими своего самочувствия, удовлетворённости жизненными обстоятельствами, установлено, что обладающие земельными участками и оленями, несмотря на трудности жизни, недостаточность материального обеспечения и низкое качество жизни в селах, высказывались более позитивно в отношении своего самочувствия и будущности рода и своего народа.

Обладающие возможностью прибывать время от времени на природе, имеющие второстепенное или косвенное отношение к ресурсу «оленеводство», также были уверены и в меру удовлетворены своим положением.

Выделяя степени включения человека в оленеводческую деятельность как этнокультурного ресурса развития, отдельно выделяется группа лиц (временная), которую можно классифицировать как «отстраненные» от оленеводства. Это достаточно распространённая в районах практика, когда род, некогда имеющий оленей, по разным причинам: личным; внешним, связанным с утратой земли, близостью промышленных объектов и/или разработок, хищниками и т.д. теряет их. Лица, классифицированные нами как отстраненные испытывают некоторую неуверенность в жизни в связи с потерей хозяйства.

Стоит отметить, что среди коренных малочисленных народов Севера распространена и практика «не включения» в традиционный образ жизни, т.е. в этом случае фактор «оленеводство» не входит в основу жизненной модели. «Отречение» от традиционного образа жизни и ориентирование на оседлый, городской образ жизни происходит по разным причинам: возраст; здоровье; отсутствие мотивации к жизни с ведением традиционного хозяйства (причины могу быть весьма разные: от семейно-родственных (отсутствие родственников, ведущих традиционный образ жизни) и материальных до исторических, связанных с переводом в советское время на оседлый образ жизни и с созданием интернатов для детей. Однако из анализа интервью мы понимаем, что, несмотря на вроде устоявшуюся оседлую жизнь, такие лица испытывают духовную потребность в возвращении к традиционному образу жизни, которую невозможно реализовать в силу разных причин (например, отсутствие и

потеря советующих навыков и умений). Кроме того, у некоторых лиц, некогда занятых в оленеводстве, но прекративших эту деятельность в силу разных, порой, независящих от них причини (прежде всего возраст, потеря оленей, отсутствие возможности оформить землю и т.д.) значительно упал уровень жизни, даже вплоть до «бомжевания» (пример существующей ситуации в г. Томмот).

Заключение

Таким образом, полученный спектр материалов (как вторичных так и первичных), в частности на примере коренных малочисленных народов Севера Якутии, позволяет скорректировать социологическую методологию изучения социального самочувствия населения полиэтнических сообществ, в силу значимости этнокультурных ценностей и особенностей проживания, дополняя индикаторы социального самочувствия духовно-культурной группой показателей. Этнокультурный срез социального самочувствия в условиях государственной поддержки этнокультурного многообразия является обязательным и ключевым, влияющим и отражающим на социальное самочувствие населения полиэтнических сообществ.

Кроме того, доработанная методология изучения социального самочувствия этнических сообществ, этносов позволит дополнить методологию разрабатываемой сегодня в Якутии системы мониторинга устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, индикаторов оценки воздействия на этнологическую среду хозяйственной деятельности в местах традиционного проживания коренных народов, позволит проверить интерпретацию устойчивости социокультурного развития коренных малочисленных народов в контексте поддержки этнических маркеров солидаризации, особого статуса и образа жизни северных миноритарных народов.

Список литературы

1. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. 1998. № 1. С. 21–35.
2. Епихина Ю.Б., Черныш М.Ф., Сушко П.Е., Шилова В.А., Лысухо А.С. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. 95 с.
3. Корнилова М.В. Социальное самочувствие: понятие и основные показатели // Евразийское научное объединение. 2015. Т. 2. № 3. С. 135–138.
4. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. М.; СПб., 2011. 176 с.
5. Парсонс Т. Социальные системы // Вопросы социальной теории. 2008. Том II. Вып. 1 (2). С. 38–71.
6. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии. М., 2018. 808 с.
7. Бурдье П. Социология политики. М., 1993. 336 с.
8. Гидденс Э. Социология. М., 2005. 632 с.
9. Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социологические исследования. 2001. № 9. С. 3–13.
10. Борисов В.Д., Борисова Т.Д. Оценка взаимоотношений коренных малочисленных народов Севера и добывающих компаний на территориях традиционного природопользования Республики Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. 2019. № 3 (15). С. 25–35.
11. Гоголев П.В. Местное самоуправление и этническая самоорганизация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России: перспективы взаимодействия // Юридическая мысль. 2014. № 3 (83). С. 86–95.

12. Саввинова А.Н., Филиппова В.В., Федорова А.С., Фондал Г. Картографирование экологических проблем на территориях традиционного землепользования коренных малочисленных народов севера в Южной Якутии // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Науки о Земле. 2018. № 4 (12). С. 37–43.
13. Неустроева А.Б., Самсонова И.В., Малышева М.С., Семенова Л.А. Современное положение традиционных хозяйств коренных малочисленных северных народов в Республике Саха (Якутия) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23. № 3. С. 220–245.
14. Самсонова И.В., Неустроева А.Б., Павлова М.Б. Взаимоотношения коренных малочисленных народов севера и добывающих компаний (на материалах Мирнинского района Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2017. № 3 (13). С. 21–33.
15. Мостахова Т.С. Проблемы локализации этносов коренных малочисленных народов севера и хозяйственной деятельности // Природопользование в Арктике: современное состояние и перспективы развития: сборник научных трудов I международной научно-практической конференции. Якутск: Издательство: Северо-Восточный Федеральный университет, 2015. С. 381–388.
16. Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) / С.М. Баишева, Р.И. Донской, Т.Н. Константинова [и др.]. Новосибирск: Наука, 2012. 360 с.
17. Васильева О.В. Этничность и общество в Республике Саха (Якутия): социологический анализ. Якутск, 2020. 151 с.
18. Шадрин В.И. Трансформация этнической идентичности коренных малочисленных народов севера Якутии в условиях глобализации (на примере юкагиров Республики Саха (Якутия)) // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 132–144.
19. Идентичность, язык и культура молодежи коренных народов Севера: итоги исследования в Якутии / Игнатьева В.Б., Васильева О.В., Томаска А.Г., Маклашова Е.Г., Степанова Ю.Г., Данилов И.А. Новосибирск, 2022. 272 с.

УДК 34.06

Мигранты в Сибири и из Сибири: к вопросу о многоплановости векторов государственно-конфессиональных отношений

Недзелюк Татьяна Геннадьевна
доктор исторических наук, доцент.
Алтайский государственный университет,
кафедра регионоведения России
и государственно-конфессиональных отношений.
Барнаул, Россия.
Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС.
Новосибирск, Россия.
tatned@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8374-9348

АННОТАЦИЯ Исследование посвящено выявлению специфики миграционного поведения, во многом обусловленного удовлетворенностью/ неудовлетворенностью религиозных нужд переселенцев. Источниковую базу исследования составили материалы архивного хранения из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Томской области, Государственного архива Красноярского края. Методика исследования определена спецификой анализируемого массива документальных материалов и включает методы контент-анализа, сравнения, синтеза и обобщения. Сделан вывод о превалировании в государственно-конфессиональной политике России четко выраженной направленности на сопровождение миграционного процесса с целью обеспечения социокультурной адаптации больших масс пришлого населения в принимающем социуме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Государственный архив Красноярского края, Государственный архив Томской области, Российский государственный исторический архив, государственно-конфессиональные отношения

Миграционные процессы, вновь ставшие актуальными в текущем столетии, актуализировали дискурсивные практики как этно-социологического, так и экономико-политического характера. В настоящем исследовании мы оставляем вне исследовательского поля детерминанты причин миграционного поведения, – они достаточно хорошо изучены специалистами [4; 7; 8]. Чрезвычайно важным является изучение мотивации и методов «вхождения» переселенцев в принимающее сибирское сообщество. Стремление мигрантов всех времен было направлено на социокультурную адаптацию в принимающем сообществе и обретение комфортных условий повседневного бытия, а потому фокус нашего исследования направлен на изучение их интенций относительно духовного окормления.

Ранее мы обращались к сюжету рефлексивного восприятия мигрантами западных губерний Российской империи нового для них зауральского региона [6, с. 174–183]. Настоящее исследование призвано ответить на вопрос: какое место в ментальной поведенческой карте занимает стремление переселенцев «духовно инкорпорироваться» в принимающий социум либо сохранить верность своему традиционному вероисповеданию.

Как показали результаты исследований конструирования этничностей [1, с. 13–17; 5, с. 180–182], актуализация конфессиональной принадлежности, «религиозности» становится ответом на вызовы ментального плана. Рассмотрим данное явление в динамике и в исторической ретроспективе. В качестве модели примем наиболее

обеспеченный документально период миграций в Сибирь из Европы второй половины XIX – начала XX вв.

Предварительно необходимо оговорить, что изначально состав переселенцев не являлся однородным: в то время как «западно-переселенцы» в Восточную Сибирь из Царства Польского прибыли не по своей воле, а по судебным приговорам либо в соответствии с распоряжениями Министерства внутренних дел Российской империи за участие или по подозрению в участии в антиправительственных действиях, то в Западную Сибирь, в большинстве своем, мигранты приехали по собственному желанию, в поисках свободной земли и лучшей доли. Восточно-Сибирский корпус документации отложился в коллекции Государственного архива Красноярского края (ГАКК), а Западно-Сибирский – в Государственном архиве Томской области (ГАТО) и Российском государственном историческом архиве (РГИА). И в том, и в другом случаях мы сталкиваемся с большим количеством ярких эпистолярных текстов, привлекающих внимание исследователя яркой эмоциональностью, обильной информативностью, рефлексивной направленностью. Помним о том, что новыми жителями Сибири стали отнюдь не законопослушные граждане. В официальных документах канцелярия Енисейского губернского управления именовала их «политссыльными», сами же в текстах своих ходатайств они называли себя «политическими преступниками» [2, д. 43; 9, с. 17–34]. Состав переселенцев-аграриев Западной Сибири характеризовался наличием достаточно решительных граждан, часто без документов, на свой страх и риск поехавших с семьями и детьми в неизведанные края в поисках лучшей доли [3, д. 5283; 4, с. 173–190].

Вопреки сложившимся стереотипам, далеко не все политссыльные мечтали вернуться в Царство Польское. Многое предпочли новым порядкам, установленным в Западных губерниях и Царстве Польском после 1863 г. (усиление административного надзора, ограничение в использовании родного языка и преследование за исповедание неправославной религии) в своих исконных поселениях, «более свободное житье» в местах водворения, то есть в Сибири. За годы проживания в этом, поначалу показавшемся суровым, краю, они выявили немало выгод, с которыми не захотели расстаться по окончании срока ссылки или поселения [2, д. 43]. Так, Франц Бродовский в своем прошении от 31 августа 1868 года на имя Канского окружного исправника писал следующее. «Высочайшим повелением Государя Императора даровано мне возвратиться на родину, но в настоящее время я возвратиться не могу и не желаю, потому что на месте водворения желаю заняться хозяйством и хлебопашеством, и тем самым устроить свою будущность, и поэтому прошу Ваше Высокоблагородие о высылке меня остановиться. 1868 года Августа 31дня» [Там же, д. 43, л. 2]. Важно, что в качестве ключевого объяснительного инструмента успешно адаптировавшийся в Сибири мигрант называл «наличие храма и религиозной общины своего вероисповедания».

Можно было счесть данный случай экстраординарным, если бы не поток прошений аналогичного содержания, последовавших после положительного решения по делу Бродовского. Уже через полтора месяца, 14 октября того же года, к Енисейскому губернатору с просьбой «об оставлении их навсегда в Сибири» обращались «политические преступники: Болеслав Францискевич, Эрнест Гайзлер, Анофрий Корженовский, Николай Вержбицкий» [Там же, д. 43, л. 14]. Политический ссыльный из иностранных подданных Иосиф Иванов Щуцкий в своем рапорте к «Его Превосходительству Господину Енисейскому Губернатору» просит оставить его на жительство в Сибири и принять от него «присягу на верность и подданство России, при сем на благоусмотрение Вашего превосходительства имею честь представить» [Там же, д. 43, л. 17а]. Здесь уместно обратиться к психологической теории права Л.И. Петражицкого: от возвратных миграционных действий отказывались лишь те

переселенцы, кто принял для себя правовые условия нового места проживания, «присвоил» их [7, с. 255–258].

Рассмотрим теперь западносибирский массив обращений, отложившихся в Государственном архиве города Томска и Российском государственном историческом архиве. Как мы уже упоминали, переселенцы в западный регион Сибири были, в отличие от своих восточных соседей, в основном добровольными мигрантами. Их судьба и место жительства не зависели от распоряжений губернатора или полицейского. Место жительства, род занятий они выбирали для себя сами, сами же и заботились об удовлетворении нравственных потребностей.

Красноречиво и показательно свидетельствует о чаяниях переселенцев докладная записка настоятеля Томской римско-католической церкви ксендза Валериана Громадского Министру земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолову относительно необходимости наделения земельным участком католического прихода в поселке Спасском Каинского уезда Томской губернии от 23 апреля 1897 г. В отличие от кратких высказываний заявительного характера красноярцев и минусинцев, томичи пространно рассуждают о том, что: «В последние годы Сибирь стала обращать на себя особое внимание Высшего Правительства, которое в целом ряде мероприятий стремится приобщить к культурной жизни этот обильно снабженный дарами природы, но дотоле позабытый край» [11, л. 15].

Переходя к сути своей просьбы, жители Томской губернии не скупятся на комплименты правительству: «Проведение великого рельсового пути, улучшение переселенческого дела, введение новых судов – все эти главнейшие меры, взятые уже сами по себе, каждая в отдельности, могли бы составить целую эпоху в жизни края… Но Правительство в своих широких работах пошло еще дальше. Оно сознало, что одних внешних мер экономического благосостояния и правового порядка далеко недостаточно для полного переустройства страны. Поэтому Правительство, независимо от мер в указанном направлении, одновременно заботится также о насаждении и укреплении нравственных и религиозных чувств в населении Сибири постройкою церквей, школ и обеспечением быта духовенства» [Там же, л. 15–16].

Мы имеем возможность наблюдать здесь интересный феномен: жители Восточной Сибири обращаются в церковные инстанции с целью решить мирские, светские вопросы; обыватели из Западной Сибири адресуют свои коннотации гражданскому правительству, но их цель – устройство религиозного быта.

Суть ходатайства жителей поселка Спасского Каинского уезда Томской губернии такова. Силами переселенцев заключительной волны заработной миграции XIX столетия в месте постоянного их водворения в 1896 г. было выстроено церковное здание. Так как инициаторами и исполнителями строительства являлись прихожане, а не руководство митрополии и не органы управления сибирскими окраинными территориями, то земельный надел такому приходу не был выделен и на денежное довольствие священники, служившие в таком приходе, рассчитывать не могли. Жители поселка присмотрели «земельный участок площадью около 150 дес., верстах в семи от с. Спасского, лежащий совершенно отдельно, свободный и никем не эксплуатируемый. Участок этот входит в состав Спасского лесничества» [Там же, л. 15–16]. Завершается письмо личным обращением к Алексею Сергеевичу Ермолову, министру земледелия и государственных имуществ. «На основании вышеизложенного, побуждаемый светлыми воспоминаниями, которые остались у сибиряков после Вашего посещения Сибири, а также зная Вашу отзывчивость и широкий просвещенный взгляд в вопросах государственной важности, приемлю смелость почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство не отказать, в установленном порядке, наделение причта Спасского костела помянутым выше участком около села Спасского» [Там же, л. 16].

Следующий интересный пример, иллюстрирующий особенности рефлексии «западных сибиряков», содержится в коллекции Томского государственного архива. Уполномоченные Каинского католического религиозного общества 12 февраля 1902 г. составили прошение на имя Томского губернатора. Суть прошения такова: жители уездного города Каинска считают обременительными для себя поездки в приходской храм. Указывают, что дальняя дорога в 125 верст до ближайшей церкви в селе Спасском занимает слишком много времени. Каинцы в категоричном тоне требуют учреждения самостоятельного прихода с назначением настоятеля непосредственно в населенном пункте их размещения. Автором коллективного письма выступил городской нотариус И.С. Мягчилович-Вольский [Там же, л. 15].

Заключение

Налицо разница в рефлексивном поведении «восточных» и «западных» переселенцев-сибиряков. «Восточные» пишут робкие индивидуальные ходатайства, «западные» предъявляют яркие, эмоционально и содержательно наполненные, требования. «Письма во власть» из Восточной Сибири обращены к духовным лицам в поисках защиты при решении гражданских проблем. Письма из Западной Сибири, наоборот, адресованы светским чиновникам с целью решения проблем морально-нравственного, религиозного характера. Объединяет и «западников», и «восточников» желание остаться в Сибири, осознание себя сибиряками. Государственно-конфессиональная политика Российского государства периода великих переселений из европейской части империи в азиатскую имела четко выраженную направленность на сопровождение миграционного процесса и была призвана обеспечить социокультурную адаптацию больших масс пришлого населения в принимающем пространстве.

На современном этапе массовых миграционных потоков из регионов Средней Азии мы видим практически аналогичную ситуацию. «Заработная миграция» как основной мотив смены места жительства, стремление получить максимум социальных благ и пособий от принимающего государства вкупе со стремлением адаптироваться в социуме при сохранении традиционной конфессиональной системы ценностей, – так выглядит объяснительная модель нынешнего миграционного этапа «в Сибирь».

Эмиграционное движение «из Сибири» можно условно разделить на три этапа. Первый, достаточно малочисленный, – период гражданской войны в Сибири. Уезжали преимущественно оптанты, граждане Польши после подписания Рижского договора; бежали немногочисленные предприниматели, независимо от вероисповедания. Установки религиозного планы выступали в их действиях скорее механическим инструментом достижения цели, нежели ориентиром для целеполагания (например, общесибирский пункт сбора заявлений об оптации в Польшу располагался в Новониколаевском костеле, заявления принимал настоятель религиозной общины, наделенный консульскими полномочиями).

Покидали обжитые территории эмигранты второй волны, преимущественно этнические немцы периода «перестройки». Обязательным условием получения вида на жительство в Германии являлось предоставление пакета метрических свидетельств о крещении, венчании; получить их можно было только в религиозной среде, в связи с чем отмечался «резкий всплеск религиозности» готовившихся к эмиграции. Сразу же после их отъезда количество крещений/венчаний в лютеранских и католических приходах резко снизилось. Соответственно, и для этой миграционной волны религиозность выступила в качестве «инструментария» на пути к достижению цели.

Третьим массовым эмиграционным периодом стал преимущественно 2022 год. Показательно, что на этом этапе религиозность переселенцев не стала ни критерием,

ни мотивом, ни инструментарием. Однако, оказавшись в ситуации, характеризующейся политической и социокультурной неопределенностью, мигранты тяготеют к религиозным общинам «своего исповедания» в поисках комфортной психологической среды, как когда-то эмигранты 1960-х. Факт институционализации не является для них определяющим, но наиболее важна психологически привычная ментальная модель мировосприятия, присущая «материнскому» религиозному социуму.

БЛАГОДАРНОСТИ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ «Влияние имперской политики аккультурации и советской модели государственно-конфессиональных отношений на положение религиозных общин в приграничных районах и национальных автономиях азиатской части России» (проект №23-18-00117).

Список литературы

1. Анжиганова Л.В. Конструирование этничности как междисциплинарная проблема // От дифференциации наук – к полидисциплинарности. Абакан: Изд-во Хакасского ун-та, 2019. С. 13–17.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 63. Д. 22, 27, 43, 68, 73, 80, 82, 83.
3. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 2. Д. 5283.
4. Крих А.А. Добровольческая аграрная миграция польского населения в Западную Сибирь в контексте этнической идентичности и идентификации поляков (конец XIX – XX вв.) // Almanach historyczny. 2015. Т. 17. № 1. С. 173–190.
5. Недзелюк Т.Г. К вопросу о «плавающей этничности» и квазиконфессиональности // Тобольск научный – 2011. Тобольск: Полиграфист, 2011. С. 180–182.
6. Недзелюк Т.Г. «Письма во власть»: рефлексия мигрантов Западной и Восточной Сибири относительно государственно-конфессиональной политики (вторая половина XIX – первая четверть XX вв.) // Народы и религии Евразии. 2021. Т. 26. №3. С. 174–183.
7. Недзелюк Т.Г. Психологическая теория права Л.И. Петражицкого и представления мигрантов о правовом пространстве России // Культура – это любовь к миру: Сибирь, Россия и мир в образовательном пространстве. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2017. С. 255–258.
8. Попков Ю.В., Костюк В.Г. Проблемы интеграции евразийского пространства и подходы России к их решению // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения. 2022. № 11. С. 15–23.
9. Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. Сургут: РИО СурГПУ, 2008. 161 с.
10. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Управление миграционными процессами в позднеимперской России: концепты, люди и структуры // Местные сообщества, местная власть и мигранты в Сибири на рубеже XIX – XX вв. и XX – XXI вв. Иркутск: Оттиск, 2012. С. 27–29.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 125. Д. 689.

УДК: 001.89 (571.14)

Этническая идентичность в исследованиях Новосибирской научной этносоциологической школы

Персидская Ольга Алексеевна
Институт философии и права СО РАН,
отдел социальных и правовых исследований.
Новосибирск, Россия.
olga_alekseevna@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6821-4692

АННОТАЦИЯ Представлены теоретико-методологические основания и основные направления исследований Новосибирской научной этносоциологической школы, к представителям которой автор себя причисляет. Внимание сфокусировано на теме этнической идентичности. Показано, что эта тема развивается как в социально-философском ключе, так и в эмпирических исследованиях. Сделан вывод, что для исследований школы может быть актуально развитие идей, связанных с выявлением разных форм этнической идентичности и параметров ее выраженности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Научная школа, этносоциология, этничность, этническая идентичность.

Новосибирская научная этносоциологическая школа начала складываться как форма научного сообщества в 70-х гг. XX века в Новосибирском Академгородке. Сегодня представители школы в основоном сосредоточены в Институте философии и права СО РАН. Работы новосибирцев отличаются от других этносоциологических исследований как с точки зрения локализации их эмпирических изысканий (значительная их часть проведена в Сибири), так и по теоретико-методологическим основаниям. Основное внимание уделяется этносоциальным процессам и особенностям межэтнических отношений. Евразийское социокультурное пространство также становится актуальной темой исследований.

Теоретико-методологические направления исследований школы в основном определены парадигмой социального взаимодействия; процессуальным подходом, реализуемым в понимании общества на разных уровнях его организации как этносоциального процесса; всемирно-историческим контекстом рассмотрения этносоциальных процессов; разработкой и активным использованием социокультурного подхода. Укажем лишь некоторые направления социально-философских, теоретико-методологических и эмпирических исследований: социально-философская интерпретация этнического феномена, обоснование роли этносоциальных субъектов, межэтнических сообществ и интернационализации в цивилизационном и региональном развитии [12; 17; 25]; разработка теории этноса и этнофилософии [21]; обоснование евразийства как социокультурного типа [24]; рассмотрение этнокультурного разнообразия в качестве фактора социокультурной динамики [6]; изучение неотрадиционализма как социокультурного феномена [11]; исследование связи семейных отношений и этничности [4]; выявление региональной специфики этнонациональной политики [23]; выстраивание методов социокультурной типологизации [1] и социокультурного мониторинга межэтнического сообщества [20]; разработка теории коллективных прав этнических сообществ [8]; выявление роли этнического многообразия в развитии региональных сообществ [5].

К современным представителям школы следует отнести ее руководителя, д. филос. н., профессора Ю.В. Попкова, д. филос. н., профессора М.А. Абрамову,

д. филос. н., профессора Е.А. Ерохину, канд. филос. н. В.Г. Костюка, канд. филос. н. С.А. Мадюкову, канд. филос. н. И.С. Тарбастаеву, канд. филос. н. И.В. Удалову, канд. филос. н. Д.В. Ушакова, Г.С. Гончарову, В.Н. Гришаеву, О.А. Персидскую [подробнее о школе см.: 9; 18; 19; 29].

Этническая идентичность как один из центральных объектов исследования этносоциологии, разумеется, представлена в исследованиях представителей школы. Так, анализируя пути развития и смысловые пересечения отечественных и зарубежных концепций этничности, Е.А. Ерохина показывает, что понятие этническая идентичность, как и близкие ему понятия этническая ментальность и этническое самосознание «в настоящее время используются терминологически не точно, чаще всего как синонимы активности человеческого сознания в процессе воспроизводства этничности» [7]. Зафиксировав эту философскую проблему, исследовательница доказывает, что для совершенствования понятийного аппарата социальной философии следует трактовать этническое и национальное самосознание как феномены надындивидуального, коллективного сознания, а этническую идентичность – все же как индивидуально-личностный феномен.

Рассматривая этническую идентичность через призму современных социокультурных трансформаций, Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев придерживаются несколько иной точки зрения. Авторы разводят понятия субъектности и субъективности, постулируют, что «Идентичность, будучи свойством конкретного субъекта, – не чисто субъективное явление, она определяется не только самим субъектом, но и объективными условиями его существования, системой тех отношений и взаимодействий с другими субъектами, в которые он включен» и делают вывод о том, что идентичность (в том числе – этническую) следует понимать как интерсубъективный феномен, выстраивание структур которого зависит в том числе от «определенных традиций, которые, сохраняя устойчивость этого субъекта и системы взаимодействия, в свою очередь, претерпевают постоянные обновления в соответствии с изменяющимися объективными условиями и в контексте отношения с традициями другого субъекта» [22, с. 247–248].

Не ограничиваясь теоретическими изысканиями, представители школы проверяют свои выводы рядом эмпирических социологических исследований разных параметров этнической идентичности. Д.В. Ушаков, руководитель серии таких исследований, проведенных в разных регионах, в том числе – за рубежом, в Монголии, выявляет факторы, влияющие на этническую идентичность представителей разных этнических групп. Исследователь показывает, что воспроизводство этнической идентичности возможно «через обучение родному языку, благодаря усвоению социальных отношений и ценностей, … которые передаются в процессе воспитания новых поколений в нормах, традициях и нравах» [26, с. 101].

Эмпирические исследования позволили также установить связь этнической идентичности с другими социальными явлениями и процессами. Так М.А. Абрамова, Г.С. Гончарова и В.Г. Костюк выявили, что «тип идентичности (гражданская, этническая), обусловливающий выбор аккультурационных стратегий молодежью, влияет на содержание и характер ценностных ориентаций выпускников школ, в том числе и при выборе будущего профессионального направления». При этом «По мере возрастания значимости этнической идентичности растет процент планирующих выбор профессий, связанных с техникой, здравоохранением, образованием, финансами и экономикой, и снижается процент ориентирующихся на политико-правовые специальности» [2, с. 38]. Важный в прикладном плане для системы образования вывод авторов связан с подчеркиванием сбалансированного характера аккультурационной стратегии, для которой в равной мере важны и этническая, и российская идентичности.

Ряд исследований сфокусированы на месте и роли этнической идентичности в идентификационной системе личности. Сравнивая такие виды социальной идентичности, как национальная, этническая, макрорегиональная, регионально-территориальная и локальная на основании сопоставления результатов двух социологических исследований, проведенных сотрудниками Института философии и права СО РАН и Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова в пяти регионах Сибири, О.А. Персидская и А.И. Евдокимов делают вывод о преобладании у представителей обследованных этнических групп гражданской идентичности [14]. В сходном теоретико-методологическом ключе сопоставляя выводы других исследований, С.А. Мадюкова, О.А. Персидская и Ю.В. Попков акцентируют бесконфликтное сосуществование этнической и гражданской идентичностей в массовом сознании жителей сибирских республик (при некотором доминировании выраженности второй), а также подчеркивают, что относительное благополучие этносоциальной ситуации и межэтнических отношений в исследуемых республиках достигается, в том числе, благодаря наличию баланса разных видов идентичностей [10].

Таким образом, этническая идентичность как социально-философский феномен постоянно присутствует в поле исследований научной школы, хотя не всегда является непосредственным предметом изучения ее представителей. Ценный фундамент научных изысканий, на наш взгляд, обеспечен сочетанием социально-философских обобщений с практикой эмпирических исследований. Также значимо, что этническая идентичность зачастую рассматривается в связи с другими объектами научного исследования, тем самым обеспечивается расширение проблематики научной школы.

Специфика подхода школы к данному феномену состоит в подчеркивании факта того, что этничность является более широкой категорией социально-философского анализа и не сводится к этнической идентичности. Другая отличительная черта связана с акцентированием частью исследователей школы позиции, которая, как представляется, демонстрирует субстантивизацию этнических феноменов: «любая идентичность, в том числе этническая, как свойство идентичного, имеет, если строго придерживаться онтологического подхода, свою субстанцию – идентичное как реальность, а сознание есть отражение реальности. Поэтому нечто должно быть вполне сходным, тождественным до познания, прежде чем оно более или менее адекватно или совсем неадекватно отразится в индивидуальном или групповом сознании» [27, с. 47]; «Как же быть с этносом в существующей непростой ситуации? Считаю, что важно признавать этнос как реально существующий феномен общественного развития и одновременно разрабатывать соответствующее понятие в качестве системной категории этнологии, понимаемой как комплексная научная дисциплина об этническом феномене» [16, с. 150].

Так как автор причисляет себя к представителям Новосибирской научной этнсоциологической школы и считает важным для себя продолжение и развитие тематик этого научного сообщества, необходимо зафиксировать нашу позицию в отношении социально-философского и теоретико-методологического содержания феномена этнической идентичности.

В определении формы и степени реальности этнического нам близка философская позиция Р. Брубейкера: не отказывая этническим феноменам в праве на реальное существование, он утверждает, что следует понимать, что речь идет о *реальности иного рода*, нежели реальность субстанционально сущего: «этничность, раса и национальность являются по существу способами восприятия, интерпретации и представления социального мира. Они – не вещи-в-мире, а точки зрения на мир». Поэтому эти феномены содержат в себе «системы классификации, категоризации и идентификации – формальные и неформальные. И они включают подразумеваемое,

само собой разумеющееся фоновое знание, воплощенное в людях и встроенное в институциональную рутину и практики, через которые люди осознают и воспринимают предметы, места, лиц, действия и ситуации как этнически, расово или национально окрашенные или значимые» [3, с. 42]. Именно поэтому осознание этнической идентичности способно побуждать и к эмоциональным, и к рациональным действиям.

Также мы придерживаемся так называемых синтетических подходов, объединяющих установки примордиализма, конструктивизма и инструментализма. К ним можно отнести, например, аскриптивный подход, развиваемый Э.Дж. Теллисом, Т.С. Зайна и Дж.Э. Уиннфелдом. Подход наследует идеи М. Вебера, и в его рамках этнические группы рассматриваются одновременно и как реальные сущности, и как сконструированные. Это возможно за счет исходной установочной посылки, о том, что члены этнических групп субъективно разделяют убеждение об общем происхождении по причине схожести физических черт и традиционных практик и обычаев. При этом существование этнических групп само по себе не предполагает с необходимостью социальное действие, так как актуализация этничности и этническая мобилизация коренятся в базовых структурах доминирования и депривации в политической, экономической и социальной сферах общественной жизни [28], а не в сущности этнических феноменов самих по себе.

Заключение

В приложении к теме этнической идентичности нам видится эвристически значимым тезис о том, что устоявшееся в академической литературе и отчасти отраженное в работах представителей школы отождествление процесса этнической идентификации со шкалой, направленной от нулевого состояния (идентичность не сформирована) к положительному полюсу (идентичность сформирована и выражена), по-видимому, должно быть изменено. Для определения трансформаций, произошедших с этнической идентичностью в современных полиэтнических сообществах, скорее допустима метафора не шкалы, а пространства, включающего ее разные формы, что отчасти уже было реализовано в работах автора [13; 15]. В этой связи мы видим актуальным и для себя лично, и для Новосибирской научной этносоциологической школы развитие идей, связанных с выявлением разных форм этнической идентичности, параметров ее выраженности, истории становления. Такой подход созвучен также тенденциям развития современного мира, отказывающегося от одномерных трактовок разных идентичностей в пользу сложных конструкций.

Список литературы

1. Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Костюк В.Г. Социокультурные типы молодежи: этнический и региональный аспекты. Новосибирск: Автограф, 2014. 179 с.
2. Абрамова М.А., Костюк В.Г., Гончарова Г.С. Влияние самоидентификации и ценностных ориентаций молодежи на выбор образовательных стратегий // Философия образования. 2015. № 1 (58). С. 38–49.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. И. Борисовой. М.: Изд-во ВШЭ. 2012. 408 с.
4. Гончарова Г.С., Савельев Л.Я. Семейно-брачные отношения у народов Сибири: проблемы, тенденции, перспективы. Новосибирск: Нонпарель, 2004. 286 с.
5. Ерохина Е.А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2012. 418 с.
6. Ерохина Е.А. Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России. Новосибирск: изд-во СО РАН, 2014. 238 с.

7. Ерохина Е.А. Этническое самосознание: теоретический конструкт и ментальный феномен // Новые исследования Тувы. 2017. № 3. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/726 (дата обращения: 12.06.2023). DOI: 10.25178/nit.2017.3.4.
8. Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики. Сборник научных трудов. Под ред. Попкова Ю.В., Тарбастаевой И.С. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2017. 196 с.
9. Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 14–18.
10. Мадюкова С.А., Персидская О.А., Попков Ю.В. Общенациональная и этническая идентичность молодежи этнических групп республик Сибири в сравнительной перспективе // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. С. 69–83.
11. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб: Алетейя, 2011. 132 с.
12. Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтническое сообщество: состояние, динамика, взаимодействие культур. Новосибирск: Наука, 1996. 191 с.
13. Персидская О.А. Формы этнической идентичности и стратегии межэтнической интеграции юношества в городском сообществе. Анализ результатов исследования // Respublica Literaria. 2021. Т. 2. № 3. С. 85–103. DOI 10.47850/RL.2021.85-103.
14. Персидская О.А., Евдокимов А.И. Разные виды идентичности у этнических групп Сибири: опыт сопоставления выводов социологических исследований // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 10 (72). С. 137–141.
15. Персидская О.А., Фомкин Ф.С. Современные подходы к исследованию этнической идентичности // Сибирский философский журнал. 2021. Т. 19. № 3. С. 68–86. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-3-68-86.
16. Попков Ю.В. «Почва» в этничности: традиции отечественного народоведения в испытании «перестройкой» и постмодернизмом (постановка проблемы) // Новые исследования Тувы. 2023. № 1. С. 137–153. DOI 10.25178/nit.2023.1.8.
17. Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.
18. Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. (2020). Институционализация Новосибирской научной этносоциологической школы: идеи, подходы, формы деятельности // Respublica Literaria. Т. 1. № 1. С. 103–111. DOI:10.47850/RL.2020.1.1.103-117.
19. Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская научная этносоциологическая школа. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2022. 49 с.
20. Попков Ю.В., Скалабан И.А., Тюгашев Е.А., Костюк В.Г., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Тарбастаева И.С., Вавилина Н.Д., Терентьева М.Н., Осьмук Л.А., Дерига Е.С. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.
21. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства. Салехард, Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2013. 378 с.
22. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск: НГТУ, 2020. 256 с.
23. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Гончарова Г.С., Мархинин В.В., Удалова И.В., Костюк В.Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2015. 273 с.
24. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Иванов А.В., Цоохуу Х., Цэдэв Х., Четырова Л.Б. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация. Новосибирск: Нонпарель. 2013. 449 с.
25. Ушаков Д.В. Новосибирск многонациональный. Межэтнические отношения и воспроизводство этничности. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 200 с.
26. Ушаков Д.В. Роль семьи в воспроизводстве этничности народов Республики Алтай // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 101–108.
27. Ушаков Д.В., Костюк В.Г. Типы этнической идентичности и межэтнические установки / Этносоциальные процессы в Сибири. Вып. 7; отв. ред. Ю.В. Попков. Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006. С. 46–51.

28. Identifying Potential Ethnic Conflict: Application of a Process Model / ed. by T. Szayna. Santa Monica: Rand. 2000. 329 p.
29. Popkov Yu.V., Kostyuk V.G., Persidskaya O.A. The Peoples of Siberia in the Studies of the Novosibirsk Research School of Ethnosociology. Novosibirsk: IPL SB RAS, 2023. 52 p.

УДК 316.2+316.4+394

55 лет новосибирской научной этносоциологической школе: основания, этапы, достижения

Попков Юрий Владимирович
доктор философских наук, профессор,
главный научный сотрудник.
Институт философии и права СО РАН,
отдел социальных и правовых исследований.
Новосибирск, Россия.
yuripopkov54@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1036-9253

АННОТАЦИЯ В статье дается обобщенная характеристика 55-летней истории формирования и развития новосибирской научной этносоциологической школы. Выделяются два ее этапа (конец 1960-х – начало 1990-х и с середины 1990-х по настоящее время) с анализом на каждом из них доминирующей проблематики, локализации эмпирических исследований, фундаментальных научных результатов. Акцентируются возможности использования парадигмы социального взаимодействия в качестве основополагающего методологического базиса теоретических и прикладных разработок представителей школы. Концептуальная интерпретация этносоциальных процессов обосновывается в качестве доминирующей предметной области этносоциологии, а также объекта государственной национальной политики. Подчеркивается, что полученные результаты востребованы со стороны органов власти разного уровня.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Этносоциология, Сибирь, этносоциальные процессы, взаимодействие, новосибирская научная этносоциологическая школа.

В прошлом году сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН организована конференция «Этносоциология: поиски и свершения», которая посвящена «55-летнему юбилею отечественной этносоциологии и памяти известных ученых, стоявших у ее истоков – Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой, М.Н. Губогло» [32]. Сибирские этносоциологические исследования начались в Новосибирске практически в это же время, то есть во второй половине 1960-х гг. Их инициатором являлся Алексей Павлович Окладников, который возглавил созданный в 1966 году Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Академии наук СССР (ИИФиФ СО АН СССР). Руководителем этих исследований изначально являлся Владимир Иванович Бойко, который стал заведующим образованного в 1968 году сектора комплексных исследований проблем развития народов Сибири. Тогда же были организованы первые эмпирические этносоциологические изыскания.

В ИИФиФ СО АН СССР была исходно сосредоточена деятельность представителей новосибирской этносоциологической школы. В постсоветский период она концентрировалась в выделившемся в качестве самостоятельного научного учреждения Институте философии и права СО РАН (ИФПР СО РАН). В широкой палитре российских этносоциологических исследований наша школа занимают свою нишу с точки зрения и пространственной локализации эмпирических исследований, и методологических оснований, и полученных результатов. Мне с моими коллегами уже доводилось писать об этом ранее [9; 10; 15; 18; 21]. Здесь остановлюсь на обобщающих моментах.

Можно выделить два этапа формирования и развития новосибирской этносоциологической школы. Первый этап – с конца 1960-х до начала 1990-х гг. – осуществлялся под руководством В.И. Бойко. Изначально в эмпирических исследованиях использовались методические наработки московских этносоциологов под руководством Ю.В. Арутюняна, Л.М. Дробижевой (пришедшая в институт

И.В. Удалова защищала диплом у Ю.В. Арутюняна, она знала их методику, которая частично использовалась в начавшихся исследованиях в регионах Сибири). В данный период анализировались проблемы социального развития народов Нижнего Амура, Тувы, Хакасии, зоны БАМа, Якутии, Сахалина, Забайкалья и др. Осуществлялось это в сравнительном ключе с русским населением. Акцент был сделан на выравнивании показателей развития в разных сферах жизни. Такой подход отражал общемировую тенденцию, которая определялась, в том числе, Конвенцией № 107 Международной организации труда «О защите и интеграции коренного и другого населения, ведущего племенной и полуплеменной образ жизни, в независимых странах». Ее главной установкой, которая действовала вплоть до начала 1990-х годов, являлся ориентир (что объявлялось международным стандартом) на формирование у разных народов сходных показателей образа жизни на основе ценностей доминирующего общества в целях, как отмечено в Конвенции, «его прогрессивной интеграции в общегосударственный коллектив и улучшения его условий жизни и труда».

В 1970-х гг. в структуре института были образованы, помимо сектора комплексных исследований проблем развития народов Сибири, также сектор социальных проблем труда и образования молодежи, которым руководил Д.Л. Константиновский, и сектор математических методов в гуманитарных исследованиях под руководством А.Ф. Фелингера. На их основе потом образован отдел социологии института, который возглавил В.И. Бойко.

Характерной чертой этносоциологической школы на всем протяжении ее существования является связь с органами управления. В 1980-е гг. она была особенно прочной и постоянной благодаря утверждению и деятельности на базе ИИФиФ СО АН СССР Региональной межведомственной комиссии Совета Министров РСФСР по координации исследований проблем развития народностей Севера (ее руководителем был В.И. Бойко, ученым секретарем – Е.И. Швецова). Среди наиболее значимых результатов деятельности Комиссии, помимо многочисленных докладных записок и аналитических материалов для органов управления разного уровня, можно отметить разработку Программы координации исследований «Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса» [26], а также Концепцию социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. [8]. Особое значение для практики «низового уровня» имела Программа научно-производственного эксперимента по решению проблем комплексного развития традиционного хозяйства народностей Севера на базе оленеводческого хозяйства «Томпонский» Якутской АССР (мне довелось изначально быть руководителем коллектива по разработке данной программы). Она объединяла усилия многих организаций разного профиля, включая академические институты. В том числе благодаря реализации данной программы директору этого совхоза В.М. Кладкину в 1990 г. было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Эмпирические исследования новосибирцев проходили в тесном сотрудничестве с коллегами из регионов и осуществлялись при организационной поддержке местных управленческих структур. Например, на первом этапе было налажено активное взаимодействие с якутскими коллегами под руководством И.А. Аргунова, с тувинскими сотрудниками под руководством Ю.Л. Аранчына. Это сотрудничество находило выражение в определенном согласовании научных подходов и методических средств при проведении исследований и подготовке публикаций. Об этом свидетельствует сходство тематической структуры и даже названий издаваемых книг, в которых акцент делался на проблемах социального развития тех или иных народов. Так, итоги полевых работ новосибирских этносоциологов на Нижнем Амуре обобщены в монографиях В.И. Бойко «Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура» [2] и «Социальное развитие народов Нижнего Амура» [3]. Одна из главных

обобщающих работ И.А. Аргунова имеет аналогичное название: «Социальное развитие якутского народа: историко-социологическое исследование образа жизни» [1], при этом ее ответственными редакторами выступали В.И. Бойко и В.Н. Иванов. Схожими являются публикации, посвященные проблемам сельского и городского населения по итогам совместных социологических исследований новосибирских и тувинских коллег в Туве под руководством В.И. Бойко и Ю.Л. Аранчына: «Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования [4], «Очерки социального развития Тувинской АССР [13].

Заложенные традиции новосибирской школы изначально определяли лицо и содержание сибирской этносоциологии в целом. На первом этапе внимание этносоциологов концентрировалось на проблемах социально-демографической, социально-профессиональной и этнической структуры, занятости населения, образования, ценностных ориентаций, реальной и потенциальной миграции, удовлетворенности трудом, условиями жизни и др.

Второй этап развития новосибирской научной этносоциологической школы можно датировать с середины 1990-х гг. по настоящее время. С момента образования самостоятельного Института философии и права СО РАН в 1991 году этносоциологическая тематика концентрировалась в секторе этносоциальных исследований (рук. Ю.В. Попков) и в секторе этнокультурных исследований (рук. В.В. Мархинин). С 1997 г., после перехода В.И. Бойко из ИФПР СО РАН в Институт археологии и этнографии СО РАН и переезда В.В. Мархинина в Сургут, структурной основой школы является сектор этносоциальных исследований. На его базе с 1995 г. под руководством автора настоящей статьи действует научный семинар «Этносоциальные процессы в Сибири», который выполнял функцию координации и обобщения результатов этносоциальных исследований в регионе. Издается тематический сборник с тем же названием [29], организована международная школа молодых этносоциологов, опубликовано два выпуска тематического сборника ее материалов [31; 32].

Если методика конкретных исследований на первом этапе развития школы строилась с учетом наработок основоположников российской этносоциологии, то в качестве их фундаментальной теоретико-методологической базы выступали, прежде всего, идеи академика А.П. Окладникова, выраженные, в частности, в комплексном подходе, диалектическом принципе всеобщей взаимосвязи явлений материальной и духовной жизни, процессов этногенеза и культурогенеза, глобальном взгляде, акценте на локусе евразийского социокультурного пространства (см. подробнее [14]). Эти теоретико-методологические ориентиры нашли наиболее полное выражение, применение и развитие на втором этапе функционирования нашей школы.

На первом этапе основным локусом эмпирических исследований коллектива выступает Сибирь, а здесь, как отмечалось, — национальные образования и социальное развитие коренных народов в сопоставительном ключе с русским населением. В новом тысячелетии наш научный интерес распространяется и на народы сопредельных территорий, в основном Казахстана и Монголии. Проблемы развития евразийского социокультурного пространства, особенности ценностных ориентиров народов становятся важным предметом теоретических и эмпирических изысканий.

В целом можно выделить следующие основополагающие методологические основания и обобщающие теоретические итоги исследований представителей Новосибирской этносоциологической школы, образующие ее концептуальное своеобразие и фундаментальные результаты на втором этапе.

Во-первых, базисом исследований является парадигма социального взаимодействия (в отличие от социального действия) в его диалектико-

материалистической интерпретации и системно-генетическом измерении – в единстве синхронных и диахронных связей взаимодействующих сторон, в качестве которых рассматриваются этносоциальные субъекты – национальные общности, понимаемые и как нации-государства, и как нации-культуры (этнические общности), а также этнические группы, диаспоры и другие этнически маркированные социокультурные образования [17; 20].

Во-вторых, это процессуальный подход, реализуемый в понимании общества на разных уровнях его организации в качестве этносоциального процесса – системы и продукта взаимообусловленного, взаимозависимого развития этносоциальных субъектов [20].

В-третьих, всемирно-исторический контекст рассмотрения этносоциальных процессов, которые интерпретируются как основа цивилизационного развития, где конкретный межэтнический синтез выступает базисом формирования отдельных локальных цивилизаций через механизм процесса интернационализации, понимаемой как рефлексивное взаимодействие (не редукционистская, а рефлексивная концепция данного процесса) [11; 17], а конкретная панорама этнокультурного разнообразия и система межэтнических взаимодействий – их этносферой. Евразийское социокультурное пространство отличается своей этносферой, особенностями и сходством базисных оснований формирования культур расселенных здесь народов.

В-четвертных, эффективным методологическим ресурсом является развитие и активное использование социокультурного подхода в двух его базисных интерпретациях – валюативной (основанной на аксиологической концепции культуры) и рефлексивной (основанной на понимании развития общества как процесса рефлексии культур) [19; 22; 23].

В-пятых, на основе социокультурного подхода в обозначенном смысле обоснована концепция этнокультурного неотрадиционализма как рефлексии внутренних и внешних условий развития этнокультур в единстве синхронных и диахронных связей. Этнокультурное разнообразие рассматривается в качестве условия обеспечения жизнеспособности социума на разных уровнях его организации [12; 15]. Коллективных права этнических сообществ понимаются в качестве необходимого условия поддержки этнокультурного разнообразия, развития отдельных этнических культур и средства национальной политики [7; 27].

В-шестых, на примере России обосновано понимание этнического многообразия, воспроизводимого в системе синхронных и диахронных связей, как фактора социокультурной динамики, рассматриваемой в системе диалектического единства цивилизационного развития и социокультурной трансформации обществ. Показана роль этнического многообразия в цивилизационном развитии России [6]. Сибирский макрорегион представлен как территория, развитие которой прослеживается через эволюцию отношений между центром и периферийными частями геополитической платформы российской цивилизации [5].

Значимой представляется связь исследования этносоциальных процессов с предметом этносоциологии как самостоятельного научного направления в рамках изучения многообразных проявлений этнического феномена. Предложенная содержательная характеристика этносоциальных процессов обоснована как базисная предметная область этносоциологии [16]. Элементарной эмпирической единицей (объекта) этносоциальных исследований нами рассматривается межэтническое сообщество, характеризующее взаимообусловленное развитие конкретных этносоциальных субъектов внутри этих сообществ. Одновременно этносоциальные процессы предложено интерпретировать как обобщенный объект государственной национальной политики.

Как и ранее, многие эмпирические исследования мы организуем совместно с коллегами из регионов. В этой связи хочу особо выделить проводившиеся исследования в 2000–2010-х годах: в республике Хакасия – под руководством В.Н. Тугужековой, в Республике Тыва – под руководством З.Ю. Доржу, в Алтайском крае – под руководством А.В. Иванова, в Монголии – под руководством Х. Цоохуу и Н. Цэдэва.

С точки зрения фундаментальной практической значимости итоги деятельности сотрудников новосибирской этносоциологической школы по своим научным достижениям, по характеру и результатам взаимодействия с коллегами-учеными и представителями органов управления являют наглядный пример того, каким образом социальный институт науки может вносить реальный вклад в интеграцию евразийского социокультурного пространства в целом и, в частности, Сибири как его важного локуса, а также отдельных межэтнических сообществ. В последнем случае важным представляется разработка под научным руководством автора Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 г. Она принята постановлением мэрии Новосибирска в качестве основного нормативного документа по реализации национальной политики в самом крупном муниципальном образовании в России [25].

Заключение

В последнее время большое внимание нами уделяется анализу глобального цивилизационного кризиса, роли стран и народов Внутренней Евразии в определении перспектив общественной динамики и обоснованию особого места России, а в ней – Сибири в формировании и реализации альтернативной модели цивилизационного будущего в виде духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития. Этому, в частности, посвящена наша совместная с барнаульскими коллегами коллективная монография [28]. У России в настоящий момент есть исторический шанс возглавить движение на этом пути, что возможно при условии не только ее провозглашенного разворота на Восток, но и существенного изменения внутренней и внешней государственной политики по направлению укрепления собственной экономической мощи и внутриевразийской интеграции, а также нового поворота к Сибири с учетом адекватной оценки ее ресурсного, этнокультурного, человеческого потенциала и реального трансграничного моста между Востоком и Западом, Севером и Югом.

Список литературы

1. Аргунов И.А. Социальное развитие якутского народа: Историко-социологическое исследование образа жизни / Отв. ред. В.И. Бойко, В.Н. Иванов. Новосибирск: Наука, 1985. 319 с.
2. Бойко В.И. Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1973. 211 с.
3. Бойко В.И. Социальное развитие народов Нижнего Амура. Новосибирск: Наука, 1977. 279 с.
4. Городское население Тувинской АССР. Опыт социологического исследования / Ю.Л. Аранчын, В.Ч. Очур, А.Д. Бегзи [и др.]; под. ред. В.И. Бойко. Новосибирск: Наука, 1981. 224 с.
5. Ерохина Е. А. Сибирский вектор внутренней геополитики России. Новосибирск: НГУ, 2012. 418 с.
6. Ерохина Е.А. Этническое многообразие в цивилизационном и геополитическом пространстве России. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2014. 238 с.
7. Коллективные права этнических сообществ: проблемы теории и практики: Сборник научных трудов / под ред. Попкова Ю.В., Тарбастаевой И.С. Новосибирск: ИФПР СО РАН. 2017. 196 с.

8. Концепция социального и экономического развития народностей Севера на период до 2010 г. / отв. ред. В.И. Бойко. Новосибирск, 1988. 127 с.
9. Костюк В.Г. Новосибирская школа этносоциологии // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 89-93.
10. Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская школа этносоциологии: этапы становления, основные результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 1. С. 14–18.
11. Костюк В.Г., Абрамова М.А., Ерохина Е.А., Мархинин В.В., Удалова И.В., Ушаков Д.В. Россия как цивилизация: сибирский ракурс / под ред. В.Г. Костюка. Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2008. 259 с.
12. Мадюкова С.А., Попков Ю.В. Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб: Алетейя, 2011. 132 с.
13. Очерки социального развития Тувинской АССР / В.И. Бойко, В.Н. Белошапкина, Г.Ч. Ширшин [и др.]. Редкол.: Ю.Л. Аранчын (отв. ред.) и др. Новосибирск: Наука, 1983. 262 с.
14. Попков Ю.В. Роль академика А. П. Окладникова в формировании и развитии новосибирской школы этносоциологии // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 4. С. 8–10.
15. Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Институционализация Новосибирской научной этносоциологической школы: идеи, подходы, формы деятельности // RespublicaLiteraria. 2020. Т. 1. № 1. С. 103–111.
16. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Предмет этносоциологии: опыт концептуализации // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 93–101.
17. Попков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.
18. Попков Ю.В. Новосибирская научная этносоциологическая школа: формирование, концептуальные основания, практические приложения, взаимодействие с основоположниками этносоциологии // Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. С. 40–48.
19. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А, Иванов А.В., Четырова Л.Б., Шишин М.Ю., Цоохуу Х., Цэдэв Х. Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация / под ред. Попкова Ю.В. Новосибирск: Нонпарель, 2010. 449 с.
20. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Гончарова Г.С., Мархинин В.В., Удалова И.В., Костюк В.Г. Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск: Изд-во СО РАН. 2015. 273 с.
21. Попков Ю.В., Костюк В.Г., Персидская О.А. Новосибирская научная этносоциологическая школа. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2022. 50 с.
22. Попков Ю.В., Костюк В.Г., Абрамова М.А., Гончарова Г.С., Ерохина Е.А., Мадюкова С.А., Удалова И.В., Ушаков Д.В., Тюгашев Е.А., Мархинин В.В. Социокультурный подход к регулированию межэтнических взаимодействий / под ред. Ю.В. Попкова, В.Г. Костюка. Новосибирск: Манускрипт, 2013. 272 с.
23. Попков Ю.В., Скалабан И.А., Тюгашев Е.А., Костюк В.Г., Мадюкова С.А., Персидская О.А., Тарбастаева И.С., Вавилина Н.Д., Терентьева М.Н., Осьмук Л.А., Дерига Е.С. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика / под ред. Ю.В. Попкова. Новосибирск. Издательство НГТУ, 2018. 347 с.
24. Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Этнокультурный неотрадиционализм и идентичность в современных социокультурных трансформациях. Новосибирск. Издательство НГТУ, 2020. 256 с.
25. Постановление мэрии города Новосибирска от 10 июня 2020 г. № 1831 «О Концепции устойчивого этносоциального развития многонационального сообщества города Новосибирска на период до 2025 года» (с изменениями на 5 мая 2021 года). URL: https://docs.cntd.ru/document/465737610 (дата обращения 23.05.2023).
26. Программа координации исследований "Социальное и экономическое развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса" («Народности Севера») / [Бойко В.И. и др.]; АН СССР и др. Новосибирск: СО АН СССР, 1987. 296 с.
27. Тарбастаева И.С. Коллективные права этнических сообществ: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук. Новосибирск, 2020. 149 с.

28. Цивилизационная миссия Сибири: от техногенно-потребительской к духовно-экологической стратегии глобального и регионального развития / Иванов А.В., Попков Ю.В., Фотиева И.В. [и др.]; под ред. А.В. Иванова. Барнаул: Новый формат, 2022. 362 с.
29. Этносоциальные процессы в Сибири: Тематический сборник / под ред. Ю.В. Попкова. Вып. 1–10. Новосибирск, 1997–2015.
30. Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов / под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск: Нонпарель, 2009. Вып. 1. 301 с.
31. Этносоциологию – молодым: Материалы международных школ молодых этносоциологов. / под ред. Ю.В. Попкова, Е.А. Ерохиной. Новосибирск: ИФПР СО РАН, 2013. Вып. 2. 380 с.
32. Этносоциология: поиски и свершения / отв. ред., сост.: Л.В. Остапенко, И.А. Субботина. М.: ИЭА РАН, 2022. 482 с.

УДК 93.303.6.39

Вариативность этнографического знания: потенциал источников и разнообразие подходов

Пригарин Александр Анатольевич
доктор исторических наук, доцент.
Российский государственный гуманитарный университет,
УН Центра социальной антропологии.
Москва, Россия.
prigarin.alexand@gmail.com
ORCID ID: 0000-0002-6684-309X

АННОТАЦИЯ В докладе ставится вопрос о вариативности полевых данных в контексте актуального развития социокультурной антропологии/этнологии. На материалах автоэтнографического опыта ставится вопрос об элементарных единицах специфического познания в полевых науках: «этнографический факт» и «этнографический источник». Показывается, как многообразен синтез эмпирического и теоретического в процессе создания этнографических данных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Теории познания, социокультурная антропология, полевой метод.

В условиях современного кризиса этнологии/антропологии происходит поиск эффективных путей развития направления. Дискуссии идут активно по ряду принципиальных вопросов – от расширения предметной области до применения различных методологических проекций. Основной проблемой в этом поиске выступает специфика этнографического знания – какую гносеологическую ценность представляют наши дисциплинарные наблюдения над различными стадиальными и географическими культурами?! В такой редакции возможен пространный корпус ответов, поэтому сосредоточимся лишь на источниковедческих аспектах. А именно – что признается элементарной единицей этнологического знания и как она соотносится с полевыми стратегиями. Очевиден дефицит такого рода литературы и серьезного обсуждения проблем понимания «этнофактов» (далее – ЭФ) как минимальных данных этнолога (ср.: «исторический факт» или «артефакт» [3; 6]). Отношение к доместикации фактов реальности в эмпирический фундамент знаний выступило дополнительным признаком выделения моделей вариативности полевого «поведения» антропологов [13, с. 67–77; 14, с. 141–161]. Сознательно выбрали лишь черты операционных процедур «получения» факта. Отдельный круг вопросов возникает в пост-экспедиционной практике, который уже относят к моментам эпистемологии. Пока для нас важными являются нюансы «перехода» жизненной реалии в исследовательский оборот. В отличие от многих гуманитарных дисциплин понятие «критика источника» у нас имеет ярко выраженный «до-источниковый» смысл. В выборе из наблюдаемой ситуации отдельного фрагмента, в способах его репрезентации в академическом дискурсе прослеживается эффективность разных типов этнографов («*mun*» как синоним *habitus* П. Бурдье [2, с. 118] или *стиль письма* [19, с. 26–28]). Если историком или археологом факт присваивается, то в нашей науке – он СОЗДАЕТСЯ!

Природа ЭФ не выступает в качестве аксиоматической. Радикальными можно считать точки зрения постмодернистских агностиков и реликтовых позитивистов. Первые считают, что факта без исследователя не существует вообще, ставя его в полную зависимость от интерпретатора культуры. Вторые же представляют труд антрополога как процесс форматизированный и направленный на получение и

очистку данных от всевозможных наслоений (культуры или научных заблуждений). Парадокс многозначности снимается, если развести структурное наполнение понятия – в нем объединились три смысловых уровня: путь коммуникации (средство получения знания о прошлом/культуре), реальное явление (онтологическая данность) и момент и основа познания (гносеологический инструмент). Эклектическое применение этих составляющих приводит к противоречивым характеристикам собственно природы и семантического поля фактографии дисциплины. Можно расставить акценты и использовать ту или другую коннотацию, но феномен ЭФ может быть раскрыт синтезом всех трех понятий. Если же один из уровней довлеет, то получаем три типа стратегии: колониальный, романтический и медиативный.

Колониальные версии ЭФ. Особенность этого подхода наиболее устойчивая в этнологии, когда к факту относятся как к чему-то объективному и абсолютному. «Позитивизм XIX-го века сделал попытку ради "объективного факта" поставить этнографа в позицию «внутреннего наблюдателя». В итоге мы получили "непонимающую" этнологию и кризис в XX-м веке лучших школ полевых исследований...» [20; 25]. С позиций номологизма факты нужны для того, чтобы выстроить целостную концепцию. Парадокс в том, что представители такой модели нарочито декларируют о своей непредубежденности относительно поля, но обязательно разрабатывают научные программы, содержащие: проблематику, тематический круг и способы описаний [4, с. 74]. «О том, что такое факт, существует огромное количество точек зрения. Одна из них заключается в том, что факт есть явление действительности. Вторая – факт представляет собой образ действительности. Третья различает два вида фактов: факт-реальность и факт-знание. …факт, как он мыслится всеми учеными, владеет двумя, казалось бы, несовместимыми особенностями. Первая – его объективность. Факт, взятый сам по себе, не зависит от человека и человечества… Вторая особенность факта заключается в том, что он существует в сознании человека. Именно в сознании факты “хранятся”, “накапливаются”, “обрабатываются”, “истолковываются”, а иногда и “подтасовываются”» [16, с. 3]. Объективизации возражал другой современник: «Недостаточно сказать, что факты существуют сами по себе, но они всегда принадлежат какой-то научной традиции, направлению, школе, концептуальной схеме и т.п.» [11, с. 159].

«Домысел» этнолога не только допустим, но и становится необходимой интеллектуальной операцией превращения действительности в факт-знание. Иначе, хата не была бы присвоена дисциплинарно, а продолжала пребывать в контексте повседневности. Это усилие, предпринятое ради того, чтобы преодолеть «гигантский разрыв между суевериями отдельного человека или человеческого сообщества и, например, закономерностями мировой системы, маскируется. Именно так эти “частные наблюдения”, фиксируемые в дневниках этнографов, превращаются в “научные факты”» [17]. Фиктивность факта порождается как раз именно этим: синтез идет с целью выяснить типичное. «Социальная антропология, – утверждал еще сто лет тому назад А. Редклифф-Браун, – теоретическое или номотетическое исследование, цель которого – достичь обобщений, какие приемлемы. Теоретическое понимание конкретных институтов – их интерпретация в свете таких обобщений» [15, с. 10]. Следовательно, колониальные трансляторы периферийной эмпирики в этнологии – модель познания, при которой факты воспринимаются в качестве абсолютных данных самой жизни. ЭФ при таком подходе выступает в качестве органического сочетания концепции (контекста логики исследователя) с конкретикой поля (фрагментами реальности).

Романтичный путь идеографии. Второй традиционный путь получения ЭФ – идеализация локального, случайного, феноменального. Конкретика при этом подходе

доминирует над концептуальностью. Этнолог выступает лишь в качестве транслятора реалий жизни, которую он фиксирует, описывает и обобщает. «В социальной антропологии, ученые-практики занимаются этнографией. Начинать же разбираться в том, что представляет собой антропологический анализ как отрасль знания, надо из представлений, что такое этнография или, точнее, что значит **заниматься этнографией**. И здесь, надо сразу же заметить, дело не в методе» [22, p. 5]. Эта попытка развести два уровня научной стратегии активно воспроизводится в течение последних пятидесяти лет. Например, еще К. Леви-Стросс сформулировал: «Этнография... отвечает первым стадиям поиска: наблюдению, описанию, полевым исследованиям. Этнология – первый шаг к синтезу, без отказа от непосредственного наблюдения» [8, с. 313–314]. Или: «Между этнографом и исследуемым народом нет посредника в виде летописи, правового документа или свидетельства очевидца. Этнограф – сам очевидец и источник знания. Этнология начинается там, где исследователь перестает говорить словами туарега или нивха и переходит на язык обобщений и сопоставлений» [5, с. 31].

Интуитивно, большинство полевиков не декларируют себя этнологами, отдавая преимущество «этнографии». Протестуя против единых центров, концепций, гипотез они подбирают аргументы из тех именно же комплексов, что и номологические исследования. Для деконструкции схемы ее сознательно наполняют новым объемом материала до тех пор, пока эмпирика не продемонстрирует недостатки посылок. Доказательства от эмпирики как-то не учитывают логическую ловушку – предыдущие фиксации были сделаны в другом контексте (этническом, региональном, локальном или социальном), не говоря уже о том, что они были сделаны другим субъектом. Но без детального знания реальности трудно себе представить современные практики культур. Опираясь на нерушимость фактографической истины, крае- и народоведы не могут оставаться без концепций. Их они избирают ради более эффективного показа своих материалов, хотя осведомленность таких полевиков в широте интерпретационных возможностей значительно ограничена [18, с. 192]. Часто в таких штудиях, которые базируются на эмпирической локальности, вводятся масштабные категории. Репрезентация факта осуществляется путем его универсализации. Как это не парадоксально, но для такого письма характерна нарочитая «объективность» знаний, наблюдений, выводов. На современном этапе они нередко продолжают традиции «новоязов» советской науки – максимально стандартизированной [21, с. 285]. Состоялась своеобразная инверсия понятий – большинство находятся в рамках понятийного аппарата, который уже давно опровергнут их же собственными исследованиями.

Таким образом, различаются факты-знания и факты-концепты. Романтичный подход – внимание к первому, но путем абсолютизации конкретики. Это своеобразное стремление «жизни стать наукой». При этом игнорируется контекстуальность и окказиональность полевого диалога, а он получает статус истины самой по себе, снимая вопросы об авторстве в пользу собирателя. Такой идеографический подход становится залогом идеализации факта/случая. Выделение в нем специфических и типологических черт и делает такую *«методу»* научной. Но для этого необходимо иметь богатую эрудицию и в совершенстве владеть критикой источников. В качестве формального препятствия выступает язык – в таком понимании он учитывается как живая система в ее многообразии диалектов и говоров. Поэтому такие описания выдают огромное количество идиоматических форм. «В этнографическом исследовании мы обязаны максимально использовать реальный [native] язык. В описании мы должны представить код языка так широко, как это только возможно» [24, p. 24]. Углубленный опыт проникновения в нюансы одного языка явно не способствует пространственно-временной широте охвата собственно явления. «Влюбленность» в конкретный народ и его культуру приводит к сужению

компаративных конструкций и доминировании этнической парадигмы в интерпретации. Уникальность и феноменальность видится во всем «своем». Такая позиция приводит к чрезмерной «этнографизации» и архаизации. Исследователи-романтики считают, что стоит описывать символы, стереотипы и явления лишь те, которые давно закрепились в качестве «национальных», чем обратиться к современному бытованию культуры в сложном хитросплетении ее реалий. Из последних для анализа выбираются лишь те, которые проверены «традицией» – отсюда особенная симпатия к предыдущему опыту, как к четкой модели культуры и ее комплексов, которые сознательно ограничены этнической составляющей. Современная эпоха у исследователей-романтиков эмоционально окрашена вздыхательно-ностальгическими переживаниями из-за глобализации, в результате проявлений которых сегодня стираются якобы существующие границы народов и их культур. Еще одна характерная черта подобного рода исследований связана с идеализацией поля как склада артефактов. Такие «коллекционеры» народного имеют слабость в передаче полевых данных без надлежащего уровня критики, проверки на соответствие.

Играя важнейшую функцию адвоката конкретной культуры, исследователи-романтики оснастились антиколониальными и постмодерными стилями. Они стали очень уместными к их интуитивному пониманию феноменальности «своего родного» предмета изучения. При этом многие из представителей подобного письма выступают против «многообразия» методов и подходов. Испытав гнет тоталитарности, они восприняли ее как инструмент своей собственной позиции. Произошла инверсия форм (периферия стала центром), но с сохранением сути бывших качеств.

Медиативные взгляды на синтетическую природу ЭФ. В этнологии шкала аксиологии определяет основу гносеологической эффективности. Само средство познания путем непосредственного контакта субъекта и объекта в исследовательском проекте предопределяет, что ценности влияют на отбор эмпирики, ее репрезентацию и интерпретацию. Не признавать этого факта и есть «быть ангажированным» или изучаемой культурой, или условным академическим кредо. Такой гуманизм проходит сквозь все направления поиска адекватных стратегий в истории этнологии – начиная от эволюционистов и заканчивая современными структуралистами, все пытались найти место собственным впечатлениям и эмоциям. «Понимание это и есть мышление, которое отличается от стандартного, формально-логического. Этнографическая герменевтика это обязанность понимать, интерпретировать и объяснять институты конкретного общества, не нанося ему вреда. Речь не идет, конечно, о социальных институтах, которые могут быть плохими или устаревшими, но о людях. В этнографическом изучении и в этнологическом объяснении то, чего нельзя подумать, становится жизненным императивом: нельзя помыслить использование результатов исследования во вред людям, давшим информацию. Этнологическое объяснение в герменевтическом содержании не только поиск простых причинно-следственных обоснований, но и терпимость, которая основана на гуманистическом мировоззрении» [20, с. 26].

Это стало предпосылкой возникновения и распространения еще одного типа исследователя – медиатора. Он допускает понимание процесса сбора эмпирического материала как работы по взаимному переводу сразу в двух (минимум) кодах культуры – исследуемой и академической. Для медиатора и эмоционально, и прагматично оба участника диалога выступают в качестве «своих». Полевое общение не только предоставляет источники ученому, но и жаждет от него оценочно-познавательных суждений. Важность этичных аспектов полевой работы становится все более значимой для нашей корпорации [1, с. 70–81]. А сегодня, когда коммуникационные ресурсы сократили максимально дистанцию между академическим центром и экспедиционной

периферией, подобный диалог угрожает перерасти в перманентный. Здесь уже не будет возможности делить свои личностные ориентиры на полевой и академический быт. Конечно же, этнолог не обязан превращаться в этнофора, но учитывать «как слово наше отзовется» придется. Поэтому многие из моих коллег сейчас активно занялись посредничеством. Активный во время полевой работы информатор нередко меняется с корреспондентом местами – наступает его очередь спрашивать и настойчиво получать ответы. Странным образом может состояться трансформация, в процессе которой антрополог начинает изучать сам себя, свои реакции, рефлексии на «вызовы поля» [25, с. 26].

Если для «колониального» или «романтичного» полевика в качестве базовой фигуры выступает информант, вернее – представления о его качествах, то медиатор будет общаться с любым. В одном из учебников по этнолингвистике «подсказывается»: «Информатором может быть исключительно постоянный коренной житель села. Возраст его должен быть не менее 50 лет. Желательно подбирать информатора без или с минимальным образованием, но, ни в коем случае – не филологическим и не педагогическим. Информаторами должны быть в большинстве случаев женщины, хотя могут быть и мужчины – в зависимости от темы разговора» [7, с. 18]. Если есть четкое задание фиксировать реликты, то подход понятен (хотя автор призывает и к анализу современного положения языковых реалий). Можно ли при этом понять реальное функционирование «традиционных» представлений и лексем? Ведь предмет науки проступает бриколлажными взаимосвязями разных поколений и территориальных групп.

Подобный жанр диалога был всегда, но лишь сейчас он может легализоваться и быть включенным в научный обиход как эффективное средство получения эмпирических данных. Ведь, даже суть и форма вопросов отображают круг знаний и интересов собеседника. Естественно, что ответы на некоторых из них нарушают исконную целостность и естественность «поля». Необходимо отказаться и от «подозрения», и от «идеализации» поля и перейти к нормальному человеческому *разговору* с ним. Тем более, что именно такая позиция позволяет не только коррелировать, но и порождать проблемные направления исследований. Жанровым показателем медитативного письма является четкое указание на распределение исследовательского ego, полевого материала и контекста, в котором он получен.

Из этого можно определить природу «ЭФ» как совокупность априорного знания (этнологическое мышление, академическое кредо), непосредственный канал-контекст получения информации (поле как диалог носителей традиций с их исследователями) и данные-результат (концепты и реалии культуры). Все составляющие эмансипируются таким образом и становится прозрачной полевая система получения этнографического источника. Синтез смыслов (культуры, ученого и их «встречи») становится гносеологическим фундаментом медиативного познания и соответствующей версии критики источников: предоставление всем прав на корреляцию [10, с. 5–6; 23, p. 214–228]. Этичная чуткость и ответственность перед изучаемыми людьми уже лишили науку своеобразного академического «снобизма» [12, с. 115–124].

Медиативное письмо может опираться на герменевтический метод «опыта и интерпретации». При этом оба этапа осознаются как важные для конечного результата понимания культуры – в практике акцент сместился на второй элемент, отмечая опыт лишь как процесс получения эмпирики. В категориях этого метода равнозначными становятся и дискурс (реальная встреча исследуемого и ученого), и текст (фиксированная форма такой встречи). В итоге – «не этнограф изучает действительность туземца, а вместе со своим респондентом они синтезируют эту

реальность» [9, с. 84]. Потому стоит концентрировать свое внимание на обстоятельствах записи, личных свойствах двух соавторов в конкретный момент.

В условиях гуманистических лозунгов видим жанр антрополога именно таким – медиативным, а в полевом исследовании должны стать важными все компоненты получения и репрезентации источников. Если мы не можем лишиться личностных качеств, стоит их ввести в научный процесс, вынуждая выполнять обслуживающие функции. Тогда не надо будет искать скрытый смысл и мотив среди своих коллег по цеху или носителей конкретных культур, «подозревая» и одних, и других в желании скрыть «истину». Этот принцип полифонии активно развивается сегодня в этнологии [17]. Эти моменты приближают нас к использованию специфической этнологической гносеологии – факт жизни превращается в единицу познания путем фиксации его одновременно в двух контекстах: академических перспективах и функциональных значениях действительности. При этом, он не утрачивает свойств реальности и не получает слишком уж абстрактную форму.

Путями дальнейшей интерпретации. Таким образом, methodenstreit (спор о методах) в этнологии должен продолжаться. И, как в аналогичных ситуациях в других дисциплинах, он выходит за пределы собственной корпоративной стратегии. Эта дискуссия отбивает критический взгляд на историографический опыт развития представлений о возможностях и приемах науки. Анализ отношения к пониманию и использованию ЭФ, данных, источника и тому подобное, показывает возможность определить три основных модели. Нужно осознать, что они ни в коем разе не являются стадиальными, хотя и отбивают популярность и моду в отдельные этапы развития науки народоведа – они продолжают сосуществовать, убеждая в своей эффективности. Личные наблюдения позволяют допустить, что такое сосуществование функционирует не только в практике корпорации в целом, но, даже, на индивидуальном уровне.

Важными особенностями этнологической гносеологии является тот факт, что источник порождается непосредственным контактом профессионала-собирателя с определенной этнической культурой или социальной практикой, при чем, обе стороны должны четко осознавать цель данного диалога. Результат такого соавторства – совокупность характеристик явления или процесса, которая должна выступать обязательно в качестве релевантных единиц познания определенной традиции путем отображения принципиально важных ее свойств. Понятие «ЭФ» имеет четкие технические моменты атрибуции (время, географию и контексты сбора, четко очерченную цель и позицию исследователя). Вместе с тем, в широком понимании этого понятия важными являются: интенсивность в реальности, восприятия его места в сознании респондента, формы и качества репрезентации, обстоятельства и контекст фиксации, нахождения в научной схеме исследователя.

Возможно, что полезным будет отказаться от абсолютизации или, напротив, пренебрежения собственными «ЭФ» – они лишь являются инструментом познания, его источником, а не является самой жизнью. Включение к полю выступает лишь в качестве возможности понять повседневность и ради того, чтобы проследить эвристический потенциал «мирного течения» культуры, нужно иметь профессиональные знания, умения и интуицию. Именно подготовка к полю позволяет выстроить концептуальную проекцию наших впечатлений, которые, в свою очередь – станут истоками для завершения апостериорного научного знания!

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена при поддержке Российского государственного гуманитарного университета, научная программа УН Центра социальной антропологи ««Этнографическое поле» в социокультурной антропологии: на перекрестках культур и дисциплин».

Список литературы

1. Боряк О. Емпіричні дослідження як «ризик шкоди»: теорія і практика впровадження принципів етики польової роботи // Народна творчість та етнографія. 2003. № 5–6. С. 70–81.
2. Бурдьё Пьер. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Генинг В.Ф., Генинг В.В. Очерки философии социоархеологии. Проблема обоснования социоисторических исследований в археологии. К., 1992. 250 с.
4. Глушко М.С. Методика польового етнографічного дослідження: Навч.посібник. Львів: ЛНУ імені Івана Франка, 2008. 288 с.
5. Головнёв А.В. Парадоксы народоведения // Вестник Уральского отделения РАН. Екатеринбург, 2004. № 2 (8). С. 28–33.
6. Клейн Л.С. Археологические источники. СПб.: Фарн, 1995. 352 с.
7. Конобродська В. Курсова і дипломна робота з етнолінгвістики: Навчальний посібник. Житомир, 2003. 236 с.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Восточная литература, 1983. 536 с.
9. Маєрчик М. Польові дослідження: проблема достовірності й порозуміння // Народна творчість та етнографія. 2003. № 5–6. С. 82–90.
10. Никитина С.Е. О «нас» и о «них» // Живая старина. 2001. №1. С. 5–6.
11. Никифоров А.Л. Философия науки: история и методология. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. 276 с.
12. Пондопуло А.Г. От этнографии-описания к этнографии-диалогу // Одиссей: Человек в истории. Культурно-антропологическая история сегодня. М.: Наука, 1991. С. 115–124.
13. Прігарін О.А. Про варіативність польової «поведінки» в етнології: критичний погляд на евристичні можливості // Етнічна історія народів Європи: Зб. наук. праць. Вип.26. К., 2008. С. 67–77.
14. Пригарин А.А. Модели исследовательских стратегий в этнологии: вызов поля и индивидуальный опыт // Антропология академической жизни / Под ред. Г.А. Комаровой. М.: ИЭА РАН, 2008. С.141–161.
15. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функція в примитивном обществе. М.: Восточная література РАН, 2001. 304 с.
16. Семенов Ю.И. Этнология и гносеология // «Этнографическое обозрение». 1993. № 6. С. 3–20.
17. Соколовский С.В. Этнография: стиль, жанр и метод (размышления по поводу статьи С.Н. Абашина «Свой среди чужих, чужой среди своих») [Электронный ресурс] // Этно-журнал. 2003. URL: www.ethnonet.ru/lib/1103-03.html (дата обращения 23.05.2010).
18. Соколовский С.В. Автоэтнографические этюды о власти и вещности // Bulletin anthropology, minorities, multiculturalism. New series. Вып. 1 (7). № 1–3. Краснодар: ООО «РАйФ», 2006.
19. 19.Фуко М. Археология знания. К., 1996. 208 с.
20. Чеснов Я.В. Этнологическое мышление и полевая работа // Этнографическое обозрение. 1999. №5. С. 3–15.
21. Яковенко Н. Вступ до історії. К., 2007. 368 с.
22. Geertz Clifford. The Interpretation of Cultures. Selected essays by Clifford Geertz. New York: Basic Book, Inc., Publibers, 1973. 478 p.
23. Pocock David. Understanding Social Anthropology / Royal Anthropology Institute. London and New Brunswick NJ: The Athlone Press, 1998. 255 p.
24. Spradley J.P. The Ethnographic Interwiew. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979. 247 p.

УДК 271.22

Этнокультурная адаптация старообрядцев в Туве в XX столетии

Стороженко Алена Александровна
кандидат исторических наук, доцент.
Тувинский государственный университет,
кафедра Отечественной истории.
Кызыл, Россия.
storozhencko.ale@yandex.ru/
ORCID.ID: 0000-0001-9986-8966

АННОТАЦИЯ В статье на примере старообрядческих общин Каа-Хемского района Тувы рассмотрен процесс социокультурной адаптации последователей старой веры в иноконфессиональной и иноэтнической среде. Установлено, что территория современной Тувы в силу политической неопределенности и наличия свободного земельного пространства представляла собой благоприятное пространство для переселения старообрядцев, которые основными целями ставили независимое хозяйствование и сохранение религиозной идентичности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Старообрядцы, Тува, социокультурная адаптация, освоение, переселение, иноконфессиональная, иноязыковая и иноэтническая среда.

Освоение Сибири сопровождалось адаптацией переселенцев из европейской части России к новой для них обстановке. В различных районах Сибири, отличавшихся ландшафтными, природно-климатическими и этнокультурными условиями, она отличалась темпами, формами, вариантами, использованием разнообразных адаптационных механизмов, поэтому имела разные результаты. Характер адаптации в немалой степени зависел от численности и плотности расселения русских, а также от их способности (при прямой и нередко активной поддержке государства) адаптировать под свои политические, социальные, экономические и культурные запросы, окружающую среду [6]. Как справедливо подметил А.А. Пригарин, размышляя о фронтирных адаптационных стратегиях староверов: «Здесь на политико-административных кордонах идет активное конструирование «своего мира» [5, с. 32–33].

Старообрядцы были вынуждены осваивать, прежде всего, таежные районы, что требовало от них выработки особых адаптационных практик, ведь «…у каждого народа, каждой этнографической группы «срабатывали» свои адаптационные возможности и защитные механизмы» [10, с. 66]. География их расселения в Енисейской Сибири [7] привязанная к речным долинам, в верховьях которых, как правило, располагались горно-таежные местности, прямо указывает на это. «Переселенцы, как правило, стремились, к привычной, а потому – предпочтительной ландшафтной и климатической среде» [3, с. 63].

Социокультурная адаптация староверов в течение XX века на территории Тувы, которая была и остается для них инокультурной средой, также как и в целом в Сибири, прошла ряд этапов, которые, используя устоявшуюся терминологию, следует назвать стадиями инадаптации, преадаптации, постадаптации [11, с. 162]. Можно констатировать, что к концу XX века старообрядческие общины тувинского Верховья уже вошли в стадию постадаптации, которая в свою очередь характеризуется глубокой степенью культурной адаптации. На наш взгляд, ее важными признаками являются:

1) «закрепление» хозяйственной и промысловой территории;
2) складывание системы «скит-деревня»;

3) сложение локальных вариантов бытовой культуры, обрядовых комплексов.

Старообрядчество во многом повлияло на складывание поселенческой структуры Сибири. Старообрядческие общины были очень ценны как «колонизационный элемент» в освоении таежных мест. Если в начале XX века хозяйственная жизнь русских таежников носила промыслово-торговый характер, то к середине XX века она реализовывалась как в смешанное промыслово-полевое хозяйство. Происходило освоение глухих районов бассейна Енисея, и миграция старообрядческого населения сыграла огромную роль в освоении той его части, которая сегодня входит в состав территорий Республики Тыва.

В 1920–1930-е гг. переселения носили вынужденный характер и были связаны со стремлением староверов уйти от насильственной коллективизации, обмирщения, нежелания ходить в советскую школу. Позднее – в послевоенный период переселения были связаны с поисками лучших условий хозяйствования, переселялись к одноверцам, устроившимся в моноконфессиональных мирских поселениях среднего и верхнего течения Енисея в Туве и духовных центрах – скитах и монастырях.

Верхнеенисейские скиты-монастыри («святая земля») и отшельнические поселения монахов-подвижников веры играли важную консолидирующую роль для всего старообрядческого населения. Велико также их значение в деле сохранения старообрядчества как особой этноконфессиональной группы в Туве, в упорном противостоянии их административному нажиму и насаждению безбожия, которые начались в 1930-е годы. Тогда правительство Тувинской Народной Республики и Тувинская народно-революционная партия (ТНРП), копируя советские методы ускоренного строительства социализма (создание коммун, колхозов, раскулачивания и т. д.) и борьбы с классовыми врагами, видело своих противников в первую очередь в лице твердых в своих религиозных убеждениях, крепких, самостоятельных хозяйственниках – староверах. На старообрядцев обрушились гонения, притеснения, раскулачивания и высылки [9].

Скиты являлись своеобразными духовными центрами для мирской округи, они притягивали к себе не только стариков, уезжающих туда на склоне лет, но и молодых, желающих посвятить свою жизнь Богу и спасти душу.

Старообрядцы предпочитали переселяться большими семейно-родственными коллективами, поддерживая друг друга в пути и на месте вселения. Происходила неизбежная социокультурная трансформация принимающих регионов – поселенческих структур Томской области, Красноярского края, Тувы. Возникали новые населенные пункты, осваивались ранее незаселенные участки таежной Сибири, развивалось охотничье-промысловое хозяйство, межкультурное взаимодействие с коренным сибирским населением.

Характерной чертой старообрядчества является разработка особой, религиозно-трудовой этики, которая выражается в постоянной трудовой активности и экономном использовании ресурсов. Примечательно, что и в Сибири староверы продолжали оставаться единоличниками, избегали объединения в колхозы, административного учета, паспортизации. Было составлено идеологическое обоснование подобной жизненной стратегии – сочинение лидера часовенного согласия, игумена дубчесского монастыря о. Симеона «На союзы».

Послевоенный период был временем укрепления системы конфессиональных центров староверов-часовенных в Сибири в материальном отношении, произошла институализация дубчесских монастырей и связанных с ними многочисленных мужских и женских скитов как духовных центров.

Население старообрядческих сел Каа-Хемского района Тувы было однородным и в этническом, и в конфессиональном отношении – русские старообрядцы или их родственники, поэтому строго соблюдались все обряды – крещение, брак, несмотря на

активную пропаганду атеизма в школе. А.Ф. Емельянов описал в своих публицистических очерках – «От мира не уйти» [2] непростую духовную жизнь старообрядческих детей Сизима, Эржея, других старообрядческих поселков, вынужденных разрываться между строгим домашним старообрядческим воспитанием и школьным – атеистическим.

Придя в Туву, на земли, которые можно было без труда, буквально за символическую плату, выкупить у тувинцев [8, с. 54], староверы действовали на свой страх и риск. Во второй половине XX века в условиях «последнего времени», как сообщество «в латентной форме готовое к трансформациям» [4, с. 190], старообрядчество продолжило дальнейшее развитие по пути модернизации адаптационных практик.

Заключение

Скрыто и открыто сопротивляясь колхозам и прочим «артелям», любым формам «записей» и регистрации, продолжая поддерживать религиозную жизнь не только в скитах, но и деревнях и, таким образом, проявляя повышенную активность вероисповедания, староверы отстояли свое конфессиональное пространство.

Многолетняя жизнь в иноконфессиональной, иноязыковой и иноэтнической среде, которая, как и религия, выступала своеобразным фактором сплочения и сохранения русских традиций [1, с. 64]. Наблюдаемая устойчивость их системы жизнеобеспечения на основе имевшегося к моменту переселения немалого адаптивного потенциала к инокультурной среде, позволила им выдержать те общественные и социокультурные изменения, которыми так богата история XX столетия.

Список источников и литературы

1. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы из Южной Америки: реэмиграция и адаптация // Религиоведение. № 4. 2018. С. 62–67. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36966774_38352639.pdf. (дата обращения: 15.04.2023).
2. Емельянов А.Ф. От мира не уйти: Документальные повести и очерки. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1984. 240 с.
3. Зверев В.А. Природные факторы воспроизводства сельского населения Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Влияние переселений на социально-экономическое развитие Сибири в эпоху капитализма: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е.И. Соловьева: [сборник]. Новосибирск: Новосиб. гос. пед. ин-т, 1991. С. 63–80.
4. Керов В.В. «Се человек и дело его...»: конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России / В.В. Керов. М.: Изд-во «Экно-Информ», 2016. 590 с.
5. Пригарин А.А. Русские старообрядцы на Дунае: формирование этно-конфессиональной общности в конце XVIII – первой половине XIX вв. Одесса – Измаил – Москва: «СМИЛ» – «Археодоксия», 2010. 528 с.
6. Сибирь и Русский Север: проблемы миграций и этнокультурных взаимодействий (XVII – начало XXI века) / Е.Ф. Фурсова, А.Б. Пермиловская, А.В. Черных и др.: [сборник]. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2014. 296 с.
7. Стороженко А.А. Старообрядческие монастыри «енисейского меридиана» в XX веке: истоки, традиции и современное состояние // Новые исследования Тувы. 2019. № 1. С. 4–15. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=37166686 (дата обращения: 17.05.2021).
8. Стороженко А. А. «Аршин впереди, а штык позади»: особенности складывания этнокультурного ландшафта Тувы в XIX – начале XX в. // Новые исследования Тувы. 2021.

№ 3. С. 49–60. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_46526803_76281564.pdf (дата обращения: 17.05.2021).
9. Татаринцева М.П. Старообрядцы в Туве в начале XX века и в период Тувинской Народной Республики // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. URL: https://nit.tuva.asia/nit/article/view/465 (дата обращения: 17.05.2021).
10. Фурсова Е.Ф. Восточные славяне в Западной Сибири: создание этноэкологических систем развития // Гуманитарные науки в Сибири. 2000. № 3. С. 65–69.
11. Шелегина О.Н. Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспечения русского населения Сибири XVIII – начале XX века: (К постановке проблемы). Новосибирск: Изд-во Сибирская научная книга, 2005. 192 с.

УДК 39+316.733

Традиции как основа семейных ценностей титульных этносов Южной Сибири в современный период

Трошкина Ирина Николаевна
кандидат философских наук.
Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории, сектор экономики и социологии.
Абакан, Россия.
i.troschkina2012@yandex.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-1650-0590

АННОТАЦИЯ Цель статьи заключатся в выявлении основных традиций, которых придерживаются алтайцы, тувинцы, хакасы. Эмпирической базой исследования являются результаты социологического опроса, проведенного в мае–июне 2022 г. среди алтайцев, тувинцев и хакасов в республиках Южной Сибири. Представлены преобладающие традиции, этническая специфика. Сделан вывод, что приоритетными этнобытовыми традициями, обусловленными этнической принадлежностью, для абсолютного большинства титульных этносов Южной Сибири являются гостеприимство, родильные, похоронные, поддерживающие значимость ценностей родительства и родства; среди инновационных стоит выделить традиции совместного проведения досуга, праздников, направленные на сохранение и воспроизводство всего спектра семейных ценностей (обусловлены половой и этнической принадлежностью, местностью проживания). Алтайцы более придерживаются свадебных и родильных традиций, хакасы – гостеприимства, застольных, у тувинцев преобладающими являются ценности гостеприимства, родильные.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Традиции, семейные ценности, алтайцы, тувинцы, хакасы

Согласно данным различных исследований, семейные ценности, представленные совокупностью компонентов супружества-родительства-родства, претерпевают существенную динамику, проявляющуюся в замещении традиционных семейных ценностей современными или инновационными [1, с. 43], что обусловлено повышением позиций индивидуалистских над коллективистскими ценностями, приоритетом частных над общими благами. Динамика семейных ценностей проявляется в изменении структуры основных ее компонентов, приводит к эффекту «перевернутой пирамиды семейных ценностей», в связи с преобладанием инновационных компонентов над традиционными. На сегодняшний день наибольшую значимость имеет ценность супружества, при этом сохраняется позиция родительства, отмечается снижение – родства.

Основу семейных ценностей составляют традиции, дополняющиеся инновациями. Отмечается, сохранение устоявшихся национально-бытовых, снижение духовно-нравственных традиций, формирование новых норм, правил и образцов поведения.

С целью сохранения и воспроизводства традиционных семейных значимостей, в т.ч. и семейных традиций, был разработан перечень из 17 категорий, отразившихся в Указе Президента РФ. Среди основных семейных ценностей, указанных в нормативно-правовом документе, крепость семьи и брака, многодетность, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, преемственность поколений (п. 1.4, 2.14) [Указ, с. 2, 4]. Воспроизводство данных ценностей через традиции направлено на сохранение триединства ценностных компонентов родительства-супружества-родства.

Поскольку основу семейных ценностей составляют традиции и обычаи конкретных этносов, определяющиеся культурой, принадлежащими к определенному

культурному габитусу, доминирующие компоненты семейных традиций, инновации представляют особый научный интерес.

В своем исследовании мы попытались выявить какие традиции воспроизводятся титульными этносами в рассматриваемых национальных регионах, есть ли расхождения между алтайцами, тувинцами и хакасами по данному вопросу, прояснить какие еще традиции наличествуют.

Респондентам было предложено выбрать традиции, которых придерживаются в семье. Среди самых распространенных стали: гостеприимство – 82,5%, родильные – 73,7%, похоронные – 69,2%. Менее популярными являются трудовые традиции, их отметило 59,7% опрошенных, и застольные – 47,6% от числа опрошенных. Проанализировав общий массив опрошенных респондентов по полу и местности проживания, важно отметить отсутствие разницы в ответах по данным основаниям. Иная картина наблюдается по этнической принадлежности респондента. Например, хакасы чаще других выделяли традиции гостеприимства, застольные; алтайцы – свадебные и родильные, для тувинцев преобладающими являются ценности гостеприимства, родильные (рис. 1).

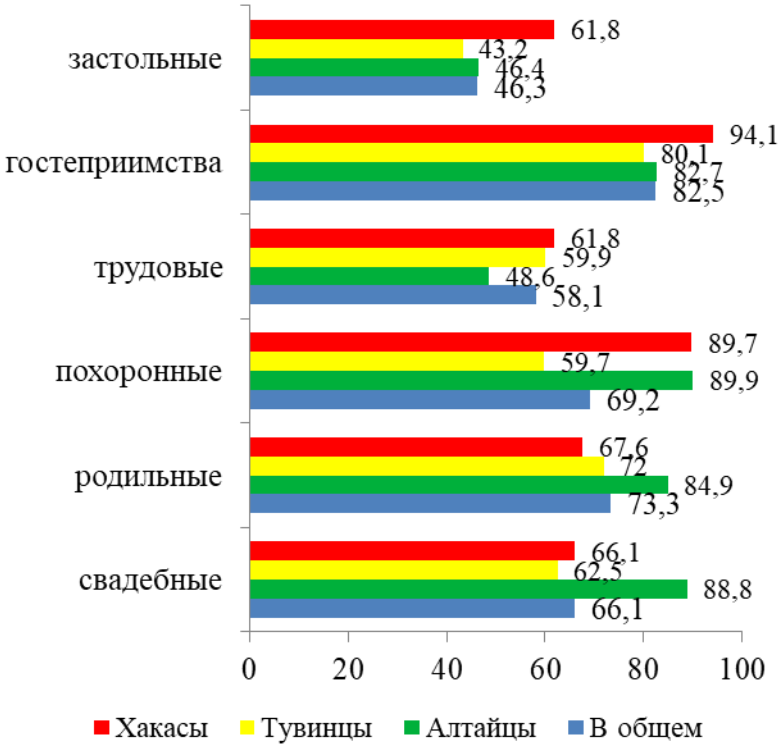

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос: «Какие традиции Вы соблюдаете?», в %

На открытый вопрос об иных семейных традициях, которых придерживается Ваша семья, респонденты отметили: совместное проведение праздников (41,7%), встреча родов, родственников (6,6%), приготовление национальных блюд (6,6%).

Анализ показал, что мужчины и женщины придерживаются традиций по-разному. Так, например, женщины отмечали следующие традиции, чаще мужчин: «почитание старших» (26,4% – женщины, 3,1% – мужчины) и «передача поколениям обрядов и обычаев» (26,4% – женщины, 7,1% – мужчины). Приготовления национальных блюд (9,2% – мужчины, 1,9% – женщины) придерживается больше мужчин, чем женщин.

Как выявил анализ, есть различия в соблюдении традиций по критерию местность проживания. Респонденты, проживающие в сельской местности, чаще отмечают, что их семья придерживается совместного проведения праздников (48,9% – село, 31,7% – город) и встречи родов и родственников (11,4% в селе и 0% в городе). Горожане, выбирают варианты «почитание старших» (17,5% – город, 6,8% – село) и «приготовление национальных блюд» (11,9% – город, 3,4% – село).

По этнической принадлежности почитаемые традиции также различаются. Например, алтайцы выбирали почитание природы (24,2%), передачу поколениям обрядов и традиций (27,3%) и каждый второй – совместное проведение праздников (48,5%). Тувинцы предпочитали в основном совместное проведение праздников (41%). Хакасы отдавали предпочтение также совместному проведению праздников (33,3%) и встрече родов и родственников (27,8%).

Заключение

Резюмирую все выше сказанное, можно заключить, что приоритетными этнобытовыми традициями, обусловленными этнической принадлежностью, для абсолютного большинства титульных этносов Южной Сибири являются гостеприимство, родильные, похоронные, поддерживающие значимость ценностей родительства и родства; среди инновационных стоит выделить традиции совместного проведения досуга, праздников, направленные на сохранение и воспроизводство всего спектра семейных ценностей (обусловлены половой и этнической принадлежностью, местностью проживания). Алтайцы более придерживаются свадебных и родильных традиций, хакасы – гостеприимства, застольных, у тувинцев преобладающими являются ценности гостеприимства, родильные.

Список литературы

1. Малаева А.Т. Надэтническая идентичность или казахи и русские в Казахстане. Монография. Алматы. 2000. 264 с.

УДК 316.47

Российско-монгольские отношения в современных геополитических условиях

Ушаков Дмитрий Викторович
кандидат философских наук, старший научный сотрудник.
Институт философии и права СО РАН,
отдел социальных и правовых исследований.
Новосибирск, Россия.
ushakovdmitrii@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3666-1778

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются установки отношений между российским и монгольским народами в динамике их развития в последние годы. Современная геополитическая ситуация обусловлена конфликтами, инициированными на постсоветском пространстве США и странами НАТО. Монголия, имея кредиты от зарубежных банков, вынуждена подчиняться условиям «третьего соседа», и выстраивать политику лавирования между Россией, Китаем и США с Японией, и Южной Кореей. Социологические опросы автора и независимого агентства показывают, что у монгольского народа не утрачено доверие к России, и это значимый геополитический ресурс, который необходимо не только поддерживать, но и развивать на пользу обеим странам.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Россия, Монголия, международные отношения, геополитика.

Российский и монгольский народы имеют давние дружеские взаимоотношения. 5 ноября 1921 г. между Монголией и РСФСР было подписано Соглашение об установлении дружественных отношений. С тех пор прошло более ста лет, за эти годы были моменты создания самой независимой Монголии, взаимной помощи в битвах на Халхин-Голе, и во время Великой Отечественной войны, и восстановлении хозяйства, строительства новой, социалистической жизни, утрата идеалов, игнорирование, поиски новых смыслов, и вновь налаживание взаимоотношений.

За годы демократических и рыночных реформ многие позитивные связи России и Монголии были утрачены. В 90-е годы, в эпоху реформ российские политики, ориентируясь на США и европейские державы, занимались больше внутренними социально-экономическими проблемами, не обращая особого внимания на своих ближних соседей, в том числе и на Монголию. С 1991 года, с развала СССР и вывода контингента советских войск с территории Монголии, смены конституции, а за тем 2008 г. в Монголии в ходе «революции юрт» произошла смена власти и политического режима на «либерально-демократический», возобладала идея «третьего соседа», поиска поддержки у других стран, кроме России и Китая. В условиях слома биполярной мировой системы Монголия также стала выстраивать независимую политическую линию в отношении России и Китая, ориентируясь на более тесные контакты с США, Европой и странами восточноазиатского региона [2].

Казалось бы, закончилась эпоха «холодной войны», идеологической конфронтации, и у России, наладились политические и экономические отношения с большинством западных держав, а также и с США. Монголия тоже наладила позитивные отношения с этими государствами, и как Россия, получила кредиты на будущее «демократическое развитие».

Вместе с тем, параллельно происходил и иной процесс – развертывания многочисленных попыток дестабилизировать межнациональную ситуацию практически на всех территориях бывшего Советского Союза и в странах,

прилегающих к Российской Федерации, как «наследнице бывшей советской империи». Для России это была целая эпоха. Произошла целая серия «цветных революций», стимулирование негативного восприятия России со стороны стран Балтии (Эстонии, Литвы, Латвии), Приднестровья, Кавказа (Чечни, а за тем в Грузии). Осложнялись взаимоотношения и с некоторыми азиатскими странами (Киргизией, Таджикистаном, Узбекистаном). Реализовывался западный англо-саксонский план по типу «Анаконда», окружения России недружественными государствами, социально-экономического и политического удушения, с последующим расчленением.

Некоторые из попыток дестабилизации политической ситуации и новых государственных переворотов на фоне разнообразных поводов (пандемии, государственных выборов, беженцев, повышения цен на нефть, продуктов первой необходимости и т. д.) удались, другим были противопоставлены контр действия. Некоторые ситуации были сняты частично, как, например, в случае с Грузией (2014 г.), конфликтная ситуация вполне могла перерасти в полномасштабный конфликт, но была снята, так же как, чуть позже в Белоруссии (2020 - 2021 гг.), затем и в России (попытки политической дестабилизации в связи с Навальным), и в Казахстане (январь 2022 г.).

Монголии так же пришлось «вкусить прелесть» рыночных отношений с зарубежными инвесторами и их геополитическими требованиями. Значительную часть финансирования социальных программ (культуры, образования, здравоохранения) и других проектов с 2008 г. взяли на себя такие страны как: США, Япония, Южная Корея, Китай, Великобритания, Германия, а так же международные организации – Международный валютный фонд, Всемирный банк, Азиатский банк развития, ЮНИСЕФ, Европейский союз. Поэтому во время пандемии коронавируса в Монголии вводились жесткие локдауны, и строго соблюдались все предписания и требования Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), даже когда в них не было особой необходимости. Долги этим фондам были значительны, а не выполнение их требований вели к определённым санкциям.

В последние годы Россия и Монголия все больше проявляют взаимную заинтересованность в развитии торгово-промышленных, культурно-образовательных, научных и деловых связей. Российско-монгольские отношения сегодня выходят на качественно новый уровень: В 2014 г. визит Президента РФ В.В. Путина в Улан-Батор во время празднования 75-летия событий на Халхин-Голе был отмечен отменой визового режима для туристических поездок и других посещений. В 2019 году во время визита в Монголию Президента Российской Федерации В.В. Путина ознаменовалось заключением 3 сент. 2019 г. договора о дружественных отношениях и всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и Монголией. 16 декабря 2021 г. – визит Президента Монголии Ухнаагийн Хурэлсуха в Российскую Федерацию так же сопровождался подписанием новых договоров о сотрудничестве.

За эти годы произошли события связанные, и с нашим городом – Новосибирском и столицей Монголии – Улан-Батором: 4.10.2015 г. был подписан договор о побратимстве городов Новосибирска и Улан-Батора. В октябре 2016 г. в Новосибирске был организован масштабный форум: «Россия – Монголия Сотрудничество 2016». В октябре 2017 г. в Улан-Баторе был проведён подобный Форум: «Россия – Монголия». В 2018 г. в Новосибирске был создан и начал свою работу Монгольский национально-культурный центр «Найрамдал» - «Дружба», который действует и сегодня.

В столице Монголии – Улан-Баторе, в 2014 г. автором был проведён массовый опрос среди молодых людей (в возрасте от 13 до 25 лет). Совместно с монгольскими коллегами мы опросили – 600 чел. (Приложение. Рис. 1) На следующий год (в 2015 г.) в Новосибирске нами было опрошено 1014 чел. предметом изучения были

межэтнические установки межнациональных отношений среди молодежи (Приложение. Рис. 2).

С целью выявления установок в межнациональных отношениях, направленных на позитивное или негативное взаимодействие с другими этносами, молодым людям был задан вопрос: «Какие чувства ты испытываешь чаще всего к представителям следующих народов?». Они отвечали: с симпатией – «нравятся», нейтрально – «никак», или с антипатией – «не нравятся». Ответ «нейтрально» не учитывался при подсчёте, а вот количество симпатий отнималось от количества антипатий (и наоборот, в случае превалирования), то есть выяснялась простая разница между количеством симпатий и антипатий и вычислялось их процентное соотношение.

Монгольской молодежи предлагалось выразить свое отношение к 30 народам. В эту группу были включены народы, отражающие этнический состав населения Монголии (халхи, уэлдцы, мянгатцы, хотоны, урянхайцы, торгудцы, захчины, баядцы, дурбэты, и казахи), а также представители основных цивилизаций мира: западной (европейской, американской), восточной (китайской, японской), африканской, исламской, а также народы Сибири и России в целом.

Подобный опрос по изучению отношений к другим 38-ти народам был проведен среди российской молодёжи. Среди народов, включенных в список для анкетного опроса, были проживающие в г. Новосибирске, народы, представляющие разные цивилизации мира – западную (европейскую, американскую), восточную (китайскую, японскую), африканскую, исламскую, а также народы России, Сибири и бывшего СССР. Результаты опросов молодёжи г. Новосибирска и г. Улан-Батора показали следующее:

У монгольской молодёжи более позитивный настрой в отношении большинства народов, чем у российских молодых людей, но в процентном соотношении эти симпатии значительно менее выражены.

Негативным моментом является то, что среди российской молодёжи большинство азиатских и восточных народов (в том числе и монголы) получали отрицательные оценки – в чем выражена европейская направленность установок. Среди монгольской молодёжи так же прослеживается отчетливый европоцентризм в установках, однако, по среди других народов – русские у них вызывают наибольшие симпатии, даже по сравнению со своими «внутренними» народами.

В ходе опроса монгольских подростков было выявлено, что они позитивно ориентированы на взаимодействие как с народами России, так и с народами северной Америки, странами европейского и восточно-азиатского регионов (кроме Китая). Если в Новосибирске положительные оценки получили представители 20 народов, то в Улан-Баторе молодежь позитивно отнеслась к 28 народам и лишь к одному народу негативно – к китайцам.

Исходя из данных социологических опросов, «ежегодно проводимых известным фондом Монголии «Сант Марал», Россия воспринимается как самый желанный зарубежный партнер Монголии, а отношения с россиянами видятся монголам как наиболее комфортные… судя по общему высокому проценту положительных оценок России и россиян, монгольская молодежь также в массе своей позитивно настроена в отношении нашей страны. В связи с этим можно предположить, что для молодого поколения монголов, в основном не владеющих русским языком и не заставших эпоху социализма, положительный образ России определен не столько социалистическим прошлым, сколько текущими геополитическими установками. Суть этих установок сводится к тому, что северный сосед видится естественным (прежде всего, военным) противовесом Китаю как главному источнику вызовов и угроз национальной безопасности страны, что также можно отнести к исторически обусловленному образу России» [3, с. 285].

За время пандемии 2020 – 2022 гг. многие связи с Монголией были прерваны, границы в той или иной степени закрыты, однако общение и взаимная помощь между странами не прекращались [4].

Значительно геополитическая ситуация изменилась в связи с началом специальной военной операции на Украине. В столице прошли демонстрация и митинг: сначала протестное шествие перед посольством устроили противники военных действий России на Украине, а за тем митинг возле памятника Г.К. Жукову – сторонники России в поддержку специальной военной операции.

Действительно, как описывает профессор Грайворонский В. В. «Специальная военная операция России на Украине, начатая 24 февраля 2022 г., вызвала бурную, неоднозначную реакцию в монгольском обществе. Мнения монгольской общественности разделились в основном на 3 группы: 1) сторонники официальной позиции правительства; 2) группа противников, которые резко осуждают войну вообще, включая специальную военную операцию России, видят в ней прежде всего грубое нарушение норм международного права, 3) сторонники России, которые понимают и поддерживают ее позицию и действия» [1, с. 59].

Доли этих групп различны. Так, согласно данным опроса 2023 г., осуществлённого Фонда «Сант Марал» среди 1000 респондентов в столице Улан-Баторе и Булгане, Завханском, Умнеговьском, Тувском, Хубсугульском и Сухэ-Баторском аймаках Монголии – 75,8% считают, что Монголия должна оставаться нейтральной в конфликте между Россией и Украиной. То есть, большинство солидарно с официальной позицией руководства Монголии, согласно которой: необходимо соблюдать нейтралитет в конфликтах, которые не затрагивают непосредственно интересы Монголии и предлагать участникам конфликта урегулировать его путём переговоров. Вместе с тем, всё же то, что Монголия должна поддерживать Россию считает 17,3%, и лишь 2,1% опрошенных считают, что Монголия должна поддерживать Украину. Затруднились с ответом или не ответили – 4,8% респондентов [5] (см. табл. 1).

Интересны данные, касающиеся вопроса о том, кто, по мнению респондентов, является главным виновником конфликта на Украине. Большинство затруднилось ответить на этот вопрос – 25,7%, обе страны и Россию и Украину в качестве главных виновников отметили 19,3%, Россию посчитали виновной 17,7%, а Украину – 16,5% опрошенных. Интересно, что США посчитали главным виновником – 13,7%, а НАТО и западные страны – 12,2% ответивших, вместе с тем если суммировать эти распределения и считать их за единый ответ, то в сумме получается – 25,9%, что достаточно весомо. [5] (см. табл. 2).

При этом почти 80% респондентов (35,9% «отрицательно», и 44,3% – «немного отрицательно») считают, что санкции против России негативно повлияют на Монголию. То, что «совсем не повлияют» – считают лишь 4,9 % ответивших, и «положительно повлияют» – 4,4 %, не знают и затруднились ответить – 11%. [5] (см. табл. 3).

Наиболее ярко иллюстрирует ситуацию с отношениями монгольского населения к разным странам, вопрос о том «какая страна является лучшим партнёром для Монголии?» [5] Значительное большинство (72,9%) отметили Россию, за тем Китай (36,3%), близки по значениям Япония (24,7%) и Южная Корея (21,2%), за тем в качестве партнёров рассматриваются США (15,8%), и Европейские страны (10,5%). Другие страны рассматриваются лишь 1,6% респондентами. (см. табл. 4)

Заключение

Вне зависимости от множества геополитических факторов, Россия и сегодня имеет значительное преимущество в позитивном восприятии монгольского народа. И

этот кредит доверия нельзя утрачивать России. В свете долгосрочного развития добрососедских и дружеских взаимоотношений наших народов особо актуальным представляется формирование новых позитивных социокультурных ориентиров подрастающего поколения современного российского и монгольского обществ. Это обоюдная задача. Как для России, так и для Монголии. Надо работать эффективно, через обучение языкам заинтересованным представителям наших народов, через установление экономически взаимовыгодных проектов, профессиональную подготовку молодежи и освоение новых технологий. Необходимы новые культурные, образовательные, научные контакты и обмены.

Нужны совместные проекты, которые невозможны без поддержки не только на региональных, но и на федеральном уровнях. Это движение должно быть не только с поддержкой инициатив региональными властями и частными компаниями, но развитием крупных проектов, сопровождающихся профессиональной подготовкой специалистов. При этом следует учитывать этносоциальные устремления наших народов, и геополитическую ситуацию. Рецепт сохранения благополучия межэтнических отношений одновременно и прост и чрезвычайно сложен: только знание своей и чужой культуры, помноженное на самоуважение и уважение других людей помогут сохранить благополучие и будущее целостности России и Монголии.

Список литературы

1. Грайворонский В.В. О реакции в Монголии на специальную военную операцию России на Украине // Восточная аналитика. 2022. № 13 (2). С. 58–63. [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.31696/2227–5568–2022–02–058–063 (дата обращения: 19.04.2023).
2. Джеенбекова С.С. Геополитика Монголии с Россией, Китаем, странами ЦА и АТР // Обозреватель–Observer. 2021. № 5. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geopolitika-mongolii-s-rossiey-kitaem-stranami-tsa-i-atr/viewer (дата обращения: 19.04.2023).
3. Родионов В.А. Российские ресурсы «мягкой силы» в Монголии: текущее состояние и потенциал использования // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 283–291. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskie-resursy-myagkoy-sily-v-mongolii-tekuschee-sostoyanie-i-potentsial-ispolzovaniya/viewer (дата обращения: 25.06.2023).
4. Ушаков Д.В. Монголия. Социальные меры противодействия распространению COVID-19 // Азия и Африка сегодня. 2021. № 2. С. 44–50. DOI: 10.31857/S032150750013959-6.
5. Фонд «Сант Марал» [Электронный ресурс]. URL: https://www.santmaral.org/_files/ugd/915e91_658ad78e7b8e469d828b49a2c359e494.pdf (дата обращения: 25.06.2023).

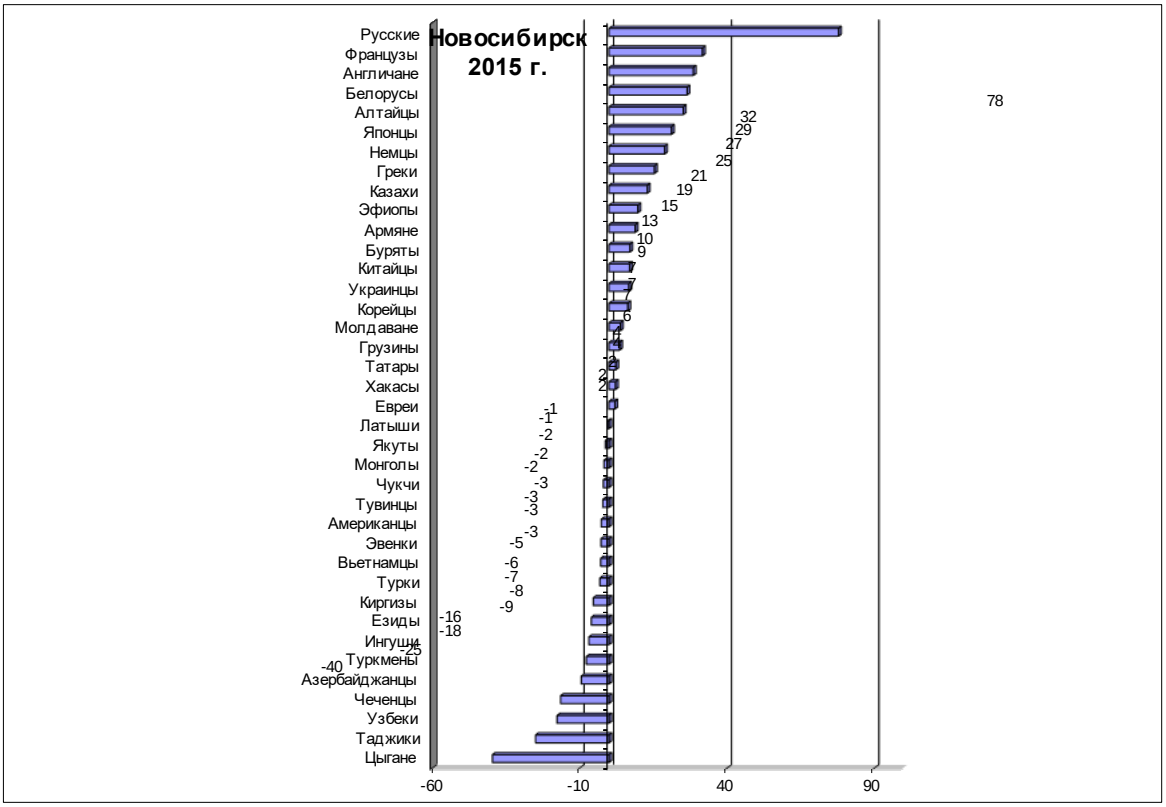

Рисунок 1

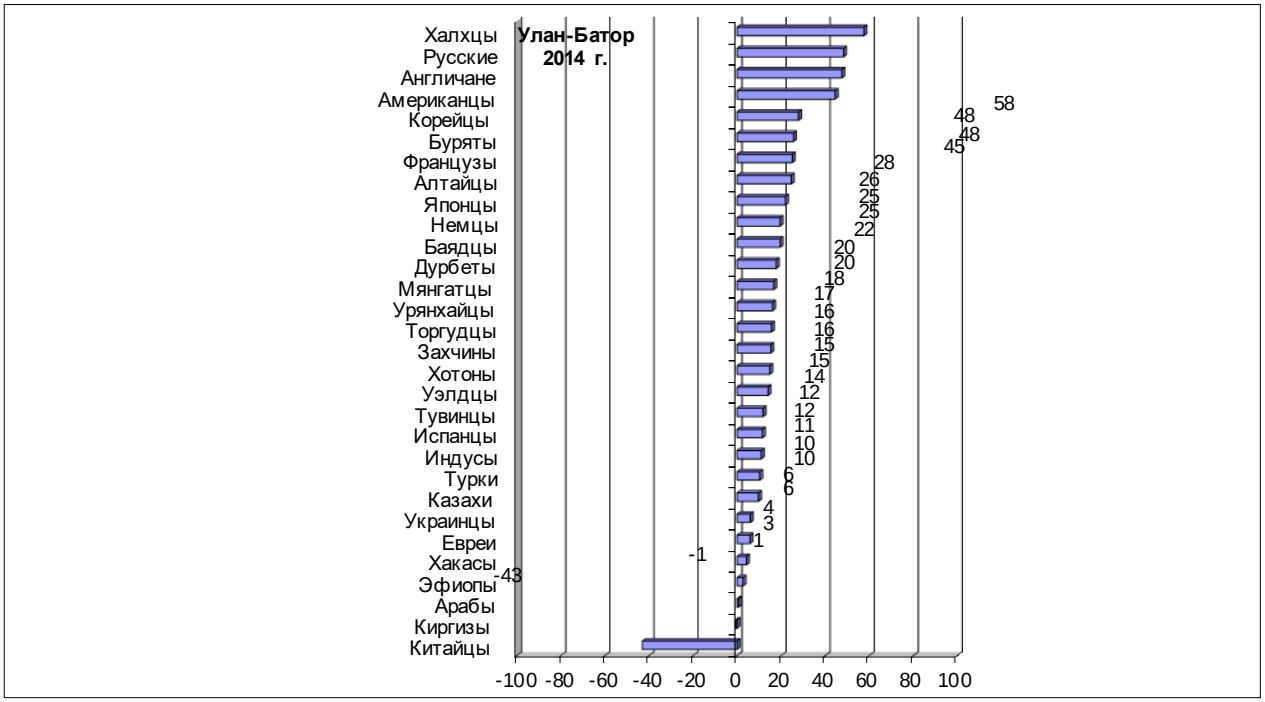

Рисунок 2

Графики иллюстрируют отношение опрашиваемых к представителям разных народов: слева антипатии превалируют над симпатиями, а справа наоборот симпатии превалируют над негативными установками.

Таблица 1.
Позиция Монголии в отношении конфликта между Россией и Украиной

Конфликт между Украиной и Россией продолжается уже более года, и мир столкнулся с серьезным кризисом. Официальная позиция Монголии нейтральна, и не поддерживает ни одну из сторон. На ваш взгляд, в этой ситуации Монголия:	По всей стране, N= 1000 чел.
Должна поддерживать Россию	17,3%
Следует оставаться нейтральным	75,8%
Должна поддерживать Украину	2,1%
(Не знаю)	4,5%
(Нет ответа)	0,3%

Таблица 2.
Определение виновника конфликта между Россией и Украиной
с точки зрения монгольского народа

Кто главный виновник этого конфликта?	По всей стране, N= 1000 чел.
Российская Федерация	17,7%
Украина	16,5%
И Россия, и Украина	19,3%
США	13,7%
НАТО (западные страны)	12,2%
Другое	0,0%
(Не знаю)	25,7%
(Нет ответа)	0,1%

Таблица 3.
Определение того, как санкции против России повлияют на Монголию,
с точки зрения монгольского народа

Как санкции против России повлияют на Монголию?	По всей стране, N= 1000 чел.
Отрицательно	35,9%
Немного отрицательно	43,8%
Совсем не повлияет	4,9%
Небольшой позитив	3,0%
Положительно	1,4%
(Не знаю)	10,9%
(Нет ответа)	0,1%

Таблица 4.
Оценка (рейтинг стран) выступающих в качестве лучшего партнера Монголии

Какая страна является лучшим партнером для Монголии?	По всей стране, N= 1000 чел.
Россия	72,9%
Китай	36,3%
США	15,8%
Европейские страны	10,5%
Япония	24,7%
Южная Корея	21,2%
Прочие	1,6%

УДК 316.7

Визуальная репрезентация калмыков в контексте семьи (период депортации в Сибирь – 1943–1957 гг.)

Четырова Любовь Борисовна
доктор философских наук, профессор.
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева, кафедра философии.
Самара, Россия.
chetyrova@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

Сергеева Наталия Михайловна
кандидат социологических наук, доцент.
Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева,
кафедра методологии социологических и маркетинговых исследований.
Самара, Россия.
bo-na-mi@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-5064-8735

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу визуальной репрезентации калмыков, находившихся в сибирской ссылке (1943–1957 гг.) в контексте семейных отношений. Эмпирическую основу доклада составляют фотодокументы 1950-х гг. Анализ фотографий был осуществлен *с* помощью интерпретативного метода, который позволяет представить фотографию как особый визуальный текст и произвести визуальную репрезентацию того или иного социокультурного феномена. Данный метод позволил провести комплексный анализ визуальных данных, что потребовало осуществить постановку исследовательских вопросов, а также дать ответы на них на уровне контента и контекста фотоизображения с применением различных способов интерпретации. Осуществленный в визуальной перспективе анализ травматического опыта депортации, пережитого калмыками, позволил выявить знаки адаптации калмыков к реалиям проекта советской модерности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Калмыки, депортация, визуальная репрезентация, фотографии, семья

Статья посвящена визуальной репрезентации семьи и семейных отношений среди калмыков, выселенных в Красноярский край в 1943 году. Эмпирическую основу доклада составляют фотодокументы 1950-х гг., материалы интервью, собранных в ходе полевых исследований о депортации калмыков в Республике Калмыкия и Астраханской области (исследования проводились Л.Б. Четыровой в период с 2006 по 2019 гг.), архивные документы.

В конце декабря 1943 года все калмыцкое население Калмыцкой АССР, Ростовской, Сталинградской областей и Ставропольского края были принудительно выселены в отдаленные районы Сибири, Дальнего Востока и Казахстана. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года, калмыки были обвинены в коллаборационизме, бандитизме и противодействии органам советской власти в восстановлении разрушенного немецкими оккупантами хозяйства. Калмыцкая национальная автономия была ликвидирована. На другой день после опубликования Указа началась операция «Улусы», в ходе которой калмыки – а это женщины, дети и старики были погружены в вагоны для перевозки скота и отправлены по месту высылки. В пути, не выдержав холода, голода, болезней большое число депортированных погибло. По данным М.И. Семиряги в 1947 году на учёте

состояло 91 919 калмыков, количество погибших и умерших в период с конца 1943 г. составило 16 017 человек [3, с. 470]. По данным бригады ЦК КПСС, собиравшей материал о положении бывших спецпереселенцев, с которых сняли правовые ограничения – согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР (март 1956 г.) [4] – в начале 1944 г. было выселено 91 059 калмыков. К моменту снятия с учета в 1956 г. насчитывалось 82 806 человек [1, л. 103]

Прибыв в места выселения, калмыки столкнулись с отсутствием нормального жилья – многие были вынуждены рыть себе землянки для проживания. Калмыков отправляли на самые тяжелые и низкооплачиваемые работы. Для многих калмыков положение усугублялось незнанием русского языка, что было проблемой в условиях их дисперсного расселения. В самом начале своей сибирской жизни калмыки столкнулись с враждебным отношением местного населения, среди которого распространились слухи о том, что к ним привезли людоедов. Со временем враждебность сибиряков сменилась сочувствием. В конечном итоге, судя по материалам интервью с людьми, пережившими само выселение и имевшими опыт сибирской жизни, у калмыков сложились дружеские добрососедские отношения с местными сибиряками.

Несмотря на трудности, депортированные калмыки адаптировались к жизни спецпереселенцев. Однако, успешная адаптация требовала жертв, одной из которых стала утрата этнического языка. По данным бригады ЦК КПСС, «отсутствие национальных школ и литературы на калмыцком языке привело к тому, что молодые калмыки до 20 лет не владеют калмыцким языком [2, л. 130]. Калмыцкая молодежь отдала предпочтение русскому языку, чтобы, во-первых, не подвергаться насмешкам, во-вторых, использовать ресурс знания русского языка для получения образования. По данным переписей населения, именно поколение, рожденных в сибирской ссылке оказалось самым образованным среди калмыков [6, с. 111–114].

Вот как описывает ситуацию с владением русским языков информантка: «А, разные были, *насмехаться – насмехались, бить – били, толкать – толкали* (калм), кидать – кидали. Всякие были. А мы русский язык знали, спуску им не давали. Мы в селе жили (до выселения), втроем с мамой русский язык знали. *Над теми, кто русский язык не знал – издевались* (калм.)» (инф. 1). Для нее знание калмыком русского языка является важным ресурсом, повышающим его статус. Рассказывая о своем знакомстве с будущим супругом, информантка подчеркивает, как положительное его качество владением русским языком: «С дедом, не знаю сейчас, как познакомились, заочно познакомились (смеется). Он, знаешь, какой грамотный был – письмо мне написал. Девушка одна, Тоня, письмо взяла: «Как грамотно писал он, тетя Катя!». Знаешь, какой грамотный был! Он учился вместе с моей сестрой. Они в русской школе учились, Лебяжьем (до выселения) <…> не в калмыцкой, а русской школе. Вот поэтому они по-русски хорошо знают» (инф. 1).

Хорошее владение русским языком калмыцких детей с долей удивления подчеркивает русский информант, с детства знакомый с калмыками: «И, главное, ребятишки они хорошо по-русски говорили. До сих пор я вспоминаю, ну, как так?! Немцы, особенно старшие, как-то по-русски по-своему говорили. А калмыки, дети чисто разговаривали. Я до сих пор думаю, ну, как это так! (смех)» (инф. 2).

С учетом сказанного обратимся к анализу фотографий ссыльных калмыков Красноярского края.

Рассматриваемые четыре групповые фотографии, принадлежат членам нескольких семей, объединенных родственными связями, и расположены в хронологическом порядке. Последнее угадывается главным образом по этапности взросления детей. Также на снимках узнаются одни и те же взрослые, внешне немного меняющиеся со временем.

Композиция снимков хорошо построена, все «умещаются» в кадр, стоят или сидят ярусами, не заслоняя друг друга, и отчетливо просматриваются. Это говорит о том, что фотографии были сделаны достаточно умелым фотографом, а сама фотосъёмка была спланирована. Изображения статичные, без диагоналей, задающих динамику, характерную больше для фоторепортажей или спонтанных снимков.

Горизонтальный угол в композиции отсутствует, следовательно, все на фото полностью открыты и лицом, и корпусом, очень спокойно и уверенно смотрят в кадр, чем завязывают интеракцию со зрителем [7], в то время как внутрикадровой интеракции глазами нет. Телесные контакты между членами семьи очень сдержанные, что в целом характерно для культуры азиатов: в основном это мягкие объятия взрослыми детей и легкие прикосновения руками, вроде опоры на плечо. Так, казалось бы, без наличия пояснений о родственных связях изображенных людей можно было бы подумать, что на фотографии изображены сослуживцы или участники общественного мероприятия. Однако единовременное присутствие на изображении как минимум трёх поколений, а также относительно стабильная повторяемость данной группы людей на нескольких снимках всё же закрепляет значение семейных уз. Более того, угадывается сплоченность внутри семьи, что действительно имело место как в условиях депортации, так и изначально в традиции проживания у калмыков.

Вертикальный угол также не выражен – фотограф не пытается превозносить, или, напротив, смотреть свысока на своих моделях. Поскольку данные снимки не медийные и создавались, не исходя из интенций властных агентов, фотограф избираемым ракурсом и композицией не выносит оценочных суждений. Кроме того, отсутствуют даже попытки визуальной самопрезентации при помощи манипуляций с микроконтекстом съёмок: нет ни декораций (фон пустой, нейтральный), ни предметов быта, которые тем или иным образом могли бы указывать на социальный статус и достаток изображённых людей. Не исключено, что таких предметов и вовсе могло не быть. Поэтому на снимках запечатлены исключительно люди, крупным планом, как в зеркале. Следовательно, и цель фотосъемки была связана с желанием членов семейства запечатлеть (и сохранить) текущий этап жизни, воплощенный прежде всего в лицах.

В группе изображенных людей заметен социальный порядок, связанный, вероятно, с традиционными нормативными предписаниями у калмыков: старшим в семье и детям отводится центральное место в группе. Это является знаком, во-первых, уважения к старейшим, а, во-вторых, заботы о будущем поколении.

В контексте снимков семьи ярким содержательным фрагментом являются изображения детей. Разные по возрасту, они как бы рассказывают о себе и своем месте в жизни гонимого властями этноса. Малыши произвольны в самопрезентации, свободны и непосредственны. Они всегда на первом плане, обычно, в центре. Их уже отняли от груди, но еще «не отдали» обществу, такая пауза пред социализацией (фото 1, 3. 4). На фото 4 младенцы охраняемы и защищены бабушками. Обе женщина сидят симметрично и крепко – руки на замке – держит младенцев, прижимая их к груди (фото 4).

Дети чуть старше, уже интегрированы в структуру отношений. Взрослый мужчина полуобнимает мальчика – одной рукой держит за руку, другая – на талии (фото 3). На фото 4 дед, соприкасаясь корпусом с внуком, держит своими руками руки мальчика, и они становятся как бы продолжением дедовых рук. И эта геометрия фигур смотрится как символ продолжения рода, дела, созидания.

На фото 1 рука мальчика-подростка лежит на плече матери, символизируя и связь, и опору, и защиту. Девочка-подросток на фото 4 стоит слева от бабушки, как бы являясь ее опорой. Дети на фотографиях выглядят как опора для взрослых калмыков. В ситуации изъятия из привычного жизненного контекста и традиционных опор

стабильности, в жизни «под комендатурой» дети становятся почти единственной опорой для взрослых калмыков. Ссыльных держит на поверхности жизни ответственность за детей, как за свое будущее, так и будущее этноса. Тем более, когда существование этноса оказалось под угрозой: по данным бригады ЦК КПСС, за первые десять лет родилось 13 724 человека, а умерло 26 626 человек [2, л. 128].

Таким образом, дети на фото репрезентируются в двойном значении: и как нуждающиеся в защите и опоре, и как опора для взрослых, гарантия их личного будущего и будущего этноса. Дети выступают здесь как как символ защищаемой надежды.

Оценивая внешний вид людей на данных снимках, можно отметить уход от национальной одежды в сторону одежды европейского образца. Одежда как на мужчинах, так и на женщинах довольно выдержанная, скромная, но в то же время очень опрятная и даже со вкусом: белоснежные воротнички, единообразные строгие двубортные пиджаки, на позднем из четырех снимков у женщин нарядные цветастые блузы. Немногие на снимках позируют в головных уборах, что снова скорее нетипично для традиций ойрат-калмыков, исконно придающих глубоко символичное значение этому элементу «личного переднего плана». Преимущественно шапки присутствуют у женщин старшего поколения (каракулевые шапки) и у некоторых мужчин на первом фото. Вот только у последних это отнюдь не национальные головные уборы, а популярные в советские годы фуражки.

Характерно, что у женщин примерно в 50% случаев встречаются косы – знаковая черта замужней калмычки. Однако косы уже не заправлены в традиционные «накосники», что также указывает на отступление от традиций и адаптацию внешнего вида к виду социального большинства, а на более позднем снимке (фото 4) две молодые женщины и вовсе распустили волосы.

Таким образом, давая общую оценку ряду семейных фотографий калмыков 40–50-х годов, необходимо отметить следующие принципиальные особенности репрезентации и самопрезентации: отказ от национальной одежды и головных уборов, ношение одежды европейского типа, как взрослыми, так и детьми, строгость и сдержанность в открытом проявлении эмоций, а также полное отсутствие декораций. В организации повседневности, в устройстве быта видно усиление эффекта отчуждённости от своей этнической истории. И, тем не менее, на уровне межличностных внутрисемейных, внутриобщинных отношений сохраняются традиционные ценности сплочённости, уважения к старшим, внутреннего достоинства. Вместе с тем, всем своим видом калмыки на фото демонстрируют способность обеспечить как себя, так и своих детей, а также способность в полной мере усвоить локальные социокультурные образцы поведения и образа жизни.

Содержательно рассмотренные семейные снимки – типичные фотографии «на память», предназначенные для хранения в частных семейных архивах, выступают как свидетельство трагического для калмыков опыта депортации.

Заключение

Собранные фотографии были рассмотрены как условная рамка для явлений, фиксирующих процессы реализации советского проекта модерности в период депортации калмыков. Данный метод позволил провести комплексный анализ визуальных данных, что потребовало осуществить постановку исследовательских вопросов, а также дать ответы на них на уровне контента и контекста фотоизображения с применением различных способов интерпретации.

Осуществленный в визуальной перспективе анализ травматического опыта депортации, пережитого калмыками, позволил выявить знаки «успешной» реализации советского проекта формирования «советского человека».

БЛАГОДАРНОСТИ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01767, https://rscf.ru/project/22-28-01767/

Список литературы

1. Выписка из Записки бригады ЦК КПСС от 01.10.1956 г. РГАНИ. Ф.5, оп. 31, д.56.
2. О положении бывших спецпереселенцев-калмыков. РГАНИ. Ф.5, оп. 31, д.56.
3. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 862 с.
4. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 марта 1956 года «снятии ограничений в правовом положении с калмыков и членов их семей, находящихся на спецпоселении» URL: https://base.garant.ru/6331041/ (дата обращения: 04.07.2023).
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 декабря 1943 года «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17204# (дата обращения: 03.07.2023).
6. Четырова Л.Б. Российские калмыки: очерки по истории, культуре, буддизму и языку. Самара, Изд-во «Самарский университет», 2016. 188 с.
7. Kress G., Van Leeuwen T. Reading Images: The Grammar of Visual Design. London: Routledge. 2001. 310 p.

Информанты

1. Липнягов Александр Егорович, 1939 г.р. Место и время записи: пос. Арей, Емельяновского р-она Красноярского края. 12.05.2015. Интервьюер: Л.Б. Четырова.
2. Басангова Кермен Бадмаевна, 1928 г.р. Место и время записи: пос. Утта Яшкульского р-на Республики Калмыкии. 18.08.2006 г. Интервьюер: Л.Б. Четырова.

Фото 1. Родственники и друзья. Красноярский край, совхоз 4. 1954 г. (предоставлено Т.Б.Клоповой)

Фото 2. Семейный клан калмыков. Красноярский край, совхоз № 4. 1954 г. (предоставлено Т.Б.Клоповой).

Фото 3. Родственники. Красноярский край, совхоз 4. 1954 г. (предоставлено Т.Б.Клоповой).

Фото 4. Семья калмыков перед возвращением на родину. Красноярский край, Хакасия, Енсовхоз. 1957 г. (предоставлено Т.Б.Клоповой)

БУДУЩЕЕ СИБИРИ И РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

УДК: 930.1

История России: источниковедение VS обновляемой реальности

Чумиков Александр Николаевич
доктор политических наук, профессор.
Московский государственный лингвистический университет,
Институт международных отношений и социально-политических наук,
кафедра коммуникационных технологий.
Москва, Россия.
chumikov@pr-club.com
https://orcid.org/0000-0002-7208-9783

АННОТАЦИЯ Восприятие исторических событий, основанное на доступных фактах, в условиях медиатизации социального пространства всё в большей степени дополняется и заменяется их смысловой интерпретацией. Это вызывает к жизни появление таких понятий, как «постправда» и «постреальность». Одним из инструментов «постправды» становится коммеморация – историческая память. Анализируются коммеморативные операции по созданию актуального информационного фона вокруг исторических событий. Делается вывод о том, что коммеморативные решения со смысловыми интерпретациями имеют традиции в прошлом и становятся неизбежными в настоящем. Они выполняют роль виртуального конструктора, программирующего желаемый образ мыслей и действий целевых групп как внутри страны, так и за её пределами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Медиатизация, постправда, смысловое позиционирование, интерпретация, история, историческая наука, коммеморация – историческая память.

Коммеморация и интерпретация как информационная реальность

Глобальные количественно-качественные изменения механизмов формирования и распространения общественно значимой информации, произошедшие в конце XX – XXI вв., привели к возникновению явления и термина «медиатизация». В синтезированном виде он определяется как процесс переплетения социально-политической и социально-экономической сфер общества с пространством средств массовой информации (СМИ), в результате чего представления граждан о текущих процессах действительности существенно виртуализируются.

В этих условиях непосредственное, либо основанное на доступных фактах восприятие событий прошлого и настоящего всё в большей степени дополняется и заменяется их смысловой интерпретацией, что вызвало к жизни появление целой группы новых понятий, в числе которых «постправда», «постреальность», «постфактуальная политика» и т.п. Они означают, что в ситуации колоссального и прогрессирующего роста источников и объёмов информации «настоящая» реальность отходит на второй план, уступая место бесконечному потоку интерпретаций, которые определяют мысли и поведение потребителей. Как отмечают исследователи, если прежняя «правда» рассматривалась как объективный фиксатор нашей действительности в конкретный период, то текущая «постправда» становится инструментом маркирования любых персон, организаций и событий в соответствии с интересами инициаторов такой маркировки [7].

Применительно к уровню государств и их ведущих политических акторов, интерпретированные смысловые ориентировки направляются на формирование объяснительных моделей социальной реальности для поддержания стабильности или, напротив, разрушения существующих правящих режимов и их целей.

По мнению С.В. Володенкова, такого рода модели выполняют функцию упорядочивания, структурирования, упрощения сложной реальности в восприятии

населения, выступают инструментами выработки предсказуемых и управляемых шаблонов политического поведения [3].

Сказанное в полной мере относится к области исторического знания о различных объектах социума, в том числе военно-исторических, которое и является предметом нашего исследования. Осуществляя, в логической последовательности, терминологический анализ понятий, связанных с историческим знанием и его восприятием, заметим, что «история» в качестве научного понятия трактуется нейтрально, как процесс развития природы и человечества. Столь же нейтральна в своём определении «историческая наука», понимаемая как отрасль, система познания и источниковедение [4].

Однако в случае с понятием «историческая память» или «коммеморация» (от фр. commémorative – памятный, мемориальный и англ. «commemoration» – ознаменование, в память) имеет место другая трактовка.

Так, Л.П. Репина рассматривает историческую память как сложный социокультурный феномен, связанный с осмыслением исторических событий и опыта (реального и/или воображаемого), и одновременно – как продукт манипуляций массовым сознанием в политических целях. Коммеморация не только социально дифференцирована, она изменчива. Причём, как отмечает исследователь, эта постоянно обновляемая «памятная» реальность, идеальная для конкретного времени и субъектов, является столь же подлинной и значимой, как реальность событийная.

Л.П. Репина говорит о кризисе новоевропейского рационализма, который проявляется в отказе от притязаний на объективность и постижение истины. Постмодернистское мышление ставит под сомнение само понятие исторической реальности и саму возможность прорыва к ней сквозь толщу контентных опосредований. Речь, по существу, идёт об актуализации лишь тех сторон прошлой жизни, которые имеют ценность в сегодняшней действительности [6].

Ранее сходную мысль ещё более чётко высказывал М. Хальбвакс: по его мнению, прошлое не возникает в наших знаниях само по себе, а является «искусственным продуктом» современности [9].

Получается, что если историческая наука – это сфера исследования и накопления знаний о человеке и его деятельности, то коммеморация – практика выборочного изложения этих знаний в определённых интересах, то есть даже не столько историческая память, сколько политика памяти.

Отсюда цель изучения «исторической памяти» учёные видят не в том, чтобы вычленить «историческую правду» из существующей традиции, а в анализе самой этой традиции как феномена коммуникативной или культурной памяти.

По нашему мнению, этот феномен заключается в том, что история в своём нейтральном значении присутствует лишь в виде абстрактного понятия; а в конкретной действительности она позиционируется (интерпретируется) через коммуникативную и культурную память, которые в дальнейшем анализе мы объединим в термин «коммеморация» («историческая память»). Вытекающая из этого проблема заключается в возникновении конкуренции между сообществами, государствами и межгосударственными образованиями за доминирующее позиционирование «своей» (актуальной) памяти, влияющей на сознание и поведение целевых групп.

Каждый субъект данного процесса продвигает смысловую историческую модель, которая отличается от простого перечисления известных ранее или вновь открытых фактов и предусматривает информирование аудитории об изменении окружающей её реальности с точки зрения сохранения (инсталлирования, разрушения) актуальных установок; конструирование для потребителей желаемой исторической реальности в виде ориентации в настоящем, осмысления прошлого, прогнозирования будущего;

поддержание нужной коммуникации между социальными группами общества и государствами.

Даже сам отбор фактов для смыслового позиционирования ставится в зависимость от политической и экономической ситуации в той или иной стране и предполагает наличие у производителя контента позиции, транслируемой в дальнейшем в медийном поле. Она характеризуется следующим образом: то, что имеет смысл и что граждане – читатели, слушатели, зрители – должны узнать и понять.

Актуальное позиционирование событий российской истории

Сильнейшим импульсом современной «коммеморативной войны» стала интерпретация итогов «материализованных войн» – Великой Отечественной и Второй Мировой. Информационные кампании вокруг них отнюдь не являются уникальной особенностью эпохи «постправды», поскольку сходные коммеморативные традиции вокруг войн и других существенных исторических событий развивались на протяжении всей истории человечества.

Самые «мягкие» интерпретации касаются преуменьшения победной роли СССР в войне. Так, американский историк Х. Болдуин, чья книга переведена на русский язык и неоднократно публиковалась в России, описывает 11 «великих кампаний», обеспечивших победу во Второй мировой войне. Среди них высадка англо-американских войск в Нормандии, операция «Маркет Гарден» в Голландии, битва за атолл Мидуэй в Тихом океане и другие. Из битв, выигранных Красной армией, он упоминает лишь Сталинградскую [2].

Существуют и другие варианты «решающих битв» и «поворотных пунктов». Но во всех концепциях западных историков предпочтение отдаётся Второму фронту, Тихоокеанскому и Североафриканскому театрам военных действий, а советско-германскому фронту отводится второстепенное место. Авторы западноевропейских и американских учебников истории пишут о том, что решающую роль в победе над нацистской Германией и милитаристской Японией сыграли успехи англо-американских войск.

Российские историки, в свою очередь, настаивают на том, что вовсе не эти военные кампании имели первостепенное значение для победного исхода. Например, «забытая» западными историками победа в битве на Курской дуге дала стратегическое превосходство на всех фронтах; а «оставшаяся за кадром» операция «Багратион» позволила начать освобождение Европы от нацизма, причём советскими войсками и до открытия Второго фронта [5].

Что же касается «жёстких» коммеморативных подходов, то Парламентская ассамблея ОБСЕ в 2009 г. приравняла сталинский режим к нацизму и отнесла к преступлениям СССР само начало Второй мировой войны. Как говорилось в резолюции Ассамблеи, в XX в. европейские страны испытали на себе два мощных тоталитарных режима, нацистский и сталинский, которые несли с собой геноцид, нарушения прав и свобод человека, военные преступления и преступления против человечества.

И за них, по версии ОБСЕ, наша страна тоже должна нести ответственность. Это якобы повысит значимость претензий некоторых государств к России за «оккупацию» и «геноцид» в середине прошлого столетия.

Однако российская делегация заявила, что уравнение Третьего рейха и СССР, внесшего решающий вклад в разгром фашизма, является надругательством над историей [1].

Эксперты объясняют подобные интерпретации тем, что на уровне глобальной элиты возникла объективная заинтересованность в новой концепции Второй мировой войны, базирующейся на признании равной ответственности СССР и Германии и тождества «сталинизма» с нацизмом. Это позволило бы перевести СССР, а вместе с ним и нынешнюю Россию из статуса страны-победителя и одного из столпов современного

миропорядка в категорию побеждённых агрессоров с той лишь разницей, что агрессор-Германия потерпела поражение в 1945 г., а агрессор-СССР – в 1991-м. Тогда получается, что спасителем человечества от чумы XX в. – тоталитаризма (в форме нацизма и сталинизма) по новой концепции исторической памяти является Запад, а Российская Федерация, как и послевоенная Германия, – правопреемником агрессивной тоталитарной империи, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Но если Германия давно встала на путь исправления, искупления и заслужила право войти в семью цивилизованных народов, то России ещё предстоит пройти этот путь [8].

Острота коммеморативных практик существенно усилилась с началом в 2022 г. специальной военной операции (СВО) России на Украине. В общем плане они выражались в гипертрофированном внимании к «агрессивной» роли России в истории XX-XXI вв., «миротворческой» роли западных стран и «особому» месту Украины в прошедших и текущих событиях.

Заключение

В такой атмосфере усиленное внимание российского государства к празднованию Дня Победы и других памятных дат российской истории, изданию массовой и специальной литературы о позитивной роли России в мире; созданию общественно-государственных структур с функциями защиты исторической правды и борьбы с фальсификациями является ничем иным, как информационными контрмерами, имеющими целью сохранить статус России как миролюбивой и демократичной страны-победителя.

Смысловое позиционирование исторических событий, в том числе военных прецедентов, ориентирует аудитории на то, как следует воспринимать эти события сейчас и что они значат в перспективе. В рамках данного процесса требование «объективности» заменяется необходимостью «актуальности», а исторический контекст переосмысливается в приоритетном для конкретного политического субъекта направлении.

Список литературы

1. Айзенштадт Д. Сталина перевернули в могиле. В ОБСЕ приравняли сталинизм к нацизму. Газета.RU 03.07.2009. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/07/03_a_3218612.shtml (Дата обращения 20.06.2023).
2. Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные; [Пер. с англ.] М.: Центрполиграф, 2021. 624 с.
3. Володенков С.В. Политический менеджмент и управление современными политическими кампаниями. М.: РГ-Прогресс, 2019. 584 с.
4. История / Большая российская энциклопедия – электронная версия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2025855 (дата обращения: 20.06.2023)
5. Морозов Ю.В. Фальсификация итогов второй мировой войны в рамках информационной борьбы против России. Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 25. С. 50–63 URL: https://www.fin-izdat.ru/journal/national/detail.php?ID=66205 (дата обращения 20.06.2023).
6. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 42 с. URL: https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/t4i3bktcnj/direct/77944920.pdf (дата обращения 20.06.2023).
7. Управляемость и дискурс виртуальных сообществ в условиях политики постправды. Монография / Под ред. Д.С. Мартьянова. Санкт-Петербург: ЭлекСис, 2019. 312 с.
8. Шишкин И. Фальсификация истории и интересы российской элиты. URL: https://regnum.ru/news/polit/1414246.html (дата обращения 20.06.2023).
9. Halbwachs M. Les cadres sociaux de memoire. Paris, 1925. 211 p.

КАК МЕНЯЛАСЬ ЖИЗНЬ В СОВЕТСКОЙ СИБИРИ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ И ПОЛОЖЕНИЕ КОРЕННЫХ НАРОДОВ В 1920-1980-Е ГОДЫ

УДК 37.013 (571.6)

Нанайская «мамушка»: деятельность подвижников просвещения на Амуре в 1920–1930-е гг. сквозь призму биографии А.П. Путинцевой (1903–1993)

Глебова Елена Викторовна
редактор.
Центральный аппарат Союза театральных деятелей РФ.
Москва, Россия.
elena.glebova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-0159-802X

АННОТАЦИЯ На примере деятельности Амуро-Горюнской Красной юрты, работавшей на Нижнем Амуре в конце 1920-х – начале 1930-х гг., в докладе рассматривается процесс интеграции коренных народов региона в социалистическое общество, в котором отражен переход от прагматично-гибкой национальной политики к репрессивной. Фундаментальные общественные трансформации наложили негативный отпечаток, привели к существенному перелому в жизненном укладе коренных сообществ российского Дальнего Востока, к потере важных корневых основ их традиционной культуры, однако в тот период в рамках установленной системы ценностей иного решения данной проблемы не существовало. Просвещением жителей восточной окраины занимались проводники новой идеологии, истинные подвижники, и благодаря их усилиям для нанайцев, ульчей, нивхов, удэгейцев и других коренных народов региона открылся новый социокультурный горизонт, среди них появились первые учителя, врачи, ученые, литераторы. Одним из таких людей была А.П. Путинцева, память о которой до сих пор сохраняется среди коренных жителей Амура.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА А.П. Путинцева, коренные народы Амура, Красная юрта, национальная политика, просвещение.

1920–1930-е гг. относятся к одному из переломных периодов в истории российского Дальнего Востока. После окончания Гражданской войны и интервенции на восточную окраину страны пришла светская власть, оказав неизбежное влияние на все сферы жизни, и в особенности на традиционный уклад его коренного населения.

По данным переписи 1926 г. общая численность нивхов, нанайцев, ульчей, орочей, удэгейцев, коряков, эскимосов, чукчей и других народов, основой жизни которых были рыболовство, охота и оленеводство, составляла почти 39 тыс. человек (18% от общей численности населения региона) [5, с. 56]. Главной целью советской политики, опирающейся на марксистско-ленинское учение об общественно-экономических формациях и определяющей нахождение представителей коренных сообществ на докапиталистической стадии, стала их интеграция в социалистическое общество. Для ее реализации в начале 1920-х гг. при Дальревкоме был создан Туземный подотдел с целым рядом туземных управлений, призванных защищать интересы аборигенов Дальневосточного края и проводить мероприятия социалистического строительства. При этом акцент делался на том, чтобы при работе с коренным населением вносить как можно меньше ломки в устоявшийся уклад их жизни. В 1924 г. при Президиуме ВЦИК организован Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), главная задача которого заключалась в развитии хозяйства и культуры народов Севера, а также в «пробуждении национального сознания и создания культурного слоя у народов Севера» [8, с. 108–109].

Однако в конце 1920-х гг. идеологический курс советского правительства стал ориентироваться на форсированные методы включения представителей коренных народов в общесоветское пространство: произошел переход от прагматично-гибкой национальной политики к репрессивной. Приоритетами существующего в этот период

просветительского движения стало упразднение традиционных родовых, свадебных и религиозных обычаев, борьба за оздоровление быта, приобщение коренных народов, названных отсталыми, к ценностям нового социалистического строя. С точки зрения автора монографии «Арктические зеркала» Ю.Л. Слёзкина, «культурный прогресс означал преодоление отсталости, а отсталость означала грязь, невежество, алкоголизм и угнетение женщин» [7, с. 180]. В резолюции Первого туземного съезда Дальнего Востока, состоявшегося в Хабаровске в 1925 г., особое место занял следующий пункт: «Считать недопустимым продавать и покупать жен и дочерей, ибо они являются равноправными гражданами Советской России; всех, кто будет продавать или покупать жен, – привлекать к советскому суду» [6, с. 6].

Одним из направлений национальной политики тех лет стала организация на восточной окраине советского государства Красных юрт (яранг), в работе которых принимали участие представители новой власти, ставшие проводниками новой идеологии. Среди них были истинные подвижники, искренне стремящиеся помочь аборигенному населению избавиться от пережитков прошлого и подняться по цивилизационной лестнице.

В начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке, в местах компактного проживания коренных народов, действовало 12 Красных юрт, и в числе первых была Амуро-Горюнская, созданная в июле 1929 г. решением секретариата Далькрайкома ВКП (б) [2, с. 148]. Ее деятельность связана и именем Александры Петровны Путинцевой, возглавлявшей это образование с сентября 1929 г. по август 1932 г., сделавшей очень многое для просвещения амурских нанайцев и, благодаря своему неравнодушию, ставшей для них близким человеком. Неслучайно местные жители называли ее «мамушкой». Уже через год Путинцева выучила нанайский язык, что позволило быстрее устанавливать контакты с коренным населением, а в дальнейшем повлияло и на выбор профессионального пути: Александра Петровна принимала участие в создании учебной литературы на нанайском, в том числе букварей русского языка для подготовительного класса нанайской начальной школы, преподавала этот язык в Государственном педагогическом университете им. А.И. Герцена. На Амуре она провела четыре года, но навсегда сохранила духовную связь с его коренными жителями. У нее даже появилось нанайское имя, и на протяжении десятилетий в Ленинград приходили письма для «Суры Путинчи». В гостеприимном доме Александры Петровны часто бывали ее бывшие подопечные, а позднее их дети и внуки.

А.П. Путинцева родилась в 1903 г. в Чите, окончила педагогический класс гимназии, в начале 1920-х работала секретной машинисткой в Управлении Уполнаркомпрода, Дальрыбы и Дальгосторга в Чите, Владивостоке и Хабаровске. В автобиографии Путинцева пишет о счастливых и знаковых для своей дальнейшей судьбы встречах с В.К. Арсеньевым, под влиянием которого «захотелось поехать на любую скромную работу на Север». В 1927 г. ее командировали на промысловый сезон на Сахалин, где она «впервые увидела нивхов, нивхских ребятишек, жизнь женщин, увидела тяжелый нерпичий промысел» [6, с. 309]. Когда в 1929 г. прочитала в газетах о кочевых культбазах по работе среди народов Севера, Путинцева пришла в Отдел работниц Крайкома КПСС и попросила направить на эту работу.

Первоначально Амуро-Горюнская Красная юрта базировалась в с. Нижние Халбы, охватывая близлежащие нанайские селения Хумми, Дземги, Гячи, Онды и др., затем ее перевели в с. Кондон, где также были взяты под опеку расположенные неподалеку стойбища. А.П. Путинцеву назначили заведующей Красной юртой и по совместительству народным судьей Комсомольского-на-Амуре и Нанайского национального районов Хабаровского края. В штат юрты входили также заместитель Путинцевой Мария Абрамовна Каплан, политпросветработник Борис Павличенко, фельдшер-акушерка Ирина Васильева, студент-практикант Ленинградского института

народов Севера Михаил Самар. При Красной юрте создавались пункты ликвидации неграмотности, пионерские и комсомольские организации, но, прежде всего, она рассматривалась как центр всестороннего обслуживания и воспитания женщин, поскольку именно они считались «главной пружиной, через которую можно изменить старый быт», «ключом для оздоровления домашнего и общественного быта туземцев», следовательно, через их обучение определенным навыкам можно было вовлечь в этот процесс детей и мужчин [7, с. 266].

Анализируя сегодня весь объем работы, с которым 26-летняя А.П. Путинцева соприкоснулась на Нижнем Амуре, можно сказать, что заведование Красной юртой стало дня нее настоящим испытанием, связанным с невероятными физическими и эмоциональными затратами. Путинцева оказалась не только талантливым организатором, но и мастером на все руки: она шила, пекла хлеб, внедряла среди местных жителей огородничество, а кроме того, прекрасно пела и танцевала, выступала с докладами на собраниях, ставила театральные сценки. Нанайскую «мамушку» не останавливала никакая грязная работа: она терпеливо прививала женщинам санитарно-гигиенические навыки, в том числе мытье в бане, стрику белья, учила правильному уходу за детьми.

Первоначально отношение нанайцев к работе Красной юрты было настороженным и в отдельных случаях резко негативным. «Детвора и молодежь в первые же дни потянулись к Юрте, – пишет Путинцева. – Женщины и мужчины среднего возраста относились недоверчиво, часто прятались (женщины), чтобы избежать встреч. А старики, имевшие большое влияние на остальную часть тузнаселения, относились явно недоброжелательно [6, с. 149]. Но заведующая обладала выдержкой и твердым характером, была хорошим психологом, могла убеждать. Благодаря ее искренней заботе о женщинах и детях, стремлению уберечь от болезней, защитить от притеснений в семье, между ней и местными жителями постепенно уходило отчуждение, складывались доверительные отношения, к ней обращались за помощью и советом, случалось, что укрывались в Красной юрте от гнева домашних. Интересные сведения о деятельности Путинцевой в с. Кондон и ее высоком авторитете среди местных жителей собрал дальневосточный краевед В.Ф. Зуев, опубликовав их в книге «Горюн – священная река» [3, с. 76–91].

А.П. Путинцева много фотографировала, благодаря чему мы сегодня располагаем архивом редких фотографий, запечатлевших жителей национальных поселений Амура в конце 1920-х – начале 1930-х гг. С первых дней работы в Красной юрте она вела подробный дневник, который является важным свидетелем времени, поскольку отражает не только применяемые и достаточно жесткие методы интеграции нанайцев в новое социокультурное пространство, но и психологию этих людей, показывает изменения, происходящие в их сознании. Этот уникальный материал впервые в полном объеме был опубликован в 2010 г. Хабаровским краевым музеем им. Н.И. Гродекова и вошел в научный оборот как ценный и достоверный источник [6].

Одна из важнейших задач Красной юрты заключалась в работе с роженицами, которые, согласно древней традиции, рожали детей в специально отведенном месте вне дома и какое-то время должны были находиться там без посторонней помощи, создавая тем самым угрозу жизни для себя и младенцев. На второй день после прибытия в Нижние Халбы, 17 сентября 1929 г., в дневнике появляется запись: «Утром нас известили, что у гольдячки Анны (гольды – устаревшее название нанайцев. – *Е.Г.*) родился ночью сын. Родила она его в сарае. Пошли сразу к ней в юрту, уговаривали пойти к нам на койку роженицы – наотрез отказалась. Оказали помощь дома – ребенку перевязали пуп. Хижину ее подмела, выстирала тряпки для новорожденного ребенка, белье для малышей, умыла их. Потом раскрыли дома ящики, достали бязь и сшили

новорожденному распашонки и пеленки, чтобы показать, как надо держать ребенка» [Там же, с. 14].

Первой женщиной, родившей ребенка в Красной юрте под присмотром фельдшера, стала Марья Хайтанин, однако для этого Путинцевой понадобилось немало терпения и даже приходилось ее «стеречь», о чем свидетельствует запись в дневнике. «В 7 часов 20 минут она родила дочь. Все было благополучно. Не спали всю ночь – ухаживали то за ней, то за ребенком. При родах присутствовала другая Марья, которая была у них за бабку. Все время следила, как мы все делаем» [Там же, с. 18]. Первую новорожденную Красной юрты назвали Инессой в честь революционерки Инессы Арманд. Позднее некоторым детям давали и другие революционные имена – Нинель, Майя, Карл.

Приходилось сталкиваться и с открытым противостоянием нанайских женщин: «В стойбище Даунды есть беременная. Когда я подошла к ней, она через переводчицу сказала, что видеть не может русских, и чтобы та поскорее меня увела, взгляд у нее был нехороший, враждебный. Вера мне тихонько шепнула об этом, и я повела с ней разговор в плоскости отношений Советской власти с туземцами. Сначала со мною не соглашалась, что нужно учить девочек, что нужно ходить в баню и т.д. А потом дала осмотреть живот и стала приветливее. Придется туда сходить несколько раз, чтобы уговорить ее родить в Юрте» [Там же, с. 33].

Объезжая ближние поселения, отмечая антисанитарию в жилищах, множество кожных заболеваний, сотрудники Красной юрты рассказывали о своей работе, комсомоле, предлагали отдавать малышей в ясли, где за ними будут присматривать должным образом, и постепенно удалось переломить недоверие людей. Запись из дневника от 21 ноября 1929 г.: «Пришли ребята – всего одиннадцать человек, ребята уже совсем освоились, сразу садятся на маленькие стульчик и чувствуют себя как дома. Артемка (3-х лет) даже плясал мне сегодня. Когда они приходят к нам, я сразу их умываю, чищу носы, ногти, теперь и дома матери начинают их умывать» [Там же, с. 17].

Нередко работу Красной юрты тормозили трудности неодолимой силы. Например, когда вечером в клубе читали лекцию о трахоме, практически все жители Нижних Халб отсутствовали по причине медвежьего праздника, «и залучить их оттуда не удалось» [Там же, с. 19]. В привычный ритм жизни нанайцев вторглись новые политические формы работы, но главными по-прежнему оставались насущные дела – заготовка дров, охота, рыбалка, поэтому стопроцентной явки на курсы ликбеза или заседания не было. Комсомольские собрания, где говорили о задачах КИМа (Коммунистический интернационал молодежи – *Е.Г.*), обсуждали проведение годовщины Октябрьской революции, разучивали Интернационал, «проходили вяло», молодежь, скорее всего, по причине природной стеснительности, отмалчивалась и не задавала никаких вопросов, и Путинцева записывает в дневнике: «Поработать придется с ними основательно» [Там же, с. 20].

Находясь среди людей иной культуры, заведующая Красной юртой пыталась постичь их психологию. Интересна на этот счет дневниковая запись от 1 ноября 1929 г.: «Встретила шамана Макара и позвала его к себе. Допросила и запротоколировала. Он категорически отрицал, что Анну бил, говорит, что просто спорили. Шаманить бросил года два. Он довольно развитый гольд, все время просит учить его грамоте. Или хитрит, или действительно тянется к знанию, сказать определенно затрудняюсь. Ни бубна, ни других снаряжений шамана у него нет» [Там же, с. 23]. Или такие фрагменты дневника: «На собрании было 26 гольдячек. Говорила о необходимости создать из гольдячек делегатское собрание, на собрании никто не высказывался, а после собрания подходили и говорили, что работать могут только русские женщины, а у гольдячек ума мало. Долго разбивала их ошибочное представление, и потом они обещали начать работать [Там же, с. 26]. «Когда разговариваешь с каждой гольдячкой в отдельности,

они все соглашаются и учиться, и начать работать, а когда коснется дела, то не идут» [Там же, с. 29]. «Созвала женщин на женское собрание. Некоторых приходилось звать не на собрание, а просто в гости, смотреть карточки. Собралось 13 женщин. Поговорили о делегатках, а потом начали заниматься по ликвидации неграмотности. Три-четыре человека быстро ушли, остальные занимались. Мужья вернулись с охоты, и, несмотря на это, они долго занимались» [Там же, с. 31]. Случались и неприятные инциденты. Во время одного из занятий ворвался старик Самар и стал ругать свою дочь, что пошла в Красную юрту. «После его крика сорвались две гольдячки и тоже хотели уйти из боязни, что их мужья и другие женщины их ругать будут, что они учатся, – читаем в дневнике за 5 декабря. – Еле-еле удержала их и заставила продолжать заниматься. Трудно с ними. Так сильна боязнь «мужика» – сначала отца, потом мужа, – преодолеть которую они не могут» [Там же, с. 35].

Многие страницы дневника, а также сохранившиеся приговоры местного народного суда, отражают острую непримиримость к таким традиционным представлениям коренных народов Амура в брачных отношениях, как уплата калыма за невесту и многоженство, которые теперь приравнивались к уголовным делам. Правда, виновных чаще всего не лишали свободы, а приговаривали к принудительным работам и уплате штрафов в пользу государства [Там же, с. 240, 242]. Причем, сами женщины, за свободу которых боролись представители новой власти, «говорили о том, что как же без калыма, халаты денег стоят, а без халатов не отдашь. Задавали много вопросов, и все больше о том, сколько халатов полагается по закону, если выдают без калыма» [Там же, с. 60].

К классовым врагам относились зажиточные нанайцы, среди которых чаще всего были просто наиболее удачливые охотники, следовательно, владеющие определенными ценностями и пользующиеся уважением сородичей. Противоречивость ситуации отражается в дневниковой записи Путинцевой: «Экономическая база для классового расслоения туземцев значительно отличается от русской деревни, т.к. ни наемного труда, ни орудий производства – нет, вместе с тем кулацкие группы есть. У них ценности, переходящие из рода в род – золото, серебро, шелка и т.д.» [Там же, с. 20].

Настоящую войну объявили шаманам, поскольку их авторитет среди коренного населения оставался по-прежнему высоким. «Шаманили и «гакали» (от возгласа «га!» во время камлания – *Е.Г.*) почти в каждом доме, где бы кто ни заболел», – отмечает Путинцева [Там же, с. 269]. Считалось, что классовые враги – шаманы всячески мешают советской власти, «отбирают у легковерных масс их скудное достояние и лишают надежды на лучшую жизнь». Поэтому к ним применялись самые жесткие меры: их лишали права голоса, прогоняли с собраний, отбирали ритуальную атрибутику, ссылали [7, с. 262].

Репрессивные меры заставляли местное население скрывать свои религиозные представления, совершать обряды тайно, а если дело раскрывалось, испытывали чувство страха и вины. В дневниках Путинцевой описан случай, когда работники Красной юрты узнали, что в стойбище Ямихта готовятся «бубнить», отправились туда и застали за камланием свою делегатку Марину. Та побледнела, бросила шаманский пояс и бубен и виноватым голосом заявила: «Я только немножечко играю» [6, с. 107].

Анализируя процесс интеграции коренных малочисленных народов в социалистическое общество в 1920-е – 1930-е гг., современные исследователи отмечают, что фундаментальные общественные трансформации тех лет наложили негативный отпечаток, привели к существенному перелому в жизненном укладе нанайцев, нивхов, ульчей, удэгейцев и других народов российского Дальнего Востока, к потере важных корневых основ традиционной культуры, однако в тот период в рамках установленной системы ценностей не существовало иного решения данной

проблемы, и речь шла о выборе конкретных путей практической реализации существующей национальной политики [4, с. 8; 1, с. 16].

В то же время, через новые общественные отношения, приобщение к иным видам деятельности, русскому языку для представителей коренных сообществ открылся новый социокультурный горизонт. Под влиянием Амуро-Горюнской Красной юрты на учебу в Ленинград в институт народов Севера и в педагогический техникум Хабаровска уехало 28 человек, в том числе 13 девушек [6, с. 8]. Среди них был житель с. Кондон, первый нанайский поэт Аким Самар, называвший А.П. Путинцеву своим главным наставником, которая редактировала и переводила на русский язык первые сборники его стихов. В послевоенные годы под руководством Путинцевой написал диссертацию первый нанайский ученый Сулунгу Николаевич Оненко, ставший впоследствии доктором филологических наук.

Заключение

Александра Петровна Путинцева прожила долгую и плодотворную жизнь и до конца не прерывала связь с коренными жителями Нижнего Амура, оставив о себе добрую память, которая до сегодняшнего дня бережно сохраняется среди разных поколений нанайцев. О том, насколько глубока была ее привязанность к далекому региону и его людям говорит тот факт, что на надгробии Путинцевой высечены слова: «Шурочка Амурская». Это стало ее последней волей.

Список литературы

1. Ахметова А.В. Трансформация культуры коренных малочисленных народов в условиях советской модернизации Дальнего Востока в конце 1920-х – 1970-е гг.: автореф. дис. … канд. ист. наук: 24.00.01. КГТУ. Комсомольск-на-Амуре, 2017. 47 с.
2. Дубинина Н.И. Дальневосточницы в борьбе и труде: Исторический очерк. 1917–1941. Хабаровск: Кн. изд-во, 1982. 176 с.
3. Зуев В.Ф. Горюн – священная река. Хабаровск: «Частная коллекция», 2001. 256 с.
4. Мартынова Н.В., Слипецкая Д.Р. Народное искусство нанайцев – национальное достояние малой родины в этнокультурном воспитании детей и взрослых Хабаровского края // The scientific heritage. 2021. № 71. С. 3–19.
5. Пикалов Ю.В., Асеев А.А. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг. Социальное развитие. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 240 с.
6. Путинцева А.П. Дневники Красной Юрты. Хабаровск: ХКМ им. Н.И. Гродекова, 2010. 350 с.
7. Слёзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. Москва: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
8. Старцев А.Ф. История социально-экономического культурного развития удэгейцев (середина XIX–XX вв.). Монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 256 с.

УДК 372.893

Первые молодежные объединения в Сибири

Котова Елена Владиславовна
кандидат психологических наук, доцент.
Федеральное государственное бюджетное военное образовательное учреждение высшего образования «Академия гражданской защиты Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени генерал-лейтенанта Д.И. Михайлика»,
кафедра педагогики и психологии.
Московская обл., Россия.
e.kotova@amchs.ru
ORCID ID: 0000-0002-2436-5325

АННОТАЦИЯ Победила Великая Октябрьская социалистическая революция. Енисейская губерния из мест ссылки и тюрем постепенно превращалась в экономически развитый, культурный регион. Как это происходило? На эти и ряд других вопросов призвана ответить данная работа. В 1917 году Красноярск был опорой большевистской партии и заслужил славу «Сибирского Кронштадта». Декреты Советского государства публиковались в местной печати. На основе декретов Советской власти были национализированы железнодорожный и водный транспорт, угольные копи, лесопильные заводы и другие предприятия. В этой работе принимали участие и первые молодежные объединения. Наряду с культурно-просветительной работой среди трудящейся молодежи члены этих объединений помогали укреплению Советской власти, работали в отделах городского Совета, в различных учреждениях, вели борьбу с бандитизмом, спекуляцией, с беспризорностью подростков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Партийная организация, первые социалистические преобразования, молодежные объединения, печатные издания, «Дом рабочей молодежи».

Февральская революция 1917 года свергла царское самодержавие. Большевистская партия вышла из подполья. По всей стране уже в первые дни революции возникли Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Иностранная интервенция и гражданская война привели к падению Советской власти в Сибири. В суровые годы разгула контрреволюции в Сибири деятельность красноярских и всех сибирских большевиков, боровшихся в условиях подполья за власть Советов, направлял Центральный Комитет партии, В.И. Ленин. Красноярские большевики, имевшие связь с ЦК партии и получавшие помощь от него, делали все возможное для развертывания в Енисейской губернии всенародной борьбы против колчаковщины. Деятельность Красноярской партийной организации в период между февралем и октябрем – одна из ярких страниц ее истории. Особое значение имеет тот факт, что красноярские большевики в этот период твердо следовали ленинскому курсу на социалистическую революцию. 16 апреля газета «Красноярский рабочий», выпуск которой возобновился 8 марта, перепечатала из «Правды» ленинские Апрельские тезисы, сделав их достоянием красноярских рабочих и солдат, трудящихся Енисейской губернии. Красноярские большевики издали также отдельной брошюрой резолюции VII Всероссийской (Апрельской) конференции РСДРП (б). Эти документы стали идейной основой, на которой Красноярская партийная организация сплачивала свои ряды, преодолевала ошибки, размежевалась с меньшевиками-оборонцами, развертывала работу по руководству рабочими, солдатскими и крестьянскими массами. Красноярские большевики-«правдисты» первыми в Сибири в апреле 1917 года выделились из Красноярской объединенной организации РСДРП (здесь были и большевики, и меньшевики) в самостоятельную группу, основали газету «Сибирская правда», избрали свой руководящий орган – Среднесибирское районное бюро РСДРП (б) и установили связь с ЦК партии. ЦК партии утвердил Среднесибирское бюро в

качестве районного бюро ЦК РСДРП (б), о чем секретарь ЦК Е.Д. Стасова сообщила красноярским большевикам: «Приветствуем ваше начинание, организацию бюро утверждаем». По свидетельству Б.З. Шумяцкого, который от Среднесибирского бюро был избран делегатом VII Всероссийской (Апрельской) конференции большевиков, В.И. Ленин в беседе с делегатами из Сибири одобрил деятельность красноярских большевиков, его заинтересовали мероприятия рабочих Красноярска по управлению городом, по установлению контроля над производством и он посоветовал собрать об этом материал и дать его в печать.

Ряды Красноярской партийной организации быстро росли: в момент выхода из подполья она насчитывала примерно 60 человек, а осенью 1917 года более 2500 членов. Она была самой крупной в Сибири и первой от Урала до Дальнего Востока полностью очистилась от меньшевиков. В момент разрыва с меньшевиками и объединенцами в мае 1917 года в Красноярский городской комитет РСДРП (б) были избраны большевики В.Н. Яковлев, И.И. Белопольский, А.Г. Рогов, С.М. Бальбатов, С.И. Джоров, Е.Ф. Дымов, С.П. Богачев. Они много сделали для сплочения большевиков всей Сибири на позициях ленинской партийности. Значимую роль в городском управлении сыграли первые городские печатные издания. Красноярский комитет РСДРП, редакции партийных газет «Красноярский рабочий» и «Сибирская правда» помещались в то время в доме на улице Воскресенской (пр. Мира, 37), а большинство собраний Красноярской организации проводилось в клубе «III Интернационала» (по пр. Мира, 69). Более 60 Советов возникло в России в ходе и в первые недели после Февральской революции. Красноярский Совет принадлежал к наиболее боевым Советам с преобладанием с самого начала большевиков. В Совете шла острая борьба с меньшевиками и эсерами, быстро выправлялись допущенные на первых порах ошибки (тактика давления на Временное правительство, посылка представителей Совета в местный орган буржуазной власти – Комитет общественной безопасности) [1]. Влиятельной газетой стал орган Совета – «Известия Красноярского Совета».

Сильным было руководство Красноярского Совета. Его председателя Якова Федоровича Дубровинского хорошо знали красноярские рабочие задолго до Февральской революции. Большой партийный стаж и опыт революционной работы в Красноярске имел заместитель председателя Совета Б. З. Шумяцкий, член Средне-Сибирского бюро ЦК РСДРП (б). Делегатами на I Всероссийский съезд Советов от Красноярского Совета были посланы большевик Б.З. Шумяцкий и эсер-интернационалист Н. Мазурин, поддерживавший большевистские лозунги и позднее, весной 1918 г., вступивший в ряды большевистской партии [2]. Оба красноярских делегата были избраны в состав президиума съезда и стойко защищали на съезде наказ, данный им 19 мая Красноярским Советом. «Народным правительством может и должен быть только полновластный Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», – говорилось в наказе. Проводилась большая работа по разъяснению идей, стратегии и тактики партии в социалистической революции, использовались для этого различные формы печатной и устной пропаганды и агитации. Так, за период с апреля по октябрь 1917 года газета «Красноярский рабочий» опубликовала 34 номера, «Сибирская правда» (выходила со 2 апреля по август) – 8, «Известия Красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов» – 14 номеров [3].

Важное значение для городского управления имело то, что в Красноярске тогда работала большая группа профессиональных революционеров — теоретически подготовленных, опытных партийных организаторов, пропагандистов, агитаторов, журналистов. Это И.И. Белопольский, Я.Е. Боград, Г.С. Вейнбаум, К. Врублевский, А.И. Окулов, Г.И. Окулова-Теодорович, А.Г. Рогов, Б.З. Шумяцкий, В.Н. Яковлев и другие. Влияние красноярских большевиков среди рабочих, солдат, крестьянской бедноты росло, и это находило свое проявление в росте партийных рядов, в повышении

активности Совета. В начале апреля 1917 г. создается Центральное бюро профсоюзов из представителей 10 пролетарских союзов во главе с И.И. Белопольским [4]. Его в подполье при царизме называли «Ильей Твердокаменным» за непримиримость к врагам рабочего класса, большевистскую цельность в отстаивании ленинских идей. Он был избран председателем Центрального бюро профсоюзов и превратил их в оплот большевиков. На заседании бюро принято постановление о введении революционным путем восьмичасового рабочего дня. После победы Великого Октября усилия красноярских большевиков были направлены на укрепление Советской власти, осуществление выработанной Лениным программы первых социалистических преобразований в управлении, промышленности, сельском хозяйстве и культуре. Незаменимым руководством в их революционно-преобразующей деятельности служили ленинские декреты о мире, о земле, другие директивные документы Советской власти, написанные Лениным или разработанные при его участии.

Рабочий контроль и управление в Сибири имел свою специфику. Красноярские рабочие первыми ввели рабочий контроль на железнодорожной станции, в депо, мастерских и на других предприятиях. Развертывались работы по ликвидации хозяйственной разрухи, строительству новых предприятий, по изучению природных богатств губернии. О больших начинаниях красноярских большевиков свидетельствует одна из телеграмм:

«Москва. Высший Совнархоз. Копия Ленину.

...Производим обследование губернии, исследуем каменный уголь, полным ходом пустили золотые прииски, медные рудники. В губернии десятки месторождений каменного угля, три — нефти, десятки — асбеста, разных металлов, магнитного железа, меди, свинца, олова, марганца, слюды, графита, бесценного леса. Согласно губсъезду настаиваем непосредственном вашем руководстве, помощи материалами, финансами».

Делались первые шаги и в области культурного строительства [2]. Особо следует сказать об электрификации Сибири. В.И. Ленин верил, что наступит время, когда колоссальные гидроресурсы рек Сибири будут поставлены на службу человеку. И это время наступило. Осуществление ленинских идей об индустриальном и культурном развитии Сибири наглядно видно на примере Красноярска и всего Красноярского края. Советы, профсоюзы и рабочие по предприятиям устанавливали рабочий контроль, а от него переходили к рабочему управлению. Так были реквизированы Советом 31 мая лесопильный завод и мельница. Газета «Сибирская правда» отмечала: «Не только для Красноярска, но и я всех рабочих Сибири и России это довольно крупное событие». К весне 1918 г. были национализированы банки, транспорт, часть предприятий обрабатывающей промышленности, а на территории губернии – золотые прииски, угольные шахты и медные рудники. Созданный губернский Совет народного хозяйства, по словам его председателя большевика В.Н. Яковлева, руководствовался лозунгом «Вперед, к социализму!». Красноярская большевистская организация и Совет много сделали, чтобы провести в жизнь ленинский Декрет о земле, организовать первые социалистические хозяйства в деревне – сельхозартели, коммуны и государственные хозяйства (совхозы).

Пустив на слом старый буржуазно-помещичий государственный аппарат, Советская власть создала новые народные суды, отряды Красной Армии, губернскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. Успешно подавлялись контрреволюционные мятежи (особенно крупный в губернии мятеж казачьего атамана Сотникова в январе-феврале 1918 г.). Первые итоги упрочения Советской власти подвел губернский съезд Советов в Красноярске с 1 по 13 марта 1918 г.

В городском управлении активное участие принимали и молодежные

объединения. Красноярский комитет РСДРП (б) при партийном клубе «III Интернационал» в 1917 году организовал секцию пролетарской молодежи, где Я.Е. Боград, Г.С. Вейнбаум, В.Н. Яковлев, Я.Ф. Дубровинский систематически выступали с лекциями и докладами. В июле 1917 года возник «Социалистический клуб молодежи», но основными его членами были студенты и учащиеся из буржуазной и мелкобуржуазной среды. Большевики, добиваясь идейного самоопределения пролетарской молодежи, в конце октября создали «Клуб рабочей молодежи», на открытии которого выступил Я.Е. Боград. Опираясь на решения VI съезда партии, он рассказал о задачах юношества в борьбе за социализм, Боград показал, что у молодежи не может быть каких-либо особых неклассовых интересов. Развивая свою работу на основе организационной самостоятельности и инициативы, она должна идейно сплачиваться и работать под непосредственным руководством большевистской партии. В декабре 1917 года на базе «Клуба рабочей молодежи» был создан «Дом рабочей молодежи (ДРМ)». Организатором его был представитель Красноярского комитета РСДРП Павел Булгаков. Первым председателем правления ДРМ и председателем спортивного общества «Олимпия» стал Борис Облаев. Пятнадцатилетним юношей после окончания железнодорожной школы Борис поступил в Главные железнодорожные мастерские учеником вечерних технических классов, которые окончил в 1916 году. Работал токарем и слесарем. Красногвардеец, участник боев на Мариинском фронте против белочехов. Вел пропаганду среди солдат. «Дом рабочей молодежи» объединял главным образом молодых рабочих железнодорожных мастерских, депо и детей рабочих-железнодорожников. Весной 1918 года в этой организации насчитывалось более 100 человек. Ее активистами были Мария Спунде, Василий Швецов, Владимир Андреев, Александр Веретенников и другие. Наряду с культурно-просветительной работой среди трудящейся молодежи члены ДРМ помогали укреплению Советской власти в городе. Они работали в отделах городского Совета, в различных учреждениях, вели борьбу с бандитизмом и спекуляцией, с беспризорностью подростков. Многие из членов «Дома рабочей молодежи» Красноярска отдали за Советскую власть самое дорогое – свою жизнь: Будник Трофим, Веретенников Александр, Генке Леонтий, Елисеев Алексей, Савельев Иван, Черкашин Павел, Фомин Яков. В период реакции ДРМ оказался в очень тяжелом положении. Руководители организации либо ушли в подполье, либо были брошены в тюрьмы, либо сражались в партизанских отрядах. Членов в организации осталось немного. Не было помещения и средств. Оставшиеся члены правления ДРМ старались предпринять все меры, чтобы сохранить организацию от распада, полной ликвидации. Официальное положение ДРМ как культурно-просветительной организации, позволяло ей сохранить легальное существование и создавало возможности вести борьбу с контрреволюцией. Чтобы основательно укрепиться легально, руководители ДРМ повели тактику на объединение с Домом юношества (ДЮ), который находился под влиянием эсеров. Но объединения, к сожалению, не произошло. В протоколе общего собрания ДЮ от 30 мая 1919 года говорится: «Месяца два тому назад представитель ДРМ возбудил в правлении вопрос об издании ДЮ, ДРМ и Юным кооператором газеты. Составилась совместная смешанная комиссия, выработана смета. Было несколько заседаний... Затем Дом рабочей молодежи был закрыт, газета так и не вышла». Но и после этого заявления на собрании ДЮ мы снова и снова в документах находим сообщение о деятельности ДРМ, о том, что он существует. И лишь в сообщении колчаковской газеты «Свободная Сибирь» за 6 июля 1919 года в заметке «В ДРМ» мы находим сообщение о том, что «с пятницы 4.VII в ДРМ начинаются ревизии. Будут ревизованы все отрасли деятельности ДРМ (или общества) и его правления». По-видимому, после этой ревизии ДРМ был официально ликвидирован властями, но активные его члены продолжали свою деятельность нелегально. Сибирский, Зотин вошли в состав

правления ДЮ для того, чтобы ослабить эсеровское влияние в этой организации, так как членами ДЮ была не только молодежь из буржуазной среды, но и из среды рабочих, трудовой интеллигенции, мелких служащих. Они добились в декабре 1919 года даже изменения Устава ДЮ о превращении его из организации учащейся молодецки в широкую юношескую организацию, членами которой может стать как учащаяся, так и не учащаяся молодежь.

Наступил 20-й год. Красноярск вновь стал советским. В январе 1920 года в Красноярске создаются первые организации РКСМ [5]. Многие члены ДРМ вступили в организации РКСМ с самого начала их образования. Среди них Константин Сибирский, Дмитрий Зотин, Феодосии Коночук, Николай Кузмичев, Михаил Мыльников, Иван Щукин, Георгий Гладильников, Владимир Сакун, Кузьма Ануров, Владимир Семенов, Анатолий Погнирыбко, Дмитрий Горбунов, Николай Садовский, Татьяна Баженова, Емельян Мячнев, Михаил Казаков, Михаил Хоменко и многие другие славные представители революционной передовой молодежи. Новые большие задачи встали перед красноярскими большевиками после гражданской войны. В Доме просвещения общее заседание Красноярского Совета под бурные аплодисменты приняло приветствие II Всероссийскому съезду Советов. Солдаты 10-й роты 15-го полка, поднятые по тревоге в ночь на 29 октября, были группа ми расставлены на важнейшие участки – телеграф, банк, казначейство. 29 октября (по ст. стилю) в обращении к гражданам Енисейской губернии губисполком объявил о переходе власти к Совету, устранении губернского и уездных комиссаров Временного правительства [6]. Эта дата считается днем установления Советской власти в Красноярске. После установления Советской власти началось строительство и укрепление нового советского социалистического государства. Упрочение Советской власти проходило в труднейших условиях хозяйственной разрухи, управленческой неразберихи, ожесточенной классовой борьбы. Первоочередной задачей Красноярска большевистская организация считала максимальную поддержку Советского правительства. Как только удалось связаться с Петроградом, Красноярский Совет запросил: «Сообщите чем и как можем вам помочь». Наиболее существенной помощью явилась отправка в Петроград 50 тысяч пудов хлеба в конце ноября 1917 г.

В Красноярске, как и в других районах страны, осуществляются первые социалистические преобразования в интересах трудящихся. ЦК партии направил опытных работников в помощь местным товарищам для налаживания управленческой работы. Была оказана материальная и финансовая помощь в хозяйственном возрождении и культурном строительстве. На страницах возрожденной газеты «Красноярский рабочий» публикуются доклады, речи и статьи В.И. Ленина, в которых получили освещение важнейшие вопросы внутренней и внешней политики Советской республики, изложен научно обоснованный план построения социализма в СССР. Контакты В.И. Ленина с сибиряками в период после окончания гражданской войны были исключительно тесными, внимание к Сибири исключительно пристальным. Член Сибревкома В.Н. Соколов вспоминает: «Владимир Ильич всегда интересовался Сибирью. Даже больше: интерес его претворялся в большую государственную заботу об устроении этой богатейшей окраины». В ленинском плане строительства социализма в нашей стране Сибирь занимала большое место. В.И. Ленин неоднократно отмечал необъятные природные богатства Сибири и намечал перспективы их широкого использования. Декреты, подписанные В.И. Лениным, его пометки на ряде документов, телеграмм, беседы с партийными, советскими, хозяйственными работниками центра и Сибири, со специалистами и учеными говорят о том, что в поле зрения Председателя Совнаркома были все важнейшие проблемы развития Сибири. Это вопросы руководства всеми управленческими и административно-хозяйственными органами Сибири, восстановление железнодорожного и водного

транспорта и освоение Северного морского пути, развитие Кузбасса и разработка Туруханского месторождения графита, добыча цветных металлов и лесозаготовки, развитие сельского хозяйства и культурное строительство.

Список литературы

1. Дементьев А.П. Союз леворадикальных сил в Красноярске (март 1917 г. – июнь 1918 г.) // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2013. № 6. С. 203–209.
2. История Красноярского края: Учеб. пособие по краеведению для учащихся 7-х и 8-х кл. / [Н.И. Дроздов, Г.Ф. Быконя, М.Б. Шейнфельд, П.Н. Мешалкин; Общ. ред. М.Б. Шейнфельда]. Красноярск: Кн. изд-во, 1981. 141 с.
3. Косых Е.Н. Февральская революция 1917 г. и периодическая печать Сибири // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 416. С. 99–106. DOI: 10.17223/15617793/416/15.
4. Морозов В.Б. Образование профсоюзов России и их борьба за экономические интересы трудящихся // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2. Вып. 4. С. 144–154.
5. 17 января 1920 года в Красноярске была создана первая комсомольская ячейка // «Наш Красноярский край»: сетевое издание. 2023. URL: https://gnkk.ru/news/17-yanvarya-1920-goda-v-krasnoyarske (дата обращения: 19.05.2023).
6. Установление Советской власти в Енисейской губернии // История Красноярского края и города Канска: учебное пособие. URL: https://www.cross-kpk.ru/ims/files/6/files/ (дата обращения: 20.05.2023).

УДК 39

Формирование советского человека в Туве: между модернизацией и традиционализмом

Москаленко Нелли Павловна
кандидат исторических наук, научный сотрудник.
Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.
Москва, Россия.
nelly_moskalenko@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена вопросам формирования советского человека в Туве. Одним из важнейших факторов развития в этот период стал переход на оседлость и коллективизация кочевых аратских хозяйства, что привело не только к унификации многих сторон быта, но и к стиранию ареальных форм традиционной тувинской культуры. В советской Туве утверждалась наднациональная, общегражданская идентичность – советский человек и значительно нивелировалась этническая идентичность. Вместе с тем распад прежней советской системы явился основной причиной глубокого кризиса тувинской идентичности в современной Туве. В статье отмечается, что советский опыт модернизации кочевого хозяйства – это опыт перехода на оседлость и построения плановой экономики, основанной на коллективных отношениях внутри закрытого (советского) общества. Нынешний опыт модернизации кочевого хозяйства строится на рыночных отношениях в условиях открытого глобального рынка, что неизбежно приведет к трансформации социальных отношений внутри тувинского сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Советская Тува, идентичность, историческая память, тувинский кочевник, традиция, модернизация кочевого хозяйства.

Новым этапом формирования тувинской идентичности был связан со вступлением Тувы в состав СССР в 1944 г. Одним из важнейших факторов ее развития стал переход на оседлость и коллективизация кочевых аратских хозяйства, что привело не только к унификации многих сторон быта, но и к стиранию ареальных форм традиционной культуры, в том числе за счет преодоления родовой изоляции и значительного усиления общетувинской идентификации. В период коллективизации и на заре построения совхозов появилась дополнительная характеристика для самоопределения: род занятий и социальное положение, которое постепенно вытеснило этническую принадлежность человека на второй план. Скорее люди стали себя идентифицировать, как – «я механизатор, «я рабочий», «я чабан», «я коммунист». В этот период начался сложный процесс формирования советского человека (советской идентичности).

Известный исследователь Тувы, С.И. Вайнштейн, резюмируя основные выводы, относящиеся к вопросам происхождения и исторической этнографии тувинского народа, а также о характере современных этнокультурных процессов в советской Туве, писал:

«Быстрое развитие социалистической экономики и культуры в Туве оказало очень существенное прогрессивное слияние на этнические процессы. Важнейшее значение для национальной консолидации имело государственное строительство. Расширение и укрепление экономических и культурных связей между отдельными районами способствовало преодолению былой разобщенности отдельных локальных групп тувинцев [1, с. 42; 2]

В 1971 г. была опубликовано монографическое исследование Николая Алексеевича Сердобова «История формирования тувинской нации» [3]. В книге дан детальный анализ истории формирования тувинской нации (тувинской идентичности – Н.П.), показана особая роль государства, ее институтов, в том числе и школьного

образования в советской Туве: «…сложения устойчивой общности экономической и языковой жизни тувинцев, общности этнической территории, социалистической культуры и быта <..> Развитие социалистической промышленности, победа колхозного строя, полное утверждение социалистической собственности на средства производства – все это рассматривается как материальная основа для преодоления частнособственнической психологии, для воспитания всего населения Тувы в духе коллективизма, советского патриотизма и пролетарского интернационализма, иначе говоря – для сложения нового духовного облика тувинцев (сложения новой идентичности – Н.М)» [Там же, с. 479].

В настоящее время в общественном и гуманитарном пространстве происходит переосмысление советского исторического опыта. Часть национальной элиты оценивает этот исторический этап достаточно положительно, чему свидетельствует опубликованная книга – «Созидатели Советской Тувы. Чтобы помнили» [4]: «Созидатели Советской Тувы – кто это? Это те, кто участвовал в создании системы? Не только и не столько. Это просто те люди, которые много сделали, чтобы Тува процветала... Мы живем в домах, которые ими построены, ходим в аптеки, которые создавала Галина Федорова, посещаем театр, который запланировал Матпа Хомушку, слушаем музыку, которую написал Ростислав Кенденбиль, читаем книги по истории, написанные Юрием Аранчыном. Человек, который не знает своей истории – жалок. Но гораздо более жалок тот, кто не испытывает благодарности к создателям (созидателям – Н.М) [5].

В советской Туве утверждалась наднациональная, общегражданская идентичность – советский человек и значительно нивелировалась этническая идентичность. Вместе с тем распад прежней советской системы явился основной причиной глубокого кризиса тувинской идентичности в современной Туве. Разрыв культурной преемственности «настоящего арата» и «гражданина» в традиционной системе ценностей явился фактором «маргинализации» молодого поколения, появления поколения «*манкуртов*».

Сложный процесс формирования новой идентичности в тувинском обществе связан прежде всего с распадом прежней социальной структуры, некогда единого государства – СССР. До сих пор распад советского государства имеет большие социально-экономические последствия. В этой связи огромное количество людей, вне зависимости от уровня образования, вынуждены были заниматься традиционными формами хозяйствования. Однако основная проблема заключается в том, что наиболее активное молодое поколение городской и сельской молодежи не было приспособлено к кочевой форме жизни, ибо многие из них уже утратили прежние навыки кочевой жизни. А главное в современном тувинском обществе образ кочевника арата не являлся престижным. В социальной структуре общества кочевник воспринимается как нечто отсталое, т.к. он вынужден жить на пенсию своих родителей или на социальные пособия (материнский капитал, детские пособия и т.д.).

В настоящее время делается попытка со стороны правительства Тувы изменить кризисную социально-экономическую ситуацию, например, в республике существует долгосрочная программа «*кыштаг* (стойбище – Н.М.) *для молодой семьи*», в рамках которой сельская молодежь имеет возможность на льготных условиях организовать свое овцеводческое хозяйство и построить личную усадьбу. Однако критерии получения ссуду в банке для реализации этого проекта достаточно жесткие, и многие молодые семьи, получив денежную поддержку, не смогли вовремя расплатиться по текущим платежам ранее взятых кредитов. Современная тувинская молодежь не только не имеет навыков кочевой жизни, но и базовых навыков регулирования взаиморасчетов в финансово-кредитной сфере.

Вместе с тем исторический опыт показывает, что именно кочевое хозяйствование являлось основой существования тувинского народа как самоорганизованная социальная структура сообщества. Так, в традиционной тувинской культуре мальчик к трем годам уже имел маленькое стадо, полученное от своих родственников как дар при первой стрижке волос; к шести годам он должен был уже крепко сидеть на лошади и мог скакать галопом без седла на лошади, а иногда и побеждать на скачках; к восьми годам стрелять из ружья без промаха, а к двенадцати годам, обзаведясь свои хозяйством, мог уже жениться и ставил свою отдельную юрту. Важен тот факт, что ребенок к двенадцати годам становился вполне самостоятельным членом общества и выступает как самостоятельный субъект хозяйствования. Именно родители и близкие родственники постепенно готовили своих детей ко взрослой жизни, подключали маленьких детей к социальной жизни в традиционном обществе. Известно, что дети, которые прошли хорошую школу традиционного домашнего воспитания, позже успешно получали среднее и средне-специальное, а иногда и высшее образование.

Что касается девочек, то они, так же как и мальчики, в двенадцать лет становились самостоятельными: они могли ухаживать за животными, вести домашнее хозяйство, обучать детей. До сих пор в современном тувинском обществе профессия учителя, ветеринара или фельдшера высоко ценится и является ключевой специализацией для традиционного быта.

Именно в среде городской молодежи, из социально неблагополучных семьей проявляются крайние формы этнической изоляции. Потеря связи поколений, разрыв культурной преемственности опыта «настоящего арата» в традиционном контексте быта является основной причиной «маргинализации» молодежи и увеличению криминала среди молодого поколения современной Тувы. Не секрет, что для полноценной адаптации к современному миру молодому человеку необходимо больше усилий, чтобы поступить в престижный институт и получить соответствующее высшее образование. К сожалению, уровень подготовки в средней школе не позволяет абитуриенту самостоятельно поступить в престижные российские учебные заведения, к тому же и языковой барьер существенно увеличился по сравнению с поздним советским периодом.

Данное обстоятельство показывает, что в постсоветской Туве появилось целое поколение молодых людей, не имеющих навыков традиционного аратского хозяйствования и неадаптированных к современным рыночным социально-экономическим условиям. В последствии это стало главной причиной кризиса личностной идентичности.

Заключение

Хотелось бы отметить, что советский опыт модернизации кочевого хозяйства – это опыт перехода на оседлость и построения плановой экономики, основанный на коллективных отношениях внутри закрытого (советского) общества. Нынешний опыт модернизации кочевого хозяйства строится на рыночных отношениях в условиях открытого глобального рынка, что неизбежно ведет к трансформации социальных отношений внутри общества в целом.

Список литературы

1. 1 Вайнштейн С.И. Происхождение и историческая этнография тувинского народа: автореф. дис. … д-ра ист. наук. М., 1969. 45 с.
2. Вайнштейн С.И. Историческая этнография тувинцев: проблемы кочевого хозяйства. М., 1972. 314 с.
3. Сердобов Н.А. История формирования тувинской нации. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1971. 482 с.

4. Созидатели советской Тувы. Чтобы помнили... / Культурный фонд имени Кужугета Шойгу, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. Кызыл, 2017. 287 с.
5. Телеканал «Тува24». Созидатели Советской Тувы [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/video-54122259_456240122 (дата обращения: 12.02. 2023).

УДК 39

Дискурс отсталости в советской политике северной модернизации и его этнокультурные последствия

Пивнева Елена Анатольевна
кандидат исторических наук.
Институт этнологии и антропологии РАН,
отдел Севера и Сибири.
Москва, Россия.
pivnel@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-8582-417X

АННОТАЦИЯ Практически на всех этапах советской этнополитики в отношении коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока «общим местом» был тезис об их глубокой отсталости. Представители этих народов существовали в атмосфере неприятия традиционного быта, который в официальном дискурсе представлялся архаическим, не отвечающим новым идеалам и политическим предписаниям. Борьба с так называемыми пережитками привела к нигилизму по отношению к этнической культуре, она перестала играть адаптирующую роль в аборигенных сообществах. На постсоветском пространстве в среде исследователей и самих северных народов происходит переосмысление опыта советского этнонационального строительства и переоценка его результатов. Заметен отход от однозначно позитивной трактовки советской программы модернизации, пересмотр концептов «отсталости» и «патернализма».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Советская модернизация, коренные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока, дискурс отсталости, некапиталистический путь развития, патернализм, этническое возрождение.

«От патриархальщины к социализму»: некапиталистический путь развития. На старте социалистических преобразований при обсуждении принципов управления коренными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока (далее – народы Севера, северные аборигены) «общим местом» был тезис об их глубокой отсталости: «Говорят ли авторы о формах материальной культуры, или об укладах хозяйства, о социальных отношениях, либо о духовной жизни этих народов, они неизменно оперируют терминами “отсталость”, “примитивность”, “первобытность”», – заметил в свое время известный североведа М.А. Сергеев, который, впрочем, тоже разделял эту точку зрения [9, с. 528–529]. Отсталость (задержка в развитии), в свою очередь, объяснялась неблагоприятной социально-политической обстановкой в среде «окраинных народов» при царском режиме.

В основу стратегии и тактики социального управления процессами развития малочисленных народов Севера была положена ленинская концепция некапиталистического пути развития, призванная продемонстрировать преимущества социализма над капитализмом. Выступая на II конгрессе Коминтерна (1920 г.) В.И. Ленин выдвинул теоретическое положение о том, что после победы социалистической революции капиталистическая стадия развития становится необязательной для отдельных стран и народов. В результате целенаправленных социалистических преобразований, которые будут реализованы под руководством Коммунистической партии при активном участии российского пролетариата «отставшие» в своем развитии народы смогут перейти к социализму, минуя капиталистическую стадию развития.

Теоретические положения Ленина воплотились в решения X (март 1921) и XII (март 1923) съездов РКП(б), на которых ставилась задача ликвидировать тяжелое наследие прошлого – хозяйственную, политическую и культурную отсталость ранее

угнетавшихся народов, а затем избавиться от хозяйственного и культурного неравенства между народами внутри страны. На XII съезде был сформулирован тезис о том, что действенная и длительная помощь русского пролетариата народам бывших национальных окраин должна выражаться в принятии ряда практических мер по образованию там «промышленных очагов с максимальным привлечением местного населения». Эта задача определялась как основная и долговременная [3, с. 438].

Учитывая специфику северных аборигенов, давшую основание для выделения их в особую группу (список из 26 народов), советское государство поставило целью помочь им в достижении фактического равенства с другими народами страны. Это означало кардинальную трансформацию практически всех сфер жизнедеятельности коренных северян. На общесоветской интернациональной основе у них создавались государственность (в форме национальных автономий), письменность, формировались новые социально-экономические отношения и связи.

Дискурс отсталости и патернализм. Убеждение в отсталости северных аборигенов и невозможности подняться самостоятельно на более высокую ступень развития вызывали необходимость в особой государственной опеке: «Чрезвычайная экономическая, политическая и культурная отсталость народов Севера лишала их возможности самостоятельно осуществить возвещенные Конституцией права, препятствовала даже элементарной защите ими своих интересов. Унаследованной от прошлого высокомерно-шовинистическое отношение к ”инородцам”, наблюдавшееся еще в то время на местах, требовало твердой и решительной борьбы. Невозможность, даже в условиях ликвидации колониального гнета, подняться самостоятельно на более высокую ступень развития вызывала, таким образом, необходимость специальной государственной опеки – особой помощи населению и защиты его интересов» [9, с. 223].

При таком подходе нужен был специальный компетентный государственный орган, который со всей полнотой учел бы специфические особенности северных этнических групп и организовал конкретно-практическое осуществление национальной политики. Им стал созданный 20 июня 1924 года Президиумом ВЦИК РСФСР Комитет содействия народностям северных окраин (КСНСО), или, как его стали сокращенно именовать, Комитет Содействия, или Комитет Севера. Ему надлежало «сплотить, организовать малые народы, пробудить у них сознание своего равноправия, поднять их на высший уровень развития» [9, с. 224].

Комитет Севера начал систематическую и планомерную деятельность по всестороннему «устроению» малых народов. В короткие сроки был принят ряд важнейших документов, которые сформировали правовую базу и определили направления государственной политики в отношении северных аборигенов. Был также реализован целый комплекс практических мер, направленных на улучшение положения этих народов: Комитет разработал принципы и методику землеустройства северных территорий; оказал влияние на организацию кооперации, торговли и снабжения на Севере; способствовал развитию там здравоохранения и просвещения и пр. Следует сказать, что данный институт социальной защиты малочисленных народов Севера был достаточно эффективен, что просматривалось, например, в оживлении основных отраслей северного хозяйства [10, с. 172–178].

Со второй половины 1930-е гг. складываются новые подходы к решению проблем коренных народов Севера. В 1935 г. Комитет содействия народностям северных окраин был ликвидирован, многие из его сотрудников репрессированы. Начался период «советизации» обустройства жизни северных народов. Его суть в главном заключалась в принятии мер, обеспечивающих форсированную интеграцию этих народов в господствующую систему общественных отношений [4, с. 127]. В ходе дальнейшей советской истории вектор социального развития северных аборигенов по-прежнему

определялся общей политикой преодоления «отсталости» и «диспропорций» в социально-экономическом развитии для создания единой социальной общности – советского народа.

Дискурс отсталости и культурная травма. В проводимой политике «строительства социализма» у народов Севера, наряду с безусловно положительными результатами (улучшение медицинского, торгового и бытового обслуживания; создание письменности; приобщение к общероссийской и к мировой культуре и др.), оказался ряд моментов, которые по своим последствиями можно отнести к состоянию культурной травмы.

В процессе культурной революции была объявлена беспощадная война религиозному мировоззрению и культу, всем связанным с ними обрядами, в том числе и праздникам народов Севера, вплоть до репрессий против шаманов. Например, для разрушения традиционного духовного уклада жизни аборигенов и под предлогом борьбы с суевериями в 1930-е гг. только на Обском Севере, по некоторым данным, было репрессировано свыше 150 шаманов – наиболее уважаемой и авторитетной части населения [8, с. 185].

Официальное клеймо «пережитка» на многих традициях северных аборигенов привело к падению престижа их традиционного быта в целом, к отказу от многих старинных обычаев, национальной одежды. В некоторых семьях старались намеренно не разговаривать с детьми на родном языке (хотя, конечно, существуют примеры и другого, бережного, отношения к своему языку и этническим традициям). Стремление абстрагироваться от своей культуры, влиться в доминирующее большинство русскоязычного населения существовало у многих представителей сибирских народов, у особенно молодежи.

Такие попытки уподобиться соседней группе, чья культура кажется более привлекательной, чем своя собственная, отказаться от своего культурного наследия, считая его менее значимым, называют иногда «этнической мимикрией». По мнению психологов, «добровольная ассимиляция, цель которой выжить среди «других» — это стремление психологически защититься от возможной агрессии путем вхождения в более массовое и сильное «мы», тем самым усиливая его позитивный образ» [6, с. 8].

Л.В. Алексеева, изучавшая процесс советской модернизации на Обь-Иртышском Севере, отметила, что «приобщение представителей коренных народов к просвещению и усвоение частью аборигенной «интеллигенции» начал европейской образованности и культуры не могли в условиях национального неравенства избавить их от статуса “нацмен”. Власть рассматривала аборигенов как людей, стоящих ниже по своему положению и развитию по отношению к другим народам региона, и в силу этого относилась к ним снисходительно». Далее она пишет об очевидности драмы людей, отчасти оторвавшихся от собственных традиций: «Аборигены постепенно осваивали новые вкусы, взгляды, мораль, склад ума. Все это вступало в сложное взаимодействие с этническими принципами, которые они усваивали с детства и которые сохранялись среди их родичей, а также господствовали в их окружении» [1, с. 39–40]. В результате утраты традиционных нравственных ценностей проявилась некая ущербность как в этническом самосознании, так и в психике, а это, в свою очередь, явилось одной из причин девиантного поведениия, распространения массового алкоголизма [7, с. 258–259].

В защиту традиций: голоса этнографов. При освещении советских преобразований в гуманитарной науке еще до недавнего времени превалировал оценочный подход. Коренные изменения в культуре малочисленных народов исследователи обычно делили на положительные и отрицательные, смотря по тому, насколько они соответствовали общегосударственным задачам или интересам. Однако

в этом вопросе не было единого мнения даже среди авторов, стоящих на одних и тех же методологических позициях [5, с. 104–121].

В общем русле гуманитарного знания некоторое исключение составляли этнографы. Они сохранили в соответствии с традициями отечественной науки интерес к «этнографизмам», к тем формам народной культуры, которые заведомо подпадали под категорию «пережитков». «Обиходные явления и вещи, векторы жизненного уклада, зафиксированные в полевых наблюдениях этнографов, – как верно заметил М.Н. Губогло, – отразили многие аспекты истории советского общества, динамику человеческих интенций, личностных предпочтений и творческих возможностей, судьбу человека от рождения до ухода в мир иной» [2]. Собранный «в поле» материал показал, что процесс приобщения к социалистическому строю оказался более сложным, чем он представлялся в теории. Наряду с положительными изменениями в жизни северян этнографы наблюдали значительные трудности и недостатки в культурном строительстве и переустройстве быта коренного населения.

На постсоветском пространстве в аборигенных сообществах Севера, Сибири и Дальнего Востока развернулось мощное движение в защиту своего «этнического достоинства». Начался активный поиск новых методологических подходов к изучаемым процессам и в сибиреведческих исследованиях, находящихся уже вне явных идеологических воздействий. При освещении социокультурных преобразований у народов Севера заметен отход от однозначно позитивной трактовки советской программы модернизации, пересмотр концептов «отсталости», «патернализма» и др.

БЛАГОДАРНОСТИ Работа выполнена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-328).

Список литературы

1. Алексеева Л.В. О некоторых результатах изучения Обь-Иртышского Севера 1917–1941 гг. (к вопросу о советской модернизации в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах) // Современное состояние и перспективы развития этнографических музеев Ханты-Мансийского автономного округа в новом тысячелетии. Материалы окружной науч. конф. 29 ноября – 2 декабря 2004 г. Ханты-Мансийск: ИИЦ, 2005. С. 33–42.
2. Губогло М.Н. Советскость: мечта о процветании и/или агония саморазрушения? // Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации РМ: Международная научно-практическая конференция, посвященная дню славянской письменности "Функционирование славянских и других языков и литератур в контексте языковой ситуации РМ, 11 мая 2016 г., 19 мая 2017 г. / гл. ред. и сост.: Л.В. Бойкова. Комрат: КГУ, 2018. 282 с.
3. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2.
4. Кряжков В.А. Правовые основы развития народов Севера и Сибири // Современное положение и перспективы развития малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Независимый экспертный доклад / под ред. В.А. Тишкова. М., 2004. С. 124–132.
5. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Ханты: чужие на своей земле? // Народы Сибири: права и возможности. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 104–121.
6. Лебедева Н.М. Социальная психология этнических миграций. М.: ИЭА РАН, 1993. 195 с.
7. Народы Советского Севера (1960–1980-е годы) / отв. ред. И.С. Гурвич, З.П. Соколова. М.: Наука, 1991. 263 с.
8. Очерки истории Тюменской области. Тюмень, 1994. 271 с.
9. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития народов Севера. М.; Л.: АН СССР, 1955. 569 с.

10. Юдин В.И. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Севера: историко-политологический анализ // Власть и управление на востоке России. 2013. № 4 (65). С. 172–178.

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В УСЛОВИЯХ СИБИРСКОГО ФРОНТИРА XVII–XX ВВ.

УДК 94(571.51):323.15

«Неделя просвещения национальных меньшинств» в Красноярском округе в 1926 г.

Тишкина Ксения Алексеевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.
Сибирский федеральный университет,
офис развития научной деятельности.
Красноярск, Россия.
ksetishkina@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-2342-0548

АННОТАЦИЯ

В мае 1926 г. на территории Красноярского округа прошла «Неделя просвещения национальных меньшинств». Планировалось, что данная акция привлечет внимание общественности к проблеме развития образования среди нерусского населения. За период «Недели просвещения национальных меньшинств» прошли тематические мероприятия: кинопоказы, концерты, театральные постановки, творческие вечера, утренники, беседы и собрания. Помимо этого, в рамках акции состоялся конкурс среди национальных школ на получение звания образцово-показательного учреждения. Поставленная проблема образования среди малочисленных народов привела к разработке и утверждению Постановления СНК РСФСР «О просветительской работе среди национальных меньшинств в РСФСР» от 18 июня 1926 г., утвердившего план работы по решению данного вопроса в ближайшей перспективе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Сибирь, Красноярский округ, национальные меньшинства, неделя просвещения

В начале 1926 г. по инициативе Сибирского краевого отдела народного образования (Сибкрайоно) было принято решение о проведении акции под названием «Неделя просвещения национальных меньшинств в Сибири». Целью устройства мероприятия являлось привлечение внимания советской общественности к проблеме распространения образования среди национальных меньшинств, которые в Сибири составляли 20% от общества количества жителей региона (около 1,500 млн. чел.). Уровень грамотности среди них был довольно низкий – около 15–20% [1, с. 6]. В процессе подготовки к мероприятию при Сибкрайоно была сформирована специальная Комиссия, в состав которой вошли представители от Сибкрайсовнацмена, Крайкома ВКП(б), Крайкома РЛКСМ и т.д. На местах по такому же принципу должны были формироваться окружные и губернские комиссии.

Единой даты проведения «Недели просвещения национальных меньшинств Сибири» установлено не было. Предполагалось, что на местах акция – уже под сокращенным названием «Неделя просвещения национальных меньшинств» – могла осуществлится в любое время в период с 10 апреля по 10 мая 1926 г. Среди рекомендованных мероприятий в дни проведения «Недели просвещения национальных меньшинств» были: «1) подготовка к организации литпунктов, изб-читален, школ I ступени, летних детских площадок, детсадов и пионерских организаций; 2) обследование и выявление достижение и недочетов школ и полипросвет-учреждений национальных меньшинств; 3) организация национальных отделений при местных музеях и библиотеках и 4) учреждение стипендий в техникумах, ВУЗах» [2, с. 3]. Помимо этого, в дни проведения акции рекомендовалось проводить агитационную работу в поддержку советской власти и ее идей «…по освобождению и раскрепощению от темноты и невежества отсталых бывших угнетенных наций…» [Там же].

По решению Президиума Сибкрайоно от 27 марта 1926 г. параллельно с «Неделей просвещения национальных меньшинств» в округах должен был пройти конкурс на лучшую национальную школу. Целью мероприятия являлось не только выявление передовых и успешных инициатив учебно-воспитательного процесса, но и привлечение внимания в целом к школьному делу. К участию в конкурсе приглашались только те школы, в которых обучение шло на родном языке учеников, за исключением школ «… туземцев, не имеющих своей письменности и ведущих обучение по русским книгам, переводимым в процессе работы на родной язык» [3, с. 3]. В качестве призов – I и II премий – предлагались: комплектование школьной библиотеки, закупка наглядных пособий и денежные выплаты педагогам. Школе присваивалось звание «опорной».

По данным на 1926 г. в Красноярском округе проживало 367753 человек. Из них 61455 человек являлись представителями национальных меньшинств [4, л. 244]. Самыми многочисленными из них, помимо украинцев и белорусов, были татары, эстонцы и латыши. Опыт проведения акций, направленных на привлечения внимания к проблеме культурно-образовательного среды национальных меньшинств, в Красноярском округе уже имелся. Так, в 1924 г. Енисейская губерния присоединилась к всероссийской «Неделе просвещения национальных меньшинств». Мероприятие состоялось в губернии с 15 по 23 июня 1924 г. [5, л. 23]. В течение этого времени осуществлялась усиленная агитационная работа, ориентированная на проблему сохранения национального языка. Для решения некоторых аспектов данной проблемы, в рамках «Недели просвещения национальных меньшинств», планировалось открытие в Красноярске Центральной национальной библиотеки с присуждением ей имени революционера В.Э. Кингисеппа, одного из основателей коммунистической партии Эстонии. Для ее комплектования была закуплена литература на шести языках: татарском, эстонском, латышском, еврейском, украинском и чувашском. Однако план по устройству библиотеки не был реализован в связи с отсутствием денежных средств на содержание учреждения. Тем не менее, при шести профсоюзных клубах Красноярска были открыты национальные секции с библиотеками при них.

В 1926 г. планировалось развернуть широкую деятельность по решению вопроса культурной и просветительской поддержки «нерусского» населения Красноярского округа. Первое заседание Комиссии по проведению «Недели просвещения национальных меньшинств» и конкурса на лучшую национальную школу под председательством заведующего окроно Георгия Тихоновича Григорьева состоялось 15 апреля 1926 г. Среди присутствовавших были представители от женотдела, окружной национальной секции, Красноярского комитета Севера, газеты «Красноярский рабочий» и т.д. На заседании было принято решение о сроках проведения «Недели просвещения национальных меньшинств» по всему Красноярскому округу (кроме Туруханского края) с 12 по 25 мая 1926 г. [6, л. 7]. Позднее дата была перенесена – с 16 по 30 мая 1926 г., срок проведения по округу устанавливался с 23 по 31 мая 1926 г. В связи с этим в документах акция именовалась как «двухнедельник». Предполагалось, что в дни «Недели просвещения национальных меньшинств», в населенных пунктах округа состоялся тематические мероприятия: концерты, театральные постановки, творческие вечера, утренники, беседы и собрания. Во всех избах-читальнях, школах, красных уголках рекомендовалось разместить стенгазеты, посвященные теме национального вопроса в СССР. На местах планировалось проведение работы по выявлению культурных нужд национальных меньшинств, определению уровня их грамотности и т.д.

К началу акции красноярская Комиссия по проведению «Недели просвещения национальных меньшинств» получила от Сибсовкино бобины с кинопленками на тему

жизни национальных меньшинств. Среди лент, прилагаемых для показа в клубе им. К. Либкнехта, был фильм «Мусульманка» (1925 г., реж. Д. Бассалыго), повествующих о первых годах советской власти в Средней Азии. Картина была снята в Узбекистане, и на некоторых ролях были задействованы непрофессиональные актрисы из числа местного населения. Выпуск фильма был приурочен к первой партийной конференции УзССР, на которой рассматривался вопрос прав женщин на Востоке [7, с. 208]. Клуб Водников получил для показа фильм «Еврейское счастье» (1925 г., реж. А. Грановский), снятый по мотивам рассказов Шолом-Алейхема. «Мусульманка» и «Еврейское счастье» еще в начале года были показаны в Красноярске, однако, в этот раз все средства, вырученные как от демонстрации кинолент, так и от показа спектаклей в рамках акции, направлялись в фонд «Недели просвещения национальных меньшинств». Всего удалось собрать 44 руб. 75 коп., которые были истрачены на оформление подписки на педагогические журналы для 10 сельских школ Красноярского округа [6, л. 59].

Одна из поднятых в «Неделю просвещения национальных меньшинств» тем была посвящена эмансипации женщин Востока. Красноярская Комиссии по проведению «Недели просвещения национальных меньшинств» предлагала проводить собрания женщин, на которых бы представлялись доклады «… об обычаях и жизни женщины Востока (татар, грузин, хакасов, китайцев и т.д.)» [6, л. 12]. 16 мая 1926 г. состоялось собрание женского коллектива водниц, на котором присутствовало 37 человек. Собравшимся был представлен доклад «Национальный вопрос и раскрепощение женщин Востока». В конце собрания было вынесено постановление о необходимости проведения борьбы с национальной рознью, а также установления контактов с женщинами-работницами, представительницами национальных меньшинств.

Среди учебных заведений, выдвинутых для участия в конкурсе на звание лучшей школы национальных меньшинств, были латышская школа в с. Каменно-Горновка Уярского района, эстонско-латышская школа с. Островки Манского района и еврейская школа I ступени в Красноярске. Обязательными условиями для оценки деятельности учебных заведений было преподавание «на родном языке», реализация учебного процесса с учетом программы Государственного ученого совета, участие коллектива школы в общественно-трудовой жизни и т.д. Сбор информации на местах для будущей экспертной оценки осуществлялся специальной комиссией подведомственной окроно. Обследование учебных заведений показало, что только латышская и эстонско-латышская школы, как образцово-показательные, заслуживали получение премий. Эти учебные заведения также осуществляли функции культурно-просветительных центров своих сел и районов. Так, например, по инициативе учителей и учащихся эстонско-латышской школы в с. Островки была открыта изба-читальня, а в самом учебном заведении действовал краеведческий музей [8, с. 2].

Проведение акции «Неделя просвещения национальных меньшинств» привлекло большое внимание к проблеме увеличения уровня грамотности среди «нерусского» населения Сибири. Однако решение данного вопроса требовало участие государства. 18 июня 1926 г. вышло постановление СНК РСФСР «О просветительской работе среди национальных меньшинств в РСФСР», в котором отмечалось, что «… развертывание простительной работы среди национальных меньшинств, особенно народов культурно-слабых…» является «… делом огромной политической важности…» [9]. Согласно документу к 1933/34 учебному году планировалось расширить сеть дошкольных учреждений и школ I ступени, усилить работу по ликвидации неграмотности среди взрослого населения, провести подготовку кадров среди национальных меньшинств для работы в научных, художественных и музейных учреждениях, подготовить издание учебников и художественной литературы т.д.

Спустя почти год, после устройства акции «Неделя просвещения национальных меньшинств», 25–29 июня 1927 г. в Новосибирске состоялось I Сибирское Краевое

Совещание по советскому, хозяйственному и культурному строительству среди национальных меньшинств [10, с. 1]. В принятой на совещании резолюции было отмечено, что за последнее время, несмотря на существенный рост количества национальных школ и изб-читален, массовая просветительская работа была сведена к нулю. Это было связано с отсутствием финансирования, квалифицированных работников, учебников и методических разработок. Обучение в национальных школах, а также на курсах переподготовки педагогов, реализовывалось преимущественно на русском языке. Для коренного населения Сибири требовалась разработка письменности и подготовка учебников.

Предлагалось, что реализация мероприятий «Неделя просвещения национальных меньшинств» в 1926 г. обратит внимание на необходимость увеличение грамотности и повышения образования среди «нерусского» населения Сибири. Однако, несмотря на проделанную значительную работу, каких-либо существенных результатов в решении проблемы не было осуществлено. В первую очередь это было связано с отсутствием учебной и методической литературы, позволяющей вести обучение учащихся на их родных языках. Просветительская деятельность среди представителей коренного населения Сибири практически не осуществлялась, что объяснялось кочевым образом жизни некоторых народов, отсутствием письменности, а также квалифицированных работников, готовых реализовывать культурно-образовательную работу.

БЛАГОДАРНОСТИ

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22-78-00160.

Список литературы

1. Путь молодежи (Новосибирск). 1926. 7 апреля.
2. Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 16 апреля.
3. Советская Сибирь (Новосибирск). 1926. 21 апреля.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-1205. Оп. 1. Д. 122.
5. ГАКК. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 236.
6. ГАКК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 82.
7. Красина (Субботина) О. Кинематограф Узбекистана 1920-х годов: зарождение национальной кинематографической школы // Альманах «ЭТНОДИАЛОГИ». 2020. №3 (61). С. 204–219. DOI 10.37492/ETNO.2020.61.3.013.
8. Красноярский рабочий (Красноярск). 1926. 28 мая.
9. О просветительной работе национальных меньшинств в РСФСР (Постановление СНК РСФСР по докладу НКП от 18 июня 1926 г.). URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/133733 (дата обращения: 11.06.2023).
10. Решения I-го Сибирского Краевого Совещания по работе среди национальных меньшинств. Новосибирск: Сибкрайисполком, 1927. 20 с.

СИБИРСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ

УРОК ИСТОРИИ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД И РЕТРОСПЕКТИВА

УДК 371(47+57)(09)+372.016:94+930.2:070

Вопросы воспитания школьников на страницах журнала «История в средней школе» / «История в школе» (1934–1936 гг.)

Дружинина Юлия Викторовна
кандидат исторических наук, доцент.
Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной и всеобщей истории.
Новосибирск, Россия.
druzok5111@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-2131-4466

АННОТАЦИЯ В статье представлены основные проблемы воспитания, выявленные автором в публикациях журнала «История в средней школе» / «История в школе» (1934–1936 гг.). В журнале освещаются вопросы воспитания обучающихся на уроках истории и в рамках внеурочной деятельности исторической направленности. В публикациях журнала затрагиваются вопросы о воспитательном потенциале учебника, об эстетическом воспитании при изучении истории в школе. Уделяется внимание воспитательному потенциалу научных публикаций, представленных в журнале. Охарактеризованы сложности организации воспитания школьников при изучении истории, а также роль учителя в этом сложном деле.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Методика преподавания, воспитание, история, школа, Советский Союз, журнал.

Журнал «Преподавание истории в школе» является профессиональным периодическим изданием, который с момента возникновения стал важным элементом системы непрерывного повышения уровня знания педагогов о достижениях методики преподавания истории и обществоведения/обществознания, исторической науки; стал ареной обсуждения злободневных для исторического образования в школе вопросов, а также средством формирования профессиональной идентичности педагогов. История его оформления как стабильно функционирующего издания, делится на три периода – 1) период зарождения журнала, который именовался «Вопросы преподавания истории в средней и начальной школе» (1916–1917 гг., два выпуска); 2) попытка возродить журнал и поиски его названия «История в средней школе» / «История в школе» (1934–1936 гг., 16 номеров); оформление журнала в регулярно действующий периодический орган с современным названием «Преподавание истории в школе» (с 1946 г. по настоящее время).

Нами был выбран для исследования период функционирования журнала в 1934–1396 г. по ряду причин. Во-первых, с 1931 г. было восстановлено предметное преподавание истории, а в 1934 г. были разработаны постановления «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [1, с. 95, 97]. Представляется своевременным проследить, связывались ли авторами публикаций журнала происходящие изменения в школьной системе исторического образования с необходимостью воспитательной деятельности педагогов на уроках истории. Во-вторых, этот исторический период был связан с изменениями, которые происходили в системе самого исторического образования – осуществлялся поиск оптимальных форм и средств обучения. Целесообразно посмотреть, как на проблемы воспитания, которые могли решаться на уроках истории, реагировало профессиональное периодическое издание. В-третьих, в настоящее время сюжеты о вопросах воспитания на страницах журнала «История в средней школе» / «История в школе» (1934–1936 гг.) не привлекали внимания ученых. В вязи с чем, настоящее исследования призвано заполнить существующую лакуну.

Цель статьи – раскрыть репрезентации вопросов воспитания на страницах журнала «История в средней школе» / «История в школе».

За период с 1934 по 1936 гг. вышло в свет 16 номеров журнала: «История в средней школе» (1934/35 гг.) – 10 номеров; «История в школе» (1936 г.) – 6 номеров. Всего в номерах содержится 249 публикаций. Ответственным редактором во всех номерах указан Николай Всеволодович Вихирев, который в это время занимал должность заведующего «Учпедгиз». В периодическом издании отмечалось, что вновь организуемый в помощь учителям истории журнал «История в средней школе» будет помогать им. Преподаватели-историки должны «найти в нашем журнале трибуну, с которой будет услышан их глас, где их советы и предложения найдут немедленный отклик» [2, с. 10].

Отметим, что при проведении исследования, нами не брались во внимание статьи, посвящённые проблемам преподавания обществоведения, которые начинают отражаться на страницах журнала с 1935 г. (со второго номера).

В «Большой советской энциклопедии» (1933 г.) под словом «воспитание» понимается «то или иное преднамеренное и систематическое воздействие взрослых на поведение детей и подростков» [3, с. 219]. В работе понятие «воспитание» нами понимается в данном контексте.

Анализ публикаций, содержащихся в журнале за период с 1934 по 1936 гг. позволяет говорить, что в заголовках статей слово «воспитание» встречается три раза («История – орудие коммунистического воспитания» [4], «Воспитательные задачи преподавания истории в средней школе» [5], «О воспитательном значении преподавания гражданской истории» [6]).

Однако, несмотря на это, проблема воспитания подрастающего поколения при изучении истории, судя по текстам публикаций журнала, была актуальной. Так, В. И. Ленин «неустанно подчеркивал огромное значение исторического образования в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, в выработки марксистского мировоззрения» [5, с. 14]. В. И. Сталин же отмечал ключевую роль общественных наук, в том числе и истории, в «борьбе за выдержанное коммунистическое воспитание в советской школе» [7, с. 14].

Ориентируясь на цель, задачи исследования и содержание публикаций, основные вопросы/проблемы воспитания, представленные в журнале, были объединены в группы. Кратко охарактеризуем каждую из них.

1. Воспитание учеников на школьных уроках истории. В журнале отмечалось, что в школе должна быть организована «решительная борьба со всякими проявлениями классово-враждебных влияний на детей, с пережитками рабского прошлого, со всеми проявлениями мелкобуржуазного индивидуализма, расхлябанности и недисциплинированности должно быть основой воспитательной работы школы» [6, с. 3]. В этом деле большое внимание уделялось воспитательной роли истории при обучении человека в духе марксизма [6, с. 3]. В связи с этим, «историческое образование… должно войти неотъемлемой частью марксистско-ленинского воспитания и образования» [2, с. 5]. В журнале отмечается, что советские школьники «не знали капиталистической эксплуатации, не испытывали на себе экономического, политического и национального гнета» [9, с. 11]. В результате этого и плохой постановки школьного воспитания, некоторые представители молодежи после обучения в школе, вырастают «в стороне от политической жизни» и поступают учиться в «наши вузы и втузы с настроениями аполитичности …с отсутствием активных политических стремлений и запросов» [6, с. 4]. Задача школьного учителя – ликвидировать это упущение. Кроме того, задача школьного курса истории – антирелигиозное воспитание [6, с. 6]. В журнале отмечалась важность использования для воспитания школьников на уроках советского исторического романа [10, с. 38],

художественной исторической литературы [11, с. 61], кино [12, с. 67]. Для воспитания интернационализма на уроках истории актуально обратиться, например, к истории восстания, под предводительством Спартака, так как это богатейший материал, содержащий информацию об «объединении разноплеменных масс рабов, нашедших общий классовый язык» [13, с. 103]. При воспитании интернационализма необходимо обращать внимание, что феодалы и капиталисты всех народов являются эксплуататорами и угнетателями [11, с. 60]. В журнале подчеркивалась необходимость изучения биографии известных личностной, так как это поспособствует воспитанию стремления у школьников подражать «героическим борцам прошлого», поможет формированию стремления «к борьбе за окончательную победу социализма в нашей стране» [14, с. 55].

2. Воспитание школьников в рамках внеурочной деятельности исторической направленности. Внеурочная деятельность, организуемая с воспитательными целями, на страницах журнала представлена кружками, в рамках которых школьники занимались составлением исторических рассказов, создавали иллюстративные работы, читали и обсуждали произведения художественной литературы, практиковали радиослушание и затем обсуждали услышанную информацию, посещали музеи, организовывали исторические вечера, читали и обсуждали исторические бюллетени и журналы и т. д. В публикациях обращается большое внимание на воспитательные возможности экскурсии [15, с. 106].

В журнале говорится о том, что школьникам нужно сообщить, что самовольные археологические раскопки преследуются законом. Однако искать школьникам памятники археологии можно. Такая деятельность, нередко, привлекала школьников и являлась результатом хорошо построенной воспитательной экскурсионной работы [16, с. 90]. В журнале отмечается, что педагоги могут воспитывать у школьников интереса к истории, при помощи собирания исторических артефактов, например, вырезок из газет, посвященных историческим событиям, денег и т. д. [17, с. 88].

Большое внимание уделяется в воспитательной работе подрастающего поколения кабинету истории, который, оборудованный в соответствии с нуждами преподавания истории в школе, может привлечь к разнообразным формам внеурочной работы по предмету («исторический кружок», «друзья исторического кабинета», «объединение лаборантов по истории» и т. д.) учащихся разных классов [18, с. 110].

3. Роль учебника истории в воспитании учащихся. История должна воспитывать у учащихся понимание исторической перспективы и вырабатывать «умение критического анализа» [2, с. 8]. Помочь в этом деле могут учебники, особенно по истории колониальных и зависимых народов и стран Востока, учебники по истории СССР. Отмечая требования к написанию учебника по истории, подчеркивалось, что он должен, среди всего прочего, содействовать воспитанию материалистического понимания истории и классовой заостренности, а также воспитывать в духе интернационализма. Учебник должен воспитывать интерес к чтению исторической литературы, умение выбирать ее и критически оценивать [19, с. 19]. Для этого, по мнению С. Сингалевича, он должен быть написан «ярким, живым, но простым, точным и правильным языком». Материал учебника, по мнению автора, должен излагаться таким образом, «чтобы специфика жизни древних человечеств общества дышала из каждого параграфа и в каждой строке учебника» [20, с. 37–38].

Вероятно, в связи с тем, что в исследуемый период шла активная работа над созданием учебников по истории, на страницах журнала вопрос о сущности учебника, его роли в образовательном процессе при изучении истории, являлся одним из самых актуальных.

4. Эстетическое воспитание школьников при изучении истории.

На страницах журнала присутствуют публикации, призывающие педагогов заниматься эстетическим воспитанием школьников. Это направление хорошо прослеживается в публикации, посвящённой школьной ученической тетради по истории. Так, А. С. Кулинич писал, что для того, чтобы обложка тетради сохранялась в чистом, «культурном состоянии», рекомендуется ее «завертывать ее в чистую оберточную или газетную бумагу». Педагогу нужно в тетрадях учеников писать каллиграфическим почерком для того, чтобы они чувствовали, что педагог ценит их работу. Школьникам рекомендовалось аккуратным почерком вести тетрадь. Отмечалось, что некоторые школьники украшают тетрадь небольшими виньетками. Иногда «подобное оформление приобретает чрезвычайно уродливые формы, воспитывает стилистическую безвкусицу и явное культурное убожество». При этом, «борясь с уродством, не надо … допускать штампа», так как «это имеет большое не только образовательное, но и воспитательное значение» [21, с. 125–127].

История признавалась средством воспитания, которое может помочь педагогам прекратить такие «нежелательные явления», которые выражаются «в фактах хулиганства среди детей, в некультурном отношении к товарищам» [4, с. 6, 8]. Школам «следует в срочном порядке ликвидировать все недочеты в области культуры языка и общего развития» [22, с. 99].

5. Воспитательный потенциал научных публикаций. Педагогам в примерах прошлого предлагалось искать воспитательные моменты. Например, при изучении темы «Эксплуатация труда рабов в Афинском государстве», ставится цель «выявить сущность рабского способа производства и классовый состав рабовладельческого общества, дать картину эксплуатации труда рабов в Афинах и вскрыть причину разорения свободных ремесленников Афин». При рассказе об истории греческого театра, необходимо акцентировать внимание школьников на его роли в обществе «как орудия пропаганды» [23, с. 85, 87]. Воспитательной является борьба Нидерландов за независимость от Испании [24, с. 59]. Практически каждая научная статья, содержащаяся в журнале, содержит примеры, которые педагоги могли использовать на уроках в воспитательных целях.

6. Зарубежные практики воспитания школьников при изучении истории в школе. Обращаясь к зарубежному опыту, А. Пократова замечает, что история – дисциплина, «при помощи которой осуществляется воспитание подрастающего поколения в фашистском духе». Отмечено, что национализм присутствует в школьном преподавании в Польше, во Франции [2, с. 6–7]. Антиподами советской системе образования в журнале представляются германская образовательная система и российская дореволюционная иногда тоже [25].

В журнале отмечалось, что «классовые враги» обращают много внимания на преподавание истории. Они «усиленно работают над фальсификацией истории» [4, с. 8]. Это суждение распространялось и на зарубежные страны, при описании системы школьного образования Дании, Великобритании и др.

7. Недостатки воспитательной деятельности при изучении истории в школе. Обращалось внимание, что школьным учителям-историкам нужна помощь в деле воспитания подрастающего поколения, так как в ряде коллективов до 50% историков-предметников не имели исторического образования. Подчеркивалось, что в школьнике не всегда воспитывают основные черты большевика. Портрет большевика, считалось, обладает характерной особенностью, – «великолепное сочетание марксистско-ленинской теории и практики». Только отдельные лица и, конечно же, В. И. Ленин и И. В. Сталин – «являются гениальным сочетанием этих элементов» [26, с. 49]. Отмечалось, что педагоги не всегда используют воспитательный потенциал содержания уроков. Так, при изучении темы «Восстание крестьян и работ в Египте», «Крестьянские восстания в странах Двуречья», педагоги не имеют четкого

представления о том, как использовать этот материал в деле антирелигиозного воспитания. Во многих школах нет четкого плана воспитания, а вопросу коммунистического воспитания школьников, «укреплению дисциплины в школе и вне школы преподаватели-историки не уделяют должного внимания» [13, с. 103, 108].

8. Роль учителя в воспитании подрастающего поколения. На учителя истории, судя по материалам журнала, падала ответственейшая политическая задача – «быть в школе организатором классового воспитания подрастающего поколения» [27, с. 79]. Большая роль отводилась в деле воспитания личности учителя. Воспитанием подрастающего поколения должны заниматься люди, которые, «действительно преданы делу социализма, политически-образованным и выдержанны, культурные». Борьба «за качество преподавания истории и качество преподавателя», являлась одной из важнейших задач, от решения которой завесили «будущее наших молодых поколений» [6, с. 9]. В целом, подчеркивалось, что в деле улучшения изучения истории в школе, повышения ее воспитательного значения, имеется «твердый большевистский компас – директивы и указания вождя партии товарища Сталина» [2, с. 26].

Итак, журнальные публикации пестрили вопросами воспитания, учителям показывались возможные ракурсы организации воспитательной деятельности школьников при изучении истории. Педагогам предлагалось заниматься воспитательной деятельностью в рамках уроков, используя разные средства и приемы обучения. Не меньшее значение в воспитательном деле отводилось внеурочной деятельности, которая могла быть представлена работой исторических кружков, посещением музеев и т. д.

Особое внимание на страницах журнала уделялось учебнику истории, который, по мнению авторов журнальных публикаций, обладал не только образовательным, но и мощным воспитательным потенциалом. Не меньшим воспитательным потенциалом обладали научные статьи, помещенные в журнале, которые сообщали учителю разнообразные исторические сюжеты, обладали воспитательным потенциалом и могли быть использованы в практике преподавания истории на уроках.

В журнальных статьях не остались без внимания вопросы эстетического воспитания, зарубежные и дореволюционные практики изучения истории. В этих работах также содержится адресация к воспитательным моментам, которые необходимо было учитывать советскому педагогу, преподавая историю в школе.

В периодическом издании подчёркивалось, какие ошибки стоит избегать в воспитательном деле. Отмечалось, что школьный курс истории – это тот предмет, который ориентирован на воспитания будущих поколений в русле господствующей идеологии. В вязи с этим, акцент делался на роли учителя истории в образовательном процессе.

Таким образом, судя по материалам публикаций, содержащихся в журнале, историческая дисциплина, изучаемая в школе и во внеурочной деятельности, была направлена на воспитание гражданина, идентифицирующего себя членом советского государства, придерживающегося коммунистической идеологии, способного впоследствии трудится на благо государства.

Список литературы

1. Протасова И. Школьное историко-обществоведческое образование в России. XVIII–XX вв.: учеб. пособие. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2002, 248 с.
2. Панкратова А. Историческое образование на уровень великих задач второй пятилетки // История в средней школе. 1934. № 1. С. 4–10.
3. Большая советская энциклопедия: в 65 т. / гл. ред. О.Ю. Шмидт. М.: Советская энциклопедия, 1929. Т. 13. 805 с.

4. Эпштейн М. История – орудие коммунистического воспитания // История в средней школе. 1935. № 3. С. 6–13.
5. Стражев А. Воспитательные задачи преподавания истории в средней школе // История в средней школе. 1935. № 3. С. 14–25.
6. Фохт А. О воспитательном значении преподавания гражданской истории // История в средней школе. 1935. № 2. С. 3–9.
7. Аажев А. Воспитательные задачи преподавания истории в средней школе// История в средней школе. 1935. № 3. С. 14–25.
8. Панкратова А. Историческое образование на уровень великих задач второй пятилетки // История в средней школе. 1934. № 1. С. 4–10.
9. Панкратова А. За большевистское преподавание истории // История в средней школе. 1935. № 2. С. 10–26.
10. Бернадский В. Дополнительное чтение по истории // История в средней школе. 1934. № 1. С. 33–40.
11. Ерик П. Из опыта преподавания истории в школе // История в средней школе. 1934. №1. С. 57–61.
12. Фельдман Л. Кино в преподавании истории // История в средней школе. 1934. № 1. С. 67–75.
13. Фохт, Урьяс, Зиновьев Итоги преподавания истории в средней школе Московской области за первое полугодие 1934/35 учебного года // История в средней школе. 1935. № 2. С. 101–104.
14. Вербицкий В. Николай I // История в средней школе. 1935. № 1. С. 55–61.
15. Фрязинов С., Павлов Л. Из области методики исторической экскурсии // История в средней школе. 1934. № 4. С. 100–106.
16. Карцев В. Об использовании местных археологических памятников // История в средней школе. 1935. № 1. С. 87–91.
17. Кулинич А. Как использовать газеты при преподавании истории // История в средней школе. 1935. № 2. С. 86–88.
18. Макаров Г. Исторический кабинет и работа при нем учащихся // История в средней школе. 1934. № 2. С. 106–110.
19. Гриневич Учебник истории и самостоятельная работа учащихся средней школы // История в средней школе. 1934. № 1. С. 11–20. С. 19.
20. Сингалевич С. К вопросу о типе школьного учебника по древней истории // История в средней школе. 1934. № 3. С. 34–38.
21. Кулинич А. С. О рабочей тетради учащихся // История в средней школе. 1934. №3. С. 123–132.
22. Папаникогло Г. К вопросу об объеме знаний по истории в IX классе (по итогам испытания) // История в средней школе. 1934. № 4. С. 95–99.
23. Мерзон И. Конспект уроков по древней Греции // История в средней школе. 1934. № 1. С. 80–90.
24. Соколов В. Нидерландская революция (методическая разработка темы VII класса) // История в средней школе. 1934. № 4. С. 59–76.
25. Константинов Н. Аракчеевщина (о военных поселениях) // История в средней школе. 1934. № 3. С. 12–25.
26. Фридлянд Ц. О преподавании истории на новом этапе // История в средней школе. 1934. № 4. С. 45–58.
27. Фохт А. Методика уроков истории // История в средней школе. 1934. № 1. С. 76–79.

УДК 372.893

Преподавание истории в школе и вузе: единое образовательное пространство

Колокольцева Наталья Юрьевна
кандидат исторических наук, доцент
Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, n_kolokolceva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9636-6562

АННОТАЦИЯ Изменение общественно-политической ситуации способствовало росту внимания к вопросам преподавания истории в школе, СПО, вузе. Этот процесс предполагает не только формирование конкретных исторических знаний, но и выполняет важную социальную функцию, направленную на формирование общественного сознания, воспитание патриотизма и гражданской позиции. С 2012 г. идет процесс формирования единой концепции преподавания истории на всех образовательных ступенях, что соответствует образовательной политики государства по созданию единого и непрерывного образовательного пространства. Разработаны новые образовательные стандарты, Концепции преподавания, учебно-методические комплексы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Преподавание, история, стандарт образования.

«Уважение к минувшему, вот черта,
отличающая образованность от дикости».
А.С. Пушкин

Историческая память, общественное сознание, национальная идея, государственная идеология – это понятия, которые тесно связаны между собой. Формирование сознания, в гражданской позиции, воспитание патриотизма являются неотъемлемыми составляющими процесса воспитания человека, его социализации. Каждое общество, государство, проявляющее заботу о своем будущем, прежде всего, особое внимание уделяет системе воспитания и образования, т.к. это основа будущего.

Современная образовательная система формировалась в сложных условиях «рождения» новой России. Цель модернизации образования – это создание механизма устойчивого развития многоуровневой системы образования, реализация развивающего потенциала системы в условиях быстро меняющейся образовательной среды. Вызовы сегодняшнего дня, с которыми мы столкнулись, актуализировали, как никогда, вопрос о преподавании истории.

В современной образовательной политике особое внимание уделяется формированию исторических знаний. На состоявшемся в октябре 2020 г. форуме «История для будущего. Новый взгляд» президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: «Чтобы двигаться вперёд, мы должны сохранять преемственность, с уважением относиться ко всем страницам нашего прошлого, к деяниям и свершениям предков, к их многовековым культурным, духовным, ратным традициям; равняться на нравственные ориентиры, которые они нам завещали» [1]. Необходимость выработки новых подходов к изучению исторической науки, повышение качества преподавания истории в школах и высших учебных заведениях была осознана на государственном уровне и последовали значительные изменения.

На сегодняшний день, вслед за изменениями в организации преподавания курса Истории в школе (возвращение к линейной модели, увеличение количество часов на изучения отдельных тем (например: тема Великой отечественной войны), Министерство науки и высшего образования утвердило концепцию преподавания курса «История России» для неисторических специальностей в вузах, при активной

поддержки Российского исторического общества, произошла корректировка в отношении организации преподавания курса Истории в вузе.

Еще в 1980-е годы обсуждался вопрос определения цели преподавания истории, что нашло свое воплощение в образовательных стандартах, как для системы среднего, так и для высшего образования.

Имея опыт работы в школе, преподавания истории в вузе на непрофильных направлениях подготовки, следует отметить, что те требования, которые предъявляются к выпускнику средней школы по освоению программы курса «История» на практике не реализовывались в полной мере, т.к. качество входящих знаний студентов первого курса по предмету не высокое. Очевидно, это стало одним из мотивов преобразования ФГОС, разработки Историко-культурного стандарта.

ФГОС определяет цель преподавания истории следующим образом: главная цель изучения истории в современной школе — образование, развитие и воспитание личности школьника, способного к самоидентификации и определению своих ценностных приоритетов на основе осмысления исторического опыта своей страны и человечества в целом, активно и творчески применяющего исторические знания в учебной и социальной деятельности.

Курс истории в вузе предполагает изучение целостности исторического процесса в России и мире, что уже демонстрирует преемственность между разными образовательными ступенями.

В современной школе реализуются деятельностный и компетентностный подходы, что должно повысить самостоятельность образовательной деятельности школьника, действие компетентностного подхода в вузе говорит о его универсальности.

В России утвердилась и действует знаниево-ориентированная (академическая, предметоцентрическая, энциклопедическая) модель содержания исторического образования. Типология этой модели определяется исходя из ее ведущего элемента — транслируемый социальный опыт.

С точки зрения критерия соотношения в образовании индивидуально-значимых и общественно-ценных результатов в современной России доминирует социально-направленная модель содержания исторического образования. С точки зрения соотношения и полноты транслируемых знаний – ориентирована на создание целостной картины мира.

Академической модели органично соответствует действующая система оценки образовательных достижений в формате ЕГЭ.

Авторы нового стандарта в качестве основного результата образования видят овладение школьником набором действий, позволяющих ставить и решать важнейшие жизненные и профессиональные задачи.

Но, очевидно, что целый ряд предметов не вызывает у школьников интерес в связи с отсутствием понимания где в дальнейшем полученные здесь знания могут быть применены, в то время как компетенции должны эту связь демонстрировать четко. Это касается и истории. Вопрос в том, что важно не только что преподавать, но и как. Все это спровоцировало обсуждение вопроса об изменение подходов к преподаванию истории вообще.

Результатом стало создание Историко-культурного стандарта и единой концепции. Большим достижением стало то, что все это создавалось при активном общественном обсуждении. Замечательно, что в этом процессе участвовали не только представители профессионального сообщества.

Целью разработки новой концепции является формирование общественно согласованной позиции по основным этапам развития российского государства и общества, по разработке целостной картины российской истории, учитывающей

взаимосвязь всех ее этапов, их значимость для понимания современного места и роли России в мире, важность вклада каждого народа, его культуры в общую историю страны, формирование современного образа России[2].

Концепция учебно-методического комплекса по отечественной истории построена на следующих принципах:

- Ценности гражданского общества
- Идея преемственности
- Формирование гражданственности
- Познавательное значение российской истории
- Непрерывность исторического образования

В высшей школе стандартизация идет более быстрыми темпами. Произошло возвращение к реализации курса «История России». Но стоит отметить, что целостное понимание исторического процесса происходит при освоении курса истории России и всеобщей истории.

Если отдельные вехи отечественной истории сравнительно прочно усвоены студентами, другие восстанавливаются через ассоциативные ряды, то по мировой истории, к сожалению, чаще всего «белое пятно». Это актуализирует заявление академика А. Чубарьяна о единой концепции и по всеобщей истории.

К концу 2020 г. в России вступил в силу новый федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по всем направлениям – ФГОС 3++. В основе стандарта – компетентностный подход и углубление профессиональных знаний в избранной области [3].

Одной из обязательных учебных дисциплин социально-гуманитарного модуля для всех направлений является «История России». В Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования указывается: «Курс истории в высшей школе является необходимым звеном в углублении гуманитарной составляющей обучения. Он нацелен на формирование исторического сознания, что является основой понимания сущности происходящих ныне процессов и событий.

Именно историческое сознание является наиболее существенной составляющей гражданской идентичности населения Российской Федерации. Общность в понимании исторического прошлого необходима для обеспечения единства многонационального народа России. Гражданин нашей страны должен обладать способностью осмысливать процессы, события и явления в России и мире в их динамике и взаимосвязи, руководствуясь принципом историзма, формулировать и аргументированно отстаивать патриотическую позицию по проблемам отечественной истории[4].»

Ранее в вузе реализовывался как обязательный в соответствии со стандартом курс «История (история России, всеобщая история)». Коллектив нашей кафедры взял на себя решение столь сложной и важной задачи. Был проанализирован опыт разработки подобных курсов в других вузах, на открытых образовательных платформах. Большая часть курсов представляла собой рассмотрение истории России с выходом на вопросы всеобщей истории только через внешнеполитический контекст. Но задачи этого курса были иные: показать одновременно и уникальность мирового исторического развития, и наличие общих тенденций, довести до логического завершения формирование у студентов знаний о характере и особенностях исторического развития России в контексте мировой истории. Мы избрали в качестве основных семь тематических разделов: История в системе социально-гуманитарных наук; Особенности становления государственности в России и мире; Русские земли в XII – XIII веках. Начало политической раздробленности. Борьба с агрессией в XIII в.; Процесс объединения земель Великороссии и поиск путей упрочения российского государства XIV – XVI вв.; Россия в XVII - XVIII веках в контексте развития европейской

цивилизации; Россия и мир в XIX в. Опыт европейской модернизации; Россия и мир в XX – XXI вв. Они отображали не только важные факты, события, но и способствовали дальнейшему развитию и совершенствованию таких умений и навыков как аналитическое мышление, решение проблемно-познавательных задач, совершенствование источниковедческих навыков и т.д.

Применяются разнообразные формы работы: лекции в формате дискуссии; студенты сами из приведённого перечня выбирают темы практических занятий, которые представляют собой либо работу с источниками, либо проходят в формате исторического моделирования; контрольную функцию выполняю тесты по каждому разделу. Вся работа студента направлена на формирование устойчивой мировоззренческой позиции с опорой на историческое знание. Для полного погружения в вопросы истории каждый раздел имеет свой методический материал: картографический материал, персоналии, ленты времени, интерактивные презентации, глоссарий, ссылки на электронно-библиотечные системы (ЭБС).

Данный опыт работы будет использован как основа для формирования курса «История России». Процесс совершенствования преподавания истории важное направление на пути достижения не только образовательных задач, но и государственных, общечеловеческих. Изучение истории – это формирование навыка анализа современной ситуации и прогнозирования будущего.

В итоге, определенный перечень знаний, фактов, исторических понятий, персоналий в Историко-культурном стандарте должен сформировать прочные представления о истории в целом, истории России в частности, что позволит в вузе обсуждать узловые, проблемные вопросы, опираясь на имеющиеся знания.

Разработка экспертным советом Российского исторического общества единой концепции преподавания истории России в вузе обеспечивает абсолютную преемственность между школьной и вузовской образовательными системами.

Список литературы

1. Обращение Путина В.В. к участникам, организаторам и гостям форума «История для будущего. Новый взгляд» // http://www.kremlin.ru/events/president/letters/64153
2. Основные положения Концепции нового УМК по Отечественной истории [Электронный ресурс]. - URL: http://rushistory.org/proekty/kontseptsiya-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-otechestvennoj-istorii/osnovnye-polozheniya.html (24.08.2015)
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 46.03.01 История // http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24/96
4. Концепция преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования // https://minobrnauki.gov.ru/%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%86%D0%B8%D1%8F1.pdf

УДК 372.016:94

Мини-исследования на уроках истории: с чего начать и как заинтересовать школьников

Хлытина Ольга Михайловна
кандидат педагогических наук, доцент.
Новосибирский государственный педагогический университет,
кафедра отечественной и всеобщей истории.
Новосибирск, Россия.
khlytina@mail.ru
ORCID:

АННОТАЦИЯ В статье раскрыты требования обновленных ФГОС общего образования, Федеральных рабочих программ по истории к умениям старшеклассников анализировать аутентичные исторические источники; показано, что в 10–11-х классах источник должен выступать средством изучения прошлого с опорой на контекстные знания. Охарактеризованы методические условия эффективности мини-исследований на уроках истории: соответствие тематики мини-исследований и осваиваемых умений рабочей программе курса; реализация в основных модулях урока – мотивационно-целевом, содержательно-деятельностном, оценочно-рефлексивном – задач, соответствующих этапам овладения учеником умственными действиями; выбор источников с ориентацией на устоявшиеся в науке классификации и, одновременно, отражающих актуальные для учеников аспекты жизни людей. Приведены примеры апробированных мини-исследований на основе вещественных и визуальных источников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Учебное исследование, исторический источник, урок истории, учебное историческое познание

Наступивший учебный год ознаменовался переходом российских школ на новые ФГОС среднего общего образования (далее – ФГОС СОО), включивших в планируемые результаты общего образования сформированность у старшеклассников научной картины мира как основы мировоззрения и деятельности, научного типа мышления, опыта учебно-исследовательской и проектной деятельности на основе разнообразных источников информации [5, гл. II, разд. 7–8]. Детализированные предметные результаты изучения истории в 10–11-х классах предписывают обучать школьников критическому анализу аутентичных исторических источников разных типов ([5, гл. II, разд. 9.9, п. 6].

Новацией современного этапа развития школы стоит признать поставленную в новых версиях ФГОС общего образования, Федеральных рабочих программах по истории для основной и средней школы [2, с. 37; 3, с. 23; 4, с. 36] задачу привлечения исторических источников не только как средства отработки на уроке логических операций, но именно как средства изучения прошлого с опорой на контекстные знания. Иными словами, каждому школьнику предстоит научиться, опираясь на комплекс различных исторических источников, устанавливать факты, создавать исторические описания, формулировать самостоятельные выводы и обобщения.

Российскими педагогами накоплен значительный опыт организации учебно-исследовательской и проектной деятельности, в том числе, по истории. Вместе с тем, далеко не все выпускники школы владеют даже начальным опытом критического анализа исторических источников: по итогам ЕГЭ по истории 2023 гг. с заданиями на атрибуцию письменного исторического источника справились 44,4% участников ЕГЭ, на анализ визуального источника с привлечением контекстных знаний 39,6%, письменного – от 49,4 до 77,3% [1, с. 35–37].

Главная причина такого результата, по мнению учителей, заключается в информационной перегруженности школьного курса истории и недостатке учебного

времени на развитие умений [8, с. 230]. Укажем также на перенос проектной и исследовательской деятельности преимущественно во внеурочное время и выбор учениками предмета, по которому будет выполняться учебный проект или исследование; в результате возможность научиться грамотно использовать исторические источники при изучении прошлого, мыслить контекстно и критически «как историки» получают лишь те, кто выбрал индивидуальный проект по истории. Также имеет место и тенденция смещения акцента при оценивании индивидуальных проектов на качество «продукта» и его презентацию, а не на пройденный данным учеником путь познания и саморазвития.

Очевидно, что заявленные в ФГОС СОО предметные результаты изучения истории должны достигаться преимущественно в рамках уроков истории. Результаты регионального методического проекта, реализованного в Новосибирской области в 2021–2023 гг., убеждают, что решить задачу развития у старшеклассников опыта учебного исторического познания [7, с. 210] помогают мини-исследования – учебные исследования, ориентированные на решение одного исследовательского вопроса на основе предложенных учителем или подобранных самостоятельно исторических источников в рамках одного учебного занятия. Охарактеризуем базовые методические условия организации таких мини-исследований.

1) Тематика мини-исследований предопределяется учебным историческим содержанием урока, а осваиваемые учениками умения работать с источниками – представленными в Федеральных рабочих программах по истории по годам обучения требованиями к предметным результатам. Это помогает учителю организовать поэтапное овладение от урока к уроку умениями использовать источники при изучении истории, избегать ситуаций формального привлечения источников, когда приемы работы с ними идентичны приемам работы с учебным текстом, базируются на полном доверии автору («это было так») и не учитывают специфику кодирования ими информации о прошлом.

2) Поскольку мини-исследование позволяет ученикам обретать исторические знания в единстве с овладением умениями, в основных модулях урока должны реализовываться конкретные задачи, соответствующие этапам овладения учеником умственными действиями.

Мотивационно-целевой модуль призван актуализировать личный социальный опыт ученика в сопряжении с историческим содержанием учебного занятия и (или) предлагаемой деятельностью с историческими источниками, помочь ученикам осознать (принять) задачи предстоящей учебной деятельности.

Содержательно-деятельностный модуль решает задачу создания ориентационной основы деятельности (уяснения учениками «что и как нужно делать», изучая источники), предполагает самостоятельное осуществление учебной деятельности на основе комплекса предложенных учителем или подобранных самостоятельно исторических источников.

Оценочно-рефлексивный модуль включает самоконтроль и самооценку обучающимися процесса и результатов учебной деятельности на основе исторических источников по предложенным учителем или выработанным совместно критериям.

3) Серия мини-исследований должна позволять школьникам ознакомиться с классификацией и получить начальный опыт анализа исторических источников разных типов и видов, осознать, как изменения в жизни людей влияли и продолжают влиять на эволюцию корпуса исторических источников. Вместе с тем, перед общим историческим образованием не стоит задача сформировать у школьников системные источниковедческие знания и умения; решая задачу отбора источников, учителю уместно ориентироваться и на устоявшиеся в науке классификации и, одновременно, привлекать на урок источники, отражающие актуальные для учеников аспекты жизни

людей. В результате историко-познавательная деятельность будет вызывать у обучающихся интерес, обретет для них личностный смысл.

Представим примеры мини-исследований на основе исторических источников разных типов, апробированные в практике работы школ г. Новосибирска в 2021–2023 гг. в рамках регионального методического проекта.

Мини-исследования на основе вещественных источников

Наибольший интерес у школьников вызывают уроки на основе семейных реликвий. В настоящее время проведение такого урока возможно в рамках тем по истории России 60-х гг. XX – начала XXI века, поскольку в большинстве современных российских семей вещи, используемые в быту в более ранние эпохи, почти не сохранились.

Для организации мини-исследования нужно предложить ученикам принести в школу одну-две «старые» вещи, созданные и (или) использовавшиеся в определенную историческую эпоху. В рамках уже упомянутого регионального проекта на основе вещественных исторических источников были построены уроки-исследования «СССР в 60–80-е гг.». Как правило, старшеклассники приносили следующие предметы или коллекции: открытки, письма, марки; значки; фотографии; удостоверения и членские книжки; награды (грамоты, благодарности, медали, ордена); книги и брошюры; бытовую технику (фен, радиоприемник), посуду; обувь, одежду и аксессуары; детские игрушки; конфетные обертки и др.

Учителя поясняли, что многие вещи – это комплексные исторические источники, сочетающие характеристики вещественных, письменных и визуальных источников, созданные с использованием различных способов кодирования информации о прошлом и ввиду этого требующие сочетания различных приемов анализа.

Так, общая логика работы с вещественными источниками, помогающая научиться использовать их как объект исторического познания и источник исторической информации такова: предмет – вещь – вещественный исторический источник. Изначально артефакты школьники воспринимают как предметы и характеризуют их размер, форму, материал, из которого они изготовлены, массу, свои тактильные ощущения и т.д. Для того, чтобы обучающиеся смогли охарактеризовать предмет как вещь, учителю необходимо обратить их внимание на его функциональное назначение в культуре и практической деятельности человека: для чего и каким образом предмет мог использоваться, насколько удобно его использовать; какими знаниями и способностями должен быть обладать человек, чтобы его использовать; какие навыки и опыт при этом формировались, что изменялось в самом человеке; есть ли аналог данной вещи в современной культуре. Такой анализ выступает предпосылкой перехода к следующему этапу (уровню) анализа артефакта уже как вещественного исторического источника, когда ученики ищут ответы на вопросы о (1) запечатленных в источнике явлениях повседневной жизни людей, их ценностных представлениях, (2) о политической, социальной, экономической, культурной жизни страны в изучаемую эпоху, в том числе, об исторических событиях, участниками или свидетелями которых они стали или о более ранних событиях, память о которых хотели сохранить для потомков, (3) об отношении автора(ов) источника к происходившим событиям.

Вещественные исторические источники могут привлекаться на уроки, уже в начальной школе в рамках курса «Окружающий мир» [6]. При этом на начальных этапах изучения истории внимание учеников сосредоточено на реконструкции истории вещи – кому принадлежала, как использовалась, почему сохранилась в семье; в старших классах доминантой выступает реконструкция прошлого – история в вещи,

т.е. опредмеченных в ней знаний, человеческих способностей, технологий, событий эпохи, ценностных представлений людей.

Мини-исследования на основе визуальных (аудиовизуальных) источников – фотографий, исторических картин, плакатов, мультипликационных и художественных фильмов, исторических карт и схем и др. Логика работы с визуальными историческими источниками такова: иллюстрации – изображения эпохи – эпоха в изображениях (взгляд из других исторических эпох, культур).

Изначально ученики воспринимают любое изображение как иллюстрацию, отражающую прошлое «как оно было на самом деле». Поскольку предметом изучения на уроках выступает историческая действительность, недоступная непосредственному наблюдению, наглядные средства обучения, (вос)создающие ее образы, помогают ученикам представить изучаемое прошлое. Описывая и анализируя событийные и типологические исторические картины, фотографии, изображения предметов быта и др., школьники научаются обнаруживать и систематизировать исторические факты, лучше их запоминают. На данном этапе учитель использует классические приемы наглядного метода обучения и обучает школьников «чтению» визуального источника.

Дальнейшая работа связана с критическим анализом визуального источника как текста своей эпохи: его комментированием (вписыванием в событийный и мировоззренческий контекст эпохи, личную биографию автора; обнаружением того, как в источнике отразилась его типо-видовая принадлежность, как он «сделан») и интерпретацией (поиском ответа на исследовательский вопрос).

В качестве примера приведем мини-исследование в рамках раздела «Россия в годы великих потрясений» по истории Гражданской войны на основе плакатов «красных» и «белых».

На мотивационном этапе урока обучающимся был предложен хорошо известный новосибирцам агитационный плакат В. Мизина «Хочу привиться» , призывавших во время пандемии сделать прививку от COVID-19. В ходе обсуждения ребята верно определили, что в основе известный плакат эпохи Гражданской войны Э. Лисицкого «Клином красным бей белых», а затем совместно с учителем выяснили особенности плаката как исторического источника.

Мини-исследование было организовано по группам на основе подборок плакатов в классах с высоким уровнем подготовки; в большинстве классов каждой группе было предложено по одному плакату (Год пролетарской диктатуры. Худож. А. П. Апситис (Апсит). 1918; За единую Россию. Белогвардейский плакат. 1919) и работа осуществлялась под руководством учителя.

Вопросы и задания к плакатам

1. Рассмотрите плакаты: как они «сделаны», какие элементы содержат? Какие реалистичные изображения и изображения-символы присутствуют на плакатах (на переднем плане, в центре, на заднем плане)? Какие высказывания, призывы, утверждения они содержат? В чем особенности цветовой гаммы агитационных плакатов? На какие две группы можно условно разделить данные плакаты?
2. С какой целью созданы данные плакаты? Кому (каким группам населения) они адресованы? Почему вы так решили? Какие чувства стремится вызвать у зрителя автор плаката?
3. Реконструируйте образ врага, созданный авторами плакатов. Враг – кто он и какой? Почему, по мнению авторов, с ним нужно бороться?
4. Реконструируйте образ положительного героя, предложенный авторами плакатов. Положительный герой – кто он и какой? Почему он, по мнению авторов, заслуживает поддержки?

5. Какие общественные идеалы авторы агитационных плакатов стремятся донести до зрителя? Каким видят будущее России? (Россия после завершения Гражданской войны – она какая?)

Первая группа вопросов нацеливает старшеклассников на «чтение» плаката – извлечение очевидной и неочевидной исторической информации; вторая группа предлагает вписать плакаты в контекст эпохи; оставшиеся вопросы и задания ориентируют на систематизацию установленных исторических фактов, их переосмысление в контексте исследовательских вопросов. Таким образом, на данном уроке знания о плакатах как исторических источниках были востребованы старшеклассниками в самостоятельной познавательной деятельности; данная работа с плакатами помогала овладеть умениями работать с ними как с историческими источниками и, одновременно, «добыть» и усвоить исторические знания о целях и социальной опоре советской власти и Белого движения.

Объектами познавательной деятельности школьников при выполнении мини-исследований могут выступать устные свидетельства близких родственников – современников и участников исторических событий (например, о полете Юрия Гагарина в космос, об Олимпиаде-80, о перестройке и ваучеризации и др.), песни определенной эпохи и об эпохе, которые слушали и пели близкие родственники. Обращение к устной истории создает условия для знакомства старшеклассников с особенностями исторической памяти – индивидуальной, групповой (например, семейной, поколенческой), коллективной.

Заключение

Для успешного решения задач школьного исторического образования, сформулированных в современных ФГОС СОО, на каждом уроке обучающимся должна предлагаться учебная историко-познавательная деятельность, содержание и процедуры которой согласуются с системой формируемых предметных умений, в основе которых лежат методы и процедуры научного исторического познания. Знания об особенностях отражения прошлого разными видами исторических источников, определяющие способы их анализа, помогают обучающимся научиться корректно анализировать и использовать источники при изучении прошлого, соблюдая нормы и правила исторической науки. Входя в ориентационную основу деятельности, данные знания выступают элементами критериальной основы самооценки обучающимися хода и результатов своей учебно-исследовательской деятельности.

Отвечая на вопросы, вынесенные в заголовок, можно утверждать, что начинать нужно с включения учебных исследований в урочную деятельность. Заинтересовать работой с источниками можно тогда, когда их содержание адресует школьников к актуальным для них аспектам жизни людей, а требуемые для их анализа приемы понятны и хорошо усвоены обучающимися.

Список литературы

1. Артасов И. А. Методические рекомендации для учителей, подготовленные на основе анализа типичных ошибок участников ЕГЭ 2023 года по истории. М.: ФИПИ, 2023 // ФИПИ. URL: https://doc.fipi.ru/ege/analiticheskie-i-metodicheskie-materialy/2023/is_mr_2023.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
2. Федеральная рабочая программа основного общего образования. История (для 5–9 классов образовательных организаций). М.: Ин-т стратегии развития образования РАО, 2022 // ИСРО. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/09/frp_istoriya_5-9-klassy.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
3. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История (базовый уровень) (для 10–11 классов образовательных организаций). М.: Ин-т стратегии развития

образования РАО, 2023 // ИСРО. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/29_%D0%A4%D0%A0%D0%9F_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_10-11-%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%8B_%D0%B1%D0%B0%D0%B7%D0%B0.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
4. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. История (углубленный уровень) (для 10–11 классов образовательных организаций). М.: Ин-т стратегии развития образования РАО, 2023 // ИСРО. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/30_%D0%A4%D0%A0%D0%9F_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F_10-11-%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D1%81%D1%81%D1%8B_%D1%83%D0%B3%D0%BB.pdf (дата обращения: 05.09.2023).
5. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. Приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. № 413, ред. 12 августа 2022 г.) // Гарант.ру. URL: https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9bafc6e0/ (дата обращения: 05.09.2023).
6. Хлытина О. М. Вещественные источники на школьных уроках истории // Исторические источники в исследовательской и образовательной практике: коллективная монография / под ред. О. М. Хлытиной, В. А. Зверева. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2022. С. 212–221.
7. Хлытина О. М. Методологический компонент учебного исторического познания на старшей ступени школы // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 9. С. 209–219.
8. Хлытина О. М. Эффективность современной практики обучения критическому анализу исторических источников в самооценках российских учителей // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 226–235.

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ – СОВРЕМЕННЫЙ ТРЕНД ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ

УДК 378.83

Опыт школьного и вузовского преподавания истории Тувы периода ТНР (1921-1944 гг.)

Доржу Зоя Юрьевна
доктор исторических наук, профессор
заведующая кафедрой Отечественной истории
Тувинский государственный университет,
Кызыл, Россия,
zoyadorzhu@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-6409-3248

Оюн Оксана Петровна
кандидат исторических наук, доцент
Тувинский государственный университет,
Кызыл, Россия,
oun.oksana@ mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-1922-2215

АННОТАЦИЯ Авторы данной статьи делятся опытом преподавания курса «История Тувы» в общеобразовательных школах республики и в вузе –Тувинском государственном университете, где наряду с традиционными методами обучения, применяются информационно-коммуникационные технологии. Практика показала – применение новых технологий способствует развитию познавательной активности обучающихся, расширению их знаний и кругозора.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История Тувы, ТНР, Тува, урок, школа, университет, информационно-коммуникативные технологии.

Период Тувинской Народной Республики, охватывающий 1921–1944 гг. – это важный этап в истории Тувы, связанный с образованием и функционированием первого в истории тувинского народа независимого государства. Изучение истории Тувы в советский период также, как и в истории России, были свои сложности, перегибы, связанные с классовым подходом. Так, к примеру, первые руководители ТНР, люди, которые стояли у основания государства начиная с 1929 года были объявлены «врагами народа» и репрессированы. И только в 90-е годы XX века в средствах массовой информации, появились первые публикации о неправомерности репрессий, о фальсификации истории, и заговорили о роли политической элиты ТНР в становлении и развитии государства, начался процесс реабилитации жертв политических репрессий, и в 2007 году они были реабилитированы. Несмотря на смену парадигм в образовании в XXI веке, обучение в школах по-прежнему ведется по учебнику История Тувы для 9-х класса, авторы которого М.Х. Маннай-оол и И.А. Достай рассматривают историю с точки зрения формационного подхода (2004 г.) [1], как и В.А. Копеел, В.Ч. Очур и В.А. Дубровский, авторы учебного пособия «Наша Тува» (1987 г.) [2]. Других учебников просто нет, уже давно назрела необходимость создания учебника по истории Тувы для школьников республики. Такая необходимость в издании учебника, безусловно, назрела и для студентов Тувинского государственного университета (ТувГУ), где для преподавания и изучения данного курса используется коллективная монография в трех томах «История Тувы» [3]. Монография – не учебник для вуза, и это обстоятельство также способствовало активному использованию информационно-коммуникационных технологий в преподавании и обучении в вузе и в школе.

Если исходить из названия, информационно-коммуникативные технологии – это совокупность методов, производственных процессов и программно-технических

средств, которые интегрированы с целью сбора, обработки, хранения, распространения, отображения и последующего использования информации [4]. Иными словами, ИКТ представляет собой нечто, что предоставляет нам информацию и способствует общению учащихся между собой и учителем, как и студентов между собой и преподавателем в самых разных проявлениях. Это книга, газета, радио, ТВ, компьютеры, телефоны, средства считывания видео и аудиоинформации, операционные системы, электронные средства коммуникации, работа в сети Интернет, все это имеется в наличии в школах и вузе республики, доступно для обучающихся и активно используется в работе учителями и преподавателями.

Обучение с использованием только учебника не может обеспечить уровень знаний, необходимый человеку в современном мире. Это очевидный факт! И Правительство РФ законодательно прописывает приоритетность внедрения ИКТ в образовательный процесс, чтобы обеспечить полный набор инструментов для повышения уровня образования. На это направлены Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) [5], Распоряжение правительства РФ от 17.11.2008 №1662-Р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» с целью повысить качество услуг образования за счёт внедрения ИКТ, совершенствовать методы и формы образовательного процесса путем интенсивного использования ИКТ [6], Письмо Министерства просвещения РФ от 27 декабря 2022 г. № АЗ-1828/04 «Об использовании федеральных государственных информационных систем» [7] и др.

Тувинский госуниверситет также развивает современные методы обучения, реализует в учебном процессе образовательные программы с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий. История Тувы определена в учебных планах по всем направлениям подготовки как дисциплина по выбору, на кафедре отечественной истории разработаны дистанционные курсы «Актуальные проблемы истории Тувы» для студентов исторического факультета и «История Тувы» для студентов неисторических специальностей. Это заметно облегчило преподавателям работу, их взаимодействие со студентами, особенно с теми, кто учится заочно и с теми, кто имеет ограниченные возможности здоровья. Дистанционные курсы содержат лекции, задания и контрольные вопросы. Так, у студентов вызывают трудности, например, такой малоизученный вопрос, как политические репрессии в Тувинской Народной Республике (1921–1944 гг.). С точки зрения авторов, разобраться в этом помогают такие вопросы, как. характер взаимоотношений ТНР и Советской России, почему под влиянием Большого террора в СССР репрессии охватили и Туву и а и Монголию, какую роль сыграла Тувинская народно-революционная партия и его Генерального секретаря Тока, почему были репрессированы не только опальные государственные деятели, но и большая часть населения ТНР, безвинно осужденные по подозрению в контрреволюционной деятельности и т.д.?

Кафедра отечественной истории отводит большую роль взаимодействию со школами, именно совместная работа школы и вуза значительно повышает эффективность подготовки старшеклассников к жизни в информационном, постоянно развивающемся мире через разные формы работы. Прежде всего, это студенческий научный кружок «КЛИО», в которой принимают активное участие учащиеся школ №№1,5,7 г. Кызыла. Такое творческое взаимодействие, совместное обсуждение студентами и школьниками проблем, связанных с историей Тувы, представление на студенческих научно-практических конференциях докладов и статей положительно сказывается на результатах научно-исследовательской работы.

Так, в э 2022 году в школе №1 г. Кызыла в очно-дистанционном формате прошел школьный этап XXIII научно-практической конференции учащихся «Шаг в будущее». Студенты 4 курса исторического факультета ТувГУ, члены кружка «КЛИО» Милени Ким и Ариана Чульдум подготовили учащихся для выступления в секции по истории. В ходе педагогической практики будущие учителя истории и обществознания, сами участвуя в научно-образовательных мероприятиях университета, приобрели опыт научной деятельности и подготовили учащихся. Милени Ким вместе с ученицей 7 класса Алиной Очур составили электронную базу данных выпускников-медалистов школы – показатель успешности профориентационной работы и развития системы довузовской подготовки университета.

Школьники предоставляют работы о жизнедеятельности граждан периода Тувинской Народной Республики, изучают семейные архивы, восстанавливают забытые имена внесших вклад в становление и развитие молодого государства, участвовал в деятельности общественных организаций – народно-революционной партии, революционного союза молодежи и т. д.

Во время прохождения педагогической практики в школах республики студенты исторического факультета университета применяли дистанционные образовательные технологии с применением ИКТ при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогов. Учитель-предметник определял набор электронных ресурсов, приложений, сайтов, средств коммуникации, формат проведения урока, его длительность с соблюдением нормативных требований, формат обратной связи для организации дистанционного обучения [8].

В школах республики широко используют инструменты, которым необходимо наличие микрофона, веб-камеры и доступа в Интернет. Для коммуникации и обмена информации применяют Мессенджеры, Microsoft Teams, ZOOM. Системами дистанционного и электронного обучения являются Learme, Google Classroom. Бесплатные онлайн-ресурсы для дистанционного обучения: такие как Российская электронная школа (РЭШ), УЧИ.РУ, Издательство «Просвещение». Интернет-ресурсы по учебным предметам История и Обществознание: Федеральный институт педагогических измерений (ФИПИ), «История России», «Правительство России и СССР», Материалы газеты «История и т. д.

Роль информационно-коммуникативных технологий в образовании заключается в совершенствовании самого процесса преподавания. Использование ИКТ в системе образования ускоряет передачу, обработку, хранение знаний и социального опыта, повышается качество обучения, позволяя обучающимся быстрее адаптироваться к происходящим социальным изменениям. Но интенсивное внедрение информационно-коммуникативных технологий в учебный процесс увеличивает время, проводимое за компьютером, что ведёт к ухудшению физического и психического здоровья, уменьшается речевая активность, то есть пропадает умение устно выражать свою точку зрения и мысли, исследовательская деятельность обучающихся затруднена тем, что высока возможность получения готового продукта. Таким образом, одной из главных задач учителя становиться не только бездумное использование ИТК, но обдуманное, рациональное применение технологий с учетом возраста, здоровья, знаний и умений каждого учащегося, что особенной важно в условиях периферийных школ, к коим можно отнести школы кожуунов Республики Тыва. На ежегодном Научно-практической конференции (НПК) студентов функционирует традиционная секция «Актуальные проблемы истории Тувы», где участвуют не только студенты ТувГУ, но и школьники, учителя школ, выпускники апробируют свои разработанные уроки по истории, обществознанию, Истории Тувы. Так, студенты-историки по профилю «Историческая информатика» апробировали свои проекты выпускных квалификационных работ (ВКР) «Конфессиональный ландшафт Урянхайского края в

начале XX века: опыт применения цифровых методов в гуманитарных исследованиях» посвящена использованию цифровых методов в исторических исследованиях, в частности 3D-моделированию историко-культурного наследия Республики Тыва на примере храма Устуу-Хурээ. реконструкция монастыря Устуу-Хурээ, разрушенного в период ТНР. Так, история с помощью методов информатики сумела воссоздать облик Кызыла-столицы ТНР, благодаря работе студентов «Сохранение историко-культурного наследия: опыт виртуальной реконструкции г. Кызыл». Была создана база данных участников Великой Отечественной войны – тувинцев добровольцев – граждан ТНР, ушедших на фронт как союзники СССР. И этот огромный пласт работы проводится силами учителей истории школ республики и преподавателями исторического факультета Тувинского государственного университета. Как точно заметил Джордж Курос «Технологии никогда не заменят великих учителей, но в руках великих учителей они меняют мир».

Несмотря на отсутствие школьных и вузовских учебников, современных УМК по истории Тувы учителя школ и преподаватели университета, ищут новые подходы и используют современные методы, технологии при преподавании истории родного края.

В современном мире уверенно развивается массовое использование информационно-коммуникативных технологий. В настоящее время компьютеризованы почти все школы Республики Тыва. С внедрением информационно-коммуникативных технологий в систему образования встает вопрос о способах их эффективного использования на уроках и во внеурочной деятельности. Образовательный стандарт основан на системно-деятельностном подходе, который предполагает воспитание и развитие качеств личности, отвечающих требованиям информационного общества.

БЛАГОДАРНОСТИ

абота выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22–28–01254.

Список литературы

1. Маннай-оол М.Х., Достай И.А. История Тувы. /Учебное пособие для 9 класса. – Кызыл: Тувин. кн. изд-во, 2004. – 204 с.
2. Копеел В.А., Очур В.Ч., Дубровский В.А. Наша Тува./ Учебное пособие по историческому краеведению для учащихся 9-10 классов. Кызыл: Тувин. кн.изд-во, 1987. – 127 с.
3. История Тувы. В 3-х т. Том. 2 / под ред. Ламина В.А. – Новосибирск: Наука, 2007. – 429 с.
4. Бородкин, Л.И. Информационные технологии для историков / Л.И. Бородкин. – Мокскова : МГУ , 2006. – 236 с . – Текст : непосредственный
5. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023) - Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 03.03.2023).
6. Распоряжение правительства РФ от 17.11.2008 №1662-Р «О концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» - Режим доступа: http://internet.garant.ru (дата обращения: 03.06.2023).
7. Письмо Министерства просвещения РФ от 27 декабря 2022 г. № АЗ-1828/04 «Об использовании федеральных государственных информационных систем» - Режим доступа: http://internet.garant.ru (дата обращения: 03.06.2023).
8. Пинягин С. В. Применение информационных технологий в обучении историков: опыт университетов Запада / С.В. Пинягин . – Москва : МГУ , 2012. – 132 с . – Текст : непосредственный.

УДК 93 63.3

Школьный музей в формировании познавательного интереса учащихся к региональной истории

Дранишникова Светлана Владимировна
учитель истории,
МАОУ «Средняя школа №9»,
Енисейск, Россия
dranishnikova.svetlana@bk.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена школьному музею в формировании познавательного интереса учащихся к региональной истории. Ярким тому примером, является школьный музей «Поиск», историко-краеведческой направленности МАОУ «СШ №9» города Енисейска. Особый интерес у ребят школы к региональной истории, прежде всего, связан с изучением истории родного города. Исследовательская и проектная деятельность в музее, является одной прогрессивных форм обучения и воспитания в современной школе. Важным направлением работы, в формировании познавательного интереса обучающихся, является музейно-экскурсионная деятельность. На уроках истории и внеклассных занятиях, учитель использует материалы школьного музея, где учащиеся сравнивают и сопоставляют события и факты региональной истории с историей страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Региональная история, школьный музей, исследовательская деятельность, проектная деятельность, музейно-экскурсионная деятельность, г.Енисейск, урок истории.

Вся история России – это история каждого, история села, родного города, края и страны. Сегодня мы живем в поликультурном и многонациональном государстве, поэтому понимание хода исторического процесса немыслимо без усвоения истории края.

Согласно Закону РФ «Об образовании», одним из принципов государственной политики в области образования, является принцип защиты и развития национальных, религиозных культур, традиций и особенностей в условиях многонационального государства [6, с.5].

Данный принцип, необходимо рассматривать в тесной взаимосвязи с региональной историей. Региональная история – это часть исторической науки, в которой важнейший исследовательский акцент направлен на анализ исторических изменений в территориальной организации, природных условий, населения, хозяйства, культуры, позволяющих вскрыть генезис современных явлений и событий, объективно оценивать исторические карты современных процессов [1, с.2]. Сегодня, изучение региональной истории в школе, играет существенную педагогическую роль в идейно-политическом, трудовом и нравственном воспитании обучающихся, занимает важное место в формировании патриотического молодежного поколения.

Одним из главных элементов в изучении региональной истории, является школьный музей. Музей в школе выполняет задачи воспитания, обучения и социализации обучающихся, а также призван формировать устойчивый интерес к приобретению новых знаний по истории своей малой Родины, воспитывать желание и готовность к самостоятельному изучению истории родного края, формированию умения исследовательской работы с краеведческой литературой, архивными материалами, письменными и устными источниками [2, с.3]. Школьный музей, тесно связан с образовательным процессом школы, создает благоприятные условия для индивидуальной и творческой деятельности обучающихся. Эта деятельность способствует применению или умению самостоятельно пополнять свои знания, ориентироваться в стремительном потоке научной и политической информации.

Таким образом, школьный музей способствует формированию познавательного интереса учащихся к региональной истории.

На сегодняшний день, задача руководителя школьного музея и учителя истории, заключается в том, чтобы заинтересовать учащихся изучением истории своей страны и изучением своей малой Родины. Ярким тому примером является школьный музей «Поиск», историко-краеведческой направленности МАОУ «СШ №9» города Енисейска. Особый интерес у ребят школы к региональной истории, прежде всего, связан с изучением истории родного города.

Сегодня Енисейск известен как «отец сибирских городов», памятник истории и архитектуры, город которому исполнилось 400 лет. Город – воин, город – монастырь, город - промышленник и купец. Это один из интереснейших городов Восточной Сибири, имеющий яркую судьбу и историческое лицо. Часто Енисейск то становился жертвой пожаров, то переживал времена расцвета. До наших дней сохранился облик старинного города, где сохранилось свыше 120 зданий – памятников, большая часть которых датируется XVIII–XIX веками, хотя понес и невосполнимые потери. Наиболее ценные объекты культурного наследия — это памятники каменного зодчества: Богоявленский собор, Успенская церковь, комплекс Спасского монастыря со Спасским собором, «Дом Евсеева», «Дом Дементьева», «Дом Флеера» и другие [4, с.23].

«Засыпанный четырехаршинным слоем снега, окруженный тесным кольцом беспредельной тайги и окаймленный лишь с одной стороны широкою пеленой Енисея, мой городок выглядел мирным, уютным, хотя и несколько глухим уголком» - так описал Енисейск 100 лет назад писатель и публицист С.Я.Елпатьевский [5, с.5].

Вот она уникальная история маленького провинциального городка. «…Видеть главное, связывать частное, местное с общим, понять, что эта история своей малой Родины, тесно связана с историей страны…» [3, с.4]. Именно подлинность музейной информации придает полученным в музее знаниям особую убедительность и достоверность. Это обстоятельство особенно важно, когда речь идет о молодежи.

Ведь ученики, подростки, вступающие во взрослую жизнь, кто-либо других, нуждаются в получении не только аргументированных, но и достоверных сведений. Работа в школьном музее «Поиск», историко-краеведческой направленности, выстроена по направлениям: исследовательская и проектная деятельность, внеклассная работа, музейная работа через уроки истории. Исследовательская и проектная деятельность в музее является одной из прогрессивных форм обучения и воспитания в современной школе. Проведение самостоятельных исследований, стимулирует мыслительный процесс обучающихся, направленный на поиск и решение проблемы, изучению истории родного города, края и страны. Все это позволяет сформулировать основные задачи исследовательской и проектной деятельности:

1. Овладение обучающихся системой знаний об историческом прошлом города, края, страны.

2. Развитие навыков исторического познания, анализа и сопоставления источников, работы с историческими документами.

3. Воспитание гражданственности, патриотизма, бережного отношения к историко-культурному наследию.

4. Формирование познавательного интереса обучающихся к региональной истории.

Тематика исследовательских и проектных работ по изучению региональной истории обеспечивается разносторонними источниками, памятниками истории, устной историей. Ребята при изучении региональной истории тесно взаимодействуют с Енисейским музеем-заповедником, Енисейским городским архивом, городским Советом ветеранов, частными музеями города. Данное сотрудничество и взаимодействие, позволяет определить тематику исследований обучающихся: от

истоков зарождения в 1619 году отрядом казаков под руководством П.Албычева и Ч.Рукина военной крепости на берегу Енисея, места ссылки в начале XVII века С.И.Шаховского до «неистового » Аввакума, родоначальника исповедальной прозы в русской литературе, именно ему принадлежит первое, самое раннее описание природы, енисейского края, купцов меценатов города первой и второй гильдии которых в XIX веке насчитывалось около 200 человек: Кытмановы, Дементьевы, Кобычевы, Баландины, Грязновы и другие, это история жизни ссыльных декабристов: М.Фонвизина, Ф.Шаховского, А.Якубовича, Н.Бобрищева-Пушкина и революционного Енисейска связанного с именами большевиков-революционеров XX века: Ф.Бабкина, И.Бабушкина, М.Фефелова, Т.Марковского, С.Лазо и политических ссыльных 30-50гг. XX века, таких как, российского и советского хирурга, ученого Войно -Ясенецкого (архиепископ Лука), участника подвергнувшегося террору в 30-е годы XX века - Г.Шпета –философа и ученого, О.С.Михайлова-Буденная [4, с.34]. Все работы обучающихся сопровождаются электронной версией и активно используются на уроках истории и внеурочных мероприятиях, выставляются на школьном сайте в категории школьный музей «Поиск».

Ребята активно вовлечены в проектную деятельность при изучении региональной истории, где главным является достижение цели – это решение конкретной проблемы, оформленного в виде конечного продукта. Тематика проектных работ непосредственно связана с историей своей малой Родины, например: «Енисейская губерния: история и люди», «Люди и Енисейск: Бегичев Н. и Ф.Нансен», «Улицы Енисейска, названные именами людей, оставивших свой след в истории города», «Енисейск земной и небесный» и другие.

Таким образом, занимаясь исследовательской и проектной деятельностью на базе школьного музея «Поиск», учащиеся развивают самостоятельность, проводят исследования, приобщаются к взрослой, самостоятельной жизни, пополняют школьный музей проектными «продуктами», продолжают развивать познавательный интерес к истории малой Родины, а также используют созданные ими «продукты» на уроках истории и внеурочной деятельности.

Важным направлением работы, в формировании познавательного интереса к изучению региональной истории, отводится музейно-экскурсионной деятельности. Данная работа расширяет возможность учителя в решении задач, связанных с культурологическим образованием. Все это, помогает ребятам ценить подлинные вещи ушедших эпох, семейные реликвии, составлять тексты экскурсий, в том числе и интерактивные экскурсии. Вся тематика школьных экскурсий, тесно переплетается с историей страны, края, города разных исторических периодов времени, например: «Енисейской губернии – 200лет», «Никто не забыт, ничто не забыто!», «Герои никогда не умирают, герои в нашей памяти живут». Экскурсии, которые проводят ребята, вносят в представление экскурсоводов и слушателей – образность, конкретизируют их значение по истории России и региональной истории. К тому же обучающиеся школы проявляют интерес и к истории своей «молодой» школы (МАОУ «СШ №9» – 13лет). История школы – это история жизни нескольких поколений выпускников, педагогов, ее традиций, организации учебно-воспитательного процесса и истории создания школы. Все это помогает развивать у учащихся школы любознательность, интерес к истории школы, почитанию своих предшественников, а также активно участвовать в конкурсах разного уровня: региональном конкурсе «Кытмановские чтения», краевом конкурсе рефератов «Наш край – наше наследие» с темами: «Мужская гимназия», «Усадьба Баландина», «Дом купца Кытманова», «Церковь Иверской Богоматери», «Выпускник школы–герой России», краевом диктанте «Острог город–столица», всероссийском конкурсе сочинений «Без срока давности» и др.

На уроках истории и внеклассных занятиях, учитель использует материалы школьного музея, где учащиеся сравнивают и сопоставляют события и факты региональной истории с историей страны. Например, «Восстание декабристов» и «Политическая ссылка декабристов в Сибирь», «Раскол в русской православной церкви» и «Огнепальный» Аввакум в истории Енисейска», Начало Гражданской войны» и «Гражданская война в Енисейской губернии», «Политическое развитие СССР в 1930-е гг. Политические ссыльные в Енисейске в 30-40-е гг.XX века и другие. Именно использование материалов музея, позволяет воспитывать в молодом поколении интерес и сопричастность к истории своей малой Родины и истории своей страны.

Таким образом, изучение региональной истории является одним из источников обогащения учащимися знаний, воспитанию любви к своему городу и его истории, формированию гражданских позиций и патриотизма. Неразрывная связь со своей малой Родиной, с историей страны, позволяет почувствовать причастность каждого, к его богатейшей истории, а также признавать своим долгом и честью, стать достойным наследником его лучших традиций.

Список литературы

1. Ашурков В.Н. Кацюба Д.В. Матюшин Г.Н. Историческое краеведение. М.: Учебное пособие, 1980.112 с.
2. Борисова Н.С. Методика историко-краеведческой работы в школе. М.: Просвещение, 1989.56 с.
3. Корнилова Т.Е. Историческое краеведение. Екатеринбург, 2016.116 с.
4. Наследие народов Российской Федерации.№2/3.2019.104 с.
5. Раменская Т. Власова И. Улицы Енисейска: справочно-библиографическое пособие. Енисейск, 2019.93 с.
6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 №273- ФЗ (ред. От 17.02.2023), 181 с.

УДК 372.893

Использование вещественных источников в рамках школьного курса «История Сибири»

Ларочкин Артем Александрович
ассистент кафедры отечественной и всеобщей истории
Новосибирский государственный педагогический университет, Институт истории, гуманитарного и социального образования
Новосибирск, Россия
koshara-mac-dak@yandex.ru
ORCIDID: 0000-0001-5477-4018

АННОТАЦИЯ В статье представлен анализ двух школьных учебных пособий по истории Сибири на предмет наличия заданий с использованием вещественных (материальных) источников. Данный тип исторических источников ввиду своей специфики редко применяется педагогами при преподавании истории в школе. Несмотря на это, потенциал вещественных источников весьма широк. Их можно использовать как в урочное время (раздаточный материал, наглядное пособие), так и вне урока (организация выставок, экскурсий). В используемых для анализа учебных пособиях по истории родного края приведены варианты их использования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Методика преподавания истории, история Сибири, вещественные источники, школа, музей.

В современной системе образования изучение истории родного края в школе не может проходить без привлечения различных исторических источников. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту основного общего образования одним из предметных результатов учебного предмета «История» является то, что обучающийся должен развить «умение находить и критически анализировать для решения познавательной задачи исторические источники разных типов (в том числе по истории родного края), оценивать их полноту и достоверность, соотносить с историческим периодом; соотносить извлеченную информацию с информацией из других источников при изучении исторических событий, явлений, процессов; привлекать контекстную информацию при работе с историческими источниками» [1].

В этом случае важнейшее место при изучении истории региона отводится вещественным источникам. В самом широком понимании к ним относится весь материальный мир в его многообразии: от археологического памятника до современного автомобиля и предметов бытового обихода [2, с. 21]. При этом не от всех эпох материальные останки сохранились до наших времен. Например, вещи и предметы быта от времени появления человека до конца XIX – начала XX века сохранились в музеях и архивах. Значительная часть вещественных источников относится к середине XX – началу XXI века. В этом кроется основная сложность работы с этим типом источников.

Огромное количество материала нуждается в тщательном отборе, однако для истории Сибири вещи и предметы имеют образовательный потенциал.

В начале XXI века в рамках реализации регионального компонента исторического образования началась подготовка и издание учебных пособий по региональной истории. В Сибири изданы учебники по истории сибирского региона под редакцией В. А. Зверева и О. М. Хлытиной [3] и по истории Новосибирской области под научной редакцией В. И. Молодина [4].

Цель данной работы состоит в выявлении направлений работы педагога и обучающегося с вещественными источниками при изучении истории Сибири в школе.

Учебное пособие под редакцией В. А. Зверева и О. М. Хлытиной вышло в 2015 г. и состоит из 18 тем, хронологически охватывающих период от палеолита до современности.

При изучении тем, относящихся к археологическому прошлому Сибири, учитель может познакомить учащихся с материальным миром древних людей несколькими способами: организовать экскурсию в краеведческий музей, провести школьный урок с привлечением настоящего археологического материала либо осуществить археологический эксперимент во время урока или во внеурочное время [5].

В разделах, затрагивающих этнографическую современность (XVII–XIX вв.) сибирского региона, авторы учебного пособия предлагают несколько способов познавательной деятельности обучающихся: подготовка ответов (докладов, сообщений) на вопросы и выполнение заданий после текста раздела, а также выполнение учебных проектов.

Так, в теме «Сибирская деревня и крестьянство в XIX – начале XX вв.» представлен проект «О чем могут рассказать вещи из нашего районного (сельского, школьного) музея?» [3, с. 82]. В теме «Традиционная духовная культура сибиряков» есть проект, связанный с музыкальными инструментами сибиряков и особенностями домашнего интерьера [3, с. 90]. Учащимися может быть также представлен проект, раскрывающий множественные аспекты городской жизни в Сибири в XIX – начале XX вв. Ярким примером может послужить проект об играх и игрушках сибирских горожан [3, с. 102]. Такие задания могут быть направлены на непосредственную работу с вещественными источниками, предметами быта, утварью, инструментами и т. д. и требовать от учащегося посещение краеведческого либо школьного музея. Помимо разнообразных проектов, связанных с анализом музейных экспонатов, в учебном пособии представлены задания исследовательского характера, которые требуют меньше времени на подготовку. Пример такого задания есть в теме «Сибирский город и горожане в XVIII – начале XX вв.». Само задание звучит следующим образом: «Какие постройки начала XX в. сохранились в вашем городе или городах вашего региона? Сохранили ли эти здания свои первоначальные функции? Если нет, то что в них располагается сегодня, и с чем, на ваш взгляд, связаны подобные изменения? Напишите историю одного из таких зданий» [3, с. 98]. Здесь одной из форм выполнения такого задания может стать подготовка доклада, сообщения или презентация учащегося.

При изучении тем, связанных с Гражданской войной в Сибири, а также с Великой Отечественной войной, авторы пособия предлагают по одному заданию в каждой теме, где необходимо познакомиться с историческими источниками тех эпох, чтобы подробнее рассказать о событиях. В теме «В годы революции и Гражданской войны» ученикам предложено задание: «Посетите местный краеведческий музей, чтобы узнать, какие материалы о событиях 1917–1920 гг. он содержит. Восстановите хронику революционных событий в вашем районе (селе, городе)» [3, с. 157]. Также, при изучении темы «Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны» обучающемуся предлагается задание, где он не только должен отобрать нужные вещественные источники из семейных архивов, но и самостоятельно подготовить школьную выставку на тему «Сибиряки в годы войны» [3, с. 179]. Материалами к такому заданию могут послужить фотографии родственников, ушедших на фронт и оставшихся в тылу, письма солдат и их родных, документы, книги, значки, награды, открытки того времени, редко – страницы периодической печати времен Великой Отечественной войны. Стоит отметить, что такой формат задания будет целесообразнее давать ученикам при изучении истории родного края с 1945 г. до настоящего времени, так как чем ближе к ученику изучаемая эпоха, тем больше предметов и вещей сохраняется и оседает в семейных архивах.

Учебное пособие по истории Новосибирской области под научной редакцией В. И. Молодина вышло в 2017 г. и состоит из трех разделов и 17 глав. Хронологически пособие охватывает время с момента появления человека на территории современной Новосибирской области до событий 2010-х гг.

В этом учебнике задания, которые непосредственно связаны с привлечением вещественных источников, присутствуют в главе, посвященной Великой Отечественной войне. Учащемуся предлагается с помощью дополнительной литературы, ресурсов сети Интернет, краеведческих материалов подобрать источники разного типа (письменные, изобразительные, устные и прочие), которые будут отражать вклад жителей Новосибирской области в победу в Великой Отечественной войне. Также, ученику необходимо составить их краткое описание и придумать несколько вопросов для работы с этими источниками на уроке [4, с. 263].

Помимо вопросов и заданий, которые находятся в конце глав, в учебном пособии по истории Новосибирской области на полях страниц размещены изображения различных исторических источников. Часть изображений отображают вещи и предметы. К таковым относятся жетоны и значки начала XX века [4, с. 200], памятники времен Гражданской войны [4, с. 224] монеты периода НЭПа [4, с. 225], марка эпохи М. С. Горбачева [4, с. 295] и приватизационный чек (ваучер) периода 1990-х гг. [4, с. 308]. К большинству изображений в учебном пособии приведены вопросы и задания различного характера. Например, при изучении событий 1990-х гг. в Новосибирской области рядом с ваучером дано задание: «Расспросите своих близких, как они распорядились ваучерами. Как ваучерная приватизация повлияла на материальное благополучие вашей семьи?» [4, с. 308].

Также, в конце пособия представлены темы учебных проектов. Некоторые из них предполагают работу с вещественными источниками: «Традиционная народная материальная культура нашего района (села)», «Материалы районного (сельского, школьного) музея о социалистическом строительстве в нашем районе (селе) [4, с. 339].

Подводя итог анализу учебных пособий по истории Сибири, подготовленных и изданных в рамках реализации регионального компонента исторического образования, необходимо отметить, что они насыщены разнообразными историческими источниками и различными заданиями к ним. Вещественным источникам в этих пособиях отведено незначительное место, однако формат выполнения заданий разнообразен. Все это помогает раскрыть их образовательный потенциал в контексте истории России и родного края, в частности.

Список литературы

1. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 31.05.2021 № 287 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» // [Электронный ресурс] URL: https://edsoo.ru/Prikaz_Ministerstva_prosvescheniya_Rossijskoj_Federacii_ot_31_05_2021_287_Ob_utverzhdenii_federalnogo_gosudarstvennogo_obrazovat.htm (дата обращения: 20.06.2023).
2. Шмидт С. О. О классификации исторических источников // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1985. Т. XVI. С. 3 – 24.
3. История Сибири: история России через историю регионов: учеб. пособие для образоват. учреждений РФ / отв. ред. В. А. Зверев, О. М. Хлытина. М.: Интеграция: образование и наука, 2015. 218 с.
4. История Новосибирской области (история России через историю регионов) / науч. ред. В. И. Молодин. М.: Интеграция: образование и наука, 2017. 379 с.
5. Ларочкин А. А. Стратегии преподавания истории Сибири в школе: из опыта работы // Интерактивное образование. Электронная газета. Выпуск № 107, июнь 2023. URL:

http://io.nios.ru/articles2/125/15/strategii-prepodavaniya-istorii-cibiri-v-shkole-iz-opyta-raboty (дата обращения: 22.06.2023).

УДК 372.893

Региональный учебник истории и единое образовательное пространство Российской Федерации: точки сопряжения и взаимовлияния

Стрелова Ольга Юрьевна
доктор педагогических наук, профессор.
Хабаровский краевой институт развития образования
Хабаровск, Россия
strelovaprof@gmail.com
ORCID ID:

АННОТАЦИЯ Историко-проблемный анализ нормативной базы школьного образования и практик создания в субъектах РФ региональных учебно-методических комплектов по истории поставил под сомнение эффективность региональных историко-культурных стандартов как гарантов единого образовательного пространства России. На основе личного опыта разработки теории регионального компонента и учебно-методических пособий по истории Дальнего Востока России автор статьи демонстрирует теоретические и практические подходы к регионализации общего исторического образования в условиях ФГОС и с учетом методологических основ изучения истории и гео-социокультурных особенностей российских регионов в азиатской части страны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Единое образовательное пространство, региональный учебник истории, содержательные линии.

С тех «давних пор», когда в 90-х годах прошлого века в структуре содержания общего образования появился региональный (национально-региональный) компонент, вопрос о принципах его сопряжения с федеральным компонентом в контексте единого образовательного пространства России остается открытым. Первые региональные учебники, и прежде всего по истории, стихийно продемонстрировали относительное разнообразие дидактических и научно-методических подходов к конструированию учебного контента по основным содержательным линиям: «историческое пространство», «историческое время», «историческое движение» и «человек в истории». Но сами понятия «региональный компонент», «краеведение», «единое образовательное пространство страны», «регион», «содержательные линии» и другие, относящиеся к нашей проблематике, остаются в педагогической теории и массовой практике по-прежнему многозначными и необоснованно взаимозаменяемыми …

Переход на *однокомпонентные* государственные образовательные стандарты (далее - ФГОС) на какое-то время приостановил активность субъектов РФ в создании региональных учебно-методических комплексов, но после 2014 г. она несколько усилилась: в принятой тогда Концепции нового УМК по отечественной истории было подчеркнуто, что «российская история – это история всех территорий, стран и народов, которые входили в состав нашего государства в соответствующие эпохи», а изучение отечественной истории на многоуровневой основе способствует «самоидентификации учащихся как граждан своей страны, края, города, членов определенных этнических и религиозных общностей» [1].

Проблемный анализ ФГОС всех уровней [7] показывает, что в целевом и других разделах этого документа есть «выходы» на региональную составляющую образования и воспитания российских школьников. В федеральных образовательных программах предусматриваются учебные курсы и модули (в том числе внеурочной деятельности), обеспечивающие образовательные потребности и интересы

этнокультурной направленности. Рабочая программа воспитания, согласно ФГОС, должна обеспечить приобщение обучающихся к российским традиционным духовным ценностям, включая культурные ценности своей этнической группы. В связи с этим внимание педагогов обращено на культурные и социальные практики, учитывающие историко-культурную и этническую специфику регионов и включающие школьников в процессы преобразования внешней социальной среды (населенного пункта, муниципального района, субъекта Российской Федерации).

В *личностных* результатах общего образования влияние регионального компонента прочитывается в характеристиках их ключевых направлений (курсив – О.С.):

- гражданское воспитание школьников основано на осознании своей *этнокультурной* и российской гражданской идентичности, сопричастности к прошлому, настоящему и будущему своей Родины и *родного края*, на уважении к *своему* и другим народам, на активном участии в жизни семьи, *местного сообщества, родного края* (пункт 42.1.1);

- патриотическое воспитание сопряжено со становлением российской гражданской идентичности в поликультурном и многоконфессиональном обществе, с интересом к изучению *родного языка, истории, культуры* страны и *родного края* (пункт 42.1.2);

- эстетическое воспитание направлено на формирование восприимчивости к разным видам искусства, традициям и творчеству *своего* и других народов (пункт 42.1.4) [8].

Региональный компонент вносит также свой вклад в формирование *метапредметных* результатов образования (универсальных познавательных и коммуникативных учебных действий), приумножая объекты, признаки, причинно-следственные связи, источники информации для развития базовых логических и исследовательских действий (пункт 43.1), расширяя и качественно обновляя состав партнеров и собеседников, носителей разных культур и точек зрения (пункт 43.2).

На уровне *предметных* результатов (пункты 44, 45) статус новых знаний и умений повышается до мировоззренческих установок и качеств личности, трансформируясь в «индивидуальный опыт *взаимодействия* с людьми другой культуры, другой национальной и религиозной принадлежности».

Тем не менее, во второй предметной концепции [2], принятой в одно время с обновленными стандартами, усилилось значение историко-культурного стандарта (далее – ИКС), в том числе в сфере регионализации содержания общего исторического образования. На основе «российского ИКС» в ряде субъектов РФ сначала создаются региональные историко-культурные стандарты и только потом – учебники и учебно-методические комплексы. В планах РИО и ВРИО сделать эту практику обязательной и повсеместной без открытого обсуждения разных стратегий.

Посмотрим на это предложение … с «другой стороны страны». В «ядре содержания» и в ИКС по отечественной истории Дальний Восток России (вместе с другими регионами в азиатской части РФ) находится на «скамейке запасных» и выходит на авансцену, если нужно конкретизировать внешнюю политику Российского государства в XVII и XIX - XX вв.

Есть ли альтернатива ИКС как гаранту единого образовательного пространства страны? Это, во-первых, *методологические основы* школьных курсов истории: многоуровневый, многофакторный, многоаспектный, историко-культурологический и историко-антропологический. Во-вторых, региональные учебники, их воплощающие и отвечающие требованиям быть универсальными (многокомпонентными) носителями информации; средствами развития познавательной деятельности; ресурсами личностного развития учащихся.

По этим научно-методическим «лекалам» создано уже третье региональное учебное пособие по истории Дальнего Востока России [5], а в процессе работы над каждым следующим открываются новые способы не только интеграции региональной истории в российскую и мировую, но и актуализации событий и личностей национального масштаба.

Согласно ИКС, Дальний Восток входит в школьный курс отечественной истории только в конце раздела II «Россия в XVI–XVII вв.: от великого княжества к царству», - когда русские географические открытия становятся частью Великих географических открытий Раннего нового времени. В такой логике курс региональной истории в субъектах ДФО должен начинаться только с 7-го класса и только в рамках единственной темы.

Но «История Дальнего Востока России» начинается на два года раньше [3] и по линии «Историческое пространство» всегда представлена на четырех уровнях:

– *локальный* (мини-уровень) – например, памятники материальной и духовной культуры Сикачи-Аляна, Албазина, Охотска, Петропаловского порта и др.;

– *административный* (мезоуровень) – события и исторические личности, действовавшими на территории современных субъектов ДФО (походы В. Пояркова, И. Москвитина, новые поселения вдоль Амура, основанные во второй половине XIX – начале XX вв. и др.);

– *территориально-экономический* (макроуровень) – экспедиции В. Беринга, С. Дежнева, С. Крашенинникова, строительство Транссиба и др.;

– *мегарегиональный* – международные договоры между Китаем и Россией (Нерчинский, Кяхтинский), предпринимательская деятельность Г. И. Шелихова, восточный фронтир России и западный фронтир США, др.).

«Вертикаль регионов» позволяет выбирать на обширном и разнообразном историко-культурном пространстве Дальнего Востока России самые яркие и значимые для гражданско-патриотического воспитания школьников факты, представлять их как часть историко-культурного наследия России, относиться к ним как к результатам культурного взаимодействия и конфликтов разных этносов и сословий, соотносить местные историко-культурные процессы и явления с аналогичными не только в сопредельных странах (Китай, Япония), но и в странах Западной Европы.

Внешне структура учебных пособий по истории Дальнего Востока России выглядит традиционно: введение, четыре части и аппарат ориентировки. Но сквозь призму *многоаспектного подхода* к изучению истории высвечиваются интересующие нас «точки сопряжения и взаимовлияния»:

Четыре части содержания объединены сначала в две проблемно-хронологические группы, например, в учебном пособии по истории Дальнего Востока России в Новое время: XVII век – век Великих географических открытий и XVIII век – век научных экспедиций [4].

Внутри каждого века - два встречных процесса:

– панорама размеренной и устроенной жизни народов на юге Дальнего Востока России в XIV — первой половине XVII вв. (часть 1) и походы служилых людей все дальше на восток, чтобы привести под руку московского царя новые земли и народы (часть 2);

– разнообразные научные экспедиции, вдохновленные Петром I и поддержанные Екатериной II (часть 3), и обустройство России на берегах и водах Тихого океана во второй половине XVIII столетия (часть 4).

Благодаря *многофакторному подходу* прошлое дальневосточного региона в XVII–XVIII вв. воспринимается как мозаика этнокультурных, политических, социально-экономических, природно-географических, бытовых, религиозных, научных и других сторон жизни наших предков.

В курсе отечественной истории события XVII и XVIII вв. изучаются в разных классах и по разным учебникам. В нашем случае – под одной обложкой и видно, что один век, *вырастая* из другого, сильно отличается от него и целями, и масштабами, и средствами движения Российского государства на восток. Нельзя не заметить, что в этих столетиях меняется *отношение* европейских и азиатских государств к России: они все больше интересуются русскими географическими открытиями и экспедициями в Северо-Восточную Азию, новыми географическими картами, которые, благодаря и русским мореплавателям тоже, становятся все более точными.

Содержательная линия «Человек в истории» (*историко-антропологический подход* к изучению истории) – это не «штатный список» из нескольких имен, внесенных в ИКС. В XVII–XVIII вв. мы сможем рассказать о многих отчаянных и решительных, целеустремленных и предприимчивых людях, отправившихся в далекий путь и заглянувших «за край известного». Знакомясь с ними, школьники поймут, как биографии конкретных людей, на время или навсегда ставших дальневосточниками, превращают «историю регионов в историю страны». «Хрестоматийные» исторические деятели Нового времени (Петр I, Екатерина II и др.), оказывается, были осведомлены о Камчатке, Амуре, Охотске и т. д., их «пользе и выгоде», вели «восточную политику», каких-то результатов в ней добивались… В рядах региональных исторических деятелей XVIII в. появилась женщина – Н. А. Шелихова; на авансцену истории вышли ученые, художники, инженеры, судостроители и мореплаватели…

Но не будем забывать, что русские первопроходцы шли по землям и сплавлялись по рекам, вдоль которых жили местные народы со своим укладом, культурой, верой и традициями… Придерживаясь *многоперспективного подхода*, современные историки берут слово «открытие» в кавычки, чтобы изучать географические открытия и экспедиции XVII – XVIII вв. с двух сторон: местных и пришлых, - и понять, как формировался опыт разрешения конфликтов, знакомства и взаимодействия; что обрела Россия, дотянувшись до Тихого океана; как политика Российского государства изменила исторические судьбы дальневосточных народов? В этих, бывает, «неудобных» вопросах заявляет о себе *культурно-диалогический подход* к изучению прошлого.

Единственная в ИКС 2020 г. содержательная линия «Человек в истории» усилена в региональных пособиях и другими линиями, ориентированными на личностные результаты общего образования и единое культурно-образовательное пространство современной России: «История и Художник», «Ремесло историка (критическое мышление)», «Культурное пространство», «История и память». Последняя и перечисленных *дополнительных содержательных линий* протягивает нить из глубокого прошлого в современность, делает его актуальным, рассказывая о памятниках историческим деятелям (например, Е. Хабарову, В. Берингу, Н.Н. Муравьеву-Амурскому, С. Завойко и др.) и задавая вопросы о причинах создания - спустя столетия! - мемориальных мест, документальных и художественных фильмов и т.п., - или, наоборот, - сноса \ «переодевания» прежних памятников. Разобраться с «блуждающими» памятниками помогают специальные поисково-исследовательские задания: «Обратите внимание на дату открытия памятного знака. Узнайте, с чем было связано это событие. Как вы думаете, кто должен поддерживать состояние памятных мест и знаков: федеральные власти; жители города; региональные общества охраны памятников?..».

Во многих тематических разворотах приводятся оценочные высказывания современников событий или их потомков, дилетантов или историков. Любое суждение (например, историка XIX в. П.Н. Буцинского или мореплавателя И. Ф. Крузенштерна) не является «правильным» и итоговым; оно побуждает школьников к самоопределению в отношении к событиям и личностям прошлого, участию в дискуссиях и проектах.

Приведем только один пример того, как в интеграции с региональными сюжетами факты национальной истории обретают новые краски, так же как формы и способы познавательной деятельности школьников [6].

ФОП ООО. История. [9]	**Темы и основное содержание**	**Компоненты учебного пособия и способы познавательной деятельности**
Военные столкновения с маньчжурами и династией Цин (Китаем).	**Албазин – первый русский город на Амуре (1665 – 1689 г.)** 1. История Албазинского острога в контексте истории российско-китайских отношений во второй половине XVII в. 2. Обустройство и образ жизни в Албазинском остроге во второй половине XVII в. 3. Защитники и реликвии Албазина. 4. Память об Албазине (места памяти, музеи, историческая живопись, литература и др.)	Картографический практикум (карта, с 8 -9, вопрос 1, с. 42). Хронологическая реконструкция истории А.О. (с. 42 -44). Аналитическое описание А.о. по макету (с. 42), сопоставление с другими сибирскими острогами (вопросы 2–3, с. 42). Дискуссия о роли А.О. в отношениях между Россией и Китаем во второй половине XVII в. Виртуальная экскурсия в Амурский областной краеведческий музей (досье 2.5, с. 61–63, сайт АОКМ). Творческие и исследовательские проекты о реликвиях А.О. Историко-критический анализ поэмы П Комарова «Серебряный кубок» (с. 45).

Список литературы

1. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории 83 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edu.mari.ru/school/DocLib14/ (дата обращения 17.07.2022)
2. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы (Утв. Решением Коллегии Министерства просвещения РФ протокол от 23.10.2020 г. № ПК-1вн) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/b12aa655a39f6016af3974a98620bc34/ (дата обращения 17.07.2022)
3. Стрелова О.Ю. История Дальнего Востока России в древности и Средневековье: учебное пособие для 5 – 6 классов общеобразовательных организаций / О.Ю. Стрелова, М.И. Романова. – М., 2019. – 128 с.
3. Стрелова О.Ю. История Дальнего Востока России в Новое время (XVII – XVIII вв.): учебное пособие для 7 – 8 классов общеобразовательных организаций / О.Ю. Стрелова. – М., 2022. – 144 с.
4. Стрелова О.Ю. История Дальнего востока России в Новое время (1801 – 1914): учебное пособие для 9 класса общеобразовательных организаций / О.Ю. Стрелова, М.И. Романова, А.С. Перфильева. – М., 2023. – 196 с.

5. Стрелова О.Ю. Методические рекомендации к учебному пособию «История Дальнего Востока России в Новое время (XVII – XVIII вв.)» / О.Ю. Стрелова. – Хабаровск, 2023.
6. Стрелова О.Ю. Концепция развития региональной информационно-образовательной среды Хабаровского края/ О.Ю. Стрелова, Г.Н. Паневина. – Хабаровск, 2018. – 72 с.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (Утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17.12.2010 г. № 1897). С изменениями и дополнениями от: 29 декабря 2014 г., 31 декабря 2015 г., 11 декабря 2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/55170507/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 12.07.2022).
8. Федеральная образовательная программа основного общего образования. – М., 2022 (Утверждена приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 16 ноября 2022 г., № 993).

ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ ПОДХОД, МЕТОДЫ, РЕШЕНИЯ

УДК 372.8

О необходимости преподавания гуманитарных предметов (история, право) студентам медицинских ВУЗов

Бакшеев Андрей Иванович
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого», Красноярск, Россия,
baksh-ai@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0001-7607-731X

АННОТАЦИЯ В представленной статье показана необходимость изучения некоторых гуманитарных дисциплин при получении высшего медицинского образования в вузах Российской Федерации. В современных условиях медицинские специалисты должны обладать высокими профессиональными качествами, не ограничивающимися определенными познаниями в медицинских науках и достаточными навыками обращения с пациентами. Целью настоящего исследования является обоснование необходимости и обязательности получения знаний гуманитарных наук, таких так история и право, при подготовке специалистов высшего медицинского образования по программе обучения в вузе.
Рассматривается роль истории и права в формировании моральных и нравственно-психологических качеств, социальных позиций и правосознания специалистов высшего медицинского образования. Отмечается позитивная тенденция к развитию у студентов всесторонних гуманитарных знаний, которые могут потребоваться в различных профессиональных ситуациях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Высшее медицинское образование, социальная позиция врача, моральные и нравственно-психологические качества, гуманитарные науки, история и право.

В текущий, весьма непростой период своей истории, российскому государству и обществу как никогда требуются высококвалифицированные специалисты, подготовку которых обеспечивает национальная система высшего образования. Сегодня для решения сложных общественно-политических и экономических задач, такие специалисты должны быть способны анализировать различные тенденции развития мирового и национального общественного развития, ориентироваться в различных аспектах государственной и правовой действительности. Эти умения должны помочь специалисту высшего образования сформировать четкую и позитивную для общества морально-нравственную и правовую позицию, способствующую также успешной реализации специалиста в профессиональной деятельности. Таким образом, преподавание гуманитарных наук сегодня признается важным элементом подготовки специалистов высшего образования в различных сферах профессиональной деятельности, в том числе негуманитарной направленности, в частности медицине [2].

Следует отметить, что такой позиции придерживаются многие современные исследователи проблем высшего медицинского образования. Необходимость преподавания научных дисциплин гуманитарной направленности обосновывается в работах Е.А. Серак [6], Н.В. Круговой [4] и др. Однако, в настоящий момент все еще есть потребность в формировании новых, научно обоснованных доводов, которые способны убедить будущих врачей активно приобщаться к гуманитарным знаниям. Поэтому тема настоящей статьи пока сохраняет свою актуальность.

Основная часть. Современные тенденции здравоохранения требуют от его работников разнообразных знаний, в числе которых немаловажное место занимают знания в гуманитарной сфере. Профессия врача сегодня занимает особое место в социокультурном пространстве, где помимо высокоинтеллектуальной составляющей и ответственности за результат, большое значение имеют гуманистические взгляды и

принципы. По результатам опроса, проведенного среди руководителей медицинских учреждений, важными качествами своих подчиненных они считают способность поддержать устную и письменную коммуникацию (87%), критический и аналитический склад ума (81%), умение решать профессиональные проблемы в рамках этики (75%) [8].

Развитие этих качеств, несомненно, требует четкого следования гуманистическим принципам, которые усваиваются благодаря гуманитарным наукам. Поэтому гуманитарное образование сегодня составляет основу гуманистической подготовки врача, ставя перед руководством и преподавательскими коллективами медицинских вузов сложные задачи интеграции гуманитарных наук в образовательную среду профильных вузов. При этом гуманитарное образование врача как человека, в руках которого зачастую находится жизнь и здоровье пациента, должно быть более разнообразным и глубоким, чем у представителей других профессий высшей школы, не связанных с отмеченными, важнейшими для человека категориями [8].

Между тем, у многих студентов медицинских ВУЗов отсутствует твердая убежденность в необходимости приобщения к гуманитарным знаниям и гуманитарной культуре. Исследователи отмечают, что наиболее низкая посещаемость фиксируется на занятиях по гуманитарным предметам, в частности, всемирной истории [7].

Этот факт отражает отсутствие интереса многих студентов-медиков к названной дисциплине, которые считают, что знания, получаемые на занятиях по истории, никак не могут помочь в будущей профессиональной деятельности врача. Однако это далеко не так. Будущий врач, получая исторические знания, не только приобретает общее представление об историческом процессе с древнейших времен и до современности. Выявление основных тенденций исторического развития позволяет будущему медику определить место России в контексте общемировой истории, формируя его мировоззренческую и гражданскую позицию, становление которых происходит именно в молодые годы [1].

Самостоятельное изучение всемирной истории, анализ исторических закономерностей, позволят студенту освоить исторический метод исследования объективной действительности, который будет нелишним при проведении научных исследований, написании научных статей, обеспечивающих становление будущего ученого в сфере медицины. Кроме того, историческая наука, в рамках которой отражаются закономерности развития общества и государства, способствует принятию правильных решений врача, стремящегося к карьерному росту, возглавлять трудовые коллективы медицинских учреждений, эффективно организовывать трудовую деятельность медиков. Здесь исторические знания помогут, опираясь на знания исторических фактов и опыт прошлого, убедить подчиненных в правильности принимаемых руководством решений.

Демонстрация углубленного знания фактов всемирной истории укрепит доверие и к рядовому врачу, как к образованному человеку, всесторонне развитому профессионалу со стороны пациентов, тем самым способствуя успешности проводимого им лечения. Знание же отечественной истории, как части всеобщей, как указывалось выше, формирует гражданские качества, необходимые будущим специалистам-медикам: ответственность перед обществом, высокую нравственность, патриотизм и др. [1].

Необходимо сказать, что осознание важности преподавания истории России сегодня присутствует и на уровне государственного управления высшим образованием. Так, Минобрнауки России утвердило обязательный минимум зачётных единиц, отводимых в вузах на изучение истории в рамках образовательных программ

высшего образования. Согласно приказу № 662 [5], который вступает в силу с 1 сентября 2023 года, вузы будут обучать студентов по обновлённым образовательным программам в соответствии с образовательными стандартами. Это позволит противодействовать участившимся в последнее время попыткам фальсификации истории в любых её проявлениях, направленных на воспрепятствование формирования у студентов чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти поколений, ответственности за судьбу страны [3].

Не менее важную роль в подготовке медицинских специалистов высшего уровня играет получение знаний другого направления гуманитарных наук – правоведения и правовых дисциплин гражданского, а также уголовного и административного права. Правовая оценка будущим врачом явлений и событий современной политической и общественной жизни, частной жизни отдельных индивидуумов, также помогают ему реализоваться в профессиональной деятельности [6].

Профессиональное становление медика сегодня трудно представить без воспитания в нем развитого и зрелого правосознания, сформированного на основе современных правовых идей, взглядов и представлений. Такие образовательные задачи, как всесторонняя правовая подготовка и становление правосознания должны рассматриваться как важные профессиональные аспекты изучения дисциплины «Правоведение» и основных отраслевых правовых дисциплин в медицинском вузе. Итогом изучения указанных дисциплин должно стать сформированное у студентов уважительное отношение к правам пациентов и ответственности врачей за причинение вреда здоровью, за профессиональные и профессионально-должностные правонарушения; представление о своей будущей профессиональной деятельности в соответствии с этическими, моральными и правовыми нормами; должно быть воспитано уважительное отношение к законам и другим нормативно-правовым актам как к основополагающему гаранту соблюдения прав, свобод, интересов граждан и общества [6].

Представляется, что современный врач способен эффективно и ответственно выполнять свои профессиональные обязанности лишь в том случае, если он неукоснительно соблюдает усвоенные им принятые в обществе правовые устои и установки правовых норм, что невозможно без знания законов и нормативных актов. Эти же знания необходимы ему и в работе с конфиденциальной информацией, составляющей врачебную тайну и другими правовыми аспектами врачебной деятельности, которых в медицинской практике имеется великое множество. Прикладное значение правовых знаний выражается в приобретении студентом-медиком следующих навыков:

- принятие нормативно-обоснованных решений в конкретных ситуациях, возникающих при осуществлении многосложной профессиональной деятельности врача;
- оформление медицинских документов надлежащим образом и в установленном порядке;
- грамотное осуществление руководства медицинским коллективом, при ориентировании в действующих нормативно-правовых актах о труде, правильном применении норм трудового законодательства в конкретных практических ситуациях;
- отстаивание и защита прав врачей и пациентов в различных инстанциях и органах.

Таким образом, медик-профессионал просто обязан ориентироваться в сложных правовых вопросах медицины, что и обуславливает необходимость преподавания правоведения и отраслевых правовых дисциплин на протяжении всего обучения в медицинском вузе.

Кроме того, преподавание истории и права как существенной части гуманитарной составляющей высшего образования позволяет, по справедливому мнению исследователей Смеричевского Э.Ф., Коржовой Д.А. и др. «сформировать у будущего врача осознанную потребность в нравственном совершенствовании, укрепить его веру в возможность использования гуманитарных знаний во благо человека, убедить его в существовании четких критериев зла и добра, не допуская искажения идеалов, традиционно принятых в медицине» [7].

Заключение

Таким образом, разумное и методически обоснованное соотношение гуманитарных и естественно-медицинских дисциплин, преподаваемых при подготовке будущих врачей в медицинском вузе, является необходимым условием достижения эффективного и качественного медицинского обслуживания, столь необходимого в современном обществе. Тенденция к более углубленному преподаванию истории, правоведения и основных отраслевых правовых дисциплин, поддерживаемая руководством медицинскими вузами и государственными органами управления высшим образованием, несомненно, имеет перспективы во всем мире и будет способствовать достижению отмеченных целей развития медицины.

Список литературы

1. Бакшеев А.И., Андренко О.В., Турчина Ж.Е., Рогачев А.Г., Сафронов С.А. Актуальность преподавания курса «Всеобщая история в медицинском вузе» // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 1. – С. 164–168.
2. Бакшеев А.И. Необходимость воспитания личностных качеств будущего врача в медицинском вузе // Современные тенденции развития педагогических технологий в медицинском образовании. Сб. ст. Всероссийской научно–практической конференции с международным участием. Сер. "Вузовская педагогика". КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно–Ясенецкого. – Красноярск, 2018. – С. 381–386.
3. История России в вузах: вектор на расширение изучения и глубину осмысления – https://www.pnzgu.ru/news /2022/10/17/ 12014169#:~:text= 017.10.2022%2011%3A59
4. Кругова Н.В., Тищенко В.И., Степанова Л.В. Актуальность и профессиональные аспекты изучения дисциплины «Правоведение в медицинском вузе // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. – 2014. – № 4. – С. 167–172.
5. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» (Зарегистрирован 07.10.2022 № 70414) (Электронный ресурс) – URL:http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025
6. Серак Е.В. Актуальные вопросы медицинского образования: Профессиональный потенциал гуманитарных знаний. /В сборнике: IX Лужские научные чтения. Современное научное знание: теория и практика. Материалы международной научной конференции. Отв. редактор Т.В. Седлецкая. Санкт-Петербург, 2021. – С. 73–76.
7. Смеричевский Э.Ф., Коржова Д.А., Белоусова В.Ю. Гуманитарный аспект медицинского образования как неотъемлемая составляющая обучения студентов- медиков // Гуманитарный вестник (Горловка). – 2017. – № 4. – С. 130–135.
8. Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Бакшеева С.Л., Шарова О.Я., Нор О.В. Интерактивные методы обучения в системе высшей школы // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 4. – С. 137–140.
9. Эпштейн М.О. О гуманитарном изобретательстве [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/138 (дата доступа: 27.04.2021).

УДК 378.048.2:93/94

Перспективы преподавания историографии как метадисциплины в аспирантуре

Болдырев Виталий Евгеньевич
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (ИИАЭ ДВО РАН)
Владивосток, Россия
E-mail: boldyrev89@list.ru
https://orcid.org/0000-0002-2354-8197

АННОТАЦИЯ То, что в аспирантуру по всеобщей истории поступают выпускники с непрофильным востоковедным и политологическим образованием, вынудило пересмотреть подходы к преподаванию историографии. Опыт ряда исторических школ свидетельствует о взаимной пользе от интеграции истории и политологии. В соответствии с положениями философии постнеклассической науки учебный процесс организован в форме образовательной лаборатории с целью развития критического профессионального междисциплинарного мышления, способности проводить междисциплинарные исследования, развивать навыки по разработке и адаптации методологии. Этому благоприятствует преподавание историографии как метадисциплины. Курс разделён на три блока: теоретический, практический и лабораторный.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Историография, аспирантура, педагогика, междисциплинарность, критическое мышление, политология.

Необходимость рассматривать вопрос в таком ключе связана с особенностями подготовки историков в аспирантуре Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН по направлению «Всеобщая история», которые заставили пересмотреть устоявшиеся подходы к преподаванию. За последнее десятилетие большинство поступавших на это направление имели не профильное историческое образование, а востоковедное или политологическое. Аспирантам, не имевшим фундаментальных исторических знаний, приходилось перестраивать свой стиль аналитического мышления, что вызывало определённые трудности.

Чтобы их преодолеть, повысить эффективность преподавания, но при этом не создавать перегрузок для аспирантов, было решено пересмотреть характер преподавания историографии, как одной из системообразующих исторических дисциплин, формирующих профессиональное мышление, и разработать новый курс. Для достижения этой цели решались следующие задачи:

- сравнение особенностей мышления историка и политолога,
- поиск основ, способов, форм и инструментов для интеграции этих типов мышления в образовательном процессе.

В мировой науке и педагогике, эта проблема не нова, и прежде она обсуждалась в рамках трёх направлений. Первое направление касалось поисков фундаментальной основы для интеграции мышления представителей разных общественных наук. К. и М.Ф. Эльманы таковой называли историографию [10]. Близкой точки зрения придерживается А. Гленкросс [12]. Дж. Гобсон и Дж. Лоусон указывали, что для более глубокого понимания исследовательских особенностей сравнивать нужно не только разные дисциплины, но и школы [13].

В рамках второго направления сравнивалась профессиональная логика на предмет преодоления водоразделов [14; 16].

Представители третьего, педагогического, направления, сосредоточены на поисках фундаментальных универсальных основ развития критического мышления [8; 17].

Исходным пунктом преподавания историографии аспирантам, которые не имеют исторического образования, стало стремление уберечь их от двух наиболее распространённых ловушек: истории без историзма и антиисторизма [13].

Чтобы понять, в чём причины этого риска, сравнивалось историческое и политологическое мышление. Между ними существуют как различия, которые заключены в разном отношении к отдельным параметрам организации исследования (табл. 1), так и взаимосвязи, которые можно реализовать через историографию, продемонстрировав её многогранность и пользу от применения различных концепций, методов, подходов [10].

Таблица 1. Сравнительная характеристика истории и политологии по Дж. Лоусону

Параметр	Политология	История
Источники	Вторичные	Первичные
Задачи	Выявить повторяемость	Акцент на случайностях
Ориентация	Найти типическое	Найти уникальное
Основное внимание	Редукция, упрощение	Комплексность, сложность
Масштаб	Аналитический	Временной
Причинность	Трансисторическая	Связанная с конкретным контекстом
Уровень	Структура	Деятельность
Теоретические исследования	Проверка теории	Поиск причин

Составлено по: [14].

Т. А. Алексеева акцентирует внимание на способах взаимодействия между историей и политологией: выявление разных контекстов типичных проблем, анализ лежащих в прошлом причин какого-либо явления, поиск исторических аналогов для исследования типичного явления современности [1, с. 50–51].

Тем не менее, несмотря на приведённые выше теоретические изыскания, на вопрос о полезности взаимодействия истории и политологии ещё в начале 1991 г. Дж. Гэддис дал утвердительный ответ. Как один из основателей новой истории холодной войны он указывал на необходимость установить мосты между исследованиями внутренней и внешней политики, количественными и качественными методами анализа, общей динамикой и конкретным случаем [3], что было невозможно без использования методологических преимуществ разных дисциплин. Кроме того, стоя на исторической позиции, он смог спрогнозировать отдельные долгосрочные тенденции мирового развития на периоде 1990–2010-хх гг. [11]. Это позволяет говорить, что история может быть поставщиком методологии для политической науки.

В целом, существующее в современной науке понимание указывает, что, несмотря на расхождения, политология и история могут благотворно взаимодействовать друг с другом, а значит, и выпускники неисторических факультетов способны адаптировать своё мышление в соответствии с требованиями исторической дисциплины.

Чтобы преодоление разделительных линий благоприятствовало формированию квалифицированных кадров, необходимо проанализировать, как фундаментальные основания современной науки направляют этот процесс, какие алгоритмы или рекомендательные клише общественных наук соответствуют им, каким должен быть результат по окончании курса.

С позиций современной философии науки этот процесс связан с пониманием хаоса как непознанных ещё закономерностей, вовлечением в науку тех положений, которые ей раньше не принадлежали, но и никогда не вступали в противоречие с ней, возмущением отдельных элементов из окружения конкретной дисциплины. Цель этого процесса состоит в том, чтобы направить их контакты разных наук на благо взаимного развития. (Подробнее: [5, с. 17–19, 21–22])

Опираясь на феноменологию, К. Николь называет следующие важные элементы критического мышления студентов и аспирантов: мастерство сбора и обработки данных, аналитические способности выявлять исследовательские преимущества и ограничения, анализировать проблему как многогранный, многоаспектный феномен, имеющий как общие, так и специфические черты [17].

Представляется, что успешнее всего подход, соотносимый с перечисленными положениями философии можно реализовать в форме теоретической лаборатории. Примером здесь служит возглавляемая А. Р. Огановым Лаборатория компьютерного дизайна материалов МФТИ. Её поле междисциплинарно; эксперименты, хотя и теоретические, ориентированы на практику; она выполняет научные и образовательные функции [6]. С учётом специфики общественных наук, в нашем случае теоретическая лаборатория может быть ориентирована на разработку новых методик или адаптацию существующих методов к исследованию конкретных примеров и проблем, их внедрение, подготовку специалистов высшей квалификации.

Фактически здесь речь идёт о трансформации роли аспирантуры, о совмещении написания диссертации с учебным курсом, который ориентирован на приобретение аспирантами профессиональных навыков, которые они могут использовать, как при подготовке диссертационного исследования, так и в иной практической деятельности.

Ниже проанализируем педагогические и дисциплинарные подходы к развитию нового профессионального мышления.

С позиций педагогики, ключом к формированию профессиональной способности смотреть поверх дисциплинарных границ, по мнению А. Хуторского [8], является преподавание метадисциплин т. е. таких учебных дисциплин, которые принадлежали бы к нескольким дисциплинарным полям в классическом понимании. Предлагаемый им алгоритм преподавания актуален для подготовки специалистов в высшей школе и в аспирантуре.

Он основан на выделении фундаментального образовательного объекта (ФОО), в равной степени важного для разных дисциплин, например методологии. Следующим шагом является постановка фундаментальной проблемы, связанной с ФОО, например, проблема усовершенствования практической методологии истории в контексте междисциплинарного диалога. Далее определяется ожидаемый результат, создание усовершенствованной методологии. Следующий этап включает деятельность, ориентированную на достижение этого результата, его получение и оценку.

Элементы этого алгоритма в образовательном процессе имеют следующую функцию: формируют понимание научного творчества, определяют относительно конкретные рамки для внутри- и междисциплинарного диалога, обеспечивают целеполагание деятельности, создают условия для получения конечного продукта и его совершенствования.

Этот алгоритм позволяет аспирантам овладеть следующими компетенциями: понимать, что мир состоит из множества общих, состоящих из частных, и множества частных, имеющих общее; смотреть поверх дисциплинарных границ; относиться к цели исследования как к условию продуктивного творчества; постоянно самосовершенствоваться и развивать навыки критической оценки своих результатов.

Теперь, обратимся к тому, как проблему развития дисциплин за счёт разработки новой методологии понимают представители других наук, как они соотносятся с алгоритмом А. Хуторского.

В наиболее полном виде алгоритм развития исторической методологии был изложен Л. П. Репиной. В качестве фундаментальной основы развития дисциплины она предлагает формирование нового исторического сознания в соответствии с положениями постнеклассической философии, а в качестве фундаментальной проблемы – развитие методологии за счёт внутридисциплинарного диалога. В качестве ожидаемого результата Л. Репина определяет решение, которое устанавливало бы баланс между общим и частным. В качестве деятельности она предлагает создание множества концепций, как движение к результатам, учитывающим динамику времени от прошлого через настоящее к будущему [7].

Применение этого алгоритма способствует овладению навыками поиска фундаментальных основ исследования, умению определять операционные рамки поиска, пониманию, что совокупность изучаемых феноменов является дихотомией общих и частных, критическому отношению к своей работе, стремлению находить нетрадиционные решения проблем, способности реконструировать максимально целостную картину исследуемого явления.

Философия науки указывает на существование взаимосвязанных фундаментальных проблем развития: избежать собственного застоя и добиться практически значимого результата. Их решение предполагает поиск исследовательского баланса между общим и частным, концептуальным и ситуационным, для чего в процессе анализа необходимо смотреть поверх дисциплинарных границ. Результатом этой деятельности должен стать циклический переток разработок между дисциплинами [4, с. 56–66]. Это ведёт к овладению способностями смотреть поверх дисциплинарных границ, видеть в любой разработке прикладной смысл, определять фундаментальные и практические цели исследования как взаимосвязанные, комплексно анализировать исследовательскую проблему, находить инновационные способы её решения.

Политологии во взаимодействии с педагогикой удалось предложить следующий алгоритм. Фундаментальной основой выступает практика и эксперимент в пределах дисциплинарного поля политологии. Фундаментальной проблемой – овладение методологией и разработка аналитических ноу-хау. Ожидаемым результатом – междисциплинарное решение. Деятельность здесь заключается в использовании разных методов на практике, по результатам которой готовится материал с использованием ноу-хау [15]. Использование этого алгоритма позволяет аспирантам овладеть навыками практической работы, умением определять цель и общий путь её достижения, способностью смотреть поверх дисциплинарных границ, отбирать полезные для исследования методы и устанавливать каналы взаимодействия между ними, осуществлять собственные инновационные методологические разработки.

Проанализированные выше четыре подхода объединяют следующие черты: они поощряют самостоятельное нахождение фундаментальных основ и принципов исследования, определение его фундаментальной проблемы, учат критически воспринимать достижения предшественников, развивают способность смотреть поверх дисциплинарных границ, воспитывают критическое отношение к собственной деятельности и прививают навыки исследовательского контроля, ориентируют аспирантов не только на овладение знаниями, но и навыками, которые позволяют достичь практического результата. Соответственно все они способны служить основой для разработки метадисциплинарного образовательного курса.

Для этого была выбрана историография, которая в соответствии с подходом А.В. Хуторского определяется как метадисциплина. Согласно ему, метадисциплина

формируется в рамках какой-либо дисциплины, акцентирует внимание на чем-либо главном и выводит за рамки дисциплины к первоосновам [8]. Таковую характеристику историографии позволяет дать рефлексивная карта В. Вжосека. [2, с. 111–115]. Её смысл определяется взаимодействием историографии и методологии истории. Если методологию подчинить историографии, то в центре внимания окажется история исторического мышления. Если же историографию подчинить методологии, то в центре внимания будет историография историографии, где ключевой акцент будет делаться на использованных методах, их влиянии на ход и результат исследования. В последнем случае методология позволяет наладить каналы взаимодействия историографии с другими дисциплинами, что в образовательном процессе превращает её в ФОО.

Для достижения образовательных результатов, перечисленных во введении, курс историографии был разделён на три основных блока: теоретический, практический и лабораторный, которые были дополнены двумя вспомогательными занятиями в форме беседы. Теоретический раздел состоит из пяти тем. На первой и второй лекциях аспирантам объясняют место и роль историографии, источниковедения и методологии в системе исторических дисциплин, их взаимные связи и прикладное значение. Третья лекция посвящена проблеме междисицплинарности, связанным с ней вызовам и принципам их преодоления. Четвёртая лекция посвящена проблемам структурного метода в исторической науке, её потенциальным связям с политической наукой. Пятая лекция посвящена новой истории холодной войны как опыту междисциплинарного синтеза на базе истории с целью детального воссоздания многогранных процессов внутренней и внешней политики.

Второму блоку занятий, представленных семинарами, предшествует беседа-знакомство. Темы всех семинаров соответствуют темам лекций и подчинены закреплению материала, развитию способности использовать полученные знания для выполнения диссертационного исследования.

Третьему, лабораторному, блоку занятий предшествуют установочная лекция и ещё одна беседа. Установочная лекция посвящена глубинным методологическим проблемам взаимодействия исторической и политической науки, объясняется понимание дисциплины как метадисциплины, сравниваются основы научного творчества, как их понимают в истории, политологии и философии, объясняется ход лабораторных работ.

Вторая беседа нацелена на анализ персонального исследовательского опыта и оценки его перспектив, отношения аспирантов к исследованию, их навыков и ценностных установок, готовность мыслить нестандартно.

Все лабораторные работы непосредственно связаны с исследовательскими темами аспирантов, и их задания носят индивидуальный характер. Каждая из них предполагает следующий алгоритм: домашняя проработка вопросов, подготовка выступления в соответствии с полученным заданием, его можно дополнить презентацией. В аудитории работа каждого аспиранта состоит из трёх фаз: выступление, сопровождаемое презентацией, уточняющие вопросы преподавателя и ответы выступающего на них, короткая дискуссия, которой управляет преподаватель, а аспиранты задают выступающему вопросы. По итогам дискуссии преподаватель делает краткое резюме, даёт рекомендации.

Первая лабораторная работа посвящена внутри- и междисциплинарному диалогу. На ней сравниваются опыт исторических и неисторических исследований по конкретным проблемам.

В ходе второй лабораторной работы аспирантам предстоит проанализировать какие одни и те же аспекты их исследовательской проблемы, с помощью каких методов и подходов изучали представители разных дисциплин.

Третья лабораторная работа связана с поиском общего и частного. Кроме указания объекта и предмета, в целом, необходимо выявить феноменальный, временной и территориальный контексты предмета, иными словами, ответить на вопросы: как соотносится данный предмет с другими себе подобными, в каких условиях исторического времени он существовал, на какую территорию распространялся? Далее предстоит выявить общие характеристики предмета, какие его особенности не вписываются в общий ряд? После этого анализируются частные характеристики, связанные со временем и пространством, идентифицируются связи между общим и частным.

Четвёртая лабораторная работа посвящена диагностике исследования. Этот термин был введён исследовательской группой Г. Блэр для проверки правильности используемых концепций и методов [9, p. 838–840]. Всего предлагается использовать три вида диагностики: исследовательской стратегии, исследовательской концепции и диагностика реальностью на основе принципа максимального накопления фактов.

Пятая лабораторная работа по сути является итоговой проверочной работой за весь курс. В ходе неё аспирантам предстоит ответить на вопросы, какие положения других исследований были заимствованы для своего, что и в каком ключе они позволили проанализировать, к каким первичным источникам вынуждали обращаться, и как они использовались, удалось ли реконструировать динамику изучаемого исследования, какие связи между дисциплинами удалось выявить?

С учётом персонально ориентированных заданий и хода лабораторных работ предпочтительно, чтобы группа на этих видах занятий составляла 4–6 человек, на беседах и лекциях может присутствовать до 12 человек.

Заключение

В данной статье проанализирован российский и зарубежный опыт интеграции мышления, присущего разным дисциплинами, как в образовательном процессе, так и в рамках исследований. На его основе предложен новый подход к подготовке аспирантов. Особенность преподавания метадисциплины заключается в пересмотре и смещении акцентов классических дисциплин, поиска основы и осуществления интеграции мышлений разных наук. Эта основа может способствовать профессиональной подготовке аспирантов к выполнению широкого спектра практических задач, ориентированных на более интенсивное технологическое развитие соответствующих отраслей знания. Представляется, что такой подход позволит подготовить кадры, адаптированные к современным тенденциям развития мировой науки, которые характеризуются ростом прозрачности дисциплинарных границ.

Список литературы

1. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как полиитческая философия и наука. М.: Аспект-Пресс, 2019. 608 с.
2. Вжосек В. Методология истории как теория и история исторического мышления // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Издательство ЛКИ, 2011. 608 с. С. 102–115.
3. Гэддис Дж. Предварительные оценки послевоенного противостояния // Новая и новейшая история. 1991. №3. С. 56–62.
4. Касавин И. Т. Социальная философия науки и коллективная эпистемология. М.: Весь Мир,

2016. 264 с.
5. Мышление учёного вчера и сегодня / Под ред. Л.А. Марковой. М.: Альфа-М, 2012. 358 с.
6. Официальный сайт Московского физико-технического института. Лаборатория компьютерного дизайна материалов. URL: https://www.mipt.ru/science/labs/computer_design_lab/ (дата обращения: 30.09.2020).
7. Репина Л.П. Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. Препринт WP6/2008/06/ Гуманитарные исследования. М.: ГУ ВШЭ, 2008. 32 с. URL: https://www.hse.ru/data/2013/03/24/1295015160/WP6_2008_06.pdf (дата обращения: 16.09.2020).
8. Хуторской А.В. Пять уровней метапредметности // Народное образование. 2017. №8. С. 69–80.
9. Blair G., Cooper J., Coppok A., Humphreys M. Declaring and Diagnosing Research Designs // American Political Science Review. 2019. Vol. 113. №3. P. 838–859.
10. Elman C., Elman M.F. The Role of History in International Relations // Millennium. Journal of International Studies. 2008. Vol. 37. №2. P. 357–364.
11. Gaddis J. Toward the Post-Cold War World // Foreign Affairs. 1991. Vol. 70. № 2. P. 102–122.
12. Glenkross A. From 'doing history' to thinking historically: Historical consciousness across History and International Relations // International Relations. 2015. Vol. 29. №4. P. 413–433.
13. Gobson J., Lawson G. What is History in International Relations? // Millennium. Journal of International Studies. 2008. Vol. 37. №2. P. 415–435.
14. Lawson G. The Eternal Divide? History and International Relations // E-International Relations. May 19, 2013.URL: https://www.e-ir.info/pdf/38082 (дата обращения: 15.09.2020).
15. Leigh D., Freeman R. Teaching Politics after the Practice Turn // Politics. 2019. Vol. 39. №3. P. 379–392. DOI: 10.1177/0263395717693027.
16. Leston-Bandeira C. Methods Teaching trough a Discipline Research-Oriented Approach // Politics. 2013. Vol. 33. №3. P. 207–219.
17. Nicholls C. Innovating the Craft of Phenomenological Research Methods through Mindfulness // Methodological Innovations. 2019. Vol. 12. №3. P. 1–13. DOI: 10.1177/2059799119840977. URL: https://journals.sagepub.com/home/mio (дата обращения: 17.10.2020).

УДК

Понятие «критическое мышление» и его сущность в системе образования

Данилин Андрей Анатольевич
аспирант кафедры педагогики и психологии
ИСИ Сибирского государственного университета
науки и технологий им. М.Ф.Решетнева,
Россия, Красноярск
forvard.danilin@yandex.ru

Ищенко Татьяна Николаевна,
кандидат педагогических наук,
доцент Сибирского государственного университета
науки и технологий им. М.Ф.Решетнева,
Россия, Красноярск
tatiana-dial@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена рассмотрению понятия "критическое мышление" и его сущности в системе образования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Критическое мышление, образование, soft skills, гибкие навыки.

Критическое мышление — одна из самых популярных тем в современной философии образования и практической педагогике. В России, как известно, метапредметные компетенции и умения, связанные с навыками рефлексии, самоанализа и рационального мышления включены в федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (ФГОС СОО) [10; 18]. Прямое упоминание «критического мышления» присутствует в Историко-культурном стандарте (ИКС) [10; 11][70]

Сегодня эта тенденция добралась и до России. Вместе с т ем стоит признать, что мы до сих пор не можем с уверенностью сказать, что скрывается за этим словосочетанием, что означает «мыслить критически» и можно ли этому в принципе научить.

В массовом российском сознании широко распространено бытовое понимание критического стиля мышления, которое ассоциируется с пессимистическим взглядом на жизнь, отсутствием конструктивизма в делах и мыслях. Это связано в первую очередь с бытовым пониманием термина и традициями его употребления в жизни, а также слабой разработанностью данной научной категории педагогической наукой, отсутствием положительной практики формирования критического мышления в советской и российской системе образования

Почему именно сейчас, в начале XXI века, эта проблема столь актуализировалась в российском обществе? Молодому поколению надо получить такие знания, умения, навыки, которые помогут сформировать и применять в жизни и профессии обобщенные, перспективные, мыслительные компетенции, называемые сейчас soft skills («мягкие» навыки). К ним относится и критическое мышление.

Гиринский, А. А. Критическое мышление как навык ориентации человека в обществе модерна / А. А. Гиринский, А. О. Лепетюхина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – Т. 1, № 6(88). – С. 43-57. – DOI 10.24412/2224-0772-2022-88-43-57. – EDN UCENVG.

В настоящее время на первый план выходит концепция «скилс», что если и переводится на русский язык как «навыки», то уже в обновленном значении – это не автоматизированное действие, а способность и мастерство. Согласно этой концепции, успешность профессиональной деятельности и самореализации человека определяется степенью сформированности «hard skills» (профессиональные умения, собственно навыки выполнения определенных действий) и «soft skills» (комплекс социально-психологических качеств, не соотносимых с конкретной сферой деятельности).[71]

Сегодня определений критического мышления существует довольно большое количество. Определений много, они разные, так как несмотря на явный интерес к проблеме, единого взгляда на нее еще не сложилось. Наверное, такая неопределенность и является причиной имеющегося многообразия. Не претендуя на полноту и всеохватность, приведу относительно короткий список определений, которого, полагаю, будет достаточно, чтобы получить представление о проблеме в целом.[72]

Считается, что современные представления о критическом мышлении как самостоятельной концепции и технологии прошли три этапа развития, как в западной психологии и педагогике, так и с работами советских педагогов.[73]

Первая волна изучения проблемы — 1960–70-е годы. Термин «критическое мышление» в явном виде в отечественной литературе упоминается в работе П. П. Блонского[74]. Особенностью первой волны является введение в педагогику такого понятия, как «критичность мышления у детей», разработка психологических и методических приемов развития критичности ума, мышления у дошкольников и младших школьников, организация научно-педагогических исследований по проблеме (А.С. Байрамов, У.М. Мунчаева, А.И. Липкина, Л.А. Рыбак, Синельников)

Вторая волна изучения проблемы — 1970–1980-е годы. Особенностью работ в этот период является акцентирование внимания на законах и правилах практической логики, выработка формализованных приемов мыслительной деятельности без опоры на мотивы, связанные с интуицией и эмоциями человека. Наиболее четко это направление описано в работах С.И. Векслера.[75] В 1970 году профессором М. Липманом в США был создан «Институт критического мышления», в котором шли разработки методологии и практики критического мышления.

Третья волна внедрения критического мышления в практику — 1980–1990-е годы. Ученые и практики накопили огромный экспериментальный материал по выявлению трудностей учения. Спасение в их преодолении педагоги увидели в формировании у всех навыков критического мышления. Однако под этим понятием объединили самые разные типы мышления и, в первую очередь, творческое.

М. Липман критическое мышление—продвинутое, ответственное мышление, которое содействует хорошему суждению, так как оно является чувствительным к контексту, опирается на определенные критерии и самокорректируется.[76]

---

[71] Ключевые аспекты формирования "мягких навыков" у будущих педагогов / А. А. Алмазова, Е. Л. Ерохина, В. Ф. Чертов, О. В. Шаронова // Наука и школа. – 2022. – № 6. – С. 259-268. – DOI 10.31862/1819-463X-2022-6-259-268. – EDN HJEYLB.

[72] Боброва, А. С. Критическое мышление. Проблема определения / А. С. Боброва // Рацио.ru. – 2017. – № 1(18). – С. 26-36. – EDN YZPBZB.

[73] Критическое мышление / Д. М. Шакирова. — Казань: ГАОУ ДПО ИРО РТ, 2019. — Вып. 3. — 146 с.

[74] Блонский П. П. Избранные педагогические произведения. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 695 с.

[75] Векслер С. И. Развитие критического мышления старшеклассников в процессе обучения: автореф. дис. … канд. пед. наук. Киев, 1974. 24 с.

[76] Lipman M. Critical thinking: What can it be? Institute of Critical Thinking. Resource Publication, 1988. Series 1. № 1. 12 p.

Мысли М. Липмана являются американским аналогом идей отечественного проблемного обучения и, в частности, философии образования Э. Ильенкова, деятельностного подхода В. В. Давыдова, проблемного обучения И. Я. Лернера, М. И. Махмутова [13–18] и других ученых. В эти годы отмечается уточнение термина с акцентом на практическое мышление и применение научного подхода к решению профессиональных и жизненных проблем. Это мышление интегрированное, которое использует приемы синтетического и аналитического, теоретического и практического, репродуктивного и продуктивного типов мышления.

Четвертая волна развития идей и технологий — после 1994 года по настоящее время — предполагает усиление глубины и междисциплинарность, расширение понятия критического мышления (КМ) и создание интегративной технологии формирования. История развития понятия и характеристик с множеством уточнений и углублений смыслов КМ дана в книге Д. М. Шакировой и соавторов [19], в статье С. А. Терно [1] и А. В. Тягло [20]. Среди наиболее оригинальных в плане проведения самостоятельных исследований за последние 25 лет следует назвать работы Д. Клустера [21], Р. Пауля [22], Дайаны Халперн [4]. Популизаторами КМ в России стали Дж. Стил, К. Мередит, Ч. Темпл и С. Уолтер [23, 24], в России интересны исследования В. А. Попкова, А. В. Коржуева, Ф. Ф. Минкиной [25, 26].

Какова ситуация с применением научных достижений в развитии понятия критического мышления в реальном учебном процессе?

В многочисленных работах по применению КМ в школе и вузе наблюдаются следующие тенденции в сужение и вольная интерпретация понятия (как в первой волне), что мешает строить целостную технологию и методику формирования КМ в учебном процессе.

В данном работе мы представили определения и выделили этапы изучения развития проблемы формирования критического мышления.

Список литературы

1. Ключевые аспекты формирования "мягких навыков" у будущих педагогов / А. А. Алмазова, Е. Л. Ерохина, В. Ф. Чертов, О. В. Шаронова // Наука и школа. – 2022. – № 6. – С. 259-268. – DOI 10.31862/1819-463X-2022-6-259-268. – EDN HJEYLB.
2. Гиринский, А. А. Критическое мышление как навык ориентации человека в обществе модерна / А. А. Гиринский, А. О. Лепетюхина // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. – Т. 1, № 6(88). – С. 43-57. – DOI 10.24412/2224-0772-2022-88-43-57. – EDN UCENVG.
3. Боброва, А. С. Критическое мышление. Проблема определения / А. С. Боброва // Рацио.ru. – 2017. – № 1(18). – С. 26-36. – EDN YZPBZB.

УДК 93

Обновление содержательного компонента понятийного аппарата в современном историческом образовании

Кириллов Виктор Васильевич
кандидат исторических наук, профессор.
Московский городской педагогический университет.
Москва, Россия.
e-mail: kirillov.vv@inbox.ru
ORCID: 0000 – 0002 – 8883 – 7555

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются этапы изменения содержательного компонента понятия «контрреформы» в оценке правительственной политике Александра III.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Консерватизм, правительственная политика, реформы, контрреформы, коррекция реформ, консервативная стабилизация.

Долгое время в отечественной исторической науке и исторической публицистике в оценке правительственной политики императора Александра III в 80-90-е гг. XIX века доминировало понятие «контрреформы». Однако в современных исторических исследованиях стали появляться новые оценочные суждения политических процессов и явлений, происходящих в данный период, а понятие «контрреформы» при рассмотрении мероприятий правительства Александра III стало вызывать сомнение. Сопоставляя различные подходы и точки зрения, автор настоящей статьи проводит терминологический и историографический анализ интерпретации понятия «контрреформы» в научной среде и его трактовке при изучении истории России конца XIX века в средней и высшей школы.

Соглашаясь с позицией исследователей, характеризующих мероприятия российского правительства по нейтрализации социально-политических противоречий в 80-90-е гг. XIX века как контрреформаторские, или опровергая их взгляды, изначально следует разобраться в этимологическом и содержательном наполнении понятия «контрреформы». В отечественных словарях «контрреформа» рассматривается как сложное по содержанию слово, первая часть которого «контр» (от латинского – «contra», что означает «против») классифицируется как процесс, противоположный тому, что обозначен во второй части слова – «реформа» (от латинского – «reform», что означает - изменение, преобразование, переустройство). В этом же смысловом значении присутствуют и другие похожие термины: «контрудар», «контрреволюция» и др. Поэтому понятие «контрреформы» можно рассматривать как совокупность мер, предпринимаемых государством в различных сферах жизнедеятельности общества, и направленных на нивелирование результатов реформ с целью возврата к дореформенным порядкам России.

Применительно к эпохе Александра III и его политике термин «контрреформы» давно уже стал сущностной квинтэссенцией в историографии и историко-политической публицистике. В связи с этим возникает вопрос, насколько это восприятие соответствует реальной исторической действительности того времени. Считается, что разработчиками курса «контрреформ» были близкие к императору Александру III консервативные мыслители и чиновники К. П. Победоносцев, П. А Толстой, М. Н. Катков, В. П. Мещерский и др. И это несмотря на то, что непосредственно ими термин «контрреформы» применительно к выбранной идеологической политике не использовался и в целом курс на «контрреформы» действующее тогда правительство официально не провозглашало.

Впервые в историко-публичном пространстве это понятие стало использоваться в начале XX века в среде либеральных российских историков для оценки политики Александра III. В качестве примера можно привести высказывание известного историка А. А. Кизеветтера, который в своей книге «История России XIX века», изданной в 1909 г., отмечал, что «был внесен в Судебные уставы Александра III дух противоположных начал, что в совокупности эти новеллы представляли собой контрреформу» [15. С. 181]. Другой либеральный историк, член кадетской партии А. А. Корнилов в своем исследовании «Курс истории России XIX века» не употреблял понятие «контрреформы», но, в то же время весьма критично относился к политике Александра III, обращая внимание на ее оторванность от либеральной общественности и акцентирование усилий на защите «материальных интересов дворянства» [20. С. 13]. Примечательно, что один из разделов лекции, включенной в это издание, и посвященный данному периоду недвусмысленно называется «Решительный поворот к реакции» [20. С. 404].

Именно эти оценки российских либералов-историков в советское время стали доминантой историографии при характеристике исследуемого этапа романовского правления. Как пример можно привести позицию по данному вопросу советского историка Ю. Б. Соловьева. «Контрреформы» рассматриваются им как совокупность экономических и политических преобразований, осуществляемых Александром III и его окружением в 80-90-х гг. XIX века. По его мнению, данный тип изменений способствовал снижению темпов развития капиталистических отношений в России [31. С. 171]. П. А. Зайончковский, внесший значительный вклад в исследование истории России X1X века, анализируя правовой аспект внедрения контрреформаторских процессов, выделял три основных правительственных правовых акта, на которых базируются контрреформы, а именно: Положение о земских участковых начальниках 1889 г.; Земское положение 1890 г.; Городовое положение 1892 г [10. С. 322-323].

Следует заметить, что в настоящее время указанные выше подходы выглядят несколько упрощенно, но тем не менее, они имеют своих последователей, одним из которых можно считать Л. Г. Захарову. Как признанный в отечественном историческом сообществе специалист по реформам 60-70-х гг. XIX века, она тоже отдала дань этой советской традиции, защитив в 1962 году диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Земская контрреформа 1890 года» [11. С. 353-542]. Представитель исторической научной школы Санкт-Петербурга В. Г. Чернуха, глубоко исследовав внутреннюю политику России конца XIX века, считала, что при Александре III «Россия сошла с пути, намеченного великими реформами…» [2. С. 30].

Понятие «контрреформы» продолжает использоваться и в постсоветское время. Актуальность проведения исследований по данной проблематике с течением времени не уменьшается, появляются новые гипотезы, делаются научно обоснованные выводы. Среди многочисленных исследований можно выделить коллективную монографию «Власть и реформы», изданную в 1996 году, авторы которой считают правомерным говорить о «контрреформах» и анализировать эффективность данного типа управленческих и политических решений [8. С. 393].

Такие же трактовки находим мы и в относительно новом издании Российской исторической энциклопедии в статье об императоре Александре III (автор И. Е. Дронов) где отмечается, что «при полной поддержке императора проводилась политика контрреформ» [29. С. 237].

Эту же терминологию мы встречаем у С. В. Мироненко в его исследовании «Сто событий, которые изменили Россию». Анализируя правительственную политику под руководством Александре III, проводимую в России в конце XIX века он прямо пишет, что «…началась эпоха контрреформ… и многое подморозил…» [22. С. 159].

Оценочные трактовки в исследуемую проблему вносят не только историки, но и правоведы, и в этом смысле, следует отметить наличие различий в формулировках и выводах, встречающихся у них по некоторым вопросам. Наглядным примером может послужить позиция доктора юридических наук А. В. Кирина, представленная им в новейшей монографии, посвященной государственным реформам в России. В рамках даже одного раздела книги встречается значительное количество терминологических нестыковок, очевидно по причине недостаточной изученности содержания дискуссий по этой теме в среде историков. Автором монографии рассматриваются «реакционные контрреформы», «контрреформы государственного управления», «земская и городская контрреформы» [18. С. 114–117]. В итоге у читателя не складывается единого впечатления о позиции исследователя, совершенно не понятно, что он имеет в виду - реформы или контрреформы.

В современном историографическом пространстве распространены несколько точек зрения в понимании сущностного значения термина «контрреформы». Первое направление можно обозначить, как бескомпромиссных противников термина «контрреформы». Наиболее непримиримым в этом вопросе всегда считался А. Н. Боханов, апологет российского самодержавия. Он утверждал, что «оно (понятие «контрреформы» - В.К.) просто лишено исторического смысла и является политизированным ярлыком» [5. С. 10]. Похожую позицию занимает Т. А. Филиппова, которая старается заменить термин «контрреформы» не очень ясным другим понятием – «консервативные реформы» [32. С. 56 - 60].

Представителем другого направления можно считать исследователя Л. Н. Панову, пытающуюся отстоять особую историографическую позицию. Основу ее убеждений составляет мнение, согласно которому «особенность правления Александра III заключалась в одновременном сочетании реформ и контрреформ: в сфере экономики и финансов были проведены глубокие прогрессивные реформы, положено начало рабочему законодательству, а в сфере политико-идеологической – контрреформы» [26]. Также интересна точка зрения современного ученого И. Е. Барыкиной, по смыслу совпадающая с высказыванием близкого к придворным кругам второй половины XIX века князя В. П. Мещерского. В свое время он отмечал, что «либерализм должен иметь свое место в нашей жизни, и большое место, но не менее большое место должен иметь и консерватизм» [21. С. 98]. По ее мнению, Александр III являлся либералом-консерватором и оценивать его политику «намного сложнее, чем только консервативную или либеральную» [3. С. 234.].

Еще в конце 1990-х годов московский историк Л. Ф. Писарькова в своей монографии, посвященной дореволюционной деятельности Московской городской думы весьма смело внесла коррективы в оценку Городового положения 1892 года, которое считалось одним из столпов политики контрреформ. Она отмечает, что изменения, предусмотренные этим законом, были вызваны самой жизнью и что их введение внесло позитивные изменения в состав Думы и в немалой степени способствовало развитию городского хозяйства. Поэтому историком делается вывод о том, что рассматриваемый правовой акт не является контрреформой [27]. Можно с уверенностью утверждать, что импульс к переоценке понятия «контрреформы» был дан.

Особого внимания заслуживает рассмотрение концепций, сложившихся в середине 2000 гг. В характеристике российской государственной политики конца XIX века появляется понятие «коррекция реформ». Впервые оно было сформулировано и опубликовано в 2006 году историком И. А. Христофоровым [1. С. 237.]. К сторонникам понятия «коррекция реформ» следует отнести и одного из крупнейших отечественных специалистов по проблемам модернизации России Б. Н. Миронова, который отмечал, – «Каждая реформа тщательно готовилась. После ее проведения следовала ее

корректировка, требовавшая длительного времени, что ошибочно воспринималось некоторыми современниками и исследователями, как контрреформы» [23. С. 659.].

Впоследствии оно получает поддержку у ряда историков. Так, выступая за пересмотр содержания понятия «контрреформы», современный нижегородский исследователь истории России Н. И. Биюшкина указывает на то, что «мероприятия, проводившиеся правительством Александра III и взгляды идеологов российского консерватизма того времени убедительно иллюстрируют объективное несоответствие термина «контрреформы» в части приставки «контр» фактически сложившейся доктрине и политическому курсу Александра III» [4. С. 212.] Таким образом, политику контрреформ она видит, как курс коррекции сложного и противоречивого процесса преобразований Александра II, что отнюдь не означает их ликвидацию (что соответствовало бы смыслу приставки «контр»).

Отчасти выводы Н. И. Биюшкиной поддержал историк из Подмосковья П. В. Галкин, который исследуя проведение земских избирательных кампаний, проходивших в Московской губернии в 80-90-е гг. XIX века и проблемы взаимоотношений земств и административных властей, акцентирует внимание на том, что изменения, связанные с реформой 1890 года сочетали в себе элементы как «контрреформ», так и «коррекции реформ» [9. С. 152-166.]. Продолжая эту исследовательскую линию, авторы новейшего фундаментального издание в 4 томах «Реформы в России с древнейших времен до конца XX века» делают однозначный вывод о целесообразности применения понятия «коррекция реформ». В исследовании отмечается следующее: «Анализ правительственных реформаторских мероприятий в 1880-1890-е гг. позволяет «снять» до сих пор бытующую в историографии дихотомию: реформы и контрреформы» [28. С. 10, 184]. В то же время не обошлось и без прошлых традиционных формулировок. Одна из глав монографии все же получила название «Программа контрреформ и ее реализация: между идеологией и реальностью», хотя ее содержание изложено в русле понятия «коррекция реформ» [28. С. 10, 184].

Как дань сложившийся историографической традиции предлагает использовать термин «контрреформы» Д. И. Олейников. В своей острополемической статье «А были ли контрреформы?», опубликованной недавно в журнале «Историк» он высказывает предположение о возможности применения данного понятия только в кавычках, подчеркивая тем самым неоднозначность его содержания [25. С. 21.].

В последнее время в историческом пространстве наряду с понятием «коррекция реформ» используется понятие «консервативная стабилизация». Подробно его содержание рассматривает в своей статье А. А. Васильев, который констатирует, что начиная с эпохи Александра I (усилиями А. С. Шишкова, Н. М. Карамзина, Ф. В. Ростопчина и др.) в России в XIX веке сформировалась консервативная государственно-правовая идеология, которая позволила блокировать попытки коренных преобразований верховной власти – введение конституции и освобождение крестьян. При Николае 1 консервативная стабилизация стала частью государственной политики и идеологии. Окончательно эта теория оформилась в эпоху Александра III под влиянием К. П. Победоносцева, М. Н. Каткова, В. П. Мещерского и других представителей национально-патриотической и консервативной части бюрократии государственного аппарата. Основные положения концепции «консервативной стабилизации» А. А. Васильев представил следующим образом:

– необходимость «консервативной стабилизации» возникла в условиях дезорганизации управления и общественной жизни;

– идея «консервативной стабилизации» направлена не на возврат к прошлым политико-правовым формам и институтам, а на нейтрализацию факторов непорядка для российского общества;

– концепция «консервативной стабилизации» основывается на идее постепенного, а не скачкообразного и революционного развития, и при этом не отвергает реформы;

– «консервативная стабилизация» выстраивается на непреложном постулате за счет собственных национально-государственных, правовых и культурных традиций без оглядки на европейский политико-правовой опыт [6. С. 151–154].

Определенной оценочно-терминологической эволюции подвергается исследуемая проблема в современной учебной литературе. В нормативных документах, регламентирующих содержательный компонент отечественной истории (Историко-культурный стандарт, разработанный Российским историческим обществом в редакции 2020 г.; Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные образовательные программы) сохраняются термины «реформы» и «контрреформы». Но термин «контрреформы» берется в кавычки и это дает возможность историкам и преподавателям трактовать их по-разному. Одновременно дается здесь же концепт «политика консервативной стабилизации», что практически указывает на сущностный аспект «контрреформ» [19].

Анализ трактовок и оценок эпохи Александра III, данных в школьных учебниках по истории России, позволяет выявить следующее. В учебнике по истории России для 9 класса под редакцией академика А. В. Торкунова сохраняется термин «контрреформы», а именно: «В 1880-1890-е гг. император проводит ряд консервативных мер: издаются законы, которые постепенно «забирают» широкие возможности, данные ранее, как бы перечеркивая либеральные реформы 1860-1870-х гг. Поэтому такую политику многие историки называют “контрреформами”» [13. С.5].

В учебнике, подготовленном авторским коллективом в составе Л. М. Ляшенко, О. В. Волобуева, Е. В. Симоновой, В. А. Клокова «контрреформы» трактуются как «консервативная стабилизация» [14. С. 178.].

В учебно-методическом комплексе (УМК) под редакцией В. Р. Мединского в параграфе, посвященном периоду Александра III, один из разделов назван «Внутренняя политика. Контрреформы» [7. С.217-218], однако в тексте интересующий нас термин никак не раскрывается и не комментируется. По всей видимости подразумевается, что все перечисленные в данном параграфе меры правительства и есть «контрреформы».

К. А. Соловьев и А. П. Шевырев как авторы еще одного школьного учебника «История России 1801–1914: Учебник для 9 класса» в разделе «Суждения, оценки» выделяют проблему «контрреформ». Они делают вывод: «Правительственные меры этого периода задумывались как контрреформы … на практике они способствовали корректировке, сделанного в царствование Александра II» [30. С. 149].

Автор настоящей статьи, являясь автором ряда школьных и вузовских учебников, также высказывал свою позицию по проблеме «контрреформ». В учебнике для старшей школы (параграф «Народное самодержавие Александра III») это представлено традиционно: «В исторической науке политику Александра III по ограничению и пересмотру реформ 1860-1870-х гг. называют контрреформами» [17. С. 275], а в учебном пособии для высшей школы уже вводится понятие «коррекция реформ» [16. С. 327] для характеристики этого периода.

В контексте рассматриваемой темы особый интерес представляет сопоставление существующих в современном историко-политическом дискурсе аналогий в политике императора Александра III и президента Российской Федерации В. В. Путина. Предположительно об этом свидетельствуют два ритуально-церемониальных выступления президента России на открытии памятников Александру III в парке Ливадийского дворца в Крыму (2017 г.) и на территории

Арсенального каре Большого Гатчинского дворца под Санкт - Петербургом (2021 г.), где он прямо говорил : «…сегодня мы точно можем сказать, что эпоха Александра III дает нам пример естественного, гармонического сочетания масштабных технологических, промышленных, государственных преобразований и верности национальным традициям и культуре, своим самобытным истокам…», а также «…о преемственности времен и поколений.» [33]. Неслучайно на первых порах деятельности В. В. Путина как президента Российской Федерации стали появляться материалы, в которых сопоставлялась проводимая им политика и правительственные меры Александра III. Так, в 2001 г. в газете «Московские новости» была опубликована статья «Владимир Владимирович как Александр Александрович», в которой делался вывод о политических аналогиях в проводимой политике и где президент однозначно назывался контрреформатором [24].

Примечательно, но эти исторические параллели, которые однозначно можно рассматривать и оценивать весьма условно, получили свое подтверждение в выступлении В. В. Путина в октябре 2021 г. на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». Формулируя идеологическую концепцию современного российского государства, президент указывает на необходимость руководствоваться идеологией здравого консерватизма. Поясняя свою идею, он опирается на формулу выдающегося русского философа Николая Бердяева и отмечает, что «…смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотичной тьме возврату к состоянию, предшествующему образованию государств и культур…». По мнению В. В. Путина, «на предстоящий период мирного переустройства, которое может продолжаться довольно долго и окончательный дизайн которого неизвестен, умеренный консерватизм – самая разумная линия поведения» [12].

Анализ рассматриваемых в данной статье материалов о характере правительственной политики Александра III, дискуссионных взглядов на понятия, применяемые для ее обозначения, существующих в научной среде, позволяет сделать ряд выводов:

В настоящее время в историческом, политическом и образовательном пространстве продолжает использоваться устоявшаяся терминологическая конструкция оценки правительственной политики Александра III как «контрреформы».

Не вызывает сомнений, что при рассмотрении правительственных мер, осуществляемых в 80-90-х гг. XIX века, в историческом и терминологическом поле начинают утверждаться такие новые понятия, как «коррекция реформ» и «консервативная стабилизация» и очевидно, что данный процесс будет продолжаться.

При рассмотрении понятий «консервативная стабилизация» и «коррекция реформ» определено, что они являются весьма близкими по сущностному значению. «Консервативная стабилизация» представляет собой идеолого-государственнический базис и теоретическую концепцию, основанную на консервативных постулатах, а «коррекция реформ» — это действие по практической реализации концепции «консервативной стабилизации».

В целом, основываясь на перечисленных выводах, можно предложить следующее:

- Внести изменения в сложившуюся трактовку понятия «контрреформы» и наполнить ее новым историко-содержательным нарративом.

- Более активно внедрять и использовать в исследовательской и образовательной практике для характеристики и оценки периода отечественной истории (1880-1890-х гг.) логически взаимосвязанные понятия «консервативная стабилизация» и «коррекция реформ».

Список литературы

1. Административные реформы в России: история и современность / Под общей редакцией Р. Н. Байгузина. М.: РОССПЭН, 2006. 644 с.
2. Александр III / Сост. вступит. ст., примеч.: Барыкина И. Е., Чернуха В. Г. Серия Государственные деятели России глазами современников. СПб., 2021.
3. Барыкина И. Е. Внутренняя политика и личность Александр III: источники и историография // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14, № 4, С. 226-236.
4. Биюшкина Н. И. К вопросу о понятии контрреформ в 80-90-е гг. XIX в. в России // Российский юридический журнал. 2011. № 5 (80). 209-216.
5. Боханов А. Н. Император Александр III. М.: Русское слово, 1998. 509 с.
6. Васильев А. А. Концепция консервативной стабилизации в российском обществе // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 151-159
7. Вишняков Я.Д., Могилевский Н.А., Агафонов С.В. История России XIX – начало XX в. под ред. Медынского В.Р. Учебник для 9 классов. М.: ООО «Дрофа». 2020. С.217-218.
8. Власть и реформы: от самодержавной к советской России. СПБ.: Дмитрий Буланин, 1996. 800 с.
9. Галкин П. В. Земская «контрреформа» или «коррекция реформ» (по материалам избирательных кампаний в Московской губернии) // Русская политология. 2017. № 1 (2). С. 152-166.
10. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
11. Захарова Л. Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М.: Росспэн, 2011. 718 с.
12. Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2021. № 1 (83). С. 4
13. История России / 9 класс. В 2 ч. Ч.2. (учебник) / Н. М. Арсентьев, А. А. Данилов, А. А. Левандовский и др. Под ред. А. В. Торкунова. М.: Просвещение, 2021. С.5
14. История России XIX - начало XX века. 9 класс (учебник) / Л. М.Ляшенко, О. В. Волобуев, В. А. Клоков, Е. В. Симонова. Под ред. В. Р. Мединского. М.: ООО «Дрофа», 2021. С. 178.
15. Кизеветтер А. А. История России в XIX веке. 2 Ч. М.: О-во взаимопомощи студентов-филологов по зап. студента Ф. Юрьева, 1909.
16. Кириллов В. В. История России в 2 ч. Часть 1. До XX века: учебное пособие для вузов / В. В. Кириллов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. С. 327.
17. Кириллов В. В., Бравина М. А. История. История России до 1914 года. Повторительно-обучающий курс. Учебник. Базовый и углубленный уровни. 11 класс / Под редакцией Ю. А. Петрова. М.: Русское слово, 2019. С. 275.
18. Кирин А. В. Государственные реформы в России: от Петра до Путина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 408 с.
19. Концепция преподавания учебного курса «История России» в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы. URL: https://clck.ru/34iogz/
20. Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М.: Высшая Школа, 1993. 446 с.
21. Мещерский В. П. Речи консерватора. СПб.: тип. и лит. В. Оболенского, 1876.
22. Мироненко С. В. Сто событий, которые изменили Россию. М.: Кучково поле Музеон, 2019. 622 с.
23. Миронов Б.Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 тт. Т.3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2015. 989 с.
24. Московские новости. 2001. 8-14 октября. № 39.
25. Олейников Д. А были ли «контрреформы?» // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2019. № 11 (59). С. 21.
26. Панова Л. Н. Реформы и контрреформы в правление Александр III // Научные исследования: от теории к практике. 2016. № 2-1(8). С. 38-41.
27. Писарькова Л. Ф. Московская городская дума:1863-1917 гг. М.: Изд. объединения «Мосгорархив», 1998. 568 с.
28. Реформы в России с древнейших времен до конца XX века. В 4 т. Т. 3. Вторая половина XIX - начало XX в. М.: РОССПЭН, 2016. 765 с.

29. Российская историческая энциклопедия. Т. 1. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2011.
30. Соловьев К. А., Шевырев А. П. История России 1801-1914 : учебник для 9 класса / Под ред. Ю. А. Петрова. М.: Русское слово, 2015. С. 149.
31. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. 383 с.
32. Филиппова Т. А. «Русские тори»: консерватизм и модернизация // Исследования по консерватизму. 1996. С. 56 – 60.
33. Kremlin.ru/Л/ 65751. Дата публ.: 5 июня 2021 г.

УДК 69.007

Научные школы современного Омска (на примере школы профессора В. М. Могилевича, СибАДИ)

Козлова Анна Александровна
Кандидат исторических наук, доцент,
Чучалина Валерия Павловна,
Магистрант
Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет (СибАДИ),
Омск, Россия
beigul-1@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается современное понимание научных школ в рамках определенного вуза. Понимание термина научной школы изменялось в процессе истории самой науки, что нашло отражение в формировании научных сообществ, основанных на общей идее, теории или группировке вокруг лидера. Развитие науки сегодня в виде научных школ является обыденным явлением в различных отраслях, причем как в гуманитарной сфере, так и в технической. В СибАДИ можно говорить о начале формирования научных школ со второй половины XX века, сегодня они существуют как в виде научных лабораторий, так и объединений учителей со своими учениками.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Научная школа, научная теория, научная лаборатория, СибАДИ.

Развитие науки в современных научных и образовательных учреждений имеет различные формы, но очевидно, что одним из вариантов являются научные школы. Стоит отметить, что это вовсе не новое явление, напротив, оно появилось еще в Древней Греции и понималось как подготовка каким-то ученым своих учеников, которые разделяли и развивали идеи наставника. Серьезные изменения ключевого понятия связаны с развитием науки в XX веке в рамках научно-исследовательских институтов или научных лабораторий. В конце 1990-х гг. был выпущен справочник [1], в котором научная школа определяется как относительно небольшой научный коллектив, объединенный определенной научной тематикой, изучение которой передается из поколения в поколение. На самом деле науковеды говорят о расплывчатости данного понятия. Так, Грезнева пишет о том, что, во-первых, количество научных школ периодически неоправданно увеличивается, а во-вторых, не всегда имеет четкие отличительные черты от научных сообществ или иных форм взаимодействия между учеными [2, с. 8]. В итоге на сегодняшний день можно говорить о том, что с одной стороны, речь идет о научно-образовательной школе, а с другой – о некоем исследовательском коллективе. Думается, что важным аспектом является еще и основатель школы или научный лидер, если она была основана многие годы назад, его научная позиция, которую в основных тезисах разделяют его ученики и коллеги.

Сегодня научные школы существуют во многих вузах страны, не является исключением и Сибирский государственный автомобильно-дорожный университет, где на технических факультетах подобные школы начали формироваться еще в послевоенный период.

Одной из таких школ является школа профессора В. М. Могилевича, возникшая на кафедре «Строительство и эксплуатация дорог». Валентин Михайлович родился в 1912 г., а с дорожной отраслью связал себя еще до Великой Отечественной войны, поскольку именно в 1941 г. окончил Харьковский автомобильно-дорожный институт. Он был участником войны, затем трудился в Московском автомобильно-дорожном институте, параллельно с учебной и научной функциями выполняя многие производственные задачи, которые ставило перед ним и страной послевоенное время. С СибАДИ его жизнь была связана с 1962 г., когда он, уже будучи кандидатом наук и доцентом, был назначен ректором этого омского вуза. С Омском и СибАДИ была

связана его дальнейшая судьба, поскольку до своего 90-летия Валентин Михайлович трудился в стенах данного учебного заведения.

Основные идеи этого ученого нашли отражение не только в защищенных диссертациях его и его учеников, но и в труде «Совершенствование организации работ в дорожном строительстве», который стал базой для целого раздела дорожной науки и вошел во многие его монографии и учебники. Это тем более ценно, что сам профессор Могилевич был производственником, поскольку именно он в послевоенные годы руководил созданием таких магистралей союзного значения, как Москва-Ленинград, Москва-Горький, ряд дорог Крайнего Севера, в Башкирской и Татарской АССР. Как видим, опыт был очень разнообразен, совершенно очевидно, что приходилось изобретать новые способы и технологии дорожного строительства, поэтому столь важным и познавательным является его отражение в научных и учебных трудах. Стоит отметить, что Валентину Михайловичу было доверено руководство вузом, что он честно и добросовестно выполнял на протяжении пяти лет, но административная работа, несмотря на значительные успехи на данном поприще, не привлекала его, именно поэтому он по собственному желанию был освобожден от должности ректора, что позволило уделять все свое время научной работе и деятельности на кафедре. Научный и педагогический труд дал свои результаты в виде создания научной школы и 35 защищенных под руководством Могилевича кандидатских диссертаций. Нужно отметить, что далеко не все соискатели были бывшими студентами СибАДИ, многие приезжали из разных городов СССР (Томск, Волгоград, Алма-Ата, Красноярск – вот далеко неполный географический перечень родных городов аспирантов и соискателей), поскольку научное руководство Валентина Михайловича было очень престижным, а работы, выполненные с ним, отличались высоким уровнем качества и научной новизны.

Основные научные идеи самого Могилевича и его учеников находили отражения в их докладах на разного уровня конференциях, которые организовывались в том числе и самой кафедрой с целью обмена как научным, так и практическим опытом, для чего приглашались и ученые, и производственники. Благодаря многочисленным связям Валентина Михайловича и он сам, и его ученики взаимодействовали с выдающимися учеными, вузами и научными организациями всей страны от Хабаровска до Ленинграда.

Востребованность научных разработок привела к формированию идеи создания на кафедре Отраслевой научно-исследовательской лаборатории, руководство поддержало эту идею, в результате чего лаборатория была оснащена новейшим оборудованием, необходимым для проведения исследований, а также передаче практических навыков будущим специалистам. Актуальность данного новшества проявилась и в теоретических обоснованиях, которые теперь представлялись на постоянно действующем научном семинаре, который был организован при кафедре, но его участниками становились ученые со всей страны.

Валентин Михайлович руководил кафедрой на протяжении 20 лет, воспитал достойных учеников, опубликовал более 200 научных трудов. Он был автором и соавтором 12 учебников, которые были утверждены Министерством образования СССР для использования в процессе обучения во всех профильных вузах страны [3, с. 98]. Несмотря на то, что прошло достаточно много времени, и в наши дни студенты используют их, что говорит о высоком уровне актуальности для получения необходимых базовых знаний, несмотря на меняющиеся технологии и научный прогресс. Сам профессор всегда старался идти в ногу со временем, о чем вспоминают его ученики.

Так, Татьяна Викторовна Боброва писала о своем учителе, что он настоял на ее выборе тематики научных работ, связанных с автоматизированными системами,

кибернетикой, компьютерной техникой. А ведь это были 1980-е гг., когда далеко не все были согласны, что за такими направлениями будущее, но действительность показала, что был дан старт для успешной работы по направлению «Совершенствование организации строительства с использованием методов моделирования», а защитившиеся аспиранты, работающие в этом направлении, стали руководителями работ в области проектного управления в строительстве в наши дни. Татьяна Викторовна вспоминает с большой теплотой своего учителя, говоря о нем как об очень интеллигентном человеке, чутком преподавателе, который поддерживал и направлял в большей степени, чем руководил. Именно талант педагога, опыт производственника и прозорливость научного руководителя сформировали вокруг этого талантливого человека целую группу ученых и продолжателей его дела [4].

Еще в период работы Могилевича вся кафедра много работала над проблемой расчета норм на ремонт и содержание дорог для разного уровня управления дорожной отраслью (от союзного до производственного). В рамках данного проекта особое внимание уделялось расчетам графиков работы комплексных потоков, информации о состоянии элементов сети дорог, расчетам ресурсов при формировании и управлении производственной программой дорожной организации, оперативное управление работой дорожных машин на объектах, учет движения материалов в организации. С этими научно-практическими разработками Т.В. Боброва и В. П. Никитин участвовали в Международном симпозиуме в Токио в 1996 г. Наличие такой серьезной научно-теоретической базы позволило применять данные системы расчетов на практике. Например, по заказу «Якутзолото» были разработаны нормы для ремонта и содержания дорог в Якутии [5]. Эти разработки выполнялись под руководством заведующего кафедрой «Строительство и эксплуатация дорог» А. В. Смирнова, пришедшего на эту должность после Валентина Михайловича.

Сегодня ученики и ученики учеников профессора В. М. Могилевича продолжают его традиции, ведя серьезную научную работу на факультете и руководя студентами и аспирантами, которые в своих диссертациях развивают идеи, заложенные предшественниками. Стоит отметить, что это вовсе не единственная научная школа, получившая свое развитие, благодаря Сибирскому государственному автомобильно-дорожному университету.

Список литературы

1. Ведущие научные школы России. Справочник. – М.: Янус-К, 1998. – 624 с.
2. Грезнева О.Ю. Научные школы. – М.: Московский гуманитарный университет, 2003. – 71 с.
3. Исаенко М.В., Андреева Е.В., Перфильев М.С. Люди и годы: история факультета «Автомобильные дороги и мосты» в фотографиях, фактах, воспоминаниях и в биографиях людей. 1930-2020 гг. – Омск: СибАДИ, 2020. – 384 с.
4. Боброва Т.В. Постфактум и возможные векторы развития строительных кафедр СибАДИ // 90 лет СибАДИ. – Омск: СибАДИ, 2020. – С.148-153.
5. Козлова А.А., Козлова А.В. Особенности развития науки на современном этапе (на примере научных школ факультета АДМ ФГБОУ ВО «СибАДИ») // Цифровизация и кибербезопасность: современная теория и практика. Сборник научных трудов по материалам II Международной научно-практической конференции. Отв. редактор З.В. Семенова. – Омск: изд-во СибАДИ, 2022. – С. 200-204

УДК 93

Таврические чтения как площадка по изучению парламентской истории России

Малышева Ольга Геральдовна
доктор исторических наук, профессор.
Московский городской педагогический университет.
e-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru
ORCID ID: 0000-0002-6321-9048

АННОТАЦИЯ Изучение истории российского парламентаризма остается востребованной научной проблемой многие годы. К настоящему времени четко обозначились три основных этапа в ее изучении: дореволюционный, советский и современный. Особенностью работ, увидевших свет на первом этапе, стало то, что написаны они были либо непосредственно в ходе событий, о которых повествуют авторы, либо спустя непродолжительный промежуток времени, что называется «по горячим следам»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Таврические чтения, российский парламентаризм, парламентаризм, история России, история

В советский период отношение к российскому парламентаризму претерпело существенные изменения: исследователи сосредоточились на изучении истории большевистской партии и обосновании закономерности Октябрьской революции. Альтернативы политического развития нашей страны перестали представлять интерес.

Ситуация изменилась только в середине 80-х гг. XX столетия, когда на волне «перестройки» и «гласности» возрос интерес к истории российского парламентаризма и осмыслению исторического опыта представительной демократии в России. С началом 90-х гг. исследователям стали доступны многие архивные источники по истории парламентаризма в России. Это существенно стимулировало активность изучения различных его аспектов, причем тенденция эта сохраняется по настоящее время.

Первой попыткой объединить усилия научной общественности по изучению этой проблемы на государственном и академическом уровне стала научно-практическая конференция к 90-летию со дня начала работы Государственной думы России, инициированная Федеральным Собранием РФ (29–30 апреля 1996 г., Санкт-Петербург). Несомненно, это событие придало дополнительный импульс для изучения проблематики российского парламентаризма, но потребовалось более 10 лет, чтобы научные форумы такого плана стали проводиться на регулярной основе.

Организатором проведения научных обсуждений проблематики истории российского парламентаризма в 2007 г. стал Музей истории парламентаризма в России при Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств (СНГ) во главе с ее директором Л. С. Крохиной. В 2007 г. состоялся первый научно-практический семинар «Актуальные проблемы истории парламентаризма в России в начале XX века». Основными участниками стали петербургские ученые, выступившие с научными докладами. Несмотря на локальный, казалось бы, характер этого начинания, оно стало поворотным пунктом в исследовании важного и востребованного направления истории нашей страны. Уже на следующий год (2008) статус этого научного мероприятия поднялся до уровня всероссийской научно-практической конференции с гораздо большим представительством ученых из разных регионов, а с 2012 г. в форуме начали принимать участие специалисты из западных научных центров, и конференция по праву обрела статус международного научного форума.

Вскоре ученые из многих городов России, ближнего и дальнего зарубежья, депутаты Государственной Думы ФС РФ, потомки депутатов Государственной думы Российской империи, политические и общественные деятели стали непременными участниками этих научных мероприятий. В залах Таврического дворца (место проведения «Таврических чтений») ежегодно обсуждаются разные, подчас дискуссионные вопросы истории российского парламентаризма.

Многие годы одним из организаторов Таврических чтений остается крупный петербургский историк, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена Андрей Борисович Николаев. Он же готовит к изданию ежегодные сборники по материалам конференции. Его усилия и труды сотрудников Центра истории парламентаризма позволяют сделать доступными для исторического сообщества материалы конференции, в том числе в формате интернет-ресурсов.

Попытаемся определить какие аспекты исследования истории парламентаризма стали приоритетными для исследователей на этой ведущей научной площадке по изучению истории парламентаризма.

С первого научного семинара по истории российского парламентаризма четко определилась научная проблематика: изучение разных вопросов зарождения и деятельности Государственных дум Российской империи в 1906–1917 гг. Секции по этому направлению (иногда с некоторыми корректировками названий) будут неизменно присутствовать на Таврических чтениях. Примечательно, что, начиная с первого научного семинара санкт-петербургские ученые стремились сделать его работу максимально открытой для других исследователей. В 2007 г. на их приглашение откликнулся только профессор Казанского университета Рустем Аркадьевич Циунчук, который стал неизменным участником всех последующих Таврических чтений. Сегодня формат и уровень представительства существенно изменился. Можно согласиться с оценкой профессора А. Б. Николаева, который говоря о Таврических чтениях отметил: «Пожалуй это единственное место в мире, где ежегодно собираются историки, политологи, юристы, научные сотрудники архивов и музеев для обсуждения актуальных проблем российского и зарубежного парламентаризма» [4, С. 6]. Это еще одно подтверждение своевременности и важности организации такого научного форума.

Особое внимание хотелось бы обратить на ежегодное расширение проблематики, выносимой на конференцию: заявили о себе такие направления, как думская биографика (2008); думские источники, научно-информационное изучение истории парламентаризма в России (2011); Государственная дума и монархия, думские выборы, из истории Государственного совета Российской империи (2013); парламент, правительство, общество: опыт взаимодействия, конституционно-демократическая партия в истории Государственных дум Российской империи, региональные аспекты российского парламентаризма (2014); парламентаризм западных стран: теория и практика (2017); представительные органы власти в СССР и Российской Федерации в конце XX в. (2019) и другие.

Как видим, за эти годы поступательно расширялся не только круг вопросов, которые обсуждались учеными, но и их хронологические, территориальные и проблемные рамки. Заметим, что зачастую в выступлениях участников давались весьма важные для изучения истории парламентаризма оценки. Так, в выступлении пермского профессора И. К. Кирьянова отмечалось, что если «вплоть до современного этапа отечественная историография парламентской истории России развивалась практически вне связи с исследованиями зарубежных русистов», то на современном этапе «совместными усилиями отечественных и зарубежных исследователей в исторической науке окончательно сформировалось новое направление –

парламентская история России» [3, С. 7.]. И здесь мы вновь согласимся с мнением одного из организаторов конференции профессором А. Б. Николаевым о том, что «можно утверждать, что Центр истории парламентаризма, проводя международные конференции и выпуская по их итогам сборники научных статей, вносит свой вклад в развитие парламентской истории России» [3, С. 7.].

С 2010 г. самостоятельным направлением Таврических чтений стала проблема становления и развития парламентаризма в странах СНГ. Это представляется очень важным, т. к. Таврические конференции стали проводиться не просто на площадке Межпарламентской ассамблеи стран-участниц Содружества Независимых Государств (Таврическом дворце), но и при ее непосредственном организационном участии. Это позволило специалистам из многих стран бывшего СССР (Азербайджана, Белоруссии, Украины, Казахстана, Кыргызстана и др.) обмениваться опытом в части изучения современного парламентаризма своих государств. Выступления их неизменно вызывают большой интерес и становятся основой для дискуссий.

Отметим, что именно на площадке Таврических чтений с 2011 г. зародилась практика проведения тематических «Круглых столов». Так, на первом круглом столе, посвященном деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ первого созыва с участием депутатов Думы В.В. Борщова и Т.В. Черторицкой оживленно обсуждалась деятельность Государственной Думы, впервые избранной по Конституции РФ в 1993 г. [2, С. 6]. Вскоре круглые столы уступили место тематическим дискуссиям, которые стали, ежегодно проводится в рамках Таврических чтений.

Обращает на себя внимание тематика дискуссий, в которых, по сложившейся традиции крупными исследователями делается сообщение по отдельной научной проблеме, и участники приглашаются к обсуждению. Среди них: «Могло ли в России появиться министерство, ответственное перед Думой?» (2016); «Был ли шанс у российского парламентаризма в 1917 г.?» (2017); «Либерализм о переустройстве России: теория и практика», «А.И. Гучков – великий магистр революции?» (2018); «Что такое парламентаризм?», «История думской монархии (1906–1917): проблема переосмысления и уточнения терминологической базы научных исследований» (2019); «” Учителя и ученики”: английский парламентаризм и Государственная дума Российской империи», «Прогрессивный блок – “катализатор” или “спасательный круг” от нее?» (2020); «Государственная дума и крушение Российской империи», «Съезды народных депутатов в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века и судьба СССР (май 1989 – июнь 1990 гг.)» (2021) [1]. Даже простое перечисление проблематики дискуссий не оставляет сомнений в том, что они становятся по-настоящему местом «научных сражений», а если учесть, что в них участвует все большее количество приглашенных исследователей, политиков, непосредственных участников событий (так, в дискуссии о Съездах народных депутатов 2021 г. участвовали шесть его депутатов), можно сделать вывод о высоком накале страстей и о формировании самых разных подходов и оценок истории российского парламентаризма.

Важным нововведением на Таврических чтениях стала организация и проведение конференций с углубленной направленностью обсуждения юбилейных дат в истории России и российского парламентаризма. На наш взгляд, наиболее ярким подтверждением этому служат Таврические чтения 2017 года, когда отмечалось столетие Великой Российской революции. Помимо наиболее широкого представительства ученых ближнего и дальнего зарубежья за все годы проведения конференции, обращает на себя внимание, что тематика большинства участников, выступивших в секциях так или иначе была связана с проблемой революции 1917 г., равно как и дискуссия «Был ли шанс у российского парламентаризма в 1917 году?». Материалы сборника, изданного по результатам конференции представляют особый интерес [5].

Организаторы Таврических чтений продолжают искать новые формы и сюжеты для обсуждения на конференции. Так, в качестве самостоятельного направления заявило о себе изучение международного парламентского опыта. Так эти вопросы обсуждались в секциях «Страницы истории британского парламента» (2013 г.), «Из истории европейского парламентаризма» (2014), «Зарубежный парламентаризм: история и современность» (2020) и др.

Не вызывает сомнений, что ежегодная международная научная конференция Таврические чтения сегодня стала ведущей площадкой изучения самых разных аспектов истории парламентаризма. Растет количество участников, регионов и стран, из которых прибывают на конференцию специалисты исследователи. Нам представляется, что высокий научный уровень, который демонстрирует конференция в целом, позволяет ей не останавливаться на достигнутом и ставить новые задачи для изучения и обсуждения парламентской проблематики. Есть еще лакуны в региональной истории российского парламентаризма, ждущие своих первооткрывателей, полезно было бы сосредоточиться на углубленном обсуждении теоретических вопросов, лежащих в плоскости теории и практики парламентаризма. Список пожеланий можно было бы продолжить… Однако главное пожелание организаторам и участникам можно сформулировать так: не останавливаться на достигнутом, а продолжать двигаться вперед.

Список литературы

1. Библиотека - Музей истории парламентаризма в России [Электронный ресурс]. URL: http://parlament-history.ru/library/
2. Таврические чтения 2011. Актуальные проблемы парламентаризма. Международная научная конференция. С.-Петербург. Таврический дворец, 8 декабря 2011 г. Сборник научных статей. СПб., 2012.
3. Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург. Таврический дворец, 19 октября 2012 г. Сборник научных статей. Т. 1. СПб., 2013.
4. Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург. Таврический дворец, 8-9декабря 2016 г. Сборник научных статей. Т. 1. СПб., 2017.
5. Таврические чтения 2017. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция. С.-Петербург. Таврический дворец, 7-8 декабря 2017 г. Сборник научных статей. В 2-х т. СПб., 2018.

УДК 378+902/904

Специфика проведения предметной (археологической) практики в процессе подготовки учителей истории

Мжельская Татьяна Владимировна
кандидат исторических наук, доцент.
Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной и всеобщей истории
Новосибирск, Россия.
mzel08@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-5256-6247

Дураков Игорь Альбертович
кандидат исторических наук, доцент.
Новосибирский государственный педагогический университет, кафедра отечественной и всеобщей истории
Новосибирск, Россия.
Idurakov@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-3538-3366

АННОТАЦИЯ В структуру предметно-методического модуля по профилю История «Ядра высшего педагогического образования» входит предметная (архивная / музейная / археологическая) практика. Археологическая практика проходит в два этапа: теоретический и практический. На первом этапе студенты получают теоретические знания о специфике проведения полевых экспедиций, знакомятся с деятельностью археологического зала многопрофильного музея НГПУ. В это же время они выполняют задания, нацеленные на закрепление полученных знаний, на развитие навыков исследовательской деятельности. Важным элементом этой практики является формирование понимания возможности использования археологических материалов при работе с обучающимися. Второй этап практики проходит на базе археологических экспедиций, в которых происходит закрепление полученных знаний и навыков на практическом опыте.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Археологическая практика, исследовательская деятельность студентов.

В 2022 году в вузах России было внедрено «Ядро высшего педагогического образования». На его основе были созданы новые учебные планы, в том числе 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): История и Обществознание. В соответствие с Ядром, в него была включена предметная (архивная / музейная / археологическая) практика. Она проводится на первом курсе во втором семестре. Студенты могут выбрать соответствующую форму ее прохождения (архивная / музейная / археологическая). В данной работе речь пойдет о специфике прохождения археологической практики. На очной форме обучения учебным планом предусмотрено восемь часов контактной работы с преподавателем. На теоретическую часть выделяется одна неделя, оставшуюся часть практики в течение трех недель студенты проходят в условиях археологической экспедиции. У авторов данной статьи накоплен многолетний опыт проведения археологической практики [1, 3].

Контактная работа в виде занятий в разной форме проходит в первые дни практики. Студенты получают знания о методике проведения полевых археологических исследований и основные сведения о жизни в экспедициях. Важной составляющей теоретических занятий является ознакомление с камеральной обработкой материала, его хранением и презентацией в музеях.

Студенты посещают многопрофильный музей ФГБОУ ВО НГПУ, который состоит из трех залов: зал истории вуза, зал археологии и зал этнографии. Проводится также установочная конференция, на которой студенты получают индивидуальное задание и консультацию по подготовке материалов к отчету о практике.

Задания разработаны таким образом, чтобы у практикантов развивались компетенции, необходимые им в проведении исследовательской деятельности и понимание того каким образом археологические материалы могут применяться в школе.

Студенты должны написать 2 эссе, проанализировать статью и написать мини-исследование. Задания выложены на персональном сайте Т. В. Мжельской. Они сопровождаются как общими методическими рекомендациями, так и кратким описанием выполнения каждого задания с примерами.

Задание № 1. Анализ одной статьи по археологии, этнографии, музеологии на выбор в соответствие с определенным алгоритмом, который позволяет выделить источники, цель, задачи, методы проведённого исследования, основные результаты.

Задание № 2. Эссе по теме «Археология как наука». Выполнение задания нацелено на подведение итогов изучения археологии, в котором практиканты должны показать, как изменилось их представление об этой науке по сравнению со знаниями, полученными в школе или из других источников информации (научно-популярные фильмы, статьи, в том числе в интернете и др.).

Задание № 3. Эссе по теме «Археология в школе». Студенты должны показать возможность использования археологических материалов в работе с обучающимися. Им предлагается рассмотреть один из трех вариантов подготовки мероприятия. Первый вариант – на основании материалов, хранящихся в школьном или любом другом музее, разработать любое культурно-просветительское мероприятие. Второй вариант – на основе изучения учебников и пособий по изучению школьных предметов «История Сибири», «История Новосибирской области», «Мой край в древности и средневековье» практиканты должны предложить формы работы с археологическими материалами. Например, урок с применением интерактивных методов, виртуальную экскурсию, факультативное занятие, викторину и т. д. Третий вариант – нужно подобрать археологические материалы и предложить проект любого типа (исследовательский, учебный, информационный, творческий), который можно реализовать с обучающимися.

Задание № 4. Мини-исследование. С каждым студентом на установочной конференции обсуждается тема индивидуального исследования, подбирается литература. Важным критерием оценки задания является оформление текста мини-исследования, который должен соответствовать требованиям к оформлению выпускной квалификационной работы. Оно не должно превышать 10–12 страниц.

Для выбора статьи для анализа и выполнения мини-исследования рекомендовано использовать литературу, хранящуюся в библиотеке ФГБОУ ВО «НГПУ», в том числе, имеющую электронную версию. Рекомендовано также использовать сайты электронных журналов, архивы археологических, этнографических журналов, публикации музеев как на соответствующих сайтах, так и на сайтах электронных библиотек.

В течение многих лет археологическая практика студентов ФГБОУ ВО «НГПУ» на базе экспедиций Западносибирского археологического отряда Североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН. В состав экспедиции входит большая группа ученых различной специализации этого института, аспиранты, а также студенты из других сибирских вузов, учащиеся средних школ и гимназий Новосибирской области. Совместная учебная археологическая практика студентов-первокурсников, старшекурсников, аспирантов и школьников имеет положительное значение для всех,

в том числе и в учебно-воспитательном отношении. В экспедициях они работают с учеными мирового уровня, иностранными специалистами из Германии, Великобритании, Индии и Китая, имеют возможность ознакомиться с разными направлениями отечественной и зарубежной научной мысли. Задачи полевой археологической практики на базе Западносибирского отряда в последние годы реализуются на памятниках Венгеровского археологического микрорайона (Новосибирская обл.). [2].

Заключение

Таким образом, предметная (археологическая) практика проходит в два этапа: теоретический и практический. На первом этапе в процессе контактной работы с преподавателем студенты получают теоретические знания о специфике проведения полевых экспедиций, знакомятся с деятельностью археологического зала многопрофильного музея НГПУ. В это же время они выполняют задания, нацеленные на закрепление полученных знаний, на развитие навыков исследовательской деятельности. Важным элементом этой практики является формирование понимания возможности использования археологических материалов при работе с обучающимися.

Второй этап практики проходит на базе археологических экспедиций, в которых происходит закрепление полученных знаний и навыков на практическом опыте.

Список литературы

1. Дураков И.А., Мжельская Т.В. Археологическая практика НГПУ: прошлое, настоящее, перспективы будущего (к 40-летнему юбилею археологической практики в НГПУ) // Археологическая и музейная практики в образовательном процессе ИИГСО. Сборник научно-исследовательских работ. Министерство образования и науки, Новосибирский государственный педагогический университет. Новосибирск, 2013. С. 12–19.
2. Дураков И.А., Мыльникова Л.Н. Археологическая практика в системе научно-учебной работы (на опыте деятельности западносибирского отряда североазиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2016. Т. 15. № 5. С. 9–19.
3. Мжельская Т.В., Дураков И.А. Археологическая практика: взгляд в прошлое, перспективы будущего // Вестник педагогических инноваций. 2010. № 3 (23). С. 132–138.

УДК 930

Критерии школы в исторической науке: современные подходы

Михальченко Сергей Иванович
доктор исторических наук, профессор.
Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского, Институт экономики, истории и права.
Брянск, Россия.
smikh10@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-6809-9305

АННОТАЦИЯ В статье рассказывается о современных подходах к формулировке критериев научной школы (на примере исторической науки). Анализируется исследовательская литература последних лет, при этом основное внимание уделяется примерам школ из научных центров Сибири и Урала. Делается вывод, что основное внимание исследователи стали уделять личностному, антропологическому подходу в изучении школ, нередко используют новые методы при изучении этого феномена (в частности, просопографический), при этом продолжает существовать значительный разброс мнений как в определении самого понятия «научная школа», так и в наборе ее критериев.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Научная школа, антропологический подход, история как наука.

Интерес исследователей к изучению форм организации науки не иссякает. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что «вопросы, связанные с миром науки и с практиками организации научной жизни цеха историков, вышли на первый план, став, по крайней мере, не менее важной темой, чем философская или концептуальная историографическая позиция изучаемых персонажей» [2, с.1048; см. также: 12, с.308]. Продолжают выходить многочисленные исследования, посвященные школам и направлениям в науке. Цель настоящей публикации – проанализировав современную школоведческую (схоларную) литературу, оценить, что нового дали исследователи в изучении такого феномена как научная школа в исторической науке.

Обращение к литературе по теме показывает, что анализ школ и направлений в исторической науке России постепенно переходит от исследования школ рубежа 19-20 веков (а именно на базе школ того времени и началось изучение этого феномена в отечественной историографии, прежде всего, на основе сопоставления или даже противопоставления московской и петербургской школ в исторической науке [18, с. 378]) к исследованию, наряду с классическими, и более поздних, даже современных авторам школ, к какой-то из которых он может принадлежать и сам. Так, в последнее время вышли исследования, посвященные ленинградской (петербургской) школе советского и постсоветского времени [3;14], барнаульской школе изучения истории предпринимательства [6], омской школе этнографии [17], уральской и омской историографическим школам [13], томской историографической школе [5] и многим другим неформальным объединениям историков. Наряду с традиционными устоявшимися методами изучения школ все большее внимание уделяется исследователями новым подходам. В частности, изучающий петербургскую школу Е.А.Ростовцев значительное внимание уделяет просопографическому методу [14, с. 43]. Определенным стимулом к изучению этого феномена являются и организационные усилия государства по поддержке ведущих научных школ, что зачастую заставляет проследить и их историю [4].

Исследование феномена научной школы не может не стимулировать и изучение критериев самого этого понятия. Как и в прошлые годы, критерии эти представляются ученым достаточно разнообразными, да и в само определение школы вносятся все новые штрихи.

Так, О.Г.Климова, полагая, что «формирование и развитие научной исторической школы – это единый процесс производства знания, в ходе которого сохраняются традиции, изучаются новые проблематики, формируются подходы к решению научных проблем» [6, с. 90], считает, что признаками школы могут выступать следующие: «Во-первых, наличие лидера – известного ученого (или ученых). Во-вторых, существование пространственно-временного единства (город, вуз, лаборатория, кафедра) .... В-третьих, подготовка научных кадров, т. е. защита кандидатских и докторских диссертаций. В-четвертых, наличие поколений ученых. В-пятых, принципы, характеризующие исследовательские подходы в научной школе. В-шестых, издание специализированных сборников, посвященных общей теме или отдельным проблематикам, проведение научных конференций (секций в конференциях)» [6, с. 91]. Настаивают на особой роли лидера в деятельности школ и изучавшие формирование и развитие этих феноменов в исторической науке Чувашии Н.В.Князева и Е.К.Минеева. «Анализируя работу научных коллективов, - пишут они, - за основу в качестве критерия мы взяли выдающихся исследователей, под руководством которых защитили диссертации по историческим наукам 5 или более человек, а также посвятивших научной-педагогической работе более 40 лет, за период которой они подготовили тысячи специалистов-историков. Мы считаем данные условия выделения справедливыми, поскольку научная школа – это, в первую очередь, создание плеяды учеников, единомышленников, научного сообщества», - заключают исследователи [7, с. 60–61]. Склоняется к решающей роли лидера и В.П.Корзун, считающая, что школа – это «спаянное единой методологией и одним исследовательским проблемным полем сообщество, возглавляемое авторитетным лидером» [1, с. 16].

В этой связи, весьма важным, думается, следует считать уточнение, сделанное Н.И.Кузнецовой, которая полагает, что при анализе даже лидерской научной школы стоит говорить не столько о руководстве, сколько о «влиянии» учителя [9, с.261]. По ее мнению, «ключевым для анализа научных школ должно стать понятие «неявное знание», которое ввел М. Полани». Фактически вслед за А.В.Свешниковым и А.В.Овчинниковым, она склоняется к антропологическому подходу в изучении школ [11, с. 53–55], полагая, что «не следует строить концепт «научной школы», используя в качестве критериев «объективные», в частности наукометрические, параметры», поскольку «речь идет о сугубо человеческом измерении развития науки» [9, с.265].

Предлагает уйти от географического детерминизма С.В.Иванова, считающая, что «научная школа — это эффективная форма прочных научных контактов вне зависимости от места жительства и работы ученых—членов научной школы». Она же, фактически развивая мысли С.В.Чиркова и Д.Г.Горина о передаче научной или профессорской культуры [11, с. 53-55], подчеркивает, что школа «эффективно решает проблему научной этики, которая включает...: стремление к фундаментальности знания при общих теоретико-методологических и методических установках, служение истине, научный скептицизм, критическое мышление, коллективность научной деятельности, рациональность, эмоциональную сдержанность при обсуждении острых вопросов, следование четко выработанным этическим нормам» [4, с. 19].

Изучившая особенности становления и развития научной школы профессора РГГУ О.М.Медушевской И.В.Сабенникова особое внимание в качестве критерия существования школы уделяет устойчивости традиции исследовательских и педагогических практик, воспроизводящихся рядом поколений исследователей [11, с. 592-593], а томский историк Б.С.Жигалов полагает, что ключевой признак научной школы, «прежде всего, это выбор магистрального направления в исследованиях и основного корпуса источникового материала для исследований» [10, с. 210]. Весомой роли научных практик в жизни школы отдает дань и изучавший школу историков

Казанского (Татарского) педагогического института (университета) О.В.Синицын [16, с.167].

Важной стороной жизни школы и одним из ее признаков в сочинениях современных ученых становится длительность ее существования. Так, по мнению И.В.Сабенниковой, должно смениться не менее трех поколений ученых, чтобы можно было говорить об оригинальной научной школе [15, с. 586–587]. На изучение поколений в рамках общей школы обращают внимание и петербургские исследователи А.Ю.Дворниченко и Н.В.Штыков («Особенно актуальным следует признать изучение преемственности уникальных научных школ в рамках петербургской/ленинградской мегашколы и их дальнейшей судьбы», - отмечают они [3, с. 277]), а также О.В.Синицын, полагающий, что «сравнительное изучение генераций историков дает новый угол зрения на многие общие проблемы исторической науки, в частности, проблемы преемственности и разрыва научной традиции» [16, с.167].

Это – лишь некоторые из предложенных в последнее время деталей, уточнений, штрихов к характеристике школ в науке, в том числе, исторической. Нет сомнения, что изучение этих феноменов будет продолжено, в том числе, и потому, что большинство из действующих историков принадлежат к той или иной научной школе.

БЛАГОДАРНОСТИ работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 22–28–00024.

Список литературы

1. Груздинская В. С. Интервью с Валентиной Павловной Корзун: штрихи к интеллектуальному портрету // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2018. № 4 (20). С. 9-23.
2. Дворниченко А.Ю., Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Петербургская историческая школа" XVIII - начала XX века: историографический контекст и методы исследования // Былые годы. 2018. Т.49. №3. С. 1046-1060.
3. Дворниченко А.Ю., Штыков Н.В. Традиции петербургской исторической школы в творчестве Михаила Павловича Ирошникова // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 276–292.
4. Иванова С. В. Научная школа: цели, преимущества и риски институционализации // Ценности и смыслы. 2022. № 1 (77). С. 6–27.
5. Ивонина О.И. Культурный ландшафт и дискурсивное пространство Томской историографической школы // Культурный ландшафт регионов. 2021. Том. 3. № 2. С. 45-58.
6. Климова О.Г. Барнаульская школа изучения истории предпринимательства на рубеже XX–XXI вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2022. Т. 39. С. 90–99.
7. Князева Н. В., Минеева Е.К. Формирование и развитие исторических научных школ в Чувашской Республике (начало 2000-х годов) // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: сборник материалов II Всероссийской научной конференции с международным участием. Чебоксары: Среда, 2022. С.59-62.
8. Корзун В.П., Мягков Г.П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013.Vol.6. P.158-201.
9. Кузнецова Н.И. Параметры научной школы: к постановке проблемы // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). С. 261-267.
10. Лекаренко О.Г., Мунько А.В. Об истории и историках: интервью с Б.С. Жигаловым // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 207–212.
11. Михальченко С.И. Киевская историческая школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. № 1. С. 53-69.
12. Павлова Т. В. Современная историография Французской революции конца XVIII века:

«новая русская школа» // Двадцать девятая годичная сессия ученого совета Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина. Сборник статей Национальной конференции XXIX годичной сессии Ученого совета. Сыктывкар, 2022. С. 307-310.
13. Панькин И.Д. Научные школы в уральской историографии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. I. С. 138-143.
14. Ростовцев Е.А. Историческая наука Петрограда–Ленинграда в условиях социальной трансформации (1917–1934) // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4 (111). С. 32-43.
15. Сабенникова, И. В. Научная школа Ольги Михайловны Медушевской: момент истины в российском гуманитарном познании //Вестник архивиста. 2022. № 2. С. 584–596
16. Синицын О.В. Школа историков КГПИ-КГПУ-ТГГПУ: научные практики и образовательная миссия // Российские историки XX века: историографические очерки. Казань: ООО «45», 2022. С.167-176.
17. Смирнова Т. Б. Омская школа этнографии //Этнография. 2018. №4. С.181-194.
18. Тихонов В.В. Московская и петербургская школы "русских историков" в контексте дихотомии "Москва-Петербург" (конец XIX - начало xx вв.) // Люди и тексты. Исторический альманах.2012. М.,2013 С. 344-378

УДК 378.02:37.016.001.5

Новые рубежи непрофессионального исторического образования в высшей школе: пути достижения

Смирнова Марина Ивановна
Доктор исторических наук, профессор
Национальный исследовательский университет «МЭИ», кафедра Истории и культурологии.
Москва, Россия.
SmirnovaMI@mpei.ru
ORCID ID: 0009-0002-4827-0985

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются основные изменения, внесенные в ФГОС ВО по дисциплине «История России», и анализируются ведущие положения «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования» (далее Концепция) с точки зрения их практического осуществления в преподавательской деятельности. Особое внимание уделяется ряду теоретико-методологических и концептуальных проблем, которые необходимо решать при методической разработке лекций и выстраивания содержания семинарских занятий, с учетом трехуровневого построения курса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Изменения ФГОС по Истории России, Концепция, трехуровневое построение курса.

На протяжении долгого времени сообщество преподавателей технических вузов стремилось к тому, чтобы изучение истории будущими инженерами заняло достойное место в системе подготовки специалистов высшей квалификации.

Современные реалии подтолкнули властные структуры восстановить приоритет исторических знаний, которыми должен владеть выпускник высшей школы, независимо от его профессиональной ориентации.

Министерство науки и высшего образования РФ приняло решение утвердить изменения федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО), касающихся преподавания истории для неисторических специальностей. Приказом Минобрнауки № 662 «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования» от 19 июля 2022 г. (зарегистрирован 7 октября 2022 г.) с 1 сентября 2023 г. вводится дисциплина «История России», которая становится обязательной для студентов неисторических специальностей и направлений подготовки (уровень бакалавриата). В учебных планах на ее освоение должно быть отведено не менее четырех зачетных единиц (144 часа), из которых 80% для очной формы и 40% очно-заочной формы обучения - контактная работа преподавателей со студентами.

Это знаковое событие можно рассматривать как итог многолетней борьбы за сохранение непрофессионального исторического образования в высшей школе, которое имеет как просветительскую, так и воспитательную функцию.

Начиная со второй половины 1980-х гг. исторические курсы в вузах подвергались неоднократным кардинальным изменения, в таких колоссальных масштабах которых не испытала на себе ни одна дисциплина социально-гуманитарного цикла: придумывались новые названия, перекраивались программы, менялись цели, задачи и место истории в гуманитарном блоке дисциплин. При этом постоянному сокращению подвергалось количество часов, отводимых на изучение исторических курсов. Вносимые коррекции чаще всего диктовались не только и не столько образовательной и научной целесообразностью, сколько политической

конъюнктурой. В ФГОС ВО третьего поколения дисциплина «История (история России, всеобщая история)», хотя и сохранила место как базовая дисциплина, но была миминизирована до двух зачетных единиц (72 часа), что на практике сводило преподавание до 8 лекций и 8 семинарских занятий. Как авторы данного положения предполагали «втиснуть» российскую и мировую историю в столь ограниченный курс, остается загадкой.

В центр новых требований к освоению истории поставлена цель формирования исторического сознания: «Именно историческое сознание является наиболее существенной составляющей гражданской идентичности населения Российской Федерации. Общность в понимании исторического прошлого необходима для обеспечения единства многонационального народа России» [3, с.2].

Содержательное формирование новой дисциплины базируется на «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования» (далее Концепция). Экспертный совет Минобрнауки утвердил ее 2 февраля 2023 г. в день 80-летия победы Красной Армии в Сталинградской битве. В ходе заседания Председатель Российского исторического общества, Директор Службы внешней разведки РФ С. Е. Нарышкин подчеркнул: «Глубоко убежден в том, что тысячелетняя история России, неотъемлемой частью которой является и победа под Сталинградом, — это наше общее достояние, наше общее наследие. И у каждого молодого человека, живущего в нашей стране, есть неотъемлемое право знать эту историю. Руководствуясь этим подходом, Российское историческое общество и Министерство науки и высшего образования Российской Федерации в прошлом году объединили свои усилия в целях системного повышения качества преподавания истории в высшей школе» [1].

Концепция была подготовлена рабочей группой, состоящей из экспертов Российского исторического общества с участием Института российской истории РАН, директор которого Ю.А.Петров являлся ее руководителем, при участии научного руководителя Института всеобщей истории РАН, сопредседателя РИО А.О. Чубарьяна. Изначально Концепция рассматривалась как «стандарт исторического образования, который должен стать важным фактором в достижении общности целей преподавания истории в рамках высшего образования, прежде всего для воплощения идей гражданственности, патриотизма и общероссийского единства» [3, с.3].

Разработка Концепции продолжалось несколько месяцев и была представлена на обсуждение на Первом национальном форуме преподавателей истории в Тобольске 7 октября 2022 г.

Концепция привлекла большое внимание общественности, стала предметом обсуждения в СМИ и на V Профессорском форуме 2022 г. «Наука и образование в условиях глобальных вызовов» на отраслевой секции «Исторические науки». Среди наиболее дискуссионных тем можно назвать методологию Концепции, баланс между отечественной и мировой историей, борьба с фальсификацией истории, содержательное наполнение разделов концепции. Представители профессорского сообщества высказали озабоченность по поводу подготовки новых учебных планов, рабочих программ дисциплины «История России», учебников, кадрового обеспечения, финансирования и т. д. [4]

В ходе обсуждения на разных уровнях в Концепцию были внесены целый ряд дополнений и уточнений. В результате окончательный текст Концепции увеличился на 14 страниц - с 92 до 106.

В соответствии с Концепцией, основное содержание дисциплины «История России» фокусируется на историческом опыте строительства российской государственности и осознании того, «что на всем протяжении российской истории

сильная центральная власть имела важнейшее значение для сохранения национальной государственности» [3, с.4].

Такой подход диктует выделение шести основных этапов отечественной истории:

Древняя Русь - IX — первая треть XIII века;

русские земли с середины XIII до конца XV века;

Московское государство XVI–XVII веков;

Российская империя XVIII — начала XX века;

советская эпоха;

современная Российская Федерация.

Анализ концепции в преломлении к ее практической реализации дает возможность выделить ряд теоретико-методологических и концептуальных проблем, которые необходимо решать при методической разработке лекционных курсов и выстраивания содержания семинарских занятий.

Базой для изучения «Истории России» в вузе является курс истории, который студенты освоили в средней школе в рамках Историко-культурного стандарта по отечественной истории и ФГОС основного общего и среднего общего образования. Однако при сохранении существующей системы ЕГЭ, если выпускники ориентированы на поступление в технические вузы, то в своем большинстве они имеют очень невысокий уровень исторической подготовки.

По замыслу составителей Концепции, дисциплина «История России» в вузе

должна быть представлена как интеграционный курс, в котором необходимо реализовать баланс между российской и мировой историей;

ее содержание следует освещать как совокупность наиболее важных проблем, их причинно-следственных связей, результатов и значения;

изложение событий необходимо выстраивать на основе апелляции к источникам, историографическом анализе, в котором рассматриваются различные точки зрения.

Таким образом, в Концепции по сути представлена идеальная матрица, для реализация которой необходимо решение многих проблем как краткосрочного, так и долговременного порядка, как содержательного, так и организационного плана.

Многие опасения по реализации Концепции были высказаны на Всероссийском совещании деканов и заведующих кафедрами исторических факультетов вузов «Историческое образование в высшей школе России: вызовы и перспективы», которое было организовано Российским историческим обществом, Институтом всеобщей истории РАН, Фондом «История Отечества» и проходило в декабре 2022 г.

Модернизация преподавания истории в высшей школе - сложный многоэтапный процесс, для осуществления которого необходимы практические механизмы реализации, включая кадровое обеспечение и соответствующее финансирование. Участники совещания обратили внимание, что в организационном отношении переход к новым ФГОС «требуют новых учебных планов, лекционно-семинарских занятий, ставок, матриц компетенций и методологии преподавания». [2]

В содержательном плане — это колоссальный объем дидактических единиц, предложенный в Концепции объемом 106 страниц текста, который вряд ли может быть освоен преподавателями и студентами даже за 144 часа. Здесь явно сказался недостаток у разработчиков Концепции практического опыта преподавания в неисторических вузах, включая оценку уровня исторических знаний у студенческой аудитории.

Кроме того, детальной разработки требует реализация мировоззренческой и воспитательной направленности дисциплины, ее интеграция с проектом «ДНК России» и корреляция с новой дисциплиной «Основы российской государственности».

В Концепции предложено трехуровневое построение курса.

Первый уровень предусматривает анализ ключевых проблем российской истории в контексте мирового исторического процесса и их взаимовлияния, и взаимозависимости.

Второй уровень - представление региональной истории и ее синхронизация с историей России.

Третий уровень - рассмотрение проблемы отраслевой истории в парадигме основных этапов отечественной истории.

Для технических вузов третий уровень освоения «Истории России» становится важнейшим механизмом преодоления извечного противоречия, связанного с сохранением технократического отношения к гуманитарной подготовке студентов. Конфликт интересов проявляется в том, что теоретически, признается необходимость широкого гуманитарного образования, но на практике гуманитарные дисциплины подвергаются «дискриминации» со стороны профессионально-ориентированных курсов. [6]

Исторический ракурс эволюции отечественной науки и техники может стать основой диалогического консенсуса между «гуманитариями» и «технарями» в плоскости понимания взаимных интересов и нахождения компромиссов во благо общего дела подготовки высококвалифицированных инженерных кадров.

На кафедре Истории и культурологии НИУ «МЭИ» накоплен большой учебно-методический опыт использования материалов, связанных с историей российской энергетики и историей Московского энергетического института в исторических курсах, преподаваемых в МЭИ, таких как История (история России, всеобщая история) и Мировые цивилизации и мировые культуры.

Проблемы развития энергетической отрасли напрямую вписываются в разделы Концепции «РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.» и «РОССИЯ И СССР В СОВЕТСКУЮ ЭПОХУ (1917–1991)».

Историческое измерение развития энергетики формирует у будущих инженеров-энергетиков понимание их роли в современном российском обществе.

Энергетика - техническая основа индустриальной и постиндустриальной цивилизации, которая возникла и может развиваться только как результат мировых и российских научных и технических достижений.

XIX век вошел в историю как век начала электричества именно благодаря научно-техническим прорывам, сделанным учеными и инженерами в Европе, США, России. В результате мир получила новый вид энергии – электрическую, что означало новый качественный этап в эволюции человеческого общества.

В освоении электричества Российская империя находилась на уровне передовых стран. Впервые в России электричество было использовано в 1879 г. в Санкт-Петербурге для освещения Литейного моста, а затем центральных улиц столицы и Зимнего Дворца. В Москве 15 мая 1883 г. во время торжеств по случаю коронации императора Александра III электрическая иллюминацией украсила Кремль. Для осуществления этого проекта была построена специальная электростанция на Софийской набережной.

Изучением возможностей электрификации России занималась первая в мире специальная организационная структура - VI отдел Русского технического общества, созданный 30 января 1880 г. Практическая реализация многих проектов электрификации осуществлялась «Обществом Электрического Освещения 1886 года». В 1886 г. император Александра III своим высочайшим Указом утвердил устав Общества, основанного К. Ф. Сименсом. Немец по происхождению, он в 1853 г. принял российское подданство, получил статус купца первой гильдии, владел предприятиями по производству электрических машин, телеграфной аппаратуры, кабельной

продукции. Учрежденное им Общество построило несколько крупных тепловых электростанций в Москве и Санкт-Петербурге.

Масштабные проекты развития электричества потребовали создания отечественной школы подготовки кадров инженеров-энергетиков. В 1905 г. в Императорском Московском техническом училище (ИМТУ), ныне МГТУ им. Н. Э. Баумана, началось обучение студентов по электротехнике, и уже в 1917 г. было выпущено 74 инженера-электрика.

Советская эпоха в истории России — это передовые достижения в мировой энергетике, начиная от плана ГОЭЛРО, включая строительство энергетических гигантов, первых атомных электростанций, создание Единой энергетической системы СССР и Единой энергетической системы «Мир».

Созданный в 1930 г., в годы первой пятилетки, Московский энергетический институт более девяноста лет занимает ведущие позиции в подготовке высококвалифицированных кадров инженеров-энергетиков для России, стран ближнего и дальнего зарубежья. В история МЭИ отразились основные этапы развития энергетики и российской истории XX-первых десятилетий XXI в. [5].

Еще в дореволюционное время стало понятно, что осуществить гигантские планы электрификации России возможно только под руководством государства. Советский опыт подтвердил необходимость сильного государственного начала для развития энергетической системы и всех структур, которые с ней связаны, включая подготовку высококвалифицированных специалистов.

Изучение истории отечественной энергетики и конкретного энергетического вуза - НИУ «МЭИ» дает возможность донести до студентов важнейший посыл Концепции - о решающей роли государства на всех этапах российской истории: именно сильная центральная власть обеспечивала и обеспечивает национальную безопасность, поступательное развитие страны, прочность и единство российского общества.

Заключение

Изменения Федеральных государственных стандартов преподавания «Истории России» и разработка Концепции является в современной действительности насущной необходимостью для повышение образовательной значимости и воспитательной функции истории, поскольку формирует у студенческой молодежи историческое сознание, патриотизм, гражданскую ответственность, способствует достижению социальной стабильности в российском обществе.

Но это лишь начало работы по реализации масштабных планов качественного изменения системы непрофессионального исторического образования в высшей школе.

Список литературы

1. В Минобрнауки России утвердили Концепцию преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки // Министерство науки и высшего образования. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/63748 (дата обращения 29.05.2023).
2. Всероссийское совещание деканов и заведующих кафедрами истории исторических факультетов вузов России // Институт всеобщей истории РАН. URL: https://igh.ru/news/vserossiiskoe-soveschanie-dekanov-i-zaveduuschih-kafedrami-istorii-istoricheskih-fakultetov-vuzov-rossii?locale=en (дата обращения 29.05.2023).
3. Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего

образования. URL https://minobrnauki.gov.ru/Концепция1.pdf. (дата обращения 29.05.2023).
4. Профессорский форум 2022. Исторические науки // Видео материалы. URL: https://профессор.рф/videomaterial-2022-2/ (дата обращения 29.05.2023).
5. См.: Смирнова М.И. Вехи истории Московского энергетического института//Вестник МЭИ.2015. №1.С.5-16; Смирнова М.И. Великая Отечественная война в судьбе московского энергетического института// Вестник МЭИ, 2015. №2.С.5-11; Ермишина Н.Д., Смирнова М.И. Создатели плана ГОЭЛРО: Классон Роберт Эдуардович // Вестник МЭИ 2021. №6. С.152-162 и др.
6. Смирнова М.И. Гуманитарная составляющая профессиональной подготовки студентов национальных исследовательских университетов //Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сборник статей. В 2 т. Т. 2. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2017.С.86-89.

УДК 930

Исторический нарратив в современной блогосфере

Токарева Елена Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент.
Московский городской педагогический университет.
Москва, Россия.
e-mail: Tokare-elena@yandex.ru
ORCID ID: 0000–0003–3551–2375

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу способов представления исторического нарратива на современных сайтах, в блогах русскоязычного сегмента интернета. Очевидно, что пространство современной публичной истории находится под влиянием блогосферы и профессиональным историкам необходимо принимать непосредственное участие в создании публичной истории, в том числе с помощью информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Это позволит снизить угрозу хаотического развития самой науки, значительно повысит качество исторического нарратива в публичной сфере, сделает современные блогерские практики и академические издания взаимно дополняющими способами подачи исторического материала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Исторический нарратив, блогосфера, современная история, публичная история.

Акцент на блогосфере при исследовании качественного состояния исторической науки необходим и актуален: исторический нарратив включен в публичное пространство, в том числе в сферу Интернета, который для современных граждан, особенно молодых, является более привлекательным, чем книга, источником информации. Актуальность исследования особенностей современной блогосферы, которая стала одним из способов распространения исторического знания, определяется уже те обстоятельством, что непосредственными участниками формирования истории нашей страны и общества стали в том числе создатели и авторы блогов. Впрочем, эта проблема характерна не только для России.

Отметим, нарратив публичной истории связан с коллективной памятью, с академической исторической наукой, и имеет фундаментальное историческое значение. Однако, многие посты исторической тематики, чаще всего анонимных блогеров, способны даже оттолкнуть от научного подхода к проблеме, оказать отрицательное влияние не только на восприятие официальной истории, но и, в случае с обучающейся молодежью, на формирование мировоззрения школьника, его личности, также на формирование чувства патриотизма, уважения к своему Отечеству.

Отметим, что в Интернете уже в достаточном количестве существуют блоги отдельных профессиональных историков, открываются веб-площадки, где публикуются статьи исследователей-историков. И все же большему количеству современных работников научной и педагогической сферы необходимо понимание блогосферы как современного способа коммуникации и распространения исторического знания.

Статья продолжает исследования роли блогов в формировании исторического знания в современной России, когда сами площадки анализировались как явление новой интерактивной политической культуры в процессе политической коммуникации [17]. Исследовательский ракурс в настоящей работе сконцентрирован на самой блогосфере. Под историческим нарративом в статье понимается форма презентации исторической реальности и непосредственно повествование, которое содержит в себе интерпретацию прошлого, дает представление о ходе и логике исторического процесса

Цель работы – осуществить анализ вариантов представления исторического нарратива и способов презентации исторического повествования в современных блогах. При анализе блогосферы основной акцент сделан на веб-площадках исторической тематики, контент которых в наибольшей степени далек от содержания академических изданий, учебников истории, во многом противоречит ему, однако является привлекательным для современных читателей, особенно молодых.

Проблема актуальна, так как, во-первых, изменились сами способы существования исторического знания в практиках повседневной жизни. Исторический нарратив стал неотъемлемой частью публичного пространства, в том числе информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Во-вторых, изменились и потребители этого знания, для которых Интернет, в отличие от книги, является необходимым компонентом каждодневного бытия.

К третьему десятилетию XXI в. процесс аккумулирования и трансляции исторического знания значительно изменился. Оно стало распространяться не только представителями академических кругов, профессиональными историками и деятелями политики. Практика публичной истории, связанной со значимым для каждого государства вопросом сохранения исторического наследия, расширила круг акторов и изменила способы подачи материала. Передача знаний теперь осуществляется не только в форме книг или привычных лекций, уроков об исторических событиях, лицах, фактах. Благодаря цифровым возможностям стали создаваться веб-площадки, на которых публикуется исторический контент, текстовый или медийный.

Однако публичная история – многоплановая сфера, в которой пока отсутствуют четкие, слаженные механизмы по выстраиванию диалога между академическим сообществом, создателями исторического нарратива и широкой общественностью. И угроза хаотического развития публичной истории существует: цифровая публичная история по-своему трактует нам многогранное прошлое, и профессиональному сообществу, научному и педагогическому, сложно контролировать данный процесс.

Исторический нарратив в блогосфере разворачивается на веб-площадках, которые условно можно разделить на три типа. Во-первых, это сайты профессиональных историков. Авторы постов на исторические темы имеют высшее историческое образование и, как правило, ученую степень. Они могут работать в научно-исследовательских или образовательных организациях. Например, укажем на блоги кандидата исторических наук А. В. Исаева [1], кандидата исторических наук В. И. Бакланова [16], кандидата исторических наук А. И. Фурсова [2; 3], историка и писателя С. Э. Цветкова [4; 14]. На этих ресурсах авторы знакомят с проблемами исторического осмысления событий и явлений прошлого, высказывают собственное видение исторических событий.

Во-вторых, это веб-площадки, на которых создатели сайта публикуют чужие тексты. Они размещают их с разрешения автора или просто приводят библиографическую ссылку на используемый материал. Дата опубликования текста может не указываться, возможность комментировать тоже часто отключается. Однако подобные ресурсы можно отнести к блогам, так как взаимодействие с читателем установлено: каждому предлагается оценить статью по пятибалльной шкале и поделиться текстом в социальных сетях. К этому типу веб-площадок можно отнести сайт «Российская империя: история государства Российского» [13]. Создатели подобных сайтов открыто сообщают о себе или предоставляют ссылки на свои другие тематические блоги.

В-третьих, в Интернете создаются анонимные ресурсы, где авторство постов остается под вопросом: указание на используемый материал в конце текста отсутствует. Такие блоги пользователи создают с помощью платформы «Яндекс.Дзен»

или открывают отдельные сайты. Среди площадок этого типа – блоги «История России», «История СССР», «Историк», «Истории от историка» [8; 9; 7; 6]. Публикуемые на подобных ресурсах тексты в наибольшей степени далеки от исторического нарратива привычных исторических изданий как по форме подачи материала, так и по содержанию. Однако именно эти блоги составляют конкуренцию традиционным академическим материалам, так как способны привлечь и надолго задержать внимание зрителя/слушателя.

На первый взгляд, анонимность блогов должна оттолкнуть от содержания ресурсов, вызвать недоверие. Но этого не происходит из-за особой подачи материала. Если зайти на главную страницу любого блога, созданного на платформе «Яндекс.Дзен», пользователь увидит галерею ярких изображений. На каждом изображении – заголовок и название ресурса. Чтобы открыть пост, необходимо кликнуть на картинку, произойдет переход на страницу с текстом. Перечислим некоторые заголовки блога, автор которого называет свой ресурс историческим; большинство названий сформулированы в форме вопроса:

какое стрелковое оружие стояло на вооружении в Красной армии во время Великой Отечественной;

как авария Чернобыльской АЭС повлияла на развал СССР;

какие существовали касты в тюрьмах СССР;

в каком порядке республики выходили из Советского Союза;

с каким оружием воевали немцы в Великую отечественную войну;

зачем Сталин вручил обычной уборщице Сталинскую премию в 50 тысяч рублей [9].

Подчеркнем: под каждым подобным заголовком на ярком изображении приводится название блога: История СССР. Клиповое сознание неподготовленного потребителя даже без чтения подобных текстов, а просто при пролистывании страницы, зафиксирует взаимосвязь заявленных в заголовках тем с историей Советского Союза, что может сразу придать отрицательную коннотацию в восприятии событий новейшей истории России.

Такую структуру имеют все главные страницы блогов, созданных на платформе «Яндекс.Дзен». Как уже отмечалось, она привлекательна для фрагментарного мышления. Основные особенности такого типа мышления: упрощенный способ восприятия и выражения информации, подвижность и поспешность, в том числе при формулировке выводов, конкретность и затруднения в абстрагировании, сниженная способность к запоминанию, алогичность. Человек с фрагментарным мышлением воспринимает несвязанные между собой образы, которые анонимные блоги подают в форме ярких картинок с надписями – заголовками постов и соединяет их в одну структуру благодаря повторяющемуся на каждой картинке названию блога (в рассмотренном случае – история СССР).

Подобное размещение визуального материала характерно и для многих сайтов. Оформлению верхней части любого веб-ресурса, так называемой шапке сайта или хедеру (от англ. header), всегда уделяется много внимания. Причем при переходе с главной страницы сайта на другие разделы хедер может модифицироваться: меняются размеры картинки или само изображение. Манера подачи материала создает привычную ситуацию поиска нужной информации в Интернете, когда в строку поиска печатают интересный для пользователя вопрос, а система выдает ответ. Другими словами, данный вопрос становится в восприятии человека с фрагментарным мышлением не только своеобразным поисковым запросом, но и тегом, связанным с конкретным нарративным сюжетом. Своеобразными тегами также становятся основные понятия, имена исторических личностей, названия событий.

Однако проблема влияния на представителей молодого поколения веб-ресурсов, которые позиционируют себя как исторические, остается. В первую очередь речь идет об анонимных блогах. Если в первом десятилетии XXI в., согласно исследованиям того времени, молодое поколение еще выбирало между Интернетом, телевидением, печатными изданиями, СМИ, радио [11], то в начале третьего десятилетия выбор очевиден – это Интернет. Выше были рассмотрены особенности подачи материала на анонимных блогах, подчеркнута ее визуальная привлекательность для потребителей с клиповым мышлением. Мы не можем остановиться даже кратко на содержательной стороне подобных веб-площадок. Однако, обратим внимание на некоторые обстоятельства.

В блоге «История России», где также господствует дискретный способ подачи материала, привлекательный для подписчика, буквально рядом опубликованы тексты о командовавших своим расстрелом белых генералах, заблуждениях Наполеона и труде бурлаков, о судьбе убивших Павла I заговорщиков, ненависти Маркса и Энгельса к русским и знаменитых живущих сегодня потомках Рюриковичей, о последнем русском князе Британских островов короле Артуре, заботе помещиков о своих крепостных, о питании монгольских воинов в походе и т. п. В подобных постах конкретный исторический факт часто становится поводом для альтернативного исторического сюжета, кухонно-бытового описания, бульварного повествования.

По подобному принципу создается и публикуется материал и на веб-ресурсах, созданных вне платформы «Яндекс.Дзен». Так, создатель сайта «Историк» [7] позиционирует свой ресурс как блог исторических фактов XIX, XX и XXI веков – именно такое название ресурса видит пользователь Интернета, который наберет поисковый запрос «историк». Однако на самом сайте об исторических фактах можно узнать в разделе «Война», другие разделы «блога исторических фактов» посвящены кино, истории успеха, моде и стилю, истории любви: именно эти разделы включены в верхнее меню веб-ресурса и сразу видны пользователю.

На первый взгляд, исторический нарратив на рассмотренных анонимных блогах можно отнести к сфере публичной истории: посты пишутся на исторические темы; иногда публикуются тексты о неосуществленных моделях политического развития («Что, если бы Русь устояла против монголов» [8, URL: https://clck.ru/34kqZq]; «Что за ССГ хотел создать Горбачев и почему это не было реализовано?» [8, URL: https://clck.ru/34kqeq]). Однако публикации, скорее, относятся к сфере популярной истории, подобно фильмам, компьютерным играм на историческую тему [18]. Они дают сопричастность к такой истории, где реальные события перемешаны с фантазией, домыслами, предсказаниями, бульварными подробностями. На таких ресурсах отсутствуют характерные для нарратива публичной истории акценты на полезность исторического знания, они не побуждают к углубленному осмыслению общественной связи с прошлым.

Причем для привлечения подписчиков, читателей своего блога,создатели веб-ресурсов часто включают в заголовки своих постов и начало текста такие слова, предложения, которые формируют отрицательное отношение к собственной истории. Вот как начинается пост о русско-турецких войнах, датированный 17 декабря 2020 г., опубликованный на анонимном блоге «История России»: «Со школьной скамьи мы привыкли к вколачиваемому в нас убеждению, будто Россия ни на кого не нападала, а нападали только на неё» [8, URL: https://clck.ru/34kqix]. Приведем также начало текста «Циркуляр Александра III о «кухаркиных детях»: ошибка, стоившая страны» с этого же блога, с отрицательной коннотацией: «История России знает тысячи указов, сотни законов, десятки манифестов, но попробуйте вспомнить ещё хотя бы один «циркуляр», который удостоился бы упоминания в учебниках» [8, URL: https://clck.ru/34kqky].

Публичная история создается обществом и способствует укреплению исторической науки в общественном бытии. Е. М. Исаев отмечает, что «феномен появления публичной истории тесно связан с желанием не только преодолеть растущую пропасть между академической историей и публикой, но и удовлетворить общественный запрос на историю» [5, с. 8]. В связи с этим актуальными становится вопрос о создании такого исторического нарратива, который имеет историческое значение, может быть включен в коллективную память и, конечно, в основе которого лежит подлинный академический сюжет.

Все-таки современные потребители как «люди экрана» в первую очередь нацелены на Интернет, а не на печатную литературу. Информационно-телекоммуникационная сеть позволяет им активизировать те стороны клипового мышления, которые в современных исследованиях определяются как позитивные. Это стремление потреблять значительный объем информации, способность переключаться с одной информации на другую, потребность в потреблении информации благодаря осознанию важности владения ею [10, с. 69].

Профессиональные историки, работники научной и педагогической сферы, конечно, не могут контролировать появление и развитие ресурсов, подобных рассмотренным анонимным блогам. Однако академико-педагогическое сообщество в состоянии принять непосредственное участие в создании, развитии, публичной истории, в том числе с помощью Интернета, тем самым снизить опасность ее хаотического развития. История сегодня представляет собой открытую виртуальную информационно-коммуникационную площадку для всех, в том числе и для представителей академического и педагогического сообщества. Такое участие в создании публичной истории способно повлиять на качество исторического нарратива в публичной сфере, на качество работы с историческим материалом и задать конкретные стандарты этой деятельности.

Список литературы

1. Алексей Исаев: [блог на Facebook]. URL: https://clck.ru/34kpxr (дата обращения: 12.04.2021).
2. Андрей Ильич Фурсов: [блог А. И. Фурсова на «Яндекс.Дзен»]. URL: https://clck.ru/34kqAm (дата обращения: 12.04.2021).
3. Андрей Фурсов: [видеоблог на YouTube]. URL: https://clck.ru/Yzyf2 (дата обращения: 12.04.2021).
4. Забытые истории: [блог С. Э. Цветкова на LiveJournal]. URL: https://clck.ru/34kqE6 (дата обращения: 12.04.2021).
5. Исаев Е. М. Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. История. 2016. № 2 (33). С. 7–13.
6. Истории от историка [анонимный блог на «Яндекс.Дзен»]. URL: https://clck.ru/34kqFT (дата обращения: 12.04.2021).
7. Историк: [анонимный сайт]. URL: https://istorik.net/ (дата обращения: 12.04.2021).
8. История России: [анонимный блог на «Яндекс.Дзен»]. URL: https://clck.ru/34kqFx (дата обращения: 12.04.2021).
9. История СССР: [анонимный блог на «Яндекс.Дзен»]. URL: https://clck.ru/34kqGK (дата обращения: 12.04.2021).
10. Купчинская М. А., Юдалевич Н. В. Клиповое мышление как феномен современного общества // Бизнес-образование в экономике знаний. 2019. № 3 (14). С. 66–71.
11. Митягина Е. В., Долгополова Н. С. «Клиповое сознание» молодежи в современном информационном обществе // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2009. № 3 (15). С. 53–59.
12. Последний гуманист галантного века: [блог А. В. Исаева на LiveJournal]. URL: https://clck.ru/34kqGf/ (дата обращения: 12.04.2021).

13. Российская империя: история государства Российского: [сайт С. В. Сусликова]. URL: https://www.rusempire.ru/ (дата обращения: 12.04.2021)
14. Сергей Цветков: [блог С. Э. Цветкова на Переформат.ру]. URL: http://pereformat.ru/tsvetkov/ (дата обращения: 12.04.2021).
15. Старицына О. А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2018. Т. 7. № 2 (23). С. 270–274.
16. Территория историка: [сайт В. И. Бакланова]. URL: http://historick.ru/ (дата обращения: 12.04.2021).
17. Токарева Е. А. Пространство современной публичной истории: от зрительского внимания к политическому дискурсу // Преподаватель XXI век. 2020. № 2–2. С 255–265. DOI: 10.31862/2073-9613-2020-2-255-265
18. Шевелева А. П. История: академическая, популярная, публичная // Артикульт. 2013. № 3 (11). С. 4–8.

УДК 340.03

Особенности исторической гносеологии Сибири в контексте истории России

Яценко Михаил Петрович
доктор философских наук, профессор.
Сибирский федеральный университет,
кафедра истории России, мировых и региональных цивилизаций.
Красноярск, Россия.
mikhailyatzenko@yandex.ru
ORCID ID:

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию особенностей исторического познания в Сибири как важной составной частью России. Автор анализирует проблемы, которые проявляются в гуманитарном образовании, и показывает специфику их в сибирском регионе. Историческое образование в Сибири во многом обусловлено множеством этносов, населяющих этот огромный регион. В статье показано, что мировая историческая наука переживает смену парадигм, методологических установок, что в полной мере проявляется в сибирском регионе. Автор доказывает, что историческая гносеология Сибири должна рассматриваться в контексте истории России. Наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере определяет будущее.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История Сибири, историческая гносеология, сибирский регион, учебное познание.

Актуальность статьи обусловлена следующими ведущими факторами. Во-первых, глобализационные тенденции интенсифицировали информационные процессы, которые в полной мере проявились в попытках фальсификации исторического прошлого, в первую очередь, его героических страниц. Во-вторых, евразийский геополитический поворот, характерный для России последних лет, актуализировал интерес к истории конкретных регионов, а Сибирь в этом плане занимает особое место. В-третьих, Сибирь можно рассматривать в качестве модели всей нашей страны, поскольку этот огромный край характеризуется многонациональностью и многоконфессиональностью.

Все больше ученых не только на уровне страны, но также в регионах, приходят к выводу о необходимости бережного отношения к истории, потому что во многом к современному кризису привело тщеславное убеждение человека Нового времени в неограниченности своих возможностей [1, с. 6]. Вот почему так важно сегодня осознать и в науке, что история, в том числе и новейшего времени, – «…это не просто нагромождение фактов, значительных и не очень, не хронологическая таблица, не галерея персонажей, сменявших один другого на политической сцене. Она спрессованный коллективный опыт человечества. Если мудрый человек силен тем, что называют жизненным опытом, то знание «минувшей судьбы» предшествующих поколений – бесценное общественное богатство» [2, с. 269].

Сейчас мировая историческая наука переживает смену парадигм, методологических установок, сближаясь с психологией, двигаясь к истории социальных представлений и ментальностей [3, с. 149]. В частности, широко распространен подход, согласно которому развитие человечества характеризуется принципиальным единством. Этот подход нашел выражение в эволюционистской парадигме. К одному из ее вариантов с некоторой долей условности можно отнести формационную теорию. Классическая концепция модернизации также основывается на версии эволюционистского подхода, который недостаточно чувствителен к

вариативному изменению истории. Эволюционной парадигме противостоят мультилинейные теории, сторонники которых подчеркивают вариативность моделей, этапов развития. Данный подход нашел яркое выражение в теории локальных цивилизаций, обращающей внимание на особенности динамики отдельных цивилизаций или культур. В основе второго подхода лежит идея множественности цивилизационных законов. При этом, однако, фактически элиминируется идея единства истории, исчезают тенденции развития человечества.

Учебное историческое познание является процессом познавательной деятельности историка и зависит от целого ряда параметров, характерных для Сибири.

1. Общеизвестно, что прошлое тесным образом связано с современностью, однако история Сибири настолько разнообразна, что охватить все ее проявления на уровне учебного познания вряд ли представляется возможным, поэтому решать эту проблему призваны спецкурсы и факультативы.

2. Учебное историческое познание, характерное для Сибири, в большей степени, чем в других регионах, обусловлено знаниями полученного предыдущим поколением исследователей и зафиксированного в сформированном идеале научного знания предшествующей эпохи.

3. В Сибири особое значение имеют мировоззренческие предпосылки изучающего историю, что связано с особым положением этой территории, поэтому важно исходить из аксиологических установок обучающихся.

Одна из причин кризиса учебного исторического познания, по нашему мнению, состоит как раз в недооценке указанных факторов, потому что современная наука выросла из воззрений индустриальной эпохи на гуманитарную сферу. В частности, естествознание через системный подход выхолостило гуманитарную сферу, тем самым она была разорвана на куски, различные дисциплины, поддисциплины и т. д.; обобщающий синтез явлений подменен анализом; методология пока не вооружена наддисциплинарным подходом к исследованию. Естественно, что данная ситуация в полной мере отражается на исторической гносеологии Сибири.

Согласно исследованиям в социальной сфере, радикальные изменения, которые окажут наиболее сильное влияние на всю дальнейшую судьбу развития цивилизации, произойдут именно в гуманитарной сфере. Мировое сообщество находится на пороге новой гуманитарной революции, напрямую связанной с образовательной революцией, благодаря которой можно будет сформировать новое системное мышление, развить новый глобальный инновационный образовательный проект – образование в интересах устойчивого развития, нацеленный на экологически-безопасное развитие всего человечества. Сибирь можно рассматривать в качестве модели не только России, но и всего мирового сообщества, поскольку включает в себя различные этносы, религии. Кроме того, на систему исторического образования оказывают влияния не только восточные, но также западноевропейские тенденции.

Современное состояние исторической гносеологии Сибири является результатом того, что постоянно происходил и происходит сложный процесс дифференциации исторического познания и возникновение исторической науки. В философии истории выделяются как бы два направления: один образует знания, обращенные к исторической реальности, другой – знания, выявляющие логическую структуру и методологические основания самого исторического познания.

Историческая гносеология охватывает все формы познания, все познавательные структуры, присутствующие в обыденном знании, в художественном, философском, политическом и научном познании. Поскольку «…логика истории первая вскрывает глубочайшую сущность логического вообще, она не может ограничиться областью истории, но должна охватить весь мир, следовательно, природу… Обычная же логика естественных наук может быть лишь логикой скользящего по поверхности мышления,

сводящегося на опосредованное впечатление и его расчленяющую рефлексию, логикою, которая еще не принимает во внимание взаимного опосредования подвижной действительности в ее частях и в целом. Эта логика может быть только абстрактной рефлексией, которая абстрагирует из подлинного жизненного единства всякое единичное, изолирует его в рефлексии и затем внешне связывает его в известную совокупность» [4, с. 214].

Классическая концепция модернизации также основывается на версии эволюционистского подхода, который недостаточно чувствителен к вариативному изменению истории. Поэтому актуально звучит утверждение Э.Морены: «Суть дела не в том, чтобы отказаться от познания частей в пользу познания целостностей или отказаться от анализа в пользу синтеза; надо соединить и то и другое. Это – вызов сложности, с которым мы неотвратимо сталкиваемся в нашу планетарную эру». Понимание глубины глобальных проблем провоцирует в обществе вызов неопределенности, который, согласно Э.Морену, состоит прежде всего в утрате будущего: «В XX в. люди обнаружили, что утратили будущее, ибо установили, что будущее непредсказуемое… Будущее остается открытым и непредсказуемым». Кроме того, люди осознали, что «история отнюдь не представляет собой линейную эволюцию… История – это сложное сплетение порядка, беспорядка и организации» [5, с. 16–19].

В своем поиске целостного взгляда на мир Л.Стародубцева, например, рассматривает три основных способа познания мира – богословский, философский и научный. Развитие и дифференциация этих трех областей знания достигли к настоящему времени, как ей кажется, катастрофических масштабов: «… употребляя сегодня сами понятия «богословие», «философия» и «наука», мы не можем ни на миг забывать, что за каждым из них – необозримый спектр далеко разбежавшихся друг от друга и иногда причудливо сталкивающихся школ и направлений» [6, с. 193-194].

Длительный период в человеческой истории преобладала пространственно-территориальная дезинтеграция, расселение и рассеяние родоплеменных общностей по земной поверхности. Лишь отчасти эта тенденция сдерживалась непосредственным общением разрозненных коллективов. Процесс дивергенции, обособляющей специализацию этнокультурных и этнополитических общностей постепенно сменяется конвергенцией, сближающей универсализацией способов их воспроизводства активнее всего в духовной сфере по мере распространения мировых религий. Объективно преобладание конвергенции над дивергенцией закрепляется в эпоху утверждения индустриальной цивилизации, капиталистической общественной формации.

Для понимания истории Сибири большое значение имеет тот факт, что эволюционной парадигме противостоят мультилинейные теории, сторонники которых подчеркивают вариативность моделей, этапов развития. Данный подход нашел яркое выражение в теории локальных цивилизаций, обращающей внимание на особенности динамики отдельных цивилизаций или культур. В основе второго подхода лежит идея множественности цивилизационных законов. При этом, однако, фактически элиминируется идея единства истории, исчезают тенденции развития человечества. Главная опасность состоит в том, что глобализация как она сейчас разворачивается в горизонте подчиненности субъективным интересам, ведет к изменению, а в тенденции и к устранению национальных культур, до сих пор выступающих основой цивилизационного разнообразия человечества [7, с. 233–238].

Для решения проблем, связанных с повышением эффективности исторического образования в Сибири, важно учитывать, что содержание, цели и задачи современного образования все больше отстают от глобальных тенденций становления информационного общества. Выражается это в первую очередь в том, что образовательные услуги, в связи с переходом на рыночные отношения, получили конкретное стоимостное выражение, что определило прагматический, утилизированный подход к образованию, который стал выражаться в «зацикленности», «заземленности» на решении практических задач. История приобретает, в связи с этим особое положение. Резко возрастает статус истории в связи с тем, что сегодня во всем мире остро стоит проблема преодоления гуманитарного кризиса образования, который особенно отчетливо проявляется в Сибири. Данный кризис можно преодолеть путем смены экономической потребительской парадигмы на новую – гуманистическую, в том числе и в сфере образования. В основе новой гуманистической парадигмы заложен мощный гуманитарный компонент, который способен изменить человека, его мировоззрение, систему ценностей, моральные установки и нравственность, интеллект и образованность.

Перед историками Сибири стоят, как минимум, две проблемы, касающиеся структуры и элементов исторического действия, а именно: 1) необходимость нового рассмотрения проблемы субъекта исторического действия, формирующего современные процессы развития в условиях кризиса модели национального государства; 2) оценку жизнеспособности концепции суверенного государства в условиях глобализации и развития информационных технологий, а также установление связи деятельности элит с «духом народа», esprit genera [8, с. 147-168].

Полноценное понимание особенностей исторического познания в Сибири обусловлено тем, что «повсюду, где мы видим людей, они рассеяны и различны как индивидуумы и как расы; мы видим множество культур на разной стадии развития, различное их возникновение, которому, несомненно, уже предшествовало неведомое нам существование человека. Единство ведет нас за собой в качестве представления о неком образе, завершенном во взаимности множества людей. Однако подобные представления всегда неопределенны. Если мировая история в целом движется от одного полюса к другому, то происходит это таким образом, что все, доступное нам, заключено между этими полюсами. Это – становление единств, преисполненные энтузиазмом поиски единства, которые сменяются столь же страстным разрушением единств» [9, с. 269–271].

Таким образом, историческая гносеология Сибири должна рассматриваться в контексте истории России, поскольку наличие соответствующим образом интерпретированного исторического опыта других народов в значительной мере облегчает элите, ответственной за принятие решения, транслирование этого решения в массы. Значительно уменьшается необходимость теоретического обоснования выбранного пути, иногда достаточными становятся лишь ссылки на здравый смысл общества и положительный пример. В настоящее время с расширением роли коммуникативных процессов особую актуальность приобрела проблема трансляции социального опыта «со стороны», попыток легитимизировать модернизационные процессы, инициатором и источником которых выступает сила, внешняя по отношению к данному обществу.

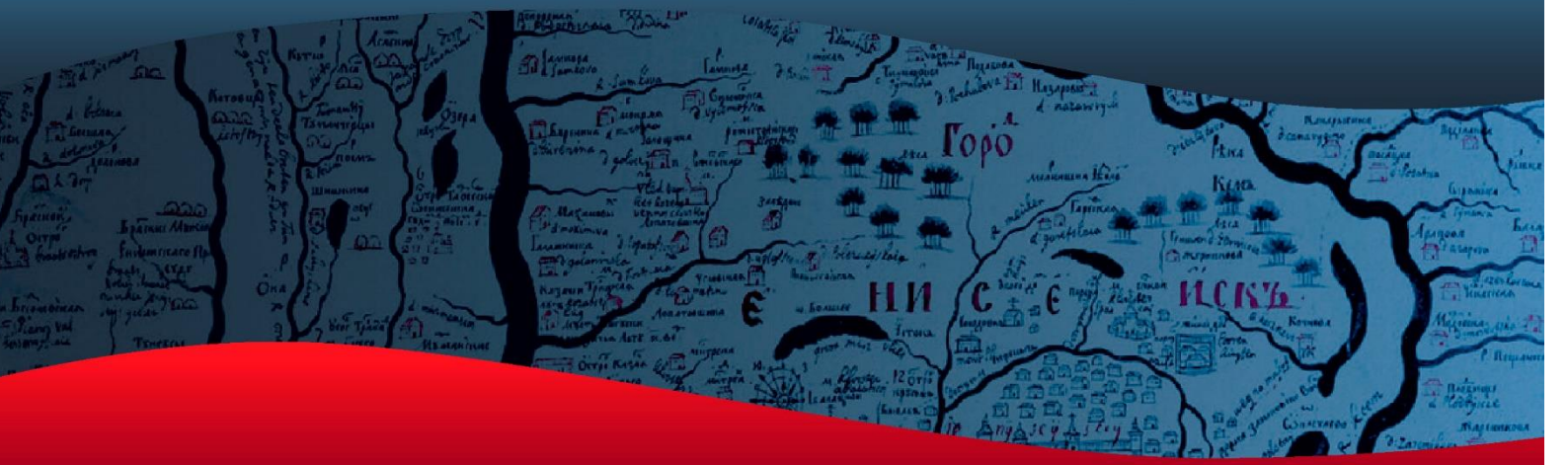
Список литературы

1. Киселев Г. С. Смыслы и ценности нового века / Г.С. Киселев // Вопросы философии. – 2006. – № 4. – С. 3-16.
2. Зорин В. Неизвестное об известном / В.Зорин. – М., 2000. – 270 с.

3. Дубровский А. М. Александр Александрович Зимин: трудный путь исканий / А.М. Дубровский // Отечественная история. – 2005. – № 4. – С. 140 – 151.
4. Трёльч Э. Историзм и его проблемы / Э. Трёльч – М.: Юрист, 1992. – 720 с.
5. Морена Э. Принципы познания сложного в науке XXI века.// Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире /Отв. ред. Н.К.Удумян. М., 2004. С. 5-19.
6. 7. Стародубцева Л. Взгляд Линнея, или мир сквозь линзы умозрений / Л. Стародубцева // Вторая навигация: Альманах. – Запорожье: Дикое поле, 2006. – №6. С. 186-202.
7. 8. Кирвель Ч.С., Стрельченко В.И. Глобализация образования и социальные стратегии современности / Ч.С. Кирвель, В.И. Стрельченко // Диалог поколений и культур в контексте глобализации: Материалы Международной конференции «Конфликт поколений в контексте информационной глобализации». СПб., Изд-во политех. ун-та, 2007. С. 233-243.
8. 9. Дудник, С. И. История и историческое сознание / С. И. Дудник // Я (А. Слинин) и МЫ. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002. – Вып. X. С. 147-168.
9. 10.Ясперс К. Смысл и назначение истории / К.Ясперс. – М. : Политиздат, 1991. – 527 с.

СИБИРСКИЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРУМ

КРАЕВЕДЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

УДК 329.78

Фонд Н.И. Ездакова как источник историко-культурного исследования

Бабич Тамара Александровна
старший научный сотрудник МБУК «Сургутский краеведческий музей».
Сургут, Россия.
babichtoma@mail.ru
ORCID: 0009-0003-2806-0611

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются материалы фонда личного происхождения – рабочие тетради сургутского журналиста и краеведа Н.И. Ездакова. Эти источники углубляют сведения по истории сургутского комсомола 1919–1921 гг., расширяют представления о лидере комсомольской ячейки г. Сургута Иване Кайдалове, трагически погибшем во время Западно-Сибирского восстания (кулацко-эсеровского мятежа) 1921 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Фонд личного происхождения, Н.И. Ездаков, Западно-Сибирское восстание 1921 г., Сургутский комсомол, Иван Кайдалов.

История Тюменского региона 1920-х гг. продолжает вызывать интерес современных исследователей. Еще полностью не раскрыты многие вопросы становления советских органов управления, социальной организации общества. Постоянными источниками познания являются официальные документы, публицистика, мемуары, дневники. Полезными оказываются и музейные краеведческие материалы советского периода. Имеются они и в Сургутском краеведческом музее. В состав фонда личного происхождения входят рабочие тетради сургутского журналиста и краеведа Николая Ивановича Ездакова (1922–1982).

Наследие Ездакова – это 31 общая тетрадь, датируемая 1968–1980 гг. В них зафиксированы сведения о людях, связанных с Сургутским краем, его событиях, культуре, бытовой жизни. Там же содержатся копии писем и документов, выкопировки из книг, личные переживания, размышления, оценки. Главной областью интересов журналиста были события Западно-Сибирского восстания 1921 г. и участие комсомола в этом процессе.

В советский период это гражданское противостояние на Обском Севере называли Ишимско-Петропавловским кулацко-эсеровским мятежом. Ездаков пользовался сокращенным определением – кулацко-эсеровский мятеж. Значительная часть тетрадей озаглавлена – «Мятеж. 1921 год».

Работая над этой темой, журналист предпринял попытку комплексного подхода к изучению событий, происходивших в Сургутском крае. Его интересовали и трудовая деятельность молодых людей, и досуг – какие песни пели, во что одевались и т. д., и взаимоотношения с товарищами, не вступившими в комсомол. Ездаков не спешил давать событийную оценку, не разбрасывался коммунистическими лозунгами, пытаясь разобраться в происходящем. Сведения, собранные им по этому вопросу, до конца не систематизированы и время от времени обнаруживаются новые факты.

Причины такого исследовательского интереса Ездакова не известны. Возможно, это решение появилось в период работы в оргкомитете по созданию Сургутского краеведческого музея. Тогда, кроме намеченных направлений работы комитета, были определены и области изучения сургутской истории. Являлось ли это для Ездакова новым направлением, или он уже занимался данным вопросом, выяснить не удалось. К сожалению, в музей поступили не все рабочие материалы журналиста. Возможно, тетради, хранящиеся в частных собраниях, хранят развязку этой истории.

Детально работая с персоналиями, он занимался перепиской с семьями, архивами, библиотеками, стремился, где это было возможным, к личному контакту. Известно, что с одной из участниц боев за установление советской власти на Обском Севере, К.П. Дорониной, он был знаком еще до приезда в Сургут в период работы в с. Уват Тюменской области [3, с. 69].

У сургутского журналиста тема «Мятеж 1921 год» объединяет несколько сюжетных линий:

- история и деятельность (в том числе и досуговая) первой комсомольской организации, участие ее членов в боях с повстанцами;
- деятельность партийного руководства;
- собственно события конфликта.

Настоящая работа посвящена результатам исследования Ездакова в области истории первой комсомольской организации.

Собирая материалы, журналист общался с очевидцами, работал с архивными документами и литературой, вел переписку с музеями и организациями, изучал работы исследователей по данному вопросу. С трудом доставая книги по МБА[77], он переписывал их, например, А.И. Иванова «Из истории комсомола на Обском Севере», 1958; М.А. Богданова «Разгром Западно-Сибирского кулацко-эсеровского мятежа 1921 года», 1961; К. Хейфеца «Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история Нарымско-Сургутского бандитизма)» и др. Многие книги, скопированные Ездаковым, давно стали библиографической редкостью. Также журналист не обходился без консультаций с историками – Ю.П. Прибыльским, В.А. Скубневским, М.Е. Будариным – их он знал лично.

Проблемой всех материалов была условность. Ездаков пытался докопаться до мелочей, поскольку именно они составляют целое, из них соткана история края. К примеру, изучая подробности советского освобождения Сургута, он провел большую работу по выяснению на каком именно бронепароходе прибыли в Сургут красноармейцы[78].

В настоящее время значительно расширилось представление о роли комсомола в процессе строительства советской государственности, его трансформации в условиях меняющегося общества. Например, А.А. Слезин рассматривает комсомол и как объект влияния партийных и государственных структур, и как объект влияния власти на молодежь, отмечая, что комсомол «оказал глубокое и противоречивое воздействие на российскую провинцию 1920-х годов» [2, с. 7]. О.В. Палецких провела комплексное исследование молодежи Тюменского региона 1920-х гг. как специфической социально-демографической группы общества [1]. Однако никто из профессиональных ученых пока не рассматривал рабочие тетради Ездакова в качестве исторического источника. При общей достаточной изученности истории комсомола остаются неизвестные факты. Сведения, почерпнутые из тетрадей сургутского журналиста, могут служить дополнением к имеющимся материалам.

Первые комсомольцы Сургута занимали активную позицию в начальный период советской власти. Они сразу влились в красные боевые отряды, многие трагически погибли. Ездаков уделил значительное внимание выявлению нюансов короткой биографии комсомольского лидера Ивана Кайдалова, погибшего во время событий 1921 г.

Впервые и ненадолго Советская власть была установлена в Сургуте в начале 1918 г. Затем, почти год, Сургут находился под властью правительства Колчака. В

[77] МБА – межбиблиотечный обмен, форма библиотечного обслуживания, предоставляющая читателям («абонентам») одной библиотеки возможность использования книжных фондов других библиотек. Широко использовалась в советское время.

[78] Пароход носил название «Алтай».

конце декабря 1919 г. Советы были восстановлены. Городом и уездом управлял Сургутский уездный революционный комитет.

В это же время на Обском Севере начинают создаваться первые комсомольские ячейки. В ноябре 1919 г. комсомольские ячейки появились в селах Реполово и Самарово, в декабре – в с. Базьяны.

Рождение сургутского комсомола официально относится к 31 января 1920 г. Тогда в помещении бывшего Народного дома состоялся общегородской митинг молодежи. С докладом перед молодежью выступал секретарь Сургутского укома А.П. Зырянов. Там была произведена запись желающих вступить в комсомол. В первый состав вошли 29 человек. Первым председателем Сургутского комсомола считался Иван Кайдалов [4, С. 131].

Однако материалы Ездакова внесли в этот вопрос коррективы. Возможно, сургутский журналист усомнился в том, что единственный город Тобольского Севера, центр огромного Сургутского уезда, уступил комсомольское первенство. И действительно, тетради содержат данные о том, что первая «пробная» сургутская комсомольская группа во главе с Иваном Кайдаловым была образована также в декабре 1919 г. Это произошло в Сургутском высше-начальном училище. Инициатором и организатором создания комсомольской ячейки выступил учитель А.В. Шананин. Этот человек сыграл впоследствии значительную роль в формировании нового мировоззрения сургутской молодежи и в подавлении восстания.

О первой комсомольской группе в 1968–1975 гг. писали из разных уголков страны бывшие комсомольцы и очевидцы. Например, Д.И. Гапанова хорошо помнила год образования – 1919 и сообщала имена первых вступивших в группу: Анисимов Александр, Макушин Николай, Кайдаловы Иван и Александр, Яркова Таисья, Макушина Анна, Конева Валентина.

Это же подтверждал А.Е. Менщиков, уточняя месяц создания – декабрь. Он указал Ивана Кайдалова как члена первой ячейки и то, что впоследствии он стал вожаком Сургутского комсомола. Младший брат легендарного Ивана Кайдалова – Александр, сообщал следующие подробности: «В декабре 1919 года, при участии учителя Шананина Анатолия Виссарионовича в высше-начальном училище была создана из 6 человек первая комсомольская группа во главе с И. Кайдаловым. Наши родители к вступлению нас с Ваней в комсомол отнеслись благосклонно, никаких препятствий не чинили, и ни разу не упрекнули… На первых порах мы искали, чем заняться, у многих было представление о союзе молодежи, как о культурной организации» [5. С. 1-5]. Впоследствии на базе первой группы комсомольцев в 1920 г. была создана городская комсомольская организация.

Интересно, что родители комсомольского вожака Ивана Кайдалова в политической жизни города не фигурировали. Откуда же такая революционная продвинутость? История семьи представлена в тех же тетрадях Ездакова. Источником сведений является переписка с Александром Кайдаловым.

До 1910 г. семья Кайдаловых жила в Томске. Отец – Матвей Матвеевич Кайдалов был старшим рабочим геолого-разведочной группы, работал у профессора А.М. Зайцева в Томском университете, умел делать хорошие шлифы для микроанализов, готовил образцы для коллекций и учебных пособий.

Мать – Олимпиада Александровна работала в университетском студенческом буфете. Она лично хорошо знала Сережу Кострикова, будущего партийного лидера Сергея Мироновича Кирова. Сергей Костриков был участником массовой политической стачки 1905 г. в Томске, организатором забастовки на железнодорожной станции Тайга – начала Томской ветки. Олимпиада Александровна не раз рассказывала сыновьям о событиях тех лет [5, с. 1-5].

В тетрадях Ездакова скопированы даже два письма Олимпиады Александровны (гораздо более позднего времени) с сохраненной авторской орфографией [6, с. 14]: мать комсомольского вожака была малограмотной женщиной, однако, смогла донести до сыновей революционные идеи будущего известного политического деятеля.

Постепенно становится ясно, почему такой юный сургутянин Иван Кайдалов смог возглавить комсомольскую ячейку в столь тяжелое время. Не все документы были доступны Ездакову. Он убедил А. М. Кайдалова сделать запрос в партийный архив Тюменской области как ближайшего родственника героя-комсомольца и как значимое лицо. Был получен ответ и в результате стало ясно, что пост председателя РКСМ Иван Кайдалов занял только 1 апреля 1920 г., а до него были другие люди. Однако очевидцы продолжали называть Ивана Кайдалова вожаком и первым председателем комсомольской организации. Вопрос требовал более тщательного изучения. В 1978 г. в рабочих тетрадях Ездакова появилась копия собственного письма А.М. Кайдалову: «Печатание опуса о Вашем брате отложил на неопределенный срок. Есть сведения (непроверенные), что первым председателем Сургутского Укома РКСМ был не Иван Кайдалов, а кто-то другой (Кучеров, Анисимов и т.д.). Пока не разберусь, публикации не будет» [7, с. 66].

Долгое время не было ни одного портрета Ивана Кайдалова. Всем известная сейчас фотография была обнаружена и идентифицирована Ездаковым во второй половине 1970-ых гг. До этого за комсомольского лидера принимали совсем другого человека. Ездаков так описывает произошедший с ним курьез: «Был один случай, когда мне показали лжепортрет Ивана Кайдалова. Прошу у одной учительницы (исторички-истерички) оторвать со стены для посылки Вам [А.М. Кайдалову, брату] с целью опознания. Она рога в землю. А я ей спокойно: «Попробуем все же посмотреть на обороте!» Отрываем карточку. На обратной стороне надпись: «Дорогой сестричке Мане от Михаила Щепеткина». Историчка была посрамлена» [8, с. 41-42].

Разыскивая фотографию Ивана Кайдалова, Ездаков обращался в разные организации, в том числе и в Ханты-Мансийский краеведческий музей к директору А.Н. Лоскутову. Там и оказалась фотография сургутского комсомольского вожака. Директор музея подробно объяснил, как и когда она появилась в музее. Это случилось в 1967 г., накануне 50-летия Ленинского комсомола. «Вас интересует, откуда взято фото Кайдалова Ивана, которое экспонируется в музее? Отвечаем: из фондов Тюменского городского Совета ветеранов. Они в свою очередь получили из Тюменского партархива. В 1968 г. впервые была помещена в фотоальбом нашего музея «50 лет ВЛКСМ [фотография датируется 1920 г.]» [9, с. 77]. Лоскутов сообщил Кайдалову, что фото раньше хранилось в альбоме Тюменского губкома РКСМ, а потом альбом был передан в Тюменский горком комсомола [10; с. 118-119]. Это фото было размножено и разослано в районы и города округа, в комитеты комсомола, в школы, народные музеи. Однако тогда фотография не дошла до Сургута. За копией Ездаков ездил в Ханты-Мансийск, и, примерно 4 августа 1975 г. у него, наконец-то, появилось фото комсомольского вожака [11, с. 158-159]. Журналист на этом не остановился, понимая, что изображение нужно идентифицировать, и, размножив его, разослал для опознания брату А.М. Кайдалову и бывшим товарищам А.В. Тетюцкому и В.А. Баталину. Все трое опознали Ивана. Баталин так описывал впечатление от фотографии: «Сначала колебались – Иван ли это? Одежда необычная и непривычная, особенно папаха» [12, с. 65]. Остается загадкой, когда и где было сделано это фото. Возможно, фотографировался комсомольский вожак в Тюмени, или в Тобольске, или в Томске. Для чего он туда выезжал? Это тема для будущих исследований. А копия фотографии, добытая журналистом, ныне хранится в Сургутском краеведческом музее.

Николай Иванович Ездаков был прекрасным очеркистом. Как отмечали его коллеги по цеху, он обогатил местную журналистику своими работами о людях Сургута

и рассказами по истории края. Работа над очерком об Иване Кайдалове у Ездакова шла тяжело. Из рабочих записей известно, что писать о герое-комсомольце журналист начинал еще в 1974 г., к 1976 г. очерк был уже практически готов: «Иван Кайдалов по сути дела написан. Стоит его только переписать! Впрочем, удался ли он мне? Судить не могу». Известно, что с очерком успел познакомиться А.М. Кайдалов. Также мы знаем из записей, что публикация этого материала была отложена. В 1979 г. Ездаков все еще работал над очерком, о чем мы узнаем из письма А.М. Кайдалова [13, с. 107]. К сожалению, в тетрадях из музея не сохранились наброски для этой работы. Возможно, что их не оставил сам автор из-за неудовлетворенности итогом (в чем он неоднократно признавался): слишком много было собранного материала, который по объему годился для книги, а опыта написания большого исторического труда у журналиста не было. Историк В. А. Скубневский писал Ездакову: «… Только что вышла из печати монография М. Е. Плотниковой, которую я Вам и высылаю. В ней особенно в подстрочниках найдете достаточно сносок на библиографические указатели, источники и работы. Но мне все-таки кажется, что, работая только в Сургуте, Вам трудно будет справиться с задачей из-за отсутствия библиографического кабинета, справочников и самой литературы. Лучше всего, конечно, поработать в Москве или хотя бы в Томске, Перми, Свердловске, т.е. где есть приличные библиотеки» [14, с. 104].

На сегодняшний день составлены научные паспорта всех тетрадей Ездакова, восстановлена их хронология. Однако предстоит систематизировать собранный журналистом материал, выстроить хронологию внутри каждой тетради, поскольку исследователь вел записи бессистемно, порой начиная делать их с конца тетради, или же в любом свободном месте, оставшемся от предыдущего текста; проследить динамику поступления информации, выявить новые сюжетные линии.

Список литературы

1. Палецких О. В. Молодежь Тюменского региона в 1920-е годы: автореферат дисс… канд. ист. наук. Тюмень, 2007. URL: https://www.prlib.ru/item/343706 (дата обращения 07.06.2023).
2. Слезин А. А. Молодежь и власть. Из истории молодежного движения в Центральном Черноземье 1921–1929 гг. Тамбов, 2002. 220 с.
3. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-14067. Тетрадь 31. С. 69.
4. Там же, С. 131.
5. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/18. - Тетрадь 18. С. 1-5.
6. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/6. - Тетрадь 6. С. 14.
7. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-14067. Тетрадь 31. С. 66.
8. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/6. Тетрадь 6. С. 41-42.
9. Там же, С. 77.
10. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/21. Тетрадь 21. С. 118-119.
11. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/2. Тетрадь 2. С. 158-159.
12. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/21. Тетрадь 21. С. 65.
13. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/12. Тетрадь 12. С. 107.
14. Фонды Сургутского краеведческого музея. Фонд Н. И. Ездакова. СКМ КП-8357/18. Тетрадь 18. С. 104.

УДК 908

П.А. Хромов – главный методист Красноярского окрОНО

Бибикова Валентина Васильевна
Член региональной общественной организации Красноярского края «Союз краеведов Енисейской Сибири».
Москва, Россия.
bibikovss@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье систематизированы краткие сведения о П. А. Хромове, волею судеб оказавшемся в Красноярске в 1919 г. и посвятившем себя делу народного образования. Увлечённость Петра Александровича педагогикой, как предметом, позволяющим выстраивать целостный педагогический процесс, раскрыла его способности сочетать педагогическую практику с научной деятельностью, что особенно оказалось востребованным в период его работы секретарём научно-методического бюро Красноярского окрОНО.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА окрОНО (окружной отдел народного образования), научно-методическое бюро, комплексные программы, Сибвариант.

П.А. Хромов родился 25 июня 1890 г. в д. Вороновская Вельской волости Архангельской губернии в бедной крестьянской семье, занимающейся хлебопашеством. С шести лет помогал отцу в крестьянской работе. В автобиографии он писал: «Условия в семье – обычные: с 8 лет пошёл борноволокой, а потом выполнял и более тяжёлые крестьянские работы: жнитво, косьба, пахота. Материальная необеспеченность угнетала всё детство и юность до тех пор, пока не встал на ноги. По окончании начальной земской школы и Вельского городского училища с 14 лет работал делопроизводителем за 3 рубля в месяц».

Эта работа помогла Петру Александровичу с 1905 по 1909 гг. обучаться в Тотемской учительской семинарии. С 1909 по 1911 гг. он работал учителем в селе Шангала Вологодской губернии. В 1911 г. поступил в Ярославский учительский институт, который окончил в 1914 г. В 1914–15 учебном году работал учителем высшего начального училища в г. Любим Ярославской губернии и в женской гимназии, где преподавал педагогику и методику русского языка. В одной автобиографии Пётр Александрович писал, что 1915 г. он был призван в армию, где до 1917 г. служил рядовым, а в другой – «как и все военнообязанные, был мобилизован в «старую» армию в 1917 году, в остальных армиях не служил».[5, л.19]

По одним сведениям, в 1917–19 гг. он работал школьным инструктором в городе Троицке Оренбургской губернии, по другим – в 1919–20 гг. – школьным инструктором в Красноярске. Можно предположить, что в 1919 г. он эвакуировался в Сибирь в связи с отступлением колчаковских войск. Есть также сведения, что он работал до 1918 г. учителем в Ярославской губернии. [6, л.1]

Нужно иметь в виду, что с момента прихода частей Пятой Красной Армии в Красноярск в начале января 1920 г., созданный губернский отдел народного образования начал работу по подготовке кадров районных инструкторов, которых направляли по всем городам и районам для организации отделов народного образования и проведению идей единой трудовой школы в жизнь. Кадровая работа направлялась и контролировалась ревкомом. Весной 1920 г. губОНО провёл курсы инструкторов, на которые принимались эвакуированные, а также бывшие офицеры, имевшие педагогическое образование. К сожалению, в архиве не были найдены списки обучающихся, и лишь отдельные сведения свидетельствуют о критериях отбора курсантов. Судя по тому, что время появления Петра Александровича в Енисейске совпадает с временем выпуска школьных инструкторов, можно предположить, что он

окончил эти курсы, тем более что в биографии он писал, что «два года работал школьным инструктором Енисейского уездного отдела народного образования».

Енисейский УОНО весной 1920 г. принял решение об открытии учительской семинарии, и она проработала до лета 1920 г. Согласно постановления НКП «О преобразовании учительских семинарий» «для поднятия качественной и количественной стороны подготовки школьных работников школ 1 ступени» все учительские семинарии с начала 1920-21 учебного года были преобразованы в учительские курсы для подготовки школьных работников школ 1 ступени единой трудовой школы [9, л.1]. Продолжительность обучения на курсах должна была составлять 2 года и третий год отводился на практику.

В этот период руководителей учебных заведений не назначали, а выбирали, и когда вопрос о заведующем педагогических курсов был поставлен руководством ревкома и УОНО, то преподаватели единогласно выбрали школьного инструктора П.А. Хромова, а бывшего заведующего Л.А. Стратоницкого – его заместителем [8, л.4,5]. Уже этот факт свидетельствует о том, что за непродолжительный срок работы в Енисейске П.А. Хромов смог расположить к себе преподавательский состав, состоявший в большинстве своём из бывших учителей гимназии и семинарии.

Курсы начали работу в октябре 1920 г. Принимали на курсы учащихся, достигших 15 лет, после собеседования, так как экзамены были отменены. На подготовительное отделение было принято 18 курсантов, на 1 курс – 11. Время было трудное, голодное. Заведующий педкурсами издал приказ: «Обеспечение предоставить всем, не требуя удостоверения о бедности, так как вообще в законе проводится обеспечение всех учащихся за счёт государства». Стипендии выдавались в размере 1200 рублей в месяц [8, л.4]. После окончания учебного года летом 1921 г. заведующий Енисейским губОНО М. Е. Золотарёв подписал постановление о преобразовании Енисейских педкурсов в педтехникум [8, л.43]. Пётр Александрович был назначен заведующим педтехникумом. Однако, техникум просуществовал недолго. В связи с переходом к НЭПу его финансирование было прекращено с января 1922 г., и П.А. Хромов был переведён заведующим Енисейской школы 11 ступени, где проработал три года. Кроме заведования школой преподавал русский язык, литературу. По распоряжению Наркомпроса в старших классах девятилетних школ был введён педагогический уклон с тем, чтобы выпускники по окончании обучения работать учителями. Пётр Александрович начал преподавать педагогику в выпускных классах.

Каким был заведующим школой Пётр Александрович, много лет спустя вспоминал его бывший ученик, К. М. Масловский, профессор Сибирского металлургического института г. Новокузнецка. Характеризовал он его, как «человека высокой культуры». Он «не проводил» урок, а «беседовал с нами о различных течениях в литературе прошлого, о современной литературе и языке писателей, об особенностях их творчества, общественной значимости литературы. Он далеко выходил за рамки гимназического учебника. Мы безо всякого принуждения с его стороны читали не только программные литературные произведения, но и статьи наших великих критиков, лихо критиковали классиков. Например, «Евгения Онегина» мы безоговорочно отвергали, разделяя точку зрения Писарева, и совершенно не принимали взглядов Белинского. На уроках литературы мы не только слушали преподавателя, но и спорили с ним, и это ему нравилось. Помню жаркие дискуссии о книге Д.Н. Овсянико-Куликовского по истории русской интеллигенции. Учитель не требовал немедленного согласия с ним. Но спустя некоторое время мы почти всегда сдавались, убеждённые его доводами». [11, л.21] «В 1922 году в школе образовалась комсомольская организация, ячейка, как тогда говорили. Был избран также ученический комитет. Я сейчас не могу припомнить, чтобы на заседаниях учкома или комсомольских собраниях когда-либо присутствовали учителя. Все вопросы школьной

жизни в бурных дискуссиях мы решали сами. Однако это совсем не значило, что мы не получали помощи от учителей или что они нами не руководили. Вспоминается такой эпизод. Однажды во дворе школы ребята играли в чехарду. Проходивший мимо директор школы П.А. Хромов остановился на минуту и сказал: «Здорово прыгаете, а я в ваши годы на турнике больше крутился», – и пошёл дальше. Идея заняться спортивной гимнастикой нам понравилась. Обсудив вопрос на учкоме и комсомольском собрании, мы решили создать небольшой гимнастический городок. Вскоре на школьном дворе появилась перекладина, трапеция, кольца и даже гигантские шаги. Их установили сами ребята, а хлопоты по добыванию материалов, переговоры с кузницей, где делали нужные металлические части, взял на себя учком» [11, л.23].

Авторитет П.А. Хромова среди учителей города Енисейска и уезда был высоким. На конференции учительского профсоюза он был выбран председателем Енисейского уездного отделения Союза Рабпрос. Неоднократно был делегатом от учителей на уездных съездах Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Был членом Енисейского горсовета 3-х созывов, один год был членом уездного исполкома.

В течение всего времени занимался самообразованием, руководил методическими кружками. Пётр Александрович был беспартийным, но в автобиографии писал: «Работою партии РКП (б) интересуюсь, в 1924-25 учебном году принимал участие в работе ячейки РКП при Енисейском Совете» [2, л.19-20].

Весной 1925 г. в Красноярск из Енисейска был переведён заведующий Енисейским УОНО Г.Т. Григорьев. Он был назначен заведующим Енисейского губернского отдела народного образования. Ознакомившись с положением дел в губОНО, он пришёл к выводу о необходимости укрепления аппарата отдела квалифицированными кадрами. Одним из первых кадровых решений Георгия Тихоновича стало приглашение П.А. Хромова на должность заведующего отдела социального воспитания губОНО, как тогда говорили, – соцвоса. В ведении отдела были все школы и детдома губернии. Организация работы школ, комплектование их кадрами, проведение курсов переподготовки, методическая работа – далеко не полный перечень обязанностей заведующего отделом [6, л.1].

Осенью 1925 года было проведено административное деление Енисейской губернии на округа. Пётр Александрович переводится на должность заведующего отделом соцвоса Красноярского окрОНО. Вместе с Г.Т. Григорьевым они принимают решение об издании окружного методического бюллетеня. Удивляет то, что от принятия решения до его реализации прошло мало времени. Уже в ноябре 1925 г. в Красноярске начали выпускать ежемесячный бюллетень Красноярского окрОНО и окрпроса «На просвещенческом посту». Само название свидетельствовало о влиянии тогдашних взглядов на образование. Эта отрасль стала называться третьим фронтом, что свидетельствовало о значении образования в период после тяжёлого отступления во время НЭПа. По всей вероятности, именно так оно воспринималось и руководителями народного образования того времени, бывшими участниками гражданской войны. К примеру, Г.Т. Григорьев учителей называл «пехотой», а руководителей – «кавалерией».

Во вступительной статье первого номера бюллетеня говорилось: «Ставим задачей заполнить прорыв, который до сих пор существовал между аппаратом и массовыми учреждениями народного образования. Вторая задача – поспеть за текущей будничной работой просвещения, поспеть и не пропустить главнейшие звенья сегодняшней работы, как их выдвигает момент и единый план просвещенческого операционного года. Третьей задачей мы ставим собирание местного опыта, учёт его. Четвёртая задача – дать массовому работнику в руки материал, проработанный и прорабатываемый в окружном методическом бюро. В –пятых – обслуживать все нужды и запросы местных просвещенцев, как производственные, так и

профессиональные».[10, л.3] П.А. Хромов – редактор этого издания, он публикует свои статьи на методические темы. В круг его обязанностей входит поиск учителей-новаторов, способных осветить опыт своей работы. Для этого он посещает уроки в школах, участвует в педагогических советах, помогает учителям в освоении комплексных программ, Дальтон–плана, звеньевой методики организации обучения. В поле его внимания работа открывающихся школ крестьянской молодёжи, которые делают первые шаги. Плодотворно Пётр Александрович работает с преподавателями Красноярского педтехникума, которых привлекает к проведению учительских конференций, семинаров, диспутов.

Основным направлением его деятельности стала методическая работа: он четыре года возглавил окружное методическое бюро. Пожалуй, он был единственным специалистом в окрОНО, умеющим обобщать педагогический опыт. В 1926 г. был направлен на трёхмесячные методические курсы при Главсоцвосе в Москву. Как писали о нём в характеристике, «активный пропагандист современных методов работы. Специалист по изучению и обобщению опыта учителей».

После очередной реорганизации аппарата окрОНО в 1927 г. П.А. Хромов назначается секретарём научно-методического бюро окрОНО [1, л.75]. Именно на этой должности раскрылся его потенциал методиста. Пётр Александрович не только организовывал все методические мероприятия, но и выступал с лекциями на учительских курсах, педагогических совещаниях, конференциях. Например, в декабре 1927 года он провёл диспут, в котором приняло участие 106 учителей городских школ, на тему «Повышение квалификации работников соцвоса» [4, л.44-48].

Во вступительном слове Пётр Александрович изложил свою точку зрения на поставленный вопрос: «Индустриализация страны требует кадр подготовленных специалистов. Ответственность за подготовку этих специалистов лежит не только на вузах, но и на школах. Школы должны давать для вузов вполне подготовленных учащихся. А между тем уровень преподавателей недостаточен. Для работников некоторых других специальностей важен стаж, но для преподавателей одного стажа недостаточно, а нужны, главным образом, знания. Политическое развитие учителей также является существенной необходимостью. Таким образом, современному учителю жизнь предъявляет следующие требования: ликвидация образовательного дефицита, приобретение технических навыков в преподавании, политическое перевоспитание» [4, л.45]. Диспут протекал бурно, но в конечном итоге пришли к необходимости повышения квалификации и ликвидации политической неграмотности среди учительства.

Четыре года Пётр Александрович был активным членом Сибирского краевого методического совета, принимал участие в работе его сессий, возвращаясь в Красноярск с новыми идеями и настойчиво проводя их в жизнь.

Именно Сибметодсовет, видя трудности и даже панику учителей в связи с введением комплексной системы обучения, принял решение об упрощении этих программ и разработке их сибирского варианта (Сибварианта). Каждый член Сибметсовета был обязан представлять свои предложения, а для этого нужно было вникать в суть особенностей их реализации в сельских и городских школах, в школах, где учитель преподавал одновременно в двух классах, не имел специального образования, при этом не отвергая самой идеи комплексности. Пётр Александрович настойчиво изучал работу учителей, привлекая руководителей школ и работников педтехникума, обобщал их предложения, направляя в Новосибирск. Он был реалистом, видел сложности в реализации новых методик, комплексных программ учителями. Вместе с заведующим окрОНО Г. Т. Григорьевым он вселял в учителей уверенность в собственных силах. К примеру, Г. Т. Григорьев прямо говорил: «С комплексностью не надо спешить, чтобы не выйти на целый ряд лет разбитым. Не нужно пытаться

проводить комплексность полностью, а сделай в этой области то, что можешь. Дай формальные навыки, но не уродуй комплекс, не дискредитируй работников просвещения Советской Республики. Меньше нужно говорить о комплексности, поменьше комплексной трескотни и побольше практической работы с ориентацией на гусовскую программу» [7, л.9]. И П.А. Хромов останавливал наиболее горячие головы: «Наше продвижение вперёд будет сейчас очень медленным (это не относится к количественному росту учреждений), и всякие попытки форсировать его, предъявлять усиленные требования, перегружать школу «новшествами» естественно скажутся на качестве работы. На ближайшие годы всеми программно-методическими материалами необходимо преследовать одну основную цель – уточнять и упрощать те требования, которые до сего времени предъявлялись учреждения соцвоса» [3, л.30].

Анализ его выступлений говорит о том, что он в своих докладах, приводя примеры просчётов и недостатков в работе школ и учителей, не персонифицировал их, проявляя деликатность и педагогический такт, так как понимал, что основная часть учителей не имеет специального образования, стараясь мотивировать их на работу по самообразованию.

В 1928 г. Пётр Александрович был переведён на работу в Красноярский педтехникум, где преподавал педагогику и методики. И на этой должности он не отрывался от учительства, принимая участие в работе различных совещаний и конференций.

В 1932 г. был открыт Красноярский педагогический институт, куда П.А. Хромов был приглашён преподавателем педагогики. В этом же году он был направлен на курсы методистов-лекторов по педагогике при ЦИПККНО. Высокий квалификационный уровень, богатый практический опыт Петра Александровича были в полной мере задействованы в пединституте. В 1933 г. он был утверждён в звании доцента. Он постоянно занимался самообразованием, в частности, изучил курс заочного пединститута по педагогической специальности. С 1937 по 1948 гг. работал в комиссии Сталинского райкома ВКП (б) в комиссии по работе высшей школы, постоянно избирался членом крайкома Союза работников высшей школы и научных учреждений.

В мае 1942 г. Пётр Александрович защитил диссертацию по теме «Домашние учебные задания в средних и старших классах общеобразовательной школы», получил учёную степень кандидата педагогических наук. В течение ряда лет исполнял обязанности заведующего кафедрой педагогики.

В 1945 г. Пётр Александрович был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-45гг.», в 1946 г. – знаком «Отличник народного просвещения». В 1950-52 гг. обучался в вечернем институте марксизма-ленинизма. Вышел на пенсию в 1954 г., но связи с пединститутом не терял, постоянно принимал участие в различных мероприятиях.

Его сын, Хромов Борис Петрович, пошёл по стопам своего отца. В 1954 г. он окончил физико-математический факультет Красноярского пединститута.

20-30-е годы XX века характеризовались бурным, подчас радикальным реформированием в образовательной сфере. В этих процессах важно было найти главное направление, которое бы удержало постоянные организационные перестройки, осложнявшиеся материальными трудностями, отсутствием стабильного кадрового состава учителей, от разрушения самой системы образования. Фокусирование внимания на повышении квалификации учителей, их методическом росте способствовало закреплению учительских кадров, освоению ими новых методик, обогащая традиционные подходы в обучении детей. И такие специалисты, как Пётр Александрович Хромов, были опорой учительства в их овладении новыми методами

обучения. Немаловажным было и то, что наличие таких методистов, как П.А.Хромов, повышало авторитет аппарата управления системой образования в округе.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-137. Оп.1. Д.8.
2. ГАКК. Ф.Р-137. Оп.1. Д.20.
3. ГАКК. Ф.Р-137. Оп.1. Д.96
4. ГАКК. Ф.Р-137. Оп.1. Д.99.
5. ГАКК. Ф.Р-137. Оп.2. Д.5.
6. ГАКК. Ф.Р-137. Оп.3. Д.21.
7. ГАКК. Ф.Р-93. Оп.1. Д.318.
8. Муниципальное казённое учреждение «Архив города Енисейска». (МКУ АГЕ). Ф.Р-25. Оп.1. Д.7.
9. МКУ АГЕ. Ф.Р-25. Оп.1. Д.31.
10. На просвещенческом посту. Ежемесячный бюллетень Красноярского окружного отдела народного образования. (Красноярск). 1925. №1
11. Школа и учительство Сибири. Новосибирск. 1978. 217 с.

УДК 929.52

Авксентьев Василий Евгеньевич – старший из династии балалаечников

Борисова Алла Павловна
Красноярское краевое историко-патриотическое общество «Краевед».
Красноярск, Россия.
alla.borisowa1940@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Авксентьев Василий Евгеньевич, (1885–1973), советский и российский музыкант, педагог, виртуоз игры на русских народных инструментах, организатор любительских и профессиональных оркестров русских народных инструментов в Красноярске, в городах России. Автор методических пособий, обработок и переложений для балалайки. Сооснователь музыкальной династии артистов Авксентьевых. Участник Первой мировой войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Авксентьев Василий Евгеньевич. Династия балалаечников Авксентьевых.

Родился Василий Евгеньевич Авксентьев в 1885 г. в Харьковской губернии в семье потомственного почётного гражданина Сумского уезда. Детство и юность прошли в Красноярске. Здесь он учился в церковно-приходской школе, городском начальном и духовном училищах, духовной семинарии. В 1904 г. поступил в Иркутское пехотное юнкерское училище. Наряду с учёбой и военной службой В.Е. Авксентьев освоил музыкальную грамоту, овладел игрою на народных инструментах, организовал несколько народно-инструментальных коллективов. В частности, он руководил струнными кружками в Красноярской духовной семинарии (1900 г.), железнодорожных мастерских ст. Красноярск (1902 г.), в Иркутском военном училище (1904 г.), в 7-м резервном Красноярском полку (1908 г.).

По окончании училища молодой офицер служил до 1910 г. в Томске, затем вернулся в Красноярск и в звании поручика вышел в отставку – привлекала перспектива заняться музыкой. Дело в том, что в Красноярске в начале XX века активизировалась культурная жизнь. В городе зарождались музыкальные коллективы, клубы, где создавались струнные и духовые оркестры, музыкальные и драматические секции, проводилось начальное музыкальное обучение. Талантливый самородок Василий Евгеньевич организовал при одном из клубов кружок игры на народных инструментах, где помимо подготовки концертных выступлений, обучал желающих игре на народных инструментах [1, 2].

В 1910 г. произошла встреча В. Е. Авксентьева и его брата Григория с руководителем Великорусского оркестра И. И. Левицким, гастролировавшим со своим коллективом по городам Сибири. Его искусство игры на балалайке, и особенно удивительное звучание руководимого им коллектива, настолько поразили братьев Авксентьевых, что они решили организовать подобный оркестр в Красноярске – таких оркестров на территории всей Сибири в то время не было. Но приступив к организации оркестра, они встретились с большими трудностями. Не было инструментов, не хватало и денег на их приобретение. Ни один из клубов не соглашался поддержать начинание Авксентьевых, считая организацию подобного оркестра пустой затеей. Авксентьевы на личные сбережения и собранные среди музыкантов средства выписали инструменты из Петербурга, а также образец устава оркестра, без которого нельзя было добиться разрешения властей. И вот, 9 октября 1910 г., губернатор Бологовский Я.Д. утвердил устав вновь образованного музыкального коллектива. С этого времени Первый Сибирский великорусский оркестр получил право на свою

деятельность. В состав инструментов оркестра кроме балалаек и домр разных регистров (размеров) входили гусли, свирели, бубны и прочие народные инструменты. Основной задачей оркестр считал популяризацию народных инструментов и пропаганду русской народной музыки.

В те времена ноты для таких оркестров не издавались, и Василий Евгеньевич сам делал аранжировки народных мелодий и переложения сочинений классиков для исполнения на народных инструментах. Уже через год в репертуаре оркестра звучали увертюра к опере Жоржа Бизе «Кармен», финал оперы Михаила Глинки «Жизнь за царя», «Славься», полонез Огинского и др. произведения.

Коллектив имел большой успех у публики, что способствовало к созданию подобных коллективов не только в губернском центре, но и в Ачинске, Канске, Минусинске...

Описывается случай, когда оркестр в полном составе был приглашён на праздничный концерт в дом купца Гадалова. На грандиозном бале должны были присутствовать сам губернатор, жандармский полковник, полицмейстер, высшие губернские чиновники с семьями. «Особых надежд на успех мы не строили, зная отношение высшего общества к народному искусству, к «мужицким» инструментам. Но после первого же номера последовали аплодисменты, чего мы никак не ожидали. А во время исполнения плясовых «Барыни» и «Ах, вы сени, мои сени» казалось, что все слушатели, в том числе и отец архиерей, пойдут в пляс. Кроме русских народных песен были исполнены и классические произведения».

Красноярцы любили этот оркестр, и часто приглашали для участия его в концертах клубов, общественных собраний и городского театра. Сохранились и фамилии некоторых оркестрантов: А. Артемьев, А. Баханова, М. Бочкарёв, С. Волкова, Н. Гриневич, В. Лалетин, И. Малюков. Так начинала в Сибири свой путь русская балалайка, получившая позднее широкое признание не только у себя на родине, но и за рубежом [4].

В начале 1913 г. Василию Евгеньевичу пришлось оставить оркестр и выехать в Ачинск для прохождения офицерской службы в 29-м Сибирском стрелковом полку. В Первую мировую войну в звании поручика пехотинцем служил в 51-м Сибирском стр. полку. Награждён светло-бронзовой медалью в память 300-летия Царствования Дома Романовых, орденом Св. Анны IV-й ст. и орденом Св. Владимира IV-й ст. В одном из боёв получил сквозное ранение левого предплечья, после лечения в Петроградском военном госпитале выбыл в 15-й Сибирский стр. полк. Вскоре после возвращения на фронт Авксентьев попал в плен и был направлен в лагерь военнопленных в Данию [3, с.23]. В лагере он сумел раздобыть балалайку. Выступления сибирского балалаечника настолько привлекли внимание широкой публики, что последовали приглашения выступать в столице Дании Копенгагене, в Норвегии и США. О концертах музыканта в зарубежной прессе публиковались рецензии, подчёркивающие его удивительный талант. Из Америки Авксентьев на пароходе прибыл во Владивосток, а затем, в 1920 г. – железной дорогой в Красноярск, где вновь встал за дирижёрский пульт своего детища, первого Сибирского великорусского оркестра. Одновременно, до середины 1923 г., он вёл класс великорусского ансамбля в Народной консерватории. И в оркестре, и в консерватории Авксентьев заложил основы обучения игре на щипковых народных инструментах и подготовки инструкторов-руководителей любительских оркестров в Красноярске [4].

С середины 1923 по июнь 1938 гг. Василий Евгеньевич жил в Ростове-на-Дону. Эти годы отмечены организацией и руководством несколькими оркестрами народных инструментов, учёбой на теоретико-композиторском отделении местного музыкального училища (1932 г.), заочными двухгодичными занятиями на историко-теоретическом факультете в Московском музыкально-педагогическом институте.

20 июня 1938 г., как бывший офицер царской армии и живший за границей, Авксентьев был арестован сотрудниками НКВД и четыре года находился в концлагере в Горьковской области. После лагерных лет музыканта отправили на поселение в Башкирию, но вскоре вызвали в Москву. Некоторое время работал помощником художественного руководителя Государственного оркестра русских народных инструментов (ныне имени Н. П. Осипова), а затем художественным руководителем музыкальной студии при государственном народном хоре им. Пятницкого, педагогом музыкального училища им. Октябрьской революции.

В 1945–1953 гг. занимался организацией и руководством большим оркестром русских народных инструментов Челябинского тракторного завода, после чего В.Е. Авксентьев переключился на педагогическую деятельность в Московском музыкально-педагогическом училище имени Октябрьской революции, где вёл инструментовку и инструментоведение, выполнял переложения и составлял учебные репертуарные сборники для балалайки.

Таким образом, вся жизнь Василия Евгеньевича, за исключением военной службы и периода репрессий, была посвящена русской народно-инструментальной музыке. Но особое, почётное место в этой жизни занял Красноярский Первый Сибирский великорусский оркестр.

Закончил свой жизненный путь В.Е. Авксентьев предположительно в 1973 г. [4].

Следует отметить о династии балалаечников Авксентьевых. Брат – **Григорий Евгеньевич Авксентьев** (1887–1979)**,** тоже виртуоз игры на русских народных инструментах, балалаечник, организатор и руководитель любительских оркестров русских народных инструментов. В 1912 г. (работал в управленческих структурах железной дороги) был переведён в Новосибирск и уже в 1913 г. там появился свой первый оркестр народных инструментов. Позднее Григорий Евгеньевич создавал оркестры везде, где приходилось ему бывать по роду служебной деятельности: в Омске, Челябинске, Коломне, Тбилиси, Ростове-на-Дону. В 1960 году Григорий Евгеньевич был удостоен звания заслуженного деятеля искусств РСФСР. Автор книги «За дирижерским пультом» (1962 г.). За 55 лет трудовой и творческой деятельности Григорий Евгеньевич Авксентьев организовал 16 самодеятельных и самобытных оркестров русских народных инструментов во многих городах и республиках СССР.

Особую известность получило исполнительское мастерство сына Григория Евгеньевича Авксентьева – **Евгения Григорьевича Авксентьева** (1910—1989)**,** уроженец г. Красноярска. Солист-балалаечник, заслуженный артист РСФСР (1972 г.). Трудился в качестве дирижера и композитора в оркестре Ансамбля народного танца СССР под управлением И. А. Моисеева (1937–1949 гг.). Писал и обрабатывал музыку к танцам. В 1950 г. Евгений Григорьевич работал в Корейской Народно-Демократической Республике в качестве музыкального консультанта. Солист Москонцерта (1955–1977). С концертами Евгений Григорьевич объездил всю Россию и побывал в более чем тридцати пяти зарубежных странах. В 1966 г. в Париже на Версальском фестивале классической музыки состоялся первый сольный концерт на балалайке сибиряка Евгения Григорьевича Авксентьева. «Этот замечательный артист достиг безукоризненной техники во всех произведениях, которые он исполнял. Экспрессивные и удивительно полнокровные звуки извлекал артист из своего инструмента. Не будет преувеличением сказать, что его мастерство и музыкальность доставляет такое же наслаждение, как и выступление всемирно известных гитаристов…», - писала о нём одна из английских газет. В течение нескольких лет был начальником отдела концертных организаций и музыкальных коллективов Госкомитета СССР по делам искусств.

Борис Григорьевич (1909–1981), родной брат Евгения Григорьевича. Он был заместителем директора Мосэстрады, директором оркестра им. Н. П. Осипова (1954–1955 гг.).

Сыновья Евгения Григорьевича – **Борис Евгеньевич Авксентьев** (1941–2007), заслуженный артист России (1995 г.), и **Константин Евгеньевич Авксентьев** (р. 1945 г.), балалаечники, продолжили традиции своего дяди, деда и отца [4].

Список литературы

1. Аверин В. А. Авксентьев Григорий Евгеньевич // Енисейский энциклопедический словарь. – Красноярск, 1998. С. 23 – 24.
2. Большой энциклопедический словарь Сибири и Дальнего Востока: [в 3 т.] Красноярск, 2011. Т. 1. С. 623.
3. Борисова А.П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг. Красноярск, 2019. 607 с.
4. Электронный ресурс: www.wikipedia.ord

УДК 94(571.51)

Российский просветитель С.М. Кашкарев

Быконя Геннадий Федорович
доктор исторических наук, профессор.
почетный профессор Красноярского государственного
педагогического университета им. В. П. Астафьева,
профессор кафедры отечественной истории.
Красноярск, Россия.
g-becon@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Рассматриваются истоки и процесс формирования умеренно-демократического крыла российского просветительства второй половины XVIII в. на примере жизни, деятельности и судьбы С. М. Кашкарева, одного из первых по существу представителей разночинной интеллигенции из дворян.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Российское просветительство, ботаник, врач С.М. Кашкарев, народное училище.

В 1981 г. вышел материал о ботанике, враче и просветителе С.М. Кашкареве, который жил и работал в Средней Сибири с перерывами в1770-е – 1780-е гг. и начале XIX в. Своим даром (20 книг) Красноярску части своего «имущества книжного», положил начало первой в уездной России публичной библиотеки [7. № 66. с.240-247]. С тех пор разработка этой темы и личности практически не велась.

В рамках подготовки 400-летего юбилея нашего города считаю необходимым посвятить этой незаурядной личности специальное исследование. Один из аспектов его – общественно-политические взгляды Кашкарева.

2 апреля 1784 г. и.о. капитан-исправника Красноярского уезда С.М. Кашкарев подал в городовой магистрат такое отношение: «Нужно есть прилагати всякое тщание об отрочестве, о юношестве, яко о времени сеяния, производящаго гражданскую жатву. Я отделяю из числа своего имущества книжного двадцать книг для заведения в городе Красноярске народного училища, в котором учителем будет доброхотной датель, как скоро учреждение последует.

На подлинном подпись: секретарь Кашкарев.» [1. с.68]

Это предложение чиновника X класса чинов в ранге коллежского секретаря, по должности и. о. главы исполнительной власти всего Красноярского уезда и сейчас даже у посвященного читателя вызывает удивление. Почему по чину–рангу личный дворянин и фактический хозяин самого населенного уезда Енисейской провинции готов сменить власть на указку учителя?

Частично сохранившаяся роспись подаренным книгам (нижняя часть документа обгорела) дает представление о взглядах владельца этого «имущества книжного» и какие идеи он хотел посеять в умах юношества, каких из них воспитывать граждан.

Приведем «Роспись книгам, коими пользоваться городу Красноярску под призрением магистрата: 3 книги Академических известий; 1 книга Путешествия Гмелинова, 1 книга Иосиф Флавий, 1 книга Лепехино путешествие, 1 книга Китайская война, 1 эстамп с Одой на день рождения премудрыя императрицы всеросссийския Екатерины Вторыя; 1 книга Сугубое блаженство, 1 Слово Ломоносова; 1 книга Плутарх о воспитании детей;

1 Сочинение о распространении знаний, 1 книга Датская история, 1 книга Примечания китайския, 1 книга Политическая география, 1 книга Известие Ваводах

коравьих, 1 книга ...трудов общественных...[1. л. 68—68об.] Названия двух книг установить не удалось.

Подаренные Кашкаревым книги представляли все отрасли тогдашних знаний и носили ярко выраженный познавательный характер. Из 16 сохранившихся названий книг четыре представляли историческую тематику; по три сочинения приходилось на естественно-научную и художественную тематику, а также на научно-художественную периодику; наконец, две книги относились к периодической литературе. Собственно учебником была лишь «Политическая география, сочиненная в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе для употребления учащегося в оном корпусе шляхетства». Скорей всего была подарена последняя, четвертая книга этого первого оригинального русского учебника по географии, вышедшая спустя почти 20 лет — в 1772 г. Из естественно-научных работ выделяется труд М. В. Ломоносова, а также «Путешествие Гмелина» и «Лепехино путешествие». Красноярцы получили возможность читать «Слова в публичных собраниях Санкт-Петербургской имп. Академии наук говоренныя», помещенные в третьей книге второго посмертного издания трудов М. В. Ломоносова в трех книгах в 1778 г. Педагогические вопросы освещались в работе знаменитого Плутарха Херонейского «О детоводстве».

Научно-художественную периодику представляли три выпуска «Академических известий». Этот журнал издавали тиражом до 1775 экземпляров в 1779—1781 гг. Впервые в России каждый его номер (всего было 8 частей книг) выходил в издательской обложке, Журнал имел несколько разделов. Отдельно давалась информация о научной жизни заграницей и переводы рефератов западноевропейских академий. В основных разделах читатели могли познакомиться с работами таких видных ученых того времени, как академик С. Г. Гмелин, И. И. Лепехин, П. С. Паллас, И. Георги, С. Я. Румовский, историк князь М. М. Щербатов и др. Литературный отдел журнала был представлен произведениями Г. Р. Державина, Ф. О. Туманского, В. П. Петрова, анонимными стихами И. Ф. Богдановича, Я. Б. Княжнина, М. И. Муравьева, М. В. Храповицкого. Помещались переводы из сочинений Ф. М. Вольтера, О. Гольдсмита, К. Линнея, Плутарха, У. Робертсона, Ж.-Ж.Руссо и др. Среди переводчиков были Д. И. Фонвизин, И. Я. Озерцковский, И. Ф. Богданович.

Среди художественной литературы привлекает внимание поэма «Сугубое блаженство», написанная в 1765 г. одним из популярных русских писателей второй половины XVIII в. Ипполитом Федоровичем Богдановичем. Он был представителем дворянского классицизма, учеником и последователем Сумарокова и Хераскова. Поэма создана Богдановичем в первый вольнодумный период творчества. Тогда он разделял буржуазные по своей сути идеи европейского Просвещения и выступал против «трутней-дворян». В «Сугубом блаженстве» проводится теория естественного права и договора, наиболее полно разработанная знаменитым гуманистом Жан-Жаком Руссо. В ней осуждается феодальная сословность и божественная предопределенность места человека в обществе, утверждается право каждого на свободу и счастье [14. с. 117—118]

Особняком помечен эстамп с одой. Судя по названию, это одно из первых по сибирской тематике произведений изобразительного искусства официозного содержания: «Так в России в сей счастливейший век, в нем врачеванием исправлен человек; се книги монумент, Екатерина веках из недр небытия изшедши ради человека, во весь простерлися земель ея предел, блаженный жребий егда к Иркутску долетел, где прежде царствовал Сибирский приказ, все видать на земном пространстве в первый раз тогда, как вся империя узрела свое перерождение, как каждый пол и взор вещали и просвещение. В согласии узря и тишине приятной. Сибирь, казалася, давала плод стократный и представляла всем обильной вертоград (сад. — Г. Б.), изшедших из сей утробы мирных чад, народов кроткости и нраву подражая, прелютые звери

подобились овцам, не разстравляя их ко злобе бдт (род —Г. Б.) людской, насилие уже теперь не утесняло...» (далее низ листа обгорел, утрачены две строчки. — Г. Б.)

Ода давала восторженную нравственную оценку политики просвещенного абсолютизма Екатерины II – благодаря заботам о просвещении вся империя переродилась, а Сибирь стала обильным садом, где не утеснялось население, а местные народы жили в кротости, подавая пример диким зверям.

В целом книги для предполагаемого народного училища характеризуется полным отсутствием книг церковного содержания, преобладанием работ естественно-научного и исторического профиля, а среди художественных книг — написанных с передовых гуманистических позиций и даже с моральным осуждением крепостничества. Между тем известно, что идеализация верховной власти как организатора всеобщего блага через сотрудничество с ней, в том числе в просвещении и положительные знания, известный рационализм с антиклерикализмом и осуждение крепостного права – такие общественно-политические взгляды характерны для умеренного крыла российского просветительства последней трети XVIII в. [13. с.201-217].

Биография С. М. Кашкарева открывает истоки формирования его общественных взглядов. Степан Михайлович родился в 1753 г. в Петербурге в семье сержанта гвардии, то есть родом он был из «природных», но беспоместных дворян. Желая лучшей доли для своих детей, родители отдали одиннадцатилетнего Степана в гимназию при Санкт-Петербургской Академии наук. Это учебное заведение стараниями М. В. Ломоносова еще было межсословным. Братья сидели за одной партой с детьми родовитых дворян и простых мещан, профессоров Академии и солдат. Многие питомцы гимназии стали крупными деятелями науки. Вместе с Кашкаревым, например, учились будущий академик солдатский сын Василий Зуев, племянник М. В. Ломоносова талантливый математик Михаил Головин, сын первого из русских академиков С. П. Крашенинникова и др.

Учение легко давалось способному подростку. За четыре года пребывания в гимназии его не раз называли в числе лучших. В 1767 г. за успешно сданные экзамены, «хорошее поведение иприлежание» Кашкарев получил книгу в хорошем «французском» переплете [9. л.113, 363]

В Сибирь он попал студентом Санкт-Петербургского университета в составе одного из отрядов пятой Оренбургской экспедиции, который возглавлял естествоиспытатель Фальк. Экспедиция была сформирована Российской Академией наук для изучения явлений, вызванных прохождением Венеры над диском Солнца. Затем отряд Фалька занялся физическим описанием различных провинций Российской империи.

Три года работы с Фальком в Оренбургском крае, Южном Урале и на Алтае были хорошей школой для молодого Кашкарева. В архиве Академии наук в Петербурге хранится его «Тетрадь записей» путевых, которая свидетельствует об интересе ее автора к народной медицине, флоре, фауне [10. Л.113]. Когда экспедицию расформировали, то вместе с двумя студентами Кашкарева передали академику П. С. Палласу, который зимовал в Красноярске. В город они прибыли 28 февраля 1772 г. Познакомившись с новыми подчиненными, знаменитый естествоиспытатель 6 марта писал в Конференцию Российской Академии наук: «В Красноярске останется Степан Кашкарев, ибо как господин профессор Фальк мне довольно выхвалил прилежание и понятие сего студента, то я смогу надеяться, что он немало соберет редких при Енисее растущих трав и других натуральных вещей, также опишет редкие примечания и достойные, мною ему показанные места» [11. 58, 81]. Руководствуясь устными наставлениями и письменной инструкцией ученого, Кашкарев весной и летом 1772 г. со всем пылом молодости отдался сбору и описанию флоры и фауны окрестностей

Красноярска. Позже Паллас запишет, что «студент Кашкарев собрал травы и хороший гербарий составил» [13. с. 431—432; 11, л. 83]. С 19 августа того же года Кашкарев сопровождал вернувшегося ученого в поездке по Хакасско-Минусинскому краю. С начала сентября любознательный и исполнительный помощник ученого выполняет новое самостоятельное задание: найти и описать прямую дорогу от Аскиза до Колыванских Барнаульских заводов. Затем Кашкарев успешно доставил багаж экспедиции в Астрахань, и до октября 1774 г. продолжал работать под руководством аптекаря Георги, совершенствуясь в познании лечебных свойств трав [11. л. 93—95, 108, 119—120, 140. Рапорты Палласа в Академию наук, №№ 39, 40, 41].

После возвращения в Петербург он работал при Академии наук переводчиком, а позже одновременно корректором академической типографии. Домашняя его библиотека сложилась главным образом за 9-летнее пребывание в Петербурге. В 1783 г., не поладив с властной Е. Р. Дашковой, новым президентом Российской Академии, С.М. Кашкарев уезжает вместе с семьей опять в Сибирь, где в ходе проводимой губернской реформы требовалось много чиновников. Сенат направил его в Иркутскую губернию, но по его просьбе генерал – губернатор В. Якоби переводит в Красноярск и.о. капитан-исправником Красноярского уезда [3. л.235-237]. В мае 1784 г. Кашкарев уже в Красноярске. По сентябрьской ведомости исповедной росписи горожан за 1784 г. среди прихожан Воскресенского собора уже отмечены его 26-летняя жена Варвара Ивановна и три дочери, старшей из которых было 6 лет. Через год в семье первого в истории Красноярска капитан-исправника появился сын Иван (см.: [4. л.127]).

Три проведенных в Красноярске года свидетельствуют, что время не превратило Кашкарева в заурядного благонамеренного чиновника. Воспитанник крупных ученых того времени Л. Эйлера, Л. И. Бакмейстера и Я. Я. Штелина, сотрудник Фалька, Палласа и Георги, Степан Михайлович по-прежнему верен своему увлечению «3-мя царствами природы». Ботаника, народная медицина, животный мир, этнография коренных обитателей Енисея, — вот каким предстает круг его научных занятий даже по скупым отрывочным сведениям источников. Известно, что в 1785 г. он дважды требовал от Красноярского духовного правления сведения о жизни, быте и ходе христианизации «красноярских туземцев» [5. л.15;17об.]. Следует отметить и его успешное врачевание жителей города и уезда.

Благотворное влияние оказал Кашкарев на культурную жизнь города. Уже в первые недели повторного пребывания в Красноярске капитан-исправник пытается ускорить открытие малого народного училища или школы для детей горожан, учредить которые по всей стране не раз обещалась Екатерина II в манифестах и указах второй половины 70-х—начале 80-х XVIII в. Красноярцы еще в 1781 г. в два приема заказали в типографии Академии наук для будущих учеников 100 экземпляров гражданской азбуки и 50 апофегмат — сборников изречений и нравоучительных историй [6]. Но на этом дело и стало. Кашкарев же из своей личной библиотеки безвозмездно дарит будущей школе 20 печатных книг. Правда, через месяц по «общему приговору» выборных «лучших людей» из купцов и мещан Красноярска земский староста Ушаков выдал Кашкареву за присылку «нравоучительных и протчих 20 печатных книг десять рублей». Этот тщательно продуманный дар положил начало первой в уездной России публичной библиотеки, так как до официального открытия школы горожане постановили выдавать эти книги, представляющие собой большой познавательный интерес, «всем желающим под роспись». Было решено сделать в присутственной комнате «нужной препорции шкаф». К началу июля месяца отец городового старосты мещанин Тимофей Ушаков сделал, судя по довольно высокой в 3 руб. оплате, большой затейливый шкаф, а Василий Петухов (кузнец из отставных казаков) выковал и приделал к нему крючки и накладки для замка [2. л.10,62]. Приемом и выдачей книг из этой небольшой библиотеки скорей всего ведал отставной сын

боярский Иван Терентьев, который отвечал за письменные магистратские дела [2. л.3; 1. л.69].

Этим, а также, вероятно, личным участием Кашкарев оживил и частное домашнее обучение в городе. Поэтому-то открытое в 1790 г. Красноярское малое народное училище оказалось самым большим в Сибири. В первый год его посещало 100 учеников [8, с. 89, табл. 1].

С 1787 г. С.М. Кашкарев уходит со службы, не желая уезжать в Иркутскую губернию, поскольку Сенат не согласился с самовольным решением Якоби. Он решает остаться как частное лицо, чтобы продолжать заниматься растительным миром юга края и практиковать как врач. Однако сельские жители чаще предпочитали домашние средства. Так, Григорий Иванович Спасский, известный исследователь Сибири первой четверти XIX в., в 1806 г., во время своего путешествия по Хакасско-Минусинскому краю, встретил С. М. Кашкарева в ветхой одежде, с травником, ботаническим описанием классов, родов и видов трав по системе Линнея и связками лекарственных трав, которыми тот пользовал от болезней «тамошних жителей…Везде и всякому, служил он своими знаниями из одного гостеприимства и любви к ближнему, почитал удовольствием быть полезным человечеству и в самой своей бедности, которую он умел сделать столь почтенной». При этом Спасский уважительно отмечал, что Кашкарев не оставил научных изысканий. Лечебная практика — «сие благодетельное занятие доставляло ему случай переезжать из одного места в другое для удовлетворения достойного уважения любопытства своего в исследовании Царства растений».

О причинах же столь бедственного положения одного из спутников знаменитых ученых-путешественников второй половины XVIII в. Г. Спасский лишь глухо упоминает: «Обязанности службы и собственное любопытство завлекли его в сей отдаленный край, а бедность и семейные обстоятельства навсегда там оставили. При изспытании случайных неприятностей от первой и тягости от последней сделался он странствующем ботаником и врачом» [15. с. 149–152].

В условиях российского абсолютизма, хоть и просвещенного, попытки части образованного дворянства строить жизнь в соответствии с идеалами Просвещения, терпели неудачу. Их положительные знания далеко не всегда могли быть востребованы местными обществами из-за недостаточных средств. Из таких подвижников науки и положительных знаний, как С. М. Кашкарев, стал формировался разночинный слой отечественной интеллигенции.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 47. Оп. 1. Д. 34.
2. ГАКК. Ф. 47. Оп.1. Д. 28
3. ГАКК. Ф. 47. Оп. 2. Д. 8.
4. ГАКК. Ф.592. Оп. 1. Д. 84.
5. ГАКК. Ф. 592. Оп. 1. Д. 106; 107.
6. ГАКК. Ф.47. Оп. 1. Д. 33. Записи от 1 и 22 декабря1781 г.
7. Город у Красного яра. Документы и материалы по истории Красноярска в XVII-XVIII вв. Составитель автор комментариев Г.Ф. Быконя. Красноярск:,1981. 280 с.
8. Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII—начала XIX в. Новосибирск, 1974. 368 с.
9. Ленинградское отделение Архива Российской Академии наук (ЛОА РАН). Ф. Р. Оп. 70. Д 20; 308.
10. ЛОА РАН. Р. Оп.2. Д.20.
11. ЛОА РАН. Ф. 3. Оп. 32. Д.13.
12. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российского государства.Ч 3. Пол. 1. Спб.,

1788. 586 с.
13. Просветители второй половины книги XVIII века // Русская мысль в век Просвещения. М., 1991.
14. Сводный каталог русской книги XVIII века, IV. М., 1968. 450 с.
15. Спасский Г.И. Известие о странствующем ботанике г. Кашкарове // Сибирский вестник, Ч. VI. Спб., 1819.

УДК 908

У истоков краеведения Енисейской Сибири: князь Николай Алексеевич Костров (1823–1881)

Вдовин Александр Сергеевич
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Красноярский краевой краеведческий музей
Красноярск, Россия.
vdovin2002@bk.ru
ORCID ID – 0000-0002-5983-2114

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается деятельность одного из видных деятелей Сибири второй половины XIX в. – князя Николая Алексеевича Кострова (1823–1881), которому в 2023 г. исполнилось 200 лет со дня рождения. В Сибири он занимал различные должности: исполнял поручения губернатора Енисейской губернии, был енисейским и минусинским окружным начальником, чиновником особых поручений и секретарем Томского губернского статистического комитета. За время службы опубликовал около 200 работ по истории, археологии, этнографии, статистике Енисейской и Томской губерний.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Костров Н.А., Енисейская губерния, Томская губерния, история, этнография, краеведение.

В 2023 г. исполняется 200 лет князю Николаю Алексеевичу Кострову (1823–1881), краеведу, этнографу, автору многочисленных научных работ по этнографии, статистике, истории, географии Енисейской и Томской губерний. Научное наследие Н. А. Кострова, посвященное Томской губернии, в последние годы стало объектом пристального внимания исследователей [2; 22, 23, 26].

Николай Алексеевич Костров родился 6 мая 1823 г., в княжеской семье, берущей свое начало от татарского мурзы [7, 8], поступившего на русскую службу при Иване Грозном. Сведения о роде Костровых можно найти в родословной книге Псковской губернии. В 1843 г. Костров Н.А. окончил юридический факультет Московского университета [3, 4, 9, 10, 13–15, 27–29].

В 1844 г. поступил на службу в Московскую межевую канцелярию в качестве канцелярского служителя, где проработал два года. В это период Н.А. Костров начинает интересоваться этнографией и фольклором. Вместе с университетским товарищем П. И. Якушевым принимает участие в сборе народных песен в Малоархангельском уезде Орловской губернии, где было небольшое имение матери Н. А. Кострова, для известного литератора и фольклориста Киреевского П. В. (1808–1856) [6].

С 1846 г. начинает работать в Сибири, поначалу чиновником по особым поручениям при енисейском губернаторе, затем занимает должность начальника третьего отделения Енисейского общего губернского управления. С июня 1852 г. по март 1855 г. занимал должность делопроизводителя Енисейского губернского статистического комитета.

С 1851 г. начинают появляться его первые публикации по археологии и этнографии Енисейской губернии в журнале «Москвитянин», издателем которого был известный историк и публицист, профессор Московского университета М. П. Погодин.

С 1851 г. на страницах журнала «Москвитянин» мы находим ряд публикаций Н.А. Кострова, посвященных истории, археологии и этнографии Енисейской губернии [5, 24].

С открытием Сибирского отдела Русского географического общества (СОРГО) в 1851 г. Н.А. Костров начинает отправлять свои работы в Иркутск. В 1853 г. Костров был избран членом-сотрудником СОРГО.

Во время службы в Красноярске Костров Н.А. проявляет себя умным и образованным чиновником, что не осталось незамеченными. Усилиями енисейского губернатора, действительного члена СОРГО В. К. Падалки, Н. А. Кострова назначают енисейским окружным начальником. В это время он знакомится с жизнью и бытом народов, населяющих север Енисейской губернии, работает в местных архивах, что впоследствии позволило ему опубликовать ряд работ, самой значительной из них можно считать «Очерки Туруханского края» (1857).

В марте 1855 г. по приказу генерал-губернатора Восточной Сибири Кострова Н. А. назначают на должность Минусинского окружного начальника. На этом посту он немало сделал для населения этого обширного края. При нем коренное население начинает активно заниматься хлебопашеством, по его предложению Степным думам приказано выделить мальчиков для обучения в училище, с целью подготовки письмоводителей по одному на управу [11].

Енисейский губернатор В. К. Падалка обращался к окружному начальнику и в научных целях. В 1857 г. через Н. А. Кострова были доставлены в Московское археологическое общество (МАО) три копии, «снятые с камней тончайшим образом в натуральную величину посредством пропускной бумаги» Шушенского камня с руническими письменами. В письме к Г.И. Спасскому сообщал, «что в его, Кострова, времена уже было известно 45 различных писаниц по Абакану, Тубе и Енисею» [20].

В 1858 г. Н.А. Костров на страницах «Записок СОРГО» делится своими соображениями относительно организации экспедиции для изучения Минусинского края. Он отмечает, что эта обширная территория не исследована должным образом. Издавна она была заселена племенами, которые совершенно неизвестны науке. Об этом свидетельствуют «чудские могильные курганы», покрывающие Минусинский округ на всем его обширном пространстве. Далее Н.А. Костров сетует на ущерб, нанесенный «гробокопателями» археологическим памятникам, и замечает, что курганов «сохранилось еще очень много совершенно неприкосновенными». Говоря о наскальных рисунках, он добавляет, что «как было бы интересно снять все эти надписи и разобрать их» и «не менее любопытно было бы сравнить как надписи, так и остатки могильных курганов Минусинского края с подобными предметами Забайкальской области» [16].

Н.А. Костров отмечает, что географическому обществу необходимо обратить внимание на Минусинский округ. «Для деятельности его (ГО – А.В.) в отношении археологическом и этнографическом представилось бы обширное поприще». Далее он настаивает на необходимости снарядить для изучения археологии и этнографии этой территории специальную «ученую экспедицию», предлагая «ограничить цель экспедиции исследованием лишь древностей Минусинского края и подробным этнографическим описанием быта здешних инородцев» [16].

Н.А. Костров, говоря об исследовании древностей, пытается наметить методику археологических изысканий, отмечает необходимость раскопок «чудских» курганов, предлагает подробно описывать как наружный, так и внутренний их вид, «гробы» и находимые в них вещи, а также копировать писаницы по берегам рек и рисунки с могильных камней. Фактически в этой краткой записке мы видим первую научную программу организации археологического и этнографического изучения южной части Енисейской губернии. Н.А. Костров считает приоритетными археологические и этнографические исследования, при этом он подчеркивает самостоятельность археологических работ. Он не только выступает против разрушения и разграбления археологических памятников, но и предлагает направить усилия на спасение их для науки. В заключение пишет: «Разъезды поручить совершить Членам (ГО – А.В.) по тем маршрутам, которыми может их снабдить местное начальство здешнего края» [16], (вероятно, имел в виду себя – А.В.).

В своих публикациях Костров Н.А. неоднократно обращается к вопросам археологии и этнографии. Именно им были описаны практически все народы, населяющие Енисейскую и Томскую губернии (камасинцы, качинские и кизильские татары, юраки, бельтыры, туруханские якуты, енисейские тунгусы, кайбалы, бирюсы, нарымские остяки, чулымские и кузнецкие инородцы), а также быт русского старожильческого населения.

Особое внимание Н.А. Костров уделял истории сибирских городов, которые он часто посещал по служебным делам. На страницах сибирских изданий появлялись заметки и очерки о городах Туруханске, Минусинске, Нарыме, Кузнецке, Колывани, Каинске, Томске, Бийске, Мариинске, Барнауле или целых волостях - Шушенской Минусинского округа, Круто-Березовской и Бухтарминской Бийского округа [1, 22, 23].

Н.А. Костров публикует архивные материалы (XVII – начала XIX вв.) по истории Большого Сибирского тракта, о сибирских монастырях Туруханска и Томска. Уникальны его работы о биографиях томских губернаторов В. Романова-Марченко, Ф.А. Ран-Брина, Д.В. Шлинского и исследователей Сибири – П.С. Палласа, Ганстесна, М.А. Кастрена и В.В. Радлова.

В августе 1861 г. Николай Алексеевич по личной просьбе уходит в отставку. За 15 лет службы в Восточной Сибири Костров прошел пять ступеней «табели о рангах» - от чина губернского секретаря до надворного советника.

В сентябре 1861 г. Костров Н.А. был переведен чиновником особых поручений при общем губернском управлении и через полгода назначен комиссаром по соляным операциям Томской губернии, а затем на должность секретаря губернского статистического комитета. Кроме того, Николай Алексеевич стал делопроизводителем губернского присутствия по крестьянским делам, на правах начальника отделения заведовал польскими делами, был цензором польской корреспонденции, а также состоял непременным членом Томской губернской строительной комиссии.

Переводу можно найти несколько объяснений, во-первых, в Красноярске подает в отставку енисейский губернатор В.К. Падалка, который покровительствовал Н.А. Кострову, во-вторых, тесная связь и помощь декабристам в минусинской ссылке (П.И. Фаленбергу, А.Ф. Фролову и А.И. Тютчеву; на племяннице последнего Н.А. Костров был женат) была не угодна новой губернской администрации, тем более что в 1860 г. в Минусинский округ был переведен из Иркутска М.В. Буташевич-Петрашевский [25]. В 1861 г. первым военным губернатором г. Красноярска и енисейским губернатором был назначен, бывший полицеймейстер г. Москвы П.Н. Замятнин (брат министра юстиций).

Всего за период службы в этой должности Н.А. Костровым выпущено в свет более 100 статей – главным образом в «Томских губернских ведомостях». Весь же список его печатных работ насчитывает около 200 статей, затрагивающих различные вопросы этнографии, истории, статистики, археологии, правоведения, торговли, медицины, образования и т.д.

Н.А. Костров интересовался практически всем, что его окружало. А круг его научных интересов был необычайно широк: древнеримская литература и история; статистика и геология, история сибирских городов, этнография и археология. Его статьи и заметки можно было найти на страницах многих изданий: «Москвитянин», губернские ведомости «Казанские», «Енисейские», «Томские», «Русский вестник», «Иллюстрация», «Иллюстрированная газета», «Сибирская газета», «Сибирь», а также «Записки ИАО» и «Записки СОИРГО» и других изданиях. В 1880 г., после пожара в газете «Сибирь», Костров Н.А. планировал начать издавать в Томске свою газету [19: 187].

В своих работах Николай Алексеевич использовал личные наблюдения из многочисленных поездок, также привлекал обширный круг источников, полученных в различных архивах. Именно Костров первым из исследователей привлек к этнографическому изучению Сибири архивные материалы [10]. Кроме всего прочего,

князь был очень начитан и эрудирован, он был хорошо знаком с научной литературой по изучаемым им направлениям. Среди видных деятелей Сибири, на которых он ссылается, можно назвать П.С. Палласа, А.П. Степанова, Г.И. Спасского, Г.Н. Потанина и других. Большинство работ Н.А. Кострова посвящено сибирской тематике.

Многие его работы действительно уникальны и заслуживают особого внимания, так как являются глубокими исследованиями. Среди них следует отметить следующие: «Нарымский край» (1872), «Каннская Бараба» (1874), «Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири» (1879), «Юридические обычаи крестьян старожилов Томской губернии (1879) и другие.

Основная же масса работ князя Кострова посвящена проблемам этнографии Сибири. Многие из них о Туруханском крае. Например, «Заштатный город Туруханск» («Москвитянин», 1851), «Туруханский Троицкий монастырь» (Отрывок из письма о Туруханском крае, «Москвитянин», 1852), «Туруханский округ в 1803 г.» («Томские губернские ведомости» (ТГВ), 1867), «Путешествие в Туруханск проф. Ганстена» (ТГВ, 1869), «Туруханский округ в 1803 г.» (ТГВ, 1871).

Еще при жизни научные достижения Н.А. Кострова были по достоинству оценены. За свои исследования и публикации по обычному праву народов Сибири он был награжден малой золотой медалью Русского географического общества по отделу этнографии «за многолетние труды по изучению народного юридического быта и по предложению Западно-Сибирского отдела РГО избран в действительные члены РГО и Киевского юридического общества (1878). Кроме этого, среди наград ордена Св. Станислава и Св. Анны 3-й степени и бронзовую медаль в память войны 1853-1856 гг. Помимо орденов, отмечен серебряной медалью Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии за представленные им на антропологической выставке в Москве (1879) экспонаты по физическому воспитанию детей у разных народов.

Н.А. Костров входил в Подготовительный комитет по организации Археологического съезда в Казани в 1877 г. [22, с.142]. Его работы «Очерки быта минусинских татар» и «Предания Томских инородцев о подданстве их России», наряду с работами В.В. Радлова, Н.М. Ядринцева и И.Т. Савенкова были представлены в «Трудах» археологических съездов, а «Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири», в «Трудах» 3-го международного съезда ориенталистов (1876) [12, с.73; 18, с.74].

Костров Н.А. имел частную археологическую и этнографическую коллекцию, которую в 1886 г. пытался найти Н.М. Ядринцев, во время своей поездки по Сибири, но следов ее не обнаружил. Часть материалов Кострова Н.А. в 1880 г. поступила в музей ЗСОРГО в Омске (этнографические материалы) [17, с.9].

Некоторые документы, связанные с жизнью и деятельностью Н.А. Кострова, хранятся в Научной библиотеке Томского государственного университета [4]. Его рукописи сохранились в Отделе письменных источников Государственного исторического музея, архиве Русского географического общества и Красноярского краевого краеведческого музея.

Вклад Н.А. Кострова можно сравнить по значимости в области изучения истории и культуры народов Сибири с работой Г.И. Спасского, который также начинал свою научную деятельность в Сибири как чиновник – дворянский заседатель в Красноярском уездном суде.

Умер Николай Алексеевич Костров от воспаления лёгких 25 апреля 1881 г., оставив после себя огромное количество литературных трудов, «постоянных и полезных», по описанию Енисейской и Томской губерний.

Издание собрания сочинений Николая Алексеевича Кострова могло бы стать данью памяти одному «из видных деятелей Сибири на поприще ее изучения» к его 200-

летию и положить начало издательскому проекту – «Антология краеведения Енисейской Сибири».

Список литературы

1. Айзикова И.А. Образ сибирского города в очерках Н.А. Кострова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 174-188.
2. Айзикова И.А. Стратегии осмысления и репрезентации трансграничных территорий Сибири в очерках Н.А. Кострова // Текст. Книга. Книгоиздание. 2020. № 24. С. 21-46.
3. Барсов. Отчет об ученой деятельности Кострова // Отчет РГО. 1878.
4. Васенькин Н.В. Князь Николай Алексеевич Костров и его архив в фондах Научной библиотеки Томского государственного университета // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. X. Томск, 2000 С. 35-47.
5. Вдовин А.С. Князь Н.А. Костров – «один из видных деятелей Сибири на поприще ее изучения» // Региональная история, локальная история, историческое краеведение в предметных полях современного исторического знания: сборник статей и материалов Всероссийской научной конференции. Ижевск, 2012. С. 301-310.
6. Власова З.И., Ухова П.Д. Н.А. Костров // Литературное наследство. М., 1968. Т. 79. С. 427-440.
7. Галлям Р. Г. Костров – князь казанский (к проблеме изучения правящей аристократии Казанского ханства) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья: сборник. 2012. № 2. С. 69-80.
8. Галлям Р. Летописный казанский князь Костров (К истории социальной элиты Казанского ханства) // Эхо веков. 2012. № 3-4. С. 22-26.
9. Дмитриенко Н.М. Костров Николай Алексеевич // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья: Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С.72-73.
10. Зеленкина О. Печатные труды Н.А. Кострова // ЭБ ВСОРГО. № 4. Иркутск,1923. С.4-7.
11. Злобин М.Б. Князь Николай Алексеевич Костров – минусинский окружной начальник // Мартьяновские краеведческие чтения (2003-2004 гг.). Сборник докладов и сообщений. Вып. III. Абакан, 2005 С. 222-225.
12. Известия РГО. Т.14. Вып.5. С.73.
13. Князь Николай Алексеевич Костров (Некролог) // Сибирская газета. 1881. № 10, 12 (17 мая).
14. Костров Н.А. // Русский библиографический словарь (Кнаппе-Кюхельбекер). СПб., 1903. С.321.
15. Костров Н.А. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1931. Т.2. Ст.962-963.
16. Костров Н.А. Об ученой экспедиции в Минусинском крае // Записки Сибирского отдела РГО.1858. № 5. С.13-16.
17. Летопись Западно-Сибирского географического отдела. 1877-1902 гг. // Юбилейный сборник ЗСОИРГО. Омск, 1902.
18. Отчет РГО за 1882 год. СПб., 1883. С.74.
19. Письма Г.Н. Потанина. Т. 3.Иркутск, 1989. С.187
20. Спасский Г.И. О достопримечательных памятниках Сибирских древностей // Записки ИРГО. 1857. Кн. XIII.
21. Уваров П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. Вып.144. М., 2005.
22. Худолеев А.Н. Уездный город Кузнецк в работах Н.А. Кострова (вторая половина 1860-х – 1870-е гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4(78). С. 210-213.
23. Худолеев А.Н. Уездный город Кузнецк на страницах «Томских губернских ведомостей» (вторая половина 1850-х гг.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-1(73). С. 188-191.
24. Чертыков В. К. Князь Н. А. Костров о качинских татарах // Материалы международного симпозиума хакасского эпоса, VIII Международной научной конференции «Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий». Абакан, 23–25 сентября 2021 года. Абакан, 2021. С. 330-335.
25. Шевцов В.В. Воспоминания Н.А. Кострова о М.В. Петрашевском // Человек – текст – эпоха:

сборник научных статей и материалов. Вып. 4. Томск, 2011. С. 163-181.
26. Шевцов В. В. Николай Алексеевич Костров – автор неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в 1866-1881 гг. // I формат. Журналистика провинции: научно-публицистический альманах. Вып. 6. Ставрополь, 2010. С. 90-100.
27. Шиловский М.В. Костров Николай Алексеевич // Сибирская историческая энциклопедия. Т.2: К-Р. Новосибирск, 2010. С.157.
28. Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей. СПб., 1884. Вып.1. С.23-25.
29. Языков Д.Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей и писательниц. СПб., 1903. С.32-35.
30. Приложение 1
Список основных работ Н.А. Кострова об Енисейской губернии.
31. Костров Н.А. Заметка о курганах южной части Енисейской губернии // Москвитянин. 1851. Ч.3. 9-10 (май). Кн.1-2. С.1-12.
32. Костров Н.А. Из Красноярска // Москвитянин. 1851. Ч. 3. № 11. Кн.1. С. 234; Ч.4. .№15. Кн.1. С.230-231.
33. Костров Н.А. Онские селения // Москвитянин. 1851. Ч. 6. №24 (декабрь). Кн.2. С. 245-270.
34. Костров Н.А. Камасинцы // Москвитянин. 1851. Ч. 5. №18 (сентябрь). Кн.2. С.100-110.
35. Костров Н.А. Современные известия внутрение // Москвитянин. 1851. Ч.2. №8. Кн.2.
36. Костров Н.А. Заштатный город Туруханск // Москвитянин. 1851. Ч.4. №13. Кн.1.
37. Костров Н.А. Туруханский Троицкий монастырь. (Отрывок из письма о Туруханском крае) // Москвитянин. 1852. Ч.2. №8 (апрель), Кн.2. С. 129-134.
38. Костров Н.А. Заметки о бассейне реки Уса // Москвитянин. 1852. Ч.5. № 20 (апрель). Кн.2.
39. Костров Н.А. Качинские татары, с примечаниями И.Березина // Казанские губернские ведомости (КГВ). 1852. №32-37, 39.
40. Костров Н.А. Качинские татары, с примечаниями И.Березина // Москвитянин. 1853. Ч.3. №10.
41. Костров Н.А. Юраки // Москвитянин. 1853. Ч.3. №9. Кн.2.
42. Костров Н.А. Кизильские татары // КГВ. 1853. № 24, 28, 30, 34, 36,38, 42, 44-48.
43. Костров Н.А. Сохатый // Москвитянин. 1853. Ч.3. №10. Кн.2.
44. Костров Н.А. Несколько слов о туруханских якутах // Журнал Министерства внутренних дел (ЖМВД). 1854. Ч. 8. С. 21-28.
45. Костров Н.А. Кизильские татары // Москитянин, 1854. Т.3. №11. Кн.1. С. 149-157.
46. Костров Н.А. Енисейские тунгусы // Москвитянин. 1855. Т.3. №11. С.27-48.
47. Костров Н.А. Исправление и дополнение к статье кн. Кострова о тунгусах Енисейской губернии // Москвитянин. 1855, Т.3. №11.
48. Костров Н.А. Юраки // Записки СОРГО. 1856. Кн.2. С.19-32.
49. Костров Н.А. Народные приметы крестьян старожилов Минусинского округа // Записки СОРГО. 1856. Кн.2. С.10-15.
50. Костров Н.А. Город Минусинск // Записки СОРГО. 1856. Кн.2. С.10-15.
51. Костров Н.А. Бельтыры, инородческое племя в Минусинском округе Енисейской губернии // Записки СОРГО. 1857. №4. С.4-10.
52. Костров Н.А. Очерки Туруханского края (северной части Енисейской губернии) // Записки СОРГО. 1857. №4. С.61-175.
53. Костров Н.А. Сороковой медведь // Русский вестник. 1857. Кн.12.
54. Костров Н.А. Святки в Минусинском округе, Енисейской губернии // Записки СОРГО. 1858. №5. С.26-33.
55. Костров Н.А. Об ученой экспедиции в Минусинском крае // Записки СОРГО. 1858. №5. С.13-16.
56. Костров Н.А. Аскиз (река) // Енисейские губернские ведомости (ЕГВ). 1858. № 51, 52.
57. Костров Н.А. Бельтыры // ЕГВ. 1858. № 48.
58. Костров Н.А. Тесинские пещеры // ЕГВ. 1859.№ 43.
59. Костров Н.А. Соленые озера Минусинского округа (Гидрография) // Вестник РГО. 1859. Ч.25. №3.
60. Костров Н.А. Песни Минусинских татар // ЕГВ. 1859. № 30.
61. Костров Н.А. Записки о минусинских инородцах обитаемой ими местности // ЕГВ. 1859. № 11, 13, 15, 16, 20-27.

62. Костров Н.А. «Страна мраков» арабского путешественника Ибн-Батуты // ЕГВ. 1859. №45.
63. Костров Н.А. Очерк Шушенской волости Минусинского округа // Записки СОРГО.1860. № 35.
64. Костров Н.А. Енисей на пространстве Минусинского округа // ЕГВ. 1860. № 5-7.
65. Костров Н.А. Свадебные обряды минусинских крестьян // Иллюстрация. 1861. Т.8. №176, 177.
66. Костров Н.А. Бирюсы. По поводу статьи о бирюсах, которых ныне под этим названием не существует // Иллюстрация. 1862. Т.9. № 203.
67. Костров Н.А. Местонахождение мрамора в Минусинском округе // Записки СОРГО. 1863. Кн.6.
68. Костров Н.А. Кайбалы (небольшое племя кочевых инородцев, обитающих в Минусинском округе Енисейской губернии) // Записки СОРГО. 1863. Кн.6. С.109-117.
69. Костров Н.А. Бирюсы // Записки СОРГО, 1863, кн.6. С.126-131. 44.Костров Н.А. Шушенская волость Минусинского округа // Записки СОРГО. 1863. Кн.6. С.118-125.
70. Костров Н.А. Список каменных изваяний, находящихся в Минусинском округе Енисейской губернии. // Записки СОРГО. 1864. Кн.7. С.77-83.
71. Костров Н.А. Из Красноярска. Заметка о курганах южной части Енисейской губернии // Москвитянин, 1865. Ч.3, №9-10. Кн.1-2.
72. Костров Н.А. Этнографические заметки о кизильских татарах // Записки СОИРГО, 1866, кн.VIII. С.87-122.
73. Костров Н.А. Заметка о Кетском остроге // ТГВ, 1867, № 32, 33.
74. Костров Н.А. Чулымские инородцы // ТГВ, 1867, № 7-15.
75. Костров Н.А. Туруханский округ в 1803 г. // ТГВ, 1867, № 7, 10.
76. Костров Н.А. «Страна мраков» арабского путешественника Ибн-Батуты // ТГВ, 1867, №18.
77. Костров Н.А. Шаман // ТГВ, 1868,№35, 36, 38.
78. Костров Н.А. Путешествие в Туруханск проф. Ганстесна // ТГВ, 1869, № 32.
79. Костров Н.А. Туруханский округ в 1803 г. // ТГВ, 1871, № 7, 10.
80. Костров Н.А. Карагасы, племя сибирских инородцев // Иллюстрированная газета. 1871. Т. 28, № 43,44.
81. Костров Н.А. О соединении бассейна р. Оби и Енисея // ТГВ,1875, № 50,51; 1876, №2-4.
82. Костров Н.А. Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири // Тр. 3-го международного съезда ориенталистов, т.1,1876. С.71-78.
83. Костров Н.А. Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири. СПб.,1879.
84. Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Тр. IV археологического съезда.1881, т.1. С.208-248.
85. Костров Н.А. Население Енисейской губернии // ЗСОРГО, т. II, отд. 2, 1856; т. IV, отд. 1-2, 1857; т. V, отд. 1, 1858; т. VI, отд. 1, 1863; т. VIII, отд. 1, 1865.

УДК 908

Первопоселенцы Нижневартовской пристани: Спиридон Давыдович Панов

Ветюгова Юлия Сергеевна
Кандидат философских наук, старший научный сотрудник МБУ «Нижневартовский краеведческий музей им. Т. Д. Шуваева».
Нижневартовск, Россия.
usia.v@mail.ru
ORCID ID: 0009-0001-6021-5850

АННОТАЦИЯ В статье рассмотрены основные события и периоды в жизни первопоселенца Нижневартовской пристани Спиридона Давыдовича Панова, который был крестьянином Бронниковской волости Тобольского уезда, но в 1913 г. переехал на Нижневартовскую пристань и стал одним из первых ее жителей. Спиридон Давыдович участвовал в сражениях Первой Мировой войны, внес вклад в становление села на правом берегу реки Обь, первым вступил в колхоз, активно выступал за коллективизацию, был тружеником тыла, за что удостоен медали за доблестный труд.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Первопоселенец, село Нижневартовское, пристань.

Спиридон Давыдович Панов родился в деревне Панушкова Бронниковской волости Тобольского уезда 20 декабря 1884 г. (7 декабря по старому стилю). Дата взята из призывных списков Тобольского уезда. В Похозяйственной книге 1940 г. стоит другая дата рождения 1885 (исправлено на 1881) год. 1884 год – правильная дата, которую можно косвенно подтвердить справкой 1922 г. о «трудоспособных и нетрудоспособных гражданах» [2, л. 39]. Спиридон Давыдович с года жил на попечении воспитательницы Бронниковой Елены. Его отец Панов Давыд Осипович умер от горячки до рождения сына. Мать Панова Марва Симоновна, после смерти мужа осталась одна с четырьмя детьми, а после сожительствовала с Кошкаровым Илларионом Кузьмовичем, и родила еще четверых детей. По призывным спискам в возрасте 21 года Спиридон Давыдович характеризовался как православный, холостой, неграмотный, занимался хлебопашеством и имел право на льготу первого разряда по воинской повинности [3, л. 64] как единственный сын в семье или единственный способный к труду член семьи. Его семья принадлежала к сословию государственных крестьян.

21 июня (8 июня по старому стилю) 1907 г. Панов Спиридон Давыдович сочетался браком с Косинцевой Евдокией Андреевной. Родом Евдокия Андреевна была из деревни Косинцева Бронниковской волости Тобольского уезда. Родилась в семье Косинцева Андрея Нестеровича и Косинцевой Варвары Николаевны [11].

Из воспоминаний Надежды Ивановны Власовой (внучки Спиридона Давыдовича) известно, что Спиридон переехал на пристань Нижневартовскую вместе со своей женой и детьми в 1913 г. Существует документ, который доказывает возможный переезд Спиридона Давыдовича на пристань раньше 1913 г., а именно в 1911 г.: его сын Иван записан в одном из документов периода Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. как уроженец Ларьякского района, села Нижневартовского, год рождения указан 1911 [12]. Семейная легенда гласит, что Спиридон Давыдович с семьей плыл на пароходе из-под Тобольска, из населенного пункта Аремзяны. Спиридону понравился высокий берег у пристани – решили остаться. Спиридон Давыдович Панов сразу переехал на Нижневартовскую пристань и поселился оседло, в отличие от некоторых переселенцев того периода, которые непродолжительное время

проживали в селе Нижневартовском (на левом берегу р. Обь) и его выселках. Первоначально семья жила в землянке.

В 1913 г. для строительства на пристани храма во имя Сергия Радонежского создавался новый строительный комитет, второй по счету, из числа прихожан, постоянно проживающих на пристани. Спиридон Давыдович вошел в его состав. Его подписи стоят на нескольких документах этого периода. Первый документ – «Подписка», а именно письменное согласие на вступление в Строительный комитет от 13 июня 1913 г. [4, л.82]. Второй документ – «Акт» об осмотре участка под строительство нового храма, недалеко от пароходной пристани [4, л. 90] от 23 августа 1913 г. Следующий документ – «Журнал Строительного комитета» от 26 марта 1914 г. [4, л. 95] Подпись Спиридона Панова, неграмотного, обнаруживается под «Прошением» о взыскании денег с поставщика кирпича [4, л. 121] от 30 августа 1915 г. Последний документ того периода – «Акт о результатах осмотра новопостроенного храма на Вартовской пароходной пристани» от 27 августа 1917 г. [4, л.138].

Спиридон Давыдович уже заготовил лес (сосну) для строительства собственного дома на пристани, но началась Первая мировая война, и главу семьи призвали в действующую армию. На пристани в землянке остались жить жена Евдокия с сыновьями Устином (год рождения неизвестен) и Иваном (1911 г.р.).

Точных данных о времени призыва Спиридона Давыдовича нет, но по документам о строительстве храма можно предположить два периода. Первый период с августа 1914 г. по август 1915 г. В этом случае он вернулся не раньше 12 июля 1915 г., так как в этот период Строительным комитетом было составлено прошение о признании Архипа Михопаркина председателем строительного комитета, под документом стоят подписи членов комитета, но подписи Спиридона Панова нет, хотя она уже присутствует под документами в августе того же года. Второй период – это с августа 1915 г. по август 1917 г. В 1917 г. подпись Спиридона стоит под последним документом из списка.

С войны Спиридон вернулся, награжденный одним георгиевским крестом. К сожалению, документы о награждении автором не обнаружены в виду частичной или полной утраты документов того периода: «еще в самом начале 20-х годов прошлого столетия, были целенаправленно уничтожены практически все Георгиевские алфавиты, которые велись во всех частях и соединениях Российской Императорской армии на протяжении всей войны. К настоящему моменту из более чем 2000 этих алфавитов, сохранилось всего около 40, причем, большинство из них, далеко не полных» [9, с. 3].

После возвращения Спиридон Давыдович сразу поставил дом из сосны: одноэтажный пятистенок по улице Октябрьская перед логом (сегодня это район Больничного переулка). Этот дом простоял почти сто лет, принадлежал какое-то время рыбзаводу, после новые хозяева его приватизировали и снесли в 2010 г. Дом отличался большим подполом в человеческий рост. В подполе находился ледник. Лёд для него заготавливали осенью, использовался он для сохранения продуктов летом.

В 1921 г. в Сургутском уезде была эпидемия тифа, вызванная переселением беженцев: «в Сургутском уезде зарегистрировали 373 случая заболевания тифом. 13 больных умерли» [15, с.182-183]. Заболели тифом Евдокия, Устин и маленькая Татьяна. К Татьяне почти не подходили, спасали мать, так как считали, что такой маленький ребенок не выживет. От продолжительной болезни скончался старший сын Устин. Евдокия и Татьяна выжили.

По спискам трудоспособных граждан в 1922 г. Панов Спиридон проживал на Нижневартовской пристани, вместе со своей женой Евдокией, 36 лет отроду, и двумя детьми: Иваном 9 лет и Татьяной, которой было 1,5 года [2, л.39]. Всего у Спиридона Давыдовича и Евдокии Андреевны родилось семь детей: Устин (дата рождения

неизвестна), Иван (1911 г.р.), Татьяна (1921 г.р.), Евстафий (1922 г.р.), Леонид (1925 г.р.), Василий (1927 г.р.), Раиса (1929 г.р.). Светлана Евстафьевна Гынгазова (еще одна внучка Спиридона Давыдовича) в своих воспоминаниях отмечает, что в живых осталось шесть детей, но было одиннадцать.

Надежда Ивановна Власова (внучка Спиридона Давыдовича) из рассказов своей матери Татьяны Спиридоновны описывает своего деда так: «Дед многое умел. Был рыбаком. Шил из шкуры налима сапоги. Дом пятистенок в 9 окон поставил сам, так как был хорошим плотником. Ходил с дочерью Татьяной на охоту, на долгое время, в сторону Тобольска, хорошо стрелял. Был бакенщиком. Мама вспоминала, как он заготавливал рыбу на зиму: брал осеннюю рыбу, сваливал в большой котел, сначала ее сквашивал, потом вываривал, после ее заливали в бутылки, сверху собирали рыбий жир и использовали как масло» [11].

Особенно хорошо Татьяна Спиридоновна из детства запомнила случай, который произошел с ней и ее семьей: «В начале 1930-х годов на берег высадили первых ссыльных. Жили они в землянках. Была поздняя осень. Первое время они питались грибами и ягодами. Однажды, пока взрослые были на работе, один ссыльный мужчина забежал в их дом, перепугал детей, в печи стоял котелок с ухой, он схватил его и убежал. Пришлось Евдокии Андреевне идти за котелком. Жители пристани не приняли ссыльных, и позднее они все умерли от голода» [11].

Спиридон Давыдович вступил в колхоз «Красное знамя» в 1929 г. (из другого источника – 1930 г.). Работал рыбаком в рыбной артели колхоза. Евдокия Андреевна работала дояркой в колхозе.

На фронт в Великую Отечественную войну 1941–1945 гг. из этой семьи ушли трое: Иван, Татьяна и Леонид. Иван Спиридонович во время войны был водителем, ездил на американской машине Studebacer US6, возил снаряды и людей. Был призван Колпашевским РВК в 1941 г. [12]. Воевал под Москвой в звании сержанта, там же познакомился со своей женой Еленой Александровной. Вместе работали на заготовке леса и дров для поездов. Иван Спиридонович участвовал в форсировании Днепра, был ранен. Был награждён орденом Красной звезды и орденом Славы. После войны переехал в Подольск Московской области [11].

Татьяна закончила школу в селе Александрово, потом уехала в Томск учиться на землеустроителя. «1941 год. В это время мама заканчивает учебу в Томском землеустроительном техникуме, кроме того, занимается в аэроклубе. Началась война. Вместе с подругами попросилась добровольцем на фронт» [5]. В войне участвовала с 1942 г. Прошла курсы младших авиационных специалистов в Красноярске. Во время войны работала авиационным мотористом, обслужила 65 вылетов, свой самолет содержала в образцовом порядке. Потом попросилась в экипаж самолета Ил-2 стрелком. С февраля 1945 года совершила 5 боевых вылетов, обстреливала зенитные точки противника, чем помогала успешно выполнять боевые задания [14]. 14 мая 1945 г. получила медаль «За боевые заслуги». После войны закончила институт, вышла замуж. Большую часть жизни прожила вместе с семьей в Сургуте, работала на рыбокомбинате. Входила в состав сургутского ветеранского клуба «Фронтовые подруги».

Леонид поступил после окончания 7 класса в 1941 г. в педагогическое училище в Ханты-Мансийске. Он не попал в осенний призыв 1942 г., на зиму вернулся с другом из Ханты-Мансийска в село Нижневартовское (на лыжах!), весной его призвали в армию. Его имя находим в списке погибших: «Панов Леонид Спиридонович, Ларьякский р-н, призван 1943 г. Ханты–Мансийский ОВК» [10]. Воинское звание: рядовой. Погиб 08.02.1944 г., похоронен в братской могиле в Беларуси, Гомельская область, Калинковичский район, северо-западнее деревни Сыщицы [13]. В семье до сих пор бережно хранится «похоронка» на него.

Евстафий Спиридонович во время войны находился в Томске. 15 августа 1941 г. был призван Томским ГВК на службу и зачислен в Кемеровскую авиационную школу пилотов. Во время войны проходил подготовку в летных школах, на фронт не попал из-за отсутствия летных часов: курсантам просто не на чем было учиться летать, в тылу не было самолетов. Учился в Новосибирске, Кургане, на Дальнем Востоке в Приморском крае, был демобилизован в 1947 г. и вернулся в село Нижневартовское, после войны работал плотником на стройках. Женился, в браке родилось двое детей. Похоронен на Нижневартовском кладбище № 1. Раиса, младшая дочь Спиридона, тоже осталась жить в Нижневартовске, вышла здесь замуж, родила двоих детей.

Василия Спиридоновича призвали в армию в конце войны, он работал на пароходе кочегаром. После войны жил в Новокузнецке работал шахтером.

Спиридон Давыдович всячески помогал фронту, за что удостоен медали «За труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»: «ежегодно выполнял план по вылову рыбы в рыбной артели колхоза «Красное знамя» Вартовского сельского совета от 100 до 231 процента, одновременно помогая колхозу в сельско-хозяйственных работах» [6, л. 66].

В 1960-е годы этнограф, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Музей и культурное наследие» Института искусств и культуры Томского государственного университета Надежда Васильевна Лукина участвовала в этнографической экспедиции. Изучала фольклор восточных хантов, проживающих в Каргасокском и Александровском районах Томской области, а также в Нижневартовском и Сургутском районах Ханты-Мансийского национального округа. В ее опубликованных записях есть история одного русского, Спиридона Даниловича Панова, 1891 года рождения, записанная на р. Оби в посёлке Нижневартовск в 1961 г. В записях были допущены ошибки относительно отчества и года рождения рассказчика. Самому Спиридону Давыдовичу на тот момент было 77 лет. В последние годы жизни он работал бакенщиком, то есть обслуживал бакены на реке Оби, где вероятно и повстречался с Надеждой Васильевной.

Рассказ русского Надежда Васильевна назвала «Золотая кукла»: «Один тобольский нанял одного ханта за ящик вина до места, где была кукла из золота слита. Там в амбаре пушнины много, ниже Салехарда. Там остров есть, на нем лес густой, его не рубят. Всякую пушнину туда – приклад богу. Один только хант-староста знает это место. Этого старосту выбирают. Бог – золотая кукла. В Нижневартовске, километрах в двадцати есть Полуденная гора, туда местные носили. Носили до самой войны, потом перестали» [7, с. 153].

Рассказ был опубликован в том виде, в котором был записан в экспедиции. По воспоминаниям близких, Спиридон Давыдович сам ходил охотиться на «Полуденную гору», гора расположена в районе населенного пункта Зайцева речка. Рассказ повествует о существовании близ Нижневартовска и Салехарда священных амбаров, похожих на миниатюрные домики, которые ханты устраивают в труднодоступных местах для хранения предметов культа.

Панова Евдокия Андреевна умерла в 1959 г. в возрасте 72 лет. Спиридон Давыдович ушел из жизни в 1964 г. в возрасте 80 лет. Похоронены они на Нижневартовском городском кладбище № 1.

Список литературы

1. Архивный отдел администрации г. Нижневартовска Ф. Р-9. Оп. 3. Д. 2.
2. Архивный отдел администрации г. Сургут. Ф. 166. Оп. 1. Д. 23.
3. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 455. Оп. 1. Д. 351.
4. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 18. Д. 828.

5. Корпусенко О.И. Моя мама Панова Татьяна Спиридоновна – живая легенда нашей семьи // Акция «Наша Победа – Моя история». 2019. URL: http://surgut-tr.gazprom.ru/social/istorii-aktsii-nasha-pobeda-mo (дата обращения 1.08.2019).
6. КУ «Государственный архив Югры». Ф.1 Оп.1. Д.325
7. Кулемзин В.М., Лукина Н.В.Золотая кукла // Материалы по фольклору хантов. Томск, 1978. 212 с.
8. Корепанов Ф. Отец четырех защитников родины // Стахановец. (Ларьяк). 1944. 17 марта.
9. Патрикеев С. Б. Забытая война. Забытые герои // Сводные списки кавалеров Георгиевского креста 1914–1922 гг. I степень № 1–42 480. II степень. № 1–85 030 М., 2015. 1012 с.
10. Помним всех поименно! // Молодежь Югры. 2019. URL: http://molod-ugra.ru/index.php/pomnim-vsekh-poimenno/pvp-p (дата обращения 10.08.2019).
11. Семья Пановых: воспоминания родственников. // Архив МБУ «Нижневартовский краеведческий музей им. Т.Д. Шуваева». Ф.6. 10-26.
12. Список военнослужащих погибших или пропавших без вести в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. по Колпашевскому райвоенкомату // Мемориал. 2019. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=70771263&p=2 (дата обращения 27.08.2019).
13. Учетная карточка воинского захоронения [Электронный ресурс] // Мемориал. 2019. URL: https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=261764591&p=30 (дата обращения 27.08.2019).
14. ЦАМО Ф. 33. Оп. 686196. Д. 5586 № 28573681.
15. Цысь В.В. Север Западной Сибири в период гражданской войны (1917–1921 гг.). Нижневартовск, 2005. 267 с.

УДК 908

Имам Енисейской губернии Карычев АбдулКарим

Волкова Ольга Сергеевна
Член клуба «Роджина».
Красноярск, Россия.
ya.olga2234@yandex.ru

АННОТАЦИЯ На основе ранее неопубликованных архивных источников реконструируется жизненный путь последнего указного имама Енисейской губернии А. К. Карычева.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Имам, мечеть, Енисейск, Красноярск.

Уже ни один год члены Историко–генеалогического клуба «Роджина» по крупицам восстанавливают историю жизни Енисейского муллы Карычева Абдул Карима, на протяжении 30 лет возглавлявшего соборную мечеть города Енисейска. Человека, который играл важную роль в жизни мусульманского населения Енисейской губернии.

В конце XIX в. этот человек был назначен указным Имамом, в других же мечетях Енисейской губернии должность муллы была выборной. Прихожане избирали и переизбирали своих духовных наставников, в зависимости от уровня знаний, моральных качеств и рода основной деятельности без согласительных процедур с властями. После учреждения Екатериной II в 1788 г. Оренбургского магометанского духовного собрания (ОМДС), этот процесс также продолжился, но осложнился добавлением бюрократических процедур, вследствие чего духовному лицу приходилось получать разрешение у ОМДС и губернских властей. Впоследствии они стали называться «указными муллами» и приобрели особый статус, став аналогом православного духовенства. Указного Имама могли снять с должности только по согласованию с вышестоящим руководством. Для нашей губернии это было Оренбургское магометанское духовное общество.

После запросов в архив Оренбурга, была получена информация, что все документы, касающиеся мусульман Енисейской губернии разделены на две части между архивами Уфы и Казани. По данным Оренбургского духовного собрания на 1889 г., в Енисейской губернии числилось две мечети [8].

Из метрической книги, что находится в Национальном архиве Республики Башкортостан города Уфы:

Ведомость духовных лиц:
Имам Абдулкарим Рахмантуллин Карычев родился 9 августа 1868 года.
На должности по Указу за № 944 от 19 марта 1897 года.
Обучался в медресе Томска у ахуна Хамзы Мухаметаминова Хамитова.
Чисто прихожан: мужчин 325, женщин 310.
Метрические книги ведутся с 1884 года. Мечеть построена по указу губернского правления за №8698 от 28.11.1904 года.
Документы о строительстве хранятся у имама Абдулкарима Карычева. [1]

В метрической книге, находящейся на хранении в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), при рождении его детей указаны данные о рождении самого имама. После обращения в Национальный архив Республики Башкортостан была найдена запись о рождении имама дословно:

Бухарец Тобольской губернии и уезда Бухарской волости, деревни Саускан Абдулкарим Рахматуллин сын Карычев. [1]

Известно, что население Саусканской юрты (именно так эта деревня записана в других документа) – татары и ассимилировавшиеся с ними бухарцы (выходцы их Бухарского Ханства).

Факт, что на должности Указного муллы Карычев с 19 марта 1897 г. 33 года он исполнял обязанности муллы г. Енисейска. К огромному сожалению, у наследников не сохранилось ни одной его фотографии, а та, что имеется в сети Интернет, где он изображен на фоне мечети, очень сильно повреждена.

10 июля 1900 г. почетный бухарец Абдул Карим Рахмантул Карычев, Указной Имам, покупает участок земли:

«Выпись из крепостной Красноярского Нотариального Архива Книги по городу Енисейску за 1900 год»: «находящиеся в третьем участке города Енисейска в границах с севера Крестовоздвиженской улицы, с востока Святоградским переулком с юга Пустопорожняго городского места земли, с запада места мещанина Батурова (слово непонятно) первое место в длину по улице двенадцать сажень и по перечинку 35 сажень, второе место в длину по улице 31 сажень в задах 15-ть сажень в ширину в смежности с местом продавца Евдокимова 35 сажень а всего семьсот пятьдесят квадратных сажень и третье место етого .. длиннику по улице 5 сажень в задах 22 сажени и по перечнику с восточной стороны 37 с половиною сажень, с западной 38 сажень всего 499 и одна пункт квадратных сажень» [2, лл.5-5 об.] На территории этого участке и была в дальнейшем построена мечеть. [2]

Для нас до сих пор непонятна фраза из этого документа, дословно: «…Бухарец Тобольской губернии и уезда Бухарской волости почетный Бухарец Указной Имам…» А именно: что значит «почетный Бухарец»?

По документу из НАРБ [1] очевидно, что единственный мулла г. Енисейска руководил постройкой в 1904–1905 гг. Соборной мечети.

По рассказам очевидцев, которые его помнили, он, имея 16 своих и 4 приемных детей, создал при мечети семейный театр. Все его дети играли на различных инструментах и знали несколько языков: русский, татарский и арабский.

Его супруга, Бибихамида Хуснутдинова Хасанова, преподавала в мусульманской школе при мечети. Все дети Карычевых получили образование.

Один из фактов жизни его семьи, о котором мы узнали из его шеджере (родословной), из чудом сохранившегося одного листа, это то, что трое его старших детей в 1915 г. ушли в хадж в Мекку. Доклад об этом документе был сделан на Сибирском историческом форуме в 2022 г.

Из переписки с нотариусом нам очевидно, что 7 октября 1918 г. А.К. Карычев продал свой дом (возможный адрес Святоградский переулок) за 4000 рублей Павлу Васильевичу Чудинову и 15/27 мая 1919 г. купил дом у мещанина г. Енисейска Атынбаева Садыка Азисовича. Обе сделки были оформлены нотариусом г. Енисейска Михаилом Александровичем Ставровским. Этот документ важен еще и тем, что указано место его работы на тот период. Он работал товароведом Енис. Уезд., так записано в документе. [3]

В 1920 г. зарегистрирован в Енисейской районной кассе социального страхования Аг-…Сибдальгосторга. Справка из НКВТ «Удостоверение» на право получения медицинской помощи».[6]

По запросу в архив города Енисейска, получен 6 апреля 2021 г. очередной документ:

«Личного дела вашего прадеда Карычева А. К., лишенного избирательных прав, на хранении в архиве нет. Есть информация о Карычеве Абдул Карим-Рахмат (так в

документе) «Списки лиц и личные дела лишенных избирательных прав по Енисейскому району» за 1925-26 год (так в документе): возраст – 58, имущество, положение – дом каменный, лошадь, корова, обстановка, род занятий – Мулла, причины лишения избирательного права по 23 и 65 ст. Конституции – как служащий религиозного культа». [6]

Справка предоставлена Енисейским архивом. Само дело уничтожено в 1955 г., как не представляющее исторической ценности.

Исторически все, кто находился под следствием, как правило, в течение года год находились в местах лишения свободы под следствием.

В 1930-е гг. мечеть закрыли. После закрытия мечети семья переезжает в г. Красноярск, к сожалению, дата переезда неизвестна. Из этой справки становится известен адрес проживания: ул. Татарская (с 1921 г. переименована в Коммунистическую), 30.

На это время у нас есть еще один документ от 6 августа 1930 г.: «Городская милиция города Красноярска, участковый инспектор второго отделения: «Протокол опроса в качестве подозреваемого по делу № 122 на основании статьи 99/101 и с соблюдением 135–139 ст. УПК»». [7]

На основании этого документа мы имеем информацию:

«63 года, место рождения Тобольская губерния, Бухарская волость, Заускан деревня. Занятие в настоящее время – мулла. Получаю 30 рублей зарплаты. Женат. Образование: низшее русское, среднее – татарское. Под судом не был. Адрес: Татарская, 30.

Его показания: «Лишен я избирательных прав потому, что я в настоящее время служу муллой. И указанную должность я занимаю уже 30 лет…В городе Енисейске ранее у меня был свой дом, но в 1926 году я его продал за 450 рублей … в настоящее время у меня никакого имущества не имеется. Более по делу показать ничего не могу. В чем и расписуюсь.» Карычев.» [7]

По рассказам родственников, в 1933 г. А.К. Карычев умер и похоронен на мусульманской части Троицкого кладбища города Красноярска. Могильной плиты, согласно его завещанию, нет. Но место захоронения известно (второй ряд от ипподрома, третья могила справа) и родственники его посещают.

В 2022 г. магометанские (мусульманские) метрические книги были переданы из Архива ЗАГСа в ГАКК, мы находим подпись Карычева на русском языке, что еще раз неопровержимо доказывает его духовный сан.

Многим членам нашего клуба непонятен интерес к мусульманскому служителю культа. А мы просто хотим восстановить справедливость, так как имя этого человека незаслуженно забыто его соотечественниками и единоверцами.

Список литературы

1. Национальный архив республики Башкортостан. Ф.и–295.Оп 9. Д 708.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.49 Оп.1 Д.2716. «Переписка со старшим нотариусом Красноярского окружного суда об утверждении купчей на имение Абдула Рахматулова Карычева, проданное Павлу Чудинову».
3. ГАКК. Ф.49. Оп.1. Д.3116. «Переписка с Енисейским нотариусом М.А. Ставровского об утверждении купчей на имение Садыка Алтынбаева проданное Абдулу Карычеву».
4. ГАКК. Ф.595. Оп.60. Д.191. «Дело о разрешении Енисейскому магометанскому обществу построить в городе Енисейске соборную мечеть».
5. ГАКК. Ф.595. Оп.16. Д.1664. «По отношению Оренбургского магометанского духовного собрания с книгами для передачи Ачинскому и енисейскому муллам».
6. Справка Н.К.В.Т. от 10 марта 1920г. №95 «Удостоверение» На право получения мед помощи». (Семейный архив Карычевых).

7. Ф.Р-631. Оп.3. Д.1383. «Дело о лишении избирательных прав Карычева Абдулы Карыма»
8. Вахитов А. Енисейскую мечеть открывали всем миром. Альманах «Этно-мир на Енисее».2017. №16. С. 48-53.
9. Константинова Н.А. Мусульмане на территории Восточной Сибири во II половине XIX–начале XX веков: автореферат дис…канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 22 с.
10. ГАКК. Ф.Р-631. Оп.3. Д.1383. «Протокол опроса в качестве подозреваемого»

УДК 908/294.3

Письма С. Раппопорта к Потанину Г.Н.- один из документальных источников о буддийской мессе в Париже (по материалам Красноярского краевого краеведческого музея)

Гридинберг Ирина Николаевна
член Русского географического общества.
Красноярск, Россия.
gridinberg@yandex.ru

Орехова Наталья Алексеевна
кандидат исторических наук, региональная общественная организация Красноярского края «Союз краеведов Енисейской Сибири»
Красноярск, Россия.
orehova.vladimir2010@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена буддийской мессе в Париже, которая состоялась 27 июня 1898 г. в музее Гиме. Документальное подтверждение этого события авторы статьи обнаружили при изучении коллекции писем, адресованных Григорию Николаевичу Потанину и хранящихся в фондах Красноярского краевого краеведческого музея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Буддизм, буддийские ламы, краевой музей, буддийская месса.

Как известно, жизнь без прошлого невозможна. Ведь без прошлого нет настоящего и будущего. Предметы минувших лет бережно хранятся в музеях, в стенах музея хранится летопись исторических событий с древних времен до наших дней.

В фондах Красноярского краевого краеведческого музея (далее – КККМ) хранятся материалы (личные документы, фото, книги и брошюры) Григория Николаевича Потанина (1835–1920) – писателя, путешественника, учёного-естествоиспытателя, крупнейшего организатора науки в Сибири, одного из лидеров сибирского областничества, действительного члена «Императорского Русского географического общества».

Григорий Николаевич внёс большой вклад в освоение Тибета и Монголии, имел дружеские контакты с буддийскими Ламами, о чём свидетельствуют письма, хранящиеся в его личном фонде, там их насчитывается более 2000 единиц хранения. Среди них больше всего писем на русском и иностранных языках, в том числе 15 писем, касающихся буддизма (Архив КККМ. о/ф 7928/7, 404, 717, 900, 1397, 2035, 2164, 2178, 2181, 2190, 2192, 2487, 2740-2742). Он имел огромный круг корреспондентов (более 200 чел.) в разных уголках России и за рубежом. Письма охватывают период с конца XIX по первое десятилетие XX в. Наибольший интерес для авторов статьи и для исследователей буддизма представляет письмо С. Раппопорта Г. Н. Потанину (КККМ о/ф 7928/2164).

Главными героями письма являются друзья Григория Николаевича, о которых речь шла в ранее написанных письмах Раппопорту и его согласии помочь им при приезде в столицу. Это Агван Лобсан Доржиев (1853–1938), бурятский лама, религиозный, государственный и общественный деятель России, Тибета, Монголии и Буда Рабданович Рабданов – бурятский просветитель, этнограф-востоковед, дипломат. Они прибыли в Париж в начале июня 1898 г. В письме также упоминаются известные личности того времени в Париже: Жозеф (Иосиф) Деникер (1852-1918), русский и

французский натуралист и антрополог; Эмиль Этьен Гиме (1836-1918), французский промышленник и путешественник, основатель Музея Гиме; Александра Васильевна Гольштейн (1850-1937) – профессиональный литератор, критик и переводчица; Ролан Бонопарт (1858-1924), президент Географического общества г. Парижа, внучатый племянник Наполеона I [5, с. 138].

В этой статье мы подробнее рассмотрим содержания письма.

29/IX. 98. 13, Fg St/ Jacques

Дорогой Григорий Николаевич!

Не писал Вам до сих пор, потому что ждал со дня на день Вашего письма, ответ на моё [письмо – Н.О.] от 10 июня (29 мая).

Ваши знакомые Хамба-лама Доржиев и Буда Рабданов приехали почти три недели т.н. Поместил я их в гостинице (Rue Braca 5) и первые дней 10 ходил с ними по магазинам, музеям и вообще, куда им надо было. Оказалось, что материальные блага здешней культуры гораздо более заинтересовали их, чем духовные – и они пол - Парижа раскупили, все, впрочем, вещи нужные. Был я с ними у Деникера, который был уже с ними у Гимэ, Гольштейн, Бонопарта и друг[их] лиц, интересующихся буддизмом. Вчера в музее Гиме состоялось буддийское богослужение. Служил Хамба-лама, и сегодня об этом есть отчет в газетах. Так что эти дни Ваши знакомые чуть ли не «герои дня» Парижа – и вследствие этого я их последние дни мало вижу.

Очень я рад знакомству с ними. Многое они мне своим поведением, своей психологией разъяснили. Главным же образом они мне показали, что во всяком человеке от [Ньютона] до последнего дикаря, за оболочкой расовой, культурной, классовой, религиозной и т.д. кроется нечто общее и это общее – душа человеческая. И если при столкновении с людьми сразу без страха подходить к этому «общему», тогда не будет ни эллина, ни иудея, а будет человек.

Так, собственно, мы обоюдно подошли друг к другу, и могу сказать, что касается меня, я совершенно не замечаю, что имею дела с людьми другой расы совершенно иной культуры и устоя жизни. В этом, конечно, играет большую роль их такт, выдержка, понимание людей и умение держаться. Они меня этим положительно поразили. Приедет в Париж наш русский, петербуржец не то что провинциал, - и сразу растеряется. Они сразу освоились и положительно чувствуют себя, так как будто родились в Париже. Не зная языка, бродят себе одни по улицам, приходят домой, покупают, торгуются (цифрами) – и вообще делают, что им надо. Хамба-лама, насколько я его понял, мне, безусловно, нравится. Это человек приятный, очень умный, наблюдательный, любознательный, богатый жизненным опытом и с большим сознанием собственного достоинства. Буда Рабданович мне нравится меньше. В нем есть известная неискренность, политичность, церемонное самоуничижение, отсутствие прямости. Сегодня я даже искренно на него обиделся. В Музее Гиме на богослужении было около 400 человек приглашенных, а я не получил приглашения и только сегодня из газет узнал. На мой вопрос, почему он меня не пригласил, Б.Р. политично ответил, что он и сам не знает и т.д. А я понимаю, что по его расчетам выходило, что те его знакомые «чином выше меня». Это мне ужасно не понравилось. Пробудут они здесь ещё с неделю. В общем, они страшно довольны своим пребыванием в Париже. Б.Р. написал Вам целое послание, и всё дописывает его, потому что откладывает посылку письма.

В ответ на Ваше письмо, на вопрос о гонораре за статью о конгрессе, я писал Вам про этот вопрос пусть решит редактор или Вы и просил прислать мне рублей 80 или меньше, с тем, что я остальные отработаю корреспонденциями в Вост[очном]. Обозр[ении]. Удивляюсь, что не имею от Вас ответа. Меня особенно беспокоит, переданы ли в пользу голодающих 26 руб. из тех, которые я просил прислать мне. Пожалуйста, дорогой Григорий Николаевич, напишите мне немедленно и пожалуйста,

не стесняйтесь, если почему-либо нельзя прислать денег. Обойдусь как нибудь. Только мне необходимо знать переданы ли в ред. [«]Р[усское] Б[огатство»] или «Сын От[ечества]» 26 р. на пользу голодающих.

Оттиск Вашей статьи получил и горячо благодарю Вас. Прочёл с большим интересом. За второй оттиск меня просили передать Вам сердечную благодарность вместе с дружеским поклоном. Был ли у Вас Лазарев? Передал ли он Вам мой поклон. Ждём Вашей книги. И так жду, Вашего ответа.

Искренне Вам преданный и любящий Вас горячо С. Раппопорт

[КККМ о/ф 7928/2164]

Из письма мы видим, что Григорий Николаевич имел дружеские отношения с Хамба-ламой Агван Доржиевым и Будда Рабдановым, которые оказали влияния на развития буддизма в России и в мире. Агван Доржиев известен в мире как видный буддийский деятель, наставник и советник тринадцатого Далай-ламы Тибета. Он имел учёную степень доктора буддийской философии (лхарамба). Доржиев был инициатором сближения Тибета и России. В 1898 г., после встречи с императором Николаем II, Агван Доржиев получил высочайшее согласие на строительство буддийского храма в Петербурге первого буддийского храма в Европе. Агван Доржиев был во многом первым, он много путешествовал: с дипломатическими поручениями побывал в Монголии и Китае, Индии, на Цейлоне, в Японии, Германии, Италии, Великобритании. Во французском Музее восточных культур Гиме он провел первое во Франции буддийское богослужение на тибетском языке в 1898 г. и познакомил парижан с тибетской культурой.

Если автор письма С. Раппопорт не присутствовал на этом мероприятии, а узнал о нём из местных газет, то Иннокентий Анненский мог присутствовать, и впоследствии написал об этом стихотворение «Буддийская месса в Париже», которые вошли в «Кипарисовый ларец», где это события он описывает глазами поэта - очевидца и европейца.

«…Обедня кончилась, и сразу ожил зал,
Монгол с улыбкою цветы нам раздавал.
И, экзотичные вдыхая ароматы,
Спешили к выходу певцы и дипломаты
И дамы, бережно поддерживая трен,-
Чтоб слушать вечером Маскотту иль Кармен…» [1, с. 127].

Буддийское богослужение также нашло отражение в текстах самого А. Доржиева, которые он написал в 1921 г., по просьбе петроградских профессоров и представителей буддийского духовенства. Автобиография в стихах на монгольском языке, хранится в собрании монгольского фонда Рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. И только в 2003 г. текст с русским переводом был издан в серии «Памятники письменности Востока» (том 133), и стал доступен широкому кругу исследователей буддизма.

В своей книги «Занимательные заметки: описание путешествия вокруг света» Агван Доржиев пишет о Париже:

«Сам же в это время отправился
в государство Францию,
285 в прекрасный город Париж.
Когда я достиг этой страны,
претворились [мои] прежние заслуги.
Ко мне обратились с просьбой сотворить молитву
обладающий совершенной мудростью Клемансо 59 и многие другие.
295 мы — те, кто собрались здесь, -

приложим свои благие усилия [51]
и встретимся с религией [Будды]», -
об этом, как умел, я вознес молитву-благопожелание.» [3, с. 50-51].

В своей биографии Агван Доржиев подтверждает, что он в Париже провёл посвящения на Будду Шакьямуни. В своих воспоминаниях Агван Доржиев упоминает о встрече с французским политическим и государственном деятелем и в будущим премьер-министром Франции Жорж Клемансо в 1898 г. в Париже.

В 1923 г. А. Доржиев составил свою более подробную автобиографию в прозе на тибетском языке. В этом сочинении парижское богослужение А. Доржиева описано следующим образом: «Позже я побывал в Да-Фа-Гуе, иначе известном как Париж, великом городе Франции, очень красивом, но слишком перенаселённом. Там была группа примерно из четырёх сотен человек, которые с большим уважением относились к буддийскому учению, среди них были Клемансо и одна женщина, по имени Александра, которая хотя и родилась женщиной, приобрела большую учёность. Было очень интересно наблюдать, слушать и знать, как они выражали своё почтение к Трём Драгоценностям. Я совершил богослужение перед изображением Будды и немного помолился во имя Трёх Драгоценностей. Даже то немногое, что было сделано, могло зародить стремление взрастить семена хорошей кармы» [4, с. 17].

Мы можем предположить, что под именем Александра упоминается исследовательница тибетского буддизма и путешественница Александра Давид-Неёль (1868–1969), французская оперная певица, поэтесса и композитор, более известная как путешественница, писательница и исследовательница Тибета. Знаменита тем, что достигла столицы Тибета (Лхасы) в 1924 г. Ей также удалось получить аудиенцию у Далай-ламы XIII. Также, возможно, под этим именем могла быть наша соотечественница Александра Гольштейн (1850–1937), которая в это время жила в Париже. Плюс ко всему она считала себя буддисткой, и не могла пропустить такое яркое события для Парижа.

Саму лекцию А. Доржиев читал на монгольском языке, синхронно переведённом на русский Б.Р. Рабдановым (1853-1925), а затем другим переводчиком с русского на французский был Жозеф Деникер (1852-1918); известный французский натуралист и антрополог [6]. Жозеф Деникер так вспоминает о своей первой встрече с А. Доржиевым: «One day of June, 1898, 1 received a visit from a Mongolian Burial, who presented letters of introduction from one of my Russian friends, and asked if 1 would like to make the acquaintance of a Tibetan priest attached to the Dalai-Lama» [7].

Ниже авторы статьи делают перевод текста из воспоминаний Ж. Деникера.

«Однажды в июне 1898 г. меня посетил монгольский бурят, который представил рекомендательные письма одного из моих русских друзей [авторы предлагают, этим другом был Г.Н. Потанин] и спросил, не хочу ли я познакомиться с Тибетским священником, прикомандированным к Далай-Ламе».

А. Доржиев провел буддийский обряд в Национальном музей азиатских искусств Гиме по просьбе его директора Эмиля Гиме (1836-1918), французского промышленника и путешественника, собирателя коллекций азиатского искусства, основателя первого в мире музея истории религий в 1879 г. Э. Гиме был очень увлечен буддийской культурой, и активно её пропагандировал парижанам. Им было организовано три буддийские мессы в Париже. Первая буддийская церемония прошла 21 февраля 1891 г., и провели её два японских монаха-буддиста, члены секты Шинран, — Коицуми Риотаи и Йошицура Хоген. Второе буддийское богослужение имело место в музее Гиме 13 ноября 1893 г. Провёл его настоятель японского монастыря Митани-дзи - монах школы Шингон [7]. Третье буддийская церемония состоялась 27 июня 1898 г. в библиотеке музея Гиме, и провёл её известный Агван Доржиев, ознакомив парижан с тибетской культурой.

Э. Гиме поставил перед собой цель как можно глубже ознакомить парижский бомонд с буддийской культурой. Поэтому лекцию А. Доржиев начал с лекции об истории буддизма. По завершению мероприятия А. Доржиев воссел на трон и погрузился в медитацию, что произвело сильное впечатление на присутствующих. Но более всего впечатлили всех мелодичные звучания мантр, произносимые А. Доржиевым. Он погрузил в медитацию всех присутствующих, и одновременно пробудил в них интерес к буддийской культуре.

27 июня 1898 г. в Париже были посеяны семена Тибетского буддизма, которые прорастут в XX веке, но это уже другая история. Возможно, эта буддийская месса могла бы не состояться, если бы Григорий Николаевич Потанин заранее не списался с С. Раппопортом и не попросил его встретить буддийских друзей Агвана Доржиева и Будду Рабданова, так как они с одного конца света ехали в новый и неизвестный мир. С Раппопорт с радость откликнулся на просьбу друга, встретил и разместил их в гостинице Rue Braca 5, и первые дней десять ходил с ними по магазинам, музеям, показывал им Париж и знакомил их с европейской культурой и с парижским обществом.

Подводя итоги, хочется отметить каким масштабным и многогранным человеком был Григорий Николаевич Потанин. В его кругу общения были такие же разносторонние и грандиозные люди своего времени, создающие историю мира. Великое притягивается к великому, и таких людей было невозможно не заметить и не отметить, и поэтому к 80 летнему юбилею Г.Н. Потанина Красноярская Городская Дума в своём журнале от 3 сентября 1915 г. постановила: «1) Отдел быта Енисейских инородцев в городском музее, в будущем его помещении, назвать Потанинским и для пополнения этого отдела вносить ежегодно в смету Городского Общественного Управления – по триста рублей; 2) учредить стипендию имени Григория Николаевича Потанина, в сумме 180 руб. ежегодно, - для инородца при Красноярской городской высшей школе; 3) избрать Григория Николаевича Потанина почётным гражданином города Красноярска» [2, с. 20].

БЛАГОДАРНОСТИ авторы выражают благодарность ст. научным сотрудникам КККМ: А.В. Быстровой, Т.С. Комаровой и Л.А. Карачун, за оказанную помощь при написании данной статьи.

Список литературы

1. Анненский И. Ф. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. 640 с.
2. Вестник Красноярского городского управления. (Красноярск). 1916. 17 февраля. № 3.
3. Доржиев А. Занимательные заметки: описание путешествия вокруг света (Автобиография) М., 2003. 160 с. (Памятники письменности Востока. Т.133)
4. Доржиев А. «Предание о кругосветном путешествии», или Повествование о жизни Агвана Доржиева: [Мемуары тибет. дипломата]. Улан-Удэ, 1994.
5. Орехова Н.А. Буддизм в переписке Г.Н. Потанина (материалам Красноярского краевого краеведческого музея) // Буддизм Вадржаяны в России: Актуальная история и социокультурная аналитика. Коллективная монография. М., 2020. С. 137-148.
6. Джозер Деникер биография: https://frpedia.wiki/ru/Joseph_Deniker (дата обращения 05.05.2023).
7. Ковзун А.А. Несколько комментариев к «Буддисткой мессе в Париже» И. Анненского: https://lektsii.org/14-27676.html (дата обращения 05.05.2023).

УДК 94 (571.51)

Нил Валерианович Фомин: кооператор и политик

Дементьев Александр Петрович
кандидат исторических наук,
доцент Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева.
Красноярск, Россия.
dementjev.ap@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7841-5201

АННОТАЦИЯ Статья посвящена выявлению идейно-политических позиций и результатов деятельности эсера Нила Валерьяновича Фомина в Енисейской губернии в революционную эпоху. В результате анализа документальных источников, мемуаров и публицистики автор установил, что Фомин занимал несколько ключевых постов в партии эсеров и демократических организациях губернии, его политические взгляды имели решающее значение для определения тактики губернской организации эсеров.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Нил Валерианович Фомин, Енисейская губерния, эсеры, кооперация, советы, Февральская революция.

Долгие годы имя известного эсера и кооператора Нила Валериановича Фомина (1890–1918) оставалось в забвении. Упоминаний о нем нет даже в «Енисейском энциклопедическом словаре», вышедшем в Красноярске в 1998 г. Первые научные биографические справки об эсере составлены в 2000-е годы В. И. Шишкиным [16, с. 210–211]. В 2006 г. вышла специальная публикация о кооперативной деятельности Фомина [8]. В текстах о политических процессах в Сибири, в числе прочего, дается оценка участия Фомина в подготовке свержения советской власти в Сибири, создании органов власти Временного Сибирского правительства [3,11,12,14]. Тем не менее, комплексные публикации о его разнородной деятельности до сих пор отсутствуют.

Нил Валерианович Фомин родился в 1890 г. в Выборге в семье ремесленника. В годы Первой русской революции он был вовлечен в партийно-политическую деятельность эсеров. В 1907 г. Фомин поступил в Санкт-Петербургский университет, но образование не закончил. В 1910 г. его арестовали за транспортировку революционной литературы и после двухгодичного заключения отправили в ссылку. В 1912 г. он прибыл на место водворения, в село Ирбейское Канского уезда Енисейской губернии.

В крестьянской среде Фомин быстро нашел применение своим знаниям по социологии и политической экономии. Вплоть до 1917 г. он вел работу по организации и развитию кредитной кооперации в Канском уезде, работал разъездным инструктором Енисейского союза кооперативов, принимал участие в создании всесибирского объединения кооперативных союзов (Закупсбыт). В апреле 1917 г. он был избран членов ревизионной комиссии «Закупсбыта», через год – членом правления и заведующим неторговым отделом.

После Февральской революции 1917 г. он вернулся к политике, продолжая работать в кооперации. Находясь в Красноярске в первых числах марта 1917 г. Фомин принял деятельное участие в организации Красноярского комитета общественной безопасности. 15 марта 1917 г. на первом организационном собрании эсеров Красноярска он был избран в состав временного городского комитета партии, а в мае 1917 г. – в состав постоянного [10, 18 марта; 4, 2 июня]. Члены городского комитета единодушно выбрали его председателем. По мнению Е.Е. Колосова, Фомин занимал в Красноярской организации «одно из самых видных мест, можно сказать даже центральное положение» [6, с.67].

Его быстрому выдвижению на лидирующие позиции среди красноярских эсеров способствовали авторитет, заработанный среди эсеров и кооператоров губернии до революции, а также личные качества. Согласно оценке современников, Нил Валерианович обладал «чрезвычайно широким умственным охватом, необходимым для вождя любого общественного движения» [7, № 24, с 3].

Со свойственной ему энергией Фомин принялся за партийную работу в масштабах губернии. В мае 1917 г. он стал организатором губернской конференции партии эсеров. Затем он принял участие в работе бюро по подготовке губернского съезда партии. На самом съезде (28 июля – 1 августа 1917 г.) Фомина вместе с Е.Е. Колосовым, К.С. Гуровым, П.М. Портянниковым, В.М. Остриковым и Е.Д. Добровым включили в список кандидатов в Учредительное собрание от эсеров губернии [13, с. 95]. Самый молодой в списке, Фомин, тем не менее, отличался опытом кооперативной деятельности и пользовался наибольшим авторитетом среди крестьянства губернии. Именно на это сделали ставку эсеры, поставив Нила Валериановича первым в списке кандидатов. Остальные кандидаты, за исключением Е.Е. Колосова, представляли собой популярных уездных деятелей партии.

Фомин не ограничивался партийной работой, всемерно поддерживал различные инициативы по организации и сплочению «революционных сил». От имени партии эсеров Фомин вошел в первый состав Красноярского совета рабочих и солдатских депутатов, тщетно боролся против доминировавших там большевиков и в июле 1917 г. вышел из состава совета, сосредоточив свою деятельность на работе с крестьянством.

Для политической мобилизации и просвещения крестьянства, самой большой социальной группы в губернии, Фомин всемерно использовал ресурсы кооперации. Совещание представителей потребительских кооперативов губернии, состоявшееся 20 марта 1917 г. под его председательством, приняло решение о создании крестьянских союзов, основной целью которых провозглашалась подготовка крестьянства к выборам в Учредительное собрание. Позднее эсеры отказались от идеи крестьянских союзов, признав более совершенными формами организации партийные группы и советы крестьянских депутатов. Организацию крестьянских советов эсеры начали на губернском уровне – созвали губернском съезде крестьянских депутатов, на котором 30 июня 1917 г. был избран исполнительный комитет под председательством Фомина. Исполнительный комитет принимал меры по созданию сельских и волостных советов, подготовке крестьянства к выборам в земство и Учредительное собрание [1, л. 14,16].

Считая органы местного самоуправления надежной опорой демократической власти, Фомин в июле 1917 г. баллотировался в Красноярскую городскую думу и был избран заместителем председателя, тогда как председательское кресло занял большевик М.И. Зелтын. Однако конкурировать с большевиками в думе, так же, как и в Красноярском совете, он не стал (или не смог). Причина, по всей вероятности, заключалась в загруженности приоритетной для него партийной, кооперативной работой и деятельностью в крестьянских советах.

В условиях усиливавшегося после Февральской революции 1917 г. раскола партии эсеров Фомин встал на сторону центристов, что отчетливо проявилось в его позициях о войне. Нил Валерианович был сторонником демократического решения вопроса о мире. На первом общегубернском съезде учащихся Енисейской губернии, проходившем 1–9 августа 1917 г., в полемике с большевиком Я.Е. Боградом эсер категорически высказался против сепаратного мира, за необходимость скорейшего воссоздания международного Интернационала как организации способной принудить к миру все воюющие стороны. До решения этих задач признавалось целесообразным «усиливать боевую мощь армии» [13, с.98-99]. Вопрос о войне вызвал бурную

дискуссию среди эсеров. Правый эсер Е.Е. Колосов характеризовал позицию центра партии как слишком расплывчатую и неопределенную и выступал за продолжение войны до победного конца [10, 15 июня].

Расхождения по данному вопросу способствовали тому, что в противовес газете «Наш голос», выходившей в Красноярске под руководством Е.Е. Колосова с марта 1917 г. и транслировавшей позиции правого крыла партии эсеров, Фомин в мае 1917 г. организовал газету «Знамя труда». Новое издание выражало позиции центристов и являлось официальным органом Енисейского губернского комитета партии эсеров. К работе в газете были привлечены эсеры И.А. Ловцов, И.В. Казанцев, П.З. Озерных, Л.С. Органов. В июне Нил Валерианович под эгидой Енисейского губернского союза кооперативов начал выпуск кооперативного журнала «Народное дело». Однако, стоит отметить, что идейные расхождения с однопартийцами не мешали Фомину поддерживать с ними доброжелательные личные отношения. Например, Е.Е. Колосов отзывался о Фомине как об очень близком ему человеке [13, с.67].

Публицистическая деятельность Фомина была довольно яркой, хотя никогда не была главной для него. За период с марта 1917 г. по декабрь 1918 г. он опубликовал в общей сложности 21 статью в газетах «Наш голос», «Знамя труда», «Власть народа», журналах «Народное дело» и «Сибирская кооперация». Для сравнения Е.Е. Колосов за данный период опубликовал более 90 текстов. Загруженность партийной и кооперативной работой часто не позволяла Фомину доводить задуманное до конца. Так, 27 августа 1917 г. в журнале «Народное дело» вышла статья под названием «Кто такие большевики». Автор намеревался подробно разобрать все лозунги большевиков – немедленное прекращение войны, переход власти к советам, безусловная передача земли народу. Однако закончить и опубликовать удалось только первую часть, посвященную отношению большевиков к войне.

Первоначально статьи Фомина носили пропагандистско-просветительский характер. В них простым и понятным языком автор разъяснял читателям позиции партии по тем или иным вопросам. Идею разделения капиталистического общества на классы Нил Валерианович сознательно упрощал для крестьян следующим образом: «Есть как бы два сорта людей: одни весь свой век с малых лет трудятся, не покладая рук, а другие весь свой век палец о палец, как говорится, не ударят и только и делают, что по театрам да по заграницам ездят» [4, 2 июня].

В августе 1917 г., с обострением обстановки в Енисейской губернии, тексты Фомина приобретают резко полемический тон, усиливается критика политических оппонентов. Эсер мало теоретизировал, его статьи были откликами на различные действия радикально левых сил. Например, в статье «Головотяпы революции» автор резко критиковал Красноярский совет за призыв солдат к дезертирству. Используя термин М.Е. Салтыкова-Щедрина, он характеризовал большевиков «головотяпами», которые «изо для в день «тяпают» своими медными лбами обо все что ни попало» и «в блаженном неведении думают, что совершают «революционное действие»» [4, 19 августа].

Первые проявления разгула революционной стихии Фомин увидел в избиении однопартийца Л.С. Органова в селе Шеломки Канского уезда. По его мнению, данный случай был только предвестником погромной волны, которую спровоцировали большевики «бросая» в массы сознательно упрощенные лозунги: «Вся власть советам!», «Долой прихвостней буржуазии!» [4, 26 октября]. Констатируя, что «большевизм великолепно приспособился к сознанию темных масс» автор, тем не менее, сохранял оптимизм и верил в «нравственную силу и разум» русского народа [4, 27 октября].

Существенное влияние на взгляды Фомина оказали действия генерала Л.Г. Корнилова в Петрограде и попытка контрреволюционного выступления в

Красноярске в августе 1917 г. Если в мае эсер рассматривал создание коалиционного Временного правительства как единственный способ создания авторитетной власти в стране, то к осени такую власть он увидел в советах, оказавшихся единственной силой, способной противостоять контрреволюции. Руководимый Нилом Валериановичем Исполнительный комитет Енисейского губернского совета крестьянских депутатов заявил о необходимости перехода власти до Учредительного собрания в руки трудового народа, в лице его органов – советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов [3, 3 сентября]. Данная позиция сблизила совет крестьянских депутатов с руководимым большевиками губернским Исполнительным комитетом советов рабочих и солдатских депутатов и произошло объединение двух органов. 1 сентября 1917 г. губернский объединенный исполком советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов объявил о взятии власти в губернии. Губернская конференция партии эсеров, проходившая 21–22 сентября 1917 г. в Красноярске, одобрила действия губернского совета крестьянских депутатов.

В сентябре 1917 г. Фомин был делегирован исполкомом губернского совета крестьянских депутатов на Демократическое совещание в Петроград. Уезжая из Красноярска, он был убежден, что спасти революцию может только объединение всех революционных сил на платформе советов и полный разрыв с буржуазными элементами. Однако ход и результаты совещания заставили Нила Валериановича резко изменить позицию. Вместо желаемого единства социалистических партий он увидел «великий раскол», «полный разброд мнений» в том числе внутри партии эсеров, неспособность революционной демократии «перед лицом величайшей опасности для родины и революции найти общий язык и пожертвовать частным для общего» [4, 25 октября].

В новых обстоятельствах путь коалиции социалистов с буржуазией и либеральными партиями показался ему «наименьшим злом». Свою позицию эсер разъяснил в статье «Почему я голосовал за коалицию на Демократическом совещании», размещенной в «Знамени труда» 25 октября 1917 г. Вслед за Фоминым свою позицию в отношении коалиции изменил Енисейский губернский комитет партии. Все попытки решить вопрос о власти до Учредительного собрания «Знамя труда» признало «бесполезной растратой сил» [4, 20 октября].

Все надежды на спасение страны Фомин возлагал на Учредительное собрание. Потому он резко негативно воспринял захват власти большевиками и левыми эсерами в октябре 1917 г. 29 октября 1917 г. он вместе с другими членами исполкома губернского совета крестьянских депутатов вышел из состава губернского объединенного исполкома советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заявив, что передача власти советам «в данный момент грозит завоеваниям революции и повлечет срыв Учредительного собрания» [3, ноября]. Несмотря на готовность большевиков к переговорам о создании нового губернского органа власти, Фомин занял непреклонную позицию, – создаваемый для нужд момента новый орган мог преследовать только практические задачи и не должен был признавать центральную власть; в его состав должны были войти все демократические организации губернии [7, 17 ноября]. Закономерно, что данное предложение большевики посчитали неприемлемым. В ноябре 1917 г. заручившись поддержкой рабочих и солдат, они провозгласили советскую власть в городах Енисейской губернии.

Но если в городах большевики занимали прочные позиции, то в сельской местности ситуация было иной. Как показали выборы в Учредительное собрание, по уездам губернии (без учета городов и гарнизонов) эсеры получили от 60 до 77% голосов. В целом по губернии за них проголосовало 64,9% избирателей, за

большевиков – 26,4% [2, с. 170]. В результате енисейские эсеры отправили в Учредительное собрание четырех депутатов, в том числе Фомина.

Вновь оказавшись в Петрограде, он вел работу, мобилизуя общественное мнение на защиту «Хозяина земли русской». Понимая, что большевики готовят разгон русской конституанты он, в отличие от руководства партии, призывал избирателей организовать союзы защиты Учредительного собрания, а в случае разгона – «решительно выступить на его защиту и вооруженной борьбой обеспечить власть за Учредительным собранием» [5, 18 января].

За этот время он отправил в красноярскую редакцию «Знамени труда» несколько заметок о происходящем в «Цитадели большевизма». Эсера не покидало ощущение, что он попал в «какой-то сумасшедший дом», где люди «неистовствуют в дикой умоисступлённой вакханалии» [5, 28 марта]. Однако в полной мере осознать, что большевизм с его идеологическими крайностями и радикализмом оказался наиболее соответствующим настроениям масс, он не успел. Сравнивая царскую власть с властью советов, Фомин констатировал, что если «самодержавная власть держалась штыками и темнотой народных масс», то «советская власть держится только штыками, вдобавок еще и купленными» [5, 4 апреля].

После разгона Учредительного собрания Фомин окончательно встал на путь вооруженной борьбы с большевизмом. В Сибирь он вернулся весной 1918 г. в качестве одного из руководителей антисоветского эсеровского подполья. Он активно участвовал в свержении советской власти, в создании местных органов власти Временного Сибирского правительства. В качестве уполномоченного Западно-сибирского комиссариата 20 июня 1918 г. он выпускает воззвание к населению Енисейской губернии в котором объявил о передаче власти на местах органам местного самоуправления, а в масштабах губернии – губернскому комиссариату. Позднее Фомин участвовал в работе Уфимского государственного совещания и съезде членов Учредительного собрания.

Государственный переворот 18 ноября 1918 г. и установление власти Российского правительства А.В. Колчака эсер воспринял как покушение на демократический выбор народа. Он вошел в состав созданного в Екатеринбурге съездом членов Учредительного собрания комитета сопротивления колчаковской диктатуре. 29 ноября в челябинской газете «Власть труда» им была опубликована статья с протестом против ареста двух местных меньшевиков. В результате 1 декабря 1918 г. он был арестован колчаковскими властями в Челябинске и доставлен в Омск, где 22 декабря был убит без суда в ходе массовой расправы над содержащимися в тюрьме политическими деятелями [15, с. 210–211].

Таким образом, Нил Валерианович Фомин в качестве лидера эсеров Енисейской губернии проявил себя в первую очередь как деятельный организатор. Под его руководством работала красноярская группа эсеров, происходило становление партии в масштабах губернии, были учреждены крестьянский союз и советы крестьянских депутатов, выходили несколько периодических изданий. Политические позиции эсера, в целом отражая точку зрения центра партии, не были последовательными. От призывов к созданию однородного социалистического правительства в сентябре 1917 г. он резко перешел к идее коалиции с буржуазией. Колебания Фомина по данному вопросу влекли за собой неопределенность и противоречивость политики партии эсеров в Енисейской губернии, отталкивая от нее массы. Голоса крестьян на выборах в Учредительное собрание не смогли обеспечить эсерам победу в борьбе за власть в 1917 г., и политическая борьба переросла в гражданскую войну.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края. Ф. 904. Оп. 1. Д. 6.
2. Дементьев А.П. Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2014.
3. Журавлев В.В. Рождение Временного Сибирского Правительства: из истории политической борьбы в лагере контрреволюции // Гражданская война на востоке России. Проблемы истории: Бахрушинские чтения 2001 г.; Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Шишкина. Новосибирск, 2001 С. 26-47.
4. Знамя труда (Красноярск). 1917.
5. Знамя труда (Красноярск). 1918.
6. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: воспоминания, материалы, документы. Петроград, 1923. 190 с.
7. Красноярский рабочий. (Красноярск). 1917.
8. Макеев А.Н. Вклад Н.В. Фомина в развитие сибирской кооперации // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2006. С.338 – 341.
9. Народное дело (Красноярск). 1917.
10. Наш голос (Красноярск). 1917.
11. Пивоваров Н.Ю. Всесибирские кооперативные съезды в контексте борьбы за государственную власть в России (ноябрь 1917 — сентябрь 1918 г.) // Политические системы и режимы на востоке России в период революции и гражданской войны: Сборник научных статей / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 95–124.
12. Пивоваров Н. Ю., Рынков В.М. Сибирская кооперация в системе властных отношений в эпоху войн и революций 1914–1920 гг. // Власть и общество в Сибири в XX веке. Сборник научных статей. Вып. 3 / Науч. ред. В.И. Шишкин. Новосибирск, 2012. С. 35–58.
13. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г). Томск, 1991.
14. Шишкин В.И. Командующий сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов: штрихи к портрету // Контрреволюция на востоке России в период гражданской войны (1918–1919 гг.). Сборник научных статей / Науч. ред. В.И. Шишкин/ Новосибирск, 2009. С. 126–195.
15. Шишкин В.И. Фомин Нил Валерианович // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 3. С. 406.
16. Шишкин В.И. «Человеческий документ» // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. Омск, 2006. № 12. С. 210 – 223.

УДК 929.52

«Саша, милая, здравствуй!». История семьи Гориновых

Маковецкая Анастасия Владимировна
научный сотрудник.
Музей истории города Бородино.
Бородино, Россия.
elf-magics@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0009-2009-3690

АННОТАЦИЯ История «малой родины» примыкает к краеведению. Исторически это самый древний тип локальной истории и одновременно самый устойчивый, с непрерывной традицией со времен античности. Семейная (локальная) история (в отличие от национальной) питает привязанность человека к месту проживания, связывает его с конкретным прошлым, в том числе с историей материальной культуры, представляет примеры героической или просто достойной жизни предков. В статье представлен результат работы сотрудников Музея истории города Бородино по сохранению и интерпретации «семейных» историй горожан – история семьи Гориновых, в которой переплелись война, репрессии и зарождение будущего города угольщиков в центре Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Семейная история, Великая Отечественная Война, репрессии, уголь, г. Бородино

Первостроителями рабочего поселка Бородино и угольного разреза в Сибири были бывшие узники фашистских лагерей, осужденные по Указу №227 Наркома обороны И.В. Сталина от 28 июля 1942 г. «О запрещении самовольного отхода с боевых позиций» [4], в просторечии «Ни шагу назад». После репатриации (возвращения на Родину) были признаны предателями Родины и осуждены на 6 лет. Послевоенной экономике срочно требовался уголь, и бывшие пленники стали дешевой рабочей силой на гигантской стройке. Всего на строительство буроугольного разреза в Красноярском крае в августе 1945 г. прибыло около двух тысяч репатриированных.

Герой этой истории, **Валентин Николаевич Горинов,** родился в 1926 г. в г. Кропоткин, Краснодарского края. Через три года, вместе с родителями переехал в Краснодар. После 7 класса поступил в ПТУ, закончил его уже во время Великой Отечественной Войны, по профессии слесарь. Учился бы и дальше, но в августе 1942 г. началась оккупация Краснодара. 186 дней, с 9 августа 1942 г. по 18 февраля 1943 г. город находился под венным управление немецко-фашистских захватчиков [2]. За дни оккупации фашисты убили, казнили, замучили до смерти 11 472 жителя Краснодара. Целенаправленно уничтожались члены партизанского подполья, коммунисты, комсомольцы, евреи. Также проводились акции по уничтожению мирных жителей без каких-либо дополнительных признаков – попавших в облаву случайных прохожих, посетителей базаров, включая женщин с грудными младенцами. Во время такой облавы 6 ноября 1942 г. на городском базаре был схвачен 16-летний подросток Валентин Горинов [1]. А дома с базара его ждала мать, Горинова Татьяна Степановна, но не дождалась. Несколько недель ходила по разрушенному городу, искала сына по танковым рвам, переворачивала мертвых на улицах города, но среди них сына нашла. И до конца 1945 г. Валентин не мог передать матери, что его вместе с товарищами погрузили в товарные вагоны и перевезли в концлагерь в городе Перемышль. Об этом периоде Валентин Николаевич никогда особо не рассказывал, и даже не хотел вспоминать.

И вот, весна 1945 г., союзники освободили пленников. И опять поезд, опять неизвестность. Пока шли переговоры о судьбе пленников, все они трудились на угольных шахтах во Франции [3]. Хорошо кормили, переодели в форму освободителей

– союзников. В СССР Валентин с товарищами был отправлен баржами от Марселя до Одессы.

В Одессе прошли через военно-пересыльный пункт. Десять суток тряслись по восточносибирской железной дороге в товарняках – думали, везут на Японскую войну (1945). На станцию Заозерная Красноярской железной дороги прибыли 10 августа 1945 г. Всем объявили, что направляются отбывать срок на строительство буроугольного разреза в Сибири. Пешком прошли 18 километров до места строительства карьера. Холмистая местность с перелесками. В течение двух недель саперными лопатками рыли себе землянки. Всего было построено девять больших землянок, на 120 человек каждая. Одна – под фельдшерский пункт и маленькую больничку на 6 коек. Другая – для офицерского состава на 20 мест. Были и одиночные, кто-то поселился с товарищем. В одной из землянок размещалась парикмахерская на два места [5, с 11- 14]. Наступала суровая зима 1945-1946 гг. Валентин помнит, что работать приходилось в легкой американской куртке, хромовых ботинках и пилотке.

Только поздней осенью 1946 г. выдали телогрейки. Первым делом требовалось провести электролинию и водопровод. Ручной труд людей был изнуряющим. Но трудились героически: все-таки вернулись на Родину. Раз в неделю ходили отмечаться в комендатуру. Валентин выбрал профессию сварщика. И в этом же году познакомился со своей будущей женой – Сашей.

Александра Ивановна Горинова (Иванова) – молодая девушка из вольнонаемных, приехавшая из деревни Большие Ключи Красноярского края, устроилась в столовую ОРСа (Отдел рабочего снабжения). В строящийся рабочий поселок девушки из деревень ехали за работой и женихами. Валентин Горинов заприметил молодую Александру во время обедов в столовой, предложил встречаться…

Рабочему поселку при строящемся разрезе было присвоено историческое имя – Бородино. В декабре 1949 г. Ирша - Бородинский угольный разрез был сдан в эксплуатацию досрочно. Обещали, если получится досрочный пуск объекта – всех отпустят по домам раньше. Обещание не сдержали и всех, кто не обзавелся семьями, направили отбывать остаток срока на свинцово-урановые рудники на север края в п. Стрелка. Единственным способом связи Валентина и Александры стали письма и телеграммы. После одной такой телеграммы с приглашением, Александра отправилась на Север по Енисею на пароходе к Валентину. Вот небольшой отрывок из той телеграммы:

Саша, милая, здравствуй!

Я даже не знаю, как начать это письмо. Ты, не поверишь. Сегодня т.е. 10.04.1950 г. я получил письмо, которое так долго ждал. Саша, милая, я так рад, счастлив как маленький ребенок. Сколько радости оно принесло мне, так приятно было читать эти милые для меня строки. Хотя теперь здесь я не могу видеть тебя, слышать твой голос. Но я только чувствую тебя, когда читаю это письмо, и перед глазами пробегают те дни, когда я мог видеть тебя, каждый вечер быть рядом с тобой… Немного опишу здешнюю жизнь. Саша, конечно, здесь жить можно. Очень красивое место, как раз мы живем в том месте, где Ангара впадает в Енисей. Вот почему село это называется Стрелка. Поселок строится, кругом лес, Ангара очень красива, сейчас на Ангаре и на Енисее стоит лед, и мы часто прямо по льду ходим в Стрелку. Но скоро лед тронется, пойдут пароходы, жизнь будет веселей. В поселке есть клуб, столовая, магазин. Но я думаю об только одном, чтобы ты была рядом… 10.04.50, кажется 2 часа ночи…

Александра Ивановна в своих воспоминаниях подчёркивает, что никогда не забудет, что в землянке, где он проживал вместе с другом, его не оказалось. Комендант подсказал: ваш жених принимает холодные ванны после тяжелого трудового дня. Она

прибежала на берег студеного Енисея. День был солнечным и Валентин, искупавшись, шел навстречу, прикрывая рукой глаза. В тот момент, она поняла, что уже не сможет без него.

После регистрации брака (комендант имел право зарегистрировать брак) смогли вернуться в Бородино. Первое время жили в землянке. Александра Ивановна делала быт уютным – повесила занавески на маленьких окнах, распустила конные вожжи и из ниток связала белоснежную скатерть. В Краснодар к матери поехали уже с первенцем Володей. Как она мечтала, чтобы Валентин вернулся домой. Но молодые выбрали местом жительства Сибирь. В 1953 г. получили трехкомнатную квартиру в одном из домов по Октябрьской улице. Многоквартирные дома строились по проекту Ленгипрошахта (типовая серия 1-253). Судимость была снята, реабилитирован в 1953 г., тогда Валентин и получил первый в своей жизни паспорт. У него так и осталась одна запись в трудовой: Бородинская ремонтно-прокатная база (РПБ) – предприятие по ремонту горной техники. У пары родилось два сына: старший, Владимир и младший Сергей, который впоследствии станет солистом Ансамбля песни и пляски Тихоокеанского Флота России.

Давно нет в живых Валентина, а Александра Ивановна до сих пор с блеском в глазах рассказывает историю любви. В 2019 г. она отметила свой 90-летний юбилей. Гориновы всю свою жизнь посвятили родному городу.

История семьи Гориновых была визуализирована в интерактивной выставке «Долгая дорога домой», которая была создана специалистами Музея истории города Бородино совместно с художницей Анастасией Безвершук (г. Красноярск) в 2021 г. [6]. Каждый бывший солдат уходил на фронт из родного дома и мечтал вернуться домой. Дом – это место, где всей семьей читали письма с фронта и писали ответ солдату. Дом – это место, где внукам и правнукам и сегодня рассказывают историю героя. Нашим героям в свои дома вернуться было не суждено. Вся их послевоенная жизнь складывалась в далекой Сибири.

В музейной выставке-инсталляции ДОМ стал тем местом, где образно сконцентрирована память о человеке войны, будто мы вернули героя домой. Пространственная инсталляция представляет собой дома разных размеров, которые хранят память о людях большой войны – бородинцах. Чем больше дом, тем больше мы знаем о судьбе героя. Небольшие дома белого цвета – это истории и судьбы, которые еще предстоит узнать, и о которых мы расскажем позднее.

Дома выполнены из ткани с использованием технологии цианотипии и ручной вышивки. На экспонируемых участках отчетливо просматриваются фронтовые и семейные фотографии героев, отчетливо читаются письма с фронта в глубокий тыл, возникают образы боевых товарищей и подруг. Часть наших героев не вернулись с фронта, остальные до конца жизни хранили память о нелегких годах войны. Их истории были рассказаны потомками, которые бережно сохранили семейные архивы и поделились с музеем своими семейными ценностями.

Список литературы

1. Донесения об освобожденных из плена №1583 от 31.07.1945 21 ЗСД // Обобщенный банк данных «Мемориал». URL : https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=66458147&p=274# (Дата обращения: 19.06.2023)
2. Куликов А. Оккупация Краснодара: 186 дней в 8 фактах // Новостной портал Кубань.24 12.02.2019. URL: https://kuban24.tv/item/okkupaciya-krasnodara-186-dnej-v-8-faktah-221731 (Дата обращения: 19.06.2023)
3. Музей истории города Бородино. ФМ 836.
4. Приказ НКО СССР от 28.07.1942 № 227: О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций // История

военного искусства: Курс лекций: в 6 т. — М., 1958. — Т. 5: Военное искусство первого периода Великой Отечественной войны (июнь 1941 — ноябрь 1942 г.). – С. 780-783.
5. Решетень А. А. Живая память. Красноярск, 2006. 160 с.
6. Троегубова Анна. В Музее истории города Бородино открывается выставка «Люди большой войны» //Культура24.РФ. 2021 URL: https://cultura24.ru/news/16660/?ysclid=lkgjxshrml866807807 (Дата обращения: 19.06.2023)

УДК 94(57)

Патюковы. След в Истории России от Белого моря до Русской Америки

Патюкова Лариса Васильевна
Краевед
член Межрегиональной общественной организации «Колыбель Отечества».
Ачинск, Россия.
lorapat777@eandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья о Сибирском роде Патюковых, первожителях городов Енисейска, Назарово и Ачинска Енисейской губернии. В процессе архивных изысканий все более проявляется след, оставленный представителями рода Патюковых на страницах Истории России от Белого моря до Русской Америки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Патюковы, родословная, след в Истории России.

На юго-западе Красноярского края (Енисейской губернии), на реке Чулым, при впадении в нее речки Ададым, находится город Назарово. Основан в 1750-х гг. Назарием Федоровичем Патюковым, о чем свидетельствует архивный документ «Данная» на земельный надел.

«То верно по Воеводской канцелярии
ДАННАЯ
Ачинского воеводы крестьянину Патюкову Назарию о выделении земли под двор и пашню на реке Чулым в устье речки Ададымки Бил челом Государыне всея Руси Царице Елисавете Петровне в остроге в съезжей избе воеводе подал доношение - челобитную крестьянин Назарий Федоров Патюков

А челобитной ево писано чтобы Государыня Елисавета Петровна пожаловала-велела дать место на устье речки Ададымки в реку Чулым по левой стороне под двор и под пашню на правом берегу Ададымки и под сенные покосы и паскотиной выпуск скота вниз подле Чулыма реки до бору сосновова а с бору до речки Ададымки согласно обысканных земель и проведенных проверок доездом казаками Ачинского острога а рыбная ловля в Чулыме охота в бору

И по Государеву и Царице всея Руси Указу Елизаветы Петровны та земля отдана а пустоте то не держать

КАНЦЕЛЯРИЯ ВСЕЯ РУСИ»

На копии второго экземпляра Данной (которая хранится в личном архиве В.Н. Романовой) имеется пометка: РГАДА. Ф.214. «Сибирский приказ. Воеводская канцелярия».

Назарий Федорович и его сыновья Филипп, Федор, Никифор явились основателями большого сибирского Рода Патюковых. Изучением своей родословной и составлением Родословного Древа заинтересовался мой отец Василий Васильевич Патюков, уроженец города Назарово, член Российского Историко-родословного общества. Впоследствии он передал свои записи назаровскому городскому музею.

Работу над архивными документами продолжили потомки Василия Васильевича, и Валентина Никитична Патюкова с мужем Анатолием Максимовичем Романовым. В результате проявился след Патюковых не только в освоении Сибири, но и на страницах Истории России от Белого моря до Русской Америки.

В 1770 г. академик П.С Паллас, совершая путешествие по Сибири пишет, что он ехал из Ачинска на юг через Аргинский хребет к Чулыму

«... заведена при устье впадающего с левой стороны ручья Ададыма новая Назаровою именуемая деревня енисейскими крестьянами заселенная... Деревня сия состоит из 15 семей, к коим еще с Енисейской стороны многие присоединяются» [9, с. 446–447]/

В архивных документах мы находим свидетельства о Патюковых как о крестьянах, казаках, купцах и промышленниках и даже представителях княжеского рода.

Патюковы – вероятно, так называли жителей населенного пункта, расположенного на берегу речки Патюковки. Патюковка – левый приток реки Вожбал, одной из малых рек-притоков Сухоны в Тотемском районе Архангельской области. Здесь же речка Ермакова – правый приток Вожбала.

На Вожбале существовала легенда о связи названия со знаменитым Ермаком Тимофеевичем, покорителем Сибири. Суть ее в том, что якобы отец Ермака Тимофей жил на починке Тимошкино (другое название деревни из писцовой книги 1623 г. – Тимошкина Слободка или Заболотная), а его сын переселился на другое место, где основал починок Ермакове [16, с. 154-156].

Судя по этим сведениям, Патюковы жили на реке Вожбал в соседстве с Ермаком Тимофеевичем и, вероятно, когда Ермак набирал дружину для похода в Сибирь (1581—1585), они могли уйти вслед за ним. В писцовой книге 1623 г. Вожбальского уезда фамилии Патюковых нет.

Тотьма, город на реке Сухоне, притоком которой является Вожбал, упоминается в летописях с 1137 г. В Тотьме имели соляные варницы купцы Строгановы, организаторы похода Ермака на Урал и в Сибирь. Тотемские купцы снарядили в Сибирь и Америку более 20 экспедиций. Возможно и Патюковы могли быть участниками этих экспедиций.

Еще одно место на карте Архангельской губернии, где Патюковы оставили свой след – деревня Водогора на берегу реки Пинега, напротив деревни Чаколы в Кеврольском районе. Чакола — одно из древнейших селений по реке Пинеге, (ок. 1471 г.). Именно тут, уже значительно позже, укрылись новгородские бояре после того, как вольный Новгород был подчинен Иваном Грозным в 1570 году.

В переписной книге Кеврольского уезда 1709 г. зафиксированы по именам и деревням все ушедшие.

«В деревни Водогоры

Двор пуст Козьмы Федорова сшел в Сибирь лет з 10 [14, л. 65]

«А по скаске той волости соцкого Мирона Сидорова судейки Андрея Михайлова старосты Григорья Титова десяцких Алексея Тимофеева с товарыщи те дворы запустели и люди из них вышли от хлебной скудости и недороду в прошлых годех в сибирские городы а земли покинули в пусто а иные вымерли и никого не осталос и нихто теми землями не владеет» [14, л. 65об.].

Первое упоминание о Патюковых найдено в переписи 1709г, но без указания фамилии.

Перепись 1709 года: Архангелогородская губерния: Кеврольский уезд:

Деревня Водогора Шиляевская печище тож

Во дворе Дмитрей да Гаврило Осиповы

У Гаврила детей Никита Иван

Во дворе у него сын Филип

Во дворе Пимин Федотов у него детей Иван Тимофей у Ивана сын Данило 5 лет [14, с. 42].

Во время очередного учёта населения Кеврольского уезда в 1719 г. жители были записаны под фамилиями.

Деревня Водогора

Крестьянин Тимофей Пиминов сын Патюков 35 лет у него сын Алексей 7 лет у Тимофея племянник Данило Иванов сын 11 лет

Крестьянин Онтон Никитин с.ын Патюков 47 лет у него два сына Степан 17 лет Гаврило 11 лет [12, с. 350]

Согласно переписной книге, к этому времени Патюковы, за малым исключением, ушли в Сибирь.

По данным переписи 1710 г. Патюковы уже проживали в Тобольске.

Деревни Каргаполовы

Двор крестьянина Захара Воронова сказался 45 лет, у него жена Парасковья 35 лет, дети Домна 10, Максим году, брат Парфен 40 лет жена Марья 30 лет. Сын Иван 8 лет, дочь Анна 5, Аксинья году

Подворник пришлой из Русских городов Федор Патюков 50 лет жена Парасковья 40 лет

сын Григорей 12, Василей 2, Тит году, дочь Марья 11, Марфа 8 лет [11, л. 25].

Судя по возрасту детей, Патюковы проживали в Тобольске более 10 лет. Но и здесь они не задержались надолго. Точнее, задержались те, у кого была семья с малыми детьми.

Верхотуринск. Среди прихожан и жертвователей Свято-Николаевского монастыря записана княгиня Анастасия Патюкова. Жила она в Верхотурье или посещала монастырь, как паломница, не известно.

От Оби до Енисея в то время путь лежал по рекам Кеть и Кемь и волоку между ними. В «Списке русских деревень расположенных в Енисейском уезде в начале 1735г.» Герарда Миллера указаны деревни Чалбышев погост, Подгорная и Назарова, основными первожителями которых, судя по переписям того времени, были Патюковы.

«К погосту Казачий луг относятся 22 деревни, расположенные частично на реке Енисее и впадающих в нее речках, частично на реке Кемь.

20. дер. Назарова, на восточном берегу р. Кемь в 18верстах от вышепоказанной деревни Калмаковой и в 4 верстах от деревни Мунгаловой, относящейся к Мокрой слободе.» [10, л. 18]

Является ли деревня Назарова родовым гнездом Назария Патюкова, предстоит еще выяснить, однако в переписи выбывших из Енисейского уезда 1748 г. такой деревни нет.

В Енисейске Патюковы не задержались, возможно, по причине сильных пожаров и наводнений, опустошавших город. Но архивные сведения разного времени о них есть в мещанском и купеческом сословии. В списках Енисейских купцов значатся купцы третьей гильдии Патюковы Евстафий Михайлович в 1846 г. и Мануил Михайлович в 1856 г. [3, с. 219].

Много потомков Патюковых проживают в городе в настоящее время. Енисейск стал для Патюковых «перевалочной базой» продвижения на юг и восток Сибири для освоения ее просторов.

В Ачинском остроге Назарий Федорович подал челобитную императрице Елизавете Петровне (1741-1762) о выделении ему земельного надела на реке Чулым, при впадении в него речки Ададым. Здесь Назарий с сыновьями срубил заимку, которую стали называть по его имени Назаровою, как со временем село и город Назарово. В 1735 г. началось строительство сухопутного Московско-Сибирского тракта, который прошел через Ачинск. Среднесибирская часть его устраивалась в 50-60-е годы. Это облегчило продвижение русских переселенцев в Сибирь. Для многих из них пристанищем стало поселение Назария Федоровича Патюкова. В 1776 г. в селе проживало 308 чел.

К началу XX в. клан Патюковых был довольно многочисленным. Всего к приходу советской власти насчитывалось 24 двора, где жили Патюковы. Но к тому времени многие из них уже переселились в Ачинск, постепенно обосновались в нем. Ачинск был уездным городом, имевшим все его преимущества, возможность получения образования и проявления своих деловых способностей.

По «Ревизским сказкам на мещан города Ачинска 1850 г.» Патюковых проживало 20 семей, более 150 человек [5, с. 73-98].

Ачинский краевед Г.С. Лопаткин в книге «Летопись града Ачинска» пишет: «Из мещанских родов часто выходили в купеческое сословие. Наиболее многочисленные были роды мещан Патюковых и Дружининых. Патюковы Афанасий Юдинович, Василий Афанасьевич стали купцами. Сидор, Иван, Дмитрий Сидоровичи Патюковы остались в мещанском звании, но в городе имели высокий вес. В 1852 году получает свидетельство купца третьей гильдии Федор Федорович Патюков. В списке ачинских купцов значится и Патюков Михаил Кириллович. Патюков Иван Федорович дважды избирался в Городскую Думу – в 1886 как мещанин, а в 1893-95 г. уже как купец второй гильдии» [8, с. 108,109,148,151,154].

Патюковы принимали деятельное участие в жизни города и пользовались уважением. При строительстве Казанского собора в 1826-1832 гг. на общественные средства ачинцы избрали «в строителей оной церкви известных в добропорядочном поведении и усердных Богу ачинских мещан Алексея Данилова Хворостова и помощником к нему Семена Ермолаева Патюкова » [7, с. 16-17]

После революции в годы антирелигиозного террора Казанский собор сыграл роковую роль в судьбе Натальи Васильевны Патюковой, которая ценой своей жизни уберегла собор от угрозы разрушения в 1937 г. Она ездила в Москву к Председателю Президиума Верховного Совета Калинину с просьбой верующих о разрешении службы в церкви. Просьба формально была удовлетворена. Но вскоре после ее возвращения ночью за ней пришли. С этого времени семье о ней ничего не было известно. Наталья Васильевна записана на вечное поминовение в соборе.

Составление родословного древа Патюковых было начато Василием Васильевичем. Он вел переписку с родными по всему Советскому Союзу и составил древо из 222 потомков от прадеда Семена и его жены Ненилы.

В 1990 г. он подарил свои записи Назаровскому музею, на основе их открыта экспозиция о первожителях Назарово. В дальнейшем Валентина Никитична и Анатолий Максимович Романовы в Государственном архиве Красноярского края нашли Данную на земельный надел на реке Чулым и в «Указах Тобольской Духовной консистории и прометрии» «Роспись деревни Назаровой» за 1776 г. Согласно росписи, у Назария Федоровича Патюкова было три сына – Филипп, Федор, Никифор, 9 внуков и 32 правнука [6, с. 1-3].

На основании метрических церковно-приходских записей составлено Родословное Древо рода Патюковых, насчитывающее более пятисот потомков Назария Федоровича. Представители фамилии Патюковых оставили заметный след в жизни города Назарово, что нашло отражение в документальных источниках. Среди них первый председатель колхоза Константин Патюков и начальник Управления строительства Назаровского Угольного разреза Петр Лукьянович Патюков.

Упоминание о принадлежности Патюковых к купеческому сословию есть в истории Отечественной Войны 1812 года.

«Предписание управляющего Военным министерством ген.-лейт. Горчакова А.И. ген.-кригс-комиссару Татищеву А.И. о награждении казанского купца 1-й гильдии Патюкова золотой медалью на Владимирской ленте за поставки кожаных вещей для лейб-гвардии и армии. 31.12.1812»
[13, л. 22-22 об]

Фамилия Патюковых была известна среди уральских купцов предпринимателей. В окрестностях уральского города Златоуста Василию Патюкову принадлежал железоделательный завод, на воротах которого до сих пор сохранилась фамилия его владельца. Он также был совладельцем с иркутским купцом Ефимием Кузнецовым первого в Сибири Ирбинского чугуноделательного завода. После его смерти в 1829г. завод закрылся.

Наряду с другими крупными сибирскими купцами он бы членом попечительского совета Иркутского университета, который содержался на пожертвования купечества. На благоустройство дорог города Иркутска ежегодно жертвовал 5 тыс. руб.

Патюковы на Дальнем Востоке в разное время оставили след от Иркутска до Сахалина и Камчатки. По архивным сведениям, они принимали участие в экспедициях Ерофея Хабарова в освоении Приамурья. После разногласий в отряде Хабарова отошли от него, обзавелись семьями и хозяйствовали на земле, занимались оленеводством. Во многих переписях населения Забайкалья упоминается фамилия Патюковых.

Артём – пригород Владивостока. Один из старейших населенных пунктов на территории Артема поселок Олений. А ещё ранее это был хутор крестьянина Иркутской губернии Михаила Федоровича Патюкова, проходившего службу по рекрутскому набору в Сибирской флотилии.

Окончив служить, он получил в 1899 г. в собственность 50 десятин земли и отстроил хутор у реки Майхэ. Патюков с равным правом может считаться основателем сразу двух территориальных поселений – Артемовского и Оленьего [17, л. 338].

Газета «Дальний Восток» за 1 декабря 1895 г. в разделе «Хроника» писала, что г-н Патюков на своей заимке в окрестностях Владивостока произвел опыты с посевом риса, которые дали всходы и жатву. Таков был первый шаг сельского хозяйства края в этом направлении.

В роду Патюковых много речников и мореходов, ведь в основном они выбирали места проживания около малых и больших рек. Охотское море, реки Северная Двина, Иртыш, Обь, Енисей, Амур, по которым они прошли. И в настоящее время среди них есть известные капитаны Енисейского пароходства: Патюков Павел Дмитриевич, Патюков Валерий Владимирович, Патюков Евгений Валерьевич.

Крайняя точка на карте Российской империи, где проявился след Патюковых: Аляска или Русская Америка. Кадьяк — остров, расположенный у южного побережья Аляски, столица Русской Америки.

«Донесение И.А. Купреянова в Главное правление РАК об эпидемии оспы на Кадьяке, мерах борьбы с распространением болезни и о награждении байдарщиков и алеутов, способствовавших вакцинации № 180 1 мая 1838 г.»

«Карлукской одиночки байдарщик Гаврило Патюков, воспользовавшись случаем получения с рук свежей оспенной материи, тотчас привил оную до прибытия фельдшера в вверенныя ему одиночки и близлежащем алеутском жиле и тем спас жизнь 45 человекам.» [15, с. 248-253]

После продажи Российской империей Аляски, большая часть русских жителей покинула Аляску. Но были и те, кто остались: русские старожилы и их потомки от смешанных браков. Для них Аляска была домом. Имеются сведения, что на Аляске остались и живут Патюковы.

Не тот ли Гаврило Иванович Патюков, что в «Ревизских сказках на мещан города Ачинска за 1850 год» числился «в Камчатке», их предок?

Патюковы оставили свой след в среде Енисейского и Оренбургского казачества. В именном списке казаков третьего военного отдела Оренбургского казачьего войска награжденных государственными наградами Российской империи упомянут Патюков Василий, Кундравинская станица,

18-й Отдельный кавалерийский полк, награжден Георгиевским Крестом 4 степени №156772 [4, с. 119].

В книге А.П. Борисовой, «Забытый полк. Енисейские сибиряки в первой мировой войне 1914-1918 гг.», в именных списках более 30 Патюковых. Только из деревни Подгорная призвано 20 человек, многие из одной семьи. [1, с. 381-382], [2, с.361].

Великая Отечественная Война своим безжалостным катком прокатилась по каждой семье рода Патюковых. В Книге памяти Великой Отечественной войны записаны 183 фамилии Патюковых. В Книге памяти Красноярского края 47 Патюковых. На памятной плите Енисейска 23 Патюкова.

Многие Патюковы пострадали во время «раскулачивания», во время сталинских репрессий. Многие семьи были сосланы или разрушены, лишены прав и нажитого трудом имущества. Но это отдельная тема для отдельной статьи.

История рода Патюковых неразрывно связана с Историей России. Каждое поколение оставило в ней свой след. В более 50 городах и 10 странах живут потомки тех, кто осваивал ее просторы. История Рода Патюковых не имеет окончания, ведь каждое новое поколение пишет свою страницу. Продолжение следует.

Список литературы

1. Борисова А. П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914-1918 гг. Красноярск, 2019. 607 с.
2. Борисова А. П. Забытый полк. Енисейские сибиряки в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Кн. 2. Красноярск, 2021г. 568 с.
3. Быконя Г.Ф. Комлева Е.В. Погребняк А. И. Енисейское купечество в лицах (XXVIII-нач. XXв.), Новосибирск, 2012. 316 с.
4. Завершинский В.И., Семенов В.Г., Шалагин А.В. Именной справочник казаков Оренбургского казачьего войска, награжденных государственными наградами Российской империи (третий военный отдел). Магнитогорск, ООО ПКФ "Статус". 2011г. 224 с.
5. ГАКК Ф.160 Оп.3 Д.495. (Ревизские сказки на мещан г. Ачинска Енисейской губернии 1850 год.)
6. ГАКК. Ф. 592. Оп.П.45; связка 8. (Список дворов и населения деревни Назаровой Ачинского округа 1776 г.)
7. Казанскому собору 175 лет. Ачинск, 2005. 130 с.
8. Лопаткин Г.С. Летопись града Ачинска. Ачинск, 2000. 543 с.
9. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи Ч. 2. Кн. 2. 1770. СПб, 1786. 571 с.
10. РГАДА. Ф 199. портф. 526, ч2, Д.8. (Путевые описания Сибири 1734-1741г. Миллер Г.Ф.)
11. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1526. (Переписная книга 1710 г.: Сибирская губерния: Тобольский уезд.)
12. РГАДА, Ф.350,Оп.2, е.х.149. (Переписная книга Кеврольского уезда Архангелогородской губернии 1719г.)
13. Российский государственный военно-исторический архив. Ф.396. Оп.1. Д.2. (Предписание управляющего Военным министерством ген.-лейт. Горчакова А.И.)
14. СПБ ИИРАН. Ф. 10. Оп. 3. Д. 25. (Переписная книга города Кевроли с уездом1709г.)
15. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 1375. Оп. 1. Д. 40. (Донесение И.А. Купреянова в Главное правление РАК об эпидемии оспы на Кадьяке. 1853г.)
16. Тотьма. Краеведческий альманах №1, №3,4. Попов В. Т. Предания в Тотемском уезде (Вологод. губ.) о Ермаке, завоевателе Сибири // Вологодские епархиальные ведомости. 1899. № 6. С. 154-156.
17. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф.28. Оп.1. Д.78.

УДК 94

Музыкант-наставник енисейской молодёжи Ананий Ефимович Шварцбург

Селиванова Анастасия Алексеевна
кандидат исторических наук,
Краевое государственное бюджетное профессональное образовательное учреждение «Енисейский педагогический колледж».
Енисейск, Россия.
jasan20@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается педагогическая деятельность ссыльного пианиста, дирижёра, Анания Ефимовича Шварцбурга, в г. Енисейске. Являясь представителем сибирской интеллигенции, Ананий Ефимович, несмотря на свой негативный статус «сибиряка поневоле», стал наставником для большинства молодых людей города и оказал влияние на развитее культуры в целом. Его вклад в эстетическое образование молодежи Сибири имел большое значение для формирования музыкальной культуры всего Красноярского края. В исследовании автор опирается на архивные документы, воспоминания очевидцев. Делает вывод о значимости наставнической деятельности мастеров культуры для любительских коллективов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Ананий Ефимович Шварцбург, Енисейск, Енисейское педагогическое училище, самодеятельное искусство, сибирская ссылка.

Сибирский край славен своей красотою, но суровость климата и тяжелые условия жизни сделали его для многих людей и местом ссылки. В «тюрьме без решеток» ссыльные в условиях острой нехватки в Сибири специалистов оказывались востребованными как учителя, врачи, исследователи природы и населения края. Таким сибиряком поневоле становится пианист, дирижер Ананий Ефимович Шварцбург. Дорога в сибирскую ссылку была длиной и наполненной чередой событий.

Еще до революции его родители уехали в северо-восточный Китай. Образованная и интеллигентна семья, мать музицировала, отец работал бухгалтером. Ананий Ефимович родился в Харбине в 1918 г. В 1930-е гг. семья Шварцбургов переезжает в Россию. Ананий в 1936 г. поступает в Московскую консерваторию в класс фортепиано под руководством выдающегося педагога и пианиста Константина Николаевича Игумнова. В 1937 г. он переехал в Ленинград к месту жительства своих родителей, и перевёлся в Ленинградскую консерваторию. В январе 1938 г. Анания Ефимовича арестовали по обвинению в шпионаже в пользу Японии. По воспоминаниям его друзей, он всё время «надеялся на правду, отрицал то, что ему инкриминировали, его били страшно, этого юношу 18-ти лет избивали в кровь, он говорил, что иногда сутками отходил от тех побоев, которые ему пришлось пережить». Выдержать такую пытку было невозможно, и Шварцбургу пришлось подписать обвинительный приговор [12]. В годы заключения он работал на лесоповале, затем был перевод в Магаданский театр на должность концертмейстера, солиста, и наконец, дирижера. Здесь он нашел свою будущую жену Инну Рудинску, она работала в Магаданском театре в костюмерном цехе. Родилась дочь Наталья. После досрочного освобождения в 1947 г. наступил короткий период вольной жизни. Ананий Ефимович с семьёй по профсоюзной путёвке уехал в Сухуми, где устроился в Кутаиси преподавателем в местное музыкальное училище [11]. Об этом периоде жизни своей семьи Наталья Шварцбург (дочь) вспоминает так: «Успешно начатая педагогическая работа была прервана полгода спустя. Власти добрались и сюда, до кавказской глубинки. Отец вновь был арестован, снова провёл несколько месяцев в тюрьме, на этот раз Тбилисской. Оттуда вновь арестантским вагоном был отправлен на восток, до

Красноярска, а затем на север, на Ангару, куда и приехала позже мама со мной на руках» [15, с. 554]. Анания Шварцбурга обвинили в шпионаже в пользу Англии и отправили в ссылку в Красноярский край, в Мотыгино. Мотыгино – небольшой населенный пункт, где заготавливали лес. Ананий Ефимович не мог найти работу по специальности, он просит перевода в Енисейск. Просьбу удовлетворили. В Енисейске Ананий Ефимович устроился работать в местный Дом культуры и стал преподавать музыку в педагогическом училище. Вот так началась педагогическая деятельность ссыльного музыканта Анания Шварцбурга в сибирском г. Енисейске, где благодаря своему таланту и профессионализму ему удалось стать наставником енисейской молодежи.

«После Мотыгино Енисейск казался раем» - вспоминает дочь Анания Шварцбурга Наталья [15, с. 558]. В книгах приказов по Енисейскому педагогическому училищу за 1953 г. сохранилась запись о количестве часов учебной нагрузки Шварцбурга. Например, в приказе 18 (а) за № 1 можно прочитать запись: «Установить недельную нагрузку для преподавателей педучилища с 1 сентября 1953 г.», далее идет список преподавателей, под двадцать третьим номером напечатана фамилия Шварцбург А. Е. – 30 часов [5]. Анализируя книги приказов за 1950-1953 учебные годы, можно сделать вывод, что Ананий Ефимович работал преподавателем музыки с хорошей нагрузкой: от 25 до 30 часов в неделю [3, приказ № 225 от 12 февраля]; [5, приказ № 193 от 27 февраля].

Клавдия Павловна Колосова, выпускница Енисейского педагогического училища 1953 г., вспоминает: «И у нас появилась звезда, интеллигентный, образований, эрудированный преподаватель музыки. Одет бедно, «штиблеты есть просили», да мы и сами были очень бедно одеты. С первых уроков поняли, что это очень интересный человек, виртуоз. Он играл на фортепьяно, и мы были влюблены в уроки музыки. Много учили по теории, и все ждали с нетерпением, когда Ананий Ефимович сядет к инструменту. Играл он в основном классику: Бетховена, Листа, Чайковского. Для нас это были счастливые годы. Закончилась война, такой эмоциональный подъем, так хотелось жить и учиться! Во время урока Ананий Ефимович, мог подойти и так легонько по рукам дотронуться, следи, мол, за пальцами. Очень чуткий был педагог. К концу обучения я уже хорошо играла и вальсы, и польку» [10].

Надо отметить, что в целях улучшения работы по хоровому пению в училище был создан сводный женский хор студентов. Занятия проводились с 7 ч. 50 мин. до 8 ч. 50 мин. утра [2, приказ № 185 от 14 ноября]. Хором руководил Шварцбург. Надолго запомнили Анания Ефимовича енисейцы, которым довелось побывать на концертах и спектаклях, постановкой которых он занимался. Массовостью и яркостью отличались городские праздники песен, впервые проходившие так широкомасштабно и торжественно: «На стадион привезли рояль, концертмейстером был Шварцбург, дирижировал хором ссыльный музыкант Филипп Осипович Швейкин» [8]. Сводный хор студентов педагогического училища насчитывал до 120 человек.

Выпускница 1953 г. студентка Горбачева Надежда вспоминает: «В училище был прекрасный хор, исполнявший песни на 3-4 партии. Организатором и душой художественной самодеятельности был Ананий Ефимович Шварцбург. Он научил нас понимать музыку. Сам был прекрасным музыкантом и широко образованным человеком» [9]. Старожилы Енисейска вспоминали, что во время одного из праздников на городском стадионе под руководством Шварцбурга выступил сводный хор, который насчитывал по разным сведениям от 500 до 700 человек!» [8]. Помимо хора в училище существовал вокальный ансамбль, и Шварцбург был официально назначен его руководителем с дополнительной нагрузкой 5 часов в неделю [4, приказ № 503 от 26 ноября]. Пели песни о Енисее, патриотические, лирику.

За годы енисейской ссылки Ананий Ефимович внес большой вклад в музыкальное образование и эстетическое воспитание молодежи, особенно учащихся

училища. «Я вчера играл концерт Чайковского на вечере, который мы устроили в училище, лекция-концерт о творчестве Чайковского. Был прочитан доклад. Затем исполнялись фортепьянные миниатюры, затем пела одна певица (почти настоящая) романсы и Полину, затем я играл Концерт в сопровождении моего коллеги (один рижский пианист). Не буду ломаться, а скажу, что я очень доволен, хотя бы тем фактом, что я работал, что выучил никогда прежде не игранный мною концерт, да и тем, как его слушали и приняли. Так как зал у нас в училище крохотный, то для того, чтобы могли посетить концерт все учащиеся, придется его повторить в течение пяти-шести вечеров подряд» – писал в письме Нелли Субботовской от 10 февраля 1951 г. Ананий Ефимович [7, с. 92]. В письме есть недосказанность, скрыты фамилии ссыльных деятелей искусств, помогающих организовать концерт для студентов. В Енисейске в период педагогической деятельности Шварцбурга отбывали ссылку многие знаменитости, например, Филипп Осипович Швейник – пианист, будущий директор Рижской филармонии, работал вместе со Шварцбургам в педагогическом училище, был реабилитирован, в книге приказов по Енисейскому педагогическому училищу сохранилась запись о его увольнении [4, приказ № 471 от 9 октября]. Выпускница педагогического училища 1952 г. Александра Смолина вспоминает о Шварцбурге и его товарищах по изгнанию: «Они знакомили нас, молодых и непросвещенных учащихся педучилища, с произведениями искусства, формировали творческие способности, мы выступали на смотрах и праздничных концертах!» [14].

Не всем удавалось в местах отбывания ссылки найти единомышленников и иметь силы для самовыражения, а главное желание передать знания молодежи и воспитывать советских людей. В своих воспоминаниях А.М. Малютина, профессор Лесосибирского педагогического института, отмечает: «В Енисейске Ананий Ефимович нашел людей, разбирающихся в искусстве, и умеющих ценить подлинный талант. Помню, он готовил к Толстовскому юбилею (125-летию со дня рождения писателя), который солидно отмечался в педагогическом институте г. Енисейска, исполнение «Крейцеровой сонаты» Бетховена, с ней связана известная толстовская повесть. Он репетировал со ссыльной скрипачкой, которая, как летучая комета, блеснула на енисейском горизонте, и куда-то исчезла. Мастерство пианиста слилось с ее мастерством. Репетиции они проводили в детском садике за речкой по вечерам, когда детей разбирали по домам и помещение пустело. Я посещала эти репетиции потому, что это было величайшим эстетическим наслаждением слушать настоящих артистов. Тем более, что сама занималась музыкой» [14].

Огромным успехом обернулась идея Шварцбурга поставить на сцене Дома культуры в 1952 г. оперу «Майская ночь». Артисты – студенты педагогического училища, приехавшие учиться из далеких сибирских деревень, многие из которых до этого никогда не участвовали в самодеятельности и даже музыкальных инструментов не видели. Клавдия Павловна Колосова, выпускница педагогического училища 1953 г., вспоминает: «Ананий Ефимович не любил, когда опаздывали на репетиции, свою роль должен знать наизусть каждый участник театрального действия. Мне посчастливилось, я играла русалку в опере «Майская ночь». До сих пор помню свою роль «Любо нам ночной порою дно речное покидать. Любо вольной головою высь речную рассекать. Подавать, подавать, подружкам голос. А-а-а…». Волосы мы сделали из веревок, красили их зеленкой, костюмы из марли. Сами были худы и бледны, ну просто настоящие русалки. В опере принимало участие много народу, в массовке только около 30 человек. У каждого была музыкальная партия, много пели хором. Петя Ефимов – мой однокурсник исполнял главную роль. Для города это был настоящий праздник, ведь никто до этого не ставил оперы в Енисейске» [10]. Ананий Ефимович писал: «Коллективными усилиями ссыльных (не только профессионалов, но и просто любителей) и с участием местной молодежи, которая, надо отдать должное, не только

уважительно относилась к «врагам народа», но и с удовольствием поддерживала все культурные начинания, была поставлена опера. 11 апреля выпустили «Майскую ночь». Наконец-то! Вчера был последний шестой спектакль. Успех большой. Все довольны!» [7, с.94].

Успех выступления был обеспечен и благодаря условиям, созданным для подготовки студентов, которые составляли основную массу артистов. В училище в программу физической подготовки входил раздел «Танцы» [3, приказ 235 от 6 марта]. Сохранились приказы об увеличении часов на эту дисциплину с дополнительной оплатой педагогу. Студентов, пропускающих занятия по хору, лишали стипендии, объявляли выговор. Например, в приказе № 231 от 22 февраля 1951 г. таких прогульщиков насчитывалось 14 – 0,5% от всего состава учащихся [3]. И все же такие приказы стимулировали остальных на соблюдение дисциплины и ответственного отношения к делу, только лучших отбирали для участия в смотрах. С 1952 г. в училище был оборудован кабинет музыки со всем набором инструментов, ответственным был А. А Павленов, руководитель студенческого струнного оркестра народных инструментов. В училище работал и драматический кружок (1950), под руководством К. С. Голых [2, приказ № 18 от 1 января]. Назначались предметные комиссии по контролю за подготовкой к смотру художественной самодеятельности, которые были ежегодны в педагогическом училище. Занятия музыки шли и в подготовительном классе, о чем свидетельствуют записи в книге приказов за 1952 г. Комиссии неоднократно отмечали высокий исполнительский уровень коллективов самодеятельности под руководством Анания Ефимовича. Хор и вокальная группа на смотрах художественной самодеятельности города занимали только призовые места [4, приказ № 511 от 14 декабря].

Деятельность Анания Шварцбурга можно назвать подвижничеством. «Он был и просветителем, и исполнителем. Он был удивительный, не корыстный, буквально дух служения искусству, служения людям. Ананий Ефимович уделял большое внимание одаренной молодежи» [1, с. 136]. В 1951 – 1952 гг., когда приезжала на летние каникулы студентка Московского музыкально-педагогического училища имени Гнесиных Римма Колокольникова, Ананий Ефимович занимался с нею, слушал ее пение под свой аккомпанемент, наставлял, давал советы и указания. Она закончила и училище, и музыкально-педагогический институт имени Гнесиных, получив квалификацию певицы и преподавателя пения [14].

Из воспоминаний дочери Натальи: «А когда папа, собрав ссыльных и местную молодежь, поставил на сцене маленького клуба два музыкальных спектакля, это стало событием для утопающего в снегах старинного городка» [15, с. 559].

Вторым музыкальным спектаклем стала опера-сказка «Морозко»(1953). Больше всего запомнилась студентам ария Машеньки. Костюмы шили сами, декорации красили. Играл оркестр. В ролях лесных животных – зайцев были задействованы учащиеся младших классов [13, Л. 9.]. За активное участие в художественной самодеятельности всем участникам оперы Морозко и участникам первомайского хора была объявлена благодарность с занесением в личное дело [5, приказ № 43 от 4 апреля]. «Это была настоящая сказка» – вспоминает К.П. Колосова. «Как много мне дало это участие, я всю жизнь вспоминаю свою молодость. Музыка впоследствии вела меня по жизни, я пишу стихи и читаю их под музыку для нашей молодежи» [10]. К.П.Колосова посвятила свою жизнь воспитанию подрастающего поколения, в 2021 г. ей исполнилось 90 лет. Она до сих пор организует музыкальные мероприятия для студентов и школьников г. Енисейска.

Краевая комиссия, прибывшая с проверкой, признала, что во всем Красноярском крае нет такого уровня постановки музыкального преподавания. Возможно, после этого события произошла очередная перемена в судьбе музыканта. Во время одной из

своих поездок по краю первый секретарь крайкома партии А. Б. Аристов познакомился с Ананием Ефимовичем, обнаружил в нем незаурядную личность, прекрасного музыканта и добился разрешения перевести его в Красноярск.

В 1955 г. Анания Ефимовича Шварцбурга реабилитировали «за отсутствием состава преступления», он переехал в Красноярск, и поступил на работу в Красноярскую краевую филармонию, где проработал почти 20 лет солистом, концертмейстером, лектором-музыковедом и художественным руководителем [11]. Он много гастролировал, выступал в Домах культуры и сельских клубах Красноярского края. Как исполнитель Ананий Ефимович обладал красивым, бархатным тембром голоса, по которому его узнавали радиослушатели. Работая художественным руководителям краевой филармонии, Ананий Ефимович приглашал известных исполнителей из Ленинграда и Москвы, которых знал лично по учёбе в консерватории, выступить для сибиряков [12]. Кроме того, Шварцбург многие годы возглавлял городское жюри по смотру художественной самодеятельности. И многим молодым талантливым музыкантам, замеченным им на таких концертах, Ананий Ефимович дал «путёвку в жизнь», приглашал на работу в Красноярск. В 1978 г. Ананий Ефимович Шварцбург скончался. Его вклад в эстетическое образование молодежи Сибири имел большое значение для формирования музыкальной культуры и развития таланта людей, посвятивших себя музыке.

Можно сделать вывод, что педагогическая деятельность Анания Ефимовича Шварцбурга, как преподавателя музыки, способствовала развитию городской культуры в целом. Он стал наставником для многих студентов – любителей музыкального искусства, образовывал творческие сообщества, поднял художественную самодеятельность на высокий уровень, доказал, что и в глубоко провинциальном городе можно культурно организовать свой досуг, развивать творчество и радовать результатами работы общественность. Его труд был высоко оценен жителями города, коллегами по работе, студентами.

Можно бесконечно удивляется силе воли таких людей, прошедших ссылку, испытавших неимоверные тяготы заключения в сталинских застенках, но, всё-таки, душой остаться романтиком и верить в силу искусства.

К педагогической деятельности Анания Ефимовича Шварцбурга обращаются и сегодня, изучая бесценный опыт работы с любительским коллективом студентов педагогического училища, методики, которые позволили приблизиться его воспитанникам к профессиональному искусству и быть примером для многих краевых исполнителей и коллективов художественной самодеятельности.

Список литературы

1. 80 лет со дня основания техникума народов Севера в Енисейске (ныне Енисейский педагогический колледж) // Край наш красноярский: Календарь знаменательных и памятных дат на 2011 г. Красноярск, 2010. С. 134 – 139.
2. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1950 г.
3. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1951 г.
4. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1952 г.
5. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1953 г.
6. Архивные фонды Енисейского педагогического колледжа. Книга приказов за 1955 г.
7. Гаврилова Л. В. Ананий Ефимович Шварцбург: судьба музыканта // Вестник музыкальной науки. 2019. № 1. С 91– 96.
8. Деревяшкина Н.М. «Майская ночь» на Енисее // Енисейская правда. 1953 г. 9 апреля.
9. Из личных воспоминаний Гарбочевой Н. выпускницы Енисейского педагогического училища 1955г. (Фонды музея Истории Енисейского педагогического колледжа / текущий архив)

10. Из личных воспоминаний К. И. Колосовой выпускницы Енисейского педагогического училища 1953г. (архив автора)
11. Лилетина Е. «Ярким, как звезды, – дань уважения и почета» / Е. Лилетина. Красноярск, 2014. URL : https://gnkk.ru/articles/znaki-sudeb
12. Липатова К.Ю. К 95-летию красноярского пианиста А.Е. Шварцбурга / К.Ю. Липатова. Красноярск, 2013. URL : http://красноярские-архивы.рф/gosudarstvennyi-arkh/
13. МКУ «Енисейский районный архив» Ф. 275. Оп. 1. Д. 88.
14. Сысоева А. Ананий Ефимович Шварцбург в Енисейске (1918 – 1975)/ // Репрессированные деятели культуры и искусства в истории и культуре Красноярского края. Красноярск, 2011. URL : http:// www. memorial. krsk.ru/ Work/ Konkurs/ Reprdeyat/1.htm
15. Шварцбург Н. След. Музыкальная культура Красноярска. Т. 2: 1920-1978. Красноярск. 2011. С. 554– 567.

УДК 908

Благотворительная деятельность потомственной почетной гражданки Евдокии Петровны Кузнецовой (Владимирский приют и Минусинский музей)

Серебренникова Марина Евгеньевна
Региональная общественная организация Красноярского края «Союз краеведов Енисейской Сибири».
Красноярск, Россия
sme1957@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассказывается о благотворительной деятельности Евдокии Петровны Кузнецовой, которая была попечительницей Владимирского приюта, здание которого построила на свои средства, взамен сгоревшего. Спонсировала поездку Н.М. Мартьянова в Европу для обучения музейному делу, выделяла средства для проведения научных поездок и передавала в дар музеям личные коллекции и предметы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кузнецова, Мартьянов, Владимирский приют, Минусинский музей.

Евдокия Петровна Кузнецова родилась в 1846г. в семье известного Красноярского золотопромышленника – купца первой гильдии, потомственного почетного гражданина Петра Ивановича Кузнецова. Всю свою жизнь Е.П. Кузнецова посвятила благотворительности, более 25 лет была попечительницей Владимирского приюта [4, с.141].

Мысль об учреждении в г. Красноярске детского приюта возникла в 1840 г. вследствие предложения председателя комитета главного попечительства детских приютов графа Строганова, переданного бывшему в то время Енисейским Губернатором Копылову, которым тогда же по губернии была организована подписка для сбора пожертвований [2].

Первыми наиболее значительными вкладчиками были: Канский 1-ой гильдии купец Г.Ф. Машаров, Красноярский 1-ой гильдии купец потомственный почетный гражданин П.И. Кузнецов, Екатеринбургский купеческий сын И. Рязанов, внесшие по 3000 руб.; затем 1720 руб. от Красноярского общества чиновников, купцов, золотопромышленников и граждан, помещенных жертвователями в приказ общественного призрения с тем, чтобы из процентов содержать в учрежденном приюте сирот под наименованием воспитанников бывшего военного Генерал Губернатора Восточной Сибири Руперта, в память об управлении этим краем, на что было испрошено Высочайшее Соизволение. Собранная сумма была признана достаточной для того, чтобы приступить к открытию приюта. 22 мая 1847 г. открыто было губернское попечительство детских приютов, а 15 июля 1848 г., в день Тезоименитства Великого князя Владимира Александровича, последовало открытие приюта, названного с Высочайшего соизволения (27 авг. 1847 г.) «Владимирским» в ознаменование дня рождения Великого князя Владимира Александровича, родившегося в день открытия попечительства[2].

Приют первоначально был открыт на 30 детей:15 мальчиков и 15 девочек с целью доставить дневное убежище бедным детям во время работы их родителей. Но скоро же выяснилась необходимость принять некоторых детей на полное свое попечение [2].

Первоначально приют располагался бесплатно во флигеле дома, принадлежавшего коллежскому советнику В.П. Голубкову, который в 1848 г. пожертвовал приюту как флигель, так и сам дом, оцененный в 21000 рублей. Дом

находился на углу ул. Большой (ныне пр. Мира) и Дубенского переулка (ныне ул. Парижской Коммуны). В 1857 г. было приобретено еще одно соседнее место с деревянным домом за 1100 рублей. В 1873 г. Т.И. Щеголева пожертвовала для приюта 2-этахный каменный дом, поврежденный пожаром. Дом был отремонтирован на средства Щеголевой и приют переехал в новое помещение [4,с.140].

В ночь с 17 на 18 апреля 1881 г. случился страшный пожар. Сгорело более половины Красноярска, в том числе и Владимирский приют со всеми постройками и имуществом. Приют временно разместили в здании народного училища, затем в богадельне Щеголевой. Пострадавшее от пожара здание детям было уже тесно [4, с.141].

Произвести же в нем капитальный ремонт не хватало средств у попечительства. На помощь попечительству тогда пришла Е.П. Кузнецова.

Евдокия Петровна Кузнецова на свои средства выстроила двухэтажное каменное здание, которое соединило главное здание приюта с флигелем, стоимостью в 3607 руб. За время своего попечительства до 1899 г. Евдокия Петровна затратила на всестороннее улучшение приюта 12000 рублей. Только за 25 лет (1873-1898 гг.) попечительством было затрачено на приют 164000 рублей. Многие лица из граждан города, округа и губернии жертвовали на приют огромные средства, в местном обществе находилось много лиц, готовых поддержать эти учреждения [2].

Главной целью Владимирского приюта было дать воспитанницам религиозно-нравственное воспитание, обучить грамоте и рукоделию, приучить к домашним хозяйственным работам и подготовить к самостоятельной жизни. В приют принимали девочек сирот и полусирот от 7 до 18 лет.

Воспитанницы проходили курс в пределах 4-х классов женских гимназий при семигодичном курсе, они делились на три группы: младшую, среднюю и старшую. Основными предметами были: Закон Божий, русский язык, арифметика, чистописание, рукоделие. Потомственная почетная гражданка Евдокия Петровна Кузнецова более двадцати пяти лет была попечительницей этого приюта, жертвовала денежные средства [4, с.141].

Благотворительная деятельность Е.П. Кузнецовой была связана и с музеями – Минусинским и Красноярским. Евдокия Петровна Кузнецова оказала неоценимую услугу Минусинскому музею. Она предоставила Н.М. Мартьянову средства на приглашение провизора в Минусинскую аптеку с тем, чтобы он сам, освободившись от аптечной работы, занялся поездками по округу и собиранием научного материала [4, с.141].

В 1892 г. члены комитета музея Н.М. Мартьянов и А.В. Адрианов совершили ряд поездок и экскурсий, доставивших музею новые экспонаты фауны и флоры, коллекции горных пород. На такие поездки у Комитета музея средств было недостаточно. И снова помощь оказала Евдокия Петровна Кузнецова – на научные экскурсии пожертвовала 500 рублей, благодаря этому заведующий музеем получил возможность совершить разъезды по Минусинскому краю и его пограничной полосе и еще несколько экскурсий в 1893 г. О значении этих экскурсий можно судить по тому, как их характеризует сам экскурсант: *«щедрое пожертвование Е.П.Кузнецовой дало возможность собрать обширный материал по различным отраслям естествознания и пополнить многие из пробелов в музейных коллекциях»* [3, с.111].

28 марта 1896 г. Е.П. Кузнецова обратилась в Комитет музея со следующим заявлением: *«Та выдающаяся известность, какой пользуется Минусинский Музей не только у нас в Сибири, но и среди ученых России и за границей, не дает, однако, права сказать, что развитие Музея завершено и что учреждение это не нуждается в каких-либо улучшениях.*

Высоко ценя заслуги Н.М. Мартьянова по учреждению Музея, и желая воспользоваться его знаниями, трудолюбием и преданностью делу развития этого учреждения, я считаю со своей стороны весьма полезной для дальнейшего развития Минусинского Музея поездку Н.М. Мартьянова в России и за границу, с целью осмотра музеев, выставок учреждений, поставивших себе задачей распространение полезных сведений и знаний и т.п.; поездка эта, равно благотворная и для самого Н.М., более двадцати лет не выезжавшего за пределы Енисейской губернии, даст ему возможность путем живого обмена мыслей с разными учеными пополнить пробелы в его сведениях, ознакомиться с современным состоянием музеев и современными к ним требованиями и еще более упрочить за Минусинским Музеем его положение образцового в этом роде учреждения.

Я полагала - бы осуществить эту поездку именно в настоящем году, когда откроется в Нижнем Новгороде выставка, на которой и Сибири отведено обширное место, как никогда прежде.

Желая со своей стороны содействовать осуществлению этой мысли, которую, надеюсь, разделит со мной всякий просвещенный человек, я ассигную на расходы по поездке Николая Михайловича Мартьянова одну тысячу рублей, которые и препровождаю вместе с сим в распоряжение Комитета» [3, с.124].

Благодаря щедрой поддержке Е.П.Кузнецовой заведующий Музеем побывал в средней и южной России, в Царстве Польском и на Кавказе, завел необходимые для Музея знакомства с учеными специалистами.

В газете «Сибирский вестник» сообщалось:

« Н.М. Мартьянов, вернувшись из помянутой научной экскурсии, которая отнюдь не первая из совершенных им в этом году, уехал в европейскую Россию, для ознакомления с выдающимися музеями и другими научными учреждениями, для участия во всероссийском съезде археологов, имеющем состояться в городе Риге, и принятия экспонатов Минусинского музея, по окончании Нижегородской выставки. Путешествие это продлится около четырех месяцев. Средства на это путешествие (так как Н.М. не обладает никакими собственными средствами) ассигнованы известною своею отзывчивостью к разным полезным предприятиям Е.П.Кузнецовой» [5].

Евдокия Петровна помогала Минусинскому музею не только деньгами, но книгами и экспонатами, сама занималась ботаническими коллекциями. В благодарность комитет музея преподносит ей книгу Ф.Кона «Исторический очерк Минусинского местного музея за 25лет (1877-1902гг.)» подарочный экземпляр в дорогом переплете с золотым теснением. На титульном листе надпись: *«Глубокоуважаемой Евдокии Петровне Кузнецовой благодарный комитет М.Музея. Председатель Н.М. Мартьянов.25 апреля 1902 г.»* [4, с.146].

Из завещания Евдокии Петровны Кузнецовой

…Все принадлежащие Е.П.Кузнецовой паи в приисках, где бы последние ни находились, за исключением ея участия в Троицком прииске по рч.Узунжулу завещаны Красноярскому Городскому Самоуправлению с тем, чтобы весь чистый доход от арендования или продажи этих паев Городское Самоуправление должно распределить по равной части между Красноярской женской гимназией, Красноярским Владимирским детским приютом, ведомства учреждений ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, Красноярским Синельниковским благотворительным обществом, Красноярским Городским музеем и Минусинским Городским Мартьяновским музеем….Все оставшиеся книги завещаны Красноярской городской библиотеке [1, с.33].

Городской библиотеке г. Красноярска подарено Евдокией Петровной Кузнецовой более 500 книг, некоторые с личной печатью [4. с136], в том числе и уникальный экземпляр с дарственной надписью Е.П. Кузнецовой от комитета

Минусинского музея, сохранившийся до наших дней - Ф.Я.Кон «Исторический очерк Минусинского местного музея за 25лет(1877-1902гг.) [4, с.105].

Евдокия Петровна Кузнецова более двадцати пяти лет была попечительницей Владимирского приюта и пожертвовала около 25 тысяч рублей, состояла в комитете Красноярского Синельниковского общества благотворителей и попечения сирот. Почетная блюстительница 6-го Приходского училища в Красноярске (откр.1894 г.) [4, с.131].

Щедрая благотворительница сделала значительные пожертвования для Минусинского Музея – деньгами на устройство кабинета учебных пособий, на экскурсии для исследования местного края, на постройку здания и поездку заведующего музеем в Европейскую Россию. Кроме того доставила растения, минералы и др. предметы. Скульптурные заграничные изделия, гравюры передавала в дар Красноярскому и Минусинскому музеям [4, с.146].

Е.П. Кузнецова помогала и Красноярскому Подотделу Восточно - Сибирского отдела ИРГО [4, с.147], спонсировала научные экспедиции.

В связи с начавшейся русско-японской войной в 1904 г. начал свою деятельность красноярский Дамский комитет, во главе с председателем Е. П. Кузнецовой. Желая оказать посильную помощь участникам войны, члены Дамского комитета отправляли разного рода подарки для воинов, находящихся на передовых позициях и для раненых воинов [4, с.137].

Как и все в семье П.И. Кузнецова, потомственная почетная гражданка Евдокия Петровна Кузнецова тратила огромные средства на благотворительность.

Евдокия Петровна ушла из жизни 8 декабря 1913 г.; в газете «Енисейская мысль» того времени сообщалось: *«…с ея смертью стало меньше одним хорошим человеком, которыми мы и так не богаты»*. Евдокия Петровна Кузнецова была захоронена в Красноярске на территории Воскресенского собора, не сохранившегося до настоящего времени [4.с.147].

Список литературы

1. Вестник Красноярского городского общественного управления (Красноярск). 1915. №17. 1 ноября.
2. Енисейские губернские ведомости (Красноярск). 1899. 16 апреля.
3. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877-1902 г.). Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1902. 260 с.
4. Серебренникова М. Е. Великие меценаты России. Кузнецовы / М. Серебренникова, Е. Серебренников. Красноярск: Буква Статейнова, 2020. 280 с.
5. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (Томск).1896. 24 июля.

УДК 908

Юрий Гагарин в Красноярском крае: к 60-летию пребывания

Федоров Игорь Геннадьевич
Заместитель директора по научно-методической работе, Школа №2 им. Ю.А. Гагарина.
Дивногорск, Россия
div-igor@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-3202-9126

АННОТАЦИЯ В статье, на основании документов, фотографий, вещественных материалов, сохранившихся в Государственном архиве Красноярского края, Дивногорском городском музее, а также газетных и журнальных публикаций 1960-х гг., рассматривается визит Юрия Алексеевича Гагарина, первого космонавта Земли, в Красноярский край в сентябре 1963 г. Для более детального рассмотрения подробностей, связанных с визитом, автор использует воспоминания ветеранов, собранные в разные годы и хранящиеся в его личном архиве. Подробно, практически по часам, расписаны все три дня пребывания на Красноярской земле – 25, 26 и 27 сентября. Приезд в Красноярск, Дивногорск и Красноярск-26 (Железногорск), укладка первого бетона в тело станционной части Красноярской ГЭС, посещение дивногорской школы № 2, выступление на I Слёте молодых строителей Сибири и Дальнего Востока – вот основные вехи Гагаринской истории на берегах Енисея.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Космонавт Юрий Гагарин, котлован Красноярской ГЭС, первый кубометр бетона, Слет молодых строителей, школа № 2 Дивногорска.

В 1963 г. Красноярский край посетил Юрий Алексеевич Гагарин, первый космонавт Земли. Предшествовала этому событию встреча Юрия Гагарина с комсомольским вожаком Дивногории Виктором Плисовым в апреле 1962 г., на XIV съезде ВЛКСМ, который в личной беседе рассказал первому космонавту о героических трудовых буднях дивногорских гидростроителей. И Юрий Алексеевич твёрдо пообещал В. Плисову, что непременно приедет в Дивногорск [9, с. 38]. Как, оказалось, ждать пришлось совсем недолго. Центральный Комитет ВЛКСМ решил провести в сентябре 1963 г. в Красноярске I Слёт молодых строителей Сибири и Дальнего Востока, на который был приглашён Гагарин.

Накануне открытия, 25 сентября, Юрий Алексеевич Гагарин, почётный гость Слёта, прилетел в Красноярск. Рано утром, в 6 часов 10 минут, ИЛ-18 благополучно совершил посадку. Во время полёта из Москвы в Красноярск на борту самолёта произошёл интересный случай. Когда «пассажиры узнали космонавта и потянулись к нему за автографами, Гагарин, с разрешения командира корабля, чтобы соблюсти порядок на борту самолета, поприветствовал всех по радио, рассказал о цели визита. А затем, по его просьбе, летевший тем же рейсом Георг Отс, дал импровизированный концерт на высоте нескольких тысяч километров над землей» [8, с. 57].

После тёплой встречи с руководителями края Гагарин отправился в Дивногорск. Вместе с ним, в составе делегации были – первый секретарь ЦК ВЛКСМ С.П. Павлов, секретарь ЦК ВЛКСМ А.Х. Везиров, первые секретари ЦК ЛКСМ Украины и Белоруссии Ю.Н. Ельченко и Л.Г. Максимов. Сопровождал гостей первый секретарь Дивногорского горкома ВЛКСМ В.В. Плисов. Ответственность за пребывание высокого гостя на берегах Енисея руководство крайкомов возложило на Константина Михайловича Чернова, заведующего отделом Красноярского (промышленного) крайкома партии.

Первая встреча с дивногорцами состоялась на Административной площади. В 8 часов утра кортеж машин подъехал к зданию Горкома КПСС. Несмотря на ранний час и моросящий дождь, возле Горкома очень быстро собралась большая группа дивногорцев [1, с. 5]. Юрия Алексеевича встретил и провел в свой кабинет первый секретарь горкома КПСС М.К. Ралло, где гостей напоили чаем с дороги, а главный

инженер Красноярскгэсстроя К.И. Смирнов ознакомил делегацию с проектом будущей гидроэлектростанции и рассказал об основных этапах строительства. В это время, по воспоминаниям ветерана Красноярскгэсстроя Александра Никитовича Лардыгина, люди, собравшиеся у горкома, стали дружно скандировать: «Га-га-рин!» [9, с. 40]. Юрий Алексеевич выглянул в окно, улыбнулся и дружественно помахал всем рукой. Затем вышел на крыльцо и сказал несколько добрых слов собравшимся. После этого вся делегация направилась в котлован строящейся ГЭС.

В 10 часов утра делегация прибыла на левобережный участок основных сооружений. Начальник строительства Красноярской ГЭС Андрей Ефимович Бочкин вместе с Кириллом Ивановичем Смирновым показали гостям всю картину строительства ГЭС в натуральном виде [7, с. 3].

Осмотрев панораму стройки, гости спустились к Енисею и пошли по мосту водосливной плотины. Навстречу им вышли девушки-бетонщицы из бригады В. Михайлова. Бетонщица Мария Кочкина вручила Юрию Гагарину букет ярких цветов. О том, что в этот день в котлован пришли все, кто мог, свидетельствует и такой факт. Молодые строители Юрий и Фаина Кузьмины пришли всей семьёй, т.е. с новорожденным сыном Женей на руках. Увидев такую колоритную пару, Ю.А. Гагарин подошел поближе и заглянул в свёрток: «Кто? – спросил Гагарин». «Будущий космонавт, – не растерявшись, ответила мать, вызвав дружеский смех у всех присутствующих». «Ого, парень крепкий! – улыбнулся Гагарин. – Желаю ему вырасти хорошим человеком!» Впоследствии, слесарь ЦРМЗ Ю. Кузьмин с семьёй, переехали на строительство Саяно-Шушенской ГЭС, и, хотя их сын Евгений космонавтом не стал, человеком вырос достойным [9, с. 50].

Самая горячая встреча ожидала Юрия Алексеевича на правобережном участке основных сооружений, во втором блоке 39 секции, куда гости шли пешком по котловану, практически по дну Енисея. Мимо проезжали один за другим двадцатипятитонные самосвалы, «четвертаки», как называли их сами строители. Водители приветствовали Юрия Гагарина, кто сигналил, кто махал рукой из кабины. Гагарин из любопытства попросил водителя одного из МАЗов остановиться и даже забрался по лесенке к нему в кабину. Познакомившись с водителем, которым оказался Яков Борисов, Гагарин, пожелав ему удачи, направился дальше к блоку [4, л. 4].

В самом блоке за встречу с Ю.А. Гагариным отвечал Алексей Григорьевич Грек, секретарь парткома УОС (Управления основных сооружений). Людей было много, подъехать на машине возможности не было, делегация шла пешком. Пробиться к Гагарину было очень тяжело. Тем не менее, его точно подвели к месту укладки первого бетона в фундамент станционной части гидроэлектростанции. Здесь и состоялась памятная встреча космонавта с бригадами Павла Матвиенко и Ивана Голева. Вместе со строителями Гагарин уложил первый кубометр бетона в станционную часть плотины, поработав «матросовской» и «своей» лопатой.

Вначале Ю.А. Гагарин, вместе с бетонщиками бригады имени Александра Матросова, возглавлял которую Павел Матвиенко, уложил на скальное основание чугунную плиту с надписью: «Первый бетон в котловане Красноярской гидроэлектростанции уложен участниками слёта молодых строителей всесоюзных ударных комсомольских строек Сибири и Дальнего Востока 28 сентября 1963 года». Дата на плите не соответствовала действительности, так как была заготовлена заранее, когда ещё не знали о приезде Гагарина на Красноярскую ГЭС. Взяв в руки «матросовскую» лопату (эта лопата числилась за Героем Советского Союза, погибшим в Великую Отечественную войну) первый космонавт Земли бросил первый бетон на скальное основание будущего бетонного блока. Но после того как он вышел из блока, к нему подошли бетонщики бригады Ивана Алексеевича Голева. Начальник участка Степан Солоцкий представил Гагарину бригаду коммуниста Голева, и бригадир

предложил космонавту поработать и «гагаринской» лопатой. На возглас удивления И.А. Голев протянул Ю.А. Гагарину протокол собрания бригады. Изумлённый космонавт зачитал вслух следующее: «Протокол общего собрания комплексной бригады Голева И.А. от 12 сентября 1963 года. Повестка дня: 1. Приём в члены бригады Первого космонавта в мире Героя Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина (информация профгруппорга тов. Хидирбекова). Постановили: принять в члены бригады Первого космонавта Ю.А. Гагарина, а заработную плату направлять в фонд мира. 2. Проявлять личную инициативу в выполнении и перевыполнении государственных заданий, выявлять внутренние резервы производства, добиваться ежедневного выполнения плана на 150%. 3. Бережно относиться к стройматериалам и инструменту. Выполненные работы сдавать с оценкой на «хорошо» и «отлично». 4. В работе, учёбе, быту быть достойными Первого космонавта Юрия Гагарина. Добиваться, чтобы моральный кодекс Строителя Коммунизма стал нормой поведения жизни и учёбы каждого члена бригады. 5. Бригада – коллективный шеф 4 «б» класса 5-й школы г. Дивногорска. 6. Каждому в бригаде завоевать звание ударника коммунистического труда. 7. Каждый член бригады занимается одним видом учебы: а) образовательным; б) техническим; в) политическим. Бригада – коллективный член народной дружины. 8. Работать на строительстве ГЭС до пуска первых агрегатов. 9. Отпускать из бригады по решению бригады и только по особо уважительным причинам. Каждого нового члена бригады принимать по решению бригадного собрания, если он согласен с бригадными обязательствами. 10. Каждый член бригады – член профсоюза, ДСО и ДОСАФ. Просим администрацию УОС-2 зачислить в члены бригады тов. Гагарина Ю.А. Просить Ю.А. Гагарина стать полноправным членом нашей бригады. Подписались: бригадир Иван Голев, комсорг Павел Логинов, профорг Халиф Хидирбеков. Рабочие бригады: Леонид Лешков, Керим Киличев, Сергей Чичкань, Бабакличев, Шиманкин, Кравченко, Ахмедзянов, Зубков, Сысолятин, Сафонов, Коваленко, Малыхин» [6, лл. 1, 2].

Юрий Алексеевич рассмеялся: «Так я тут оказывается не в гостях, а дома! Пойдём бригадир, показывай, что надо делать». Под дружный одобрительный гул Юрий Алексеевич спустился ещё раз в блок и вместе со своими новыми товарищами по бригаде уложил ещё один кубометр бетона, уже «своей» лопатой. По выходу из блока, Гагарина ознакомили с текстом приказа начальника УОС-2 Александра Фёдоровича Сычева: «Приказ начальника Управления основных сооружений правого берега КГЭСстроя г. Дивногорск №121-к-а от 25 сентября 1963 года. В соответствии с решением общего собрания комплексной бригады тов. Голева И.А., борющейся за звание бригады коммунистического труда, а также с согласия Ю.А. Гагарина, данным им во время пребывания на строительстве Красноярской ГЭС 25 сентября с. г., ПРИКАЗЫВАЮ: 1). Зачислить в состав бригады т. Голева И.А. Первого космонавта в мире, Героя Советского Союза Юрия Алексеевича Гагарина с 25 сентября 1963 года рабочим 3-его разряда, таб. №972. 2). Заработную плату Юрия Алексеевича Гагарина перечислить в фонд мира. 3). Бригаду впредь именовать – «Бригада имени Юрия Гагарина». Начальник УОС правого берега А. Сычев» [5, л. 1].

Из котлована Юрия Алексеевича повезли в школу № 2 и в художественные мастерские Дивногорска, которые в ту пору размещались в этой школе. В школу №2 Юрий Алексеевич Гагарин приехал к двум часам дня. Прошёл сразу в мастерские, где была выставка дивногорских художников. После знакомства с художниками и творческой интеллигенцией города, дивногорский художник Евгений Шепелевич подарил космонавту несколько понравившихся офортов, а поэт Владлен Белкин подарил ему книгу «Потомки Ермака». Затем Ю.А. Гагарин прошёл по коридору и посмотрел, как старшеклассники работают в швейных и столярных мастерских. А в это время школьный двор уже был полон людей. Пришли лучшие отряды и из других школ. Когда делегация вышла на крыльцо мастерских, Ю.А. Гагарин произнёс небольшую

речь. Он сказал, что объездил весь мир и его, советского человека, везде принимают доброжелательно. Надо гордиться, что мы – советские люди. Но нам всем подчас не хватает знаний. И он напутствовал учеников хорошо учиться, получать образование. Ведь планета Земля прекрасна, но для того, чтобы познавать её, надо очень много знать.

Августа Прокопьевна Темерова, учительница английского языка, вспоминала: «Можно представить, что творилось в школе. Детям было не до уроков. Они «висели» на деревьях, устраивались на заборах, на крышах подсобных помещений во дворе, чтобы получше увидеть первого космонавта. Погода была солнечная, как будто сама природа приветствовала героя. Мне удалось очень близко увидеть Юрия Алексеевича. Не буду первооткрывателем, если скажу, что покоряет с первого взгляда его улыбка: открытая, искренняя… Ощущения были странными: как это, человек, побывавший в космосе, о котором с придыханием и трепетом рассказывал весь мир, находится среди нас и общается запросто. Кстати, Юрий Алексеевич отметил значение изучения иностранных языков. Это делает народы Земли ближе друг к другу, что очень важно для сохранения мира на всей планете. Эту встречу я запомнила на всю жизнь» [9, с. 66]. Затем к Ю.А. Гагарину подошла Лидия Самойлова, комсорг школы № 2 и вручила букет. Потом Юрий Алексеевич написал в школьном альбоме: «Учитесь хорошо, помогайте своим старшим братьям и сестрам, папам и мамам строить величайшую в мире гидроэлектростанцию» [3, с. 1].

Затем взмахнув всем на прощание букетом, он уехал из школы, ставшей единственной в Красноярском крае, которой посчастливилось встретить Юрия Алексеевича Гагарина, навсегда оставив всему коллективу чувство гордости за то, что посчастливилось пообщаться с великим человеком, и чувство ответственности за сохранение исторической памяти для всех последующих поколений об этой встрече.

Из школы делегация отправилась на пристань, где уже пришвартовался теплоход «Некрасов» с Иваном Михайловичем Назаровым, начальником Енисейского пароходства на борту. Вначале Ю.А. Гагарин восхитился скалами левого берега, что напротив Дивногорска, воскликнув: «Действительно, Дивные горы!». По приглашению капитана теплохода Н.В. Трофимова он поднялся в рулевую рубку. Гагарин попросился за штурвал, и какое-то время управлял судном, проплыв более 10 км. «Капитаном на Енисее работать сможете, Юрий Алексеевич. Чувствуется и рука крепкая, и глазомер, – с удовлетворением отметил главный речник Енисея [1, с. 7].

Из Дивногорска в Красноярск теплоход «Некрасов» с Юрием Алексеевичем Гагариным на борту прибыл в три часа дня. Чем занимался Ю.А. Гагарин во второй половине дня восстановить с точностью пока не удалось. Основным источником здесь служат воспоминания Константина Михайловича Чернова. Краткий вариант опубликован им в газете «Красноярский рабочий» [11]. Более полный вариант приводит Светлана Анатольевна Рафикова, в уже цитированной выше статье [8]. Именно его мы возьмём за основу, дополняя теми фактами, которые Константина Михайлович сообщил в нашей личной беседе в 2018 г.: «Жемчужиной программы явилось посещение закрытого города. В составе небольшой делегации примерно из пятнадцати человек Гагарин из Красноярска направился в Красноярск-26 (ныне Железногорск). Ехали на представительских машинах – «Чайках» не меньше полутора-двух часов. На КПП нас встретили руководители комбината Зайцев и А.Г. Мешков. С ними были М.Ф. Решетнёв, генеральный конструктор «КБ прикладная механика», ученик и соратник Сергея Павловича Королева, секретарь горкома партии Е.А. Зубков. Этот город и комбинат даже сейчас, в XXI веке, поражают воображение, а тогда они просто восхитили лидеров комсомола. После краткой экскурсии по городу проехали в профилакторий комбината. Там состоялась примерно трехчасовая беседа, очень интересная и содержательная. Хозяева рассказали, что становление горнохимического

комбината и «КБ Прикладная механика» постоянно находилось под жесточайшем контролем руководства страны, министра Средмаша Е.П. Славского. Активным участником реализации этого проекта был и оставался С.П. Королев. Гостям, услышанное казалось фантастикой, прорывом в далёкое будущее». Заночевала делегация в том же профилактории.

А наутро, 26 сентября, в полном составе делегация прибыла в Красноярск на I Слёт молодых строителей Сибири и Дальнего Востока. Слёт начал свою работу в 10 часов утра, в Красноярском театре музыкальной комедии, в котором был самый большой зал в городе, вмещающий 1200 человек. Делегатами слёта стали более 800 человек из 18 краёв и областей. Дивногорская делегация стала самой многочисленной – 45 человек [12]. По воспоминаниям председателя Совета ветеранов Красноярскгэсстроя Алексея Емельяновича Медведя, делегата Слёта, «дивногорцы были одеты все в единую форму и каждому выдали нагрудный значок». От имени дивногорцев на Слёте выступил бригадир передовой комсомольско-молодёжной бригады плотников-бетонщиков Николай Смелко [1, лл. 1-16].

Но самым ожидаемым на Слёте было выступление Юрия Алексеевича Гагарина. С затаённым дыханием делегаты Слёта смотрели и слушали выступление человека, которым восторгался весь мир. Из выступления Ю.А. Гагарина: «Дорогие товарищи! Разрешите мне от имени космонавтов, от имени моих друзей, приветствовать Слет молодых строителей Сибири и Дальнего Востока. В Сибири я впервые и очень рад, что попал в этот очень красивый, очень богатый природными ресурсами и замечательными людьми край (Аплодисменты). Вот вчера мы побывали в очень молодом городе, который существует всего несколько лет. Называется этот город очень красиво – Дивногорск. Мы посмотрели, как живут, трудятся люди на Красноярской ГЭС. Очень интересно живут люди, интересно работают! Мы побывали на строительстве плотины Красноярской ГЭС. Всюду видишь улыбающиеся лица, ребята хорошие, весело работают и, как говорится, не ноют. Беседовали мы с бригадой Павла Матвиенко, бригадой коммунистического труда. Сам он скромный, тихий человек, очень стеснялся, когда ребята захотели с нами сфотографироваться. Но дела эти скромные люди творят очень большие. Бригада Матвиенко уже выполнила годовой план. Я хочу прочитать одно письмо, которое мне вручили там же, на плотине. Это письмо бригады, которая просит моего согласия включить меня в свой коллектив. Вот что они пишут: «Мы – комплексная бригада бетонщиков Основных сооружений, возводящего здание ГЭС, решили на своём собрании зачислить Вас в члены своей бригады и обязуемся выполнять и за Вас ежемесячно нормы на 120 процентов, а зарплату, причитающуюся на Вашу долю, направляем в фонд Мира». Это письмо бригады Голева Ивана Алексеевича, которая борется за звание коллектива коммунистического труда. Из восемнадцати человек двенадцать уже являются ударниками коммунистического труда. Мне очень хочется, чтобы эта бригада обязательно завоевала звание бригады коммунистического труда. Товарищи! Вот она, мораль наших простых советских людей, молодых строителей коммунизма – свой труд, свои трудовые сбережения они отчисляют в фонд Мира. Не в фонд войны, а в фонд Мира частицу своего труда отдают они! И это является очень хорошим ответом господам империалистам. Чего хотят советский народ, Советское правительство? Мы хотим мира. Не клевещите на наших людей, которых воспитала партия, воспитал комсомол! Мне хочется пожелать присутствующим здесь комсомольцам, всем молодым строителям – учиться, обязательно учиться. Ведь на стройки поступает новая техника. Наука и техника развиваются быстрыми темпами, разрабатываются новые методы строительства. А всё это требует больших знаний от рабочих. Нужно много знать, нужно учиться постоянно для того, чтобы идти в ногу с жизнью, для того, чтобы хорошо работать и как можно больше пользы приносить своему народу и Родине» [12].

После Слёта Юрий Алексеевич выступил по красноярскому телевидению и сделал запись в книге Почётных гостей телестудии. Он рассказал телезрителям о незабываемых встречах с покорителями могучего Енисея, поделился впечатлениями о работе Слёта. Вторую ночь Гагарин провёл в санатории «Енисей». «Присутствовало там человек 15, в том числе – главные редакторы ведущих красноярских газет, комсомольские секретари. Наутро, 27 сентября, Юрия Алексеевича провожали в аэропорт. На прощание ему преподнесли настоящий сибирский подарок – медвежью шкуру, которую привез в Красноярск секретарь комитета комсомола минусинского куста районов Виталий Сургутский. Кстати, спустя полгода, на пленуме ЦК ВЛКСМ в Москве, Юрий Алексеевич, встретив красноярскую делегацию, сказал: «Я объехал десятки стран, получил сотни подарков, но лучше вашей медвежьей шкуры нет. На ней обожают играть мои дочки. Будьте добры, передайте от меня Виталию Сургутскому набор финских ножей» [8, с. 66].

В тот же день, из Москвы, Гагарин вылетел в Париж, где 28 сентября выступил на XIV международном конгрессе астронавтики [9, с. 84]. Вот такой был жизненный размах этого человека. В среду, 25 сентября, он уложил первый бетон в станционную часть плотины Красноярской ГЭС на Енисее, а в субботу, 28 сентября, уже выступал в Париже.

В заключении отмечу, что жители Красноярского края хранят память о пребывании Юрия Алексеевича Гагарина. В крае два образовательных учреждения, Дивногорская школа №2 и Канский детский дом, гордо носят имя Ю.А. Гагарина [10, с. 19]. Его именем названы улицы, скверы. Во многих музеях, в том числе и школьных, созданы постоянные экспозиции, посвящённые Ю.А. Гагарину.

Список литературы

1. Бармин Ю. Гагарин на Енисее // Енисей. 1963. № 3. С. 4-7.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. П-6629 (Дивногорский ГК ВЛКСМ). Оп.3. Д.14 (Выступления на Слёте молодых строителей Сибири и Дальнего Востока).
3. Григорян Н., Казюрин И. Наши дорогие гости // Огни Енисея. Дивногорск. 1963. 26 сентября.
4. Дивногорский городской музей. (ДГМ) в/ф КП-1403. Текст беседы И.Г. Фёдорова с О.Г. Греком в Дивногорском городском музее 08.05. 2009 г.
5. ДГМ о/ф 5Д-1176/КП – 78/15. Приказ начальника УОС ПБ Красноярскгэсстроя 121-к-а от 25 сентября 1963г. «О зачислении Ю.А. Гагарина в состав бригады Голева И.А.».
6. ДГМ о/ф 7Д-1589/КП - 1158/61. Протокол собрания бригады Голева И.А. о приёме в члены бригады первого космонавта Земли Ю.А. Гагарина. 12 сентября 1963 г.
7. Михайлов Б. Памятный день // Огни Енисея. Дивногорск. 1963. 28 сентября.
8. Рафикова С.А. Два дня из жизни Юрия Гагарина: космонавт на красноярской земле // История в подробностях. 2011. № 3 (9). С. 56-67.
9. Фёдоров И.Г. Космонавты у Дивных гор. Красноярск, 2021. 140 с.
10. Фёдоров Я. У школы новое имя // Огни Енисея. Дивногорск. 2013. 4 октября.
11. Чернов К.М. Школа комсомола – школа жизни // Красноярский рабочий. 2009. 13 ноября.
12. Юность на стройках Сибири: Сокр. стеногр. отчет Первого слета молодых строителей Сибири и Дальнего Востока 26-27 сент. 1963 г. М., 1964. 160 с.

ИСТОРИЯ СЕЛЬСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ. ИСЧЕЗНУВШИЕ ДЕРЕВНИ ЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

УДК 908

Старообрядцы на берегах Кизира и Казыра

Баландин Андрей Викторович
краевед, член региональной общественной организации Красноярского края «Союз краеведов Енисейской Сибири».
Имисское, Курагинский район, Красноярский край, Россия.
balandin.imis@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории течений и расселения старообрядцев Кизирско-Казырского бассейна.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Староверы, кержаки, мирские, поповцы, беспоповцы, скит.

Таёжные дебри рек Кизира и Казыра в разное время входили в Тесинскую, Курагинскую, Сагайскую и Имисскую волости Минусинского уезда (до 1898 г. округ). Эта же территория с 1924 г. вошла в состав Курагинского и Каратузского районов. Наравне с православными этот таёжный уголок с середины XIX века начал осваиваться старообрядцами, отличавшихся особым религиозно-бытовым укладом и отношением к природе. Первые старообрядческие поселения, если верить «Списку населенных мест Сибирского края», были основаны на северном берегу горно-таёжного озера Тиберкуль в 1840 г., на Можарских озерах и на берегу Казыра у устья Конного Таята (Верхняя Тридцатка) в 1850 г., а в 1855 г. староверы основывают заимку Убинские озера. В эти места ревнители старой веры пришли из Туруханского края Енисейской губернии и Томского округа Тобольской Губернии известного как Нарымский край [27, с. 559. 26, с. 34, 160]. О пребывании здесь староверов говорят такие названия, как озера Большое и Малое Спасские. Озеро Арлан ими же было преобразовано в более удобную форму как озеро Варлама. В юго-западной части озера Тиберкуль находится мыс Паисьев угол, а на реке Казыре – Староверские Воронки. Проведение переселенческой политики в Российской Империи способствовало переселению на берега Казыра и Кизира не только православных, но и крестьян-старообрядцев с основанием ими новых деревень. Так в 80-е годы XIX века вторично основана деревня Верхние Куряты, а деревня Нижние Куряты вначале 90-х гг. появилась как заимка, а её первое упоминание в качестве деревни находим в 1897 г. [13, с. 17, 23. 23, с. 97]. В 1894 г. выходцами Вятской губернии основана деревня Таята. Существует среди местных жителей мнение, что название этой деревни происходит от слова таиться, из-за того, что продолжительное время старообрядцы подвергались гонениям, и им в буквальном смысле приходилось «таиться» [33, 3.09.1966]. На самом же деле никакой тайны здесь не было, т.к. на месте будущей деревни в 1893 г. был образован Таятский переселенческий участок, куда на следующий год и пришли вятские староверы [5]. Название же речки Таяты впервые зафиксировано 1739 г. задолго до прихода в эти места староверов академиком Герхардом Фридрихом Миллером, как р. Taiat, впадающей с юга в р. Kasir-Upsa [22, с. 159]. Другие старообрядцы были выходцами Алтая, Оренбургской и Пермской губерний, а последняя по архивным данным была первой по их представителям, переселившимся в Имисскую волость Минусинского уезда. Последней волной начала XX века было переселение староверов «австрийцев» из Могилевской губернии, основавшими в 1908 г. деревню Климовку [6]. Численность же старообрядческого населения Имисской волости к началу 20-х годов составляла около 2,5 тыс. человек.

С самого начала раскола для старообрядчества было характерно обилие различных толков и согласий. Идеологи каждого из таких течений утверждали, что

только они исповедуют «Истинную Древлеправославную веру». При этом одни согласия быстро угасали со смертью их основателя, другие превратились в крупные старообрядческие общины. Непросто складывались отношения между конфессиональными группами как между староверами различных толков и согласий, так и между староверами и православными. Отношения эти отразились и в прозвищах. Староверов звали «кержаками», или, как например, климовские староверы называли себя «сталаверами». А православных «мирскими», «никонианами» или «щепотниками». Вот как «мирские» характеризовали «кержаков»: «Кержак по своей вере живет, не такой, как у нас, только свою веру правильной считают, двумя перстами крестятся, по своим обычаям живут, свою посуду никому не дают, из своей только пьют и едят. У кержака из своей кружки и выпить не выпросишь, детей стараются в своих обычаях ростить» [25, с. 157].

Не совпадение старообрядческих взглядов и взглядов православных на религиозные и земельные вопросы приводило к тому, что часть «кержаков» стала перебираться на новые места, так в 1913-14 гг. из Имисской волости в Урянхайский край переселилось 24 души обоего пола [26, с. 33].

Такие же переселения встречались и среди православных, о чём свидетельствуют строки прошения о переводе на другой переселенческий участок, поданного 8 ноября 1915 г. крестьянином Макаром Мартыновым Червоношапка, переселившегося в д. Гуляевку из Каменец-Подольской губернии: «…но как я рассмотрел таёжную жизнь, то признал жизнь совершенно невозможной, т.к. я человек совершенно степной, затем ещё население большая часть старообрядческого вероисповедания и нередко случались невыносимые споры о вероисповедании, а потому я вынужден переселиться на другое место жительства…» [4, л. 123].

При совместном проживании «мирских» и «кержаков» становится не устойчивой конфессиональная принадлежность, то есть существовали переходы «из веры в веру». Этому же способствовала и миссионерская деятельность местного православного священства для предотвращения раскола, и возвращения старообрядцев в православную церковь. Для этих целей в Минусинске было создано отделение братства Рождества Пресвятой Богородицы. Православная миссия охватывала одиннадцать волостей Минусинского уезда, в том числе и Имисскую. В братстве состоял Имисский священник Александр Евтюгин. Кроме этого братства в Енисейской епархии вело работу православное миссионерское общество, где в 1884 г. состоял жербатский крестьянин Михаил Ильич Щелкунов [9, 1885. № 11, с. 128]. Миссионерская работа проводилась с выездом в места компактного проживания старообрядческого населения. Так 6 августа 1897 г. миссионер-священник Иоанн Тихвинский и имисский священник Александр Евтюгин совершили поездку в деревни Можарку и Тюхтяты для собеседования со старообрядцами и сектантами (молоканами и баптистами). 8 августа, миссионер Иоанн Тихвинский поехал в деревню Куряты, но уже без отца Александра. Иоанн Тихвинский отметил, что деревня населена исключительно старообрядцами, переселившимися сюда с Уса (Усинского края) и из деревни Быстрой Тесинской волости. Курятские староверы принадлежали к числу беспоповцев, ранее они были беглопоповцами, и только в одном доме жил с семьёй старообрядец белокриницкого священства. Далее Иоанн Тихвинский отбыл в деревню Таята, отметив, что эта деревня населена одними старообрядцами, исключая одно православное семейство [10, с. 25-36]. Поездки миссионеров и работа среди старообрядцев приносила свои плоды. Так в метрических книгах Имисского – Казанского прихода и «Енисейских епархиальных ведомостях» мы находим несколько примеров перехода из раскола в православие [14, л. 11, 17. 7, 1904. № 16, 1905. № 3, 1909. № 11, № 14].

Революция 1905 г. положила конец преследования старообрядцев, а изданное 17 октября 1906 г. «Положение о старообрядческих общинах» предоставляло староверам

официальный статус юридического лица, со всеми вытекающими правами, но этот документ внёс уже раскол в среду старообрядцев, так среди таятцев большинство осталось верными своим убеждениям [30, с. 166]. Старообрядчество, как известно, распадается на две ветви – поповское и беспоповское. Первая ветвь была представлена в Имисской волости священством Белокриницкой (Австрийской) иерархии, которая до сих пор является наиболее крупным течением в старообрядчестве, где признают священников. Расхождения с официальной Православной церковью сводится к обрядовой стороне, не затрагивая существа православного вероучения [32, с. 548]. Приверженцы этого направления старообрядчества проживали в таких селениях Имисской волости: Нижние Куряты, Климовка, Сретенка, в деревне Тюхтяты проживало несколько семей белокриничников-австрийцев. О пребывание в деревне Мульге австрийцев свидетельствует урочище Австрийское. Эти селения составляли отдельный старообрядческий приход с центром в селе Нижние Куряты. Введенский Нижнекурятский приход входил в Минусинско-Урянхайскую епархию с центром в г. Минусинске, во главе со старообрядческим епископом. Община старообрядцев – «австрийцев-белокриничников» была образована в конце XIX века, вероятно, сразу после основания д. Нижние Куряты. В 1907 г. началась активная переписка между старообрядцами этой деревни и губернскими и уездными властями о постройке молитвенного дома, уполномоченным Нижне-Курятского общества в этом деле был Иван Афанасьев Кузнецов [7, л. 2, 11]. Старообрядческую церковь в Нижних Курятах поставили на возвышенном месте за речкой Куряткой к 1913 г., и освятили в день «Введения во храм Пресвятой Богородицы» [1]. Причт состоял из священника и дьякона, где священником был Шарыпов Семён Федорович, а дьяконом Шадрин Евстигней Иванович. Кроме церкви, в селе Нижние Куряты находилась и часовня [18, л. 32, 33, 37, 52]. К 1921 г. Введенский приход насчитывал около 950 чел. [18, л. 37. 11, с. 161. 32, с. 548].

Следующей по численности староверов-белокриничников была деревня Климовка. Двести пятьдесят человек климовских «сталаверов» службы вели в молитвенном доме, что стоял посередине деревни. Прошение о разрешении строительства старообрядческого молитвенного дома было подано губернатору Енисейской губернии 18 августа 1912 г. уполномоченными Климовского сельского общества старообрядцами Акинфием Русаковым и Иваном Шустовым. Это прошение было рассмотрено 13 июля 1913 г., а 28 октября того же года за № 246 было получено разрешение на строительство молитвенного дома [6]. Руководителями Климовской общины староверов был первоначально Фотиян Тимофеевич Яковлев, а позже с 1924 г. по 1933 г. «служил за попа» Русаков Семен Акинфиевич. Время от времени в Климовку наезжал старообрядческий батюшка из Нижних Курят [18, л. 46. 20, л. 4. 3].

Другое направление в старообрядчестве – беспоповщицкое. По их учению на земле царствует антихрист, а потому истинное православие утрачено, нет истинной церкви, ни таинств, ни священства [31, с. 201. 32, с. 548]. Беспоповцы разделялись на ряд толков и согласий. Службу вели выборные наставники (начётники, уставщики) – люди верующие, знавшие церковный устав и правила исполнения обрядов. Службу беспоповцы проводили в молельнях или в часовнях [18, л 18, 46. 32, с. 116, 558].

Как в междуречье Кизира и Казыра, так и в Заречном районе, т.е. на левобережье реки Казыр проживали не только староверы-поповцы, но и староверы часовенного согласия. Это согласие ведёт свой корень из части керженских поповцев Сафонтиевского согласия. Его образование было обусловлено гонениями и репрессиями, связанными с борьбой правительства императора Николая I с расколом и беглыми попами (вероятно, в память о том времени одна из прибрежных скал реки Казыр названа «Царь Николай»). Так в 1840 г. на Тюменском старообрядческом соборе было принято решение об отказе принимать беглых «никонианских» иереев, перейдя

тем самым в беспоповщество. По решению этого же съезда исправление треб переходило к наставникам – старикам. Отсюда и название этого течения часовенных – стариковцы.

Староверы – часовенные Кизир-Казырского междуречья, составляли такие общины:

1. Гуляевско – Верхнеказырская община располагалась в селениях Гуляевка, в Казырской и на Убинской озёрских заимках, где в 1925 г. насчитывалось 62 старообрядца [17, л. 54].
2. Можарско озёрская община была числом 35 человек, где с 1919 г. по 1929 г. был наставником Меньщиков Тихон Емельянович [17, л. 54. 19, л. 3].
3. В селе Можарка община состояла из 156 человек, наставниками были Варлаам Поварницин, а позже Василий Федорович Коровин [15 , л. 89. 18, л. 46. 19, л. 6].
4. Тюхтятских староверов было в 1921 г. 168 человек, а к 1925 г. их число стало 71 чел. Наставником был Килин Иван, а с 1925 г. Тюхтятские староверы обращались к ведению службы к Можарскому наставнику Коровину [16, с. 42. 17, л. 49. 18, л. 46].
5. Тиберкульская община на одноимённой заимке состояла из 14 человек [17, л. 54].

В Заречном районе Имисской волости в деревне Верхние Куряты существовала большая община стариковцев, где их к 1919 г. было 735 человек, а руководил общиной в 1922 г. наставник-старик Санников Фёдор Андреевич [18, л. 52].

Кроме того в Таятах и Малиновке жили часовенные «Таятской веры», которую тоже можно причислить к стариковцам, хотя есть свидетельство называющих их покрестами, т.к. первое поколение таятцев принадлежало «покрещенскому» толку выделившегося на основе особого мнения об обряде крещения из стариковцев. В Таятах проживало 157 старообрядцев, а в Малиновке 55. Со слов жителей д. Таята в начале первой половины XX века их единоверцы жили в Окуловке, Можарке, Тюхтятах, Бурундате, где в последних четырёх деревнях поживали старообрядцы совместно с православными [18, л. 46. 30, с. 558]. В 30-е гг. XX века наставником у таятских староверов был Сопельцев Фадей Иванович, проживавший в д. Окуловке, лежащей в 8 км выше по Казыру. После него стариком стал Стариков Григорий Викулович живший на заимке вблизи Таят. В 60-е гг. XX века наставником был Попов Кирилл Тимофеевич. В Таятах в настоящее время можно услышать о представителях нескольких различных толков присутствовавших ранее в этой местности – чувственники, вертуны, шаберские, южники о ком практически ничего не известно [30, с. 164-166]. Есть упоминание об обливанцах представителях одного из старообрядческих течений, вот что о них говорили: «Про них никто доброго не скажет. Обливанцы двумя перстами крестятся, обливанцы в тайге в скитах жили» [24].

На территории Имисской волости действовало три старообрядческих монастыря располагавшихся в Саянской горно-таёжной местности, первый в Бурундате, второй на озере Тиберкуль, а третий на берегу р. Казыра у устья р. Конного Таята.

Бурундатский скит располагался в 6 верстах от д. Таята, который был основан в 1913 г. и представлял собой монастырь из женщин деревни Таята, принявших обет безбрачия и ведших монашеский образ жизни с уставом старообрядцев часовенного согласия, а по другим данным пришедших с Алтая из-под города Бийска [32, с. 116]. Описание этого скита находим в книге Черкасова А.Т. «Черный тополь». Бурундатский скит просуществовал до начала 60-х гг. XX века [29, с. 23-32].

На северном берегу живописного озера Тиберкуль располагался старообрядческий скит, официально называвшийся заимкой Скоробогатова и представлявший собой монастырь с уставом старообрядцев, не приемлющих священства. Одно из первых сообщений о старообрядцах на Тиберкуле было опубликовано в Кратком очерке Минусинского округа в 1893 г. Автор очерка

основатель Ачинского и Канского краеведческих музеев Дмитрий Семёнович Каргополов. Прибывая в селе Курагинском, Каргополов встретился с представителями староверов вот, что он отмечал в своём очерке: «…в недавнее время, в глухой тайге, преимущественно по берегам обширных Тиберкульских озёр и при устье реки Тюхтят, притоке реки Казыра, поселились сектанты, принадлежащие секте «бегунов». Сами они себя считают монашествующими «стариковой веры», переживающими пришествие антихриста… их считают до пятидесяти человек обоего пола…» [11, с. 13]. Начальник Саянской соболиной экспедиции Дмитрий Константинович Соловьёв отмечал, что монастырь распадался на два общежития мужское и женское. В обоих общежитиях было 25 человек «спасающихся», 13 душ мужского пола и 12 душ женского пола. Основным источником, доставляющим средства материального обеспечения членам общины, являлся рыбный промысел, дополняемый сбором кедрового ореха, грибов и охотою. Монахи арендовали озеро на 12 лет. Арендатором, доверенным лицом, официальным представителем и ходатаем по её делам, как понятно из названия заимки был уроженец Оренбургской губернии Александр Васильевич Скоробогатов [26, с. 362-364.]. Каргополов же отмечал, что по рассказам охотников поселения «бегунов» не ограничиваются выше упомянутыми пунктами, они разбросаны и в других местах тайги и, что их очень много. Живут они очень замкнуто, занимаются рыбной ловлей. Места же жительства староверов из опасения, охотниками избегались [11, с. 13].

О ските на устье р. Конного Таята оставил заметки в своём отчёте руководитель «Монгольской экспедиции 1902 г.» капитан Виктор Лукич Попов. Он отмечал, что заимка «Конный Таят» на берегу р. Казыра служит нечто в роде скита старообрядцев. В самой заимке, раскинутой по обоим берегам Казыра, проживало до 10 семей старообрядцев, а в окрестностях, в 3-5-10 верстах от заимки в тайге, возле озёр, находились отдельные избушки, в которых «спасались» отшельники староверы. В этих скитах проживали по преимуществу старики и старицы. Все эти отдельные «скиты» составляли одну общину, которой управлял начётник. Старообрядцы считали его своим архиереем. Молодой, энергичный и хитрый, он был весьма строгим и требовательным к своим единоверцам, отличался высокой набожностью и глубоким знанием старообрядческих книг. Проживавшие во множестве по низовьям Казыра и Кизира старообрядцы приходили в скиты Конного Таята за советами и молитвою к подвижникам старой веры. Они привозили богатые доброхотные даяния хлебом, овощами, мясом и деньгами. Летом, старообрядцы из деревень приезжали сюда, чтобы заготовить для «скита» сена на зиму, так как почти у всех старушек и старичков, живущих «по скитам», имеются коровы. Заброшенный далеко вглубь тайги, соединённый с русскими сёлами только таёжной тропой, скит Конного Таята являлся опорой старообрядчества, по крайней мере, для Минусинского уезда. А дальше от Конного Таята, в тайгу уже нет никаких путей сообщения [24, с. 112-113].

С приходом Советской власти скиты Кизир-Казырского междуречья становятся заимками со старообрядческим населением, а с началом развернувшейся борьбы с религией старообрядцы, как и православные, подверглись гонениям. Так в 1936 г. в селе Нижние Куряты Каратузского района закрыли церковь, а её здание было отдано сельсовету для культурных целей [2, с. 79]. Закрыли и молельный дом в деревне Климовке Курагинского района, который переоборудовали в сельский клуб, затем там устроили зерносклад, а позже электростанцию. В итоге бывший молельный дом сгорел [3, 3 сентября 1966.]. Служители старообрядчества подверглись высылке из пределов Курагинского района, так из села Можарки выслан наставник Коровин Василий Фёдорович, а с Можарских озёр – Меньщиков Тихон Емельянович [20, л. 3]. Репрессирован и Нижне-Курятский священник Шарыпов Арсентий Федотович.

В настоящее время своеобразным центром старообрядчества в Курагинском

районе является посёлок Рощинский, где по некоторым данным проживает 513 человек староверов. Переселение сюда было связано с событиями, начавшимися в Тувинской республике в 1989 г. Также в окрестных селениях, проживают представители старообрядчества, как старого коренного, так и переехавших из Тувы. Есть примеры возрождения староверами некогда существовавших селений, так в 2005 г. поселилось три таких семьи на месте села Покровского, ставшего жертвой «политики укрупнения» и прекратившего существование в 1976 г.

История старообрядчества за многие годы претерпела череду разных событий, не все потомки старообрядцев смогли сохранить свою веру, но всё же большая их часть до сих пор крепко держится её.

Список литературы

1. Архив города Минусинска (АГМ). Ф. 142.
2. АГМ Ф. Р-1386. Оп.1. Д. 524
3. Воспоминания старожилов д. Климовки Носкова И.П., Кудиновой М.Л. и Степановой (Кучуковой) П.И.
4. Государственный архив Красноярского края Ф. 160. Оп. 1. Д. 2815.
5. ГАКК Ф. 160. Оп. 1. Д. 1126.
6. ГАКК Ф. 160. Оп. 1. Д. 1885.
7. ГАКК Ф. 595. Оп. 59. Д. 499.
8. ГАКК Ф. 595. Оп. 59. Д. 803.
9. Енисейские Епархиальные ведомости.
10. Иоанн Тихвинский. Записки Енисейского епархиального противораскольничьего миссионера// Енисейские Епархиальные ведомости № 2 от 16 января 1897.
11. Каргополов Д.С. Краткий очерк Минусинского округа. Енисейские Епархиальные ведомости № 11 от 13 марта 1893. Эти сведения он получил, будучи в селе Курагинском.
12. Краткое описание приходов Енисейской епархии. Красноярск эл-тип. епархиального братства 1917. Репринтное издание КО РФК ХТО Краевед 1995.
13. Личков Л.С. Новые данные по истории заселения Сибири. Киев 1894.
14. Муниципальный архив: Курагинский Ф. 175. Оп. 1. Д. 9. Л.11.
15. МАК Ф. 1. Оп. 1. Д. 124.
16. МАК Ф. 1. Оп. 1. Д. 171.
17. МАК Ф. 1. Оп. 1. Д. 61.
18. МАК Ф. 118. Оп. 1. Д. 18.
19. МАК Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1226.
20. МАК Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1243.
21. МАК Ф. Р-1. Оп. 3. Д. 1531.
22. Миллер Г.Ф. Сибирь XVIII века в путевых записках Г.Ф. Миллера. История Сибири. Вып. № 6. Новосибирск 1999.
23. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес календарём составленная по 1 января 1898 года. Красноярск 1897.
24. Попов В.Л. Через Саяны и Монголию. Часть I-я. Отчёт начальника Монгольской экспедиции Генерального Штаба капитана Попова. Омск 1905.
25. Словарь южных говоров Красноярского края. Красноярск: издательство Красноярского Госуниверситета. 1988.
26. Соловьёв Д.К. Отчёт Саянской соболиной экспедиции 1914-1916 гг. Петроград: Госиздат. 1920.
27. Список населенных мест Сибирского края. Вып. XV. Минусинский округ. Новосибирск 1929 г.
28. Стороженко А.А. Переселение старообрядцев Енисейской губернии в Урянхайский край в XIX нач. XX вв.//Старообрядцы Тувы: ретроспектива и современность. Сборник научных статей. 2015. С. 33. https://vk.com/library_of_old_believer
29. Черкасов А.Т., Москвитина П.Д. Чёрный тополь, Москва: издательство Современник 1992.

30. Шестаков А.Н., Леонтьев Е.В. Старообрядческое население Казыра (приложение к отчёту об экспедиции в сёла Таята и Нижние Куряты)//Мартьяновские краеведческие чтение (2008-2009гг.). Сборник докладов и сообщений. Выпуск IV. г. Минусинск 2010.
31. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. Том 3. Москва: издательство Эксмо 2005.
32. Энциклопедия Красноярского края. Юг. Красноярск: издательство Буква С. 2008.
33. Юрьев С. Стоит село на берегу Казыра//Газета Красноярский рабочий.

УДК 94(57)

Под одной крышей. В годы войны Сухобузимский район Красноярского края приютил сотни эвакуированных семей

Вавиленко Ольга Михайловна
корреспондент газеты «Сельская жизнь», заслуженный журналист РФ.
с. Сухобузимское, Красноярский край, Россия.
vavilencko.olga@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В годы Великой Отечественной войны Сухобузимский район Красноярского края принял сотни граждан, эвакуированных с западных областей Советского Союза, Москвы и Ленинграда, семей комсостава РККА с восточных границ и Монголии. Статья написана на основе архивных документов ГАКК, публикаций районной газеты Сухобузимского района «Ударник социалистических полей», документов совхоза «Таежный», рассказов старожилов

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сухобузимский район Красноярского края, Великая Отечественная война, эвакуированные, западные области СССР, восточная граница, Монголия, семьи комсостава РККА, колхозы.

22 июня 1941 года мирная жизнь советских людей была разрушена вероломным нападением фашистской Германии. Из зоны военных действий и прифронтовых районов эвакуировались заводы, фабрики, колхозы, учреждения, детские дома, учебные заведения. Из-под удара агрессора организованно выводили и гражданское население. Эвакуация проводилась в исключительно сложных условиях, в сжатые сроки, с очень большой территории, нередко под обстрелом врага или под ударами его авиации.

Враг безжалостно уничтожал мирное население. В первую очередь, опасность грозила советским и партийным работникам, коммунистам, членам семей офицерского и рядового состава Красной армии, евреям. Это вызвало стихийное бегство на восток. Гражданское население хлынуло в тыловые районы уже в первые дни войны. Всего за войну число эвакуированных составило более 20 млн человек. По своим масштабам и срокам такое переселение не имело и не имеет аналогов в мировой истории.

Беженцев распределяли по всей территории страны. Только в Сибирь к осени 1941 года прибыло свыше 600 тыс. человек, весной и летом 1942 года – еще более 400 тыс. Таким образом, всего Сибирь приняла более 1 млн эвакуированных граждан. Надо признать, многие из них боялись оказаться в сибирских краях и областях. Страшили невиданные морозы, да и сибиряки в представлении некоторых казались слишком суровыми. Но потом, до конца жизни, эвакуированные помнили широкую душу «суровых» людей, которые сами бедствовали в годы войны, но дали им кров, делились всем, что имели.

В Сухобузимский район первые вынужденные переселенцы поступили в августе 1941 года. В Государственном архиве Красноярского края мне удалось найти списки эвакуированных, проживающих в Сухобузимском районе в 1941-1943 гг. [3]. Такие реестры составляли в каждом районе и по требованию направляли в Переселенческий отдел крайисполкома. В них указывались фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства до эвакуации (республика, область, район, населенный пункт), название предприятия, учреждения или колхоза, где работал эвакуированный к моменту выезда (за исключением оборонных заводов), а также место работы в Красноярском крае.

4 января 1942 года Сухобузимский райисполком Совета депутатов к отчету Красноярскому краевому исполкому подготовил список №1 (дополнен 12 января) Он

включает 36 семей, 90 человек, прибывших с августа 1941-го по 1 января1942-го [3, Л.159]. До эвакуации они проживали: в г. Ленинграде и Ленинградской области (г. Валдай, г. Старая Русса, г. Псков, Маловишерский район); Карело-Финской ССР (г. Петрозаводск, г. Медвежьегорск, с. Повинец Медвежьегорского района), Украинской ССР (с. Софиевка Днепропетровской области, г. Ковель Волынской), Белорусской ССР (г. Городок Витебской области), Калининской области (г. Опочка Торопицкого района), Орловской области (Новозыбковский район).

Буквально на следующий день, 5 января 1942 года, в райисполкоме составляют список №2 – эвакуированных, прибывших в одиночку. В нем 20 человек – из Москвы, Сталино (ныне Донецк), Ленинградской, Московской, Орловской областей [3, Л.160].

Прибыли и первые семьи комсостава с Дальнего Востока (ст. Литовка Хабаровского края, г. Владивосток, п. Дацан Оловянного района, ст. Даурия Читинской области).

Среди неорганизованных западных переселенцев – Яков Калменович Ритерман, 1892 года рождения, с женой Верой Ефимовной, дочерью Нинель. 17 лет он проработал заместителем управляющего в банке города Москвы. Его назначили управляющим Сухобузимским отделением Госбанка. Зубного врача Любовь Георгиевну Фаленбоген из г.Сталино сразу же взяли в районную больницу, где ощущался острый недостаток врачей.

Свободного жилья в районе не было. Провели уплотнение: прибывших людей расселили в основном в домах местных жителей. Возможности для трудоустройства тоже невелики. Большей частью направляли в колхозы, на разные работы. Предприятия и организации с радостью принимали специалистов на место ушедших на фронт земляков. Тимофей Григорьевич Будюк до эвакуации работал прокурором в Солабковецком районе Каменец-Подольской области. Его назначили на должность прокурора Сухобузимского района. Акушерку из Медвежьегорска Карело-Финской АССР Нину Ивановну Сафонову устроили санинструктором райздрава. Павла Филипповича Кондратовича из Москвы приняли охранником в отделение Госбанка. Николай Иванович Богушевич до эвакуации занимал пост прокурора в г. Городке Витебской области. В Сухобузимской прокуратуре места не нашлось и его, очевидно, временно направили счетным работником в Миндерлинскую МТС. 55-летнего фельдшера Ларису Платоновну Склобовскую и ее дочь Софью Матвеевну, агронома по специальности, тоже определили в Миндерлу.

Список №3 в исполкоме райсовета составлен 16 января 1942 года. В нем 14 семей, 39 эвакуированных граждан, тоже прибывших в одиночку [3, Л.161]. Большая группа из людей разных национальностей – евреи, русские, греки. 28 из них прибыло из Киева, в их числе – Сара Львовна Щербаум-Радиевская с 10-летней дочерью Лидией и двухгодовалым сыном Валерием, инженер-строитель Софья Захаровна Левберг с матерью Хаей Гершевной, Софья Наумовна Симоновская с 16-летним сыном Ильей и матерью Маркович Евгенией Августовной, Евлампия Тимофеевна Тихая с 9-летней дочерью Маргаритой и 6-летней Риммой Народницкими, Елена Ивановна Победоносцева с сыновьями Владимиром и Юрием. Среди них греческая семья – 56-летний Дмитрий Герасимович Стамотилато с женой Полиной Ивановной и 10-летней дочерью Ольгой. В этом же списке семьи Парасковьи Степановны Поповой, прибывшей из погрансовхоза г. Александровска Хабаровского края, Мяло из г. Рыбницы Молдавской ССР. Врач Марк Григорьевич Зеликман, 1891 года рождения, с женой Верой Семеновной Лещинской, дочерью Ольгой 1938 и племянницей Натальей Петровной Савченко прибыл из районного поселка Новые Санжары Полтавской области. Зеликмана назначили заведующим аптекой, Лещинскую – провизором.

В конце января район принимал новую партию беженцев – 3 семьи, 8 человек (Список № 4. от 08.02.1942 год) [3, Л.162]. Все из разных мест. Екатерина Ивановна

Козлова,1907 года рождения, до эвакуации работала в городе Калинине судьей областного суда. Неудивительно, что ее приняли на такую же должность в Сухобузимский народный суд. Она приехала вместе с сестрой Надеждой Ивановной и матерью Евдокией Антоновной, 58 лет, до войны занимавшей должность администратора театра «Звезда». Родной город Козловых был занят войсками вермахта 17 октября. 16 декабря 1941 года в ходе Калининской наступательной операции город был освобождён. Возможно, вскоре Козловым удалось вернуться на родину.

Владимир Николаевич Курков был электромонтером, его приняли на работу в Сухобузимский промкомбинат. В Сибирь он прибыл с матерью Екатериной Владимировной Курковой из поселка Лесозавода №5 Олонецкого района Карело-Финской ССР. Республика тоже была занята в первые дни войны. Две трети территории Карелии попали под контроль финских войск.

Итак, с августа 1941 года по январь1942 года включительно в Сухобузимский район поступило организованными группами и в одиночку 156 эвакуированных:

74 женщины (трудоспособных 65);

16 мужчин (трудоспособных 12);

66 детей до 14 лет.

Женщины и дети составляли 89,7 %. В архивном деле подшиты и другие справочные сведения. В специальной форме отражено, из каких местностей прибыли люди:

Украинская ССР – 54 человека;

Ленинградская область – 23;

Карело-Финская ССР –14;

Приморский край –13;

г. Москва –11;

г. Ленинград – 8;

Калининская область – 8;

Мурманская область – 8;

Белорусская ССР – 6;

Московская область – 6;

Читинская область – 5;

Молдавская ССР – 3;

Крымская АССР – 3;

Орловская область – 2;

Воронежская область – 2.

Национальный состав:

русские –111;

евреи –27;

украинцы –11,

белорусы -4;

греки –3 [3, Л.158].

Чаше всего эвакуированные имели рабочие специальности. Но были юристы, педагоги, инженеры, фармацевты, врачи, бухгалтеры, товароведы. Их оставляли обычно в районном центре. Других беженцев направляли в разные села и деревни. Наверное, не было ни одного населенного пункта, который бы не принял эвакуированных граждан.

Все они, даже лица пенсионного возраста, старались устроиться на работу. Москвичу Николаю Ивановичу Лобанову было 64 года. Он эвакуировался из столицы в августе 1941 года с женой, дочерью и 3-летним внуком. Семью определили в Атаманово. Николай Иванович поступил главным бухгалтером в промартель. В 1943

году его пригласили в совхоз «Таежный». В этом хозяйстве Н.И. Лобанов проработал бухгалтером до 1950 года. Ушел на пенсию в 72 года [1].

В феврале, марте и апреле 1942 года новые партии эвакуированных в Сухобузимский район не привозили. Наступил май. К 16 числу в район доставили 8 семей, 14 человек. Женщину из Молдавии, женщину с двумя детьми из Васильковского района Днепропетровской области, четырех человек из Сталинской области, жену офицера с двумя детьми из Читинской области (Цибульский район, пограничный поселок Даурия) двоих из Ленинграда, чертежника и бухгалтера, с военного завода №327. Всех поселили в с. Атаманово [3, Л.163].

Июнь 1942 год (Список № 6 от 30 числа). Прибыло 8 человек, 4 – из Ленинграда, 4 – из Ленинградской области [3, Л.165].

Следующий список от 03.11.1942. – воспитанников Атамановского детского дома. В нем 98 человек. В большинстве своем – эвакуированные дети-украинцы, обитатели Ульяновского детдома Сталинской области [3, Л. 166,167].

Почему часть эвакуированных прибыла не с запада, где полыхала война, а с восточных границ страны. Но, оказывается, в 1941 году руководство страны, исходя из сохранявшейся угрозы нападения Японии, приняло решение об эвакуации семей командного и начальствующего состава РККА, находящихся в Монголии, Хабаровском, Приморском краях, Бурят-Монгольской, Якутской АССР, Читинской и Иркутской областях.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) сохранилась шифротелеграмма секретаря Хабаровского крайкома ВКП(б) Г.А. Боркова И.В. Сталину от 24.07.1941. В ней он просит Председателя Государственного комитета обороны дать указания по вопросу эвакуации семей начальствующего состава, так как поступившие из Наркомобороны и Наркомвнудела в июле 1941 года указания противоречивы.

Так, в шифровке от 18 июля, подписанной начальником тыла Ермолиным, командованию Дальневосточного фронта разъяснено, что *«объекты и время эвакуации как населения, так и материальных ценностей устанавливает Совет по эвакуации при СНК СССР и Военный Совет фронта, которому предоставлено в силу сложившейся обстановки самостоятельно устанавливать порядок и сроки эвакуации».* В шифровке Генштаба РККА от 21 июля: «*Семьи начсостава из угрожаемых районов эвакуировать в восточные области СибВО, и в первую очередь семьи начсостава частей, убывших в другие округа*» [5].

22 июля на имя начальника краевого управления НКВД пришла шифровка, адресованная органам НКВД Хабаровского, Приморского краев, Бурят-Монгольской, Якутской АССР, Читинской и Иркутской областей с приказом «*вывезти из угрожаемой прифронтовой полосы в тыловые районы семьи работников НКВД и 30 июля сего года доложить об исполнении этого указания»* [5].

Секретарь Хабаровского крайкома считал: военные руководители чересчур спешат, эвакуация «*посеет панику среди населения и вызовет никому не нужную и вредную шумиху, от которой нас, дальневосточников, сейчас предупреждает правительство*». Борков определенно выражает сомнение в целесообразности экстренной эвакуации: «*Не преждевременно ли это? Не забегаем ли мы здесь чересчур вперед? Прошу, товарищ Сталин, Ваших указаний по этому вопросу».*

На этом документе Сталин написал свою резолюцию: *«Хабаровск. Секретарю крайкома Боркову. Семьи пограничников и комсостава нужно эвакуировать из прифронтовой полосы. Отсутствие такого мероприятия привело к уничтожению членов семей комсостава при внезапном нападении немцев. То же самое может случиться при внезапном нападении японцев»* [5].

Части Красной Армии в соответствии с договором между странами были развернуты на территории Монголии с 1937 года. В 1939 году советские войска участвовали в вооруженном конфликте с Квантунской армией у реки Халхин-Гол. В июле 1940 года в Монголии сформировали 17-ю армию РККА. С началом войны часть подразделений была передислоцирована на запад для участия в боевых действиях против немецко-фашистских захватчиков. С июня по декабрь 1941 года Дальневосточный фронт передал в действующую армию 13 дивизий (8 стрелковых, 4 танковых, 1 моторизованную). К осени 1942 года с Востока на войну ушло 8 стрелковых дивизий и 3 стрелковые бригады.

Сколько эвакуированных семей военнослужащих поступило в Сухобузимский район, сказать трудно. В одном списке (без даты), хранящемся в ГАКК, 283 фамилии, в другом, от 21 июля 1942 года, 690 человек. Большинство их – из столицы Монголии Улан-Батора, монгольского города Тамцак-Булак, из г. Кяхты Бурят-Монгольской АССР [3, Л.168-173.].

Краевед Виктор Александрович Аференко в свое время изучал документы Сухобузимского райисполкома за 1942 год и нашел среди них решение о выдаче эвакуированным семьям военнослужащих 53 пар валенок, 90 метров мануфактуры. 25 семьям оказана помощь деньгами, всего на сумму 4000 рублей. 41 женщина была устроена на работу, «*остальные жены командиров получают по аттестату и пока не работают*» [2, С.263.]

Местные органы власти обязаны были создавать приоритетные условия эвакуированным семьям начальствующего состава Красной Армии, флота и войск НКВД: право выбора места жительства, обеспечение всем необходимым в пути, первоочередное трудоустройство.

Но никаких возможностей для этого не имел сельский район, уже принявший тысячи переселенцев из числа депортированных немцев Поволжья (457 семей, 2306 человек [4]) украинцев, латышей, финнов и других народов, эвакуированных жителей западных и центральных областей европейской части СССР. Катастрофически не хватало жилья, продуктов питания, теплой одежды, домашней утвари. Некоторые семьи разместили в землянках.

Семьи комсостава расселили по всей территории Сухобузимского района. Например, в с. Подсопки привезли эвакуированных из монгольского города Томцак-Булак. Ефросинья Захаровна Шестак, имеющая двоих детей, 1937 и 1942 г. р. устроилась воспитателем в Подсопочный детский дом. Прибывших из Улан-Батора женщин трудоустроили в колхозы сел Подсопки и Ишимы, Седельниково и Нахвальского, Миндерлы и Высотино, на отделения совхоза «Таежный». В Воробино в колхозе «Красный партизан» обосновались: Зинаида Филипповна Бизюкина, 1914 г. р. с тремя детьми, 8, 5 и 4 лет; Клавдия Павловна Ярушкина, 1913 г. р., с четырьмя детьми, 9, 8, 6, 4 лет; Екатерина Константиновна Крючкова, 1904 г. р. с четырьмя детьми. Учительницу Ольгу Ивановну Коловиц приняли в местную школу. А Анну Максимовну Ушакову, 1912 г. р. избрали председателем колхоза «Политотделец». У нее тоже было трое детей, младшей дочери Светлане – 1 год. Всего в Воробино и Политотделец привезли 11 семей, 39 человек.

В с. Шила поступили эвакуированные из Еврейской автономной области. В Хлоптуново – 12 человек из Монголии, в Пермь, Князевку, Ново-Георгиевку – из Улан-Батора и Кяхты.

Практически все семьи военнослужащих – с детьми, в основном русские. Но были среди жен офицеров украинки, польки, белоруски, армянки, эстонки, еврейки, грузинки, осетинки. Много молодых женщин с младенцами и беременных. Некоторые дети родились сразу после прибытия в Сухобузимский район, или даже в дороге.

Детей определили в школы и ясли. Их мамам надо было устраиваться на работу. Молодые женщины большей частью специальности не имели, опыта практической деятельности – тоже, так как в военных городках работы им просто не находилось. Но были среди прибывших продавцы, швеи, повара. Тем, кто имел образование, нельзя было найти подходящие должности, поэтому чертежницы, хронометристы, ткачихи стали разнорабочими.

В августе 1943 года, видимо, по особому запросу были переписаны эвакуированные, проживающие в селе Атаманово, где находилась центральная усадьба совхоза «Таежный» и отдельный лагерный пункт Норильского ИТЛ. Всего 66 человек, примерно половина – офицерские жены с детьми. Работали в совхозе «Таежный», колхозе имени 4 борцов, промартели, сельпо, детских яслях, больнице [3, Л.154].

Немало «монгольских» переселенцев принял совхоз «Таежный». Среди них была молодая женщина с маленьким ребенком. Тамара Макеева, 22 лет. Чуть подрос сынишка Володя, вышла на работу – фельдшером больницы отдельного лагерного пункта (ОЛП) «Таежный» Норильского ИТЛ. Тамара Алексеевна, уроженка г. Коломны Московской области, имела медицинское образование, окончила учебное заведение в Москве. Ей было всего 19 лет, когда оказалась за пределами Советского Союза – с февраля 1939 года служила в военном госпитале № 722 в столице Монгольской Народной Республики. И в столь молодом возрасте в декабре 1939 года девушка была удостоена медали «За боевые заслуги». Скорее всего, она тоже участвовала в боях с японцами на Халхин-Голе и отличилась, спасая раненых бойцов и командиров. Надо сказать, в то время боевыми наградами женщин отмечали редко. Ее муж Александр Афанасьевич Павлюков служил в 17-й армии, штаб которой находился в Улан-Баторе. После войны по его вызову Тамара уехала из Атаманова. А.А. Павлюков в дальнейшем стал подполковником интендантской службы, был награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалью «За боевые заслуги».

Анна Ивановна Решетова была постарше Тамары Макеевой, в 1942-м ей шел 32-й год. Уроженка г. Златоуста Челябинской области работала в родном городе на заводе имени Ленина электриком-крановщиком. Вышла замуж за военнослужащего. В Улан-Баторе жила с 1939 года. С началом войны устроилась на кондитерскую фабрику монгольской столицы. В «Таежном» сначала ее взяли рабочей, потом назначили заведующей столовой. В 1946 году ей тоже пришел вызов от мужа.

К 1 июля 1943 года 37 семей командного и начальствующего состава (38 женщин и 59 детей, эвакуированных из Монголии и восточных регионов СССР, покинули район [3, Л.155-156]. Вероятно, их организованно перевели в другое место.

В июле же 1943 из района в крайисполком был вновь отправлен список эвакуированных, проживающих в Сухобузимском районе на 16 .07.1943. В него занесены 402 человека,153 семьи. Более 300 человек – жены и дети военнослужащих [3.Л.Л. 147-153].

Когда сводки Совинформбюро стали сообщать о начавшемся контрнаступлении Красной Армии, многие эвакуированные засобирались домой. И действительно, некоторым удалось отправились в путь. Но уже весной-летом 1942 года реэвакуация была приостановлена. А в связи с поражениями Красной Армии возникла новая волна эвакуации. В 1943-м положение на фронтах изменилось к лучшему, и реэвакуация возобновилась. Часть беженцев покинула и Сухобузимский район.

Я запросила сведения о судье Е.И. Козловой в Красноярском краевом суде, полагая, что там сохранилось ее личное дело. Но таких документов не оказалось, и краевой суд переслал мой запрос в управление Судебного департамента в Красноярском крае. В департаменте тоже очень внимательно отнеслись к моему

запросу, для его сотрудников любая информация о коллегах, работающих в годы Великой Отечественной войны, имеет особую ценность. Два дня в архиве шел тщательный поиск, но личное дело Е. И. Козловой, к сожалению, не обнаружено. Из этого можно сделать вывод, что судья работала в Сухобузимском районе непродолжительное время и при первой же возможности вернулась в г. Калинин.

Осенью 1943 года в некоторые из освобожденных областей (например, Смоленскую и Орловскую) был установлен свободный въезд, однако реэвакуация в Москву, позже в Ленинград и ряд других городов была запрещена. Из-за больших разрушений жилого фонда нельзя было вернуться домой жителям Киева и Харькова. Возвращение людей на прежнее местожительство продолжалась еще несколько лет.

Большинство эвакуированных вернулось на родину, увозя с собой благодарную память о сухобузимцах, разделивших с ними кров и хлеб, помогавших выжить. Никто тогда не смотрел на национальность. Люди, разговаривавшие на разных языках, жили под одной крышей, ели из одной чашки, всячески поддерживали друг друга. Общие трудности сплотили людей, они работали от зари до зари, помогая фронту, отвечая сибирякам добром за гостеприимство, широкую душу. Вместе приближали святой день Победы. Многие после возвращения на родину долгие годы переписывались с сухобузимцами, у кого квартировали и с кем сдружились. Сибиряки даже ездили к ним в гости – в Ленинград и другие города.

Для некоторых беженцев Сибирь стала второй родиной. Пустила корни в селе Сухобузимском и семья Марка Григорьевича Зеликмана. Я уже писала, что он возглавил аптеку. Но, возможно, работал и в больнице, так как окончил университет, два отделения медицинского факультета, специализировался на кожных заболеваниях, писал научные труды. Марк Григорьевич умер в 1952 году, и его жена Вера Семеновна Лещинская, имевшая высшее фармацевтическое образование, стала заведующей аптекой. Она оставалась на этом посту до начала 1970-х, всего же отдала аптеке 46 лет, почти 30 из них – в нашем селе. Потомки Зеликмана-Лещинской до сих пор живут в Красноярском крае.

Список литературы

1. Архив совхоза «Таежный». Личные карточки работников.
2. Аферено В.А. Район в центре Сибири.Т.2. Красноярск, «Красноярский писатель. 2007.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК) Ф.Р. 2137.Оп. 1.Д. 133, Л.Л.147-181. Переселенческий отдел исполкома Красноярского краевого Совета депутатов трудящихся. Списки эвакуированных, прибывших в Ачинский, Бейский, Бирилюсский, Идринский, Казачинский, Саянский, Советский, Сухобузимский, Партизанский районы.
4. ГАКК Ф.Р.2137.Оп.1, Д.94 Списки эвакуированных граждан немецкой национальности, размещенных в Бейском, Березовском, Большемуртинском, Краснотуранском, Сухобузимском, Таштыпском районах 1941-1942 гг.
5. Шифротелеграмма Г.А. Боркова И.В. Сталину об эвакуации семей руководящего состава РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 59. Л. 17—18. Подлинник. Машинопись. URL: https://alexanderyakovlev.org/ (дата обращения: 20.01.022).

УДК 9(908)

История деревни Петропавловки Емельяновского района от создания переселенческого участка до начала коллективизации

Гавриленко Татьяна Валентиновна
Сибирский федеральный университет.
Красноярск, Россия.
tvgavrilenko@sfu-kras.ru

Черняева Нина Фёдоровна
член Союза журналистов России,
председатель Общественной палаты Емельяновского района,
Член Координационного совета Красноярской региональной общественной организации поддержки общественных инициатив «София»
Красноярск, Россия.
fond_sofia2006@mail.ru

АННОТАЦИЯ Изложена история деревни Петропавловки Емельяновского района Красноярского края от момента образования её как переселенческого участка Большой Терехтюль до времени начала коллективизации. Описывается географическое положение участка, упоминаются первые переселенцы, прослеживается экономическое состояние, излагаются события, нашедшие своё отражение в архивных документах и воспоминаниях жителей. В статье использованы архивные материалы Государственного архива Красноярского края и записи из дневников участников экспедиции Д.Г. Мессершмидта в 1724 году.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Переселенческий участок, Терехтюль, сельское общество, подати, страхование имущества, деревянный крест, бунт

Деревня Петропавловка Емельяновского района Красноярского края была образована на месте, где река Малый Терехтюль впадает в реку Большой Терехтюль. Известно, что 300 лет назад там побывали участники первой научной Сибирской экспедиции под руководством Даниила Готлиба Мессершмидта. В путевом журнале от 24 мая 1722 года записано: «Здесь, у устья Малого Терехтюля, мы измерили высоту солнца и определили 55°48', склонение в этот день было 22°24', следовательно, широта местности 56°36'» [23, 24].

В 1899 году эти земли были обследованы землеустроителями из губернского Переселенческого управления и признаны хорошими для освоения крестьянами [10]. В проекте образования участков в Малокемчугском районе, выполненным старшим производителем работ 2-й Восточно-Сибирской партии Богдановым, приводится следующее описание местности: «Общий характер участка – лесной; лишь только по ручьям, впадающим с левой стороны в реки, расположены более чистые места, включающие очень редкие насаждения берёзы, местами с примесью осины. Здесь часто встречаются места площадью в 5–10 и больше десятин непосредственно пригодные для пашни без расчистки. Кроме возвышенного правого берега реки Большой Терехтюль вся основная часть участка представляет довольно ровную поверхность с общим небольшим уклоном по северо-востоку. Все левые притоки Большого и Малого Терехтюлей текут в очень разлогих падях. На всех пространствах участка распространены тёмно-суглинистые почвы, богатые перегноем. Глубина почв –4 вершка; под почвой – бурая глина. По климатическим и почвенным условиям на участке должна произрастать: озимая рожь, ярица, пшеница, овёс, ячмень, картофель,

репа и т. п. По ручьям расположены луговые пространства, удобные для сенокошения. В дубравах также много покосных мест» [10].

Однако этот благодатный край был достаточно удалённым от обжитых территорий. До самой близкой деревни Покровской расстояние составляло 40 вёрст, а волостное правление (село Погорельское) располагалось в 63 верстах. Кроме этого, местность была ещё и труднодоступной из-за таёжных зарослей и заболоченных земель. Отсутствие дороги, пригодной для сношения с волостным правлением и движения гужевого транспорта, делали невозможным, как сейчас бы сказали, ввод участка в эксплуатацию. В 1900 году общее присутствие Енисейского Губернского управления определило: «Признать участок Терехтюль годным для водворения переселенцев, но не ранее, как после устройства на него более или менее удобной и доступной дороги, а до выполнения сказанной участок зачислить в запас» [13].

Таким образом, годом образования переселенческого участка Терехтюль, считается 1900-й [1].

Местность понравилась ходокам из Гродненской губернии, которые в 1901 году в своем ходатайстве на имя Енисейского губернатора просили «зачислить за собою земельные доли на переселенческом участке Терехтюль даже при условии, что на этот участок не будет устроена с помощью от правительства тележная дорога» [13, 14, 15]. После споров между чиновниками и проведения изысканий было принято решение о строительстве дороги, связавшей впоследствии населённые пункты Алексеевку, Петропавловку, Михайловку, Богословку, хутор Васькин Ключ, Преображенку, Успенку, Ильинку и Гладкое с выходом на дорогу от деревни Никольской до Красноярска. Истории изысканий и строительства терехтюльской дороги посвящена статья [3].

Сначала участок Терехтюль имел площадь в 9070 десятин (7916 – удобной земли, 1154 – неудобной) и был рассчитан на 519 мужских душ, исходя из нормы по 15 десятин на одну мужскую душу. Однако размеры участка превышали рекомендованные департаментом государственных земельных имуществ 4 ½ тысяч десятин удобной земли, поэтому в июне 1901 года чиновники разбили его на два: Ушканчиков и Терехтюль [14].

Название второго участка неоднократно менялось, например, в документах 1902 года упоминаются переселенцы Нижне-Терехтюльского участка [15], а в документах на выдачу дополнительных ссуд записаны крестьяне участка Большой Терехтюль [6].

Первые поселенцы на Терехтюле появились весной 1902 года. Это было семейство Зайцевых (или Заяцев), прибывшее из села Кособуки (Косабуки) Николаевской волости Дисненского уезда Виленской губернии[79]: Онуфрий Михайлович, Иван Онуфриевич и Василий [15, 21]. Но Василий Зайцев вернулся в европейскую часть страны. Также первыми поселенцами являются Яков Крот и Фома Яковлевич Крот из Гродненской губернии [15]. Позднее, из Кобринского уезда Гродненской губернии на участок переселилось семейство Никитюк [25].

В 1904 году на участке проживало уже более 10 домохозяев, из которых было образовано Терехтюльское сельское общество, являвшееся коллективным владельцем земли. Через него осуществлялось самоуправление посредством сельских сходов, избиравших сельских старост. Терехтюльское сельское общество состояло из 12 домохозяев: Анищук (Онищук) Максим Сидорович, Дуриманов Сергей Сафронович, Заяц Онуфрий Михайлович, Заяц Иван Онуфриевич, Зимницкий Иван Антонович, Ключук Галактион Яковлевич, Ключук Яков Яковлевич, Крот Яков, Крот Фома Яковлевич, Наливайко Никифор, Никитюк Семён Андреевич, Романюк Прокопий. Семейства обладали примерно одинаковым имуществом, и к 1904 году у них было разработано по 4–5 десятин земли на семью. Например, в хозяйстве Заяца Онуфрия

[79] Сейчас эти земли относятся к Витебской области Белоруссии.

Михайловича числились 1 рабочая лошадь, 1 корова, 1 телёнок, 1 свинья, изба, амбар, приготовленный лес на баню. Также зафиксировано, что было посеяно ярового хлеба – 1 десятина, озимой ржи – 2 десятины и приготовлена 1 десятина паров. В хозяйстве Никитюка Семёна Андреевича были изба, телега, 2 рабочих лошади, 2 коровы, 1 свинья. Приготовлено 2 десятины паров, посеяно 2 десятины ярового хлеба и 1,5 десятины озимой ржи [8, 16].

В 1905 году терехтюльцы решили поменять название своего общества. Сельский сход состоялся 25 октября 1905 года, на котором присутствовало 8 домохозяев – необходимые 2/3 от общего числа общинников. Крестьяне решили назвать своё сельское общество Петропавловским, обосновав тем, что первые переселенцы приехали на участок 29 июня, в день празднования Петра и Павла. Переселенцы участка Ушканчик пожелали назвать свое сельское общество Михайловским. Просьба была удовлетворена через год, о чём свидетельствует запись в журнале общего присутствия енисейского губернского управления от 9 ноября 1906 года [11].

В начале 1907 года Петропавловское общество всё ещё включало в себя 12 домохозяев, хотя на участок уже прибыли первые переселенцы из села Болсуны Лугинской волости Овручского уезда Волынской губернии. В архиве хранится приговор (решение сельского схода) от 2 февраля 1907 года, оформленный писарем Болсуновским [7]. Из Болсунов переселились семейства Богдановичей, Болсуновских, Гордейчуков, Левицких, Невмержицких, Шуба. Известно, что переселенец, Иван Болсуновский, был водворён на участок 2 января 1907 года, а перечислен 27 января 1908 года [6].

Переселенческое движение было подкреплено различными льготами. В течение трёх лет со времени водворения на участки новоявленные сибиряки могли получить льготные (беспроцентные) возвратные ссуды на хозяйственное устройство. Ссуда выдавалась по ходатайству, и её размер составлял от 100 до 160 рублей в различные годы. Также крестьяне имели право получить дополнительную ссуду по специальному ходатайству. В 1909 году дополнительные ссуды по 50 рублей были выделены Сильвестру Кузьмичу Невмержицкому, Сильвестру Ивановичу Гордейчуку, Прокопию Алексеевичу Артемчуку, Ивану Болсуновскому, Александре Болсуновской, Павлу Болсуновскому, Даниилу Васильевичу Кравцу, Луке Николаевичу Болсуновскому и Лукиану Матвеевичу Болсуновскому. К моменту подачи ходатайства эти крестьяне уже имели, как правило, одно деревянное строение, одну рабочую лошадь, многие – одну корову и телят. Дополнительную ссуду просили на покупку второй рабочей лошади и семян. У большинства просивших было к тому времени «посевных земель по 1 или ½ десятины озимого и столько же ярового» [6].

Из-за большой удалённости и отсутствия обустроенной дороги переселенцам было очень трудно посещать церковь, которая находилась в 50 верстах, в селе Гляденском, поэтому 30 января 1910 года открылся новый церковный приход с церковью в селе Михайловском, освящённой во имя Св. Архистратига Михаила. Архитектура Михайловской церкви и её причт описаны в [4]. Помимо Петропавловки к приходу относились также деревни Алексеевка, Богословка и Черемшанка. Однако в Петропавловке была ещё своя святыня – большой деревянный крест, установленный Максимом Болсуновским у своего дома в начале улицы. На кресте было прикреплено деревянное Распятие, привезённое им из Болсунов. В рассказе праправнучки Максима Болсуновского описываются некоторые подробности креста: «По бокам – все детали, связанные с казнью Христа: деревянные щипцы, лестница, молоток, даже гвозди из дерева» [22]. Крест всегда был украшен рушниками, платками и лентами. После закрытия Михайловской церкви он стал местом духовной силы, с которым связано много преданий и семейных легенд [2, 22]. Со временем крест обветшал, и тогда

Владимиром Дмитриевичем Болсуновским был установлен новый крест, на который было перенесено Распятие со старой святыни. Крест стоит до сих пор.

К 1912 году Петропавловское сельское общество значительно расширилось. В страховой ведомости частным строениям на трёхлетие записаны сведения об имуществе уже 60 домохозяев [12]. Крестьяне, как правило, страховали деревянный дом, четырёхстенный или пятистенный. У большинства домовладельцев он был крыт драньём (дранкой), но у некоторого более дорогого материала – тёсом. Кто-то из переселенцев уже успел построить амбар, сарай, баню или зимовье. Например, в хозяйстве сельского старосты Гордейчука Григория Ивановича было застраховано следующее имущество: дом деревянный пятистенный, двор, амбар деревянный пятистенный. Все строения были покрыты драньём.

В деревне имелась кузница, принадлежавшая Богдановичу Семёну Ивановичу и мельница с амбарами, совладельцами которой были Невмержицкий Сильвестр Кузьмич, Болсуновский Максим и Болсуновский Иван Августович. Надо заметить, что в страховой ведомости 1912 года записаны три Максима Болсуновских без указания отчеств [12].

Хозяйства продолжали развиваться, появлялись дополнительные постройки, дранка заменялась тёсом, например, у домохозяина Левицкого Дениса Ивановича в 1912 году была застрахована четырёхстенная деревянная изба, крытая драньём, а в 1915 году уже страховался дом, покрытый тёсом [17]. Он был четырёхстенным из 6 венцов брёвен. Площадь дома составляла 3,33·2,67 = 8,89 кв. саженей. В пересчёте на современную систему измерений (1 сажень равна 2,13 м) площадь дома составляла 7,09·5,69 =40,32 кв. м. Высота дома равнялась 1,5 сажени или 3,19 м.

В 1915 году Денис Левицкий сдавал свой дом внаём под школу за 50 рублей в год. В то время в Петропавловке у школы не было своего здания, поэтому она кочевала по домам. В 1916 году школа не функционировала, а в 1917 году под школу свой дом сдавал Зайцев Иван Онуфриевич за 100 рублей в год [17].

По результатам сельскохозяйственной переписи, проведённой в России в 1917 году, известно количество населения, проживавшего в Петропавловке в тот год: 181 мужчин и 154 женщины [9]. Площадь пашни составляла 275,2 десятины, сенокоса – 119 десятин.

Благодаря своей удалённости и труднодоступности годы революции и гражданской войны прошли для Петропавловки без сильных потрясений. Однако в период «колчаковского владычества» в деревне произошло событие, повлекшее вмешательство Красноярской уездной милиции [21]. В декабре 1918 года в деревню Петропавловку был командирован помощник секретаря Михайловской волостной земской управы А.К. Куриленко для сбора податей. По распоряжению сельского старосты Николая Никифоровича Дралова собрался сельский сход, на котором было объявлено о необходимости платить подати. На что Прокопий Алексеевич Артемчук, Семён Иванович Богданович и Егор Онуфриевич Заяц закричали: «Какие вам подати! Кому их платить? Нам не дают, а с нас требуют!». При этом ругались сквернымисловами и говорили, что правительство ненадёжное, возьмёт подати и уедет, а потом другое потребует вторично платить подати. Вообще, всё общество кричало, но больше всех эти трое крестьян. Смотря на бунтарей, остальные участники схода тоже отказались платить подати. Испугавшись крика, молодой помощник секретаря уехал.

В результате проведения милицейского дознания Прокопий Артемчук, и Егор Заяц и были обвинены во вредной агитации против власти, арестованы и отправлены в красноярскую тюрьму. Однако за них дружно вступились односельчане. 27 мая 1919 года состоялся сельский сход, в котором приняло участие 49 домохозяев из 69, состоявших на тот момент в Петропавловском обществе. Крестьяне ходатайствовали об освобождении из-под ареста Прокопия Артемчука и Егора Заяца. В приговоре

записано, что «наши однообщинники уже более двух месяцев томятся в тюрьме, а семьи без них голодают и находятся в самом плачевном положении, да к тому уже пришла весна, а поля их остались незасеянными и поэтому в такое трудное время они без своих кормильцев обречены на голодную смерть». Также в приговоре говорится, что ни Артемчук, ни Заяц никогда в партии большевиков не состояли и не занимались агитацией против существующей власти и уплаты податей. «Да и агитировать по своей неграмотности и неразвитости не могли». Под текстом приговора подписались все участники схода. Арестанты были освобождены в июне 1919 года.

Период становления советской власти был достаточно трудным, когда крестьянам пришлось жить и трудиться сначала в условиях военного коммунизма, а потом новой экономической политики. Если в ходе продразвёрстки изымалось до 70 % зерна, то в условиях НЭП продовольственный налог был снижен в два раза. Крестьянам предоставили возможность излишки сельскохозяйственной продукции, остававшиеся после уплаты продналога, тратить на своё усмотрение. Жители Петропавловки платили подворный и гужевой налог. При его начислении учитывалось число трудоспособных мужчин и женщин, число голов рабочего скота и упряжек, количество женщин, освобожденных по болезни, количество едоков и другие показатели [18, 19]. Например, у Левицкого Алексея Андреевича при начислении налога было учтено наличие одного мужчины в возрасте от 18 до 50 лет, одного трудоспособного члена семьи, одной освобождённой по болезни женщины в возрасте от 18 до 40 лет, пять едоков. Число голов рабочего скота и упряжек – соответственно 1 и 1.

В 1923 году население Петропавловки состояло из 311 человек [20]. Оно включало в себя 163 мужчины, из которых трудоспособного возраста (от 18 до 60 лет) было 79 человек. Женщин проживало 148, из которых в возрасте трудоспособных (от 16 до 55) было 69. В хозяйствах было 162 лошади, из которых рабочих 4 лет и старше – 109. Крупного рогатого скота имелось 264 головы, в том числе быков-производителей – 2, коров – 159. Мелкого рогатого скота (взрослые овцы, бараны и в козы) было 162 особи, свиней 4 месяцев и старше – 55.

Количество посева в поле в десятинах под серп (урожай 1923 года) составило 143/1020 [20]. В том числе: рожь озимая – 75/1140; рожь яровая – 9/730; пшеница озимая – 1/800; пшеница яровая – 5/1998; ячмень – 18/150; овёс – 25/1724; картофель – 4/255; полба – -/300; лён – 1/2020; конопля – 1/1035. Площадь огородного посева в саженях составила 4/415.

На смену НЭП пришла коллективизация, которая в корне поменяла уклад жизни петропавловцев. А потом – очередная перестройка, закончившаяся угасанием деревни. Из-за неудовлетворительного состояния дороги, ведущей к деревне, отсутствия электричества, медпункта и других благ цивилизации в 2001 году началось переселение жителей из Петропавловки на другие территории Емельяновского района [2]. Сейчас деревня считается нежилой.

За свою 120-летнюю историю менялось неоднократно административное положение Петропавловки, относившейся когда-то к Михайловскому церковному приходу, трансформировавшемуся в советское время в Михайловский сельсовет. История его территориально-административных преобразований изложена в [5].

Список литературы

1. Алфавитный указатель переселенческих, хуторских и запасных участков, образованных чинами землеотводных и землеустроительных партий и Управлением Государственными имуществами в Енисейской губернии с 1893 по 1910 г. включительно. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1911. 193 с.
2. Воспоминания Садаковой (Ключук) Галины Никифоровны // Царственная Россия III:

сборник краеведческих, научно-практических и документальных материалов, посвященных Емельяновскому району, посёлку Памяти 13 борцов, Стекольному заводу, Знаменскому женскому монастырю. Красноярск: «ЛИТЕРА-принт», 2016. С. 127-130.
3. Гавриленко Т.В. Дорога на Терехтюль (в Михайловку) – 300 лет истории // XXI Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Александр Невский: Запад и Восток, историческая память народа». Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2021. С. 60-71.
4. Гавриленко Т.В. Михаило-Архангельская церковь в селе Михайловка и её причт // XX Красноярские краевые Рождественские образовательные чтения «Великая Победа: наследие и наследники». Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2020. С. 52-61.
5. Гавриленко Т.В. Трансформация территориально-административной принадлежности деревень Михайловского сельсовета за 120 лет своей истории // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней [Электронный ресурс] : материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 1533-1537.
6. ГАКК. Ф. 7. Оп. 1. Д. 40 «Документы о выдаче денежной ссуды переселенцам (протоколы, резолюции, сведения, переписка, списки)». На 471 листах.
7. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 10 «Приговоры сельских обществ Погорельской волости о раскладке податей и повинностей». Л. 72-73.
8. ГАКК. Ф. 262. Оп. 1. Д. 1 «Сведения об экономическом положении переселенческих участков Ушканчиков и Терехтюль за 1904 год». На 10 листах.
9. ГАКК. Ф.584. Оп.1. Д. 308 «Приговоры сельских сходов об отводе лесных и земельных наделов. Отношения крестьянского отделения Енисейского губернского управления об образовании сельских обществ (копии). Сведения о количестве и составе населения на надельных и казённых землях в уездах губернии (Ачинского, Красноярского, Минусинского, Канского) уездов. Прошения крестьян об отводе им лесных и земельных участков». На 315 листах.
10. ГАКК. Ф. 585. Оп. 1. Д. 22 «Проекты образования переселенческих участков Близневка Заледеевской волости, Медведа, Терехтюль Погорельской волости Красноярского округа и описания этих участков». На 18 листах.
11. ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 671 «О переименовании посёлков Ушканчиковского и Терехтюльского 1-е в Михайловское и 2-е в Петропавловское». На 14 листах.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 2459 «Страховые ведомости частных строений домовладельцев Петропавловского сельского общества на 1913-1915 годы». На 12 листах.
13. ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 21 «Дело о строительстве тележной дороги к участку Терехтюль Красноярского уезда». На 13 листах.
14. ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 76 «Дело об образовании переселенческого участка Терехтюль в Красноярском уезде». На 18 листах.
15. ГАКК. Ф. 595. Оп. 30. Д. 737 «Представление Енисейского губернатора крестьянскому начальнику первого участка Красноярского уезда прошения переселенцев Нижне-Терехтюльского участка об отводе им земли». На 2 листах.
16. ГАКК. Ф. 595. Оп. 53. Д. 338 «Страховые ведомости и акты частных строений Погорельской волости». Л. 569–574.
17. ГАКК. Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 218. «Оценочная ведомость на торговые и промышленные предприятия Михайловской волости». На 8 листах.
18. ГАКК. Ф. Р-1315. Оп. 1. Д. 7 «Подворный список плательщиков трудового и гужевого налога в Шерчульской волости за 1922 год». На 30 листах.
19. ГАКК. Ф. Р-1315. Оп. 1. Д. 8 «Поселенные списки плательщиков натурналога в 1922-23 хозяйственном году деревень и сёл Шерчульской волости». На 25 листах.
20. ГАКК. Ф. Р-1315. Оп. 1. Д.10 «Статистические сведения об экономическом состоянии сельских обществ волости в 1923 году». На 18 листах.
21. ГАКК. Ф. Р-1964. Оп. 1. Д. 1 «Предварительное следствие по обвинению Прокопия Артемчука, Егора Заяца и Семёна Богдановича». На 87 листах.
22. Малышева Полина. Крест в глуши таёжной // Село Никольское: сборник рассказов и документальных материалов. Емельяново: Фонд «София», 2014. С. 6-8.

23. Мессершмидт Д. Г. Дневники. Томск-Абакан-Красноярск. 1721-1722. Научно-популярное издание. Абакан: ООО «Кооператив «Журналист», 2012. 160 с.
24. Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта. Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721–1725 годы / Перевод, составление, комментарии: Г. Ф. Быконя, И. Г. Фёдоров, Я. И. Фёдоров. Красноярск: РАСТР, 2021. 496 с.
25. Черняева Н.Ф. Родословное древо / Н.Ф. Черняева. Красноярск: Изд-во «Литера-принт», 2021. 356 с.

УДК 908

Памятник на краю села: Братская могила борцов за Советскую власть

Зырянова Вера Александровна
краевед, педагог, пенсионер
с. Казанцево Шушенского р-на, Красноярского края, Россия.
zyryanova.vera@bk.ru

АННОТАЦИЯ В статье изложена история появления в селе Казанцево Братской могилы борцов за социальные преобразования во время Гражданской войны и коллективизации. Изложены факты из жизни одного из борцов - И. Е. Казарина: вступление в армию Щетинкина, плен, гибель товарищей, участие в создании колхоза в селе. Проведено исследование об отношении к проблеме сбережения памяти о прошлом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Гражданская война, щетинкинцы, братская могила, память о прошлом.

Сказано мудрыми: у народа, забывшего прошлое, может не быть будущего. Есть у нас за селом памятник борцам за советскую власть и коллективизацию. Что нам, жителям села Казанцево Шушенского района об этом памятнике известно?

В далёком 1919 г. похоронены здесь убитые белоказаками двое красноармейцев из армии Кравченко и Щетинкина; позднее, в годы коллективизации, захоронены здесь же ещё два человека, организаторы колхозной жизни. На памятнике написаны их имена. Стоит этот памятник на краю села Казанцево, за кладбищем. И место, вроде, неплохое, на горе. Одно плохо: неподалёку – сельская свалка, сильно разросшаяся за последние годы, не раз горевшая. Известно, что на месте захоронения был сначала деревянный обелиск, позднее, в 60-е г.г. прошлого столетия, его заменили на металлический. А в 2006 г. силами Казанцевского ПУ-75 произведена реконструкция памятника. И пока работало в селе профтехучилище, приходили сюда учащиеся со своими наставниками. Но в 2019 году училище закрыли, должной заботы о памятнике нет.

Сожалея о подобных явлениях в жизни сегодняшней, председатель краевого отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры О.И. Баркова пишет: «Получается, что никого сегодня не интересуют личности и судьбы борцов за социальные преобразования – революционеров (опасных ныне «бунтовщиков»). Они сейчас выглядят антигероями. Однако, непонятно, как при таком подходе будут выглядеть города с богатым наследием времён Гражданской войны – Канск, Ачинск, Минусинск и другие» [1].

Есть в Минусинске улица с необычным названием «Утро сентябрьское» - в честь прихода в город армии Щетинкина в 1919 году. Есть и памятник Щетинкину Петру Ефимовичу – сибирскому Чапаеву. А в 2014 году около Думной прошла историческая реконструкция событий Гражданской войны.

А что у нас в Казанцево? Уже мало кто помнит имена борцов за социальные преобразования. Живём в непростое время, приоритеты сменились, и всё же, и всё же…

Чтобы узнать больше, чем просто четыре фамилии на памятнике, попробуем сделать экскурс в историю. Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г. резко изменила жизнь в России, власть теперь стала принадлежать народу, возглавляемому Лениным и большевиками. Но прежняя власть не собиралась так просто сдаваться. Особую актуальность приобрели слова В.И. Ленина: «Всякая

революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться». Вождь пролетариата призывает к созданию регулярной Красной Армии.

Как выполнялся призыв Ленина в Сибири, узн**а**ем из книги П.В. Кашуткина «Повесть о сибирском Чапаеве». Ачинск, 1918 г. – Щетинкин Пётр Ефимович как кадровый военный назначен в оперативный отдел, поставлена задача – создание армии. Щетинкин с Никитой Темеровым приступили к работе. Ставленник Антанты генерал Гайда вёл армию белочехов с целью разгрома советской власти. Время не ждёт! К 28 мая 1918 г. уже был создан отряд из 120 человек – ачинские красногвардейцы во главе с Щетинкиным. Но… Ачинск отстоять не удалось. Тяжёлые бои, потеря бойцов, пополнение армии новыми воинами. Воссоединение с армией Кравченко А.Д. Задача: борьба с Колчаком. Белый генерал Розанов объявил, что Колчак назначил 50 тыс. руб. золотом за поимку Щетинкина. А отряд Щетинкина пополнялся новыми бойцами, вступали даже мальчишки [3].

Теперь обратимся к книге «Памятники истории и культуры Красноярского края». Гл. «С. Казанцево Шушенского р-на. Братская могила борцов за советскую власть и коллективизацию». В апреле 1919 г. армия Щетинкина и Кравченко стояла в Степном Баджее. Колчаковцы стремились уничтожить очаг партизанского движения. После ожесточённых боёв в мае - июне 1919 г. стало ясно, что Степно-Баджейскую республику защитить не удастся. Началась эвакуация. 8 июля армия Кравченко – Щетинкина появилась в Минусинском уезде. Крестяне-бедняки и середняки были рады партизанам-красноармейцам, снабжали их одеждой, боеприпасами, оружием. Группами и отрядами вступали в армию.

Вступили в неё и бедняки с. Казанцево: ***Терентий Сергеевич Беляев,*** *Иван Герасимович Беспрозванных, Павел Никандрович Вычужин, Прокопий Васильевич Казанцев,* ***Иван Ефимович Казарин****,* ***Григорий (отчество не установлено) Макрушин****, Кузьма Егорович Ряполов, Иван Осипович Скобелин* [4].

Ю.А. Иванов в книге «Поклон тебе, Земля!», в гл. «Казарины», пишет о том, что ему рассказала в марте 1967 г. жительница с. Казанцево – Фёкла Михайловна Казарина, жена Ивана Ефимовича Казарина. До прихода красных в село приходили белоказаки. Они грабили жителей, чинили расправы над сторонниками красных. Собрали всех мужчин села и «предложили влиться в кавалерийский отряд для борьбы с большевиками. Иван Казарин… не только отказался сам служить белякам, но стал агитировать и других. Кто-то донёс. Рассвирепевшие казаки схватили его. Били нагайками, пинали, хотели расстрелять, но решили, что он и без пули нежилец. Изуродованного и без чувств, Казарина выкинули на улицу». Но Иван Казарин выжил [2, с. 66].

И вот в село пришли щетинкинцы, и, как выше было сказано, Казарин и другие сельчане влились в отряд. Пошли через Саяны в Урянхайскую степь, в Туву. 18 июля заняли Белоцарск (Кызыл). Но, как оказалось, ненадолго. Подошли белые, более 3-х тыс. казаков и офицеров, вооружённых 14 пулемётами, орудиями. Возглавлял белых есаул Бологов. Был очень тяжёлый бой, красные партизаны героически сражались, но силы противника превосходили почти в два раза [3, с. 21].

Об именах на памятнике. В том тяжёлом бою за Белоцарск очень много красных бойцов полегло, было ранено и попало в плен. Попали в плен и трое жителей Казанцева – *И.Е. Казарин. Т.С. Беляев, Г. Макрушин*. По приказу есаула Бологова пленные были отправлены по местам проживания, чтобы там решали их судьбу. Стоявшие в Казанцево белоказаки расстреляли *Беляева и Макрушина*, а изувеченного Казарина заставили рыть могилу себе и расстрелянным товарищам. По каким-то причинам третьего красноармейца в тот день не убили. «…жительница села Дуня Смелина помогла бежать И.Е. Казарину» [4].

Так в том 19-ом смерть снова прошла мимо Ивана Казарина… Отгремели бои Гражданской войны, вернулся Иван Ефимович к жене Фёкле Михайловне и сыну Александру. Вскорости родился у них сын Петя. В селе налаживалась новая жизнь. В конце 20-ых г.г. началась коллективизация. В 1928 г. кулаками был убит посланец партии - по организации колхозов на юге Красноярского края – Мейзеров (имя, отчество не установлены). Мейзерова похоронили в месте захоронения Беляева и Макрушина. На братской могиле был установлен деревянный обелиск [4].

Иван Ефимович Казарин был секретарём партийной ячейки. «В 1929 г. около 10 единоличников, в числе которых были и Казарины, организовали первый в с. Казанцево колхоз «Объединение». – «Набралось у нас тогда пять плугов, несколько лошадей. Купили в Жеблахтах зерна и засеяли первое общественное поле», - вспоминала 78-летняя Фёкла Михайловна в 1967 г. – «Через год в колхоз вступили почти все односельчане. Только самые зажиточные сторонились новой жизни, а при случае вредили колхозному хозяйству, и без того ещё слабому» [2, с. 67].

Иван Ефимович Казарин с женой Фёклой Михайловной.

Болели раны Ивана Ефимовича Казарина, вспоминались тяжёлые дни боёв, гибель товарищей. Иногда он говорил, - если смерть настигнет его, чтобы похоронили там, в братской могиле, на том же месте, где в сентябре 1919 года были расстреляны и похоронены Терентий Беляев и Григорий Макрушин [4]. Иван Ефимович умер в 1937 г. Теперь на памятнике стало четыре фамилии: Беляев, Макрушин, Мейзеров, Казарин.

Это о памятнике, что составляет основную тему статьи. Но когда приходится работать с историческим материалом, в процессе поиска открывается масса дополнительных сведений, о которых тоже хочется рассказать. Много горя досталось на долю Фёклы Михайловны Казариной. Незадолго до смерти мужа погиб сын Пётр. «Младший сын Казариных – Петя, учился в Ермаковской школе. Парень был на диво способный к учёбе. Но колхозу нужны были хоть немного грамотные люди, и не закончившего 7-ой класс подростка вызвали домой. Здесь он стал работать учётчиком. Пете шёл 16-ый год. Он, как и все комсомольцы села, вёл большую агитационную и

просветительскую работу среди крестьян. По его инициативе в селе стал работать драмкружок. Юноша активно участвовал в постановках, концертах, бичуя со сцены старый строй и кулаков. Кое-кому это не нравилось. Злоба на семью Казариных затаилась в кулацких душах ещё с первых дней советской власти: отец – партизан-активист и сын по его пути… [2, с. 67]. Однажды зимней ночью Пётр повёз на мельницу зерно. Поехал и не вернулся. Погиб Петя где-то в 1935 или 1936 году, - рассказывала Наталья Арсентьевна Казарина - жена старшего брата Пети, - своей невестке, Людмиле Казариной. «До сих пор неизвестны подробности трагической гибели комсомольца. Когда нашли его тело, ясно было одно: юноша защищался. Ни лошадь, ни зерно, которое он вёз, не были тронуты. Значит, не рука грабителя поднялась на комсомольца – месть кулака. Вскоре это подтвердилось. На могиле и в местечке Постройка, где был убит их товарищ, комсомольцы с. Казанцево поставили скромные памятники с красными звёздами. Но в следующую же ночь подлые руки разрушили их. Памятники воздвигали снова. И опять надругались над памятью комсомольца. Так повторялось несколько раз» [2, с. 68].

Тяжело переживала гибель сына Фёкла Казарина…Но надо было жить, работать, укреплять советскую власть. Здесь же, в селе, жил с семьёй старший сын Александр, ставший впоследствии защитником Родины в годы Великой Отечественной войны. Александр Иванович Казарин был командиром пешей разведки 3-го Белорусского фронта. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны III степени, медалями [7].

«Ф.М. Казарина с ученицами Казанцевской школы - у памятника борцам за советскую власть». Предположительно - 1950 г. Фото от Людмилы Казариной.

В 1959 г. в с. Казанцево открылось профтехучилище УМСХ-20, и, как вспоминает одна из учащихся первого набора Елизавета Степановна Тараканова, учащиеся, знали о памятнике, расположенном вблизи училища, ходили туда.

Митинг у памятника. Учащиеся и преподаватели УМСХ-20. 1963 г.

Митинг у памятника. Минута молчания. 1963 год. Фото от Е.С. Тараканової.

В 60-х г.г. 20 в. деревянный памятник был заменён обелиском из листового железа.

«По данным за 1995 г. о состоянии памятника: могильный холм, надмогильное сооружение – обелиск из листового железа с красной металлической звездой. На обелиске мраморная плитка со звёздами и именами погибших: **Казарин И.Е., Мейзеров, Макрушин Г., Беляев Т.С.** Ниже текст: *«Вечная память павшим в борьбе за Советскую власть».* Могила огорожена деревянной оградкой» [4].

В 2006 г. в Казанцевском ПУ-75 (Дир. В.Р. Карташков) разработан проект «Эстафета памяти» (разработчики Л.П. Пономаренко и Е.Ф. Евдокимова, преподаватели), поддержанный Советом по краевым социальным грантам. На тот момент не было ограждения вокруг памятника, обелиск подвергся коррозии металла, отсутствовала табличка с именами захороненных. Что сделано: осуществлено

благоустройство памятника, сделано ограждение (В.И. Скрыль, В.А. Шкареда, М.И. Амельченко, мастера п/о), восстановлены имена борцов за социальные преобразования. Проведены мероприятия для уч-ся училища и жителей села с целью воспитания чувства патриотизма и любви к малой родине (библиотекарь Е.С. Тараканова, муз. рук. Н.В. Масунова, зам. дир. по восп. работе С.Н. Найдёнов, преп. п/о Е.А. Лыхин и руководители учебных групп). До 2019 г. – до присоединения училища к Шушенскому с/х колледжу – забота о памятнике регулярно осуществлялась. В последующие годы эта работа носила эпизодический характер.

Год назад в результате общения с краеведом А.В. Баландиным (Имисское Курагинского р-на) заинтересовалась темой Гражданской войны в Сибири – Армия Кравченко и Щетинкина в Минусинском уезде. Связала этот материал с памятником на окраине с. Казанцево, начался поиск информации по теме. Проведены консультации по состоянию памятника с главой сельсовета с. Казанцево С.А. Мясниковым, с руководством ДК, намечены мероприятия по благоустройству.

«2-4 мая сего года на территории Шушенского района прошла акция, приуроченная к Международному дню охраны памятников и исторических мест. В с. Казанцево – это объект культурного наследия Красноярского кр. «Братская могила борцов за советскую власть и коллективизацию». Перед началом мероприятия по благоустройству памятника педагог, краевед В.А. Зырянова рассказала историю возникновения братской могилы в с. Казанцево. Затем участники акции очистили от пыли и грязи памятник, убрали мусор на его территории [6].

И в заключение хочется привести слова наставления, сказанные 78-летней Фёклой Михайловной Казариной писателю Ю.А. Иванову: «…мы ведь не за просто так старались жизнь наладить… Зорче будьте, зорче! Многие на Россеюшку зуб имеют. Полезут – так бейте их, как ваши отцы и деды бивали. Я ведь это не от себя говорю, от всех погибших и страдавших за вашу интересную свободную долю» [2, с. 69–70].

В марте 1967 года сказано, но как актуально звучат слова эти сегодня…

Список литературы

1. Баркова О.И. Что будет, если негативная тенденция сохранится? «Красноярская газета» (Красноярск). 2021. № 58. 10 сентября.
2. Иванов Ю.А. «Поклон тебе, Земля!». Гл. Казарины. Шушенское, 2003. С. 66-70.
3. Кашуткин П.В. «Повесть о сибирском Чапаеве». М., «Советская Россия», 1971.
4. Лебедев Н.Н. «С. Казанцево Шушенского района. Братская могила борцов за советскую власть и коллективизацию». «Памятники истории и культуры Красноярского края». Выпуск 3. Сост. Быконя Г.Ф., к.и.н. Красноярск, 1995. С. 404-406.
5. Проект «Эстафета памяти». ГОУ НПО ПУ-75. С. Казанцево. 2006.
6. «Уборка значимых мест». «Шушенский курьер» (Шушенское). 2023. № 20. 19 мая. С. 2.
7. Шушенский районный архив. Ветераны войны и труда. Ф.Р-16, 1932 –1993 г.г. URL:http://guides.eastview.com/browse/guidebook.html?bid=130&sid=183886 (дата обращения: 10.12.2022).

УДК 908

Иверская обитель от забвения до возрождения

Калистратов Александр Александрович
Енисейский историко-архитектурный музей-заповедник им. А.И. Кытманова, научно-исследовательский отдел.
Енисейск, Россия
aleksandr.kalistratov98@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8338-1579

АННОТАЦИЯ Иверский девичий монастырь один из первых монастырей Сибири имеет богатейшую историю, в которой были как взлеты, так и падения. Наиболее темный период в истории монастыря выдался на времена советской власти, монастырь перестал существовать вовсе, как организации, а его собственность перешла в ведение «Укоммунхоза». В статье будет рассмотрена история закрытия и возрождения Иверского девичьего монастыря, одного из древнейших монастырей нашего региона, от закрытия до возрождения через рассмотрение архивных документов и работы с текущей настоятельницей обители игуменьей Олимпиадой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Иверский женский монастырь, гонения на церковь, возрождение.

На момент революционного 1917 года история Иверского (до 1871 года Христорождественского) насчитывала более 250 лет, именно та, что имеет документальное подтверждение, есть версии и о более раннем основании монастыря в 1623 году, однако эта версия опирается исключительно на сказание без документальных подтверждений и всерьёз рассматриваться не может.

К закату сословной России монастырь подходил в цветущем состоянии. В 1914 г., при игуменье Сергии, монастырь значительно вырос не только по числу сестер, но и в хозяйственном отношении. В монастыре было 62 сестры: 1 казначея, 12 манатейных монахинь, 49 белиц [2, с. 161]. В ансамбле монастыря находились следующие постройки: каменный двухэтажный корпус с покоями для настоятельницы и кельями для сестер, деревянный одноэтажный дом на две половины, деревянный 12-саженный корпус. Помимо перечисленных зданий на территории монастыря располагался ряд хозяйственных построек, а также сад с оранжереями, обустроенный игуменьей Афанасией. Монастырь обладал землёй за пределами территории монастыря в деревне Нижнепашинской которую использовали для хлебопашества и пчеловодства. С 1889 года при монастыре работал завод восковых свечей.

Отдельно стоит упомянуть о бурной общественной деятельности, развернувшейся при монастыре. В 1888 году при монастыре была открыта двухклассная церковно-приходская школа с четырьмя отделениями, на её содержание обитель получала 356 руб. 38 коп. При монастыре имелась больница, утроенная в 1900 году, при которой жили несколько больных и престарелых монахинь.

В таком состоянии Иверский девичий монастырь встречал Великую Октябрьскую социалистическую революцию. Доподлинно не известно о том, как монастырь существовал в годы революций и последующей Гражданской войны, и как он взаимодействовал с городом, свидетельств об этом на данный момент нет. Первые сведения, дошедшие до наших дней, относятся к 1922 году, когда советская власть уже укрепилась на территории Сибири. Среди фондов Енисейского районного архива имеется папка именуемая «Дело о передаче общине верующих здания Иверской церкви», однако документы, содержащиеся в деле, дают сведения в более широких хронологических рамках, нежели происходила передача церкви. Благодаря изучению дела можно доподлинно установить, что до ноября 1922 года монастырь продолжал

существовать как самостоятельная религиозная организация, и даже более того продолжал самостоятельную хозяйственную деятельность.

Первым из документальных свидетельств служит договор, заключённый в начале сентября 1922 года между заведующим хозяйством Енисейского места заключения П.Н. Кондратюк и настоятельницей Енисейского женского монастыря Антонией Петровой [1, с. 42]. Договор был заключен на предмет поставки ульев с пчёлами на следующих условиях: «Я Петрова обязуюсь весной 1923 года выдать девятнадцать семейств пчёл в простых ульях и 1 семью в улье рамочной системы Енисейскому месту заключения за проданные мной сего числа по цене за два пуда муки и полпуда овса за каждый улей в отдельности. Означенные 20 ульев пчёл остаются на зимовке в омшанике, принадлежащем монастырю и после весенней выставки по выбору из общего числа всей пасеки, поступают в полное распоряжение места заключения с достаточным количеством мёда, обеспечивающим пчёл до начала нового сбора» [1, с. 42].

В ноябре того же Енисейский женский монастырь вновь сотрудничает с Енисейским местом заключения. В договоре от 23 ноября фигурирует монастырская заимка, вероятно речь идёт о земельном участке, арендованном монастырём ещё в 1882 году в деревне Нижнепашинской сроком на 44 года.

Договор закреплял переход заимки во владение Енисейского местазака вышеупомянутой заимки на следующих условиях: «Я настоятельница женского монастыря Петрова на основании гражданского кодекса РСФСР раздел вещное право §1 ст. 50 и с согласия своей общины запродала Енисейскому месту заключения муниципализированные строения на заимке, принадлежащие монастырю с пасекой, живым и мёртвым инвентарём состоящим из нижеследующего: две коровы из которых одна дойная, трёхлетний бык, годовалый бычок, трое нынешних телят, шесть овец, две лошади и 45 колодок пчёл со всеми принадлежностями касающихся пасеки. Из мертвого инвентаря: два жилых домика, одна избушка, одна баня, коровник, конюшня, гумно, рига и принадлежащую к заимке городьбу.

За весь купленный мною поименованный живой и мертвый инвентарь Я начальник Енисейского места заключения в счёт уплаты весной 1923 года обязуюсь: а) доставить женскому монастырю 25 кубич. саж. дровяного 150 штук строевого леса принимая на себя плату за билет лесничеству; б) разобрать на упомянутой заимке и приплавить одну часовню и восковый завод и построить на месте указанным монастырём; в) выплавить оставшиеся непроданными семейства пчёл женского монастыря своими средствами, которые и обязуюсь поставить на сельскохозяйственной заимке местзака со своей пасекой принять на себя меры таковые; г) обработать своими средствами пол десятины ярового посева на заготовленной земле местзака из семян монастыря; г) места заключения настоящим договором обязуются доставить женскому монастырю 2 куб. сажени дровяного леса долголетием; е) обязуюсь уплатить женскому монастырю шестьдесят пудов ржаной муки по мере возможности и по требованию монастыря» [1, с. 43].

Таким образом, можно увидеть, что на момент ноября 1922 года монастырь оставался не только самостоятельной религиозной организацией, но к тому же вел самостоятельную хозяйственную деятельность. Большинство современных открытых источников ошибочно указывают на 1920 год как время закрытия монастыря и образования Иверской сельскохозяйственной артели, однако, как видно из документов, это не так.

Когда монастырь перестал существовать, как самостоятельная организация, разговор до сих пор открыт. Достоверных документальных источников, дающих ясность в данном вопросе на текущий момент не введено в научный оборот. Однако в вышеозначенном источнике есть сведения об организации на территории Иверского

девичьего монастыря общины верующих. Инициатором создания общины выступила Иверская сельскохозяйственная артель, по всей видимости, состоящая из бывших монахинь девичьего монастыря во главе с Антонией Петровой.

11 апреля 1923 года в Енисейский Уисполком было подано заявление о регистрации Иверской церкви за общиной верующих и разрешении им пользования внутренним имуществом. Под заявлением свои подписи поставили 20 женщин, и уплатили за его регистрацию пошлину в размере 5 рублей.

Уже 13 апреля был заключён договор между общиной верующих и Советом Рабочих и Крестьянских Красноярских депутатов, а точнее с его представителем, о передаче в пользование здания Иверской церкви с богослужебными предметами. Договор содержит ряд пунктов о пользовании общиной здания церкви, условно их можно разделить на три группы: пункты накладывающие материальную ответственность за сохранность имущества; пункты, запрещающие все возможную агитацию враждебную советской власти; пункты, обязующие предоставлять доступ к зданию всем желающим; а также пункты об условиях, при которых договор, может быть расторгнут, на одном из которых стоит остановиться подробнее.

Пункт под номером 10 гласит следующее: «За непринятие всех зависящих от нас мер к выполнению обязанностей, вытекающих из сего договора или же за прямое его нарушение мы подвергнемся уголовной ответственности по все строгости революционных законов, при чём договор этот Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов может быть расторгнут» [1, с. 12]. По сути своей данный пункт предопределил дальнейшее закрытие церкви уже в следующем месяце. Согласно пункту 15 в течение месяца, с момента заключения договора, община должна была произвести ремонта ограды, а также ряд других работ по благоустройству церкви и территории прилегающей к ней, что общиной было сделано в недостаточной степени, по мнению местных органов самоуправления.

В выписке протокола заседания Призидиума Енисейского Уисполкома от 15 мая 1923 года видим следующие строки: «Слушали: О нарушении Иверской Православной Общиной договора. Заведующий УОУ тов. Раменский информирует, что договор заключённый с общиной 28/IV, ею нарушен, ремонт к сроку не закончен. Церковь до постановления Президиума опечатана, работы остановлены» [1, с. 36].

В той же выписке из протокола имеется и решение Президиума: «Постановили: Договор, заключённый с Иверской Православной Общиной 28/IV, ввиду нарушения ей пункта 15, расторгнуть. Церковь закрыть и передать в распоряжение Укоммунхоза для использования» [1, с. 36].

На следующий день уже был составлен акт о передаче Укоммунхозу имущества церковной общины от лица церковного старосты А.А. Чурикова. Община передала всё имущество, что было записано на неё по факту заключения договора, и даже ту церковную утварь, что община успела нажить за месяц.

Примечателен факт переписки по данному вопросу между Енисейским Уисполкомом и Красноярским Губисполкомом. Дело в том, что уездный орган не имел полномочий для закрытия церкви, но сделал это. В своём объяснении перед губернским начальством Уисполком поясняет, что церковь была закрыта ввиду нарушения договора, а нарушение субординации в принятии решения отсутствием циркуляра от 19.04.1923 года в Енисейске, и его более позднее появление на местах уже в июне месяце, когда церковь уже была фактически закрыта. В этом же документе раскрывается дальнейшая судьба Иверской церкви: «Помещение, занимаемое Иверской церковью, использовано под помещение детской колонии, которое оборудовано и приспособлено для этой цели, т.е. произведен ряд ремонтов и устроен театр для детской колонии» [1, с. 4].

Таким образом историческая преемственность нарушилась и на территории обители не осталось даже общины, не говоря уже о женском монастыре. Долгие годы территория монастыря использовалась в несоответствии со своими историческими функциями. Иверская церковь после закрытия относиться к колонии для несовершенно летних, в качестве театра, позднее там разместился клуб Енисейского техучастка, Енисейское педучилище, вычислительный центр объединения «Енисейгеофизика», а с 1980-1990-х в храме располагался народный драматический театр. Христорождественская церковь, исторически состоявшая в ансамбле, в 1930-х годах была разрушена, позднее на этой земле появилась общеобразовательная школа №3. Настоятельский корпус был использован под нужды общеобразовательной школы №3. Однако история циклична, и уже на самой заре XX-столетия обитель обрела новую жизнь.

После развала СССР в нашей стране активно начался процесс возврата церквей и иных культовых зданий Православной церкви. Процесс реституции осложнялся тем, что религиозные здания после советского прошлого занимались различными организациями от музеев до административных учреждений. В апреле 1993 года Президент РФ Б.Н. Ельцин издал распоряжение «О передаче религиозным организациям культовых зданий и иного имущества». Правительству было поручено разработать поэтапный план передачи конфессиям в собственность религиозных зданий и прилегающих к ним территорий.

Начиная с 1993 года, остатки ансамбля Иверского девичьего монастыря постепенно возвращаются в лоно Православной церкви. Первым зданием, вернувшимся в собственность церкви, стал келейный корпус, находящийся на северо-западном углу монастырской территории. Однако на тот момент речи о возрождение монастыря ещё не велось, и в здании разместилась мастерская. На первом этаже стояли станки, на которых изготавливали иконостасы и рамы икон для восстанавливаемых церквей; на втором этаже была иконописная мастерская.

Возвращение самой Иверской церкви было очень непростым, связано это было с тем, что в здании располагался народные театр, не желавший уступать здание. В дело вмешался, глава района Василий Сидоркин, по его инициативе здание было передано в собственность церкви осенью 1998 года. С этого момента начинается возрождение обители, вместе с церковью были переданы келейный и настоятельский корпуса. В начале октября из Красноярска прибыли три сестры во главе с матушкой Варварой. Начался кропотливый процесс восстановления Иверского девичьего монастыря. В короткие сроки в Иверской церкви был проведен косметический ремонт, выстроен новый иконостас. Активную помощь в восстановлении храма оказала в/ч «Полюс». Первая служба в храме состоялась на престольный праздник Иверской иконы Божией Матери 26 октября того же года. С тех пор Иверская церковь вновь на регулярной основе стала принимать в своих стенах службы, всё более обрастая благолепием.

Новым вызовом для монастыря стало восстановление Воскресенской церкви. Распоряжением владыки Антония от 3 ноября 1998 года Воскресенская церковь стала считаться вторым монастырским храмом. Сам храм была возвращен верующим еще в 1993 году, однако его состояние оставляло желать лучшего.

Протоиерей Геннадий Фаст вспоминает следующее: «Зашли мы туда с Ф.Ф. Толкачёвым – зрелище удручающее. Это были руины, а я стал настоятелем этих руин. Учредили церковный совет. Я – председатель, Фёдор Фёдорович – заместитель. Это был настоящий подвижник. За пять лет его фантастических трудов и инициатив был демонтирован цех, заделана огромная дыра в алтарной части храма, храм был очищен, началось внутреннее обустройство» [3, с. 324].

После распоряжения владыки Антония работы по восстановлению храма легли на плечи монахинь, а им тоже досталось не мало: заделать трещины, открыть

заложенные кирпичом окна, выполнить строительно-отделочные работы, благоукрасить. На территории церкви была свалка металлического лома, которая вывозилась годами. Практически не осталось плодородной земли, монахиням приходилось (и приходится) использовать привозную землю.

Большую роль в восстановлении храма и прилегающей к нему территории внесли предприятия Енисейска и Лесосибирска. Неоценимый материальный вклад в восстановление обители внёс директор «Новоенисейского ЛХК» Виктор Владимирович Шелепков, обеспечивая пиломатериалом нужды стройки.

Попутно с восстановлением храма в 2000 году начинается строительство деревянного келейного корпуса на территории храма. В том же году к самой Воскресенской церкви был пристроен деревянный притвор, в 2002 году произведена внешняя отделка.

После трёх с половиной лет невероятного труда в апреле 2002 года состоялась служба уже в восстановленном Воскресенском храме. В следующем году завершилось строительство деревянного келейного корпуса. В последующие годы территория монастыря будет дополнена колокольней в 2006 году, а также часовней им. Даниила Ачинского в 2011 году.

На сегодняшний день Иверский девичий монастырь занимает два берега реки Мельничной. В данный момент в монастыре проживает настоятельница с девятью несельницами. Вызовы прошлых лет преодолены, территория обители обустроена, Воскресенская церковь является одним из наиболее благолепнейших храмов города. В 2014–2019 г. произведена реставрация Иверской церкви, ей возвращён исторический облик.

В хозяйственном плане монастырь также крепко стоит на ногах. В деревнях Еркалово и Мариловцева монахини обрабатывают землю и занимаются животноводством. Силами неравнодушных в Еркалово построен храм имени праведного Даниила Ачинского.

Силами монахинь возрождены славные традиции образования в стенах монастыря. На сегодняшний день при монастыре функционирует воскресная школа, где преподаются следующие предметы: Закон Божий, церковно-славянский язык, творчество.

На сегодняшний день можно с уверенностью сказать, что монастырь оправился от лет, проведённых в забвении. Как и в прежние годы, обитель служит примером благочестия для горожан и приезжающих туристов, став местом паломничества многих христиан.

Список литературы

1. Енисейский районный архив. Ф. Р-53 Оп. 1 Д. 114.
2. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска) / Аксенова А.А. [и др.]; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2019. – 538 с. — Текст: непосредственный.
3. Фаст Г.Г., Глухова В.К. Енисейск православный: ист. очерк / 2-е изд., перераб. и доп. – Красноярск: ООО ИД «Класс Плюс», 2018. – 544 с. — Текст: непосредственный.
4. Царёв, В. И. Иверский (Христорождественский) монастырь / В. И. Царёв. — 1-е изд. — Красноярск: БИЗНЕСПРЕССИНФОРМ, 1994. — 64 с. — Текст: непосредственный.

УДК 630*8378.34

ЕнСПК – лидер лесосплава края

Комкин Александр Александрович
Член региональной общественной организации Красноярского края
«Союз краеведов Енисейской Сибири».
Лесосибирск, Россия.
komkin07021958@mail.ru

АННОТАЦИЯ Очерк содержит информацию о развитии лесосплава по рр. Ангара, Тасеева и Енисея. Становление и развития крупнейшего специализированного предприятия по организации лесосплава и развития лесоэкпорта, роли предприятия в социальных вопросах как градообразующего предприятия в лесопромышленной отрасли края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская Сплавная контора. Преодоление экономического кризиса в лесной отрасли края.

В 1929 году была открыта Самоедовская протока, и по определению капитана п/х «Тобол» Бабкина П.Ф. весьма пригодная для перевалки леса и пиломатериалов с речных судов на морские. С открытием протоки, в 1928 г., было принято решение о строительстве не только порта, но и лесопильного комбината. Это была вынужденная мера, поскольку барж, а уж тем более грузовых судов у речного пароходства на Енисее не хватало, как и самой тяги. Кроме того, короткая сибирская навигация не могла обеспечить потребность зарубежных потребителей сибирской древесины. Одновременно с перевозкой пиловочника, целесообразно было перерабатывать лес на месте в течении полярной зимы. Опять возникала проблема транспортировки круглого леса. Самым рентабельным способом транспортировки леса, был сплав его в плотах. Опыт сплава у сибиряков был, но это были маленькие плоты объёмом не более сотни кубометров, да и то на небольшие расстояния и по малым рекам. Енисей же требовал к себе более грамотного, профессионального подхода. Это потребовало создания, специализированного предприятие по лесосплаву. Так на территории Енисейской губернии стали создавать сплавные конторы.

С 1930 по 1990 год таковых, было семь. Наибольшее внимание уделялось Ангарской древесине, которая особо ценилась на международном рынке. Начиная с 1929 года в поречье реки Ангара один за другим стали организовываться ЛПХ, которые вели заготовку, раскряжёвку и формирование небольших плотов, для спуска их до устья реки, где и формировались более крупные плоты, а позднее и плотокараваны. Тяги не хватало, как не хватало и специалистов по формированию плотов и сопровождения их в северные широты. Если проблему со специалистами как-то решили, за счёт приглашения с других рек СССР, где уже сплав стал традиционным (Кама, Вятка, Печора) то вопрос тяги долгое время был слабо решаемым. Если проблему тяги по Ангаре и Тасеевой решали за счёт малых мотокатеров с газогенераторными двигателями, то с крупным плотом более десяти тысяч кубометров они справиться не могли. Сплав усложнялся и штормами, которые в нижнем течении были делом обычным. Поэтому долгие годы вплоть до второй половины сороковых, плоты зачастую шли самосплавом. Для управления плота, использовались цепи-волокуши, которые замедляли движение плота, тем самым давали возможность держать плот на стрежне. Система боковых т.н. вёсел – рей могли притормаживать то правую, то левую сторону плота, направляя его таким образом в нужную сторону. Отсюда и команды плотогонов были до 30-35 человек.

Приглашённые опытные плотогоны, с Вятки и Камы не только проводили плоты с малыми потерями, но и активно обучали молодёжь этому ремеслу. В каждой бригаде был обязательно лоцман, команды которого безоговорочно выполнялись всеми членами бригады. Первый год и использованием транспортировки леса, таким образом, был малоутешительным. Из пяти плотов, только два дошли до места без потерь. Однако, уже вторая навигация была удачной, а после 1933 года, плоты стали приходить в Игарку практически без потерь. К этому времени, флот Енисея стал пополняться новыми пароходами, которые большей частью стали использовать на сопровождении плотов.

С 1930 года, на Енисей стали прибывать пароходы построенные по заказу СССР в Германии мощностью 300 л.с. и три теплохода новейшего для своего времени проекта, получившие шутливое название «три богатыря». Если на 300-х сильные германские пароходы легла задача по сопровождению плотов, то теплоходы водили огромные караваны барж на строящиеся предприятия и города в заполярье. Позднее Красноярские судостроители освоили выпуск пароходов мощностью от 200 до 600 сил. Преимущество этих судов было в том, что рассчитаны они, были на тягу, а не на скорость. А в 1934 году, путём слияния нескольких судов из леспромхозов Приангарья и среднего Енисея, была создана Енисейская сплавная контра. Базировалась она первоначально в г. Енисейске, но позднее была переведена в маленькое старинное островное поселение, в устье реки Ангара - Стрелка. Выбор был сделан не случайно.: Близость к сырьевой базе, удобный рейд широкой и спокойной в устье Ангары и удобная протока для отстоя и зимовки флота.

Так начался золотой век крупнейшей в Восточной Сибири Енисейской Сплавной конторы

ЕнСПК – это сложный производственный организм, где каждое подразделение предприятия работает в тесной взаимосвязи друг с другом. Организованные по рекам Ангара и Тасеева лесопромышленные предприятия заготавливало лес, делал раскряжевку, и свозили к реке, где так же своими силами вязали плоты. Объёмом 5, и даже 10 тысяч кубометров. Сегодня эти цифры вызывают улыбку, но для 30 – 40 годов прошлого века это был серьёзный прорыв в лесосплаве. Сложная для судоходства река Ангара с извилистым и каменистым фарватером представляла серьёзное испытание для плотогонов. И до сих пор лучшими капитанами на Ангаре считаются капитаны-плотоводы. В устье Ангары эти плоты (сейчас это называется ленты, секции) соединяли и увязывали такелажем и уже плот объёмов в тридцать-сорок тысяч кубометров отправлялся в Игарку. Плоты, же меньшим объёмов уходили транзитом в Маклаково или Енисейск для переработки.

С увеличением объёмов лесозаготовок в приангарских ЛПХ развивалась и сплавная контора. Работники рейда набирались опыта, предприятие пополнялось пароходами и мотокатерами. Труд плотогонов и специалистов по формированию плотов облегчался за счёт поступления новой техники и активной деятельности рационализаторов.

Образованная в 1929 году Предивинская судостроительная верфь, наравне с Енисейской осваивала строительство большегрузных деревянных барж, повышая грузоподъёмность до двух тысяч тонн. А пополняемый новыми более мощными пароходами и теплоходами Енисейское пароходство уже могло перевозить круглый лес в Красноярск. Особенно сильно увеличился объём лесоперевозок в Красноярск с 1948 года, приходом на Енисей теплоходов, мощностью 600 л.с., оборудованных для вождения барж новым методом – толкания. С 1953 года, флот ЕнУРПА стал пополняться колёсными пароходами мощностью 450 л.с. с уникальными тяговыми

характеристиками. Они полностью были задействованы на перевозки круглого леса в баржах-лесовозов.

К шестидесятым годам прошлого века полностью прошла замена деревянных барж, на металлические. Пионером в строительстве барж-лесовозов стал тюменский судостроительный завод, освоивший строительство металлических барж-лесовозом с саморазгружающими устройствами. В эти годы на Енисей поступили первые восемь барж – лесовозов такого типа, грузоподъёмностью 1500 тонн. Проект был удачный, но вскоре по предложению обского шкипера, который стал случайным свидетелем аварийной разгрузки баржи с круглым лесом, в его голове родилась идея, разгрузки барж методом кренования. После тщательного анализа и проб был разработан проект лесовозных барж, значительно ускоряющий и облегчающий труд экипажей барж, процесс разгрузки. Сплавная контора также не осталась в стороне. Приобретение плавучих кранов, создание специальных приспособлений, повышающих эффективность и безопасность работы, позволила довести время погрузки 1500 тонной баржи одним краном за 10-2 часов, позднее доведя своё мастерство до 6 часов. Тюменская судоверфь освоим новый вид барж, поставила речникам и лесникам края ещё пятнадцать лесовозов. Красноярские судостроители также освоили строительство таких барж, увеличив грузоподъёмность до 1800 тонн. Всего Красноярский судостроительный завод поставил для ЕнУРПа 40 таких барж. Новые пароходы и теплоходы модернизировали для совершенно нового вида вождения барж, увеличив скорость движения. Пополнялся флот толкачей и более высокой мощности и уже в середине семидесятых, новые теплоходы серия ОТА-800 могли поднимать до Красноярска по две баржи за раз.

Лесосплавщики и лесодобытчики также совершенствуя свою работу и увеличивая объёмы сплава, уже к середине шестидесятых годов довели объёмы перевозки до 4 млн. кубометров леса по всем направлениям. Енисейская Сплавная контора, по сути, становится хозяйкой на Енисее и Ангаре по перевозкам круглого леса и пиловочника. На базе многих леспромхозов по реке Енисей начинается производство железнодорожных шпал. Лидером по шпалопилением становится созданный в 50-х годах, Стрелковский шпалозавод, подняв уровень напила до 5 млн. штук в год.

Кроме шпалопиление, ЕнСПК осваивает и судостроение небольших барж для удовлетворения собственных потребности. Кроме барж-паузков на судоверфи ЕнСПК строились «эпроны» - небольшие баржи сдомиками, для рабочих, оснащённые лебёдками для набивки тросов при обвязке плота и для подъёма цепей –волокуш, нечто подобное современных плотоматок. Расширение производственных мощностей на базе Стрелковского шпалозавода в 1963 году создана Лесоперевалочная база, которая, по сути, и взвалила на себя перевозку круглого леса на баржах. В устье Ангары на правом и левом берегах реки были созданы запани для приёма леса из плотов и с помощью плавучих кранов шла погрузка стратегического сырья в баржи. А в посёлке Высокий, на высоком каменистом берегу, после ликвидации в 1953 году ИТЛ, был образован Стрелковский ЛЗП, а сам посёлок вскоре получил новое название Усть-Ангарск

Для примера по объёму этих работ, хочу добавить из собственного опыта и наблюдений. Погрузка барж велась круглосуточно. На одну баржу бригада затрачивала шесть часов. Когда баржа была практически погружена, силами Енисейского пароходства подводилась следующая. Одновременно с помощью катера СПК, гружённая баржа приспускалась ниже крана и устанавливалась на якорь и так в течении всей навигации. Напомню, что объём леса одной баржи был порядком 2000 кубометров. В течении навигации работало три-четыре причала. Иногда количества приплава было такое, что плоты спускали ниже устья Ангары в

протоку около с. Усть-Тунгуска, где устраивали временный причал, с плавкраном. Время для подъёма баржи до Красноярска было в приделах трёх суток. На разгрузку баржи требовалось всего 45 минут. Именно столько времени требовалось, чтобы по новому методу создать крен 35-45 градусов для схода леса в нижерасположенную запань, и ещё меньше суток для спуска баржи в Стрелку.

Кроме Стрелки круглый лес и шпалопродукцию отгружали предприятия Казачинского и Енисейского районов. Так, в Казачинском ЛПХ работало три причала круглого леса и 7 шпалозаводов. Енисейский район кроме плотового сплава (Ярцевский и Назимовский ЛПХ) отгружал в баржи на трёх причалах круглого леса, и два шпалозавода. Это было тоже ведомство Сплавной конторы. Напомню также и о плотах, что Сплавная контора отправляла в Игарку и Дудинку примерно каждые десять дней один плотокараван уходил в северные порты. (плотокараван к семидесятым годам достиг объёмов 60 и более тысяч кубометров. Для этих целей на Енисее уже были специальные буксиры-плотоводы Чешской постройки.

Непрерывно обновлялся и пополнялся флот Сплавной конторы. Взамен слабосильных и неуклюжих катеров газогенераторыми двигателями пришли маневренные мелкосидящие теплоходы с движителями ковшового и водомётного типа. Этим судам были не опасны брёвна-топляки и древесный мусор, который неизбежно появляется при лесоспланых работах. Кроме судов Енисейского пароходства, транспортировкой плотов по Ангаре занимается и сплавная контора и сами ЛПХ. Такое содружество повышает эффективность транспортировки деревянной валюты. Все судоводители на Ангаре работали слаженно, помогая друг другу.

Для ликвидации дефицита кадров в плавсоставе, поскольку шло интенсивное обновление и пополнение флотом предприятия, в Стрелке открывается филиал Подтёсовского училища № 5 (речников) где велась подготовка судоводительских и судомеханических кадров, а также крановщиков плавучих кранов. Сегодня ЕнСПК испытывает острый дефицит молодёжи практически всех специальностей, который пока заполняет пенсионный и предпенсионный персонал. К сожалению, деградация коснулась и этот благополучный посёлок.

Однако, сплав леса в плотах с использованием цепей-волокуш наносил непоправимый вред экологии реки. Также, как и молевой сплав, лес серьёзно засорял реку. Изменение температурного режима реки повлёк за собой зарастание русла водорослями. Река уже не справлялась вс весеннее-осенними ледоходами, которые очищали русло от травы. Аварии плотов, которые всё же происходили оставляли тяжёлые брёвна притопленными, Количество таких брёвен-топляков из года в год увеличивалось. Цепи-волокуши, которые удерживали плот на стрежни реки, сметали на своём пути места отложения икры, особенно осетровых, уничтожая естественный прирост. Сегодня многих пород рыбы в Ангаре нет. Строительство ГЭС и развитие лесосплавов уничтожает флору и фауну Ангары.

Но Сплавная контора занималась не только производственной деятельностью. Это градообразующее предприятие, по сути, и содержала растущий посёлок. Школы, детские сады, торговля, культура, благоустройство всё это было заботой руководителей предприятия. Особой заботой директоров было обновление жилого фонда. Этот из не многих посёлков края, где, по сути, не было жилищной проблемы для своих работников. Имея свое лесопильное подразделение, ЕнСПК вела большое жилищное и социальное строительство. Территория посёлка была изрезана протоками, а это значит, нужно было не только строить мосты, но и следить за их качеством.

Труд на лесосплаве лёгким не назовёшь. И тут наравне с мужчинами трудились женщины. Особенно тяжело им пришлось в годы Великой отечественной

войны. Однако даже и в эти годы объёмы лесосплава не уменьшались. Бригады плотогонов численностью до тридцати человек состояли в основном из женщин. Нередко, на плоту был один, реже два мужчины – лоцман и бригадир, и то были чаще всего глубокими стариками. Военные и первые, послевоенные годы плотового сплава хорошо описал С.В. Сартаков в повести «Плот идёт на север».

С конца 1070-х годов идёт бурная модернизация производства. Увеличиваются мощности такелажного цеха, судоремонтных мастерских, создаются собственные лесозаготовительные участки. Они были нужны преимущественно для внутреннего потребления как производство строительных материалов, так и дров.

Для примера: работа ЛЗУ «Стрелка» 1970 г. – 22,4 тыс. кбм.в год; 1975 г. – 52,2 тыс.кбм.,; 1980 г. – 78,1тыс кбм.; 1990 г – 100,7 тыс.кбм.; 1996 г более 111,3 тыс. кбм.

Свои коррективы внёс 1991 год. С развалом страны и плановой экономики, внутриотраслевые связи рухнули. Леспромхозы прекратили своё существование как единое целое. Их либо растащили, либо они перешли под руку крупных комбинатов. Однако функции СПК остались для Севера актуальны. Предприятию пришлось заняться и несвойственным для себя делом, развить паромную переправу. Сейчас действует переправа из трёх больших паромов, построенных на средства и ли силами предприятия. Краевая администрация и Пароходство переложило заботу о людях и транспорте на СПК. Финансируя затраты на содержание переправы. По заключению речного регистра Енисейского бассейна, паромы в Стрелке признаны лучшими по качеству работы уровню безопасности для пассажиров. За этой работой стоит жизнедеятельность трёх районов: Енисейского, Тасеевского и Мотыгинского. Последний особенно зависим от этой переправы. Увеличилась и социальная нагрузка на предприятие. И эту нагрузку с честью несёт сегодняшний директор АО «ЕнСПК» Александр Сергеевич Рыбьяков, который решает эту проблему с 1999 года. Вернувшись после института в родную для него Стрелку, где прошло детство, он прошёл все ступени профессионального роста. Он же является уже многолетним депутатов Лесосибирского городского Совета. Его в посёлке уважают от малого до старого. Уважают и ценят, за его отзывчивость и готовность всегда помочь любому жителю посёлка. Всех его добрых дел для посёлка, детского сада и школы, культуры, зравоохранения и спорта перечислить невозможно.

Для того, чтобы понять масштабы обработки древесины этого предприятия, в навигацию 1990 году, приведу несколько цифр:

Приплав леса на Стрелковский рейд – 6,5 млн. кубометров;

Из них: на Лесосибирские комбинаты отправлялось – 4,5 млн. кбм.

Сплав на Игарский ЛПК – 700 тыс. кбм;

В Дудину на нужды порта и городов Дудинка, Норильского промрайона – 300 тыс. кбм.;

Отгрузка на баржи в Красноярск – 1,2 млн кбм.

Не считая шпал и шпалопильной продукции местного шпалозавода. И собственного ЛЗУ и продукция Казачинского и Енисейского ЛПХ.

В посёлке, численностью населения в пять тысяч человек имеется четыре памятника истории, за состоянием которых следит всё та же ЕнСПК, центральную площадь украшает Стела, посвящённая дате образования предприятия. В посёлке имеется Физкультурно-оздоровительный центр и филиал музыкальнгой школы, строится новый Дом культуры, который временно располагается в бывшем спортзале предприятия. Отремонтированная библиотека столовая, которая по качеству пищи и интерьеру может поспорить с рестораном. Имеется гостиница с номерами разного уровня сервиза. Два года назад, был открыт музей истории посёлка и ЕнСПК, который получил высокую оценку специалистов. И этим всем стоит Енисейская Сплавная контора, которая финансировала все эти стройки! И это

всё Рыбьяков Александр Сергеевич, отдавший в целом предприятию более пятидесяти лет.

К довершению следует сказать, что из семи действующих на территории края в годы Советской власти сплавных контор, Енисейская Сплавная осталась одна. Ей удалось выжить при разумном руководстве и грамотной экономической политики. С этим не согласен действующий директор: «Всё дело в коллективе, который умеет и хочет трудиться для себя!». Может он и прав!

Директорат ЕнСПК:

Овчинников Гордей Яковлевич март 1934 – март 1935 гг.
Бочкарёв Николай Николаевич ноя. 1935 – май 1937 гг.
Сизых Иван Алексеевич май 1937 – окт. 1941 гг.; окт. 1946 – сент. 1948 гг.; авг. 1952 – июн. 1953 гг.;
Ушаков Иван Петрович апр. 1942 – янв. 1944 гг.
Сименко Геннадий Николаевич февр. 1944 – окт. 1946 гг.;
Ганевич Пётр Иосифович сент. 1948 – июн. 1950 гг.;
Петров Сергей Иванович июн. 1950 - 1952 гг. ноя 1955 - июн., 1957 гг.;
Макаров Николай Иванович ноя. 1953 – янв. 1955, июн. 1957 – март 1961 гг.;
Гончаров Пётр Фёдорович март 1961 – окт. 1963 гг. янв. 1966 – март 1967 гг; (имя на борту);
Сарафанов Валентин Никифорович окт. 1963 – янв. 1966 гг.;
Лапицкий Григорий Сергеевич март 1967 – июл. 1988 гг. (имя на борту);
Васюков Алексей Иванович июл. 1988 – апр. 1999гг.;
Рыбьяков Александр Сергеевич апр. 1999 г. – по наст. Время.

Перечень сокращений в тексте:

ЛПХ – лесопромышленное хозяйство (леспромхоз);
ЛЗУ – лесозаготовительный участок;
ЛПК – лесоперерабатывающий комбинат;
ЛПБ – лесоперевалочная база.

Список литературы

1. Лапин Г.П. Эпоха лесного экспорта на Енисее. Красноярск. ИД «Класс Плюс 2019 г.
2. Лапин Г.П. Невенкин К.Г. Лесной экспорт с Енисея. Красноярское книжное издательство, 1975.
3. Рыбьяков А.С. На волне нашей памяти. (к 75-летию предприятия). Красноярск, ИД Платина, 2009.
4. Рыбьяков А.С. Судьба моя… (к 80-летию предприятия.) Красноярск. ООО «Верста», 2014.
5. Рыбьяков А.С. С любовью и благодарностью (к 85-летию предприятия.) Красноярск, ПИК «Офсет».
6. Фонды музея истории ЕнСПК (Русакова О.И.).
7. Материалы предоставленные ПТО о производственной деятельности предприятия. (Л.И. Толстова).

УДК 94 (571.51)

Поселок Степановка Ирбейского района: в зеркале статистики

Оберман Виктор Яковлевич
учитель истории МБОУ Степановская средняя школа
Ирбейский район, Красноярский край, Россия.
obermanv@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье раскрывается динамика демографических показателей п. Степановка с момента возникновения (1907 г.) по настоящее время. Выявлены основные этапы демографии поселения. Установлены причины спада и роста количества населения. Составлена диаграмма развития демографии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Степановка, демография, переселение, Краслаг, капитальное строительство, рыночные реформы.

Такой вид имеет п. Степановка на снимке со спутника, фото 2010 года.

Степановка возникла по Столыпинской аграрной реформе 1906 года. В 1907 г. на нашей земле (в Тальской волости) работала Енисейская землеотводная партия, которая проводила описание переселенческих участков. В первой части указывалось расстояние до ближайших пунктов: почты, железнодорожной станции, г. Канска, волостного центра, церкви, больницы, базара. Например, до с. Ирбей – 62 версты, до почтового отделения с. Рыбинского 98 верст. Далее шло описание маршрута продвижения на участок. Давалась характеристика земельных угодий: участок лесной с малым количеством открытых мест. Преобладали смешанные леса: сосна, береза, осина. Характеризовались водные ресурсы: речки Кунгус, Асташевка, Амбарчиковая и др. На участке могут произрастать все хлеба, культивируемые в Восточной Сибири. Отмечались специальные сенокосные площади [1.Л.33].

На Степановском участке планировалось освоить **2192,8** десятин удобной земли. **444,2** десятины были отнесены к категории неудобной земли. Предполагалось, что на этой площади можно разместить **139** душ мужского пола. В первой половине XX века не удалось достигнуть планируемого показателя.

Следующая таблица дает представление о количестве населения с 1908 по 1945 гг. Ежегодных показателей обнаружить не удалось. Тем не менее, первая графа позволяет увидеть неустойчивую динамику демографии в первой половине XX века.

дата	население	мужчины	женщины	хозяйства	источник
1908	47	26	21	9	[1]
01.01.1911	39	20	19	8	[2]
1917	109	58	51	18	[2]
1921	118	59	61	-	[2]
1924	89	43	46	-	[2]
1926	97	45	52	21	[2]
1929	94	44	50	-	[2]
1933	112	-	-	-	[4]
1938	139	-	-	-	
1945	28	-	-	-	[5]

Наибольший показатель достигнут в 1938 г. Любопытен показатель 1921 г. – 118 человек. Казалось бы, годы революции и Гражданской войны должны были увеличить отток жителей. Однако произошло обратное. Мы считаем, это объясняется тем фактом, что в годы тяжелых испытаний население в поисках некоторой стабильности передвигалось от центров, где бушевали революционные вихри, к окраинам, в частности, в тайгу. Здесь были лучшие условия для выживания (охота, рыбалка, дикоросы). Сюда реже могла дотянуться рука той или иной власти.

С 1921 года преобладает число женщин. Возможно, численность мужчин сократилась вследствие их участия Гражданской войне, а также из-за тяжелых условий труда. Показатель 1945 г. взят из списка избирателей, в котором числится всего 8 человек при населении 28 чел. Практически, деревня вымирала. Мы наблюдаем неравномерное развитие демографии в первой половине XX века.

В своем развитии д. Степановская (первоначальное название) прошла те же этапы, что и история страны. В 1960-х гг. стала обозначаться как **поселок** Степановка.

№	даты	события
1.	1907	Столыпинская реформа, основание деревни
2.	1917	Великая революция
3	1918-1920	Гражданская война
4	1938-1957	Краслаг
5	1941-1945	Великая Отечественная война
6	1965-1985	Строительство нового поселка
7	1985-1991	Перестройка
8	1993	Рыночные реформы
9	2000-2022	Поселок в 21 веке

Некоторые жители деревни участвовали в партизанском движении. Для заготовки древесины вокруг Степановки открывались лагерные командировки. С 1951 по 1957 и в самой деревне существовал лагерь вместимостью полтысячи заключенных. Все они входили в систему Краслаг.

По воспоминаниям профессора КГПУ (Красноярского Государственного педагогического университета) Владимира Сергеевича Черкашина в Степановке в 1943 - 1945 гг. проживало 50 трудармейцев: русские, украинцы, молдаване, немцы, тувинцы. Сам профессор называл себя при посещении Степановки в 2007 г. “русским тувинцем”. Они занимались сплавом леса. Во время войны в Степановку были сосланы 11 семей (49 чел.) немцев из Республики Немцев Поволжья [6. Д. 8]. 11 человек были мобилизованы на фронт в годы войны, из них 6 погибли. После войны деревня расширяется за счет Краслага.

Основные причины неустойчивой демографии в первой половине XX века:

1. Тяжелые климатические условия: суровая длительная зима, кратковременное лето, наличие большого количества таежного гнуса.
2. Отсутствие плодородных пахотных земель. Ручная раскорчевка леса под пахотные угодья.
3. Недостаток средств, необходимость постоянно брать ссуду у государства для обзаведения хозяйством [1. Л.33].

4. Отсутствие хороших дорог, удаленность от больницы, расположенной в с. Талое - 27 верст, удаленность от железной дороги – Заозерный – 120 верст [1. Л. 33].
5. Призыв мужчин в Армию во время Первой мировой войны [15, с. 17, 36, 46, 97].
6. Насильственная мобилизация, имущественные потери во время Гражданской войны.
7. Гибель работоспособных мужчин во время Великой Отечественной войны [3, с. 56, 77, 79, 128].

«В 1950 г. в Степановке насчитывалось 107 человек» [13, с. 60]. Учтем, что трудармейцы с окончанием войны в большинстве покинули деревню. Зато многие приезжие устраивались здесь на работу, так как Степановка оказалась на пути в таежные лагеря: Амбарчик, Жедорба, Кужо, Игиль, Белоусов. Десятки демобилизованных воинов устраивались в них охранниками.

«По приказу № 35 от февраля 1951 г. Степановский сплавной участок передавался Тугачинскому ОЛП (отдельный лагерный пункт)» [13, 63]. Вместимость лагеря составляла 500 чел. Это означало, что здесь поселилась и лагерная охрана. Также могли устроиться на работу при лагере желающие гражданские лица.

«В 1961 г. в Степановку переехали семьи из Татарской АССР. Они построили улицу Татарскую. Дома строились из круглого леса, внутри стены не белились" [13, 75]. Переселенцы прибыли в Сибирь в поисках работы. Устраивались водителями, трактористами, вальщиками леса. Они построили 7 домов. То есть, к началу 60-х гг. население Степановки выросло до 600 чел.

В 1966 г. число жителей достигло 1187 чел [7. Д. 508]. Рост населения вызван переселением жителей из соседних деревень, которые были сняты с учета: Романовка, Самсоновка, Соболевка, Старики [8. Д. 518]. В 1968 г. была закрыта д. Покровка [9. Д. 543]. В 1982 г. были закрыты д.д. Арангаш, Георгиевка, п. Амбарчик [10. Д. 795]. Десятки семей из указанных деревень переехали на жительство в Степановку. Устраивались на работу в лесопункт, а также в ДСУ и химлесхоз. Соответственно увеличилось число школьников.

В 1958 г. официально открылась семилетняя школа [11. Д. 335]. Директором назначен Карнаух Михаил Филиппович. В 1961 г. семилетка реорганизована в восьмилетнюю школу. В 1962 г. численность учащихся составила 263 чел. [12. Д. 392]. Всего с 1959 по 1972 г. школа выпустила 316 человек, из которых 88 (подсчитано нами) осталось в поселке [14, с. 219]. Рост числа школьников подтверждает факт роста населения за счет переезда в Степановку жителей соседних деревень, где в основном были колхозы.

Из 554 выпускников средней школы, открытой в 1972 г., на малой родине осталось 158 человек (подсчитано нами). Доля оставшихся в поселке после окончания восьмилетней и средней школ примерно одинакова (27,8% и 28,5%). Этим они поддержали нашу демографию. Большинство уехали в город.

Проанализируем изменение численности населения с 1968 по 1994 гг. В этом периоде данные колеблются от 1311 до 1040 чел. [13, с. 104-106]. В среднем ежегодная численность населения составила **1264**. По этому показателю Степановка стала относиться к крупным поселениям Ирбейского района. Наибольший прирост был в 1972 г – +**27** чел., наименьший в 1992 г - - **8**. Это означает, что прироста уже не было. Прирост 1972 г., видимо, связан с вступлением в брак тех, кто родился в начале 50-х гг. XX в.. Молодые люди были обеспечены жильем, работой, открылась новая средняя школа, ежедневно ходил рейсовый автобус до районного центра, функционировала участковая больница на 35 коек, построен торговый центр, работал детский сад - ясли, было налажено хорошее снабжение через ОРС (отдел рабочего снабжения), отлично работала почта, проведена газификация и радиофикация поселка лесорубов.

С 1975 по 1994 гг. численность населения держалась в пределах **1200** человек. Большое влияние на социальное самочувствие населения оказало капитальное строительство нового поселка: жилье, производственная база, социальные объекты. В 1976 г. открылся Степановский леспромхоз, в котором числилось 239 рабочих [14, с. 205]. Постоянно приезжали новые работники из других районов. У людей складывалось оптимистичное настроение. Вперед шагнула спортивная жизнь, работала ДЮСШ по лыжным гонкам. Развивалась художественная самодеятельность: своими выступлениями радовали жителей ВИА «Таежные зори», хор «Костяничка». Взрослые и дети получали качественное лечение в Степановской участковой больнице. Количество домохозяйств в 1988 г. достигло наивысшей точки – **395,** а в 2018 **- 260** [14, с. 306].

Оценить дальнейшие демографические процессы мы сможем, продолжая изучать таблицу. С 1994 года численность населения начала сокращаться с 1220 в 1994 г. до 639 (данные сельсовета) в 2022 г. За эти годы падение составило 490 чел. Стало сокращаться количество учащихся в школе. В 1995 г. в школе было 217 детей, в 2009 – 98 (в годы моего директорства), сейчас – 38. Прирост в эти годы не наблюдался. Происходила постоянная убыль населения: от – (минус) 23 до – (минус) 2. Смертность стала превышать рождаемость. И так уже 30 лет.

Эти негативные последствия вызваны такими факторами:

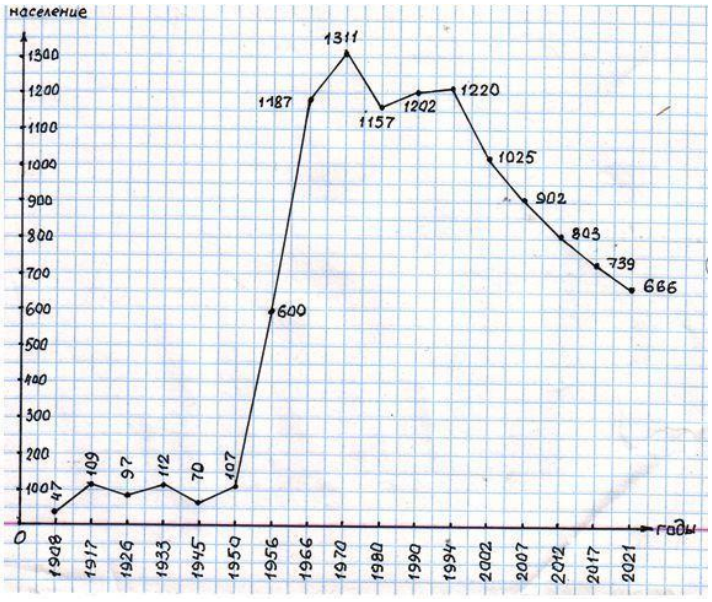
1. В 1989 г. ликвидировано предприятие ДСУ, в котором трудилось 70 чел.;
2. Также закрылся лесхоз, в котором трудилось до 20 лесников;
3. В 1991 г. закрылась ДЮСШ по лыжным гонкам, в которой занималось до 50 школьников;
4. Закрылась участковая больница, остался ФАП;
5. В поселке началась приватизация предприятий, организаций и жилья;
6. Закрылся ОРС (отдел рабочего снабжения), в котором трудилось более 20 чел.;
7. Рейсовый автобус до Ирбейского стал курсировать три раза в неделю вместо ежедневного;
8. Пессимистические настроения жителей вызывал постоянный рост цен на товары, а также в 90-ые годы часто не платили зарплату;
9. В октябре 2022 г. прекратил деятельность дом престарелых, работу потеряли около 40 чел.

Попробуем спрогнозировать дальнейшую судьбу поселка. С 1995 по 2022 г. среднее ежегодное сокращение жителей составило 8 чел. Если закроют школу, то без работы останется 28 человек. Можно предположить, что судьба Степановки рассчитана примерно на 40-50 лет.

Мы увидели 3 периода развития поселка.

Первый - с **1908 по 1950 гг**. – в целом происходил спад. Второй период с **1950 до 1994 г**. характеризуется ростом населения, наибольшая численность которого падает на 1970 г. – **1311** чел. Третий - с **1994 г. по 2022 г.** Количество жителей сократилось с 1220 до 639, почти в 2 раза. Усилилась эмиграция населения. И хотя построен новый ж/бетонный мост через р. Кунгус, проведен зимний водопровод, появилась сотовая связь, налажено прекрасное снабжение (6 магазинов) – **отток населения продолжается.**

* - показатели 1956 г. и 2021 г. примерные.

Тенденция сокращения населения характерна и для всего Ирбейского района. За последние 20 лет число жителей упало с 22 тыс. до 14 тыс. человек. Число деревень с 1926 г. уменьшилось на 81. Остановить процесс распада поселка может открытие крупного лесного предприятия.

Данное исследование представляет интерес для жителей, школьников, краеведов, Степановского сельсовета. В дальнейшем можно проследить развитие личного подсобного хозяйства, изменение социального состава населения, характеристику современных предприятий, историю медицинских учреждений.

Список литературы

2. Государственный архив Красноярского края (далее ГАКК). Ф. Р-934. Оп. 1. Д. 11. Л. 33;
3. ГАКК. Ф. Р – 49. Оп. 1. Д. 485;
4. Книга памяти. Красноярский край. Т. 4. РИП “ЛИБРА”, 1994. – 560 с.
5. Муниципальный архив Ирбейского района (далее МАИР). Ф. 1. Оп. 1. Д. 33;
6. МАИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 85;
7. МАИР. Ф. 1. Д. 508;
8. МАИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 508;
9. МАИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 518;
10. МАИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 543;
11. МАИР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 795;
12. МАИР. Ф. Р-1115. Д. 335;
13. МАИР. Ф. Р-1115. Оп. 1. Д. 392;
14. Оберман В.Я. О моих земляках и немного о себе. Красноярск, “Офсет”, 2000 – 140 с.
15. Оберман В.Я. Сплетая нити истории. Красноярск, “Амальгама”, 2019 - 340 с., ил.
16. Шульцев В.В. Книга памяти земли ирбейской. Первая мировая. Красноярск, 2018. – 118 с., ил.

УДК 908

История села через истории жизни людей (с. Марково в XIX в., Чукотка)

Церковникова Екатерина Анатольевна
младший научный сотрудник Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило Дальневосточного отделения Российской академии наук (СВКНИИ ДВО РАН), лаборатория истории и экономики.
Анадырь, Россия.
etserkovnikova1@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В середине XIX в. на крайнем Северо-Востоке страны образовалось первое русскоязычное поселение – село Марково, которое с 1889 по 1917 гг. играло роль центра управления обширной Анадырской округой в составе Приморского края. В статье проанализированы источники по истории села Марково и представлены истории жизни людей. История села, собиралась по рассказам местных жителей, описание которых передал в краеведческом очерке уроженец тех мест, чуванец А. Е. Дъячков. С историей села связаны истории жизни людей, которые не являлись выдающимися историческими деятелями. Однако, первоначальное описание истории села послужило опорой для дальнейших исследований известных этнографов, лингвистов, фольклористов и специалистов в других научных областях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведение, коренные народы Севера, микроистория, село Марково, Чукотка

Введение. История села Марково современного Анадырского муниципального района, Чукотского автономного округа начинается с 1840-х гг. Село расположено в среднем течении реки Анадырь на территории Марковской низменности, окруженной со всех сторон горами и хребтами. Поэтому климат здесь отличается от других мест на Чукотке более мягкими условиями. Тёплое и относительно продолжительное лето создаёт благоприятные условия для роста лиственного леса, кустарников и другой растительности, особенно по долине реки Анадырь и ее притоков. Животный мир очень разнообразен: здесь обитают дикий северный олень, снежный баран, из хищников – волк, лисица, бурый медведь, росомаха; водится пушной зверь – горностай, белка, заяц-беляк. На берегах озер и проток гнездятся гагара, серощёкая поганка, шилохвость, чирок–свистун.

В настоящей статье рассматриваются основные источники, описывающие историю, села Марково во второй половине – конце XIX в. После образования села в 1840-х гг. о нем писали проживавшие здесь или бывшие проездом государственные служащие, церковнослужители, путешественники, этнографы, а в последствии также – историки, лингвисты, фольклористы и журналисты. Все они в разной степени опирались на первоначальные описания села Маркова второй половины XIX в., которые рассматриваются ниже.

Ранняя история с. Марково и его окрестностей. Задолго до появления на р. Анадырь русских первопроходцев по её берегам промышляли коренные жители края – юкагиры, чуванцы, чукчи. Юкагиры и чуванцы занимались промыслом рыбы и охотой на мелкого зверя, чукчи освоили сезонную добычу диких оленей на «плавях» (переправах) по р. Анадырь [10]. Археологические исследования подтверждают наличие в этих местах ранних стоянок и поселений, которые сформировали древнюю культуру [9].

Письменная история Марково начинается с зимовья, построенного на реке Анадырь, в 10-15 км по течению реки, выше современного села. В 1649 г. С. И. Дежнев с командой казаков, после крушения их коча и длительного пешего похода в поисках

удобного места для проживания, построили из бревен зимовье. В 1660 г. под руководством приказчика К. Иванова, прибывшего на смену С.Дежнёву, был построен Анадырский острог, который стал государственным и колониальным форпостом, откуда более 100 лет осуществлялась административная и военно-политическая деятельность служилых людей на Северо–Востоке России [5,8,9]. Численность населения острога была нестабильна [8]. В окрестностях р. Анадырь было мало пушного зверя, поэтому казаки сначала старались добывать моржовую кость (клык) на лежбищах побережья Анадырского лимана. Когда эти лежбища опустели, положение русских на р. Анадырь стало трудным. Жалования им не платили, и многие служилые люди стали покидать Анадырский острог. Те, кто оставались, сами обеспечивали себя продуктами питания, перенимали способы охоты, рыбалки и собирательства у коренных жителей. Взаимообмен и выручка стала основой выживания ранних поселенцев. Образовались смешанные браки, рождались дети.

В XVIII в. положение жителей острога изменилось с установлением торгового пути через Анадырский острог с Колымы на Камчатку. В 1709 г. в остроге жили 70 служащих людей, 45 человек промысловиков и торговцев, и несколько семей местных жителей. Так же здесь постоянно находились люди, следовавшие на Камчатку и обратно [5, с.114]. В 1730 г., с началом боевых действий против чукчей, здесь содержался большой военный гарнизон из 300 казаков [5, с. 116]. В 1771, после утверждения указа Сената от 5 марта 1764 г. о ликвидации Анадырского острога, из него было вывезено имущество и эвакуировано население. Сам острог был уничтожен, хотя некоторые жители пытались сохранить свои дома, чтобы потом вернуться [5, с. 134].

Налаженные за несколько лет торговые связи остались, и потому Сибирская администрация вскоре разрешила строительство мест для торговли по р. Анадырю. В 1788 г. была основано селение Крепость, в котором поселились промысловики [5, с. 139]. В 1839 г. в с. Крепость была построена часовня, а в 1844 г. появился первый причт для нужд местного оседлого населения и обращения окрестных чукчей в христианство. В окрестностях с. Крепость и вдоль реки Анадырь местные жители строили охотничьи и промысловые домики для сезонной охоты.

В 1840-50-х гг. на территории будущего с. Марково стали селиться местные жители: юкагиры, чуванцы, эвены [7, с. 84]. Предполагается, что название села появилось в честь первого поселенца на этом месте, «какого-то Маркова» [11, с. 202]. По воспоминаниям марковчанки К. А. Воронцовой, село было названо в память о святом Марке, якобы освятившем место и поставившем там крест [16, с. 249]. Чукотское название поселка «Вуйвун ~ вуйвын ~ гуйгун –“деревянная изба”, “крепость”» [16, с. 249]. Люди постепенно стали переселялись на это место с верховья реки Анадырь, из Колымского края и Гижигской округи. Население состояло из русских и представителей смешанных семей, многие из них были православные.

После того как торговая деятельность в поселении Крепость пошла на спад и перестала приносить доход, многие жители стали постепенно переезжать на место современного села Марково. В мае 1854 г. сюда приехал на собачьих нартах гижигинский урядник, а с ним церковный причт – священник и псаломщик. У часовни собрались жители села и ближайших поселков для богослужения, всего около 200 чел., включая семьи богатых торговцев Слепцовых, Каменских и Борисовых [12, с. 25–26].

С начала 1861 г., в селе начали строить постоянную церковь; в строительстве принимали участие жители Марково и окрестных поселений. 15 мая 1862 г. состоялось освящение церкви Святого Николая. В апреле 1865 г. в село прибыл священник М. Шипицын с семьей. С ними также прибыла семья псаломщика Ф. Верещагина. После постройки церкви, оставшиеся жители с. Крепость переселились в Марково [6, с. 84].

«Анадырский край» - рукопись А.Е.Дьячкова о селе Марково (1893). Афанасий Ермилович Дьячков (1840–1907) был местным жителем с. Марково, по происхождению из чуванцев. Он сам выучился грамоте и затем продолжал свое образование, особенно после знакомства с православным миссионером Митрофаном Шипицыным, проживавшим в Марково с 1865 г. В 1868 г. вместе с торговцем Борисовым Дьячков ездил на собачьих упряжках «на Нос» – на побережье Чукотского моря к оседлым чукчам за товарами. В дальнейшем он использовал наблюдения во время этой поездки для написания своего очерка о жителях Анадырского края.

В 1883 г. сельское общество и церковь предложили А. Е. Дьячкову стать учителем в церковно-приходской школе. Грамотный и любознательный человек, Дьячков сблизился с новым начальником округи Л. Ф. Гриневецким и, вероятно, сопровождал его в поездках к оленным чукчам как писарь и переводчик. Когда здоровье Гриневецкого сильно ухудшилось зимой 1891 г., он предложил Дьячкову написать рукопись об Анадырском крае, которую — как он сам понимал — был уже не в состоянии закончить. Гриневецкий дал учителю примерный план будущей рукописи и заверил, что бумаги и чернил у него будет достаточно. Работа над рукописью заняла около пяти месяцев. В середине июня 1891 г., перед своим отъездом в Ново-Мариинск Л.Ф. Гриневецкий, прочитав всю рукопись, написал на титульном листе первой тетради «Анадырский край. Рукопись жителя села Марково А. Дьячкова". Он приложил только сопроводительное письмо на имя генерал-губернатора с просьбой содействовать изданию этой работы. В таком виде все было упаковано отдельным свертком и адресовано генерал-губернатору П. Ф. Унтенбергу» [12, с. 115].

Во время написания рукописи «Анадырский край» Дьячкову шел пятьдесят второй год. К тому времени он семь лет преподавал в школе. Ранеее в течении тринадцати лет он собирал сведения о реках, растениях, истории народов, проживающих на Чукотке, записывал сказки и поверья, смешные и трагические случаи из жизни марковцев. Весь этот материал он готовил для чтения в школе. Сведения об окрестностях с. Марково он собирал у пожилых односельчан или описывал свой опыт [11, с. 168]. Личные наблюдения А. Е. Дьячкова – очень тщательные и являются ценным источником об окружающей природе и истории с. Марково, включая экстремальные природные явления, такие как, массовая гибель перелетных птиц весной 1866 г. и весной 1887 г., необычно раннее наступление весны в 1878 и 1882 гг. и др. [11, с. 169].

Дьячков оставил очень подробное описание использования марковчанами различных природных ресурсов – зверя, рыбы, птицы, древесной растительности и кустарников. Например, для строительства своих домов жители Марково использовали лес, который рос в окрестностях села, в основном лиственницу, осину. Дом, построенный из осины, мог прослужить около двадцати лет, из лиственницы немного дольше. Древесину этих деревьев также использовали для легких лодок - «веток» и каюков, мебели, бытовых предметов. Для постройки амбаров, летних поварен (небольших домиков для хозяйственных нужд во время рыбного промысла – Е. Ц.), вешал для сушки рыбы, использовали тополь. Кору применяли для покрытия сараев и амбаров. Нарты, деревянная посуда, столы, ружейные ложа, топорища, черенки для ножей делали из берёзы. Из нее же изготовляли коробицы, битки (емкости для сбора ягод) и другие хозяйственные принадлежности.

Кустарники также использовались в хозяйстве. Из ивы делали жерди, езовья (приспособление для ловли рыбы), стойки для вешания юколы. Из рябины делали бараны и дуги для нарт; ольхой красили оленьи шкуры; кедр кузнецы использовали для получения угля. По данным Дьячкова в Ерополе развивалось кузнечное ремесло, распространялось плотницкое и столярное дело [12, с. 24].

В окрестностях с. Марково растет разная ягода, полезные травы, коренья. В то время местные жители заготавливали и использовали дикоросы для различных блюд

и напитков. Травы собирали «марковские знахарки» и использовали их для лечения разных заболеваний [23, с. 71]. Дьячков подробно писал о первых попытках выращивания в селе овощей [11, с. 173].

Жителей в с. Марково, по подсчетам А. Е. Дьячкова, было 279 чел. обоего пола, проживавших в 38 домах; три семьи жили в ярангах. В том же 1893 г. военный чиновник А. В. Олсуфьев писал, что в 40 домах в селе Марково и ближайших к нему поселках проживало «около 500 душ обоего пола» [18, с. 2]. Марковчане жили в бревенчатых избах, которые строили сами. Дьячков подробно описал строительство и тип марковского дома, его внутреннее убранство [11, с. 205].

Как уже отмечалось, жители села в основном жили за счет рыбного промысла. Почти у каждой семьи были летние постройки «заимки», выше или ниже по течению реки Анадырь. В начала июня население села переезжало в эти летние домики. Село в это время пустело и лишь изредка «в праздники притч и несколько человек приходят для богослужения» [11, с. 203]. В конце июля, начале августа начинается лов рыбы и заготовки рыбы для семьи и юколы для собак. Осенью, кто не успел заготовить рыбу, охотятся на зайцев и куропаток, или ловят белорыбицу. ...По окончании промыслов всю вообще добычу разделяют между собою, кому, что следует по договору» [11, с. 204]. В голодные годы помогали нуждающимся пропитанием. По подсчетам А. Е. Дьячкова средней семье из 6 человек, у которой в хозяйстве 12 собак для пропитания на восемь месяцев, требовалось 4560 рыб и 64 оленя. Если семья была больше, то, естественно, требовались дополнительные запасы еды. Поэтому марковчане ловили и заготавливали все лето, пока идет рыба вверх по реке Анадырь. Но промысел не всегда удавался, и тогда наступали «гибельные голодовки» [11, с. 205].

Параллельно с домашними заботами, церковными обязанностями А. Е. Дьячков учил детей. В течение 24 лет А. Е. Дьячков обучил примерно 265 жителей, т.е. 80% населения в Марково были грамотные. В дальнейшем многие ученики А. Е. Дьячкова были в рядах первых активистов Советской власти на Чукотке.

Заключение

В середине XIX в. на крайнем северо–востоке страны образовалось первое постоянное русскоязычное поселение – село Марково, которое с 1889 по 1917 гг. играло роль центра управления обширной Анадырской округой в составе Приморского края. В селе проживало смешанное население, известное по источникам как «марковцы», или анадырцы. Исследователи выделили «марковцев» в группу русских старожилов с локальными особенностями в культуре, которые сложились под влиянием культуры местного населения [4,8,13]. Среди марковцев–старожилов сохранился особый фольклор [25] со старославянскими словами и выражениями. Современные лингвисты выделяют речь жителей села в особый «марковский» говор.

Эти и другие подробности жизни и социального устройства марковчан передают нам свидетельства второй половины-конца XIX в., фольклорные и музыкальные записи того времени (экспедиция В.Г.Богораза 1900–1901 гг.), музейные коллекции и немногочисленные исторические фотографии. Авторы 1860–1890-хх гг., Дж. Кеннан, Л. Ф. Гриневецкий, А. Е. Дьячков, Н. Л. Гондатти, заложили основу наших знаний по истории этой уникальной смешанной старожильческой группы, которые сохраняют свою ценность для исследователей и читателей 21-го века.

Список литературы

1. Богораз В.Г. Чукчи. Социальная организация. Изд. 2-е.М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»,2011. 216 с.
2. Бурыкин А. А. В музее Эдуарда Гунченко // Газета «Советская Чукотка». Анадырь.

23.06.1993 г.
3. Бурыкин А. А. Интерпретация некоторых загадочных этнонимов Арктического побережья Чукотки// Этнографическое обозрение . № 4., 2000. С. 45-89.
4. Вахтин Н. Б., Головко Е.В., Петер Швайтцер Русские старожилы Сибири: Социальные и символические аспекты самосознания. М.:Новое издательство, 2004. 290 с.
5. Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. М.Л., 1965.– 404 с.
6. Гондатти Н. Л. Сведения о поселениях по Анадырю. Оседлое население реки Анадырь // Зап.Приамурского отд. ИРГО. Хабаровск, 1897а. Т. 3. Вып. 1. С. 71-165.
7. Гондатти Н.Л. Состав населения Анадырской округи// Зап.Приамурского отд. ИРГО, Хабаровск, 1897, Т.3. Вып.1, С. 166–178.
8. Гурвич И. С. Этническая история Северо-востока Сибири // Труды института этнографии. М.: Наука, 1966. Новая серия. Т. 89. 276 с
9. Диков Н.Н. История Чукотки с древнейших времен до наших дней / Ред. Н. Н. Диков. М.: Мысль, 1989. 492 с.
10. Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд. АН СССР, 1960. 622 с. (Труды Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.Новая серия, т. 55)
11. Дьячков А. Е. Анадырский край. Магадан: Кн. изд-во, 1992. 82 с.
12. Жихарев Н. А. Повесть об Афанасии Дьячкове, жителе села Марково, учителе, историке – краеведе, этнографе (1840-1907 гг.). Магадан.: Кн. Из-во, 1992. 159 с.
13. Зензинов В.М. Марковцы и русскоустьинцы: Этнографические параллели и сравнения // Этнографическое обозрение. 1914. № 1–2
14. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы/ В.И. Иохельсон. Пер.с.англ. В. Х. Иванова, З. И. Ивановой- Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
15. Кеннан Г. Кочевая жизнь в Сибири: Приключения среди коряков и других инородцев / Пер. с англ. СПб.: Изд. книгопродавца И. И. Иванова, 1896. 384 с.
16. Леонтьев В.В., Новикова К.А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / науч. ред. Г.А. Меновщиков. Магадан.,1989. 458 с.
17. Майдель Г. Путешествие по Северо-Восточной части Якутской области въ 1868-1870 годахъ барона Гергарда Манделя. Т 2. СПб.,1896. 599 с.
18. Олсуфьев А. В. Извлечение из отчета Адьютанта Командующего войсками Приамурского военного округа поручика Олсуфьева//Приамурские Ведомости. Приложение к № 10. Владивосток., 1894 г. 13 с.
19. Официальный сайт Администрации Анадырского муниципального района. Сельское поселение Марково. URL:https://anadyr-mr.ru/region/inform/markovo.php (дата обращения 21.11.2022 г.)
20. Природа и ресурсы Чукотки. Магадан, 2006. 236 с.
21. Рига И. Г. Анадырь знакомый и незнакомый. Часть 1. М., 2009. 432 с.
22. Сокольников Н. П. Болезни и рождение человека в селе Маркове на Анадыре // Этнографическое обозрение, 1911а. Кн. 90–91., вып. 3–4. С. 71–172.
23. Сокольников И.П. К познанию рыбных промыслов северо-восточной Сибири // Русское судоходство. №1. 1911б. С.106-110.
24. Хаккарайнен М.В. Локальные представления о болезни и лечение (поселок Марково, Чукотка). дисс. на сос. уч. ст. к.и.н. СПб., 2005. 206 с.
25. Шенталинская Т.С. Фонозаписи Сибирского фольклора из американских архивов / Фольклор: Рание записи. Отв. ред. Е.В. Минёнок. М.: ИМЛИ РАН., 2015. С 145-271.
26. Этнографические коллекции по народам Северо-Востока Азии в Приморском объединённом государственном музее им. В. К. Арсеньева / Автор-сост.: В. В. Кобко. Владивосток: РИО Примупрполиграфиздата, 1991. 62 с.

КРАЕВЕДЕНИЕ. ИЗУЧЕНИЕ И ПРЕПОДАВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(571)

«Сейчас мир приходит к сознанию того, что без России он существовать не может…»: краеведческие съезды и конференции Сибири в первой половине 1920-х гг.

Бершадская Светлана Вячеславовна
старший преподаватель
Красноярский государственный аграрный университет, кафедра иностранных языков и профессиональной коммуникации.
Красноярск, Россия.
bsv97@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3371-2974

АННОТАЦИЯ Целью данной работы является реконструкция хронологии событий, связанных с восстановлением и развитием краеведческого движения на территории сибирского региона в первой половине 1920-х гг. Исследуется роль научной общественности Енисейской губернии в данном процессе. Методологической основой исследования послужил проблемно-хронологический метод. Источниковую базу исследования составили архивные материалы и публикации рассматриваемого периода. В рамках данной работы региональные краеведческие конференции и съезды рассматриваются как один из факторов нормализации научно-исследовательской работы в Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведение, 1920-е гг., съезд, конференция, Сибирь, Енисейская губерния.

В период 10–20 декабря 1921 года в Москве по инициативе Академического центра Народного комиссариата просвещения РСФСР состоялась I Всероссийская конференция научных обществ и учреждений по изучению местного края [7]. Конференция [9] стала одной из отправных точек развития краеведческого движения молодого Советского государства [10;15; 17; 18; 20]. От Енисейской губернии в работе конференции принял участие А.Я. Тугаринов, директор Музея Приенисейского края [3, с. 31], выступивший с докладом «Современность и пути краеведческой работы» и отметивший, что «настало время, когда … можно и должно проводить многие краеведческие начинания не на началах благотворительности и доброжелательства, а как плановые мероприятия, полезные и нужные как для государства, так и для нового общества» [1, с. 37]. Аркадий Яковлевич не был одинок в своих выводах. Об этом же (например, «… организация работы есть первое условие успеха в работе…» - слова представителя саратовских краеведов С.Н. Чернова) говорили многие участники конференции [7, с. 53]. Одним из результатов деятельности конференции можно считать решение о создание Центрального Бюро краеведения [2], в задачу которого вошла координация общественного движения [9].

Однако, помимо организующей функции, I Всероссийская конференция научных обществ и учреждений по изучению местного края стала и важным фактором нормализации научно-исследовательской деятельности молодого Советского государства, одним из аспектов которой является проведение съездов и конференций. Именно об этом, о возвращении России на мировую научную арену, говорил в своей речи историк Михаил Николаевич Покровский, избранный Председателем Президиума конференции: «Сейчас мир приходит к сознанию того, что без России он существовать не может, - так же, как и с другой стороны, Россия приходит к подобному же сознанию» [7, с. 50]

II Всесоюзная Конференция была проведена 12-14 декабря 1924 года. На конференции были приняты решения по совершенствованию методического

руководства «краеведной работой» и о ее расширении и углублении – в интересах «ее большей продуктивности, с государственными, научными и хозяйственными учреждениями, советской общественностью, партийными и профессиональными организациями» [6, с. 7]; и вновь было принято решение об организации координирующего усилия «различных и разнородных исследовательских сил», объединяющего «исследовательский труд и историка, и этнографа, и археолога, и зоолога, и ботаника, и художника…» [8] центра – Центрального бюро краеведения. Президиум ЦБК разослал всем краеведческим организациям циркуляр, в котором было «предложено» «… всем краеведческим организациям РСФСР – обществам, кружкам, музеям и т.д. – … немедленно войти в тесный контакт с местными правительственными, партийными, профессиональными и экономическим учреждениями и организациями, пригласив представителей их принять участие в краеведческой работе, руководствуясь в том отношении резолюциями II Всесоюзной Конференции по Краеведению и в частности резолюцией пленума по вопросам организационного характера» [19]. Таким образом, изменились задачи краеведческих обществ и кружков, в основную задачу которых стали входить не только стимулирование интереса к делу познания своего края со стороны широких кругов населения, но и учет и целесообразное использование в исследовательской работе всех наличных сил, вне зависимости от того вели ли они организованную работу или нет.

Вопросы «организационного характера», в том числе, включали в себя и проведение региональных краеведческих конференций и съездов.

Одной из первых региональных краеведческих конференций была Семипалатинская губернская конференция краеведов, состоявшаяся 24-31 августа 1924 года. В работе конференции приняло участие 74 человека не только из числа членов местного отдела РГО, но и представители уездных отделов народного образования и других губернских учреждений. Работа конференции была организована в рамках трех секций – географической, биологической и историко-этнографической. Всего было проведено 15 заседаний, на которых прозвучало 36 докладов [12].

По инициативе Красноярского отдела РГО в Красноярске Первая губернская конференция краеведения была проведена 16-20 ноября 1924 года [3, с. 28]. Помимо членов отдела и сотрудников музея Приенисейского края в подготовке и работе конференции также приняли участие представители местной власти – отдела народного образования, земельного и планового управлений. Работа конференции проводилась в секциях общего краеведения, школьного краеведения и по изучению экономики и производительных сил края, на которых прозвучало около 40 докладов [5, с. 10]. Одновременно в Музее Приенисейского края была открыта выставка «Производительные силы Енисейской губернии», вызвавшая у местных жителей активный интерес, познакомив посетителей «с богатствами Енисейского края и со всеми данными об Енисейском крае» [14, с. 3].

24-27 февраля 1925 года краеведческая конференция была проведена в Барнауле. В работе конференции приняло участие прибл. 150 человек. Работа конференции была организована уже в рамках пяти секций: общего краеведения, экономики, ботаники и климатологии, зоологии и истории и этнографии. В общей сложности прозвучало около 40 докладов, среди них, в том числе, и о результатах участия алтайских краеведов во II Всесоюзной конференции в Москве. Во время работы конференции участники смогли посетить выставку изданий Сибкрайиздата и этнографическую выставку, посвященную быту алтайцев [11].

Предстоявшая реорганизация народного хозяйства Сибири требовала точного учета знаний о регионе, объединения и возможно более полного привлечения всех

научно-исследовательских сил. Этими мотивами руководствовались организаторы сибирских съездов краеведов, состоявшихся в период 1925-26 гг.

Восточно-Сибирский краеведческий съезд, объединивший краеведов Иркутской губернии, Бурятии и Якутской республики, был проведен 11-19 января 1925 года в г. Иркутске. На съезде было зарегистрировано 126 участников [13, с. 3], однако, в работе пленума и секций приняло участие значительно большее число участников – некоторые доклады собирали до 150-170 чел. Была организована работа пяти секций – общего краеведения, историко-этнографическая, экономическая, физико-географическая и биологическая. На съезде было принято решение об организации Восточно-Сибирского Бюро Краеведения, в задачи которого вошли руководство и объединение работы отдельных научно-исследовательских учреждений Восточной Сибири. Организованную Восточно-Сибирским отделом РГО краеведческую выставку посетило приблизительно 7000 человек [12].

10-20 февраля 1925 года Западно-Сибирский Съезд краеведения был проведен в г. Томске, на котором были рассмотрены вопросы по организации краеведения Западной Сибири и Западно-Сибирского Бюро краеведения; формирования конструктивных взаимоотношений между местными организациями и учреждениями, деятельности районных краеведческих кружков, как первичных краеведческих ячеек, и финансирования краеведческих обществ [3, с. 19].

На I Сибирском краевом научно-исследовательском съезде, который прошел в г. Новосибирске в большом зале Дома Ленина в период с 15 по 21 декабря 1926 года, присутствовало 129 делегатов. Помимо научных работников Сибири на съезд прибыли представители столичных научных организаций – Академии наук СССР, Наркомпроса, Всесоюзного Геологического комитета, а также Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. Работа съезда проходила в пяти секциях – недр, поверхности, связи, человека и музейно-архивной. На съезде прозвучало свыше 100 докладов. В своем докладе «Советская власть и наука» С.И. Сырцов, секретарь Сибирского крайкома ВКП (б), признал недостаточную материальную обеспеченность научных учреждений и научных работников, отметив, что причиной такого явления являлась «не скупость соввласти, а просто потому, что увеличилась сама сеть научных учреждений и, несмотря на увеличение средств в целом в сравнении с дореволюционным прошлым, все же на отдельные учреждения и отдельного работника приходится средств меньше». Съезд оказался примечателен еще и тем, что впервые в истории Сибири были организованы передачи по радио отдельных докладов участников съезда. В региональной сибирской прессе отмечался «интерес к съезду среди рабочих Сибири», отметивших в своих «речах» «громадное значение объединения научных сил для великого дела поднятия народного хозяйства Сибири». По мнению делегатов, вся научно-исследовательская работа должна была проводиться через вузы, которые должны были взять на себя руководящую роль, и через краеведческие организации, призванные объединить «широкие массы в деле коллективного изучения края» [16, с. 85].

Активное участие в подготовке и работе I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда приняли и красноярские краеведы [4, с. 7]. Так, в работе секции «недра» от Енисейской губернии принял участие В.П. Косованов с докладом о полезных ископаемых Приенисейского края [16, с. 86]. В работе секции «человек» Д.Е. Лаппо выступил с докладом «Обычное право сибирских туземных народностей». В музейно-архивной секции с докладом «Выставки естественно-производительных сил» - А.Н. Соболев. Н.К. Ауэрбах рассказал о «Доисторических богатствах Сибири, их охране и изучении». «…В связи с предстоящей индустриализацией и колонизацией Сибири» А.Л. Яворский в своем докладе «Заповедники нашего края» поднял вопрос об охране памятников природы [16, с. 88-89]. Тематика прозвучавших докладов, не потерявших

своей актуальности и в наши дни, свидетельствует не только о широте научных интересов красноярских краеведов, но и активной гражданской позиции людей, «которые видели свое призвание, свой долг в изучении края, развитии сибирской науки, просвещения и культуры» [20, с. 175].

Заключение

Первая половина 1920-х гг. стала важным этапом восстановления и развития краеведческой работы, широко развернувшейся на территории страны, где еще не закончились активные боевые действия, страны, находящейся в состоянии разрухи.

В период с 1920-26 гг. в Сибири была организована работа почти 200 научно-исследовательских организаций, было напечатано свыше 3000 научных работ, увеличилось число научных работников [16, с. 85]. Немаловажным фактором активизации краеведческой работы, а также, прежде всего, нормализации научно-исследовательской деятельности стали региональные краеведческие съезды и конференции, которые прошли в рассмотренный период в ряде сибирских городов. Мероприятия стали достаточно масштабными, в их работе приняли участие не только местные любители и представители региональных краеведческих организаций, но и органов государственной власти, что свидетельствует в пользу того, что усилия сибирских краеведов представляли практический интерес. Таким образом, как и другие регионы России, активно включилась в процесс восстановления и развития краеведческой работы и Сибирь, в том числе представители научной общественности Енисейской губернии.

Список литературы

1. Век подвижничества. Красноярск: КККМ. 1989. 288 с.
2. Вопросы краеведения: Сборник докладов, сделанных на Всерос. конференции науч. о-в по изучению местного края в Москве в дек. 1921 года, созванной Акад. центром / Под ред. Вл. Вл. Богданова; Центр. бюро краеведения при Рос. акад. наук. - [Н.Новгород]: Нижполиграф, 1923. 172 с.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1380. Оп. 1. Д. 32. ЛЛ. 19, 28, 31.
4. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-1380. Оп.1. Д. 45. Л. 7.
5. Государственный архив Красноярского края. Ф. Р-795. Оп.1. Д. 29. Л. 10.
6. Дзенс-Литовский А.И. На новых путях краеведной работы // На новых путях краеведной работы. Сб. статей под редакцией доцента А.И. Дзенс-Литовского и проф. К.П. Ягодовского. Ленинград: культурно-просветительное трудовое товарищество «Образование», 1926. С. 5-18.
7. Дневник Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края: Созываемой Акад. центром Наркомпроса в Москве 10-20 дек. 1921 г. № 4. 20 декабря. Москва, 1921. 64 с.
8. Казаринов П.К. Сибирское краеведение // Сибирская живая старина (Иркутск). Выпуск II. 1924. С. 159-190.
9. Козлов В.Ф. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края (1921) и ее роль в организации краеведческого движения // В сборнике: Пятые Всероссийские краеведческие чтения. Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт, Отделение краеведения и историко-культурного туризма, Союз краеведов России; редколлегия: С. О. Шмидт, В. Ф. Козлов (ответственный редактор), А. Г. Смирнова (составитель), К. А. Смирнова. 2012. С. 10-19.
10. Кокоулин В.Г., Михалин В.А. Научное изучение Сибири в первые годы нэпа // В книге: Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: материалы конференции. 2015. С. 74-76.
11. Краеведческая работа в Сибири // Северная Азия. Книга 3. 1925. Новосибирск: Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. С. 123-126.

12. Краеведческие съезды и конференции в Сибири // Северная Азия. Книга 1-2. 1925. Новосибирск: Общество изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока. С. 141-142.
13. Краеведческий съезд // Власть труда (Иркутск). № 13. 16 января 1925.
14. Красноярский краевой краеведческий музей. Оп. 01. Д. 384. Л. 3об.
15. Мельникова Е.А. "Сближались народы края, представителем которого являюсь я": краеведческое движение 1920-30-х годов и советская национальная политика // Ab Imperio. 2012. № 1. С. 209-240.
16. Н.А. I Сибирский краевой научно-исследовательский съезд // Просвещение Сибири. 1927. № 1. С.84-90.
17. Рыженко В.Г. Краеведение российской провинции как социокультурный феномен и сегмент современного коммуникативного поля науки // В сборнике: Краеведение как феномен провинциальной культуры. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Андрея Федоровича Палашенкова (1886-1971). 2011. С. 39-47.
18. Союрова А.В. Охрана памятников истории и культуры на севере западной Сибири в 1917-1991 гг. (по материалам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Екатеринбург, 2015. 33 с.
19. Центральное бюро краеведения // Северная Азия. Книга 1-2. 1925. С. 140.
20. Шмакова Н.В., Акимова Е.В. Деятельность бюро краеведения КОРГО (ССОРГО) по организации массовой краеведческой работы в Приенисейской Сибири (1924-1928 гг.) // Северные архивы и экспедиции. 2021. Т. 5. No 4. С. 165–176. DOI: 10.31806/2542-1158-2021-5-4-165-176.

УДК 908

Опыт работы Историко-генеалогического клуба «Истоки» в таежной глубинке

Горбачева Нина Аверьяновна
Руководитель историко-генеалогического клуба «Истоки».
Балахтинский район, Россия.
ningor@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья как пример работы историко-генеалогического клуба вдали от большого населенного пункта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА История, генеалогия.

В глухом месте, практически в транспортном тупике Балахтинского района запряталась в настоящее время маленькая, а до 60-х годов прошлого века большая деревня со своеобразным названием – Трясучая. Тупиковый населенный пункт. С нее в этой части района начинается тайга. В местной прессе не единожды писалось: «Эта забытая Богом деревня Трясучая».

Такое странное название деревне присвоили неспроста. Попасть в данный населенный пункт порой бывает непросто. В стародавние времена жители по нескольку дней отсиживались в соседнем селе ожидая, пока не схлынет с дороги вода, которую по весне разливает Чулым, и не появится возможность проехать, подскакивая, сидя на телеге, на ухабах…

Красивое место. Красивая деревня. Красивые люди. Жаль только, что в настоящее время от коренных жителей практически никого не осталось. Разъехались коренные жители в годы укрупнения деревень, когда потянулись в Трясучую «новоселы».

Селом деревня стать не успела, а вот часовня православная в царские времена была. Позже, при советской власти, на ее месте поставили водокачку. Но старики про эту часовню помнили, нам, детям, рассказывали.

Именно с этого культового места и началась краеведческая работа. 11 августа 2009 года на месте некогда разрушенной часовни жителями деревни был установлен Поклонный крест. Для его установки изучались архивные документы, ведь никто уже не помнил во имя кого из святых часовня возводилась. А параллельно с историей часовни изучалась история деревни и района.

Видимо, богоугодное дело совершили, так как уже в сентябре того же года в библиотеке нам было выделено помещение, в котором открыли молельную комнату с благословения иерея Балахтинской Успенской церкви о. Сергия Желянина.

Инициативной группой была проведена большая работа по изучению православной жизни в деревне. Выявлены люди, имена которых по православным традициям должны постоянно поминаться в молитвах в нашей молельной комнате, так как именно они до последних дней своей жизни хранили ростки веры православной, берегли часовню, хранили часовенную утварь. Лично для меня был большим открытием тот факт, что в семье усыновителей моего деда был свой «юродивый», который по словам старожилов был «абсолютно нормальным», но носил доху с собачьим хвостом и шагая большими шагами по деревне бормотал себе под нос странные слова. Священники мне слова растолковали — это старая молитва.

За этот период активной деятельности все причастные к данным событиям жители очень сплотились. История часовни повлекла за собой интерес к истории

деревни. Стали опрашивать старожилов, записывать их рассказы, которые естественным образом переросли в родословные древа.

Выяснилось, что следующим летом 2010 года деревне стукнет 250 лет. Ну как тут не отметить! И, уже на следующий год, в рамках проведения 250-летнего юбилея деревни, состоялся I деревенский семинар по родословию. Участники продемонстрировали свои родословные древа, делились опытом по их составлению, впечатлениями от проделанной работы. А уж сколько «скелетов» было извлечено из шкафов, словами не передать!

Именно эта дата считается датой создания нашего Историко-генеалогического клуба «Истоки».

14 августа 2010 года благодаря инициативе и усилиям членов клуба в деревне состоялся юбилейный праздник, на который съехались гости со всего края. Съезжались большими семьями. Некоторые встретились после долгой разлуки. Интересно, что именно с нашей подачи праздник «День деревни» стал традиционный в районе.

Результаты нашего I семинара:

- составлены схемы древ жителей деревни. Акцент был сделан на те семьи, что жили здесь до укрупнения деревень. Про такие семьи в деревне говорили: «Родова».

- за эти два года членами клуба составлено более 40 родословных древ. Это не полноценные древа, но основа, с которой можно начинать разматывать клубок истории не только семьи, но и государства.

- эти схемы на празднике демонстрировались на юбилейных стендах.

Работа над родословными древами повлекла за собой другую большую работу: оцифровку всех семейных альбомов жителей деревни. Стала регулярно вестись фото и видео съемка всех мероприятий, проводимых в Трясучей. Руководство Балахтинского районного архива предложило создать в своих фондах наш, трясученский. Но в настоящее время нет человека, готового заняться кропотливой работой по подготовке материалов для передачи в архив.

Большую положительную роль в работе клуба сыграла группа «Трясучане» в Одноклассниках. При ее создании не предполагалось, что эта группа станет настолько востребованной. Результат превзошел все ожидания. Благодаря группе находятся потерявшиеся родственники, с нами делятся старыми фотографиями. До пандемии хотели провести несколько семейных слетов. Мы их назвали «Слет Рода». Но не успели, а вот после пандемии энтузиазм поутих.

Члены клуба занимаются сбором исторической информации о деревне, районе, своих семьях, о тех, кто по каким-то историческим причинам покинул деревню. Так в июле 2011 года деревня принимала потомка значимых для старой Трясучей людей - лавочников Толстихиных, изгнанных из деревни местными большевиками в начале 30-х годов. По инициативе Галины Калашниковой (Толстихиной) был претворен в жизнь ее арт-проект «Стежки-Дорожки». Смысл проекта таков: в каждом деревенском доме есть половики, они же дорожки. Если ими выстелить один большой путь, то, вероятно, мы, жители всей Земли, смогли бы обернуть этими дорожками нашу планету, согревая при этом души людей, восстанавливая дружеские контакты. И мы выстилали! Женщины несли половики, выкладывали на траву дорогой…

Следующим большим событием, который подготовили и провели наши члены в 2011 году, это был праздник «День Петра и Февронии. Праздник Семьи, Любви и Верности». К его проведению подошли основательно. Взяли традиционно благословение у о. Сергия и начали собирать информацию о наших, как мы их назвали, «староженах». Информацию собирали от рождения участников, до настоящего времени. Особенно нас интересовали такие моменты, как: встреча, любовь, семья, дети, внуки. Это праздник людей с большим семейным стажем. Проводили мы его в течение

4-х лет. Надо сказать, что он пользовался большой популярностью не только у наших жителей, но и у жителей окрестных деревень. Зрители проводили параллель со знаменитой в советские времена телевизионной передачей «От всей души».

В ноябре 2011 года наши краеведы приняли участие в конференции «Купечество Приенисейского края второй половины XIX века – начала XX века», которая проходила в районном центре Балахта.

В августе 2012 года на очередном, ставшем ежегодным, Дне Деревни жителям был представлен 1-й номер газеты «Моя малая родина», посвященный нашей Трясучей. Материал для газеты за эти три года уже был собран, оставалось только ее сверстать. Поэтому проблем не возникло. После этого номера было получено благословение издавать газету, посвященную истории православия в районе. Но, как-то не сложилось.

Работа с семейными альбомами позволила выявить участников I мировой войны, ныне незаслуженно забытых. И 28 июля 2013 года было проведено большое мероприятие «День памяти российских воинов Первой мировой войны 1914-1918 года». Были сделаны доклады и несколько фотовыставок. Звучала музыка тех лет в живом исполнении и в записи. А уж «Марш славянки» пели все участники праздника. Все присутствующие после торжественной части могли рассказать о своих героях и поставить каждому поминальную свечу. Газета «Красноярский рабочий» уделила нашему празднику целую страницу. Подобный праздник провели и в 2014 году.

Отдельная гордость – это «Бессмертный взвод» из 35 портретов односельчан-ветеранов ВОВ. Так как члены нашего клуба еще и поют, то 9 мая в гастрольные поездки по деревням мы всегда берем портреты наших ветеранов. Был уникальный случай, когда портрет одного из наших воинов встретили в другом конце района его потомки. В настоящее время продолжаем собирать приказы, фото и семейные рассказы. Снимаем видео сюжеты.

Отдельная деятельность: изучается местный сленг и игры, популярные в прошлом и позапрошлом веках на территории района. Замечу, что сбор сленга вызвал шквал ответов на наш запрос на исторической странице районного центра в «одноклассниках».

В октябре 2015 года вместе с краеведами района приняли участие в поиске первой стоянки Балахты. Поиски успехом не увенчались, но очень сплотили всех, кому интересна история районного центра.

Руководитель клуба «Истоки» находится в длительных дружеских отношениях с Половниковой Инной Алексеевной, внучатой племянницей купца Юдина. Она неоднократно дарила нашему клубу свои книги. Но самый дорогой подарок – ее последняя книга «Геннадий Васильевич Юдин», которую она презентовала в Балахте. Инна Алексеевна неоднократно приезжала к нам в Трясучую, мы совершали с ней экспедиции на Леонидовский винокуренный завод. Все фото с этих экспедиций переданы Инной Алексеевной в Библиотеку Конгресса Америки.

Когда занимаешься изучением истории семьи, тебе становятся важны все мелочи, касающиеся твоих предков. Нас заинтересовал вопрос, как национальность влияет на характер и судьбу человека. Интерес перерос в большое мероприятие «Этнофорум», который состоялся в августе 2017 года. В работе форума приняли участие районный музей и районная библиотека.

В трясученской библиотеке собрались люди разных национальностей. Прозвучали доклады о межнациональной деятельности в районе, но главной темой была генеалогия. И влияние национальности на жизнь человека. Закончился форум большим концертом. Для него все выступающие сшили себе национальные костюмы. Прозвучали песни на русском, украинском, белорусском, чувашском, польском,

немецком языках. И даже на иврите. А в завершении все водили большой Русский хоровод.

В июле 2018 года мы с деревенскими детьми активно осваивали хороводные игры и русские игровые состязания. Когда готовили эту программу, искали материал, занимались подготовкой, даже представить себе не могли, что это мероприятие вызовет такой интерес у детей. Так вместо одного дня мы соревновались несколько дней подряд.

2020 год - год пандемии. Но в День Победы мы не смогли отсиживаться по домам у телевизоров. В заранее условленное время каждый член клуба встал у своего дома с портретом ветерана, и все вместе спели «Катюшу» и «День Победы». На память о таком формате праздника у нас остались фото и видео записи, ради которых оператор ездил на машине по деревне, снимая происходящее.

Лето пандемийного 2021 года оказалось для нас очень насыщенным на большие проекты. Весь август мы читали на видеокамеру для деток сказки. Сказки разных национальностей: Индии, Франции, Англии, Польши, Испании, Чувашии, Мордовии. Обязательно в национальных костюмах. И выставляли в нашей группе в интернете. Если я скажу, что все сказки слушались онлайн, то слукавлю. В один из дней мы собрали деток в библиотеке и предоставили их вниманию схожие по сюжету сказки Польши, Чувашии и Мордовии. Это было настоящее путешествие в мир сказок. Дети очень активно делились впечатлениями, рассуждали о схожести и различии сюжетов, о том, какой замысел в них был заложен.

Национальная тема имела продолжение в проекте «Этно-бабушки». Мероприятие прошло в режиме онлайн, без зрителей. Только участники и члены жюри. Представители 3-х национальностей пели колыбельные на родных языках: русском, немецком и польском. Знакомили жюри с национальными играми, со страной предков. Пеленали на скорость младенцев-кукол…

«Трясучая – деревня хоть и маленькая, но многонациональная. Конкурс этно-бабушек преследовал самую благую цель – сохранение национальных и культурных традиций разных народов – и стал началом длительного проекта. К следующей этно-встрече уже готовятся чуваши, мордва и украинцы». (Газета «Сельская новь»)

Но самое главное, что было сделано тем летом, так это составление плана старой Трясучей. Для это собрали всех старых жителей и расстелили перед ними большой чистый лист бумаги… Снимать на видео данное мероприятие мне было категорически запрещено участниками. Покаюсь, что записала аудио без их согласия. Эта запись уже сама по себе представляет историческую ценность. И теперь уже в наши планы входит создание макета деревни.

2022 год знаменателен тем, что в октябре мы приняли участие в большой экспедиции в Юдинский бор, на территорию Леонидовского винокуренного завода, которую организовал Балахтинский краеведческий музей и поддержала районная администрация.

Экспедиция преследовала несколько целей: ознакомительную с нынешним состоянием Юдинского Бора, который находится под угрозой уничтожения и Леонидовского завода, признанного объектом археологического наследия. Также хотели выяснить, может ли дорога туда стать трассой экстремального туризма.

Было отснято три фильма. Их можно посмотреть в соцсетях в группах Балахтинского краеведческого музея.

Через 3 месяца состоялся Круглый стол «Судьба Юдинского бора».

На повестке дня было обсуждение промежуточных результатов в борьбе за Юдинский бор, над которым нависла опасность вырубки.

Одну из задумок «Истоков» мы называем «Наши родники». Когда-то в старые времена нашу деревню со всех 4-х сторон окружали родники с чистейшей водой. На берегу Чулыма был источник, которым пользовались все хозяйки при заготовках солений на зиму. Сейчас родников нет. Есть только грязные заболоченные лужи. Наша задача – найти истоки, и, если это возможно, восстановить источники живой воды, очистив русла.

И все-таки главная задача членов клуба «Истоки» – это привести в порядок деревенский Некрополь. Кладбище старинное, есть много утраченных могил, деревянные перекладины с крестов еще лежат в траве, медленно уничтожаясь. Есть задумка все перекладины, на которых есть информация об усопших, собрать в одну большую стелу. Это даст возможность сохранить память о тех, кто покоится на этом кладбище. А далее планируем составить список всех похороненных на данном погосте жителей по метрическим книгам.

Ну и в завершение хочется сказать, что наша деятельность в районе замечена. В местной газете «Сельская новь» было опубликовано много статей, рассказывающих о нашей деятельности, а в Балахтинском краеведческом музее целый год экспонировалась выставка «Вклад поляков в историю района». С музеем, надо отметить, у нас очень тесные отношения. Это наша поддержка. А краевед Лопатина Нина Георгиевна бесценный друг и соратник.

И не могу не отметить определенное в настоящее время снижение интереса к любой активности не только у местных жителей, но и в некоторых структурах района.

УДК 801.311.1–512.1

Арктическое краеведение и школьные экспедиции в Тикси

Гуков Александр Юрьевич,
Доктор биологических наук.
Якутское управление по гидрометеорологии и мониторингу природной среды
п.Тикси, Россия
sgukov@mail.ru

Гукова Наталья Васильевна
Методист
Булунское отделение Русского географического общества в Республике Саха (Якутия)
sgukov@mail.ru

АННОТАЦИЯ Краеведческие проекты в Арктике связаны с историей освоения, этнографией и географией региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Арктика, краеведение, этнотуризм, экотропа.

Арктические районы Республики Саха (Якутия) отличаются огромными безлюдными территориями с мало нарушенными экосистемами. Булунское отделение Русского географического общества в Республике Саха (Якутия) активно сотрудничает с общественными природоохранными и детскими организациями в самом северном районе Якутии. Булунский улус (район), площадью 232 тыс.кв.км, включает в себя Новосибирский архипелаг, горные цепи Верхоянского хребта и кряжа Чекановского, огромную дельту реки Лены. Эта территория является обьектом пристального внимания со стороны научных организаций всего мира, здесь регулярно проводятся различные исследовательские экспедиции. В Тикси создан турклуб «Горностай», который активно работает с молодежью и проводит краеведческую и эколого-просветительскую работусовместно с общественными организациями района (Булунское отделение АСПОЛ «Якутская Арктика», МОО «Горностай», Ассоциация коренных малочисленных народов Крайнего Севера, Научное общество учащихся «Эврика»). В период с 2017 по 2023 г. в соответствии с планом РГО были проведены экспедиционные и мониторинговые исследования природных комплексов Арктики, эколого-просветительские и научно-образовательные мероприятия. В летний сезон продолжила работу экологическая экспедиция «Приморский кряж» в восточной части хребта Ангардам-Тас. В ней на протяжении нескольких лет участвуют учёные, студенты и школьники. Проект неуклонно расширяет спектр и географию своей деятельностиУдалось произвести геоботанические исследования в бассейне рек Суоннанах, Хатыс-Юрях и Хорогор, собрать гербарий высших растений, коллекцию горных пород и минералов. Составлены карты и схемы, отчеты о ландшафтных и зоологических исследованиях. Участники экспедиции разбиты на три отряда-геологический, биологический и гидрологический, которые работают каждый по своему направлению. Члены гидрологического отряда проводят наблюдения за режимом малых водотоков и больших рек региона, в состав работ входят определение уровней воды, расходов воды, гидрохимические и гидробиологические анализы. В августе 2022 г. состоялась экспедиция «Быковский полуостров» РАН (под руководством А.А брамова) совместно с Институтом биологических проблем почвоведения РАН. Проведено разведочное бурение многолетнемёрзлых горных пород в урочище Мамонтовый-Хаята. На морской акватории в рамках работ по

экологическому мониторингу бухты Тикси и губы Буор-Хая выполнено 52 станции, отобраны пробы донного грунта на зообентос, пробы планктона (сетью Джеди), проведена стандартная гидрохимическая сьемка. Составлена карта донных биоценозов, подводных ландшафтов, графики и таблицы гидрохимических показателей, проведен гранулометрический анализ донных грунтов. Постоянные гидробиологические наблюдения проводятся в заливе Неелова. Летом 2022 г. состоялась почвенно-геокриологическая экспедиция ИБПП РАН (г.Пущино) на побережье Хараулахской бухты под руководством А.Н. Лупачёва. Ежегодный мониторинг современного состояния Согинского буроугольного месторождения позволяет оценить процессы деградации мёрзлых пород и степень нарушенности тундровых ландшафтов. Проведено экологическое обследование природных комплексов бассейна реки Сого. Продолжились геофизические исследования в дельте р. Лены. Совместно с Геофизической службой РС(Я), Институтом геологии алмазов и благородных металлов ЯНЦ РАН и Институтом нефтегазовой геологии им. Н.Трофимука осуществляется геофизический мониторинг и установка сейсмодатчиков на побережье моря Лаптевых в зоне стыка двух литосферных плит –Северо-Американской и Евразийской. Исследуются процессы в зоне глубинных тектонических разломов дельты Лены. Члены Булунского отделения РГО принимают активное участие в подготовке и осуществлении научных экспедиций в Арктике. Во время историко-мемориальной экспедиции под руководством Н.С.Кузнецова на яхте «Апостол Андрей» капитана С. Литау к острову Беннетта был найден и восстановлен на историческом месте деревянный крест, сооружённый на мысе Эммелины участниками Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» в 1913 году.

Краеведческие проекты в арктических районах связаны с историей освоения морского побережья и трассы Северного морского пути. Несколько лет подряд проходила поисковая экспедиция клуба «Приключение» «Лассиниус», под руководством А. Шпаро и С. Епишкина, в которой принимали участие тиксинские географы. В устье р.Хараулах проводились поиски стоянки бота «Иркутск» и казармы отряда Питера Лассиниуса. С историей Великой Северной экспедиции 1733-1743 гг. были связаны раскопки на месте могилы В. И Т.Прончищевых и стоянки судна «Якутск» у села Усть-Оленёк. Новый этап краеведческих экспедиций связан с поисками артефактов Русской полярной экспедиции 1900-1903 гг. В течение двух сезонов (2010-2011 гг.) проходила операция клуба «Приключение» и Усть-Ленского заповедника по спасению могилы врача Г.Вальтера, погибшего на о.Котельном и перезахоронению его останков. В 2020 г. состоялась экспедиция РГО «По следу Матисена», в ходе которой были обследованы астрономические пункты на берегу бухты Тикси, установленные участниками Первой Советской гидрографической экспедиции Ф.Матисена в 1920 г.[1, с. 32]. Экспедиция Булунского отделения РГО прошла по маршруту Тикси-дельта Лены-с.Кюсюр- о.Тит-Ары- Быковский полуостров.

В краеведческих проектах и школьных исследовательских экспедициях с 2000 года приняли участие 220 учащихся, работавшие под руководством специалистов-географов,биологов,историков.

Важное значение для воспитания подрастающего поколения имеет спортивный и познавательный туризм.В течение года проводитсяот 10 до 15 экскурсий и туристских походов, зимний туристический слет «Холодный берег» на льду бухты Тикси, «Школа выживания в экстремальных условиях тундры» со школьниками и молодежью в окрестностях п. Тикси и с. Быковский. В районе проводятся спортивные и военно-патриотические мероприятия -Игры предков по национальным видам спорта «Дети Севера», военно -спортивные конкурсы «Снежный Барс». Реализуются

волонтёрские проекты «Чистый Булункан», включающего очистку русла р. Булункан, малых водотоков (р.Оччугуй-Булункан, ручьи Лёлькин, Бориславский и др.)

Другой проект - «Зеленая Тундра»-ежегодно проводится в целях очистки пригородной территории от мусора.

В Музее естественной истории «Горностай» в Тикси посетители знакомятся с уникальными историческими экспонатами, богатой экологической и этнографической экспозицией. В числе посетителей школьники, студенты, военные, ученые, туристы. Музей регулярно проводит художественные и фото- выставки, в т.ч. «Изменения климата в Арктике», «Эвены Северной Якутии» Р.К. Кулаковой [3, с. 491]. «50 видов Севера», «Абстракционизм Ледовитого океана» Н.В.Гуковой. Силами общественной организации «Горностай» регулярно проводятся встречи и семинары со студентами, преподавателями и родителями школьников Тикси [2, с. 114]. Темы встреч затрагивают широкий круг актуальных вопросов современного развития Арктики, истории Севера Якутии и района. К популярным дискуссионным темам относятся «Глобальное потепление и климат Арктики», «Развитие отраслей промышленности в Якутской Арктике», «Перспективы Севморпути» [4, с. 71].

В Булунском районе и окрестностях Тикси проложены турмаршруты и экологические тропы «По следу оленя», «Полярная тропа «Игнашка», «Гора Фрейберга», «К могиле Лассиниуса», «Каменная летопись Верхоянья», «Горные наледи и снежники», «Каменный лес Сого», «Кладбище погибших кораблей»,«По берегам бухты Тикси», «К мысу Мамонта».По горным рекам, в том числе, Оленьку, Кёнгдёю, Бесюке , Нелегеру, Укте проходят маршруты сплавов на байдарках и резиновых катамаранах с категорией сложности 3-4. Новый квест- маршрут «Полярный марафон» рассчитан на школьников и молодежь и проходит в течение 6 дней. Всего в 8 походах в 2022 году приняли участие 60 школьников 4- 10 классов тиксинских школ. Первый этап турслёта «Холодный берег» прошёл на берегу бухты Тикси в районе п. Полярка. Второй этап начинался марш –броском на берегу залива Булункан и закончился в 6 км к югу в заливе Сого, на берегу бухты Тикси. Третий этап начался походом к острову Бруснева и затем проходил на льду бухты Тикси. Занятия по ориентированию, транспортировке пострадавшего на маршруте, естествознанию и краеведению проходили во время движения по маршруту. В программу слета вошли также соревнования по туристской технике, элементы школы выживания в Арктике, спортивные соревнования снайперов, метание топора, разведение костра несколькими способами. Приготовление пищи на костре в условиях сильного и холодного ветра, ночевка в снегу и во льдах, способы рационального движения по глубокому снегу, в морских торосах,преодоление препятствий ученики отрабатывали в походе в течение всех этапов слета. Пропаганда здорового образа жизни среди учеников школ, профтехучилищ и студентов, несмотря на очень суровый климат в районе Тикси, приносит свои плоды, стимулирует молодёжь в исследовательской работе и консолидирует единомышленников.

Список литературы

1. Гуков А.Ю. Юбилеи арктических экспедиций. Наука и техника в Якутии.N 1(42) 2021. С.32.
2. Гуков А.Ю., Гукова Н.В. Риски арктического экотуризма.// География и краеведение в Якутии и сопредельных территориях Сибири и Дальнего Востока. Мат. Всерос.науч.практ.конф. Якутск,30 мая 2020.С.114
3. Гуков А.Ю. Эвенские и эвенкийские названия на карте Северной Якутии// Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. 2019.С. 491–493.
4. Гуков А.Ю., Корякина Р.Т., Гукова Н.В. Актуальные направления научных исследований в арктической зоне Якутии//Развитие арктических территорий: Потенциал, проблемы, перспективы. Казань Изд.» Бук». 2019. С.71-79.

УДК 908

Основные подходы Омского государственного историко-краеведческого музея по реализации краеведческой деятельности

Ерошевская Дарья Викторовна
кандидат исторических наук.
Омский государственный историко-краеведческий музей
заместитель директора по научной работе.
Омск, Россия
eroshevskaya_d_v@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье представлены сведения об основных подходах в реализации краеведческой деятельности Омского государственного историко-краеведческого музея (экспозиции, выставки, научные мероприятия, издания, просветительские программы и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА ОГИК музей, краеведческая деятельность, краеведческие издания, конференции, выставки.

В настоящее время Омский государственный историко-краеведческий музей (далее ОГИК музей) активно использует в своей практике различные подходы в реализации краеведческой деятельности. Они применимы преимущественно к основным направлениям музейной работы по проведению научных исследований и подготовке изданий, экспозиционно-выставочной и просветительской деятельности. Рассмотрим данные подходы на конкретных примерах.

Конференции и другие научные мероприятия

ОГИК музей с 2012 г. проводит Всероссийскую научно-практическую конференцию «Ядринцевские чтения», которая ведет свой отсчет с 1985 г., когда начали ежегодно проводить внутримузейные краеведческие чтения с целью стимулирования исследовательской деятельности научных сотрудников. С 2003 г. чтения приобрели областной статус, с 2012 г. — всероссийский. Конференция проходит преимущественно 1 раз в 2 года, в настоящее время их проведено шесть. Две последние, в 2019 и 2021 гг., имели большое методологическое значение для развития отечественного краеведения [4; 8].

В 2021 г. конференция «VI Ядринцевские чтения» проходила в составе мероприятий Омского краеведческого форума, организованного ОГИК музеем, в рамках которого состоялся и Съезд краеведов Омской области. В 2022 г. был проведен Всероссийский Омский краеведческий форум, к началу его работы был подготовлен сборник, содержащий научные труды по основным проблемам государственного краеведения в Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. [3]. В работе форумов, конференций, съездов традиционно принимают участие научные сотрудники различных специальностей (историки, культурологи, археологи, этнографы), специалисты музейного, архивного и библиотечного дела, краеведы из разных городов России. Последний форум обратил внимание научного сообщества на проблемы реализации краеведческой деятельности государственных учреждений, в том числе и музеев.

В качестве одной из рекомендаций было предложено в 2023 г. на базе ОГИК музея провести заседание Научного совета исторических и краеведческих музеев Российской Федерации по теме «Краеведение в российских музеях». Оно состоялось 24-26 мая 2023 г. с целью обмена опытом по проведению научных краеведческих исследований музеями путем обсуждения их основных методов и реализации полученных знаний в рамках экспозиционно-выставочной и просветительской деятельности. В качестве

участников выступили музейные сотрудники, представители научно-исследовательских и высших учебных заведений из более чем 20 городов России. В рамках заседания состоялся Круглый стол по определению роли краеведения и краеведческого музея как социального института воздействия, где обсуждались вопросы понимания научных краеведческих исследований в осуществлении миссии краеведческого музея по формированию локальной идентичности, а также определения места краеведения и краеведческого музея в актуализации исторической памятиместного сообщества и туристов.

ОГИК музей проводит научные мероприятия не только для ученого сообщества и специалистов архивного, библиотечного и музейного дела, но и молодежи (старшие школьники и студенты). В частности, с 1996 г. ежегодно за исключением 2020 г., что связано с пандемией коронавирусной инфекции, проводится Областная научная краеведческая конференция «Омское Прииртышье: природа, история, культура». Работа организована по трем секциям, которые отражают тематику докладов по истории, культуре и природе Омского Прииртвшья. Участники, занимающие первые места в каждой секции, получают медаль имени А. Ф. Палашенкова, историка-краеведа, директора Омского областного краеведческого музея (1943-1957), основоположника современного омского краеведения. Всего конференций проведено 26. В 2023 г. организаторы приняли решение провести ребрендинг научного мероприятия с целью ее популяризации, привлечения внимания молодежи к изучению родного края, теперь конференция носит название «Палашенковские чтения». Это дань уважения и признательности многолетнему труду ученого-подвижника.

Краеведческие издания

В течение последних 30 лет в ОГИК музее ведется систематическая подготовка двух периодических краеведческих изданий, в которых публикуются не только музейные специалисты, но и внешние исследователи: научный журнал «Известия Омского государственного историко-краеведческого музея» (первый номер подготовлен в 1928 г., после 65-летнего перерыва, с 1993 г., вышло 23 номера) и научно-популярный альманах «Омский краевед» (с 2003 г. вышло 11 номеров). Широкой популярностью пользуются книги «1000 знаменательных событий из истории Омска» (1996, 1998, 2008), «Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий» (2000), библиографический указатель «Омский государственный историко-краеведческий музей» (2009, 2023); «Неизвестный Омск: альбом фотографий 1920-х гг.» (2021), альбомы-путеводители по этнографической и исторической экспозициям музея, подготовленные в 2020 и 2022 гг. [5; 6] и другие издания.

Сотрудники ОГИК музея принимали активное участие в подготовке справочных краеведческих изданий — «Энциклопедии города Омска», «Энциклопедии Омской области», а также «Большой российской энциклопедии», «Российской музейной энциклопедии». В 2021 г. по инициативе директора ОГИК музея П. П. Вибе началась работа по подготовке «Энциклопедии омского краеведения» [2].

С 2013 г. в ОГИК музее издается серия «Антология омского краеведения». К настоящему времени подготовлено 4 тома, включающие как избранные труды отдельных омских краеведов (А. Ф. Палашенкова, П. П. Вибе, краеведов муниципальных районов Омской области), так и подборки материалов по истории края XVIII – нач. XX в.

В 2016-2020 гг. подготовлена серия из пяти краеведческих книг «Загадки и мифы омской истории» директора ОГИК музея П. П. Вибе.

В 2021 г. в связи с подготовкой к 200-летию Омской области и 350-летию со дня рождения Петра Великого была издана новая версия книги — «Старый Омск: Иллюстрированная хроника событий». В настоящее время готовится к изданию «Новый омский хронограф», дополненный материалами по истории Омской области и охватывающий период с 1716 по 2023 г.

Краеведческая литература ОГИК музея регулярно становится лауреатами престижных российских премий и конкурсов, таких как: II Красноярская музейная биеннале (1997), Первый Всероссийский конкурс краеведческой литературы «Наше культурное наследие» (Тверь, 2007), премия им. И. Е. Забелина в области научных исследований (Москва, 2010 и 2011), конкурса гуманитарных исследований им. М. Е. Бударина (Омск, 2012), премия губернатора Омской области «За заслуги в развитии культуры и искусства им. И. Г. Андреева» (Омск, 2014 и 2022), конкурс краеведческой литературы «Малая Родина» (Москва, 2016 и 2021) [1, с. 81].

Краеведческие награды

Отдельное направление в развитии краеведения связано с организацией и вручением краеведческих наград, что является своеобразной формой поддержки краеведов, актуализацией и значимостью их работы. В частности, ОГИК музей за свою историю дважды вручал медали за вклад в развитие омского краеведения и сотрудничество с ОГИК музеем: в 2012 г. – медаль им. А. Ф. Палашенкова и 2022 г. – медаль им. Н. М. Ядринцева.

Экспедиции

Экспедиции организуются с целью изучения историко-культурного и природного наследия края, комплектования музейных фондов. За последние годы проведены десятки экспедиций практически по территории всех муниципальных районов Омской области. Это, как правило, историко-этнографические, биолого-географические и археологические экспедиции. Сбор материалов осуществляется на основе разработанных планов комплектования. В последние годы осуществлялся целенаправленный сбор предметов для филиала ОГИК музея — Этнопарка «Музей сказки “Васин хутор”». В итоге были собраны многочисленные предметы традиционной материальной и духовной культуры народов, проживающих в Омском Прииртышье. Значительно пополнились палеонтологическая и энтомологическая коллекции. В результате археологических раскопок удалось выявить ряд артефактов, связанных с историей Первой Омской крепости.

Методические семинары

ОГИК музей является методическим центром для муниципальных краеведческих музеев. Ежегодно проводятся семинары, издаются научно-методические рекомендации. Сотрудники ОГИК музея оказывают помощь коллегам в организации экспедиций, просветительских программ с краеведческим компонентом, подготовке новых экспозиций и выставок, а также предоставляют передвижные тематические выставки.

Экспозиции и выставки

С 2010-х гг. ОГИК музей активно проводит работу по реэкспозиции: в 2012 г. открылась экспозиция «Археология Омского Прииртышья», в 2015 г. — историческая экспозиция «Сибирский град Петров», в 2019 г. — этнографическая экспозиция «Этническая панорама Сибири». В настоящее время ведется работа по монтажу экологической экспозиции «Самой природой так заведено».

К тому же готовятся и краеведческие выставки, например: в 2011 г. была подготовлена выставка «Подвижник краеведения» о деятельности краеведа по изучению края и сохранению его историко-культурного наследия; в 2013 г. — выставка «Легенды омского краеведения» об общественной, публицистической, научной деятельности омских ученых, внесших огромный вклад в изучение Омского Прииртышья; в 2016 г. — выставка «Загадки Омской истории» о сложившихся в общественном сознании омских мифах; в 2021 г. — выставки «Из повседневности в историю: будни краеведов» и «Призвание – краевед», где представлены предметы, поступившие в ОГИК музей за последние годы, в т. ч. в рамках экспедиционной работы;

личные архивы известных омских ученых И. Я. Словцова, Н. М. Ядринцева, П. Л. Драверта и др.; в 2023 г. — выставка «Хранители наследия» о краеведах Омского региона.

Просветительские программы

Помимо традиционных форм просветительской деятельности с юными посетителями (краеведческими экскурсиями, лекциями, беседами), ОГИК музей проводит интеллектуальные краеведческие игры для школьников и студентов: с 1999 г. — игру «Знатоки краеведения», с 2009 г — виртуальную игру на сайте ОГИК музея «Люби и знай свой край», с 2012 г. — игру «Всезнайки». Данный формат применяется с целью развития познавательного интереса учащихся к изучению истории и культуры родного края путем распространения и популяризации краеведческих знаний. С 2022 г. в филиале ОГИК музея — Музейном комплексе воинской славы омичей — проводится областной исторический конкурс «Музейная зарница», призванный актуализировать знания юных краеведов по истории Великой Отечественной войны.

Мультимедийные проекты

Отдельное направление в популяризации краеведения в настоящее время связано с расширением возможностей применения мультимедийных технологий. ОГИК музей активно применяет мультимедийный контент в экспозициях и выставках, который выступает в качестве дополнительного материала, а также разнообразные игры и др. С 2020 г. в ОГИК музее начал осуществляться проект «Ожившая история», в рамках которого было создано несколько мультфильмов по отдельным историческим событиям — «Первая Западно-Сибирская выставка в Омске», «Как Ермак в Сибирь ходил», «Поход за песошным золотом».

Взаимодействие с общественными организациями

С 2012 г. на базе ОГИК музея действует Омское региональное отделение Союза краеведов России, в состав которого входят профессиональные историки и краеведы-любители. Общественная краеведческая организация принимает активное участие в целом ряде проектов музея: Всероссийской научно-практической конференции «Ядринцевские чтения», подготовке «Антологии омского краеведения», научно-популярного альманаха «Омский краевед», организации заседаний Публичного краеведческого лектория, в рамках которого проходят лекции и тематические круглые столы.

Таким образом, в ОГИК музее осуществляется целый комплекс подходов к развитию краеведения в регионе, что свидетельствует о результативности и перспективности данной стратегии. Краеведческая работа организована по целому ряду направлений — научно-исследовательской, экспозиционно-выставочной и просветительской деятельности и, по возможности, может быть применима к организации подобной работы в других музеях.

Список литературы

1. Вибе П. П., Блинова О. В. Омский государственный историко-краеведческий музей: комплексный подход к развитию краеведения в регионе // Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков: основные проблемы и перспективы развития: сборник научных трудов / гл. ред. П. П. Вибе; отв. секретарь Д. В. Ерошевская. – Омск: ОГИК музей, 2022. – С. 76–87.
2. Вибе П. П. Региональный опыт создания «Энциклопедии российского краеведения»: предпосылки, структура, принципы отбора статей, этапы реализации проекта // Теория и практика изучения истории городских и сельских населенных пунктов: Мат-лы Всероссийских краеведческих чтений, посвященные 100-летию со дня рождения С. О. Шмидта (Пенза, 27-28 мая 2022). – Пенза: ИРР ПО, 2022. – С. 22-25.
3. Государственное краеведение в Российской Федерации в конце XX – начале XXI веков:

основные проблемы и перспективы развития: Сборник научных трудов / Мин-во культуры Ом. обл.; ОГИК музей; СКР; Сибирский филиал Института наследия; гл. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2022. – 248 с.
4. Пятые Ядринцевские чтения: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 30 – 31 октября 2019) / Отв. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2019. – 443 с.
5. Сибирский град Петров: альбом-путеводитель по исторической экспозиции и коллекциям Омского государственного историко-краеведческого музея / сост. П. П. Вибе, О. В. Блинова, С. И. Егоров; под ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей, 2022. – 144 с.
6. Этническая панорама Сибири: Альбом - путеводитель по экспозиции и этнографической коллекции Омского государственного историко-краеведческого музея / Сост. и авт. вст. статей П. П. Вибе, М. А. Жигунова. – Омск: ОГИК; СПб.: Любавич, 2020. – 143 с.
7. VI Ядринцевские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 28-30 октября 2021) / Отв. ред. П. П. Вибе. – Омск: ОГИК музей; СПб.: Любавич, 2021. – 463 с.

УДК 371.3

Образовательная экскурсия как форма краеведческого образования в школе

Ковтун Юлия Анатольевна
Член РОО Красноярского края «Союз краеведов Енисейской Сибири»
Учитель изобразительного искусства, МХК, ОДНКНР, краеведения
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Средняя школа №6», город Ачинск, Красноярский край, Россия
uliy-kovtun@yandex.ru
https://orcid.org/ 0000-0002-6307-8804

АННОТАЦИЯ Статья знакомит с авторской разработкой внеурочного мероприятия краеведческой и профориентационной направленности в формате образовательной экспедиции для старшеклассников. Представлены авторские подходы к форме проведения с использованием материалов регионального содержания. Описание технологии позволяет выделить особенности образовательной экспедиции, её организационные этапы, специальные задания, реализацию и результаты деятельности, направленные на формирование функциональной грамотности, осуществление профессиональных проб и воспитание качеств гражданина, знающего и любящего свой край. Краеведческое наполнение материала способствует формированию личностных результатов обучающихся.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведение в школе, образовательная экспедиция, внеурочная деятельность, профориентация, функциональная грамотность.

Краеведение учит людей любить не только свои родные места, но и знать о них, приучает их интересоваться историей, искусством, литературой, повышать свой культурный уровень.
Это самый массовый вид науки.
Д. С. Лихачёв, академик.

Задачи современного образования масштабны. Выпускники школы в настоящее время должны быть обеспечены не только фундаментальными предметными знаниями. В образовательной среде создаются условия для самообразования, саморазвития, формирования качеств личности полноценного гражданина. Урочная и внеурочная деятельность направлена на развитие универсальных умений, которые с успехом могут применяться учениками в социуме. Задача учителя – сделать процесс обучения и развития для современных школьников качественным, динамичным, полезным. Поэтому, поиск эффективных практик, способных мотивировать, заинтересовать, привлечь обучающихся к активной учебной и социально активной деятельности является ключевым для современного педагогического сообщества.

В нашей образовательной организации на протяжении ряда лет проходят общешкольные погружения, которые имеют тематику регионального содержания, что в свою очередь позволяет решать требования обновлённого Федерального государственного образовательного стандарта, где говорится о «создании целостной образовательной среды, включающей учебную и внеучебную деятельность, культурные и социальные практики с учетом историко-культурной и этнической специфики региона, потребностей учащихся и их родителей» [7, с.20]. Анализ ряда нормативно-правовых документов, регламентирующих образовательную и воспитательную деятельность, подтверждает важность использования краеведческого материала, рекомендуется планировать мероприятия с учетом

региональных особенностей, культурного и многонационального разнообразия определенной территории [2]. Именно краеведческое содержание делает деятельность более актуальной, интересной, личностно ориентированной, ценностной для школьников.

Обратимся в такой форме, как образовательная экспедиция, в которой за основу взят местный краеведческий материал.

Уточним понятие «Образовательная экспедиция». Экспедиция— поездка группы лиц, отряда с каким-нибудь специальным заданием [4, с.884], отправление группы людей в определённое место со специальной целью: узнать-что-то новое, исследовать, проанализировать, осуществить практическую деятельность с личной включенностью в процесс, получить конкретные результаты и значимые выводы. Ключевым является слово «образовательная» - то есть имеющая определенные педагогические цели, учебно-воспитательные задачи, направленная на формирование навыков, освоение нового, получение информации, преобразование, прирост.

Таким образом, под понятием **«образовательная экспедиция»** понимается спланированное педагогическое мероприятие, по закреплению и углублению знаний учащихся в различных предметных областях, где они в определенных условиях применяют навыки функциональной грамотности и ключевые компетенции для решения различных задач на практике; происходит обучение через наблюдение и проживание, непосредственный контакт с внешней образовательной средой, её конкретным образовательным объектом.

Проанализировав методические разработки, статьи с описанием практического опыта по включению в педагогическую практику формы «Образовательная экспедиция», видим различные теоретические подходы авторов [1,2,5,6]. Обобщив их, составим перечень особенностей образовательной экспедиции:

1. Организуется мероприятие в определённом пространстве [1, 3, 5,6].
2. Имеет цели, этапы реализации, планируемые результаты в соответствии с педагогическими задачами и заявленным кругом тем [1, 3, 5,6].
3. Проводится с целью закрепления учебного материала и приобретения учащимися компетенций [6].
4. Решает научно-исследовательские, проектные задачи [5].
5. Осуществляется взаимодействие участников, применяются групповые формы организации деятельности [3].
6. Организованное пространство работает на ценностное, экзистенциональное проектирование, культурное самоопределение[1].
7. Педагогом-наставником организуется командная работа по добыванию и использованию знаний в экспедиции [1,3,6].
8. Применяются стили образовательного поиска: исследовательский, коммуникативный и игровой [1, 3, 5, 6].

Образовательная экспедиция «Кто в Ачинске живет: профессиональные пробы» проводилась в 2022-2023 учебном году в рамках общешкольного погружения в феврале 2023г. По условиям проведения погружения [8], мероприятие имеет соревновательный характер, проводится для каждой параллели, определяются победители. В образовательной экспедиции принимали участие обучающиеся двух десятых классов. Цели и задачи мероприятия были поставлены в соответствии с возрастными особенностями. Задания разрабатывались педагогами школы и специалистами краеведческого музея, направлены на формирование функциональной грамотности и универсальных учебных действий, содержание имело краеведческую и профориентационную направленность.

Образовательная экскурсия «Кто в Ачинске живет: профессиональные пробы» способствует получению следующих результатов: краеведческих,

профориентационных, образовательных и личностных. Во-первых, расширение краеведческих знаний о городе: изучение истории его развития, археологического наследия, этапов индустриализации, туристической привлекательности и комфортности проживания. Во-вторых, знакомство с особенностями профессий, которые могут быть востребованы в нашем городе, осуществление профессиональных проб, получение опыта решения практических задач, связанных с определённой профессиональной деятельностью. В-третьих, актуализация, преобразование и применение школьных знаний различных предметных областей, формирование функциональной грамотности: читательской и естественно-научной грамотности, глобальных компетенций, критического, креативного мышления. В-четвертых, результаты деятельности по организации образовательной экскурсии направлены на достижение старшеклассниками личностных результатов: способности адаптироваться в новых условиях, самоопределению и смыслообразованию, умения работать в команде, осуществления морально-этических операций, развития любознательности, инициативности, настойчивости, проявления лидерских качеств, повышения социальной и культурной грамотностей.

Педагогическая деятельность по подготовке и проведению мероприятия была тщательно спланирована, продуманы виды заданий, тексты, направленные на формирование читательской и естественно-научной грамотности, критического и креативного мышления.

Этапы педагогической деятельности:

1. Отбор тематического (краеведческого) содержания мероприятия
2. Установка педагогических целей и задач, направленных на формирование функциональной грамотности, краеведческого просвещения.
3. Подбор форм, технологий и методов, способствующих достижению результата.
4. Организация мероприятия, его сопровождение.
5. Определение планируемых результатов и инструментария оценивания.
6. Итоги, рефлексия, анализ мероприятия.

Этапы для учащихся:

1. Подготовительный. Вводное анкетирование. Добровольное распределение в парах, индивидуально (выбор профессии, видов деятельности).
2. Теоретический, информационный этап. Введение в тему. Обучающиеся – участники экскурсий, зрители, слушатели**.**
3. Практическая часть. Выполнение заданий в малых группах и индивидуально, где отрабатываются читательские навыки, приемы работы с текстом, развивается критическое мышление, формируется читательская и естественно-научная грамотность, универсальные компетенции.
4. Фиксация результатов практической деятельности на страницах Путевого журнала. Презентация итогов работы.
5. Рефлексия и обобщение: краеведческий КВИЗ, дебаты, тематика которых затрагивала вопросы местных традиций, образа жизни, привлекательности города для проживания молодёжи; значимости знаний и владение специальными навыками, понятие профессионализма; ценности функций музея, культуры; образы города Ачинска в прошлом и будущем (профессии).
6. Подведение итогов соревнований, подсчёт баллов, промежуточные итоги. Итоговое анкетирование.

Место проведения: ачинский краеведческий музей им. Д. С. Каргаполова.

Оборудование: страницы Путевого журнала, раздаточный текстовый материал, карты, музейные выставки, отдельные музейные экспонаты.

Сопровождение: сотрудники музея, учителя школы (наставники), которые поддерживают, направляют, осуществляют деятельность по запросу самих учащихся.

Маршрутный лист для участников:

Время	Действие
9.00-9.30	Переход от школы до краеведческого музея
9.40 -9.50	Установка на работу
10.00-10.40	Экскурсия по исторической части города Ачинска
11.00-11.40	Экскурсия по выставке «Археология»
12.00-12.40	Получение заданий, их выполнение на площадках музея
12.40-12.50	Сбор материалов в Путевой журнал
12.50 -13.30	КВИЗ соревнование между классами
13.30-13.50	Дебаты
13.50-14.00	Промежуточные итоги. Сюрприз от музея

Приведем для примера некоторые образцы заданий, которые обучающиеся получали для выполнения (таблица полностью [8]):

«Кто в Ачинске живёт: профессиональные пробы»

	Профессия	ЗАДАНИЕ, действия	Вид деятельности
1	Археолог №1	Заполнить таблицу «Археологические объекты нашего района на основе выставки «Археология»	Работа с выставкой и экспонатами: отбор и классификация материала, поисковое чтение стендовой информации, извлечение информации и её фиксация
3	Музейный дизайнер №1	Создать макет стендовой выставки. Из предложенного печатного материала нужно выбрать необходимое, достаточное для раскрытия темы. Оформить результат на отдельном листе, озаглавить.	Оформительская деятельность, отбор и классификация материала, изучающее чтение информационных статей, анализ, извлечение информации и её интерпретация
7	Журналист №3	Взять интервью у представителей музея и смонтировать видеосюжет.	Интервью: составление вопросов по теме, коммуникация
8	Картограф №1	Составить перечень карт, которые имеются в музейных экспозициях, оформить в виде таблицы (название, дата, масштаб, доп. информация) Заполнить страницу журнала.	Работа с картами: поиск и анализ информации, значение условных обозначений, классификация и упаковка в табличный формат текста
10	Аналитик	Проанализировать печатные материалы о востребованных профессиях в разные исторические периоды. Заполнить станицу Путевого журнала - составить аналитическую справку	Работа с документами из музейного фонда: анализ, синтез информации; интерпретация, обобщение, выводы.

		«Востребованность профессий в г. Ачинске», внести данные.	
11	Экскурсовод №1	Разработать экскурсионный маршрут по г. Ачинску, описать его на странице Путевого журнала. Проложить маршрут экскурсии на карте.	Составление маршрута: поиск и отбор информации на основании критериев «экскурсионного объекта», составление вербального текста, перекодировка текста в формат картографического маршрута

По итогам образовательной экспедиции старшеклассники создают образовательные продукты (по одному виду от каждого класса): формируют единый Путевой журнал, монтируют видеоролик о событии, записывают видео-интервью со специалистом музея, оформляют макет стендовой выставки, составляют тематическую выставку из музейных экспонатов.

Основным результатом образовательной экспедиции является Путевой журнал [8]. Школьники перерабатывают данную им информацию и заносят ее в Путевой журнал, после чего происходит презентация результатов работы. Подобное оформление обобщений и сбора информации соответствует формату образовательной экспедиции, ведь экспедиция - это путешествие с целью исследования и получения новой информации, а значит должен быть документ (журнал), где фиксируются все события, передвижения, открытия, происшествия, составляется отчет о проделанной работе, эксперименте или опыте, делаются заметки об исключительных условиях, экстремальных ситуациях и т.п.

В процессе участия в образовательной экспедиции у старшеклассников формировались следующие ценности и навыки**:** позитивный образ своей малой родины, привлекательность и перспективность города Ачинска для молодёжи, уникальность города как туристической точки на карте Красноярского края и России; гордость за земляков-горожан, которые в разные исторические периоды своим трудом способствовали её развитию, создавали производство, промышленность, транспортное сообщение, сохраняли культурно-историческое наследие; способность ориентироваться в ленте времени и соотносить события в мировой, российской истории с событиями в городе Ачинске. Учащиеся получили представление о рынке труда, востребованных профессиях и возможности трудоустроиться в родном регионе; выявили некоторые риски и проблемы, которые могут возникнуть при выборе профиля образования, на практике смогли определить подходит ли им вид деятельности, который они выбрали: работа с документами или с людьми, научно-исследовательская, практическая, творческая деятельность и тому подобное.

Для решения задач применяли базовые знания по предметам, навыки читательской, естественно-научной, культурной, гражданской грамотностей, метапредметные умения: извлекать информацию, интегрировать интерпретировать текст, осмысливать и оценивать содержание и форму текста, использовать ее по назначению; умело интерпретировать иллюстративный материал, научные сведения для получения выводов; использовать способы критического мышления, креативность, находчивость, взаимодействовать с уважением, общаться и работать в команде, ответственно подходить к поставленной задаче; осознанно определять модель поведения в конкретной ситуации, с пониманием относиться к различным точкам зрения.

Краеведческое наполнение материала придаёт мероприятию личную заинтересованность, формирует гражданскую позицию, патриотические чувства каждого участника.

Проанализировав вышеперечисленные особенности формата мероприятия для старшеклассников с точки зрения педагогической эффективности, можно с уверенностью отметить, что применение в формы «образовательная экспедиция» способно оказывать существенное образовательное, развивающее и воспитывающее воздействие на школьников. Правильно спланированная деятельность поможет решать поставленные задачи, с успехом применяться для различных возрастных категорий.

БЛАГОДАРНОСТИ Выражаем благодарность специалистам ачинского краеведческого музея им. Д.С. Каргаполова, за помощь в организации школьного внеурочного мероприятия в форме образовательной экскурсии.

Список литературы

1. Ковалева Т.М. Образовательное путешествие как педагогическая технология в работе современного учителя. Преподаватель. XXI век. Педагогическая наука – школе. №4. 2014 г. С. 171-179.
2. Ковтун Ю.А. «Краеведческие игры как инструмент патриотического воспитания школьников» // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времён до наших дней [Электронный ресурс] : материалы IX Сибирского исторического форума. Красноярск, 14–16 сентября 2022 г. / гл. ред. Н. И. Дроздов. – Электрон. дан. (22,7 Mb). Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. С. 1602-1603
3. Лукинова Н.А., Степанова Н.В. Образовательные экспедиции как форма объединения разных учебных предметов в целях достижения метапредметных результатов. Электронное издание «Справочник заместителя директора школы», № 11, 2014. С. 65-72
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок.53 000 слов/С.И. Ожегов; Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. -24-е изд., испр. – М.: ООО Издательский дом ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2004
5. Сайт Горчаковского лицея МГИМО. URL: https://lyceum.mgimo.ru/news/ournews/kaliningrad (дата обращения: 12.06.2023).
6. Синичкин Е.А., Омельченко П.Н. Выездные образовательные экспедиции как способ реализации метапредметного подхода в обучении школьников // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 4. С. 329–336.
7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования от 31 мая 2021 года N 287
8. https://disk.yandex.ru/d/MKmC3_HuxJ18IQ - дополнительные материалы к статье

УДК 94(57).

Организация образовательного процесса в Красноярском педагогическом техникуме в 1920 годы на основе архивных материалов

Костюченко Юлия Александровна
преподаватель, Красноярский педагогический колледж №1 им. М. Горького,
Красноярск, Россия.
yuliakost@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья содержит факты, раскрывающие жизнь одного из старейших педагогических учреждений Красноярского края – Красноярского педагогического техникума в двадцатые годы XX века *(сегодня – Красноярский педагогический колледж №1 им. М. Горького)*. Рассмотрены особенности организации учебно-воспитательного процесса, дана характеристика методам обучения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Педагогический техникум, Дальтон-план, экскурсионный метод.

Осенью 2023 года Красноярскому педагогическому колледжу №1 им. М. Горького исполнится 150 лет со дня открытия. История учебного заведения тесно связана с либеральными реформами Александра II, распорядившегося открыть по всей России учреждения по подготовке педагогических кадров. Так, с 4 ноября 1873 году начинает свой путь Красноярская учительская семинария, единственное учреждение в Енисейской губернии, предназначенное для подготовки учителей сельских одноклассных училищ [10].

Название учебного заведения неоднократно изменялось за 150-летнюю историю его существования, в соответствии с этапами государственной политики, пройдя путь от учительской семинарии с момента открытия до переименования в колледж в середине 1990-х годов. С 1923 года заведение было переименовано в педагогический техникум, заведующим был назначен А.С. Гобов.

В фондах Государственного архива Красноярского края сохранились документы, анализ которых позволяет восстановить картину организации образовательного процесса в педагогическом техникуме в 20-е годы XX века. Указанные хронологические рамки интересны в контексте смены власти, произошедшей в государстве и изменениях, коснувшихся всех сфер жизни общества, в том числе и образования.

В отчете руководства педагогического техникума за 1924 год указано: «Занятия в педтехникуме происходят в течение целого дня. Вечером с 5 часов до 10 часов 45 минут происходят занятия в кабинетах под руководством преподавателей, а утром с 9 часов до 3 часов дня одни учащиеся работают в кабинетах и проводят обследование учреждений и предприятий по занятиям преподавателей. Для распорядка занятий ежедневно составляется расписание. Каждый четвертый день недели – день Ленина, он посвящен исключительно политической и классной работе. Расписание классных часов и лабораторных занятий, а также экскурсий, выпускных конференций осуществляются по плану» [3, л.14]. Таким образом была выстроена двухтактная логика учебного дня, с самостоятельной работой обучающихся в утренние и послеобеденные часы, и вечернее время, когда с обучающимися работали педагоги. Данный режим был обусловлен занятостью обучающихся в дневное время: большая часть студентов была вынуждена работать для получения средств к обеспечению собственных потребностей.

Среди практикуемых методов обучения в 1920-х г. серьезное место занимал так называемый метод «обследование» (школ/учреждений/сельского хозяйства). Суть метода заключалась в следующем: студент индивидуально, самостоятельно выполнял задание, фиксируя записи и оформляя отчетные материалы. Организационный и методический регламент обследования объектов студентами администрация педагогического техникума составлялся в соответствии с годом обучения. Для первого, второго и третьего курсов данный метод включал три направления – обследование по народному образованию, по сельскому хозяйству, по общественно-экономическим наукам. На четвертом курсе обследования производились с методической целью. Слушатели производили обследования рынка, острова Татышева, городского сада, р. Енисея, пристани на Енисее. Кроме того, слушатели четвертого курса посредством обследования занимались собиранием краеведческого материала в Краевом музее, госплане и др. [5, л.15-17].

Наряду с методом обследования применялся и экскурсионный метод, введенный в образовательный процесс еще со времен директорства И.Т.Савенкова (1873-1893). Об этом свидетельствуют многочисленные доказательства в архивных документах. В плане экскурсий, составленном на 1924 год, были определены два типа экскурсий – на расстояние до 300 верст и на расстояние свыше 300 верст (по две экскурсии на каждый тип).

На расстояние свыше 300 верст были запланированы экскурсии по следующим местам:

- г. Минусинск. Обозрение местного музея, знакомство с житницей Енисейской губернии/черноземной полоса/заезд в степь до озера Алтайского, знакомство с скотоводчеством туземного Хакасского населения и Соляными государственными промыслами. Заезд на Черногорские угольные копи с целью знакомства с углепромышленностью и бытом углекопа-рабочего.

- в г. Ленинград с остановкой в Москве. Ознакомление с музеями: Русским, Историческим, Художественным, и особенно с Московскими педагогическими учебными заведениями и Московской Сельскохозяйственной Академией

Экскурсии на расстояние менее 300 верст – это экскурсии на реки Ману и Базаиху с целью исследований по гидравлике, электрификации, геологии и географии.

Документ за подписью заведующего учебной частью техникума А. С. Богданова содержит «примечание», поясняющее финансовые сложности по организации экскурсионных маршрутов: «На первую экскурсию потребуется средств 1400 рублей, на проезд – 1000, на питание – 400 рублей, на вторую – 2940, на проезд – 2640, на питание – 300 рублей, на третью – 400 рублей, на проезд – 250, на питание – 150 рублей, на четвертую – 200 рублей, на проезд – 100 рублей, на питание – 100 рублей.

Местных средств на производство экскурсий Петдехникум не имеет» [6, л.98].

Любопытен документ, содержащий более подробные сведения о запланированных экскурсиях на объекты, расположение которых позволяет отнести их к категории «менее 300 верст» с точки зрения удаленности от учебного заведения. Весной и осенью руководство техникума утверждало отдельные расписания поездок, в которых принимали участие студенты всех четырёх курсов в сопровождении преподавателей. Такого рода учебные экскурсии были частью подготовки будущих учителей и дошкольных работников.

Выезды совершались на промышленные и сельскохозяйственные предприятия, в медицинские учреждения, на природные объекты. Тематика экскурсий была обширной, студентов старались основательно знакомить с природными явлениями, реальным производством и экономикой в целом.

Таблица. Расписание экскурсий Красноярского педагогического техникума.

1925 год. Весна [7, л.20]

Место экскурсий	Руководители	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	4 курс	Лошади
Пастеровская станция	Троицкий				+		+
Госсельсклад	Горталов	+	+				
Древонасаждение на площадке «Всеобуч»	Богданов, Гобов	+	+	+	+	+	
Электростанция	Федоров		+				
Кирпичный сарай	Соболев, Яворский	+	+				
Совхоз Земполитехникума	Горталов		+	+	+		+
Речка Базаиха	Соболев, Яворский	+					
Дюны у устья р. Базаихи. Помологический питомник	Соболев, Яворский	+					
Заповедник Столбы	Соболев, Яворский	+					
Гремячий	Френкель				+		
Гремячий	Френкель					+	
Огороды Военкома на Енисее	Горталов	+	+				
Опытное поле	Горталов, Троицкий	+	+	+	+		
Стекольный завод	Гобов, Соболев			+			
Базаиха	Троицкий			+			

Если обращение к экскурсионному методу и методу обследование вошло в практику подготовки педагогических кадров безболезненно, но вопрос, связанный с внедрением Дальтон-плана, обозначенный предметной комиссией педтехникума, решался сложно. В целом, для Дальтон-плана характерна опора на принципы индивидуального обучения. В отличие от традиционных методов обучения, он не предполагает существования классической классно-урочной системы занятий, учитель занимает позицию консультанта, а учащемуся предоставляется свобода в выборе занятий и распределении своего рабочего времени. В чистом виде введение Дальтон-плана в Красноярском педтехникуме в середине 1920-х годов была невозможна. Среди наиболее серьезных оснований можно указать крайний недостаток помещения, недостаточность оборудования кабинетов, отсутствие математических знаний учащихся первого курса. В связи с этим, предметная комиссия решила вводить Дальтон-план постепенно: прежде всего учащиеся педтехникума были ознакомлены с Дальтон-планом, как учебной системой, обращено внимание на оборудование кабинетов, выровнены познания учащихся первого курса, поступивших в техникум из деревенских школ. Затем приступили к элементам по внедрению Дальтон-плана: самостоятельная/ индивидуальная и коллективная проработка учащимися, при некотором руководстве преподавателей, программного материала по подрядам и планомерный учет производимой учащимися работой.

Господствующим методом преподавания, по-прежнему, являлся исследовательский метод, как органически связанный с Дальтон-планом.

Исследовательский метод проявлялся в самостоятельном представлении слушателями заданий/подрядов/ в производстве обследований г. Красноярска, посредством командировок в различные места Енисейской губернии, в составлении докладов на основании собранного материала на экскурсиях, в самостоятельной проработке вопросов с учетом прочитанного книжного материала [9, л.8].

Кроме использования вышеперечисленных методов обучения, руководство техникума, следуя духу времени, создавало особые места, где обучающиеся могли отрабатывать практические навыки трудовой деятельности. Любопытен факт работы на базе Красноярского педагогического техникума мастерской: «вся мастерская подразделилась на две мастерских: собственно учебно-показательная мастерская и мастерская заказов на изготовление учебных пособий, игрушек и других предметов, необходимых для оборудования школ, детских садов, детских домов и площадок. В собственно учебно-показательной мастерской происходило обучение студентов столярно-токарному ремеслу. Отделение заказов мастерской изготовляло классную мебель, учебные пособия, игрушки и другие предметы, необходимые для дальнейшего оборудования школ, детских домов. В Красноярске и уездах Енисейской губернии отделение заказов мастерской по своим задачам являлись единственным в губернии учреждением, где заказы выполнялись бесплатно». Последняя характеристика являлась несомненным преимуществом мастерской по сравнению с другими мастерскими, действующими на территории Енисейской губернии [2, л.19].

Подготовка студентов к педагогической деятельности включала не только аудиторные занятия по учебным дисциплинам. Большое внимание уделялось воспитательной и внеклассной работе. Так, в 1920-х годах культурно-просветительская работа в техникуме была представлена деятельностью кружков разных направлений: политический (80 человек), краеведческий (150), антирелигиозный (73), литературный (84), драматический (45), новобытовцев (28), физкультуры (81), хоровой (48), шахматный (32)» [4, л.6]. Если содержание деятельности большей части кружков понятно, исходя из их названия, то деятельность «новобытовцев» требует некоторого разъяснения: в первые годы установления советской власти менялся уклад жизни в государстве, в обществе. Педагоги, как люди, отвечающие за воспитание подрастающего поколения, которому предстояло жить в новых политических, социально-экономических условиях, должны были уметь организовать свой быт в новых условиях и научить этому других.

Характеризуя организацию внеклассной работы, стоит указать факт выдачи удостоверения местному педагогу-этнографу Марии Васильевне Красноженовой о том, что «она организовала в педтехникуме секцию краеведческого кружка по изучению быта Енисейской губернии и руководила безвозмездно его работой в течение 1924-1925 учебного года» [8, л.86].

Насколько студенты педагогического техникума были людьми инициативными, с активной позицией, можно судить по сохранившимся документам. Так, осенью 1923 года студенты Красноярского педагогического техникума не раз обращались к руководству с просьбами внести изменения в учебный план. Например, первокурсники составили заявление следующего содержания: «Ввиду единогласного желания слушателей, просим Вас вменить изучение немецкого языка как учебного предмета». Слушатели второго курса просили «ввести в план текущего учебного года преподавание химии ввиду того, что большинство слушателей таковой не изучали, а также увеличить число часов преподавателя А. А. Рождественского до пяти час в неделю, так как трех часов слишком недостаточно, чтобы охватить всю намеченную программу».

Еще одним штрихом жизни Красноярского педагогического техникума может выступать ходатайство студентов об открытии чайной в стенах учебного заведения в

1924 году. Решение было принято 29 февраля 1924 года на заседании Исполнительного бюро учащихся. В качестве аргументов студенты указывали, что «большинство слушателей техникума являются на лекции после службы, подчас без обеда, и здесь в промежутке между лекциями всякий мог бы попоить себя горячим чаем. С другой стороны, чайная может быть местом общения слушателей и педагогов, так как ничего лучше не располагает к взаимному знакомству, как беседа за стаканом чая.

[…] Чайная открывается в шесть часов вечера и работает до девяти часов. Помещается в пятой аудитории. Чай отпускается бесплатно. Сахар, хлеб, бутерброды – за плату. Слушателям техникума допускается отпуск вышеупомянутых продуктов в кредит под ответственность заведующей чайной. […] Текущие расходы […], как-то: приобретение продуктов, оплата труда прислуги, производятся заведующей […].»

Для реализации студенческой инициативы потребовалось 50 рублей – на покупку 24 кружек, таза для мытья посуды и клеёнки. Был запрошен аванс – под обязательство вернуть деньги в кассу техникума по мере развития процесса [1, л.31].

Подводя итоги, стоит отметить, что образовательный процесс, выстроенный руководством Красноярского педагогического техникума в 20-х годах XX века, был отражением тех политических и социально-экономических изменений, в которых существовали и другие учебные заведения. Ориентация на подготовку педагогов для массовых школ и детских садов, способных обучить грамоте и передать ученикам и воспитанникам одобряемые советским обществом ценности (такие как трудолюбие, здоровый образ жизни, активная гражданская позиция и др.), что отражено в содержании деятельности кружков, соответствовали задачам советской власти по укреплению собственных позиций в государстве. Именно поэтому значительное внимание уделялось реализации принципа связи «школы с жизнью», а точнее «техникума с жизнью». Практикуемые в педагогическом техникуме методы обучения – обследование, экскурсионный – создавали прочную основу для этого. Однако в процессе подготовки обучающихся руководство педагогического техникума было вынуждено изыскивать дополнительные материальные средства, так как дефицит бюджетного финансирования являлся препятствием при организации учебно-воспитательного процесса.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-352. Оп.1. Д. 2.
2. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-352. Оп. 1 Д. 4.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-352. Оп. 1 Д. 6.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-352. Оп. 1. Д. 14.
5. Там же.
6. Там же.
7. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-352. Оп. 1 Д. 20.
8. Там же.
9. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф.Р-352. Оп. 1. Д. 167.
10. Ценюга С.Н., Ценюга И.Н. Красноярская учительская семинария в истории становления педагогического образования Приенисейского края (1873-1920 гг.) URL: https://revolution.allbest.ru/history/01342836_0.html (дата обращения 18.07.2023)

УДК 908

Особенности краеведческого контента в электронных социальных сетях

Латышев Олег Юрьевич
п.д.н., к.филол.н., действительный член МАС, МАЕ, ЕАЕ, ISA,
МОО АД ЮТК, член-корр. МАПН,
профессор университета «Сайпресс»», США,
профессор РАЕ, президент,
Международная Мариинская академия
имени М.Д. Шаповаленко, г. Москва, Россия
papa888@list.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6164-0015

Латышева Полина Александровна
исполнительный директор,
Международная Мариинская академия
имени М.Д. Шаповаленко, г. Москва, Россия
papa888@list.ru

Луизетто Мауро
д.ф.н., почетный вице-президент,
Международная Мариинская академия имени М.Д. Шаповаленко, г. Пьяченца, Италия.
maurolu65@gmail.com

АННОТАЦИЯ Актуальность темы проистекает из современного общественного положения в Российской Федерации и странах-участниках Союза Независимых государств, расположенных на территории бывшего Союза Советских Социалистических республик, гражданам которых следует обязательно бережно хранить память о своих богатейших региональных традициях. Для этого все они на равных основаниях должны иметь возможность пользоваться многообразными возможностями поиска краеведческого контента, который находится в электронных социальных сетях, и доступен каждому в равной мере. Проблематичность темы краеведческого контента в электронных социальных сетях в настоящий момент усугубляется длительно функционировавшим режимом самоизоляции вследствие возникновения пандемии коронавируса, на протяжении трех лет существенно меняво лицо современного мира. Это в значительной мере препятствовало организации туристско-краеведческих экскурсий, например, по местам боевой и трудовой славы и посещению мемориалов, посвящённых победе советского народа в Великой отечественной войне, краеведческих музеев, а вместе с тем - и музеев-заповедников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведение, контент, сайт, музей, библиотека, краевед.

Проблемность темы краеведческого контента в электронных социальных сетях в настоящее время усугубляется режимом многолетней самоизоляции в связи с возникновением пандемии коронавируса, который уже на протяжении трех лет существенно менял облик современного мира.

Это во многом затрудняет организацию туристско-краеведческих экскурсий, например, по местам боевой и трудовой славы и посещение мемориалов, посвященных победе советского народа в Великой Отечественной войне, краеведческих музеев.

В этом случае использование краеведческого контента в электронных социальных сетях может выступать в качестве компенсирующего фактора, способного перевести проведение экскурсий в виртуальный план, и заменить их в реальном мире.

Авторы данного исследования уверены, что правильное понимание согражданами алгоритма использования краеведческого контента в электронных социальных сетях обязательно будет способствовать своевременному преодолению этого неожиданного гуманитарного кризиса.

Нам кажется, что изучение особенностей краеведческого содержания в электронных социальных сетях в будущем позволит сформировать адекватную систему средств противодействия ситуации, в которой происходит непоправимое - люди забывают о своей богатейшей истории, теряется их историческая память.

Поэтому скрупулезный анализ краеведческого контента в электронных социальных сетях во многом заменит невозможность узнать об истории своего края или республики как субъекта Российской Федерации, благодаря виртуальным экскурсиям по мемориалам, а также поездкам в разнообразные музеи.

Степень разработанности темы: данная тема была объектом внимания значительного числа научных организаций и учреждений. Однако стремительное развитие социальной ситуации и входящие в нее форс-мажорные обстоятельства постоянно побуждают к поиску новых эффективных решений там, где традиционные взгляды и алгоритмы теряют присущую им эффективность.

Проблема, лежащая в основе работы: дальнейшее, все более углубленное изучение краеведческого контента в электронных социальных сетях. Наиболее часто используемые виды краеведческого контента в электронных социальных сетях таковы:

1. Текст.
2. Гипертекст.
3. Фотоматериал.
4. Аудиофайлы.
5. Видеофильмы.
6. Анимации.
7. 3D конструкторы.
8. Интернет-викторины по краеведению.

Конечно, спектр видов краеведческого контента в электронных социальных сетях, которыми пользуются специалисты по истории края, значительно шире, но они не имеют столь частого использования в отечественной информационной среде.

Обращает на себя внимание и типовидовая характеристика краеведческого контента, размещаемого в электронных социальных сетях, заключающая в себе представление о вариативности материалов, составляющих его совокупность.

Прежде всего, это обширный блок материалов, посвященных судьбам жителей тех или иных поселений, прославивших родные места ратными или трудовыми подвигами в разные эпохи. К этому блоку тесно примыкает набор краеведческого содержания, рассказывающего об организациях и учреждениях, в которых работали наиболее известные жители городов, сел и поселков городского типа.

К третьей группе краеведческого контента, содержащегося в электронных социальных сетях, следует отнести материалы, обобщающие знания о народных промыслах, существовавших и продолжающих существовать на данной территории.

К этой группе содержательно примыкает группа материалов, рассказывающих о культурных традициях конкретного поселения, его праздниках, обрядах, народных костюмах, особых предметах быта, не встречающихся в других местах.

К пятой группе следует отнести краеведческий контент, являющийся органичной частью электронных социальных сетей, в котором указываются особенности архитектурных сооружений, их преобладающий стиль, элементы внешнего и внутреннего оформления, а также колористическая манера их подачи.

Следующим разделом следует назвать музыкальное искусство, характерное не только для области или республики в целом, но и для отдельного района, обобщенное в результате разноплановых этнографических экспедиций.

В качестве особой группы краеведческого контента в электронных социальных сетях следует выделить диалектологические особенности речи, характерные для данной местности и отраженные в письменных памятниках. Наряду с этим можно перечислить и многочисленные краеведческие материалы, так или иначе относящиеся одновременно к нескольким из названных групп, например, уникальные народные песни, принадлежащие исключительно к местной культуре и имеющие характерные диалектологические черты, свойственные только им.

Точно так же тематически и визуально могут пересекаться способы оформления наружной отделки зданий в частном секторе той или иной местности, а также предметов декоративно-прикладного искусства, являющихся непосредственной собственностью конкретного сельского поселения.

Еще одна характеристика краеведческого контента в электронных социальных сетях основывается на различиях в типе носителя информации, с которого он попал в Интернет, и в определенной мере диктовала особенности его появления.

Например, продолжительность записи на CD-LP или LP указывает на естественные логические границы альбома музыкальных произведений, рожденных в той или иной местности усилиями ее жителей. Или, например, соотношение длины и ширины скатерти, на которой вышит уникальный рисунок, не встречающийся ни в одном другом городе и селе, диктует его конфигурацию, способ нанесения на ткань, цветовую гамму и т. д.

Книги, напечатанные в определенной местности с использованием специальных сортов бумаги, чернил, водяных знаков, затем отсканированные и размещенные в глобальной телекоммуникационной сети, также отражают характер традиций места происхождения.

В сущности, любой предмет, артефакт, появившийся до начала всеобщей стандартизации, в той или иной степени несет на себе яркий отпечаток местных традиций, сохраняющийся и в электронной форме его представления в сети.

Наконец, характер краеведческого содержания диктуется не только его изначальными свойствами, но в то же время - и определенными задачами существования различных электронных социальных сетей и их аудитории. Если учесть, что отдельные социальные сети нацелены на привлечение максимально широкой аудитории для расширения рынка рекламных услуг, то характер краеведческого контента в таких электронных социальных сетях будет рассчитан на нетребовательную аудиторию [1].

Большая часть краеведческого материала, размещенного в таких сетях, будет иметь преобладающую иллюстративную, развлекательную сторону. Это связано с тем, что серьезные исследователи вряд ли станут искать подробные краеведческие данные в таких социальных сетях, окруженных рекламой и прочими материалами довольно сомнительного содержания.

Эти сети включают следующее:

1. Мой мир Mail.ru
2. Одноклассники.
3. ВКонтакте и др.

Наоборот, в социальных сетях, ориентированных именно на ученых, не будет возможности соседствовать подробными краеведческими материалами с некачественной продукцией исключительно рекламного характера.

В таких сетях одного желания пользователя участвовать в их работе недостаточно, так как от потенциального участника требуется доказать свой определенный социальный статус, а также принадлежность к когорте ученых [2].

Это сделано совершенно правильно, поскольку ученый, стремящийся заниматься краеведением на высокопрофессиональной основе, должен ожидать такого же серьезного и обстоятельного подхода и от всех остальных, кому дозволено пользоваться этой сетью ее руководством.

К числу сетей, в которых с наибольшей вероятностью можно найти подробный краеведческий материал, следует отнести, в первую очередь, социальные сети исключительно научного, а не научно-популярного содержания.

В их совокупности представляется необходимым выделить следующие социальные научные сети:

1. Academia.edu
2 Mendeley.com
3 ResearchGate.com
4 Frontiers.com
5. ResearcherID и т. д.

Таким образом, по результатам исследования представляется возможным сделать вывод о том, что особенности краеведческого контента в электронных социальных сетях могут базироваться на нескольких принципах.

Прежде всего, это собственно виды краеведческого контента, размещенные в электронных социальных сетях, где каждый вид, будь то текст или аудиофайл, является полностью самостоятельным и способен дополнять другие виды краеведческого материала, создавая свою органичную коллекцию [3].

Кроме того, краеведческий контент, размещаемый в электронных социальных сетях, также отличается содержательной характеристикой, в ходе реализации которой разные виды такого контента могут тематически пересекаться.

При этом определенные характеристики краеведческого контента, размещаемого в электронных социальных сетях, диктуются типом носителя, с которого этот материал попал на просторы глобальной телекоммуникационной сети.

Такая характеристика представляется важной, так как иногда многие признаки носителя трансформируются в свойства самого содержания, а в сознании подавляющего большинства пользователей являются неотъемлемыми признаками материала.

И, наконец, общедоступность социальной телекоммуникационной сети, либо ее предустановленная элитарность, основанная на принципе выделения уровня научных достижений потенциального пользователя, также накладывает отпечаток на характер размещаемого в нем краеведческого материала [4].

Органичное сочетание вышеперечисленных характеристик способствует целенаправленному использованию социальных сетей для поиска соответствующего краеведческого содержания различной направленности современными краеведами.

Заключение

В ходе данного исследования была достигнута его цель: состоялось изучение краеведческого контента в электронных социальных сетях.

Для достижения вышеуказанной цели были поставлены и успешно решены следующие рабочие задачи:

1. Изучены особенности краеведческого контента в электронных социальных сетях.

2. Рассмотрены виды краеведческого контента в электронных социальных сетях.

3. Определены способы идентификации краеведческого контента в электронных социальных сетях.

4. Определены способы организации и проведения телекоммуникационных образовательных проектов на основе краеведческого контента в электронных социальных сетях.

Объектом проделанной работы стали особенности краеведческого контента в электронных социальных сетях. В свою очередь, предмет работы был обозначен непосредственно как изучение краеведческого контента в электронных социальных сетях. Методологическую основу данного исследования составляют работы Е. А. Байер, С. П. Демур, В. Н. Ильин, О. Е. Крюкова, О. Ю. Латышев, Л.Н. Макарова, Е.В. Петрова, Е.В. Пилюгина, Г. Е. Спирина и другие.

В ходе исследования применялись следующие методы: анализ научной литературы, синтез, сопоставление, сопоставление, обобщение, библиографический метод.

Таким образом, по результатам исследования, проведенного в данной работе, представляется возможным сделать следующие выводы:

Способы выявления краеведческого контента в социальных сетях разнообразны. Одним из наиболее традиционных способов выявления краеведческого контента в социальных сетях является поисковая работа в общедоступных поисковых системах, если информация о конкретных краеведческих сайтах еще неизвестна автору поиска. В то же время, несмотря на обилие высокоразвитых краеведческих сайтов, не вся информация сразу попадает на их страницы, поэтому процесс выявления краеведческого контента в социальных сетях гораздо продолжительнее. В ряде случаев наиболее ценный краеведческий материал может содержаться на личной странице конкретного краеведа в определенной социальной сети, а не на специализированной краеведческой странице той же сети.

На сайтах краеведческого содержания созданы максимально приемлемые условия для продвижения краеведческих материалов в электронной среде. Для представления статей краеведов использованы все наиболее актуальные и широко востребованные виды краеведческого контента. Они характерны для специализированных сайтов, а также для социальных сетей. Тестовый материал регулярно сопровождается наличием репродукций картин известных мастеров прошлого, а также современников, в то время как графические зарисовки органично дополняют этот иллюстративный ряд. Для читателей каждой библиотеки ключевым моментом в поиске и сборе краеведческой информации является ее прикладной характер. Возможность использования краеведческого контента, полученного из социальных сетей, для последующего использования при подготовке конкурсных работ на тему военно-патриотического краеведения делает это направление ключевым. В свою очередь, обилие природоохранных мероприятий побуждает краеведов прибегать к деятельности по поиску экологических краеведческих материалов в социальных сетях. В целом наиболее четко выделяются семь направлений краеведческого содержания, которые краеведы традиционно ищут в социальных сетях, а также на сайте библиотеки. Видеопортал YouTube значительно опережает традиционные социальные сети по обилию, уровню подачи и структурированности краеведческого материала, что находится в сфере интересов читателей библиотеки.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают благодарность сотрудникам Мариинской академии за предоставление данных по краеведческим материалам на общедоступных сайтах.

Список литературы

1. Латышев О.Ю., Ильин В.Н., Макарова Л.Н. Туризм, краеведение и ИКТ социализации учащихся. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic publishing. 2013. 96с.
2. Латышев О.Ю., Ильин В.Н., Макарова Л.Н., Подкопаева В.А. Вопросы архитектуры и искусства в социализации учащихся, студентов и учёных. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic publishing, 2018. 109с.
3. Латышев О.Ю., Ильин В.Н., Макарова Л.Н., Подкопаева В.А. Историко-художественное краеведение в социализации учащихся, студентов и учёных. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic publishing, 2016. 140с.
4. Латышев О.Ю., Чайкина Л.П. Литературное и лингвистическое краеведение в социализации учащихся, студентов и учёных. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic publishing, 2015. 223с.

УДК 069.15

Особенности восприятия этнографических образовательных программ музейными посетителями младшего школьного возраста (на примере Музея-заповедника «Шушенское»)

Машковцева Юлия Алексеевна
Лектор (экскурсовод)
КГБУ Историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское».
п. Шушенское, Россия.
mashkovceva1981@list.ru
ORCID ID:0009-0001-1372-8119

АННОТАЦИЯ Статья посвящена описанию опыта работы Музея-заповедника «Шушенское» с детьми младшего школьного возраста при реализации этнографических музейных программ. Музеем-заповедником с 1993 года разработано более 90 образовательных программ, тематических экскурсий и мастер-классов, связанных с русско-сибирской этнографией. В настоящее время информация о формах традиционного хозяйства и духовной культуры сибирских крестьян XIX века малопонятна для детей и подростков. Проблема актуализации уникальных и ценных знаний об искусстве жизни в Сибири является важной не только для музеев, но и для образовательных учреждений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Музейная педагогика, этнографическое наследие, младший школьный возраст, восприятие у детей, этнопедагогика.

Жизнь человека сопряжена с бесконечным восприятием окружающего мира. Восприятие является основой его ориентации в обществе [4, с. 104]. Следует отметить, что в разные возрастные периоды восприятие имеет свои особенности. Дети младшего школьного возраста воспринимают предмет поверхностно, не связывая отдельно его признаки и не выделяя его существенные качества. Поэтому для данного возраста важным является дополнение абстрактного материала наибольшей наглядностью. Однако наглядный материал не может обеспечить более полного восприятия сам по себе, необходимо сопровождать этот процесс поэтапно, иными словами: «…нужно учить детей рассматривать объект, нужно руководить восприятием…» [7, с. 298].

Еще одним важным аспектом восприятия в младшем школьном возрасте являются эмоции, которые испытывает ребенок при изучении того или иного объекта. Ребенок обращает внимание, прежде всего на то, что вызывает у него более сильные эмоции. Кроме того, восприятие учащегося начальной школы тесно связано с его практической деятельностью. Чтобы воспринимать полноценно объекты, учащемуся необходимо совершать с ними практические действия, которые стимулируют более эмоциональное восприятие и лучшее запоминание ребенком полезной информации [3, с. 337].

Одной из форм работы с детьми, позволяющей обеспечить более высокий уровень восприятия посредством активного включения в деятельность являются мастер-классы. Именно эта форма проведения мероприятий наиболее широко используется современными музеями, прежде всего, музеями-заповедниками [9, с. 412].

Музей в Шушенском существует с 1930 года, и на протяжении более 60 лет основным направлением его деятельности была организация обзорных экскурсий, раскрывающих тему жизни и деятельности В. И. Ульянова (Ленина) во время его пребывания в сибирской ссылке (1897-1900 гг.). В 1993 году музей получил статус

«историко-этнографического музея-заповедника». Это привело к изменению концепции развития учреждения [2]. Согласно новой концепции, отражение быта, занятий и культуры сибирских крестьян конца XIX – начала XX веков становится приоритетной темой в его экспозиционной, экскурсионной и образовательной деятельности. Это позволило не только расширить тематику экскурсий, но и включить в программу работы музея новые формы и способы презентации той или иной темы.

За 30 лет реализации «этнографического подхода» музеем-заповедником было разработано более 90 образовательных программ, тематических экскурсий, мастер-классов. В период с 2019 года до 2023 года сотрудники музея-заповедника разработали и актуализировали порядка 40 методических программ на этнографическую тему. Наиболее востребованными являются: театрализованная игровая программа «Как на Масленой неделе», интерактивная экскурсия «Хлеб – всему голова!», музейное занятие «Полотняное чудо», мастер-класс по изготовлению дымковской игрушки «Лошадка» из глины.

Программа «Как на масленой неделе» разработана на основе фольклорно-этнографических материалов, собранных на территории Красноярского края (бывшей Енисейской губернии) [6, с. 22]. Целью программы является популяризация традиционного праздника Масленица. Формой проведения мероприятия выступает театрализованная игровая программа. Посетители становятся активными участниками процесса благодаря таким формам взаимодействия как подача информации в диалоговой форме, манипуляции с предметами, включение в игровую деятельность.

Интерактивная экскурсия «Хлеб – всему голова!» знакомит посетителей с процессом выращивания, обработки зерновых культур и выпечки хлеба [6, с. 5]. В ходе экскурсии демонстрируется способ обмолота хлеба при помощи цепов, применяемый в XIX веке в Сибири. В качестве наглядного материала используются музейные предметы основного и вспомогательного фондов, копии и новоделы: цепы, деревянный совок, квашонка, веселка, сито, хлебная лопата и др. Работа с данными предметами осуществляется в ходе интерактивных заданий, предлагаемых участникам, а именно – обмолот ржаных снопов и «замес хлебного теста».

Музейное занятие «Полотняное чудо» проводится в рамках музейно-образовательной программы «Живая старина» и знакомит младших школьников с музейной коллекцией полотенец конца XIX – начала XX веков, а также со способами их изготовления и украшения [1, с. 10]. В ходе выполнения интерактивных заданий, таких как тактильное взаимодействие с предметами (ткацкий станок, куделя, дощечки-бральницы, клубки ниток различных цветов, бранное полотенце), конструирование узоров на полотенце из бумажной цветной мозаики, участники учатся сравнивать, находить отличия, сопоставлять, видеть целостность композиции.

Музей-заповедник «Шушенское» регулярно организует проведение мастер-классов для детей младшего и среднего школьного возраста. Часть из них посвящена традиционным ремеслам крестьян-сибиряков, часть – православным и народным праздникам. Особую группу составляют мастер-классы по изготовлению сувениров: «Дымковская игрушка «Лошадка», «Новогодний сувенир», «Пасхальный сувенир» и др. [6, с. 15]. В процессе творческой и игровой деятельности младшие школьники не только мастерят сувениры, но и получают знания о традициях и обычаях русского народа.

Одним из примеров подобных мастер-классов является изготовление из глины Дымковской игрушки «Лошадки». В начале занятия дается пошаговая инструкция, затем весь процесс работы сопровождается показом каждого из этапов изготовления игрушки.

В ходе практической деятельности учащиеся не только наглядно изучают предмет, но и создают из фрагментов его целостный образ, что способствует более полному восприятию представленного материала. Также мастер-классы позволяют обеспечить:

- развитие тонкой моторики рук и зрительно-двигательных координаций;
- увеличение концентрации внимания на конкретные действия, посредством использования наглядности используемого материала;
- включение в процесс деятельности, тем самым обеспечивая более полное погружение в атмосферу быта сибирских крестьян.

К особенностям восприятия этнографических мастер-классов школьниками начальных классов можно отнести:

- активное включение в деятельность, в ходе которой совершенствуются и закрепляются новые достижения ребенка:
- проведение занятий в основном в игровой форме вызывает у детей живой интерес к действию;
- переживание положительных эмоций, связанных с преобразованием идей в практическое воплощение.

Кроме того, в процессе реализации образовательных программ большое внимание отводится групповой деятельности, работе в коллективе, что способствует развитию социализации у детей.

Таким образом, анализ реакций участников этнографических образовательных программ позволяет оценить степень вовлечённости детей как высокую. Этнографические знания, практически неприменимые в жизни и быту ребёнка, получают веское ценностное обоснование в процессе выполнения им заданий и надолго сохраняются в его памяти.

В настоящее время деятельность музея-заповедника направлена на расширение и совершенствование образовательных интерактивных форм работы с посетителями младшего школьного возраста, поскольку от успеха этой работы зависит эффективность одной из важнейших функций современного музея – сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей.

Список литературы

1. Живая старина. Музейно-образовательная программа / ред. Л. Г. Сажаева. – Шушенское, 2020. – 24 с.
2. Концепция развития Государственного историко-этнографического музея-заповедника «Шушенское» / Под ред. Н. А. Никишина. – Шушенское, 1993. – 126 с.
3. Корашвили, Н. Ш. Динамика формирования компонентов зрительного восприятия учащихся начальных классов / Н. Ш. Корашвили, Е. А. Пегушина // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4. – С. 335-338. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-formirovaniya-komponentov-zritelnogo-vospriyatiya-uchaschihsya-nachalnyh-klassov (дата обращения 05.05.2023).
4. Любимов, В. В. Из лекций по психологии восприятия / В. В. Любимов // Вестник Московского университета. Серия 14. – 2007. – № 1. – С. 104-118. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/iz-lektsiy-po-psihologii-vospriyatiya (дата обращения 28.03.2023).
5. Музей – школе. Методическое пособие / ред. Л. Г. Сажаева. – Шушенское, 2022. – 22 с.
6. Музей – школе. Сборник музейно-образовательных и культурно-досуговых программ / Л. В. Васильева, Н. В. Кононова, Л. В. Дмитриенко и др. – Шушенское, 2019. – 24 с.
7. Обухова, Л. Ф. Возрастная психология: учебник / Л. Ф. Обухова. – 4-е изд. – М.: Педагогическое общество России, 2004. – 402 с.
8. Погружение в жизнь и быт сибирских крестьян конца XIX – начала XX веков. Комплексная

музейная программа / В. И. Терентьева, Л. В. Васильева, Г. А. Тюренкова, В. Н. Дрепак и др. – Шушенское, 2019. – 40 с.
9. Шапошникова, М. В. Инновационные и традиционные формы работы со школьниками в Костромском музее-заповеднике / М. В. Шапошникова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2009. – № 4. – С. 412-414. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnye-i-traditsionnye-formy-raboty-so-shkolnikami-v-kostromskom-muzee-zapovednike (дата обращения 02.05.2023).

УДК 394

Село Чемал – центр этнокультурного краеведения в Республике Алтай

Тадина Надежда Алексеевна
кандидат исторических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета, Горно-Алтайск, Россия
ntadina@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1363-8735

АННОТАЦИЯ На основе анализа собранных сведений определены три периода развития этнокультурного краеведения села Чемал Республики Алтай. В первый период в с. Чемал был основан стан Алтайской Духовной миссии. Второй период связан с просветительской деятельностью А. В. Анохина, ставшего советским этнографом. В третий период с. Чемал становится «курортной зоной», где первая ГЭС, благодаря активности «кремлёвской женщины» Е.И. Калининой. Определено, что с. Чемал становится туристской «Меккой» не только из-за мягкого климата, но и познавательного, информативного историко-краеведческого потенциала региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведение, этнокультурное развитие, Чемал, Алтай

В деле развития краеведения в Горном Алтае важное место занимает село Чемал, в наши дни районный центр Республики Алтай. В его историческом развитии прослеживаются несколько этапов. Первый – «миссионерский», когда Чемал относился к одному из станов Алтайской Духовной миссии в досоветский период. Второй – «просветительский», здесь в Школе Третьего Коминтерна работал А.В. Анохин, ставший известным советским этнографом. Третий, «советский», благодаря деятельности «кремлевской» жены М.И. Калинина, Е.И. Калининой, открывшей в с. Чемал курорт, детский санаторий, первую ГЭС и другие атрибуты новой жизни. В постсоветский период с. Чемал активно превращается в туристскую Мекку, чему способствует краеведческий материал.

Чемал расположен на берегу Катуни на гладкой и сухой равнине, с трех сторон окруженной высокими отвесными скалистыми горами. Историко-культурный потенциал региона богат и достаточно интересен, познавателен и информативен. Образ Горного Алтая стал формироваться еще в начале прошлого века, когда на отдых в горы на весеннее и летнее время приезжали из сибирских городов – Барнаула, Томска, Тюмени, Омска и даже из российских столиц. Среди приезжающих на отдых Чемал был особенно популярен. Здесь их называли «дачниками» или «саламдары» (соломенники – от соломенных шляп) [3, с. 33]. По другим сведениям, приезжающих также называли «дышальщиками, воздушниками», потому что Чемал расположен около соснового бора Бешпек, воздух которого помогает в лечении легочных заболеваний.

О специфике развития с. Чемал мне рассказывал этнограф, профессор Л.П. Потапов в годы моей учебы в аспирантуре Ленинградского Отделения Института этнографии в конце 1980 – начале 1990-х годах. В одной из поездок на его дачу, находившейся в Комарово под Ленинградом, Л.П. Потапов вспоминал, как будучи учеником А.В. Анохина, в начале 1920-х годов жил в соседнем селе Узнезя (современного Чемальского р-на). Местные жители доставляли приезжих из г. Бийска на телегах, запряженных одной или двумя лошадьми. В то время лошади были выносливы, и на телеге можно было вернуться за сутки. Излюбленным местом туристов было с. Узнезя и с. Чемал.

Чемал является местом, где прошли мои детские и школьные годы. Название села объяснялось просто и неказисто: дескать, раз один приезжий поднялся на самую

высокую гору и увидел – в одном варианте, множество овец алтайцев, другом – огромное количество работающих, как муравьи, людей. Отсюда и название «муравьи», что на алтайском языке «чымалы», от чего и стало «Чемал». Наивность такого объяснения легко узнаваема: огромное количество овец не может пастись в этой гористой местности, поросшей высокой травой, сырость которой уязвима овечьим копытам. И еще, данная территория стала густонаселенной лишь в последние двадцать-тридцать постсоветских лет.

Для объяснения этимологии названия «Чемал», следует обратиться к опубликованному материалу. Путешественник второй половины XIX в. В.В. Радлов в книге «Из Сибири» называет село «Шамал» [5, с. 185]. Другой исследователь начала XX в. С.П. Швецов в труде «Горный Алтай и его население», посвященное результатам первой административной переписи, отмечает, что село, основанное в 1842 г., носит алтайское название «Шамал» [9, с. 189]. Старшее поколение алтайцев произносят название села Чемал как «*Чамал/Шамал*». По словарным данным общетюркское слово «шамал» обозначает «место, где активно дует ветер», «северная сторона» [6, с. 874]. На одной из страниц Интернета «шамал это ветер в Средней Азии», а также «устойчивый СЗ ветер (иногда штормовой силы)» [8]. Такое объяснение оправдывает название – живущим в с. Чемал известны высокие столбы пыли, поднимаемые ветром по центральной дороге из одного конца села в другой.

Краеведческое наследие с. Чемал в архивных материалах А.В. Анохина, хранящихся в Архиве Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера). В них сведения об этнокультурном развитии села и этническом составе его населения в начале прошлого века. В архиве А.В. Анохина сохранились рисунки утвари, бытовых сценок, одежды, украшений, с сопроводительным текстом, выполненные рукой известного художника и общественного деятеля Г.И. Гуркина. Как свидетельствуют архивные записи А.В. Анохина, он жил в с. Чемал и работал в школе преподавателем музыки [1]. Он являлся тонким наблюдателем, хорошо понимавшим народную культуру алтайцев. До сих пор люди помнят со слов своих дедов, что А.В. Анохин знал алтайский язык, носил алтайскую шапку, шубу, курил алтайскую трубку, понимал окружающих.

В годы молодой советской власти с. Чемал приобрело известность как курортное место и в этом была заслуга Екатерины Ивановны Лорберг – жены М.И. Калинина, председателя ВЦИК СССР и видного должностного представителя того времени. На сайте санатория «Чемал» сказано, что «в 1924 году в село Чемал приезжает Е.И. Калинина, которая была поражена красотой этой местности и удивительно мягким климатом. Тогда она решила построить здравницу, но для того, чтобы строить, нужны знания, и она уезжает учиться в Париж. В 1926 году началось создание санатория «Чемал» с постройки дома отдыха «Союзом учителей». В 1927 году сюда приезжает один из наших выдающихся военноначальников М. Косиор, после отъезда которого с 1927 по 6 апреля 1937 гг. будет организован дом отдыха для сотрудников ВЦИК, куда приезжали поправлять свое здоровье видные политики, деятели искусств, так в 1932-1934 годах был на отдыхе М.И. Калинин, Бухарин, всемирно известная певица Надежда Нежданова, артист Бабочкин исполняющий роль Чапаева в одноименном фильме» [2].

На других сайтах есть сведения о новых предприятиях в Чемале того времени: «Екатерина Ивановна не только возглавляла Дом отдыха ВЦИК, где лечили кумысом, но и построила масло-сыродельню, колбасный и столярный цеха, крупорушку, банно-прачечный комбинат, хлебопекарню, несколько ледников-погребов для хранения продуктов, создала тепличное хозяйство… Завезла сотни саженцев фруктовых деревьев, заложила фруктовые сады. Но главное, что она оставила после себя – это Чемальская гидроэлектростанция, первая в Горном Алтае» [7]. Садоводство в Чемале получило развитие в так называемом «втором Чемале» в «опорном пункте». О новом

явлении – «садах в Ойротии» написал Михаил Афанасьевич Лисовенко, учёный-садовод, выросший в Мариинском уезде Томской губернии, в статье «Ойротия покрывается садами», опубликованной в «Крестьянской газете» [4, с. 4]. В садах Чемала плодоносили яблони, груши, сливы, облепиха, которым были отведены большие территории. В постсоветский период заброшенные сады были выкорчёваны и на их месте построены дома, коттеджи и турбазы.

О тех временах, когда жила жена Калинина в Чемале, напоминают обветшалые строения подсобного хозяйства в центре села и лиственные корпуса курорта и детского санатория, а также ГЭС, которые по-прежнему функционируют. Пребывание кремлёвской женщины в провинции Горный Алтай до сих пор остаётся незабываемым явлением, о котором теперь рассказывают туристам и на туристских сайтах Интернета, что свидетельствует об актуальности краеведческого материала села Чемал.

Современное понимание культуры и осознание необходимости сохранения ее многообразия расширяет перспективы развития этнокультурного краеведения и его практического применения в формировании туристского бренда. Для специалистов и вовлекаемого в туристское обслуживание местного населения – это источник занятости, активный фактор регионального развития. Для гостей этнокультурное краеведение выступает притягательной сферой общения, способом «прямого вхождения» в другую культуру, импульсом к взаимообогащению и взаимоуважению к памятникам ушедших исторических эпох, встречаемых в Республике Алтай.

Список литературы

1. Архив Музея антропологии и этнографии РАН. Ф. 11. Оп. 1.
2. История санатория «Чемал» // ФГБУ ТС «Чемал» Минздрава России. URL: http://тсчемал.рф/istoria.shtml (дата обращения: 11.06.2023).
3. Крейдун Ю.А. Чемальский миссионерский стан // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 7. С. 35–36.
4. Крестьянская газета. 1937. 29 мая.
5. Радлов В.В. Из Сибири. Москва, 1989. 740 с.
6. Русско-алтайский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. Москва, 1964. 875 с.
7. Шадрина О. Алтай. У истоков Чемальской здравницы // Яндекс. Дзен. URL: https://dzen.ru/a/X0T1zNGb4hqErWm9 (дата обращения: 11.06.2023).
8. Шамал // Новый помощник. URL: https://krossw.ru/ (дата обращения: 11.06.2023).
9. Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. 1. Кочевники Бийского уезда. Вып. 1. Барнаул, 1900. 497 с.

УДК 902/904.

Маршрут «Тайны прошлого» в рамках проекта по краеведению «У истоков родной земли»

Трофимова Ирина Леонидовна
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Михайловская средняя общеобразовательная школа имени Героя Советского Союза А. К. Скрылёва».
Ужурский район, Россия.
trofimova_irina8@mail.ru

Пяткина Лилия Николаевна
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Михайловская Михайловская средняя общеобразовательная школа имени Героя Советского Союза А. К. Скрылёва».
Ужурский район, Россия.
liliya31p@mail.ru

АННОТАЦИЯ В данной работе представлен проект экскурсионного маршрута по историческим и природным объектам Ужурского района с целью ознакомление учащихся с памятниками природного и культурного наследия. Дана характеристика объектов природы и истории родного края в эпоху неолита-раннего железного века

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Объекты историко-культурного и природного наследия, экскурсия, эпохи каменного, бронзового и железного веков

В рамках муниципального проекта «У истоков родной земли» учащимися МБОУ «Михайловская средняя общеобразовательная школа имени Героя Советского Союза А. К. Скрылёва был разработан познавательный маршрут «Тайны прошлого». Обучающиеся краеведческого объединения «Ермак» школьного музея «Истоки» представили свою работу на районный конкурс экскурсионно-краеведческих маршрутов «Тропами малой родины», посвященного 200-летию образования Енисейской губернии. В номинации экскурсионных маршрутов «Я и моя Малая Родина» заняли 3 место. Данный маршрут поможет познакомить всех желающих с достопримечательностями, памятниками природного и культурного наследия Ужурского района. Цель экскурсии - ознакомление учащихся с памятниками природного и культурного наследия.

Маршрут имеет протяженность порядка 30 км, предполагает передвижение в окрестностях с. Михайловка Ужурского района на автотранспорте, пешком и посещение объектов историко-культурного наследия: поселение Михайловка 3, Поселение Косоголь 1-3, достопримечательное место «Косогольский клад» и природного наследия -Родник «Белый брод».

Характеристика объектов

Поселение Михайловка – 3. Эпоха каменного века делится на ряд периодов: древний каменный век (палеолит), средний каменный век (мезолит), новый каменный век (неолит). На территории Ужурского района, как и в окрестностях Михайловка памятников эпохи палеолита пока не обнаружено. Таким образом, бассейн р. Сереж и берега оз. Косоголь были обитаемы уже в эпоху неолита.

Неолит – новокаменный период – получил своё наименование от новой техники изготовления каменных орудий, с помощью шлифования, пиления, сверления камня. В эту эпоху в Сибири наступило глобальное потепление, климат приобрел современные черты. Исчезли крупные представители фауны эпохи палеолита: мамонты, бизоны, лошади, носороги и другие. В период неолита люди расселились по

всей территории края. При охоте на диких животных (лоси, маралы, косули и др.) часто использовали луки и стрелы. Широкое распространение получило рыболовство. Особое место в быту стала занимать глиняная посуда. По мнению ряда исследователей «Памятники, достоверно отнесённые к эпохе неолита, расположены ещё дальше на востоке (левобережье Енисея) и на юге» [3]. Вместе с тем, каменные изделия неолитического облика были обнаружены на берегу озера Косоголь и на левом берегу р. Сереж были обнаружены стоянки, где были выявлены фрагменты сосуда неолитического облика и каменный инвентарь (Михайловка. Поселение - 3).

Поселение Михайловка-3 находится на правобережной пятиметровой террасе р. Сереж, в 1,85 км к западу от д. Михайловка. Часть поверхности памятника находится под пашней. Культурный слой зафиксирован на контакте гумуса и красно-коричневого суглинка.

При раскопках собранный материал неолитического облика представлен фрагментом тонкостенного сосуда, орнаментированного параллельными рядами отступающей лопаточки, обломками костей животных. Археологический материал неолитического облика зафиксирован в кровле светлого красновато-коричневого суглинка и представлен каменным отщепом, микропластинкой. Соответственно, бассейн р. Сереж и берега оз. Косоголь были обитаемы уже в эпоху неолита [2].

Человек постепенно перешёл к новой хозяйственной деятельности: скотоводству, земледелию, обработке металлов. Появились домашние животные. Первоначально скотоводство было дополнением к охоте. Оно являлось специально мужским занятием. Земледелие возникло на основе собирательства, поэтому в соответствии с естественным разделением труда первобытное земледелие являлось чисто женским трудом. Человек обратил внимание на самородную медь, встречающуюся в горах. Камень не дробился, не кололся, а только плющился. Это свойство камня привело к возникновению способа «холодной ковки» [3]. Керамика эпохи развитой и поздней бронзы зафиксирована на поселениях у с. Михайловка.

Поэтому можно полагать, что бассейн р. Сереж близ с. Михалйовка в эпоху энеолита и ранней бронзы был обитаем. Потому как трудно объяснить активное освоение данной территории в эпоху развитой бронзы, которая представлена андроновской культурой (вторая половина 2 тыс. до н.э.). Первый объект, исследование которого послужило открытием данной археологической культуры, был обнаружен на соседней территории близ д. Андроново в 1914 г. во время строительства ж.д. моста через р. Сереж (по имени деревни культура получило свое название). Культурный слой андроновской культуры хорошо прослеживается на поселениях у озера Косоголь.

Поселение Косоголь-1 расположено в 2км юго-восточнее д. Косоголь, на левом берегу, в 1,5 км восточнее оз. Большой Косоголь, по обе стороны дороги Косоголь — Михайловка, на первой надпойменной террасе высотой 2 м от уровня воды. На территории поселения обнаружено 16 могил андроновского времени. При раскопках поселения Косоголь 1 исследовано 37 жилищ и хозяйственных построек переходного тагаро-таштыкского времени. Собранный материал: железные изделия — ножи, 2 сошника, пряжка, множество фрагментов; бронзовые изделия —2 тагарские проколки, в тульчатый трёхлопастный наконечник стрелы, украшения и т. д.; костяные изделия — наконечники стрел, проколки, украшения, лощила, роговой сосудик и т. д.; керамика — более 10 тыс. фрагментов, главным образом переходного тагаро-таштыкского времени.

Поселение Косоголь-2 находится в 1,5 км юго-восточнее д. Косоголь, по обе стороны дороги Косоголь — Михайловка, на левом берегу р. Сереж, на первой надпойменной террасе высотой 2 м от уровня воды. Собранный материал из нижнего слоя представлен в основном керамикой андроновского времени. Культурный слой

таштыкской культуры хорошо представлен на поселении Косоголь 2. Там обнаружены многочисленные фрагменты тагарской, таштыкской, средневековой керамики. Среди подъёмного материала около 20 фрагментов кыргызских ваз. В раскопе на краю мыса исследованы остатки глинобитного жилища таштыкского времени.

Поселение Косоголь-3 расположено в 2 км к ЮЮВ от д. Косоголь, на юго-восточном берегу оз. Большой Косоголь, у подножья гряды, окаймляющей с юга Косогольскую котловину. Поселение расположено на береговой террасе, на высоте 0,5–3 м от уровня воды. В северной части поселения при размыве берега собрано большое количество отщепов светлого цвета, часть каменного топора и др., которые относятся, видимо, к эпохе бронзы. Керамика представлена многочисленными орнаментированными фрагментами эпохи ранней бронзы [4].

Но наиболее освоен бассейн р. Сереж был в эпоху раннего железного века. Здесь встречаются как поселенческие, так и погребальные памятники, а также выявлены признаки присутствия производительных металлургических комплексов.

В эпоху раннего железного века на территории Минусинской котловины существовали тагарская (VII–IIвв. до н. э.), затем таштыкская (II в. до н. э.– IV в. н. э.) культуры.

Самые многочисленные археологические памятники в долине р. Сереж представлены курганами тагарской культуры. Значимой находкой на берегу оз. Косоголь является **Косогольский клад.**

В 1966 г. был случайно обнаружен уникальный клад скреперистом Ужурского рыбхоза Нефедкиным во время работ по возведению дамбы у озера Косоголь в месте впадения в него р. Сереж. Затем большая часть находок попала в руки начальника геологической партии Г.М. Еханина, который и сообщил о кладе в Красноярский музей. В своем отчете Н. В. Нащокин сообщает, что большую часть находокон получил изрук Г. М. Еханина, остальные собраны у местных жителей, которые взяли себе на память медные «игрушки» [5] .

Н. В. Нащокин провел раскопки на месте находок клада и выявил два культурных горизонта с керамикой тагарской и андроновской культур. В 50 м от места клада раскопано разрушенное безинвентарное погребение. Исследователь оперативно опубликовал информацию о кладе в ежегоднике «Археологические открытия», датировав его концом тагарской – началом таштыкской эпохи, III–I вв. до н. э. Полный состав всего Косогольского клада включает около 200 бронзовых предметов. Среди нихобломки двух полноразмерных котлов и одной модели скифского котла; шесть полых внутри фигурок птиц; 35 ложечковидных застежек с зооморфным декором; два зеркала и пять плоских ажурных блях с изображением соприкасающихся ползущих змей; пряжки разных типов с неподвижным торчащим шпеньком, полушаровидные пуговицы и украшения в форме простых колец и кольчатых подвесок с внутренним геометрическим орнаментом; слитки и корольки бронзы, кусочки бронзовой стружки. Особый интерес представляют высокохудожественные изделия, изображающие быков, змей, драконов. В этой группе тринадцать бронзовых рельефных блях, изображающих по центру голову козла со свернутым вокруг него змеевидным туловищем дракона, заканчивающимся на конце змеиной головой. Обнаружены целые и в обломках четыререльефные бляхи с изображением быков [6].

Материалы этого клада послужили свидетельством местного характера бронзовой металлургии этого переходного тагаро-таштыкского времени.

Родник «Белый брод». Можно предположить, что родник служил источником воды ещё в эпоху неолита. Ведь вода – источник ЖИЗНИ. Но источником ЖИЗНИ вода становится лишь при условии, что она – чистая, светлая, прозрачная, когда она РОДНИКОВАЯ. И лишь только в 1991 году родник «Белый брод» объявлен памятником природы, общей площадью 9,2 га.

В настоящее время родник находится в 3 км северо-западнее с. Михайловка. В 2 км севернее дороги Косоголь - Михайловка. Родник находится по левому берегу р. Сокса, левому притоку р. Сереж. В 100 м от родника находится бывший гравийный карьер. Границы особо охраняемой природной территории краевого значения в радиусе 170 метров от источника. Водоток умеренный. Вода чистая, прозрачная. Выход родника обустроен железобетонной конструкцией прямоугольной формы. Памятник природы создан с целью сохранения родника как источника чистой воды. Для охраны памятника природы введен особый режим [1]. Запрещены следующее виды хозяйственной деятельности:

-свалка мусора;

-загрязнение источника;

-использование ядохимикатов и удобрений.

Рекреационный вид использования памятника природы.

-можете сделать селфи на память;

-набрать родниковой воды;

-передохнуть и принять участие в мониторинге исследования качества воды.

Качество воды характеризуют ее прозрачность, мутность, цвет, а также запах, вкус, реакция среды, содержание солей, степень загрязнения.

Родники являются стратегическими объектами природы. При возникновении чрезвычайной ситуации они могут выступать как единственные источники питьевой воды для населения.

Заключение

Таким образом, экскурсионно-познавательный маршрут «Тайны прошлого» разработан для привлечения интереса к своей малой родине, изучению истории в эпоху неолита, сохранению природы родного края и расширения кругозора обучающихся с посещением объектов историко-культурного наследия: поселение Михайловка 3, Поселение Косоголь 1–3, достопримечательное место «Косогольский клад» и природного наследия -Родник «Белый брод».

Список литературы

1. Баранов А.А., Кожеко С. В. Особо охраняемые природные территории Красноярского края. Учебно-методическое пособие. – Красноярск: РИО КГПУ, 2006. –240 с.
2. Заика А.Л. Полевой дневник археологических исследований исследований на территории Ужурского района. 1990 г. // Архив Музея археологии КГПУ, оп. 036, д. 004. – 48 л.
3. История Красноярского края: Учебное пособие для 7-8 классов/М. Б. Шейнфельд, Г. Ф. Быконя, Н. И. Дроздов. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1981. – 144 с.
4. Красниенко С.В., Субботин А.В. У Солгонского кряжа. Археологические памятники Ужурского района (Красноярский край): история изучения и современное состояние. – СПб., 2013. – 200 с.
5. Нащокин Н.В .Отчет о полевых археологических исследованиях летом 1966 г. // НАКККМ. Оп. 5. Д. 97.58 л.
6. Нащокин Н.В. Косогольский клад // АО 1966. – М.: Наука, 67. – С.163-165.

АРХИТЕКТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА И ИСТОРИЧЕСКОЙ СРЕДЫ)

УДК 908

Особенности строительства деревянных домов в Енисейске в XVII веке

Амергазина Надежда Викторовна
научный сотрудник Енисейского историко-архитектурного музея,
Енисейск, Россия
amergazina.nadya@yandex.ru
ORCID ID: 0009-0007-7822-138X

АННОТАЦИЯ В работе представлена история строительства жилых построек на месте Енисейского острога в XVII веке, некоторые особенности жилых построек в источниках XVII века, причины скудности письменных и материальных источников по жилому строительству. Примеры сохранения традиций сибирского строительства XVII века в постройках более позднего периода, на примере города Енисейска.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Деревянное строительство, жилые постройки, пожары, болотистые территории, традиции.

Сегодня в городе Енисейске существует ещё немало зданий, сохранивших образцы деревянного зодчества города. Изначально в XVII веке образ Енисейска создавался разнообразием деревянных построек.

Выросший из острога город, имея, безусловно, свои, характерные пространственно-композиционные особенности, во многом представлял собой одну из типичных многочисленных крепостей сибирского региона. Выстроенный, из традиционного в русском зодчестве материала – дерева, в изобилии произрастающего, в сибирских лесах, он содержал набор непременных элементов и объектов, напрямую связанных со своими функциями. Это и форпост распространения влияния и освоения новых территорий, и пополнение козны мягким золотом – пушниной. Важна была и охранная функция острога, как крепости выстроенной с тыновыми стенами и башнями, с целью защитить всё, что находилось внутри от внешних набегов коренных племён – государственную казну, запасы провианта, снаряжения и пороха.

Существует несколько причин скудности материальных источников – самих деревянных зданий в культурном слое Енисейска XVII века. Город Енисейск, как известно, строился на болотистом месте, что способствовало быстрому разрушению и проседанию нижних венцов деревянных построек, особенно если это касалось заглубленных в грунт времянок. Сохранившиеся постройки ранее созданного на сухом высоком месте Маковского «Намацкий, Макуцкой и Макоцкой» острог, «по имени жившего там прежде князца Намака» [6, с.51], и через 100 лет сохраняли свою прочность. Частые пожары довершали уничтожение материальных следов деревянного зодчества, практически не оставляя в культурном слое существенной информации [9.с.45]. В связи с ограниченной площадью острога, место от разрушенных домов расчищалось и застраивалось заново, в новом пространственном решении, с новыми конструктивными изменениями.

В Енисейском историко-архитектурном музее представлены фрагменты части тыновой стены, Енисейского острога XVII века, как показывают исследования, срубленные из лиственницы. Эти не многие дошедшие до потомков фрагменты 6-ти метрового ограждения предоставлены музею в период подготовки города к 400-летию в ходе археологических раскопок 2014 года. Данная бревенчатая стена, найденная на глубине 4-х метров в историческом центре города по улицы Ленина 105, являлась южной преградой Енисейского острога

По упоминанию Инока Архангельского Енисейский острог, изначально представлял несколько зимовий обнесённых частоколом, позднее укреплённых 3-мя башнями как тогда их называли, стрельницами [2,с.4]. Инженер-полковник Ф. Риддер при описании Енисейска в 1814 году указал в своем путевом журнале, что Албычев, «вышел на реку Енисей, разбил обитающих по оной тунгусов, покорил их и на этом месте вначале построил зимовье, обнес палисадом и построил три башни или по-тогдашнему стрельницы [5]. Как они выглядели, какими были их размеры и пропорции, насколько в них чувствовали себя защищёнными первые обитатели достоверно не известно. В одном можно быть уверенными точно, преемственность вековой русской культуры зодчества тобольскими мастерами, построивших Енисейск, обогащалась и развивалась сообразно сибирскому климату и особенностям ландшафта.

Изначально плана застройки, жилых пространств как такового не существовало до 1780-х годов. На основе общероссийских градостроительных правил в 1780-х — 1790-х годах издаются указы наместнических правлений о порядке возведения построек в сибирских городах. Для немедленного их осуществления и строгого соблюдения к ним прилагались новые проектные планы городов. Такой план получил и Енисейск [4, с.154].

В XVII веке обязательные для выполнения, рекомендации и наставления касались только времени, места и первостепенности строительства отдельных объектов самого острога, построек крепостного и административного значения. Давние традиции на Руси деревянного зодчества, выверенные временем, касавшиеся выбора места строительства, его порядка, времени заготовки материалов, ориентации по сторонам света использовались в усечённом варианте. Первые годы многими устоявшимися правилами приходилось пренебрегать в связи с условиями и масштабом строительства. Жилые помещения на первых парах представляли собой временные строения, которые можно было быстро построить и в суровых климатических условиях, эффективно поддерживать в них тепло. Располагались постройки хаотично, в основе своей были одноэтажными, более напоминая деревню, нежели город. Дома «смотрели» наружной «парадной» стороной внутрь острога, дабы не упираться взглядом в высокие крепостные стены. Енисейский острог расстраивается, после укрепления и частичной перестройки острога с 1626 года, а в 1677г. становится уездным городом Енисейском, в подчинение которому были переданы все поселения по Енисею и обширные территории, простиравшиеся от его правого берега до Забайкалья [8, с.197]. В 1677–1708 гг. Енисейск являлся центром разряда (военно-административного «округа» из нескольких уездов), в 1724–1782 гг. был главным городом одной из провинций Сибирской губернии [3, с.4].

К концу XVII века жилые постройки становились более основательными, увеличивалась плотность застройки, что ещё больше повышало риски пожаров. Исследователи жилых помещений сибиряков считают, что жилища представляли собой одно, двух, или трёхкамерную связь. Причём в городах чаще трёхкамерную. В них тёплая и холодная часть отделялись друг от друга специальным помещением – сенями.

Первые подробные описания построек деревянных жилищ города содержит Переписная книга постоялых дворов г. Енисейска, составленная в 1704 году. Описанные в ней постоялые дворы, построенные как частное жилье, представляют собой характерную дворовую застройку, распространенную у населения среднего достатка [7, с. 3]. Этот документ был внимательно проанализирован советским историком В.А. Александровым, который на его основе впервые ввел в научный оборот размеры частных усадеб, типы и размеры построек, количество и разновидности в них окон, виды отопления и строительные материалы, также общие сведения о застройке и планировке Енисейска конца XVII – начала XVIII вв. Возникает

вопрос, а как же выглядели жилища менее успешных жителей? Насколько они следовали образцам, описанным в документе 1704 года?

«О типологии жилища и двора в 1670-1680-х гг. можно судить по описанию 25 крестьянских дворов, принадлежащих Спасскому, Рождественскому и Троицкому монастырям Енисейского уезда. Прежде всего, бросается в глаза преобладание трёхкамерного жилища в его классическом варианте: изба-сени-клеть. При общем количестве в этих дворах 37 жилых «хором» в их составе насчитывалось 37 изб, 21 сени, 24 клети и одна «келья». Трёхкамерные связи составляли почти половину всех «хором» - их было 17, двухкамерных -13, только в 7 случаях изолированные избы представляли собой однокамерное жилище» [10, с.105].

Из Переписной книги постоялых дворов Енисейска следует – в городе существовало «три жилых района: 7 дворов в пределах острога, 21 двор на «нижнем посаде» за границами острога, 4 двора также на посаде, но за Мельничной речкой» [7, л.8].

В конце XVII века уже более половины жилищ Енисейска были трёхкамерными. Общая площадь жилищ жителей среднего достатка составляла примерно от 70 до 150 квадратных метров, что и по современным меркам представляется просторным. В среднем трехкамерное городское строение-связь занимало в длину 18—19 м. Точное указание длины всех частей трехкамерного строения в переписной книге имеется только в 15 случаях (одно строение достигало 20,9 м, восемь строений — 18—19, два строения — 16—17 и четыре строения— 13—14 м. [1, с.49]. Из описаний следует, что преобладали дома без подклета – одноуровневые, с одной жилой избой, за которой располагались сени, а за ними холодная клеть. Подклетом называли помещение нежилого нижнего этажа, под верхним жилым помещением. Ещё со времён древнеславянского строительства основной формой жилища был прямоугольный в плане сруб, называемый «клетью». Несколько клетей, стоящих рядом и связанных в одно целое, назывались, в зависимости от их числа, «двойней», «тройней» и т.д. Так же называлась совокупность двух клетей, поставленных одна на другую. Часто нижнюю клеть использовали как летнее жилье или амбар. В Енисейске дома сооружались без фундаментов, ставились на оклад (первый венец сруба) и покрывались длинными колотыми обычно сосновыми дощечками – «драньём». Такие постройки приходили в негодность примерно за 30–50 лет. В большинстве изб и клетей насчитывалось от пяти до семи волоковых окон, представлявших собой отверстия, между венцами, которые закрывали деревянными задвижками. При этом одно из волоковых окон выходило в сени для вывода дыма от печи через дымник, вытяжную деревянную трубу над дымовым отверстием в потолке или в стене избы с беструбной чёрной печью. В описании иногда присутствует одно и ещё реже два колодных окна. Постройками первых жителей города были поземные «чёрные» избы – без печной трубы, с глинобитными печами, со всеми волоковыми окнами и дверьми «на пятах» – деревянных шипах в верхней и нижней части двери, которые вставлялись в гнезда, выбранные в пороге и в верхнем косяке. Эти пяты или пятки служили для крепления и открывания двери, за неимением металлических креплений. В сенях чаще всего не было потолочного перекрытия. Двор обычно располагался с восточной или южной стороны дома.

Традиции подобного строительства уже в хозяйственных постройках, таких как амбар, баня, хлев сохранялись ещё очень долго, некоторые из них и сегодня можно наблюдать в постройках, такой как Амбар по ул. Кирова, 72 в г. Енисейске, выстроенный в начале XX века усадьбы, принадлежавшей наследникам енисейского мещанина И. Грязнова. Объект редкий в городской застройке, донесший тип распространенного в Сибири «мангазина», «мангазейна» крупного общественного хранилища – чаще хлебного начала XIX-XX века. Последние исследования научными

сотрудниками Енисейского музея опровергли датировку конца XIX века и датировали его 20-ми годами XX в.

По некоторым особенностям этого здания, можно сказать, что традиции XVII века сохранялись в той или иной форме до начала XX. Стены амбара рублены в чашу или «обло» (облый, оболый означает овальный) с остатком и прорезаны четырьмя ярусами треугольных волоковых окон (напоминающих букву «А») с частично сохранившимися двускатными козырьками из доски. Кроме того, стены прорезаны двумя ярусами щелевидных продухов для вентиляции перекрытия и подпола. Такие хозяйственные постройки часто возвышались над землёй на основательных деревянных «стульях», изготовленных из лиственницы, обмазывались горячей смолой или дёгтем. Стулья вкапывали по углам будущей избы под нижние венцы, с целью сохранения в сухости провианта, зерна от слёживания и плесневения, попутно помогали избавлять помещение от грызунов. Именно этот не хитрый приём способствовал более долгой сохранности в помещениях нижних венцов сруба, а значит и всего помещения. Масштабные амбары ещё долго присутствовали на улицах и на территории усадеб самых зажиточных граждан города купцов и золотопромышленников, демонстрируя жизнеспособность принципов строительства первых поселенцев острога. Следует предположить о том, что такие простые приёмы как волоковые окна использовались и у менее состоятельной части населения города, практичные и удешевляющие строительство.

В одном из описаний автор обращает внимание на то, что не только «подволока тесовая» (подволока – старинное название потолка в деревянных зданиях), но и «стены у той клети обтёсаны» [7, л. 19]. В конце XVII века к началу XVIII появляются избы по белому с кирпичными печами и печными трубами, всё чаще упоминаются колодные окна по одному, реже по два на дом с использованием слюды, тесовые стены, подшитые потолки, металлические крепления дверей.

Своё богатое барочное убранство город получит гораздо позже, в середине XIX века, с развитием золотопромышленности. Именно таким стал провинциальный Енисейск на пике своего архитектурного расцвета. Наряду с каменной архитектурой деревянное зодчество гармонично создавало и создаёт образ города выросшего на давних традициях русского и сибирского зодчества.

Список литературы

1. Александров В.А. Русское жилище в Восточной Сибири в XVII – начале XVIII века // Советская этнография. 1960. № 2. С. 44–56.
2. Архангельский И. Город Енисейск. 1618-1918 г. Енисейск: Енисейск, гос. тип., 1923. 72 с.
3. Барахович П.Н. Енисейск в XVII–XVIII столетиях. Малоизвестные страницы истории. Красноярск, 2019. 304 с.
4. Градостроительство Сибири: сб. науч. тр./ Рос. Акад. архит. и строит, наук, НИИ теории и истории архит. и градостроит. НИИТИАГ РААСН; под ред. В. И. Царёва. Санкт Петербург: Коло, 2011.784 с.
5. Малышева М. П. Дневник экспедиции 1814 года инженер-полковника Ф. Риддера как памятник историко-культурного обследования Сибири // Памятники истории, культуры и градостроительства Сибири. Новосибирск: Наука, 1991.138 с.
6. Миллер Г.Ф. История Сибири. Изд.2-е, дополненное. II. РАН М.: Восточная литература, 2000. 796 с.
7. Переписная книга постоялых дворов г. Енисейска 1704г. // Российский государственный архив древних актов. Ф. 214. Оп.1.Кн.1390.
8. Федоров Р.Ю. Региональные цивилизационные ландшафты: введение в понятие и опыт реконструкции // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 5, ч. 2. С. 193–200.
9. Фёдоров И.Г. Очерки по истории монастырей приенисейской Сибири в досоветский

период. Красноярск 2017. 167 с.
10. Этнография русского крестьянства Сибири XVII – середины XIX в; под. ред. В.А. Александрова. М.: Наука, 1981. 269 с.

УДК 94:2-523.45:304(571.51)

Храмы Сибири: религиозное наследие Красноярского края

Бахарева Елена Александровна
Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.
Красноярск, Россия
bahareva@ookn.ru

Савченко Алексей Александрович
Служба по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края.
Красноярск, Россия
sav@ookn.ru

Язев Алексей Дмитриевич
Красноярская Епархия Русской Православной Церкви.
Красноярск, Россия

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проекту восстановления храмов и монастырей, являющихся объектами культурного наследия, созданию на их базе культурно-исторических центров, объединяющих духовные и культурно-исторические начала и возрождающих традиции, имеющие глубокие исторические корни. Проект предусматривает комплексный подход к сохранению исторической среды и развитию территории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Храмы, наследие, проект, культурно-исторический центр.

Восстановление находящихся на территории Красноярского края церквей, монастырских комплексов, создание на их базе духовных и культурно-исторических центров – большая, системная, непрерывная работа, которая реализуется Службой по государственной охране объектов культурного наследия Красноярского края совместно с другими исполнительными органами и Красноярской митрополией Русской Православной Церкви.

При этом следует отметить, что храмы и монастыри традиционно влияют на организацию городских пространств, выступают градостроительными доминантами, выполняют социокультурные функции, становятся точками притяжения и развития территории, в том числе социально-экономического.

В 2022 году, который был объявлен Годом культурного наследия народов России, Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 были утверждены основы государственной политики по укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, в которых уделено внимание роли религии в их укреплении и особой роли православия; поддержке религиозных организаций традиционных конфессий.

Так, в Основах указано, что христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию.

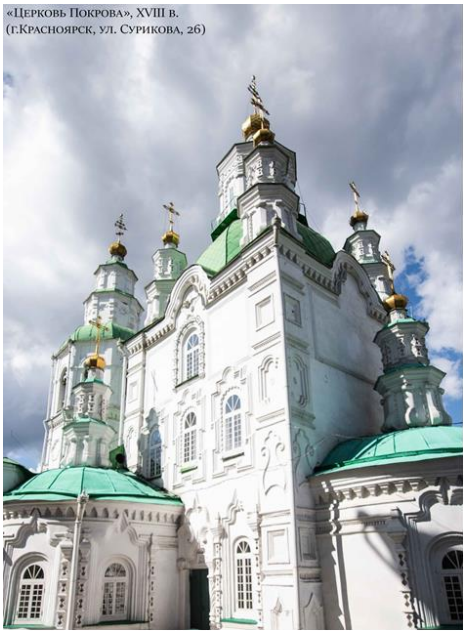
Одна из основных задач реализации стратегического национального приоритета «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» - поддержка религиозных организаций традиционных конфессий, обеспечение их участия в деятельности, направленной на

сохранение традиционных ценностей, противодействие деструктивным религиозным течениям.

Работа, которая ведется в регионе, имеет глубокий, фундаментальный смысл.

Освоение Сибири в XVII – начале XVIII в. было делом не только политическим, хозяйственным, но и духовным. Первые поселенцы на Енисее строили укрепленные города-остроги, в которых возводились деревянные церкви. С начала XVIII в. центром храмового строительства Приенисейской Сибири становится город Енисейск, начинается масштабное возведение каменных церквей. Мастера объединяются в артели и создают храмы и иконостасы, выполняя заказы по всему Приенисейскому краю

«Церковь Покрова», XVIII в.
(г.Красноярск, ул. Сурикова, 26)

Сибирская идентичность и сибирская культура выразились в появлении стиля «енисейское барокко» в архитектуре и енисейской школы иконописи. Для барочных памятников, выполненных Енисейскими мастерами, характерно применение в декоре фасадов завитков-волют и стрельчатого завершения, навеянного соединением восточных и западных традиций. Особенности Приенисейского письма проявляются в преобладании приглушенных серовато-зеленых или серо-голубых и сизо-синих оттенков, особенно в изображении фона. При этом имеет место активное включение ярких оранжево-красных сполохов контрастного цвета.

После всех исторических событий, связанных с разрушением храмов, только 15 % из них пережили это время и были поставлены на государственную охрану в разной степени сохранности, зачастую в руинированном состоянии. В количественном выражении это 80 объектов. Значительная доля объектов культурного наследия религиозного назначения находится в государственной собственности.

За десятилетний период работы выполнены мероприятия по государственной охране в отношении всех объектов культурного наследия религиозного назначения, в том числе в отдаленных труднодоступных территориях. Был восстановлен значительный культурный фонд в историческом поселении федерального значения Енисейске, ведутся работы по всему краю.

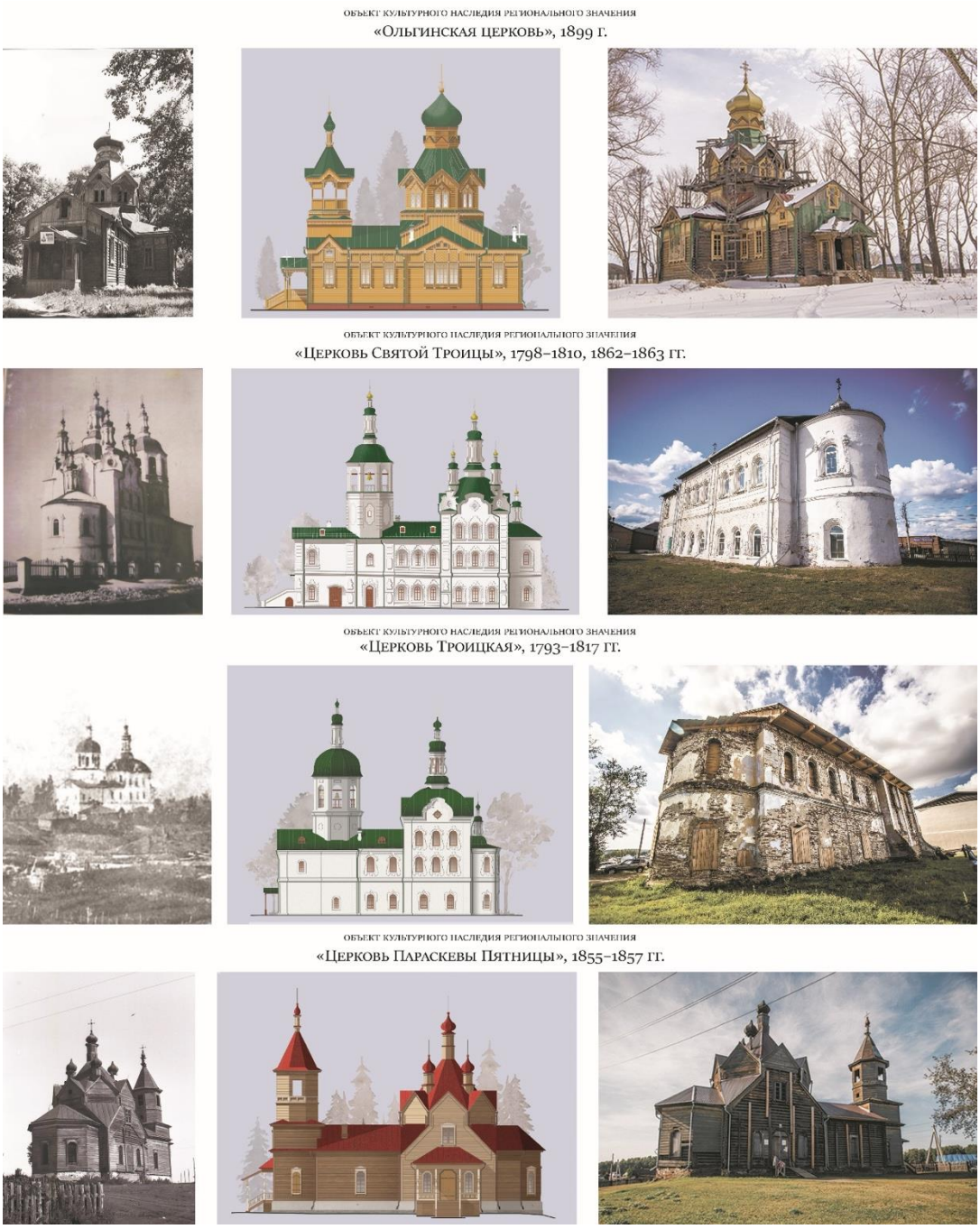
В настоящее время разработан проект реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Церковь Святой Троицы» (Емельяновский район, р.п. Емельяново, ул. Московская, 153), которую в 1890 году посещал А.П. Чехов, а в 1891 году Цесаревич Николай. За необычайную стройность силуэта и изящный барочный декор церковь в народе называли «белый лебедь».

В 2023 году в рамках подготовки к празднованию 200-летия основания города Минусинска завершаются работы по реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Церковь Вознесения», 1914 г., (г. Минусинск, ул. Корнева, 15б), построенного перед событиями

1917 года. Восстановленное пятиглавие церкви стало новым символом Минусинска, положившим начало возрождению старинного сибирского города.

Также проведены противоаварийные мероприятия и разработан проект комплексной реставрации объекта культурного наследия регионального значения «Ольгинская церковь, 1899 г» (Красноярский край, Уярский район, с. Ольгино, ул. Центральная, 2а). Здание деревянной церкви построено в неорусском стиле в период прокладки Средне-Сибирского участка Великой Сибирской железной дороги. Строительство осуществлялось на средства прихожан и фонда имени императора Александра III. Священные сосуды и колокола в храм были пожертвованы императорской семьей.

В общей сложности треть объектов поддержаны государством.

При этом реализуется комплексный подход, учитываются вопросы содержания и эксплуатации, распределения бремени, совмещения музейной и религиозной функций, добрососедства религии и музеев.

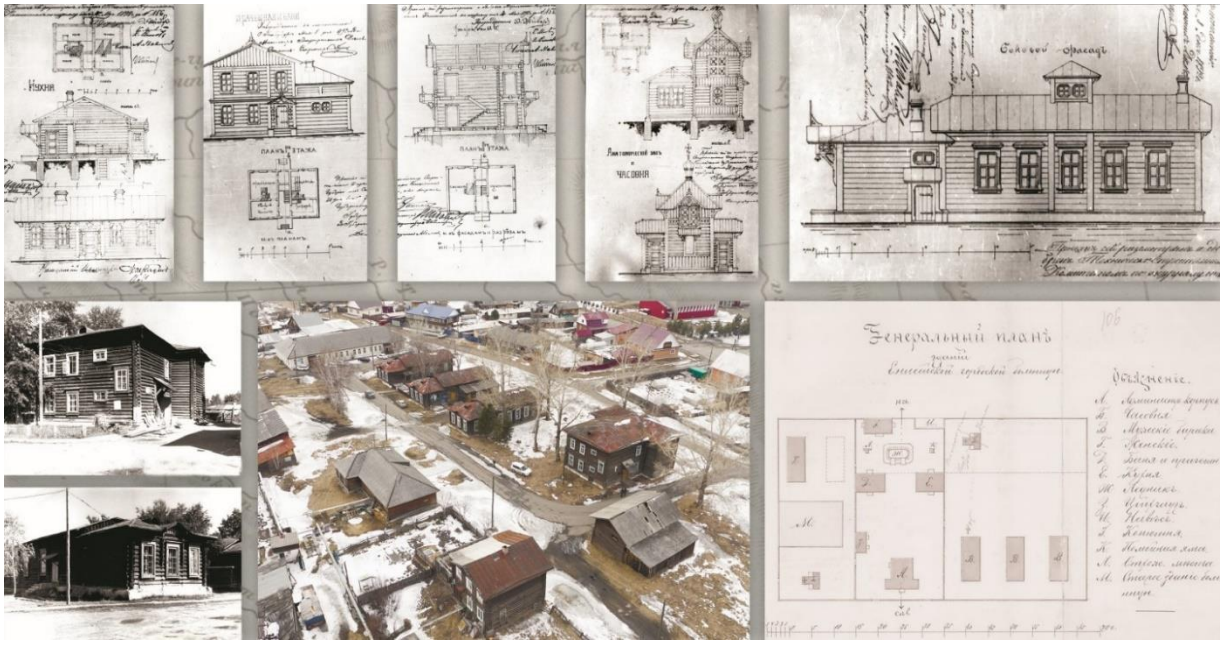
Так, появляются духовные и культурно-исторические центры, такие как КИЦ «Успенский» на территории Успенского мужского монастыря в городе Красноярске, духовный центр в Барабаново (сейчас здесь ведутся работы по реставрации церкви Параскевы Пятницы – шедевра деревянного зодчества середины XIX века с сохранившимися росписями, осуществляются благоустроительные работы на территории), планируемый духовный и методический центр «Касьяновский дом» на базе реставрируемого объекта культурного наследия федерального значения «Дом, где в квартире Красикова Петра Ананьевича в марте-апреле 1897 г. Ленин Владимир Ильич бывал для установления связей с местными социал-демократами» в городе Красноярске.

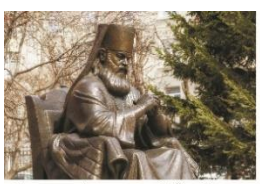
В городе Енисейске ряд объектов религиозного наследия после комплексной реставрации переданы Енисейскому музею-заповеднику для развития, в том числе паломнического туризма совместно вместе с Енисейской Епархией Русской Православной Церкви» (Московский патриархат).

На очереди также проект, направленный на сохранение наследия выдающегося святого и хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого, который дважды отбывал ссылку на территории Красноярского края в период с 1923 по 1926 гг. и с 1940 по 1944 гг.

В рамках социокультурного межведомственного проекта «Культурная столица Красноярья - 2023», центром которого выбран г. Енисейск, реализуется проект «Народный дом св. Луки (В.Ф. Войно-Ясенецкого)», направленный на сохранение комплекса строений, входящих в состав объекта культурного наследия регионального значения «Комплекс Енисейской городской больницы», 1899 г., после 1911 г., с 18 января по 3 марта 1924 г. (г. Енисейск, ул. Декабристов, 1).

Ведется работа над возрождением Знаменского скита (г. Дивногорск), имеющего историческую связь с Успенским мужским монастырем.

Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий Святитель Лука
Почитаемый православными многих стран мира святой, доктор богословия, выдающийся хирург, профессор медицины, автор более 40 научных работ, талантливый художник и духовный писатель.

Комплекс Енисейской городской больницы - место, где в период ссылки в 1924 г. работал В.Ф. Войно-Ясенецкий

Основной источник – краевой бюджет, в восстановительные работы вложено более 1 млрд рублей. Финансирование осуществляется в рамках реализации ГП КК «Развитие культуры и туризма», утвержденной постановлением Правительства Красноярского края от 30.09.2013 № 511-п, десятилетие которой отмечается в этом году.

Между Службой и Митрополией подписано соглашение о взаимодействии, которое подробно определяет формы и механизмы взаимодействия в вопросах сохранения ОКН и популяризации объектов культурного наследия религиозного назначения.

Сохранение и популяризация культурного наследия религиозного назначения способствует укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, является шагом к сохранению культурной самоидентичности, формированию ценностных и эстетических ориентиров в интересах настоящего и будущего поколений.

УДК 17.023.36

Российские древности: новая платформа для популяризации культурного наследия

Паевский Алексей Сергеевич
Научный журналист, спецпредставитель Десятилетия науки и технологий в России.
Москва, Россия
aspasp@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Портал «Российские древности» (http://russianold.ru) - один из проектов экосистемы, сложившейся вокруг объединенной редакции научно-популярных порталов Indicator.Ru и Inscience.News и выросший из тридцатилетнего увлечения научного редактора этих ресурсов Алексея Паевского древнерусской культурой и древнерусской архитектурой (уже – архитектурой домонгольского периода). Изначально так называлась рубрика, появившаяся в 2017 году на портале Indicator.Ru, в которой автор время от времени знакомил читателей научно-популярного портала с памятниками древнерусской архитектуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Платформа, древности, проект, культурное наследие

В июне 2020 года рубрика переросла в отдельный полноценный проект (пока что – волонтерский), который изначально включал в себя исключительно научно-популярные статьи о памятниках древней архитектуры России, ставя перед собой цель со временем рассказать и показать читателю все сохранившиеся подобные сооружения. Мы сразу же поставили себе три важных принципа написания формирования материалов – текстов и иллюстраций. Во-первых, все наши материалы – синоптические в евангельском смысле: мы видели памятники своими глазами. Во-вторых, мы стараемся опираться на научную, а не краеведческую литературу и «материалы из Интернета» при сборе информации. И в любом случае – верифицировать все данные. Кстати, иногда приходится серьезно разбираться в краеведческих легендах. Третий принцип: статьи портала – «живые». Потому что при написании статьи у автора всегда есть ограничения – лимит времени, лимит доступной литературы и так далее. Кроме этого, часто выходят новые исследования, памятник меняет свой облик – иногда в худшую сторону, разрушается, чаще – реставрируется. Поэтому мы стремимся по возможности обновлять тексты.

Критерии включения. Пространство, время и вера

Название проекта выбрано не случайно. Древности в проекте не русские («древнерусские»), а российские. Это означает, что проект описывает любые памятники на территории нашей страны (а некоторые – за ее пределами), вне зависимости от их этнической и конфессиональной принадлежности. На портале есть храмы (и иные культовые памятники), крепости, гражданские постройки. А храмы –

католические, православные, просто христианские, ибо созданы были до великого раскола, исламские памятники, иудейские, буддийские…

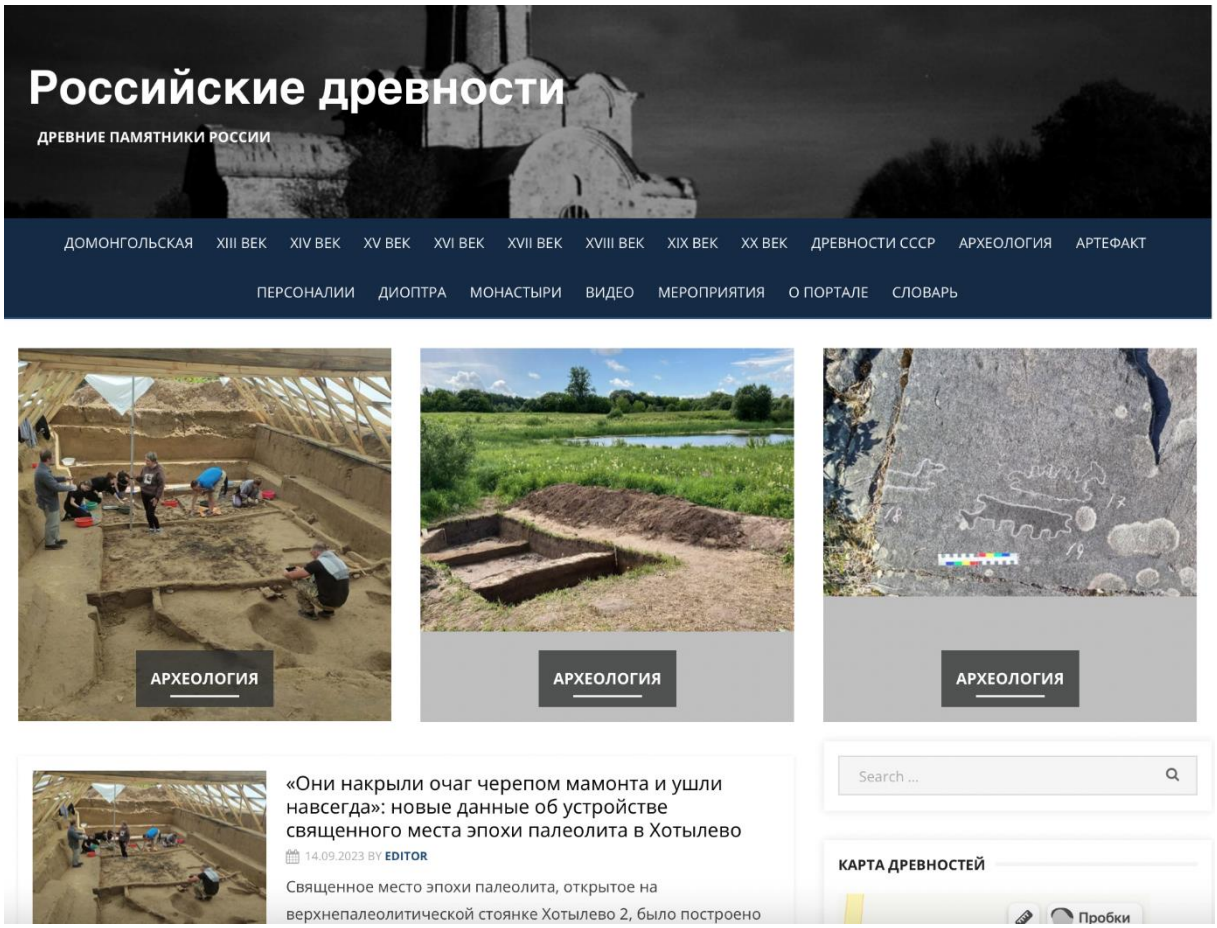

Рисунок 1. Главная страница портала

Несколько сложнее с хронологическими границами проекта. Понятие «древность» всегда относительно. Так, стандартная археология, например, Тулы, относящаяся к XVII веку, в России относится к «поздней», для археологов, специализирующихся на истории США, такой возраст – древность древностей. Мы проводим некую параллель между словом «древность» и термином «средневековье» и более ранних времен. Для истории России неким рубежом между старым и новым является, конечно, эпоха Петра Первого. Поэтому мы волевым решением приняли для себя, что древностью на европейской территории России по умолчанию считается любой памятник, построенный до 1701 года, от Урала и восточнее – с учетом провинциального запаздывания – до 1801 года. Если речь идет о деревянной архитектуре, до XVIII века памятник включается по умолчанию, более поздние памятники рассматриваются индивидуально. Например, первый дом Норильска, срубленный в 1920-х годах, мы сочли достойным размещения на портале, равно как и буддийский Хошеутовский хурул в Астраханской области – самую древнюю каменную пагоду на территории России, несмотря на то, что она построена в первой половине XIX века.

Важным элементом портала является картографическое сопровождение: в конце каждого материала представлен фрагмент Яндекс-карт с соответствующей геометкой, а на портале выложен отдельный слой карт со всеми геометками, к каждой из которых привязана ссылка на соответствующую статью.

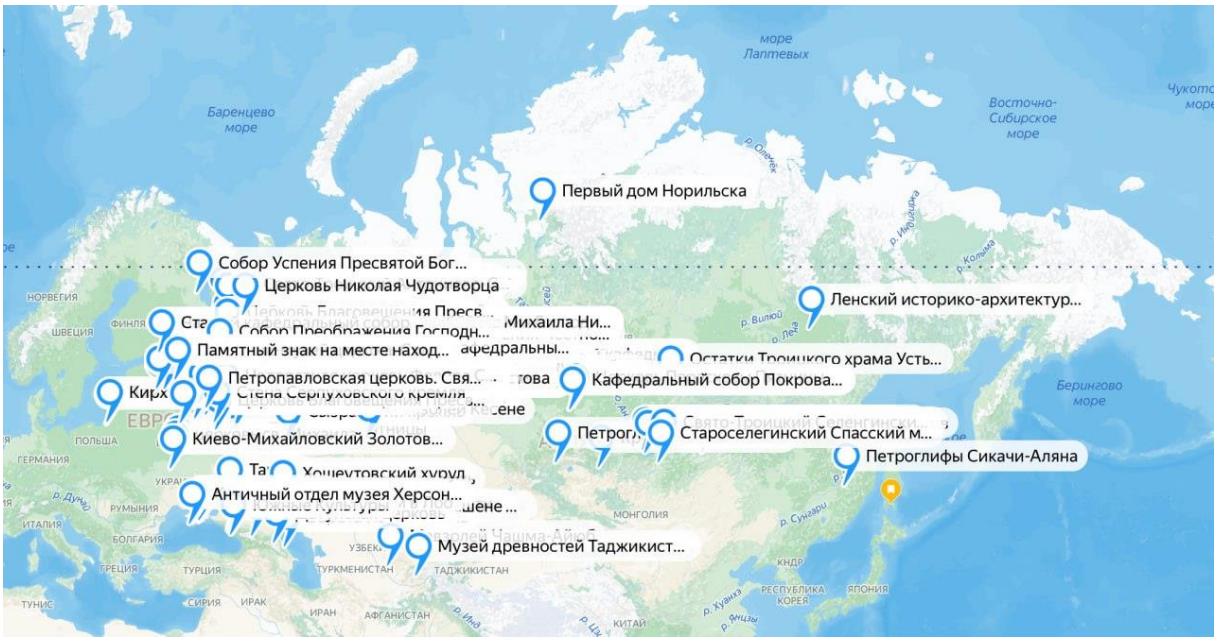

Рисунок 2. Карта древностей.

Большие путешествия «Российских древностей»

Основатель проекта путешествует по России регулярно – и активно пользуется этим для пополнения фотобанка «Древностей». Однако с самого основания мы стараемся и специально выезжать для фотосъемок наших будущих новых героев. Исторически сложилось, что в августе, вот уже четыре года подряд команда портала совершает большое автомобильное путешествие по древностям России. Первое путешествие 2020 года прошло по Вологодской, Архангельской и Костромской областям, заняло 9 дней и 4500 километров. Второе путешествие охватило памятники Ивановской и Кировской областей, Башкирии, Татарстана, а также весь Урал – от Ныроба до Аркаима. Третье путешествие охватило республики Кавказа, четвертое – в августе 2023 года – снова привело нас на Север, однако помимо Архангельской области мы объехали памятники Карелии, Мурманской и Ленинградской областей. За четыре путешествия было обследовано и отснято более 300 памятников. Всего на портале сейчас описано и размещено на карте около 250 памятников от Калининградской области до Хабаровского края и от Колы до Дербента. Ожидает своего времени еще приблизительно столько жеотснятых памятников.

Дополнительные рубрики, спецпроекты и серии публикаций

Достаточно быстро авторы портала поняли, что одной архитектуры для «Российских древностей» мало. Первыми на портале появились рубрики «Археология», где публикуются новости археологии, а также «Артефакт», посвященная более мелким памятникам древней материальной культуры, которые можно увидеть как под открытым небом, так и в музеях. Стали появляться и отдельные серии публикаций: «Говорящие древности» - про артефакты с надписями (берестяные грамоты, граффити, античные надписи), «Исчезнувшие» - про памятники, не дошедшие до нас. В социальных сетях портала появились серии постов «Древности на деньгах», «Древности на картинах», «Старое фото», «Фото дня» и так далее. Постепенно наполняется рубрика «Монастыри».

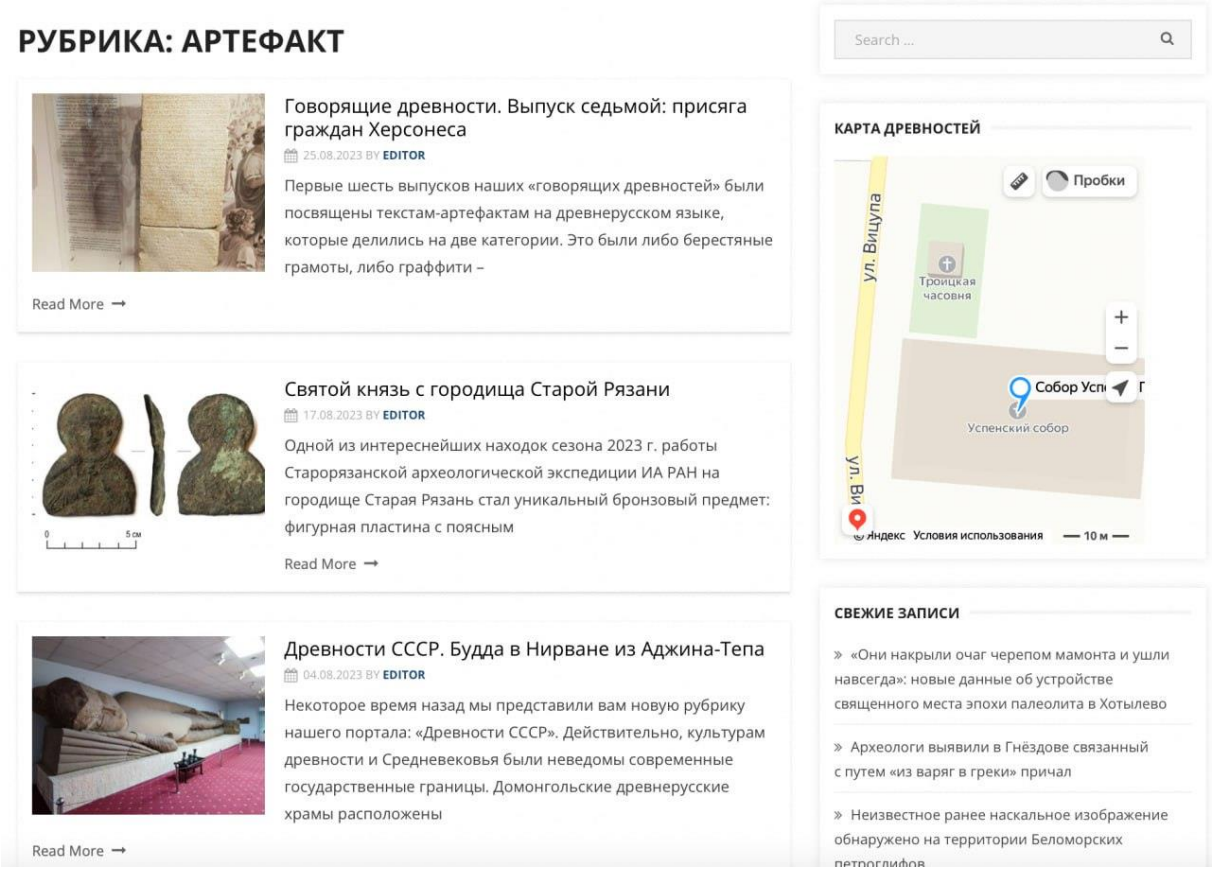

Рисунок 3. Рубрика артефакт.

Кроме того, на портале появилась отдельные рубрика и серия «Древности СССР» и «Домонгольские соседи» - посвященные памятникам архитектуры и артефактам на территории бывшего СССР и памятникам домонгольской древнерусской архитектуры на территории Украины и Белоруссии.

Позже появились еще две рубрики – «Видео», где мы с разрешения правообладателей выкладываем видеоматериалы по теме портала и «Диоптра» - энциклопедические статьи по смежным тематикам (например – статья о св. Христофоре Святом Псеглавце).

Кроме того, в августе 2023 года стартовал проект «Новгородский древности», который реализуется в рамках программы «Город-Университет» НовГУ при поддержке главы области: в рамках его планируется описать все средневековые постройки области (не менее 90 памятников).

В планах редакции – создание словаря терминов, наполнение «Диоптры» развернутыми статьями о самых распространенных посвящениях древнерусских храмов и большими статьями о местных архитектурных школах, рубрики «Списки» (надвратные храмы, домонгольские храмы и т.п. – с гиперссылками на соответствующие статьи), «Книги», «Персоналии» и так далее, а также сотрудничество с местными властями других регионов.

«Российские древности» во ВКонтакте: https://vk.com/russianold

«Российские древности» в Телеграм: https://t.me/russianold

УДК 72.035 (470.341–25)

О методологии исследования архитектурно-реставрационной деятельности в России начала XXI в.

Шумилкин Александр Сергеевич
кандидат архитектуры, доцент Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета.
Нижний Новгород, Россия.
a.shumilkin@asgard-arch.ru

АННОТАЦИЯ В статье обобщена и структурирована методология исследования архитектурно-реставрационной деятельности в России XXI в. Предложена авторская систематизация терминов и понятий по иерархическому принципу, выраженная в следующих категориях: направления, ценности, виды, принципы, методы, приемы реставрации. Представлена авторская схема-модель, имеющая практическое значение как для оценки реализованного объекта реставрации, так и для выбора оптимального методического решения на стадиях реставрационного проектирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Теория научной реставрации, объект культурного наследия, историческая подлинность, виды реставрации.

Важнейшее значение историко-культурного наследия заключено в его актуальной роли связующего звена в преемственности традиций, а сохранение и реставрация наследия – одна из базовых составляющих современного ресурса устойчивого развития страны. В широком культурном контексте реставрация представляется как форма или способ физической реализации процесса культурного наследования. По словам русского философа А.Ф. Лосева, «реставрация – это способ изучения наследия, и изучения не только группой профессионалов, но обществом, обретающим в культурном наследии родственную связь с деяниями предков» [7]. Говоря о реставрации как о способе познания истории, в том числе истории архитектуры страны и ее традиций, мы приходим к пониманию проблемы феномена реставрации как целостного социокультурного явления.

Во второй половине XX в. в отечественной теории архитектурной реставрации была выработана определенная классификация и систематизация реставрационных категорий, отразившая методологию исследования практики отечественной архитектурно-реставрационной школы. Проблема категориального аппарата теории и методологии реставрации во второй половине XX – начале XXI вв. разрабатывалась в трудах А.Л. Баталова, Ю.В. Боброва, Л.А. Давида, А.А. Кедринского, Л.Е. Красноречьева, С.Б. Куликова, Л.А. Лелекова, Е.В. Михайловского, С.С. Подъяпольского, О.И. Пруцына, Г.М. Штендера, А.С. Щенкова и других исследователей, в обобщающих трудах и сериях сборников ЦНИИ теории и истории архитектуры, Центральных научно-реставрационных проектных мастерских (г. Москва) и др. [1 – 6; 8 – 12].

Вместе с тем, сегодня архитектурная реставрация, по-прежнему, испытывает фундаментальную проблему, состоящую в отсутствии единой актуальной настоящему моменту методологии реставрационной деятельности. Отсутствует сформированная иерархия основных реставрационных категорий: видов, принципов, методов, приемов реставрации. Региональная разобщенность, недостаточная проработанность терминологии и методологии исследования реставрационной деятельности – факторы, затрудняющие формирование единого вектора устойчивого развития профессиональной архитектурно-реставрационной деятельности России в XXI в. На

практике процессы развития городских агломераций нередко сопровождаются утратой значимых объектов историко-градостроительной среды и ее крупных фрагментов по причине отсутствия единой реставрационной стратегии в работе с наследием архитектуры.

На основе комплексного анализа теории и практики архитектурной реставрации, опираясь на известные методологические положения [5, 8, 9, 10], автором обобщена и структурирована методология исследования архитектурно-реставрационной деятельности в России XXI в. Предложена авторская систематизация терминов и понятий по иерархическому принципу, выраженная в следующих категориях:

- направления (археологическое, синтетическое, стилистическое);
- ценности (историческая, архитектурно-археологическая, архитектурно-художественная, научная, градостроительная, ресурсная);
- виды реставрации – основное таксономическое подразделение в систематике методологии реставрации, универсальная наиболее крупная категория, формируемая совокупностью тех или иных принципов, также обладающих универсальностью и задающих общую направленность реставрационно-восстановительных работ (ремонтно-реставрационные работы, консервационная реставрация, инженерная реставрация, фрагментарная реставрация, археологическая реставрация, научная реставрация, градостроительная реставрация, синтетическая реставрация, стилистическая реставрация, комплексная реставрация, реконструкция в реставрации, воссоздание);
- принципы реставрации (правдивость, подлинность, целостность, масштабная взаимосвязанность, взаимосвязанность с окружающей архитектурной и ландшафтной средой, инженерного укрепления и др.);
- методы реставрации (максимального сохранения подлинного материала и технологий, укрепления структуры и деформированных частей памятника, реставрации на «оптимальную» дату, удаления поздних элементов, реставрации с приспособлением для современного использования, ревитализации и модернизации и др.);
- приемы реставрации (поддержание конструкций здания в работоспособном состоянии, докомпоновка утрат по сохранившимся частям, исправление деформированных частей объекта, применение аналогов исторических технологий, сигнация, графические реконструкции и др.) (рис. 1).

Разработана последовательность действий по выбору методологии реставрации или оценке, состоящая из направлений, ценностей, видов, принципов, методов, приемов, представляющая собой схему-модель методологии изучения реставрационной деятельности. Методология применима как для анализа и оценки реализованного отдельного объекта или ансамбля, так и в качестве программы при выполнении проекта реставрации. Разработка схемы-модели базируется на структурно-аналитическом методе, восходящем к системному подходу и синтезу многокомпонентных аспектов на различных уровнях. В основе схемы-модели методологии исследования архитектурно-реставрационной деятельности лежит комплексный анализ современной архитектурно-реставрационной отрасли на научно-теоретическом, профессионально-практическом, нормативно-законодательном уровнях (рис. 2).

Схема-модель методологии изучения реставрационной деятельности состоит из последовательных шагов движения по вариативным векторам развития – как с целью обозрения общего веера методик реставрации для оценки реализованного объекта, так и для выбора оптимального методического решения для объекта на стадии проектирования. Центром схемы-модели является методология реставрации как

основополагающее понятие реставрационной мысли, служащее ее отправной точкой. Последовательность выбора методологии реставрации объекта по схеме-модели включает следующие шаги:

1. Определение фактического технического состояния объекта наследия (нормальное, удовлетворительное, неудовлетворительное, предаварийное или аварийное), утверждаемого актом технического состояния ОКН; сбор имеющихся по объекту материалов исходных данных; соотнесение фактического состояния объекта с задачей дальнейшего использования, стоящей перед конкретным объектом реставрации или уже реализованным объектом. Данным шагом формируется общий программируемый вектор методологии оценки или развития реставрации.

2. На основе принятого вектора определяется его соответствие одному из трех фундаментальных направлений реставрации: археологическому, стилистическому, синтетическому. Данный шаг конкретизирует выбор методологии внутри заданного направления.

3. Каждое направление базируется на принятых в реставрации ценностных категориях наследия – ценностях:

- археологическое: историческая и архитектурно-археологическая ценность;
- стилистическое: градостроительная и ресурсная ценность;
- синтетическое: архитектурно-художественная и научная ценность.

Приоритетный выбор направления реставрации определяется двумя базовыми ценностями, каждая из которых задает дальнейший вектор изучения и конкретизации методики проекта реставрации.

4. Реставрационные ценности определяют выбор ведущих видов реставрации:

- историческая ценность: вид ремонтно-реставрационных работ, вид консервационной реставрации;
- архитектурно-археологическая ценность: вид археологической реставрации, вид инженерной реставрации;
- градостроительная ценность: вид градостроительной реставрации, вид воссоздание;
- ресурсная ценность: вид реконструкции в реставрации, вид комплексной реставрации;
- архитектурно-художественная ценность: вид стилистической реставрации, вид синтетической реставрации;
- научная ценность: вид научной реставрации, вид фрагментарной реставрации.

Данная стадия обозначает переход от определяющих ценностей к видам реставрации с созданием программы последующих реставрационных действий. На этой стадии методологии исследования реставрационной деятельности начинается плановая работа по реставрационному заданию госоргана охраны и ГОСТ 55528-2013 «Состав и содержание научно-проектной документации по реставрации ОКН».

Таким образом, авторская схема-модель отражает концептуальный подход, центральной и фундаментальной категорией которого является архитектурная реставрация. В круг непосредственного влияния на архитектурно-реставрационный процесс включены: направления, ценности, виды, принципы, методы, приемы реставрации. Данная модель показывает, что необходимым условием развития реставрации ОКН в России является целенаправленное переосмысление и совершенствование всех ее секторов, коррелирующих между собой и непосредственно влияющих на сферу методологии отечественной архитектурной реставрационной деятельности.

Список литературы

1. Баталов А. Путь эволюции категорий. Отношение к достоверности формы и подлинности материалов в отечественной реставрации XIX – начала XX века // Живой город: Pro et contra. О московской реставрации. Москва, 2010. С. 140–145.
2. Давид Л.А. Некоторые вопросы теории реставрации памятников архитектуры // Теория и практика реставрационных работ: сборник статей. Москва, 1972. Сборник № 3. С. 16–20.
3. Зверев В.В. От поновления к научной реставрации. Москва: ГосНИИР, 1999. 99 с.
4. История и теория реставрации памятников архитектуры / Сб. ст. под ред. Щенкова А.С. Москва: ЦНИИП градостроительства, 1986. 100 с.
5. Кедринский А.А. Основы реставрации памятников архитектуры. Обобщение опыта школы ленинградских реставраторов: учебное пособие. Москва: Изобразительное искусство, 1999. 182 с.
6. Лелеков Л.А. Теоретические проблемы современной реставрационной науки // Художественное наследие: хранение, исследование, реставрация: сборник научных трудов. Министерство культуры Российской Федерации, Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации (ВНИИР). Москва, 1989. Внеочередной выпуск. С. 5–43.
7. Лосев А.Ф. О понятии художественного канона // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки. Москва, 1973. С. 9.
8. Михайловский Е.В. Реставрация памятников архитектуры (развитие теоретических концепций). Москва: Изд-во литературы по строительству, 1971. С. 133 – 136.
9. Подъяпольский С.С. Реставрация памятников архитектуры / С.С. Подъяпольский, Г.Б. Бессонов, Л.А. Беляев, Т.М. Постникова. Москва: Архитектура-С, 2014. 288 с.
10. Пруцын О.И. Реставрация и реконструкция архитектурного наследия. Теоретические и методические основы реставраций исторического и архитектурного наследия: учебное пособие. Москва: Академия реставраций, 1996. 91 с.
11. Собирая камни… Центральные научно-реставрационные проектные мастерские. 65 лет / Н.Д. Троскина, С.Б. Куликов, А.С. Подъяпольский [и др.]. Москва: АртКом, 2012. 622 с.
12. Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации): сборник статей / Под ред. Д.С. Лихачева. Москва, 1981. С. 44 – 72.

ИСТОРИЯ СИБИРСКИХ ГОРОДОВ

УДК 94(57)

Репертуар деревянных афишных шрифтов типографий енисейской губернии (1884–1919 гг.)

Арбатский Иван Валентинович
Сибирский государственный Институт Искусств им. Дмитрия Хворостовского.
Красноярск, Россия
arbatsky.ivan@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье рассматриваются вопросы воссоздания (реконструкции) деревянных кириллических афишных шрифтов из репертуара типографий Енисейской губернии конца XIX – начала XX вв. Впервые дано библиографическое описание вложений к образцам красноярских типографий с деревянными афишными и указаны производители деревянных афишных шрифтов в Российской империи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Revival Type, реконструкция шрифтов, деревянные афишные шрифты, образцы шрифтов, библиография шрифтов, Енисейская губерния

В ходе научно-исследовательских работ по разработке проекта регенерации центральной части города Енисейска и формирования Паспорта требований, регламентирующих размещение наружной рекламы, вывесок и адресных указателей на территории объектов культурного наследия и их территорий, согласно требований статьи 35.1. «Распространение наружной рекламы на объектах культурного наследия, их территорий», Федерального закона от 08.03.2015 №50-ФЗ оказалось, что шрифтов, на кириллической основе в цифровом формате, возможных для применения на исторических вывесках и в информационно-рекламных носителях соответствующих стилистическому облику архитектурной среды исторического кластера города Енисейска, практически полностью отсутствует. Городская среда Енисейска, в котором сохранились постройки XVII и XVIII вв., исторические кварталы начала XIX века и целые улицы конца XIX – начала XX вв. требовала индивидуального подхода в решении городской адресной навигации и рекламных носителей города-памятника. Применение доступных шрифтов другого времени на вывесках разрушает стилистическое достоверность восстановленного архитектурного облика исторического центра города и вступает с ним в противоречие. В ходе выработки концепции формирования шрифтового графического образа города была принята программа выявления исторически обоснованных источников, на которых запечатлены образцы, достоверно отображающие шрифтовой облик городской среды сибирского провинциального города конца XIX века.

Работа с исторической городской средой г. Енисейска показала актуальность данного проектного решения в целом. Вслед за Енисейском в 2022 году отмечает 200-летний юбилей город Минусинск, в 2019 году в Красноярске принята программа создания реконструкции исторических кварталов к 400-летию города. Работы по реконструкции репертуара исторических шрифтов типографий Енисейской губернии обрели четко ориентированную необходимость и вышли за рамки региональных проектных задач. Развитие внутреннего туризма требует новые подходы в формировании стилистических особенностей территориального брендинга старинных сибирских городов. На первое место выходит уникальность территории ее исторический колорит и здесь не последнее место приобретает шрифт.

При прямом цитировании исторического прототипа т.е. факсимильной реконструкции (Facsimile Revival), когда происходит полное воспроизведение исторического шрифта с полным сохранением всех неправильностей и особенностей, с точки зрения современных тенденций, и характерных особенностей исторического

оригинала, требование к исходящему историческому прототипу шрифтовой реконструкции предельно максимальны. В идеале, в данной ситуации, требуется полная, исчерпывающая информация о историческом прототипе т.е. наличие печатных литер, матриц или самих пуансонов. В случае с деревянными афишными шрифтами, идеальным историческим материалом для качественной реконструкции, является полный набор шрифтовой наборной кассы афишного шрифта. Однако на сегодняшний момент такой исторический материал практически полностью отсутствует и по большей части безвозвратно утерян, остались лишь оттиски с деревянных литер.

В основе возрождения (реконструкции) исторического шрифта могут лежать различные цели и задачи, состав и структура которых определяется определенной проектной концепцией. В любом случае цифровая реконструкция является переработкой исторического шрифта для новой формы представления и иной репродукционной технологии воспроизведения текстовой информации. Даже если рисунок знаков подвергается минимальным искажениям все равно существуют технические ограничения, при которых следуют искажения отображения старых, аналоговых технологий репродукционного процесса. Следующим фактором влияющий на конечный результат является превалирование авторской концепции над историческим прототипом, тогда шрифтовая форма знаков перерабатывается более существенно, в таком случае реконструкция проходит как бы «на основе» или «по мотивам» исторического прототипа. Как отмечалось выше, если исторический шрифт не сохранился в подлиннике, отрисовка контуров знаков идет по оттискам, зачастую по неполным и при этом низкого качества. В этом случае это скорее всего процесс «возрождения», некогда существовавшего, но исчезнувшего объекта. Все эти факторы обозначают тонкую грань между факсимильной (научной) реконструкцией и возрождением исторического шрифта, адаптированным к современным реалиям с использованием возможностей цифровых технологий. В данном случае речь идет уже о т.н. производном дизайне шрифта, которые могут быть дополнены недостающими фрагментами (буквами, знаками…) созданными по аналогии или подобию, расширение состава знака для тех или иных задач: капители, строчных, цифр, альтернативных или акцентированных знаков и пр. Все эти аспекты аргументируют в конечном итоге поиск дополнительной исторической информации, связанной с поставленной проектной задачей реконструкции или возрождения исторического шрифта и определяют тип дизайна: исторический или производный, произвольный или оригинальной, авторской интерпретации идеи исторического шрифта. В любом случае при представлении итогового проектной результата необходимо указывать исходящий мотив т.е. исторический прототип, на который опирался автор.

Методика возрождения исторических шрифтов (Revival Type) хорошо отработана при реконструкции регулярных, текстовых шрифтов, отображающих большие массивы текста. В этом случае, зачастую, достаточно одного издания, в котором есть практически все знаки шрифта. В случае с афишными, а в особенности с деревянными афишными шрифтами крупного размера, все выглядит иначе. Качественные оттиски таких шрифтов широко представлены в разнообразных афишах: репертуарных и гастрольных театральных и цирковых афишах, в анонсах лекций, концертов, гуляний и пр. Стилистические особенности которых формировались исходя из репертуара афишных шрифтов (и деревянных в том числе) имеющихся в наличии в местной типографии. С этим обстоятельством, отчасти связан и определенный тонкий типографический колорит места гастроли, который был абсолютно естественен для современника, определял отличительный код территории. Определялся он репертуаром афишных шрифтов и авторскими типографическими приемами акцидентных наборщиком местных типографии.

Ценнейшим историческим документом и источником информации при реконструкции исторических шрифтов являются образцы типографий, в которых представлен репертуар шрифтов, находящейся в типографии. На рубеже веков, в конце XIX – начале XX века, образцы шрифтов типографий оформились в самостоятельный жанр, с четко обозначенными целями и задачами, так в руководстве для наборщиков Ф. Бауэра в 1911 году указывалось, что: „Устройство наборной всегда оканчивается составлением образцов всего имеющегося наборного материала в типографии, т.е. пробных строк со всех шрифтов, а также оттисков с инициалов, орнаментов, знаков, политипажей и проч. Такие *образцы шрифтов* необходимо иметь не только для наборной и конторы, но и при сношениях с заказчиком они приносят общую пользу“ [2, с. 83]. Не все типографии издавали образцы, несмотря на рекомендации: „Можно допустить, чтобы их составление и печатание всегда откладывалось на какое-то время, когда в типографии меньше работать, но все-таки, не следует откладывать надолго“ [там же, с. 83].

При составлении образцов рекомендовалось придерживаться, приблизительно, следующей рубрикации: Книжные шрифты; Титульные шрифты; Акцидентные и рукописные шрифты; Славянские и инородческие шрифты; Инициалы и начальные буквы; Бордюры, орнаменты и фоны; Линейки, разные знаки и политипажи. Если имелись в типографии деревянные афишные шрифты, то их размещали во вложениях к образцам, в самом конце каталога, на отдельных листах. На рубеже XIX-XX вв. издание типографиями образцов стало повсеместной общеупотребительной нормой.

Библиографическое описание изданий образцов русских словолитен и типографий, в которых имеются сведения о шрифтах, впервые предпринял в 1924 году организатор архива Госиздата, профессор высших художественных мастерских (ВХУТЕМАС) – Владимир Яковлевич Адарюков в книге «Библиография русских типографических шрифтов», обратив внимание на то, что: „Все эти издания «Образцов шрифтов», представляющие богатейший материал для истории наших шрифтов“ [1, с. 3]. В предисловии к библиографии образцов он указывал на проблемы, связанные с систематическим описанием подобных изданий: „Мы до сих пор не имеем истории наших шрифтов, несмотря на то, что у нас имеется довольно богатый материал, заключающийся в целом ряде изданных как частными, так и казенными типографиями «Образцов шрифтов» и многих данных, находящихся в архивах“ [там же, с. 3]. Библиография русских типографских шрифтов Адарюкова, до сих пор является наиболее полным библиографическим списком образцов словолитен типографий центральной части России, однако в библиографию не входят образцы выпущенных типографиями в провинциях, в частности и в сибирских губерниях. На это обращает внимание и сам Адарюков „ …достичь исчерпывающей полноты, конечно, и, несомненно, что издания этих в действительности было больше, чем указано здесь“ [там же, с. 9]. В связи с цифровизацией библиотечных фондов, на сегодняшний момент выявлены новые образцы, описание подобных изданий образцов, имеющих непосредственное отношение к Енисейской губернии, является целью статьи.

На сегодняшний момент, известны *семь* выпущенных в Енисейской губернии образцов типографий, изданных в 1880-е –1910-е годы.

Первые образцы в губернии были изданы в 1890 году типографией Е.Ф. Кудрявцева в которых представлены шрифты за 1884-1890 гг. [7]. Оборудование для своей типографии, Емельян Федорович Кудрявцев, приобрел в Томске после закрытия министерством внутренних в 1888 г. «Сибирской газеты», печатавшейся в первой частной типографии В.В. Михайлова и П.И. Макушина. Образцы шрифтов, не первое издание, выпущенное типографией, за год до этого Е.Ф. Кудрявцев издает «Образцы работ типолитографии Кудрявцева 1888–1889 гг.». Выпуская образцы, Кудрявцев в первую очередь преследуют рекламные цели демонстрации возможностей и

оснащения типографий, при этом практическое значение образцов, как руководство при работе с заказчиком, отходит на второй план. Так во вложениях к образцам типографии в Красноярске в 1890 году, демонстрирующих афишные шрифты отсутствуют указания на размер шрифтов, есть только сквозная нумерация шрифтов по всем образцам шрифтов от книжных, заголовочных до афишных. Емельян Федорович прекрасно понимал значение рекламы «высшего давления» и активно демонстрировал образцы своей типографии на всевозможных выставках: Казанская научно-промышленная выставка (золотая медаль, 1890); Красноярская сельскохозяйственная и промышленная выставка (1892); Международная выставка в Париже (1893); Международная выставка в Бельгии (серебряная медаль, 1894). В фондах Государственной универсальной научной библиотеке Красноярского края, имеются Образцы шрифтов и украшений типографии Е.Ф. Кудрявцева в Красноярске. 1884–1890 гг., выпущенных типографией в 1890 году. Обращает свое внимание тот факт, что ранняя дата (1884 г.), указанная на титуле образцов, не совпадает со временем приобретения типографии Кудрявцевым в 1888 году, возможно часть образцов была отпечатана еще в типографии Михайлова и Макушина для «Сибирской газеты» в Томске и вместе с оборудованием перешла в пользование к Е.Ф. Кудрявцеву. В связи с этим обстоятельством, косвенное отношение к репертуару шрифтов типографий Енисейской губернии, имеют еще одни образцы, изданные в Томске типографией Михайлова и Макушина в 1887 году [Образцы тип. Михайлова и Макушина в Томске. 1887]. В 1895 году, после открытия второй своей типографии в Ачинске, Е.Ф. Кудрявцев издает еще одни образцы «*Образцы шрифтов* и украшений типографии Е.Ф. Кудрявцева в Ачинске».

В 1891 году, типографией Штеблера в Енисейске отпечатано, второе по счету, издание образцов в Енисейской губернии. Об образцах типографии Симона Николаевича Штеблера, есть упоминание у Л.Б. Бердникова в очерках истории местного управления и самоуправления 1822-1916 гг. «Вся красноярская власть. Факты, события, люди», изданной Красноярским книжным издательством в 1995 году в Красноярске: „В 1891 году здесь напечатали первую типографическую рекламную книгу в нашей губернии «Образцы шрифтов и политипажей типографии Штеблера в Енисейске», рассказывающих о мастерстве местных полиграфистов. В настоящее время во всех библиотеках России это издание отсутствует“ [3, с. 259].

Первая в губернии (с 1857 г.), Енисейская губернская типография, издает при управляющем Ф.И. Дмитриеве в 1898 году, собственные образцы – «Образцы шрифтов Енисейской губернской типографии в Красноярске за 1898 год» [6]. Распространялись образцы губернской типографии бесплатно, в местах и лицам, которые производили постоянные заказы [4, №41]. Эти образцы, в отличии от образцов Кудрявцева, имели еще и практическую ценность, на всех образцах шрифтов, включая и деревянные афишные шрифты, указан кегль шрифта.

Имеются сведения о том, что в Минусинске типографией В.В. Федорова отпечатаны – «Образцы шрифтов типографии Василия Васильевича Федорова, в городе Минусинске. Печатано в типографии В.В. Федорова», сведения о годе выпуска образцов отсутствуют.

Последними образцами, имеющее отношение к дореволюционному периоду Енисейской губернии, является издание образцов типографии Енисейского Губернского Союза Кооперативов, изданных в 1919 году в собственной типографии. Типография принадлежала образованному в 1915 году Енисейскому торгово-промышленному товариществу кооперативов, реорганизованному в 1916 г. в енисейский губернский союз потребительских обществ т.н. «Енгубсоюз». В августе 1918 г., регистрируется новый устав Енгубсоюза, первым параграфом Основных положений которого сказано: „В целях содействия организованности о обмене и

производстве предметов потребления и домашнего обихода, а также в целях способствования установлению постоянных сношений между потребительскими обществами и артельными лавками Енисейской губернии, а также их районными объединениями, для правильной постановки и развития их дел и для организации совместной их деятельности, направленной к наиболее успешному достижению их задач в деле улучшения материального и духовного благосостояния своих членов, учреждается Енисейский Губернский Союз Кооперативов“ [11, с. 1]. Устав был отпечатан в собственной типографии Енисейского губернского союза кооператоров в Красноярске. Образцы типографии «Енгубсоюза» оцифрованы и находятся в фондах краевой библиотеки [8].

Из всех выявленных образцов типографий Енисейской губернии, вложения с деревянными афишными шрифтами имеются только в образцах, находящихся в фондах Государственной научной библиотеке Красноярского края: *образцы* типографии Е.Ф. Кудрявцева 1890 года, *образцы* Енисейской губернской типографии за 1898 г. и *образцы* типографии Енисейского губернского союза кооперативов, изданных в 1919 г.

Репертуар деревянных афишных шрифтов типографии Е.Ф. Кудрявцева в Красноярске (1884-1890)

Таблица №1

№	Размер	Текст образца	Примечания
Лист первый. ТИПОГРАФІЯ Е. Ѳ. КУДРЯВЦЕВА ВЪ КРАСНОЯРСКѢ. АФИШНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ.			
425	не указ.	СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОК	№№ 245-426, один шрифт
426	»	Енисейской Губерніи Итальянский	
427	»	ГРАФЪ А. П. ИГНАТЬЕВЪ	
428	»	ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ДУНАЙ И БАЛКАНЫ	
429	»	ДМИТРІЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ПѢШКОВЪ	Ф.Ш. Марк А. Гордон, №.451
430	»	ТОРГОВЫЙ Д. ГАДАЛОВЪ С-Я.	схож с №438
431	»	ПУТЕШЕСТ. ВОКРУГ СВЕТА ВЪ ОДИНЪ ЧАС. ІОАН. ГРОЗНЫЙ	
Лист второй. ТИПОГРАФІЯ Е. Ѳ. КУДРЯВЦЕВА ВЪ КРАСНОЯРСКѢ. АФИШНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ.			
432	не указ.	Городск. Библіотек.	№№ 232-433, один шрифт
433	»	ОБЩЕСТВЕННАЯ	
434	»	РУССКО-ТУРЕЦ. ВОЙНА ВЪ 1877-8. Г.	Ф.Ш. Марк А. Гордон, №.412
435	»	АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧ. ПУШКИНЪ	
436	»	КНЯЗЬ В. Д. ДОЛГОРУКОВЪ	
437	»	НОЧНОЕ И КАКЪ ГУЛЯЕТЪ СТАРОС. СЕМ. ИВ.	
Лист третий.			

ТИПОГРАФІЯ Е. Ѳ. КУДРЯВЦЕВА ВЪ КРАСНОЯРСКѢ. АФИШНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ.			
438	не указ.	ТЕЛЯКОВСКІЙ	Ф.Ш. Марк А. Гордон, №.365
439	»	Программа	№№ 238-439, один шрифт
440	»	КОНЦЕРТА	
401	»	ЮЖНЫЕ И СѢВЕРНЫЕ ПРІИСК. Древний, скруг.	
442	»	БРАЗИЛЬСКАЯ ОБЕЗЯНА ЖОКО	Ф.Ш. Марк А. Гордон, №.474
Лист четвертый. ТИПОГРАФІЯ Е. Ѳ. КУДРЯВЦЕВА ВЪ КРАСНОЯРСКѢ. АФИШНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ.			
443	не указ.	КРАСНОЯРСКІЙ ГОРД. МУЗЕЙ	
444	»	АЛ. В. СУВОРОВЪ	
445	»	АЛЕКСАНДРХ ТРЕТІЙ	
446	»	ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБНРН.	
Лист пятый. ТИПОГРАФІЯ Е. Ѳ. КУДРЯВЦЕВА ВЪ КРАСНОЯРСКѢ. АФИШНЫЕ ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ.			
447	не указ.	Война и	№№ 247-428, один шрифт
448	»	МИРЪ \ Итальянский	
449	»	НИКИФОРОВЪ	Ф.Ш. Марк А. Гордон, №.540
450	»	НА ХУТОРЕ	

Образцы типографии Е.Ф. Кудрявцева имеют формат в 34×26 см. Вложения из 5 листов, с афишными шрифтами, отпечатанных на цветной афишной бумаге, крашенной в массе. На листах вложений показаны 22 образца разных размеров, которые имеют сквозную нумерацию со всеми образцами без указания размера шрифта. Всего образцах представлено 15 афишных шрифтов.

РЕПЕРТУАР ДЕРЕВЯННЫХ АФИШНЫХ ШРИФТОВ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФИИ (1898)

Таблица №2

№	**Кв.**	**Ц.**	**Текст образца**	**Примечания**
Лист первый (оранжевый) ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ ЕНИСЕЙСК. ГУБ. ТИПОГРАФІИ, ВЪ КРАСНОЯРСКѢ				
1	1	4	СИБИРЯКЪ	Египет.
2	1½	5	ЦАРЬ-ГРАДЪ	Тосканский
3	1¾	7	ЮПИТЕРЪ	Хромат. шрифт с тенью
			ЮПИТЕРЪ	
4	2	8	ЕЛЕНА ПРЕКРАСНАЯ	Древ., скруг.
5	2	8	ИРКУТСКЪ*	Итал.

6	2	8	УРАЛЪ*	Латин.
7	2¼	9	СИМБИРСКЪ	Гротеск
8	2½	10	ГЕРМАНІЯ*	Гротеск
Лист второй (коричневый) Енисейская Губернская Типографія, въ КрасноярскѢ. ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ				
9	2½	10	НЕВА	Египет.
10	3	12	КОНСТАНТИНОПОЛЬ	Египет.
11	3	12	ХАБАРОВЪ	Итал.
12	3½	14	КРАНОВЪ	Гортеск
15	4½	18	КРАСНОЯРСКЪ*	Итал.
Лист третий (оливковый) ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБ. ТИПОГРАФІИ ВЪ КРАСНОЯРСКѢ (с одну строку)				
17	4	16	СЕВАСТОПОЛЬ*	Итал.
18	4	16	ЛЕРМОНТОВЪ	Итал.
19	3¾	15	ПЕТРОПАВЛОВСКЪ*	Гротеск
Лист четвертый (коричневый) ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНСК. ТИПОГРАФІЯ, ВЪ КРАСНОЯРСКѢ ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ				
13	3½	14	ПОТЕМКИНЪ	Итал.
14	3¾	15	ПОЛТАВА	Тоскан.
16	7	28	КУТУЗОВЪ	Египет.
Лист пятый (синий) ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНСК. ТИПОГРАФІЯ. ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ				
23	5¾	23	КАЛАШНИКОВА*	Итал.
24	5½	22	МАРІЯ*	Египет.
25	5	20	ШУША*	Итал.
Лист шестой (бежевый) ЕНИСЕЙСКАЯ ГУБЕРНСК. ТИПОГРАФІЯ, ВЪ КРАСНОЯРСКѢ ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ				
20	5	20	СКОБЕЛЕВЪ ФЕЯ	Итал.
21	7	28	СУВОРОВЪ*	Египет.
Лист седьмой (оранжевый) Енисейск. Губернск. Типографія, въ КрасноярскѢ. ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ.				
26	5	20	АЧИНСКЪ	Гротеск, скруг.
27	5¾	23	МАНА	Итал.
28	5	20	ЗАРЯ	Египет.
29	6	24	ТОМЬ*	Итал.
Лист восьмой (оранжевый) ДЕРЕВЯННЫЕ ШРИФТЫ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБ. ТИПОГРАФІИ, ВЪ КРАСНОЯРСКѢ.				
30	9	36	КЛИМОВЪ*	Антиква
31	5	20	23456	Египет.
32	2	8	1234567890	Египет.
33	3	12	1234567	Египет.

Образцы Енисейской губернской типографии за 1898 год, имеют формат в 34×26 см. Отдельным вложением в образцы, на последних восьми листах, показаны образцы

деревянных шрифтов типографии, отпечатанных на цветной афишной бумаге, связанных отдельной от каталога сквозной нумерацией под номерами с указанием размера шрифта, т.н. «№30. 9 квадратов». Всего в образцах, из 33 образцов разных размеров, представлено *23 гарнитуры* деревянных афишных шрифтов.

Подробное описание текстов вложений с деревянными афишными шрифтами дано в таблице №2.

РЕПЕРТУАР ДЕРЕВЯННЫХ АФИШНЫХ ШРИФТОВ ТИПОГРАФИИ ЕНИСЕЙСКОГО ГУБЕРНСКОГО СОЮЗА КООПЕРАТОРОВ (1919)

Таблица №3

№	Кв.	Реал, касса	Текст образца	Примечание
Лист первый. ОБРАЗЦЫ ШРИФТОВЪ Типографіи Енисейск. Губерн. Союза Кооперативовъ в КрасноярскѢ.				
1	1	Реалъ 12, касса 107.	Изобрѣтеніе книопечата	
2	1	Реалъ 12, касса 107.	ИЗОБРѢТЕНІЕ	Египет.
3	1½	Реалъ 12, касса 107.	ИЗОБРѢТЕНІЕ КНИОПЕЧАТАНІЯ ВОВСЕ	
4	1¾	Реалъ 12, касса 107.	ИЗОБРѢТЕ	Египет.
5	2	Реалъ 12, касса 107.	ИЗОБРѢТЕНІЕ КНИГИ	Итал.
6	2	Реалъ 12, касса 109.	ИЗОБРѢТЕНІ	
7	2½	Реалъ 12, касса 107.	ИЗОБРѢТЕНІЕ	Итал.
8	2½	Реалъ 12, касса 110.	ИЗОБРѢТЕНІ	
9	3	Реалъ 12, касса 107.	ИЗОБРѢТЕНІЕ КНИГ	
10	3	Реалъ 12, касса 109.	ИЗОБРѢТЕНІЕ	Итал.
11	4	Реалъ 12, касса 114.	Изобрѣт ИЗОБРѢ	Египет.
12	3	Реалъ 12, касса 108.	ИЗОБРѢТЕНІЕ	
13	3½	Реалъ 12, касса 114.	ИЗОБРѢТЕНІ	Египет.
14	4	Реалъ 12, касса 109.	ИЗОБРѢТЕНІЕ КНИ	Итал.
15	4	Реалъ 12, касса 109.	ИЗОБРѢТЕНІЕ К	Итал.
16	4	Реалъ 12, касса 110.	ИЗОБРѢТЕНІ	Египет.
17	4	Реалъ 12, касса 108.	ИЗОБРѢТ	

18	5	Реалъ 12, касса 112.	ИЗОБРѢТЕН	
19	5	Реалъ 12, касса 111.	ИЗОБРѢТЕНІ	Итал.
Лист второй. ОБРАЗЦЫ ШРИФТОВЪ Типографіи Енисейск. Губерн. Союза Кооперативовъ в КрасноярскѢ.				
20	4	Реалъ 12, касса 111.	ИЗОБРѢТЕНІЕ	
21	8	Реалъ 12, касса 115.	ИЗОБРѢТЕНІ	Гротеск
22	9	Реалъ 12, касса 112.	ИЗОБРѢТЕ	
23	10	Реалъ 12, касса 118.	ИЗОБРѢТЕ	Египет.
—	2 ¼	Реалъ 12, касса 108	12345	
—	3	Реалъ 12, касса 108	12345	
—	5	Реалъ 12, касса 108	12345	
—	8	Реалъ 12, касса 108	12345	Гротеск

Деревянные афишные шрифты Типографии Енисейского губернского Союза Кооперативов в Красноярске за 1919 год представлены на 2-х листах вложений к образцам типографии пронумерованных отдельно с №1 по №. Вложения напечатаны на листах, сложенных под формат образцов. Всего в образцах типографии Енисейского губернского союза кооператоров представлено 23 деревянных афишных шрифта .

Подробное описание текстов вложений с деревянными афишными шрифтами дано в таблице №3.

Всего, во вложениях к образцам типографий Енисейской губернии, представлено около 65 деревянных афишных шрифтов, так в типографии Е.Ф. Кудрявцева (1884-1890 гг.) имелось 15 различных по рисунку гарнитур деревянных афишных шрифтов в Енисейской губернской типографии – 27 и во вложениях с образцами деревянных шрифтов типографии Енисейсккого губернского союза кооперативов (1919) – 23 шрифта.

Эта обширная коллекция оттисков в деревянных литер представляет репертуар русских деревянных шрифтов приобретенными типографиями в Енисейской губернии с 1884 по 1919 гг., т.е. за период более чем в 45 лет. Сведения о том, кто изготавливал деревянные шрифты в Российской империи и у кого приобретали типографии подобные шрифты крайне скудны. Однако удалось определить некоторых из изготовителей деревянных афишных шрифтов. Известно, что деревянные шрифты производились крупной словолитней И.О. Лемана в Санкт-Петербурге, так в образцах 1902 года имеется деревянные шрифты, изготовленные в словолитни Лемана. Упоминания о приобретении шрифтов у Лемана есть в рекламной листовке Образцов работ типографии Е.Ф. Кудрявцева за 1888-1899 год.

Некоторые афишные шрифты образцов типографии Кудрявцева за 1884-1890 гг. совпадают по рисунку со шрифтами Фабрики шрифтов Марка А. Гордона в г. Вильне, представленных в каталоге Первой Всероссийской Выставки Печатного Дела, походившей в с 19 февраля по 15 июня 1895 в г. С.-Петербурге [5, группа VI].

Отдельные деревянные афишные шрифты репертуара типографий г. Красноярска совпадают по рисунку с образцами Фабрики механического производства деревянных шрифтов и типографской мебели А.С. Белинкина, изданных в 1912 году в г. Одесса.

Выявленный репертуар деревянных афишных шрифтов типографий Енисейской губернии дает возможность представить в общем виде стилистические особенности типографического оформления афиш последней четверти XIX века и начала XX века, вплоть до национализации типографий в 1920 году.

Список литературы

1. Адарюков В.Я. Библиография русских типографских шрифтов : с 46 таблицами / В.Я. Адарюков ; Комис. По изучению искусства книги при Гос. изд-ве. – М. : Гос. изд-во, 1924.
2. Бауэр Ф. Руководство для наборщиков : с рис. и примерами в тексте и 16 табл. акцидент. примеров в красках / [Соч.] Фридриха Бауэра; Пер. со 2-го нем. испр. изд. и доп. В. Анисимов и Т. Шиварс. — Санкт-Петербург : т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1911.
3. Бердников Л.П. Вся красноярская власть: Очерки истории местного управления и самоуправления (1822–1916). Факты, события, люди. – Красноярск: Кн. Изд-во, 1995.
4. Енисейские губернские ведомости. 1899, №41
5. Каталог первой Всероссийской выставки печатного дела при Императорском Русском техническом обществе, состоящей под высоким покровительством е. и. в. великого князя Константина Константиновича. 19 февраля – 15 июня 1895. – 2-е изд. – Спб., 1895.
6. Образцы шрифтов Енисейской губернской типографии в Красноярске за 1898 год. – Красноярск : Енисейская Губернская Типография, 1898.
7. Образцы шрифтов и украшений типографии Е.Ф. Кудрявцева в Красноярске : 1884–1890. – Красноярск : типография Е.Ф. Кудрявцева, 1890.
8. Образцы шрифтов, орнаментов, украшений и политипажей [типография Енисейского губернского союза кооперативов]. – Красноярск : Типография Енис. Губ. Союза Кооперативов, 1919.
9. Руководство для типографщиков : в 2 т. / сост. Н.Ф. и Р.Н. Т. 1. О производстве набора. – Санкт-Петербург : Обществ. польза, 1874.
10. Типография Михайлова и Макушина в Томске : существует с 1887 года : образцы шрифтов, украшений, политипажей и прочих принадлежностей тиснения. – Томск : Типогр. В.В. Михайлова и П.И. Макушина, 1887.
11. Устав Енисейского губернского союза кооперативов. – Красноярск : Тип. Енисейск. Губ. Союза Кооперативов, 1918

УДК 94(571.513–25).084.8:008

Культурное развитие г. Абакана в годы Великой Отечественной войны

Артамонова Надежда Яковлевна
Доктор исторических наук, профессор
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.
Абакан, Россия
lazar1918@yandex.ru
https: ORCID:0000-0002-5965-6798

АННОТАЦИЯ В статье раскрываются особенности культурного развития города Абакана, центра Хакасской автономной области, в годы Великой Отечественной войны. Автор акцентирует внимание на агитационно-пропагандистских функциях культуры, перестройке деятельности культурно-просветительных учреждений в соответствии с требованиями военного времени. В статье отмечается вклад отдельных сфер культуры (театральное искусство, культурно-просветительные учреждения и др.) в достижение Победы над врагом. Их деятельность была подчинена целям пропаганды идей патриотизма, героических традиций и образцов воинского и трудового героизма советских людей. Отечественная культура оказала влияние на духовное и моральное единение населения города в годы Великой Отечественной войны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Город Абакан, Хакасская автономная область, Великая Отечественная война, культура.

Великая Отечественная война стала испытанием на прочность жизнестойкости СССР, верности своей Родине граждан советского государства. Огромное воздействие на духовное, идейное и моральное сплочение населения страны в годы войны оказала отечественная культура.

В сентябре 1941 г. был издан приказ № 656 от 2 сентября1941 г. «О работе политико-просветительных учреждений в военное время» [10]. В соответствии с этим документом деятельность политико-культурных учреждений (клубов, агитпунктов, музеев, библиотек) должна быть подчинена целям пропаганды идей патриотизма, героических традиций и образцов воинского и трудового героизма советских людей.

Идейным оружием в борьбе против врага становились театр, печать, радио, кино, наука, образование, которые также выполняли агитационно-пропагандистские функции.

Оставшейся в тылу интеллигенции нужно было «переосмыслить и изменить содержание и формы творческой работы, найти наиболее эффективные и целенаправленные формы участия в военной жизни» [Цит. по: 9, с.27]. Именно на плечи интеллигенции легли агитационно-пропагандистские функции культуры, направленные на патриотическое воспитание, духовную мобилизацию населения.

Культурное развитие любого города представляется важной частью в контексте истории страны, региона. Культурное существование города Абакана в военные годы было посвящено в целом мобилизации людей на достижение неизбежной Победы над врагом.

В современной историографии Хакасии тема культурного развития Хакасской автономной области в период Великой Отечественной войны представлена лишь немногими публикациями. Так, в работах Э.М. Коковой [7], В.Ф. Шлыка (в соавторстве с Л.К. Шлык) [15], Н.Я. Артамоновой (в соавторстве с В.К. Лушниковым) [2], Ю.Б. Костяковой [8] данная проблема является одним из аспектов культурного развития города Абакана.

Определенную помощь в подготовке статьи оказали немногочисленные опубликованные источники. Так, небольшая информация о культурном развитии города в военные годы содержится в книге В.М. Торосова «Абакан» [13] и в биобиблиографическом сборнике «Градоначальники города Абакана» [6]. Большой информационной насыщенностью обладает книга Л. Белоусовой [4].

В условиях военного времени приоритетное место занимала агитационно-пропагандистская деятельность, позволявшая охватить широкие массы населения. Средоточием агитационно-пропагандистских сил в годы войны являлись агитпункты, которые находились под контролем областного и городского отделов пропаганды и агитации ВКП(б).

Большую работу в области пропагандистско-агитационной деятельности осуществляла лекторская группа г. Абакана, которая состояла в начале 1942 г. из 21 человека. Ее костяк составляли преподаватели учительского института, а также активисты из партийной и непартийной интеллигенции города. За 1942 г. в учреждениях и артелях города лекторами было прочитано 287 лекций [5, с. 209].

Каждая лекция перед населением города с первых дней Отечественной войны была на злобу дня и призывала к самоотверженному труду во имя достижения Победы над врагом.

Заслуживает внимания тот факт, что прочитанные лекции были предназначены для определенных групп людей с учетом занимаемой ими должности, их общеполитического образования:

- Для ночных, дневных сторожей и охранников – «Усиление охраны социалистической собственности в военное время», «Революционная бдительность», «Текущий момент Великой Отечественной войны и наши задачи».
- Для домработниц и пенсионеров – «Противопожарная охрана и ее значение в ночное время».
- Для учителей города – «Коммунистическое воспитание детей в военное время», «Воспитательная работа на уроке» (докл. канд. пед. наук В.В.Смолина).
- Для учителей-математиков – «Теория относительности» (докл. канд. физ.-мат. наук Б.В. Кутузов).
- Для артистов Русского драматического и национального театров были прочитаны 7 лекций по истории СССР.
- В госпиталях были прочитаны лекции преподавателями учительского института: «А.С. Пушкин – великий русский поэт», «Лермонтов – патриот», «Некрасов – поэт-патриот».
- Для эвакуированных жен младшего состава – «Женщина в Великой Отечественной войне», о международном положении [5, с.209].

Несмотря на резкое изменение повседневной жизни горожан, ухудшение материального положения, ужесточение трудового законодательства, психологическую и физическую усталость в военный период, люди стремились соприкоснуться с прекрасным, романтическим. Такие возможности зрителю мог предоставить театр, искусство, мощное по силе воздействия на сознание и настроение человека [2, с.75]. В предвоенный период в г. Абакане действовали три театра: областной театр русской драмы, Хакасский национальный и кукольный. В годы войны центральное место в деятельности театров занимали пьесы, посвященные патриотической, антифашистской тематике. 1942 г. «был годом некоторого репертуарного колебания, что объясняется отсутствием достаточно интересных и актуальных советских пьес» [5, с.211]. И только к концу 1942 г. этот репертуар сформировался.

Свой четвертый сезон (ноябрь 1942 г.) театр русской драмы начал с только что вышедшей в свет пьесы К. Симонова «Русские люди», которая по праву считается одной

из лучших пьес о Великой Отечественной войне. Как пишет В.Ф. Шлык, спектакль «шел на едином дыхании и принимался зрителями как гимн борьбы с фашистскими захватчиками»[15, с. 64]. В военные годы зрители также с интересом смотрели спектакль «Парень из нашего города» (К.Симонов), повествовавший об истоках личного мужества и героизма воинов-танкистов. Однако горожан и жителей области привлекали спектакли не только военно-патриотического характера. Оставались востребованными пьесы «Без вины виноватые», «Доходное место», «Снегурочка» (А.Н. Островский), «Васса Железнова» (А.М. Горький), «Мария Тюдор» (В. Гюго), «Женитьба Фигаро» (П. Бомарше) и др. [5, с. 211-212].

Невзирая на тяжелые условия труда, постоянные обновления коллектива, повседневная творческая жизнь в театре не останавливалась. Патриотические постановки не сходили со сцены театра до конца войны. Спектакль «Парень из нашего города» в 1942 г. собирал в среднем по 293 зрителя [2, с.76].

В 1943 г. театр обновил репертуар за счет включения в него драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад» (режиссер-постановщик Г.А. Немирович-Данченко), которая на долгие годы, по мнению В.Ф. Шлыка, была «как бы отправной точкой в своем обращении к настоящей, большой драматургии» [15, с. 81].

Велика была роль в повседневной жизни населения города и области Хакасского национального театра. У театра не было своего стационарного помещения, поэтому в годы войны он в основном гастролировал [5, с. 214]. Незадействованные в гастролях артисты работали над подготовкой очередного спектакля. Директором и художественным руководителем театра являлся Иван Семенович Самохвалов. Он был профессионалом своего дела, поскольку окончил государственный институт театрального искусства (ГИТИС) [14, с. 318]. Пьесы на хакасском языке создавали местные авторы М.С. Коков и А.М. Топанов.

Большим достижением театра стал спектакль «Одураченный Хорхло» (А.М. Топанова и Н. Зингеровского). В краевой газете «Красноярский рабочий» в мае 1942 г. сообщалось, что «абаканцы в ближайшие дни увидят премьеру первой хакасской музыкальной комедии «Одураченный Хорхло», над которой коллектив национального театра работал более 2-х месяцев. Это «своеобразный творческий отчет актеров к ожидаемому в скором времени десятилетию театра. Около 50 музыкальных номеров, большой и разнохарактерный балет, особый стиль актерской игры – все это особенности новой работы театра над спектаклем «Одураченный Хорхло». Хакасский зритель впервые услышит национальную музыку в исполнении симфонического оркестра. Профессиональные актеры будут исполнять на хакасском языке арии, дуэты, хоровые произведения [12, с.2]. Балетмейстером спектакля выступил одаренный танцовщик, актер русского театра Н.Ф. Бауман, музыку написал композитор А.А. Кенель, выпускник Ленинградской консерватории. Спектакль «Одураченный Хорхло» был тепло встречен зрителями и творческой интеллигенцией города и области [См. об этом:15, с.71].

Несмотря на тяжелейшие условия работы, в национальном театре сформировалась блестящая плеяда актеров, которые жили, развивались и набирались профессионального опыта вместе с театром: Н. Н. Кичеева, Е.П. Начинова, А. Г. Кискидосова, Ф. Саражакова, Н. Барашева, А. Астанаев, М. Топоев, А. Шадрин, В.Трошкин, Т. Райков [5, с .215].

Во время войны в Абакане работал кукольный театр. Его художественным руководителем в 1940 г. стал Глеб Николаевич Кедрин. Кукольный театр, как и национальный, имел статус колхозно-совхозного и находился на хозрасчете. Этим объясняется большое количество постановок: в 11 раз больше, чем у русского театра и в 4,3 раза больше, чем у хакасского за год [2, с.78]. Названия и темы многих пьес кукольного театра достаточно красноречиво свидетельствовали об их содержании. В

1941-1942 гг. весьма любимы зрителями были авторские кукольные пьесы и скетчи: «Петрушка и фашист» (С. Серпинский), «Боевой Петрушка и фашист» (С. Преображенский), «Коричневая чума» (Д. Заславский), «Грабьармия» (Я.М. Рудин), «Рядовой Шульц» (Н. Эрдман и М. Вольпин). Основная цель этих небольших постановок заключалась в том, чтобы раскрыть слабость врага, высмеять его [5, с. 217].

В первые годы войны ни один из театров не имел своего помещения. Они располагались в Доме культуры, где нашли приют учительский институт, столовая военторга, кинотрест, музей и др. С началом войны в Доме культуры размещалась 309 стрелковая дивизия. В Абакане ее бойцы прошли военную подготовку, а в апреле 1942 г. дивизия была отправлена на фронт» [4, с. 176-177]. Значительная часть ее воинов состояла из хакасов [11, с.145].

После пожара, случившегося в Доме культуры в 1942 г., полностью была выведена из строя осветительная и отопительная системы [3, с.43]. Но, несмотря на все испытания, творческая жизнь театров не остановилась. Например, в 1944 г. по подсчетам С.П. Ултургашева, русский драматический театр осуществил 226 постановок, обслужил около 59000 зрителей [11, с.173-174]. На 275 постановках национального театра побывало более 50000 зрителей, 36000 зрителей посетили постановки кукольного театра [11, с. 174].

Жители г. Абакана имели возможность посещать представления приезжих артистов. В 1942 г. в Абакан приехал театр лилипутов, театр московской эстрады, в репертуаре которого были постановка по роману Г.Уэлса «Человек-невидимка», музыкальные рассказы (героика, юмор, сатира, пародии и др.) [4, с. 178].

В Абаканском Доме культуры в годы войны работали 14 кружков, 1 концертная бригада, Ансамбль песни и пляски, драматический кружок, струнный, духовой оркестры, кружок художественной вышивки, изобразительных искусств, баянистов [5, с. 219-220]. Работа этих кружков затруднялась тем, что после пожара 1942 г. большая часть помещений была негодна для работы. Кроме того, как было отмечено выше, в Доме культуры расположилось большое количество посторонних учреждений. В 1942 г. там же расположилась только что открывшаяся музыкальная школа [6, с.24]. В докладной записке директор Дома культуры В.А. Уманов сообщал, что «для всей работы Дома культуры имеется всего одна комната, в которой практически развернуть работу невозможно» [5, с. 220]. Накануне пожара в различных кружках и коллективах насчитывалось 150 человек, представителей молодежи и учащихся г. Абакана. «Но все эти люди, - продолжал В.А. Уманов, - лишены нормальных условий работы и свои знания и опыт могут использовать в незначительной доле» [5, с. 220]. Положение усугублялось еще и тем, что инвентарь Дома культуры, реквизит, мебель, оборудование постепенно расхищались, ломались, приходили в полную негодность [5, с.220].

Анализ биобиблиографического сборника [6] показал, что ярких, самобытных, творческих руководителей г. Абакана в период Великой Отечественной войны, пожалуй, не было. За военные годы сменилось 3 председателя горисполкома. Все они находились на этом посту незначительный срок. С марта 1941 по март 1943 гг. председателем горисполкома был Александр Яковлевич Балакчин. На период его руководства городом выпали первые военные годы, прием и поселение эвакуированных граждан, размещение госпиталей, борьба с беспризорностью, хулиганством и бродяжничеством детей [6, с.24]. В период руководства городом Николаем Ильичем Тугановым (май 1944–ноябрь1944) был открыт Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории [6, с. 27].

Пожалуй, большую роль в формировании культурного облика города Абакана сыграл Дмитрий Иванович Тепленичев, который дважды становился председателем горисполкома: ноябрь 1944–сентябрь1947 гг. и 1954–февраль 1964. Ему принадлежит

заслуга в формировании культурной инфраструктуры города, его благоустройстве и озеленении. Под его личным руководством осуществлялся ремонт и утепление школьных зданий, лечебных учреждений. [6, с.29].

В декабре 1944 г., по данным Л. Белоусовой государственная комиссия приняла в коммерческую эксплуатацию кинотеатр «Победа [4, с.224]. Название «Победа» присвоили кинотеатру 3 января 1945 г. на заседании исполкома горсовета» «в честь великих побед, одержанных Красной армией и советским народом в 1944 году над немецкими полчищами» [4, с.224].

В годы войны в Хакасию были эвакуированы предприятия и учреждения из территорий, подвергшихся опасности оккупации врагом. В Абакан осенью 1941 г. прибыли экспонаты Харьковского художественного музея (353 картины, 146 предметов прикладного искусства и 4087 графических листов). В их числе были картины И.Е. Репина, В.И. Сурикова, И.И. Левитана, В.С. Серова, А.К. Саврасова, А.И. Куинджи, К.П. Брюллова, В.А. Тропинина и др. выдающихся художников [11, с.154]. Позднее эти ценности искусства были отправлены в Новосибирск, где хранились до конца войны [11, с.154]. К концу ноября 1941 г. в эвакуацию в область прибыли 12397 чел. из Украины, Белоруссии западных и южных областей РСФСР, городов Ленинграда, Москвы [11, с. 153-154]. По данным В.М. Торосова, в 1942–1943 гг. каждый четвертый житель Абакана был из числа эвакуированных. В городе нашли приют, кров и работу более 10 тыс. чел. [13, с.137].

В первые годы войны значительно усилился профессорско-преподавательский состав Абаканского учительского института. По распоряжению Наркомпроса РСФСР из учебных и научных заведений западных и центральных областей страны в Хакасию были эвакуированы квалифицированные специалисты. В их числе – профессор С.А. Токарев, доценты Б.В. Кутузов, А.Я. Левицкий, В.В. Смолина, из Харькова прибыли С.В. Бирбраер и Ц.Г. Гринберг, доцент, канд. филол. наук А.Я. Рожанский, старший преподаватель математики С.П. Адамский и др. [5, с.222].

Некоторые преподаватели Абаканского учительского института сотрудничали с Хакасским областным музеем. Поэтому музей того времени – это средоточие научных сил Хакасии, которые состояли главным образом из эвакуированных специалистов [1, с. 12-13]. 7 июля 1942 г. во главе этого учреждения встал экономист А.Н. Савчук, у которого за плечами было более 30 лет научно-педагогической деятельности, но не было опыта музейной работы [5, с. 223].

Таким образом, в период Великой Отечественной войны действенным орудием, подлинным пропагандистом в деле защиты социалистического Отечества стала культура. Приоритетными в военные годы стали агитационно-пропагандистские функции культуры. Формы, методы, средства работы культурных учреждений области, г. Абакана были перестроены в соответствии с требованиями военного времени. Эта работа осуществлялась через различные сферы культуры. Деятельность театров, культурно-просветительных учреждений г. Абакана были подчинены целям пропаганды идей патриотизма, героических традиций и образцов воинского и трудового героизма советских людей. Культурное развитие города способствовало духовному и моральному единению горожан в годы Великой Отечественной войны.

Список литературы

1. Артамонова Н.Я. Вклад эвакуированной интеллигенции в развитие науки и народного образования Хакасии // Власть и общество: Межрегиональная научно-практическая конференция. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета, 2003. С.9-14.
2. Артамонова Н.Я., Лушников В.К. Театральное искусство в повседневной жизни населения Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Проблемы социально-экономического

развития Сибири. 2016. №3(25). С.75-81.
3. Артамонова Н.Я. Театральное искусство в Хакасии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2012. №1. С. 42-45.
4. Белоусова Л.И. По улицам, длиною в жизнь. Страницы истории первых улиц города в 1925-1960-е годы. Ч.1. 2-е изд. Абакан: Б/и, 2018. 320 с.
5. Великая Отечественная война в истории Енисейской Сибири. В 5 т. Т.2. 1942 год / Б.Е. Андюсев, Н.Я. Артамонова, Н.В. Барсукова [и др]; науч. рук. творч. кол. Е.Н. Гарин. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 272 с.
6. Градоначальники города Абакана. Биобиблиографический сборник /авторы-составители С.В. Кяргина, Н.С. Табунова, Ф.Д. Котюшева. Абакан б/и, 2018. 72 с.
7. Кокова Э.М. Чон чарии. Из истории Хакасского драматического театра. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 1991. 168 с.
8. Костякова Ю.Б. Массово-информационные пространства южносибирских национальных регионов: исторические условия и опыт формирования (1922-1953 гг.). Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2017. 252 с.
9. Максакова Л.В. Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М.: Изд-во «Наука», 1977. 341 с.
10. О работе политико-просветительных учреждений в военное время: Приказ Нар. ком. просвещения РСФСР № 656 от 2 сент. 1941 г. М.: [б. и.], 1941. 3 с.
11. Очерки истории Хакасской областной организации КПСС. Красноярское книжное издательство, 1987. 359 с
12. Первая хакасская музыкальная комедия. Редакционная колонка // Красноярский рабочий. 1942. 24 мая.
13. Торосов В.М. Абакан: Цицеро, 1994. 208 с. 2-е изд.
14. Шлык Л.К. Самохвалов Иван Семенович // Энциклопедия Республики Хакасия. В 2-х т. Т.2. Абакан: ООО Поликор, 2008. С.318.
15. Шлык В.Ф., Шлык Л.К. Судьба и загадка Русского театра в Хакасии. Абакан: Стрежень, 2002. 592 с.

УДК [331-05:624.19] +625.1(571.51)"1941/1942"

Участие Метростроя в строительстве железнодорожной ветки Сталинск – Абакан (1941–1942 гг.)

Бесчастных Елена Владимировна
аспирант, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова. Абакан, Россия.
elena15-60@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0130-5597

АННОТАЦИЯ Статья раскрывает вклад рабочих Метростроя в строительство железнодорожной ветки Сталинск – Абакан в 1941–1942 гг. В условиях нехватки рабочей силы, оборудования и материалов был выполнен один из самых сложных участков строительства – тоннельно-скальные работы. Трудности военного времени накладывали отпечаток не только на организацию и проведение строительных работ, но и на условия проживания строителей дороги. Автор делает вывод о том, что в период Великой Отечественной войны было положено начало расширению сети железных дорог на территории Южной Сибири.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сталинск – Абакан, железнодорожное строительство, Метрострой, Великая Отечественная война, трудовой подвиг.

Железнодорожный транспорт сыграл большую роль в достижении победы в Великой Отечественной войне. Работники стальных магистралей решали важнейшие стратегические задачи по перевозке военных и хозяйственных грузов, обеспечивали эвакуацию и реэвакуацию населения и промышленных предприятий. Часть сети железных дорог СССР была разрушена в начальный период войны или оказалась на территории, оккупированной врагом. Для достижения победы необходимо было наращивать производственные мощности железнодорожного транспорта на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Требовалось усилить имеющиеся линии, строить новые маршруты железных дорог, сооружать вторые пути, развивать железнодорожные станции и узлы на важнейших направлениях.

1942 год в истории железнодорожного транспорта СССР отмечен массовым строительством железных дорог. Всего за год было построено 2807 км новых дорог общего назначения, что является максимальным результатом в годы Великой Отечественной войны и лишь немного уступает уровню предвоенного 1940 года – 3176 км [2].

Красноярская железная дорога находилась в глубоком тылу, но в военное время она стала важным стратегическим объектом. Ее дальнейшее развитие и расширение сети дорог на территории Хакасской автономной области, входившей в состав Красноярского края, считалось необходимым и перспективным в военные годы для дальнейшего развития региона после завершения войны. Железнодорожная ветка Сталинск – Абакан проектировалась как участок Южно-Сибирской железной дороги, второй широтной магистрали, проходящей через южную часть Сибири. Предполагалось, что она позволит освоить Минусинское угольное месторождение и доставлять топливо металлургическим и другим энергоемким предприятиям Восточной Сибири, развить добычу руды в Абаканских, Тейских и Ташелгинских месторождениях [5].

История строительства железнодорожной ветки Сталинск – Абакан не становилась объектом отдельного исторического исследования. В настоящее время по данной теме имеются краткие сведения в общих изданиях по истории железнодорожного транспорта СССР [4], в нескольких краеведческих работах [6, 12] и отдельных небольших публикациях [1].

Целью данной статьи является изучение начального этапа строительства железнодорожной ветки Сталинск – Абакан и выявление роли Метростроя в проведении работ в 1941-1942 гг.

Основными источниками стали отчеты, документы и материалы из фондов Краевого государственного казенного учреждения «Государственный архив Красноярского края» (далее – КГКУ «ГАКК») и Государственного казенного учреждения Республики Хакасия «Национальный архив» (далее – ГКУ РХ «Национальный архив»), а также публикации ведомственных газет «Гудок» и «Магнитогорский металл».

Изыскательские работы и проектирование железнодорожной ветки Сталинск – Абакан осуществлялось силами сотрудников Сибтранспроекта, являвшегося Новосибирским подразделением Всесоюзного проектно-изыскательского объединения «Союзтранспроект».

Вариант Сибтранспроекта по строительству Южно-Сибирской железнодорожной магистрали по территории Хакасской автономной области рассматривался и обсуждался на заседании бюро Хакасского обкома ВКП(б) и исполкома Хакасского областного совета депутатов трудящихся 25 февраля 1941 г. Постановлением данного заседания было утверждено: «1. Одобрить вариант Сибтранспроекта, намечающий выход Южно-Сибирской магистрали на территории ХАО в село Аскизское» [7].

Далее в Постановлении указывалось на то, что данный «вариант наиболее выгодно связывает город Абакан, центр ХАО, с его развивающейся промышленностью (угольной, деревообрабатывающей, местной) и город Минусинск, центр крупнейшего сельскохозяйственного района, Красноярского края, с Южно-Сибирской магистралью» [7].

Сроки строительства и ввода в эксплуатацию железнодорожной ветки Сталинск – Абакан (литер № 60) были утверждены Постановлением Совнаркома и ЦК ВКП(б) от 13 ноября 1941 г. Были также определены основные исполнители работ: Сибирскому строительно-монтажному тресту НКПС (Сибстройпуть) поручалось выполнение строительных работ, а тоннельно-скальные работы должен был выполнить Метрострой [10].

Метростроевцы прибыли в Хакасскую автономную область в конце 1941 – начале 1942 гг., однако, приступить к строительным работам они не смогли из-за отсутствия подъездных путей и оборудования. Начальник титула № 1 Метростроя Ревазов[80] в справке о состоянии работ на имя секретаря Красноярского крайкома ВКП(б) Генера от 28 февраля 1942 г. указывает: «… в течение конца декабря и января прибыло 480 рабочих и ИТР и 800 чел. иждивенцев, которые были расселены в ближайших пунктах от места работы – В. Аскиз и Казановка за счет частичного уплотнения и приспособлений нежилых зданий под жилье» [9]. И далее: «Вследствие того, что жилье и дорога от Казановки до места работ отсутствовали до начала тоннельных работ, перед работниками титула основная задача была следующей:

1. Пробивка просеки к месту работ.
2. Устройство временных бараков зимовок.
3. Сооружение автогужевой и гужевой дороги» [9].

К 20 февраля 1942 г. рабочие Метростроя завершили основные работы по расселению и строительству пяти бараков для зимовки, оборудовали в деревне Казановка столовую, склад, магазин, медпункт, баню и пекарню. Была пробита просека до места строительства тоннеля и приспособлена под санный путь.

В течение конца февраля и март 1942 г. весь коллектив рабочих титула № 1

[80] Здесь и далее в архивных материалах имена действующих лиц не указаны.

Метростроя был задействован на строительстве автогужевой дороги до тоннеля. Были построены оставшиеся 22 км, чтобы до начала паводка была возможность перебросить оборудование, стройматериалы и продукты питания для начала основных работ.

С начала весны 1942 г. метростроевцы приступили к строительству тоннеля протяженностью 2,3 км и объемом 150 тонн м^3 скальных пород, через который должен проходить участок железнодорожного пути Сталинск – Абакан. Тоннель начинался в 45 км от деревни Казановка и прорезал хребет Алатау. Помимо этого, рабочие титула № 1 должны были произвести открытые скальные работы в разных местах трассы объемом 700 тыс. м^3.

Проведение основных работ по строительству тоннеля было осложнено нехваткой оборудования и материалов. Начальник титула № 1 Метростроя Ревазов в справке о состоянии работ перечисляет большой список необходимых, но имеющихся в недостаточном количестве или полностью отсутствующих инструментов и материалов. В этот список были включены двигатели внутреннего сгорания, бурозаправочные станки, буровая сталь, победитовые колонки (наконечники), пики для отбойных молотков, пилорама, циркулярные пилы и др.[9], что позволяет сделать вывод о нехватке многих инструментов и материалов на строительстве тоннеля.

Трудности военного времени накладывали отпечаток не только на организацию и проведение строительных работ, но и на условия проживания самих строителей дороги. В пунктах расселения плохо обстояли дела с организацией питания рабочих. Архивные материалы подтверждают данный вывод: «несмотря на значительное количество приехавших метростроевцев, в селе Казановка свыше 400 человек и Верхний Аскиз свыше 200 человек, общественное питание пока не организовано, выпечка хлеба также не обеспечена. … не принято мер к проведению заготовок овощей и других продуктов» [7].

Для разрешения выявленных проблем местными органами власти принимались меры по привлечению трудовых ресурсов и техники. Так, в январе 1942 г. исполком Хакасского областного совета и бюро обкома ВКП(б) определили председателям районных советов и секретарям РК ВКП(б) количество рабочей силы и подвод, которое необходимо было выделить в пятидневный срок на строительство железной дороги. Для Метростроя Бейский район был обязан выделить 60 человек рабочей силы и 60 подвод [7].

Привлекалось оборудование тех предприятий, которые не работали в военное время. Например, для проведения тоннельно-скальных работ исполком Хакасского областного совета и бюро обкома ВКП(б) направили просьбу в краевой совет и крайком ВКП(б) о передаче в распоряжение Метростроя «из имущества, законсервированного Кибик-Кордонского мраморного карьероуправления трех компрессоров и остального горного оборудования» [7].

Однако, несмотря на все предпринятые усилия и мероприятия, строительство дороги продвигалось крайне медленными темпами. Анализ различных архивных документов позволил составить обобщенную таблицу, в которой представлена динамика выполнения работ Метростроем в 1942 г.

Таблица 1.
Показатели выполнения Метростроем планов строительных работ железнодорожной ветки Сталинск – Абакан, 1942 г.[81]

	Показатели								
	1 квартал 1942 г.			июль 1942 г.			август 1942 г.		
	план, тыс. руб.	факт, тыс. руб.	% вып. плана	план, тыс. руб.	факт, тыс. руб.	% вып. плана	план, тыс. руб.	факт, тыс. руб.	% вып. плана
Строительные работы	3 049	2 346	76,9	1859,2	589	31,7	2 042	696,2	34
Проектно-изыскательские работы	101	101	100	252,9	287,5	113,6	261	287,6	110
Итого:	3 150	2 447	77,7	2112,1	876,5	41,5	2 303	983,8	43

Данные таблицы 1 свидетельствуют о том, что в 1942 г. Метрострой не выполнял планы строительных работ железнодорожной ветки Сталинск – Абакан. Основной причиной невыполнения планов стала необеспеченность рабочей силой [3], которая в разные периоды и на разных участках работ колебалась от 21,8 % до 65,5 %. Также руководители строительных участков указывали в своих сводках на наличие таких проблем как отсутствие достаточного энергоснабжения для проведения тоннельно-скальных работ, нехватка автотранспорта, запасных частей и горюче-смазочных материалов, что срывает сроки поставки оборудования и продуктов питания и другие.

Ввод в эксплуатацию первой очереди железнодорожной ветки Сталинск – Абакан был запланирован на 1942 г. Однако, 3 ноября телеграммой транспортного отдела НКВД СССР было направлено распоряжение о том, что «по указанию Москвы отправляются все рабочие … [на] другие стройки эшелоном…. Стройка остается без рабсилы» [11]. Таким образом, к концу 1942 года проведение строительных работ на железнодорожной ветке Сталинск – Абакан было фактически приостановлено.

После окончания Великой Отечественной войны строительство магистрали Сталинск – Абакан было объявлено Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. В 1959 г. дорога была сдана в постоянную эксплуатацию, что позволило связать Кузнецкий комбинат с месторождениями высокосортных железных руд Хакасии. В последующее десятилетие дорога обеспечивала перевозки в районах освоения целинных и залежных земель. Однако, именно в сложные военные годы рабочие Метростроя выполнили один из самых сложных участков строительства – тоннельно-скальные работы. Их самоотверженный труд в сложных условиях военного времени положил начало развитию и расширению сети дорог на территории Хакасской автономной области.

Список литературы

1. Бесчастных Е.В. К вопросу о строительстве железнодорожной ветки Сталинск (Новокузнецк) – Абакан // Исследования молодых ученых: материалы II Междунар. науч. конф. Казань: Молодой ученый, 2019. С. 37-40.
2. Гудок (Москва). 2013. 22 марта.
3. Докладная записка Зам. начальника Управления тоннельно-скальных работ Метростроя от 21 апреля 1942 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». П 2. Оп. 1-2. Д. 900. Л. 57.

[81] Источник: КГКУ «ГАКК». П 26. Оп. 3. Д. 488. Л. 6.

4. История железнодорожного транспорта России и Советского Союза / Н. Е. Аксененко, Ф. К. Бернгард, Г. И. Богданов и др. В 3 т. Т. 2: 1917-1945 гг. Санкт-Петербург: ПГУПС, 1997. 416 с.
5. Магнитогорский металл (Магнитогорск). 1946. 6 июля.
6. Маслов И.В. Дорога в тайге // Большая жизнь: Рассказы и очерки. Абакан: Хаккнигоиздат, 1955. 72 с.
7. Постановление Исполкома Хакасского облсовета и бюро обкома ВКП(б) от 13 января 1942 г. «О состоянии работ по строительству железной дороги Сталинск – Абакан» // КГКУ «ГАКК». П 26. Оп. 3. Д. 392. Л. 36.
8. Протокол заседания бюро Хакасского обкома ВКП(б) от 25 февраля 1941 г. // КГКУ «ГАКК». П 26. Оп. 3. Д. 113. Л. 144.
9. Справка о состоянии работ на титуле № 1 Метростроя // КГКУ «ГАКК». П 26. Оп. 3. Д. 488. Л. 6.
10. Телеграмма Зам. Наркома НКПС от 21 ноября 1941 г. // ГКУ РХ «Национальный архив». П 2. Оп. 1-2. Д. 900. Л. 5.
11. Телеграмма Начальника транспортного отдела НКВД СССР от 3 ноября 1942 г. // КГКУ «ГАКК». П 26. Оп. 3. Д. 488. Л. 80.
12. Харин В.В. Строительство дороги Сталинск – Абакан. URL: https://proza.ru/2012/05/08/263 (дата обращения: 24.06.2023).

УДК 94 (57)

Органы городского самоуправления Иркутской губернии и общественные неполитические организации: проблемы взаимодействия

Гаврилова Наталья Игоревна
кандидат исторических наук, доцент.
Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра социологии и психологии.
Иркутск, Россия
nig2312@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-8473-9213

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу становления практики взаимодействия органов городского самоуправления Иркутской губернии и общественных неполитических организаций в последней трети XIX в. Исследуется зависимость характера взаимодействия городских дум с обществами от позиции региональной власти; специфики состава инициативных групп обществ; оценки думой вклада организации в решение насущных для города задач в социальной сфере; общественно-политической ориентации гласных. Рассмотрены основные каналы, формы и направления возникающих связей. Исследуется позиция общественных объединений по отношению к органам городского самоуправления Иркутска. В заключении подчеркнуто, что деятельность органов городского самоуправления губернского центра способствовала реализации общественной инициативы в сфере решения насущных для города задач в социальной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Органы городского самоуправления, общественные неполитические организации, Иркутская губерния.

Пореформенный период истории Сибири был отмечен значительным расширением пространства гражданской инициативы региональной общественности. Важными его элементами выступали общественные неполитические организации и реформированные органы городского самоуправления. Анализ их взаимодействия представляет существенный интерес с точки зрения изучения проблем интеграции местной общественности, формирования основ гражданского общества в Сибири в условиях капиталистической модернизации второй половины XIX – начала XX вв. Применительно к городам Иркутской губернии данные вопросы представлены лишь фрагментарно [6; 7; 1].

К началу 1880-х гг. общественные объединения Иркутской губернии представляли пеструю картину образований, разнящихся по способам организации, составу инициативных групп и направлениям деятельности. Соответственно уровню самоорганизации и самосознания городского общества эволюция их создания на протяжении второй половины XIX в. шла в направлении от полубюрократических благотворительных обществ, открытых по инициативе губернских властей, к обществам взаимопомощи и культурно-просветительным объединениям, инициатива создания которых принадлежала преимущественно местной интеллигенции. В 1880 г. в Иркутске существовало уже 24 общества. К 1900 г. город сосредотачивал до 80% общественных организаций губернии (общее же их число к началу XX в. составляло 45).

В окружных городах (Балаганске, Верхоленске, Киренске, Нижнеудинске) в течение второй половины XIX в. в административном порядке было открыто шесть общественных объединений в качестве отделений губернских комитетов общероссийских обществ. В значительной степени эти объединения существовали

лишь на бумаге. Открытое в 1896 г. в Киренске Общественное собрание было единственным объединением, созданным по инициативе общественности, а не административным путем.

Под влиянием активизации общественной жизни региона изменения переживали и органы городского самоуправления Иркутской губернии. Прежде всего, изменения затронули Иркутск. В малых городах губернии значимость муниципалитетов в восприятии горожан оставалась низкой, а сама деятельность дум характеризовалась апатичностью.

С 1880-х гг. становится заметным усиление внимания иркутской городской думы к общественным объединениям города как структурам, способным выступить в качестве дополнительных рычагов решения насущных вопросов социальной сферы, главным образом, в области образования и просвещения, оказания социальной помощи, формирования пожарной безопасности.

Включение общественных объединений в сферу своего внимания явилось для иркутской городской думы одной из новых областей ее взаимодействия с общественностью, потребовав выработки ориентиров и приоритетов складывающихся взаимосвязей в очерченных правительственной политикой рамках.

Наибольшую поддержку дума, прежде всего, ее прогрессивно-либеральное крыло, стремилась оказать культурно-просветительным обществам, инициатива создания которых в подавляющем большинстве случаев принадлежала местной интеллигенции. Возникновение этих организаций отражало видение общественностью насущных проблем, главным образом, в области образования, культуры и просвещения, – задач, выдвинутых иркутской городской думой в качестве приоритетных. Не случайно, при обсуждении Устава «Общества попечения о народном образовании» гласные подчеркивали (1887 г.), что оно «могло бы стать прекрасным помощником городскому управлению в деле народного образования» [3, 1888. № 1. С. 25].

Нередко для решения конкретных вопросов, связанных с ходатайством культурно-просветительных обществ, на заседание думы приглашались их представители. Со временем данная практика стала одним из дополнительных каналов взаимодействия думы с общественными объединениями.

Однако не всегда прогрессивно-либеральному крылу думы удавалось с первого раза провести решение о поддержке культурно-просветительного объединения. Выделение денежной субсидии, а, тем более, муниципальных земель в центре города могло вызвать сопротивление части гласных, принадлежащих к торгово-промышленных слоям города. Три года (1901-1903 гг.) потребовалось Обществу распространения народного образования и народных развлечений для вынесения думой положительного решения о выделении участка под строительство обществом Детского сада.

Помимо культурно-просветительных объединений дума стремилась поддержать созданные по инициативе общественности благотворительные общества в области образования. В частности, Обществу для оказания пособий учащимся в Восточной Сибири городская управа бесплатно выделяла помещения для заседаний Комитета и общих собраний членов общества.

Следует отметить, что и среди иногородних общественных организаций дума выделяла те, чья деятельность концентрировалась, прежде всего, в области поддержки учащихся – уроженцев Иркутской губернии.

Значительное внимание дума уделяла поддержке обществ, чья деятельность концентрировалась в области городского хозяйства (Иркутское Добровольное Пожарное общество, Общество спасения на водах и др.). Объединениям предоставлялись денежные субсидии, выделялись помещения, земельные участки для реализации их уставных целей.

Гораздо более формализованный характер носили отношения думы с благотворительными объединениями и попечительствами, созданными административным путем, по распоряжению местных властей: Иркутским губернским попечительством детских приютов; Иркутским губернским тюремным комитетом, Иркутским отделением Красного Креста, Иркутским Благотворительным обществом. Нередко ходатайства от этих объединений в органы городского самоуправления сопровождались запиской губернатора с предложением о пособии. Ситуация создавала определенное давление на думу, вынуждая принимать положительные решения в пользу общества. Чаще других подобную практику использовали представители Иркутского Благотворительного общества, небезуспешно добиваясь дотации.

Однако позиция думы не была соглашательской. Ходатайства обществ, идущие в разрез с мнением думы относительно интересов города, отклонялись.

Недовольство гласных попытками давления на думу со стороны «высоких покровителей» обществ служило основной для декларирования депутатами подчеркнуто дистанционного отношения к таким объединениям. Так, в 1899 г. дума отмечала, что «городское самоуправление не имеет каких-либо прямых связей с Благотворительным обществом» [3, 1900. № 23-24. С. 756].

Иркутская дума стремилась поддерживать межрегиональные связи с общественными объединениями, особенно если это касалось просьб распространения информации об обществе или сборе пожертвований, что не было связано со значительными финансовыми затратами. В «Известиях Иркутский городской думы» печаталась информация об «Обществе попечения о семьях ссыльно-каторжан», «Томском обществе вспомоществования учащимся» [3, 1893. № 12. С. 130; 1897. № 23–24. С. 928] и др.

Не формализованным каналом взаимодействия думы с общественными объединениями выступало членство гласных в обществах в качестве физических лиц. Как было отмечено в литературе [4, с. 124, 136], «личные составы общественных организаций и гласных городских дум зачастую пересекались», что было связано с «ограниченным кругом образованной публики в сибирских городах, малочисленностью прогрессивного, понимающего потребность просвещения, купечества, являвшегося главным спонсором обществ, а также высокой общественной активностью отдельных лиц», «четко не разделявших сферу действий в рамках общественного самоуправления и общественных организаций». Данная тенденция была характерна и для Иркутска. С другой стороны, «члены отдельных общественных объединений могли избираться в состав думы.

Гласные-члены обществ стремились служить проводниками интересов «своих» объединений в думе. Главным образом, это касалось организаций, созданных по общественной инициативе, а не административным путем. Наиболее частой практикой являлось предоставление дополнительных сведений по конкретным вопросам при рассмотрении думой ходатайства данного общества.

Сопоставление списков личного состава обществ и гласных думы позволяет отметить, что представители крупных торгово-промышленных слоев города чаще имели членство в благотворительных обществах и попечительствах, учрежденных административным путем, представители же либерального крыла думы состояли, как правило, в общественных объединениях, создаваемых местной интеллигенцией, деятельность которых тяготела к культурно-просветительной или благотворительной в области образования.

Более тесному взаимодействию органов городского самоуправления и общественных организаций способствовало инициирование обязательного членства в обществах представителей городской думы, с фиксацией данного положения в уставах обществ. Важно подчеркнуть, что подобные инициативы исходили не только от

городской думы, но и от представителей общественных организаций, надеющихся на поддержку думы в реализации своей деятельности.

В наиболее полной мере взгляд на общества как дополнительные рычаги решения насущных вопросов социальной сферы города был реализован думой в практике инициирования ею самого создания общественных объединений. Одним из первых подобных примеров стало открытие (1881 г.) Иркутского Добровольного Пожарного общества. Учреждение общества явилось реакцией думы на слабую организацию пожарной службы города.

Восприятие общественных объединений как дополнительных структур для решения неотложных вопросов в социальной сфере города обуславливало также обращение думы к обществам с просьбой организации благотворительных сборов, участия в совместных мероприятиях.

Интересно отметить, что ряд инициатив, при реализации которых гласные сталкивались со значительными, прежде всего, финансовыми трудностями, часть думцев предлагала передавать общественным объединениям. Так, недостаточность средств на учреждение Народного дома, идея открытия которого принадлежала думе, заставила гласных в 1903 г. поднять вопрос о передаче всех дел по организации Дома Обществу распространения народного образования и народных развлечений. Причем Общество выразило готовность взять на себя решение этой задачи [3, 1903. № 9–10. С. 49].

В складывающейся системе взаимодействий органов городского самоуправления и общественных объединений последние не являлись лишь пассивными реципиентами пособий иркутской думы. Как уже было нами подчеркнуто, каналом установления и поддержки более тесных связей с ней выступало включение в качестве обязательного члена общества представителей городской думы, прежде всего, городского головы. Дума могла быть приглашена к участию в качестве коллективного члена общества. Иным каналом было поднесение думе звания почетного члена общества. Так, в 1886 г. Общество содействия учащимся в Санкт-Петербурге сибирякам избрало иркутскую городскую думу почетным членом «в виду важности ее заслуг перед обществом» [3, 1887. № 2. С. 73].

С другой стороны, взаимодействие общественных объединений с иркутской городской думой не исключало отстаивания обществами своих интересов. В частности, временное прекращение думой ежегодно выделяемых денежных субсидий Иркутскому Благотворительному обществу и ВСОИРГО заставило их представителей обратиться в думу с ультиматумами о вынужденном сворачивании ряда направлений их деятельности или даже прекращении работы, в целом. В каждом случае обществами подчеркивалась значимость их деятельности, дополняющая усилия думы по решению ряда острых социальных проблем города.

Демонстрируя автономность своей деятельности, общества полагали для себя неприемлемой роль вспомогательной структуры при городской думе, однако выражали готовность сотрудничать с ней в решении достаточно широкого спектра социальных вопросов.

Со своей стороны, дума, включив в сферу своего внимания общественные объединения, стремилась противостоять вмешательству властей в эту область своих интересов. Наибольшее ее недовольство вызывало вмешательство административных органов в вопросы финансовой поддержки общественных объединений. Пожалуй, пика напряженности ситуация достигла в середине 1890-х гг., когда под вопрос была поставлена возможность использования городом так называемого Трапезниковского капитала.

Вместе с тем, опека и жесткий контроль над деятельностью муниципалитетов со стороны губернских властей дополнялись патерналистскими отношениями.

Вынужденные «переложить решение ряда проблем на плечи общественности – организацию народного образования, здравоохранения, досуга, социальную сферу, агрономию и др.» [4, с. 136], власти терпимо относились к общественной активности и инициативам, если они не выходили за рамки дозволенного и в определенной мере поощряли их. С другой стороны, стремление думы противостоять вмешательству властей в сферу ее отношений с общественными организациями не исключало конструктивного взаимодействия органов городского самоуправления Иркутска с местной администрацией.

В целом, конкретные практики и характер взаимодействия думы с общественными объединениями обуславливались рядом факторов. Существенное влияние как на деятельность общественных объединений, так и на функционирование органов местного самоуправления оказывала позиция местной губернской администрации. В условиях недостаточности бюджета города, ограничивающей оказание финансово-экономической помощи обществам, важное значение приобретала позиция думы в отношении конкретных общественных объединений, оценка думой их вклада в решение приоритетных задач города. Немаловажными факторами выступали сам уровень готовности гласных к выстраиванию взаимодействия с общественными объединениями, заинтересованность депутатов в данном сегменте деятельности думы, а вместе с тем, готовность распорядительных комитетов обществ к формированию отношений с городской думой.

Сфера благотворительной деятельности стала первой, применительно к которой думой были озвучены (1891 г.) идеи возможной консолидации усилий иркутской общественности с органами городского самоуправления.

Воплощением данной идеи стало создание в 1898 г. иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами. Подчеркивалось, что комиссия «может и должна быть центральным, объединяющим всю городскую благотворительность, учреждением» [5, с. 7].

Однако в разработанном комиссией проекте «Правил», регулирующих ее деятельность, идея координации благотворительных организаций под эгидой городской думы не получила четкой формулировки. Целью деятельности комиссии было определено лишь «заведование городскими делами благотворения» [3, 1900. № 23–24. С. 759]. Члены комиссии подчеркивали, что «взаимодействие между комиссией и Благотворительным обществом было бы весьма желательно и это могло бы выразиться в размежевании сферы деятельности того и другого» [3, 1900. № 23–24. С. 759].

Члены Благотворительной комиссии были вынуждены признать, что «вопрос о взаимодействии городской благотворительной комиссии с местным Благотворительным обществом остался открытым… Начертанная широкая в перспективе задача деятельности свелась к более узкой – рассмотрению подаваемых о пособии прошений» [5, с.11]. Однако несмотря на неудачу, важно отметить, что в рамках губернии это была первая попытка реализации идеи объединения усилий думы и обществ для решения задач в конкретной области социальных проблем. Вырабатывалось видение возможных каналов и механизмов консолидации. Объединяющим органом была предложена исполнительная думская комиссия.

Начало XX в. стало рубежом в развитии общественной инициативы в городах Иркутской губернии, а также деятельности городских дум. «Совершенно новым явлением в истории городских самоуправлений начала XX в. стал рост их политической активности» [4, с. 278]. Согласно Указу «О временных правилах об обществах и союзах» (1906 г.) была изменена процедура утверждения обществ. Начинался новый этап в развитии взаимодействий муниципалитетов и общественных организаций.

Таким образом, на становление и развитие взаимодействия органов городского

самоуправления губернского центра с общественными организациями серьезное давление оказывали региональные власти. Важными маркерами возникающих связей выступали также общественно-политическая ориентация гласных, признание думой значимости деятельности общественных объединений для развития социальной сферы города, специфика состава инициативных групп самих обществ. В совокупности данные факторы в значительной степени определяли специфику каналов, форм и направлений взаимодействия органов городского самоуправления губернского центра с обществами как важных структурных параметров развивающихся отношений этих образований. Важным итогом рассматриваемого периода явилось зарождение идеи консолидации усилий иркутской думы и общественных объединений как возможного вектора осуществления их дальнейшего взаимодействия. Попытка объединения благотворительных организаций города под эгидой исполнительной комиссии иркутской думы по заведованию благотворительными капиталами стала первым опытом реализации этой идеи в рамках самоорганизации местной общественности. В силу особенностей общественной жизни малых городов губернии связи муниципалитетов с общественными объединениями в рассматриваемый период сформированы не были, наиболее ярко они проявили себя в губернском центре.

Список литературы

1. Гаврилова Н.И. Общественная жизнь горожан Иркутской губернии второй половины XIX – начала XX вв.: развитие сферы гражданских инициатив / в кн.: Государственная власть и общество: на материалах городов Иркутской губернии XIX – начала XX веков : коллективная монография / науч. ред. проф. Л.М. Дамешек. Иркутск: Изд-во «Оттиск», 2019. С. 274–470.
2. Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск, 2002. 287 с.
3. Известия Иркутской городской думы.
4. История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX века / Анкушева К.А., Бочанова Г.А., Дегальцева Е.А., Кириллов А.К., Ноздрин Г.А., Шиловский М.В., Ус Л.Б. Новосибирск, 2006. 352 с.
5. Колотилов Н. Краткий очерк 10-летней деятельности (1899–1909) Иркутской городской исполнительной комиссии по заведованию благотворительными капиталами. Иркутск: Типография М.П. Окунева, 1909.
6. Оглезнева Г.В. Научные и культурно-просветительные общества дореволюционного Иркутска: опыт сравнительной характеристики // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История». 2016. Т. 16. С. 110–118.
7. Севостьянова Е.В. Общественная гражданская инициатива как фактор развития среднего образования в Восточной Сибири (конец XIX – начало XX века) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск: БГУЭП, 2016. С. 359–371.

УДК 908

Наследие последних российских императоров в истории Новосибирска

Голодяев Константин Артёмович
Научный сотрудник
Музей Новосибирска.
Новосибирск, Россия,
golod62@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9520-7845

АННОТАЦИЯ Статья посвящена анализу событий и мест в городе Новосибирске (до 1926 года Ново-Николаевске) связанных с государственной деятельностью или предметным вниманием последних двух российских монархов – Александра III и Николая II. Автор увязывает возникновение крупного города на берегах реки Обь с рескриптом о начале строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и рассматривает моменты прямого обращения Николая II к становлению городу Ново-Николаевска, получившего его имя. Это, в первую очередь, земельные отношения: безвозмездные и арендные, различная материальная помощь и пр. Также автор обращает внимание на сохранение памяти о монархах в современном Новосибирске и на некоторые мифы, связанные с «особым» благоволением царской четы молодому городу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Новосибирск, Ново-Николаевск, Александр III, Николай II.

«...душевное Мое стремление облегчить сношения Сибири
с прочими частями Империи, и тем явить сему краю,
близкому Моему сердцу, живейшее Мое попечение
о мирном его преуспеянии»
(Александр III. Из рескрипта 17 марта 1891 г.)

Именно рельсовая дорога стала той отправной «точкой бифуркации», давшей старт зарождению на реке Оби огромного города Новосибирск, стремительно разросшийся и претендующий на шапку Сибирского Мономаха.

Александр III

В июне 2012 года в Новосибирске состоялось открытие удивительного памятника – императору Александру III. Удивительного и в политическом, и в историческом смысле. Многие новосибирцы и гости города до сих пор недоумевают, почему именно Александру. Ведь город наш раннее звался Ново-Николаевском, и назван был в честь Николая II.

У Николая Александровича, конечно же, тоже множество заслуг перед городом, тем не менее, памятник ставится его отцу. И тому есть две весомые причины.

Первая. 17 марта 1891 года Александр III издает высочайший рескрипт о начале строительства Транссибирской магистрали, в корне изменивший всю историю Сибири.

Но в таком случае, любой город, посёлок, самый маленький разъезд на Транссибе имеет право заявить, что его основал российский император Александр III и при желании поставить ему памятник. И формально они будут правы. Но есть и другой довод.

Спустя два года, 27 февраля 1893-го император Александр III самолично утверждает решение Комитета министров о «направлении Средне-Сибирской железной дороги от перехода р. Оби у сел. Кривощекова», [8] дав «зелёный свет» и строительству моста именно в данном месте. и новому укладу развития находившихся

здесь сельских поселений, и создав тем самым юридический акт для нового отсчета стремительной истории нашего мегаполиса.

Стоит также заметить, что одним из первых названий нашего посёлка было Александровский «ввиду постройки церкви во имя святого благоверного князя Александра Невского» [9]. Данному названию посёлка на суждено было закрепиться, но вот улица Александровская просуществовала в городе до установления Советской власти.

Александр Александрович удивительный император. За годы его правления в России не было ни одной войны, за что императора звали Миротворцем. Это он наконец-то связал края страны железной дорогой, это на него покушался брат Владимира Ленина Александр Ульянов, но неудачно. И нам кажется установка памятника этому человеку вполне достойной, а в нашем случае, ещё и уместной.

Проекты такого памятника уже не раз предлагались новосибирскими художниками и архитекторами. Так получилось, что и автор невольно посодействовал его установке. В феврале 2011 года, как раз в канун 120-тилетия написания Рескрипта о начале строительства Транссибирской магистрали, автором была напечатана статья «120 близится, а памяти все нет». Она была опубликована в нескольких печатных и интернет-изданиях, в частности, в газете «Комсомольская правда» [1]. И, возможно, это обращение к руководству мэрии и руководству РЖД тогда было услышано – уже через год с небольшим памятник Александру III в городе появился. Как раз в предложенном месте установки – в парке «Городское начало».

Правда, автор предлагал несколько другое исполнение, видя его как памятник всем основателям города. Комбинированный (многоличностный) монумент по типу памятника «Тысячелетие России» в Великом Новгороде или Екатерине II в Петербурге. Центральной фигурой верхнего яруса на нём был Александр III. Немногим ниже в его окружении скульптуры причастных к «основоположению». Это оба Михайловских, Роецкий, Белелюбский и другие. В следующем, уже барельефном поясе строители и видные личности первых лет. Например, Будагов с Зенкевичем смотрит чертежи, Козловы учат детей, акушерка Вера Тюшкова держит на руках младенца, Николай Литвинов предлагает первую. газету и т.д. Барельеф кольцевой, длинный, многих можно охватить. Таким образом, в одном памятнике была бы умещена вся история зарождения Новосибирска. Но принято было упрощённое, менее затратное решение.

Незадолго до Новосибирска памятник Александру III восстановили в Иркутске - он был у них ещё до революции. И хотя они немного похожи, их скульптура отличается от нашей – там император без шапки, и грустный какой-то.

Наша же скульптура народного художника РФ Салавата Щербакова – это точная копия с картины Ильи Репина «Приём волостных старшин Александром III». Та же поза, шапка, шпага, сапоги. Но объём фигуре, безусловно, придан скульптором.

Кроме того, в разряд местных курьёзов попал и картуш, размещённый на пьедестале памятника, содержащий цитату известного рескрипта Александра III от 17 марта 1891 года: «Повелев ныне приступить к постройке сплошной, через всю Сибирь, железной дороги, имеющей [целью] соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений» [11]. На нашем памятнике в этой надписи допущено два грамматические ошибки.

Грандиозное открытие памятника Александру III было проведено с соблюдением всех правил шоу-бизнеса и привлекло более 5 000 зрителей. Торжественная церемония дала старт празднованию 119-летия города Новосибирска. Открытию памятника предшествовал трёхчасовой симфонический концерт русских классиков под открытым небом. Церемония открытия проходила под музыку увертюры Петра Чайковского «1812 год» в исполнении Новосибирского академического симфонического оркестра, под залпы пушек, с фейерверками и световым шоу.

На церемонии открытия выступили мэр Новосибирска, губернатор, полпред президента в СФО, начальник Западно-Сибирской железной дороги и др. Также приехать в Новосибирск выразил желание праправнук императора, гражданин Дании Павел Эдуардович Куликовский, прибывший по приглашению новосибирского дворянского собрания. Автору удалось встретиться с ним, подарить свою статью с предложением установки памятника и получить его автограф на копии.

Ещё недавно этот памятник был одним из излюбленных туристических фотообъектов, когда в кадре были император и два моста (ферма старого и действующий), но теперь перспектива начисто сломана громадой нового автомобильного моста.

Утраченный вид на памятник Александру III. 2019 г. (wikimedia.org)

Николай II

Личность другого монарха вызывает у наших горожан разные ассоциации. Здесь достаточно много мнений и домыслов. Николай Александрович Романов остался в истории и в душах людей как последний Император Всероссийский Николай II, он же Белый Падишах, он же Ники, он же царь Николашка кровавый, он же мученик и страстотерпец и т.д.

В участии данной царствующей особы в судьбе нашего города тоже многое перемешано (он-де бывал у нас, особо благоволил). Не думаем, что наш посёлок был в особом внимании императорской семьи. У императоров, конечно, дел и территорий хватает, но тем не менее, есть и реальные факты, которые мы и попробуем осветить.

Итак, чем же связаны Николай II в Ново-Николаевск?

1). Напомню, что именно великий князь Николай Александрович, ещё будучи наследником престола был назначен председателем Комитета Сибирской железной

дороги. И именно под его председательством 16 февраля 1893 года на совместном заседании Комитета дороги, Комитета министров и Департамента государственной экономии была окончательно утверждена постройка мостового перехода через Обь именно возле Кривощекова, а не у Скалы или Дубровино.

2). Николай II дал городу (ещё посёлку) своё имя. Правда, есть утверждения, что город назван в честь св. Николая, но документы говорят об обратном. 3 декабря 1895 года на очередном сходе жителей была составлена просьба о переименовании поселка Ново-Николаевский с правом именоваться городом: «по Имени Его Императорского Величества Государя Императора, Августейшего Председателя Комитета по постройке Великой Сибирской железной дороге, вызвавшей к жизни наш посёлок» [2].

Дал, конечно, не сам. Инициатором переименования поселка в честь нового императора стал управляющий императорским Кабинетом, генерал-лейтенант Павел Константинович Гудим-Левкович. Будучи в Кривощёково, он выразил начальнику Алтайского горного округа Василию Ксенофонтовичу Болдыреву «желание, чтобы новый посёлок, расположенный на арендных землях Кабинета Его Величества, на правом берегу р. Оби, против с. Кривощёкова, был назван Ново-Николаевским» [3: Л. 5, 5 об]. Были у нас в городе и улицы, названные в честь этих людей: Гудимовская (ныне Коммунистическая) и Болдыревская (ныне Октябрьская) И переименование посёлка прошло не вдруг. Высочайшее соизволение на то поступило только 6 ноября 1897 года. Но имя своё имя Николай II городу (ещё посёлку) дал.

А сами крестьяне наши, уже мнения Августейшего не спрашивая, называют его именем ещё и свою главную улицу – Николаевский проспект (ныне Красный). Три года от роду посёлку, живёт в нём с натяжкой 5 тысяч человек, а они в этой своей деревне закладывают огромную улицу, сразу называют её проспектом и сразу скромно дают ему имя царствующего императора. Причём деревенская эта улица в два раза шире столичной Невской першпективы в её начальной части. Чтобы сразу знали, где в Сибири столица будет.

Далее мы сталкиваемся с вопросом кабинетских земель. Земля Алтайского горного округа ещё со времён Елизаветы Петровны была в личной собственности царствующих особ.

3). В октябре 1895 года сход жителей посёлка против с. Кривощёковского принимает приговор о ходатайстве постройки каменной церкви во имя св. Благоверного Великого Князя Александра Невского в память почившего в Бозе императора, и переименовании, в связи с этим посёлка в Александровский. 2 марта 1896 года Николаю II «благоугодно было ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕ соизволить на бесплатный отвод из свободных кабинетских земель под постройку в посёлке Ново-Николаевском каменного храма, церковно-приходской школы и помещений для причта, участка земли площадью 2.400 кв. саж. и ВЫСОЧАЙШЕ пожаловать на постройку этого храма пять тысяч руб» [3: Л. 37]. «Известие это принято было жителями посёлка с большою радостью. Решено в память Царской милости установить навсегда празднество 14-го апреля с крестным ходом и молебствием на площади» [10].

Храмы по Сибирской железной дороге строились за счет фонда императора Александра III. Они всегда были «в крайнем недостатке» и поступали от благотворителей. Столичная газета «Новая время» писала в июне 1899 года, что благодаря крупному пожертвованию «от лица, пожелавшего скрыть своё имя» была «покрыта сумма, недоставшая для окончания церкви во имя св. Александра Невского в пос. Ново-Никольском при ст. Обь и Кривошеково, и таким образом теперь можно быть уверенным, что храм этот, назначенный служить памятником Царю-Миротворцу на великом Сибирском пути, будет вскоре доведен до конца» [7].

В декабре 1899-го, в преддверии освящения храма Николай II также «соизволил на отпуск из Кабинета Его Величества 6500 р. для сооружения иконостаса в храме во

Имя Святого Благоверного и Великого Князя Александра Невского в Ново – Николаевске» [3: Л. 37]. После свершения обряда освящения присутствовавшими была послана в столицу телеграмма, с выражением «чувства беспредельной благодарности», в ответ на что Государь Император собственноручно начертать соизволил: «Прочёл с особенным удовольствием и искренне благодарю» [3: Л. 42, 42об].

Кроме того, для украшения храма Николаем были подарены две иконы, написанные на Афоне: «Иверская» Божьей Матери и великомученика Пантелеймона Целителя, а вдовствующей императрицей Марией Федоровной священнические облачения, сшитые из «покрова весьма ценной золотой парчи, оставшейся после погребения почившего наследника цесаревича Великого князя Георгия Александровича» [14]. Считается, что после похорон младшего брата императора парча была разделена на три части и передана в храмы городов С.-Петербурга, Москвы и... Ново-Николаевского посёлка. Почему именно далёкий сибирский храм получил такой уникальный подарок, доподлинно не известно. Также в память об усопшем нам был отправлен образ Георгия Победоносца.

Все эти святыни сохранились и сегодня находятся в храме. Также в соборе есть икона с частицей мощей Феодора Томского, относящего нас к легенде ещё одной царствующей особы - императора Александра I, в 1825 году инсценировавшим свою смерть, ставшим скитальцем под именем старца Фёдора Кузьмича и позднее умершим в Томске.

В 1903 году таким же образом из кабинетских земель был выделен земельный участок в 1 213,5 кв. саж для строительства римско-католического молитвенного дома.

4). В 1896 году император также безвозмездно по просьбе жителей передаёт посёлку довольно большой и хороший участок земли на северной окраине посёлка под организацию первого городского кладбища, где уже с августа 1895 начал формироваться погост. До этого три года своей истории будущий город хоронил своих мертвых на другом берегу Оби, на кладбище деревни Бугры или на юге, на кладбище Усть-Ини.

5). Далее следует обширный блок вопросов о благоприятном рассмотрении императором Николаем II ново-николаевской ходатайствующей «делегации трёх», дачу им письменной санкции на возведение нашего поселения в степень города и на передачу ему своих, кабинетских земель. На проработку этих вопросов ушли долгие месяцы, сумма выкупа за землю была для нового города неподъёмной, по сему Кабинетом была предложена рассрочка платежа на 20 лет под 4% годовых. До марта 1917-го город выплатил императору немногим более половины положенной суммы, после платить стало некому, кабинетская земля была переведена в разряд государственных. Вот такая получилась «ипотека».

8). Далее 1909 год. В городе большой пожар. Ущерб превысил 5 миллионов рублей. Помогли многие. Не остался в стороне и Николай II. Городская Дума ходатайствовала перед императором «оказать погорельцам Монаршую милость бесплатным отпуском строевого леса <...> и средств на постройку», а заодно снять с города оставшуюся на тот момент сумму выкупа за землю в 400.000 рублей. Выкуп за землю монарх не снял, но «повелеть соизволил организовать в гор. Ново-Николаевске по соглашению с губернской властью отпуск лесного материала пострадавшим от пожара беднейшим бесплатно, остальным по выявлению количества по заготовительной цене» [6]. А чуть позднее ещё «повелеть соизволил: выдать городу Ново-Николаевску для оказания помощи погорельцам и удовлетворения наиболее неотложных нужд города, вызванных пожаром, в ссуду из казны сто пятьдесят тысяч рублей для израсходования этой суммы на указанные надобности по ближайшему усмотрению города» [5].

Событий, так или иначе связанных с императорской особой много – это и празднование в посёлке коронации Николая II, чуть ли не вылившееся в местную

ходынку и отметки топонимики: училище Дома Романовых, часовня к 300-летию Дома Романовых, специальный фонд строительства школ к 300-летию Дома Романовых и т.д.

Город оказался неблагодарным последнему императору. После февральской революции Городская дума постановила: «первого почётного гражданина Ново-Николаевска Министра Двора графа Фредерикса лишить этого почётного звания» [15]. Причина такого решения точно не ясно, но предполагается, что ей стало возмущение гласных тому, что граф скрепил подписью отречение его величества от престола. Тем не менее, население города воодушевленно приняло отречение монарха и перемены, а летом 1917 даже был поставлен первый вопрос о переименовании города имени царя в город Обск.

Ну, а в 1920-м, происходят массовые переименования царских названий. Город быстро лишился всего Николаевского, а в 1926-м и собственного названия. Сама личность царских особ всячески замалчивалась, упоминалась лишь в уничижительном значении, их роль в становлении города была чрезвычайно занижена. Более того, в советской истории укреплялась мысль, что молодой город развивался вопреки разрушительной воле сатрапа, который всячески противился его росту, передаче земли и обобрал жителей непомерными налогами.

В 1990-х годах поднялась другая, противоположная волна — всяческого обеливания и возношения Помазанника Божия, желание всяко вплести его в историю города. Он-де, и столицу империи уже тогда хотел в Ново-Николаевск перенести, всячески городу благоволил и даже тайно посещал его неоднократно: «Император Николай Александрович идёт по мосту (по нашему железнодорожному – *К.Г.),* и на его лице играет добрая улыбка» [12]. «В декабре 1896 года на Базарной площади (тоже у нас, разумеется– *К.Г.*) был первый военный парад казачьих войск в честь приезда Его Величества Николая II» [13].

Фантазии и возношения, безусловно, есть, но, тем не менее, до сих пор нет в России ни одного города или улицы имени последнего Императора. Разве что в Владивостоке есть улица Цесаревича. Практически нет и памятников Николаю II. За исключением, некоторых бюстов, да и то в основном по селам да посёлкам.

В 2015 году автором была поддержана мысль поставить такой памятник «на стрелке Николаевского проспекта и улицы Кабинетской (Советской). Он символичен и по месту, и по композиции: Николай стоит вместе с сыном Алексеем. За спиной у них храм Александра Невского, а впереди железнодорожный мост и памятник родителю Александру III — они смотрят друг на друга. По присутствию на монументе наследника Алексея у меня были большие сомнения, но я подумал, что возможно, это и не плохо – мальчик может символизировать наш молодой тогда ещё город, который выводит в люди его царственный покровитель» [4].

Два года спустя памятник последнему императору у собора А. Невского установили, но, к сожалению, он выполнен из крайне непрочных материалов, и без каких-либо обсуждений с общественностью и даже согласований с мунипалицитетом. Что сразу же вызвало эффект отторжения и даже акцию вандализма.

А вклад Николая Александровича Романова в становление нашего города достаточно весомый, и памятника он, безусловно, достоин.

Памятник Николаю II. 2017 г. (regnum.ru)

Список литературы

1. Букевич Д. Кто же истинный отец-основатель Новосибирска? // Комсомольская правда – Новосибирск. 2011. № 41 26 марта. С. 13
2. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 4. Оп. 1. Д. 81. Л. 3, 4
3. ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2312. Л. 5, 5 об
4. Голодяев К. А. Новосибирск «на ощупь». Новосибирск: Музей Новосибирска. 2017. 320 с. С. 221, 222
5. Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. Д–97. Оп. 1. Д. 46. Л. 3, 4
6. К вопросу о снабжении строительными материалами погорельцев // Народная летопись. 1909. 23 мая. С. 3
7. Новое время (Санкт-Петербург). 1899. № 8375. 23 июня. С. 1
8. Об утверждении направления Средне-Сибирской железной дороги. СПб: МПС. Упр. казен. жел. дор. Тех. отдел. 1893. 51 с.
9. Поселок Александровский (бывший Кривощековский) // Томский листок. 1895. № 238. 4 ноября. С. 2
10. Поселок Нов-Николаевский // Томский листок. 1896. № 92. 1 мая. С. 3.
11. Саблер С.В., Сосновский И.В. Сибирская железная дорога в ее прошлом и настоящем / под гл. ред. статс-секр. Куломзина. СПб: Гос. тип. 1903. 472 с. С. 106
12. Садыров А. Ж. Серьги императрицы. Новосибирск: РИЦ НПО Союза писателей России. 2015. 496 с. С. 61
13. Садыров А. Ж. Четыре славных Александра. Сибирские огни. 2013. № 4. 2013. С. 185
14. Свет негасимый (православная церковь в Новосибирске) История города: Новониколаевск-Новосибирск (исторические очерки). Т. I. Новосибирск, 2005. Издательский дом «Историческое наследие Сибири». С. 296-348. С. 300
15. Чрезвычайное заседание городской думы // Голос Сибири. 1917. № 52. 8 марта. С. 3

УДК 908

Строительство железной дороги Ачинск - Абалаково в 1955–1966 гг.

Давыдова Анастасия Андреевна
Научный сотрудник,
Енисейского историко-архитектурного музея-заповедника
им. А.И. Кытманова,
Енисейск, Россия
davydovaan4stasia@yandex.ru
ORCID:0009-0007-0045-1740

АННОТАЦИЯ В статье представлены результаты исследования архивных документов Енисейского музея-заповедника, освещающие строительство железной дороги Ачинск-Абалаково в период с 1955 по 1966 гг.
В статье приведены ранее не публиковавшиеся данные, собранные сотрудниками енисейского музея в 1962 г. в ходе экспедиции на строительство железной дороги.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Железная дорога, Ачинск, Маклаково, Абалаково, транссибирская магистраль, «ударная» стройка.

Железнодорожный транспорт является важной частью транспортной инфраструктуры страны. В XX веке строительство железнодорожных путей имело стратегическое значение для государства. Уже тогда по территории России проходила одна из самых больших железных артерий мира - Транссибирская магистраль. Сейчас Транссибирская магистраль пронизывает буквально всю страну и проходит через Дальний Восток, Урал и Сибирь, связывая европейскую и азиатскую части России.

Строительство Великого Сибирского пути началось еще при Александре III, но множество ответвлений, соединяющих отдаленные населенные пункты с основной веткой, магистраль получила уже при советском правительстве.

В 1930-х гг. правительством был принят масштабный проект по расширению и модернизации Транссибирской магистрали. Все стройки были объявлены «ударными комсомольскими». Для их строительства привлекались студенческие отряды со всей страны. Одна из таких строек развернулась и в Енисейском районе.

Начало развитию восточных районов страны и расширению железнодорожной сети в этом направление было положено XVI Съездом Коммунистической партии, признавшим необходимым создать на востоке страны вторую угольно-металлургическую базу, развивать отрасли промышленности, используя местное сырье.

О постройке в Енисейской губернии железной дороги говорилось еще в 1882 году. Максимилиан Осипович Маркс, обследовав пространства между Енисейском и рекой Чулым, предложил проект конно-железной дороги, как наиболее удобного и дешевого способа к соединению речных сетей Оби и Енисея. Но тогда проект не был реализован и забылся на долгие годы.

О строительстве железной дороги в Енисейском районе вновь вспомнили в 1930-х годах. Конечно, местоположение прокладки железнодорожного полотна изменилось. В газете «За большевистские темпы» от 16 октября 1931 года говорится, что правительство Союза дало срочное задание построить железную дорогу от Ачинска до Енисейска, протяженностью 290 км., с расчетом начать движение по всей линии с января 1932 года. Предполагалось, что железнодорожные линии охватят проектируемые тогда лесозаводы. В планах было создать в Енисейском районе один из

самых мощных лесопромышленных центров Союза. Основная масса древесины должна была поступать к железной дороге сплавом по рекам Ангаре и Енисею. Выход линии на реку Енисей решено было сделать в деревне Маклаково и оттуда довести железнодорожные пути до города Енисейска [5, с.2].

Таким образом, строительство железной дороги Ачинск – Абалаково имело большое значение, и должно было осуществиться в кратчайшие сроки, так как расценивалось, как обязательная предпосылка для всего остального строительства. Но значение новой железнодорожной ветки не ограничивалось только перевозкой древесины. Дорога Ачинск-Абалаково задумывалась как первое звено будущей магистрали, которая по проекту должна была пересечь Енисей и выйти на правый берег Ангары и дальше протянуться по Ангаро-Енисейскому кряжу, а далее железнодорожные линии должны были пролегать к Тунгусскому угольному бассейну, а после к низовьям Енисея.

Но строительство ветви Ачинск- Абалаково началось намного позднее заданного срока, в 1955 году.Проект железной дороги был разработан в 1950году по техническим условиям 1946 года.Тогда проектный грузооборот рассчитывался не выше 6 млн. тонн в год, в связи с возросшими задачами, поставленными на XXсъезде КПСС, проектный грузооборот был увеличен в три раза.

По плану железнодорожная ветвь должна охватывать территории пяти районов: Ачинского, Больше-Улуйского, Бирилюского, Пировского и Енисейского.

В 1960 году стройка объявлена всесоюзной ударной. Это значило, что данная стройка входила в число объектов капитального строительства, для которых была установлена первоочередность снабжения стройматериалами, оборудованием и срочность перевозок грузов.

Работа велась от двух конечных пунктов: две бригады двигались на встречу друг другу со стороны Абалаково и Ачинска.

В 1962 году на строительстве железной дороги побывала экспедиция Енисейского музея.

В начале строительством занимался трест «Абакан строй путь», а с 1961 года стройка была передана тресту «Красноярск трансстрой». Длина трассы по плану должна была составлять 274 км [4, с.2].

В ходе строительства трасса дороги была разделена на четыре участка. На каждом из участков работы производились с помощью строительно-монтажных поездов (СМП). В перечень работ, выполняемых СМП, входили: вырубка леса, расчистка трасс, прокладывание труб, укладка и балластировка полотна. В районе Ачинска работы велись СМП-236 на участке, проходящим от станции Ачинск III до 90 км. Укладка рельсов началась в 1956 г. По данным отчета об экспедиции Енисейского музея известно, что СМП-236 располагало техникой: 3 экскаватора, 2 мотовоза, 1 железнодорожный кран, 3 автокрана, 2 тракторных крана, 2 башенных крана, 1 кран козловой, 5 бульдозеров [4, с.2].

От 91 до 156 км работы вела СМП-196. Данный строительно-монтажный поезд начал строительные работы на Ачинско-Аблакинской дороге в 1959 г. В СМП-196 для работы по комсомольским путевкам прибыло 114 человек. В 1962 году таких рабочих осталось 69 человек. Техника, которой располагало СМП-196: 5 экскаваторов, 2 крана ЦУМЗ-15, 6 бульдозеров, 1 кран ТК-52, 6 самосвалов, 2 вездехода, 1 автокран ГКМ-5, 1 автокран ГТС-3[4, с.3].

Участок от 156 до 217 км (станция Чайка) обслуживался СМП-227.Отмечается, что это был наиболее трудный участок дороги. Полное бездорожье, отсутствие местных материалов усложняли работы на этом участке. Гравий приходилось доставлять с реки Кемь. В СМП-227 работали от 300 до 320 человек в разное время. Основная масса

приехали по комсомольским путевкам, так же в числе рабочих были и местные жители[4, с.4].

Работы от станции Чайка до причала реки Енисей (от 217 до 274 км) производились СМП-230. Благодаря экспедиции енисейского музея сохранилась дата, когда был вбит первый колышек на строительстве поселка железнодорожников на станции Маклаково - 7 ноября 1956 года. Так же в отчете по экспедиции отмечается, что первые строители, прибывшие для строительства на данный отрезок трассы, жили в Маклаково в большом доме на улице Пирогова [4, с.4].

С 1957 года начали расчищать местность на трассе для прокладки железнодорожных путей. Через год просека дошла до Абалаково. В 1958 году на Енисее был построен железнодорожный причал, где в будущем предполагалась погрузка древесины на поезда и от которого и должны были начаться железнодорожные пути. На начало строительства станции Абалаково приехали 18 человек. Первые прибывшие на стройку рабочие первый месяц жили в палатках. Позже началось строительство жилых домов, клубов и магазинов. В газете «Енисейская правда» от 10 мая 1960 года особо отмечены успехи комплексной бригады Ионаса Крилавичуса, усилиями которой было возведено шесть четырех квартирных домов за сравнительно небольшой срок [2, с.2].

В конце июля 1962 года железнодорожное полотно доходило до 34 км. (от причала на реке Енисей). Тип рельсов, который использовался для прокладки дороги-Р-43 (1 метр рельсов весит 43 кг). Длина одного железнодорожного звена составляла 12,5 метров. Сборкой звеньев занимались специальные бригады звеносварщиков. Шпалы привозились из Тайшета, рельсы из Кузбасса, вагоны и тепловозы доставлялись из Красноярска.

Работа по отсыпанию земляных полотен под рельсы осуществлялась механизированными колонами (МК). Механизированные колоны, учувствовавшие в строительстве дороги Ачинск-Абалаково, были в подчинении у треста «Уралстрой механизация», находящимся в городе Свердловске. Средняя протяженность участка дороги, на котором осуществляли работы, механизированные колонны-22 км. По мере выполнения работ МК сдает свою работу тому СМП, на участке которого она работает. На стройке железной дороги работали в основном МК III и II категории [4, с.5].

Условия работы были трудные. Вся трасса проходила по малозаселенной территории. Практически по всей линии дороги была сильнейшая заболоченность. Длительные суровые зимы, а летом-дожди, затрудняли, а иногда и вовсе приостанавливали рабочий процесс. Из-за тяжелых условий труда, строящуюся ж/д линию стали именовать «Трассой мужества». Первые отправленные на строительство трактора и машины шли до Ачинска месяц. Больных перевозили в Ачинск на вертолетах.

Так же, важной составляющей строительного процесса были мостопоезда. Задача мостопоезда строить железнодорожные мосты. Один из таких мотопоездов-мостопоезд 471 прибыл на стройку в феврале 1960 г. из Алтайского края со строительства железной дороги Камень-Алтайская. На трассе Ачинск-Абалаково предполагались в основном средние мосты, то есть их длина могла варьироваться от 25 до 100 м. Проекты мостов разрабатывались Новосибирским институтом Сибгипротранса.

Большинство строителей дороги были механизаторами: экскаваторщиками, бульдозеристами, шоферами, слесарями и т.д. Ручной труд применялся в малой степени, и составлял примерно 5-6% от общей работы [4, с.24].

Средняя заработная плата рабочих 90-150 рублей, кроме того, строители получали 30% «колесную» выплату, а также 20% надбавку «поясных». Таким образом,

средняя заработная плата работника за месяц со всеми надбавками могла составлять около 200 рублей [4, с.24].

Не смотря на тяжесть работ и суровые условия, на стройке так же работали и девушки. Например, Васютикова Нина на стройку приехала вместе с мужем - Николаем Васютиковым из города Людиново Калужской области. Молодые люди приехали по призыву комсомола, как и многие другие. На строительстве Николай Яковлевич работал шофером. А Нина состояла в отряде отделочников землеполотна. Отмечается, что до этого ей целый год отказывали в принятии на работу, так как считали, что девушка с типичной «городской» внешностью не сможет работать на земляных работах. Но девушка выполняла нормы на 120-150% [4, с.16].

На стройке был организован досуг. Проводились лекции и концерты. В МК-80 была своя киноустановка, с помощью которой для рабочих демонстрировалось кино. В МК-76 помимо киноустановки, имелся свой клуб, также небольшая библиотека. Помимо этого, МК так же выпускала свою стенгазету.

Так как большая часть рабочих, занятых в строительстве -студенты, им необходимо было продолжать свое образование. В этом вопросе помощь оказывали учителя местных школ. Они проводили консультации для студентов-заочников. Так же проходили и лекции по политпросвещению [4, с.4].

Сквозное движение рабочих поездов по новой ветке изначально планировали запустить в 1960 году, но строительство затянулось. По данным отчета экспедиции Енисейского музея старт движения был перенесен на 1962г., но только декабре этого года происходила укладка последних километров трассы. С юга укладку путей вели три строительно-монтажных поезда № 236,196,227. С севера-СМП-230. В это же время состоялось собрание объединённой партийной организации строителей северного участка дороги. В ходе собрания была поставлена задача: закончить укладку путей к 25 декабря 1962 года. Так же в зимний период рабочие должны былизавершить балластировку пути, построить железнодорожные ветки к Маклаковскому и Енисейскому лесокомбинатам.

17 января 1963 года передовики Иван Кудряшов, Василий Довголюк и Василий Ильин, забили «серебряный костыль», соединив на мосту через реку Белая рельсы, двигавшиеся навстречу друг другу [3, с.20].

Но стоит отметить, что строительство продолжалось еще в течение трех лет, и окончательно было завершено в 1966 году.

Строительство железной дороги Ачинск - Абалаково считалось первым шагом к дальнейшему развитию лесной промышленности Енисейского Севера, подступом к будущему строительству Енисейской гидроэлектрической станции. Сейчас дорога слабо, но все же продолжает функционировать. По дороге проходят 1-2 рейса в неделю. Средне енисейская ГЭС так и не была построена.

Но, тем не менее, содействие развитию края данная стройка оказала. Лесная промышленность края действительно вышла на новый уровень. Благодаря строительству железнодорожной сети появились новые населённые пункты. Участвовавшая в строительстве молодежь оставалась в только что возникших населенных пунктах, тем самым пополнился состав населения края. Таким образом, всех надежд, возлагаемых на данную стройку, дорога оправдать не смогла, но, тем не менее, свой вклад в развитие региона все же внесла.

УДК 97/98

Культовые объекты в пространстве малых городов Приенисейского севера: сохранение и развитие

Дворецкая Анна Павловна
Кафедра истории России, мировых
и региональных цивилизаций
Гуманитарного института СФУ.
Красноярск, Россия

Пиков Никита Олегович
Кафедра информационных технологий
в креативных и культурных индустриях
Гуманитарного института СФУ.
Красноярск, Россия

АННОТАЦИЯ Исследование является частью проекта по изучению сакрального пространства малых городов Приенисейской Сибири. В статье анализируется процесс формирования сакрального пространства исторических городов Енисейска и Минусинска, изменение его символико-информационной нагрузки на протяжении истории. Делается вывод о том, что усилия многих поколений верующих здесь сложился уникальный комплекс храмового зодчества енисейской школы сибирского барокко. На современном этапе начинается возрождение религиозного наследия Енисейска, культовые объекты воссоздаются и частично музеефицируются. При этом интересы государства и церкви на многом пересекаются, что позволяет сформировать новый религиозно-культурный код.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сакральное пространство и храмовое зодчество, сибирское барокко, культовое наследие

Религиозное наследие малых городов Приенисейской Сибири формировалось на протяжении нескольких веков. Среди данных объектов особую ценность представляют сакральные объекты старожилов, выполненные в камне. Они являются наследием первых русских переселенцев Сибири. Великолепие сибирских памятников церковного искусства впервые было отмечено искусствоведом профессором Б.П. Денике. Благодаря ему в 1919 г. в Сибири было проведено первое комплексное обследование памятников церковной старины и сделан вывод о значительном влиянии малоросской традиции на церковную архитектуру. Этот стиль искусствовед назвал «Тобольское барокко» [1].

Позднее за храмовой архитектурой Сибири XVIII в. закрепился термин Сибирское барокко. Создаваемые на протяжении нескольких веков они имели неповторимую архитектуру, гармоничное внутреннее убранство. Разнородные элементы соединялись между собой в единую соборную идею единства в многообразии. До наших дней не дошли образцы их внутреннего убранства, сохранились только отдельные элементы. Буквально по частям пришлось воссоздавать и внешний облик церквей многих памятников храмового зодчества. Среди сохранившихся – храмы Енисейска, Минусинска. Историко-культурная среда здесь стала средой памяти. В культурном коде достаточно отчетливо проявлены две основные линии. Первая – это преемственность в интерпретации культурного наследия: то, что выборочно сохраняется и используется из поколения в поколение непрерывно. Вторая линия отношения к наследию – дискретная – обрывает преемственность полностью или

частично. Она характеризуется частичной утратой памятников истории и архитектуры, что символизирует забвение прошлого [2].

После реставрации енисейских храмов общество оказалось на распутье: передоверить заботу о них государству в лице Енисейского краеведческого музея или начать обживать как сакральные пространства. В первом случае на государство ложатся все заботы о материальном обеспечении храмов, а также об их наполнении. Во втором случае требуются значительные усилия сибиряков в качестве послушника монастыря, паломника, любителя русских традиций и культуры, популяризатора местных красот. Но и в том и другом случае речь идет даже не о восстановлении, а о реконструкции сакрального пространства.

Своеобразной стратегией, поддерживающей традиционность символико-знакового ряда, местной метрополии является литургическое служение, а также крестные ходы, паломничества, имеющие религиозный смысл почитания, обеспечивающего установленный миропорядок и защитную функцию небесного покровительства на земле. Взамен разрушенных храмов ставятся кресты, поддерживая память о святых местах. Святыни являлись атрибутами и своеобразными символическими пространственно-временными реперами мировоззренческой картины православных [3]. Используется тут и глубокая ассоциативная, духовная связь многих символов Енисейска со Святой Землей. Образ «Сибирского Иерусалима», как некий элемент «мироустройства» города, постоянно появляется в высказываниях правящего митрополита, православных журналистов, светской власти [4].

Минусинский Спасский собор – действующий объект. На протяжении многих веков он оставался центром сакрального пространства юга Приенисейской Сибири. До революции храм воспринимался в качестве богослужебного здания и одновременно произведения архитектуры, своеобразного коллективного наследия потомкам, что позволяло прихожанам перестраивать его по своему усмотрению. Храм в дореволюционное время пережил две перестройки (в середине XIX и в начале XX вв.), которые значительно изменили его облик. Кроме этого, он являлся материальным воплощением духовной жизни местности и нес символико-информационную нагрузку.

В настоящее время храмовый комплекс имеет статус памятника федерального значения. Он является некой точкой, где сфокусированы мировоззренческие и эстетические представления людей. Храм не только являлся центром такой церковно-административной единицы как приход, но и формировал горизонтальные связи местного сообщества, укрепляя православные основы социокультурных практик [5].

В настоящее время предпринимаются попытки реконструкции собственно не самого сакрального пространства, а отдельных его элементов. Нередко это связано с потребностями отдельных наук, общественных организаций, музеями, специалистами в области охраны памятников [6]. Многие проекты выглядят весьма эклектично и связаны с включением данных сакральных объектов в современное культурное пространство: размещение в пакгаузах Енисейского Богоявленского собора музея археологии и экспонирование обнаруженных фрагментов храмов, полное восстановление ряда утраченных объектов. Но есть в этом ряду и интересные многообещающие проекты, например, экспонирование коллекции современного христианского искусства о. А. Юревича в стенах Енисейского краеведческого музея.

Многообещающе выглядят и приемы исторической реконструкции при помощи возможностей технологий 3D-моделирования. Главная проблема – техническая – связана с формированием и использованием электронной среды виртуальных реконструкций. Наряду с практическими задачами содержания, реконструкции и реставрации объекта, появляются значительные исследовательские возможности [7]. Но возникают аспекты образовательного, культурного и туристического характера. Это – виртутальная музеефикация, в т.ч. действующих объектов, создание

виртуальных экскурсий и виртуального открытого пространства для нужд познавательного туризма и музеев, школьных уроков.

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01668 «Комплексное исследование сакрального пространства старожилов Енисейского Севера: механизм сохранения и развития (на основе междисциплинарного исследования памятников истории и архитектуры)» (рук. А.П. Дворецкая), https://rscf.ru/project/22-28-01668/.

Список литературы

1. Расколец В.В. Организация и деятельность Института исследования Сибири (1917–1921 гг.) Дисс. … к.и.н.. Томск, 2018. С. 97, 214.
2. Селезнева Е.Н. Историко-культурная среда как среда памяти // Памятники и современность. Памятники в контексте историко-культурной среды. М., 1990. С. 10.
3. Майничева А.Ю. Православные святыни Енисейской епархии: актуализация и стратегии сохранения. Начало XX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2018. Т. 25. № 2. С. 71–76.
4. Пасхальский Ю. Енисейску – 400! [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://kerpc.ru/press-tsentr/statii/77005 (дата обращения 30.11.2021)
5. Дворецкая А.П. Минусинский Спасский собор в конце XVIII – начале XXI века. Красноярск: СФУ, 2016. 176 с.
6. Историко-культурное наследие г. Енисейска [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.yeniseisk-heritage.ru/3d-reconstructions/ru (дата обращения 10.02.2023).
7. Бородкин Л. И. Виртуальная реконструкция монастырских комплексов Москвы: проекты в контексте Digital Humanities // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2014. Вып. 3(26). С. 107–112; Бородкин Л. И., Жеребятьев Д. И., Кончаков Р. Б., Моор В. В. Виртуальная реконструкция Страстного монастыря (XVII–XX вв.): первый этап проекта // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». № 42. М., 2014. С. 216–218.

УДК 908

В. И. Суриков в Минусинске и Минусинском округе

Калеменева Наталья Алексеевна
член клуба «Краевед» Минусинского регионального
краеведческого музея им. Н. М. Мартьянова
г.Минусинск, Россия
anarnady@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Автор в статье попытался проследить маршруты путешествия В. И. Сурикова по территории Минусинского округа, а именно в с.Тесь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Художник сибирский, музей Минусинский, село Тесь

Василий Иванович Суриков неоднократно бывал в Минусинске, а также в сёлах Минусинского округа – Тесь, где жила и была похоронена его сестра – Екатерина Ивановна в замужестве Виноградова; Аскиз, Узунжуль, Таштып и другие поселения, которые ныне относятся к Хакасии. Хронологически эти поездки можно отнести к нескольким периодам.

Первый: поездки Сурикова в гости к сестре Екатерине в село Тесь в 1865–1868 годах.

Второй: поездка Сурикова в 1873 г. в целях лечения в Аскиз, где находилась резиденция золотопромышленника П.И. Кузнецова, проживание его в усадьбе Кузнецовых на Узунжуле, рядом с золотыми приисками, поездки в окрестности усадьбы и в село Таштып.

Третий: поездки Сурикова во время работы над картиной «Покорение Сибири Ермаком» в 1892 и 1994 годах. Посещение Минусинска, работа над этюдами в Минусинском краеведческом музее, проживание в Аскизе и на Узунжуле.

Четвёртый: поездка Сурикова летом 1909 г. с дочкой Еленой на озеро Шира после того, как его картина «Степан Разин» демонстрировалась на выставке передвижников. Возобновление работы над этой картиной.

Благодаря сохранившимся многочисленным рисункам В.И. Сурикова нам довольно хорошо известны маршруты его путешествий в 1873 году. А вот по остальным периодам есть немало вопросов.

Остановлюсь на первом периоде (1865-1868). Известно, что генерал-губернатор Сибири П.П. Замятнин высылал в Академию художеств несколько рисунков В.И. Сурикова (не сохранились). Среди них был рисунок с названием «Курганы в Минусинском округе». Бесспорно, В.И. Суриков выполнил его где-то в пути во время поездки к сестре Екатерине в село Тесь или в окрестностях этого села. Старожилы его вспоминали, что ещё в пятидесятые годы прошлого века неподалеку от села находились курганы, позднее раскопанные археологами. Неизвестно, в каком году конкретно Суриков выполнил этот рисунок, поскольку в Теси он бывал несколько раз.

Сестра его вышла замуж в сентябре 1864 года. Даже если предположить, что она сразу с мужем уехала в Тесь, вряд ли В.И. Суриков был у неё в гостях 1864 году, поскольку в те времена осенняя распутица вынуждала отменять даже важные, неотложные поездки. Скорее всего, первый раз он поехал в гости к сестре летом 1865 года. Предположительно, во время этой поездки Василий Суриков выполнил акварельный рисунок «Синий камень на Енисее». Этот рисунок, датированный как раз 1865 годом, хранится в Художественном музее им. В.И. Сурикова.

До того, как была возведена дамба Саяно-Шушенской ГЭС, ниже села Каптырево находилась пристань Синий камень. Сегодня это заброшенное, заросшее бурьяном бывшее поселение, но на старых лоциях пристань обозначена. Сохранилось придорожное обозначение «Синий камень». Достопримечательность под названием «Синий камень» была хорошо известна речникам, водившим речные суда по Енисею. В сентябре 1977 г. в селе Шушенское проходила Всесоюзная конференция «Пропаганда ленинских мест в экскурсиях», в которой я участвовала. Во время экскурсии по Енисею капитан судна на подводных крыльях (предположительно, ветеран Анатолий Иванович Толмачёв, увлекавшийся живописью) показывал скалу, которую В.И. Суриков нарисовал на акварели «Синий камень на Енисее».

По письмам В.И. Сурикова и сохранившимся рисункам не прослеживается поездка Сурикова в Тесь в 1866-м году. Такая поездка была в 1867 году. Это подтверждают ранее неопубликованные письма Сурикова к матери – Прасковье Фёдоровне. Их подготовила к публикации и ввела в научный оборот ст. научный сотрудник Красноярского художественного музея им. В.И.Сурикова Татьяна Алексеевна Резвых. Вот отрывок из письма:

«1867 год, 21 июля [по современному календарю]. Село Тесь.

Путешествие совершил великолепно и с полным удобством; в Ачинске я был у Хворостова и встретил там крестную Ольгу Матвеевну (Дурандину) и гулял с нею в роще; там я пробыл 2 часа и, отобедавши, уехал; в Ибрюле (Медведево-Медведевское – примечание автора) я ночевал, то же сделал и на ст. в селе Батеневском. Переправы все совершил благополучно. Сейчас отправляюсь на бакчу, т.е. туда, где растут арбузы, а вечером – на именины к писарю». (Сб. Суриковские чтения-2015, публикация Т.А.Резвых).

Летом 1868 г. Суриков вновь приезжал в Тесь. Подтверждение тому - акварель «Вид на гору Егорьевскую» (ныне хранится, а музее-усадьбе В.И. Сурикова). Во всех поездках в село Тесь Суриков непременно бывал в Минусинске, поскольку именно здесь путники, приехавшие в город по почтовому тракту, останавливались, чтобы нанять повозку для поездки по селам Минусинского округа.

Летом 1892 г. Василий Суриков вновь приезжает в Минусинск. Его главная цель – посетить местный музей, основанный провизором Н.М. Мартьяновым. В какой же гостинице остановился Суриков? Да и была ли тогда гостиница в Минусинске? За два года до приезда Сурикова в центре Минусинска, на улице Беловской (ныне Ленина), построили отличную гостиницу – большое двухэтажное кирпичное здание. Хозяева дали название гостинице громкое, можно сказать, с претензией – «Метрополь». Полагаю, что именно эту гостиницу порекомендовал Сурикову его попутчик - некто Гортищев (о нём художник упоминал в письме домой). Здание гостиницы было не только большое, но и красивое – фигурная кирпичная кладка, высокие окна делали его нарядным. Застройка обошлась очень дорого - больше десяти тысяч рублей. По тем временам - просто фантастические деньги.

Здание это до сих пор сохранилось. Оно служит городу в том же качестве, что и при первых хозяевах, - это по-прежнему гостиница. Правда, называется она теперь гораздо скромней – просто «Амыл» (по названию реки в Саянах).

В тот год с самой весны в «Метрополе» было очень много постояльцев: одна за другой через город проездом следовали различные научные экспедиции. Научный «сезон» открыла экспедиция профессора-ботаника Крылова из Томска. Потом на пароходе «Святитель Николай» в Минусинск прибыла Саянская экспедиция, направленная по распоряжению Иркутского генерал-губернатора для исследования Усинского пограничного округа. Затем в городе побывали с экспедициями геолог Богданович, профессор Киевского университета Гарнич-Гарницкий, профессора Томского университета Залесский, Буржинский, Зайцев, сотрудники статистического

комитета Енисейской губернии Каргаполов и Бакай. Словом, в город наезжало немало ученых

О Минусинском музее Василий Иванович был наслышан, а с его создателем – Н.М. Мартьяновым, - давно был знаком, как говорится, заочно. Через кого? Через известного путешественника Григория Николаевича Потанина. В письме к Мартьянову от 9 марта 1887 г. Григорий Николаевич писал: «На днях я познакомился с сибирским художником Суриковым, который изъявил согласие подарить Вашему музею одну небольшую картину. (…) Это будет важный подарок Вашему музею. Подарок он хотел передать мне, когда я буду проезжать через Москву». Г.Н. Потанин очень высоко ценил Мартьянова. Можно представить, сколько добрых слов сказал Потанин Сурикову о Мартьянове, о его подвижничестве, о значении музея, созданного им. Уверена: именно отзыв Потанина о Мартьянове побудил художника подарить Минусинскому музею свою картину. Но какую?

В фондах Минусинского музея никакой картины Сурикова не значится. Нет упоминания о даре художника и в отчётах музея. Может быть, передача картины в дар музею не состоялась по каким-то причинам? Возможны лишь догадки и предположения. А чтобы точно ответить на этот вопрос, необходимо исследовать архивные документы. Прежде всего письма Мартьянова. Увы, пока это невозможно: исследование его эпистолярного наследия – вопрос неопределенного будущего. Переписку Мартьянов вёл очень обширную, его адресаты проживали во многих уголках России и в других странах. Но большинство писем Мартьянова утрачено. А те, что сохранились, раскиданы по самым разным архивам. Эпистолярное наследие Мартьянова крайне мало изучено

Однако, благодаря письму Г.Н. Потанина мы знаем точно: Суриков имел от Потанина достоверную и довольно подробную информацию и о Минусинском музее, и о его основателе.

А теперь художнику предстояло впервые посетить этот музей. Но его ждало разочарование. Он не мог там увидеть то, ради чего приехал в Минусинск… Почему? В здании, строительство которого закончилось в 1890 г., ещё шли отделочные работы. А в залах, где отделку закончили, шло оформление новых экспозиций, но только тех, для которых были готовы специально заказанные шкафы и витрины.

Штатных сотрудников музея тогда было всего двое – библиотекарь и сторож. Какого-то специального работника в музее не было - библиотекарь получал дополнительно жалование за дежурство. Все остальные – добровольные и бескорыстные помощники Мартьянова. Поэтому оформление залов шло не так быстро, как хотелось бы. И большая часть экспонатов ещё дожидалась своей очереди, бережно упакованная в коробки, корзины, ящики. А фонды Минусинского музея в 1892 г. насчитывали уже более 35 тысяч предметов – богатейшие гербарии, чучела, археологические находки, этнографическая, минералогическая, антропологическая, нумизматическая коллекции, всевозможные редкости. Эту богатейшую сокровищницу просто невозможно было быстро разобрать, систематизировать, описать и оформить новые экспозиции в залах недавно отстроенного музея. Надо учесть ещё один, очень важный момент: часть музейных коллекций, для обработки которых необходим был специалист, Николай Михайлович отправлял учёным. Информация о представленных экспонатах должна быть грамотной, научно обоснованной - для Мартьянова это имело принципиальное значение.

Интересно, познакомился ли в тот день Василий Иванович с Мартьяновым? Сам Суриков ни в письмах домой, ни в воспоминаниях, записанных позднее Максимилианом Волошиным, не упоминает о знакомстве с Мартьяновым. А, может быть, в тот приезд Сурикова их знакомство не состоялось? Почему? Чтобы ответить на этот вопрос, надо иметь представление, как проходил обычный рабочий день

Мартьянова. Ошибается тот, кто считает, что Николай Михайлович целыми днями корпел над коллекциями в уютной тишине музея. Ничего подобного! У него не было возможности часто или подолгу находиться в музее. Он был очень занят по месту своей основной службы - в аптеке.

Ни в отчёте музея, ни в других документах никаких упоминаний о посещении Суриковым Минусинского музея мне не удалось найти. Но точно известно, что в конце июля 1892 г. Василий Иванович вновь приехал в Минусинск – на обратном пути из резиденции Кузнецовых на Немире. Сколько он пробыл в городе, с кем встречался - ничего неизвестно. Но всё-таки…Всё-таки есть основание предполагать, что во время повторного посещения Суриковым музея, он познакомился с Мартьяновым.

Думаю, Николай Михайлович обязательно показал Сурикову манекен шамана, который годом раньше по заказу музея изготовил московский скульптор И.И. Севрюгин. Уже тогда музей имел богатую коллекцию костюмов шаманов, в один из которых и был облачен манекен. Ещё несколько манекенов, представлявших коренных жителей юга Сибири, сделали своими силами – их лица представляли раскрашенные гипсовые маски, снятые с живых людей.

Вот удивился Василий Иванович, когда узнал, что эти маски по просьбе Мартьянова снимал никто иной, как давний знакомый Сурикова, – Дмитрий Иванович Лавров. С ним вместе в далеком 1869 г. будущий художник уезжал из Красноярска учиться. Суриков окончил Академию, стал известным художником. А Лавров обучался иконописи в Троицко-Сергиевской лавре. Вернувшись в Сибирь, служил священником в разных церквях Енисейской губернии, писал иконы, реставрировал церковную утварь.

Несколько эскизов, выполненных тем летом в Минусинске Суриковым, хранятся в Красноярском художественном музее. На одном из них изображено старинное кремневое ружье – со стороны замка и с противоположной. В правом углу альбомного листа, внизу – подпись Сурикова и надпись, оставленная им, – «Минусинск.1892 г.»

В фондах этого же музея есть ещё рисунок «Пороховница». На нём художник изобразил предметы охотничьего снаряжения – пороховницу из рога марала или оленя, мерку (порох предварительно насыпали сначала в мерку, а уже потом – в ствол), и кожаный мешочек для пуль. На этом рисунке нет даты и не указано, что он выполнен именно в Минусинске. Но скорей всего, пороховницу, как и ружьё, он также нарисовал в Минусинском музее. Довод в пользу этого предположения: оба рисунка выполнены на жёлто-серой бумаге, и по цветовой гамме эти эскизы очень близки. Ещё один аргумент – в фондах Минусинского музея имеется набор охотничьего снаряжения, очень похожий на тот, что изобразил Суриков.

Думаю, Суриков обязательно рисовал ещё облачение шамана или какие-то ритуальные атрибуты. Но до нас эти рисунки художника, как и многие другие, не дошли.

1894 год. Поездка на Узунжуль в резиденцию к Кузнецовым с дочками (по воспоминаниям Марии Васильевны Красножжёновой). О посещении Минусинска сведений нет. Но, вероятно, БЫЛ.

1909 год – лето. Поездка на оз. Шира с дочерью Еленой. На обратном пути – Минусинск. Суриков жил у Ивана Тимофеевича Савенкова, который снимал дом Гусевой.

В это время Суриков не мог застать в Минусинске сына Савенкова – революционера Тимофея Ивановича, - он находился в ссылке в Иркутской губернии. В Минусинск по настоятельной просьбе отца он был переведён в 1911 году. Следовательно, ошибочно предположение некоторых исследователей о том, что именно Тимофей Савенков стал прототипом Степана Разина.

Список литературы

1. Калинин А. Новая дорога Ачинск-Абалаково/ А. Калинин – Красноярское книжное издательство,1957 г. – 24с.
2. Кондратьев, М. Рельсы сходятся/М. Кондратьев//Енисейская правда. – 1962. – 22 дек. – С.2.
3. Кузнецов, А. Лесосибирская одноколейка/ А. Кузнецов//Газета СФУ «Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. – 2019. – №5(75) – С.20. –Режим доступа: https://sibforum.sfu-kras.ru/files/pdf/sib_forum_75-october-2019_0.pdf (дата обращения: 17.04.2023)
4. Отчет о работе экспедиции енисейского краеведческого музея. Июль 1962г.//ЕКМ. ОФ 5474.Д 1293
5. Сафонов,В.Ачинск-Енисейская железная дорога/В. Сафонов//За большевитские темпы. – 1931. – 16 окт. – С.2.

УДК 908

История города Артемовска

Калюга Антонина Евгеньевна
главный специалист по архивным вопросам.
Администрация Курагинского района,
отдел организационного обеспечения и делопроизводства.
пгт Курагино, Курагинский район, Красноярский край, Россия.
kuragino_arhiv@mail.ru

АННОТАЦИЯ В докладе рассматриваются вопросы образования и развития города Артемовска Красноярского края. Изменения в его территориальном отнесении к административным территориям. Состояние социальной сферы и численности населения. Зависимость города от градообразующего предприятия - Артемовский рудник.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Город, градообразующее предприятие, Артемовский рудник.

Город Артемовск Курагинского района имеет богатое историческое прошлое. Свое начало отсчитывает от поселения старателей, образованном при Ольховском золотом прииске в конце XIX века.

С развитием зототодобычи в конце 30-х годов XX века прииск был преобразован в рудник «им.Артема» (Артемовский золотой рудник), названный в честь революционера Ф.А.Сергеева. В связи с этим увеличивалось и поселение, которое было названо рабочим поселком Ольховка.

В 1934 году в р.п. Ольховка расположилось управление Минусинского Золотопромышленного комбината «Минусазолото», основные производства которого были размещены на базе Артемовского рудника, как самого крупного в системе комбината и на юге Красноярского края.

Решением Президиума Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов от 31.12.1935 года (протокол № 32) был образован Артемовский район, выделившийся из Курагинского района, с присоединение к нему отдельных населенных пунктов Каратузского и Идринского районов. [5, л. 1]

Административным центром было определено с. Кордово. Однако спустя несколько месяцев, учитывая, значительные затраты для переноса административных учреждений из р.п.Ольховка в с.Кордово, было решено административным центром нового района определить р.п. Ольховка.

Благодаря этому, а также расширению производства на Артемовском руднике, увеличивалось население районного центра, что способствовало развитию его инфраструктуры - были построены: школы, детские сады, больница, электростанция и др.

В сентябре 1938 года Артемовский райисполком вышел с ходатайством к Красноярскому крайисполкому «О переименовании поселка Ольховка в город «им.Артема».

К ходатайству была приложена утвержденная экономическая характеристика р.п.Ольховка в которой было отмечено, что «...Ольховка из захудалого поселка превратилась в социалистический город, который стал одним из крупных культурных центров и золотопромышленных районов Красноярского края» [6, лл.1-25].

В характеристике, безусловно, не было указано то, что в 30-х годах количество населения значительно увеличилось за счет притока работящих и грамотных спецпоселенцев разных национальностей раскулаченных и сосланных со всей страны, поскольку Артемовский рудник являлся местом спецпоселения.

Он же являлся «градообразующим» предприятием поселка. На его основном и вспомогательном производствах было занято около 11 тыс. чел.

Динамика роста населения поселка р.п. Ольховка впечатляла: 1923 год - проживало 200 чел, в 1925 году - 1250 чел., в 1938 году - 19980 чел.

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27.08.1939 года крупный промышленный и культурный центр - рабочий поселок Ольховка Артемовского района переименован в г. Артемовск [1, л.64].

На его развитие значительное влияние оказало не только то, что он был центром золотодобывающего предприятия, но в течение длительного времени местом спецпоселения.

Кроме золотой промышленности в районном центре развивалась и местная промышленность. Работали: кирпичный завод, на котором изготавливали простейшим способом кирпич, завод фруктовых вод, хлебопекарни, колбасная, мельница, кондитерская, 3 сапожных и 2 швейных мастерских, 2 столярные и др.

Суровые условия проживания – горная таежная местность и сырой климат, заставляли добывать хлеб каждого мало-мальски способного работать.

Инвалиды, подорвавшие здоровье и получившие увечья на добыче золота, объединились в промартель «Инвалид», которая занималась портновским, сапожным, слесарным, кузнечным и квасным промыслом.

Колхозов вблизи районного центра не было. Ближайшая сельхозартель располагалась в 35 км. Снабжение сельхозпродукцией осуществлял Ольховский молочно-консервный совхоз. В черте населенного пункта жители имели свои огороды, где производили посев овоще-бахчевых культур.

На начало 1938 года в районном центре имелось 74000 м2 жилого фонда, 54 улицы, одна из которых была замощена (общей площадью 18 000 м2) и деревянных тротуаров протяженностью 10 км.

Артемовский рудник и районный центр получал электроэнергию от электростанции, расположенной в 8-ми километрах от рудника, мощностью 25000 кВт. Основным топливом являлись дрова.

Уличное освещение, не включая производство, насчитывало 50 точек, количество абонентов – 3630. Протяженность уличной сети составляло 40 км.

Водоснабжение осуществлялось с помощью буровых колодцев. Работало 3 общественные бани.

Для переброски грузов от железнодорожной станции Абакан до районного центра имелся автопарк из 85 машин, общей грузоподьемностью 230 тн.

Интенсивному грузовому движению способствовала проложенная через тайгу шоссейная дорога, которая позволяла даже в распутицу совершать регулярные рейсы в с.Курагино, города Минусинск и Абакан.

Для пассажирского сообщения комбинат «Минусазолото» приобрел автобус, который следовал по маршруту до с. Курагино.

Для сообщения внутри районного центра имелся автобус на 27 пассажиров, который курсировал между ближайшими населенными пунктами.

Также в районном центре действовал отдел связи, в который входили: телеграф, телефонная станция и радиоузел на 1002 радиоточки. Кроме этого Артемовский рудник имел свою телефонную станцию, мощностью 110 номеров, эфирную радиостанцию, осуществляющую связь с отдаленными золотыми приисками (35 эфирных точек).

В районном центре была широко развита сеть образовательных учреждений, находившихся в ведении Главзолото. Все они располагались в типовых зданиях и в каждом были оборудованы пионерские комнаты, библиотеки, физкультурные залы и др.

В 1938 году работали: 2 средние, 3 неполные средние и 5 начальных школ с общим количеством учащихся более 4-х тыс.чел.

Из-за большого количества учащихся занятия велись в 2-3 смены. В 3-ю смену занимались школы взрослых, малограмотных и неграмотных.

Кроме этого действовала школа взрослых с количеством учащихся 249 чел. и школа взрослых по ликвидации малограмотности и неграмотности с количеством учащихся на конец учебного года 1514 чел. На ряде производственных курсов также занималось 1125 чел.

В районном центре работали: интернат на 95 чел. и 3 детских сада на 104 места, детский дом с 66 воспитанниками и 4 яслей с 185 малышами.

В городе работал Дом культуры на 600 мест с механизированной сценой и стационарной киноустановкой, физкультурным залом, бильярдной, комнатами для игр и кружковых занятий.

При ДК постоянно занимался драматический коллектив. Также было оборудовано семь красных уголков и шесть профсоюзных клубов на 1200 мест, в которых работало более 30 кружков художественной самодеятельности.

Наличие значительного количества культурно-просветительских учреждений позволило провести в Артемовском районе два смотра художественной самодеятельности и кинофестиваль.

Дети и подростки занимались в Доме пионеров.

В районном центре имелась центральная библиотека с читальным залом. В ней числилось 12715 томов книг.

Ежемесячно библиотека обслуживала 1628 чел. Кроме этого в городе было 9 школьных библиотек, в которых насчитывалось 13214 книг.

В 1939 году артемовцы выписывали 5727 экземпляров газет и журналов, в том числе газету «Артемовский рабочий», которая издавалась в типографии с 1932 года.

В своей газете артемовцы писали о событиях в поселке. Особенно интересна и познавательна была рубрика «День нашего города», где рассказывалось о событиях одного дня в учреждениях и организациях.

В городе действовали два стационарных кино, три кинопередвижки, в том числе одна – звуковая. За 8 месяцев 1939 года дано было 58 киносеансов, которые посетили свыше 100 тыс. чел. Исключительным успехом пользовались у артемовцев кинокартины: «Человек с ружьем», «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году», «Щорс».

Развита была и сеть учреждений здравоохранения, которая включала в себя: больницу на 118 коек, в том числе 23 родильных и 12 «заразных»; амбулаторию с 17-ю кабинетами (терапевт, хирург, кожный и др.); малярийную станцию; 2 фельдшарских пункта; 2 здравпункта; аптеку с годовым оборотом 90-100 тыс.руб.; скорую помощь; поликлинику; санитарную часть; детскую консультацию. На здравоохранение было отпущено 2 млн.700 тыс.руб.

Большое внимание уделялось праву граждан на отдых. В 1938 году на курортах и в санаториях побывало 363 артемовца, на что райкомом Союза золото и платина выделил 327 тыс. руб.

Широкий размах получила среди молодежи физическая культура. Не одна сотня человек имела «оборонные значки». Этому способствовало наличие прекрасно оборудованного стадиона с различными физкультурными площадками и парашютной вышкой.

На стадионе круглый год проходили соревнования, зимой заливался каток. При стадионе работала хорошо оборудованная зимняя база, где можно было получить лыжи и коньки. В 1939 году ряды физкультурников выросли до 1264 человек, из них 287 женщин.

В 1939 году с большим успехом в Артемовске была проведена третья Всесоюзная спартакиада ЦК Союза золото и платина.

Рост материального благосостояния характеризовался ростом торговли. В городе имелось 42 торговые точки.

Торговля и общепит входили в систему комбината «Минусазолото»: 11 магазинов рабочего снабжения; 2 хлебных магазина и 8 хлебных ларьков; магазин культхозтоваров; 3 магазина золотоскупки - дали годовой оборот в 1937 году на сумму 20 млн. 166 тыс. руб.

Общий товарооборот в 1938 году составил 29 млн. 500 тыс. руб.

Также имелись: 4 столовых, 10 буфетов, 4 хлебопекарни с годовой производительностью 4 252 тн. готовой продукции.

Развитию торговли способствовала высокая заработная плата работников Артемовского рудника, которая увеличивалась благодаря повышению производительности труда, чему способствовало стахановское движение.

Свыше 2000 стахановцев и 1000 ударников насчитывалось на предприятиях и приисках Артемовского района.

Районная газета «Артемовский рабочий» от 04.01.1940 года писала: «Десятки стахановцев рудника зарабатывают ежемесячно 1000-1200 руб. Стахановец т.Анучин выполняет нормы на 175% и зарабатывает 1300 руб. в месяц. Т. Гурков выполняет нормы на 200% и заработки его доходят до 1700 руб. Стахановцы тт.Наймушин и Музалев зарабатывают от 1000 до 2000 руб.». [4, 04 января]

Повышающееся благосостояние позволяло артемовцам откладывать сбережения. Если в 1932 году было только 732 вкладчика с вкладами в размере 62000 руб., то в 1938 году уже насчитывалось 2716 вкладчиков с вкладом в 1 млн. 51 тыс. руб.

В предвоенные годы гордостью артемовцев были уважаемые граждане. Среди них: учительница Джебской школы Агафья Тимофеевна Овсянникова, депутат районного Совета, награжденная Орденом Трудового Красного знамени; учительница средней школы № 1 Анна Павловна Суркова, депутат городского Совета, награжденная Орденом «Знак Почета»; знатный забойщик рудника Захар Данилович Калуга, депутат краевого Совета, награжденный медалью «За трудовое отличие»; помощник начальника участка Михаил Алексеевич Родионов, награжденный медалью «За трудовое отличие»; проходчик рудника Д.М.Музалев, награжденный медалью «За трудовое отличие».

Последующие годы в развитии города Артемовска характеризуются снижением численности населения, проживающего в нем. Тем не менее градообразующее предприятие - Артемовский рудник продолжал свою работу, наращивая объемы производства.

В 1941 году с целью подготовки рабочих кадров для рудника была открыта в Артемовске школа фабрично-заводсткого обучения (ФЗО), учащихся в которую набирали со всей территории юга Красноярского края.

В 1946 году было организовано авиационное сообщение по воздушным магистралям: «Артемовск-Курагино-Абакан», «Артемовск-Сисим», «Артемовск-Амыл».

В период Великой Отечественной войны и послевоенный период численность населения города пополнялась за счет спецпоселенцев, направленных на Артемовский рудник: немцев, оуновцев, власовцев и др.

В 1951 году государственный союзный золотопромышленный комбинат «Минусазолото» Специального Главного управления спеццветмета МВД СССР, в состав которого входил Артемовский рудник, был ликвидирован и все полномочия по добыче золота в регионе перешли к градообразующему предприятию города. Это наложило на городские службы дополнительную ответственность.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14.08.1957 года Артемовский район был упразднен, а его территория присоединена к Курагинскому [2, лл. 319-320].

Согласно Всесоюзной переписи населения 1959 года численность населения г.Артемовск составляла 12 804 чел. [7, л.2].

Примечательно, что школы города давали очень прочные знания своим учащимся, которые стали известными учеными в различных областях: горно-рудной, военной, медицине, спорте и др.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 07.02.1963 № 64 «Об укрупнении сельских районов, образовании промышленных районов и изменении подчиненности районов и городов Красноярского края» г. Артемовск был передан в подчинение Минусинского городскому Совету депутатов трудящихся [10, лл.156,165].

Однако, это решение не лучшим образом отразилось на структурах города. Органы власти и управления, учреждения социальной сферы и их работники были переведены в службы г. Минусинск, что создавало объективные трудности. Решать каждодневные проблемы было сложно, так как телефонная связь была не надежной, а расстояние от г.Артемовск до г.Минусинск составляло более 160 км и из них около 50 км по тайге.

В 1964 году решение Красноярского крайисполкома от 31.12.1964 № 5 «Об упразднении сельских и промышленных районов. Образовании новых районов за счет разукрупнения существующих и об изменении подчиненности городов Красноярского края» г.Артемовск опять был включен в состав Курагинского района [3, лл. 23, 25, 49, 52].

Согласно Всесоюзной переписи населения 1970 года численность населения г.Артемовск продолжала снижаться и составила 10 485 чел. [8, л. 5].

Тем не менее г. Артемовск продолжал оставаться центром Артемовского городского Совета, в состав которого входили и поселки: Бедиская Канава, Джебь, Стофато, Тинсук.

В 90-ые годы градообразующее предприятие - Артемовский рудник стал снижать объемы производства и вследствие этого стали уменьшаться налоговые отчисления в городской бюджет.

В октябре 1996 года на Артемовском руднике было введено арбитражное управление, но ни оно, ни Программа финансового оздоровления не помогли, и рудник в 2000 году прекратил свою работу [9, л. 3].

Население работоспособного возраста стало покидать город.

На 01.01.2023 г.Артемовск является центром муниципального образования. В нем работают органы власти и управления, средняя школа, детский сад, амбулатория, Дом культуры и др. Численность населения составляет 1500 чел.

На базе Артемовского рудника действует АО «Артемовская золоторудная компания» (АО «АЗРК»).

Согласно Закону Красноярского края от 10.06.2010 № 10–4765 «О перечне административно-территориальных единиц и территориальных единиц Красноярского края» г.Артемовск отнесен к районным городам в административно-территориальном подчинении которого находится поселок Джебь.

Список литературы

1. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Фонд 1386. Оп.1. Д.652.
2. ГАКК. Фонд 1386. Оп.1. Д.1667.
3. ГАКК. Р-1386. Оп.1. Д. 3451.
4. Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. Артемовский

рабочий (Артемовск).1940.
5. Курагинский районный архив. Р-1.Оп.1. Д.626.
6. Курагинский районный архив. Р-167. Оп.1. Д.4.
7. Курагинский районный архив. Р-9. Оп.1. Д.142.
8. Курагинский районный архив. Р-9. Оп.1. Д. 17.
9. Курагинский районный архив. Р-174. Оп.1. Д. 373.
10. Минусинский городской архив. Р-33. Оп.1. Д. 258. ЛЛ. 36-37. Р-593. Оп.1. Д..71.

УДК 94(47)08(571.5)

Женские гимназии и прогимназии в городах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам сибирских газет)

Кискидосова Татьяна Александровна
Кандидат исторических наук
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Абакан, Россия.
tak_74@mai.ru,
htpps://orcid.org/0000-0002-1031-835X

АННОТАЦИЯ Статья посвящена истории женских гимназий и прогимназий в городах Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Автор основывается на материалах местных газет, которые уделяли значительное внимание данной теме. Показано, как журналисты освещали основные проблемы женского гимназического образования в регионе. Слабая материальная база и острая нехватка педагогических кадров тормозили развитие женской средней школы. Исходя из материалов периодической печати, можно сделать вывод о стремлении части женского населения получить среднее образование.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская губерния, город, газета, женское образование, гимназия.

В 1860-е гг. в ряде сибирских городов открылись и действовали женские гимназии, тогда как в Красноярске вопрос об учреждении первого среднего учебного заведения стоял на повестке дня. Главными инициаторами устройства женской гимназии в Красноярске стали енисейский губернатор П. Н. Замятнин и потомственный почетный гражданин, купец первой гильдии И. А. Толкачев [7, 9 июля].

Открытия женской гимназии в Красноярске с особым нетерпением ждали общественные деятели. Они вызвались оказывать постоянную материальную помощь и поддержку гимназии. В 1867 г. в газете «Енисейские губернские ведомости» сообщалось: «Енисейское городское общество составило приговор, предложенный на утверждение губернатора. Ежегодно вносить в течение 10 лет из городских доходов по 300 руб. на содержание предполагаемой в Красноярске женской гимназии» [8, 11 ноября].

Финансовую поддержку в открытии женской прогимназии оказывали частные лица. Например, в 1867 г. вдова потомственного почетного гражданина Т. И. Щёголева от себя и своих сыновей пожертвовала 600 руб. на учреждение и содержание в Красноярске женской прогимназии. Енисейский губернатор П. Н. Замятнин выразил глубокое признание семье Щёголевых за оказание существенной материальной помощи [9, 3 июня]. 15 августа 1878 г. с разрешения генерал-губернатора Восточной Сибири П. А. Фредерикса Красноярскую женскую прогимназию переименовали в гимназию и открыли седьмой класс [10, 15 июля].

В 1872 г. в Енисейске открылась женская прогимназия, ставшая долгожданным и радостным событием для местных жителей. В первый год поступило около 150 чел. В прогимназии хорошо подготовили физический кабинет и библиотеку. Для учениц предусматривались занятия по игре на рояле. Современники видели причину такой популярности в новизне учебного заведения в городе. В то же время никто из родителей не знал точных требований, которые должны были быть предъявлены гимназисткам [22, 6 февраля].

В 1881 г. попечительский совет Енисейской женской прогимназии обратился к главному инспектору училищ Восточной Сибири с ходатайством об открытии в

прогимназии седьмого класса и переименовании ее в Енисейскую женскую гимназию. Генерал-губернатор Восточной Сибири П. А. Фредерикс разрешил открытие седьмого класса. С 1 августа 1881 г. Енисейскую женскую прогимназию переименовали в гимназию. В учебном заведении дополнительно вводились предметы, ранее считавшиеся необязательными: немецкий и французский языки и рисование [11, 6 июня].

В 1880-е гг. Енисейская женская гимназия в отличие от мужской была более востребованной, пополнялась учащимися и пользовалась популярностью среди населения. В первые годы в гимназии обучалось около 150 учениц. Такой прилив гимназисток объяснялся новизной учебного заведения в городе. Мужская гимназия в это время испытывала кризис, с каждым годом уменьшалось количество учащихся. Родители, отправив своих дочерей на учебу, еще не знали точных требований учебного заведения. Разобраться в причинах популярности женской гимназии в енисейском обществе попытался корреспондент газеты «Сибирский вестник». По его мнению, требования преподавателей к гимназисткам были не так строги, как к ученикам мужской гимназии. Там не преподавали латинский и греческий языки. Горожане умудрились найти в женской гимназии практическую пользу. В представлении многих родителей, данное учебное заведение являлось школой кройки и шитья, а также других занятий, необходимых в быту. Часто выпускницы гимназии оставались там же в качестве учительниц или наблюдательниц. Таким образом, окончание гимназии позволяло горожанкам устроиться на работу и получать жалованье. «Енисеец скоро понял, – рассуждал современник, – что его дочь, как женщина, бывшая дотоле дармоедом, ненужным лицом в семье, благодаря образованию, сделалась ее помощницей, и он с каждым днем все более льнет к этой школе» [22, 6 февраля]. Корреспондент «Сибирского вестника» сетовал, что в женской гимназии рукоделию отводилось всего два часа в неделю. По его мнению, большей части учениц по разным причинам не удавалось окончить гимназию. Обучение различным ремеслам принесло бы большую пользу и позволило бы ученицам стать хорошими помощницами для своих семей. Однако руководство гимназии делало упор на знания, а не на вязание чулок или шитье сорочек [23, 22 марта].

При внешнем благополучии с середины 1880-х гг. Енисейская женская гимназия начала испытывать финансовые трудности. К 1887 г. ее дефицит составил 2732 руб. По сравнению с предыдущими годами количество учениц снизилось до 134 чел. Повышение платы за обучение способствовало сокращению числа гимназисток [1, 30 апреля].

В прессе неоднократно поднималась проблема антисанитарного состояния Енисейской женской гимназии. В маленьких и низких классах с плохой вентиляцией ученицам из-за духоты приходилось заниматься «со звоном в ушах и головной болью». По наблюдениям обывателей, «редкая из девушек, проведя в гимназии несколько лет, не становится бледной, малокровной и болезненной». Особенно не повезло ученицам третьего класса, которые обучались в слабо освещенном помещении, расположенном в темном подвале. Часть горожан ставили вопрос о дополнительной пристройке для первых четырех классов. Другие представители общественности считали, что необходимо построить новое отдельное здание, на строительство которого потребовалось бы около 5-6 тыс. руб. Инициатором последнего предложения выступил енисейский купец А. С. Баландин, отказавшийся пожертвовать 500 руб. на проведение строительных работ [2, 27 октября].

Следующим городом, где открылась женская прогимназия, стал Минусинск. Вопрос об учреждении в городе женской прогимназии обсуждался со второй половины 1870-х гг. Для будущей прогимназии специально подготовили приличное здание. Представители городской общественности обсуждали еще предложение об устройстве

реального училища [27, 1 мая]. Открытие собственной женской прогимназии в городе считалось рациональным решением горожан, т.к. в среднем обучение на месте обходилось семьям учениц гораздо дешевле, чем отправка их в Красноярск или Томск. Только на поездку требовалось потратить в среднем 50 руб., ежемесячное содержание гимназистки при самых скромных требованиях обходилось не менее 50 руб. [4, 23 мая]. В 1881 г. открылась женская шестиклассная прогимназия в Минусинске. В первый год в нее поступило 53 ученицы [3, 7 апреля].

Несколько затянулось открытие женской прогимназии в Ачинске. В 1883 г. Ачинская городская дума постановила открыть женскую прогимназию и по росписи ассигновала отчислять на ежегодное содержание из городского капитала по 1 тыс. руб. Но данной суммы на содержание учебного заведения было явно недостаточно, поэтому вопрос об открытии прогимназии временно приостановили, и стал рассматриваться вопрос о дополнении трехклассного уездного училища четвертым классом. Приезд в 1885 г. генерал-губернатора А. П. Игнатьева в Ачинск окончательно разрешил вопрос об учреждении женской прогимназии. К сумме ассигнованной городскими властями на развитие прогимназии поступали средства, собранные благотворителями [24, 5 сентября].

В 1893 г. в ходе проверки учебных заведений Ачинска губернский инженер Павлов установил, что в соответствии с санитарными нормами требовалось исключить 38 учениц из женской прогимназии. Переполненные учениками классы были также и в городских училищах. Местные власти раздумывали построить новые здания или расширить старые учебные помещения [4, 14 марта]. В 1908 г. в связи с открытием дополнительного седьмого класса Ачинскую женскую прогимназию преобразовали в гимназию. В ней на тот момент обучалось 250 гимназисток. Гимназия разместилась в трех зданиях, из них два принадлежали гимназии, одно было наемным [17, 6 сентября].

Канск по развитию образовательной сферы существенно отставал и стал последним из уездных городов Енисейской губернии, где приняли решение об открытии прогимназии. Предпринятая попытка в 1897 г. собрать средства и учредить женскую прогимназию не принесла результатов. Прогимназию удалось открыть в 1907 г. и только в 1913 г. преобразовать в гимназию [28, с. 283].

В начале XX в. стремительно росло число учениц в Красноярской женской гимназии. В 1907 г. насчитывалось 450 гимназисток, в 1912 г. – 850. Из-за быстрого численного роста гимназии пришлось ввести дополнительные параллельные классы. Большое скопление учениц в тесном помещении создавало антисанитарные условия. Желающих получить среднее образование оказалось много, поэтому город нуждался в открытии еще двух-трех гимназий. Ежегодно городские власти выделяли на содержание женской гимназии 2 тыс. руб., но в основном она существовала за счет собственных средств, при этом от платы за обучение освобождалось несколько десятков гимназисток [26, 15 марта]. Плата за питание для гимназисток была дополнительной. В женской гимназии Красноярска ученицы ежемесячно сдавали на чаепитие по 6-7 коп. [15, 6 сентября]. Позднее для гимназисток готовили завтраки, которые вначале пользовались успехом. Но через некоторое время спрос на завтраки значительно сократился из-за ухудшения качества приготовленной пищи [25, 27 января].

Основной проблемой для многих гимназий и прогимназий оставалось то, что в основном все они находились в старых и требовавших ремонта помещениях. К концу XIX в. здание Енисейской женской гимназии не соответствовало необходимым санитарным требованиям, и даже встал вопрос о ее закрытии. В 1900 г. состоялась закладка и постройка нового каменного здания для женской гимназии [12, 5 июля]. Однако на деле новое здание оказалось неудобным и тесным для размещения всех учениц. Городское управление отпустило 800 руб. на проведение ремонтных работ, но

этой суммы было явно недостаточно. Из-за нехватки средств первый этаж остался без ремонта, а второй – в недостроенном состоянии. Все 8 классов женской гимназии теснились на первом этаже. Енисейцы с миллионным состоянием не откликнулись на просьбы, когда к ним за помощью обратилась администрация гимназии. В то же время несправедливо упрекать меценатов в равнодушии, потому что в это время значительная часть их пожертвований направлялась на строительство ночлежного дома в городе. Многие горожане считали, что устройство подобного заведения «излишняя и бесполезная затея» [16, 22 августа]. Спустя несколько лет газета «Красноярец» в одном из выпусков за 1908 г. информировала о том, что Енисейская женская гимназия продолжала находиться в здании с недостроенным верхним этажом. Все классы располагались на одном этаже, что создавало крайний дискомфорт. В зимнее время из-за плохого отопления в кабинетах было холодно. Для строительства второго этажа здания требовались дополнительные средства [18, 26 октября].

В начале XX в. в местной прессе была поднята проблема отсутствия в гимназиях учениц мусульманского вероисповедания. По всей видимости, в семьях, исповедовавших ислам, гимназическое образование для женщин считалось излишним. Журналист «Красноярца» отметил, что из-за предрассудков родителей мусульманские девушки лишались возможности получить среднее образование. Тут же приводился пример того, что в Томске в одной из гимназий училась дочь мусульманина [19, 27 августа]. Но стоит заметить, что это был единичный случай для столь крупного сибирского города.

Согласно информации, представленной в «Енисейском справочном листке», в 1890 г. в Енисейской губернии было 75906 детей школьного возраста, из них только 7% получали среднее образование (учтены только гимназии и прогимназии). К этому времени гимназическое образование было доступно преимущественно городским жителям, все пять гимназий и прогимназий находились в пяти приенисейских городах. После окончания начальной школы лишь немногие сельские дети могли продолжить образование, переехав в город. Всего в отчетном году во всех городских учебных заведениях Енисейской губернии обучалось 2528 чел., что составляло 46,9% всех учащихся в губернии. Из общего количества учащихся среднее образование в городах получали всего 651 чел. [16, 29 марта].

Накануне Первой мировой войны средние учебные заведения были в четырех уездных городах Енисейской губернии: в Ачинске – женская гимназия и 4-классное городское училище, в Канске – женская гимназия, частное реальное училище и 4-классное городское училище, в Минусинске – женская гимназия и реальное училище, в Енисейске – мужская и женская гимназии, городское реальное училище. Предполагалось открыть реальное училище в Ачинске, а также духовную семинарию в Минусинске [20, 6 января].

Таким образом, в пореформенный период в приенисейских городах открылись и получили развитие женские гимназии и прогимназии, имевшие большое значение в культурном развитии региона. Появление подобных учебных заведений свидетельствовало об их необходимости и популярности у женской части населения. Местная пресса в большей степени освещала трудности в развитии гимназического образования. Практически все гимназии и прогимназии содержались за счет материальной поддержки меценатов.

Список литературы

1. Восточное обозрение (Томск). 1887. 30 апреля.
2. Восточное обозрение (Томск). 1887. 30 апреля.
3. Восточное обозрение. 1891. 27 октября.

4. Восточное обозрение. 1885. 23 мая.
5. Восточное обозрение. 1882. 7 апреля.
6. Восточное обозрение. 1893. 14 марта.
7. Енисейские губернские ведомости (Красноярск). 1866. 9 июля.
8. ЕГВ (Красноярск). 1867. 11 ноября.
9. ЕГВ (Красноярск). 1867. 3 июня.
10. ЕГВ (Красноярск). 1878. 15 июля.
11. ЕГВ. 1881. 6 июня.
12. Енисей. 1900. 5 июля.
13. Енисей. 1903. 22 августа.
14. ЕСЛ. 1892. 4 октября.
15. ЕСЛ. 1892. 6 сентября.
16. ЕСЛ. 1892. 29 марта.
17. Красноярец. 1908. 6 сентября.
18. Красноярец. 1908. 26 октября.
19. Красноярец. 1908. 27 августа.
20. Красноярский голос. 1913. 6 января.
21. Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни (Томск). 1886. 6 февраля.
22. Сибирский вестник. 1886. 6 февраля.
23. Сибирский вестник. 1887. 22 марта.
24. Сибирский вестник. 1885. 5 сентября.
25. Сибирский край. 1911. 27 января.
26. Сибирская мысль. 1912. 15 марта.
27. Сибирь. 1877. 1 мая.
28. Федорова В. И. Енисейская губерния 1861-1917 гг.: Экономика. Общество. Культура. Красноярск: КГПУ, 2016. 344 с.

УДК 94(571.513).084.8:622.33

Угольные предприятия Черногорска в годы Великой Отечественной войны

Кривоносова Елена Леонидовна
Ведущий библиотекарь Центра
национальной и краеведческой информации
ГБУК Республики Хакасия «Национальная
библиотека им. Н. Г. Доможакова».
Абакан, Россия
krivonosova2@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-1999-5277

АННОТАЦИЯ В представленной статье проанализирована деятельность предприятий угольной промышленности г. Черногорска (Хакасская автономная область, с 1934 г.- в составе Красноярского края) в годы Великой Отечественной войны. Автор на основе документов Государственного архива Красноярского края, материалов периодической печати, историко-публицистических изданий обобщает вклад тружеников небольшого шахтерского города в дело победы над фашистской Германией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Черногорск, угольная промышленность, ВОВ, труженики тыла.

Нападение Германии на СССР и временная оккупация значительной части европейской территории страны, в том числе Донецкого и Подмосковного угольных бассейнов, привели к потере более 60 % действующих мощностей по добыче угля. В экономике страны сложилась труднейшая ситуация, возникли проблемы обеспечения углем железнодорожного транспорта и населения.

В связи с угрозой захвата угленосных месторождений Донбасса в начале войны было принято решение о выводе их из строя. С приближением фронта в течение июля — августа 1941 г. была проведена эвакуация промышленных предприятий. Шахты отправляли в Кузбасс, в Караганду - врубовые и подъемные машины, электровозы. В Красноярский край было переведено более 30 предприятий [16, с.1]. В Хакасию, которая входила в состав края, также поступило ценное демонтированное оборудование эвакуированных предприятий. Пуск в эксплуатацию предприятий промышленности требовал большого количества электрической энергии, производство которой зависело от поставок угля. В этих условиях перед предприятиями угольной промышленности Урала и Сибири была поставлена задача восполнить угледобычу в максимально короткие сроки, поскольку угля, добытого на предприятиях Кузбасса, едва хватало для работы местных сталелитейных заводов, больших электростанций и малых котельных.

Благоприятными факторами развития угледобычи в Черногорске в годы войны явились свободные энергетические мощности, наличие водопровода, удобная строительная площадка, ровный рельеф местности, обширные запасы строительных материалов: глины, камня - плитняка, соломы, леса. Кроме того, наклонное залегание пластов, их близкое расположение к поверхности способствовали организации подземной добычи угля в короткие сроки при минимальных финансовых затратах. Проблема вывоза угля разрешалась наличием железнодорожной станции «Черногорские копи», которая обеспечивала выход к Транссибирской магистрали. Уголь отличался высоким качеством, большой теплоотдачей и низкой зольностью, поэтому его можно было использовать в качестве топлива на паровозах и на тепловых станциях.

В сентябре 1941 г. бюро Красноярского крайкома ВКП (б) одобрило мероприятия треста «Хакасуголь» по строительству новых шахт №№ 12, 14, 15, 16 [4, с. 148-149]. В докладной записке Красноярского крайкома ВКП(б) от 8 декабря 1942 г. «О развитии угольной промышленности в крае» было сказано, что в связи с эвакуацией ряда крупнейших предприятий потребность в угле резко возрастет, к 1943 г. составит не менее 3 млн. тонн. В документе подчеркивалось, что «дальнейшее развитие добычи каменного угля в Минусинском бассейне диктуется также возможностью окончания строительства железнодорожной ветки Абакан-Кузнецк, выхода Черногорских углей кратчайшим путем в Кузнецк и др. важнейшие центры промышленности Западной Сибири» [15, с. 45].

Однако, вопреки планам в 1942 г. произошло резкое падение добычи угля по всей стране. В Восточной Сибири этот показатель снизился с 9100 тыс. тонн угля до 6561 тыс. тонн. Причинами было исчерпание довоенных запасов, недостаток средств для закладки и исследования новых, перевод заводов угольного машиностроения на военное производство, мобилизация на фронт кадров опытных шахтеров. «Топливный голод» охватил практически все регионы СССР [8, с. 57]. В Красноярском крае в довоенный период уголь добывался на предприятиях системы треста «Хакасуголь», куда входили действующие шахты № 3, 7, 8, 13 Черногорского рудника, шахты Канского рудоуправления, а также несколько местных шахт и шахты Норильского рудника. В 1942 г. добыча угля на шахтах Черногорского рудника, на долю которого приходилось 4/5 добычи угля Красноярского края, снизилась на 23 % [2, с.72].

С учетом этих факторов плановые показатели по добыче были снижены, но и они не всегда выполнялись. В 1942 г. они были выполнены на 80,9 % -853,1 тыс. тонн, в 1943 г. - 81,5%, что составило 577,3 тыс. т. угля. (См. Табл. 1).

За годы войны состав рабочих угольной промышленности Хакасии обновился на 90%. Из 4234 человек, ушедших фронт из Черногорска, большую часть составляли работники, связанные с угольной отраслью [5, с. 60]. На их смену в шахты пришли подростки, негодные к службе в армии мужчины, домашние хозяйки, школьницы старших классов, женщины - служащие. Так, только в систему треста «Хакасуголь» пришло 966 женщин [1, с. 32].

Согласно распределению по системе Государственных трудовых резервов Черногорский рудник за годы войны пополнился штатом в три тысячи человек, среди которых были и квалифицированные выпускники школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), в их числе 1226 навалоотбойщиков, 184 бурильщика, 184 шахтовых слесарей, 138 врубмашиниста [4, с. 214]. Надо отметить, что, в основном, это были подростки 15 - 17 лет, которые объединялись в комсомольско-молодежные бригады. На шахте № 3 бригада молодых навалоотбойщиков в 1943 г. систематически выполняла производственное задание на 150%.

Большая часть обновленного состава рабочих не имела производственной квалификации. Проблема заключалась не только в организации обучения вновь пришедших кадров, в постоянном углублении мастерства новых рабочих, в совершенствовании их квалификации, но и в заботе о повышении производительности труда. Для подготовки новых кадров была создана широкая сеть технических кружков, школ передового опыта, курсов и учебно-производственных цехов. Только в 1941 г. на краткосрочных курсах, организованных трестом «Хакасуголь», прошли обучение 595 рабочих различных профессий, в том числе 284 женщины [4, с. 215].

Женщины, заменив ушедших на фронт мужчин, стали одним из источников рабочей силы на угольных предприятиях. В августе 1941 г. было подготовлено 22 женщин - запальщиц, 25 мотористок, 15 электрослесарей. Многие женщины освоили основные шахтерские профессии навалоотбойщика, забойщика, взрывника,

откатчика, кочегара, электрообмотчика, щитовых ГЭС. На шахтах были организованы целые бригады женщин - навалоотбойщиц [1, с. 33].

Угледобыча зависела от работы обслуживающих предприятий, рабочие которых в полной мере осознавали эту ответственность. Так, работники Центральных электромеханических мастерских (ЦЭММ) постоянно перевыполняли плановые показатели: механический цех под руководством Минакова в ноябре 1944 г. - на 144,3%, электроцех Артемьева - на 180,4%, комсомольско-молодежная бригада Лима - на 152 %, бригада Скобелина - на 185% [9, с. 2].

Для восполнения трудовых резервов были привлечены заключенные ГУЛАГа. Система исправительно-трудовых лагерей НКВД СССР г. Черногорска, через которую прошло свыше 30.000 человек спецконтингента, начала формироваться в 1942 г. [5, с. 63]. Часть из них работала на строительстве новых шахт №№ 12, 14, 15.

Ввод в строй новых шахт, рост угледобычи требовали увеличения производства электроэнергии. До войны, в декабре 1940 г. Министерством угольной промышленности было принято постановление о строительстве новой Черногорской электростанции треста «Хакасуголь», так как имеющаяся (построенная в 1926 г.) не соответствовала возрастающему электропотреблению. Новую ЦЭС начали строить в 1941 г., однако ее строительство затянулось, поэтому обеспечивать электроэнергией потребителей весь период войны продолжала прежняя электростанция.

Материалы местной периодической печати свидетельствуют о том, что работники угольных предприятий г. Черногорска во избежание срывов выполнений годовых планов угледобычи многократно требовали от работников старой электростанции четкой работы, быстрого ремонта, бесперебойного обеспечения электроэнергией [11, с. 1]. Плановые ревизии, ремонты котлов, реконструкцию перекрытия машинного зала работники ЦЭС проводили в сжатые сроки. Так по планово-предупредительному осмотру турбогенератора Черногорской ЦЭС в 1942 г. была проведена ревизия бригадой слесарей машинного зала, возглавляемой Руденко Н. С. за 49 часов, в довоенное время она осуществилась бы в течение 10 суток. На этой работе себя проявили Руденко, Непомнящий, Панина, Марьясова, они понимали, что дополнительные мощности дадут новые киловатты энергии, а значит новые тонны угля [12, с. 2]. Созданная комсомольско-молодежная бригада электрообмотчиков под руководством Винник выполняла производственные нормы в 1944 г. на 250%, а отдельные члены бригады - модельщица Рыльцева, слесарь Ковригина, обмотчица Абрамова - на 300% [1, с. 36]'

Черногорская ЦЭС выработала за 9 месяцев 1944 г. 6324,8 тыс. кв. ч., что составило 88,4% от плана в 7150,0 тыс. киловатт часов [6, л. 28]. Для дополнительного обеспечения электроэнергией в конце 1944 г. по системе ленд-лиз в Черногорск прибыла из Америки передвижная электростанция - энергопоезд, его запуск состоялся лишь в апреле 1945 г., так как вместо чертежей были присланы фотоснимки отдельных узлов. Процесс монтажа затянулся, поскольку его самостоятельно осуществляли члены коллектива, не имеющие квалификации. Главный инженер Петухов организовал слаженную работу монтажной бригады слесарей Панкина, бригады электрослесарей Витковского, мастера-котельщика Непомнящего, слесарей Водопьянова, Шеховцова, Позднякова, электрослесаря Фролова, руководителя монтажных работ М. Комлева. В зимние месяцы, не имея схем, достаточного количества материалов и частей, они смонтировали и запустили новую электростанцию [10, с. 2].

Запуск поезда дал достаточную энергетическую базу для шахт, подсобных предприятий и горожан, создал возможность остановить старые машины для капитального ремонта и частичного ремонта паротурбины, запущенной в строй в начале 1945 г. [113, с.2]. За 10 месяцев 1944 г. на Черногорском руднике было добыто 473628 тонн, что составило 96,6 % от плана (см. Таблицу 2).

Численность персонала по плану в 1944 г. составила 4925 человек, фактически трудилось 5095 человек. В том числе 55 (52) забойщиков, 242 (212) навалоотбойщика, др. угольных специальностей 784 (845), рабочих 1772 (1855), трудящихся 2072 (2131). (см. Таблицу 3).

Рынок сбыта добываемого угля был расширен. В 1944 г. он поставлялся в 27 наркоматов, среди которых самыми крупными были: наркомат путей сообщения - 233710 тонн угля, наркомат черной металлургии - 85887,0, наркомат цветных металлов - 85887,0 наркомат речфлота - 25986,4 наркомат пищепрома - 28822,0 наркомат внутренних дел - 156811, Управление государственных материальных резервов - 443539,6 и др. (См. Таблицу 4).

Черногорский рудник обеспечивал углем и городские предприятия Красноярского края: самовывозом уголь поступал в Абакан на хлебозавод, сахарный завод, ЦЭС, в Гортоп, в г. Минусинск на дрожзавод, горспиртзавод, на строительство Усинского тракта и др. Всего было вывезено 35892,1 т. угля, что составило 89,3% от плана (См. Таблицу 5).

Во время войны активно пропагандировалось увеличение производительности труда, перевыполнение плановых показателей. Стоит отметить, что в это сложное для страны время добычей угля занимались шахты, строительство которых не было завершено. Так, в 1943 г. на шахте № 15 было 1,7 тысяч тонн угля, в 1945 на недостроенной шахте №12 - 3,97 тысяч тонн, на шахте №14 - 2,2 тысяч тонн угля.

Было развернуто патриотическое движение за выполнение производственных планов с меньшим числом рабочих, приветствовалось совмещение профессий. В выполнении плановых показателей особо проявили себя женщины. Так навалоотбойщицы Гайдукова и Чайникова выполняли работу по добыче угля на шахте № 3 Черногорска за пятерых. Варвара Гайдукова была выдвинута горным мастером, ее бригада добилась высокой выработки. За образцовое выполнение задания по добыче угля в 1943 г. она была награждена орденом «Знак почета». Работница Черногорской шахты №3 Михайлова овладела пятью профессиями. Проработав десять лет на шахте, она еще до войны освоила квалификации ослановщицы, откатчицы, лебёдчицы, мотористки, а в период войны она овладела еще специальностью запальщицы. На шахте № 7 Лысенко освоила профессию мотористки и навалоотбойщицы, и добилась высокой нормы выработки [1, с. 34].

В апреле 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями работников угольной промышленности» за образцовое выполнение заданий Правительства по добыче угля и производству боеприпасов в системе треста «Хакасуголь» были награждены работники:

Орденом Ленина Копылов Михаил Михайлович - заведующий шахтой № 3;

Орденом Трудового Красного Знамени - Гумаров Руслан Карымович - заведующий шахтой, Коченаев Алексей Арефьевич - бригадир навалоотбойщиков шахты №3, Петухов Александр Васильевич - начальник ЦЭСа;

Орденом «Знак Почета» Бегунов Петр Алексеевич - начальник участка шахты № 3, Дранишников Петр Васильевич - главный механика треста, Марьясова Татьяна Титовна - десятник подземного транспорта шахты № 8, Останин Степан Кузьмич - отбойщик шахты № 3 [14, с. 1–2].

Таким образом, проведенный анализ показывает, что в годы Великой Отечественной войны угольные предприятия г. Черногорска, преодолевая материальные и производственные сложности, внесли свой весомый вклад в победу СССР над фашистской Германией.

Список литературы

1. Зарубина А. Д. Героический труд женщин в период Великой Отечественной войны // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Выпуск IX. [Текст] / А. Д. Зарубина. - Абакан, 1963. – 178 с.
2. Красноярск - Берлин. 1941-1945: [Текст]: историко-публицистическое краеведческое издание, посвященное 65-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне : к 65-летней годовщине Великой Победы / [авт. : Елисеенко А. Г. и др.]. – Красноярск : Поликор, 2010. – 445 с.
3. Лактионова Е.А. Город Черногорок - памятник авторитарно-тоталитарному государству под открытым небом / Е.А. Лактионова // Сборник материалов 1 -х краеведческих чтений им. Баландиной / Городской музей г. Черногорска. – Черногорск. 2002. – 199 с.
4. Очерки истории Хакасии советского периода 1917-1961 годы [Текст] / Под ред. П. Н. Мешалкина. – Абакан, 1963. – 419 с.
5. Угольная летопись Хакасии. От первых упоминаний до наших дней. [Текст] / [ред. Е. Кобец ; конс. А. Б. Килин [и др.]]. – Абакан : Журналист, 2014. – 256 с.
6. Производственные показатель по шахтам треста «Хакасуголь» за 1944 г. // ГАКК. Ф. П–26. Оп. 14. Д. 523.
7. Технико-экономические показатели, сведения, телеграммы по тресту «Хакасуголь». // ГАКК. Ф. П–26. Оп. 14. Д. 525.
8. Баканов С. А. Угольная промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны / [Текст] / С. А. Баканов // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 1.
9. В коллективе Центральных электромеханических мастерских [Текст] // Шахтер. – 1944. – 17 декабря.
10. Григорьев И. Пущена новая электростанция [Текст] / И. Григорьев // Шахтер. – 1945. – 5 апреля.
11. Нормальной угледобычи нет [Текст] // Шахтер. – 1944. – 14 декабря.
12. Петухов А. Работу выполнили раньше срока [Текст] / А. Петухов// Шахтер. – 1942. – 16 сентября.
13. Тимофеев А. Расширение энергобазы [Текст] / А. Тимофеев //Советская Хакасия. – 1945. – 21 сентября.
14. Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями работников угольной промышленности» [Текст] // Известия. – 1942. – 16 апреля.
15. Красноярский край в годы Великой Отечественной войны 1941–1945.Сборник документов / Архивное агентство Красноярского края. Режим доступа: URL: http://www.krskstate.ru/pobeda/books/0/id/42337 (дата обращения: 10. 04. 2022).
16. Красноярский край в Великой Отечественной войне: тыл – фронту (Историческая справка). Режим доступа: URL: // http://красноярские-архивы.рф/upload/files/tyl-frontu.doc (дата обращения: 10. 04. 2022).

Таблица 1.
Выполнение плана по Черногорскому рудоуправлению треста «Хакасуголь»

Год	План	Факт	%
1941	1065,0	1147,7	107,4
1942	1053,8	853,1	80,9
1943	708,4	577,3	81,5
1944	579,5	577,3	99,6

Источник: Государственный архив Красноярского края. (ГАКК) Ф. П-26. Оп. 14. Д. 525. Л. 4.

Таблица 2.
Выполнение плана угледобычи за 10 месяцев.

№ шахты Директор	Шахта № 3 Филипченко	Шахта № 7 Костюков	Шахта № 8 Леканцев	Шахта № 13 Нечаев	Шахта № 15	Итого

план 1944 за 10 мес.	121510	121800	95800	126600	15300	487500
Факт выполн. За 10 мес.	121800	116346	97973	126126	11506	473628
% к осн. Плану	107,1	95,5	102,8	99,6	75,3	96,6

Источник: ГАКК. Ф. 26.Оп. 14. Д. 523. Л. 1.

Таблица 3.
Численность персонала по шахтам треста «Хакасуголь» за 10 месяцев 1944

Спец-ть	Шахта № 3	Шахта № 7	Шахта № 8	Шахта № 13	Шахта № 15 (факт)	Итого
забойщик	16	14	10	11	4 (1)	55(52)
н/отбойщик	60	62	43	70	7 (5)	242 (212)
угольных	195	201	145	218	25 (27)	784 (845)
рабочих	456	453	373	439	51 (43)	1772 (1855)
трудящихся	529	539	429	508	67 (49)	2072 (2131)

Источник: ГАКК. Ф. 26.Оп. 14. Д. 523. Л. 4.

Таблица 4.
Выполнение плана поставок каменного угля
по Хакасской конторе Главснабугля по наркоматам за 1944 г. (11 месяцев).

Народный комиссариат	План	Факт	%
НКПС Красноярской жд	292600	233710	79,8
НК Чермет	104300	85887,0	82,3
НК Цветмет	11370	12842,1	112,9
НК Речфлот	47200	25986,4	55,0
Главнефтеснаб	640	652,4	102,9
Комитет кино	3300	3519,6	106,6
Глав.газ.опопром	100	59,7	59,7
НК Мясопром	1400	132,5	95,8
РСФСР	4060	4367,2	107,5
НК Легкром	1040	1012	98,4
НК Заг	8300	7829,4	94,3
НК Зем	2250	2129,5	94,6
НК Пищепром	33980	28822,0	84,8
НК Совхоз	820	764,9	93,3

Источник:ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 525. Л. 14

Таблица 5.
Выполнение плана поставок каменного угля
по Хакасской конторе Главснабугля самовывозом

Абаканский сахарный з-д	7300	8802,2
Минусинский дрожзавод	160	84,4
Пролетарский спиртзавод	4340	3292,0
Минусинский горспиртзавод	1000	952,5
Абаканский хлебозавод	500	493,3
Абаканская ЦЭС	3600	3755,9
Усинский тракт	600	33102
Южспецстрой Базаиха	1200	862,8
Завод № 3	3400	2982,3

Минусинский гортоп	5000	5113,6
Абаканский гортоп	10200	6769,9
Строительство завода «Дубитль»	60	20,0
Главснабуголь	100	
Красноярский Крайисполком		1445,3

Источник: ГАКК. Ф. П-26. Оп. 14. Д. 525. Л. 15.

УДК 622.342.(571.51)

Из истории золотодобычи на Енисейской земле

Лыхин Андрей Павлович
член региональной общественной организации Красноярского края «Союз краеведов Енисейской Сибири»,
с. Тесь Минусинского района Красноярского края, Россия.
andrey1957001@mail.ru

АННОТАЦИЯ В статье приведены некоторые, наиболее интересные, эпизоды из истории золотодобычи на Енисейской земле, упоминаются нормативно-правовые акты Российской империи, регулирующие процессы недропользования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Российская империя, Красноярский уезд, Минусинский округ, золотодобыча.

Среди многочисленных экспонатов в краеведческих музеях Минусинска и Курагино моё внимание привлекли муляжи золотого самородка «Бычья голова» весом 31,57 кг. Это самый крупный самородок, найденный на территории современного Красноярского края. Он был поднят 10 января 1898 года на Спасо-Преображенском прииске старателями Р.А. Тарханом и Н.М. Беловым. Прииск располагался на притоке реки Чибижек. Самородок «Бычья голова» занимает почетное третье место в России, уступая лишь «Большому треугольнику» (36,018 кг), добытому на Урале в 1842 году и самородку из Хабаровского края (33 кг), найденному в 2003 году.

Интересную информацию предоставляет посетителям КГАУК «Красноярский краевой краеведческий музей». Среди экспонатов музея на тему золотодобычи можно найти любопытную информацию по доставке серебра и золота из Забайкалья и Сибири в столицу Российской империи. В летнее время, караван дойдя до Томска, отправлялся на баржах пароходом до Тюмени, а в зимнее время караван проходил через Томск прямо до Тюмени. В составе каравана было от 10-ти до 15-ти крытых рогожами повозок, запряженных тройками лошадей, в которые укладывалось до 400 пудов золота и серебра. Слитки металла укладывались в ящики, оббитые железом и и приковывались к повозкам. Караван до Петербурга сопровождал горный инженер и до 7-ми человек конвойных.

Уместно упомянуть МБУ «Муниципальный музей истории золотодобычи Северо-Енисейского района» в п. Северо-Енисейский. Уникальные экспонаты этого музея не оставят равнодушными посетителей, а памятник старателю стал визитной карточкой музея.

Меня заинтересовала история становления золотого промысла на Енисейской земле, и вот, что удалось узнать из разных источников.

Во время правления Петра I Россия превратилась в крупнейшее государство мира, бюджет которого требовал регулярного пополнения. Золото должно было сыграть в этом решающую роль.

В Сибири золотые месторождения существовали, об этом говорили и наличие его в курганах, и наличие ювелиров. Золотая проволока из древнего захоронения на реке Тесь, левом притоке Енисея, упоминаются в дневниках Д.Г. Мессершмидта, в записи от 25 января 1722 года [2, с. 85].

«В горном узаконении Петра I от 2 ноября 1700 год говорится: «Великий государь указал: для пополнения золота и серебра в своего великого государя Московском государстве, на Москве и в городах сыскивать золотых, и серебряных, и медных и иных руд» [3, с. 26].

За сокрытие сведений о наличии указанных руд Петр I грозил жестоким наказанием. Наиболее полно отношение к горнодобывающей промышленности Петр I выразил в «Горной привилегии», опубликованной 10 декабря 1719 года, в которой сообщалось: «...соизволяется всем и каждому даётся воля, какова б чина и достоинства ни был, во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях — искать, копать, плавить, варить, и чистить всякие металлы: сиречь злато, серебро, медь, олово, свинец, железо, також и минералов...». Далее: «Тем, кто изобретённые руды утаит и доносить о них не будет или другим в сыскании, устроении и расширении тем заводам запрещать будут, объявляется наш жестокий гнев и неотложное телесное наказание и смертная казнь, и лишение всех имений, яко непокорливому и презрителю нашей воли и врагу общественной пользы, дабы мог того всякий стращися» [3, с. 26].

Впервые отечественное золото поступило в казну в 1704 году. Оно добыто на нерчинских рудниках вместе с серебром. Это были золотосеребряные руды. Лишь в 1714 году удалось выделить золото из этих руд. С 1735 года золотистое серебро стали добывать на Змеиногорском руднике на Алтае. Зауральским землям стало уделяться большое внимание. В указе 1727 года говорилось: «Кто бы какого чина и достоинства ни был и сыщет за Тобольским и в Иркутской и Енисейской провинциях, в городах и уездах, в своих собственных или свободных землях, руды золотые и серебряные, медные, оловянные, свинцовые, железные или минеральные краски, тем - самому или с кем компаниею согласится — заводы строить, какие кто похочет, и оные руды и минералы плавить и делать свободно и безвозвратно, а воспрещения и помешательства в том никакого не чинить» [3, с. 26].

В 1758 году рекруты Красноярского и Абаканского острогов Прокофий Лопатин, Алексей Гаврилов и Иван Сорокин на основе сведений, полученных ими от разночинсцев Ивана Ульянова и Григория Горбунова, объявили о золотой руде на реке Карыше в 150 км от Абаканского острога. В 1762 году ссыльный разночинец Дмитрий Васильев сообщил лейтенанту Дмитрию Коростылёву о найденной им в Красноярском уезде на месте древних горных работ руде, из которой было получено немного золота. М.М. Походяшин (отец известного мецената и просветителя Григория Походяшина, преуспевающий владелец металлургических, винокуренных и бумажных мануфактур на Урале и Сибири, бравший на откуп крупные казённые поставки), подчиняясь своей неукротимой энергии, занялся и поисками золота [3, с.26-27].

В 1778 году в ряде мест Томского и Красноярского уездов М.М. Походяшин обнаружил золотые руды. Найденная на реке Чулым руда имела в одном пуде ползолотника золота. Золотник был равен 4,266 грамма. В сообщении в Бергколлегию, отвечавшую за управление горнорудной промышленностью, в 1778 году указывались геологические и минералогические подробности о месторождении, что говорит о профессионализме проводивших работ, о тщательности их проведения. Неизвестно, собирался ли Походяшин разрабатывать сам или поступить так, как он сделал с серебряными рудниками на реке Чулым — Богословским, Божеозёрским и Пуджурским, где разрабатывались месторождения серебряных руд, открытых им и содержавших в пуде 117 граммов металла. Передавая их казне, он считал, что руды с таким содержанием должны принадлежать ей. К сожалению, сам продолжить дело он не успел. 25 декабря 1780 года М.М. Походяшина не стало [3, с. 27].

В то время в России существовала монополия на владение землей, которая была сосредоточена в руках помещичьей верхушки. Помещики-крепостники не особо беспокоились о промышленном развитии. Эти факты в значительной мере тормозили развитие горнозаводской промышленности. Правительство уделяло внимание развитию кабинетской, то есть Кабинета Его Императорского величества, и казённой золотодобычи. Оно не особо жаловало частный промысел, не создавало ему нормальных условий для работы, местами этому самому промыслу чинились

всевозможные притеснения. «Горная свобода», дарованная указом Екатерины II от 27 июня 1762 года была свободой только для лиц дворянского сословия. Это отрицательно повлияло на развитие цветной металлургии, привело к её свёртыванию, стеснению частной инициативы. Добыча серебра частными предприятиями сократилась с 300 пудов до 5, а затем совсем прекратилась. Давшие государству за 20 лет работы 2205 пудов чистого серебра (половину выплавленного в Забайкалье) и более 722 тысяч рублей прибыли, предприятия М.А. Серебрякова были практически задушены казной, а их владелец умер разорённым, оставив семью в нищете… [3, с. 27].

Вернёмся к Петру I. Будучи экономным человеком, он, после своей смерти, оставил государство без долгов. Начало же государственным долгам положило царствование Екатерины II. После её ухода Россия практически не выходила из долговой зависимости, что потребовало срочных изысканий путей преодоления дефицита. Решить эту задачу могла бы добыча золота. В 1807 году вышло новое «Горное положение», автором которого был известный деятель горнозаводского дела А.Ф. Дерябин. Это положение сыграло определённую положительную роль, но не сработало в полную силу из-за отсутствия горных свобод.

28 мая 1812 года был издан сенатский указ «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну подати», который возрождал горные свободы Петра I. Указ начинался словами: «Объявляется всенародно», - и далее в нём сообщалось: «Предоставить всем российским подданным обыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды с платежом в казну с добытого золота и серебра подати натурой в количестве, равном взымаемому натурою же с выплавленной меди и с соблюдением разделения заводчиков, на имеющих пособие и не имеющих оного». Естественно, преимущественное право на добытое золото и серебро правительство оставляло за собой. И казна, изъяв податную натуру у золотодобытчика, часто требовала от него обмена остатков драгоценных металлов на монеты.

Что же представляла из себя золотая промышленность России в начале XIX века? Она находилась в техническом застое, переживала глубокий кризис: низкая производительность сочеталась с затруднениями в организации производства и управлении предприятиями. Основная добыча золота велась из рудных месторождений. В 1814 году Лев Иванович Брусницын открыл новый метода извлечения золота из россыпей. Это способствовало резкому росту его добычи. В 1819 году начались работы на первом частновладельческом прииске на реке Нейва — Нейвинском. В 1826-м, за год до открытия богатых россыпей вблизи границ Енисейской губернии, сибирский историк, зачинатель сибирского краеведения П.А. Слепцов отмечал скудность её горного производства. Однако через несколько лет молва о Енисейском золоте пойдет по всей России. Енисейская губерния становится основным поставщиком золота в государстве. В 1845 году губерния давала почти половину его мировой добычи. Недаром, начиная с 1851 года, на гербе Красноярска, столицы Енисейской губернии был изображен «В червлёном щите золотой, стоящий на задних лапах, лев, который несет в передних лапах того же металла серп и лопату», Серп и лопата — атрибуты крестьянина и золотоискателя» [3, с. 27-28].

В 1800 году в столице получили сообщение об очередной партии «золотоносных» тетеревов, убитых в двухстах верстах от Иркутска. К сообщению отнеслись серьёзно и направили туда на поиск золота команду екатеринбургского берггешворена (присяжного надзирателя) Яковлева. Было пройдено по тайге много вёрст, много пробито шурфов, но положительного результата Яковлев не достиг. По указанию императора Александра I работы в тех местах были прекращены в 1809 году. Желая повысить свой авторитет в глазах императора, генерал-губернатор Восточной

Сибири (1822-1833 годы) тайный советник А.С. Лавинский повелел с 1825 года начать поиск новых россыпей.

Два года поисков результата не дали. К работе были привлечены два уральских ссыльнопоселенца. В 1827 году А.С. Лавинский получил радостную весть — были найдены две россыпи под Иркутском. Однако радость оказалась преждевременной: при более детальном изучении россыпи оказались бесперспективными. Лавинский не успокаивается и издаёт постановление, запрещающее частным лицам и партиям поисковиков до 1835 года переходить за Енисей. А когда Кузнецов, кунгурский купец I гильдии, на притоке Ангары речке Сухой нашёл золотую россыпь, заслуживающую внимания, то за нарушение губернаторского запрета её безвозмездно у него отобрали в пользу казны [3, с. 30].

Глядя на старания и усердие горных чиновников, охотники и местные жители сдержанно ухмылялись и хитро поглядывали им вслед. В этом был резон - на проверенную чиновниками территорию допускались свободные поисковики. На разного рода лодках, на плотах по опасным порожистым и извилистым речкам, на лошадях и пешком, сквозь непроходимые порой дебри пробирались бородатые и оборванные люди в поисках фарта.

Существовал один нюанс: крестьяне не имели права делать заявки на месторождения и открывать прииски, а ведь они, как никто другой, знали свою землю и её богатствам. К крестьянскому сословию относилось большинство местных охотников. Однажды крестьянин Данила Иванович Бузумаев, крещеный карагас (тофаларец) обнаружил золотой песок на реках Хорма и Удерей, однако сам своим открытием воспользоваться не мог, пришлось «показать золото» красноярским купцам Толкачёву и Коробкову.

Успеха в разговорах со знающими крестьянами чаще всего добивались купцы, поднаторевшие в общении с аборигенами. После «доверительных» бесед охотник «вспоминал», на каком именно ручейке или речке видел желтые камушки «алтан», и вёл партию купца к фартовому месту.

В тайге разворачивалась настоящая «золотая» баталия. Конкуренты, не взирая на законы, пускали в ход силу, хитрость, занимались разведкой намерений противника. Всё было положено на алтарь борьбы ради получения богатых участков золотых россыпей. Публицист П.И. Небольсин (1817-1893), в 1846 году совершивший путешествие по Сибири, о купцах-конкурентах рассказывал следующее: «Они друг на друга смотрели, как на незваных гостей, отбивающих один у другого кусок хлеба… они старались, где только возможно, повредить постороннему искателю и обмануть его...».

Занимательная история произошла с мариинским купцом Д.С. Федуловым, доверенным лицом известных золотопромышленников Иваницких, обманувшим своих хозяев.

«В 1896 году в вершине ключа Безымянного системы Белого Июса Ачинского золотоносного района охотник хакас Ульчугаев нашел камень с видимым золотом. Об этом прознал авантюрист Федулов, «воровски купивший» в 1897 году сведения о нём у охотника за две бутылки спирту, плиса на штаны и сатина на рубаху. Участок был назван «Богомдарованный», как доставшийся Федулову даром. В результате двойного обмана Федулов систематически получал огромный незаработанный доход” [3, с. 32].

Не всегда усилия поисковиков приводили к успеху. Тайга неохотно делилась с человеком своими тайнами. Андрей Яковлевич Попов, «человек очень умный, но совершенно чуждый всяких сведений по горной части», вначале терпел неудачу за неудачей. Вскоре его племянник Федот Иванович прослышал, что в районе таёжного озера Берчикуль живёт человек, достоверно знающий о местонахождении золотых россыпей. «Носились слухи о том, - сообщал в «Горном журнале» за 1835 год Е.П. Ковалевский, - что в деревне Берчикуль… жил крестьянин из ссыльных, по имени Егор

Лесной, который нередко отлучался в горы и выносил оттуда крупные зёрна самородного золота».

Егор Лесной был старообрядцем из старинного уральского села Шарташ. В своё время был осуждён за тайную продажу золота и отправлен на каторгу, а затем и на поселение в Сибирь. Обосновавшись у озера Берчикуль, он вскоре на речке того же названия, впадающей в реку Кий, обнаружил очень богатые россыпи. Поскольку рытье шурфов требовало помощника, он взял себе воспитанницу, помогавшую ему в работе.

Как крестьянин, он не имел право на оформление заявки. Найденное золото он до поры до времени прятал, сделав только новый золотой оклад для иконы, что, возможно, и дало повод для разговоров о его находке. Эти сведения дошли до Ф.И. Попова, и он направил к Егору своего посланца, но того постигла неудача — Егор не открыл тайну найденных россыпей. На следующий год Попов решил лично встретиться с несговорчивым кержаком, да опоздал — Егора задушили. Что послужило этому поводом, осталось неизвестным. Найдя подход к воспитаннице Лесного, Ф.И. Попов, используя разные уловки, выведал у неё места шурфовок и заявил месторождение на себя. Так он стал владельцем богатых приисков, присвоив себе и славу первооткрывателя россыпного золота в Сибири [3, с. 32].

Как известно, во многих делах человеку часто помогает неординарность его мышления, а это становится прологом к его успешности. Купец Яким Меркульевич Рязанов, промышлявший золотом на севере Урала, узнав про фарт Попова, отправил в те края свою партию во главе с племянником Аникой Рязановым. Удача Рязанову в руки не шла, меж тем как партия Попова за то же время поисков добыла золота более 4-х пудов. Аника Рязанов вернулся со своей партией на Урал. Из другого теста был вылеплен его компаньон Степан Иванович Баландин. С именем Баландиных связаны первые находки золота на месторождениях Урала [3, с. 32].

В 1828 году купец С.И. Баландин получает разрешение от правительства на поиск и разработку золотых месторождений в сибирских губерниях. Вскоре он становится владельцем, совместно с Рязановым, Большеникольского прииска.

С.И. Баландин, обладавший незаурядной волей, неординарностью мышления и определёнными знаниями горного дела, решил перенести поисковые работы с правого берега Кии (где Егор Лесной нашёл золото, приведшее его к гибели), на левый, болотистый. Здесь работы велись даже зимой, когда болотистая жижа, замёрзнув, превращалась в монолит. Работая шахтным способом, Баландин положил начало использования этого способа в Сибири.

Шурфы, пробитые в зимний период партией Баландина, вывели золотоискателей в 1831 году на ключе Кундстуюльском на уникальную по богатству россыпь золота. В 1832 году здесь началась промышленная добыча, а через два года прииски дали золота в два раза больше, чем прииски Попова. С.И. Баландин становится весьма влиятельным человеком. Он одним из первых просит разрешения на работы за Енисеем, запрет на которые кончался в 1835 году. Главноуправляющий Корпусом горных инженеров К.В. Чавкин ходатайствует перед генерал-губернатором Восточной Сибири С.Б. Броневским (1835-1837 годы): «Проситель Баландин есть открыватель значительных частных промыслов в Западной Сибири… и для выгод Сибири золотого промысла он полагает дозволить Степану Баландину разыскать золото по всем свободным землям Восточной Сибири» [3, с. 33].

Поскольку первоначальные попытки казны найти золотоносные залежи в Восточной Сибири провалились, а 1835 год был уже на подходе, встал вопрос о необходимости допуска к поисковым и добывающим работам частных компаний. Майор Саблин в «Горном журнале» за 1874 год писал о том, что генерал С.Б. Броневский 18 декабря 1835 года предписал известить частных лиц, что упомянутые ранее места свободны для поисков золота.

Дело сдвинулось с места. В результате первых поисков были открыты россыпи в верховьях рек Бирюса и Хорма. Получивший прозвище «таёжного Наполеона» канский купец Г.Ф. Машаров и другой доверенный человек Я.М. Рязанова — Якушев начали шурфовку россыпи по Хорме. Туда же была выведена местным жителем Д.И. Бузумаевым партия красноярского купца Толкачёва, которая начала шурфовку полигона с другого края, к центру, где партии встретились. Естественно, никто не хотел уступать лакомый кусок. Дело дошло до суда.

Я.М. Рязанов, пустивший в ход и свои капиталы, и природную сметку, выиграл процесс. С 1842 года работы на его приисках пошли полным ходом. А пока Рязанов занимался судом, его доверенный — талантливый разведчик и стратег Машаров, выведав у тунгусов сведения о богатом золоте на севере края, решил с бирюсинских россыпей двинуться в Нижнее Приангарье в сторону реки Удерей. Помня о столкновениях с партией Толмачёва на Хорме и не желая повторения подобного, он распространяет слух о наличии богатейших россыпей на реке Ока, неподалёку от Иркутска, и о том, что его партия отправляется туда на разведку. Когда его конкуренты прибыли на Оку и развернули работы, то спустя некоторое время они обнаружили, что Машарова среди них нет. А тот, переждав некоторое время, переправился через Ангару у устья реки Тасеевой и быстрым ходом направился к притокам Удерея.

То, что нашёл там Гаврила Машаров, превосходило по богатству всё, что ему встречалось ранее. Это открытие стало крупнейшим событием не только в экономике Енисейского края, но и всей страны. В 1838 году Машаров приступил к разработке золотых россыпей Удерея, входившего в систему реки Подкаменная Тунгуска. Тогда и были заложены Рождественский и Петропавловский прииски. Руды последнего являлись богатейшими в Сибири, они содержали 3-5 золотников на сто пудов песку. К тому времени начали открываться один за другим прииски и других компаний. Енисейская губерния сделалась самой доходной по золотодобыче во всей Российской империи. [3, с. 33-34].

Остановимся на некоторых фактах из истории золотодобычи в Минусинском округе. Горнозаводская промышленность здесь появилась в XVIII веке в, однако, в следующем столетии дела пошли на убыль. Ирбинский железоделательный завод в 1828 году приостановил свою деятельность, зато здесь стала быстро развиваться золотодобыча, которая в XIX столетии сыграла значительную роль в экономической жизни Сибири.

Уже в 1830 году были открыты первые признаки золота: «Минусинскаго округа Шушенской волости от деревни Табацкой вверх по реке Табату от моста вверх чрез болото Халда и по реке впадающей в его — Алтан, на десять верст в длину и поперечнику на одну версту приисканы красноярским мещанином Пороховщиковым признаки золота листочками, но весьма слабые, и по причине наступивших осенних морозов нельзя было делать промывку надлежащим образом», сообщает журнал «Записки об Енисейской губернии» [1, с. 231].

В «Статистическом обозрении...» Ю.А. Гагемейстера указано, что до 1835 года были открыты значительные россыпи на притоках рек Тубы и Маны, с правой стороны впадающих в Енисей, «из коих богатейшие по реке Амылу, впадающей в Тубу». В 1837 г. на промыслах Минусинского округа уже находилось 2309 рабочих [1, с. 231-232].

С 1833 года в делах словесного суда г. Минусинска появляется ряд актов и договоров о развитии золотопромышленности. Вот несколько фрагментов.

1833 года 21 июля «я нижеподписавшийся г. Минусинска мещанин Афанасий Яковлев сын Солдатов, дал сей договор вперед на год 6 месяцев кутурскому 1-й гильдии купеч. сыну Павлу Егоровичу Кузнецову в том, что по данной ему К. С Высочайшего утверждения привилегии на отыскание и разработку в Сибири

золотосодержащих песков обязываюсь я находиться у него во услужении, отыскивать таковые пески в пользу его К...» [1, с. 233].

Саратовский 3 -й гильдии купец Михаил Крюков 25 апреля 1835 г. дает крестьянину Степану Карнееву следующую доверенность:

«На основании данной мне от екатеринбургского I гильдии купца Петра Яковлева Харитонова доверенности сим поручаю тебе произвесть в Енисейской губернии и Минусинском, Ачинском и Канском округах розыске золота, серебра и других металлов и для того потребное количество людей нанять, в случае же открытия металлов, на основании установленных правил заявит о том, что следует, в чем я тебе верю и что ты учинишь спорить и прекословить не буду» [1, с. 234-235].

Крайне любопытен договор, заключенный 11 апреля 1836 г. неким крестьянином деревни Шошино Курагинской волости с доверителем купца Зайцева Рыбаковым - «находиться мне у него Рыбакова при прииске золотых россыпей по 70 р. в месяц... проезжая реки и речки буде найдется свободное время, то мне праздно не находиться, а ездить за промыслом зверей и стрелянием птиц» [1, с 235].

П.Е. Кузнецов был одним из первых золотопромышленников в уезде, вел свое дело в очень крупных размерах. В документах от 4 февраля 1835 г. упоминается, что он заключил договоры с лицами разных сословий Енисейской губернии, обязавшимися поступить к нему в работники [1, с. 239].

28 февраля 1835 года минусинские мещане Воинов с сыном, Мельников и четверо Просвирниных заключили договор с купцами Поповым и Филимоновым. Общее в договорах: плата — 10 рублей ассигнациями в месяц; работы начинались весной и заканчивались поздней осенью; рабочие получали пищу от хозяина; нужные им товары они забирали в приисковых лавках. [1, с. 238-240].

30 декабря 1842 года помечен увольнительный билет на золотые прииска в Минусинском округе данный мещанину Перфильеву до 1 октября 1843 г. «Если же он Перфильев, не явится в свое место по истечении срочного времени, то поступлено будет с ним как с бродягою». [1, с. 242].

С развитием золотодобычи в Минусинском округе открылись новые рынки для сбыта сельскохозяйственной продукции. Но были и отрицательные моменты. У крестьян появился легкий заработок, который отвлекал их от основных земледельческих работ.

«В настоящее время надлежало бы усилить главный сбыт хлеба на золотые промыслы, писал в 1850-х годах Щукин, но крестьяне с открытием этих промыслов лишились работников. Поселенцы, составлявшие доселе класс дешевых наемщиков, уходят летом на промыслы и возвращаются только осенью, когда полевые работы кончены» [1, с. 259].

Отрицательно сказалась золотодобыча и на инородческое скотоводство, владельцы скота воспользовались случаем и распродали на золотые промыслы большую его часть. Пострадало и звероловство, которым занималась часть русского и инородческого населения Минусинского округа, так как устройство золотых приисков в тайге привело к уменьшению количества пушного зверя.

Таким образом, золотопромышленность привела к целой революции в экономической жизни на Енисейской земле. Как и любая революция, она имела свои положительные и отрицательные стороны.

Список литературы

1. Ватин, В.А. Минусинск / В.А. Ватин. – Минусинск: Ridero, 2018. – 636 с.
2. Путевой журнал Даниэля Готлиба Мессершмидта: Научная экспедиция по Енисейской Сибири. 1721-1725 годы / перевод, сост., комментарий: Г.Ф. Быконя, И.Г. Фёдоров, Я.И.

Фёдоров. – Красноярск: РАСТР, 2021. – 496 с : ил.
3. Смирнов, В.В. Золото Сибири: Исторические очерки о людях, добывающих золото в сибирской тайге / В.В. Смирнов. – Красноярск : РАСТР, 2011. – 300 с.: ил.

УДК 94 (571.51) «1628/1773»

Красноярский острог – эволюция крепости

Новоселов Михаил Юрьевич
научный сотрудник отдела истории Красноярского краевого краеведческого музея.
Красноярск, Россия
mnovoselov@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-8428-9144

АННОТАЦИЯ Статья посвящена проблеме развития Красноярского острога, изменениям, которые происходили на протяжении почти полутора столетий в фортификационных укреплениях и застройке внутренней части крепости. В работе на основе анализа историографии и источников рассматривается процесс строительства острога и дальнейшее его расширение и разделения на «малый» и «большой» города. В исследовании представлен процесс упадка и постепенного разрушения острога вплоть до пожара 1773 г., в ходе которого острог был полностью уничтожен огнём и вновь не восстанавливался.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Острог, Красноярский острог, стены, башни, укрепления.

Красноярский острог, основанный в 1628 г., просуществовал 145 лет. За это время размеры и внешний вид крепости претерпели значительные изменения. Несмотря на то, что на месте острога проводились археологические раскопки, тем не менее в настоящее время в историографии нет единой общепринятой реконструкции этой крепости. В большинстве работ, посвящённых основанию Красноярска, дается лишь общее описание острога, возведённого в 1628 г. и краткое упоминание о расширении укреплений и делении их на малый и большой остроги.

Первый чертёж будущего Красноярского острога появился еще до строительства крепости. В 1624 г. по инициативе енисейского воеводы Якова Игнатьевича Хрипунова была организована экспедиция для выбора места новой крепости, которая защищала бы Енисейск от нападения енисейских кыргызов. Экспедицией руководил дальний родственник воеводы Андрей Ануфриевич Дубенской [3, с. 29]. Площадка, выбранная под новую крепость, представляла собой высокий остроконечный мыс длиной около 4-х километров, образованный местом впадения реки Кача в Енисей. Сделанный Дубенским «чертёж … урочищам и местам, где мочно быть в Тюлькиной земле острогу» [6, с. 10], был отправлен в Тобольск, а вскоре в Москву отбыл и его автор. Сам чертеж до наших дней не дошел, однако при закладке крепости строители, по всей видимости, старались придерживаться ранее составленного плана.

После одобрения проекта в 1627 г. экспедиция под руководством Дубенского отправилась из Тобольска в путь. Прибыв в середине июля к месту назначения, казаки соорудили временное укрепление «городок дощаный», а вокруг него поставили надолбы, т.е. врытые в землю брёвна. Надолбы довели до пристани, создав своего рода защищённый коридор. На енисейском мысу кроме надолб были установлены «двойные сцепы», конструкция которых состояла, по всей видимости, из двух параллельных рядов горизонтальных перекладин, поднятых на вертикальных столбах над землей [6, с. 10]. Точного описания этого временного укрепления нет, однако ряд исследователей предполагают, что для скорости строительства использовались доски от лодок, на которых казаки добирались до места назначения [6, с. 10].

Строительство «капитального» укрепления проводилось с 6 по 18 августа. Скорость постройки свидетельствует о том, что казаки использовали чертёж, составленный Дубенским в 1624 г. В.И. Царев и В.И. Крушинский отмечают, что строители «достаточно точно знали необходимое количество бревен для возведения

«башенных и хоромных» построек» [6, с. 11]. Лес для строительства острога заготавливали в двух, трех дня езды вверх по Енисею от Красноярска.

Согласно составленным строителями описаниям острога известно, что над воротами в стене были поставлены две «башни проезжие». Эти башни представляли собой квадратные срубы со сторонами «по четыре сажени трехаршинных», т.е. около 8,5 х 8,5 метров. Еще три башни были на столбах. Подобная конструкция распространена в северных районах центральной России, откуда и были родом многие первопроходцы Сибири [4, с. 8]. Места размещения крепостных башен в документах не указаны. Также нет данных о месторасположении различных построек внутри крепостных стен. Имеются лишь перечисления построек: амбар для хлебных припасов длиною в 4 сажени, съезжая изба в 3 сажени, тюрьма, воеводский двор из нескольких построек: повалуша на подклети, горница на подклети, промеж них сени с подсеньем, баня и 30 десятков домов в каждом из которых размещалось по 10 казаков [6, с. 10]. Повалуши служили служебным помещением, а горница – жилым. Подклети, в которых размещались кладовые и различные хозяйственные помещения, использовали для сохранения тепла в жилых помещениях отделяя их от земли.

При строительстве Красноярского острога применялись металлические крепежные элементы. Так известно, что отряд Дубенского привез с собой засовы и замки, 2000 скоб судовых и 150 гвоздей [6, с. 10].

Одним из неотъемлемых атрибутов более-менее крупного сибирского острога был православный храм. Однако первые годы своего существования в красноярском остроге не было ни храма, ни священника. Дело в том, что еще во время приготовления экспедиции тобольский воевода отказал Андрею Дубенскому в выделении священника, обосновывая это тем, что в царском указе не было ничего сказано о постройке церкви. В сентябре 1628 г. после возведения острога красноярские служивые люди составили несколько челобитных царю. В одной из них казаки просили выделить священника, книги, иконы и церковную утварь. Обосновывая это тем, что «будучи на твоей, государевой службе … со всякие нужи многие перецынжали и перепухли и переранены смертными ранами … и померли без отца душевнова, и без отпевания погребены» [6, с. 11].

Просьба красноярских служивых людей была удовлетворена, и деревянная Преображенская церковь построена около 1630 г. Точного описания этого здания нет. Поэтому остается судить о постройке по тексту челобитной, исходя из предположения, что красноярские казаки реализовали то, о чем просили царя. В челобитной служивые люди писали о трехпрестольном храме, который должен был вмещать одновременно не менее 200 человек. Можно предполагать, что поскольку храм строили сами казаки, то они, будучи неискушёнными в церковной архитектуре, за образец взяли знакомые им церкви Енисейска и деревянный Софийский собор в Тобольске. Поэтому, скорее всего, колокольня была покрыта шатровым типом кровли и стояла отдельно от основного объема храма [2, с. 157].

Сведения об изменениях в красноярском остроге, происходивших в 1630-х гг., очень отрывочные. Так, например, на воеводском дворе были построены сени и баня, а острожная тюрьма расширена. Позднее был сооружен отдельный аманатный двор, который вместе с тюрьмой окружили общим тыном [6, с. 11].

Следующим серьезным преобразованием крепости является разделение красноярского острога на «большой» и «малый» город, произошедшее в 1659 г. Рядом со старым острогом были установлены новые стены «большого» города, примыкающие к старому укреплению. В 1667 г. «большой» город был усилен рвом.

26 апреля 1679 г. во время пожара «… меншой острог выгорел, и соборная церковь, иконы и книги, и колокола» [6, с. 12]. Во время восстановления были впервые в истории

Красноярска применены кирпичи, которыми отделали каменный выход из соболиного амбара.

В 1688-1689 гг. был проведен ремонт красноярского острога. К тому времени старые стены крепости обветшали, кроме того поступил государев указ увеличить территорию острога за счёт «степной стороны». Строители возвели 411 саженей (около 876 метров) новых стен. На проездной пашне «малого» города, которую называли Спасская, были установлены «часы боевые» [2, с. 157].

В 1690-1693 гг. состоялась реконструкция острога. Строители «поставили» стены длиной 299 сажен с оборонительными крепостными сооружениями: «малый острог кругом старого строения 71 сажен, да нового 120 сажен, а по тому острогу» [6, с. 12]. Внешний облик малого и большого города конца XVII в. можно узнать из наиболее древнего изображения, которое содержится в «Чертежной книги Сибири» Семена Лукьяновича Ремезова. Однако этот рисунок, по мнению ряда исследователей, не был абсолютно точным [6, с. 12]. Скорее всего стены не имели правильной четырехугольной формы и повторяли очертания мыса. К моменту составления Ремезовым чертежа в «малом» городе остались одни лишь административные строения и кузнечные мастерские, упоминание о которых содержится в записках И.Г. Гмелина [1, с. 223].

В XVIII в. красноярский острог постепенно стал терять своё военное значение. «Малый» город продолжал сохранять административное значение, а вот «большой» город сильно изменился. Исчезла стена со стороны Енисея, поскольку песчаная почва плохо держала врытые бревна. Западная и северная стены «большого города» сохранились, однако с 1730-х гг. они не имели оборонительного значения. Согласно плану Красноярска 1730-х гг. в большом городе имелось две улицы и отходившие от них переулки. Всего на тот момент в «большом городе» насчитывалось около 350 домов. Помимо этого, стали появляться дома за стенами большого города [2, с. 161].

Красноярский острог сгорел во время пожара 25 июня 1773 г., который уничтожил большую часть города. Поскольку к тому времени необходимость в укреплениях отпала, то острог в отличии от города отстраивать заново не стали [2, с. 166].

Таким образом, на протяжении 145 лет Красноярский острог претерпел значительные изменения. Первоначальные укрепления были расширены в ходе строительства «большого города». Деревянные стены страдали от пожаров, да и сам материал был недолговечный. Поэтому острог не раз перестраивался и претерпевал различные изменения. Также менялось количество, месторасположение и название башен Красноярского острога. Существующие в настоящее время реконструкции Красноярского острога нельзя считать абсолютно достоверными, поскольку они опираются лишь на письменные описания и несколько достаточно схематичных изображений. Археологические исследования, проведённые в 1958 и 2007 гг., не позволяют восстановить архитектурный облик красноярской крепости [5, с. 115]. Кроме того, реконструкции Красноярского острога отображают внешний облик укреплений лишь в определенные периоды его существования. Так, например, представленный в экспозиции Красноярского краевого краеведческого музея макет Красноярского острога, изготовленный в 2000 г., соответствует реконструкции «малого» города, выполненной архитектором Э.М. Пановым [6, с. 25]. Однако при этом в макете отсутствуют стены «большого» города, примыкавшие напрямую к «малому». Таким образом может создаться ложное впечатление, что этот макет является именно острогом первой половины XVII в. Необходимо отметить, что построенный Андреем Дубенским острог имел большие различая с «малым» городом XVII в. В настоящий момент внешний облик Красноярского острога 1628 г. можно увидеть только на реконструкции В.И. Царева [6, с. 20].

Реконструкции Э.М. Панова и В.И. Царева представлены только в специализированой литературе. Однако современные информационные технологии позволяют наглядно отобразить изменения, происходящие с Красноярским острогом за весь его 145- летний период существования.

Список литературы

1. Быконя Г.Ф. Избранные труды. Т. 6: История Красноярска. Документы и материалы. XVII – XVIII веков / Краснояр. Гос. Пед. Ун-т им. В.П. Астафьева. 3-е издание., доп. и перераб. Красноярск. 2018. 473 с.
2. Градостроительство Сибири / В.Т. Горбачёв, Н.Н. Крадин, Н.П. Крадин и др.; под общ. ред. В.И. Царева; Рос. акад. архитектуры и строит. наук, Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства НИИТИАГ РААСН. – СПб.: Коло, 2011. 783 с.
3. Красноярск и красноярцы / Составители Т.К. Назарова, К.В. Богданович. - Красноярск: Кн. изд-во, 1978. 510 с.
4. Меркулова, Мария Евгеньевна. Деревянная застройка Красноярска XIX - начала XX в.: монография / М. Е. Меркулова, М. М. Меркулова; М-во образования и науки Российской Федерации, Сибирский федеральный ун-т. - Красноярск: СФУ, 2013. 139 с.
5. Николаева И.Б. Раскопки на территории бывшего Красноярского острога. / Материалы и исследования по Археологии, этнографии и истории Красноярского края. Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1963. 163 с.
6. Царев, В.И., Крушлинский В.И. Красноярск. История и развитие градостроительства / В.И. Царев, В.И. Крушлинский; Краснояр. гос. архит.-строит. акад. Красноярск: Кларетианум, 2001. 252 с.

УДК 908

Деятельность городского общественного управления по организации культурной жизни населения г. Енисейска в последней четверти XIX — начале XX вв.

Селиванов Леонид Сергеевич
студент I курса магистратуры
СФУ, «Гуманитарного института»
Красноярск, Россия

АННОТАЦИЯ Данная работа посвящена изучению деятельности городского самоуправления по организации культурной жизни населения Енисейска в последней четверти XIX — начале XX вв. Именно на рубеже XIX-XX вв. сфера культуры становится доступной не только для привилегированных категорий населения, но и для «простого» народа. Во многом этому способствовала общественная и частная инициатива представителей городского самоуправления. Изучение регионального компонента развития культуры на рубеже XIX-XX вв. позволяет внести вклад в изучение истории г. Енисейска. Цель исследования – **является** установление фактов участия органов городского самоуправления в организации культурной жизни населения сибирского города Енисейска в последней четверти XIX- начале XX вв. В исследование автор опирается на архивные документы, что позволяет ввести в научный оборот новые архивные данные по изучаемому периоду, не опубликованные ранее.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейск, самоуправление, городская Управа, городская Дума, культурные учреждения.

Енисейск один из старейших сибирских городов в конце XIX - начале XX вв. переживал сложный период, в связи с утратой своего положения как промышленного и торгового центра Енисейской губернии. Несмотря на экономический упадок, общественная жизнь города, продолжала развиваться, так как благоприятные условия создавались городским самоуправлением, купцами-меценатами, которые еще связывали свое будущее с Енисейском и стремились активизировать общественность к новым начинаниям в сфере культурно-просветительской работы и благоустройства города.

Городское самоуправление в Енисейске в последней четверти XIX–начале XX вв. было представлено городской Думой и городской Управой. Органы городского самоуправления имели свой бюджет. Например, доходы поступали от сборов за использование городских причалов для судов, барок и плотов или от выдачи торговых документов на содержание в городе торгово-промышленных заведений и предприятий. Доходы и расходы находились под жестким контролем общественности. Публиковались ежегодные финансовые отчёты городской Думы и Управы [4. Д.12.Л.13.]. Городское управление, должно было заботиться о благосостоянии города, работать с населением, заниматься организацией городского быта, правопорядка, снабжением, развитием культуры и образования[4, Д.30. Л.55.].

В уездном городе Енисейске во второй половине XIX в. общественная жизнь была еще очень слаба. В элитарных слоях общества, которое состояло из чиновников и золотопромышленников, общественные и культурные связи выражались только в хождении в гости, обедах, карточной игре, танцах и выпивке. К концу XIX в. ситуация очень медленно начинает меняться. [9, с. 94]. Этому способствовала деятельность представителей городского управления из купеческих кланов, такие как Дементьевы, Вострогины, Харченко, Баландины, Кытмоновы.

Например, четверо из клана Дементьевых в разное время были во главе городского самоуправления. Никандр Федорович Дементьев - потомственный почетный гражданин, Городской голова (с 1857 по 1866) занимался благоустройства улиц. Николай Никандрович Дементьев, его сын, тоже городской голова (с 1883 по

1888) занимались развитием начального образования в Енисейске, в том числе для бедных детей, и создал общество попечения о начальном образовании.

Игнатий Петрович Кытманов, двадцать лет прослужил на общественной службе, дважды избирался Городским головой, был **почетным** попечителем мужской гимназии. Получил звание **потомственного почетного гражданина.**

По собственной инициативе купцы-общественники вкладывали деньги в постройку культурных учреждений. Например, супруги Вера Арсентьевна и Александр Алексеевич Баландины, построили Народную читальню, выделяли деньги на покупку книг.

Можно выделить три направления работы городского самоуправления в организации культурной жизни населения Енисейска в последней четверти XIX - начале XX вв.

Первое это поддержка системы народного образования, в том числе женского. Большую работу органы общественного управления проводили по становлению системы образования, так как формирование культурного уровня начиналась с создания условий для возможности горожанам получить образование как начальное, так и среднее. Представители городской общественности, в целях подержания интереса общества к образованию вкладывали средства в строительство и обеспечение образовательных учреждений, с целью того, чтобы сделать получение образование более доступным для разных сословий. Например, в 1874 г. Енисейская городская Дума подала прощение в Государственный Совет об открытии мужской прогимназии. Обязались содержать за счет городской казны [4, Д.29. Л.23.]. В октябре 1875 г. в Енисейск поступило сообщение: «...высочайше утверждено мнение Государственного Совета об учреждении в г. Енисейске с 1 июля 1876 г. мужской шестиклассной прогимназии» [8]. К началу XX в. в г. Енисейске уже действовали мужская и женская гимназии, приходские училища разных разрядов, частные школы. Согласно отчету городской управы за 1899 г., приходские училища существовали исключительно на средства городского самоуправления, город отпускал пособие Обществу попечения о начальном образовании [4, Д.32. Л.4]. На содержание образовательных учреждений Енисейска, городское самоуправление в год выделяло 2845 рублей [3, Д. 3. Л. 15.]. Согласно отчетам по доходам и расхода городской Думы с 1899 г. по 1906 г. расход на народное образование увеличились на 515 руб. Городская Дума отпускала средства в размере 200 рублей на содержание приходских училищ, выделяла деньги на закупку учебников [4. Д. 1. Л 30-32.].

Например, при частной школе В. А. Баландиной. городское управление открыло две библиотеки: для учителей - в размере 10 томов, а для учащихся - 673 томов [2, Д. 38. Л.13.]. Городское самоуправление обращало внимание и на развитие женского образования. Например, анализ аттестатов гимназисток женской гимназии, представленных в архиве города Енисейска Ф-4. «Енисейская женская гимназия» [1, Д.1.Л.6] показал, что помимо традиционных дисциплин ученицам преподавали французский, немецкий и латинский язык. Городская Дума выделяла деньги на оплату преподавателей, сумма жалования была 200 рублей [4, Д.1. Л.3.]. Помощь, оказанная городу общественными управленцами в строительстве образовательных учреждений их содержание, и обеспечении, способствовало распространению культуры в социальных слоях населения и приобщения к просветительской деятельности.

Второе направление по формированию уровня культурной жизни населения г. Енисейска выражалась в пропаганде ценностей культурного отдыха и культурных традиций сибирской провинции. Общественное управление заботилось о создании социокультурного пространства, где могла происходить творческая реализация и саморазвитие сибиряков. В архивных документах имеются сведенья об общественных инициативах и благотворительности, представителей городской думы или управы

направленных на строительство культурных учреждений и организацию культурных мероприятий для городской общественности. Например, впервые были организованы Народные чтения [2, Д. 38. Л. 2.]. Енисейские общественники в лице А.И. Кытманова и Н.В. Скорнякова ходатайствовали об открытии народных чтений еще с 1885 г. Многие представители городской управы изъявили желание стать лекторами. Чтения проходили бесплатно в воскресные или праздничные дни и вызывали большой интерес у простого народа [18, с.95]. В Енисейске была открыта библиотека для всех желающих. Чтение газет для Енисейске становится культурной нормой. В 1880 г. по инициативе городского головы В.М. Харченко, в Енисейске было построено здание общественного собрания, где разместился театр, а также «Здесь был большой зрительный зал, библиотека, танцевальный зал, бильярдная, гостиная, карточная, буфет» [6, с.218].

В 1883 г. в городе был открыт общественный музей. «Енисейский общественный музей стал свершившимся фактом. 1 октября состоялось его открытие при довольно значительном стечении народа из различных слоев общества. Празднество началось в 12 часов молебствием в здании музея, после которого священник Евтихиев сказал краткое слово, пожелал музею развития и сочувствия общества» [7]. Не смотря на то, что ««Сибирская газета» в 1883 году писала, что создание музея в Енисейске – это роскошь» [7] количество жителей слишком мало, чтобы открывать музей. Однако, музей, как культурное учреждение в Енисейске получил сою популярность. А.И.Кытманов, основатель музея, пишет: «Когда музей открылся, его посещали более 200-300 человек в день. Потом только в выходные дни можно было увидеть такое количество народу, но в будни по 30-40 человек всегда заходили посмотреть на музейные экспонаты. Вход бесплатный. К показу представлено было 3230 предметов» [10]. Большой популярностью в городе пользовались организованные по праздникам маскарады. Они так же использовались для сбора средств в пользу образовательных учреждений, например, судя по отчету об организации лотерее в 1904 году было собрано 1331 рубль в пользу женской гимназии [11]. Таки образом, городское самоуправление способствовало распространению меценатства среди зажиточного населения Енисейска.

Представители городского самоуправления способствовали культурному времяпрепровождению населения. Общественные мероприятия, организовывались в честь значимых событий города. Например, в доме городского головы С.В. Вострotина проводились литературно-музыкальные вечера, где присутствовало до 30 человек. Гости читали стихи, играли на рояле и пели [5, с.241].

Самыми массовыми культурными мероприятиями были разного рода праздники. На средства городской управы были организованы развлечения катанья на каруселях, выступление приезжих артистов.

Третье направление, это формирования культурного облика города. Созданию городской среды соответствующей статусу города. Енисейск на рубеже веков, являлся культурным и религиозным центром Восточной Сибири, «отцом сибирских городов». Во второй половине XIX века входил в десятку крупных городов Енисейской губернии. Значение восприятия облика города, как культурного центра имело огромное значение для городского самоуправления. Необходимо было не только соответствовать статусу, но и привлекать граждан к созданию культурного пространства, оказывающее влияние на формирования общественного сознания в целом.

Например, согласно представленным документам, городским общественным управлением была организована регулярная уборка улиц и территорий вокруг общественных учреждений. Проводилась очистка от назема и мусора городских площадей, выделялись деньги на освещение улиц, строительство социально значимых

учреждений, таких как аптека, пристань, больница и др. [4,.Д.1..Л.30-32]. На добровольной основе были организованы рейды из числа граждан города, которые следили за порядком вместе с надзорными органами, в людных местах. Все общественные постройки в основном находились в центральной части города. Красивейшее богато украшенные купеческие дома и магазины, здание Общественного собрания, мужской и женской гимназии, гостиного двора, музея, Богоявленского собора, Воскресенской, Преображенской и Христорождественской церквей города, все это постройки находились недалеко друг от друга и вместе составляли архитектурную композицию. В центре города находился городской бульвар с прекрасным видом на Енисей – это было место отдыха горожан в летнее время. В садике стояли скамейками и беседками. В 1887 г. там была построена беседка- павильон, где собиралась много публики, а по праздникам играла музыка и даже устраивались танцы. [4,. Д 4. Л 63.]. Городская администрация стремилась создавать и поддерживать культурный облик города. Изыскивала средства на освещение и чистку улиц, ремонт набережной, мостов, тротуаров, пристани.

Таким образом, в ходе исследования было обнаружено немало фактов говорящих об участия органов городского самоуправления в организации культурной жизни населения уездного сибирского города Енисейска в последней четверти XIX- начале XX вв. Социально значимая деятельность градского управления выражалась в организации светских культурно-досуговых мероприятий: народные чтения, балы, музыкальные вечера, маскарады. Большой вклад представители общественного управления внесли в развитее системы образования, в культурный облик города. Жители города стремились поддержать культурные преобразование проводимые общественным управлением, оказывали содействие в решении поставленных задач на благо города.

Очень медленно, но все же появлялось осознание у обывателей ценностей культуры. Формирование городских культурных традиций способствовало приобщению горожан к культуре, сохранению культурного наследия. И пусть не все жители осознавали значимость сделанных начинаний городским самоуправлением для организации культурной жизни населения, именно эти начинания будут способствовать появлению нового обывателя, отдававшего предпочтения образованию, культурному времяпрепровождению, сохранению архитектуры.

Список литературы

1. Архив города Енисейска (АГЕ.) Ф. 4. Оп. 1 . Д. 1. Д. 2.
2. АГЕ. Ф. 6. Оп. 1. Д 31. Д. 38.
3. АГЕ. Ф. 8. Оп.1. Д. 3.
4. АГЕ. Ф. 9. Оп.1. Д. 1. Д 4. Д. 12. Д.29. Д.30. Д.32.
5. Аксенова, А. В. Мир культуры г. Енисейска второй половины XIX – начала XX века: словарь основных характеристик, понятий и персоналий (к 400-летию Енисейска) / А. В. Аксенова, Н. В. Гонина, А. П. Дворецкая, А. А. Терскова. – Красноярск : Государственный аграрный университет, 2019. – 537 с.
6. Аксенова, А. В. Гонина, Н. В. Енисейск в последней трети XIX – начале XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города / А.В. Аксенова, Н.В. Гонина. – Красноярск : Государственный аграрный университет, 2017. – 279 с.
7. Бесхлебная, Г. Г. История о музее (к юбилею Енисейского Краеведческого музея) / Г. Г. Бесхлебная // сайт Архивное Агентство Красноярского края – URL : http://красноярские-архивы.рф/articles/stati_ arhivistov/234 (дата обращения 10.05. 2021).
8. Енисейск в записках Михаила Прокопьевича Миндаровского 1891–1935 / под редакцией: М. А. Лаптева, Н. В. Поздеева, А. В. – Красноярск : Поликор, 2019. – 466 с.

9. Кискидосова, Т. А. Праздничная культура городской семьи Восточной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. / Т. А. Кискидосова // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 416. – С. 94– 95.
10. Кытманов А.И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского
11. края Енисейской губернии 1594–1893. В 4 т. – Енисейск. –1893. [Электронный ресурс] //Архив электронных ресурсов СФУ: сайт. – URL : http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/59613 (дата обращения: 15.04.2022)
12. Отчет по устройству лотереи-аллегри и маскарада в пользу енисейской женской гимназии. Енисейск 1905. Фонды библиотеки ГККМ им А. И. Кытманова.

УДК 908

Городской костюм к. XIX - н. XX в. (на примере города Минусинска)

Сидорина Елена Юрьевна
зав. научной библиотекой
МБУК «Минусинский региональный краеведческий музей им. Н. М. Мартьянова».
Минусинск, Россия.
e-mail: kort50@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье представлено описание женского и мужского городского костюма жителей Минусинска к.XIX-нач. XX в. по фотографиям документального фонда Минусинского регионального краеведческого музея ми. Н. М. Мартьянова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Костюм городской, музей Минусинский, город сибирский.

Костюм – это одежда, которая отражает национальную, социальную и религиозную принадлежность человека. К концу XIX в. сословные черты костюма начинают сглаживаться, происходит упрощение в одежде городского жителя, можно сказать - демократизация. Так, служащий магазина и врач могут носить пиджак, жилет и брюки одинакового покроя, но они будут отличаться качеством ткани, пошивом и аксессуарами (золотые часы, булавка в галстуке).

По истории городского костюма достаточно написано статей и книг, но в них совсем немного уделено место костюму жителей небольших провинциальных городов, например, таких как город Минусинск.

Известны работы по истории городского быта сибирских городов к. XIX- н. XX в. Ю.М. Гончарова (г. Новосибирск), но они посвящены городам Красноярск, Томск, Кузнецк, Тобольск, Иркутск.

Целью данной статьи является попытка сделать описание женского и мужского костюма жителей города Минусинска к. XIX- н. XX вв. по фотографиям, хранящихся в документальном фонде Минусинского музея им. Н.М. Мартьянова.

Фотография является ценным источником информации о вкусах, предпочтениях, национальности, финансовой возможности, общественном положении человека.

С середины XIX в. становится популярным составлять семейные и личные альбомы фотографий, и в фонде музея сохранились как отдельные фотографии, так и альбомы.

Для данной работы было отобрано 45 фотографии из 150. Критериями отбора стали:

- фотография должна быть изготовлена в фотоателье города Минусинска, Красноярска, Томска или любительская, но на них должны быть изображены жители Минусинска;
- наличие аннотации и датировки (1893-1917 гг.);
- хорошее качество.

Из 45 рассмотренных фотографий: 39 - изготовлены в фотоателье, 6 - любительские. Все фотографии вмонтированы в картонное паспарту, изготовлены в фотоателье, на обороте имеют фирменный логотип:

- «Фотография Ф. Станчуса. Минусинск», «Фотография Станчуса», Станчус. Минусинск»;
- «Фотография К.Х. Кочневой в г. Минусинске», «Фотография Клавдии Христофоровны в гор. Минусинске»;

- «Фотография Людвига И… Юдыцкого в г. Минусинске»;
- «Фотография Федорова в Минусинске»;
- «Фотография С.А. Красиковой в Минусинске»;
- «Фотография Ф.Д. Лухтанской. Красноярск»;
- «Фотография Ю. Ержинского в Томске».

Салонные фотографии все интерьерные.

Любительские фотографии выполнены в домашней обстановке, но являются постановочными. При описании костюма принимался во внимание такой нюанс, что на фотографиях люди одеты в лучшие костюмы.

Прежде, чем перейти к описательной части, несколько слов о магазинах города Минусинска, в которых можно было приобрести ткань, аксессуары и мастерских, где можно было на заказ сшить одежду.

Горожане с небольшим доходом шили одежду сами: «Шитьем занимается каждая мещанка Минусинска по выкройкам…» [23, с. 2]. В 1890 г. в Минусинске женских мастерских не было и мещанки сами по выкройкам шили наряды по заказу жительниц города. Но если делали заказ у портнихи, которая работала на дому, то работа оплачивалась небольшой суммой..» [23, с. 3].

В научной библиотеке музея сохранились выкройки блузок, юбок, которые являются приложением Всероссийского депо «Английская домашняя портниха» (г. Санкт-Петербург).

В то же время в майском номере газеты «Справочный листок» 1890 г. читаем объявление, что некий Е.М. Пуговкин открывает в Минусинске чулочно-вязальную мастерскую с надеждой свои изделии распространять широко по округе [22, с. 5].

По сведениям Сибирского Торгово-промышленного календаря на 1904 г. в Минусинске было слабо развито производство одежды, в основном производили холст, сукна, войлок [1, с. 49] и было «…19 шубно-овчинных заведения…, 6 заведений по выделке катанок…» [1, с. 49].

Судя по объявлению, первая дамская мастерская в Минусинске (ул. Михайловская, 100, Бонашевская) открывается в 1914 г. с названием «Прогресс», которая принимала «…всевозможные заказы верхнего платья, также костюмы и верхние юбки». Цены были умеренные [14, с. 1].

В 1917 году «Портной А.П. Гуральский принимал заказы на пошив женской и мужской верхней одежды (ул. Новоприсутственная, дом Возженикова)» [23, с. 2].

Услугами мастерских по пошиву одежды, обуви пользовались жители города со средствами – чиновники, купцы, зажиточные мещане.

Одежду шили из привозных тканей: сукна, драпа, ситца, сатина, плиса, шёлка, атласа. Из дорогой материи были платки и ленты.

Горожане с достатком покупали и готовое платье. Торговые дома в минусинских газетах регулярно публиковали объявления о поступлении новых товаров, распродажах.

Магазин Рагозинского предлагал: «…готовое платье, обувь, меха, дамские шапки, муфты, горжеты» [12, с. 2].

Кроме Рагозинского, Никон Смирнов через газету извещал покупателей о получении большого выбора товаров, таких как мануфактурные, меха, обувь и предлагал умеренные цены [14, с. 1].

Г. Вильнер устраивал распродажи мануфактурных остатков, так как был получен новый товар: «…модные шелковые и шерстяные тесненные плюши, горжеты, детские шапки, скунсовые и другие шкурки» [14, с. 2].

В сибирских газетах, которые выписывали минусинцы, печатали рекламу центральных магазинов готового платья, так магазин «Центральное депо» (г. Москва) предлагал «…большой разнообразный выбор мужского, дамского и детского готового

платья», [26, с. 1] магазин Дубровича в г. Томске предлагал следующие товары: ленты, чулки, пелерины, платки парижские (плюшевые, шёлковые) [7, с. 4]. Заказанные товары высылались наложенным платежом.

Женский городской костюм к. XIX-н. XX в. в основном был строгим, но некоторые детали одежды, как застроченные складки, оборки, кружева, подчёркивали женственность. Кроме этого, покрой женского костюма подчёркивал талию.

Свадебные платья, «праздничные», «на выход» отличались от костюма «на каждый день» тканью, отделкой (лиф и подол были декорированы несколькими рядами оборки, кружевом).

Женщины носили платья и так называемую «парочку»: блузка и юбка. Лиф блузки/платья был с воротником-стойкой, в некоторых случаях с мелкой оборкой из кружева или манжетой из ткани белого цвета. Рукава длинные, с заложенными складками по окату, низ рукава мог быть просто заужен или с манжетой.

Так, например, сёстры Ведерниковы (Феоктиста и Елена) на фотографиях, выполненных с разницей в один год, запечатлены в одинаковых костюмах, но различных по фасону и типу одежды:

- 1915 год: платья из лёгкой светлой ткани, воротник-стойка, на груди округлая кокетка, по краю которой пришита пелерина из кружева. Рукава длинные, вшивные, на запястье манжет. Юбка, расклешённая, подол украшен двумя горизонтальными застроченными складками и тремя рядами из кружева. Пояс широкий из блестящей ткани;

-1916 год: платья из ткани тёмного цвета, лиф с небольшим напуском, воротник-стойка. На груди V-образные застроченные складки, декорированные мелкой оборкой из кружева. Рукава длинные, вшивные, книзу заужены, на запястье манжет. Юбка расклешённая, по подолу пришита с изнанки атласная лента.

На одной фотографии семьи Ведерниковых (1916) женщина одета в сарафан на бретелях, который был присущ для женщин из мещанской среды: длинный, свободного покроя, на широких лямках. Сарафан украшен декоративным бантом (на левой лямке) и вертикально застроченной складкой по всей длине. Под сарафан надета кофта с воротником-стойкой, длинными рукавами.

Женщины пожилого возраста носили свободного покроя кофту, расклешённую юбку, на голову повязывался платок, застегивающийся под подбородком, закрывающий как плечи, так и грудь, так и просто повязанный сзади на затылке.

Рассказать о верхней одежде не представляется возможным, так как только на двух погрудных фотографиях женщины представлены в жакетах свободного покроя.

О женском костюме можно сказать, что большинство горожанок носили блузку и юбку и простого покроя платья из добротных тканей с отделкой на груди.

В мужском костюме также не было большого разнообразия. Мужчины, служащие в учреждении, магазине «молодого» возраста и «средних лет» носили сюртук или пиджак, жилет, галстук, рубашку или сорочку, брюки. Например, на фотографии 1907 года, служащие магазина Н.Смирнова одеты как в вышеупомянутые костюмы, так и в тужурки, косоворотки, штаны, заправленные в высокие сапоги.

Верхняя мужская одежда представлена в 3 фотографиях, это пальто: двубортное, длинное (до середины икры), с прорезными карманами и меховым воротником. Но, минусинцы носили и бешметы, шубы на лисьем меху [13, с. 2; 22, с. 2].

По популярности мужская обувь представлена следующим образом: на первом месте – высокие сапоги, в которые были заправлены штаны, ботинки/полуботинки без шнуровки/на шнуровке, валенки и суконные боты.

Женщины и мужчины разных сословий (мещане, купцы) при финансовой возможности могли надеть одинаковые костюмы. Костюм мог отличаться только качеством ткани и аксессуарами (часы на жилете, брошь).

Несмотря на то, что Минусинск являлся провинциальным далёким городом, женщины в своей одежде придерживались основных тенденций изменчивой моды того времени (напуск на лифе, расклешённая юбка, рукав, широкий сверху и узкий у запястья). Женщины больше внимания уделяют практичности платья и удобства.

Список литературы

1. Адрианов А.В. Очерки Минусинского края // Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1904 год. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1904.
2. Беловинский Л.В. Жизнь русского обывателя. От дворца до острога. – М., 2014.
3. Броднева А.В. Семейный альбом Крутовских. – 2-е изд., доп. – М.: Альбом, 2015.
4. Верник А.А. Традиционная культура русских старожилов Хакасско-Минусинского края (вторая половина XIX-начало XX вв.): монография. Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2005.
5. Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). - Новосибирск: Сова, 2004.
6. Евменова Л.Н. Культура русских переселенцев Приенисейского края: монография. – Красноярск: ВСИТ, 2006.
7. Енисей. – Красноярск. – 1896. - № 56. - 10 мая.
8. Иллюстрированная история Красноярья (XVI-начало XX века). – Красноярск: РАСТР, 2012.
9. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм-вещь и образ в русской литературе XIX века – М.: Книга, 1989.
10. Кискидосова Т.А. Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX века. – Абакан, 2012.
11. Ковалёв В.В. Минусинск. – Красноярск: Книжное изд-во, 1986.
12. Минусинский край. – Минусинск. – 1914. - № 122. - 29 октября.
13. Минусинский край. – Минусинск. – 1914. - № 143. - 19 ноября.
14. Минусинский край. – Минусинск. – 1914. - № 150. - 26 ноября.
15. Памятная книжка Енисейской губернии на 1863 год. – СПб.: Типография Иосафата Огризко, 1863.
16. Памятная книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 годы. – СПб.: Типография К. Вульфа, 1865. –
17. Памятная книжка Енисейской губернии на 1900 год – без выходных данных. –
18. Педеко. Письма из Минусинска. VII // Справочный листок Енисейской губернии. – 1890. - № 16. – 22 апреля.
19. Педеко. Ремесла и ремесленники в Минусинске // Справочный листок Енисейской губернии. – 1890. - № 21 – 27 мая.
20. Плехов В.С. Неоконченная экскурсия. – Минусинск: Агентство «НиМ», 2019.
21. Потапов И.Ф. Красноярск. История в документах и фотографиях. – Красноярск: Офсет, 2007.
22. Свобода и труд. – Минусинск. – 1917. - № 2. – 8 марта..
23. Свобода и труд. - Минусинск. – 1917. - № 10. - 16 марта.
24. Сибирский торгово-промышленный и справочный календарь на 1897 год. – Томск: Паровая типо-литография П.И. Макушина, 1897.
25. Справочный листок Енисейской губернии. – Красноярск. – 1890. - № 1. – 7 января.
26. Справочный листок Енисейской губернии. - 1890. - № 15. – 15 апреля.
27. Справочный листок Енисейской губернии. – 1890. - № 20. – 20 мая.
28. Сысоева Л.А. Последний император России в Красноярске. – Красноярск: Сибирский печатный двор, 2007.
29. Товарищ. – Минусинск. - 1917 – № 26 - 16 июля.

30. Хроника. Из Минусинска // Справочный листок Енисейской губернии. – 1890. - № 19 . – 13 мая.
31. Фурсова Е.Ф. Виды тёплой одежды русских старожилов Сибири в конце XIX – начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Том 47. - № 1.

УДК 93/94

История одного надгробного памятника на Троицком кладбище в Красноярске

Соколова Александра Григорьевна
Старший преподаватель
Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева.
Красноярск, Россия.
sokolova_aleksan@list.ru

АННОТАЦИЯ рассматривается некрополь красноярской Троицкой церкви. Статья посвящена изучению братских захоронений. А именно, братской могиле, которая появляется в результате авиационной катастрофы в 1963 году. Самолет Ил-18В авиакомпании Аэрофлот, выполняющий рейс из Москвы в Красноярск, в Татарской АССР в окрестностях Казани в 3,5 км юго-западнее Урахчи, Рыбно-Слободского района потерпел катастрофу, погибли 67 человек.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Кладбище, Троицкий некрополь, надгробный памятник, братская могила.

На протяжении многих столетий кладбища были объектом раздумий историков и философов, поэтов и благословов. Древнейшие известные нам памятники материальной культуры связаны с погребениями мертвых и отражают представление людей о загробной жизни. С кладбищами связаны многочисленные легенды, сказки, предания. В фольклоре – это место, внушающее суеверный ужас. Согласно христианскому вероучению, кладбище – священная земля, нива Божия, где умершие ждут воскресения в час Страшного Суда.

В России, вплоть до отделения церкви от государства, кладбища были прежде всего церковными учреждениями. Все особенности их повседневной жизни и устройства определялись религиозными понятиями. После революции потеряла смысл социальная топография кладбищ, их разделение на «богатые» и «бедные», как и существование внутри них особых участков – «разрядов», различавшихся по стоимости погребения. Изменилось отношение к надгробию как к художественному произведению, сочетающему выразительные средства архитектуры, скульптуры, геральдики и эпитафии.

Архитектурно-мемориальные памятники – очень важный исторический источник. Значительная их часть имеет своеобразные эпиграфические и палеографические особенности, свидетельствующие о структуре общества, экономических делах монастырей и церквей, философских взглядах на устройство мира, мыслях о месте человека в мире и, наконец, датирующие комплекс-надгробие – памятник архитектуры (церковь, монастырь). Как письменный источник надгробные памятники дают богатый материал о шрифтовой графике, стилях письма, хронологических рамках использования того или иного вида вязи, скорописи, полуустава, устава, сочетания орнамента и текста. Кроме того, создается представление о принятой формуле надгробной эпитафии и ее особенностях.

Как памятник архитектуры малых форм надгробия дают представление об эволюционных переменах в форме надгробий, орнаменте, художественной резьбе по камню, месте надгробий в комплексе монастыря и церкви с погостом, их сочетании.

Название Троицкий некрополь происходит от названия кладбищенской церкви Святой Троицы. После пожара 1773 года захоронения в Красноярске проводились на Всесвятском кладбище у Всехсвятской церкви. Троицкое кладбище открыто для

погребения с 1842 года. На сегодняшний день кладбище закрыто для захоронений. По данным КрасТИСИЗ (крупнейшего за Уралом предприятия, специализирующегося в области инженерно-строительных изысканий и проектирования), на 1976 год на кладбище было зарегистрировано более 30 тысяч захоронений (могил) [1].

На одном из старейших (из сохранившихся) кладбищ г. Красноярска – Троицком некрополе – достаточно много братских захоронений:

–братская могила членов исполкома Красноярского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Т. П. Марковского, А. П. Лебедевой, С. В. Печёрского, казнённых интервентами 27 июля 1918 года;

–братская могила членов исполкома Красноярского Совета партийной организации, видных и активных революционеров-большевиков, деятелей профсоюзного движения в Красноярске, расстрелянных колчаковцами в 1919 году;

–братская могила военных летчиков – участников Великой Отечественной войны, похороненных госпиталями Красноярска в 1941-1945 годах;

–братское кладбище воинов Советской армии, умерших от ран в госпиталях Красноярска в 1941-1945 годах.

Братская могила – это групповое захоронение массово погибших (умерших) примерно в одно время, чаще в результате военных (боевых) действий, геноцида, голода, эпидемии, стихийного бедствия или катастроф, когда индивидуальные захоронения организовать не представляется возможным. Иногда название «братская могила» заменяется термином «массовое захоронение». Несмотря на это, два этих понятия, хотя и близки по смыслу, не являются идентичными. По своей сути названия «братская могила» и «массовое захоронение» являются синонимами, однако стоит обратить внимание на некоторые различия. Братская могила, чаще всего, представляет собой место упокоения воинов. В таких местах нередко возводятся обелиски и мемориальные комплексы, символизирующие воинскую дружбу, мужество и любовь к Родине. Массовые захоронения являются местами, на которых нашли упокоение останки техногенных катастроф, природных катаклизмов, терактов и т.д.

В данной научной статье речь пойдет о захоронении 1963 года. Надгробный памятник установлен на месте братского захоронения. 4 апреля 1963 года в Татарской АССР в окрестностях Казани с самолётом Ил-18В авиакомпании Аэрофлот произошла авиационная катастрофа, в результате которой погибли 67 человек. Самолёт выполнял рейс из Москвы в Красноярск. Пилотировал его экипаж, состоящий из командира (КВС – командира воздушного судна) Анатолия Николаевича Хилова, второго пилота Петра Николаевича Красько, штурмана Анатолия Степановича Маркашева, бортмеханика Виктора Николаевича Никитина и бортрадиста Владимира Александровича Бахова. В салоне работали стюардессы Валентина Валентиновна Позднякова, Валентина Ивановна Бочкарёва-Макитова и Людмила Дмитриевна Никоненко.

Ил-18В был выпущен Московским машиностроительным заводом (ММЗ) «Знамя Труда» [5] 26 февраля 1963 года и к 2 марта передан Главному управлению гражданского воздушного флота, которое направило его в 126 (Красноярский) авиаотряд Красноярского территориального управления гражданского воздушного флота. На момент катастрофы авиалайнер имел лишь 154 часа налёта и 68 посадок [3]. Воздушное судно вылетело из московского аэропорта Шереметьево. На его борту находились 8 членов экипажа и 59 пассажиров [4].

Через 1 час и 18 минут после вылета экипаж на связь не выходил и на вызов в 04:30 не ответил [4]. Самолёт на скорости 650 км/ч проходил высоту 7 800 метров, когда на одном из правых двигателей лопасти винта развернуло так, что тот начал создавать обратную тягу. Возник разворачивающий момент, заставляющий самолёт входить в большие углы крена и рыскания, что сильно осложняло пилотирование. В сложившейся ситуации у экипажа не было времени определить, у какого из двигателей

произошел сбой, поэтому были зафлюгированы[82] оба правых двигателя (№ 3 и 4). Потеряв тягу, авиалайнер снизился в облака и на большой скорости понёсся к земле. От высоких аэродинамических нагрузок правый и левый элероны[83] оторвало. Из-за того, что падение происходило в облаках, экипаж был дезориентирован и не мог выровнять авиалайнер [4]. На высоте 200-300 метров Ил-18 вышел из облаков и пилоты смогли на высоте 150-200 метров от земли устранить крен. Однако из-за высокой вертикальной скорости им не хватило высоты, чтобы вывести самолёт из снижения. В 04:30 по московскому времени на ориентировочной скорости 500-600 км/ч летящий по курсу 75° Ил-18 в полетной конфигурации без крена и с небольшим углом тангажа[84] [2] ударился о заснеженное поле около деревни Николаевки и близ села Урахча Рыбно-Слободского района Татарской АССР в 54,5 километрах восточнее Лаишево и в 82 километрах юго-восточнее Казани [4].

По заключению комиссии, наиболее вероятно, что обратная тяга на правом крыле возникла из-за нарушения в работе системы регулирования двигатель-винт в силовой установке №4 (крайний правый). Данное нарушение, как показали лабораторные исследования, было вызвано дефектом маслоуплотнительного резинового кольца на маслопереходнике винта, который в свою очередь был вызван недостатком сборки воздушного винта АВ-68И на заводе-изготовителе. В итоге произошел отказ центрального фиксатора шага, причем этот дефект можно было обнаружить лишь разобрав винт и проверив его на дефекты в ремонтной станции, так как в полете и на земле его не выявить. В данном же полёте это привело к заеданию золотника регулятора оборотов (Р-68Д) в нижнем положении, то есть винт начал работать в режиме реверса[85] [4].

Надгробный памятник имеет форму природного камня, на которой установлен шар, как символ мира и вечности. Водруженная сфера означает Небо, ограничение или предел. Эпитафия гласит: «Погибли при исполнении служебных обязанностей».

Список литературы

1. Аржаных О. П. Место угоже... и высоко. Красноярск: Буква, 1998. 31 с.
2. Все о двигателе. Сборник информации о двигателях различных модификаций. URL: https://avtika.ru/flyugirovanie-vintov-aviatsionnogo-dvigatelya-chto-eto/ (дата обращения: 13.06.2023).
3. Ильюшин Ил-18В Бортовой №: СССР-75866. Портал авторской авиационной фотографии. URL: https://russianplanes.net/reginfo/34254 (дата обращения: 12.06.2022).
4. Катастрофа Ил-18В Красноярского управления ГВФ близ Казани. Авиационные происшествия, инциденты и авиакатастрофы в СССР и России. URL: http://www.airdisaster.ru/database.php?id=337 (дата обращения: 13.06.2023).
5. Московский машиностроительный завод «Знамя Труда». СОВЕТСКИЕ-ЗАВОДЫ.РФ. Советское промышленное наследие в современной России. URL: https://советские-заводы.рф/aircraft-industry/moskovskij-mashinostroitelnyj-zavod-znamya-truda-moskva-zavod-30.html (дата обращения: 16.05.2023).

82 Флюгирование винта – поворот (во время полёта самолёта) лопастей воздушного винта регулируемого шага в такое положение, при котором предотвращается авторотация винта, а вклад винта в лобовое сопротивление самолёта становится минимальным.

83 Элероны (рули крена) – аэродинамические органы управления, симметрично расположенные на задней кромке консолей крыла у самолетов нормальной схемы и самолетов схемы «утка».

84 Тангаж – угловое движение летательного аппарата или судна относительно главной (горизонтальной) поперечной оси инерции.

85 Реверс – режим работы двигателя, при котором создаваемая им тяга выполняет обратную работу, останавливая самолет.

УДК 908

Разрушенный монастырь «Үстүү-Хүрээ»

Танзы-Белек Джигед Сергеевич
студент
Кызылского техникума экономики и права
потребительской кооперации
Кызыл, Россия.
Aydys989@gmail.com

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается история, развитие и современный период буддийского монастыря «YCTYY ХҮРЭЭ».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА «Үстүү-Хүрээ», чыза, буддийские хүрээ, ламаисткие храмы, хуурак, нойон.

Строительство монастырей на территории Тывы стало важнейшим свидетельством распространения буддизма в стране. Первые буддийские монастыри представляли собой юрты, кочевавшие с владельцами – лам или феодалов.

Местом расположения первых архитектурных сооружений – хүрээ, была территория Оюннарского кожууна (современный Эрзинский и Тес-Хемский кожууны), примыкающая к Северо-Западной Монголии; именно отсюда шло проникновение и распространение буддизма среди тувинцев. На карте Тувы XIX - начала XX в. вплотную к этой территории примыкает ряд храмовых строений по реке Тес-Хем и ее притокам. Первый монастырь – Эрзинский (Кыргызский) – был построен в 1772 г., другой, самый крупный в этом кожууне, Самагалтайский (Оюннарский) – в 1773 г. [7]

Эти монастыри стали первыми очагами буддийской экспансии, и тувинские родоплеменные группы, жившие в Оюннарском кожууне, первыми были обращены в буддизм. Вслед за первыми монастырями стали строиться другие, постепенно они появились во всех кожуунах Тувы. В Бейсе кожууне были построены монастыри Бай-Кара (в 1809 г.), Чаа-Хөл (в 1811 г.), Сарыг-Булуң (в 1824 г.); в Тоджинском – Өвгөн (в 1815 г.); в Днарском – Нарын (в 1850 г.); в Хемчикском – Көп-Сөөк (в 1857 г.) и Нижнечаданский (в 1873 г.). Остальные хүрээ были построены в начале XX в. [4]

Судя, по сохранившимся сведениям, архитектура большинства тувинских монастырей отражала влияние китайских традиций церковного зодчества. Здесь был освоен распространенный стиль с системой пирамидально расположенных одна над другой черепичных крыш с приподнятыми углами. [3] В своих путевых заметках П.Н. Крылов, описывая небольшой монастырь, находившийся в долине реки Элегест, отмечает, что «здания хүрээ деревянные, архитектуры – напоминающей китайскую. Стены храма разрисованы изображениями драконов. [2]

Можно установить, что они являлись результатом влияния Цинской империи под гнетом, которого Тыва находилась с 1755 года.

А также можно сделать вывод, что строительством занимались именно китайские мастера. [6]

Буддийские монастыри к началу XX века выполняли различные функции. Они являлись крупными торговыми центрами. Это подтверждает краеведческая работа В.П. Ермолаева, где описывается, что «в Тыве, как и в Монголии, торговыми центрами были ламские монастыри – хүрээ», где производилась купля-продажа. То есть, торговля китайскими товарами что служило для них важным источником обогащения. К примеру, у Верхне-Чаданского хүрээ было шесть чыза, содержалось около 300 лошадей, 60 коров, 700 голов мелкого скота. Хүрээ вел большую торговлю, покупая у китайцев чай, ткань, табак и прочее. Перепродавая их аратам по высоким ценам. [1]

Үстүү-Хүрээ – один из самых крупных и известных буддийских хүрээ, монастырей Тывы, расположенный в урочище Чайлаг-Алаак, в долине Хемчика, на правом берегу реки Чадан, в 7 км севернее города Чадана, у дороги, ведущей в поселок Бажың-Алаак. Для его строительства была выбрана живописная долина в трех верстах от ставки Хемчикского нойона Хайдыпа.

Үстүү-Хүрээ (буквально по-тувински - «верхний хүрээ») один из двух крупнейших храмовых комплексов, находившихся на территории Даа-кожууна, который включал в себя больше половины территории Тывы и по праву считается колыбелью современной государственности тувинцев. Монастырь был одним из самых богатых, но не самым большим. Цогчен (главный храм) был построен в 1905-1907 гг. богатым, влиятельным и очень честолюбивым нойоном Хайдыпом. Строительство осуществлялось под руководством и по проекту специально приглашенного тибетского ламы Кунтана Римпоче и при участии китайских мастеров. [5]

Население кожууна, обложенное дополнительной денежной и натуральной повинностями (лес для строительства, тягловый скот), непосредственно участвовало и в самих строительных работах: каждый сумон в назначенный день выставлял определенное число людей, готовивших раствор, сооружавших опалубку, ставивших леса и т.д. Проект монастыря тибетского образца привез в 1905 г. Кунтан Римпоче, однако некоторые утверждают, что это типичная монгольская постройка, соединившая в себе архитектурные приемы Тибета и Китая: скошенный низ типичен для тибетских построек, а легкий деревянный павильон второго яруса – для китайских. Так или иначе, Үстүү-Хүрээ стал венцом ламаистского строительства в Тыве. Подобного ему не было не только здесь, но и на территории всего бывшего Советского Союза и нынешней РФ.

В 1907 году там обучались более 100 хууpаков. Комплекс состоял из главного храма, шести дацанов и шестидесяти юрт. В большой библиотеке храма хранились труды по религии, медицине, астрологии и другими науками.

Настоятелем храма был Лопсан Чамзы-камбы, получивший образование в Тибете и который являлся братом нойона Хайдыпа Угер-даа.

Именно ламы Үстүү-Хүрээ под руководством Лопсан-Чимита Монгуша создали первый тувинский алфавит.

В 1913 году нойон Даа хошууна Буян-Бадыргы, приемный сын Хайдыпа Угер-даа, написал письмо Николаю II с просьбой принять Тыву под протекторат Российской Империи. В 1914 году Николай II в этом письме поставил резолюцию «Согласен».

Буян-Бадыргы получил светское и духовное образование в стенах храма Үстүү-Хүрээ благодаря обучению у монгольского ламы Оскала Уржута. Где в совершенстве изучил пять языков и вскоре стал одним из инициаторов и создателем тувинской государственности в 1921 году. Он стал первым правителем молодой страны Танну-Тыва Улус. Второй председатель Совмина Куулар Дондук сам был ламой храме Үстүү-Хүрээ. Третий председатель Совмина Сат Чурмит-Дажы тоже получал знания в Үстүү-Хүрээ – у Оскала Уржута.

Осенью 1929 году состоялся VIII съезд революционной партии ТНРП где делегат Тарбый-оол внес предложение о ликвидации Камбы-ламы Ондара Чамзы. Именно с этого момента начались репрессии, гонения и уничтожение, лам и шаманов.

Согласно данным из государственного архива в Үстүү-Хүрээ в 1929 году работали более 470 лам.

В 1937 году храм Үстүү-Хүрээ был разрушен. Окончательно разрушить не удалось так как стены имели толщину 1,5 метра. Оставшиеся стены использовали как загон для скота.

В 1959 году около храма стояла молельная юрта. Оставшийся лама передал в дар буддийские атрибуты в ныне Национальный музей им. Алдан-Маадыр Республики Тыва.

Осенью 1983 году московским архитектором Вилля Емельяновой Хаславской была написана докладная на имя министра культуры РСФСР о том, что это уникальный памятник – останки ламаисткого храма необычной архитектуры и что необходимо его поставить на государственную охрану. Необходимо провести консервацию памятника. Спустя год, храм вошел в список охраняемых памятников Тывы и получил статус памятника архитектуры РСФСР, его должны были автоматически реставрировать. Именно с этого момента началась борьба за восстановление. Благодаря полученному статусу, оставшиеся стены храма стали охраняемым памятником что спасло от дальнейшего разрушения.

В 1992 году Вилля Емельяновна создала чертежи для реставрации храма, которые были утверждены экспертным советом Министерства культуры РСФСР. [8]
В сентябре того же года в Тыву приехал его святейшество Далай-Лама XIV и посетил руины Үстүү-Хүрээ. На богослужении в честь его приезда он объявил народу о том, что лампада Үстүү-Хүрээ ещё не погасла, что стены храма ещё живы и хранят священные сутры Будды. [8]
В 2001-2005 гг. по федеральной целевой программе «Культура России» были выделены деньги на реставрацию. Но реставрация шла очень медленным темпом.

В 1999 году Правительство России приняло решение о его восстановлении. В том же году летом состоялся первый Международный благотворительный фестиваль живой музыки и веры «Үстүү-Хүрээ» инициатором которого был Игорь Дулуш. Цель фестиваля заключалось в том, чтобы привлечь внимание и сбора средств на реставрацию.

Восстановление храма началось в 2008 году. Изначально планировалось построить новый храм на месте стен, но решили оставить и возвести рядом. Восстановление закончено в 2012 году и 23 июля состоялась церемония открытия.

Фестиваль живой музыки и веры проводилась каждый год. Но в 2020-2021 гг. из-за короновирусной инфекции и введённых ограничений XXI фестиваль живой музыки и веры «Үстүү-Хүрээ» отменили. 2022 году так же отменяется, о чем сообщил Игорь Дулуш: «Министерство Культуры сообщает о нецелесообразности проведения фестиваля в этом году из-за непредусмотренных финансовых средств для материально-технического обеспечения мероприятия. Вместе с тем Министерство культуры высоко оценивает значимость фестиваля и обещает, что в 2023 году будет проведен на высоком уровне»[86].

Заключение

Из всего сказанного и исследованного можно сделать вывод, о том, что разрушенный храм стал символом возрождения духовности народа: сегодня жители Дзун-Хемчикского кожууна активно посещают священные руины, более того родилась новая традиция: молодожены обязательно должны побывать на Үстүү-Хүрээ в день свадьбы. Став колоколом веры, фестиваль «Үстүү-Хүрээ» пытается показать нам, как можно заполнять духовный вакуум, который образовался в нашем обществе за последние десятилетия.

Список литературы

1. Ермолаев В.П. – краевед и писатель: Избранные работы // Сост. А.О. Дыртык-оол. –

[86] Глоссарий. Үстүү-Хүрээ. [Электронный ресурс]: http://ustuhure.com (дата обращения: 30.06.23)

Кызыл: УПК «Аныяктар», 2012. – С.3.
2. Крылов П.Н. Путевые записки об Урянхайской земле. – СПб., 1903. – С.40.
3. Монгуш М.В. История буддизма в Туве. – Новосибирск: «Наука» 2001. – С.45.
4. Монгуш М.В. – Ламаизм в Туве – Кызыл: 1992. С.109.
5. Национальный Архив Республики Тыва, ф.115, о.1, д.201, л.25.
6. Сейфулин Х.М. Краткие очерки о современной Туве…
7. Ученые записки ТНИИЯЛИ, вып. II, Кызыл – 1954. С. 4.
8. Чесноков П. Единственный в мире фестиваль, который построил храм // «Твой информ». 2022. 30 марта.
9. Үстүү-Хүрээ. [Электронный ресурс] // http://ustuhure.com (дата обращения: 30.06.2023)

УДК 82–4

Город моей судьбы

Тараканова Ольга Семёновна
член Союза писателей России, общественный деятель.
Минусинск, Россия.
olgataraka@yandex.ru

АННОТАЦИЯ В статье каждое слово пропитано любовью к малой Родине. Автор восхищается прошлым Минусинска, гордится его настоящим, верит в счастливое будущее, и дарит сегодняшним и будущим его жителям свои поэтические строки. Судьба поэтессы переплетена с историческими местами города, зданиями, которые являются объектами культурного наследия Минусинска, а в её стихах отражено взаимодействие современного города с исторической средой.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинск, юбилей, история, судьба, поэзия.

Минусинск – город моей судьбы. Здесь я родилась. В Спасском соборе в младенчестве погружением в купель меня крестили. С 1995 года здание церкви является объектом культурного наследия федерального значения. Кирпичный собор Спаса Нерукотворного Образа в Минусинске был возведен с 1803 по 1814 год вместо деревянной церкви, построенной здесь в 1781 году.

Минусинское село здесь было ранее.
И доподлинно известно нам,
первым, каменным, прекрасным зданием
стал, построенный народом, храм.

Напротив храма, по адресу Красных партизан 2, одноэтажное здание, в котором с 1956 по 1991 год находилась редакция газеты «Власть труда», она же «Искра Ильича». Сюда я не единожды приходила в школьные годы. Первая публикация моих стихов состоялась на страницах этой газеты в 1972 году, более пятидесяти лет назад! С 1995 года, и по сей день, редакция газеты располагается по улице Гоголя 66 в здании, известном как дом купца Смирнова. В январе 2001 года журналистка Галина Александровна Кузнецова создала при газете литературное объединение «Зелёная лампа», в которое я пришла в числе первых. Менялись руководители литобъединения, приходили в него новые поэты, но неизменным оставалось кураторство над ним старейшей в крае газеты. В 2022 году «Власть труда» отметила своё столетие.

Вот снова я в старинном доме,
В плену чарующих бесед.
Здесь истина родится в споре,
И новый стих увидит свет.

В начальных классах я училась в школе №6, которая находилась по ул. Ленина, недалеко от старого рынка, её сейчас нет. Затем в школе №3, что находится по улице Штабной 26, наискосок от сквера имени одного из руководителей партизанского движения в Сибири - Петра Ефимовича Щетинкина. Во время Великой Отечественной войны в здании школы располагался военный госпиталь. В 2022 году школа №3 имени А. С. Пушкина отметила свой 85-летний юбилей.

В Минусинске родилась я. Детство, юность
здесь прошли. По улочкам брожу.
Школа! что-то в сердце встрепенулось.

В сквер, где памятник Щетинкину, схожу.
Иногда с уроков убегала
я сюда, и в тишине одна
первые стихи свои писала
бабьим летом, а сейчас весна.

После школы я поступила в Красноярское краевое культурно-просветительное училище, сейчас это Минусинский колледж культуры и искусства. Его главный корпус с прошлого года находится по улице Октябрьская 65 в самом красивом здании города, выполненном в стиле сибирского барокко, - знаменитом доме Вильнера. Высшее образование получила в Ленинградской высшей профсоюзной школе культуры. Поработав в разных клубных учреждениях, в 1994 году я вернулась в альма-матер педагогом-воспитателем. При общежитии колледжа создала студенческий поэтический клуб «Рифма», руководила им до 2012 года. В 2022 году колледж отметил своё 75-летие.

Из этих стен шли мастера агитбригады
Туда, где были Родине нужны
Теперь международные награды
Здесь многим коллективам вручены.
Студенты наши, от Тувы и до Дудинки,
Как прежде, прославляют Енисей –
Богатой этнографией глубинки
И взлётом новых творческих идей.

Минусинск - город моей судьбы, с ним связаны мои взлёты и падения, печали и радости, трудовые будни и праздники.

В 2004 году стартовал праздник, посвященный минусинскому помидору. Вскоре я написала стихотворение «Помидорная столица», которое впоследствии стало песней.

В самом южном из всех городов
В нашем крае большом и красивом
Я иду вдоль нарядных рядов
По земле, мне родной и любимой.
Родилась я и выросла тут,
Оттого места лучше не знаю.
Помидорной столицей зовут
Минусинск Красноярского края.

Позже появились и другие песни о городе. Руководитель детского образцового вокального ансамбля «Новый день» - Оксана Дранникова попросила меня написать для них текст песни о Минусинске. Песня «Любимый город мой» стала визитной карточкой ансамбля.

Я нарисую города портрет,
Дороже уголка на свете нет.
Стоит в долине он среди холмов,
В оправе малахитовых лесов.
Весь в ореоле солнечных лучей.
И сто дорог ведут к нему друзей.
Сегодня снова юный, как заря,
Старинный город мой, земля моя.

Много лет я занимаюсь общественной литературной деятельностью. С 2001 по 2018 год работала с пишущей молодёжью – студентами и школьниками. С 2016 года возглавляю Межрегиональную ассоциацию литобъединений юга Красноярского края и республики Хакасия – «Сибирская лира». Минусинск был сразу определён центром работы «Сибирской лиры», а седьмой год своей деятельности мы начали под крылом Минусинского краеведческого музея. В 2022 году музею исполнилось 145 лет.

В моих стихах о Минусинске часто упоминаются Спасский собор и музей имени Николая Михайловича Мартьянова. В одном из стихотворений даже птица, пролетающая над городом, не могла не обратить на них внимание.

Пролетала над городом птица,
И, увидев картину окрест,
Не могла в наш собор не влюбиться,
В купола, где над звонницей крест,
В полукруг нашей речки-протоки,
В силуэты седых тополей,
И в кварталы старинной застройки,
В нашу гордость и славу – музей.

Уже в зрелом возрасте я побывала в уникальных окрестностях Минусинска: не раз любовалась видами с хутора «Экстрим», ходила на гору Шишка, что вблизи села Быстрая, ездила на экскурсию в заповедник «Хакасский» на участок «Оглахты». Начиная с 2005 года, неоднократно участвовала в фестивале у подножья горы Тепсей, Её абсолютная высота 632 метра. Гора с окрестностями является достопримечательным комплексом археологических памятников. Я поднималась на её вершину, снимала копии с петроглифов, посвящала ей стихи.

Текло неспешно время под Тепсеем,
И чтобы нам об этом рассказать
Кыргыз, холста и масел не имея.
Решил свой мир картинам передать.
И вот стою я, словно в галерее!
Петроглифы – рисунки на века
На южном склоне древнего Тепсея
Кочевника оставила рука.

Родными мне кажутся и хакасские степи, с силуэтами холмов на горизонте, с древними курганами и каменными изваяниями.

Я воспеваю край былинный,
Ландшафт, привычный мне, люблю.
В пути на эти исполины
С душевным трепетом смотрю.

Когда мне приходилось куда-то на время уезжать, я очень скучала по Минусинску, а по возвращению меня переполняли эмоции. Как-то на подъезде к городу были написаны строки стихотворения «Возвращение домой».

Мне подросшие сосны махали приветливо ветками,
Вдоль дороги кружились, бежали рядами вослед.
Догорали медовые свечки над гибкими вербами,
На пригорке под солнцем расцвёл для меня первоцвет.

В 2023 году Минусинску исполнилось 200 лет. К своему юбилею он преобразился: отреставрированы практически все старинные здания исторического центра города, каждое из которых является объектом культурного наследия,

проложены тротуары, благоустроены общественные пространства, излюбленные места отдыха горожан. При въезде с моста через протоку реки Енисей в старую часть города, взору открывается театральная площадь, здесь построено современное административное здание театра, завершается реконструкция самого театра. Минусинский драматический театр в 2022 году отметил своё 140-летие.

О тебе, Минусинск, - пристань жизни моей,
Сосны тихо шумят, ветер звонко поёт.
О тебе, город мой, нынче слава идёт
За пределы Саян и хакасских степей.

Говорят, где родился, там и пригодился. Минусинск – город моей судьбы. Здесь родились мои дети, здесь похоронены мои родители. Почти вся моя жизнь связана с ним. В 2022 году у меня тоже был юбилей, как и у знаковых для моей судьбы учреждений, упомянутых выше. Я счастлива жить в своём маленьком городке, выражая в стихах свою любовь к нему и поэтизируя его историю.

Необъятная долина
От Саян до Алатау.
Минусинской котловины,
Город мой, сыскал ты славу.
Енисей вздымает воды,
Устремляется на север.
Кочевали тут народы,
Спит их мир, натянут леер.
Над водой нависли горы,
Где наскальные картины.
И хранит в музее город
Камни древней котловины.

В статье использованы отрывки из стихотворений:
«Минусинску 200 лет»,
«Под занавес январь…»,
«Гимн колледжа культуры»,
«Помидорная столица»,
«Любимый город мой»,
«Птица над городом»,
«Подарок Тепсею»,
«И открываются тайны»,
«Возвращение домой»,
«Сонет Минусинску»,
«Город древней котловины».

УДК 81.42

Минусинск в семейной истории Хисамутдиновых

Хисамутдинов Амир Александрович
доктор исторических наук,
заведующий сектором книжной культуры Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения РАН, профессор Дальневосточного федерального университета, департамент истории и археологии.
Владивосток, Россия.
khisamut@yahoo.com
ORCID 0000-0002-8228-7513.

Вербицкая (урожденная Хисамутдинова), Альфия Мухтаровна
Житель Красноярска.
alla.verbitskaya@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена семье Хисамутдиновых, которые жили в селе Восточное и Минусинске. Занимаясь предпринимательством в Хакасии, глава семьи Тагир купил дом на ул. Итальянской (ныне улица Обороны) в Минусинске, который сыграл большую роль в становлении семьи. В дальнейшем история страны отразилась на их жизни. Авторы – потомки уроженцев Минусинска в своем сообщении отмечают роль города в истории семьи. Публикация основана на семейных воспоминаниях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Хисамутдиновы, семейная история, Минусинск.

Город и человек часто связаны друг с другом прочными и кровными связями. Порой даже исторические события не могут оборвать эти отношения. Именно такая связь прослеживается в семейной истории клана Хисамутдиновых.

Уроженец Казани Тагир (полное имя Ян-Тагир) Хисамутдинов (родился в 1850 г.) оказался в Минусинске случайно. В молодости он участвовал в противоправительственных событиях, за что был отправлен в ссылку в село Восточное. Вырванный обстоятельствами из ортодоксальной обстановки, энергичный Тагир, несмотря на юношескую наивность, здраво относился к жизни. В Сибири все было по-иному, здесь все рассчитывали только на себя. Особенно ему понравились хакасские степи.

Тагир проповедовал следующее: хочешь иметь успех в любом деле – говори на одном языке с собеседником и понимай его культуру. Поэтому кроме родного татарского Тагир отлично знал языки и диалекты местностей, где жил: в Туве выучил тувинский, а в Хакасии – хакасский. И, конечно, он отлично говорил по-русски. При этом все отмечали его знание математики. Может быть поэтому, несмотря на все трудности, он сумел завести собственное дело: разводил скот, занимался торговлей и быстро сколотил небольшое состояние.

Тагир Хисамутдинов сразу определил для себя принципы ведения бизнеса: держать слово, понимать, что хочет покупатель, не бояться трудностей и двигаться вперед. Залогом коммерческого успеха были его работники. У главы семьи была конкретная программа подбора сотрудников, которые сразу же становились его соратниками, жили рядом с семьей (для них построили отдельный дом) и столовались вместе со всеми.

Добиться успеха Тагиру Хисамутдинову помогла жена, уроженка Абакана (родилась в 1879 г.) Магиджамал, имевшая татарские и хакасские корни. В селе

Восточном у супругов родился старший сын Хаким (около 1898), затем Сарби (1899), сын Юсуф (1909), дочери Гайнук (около 1911) и Марьям (1912), сын Мухтар (1915).

Обжёгшись в юности, Тагир был чужд политики, но с большим пониманием относился к обездоленным. По воспоминаниям его старшей дочери Сарби, он помогал В.И. Ленину в то время, когда тот находился в ссылке в Шушенском (1897–1900). Вероятно, у них имелись и общие знакомые по Казани. В семейной хронике отмечается и другой факт, что жена Тагира спасла от смерти двух большевиков [3, воспоминания Сарби и Нурии Хисамутдиновых].

Магиджамал была заботливой матерью. Она знала много сказаний из сибирского эпоса и любила рассказывать их детям, показывая на этих примерах, как нужно жить. Она виртуозно играла на смычковом губном инструменте камусе (комуз) и приучила к музыке детей: сначала они играли на простой гармошке, а впоследствии овладели и другими музыкальными инструментами, в основном аккордеоном, и передали увлечение музыкой своим детям.

Минусинск (1917–1939). Окрепнув, Тагир решил переехать из Восточного в соседний Минусинск, который ему очень нравился. Он купил большой дом по ул. Итальянской (ныне ул. Обороны, № 41) [5]. Хотя в России наступили непростые времена: пламя революции постепенно распространялось по всей стране, в Минусинске это почти не ощущалось. Там у Тагира и Магиджамал родились еще трое детей: Анвар (Александр) – 15 января 1917 г. или 1918 г. (по паспорту 1915), Шамиль – 1919 г. Последним ребенком стала Нурия, родившаяся 1 января 1926 г.

Хотя Тагир числился крестьянином-середняком, в 1924 г. по иску Минусинского отделения Енисейского транспортного потребительского общества водников недвижимость семьи Хисамутдиновых описали. Дом с надворными постройками оценили в 600 рублей. Хозяин не смог оплатить налоги, и дом выставили на торги.

Тагир с женой стали решать, как жить дальше. Можно было остаться в Минусинске и найти новое жилье, но знающие люди говорили, что это ни к чему хорошему не приведет: «пришла беда – отворяй ворота». Действительно, однажды поздно вечером к Хисамутдиновым заглянул знакомый и сказал, что видел списки тех, кто подлежал назавтра аресту,

Повышенное внимание органов к семье замечалось и раньше. Несколько раз задерживали жену Тагира и старших дочерей, добиваясь от них признания о якобы имевшемся в семье золоте, и держали как заложников, чтобы вынудить главу семьи «признаться». Совесть у Тагира была чиста, золота он не прятал, а потому обвинений членам семьи не предъявляли, между тем за арестом, как подозревали, мог последовать расстрел. Минусинцы уже слышали о постоянных расстрелах, да и Тагир замечал, что некоторые из знакомых бесследно исчезали после ареста. На семейном совете решили бежать из Минусинска.

Черногорск (1937–1939). Тагир связался с друзьями из Черногорки, и те обещали приют. С собой взяли то, что поместилось на двух подводах, а все остальное пришлось бросить. Черногорские угольные шахты обеспечили молодых братьев Хисамутдиновых работой. Они спускались в штреки, киркой добывали уголь, на коленях волокушами вытаскивали его на поверхность. Прежняя жизнь в обеспеченной семье не сделала их избалованными отпрысками некогда богатого человека. Тяжелый труд, в основном ручной, их не пугал. Они не унывали, рассказывали родителям о работе, обсуждали новую жизнь, делились планами на будущее, с признательностью слушали советы отца и матери. Позднее эта черногорская закалка позволила им преодолевать разные трудности, которых встретилось немало!

В Черногорске советская власть не оставила в покое Хисамутдиновых. Крепкая семья была достаточно привлекательным объектом для доносов. На Тагира, которого в поселке знали еще по Минусинску, то и дело поступали «сигналы» «бдительных

граждан»: зачем, мол, он приехал в шахтерский поселок? Как-то Тагира задержали и предложили «сотрудничать с органами». Старик сразу же отказался и показал бумагу, подтверждавшую его помощь большевикам. После некоторых раздумий нквдэшники отступились, но «порекомендовали» быстро уехать и даже выделили баркас [3].

К этому времени Хисамутдиновы-младшие уже обзавелись семьями. Первым женился старший Хаким – на татарке Камиле. Вышли замуж Марьям и Сарби. Переезд на новое место совершали сообща, объединившись вокруг родителей.

На каждой остановке происходили обыски, а главу семейства допрашивали: «*Кто такие, куда плывут?*» Никого ценного имущества у Хисамутдиновых не было, и их быстро отпускали. Плавание продолжалось больше месяца. Остановиться, вероятно, заставил голод.

Сангары (1938 – 1945). Хисамутдиновы сделали остановку в Сангарах, расположенном на правом берегу реки Лена в Якутии. В это время местный угольный рудник передали в ведение управления Главного северного морского пути. Новое предприятие очень нуждалось в рабочих руках, и Хисамутдиновы пришлись как раз кстати. Кто-то из братьев устроился бурильщиком, кто-то откатчиком и саночником, Шамиль Хисамутдинов стал коногоном, выполняя за смену норму на 294%. Трудовые успехи были и у других братьев. Их неоднократно поощряло начальство. Братья Хисамутдиновы были среди первых, кто прошел техническое обучение без отрыва от производства.

Нашлось дело и старому Тагиру. Поначалу он устроился в хлебопекарню сторожем, но вскоре стал учить молодых пекарей печь вкусный хлеб. Журнал «Советская Арктика» в 1940 г. в большом очерке о Сангарах отметил и семью Хисамутдиновых. «*Из Красноярского края с женой, пятью сыновьями и двумя дочерями приехал в Сангары 85-летний бодрый и жизнерадостный старик Тагир Хисамутдинов. Все его сыновья и дочь устроились на работу в шахту. Для всей многочисленной семьи (сыновья приехали с женами и детьми) они выстроили два домика.*

– Хорошо жить на Севере, — говорит старик. — Река изобилует рыбой, лови, не ленись, в тайге много ягод, только собирай. В магазинах можно купить любые промтовары и продукты. Сыновья хорошо зарабатывают. Все оделись. Даже мы со старухой принарядились. Сам я работаю сторожем в столовой. Обедаю так вкусно и сытно, как прежде мой хозяин-купец не обедал. Вся наша семья решила осесть в Сангарах» [1, с. 72].

Конечно, это была пропагандистская публикация, но сообщала интересные факты о семье Хисамутдиновых. Эту идиллию прервала Великая Отечественная война. Находясь в Сталинграде, старший сын Хаким писал родным в Сангары: «*Пули летят, как дождь. Живым отсюда не вернусь…*» [3]. Вскоре пришла похоронка. Во время войны потерялись и следы сестры Гайнук. Шамиль всю войну провел в разведывательной роте. Воевал офицером и муж Марьям Илюк Ахмиров. В действующую армию призвали и других братьев. Узнав, что они работали шахтерами на врубмашинах, их отправили в танковые училища, но тут понадобились шахтеры для добычи особо ценных полезных ископаемых, и Хисамутдиновых вновь откомандировали в шахты. По воспоминаниям, они некоторое время работали и на урановых приисках. Только Мухтар остался в поселке – его назначили командиром отделения горноспасательной станции в Сангарах - весьма опасная работа. Однажды он чуть не погиб, став инвалидом.

В эти непростые годы семья Хисамутдиновых выдержала благодаря родителям. Тагир наставлял детей: «*Главное, нужно держаться всем вместе. В вашем единстве и есть сила! Черпайте у друг друга силы, помогайте друг другу. В совместном труде и радостях вы преодолеете все трудности*» [3]. Но годы делали свое дело. Перед самой смертью у старого Тагира начались видения и кошмары, последствие переживаний за благополучие семьи. которые мучали его всю жизнь. Успокоение наступило 21 января

1945 г. в Сангарах. В свидетельстве о смерти написано, что ему было 95 лет и он умер «от старости» [3, справку выдали только 30 июля 1945].

После смерти отца пути Хисамутдиновых-младших стали расходиться. Анвар отправился из Сангар в Тикси, где работал грузчиком в порту, а затем по предложению друга перебрался в бухту Угольную на Чукотке. Маги поехала с сыном, согласившись бросить Сангары. Анвар устроился на работу 6 сентября 1946 г., а 2 декабря 1946 г. к нему присоединился Мухтар, приехавший из Сангар и устроившийся бутчиком в шахте, где Анвар сначала был бурильщиком, а затем бригадиром проходчиков и навалоотбойщиков. Братья работали отлично и получили свои первые правительственные награды за стахановский труд [3].

Возвращение в Красноярский край, Каяк / Котуй (1949/1950 – 1954). После смерти Магиджамал в 1949 г. в Угольной, Хисамутдиновы-младшие распрощались с Угольной. Здесь подвернулся шанс встретиться с братьями, сестрами и их семьями. На севере Красноярского края: в заполярной Хатанге открывалась угольная шахта Котуй, где и собралась почти вся семья Хисамутдиновых. Профессиональные шахтеры были встречены «на ура». В отличие от работавших здесь бывших заключенных, не имевших квалификации, они не только отлично знали проходческое дело и оборудование, но и, что немаловажно, умели обеспечивать безопасность добычи угля. За высокие показатели в социалистическом соревновании и добросовестное отношение к работе братья были награждены знаками «Почетный полярник». Имели награды и их сестры [3].

Условия же жизни были одинаковыми для всех – лагерные. Все жили в бараках или палатках, где семьи отделялись друг от друга лишь занавесками-простынями. Живя вместе с бывшими зэками, Хисамутдиновы проявляли к ним сострадание. Разумеется, в те времена на крайнем севере и в стране Гулага ценой жизни была копейка, но дети Тагира и Магиджамал прошли суровую школу. В забое шахты было не страшнее, чем в дикой тайге или тундре. В этот период братья и сестры как никогда сблизились друг с другом. Свободное время они всегда проводили вместе. Имели Хисамутдиновы немало друзей и среди ненцев.

Как советские специалисты в Монголию (1954 – 1955). Прожив в Арктике около трёх лет, все засобирались домой. Одной из причин стало то, что подрастающее поколение нуждалось в полноценном питании, чего в Арктике не было. Перед смертью отец сказал: «Не забывайте Минусинск!», и вначале Хисамутдиновы отправились туда. Заехали и в родительский дом в Минусинске. Примечательно, что еще в 1926 г. дом числился за «наследниками Хисамутдинова» и в 1928 г. был куплен Минусинским товариществом «Коопстрой». Обошли все комнаты, вспоминая счастливые детские годы, но в родных местах не задержались надолго.

В это время распространилась новость, что Советский Союз решил оказать помощь братской Монголии в добыче угля. В 1954 г. акционерное общество «Совмонголметалл» стало привлекать советских специалистов для работы в шахте Налайх, и Анвар предложил братьям завербоваться туда: вот тут-то и пригодились их шахтерские навыки: братья Хисамутдиновы отправились в Монголию строить современную угольную шахту,

Работа была тяжелой, а климат нездоровым. Одна из невесток заболела воспалением легких, перешедшим в туберкулез. Нужно было срочно возвращаться. Как всегда, это сделали сообща: 31 мая 1955 г. Хисамутдиновы уехали из Монголии в связи с «окончанием срока загранкомандировки» [3].

После напряженной и многолетней работы в суровых условиях Крайнего севера братья и сестры Хисамутдиновы один за другим вышли на пенсию и решили осесть во Фрунзе (ныне Бишкек, Кыргызстан). По пути они вновь заехали в Минусинск и уже

своих детей познакомили с родным домом. Как они считали, историческая память Минусинска позволила им добиться успеха в жизни.

Заключение

Современные исследования подчеркивают, что формирование любой личности начинается с первых дней жизни. Дети Тагира и Магиджамал Хисамутдиновых, родившись и проведя детство в селе Восточном и Минусинске, в крепкой трудолюбивой семье, от родителей унаследовали твердость характера и умение справляться с невзгодами. Суровая сибирская реальность закалила их. В дальнейшем память о прошлом помогла им достойно прожить жизнь, а их детям, воспитанным на истории семьи, достичь успехов.

БЛАГОДАРНОСТИ Авторы выражают благодарность директору Музея им. Н.М. Мартьянова (Минусинск) Светлане Анатольевной Борисовой и заведующей библиотекой музея Елене Юрьевне Сидориной.

Список литературы

1. Ивина М. Сангар-Хая // Советская Арктика. 1940. № 6 (июнь). С. 70 – 73, портрет Т. Хисамутдинова.
2. Минусинск. Обороны 10, 18, 41, 43а, 53а, 59а. URL: http://woodenrussia.ru/minusinsk-oborony-18/ (дата доступа: 24.05.2023).
3. Собрание авторов. Семейный архив Хисамутдиновых.

Приложение: Семейное фото Хисамутдиновых. Минусинск, 1917 г.

1-й ряд. Неизвестный (работник); 2-й ряд. Тагир. Мухтар, Хаким (с гармонью);
3-й ряд. Майрам, Юсуп, Магиджамал, 2 работников;
4-й ряд. Сарби, неизвестная женщина и ребенок, работник.

УДК 908

«К вопросу об основателе метеорологической станции в Енисейске. Материалы к исследованию»

Челпанова Ольга Александровна
Енисейский музей–заповедник, научный сотрудник
Енисейск, Россия
Frgtt10@yandex.ru

Мюнх Сергей Геннадьевич
Красноярское краевое отделение Русского географического общества, представитель
Леверкузен, Германия
muench.sergej@gmail.com

АННОТАЦИЯ Статья посвящена постановке и раскрытию вопроса о времени основания и основателе первой метеорологической станции в г. Енисейске, рассматривается вклад в дело основания первой метеостанции и начала систематических метеонаблюдений на территории г. Енисейска ссыльного учёного М. О. Маркса и потомственного золотопромышленника В. И. Базилевского на материале архивных документов из Библиотеки Императорского Русского географического общества, Енисейского–музея заповедника.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Метеорологическая станция, метеонаблюдения, Императорское русское географическое общество, ИРГО, В. И. Базилевский, М. О. Маркс, г. Енисейск.

История метеорологических наблюдений в Сибири богата и продолжительна. Исследование метеорологических явлений на территории Сибири имело широкое практическое значение в рамках освоения региона, формирования климатической и географической карты и, в целом, для дальнейшего развития географической и метеорологической наук на территории Российской империи.

Основание Сибирского отделения Императорского Русского Географического Общества [прим. далее – ИРГО] состоялось 6 июня 1851 г. с момента принятия Положения о Сибирском отделе Императорского русского географического общества по инициативе вице–председателя ИРГО М. Н. Муравьева, были открыты два первых филиальных отдела ИРГО: в Иркутске и в Тифлисе [11].

Именно в Императорское русское географическое общество присылались метеорологические отчеты подведомственных тому или иному отделу станций.

По имеющимся в исторических источниках данным, регулярная метеостанция в Енисейске была основана Максимилианом Осиповичем Марксом в 1871 году [4, с. 13]. Действует она с тех лет непрерывно до сегодняшнего дня.

А. И. Кытманов в «Краткой летописи Енисейского и Туруханского края» на с. 588 упоминает: «Распорядитель музея Маркс в первый же год [год основания Енисейского музея, 1883 – прим.] оставил музей и вообще Енисейск… Он, к сожалению, должен был прекратить и ведение метеорологической станции в Енисейске, которой посвятил 13 лет упорного труда». Упоминание относится к 1884 году, следовательно, начало регулярных метеонаблюдений относится к 1871 году [4, с. 588], [5, с. 23].

Во многих источниках Максимилиан Осипович упоминается именно как основатель метеостанции в Енисейске [4, с. 13], [5, с. 23].

Максимилиан Осипович Маркс – политический ссыльный, родившийся в Витебске. В 1860–е годы занимался подпольной революционной деятельностью в Польском комитете. годы В 1866 году он стал одним из обвиняемых по делу Дмитрия Каракозова, совершившего покушение на Александра II. Вместе с главой Польского

комитета Павлом Маевским и Болеславом Шостаковичем он был лишен права собственности и приговорен к ссылке в Сибирь [6, с. 237–238].

В ссылку изначально прибыл в Кежму, затем в Енисейск, где М. О. Маркс создал автобиографию «Записки старика», в которой раздел посвящен его пребыванию и деятельности в Енисейске. Здесь Максимилиан Осипович работал учителем, а также посвящал свое время науке – занимался ботаникой и метеорологическими наблюдениями. Впоследствии под его авторством вышел труд «Климат Енисейска по десятилетним наблюдениям» [1].

Прибыл Маркс в Енисейск 15 декабря 1868 года, где уже находилась его семья, супруга и дочь: «15–го числа ночью въехал я в Енисейск, цель моей поездки» [5, с. 178]. Повествование «Записок» затрагивает период с 1869 по 1888 гг. Однако, в автобиографическом источнике не содержится упоминания о таком важном событии, которое приписывается Максимилиану Осиповичу, как основание метеорологической станции, предположительно, в 1869 году.

Максимилиан Осипович в «Записках» упоминает лишь о начале им метеорологических наблюдений в Енисейске: «С 1 мая по новому стилю (т.е. 19 апреля) 1871 г. я начал постоянные метеорологические наблюдения, запасшись нужными для того инструментами, отчасти из магазина Рихтера в Петербурге, отчасти же и устроенными на месте, хотя с большими затруднениями, и после неоднократных неудач, пока Главная физическая обсерватория в 1875 г. не выслала мне полной серии необходимых для того приборов. Можно ли было предвидеть, что метеорологическая станция заденет чью–нибудь личность, и возбудит борьбу чуть не на ножах? А между тем так вышло впоследствии» [5, с. 269]. Далее тема метеостанции в тексте прерывается.

Невозможно утверждать в точности, какую личность таким образом упоминает в своей книге М. О. Маркс, кого мог задеть вопрос основания метеостанции? Мы же предполагаем, что родоначальником метеорологических наблюдений в Енисейске является В. И. Базилевский. Согласно документам, именно он начал систематические метеонаблюдения на территории Енисейска и Енисейского района, и проводил их вплоть до 1872 года.

Действительно, Максимилиан Осипович после прибытия в Енисейск из Кежмы развернул метеонаблюдения на территории Енисейска. Однако первые рукописи, которые были присланы им в Восточно–Сибирское отделение ИРГО в Иркутск, относятся к периоду с 04.04.1872 по 27.04.1872 и были опубликованы в Известиях Императорского Русского географического общества. Всего за 1872 год поступило четыре рукописи с описанием метеорологических наблюдений за период с апреля по сентябрь 1872 года [3, с. 185, 294, 310, 331].

В отличие от вышесказанного, первое подтверждённое поступление результатов метеорологических наблюдений по г. Енисейску от В. И. Базилевского можно с уверенностью датировать тремя годами ранее, то есть 1869 годом. Так, согласно изданию «Отчёт о действиях Сибирского отдела Императорского Русского географического общества за 1869 год», на стр. 97 есть сообщение о поступлении в Сибирский отдел ИРГО в 1869 году от действительного члена В. И. Базилевского рукописи: «Журнал метеорологических наблюдений, произведённых в г. Енисейске». С точностью можно утверждать, что сделаны эти наблюдения не позднее 1869 года и данный журнал, согласно данным отчёта, был включен в библиотеку Отдела ИРГО [8, с. 97].

Неизвестно, где хранится на данный момент данный журнал, и существует ли он до сих пор, так как в 1879 году в Иркутске случился крупный пожар, поэтому многое из архива Сибирского Отдела ИРГО было утрачено. Возможно, присланные В. И.

Базилевским рукописи с точными датировками хранятся в архивах РГО в Санкт–Петербурге и Главной физической обсерватории.

Согласно более раннему отчёту Сибирского Отдела ИРГО за 1868 год, где приведён список действующих его членов, на с. 81 мы встречаем имя В. И. Базилевского. Датой избрания в действительные члены указано 21 Декабря 1864 год. Вполне возможно, что и ранее подтвержденного документально 1869 года Виктор Иванович присылал подобные сведения в Общество [7, с. 81].

При ИРГО на то время действовала Метеорологическая комиссия. В выдержках из Журналов заседаний комиссий, опубликованных в Известиях ИРГО, от 12 Октября 1871, 2 Декабря 1871, 14 Марта 1872 годов содержатся дополнительные подтверждения получения метеорологических сведений от В. И. Базилевского: «Доложены: метеорологические наблюдения г. Базилевского в г. Енисейске, с октября 1871 г. по январь 1872 г. Определено: передать в Главную Физическую обсерваторию» [2, с. 351], [3, с. 115, 117].

В том же 1871 году от В. И. Базилевского в Отдел поступили «Три таблицы метеорологических наблюдений, произведенных в Енисейской губернии в июне, июле, августе и сентябре 1871 г.». По всей видимости, наблюдения проводились и за пределами города. Вполне возможно, что наблюдения производились и на золотодобывающих приисках, принадлежащих В. И. Базилевскому [2, с. 364].

Доказательством проведения метеорологических наблюдений лично В. И. Базилевским является заметка, опубликованная в Известиях ИРГО от 1872 г. на с. 112, в которой говорится: «Господин Базилевский из Енисейска в своих примечаниях к метеорологическим наблюдениям, высылаемым им в Императорское Русское Географическое общество, сообщает, что в Енисейске 31 Декабря с. с. термометр опустился до небывало низкой температуры – 46,9 по Реомюру (58,6 по Цельсию, спиртовый термометр)» [3, с. 112].

Отсюда следует, что наблюдения и их отсылка В. И. Базилевским производилась в конце 1871 – начале 1872 гг. К тому же, как увидим далее, данная заметка подтверждает факт фиксации небывало низкой температуры в Декабре 1871 – Январе 1872 гг. именно В. И. Базилевским, а не М. О. Марксом, что было приписано ему в отзыве о его работе М. А. Рыкачевым. В отзыве утверждается, что М. О. Маркс получил точное наблюдение одной из самых низких наблюдаемых температур на земном шаре при помощи спиртового термометра [10, с. 27–28].

Однако, судя по тому, что рассмотрены на Метеорологической комиссии ИРГО от 14.03.1872 г. и переданы в Главную Физическую Обсерваторию за период с октября 1871 г. по январь 1872 г. были наблюдения именно В. И. Базилевского, можно утверждать, что наблюдение это было сделано именно им [3, с. 117].

И М. О. Маркс, и В. И. Базилевский за деятельность в области метеорологии были награждены медалями ИРГО. Здесь стоит проанализировать даты награждения и формулировки, с которыми медали были присуждены. В. И. Базилевский награждён Малой серебряной медалью в 1872 году «за устройство полной метеорологический станции в г. Енисейске и постоянно правильную присылку в Общество наблюдений» [9, с. 67.]. М. О. Маркс был награждён позже, в 1877, уже Малой золотой медалью, «за десятилетние метеорологические наблюдения» [10, с. 108].

М. О. Маркс в «Климате Енисейска по 12–летним наблюдениям» неоднократно упоминает представителей местной енисейской интеллигенции и купечества как помощников в деле метеонаблюдений. Например, неоднократно упоминается В. И. Базилевский, в доме С. В. Вострotина располагался наблюдательный метеорологический пункт, а А. С. Калашников передал Марксу записи своего отца, которые позволили составить таблицу вскрытия и замерзания Енисея за 58 лет. «На крыше двухэтажного амбара в саду В. И. Базилевского» располагался один из

флюгеров, а в саду Виктора Ивановича, в 1871 году, были установлены солнечные часы, которые позже были перенесены на городскую площадь, «где однако же они вскоре пропали» [6, с. 36]. Возможно ли, что это и многое другое оборудование изначально принадлежало именно В. И. Базилевскому, а не было изготовлено вручную М. О. Марксом, и впоследствии перешло в пользование енисейской метеостанции – остается дискусионным вопросом.

Любопытно в этой связи упомянуть, как в «Краткой летописи…» А. И. Кытманов характеризует взаимоотношения В. И. Базилевского с ссыльными поляками: «На приисках Базилевского было … много поляков, ссыльных 1863 г., последнее обстоятельство часто вызывало пререкания владельца приисков и приисковых управлений с администрацией. … так, например, они занимали обязанность управляющего прииском, что правилами запрещалось...» [4, с. 465]. Возможно ли, что благосклонность с к ссыльным полякам могла сыграть роль в деле передачи ведения метеонаблюдений в Енисейске в руки М. О. Маркса после 1871 года? На этот и другие вопросы касательно затронутой проблемы предстоит ответить, чтобы установить истину в исторической перспективе.

В заключение, согласно рассмотренным источникам, можно сделать вывод о том, что родоначальником метеорологических наблюдений в Енисейске и официального их документирования, является В. И. Базилевский, и датой начала метеонаблюдений в Енисейске можно считать период, по крайней мере, с 1869 года. Вплоть до 1872 года Виктор Иванович присылал в ИРГО данные о метеонаблюдениях, сделанных в г. Енисейске, которые позже отсылались в Главную физическую обсерваторию, публиковавшие данные в своих изданиях. После 1872 года активная деятельность по отсылке метеонаблюдений уже наблюдается от М. О. Маркса. С чем связано прекращение работы в этом направлении В. И. Базилевского, предстоит выяснить в ходе дальнейших изысканий в рамках данного вопроса.

Список литературы

1. ЕКМ КП 14987. Маркс М. О. Климат Енисейска по 12–летним наблюдениям 1871–1883 гг. Новосибирск: Историческое наследие Сибири.
2. Известия Императорского Русского Географического общества. Т. 7. СПб, 1871 г.
3. Известия Императорского Русского Географического общества. Т. 8. Вып. 1–9. СПб., 1872.
4. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии 1594 – 1893 гг. Красноярск: СФУ, 2016. 888 с.
5. Маркс М. О. Записки старика. Алтелейя, 2021. 306 с.
6. Маркс М. О. Климат Енисейска по двенадцатилетним наблюдениям, 1873–1883. СПб: Записки Академии Наук, 1887. Т. 55.
7. Отчёт о действиях Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1868 г. СПб., 1869.
8. Отчёт о действиях Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества за 1869 г. Сост. Правителем дел Отдела А. Ф. Усольцевым. СПб., 1870.
9. Отчет Императорского Русского Географического общества за 1872 год. СПб., 1873.
10. Отчет Императорского Русского Географического общества за 1877 год. СПб, 1878.
11. Сибирское отделение императорского русского географического общества // URL: https://topogis.ru/sibirskoye-otdeleniye-imperatorskogo-russkogo-geograficheskogo-obshchestva.php (дата обращения: 29.06.2023)

УДК 75 (571.51)

Суриковская коллекция Красноярского краевого краеведческого музея: история, состав, перспективы исследования

Черкасов Иван Алексеевич
заместитель директора по науке.
Красноярский краевой краеведческий музей.
Красноярск, Россия.
cherkasov-kkkm@yandex.ru

АННОТАЦИЯ Статья рассказывает о формировании коллекции В. И. Сурикова в Красноярском краевом краеведческом музее. Первое произведение Сурикова поступило в музей в год его основания. К середине XX века была собрана уникальная по значимости коллекция, которая была распределена между тремя музеями Красноярска. Но и сегодня Красноярский краевой краеведческий музей хранит предметы, имеющие краеугольное значение для исследователей жизни В. И. Сурикова.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА В. И. Суриков, Красноярский краевой краеведческий музей, А. И. Суриков, коллекция, выставки, письма.

Наследие великого русского художника Василия Ивановича Сурикова рассредоточено по всей России, но главными центрами его хранения являются три города и пять музеев. Государственная Третьяковская галерея в Москве и Государственный Русский музей в Санкт-Петербурге хранят более 500 произведений В. И. Сурикова, среди которых его главные картины «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Берёзове», «Боярыня Морозова», «Посещение царевной женского монастыря» (все – ГТГ), «Взятие снежного городка», «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы в 1799 году», «Степан Разин» (все – ГРМ).

Родной город художника – Красноярск – собрал третью по значимости Суриковскую коллекцию. Музей-усадьба В. И. Сурикова, Красноярский художественный музей имени В. И. Сурикова (КХМ) и Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ) хранят много произведений художника, а также документов и личных вещей Василия Ивановича и членов его семьи.

Коллекция Красноярского краевого краеведческого музея исторически и на сегодняшнем этапе является фундаментальной для изучения биографии художника. На ней основаны все исследования жизни Сурикова, хотя не все исследователи ссылались на неё.

История нашего музея началась в 1889 году, когда он был основан как Красноярский городской музей. И тогда же началось формирование его Суриковской коллекции. Основатели музея Иннокентий Алексеевич и Юлия Петровна Матвеевы передали новому музею картину Сурикова «Милосердный самарянин», написанную им во время обучения в Академии художеств. Обучение это стало возможным благодаря меценатской помощи Петра Ивановича Кузнецова, которому Суриков несколько лет спустя и подарил свою первую такую большую картину. А дочь П. И. Кузнецова Ю. П. Матвеева передала её в Красноярский городской музей [5, с. 13].

Суриков знал об этом и заходил в музей проведать свою картину [4, с. 284], знал он и о работе красноярского художника-самоучки А. Г. Попова над копированием «Милосердного самарянина». Осмотрев копию, художник одобрил её. Эта копия затем тоже поступила в фонды Красноярского музея.

В музее многие годы работала Мария Васильевна Красножёнова – краевед, этнограф, фольклорист и преподавательница женской гимназии, в которой дочери художника учились в течение года, когда Суриковы жили в Красноярске в 1889 – 1890 гг. Мария Васильевна стала первым в Красноярске специалистом по Сурикову, записала ряд воспоминаний красноярцев о художнике, в 1937 г. совместно с А. Н. Туруновым выпустила книгу «В. И. Суриков». В начале 1916 г. она подготовила в рамках выставки «Старый Красноярск» из картин художника, предоставленных красноярцами, «Уголок Сурикова» [6, с. 170].

Большинство произведений давал на эту выставку брат художника Александр Иванович Суриков, который всю жизнь прожил в Красноярске, в родовом доме Суриковых. Когда художник умер 6 марта 1916 года, Александр Иванович передал в Красноярский музей ряд его произведений и личных вещей. Некоторые произведения и посмертную маску, снятую с Сурикова его зятем Петром Кончаловским, передавала через дядю в музей старшая дочь Сурикова Ольга Кончаловская, жившая в Москве [11, с. 146].

В 1920 г. А. И. Суриков составил завещание, по которому давал музею право принять в фонды всё из его имущества, что покажется необходимым для сохранения памяти о художнике. В 1930 г. Александр Иванович умер, дом Суриковых находился в ведении музея, оставаясь жилым, а мемориальные вещи были перевезены в фондохранилища музея [11, с. 16]. Так сформировалась большая Суриковская коллекция, главную ценность которой составляли:

- более 60 подлинных работ В.И. Сурикова;
- более 140 писем художника матери и брату;
- вещи из дома Суриковых.

В 1930-е годы музей тесно сотрудничал с Государственной Третьяковской галереей. Для ГТГ были сфотографированы письма Сурикова, которые впоследствии издавались Третьяковкой по этим фотокопиям в 1948 и 1977 гг. В издании 1948 г. было указано, что письма из фондов Красноярского музея издаются по фотокопиям, полученным от музея [2, с. 9]. Издание 1977 года вышло без указания этой информации, со ссылкой только на фотокопии из фондов ГТГ [8, с. 18–19].

В 1937 г. в ГТГ состоялась самая масштабная выставка творчества В. И. Сурикова. На выставку работы Сурикова из своих коллекций предоставили многие музеи. Красноярский музей отправил все свои 64 работы, которые вернулись в Красноярск только в 1939 г. со значительной задержкой и музейным скандалом, т.к. после закрытия выставки в Москве часть работ отправили в Ленинград и Киев, о чём музей узнал только постфактум [10, с. 45–47].

В 1948–1959 гг. произошёл раздел Суриковской коллекции КККМ. С созданием в родном доме художника Мемориального Дома-музея В. И. Сурикова туда в 1948–1949 гг. были переданы почти все мемориальные вещи и часть работ Сурикова. С созданием Красноярской художественной галереи большая часть суриковских работ, включая «Милосердного самарянина», в 1957–1959 гг. была передана из КККМ в галерею (ныне – КХМ) [5, с. 21].

В Красноярском краевом краеведческом музее остались 17 работ В. И. Сурикова (среди них «Автопортрет» 1889 г., «Портрет Прасковьи Фёдоровны Суриковой, матери художника» 1894 г., «Дом Суриковых в Красноярске» 1890 г., этюды к «Покорению Сибири Ермаком»), 142 письма В. И. Сурикова, два образца рукоделия П. Ф. Суриковой (включая расшитый бисером пояс художника), шесть икон из семьи Суриковых, предметы мебели из суриковского дома (сундук, два стула и три кресла), две посмертные маски, значительная коллекция семейных документов, фотографий и негативов.

К Суриковской коллекции относятся также книги о Сурикове разных лет, печатная и сувенирная продукция с изображением художника или его картин (открытки, афиши, экслибрисы и др.), а также портреты В.И. Сурикова, выполненые в технике живописи, графики и скульптуры.

Суриковская коллекция всегда максимально экспонировалась в музее. С 2001 г. в постоянной экспозиции музея работает зал «Учитель и ученик», который посвящён В. И. Сурикову и его другу архитектору Л. А. Чернышёву, строителю здания КККМ. В зале представлены живопись, графика, фотографии и документы художника, семейные иконы, стулья из суриковского дома, книги о Сурикове, его скульптурный портрет работы Г. Д. Лаврова и копия «Милосердного самарянина», выполненная в 1899 г. А. Г. Поповым. В 2000–2020 гг. музей отреставрировал ряд предметов из Суриковской коллекции, включая пять икон, сундук прадеда художника и три кресла. В 2023 г. планируется реставрация ещё двух мемориальных предметов.

Несмотря на разделение в 1948–1958 гг. большой Суриковской коллекции между тремя музеями, её единство отчасти сохраняется. Все три музея тесно сотрудничают в деле изучения и популяризации Суриковского наследия. Почти ежегодно в Красноярске проводятся выставки творчества Сурикова на базе КХМ, куда все три музея предоставляют предметы из своих фондов. В 2002 г. был издан общий каталог красноярских музеев [3]. В 2022 г. вышел новый каталог со значительными исправлениями и дополнениями [1].

В 2015 г. научным сотрудником КХМ Т. А. Резвых и хранителем письменных источников КККМ Н. А. Макаровой были опубликованы в сборнике «Суриковских чтений» девять ранее не изданных писем Сурикова из фондов КККМ [7]. В 2019 г. заместителем директора музея И. В. Куклинским в фондах КККМ был выявлен рисунок Сурикова, долгие годы ошибочно атрибутированный как работа Д. И. Каратанова [6, с. 173].

К 175-летию Василия Ивановича музей открыл в зале с Суриковской экспозицией выставку одного экспоната «Зимний портрет Сурикова», где впервые показал написанный на рубеже XX – XXI веков большой портрет В. И. Сурикова работы красноярской художницы Е. Н. Никитиной-Касименко.

Кроме того, музей принял участие в большом выставочном проекте «Суриков», который состоялся в Красноярске в рамках национального проекта «Культура»: в Музейный центр «Площадь Мира» были привезены «Покорение Сибири Ермаком», «Взятие снежного городка», «Посещение царевной женского монастыря» и ряд других произведений из фондов Государственного Русского музея, Государственной Третьяковской галереи и красноярских музеев. Красноярский краевой краеведческий музей предоставил дял экспонирования этюды к «Покорению Сибири Ермаком», цифровые изображения фотографий Суриковых и этнографические предметы.

Музей подготовил на своём сайте виртуальную выставку «Суриков – наше всё», где представил цифровые изображения большинства предметов своей Суриковской коллекции в соответствии со структурой, приведённой выше. В ходе работы над виртуальной выставкой автором статьи были заново просмотрены письма художника из фондов музея и обнаружены многочисленные несоответствия издания 1977 г. подлинникам. Поэтому сейчас музей работает над изданием семейной переписки В. И. Сурикова, куда войдут тексты всех писем художника из фондов музея, адресованные его матери и брату. Для нового издания тексты писем сверяются с подлинниками, устраняются многочисленные ошибки и купюры, сделанные в изданиях 1948 и 1977 гг., а также впервые публикуются тексты приписок дочерей В.И. Сурикова, которые порой составляют две трети письма в Красноярск, но прежде никогда не публиковались.

В новое издание помимо 142 писем В.И. Сурикова (а это большая и наиболее содержательная часть всей известной переписки художника) войдут также ранее неопубликованные письма зятя художника С.В. Виноградова к Суриковым, а также переписка дочерей и внуков художника и зятя П.П. Кончаловского с А.И. Суриковым и красноярскими музейными работниками.

Сегодня Суриковская коллекция Красноярского краевого краеведческого музея – особо ценная и интересная часть хранимого музея наследия, которое активно изучается и экспонируется в постоянной экспозиции, на временных выставках и с помощью онлайн-проектов. Музейные сотрудники активно читают публичные лекции, участвуют в научных конференциях и дискуссиях, постепенно публикуют коллекцию музея. Работы предстоит ещё много, потому что Суриковское наследие и в наши дни нуждается в глубоком и внимательном изучении и осмыслении

Список литературы

1. В. И. Суриков. Красноярская коллекция: альбом-каталог / сост. Е. В. Болонкина, авторы статей И. В. Куклинский, И. А. Черкасов, Е. Ю. Безызвестных, Т. А. Резвых. – Красноярск, 2022. – 192 с.
2. В. И. Суриков. Письма 1868 – 1916 / сост. М. Н. Григорьева, А. Н. Щекотова, А. Н. Турунов. – М.-Л.: Искусство, 1948. – 228 с.
3. Василий Иванович Суриков. Коллекция красноярских музеев / сост. А. А. Абисова, Е. Ю. Безызвестных. – Красноярск, 2002. – 224 с.
4. Комарова Т. С. Из эпистолярного наследия А. Я. Тугаринова // Век подвижничества / отв. ред. В. И. Парамонова. – Красноярск, 1989. – С. 281–284.
5. Куклинский И. В., Черкасов И. А. К истории музеефикации и экспонирования красноярской коллекции работ В. И. Сурикова // В. И. Суриков. Красноярская коллекция: альбом-каталог / сост. Е. В. Болонкина. – Красноярск, 2022. – С. 13–21.
6. Куклинский И. В. Основные этапы изучения наследия В. И. Сурикова в Красноярском краевом краеведческом музее // Век подвижничества – 4: сборник научных статей / отв. ред. И. А. Черкасов. – Красноярск: 2022. – С. 170–173.
7. Резвых Т. А., Макарова Н. А. Неопубликованные письма В.И. Сурикова // Суриковские чтения. Научно-практическая конференция. 2013. – Красноярск, 2015. – С. 3–16.
8. Суриков В. И. Письма. Воспоминания о художнике / вступ. статьи Н. А. Радзимовской, С. Н. Гольдштейн, сост. и комм. Н. А. и З. А. Радзимовских, С. Н. Гольдштейн. – Л.: Искусство, 1977. – 384 с.
9. Черкасов И.А. А. И. Суриков – делопроизводитель и архивариус, хранитель памяти о суриковском роде // Отечественные архивы. – 2013. –№5. – С. 10–17.
10. Черкасов И. А. Долгая дорога домой, или Всесоюзный суриковский скандал // Век подвижничества – 3: сборник научных статей / отв. ред. И. А. Черкасов. – Красноярск, 2018. – С. 44 – 48.
11. Черкасов И. А. У истоков суриковских коллекций красноярских музеев: Александр Суриков // Век подвижничества – 3: сборник научных статей / отв. ред. И. А. Черкасов. – Красноярск, 2018. – С. 140 – 150.

РОЛЬ БИБЛИОТЕК В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ СИБИРИ

УДК 908

«Утерянные, но не забытые»: возрождение памяти об утраченных святынях Красноярска

Архипова Ольга Сергеевна
библиотекарь.
Муниципальное бюджетное учреждение культуры Центральная городская библиотека им. М. Горького.
Железногорск, Красноярский край, Россия.
Olja_200808@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья затрагивает проблему бережного отношения к вере своих предков и уважения к памятникам старины. Автор делает акцент на истории храмов города Красноярска, которые являлись святынями города, хранившими его в минуты опасности и определявшими индивидуальность архитектурного облика. В XX веке эти святыни подверглись серьезным испытаниям, в результате которых многие из них были уничтожены.
Основное внимание в работе сосредоточено на проекте «Утерянные, но не забытые», реализованном Центральной городской библиотекой им. М. Горького ЗАТО г. Железногорск. Главной целью проекта стало возрождение исторической памяти об утраченных святынях Красноярска, а именно Богородице-Рождественском кафедральном соборе, Всехсвятском кладбищенском храме, Воскресенском соборе, Спасской железнодорожной церкви и церкви Александра Невского.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Храм, собор, церковь, вера, памятники старины, святые места, г. Красноярск.

Особая роль в истории России, в становлении и развитии её духовности и культуры принадлежит православию. Православная история Красноярского края неотделима от истории страны и её изучение важно в духовном воспитании современной молодежи.

В настоящее время православный храм – это место, где можно поставить свечу перед иконами, помолиться, покреститься. Но, если углубиться в историю, то мы увидим, что раньше вокруг церквей и храмов базировалась вся общественная жизнь. Неудивительно, что советская власть, целью которой было изменить общество, постаралась не просто закрыть, а именно уничтожить как можно больше святых мест. Протоколы изъятия церковных ценностей запечатлели удручающую картину планомерного разрушения всех духовно-нравственных основ, веками бывших для сибиряков незыблемыми.

Вспомним пять полностью утраченных каменных православных храмов города Красноярска.

Начнем с **Богородице – Рождественского кафедрального собора**, построенного в честь цесаревича Николая Александровича по проекту крупнейшего русского архитектора Константина Андреевича Тона. Этот православный храм был самым крупным в Сибири и дореволюционном Красноярске. Высокое, сложенное из кирпича здание собора возвышалось в центре Новособорной площади (в настоящее время площадь Революции). Храм пятиглавый, купола и кресты его, а также колокольни были вызолочены. Полы в церкви были мраморными, темного цвета, с такими же ступеньками к амвонам, имелось много дорогой утвари [3, с. 217].

В 1921 году состоялся митинг, на котором Новособорную площадь переименовали в площадь Революции и дальнейшая судьба собора была предрешена. Если другие храмы могли «спастись», став складами, клубами или домами культуры, то кафедральный собор нужно было стереть с лица земли любой ценой. Богородице - Рождественский кафедральный собор был взорван 12 июля 1936 года. На уцелевшем

фундаменте возвели здание Дома Советов, в настоящее время в нем размещается Администрация Красноярского края [6].

Говоря об утраченных храмах, нельзя обойти стороной **Всехсвятский кладбищенский храм**, который был построен при одноименном кладбище в 1816 году енисейскими и красноярскими ремесленниками. До постройки Богородице – Рождественского собора храм был главной архитектурной доминантой территории, прилегающей к Новособорной площади.

Интересно, что именно Всехсвятский храм обладал самым большим приходом в Красноярске: на начало XX века к нему было приписано пять тысяч красноярцев. Поэтому неудивительно, что судьбы очень многих жителей столицы Енисейской губернии были так или иначе связаны с этой церковью. Например, именно здесь крестился художник Василий Суриков.

В приходе было две церковно-приходских школы, богадельня для престарелых и библиотека.

Всехсвятская церковь была уничтожена в 30-е годы одной из первых в Красноярске. После сноса на месте церкви с 40-х годов начали строить завод «Квант». Сейчас на освободившихся площадях возник одноименный торговый центр [2, с.180].

Воскресенский собор стал первым каменным зданием в Красноярске, построенном в основном на средства прихожан. Он был заложен в 1759 году и закончен в 1773. Большую ценность Воскресенского собора представляли иконостасы с наличием икон 18 века и даже более древних.

При Воскресенском соборе находилось небольшое кладбище, где были захоронены самые уважаемые люди города. В этой же ограде был гранитный мавзолей на могиле камергера, известного путешественника России Николая Резанова, умершего в Красноярске на пути из Америки в Россию. Эти и многие другие могилы были утрачены вместе с самой церковью: ее советские власти Красноярска закрыли для верующих в конце 30-х годов.

Простоял собор 185 лет и был разрушен. В 1983 году на месте разрушенного собора было построено здание филармонии [3, с. 212].

Спасская железнодорожная церковь появилась благодаря решению городских властей строить церковь для рабочих и служащих железной дороги рядом с вокзалом станции Красноярск. Величественное здание Спасской церкви, возведенное из красного кирпича, поражало своим великолепием. На декоративных деталях храма присутствовала побелка. Церковь была трехпридельная и двупристольная. В послереволюционное время ее приспособили под клуб железнодорожников, сняв купола с крестами.

Спасская железнодорожная церковь прекратила свое существование в 1928 году. Из оставшегося от нее материала была построена столовая для рабочих КрасТПО. Сейчас трудно определить точное место, на котором стояла церковь. В плане города Красноярска от 1914 года местоположение Спасской железнодорожной церкви не указано [3, с. 228].

И еще одному храму была уготована печальная судьба, а именно **Александро-Невскому гарнизонному храму**, открытому специально для военных.

Храм возвели в рекордные сроки, буквально за один год. При этом, судя по дошедшим до наших времен данным, он был отнюдь не маленьким. Церковь была деревянная, на каменном фундаменте с каменной оградой. Колокольня также деревянная. В храме имелся один престол – во имя Святого Благоверного Великого князя Александра Невского [3, с. 230].

Прихожане с первых дней заботились об украшении своей церкви. Служба в новой воинской церкви проходила по воскресным и праздничным дням. Она имела свое особое духовное правление и не подчинялась Енисейской епархии.

7 февраля 1923 года газета «Красноярский рабочий» сообщила о пожаре в военной церкви. Причины, как сообщают, неисправность печей в церкви. Но, скорее всего, это был спланированный акт: ведь в новом Советском государстве храмы для бойцов новой Рабоче-крестьянской Красной армии были уже не нужны. Сегодня на этом месте находятся корпуса красноярского медицинского университета и жилые дома [3].

Грустно осознавать тот факт, что в современном Красноярске ничто не напоминает об утерянных храмах, которые создавали тот неповторимый облик города, безвозвратно ушедший в прошлое.

Задавшись целью возродить историческую память об утраченных святынях Красноярска и благодаря победе в Международном конкурсе «Православная инициатива» фонда «Соработничество» Центральной городской библиотекой им. М. Горького города Железногорска в 2022 году был реализован проект «Утерянные, но не забытые».

Каждый этап реализации проекта стал связующей нитью между прошлым и будущим, объединяющей поколения воедино. Всего их было пять: лекторий «Красноярск православный», цикл онлайн-лекций «Утерянные, но не забытые», экскурсия, создание мозаичных картин, открытие выставки «Настоящий храм — сердце человека».

Первым этапом реализации проекта стал лекторий «Красноярск православный» для подрастающего поколения города Железногорска. В рамках лектория прошли лекции по следующим темам: "Утерянные, но не забытые. Святые места Красноярска", "Утраченный кафедральный собор Рождества пресвятой Богородицы", "Красноярская епархия: история и современность", "Жемчужина города Железногорска. Собор Михаила Архангела".

Встречи проходили на площадках библиотек Железногорска с участием представителей церкви. Дети и подростки получили целостное представление об истории Енисейской епархии, познакомились с основами православной архитектуры, узнали о первых церквях и знаменитых иконах Красноярска, а также затронули тему утерянных храмов и память о них. Дополнительную информацию каждый желающий мог подчерпнуть из книжной выставки по теме проекта.

Проведенные занятия позволили взглянуть на историю Красноярска по-новому, не через экономическое и политическое развитие, а через становление духовной жизни общества.

Продолжением лектория стал цикл онлайн-лекций «Утерянные, но не забытые». Специалистами библиотеки была проделана серьезная работа по созданию видеороликов, рассказывающих историю пяти утраченных храмов Красноярска: от возведения до уничтожения. Каждое видео было посвящено отдельной святыне и размещалось в социальных сетях в группах библиотеки и Собора Михаила Архангела города Железногорска. Всего вышло пять онлайн лекций: «Богородице-Рождественский кафедральный собор», «Всехсвятский кладбищенский храм», «Воскресенский собор», «Спасская железнодорожная церковь» и «Церковь Александра Невского». Созданные онлайн-лекции – это готовый продукт для проведения тематических занятий в образовательных, культурных и иных учреждениях.

Третьим этапом реализации проекта стала поездка в город Красноярск для самых активных участников. Они побывали на обзорной экскурсии по действующим церквям с посещением Красноярского краеведческого музея и ознакомились с экспозицией «Енисейской церковной старины». Участники своими глазами смогли увидеть места, где были расположены утраченные храмы.

Самым ярким и трудоемким этапом работы над проектом стало создание двух мозаичных картин с изображением разрушенных храмов: Воскресенского и

Кафедрального Богородице – Рождественского собора. Работали над созданием мозаичного изображения жители города под руководством профессионального художника и невероятно вдохновлённого человек – Коринны Кузнецовой, которая авторски переработала архивные фотографии и имеющуюся письменную информацию. Как в старые времена церкви строились за счет средств прихожан, так и сейчас над картинами трудились неравнодушные прихожане и горожане, жертвуя самым дорогим ресурсом современности - временем. Мозаика является традиционным украшением православных храмов, выбранная техника – это символ сплочённости маленьких элементов, которые все вместе и совместными усилиями могут сотворить, воссоздать и воскресить былое величество и утерянные реликвии. Так, для создания мозаичного изображения Воскресенского собора потребовалось 1112 кусочков.

В создании мозаик приняли участие 33 человека. Общее количество времени составило более 200 часов. В полотнах храмов как в пазле сложились души людей: одни работали со смальтой, прочным, твердым материалом, кто-то прикоснулся к ценному мрамору, а чья-то частичка души осталась зеленым изумрудом в кровле храма. Мозаика почти вечный материал, значит красота, которую сотворили участники проекта, будет долго радовать окружающих.

Заключительным этапом проекта «Утерянные, но не забытые» стало открытие выставки «Настоящий храм — сердце человека», где каждый желающий смог увидеть то, что когда-то было уничтожено.

На этом история полотен не закончилась. Важным этапом стало приглашение художника проекта Коринны Кузнецовой и Настоятеля Собора Михаила Архангела протоиерея Романа Нещерета принять участие в **XXXI Международных Рождественских образовательных чтениях в городе Москве, где они** рассказали о проекте и представили мозаичные изображения храмов.

В настоящее время полотна переданы в Центр духовной культуры «Касьяновский дом» города Красноярска.

Таким образом, хотелось бы отметить, что проект получился ярким и очень информативным. Он сплотил людей вокруг идеи сохранения памяти о храмах Красноярска, формирования уважения к историческим памятникам и святыням. Проект стал ещё одним информационным поводом для разговора о вере, православии, местном храме.

Список литературы

1. Вонаго Л.Ю. Фотограф на выезде. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2020. 238 с.
2. Малашин Г.В. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861 – 2011 гг. Красноярск: ООО «Издательский дом «Восточная Сибирь», 2011. 480 с.
3. Потапов И.Ф. Красноярск. История в фотографиях и документах. Красноярск: ОАО «Производственно-издательский комбинат «Офсет», 2007. 462 с.
4. Чагин В.В. «Минувшее проходит предо мною…»: Путешествие в 1863 год. Красноярск: ООО «Издательство Поликор», 2017. 120 с.
5. Кафедральный собор Рождества Богородицы в Красноярске // Интернет проект "История архитектуры Красноярского края" 2014. URL: https://naov.ru/objects/kafedralniyi-sobor-rozhdestva-bogorodici-v-krasnoyarske.html
6. Рычков М. Храмы, которые мы потеряли // интернет-газеты Newslab.ru 2017. URL: https://newslab.ru/article/777509 (дата обращения:28.06.2023)
7. Шумов К.Ю., Шумов Д.К. К истории проектирования и строительства ограды и часовни при соборной церкви Рождества Богородицы в Красноярске // Интернет проект "История архитектуры Красноярского края" 2014. URL: https://naov.ru/articles/70_chasovnya-i-ograda-kafedralnogo-sobora-rozhdestva-bogorodici-v-krasnoyarske.html

УДК 021.4

Из опыта краеведческой историко-просветительской деятельности Центра краеведческой информации ОГОНБ имени А. С. Пушкина (к 10-летию создания)

Адам Александр Яковлевич
Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина, заведующий отделом «Центр краеведческой информации».
Омск, Россия.
adam_alex@mail.ru kraeved.ogonb@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена 10-летнему опыту работы Центра краеведческой информации Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина. В статье рассматриваются история создания и развития Центра, основные формы и направления его работы: публичная краеведческая деятельность в библиотеке, книжно-иллюстративные выставки, презентации и круглые столы, работа с виртуальными ресурсами в сети Интернет, описание и изучение архивных коллекций библиотеки, продвижение Музея миниатюрной книги. Показано, как в процессе развития круг задач Центра неоднократно расширялся.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина, Центр краеведческой информации, краеведение, библиотечное краеведение, историческое просвещение.

Современная краеведческая информация сегодня требует освоения новых форм представления, систематизации, популяризации и осмысления краеведческого библиотечного документа, способов эффективной репрезентации и пропаганды краеведческого знания. Для достижения этих социально значимых целей в марте 2013 года в Омской государственной областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина (здесь и далее – ОГОНБ) создан комплексный отдел «Центр краеведческой информации» (здесь и далее – Центр). В задачи краеведческого центра входит объединение усилий различных краеведческих сообществ и объединений, существующих в регионе вокруг научного, общественного и библиотечного краеведения, исторического просвещения. Программа деятельности Центра призвана отражать многообразие форм и тематических направлений краеведческой деятельности, как в библиотеке, так и за её пределами. Значимой предпосылкой для создания Центра стало осознание необходимости развития и модернизации основных направлений краеведческой деятельности региональной научной библиотеки не только по формированию и библиографической росписи фонда краеведческих изданий, но и по публичной просветительской краеведческой работе.

Идея создания подобного комплексного отдела принадлежит директору ОГОНБ, кандидату исторических наук, историографу омского краеведения Александру Викторовичу Ремизову. Создание Центра, наряду с образованием Центра книжных памятников и Омского музея книги, реорганизацией всей публичной деятельности библиотеки было одним из первых начинаний, осуществлённых в библиотеке под его руководством. Директор библиотеки уделяет постоянное внимание проектам Центра, осуществляет научное руководство его исследовательской деятельностью. Для организации работы Центра краеведения, постепенного формирования его выставочных пространств и универсального фонда, апробирования форм просветительской деятельности было решено привлечь краеведческие кадры, в

первую очередь имевшие значительный опыт публичной краеведческой деятельности, в научной и музейной сфере, подкрепив его библиотекарями и библиографами. Первым руководителем Центра стал известный историк-краевед Алексей Петрович Сорокин, ныне курирующий отдел в должности заместителя директора библиотеки. С 2020 года работой Центра, состоящего из 6 человек, руководит автор статьи, начавший работу в отделе в 2014 году в должности специалиста, затем – научного сотрудника.

В течение десяти лет Центр реализует ряд проектов и программ, ведёт научно-исследовательскую краеведческую работу. Центр краеведческой информации организует доступ читателей к краеведческой информации и нацелен на объединение усилий краеведческих сообществ региона вокруг библиотечного краеведческого просвещения. Центр активно сотрудничает с учреждениями образования и культуры (ОмГПУ, ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, Омским кадетским корпусом, ОГИК музеем, ООМИИ имени М. А. Врубеля, Историческим архивом и др.) и общественными организациями (Российским фондом культуры, ВООПИиК, Омским отделением РГО, регулярно проводящими свои мероприятия на базе Центра).

Особое внимание направлено на просветительско-образовательную, выставочную и экскурсионную деятельность, с использованием музейных и образовательных технологий, что является общей тенденцией для всех общедоступных (публичных) библиотек России. Для формирования краеведческого круга чтения, популяризации знаний о крае, авторско-читательской коммуникации сотрудниками Центра используются также и традиционные формы пропаганды книжной культуры, такие как книжная презентация и книжно-иллюстративная выставка.

Одной из основных задач центров краеведения является не только обработка и предоставление краеведческой информации пользователям библиотеки, но и продвижение краеведческого знания через массовые мероприятия и экспозиционно-выставочную деятельность. Краеведческие выставки Центра краеведческой информации – это выставки, в первую очередь, тематические и группируются по нескольким направлениям: значимые события страны, повлиявшие и на развитие региона, знаменательные даты региона, известные земляки.

Выставочные проекты Центра краеведческой информации позволяют раскрывать, в том числе, неоднозначные и актуальные темы отечественной и региональной истории в формате публичной истории, такие как Революция 1917 года и Гражданская война в России 1918-1922 годов. Это стало возможным за счет того, что в фондах библиотеки имени А. С. Пушкина представлена литература и периодические издания как соответствующего времени (в фонде редкой и ценной книги), так и современная исследовательская и научно-популярная литература, раскрывающая данную тематику с разных сторон.

В 2013-2023 годах Центром реализован ряд выставочных проектов, посвящённых крупным историческим событиям в истории страны и региона. Первой среди них стала книжная выставка «Российская статистика: история и современность», посвящённая 150-летию образования Центрального статистического комитета и Международному году статистики (2013). В рамках работы Центра за 10 лет крупными экспозиционными проектами были отмечены такие знаковые исторические события как: 100-летие начала Первой мировой войны 1914-1918 годов (2014), 100-летие Революции 1917 года в России (2 экспозиции, 2017), 100-летие событий Гражданской войны 1918-1922 годов в России (4 экспозиции, 2018-2019), 70- и 75-летие Победы в Великой Отечественной войне (2015, 2020), 100-летие отечественного танкостроения (2020), 160-летие отмены крепостного права в России (2021), 100-летие основания

Центрального бюро краеведения (2021-2022), 100-летие со дня образования СССР (4 экспозиции по истории СССР и 4 по истории советской науки, 2022).

Кроме крупных и исторически значимых событий, экспозиции Центра краеведческой информации освещают события и темы, значимые, в первую очередь, для истории Омской области, как, например, 420-летие города Тара (2014), история Сибирского казачьего войска (2014, 2017, 2018, 2022), 80-летие современной Омской области (2014), 300-летие города Омска (4 экспозиции, 2016), 120-летие станции Омск Западно-Сибирской железной дороги (2016), 75-летие начала эвакуации предприятий в Омск в годы Великой Отечественной войны (2016), 140-летие Западно-Сибирского (Омского) отдела Русского географического общества (2017), 200-летие Омской области (2022), 210-летие Омского кадетского корпуса (2023) и ряд других событий.

Одним из первых в 2014 году был запущен выставочный проект «Омское краеведение: время, события, люди», посвящённый исследователям и краеведам Омского Прииртышья. Были представлены выставки о Марии Климентьевне Юрасовой (2014), Михаиле Ефимовиче Бударине (2015, 2020), Иване Фёдоровиче Петрове (2015, 2020), Андрее Фёдоровиче Палашенкове (2016), Владимире Ивановиче Селюке (2023) и других омских краеведах XX века. С 2018 года в рамках проекта работает ежегодная экспозиция «Юбилейный календарь омского краеведения», на которой представляются издания краеведов и исследователей – юбиляров текущего года. Важным информационным элементом экспозиции являются биографические справки, которые позволяют читателям знакомится с биографией известных, а иногда и незаслуженно забытых исследователей нашего региона.

В экспозиционной деятельности отдела достойное место занимают также писатели и литературоведы: Василь Быков (2014), Тимофей Максимович Белозёров (2014), Пётр Николаевич Ребрин (2015), Сергей Николаевич Поварцов (2015), Эдмунд Генрихович Шик (2015), Михаил Петрович Малиновский (2017), Александр Эрахмиэлович Лейфер (2017). В 2015 и 2019 годах были подготовлены большие книжные экспозиции, посвящённые литературной и культурной жизни Омска в период Гражданской войны и начала 1920-х годов. В 2015 и 2020 годах интерес у посетителей вызвали экспозиции, посвящённые учёному-фортификатору, Герою Советского Союза, генерал-лейтенанту Дмитрию Михайловичу Карбышеву (1880-1945).

Ежегодно в плане выставочной деятельности отдела появляются и книжно-иллюстративные выставки, посвящённые географам-исследователям: Николаю Михайловичу Пржевальскому (2014), Чокану Чингисовичу Валиханову (2015), Григорию Николаевичу Потанину (2015), Николаю Михайловичу Ядринцеву (2017, 2019), Владимиру Афанасьевичу Обручеву и Петру Кузьмичу Козлову (2018), Михаилу Васильевичу Певцову, Владимиру Клавдиевичу Арсеньеву (2022), а также юбилеям арктических экспедиций: 100-летию русских полярных экспедиций 1914 года (2014), 80-летию дрейфующей станции «Северный полюс – 1» (2017), 100-летию Карской товарообменной экспедиции 1920 года (2020), 200-летию арктических экспедиций Фердинанда Петровича Врангеля и Фёдора Петровича Литке в Сибирь (2021). В 2019-2021 годах был реализован выставочный проект «Маршрут через Омск», в рамках которого были представлены экспедиции Российской Академии наук и отдельных её членов, посещавшие Омск в XVIII – XX веках.

Отдельно стоит отметить работу Профессорского зала, являющегося структурным подразделением Центра краеведческой информации. Выставки Профессорского зала посвящены науке и видным учёным, их жизни, научной деятельности и вкладу в науку. Важным компонентом работы зала являются выставки, посвящённые омским учёным.

Традиционной формой работы научной библиотеки являются также книжные презентации. Спектр представляемых изданий весьма широк: научные монографии и сборники документов, краеведческие издания разной направленности, сборники прозы и поэзии, литературные журналы, книги воспоминаний и т.д. Проводятся также вечера памяти и творческие встречи с поэтами, прозаиками и литераторами.

Одной из первых презентаций, организованных Центром краеведческой информации совместно с Ротари-клубом «Омск», ВООПИиК и Российским фондом культуры, была книжная презентация репринтного воспроизведения книги выдающегося советского архитектора и историка архитектуры Виктора Ильича Кочедамова (1912-1971) «Омск. Как рос и строился город» (1960) (2013). В 2021 году состоялась презентация изданного в Санкт-Петербурге в рамках проекта «Сохранённая культура» 4-х томного собрания сочинений «В. И. Кочедамов. Труды по истории градостроительства с комментариями современных учёных», подготовленного с участием сотрудников библиотеки.

В рамках долгосрочного сотрудничества с Тюменским региональным общественным благотворительным фондом «Возрождение Тобольска» неоднократно презентовались его издания. Из серии выпусков альманаха «Тобольск и вся Сибирь» – «Сибирское казачье войско» (2013), «Тара» (2014), «Омск – 300 лет» (2016), «Северный морской путь» (2019), «Муромцево» (2019); серии «Библиотека альманаха» – «Антон Сорокин. Сочинения. Воспоминания. Письма» (2013), а также отдельных подарочных изданий – «Антон Чехов. «Остров Сахалин. Факсимильное воспроизведение и оптико-электронная реконструкция рукописи»» и книги-альбома «Любинский проспект: люди, образы, архитектура» (2021).

Центр краеведческой информации активно сотрудничает с научной и краеведческой общественностью. Площадкой тематических встреч стали публичные круглые столы. Одним из первых стал круглый стол «А. П. Чехов и Омское Прииртышье», организованный совместно с Международным институтом стратегического проектирования и Омским филиалом Российского фонда культуры (2013). За десять лет было проведено около 50 круглых столов на различные темы: проблемы охраны памятников истории культуры (2014), популяризация и изучение творческого наследия омских писателей (2015), основатель города Омска И. Д. Бухгольц (2016), Революция 1917 года (2 мероприятия, 2017), краеведение малых населённых пунктов (2017), Омский отдел РГО (2017), Гражданская война 1918-1922 годов в России и Сибири (цикл, 2018-2020), подвижники краеведения (2018), Омск середины XX века (2019, 2021), Сибирское казачье войско: история и современность: 440 лет на службе Отечеству (2022), Александр Васильевич Колчак в исторической памяти (2019, 2020, 2022) и ряд других.

С 2019 года был начат цикл круглых столов, посвящённых участию омичей в Великой Отечественной войне и их вкладу в Победу. Затрагивались такие темы как: омичи – Герои Советского Союза (2019), сохранение и репрезентация памяти об участии омичей в Великой Отечественной войне (2021), Омская область накануне и в годы войны (2022), культура и повседневность омичей в годы войны (2023).

В 2016 году Центром краеведения в рамках празднования 300-летнего юбилея города Омска начата реализация проекта публичного краеведческого лектория «Омск-300». С 2016 по 2023 год было проведено 65 лекций по различной тематике: палеонтология Омского Прииртышья, Омск и омский регион на картах и планах, события Революции 1917 года и Гражданской войны 1918-1920 годов в Западной Сибири и Омске, архитектура города Омска, повседневная жизни военных в городах Западной Сибири конца XIX – начала XX веков, история Омской епархии и судебной системы региона, сибирские предприниматели рубежа XIX-XX веков, народная икона

юга Западной Сибири, руководители Омского Прииртышья советского времени, книжные собрания Омска и омские книжники и многие другие.

На каждую лекцию приглашаются известные специалисты в своем деле – историки, литературоведы, искусствоведы, книговеды, экологи, писатели и краеведы, сотрудники библиотеки. Лекции рассчитаны на широкую аудиторию слушателей, интересующихся родным городом во всех его проявлениях. Одним из постоянных участников лектория является заместитель директора библиотеки А.П. Сорокин, лекции которого посвящены истории города Омска, известным омским личностям и отдельным краеведческим и историческим фактам. Доктор биологических наук, профессор Сергей Александрович Соловьёв в рамках лекториях прочитал 5 лекций о птицах Омска и Омской области: истории наблюдений, миграций, экзотических и краснокнижных видах (2016, 2018-2019, 2021-2022). В лектории принимали участие и учёные из других регионов: 21 мая 2017 года лекцию «Французский архитектор сибирского размаха Себастьен де Вобан, XVII век» прочитала Дарья Сергеевна Шемелина, кандидат архитектуры, ведущий научный сотрудник Новосибирского государственного университета архитектуры, дизайна и искусств имени А. Д. Крячкова; 8 февраля 2020 года лекцию «А. В. Колчак в годы Первой мировой войны» прочитал Константин Александрович Залесский, историк, писатель-журналист, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны 1939-1945 годов имени О. А. Ржешевского. В 2017-2019 годах в рамках лектория проводился цикл этнокультурных лекций «Народы Омского Прииртышья», посвящённых традициям и обрядам русских сибиряков (2017-2019), казахов (2017), российских немцев (2017), сибирских татар (2017), поляков (2018) и тюркских народов Западной Сибири (2019).

С 2017 года в состав отдела вошёл Сектор истории библиотечного дела и, созданная в 2013 году, экспозиция «История Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина в документах и фотографиях». С 2018 года сотрудники сектора стали осуществлять работу по систематизации и сохранности архивной коллекции: ими ведется работа по хранению и описанию документов и фотографий по истории ОГОНБ и по истории краеведческого движения в Омской области, оформлению тематических архивных коллекций, в частности коллекции документов «Архив Омского филиала Государственного фонда литературы 1943-1946 годов».

В январе 2020 г. сотрудниками сектора был начат проект «Библиотечные истории», направленный на сохранение исторической памяти о прошлом библиотечного дела и отдельных людях, внёсших вклад в его развитие, налаживание неформальных и творческих межличностных отношений в библиотечной среде. Проект включал проведение лекционных мероприятий и интервью, видеоэкскурсий и видеообзоров выставок, участие в научных конференциях. В 2021-2023 годах был подготовлен цикл архивных выставок «Библиопрофессионалы» (2 выставки, 2021-2023), посвящённых руководителям и сотрудникам ОГОНБ, внесшим значительный вклад в развитие библиотеки, а также истории Центра (2022-2023). В рамках проекта проводились вечер памяти С. Н. Пахолковой, первого библиотекаря Омской публичной библиотеки им. А. С. Пушкина (2020) и вечер «Легенды Омской Пушкинки», посвящённый 120-летию со дня рождения Е. Г. Хребтовой (директора библиотеки в 1941-1973) и 100-летию со дня рождения В. А. Запрудского (заместителя директора библиотеки по научной работе в 1966-1988) (2022); лекции и тематические экскурсии. Были записаны видеообзоры книжных выставок и интервью с сотрудниками библиотеки, её строителями и знаменитыми читателями. На основе материалов из архивных коллекций ОГОНБ были подготовлены и размещены в группе «Краеведческий лекторий ОМСК-300» в социальной сети «ВКонтакте» и на сайте библиотеки статьи по истории ОГОНБ. 22 июня 2023 года на канале «Краеведческий

лекторий ОМСК-300» на видеохостинге «Youtube» был размещён видеоролик, посвящённый работе Омской областной библиотеки имени А. С. Пушкина в годы Великой Отечественной войны и книжной помощи, которую она оказывала библиотекам Европейской части СССР, пострадавшим от оккупации немецко-фашистскими войсками.

В 2020 году условиях противоэпидемических ограничений на проведение массовых мероприятий Центром проводилась работа по организации просветительских мероприятий в виртуальном формате в сети Интернет. Основными площадками в этих условиях стали канал «Краеведческий лекторий ОМСК-300» на видеохостинге «Youtube» (создан в январе 2020 года) и группа в социальной сети «ВКонтакте», материалы с которых переносились на сайт ОГОНБ. В онлайн-формат, путём публикации видеоархива ОГОНБ 2016-2019 годов, был переведён краеведческий лекторий, было проведено и опубликовано несколько интервью и видеообзоров книжных выставок, видеозаписи значимых мероприятий стали дублироваться в виртуальном пространстве. К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне был запущен цикл виртуальных краеведческих трансляций Краеведческого лектория «Омск-300» («Прогулки по пустому Омску»); подготовлена виртуальная экскурсия по книжной выставке, посвящённой участию омичей в Великой Отечественной войне, а также подвигу Героя Советского Союза, генерал-лейтенанта Д. М. Карбышева. После снятия основных противоковидных ограничений, канал «Краеведческий лекторий ОМСК-300» на видеохостинге «Youtube» продолжил оставаться одной из основных площадок Центра в сети Интернет. На него с различной периодичностью продолжают выкладываться новые видеозаписи мероприятий Центра, интервью с известными читателями библиотеки и др.

24 октября 2022 года в состав Центра краеведческой информации был передан Музей миниатюрной книги (фонд, экспозиция и выставочный зал), основу которого составила коллекция миниатюрных и микроминиатюрных книг омского художника-микроминиатюриста Анатолия Ивановича Коненко. На музейной площадке Центром проводятся лекции, мастер-классы, экскурсии для читателей разных возрастов и интересов.

С 2023 года Центр краеведческой информации включился в программу «Пушкинская карта», в рамках которой проводились мастер-классы по созданию миниатюрной книги от А. И. Коненко, а также мастер-классы по историческим танцам XIX-XX веков.

Универсальный книжный фонд Центра включает в себя не только новейшие и наиболее востребованные краеведческие издания, но и мемориальные фрагменты личных библиотек омских учёных и краеведов (И. Ф. Петрова, Э. Ш. Хазиахметова, Ф. Т. Валеева и др.), переданных родственниками, а также книжную коллекцию даров Русского географического общества.

В 2014 и 2019 годах при активном участии сотрудников центра в ОГОНБ имени А. С. Пушкина были организованы и проведены региональная научно-практическая конференция «Дравертовские чтения (2014) и всероссийская научно-практическая конференция «Вторые Дравертовские чтения» (2019), приуроченные к юбилеям учёного, поэта, краеведа Петра Людовиковича Драверта.

Сотрудники отдела также участвуют в реализации издательских проектов ОГОНБ: составлен и издан каталог книжно-иллюстративных выставок «Великая русская революция 1917 года» (Омск, 2018), подготовлен и размещен на сайте библиотеки каталог «Гражданская война на Востоке России (1918–1922)» (Омск, 2022). Ведётся работа над каталогом, посвящённым Герою Советского Союза Д. М. Карбышеву и серией буклетов «Легенды Омской Пушкинки» о выдающихся сотрудниках и руководителях ОГОНБ.

Работа Центра краеведческой информации ОГОНБ имени А. С. Пушкина сочетает в себе не только традиционные библиотечные формы работы, такие как подготовка книжных экспозиций, проведение презентаций и творческих встреч с учеными и писателями, выполнение справочно-библиографических запросов и выдачу книг читателям, но и через публичную деятельность отдел стал одним из признанных центров краеведческой жизни Омска. По целому ряду крупных событий российской и региональной истории, как например, 300-летие Омска, 100-летие Революции 1917 года и начала Гражданской войны 1918-1922 годов, 200-летие Омской области, Центром всегда планируется и организуется комплекс мероприятий: книжно-иллюстративная выставка, круглые столы и публичные лекции, которые привлекают пристальное внимание специалистов, общественности, представителей СМИ к важным историческим и краеведческим темам.

За 10 лет круг задач Центра неоднократно расширялся: к обычной библиотечной работе, добавилась организация краеведческих мероприятий различного уровня и масштаба, работа с архивными коллекциями по истории ОГОНБ имени А. С. Пушкина, запись, монтаж и публикация видеоматериала по мероприятиям Центра и библиотеки, а с 2023 года – работа с музейными экспозициями в Музее миниатюрной книги.

УДК 027.4+908

Красноярские меценаты XIX века и их вклад в формирование библиотечного фонда первой Публичной библиотеки г. Красноярска

Бахтигозина Виктория Романовна
Библиотекарь зала редких книг
Центральная городская библиотека имени А.М. Горького.
Красноярск, Россия.
victoria_romanova@inbox.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена роли красноярских меценатов и дарителей в истории создания и формирования фонда первой Публичной библиотеки города Красноярска. Основанная в 1889, библиотека стала детищем местной интеллигенции – купцов, библиофилов, бывших городских голов, писателей и других знатных особ города. На благородных и щедрых началах этими людьми в библиотеку были закуплены или подарены книги и газеты. Многие из изданий, приобретённых на личные средства или переданных из частных собраний, по сей день хранятся в зале редких книг современной Красноярской центральной городской библиотеки имени А.М. Горького и являются частью уникальной коллекции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярские меценаты, публичная библиотека, уникальные издания, экслибрисы.

Первая публичная библиотека города Красноярска была открыта 12 февраля 1889 года по инициативе членов Общества попечения о начальном образовании в доме на Старобазарной площади. Её создание – это заслуга, в первую очередь, красноярской интеллигенции, меценатов, которые помогали в формировании фонда библиотеки.

Доподлинно известно, что попытки открыть в Красноярске библиотеку предпринимались в разное время и разными людьми. Так, история далёкого становления Публичной библиотеки начинается в 1838 году под покровительством губернатора Енисейской губернии Василия Ивановича Копылова. Он договорился с редакциями официальных изданий, которые стали бесплатно высылать в Красноярск свои номера газет и журналов. Между прочим, уже тогда, хлопотать о формировании фонда стали и горожане. Только в 1838 году красноярцы пожертвовали в её фонд 188 названий книг в 394 томах. В 1840 году здесь фонд насчитывал 771 экземпляр, в 1841 – 826. Через некоторое время библиотека получила штамп «Красноярская городская библиотека» и шрифтовой экслибрис, гласящий: «Из Красноярской публичной библиотеки».

Но, увы, библиотека развивалась очень медленно, а средств на поддержание её существования в достаточном количестве не выделялось. Пополнять фонд стало фактически невозможно. Как следствие, из-за отсутствия новинок красноярцы перестали интересоваться библиотекой и книгами, вернувшись к активному чтению газет и журналов, которые им приходилось покупать. Однако нужно понимать, что позволить себе это могли очень немногие.

Позже, в 1870-е годы, создавались общественные и домашние книгохранилища, которые тоже нельзя было в полной мере назвать библиотекой. Например, собственные коллекции имелись у учителя гимназии Андрея Кирилловича Завадского-Краснопольского, у купца 2-й гильдии Александра Фёдоровича Комарова, у старожила Ивана Ивановича Парфентьева. Сегодня в зале редких книг центральной библиотеки имени А.М. Горького хранятся уникальные издания из упомянутых коллекций красноярцев.

Так, в фонде присутствуют издания из библиотеки Комарова по естественным и медицинским наукам с двумя видами штампов – «Библиотека Комарова в Красноярске» и «Учебные книги и пособия Комарова в Красноярске» – в книгах К. Фламмариона «Что такое небо?» (издана около 1890-1895 г.) и «Общедоступная астрономия» (1889); А. Кингсфорда «Научные основания вегетарианства» (1893); П.И. Ковалевского «Лечение душевных и нервных болезней» (1889) и др.

В книге П. Бэра «Первые понятия о зоологии» и вовсе, помимо штампа, есть серебристый ярлык «Переплётно-линовальная мастерская и литография П.С. Смирнова в Красноярске».

Штамп «Библиотека И.И. Парфентьева в г. Красноярске» представлен в литературоведческом издании «Виктор Гюго и его время».

Но вернёмся к истории. К середине 1880-х годов стало ясно, что город нуждается в хорошей публичной библиотеке, поскольку потребность в новой информации и чтении у красноярцев имелась, а удовлетворить её книгами по узким отраслям наук не представлялось возможным.

Апогей решения вопроса о появлении настоящей библиотеки в Красноярске произошёл благодаря Николаю Александровичу Шепетковскому – гласному городской думы с 1877 года. В 1884 году он разработал устав Общества попечения о начальном образовании города Красноярска и был его бессменным председателем более 25 лет. В 1886 году по его инициативе был начат сбор пожертвований на открытие общественной библиотеки. Шепетковский всегда стремился к тому, чтобы образование было доступно каждому красноярцу, даже самому необеспеченному. Поэтому красноярским обществом единогласно было решено, что именно Николай Александрович станет возглавлять библиотеку. Помощником его была Любовь Михайловна Розинг, впоследствии проработавшая здесь вплоть до 1917 года. После избрания Н.А. Шепетковского городским головой в 1898 году библиотеку возглавил Владимир Михайлович Крутовский. Книги, подаренные им, также хранятся в зале редких книг Красноярской городской библиотеки имени А.М. Горького. Например, об этом свидетельствует автограф автора В.П. Аникина на титульном листе его книги «Описание новых азиатских пород рыб», гласящий: «Глубокоуважаемому Владимиру Михайловичу Крутовскому от автора». Во многом именно благодаря Крутовскому и сегодня любой желающий, став официальным читателем зала редких книг, может прикоснуться к изданиям, насчитывающим уже более ста лет. Всё потому что во время руководства библиотекой Владимир Михайлович, несмотря на скромный бюджет учреждения, не скупился тратиться на переплёт как книг, так и журналов и газет. Заведующий небезосновательно полагал, что переплёт, выполненный умелым мастером, был способен продлить жизнь книге на пару десятков лет.

Открытая в феврале 1889 года городская общественная библиотека сразу же привлекла внимание красноярцев. В первые месяцы её посетило более 100 человек. Поначалу её фонд составлял более трёх тысяч названий книг, журналов и газет.

Как же он формировался? Благодаря помощи именитых красноярцев, желавших внести свой вклад в развитие этого важного культурного учреждения. Кто-то жертвовал деньги, кто-то книги. Вот какие данные приводятся Л.П. Бердниковым в книге «Кланяйтесь залам библиотечным» (1995): «Свою фамильную библиотеку, составляющую около трёх тысяч книг, подарили городу наследники почётного потомственного гражданина Петра Ивановича Кузнецова. Многие издания здесь представляли библиографическую редкость. Доктор Владимир Михайлович Крутовский от себя и от имени покойного Льва Петровича Кузнецова пожертвовал Красноярску их общую библиотеку, насчитывающую боле 2000 книг. Две тысячи рублей пожертвовал известный сибирский меценат Иннокентий Михайлович Сибиряков. Ещё две тысячи библиотека получила в дар от Иннокентия Алексеевича

Матвеева, три тысячи – от Юлии Петровны Матвеевой. Енисейский губернатор Иван Константинович Педашенко вместе с супругой Марией Евгеньевной выделили 100 рублей. Л.Я. Табаяков подарил комплект «Петербургских ведомостей» за 1739 год, а владелец типографии Емельян Кудрявцев бесплатно напечатал все объявления об открытии общественной библиотеки. Другие красноярцы – Н.С. Тютчев, В.С. Гоштовт и Е.И. Коновалова – много сил и труда потратили на составление картотек и каталога библиотеки… Инженер Е.К. Кнорре, получивший в 1900 году на Всемирной выставке в Париже золотую медаль за построенный через Енисей железнодорожный мост, передал библиотекарям 5 книг и 6 названий журналов. От красноярца Корнеева было получено 60 номеров почтово-телеграфного журнала. Наиболее крупное пожертвование сделала Е.П. Кузнецова, передавшая Крутовскому 85 названий книг в 102 томах». Стоит ли говорить, насколько велик и бесценен вклад этих людей?

В 1899 году Василий Иванович Анучин, ставший впоследствии известным сибирским писателем, подарил библиотеке шесть книг. Сегодня в фонде городской библиотеки им. Горького можно увидеть небольшой, но заметный автограф Василия Ивановича на титульном листе книги доктора Антона Лампа «Силы и законы природы» (1898).

Библиотека в жизнях красноярцев стала очень важным учреждением – количество читателей росло из года в год, количество выданных книг – тоже, что можно увидеть в отчёте учреждения за 1903 год. Однако всё идти гладко не могло. Как уже упоминалось выше, выделявшиеся городской думой на существование библиотеки средства были очень ограничены, а значит, пополнять фонд новинками было крайне сложно, а ведь читатели начинали мало-помалу жаловаться: не хватает научной литературы, не хватает изданий на иностранных языках, газет… К тому же, как бы ни было печально, порой библиотекари сталкивались с порчей изданий, вызванной бескультурьем некоторых пользователей: кто-то вырывал страницы, кто-то уносил с собой газеты или журналы, кто-то вырезал и забирал отдельные иллюстрации, кто-то, взяв книгу домой, не возвращал её, невзирая на штрафы и тот факт, что книга взята под расписку. Подобные неприятности также необходимо было компенсировать. Решать эти вопросы со всей ответственностью брались Шепетковский и Крутовский, нередко на свои деньги заказывая полные систематические курсы университетских лекций по всем направлениям наук и другие издания.

Благо помощь всё ещё получалась и от меценатов. Сегодня на титульном листе книги Арминия Вамбери «Путешествие по Средней Азии» (1865) можно увидеть автограф известного красноярца. Подпись принадлежит Николаю Васильевичу Латкину. Благодаря ему в 1904 году фонд пополнился редчайшими книгами по краеведению. Латкин был купцом, промышленником, исследователем русского Севера и в дополнение к этому также увлекался написанием авторских текстов. Например, из-под его руки вышли такие книги, как «Красноярский округ», «Енисейская губерния, её прошлое и настоящее». Книги перешли в фонд после его смерти в августе 1904 года в Санкт-Петербурге. По духовному завещанию Николай Васильевич просил родственников всё свое личное собрание книг «отказать Красноярской публичной библиотеке». По некоторым данным и предположениям, книг было около тысячи экземпляров.

Обновление фонда повлекло за собой новую волну читательского интереса. Безусловно, спрос на литературу не был строго возрастающим по экспоненте – он то ослабевал, то усиливался вновь. Но была одна константа, что тогда, что сейчас – библиотекари делали всё для того, чтобы не только удовлетворить читательские интересы и запросы, но и предупредить их, предсказать, а где-то даже направить.

Таким образом, в начале своего существования фонд Красноярской библиотеки насчитывал более трёх тысяч названий книг, журналов и газет. Фонд современной Красноярской городской библиотеки имени А.М. Горького составляет более 127 тысяч экземпляров, не считая изданий из фондов библиотек-филиалов, относящихся к Централизованной библиотечной системе имени А.М. Горького. Приятно осознавать сохранение традиции, заключающейся в том, что и сегодня фонд часто пополняется дарами, которые любовно подписываются каждым современным меценатом.

Очевидно, в нынешнем благосостоянии библиотеки кроется огромная заслуга красноярцев XIX – начала XX веков. Без них в городе ещё очень долгие годы библиотеки могло не быть вовсе. Однако заинтересованность красноярской интеллигенции, их инициативность поспособствовали скорейшему становлению Первой публичной библиотеки города Красноярска. Конечно, её история наполнена сложностями разного характера. Но преодолеть их сумели именно те горожане, для которых книга была не материальным объектом, но ниточкой, ведущей к просвещению и самосовершенствованию.

Список литературы

1. Бердников Л.П. Городская библиотека // Енисейский энциклопедический словарь. Красноярск, 1998. С. 139.
2. Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным: Краткие очерки истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губернии (1838-1916). Красноярск: Кн. изд-во, 1995. 176 с.
3. Бердников Л.П. Сибирской давности строка: Очерки истории книжного дела в Енисейской губернии и Красноярском крае. 1822 – 2012 гг.. Красноярск: ИД «Офсет», 2013. 224 с.

УДК 021

История научной библиотеки Енисейского музея-заповедника. Часть 1. 1883–1917 гг.

Беспалова Екатерина Николаевна
главный библиотекарь.
Енисейский музей-заповедник, научная библиотека.
Енисейск, Россия
nikol992000@mail.ru
ORCID ID: 0009-0008-2627-9456

АННОТАЦИЯ В статье рассматривается версия о существовании при музее двух библиотек в период 1883–1917 гг. В поддержку этой версии выступают ранее не изученные документы, хранящиеся в архиве Енисейского музея-заповедника.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Енисейская Общественная Публичная библиотека, служебная библиотека Енисейского Общественного местного музея, история кон. XIX – нач. XX вв.

Первая попытка написать историю научной библиотеки Енисейского музея-заповедника была предпринята в 2020 году. Изучая доступные книги, находящиеся в библиотечном фонде, а также «Газетные вырезки и корреспонденции», хранящиеся в документальном, был написан небольшой очерк, впоследствии размещенный на официальном сайте музея [14].

Позднее, в ходе работы не раз попадались документы так или иначе связанные с историей развития библиотечного дела в Енисейске. Какие-то из них подтверждали уже написанный вариант истории, а вот некоторые заставляли задуматься: всё ли верно написано? Нет ли какой фактографической ошибки в исследовании?

Чтобы убедиться в своей правоте или ошибочности предыдущего исследования, было решено обратиться к источникам, ранее не изученным. А именно – к архивным документам, хранящимся в нашем музее. Это стало возможным, т.к. в 2021 году был создан отдел «Архив музея», о котором мечтал ещё А. И. Кытманов. И первыми, на что было обращено внимание сотрудника - это документы (отчеты и переписка), относящиеся к дореволюционному периоду существования музея.

В настоящее время, рассматривается вариант, подтверждаемый отчетами музея, частично рукописными, что в период с момента основания музея и до революции 1917 года, при музее существовало 2 библиотеки!

Начнем по порядку. 1 октября 1883 года открывается Енисейский Общественный местный музей. В своей заметке один из распорядителей музея Никита Виссарионович Скорняков, подводя итоги работы за 5 прошедших месяцев, пишет, что «книг, касающихся Сибири и др. 63» [1, л. 1, об.]. К этому же разделу приписаны карты, планы и чертежи, картины и фотографические карточки, а также монеты общим числом 242 предмета. Далее он пишет: «Книги же, поступившие и поступающие в музей, должны послужить ядром будущей библиотеки, которую распорядители гг. Китманов и Скорняков предполагают открыть при музее в непродолжительном времени, если только общество так же сочувственно отнесется к ней, как и к музею…» [1, л. 1, об.]

Мечта распорядителей музея исполнилась, что подтверждает заметка в № 50 газеты «Сибирь» за 1884 год: «В годовщину своего открытия музей отпраздновал 1-го октября (1884 года) открытием нового учреждения – общественной публичной библиотеки, каковое торжество началось молебствием в присутствии публики; по окончании молебна, священником г. Евтихиевым сказано было приветственное слово новому учреждению» [13, с. 32].

Также об этом событии пишет и Александр Игнатьевич Кытманов в своем Отчете: «В 1884 г., по предложению распорядителей Кытманова и Скорнякова, Дума постановила открыть Общественную публичную библиотеку, ответственными библиотекарями ее назначить Кытманова и Скорнякова; на содержание библиотеки и музея отпускать ежегодно из городских средств по 300 рублей» [10, с. 4].

Открытая в том же помещении, что и сам музей, к моменту открытия библиотека «имела в своем распоряжении книг, журналов, газет, карт, планов, чертежей и прочего в количестве 1347 названий в числе 2398 томов, пожертвованных разными лицами, из среды которых выделяются пожертвованиями гг. Базилевский В. И., Кытманов А.И. и Вострotин А.Т.» [13, с.33].

Согласно отчету распорядителей музея и библиотеки Н.В. Скорнякова и А. И. Кытманова за 1888 год в «Енисейской Публичной Библиотеке к 1 января 1888 г. состояло 2636 названий книг в 4142 томах; в 1888 г. поступило 317 названий в 564 томах, так что к 1 января 1889 г. состоит на лицо 2953 названий в 4706 томах» [3, л.2, об.].

Наиболее крупные пожертвования книгами сделаны А. Т. Вострotиным, С. В. Мартьяновым, И. М. Сибиряковым, Кытмановыми… Часть книг приобреталось на средства, выделяемые на музей и библиотеку, другие – «на сбор от спектакля, ежегодно устраиваемого распорядителем Кытмановым» [9, с. 189].

Об одном из таких спектаклей в пользу библиотеки было написано в № 52 «Сибирской газеты» 1884 года: «Публики явилось, против ожидания, так много, что не достало даже подставных мест. Не показывает ли это, что в обществе назрела потребность в библиотеке, и что оно выразило свое сочувствие на спектакле?» [12, с. 2].

В первые годы своей работы и библиотекой, и музеем занимались совместно Н. В. Скорняков и А. И. Кытманов. В 1891 году распорядители разделили свои обязанности: Скорняков занялся только библиотекой, а Кытманов – музеем. После отъезда Скорнякова в Красноярск распорядителем библиотекой был избран В. В. Вострotин [9, с. 183].

С 1904 года библиотека находится в распоряжении городской управы. Избран комитет, в который вошли А. М. Бородкин, В. В. Вострotин и Миндаровский. Правда, Вострotин был всего на двух заседаниях в январе [15, л. 38].

В 1908 году выходит в свет «Каталог книг Енисейской Общественной Библиотеки» [8], содержащий перечень всех книг, находящихся в библиотеке. Особо интересен раздел «Книги, поступившие во время печатания каталога», согласно которому в библиотеке находится 6810 наименований книг.

В 1910 году библиотека находятся на нижнем этаже здания городской управы, отапливаемом и освещаемом за счет города. Открыта была ежедневно с 3 до 7 вечера, а по воскресным и праздничным дням с 12 до 3 часов дня. Библиотекарем состояла Н. И. Артемьева, получавшая 240 рублей в год [9, с. 216]. Более поздних сведений, касающихся Енисейской Общественной Публичной библиотеки в исследуемый период пока не обнаружено.

Что же касается утверждения о наличии при музее ещё одной библиотеки, то его подтверждают отчеты по работе музея за 1883 – 1909 гг.

Возвращаясь к заметке Н.В. Скорнякова: известно, что в марте 1884 года в музее находилось 63 книги о Сибири. В черновике годового отчета за 1886 год, Александр Игнатьевич пишет: «В 1886 году в музей поступило 189 предметов, которые распределились следующим образом: <…> книг, чертежей, планов – 3» [2, л. 26]. В отчете за 1892 год находим следующие сведения: «В 1892 г. всех предметов поступило в Музей 1542, именно: <…> рисунков, чертежей и книг 74; <…> Всех же предметов к 1

января 1893 года состояло 10057, в том числе: <…> картин, рисунков, чертежей, планов, книг об Енисейском округе 155» [4, л.1].

Отчет за 1893 год ещё больше утвердил меня в моем предположении. «В 1893 году поступило в музей всех предметов 2051, а именно: <…> книг, статей, рисунков и картин 668; <…> Всех же предметов к 1 января 1894 г. состояло: <…> книг, статей, рисунков, картин и карт 829» [5, л. 1]. Достаточно объемное поступление, не правда ли? Тем интереснее пояснение, данное Александром Игнатьевичем далее: «Отдел литературы об Енисейском округе пополнился сочинениями, книгами и, главным образом, газетными статьями и корреспонденциями, поступившими от общественной библиотеки и жертвователей» [5, л. 2, об.]. Это подтверждает, что в музее существовал некий отдел литературы, как сейчас бы сказали, по краеведению. Но модно ли назвать его библиотекой?

В черновике отчета за 1899 год Александр Игнатьевич вновь пишет о новых поступлениях: «Литература об округе и др. – 83; <…> К 1 января 1900 г. состояло всех предметов <…> Книг, сочинений, статей, планов, рисунков, чертежей и проч. – 1968» [6, л. 1]. А спустя несколько страниц: «Книгами из служебной библиотеки музея пользовались…» [6, л. 3].

Именно об этой служебной библиотеке пишет Кытманов и в своем отчете по итогам 25 лет работы музея: «На образование специальной библиотеки при музее было обращено внимание. Эта библиотека должна заключать все, что было напечатано об Енисейском уезде и Туруханском крае: книги, сочинения, газетные и журнальные статьи, корреспонденции, карты, планы, чертежи и т.п. Сюда же должны войти пособия и научные работы, как пособия для изучения коллекций, и проч. Много книг для этой библиотеки было пожертвовано разными лицами, но не мало приобретено и на средства музея» [10, с. 15].

В 1903 году для служебной библиотеки на заемные средства приобретается библиотека и архив покойного золотопромышленника А. И. Тарасова. «Из этой библиотеки поступило в специальную библиотеку музея все, что относится до местного края; большую часть ее имеет быть продана, и суммой, имеющей получиться от продажи ее, предполагается покрыть позаимствованную сумму [215 р. 37 к.]» [10, с. 25]. Если же снова обратиться к черновикам отчетов, то узнаем, что к 1909 году оставшаяся часть библиотеки Тарасова не продана, а музей не вернул долг: «Музей должен кроме того основному Капиталу Музея и Библиотеки, но согласно постановлению Енисейской Городской Думы 18 декабря 1909 г. долг этот будет списан (200 р.) по сдаче библиотеки, купленной у частного лица в Енисейскую Публичную Общественную Библиотеку» [7, л.4].

В настоящее время более поздних отчетов о работе музея до 1917 года не найдено. В одном из своих очерков, посвященных истории библиотечного дела в Енисейской губернии, Л. П. Бердникова пишет: «В 1916 году газета «Енисейская мысль» сообщала, что в Енисейске на базаре можно было за гроши купить книги из музейной библиотеки. Ценные краеведческие материалы стали катастрофически пропадать. К сожалению, наиболее редкие издания после революции 1917 года из библиотеки музея исчезли. Таким образом, работа многих поколений просветителей по сохранению и сбору материалов об истории Енисейска была сведена на нет» [11, с.47].

На этом исследование по истории библиотеки музея не заканчивается. Предстоит ещё много работы, как по уточнению существования библиотеки музея в дореволюционный период, так и в период от начала становления советской власти и по настоящее время. Работа с архивными документами продолжается.

Список литературы

1. Архив Енисейского музея-заповедника (АЕМЗ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Енисейский общественный местный музей / [Н. В. Скорняков] // Особое приложение к № 15 газеты «Сибирь». Типография Н. Н. Синицына. 1884.
2. АЕМЗ. Ф.1. Оп. 1. Д. 7. Документы (письма, списки, сведения) о поступлении, приобретении книг, журналов, предметов. 1883 – 1909 гг.
3. АЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 11(а). Отчет по Енисейскому Общественному Местному Музею и Общественной Публичной Библиотеки за 1888 год [рукопись] / распорядители Н. В. Скорняков, А. Кытманов.
4. АЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13(а). Отчет по Енисейскому общественному музею за 1892 г. / распорядитель музея А. Кытманов. Енисейск. Тип. Н. С. Штеблера. 1893.
5. АЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13(б). Краткий отчет по Енисейскому общественному местному музею за 1893 г./ распорядитель музея А. Кытманов. [б. и.]. 1894.
6. АЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 17(а). Отчет по Енисейскому Общественному Музею за 1899 год: [рукопись, черновик] / [А. Кытманов].
7. АЕМЗ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19(а). Отчет по Енисейскому Общественному местному музею за 1909 г.: [рукопись, черновик]/ распорядитель Енисейского Музея А. Кытманов.
8. БЕКМ 618. Каталог книг Енисейской Общественной Библиотеки. Енисейск. Типография А. В. Грязнова. 1908.
9. БЕКМ 10656. Страницы истории библиотечного дела в Енисейской губернии, 1837-1937 годы: (по архивным документам и печатным публикациям) / М-во образования и науки Рос. Федерации, Рос. библ. ассоц., Сиб. федерал. ун-т, Краснояр. центр. гор. б-ка им. А. М. Горького ; [сост. Л. П. Бердников]. Красноярск: СФУ, 2017.
10. БЕКМ 10968. Енисейский общественный местный музей. Отчет о деятельности музея с 1 октября 1883 года по 1 октября 1908 года и краткий перечень коллекций музея /Распорядитель музея А. Кытманов. Красноярск. Типография М. И. Абалакова. 1909.
11. БЕМЗ-11882. Бердников Л.П. Кланяйтесь залам библиотечным: Краткие очерки истории библиотечного дела и книжной торговли в Енисейской губернии (1838-1916). Красноярск: Кн. Изд-во, 1995. С. 47.
12. ЕКМ ОФ 3489 Д-252. Енисейский округ. Вырезки из газет «Сибирь», «Сибирская газета», «Сибирский вестник», «Восточное обозрение».
13. ЕКМ ОФ 3730 Д-289. Газетные статьи и корреспонденции о Енисейском районе за 1882-1886 гг.
14. История библиотеки Енисейского музея // Енисейский музей-заповедник: официальный сайт. URL: http://enmuseum.ru/научно-просветительская-деятельность/библиотека/о-библиотеке (дата обращения 13.06.2023)
15. МКУ «Архив города Енисейска». Ф. Р-27. Оп. 1. Д. 6.

УДК 908:004.031.42

Интерактивно-мультимедийная экспозиция «История нашего города». Современные подходы к изучению истории города

Кирпиченко Наталья Николаевна
Центральная городская библиотека им. А.М. Горького, Красноярск, Россия
заведующий сектором краеведения
ork@perensona23.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена современной интерактивно-мультимедийной экспозиции «История нашего города», действующая в центральной городской библиотеке имени А. М. Горького и изучению истории города Красноярска через современные технологии. Кратко представлен проект «История нашего города. Трудовая доблесть», поддержанный Президентским фондом культурных инициатив.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Красноярск, история города, современные технологии, библиотека, городоведение

Центральная городская библиотека им. А.М. Горького была открыта в 1889 году и является одной из старейших в городе Красноярске. Одно из ведущих направлений деятельности - городоведение.

За долгие годы накоплен большой фонд краеведческих документов. И главной идеей при обновлении библиотеки стало раскрытие информации о городе с помощью информационных технологий.

В 2019 году была создана интерактивно-мультимедийная экспозиция «История нашего города», которая осуществляет взаимодействие посетителя через современные информационные технологии, знакомит с историей Красноярска, объектами культурного и природного наследия, выдающимися личностями города. Такой формат позволяет визуально увидеть, как история Красноярска связана с историей России, как возник и развивался город, какую роль он играет в жизни нашей страны.

В 2021 году приняли участие в первом конкурсе на предоставление грантов Президента Российской Федерации на реализацию проектов в области культуры, искусства и креативных (творческих) индустрий и экспертная комиссия поддержала идею нашего проекта «История нашего города. Трудовая доблесть», который рассказывает, как жили красноярцы в годы Великой Отечественной войны, каковы были условиях работы и как проходили их трудовые будни, чем жил сам город.

Основная цель проекта заключалась в расширении имеющихся зон интерактивно-мультимедийной выставки путем добавления информации о Великой Отечественной войне и мужестве трудового тыла города Красноярска, а также создание интерактивных визуализаций, которые бы позволили современным жителям и будущим поколениям познакомиться с личными историями и воспоминаниями ветеранов.

Информация экспозиции представлена на интерактивных стеллажах, интерактивных столах и экранах в мультимедийной книге, что делает её живой, близкой и понятной.

Уникальное выставочное пространство располагается в трёх залах библиотеки.

В первом зале выставки представлены интерактивные стеллажи с оцифрованными редкими краеведческими изданиями XIX и начала XX веков. Каждый стеллаж содержит книги по двум отраслям наук: «Медицина» и «Религия», «Политика»

и «Право», и так далее. Принцип работы со стеллажами довольно прост: для начала необходимо коснуться сенсорного стекла, за которым размещены физические версии книг. После этого на мониторе появится карусель со всеми книгами данной тематики в цифровом формате. Можно полистать её и нажать на интересующую книгу для открытия. Для того, чтобы вернуться на главную страницу, необходимо нажать на иконку в виде крестика в правом нижнем углу.

Интерактивная книга «Летопись города Красноярска» со страницами, которые оживают, рассказывает богатую и интересную историю Красноярска: город преодолел множество препятствий на пути от деревянного острога до крупного индустриального и культурного центра Восточной Сибири.

Интерактивное пространство, моделирующее интерьер жилых помещений, показывает в каких условиях жили красноярцы в разные времена. Здесь можно увидеть, как жили два основных сословия красноярцев – купечество и крестьянство в XIX – начале XX в., в каких условиях жили горожане в 1941 – 1945 годах., а также посмотреть на тач-панели фотографии быта 1960-1990 годов. Кроме того, можно подробнее узнать о каждом предмете из выбранного интерьера, просто нажав на него на тач-панели.

Интерактивный обеденный стол наглядно показывает, как питались сибиряки в различные годы в прошлом. В этой экспозиции представлено три раздела Сибирской кухни: парадный стол, постный стол и питание в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945 гг.). Каждый из этих разделов также имеет свои подразделы. Ознакомиться подробнее с каждым из них можно, просто нажав на кнопку рядом с названием. При нажатии на каждое блюдо, возможно более подробно прочитать рецепт.

С помощью интерактивной Z – голограммы можно узнать подробнее о самом Красноярске – его истории, символах, известных людях, а также о величественной реке Енисей, на которой расположен город, и о масштабном событии нашего города – Универсиаде, прошедшей в 2019 году. Каждый из этих разделов имеет также свои подразделы. Можно выбрать наиболее интересный раздел на специальной тач-панели, после чего появятся уникальные документы, фотографии, кадры кинохроники, проиллюстрированные голограммами.

На интерактивных полках представлены старинные книги из уникального фонда: книга времен императрицы Екатерины II и рукописная книга на древнерусском языке. Дополняют локацию голограммы по иллюстрациям из этих книг.

Во втором зале представлена медиагалерея, на которой демонстрируются тематические выставки. Выставки могут быть представлены фотографиями, репродукциями картин и другими документами. Например, с помощью выставки «Первые в городе» можно узнать, когда в городе появлялись первые учебные заведения, театр, парк, автомобили, водопровод, электричество и другие блага современной цивилизации. Все фото демонстрируются на интерактивных экранах. Подробную информацию об увиденных изображениях можно прочитать при помощи тач-панели, которая также располагается в этом зале.

Третий зал экспозиции привлекает внимание большим экраном, который называется гигарама. С помощью этой локации можно посмотреть на Красноярск с высоты птичьего полета: прогуляться по главной улице – проспекту Мира, заглянуть в исторический центр города, а также познакомиться с любимыми местами отдыха красноярцев и туристов. Это остров Татышев, где жители города с удовольствием гуляют, кормят сусликов и занимаются спортом; набережная Енисея – любимое место для прогулок жителей и гостей города; всемирно известный национальный заповедник Красноярские Столбы; Часовня Параскевы Пятницы, которую можно увидеть на десятирублевой купюре; фан-парк Бобровый лог – место для всесезонного активного отдыха: зимой там можно кататься на лыжах, сноуборде и коньках, а летом

– плавать в бассейне и кататься на канатно-кресельной дороге, Свято-успенский мужской монастырь, расположенный на живописном берегу Енисея и многое другое.

Пользоваться гигарамой просто – нажмите на интересующее место на карте, и моментально там оказываетесь. Также, благодаря кнопке, на которой изображены солнце и снежинка, можно посмотреть, как выглядит наш город зимой или летом.

В зале находятся два VR-бинокля, благодаря которым также можно увидеть достопримечательности Красноярска: знаменитый красноярский заповедник «Столбы», смотровую площадку недалеко от города Дивногорска, в самом центре которой расположен памятник четырехметровому осетру - главному герою романа красноярского писателя Виктора Петровича Астафьева «Царь-рыба». Также вы можете увидеть Чёрную сопку – таинственный потухший вулкан в окрестностях Красноярска и Красноярскую гидроэлектростанцию.

На интерактивных полках представлены старинные книги из уникального фонда: издание путешественника XVIII века и издание на латыни, посвященное обитателям морских глубин. Дополняют локацию голограммы по иллюстрациям из этих книг.

Эффективность предоставления информации подобным образом подтверждена количеством положительных отзывов и посещений: за 3 года работы экспозицию посетили более 160 000 человек из разных городов и стран. Это свидетельствует о её популярности среди жителей и гостей города.

Выставка «История нашего города» стала просветительской площадкой, позволяющей погрузиться в атмосферу Красноярска XIX века и военных лет, познакомиться с фактами из жизни реальных людей.

Важным продолжением по изучению истории города, особенно военный период в Красноярске, стало участие и проведение патриотических мероприятий.

Проект «История нашего города. Трудовая доблесть» вошёл в 100 лучших библиотечных практик по патриотической направленности в рамках акции «Лучшие практики России – 2022» учреждённой Российской библиотечной ассоциацией (РБА).

В январе 2023 года волонтёры нашего проекта приняли участие в I Всероссийском онлайн – слёте детско-молодёжных активов городов трудовой доблести «Города Трудовой Доблести. Дети». Участниками стали 11 активов славных городов. Готовясь к слёту, ребята подготовили визитки и ролик, где рассказали о Красноярске в годы Великой Отечественной войны и достойно ответили на вопросы викторины.

В этом году был организован городской краеведческий диктант «Трудовая доблесть» приуроченный 78-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и второй годовщине присвоения г. Красноярску звания "Город трудовой доблести". Участие приняли 222 человека, которые ответили на 30 вопросов, вспомнив о трудовом подвиге красноярцев-тружеников тыла, работе промышленных предприятий и эвакогоспиталей, и, конечно, о трудных условиях жизни горожан в период Великой Отечественной войны.

Анализируя результаты наших прошлых мероприятий, мы увидели, что патриотические мероприятия, которые проводим, очень важны для жителей, особенно для молодого поколения. Они не только помогают познакомиться с историей и культурой родного края города, но и прививают у молодых людей чувство уважения к своей стране. Библиотеки уделяют важное значение изучению истории своего региона, патриотическому просвещению, в последнее время это особенно актуально. Мы продолжим активную работу в данном направлении, используя современные формы и методы библиотечной деятельности.

УДК 021.6

«Город. История. Люди»: опыт реализации краеведческих проектов городских библиотек к юбилею Минусинска

Лапаревич Олеся Михайловна
Заведующий методическим отделом, Центральная городская библиотека им. А. С. Пушкина Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Минусинская городская централизованная библиотечная система»,
Минусинск, Россия.
olesjlapa@mail.ru

АННОТАЦИЯ Представлен опыт реализации долгосрочной программы к 200-летию со дня образования города Минусинска «Город. История. Люди» (2019–2023 гг.), приведены конкретные примеры значимых мероприятий оффлайн и онлайн по продвижению краеведческих знаний, направленных на сохранение культурных традиций, формирование исторического сознания, гражданственности и патриотизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Минусинск, краеведение, библиотечные проекты, электронные ресурсы, социальные сети, продвижение краеведческих знаний.

В 2023 году Минусинск отмечает юбилей – 200 лет со дня образования города. Город имеет богатую историю. Минусинцы гордятся почётными жителями города, уникальными достопримечательностями, культурными традициями. В Минусинской городской централизованной библиотечной системе (далее МГЦБС) в преддверии юбилея и для информирования пользователей разработана Программа «Город. История. Люди», рассчитанная на 2019–2023 годы.

Событийные мероприятия Программы позиционируют юбилей города как значимое событие в жизни края и направлены на формирование у детей и молодежи уважительного отношения к людям труда, к истории, культуре, обычаям и традициям родного города.

План основных мероприятий Программы включает следующие разделы: Торжественные церемонии, конференции, фестивали, акции, конкурсы; Культурно-просветительские мероприятия; Выставочные мероприятия; Краеведческие клубы, объединения, школы, народный университет; Мультимедийная краеведческая продукция; Издательская деятельность библиотек; Информационное сопровождение празднования 200-летия Минусинска.

За пять лет библиотеки МГЦБС провели среди различных читательских групп разнообразные по форме мероприятия, обращая особое внимание на детей и молодежь, привлекая их к научно-исследовательской деятельности.

В зональной краеведческой конференции «Кто мы? Откуда?» в Центральной городской библиотеке *им. А.С. Пушкина* ежегодно принимают участие юные краеведы города и шести районов юга Красноярского края со своими исследовательскими работами (охват участников до 100 человек). Каждая представленная работа – это вклад в изучение и сохранение культурно-исторического наследия края. В 2023 юбилейном году часть работ была посвящена истории и культуре города Минусинска: «Туризм. К 200-летию города Минусинска» - о создании туристического маршрута; «Мои тихие уголки родного города» - о главных городских достопримечательностях; «Ими славится Красноярский край…» - о писателях Красноярского края; «От уезда до города - далёкий путь становления Минусинска» - об истории образовании города; «Минусинск. Мобильный тур» - о создании виртуальной экскурсии по городу с помощью сервиса izi.TRAVEL. С 2020 года

конференция проходит в заочном формате и материалы размещаются на сайте МБУК МГЦБС [6].

Городской краеведческий диктант состоялся в библиотеках МГЦБС в гибридном формате. Диктант проводился с целью развития читательского интереса к краеведческой литературе, организации полезного досуга и привлечения внимания молодых минусинцев к истории, знаменитым именам и датам города Минусинска. Участникам Краеведческого диктанта предлагалось пройти тест из 20 вопросов и заработать 200 баллов, что символизировало юбилейную дату.

Стало уже доброй традицией проводить в ЦГБ им. А.С. Пушкина краеведческие чтения «Люби и изучай свой край». Это поистине народные чтения, так как предлагают темы, проводят исследования, составляют и читают сообщения сами жители Минусинска, активные слушатели и участники экскурсий, экспедиций факультета краеведения Народного университета «Активное долголетие».

В 2020 году в онлайн-формате в библиотеках, работающих с детьми, прошли конкурсы детских рисунков: «Минусинск глазами детей» в номинациях: архитектура старого Минусинска; Минусинск современный – интересные архитектурные сооружения, улицы, площади; Минусинская протока и живописные окрестности города; любимые места отдыха и развлечений, а также конкурс рисунков «Улыбка родному городу» в номинациях: «Золото родного города» - осенний городской пейзаж; «Портрет, жанровый рисунок». Активное участие приняли юные читатели в конкурсе видеороликов «Этот город нам вечно любить», снимая любимые места минусинцев.

Библиотеки МГЦБС не только собирают и хранят краеведческую информацию, но и активно распространяют, ведут исследовательскую, культурно-просветительскую работу среди различных читательских групп привлекая краеведов, социальных партнеров.

ЦГБ *им. А.С. Пушкина* активно сотрудничает с городским научным обществом учащихся (ГНОУ) «Юниссы». С большим успехом прошло одно из заседаний ГНОУ в формате краеведческого квеста «Минусинск - уездный город». Среди заданий квеста: конкурс «Люди земли минусинской» - кроссворд с портретами знаменитых людей города разных лет, чьи фамилии необходимо было найти в «буквенной сетке» и в «облаке слов»; виртуальная викторина «Улицы Минусинска»; фактографический поиск по текстам архивных публикаций статей газеты «Власть труда» с помощью электронного каталога; распознавание по фрагментам фотографий уличных арт-объектов города и др.

*Город Минусинск внесен в список исторических городов России. П*амятникам архитектуры, истории и культуры в библиотеках МГЦБС посвящены мероприятия, прошедшие в онлайн-формате: фотокросс «Деревянное кружево города», видеоролик «Минусинская осень» (фотографии исторической части города в осенний период); конкурс фотографий «Кирпичное кружево Минусинска» и другие.

Литературное направление Программы представлено творческими встречами, вечерами, обзорами. В период реализации комплексной Программы «Город. История. Люди» в библиотеках МГЦБС состоялись встречи с минусинскими писателями: презентация новой книги Сергея Круглова «Неделя всех святых»; презентация литературного сборника О.С. Таракановой «Сибирская лира» и другие.

Наибольший интерес представляет Литературный проект для молодежи «Стихотомия» Городской библиотеки им. А.Т. Черкасова (рук. Артём Охальников). В рамках проекта проходят творческие авторские вечера, литературные поединки, презентации сборников молодых поэтов. КГБУК «Минусинский драматический театр» и творческий союз «АКТЁРЫ» в 2022 году совместно с участниками проекта «Стихотомия» и театром-студией «Эгоист» организовали музыкально-поэтический

фестиваль литературы и музыки «Раздача-2022». Литературный проект в виртуальном и реальном пространстве объединяет авторов Южной Сибири. На одноименной странице ВКонтакте [11] молодые поэты Минусинска, юга Красноярского края и Хакасии (Совет молодых литераторов) размещают свои стихи, а любители поэзии познакомиться с ними.

В ЦДБ им. А.П. Гайдара прошла творческая встреча с прозаиком, поэтом, публицистом Светланой Михайловной Корнюхиной и стала настоящим подарком для старшеклассников. Это мероприятие – рассказ об интересном творческом пути человека, произведения которого печатались не только в Красноярском крае, Абакане, но и в Москве, Санкт-Петербурге, Владивостоке. Встреча прошла в удивительно теплой обстановке. Подростки – сложная аудитория, но Светлана Михайловна с первых же секунд завладела их вниманием, очень интересно и увлекательно рассказала о себе и о своем творчестве, о том, как пришла в литературу. Ребята задавали множество вопросов, благодарили за интересную беседу, пожелали больших творческих успехов, новых интересных произведений.

Минусинск музыкальный представлен в рамках цикла концертов бардовской песни и поэзии «Тебе, мой город, посвящаю!», которые организует Городская библиотека им. А.Т. Черкасова на протяжении многих лет. В период реализации юбилейных мероприятий состоялись концертные программы, посвященные любимому городу в исполнении минусинских поэтов и бардов.

*Выставочные мероприятия Программы включают масштабный ц*икл книжных выставок «Читаем книги минусинских авторов» и фотовыставок, оформленных в библиотеках МГЦБС, а также опубликованных на сайте учреждения и в группах соцсетей.

Много лет в ЦГБ *им. А.С. Пушкина* в рамках проекта Школы краеведения работают три факультета: «Минусинская провинция», «В городе моём – моя судьба», «Изучаем вместе край». В работе Школы используются различные формы: от книжных выставок, библиотечных уроков, встреч, экскурсий, игр до конференций, постановок спектаклей, турниров, конкурсов. В преддверии юбилея школьники и студенты ССУЗов города встречались с минусинскими писателями-современниками и другими успешными людьми.

В ЦДБ им. А.П. Гайдара в рамках краеведческого салона «Родник» прошел цикл встреч с Еленой Ивановной Стельмах – директором информационно-издательского агентства «Надежда и Мы», руководителем проекта «Архитектурному наследию Минусинска – руку помощи». Елена Ивановна презентовала новые краеведческие издания агентства: книги В.А. Ватина «Минусинск» и В.С. Плехова «Неоконченная экскурсия», художественный альбом «Минусинские художники: узнайте наших!», набор открыток «Минусинск уездный». Участники познакомились с архитектурными памятниками г. Минусинска, поговорили о выдающихся людях, прославивших город.

У города славная, порой непростая, но достойная история. История честного труда и воинской доблести, история целых поколений, подаривших частичку своей души малой Родине, связавших с ней свое будущее и будущее своих детей. Главная гордость Минусинска - это жители, все те, кто беззаветно любит его, бережно чтит память о его прошлом и создает современную историю города.

В течение пяти лет в библиотеках проходили мероприятия о людях, внесших значительный вклад в историю и развитие города, о купцах, а также о почетных гражданах, запечатленных на полотнах минусинских художников.

Для того, чтобы донести информацию до сердец и умов современных молодых людей в век цифровых технологий, соцсетей и Интернета, сотрудники библиотек МГЦБС использовали как традиционные подходы, так и мультимедийные ресурсы.

Например, в социальных сетях опубликованы интересные онлайн-проекты: «Юбилейные и памятные даты в истории Минусинска. Личности в истории города»; «Трудовая слава Минусинска», виртуальная выставка ретро-фотографий Н.В. Фёдорова «Штрихи к портрету города», посвященная открытию первой типографии в Минусинске и 140-летнему юбилею фотографа [12].

С 2019 года в Городской библиотеке им. Э.Н. Успенского в социальной сети ВКонтакте реализуется проект ««ПроЧтение»: литературные предпочтения известных минусинцев», в котором приняли участие 19 горожан, имена которых знает весь город. Например, в одном из выпусков проекта своими читательскими вкусами поделился минусинец, известный российский актер театра и кино Виктор Хориняк.

Достоин внимания онлайн-проект «Аллея звёзд. Знай наших» (#Аллея_звезд_Знай_наших) Городской библиотеки им. Э.Н. Успенского, который представлял спортсменов и культурных деятелей, прославивших город Минусинск и Красноярский край, и удостоенных именной звезды на городской Аллее звёзд на одной из центральных улиц Минусинска. В связи с высокой посещаемостью информационных постов, данный проект продолжил свою работу и представил обновленную рубрику #Аллея звезд. Знай наших – Звездный калейдоскоп Минусинска».

В Городской библиотеке им. Э.Н. Успенского с 2023 года работает анимационно-краеведческая студия «Мультфиль+Мы», на которой юные аниматоры изучают историю родного края и создают авторские мультфильмы о городе: «История начинается: Мин Уса» [2]; «Декабристы в Минусинске»; «Остров Тагарский».

Новый формат экскурсии по городу предложила Городская библиотека им. А.Т. Черкасова - онлайн-знакомство с улицами Минусинска, на которых расположены старинные здания, памятники архитектуры, истории и культуры. Цикл экскурсий состоял из нескольких частей: «Улица Красных партизан», «Спасский Собор» [9], «Соборная площадь» [10], «Дом купчихи Матрены Беловой». Каждый новый ролик посвящен одной из улиц Минусинска, зданиям и их первым владельцам. Маршрут прошел по исторической части города, где расположены основные купеческие здания: дома Вильнера, дом Беловой, дом Заниных, дом Фёдорова и других. Не выходя из дома, в социальной сети во «ВКонтакте» и «Одноклассники», пользователи узнали также историю создания театра и музея, принёсшие городу мировую известность.

В целях информирования пользователей, продвижения краеведческой книги и чтения, библиотеки МГЦБС выпускают информационно-библиографическую продукцию для разных категорий пользователей. Юбилею города Минусинска были посвящены: путеводитель по Аллее звезд «Знай наших» (известные личности Минусинска); книжка-панорама «Минусинские истории»; информационный сборник «Знаменательные и памятные даты. Минусинск 2023». В предъюбилейный для города год был завершен издательский проект «Революция и гражданская война в сибирской провинции. Минусинский край 1917 – 1922 гг.». Выпуск биобиблиографического указателя «Владимир Топилин» был приурочен к юбилею минусинского писателя, члена Союза писателей России и открытию в 2022 году модернизированной Городской библиотеки им. В. Топилина.

Информационное сопровождение празднования 200-летия Минусинска выражается в актуализации краеведческого материала, размещенного на официальном сайте МБУК МГЦБС [5], публикации постов в библиотечных сообществах социальных сетей, где все материалы доступны за хештегом #200лет_Минусинску.

На сайте учреждения в боковой вкладке «Городу Минусинску – 200 лет» [1] - размещены материалы О*ткрытого проекта «Минусинск печатной строкой: история, события, люди» - [3]. Раздел открытого проекта «Коллекция книг о Минусинске» предоставляет доступ к полным текстам краеведческих книг и произведениям*

минусинских авторов. Разделы «Из истории Минусинска» и «Люди земли минусинской» содержат библиографические издания, подготовленные специалистами Минусинской библиотечной системы. Описания книг, газетных и журнальных публикаций, включенных в библиографические издания, снабжены гиперссылками и обеспечивают переход на имеющиеся полные тексты источников из оцифрованного архива книг и периодических изданий ЦГБ им. А. С. Пушкина или размещенных свободном доступе в Интернете.

В 2020 году рубрика «Одной строкой. Этот день в истории Минусинска» в официальной группе ЦГБ им. А. С. Пушкина социальной сети ВКонтакте знакомила с событиями исторического прошлого Минусинска и датами современной жизни города. Каждую дату сопровождали фотографии, видео, а также ссылки на статью по теме из местной газеты «Власть труда». Очень важно, что ссылки на полные тексты статей перенаправляют пользователя на сайт Минусинской ЦБС в полнотекстовую базу данных «Электронная цифровая краеведческая библиотека», либо на сайт самой газеты в ее оцифрованный архив. Все материалы рубрики «Одной строкой» доступны в социальной сети ВКонтакте за хештегом #этот_день_историяМинусинска.

Библиотека им. В. Яна запустила в юбилейном году аналогичную рубрику под хештегом #этотденьвисториигорода для знакомства пользователей с юбилейными датами 200-летней истории города. Например, 10 февраля 1978 года - 45 лет со дня открытия СТО – первого завода Минусинского электротехнического комплекса, 1 мая 1968 года -55 лет со дня введения в эксплуатацию широкоформатного кинотеатра «Россия» в Минусинске.

Библиотеки Минусинской городской ЦБС способны удивлять, не боясь самых смелых экспериментов. Они умеют чтить традиции и создавать культурные события, которые становятся ежегодными. Библиотекари поддерживают и генерируют творческие порывы горожан, умело создают на своей территории гармоничное читательское пространство и активно покоряют пространство виртуальное.

Список литературы

1. Городу Минусинску – 200 лет // Минусинская городская централизованная библиотечная система: [официальный сайт]. URL: http://мгцбс.рф/page628/ (дата обращения: 28.07.2023).
2. История начинается: Мин Уса: мультфильм // Городская библиотека им. Э.Н. Успенского: открытая группа в социальной сети ВКонтакте: [сайт]. URL: https://vk.com/detskayanasurguladze?w=wall-154566039_8239 (дата обращения: 28.07.2023).
3. Минусинск печатной строкой: история, события, люди: открытый проект // Минусинская городская централизованная библиотечная система: [официальный сайт]. URL: http://мгцбс.рф/page629/ (дата обращения: 28.07.2023).
4. Минусинская городская централизованная библиотечная система: [официальный сайт]. URL: http://мгцбс.рф/page629/ (дата обращения: 27.07.2023).
5. Минусинская городская централизованная библиотечная система: [официальный сайт]. URL: http://мгцбс.рф/ (дата обращения: 28.07.2023).
6. Наши издания // Минусинская городская централизованная библиотечная система: [официальный сайт]. URL: http://мгцбс.рф/page608/ (дата обращения: 27.07.2023).
7. Открытый проект «Минусинск печатной строкой: история, события, люди» // Минусинская городская централизованная библиотечная система: [официальный сайт]. URL: http://мгцбс.рф/page629/ (дата обращения: 27.07.2023).
8. Программа к 200-летию города Минусинска // Минусинская городская централизованная библиотечная система: [официальный сайт]. URL:

http://мгцбс.рф/page71/ (дата обращения: 27.07.2023).
9. Прогулка с дилетантом по улицам Минусинска. Соборная площадь: видеоролик / автор проекта и исполнитель Евгений Степанов // Евгений Верест : личная страница в социальной сети ВКонтакте : [сайт]. URL: https://vk.com/video/@id80912352?section=uploaded&z=video80912352_456239103%2Fpl_80912352_-1(дата обращения: 28.07.2023).
10. Прогулка с дилетантом по улицам Минусинска. Спасский собор: видеоролик / автор проекта и исполнитель Евгений Степанов // Евгений Верест : личная страница в социальной сети ВКонтакте : [сайт]. URL: https://vk.com/video/@id80912352?section=uploaded&z=video80912352_456239090%2Fpl_80912352_-1 (дата обращения: 28.07.2023).
11. Проект: «Стихотомия»: открытая группа // ВКонтакте: социальная сеть : сайт. URL: https://vk.com/stihotomiya (дата обращения: 28.07.2023).
12. Штрихи к портрету города: виртуальная выставка ретро-фотографий Н.В. Фёдорова // Читай Минусинск: открытая группа в социальной сети ВКонтакте
13. : [сайт]. URL: https://vk.com/wall-137095858_848?z=video-137095858_456239037%2Fdf35672fbe58a19b83 (дата обращения: 28.07.2023).

УДК 9

Исследование Сибири в трудах ученых XVIII-XIX вв.: обзор прижизненных изданий из фондов Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края

Михайленко Ольга Викторовна
Библиотекарь.
КГАУК «Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края», отдел редких книг и книговедения.
Красноярск, Россия.
gorbacheva-olga@inbox.ru

АННОТАЦИЯ Начало эпохи целенаправленного научного освоения территории Сибири связано с открытием в 1724 году Петром I в Санкт-Петербурге Академии наук. Период с 1725 до середины 1770-х годов ознаменовался проведением масштабных академических экспедиций, прошедших через территорию Сибири. Начало формирования сибирской истории связано с именами Г. Ф. Миллера, П. С. Палласа и других. Они оставили научное наследие, включающее исторические, географические и этнографические описания Сибири.
В докладе дан обзор прижизненных изданий ученых-исследователей Сибири XVIII–XIX веков, которые находятся в фондах Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Сибирь, исследование Сибири, Вторая Камчатская экспедиция, Россия, география, этнография, народности.

С целью научного изучения Сибири в XVIII в. был организован ряд экспедиций, в которых участвовали не только отечественные (В. Н. Татищев, С. П. Крашенинников, В. Ф. Зуев и др.), но и иностранные (Д. Г. Мессершмидт, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, Н. И. Делиль и Л. Делиль де ла Кройер, П. С. Паллас, И. Г. Георги, И. И. Биллингс и др.) исследователи. И те, и другие внесли значительный вклад в становление и развитие российской и европейской науки. Многонациональный состав экспедиций в Сибирь обусловил историографический интерес к ним со стороны российских, немецких, английских, американских, канадских, датских, французских исследователей XVIII–XXI вв.

В 20-80-х годах XVIII в. были проведены наиболее крупные экспедиции и совершены великие географические открытия. Значительно расширилось изучение природных условий и богатств Сибири, населения, его этнического состава, культуры, быта и истории различными центральными и местными учреждениями.

Одними из первых, кто стал изучать Сибирь, были участники экспедиции под руководством Даниила Готлиба Мессершмидта, которая была снаряжена по непосредственной инициативе и указанию Петра I. Она была отправлена из Санкт-Петербурга в 1719 г. и продолжалась до 1727 г. Итогом поездки Д. Г. Мессершмидта явилось 10-томное сочинение «Обозрение Сибири, или Три таблицы простых царств природы», где содержались сведения по истории, этнографии, географии, экономике, флоре и фауне.

Важнейшее значение в истории русских открытий на северо-востоке имела экспедиция 1725–1730 гг., осуществленная по инициативе Петра I и известная в науке под названием Первой Камчатской экспедиции.

В 1733 г. была организована новая экспедиция в Сибирь и на северо-восток, имевшая официальное название Второй Камчатской экспедиции, вошедшая в науку также под именем Великой Северной экспедиции (1733—1743 гг.).

Вторая Камчатская (Северная) академическая экспедиция (1733 – 1743 гг.) имела своей целью широкое исследование Сибири и Тихоокеанского побережья России, а также поиски пролива между Чукоткой и Аляской. Изучение природы и естественных богатств Сибири, истории и этнографии народов Сибири было возложено на академический отряд Второй Камчатской экспедиции. В его составе были профессора Герард Миллер, Иоганн Гмелин, С. П. Крашенинников и др. Позже участвовали в работе отряда адьюнкты Стеллер и Фишер.

Изучение русскими учеными в XVIII в. географии и природы Сибири, быта, культуры и истории ее народов составило замечательную главу в истории мировой науки. Научное наследие ученых-исследователей Сибири отражено в их прижизненных изданиях. Сочинения естествоиспытателей были опубликованы в Петербурге «при императорской Академии наук» вскоре по завершению экспедиций (труды Миллера, Крашенинникова и др.). Ряд изданий этих исследований находятся в фондах ГУНБ Красноярского края.

Более года находился и работал в Приенисейском крае Миллер Герард Фридрих, академик Петербургской академии наук, руководитель сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции. Методом анкетирования собрал огромный материал по истории, экономике, этнографии края XVII – первой трети XVIII века, собирал фольклорный и летописный материал, изучал архивы. Материалы, сосредоточенные в так называемых портфелях Миллера, были использованы историком в его капитальном труде «История Сибири». В нем подробно описывается история основания первых острогов в крае, в том числе Енисейска и Красноярска. Ученый составил географическое описание всех трех уездов Приенисейского края. Исключительный интерес представляют сведения о происхождении названий русских населенных пунктов [5]. Труд Г. Ф. Миллера был первым в историографии Сибири научным исследованием, созданным на основании широкого использования разных исторических источников: археологических, архивных, этнографических и прочих. В фонде ГУНБ имеется переиздание 1937 года.

Еще один труд Миллера, посвященный вопросу Сибири - «О народах, издревле в России обитавших». В России впервые напечатан анонимно в 1773 г., с указанием лишь переводчика Ивана Долинского (И. Г. Долинский – тайный советник, вице-президент Коммерц-коллегии, писатель, член Академии наук). Тот в специальном предисловии настойчиво подчеркивал, что имени автора не знает и даже никаких догадок не делает.

Почему же Миллер скрыл свое имя? В одной из глав своей книги Миллер излагал «норманнскую теорию» происхождения русского народа, которая вызвала споры историков [3, с. 9].

Библиотечный экземпляр этого издания ранее находился в библиотеке Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова. В 2014 г. книга прошла реставрацию в Москве: заменен переплет, реставрированы поврежденные листы.

Спутником Г.Ф. Миллера был Иоганн Георг Гмелин, член Петербургской Академии наук; с 1727 по 1747 гг. жил в России. Вместе с Г. Ф. Миллером работал в Академической экспедиции. Материалы, собранные им, были обработаны в трудах «Сибирская флора» и «Путешествие по Сибири». В первом труде Гмелин описал 1178 видов растений. Содержание второго труда составляют зарисовки быта и культуры сибирских народов, материалы о торговле и промыслах Сибири, а также ряд ценных геологических и естественнонаучных наблюдений и археологический материал. Самое важное сочинение Гмелина, «Путешествие по России» издано на немецком в четырех частях в 1770–1784 г. Перевод на русский вышел в трех частях в 1771–1785 гг. Вторая часть этого труда находится в отделе редких книг ГУНБ Красноярского края. Эту книгу когда-то приобрел у питерского книготорговца В. И. Клочкова красноярский библиофил Геннадий Васильевич Юдин. После установления советской власти в

Красноярске в 1920 г. книга попала во вновь созданное Енисейское центральное книгохранилище, а из него в Красноярскую краевую библиотеку, основанную в 1935 г.

В сочинениях Гмелина содержатся материалы о расселении многих аборигенных народов Западной Сибири, о ряде археологических памятников края. Они явились дальнейшим накоплением сведений о Сибири, интересных для российской и западноевропейской науки.

Большую работу по изучению Сибири провела экспедиция И. П. Фалька 1769–1773 гг., в составе которой был медик, химик, натуралист, этнограф, путешественник, профессор минералогии и академик Императорской Академии наук и художеств Иоганн Готлиб Георги. Изучая природу Прибайкалья, учёный составил детальное описание его флоры и фауны, собрал гербарий редких растений, сведения о рыбном промысле на Байкале, первым высказал предположение о тектоническом происхождении озера. Итогом этнографических исследований Георги стало подробное иллюстрированное издание «Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей», вышедшее в Санкт-Петербурге в 1776–1780 годах. Эта работа была первым сводным этнографическим описанием России. Екатерина II, высоко ценившая труды Георги, подарила ему золотую табакерку и повелела напечатать книгу «за счёт кабинета, но в пользу автора» [1].

Основой для работы послужили и собственные записи автора, сделанные им во время экспедиций, и сочинения других путешественников. Очерки, из которых состоит сочинение, включают сведения о названии того или иного народа, занимаемой им территории, об истории и обрядах, бытовые подробности. Большое внимание уделяется описанию повседневных и праздничных костюмов.

Книга проиллюстрирована очень подробными и точными гравюрами, выполненными гравёрами Христофором Ротом и Дмитрием Шлеппером с рисунков, сделанных собственноручно Георги и с рисунков и фигур Кунсткамеры. Часть рисунков была сделана ещё для публикаций Георги в периодическом издании «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов в Российской империи обретающихся». В некоторых экземплярах рисунки раскрашены, в том числе и в экземпляре ГУНБ Красноярского края.

В первых изданиях книги были приведены довольно скудные данные о русских, малороссах и казаках разных областей, так как особый интерес для этнографов в последней четверти XVIII века представляли в основном «экзотические» народы России. Показателен в этом отношении тот факт, что четвертая часть сочинения, в которой описывались русские, была опубликована на русском языке лишь в 1799 году, в расширенном и дополненном виде. В этом отразился возросший интерес российского общества к родной истории, фольклору и традиционному быту. Автором перевода и дополнений к четвертой части «Описаний» стал писатель, историк, переводчик Михаил Иванович Антоновский.

Гравюры из «Описания» составили первую систематически подобранную серию народов России. Зачастую они служили примерами для подражания в сочинениях многих видных ученых того времени.

Еще один ученый, который внес значительный вклад в историю изучения Сибири, является Иоганн Фишер.

Его научный труд «Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием», законченный ещё в 1757 году, был составлен по материалам историографа Г. Ф. Миллера, привезенным им из сибирского путешествия. Лично Фишеру в этом издании принадлежало помещённое в начале книги предисловие и подробный географический и исторический указатель в конце второй части [8]. В 1774 году появился русский перевод этого труда. Перевел книгу В. И.

Лебедев. Первую часть перевода (кн. 1-3) исправил А. Я. Поленов, вторую часть (кн. 4-5) гимназист Иван Любецкий «под смотрением учителя Кожина». Помещенные в издании на немецком языке предисловие, а также географический и исторический указатели, в русский перевод не включены.

Значительный вклад в изучение Сибири внес Степан Петрович Крашенинников. Он студентом помогал академику Гмелину в период работы сухопутного отряда Второй Камчатской экспедиции. Был в Красноярске в 1735 году, изучал растительный и животный мир, вместе с Гмелиным анатомировал и описал неизвестных науке мускусных оленей – «зверя кабаргу», обследовал Бирюсинскую и Овсянскую пещеры, срисовал и описал наскальные рисунки первобытных людей на «писаном камне» в окрестностях д. Бирюсинской. Оставил интересное описание жизни быта жителей Енисейска, Красноярска и Туруханска [4].

В 1737–1741 годах исследовал Камчатку. Собрал уникальный естественноисторический материал о Камчатке, которая в то время была никому не известна. Составил описание земель, гор, рек, растительного и животного мира, природных условий, полезных ископаемых, жизни и языке коренного населения – курильцев, ительменов, коряков, истории завоевания и заселения Камчатки.

Собранные материалы Крашенинников изложил в книге «Описание земли Камчатки», ставшей главным трудом его жизни. Печатание первого издания книги было закончено в феврале 1755 года (второе издание вышло в 1786 году). Это произведение положило начало созданию нового жанра научных путешествий по России. Содержащее чрезвычайно интересный в познавательном отношении материал, написанное прекрасным литературным языком, «Описание земли Камчатки» неизменно пользовалось популярностью у широких кругов читателей. Наряду с произведениями М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, Г. Р. Державина, оно послужило источником для составления «Словаря Академии Российской». «Описание земли Камчатки» неоднократно переиздавалось, в том числе за рубежом.

В отделе редких книг ГУНБ имеется второй том, который когда-то находился в библиотеке Минусинского музея имени Мартьянова.

В 1768–1774 гг. состоялась большая экспедиция академика П. С. Палласа в Оренбургский край и Сибирь.

Паллас написал свыше 170 научных работ самого различного содержания – по зоологии и ботанике, медицине, физиологии, археологии, языкознанию, этнографии, геологии. Он подал пример неслыханной до него точности в научной обработке собранных материалов. Наиболее известные: «Путешествия по разным провинциям Российской империи», «Описание растений Российского государства» и «Российско-Азиатская зоография», которые прославили в Европе имя ученого.

«Путешествие по разным местам российского государства» – это путевые заметки, созданные им во время экспедиции 1768–1774 гг., предпринятой при поддержке Российской Академии наук.

Книга включает в себя сочинения по ботанике, зоологии, геологии, географии. Они были опубликованы на латинском, немецком и русском языках в Петербурге и Лейпциге. Впервые на русском языке «Путешествие…» было издано в 1773–1778 гг. в серии «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг», учрежденной Екатериной II. Книга включает в себя атлас с множеством карт, планов и иллюстраций. Три тома приложения представляют собой описание самой экспедиции.

Библиотечный экземпляр части 3 когда-то принадлежала Красноярской публичной библиотеке и библиотеке Красноярского общественного собрания, откуда попала в созданное в 1920 г. в Красноярске Енисейское центральное книгохранилище.

Как ботаник Паллас задумал издать сводку русской флоры с полным описанием всех европейских и азиатских растений, обитающих в России. Эта грандиозная работа

была рассчитана на ряд томов и должна была содержать 500–700 таблиц с рисунками. Однако издание «Флоры России» осталось незаконченным. В 1784–1788 годах она вышла на латинском языке в двух томах. Часть первого тома в 1786 году переведена учеником и сподвижником Палласа Василием Зуевым на русский язык под названием «Описание растений Российского государства с их изображениями».

Эта книга – одна из первых и наиболее значительных сводок по флоре России. Помимо детальной систематической и морфологической характеристики растений, большое внимание в ней уделено вопросам хозяйственного использования каждого вида. Многофункциональный справочник до настоящего времени не утратил своей ценности для людей науки, профессионально занимающихся ботаникой и биологией.

Так участники исследовательских экспедиций XVIII в. в Сибирь открывали этот безграничный и суровый край, его различные природные ландшафты, многообразие флоры и фауны, наблюдали за жизнью народов, сталкивались с природными стихиями. Они составили многочисленные описания по этнографии, географии, истории, биологии Сибири. Посредством знакомства с содержанием этих изданий и через устные сообщения и доклады происходило распространение знаний о Сибири в центральной России, что способствовало формированию представления о Сибири как «Российской Северной Азии».

Список литературы

1. Георги И. И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей : [в 3 ч.] / Переведено с немецкаго [И. И. Богаевским]. В Санктпетербурге: Печатано при Артиллерийском и инженерном шляхетном кадетском корпусе типографщиком И. К. Шнором, 1776–1777.
2. Гмелин С. Г. Самуила Георга Гмелина, доктора врачебной науки, Императорской Академии наук, Лондонскаго, Гарлемскаго и Вольнаго экономическаго общества члена Путешествие по России для исследования трех царств естества: переведено с немецкаго: [в 3 ч.]. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1771–1785.
3. Котляров А. Н. Развитие взглядов Г.Ф. Миллера по «варяжскому вопросу» / Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск, 1989. С. 9
4. Крашенинников С. П. Описание Земли Камчатки: [в 2 т.]. в Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1786.
5. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. / Г. Ф. Миллер; Акад. наук СССР, Ин-т антропологии, археологии и этнографии, Науч.-исслед. ассоц. Ин-та народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1937.
6. Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших. В Санктпетербурге : при Императорской Академии наук, 1788. 130 с.
7. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства: в 3 ч. В Санктпетербурге, 1788.
8. Фишер И. Э. Сибирская история с самаго открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. В Санктпетербурге: при Императорской Академии наук, 1774.

УДК: 021

От печатной до электронной: документальное наследие Енисейской губернии в фонде Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края

Похабова Ксения Юрьевна
Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края, заведующая отделом краеведческой информации.
Красноярск, Россия
kray@kraslib.ru

АННОТАЦИЯ Прослеживаются истоки формирования краеведческого фонда Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края. Рассматривается опыт по созданию электронной краеведческой библиотеки «Красноярский меридиан». Работа способствует сохранению книжного культурного наследия, расширению доступа к краеведческим документам. Представлены основные принципы работы с электронной краеведческой библиотекой, возможности для пользователей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведческий фонд библиотеки, краеведческие издания, региональные библиотеки, электронные библиотеки, оцифровка документов, краеведческие коллекции документов.

Основой фондов Красноярской краевой научной библиотеки (ныне – Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края; далее по тексту – ГУНБ), образованной в 1935 году, стали книги, собранные в Енисейском центральном книгохранилище. Это учреждение появилось в 1920 году, в него свозились «фонды библиотек, брошенных бежавшими владельцами, книги из упраздненных при советской власти учреждений, а также национализированные частные собрания» [3, с. 228]. В 1922 году хранилище было присоединено к музею Приенисейского края на правах особого отдела, а спустя 13 лет стало основой краевой библиотеки.

Этот исторический факт объясняет наличие в фонде ГУНБ большого количества изданий XIX – начала XX веков со штемпелями, штампами, ярлыками, экслибрисами. Они позволяют проследить изначальную принадлежность изданий тем или иными учреждениям или владельцам, жизненный путь книги: «Фундаментальная библиотека Красноярского духовного училища», «Библиотека Общественного клуба Красноярского вольно-пожарного общества», «Библиотека учебных пособий Красноярской учительской семинарии», «Библиотека Енисейского губернского статического комитета», «Енисейское губернское Управление», «Енисейская общественная публичная библиотека», «Юдин», «Никита Виссарионович Скорняков», «Доктор Петр Иванович Коновалов», «Библиотека Петра Ивановича Гадалова», «Библиотека А. А. Баландина» и многие другие. Привлекают внимание и автографы, начертанные сотни лет назад. К примеру, на одной из Памятных книжек Енисейской губернии сохранился инскрипт енисейского губернатора 1861–1868 годов Павла Николаевича Замятнина: *«От генерал-майора Замятнина, в дар библиотеке учреждаемой для Красноярской гимназии первая вышедшая в свет Памятная Книжка Енисейской губернии со времени открытия губернии. 10 июля 1865. г. Красноярск».* Как и в наши дни, авторы нередко дарили свои книги: *«На пользу Сибири да процветать Красноярской Духовной Семинарии и да поможет Бог доброй заботе о расширении библиотеки при Семинарии. Автор. Декабрь 1899»* (Кулюкин С. Л. «Законы мышления с психологической точки зрения»), *«В библиотеку Красноярского общественного*

собрания от автора. 10 мая 1895 г., г. Красноярск» (Крахалев А. И. «По пути к вершинам р. Маны»), *«Глубокоуважаемому Николаю Александровичу Шепетковскому от составителя на добрую память»* (Савенков И. Т. «Опыт наставления выпускным воспитанникам учительских семинарий и народным учителям. О главнейших обязанностях сельского учителя»), *«Старому приятелю Иосифу Абрамовичу Ицыну от автора. 1913. 8 сент. Красноярск»* (Филимонов Ф. Ф. «За прошлые годы»).

Интересных находок дореволюционный фонд библиотеки хранит множество. Здесь нужно отметить, что литература пришедшая к нам из Енисейского книгохранилища универсальна по своему содержанию – это и художественная, и историческая, и учебная литература. Особое внимание и отдельный интерес представляют издания, вышедшие на территории Енисейской губернии, или связанные с ней содержательно. Так называемая краеведческая литература. Еще в 1987 году краевая библиотека подготовила к печати третий выпуск «Сводного каталога книг о Красноярском крае», собравший сведения о краеведческой литературе, изданной до 1917 года, имеющейся в крупнейших библиотеках края [2]. В нем были рассмотрены фонды Красноярской краевой научной библиотеки, библиотеки Красноярского краеведческого музея, библиотеки Минусинского краеведческого музея, библиотеки Енисейского краеведческого музея, Хакасской областной библиотеки, Красноярской центральной городской библиотеки им. А. М. Горького, библиотеки Красноярского государственного педагогического института, библиотеки Хакасского НИИ языка, литературы и истории. Подавляющее большинство изданий, перечисленных в 719 пунктах (продолжающиеся издания приведены одним пунктом) библиографического указателя, хранятся в краевой библиотеке, причем многие из них не встречаются в других библиотеках края.

Неизменный интерес читателей вызывает фонд дореволюционных периодических изданий. Начиная с первого номера, выпущенного 2 июля 1857 года, в библиотеке хранятся подшивки «Енисейских губернских ведомостей» (газета просуществовала до 1917 года). Сохранился полный комплект журнала «Енисейские епархиальные ведомости», начавший издаваться в 1884 году. За разные годы сохранены подшивки газет «Енисейский листок»/«Енисей», «Енисейская мысль», «Красноярец», «Голос Сибири», «Сусанин», «Отклики Сибири» и др.

Будучи обладателем уникального краеведческого фонда, ГУНБ создает максимальные условия для его физической сохранности. Большая часть книжных изданий постоянно находится в отделе хранения фонда и отделе редких книг и книговедения («Коллекция редких и ценных краеведческих изданий», «Юдинское собрание»), для газет и журналов выделено отдельное хранение в отделе периодических изданий. В помещении хранилищ соблюдается оптимальный температурно-влажностный, световой режимы и другие параметры. Часть книг, находящихся в неудовлетворительном состоянии, прошла реставрацию как ценные издания библиотеки, для хранения многих изготовлены контейнеры из бескислотного картона.

Логичным шагом в обеспечении сохранности изданий с более чем 100-летней историей является создание электронных копий документов. Вопрос оцифровки краеведческих документов был в приоритете при разработке проекта и создании электронной библиотеки. Эта работа началась в ГУНБ в 2012 году. Задачей было минимизировать оборот ветхих бумажных экземпляров, тем самым способствуя сохранению документального наследия региона, а также максимально открыть доступ к уникальным документам, содержащим информацию о крае, в том числе для удаленных пользователей.

Очередной вехой в развитии электронной библиотеки ГУНБ стало выделение из нее электронной краеведческой библиотеки. В 2021 году она получила свое имя «Красноярский меридиан» и адрес meridian.kraslib.ru.

Пополнение электронной краеведческой библиотеки – плановая деятельность, включающая в себя составление списков изданий, рекомендованных к оцифровке, собственно техническую сторону вопроса (сканирование, распознавание, вычитка текстов), составление библиографических записей на оцифрованные документы, работа с коллекциями. Критериями для включения документов в планы на оцифровку являются как культурная и научная значимость изданий, так и ценность с точки зрения содержащегося в них краеведческого материала. Перспектива развития «Красноярского меридиана» – исчерпывающе полная оцифровка краеведческих документов из фондов ГУНБ, не нарушающая при этом авторского права в соответствии с действующим законодательством. Стоит отметить, что большая часть работы, касающаяся книжного фонда XIX – начала XX веков, уже близка к завершению. Основные усилия в настоящее время сосредоточены на оцифровке периодических изданий. Вопрос физического использования ряда газет дореволюционного периода стоит очень остро, вплоть до того, что мы вынуждены отказывать в выдаче некоторых подшивок. При оцифровке газетно-журнального фонда ведется работа с Государственным архивом Красноярского края, Красноярским краеведческим музеем для восстановления полных годовых комплектов, а также для выявления отдельных номеров лучшей сохранности.

Работать с документами, расположенными на «Красноярском меридиане», можно разными способами. С одной стороны, в распоряжении пользователей есть поисковик, который позволяет вести поиск в электронной библиотеке по разным запросам, начиная от простейшего (по любому слову) до расширенного, когда можно указать не только автора, заглавие, ключевые слова, но и дополнительные ограничения – искать в описаниях документов, в полных текстах, уточнить год издания и пр. Другой вариант работы – знакомство с коллекциями. На главной странице сайта в виде плашек представлены тематические коллекции – подборки полнотекстовых документов по разным темам. Две коллекции являются базовыми (основными) – «Книжный век Енисейской губернии», «Периодические издания Енисейской губернии».

Основу «Книжного века Енисейской губернии» составляют материалы, содержащие информацию по истории, экономике, географии, геологии Енисейской губернии, этнографии и культуре народов Сибири, изданные как на территории края, так и за его пределами. Коллекция дает общее представление об объеме литературы, а уже более детальная разработка тем предложена в других тематических коллекциях. В качестве примера можно привести выпуски издания «Памятные книжки Енисейской губернии», которые входят в раздел «Социально-экономическое развитие Енисейской губернии» базовой коллекции, являются частью коллекции «Енисейская губерния в зеркале статистики», а также представлены одноименной коллекцией.

В коллекции «Периодические издания Енисейской губернии» собираются все оцифрованные газеты и журналы губернского периода, на сегодняшний день – 20 наименований. Для удобства работы пользователей с электронными версиями периодических изданий на сайте «Красноярский меридиан» предусмотрен также специальный раздел «Периодика Красноярья». С помощью алфавита, представленного на экране, по названию можно найти нужное издание, если оно уже оцифровано. Фильтр поможет отсортировать массив периодики по: названиям, районам, населенным пунктам, годам издания.

Коллекционный принцип является основным при работе по созданию электронной краеведческой библиотеки «Красноярский меридиан». На сегодняшний день на сайте представлено более 30 коллекций по различным темам: «Газеты и

журналы Красноярского края периода Великой Отечественной войны (1941-1945)», «Газетная хроника военных лет (1941-1945)» (более 250 статей газеты «Красноярский рабочий»); «Сибирский библиофил Геннадий Юдин», «Заселение енисейских земель», «На ниве образования», «Енисейская губерния в огне революций и гражданской войны (1917-1922 гг.)», «Красноярская книга военного года рождения (1941-1945)», «Енисей. Великая река России», «Приенисейская Сибирь – золотая кладовая России» и др. Ведется последовательная работа по созданию новых коллекций и актуализация (постоянное пополнение) уже существующих.

Коллекции формируются по технологии создания виртуальных выставок с помощью системы ИРБИС, в которой ГУНБ ведет все свои базы данных. Эта же система является основой всей электронной библиотеки, что дает возможность читателям работать с привычными инструментами электронного каталога и вести многоаспектный поиск информации.

Все находящиеся на сайте электронные копии открываются для просмотра без каких-либо дополнительных требований (авторизация на сайте), имеется возможность скачивания отдельных страниц документов.

Издания, представленные в электронной краеведческой библиотеке «Красноярский меридиан», несомненно, представляют интерес для ученых, краеведов, исследователей и всех, кто интересуется историей региона. Это подтверждают и цифры. В 2022 году посещение электронной библиотеки составило 1 327 пользователей, книговыдача составила 115013 документов. Согласно интернет-сервису «Яндекс. Метрика» чаще всего сайт электронной библиотеки посещают читатели из России (подавляющее большинство), затем – из Белоруссии и Казахстана. На сайте электронной библиотеки читатели в среднем проводят более 8 минут. 74,3% читателей электронной библиотеки – женщины. Возрастной состав пользователей электронной библиотеки: 55 лет и старше – 22,4 %; 45–54 года –15,4 %; 35-44 года – 18,8 %; 25-34 года – 18,8 %; 18-24 года – 20,0 %; остальные – 4,51 %.

Заключение

Хочу отметить, что несмотря на наличие электронных копий краеведческих изданий XIX – начала XX веков, их печатные аналоги продолжают оставаться востребованными читателями в залах библиотеки.

Список литературы

1. Похабова К. Ю. Электронная краеведческая библиотека «Красноярский меридиан»: на пути к пользователю // Электронные ресурсы и технологии библиотек: современные решения, инновации, возможности : материалы III Всероссийской научно-практической конференции / Министерство культуры Красноярского края, Российская библиотечная ассоциация, Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края. Красноярск : ГУНБ, 2021. С. 151-157. URL: https://clck.ru/34qro5 (дата обращения: 29.06.2023).
2. Сводный каталог книг о Красноярском крае. Вып. 3 (Литература до 1917 г.) / сост. В. Ф. Безденежная и др. Красноярск, 1987. 114 с.
3. Шиндина А. Б. Енисейское центральное книгохранилище (1920-1921 гг.) // Памятники истории и культуры Красноярского края. Вып. 2. / Центр по охране и использ. памятников истории и культуры. Красноярск : Красноярское книжное издательство, 1992. С. 227-238.

УДК 94

«Дневник сельской учительницы из Назаровского уезда (1894–1898 гг.)»

Сироткина Ирина Алексеевна
Библиотекарь Алтатской сельской библиотеки-филиала № 17 МБУК «ЦБС Назаровского района»
Назаровский район, Красноярский край, Россия
altatb@mail.ru

Емельянова Екатерина Викторовна
Главный библиограф МБУК «Централизованная библиотечная система Назаровского района»
Назаровский район, Красноярский край, Россия
ekaterinasirotkina@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена Татьяне Петровне Лихачевой, которая в 1894–1898 годах писала дневник, рассказывая о жизни сибирского села Алтат Назаровского уезда и работе в церковно-приходской школе. Дневниковые записи эмоциональны и охватывают события тех лет. Примечательно, что Татьяна Лихачева была подругой и вела переписку с известным сибирским этнографом и фольклористкой Марией Красноженовой. Дошедшие до нас записи повествуют о свадьбах, праздниках, школьных буднях, о людях, трагических эпизодах и личных переживаниях Татьяны. Дневник обрывается душераздирающим, пронзительно правдивым рассказом о смерти дочки Нюрочки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Лихачева, образование, учителя, село Алтат, Назаровский район

Обучение детей грамоте в селе Алтат Назаровского уезда началось в 1883 году. Первая школа была в церковной сторожке. В ней обучались дети богатых, всего 7 человек, остальные были неграмотными. В 1884 году построили пятистенный дом, где и продолжалось обучение. В школе было 3 класса [1, с. 2]. 17 октября 1888 года была открыта церковно-приходская школа. Учителями были священник Пётр Яковлевич Нечаев и его дочь, Татьяна.

Родители Татьяны Петровны родились в Калужской губернии и принадлежали к духовному сословию. После венчания, В 1855 году, молодая семья отправилась через всю Россию в далекую Сибирь. Обстоятельства их отъезда неизвестны. Возможно, это был их собственный выбор, а может быть, они «уехали по распределению», но все дети Петра и Анастасии родились уже в Сибири. У них было пятеро детей: Анна (1862-1932), Мария (1863-1905), Александра (1868?-?), Татьяна (1872-1956) и сын Иннокентий (1875-1937) [2, с. 191].

Татьяна Петровна, младшая дочь, шестнадцатилетней девочкой стала женой Петра Лихачева, молодого священника, в 17 лет уже родила дочку Нюрочку. Обнаруженный дневник Татьяны Петровны, рассказывает о жизни и деятельности с 1894 по 1898 годы, когда она, уже овдовев и окончив в Красноярске епархиальную учительскую школу, возвращается жить в родительский дом, в село Алтат.

14 октября, среда, 1894 года

Предшествовавшие дни были полны событиями и новыми впечатлениями, радостными и горестными для меня, так что я немного нервами расстроилась: 5 октября я получила из Алтата письмо о болезни мамаши; известие это меня крайне потрясло, потому что я готовилась к экзамену, а тут пишут: «Приезжай скорее». Немного одумавшись и пораздумав, решила кончить начатое, положившись во всем на Бога. 8 октября я выдержала экзамен: с экзамена пришла уж в 3 часа сильно

утомленная, к тому же и обрадовалась, что выдержала, но отдыхать было некогда. 9-го в 14 часов я выехала из Красноярска со страхом и надеждой за мамашу. Домой приехала я 11 октября. В Ачинске встретилась с братом. Мамашу я застала плохой, но она уже начала выздоравливать. Дома все ходят какие-то жалкие, растерянные, везде беспорядок. На душе пустота и уныние – после всего бывшего шума и вдруг наступило затишье. Но оно наступило ненадолго: назавтра я отправилась в школу.

Школа наша крайне неприглядная, в караулке, которая занимает всего какую-нибудь квадратную сажень, учеников же пришло 30 человек. Хотя я и ужасалась от всего виденного в школе, но все-таки рада ей: она меня спасет от скуки и уныния. Теперь вот хоть знаю, что есть живое дело, буду работать, а работы на первое время очень много в неустроенной школе, да и неопытна я еще в этом деле, и это тоже прибавит работы и забот [2, с. 194].

16 октября, вторник, 1894 года

Решила ехать в Назарову исповедаться и послать бумагу в Енисейское Епархиальное женское училище, иначе бумаги о моем определении долго не придут. Священник назаровский о. Николай мне очень понравился: умный, развитой и веселый, радушный. Там пришлось ночевать, хоть и не входило в расчеты. Время провели в игре в мушку и в разговорах. Утром о. Николай предложил посмотреть их школу (школа-то министерская). Учитель, конечно, недоволен крестьянами, что столов нет и то, и другое, а я подумала: «А у нас-то в 30 раз хуже», – даже стыдно стало за свою школу [2, с. 195].

Известно, что летом 1891 года Красноярск посетил цесаревич Николай II. Примерно, высчитав, мы понимаем, что в этом году Татьяна уже училась в Красноярске, но так как были каникулы, то, по всей вероятности, она пропустила такое знаменательное событие. Но в своём дневнике она не упускает и политические события, переживая за происходящее.

22 октября, суббота, 1894 года

Ах, какое горестное событие: пришло известие, что наш Государь Император Александр Александрович III скончался; сегодня служили о нем панихиду. Мне очень-очень жаль Государя. И опять пустота какая-то, чувствуется одиночество, хочется плакать, когда вспомнишь Государя. Каким-то будет новый Государь, такой же ли умный и добрый, а этот был мудрый, как говорят.

23 октября, воскресенье, 1894 года

Сегодня приводили народ к присяге новому Государю Николаю Александровичу II и наследнику Георгию Александровичу. Я не была в церкви, но присяжный лист подписала, как учительница [2, с. 195].

3 ноября

Право, нет времени писать каждый [день], хоть бы и хотелось: то школа, то хозяйство, а тут и Нюрочка больна. Я не могу выносить ее мученья, уж бы скорее то или другое. За что она так страдает? А писем все еще нет и бумаги из совета тоже; что они там застряли, хоть бы строчку. Уж я напишу Мите, поблагодарю за «частые» письма, противный, и Манька тоже [2, с. 196].

В отступлении автора статьи, которую мы взяли за основу этой исследовательской работы, указано, Манька – это Мария Васильевна Красноженова, подруга Татьяны Петровны по Красноярску. Работала в Красноярске учительницей. При каких обстоятельствах они познакомились нам не удалось обнаружить. Далее по тексту дневника уже не встречается имя Марии Васильевны. И, к сожалению, в коллекции её писем, которые находятся в Красноярском краевом краеведческом музее, переписок Марии и Татьяны не сохранилось. Свидетелем их дружбы осталась только фотография.

М. В. Красноженова и Т. П. Лихачева

Алтатская церковно-приходская школа, где работала Татьяна Петровна

Вторник, 22 ноября 1894 года

Я все еще думаю и не могу ничего придумать; все жду чего-то. Во-первых, как расстанусь со всеми ребятами. Все эти сопливые, грязные ребятишки в то же время такие милые. Глазенки их, карие, голубые, серые, черные, так и смотрят тебе в глаза, так и говорят: «Говори нам, учи нас, мы готовы тебя слушать и учиться». Какими сиротами они смотрят, как отойдешь от них. Неужели бросить их? Нет, не могу. Но и потом что? Молодость, сила, здоровье уходят и в конце одиночество, страшный холод от него, а на судьбу и счастье надеяться тихо. Что же делать! Что делать! [2, с. 197]

В записях прослеживается мысль о том, что из-за такой скучной жизни в селе Татьяна Петровна желает уехать. Описание жизни без развлечений, болезнь дочери, все эти эмоции отражаются в дневниках. Она ведет переписки, в том числе, любовные. Рассказывает о свадьбах местных жителей. Но не описывает их как обряды, а пишет о людях, что называется «как есть». Пишет имена, живших тогда алтатцев, какие у них были характеры, рассказывает о выступающих женщинах. Как были не убраны комнаты, окна были заставлены бутылками, а лавки завалены одеждами гостей.

Например, 11 февраля 1897 года она пишет

А вечер, вечер-то какой будет, с музыкой и не по-крестьянски, молодые будут присутствовать на вечере, а то ведь у них иное обыкновение. Я всё хочу как-нибудь описать здешние свадебные обычаи и обряды, да боюсь, что ничего не выйдет: не знаю песен и так-то ещё не всё знаю [2, с. 211].

21 октября 1895 года, суббота

Хочу писать о серьезном, а у самой только и на уме, что три ля-ля да три ля-ля, и в то же время грустно, а много же во мне пустоты… Пока была возможность измениться к лучшему, у меня не было желания, когда же явилось сознание всей бесцельности подобной жизни, то стало уже поздно, потому поздно, что нет сил подняться, слишком я уже втянулась в нашу жизнь, привыкла к ней.

Недавно, кажется с неделю тому назад, умер ученик нашей школы, учившийся в прошлую зиму. Чувашонок, как его все школьники называли, был очень умный и серьезный мальчик. Со времени поступления не пропустил, кажется, ни одного дня, хотя здесь и вообще редко пропускают уроки. Умершего звали Сергей Васильев. Бывало, придет его мать в школу подтопить нам, так как у нас всю зиму было прохладно, и начнет по-нашему говорить, да еще старается пошутить и рассмешить, а и без того у нее смешно выходит. Сейчас же наш чуваш рассердится на мать, взглянет на меня и начнет по-своему, по-чувашски, останавливать, чтоб не говорила и уходила.

Мать его – добродушная чувашка, и мы все, и я в том числе, были рады бы поболтать с ней, да и болтали, если приходила в перемену, только вот он почему-то всегда был недоволен ее приходам. Уж одним тем, что он чуваш, он мне понравился, а чуваши все мне симпатичны: кротки, честны, ласковы. Такие, как Васильев наш, видно, и Богу нужны [2, с. 203].

18 ноября

Течение дня не описываю, потому что один уж очень походит на другой, погода и та не балует нас разнообразием, все стоит тепло, и только вот два дня сильный ветер, да и тот очень теплый, так что весь снег съело. Сегодня, впрочем, было происшествие с одной ученицей, причиной тому был также ветер. Она – хорошая девочка, пошла утром в школу. Дорогой ее сильный порыв ветра уронил. В это время букварь выпал из рук, и ветер подхватил книжку и унес. Сколько она ни гналась за ней, не смогла достать. Приходит в школу и, что называется, воет на всю комнату, и на мой вопрос: «Что с тобой? О чем плачешь?» – только и смогла выговорить: «Ветер книжку унес». Насилу ее успокоила, дав ей новую книгу, но все-таки она в перемену опять плакала. Потом уже ей

в школу принесли букварь, в котором только корки были целы, а листочка только три или четыре, да и то какие-то жалкие клочки [2, с. 205].

Здесь случается большой перерыв в записях, так что она сама ужасается, что не писала больше полгода.

1896 год 5 октября, суббота

Завтра в школе молебен. Ученье началось 3-го. Как печально и досадно, что все, что учили прошлой зимой, забыто; в особенности малыши, те, что побольше, еще кое-что помнят. Вот теперь и приходится все снова повторять – время терять, которого и на новое-то не хватает. Сегодня навели новичков, да все маленьких, много семилетних. Плохо с маленькими: ни за что не кончить программы в 3 года. Если б начинали 10 и 11 лет учиться, тогда бы можно успеть, а у маленьких и внимания не хватает, и как неразвитые – весь лексикон у них состоит из 5 слов… С большими дело идет успешнее. Не знаю, право, как я справлюсь, и теперь все это меня очень заботит, а главное, нынче хотелось бы к экзамену, даже обязательно нужно, а они все забыли. Труд просто непосильный – заниматься сразу с тремя отделениями [2, с. 206].

23 декабря 1896 года, понедельник

Вот у меня с писарем И. Мих. [Бурлевым] какая-то размолвка, которой, впрочем, я причин не знаю. Но легко видеть то, что он что-то дуется, и так как он слишком самолюбив и мстителен, то и немудрено. Недели две тому назад вдруг просит, чтоб устроить елку для учеников, и сам вызвался собирать на елку по подписке, обещал набрать рублей 25. Я не хотела и не думала устраивать елку нынешний год, но, видя, что он так горячо принимается, тем более что сам изъявил желание участвовать в этом деле, я, конечно, согласилась. Да и нехорошо было отказываться. Потом, как надул губки, чего терпеть не могу, лучше прямо сказать, что сердит, нашел отговорку, что потерял подписной лист, послал записочку мне в школу и предлагает попросить кого-нибудь другого принять участие. По своему обыкновению, я рассердилась больше за то, что его никто не просил браться, а если некогда, так раньше должен был сообразить, да больше-то, я знаю, что это «некогда» – одна отговорка. «Милостивый Государь! – писала я ему. – Вы мне премного обязаны тем, что потеряли подписной лист для елки, а другого я составлять не намерена, а тем более просить кого-нибудь участвовать».

С тех пор Бурлев у нас еще не бывал…

Утром я сходила в школу. I отделению показала Ъ и Ь зн[аки] и распустила, но придется, однако, до 28 января заниматься: навязали обязанности счетчика [за участие во Всероссийской переписи населения Татьяна Петровна была награждена медалью] [2, с. 208].

30 июня, понедельник

Неужели в Алтате ничего нет краше и лучше сплетен. Хочешь сделать добро, но, положим, это еще не горе, что не хотят понять да не ценят стараний, это, думается, со многими бывает. Пусть высказывают недовольство, что в здешней школе не выучиваются, но я знаю, что не я тому виной. Мирюсь с этим, потому что не я одна, может быть, терплю подобные неудачи. Но сплетен не выношу. Я хочу жить и поступать, как хочу. Отчет никому давать не буду, не хочу подчиняться алтатским правилам и понятиям. Если у меня есть потребность развлечься, нахожу человека, с которым можно хоть поболтать, то для святош не пропущу случая удовлетворить себя хоть болтовней [2, с. 212].

13 декабря, 1897 год

Часто слышишь, жалуются наши интеллигенты на скуку в деревне, да и сама я того же мнения была раньше, т. е. что в деревне, кроме скуки, ничего не сыщешь, теперь же думаю иначе. Правда, что в глуши трудно жить привыкшему к городской жизни, да

притом еще слабому характером. Лучше б было, если б хоть один человек был, который мог разделять твои взгляды и понятия. Я только в этом чувствую недостаток. Например, я мечтаю, чтоб в нашей школе было две учительницы, другая была бы старшая, более знающая и опытная, могла бы руководить мною и помогать мне добрым советом. Я бы всей душой полюбила ее, старалась единодушно с ней действовать на пользу общего блага и не подумала бы скучать [2, с. 216].

14 февраля 1898 года

Вчера я испытывала такое сильное чувство одиночества, какое испытываю очень редко. До того было тяжело, до того невыносимо, что я, чтоб не выдать себя, легла поскорее, но, несмотря на страшную усталость и слабость, я долго не могла заснуть. Думала, что слезы облегчат меня, но вышло наоборот.

Здесь не совсем понятно по какому поводу Татьяна описывает такие переживания, может расставание с возлюбленным, а может затянувшаяся болезнь дочери, которая умирает через несколько дней после этой записи. Но в этот же день ещё пишет...

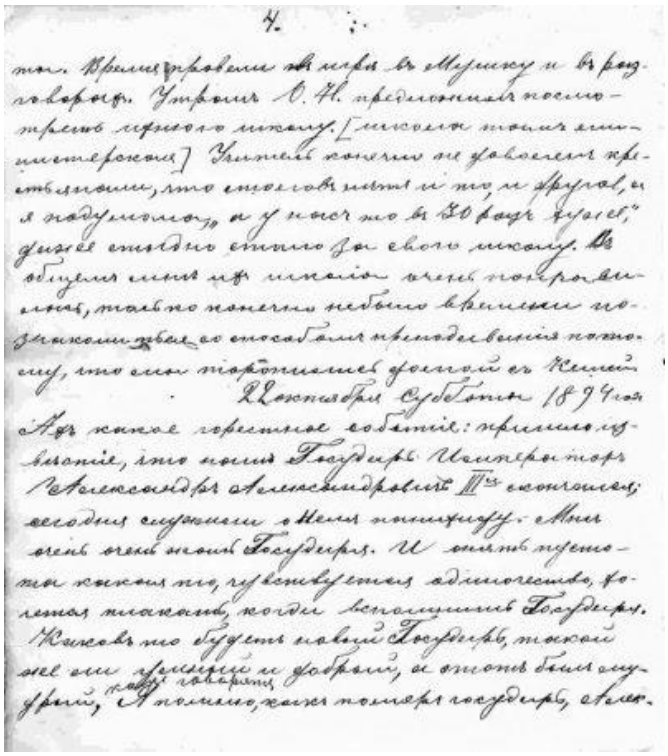
Купила вчера себе лошадь за 33 руб., рыжей масти. Буду кататься сейчас и летом верхом, только седло еще нужно купить [2, с. 216].

Следующая запись датируется только 11 апреля 1898 года. В которой она очень подробно расписывает болезнь, смерть и похороны Нюрочки. Татьяна Петровна переживает, когда приходится оставлять дочь и уходить в школу или уезжать в Назарово, откуда она привозила врачей. Как Нюрочка не хотела принимать горькое лекарство, как просила исповедаться.

1898 год, 22 февраля, воскресенье первой недели Великого поста, в 9 часов вечера Нюрочка, моя радость и утешение, ушла от нас в лучший мир, прожив 8 лет, 2 месяца, 21 день, 21 час. Господи, Ты мне послал горе, Ты же и утешение пошли. Всю последнюю неделю перед масленой был у Нюрочки жар по ночам, днем же она была совершенно здорова. Особенно памятен вечер один. Был Петр Кузьмич у нас, присел поиграть на гитаре и что-то грустное играл, но она упросила его сыграть, чтоб ей с Олей потанцевать, и сколько времени кружилась с Ольгой, так что Оля уже устала и вообще не захотела продолжать. Но моя девочка до того развеселилась, что и нас всех воодушевила и меня вызвала, и я сколько-то времени с ней плясала. И только, когда у

дяди рука устала, так она унялась. Нас всех удивило ее сильное веселье, такого я в ней не замечала раньше, словно чувствовала, что последний раз.

Татьяна Петровна с дочкой Нюрочкой.
Факсимильная копия страницы дневника.

В воскресенье просто тяжело было мне оставить ее одну, чтоб идти в церковь, но мама стала посылать меня, и я пошла. А уж как пришла, так она меня до самой смерти не отпустила, если выйду за чем на минуту, то она сейчас же начинает звать: «Мама, ой, мамочка, скорей идите!». Я попросила папу исповедать ее. Бедная моя девочка, как молилась, крестилась своей худенькой ручонкой, смотрела как на иконы! После, как мы с папой стояли у ее гроба, он долго смотрел на нее и сказал, стараясь подражать ее голосу: «Птичек ловила, маму да бабушку не слушалась». Это она говорила на исповеди. После исповеди начались ее страдания. Не могла уж найти себе места, то на две подушки ляжет, то вовсе без подушки, то поперек кровати, то на бабушкину кровать, то в зал ее унеси. То на руки.

Часов в 8 я начала просить маму, чтоб послали скорее лошадей в Назарову за фельдшером, так как видела, что ей все тяжелее становится. Минут за пять до беспамятства ее я вышла в кухню, чтоб намочить горячей водой голову, так она постановила бабушку: «Пошлите маму скорей, да пошлите же скорей!». Я пришла, привязала к горлу ромашки и пить дала, опять я ее взяла на руки, но она сейчас же опять на подушку запросилась. Отвязали ромашку, и тут-то она в последний раз внятно три раза сказала: «Уж замучили вы меня совсем». Потом отвернулась к стене. Ещё несколько раз она просила пить, но уже не могла выговаривать слова. Тяжело дышала [2, с. 217-220].

26-летняя Татьяна Петровна, у которой на руках умирает дочь, через некоторое время после этих трагических событий до мелочей описывает всё происходившее. Чуть

не сойдя с ума в те дни, через два месяца в своём дневнике она помнит и осмысляет каждую минуту.

Утром ученикам сказала бабушка Лозовая, и они всей гурьбой прибежали к нам. Ох, как тяжело их всех видеть было без Нюрочки, этого я тоже не могла видеть, да и они все навзрыд плакали о ней. Я не могла смотреть на любимицу Нюрочки – девочку Сашу. И все три дня ребята все бегали и плакали. Третье отделение остались читать по переменке Псалтирь. Потом стал народ приходить и все знакомые. Пережить все это я могла, только не высказать. Последний раз поцеловала свою девочку у края могилы, что же больше-то я могла сделать? Будь я хоть самый энергичный человек в мире, и то бы ничего не помогла вся энергия, но каково пережить это чувство беспомощности в таком страшном положении? Я бы рада вырвать была свою Нюрочку из гроба… [2, с. 221-222]

На этом заканчивается первая тетрадь и обрываются записи Татьяны Петровны. Другие тетради, к сожалению, до нашего времени не сохранились.

Далее был второй брак, переезд в Томск, рождение сына Гриши. Татьяна Петровна, рано потеряв своего второго мужа, одна вырастила сына, дала ему возможность получить высшее образование, сдавая комнату научным работникам и студентам, кормя их домашними обедами. Умерла она в 1956 году, окруженная внуками, которые и не подозревали, что их сдержанная, строгая бабушка, читавшая им книжки и игравшая с ними в шахматы, была когда-то порывистой, своенравной, горячей девчонкой, отчаянной плясуньей, любительницей поиграть на гитаре и поскакать на лошади.

Список литературы

1. Беляев В. Алтатская история (250 лет с. Алтат) // Советское Причулымье. 1990. 13 декабря. С. 2-3.
2. Рытова Н. С. «Одна надежда мне светила…» // Бабушка, Grand-mere, grandmother…: воспоминания внуков и внучек о бабушках, знаменитых и не очень, с винтажными фотографиями XIX-XX веков / [сост. Е. В. Лаврентьева]. Москва: Этерна, 2008. С. 190-223.

УДК 908

Краеведческая деятельность в сельских библиотеках (на примере МБУК «МБ» ШМО»)

Станкевичус Елизавета Сергеевна
Библиограф Центральной библиотеки округа МБУК «МБ» ШМО,
с. Холмогорское, Россия.
lizagreen098@gmail.com

АННОТАЦИЯ Сельские библиотеки представляют собой один из наиболее значимых культурных центров в селах, деревнях и поселках. Они обеспечивают доступ к книгам и другим источникам знаний для всех жителей сельской местности, включая детей, взрослых и пожилых людей. Краеведческая деятельность в сельских библиотеках представляет собой не только способ расширения знаний жителей и сохранения культурного наследия региона, но и место, где они могут обмениваться опытом и идеями. Кроме того, краеведческая деятельность в сельских библиотеках может способствовать развитию туризма в регионе, привлекая туристов своим историческим и культурным наследием. В данной статье рассматривается краеведческая деятельность Центральной библиотеки округа и филиалов Муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая библиотека» Шарыповского муниципального округа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Краеведение, сельская библиотека, Шарыповский муниципальный округ

Сельские библиотеки являются одним из важнейших культурных центров населённых пунктов округа. Они предоставляют доступ к книгам и другим источникам знаний для всех жителей сельской местности, включая детей, взрослых и пожилых людей. Краеведческая деятельность в сельской библиотеке является одним из способов расширения знаний жителей и сохранения культурного наследия региона. Она может стать не только источником знаний для жителей, но и местом, где они могут обмениваться опытом и идеями. Кроме того, краеведческая деятельность в сельской библиотеке может способствовать развитию туризма в регионе.

Цели краеведческой работы, еще в 2005 г. обозначенные в рамках Программы РБА как обеспечение доступности краеведческих информационных ресурсов и распространение краеведческих знаний, формирование и развитие краеведческих информационных потребностей, тесно связаны с целями других направлений библиотечной деятельности, таких как патриотическое и экологическое воспитание. В краеведческой деятельности библиотек, в том числе и сельских, выделяются такие направления, как историко-патриотическое и историко-правовое, литературное, эстетическое, а на современном этапе развития к ним, очевидно, можно прибавить экологическое и туристическое краеведение.[1]

Краеведческая деятельность Центральной библиотеки Шарыповского муниципального округа осуществляется в различных формах мероприятий: подкаст, буклеты, брошюры, экскурсии, заметки, выставки и т.д.

Одним из самых распространённых способов популяризации краеведения является проведение мероприятий связанных с историей Красноярского края и Шарыповского муниципального округа. При разработке плана библиограф ориентируется на Календарь значимых дат края и округа, а также на краеведческую литературу, актуальные события в наше время. Главная цель проводимых мероприятий - не просто рассказать слушателям факты, а заинтересовать их и создать

эмоциональную связь. Для создания эмоциональной связи поднимаются острые социальные темы, которые напрямую связаны с участниками мероприятия и их близкими. Например, одной из них является проблема экологии края и округа. В феврале 2023г. десятиклассники посмотрели фильм «КАТЭК. Шарыпово. Энергия Сибири» 1989 г., после просмотра прошла дискуссия о последствиях строительства КАТЭКа для экологии округа, оправдывает ли выгода от добычи угля вред окружающей среде и здоровью человека. У жителей округа интерес вызывают истории об основании сел, деревень. В апреле 2023г. прошел познавательный час «Вот моя деревня: Вот мой дом родной», четвероклассники узнали об основании д. Сорокино. Детям предложили подумать о трудностях, с которыми столкнулись переселенцы в Сибири, как их можно решить, люди каких профессий были особенно ценны при основании нового поселения. Подобные мероприятия проходят каждый месяц, в основном они направлены на школьников.

В 2021г. Центральная библиотека округа реализовала проект «Березовая грива», были организованы четыре выездные экскурсии на Березовую гриву, всего 80 человек, их проводил краевед Комиссаренко А. Н. Ребята посетили Березовую гриву (Хыр-Хазын), Кун-кервес у р. Береш (Волчья), на этом месте было святилище солнцепоклонников, представителей племен, которые ученные называли афанасьевцы, андроновцы.

В 2023г. в ЦБО начал свою деятельность клуб «Краеведческий нон-фикшн «Большая история малой Родины». Целью клуба является популяризация истории Красноярского края и родного округа, члены клуба в течение года изучают краеведческую литературу и пишут исследовательскую работу.

В краеведческую деятельность вовлекаются не только школьники, пенсионеры – активная категория жителей округа, они проявляют большой интерес к истории малой Родины. Факультет «Краеведение» в рамках народного университета «Активное долголетие» пользуется большой востребованностью. Заседания факультета проходят не только в Центральной библиотеке округа, но и в ее филиалах по всему округу, лекции читает Комиссаренко Александр Николаевич. По завершению учебного года для студентов факультета «Краеведения» проводиться экскурсия по достопримечательностям Шарыповского муниципального округа.

Центральная библиотека издает краеведческие материалы, такие как брошюры, буклеты, закладки. Например, в 2021г. выпустили брошюру «80 знаменательных дат Шарыповского района» к юбилею округа, а также брошюру «Исчезнувшие, но не забытые», которая содержит материал об исчезнувших населенных пунктах округа. В 2022г. вышла брошюра, посвящённая Году культурного наследия народов России под названием «Многонациональный народ Шарыповского муниципального округа. В 2023г. планируем, выпустить брошюры об истории библиотек округа и к Году педагога и наставника.

Мы стараемся сохранить историю наших библиотек для будущих поколений, создавая альбомы со сканами статей о наших работниках и мероприятиях, таких как «Мы пишем, пишут о нас», «Библиотеки района на страницах печати», «Шарыповский район: вчера, сегодня, завтра», «О себе любимых и не только… на страницах печати» и другие. Альбомы с вырезками сохранились с 70-х, 80-х и 90-х годов, а в XXI веке они были заменены сканами статей. Фонды библиотек округа постоянно пополняются книгами и периодическими изданиями, и в 2022 году в Центральную библиотеку и филиалы МБУК «МБ» ШМО поступило 710 книг и 229 экземпляров периодики.

Сегодня краеведение можно изучать не только в библиотеках, музеях, архивах и на экскурсиях, но и в электронной среде. Электронные ресурсы позволяют получить

информацию о малой Родине в любое время и в любом месте. Сайты музеев, архивов, библиотек, фотоархивы и видеоархивы, интерактивные карты и приложения – все это доступно в Интернете. Таким образом, электронное краеведение является уникальным инструментом для изучения родного края. Историческое краеведение на сайтах библиотек рассматривается в различных аспектах. В большей степени библиотеки представляют на сайтах отдельные исторические ресурсы. Изучение и восстановление истории отдельной территории, изучение биографий отдельных персон края. Формы предоставления *истории отдельной территории* различны: библиографические списки, БУ, БД; фактографические справки, справочные интерактивные ресурсы (викторины, онлайн-игры, онлайн-карты и др.), полнотекстовые ресурсы, видеоматериалы и др. [2]

Наша библиотека стремится предоставить информацию для большего круга людей, на сайте МБУК «МБ» ШМО можно найти информацию о людях, про исторические и природные памятники Шарыповского муниципального округа, статьи и заметки выходят ежемесячно: «Озеро Круглое», «70 лет назад Парнинская школа была преобразована из семилетней в среднюю», «105 лет со дня рождения Сухих Николая Алексеевича» и т.д. На сайте постоянно дополняется интерактивная карта «Памятники и достопримечательности», посетитель сайта может щёлкнуть на метку на карте и получить информацию о месте, которое его интересует. В 2023 году в социальной сети Вконтакте в нашем сообществе вышел подкаст «Душа Сибири», посвященный истории Сибири, Красноярского края и округа, ведущими подкаста являются библиограф ЦБО Станкевичус Е.С. и учитель истории и обществознания Сенють Павел Альбинович.

Электронное краеведение является уникальным инструментом для изучения родного края. Это удобно, доступно и может быть использовано для сохранения исторических и культурных ценностей, развития туризма и привлечения туристов в регион, однако, важно помнить, что электронное краеведение не может заменить личного опыта.

Филиалы Муниципального бюджетного учреждения культуры «Межпоселенческая библиотека» Шарыповского муниципального округа активно привлекают жителей округа к краеведческой деятельности. В 2022 году библиотекари села Парная создали видеоролик "Легенды и были родной земли", который знакомит с легендами окрестностей, такими как история о хакасской шаманке Парбанах, легенда об озере Келинголь, Святом источнике, урочище Четыгыс и многими другими. Материалы для видеоролика были собраны из книги "Чаша достоверности".

Библиотеки округа также оформляют книжные выставки «Мой край, задумчивый и нежный» в деревне Скрипачи, «Красота родной природы» и «Мой край родной» в библиотеке села Темра, и «Ада чирі - земля предков» в селе Парная. Для привлечения жителей округа к краеведению, библиотеки создают виртуальные выставки «Сибирь - богатство России», «Поэты малой Родины!» и «Край голубых озер» в Центральной библиотеке Шарыповского муниципального округа и в селе Ивановка.

Библиотекари округа также создают тематические папки-накопители, «Есть в селе такие люди», «Шарыповский район - заповедный край Сибири», «Юные таланты земли Ивановской», и «О них должны знать», а также иллюстративные альбомы «История библиотеки», «История села». В библиотеке села Ивановка большим спросом пользуются библиотечные библиографические издания «Знаешь ли ты свое село?», «Шарыповский район: вчера, сегодня, завтра», и «Путешествие по родному краю».

Знакомство читателей с местными писателями, организация экскурсий и участие в конкурсах являются неотъемлемой частью краеведческой деятельности библиотек

округа. Например, библиотекарь из деревни Скрипачи организовала экскурсию для школьников на реку Урюп и к логу «Барсуки», где ребята узнали о местной флоре и фауне, в 2023 планируется провести экскурсию «Туристическими тропами родной деревни, а библиотекарь с. Большое Озеро проведет экскурсию «Святые места». В 2023 году в ЦБО была организована презентация книги детской писательницы Татьяны Антроповой «Стихи для детей» в селе Холмогорское.

В 2021 году библиотеки участвовали в конкурсе на лучший краеведческий уголок «Волшебные места, где я живу», оформив уголок краеведческой литературой об истории округа и края. Библиотека из деревни Сорокино принимала участие в районном конкурсе «Давай пройдемся по селу».

Список литературы

1. Краеведческая деятельность современной сельской библиотеки (на примере работы библиотек Томской области) // Cyberleninka URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kraevedcheskaya-deyatelnost-sovremennoy-selskoy-biblioteki-na-primere-raboty-bibliotek-tomskoy-oblasti (дата обращения: 14.06.2023).
2. Формы и методы организации краеведческой деятельности В МБУ ЦРБ и продвижение краеведческой информации на сайте библиотек // eLIBRARY URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=44022954 (дата обращения: 14.06.2023).

УДК 908

Опыт работы с локальной историей в библиотеке на примере проекта «Аферёнковские чтения»

Столетова Юлия Олеговна
Заслуженный работник культуры Красноярского края
МБУК ЦГБ им. М. Горького, заместитель директора по развитию библиотек.
Железногорск, Красноярский край, Россия
bibgaidara@gmail.com

АННОТАЦИЯ Описан опыт проектной деятельности по краеведению на базе центральной городской библиотеки. Особое внимание уделено личности Виктора Александровича Аферёнко, краеведа, чьи работы стали основой данного проекта. Цель описанного проекта - активизация интереса подростков и молодежи к изучению истории страны и края, через изучение локальных историй посредством проведения Аферёнковских чтений. Статья содержит описание различных форматов работы, расширяющих границы традиционной краеведческой конференции и направленных, в первую очередь, на молодежь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Проектная деятельность, Виктор Аферёнко, библиотека, вербатим.

Кто я? Потомок древних
Ариев
Славянам – сын, аринам –
Брат,
Типичный житель
Красноярья:
Чалдон и евроазиат.

В. Аферёнко 1997 г.

Познание истории родного края способствует складыванию региональной идентичности, осознанию принадлежности к родной местности, к поколениям земляков, их историческому и культурному наследию, а это, в свою очередь, является основой для осознания себя гражданином России. Очень важно сделать историю не абстрактным понятием, а пропустить её через личностное восприятие. В этом помогает локальная история - практика историописания, имеющая целью конструирование местной исторической памяти; описание истории определенного места, рода, события.

В 2021 г. на базе двух библиотек Железногорска прошли I Аферёнковские чтения, посвященные памяти Виктора Александровича Аферёнко, автора книг по краеведению, истории Красноярского края и Железногорска. Основным отличием данного мероприятия от подобных краеведческих конференций стал акцент именно на семейные истории, истории отдельных личностей и поселений. В слушаниях участвовали представители Железногорска, Красноярска, Сухобузимского района.

У Виктора Александровича Аферёнко опубликованы сотни очерков, статей, эссе, заметок - в основном краеведческого содержания. Многие газетные материалы легли в основу более двух десятков книг. Наследие Аферёнко заслуживает популяризации и продвижения в среде подростков и молодежи. Но здесь очень важно найти интересные и нестандартные формы подачи материала, ведь особенность современных молодых

людей — особенное восприятие мира, информации посредством образов, ярких красочных посылов. Таким образом, родился проект «Аференковские чтения», получивший поддержку в конкурсе социальных проектов грантовой программы Красноярского края «Партнерство» в 2022 году. В этом проекте, расширяя границы традиционной краеведческой конференции через современные и увлекательные инструменты познания исторического наследия, мы старались помочь молодежи города сформировать свое отношение к Родине и свою самоидентичность.

Виктор Александрович Аферено родился 1 июля 1935 году в селе Атаманово в большой крестьянской семье. Его родители получили лишь начальное образование – мать закончила 4 класса, отец – всего два. Но в семье любили и ценили книгу. Были традиционны вечерние семейные чтения, на которых читалась русская классика. В Сухобузимском районе Виктор Александрович окончил школу и поступил на физико-математический факультет Красноярского пединститута. После окончания с отличием института свою трудовую биографию он начал учителем сельской школы, затем работал секретарем райкома комсомола, директором Атамановской средней школы, позже - железногорских школ №176 и №99, учителем физики и астрономии в школах 105 и 103. Физик с сорокалетним стажем работы. «Отличник народного просвещения», Заслуженный учитель РФ, Заслуженный педагог Красноярского края. В 2000 году его имя внесено в общероссийскую энциклопедию «Одарённые дети - будущее России», в рубрику «Учитель». Член Союза журналистов РФ. Обладатель именной звезды на железногорской Аллее звёзд. Почётный гражданин Сухобузимского района, почетный гражданин ЗАТО Железногорск.

И при этом он - автор двух десятков книг по краеведению. Интерес к истории села возник у Виктора в юности. Начиная с 13 лет, подростком работал летом в совхозной бригаде, где слушал рассказы сельчан о жизни. В 14 лет начал делать записи. Уже в 1949 году, стал публиковать в газете Сухобузимо «Сельская жизнь» свои первые литературные опыты. Во время работы педагогом в Сухобузимском районе окончательно и бесповоротно «заболел» краеведением. Начал собирать материалы по Гражданской войне и публиковать их в местной газете. С 1963 года в районной газете один за другим стали появляться материалы за подписью Аферено, в которых рассказывалось о земляках: о народных умельцах, бывших фронтовиках, о пастухах, спортсменах. Причем, как настоящий корреспондент, Виктор Александрович примерял профессию героев очерка на себя. Так корреспонденция «Семафор открыт» о службе Водопути и её людях родилась после того, как Аферено на самоходной барже сходил с дежурной сменой по атамановскому участку. Задумав написать о леснике Лакомом, встал на лыжи и отправился в путь вместе со своим героем, почти целый день провёл с ним. Итогом стал очерк «Хозяин Камня».

По крупицам собирал материалы о фронтовиках. Люди с ним были откровенны, потому что свой, не заезжий корреспондент. В октябре 1974 года газета «Сельская жизнь» начала публиковать его очерки об участниках Великой Отечественной войны с подлинными фотографиями военных лет, извлечёнными из семейных альбомов. Беседы с людьми, сбор материала в сёлах чередовались с работой в архивах. Впервые он перешагнул порог краевого государственного архива в 1964 году. Для Виктора Аферено это стало не просто любимым занятием, но и потребностью.

С 1956 г. Виктор Александрович работал внештатным корреспондентом газет «Сельская жизнь» бывшего Даурского и Сухобузимского районов, газет «Вечерний Красноярск», «Красноярская газета», «Город и горожане» (г. Железногорск) и других печатных СМИ. Публиковался в газетах «Красноярский комсомолец», «Красноярский

рабочий», «Учительская газета», «Комсомольская правда», в альманахе «Енисей», журнале «Семья и школа».

Собкор «Известий» Александр Щербаков посоветовал Аферено отправить рукопись с наработанными материалами в Красноярское книжное издательство. В 1980 году вышла первая книга Виктора Аферено – «Земляки на войне», тиражом 5 000 экземпляров.

В 1990 году, имея за плечами 23-летний директорский стаж, перешёл в рядовые учителя. К тому времени самозабвенная его увлечённость краеведением вышла на первый план, стала делом жизни. Во время летних каникул посещал сёла района. Добирался до самых отдалённых уголков, где на перекладных, а где и пешком. Сплавлялся по реке Кан, ходил в тайге по заброшенным приискам, ночевал в палатке. Вторая книга Аферено вышла в 1993 году под названием «Район в центре Сибири». 148 её страниц содержат большое количество неизвестных ранее фактов. Потом были «Вековые корни» - рассказ об освоении наших земель переселенцами из Европы, возникновении новых сёл и деревень, коллективизации, военном лихолетье; книга, посвящённая 50-летию Железногорска «От казачьих форпостов до Атомграда»; книга о Великой Отечественной – «Простите, ребята!», в которой рассказывается о том, как воевали земляки под Москвой и на Курской дуге, на Днепре и в Кёнигсберге; и другие. Последняя книга Виктора Алексадровича Аферено «Ещё не поздно!» (этюды краеведа о природе и экологии родных мест Прикрасноярья) вышла в свет летом 2020 года за полгода до его кончины.

Как говорил сам Виктор Аферено: «…У каждой эпохи свои герои. Сейчас, например, в кумирах кинозвезды, артисты, футболисты. Люди труда, на которых держится Россия, отходят на второй план. Но ведь народ не может быть уходящей натурой! А потому все мои книги и публикации – как раз о них: земледельцах, хлебопашцах, речниках, учителях, врачах – потомках первопроходцев-казаков, работящих и сильных духом. Эти люди и творят историю. А я записываю».

Грантовая поддержка проекта «Аференковские чтения» позволила расширить формат первых чтений и дополнить его. Проект был направлен на популяризацию краеведения среди молодежи, в том числе и через творческие формы. Для этого мы сделали Аференковские чтения краеведческим погружением с элементами визуального искусства и театрализации. Чтения включали в себя: конференцию с выступлениями по теме проекта, практический семинар по вопросам новых форм работ с молодежью по краеведению, вербатим (документальный спектакль), фотовыставку «Живая история», презентацию тематических арт-инсталляций. Часть мероприятий транслировалась в прямом эфире.

Для реализации проекта была проведена подготовительная работа: приобретено выставочное оборудование; отобраны и изготовлены фотографии из музейного архива по истории города для выставки «Живая история»; подготовлены и размещены на фотографиях qr-метки отсылающие к странице с материалами по Аференковским чтениям; приобретены расходные материалы для создания инсталляций по книгам Аферено; разработан сценарий документального спектакля по изданиям В.А. Аферено «Эхо гражданской войны: красноярская операция и обход каппелевцами г. Красноярска в январе 1920 года», «Цена выживания Родины была неимоверно высока: из истории Гражданской войны в Енисейской губернии», «Война Февраля с Октябрем: к 95-летию окончания Гражданской войны в Красноярье»; разработано Положение «Аференковских чтений»; разработан логотип и фирменный стиль проекта; заключены Соглашения о сотрудничестве с учреждениями культуры и образования города.

К работе в проекте были привлечены волонтеры: созданием арт-инсталляций занимались ученики Детской художественной школы; в спектакле участвовали артисты Театра оперетты, Народного драматического театра, театра юного зрителя, ученики школ города, городские рок-музыканты, участники фольклорного ансамбля; в проведении конференции помогали представители городского молодежного центра.

Проект освещался в городских СМИ: вышло 2 газетные статьи; 3 видеосюжета. Информация о проекте так же регулярно размещалась как в группах НКО, библиотеки, так и в пабликах «Город и горожане», «ЗАТОКультура», «Наши новости». К освещению проекта подключились начинающие репортеры видеостудии «Атом ТВ» городского Дворца творчества детей и молодежи.

В качестве промоакции самих Чтений была организована выставка ретро-фотографий города «Живая история». На выставке было представлены фотографии из фондов городского музея периода начало строительства города (1950-1970 гг.). Часть фотографий была снабжена qr-кодами с отсылкой на страницу проекта, где давалась развернутая информация по изображенному событию или месту. На площадке Центральной библиотеки выставка была дополнена картинами городских художников с пейзажами Железногорска. Так же были представлены фотографии из семейного архива В.А. Аферено. Выставка работала на двух площадках: в Библиотеке им. А. Беляева (сентябрь-октябрь 2022 г.) и Центральной библиотеке им. М. Горького (ноябрь-декабрь 2022 г.). Выбор площадок обусловлен их местонахождением – два удаленных друг от друга района города с концентрацией общеобразовательных учреждений. Для каждой выставки в социальных сетях были разработаны рекламные-информационные кампании. Выставку в Библиотеке им. А. Беляева сопровождала рубрика «Где это было?». Вышло четыре оригинальных поста, вместе с репостами общий объем просмотров данной рубрики составил более 4 тысяч. Для продвижения выставки в Центральной библиотеке им. М. Горького в социальных сетях проходила фото-викторина «Навстречу Чтениям». Вышло 5 фото-загадок с общим количеством просмотров более 3 тысяч. В период работы выставку посещали люди разных возрастов, проходили экскурсии для организованных групп. Общее количество посещений составило более тысячи человек. Выставки вызвала большой интерес. Поступали предложения в оформлении данных фотографий в виде фотоальбома по истории города.

Открытием непосредственно Чтений стала презентация арт-интсалляции, изготовленной учениками Детской художественной школы. С октября по декабрь ребята вместе с преподавателями изучали книги Виктора Аферено «Суриков в Сухобузимском: загадки рода Матониных и книги В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и «Красноярская старина от А до Я (архивные этюды)». В основу арт-инсталляции была положена глава из книги «Красноярская старина от А до Я (архивные этюды)» о наличниках. В работе над арт-объектом (инсталляция) приняли участие четыре класса художественной школы. Часть экспозиции «Сибирский лес» делали ученики подготовительного отделения (7-8 лет), основную часть экспозиции «Реконструкция старинного окна по мотивам деревянного зодчества Красноярья» готовили ученики старших классов (13-14 лет). 8 декабря прошла публичная защита созданных арт-объектов как авторских проектов. Создатели инсталляций ответили на вопросы, рассказали о исторических фактах, связанных с изученной литературой. Данная арт-инсталляция послужила декорацией и фотолокацией для следующих мероприятий, в том числе спектакля «Эхо гражданской войны».

Центральным событием проекта стала конференция, которая прошла на площадке Центральной городской библиотеки им. М. Горького 9 декабря 2022 г. Она

прошла в формате выступлений по теме локальных историй на примере отдельных персоналий, семей, родов, сел и т.д. Было представлено 20 докладов, два из которых в формате онлайн (г. Боготол, г. Назарово). Самыми популярными темами Чтений стали: Красноярская воздушная трасса в годы Великой Отечественной войны и Ледовый поход Каппеля. На конференции присутствовала делегация специалистов из библиотек Сухобузимского района – родины В.А. Аферено. По итогам работы Конференции собран электронный сборник докладов, который размещен на леттинг-странице Аференковских Чтений.

Для привлечения внимания к теме Гражданской войны и продвижения произведений В.А. Аферено, посвященных этому периоду отечественной истории был организован показ документального спектакля «Эхо гражданской войны». Сценаристом и режиссером документального спектакля по изданиям В.А. Аферено «Эхо гражданской войны: красноярская операция и обход каппелевцами г. Красноярска в январе 1920 года», «Цена выживания Родины была неимоверно высока: из истории Гражданской войны в Енисейской губернии», «Война Февраля с Октябрем: к 95-летию окончания Гражданской войны в Красноярье» стал специалист библиотеки им. Р. Солнцева - Ирина Кононенко, имеющая специальное образование «организатор социально-культурной деятельности». Спектакль прошел на площадке Центральной городской библиотеке им. М. Горького в вечернее время. Сценой спектакля стали два этажа городской библиотеки. Действие начиналось в холле первого этажа; далее перемещалось в выставочный зал второго этажа; в конференц-зале зрители могли наблюдать за диалогом В.О. Каппеля и П.Е. Щетинкина о судьбе России; в виртуальном концертном зале шел разговор о русской идентичности с ярким выступлением детского фольклорного коллектива «Красная горка»; концом спектакля было выступление городской рок-группы «Джокер» с композицией Shaman «Я русский!». Партнёрами спектакля выступили учреждения культуры города, которые помогли собрать необходимы реквизит.

Завершением Чтений стал практический семинар по вопросам продвижения краеведения среди подростков и молодежи. Специалисты культуры обсудили новые тенденции в работе с краеведением, поделились своим опытом и наработками, рассказали о проектах 2022 года. Практический семинар прошел на площадке модернизированной Библиотеки им. В. Шишкова 10.12.2022 г. Данная библиотека работает по краеведческому направлению и трижды становилась участником проектов, связанных с Красноярским краем. На семинаре с приветственным словом выступил депутат Законодательного Собрания Красноярского края А.В. Кулеш.

Кто-то сказал: трудно беречь настоящее, не зная, какую цену заплатили за него наши предки. Люди должны знать о жизни дедов и отцов, их страданиях и духовных подвигах. Железногорску повезло. Здесь жили и работали три уникальных, очень разных, но объединенных любовью к своей родине краеведа: Сергей Павлович Кучин, Евгений Сергеевич Аннинский и Виктор Александрович Аферено. Городская библиотека продолжит традицию Аференковских чтений. Планируется, что они станут регулярными, с периодом в два года.

Список литературы

1. Аферено Виктор Александрович (1935 - 2020) // Литературная карта Красноярского края. URL: https://litkarta.kraslib.ru/index.php?I21DBN=ATHRA_LITER&P21DBN=ATHRA&C21COM=S&S21ALL=%3C.%3EI=%D0%90%D1%84%D0%92%D0%90-994359%3C.%3E&S21FMT=ath_liter (дата обращения: 25.08.2022)

2. Вяземский Е.Е. Воспитание гражданской идентичности российских школьников и общее историческое образование // Нижегородское образование. 2015. №2. С. 4-10.
3. Коршунова С. Виктор АФЕРЕНКО: ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК // Музей города Железногорска. URL: https://mig26.ru/news/708-viktor-aferenko-ocharovannyy-strannik.html (дата обращения: 25.08.2022)
4. Соседова М. У каждой эпохи свои герои // Город и горожане. 2020. №51. С. 8.
5. Фирсова Т. Колчак в Сибири. Где правда, а где вымысел - разбирается известный краевед // АиФ на Енисее. 2004. №15. URL: https://krsk.aif.ru/society/kolchak_v_sibiri_gde_pravda_a_gde_vymysel_-_razbiraetsya_izvestnyy_kraeved#comment_list (дата обращения: 09.09.2022)
6. Черняева Н.Ф. Памяти Виктора Аферено // Союз краеведов Енисейской Сибири. URL: https://xn--80acfgadqfek3ai2bgc9a0qh.xn--p1ai/2022/07/07/%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D0%B8-%D0%B2%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B0-%D0%B0%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE/ (дата обращения: 09.09.2022)

УДК 02:908

Библиотека в жизни народов Крайнего Севера Красноярского края

Филиппова Елена Петровна
заведующая сектором,
отдел развития библиотечного дела,
Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края,
Красноярск, Россия.
elena.pf65@mail.ru

АННОТАЦИЯ Статья посвящена особенностям процесса развития и современного состояния библиотечного дела в районах Крайнего Севера Красноярского края в исторической ретроспективе. Представлен экскурс в историю становления библиотечных практик в территориях проживания коренных малочисленных народов Севера. Отмечена особая роль библиотек в сохранении и популяризации культурного наследия коренных народов Севера: культуры, языка, традиций и обычаев этих народов. При написании статьи использованы результаты исследовательской работы сотрудников Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края «Динамика развития и современное состояние библиотечных практик в территориях Енисейского Севера».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Библиотечное обслуживание, Крайний Север, коренные малочисленные народы, культурное наследие.

Библиотечному обслуживанию населения в районах Крайнего Севера и местностях, приравненных к ним по условиям проживания, всегда уделялось особое внимание. Исторический опыт развития библиотечного дела в этом регионе свидетельствует о специфике, обусловленной в значительной степени тем, что в зоне обслуживания проживает коренное население малых народностей.

В рамках Года культурного наследия народов Российской Федерации, сотрудниками Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края проведено исследование, которое было посвящено вопросам истории развития и современного состояния библиотечных практик, их влияния на сохранение национальной идентичности коренного населения, проживающего в территориях Крайнего Севера. Результаты данного исследования легли в основу книги «Динамика развития и современное состояние библиотечных практик в территориях Енисейского Севера», которая подготовлена к изданию Государственной универсальной научной библиотекой Красноярского края.

Справочно: руководители исследования – Оксана Владимировна Андроненко, заместитель директора и Геннадий Леонидович Рукша, главный библиотекарь отдела электронных ресурсов и справочно-библиографического обслуживания Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.

В рамках исследования были изучены материалы государственного архива Красноярского края; научные работы и публикации исследователей; издания, находящиеся в фондах Государственной универсальной научной библиотеки.

Проанализированы статистические данные, методические мониторинги, отчётная и иная информация, предоставленная библиотеками исследуемых территорий, а также информация, полученная при посещении ряда библиотек Таймырского Долгано-Ненецкого, Эвенкийского, Туруханского муниципальных районов, городского округа Норильск.

Суровые климатические условия, удалённость от материка и образ жизни коренного населения Крайнего Севера создают уникальную этнокультурную среду, отличную от других российских регионов.

Сообщество коренных малочисленных народов Енисейского Севера, пройдя многолетний и сложный путь становления, стало реальным участником социально-культурной и экономической жизни, как в целом края, так и конкретной территории. Библиотеки выступают институцией, обеспечивающей реальный диалог с населением, в том числе с представителями коренных народов Крайнего Севера, по самым разным жизненным вопросам.

О существовании первых библиотек в районах Енисейского Севера упоминаний крайне мало.

Первая библиотека была создана иеромонахом Тихоном в мужском Свято-Троицком монастыре в селе Монастырском (ныне с. Туруханск). В фонде были жития святых, летописи, царские грамоты и рукописные издания XVI-XVII веков, однако библиотека сгорела в 1726 году.

Впоследствии, в селе Монастырском, весной 1917 года, представителями русской интеллигенции, сосланными в Туруханский край, была организована первая народная библиотека, в фонде которой насчитывалось около 500 книг [4, л. 1].

В 20-х годах прошлого века на Крайнем Севере стали появляться первые культурно-просветительные учреждения.

В феврале 1921 года Сибирский отдел по делам национальностей, в Омске, созывает первое совещание представителей туземцев Сибири. К совещанию была разработана обширная программа, были рассмотрены важные вопросы жизни коренных народов Сибири, в том числе, вопросы образования и культуры: борьба с неграмотностью, преподавание родного языка и на родном языке, собирание и изучение памятников духовной и литературной культуры туземцев Сибири, развитие издательского дела. Значение данного совещания велико, оно определило перспективу развития библиотечного дела [11].

Библиотечное дело в районах Енисейского Севера прошло путь от обслуживания населения книгой кочевыми учреждениями культуры до создания в местах постоянного проживания населения стационарных библиотек [3].

Предшественники библиотек в первой половине XX века – это Культбазы, красные чумы, избы-читальни. Они являлись особой формой просвещения и библиотечного обслуживания жителей Енисейского Севера.

«Маленький мирок, отрезанный от мира, будет делать большую работу, сеять культуру и знания», – писал об очагах культуры отдалённых районов Севера известный краевед, историк и общественный деятель Сибири Александр Игнатьевич Кытманов.

Первая на Таймыре библиотека была открыта в 1921 году при Дудинском райисполкоме, уже с 1924 года функционирует изба-читальня в селе Туруханск, в 1926 году открылась изба-читальня в селе Дудинском.

В 1927 году при Туринской культбазе открыт «Дом туземца», явившийся первым культурно-просветительским учреждением Эвенкийского района. При Доме туземца организована библиотека.

В 1929 году Туруханским райисполкомом в Тазовском районе был организован первый красный чум. Красный чум имел небольшую библиотеку, наглядные пособия,

тетради, карандаши, музыкальные инструменты. В его штат, помимо культармейцев, входил медицинский работник [13].

Опыт Тазовского красного чума оказался удачным. Он был распространён на другие районы. Это было жизненно необходимо, по данным переписи населения 1926 года в Туруханском крае из 23 622 коренных жителей только 98 человек были грамотными, что составляло менее одного процента. А в 1934-1935 годах грамотность местного населения от 8 лет и старше возросла до 31,8%.

Большое распространение на территории Енисейского Севера получили культбазы, основной задачей которых было приобщение кочевого населения к элементам культуры, быта, ликвидация неграмотности, просветительская работа, подготовка к переходу на оседлый образ жизни.

В предвоенные годы населённые пункты на Енисейском Севере обрели все черты обычных сёл со всеми полагающимися учреждениями и организациями. Культурно-просветительные учреждения помогли кочевому населению преодолеть вековую отсталость.

Наиболее востребованными и многочисленными были избы-читальни. Сельские избы-читальни, как клубные учреждения, играли значительную роль в ликвидации безграмотности, распространении современных агротехнических знаний, коллективизации сельского хозяйства. Это в первую очередь касалось оседлого старожильческого населения, проживавшего на Енисейском Севере в поселках (Дудинка, Туруханск, пр.).

Работники первых учреждений культуры вели большую просветительскую работу: обучали грамоте, занимались мед- и политпросвещением, организовывали громкие читки газет, журналов, книг, проводили лекции, беседы, прослушивания по радио сообщений, выпускали стенгазеты, отражающие жизнь фактории. При избах-читальнях создаются кружки юных читателей, драматические кружки, причем большинство пьес ставилось на языке коренного населения.

Сохранилось не так много сведений, отражающих работу библиотек Севера Красноярского края в период Великой Отечественной войны. На фоне войны, мобилизации, сокращения количества читателей, библиотекари не только продолжали свою работу, но и старались сделать так, чтобы библиотека для всех тружеников тыла, стала местом, где своего читателя ждали практически в любое время дня и ночи. Библиотекари были в первых рядах среди тех, кто оказывал помощь фронту. Проводилась работа по сбору теплых вещей для воинов Красной Армии и для населения районов, освобождённых от фашистов; а также сбор средств, например, на строительство танковой колонны «Авамский полярник» [1, с. 93.].

В отчёте Авамского района Таймырского национального округа о ликвидации неграмотности и малограмотности за II квартал 1942 года отмечено, что работники избы-читальни фактории Катырык вели большую культурно-просветительскую работу, учили грамоте взрослых и детей, читали книги и газеты. Колхозники, оленеводы и рыбаки с интересом слушали политбеседы, лекции о гигиене, здоровье, вреде курения и алкоголизма. При избе-читальне действовал справочный стол, где выполнялись библиографические справки, составлялись списки литературы, писали письма на фронт [2, с. 95].

Сотрудники массовой библиотеки Дудинского морского порта (филиал библиотеки Норильского комбината), уделяли большое внимание продвижению

книги на производство, перед ними стояли задачи найти ответы на сотни ежедневно возникающих вопросов строительства предприятий, жилья, объектов соцкультбыта, дорог, водоснабжения в условиях Заполярья.

Количество библиотек и изб-читален в военные годы в Таймырском национальном округе возросло. В ноябре 1943 года открыта массовая библиотека Дудинского морского порта, Боярская изба-читальня – в 1942 году, сельская библиотека посёлка Хета – в 1944 году, в Норильске при медорганизации организована библиотека, располагающая литературой почти по всем важнейшим вопросам медицины.

По данным Туруханского районного государственного архива, в Туруханском районе в 1944 году работали 7 изб-читален, 5 красных чумов и 3 библиотеки. В библиотеках имелось 12 300 книг. Было проведено более 274 бесед, докладов и лекций, организовано 168 громких читок; сделано 36 монтажей по темам: правительственные постановления и приказы, обращения к рыбакам и рыбачкам, помощь семьям военнослужащих, санитарное состояние, подготовка к летней путине, весенний сев и другие.

В Эвенкийском национальном округе в 1941 году было организовано 17 изб-читален. В газете «Эвенкийская новая жизнь» («Эвэды омакта ин») в апреле 1944 года опубликована большая статья заведующей Ессейской избы-читальни Евдокии Чарду – «Изба-читальня за Полярным кругом». Ессейская изба-читальня – самая северная в Эвенкии – считалась в то время одной из лучших. В ней были созданы благоприятные условия для культурного отдыха ессейцев и проведения политико-просветительской работы с ними. Вечерами проводились громкие читки материалов из газет, писем земляков-фронтовиков. В избе-читальне систематически занимались изучением книги товарища Сталина. Евдокия вела занятия с якутами-колхозниками и рабочими Ессейского рыбзавода на якутском языке [14].

Послевоенное время – это годы бурного роста сети учреждений культуры и активизация всей культурно-массовой работы, время восстановления. Уже в первое послевоенное время создаются более комфортные условия в библиотеках: увеличивается книжное пространство, улучшается бытовая сфера. Северные библиотеки ещё в довоенное и военное время стали играть роль «маяка» книжной культуры. Неудивительно, что после войны они, с одной стороны, отделяются от Домов культуры, а с другой стороны, становятся центрами досуга. В библиотеках создаются любительские театры или драмкружки, литературные клубы, лекционные залы для политпросветработы, разнообразные творческие кружки. Таким образом, послевоенная библиотечная деятельность становится более совершенной, и формируются те черты и особенности, без которых она уже не мыслится в современном мире.

На Крайнем Севере появляются крупные населённые пункты. Как правило, в поселениях имелись радиостанции, радиоузлы, школы, медицинские, культурно-просветительские учреждения, в том числе библиотеки.

В 1948 году в газете «Советский Таймыр» в статье «Дружба с книгой» отмечено, что «Большой известностью в Авамском районе пользуется заведующая сельской библиотекой на фактории Боярка – Полина Дуракова. По национальности она саха, грамоте обучилась недавно. По её инициативе созданы три передвижных библиотечки, которые находятся в бригадах колхозников. Сама Полина проводила громкие читки среди национального населения, организовала кружок по ликвидации неграмотности

и малограмотности, в которых обучалось по 50 человек. Также созданы кружки художественной самодеятельности, хоровой и драматический» [12].

В 50-60-х годах основным культурно-просветительным учреждением на местах оставались красные чумы, специалисты которых помогали решать бытовые проблемы, учили планировать семейный бюджет, распространяли книги, им даже приходилось быть самодеятельными артистами.

В это время значительно пополняется книжный фонд, библиотеки удовлетворяют запросы читателей. Для пропаганды книги используются как устная, так и наглядная агитация. Библиотеки стремятся быстро довести новинки литературы до широких масс читателей, организуют выезды в оленеводческие бригады с целью пропаганды литературы среди оленеводов, охотников [5].

С середины 70-х годов началась государственная централизация библиотек, объединившая отдельные библиотеки страны в одну общую библиотечную систему. Не обошёл стороной этот процесс и территории Енисейского Севера, которые были централизованы в 1980 году. В Таймырском автономном округе организованы три ЦБС: Дудинская, Диксонская и Хатангская; на территории Эвенкийского национального округа была создана Эвенкийская окружная централизованная библиотечная система, также были созданы Туруханская ЦБС и ЦБС г. Норильска. Практически нет ни одного населённого пункта, где бы люди не общались с книгой, сеть массовых библиотек развивается, организуются передвижные библиотеки [8, л. 1-9].

В 80-90-х годах в массовой работе используются такие формы, как краеведческие и литературные викторины, читательские конференции, вечера поэзии и литературы, организуются клубы по интересам, литературные гостиные.

Централизация способствовала организации и проведению крупных массовых мероприятий – «Неделя детской книги», «Посвящение в читатели», «Театральная неделя», «Неделя музыки» [10].

Большое место уделяется пропаганде краеведческой литературы. При библиотеках создаются краеведческие клубы и объединения, которые способствуют изучению культуры, истории и обрядов своего народа, организуются кружки по изучению родного языка, ведётся активная пропаганда книг местных авторов. Особое внимание уделяется творчеству писателей – представителей коренных малочисленных народов: эвенкийского писателя, собирателя фольклора Николая Константиновича Оёгира, первой ненецкой писательницы Любови Прокопьевны Ненянг, долганской поэтессы, основательницы долганской письменности Евдокии (Огдо) Егоровны Аксеновой, эвенкийского писателя Алитета Николаевича Немтушкина. Проводятся диспуты, семинары, встречи с писателями [6, л. 1-6].

Последующие годы (конец 1990-х и 2000-е гг.) были сложными, однако, библиотеки старались сохранить традиции чтения и роль библиотеки в жизни населения.

В настоящее время жителей Крайнего Севера Красноярского края обслуживают 88 общедоступных муниципальных библиотек, которые являются важнейшим элементом единой инфраструктуры информационного, культурного, сервисного обслуживания населения.

Деятельность этих библиотек осуществляется с учётом местной специфики в соответствии с различными факторами влияния: суровый климат, сложность рельефа местности, большая протяжённость территории. Наибольшую проблему составляет организация библиотечного обслуживания жителей, проживающих в сельских

населённых пунктах – малонаселённых, удалённых от культурных и экономических центров, труднодоступных. В связи с этим библиотеки активно используют в практике своей работы внестационарное библиотечное обслуживание. Основные формы внестационарного обслуживания – библиотечные пункты и пункты выдачи, передвижные (мобильные) библиотеки, коллективные абонементы, а также выездные читальные залы.

Общедоступные библиотеки обеспечивают информационную, познавательную, творческую деятельность обслуживаемого сообщества, создают новые формы информационных услуг и обслуживания, основанные на широком применении информационно-коммуникационных технологий, и нацелены на повышение комфорта пользователей и улучшение качества жизни жителей. Учитываются интересы каждой возрастной категории – детей, молодёжи, взрослого населения, в том числе представителей коренных малочисленных народов Крайнего Севера.

Справочно. По данным Всероссийской переписи населения 2020 года к коренным малочисленным народам относится 34% населения Таймыра, в том числе: долганы – 5 485 чел., ненцы – 3 696 чел., нганасаны – 604 чел., энцы – 185 чел., эвенки – 142 чел., прочие народы – 17 чел. [7].

По данным Эвенкийской ЦБС в Эвенкийском районе 27% жителей относятся к коренным малочисленным народам: эвенки – 3 475 чел., эссейские якуты – 966 чел., кето – 37 чел., долганы – 19 чел., телеуты – 3 чел.

По данным Туруханской МЦИБС около 10% населения Туруханского района – это коренные малочисленные народы Севера. Самый многочисленный этнос в Туруханском районе – кето (872 чел.). Следующая по количеству народность – селькупы (276 чел.). Затем эвенки, их насчитывается 252 человека, а также: ненцы – 4 чел., долганы – 1 чел.

Библиотеки занимаются вопросами краеведения и сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов.

Основная ценность библиотек, конечно же, краеведческий фонд. Специалистами осуществляется сбор информации, формирование документального фонда (книг, статей из периодических изданий, посвящённых истории, культуре, этнографии, социально-экономической и общественно-политической жизни территорий), создаются электронные ресурсы собственной генерации. Особое внимание библиотеки уделяют сохранению библиотечных фондов на языках коренных малочисленных народов Севера.

В фондах библиотек представлены книги на языках народов Севера: сборники стихов, песен, рассказы и сказки для детей, мифы, легенды, предания, научно-популярная литература о природе, искусстве, истории, а также буквари, учебные пособия, книги для чтения для обучения языкам, словари, разговорники, переводы произведений русских писателей и поэтов.

Справочно. Объём документального фонда на языках народов Севера в муниципальных библиотеках Крайнего Севера по данным формы федерального статистического наблюдения (№6-НК) на 01.01.2022 года составляет 3 828 экз., в том числе на эвенкийском языке – 2 024 экз., долганском языке – 731 экз., ненецком языке – 399 экз., кетском языке – 385 экз., нганасанском языке – 157 экз., селькупском языке – 58 экз., энецком языке – 58 экз., эвенском языке – 16 экз.

Фонд Таймырского муниципального района составляет 1 527 экз. на языках народов Севера: на долганском языке – 731 экз., ненецком языке – 399 экз., эвенкийском языке – 166 экз., нганасанском языке – 157 экз., энецком языке – 58 экз., эвенском языке – 16 экз.

Библиотечный фонд Эвенкийского муниципального района включает 1 707 экз. изданий на эвенкийском языке.

В библиотеках Туруханского района представлено 594 экз., из них на кетском языке – 385 экз., эвенкийском языке – 151 экз., селькупском языке – 58 экз. [9].

На сегодняшний день центральные библиотеки муниципальных образований оснащены планетарными сканерами, что позволяет оцифровывать краеведческие издания для их сохранности и использования. Работа по оцифровке краеведческих документов ведётся активно, особенно в последние годы.

В ЦБС г. Норильска в электронный формат переведены журналы и статьи из местных периодических изданий (газета «Заполярная правда» с 1954 по 1969 годы). В центральной библиотеке Дудинской ЦБС сформирован архив газеты «Советский Таймыр» с 1944 года, с 2000 года ведётся электронная база газеты «Таймыр».

В Туруханской МЦИБС оцифровано около 3 000 страниц краеведческой литературы и местная газета «Маяк Севера» («Северный колхозник») с 1938 по 1976 годы.

В центральной библиотеке Эвенкийской ЦБС создана электронная коллекция «Мы – эвенкийцы». Она отражает историю Эвенкийского муниципального района. Созданная коллекция позволяет сделать уникальные краеведческие фонды максимально доступными жителям района. На основе собственных краеведческих фондов создана БД «Эвенкийская книга». В настоящее время коллекция насчитывает более 200 книг местных авторов и книг об Эвенкии.

Библиотеки собирают и систематизируют краеведческую информацию об истории населённых пунктов.

Ведётся издательская деятельность библиотек: ежегодно выпускаются «Календари памятных дат», издаются справочно-библиографические пособия, посвящённые коренным малочисленным народам, творчеству писателей – представителей народов Крайнего Севера, рекомендательные списки литературы. Основная цель издательской деятельности библиотек – популяризация исторических ценностей, сохранение культурных традиций коренных народов.

На сайтах ЦБС размещаются виртуальные выставки, посвящённые истории населённых пунктов, биографиям известных земляков, культуре народов, проживающих на Крайнем Севере.

Библиотеки занимаются проектной деятельностью, в последние годы получили финансовую поддержку и реализованы проекты «Легенды Авамской тундры. Усть-Авам» и «Легенды Авамской тундры. Волочанка»; организация театральной постановки «Алтанэй»; литературный медиа-фестиваль «Чтоб не гас костер…», посвящённый творчеству поэтов Эвенкии.

В сотрудничестве с общинами коренных малочисленных народов Севера в библиотеках проходят мероприятия, приуроченные к праздникам: встреча Солнца «Хэйро», День оленевода, День реки, День рыбака, Международный день коренных народов мира, День родного языка и другие.

В партнерстве с Семейной (родовой) общиной коренных малочисленных народов севера «Ня танса» (нганасанская семья) в Публичной библиотеке г. Норильска проходит «Иммерсивная программа «Охотник и Дух ночи».

Традиционным стало проведение районного литературно-творческого праздника «Большой праздник книги» и районного книжного марафона

«С Книгой в лето» («Книганун дюганила»), которые одновременно проходят в трех поселках Эвенкийского района – Тура, Байкит и Ванавара.

Ежегодно проводятся «Оёгирские чтения», посвящённые памяти эвенкийского поэта-фольклориста, собирателя устного народного творчества, чьё имя вошло в «золотой фонд» российской литературы Николая Константиновича Оёгира. На чтения приглашаются земляки поэта, люди, которым в свое время довелось общаться, дружить и работать вместе с ним.

В память о первом профессиональном эвенкийском писателе, члене Союза писателей России, лауреате Государственной премии в области литературы, заслуженном работнике культуры РФ Алитете Николаевиче Немтушкине в библиотеках организуются «Немтушкинские чтения». Алитет Николаевич оставил после себя большое литературное наследие, он автор более двадцати книг, изданных в Красноярске, Москве, Ленинграде, Якутске.

Примером создания современной библиотеки в Заполярье является модернизированная Городская библиотека г. Дудинки, которой присвоено имя долганской поэтессы Евдокии Егоровны Аксеновой. Библиотека ведет работу по сохранению и популяризации творческого наследия Евдокии (Огдо) Егоровны. Данная работа прослеживается как в организации библиотечного фонда (формирование коллекции произведений Е.Е. Аксеновой, критической и биографической литературы), в содержательной работе, а также визуализации творчества и имени поэтессы во внутреннем пространстве библиотеки.

Анализируя деятельность библиотек территорий Крайнего Севера Красноярского края, можно отметить, что они востребованы населением и остаются одним из главных центров социокультурной жизни местного сообщества.

В тоже время в библиотечном обслуживании жителей Крайнего Севера есть определённые сложности. Библиотеки находятся в особых условиях: отдалённость и малочисленность населённых пунктов, недостаточное развитие коммуникаций как транспортных, так и электронных.

Как отмечают сотрудники библиотек, у представителей коренного населения, особенно молодёжи, отсутствует интерес к культуре своего народа, к литературе на родном языке. Объясняется это отсутствием книг по интересующим их темам, соответствующих читательскому уровню, образованию, культуре, отсутствием современной литературы. А также недостаточным владением языком своей народности, поскольку они не ощущают повседневной практической потребности в его освоении.

Справочно (по данным предоставленным ЦБС). Преподавание языка коренных народов ведётся: в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе в 11 (50,0%) школах; в Эвенкийском муниципальном районе в 16 (80,0%) школах; в Туруханском районе из 22 школ преподавание ни в одной школе не ведётся.

Представителями коренных малочисленных народов крайнего Севера среди сотрудников муниципальных библиотек являются: в Таймырском Долгано-Ненецком муниципальном районе 30 (32,3%) человек; в Эвенкийском муниципальном районе 27 (38,0%) человек; в Туруханском районе 7 (12,1%) человек. Носителей языка коренных народов среди библиотекарей практически нет – всего 13 (20,3% от количества библиотекарей – представителей коренных малочисленных народов) человек: Таймыр – 9, Эвенкия – 4, Туруханский – 0.

И это говорит о том, что необходимо активизировать и усилить библиотечное обслуживание населения, в том числе представителей коренных малочисленных народов Крайнего Севера.

Развитие и совершенствование библиотечного обслуживания коренных малочисленных народов зависит от результативности целого ряда систематически проводимых мероприятий, оценки ресурсов и выявления неиспользованных резервов, а также определения путей и способов их реализации с учетом специфических условий на основе достигнутого опыта.

Не всегда используется, например, такой резерв как участие актива и общественности в работе библиотек. Эффективность работы по обслуживанию представителей коренных малочисленных народов достигается, когда в состав актива включаются люди, знающие язык хотя бы одной народности, они могут оказать неоценимую помощь в организации мероприятий, направленных на сохранение и популяризацию культурного наследия: культуры, языка, традиций и обычаев коренных народов. Активисты помогут библиотеке установить более тесные контакты с представителями коренных малочисленных народов, глубже изучить и расширить их интересы, включить это население в сферу своего постоянного влияния. При организации в библиотеках клубов и кружков по изучению языков важным является сотрудничество с образовательными учреждениями.

Тема этнокультурного компонента в наше время вновь становится доминирующей в жизни российского общества. Поэтому опыт и практики предшествующего периода имеют огромное значение. Они позволяют с позиции настоящего времени увидеть эффективные формы, технологии работы.

Осуществление этой работы может быть достигнуто только в результате скоординированных действий библиотек, взаимодействия с заинтересованными организациями и учреждениями на основе планов и с учётом современных задач по библиотечному обслуживанию жителей Крайнего Севера.

Список литературы

1. Библиотечная жизнь Красноярья. Красноярск, 2016. Вып. 25. 129 с.
2. Библиотечная жизнь Красноярья. Красноярск, 2016. Вып. 25. 129 с.
3. Библиотечное обслуживание малых народностей Крайнего Севера. Методические рекомендации. Государственная публичная библиотека им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Ленинград, 1983. 56 с.
4. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-117. Оп. 1. Д. 1278.
5. Дворецкая А.П. Из истории енисейского севера, 1940–1970-е гг. (по документам Государственного архива Красноярского края) // Красноярский край: прошлое, настоящее, будущее: материалы междунар. конф., посвящ. 75-летию Красноярского края. Красноярск, 2009. Т. 2. Красноярск, 2009. С. 240.
6. Информация о работе библиотек края. 1991 г. // Архив Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.
7. Коренные малочисленные народы Таймыра, их традиции. Общие сведения // Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район [сайт]. URL: https://taimyr24.ru/ (дата обращения: 19.07.2023).
8. Об организации библиотечного обслуживания в автономных округах Севера края. Справка в управление культуры Красноярского крайисполкома. 1976 г. // Архив Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.
9. Сведения о книжном фонде, изданном на языках народов севера. 2021 г. // БАРС.Web-Своды. URL: https://stat.educentre.ru/Desktop (дата обращения: 19.09.2022).

10. Сводный отчет о работе Эвенкийской окружной централизованной библиотечной системы. 1986 г. // Архив Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края.
11. Советская Сибирь. 1921. № 32. 13 февраля.
12. Советский Таймыр. 1948. № 84. 13 июля.
13. Увачан В.Н. Переход к социализму малых народов Севера: по материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов. Москва, 1958. 182 с.
14. Эвенкийская новая жизнь. 1944. № 35. 17 апреля.

УДК 001.89(571.51) (092)

Роль Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края в информационном обеспечении региональной исторической науки (на примере биобиблиографического проекта "Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых")

Шереметова Ирина Александровна
главный библиотекарь,
Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края.
Красноярск, Россия.
irinasheremetova514@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8142-1007

АННОТАЦИЯ В статье приведены примеры биографических баз данных вузов и региональных библиотек. Указывается фрагментарность веб-ресурсов, содержащих биографии ученых Красноярского края. Автор делится опытом наполнения электронного биобиблиогрфического ресурса «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (ГУНБ КК), предпринимает попытку анализа интеллектуальных биографий и выделяет актуальные темы для просопографических исследований региональной исторической науки.
Информационное обеспечение науки, содействие научным исследованиям, биографии ученых,

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Библиотечные сайты, история науки региона.

Научные библиотеки регионов Российской Федерации обладают значительной источниковедческой базой для исторических исследований. Богатые книжные фонды, в т. ч. редкие краеведческие издания и коллекции, являются ядром тематических баз данных/сайтов собственной генерации.

Использование биографического метода в исторической науке имеет давние традиции, но с расширением возможностей в сфере компьютерных технологий эта методология получила новый толчок развития. Второе десятилетие XXI века отмечено активным появлением биографических электронных ресурсов, отражающих коллективную биографию отдельных профессиональных сообществ/социальных групп (писателей, поэтов, руководителей, изобретателей, ученых и т. п.) [1, с. 31].

Краеведческие биобиблиографические базы данных регионального научного сообщества – это новое направление в работе областных/краевых библиотек как институтов социальной памяти своей территории [2, с. 101]. Среди областных библиотек нужно выделить раздел «Наука» сайта Архангельской ОУНБ «Люди земли Архангельской» (https://imena.aonb.ru/), базу данных Брянской ОНУБ «Научная элита Брянщины» (https://libryansk.ru/nauchnaya-elita-bryanschiny.14427/), категории «Выдающиеся деятели науки и образования» сайта Национальной библиотеки Республики Карелия «Имена в истории Карелии» (http://imena.karelia.ru/). Однако, данные ресурсы не отражают всей картины региональной науки, являясь лишь ее незначительной частью.

Российские университеты с многовековой историей активно включаются в процесс создания веб-ресурсов, отражающих биографии ученых через призму коллективной биографии и корпоративной истории: «Наши люди. Летопись МГУ»

(http://letopis.msu.ru/people), «Биографика Санкт-Петербургского университета» (https://bioslovhist.spbu.ru/), совместный проект МГУ, СПбГУ и ТГУ «Профессора и преподаватели российских университетов (вторая половина XVIII — начала XX вв.)» (http://persons.russianuniversityhistory.tsu.ru/).

До недавнего времени биографии красноярских ученых в веб-пространстве были представлены фрагментарно. Информацию о жизни и деятельности наиболее известных личностей в науке можно было найти в Интернет-энциклопедии Красноярского края в разделе наука (my.krskstate.ru), однако в последнее время этот ресурс не доступен.

Среди вузов наиболее полная история профессиональных достижений настоящих и бывших сотрудников представлена на сайте Красноярского государственного медицинского университета им. проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, но стороннему пользователю для просмотра доступны не все профили преподавателей.

Тем не менее, на сайте организации, где трудился ученый можно найти уникальную информацию, отсутствующую в сети интернет и печатных изданиях. Чаще всего это даты и места рождения/смерти, описание личностных и профессиональных качеств ученого, фотографии из личных коллекций, года и даты профессионального становления педагога. Общими недостатками таких веб-ресурсов необходимо отметить ограниченный масштаб выборки персоналий, отсутствие связей с другими организациями и публикациями, нерегулярность пополнения базы.

Заметным явлением, популяризирующим биографическую информацию о людях науки, стали заметки в социальных сетях вузов. Например, в группе ВКонтакте «Музей живой истории. Музей СибГТУ» размещает биографии преподавателей, трудившихся в лесотехническом институте в годы ВОВ. Выделяя значимость исследовательской просветительской деятельности, которая была проведена в рамках акции, объявленной Министерством науки и образования РФ и поддержанной сотрудниками СибГУ им. акад. М. Ф. Решетнева, приходится признать, что это лишь малая частица сведений о личностях в красноярской науке, со временем теряющаяся в море информации.

Юбилейные даты выдающихся ученых становятся точками роста публикаций памяти коллег и учеников в жанре биографических очерков на профессиональных сайтах, в журналах открытого доступа, сборниках. Важным источником информации о жизни и деятельности ученого остаются некрологи в сети интернет.

Государственная универсальная научная библиотека Красноярского края (ГУНБ КК) на протяжении многих лет аккумулирует информацию о научном ландшафте региона, преобразует ее и транслирует научные знания через официальный сайт и краеведческие тематические сайты собственной генерации. Библиотечная экосистема предусматривает освещение юбилейных знаменательных дат и событий в социальных сетях.

Начало десятилетия науки и технологий в Российской Федерации совпало со временем создания сайта «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых», являющегося новым технологическим решением, продвигающим науку через биографии ученых и истории развития научных и образовательных организаций края. Проект направлен на популяризацию и переосмысление научной региональной идентичности. Задачами данной инициативы являются устранение разрозненности информации о людях и организациях красноярской науки, объединение интеллектуальных биографий и научных публикаций из фондов ГУНБ КК (авторефератов, монографий, учебных пособий, справочных изданий, сборников научных статей и публикаций об ученых) на едином веб-ресурсе.

Регулярное систематическое пополнение сайта обеспечивает творческая группа сотрудников библиотеки. Верифицированная, проверенная биографическая информация становится основой некоммерческого краеведческого научного веб-ресурса.

Опыт работы автора в биографическом проекте отражен в материалах научно-практических конференций: IX Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры» (Минск, Национальная библиотека Беларуси, 2022) [5], V Гришаевских чтений (Красноярск, КрасГАУ, 2022) [6], II Международного научно-педагогического форума (Красноярск, КрасГМУ, 2023) [7], II Степановских чтений (Красноярск, СФУ, 2023) [8].

Самым крупным источником научных биографий, имеющим многолетнюю историю, надо признать Календарь знаменательных и памятных дат (КЗД) ГУНБ КК, который издавался в печатном виде с 1960 г. В настоящее время выходит в свет под названием «Край наш Красноярский» в печатном и электронном виде. База данных КЗД в автоматизированной библиотечной информационной системе Ирбис ведется с 2006 года и в данное время является основой для редактирования и добавления новых персоналий науки на сайт «Наука Красноярского края».

На сегодня веб-ресурс красноярской науки содержит биографии 600 красноярских ученых, справочную информацию о 60 научных организациях и порядка 5000 научных публикаций, отражающих историю становления и развития красноярской науки.

Биографические сведения данного ресурса носят справочный характер и по мнению исследователей просопографии «в полном смысле не являются просопографическими, но они содержат первый и наиболее важный этап просопографических исследований – формирование базы данных биографических сведений» [1, с. 24].

Электронный ресурс пополняется биографиями ученых, жизнь и деятельность которых приходится на XIX–XXI вв. Состав людей науки определяется вкладом ученого в развитие науки, как региональной, так и общероссийской. На рис. 1 схематично представлены варианты обоснования включения персоналий в проект по отношению к Красноярскому краю/Енисейской губернии.

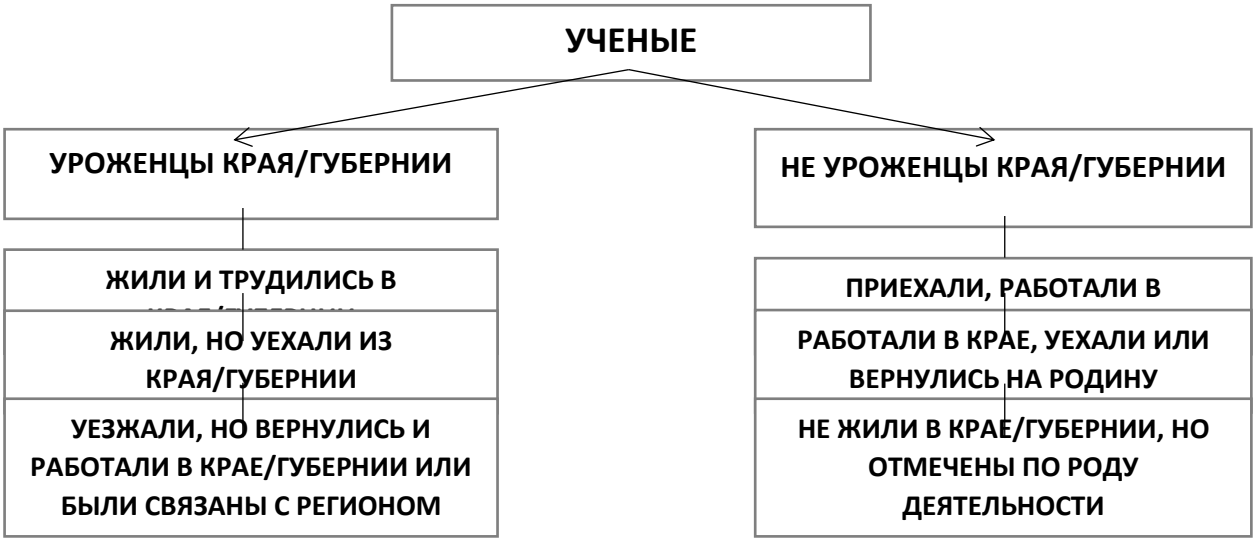

Рисунок 1. Обоснование включения биографий ученых в проект.

Таблица.
Состав ученых, имеющих ученые звания, степени, должности в базе данных «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых»

Наименование ученых званий, степеней, должностей Поздеева		Чел. (ед.)	% от общего кол-ва в БД
Академики и члены-корреспонденты		75	12,5
Научные сотрудники		57	9,5
Изобретатели и рационализаторы		60	10
Ученые звания / должность	Профессор	360	60
	Доцент	93	15,5
	Без ученого звания	147	24,5
Ученые степени	Доктор наук	391	65,2
	Кандидат наук	199	33,1
	Без ученой степени	10	1,7

Данные таблицы имеют динамический характер и постоянно увеличиваются. Выделяющееся количество докторов наук и профессоров объясняется первоочередностью внесения первых лиц науки. Обращает на себя внимание, что четверть всех ученых в электронном ресурсе не имеют ученых званий профессора или доцента. Это объясняется тем, что более трети данной выборки приходится на научных сотрудников (6 младших, 31 старших, 12 ведущих и 8 главных научных сотрудников). Остальные 69 человек – это исследователи края и руководители различных уровней (заведующие лабораториями, отделами, отделениями, инженеры, начальники, директора).

Академики и члены-корреспонденты АН (9,5%); изобретатели и рационализаторы (12%) имеют примерно одинаковый процент присутствия на данном этапе. Наименьший показатель – менее 2% ученых базы данных не имеют научной степени. Это особые истории лиц науки, по ряду обстоятельств, не получивших ученую степень. Также существует предположение, что в некоторых биографиях попросту отсутствует данная информация.

До недавнего времени база данных выполняла мемориальную функцию, но в настоящее время меняется вектор развития проекта и направляются усилия на пополнение ресурса современными именами ученых.

Биографический ресурс дает исследователям возможность выявить взаимосвязи между учеными, отследить мобильность исследуемой группы. Анализ базы данных персоналий красноярской науки позволяет связать историческую и биографическую информацию, выявить закономерности, стереотипы в развитии науки страны в целом и в истории отдельного сибирского региона, поддерживает интерес к исследованию проблем, связанных с историей политических репрессий, экономической историей, а также изучением гендерных и национальных проблем.

Сайт «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» способствует развитию просопографических исследований красноярской науки, стирая «традиционное восприятие провинции как вторичной и неаутентичной» [9, с. 202]. Пополняя ресурс новыми биографиями, полностью соглашаешься с высказыванием, что «истинный центр не в столице и не в провинции, не в верхнем и не в нижнем слое, а в глубине всякой личности» [9, с. 200].

Список литературы

1. Юмашева Ю.Ю. Просопография: к вопросу о периодизации применения метода в исторических исследованиях // Историческая информатика. 2022. № 1. С. 1–51. DOI: 10.7256/2585-7797.2022.1.37566.

2. Тараненко Л.Г. Основные направления библиотечного краеведения в электронной среде // Культурная жизнь Юга России. 2018. № 2. С. 95–102.
3. Ростовцев Е.А. Информационные ресурсы как инструмент исследований по просопографии и исторической биографике (на примере сетевых проектов по университетской истории) // Научный вестник Крыма. 2016. № 4(4). URL: http://www.nvk-journal.ru/index.php/NVK /article/download/62/pdf (дата обращения: 20.07.2023).
4. Сидорчук И.В. Биографика в контексте современных исследований по истории Санкт-Петербургского университета // Международные отношения и диалог культур [Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого]. 2016. № 4. С. 224–235. URL: http://history.museums.spbu.ru/images/Sidorchuk-biografika.pdf (дата обращения: 10.07.2023).
5. Шереметова И.А. Биобиблиографический электронный ресурс «Наука Красноярского края в лицах и трудах ученых» как средство сохранения и продвижения научного наследия красноярского региона // Цифровая трансформация библиотек: преемственность и вектор развития : материалы IX Международного конгресса «Библиотека как феномен культуры», посвященного 100-летию Национальной библиотеки Беларуси (Минск, 15–16 сентября 2022 г.). Минск, 2022. С. 91–96.
6. Шереметова И.А. Биографии ученых Красноярского края как отражение истории науки сибирского региона // Гришаевские чтения : материалы V Международной научной конференции, посвященной памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы В.В. Гришаева (Красноярск, 24–25 ноября 2022 г.). Красноярск, 2023. С. 49–54.
7. Шереметова И.А. Популяризация науки как основное направление деятельности ГУНБ КК // Интеграция медицинского и фармацевтического образования, науки и практики : сборник статей II Международного научно-педагогического форума (Красноярск, 31 января - 3 февраля 2023 г.). Красноярск, 2023. С. 288–293.
8. Шереметова И.А. Реконструкция исторического ландшафта красноярской науки в базах данных ГУНБ КК // II Степановские чтения, посвящённые Году педагога и наставника : сборник материалов научно-практической конференции (Красноярск, 18-19 мая 2023 г.). Красноярск, 2023.
9. Парц Л. В поисках истинной России: провинция в современном националистическом дискурсе. СПб.: Библиороссика, 2022. 247 с.

ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО. СИБИРСКИЙ АСПЕКТ

УДК 271.2(571.56) (091)

Якутский отдел – первый в России филиал Императорского православного палестинского общества (1893–1917 гг.)

Антонов Егор Петрович
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, и.о. зав. отделом истории Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН,
Якутск, Россия
Antegor@yandex.ru
orcid.org/000-0002-5779-6893

АННОТАЦИЯ Якутский отдел Императорского православного палестинского общества стал первым региональным объединением в Российской империи, организованным по инициативе епископа Якутского и Вилюйского Мелетия (Михаила Козьмича Якимова) (1835–1900) и губернатора Якутской области В. Н. Скрыпицына. Исследование исторического опыта такого религиозного коммуникативного сообщества в многонациональном Ленском крае позволяет установить характер взаимоотношений между государством и Православной Церковью и между институтом священнослужителей и прихожанами. Интерес представляет также деятельность религиозных интеллектуалов — авторов текстов, в том числе и на якутском языке, и энтузиастов-просветителей, благодаря усилиям которых успешно функционировали эти объединения. Особое внимание уделено поездкам из Ленского края в Грецию и Палестину якутского паломника Петра Фрументьевича Андросова (1834–1901).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА Императорское православное палестинское общество, паломники, просветительство, интеллектуалы, паломничество

История Якутского отдела Императорского православного палестинского общества и в целом православных организаций на рубеже XIX–XX вв. до сих пор остается малоизученной. А между тем эта деятельность в многонациональном Ленском крае имеет научное и общественное значение. Исследование исторического опыта религиозных коммуникативных сообществ позволяет установить характер взаимоотношений не только между государством и Православной Церковью, но и между институтом священнослужителей и прихожанами. В этом плане ранее нами была рассмотрена деятельность Якутского попечительства о бедных духовного звания как коммуникативная практика [1, с. 21–29]. Интерес представляет также активность религиозных интеллектуалов — авторов текстов, в том числе и на якутском языке, и энтузиастов-просветителей, благодаря усилиям которых успешно функционировали эти объединения.

Целью данной статьи является реконструкция особенностей деятельности Якутского отдела Императорского православного палестинского общества (далее ИППО) в контексте интеллектуальной истории рубежа XIX–XX вв.

Главными задачами ИППО был сбор и распространение в России сведений о святых местах Востока; материальная и финансовая помощь православным российским паломникам, а также местным жителям, духовенству, церквям и монастырям восточных стран; учреждение школ, больниц и гостевых домов; приобретение книг, рукописей, карт и т. д. для членов общества и всех желающих; снаряжение научных экспедиций и др.

Средства общества формировались за счет получения взносов, сборов, пожертвований в церквях и общественных местах, а также от доходов при продаже собственных изданий и имущества.

В ИППО входило 125 почетных членов, 800 действительных членов и неограниченное число членов-сотрудников. На роль почетных членов избирались лица, известные своими учеными трудами, посвященными святым местам Востока, и пожертвовавшие для ИППО не менее 5 тыс. руб. Почетные члены приглашались на все собрания, но к принятию должностей в обществе не обязывались. Действительными членами становились лица, рекомендованные двумя членами общества и получившие более половины голосов на общем собрании. Они присутствовали на общих собраниях с правом голоса, избирались на все должности в обществе. Их взносы составляли не менее 25 руб. серебром ежегодно либо 500 руб. серебром единовременно. Члены-сотрудники имели только совещательный голос и ежегодно выплачивали взнос, составлявший не менее 10 руб. серебром, либо вносили не менее 200 руб. серебром единовременно.

Собрания общества были общими или частными (по отделениям). Общие собрания делились на обыкновенные, чрезвычайные и годовые. Отделения общества созывали свои собрания раз в два месяца. На них простым голосованием решали все текущие вопросы и выбирали председателя. Также в городах России при наличии не менее 10 членов общества открывались отделы с целью распространения сведений о деятельности ИППО, привлечения новых членов, увеличения материальных и финансовых средств общества, исполнения возложенных обязанностей. Отделы избирали председателя, его заместителя, казначея и его помощника.

В состав совета общества входили председатель, его помощник, председатели отделений, а также представители Синода и МИДа, секретарь и казначей. Совет управлял всеми делами общества, составлял ежегодную смету и отчет, вносил эти документы на рассмотрение императора и представлял их годовому собранию общества. Дела в совете решались путем голосования по принципу простого большинства голосов. Председатель отделения избирался на три года и назначал себе помощника и секретаря с согласия отделения. Дважды в год он отчитывался перед советом [4, л. 10–21].

Якутский отдел ИППО стал первым из 52 российских отделов общества. Инициатива организации самого отдаленного северного отдела принадлежала епископу Якутскому и Вилюйскому Мелетию (Михаилу Козьмичу Якимову) (1835–1900) при содействии губернатора Якутской области В. Н. Скрыпицына, ставшего заместителем председателя отдела ИППО. После смерти епископа совет Императорского православного Палестинского общества «за выдающееся служение Святой земле, ознаменованное открытием первого отдела общества, занес имя его на мраморную поминальную доску у Порога Судных Врат в Иерусалиме» [11, с. 111–115].

Епископ Мелетий был выпускником Новолинского духовного училища и Вятской духовной семинарии. В 1858 г. он был зачислен в Казанскую духовную академию, где в феврале 1869 г. принял монашеский постриг с наречением имени Мелетий. По ходатайству митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова) архимандрит Мелетий работал в Казани над переводом христианских книг на языки коренных народов, занимался организацией церковно-приходских школ в Сибири. С 1860-х гг. он публиковал научные статьи по истории и этнографии сибирских народов. С 1884 г. являлся действительным членом ИППО. С 5 июля 1888 г. по 14 октября 1896 г. был епископом Якутским и Вилюйским. За активную просветительную деятельность его назвали апостолом якутов. На свои деньги епископ

приобретал книги для духовных библиотек, выступил инициатором и организатором мероприятий по оказанию помощи больным проказой в Якутской области [12, с. 38–40].

Якутский отдел ИППО был открыт 21 марта 1893 г., а торжественное мероприятие по этому поводу состоялось 24 апреля 1894 г., когда после Божественной литургии и молебна было организовано общее собрание под председательством епископа Мелетия. Заместителем председателя Якутского отдела собрание избрало губернатора Якутской области действительного статского советника В. Н. Скрыпицына; казначеем и делопроизводителем — секретаря консистории коллежского советника Н. А. Лебедева и его заместителем — наместника Якутского Спасского монастыря игумена Иосафа. Собравшиеся обратились к председателю ИППО великому князю Сергею Александровичу с просьбой «принять Якутский отдел первый по учреждению под свое августейшее покровительство» [11, с. 123; 5, л. 8].

Указанная благотворительная и просветительская деятельность осуществлялась за счет пожертвований православных лиц. Якутский отдел ИППО для сбора средств также ввел кружечный сбор в Богородской, Николаевской, Предтеченской, Преображенской церквях и Спасском монастыре, в уездных Верхоянском Благовещенском, Вилюйском Николаевском, Олекминском Спасском и Среднеколымском Покровском соборах и Витимо-Благовещенской и Олекминской Тихоно-Задонской приисковых церквях. Кружки для сбора пожертвований на три дня установили в Якутской городской управе, городском и окружном полицейских управлениях, в Верхоянской, Вилюйской, Олекминской и Среднеколымской окружных полицейских управах. [5, л. 8, 8об., 9].

В 1899–1900 гг. общий доход составил 1 014 руб. 70 к., в том числе пожертвований на афонские монастыри — 667 руб.; членских взносов — 230 руб.; кружечного сбора — 80 руб. 95 к.; частных пожертвований — 10 руб. 17 к.; остаток с прошлого года составил 26 руб. 58 к. В адрес центрального ИППО было отослано 343 руб. 94 к., оставлено — 69 руб. 66 к. [12, с. 9].

Таблица. Динамика сбора средств [2, с. 32]

Годы	**Общая сумма сбора средств**
1893/94 г.	1 969 руб. 4 к.
1894/95 г.	4 950 руб. 3 к.
1895/96 г.	1 330 руб. 69 к.
1896/97 г.	1 534 руб. 59 к.
1897/98 г.	845 руб. 74 к.
1902/03 г.	1 164 руб. 44 к.
1903/04 г.	664 руб. 85 к.

Сбору средств уделялось особое внимание, о чем, в частности, свидетельствует письмо Его Императорского Величества великого князя Сергея Александровича епископу Якутскому и Вилюйскому от 24 декабря 1898 г. В письме итоги отчета Якутского отдела за 1897/98 г. оценивались как «успешные», выражалась признательность главе епархии и всем членам отдела за труд в деле «сбора в пользу православных Иерусалима и Святой земли», выражалась надежда на дальнейшее точное исполнение распоряжений и близкое ознакомление местного населения «с целями этого сбора» [6, л. 1].

Лица, не уплачивавшие ежегодные взносы из-за непосильно крупного его размера, по существующим правилам ИППО исключались из числа членов Якутского отдела [13, с. 4].

Численность членов Якутского отдела в 1893 г. составляла 20 человек; в 1894 г. — 34; в 1895 г. — 57; в 1896 г. — 68; в. 1897 г. — 62; в 1898 г. — 61 и в 1899 г. — 69 человек, среди которых числился 1 почетный член (председатель отдела, епископ Якутский и Вилюйский Никанор), 17 действительных (губернатор В. Н. Скрыпицын, дворянин Ф. В. Астраханцев, ректор семинарии Ф. А. Стуков, директор реального училища Д. И. Зверев, мещанин П. А. Юшманов, купец Н. А. Расторгуев) и 51 член-сотрудник. В 1900 г. из 56 членов отдела 21 был инородцем из числа якутов (один был юкагиром), что составляло 36% от общего состава. Среди них можно отметить А. Ф. Лепчикова, Д. Д. Сивцева, Г. П. Терешкина, П. И. Захарова и др. [12, с. 2–4, 9]. В 1904 г. численность Якутского отдела сократилась до 47 человек, что было связано со смертью и отъездом из области таких активных членов, как губернатор В. Н. Скрыпицын и вице-губернатор А. К. Миллер [2, с. 31].

В целом по Российской империи численность членов ИППО уменьшалась с 4 977 членов в 1902/03 г. до 2 734 членов в 1915 г. Прирост членов ИППО не покрывал общую картину убыли, связанной с естественным уходом, а также введением отчисления из состава общества за неуплату членских взносов в течение трех лет [11, с. 490–491].

Якутский отдел активно привлекал в свой состав новых членов общества из представителей духовенства, купечества, а также широкого круга горожан. К примеру, перед молебном в Спасском монастыре архиереем была произнесена «глубоко сердечная церковная импровизация о высокой и святой обязанности христиан в отношении Св. земли и Общества» [12, с. 3]. Выступление сопровождалось торжественным исполнением священных молитв и чтением брошюры о деятельности Якутского отдела ИППО в 1893–1899 гг. Присутствующим на собрании 30 лицам вручили листы и брошюры отдела.

На собранные средства Императорское православное палестинское общество с 1882 по 1895 г. существенно облегчило путешествие по святым местам российских паломников. В Иерусалиме было сооружено огромное подворье, вызывающее удивление иностранцев, с благолепным собором, превосходной больницей и обширными помещениями для богомольцев, образцовыми по чистоте и порядку. В общих палатах православный из России мог жить за 13 к. в сутки, имея постель, горячую воду для чая и обед из двух блюд. Подворье в изобилии снабжалось водой, которая дорого ценилась в Иерусалиме, и имело собственную баню.

ИППО установило порядок поклонения в святых местах под наблюдением специально назначенных провожатых. Были устроены особые караваны для хождения поломников в Назарет, Хеврон, на реку Иордан, на гору Синай и в другие места Палестины под защитой охраны. На подворье устраивались чтения, из которых паломники черпали сведения о достопримечательных местах и библейских событиях на Святой земле. Предпринимались активные меры для поддержания православной веры среди местных крещеных жителей. На тот момент из 32 приходских церквей Святой земли только 9 находились в исправном состоянии, церковный клир нищенствовал, школ в приходах не было. В связи с этим ИППО открыло школы и лечебницы в Галилее, Назарете и Бейт-Джале. В 1894 г. подворье могло принять 1 200 богомольцев, но желающих было до 4 000 человек — люди вынуждены были размещаться под открытым небом во дворе. Общество проводило научные исследования в Палестине, опубликовало ряд житий Божиих угодников и описания древних монашеских обителей в Палестине [7, л. 14, 15].

Якутский отдел ИППО проводил просветительскую работу среди населения. Комиссия по религиозно-нравственным чтениям во главе с ректором Якутской духовной семинарии протоиереем Ф. А. Стуковым устраивала общедоступные чтения и беседы о Святой земле и обществе. Помимо палестинской темы на них также затрагивались темы из иных областей знаний. Причем эти мероприятия проводились не только на русском, но, по распоряжению архипастыря, и на якутском языке, поскольку среди жителей Якутской области русские составляли незначительную часть (около 5%). Подавляющее большинство «инородцев» не только были неграмотными, но и не понимали русскую речь. Поэтому актуальным был перевод на якутский язык печатных объявлений, воззваний, бесед и книг, имеющих своей целью привлечение новых членов и пожертвований. Среди священнослужителей встречались переводчики, но средства на издательские цели отсутствовали.

Затрудняющим приток пожертвований обстоятельством являлся традиционный разбросанный тип расселения якутского населения, который приводил к редкому посещению православных храмов, в том числе в Вербное воскресенье, когда собирались деньги для ИППО. Бездорожье, распутица и большие расстояния крайне осложняли своевременную рассылку письменных распоряжений, указаний, объявлений, наставлений и пр. К тому же хозяйства коренных народов сильно зависели от урожаев: в случае неурожая они страшно беднели и лишались хлеба насущного. Поэтому приходилось «еще удивляться, как значителен сбор, напр. Вербный, и как немало и неизменно число членов отдела, по сравнению с другими отделами, где православно-русское население в 5–10 раз более против Якутской епархии и где, сравнительно с нею, все условия сбора пожертвований и привлечения членов далеко лучше» [12, с. 6–7].

Чтения устраивались в здании городского общественного собрания, в Якутской духовной семинарии, в епархиальном женском училище, в тюрьме, а также в улусах. Так, в общественном собрании 5 и 6 декабря выступил Ф. А. Стуков, который говорил о цели и задачах палестинского общества. Эту речь его воспитанник В. Бережнов переводил на якутский язык. О Святой земле рассказали инспектор семинарии И. В. Тихановский — 19 декабря 1899 г., священник А. Черных — 2 января, протоиерей Иов Винокуров — 9 января 1900 г. В семинарии 5 декабря 1899 г. Ф. А. Стуков делал доклад о географии Палестины; 11 апреля священник Михаил Охлопков поведал о страданиях Христа Спасителя, а 19 декабря 1899 г. — о святых праотцах. 8 ноября 1899 г. преподаватель И. И. Трифонов прочитал доклад «Поездка в Палестину» в женском епархиальном училище. В вилюйской церковной школе с участием до 100 человек, в том числе почетных лиц, местный фельдшер зачитал беседу епископа Томского Макария по издательской деятельности ИППО [12, с. 2–3].

Литература, выпускаемая палестинским обществом, в том числе сибирскими отделами, имела огромное значение для формирования литературных предпочтений жителей разных сословий, чему способствовала такая форма мероприятий, как чтения. Книги влияли на содержание духовной жизни православных, на их мировоззренческие установки и являлись важной составной частью сложной картины культурной жизни России в конце XIX — нач. XX в. [11, с. 84].

Со временем в среде якутского народа появились свои паломники. Так, Петр Фрументьевич Андросов (1834–1901), в 1860 г., взяв благословение в Якутской духовной консистории, при финансовой помощи жителей Борогонского и Баягантайского улусов Якутского округа в течение четырех лет совершил паломничество в монастырь на горе Афон в Греции. В 1885 г. он побывал на Афоне, а

также в Палестине уже в качестве схимонаха. В 1899 г., во время третьей поездки, он заболел холерой и скончался [3, с. 19].

1 марта 1915 г. на имя епископа Якутского и Вилюйского Мелетия поступило личное письмо председателя ИППО великой княгини Елизаветы Федоровны, где говорилось о том, что Святая земля (Палестина и Сирия) стала «местом кровавой борьбы». Российские служащие и паломники были изгнаны, а подворья, больницы и школы стали использоваться для нужд солдат Османской империи. Возникла реальная угроза уничтожения православных храмов фанатиками-мусульманами. Сложившаяся ситуация оценивалась, как временная, так как в победе над врагом «Ее Императорское Высочество» не сомневалось. В послании содержалась просьба об очередном сборе средств для нужд палестинского общества [13, с. 78–80].

Организация в 1893 г. в Якутской области по инициативе просветителя епископа Якутского и Вилюйского Мелетия первого регионального отдела ИППО в Российской империи является ярким событием в истории региона. Несмотря на бедность паствы, разбросанный тип расселения, регулярные неурожаи и голод в улусах, поголовную неграмотность и незнание русского языка аборигенами, Якутский отдел собирал более значительные пожертвования, нежели центральные русские губернии страны. Активная миссионерская деятельность стала причиной высокого удельного веса «инородцев» в составе местного отдела ИППО и появления первых и довольно ревностных якутов-паломников на Святой земле. Деятельность Якутского отдела ИППО свидетельствовала о возникновении высокой и тесной коммуникации в рамках общества внутри Якутской области, между Российской империей и Святой землей, в Палестине и Греции.

Список литературы

1. Антонов, Е. П. Деятельность Якутского попечительства о бедных духовного звания как коммуникативная практика / Е. П. Антонов // Сборник трудов Якутской духовной семинарии. Якутск, 2020. Вып. 8. С. 21–29.
2. Архипова, А. И. Губернатор В. Н. Скрыпицын и открытие Якутского отдела Императорского православного палестинского общества / А. И. Архипова // Современная научная мысль. 2020. №5. С. 28–33.
3. Баайаҕа үөрэһин кыһата (Просвещение в Баяге) / сост. Т. И. Андросова, М. Р. Егорова, А. Д. Тимофеева. Дьокуускай, 2016.
4. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС (Я)). Ф. 25и. Оп. 1. Д. 1978.
5. НА РС (Я). Ф. 12и. Оп. 1. Д. 12463.
6. НА РС (Я). Ф. 226и. Оп. 2. Д. 4471.
7. НА РС (Я). Ф. 226и. Оп. 2. Д. 3382.
8. Нечаева, М. Ю. Открытие епархиальных отделов Императорского православного палестинского общества / М. Ю. Нечаева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2013. Вып. 1. С. 107–123.
9. Отчет Якутского отдела Императорского православного палестинского общества за 1899–1900 гг. Якутск, 1900.
10. Рескрипт Ея Императорскаго Высочества великой княгини Елисаветы Федоровны на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшаго Мелетия, епископа Якутскаго и Вилюйскаго // Якутские епархиальные ведомости. 1915. №5. 1 марта. С. 78–80.
11. Чернышева, Н. К. Императорское православное палестинское общество: издательская и культурно-просветительная деятельность сибирских отделов / Н. К. Чернышева // Традиции и современность. 2002. № 1. С. 77–85.
12. Юрганова, И. И. Епископы Якутии / И. И. Юрганова. Омск, 2010.
13. Якутскаго отдела Императорскаго палестинскаго общества отчет за 1900–1901 гг. Якутск, 1901.

Научное издание

X Международный Сибирский исторический форум
"Сибирь и Россия: история и культура"

Ответственный редактор – Попова С.Ю.
Электронное издание
Выпущено издательством «Перо»
Подписано к использованию 06.10.2023.
Объем: 1739 страниц.

